РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Дабеловъ—Дядьковскій.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1905.

Дабеловъ, баронъ *Христофоръ Христіановичъ*, ст. сов., профессоръ права въ дерптскомъ университетѣ, старшій сынъ мекленбургъ-шверинскаго совѣтника юстиціи, родился 19 іюля 1768 года въ Невъ-Буковѣ, возлѣ Шверина, первоначальное воспитаніе получилъ въ гимназіи въ Рошткѣ, а затѣмъ посѣщалъ іенскій университетъ, гдѣ изучалъ юриспруденцію. По окончаніи курса въ университетѣ, Дабеловъ занимался адвокатурой вплоть до 1789 года, когда, послѣ представленія въ бюцовскій университетъ для полученія ученой степени диссертаціи подъ заглавіемъ: „Natus ex sponsa successionis in feudo expers“ (Bützow 1789) и публичной ея защиты, достигъ ученой степени доктора правъ. Этотъ успѣхъ на поприщѣ ученой дѣятельности породилъ въ немъ мысль посвятить себя исключительно профессурѣ, и съ этою цѣлью онъ отправился въ Галле, гдѣ не безъ успѣха и началъ чтеніе лекцій. Двадцати-трехлѣтнимъ юношей, въ 1791 г., онъ былъ уже экстраординарнымъ профессоромъ, а съ 1793 г.—ординарнымъ по каѳедрѣ права и членомъ коллегіи юрисконсультовъ. Затѣмъ Дабеловъ занялся почти исключительно ученой разработкой римскаго и германскаго права. Будучи ординарнымъ профессоромъ, онъ находился въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для ученой работы и, дѣйствительно, написалъ на нѣмецкомъ языкѣ много сочиненій. Въ 1792 г. появилось сочиненіе его: „Исторія источниковъ общаго германскаго положительнаго права“, затѣмъ послѣдовательно появились: «Введеніе къ изученію германскаго позитивнаго права» (1793 г.), озаглавленное во второмъ изданіи: „Общее введеніе къ положительному праву германцевъ“ (1796 г.), „Энциклопедія и методологія права“ (1793 г.), „Система общаго современнаго гражданскаго права“ (1794 г.),—сочиненіе, выдержавшее нѣсколько изданій, изъ которыхъ послѣднее вышло въ 1806 г. подъ заглавіемъ: „Руководство къ современному римско-германскому частному праву“, „Учебникъ государственнаго и международнаго права германцевъ“ (1795 г.), „Попытка систематическаго изложенія ученія о конкурсномъ процессѣ“ (1792—1795 г.)—сочиненіе, выдержавшее два изданія; „Развитіе ученія о конкурсномъ процессѣ“ (1801 г.), „Учебникъ германскаго общаго уголовнаго права“ (1807 г.) и много другихъ.

Когда въ 1806 г., послѣ битвы при Іенѣ, университетъ въ Галле былъ закрытъ Наполеономъ, Дабеловъ переселился въ Дрезденъ, потомъ въ Вѣну, и затѣмъ предпринялъ путешествіе по Италіи и Франціи въ 1806 и 1807 гг., чтобы занятіями въ тамошнихъ библіотекахъ пополнить свои юридическія познанія. Послѣ возстановленія университета въ Галле, Дабеловъ хотя и возвратился туда, но отказался отъ вестфальской государственной службы, такъ какъ ему не удалось достигнуть профессуры въ Геттингенѣ. Къ этому періоду относятся по-преимуществу его труды по разработкѣ французскаго права, именно его работы о „Code-Napoléon“, о „Code de procedure civile“ (1808 года) и „Теоретически-практическій комментарій къ Code Napoléon“ (1810 г.). Два года прожилъ Дабеловъ, какъ частный ученый, въ Лейпцигѣ и работалъ здѣсь преимущественно надъ французскимъ правомъ по вопросу о политическомъ положеніи современной ему Франціи. Въ 1811 г. онъ, будучи призванъ на службу герцогомъ ангальтъ-кеттенскимъ, принималъ дѣятельное участіе въ реформахъ, предпринятыхъ герцогомъ, и получилъ отъ него титулъ барона, а великимъ герцогомъ гессенъ-дармштадскимъ былъ пожалованъ въ кавалеры высшаго ордена гессенскаго двора.

Послѣ смерти герцога ангальтъ-кеттенскаго Дабеловъ оставилъ службу въ Кеттенѣ (1813 г.), отправился въ Гейдельбергъ и Геттингенъ, чтобы воспользоваться тамъ библіотеками, и затѣмъ возвратился въ Галле, гдѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, снова началъ читать свой курсъ, который продолжался въ теченіе пяти лѣтъ. Осенью 1818 г., Дабеловъ получилъ предложеніе отъ дерптскаго университета занять должность ординарнаго профессора сначала по каѳедрѣ гражданскаго римскаго и германскаго права, а потомъ и практической юриспруденціи. Въ послѣднее время своего пре-

бываніе въ Германіи Дабеловъ написалъ не мало сочиненій политическаго характера. Таковы, напр., его: „Мысли по поводу такъ называемаго германскаго союза государствъ, установленнаго парижскимъ миромъ 1814 г." (1814 г.), „О тринадцатомъ пунктѣ германскаго союзнаго акта" (1816 г.), „О суверенитетѣ, государственномъ управленіи и системѣ представительства... въ Германіи" (1816); около того-же времени появились его работы: „Учебникъ пандектнаго права въ критическомъ изложеніи основныхъ его положеній" (1816—1817 г.), „Конспектъ институцій" (1816 г.), „Очерки по исторіи римскаго государства и его права" (1818 г.) и др. Въ дерптскомъ университетѣ Дабеловъ началъ чтеніе лекцій съ выдающимся успѣхомъ, съ апрѣля 1819 года. Для своихъ многочисленныхъ слушателей въ Дерптѣ онъ былъ полезенъ не только устнымъ словомъ и многочисленными своими учеными сочиненіями по римскому и лифляндскому частному праву, но и личнымъ усерднымъ руководительствомъ въ занятіяхъ студентовъ правомъ. Въ Дерптѣ Дабеловъ также издалъ не мало сочиненій частью ученаго характера, частью учебнаго, предназначенныхъ для его слушателей. Таковы его: „Историко-догматическіе очерки древнегерманскаго частнаго права" (1819 г.), „Древне-римское право in usum studiosorum" (1822 г.) и др. Кромѣ того, онъ помѣстилъ во многихъ спеціальныхъ журналахъ массу статей самого разнообразнаго содержанія почти по всѣмъ областямъ юриспруденціи и даже нѣкоторое время самъ издавалъ (съ 1799 по 1801 г.) съ Маасомъ Гоффбауеромъ литературно-юридическую газету. Въ Дерптѣ Дабеловъ задумалъ издать текстъ „Corpus juris" и для этой цѣли уже получилъ ассигновку на щедрое пособіе отъ русскаго правительства въ 20000 рублей, но одновременное появленіе за границей трехъ небольшихъ изданій Corpus'a juris, хорошо приспособленныхъ для пользованія ими, заставило его отказаться отъ этого намѣренія. Въ 1828 году у Дабелова обнаружилось кровохарканье, которое и свело этого неустаннаго труженика науки права въ могилу, въ ночь съ 27 на 28 апрѣля 1830 г.

Hugo's «Geschichte des Römisch. Rechts nach Iustinian», S. 528. – Stepf's «Gallerie aller juridischer Autoren», Bd. II, 1821, S. 160, ff. – «Neuer Necrolog der Deutschen» VIII, Iahrgang I, S. 384—390. Recke und Napiersky». Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon», 1859, Bd I, S. 143–145; Bd. I, 1827, S. 394–398. – Gruber, «Allgem. Encyklopedie der Wissenschaft und Künste», Theil XXII, Zweite Abtheilung.- S. 7. Каталогъ библіотеки бывшаго Кодификаціон. Отд. Собствен. Е. И. В. Канц.

А. Черкасъ.

Давидовъ, *Августъ Юльевичъ*, заслуженный профессоръ математики въ московскомъ университетѣ, родился 15 декабря 1823 года въ Либавѣ, уѣздномъ городѣ Курляндской губерніи, въ еврейской семьѣ. Первоначальное воспитаніе Давидовъ получилъ въ домѣ родителей подъ руководствомъ отца—доктора медицины, а затѣмъ, когда отецъ получилъ мѣсто врача (въ 1839 г.) при московскомъ воспитательномъ домѣ и семья его переѣхала въ Москву, сталъ посѣщать классы института для оберъ-офицерскихъ дѣтей при воспитательномъ домѣ. Въ 1841 г. онъ поступилъ въ московскій университетъ по второму философскому (теперь физико-математическому) факультету и окончилъ курсъ въ 1845 г. съ золотою медалью за сочиненіе: „О безконечно малыхъ качаніяхъ", рецензированное проф. Брашманомъ.

Послѣ окончанія университетскаго курса Давидовъ продолжалъ заниматься математическими науками и въ особенности изучалъ аналитическую механику подъ руководствомъ профессора Брашмана. Въ 1848 г. за сочиненіе: „Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость", онъ удостоенъ московскимъ университетомъ степени магистра математики; впослѣдствіи получилъ за это-же сочиненіе и демидовскую премію, а въ 1849 г. получилъ свидѣтельство на право преподаванія математики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и началъ съ 1850 г. въ качествѣ адъюнкта чтеніе лекцій въ московскомъ университетѣ по теоріи вѣроятностей съ ея приложеніями. Въ 1849 г. Давидовъ напечаталъ въ „Журналѣ Крелля" (т. XXXVIII) изслѣдованіе: „Ueber die Gleichgewichtslagen eines mit seiner ganzen Grundfläche in eine Flüssigkeit getauchten geraden dreiseitigen Prismas", затѣмъ въ 1851 г. представилъ факультету изслѣдованіе: „Опредѣленіе вида поверхности жидкости, заключенной въ сосудѣ", которое доставило автору докторскую степень и затѣмъ составило часть слѣдующаго, болѣе обширнаго изслѣдованія: „Теорія капиллярныхъ явленій", издан-

наго въ 1851 г. и удостоеннаго половинной Демидовской преміи. Утвержденный въ 1852 г. въ степени доктора математики и астрономіи, Давидовъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ прикладной математики (съ 1853 г.), потомъ ординарнымъ (съ 1859 г.), а затѣмъ съ 1862 г. перешелъ на каѳедру чистой математики, которую и занималъ до конца службы въ университетѣ. Съ 1875 г. онъ былъ заслуженнымъ профессоромъ, а также занималъ должность декана физико-математическаго факультета (1863—1873 гг. и 1878—1880 гг.). Послѣ тридцатилѣтней ученой службы въ московскомъ университетѣ Давидовъ 8-го іюня 1885 г. вышелъ въ отставку и умеръ въ томъ же году, 22-го декабря, въ Москвѣ.

Вся жизнь Давидова протекла среди занятій любимой имъ наукой, математикой. Но ему не чужда была и практическая дѣятельность. Въ 1860 г. онъ принялъ должность инспектора надъ частными учебными заведеніями столицы, и съ этого времени дѣятельное участіе въ направленіи преподаванія математическихъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ стало для него одною изъ важнѣйшихъ отраслей общественной дѣятельности. Въ 1864 г. появилась его „Элементарная геометрія въ объемѣ гимназическаго курса“, выдержавшая до 1885 г. четырнадцать изданій; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ учебниковъ, по которымъ воспитывалось не одно поколѣніе. Въ 1866 г. появилась его „Начальная алгебра“, выдержавшая одиннадцать изданій до 1887 г.; затѣмъ слѣдовали: „Руководство къ ариѳметикѣ“ (три изданія), „Геометрія для уѣздныхъ училищъ, по Дистервегу“ (пять изданій), „Начала тригонометріи“ (три изданія) и „Собраніе геометрическихъ задачъ“, посмертное изданіе 1888 года. Давидовъ былъ однимъ изъ учредителей московскаго математическаго общества и съ 1864 года по 1885 г. состоялъ его предсѣдателемъ. Свои ученые труды за этотъ періодъ времени онъ печаталъ почти исключительно въ органѣ Общества—„Математическомъ Сборникѣ“. Такъ здѣсь имъ напечатаны: „Біографія Н. Д. Брашмана“ (1866 г., т. I), „Интегрированіе уравненій съ частными дифференціалами какого нибудь порядка“, „О геометрическомъ представленіи эллиптическихъ функцій перваго вида“ (ibid., 1867 г., т. II), „Элементарный выводъ соотношенія между показателемъ и тригонометрическими функціями“ (ibid., 1868 г., т. III), „Распространеніе формулы бинома на дробные и отрицательные показатели“, „Объ эллиптическихъ интегралахъ“; „Замѣчаніе объ Абелевыхъ функціяхъ“, „Рѣчь въ публичномъ засѣданіи Матем. Общества, 19 февр. 1869 г.“, „Единство мѣръ и вѣсовъ“; (ibid., 1870 г., т. IV), „Объ одной общей формулѣ въ теоріи опредѣленныхъ интегралovъ“ (ibid., 1882 г., т. X), статья, переведенная на французскій языкъ и помѣщенная въ „Journal des Mathématiques pures et appliquées“, 1882 г. т. VIII. Нѣсколько изслѣдованій Давидовъ помѣстилъ также въ „Трудахъ Общества любителей естествознанія“, гдѣ онъ состоялъ съ 1863 г. вице-президентомъ, а потомъ съ 1884 г. — президентомъ: „О политехническомъ музеѣ“ (1872 г. т. X, в. I.), „Отчетъ о первомъ десятилѣтіи Общества“ (1874 г. т. XIV). и др. Изъ другихъ ученыхъ работъ Давидовъ извѣстны: „Supplément à la théorie des phénomènes capillaires“, M., 1855 г.; „Приложеніе теоріи вѣроятностей къ медицинѣ“, („Московск. Врачебн. Журналъ“, 1854 г. кн. 1.); „Sur le maximum du nombre des positions d'equilibre d'un prisme triangulaire, homogène, plongé dans un liquide“, (Bulletin phys. — mathèm. de l'Acad. de Pétersborg, 1855, v. XIII); „Употребленіе выводовъ теоріи вѣроятностей въ статистикѣ“ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1855 г., т. LXXXVIII, отд. II); „О физикѣ, изданной Н. Любимовымъ“ („Русскій Вѣстникъ,“ 1861 г. кн. 9 и 1874 г., кн. 1.). Кромѣ того, имъ напечатаны двѣ публичныя лекціи: „О парахъ“ и „О паровомъ котлѣ„ („Вѣстникъ естеств. наукъ“, 1859 г.); „Теорія среднихъ величинъ въ приложеніи ея къ составленію таблицъ смертности“— актовая рѣчь въ университетѣ. Не смотря на постоянныя занятія математикой, неизбѣжно связанныя съ занятіемъ каѳедры въ университетѣ, и многочисленныя спеціальныя изслѣдованія, требовавшія затраты огромной энергіи и не мало времени, Давидовъ однако находилъ еще возможность работать и въ Московскомъ Обществѣ испытателей природы, членомъ котораго онъ состоялъ, и несъ обязанности президента (съ 1881 г.) Император-

скаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. *Ч.*—

„Отчеты о присужденіи Демидовскихъ премій".—«Отчеты Моск. унив. за 1850—1865 г.»—«Рѣчь и отчетъ, читанные въ Московскомъ университетѣ», М. 1886 г., стр. 153—173.—„Извѣстія Импер. Общества любителей естествозн., антропологіи и этнографіи", М. 1887 г., т II, приложеніе.—«Библіографъ», 1886 г., №10, стр 147—149.—„Журн. Мин. Нар. Пр.", 1886 г., кн. 1, стр. 30—31.—„Историч. Вѣстникъ" 1886 г. кн , 2, стр 499. „Біографич. Словарь професс. Москов. унив.", М. 1855 г., ч. I, стр. 275—276.—Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ пок русск. пис.", 1889 г., В. V, стр. 40—42.—«Энциклопед. Словарь» Брокгауза и Ефрона, т. X, статья проф Д. Граве, стр 1—2.—«Газета Гатцука» 1885 г., №54. „Московск. Листокъ" 1885 г. № 357.—„Московск. Вѣдомости" 1885 г., №№ 286, 288, 296, 354, 358, 359.

Давидовъ, *Карлъ Юльевичъ*. См. *Давыдовъ*.

Давидъ *Всеславичъ*, князь полоцкій, четвертый изъ семи сыновей Всеслава Брячиславича. Время рожденія его неизвѣстно. Въ 1103 г. вмѣстѣ съ другими князьями, вмѣстѣ съ Святополкомъ II, великимъ княземъ кіевскимъ, и Владиміромъ Мономахомъ, Давидъ участвовалъ въ походѣ на половцевъ и въ знаменитомъ пораженіи ихъ за Днѣпромъ (4 апрѣля). Въ слѣдующемъ году, помогая сыновьямъ Мономаха—Олегу и Ярополку, осаждать брата своего, Глѣба, въ его стольномъ городѣ Минскѣ; въ 1106 г. вмѣстѣ съ своими братьями потерпѣлъ отъ жителей Семигаліи страшное пораженіе, стоившее потери 9000 воиновъ. Когда въ 1127 г. вступилъ въ полоцкую землю Мстиславъ I Владиміровичъ, полочане выгнали Давида и вмѣсто него получили себѣ княземъ Рогволода. Тотъ же Мстиславъ черезъ два года, за отказъ участвовать въ походѣ на половцевъ, заточилъ его въ Царьградъ. Дальнѣйшая судьба Давида неизвѣстна.

М. Хмыровъ: «Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома» (Спб., 1871 г.).

Давидъ *Константиновичъ*, князь галичскій (Галича-костромскаго), старшій изъ двухъ сыновей Константина Ярославича, племянникъ св. Александра Невскаго. Лѣтописи упоминаютъ о немъ только два раза, сообщалъ, что 31 іюля 1278 г. присутствовалъ на свадьбѣ Михаила Глѣбовича, князя бѣлозерскаго, въ Ярославлѣ, и потомъ, что умеръ въ Галичѣ, въ апрѣлѣ 1280 г. Отъ брака съ дочерью смоленскаго князя св. Ѳедора Ростиславича имѣлъ сыновей: Ивана, Бориса и Ѳедора, князей галичскихъ.

Полн. Собр. Лѣт. VII, 174 и Никон. л., III, 65; А. Экземплярскій: «Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г.» (Спб., 1891 г.).

Давидъ *Ольговичъ*, князь черниговскій, единственный сынъ Олега Святославича. Время его рожденія неизвѣстно. Въ лѣтописяхъ Давидъ упоминается подъ 1190, 1191, 1193, 1195 и 1196 гг.; въ 1191—1192 г. онъ участвовалъ въ походѣ на половцевъ, въ 1195 г. сразился съ смольнянами, которые его, по однимъ лѣтописямъ, «сѣкоша», а по другимъ, «и раниша» П. С. Л. Р. VII, I об; X, 27 и 28; XV, 285). У Щербатова находимъ извѣстіе, что Давиду, по смерти Всеволода Чернаго, Мстиславъ Мстиславичъ новгородскій «опредѣлилъ» черниговское княжество.

— Р. Ил. Зотовъ: «О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ Татарское время» (Спб., 1892 г.).

Давидъ, князь торопецкій, сынъ Мстислава Ростиславича, какъ видно изъ извѣстія Новгородской лѣтописи подъ 1214 г. о походѣ Мстислава Мстиславича на Чудь-Ерву, въ которомъ онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Владиміромъ. Впервые онъ упоминается подъ 1173 г., какъ участникъ похода подъ Вышеградъ. Торопецкимъ княземъ Давидъ былъ съ 1211 года по 1226 г., когда былъ убитъ въ битвѣ съ литовцами подъ Усвятомъ.

— Голубовскій: «Исторія Смоленской земли до начала XV в. (Кіевъ, 1895 г.) и Побойновъ: «Торопецкая Старина» („Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древн. Росс., 1897 г. т. I).

Давидъ *Ростиславичъ*, князь смоленскій, четвертый изъ сыновей Ростислава—Михаила Мстиславича, великаго князя кіевскаго. Родился въ Смоленскѣ, въ 1140 году; умеръ 23 апрѣля 1197 года. Отправляясь изъ Смоленска для занятія кіевскаго стола, Ростиславъ послалъ Давида въ 1154 г. въ Новгородъ, но Новгородцы за то, что онъ «не сотвори имъ ряду, но болѣе раздра», въ январѣ же слѣдующаго года прогнали его отъ себя. Въ 1157 г. онъ снова появляется въ Новгородѣ вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ и затѣмъ послѣ похода на родичей Рогволода Борисовича, князя полоцкаго, занимаетъ столъ въ Торжкѣ (1168 г.); но и отсюда, по требованію новгородцевъ, Давидъ былъ выведенъ братомъ его Святославомъ и

отправленъ въ Смоленскъ (1160 г.). Въ 1165 г. онъ занялъ витебскій столъ, но въ слѣдующемъ же году уступилъ его изгнанному изъ Полоцка Всеславу Васильковичу. При вокняженіи въ 1167 г. въ Кіевѣ Мстислава II, Давидъ получилъ въ удѣлъ Вышгородъ (кіевскій); участвовалъ въ слѣдующемъ году на съѣздѣ князей въ Кіевѣ, гдѣ рѣшено было идти на половцевъ, но почему-то онъ отказался отъ участія, разошелся съ Кіевскимъ княземъ и даже въ 1169 г. находился при взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго. По удаленіи послѣднихъ, на Давида напалъ Мстиславъ II, но онъ отсидѣлся въ своемъ Вышгородѣ и затѣмъ сжегъ г. Михайловъ, послѣднее убѣжище Мстиславова племянника, и Василька Ярополковича (1170 г.). Въ 1171 г. Давидъ принималъ дѣятельное участіе въ посаженіи на кіевскомъ столѣ Владиміра Мстиславича, князя дорогобужскаго, а въ слѣдующемъ году своего брата, Рюрика. Такъ какъ послѣднія дѣйствія Давида шли въ разрѣзъ съ желаніями Андрея Боголюбскаго, отправившаго въ Кіевъ своего брата Михаила, то онъ и предложилъ ему удалиться въ Берладъ. Гордый отвѣтъ Давида на это предложеніе былъ причиною того, что Андрей Боголюбскій послалъ подъ Вышгородъ громадное войско, которое, впрочемъ, и послѣ девятинедѣльной осады города не могло выгнать оттуда Давида (1173 г.). Въ 1175 г. онъ вмѣстѣ съ Олегомъ Святославичемъ, княземъ сѣверскимъ, воевалъ область черниговскую и въ слѣдующемъ году потерпѣлъ пораженіе отъ половцевъ у Ростовца. Изгнанный затѣмъ Святославомъ Ольговичемъ, княземъ черниговскимъ, изъ днѣпровской области, Давидъ нѣкоторое время пробылъ въ Бѣлгородѣ и по смерти брата Романа вокняжился въ Смоленскѣ (1180 г.). Все его семнадцатилѣтнее княженіе здѣсь прошло, съ одной стороны, въ безпрерывной борьбѣ съ смоленскимъ вѣчемъ, причемъ дѣло неразъ доходило до серьезныхъ возстаній, гибельныхъ по своимъ результатамъ для смольнянъ, и съ другой—въ частыхъ войнахъ съ сосѣдними князьями и съ половцами. Такъ въ 1181 г. Давидъ ходилъ къ Друцку противъ Ольговичей, въ 1184 и 1185 г. на половцевъ, въ 1186 г. на Полоцкъ, въ 1190 г. боролся съ Святославомъ черниговскимъ, въ 1195 г. потерпѣлъ пораженіе отъ Ольговичей, сильно раззорившихъ смоленскую землю и въ 1196 г. разбитъ подъ Витебскомъ. Вначалѣ онъ былъ сторонникомъ и даже поклонникомъ Всеволода Юрьевича суздальскаго, по первому требованію его высылалъ свои войска, потомъ-же замѣтилъ, что онъ былъ лишь орудіемъ въ рукахъ Всеволода, что особенно обнаружилось при заключеніи послѣднимъ въ 1196 г. мира съ Ольговичами, и сталъ было готовиться къ самостоятельному походу; но среди приготовленій скончался, принявъ по обычаю того времени монашество. Давидъ имѣлъ сыновей: Изяслава, Мстислава—Ѳедора и Константина.

Голубовскій: „Исторія смоленской земли до начала XV вѣка» (Кіевъ, 1895 г.) и М. Хмыровъ: «Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ» (Спб., 1871).

В. Р—въ.

Давидъ *Святославичъ*, князь черниговскій, сынъ великаго князя кіевскаго, Святослава II Ярославича. Время рожденія Его неизвѣстно. Умеръ въ Черниговѣ, въ январѣ 1123 года. По вокняженіи отца въ Кіевѣ въ 1073 г., Давидъ получилъ въ удѣлъ Новгородъ, а по другимъ извѣстіямъ Переяславъ-южный; въ 1076 г. вынужденъ былъ уйти въ Муринъ, одну изъ вотчинъ князей черниговскихъ, и только въ 1093 г. получилъ Смоленскъ, откуда, впрочемъ, былъ выведенъ черезъ два года и посаженъ въ Новгородѣ. Но, посидѣвъ здѣсь недолго, Давидъ вернулся въ Смоленскъ, выгнавъ изъ него Изяслава Владиміровича. На Любечскомъ съѣздѣ 1097 г. за нимъ былъ утвержденъ Черниговъ; на съѣздѣ въ Цвѣтичахъ принялъ на себя уплату 100 гривенъ серебра Давиду Игоревичу, въ счетъ вознагражденія за Владиміръ Волынскій; въ 1001 г., по свидѣтельству Длугоша и Мартина Галла, опустошилъ вмѣстѣ съ Володаремъ Ростиславичемъ польскія владѣнія. Особенно часто ходилъ войною Давидъ на половцевъ: въ 1103 г. (разбилъ ихъ у Сетеня, близъ Фортицы), 1107, 1110 и 1111 г.г. (участвовалъ въ знаменитой побѣдѣ русскихъ князей надъ половцами при р. Сальницѣ). Въ 1113 г., по смерти Святополка II, онъ пытался занять кіевскій столъ, но небылъ принятъ кіевлянами. Послѣдними дѣйствіями Давида было его участіе въ походахъ: Ярополка Владиміровича на Друцахъ гдѣ засѣлъ Глѣбъ Минскій (1114 г.), и Владиміра Мономаха на Ярослава Изясла-

вича, князя владиміро-волынскаго (1118 г.). Сыновья Давида: Владиміръ, Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ (Святополка) и Ростиславъ.

Р. Вл. Зотовъ: «О Черниговскихъ князьяхъ по любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время» (С.-пб., 1892 г.) и М. Хмыровъ: «Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ русскихъ князей», С.-пб. 1871 . *В. Р—въ.*

Давидъ *Юрьевичъ*, въ иночествѣ Петръ, св. князь муромской, младшій изъ сыновей Юрія Владиміровича. Время рожденія неизвѣстно; умеръ въ 1228 г. Будучи подвластнымъ владиміро-суздальскому князю, Всеволоду III Большое Гнѣздо, Давидъ ходилъ, по его приказанію, дважды противъ рязанскихъ князей (1186 и 1187 гг.), и участвовалъ въ семейныхъ торжествахъ суздальскаго князя. Въ 1204 г., по смерти брата своего Владиміра, получилъ муромское княженіе, но оставаясь по-прежнему подвластнымъ Всеволоду III, ходилъ съ нимъ на рязанскихъ князей въ 1207 г. и даже противъ своей воли занялъ Пронскъ, переданный ему Всеволодомъ III, который, впрочемъ, велѣлъ за уходомъ послѣдняго, возвратилъ этотъ городъ рязанскимъ князьямъ, посылалъ, по требованію суздальскаго князя, свои войска къ Ростову въ 1213 г. и на Камскихъ болгаръ въ 1220 г. Мощи Давида покоятся подъ спудомъ въ муромскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Память его, согласно постановленію Московскаго собора 1547 г., празднуется 25 іюня. Имѣлъ отъ брака со св. Февроніей (въ иночествѣ Евфросиніей) сына Святослава—Юрія, наслѣдовавшаго ему муромскій столъ, и дочь Евдокію.

А. Экземплярскій: «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г.» (Спб., 1891 г.) и М. Хмыровъ: «Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ русскихъ князей» Спб., 1871 г.). *В. Р—въ.*

Давидъ *Ѳеодоровичъ*, св. князь ярославскій, принадлежалъ къ смоленской вѣтви Мономахова дома. Его отецъ, князь смоленскій, а затѣмъ ярославскій, Ѳеодоръ Ростиславичъ Черный, былъ женатъ во второмъ бракѣ на дочери татарскаго хана Мангу-Темира, принявшей православіе и нареченной во св. крещеніи Анною. Отъ этого брака родились два сына: Давидъ и Константинъ. Послѣ смерти Ѳеодора Чернаго, послѣдовавшей въ 1299 г., старшій сынъ, Давидъ, сталъ ярославскимъ княземъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ извѣстій о томъ, какъ протекало время его 22-лѣтняго княженія и какую роль играло ярославское княжество въ происходившихъ тогда усобицахъ, борьбѣ сыновей Александра Невскаго и борьбѣ Твери съ Москвою. Въ 1321 г. Давидъ Ѳеодоровичъ скончался. Въ 1463 г. были обрѣтены его мощи одновременно съ мощами его отца, Ѳеодора Ростиславича, и его брата Константина. Память ихъ празднуется Православной Церковью трижды въ годъ: 5 марта, 22 іюня и 19 сентября.

П. С. Р. Л: «Ист. Россіи» Соловьева, «Русскіе святые» Филарета, изд. 3, Спб. 1882; «Ярославскій Спасо-Преображен. монастырь», арх. Нила.

Давидъ, епископъ рязанскій и муромскій (1462—1471 гг.). Въ санъ епископа хиротонисанъ изъ казначеевъ московскаго митрополичьяго дома 1 февраля 1462 года. Въ 1464 г. участвовалъ въ избраніи и хиротоніи митрополита всея Россіи, Филиппа; при немъ у рязанскаго архіерейскаго дома была тяжба съ однимъ изъ бояръ, побившимъ на рѣкѣ Пронѣ бобровъ владычнихъ: епископу Давиду удалось отстоять свои старинныя владѣнія и получить на нихъ грамоту отъ рязанскаго князя Василія Ивановича.

(«Христ. Чт.», 1859 г. стр. 362; Титовъ: „Рязанскіе епископы“).

Давидъ, епископъ коломенскій (1571—1581 гг.). О немъ извѣстно только, что въ епископа коломенскаго онъ хиротонисанъ въ 1571 году и въ томъ же году ручался предъ Царемъ по князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мстиславскомъ и сопровождалъ Государя Іоанна IV при въѣздѣ его въ Новгородъ; въ 1572 г. 29 апрѣля былъ въ Москвѣ на соборѣ о четвертомъ бракѣ царя, въ 1578 г. 20 декабря—на соборѣ о празднованіи преподобному Іосифу Волоколамскому и въ 1580 г. 15 января—на соборѣ о монастырскихъ вотчинахъ. Скончался въ 1581 году.

(Рукопись прот. Діева: „Повѣрка іерархич. каталоговъ“).

Давидъ, архіепископъ ростовскій (1576—1582 гг.). Изъ жизни архіепископа Давида извѣстно, что онъ хиротонисанъ на ростовскую каеедру въ 1576 году. Въ 1858 году 20 декабря подтвердилъ грамату Кириллова монастыря объ освобожденіи духовенства въ монастырскихъ селахъ отъ пошлинъ и подсудимости десятинникамъ и былъ на соборѣ о празднованіи память преподобнаго Іосифа Волоцкаго,

а въ 1580 г. 15 января—на соборѣ о монастырскихъ вотчинахъ. Въ 1582 г., на соборѣ по поводу пріѣзда папскаго посла, Антонія Поссевина, архіепископъ ростовскій Давидъ „ересь свою объяви“, т. е. сходство своихъ мнѣній съ римскимъ ученіемъ, въ чемъ былъ изобличенъ и на томъ же соборѣ присужденъ къ ссылкѣ въ монастырь, „дондеже въ чувство придетъ“. Годъ кончины его неизвѣстенъ.

(«Ист. Соловьева»).

Давидъ, 19-й архіепископъ новгородскій (1308—1325 гг.). До архіепископства Даиидъ былъ духовникомъ своего предшественника, архіепископа Ѳеоктиста, но въ какой обители проходилъ онъ иноческое житіе и какой имѣлъ санъ, неизвѣстно. Избранный въ архіепископы въ 1308 г., Давидъ былъ хиротонисанъ во Владимірѣ 5 іюня 1309 года. Онъ заслужилъ названіе миротворца за то, что въ 1312, 1315 и 1317 гг. нѣсколько разъ примирялъ новгородцевъ съ великимъ княземъ владимірскимъ, Михаиломъ Ярославичемъ. При архіепископѣ Давидѣ Новгородъ опустошенъ былъ въ 1311 г. страшнымъ пожаромъ; при немъ же въ 1314 г. построена Владимірская церковь на воротахъ отъ Неревскаго конца и въ 1313 г.—Никольская на архіерейскомъ дворищѣ. Архіепископъ Давидъ скончался 5 февраля 1325 года и погребенъ въ притворѣ Софійскаго собора.

(«Новгор. епарх. вѣдом.» 1895 г.)

Давидъ (въ мірѣ *Данiилъ Нащинскій*), архимандритъ, писатель—переводчикъ (1720—1793 гг.). Сынъ казака г. Полтавы, Нащинскій родился въ 1720 г.; образованіе свое началъ въ кіевской духовной академіи, продолжалъ его въ заграничныхъ галицкихъ и саксонскихъ училищахъ и окончилъ его въ 1751 г. въ кіевской дух. академіи, принявъ предъ окончаніемъ курса постриженіе въ монашество съ именемъ Давида; тогда же онъ былъ назначенъ въ кіевскую академію учителемъ и префектомъ. Въ началѣ 1756 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Троицкаго слуцкаго монастыря и намѣстникомъ кіевской митрополіи, а въ ноябрѣ 1758 г. перемѣщенъ въ кіевобратскій училищный монастырь и опредѣленъ ректоромъ кіевской академіи. Съ конца 1760 г. архимандритъ Давидъ былъ послѣдовательно настоятелемъ Гамалѣевскаго Харлампіева черниговской епархіи, глуховскаго Петропавловскаго той-же епархіи (1769 г.) и Бизюкова Крестовоздвиженскаго монастырей (1772 г.); изъ послѣдняго монастыря онъ въ 1788 г. уволенъ былъ на покой въ кіевопечерскую лавру съ пенсіею и тамъ скончался 5 мая 1793 года. Въ теченіе свыше 30-ти лѣтней административной дѣятельности, архимандритъ Давидъ удѣлялъ время и проповѣди, и своимъ литературнымъ занятіямъ. Находясь заграницей, онъ перевелъ на латинскій языкъ сочиненія Ѳеофана Прокоповича и въ 1743 г. издалъ ихъ въ Бреславлѣ, подъ названіемъ: „Lucubrationes illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopovicz“ и въ 1745 г.—„Miscellanea Sacra“; началъ переводъ сочиненія Ѳеофана Прокоповича: „О неудобоносимомъ игѣ“, но переводъ этотъ былъ оконченъ другимъ лицемъ и изданъ въ Лейпцигѣ въ 1782 году.

(Серебренникова „Кіевская Академія“, Кіевъ, 1897; Евгеній: „Словарь дух. писателей“, Спб., 1827.

Давидъ, преподобный Серпуховскій, жилъ въ первой четверти XVI вѣка. Начало своимъ монашескимъ подвигамъ блаженный Давидъ положилъ въ Пафнутьевскомъ Боровскомъ монастырѣ при жизни основателя монастыря, св. Пафнутія, скончавшагося въ 1477 г. Затѣмъ св. Давидъ подвизался въ безмолвномъ уединеніи, 1515 г. построилъ на рѣкѣ Лопаснѣ, въ 23 верстахъ отъ г. Серпухова, храмъ Вознесенія Господня и положилъ начало пустынной обители, извѣстной подъ именемъ Давидовой Вознесенской пустыни, въ которой онъ и скончался 18 октября 1520 г. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ.

Филаретъ: „Житія Святыхъ“ октябрь, Спб., 1885 г.; арх. Леонидъ: „Св. Русь“, Спб., 1891.

Давидъ (Скалуба), архимандритъ Антоніева монастыря новгородской епархіи (1727—28 гг.). По происхожденію малороссіянинъ, Давидъ учился въ славяно-греколатинскихъ школахъ и послѣ (съ 1720 г.) былъ въ нихъ учителемъ, проповѣдникомъ и іеромонахомъ московскаго Спасскаго училищнаго монастыря. 17 августа 1722 г. іеромонахъ Давидъ, какъ лучшій проповѣдникъ, предназначенъ былъ священствовать въ православную церковь въ Стокгольмѣ, но, по причинѣ малаго тамъ жалованья, не посланъ туда. 15 февраля 1727 г. онъ назначенъ былъ оберъ - іеромонахомъ въ „низовый походъ въ Астрахань, Персиду и Дербень“. 27 мая 1724 г. оберъ-іе-

ромонахъ Давидъ былъ прикомандированъ къ астраханскому губернатору для обращенія въ православіе калмыковъ, но дѣло это не имѣло большого успѣха, такъ какъ Давидъ не зналъ калмыцкаго языка, а толмача хорошаго не нашлось. Въ началѣ 1727 г., по личному избранію архіепископа Ѳеофана, Давидъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ новгородскаго Антоніева монастыря, но 23 іюля 1728 г. просилъ увольненія отъ должности, потому что находилъ болѣе удобнымъ для себя быть подъ началомъ, нежели самому начальствовать. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

«Опис. дѣлъ и докум. арх. св. Синода», томы I—VIII.

Давидъ (князь имеретинскій Церетели), митрополитъ имеретинскій (1781—1853 гг.). Сынъ генералъ-маіора князя Зурабъ Церетели и шуринъ владѣтеля Мингреліи, князя Дадіани, Давидъ родился въ 1781 в. и образованіе получилъ въ грузинскихъ школахъ. До постриженія въ монашество находился на послушаніи въ Гаэнатскомъ монастырѣ и тамъ 22 февраля 1796 г. постригся въ монашество; чрезъ два года рукоположенъ сначала (23 апрѣля) въ іеродіакона и потомъ (8 октября) въ архидіакона 29 марта 1803 в. посвященъ въ іеромонаха, а въ 1804 г. 14 сентября произведенъ въ архимандрита Джеручскаго монастыря. За устройство монастыря архимандритъ Давидъ 24 апрѣля 1805 года хиротонисанъ былъ въ архіепископа и въ томъ же году возведенъ, по волѣ грузинскаго царя, на степень митрополита, въ каковомъ санѣ управлялъ и Джеручскимъ монастыремъ до 1829 года. 23 іюня 1829 г. назначенъ митрополитомъ мингрельскимъ, гдѣ проявилъ особую ревность въ обращеніи въ православіе магометанъ и язычниковъ и въ устройствѣ у нихъ храмовъ. 9 іюня 1834 г. митрополитъ Давидъ по болѣзни, былъ уволенъ на покой въ Джеручскій монастырь съ 1000—рублевою пенсіею, но въ 1843 г., 7 августа, по просьбѣ дворянъ и князей, назначенъ митрополитомъ имеретинскимъ и управлялъ имеретинскою Церковью до смерти своей—14 февраля 1853 года.

(Дѣла архива св. Синода: 1828 г. № 1692; 1834 г. № 542; 1842 г. № 150; 1853 г № 1837)—„Кавказскій Календарь“, *1854*.

Давидъ, грузинскій наслѣдный царевичъ, сынъ послѣдняго царя карталинско-кахетинскаго Георгія XII Ираклiевича, родился въ августѣ 1767 года отъ брата Георгія съ княжной Кетеваной Андрониковой. Бракъ этотъ состоялся въ февралѣ 1766 г. Царевичъ Давидъ получилъ по тогдашнему времени хорошее образованіе: обучался какъ родному языку, такъ и нѣкоторымъ иностраннымъ; такъ, напр., русскій языкъ зналъ онъ не дурно и писалъ довольно правильно. Далѣе онъ обучался элементарной философіи, исторіи, географіи и въ особенности тщательно военнымъ наукамъ у иностранцевъ, жившихъ въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка въ Тифлисѣ при дворѣ грузинскаго царя, какъ напр., извѣстный натуралистъ, докторъ Рейнегсъ, и у католическихъ миссіонеровъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ Грузіи. Отзывы о характерѣ и способностяхъ царевича Давида мы находимъ, между прочимъ, у П. С. Потемкина, пріѣхавшаго въ Тифлисъ въ сентябрѣ 1784 года. «Старшій сынъ Георгія, Давидъ, пишетъ онъ, былъ 17 лѣтъ, казался неглупъ, и при свойствѣ яромъ являетъ быстроту ума, особую смѣлость и охоту къ войнѣ». Почти такой же отзывъ даетъ о Давидѣ полковникъ Бурнашевъ, жившій въ Тифлисѣ въ 1783—1737 годахъ, и имѣвшій случай ближе узнать царевича Давида. Бурнашевъ пишетъ: «Георгій Ираклiевичъ имѣетъ многочисленную отъ первой супруги фамилію, изъ коихъ старшій сынъ его, князь Давидъ, 20 лѣтъ (въ 1787 году), при свойствѣ чрезмѣрно яромъ, являетъ великую быстроту ума, особую смѣлость и охоту къ войнѣ и крайнее желаніе познать европейскую военную науку.» Царевичъ Давидъ принималъ дѣятельное участіе и съ большимъ успѣхомъ въ нѣсколькихъ походахъ, стоя во главѣ грузинскихъ войскъ въ Имеретіи: подъ Карсомъ, противъ лезгинъ и др. въ 1790—1793 годахъ. Въ сентябрѣ 1795 года, при нашествіи Аги-Магомедъ-Хана Давидъ особенно отличился при защитѣ Тифлиса. Давидъ былъ утвержденъ Императоромъ Павломъ въ качествѣ наслѣдника грузинскаго престола, но, подобно отцу, желалъ присоединенія Грузіи къ Россіи. Женился Давидъ въ порывѣ увлеченія, противъ воли отца и братьевъ, 9 января, 1800 года, на 30-ти лѣтней тифлисской армянкѣ Еленѣ Тершимоньянъ, которая однако приняла православіе по приказанію царя Георгія

XII. Бракъ этотъ былъ несчастливъ, и супруги разстались окончательно послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сожительства. Послѣ смерти отца, царя Георгія XII, послѣдовавшей 28 декабря 1800 года, нѣкоторое время, а именно, до іюня 1801 г. Давидъ управлялъ царствомъ подъ названіемъ «правителя Грузіи», а 18 февраля 1803 года выѣхалъ изъ Тифлиса въ Россію и умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1819 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ званіи сенатора, похороненъ здѣсь же въ Александро-Невской Лаврѣ. Давидъ любилъ заниматься наукой и литературой: составилъ грузинскую грамматику, исторію Грузіи на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, краткую всеобщую исторію; переводилъ также не мало съ русскаго на грузинскій языкъ. Написалъ также на грузинскомъ языкѣ „Лѣтопись о царѣ Ираклiѣ II".

„Histoire de la Géorgie", trad. par Brosset, II partie.—Акты Кавказской Археографической коммиссіи, т. I.—II. Г. Бутковъ: „Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 г. по 1803 г." Спб., 1869, т. III.—„Кавказскій Вѣстникъ", кн. I, 1900. — Давидъ, царевичъ грузинскій: „Краткая исторія Грузіи", съ предисловіемъ К. Н. Бѣгичева. Тифлисъ, 1893 г.

А. Цагарели.

Давыдовскій, *Лаврентій Яковлевичъ*. Будучи студентомъ московскаго университета въ концѣ 70-тыхъ и въ началѣ 80-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, принадлежалъ къ кружку молодежи, группировавшейся вокругъ Н. И. Новикова, и сотрудничавшей въ издаваемыхъ имъ журналахъ, конечно, вполнѣ безвозмездно. Единственной наградой для нихъ было раскрытіе въ новогоднихъ объявленіяхъ о подпискѣ именъ сотрудниковъ, въ теченіе года изъ скромности не подписывавшихся. Благодаря этому, мы очень мало знаемъ о принадлежности статей тѣмъ или другимъ авторамъ. Объ авторствѣ или, вѣрнѣе, о переводахъ Давыдовскаго заявлено было въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", издававшихся Н. И. Новиковымъ съ 1779 года, но что̀ именно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" принадлежитъ Давыдовскому,—опредѣлить нельзя. Въ 1780 г. помѣстилъ въ „Утреннемъ Свѣтѣ" (ч. IX. стр. 13-19) „Повѣсть о Геркулесѣ или путь къ благополучной жизни„ изъ Ксенофонта. Въ 1781 г. въ „Моск. Ежемѣсяч. Изданіи". (т I. стр. 158-212) Давыдовскій напечаталъ „Нравоучительное разсужденіе великаго философа Сенеки о краткости жизни", съ присоединеніемъ „Жизни Сенеки". Переводъ посвященъ члену Cvнода архіепископу ростовскомуи я рославскому Самуилу. Наконецъ, объ авторствѣ Давыдовскаго есть заявленіе въ предувѣдомленіи отъ издателей „Утренняго Свѣта", помѣщеннымъ въ 1-й книжкѣ „Вечерней Зари" 1782 г. Въ „Вечерней Зарѣ" (I т., стр. 185-199) принадлежитъ Давыдовскому „Разсужденіе объ истинномъ человѣческомъ благѣ", не подписанное авторомъ. Это сочиненіе Давыдовскаго вышло въ 1782 году отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о истинномъ человѣческомъ благѣ, выведенное и доказанное изъ самой человѣческой природы, въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Н. Новикова 1782 года". Книжка имѣетъ посвященіе гвардіи господину маіору Петру Александровичу Татищеву. Въ немъ Давыдовскій пишетъ: „Издавая въ свѣтъ, по совѣту нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, сей посильный опытъ моего знанія, не могъ я никому такъ прилично его посвятить, какъ Вашему Высокородію; потому, во-первыхъ, что и самое содержаніе сочиненія того требовало, во-вторыхъ—потому, что я Вами премного облагодѣтельствованъ, ибо я въ немъ писалъ о добродѣтели и мудрости; а Ваше Высокородіе только въ нихъ и упражняется. Я предлагалъ свои мысли, а Вы утверждаете ихъ возможность своею практикою."

Кромѣ посвященія, котораго нѣтъ въ „Вечерней зарѣ", „Разсужденіе" Давыдовскаго въ отдѣльномъ изданіи отличается отъ журальнаго присутствіемъ эпиграфа: „Кто самъ себя познавъ, изъ сердца зло изгналъ и мудрость Божію въ твореніи позналъ, потомъ отъ запада къ востоку устремился, тотъ свѣтомъ истины конечно озарится и благовѣчи сыскаты наконецъ воздастъ Тебѣ хвалу вселенныя Творецъ". Вотъ все, что мы знаемъ о Давыдовскомъ.

Ср. Неустроевъ А. Н.: «Историческое разысканіе» и «Указатель» къ нему.

П. Щеголевъ.

Давыдовскій, *Яковъ Яковлевичъ*, полковникъ, шефъ 1-го егерскаго полка былъ сыномъ небогатаго дворянина, владѣвшаго въ Кіевской губерніи деревенькой изъ 18 душъ и получилъ скудное, элементарное образованіе. Род. въ 1758 г. ум. 31 дек. 1806 г. Въ 1771 г. поступилъ рядовымъ въ Московскій карабинерный полкъ; въ 1778 г.

произведенъ въ прапорщики, съ опредѣленіемъ въ кіевскій легко-конный полкъ, съ которымъ въ 1783—84 г.г. сдѣлалъ походъ въ Крымъ противъ татаръ; по возвращеніи оттуда, въ 1785 г. переведенъ въ Переяславскій карабинерный полкъ; въ слѣдующемъ году получилъ чинъ поручика и въ 1788 г. поступилъ въ 1-й батальонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса, участвовалъ въ битвѣ подъ Рымникомъ и за отличіе былъ награжденъ чиномъ капитана. Во время Измаильскаго штурма въ 1790 г. былъ раненъ въ правый бокъ; въ томъ же году получилъ чинъ секундъ-маіора. Въ 1791 г. принималъ участіе въ походѣ Кутузова за Дунай, а въ 1792 г. въ усмиреніи мятежа въ Польшѣ. Въ 1799 г. былъ произведенъ въ подполковники, въ 1800 г. въ полковники, а 12 ноября 1802 г. назначенъ шефомъ 1-го егерскаго полка. До 1805 г. Давыдовскій простоялъ съ своимъ полкомъ въ Финляндіи, а въ этомъ году былъ въ походѣ къ берегамъ Дуная, въ числѣ войскъ, посланныхъ Россіей на помощь Австріи противъ Наполеона. Въ слѣдующемъ 1806 г. участвовалъ въ Прусской кампаніи и въ битвѣ при Пултускѣ былъ раненъ дважды: одинъ разъ легко въ голову, другой смертельно въ лѣвое плечо. Во всѣхъ кампаніяхъ отличался блистательною храбростью. Похороненъ былъ въ городѣ Гродно. За Пултуское сраженіе былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 ст.

Формуляръ въ Моск. Отд. общ. арх. Главн. Штаба за 1806 г. № 137. — „Сѣверн. Пч.“ за 1845 г. №№ 93 и 94. – Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, 1843.

Давыдовъ, *Александръ Александровичъ*, адмиралъ, ум. 18-го декабря 1885 г. 15 іюня 1826 г. А. А., произведенный въ гардемарины, крейсировалъ въ Финскомъ заливѣ; въ 1827 г. на кораблѣ «Гангутъ» плавалъ отъ Кронштадта до Портсмута, откуда на кораблѣ «Св. Андрей» возвратился въ Кронштадтъ. 20 марта 1829 г., произведенный въ мичманы, назначенъ былъ въ Черноморскій флотъ, а въ 1833 г. произведенъ въ лейтенанты. Въ 1834 году на кораблѣ «Память Евстафія» крейсировалъ въ Черномъ морѣ; затѣмъ переведенъ въ Балтійскій флотъ; 20 октября 1843 г. Давыдовъ назначенъ былъ старшимъ адъютантомъ къ главному командиру штаба астраханскаго порта, гдѣ въ 1847 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1855 г. онъ произведенъ въ капитаны 2 ранга и тогда же былъ командированъ въ С.-Петербургъ для подробнаго осмотра новыхъ приспособленій по артиллеріи на корабляхъ и канонерскихъ лодкахъ. 26 мая 1856 г. Давыдовъ назначенъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба главнаго командира астраханскаго порта, гдѣ 26 августа произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Съ 19 октября 1859 г. по 1866 г. Давыдовъ постепенно занималъ должности командира флотскихъ экипажей каспійской флотиліи, потомъ начальника бакинской морской дистанціи и командира бакинскаго порта. Въ 1866 г. Давыдовъ произведенъ въ контръ-адмиралы. Съ 1-го января 1872 г. по 8 апрѣля 1873 г. состоялъ по морскому министерству. 8 апрѣля 1873 г. Давыдовъ былъ назначенъ директоромъ инвалиднаго дома Императора Павла I. 1 января 1874 г. произведенъ въ вицъ-адмиралы; 18 марта 1885 г. зачисленъ по флоту, а 8-го апрѣля того-же года уволенъ отъ службы съ производствомъ въ адмиралы. («Общій Морской Списокъ», т. 10, стр. 2).

Давыдовъ, *Александръ Петровичъ*, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при японскомъ дворѣ, р. 1838 г., † 1885 г.

Древній дворянскій родъ Давыдовыхъ, отъ котораго происходитъ А. П., ведетъ свое начало отъ татарскаго мурзы Минчака Касаевича, выѣхавшаго изъ Золотой Орды къ великому князю Василію Дмитріевичу и при крещеніи названнаго Симеономъ. Потомки Симеона стали именоваться Давыдовыми, по имени старшаго его сына Давыда, и въ 1500 году были пожалованы вотчинами. Съ тѣхъ поръ, вступивъ въ число служилыхъ людей московскаго государства, Давыдовы продолжали служить Россіи на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, выдвинувъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе даровитыхъ представителей этого рода.

Александръ Петровичъ Давыдовъ родился въ Москвѣ въ 1838 году и былъ младшимъ сыномъ гофмейстера Петра Львовича Давыдова и второй жены его, рожденной Лихаревой. Получивъ первоначально блестящее домашнее образованіе, Давыдовъ поступилъ въ московскій университетъ сначала на историко-филологическій, а затѣмъ на математическій факультетъ, курсъ котораго окончилъ въ 1859 году со

степенью кандидата математическихъ наукъ. Превосходное знаніе иностранныхъ языковъ и природная любовь къ путешествіямъ побудили Давыдова избрать дипломатическую карьеру. Тотчасъ по окончаніи курса онъ былъ зачисленъ въ вѣдомство министерства иностранныхъ дѣлъ и въ томъ же году назначенъ состоящимъ при миссіи нашей въ Карлсруэ, при баденскомъ великогерцогскомъ дворѣ. Съ тѣхъ поръ начинается рядъ передвиженій молодого дипломата съ одного дипломатическаго поста на другой, во время которыхъ Давыдовъ послѣдовательно занималъ должности секретаря миссій и посольствъ нашихъ въ Вашингтонѣ, Брюсселѣ, Гаагѣ, Римѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Въ Америкѣ, въ бытность секретаремъ миссіи нашей въ Вашингтонѣ, Давыдову пришлось служить въ историческую эпоху борьбы сѣверныхъ штатовъ съ южными, въ президентство знаменитаго Авраама Линкольна.

Эпоха послѣдней русско-турецкой войны 1877 — 1878 г. застала Давыдова въ должности старшаго секретаря нашего посольства въ Лондонѣ. Охватившее въ то время русскихъ людей горячее чувство любви къ родинѣ нашло себѣ откликъ въ чуткой душѣ Давадова. который, не задумываясь, покидаетъ блестящій постъ въ Лондонѣ и спѣшитъ на театръ военныхъ дѣйствій. Будучи приглашенъ предсѣдательницей I отдѣла С.-Петербургскаго Дамскаго комитета Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, графиней Тизенгаузенъ, для организаціи помощи раненымъ въ тылу дѣйствующей арміи, Давыдовъ въ званіи уполномоченнаго комитета, отправляется въ Бессарабію, гдѣ, въ Кипріяновскомъ монастырѣ, близъ Кишинева, открылъ свои дѣйствія лазарета Краснаго Креста. Послѣ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, когда, благодаря попеченіямъ Августѣйшей Покровительницы Общества Краснаго Креста, Императрицы Маріи Александровны, помощь больнымъ и раненымъ была уже организована въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, Давыдовъ поступилъ въ распоряженіе главноуполномоченнаго Общества Краснаго Креста въ Румыніи и Болгаріи, П. А. Рихтера, и вскорѣ принялъ на себя завѣдываніе эвакуаціоннымъ пунктомъ Краснаго Креста сначала въ Петрошанахъ, а затѣмъ во Фратештахъ. Здѣсь, какъ видно изъ отчета Краснаго Креста за 1877—1878 г.г., на долю Давыдова досталась тяжелая забота о призрѣніи плѣнныхъ турокъ и о безостановочномъ исполненіи всѣхъ принятыхъ имъ на себя сложныхъ обязанностей, посреди затрудненій, вызванныхъ морозною и снѣжною зимою, посреди ежедневно заболѣвавшихъ товарищей и подчиненныхъ. Въ половинѣ февраля 1878 года Давыдовъ, въ свою очередь, заболѣлъ одною изъ самыхъ тяжелыхъ формъ тифа, отъ котораго спаслись только весьма немногіе изъ санитарнаго персонала Краснаго Креста. Благодаря заботамъ ближайшаго его сотрудника почти во все время кампаніи, доктора Павлова, состоявшаго главнымъ врачемъ сначала въ Кипріановскомъ лазаретѣ, а затѣмъ главнымъ врачомъ и консультантомъ въ учрежденіяхъ Краснаго Креста во Фратештахъ, Давыдовъ отправленъ былъ въ Бухарестъ, гдѣ прохворалъ долгое время и, сильно истощенный болѣзнью, принужденъ былъ оставить дѣятельность на театрѣ войны. По отзывамъ ближайшихъ очевидцевъ его дѣятельности въ Красномъ Крестѣ, Давыдовъ былъ прекраснымъ администраторомъ, отличавшимся рѣдкою самостоятельностью и энергіей и обладавшимъ при этомъ крайнимъ спокойствіемъ и выдержкою. По окончаніи войны I отдѣлъ С.-Петербургскаго Дамскаго комитета Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, желая оцѣнить чрезвычайно успѣшную и плодотворную дѣятельность Давыдова, постановилъ поднести ему складень съ изображеніемъ Св. Александра Невскаго и Козьмы и Даміана Безсребренниковъ.

Въ августѣ 1878 года Давыдовъ снова вступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ и генеральнымъ консуломъ въ Софію,—на первый русскій дипломатическій постъ въ освобожденной Болгаріи. Здѣсь пробылъ онъ два года въ эпоху организаціи юнаго княжества, а въ 1880 году назначенъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, гдѣ въ то время представителемъ Россіи былъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Въ промежутокъ времени между уходомъ кн. Лобанова (назначеннаго посломъ въ Вѣну) и пріѣздомъ новаго посла, барона Моренгейма, Давыдовъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, управлялъ посольствомъ. Въ 1883 году Давыдовъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Японію на мѣсто К. В.

Струве, переведеннаго на тотъ же постъ въ Вашингтонъ.

Отправляясь на Дальній Востокъ, Давыдовъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы ознакомиться попутно съ восточною нашею окраиною, которой онъ всегда придавалъ огромное значеніе въ будущей нашей политикѣ на Востокѣ. Съ этой цѣлью онъ избралъ путь въ Японію черезъ Сибирь, посѣтилъ главнѣйшіе ея города и, сдѣлавъ около 5000 верстъ въ тарантасѣ, проѣхавъ весь Амуръ, прибылъ въ Николаевскъ, а оттуда во Владивостокъ, гдѣ въ то время сосредоточены были суда нашей Тихо-Океанской эскадры, находившейся подъ флагомъ контръ-адмирала Н. В. Копытова. Пересѣвъ на флагманское судно, фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій“, посланникъ вмѣстѣ съ эскадрой нашей отправился въ Японію и въ сентябрѣ 1883 года благополучно прибылъ въ Іокагаму, ближайшій портъ Токіо, столицы японской имперіи. Здѣсь, послѣ 2 лѣтняго пребыванія въ Японіи, заканчивается дипломатическая и жизненная карьера этого еще молодого дипломата. Давнишняя нервная болѣзнь, подъ вліяніемъ непривычнаго, богатаго рѣзкими переходами температуры климата Японіи, благодаря особенно частымъ въ этой странѣ землетрясеніемъ, губительно повліяла на здоровье Давыдова, который скоропостижно скончался отъ нервнаго удара въ Токіо, 20 ноября 1885 года, совершивъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ восхожденіе на высочайшую въ Японіи гору Фудзи-Яму. Отзывы не только русской, но и большинства выдающихся органовъ иностранной прессы свидѣтельствуютъ о блестящихъ способностяхъ, а также о всеобщемъ уваженіи, которыми покойный Давыдовъ пользовался на всѣхъ поприщахъ своей служебной дѣятельности. Согласно желанію, выраженному незадолго до кончины, тѣло Давыдова было доставлено въ Россію и погребено рядомъ съ могилами отца и матери въ Донскомъ монастырѣ.

К. Военскій.

1) Дѣла Деп-та Общ. Состава и Архива Мин-ва Ин. Дѣлъ. 2) «Общій Гербовникъ», II. 3) Отчеты о дѣят. Кр. Креста въ 1877—1878 г.г. 4) Статьи за 1885 въ газетахъ: «Journal de St.-Pétersbourg», «Правит. Вѣстникѣ», «Новомъ Времени», «Japan Maail», «Nitsi Nitsi Simboun», «Times» и «New-York—Herold». 5 Личныя воспоминанія профес. Павлова и К. В. 6) „Въ Болгаріи“, Паренсова, Р. Старина 1900 г.

Давыдовъ, *Алексѣй Кузьмичъ*, родился 16 мая 1790 года въ Москвѣ, въ бѣдной семьѣ отставного коллежскаго регистратора. Вслѣдствіе смерти отца и наступившей послѣ того семейной неурядицы, молодой Давыдовъ до 13-лѣтняго-возраста оставался безграмотнымъ. Въ 1803-мъ году въ его судьбѣ принялъ участіе дядя его, Игнатій Ивановичъ Ивановъ (генералх-маіоръ, служившій въ Адмиралтействѣ, взялъ его къ себѣ въ семью и опредѣлилъ въ мартѣ 1803 года въ Морской корпусъ. Давыдовъ вскорѣ выказалъ здѣсь своибогатыя способности, догналъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и оказалъ особенные успѣхи въ математикѣ. Въ 1806 году уже гардемаринъ, Давыдовъ принимаетъ участіе въ плаваніи въ практической эскадрѣ, а въ 1808 г., во время военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, онъ назначенъ на корабль „Благодать“, крейсировавшій подъ флагомъ адмирала Ханыкова. Въ 1809 г., его назначаютъ на шлюпъ „Тизби“, съ производствомъ въ мичманы; на этомъ шлюпѣ онъ служилъ и въ отечественную войну 1812 года, когда транспортныя суда нашего флота были заняты перевозкой дасантныхъ войскъ съ Аландскихъ острововъ въ Ревель. Въ 1313 г., произведенный въ лейтенанты, поступилъна бригъ „Коммерстраксъ“ и участвовалъ въ блокированіи Данцига. Этимъ кончается его собственно морская карьера, такъ какъ съ 1814 года онъ всецѣло отдаетъ себя педагогической дѣятельности, поступивъ преподавателемъ въ морской корпусъ. Послѣ П. Я. Гамалѣя Давыдовъ былъ первымъ изъ питомцевъ Морского корпуса, посвятившимъ себя педагогической дѣятельности. Онъ преподавалъ здѣсь математическія науки: дифференціальное и интегральное счисленія, астрономію, навигацію, алгебру, механику, и въ теченіе 18-ти лѣтъ былъ при корпусѣ въ званіи ротнаго командира. Въ 1832 году его назначили инспекторомъ 1-го штурманскаго полуэкипажа. Состояніе этого училища было тогда крайне печально. Содержали воспитанниковъ скверно, обращались грубо, и главнымъ пособіемъ воспитанія были розги. Зато печальное внутреннее состояніе училища красиво маскировалось вытяжкой и батальонными ученіями, которымъ стали посвящать все болѣе и болѣе времени. Новый инспекторъ пришелъ на помощь наукѣ, которая отъ такого порядка

далеко не выигрывала; онъ замѣнилъ неспособныхъ преподавателей людьми знающими и умѣлыми наставниками, и такимъ образомъ упорядочилъ преподаваніе. Назначенный въ 1837 г. директоромъ училища, онъ получилъ большую свободу дѣйствій и докончилъ дѣло преобразованія училища. Августѣйшій Генералъ—Адмиралъ обратилъ вниманіе на его плодотворную дѣятельность и назначилъ его въ 1856 г. директоромъ Морского корпуса,, съ производствомъ въ вице-адмиралы. Найдя состояніе Морского корпуса далеко не блестящимъ, Давыдовъ началъ было и здѣсь свои преобразованія, но у него уже не хватило силъ и здоровья, чтобы довести это дѣло до конца. Чрезмѣрное напряженіе силъ не замедлило отразиться на его здоровьи, и онъ умеръ 19-го декабря 1857 года.

„А. К. Давыдовъ", ст. лейтенанта Зейделя, помѣщенная въ „Морскомъ Сборникѣ" 1858 года, №9 (сентябрь).

Давыдовъ, *Аѳанасій Романовичъ*, тайный совѣтникъ, главный начальникъ Оренбургскаго края съ 1759 г. по 1763 г. Давыдовъ не оставилъ никакихъ особенно памятныхъ фактовъ по управленію краемъ. Однако по отношенію къ киргизамъ онъ придерживался совсѣмъ не такой политики какъ его предшественникъ, И. И. Неплюевъ. Давыдовъ въ обращеніи съ киргизами и ихъ ханами держалъ себя очень высокомѣрно и, когда Нурали-ханъ съ братьями пріѣхалъ въ Оренбургъ, Давыдовъ принялъ ихъ холодно и не далъ никакихъ подарковъ, что въ то время считалось почти равносильнымъ оскорбленію. Политика Неплюева была направлена на то, чтобы поселить вражду между башкирами и киргизами, вызывать между ними внутреннюю-ненависть, и тѣмъ отвлечь ихъ отъ нападеній на русскихъ и обезпечить будущее благосостояніе края. Ханы, привыкшіе при Неплюевѣ ко всякаго рода подношеніемъ были такъ раздражены холоднымъ пріемомъ Давыдова, что не только дозволили своимъ киргизамъ грабить русскихъ, но и остановили караваны, шедшіе въ Оренбургъ. Давыдовъ твердо рѣшилъ не уступать и строго наказать виновныхъ хановъ и султановъ. Высшее правительство однако не одобрило политики Давыдова, которая могла повлечь за собою нежелательные для государства результаты, не позволило ему прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ и даже, имѣя въ виду задобрить киргизовъ, помимо Давыдова, назначило братьямъ Нурали-хана жалованье, а самому Нурали-хану продолжало исправно выплачивать денежное жалованье, назначенное ему еще по ходатайству Неплюева. Обстоятельства жизни Давыдова неизвѣстны.

„Военный Сборникъ" 1872 г., № 5, ст. Ф. Лобысевича: „Главные начальники Оренбургскаго края".—

Давыдовъ, *Вадимъ Денисовичъ*, младшій сынъ партизана Давыдова, р. 19 ноября 1832 г. По окончаніи воспитанія въ пажескомъ корпусѣ въ 1850 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ л. гв. конно-гренадерскій п.; затѣмъ онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба (въ то время Императорская военная академія), по окончаніи курса которой былъ причисленъ къ генеральному штабу, куда скоро переведенъ въ чинѣ капитана; будучи назначенъ на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ, онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ турокъ, былъ при штурмѣ крѣпости Карса (17 сентября 1855 г.), гдѣ получилъ контузію пулей въ правую ногу. Потомъ, занимая должность дивизіоннаго квартирмейстера, былъ въ дѣлахъ противъ горцевъ въ чеченскомъ отрядѣ. Произведенный за отличіе въ подполковники, Давыдовъ оставался нѣкоторое время въ распоряженіи начальника штаба кавказской арміи, а вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 7-й кавалерійской дивизіи (1860 г.), потомъ — 1-й гренадерской (1862), 2-й резервной и, наконецъ, 28-й пѣхотной дивизіи. Въ 1869 г. полковникъ Давыдовъ получилъ командованіе пѣхотнымъ калужскимъ короля прусскаго полкомъ, во главѣ котораго оставался 4 года, пока не былъ назначенъ сначала казанскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ, а затѣмъ начальникомъ казанскаго военнаго госпиталя; съ 1876 г. въ чинѣ генералъ-маіора онъ командовалъ 2-й бригады 3 пѣхотной дивизіи, однако болѣзненное состояніе его здоровья черезъ годъ заставило покинуть службу и выйти въ запасъ. Во время послѣдней турецкой войны (1877—78 гг.) Давыдовъ былъ прикомандированъ къ войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. † 20 мая 1881.

Изъ дѣлъ Общаго архива главнаго штаба, 1881 года. № 13679, связка 2807.

Давыдовъ, *Владиміръ Михайловичъ*, капитанъ-лейтенантъ въ отставкѣ, родился

въ 1788 г. и, по окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ 19-го мая 1801 года, былъ выпущенъ гардемариномъ въ балтійскій флотъ. Крейсируя на разныхъ судахъ по Балтійскому морю, Давыдовъ въ 1804 году былъ произведенъ въ мичманы, а въ 1806 г. на кораблѣ „Св. Петръ“ совершилъ плаваніе отъ Кронштадта въ Корфу и затѣмъ плавалъ по Адріатическому морю. Во время кампаніи съ 1807—1808 г., состоя на кораблѣ „Твердый“, Давыдовъ принималъ участіе при осадѣ крѣпости Тенедоса, а также въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ при Дарданеллахъ и у Аѳонской горы. Въ этихъ дѣлахъ онъ проявилъ мужество и былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Послѣ окончанія кампаніи Давыдовъ перешелъ на Лиссабонскій рейдъ, оттуда въ Портсмутъ, и затѣмъ въ 1809 году на англійскомъ транспортѣ возвратился въ Ригу. Въ 1810 г. 1-го марта Давыдовъ былъ произведенъ въ лейтенанты и плавалъ на люгерѣ „Ящерица“ въ Финскомъ заливѣ. Во время отечественной войны онъ находился на фрегатѣ „Архипелагъ“ и крейсировалъ съ 1812—1814 г.г. у береговъ Англіи, Голландіи и Франціи. 21-го мая 1816 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, В. М. Давыдовъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣньи, въ сельцѣ Колебакинѣ, Ржевскаго уѣзда. Здѣсь онъ всецѣло отдался сельскому хозяйству и занялся народнымъ образованіемъ. Онъ учредилъ двѣ школы: одну для взрослыхъ, а другую для деревенскихъ мальчиковъ, и самъ преподавалъ въ нихъ. Въ то время и дворяне были стѣснены въ образованіи своихъ дѣтей потому, что корпуса и гимназіи находились въ столицѣ, куда приходилось отправлять дѣтей въ самомъ юномъ возрастѣ и весьма плохо подготовленными. Давыдовъ горячо принялъ къ сердцу это горе родителей и взялся за подготовку дворянскихъ дѣтей своего уѣзда въ Морской корпусъ и другія учебныя заведенія. Все это онъ дѣлалъ безвозмездно съ необыкновеннымъ рвеніемъ и охотою. Не довольствуясь успѣхами учащихся въ преподаваемыхъ наукахъ, заставлялъ своихъ учениковъ черпать знанія чтеніемъ книгъ изъ его богатой библіотеки. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ воспитанники Давыдова сдѣлались славою Морского корпуса, и заслуги Давыдова въ этомъ отношеніи обратили на себя вниманіе бывшаго моряка, министра народнаго просвѣщенія кн. Ширинскаго-Шихматова, который завязалъ переписку съ Давыдовымъ и предлагалъ ему занять должность при министерствѣ. Однако Давыдовъ отказался отъ этого предложенія и только выхлопоталъ оффиціальное разрѣшеніе открыть у себя въ деревнѣ дворянскую школу. Такимъ образомъ въ Колебакинѣ было учреждено учебное заведеніе, въ которомъ воспитывалось 20 дворянскихъ дѣтей, безвозмездно получавшихъ образованіе и содержавшихся на счетъ Давыдова, который заботился о своихъ воспитанникахъ, какъ отецъ, и не жалѣлъ для нихъ ничего. Всѣ крѣпостные Давыдова были люди грамотные, обучались мастерствамъ, и многіе изъ нихъ впослѣдствіи сдѣлались его помощниками въ образованіи дѣтей. Двое изъ его крѣностныхъ мальчиковъ сдѣлались прекрасными землемѣрами и были имъ отпущены на волю, а одинъ сталъ даже преподавателемъ математики въ дворянской школѣ. Изъ крестьянскихъ дѣтей Давыдовъ составилъ прекрасный хоръ пѣвчихъ, а также учредилъ цѣлый оркестръ духовой музыки, для чего имъ были выписаны всѣ необходимые инструменты. Кромѣ этого, Давыдовъ много сдѣлалъ въ смыслѣ улучшенія быта своихъ крестьянъ и всѣхъ впослѣдствіи отпустилъ на волю, надѣливъ ихъ обильно землею. Умеръ Давыдовъ въ г. Ржевѣ въ 1849 году на 62-мъ году жизни, оставаясь вѣрнымъ своему дѣлу до послѣднихъ дней.

Формулярный списокъ, хранящійся въ гл. морскомъ штабѣ. — Общ. Морской Списокъ, т. VII. — „Странникъ“ 1866 г., № 4.

Давыдовъ, *Гавріилъ Ивановичъ*, путешественникъ, родился въ 1784 году, въ 1795 г. поступилъ кадетомъ въ Морской корпусъ. Въ 1796 г. Давыдовъ былъ первымъ по списку произведенъ въ гардемарины и совершилъ плаваніе отъ Кронштадта до береговъ Англіи. Будучи произведенъ въ 1798 году въ мичманы, онъ былъ въ плаваніи у тѣхъ же береговъ и въ Нѣмецкомъ морѣ. Въ 1802 г., по приглашенію лейтенанта Хвостова, Давыдовъ принимаетъ предложеніе Россійско-Американской компаніи ѣхать сухимъ путемъ въ Охотскъ и оттуда на суднѣ компаніи идти въ Америку. Изъ Охотска на шхунѣ „Св. Елизавета“ онъ перешелъ къ острову Кадьякъ, въ гавань св. Павла. Въ 1804 г.

Давыдовъ, вмѣстѣ съ Хвостовымъ, возвратился изъ Охотска въ Петербургъ. Здѣсь они снова поступили на службу компаніи, но въ этотъ 1804 г. добраться до Америки имъ не удалось: течь на ихъ суднѣ „Св. Марія“ заставила ихъ идти въ Петропавловскую гавань и здѣсь остаться на зимовку. Въ 1805 г. Давыдовъ и Хвостовъ, соединившись съ нашимъ посломъ въ Японіи, бывшимъ президентомъ компаніи, Резановымъ, миссія котораго успѣха не имѣла, плавали у береговъ Америки и прибыли въ Ново-Архангельскій портъ. Разсчитывая выместить на японцахъ неудачу своего посольства, Резановъ составилъ проектъ присоединенія Сахалина къ русскимъ владѣніямъ. Для этого былъ пріобрѣтенъ тендеръ «Юнона», отданный подъ команду Хвостова, и вновь построенъ тендеръ „Авось“, командиромъ котораго былъ назначенъ Давыдовъ. По данной Резановымъ инструкціи, Давыдовъ долженъ былъ плыть къ Сахалину и Матсмаю, здѣсь, въ Анивѣ, ждать возвращенія Хвостова съ его судномъ, отвозившимъ Резанова въ Охотскъ, а потомъ, вмѣстѣ съ Хвостовымъ, сдѣлать экспедицію на Сахалинъ. Но, сойдя на берегъ въ Охотскѣ, Резановъ послалъ Хвостову двусмысленное дополненіе къ своей инструкціи, которое можно было понимать и какъ отмѣну экспедиціи на Сахалинѣ, и какъ поощреніе ея. Истолковавъ новое приказаніе въ послѣднемъ смыслѣ, Давыдовъ и Хвостовъ поступили по инструкціи: Сахалина, правда, они не взяли, но въ отместку японцамъ разграбили два селенія. Въ Охотскѣ, куда Давыдовъ и Хвостовъ прибыли въ 1807 году, по окончаніи экспедиціи, они были арестованы; въ этомъ арестѣ большую роль играло не столько нарушеніе ими дисциплины (ихъ экспедиція сочтена была самовольною), сколько враждебное отношеніе къ нимъ начальника Охотскаго порта. Изъ-подъ ареста Давыдовъ и Хвостовъ бѣжали. Задержанные сначала въ Иркутскѣ, они были освобождены, и по прибытіи въ Петербургъ и, не подверглись никакому суду, хотя и вызвали косые взгляды начальства. По прибытіи въ Петербургъ Давыдовъ былъ командированъ въ Финляндію, гдѣ командовалъ канонерскими лодками. Не смотря на необыкновенную храбрость, выказанную Давыдовымъ и Хвостовымъ въ Финляндіи, по представленіи главнокомандующаго арміей графа Буксгевдена о награжденіи Давыдова орденомъ св. Владиміра 4-й степени, состоялась Высочайшая резолюція: „Неполученіе награжденія въ Финляндіи послужитъ симъ офицерамъ (Давыдову и Хвостову) въ наказаніе за своевольства противъ японцевъ“. Изъ Финляндіи Давыдовъ возвратился въ Петербургъ и здѣсь жилъ въ домѣ адмирала Шишкова, занимаясь обработкой своихъ записокъ о путешествіи. 4-го октября 1809 г. Давыдовъ вмѣстѣ съ Хвостовымъ возвращался съ Васильевскаго острова; мостъ былъ уже разведенъ. Разсчитывая, что они успѣютъ соскочить съ одного края моста на проходящую въ это время барку и потомъ съ барки вскочить на другой край моста, они оборвались, упали въ воду и утонули. Тѣла ихъ не были найдены. О смерти ихъ долго говорили въ Петербургѣ. Давыдовъ успѣлъ обработать только записки о первомъ своемъ путешествіи въ Америку. Эти записки были изданы Шишковымъ въ 1810 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова, писанное симъ послѣднимъ. Ч. I. 1810 г.» Вторая часть, изданная въ 1812 г., содержитъ статьи, заключающія въ себѣ описаніе Кадьяка и жителей онаго. Въ запискахъ Давыдова собрано много этнографическаго и словарнаго матеріаловъ. Словарный матеріалъ выбранъ Крузенштерномъ и напечатанъ въ его трудѣ.

Извлеченіе изъ книги Давыдова въ „Матеріалахъ для исторіи русскаго заселенія по берегамъ Восточнаго океана», Спб., вып. 4. Біографическія данныя: 1) въ „Общемъ морскомъ спискѣ“, т. V. стр. 69—70; 2) въ предисловіи Шишкова къ книгѣ Давыдова I—XLV. (Перепечатано съ добавленіями изъ «Русскаго Вѣстника» 1809 г. VIII, 3) въ „Воспоминаніяхъ“ Булгарина, ч. II.

Давыдовъ, *Денисъ Васильевичъ*, потомокъ Минчака Касаевича, изъ числа выходцевъ Золотой орды, который считается родоначальникомъ рода Давыдовыхъ, родился 16 іюля 1784 г. въ Москвѣ. Въ 1793 г., отецъ его командовалъ полтавскимъ легкоконнымъ полкомъ, который представился на смотръ Суворову. Оставшись доволенъ полкомъ, Суворовъ принялъ приглашеніе командира полка и заѣхалъ къ нему на домъ. Шутя съ мальчикомъ, которому было въ то вре-

мя 9 лѣтъ, онъ при отъѣздѣ перекрестилъ его и сказалъ: — „Ты выиграешь три сраженія!“ Слова эти запали въ душу рѣзваго мальчика,только и мечтавшаго о саблѣ да о конѣ, которыя были его любимыми игрушками. Но, продолжая свои забавы, мальчикъ прилежно учился, причемъ и на его свѣтское воспитаніе обращалось тщательное вниманіе. Ловкость въ танцахъ, хорошія манеры и, вообще, свѣтскій лоскъ имъ усвоивались легко. Такъ, до 17-лѣтняго возраста, Давыдовъ провелъ дѣтство въ деревнѣ, не забывая ученія и любя веселиться. Подходило время поступить на службу. Въ началѣ 1801 года онъ прибылъ въ Петербургъ, желая опредѣлиться въ кавалергардскій полкъ, какъ самый блестящій кавалерійскій гвардейскій полкъ, въ который выбирались рослые и видные нижніе чины. Но Давыдовъ былъ роста небольшого, хотя крѣпкаго сложенія, и это обстоятельство служило препятствіемъ его зачисленія въ кавалергарды. Только 28 сентября 1801 г. онъ успѣлъ, наконецъ, поступить въ этотъ полкъ эстандартъ-юнкеромъ, такъ какъ получилъ лишь домашнее образованіе и не былъ подготовленъ къ военной службѣ. Этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи Давыдовъ самъ сознавалъ и рѣшился пополнить его со свойственною ему энергіей. Счастливыя умственныя способности облегчили дѣло. Въ особенности полюбилъ Давыдовъ военную исторію. Примѣры личной храбрости, воинской доблести и великодушія, пренебреженіе къ личной опасности для спасенія другихъ увлекали до страсти юное воображеніе. Находясь въ такомъ настроеніи, Давыдовъ обстоятельно изучилъ исторію всѣхъ войнъ, какъ временъ отдаленныхъ, такъ въ особенности, и новѣйшихъ и, въ этомъ отношеніи, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ военныхъ людей своего времени. Обладая пылкимъ воображеніемъ и сарказмомъ, Давыдовъ любилъ поэзію вообще и часто самъ, въ свободныя минуты, набрасывалъ, иногда экспромтомъ, стишки изъ военнаго быта, задѣвая ѣдкой сатирой все и всѣхъ, что̀ казалось ему смѣшнымъ. Стишки эти вызывали веселый смѣхъ у его товарищей, и озлобляли тѣхъ, которые узнавали себя въ сатирѣ; это и не обходилось юному поэту безъ непріятныхъ послѣдствій. 9-го сентября 1802 г. Давыдовъ былъ произведенъ въ корнеты, 2-го ноября 1803 г. въ поручики, а 13 сентября 1804 г., за свои сатирическіе стихи, переведенъ изъ кавалергардскаго полка въ новосформированный тогда Бѣлорусскій гусарскій (потомъ гусарскій короля нидерландскаго) полкъ, стоявшій тогда въ кіевской губ., въ окрестностяхъ Звенигородки.

Переходъ отъ блестящей петербургской жизни къ Звенигородкѣ, съ ея деревенской простотою, притомъ наканунѣ событій 1805 г., когда вся гвардія принимала участіе въ послѣдовавшихъ съ 1805—1807 гг. войнахъ съ Наполеономъ, сильно не нравился Давыдову. Онъ замкнулся въ свою полковую семью, избравъ нѣсколькихъ друзей между товарищами, съ которыми и дѣлилъ постоянно свое время и— „пустился плясать съ польками мазурку“, какъ говорилъ онъ. Къ этому времени относится нѣсколько его стихотвореній. Одно изъ нихъ: „Призывъ Бурцову на пуншъ“ превосходно изображаетъ мирную жизнь гусара того времени. Это характерное посланіе начинается словами:

«Бурцовъ, ера, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака,
Посѣти домишко мой!»

Въ Бѣлорусскомъ полку Давыдовъ оставался недолго, и 4 іюля 1806 года былъ переведенъ въ гвардейскій гусарскій полкъ, стоявшій въ Павловскѣ. Въ Бѣлорусскомъ полку, при его мирной стоянкѣ, Давыдовъ нашелъ, по его же словамъ, „болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали...“ Тамъ всѣ были „всегда веселы и всегда на-веселѣ!.. “Такая жизнь не удовлетворяла сожигаемаго честолюбіемъ юношу. Вернувшись въ гвардію, только-что возвратившуюся съ полей сраженій, онъ говорилъ:„ Отъ меня пахло молокомъ—отъ нея несло порохомъ; я говорилъ о моемъ рвеніи—мнѣ показывали раны“.

Но вотъ въ концѣ 1806 г. Россія снова начинаетъ войну съ Наполеономъ. Фельдмаршалъ графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, несмотря на его старость, былъ назначенъ главнокомандующимъ арміи, выставленной противъ Наполеона. Не имѣя рекомендаціи и сгорая лишь желаніемъ попасть на войну, гусарскій поручикъ Давыдовъ, въ четвертомъ часу *по полуночи* 16

ноября, является безъ доклада къ фельдмаршалу, заявляя, что имѣетъ настоятельную потребность его видѣть. Давыдовъ самъ разсказываетъ подробности этого, болѣе чѣмъ страннаго обращенія къ фельдмаршалу, который, придя въ понятное изумленіе отъ подобной выходки, спросилъ: „Да кто вы такой?“ Тотъ назвалъ себя.—„Какой Давыдовъ?“ Узнавъ имя отца Давыдова, фельдмаршалъ смягчился, припомня свою пріязнь къ отцу и даже къ дѣду Давыдова, и обѣщалъ ему назначеніе въ арміи, что и послѣдовало 3-го января 1807 г.: его назначили адъютантомъ къ кн. Багратіону, который командовалъ авангардомъ дѣйствующей арміи, что наиболѣе согласовалось съ желаніемъ Давыдова—быть ближе къ непріятелю.

Произведенный 14 января, по старшинству, въ штабъ-ротмистры, Давыдовъ прибылъ въ Морунгенъ, къ началу выступленія арміи въ походъ. 24 января онъ уже участвовалъ въ дѣлѣ подъ Вольфсдорфомъ и впервые „окурился порохомъ“, по его словамъ. Но въ этомъ-же первомъ боевомъ крещеніи личная отвага едва не стоила ему плѣна, о чемъ онъ разсказываетъ въ своей статьѣ: „Урокъ сорванцу“. Какъ извѣстно, сбивчивыя и нерѣшительныя распоряженія фельдмаршала, который не могъ даже сидѣть на конѣ, безцѣльное передвиженіе войскъ съ мѣста на мѣсто, причемъ они лишь заграждали другъ другу путь, все это было до того ни съ чѣмъ не сообразно, что Наполеонъ, имѣвшій всю свою армію въ полномъ сборѣ, могъ-бы нанести намъ страшный ударъ. Но эта-то путаница и спасла нашу армію: получая вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ и не понимая ихъ смысла, Наполеонъ пріостановилъ готовившееся наступленіе до полученія новыхъ свѣдѣній, могущихъ ему разъяснить наши цѣли и намѣренія. Удобное для него время было потеряно, а, между тѣмъ, главное начальство надъ русской арміей передано генералу Беннигсену, который сумѣлъ дать нашимъ операціямъ опредѣленное направленіе. Бывшій авангардъ кн. Багратіона обратился теперь въ арріергардъ нашей арміи, и, подъ его защитою, армія наша могла отступить черезъ Ландсбергъ къ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ въ двухдневномъ боѣ, 26 и 27 января, не только дала сильный отпоръ Наполеону, но и заставила его измѣнить начертанный имъ планъ кампаніи. Въ этомъ бою у насъ было убито и ранено до 26.000 чел., а французы потеряли еще больше. Только потому, что Беннигсенъ отступилъ далѣе, Наполеонъ приписывалъ себѣ побѣду; мы-же съ бо̀льшимъ основаніемъ приписываемъ ее себѣ, такъ какъ нашъ планъ, послѣ боя, не измѣнился, Наполеонъ-же долженъ былъ значительно измѣнить свои предположенія. Находясь неотлучно при кн. Багратіонѣ, Давыдовъ былъ, слѣдовательно, въ самыхъ опасныхъ пунктахъ боя.—„Чертъ знаетъ, какія тучи ядеръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, рыли по всѣмъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, и какія тучи гранатъ лопались надъ моею головою и подъ ногами моими! То былъ широкій ураганъ смерти...“ говоритъ онъ по поводу эйлауской битвы. То же можно сказать и о другихъ, хотя и не столь кровопролитныхъ битвахъ 1807 г. какъ при Гутштадтѣ (25 мая), подъ Деппеномъ (26) и въ боѣ при Гейльсбергѣ (29 мая), гдѣ русскіе также имѣли право считать себя побѣдителями. 2-го іюня произошелъ случайный и крайне кровопролитный бой при Фридландѣ. Страдая сильнымъ припадкомъ каменной болѣзни, Беннигсенъ, почти въ безсознательномъ состояніи пріѣхалъ въ Фридландъ, имѣя въ виду найти тамъ ночью удобное помѣщеніе для себя. Для его охраны въ мѣстечко были введены нѣкоторыя части войскъ арміи, долженствовавшей продолжать отступленіе на Тильзитъ. Мѣстность у Фридланда чрезвычайно невыгодна была для насъ въ тактическомъ отношеніи, чѣмъ Наполеонъ не упустилъ случая воспользоваться и принудилъ насъ къ бою. Доблесть русскаго солдата и боевыя качества такихъ генераловъ, какъ кн. Багратіонъ, на долю котораго выпало опять самое трудное дѣло: своею стойкостью дать возможность остальнымъ войскамъ переправиться зъчере рѣку, бывшую у нихъ въ тылу,—дали однако возможность избѣжать окончательной катастрофы. Наибольшія потери выпали и тутъ на войска кн. Багратіона.

За отличія въ дѣлахъ 1807 г. Давыдовъ получилъ ордена: св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, св. Анны 2-й ст., золотую саблю съ надписью: „за храбрость“, прусскій крестъ—„за заслуги“. золотой крестъ, установленный за эйлауское сраженіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на заклю-

ченіе тильзитскаго мира. Видя въ русской арміи опаснаго врага, Наполеонъ предпочелъ вступить въ дружескія отношенія съ Императоромъ Александромъ и заключить съ нимъ тѣсный союзъ. Война 1807 года окончилась. Оставаясь адъютантомъ кн. Багратіона, Давыдовъ возвратился въ Петербургъ и скоро поѣхалъ въ отпускъ въ Москву, гдѣ предался вполнѣ шумной, свѣтской жизни. Но въ началѣ 1808 г., уже готовилась новая война на сѣверѣ—война въ Финляндіи. Кн. Багратіонъ съ его отрядомъ долженъ былъ занять г. Або съ 21 пѣх. дивизіей, тогда какъ главныя военныя дѣйствія происходили уже въ сѣверной части Финляндіи, куда отступали шведскія и финскія войска. Давыдовъ, при первыхъ слухахъ о войнѣ, поспѣшилъ изъ Москвы и прибылъ въ Або, гдѣ никакихъ военныхъ дѣйствій не предвидѣлось, и гдѣ оставалось только „веселиться“. Поэтому Давыдовъ просилъ о назначеніи его къ Раевскому и Кульневу, преслѣдовавшимъ непріятеля на сѣверѣ Финляндіи, по направленію къ Улеаборгу. Кульневъ находился въ авангардѣ арміи, куда и назначенъ былъ Давыдовъ. Находясь постоянно при Кульневѣ, съ которымъ братски подружился, Давыдовъ участвовалъ въ дѣлахъ при Пихаіоки и Сикаіоки, откуда началось отступленіе нашихъ войскъ. 12 апрѣля, ему, съ эскадрономъ гусаръ и сотнею казаковъ, было поручено сдѣлать поискъ на Карлое, что̀ онъ и исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ; затѣмъ, подъ начальствомъ Кульнева, онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Лаппо (26 іюня), у Перхо (28 іюня) и снова при Лаппо 1-го и 2-го іюля.

По прибытіи новаго главнокомандующаго, гр. Каменскаго 2-го, назначеннаго вмѣсто Раевскаго, Давыдовъ участвовалъ въ дѣлахъ приКухаламби, въ преслѣдованіи непріятеля до Куортане, и въ упорномъ боѣ при этомъ мѣстечкѣ 20 августа, закончившагося дѣломъ при Сальми, только на третій день, 22 августа. Наконецъ, 2-го сентября, произошелъ упорный бой при Оравайсѣ, гдѣ Кульневъ, не дождавшись приближенія главныхъ силъ, бывшихъ отъ него въ разстояніи перехода, аттаковалъ непріятеля съ однимъ своимъ авангардомъ, ранѣе назначеннаго ему для аттаки часа, и тѣмъ едва не испортилъ дѣла. Несмотря на чудеса храбрости, онъ долженъ былъ отступить, и только прибытіе главныхъ силъ дало возможность поправить дѣло, и преслѣдовать шведовъ далѣе Гамле-Камлеби. Затѣмъ послѣдовала Олькіоская конвенція, по которой Финляндія была уступлена Россіи. Но война съ Швеціей не была закончена. Въ мартѣ 1809 г., рѣшено было перенести войну въ предѣлы самой Швеціи, для чего отрядъ кн. Багратіона получилъ приказаніе двинуться по льду Ботническаго залива и занять Аландскіе острова. Давыдовъ поспѣшилъ возвратиться къ кн. Багратіону и особенно отличился при овладѣніи островомъ Бене. Природа Финляндіи, съ ея озерами и дикими скалами, гдѣприходилось быть и „въ снѣгу по колѣно“ зимою, и „на раскаленныхъ лѣтнимъ зноемъ скалахъ“ лѣтомъ произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на поэтическую натуру Давыдова „Послѣ жизнь уже не дышала для меня такою поэзіею!“ говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Одновременно съ войною на сѣверѣ велась война Россіи съ Турціей, начавшаяся еще въ 1806 году. Въ 1809 году, главнокомандующій русскими войсками въ Турціи, престарѣлый кн. Прозоровскій, былъ замѣненъ кн. Багратіономъ, какъ только закончилась война съ Швеціей. Давыдовъ, какъ адъютантъ кн. Багратіона, отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Турцію и участвовалъ въ дѣлахъ при взятіи Мачина и Гирсова, въ боѣ при Рассеватѣ и при блокадѣ крѣпости Силистріи. Въ слѣдующемъ году, графъ Каменскій 2-й, герой шведской войны, былъ назначенъ главнокомандующимъ нашей арміи въ Турціи, и Давыдовъ просилъ оставить его при Кульневѣ, съ которымъ сблизился еще въ 1807 г. въ Восточной Пруссіи, а въ 1808 и 1809 гг. въ Финляндіи и затѣмъ въ 1810 г. въ Турціи. Пріязнь эта „достигла истинной, такъ сказать, задушевной дружбы“, которая продолжалась всю жизнь. Принимая участіе въ бояхъ при взятіи крѣпости Силистріи и при блокадѣ Шумлы въ 1810 г., Давыдовъ былъ награжденъ брилліантовыми украшеніями къ ордену св. Анны 2-й ст., но, послѣ неудачнаго штурма Рущука, когда, въ виду ожидавшейся новой войны съ Наполеономъ, было приступлено къ замиренію съ Турціей, возвратился къ кн. Багратіону, получившему начальство надъ арміей, собранной на Волыни и въ Подоліи, съ главной квартирой въ Житомирѣ. Съ наступленіемъ 1812 г.,

когда война съ Франціей считалась неизбѣжной, гвардіи ротмистръ Давыдовъ просилъ о переводѣ его въ Ахтырскій гусарскій полкъ, предназначавшійся въ передовыя войска, для предстоящихъ военныхъ дѣйствій противъ французовъ. 8 апрѣля 1812 г., Давыдовъ былъ переименованъ въ подполковники и назначенъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, расположенный въ окрестностяхъ Луцка, получивъ въ команду 1-й баталіонъ полка (въ полку было 2 баталіона, по 4 эскадрона въ каждомъ). 18 мая Ахтырскій полкъ выступилъ въ походъ къ Брестъ-Литовску, въ авангардѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта, кн. Васильчикова. Между тѣмъ, арміи Наполеона, дурно обезпеченныя средствами продовольствія, питались мародерствомъ и реквизиціями; но жители разбѣгались, брать было нечего, а продовольственные транспорты двигались безъ охраны, которую трудно было организовать на громадной тыловой базѣ непріятеля, уже приближавшагося къ Смоленску. Это обстоятельство и получаемыя свѣдѣнія о непрочности тыловой базы французовъ, внушили подполковнику Давыдову мысль просить въ свое распоряженіе особую команду доброконныхъ кавалеристовъ, для поисковъ на тылъ французскихъ войскъ, съ цѣлью уничтоженія ихъ продовольственныхъ транспортовъ. Горячо преслѣдуя эту цѣль, Давыдовъ обратился къ кн. Багратіону съ просьбою, о дозволеніи доложить ему свои мысли о партизанской войнѣ. Августа 21 онъ былъ принятъ кн. Багратіономъ и, между прочимъ, сказалъ ему: „Что дѣлаютъ толпы казаковъ при авангардѣ? (т. е. передъ фронтомъ противника). Пустите часть ихъ въ средину каравана, слѣдующаго за Наполеономъ: они истребятъ источники силы и жизни непріятельской арміи“. Мысль эта понравилась кн. Багратіону, и онъ доложилъ о томъ Кутузову, который, соглашаясь съ предложенною ему мыслью, но признавая опасность ея выполненія, дозволилъ употребить для этой цѣли только 50 чел. гусаръ и 150 казаковъ; но въ дѣйствительности Давыдову дали только 50 гусаръ и 80 казаковъ. Давыдовъ доказывалъ, что этого слишкомъ мало, чтобы сдѣлать что-нибудь замѣтное.—„Дайте мнѣ 1000 казаковъ, говорилъ онъ, и вы увидите что будетъ!“—„Я далъ-бы тебѣ съ перваго раза 3000, ибо не люблю ощупью дѣла дѣлать“, сказалъ кн. Багратіонъ. Но всегда осторожный Кутузовъ, опасаясь за судьбу выдѣляемой въ тылъ непріятеля партіи, рѣшился не увеличивать ея состава. Такимъ образомъ Давыдову принадлежитъ и мысль и ея первое примѣненіе, въ вопросѣ о развитіи партизанскихъ дѣйствій въ 1812 г., направленныхъ на коммуникаціонные пути непріятеля, что такъ сильно вліяло потомъ на бѣдственный для французовъ исходъ этой кампаніи, особенно съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ.

Партизанская война развивалась чрезвычайно успѣшно. Получивъ разрѣшеніе, Давыдовъ предпринялъ обходное движеніе на Медынь и появился въ тылу французовъ въ селѣ Скугоревѣ. Пораженные появленіемъ русскихъ мундировъ среди французскихъ войскъ, мѣстные жители были увѣрены, что это переодѣтые французы, и прежде чѣмъ убѣдились въ противномъ, встрѣчали партію и отдѣльныхъ отъ нея лицъ, выстрѣлами или ударомъ топора. Этому недоразумѣнію не мало способствовала и гусарская форма, въ которой являлся передъ жителями и самъ Давыдовъ и бывшіе при нихъ гусары, мундиры которыхъ—„даютъ на ихъ одежду схоже, а у нихъ всякаго сбора люди есть“—говорили они. Поэтому Давыдовъ отпустилъ бороду и надѣлъ крестьянскій зипунъ и въ такомъ видѣ заручился полнымъ довѣріемъ жителей, совѣтуя имъ нападать на непріятельскія небольшія партіи и сообщать ему о всѣхъ движеніяхъ противника. Результаты не замедлили появиться. Такъ, 2-го сентября, въ тотъ день когда Наполеонъ вступалъ въ Москву, Давыдовъ узналъ, что въ селѣ Токаревѣ находятся французскіе мародеры. Налетѣвъ на нихъ, разбилъ прикрытіе, охранявшее обозъ съ награбленными у жителей припасами, отбилъ все награбленное и взялъ 90 чел. въ плѣнъ. Въ тотъ-же день онъ отбилъ другой обозъ и захватилъ въ плѣнъ 70 чел., затѣмъ вечеромъ того-же числа онъ уже появился у Царева-Займища, гдѣ дневалъ слѣдовавшій въ Москву непріятельскій транспортъ, подъ прикрытіемъ 250 чел. конницы. Внезапнымъ нападеніемъ Давыдовъ отбилъ транспортъ, взялъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 119 рядовыхъ, а также 10 фуръ съ провіантомъ и одну съ патронами. Раздавая жителямъ ружья отъ плѣнныхъ и отбитые патроны, выбралъ нѣсколькихъ

лицъ потолковѣе и объяснилъ имъ, что они должны нападать на отдѣльно встрѣчаемыхъ французовъ и мелкія партіи противника, а передъ сильными партіями отступать въ разныхъ направленіяхъ, съ цѣлью раздробить непріятеля на мелкія партіи, завлекать въ засады и т. п. Почти не проходило дня, чтобы гдѣ-нибудь не былъ отбитъ или непріятельскій транспортъ, или обозъ съ награбленнымъ французами провіантомъ. Случалось приводить въ плѣнъ разомъ до 250 чел. Образовались по пути отступленія французской арміи другіе партизанскіе отряды: графа Орлова-Денисова, Сеславина, Фигнера и др., которые соединялись иногда вмѣстѣ, составляя отрядъ до 1200 и болѣе человѣкъ. 27 октября, подъ Ляховцами, они присоединились къ отряду гр. Орлова-Денисова, состоявшему изъ псковскаго драгунскаго полка и 6 казачьихъ полковъ, атаковали отрядъ генерала Ожеро и принудили его сдаться, съ 2000 рядовыхъ и 60 офицерами. Вслѣдъ затѣмъ Кутузовъ усилилъ отрядъ Давыдова двумя казачьими полками, что̀ придало еще больше самостоятельности его дѣйствіямъ. Подъ Краснымъ партизаны взяли въ плѣнъ генераловъ Альмерона и Бюрта, множество обозовъ и до 200 нижнихъ чиновъ. 9 ноября Давыдовъ напалъ при Копысѣ на непріятельскій кавалерійскій складъ, охраняемый 3000 чел., разбивъ ихъ на-голову, овладѣвъ складомъ и, взявъ 285 чел. въ плѣнъ, *вплавь* переправился черезъ Днѣпръ и выслалъ партіи къ Шклову и Староселью. Послѣ переправы черезъ Березину, Кутузовъ поручилъ Давыдову сдѣлать быстрый набѣгъ на Гродно и захватить собранные тамъ припасы, подъ охраною 4,000 отряда венгерцевъ при генералѣ Фрейлихѣ, изъ корпуса кн. Шварценберга. Давыдовъ послалъ Фрейлиху письмо, предлагая сдать городъ. Полагая, что отрядъ Давыдова есть авангардъ русской арміи, австрійскій генералъ сдалъ Гродно, со всѣми запасами цѣнностію, болѣе чѣмъ на милліонъ рублей. За свои подвиги въ 1812 году, Давыдовъ былъ награжденъ орденами: св. Георгія 4-й ст. за дѣло при Копысѣ, и за другія дѣла чиномъ полковника, и орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1813 году, по переходѣ черезъ границу, отрядъ полковника Давыдова вошелъ въ составъ корпуса генералъ-адъютанта Винценгероде, и участвовалъ въ пораженіи подъ Калишемъ саксонцевъ 1 февраля. Привыкнувъ къ самостоятельности своихъ дѣйствій, онъ, не испросивъ особаго разрѣшенія, сдѣлалъ съ казаками набѣгъ на столицу Саксоніи, Дрезденъ, и занялъ половину ея (Нейштадтъ), 10 марта, заключивъ капитуляцію съ французскимъ генераломъ Дюрютомъ. Это сочли самовольствомъ, и Давыдовъ былъ лишенъ командованія отрядомъ. Но, говоритъ онъ, „справедливость царя покровителя была щитомъ безпокровнаго“. Такого бойца, какъ Давыдовъ, нельзя долго держать безъ дѣла, и его вскорѣ отправили въ отрядъ генералъ-маіора Ланскаго, удаливъ изъ корпуса Винценгероде, который самъ собирался было овладѣть Дрезденомъ и не могъ простить предупредившему его въ этомъ дѣлѣ Давыдову. Состоя въ отрядѣ Ланского, Давыдовъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Пределемъ, Гартой, Эдорфомъ, Насеномъ, Юбигау, Дрезденомъ (27 апр.), Бауценомъ, Рейхенбахомъ и въ другихъ дѣлахъ, до заключенія перемирія. По возобновленіи военныхъ дѣйствій 15 августа, онъ снова участвуетъ въ дѣлахъ и бояхъ: подъ Ріотау, Люценомъ, Цейцомъ, Альтенбургомъ, Пенигомъ, Хемницомъ, Наумбургомъ, въ битвѣ подъ Лейпцигомъ (4 и 6 окт.), Кезеномъ, и почти во всѣхъ авангардныхъ дѣлахъ, до береговъ Рейна, получивъ за то Высочайшее благоволеніе. Въ 1814 г., въ предѣлахъ Франціи, Давыдовъ командовалъ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и находился при арміи прусскаго фельдмаршала Блюхера, и участвовалъ съ своимъ полкомъ въ дѣлахъ при Бріеннѣ и Ларотьерѣ, за которое послѣ (21 дек. 1815 г.) былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Затѣмъ былъ въ дѣлахъ при Монмиралѣ, Шато-Тіери, Меро, Эперне; въ трехдневномъ бою при Лаонѣ и подъ Фершампенуазомъ, и наконецъ послѣ битвы при Краонѣ, командуя гусарской бригадою, вступилъ 19 марта, вмѣстѣ съ другими войсками, въ Парижъ. По возвращеніи въ предѣлы Россіи, Давыдовъ отправился въ отпускъ въ Москву и затѣмъ состоялъ, въ 1815 г., при начальникѣ 1-й драгунской дивизіи, потомъ, въ 1816 г., при начальникѣ 2-й конно-егерской дивизіи, при начальникѣ 2-й гусарской дивизіи; 7 ноября назначенъ командиромъ 1-й бригады той-же дивизіи; 19 февр. 1818 г. назначенъ начальникомъ штаба 7-го пѣх. корпуса, а въ 1819 г. на таковую-же должность въ 3-мъ пѣхот.

корпусѣ; а 14 ноября 1823 г., за болѣзнью, уволенъ отъ службы съ мундиромъ.

Частыя служебныя перемѣщенія Давыдова показываютъ, что онъ не находилъ себѣ мѣста для служебной дѣятельности въ мирное время. Живя въ деревнѣ или въ Москвѣ, онъ занялся составленіемъ записокъ, посвященныхъ партизанской войнѣ, съ цѣлью показать ея важное значеніе на ходъ стратегическихъ операцій цѣлыхъ армій. Этотъ свой первый научный трудъ: „Опытъ о партизанахъ"—Давыдовъ посвятилъ имени Императора Александра I съ надписью на рукописи: „Je ne suis qu'un soldat et je n'ai que du zèle". Эта рукопись хранится въ библіотекѣ главнаго штаба и въ 1821 году вошла въ изданное въ Москвѣ болѣе обширное сочиненіе Давыдова подъ названіемъ: „Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія". Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ говоритъ: „Занимаясь словесностію на конѣ и въ куреняхъ солдатскихъ, я чувствую, сколь необходимы для меня совѣты писателей. Вижу также, что многіе изъ предложеній моихъ требуютъ и дополненія, и развитія, а можетъ быть и совершеннаго исключенія. Прошу всякаго, кто не равнодушенъ къ пользѣ службы, объявить мнѣ замѣчанія свои въ журналахъ или письмами. Онъ чрезъ то удостоитъ меня сотрудничествомъ въ усовершенствованіи одной изъ немаловажныхъ отраслей военнаго искусства, болѣе приличной Россійскимъ, нежели другихъ государствъ легкимъ войскамъ". Не смотря на такую скромность писателя, въ 1-й части названнаго труда (взятой изъ рукописи, о которой мы говорили), весьма обстоятельно изложены партизанскія дѣйствія въ войнахъ — 1618, 1742, 1809 и 1812 гг. Въ двухъ остальныхъ частяхъ изложены системы партизанскихъ дѣйствій, трактуется и о прикрытіи тыла арміи. Это сочиненіе сразу выдвинуло Давыдова въ ряды талантливыхъ писателей по военному искусству, доказавъ его начитанность и оригинальность мышленія въ примѣненіи теоріи къ практикѣ. Давыдовъ доказывалъ, что Россія имѣетъ огромное преимущество въ организаціи казацкихъ войскъ, мало стоящихъ казнѣ, способныхъ къ быстрымъ передвиженіямъ и отважнымъ по натурѣ и представляющихъ громадную боевую силу, способную дѣйствовать на сообщеніе непріятельской арміи, важную для рекогносцировокъ и прикрытія собственнаго тыла арміи. Мысль эта высказывалась настойчиво въ статьяхъ Давыдова въ „Отеч. Запискахъ" гдѣ онъ помѣщалъ „Дневникъ партизанскихъ дѣйствій" своихъ. Высказанныя знаменитымъ партизаномъ мысли пріобрѣтаютъ даже теперь все большее число сторонниковъ, и въ послѣднее время, создается новая боевая сила изъ киргизской конницы, организуемой по образцу казацкой и стольже пригодной для партизанской войны, принесшей столько пользы русскимъ войскамъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Понятно поэтому, что Давыдовъ былъ глубоко пораженъ словами Наполеона, въ его корреспонденціи, гдѣ онъ отрицаетъ пользу, принесенную намъ нашими партизанами въ борьбѣ съ французами. Это вызвало въ 1825 году отвѣтъ Давыдова, вышедшій отдѣльною книжкою (65 страницъ) подъ названіемъ: „Разборъ трехъ статей въ Запискахъ Наполеона". Въ этихъ „Запискахъ Наполеона" между прочимъ сказано: „Ни одинъ больной, ни одинъ отсталый, ни одна эстафета, ни одинъ подвозъ не были взяты въ теченіе кампаніи отъ Майнца до Москвы; не проходило дня безъ полученія извѣстій изъ Франціи, не проходило дня безъ того, чтобы Парижъ не получалъ писемъ изъ арміи". Далѣе Наполеонъ говоритъ, что „во время движенія на Москву онъ никогда не имѣлъ въ тылу своемъ непріятеля. Во время двадцати-дневнаго пребыванія въ Москвѣ ни одна эстафета; ни одинъ транспортъ съ зарядами не были перехвачены; ни одна укрѣпленная почтовая станція не была атакована; артиллерійскіе транспорты и военныя повозки дошли безпрепятственно". Наконецъ, въ тѣхъ-же корреспонденціяхъ Наполеона говорится: „Во время Аустерлицкой, Іенской, Фридландской и Московской кампаній ни одна эстафета не была перехвачена, ни одинъ обозъ съ больными не былъ взятъ". Противъ этихъ-то словъ и возражалъ Давыдовъ, какъ партизанъ 1812 года: „Я считаю себя", говоритъ онъ, „рожденнымъ единственно для рокового 1812 года". Извѣстно, что Наполеонъ даже неудачи свои любилъ объявлять оффиціально побѣдами и не стѣснялся вводить Францію въ заблужденіе. Даже походъ его изъ Москвы 1812 г., онъ объявлялъ „перемѣною квартиры арміи, такъ какъ для зимы русскія жилища не пригодны". Французы ему вѣрили, потому что не смѣли не вѣ-

рить, да и не хотѣли изъ патріотизма. Но Давыдовъ, считая „дерзостью“ опровергать голословно великаго человѣка, приводитъ изъ французскихъ-же бюллетеней доказательства, что дѣйствія русскихъ партизановъ въ 1812 г. наносили большой вредъ французской арміи. То же, по его словамъ, можно сказать и о дѣйствіяхъ нашихъ партизанскихъ партій въ 1807 въ восточной Пруссіи, хотя дѣйствія этихъ партій были дѣломъ лишь частной иниціативы и не входили въ разсчеты главнокомандующихъ. Такъ, въ декабрѣ 1806 года, Беннигсенъ, послѣ сраженія при Пултускѣ, двинулся къ нижней Вислѣ противъ корпуса Бернадота, занимавшаго Эльбингъ. Наполеонъ, оставивъ въ январѣ 1807 г. Варшаву, двинулся за Беннигсеномъ, намѣреваясь опрокинуть его въ Фришъ-Гафѣ. „Но“, говорится въ самихъ корреспонденціяхъ Наполеона — „казаки схватили офицера главнаго штаба Бертье; взятыя на немъ депеши извѣстили о движеніи“, и Беннигсенъ отступилъ къ Аленштейну. Тоже было сказано и въ Монитерѣ, официальномъ органѣ войны; „начальникъ главнаго штаба (Бертье) извѣщалъ Бернадота о намѣреніи императора и предписывалъ ему отступать до самаго Торна, чтобы заманить далѣе непріятеля. Посланный офицеръ былъ схваченъ казаками и не успѣлъ уничтожить депешъ“. Были перехвачены и другіе курьеры, между прочимъ, Монтескіу, ординарецъ Наполеона, и въ томъ-же 1807, году при Гутштадтѣ (24 мая) и при Анкендорфѣ (25 мая), не только больные корпуса Нея, но обозы, паркъ, канцелярія и экипажъ Нея достались въ добычу казаковъ Платова, переплывшихъ р. Алле и Пасаргу. Въ 78 бюллетенѣ французской арміи о дѣлѣ при Анкендорфѣ сказано: „нашъ уронъ состоялъ изъ 160 чел. убитыхъ, 200 раненыхъ и 250 взятыхъ въ плѣнъ. Большая часть послѣднихъ были схвачены казаками, которые поутру, прежде аттаки, прошли въ тылъ арміи“. Кромѣ того, въ 53 бюллетенѣ говорится, что, проѣздомъ черезъ Штеттинъ, генералъ Викторъ, командиръ 2-го корпуса арміи и его адъютантъ,—„были схвачены партіею производившей въ той сторонѣ поиски и состоявшей изъ 25 гусаръ“. Въ 60 бюллетенѣ сказано, что 3000 плѣнныхъ русскихъ, близъ Вилленберга, были освобождены партіею казаковъ изъ 1000 чел. Но и это далеко не все. 13-го января Бернадотъ, разбивъ нашъ авангардъ при Морунгенѣ, преслѣдовалъ его, оставивъ всѣ обозы въ Морунгенѣ. По собственной иниціативѣ, флигель-адъютантъ кн. Михаилъ Долгоруковъ, взявъ 3 эскадрона драгунъ изъ своего Курляндскаго полка и графъ Петръ Паленъ 2 эскадрона изъ Сумскаго гусарскаго полка, зашли въ тылъ Бернадота и уничтожили все, что находилось въ Морунгенѣ. Все— „до послѣдней рубашки самого Бернадота“ досталось намъ въ добычу. Что касается до дѣйствій нашихъ партизанскихъ отрядовъ въ 1812 году, то объ этомъ уже было сказано. Факты на лицо: въ главномъ штабѣ Императора Александра хранилось много бумагъ, отбитыхъ у французовъ, въ Москвѣ сохраняется даже походная кровать самого Наполеона,—все это отбито партизанами. Въ самихъ бюллетеняхъ великой арміи имѣются доказательства въ пользу нашихъ партизановъ:— „Казаки рыщутъ на нашихъ флангахъ (бюл. 23-й). „Непріятель выказываетъ много казаковъ, которые безпокоятъ кавалерію“ (бюл. 25).

Своими учеными трудами Давыдовъ занимался на досугѣ, пока не началась, въ 1826 г., война въ Персіи. Въ день священнаго коронованія своего въ Москвѣ, Императоръ Николай обратился къ присутствовавшему на выходѣ Давыдову, съ вопросомъ: „можетъ-ли онъ служить на дѣйствительной службѣ“? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ изъявилъ желаніе послать его въ Грузію. Въ августѣ 1826 г., Давыдовъ отправился на Кавказъ и былъ назначенъ временнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ на границѣ эриванскаго ханства. Послѣ первой встрѣчи съ непріятелемъ, 19 сент. у селенія Атымлы и послѣ постройки крѣпостцы Джелалъ-Оглу, онъ отправился, для поправленія разстроеннаго здоровья, на кавказскія минеральныя воды. Въ 1827 г. онъ уже возвратился въ Россію и снова предался семейной жизни до польскаго мятежа 1831 года. 12 марта онъ прибылъ въ главную квартиру нашей арміи въ м. Шеницѣ и затѣмъ въ Красноставъ, гдѣ принялъ начальство надъ отрядомъ изъ трехъ казачьихъ и одного драгунскаго полковъ. 6 апрѣля онъ взялъ приступомъ городъ Владиміръ Волынскій и уничтожилъ шайку мятежниковъ; послѣ того, соединясь съ отрядомъ

графа Толстого, Давыдовъ отбросилъ корпусъ Хржановскаго на батареи Замостья, а затѣмъ командовалъ авангардомъ и отдѣльными отрядами въ корпусѣ генерала Ридигера, за что былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта, орденами Св. Анны 1-й ст. и Св. Владиміра 2-й ст. По окончаніи войны, Давыдовъ снова отправился въ свое имѣніе симбирской губерніи, гдѣ и скончался 23 апрѣля 1839 года.

Мы видѣли Давыдова, какъ знаменитаго партизана, серьезнаго и начитаннаго военнаго писателя. Какъ поэтъ, Давыдовъ сдѣлался извѣстенъ, главнымъ образомъ, своими стихотвореніями, посвященными гусарской жизни и носящими на себѣ печать несомнѣнной оригинальности. Прочее литературное наслѣдіе Давыдова весьма не велико, но несмотря на это въ исторіи русской литературы онъ занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто. Бѣлинскій, въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ», сблизилъ поэзію Давыдова съ поэзіей Языкова: «какъ тотъ, такъ и другой», говоритъ онъ, «нерѣдко срываютъ съ своихъ лиръ звуки сильные, громкіе и торжественные, нерѣдко трогаютъ выраженіемъ чувства живаго и пламеннаго. Въ ихъ односторонности есть оригинальность, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта». Жуковскій вполнѣ охарактеризовалъ поэтическую дѣятельность Давыдова въ словахъ:

«Онъ въ мирѣ—счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы!

Скажемъ теперь о Давыдовѣ, какъ о семейномъ человѣкѣ. Женился онъ не рано—въ 1819 г., на 35 году отъ рожденія на дочери генералъ-маіора Чиркова, Софьѣ Николаевнѣ, отъ которой имѣлъ онъ сыновей: Василія, Николая, Дениса, Ахилла и Вадима, и дочерей: Юлію, Екатерину и Софію.

Г. Н. Геннади: «Справочный словарь о русскихъ ученыхъ», т. I. Берлинъ. 1876, стр. 274—275. «Русск. Стар.» 1872 г., т. V, № 4, стр. 624—639;— Русск. Стар.», «Историч. Вѣстникъ» и «Русск. Архивъ» (passim),—А. О. Круглый: «Біографія при изданіи сочиненій Д. В. Давыдова». Спб. 1893, 3 т.;—«Д. В. Давыдовъ». Біографія. М. 1884 г.,—«Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца», кн. VI;—«Славянинъ» 1827 г., ч. II. стр. 182;—«Русскія Вѣдомости» 1895 г. № 233; «Вѣстн. Евр.» 1816 г., ч. 86, № 7, стр. 167. — Соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. VII и IX.—Военный календарь на 1892 г., подъ ред. П. М. Плахова.—«Русскій Зритель» 1828 г., ч. I, стр. 42—52.– Заблоцкій—Десятовскій: «Гр. Киселевъ и его время», т. III, Спб. 1882, стр. 362—363.—«Русское Обозрѣніе» 1897 ,г. № 2;—«Историч. Вѣстн.» т. 41, стр. 71 и слѣд.—

А. Петровъ.

Давыдовъ, *Евграфъ Владиміровичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ, родился въ 1775 г. Въ службу вступилъ 29 августа 1791 г. вахмистромъ въ л.гв. Конный полкъ, изъ котораго 10 января 1797 г, выпущенъ корнетомъ въ таковой же Гусарскій; въ этомъ полку прослужилъ до 1813 г., когда былъ произведенъ за отличіе (18 августа 1813 г.) изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры съ шефомъ Лубенскаго гусарскаго полка, а съ 8 января 1814 г. до своей смерти состоялъ по кавалеріи. Давыдовъ въ продолженіи службы находился въ походахъ и сраженіяхъ: въ 1805 г. ноября 20 противъ французовъ подъ Аустерлицомъ; въ 1812 г. подъ Островномъ, причемъ былъ раненъ въ правую руку пулею. Въ 1813 г., за храбрость, оказанную въ битвѣ подъ Люценомъ, награжденъ золотою шпагою, украшенною брилліантами съ надписью за «храбрость»; въ томъ-же году, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, Давыдовъ былъ контуженъ отъ ядра въ лѣвое ухо, раненъ въ правую икру гранатою, лишился лѣвой ноги ниже колѣна и правой руки ниже локтя; наградами ему за это сраженіе были: орденъ св. Георгія 3-го класса, отъ императора австрійскаго командорскій крестъ ордена Леопольда и отъ короля прусскаго орденъ Краснаго Орла 2-го класса. Скончался 20 декабря 1823 г.

Общ. арх. глав. штаба, кн. форм. за 1818 г.

Давыдовъ, *Иванъ Ивановичъ*, генералъ-поручикъ, родился въ 1726 г., вступилъ въ службу рядовымъ 17 августа 1741 г. въ Конную гвардію, гдѣ, будучи вахмистромъ, въ 1748 г. находился въ походѣ въ корпусѣ, отправленномъ на Рейнъ на помощь Австріи. 25 августа 1749 г., Давыдовъ изъ вахмистровъ произведенъ въ корнеты въ тотъ же полкъ, изъ котораго 25 декабря 1761 г., будучи секундъ-ротмистромъ, выпущенъ въ армію полковникомъ и въ 1762 году находился въ походѣ въ Пруссіи къ мѣстечку Кольбергу. 18 мая 1766 г., командуя Рижскимъ карабинернымъ полкомъ, произведенъ въ бригадиры, а 22 сент. 1767 г., съ производствомъ въ генералы-маіоры, назначенъ командовать лейбъ-гвардіи конным полкомъ (въ званіи премьера-маіора); 21 апрѣля

1773 г. Давыдовъ произведенъ въ генералы-поручики, а 1 марта 1781 г., по прошенію его, уволенъ въ отставку, съ оставленіемъ по смерть, того жалованья, которое онъ получалъ на службѣ. Время смерти его неизвѣстно.

Москов. отд. Общ. арх. главн. штаба, оп. 214, кн 71, форм. за 1766 г.—„Исторія лейбъ-гв. коннаго полка Анненкова“, I, часть IV.

Давыдовъ, *Иванъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, ординарный академикъ, предсѣдатель Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ русской словесности въ Московскомъ университетѣ, сенаторъ, родился 15-го іюня 1794 года въ имѣніи отца своего, небогатаго дворянина въ Тверскомъ уѣздѣ, подъ самою Тверью, умеръ 15 ноября 1863 года. Первоначальное образованіе Давыдовъ получилъ въ Тверскомъ дворянскомъ училищѣ, гдѣ дѣти бѣдныхъ дворянъ получали предварительное образованіе для поступленія къ кадетскіе корпуса. Выдающіеся успѣхи Давыдова обратили на него вниманіе попечителя Московскаго университета М. Муравьева, и, въ 1808 г., по экзамену, Давыдовъ былъ принятъ въ студенты университета. Онъ поступилъ на философскій факультетъ, въ составъ котораго входили тогда и физико-математическія, и историко-филологическія науки и слушалъ лекціи по словесному и математическому отдѣленіямъ. Въ 1810 г., Давыдовъ написалъ, подъ руководствомъ профессора Буле, диссертацію на латинскомъ языкѣ: „О различіи греческаго и римскаго образованія“, за которую получилъ золотую медаль; въ 1812 г., онъ былъ произведенъ въ кандидаты по словесному отдѣленію и затѣмъ находился въ кругу Лобачевскаго и В. Панаева въ казанскомъ университетѣ, до половины 1813 г., гдѣ преимущественно изучалъ древнюю филологію. Въ 1814 г., за разсужденіе, написанное на латинскомъ языкѣ, „О критикѣ въ древней филологіи“, Давыдовъ удостоенъ степени магистра, а въ слѣдующемъ году и степени доктора словесныхъ наукъ за диссертацію: „О преобразованіи въ наукахъ, произведенномъ Бэкономъ“, большая часть которой была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго и послужила потомъ основою для изданнаго въ 1820 г. „Опыта руководства къ исторіи философіи“. Чтобы ознакомиться съ библіографіею, Давыдовъ поступилъ письмоводителемъ въ университетскую библіотеку и занимался здѣсь разборомъ библіотеки графа А. К. Разумовскаго. Будучи магистромъ, въ 1814 г., Давыдовъ поступилъ преподавателемъ сначала русской словесности, а потомъ и чистой математики въ университетскій благородный пансіонъ, а съ 1815 г. занялъ въ немъ и должность инспектора классовъ. Особенно плодотворно было вліяніе Давыдова въ пансіонѣ на литературныхъ собраніяхъ воспитанниковъ, которыя происходили подъ его руководствомъ чрезъ каждыя двѣ недѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Давыдовъ былъ послѣдовательно адъюнктомъ по каеедрѣ философіи въ университетѣ (1817), экстраординарнымъ (1820), а потомъ и ординарнымъ (1822) профессоромъ латинской словесности и философіи. Ко времени бытности Давыдова въ пансіонѣ относятся его ученые труды: „Commentatio de studiis humanitatis praecipue respectu litteratum Romanarum habita“, M. 1820; „Commentatio de natura et indole philosophiae graecorum et romanorum“ (съ лат. переводъ Чирикова) M. 1820. „Греческая грамматика“, 1820 г. (II изд. 1831 г.); „Начальныя правила русской грамматики“, (1-е изд. 1821 г. и 2-е 1843 г.); „Начальныя основанія логики“, „Рѣчи Цицерона“ 1821; „Латинская христоматія“ по руководству Гедике 1822 г., „Учебная книга русскаго языка 1823 г. „Чертежъ наукъ“; „Учебная книга латинскаго языка“, 1826 г. Какъ почитатель математика Франкера, Давыдовъ, въ 1824 г., перевелъ на русскій языкъ его „Высшую алгебру“, а въ слѣдующемъ году и его „Интегральное и варіаціонное исчисленіе и исчисленіе разностей“. Кромѣ того, онъ редактировалъ рѣчи и стихотворенія, произносимыя на актахъ въ пансіонѣ, а также и труды собранія воспитанниковъ подъ названіемъ: „Калліопа;“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1824 г. помѣстилъ разборъ Сольгерова сочиненія и эрвинъ“ и напечаталъ въ „Трудахъ Общества любителей русской словесности“, въ которомъ Давыдовъ, послѣ Каченовскаго, былъ сначаоа секретаремъ, а потомъ временнымъ предсѣдателемъ и редакторомъ „Трудовъ Общества“, — нѣсколько статей: „О порядкѣ словъ“, „Воспоминаніе о Саларевѣ“, переводы изъ Цицерона и др. Въ 1826 г., Давыдовъ, при занятіи

каеедры философіи прочелъ вступительную лекцію: „О возможности философіи, какъ науки по Шеллингу“, М. 1826., въ которой выказалъ себя сторонникомъ математической точности и чисто нѣмецкой систематизаціи; работалъ вмѣстѣ съ проф. Снегиревымъ надъ собраніемъ рѣчей русскихъ профессоровъ московскаго университета, изданныхъ Обществомъ любителей россійской словесности, съ краткими біографіями. Перемѣщенный на физико-математическій факультетъ, Давыдовъ, приступая къ чтенію лекцій по каеедрѣ высшей алгебры, напечаталъ въ „Магазинѣ естественныхъ наукъ“ проф. Двигубскаго разсужденіе: „Объ исчисленіи вѣроятностей“ и читалъ курсъ чистой математики до 1831 г., когда занялъ освободившуюся, послѣ кончины Мерзлякова, каеедру русской словесности, на которой и оставался до 1847 г., въ званіи заслуженнаго профессора (съ 1845 г.). Во время службы въ университетѣ Давыдовъ, кромѣ профессорскихъ обязанностей, постоянно несъ обязанности или декана, или члена различныхъ комитетовъ, непремѣннаго засѣдателя и былъ визитаторомъ гимназій новгородской, (1825) воронежской и орловской (1829) и т. д. Этотъ же московскій періодъ дѣятельности Давыдовъ былъ наиболѣе плодотворнымъ и въ литературномъ отношеніи: въ 1832 г. появилась его „Система словесности“, въ 1834 — „Программа по классу краснорѣчія и поэзіи“, въ 1833—1836 гг. Давыдовъ издавалъ, вмѣстѣ съ профеессоромъ Перевощиковымъ, „Ученыя Записки“, въ 36 книгахъ, гдѣ печаталъ свои лекціи и помѣстилъ свой переводъ съ французскаго языка „Слова въ память Гете“, произнесеннаго въ Академіи Наукъ графомъ С. С. Уваровымъ. Въ 1836 г., на университетскомъ актѣ, Давыдовъ произнесъ рѣчь: „О содѣйствіи московскаго университета успѣхамъ отечественной словесности“, въ 1837—1838 гг., онъ издалъ свои лекціи подъ заглавіемъ „Чтенія по словесности“, въ четырехъ частяхъ (II изд. 1837—1843 г.). Въ 1841 г. Давыдовъ напечаталъ въ „Москвитянинѣ“ статью: „О преподаваніи латинскаго языка“ и другую въ pendant къ Шевыреву: „Возможна ли у насъ германская философія?“, въ которой, какъ представитель крайней „оффиціальной“ народности, доказывалъ, что „германская философія невозможна у насъ по противорѣчію ея нашей народной жизни... Святая вѣра наша, мудрые законы, изъ исторической жизни нашей развившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, дивная исторія славы нашей,— вотъ изъ чего должна развиваться наша философія“. Въ томъ же 1841 г. Давыдовъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ двѣ явно льстивыя статьи, предъ графомъ С. Уваровымъ: „О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи“ и „Описаніе Порѣчья“ — села, въ которомъ, въ гостяхъ у графа Уварова, Давыдовъ иногда проводилъ лѣтнее вакаціонное время. Въ той же газетѣ Давыдовъ напечаталъ въ 1842 г. и жизнеописаніе проф. Качеповскаго. Несмотря на сложныя служебныя обязанности по университету и на литературныя занятія, требовавшія усидчивости, Давыдовъ находилъ еще время нести обязанности и инспектора надъ частными пансіонами и быть инспекторомъ въ Лазаревскомъ и въ Александровскомъ сиротскомъ институтахъ, а въ послѣднемъ, кромѣ того, быть и преподавателемъ педагогики. Къ этому же времени относятся и труды его по вопросу о воспитаніи и образованіи: въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1834 г.—„О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей“, „Письма о воспитаніи“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1837 г. и др. За свои многочисленные труды по службѣ, Давыдовъ получалъ чины и ордена,— въ 1840 г. онъ былъ уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1846 г. получилъ орденъ Станислава 1-й степени, и, въ то же время, неоднократно удостаивался Высочайшихъ подарковъ — брилліантовыхъ перстней и изъявленій Монаршихъ благоволеній. Въ 1841 г., по учрежденіи при Академіи Наукъ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности, Давыдовъ удостоенъ былъ званія ординарнаго академика, потомъ былъ избранъ въ почетные члены московскаго (1847), казанскаго (1849) и дерптскаго (1852) университетовъ. Въ 1847 г., Давыдовъ былъ вызванъ на службу въ Петербургъ, получилъ мѣсто директора главнаго педагогическаго института и читалъ здѣсь, въ продолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ, лекціи по русской словесности. По вступленіи въ управленіе институтомъ, онъ кореннымъ

образомъ измѣнилъ внутреннее устройство и направленіе его дѣятельности. Въ 1850 г., Давыдовъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ и предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія руководствъ, въ слѣдующемъ году избранъ предсѣдательствующимъ по Второму, русскаго языка и словесности, отдѣленію Академіи наукъ, причемъ его предсѣдательство ознаменовалось изданіемъ „Извѣстій Академіи“, а въ 1854 году онъ былъ назначенъ и членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Изъ литературныхъ трудовъ Давыдова, относящихся къ этому времени, извѣстны: „Введеніе къ словарю церковно-славянскаго и русскаго языка“, нѣсколько критическихъ разборовъ книгъ, представленныхъ къ соисканію Демидовскихъ премій, по порученію Отдѣленія; исправленный „Курсъ словесности“, въ четырехъ частяхъ, профессора Зеленецкаго „Опытъ общесравнительной грамматики Русскаго языка (1852 г., третье изд. 1854 г.) и др. Въ „Ученыхъ Запискахъ“ 1855 г., Давыдовъ напечаталъ статью; „Памяти графа С. Уварова“ (она же вышла отдѣльнымъ оттискомъ, при „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 г. № 45 и нѣмецкій ея переводъ въ St. Pet. Zeitung 1856 г. № 98 и 99), а въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1856 г. помѣстилъ статью: „Объ изученіи древнихъ языковъ и преимуществахъ латинскаго (№ 8 и отдѣльно Спб.. 1856).

Лѣтъ черезъ пять разочаровался въ институтской реформѣ и самъ ея виновникъ, Давыдовъ. Въ 1858 г., онъ подалъ заявленіе главному правленію училищъ о необходимости новаго преобразованія института въ смыслѣ возвращенія къ прежнимъ основаніямъ педагогическаго образованія, чѣмъ особенно дорожилъ прежній директоръ, Ѳ. Миддендорфъ. Однако главное правленіе училищъ на этотъ разъ категорически рѣшило упразднить главный педагогическій институтъ и устроить взамѣнъ его педагогическіе курсы, а директоръ Давыдовъ былъ назначенъ присутствующимъ сенаторомъ въ Москву, по шестому департаменту.

Какъ человѣкъ, Давыдовъ оставилъ по себѣ до извѣстной степени недобрую память: личные счеты у него часто стояли на первомъ планѣ. цензоръ, Давыдовъ запретилъ было печатать почти общепринятую теперь въ гимназіяхъ, хрестоматію Галахова только за то, что въ ней нигдѣ не были указаны, въ качествѣ пособія, „Чтенія по словесности“ самого Давыдова. Математикъ, физикъ, философъ, историкъ и словесникъ на каѳедрѣ въ университетѣ, профессоръ, владѣвшій рѣдкимъ даромъ краснорѣчія, Давыдовъ, вмѣстѣ съ М. Павловымъ, началъ въ московскомъ университетѣ эпоху „шеллинговской философіи“, которая произвела переворотъ въ университетскомъ преподаваніи не только философіи, но и логики, эстетики, исторіи, физики и даже агрономіи. Спокойный, объективный мыслитель, Давыдовъ постоянно находился подъ вліяніемъ идей то Бэкона, то Локка, то Кондильяка, то Шеллинга; наконецъ, его философскіе труды въ этомъ отношеніи представляютъ любопытный примѣръ борьбы Локковскаго эмпиризма съ идеализмомъ Шеллинга. Погодинъ находилъ разсужденія Давыдова „О невѣжествѣ дворянства и о рабствѣ“ даже либеральными, а Панинъ удачно аттестовалъ его министру народнаго просвѣщенія, сказавъ о немъ: „У этого философа ума палата, а смотритъ въ лѣсъ“. Интриганъ и въ жизни, и въ наукѣ, особенно въ Обществѣ любителей россійской словесности, профессоръ, впервые заговорившій у насъ съ каѳедры объ общесравнительномъ изученіи языка, согласно господствовавшимъ тогда воззрѣніямъ на филологію Боппа, Беккера, В. Гумбольдта, Я. Гримма и др., Давыдовъ мало-помалу отказывался отъ идеалистическихъ увлеченій своей молодости и понемногу приближался къ профессорамъ—антикамъ московскаго университета, наконецъ, въ минуту критическаго вдохновенія, объявилъ на своихъ лекціяхъ Гоголя писателемъ высокобезнравственнымъ и неприличнымъ. Враждебно относясь къ философскому направленію молодыхъ ученыхъ, Давыдовъ и на каѳедрѣ являлся выразителемъ крайностей оффиціальной народности, соперничая въ этомъ отношеніи съ профессоромъ Шевыревымъ. Каково было мнѣніе о нравственномъ характерѣ Давыдова въ современномъ ему обществѣ видно изъ того, что однажды похвальный отзывъ Давыдова о статьѣ Хомякова глубоко огорчилъ послѣдняго.

„Отчеты Академіи Наукъ“, 1864 г.— Словарь профессоровъ Московскаго университета“ ч. I.—М. Филипповъ: „Судьбы русской философіи“, V, въ „Русск. Бог.“ 1894 г. № 8, стр. 108—146.—А. Введенскій: „Судьбы философіи въ Россіи, въ „Вопр. философіи и психол.“ 1898 г., кн. 42.—„Краткое историческое обозрѣ-

ніе дѣйствій главнаго педагогич. института", Спб., 1859.—Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина", т. VII и друг.—Галаховъ: „Сороковые годы", „Историч. Вѣстн." 1892 г., 1 и 2.—К. Аксаковъ: „Воспоминаніе студентства" 1832 — 1835 („День" 1862 г. № 39—40). „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1863 г. № 250.—Геннади, Справочн. словарь, 275 — 276 и Русскій Архивъ 1865 г. № 1.—Добролюбовъ: „Собр. соч.", изд. Поповой т. I. 184—192, тамъ-же Скабичевскаго „Біографія Добролюбова" и др. Часть переписки Давыдова напечатана въ „Чт. М. О. И Др. Р." 1869, IV и „Русск. Арх." 1889, III. — „Диевникъ" Никитенко. — Гончарова „Университетскія воспоминанія".

А. Черкасъ.

Давыдовъ, *Иванъ Кирилловичъ*, генералъ-поручикъ, родился въ 1724 г. Въ службу вступилъ кадетомъ 14 февраля 1737 г. въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, въ которомъ 4 марта 1849 г., будучи вахмистромъ, произведенъ въ корнеты. 25 ноября 1758 г. Давыдовъ за неимѣніемъ достаточнаго содержанія въ гвардіи, изъ поручиковъ выпущенъ въ ландмилицкіе полки подполковникомъ и по указу правительствующаго сената опредѣленъ былъ членомъ въ главную межевую канцелярію, а потомъ въ должность прокурора при государственной военной коллегіи. Затѣмъ вскорѣ обратно зачисленъ былъ въ Конную гвардію, гдѣ въ 1761 г., за исправный наборъ рекрутъ, получилъ монаршее благоволеніе и въ томъ же 1761 г. декабря 26, изъ секундъ-ротмистровъ Конной гвардіи, выпущенъ полковникомъ въ заграничную армію въ Новотроицкій кирасирскій полкъ, гдѣ 18 мая 1766 г. произведенъ въ бригадиры; 22 сентября 1767 г.—въ генералъ-маіоры; въ 1771 г. Давыдовъ числился при оренбургскомъ корпусѣ, а съ 21 апрѣля 1773 г. по 1776 г. въ чинѣ генерала-поручика состоялъ въ Бѣлгородѣ (курской губ.). губернаторомъ; въ 1776 и 1777 г. бѣлевскимъ предводителемъ дворянства, а съ того времени по 1781 г. тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Моск. отд. общ. арх. гл. штаба, оп. 214, кн. 76, форм. за 1767 г. Новотроицк. кир. полка; Анненковъ: «Исторія л.-гв. Коннаго п.", ч. IV.

Давыдовъ (Давидовъ), *Карлъ Юльевичъ* (братъ проф, Августа Юльевича Давидова), родился 3-го марта 1838 г. въ г. Гольдингенѣ, Курляндской губерніи. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда его родители переселились въ Москву, гдѣ занялись весьма тщательно его воспитаніемъ и образованіемъ. Огромное вліяніе на развитіе блестящихъ способностей Давыдова имѣлъ старшій братъ его, Августъ Юльевичъ, человѣкъ рѣдкихъ ума, образованія и доброты. Давыдовъ учился охотно, науки давались ему легко; отчасти по врожденному влеченію, отчасти изъ подражанія брату Августу, который въ то время уже занималъ профессорскую каѳедру прикладной математики, Давыдовъ, при поступленіи въ московскій университетъ (въ 1854 г.), избралъ физико-математическій факультетъ, который онъ блестяще окончилъ въ 1858 г. со степенью кандидата математическихъ наукъ. Одновременно съ этимъ, Давыдовъ усердно занимался музыкой. Онъ страстно любилъ ее и съ дѣтства обнаруживалъ къ ней большія способности. Спеціальностью своею онъ избралъ віолончель и, подъ руководствомъ отличнаго педагога, Шмидта, скоро достигъ прекрасныхъ результатовъ; кромѣ того, онъ недурно игралъ на фортепіано, а также съ увлеченіемъ занимался композиціей. Желаніе усовершенствоваться именно въ этой послѣдней побудило его отправиться, по окончаніи университетскаго курса, въ Лейпцигъ,—тогда главный центръ музыкальной жизни Германіи,—къ знаменитому теоретику, профессору Лейпцигской консерваторіи, Морицу Гауптману. Рекомендательныя письма А. Ю., имѣвшаго связи въ Лейпцигскомъ ученомъ мірѣ и, въ качествѣ страстнаго любителя музыки, отчасти и въ музыкальномъ, и, кромѣ того, личная привлекательность Давыдова открыли ему вскорѣ двери наиболѣе интеллигентнаго общества въ Лейпцигѣ. Всѣ знали Давыдова, лишь какъ ученика Гауптмана и какъ подающаго надежды композитора, такъ какъ о своей игрѣ на віолончели онъ считалъ излишнимъ говорить, не придавая ей большого значенія. Однажды Давыдовъ былъ приглашенъ въ одинъ домъ, въ качествѣ простого гостя, на музыкальный вечеръ, на которомъ, между прочимъ, должны были исполнять тріо знаменитые въ то время піанистъ Мошелесъ, скрипачъ Давидъ и віолончелистъ Грюцмахеръ. Внезапная болѣзнь Грюцмахера, ставшая извѣстной тогда, когда уже собрались всѣ гости, грозила разстроить тріо, и Давыдовъ, чтобы выручить хозяевъ, предложилъ свои услуги. Онъ сыгралъ віолончельную партію въ тріо и нѣсколько

піесъ соло съ необыкновеннымъ успѣхомъ, сильно поразившимъ его самого. Всѣ присутствующіе были въ восторгѣ отъ его мастерской техники, сильнаго, красиваго тона и благородной, полной поэзіи и глубины фразировки. Настоятельные совѣты компетентныхъ лицъ выступить публично произвели впечатлѣніе на Давыдова. Вернувшись въ Россію на лѣто, онъ написалъ свой первый концертъ для віолончели (посвященный отцу), разучилъ его и, вообще, много работалъ надъ своей техникой. По возвращеніи осенью въ Лейпцигъ, Давыдовъ съигралъ свой концертъ въ кружкѣ мѣстныхъ выдающихся музыкантовъ и немедленно былъ приглашенъ выступить въ одномъ изъ симфоническихъ собраній (знаменитые Gewandhaus - Concerte). Тутъ его встрѣтилъ огромнѣйшій успѣхъ (1859 г.) Вскорѣ онъ получилъ мѣсто перваго віолончелиста въ оркестрѣ этихъ собраній и, кромѣ того, съ блестящимъ успѣхомъ совершилъ концертную поѣздку по Германіи. Въ 1860 г., т. е. 22-хъ лѣтъ отъ роду, онъ былъ приглашенъ въ лейпцигскую консерваторію,—тогда первую по значенію въ мірѣ,—въ качествѣ профессора игры на віолончели, вмѣсто Грюцмахера. Громкая извѣстность и почетныя отличія, сразу выпавшія на долю молодого *русскаго* музыканта въ такой богатой собственными музыкальными талантами странѣ, какъ Германія, могли быть заслужены только совсѣмъ изъ ряду выдающимся дарованіемъ, какимъ и обладалъ на самомъ дѣлѣ Давыдовъ. Техника его была непогрѣшима, тонъ—рѣдкой силы и красоты, исполненіе свидѣтельствовало о проникновенномъ, высоко - художественномъ пониманіи авторовъ. Въ 1862 г. Давыдовъ былъ приглашенъ на каѳедру исторіи музыки въ Петербургскую консерваторію, но скоро промѣнялъ ее на каѳедру игры на віолончели. Съ этой поры началось его ревностное служеніе дѣлу развитія музыкальнаго искусства въ Россіи. Объ успѣхахъ его, какъ виртуоза, нечего и говорить: они, понятно, были столь же блестящи, какъ и заграницей. Интересно только отмѣтить, что извѣстный любитель музыки, графъ Матвѣй Віельгорскій, лично знавшій двухъ знаменитѣйшихъ віолончелистовъ 19-го столѣтія, Бернгарда Ромберга и Франсуа Сервэ, подарилъ свою дивную віолончель работы Страдиварія Давыдову, какъ „величайшему изъ віолончелистовъ всѣхъ временъ и народовъ“. Въ знакъ благодарности, Давыдовъ посвятилъ графу Віельгорскому свой второй концертъ для віолончели. Какъ педагогъ, Давыдовъ выказалъ необыкновенныя способности, и скоро Россія могла гордиться рядомъ превосходныхъ віончелистовъ, учениковъ его, съ А. В. Вержбиловичемъ во главѣ. Въ 1862-же году, Давыдовъ занялъ мѣсто перваго віолончелиста въ оркестрѣ Императорской итальянской оперы и получилъ званіе солиста Императорскаго Двора. Но исключительное по важности значеніе имѣла дѣятельность Давыдова для Императорскаго русскаго музыкальнаго общества начиная съ 1876 г., когда онъ назначенъ былъ директоромъ петербурской консерваторіи. Въ противоположность А. Г. Рубинштейну, желавшему, чтобы консерваторіи были своего рода академіями для развитія, преимущественно, выдающихся музыкальныхъ талантовъ—виртуозныхъ и композиторскихъ, Давыдовъ полагалъ, что прямая задача русской консерваторіи—прежде всего создать обширный кадръ умѣлыхъ и солидно подготовленныхъ педагоговъ, которые могли-бы своей игрой и преподаваніемъ содѣйствовать усиленію настоящей, а не дилеттантской любви къ музыкѣ и распространенію правильныхъ методовъ обученія ей въ Россіи, а также облагороженію вкуса русской публики и поднятію его уровня. Въ послѣдніе годы своей жизни Давыдовъ съ гордостью говорилъ, что, гдѣ-бы ему ни приходилось бывать въ Россіи, онъ вездѣ находилъ учениковъ петербургской консерваторіи—своихъ учениковъ,—которые честно служили родному искусству. Дѣятельность по консерваторіи и русскому музыкальному обществу настолько поглотили Давыдова, что онъ почти совсѣмъ отказался отъ концертныхъ поѣздокъ. Неустаннымъ трудомъ онъ довелъ петербургскую консерваторію до первостепеннаго положенія Составъ преподавателей былъ подобранъ блестящій и число учениковъ постепенно возрасло до необычайной, для почти всѣхъ консерваторій, цифры (въ послѣдній годъ его директорства—до 850). Внимательно слѣдя за общимъ ходомъ преподаванія въ консерваторіи, Давыдовъ лично велъ классы віолончельный, хоровой, оркестровый и камерной музыки. Въ то же время онъ довелъ до большаго совершенства квартетъ русскаго музыкаль-

наго общества Можно сказать безъ преувеличенія, что любовь къ квартетной литературѣ и пониманіе ея были насаждены въ Петербургѣ именно Давыдовымъ. Ему приходилось также по временамъ дирижировать симфоническими собраніями Русскаго музыкальнаго общества. Въ консерваторіи Давыдовъ былъ озабоченъ не одной только правильностью постановки учебнаго дѣла: онъ принималъ близко къ сердцу затруднительное положеніе недостаточной въ матеріальномъ отношеніи части учащихся, и его стараніями было учреждено общество для вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ консерваторіи и устроены дешевыя квартиры для нихъ-же. Благодаря личнымъ стараніямъ Давыдова, чрезвычайно возросъ консерваторскій капиталъ для выдачи стипендій бѣднымъ учащимся (напр., С. П. фонъ-Дервизомъ было вручено Давыдову 200.000 р. для этой цѣли). Давыдовъ былъ также однимъ изъ основателей вспомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ, въ короткое время достигшей рѣдкаго для подобныхъ учрежденій процвѣтанія. Напряженная и отвѣтственная дѣятельность Давыдова отразилась на его здоровьѣ. Въ январѣ 1887 г. онъ покинулъ консерваторію, утомленный физически и нравственно, но съ сознаніемъ, что онъ былъ истиннымъ создателемъ ея благоденствія. Въ томъ же и слѣдующемъ годахъ онъ совершилъ по Россіи и за границей концертныя поѣздки, сопровождавшіяся огромнымъ успѣхомъ. Въ ноябрѣ 1888 г. онъ далъ въ Петербургѣ, въ залѣ дворянскаго собранія, концертъ: ему суждено было быть прощальнымъ для города, которому Давыдовъ ревностно и безкорыстно посвятилъ свои лучшіе годы и силы. Болѣзнь, которою страдалъ Давыдовъ (грудная жаба), сильно мучила его, и припадки ея становились все грознѣе. Давыдовъ рѣшилъ провести зиму въ Москвѣ. Желая и тутъ содѣйствовать усиленію вкуса къ хорошей музыкѣ, онъ задумалъ устроить безплатныя концертныя утра камерной музыки для учащейся молодежи. Въ началѣ февраля 1889 г. состоялся первый изъ этихъ концертовъ; несмотря на предостереженія врачей, Давыдовъ принялъ въ немъ участіе, слѣдствіемъ чего былъ сильнѣйшій приступъ болѣзни тутъ же на эстрадѣ. Давыдовъ нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы не выдать публикѣ своего мучительнаго состоянія и доигралъ свой нумеръ до конца. Его отвезли домой совершенно надломленнымъ. Приступы грудной жабы участились, и утромъ 14-го февраля 1889 г. Давыдовъ скончался. Какъ человѣкъ, Давыдовъ пользовался глубокой и искренней любовью всѣхъ, знавшихъ его. Доброта его и гуманность были необыкновенны; по уму, остроумію и образованію онъ также представлялъ рѣдкое явленіе. Изъ композицій его, отличающихся красотой темъ и гармоніи, выдаются, кромѣ многихъ мелкихъ піесъ и переложеній для віолончели и романсовъ для пѣнія, четыре віолончельныхъ концерта, симфоническая картина для оркестра „Дары Терека“, оркестровая сюита, струнные квартетъ и секстетъ и квинтетъ для фортепіано и струнныхъ инструментовъ. Въ рукописи остались оркестровая увертюра и опера „Мазепа“. Послѣдняя совершенно закончена и инструментована, кромѣ послѣдней картины (либретто было самимъ Давыдовымъ передано впослѣдствіи Чайковскому). Самаго серьезнаго вниманія заслуживаетъ его школа для игры на віолончели (изданная у Петерса въ Лейпцигѣ), въ которой, впервые въ міровой литературѣ вообще, изложены и раціонально обоснованы разныя положенія, носившія ранѣе исключительно эмпирическій характеръ. Подъ редакціей Давыдова, Брейткопфомъ въ Лейпцигѣ изданы квартеты Бетховена и Шумана. *Григорій Блохъ.*

Давыдовъ, *Левъ Васильевичъ,* генералъ-маіоръ, родился 10 октября 1792 г., умеръ 4-го мая 1848 г. Левъ Васильевичъ въ службу вступилъ 12 авг. 1808 г. юнкеромъ въ 26-й егерскій полкъ, въ рядахъ коего въ 1809 г. принималъ участіе въ сраженіяхъ противъ шведовъ при киркахъ: Лаппо, Кауртикѣ, Нилистерѣ и при взятіи Улеаборга, послѣ него командированъ былъ къ генералу-маіору Кульневу, съ коимъ находился въ продолженіи всей Аландской экспедиціи и при переходѣ на шведскій берегъ у Пристельмона, за что и получилъ медаль. Въ 1810 г. Давыдовъ находился въ войнѣ противъ турокъ въ Молдавіи, гдѣ за отличіе, оказанное при крѣпости Силистріи, произведенъ изъ портупей-юнкеровъ въ прапорщики, а потомъ былъ при осадѣ крѣпости Шумлы. Въ 1812 г. Давыдовъ находился въ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ при Островнѣ, Бородинѣ, во всѣхъ арьергардныхъ дѣлахъ до

Тарутина и при Маломъ Ярославцѣ, и за отличіе награжденъ орд. св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ октябрѣ того-же года Давыдовъ поступилъ въ партизанскій отрядъ генерала-маіора Давыдова, съ коимъ участвовалъ въ дѣлахъ при с. Мерлинѣ, гор. Копысѣ и за отличіе въ оныхъ произведенъ изъ подпоруч. въ поручики; 14 ноября при м. Бѣльгницахъ Давыдовъ раненъ пулею въ лѣвую ногу и за проявленное отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость»; въ концѣ года переведенъ въ л.-гв. Егерскій полкъ, въ которомъ въ 1813 г., за отличіе оказанное въ дѣлѣ при Лейпцигѣ, награжденъ орд. св. Анны 2-й степ. Въ 1814 г. при г. Баръ-Сюръ-Обѣ Давыдовъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а 25 августа 1818 г. съ производствомъ изъ капитановъ въ полковники, переведенъ въ 22-й егерскій полкъ, изъ котораго 12 мая 1820 г. въ таковой же 7-й, но не прибывая къ оному, за болѣзнію, уволенъ отъ службы съ мундиромъ. Въ 1826 г. Давыдовъ вновь принятъ на службу тѣмъ же чиномъ съ назначеніемъ состоять по арміи, а 31 декабря 1829 г. вторично уволенъ въ отставку, за ранами, генераломъ-маіоромъ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада. Въ 1838 г. Давыдовъ опять опредѣленъ на службу, съ назначеніемъ состоять, до открытія 2-го московскаго кадетскаго корпуса, при Его Императорскомъ Высочествѣ, главномъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній. Въ 1842 г., по Высочайшему повелѣнію, назначенъ предсѣдателемъ въ строительномъ комитетѣ 1-го округа корпуса инженеровъ военныхъ поселеній по дѣламъ касавшимся устройства помѣщеній выше упомянутаго кадет. корпуса. Въ 1843 и 1844 гг. Давыдовъ завѣдывалъ 1-мъ московскимъ кадетскимъ корпусомъ, а съ этого времени состоялъ при главномъ начальникѣ военно-учебныхъ заведеній.

Формуляръ въ Моск. отд. общ. арх. гл. штаба, за 1847 г., кн. 10784.

Давыдовъ, *Петръ Львовичъ*, гофмейстеръ Высочайшаго Двора, родился въ 1777 г. былъ сыномъ генералъ-маіора Льва Денисовича Давыдова и жены его, Екатерины Николаевны (Раевской), рожденной графини Самойловой, племянницы князя Потемкина Таврическаго. Служилъ въ гвардіи при Екатеринѣ II и Павлѣ I, при которомъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и кавалеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, состоялъ затѣмъ въ должности шталмейстера при дворѣ великой княжны Анны Павловны; въ 1809—1811 гг. занималъ должность почетнаго опекуна. Былъ женатъ на графинѣ Орловой, отъ которой имѣлъ сына Владиміра, возведеннаго въ 1856 году въ графское достоинство съ фамиліей графа Орлова-Давыдова. Вторымъ бракомъ Петръ Львовичъ женатъ былъ на В. Н. Лихаревой; отъ этого супружества у него было двое сыновей: Левъ Петровичъ и Александръ Петровичъ Давыдовы. Скончался Петръ Львовичъ въ 1842 году въ Москвѣ и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Давыдовъ, князь *Сергѣй Ивановичъ*, д. т. с., сенаторъ, вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ, по происхожденію изъ грузинскихъ князей, родился въ 1790 году, умеръ на 88 году отъ роду, въ глубокой старости, 17 марта 1878 года. Получивъ воспитаніе въ родительскомъ домѣ, въ 1809 г., кн. Давыдовъ поступилъ на службу въ штатъ генералъ-губернатора новгородскаго, тверскаго и ярославскаго, съ 1812 г. служилъ въ чинѣ подпоручика въ 3-мъ пѣхотномъ полку Рязанскаго ополченія и участвовалъ въ походахъ подъ Москвою и при преслѣдованіи непріятеля, въ 1813 г. онъ былъ причисленъ къ конному полку Костромского ополченія подъ начальствомъ генерала—отъ—инфантеріи графа Толстого и уволенъ изъ ополченія только въ началѣ 1815 г., пробывъ все это время, съ 1813—1815 г. г., въ заграничныхъ походахъ: въ Галиціи, Силезіи, Богеміи, Саксоніи и Вестфаліи, въ Ганноверскихъ владѣніяхъ, въ Голштиніи и др. участвовалъ во многихъ сраженіяхъ: при взятіи крѣпостей Магдебурга и Гамбурга, при взятіи Дрездена, гдѣ онъ раненъ былъ пулею въ руку и др. Въ 1816 г., кн. Давыдовъ снова поступилъ на службу въ Московскій драгунскій полкъ, почти чрезъ годъ былъ уже адъютантомъ у генералъ-адъютанта Бороздина, въ 1818 г. онъ былъ переведенъ въ лейбъ — гвардіи Уланскій полкъ, а въ 1825 году уволенъ отъ службы. Чрезъ два года кн. Давыдовъ, бывшій армейскій офицеръ, поступаетъ на гражданскую службу и здѣсь ему улыбнулось счастье и онъ началъ быстро повышаться въ чинахъ и должностяхъ. Начавъ граж-

данскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ по таможенной части, въ 1828 г., кн. Давыдовъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника, былъ уже витебскимъ вице-губернаторомъ,въ 1831 г., въ награду за ревностную службу и труды по управленію губерніею во время происходившихъ въ западныхъ губерніяхъ безпорядковъ, ему назначена аренда на 12 лѣтъ по 800 руб. ежегодно, въ 1832 г. онъ переведенъ вице-губернаторомъ въ гродненскую губернію и возведенъ въ званіе камергера, а въ 1833 г. назначенъ правителемъ Бѣлостокской области. Въ 1835 г. онъ былъ назначенъ минскимъ гражданскимъ губернаторомъ, вскорѣ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, единовременную награду въ 12000 рубл. и удостоился Высочайшей благодарности за успѣшное исполненіе порученія по высочайше учрежденному въ С.-Петербургѣ комитету. 5-го декабря 1838 года кн. Давыдовъ, бывшій армейскій офицеръ и гражданскій губернаторъ, былъ назначенъ самимъ государемъ, на мѣсто Е. Ѳ. Брадке, попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. Это назначеніе состоялось какимъ-то страннымъ образомъ, и трудно сказать, какія причины побудили правительство обратиться именно къ этому лицу, когда шелъ вопросъ о замѣщеніи Брадке; извѣстно одно, что назначеніе кн. Давыдова, человѣка, совершенно чужого въ сферѣ русскаго просвѣщенія, произошло не только помимо, но и вопреки желаній тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, который поспѣшилъ послать въ помощники князю Давыдову умнаго и просвѣщеннаго Карлгофа, поручивъ ему фактическое управленіе кіевскимъ округомъ. Человѣкъ лично—безупречный, обходительный, безпритязательный, ревнивый къ власти, какъ всѣ тогдашніе чиновники, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне лѣнивый, занимавшійся дѣлами округа, развѣ только отъ скуки, кн. Давыдовъ, благодаря своему полному незнакомству съ новою для него сферою, принужденъ былъ отдаться въ руки другихъ,—преимущественно же въ руки чиновниковъ своей канцеляріи. Благодаря такимъ личнымъ качествамъ кн. Давыдова иногда, выходили удивительные курьезы, когда самъ попечитель брался толковать и настаивать на исполненіи предписаній графа Уварова. Однажды дѣло дошло даже до того, что попечитель учредилъ оффиціальный срочный контроль надъ будущей ученой дѣятельностью профессоровъ и требовалъ свѣдѣній о томъ, къ какому сроку они думаютъ окончить свои труды, которые еще ими даже не были начаты. Благодаря крайней лѣни и безпечности, кн. Давыдовъ съ небреженіемъ относился и къ текущимъ дѣламъ по управленію округамъ. И какъ членъ особенной коммисіи о принятіи особыхъ мѣръ въ университетѣ св. Владиміра во время университетскихъ безпорядковъ 1839 года въ Кіевѣ, и какъ предсѣдатель временнаго строительнаго комитета по постройкѣ зданія для университета, кн. Давыдовъ придерживался политики невмѣшательства въ рѣшеніе дѣлъ собственнаго округа. Однако личныя качества доброй натуры кн. Давыдова, добродушіе котораго доходило до того, что часто онъ готовъ былъ брать, въ случаѣ ошибки, свои слова и распоряженія назадъ, всегда брали верхъ надъ чиновничьею щекотливостью и оскорбленіемъ канцелярской чести, и, несомнѣнно, добрыя черты натуры кн. Давыдова отчасти принесли пользу университету въ трудныя минуты его перерожденія.

Въ 1840 г., кн. Давыдовъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, въ 1844 г. произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника и избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Въ 1845 г., онъ былъ перемѣщенъ съ должности попечителя округа въ сенаторы и командированъ для ревизіи въ калужскую губернію, при чемъ ему же было поручено и разсмотрѣніе дѣла ген.-лейт. Ершова и сына его, предводителя дворянства подольскаго уѣзда московской губерніи, преданныхъ суду по Высочайшему повелѣнію, за клевету на калужскаго гражданскаго губернатора Смирнова. Съ 1852 г. состоялъ вице-президентомъ Императорской академіи наукъ.

Формуляръ по Сенатскому архиву № 1460. —Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина».— Владимірскій-Будановъ: „Исторія унив. св. Владиміра“, т. I, 1884 г., стр. 175—197 и др.— V ч. Родослов. книги Нижегород. губ.—Энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона, т. X., и др.

Давыдовъ, *Степанъ Ивановичъ*, директоръ придворнаго театра въ Москвѣ и авторъ нѣсколькихъ церковныхъ композицій. Давыдовъ родился въ 1777 году, умеръ въ 1825 г. Взятый еще въ малолѣтствѣ въ число придворныхъ пѣв-

чихъ, онъ рано обнаружилъ способности къ композиціи и сдѣлался извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ II. По желанію императрицы, Давыдовъ былъ отданъ въ качествѣ пансіонера къ прибывшему въ то время въ Петербургъ Сарти, у котораго онъ обнаружилъ большіе успѣхи и былъ любимымъ композиторомъ церковной музыки у членовъ Императорской Семьи. Его «Четырехголосная литургія» напечатана на средства придворной пѣвческой капеллы и заключаетъ въ себѣ слѣдующія пьесы: «Славы и нынѣ», «Единородный Сыне», «Пріидите поклонимся», «Святый Боже», «Херувимская пѣснь», «Вѣрую», «Милость мира», «Достойно и праведно есть», «Святъ, святъ, святъ», «Тебѣ поемъ», «Достойно есть», «Отче нашъ», «Единъ святъ» и «Хвалите Господа». Давыдовъ принималъ также участіе въ передѣлкѣ нѣмецкой оперы на русскій ладъ, подъ заглавіемъ: «Леста, днѣпровская русалка», исполненной въ 1803 г. К. Кавосомъ, и въ составленіи оперы «Русалка» Кауэра. (1804 г.).

«Энциклопедическій Лексиконъ» Края.—П. Перепелицынъ: «Исторія музыки въ Россіи», Спб., 1888 г.

Дагаевъ, *Андріанъ Никитичъ*, штабъ-лекарь, писатель по медицинскимъ вопросамъ, происходилъ изъ духовнаго сословія, медицинское образованіе получилъ въ петербургской медико-хирургической академіи, въ которую поступилъ казеннымъ воспитанникомъ въ 1827 г., кончилъ академію со званіемъ лекаря въ 1831 г.; тогда же поступилъ врачемъ въ 15 артиллерійскую бригаду; въ 1837 г. въ медико-хирургической академіи получилъ званіе штабъ-лекаря и въ томъ же году назначенъ былъ старшимъ лекаремъ опять въ 15 бригаду. Скончался Дагаевъ 9 апрѣля 1845 г. отъ желчной болѣзни, дойдя по служебной лѣстницѣ до чина коллежскаго совѣтника. Литературная дѣятельность Дагаева выразилась въ слѣдующихъ трудахъ: «О болѣзняхъ, бывшихъ въ Таврической губерніи въ 1837 году—гриппѣ и лихорадкахъ» («Другъ Здравія» 1837 г., 31, 32); «Ненасытный голодъ» «Другъ Здравія» 1842 г., 10); «О пользѣ кодеина въ артритическихъ болѣзняхъ». «Другъ Здравія» 1842 г., 23; «Инфлуенца или гриппъ». Другъ Здравія 1837 г., 14.

Змѣевъ: „Русскіе врачи-писатели", выпускъ 1.

Дадьяновы, *князья*. Начало рода кн. Дадьяновыхъ восходитъ ко времени еще раннему, чѣмъ эпоха грузинской царицы Тамары, т. е. еще до XII в. Служа грузинскимъ государямъ вѣрно, одинъ изъ Дадіани, Варданъ, занималъ въ царствованіе Тамары должность дворецкаго и за эту службу получилъ наслѣдственный санъ эристава Мингреліи. Въ XIV в. (1323 г.) одинъ изъ потомковъ Вардана, Георгій Дадіани, пользуясь слабостью имеретинскаго царя Константина I, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ Мингреліи и это владѣніе оставилъ въ наслѣдство сыну своему Маміи, умершему въ 1345 году. Независимость Мингреліи въ династіи Дадіановъ прекратилась уже при сынѣ Маміи,—Георгіѣ II. Но сынъ Георгія,—Липаритъ I, въ 1466 г. опять освободился изъ-подъ зависимости Имеретіи, и съ тѣхъ поръ князья Дадіани изъ первой династіи владѣли Мингреліею безпрерывно, пока въ 1694 г. не выѣхалъ въ Россію, вмѣстѣ съ царемъ имеретинскимъ Арчивомъ Вахтангови чемъ, князь Георгій Левановичъ, который былъ женатъ на дочери его, царевнѣ Даріи. Князь Георгій принялъ русское подданство и а его потомки съ того времени, поселившись въ Россіи, были жалованы помѣстьями въ нынѣшней самарской губерніи; онъ скончался 12 іюня 1765 г. 82 лѣтъ отъ роду и погребенъ въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ; съ нимъ прекратилась прежняя династія владѣтелей Мингреліи. Сынъ его, Петръ Егоровичъ (1716—1784 гг.), былъ капитаномъ артиллеріи и оставилъ сына, кн. Александра Петровича (1753—1811 г.г.), и дочь, княжну Елизавету Петровну († 1814 г.), еще жившихъ во время дачи фамильнаго герба, Высочайше утвержденнаго 23 іюля 1801 г. Въ настоящее время еще живутъ въ Москвѣ потомки князей Дадьяновыхъ.

«Общій Гербовникъ», VI, 2.

Дадіанъ (Дадіани) общее названіе владѣтельныхъ князей Мингреліи съ 1323 года. Съ этого времени по 1867 годъ въ Мингреліи было двѣ династіи Дадіани. Первая управляла Мингреліей съ 1323 по 1691 г., вторая (изъ фамиліи дворянъ Чиковани) съ 1691 г. по 1867 г., когда послѣдній изъ владѣтельныхъ князей Мингреліи Дадіанъ, Николай Давидовичъ, отказался отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу Россійскихъ Государей.

Дадіанъ, *Григорій Каціевичъ*, князь,

владѣтель Мингреліи, изъ династіи Чиковани, † 4 декабря 1804 г.—Управлялъ Мингреліею безъ организованнаго правительства и велъ самый простой образъ жизни. Во время рыбной ловли онъ съ царицею жилъ у Ріона, и во время ловли фазановъ и охоты въ Одиши, гдѣ мѣстопребываніемъ его была изба безъ пола и крыши, защищавшая правителя Мингреліи только отъ вѣтра. Здѣсь князь, сидя у разведеннаго среди нея костра, отдыхалъ послѣ утомительной охоты, въ грязи, окруженный своими приближенными. Въ 1803 году, князь Григорій поссорился съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ, который намѣревался завладѣть горною провинціею Легчумъ. Чувствуя себя безсильнымъ бороться съ нимъ, князь Григорій вошелъ въ переговоры съ княземъ Циціановымъ, прося черезъ него Русскаго Государя о помощи и о принятіи его со всею страною въ русское подданство. 4-го декабря 1803 г., въ присутствіи полковника Майнова, въ Одишской провинціи, князь Дадіанъ присягнулъ на вѣрноподданство Россіи, подписалъ просительные пункты присоединенія, а по окончаніи церемоніи полковникъ Майновъ вручилъ новому подданному Россіи дипломъ на чинъ генералъ-маіора и возложилъ на него орденъ Св. Александра Невскаго. Вслѣдъ затѣмъ Григорій Дадіанъ получилъ Высочайшую золотую грамоту, обозначавшую его инвеституру, званіе сардара, т. е. главнокомандующаго войсками Мингреліи, государственное знамя и осыпанную брилліантами шашку. Право на жизнь и свободу своихъ подданныхъ Дадіанъ безусловно уступилъ Русскому Царю; по внутреннему же управленію страною и по суду гражданскому онъ оставался полновластнымъ владѣтелемъ. Согласно его просьбѣ, въ Мингрелію были высланы русскія войска, и, 27 Сентября 1804 года, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ о занятіи Мингреліи полуротою артиллеріи и Бѣлевскимъ егерскимъ полкомъ. Такимъ образомъ попытки царя Соломона отбить у него провинцію Лечгумъ были парализованы.

Жилъ Григорій Дадіанъ въ м. Зугдиди, которое въ 1837 г. возведено было въ степень города и названо Григоріополемъ. Императоръ Александръ I благоволилъ къ князю Григорію и пожертвовалъ въ соборъ въ его резиденціи икону Влахернской Божіей Матери, поднесенную ему мингрельскимъ народомъ. 23 октября 1804 года Григорій Дадіанъ внезапно скончался, отравленный убійцами, подосланными царемъ Соломономъ; погребенъ въ Мартвильскомъ монастырѣ въ сенакскомъ уѣздѣ кутаисской губерніи.

«Акты собранные Кавказской Археографической комиссіей», т. III. Тифлисъ 1869 г. «Закавказскія воспоминанія». Мингрелія и Сванетія (1854—1861). К. А. Бороздина. СПБ. 1885. стр.: 4—5. — «Русская Старина», 1880 т. 28. стр. 24 — 25, 33, 365. (Въ ст. сообщ. Ад. П. Берже. «Присоединеніе Грузіи къ Россіи».) — Происшествія, сопровождавшія присоединеніе Мингреліи къ Россіи. Кавказъ. 1849. № 21. стр. 84.

Б. Т.

Дадіанъ, князь *Давидъ Левановичъ*, генералъ-маіоръ, владѣтель Мингреліи, изъ рода Чиковани, родился въ 1812 г., умеръ въ 1853 г. Образованіе и воспитаніе получилъ подъ руководствомъ князя В. О. Бебутова и Г. В. Розена, которые старались приготовить для Мингреліи опытнаго правителя. Въ 1829 г., 15-го февраля, онъ поступилъ корнетомъ въ л.-гв. Казачій полкъ, въ которомъ прослужилъ до чина полковника. 11 мая 1840 г., съ Высочайшаго соизволенія, ему передано было отцомъ его, кн. Леваномъ, управленіе Мингреліей. По вступленіи въ управленіе страною, князь Давидъ занялся коренною реформою управленія Мингреліей. Княжеская казна была расхищена, всюду господствовала полная анархія. Давидъ Дадіанъ раздѣлилъ Мингрелію на нѣсколько округовъ и Управителемъ каждаго изъ нихъ назначилъ сидиванбековъ изъ самыхъ родовитыхъ князей. До него судья былъ лицомъ несмѣняемымъ и должность эта по наслѣдству переходила изъ рода въ родъ; Дадіанъ же сдѣлалъ судей смѣняемыми и установилъ таксу за выполненіе судебныхъ функцій. Въ управленіи округами была имъ примѣнена особо составленная инструкція, очень подходящая къ „Положенію“ 1842 г. объ управленіи Закавказскимъ краемъ. Кромѣ того, Давидъ Дадіанъ организовалъ удѣльное вѣдомство и, желая пріобщить къ своему удѣлу церковное имѣніе, подчинилъ своему вліянію главу чернаго духовенства, Чкондидели, жившаго въ Мартвильскомъ монастырѣ и занимавшаго независимое положеніе. Онъ убѣдилъ его перевести поборы натурою и издѣльную повинность на деньги, доказывая, что всякое хозяйни-

чанье и поборы роняютъ значеніе епископа. Вслѣдствіе этого каждый домъ крестьянина епископскихъ имѣній, вмѣсто натуральныхъ приношеній и работъ, былъ обложенъ тремя рублями, и Чкондидели сталъ получать до 12.000 руб., Давидъ предполагалъ вслѣдъ затѣмъ вносить эти 12.000 руб. изъ своего казначейства Чкондидели и все его имѣніе записать въ свой удѣлъ. Послѣ смерти епископа, на его мѣсто, по указанію Давида, былъ назначенъ Ѳеофанъ, съ помощью котораго онъ и рѣшилъ привести въ исполненіе этотъ свой планъ. Въ 1842 году, управляя Мингреліей, еще при жизни отца своего Григорія, Давидъ освободилъ бѣлое духовенство Мингреліи отъ крѣпостной зависимости. До него священники отбывали личныя и поземельныя повинности наравнѣ съ другими крестьянами. Священники исполняли разныя хозяйственныя работы и зачастую перетаскивали тяжести во время передвиженія господъ, находясь въ числѣ ихъ прислуги.

Женившись въ 1839 г. на дочери князя Александра Чавчавадзе, Екатеринѣ, онъ приступилъ по смерти отца своего къ постройкѣ въ Зугдидахъ роскошнаго дворца и развелъ при немъ великолѣпные сады, не жалѣя для этого ни рабочихъ силъ, ни денегъ, и велъ образъ жизни совершенно на европейскій ладъ. Своими реформами и установленіемъ новыхъ налоговъ Давидъ Дадіанъ пріобрѣлъ себѣ много враговъ среди дворянскаго класса, но, какъ человѣкъ энергичный и рѣшительный, преслѣдовавшій практическія цѣли по устройству своихъ имѣній, онъ мало обращалъ вниманія на неудовольствіе подданныхъ. Онъ былъ законодателемъ, судьей и, будучи строгимъ исполнителемъ закона и считалъ себя вправѣ пользоваться имуществомъ подданныхъ когда въ томъ встрѣчалъ надобность. Ропотъ на его самоуправство росъ среди народа и вызывалъ со стороны Дадіана нерѣдко жестокія мѣры даже противъ лицъ высшаго класса, въ надѣждѣ на поддержку русскою военною силой, согласно трактату 1803 г. Мингреліи грозила усобица, и русское правительство принуждено было вмѣшаться въ дѣла управленія Давида Дадіана. Кн. Воронцовъ предлагалъ владѣтелю Мингреліи за денежное вознагражденіе отказаться отъ своей власти, но Дадіанъ, въ отвѣтъ на предложеніе, требовалъ оставленія за нимъ всѣхъ его имѣній и выдачи ему 30.000 червонныхъ. Однако это требованіе не было уважено, и Давиду Дадіану дано было понять, что жестокій способъ правленія повлечетъ за собою упраздненіе его автономіи. Давидъ понялъ опасность своего положенія и смягчилъ свое самоуправство но по-прежнему продолжалъ свои поборы, накопивъ до милліона рублей червонными. Въ 1845 г. кн. Давидъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры; а въ августѣ 1853 г. умеръ въ Горди, 40 лѣтъ отъ роду, завѣщавъ своей вдовѣ продолжать намѣченный имъ образъ правленія Мингреліей.

«Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 г. по 1861 г.» К. А. Бороздина, СПб. 1885 г.—„Русская Старина“ 1871 г. т. III стр. 460; 1873 г. т. VII стр. 107, 696; 1876 г. т. XVII стр. 324, 831; 1878 г. т. XXII стр. 419, 1880 г. т. XXVII стр. 297; 1883 г. т. XXXVIII. 659. «Исторія л.-гв. Казачьяго полка», составлена офицерами полка СПб. 1876 г.—La Mingrélie (Ancienne Colchide) par. J. Mourier. Odessa. 1883. p: 50—51.—Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссій. т. 9. Тифлисъ, 1884.

Б. Т.

Дадіанъ, свѣтлѣйшая княгиня *Екатерина Александровна*, правительница Мингреліи, статсъ-дама, кавалерственная дама, родилась въ 1816 г., умерла 8 августа 1882 г. Внучка Герсевана князя Чавчавадзе и вторая дочь князя Александра Герсевановича Чавчавадзе, героя отечественной войны и командира Нижегородскаго полка, извѣстнаго грузинскаго поэта, княгиня Дадіанъ получила въ домѣ родителей, въ Тифлисѣ, блестящее домашнее образованіе. Въ свѣтъ она выѣзжала въ сопровожденіи своей старшей сестры, вдовы Грибоѣдова, Нины Александровны, и поражала всѣхъ своею красотою и остроуміемъ. Въ 1839 г., она вышла замужъ за сына владѣтеля Мингреліи, князя Давида Дадіана, и уѣхала съ нимъ въ Зугдиди. Тамъ она погрузилась въ новый міръ, не имѣвшій ничего общаго съ его прошлымъ. Мужъ не посвящалъ ея въ дѣла управленія, но зато она пользовалась всѣми удобствами новой жизни, примѣняясь къ нравамъ и обычаямъ страны. Подъ ея личнымъ руководствомъ возникъ знаменитый садъ въ Зугдиди, равнаго которому не было во всемъ Закавказьѣ. Въ 1840 г. мужъ ея сталъ правителемъ Мингреліи, и въ первые же годы послѣ этого она пережила много горя. Отецъ ея, князь

Чавчавадзе, трагически окончилъ свою жизнь, упавъ съ дрожекъ, и трое изъ дѣтей княгини умерли, а въ 1846 г. умеръ и свекоръ ея, къ ней расположенный, князь Леванъ. Тутъ же княгиню Екатерину постигло новое огорченіе: мужъ ея, Давидъ Левановичъ, вдругъ охладѣлъ къ ней и, наоборотъ, сталъ необыкновенно довѣрчивъ къ брату своему Григорію и его женѣ Терезіи, посвящалъ ихъ въ дѣла правленія и готовилъ изъ брата своего помощника. Видя въ Григоріи своего непримиримаго врага, княгиня Екатерина не на шутку испугалась и неоднократно ѣздила въ Тифлисъ для совѣта съ родными. Въ 1853 г., она овдовѣла и на время малолѣтства своего сына Николая была, по Высочайшему повелѣнію, назначена правительницею Мингреліи, а вмѣстѣ съ тѣмъ пожалована орденомъ св. Екатерины 1-й степени. Тяжелая пора наступила для молодой княгини. Четверо малолѣтнихъ дѣтей было на рукахъ у нея, и заботу о воспитаніи ихъ она уступила заботѣ о странѣ. Неопытная и незнавшая труда и заботы при жизни мужа, она теперь всецѣло отдалась изученію дѣлъ у правленія. Въ помощь ея управленію былъ назначенъ особый совѣтъ, состоявшій изъ братьевъ ея мужа Григорія и Константина и др. князей,—которые не только не помогали ей въ тяжелую для нея пору, но даже создавали для нея трудности; епископъ мингрельскій Феофанъ также оставался совершенно безучастнымъ къ княгинѣ, но „Дедопали“ (царица, какъ называлъ ее народъ) не смущалась этимъ. Она вставала въ 6 часовъ утра, и съ 8 часовъ у нея начинались доклады, являлись просители, которыхъ, по обычаю, она должна была непремѣнно принять, выслушать, исполнить просьбу или урезонить: всѣ подданные безразлично имѣли къ ней доступъ. Основною опорою гражданственности въ Мингреліи было обычное право, попираемое высшимъ классомъ, а потому разсмотрѣніе такихъ дѣлъ представляло княгинѣ огромное затрудненіе, а тутъ еще пришлось разрабатывать вопросы, созданные мужемъ. Едва успѣла она предать землѣ прахъ мужа, какъ въ сосѣднемъ укрѣпленіи Св. Николая, на берегу Чернаго моря, начались военныя дѣйствія. Послѣ занятія турками Редутъ-Кале, она оставила Зугдиди и переѣхала въ нагорную часть страны, въ лѣтнюю резиденцію правителя Горди. Въ то же время въ Абхазіи высадился турецкій паша Саферъ-Бей съ 36 орудіями и 2000 войска и горцы сосѣднихъ ауловъ стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Мингреліи грозила серьезная опасность. Назначеніе князя Багратіона-Мухранскаго начальникомъ Гурійскаго отряда сильно ободрила правительницу, тѣмъ болѣе, что онъ былъ ея родственникомъ. Въ 3 верстахъ отъ русскаго лагеря, на берегу рѣки Техура, въ селеніи Квашихоры, поселилась княгиня въ домѣ своей родственницы, княгини М. Н. Шервашидзе, (рожд. Дадіанъ), гдѣ и ожидала прибытія новаго главнокомандующаго. Невозможность жить въ Зугдидахъ была для княгини истиннымъ лишеніемъ; тамъ былъ у нея огромный домъ съ мебелью, выписанною изъ Парижа, любимый, великолѣпный садъ, между тѣмъ какъ внѣ своей резиденціи она жила безъ всякихъ удобствъ, сильно стѣсненная, испытывая различныя лишенія. Въ серединѣ лѣта княгиня была снова встревожена извѣстіемъ о томъ что Ферхадъ-паша (прусскій эмигрантъ Штейнъ) высадился съ большими силами на берегъ Абхазіи и ожидалъ тамъ еще подкрѣпленій. Для княгини наступила критическая минута, а тутъ еще она узнала о неудачномъ штурмѣ Карса 17 сентября и получила извѣстіе, что Омеръ-паша уже двинулся на Мингрелію. Послѣ неудачнаго дѣла на Ингурѣ, русскіе отступили къ Хетаму, и резиденція княгини была взята турками. Кровью обливалось сердце княгини при видѣ гибели ея страны. Русскія войска отступали къ Цхенисъ-Цхане, а мингрельская милиція, надежда княгини,—разсѣялась и разошлась по домамъ.—Мингрелія досталась туркамъ. Наканунѣ сраженія княгиня спустилась изъ Горди въ равнину Одиши, въ Квашихорахъ ожидала извѣстій и, узнавъ о неудачѣ, поспѣшила въ Горди къ дѣтямъ, забывъ въ эти минуты всѣ другія чувства, кромѣ заботы о нихъ. Ночью 28 ноября, Багратіонъ Мухранскій прислалъ предложеніе княгинѣ выѣхать изъ Горди и въ Имеретіи ожидать прибытія его отряда въ м. Хони, такъ какъ, по мнѣнію Багратіона, личная безопасность княгини не была обезпечена. На другой день въ 9 ч. утра она двинулась въ путь, но на Гординской горѣ была встрѣчена братомъ ея покойнаго мужа, княземъ Константиномъ, съ множествомъ мингрель-

скихъ князей. Князья уговаривали правительницу не покидать страны, клялись укрыть ее и правителя въ надежномъ мѣстѣ и защищать ихъ до послѣдней капли крови. Тронутая ихъ преданностью, княгиня осталась въ Мингреліи и переѣхала въ Лечгумъ, Между тѣмъ обо всемъ случившемся, она подробно написала и. д. намѣстника на Кавказѣ, князю Бебутову, прося у него совѣта и наставленія. Не успѣла правительница двинуться изъ Горди, какъ управлявшій ея домомъ Нико Дгебуадзе доставилъ ей письмо отъ Омера-паши изъ Зугдиди. Паша увѣщевалъ правительницу вернуться въ Зугдидскій дворецъ и вступить въ управленіе страною, обѣщая покровительство Турціи и ея союзниковъ и суля полную независимость Мингреліи и освобожденіе ея отъ Россіи. Оставивъ письмо паши безъ отвѣта, княгиня отправила дѣтей въ Лечгумъ, а сама осталась еще на нѣсколько дней, чтобы сдѣлать нѣкоторыя распоряженія. Въ горныхъ трущобахъ въ Мури, у самаго входа въ тѣсное ущелье, черезъ которое р. Цхенисъ-Цхале проложила себѣ путь изъ Сванетіи, близъ неприступной крѣпости, въ Цагерскомъ монастырѣ поселилась княгиня съ семействомъ. Здѣсь она опять получила письмо отъ Омера-паши съ повтореніемъ тѣхъ же предложеній и съ угрозою лишить ее власти. Сильно встревоженная, княгиня отправила письмо Бебутову, не отвѣчая пашѣ на его посланіе. Между тѣмъ клевета не пощадила правительницу. Въ Тифлисѣ ходили слухи, что она вошла въ сношеніе съ Омеромъ-пашей, принявъ сторону турокъ. Около 20 ноября она получила отвѣтъ отъ Бебутова съ предложеніемъ выѣхать въ Тифлисъ, но выѣхать туда она уже не могла. Князья и милиція выражали ей полную готовность сражаться за Россію, и въ этотъ торжественный моментъ она не могла оставить ихъ на произволъ. Однако, съ другой стороны, неисполненіе требованія намѣстника могло быть принято за ослушаніе и навлечь на княгиню гнѣвъ Государя. Княгиня находилась въ ужасномъ положеніи, но извѣстіе о взятіи наконецъ Карса разрѣшило вопросъ. 23 ноября выѣхала она, окруженная свитой, въ русскій отрядъ. 26 ноября княгиня была уже въ Имеретіи въ м. Хони и, ставъ во главѣ мингрельской милиціи, направилась черезъ Цхенисъ-Цхале въ Мингрелію. Въ буркѣ и башлыкѣ, окруженная блестящимъ конвоемъ, она принимала участіе въ перестрѣлкахъ съ турецкими пикетами, находясь постоянно подъ выстрѣлами. Одушевляемые ею милиціонеры во всѣхъ пунктахъ отбрасывали турокъ, отъ которыхъ княгиня не переставала получать любезныя письма. Между тѣмъ, Гурійскій отрядъ былъ подкрѣпленъ, Омеръ-паша перешелъ въ отступленіе, и вскорѣ княгиня Дадіанъ опять въ Квашихорахъ встрѣчала князя Бебутова. Домъ ея въ Зугдиди былъ сожженъ турками, имущество разграблено, а садъ вырубленъ. Въ концѣ января 1855 г. правительница вернулась въ Горди. Въ теченіе полутора мѣсяца не сходила она съ лошади, находясь въ походѣ во главѣ милиціи.

Въ мартѣ 1856 г., послѣ Парижскаго договора, княгиня получила приглашеніе на коронацію, и ей пришлось оставить управленіе Мингреліей Григорію Дадіану, интриговавшему всегда противъ нея. Поэтому въ данной ему инструкціи она во многомъ ограничила его власть, какъ правителя. Въ Москвѣ ее ожидали почести. Государь и Императрица осыпали княгиню и семью ея ласками а, 26 августа 1856 г. она была пожалована въ статсъ-дамы. Красавица — княгиня, окруженная мингрельскими князьями, занимала одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ во время коронаціонныхъ торжествъ. Послѣ коронаціи Государь пригласилъ княгиню въ Петербургъ, и она провела тамъ зиму и весну 1857 г. Въ это время въ Мингреліи начались безпорядки. Князь Григорій искусственно вызвалъ неудовольствіе крестьянъ, и тѣ поднялись противъ дворянства, притѣснявшаго низшій классъ. Княгиня поспѣшила въ Мингрелію. Въ маѣ, 1857 г. она пріѣхала въ Тифлисъ, а оттуда къ себѣ, въ Зугдиди. Въ селеніи Кулашахъ она была встрѣчена епископомъ и князьями и, узнавъ о случившемся, отправилась въ Горди. Въ Мингреліи царила полная анархія, шайки крестьянъ открыто поднялись противъ господъ. Сопровождаемая епископомъ поѣхала княгиня въ Салхино, гдѣ вспыхнуло первое пламя бунта и вступила въ переговоры съ толпою. Между тѣмъ, и среди дворянъ была подготовлена княземъ Григоріемъ враждебная для княгини партія, недовольная учрежденіемъ дома (саудіера). Увидя себя одинокою и безпомощною, осажденною со

всѣхъ сторонъ врагами, она обратилась къ Кутаисскому губернатору Колюбакину, который и поспѣшилъ съ отрядомъ казаковъ на помощь княгинѣ. Безъ особенныхъ усилій, безъ кровопролитія, возстановилъ Колюбакинъ порядокъ и, обнаруживъ беззаконія, учиняемыя надъ крестьянами Мингрельскими князьями, принялъ энергичныя мѣры. Княгиня была недовольна образомъ дѣйствій Колюбакина и жаловалась письмомъ на него князю Барятинскому. Между тѣмъ въ Зугдиди пріѣхалъ князь Гагаринъ для производства дознанія по этому дѣлу, а также въ Мингрелію прибыла особая коммисія подъ предсѣдательствомъ Д'Аспинъ Дюкасси. Недовольная дѣйствіями Дюкасси, княгиня была возбуждена и противъ князя Барятинскаго, который черезъ своихъ уполномоченныхъ лицъ предлагалъ ей подать просьбу Государю объ освобожденіи ея отъ званія правительницы, въ виду воспитанія сына въ одной изъ столицъ, а на время отсутствія ея учредить въ Мингреліи особое русское управленіе. Ни доводы Дюкасси, ни другихъ лицъ не привели ни къ чему: княгиня уклонилась отъ отвѣта и, послѣ отъѣзда оттуда Дюкасси, вопросъ о введеніи въ Мингреліи русскаго управленія былъ рѣшенъ. Въ сентябрѣ Колюбакинъ вступилъ въ управленіе Мингреліей, однако дѣлу по введенію русскаго правленія въ Мингреліи сильно препятствовало присутствіе княгини. Тогда, вслѣдствіе представленія князя Барятинскаго, послѣдовалъ на имя княгини рескриптъ Императора Александра II, который, въ милостивыхъ выраженіяхъ, вызывалъ княгиню съ семействомъ въ Петербургъ. 25 октября 1857 г. княгиня Дадіанъ выѣхала изъ Мингреліи. Въ Петербургѣ княгиня встрѣтила сердечное участіе Государя и всей Царской Семьи. Имущественныя дѣла ея были блестяще устроены, и 25 лѣтъ послѣ того она провела спокойно и счастливо. Въ этотъ промежутокъ времени княгиня нѣсколько разъ была за границей и, наконецъ, вернулась въ Мингрелію, гдѣ и жила послѣдніе годы своей жизни въ Зугдиди, какъ частное лицо. Она скончалась на 66 году отъ болѣзни сердца и погребена въ Мартвильскомъ монастырѣ рядомъ со своимъ мужемъ.

„Русская Старина“, «Историческій Вѣстникъ“, passim, „Закавказскія воспоминанія Мингрелія и Сванетія“ съ 1854 г. по 1861 г. К. А. Бороздина. СПб. 1885 г. Календарь Суворина. 1883. стр. 274 (Некрологъ) — Русскій Архивъ 1889. т. 3. стр. 234—248; 334—336. — La Mingrélie (ancienne Colchide) par. J. Mourier. Odessa. 1883. p. 51—71. *Б. Т.*

Дадіанъ, князь *Константинъ Левановичъ*, родился 18 октября 1819 г., скончался 1889 г. Воспитаніе получилъ въ пажескомъ Его Величества корпусѣ и по окончаніи курса былъ выпущенъ въ 1839 г. хорунжимъ въ Атаманскій, казачій полкъ. Въ 1842 году Дадіанъ былъ назначенъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, гдѣ въ 1844 г., участвовалъ въ боѣ противъ горцевъ въ Дагестанскомъ отрядѣ. Находясь при братѣ своемъ, правителѣ Мингреліи, князь Константинъ, съ 1846 по 1848 г., предпринималъ походъ въ Чечню, гдѣ неоднократно участвовалъ въ стычкахъ съ горцами. Во время мятежа, вспыхнувшаго въ Самурзаканѣ въ 1849 г., онъ оказалъ немало услугъпри подавленіи его и за усердіе награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ февралѣ 1853 г., князь Константинъ находился въ дѣйствующемъ отрядѣ въ Большой Чечнѣ, но смерть его брата, послѣдовавшая въ августѣ того-же года, заставила его вернуться изъ отряда въ Зугдиди, чтобы занять постъ члена совѣта, назначеннаго въ помощь правительницѣ Мингреліи, вдовѣ умершаго князя, княгинѣ Екатеринѣ Дадіанъ. Прибытіе князя Константина въ Мингрелію совпало съ началомъ враждебныхъ дѣйствій турокъ со стороны Чернаго моря въ началѣ Восточной войны, и онъ вступилъ въ командованіе всею мингрельской милиціей. Тяжелая задача выпала на долю князя Константина, когда, послѣ бомбардировки англичанами Редутъ—Кале, 7 Мая 1854 г., крѣпость была занята турками, и среди милиціонеровъ стали все чаще повторяться случаи измѣны и дезертированіе. 25 октября 1854г., въ сраженіи подъ Коками и Кокатами, длившемся въ продолженіи всего дня, князю Константину Дадіану пришлось со своей милиціей выдержать напоръ всего турецкаго корпуса, и онъ при этомъ обнаружилъ чудеса храбрости, увлекая за собою и милиціонеровъ. Послѣ отступленія русскихъ войскъ за Цхенисъ-Цхале въ Имеретію, мингрельская милиція, охранявшая верхнюю часть Мингреліи, разсѣялась по домамъ, и князю Константину удалось лишь удержать при себѣ небольшую ея часть, съ которою онъ сначала примкнулъ къ

Гурійскому отряду, затѣмъ охранялъ правительницу Мингреліи. Узнавъ, что княгиня Дадіанъ собирается покинуть Мингрелію и съ семействомъ отправиться въ Имеретію, Константинъ Дадіанъ, во главѣ старѣйшихъ князей, встрѣтилъ стѣзжавшую княгиню на Гординской горѣ и убѣдилъ ее не покидать страны въ такую критическую минуту, клянясь до послѣдней капли крови защищать и ее, и малолѣтняго владѣтеля Мингреліи. Послѣ паденія Карса князь Константинъ снова собралъ милицію и съ нею вмѣстѣ вошелъ въ составъ Гурійскаго отряда, удачно дѣйствуя противъ турецкихъ войскъ. Во время отъѣзда княгини Дадіанъ на коронацію, въ Москву, князь Константинъ получилъ большія полномочія въ управленіи Мингреліи, пользуясь особымъ довѣріемъ правительницы. Въ 1857 г. онъ былъ вызванъ княгинею въ Петербургъ, гдѣ былъ милостиво принятъ Государемъ и въ 1858 г., назначенъ флигель-адъютантомъ Государя Императора Александра II. Во время возмущенія въ Мингреліи, бывшаго въ 1857 г., князь Константинъ все время находился при правительницѣ, но при пріѣздѣ кутаисскаго губернатора генерала Колюбакина, по его предложенію, вмѣстѣ со своимъ братомъ Григоріемъ, выѣхалъ въ Тифлисъ. Въ 1866 г., онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Въ 1877 г. году, съ открытіемъ турецкой войны, князь Константинъ Дадіанъ находился въ дѣйствующемъ отрядѣ на кавказско-черноморскомъ побережьѣ, командуя отрядами и находясь въ непрерывныхъ стычкахъ и дѣлахъ съ десантными отрядами непріятеля. Въ дѣлѣ 15 іюня 1877 г. онъ былъ контуженъ осколкомъ гранаты при обстрѣливаніи береговой линіи турецкой эскадры, По окончаніи войны онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ зачисленіемъ по кавказской арміи. Знакомство съ Кавказомъ и его обычаемъ, дало возможность князю Константину, въ 1887 году, занять постъ мирового посредника селакскаго уѣзда кутаисской губерніи и успѣшно исправлять свои обязанности до самой смерти. Женатъ былъ князь на княгинѣ Маріи Георгіевнѣ Дадіановой.

«Закавказскія воспоминанія». Мингрелія и Сванетія съ 1854—1861. К. А. Бороздина. Спб. „Русская Старина", 1873, Формулярный списокъ изъ упр. л. г. казачьихъ войскъ. Пажи за 185 лѣтъ. О. Фонъ-Фрейманъ. Фридрихсгамъ. 1897. стр. 340. — Біографич. матеріалы, собран. въ Историч. Музеѣ Пажескаго Корп.

Б. Т.

Дадіани, князь *Леванъ Григорьевичъ*, сынъ кн. Григорія Каціевича, еще мальчикомъ былъ посланъ отцомъ своимъ въ качествѣ заложника къ Келишъ-Бею Шервашидзе, управлявшему Абхазіею подъ покровительствомъ Турціи. По смерти отца, едва достигнувъ 10 лѣтъ, онъ былъ по, настоянію русскаго правительства, возвращенъ въ Мингрелію и признанъ владѣтельнымъ княземъ, подъ условіемъ оставаться до совершеннолѣтія подъ опекою матери; она управляла страною, какъ регентша, вмѣстѣ съ совѣтомъ, составленнымъ изъ главнѣйшихъ сановниковъ Мингреліи. Въ 1806 г. была совершена присяга кн. Левана со всѣмъ дворянствомъ въ вѣрности Россіи; молодому князю были вручены: знамя, перстень и сабля, данныя еще отцу его, какъ знаки верховной власти, и грамота на чинъ генералъ-маіора съ орденомъ св. Анны I ст. Вскорѣ послѣ этого вспыхнула война война между Россіей и Турціей; гр. Гудовичъ двинулся къ Ахалцыху; четырнадцатилѣтній кн. Леванъ присоединился со своею милиціей къ отряду генерала Ронггоера, который блокировалъ Поти. Въ концѣ 1809 г. кн. Леванъ сражался вторично во главѣ своей милиціи подъ начальствомъ ген.-маіора Орбеліани подъ стѣнами Поти, а также участвовалъ въ разбитіи сераскира Сераеръ-Паши, который двигался на выручку отряда, осажденнаго въ Поти. Въ первой половинѣ 1810 г. кн. Дадіани, предводительствуя милиціей, оставался при генералѣ Симоновичѣ и оказалъ ему большую помощь; въ томъ же году, подъ начальствомъ ген. Тормасова, онъ участвовалъ въ походѣ къ Ахалцыху, за который былъ награжденъ Высочайшимъ рескриптомъ и орденомъ Св. Владиміра II ст. По возвращеніи изъ этого похода кн. Дадіани женился на дочери перваго имеретинскаго сановника, княжнѣ Мареѣ Церетелли. Вскорѣ послѣ этого онъ, по просьбѣ матери, и съ соизволенія Государя Императора, принялъ бразды правленія. Два года были посвящены кн. Леваномъ на усмиреніе Самурзаканской области и возстановленіе тамъ порядка и спокойствія. Въ 1818 г. онъ совершилъ походъ въ Абхазію, а въ 1820 г., во время возстанія въ Имеретіи и

Грузіи, оказалъ большія услуги нашимъ войскамъ, устроивъ перевозку продовольствія; въ тоже время онъ лично содѣйствовалъ, находясь во главѣ своей милиціи, усмиренію безпорядковъ въ краѣ. Императоръ Александръ I, въ награду за вѣрность, пожаловалъ кн. Дадіани чиномъ генералъ-лейтенанта. Въ 1824 г., при первомъ извѣстіи о возмущеніи въ Абхазіи, кн. Леванъ предложилъ собрать свою милицію; исполняя распоряженія кн. Горчакова при переправѣ черезъ р. Кадоръ, кн. Леванъ нанесъ пораженіе непріятелю и за этотъ подвигъ былъ награжденъ золотой саблей, украшенной брилліантами. Въ 1830 г., по ходатайству кн. Паскевича-Эриванскаго, кн. Дадіани получилъ орденъ Св. Александра Невскаго, а мингрельская милиція была пожалована почетнымъ знаменемъ.

Обращаясь къ личности кн. Левана, какъ владѣтельнаго князя, мы можемъ только сказать, что онъ не выказывалъ особенной наклонности къ дѣятельности административной; оставшись послѣ смерти отца ребенкомъ, не получивъ никакого образованія, по натурѣ добрый и безпечный, онъ проводилъ время въ пирахъ и на охотѣ, скучая за дѣловыми занятіями. Всѣми дѣлами внутренняго управленія и хозяйствомъ при неограниченномъ довѣріи кн. Левана, завѣдывалъ его родственникъ Диди-Нико. 11 мая 1840 г. кн. Леванъ передалъ управленіе Мингреліей своему сыну, кн. Давиду, который нашелъ хозяйственную часть страны въ самомъ плачевномъ состояніи. Кн. Леванъ скончался въ 1845 г.; тѣло его погребено въ Мартвильскомъ монастырѣ.

Московское отдѣл. Архива Главнаго Штаба; изъ дѣлъ Инспекторскаго Департамента: за 1821 г. № 100 связка 206—227; № 764, связка 376 за 1824 г.; а также дѣла съ 1825—1830 гг, того же Департамента.—Поминки и Некрологія князя Левана Дадіани. Статья Ал. П. Газета „Кавказъ“. 1846. № 26 и 39 и 1847 № 21 и № 23 (поправка къ предъидущей статьѣ).—Въ статьѣ Ад. П Берже „Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 г.“. Русс. Стар. 1884 г. т. 43 стр. 381—382.—Акты, собранные кавказской археографической комиссіею т. 9. Тифлисъ 1884 г. стр. 180—181. *А. Ш.*

Дадіанъ — Мингрельскій, князь *Николай Давидовичъ*, генералъ-маіоръ, сынъ Давида, владѣтеля Мингреліи, родился 4 января 1847 г., умеръ на Кавказѣ въ 1889 г. Послѣ смерти отца своего въ 1857 г., онъ остался на попеченіи матери, княгини Екатерины Дадіанъ, назначенной до его совершеннолѣтія правительницею Мингреліи и первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ К. А. Бороздина, состоявшаго при правительницѣ. Во время занятія турками Редутъ-Кале, въ 1854 г., онъ находился при матери въ м. Горди, а затѣмъ до перваго пораженія турокъ, находился въ провинціи Лечкумъ въ Цаирскомъ монастырѣ. Семилѣтнему мальчику пришлось переносить всѣ ужасы войны и видѣть бѣдственное положеніе своего княжества. По окончаніи военныхъ дѣйствій съ турками, онъ съ матерью отправился въ 1856 г. въ Москву на коронаціонныя торжества. Записанный со дня своего рожденія л-гв. въ Казачій полкъ корнетомъ, онъ 23 апрѣля 1850 г. былъ произведенъ въ поручики и 26 августа 1856 года назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству, и въ томъ же году 22 октября былъ зачисленъ л-гв. въ Кавказскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвой. Послѣ отъѣзда въ 1857 г. княгини Екатерины Дадіанъ изъ С.-Петербурга, князь Николай былъ оставленъ при дворѣ и пользовался большимъ расположеніемъ Государя Императора и всей царственной Семьи. Отправленный за границу, онъ получилъ окончательное воспитаніе и образованіе въ Парижѣ. 4 января 1868 г. Дадіанъ былъ произведенъ въ штабъ-ротмистры; въ этомъ же году онъ отказался отъ правъ владѣтельнаго князя, получивъ въ вознагражденіе милліонъ рублей и маіоратъ; матери его, брату Андрею и сестрѣ Соломеѣ, вышедшей потомъ замужъ за кн. Ахилла Мюрата, пожалована была пожизненная пенсія. 30 авг. 1874 г., по Высочайшему повелѣнію кн., Николай получилъ фамилію: Дадіанъ-Мингрельскій. Въ 1875 г. князь Дадіанъ Мингрельскій былъ переведенъ въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ и былъ зачисленъ въ дѣйствующій отрядъ генералъ-адъютанта Гурко, съ которымъ и участвовалъ 25 іюня при взятіи г. Тырново; 2 іюля въ сраженіи при деревняхъ Хаинкіой и Каноро, 4-го у д. Уфлани, 5-го при взятіи гор. Казанлыка и непріятельскаго лагеря у д. Шипки, 7-го при занятіи Шипкинскаго перевала и 18 при Ени-Загрѣ и взятіе этого укрѣпленія, и во многихъ другихъ дѣлахъ, и за отличія, оказанныя имъ въ этихъ дѣлахъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 сте-

пени съ мечами, и бантомъ и пожалованъ золотымъ налашемъ съ надписью „за храбрость“. 30-го августа 1877 г. онъ былъ произведенъ въ полковники, 30 августа 1878 года произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ запасъ арміи, а въ октябрѣ того же года уволенъ въ отставку съ мундиромъ.

«Упраздненіе двухъ автономій (отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ»). К. А. Бороздина. Историч. Вѣст. 1885 г. Т. 20. стр. 599. «Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854—1866 г.» К. А. Бороздина С.-Петербургъ 1885 г.—Николай Николаевичъ Муравьевъ во время его намѣстничества на Кавказѣ. 1854—1856. Сообщ. А. П. Берже. Русс. Ст. 1873. т. 8 по стр. 607. — La Mingrèlie (Ancienne Colchide) par. Mourier Odessa. 1883. P. 72—73.—Послужной списокъ изъ общаго архива Главнаго Штаба.

Б. Т.

Дадіанъ, княгиня *Нина Георгіевна*, статсъ-дама, кавалерственнаядама, жена правителя Мингреліи Григорія Дадіана, перваго изъ мингрельскихъ правителей, принявшихъ русское подданство, дочь послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, родилась 15 апрѣля 1772 г. и на 16 году сдѣлалась женою Дадіана. Въ 1803 г. 1 декабря, послѣ присяги ея мужа на вѣрноподданство, княгиня Дадіанъ получила Высочайшій подарокъ — соболій мѣхъ и 10 аршинъ пунцоваго бархату. Послѣ смерти мужа, во время малолѣтства своего сына Левана, правила страною, а по достиженіи имъ совершеннолѣтія была отозвана въ С.-Петербургъ, гдѣ провела остальные годы своей жизни, находясь при Высочайшемъ Дворѣ. Скончалась княгиня въ С.-Петербургѣ 31 мая 1847 г. и похоронена въ церкви св. Іоанна Златоустаго въ Александро-Невской Лаврѣ.

„Закавказскія воспоминанія“ К. А. Бороздина. С.-Петербургъ, 1885 г. стр. 4—5. Русская Старина 1895 г., LXXXIII, стр. 131.

Б. Т.

Дадіанъ, свѣтлѣйшая княгиня *Терезія Маміевна*, младшая и послѣдняя дочь Гурійскаго владѣтеля Маміи V, родилась въ 1825 году. Оставшись круглою сиротою, княжна Терезія была отправлена въ С.-Петербургъ, помѣщена въ Смольный монастырь, гдѣ и получила впослѣдствіи образованіе. По окончаніи курса она была опредѣлена ко двору. Въ 1841 году, она сочеталась бракомъ съ генералъ-лейтенантомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Григоріемъ Дадіаномъ, съ которымъ и переселилась въ Кутаисъ, гдѣ занялась благотворительными дѣлами и состояла во главѣ многихъ богоугодныхъ заведеній на Кавказѣ. Въ 1861 году, во время посѣщенія Государемъ Императоромъ Кутаиса, княгиня Терезія была пожалована орденомъ Св. Екатерины меньшого креста за свою полезную дѣятельность; награда эта была ей вручена Государемъ лично. Всю жизнь свою княгиня Терезія посвятила добрымъ дѣламъ и множество бѣдняковъ нашли себѣ спасеніе въ ея благотворительности. Скончалась она на 47-мъ году, 24-го марта 1871 года, послѣ продолжительной болѣзни. Тѣло ея было отвезено въ Мингрелію и положено въ усыпальницу мингрельскихъ владѣтелей, въ Мартвильскомъ монастырѣ.

„Иллюстрированная газета“, 1871 г., № 16.

Б. Т.

Далинъ, *Михаилъ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, р. въ 1797 г., умеръ въ 1865 г. Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей гор. Кизляра, въ 1813 г. поступилъ на службу въ Кизлярскій гарнизонный полкъ унтеръ-офицеромъ и въ 1814 г. переведенъ въ бывшій 16 егерскій полкъ; въ 1815 г. произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ Эриванскій карабинерный полкъ и въ 1817 г. произведенъ въ подпоручики, а затѣмъ въ поручики. Въ 1820 г. Далинъ участвовалъ въ дѣлахъ противъ имеретинскихъ мятежниковъ и за отличіе въ бою награжденъ орденомъ св. Анны 3 степ. и произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ 1822 г. онъ былъ въ безпрерывныхъ стычкахъ съ непокорными кабардинцами, и за оказанную въ дѣлахъ храбрость былъ награжденъ чиномъ капитана. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ персіанъ, Далинъ съ отрядомъ находился въ передовой линіи дѣйствующихъ войскъ и за боевыя отличія въ 1826 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, въ 1827 году получилъ Высочайшее благоволеніе, серебряную медаль и годовой окладъ жалованья. Въ 1828 году онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ и за мужество, оказанное въ дѣлахъ, былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью: „за храбрость“, орденомъ св. Анны 2 ст. и таковымъ-же орденомъ съ Императорскою короною, произведенъ въ маіоры, получилъ серебряную медаль и годовой окладъ жалованья. Въ 1830 году Далинъ былъ произведенъ въ подполковники и

начальствовалъ отрядами съ 1831 по 1832 г., дѣйствовавшими противъ горцевъ. Назначенный въ 1839 г. командиромъ № 16 Грузинскаго линейнаго баталіона, онъ былъ въ 1841 году произведенъ въ полковники и въ 1845 году, по болѣзни, уволенъ отъ службы; но, оправившись отъ недуговъ, въ 1847 г. снова поступилъ на службу, съ назначеніемъ командиромъ Грузинскаго № 9 линейнаго баталіона и за отличіе, въ 1852 г., былъ назначенъ командиромъ 3-й бригады Грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ и произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. Въ 1860 году Далинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, при намѣстникѣ Кавказа и 11 апрѣля 1861 г. вышелъ въ отставку.

Формулярный списокъ въ дѣлахъ Общ. архива главнаго штаба въ С.-Петербургѣ.

М.

Далматъ, 16-й архіепископъ Новгородскій (1249 — 1274 гг.). Происхожденіе и мѣсто служенія Далмата до святительства неизвѣстны; предполагаютъ, что онъ былъ въ санѣ іерея. Избраніе его въ архіепископы было въ 1249 г. а хиротонія — 25 мая 1251 г. въ Новгородѣ. Архіепископъ Далматъ принималъ большое участіе въ политикѣ Новгорода: мирилъ новгородцевъ съ св. благовѣрнымъ княземъ Александромъ Невскимъ (1255 г.) и съ княземъ Ярославомъ Владимірскимъ (1264, 1269 и 1270 гг.). Онъ, въ 1261 г., покрылъ свинцомъ Софійскій соборъ; при немъ, въ 1259 г., Новгородъ подвергся поголовной переписи монголовъ и сталъ платить имъ дань; 23 мая 1267 г. выгорѣлъ весь Неревскій конецъ въ Новгородѣ. Въ концѣ своего святительства, архіепископъ Далматъ ѣздилъ во Владиміръ на Клязьму на соборъ 1274 года, собранный, между прочимъ, по причинѣ безпорядковъ въ церковныхъ дѣлахъ новгородской епархіи,— прекращеніемъ которыхъ былъ очень озабоченъ архіепископъ Далматъ. По возвращеніи въ Новгородъ, архіепископъ Далматъ заболѣлъ и 21 октября 1274 года скончался; погребенъ онъ въ притворѣ Софійскаго собора.

Здр.

Далматъ (въ мірѣ—Дмитрій Ивановичъ Мокренскій или Макринскій), монахъ, основатель Успенскаго пермской епархіи монастыря, названнаго послѣ Далматовымъ (1644 — 1697 гг.). Уроженецъ Тобольска, сынъ казака, награжденнаго за заслуги дворянствомъ, Мокренскій былъ обученъ грамотѣ, былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. По смерти жены, онъ удалился въ Невьянскій Богоявленскій монастырь пермской епархіи и тамъ постригся въ монашество съ именемъ Далмата. Снискавъ въ короткое время любовь и уваженіе братіи монастыря, Далматъ, по любви къ пустынножительству, удалился, въ 1644 г., изъ монастыря и жилъ въ пещерѣ на лѣвомъ берегу рѣки Исети, близъ мѣстности, называемой „бѣлымъ городищемъ“, Въ 1646 г., владѣльцемъ мѣстности, татариномъ Илигеемъ, была подарена Далмату земля, на которой и устроена обитель. Въ 1649 г. была построена имъ часовня съ сѣнями, сожженная въ 1651 г. калмыками, затѣмъ начали строиться церкви, коихъ въ 1692 г. было уже три. 25 іюня 1697 г., старецъ Далматъ скончался, оставивъ игуменомъ монастыря своего роднаго сына. Далматовъ монастырь распространялъ христіанскую вѣру между окрестными инородцами, и былъ вѣрнымъ стражемъ цѣлаго Зауральскаго края противъ нападеній татарской орды и средоточіемъ, вокругъ котораго начали селиться русскіе пришельцы.

(Краткое сказ. объ основ. Далм. Успен. Мон. инокѣ Далматѣ).

Здр.

Далматъ (въ мірѣ—Дмитрій Ивановичъ Долгополовъ), епископъ новомиргородскій, викарій херсонской епархіи. Скончался 23 декабря 1883 года. Долгополовъ былъ сынъ священника и родился въ 1831 г. въ селѣ Горкахъ, коротоякскаго уѣзда, воронежской губерніи. По окончаніи курса (1847 — 1854 гг,) въ воронежской духовной семинаріи, Долгополовъ, 27 ноября 1854 г., поступилъ въ священники, но черезъ годъ овдовѣлъ и поступилъ для продолженія образованія въ кіевскую академію, гдѣ постригся въ 1858 г. въ монашество съ именемъ Далмата и въ 1859 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія. Съ 20 мая 1860 г., началъ свою педагогическую дѣятельность сначала учителемъ и помощникомъ инспектора полтавской семинаріи, а съ 30 января 1865 г. инспекторомъ и съ 6 марта 1867 г. ректоромъ екатеринославской духовной семинаріи, гдѣ онъ былъ возведенъ въ соборные іеромонахи и 15 января 1867 г. въ санъ архимандрита. Въ 1883 г., 12 марта, онъ былъ назначенъ и 10 апрѣля хиротo-

нисанъ въ епископа новомиргородскаго, викарія херсонской епархіи, но долговременные труды на педагогическомъ поприщѣ сильно разстроили его здоровье, и онъ прибылъ на новое мѣсто служенія съ порокомъ сердца, отъ котораго и скончался черезъ $8^1/_2$ мѣсяцевъ, не успѣвъ проявить своей дѣятельности въ санѣ епископскомъ. Имъ напечатано нѣсколько проповѣдей въ „Херсонскихъ епарх. вѣдомостяхъ“.

(Списки архіереевъ — Спб. 1896 г. «Церк. Вѣстникъ» 1883 года № 52; «Херсон. епарх. вѣдом.» 1884 года № 1; Дѣло арх. Св. Син. 1858 г. № 1401; «Ист. Вѣстн. 1886 г. № 12.

Здр.

Дальке *Георгій*, генералъ-поручикъ, родился въ 1713 г., умеръ 1771 г.; былъ принятъ въ русскую службу изъ польской поручикомъ въ 1738 г. Боевой офицеръ Дальке участвовалъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ. Уже въ годъ своего поступленія на русскую службу онъ былъ квартирмейстеромъ артиллеріи въ Днѣстровскомъ походѣ. При началѣ кампаніи три раза участвовалъ въ рекогносцировкѣ Хотинской крѣпости,—при пріисканіи переправы черезъ Днѣстръ, затѣмъ—въ Ставучанскомъ сраженіи, и при взятіи Хотина и Яссъ. Въ 1741 г., мы видимъ его при штурмѣ Вильманстранда, а въ слѣдующемъ году—подъ Фридрихсгамомъ. Въ 1757 году, участвовалъ въ Гроссъ-Эгерсдорфскомъ сраженіи. Въ 1758 г. Дальке слѣдитъ за непріятельскими движеніями въ Познани. Въ 1759 г., уже въ чинѣ генералъ маіора, снова былъ отправленъ въ Познань для командованія аванпостами, служившими прикрытіемъ арміи со стороны Силезіи. Въ 1761 г., былъ командированъ въ Польшу для заготовки продовольствія арміи. Въ 1762 г., съ полками, стоявшими около Познани, посланъ въ Померанію; въ 1763 году, пожалованъ былъ чиномъ генералъ-лейтенанта; въ 1770 г., находился во 2 арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ и награжденъ орденомъ св. Анны. Въ слѣдующемъ 1771 г., онъ вышелъ въ отставку по болѣзни.

Формулярный списокъ въ Моск. отд. общаго архива Главн. Штаба. Справочн. Энциклопедич. Словарь. Спб., 1855 г.

М.

Даль-фонъ, *Германъ Юрьевичъ*, въ 1772—1777 гг. былъ рижскимъ таможеннымъ инспекторомъ, въ 1786 г. произведенъ въ чинъ дѣйствит. статск. совѣтника, состоялъ совѣтникомъ для таможенныхъ дѣлъ въ С.-Петербургской казенной палатѣ, кавалеръ ордена св. Владиміра 3-й степени, умеръ 67 лѣтъ, 21 іюля 1789 г. Въ „Русской Старинѣ“, (1876 г. т. XIVI стр. 1—20), напечатанъ переводъ нѣмецкой собственноручной рукописи Даля принадлежащей собранію П. П. ф. Геца: „Бесѣды Императрицы Екатерины II съ Далемъ“, о балтійской торговлѣ, и дѣлахъ прибалтійскаго края.

(«Русск. Стар.» 1876 г., т. XVII).

Т.

Даль, *Владиміръ Ивановичъ*, сынъ Іоганна Даля, извѣстный этнографъ, лексикографъ и популярный писатель, родился 10 ноября 1801 года въ Лугани, мѣстечкѣ Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, отъ чего впослѣдствіи принялъ псевдонимъ „Казака Луганскаго“, умеръ 22-го сентября 1872 года, въ Москвѣ. Получивъ первоначальное воспитаніе подъ руководствомъ просвѣщеннаго своего отца, русскаго патріота, Даль четырнадцати лѣтъ былъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ, четырехлѣтнее пребываніе въ которомъ, благодаря принятой тогда своеобразной системѣ воспитанія, не оказало почти никакого вліянія на умственное развитіе юноши и на всю жизнь оставило только тяжелое воспоминаніе о суровой школьной дисциплинѣ и жестокихъ наказаніяхъ розгами. Выпущенный изъ корпуса, въ 1819 г., мичманомъ въ черноморскій флотъ, Даль вскорѣ перевелся изъ Николаева въ Кронштадтъ, въ балтійскій флотъ, и чрезъ два года, по выслугѣ обязательнаго срока, въ февралѣ 1826 г., вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ жила его мать, и, зачисленный на казенную стипендію, прослушалъ здѣсь курсъ медицинскаго факультета. Послѣ экзамена на степень доктора медицины и хирургіи Даль былъ удостоенъ степени доктора медицины за диссертацію: „Specimen inaugurale exhibens observationes-duas: 1) de rebratione cranii cum successu instituta, 2) de reuuto exulatione occulta“. Dorpati, 1829. Еще студентомъ, въ началѣ турецкой войны въ 1828 г., Даль былъ зачисленъ въ главную квартиру при подвижномъ госпиталѣ 2-й дѣйствующей арміи, при чемъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ: въ осадѣ Силистріи, подъ Кулевчею и Шумлою, при взятіи города Сливны, занятіи Адріанополя

и др.; въ Яссахъ и Каменецъ-Подольскѣ энергичными мѣрами онъ воспрепятствовалъ распространенію холеры и былъ награжденъ серебряною медалью на георгіевской лентѣ. Въ 1831 г., Даль отличился въ польской кампаніи: спѣшной наводкой моста чрезъ Вислу, у мѣстечка Іозефова, и геройской защитой его съ небольшимъ отрядомъ солдатъ онъ доставилъ возможность переправиться чрезъ Вислу всему отряду генералъ-лейтенанта Ридигера и совершить затѣмъ движеніе, весьма важное въ стратегическомъ отношеніи; потомъ Даль, съ опасностью для собственной жизни, лично разрушилъ мостъ и за свой подвигъ получилъ отъ Государя въ награду бриллiантовый перстень, орденъ Св. Владиміра 4-й ст. и знакъ отличія военнаго достоинства 3-й ст., а со стороны ближайшаго медицинскаго начальства за этотъ подвигъ подвергся выговору какъ за уклоненіе отъ исполненія врачебныхъ обязанностей. Чрезъ два года Даль издалъ: „Описаніе моста, наведеннаго на рѣкѣ Вислѣ“, М. 1833. Назначенный въ 1832 г. ординаторомъ въ петербургскій военно-сухопутный госпиталь, Даль вскорѣ пріобрѣлъ репутацію выдающагося хирурга и уже былъ близокъ къ славѣ, какъ окулистъ. Въ это время въ Россію проникло ученіе Ганемана, и въ Петербургѣ началось увлеченіе гомеопатіей. Аллопаты встревожились, и Даль смѣло выступилъ противъ Ганемановой системы въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей въ „Сѣверной Пчелѣ“, но потомъ, разочаровавшись въ медицинской наукѣ и сблизившись съ ярымъ поклонникомъ Ганемана, А. Перовскимъ, попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, авторомъ романа „Монастырка“, Даль самъ сталъ приверженцемъ гомеопатіи, впослѣдствіи, въ 1838 г., написалъ въ „Современникѣ“, (№ 12), въ защиту Ганемана и его системы, статью въ видѣ письма къ кн. Одоевскому: „О гомеопатіи“ (отдѣльно, СПБ. 1838 г.). Какъ ярый поборникъ-пропагандистъ Ганемановой системы, Даль, уже будучи удѣльнымъ управляющимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, исходатайствовалъ у министра удѣловъ разрѣшеніе выстроить въ Нижнемъ обширный домъ и открыть въ немъ гомеопатическую больницу, которая просуществовала до 1859 г., когда Даль вышелъ въ отставку. Совѣсть не позволила Далю заниматься тѣмъ дѣломъ, въ которое онъ уже не вѣрилъ: въ 1833 году онъ вышелъ въ отставку по военно-медицинскому вѣдомству, навсегда оставилъ медицинскую практику, за исключеніемъ хирургической, и, приглашенный на службу въ качествѣ чиновника особыхъ порученій къ главному начальнику оренбургскаго края, В. А. Перовскому, переселился на берега Урала, гдѣ впервые и обнаружилъ свои блестящія административныя способности. Въ 1837 г., Даль сопровождалъ Императора Николая I, обозрѣвавшаго Оренбургскій край, въ 1839—1840 гг., участвовалъ въ извѣстномъ хивинскомъ походѣ, описаніе неудачъ котораго напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльной брошюрой: „Bemerkungen über Zimmermanns Entwurf des Kriegstheaters Russlands gegen Chiva“, 1840, Orenburg, а болѣе подробное описаніе похода, въ видѣ писемъ къ роднымъ и знакомымъ, помѣстилъ впослѣдствіи въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г. Когда В. А. Перовскій оставилъ управленіе оренбургскимъ краемъ, Даль перешелъ на службу въ удѣльное вѣдомство секретаремъ къ товарищу министра, Л. А. Перовскому, родному брату его прежняго начальника, (1834 г.) и затѣмъ, когда Л. А. Перовскій былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Даль, по порученію его, принялъ въ свое завѣдываніе особую канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ и частно управлялъ ею съ сентября 1843 года до 1849 года, во все это время числясь на службѣ по удѣльному вѣдомству. Сдѣлавшись ближайшимъ сотрудникомъ Л. А. Перовскаго, Даль принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ начинаніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ: онъ выработалъ дѣйствующій донынѣ уставъ губернскихъ правленій, участвовалъ въ трудахъ комитетовъ по устройству бѣдныхъ дворянъ и объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, составилъ карантинныя правила, вмѣстѣ съ Н. Милютинымъ выработалъ и вводилъ городовое положеніе въ С.-Петербургѣ; по поводу дѣлъ, возникшихъ въ Западныхъ губерніяхъ онъ написалъ изслѣдованіе: „Объ убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ“; въ 1844 г., по порученію министра, составилъ чрезвычайно интересную записку о скопцахъ, напечатанную впослѣдствіи въ „Матеріалахъ для исторіи хлыстовской и скопческой ересей“ („Чт. общ. ист. и древн.“, 1872 г. кн. 4.),

издалъ брошюру: „О скопческой ереси“, въ 1844 г., кромѣ того, редактировалъ ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты по министерству внутреннихъ дѣлъ, всеподданнѣйшіе доклады и всѣ записки, предназначавшіяся для внесенія въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ. Посвященный въ тайны государственной жизни, освѣдомленный на счетъ борьбы различныхъ придворныхъ вліяній, Даль прекрасно зналъ закулисную сторону всѣхъ правительственныхъ начинаній и все это заносилъ въ свои записки, которыя очень аккуратно велъ съ 1833 по 1848 годъ, но потомъ, по независящимъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ сжечь ихъ. Въ 1849 г., благодаря настоятельнымъ просьбамъ Даля, Перовскій согласился разстаться съ нимъ и назначилъ его управляющимъ удѣльныхъ имѣній въ Нижній-Новгородъ, причемъ, и живя въ Нижнемъ, Даль умѣлъ сохранить за собою значительное вліяніе на дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, поддерживая дружескую переписку съ министромъ. Въ 1856 году умеръ графъ Перовскій: служебныя отношенія Даля начали измѣняться; между нимъ и Нижегородскимъ губернаторомъ, А. Муравьевымъ, бывшимъ декабристомъ и основателемъ „союза благоденствія“ произошло какое-то столкновеніе. Даль получилъ замѣчаніе отъ министра, вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Москву, гдѣ почти весь свой досугъ и посвящалъ работѣ надъ окончаніемъ своего „Словаря“.

Но не служебная дѣятельность создала Далю громкое имя; дѣятельность его, какъ чиновника, ничтожна въ сравненіи съ его заслугами въ области отечественной словесности. Этнографическія наклонности рано обнаружились у Даля: уже въ молодости онъ почувствовалъ какое-то инстинктивное влеченіе къ народной массѣ, безотчетное восхищеніе народной пѣснею, обычаемъ, преданіемъ, языкомъ. „Еще въ корпусѣ полусознательно замѣчалъ я,—писалъ впослѣдствіи Даль,—что та русская грамматика, по которой учили насъ съ помошью розогъ, ни больше ни меньше какъ вздоръ на вздорѣ, чепуха на чепухѣ“. Трѐвожимый и смущаемый несообразностью письменнаго языка нашего съ устною рѣчью простого русскаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотействомъ и сожалѣя, что живой русскій языкъ „втиснутъ въ латинскія рамки, склеенныя нѣмецкимъ клеемъ“, Даль задался цѣлью разыскать подлинную русскую народность въ языкѣ и обычаяхъ. „Почитая народность за ядро и корень, а высшія сословія за цвѣтъ и плѣсень“, Даль усердно искалъ случая сблизиться съ народомъ, былъ радъ поѣздить по Руси, знакомился съ бытомъ народа, уже съ 1819 г. началъ вести замѣтки, записывалъ слова, прислушивался къ говорамъ, собиралъ пословицы, сказки, пѣсни, повѣрья, суевѣрья и т. п. Служба въ Черноморскомъ флотѣ, турецкій походъ, польская кампанія, поѣздки по Оренбургскому краю и Нижегородской губерніи, — все это доставляло Далю обширный матеріалъ для изученія народнаго быта и увеличивало запасы пословицъ и матеріалы для будущаго Толковаго Словаря. Уже въ первыхъ своихъ литературныхъ опытахъ Даль обнаружилъ пріемы и ухватки народной рѣчи и выказалъ глубокое знаніе народнаго языка. Въ 1830 г., онъ напечаталъ въ Московскомъ Телеграфѣ Полеваго свою первую попытку. Въ 1832 г., онъ выступилъ съ „Русскими сказками изъ преданія народнаго изустнаго на грамоту гражданскую переложенными, къ быту житейскому приноровленными и поговорками ходячими разукрашенными казакомъ Владиміромъ Луганскимъ“, СПБ. 1832 года, Пятокъ первый. Цѣль сказокъ была „познакомить земляковъ съ народнымъ языкомъ и говоромъ, дать образчикъ занасовъ народныхъ словъ, о которыхъ мы вовсе не заботимся, между тѣмъ какъ *рано или поздно безъ нихъ не обойтись*“. Первый Пятокъ сказокъ Даля былъ встрѣченъ въ литературѣ съ восторгомъ. Пушкинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ сказокъ Луганскаго, написалъ свою лучшую „Сказку о рыбакѣ и золотой рыбкѣ“ и въ рукописи подарилъ ее Далю съ надписью: „Твоя отъ твоихъ. Сказочнику Луганскому сказочникъ Александръ Пушкинъ“. Къ направленію Даля, къ его поискамъ за подлинной русской народной рѣчью отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ Кирѣевскіе, Гоголь, Хомяковъ, Погодинъ, Гречъ,—и только Жуковскій, съ которымъ Даль былъ знакомъ еще въ Дерптѣ, оставался равнодушнымъ и „какъ бы боялся мужичества“. Сказки же ввели Даля въ литературную семью: онѣ сблизили его съ Воейковымъ, Языковымъ, Анною Зонтагъ, Дельвигомъ, Крыловымъ, кн. Одоевскимъ, братьями Перовскими и др. Иначе отнесся къ сказкамъ Даля Булга-

ринъ: онъ нашелъ ихъ „грязными и неприличными". За нѣкоторыя выраженія, ложно понятыя и истолкованныя, Даль былъ взятъ подъ арестъ въ Третье Отдѣленіе, но, благодаря заступничеству Жуковскаго и Дерптскаго профессора Паррота, въ тотъ же день былъ освобожденъ, хотя сказки его все таки были изъяты изъ продажи и запрещены. Вслѣдъ за „Сказками", встрѣтившими такой восторженный пріемъ въ литературныхъ кругахъ, появились, съ 1833 по 1839 г. „Были и небылицы казака Луганскаго", въ четырехъ частяхъ, (2-е изданіе вышло въ 1843 г.), статьи Даля въ „Сѣверной Пчелѣ" (съ 1833 по 1835 г.), въ Лексиконѣ Плюшара въ сборникахъ: „Новоселье", Смирдина, „Русская Бесѣда", „Наши" Исакова, статьи въ „Москвитянинѣ", „въ Морскомъ сборникѣ", сказки въ „Библіотекѣ для чтенія" Сенковскаго (съ 1834 по 1839 г.), въ „Современникѣ" и др. Въ „Отечественныхъ Запискахъ", начиная съ 1839 г., Даль помѣстилъ рядъ повѣстей изъ народнаго быта, лучшія изъ которыхъ — „Бѣдовикъ", „Колбасники и бородачи", „Игривый" и др. обратили на себя вниманіе критики и доставили автору не только широкую популярность, но и славу. Бѣлинскій, въ 1838 г. признавшій Даля просто „балагуромъ, иногда довольно веселымъ, иногда приторно-натянутымъ, иногда довольно скучнымъ", въ 1846 г., объявилъ Даля „послѣ Гоголя до сихъ поръ рѣшительно первымъ талантомъ", а въ его повѣсти „Бѣдовикъ" нашелъ „много человѣчности, доброты, юмора, знанія человѣческаго и преимущественно русскаго сердца". Въ 1843 г. появились „Солдатскіе досуги"— сборникъ разсказовъ (всего 52) Даля, приготовленный для солдатскаго чтенія (2-е изд. 1861 г.), въ 1844 г. появилась повѣсть: „Похожденія Віольдамура и его Аршета", въ 1846 г. вышли въ 4-хъ частяхъ его „Повѣсти сказки и разсказы" и „Сочиненія казака Луганскаго" въ изданіи Смирдина. Въ 1849 г., по вызову главнаго начальника надъ военно-учебными заведеніями, Даль написалъ два учебника: по ботаникѣ (2-е изд. 1851 г.) и по зоологіи, и напечаталъ два очерка: „Волкъ" и „Медвѣдь", чрезвычайно живо написанные, свидѣтельствующіе о тонкой наблюдательности автора. За работы по естествознанію въ 1838 году Даль былъ избранъ въ члены—корреспонденты Академіи Наукъ по первому физико-математическому отдѣленію. Когда министерство Государственныхъ Имуществъ, при графѣ Киселевѣ, пожелало дать крестьянской массѣ полезное и занимательное чтеніе, князь В. Ѳ. Одоевскій и А. П. Заблоцкій-Десятковскій составили сборникъ „Сельское чтеніе", въ который вошло и пять разсказовъ Даля. Литературная слава Даля такъ упрочилась, что къ нему-же въ пятидесятыхъ годахъ обратился и Великій Князь Генералъ-Адмиралъ Константинъ Николаевичъ съ приглашеніемъ написать книжку для чтенія матросовъ. Бывшій мичманъ Черноморскаго флота написалъ сто одиннадцать разсказовъ, которые изданы подъ названіемъ: „Матросскіе досуги" въ 1851 г. Даль пробовалъ свои силы и въ драматургіи. Его драма: „Ночь на распутіи, или утро вечера мудренѣе",—попытка выставить на сценѣ русскій сказочный міръ,—въ пятидесятыхъ годахъ шла на сценѣ Александринскаго театра, но успѣха не имѣла. Далевскіе повѣсти, очерки, разсказы, пересказы народныхъ преданій и сказокъ, если и не блещутъ художественнымъ талантомъ, если и не отличаются глубиной чувства и широтой вгзляда на народъ, представляютъ тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ изъ крестьянской, помѣщичьей, заводской, военной, морской и купеческой жизни, написанныхъ тонкимъ наблюдателемъ, не безъ простодушнаго юмора, и проникнутыхъ однимъ духомъ народно-романтической сантиментальности, сквозь которую иногда проглядываютъ симпатіи крѣпостника, сторонника суровой помѣщичьей власти „съ исправительными мѣрами, необходимыми для блага глупаго русскаго мужика". Въ рядѣ статей въ „Морскомъ Сборникѣ", въ „Русской Бесѣдѣ" (1856 г. кн. III) и въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1857 г., кн. II и др.) Даль доказывалъ даже, что грамотность, безъ широкаго просвѣщенія, только вредна для народа, ибо распространяетъ въ народѣ крючкотворство и писанье фальшивыхъ паспортовъ, забывая въ пылу полемики, что просвѣщеніе вовсе не мыслимо безъ грамотности. Статьи о вредѣ грамотности для народа легли пятномъ на репутацію Даля и обострили его отношенія къ друзьямъ просвѣщенія.

Пропагандируя народный языкъ въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, Даль неоднократно обращался и къ теоре-

тической разработкѣ вопроса о народномъ языкѣ, его отношеніи къ языку литературному и предстоящемъ ему будущемъ. Странно то, что первая статья Даля, осуждавшая нашъ „искусственный "литературный языкъ—„порчу языка" была написана по нѣмецки: „Ueber die Schriftstellerei des russischen Volks"—„О лубочныхъ картинахъ" — въ Dorpatischer Iahrbucher 1835 № 1. Въ 1842 г. въ „Москвитянинѣ" (т. I, № 2 и т. V № 9) онъ помѣстилъ двѣ статьи тоже теоретическаго характера: „Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ" и „Недовѣсокъ къ статьѣ Полтора слова". По предложенію Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, въ 1852 г., по поводу изданнаго тогда „Опыта Областнаго великоросійскаго словаря", Даль написалъ статью: „О мѣстныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка", напечатанную въ „Извѣстіяхъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ", (т. I, 1852 г. 338—341) и въ „Вѣстникѣ Импер. Географическаго Общества" (1852 г. кн. 6 1—72). Въ 1860 г., Даль изложилъ свою филологическую исповѣдь въ засѣданіи Общества Любителей россійской Словесности. дѣйств. членомъ котораго былъ съ 1859 г., и напечаталъ свой докладъ въ „Русской Бесѣдѣ", (№ 1) а потомъ перепечаталъ его въ Толковомъ Словарѣ; въ 1862 г., въ томъ же Обществѣ, читалъ онъ и свое „Напутное слово", послужившее предисловіемъ къ Словарю. Въ защиту своихъ теоретическихъ взглядовъ Даль неоднократно вступалъ въ горячую полемику: между прочими, извѣстенъ его споръ въ газетѣ „Русскій" (1868 г. №№ 25, 31, 39 и др.) съ Погодинымъ объ иностранныхъ словахъ въ русскомъ языкѣ, закончившійся словами Погодина: „нашъ споръ дѣлается смѣшнымъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Даль продолжалъ подготовлять и обрабатывать матеріалъ для собранія пословицъ и для Толковаго Словаря и уже въ 1847 г. появилась его статья въ „Современникѣ" (кн. 6): „О русскихъ пословицахъ": Въ Нижнемъ-Новгородѣ Даль окончательно выработалъ систему распредѣленія пословицъ—по смыслу и занялся приведеніемъ всего матеріала въ порядокъ. Его „Сборнику пословицъ" суждено было однако пройти рядъ мытарствъ задолго до появленія въ свѣтъ, не смотря на то, что этого появленія страстно желалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. „Сборникъ" Даля въ рукописи былъ препровожденъ въ Академію Наукъ, во Второе Отдѣленіе, по которому Даль состоялъ корреспондентомъ, а разборъ рукописи былъ порученъ академику-протоіерею Кочетову, который въ Сборникѣ нашелъ „щепоть мышьяку", а въ желаніи Даля напечатать пословицы увидѣлъ только „желаніе дать печатный авторитетъ памятникамъ народной глупости", Только чрезъ девять лѣтъ, въ 1862, „Пословицы русскаго народа"—обширный сборникъ, заключающій въ себѣ до 30,000 „пословицъ, поговорокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій" и т. п.—нашли мѣсто въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ" (второе изданіе пословицъ вышло въ 1879 г., въ двухъ томахъ). Другимъ капитальнымъ трудомъ Даля былъ „Толковый Словарь живаго великорусскаго языка". Изъ Нижняго Даль привезъ въ Москву словарь уже окончательно обработанный до буквы П. Зимою, 1860 г., онъ прочелъ докладъ о своемъ словарѣ въ Обществѣ Любителей россійской Словесности и напечаталъ въ „Русской Бесѣдѣ" (1860 г. № 1): „Записку о Русскомъ Словарѣ". Остановка была за средствами, но, благодаря щедрому дару А. И. Киселева, Московское Общество Любителей Россійской Словесности могло приступить къ печатанію словаря и издало, въ 1861 г., первый томъ его. Въ 1862, А. В. Головинъ, министръ народнаго просвѣщенія, доложилъ Государю о трудахъ Даля—Собраніи пословицъ и о составленной уже первой половинѣ Словаря. Въ день празднованія тысячелѣтія Россіи Государь послалъ составителю словаря анненскую ленту при Высочайшей грамотѣ, въ которой были изложены заслуги Даля, какъ „знаменитаго писателя на поприщѣ отечественной словесности". Въ 1864 г., министръ народнаго просвѣщенія представилъ Государю первый томъ Словаря Даля, и Государю угодно было принять на свой счетъ всѣ издержки по изданію Словаря. Въ 1868 г., наконецъ, явился и послѣдній, четвертый томъ Словаря, закончившійся на 330 печатномъ листѣ in 4°. Богатствомъ матеріала сорокасемилѣтній трудъ Даля—„Толковый Словарь" превышаетъ все, что̀ когда-нибудь сдѣлано у насъ силами одного человѣка. Недостаточность научной подготовки Даля къ филологическимъ и лингвистическимъ работамъ, конечно, не могла не сказаться какъ въ

системѣ словаря и нѣкоторой непослѣдовательности въ планѣ, такъ и въ невсегда точномъ опредѣленіи словъ, но тѣмъ грандіознѣе трудъ, что онъ выполненъ однимъ человѣкомъ, именно благодаря только необыкновенной его проницательности, цѣною всей жизни пріобрѣтенной опытности и превосходному знанію народныхъ говоровъ: по двумъ-тремъ словамъ Даль могъ опредѣлить мѣстожительство говорящаго. Мѣшало не мало Далю и его ложное представленіе объ отношеніи литературнаго языка къ языку народному: въ своемъ благоговѣніи предъ народнымъ языкомъ онъ доходилъ до крайности, до суевѣрія, самъ пытался иногда писать „казацкимъ тономъ“ даже о чисто литературныхъ предметахъ, совершенно несуществующихъ въ народныхъ понятіяхъ, и требовалъ того отъ другихъ. Вмѣсто слова „горизонтъ“ Даль предлагалъ, напр., слова „завѣсъ, озоръ, закрой, глазоемъ“, вмѣсто „адресъ“—„насылка“, вмѣсто „кокетка“—„миловидница, красовитка“, вмѣсто „атмосфера“—„колоземица, міроколица“; слово „пуристъ“ предлагалъ замѣнить словомъ „чистякъ“, „эгоизмъ“ — словомъ „самотство“ и т. д. Лучшимъ доказательствомъ несостоятельности предлагаемыхъ Далемъ новшествъ служитъ, конечно, то обстоятельство, что и самъ реформаторъ, Даль писалъ свои протесты противъ установившагося литературнаго языка на томъ же самомъ литературномъ языкѣ, который онъ осуждалъ, и притомъ писалъ очень хорошо... Даль самъ сознавался, что „съ грамматикой онъ былъ искони въ какомъ-то разладѣ, не умѣя ее примѣнить къ нашему языку и чуждаясь ее не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила съ толку, не ошколярила, не обузила взгляды“. Благодаря этому разладу съ грамматикой оказалось не по силамъ Далю и принятое въ его словарѣ расположеніе словъ по этимологической системѣ „гнѣздъ“. Эти недостатки словаря Даля, скорѣе промахи, конечно, ничтожны въ сравненіи съ той цѣнностью, какою является словарь. Словарь Даля не только справочникъ, но и богатѣйшее собраніе сырого лексическаго и этнографическаго матеріала для изученія живаго великорусскаго языка со стороны его строенія и бытоваго содержанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріалъ для исторіи русскаго языка. Даль былъ однимъ изъ первыхъ, занимавшихся русской діалектологіей, и, если недостаточность филологической подготовки и помѣшала ему использовать свои богатыя знанія народнаго языка и дать характеристику знакомыхъ ему діалектическихъ особенностей, тѣмъ не менѣе, словарь его всегда будетъ капитальнымъ хранилищемъ лексикальнаго богатства нашего современнаго живого языка и послужитъ важнымъ пособіемъ для послѣдующихъ работниковъ въ той же области. Дерптскій университетъ поднесъ своему бывшему воспитаннику, Далю за труды по составленію Словаря латинскій дипломъ и выдалъ премію за выдающіеся успѣхи въ области языкознанія. Императорское Русское Географическое Общество, въ числѣ членовъ учредителей котораго состоялъ и Даль, на основаніи отзывовъ ординарнаго академика И. Срезневскаго, члена Общества П. И. Савваитова и А. Н. Пыпина, увѣнчало трудъ Даля Константиновскою золотою медалью. Академія Наукъ единогласно избрала Даля въ свои почетные члены и присудила Ломоносовскую премію на основаніи отзывовъ трехъ академиковъ: подробнаго разбора—Я. К. Грота, а также записки о зоологическихъ названіяхъ, встрѣчающихся въ Толковомъ Словарѣ,—Шренка и—о ботаническихъ названіяхъ — Ф. Рупрехта (всѣ эти отзывы напечатаны въ „Собраніи статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности И. А. Н.“ т. VII, 1870 г.). Закончивъ словарь, Даль, утомленный чрезмѣрной работой, почилъ на лаврахъ и, уже не чувствуя въ себѣ достаточно силы для разработки собраннаго имъ этнографическаго матеріала, неизданныя пѣсни передалъ въ Общество Любителей россійской словесности для напечатанія ихъ вмѣстѣ съ пѣснями Кирѣевскаго, сказки предоставилъ въ распоряженіе А. Аѳанасьева, записки и служебныя бумаги передалъ О. Бодянскому, напечатавшему часть ихъ въ „Чтеніяхъ Общества Ист. и Древ.“, часть бумагъ предоставилъ Погодину и Мельникову, часть—П. Бартеневу для „Русскаго Архива“, а собраніе лубочныхъ картинъ, подаренное имъ Императорской Публичной библіотекѣ, послужило для изданія Д. А. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки“ (т. I, IX—X). Привычка къ труду брала однако свое, и Даль не переставалъ работать и на

поприщѣ беллетристики даже во время обработки словаря: въ 1861 г., появились его „Повѣсти“, Спб.; въ 1862 г. „Два сорока бывальщинокъ для крестьянъ“, Спб., и, наконецъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1867—1868 гг.) онъ напечаталъ „Картины русскаго быта“, которыя были послѣднимъ печатнымъ его произведеніемъ, появившимся при его жизни. Въ характерѣ Даля было что-то мистическое: онъ съ особенною любовью собиралъ предразсудки и повѣрья русскаго народа, написалъ даже статью: „О повѣрьяхъ, суевѣрьяхъ и предразсудкахъ русскаго народа“ („Иллюстрація“, 1845 и 1876 гг., 2-е изд.—1880 г.), увлекался гомеопатіей, писалъ „О народныхъ врачебныхъ средствахъ“ („Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ“ 1843 г., ч. 3), любилъ бесѣдовать о вопросахъ религіозныхъ, вѣроисповѣдныхъ и церковнаго раскола. Увлеченный еще въ сороковыхъ годахъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, ученіемъ Сведенборга, Даль, въ 1852 г., переложилъ Апокалипсисъ по словарю таинственныхъ словъ шведскаго духовидца и даже въ послѣдніе годы работалъ надъ „Бытописаніемъ“, т. е. изложеніемъ Моисеева Пятикнижія примѣнительно къ народнымъ понятіямъ. Затѣмъ, онъ намѣревался передать простонароднымъ языкомъ и все Евангеліе, но затрудненія, встрѣченныя имъ для напечатанія „Бытописанія“, заставили его отказаться отъ этой мысли. Утомленный чрезмѣрнымъ трудомъ, Даль еще съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде, занялся щипаніемъ корпіи для военнаго вѣдомства, что̀ составляло для него обычный способъ отдыха со времени турецкой войны 1853 г. Не найдя рѣшенія мучившихъ его вопросовъ ни въ ученіи Сведенборга, ни въ спиритизмѣ, будучи лютераниномъ, Даль къ концу жизни пришелъ къ заключенію, что „лютеранство дальше всѣхъ забрело въ дичь и глушь“ и, наконецъ, нашелъ для себя успокоеніе въ ученіи и преданіяхъ восточной церкви: осенью 1871 г. онъ принялъ православіе, а чрезъ годъ его уже не стало. Въ 1897—1898 гг. „Собраніе сочиненій“ Даля въ 10 томахъ Вольфъ выпустилъ третьимъ изданіемъ.

Формулярный списокъ о службѣ Даля напечатанъ въ «Сборникѣ Нижегородской архивной комиссіи», т. III Ниж.-Новг., 1898 г.). «Общій Морской списокъ», VI — «Автобіографическая записка В. И. Даля» въ «Собр. Сочин. В. И. Даля», изд. 1897 — 1898 гг. т. I, стр. XC—XCV; тамъ-же: «Критико-біографическій очеркъ — В. И. Даль» П. Мельникова, стр. I—XC.—«Справочн. Энциклоп. Слов.» Края, т. IV, стр. 425—427: біографія съ указателемъ статей Даля по матеріаламъ С. В. Максимова.—А. Пыпинъ: «Исторія русской этнографіи», т. I, стр. 340—355, 416—419; его же статья въ «Вѣстн. Европы» 1873 г. кн. 12.—В. Семевскій: «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 273—278.—«Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія И. Акад. Наукъ», за 1872 г., составл. акад. Никитенкомъ, стр. 18—26. — «Отчетъ Русск. Геогр. Общества» за 1872 г., составл. гр. К. Литке, Спб. 1873 г.—«Извѣстія Геогр. Общ.» 1875 г., В. 2.—Я. Гротъ: «Воспоминанія о Далѣ», въ «Зап. Имп. Акад. Н.» т. XXII, 1873 г. — «Даль, по воспом. его дочери», въ «Русскомъ Вѣстн.» 1879 г., № 7. — «Изъ воспом. о Далѣ» въ «Церковн. Лѣтоп.» 1873 г., № 37. — Статьи П. Бартенева и Геннади—«Русск. Арх.» 1872 г. № 10 и 1874 г. № 12.—Статья С. Булича въ «Энц. Слов. Брокгауза» т. X., стр. 46—48. — «Отчетъ о IV присужденіи Ломоносовскихъ премій», прилож. къ XVII т. «Зап. Имп. Акад. Наукъ», 1870 г.—«Замѣтки» Николича въ «Филол. Запискахъ» 1871 г. № 6, 1875 № 3, 1876, № 2.—Статья Котляревскаго въ «Бесѣдѣ Общества Люб. росс. слов.» 1868 г., В. 2.—«Замѣтка» Шеина въ Приложеніи къ XXV т. «Зап. Имп. Акад. Наукъ» 1873 г.—Вл. Р. Зотовъ, «Русскій Литтре» (Вл. Ив. Даль) въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1882 г., № 11 —Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ и Даль», (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1890 г., № 10) —Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», т. XII, см. по Указателю. — Геннади: «Слов. русск. пис.». стр. 277.—«Московскія Вѣдом.» 1872 г. № 290, 1873 г. № 73. — «Album Academicum», 1888, S. 176—177, № 2467.—Neue Dorpatische Zeitung, 1873, № 92.—Verhandlungen d. esthischen Geselschaft, B. VIII, S. 115—124. L. Stieda, Aus dem Leben Dahls, Dorpat, 1873.

А. Черкасъ.

Даль, *Иванъ Матвѣевичъ* (Iohann Christian Dale), врачъ, происходилъ изъ Даніи; въ молодости уѣхалъ въ Германію и въ одномъ изъ университетовъ прошелъ курсъ богословскаго факультета, а также изучилъ многіе языки, даже древне-еврейскій; послѣднее обстоятельство дало поводъ къ приглашенію Даля въ Петербургъ императрицею Екатериною на должность библіотекаря. Необезпеченное положеніе заставило Даля вскорѣ снова поѣхать въ Германію, гдѣ онъ получилъ медицинское образованіе въ Іенѣ и Эрлангенѣ, и пріобрѣлъ докторскій дипломъ. Пріѣхавъ въ Россію, экзаменовался при медицинской коллегіи, послѣ чего ему было разрѣшено, 8 марта 1792 г., практиковать; 6 ноября того же года Даль поступилъ въ гатчинскую Наслѣд-

Даль, *Иванъ Матвѣевичъ* (Iohann Christian Dale), врачъ, происходилъ изъ Даніи; въ молодости уѣхалъ въ Германію и въ одномъ изъ университетовъ прошелъ курсъ богословскаго факультета, а также изучилъ многіе языки, даже древне-еврейскій; послѣднее обстоятельство дало поводъ къ приглашенію Даля въ Петербургъ императрицею Екатериною на должность библіотекаря. Необезпеченное положеніе заставило Даля вскорѣ снова поѣхать въ Германію, гдѣ онъ получилъ медицинское образованіе въ Іенѣ и Эрлангенѣ, и пріобрѣлъ докторскій дипломъ. Пріѣхавъ въ Россію, экзаменовался при медицинской коллегіи, послѣ чего ему было разрѣшено, 8 марта 1792 г., практиковать; 6 ноября того же года Даль поступилъ въ гатчинскую Наслѣдника Цесаревича волость для пользованія жителей и крестьянъ; однако, 15 февраля 1796 г., уволился по прошенію и, 10 апрѣля того-же года, былъ назначенъ въ городъ Петрозаводскъ, въ Олонецкое намѣстничество, а затѣмъ опредѣлился въ Луганскій (екатеринославской губ.) казенный литейный заводъ и, наконецъ, перешелъ врачемъ въ морское вѣдомство и поселился въ г. Николаевѣ. По отзыву своего знаменитаго сына, Даль „былъ строгъ, но очень уменъ и справедливъ и, въ самомъ строгомъ смыслѣ, честный человѣкъ".

Какъ многіе иностранцы, принявшіе русское подданство, Даль былъ горячимъ русскимъ патріотомъ; умеръ въ г. Николаевѣ, херсонской губерніи, 5-го октября 1821 г., въ чинѣ статскаго совѣтника.

Чистовичъ. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, прил. X, стр. CLV; Hamburger Zeitung 1822 г., № 19. П. И Мельниковъ: В. И. Даль. Критико-біографическій очеркъ при полномъ собраніи сочиненій В И. Даля. С.П Б. 1897, т. I. Разсказъ Даля о Павлѣ I въ «Р. Стар », 1873,2.

Н. В. Т.

Даль, *Левъ Владиміровичъ*, академикъ архитектуры, сынъ извѣстнаго Владиміра Ивановича Даля — лингвиста, родился 11 іюня 1834 г. въ Оренбургѣ, умеръ 21 марта 1878 г. въ Москвѣ. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе подъ руководствомъ родителя, Даль нѣкоторое время слушалъ лекціи въ университетѣ, но, не окончивъ курса, поступилъ сначала въ Императорскую академію художествъ, а затѣмъ, увлеченный порывомъ постоять за родину, вступилъ въ Стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи, выдержавъ юнкерскій экзаменъ, и, съ декабря 1855 г. по апрѣль 1856 г., находился въ войскахъ дѣйствующей арміи, занося карандашемъ въ свой походный альбомъ все, что̀ поражало его оригинальностью формы или особенностью характера. Прослуживъ два года въ строю, Даль, въ чинѣ поручика, въ 1857 г., вышелъ въ отставку и принялся за окончаніе академическаго курса по архитектурѣ. За свои работы Даль получилъ въ 1854 и 1855 гг. двѣ серебряныя медали—малую и большую, въ 1858 г., за проектъ римско-католическаго собора съ домомъ призрѣнія, получилъ малую золотую медаль, и большую золотую въ 1859 г. по конкурсу за проектъ роскошныхъ бань. Въ 1860 году, Даль на казенный счетъ былъ отправленъ заграницу для дальнѣйшаго усовершенствованія, посѣтилъ югъ Франціи и срисовалъ римскія развалины построекъ, разсѣянныя по Провансу, затѣмъ проѣхалъ во Флоренцію и Неаполь и реставрировалъ въ Помпеяхъ открытыя тогда довольно хорошо сохранившіяся бани съ двухъ фасадовъ улицы, окруженныя торговыми лавками. Реставрація эта, оконченная въ 1862 г., доставила Далю въ 1866 г. званіе академика архитектуры Императорской Академіи Художествъ. Осенью 1862 г., Даль уѣхалъ въ Парижъ и слушалъ здѣсь въ зимній сезонъ лекціи въ консерваторіи искусствъ и въ школѣ изящныхъ искусствъ, работалъ въ Луврскомъ музеѣ и въ Клюни и, полюбивъ средневѣковое искусство, весною 1863 г., для изученія памятниковъ XI—XV вѣковъ, проѣхалъ отъ Руана чрезъ Канъ и Монсъ до Шартра. Въ Неаполѣ Даль работалъ надъ грандіознымъ проэктомъ различныхъ построекъ для минеральныхъ водъ, оставшимся незаконченнымъ. Въ 1864 г., Даль предпринялъ археологическую поѣздку по московской и нижегородской губерніямъ и впервые познакомился съ памятниками русскаго зодчества, съ этого времени привлекшими къ себѣ всецѣло его вниманіе. Лѣтомъ 1865 года Даль снова отправился за-границу, посѣтилъ Данію, Голландію, Бельгію и принялъ участіе въ конкурсѣ, во Флоренціи, по реставраціи флорентійскаго собора Santa Maria dei Fiori. По возвращеніи въ Россію, уже въ званіи академика, Даль поступилъ на службу губернскимъ архитекторомъ въ Нижній-Новгородъ, состоялъ

при постройкѣ московскаго храма Спасителя, былъ членомъ строительнаго совѣта при московской городской управѣ и выработалъ проектъ для зданія музея древностей по конкурсу, объявленному въ Москвѣ, признанный однимъ изъ лучшихъ, состоялъ архитекторомъ при Румянцевскомъ музеѣ и былъ преподавателемъ въ московскомъ училищѣ живописи и ваянія. Въ 1874 г., Даль былъ причисленъ къ академіи художествъ съ званіемъ сверхштатнаго адъюнктъ-профессора и посланъ въ экспедицію для изслѣдованія отечественныхъ памятниковъ въ поволжскихъ мѣстахъ. Въ 1874—1875 гг. Даль, съ учениками академіи: Леоновымъ и Веселовскимъ, изъѣздилъ ярославскую губернію и привезъ детали частей зданій и рисунки самихъ памятниковъ, которые и составляютъ теперь собственность музея Императорской академіи художествъ. Въ 1876 г., онъ предпринялъ поѣздку въ олонецкую губ. и представилъ Академіи рисунки деревянныхъ церквей, которые были выставлены, въ 1877 г., на технической выставкѣ въ Соляномъ городкѣ. Изъ произведенныхъ Далемъ построекъ главныя—новый ярмарочный соборъ, церковь св. Козьмы и Даміана и памятникъ гражданину Минину въ Нижнемъ Новгородѣ. Даль помѣстилъ въ „Зодчемъ“ цѣлый рядъ своихъ работъ: „Сохраненіе древне-русскихъ памятниковъ“ (1874 №12); „Кадила“ (1874 №1—2); „Обзоръ русскаго орнамента“ (1876 г. №№ 7, 9—12, 1877 г. № 9—10), „Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества“ (1872 г. №№ 2, 5, 7; 1873 г. № 1, 5, 11, 12); „Матеріалы для исторіи русскаго гражданскаго зодчества“ (1874 г. № 3‘ 7); „Трехглавыя церкви“ (1874 г. № 11); „Древнія деревянныя церкви въ Россіи“ (1875 г. № 6); „Назначеніе голосниковъ“ (1875 г. № 7—8) и др. Въ „Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства“ (1874—1876 гг., отд. IV) Даль, кромѣ того, напечаталъ статью: „Московскія древности. Звенигородскій Успенскій соборъ“, и „Ростовскіе изразцы“; въ „Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ“ (т. I)—„Повопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ“; въ „Трудахъ Моск. Археологич. Общества“ (т. 4)—„Замѣтка о мѣдныхъ гривнахъ въ XII в.“ и др.

„Извѣстія Имп. Русск. Археологич. Общества“ 1879 г. т. IX, вып. 4, стр. 411—415, ст. II Петрова. *А. Черкасъ.*

Дальгеймъ баронъ, Иванъ Ивановичъ, генералъ-маіоръ, родился 1754 г., умеръ послѣ 1799 г., изъ французскихъ дворянъ, Иванъ Ивановичъ состоя подполковникомъ во французскомъ войскѣ, въ 1793 г. принятъ въ русскую службу тѣмъ же чиномъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ, гдѣ въ 1797 г, произведенъ въ полковники, 28 апр. 1798 г.—генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Архангело городскаго мушкатерскаго полка, изъ котораго 28 Іюня 1799 г. уволенъ отъ службы тѣмъ-же чиномъ.

Форм. въ Моск. Отд. Общ. арх. Гл. Штаба, за 1798 г., № 639. *М.*

Дальке *Георгій*, генералъ-поручикъ, родился въ 1713 г., умеръ 1771 г.; былъ принятъ въ русскую службу изъ польской поручикомъ въ 1738 г. Боевой офицеръ Дальке участвовалъ во многихъ походахъ и сраженіяхъ. Уже въ годъ своего поступленія на русскую службу онъ былъ квартирмейстеромъ артиллеріи въ Днѣстровскомъ походѣ. При началѣ кампаніи три раза участвовалъ въ рекогносцировкѣ Хотинской крѣпости,—при пріисканіи переправы черезъ Днѣстръ, затѣмъ—въ Ставучанскомъ сраженіи, и при взятіи Хотина и Яссъ. Въ 1741 г., мы видимъ его при штурмѣ Вильманстранда, а въ слѣдующемъ году—подъ Фридрихсгамомъ. Въ 1757 году, участвовалъ въ Гроссъ-Эгерсдорфскомъ сраженіи. Въ 1758 г. Дальке слѣдитъ за непріятельскими движеніями въ Познани. Въ 1759 г., уже въ чинѣ генералъ маіора, снова былъ отправленъ въ Познань для командованія аванпостами, служившими прикрытіемъ арміи со стороны Силезіи. Въ 1761 г., былъ командированъ въ Польшу для заготовки продовольствія арміи. Въ 1762 г., съ полками, стоявшими около Познани, посланъ въ Померанію; въ 1763 году, пожалованъ былъ чиномъ генералъ-лейтенанта; въ 1770 г., находился во 2 арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ и награжденъ орденомъ св. Анны. Въ слѣдующемъ 1771 г., онъ вышелъ въ отставку по болѣзни.

Формулярный списокъ въ Моск. отд. общаго архива Главн. Штаба. Справочн. Энциклопедич. Словарь. Спб., 1855 г. *М.*

Дамаскинъ. (въ мірѣ *Даміанъ Аскаронскій*), епископъ костромской (1758—1769 гг.), по происхожденію малороссія-

нинъ, сынъ кіевскаго мѣщанина. Образованіе получилъ въ кіевской академіи. Сначала проходилъ разныя послушанія въ кіево-печерской лаврѣ, но въ 1738 г. постригся въ монашество съ именемъ Дамаскина ивъ 1740 г. назначенъ учителемъ въ новгородской семинаріи; въ 1741 г., онъ назначенъ былъ архимандритомъ Деревяницкаго новгородскаго монастыря, въ 1744 г., перемѣщенъ въ Антоніевъ монастырь и, въ 1746 г., сдѣланъ ректоромъ новгородской духовной семинаріи. 11 января 1748 г., отрѣшенъ отъ ректорства и перемѣщенъ въ Хутынскій монастырь, а 7 января 1751 г., былъ уже архимандритомъ Иверскаго Валдайскаго монастыря. Послѣ почти 20-лѣтней службы въ новгородской епархіи, архимандритомъ, Дамаскинъ 17 апрѣля 1758 г., избранъ былъ въ санѣ епископа костромскаго,—18 мая было нареченіе и 21 мая хиротонія. Твердый характеромъ, заботливый и дѣятельный, епископъ Дамаскинъ, въ 1759 г., открылъ въ костромской епархіи 6 духовныхъ правленій: въ Костромѣ, Нерехтѣ, Плесѣ, Любимѣ, Судиславлѣ и Солигаличѣ, а при каждомъ изъ правленій, въ 1760 г., основалъ малыя училища для начальнаго обученія; учредилъ во всѣхъ соборахъ протоіереевъ и установилъ десятоначальниковъ и благочинныхъ надзирателей; устроилъ для семинаріи новыя зданія и церковь и обновилъ въ ней учебный персоналъ кіевскими академистами. Среди заботъ о воспитаніи юношества преосвященный Дамаскинъ въ концѣ 1764 г. тяжко заболѣлъ „подагрою и хирагрою“, но смогался и только въ іюнѣ 1769 г. сталъ проситься на покой, по старости и дряхлости, ибо ему уже минуло 60 лѣтъ. Прежде увольненія, онъ 16 іюля 1769 г. скончался. Сочиненіе его. «Толкованіе на псалтырь и 14 посланій ап. Павла» хранится въ рукописи въ костромской семинаріи.

(Пам. кн. Костр. епархіи—Самарянова. Дѣла арх. св. синода 1754 г. № 174 и 1765 № 87).

Здр.

Дамаскинъ. (въ мірѣ—*Даміанъ Кононовъ*), игуменъ Валаамскаго монастыря (1839—1881 гг.). Сынъ крестьянина деревни Репенки старицкаго уѣзда, тверской губерніи, родился въ 1795 году и съ ранняго дѣтства отличался благочестіемъ и скромностію. Въ 1816 г. ходилъ на богомолье въ Кіевъ, затѣмъ посѣтилъ монастыри—Соловецкій, Андрусовскій, Валаамскій, Коневскій и Тихвинскій. Въ 1819 г., опять прибылъ въ Валаамскій монастырь и поступилъ въ число братіи. Сначала проходилъ послушанія въ конюшнѣ и хлѣбной, потомъ сдѣланъ былъ рабочимъ нарядчикомъ и затѣмъ ему поручена была охрана отъ чухонъ всего монастырскаго острова. Въ 1823 г. Даміанъ Кононовъ постриженъ былъ въ рясофоръ, а 12 декабря 1825 г.—въ монашество съ именемъ Дамаскина. Съ марта 1826 г., о. Дамаскинъ удалился въ пустынное мѣсто на безмолвное жительство и предавался иноческимъ подвигамъ до 1833 г., когда былъ призванъ къ управленію валаамскимъ скитомъ „Всѣхъ святыхъ“, но чрезъ годъ снова удалился въ пустыню. Въ 1838 г. о. Дамаскинъ былъ назначенъ настоятелемъ Валаамскаго монастыря: 18 ноября онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, 4 декабря—посвященъ въ іеродіакона. 7 декабря въ іеромонаха, 30 января 1893 г.—въ игумена и 11 февраля 1839 г. назначенъ настоятелемъ. Заслуги игумена Дамаскина по устройству Валаамской обители были очень велики: внутреннюю жизнь монастыря ему удалось возвратить къ добрымъ порядкамъ прежняго времени, а съ внѣшней стороны онъ украсилъ Валаамъ скитами, церквами, часовнями, каменными крестами, многочисленными домами и удобными дорогами. За 40 слишкомъ лѣтъ игуменства о. Дамаскинымъ устроено на о. Валаамѣ 6 скитовъ, 10 церквей, до 20 часовень и до 10 большихъ каменныхъ и деревянныхъ крестовъ; построено для монашествующихъ и богомольцевъ до 20 домовъ, въ томъ числѣ монастырская гостинница и странноприимный домъ для финновъ, корелъ и шведовъ; имъ-же, въ 1866 г., пріобрѣтено для монастыря 5 сосѣднихъ острововъ и дома въ гг. Сердоболѣ, Москвѣ и Новгородѣ; устроено при монастырѣ книгохранилище; въ 1860 г.—водопроводъ, водоподъемная машина и мастерскія, рабочій и конюшенный дома, заведенъ для монастыря пароходъ, устроенъ питомникъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ и ѣздовыя и пѣшеходныя дороги съ мостами и канавами.—Въ 1863 г., игуменъ Дамаекинъ былъ назначенъ благочиннымъ Валаамскаго и Коневскаго монастырей,—Въ 1871 г. съ нимъ былъ ударъ

*

паралича, а съ 1872 г. онъ сталъ болѣть и 23 января 1881 года скончался. «Поученія его къ братіи» всегда были кратки и просты, но въ нихъ онъ говорилъ о подвигахъ монашескихъ на основаніи своего опыта.

(„Замѣчат. жизнь и дѣят. настоят. Валаам. мон. игум. Дамаскина и поучит. слова его“.). *Здр.*

Дамаскинъ, (въ мірѣ — *Димитрій Россовъ*), архіепископъ тульскій и бѣлевскій (1821—1855 гг.). „Природою малороссіянинъ“, сынъ діакона, Дамаскинъ родился въ 1778 году въ тверской губ. Въ 1793 г. 1 января, поступилъ въ московскую Троицкую лаврскую семинарію, потомъ перешелъ въ Виѳанскую семинарію гдѣ и кончилъ курсъ. Въ 1807 г. 7 августа, онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ Перервинскую семинарію и тамъ, 10 мая 1809 г., постригся въ монашество съ именемъ Дамаскина въ томъ же году 16 мая рукоположенъ въ іеродіакона и 15 августа назначенъ проповѣдникомъ въ московскую духовную академію, а 12 августа 1810 рукоположенъ въ іеромонахи. Двѣнадцатый годъ заставилъ Дамаскина удалиться изъ Москвы въ Вологду, гдѣ онъ жилъ безъ всякаго дѣла. Митрополитъ Амвросій указалъ на него Св. Синоду и Дамаскинъ, 18 ноября 1812 г. былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахомъ Александро-Невской лавры съ назначеніемъ законоучителемъ с.-петербургскаго коммерческаго училища. 5 сентября 1814 г. Дамаскинъ былъ уже архимандритомъ серпуховскаго Высоцкаго монастыря, а въ 1816 г. вызванъ былъ въ Петербургъ для исправленія чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія; въ томъ же году въ Петербургѣ онъ получилъ два перемѣщенія: 30 марта назначенъ былъ въ московскій Даниловъ монастырь, но, не побывавъ тамъ, 3 іюля опредѣленъ настоятелемъ Троице-Сергіевой пустыни. Слѣдующимъ мѣстомъ служенія его, съ 27 мая 1819 г., былъ новгородскій Юрьевъ монастырь, но въ томъ же году 29 ноября онъ избранъ былъ въ епископа Старорусскаго, викарія новгородскаго,—8 декабря было нареченіе и 14 декабря хиротонія. Въ 1821 г., съ 24 марта до 19 іюня, за смертію митрополита Михаила, онъ управлялъ новгородскою епархіею. 6 ноября 1821 г., епископъ Дамаскинъ былъ назначенъ на самостоятельную тульскую и бѣлевскую каѳедру, гдѣ прослужилъ 30 лѣтъ и проявилъ пастырскую заботливость по воспитанію сиротъ духовнаго званія. Въ 1850 г., онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа и назначенъ въ Петрозаводскъ, но туда не поѣхалъ, подалъ прошеніе объ увольненіи на покой, по преклонности лѣтъ и болѣзни; просьба его была уважена и, съ 7 февраля 1851 г., онъ получилъ въ управленіе бѣлевскую Введенскую Жабынскую пустынь тульской епархіи, о возстановленіи которой изъ совершеннаго почти раззоренія, въ послѣднее время епископства, онъ особенно заботился. На покоѣ болѣзни преосвященнаго не ослабѣвали; въ 1852 г. онъ ѣздилъ въ Москву и въ 1854 г.—въ Кіевъ, отчасти для поклоненія святынѣ, а отчасти и для совѣта съ врачами. 31 іюля 1855 года онъ скончался. До насъ дошло нѣсколько его проповѣдей, такъ наприм. „Слово въ день рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 14 окт. 1817 г.“.

(Дѣла арх. Св. Синода. «Новгород. епарх. вѣдом». 1895 г.). *Здр.*

Дамаскинъ, (въ мірѣ — *Димитрій Семеновъ—Рудневъ*), епископъ нижегородскій (1737—1795 гг.). По происхожденію великороссіянинъ, сынъ сельскаго священника, Димитрій Семеновъ родился въ послѣднихъ числахъ января 1737 г., въ предѣлахъ нынѣшней тульской губерніи. „Обучившись словесной грамотѣ у отца своего“, онъ, въ началѣ 1750 г., поступилъ въ крутицкую духовную семинарію, а въ 1752 г. — въ московскую академію, гдѣ сдѣлана была прибавка „Рудневъ“ къ его фамиліи. Въ 1761 г. окончилъ курсъ и поступилъ учителемъ въ крутицкую семинарію, но въ 1765 г. просилъ отправить его въ Англію для изученія высшихъ наукъ. Просьба его была уважена и Семеновъ-Рудневъ, въ 1766—1772 гг., слушалъ лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, возвратился въ Россію съ прекрасными отзывами объ успѣхахъ въ наукахъ и съ горячимъ желаніемъ работать на поприщѣ науки и для пользы своихъ соотечественниковъ и, въ 1774 г., въ декабрѣ назначенъ былъ въ московскую академію учителемъ, а съ 1775 г.—префектомъ и профессоромъ философіи. 8 сентября 1775 г., онъ постригся въ монашество съ именемъ Дамаскина, что открыло ему широкую дорогу къ высшему положенію въ церковной

іерархіи. 24 мая 1778 г., Дамаскинъ опредѣленъ былъ ректоромъ московской академіи, а мѣсяцемъ раньше возведенъ въ санъ архимандрита Богоявленскаго монастыря; 19 апрѣля 1779 г., назначенъ членомъ московской синодальной конторы. Въ академіи онъ улучшилъ методъ преподаванія и освободилъ академическую науку отъ узъ схоластики; онъ самъ толковалъ по воскреснымъ днямъ свящ. писаніе въ богословской аудиторіи, обучалъ студентовъ нѣмецкому языку, увеличилъ академическую библіотеку лучшими сочиненіями, ввелъ торжественныя академическія собранія и ученые диспуты; съ 1780 г. архимандритъ Дамаскинъ былъ цензоромъ духовныхъ книгъ и періодическаго московскаго журнала, участвовалъ онъ и въ трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія, учрежденнаго при московскомъ университетѣ. 5 мая 1782 г., архим. Дамаскинъ былъ назначенъ епископомъ сѣвскимъ, викаріемъ московской епархіи. 5 іюля была его хиротонія. Одинъ годъ и два мѣсяца былъ Дамаскинъ епископомъ сѣвскимъ и въ это короткое время успѣлъ упорядочить благочинническую отчетность, возвысить дѣло проповѣди церковной, поднять церковное пѣніе, возбудить въ духовенствѣ любовь къ просвѣщенію и произвести нѣкоторыя улучшенія въ духовной семинаріи.

22 сентября 1783 г. преосвященный Дамаскинъ былъ переведенъ на самостоятельную епархію въ Нижній Новгородъ, гдѣ, по отношенію къ расколу, ему пришлось проявить миссіонерскую дѣятельность, отличавшуюся вѣротерпимостію и мягкостію. Приводя въ приличный съ внѣшней стороны видъ церковные храмы, преосвященный Дамаскинъ старался возвысить и духовенство: такъ, при опредѣленіи на мѣста онъ прежде всего обращалъ вниманіе на образовательный цензъ просителя и самъ испытывалъ его въ чтеніи и пѣніи церковномъ. Духовная семинарія приведена была имъ въ блестящее состояніе: расширено преподаваніе богословія, введены инородческіе языки, увеличена библіотека и проч. Послѣ десятилѣтняго управленія нижегородскою епархіею, епископъ Дамаскинъ въ концѣ 1793 г., по болѣзни, сталъ проситься на покой; просьба его была уважена 12 января 1794 г. съ назначеніемъ для его пребыванія московскаго Покровскаго монастыря. 18-го декабря 1795 года онъ скончался. Литературные труды его не были многочисленны, но были очень цѣнны. Кромѣ утраченныхъ его сочиненій: „О слѣдахъ славянскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ“, „Словаря инородческихъ языковъ“ „О церковныхъ книгахъ греческой церкви“ и „Библіотеки россійской“,— остальныя всѣ его сочиненія были изданы при его жизни. Такъ въ Геттингенѣ— „Нѣмецкій переводъ лѣтописи Нестора“, „De processione Spiritus Sancti“—Ѳеофана Прокоповича, переводъ на латинскій языкъ „Богословія“ архіепископа Платона, переводъ Сульцера—„О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классическихъ писателей“. Затѣмъ въ Россіи имъ были изданы „Сочиненія Ломоносова“, „Поучительныя слова и др. сочиненія архіепископа Платона“, „Проповѣди епископа Дамаскина“. За свои ученые труды епископъ Дамаскинъ избранъ былъ въ экстраординарные члены геттингенскаго университета, а въ Россіи - въ члены Академіи наукъ.

(Изслѣдованіе Горожанскаго: „Дам. Семеновъ - Рудневъ, епископъ нижегородскій (1737—1795), его жизнь и труды“. Кіевъ, 1894 г. *Здр.*

Дамаскинъ (Птицкій), ученый іеромонахъ, справщикъ. 14 мая 1649 года отъ царя Алексѣя Михайловича была послана грамата къ Кіевскому митрополиту Коссову, „чтобы онъ, митрополитъ, ему, великому государю, послужилъ и его царскаго жалованья себѣ пріискалъ и учителей, божественнаго писанія вѣдущихъ и Еллинскому яз. навычныхъ, въ Москвѣ для справы библѣе на время прислалъ“. Грамата указывала именно тѣхъ лицъ, которыхъ царю было угодно видѣть въ Москвѣ. Это были Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій, така какъ „они божественнаго писанія вѣдущи и Еллинскому языку навычны и съ Еллинскаго языка, на словенскій рѣчь перевести умѣютъ и латинскую рѣчь достаточно знаютъ. Но на этотъ разъ кіевскій митрополитъ послалъ Арсенія и вмѣстѣ Дамаскина Епифанія Славинецкаго, которые и прибыли въ Москву въ 1649 году. Царь Алексѣй Михайловичъ еще раньше обращался съ просьбой о присылкѣ именно Дамаскина къ игумену Печерской лавры, который отвѣчалъ, что

„отпустить того старца невозможно для монастырской потребы". Предполагалось что Дамаскинъ, кромѣ исправленія книгъ, будетъ еще учить „риторическому ученію и еллинскому наказанію". Только въ 1650 году прибыли въ Москву столь просимый Дамаскинъ и сейчасъ же сталъ править книги на московскомъ печатномъ дворѣ. Трудился онъ на книжной справѣ еще долго послѣ смерти патріарха Іосифа. По записямъ малороссійскаго приказа, свѣдѣнія о пребываніи Дамаскина прерываются данными о возвращеніи его съ Епифаніемъ Славинецкимъ въ Москву послѣ морового повѣтрія 22 янв. 1655 года и о выдачѣ имъ жалованья и указаннаго времени свѣдѣніе о томъ, трудился ли Дамаскинъ, какъ учитель, не имѣется; дѣло, для котораго вызывался Дамаскинъ,—переводъ библіи съ греческаго—не было исполнено, ибо библія вышла только въ 1663 году и то не была переведена съ греческаго, а перепечатана съ острожской библіи. Другихъ данныхъ о Дамаскинѣ не находится.

См. Акты Юго-Западной Россіи т. III № 259, стр. 323—324; № 267 стр. 332—334; № 330 стр. 479—480 Эйнгорно. О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ при Алексѣѣ Мих. стр. 38, 39 (Чт. общ. ист. и древн. м. 1893 г.). Данныя о Д. въ книгѣ Каптерева: „Патріархъ Никонъ I", стр. 20—21 и въ статьяхъ проч. Николаевскаго «Московскій печатный дворъ при патр. Никонѣ» (Христ. Чт. 1891 т. I) и нѣкотор. другихъ трудахъ не прибавляютъ новаго къ нашему изложенію. *Щ.*

Дамаскинъ, іеродіаконъ Чудова монастыря, писатель начала XVIII вѣка. Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Въ началѣ 80-хъ годовъ XVII столѣтія онъ былъ еще міряниномъ, въ 1691 г. —уже монахомъ Чудова монастыря, строгой жизни, проводившимъ время въ чтеніи и писаніи книгъ. Въ 1698 г., о. Дамаскинъ удалился на Аѳонъ и описалъ всѣ тамошніе монастыри, скиты, трапезы, церкви и пещеры, составивъ и рисунки къ нимъ. По возвращеніи въ Москву, получилъ отъ митрополита Іова порученіе отыскать удобное мѣсто для уединеннаго жилища митрополиту, посѣтилъ для этой цѣли Соловецкій монастырь, но удобнаго пустыннаго мѣста не нашелъ. Очутившись снова въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ, Дамаскинъ возъимѣлъ твердое намѣреніе удалиться на Аѳонъ; но глубоко возмущенный клеветами и ругательствами архимандрита Гавріила Домецкаго на всѣхъ московскихъ ученыхъ, по поводу спора о времени пресуществленія св. даровъ и выхода въ свѣтъ книги «Остенъ», — Дамаскинъ написалъ въ 1704 г. книгу: «Сто пять отвѣтовъ Домецкому», послалъ книгу митрополиту Іову при письмѣ 8 іюля 1705 г. и написалъ ему еще два письма, изъ коихъ видно, что митрополитъ поручилъ Дамаскину просмотрѣть писанія Домецкаго, что Дамаскинъ писалъ еще книгу— «Грѣшныхъ спасеніе» и мн. другихъ, неоконченныхъ за недосугомъ. Книга достигла цѣли: врагъ православія Домецкій былъ ниспровергнутъ и бѣжалъ въ Кіевъ... Дамаскинъ, вѣроятно, удалился на Аѳонъ. Дамаскинъ—типъ истинно русскаго человѣка, неиспорченнаго схоластическою наукою, хотя для своего времени и званія очень образованнаго, честнаго, неподкупнаго, съ прямымъ здравымъ смысломъ, непритворно смиреннаго и благочестиваго, но неустрашимаго борца за свою вѣру и народность.

(Прот. Яхонтова—«Іерод. Дамаскинъ, русскій полемистъ XII вѣка»). *Здр.*

Даміани, *Лука Михайловичъ*. (Lucka Damiani). Въ 1698 г. принятъ въ службу въ галерный флотъ съ чиномъ капитана 3 ранга. Въ 1702 г., командуя кораблемъ „Разженное желѣзо», привелъ его изъ Воронежа въ Азовъ и плавалъ по Азовскому морю. Въ 1704 г., находился на Олонецкой верфи. Въ 1805 г. іюля 5—10 командуя галерою «Александръ Македонскій», участвовалъ при оборонѣ Кронштота отъ нападенія шведскаго флота, потомъ былъ посланъ «къ верху» въ помощь шаутбенахту Боцису. 18 августа, командуя 7 галерами, при бытности на нихъ вице-адмирала Крюйса, имѣлъ бой съ шведскимъ «заставнымъ» кораблемъ предъ Кронштотомъ, при чемъ галера его пробита 5 ядрами и на ней убито 3, ранено 15 человѣкъ. Въ маѣ 1707 г., «какъ добрый и искусный человѣкъ» посланъ съ 9 бригантинами въ крейсерство отъ Котлина къ Готланду, и возвратился съ успѣхомъ, разоривъ нѣсколько шведскихъ селеній. Въ 1808 г., мая 10 участвовалъ при высадкѣ десанта въ Борго; въ августѣ, состоя въ отрядѣ Боциса, командовалъ скампавеей, находившейся съ прочими на Невѣ, между рѣчками Мьей и Мойкой. Когда началась

переправа шведовъ чрезъ Неву, то, вслѣдствіе ложнаго извѣстія о движеніи непріятеля, съ прочими скампавеями удалился къ Шлиссельбургу. 19 сентября 1810 г., посланъ изъ Выборга съ 5 бригантинами къ сторонѣ Нарвы для испытанія галерныхъ орудій. Въ 1711 г., командированъ въ Азовскую флотилію, гдѣ, въ эскадрѣ Крюйса, командовалъ галерою «Золотой Орелъ». По сдачѣ Азова находился при переводѣ судовъ въ Черкаскъ, гдѣ и оставленъ завѣдывать этими судами и морскими командами, откуда въ 1712, г. возвратился въ С.-Петербургъ и въ томъ же году въ августѣ мѣсяцѣ, подъ начальствомъ Боциса, участвовалъ во взятіи 6 шведскихъ судовъ въ финляндскихъ шхерахъ. Въ 1713 году, находясь при петербургскомъ адмиралтействѣ, произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ іюлѣ 1714 г., доставилъ въ непріятельскій флотъ плѣнныхъ шведовъ и въ томъ же году, командуя отрядомъ изъ 9 скампавей, участвовалъ въ гангутскомъ сраженіи; въ октябрѣ, при раздѣленіи галернаго флота на эскадры, получилъ въ командованіе авангардію. Въ августѣ 1715 г., командуя отрядомъ галеръ, прибылъ изъ Пернова въ Ригу, откуда перешелъ къ Либавѣ, гдѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ за отбытіемъ по болѣзни, капитанъ-командира Змаевича, принялъ въ завѣдываніе галеры, бывшія въ Либавѣ. Въ 1716 г., произведенъ въ капитаны 1 ранга. 17 января 1719 г. произведенъ въ капитанъ-командоры. Въ іюлѣ того-же года находился съ галерами въ стокгольмскихъ шхерахъ, гдѣ въ августѣ мѣсяцѣ, состоя въ командѣ Левашова, взялъ близъ Ландсорта два шведскія судна, шедшія въ Стокгольмъ. Въ томъ же году преданъ былъ суду по обвиненію во взятіи частнаго багажа съ торговыхъ призовъ, и, по приговору кригсрехта, разжалованъ въ боцманы до выслуги чина капитанъ-командора. Въ 1722 г., января 11 написанъ въ капитаны 2 ранга, въ 1723 г.—въ прежній рангъ капитанъ-командора, съ выдачею жалованья съ 15 ноября 1721 г. и съ старшинствомъ въ галерной эскадрѣ, 9 мая 1723 г., за отсутствіемъ вице-адмирала Змаевича, принялъ главную команду при работахъ въ галерной гавани на Васильевскомъ острову. Имѣлъ надзоръ за сохраненіемъ «итальянскихъ и французскихъ» судовъ: гондовъ и полугондовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ, по указу Е. И. В., вооружалъ мелководную галеру «со всею артиллеріею и припасами». 18 сентября назначенъ «къ содержанію надъ галерными служителями фергеровъ и кригсрехтовъ». 19 марта 1725 г., по прошенію уволенъ отъ службы въ свое отечество съ абшидомъ, при чемъ, кромѣ жалованья, получилъ проѣздныя деньги.

Общій Морской списокъ, т. I, стр. 128—133.

Даміанъ, пресвитеръ, преподобный печерскій чудотворецъ († 5 октября 1070 г.). О немъ извѣстно, что постриженіе въ монашество онъ принялъ отъ св. Ѳеодосія Печерскаго, былъ особенно близокъ къ нему и по его порученію мазалъ елеемъ больныхъ и читалъ надъ ними молитвы. Былъ извѣстенъ подъ именемъ «цѣлебника». Мощи его почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ.

(Печерскій патерикъ. Филаретъ: „Житія Святыхъ"—октябрь)

Даміанъ (по фамиліи Наливайко), пресвитеръ, жившій на Волыни, писатель († 1627 г.). Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Даміанъ былъ священникомъ замковой церкви въ г. Острогѣ и затѣмъ протопопомъ въ Вильнѣ; предъ смертію возвратился въ г. Острогъ и тамъ въ 1627 г. скончался. Имъ переведены и изданы въ 1599 г.: «Пчела Антонія и Максима», въ 1604 г., въ Дерманскомъ монастырѣ «Октоихъ» и въ 1607 г., въ г. Острогѣ—«Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій, а особливо на затвердѣлыя сердца людскія,—съ приложеніемъ при концѣ тестамента Василія царя греческаго сыну своему Льву Философу», переведено съ греческаго.

(Евгеній: «Словарь», Пекарскій: «Наука и литература при Петрѣ ц.» Филаретъ «Обзоръ».

Здр.

Дандоло *Георгій*, переводчикъ XVIIIв. Венеціанецъ родомъ, онъ выѣхалъ въ 1738 году изъ Италіи искать счастья въ Россіи, бывшйе, по его выраженію, въ то время „всесвѣтнымъ пристанищемъ". Въ Россіи ему удалось устроиться съ 1840 года переводчикомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ ней онъ и проходилъ свое служебное поприще. Свои досуги отъ службы Дандоло употреблялъ на составленіе россійско-итальянско-латино-французскаго лексикона. Мысль издать итальянскій словарь имѣла большія основанія, такъ какъ итальянскій языкъ былъ важенъ для диплома-

тическихъ сношеній съ Турціей. Трудъ свой Дандоло въ 1847 году поднесъ коллегіи, въ которой служил, и просилъ напечатать. Только 1748 году, послѣ новой просьбы Дандоло, коллегія отсылаетъ лексиконы на просмотръ въ Академію наукъ. Академія не одобрила лексиконы Дандоло, принявъ во вниманіе сужденіе Тредьяковскаго, что книга Дандоло не лексиконъ, а вокабуляръ. Тщетно Дандоло указывалъ на то, что эти слова равнозначущи. Такъ какъ и самъ Дандоло сознавалъ недостатки своего словаря, то, взявъ свою рукопись, онъ началъ передѣлывать ее въ теченіе долгихъ лѣтъ. Но свѣта лексиконъ не увидѣлъ; до насъ дошли рукописи 1-го и 2-го изданія, хранящіяся въ библіотекѣ Казанскаго университета вмѣстѣ съ другими бумагами Дандоло. Разсмотрѣніе этихъ рукописей объясняетъ причины отрицательнаго отзыва о достоинствахъ лексикона Дандоло. Вся суть въ томъ, что Дандоло плоховато зналъ русскій языкъ (напр., онъ считалъ синонимами слова: доставать и получать, опорственность отождествлялъ въ упорство). Мысль объ изданіи словаря не покидала Дандоло до 1780-хъ годовъ: онъ все собиралъ матеріалъ и дѣлалъ поправки. За это время мало-по-малу Дандоло перешелъ отъ словаря къ переводамъ. Въ 1764—1765 гг. вышла „Нравоучительная философія, сочинена графомъ Эммануиломъ Тезаромъ, переведена съ итал. Георгіемъ Дандоломъ. Спб., 2 части“. Въ бумагахъ Дандоло сохранились ненапечатанными его переводы памфлета въ пользу іезуитскаго ордена, сочиненія Ботеро объ основаніи владѣнія, и исторіи междоусобныхъ войнъ во Франціи Генриха Давиллы.

Н. Поповъ:„Георгій Дандоло, лексикографъ и переводчикъ прошлаго столѣтія“. Библіограф. Записки 1859 годъ, т. II, стр. 195 и слѣд. *Щ.*

Даневскій, *Пій Никодимовичъ*, юристъ (1820 — 1892), извѣстенъ, какъ ученый юристъ и видный дѣятель эпохи великихъ реформъ,

Онъ родился въ кіевской губ. 5 мая 1820 г., въ небогатой семьѣ польскаго дворянскаго рода. Рано оставшись круглымъ сиротой, Даневскій, однако, имѣлъ счастье получить образованіе, о какомъ многимъ приходится лишь мечтать. Первоначально онъ воспитывался во 2-й Кіевской гимназіи, обнаруживая и въ этомъ раннемъ возрастѣ выдающіяся способности. Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что особенно интересовался онъ исторіей; знанія, пріобрѣтенныя имъ по этому предмету, отличались полнотой, и помогли ему выработать вполнѣ опредѣленное міросозерцаніе, отъ котораго не мало зависѣла плодотворность всей его дѣятельности на поприщѣ служенію государству. Окончивъ въ 1838 г. съ золотою медалью и съ правомъ на чинъ XIV кл. курсъ въ гимназіи, Даневскій въ томъ же году поступилъ на юридическій факультетъ кіевскаго университета св. Владиміра. Здѣсь онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на изученіи гражданскаго права. Изъ другихъ наукъ его интересовали: римское право и финансы; за свою работу по финансамъ Россіи Даневскій, между прочимъ, былъ награжденъ университетомъ серебряною медалью. Выпущенъ былъ изъ университета Пій Никодимовичъ со званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ получить степень кандидата. По представленіи диссертаціи, онъ былъ опредѣленъ съ начала академическаго 43—44 года преподавателемъ гражданскаго права и судопроизводства въбывшемъ юридическомъ (нынѣ филологическомъ) институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Двѣ недѣли спустя онъ получилъ степень кандидата. Сверхъ прямой своей обязанности, Даневскій преподавалъ законы казеннаго управленія. Въ 45 г. Даневскій защитилъ свою магистерскую диссертацію. «Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи», и 15 марта того же года былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи магистра гражданскаго права и въ должности профессора лицея кн. Безбородко по каѳедрѣ гражданскихъ законовъ и законовъ государственнаго благоустройства. Въ свое время сочиненіе Даневскаго: «Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ» вызвало интересъ спеціалистовъ вопроса и заслужило лестное одобреніе со стороны знаменитаго проф. Неволина. Профессорская дѣятельность Даневскаго продолжалась всего лишь десять лѣтъ. Государственный секретарь В. П. Бутковъ, заботясь о привлеченіи на службу способныхъ и знающихъ юристовъ, предложилъ ему мѣсто въ Государственной канцеляріи. Въ 1853 г., Высочайшимъ приказомъ отъ 26 авг., Данецкій былъ пере-

мѣщенъ изъ Нѣжинскаго института на должность экспедитора Государственной канцеляріи. Съ 1859 г. повелѣно быть ему помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Въ этой должности Даневскій состоялъ до 62 г., Въ 1859 г. исполнилось 50-лѣтіе существованія Государственнаго Совѣта, и В. П. Бутковъ по этому поводу поручилъ Даневскому составить исторію образованія нашего законодательнаго учрежденія. Съ Высочайшаго соизволенія (по ходатайству Буткова), Даневскому былъ открытъ доступъ въ московскіе архивы, гдѣ онъ могъ пользоваться необходимыми для своей работы матеріалами. «Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи» удостоена была монаршаго одобренія; автору же «за особые труды его по составленію этого сочиненія Высочайше пожалована 27 дек. 1859 г. золотая табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени Его Императорскаго Величества». По повелѣнію Государя, «Исторія образованія Государственнаго Совѣта» была отпечатана на казенный счетъ въ количествѣ полутораста экземпляровъ и роздана членамъ Государственнаго Совѣта, министрамъ и управляющимъ отдѣльными частями. Въ продажѣ сочиненіе это никогда не находилось и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Состоя на службѣ въ Государственной канцеляріи, Даневскій, по приглашенію Буткова, принималъ участіе въ пріуготовительныхъ редакціонныхъ работахъ по крестьянской реформѣ и составилъ съ Есиповичемъ (впослѣдствіи сенаторомъ) алфавитный указатель къ положеніямъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. За это участіе въ трудахъ по освобожденію крестьянъ Даневскому была пожалована серебряная медаль на Александровской лентѣ.

Съ 1862 г., послѣ перехода, согласно Высочайшему повелѣнію, старшимъ чиновникомъ во II Отд. Собственной Е. И. Величества канцеляріи, начинается особенно видная дѣятельность Даневскаго; его назначаютъ послѣдовательно членомъ различныхъ коммисій и комитетовъ для выясненія вопросовъ государственной важности, открывая такимъ образомъ широкое поле для проведенія въ жизнь провѣреныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ критическою мыслью ученаго юриста его воззрѣній и убѣжденій. Даневскій съ честью оправдывалъ всякій разъ выказываемое ему довѣріе—о томъ свидѣтельствуетъ множество полученныхъ имъ денежныхъ наградъ, знаковъ отличія (до 2-й степени ордена св. Владиміра включительно) и Высочайшая благодарность. Черезъ четыре дня послѣ назначенія старшимъ чиновникомъ II Отд. Собств. Е. И. Вел. канцеляріи Даневскому было поручено состоять членомъ образованнаго при этомъ отдѣленіи комитета по вопросу объ устройствѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ во владѣльческихъ имѣніяхъ. Мѣсяцъ спустя его назначаютъ въ состоявшую при министерствѣ внутр. дѣлъ коммисію о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Здѣсь онъ особенно ревностно старался провести идею точнаго опредѣленія границъ вѣдомства и круга функцій земскихъ учрежденій и устраненія столкновеній между этими учрежденіями и администраціей въ лицѣ начальниковъ губерній. Онъ предполагалъ учредить на мѣстѣ органы кассаціоннаго надзора. Теперь мысль эта осуществлена. Органами кассаціоннаго надзора являются губернскія по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Въ томъ же году, 28 сент., по указанію вице-предсѣдателя Государственнаго Совѣта, кн. П. П. Гагарина, Даневскій былъ назначенъ въ составъ учрежденной при Государственной канцеляріи коммиссіи изъ 9 лицъ «для составленія проэктовъ законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части». Будучи цивилистомъ, Даневскій принималъ въ работахъ коммисіи преимущественное участіе при установленіи основныхъ принциповъ судоустройства и судопроизводства гражданскаго. Вслѣдъ за изданіемъ Государственною канцеляріей судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ соображеній, на коихъ они основаны, Даневскому «за участіе въ трудахъ Всемилостивѣйше объявлена Высочайшая Его Имп. Величества благодарность». Кромѣ того, онъ получилъ и другія награды «во вниманіе къ особо полезнымъ и неутомимымъ трудамъ». Въ ноябрѣ 1864 г., по распоряженію Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. канц., Даневскій былъ назначенъ членомъ въ податную коммисію при министерствѣ финансовъ» для изготовленія, совокупно съ чле-

нами оной, новаго устава о земскихъ повинностяхъ для тѣхъ губерній, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ».

Начиная со слѣдующаго года Даневскій служитъ въ министерствѣ юстиціи. По рекомендаціи гр. Панина, онъ былъ опредѣленъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, состоять членомъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, безъ содержанія, но съ сохраненіемъ должности старшаго чиновника II Отд. Собств. Е. И. Вел. канцеляріи. Затѣмъ въ 1866 и 1867 гг. онъ состоялъ, по распоряженію Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. Вел. канц. членомъ комитета при морскомъ министерствѣ для начертанія проэкта новаго устава Россійско-Американской компаніи и колоніальнаго положенія, и коммисіи, образованной подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря для разсмотрѣнія проектовъ новыхъ положеній и штатовъ учрежденій бывшаго кавказскаго намѣстничества. Одновременно съ тѣмъ на Даневскаго было возложено порученіе присутствовать въ особомъ комитетѣ при министерствѣ финансовъ для разсмотрѣнія предположеній о средствахъ вознагражденія Россійско-Американской компаніи за уступку С.-Ам. Соед. Штатамъ бывшихъ нашихъ колоній въ Америкѣ. Такого рода дѣятельность Даневскаго, естественно, усилила довѣріе къ нему со стороны правительства. Въ началѣ 1868 г. онъ былъ произведенъ «за отличіе» въ тайные совѣтники. Тогдашній министръ юстиціи гр. Паленъ, справедливо считая его способнымъ и опытнымъ юристомъ, устроилъ ему въ томъ же году назначеніе предсѣдателемъ гражданскаго департамента открывавшейся, сообразно новымъ уставамъ, одесской судебной палаты, и, со дня этого назначенія, онъ былъ командированъ на 3 мѣсяца заграницу для подробнаго ознакомленія съ устройствомъ судебной части въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. Въ Одессѣ Даневскій пробылъ сравнительно недолго. Въ 1870 г. онъ получилъ новое назначеніе; ему было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ; черезъ годъ состоялся переходъ его въ 4-й (судебный гражданскій) департаментъ.

Многолѣтніе труды Даневскаго, отдававшаго все свое время дѣлу, которое ему поручали, въ конецъ расшатали его здоровье. Переутомленіе явилось необходимымъ слѣдствіемъ 18-часовой, зачастую, работы въ сутки; къ тому же Даневскій находился уже въ довольно преклонномъ возрастѣ. Во вниманіе къ прежнимъ трудамъ Даневскаго, онъ былъ съ 1883 г., освобожденъ отъ обязательныхъ занятій; съ этого времени до смерти онъ состоялъ въ числѣ неприсутствующихъ сенаторовъ, и за нимъ было сохранено получавшееся имъ содержаніе.

Умеръ Даневскій 19 апрѣля 1892 г., въ мѣстечкѣ Свѣнча, полтавской губ., на 72 году жизни.

Энциклопедическій слов. Брокгауза.—Журн. Гражд. и Угол. пр. 1892 г. № 6, некрологъ.—Формуляръ Даневскаго въ Министерствѣ Юстиціи, въ отд. личн. состава.

Данзасъ, *Александръ Логиновичъ*, предсѣдатель главнаго военнаго суда, генералъ-отъ-инфантеріи, родился 11 іюля 1810 г., умеръ въ Петербургѣ 14 февраля 1880 года. Данзасъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ отецъ его, Логинъ Ивановичъ, завѣдывалъ въ качествѣ гофмейстера воспитаніемъ пажей и матеріальной частью корпуса. Пытливый умъ молодого Данзаса не могъ удовлетвориться той скудной умственной пищей, которая предлагалась въ то время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вообще. По окончаніи курса въ Пажескомъ корпсѣ Данзасъ былъ зачисленъ въ гвардію, но его не покидала мысль поступить въ университетъ и тамъ удовлетворить свою научную пытливость систематическимъ изученіемъ наукъ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ помѣшалъ ему осуществить эту мысль, и Данзасъ, лишенный достаточной предварительной подготовки, безъ всякой системы принялся за чтеніе всего того, что случайно попадалось ему подъ руку. Въ 1830 г., Данзасъ былъ выпущенъ изъ корпуса въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ выступилъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ. Походъ въ зимнее время, безъ средствъ, далъ ему почувствовать съ первыхъ шаговъ служебнаго поприща всю тяжесть матеріальныхъ лишеній. Данзасъ нарочно подвергалъ себя всѣмъ тѣмъ стѣсненіямъ и лишеніямъ, которыя выпадаютъ на долю нижнихъ чиновъ, чтобы, испытавъ ихъ на себѣ, знать,

что можно требовать отъ солдата. Польская война со всѣми лишеніями боевой жизни перенесенными Данзасомъ наравнѣ съ солдатами, положила основаніе той любви его къ солдату, которую сохранялъ онъ до конца своей жизни. Въ полку Данзасъ всегда былъ примѣромъ для другихъ: тогдашніе военные уставы, несмотря на ихъ сложность и запутанность, онъ зналъ настолько хорошо, что товарищи его обращались къ нему всегда, какъ къ справочной книгѣ; насколько онъ заботился о ввѣренныхъ ему нижнихъ чинахъ и дорожилъ солдатской копѣйкой, свидѣтельствуетъ о томъ выработанная имъ ясная форма отчетности, взамѣнъ существовавшей по довольствію роты провіантомъ, вошедшая впослѣдствіи въ „Инструкцію ротному командиру», составленную въ Семеновскомъ полку. По возвращеніи полка изъ Польши Данзасъ выработалъ себѣ по указаніямъ нѣкоторыхъ профессоровъ, программу для систематическаго самообразованія и строго придерживаясь ея сталъ прилежно заниматься. Все свое казенное жалованье, единственный источникъ существованія, онъ почти цѣликомъ тратилъ на пріобрѣтеніе книгъ и доводилъ личныя лишенія во всемъ другомъ, кромѣ книгъ, до предѣловъ возможнаго. Съ 1832 г. по 1848 г., шестнадцать лѣтъ прожилъ Данзасъ,—во время службы въ Семеновскомъ полку и потомъ въ Образцовомъ, гдѣ онъ командовалъ ротой, — совершеннымъ отшельникомъ, дѣля день между ротою и своимъ учебнымъ кабинетомъ, въ которомъ онъ въ бесѣдѣ со своими «друзьями»—книгами находилъ душевный миръ, умственное наслажденіе и забывалъ свои тяжелыя житейскія обстоятельства. Въ это время Данзасъ составилъ себѣ библіотеку, имѣвшую болѣе тысячи томовъ по исторіи, философіи и другимъ отраслямъ наукъ, на русскомъ и иностранномъ языкахъ. Въ 1848 г., по волѣ великаго князя Михаила Павловича, Данзасъ былъ неожиданно назначенъ состоять въ распоряженіи начальника штаба дѣйствующей арміи князя Горчакова. Данзасъ долженъ былъ разстаться, скрѣпя сердце, со своей любимой библіотекой и уѣхать въ Варшаву. Во время службы при князѣ Горчаковѣ, съ 1848 г. по 1850 г., Данзасъ участвовалъ, въ Венгерской кампаніи въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и выказалъ отличную храбрость и мужество, особенно при устройствѣ переправы чрезъ рѣку Тейсъ у Тисса-фюретъ. Во время Крымской кампаніи Данзасъ командовалъ Екатеринославскимъ полкомъ 2 дивизіи гренадерскаго корпуса, на долю котораго выпали лишь безплодныя передвиженія изъ новгородской губерніи въ Варшаву, оттуда въ подольскую губернію и потомъ въ сѣверную часть Крыма. По окончаніи Крымской войны Данзасъ командовалъ 5 гвардейской резервной бригадой (съ 1856 по 1857 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ сотрудникомъ сенатора Каппгера въ составленіи новаго воинскаго устава о наказаніяхъ, который положенъ въ основаніе нынѣ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ законовъ. Съ назначеніемъ Данзаса командующимъ Сыръ-Дарьинской линіей (1857 г.), потомъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса (1859 г.), при чемъ по смерти генералъ-адъютанта Катенина и до прибытія генералъ-адъютанта Безака, онъ командовалъ Оренбургскимъ корпусомъ и завѣдывалъ дѣлами по гражданскому управленію краемъ, затѣмъ генералъ-провіантмейстеромъ (1861 г.), членомъ генералъ-аудиторіата (1864 г.), членомъ главнаго военнаго суда (1867 г.), и наконецъ предсѣдателемъ этого суда съ 1877 года,—предъ нимъ открылось широкое поприще административной и судебной дѣятельности, на которомъ Данзасъ вполнѣ выказалъ и свои недюжинныя способности, и многосторонность знаній, накопленныхъ многолѣтнимъ умственнымъ трудомъ въ тиши кабинета среди книгъ, и просвѣщенные взгляды гуманнаго государственнаго дѣятеля, и обширную практическую опытность, которыми вполнѣ оправдывалъ назначеніе на важный постъ предсѣдателя главнаго военнаго суда тогдашнимъ военнымъ министромъ, графомъ Д. А. Милютинымъ, который всегда высоко цѣнилъ Данзаса. Честный, гуманный труженикъ, Данзасъ безъ всякихъ связей, исключительно благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, тяжелому труду и энергіи достигъ подъ конецъ жизни высокаго общественнаго положенія, но умеръ такимъ же бѣднымъ, какимъ началъ жить. Не смотря на физическія страданія и въ послѣдніе годы своей жизни Данзасъ не отставалъ ни отъ вѣка, ни отъ общества, не переставалъ слѣдить за всѣми явленіями нашей госу-

дарственной и общественной жизни и, подвергая ихъ въ тишинѣ кабинета изслѣдованію своего пытливаго ума, дѣлалъ имъ вѣрную оцѣнку въ своихъ «Запискахъ», которыя, вѣроятно, будутъ напечатаны, когда наступитъ для того удобное время. Живая дѣятельность духа Данзаса поддерживалась безпрерывнымъ чтеніемъ лучшихъ произведеній писателей нынѣшняго времени, о чемъ свидѣтельствуетъ вторично съ любовью собранная имъ библіотека, содержащая въ себѣ до трехъ тысячъ экземпляровъ, преимущественно по исторіи XVIII и XIX столѣтій, и завѣщанная имъ лицею Цесаревича Николая.

„Историческій Вѣстникъ“ 1880 г. т. I, стр. 885—888.—„Русскій Инвалидъ“ 1880, № 57.—А. Л. Данзасъ. (Воспоминанія стараго товарища его свѣжей могилѣ.) Старый семеновецъ. (Д. И. Дараганъ). Спб. 1880. *Ч.*

Данзасъ, *Борисъ Карловичъ*, сенаторъ, т. сов., родился въ 1799 году. Данзасъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, воспитаніе получилъ въ Царскосельскомъ лицеѣ и, по окончаніи его съ серебряной медалью, началъ служебную карьеру въ 1820 г. въ министерствѣ финансовъ, въ слѣдующемъ году онъ былъ причисленъ къ московскому военному генералъ-губернатору, затѣмъ перешелъ въ совѣтники московскаго губернскаго правленія. Въ 1829 г. онъ былъ опредѣленъ къ московскому военному генералъ-губернатору чиновникомъ для особыхъ порученій, принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ карантина въ Троицкомъ посадѣ и затѣмъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи для составленія отчетовъ по суммамъ, издержаннымъ московской губерніей во время холеры. Въ 1836 г., онъ производилъ ревизію присутственныхъ мѣстъ въ уѣздныхъ городахъ московской губерніи и, въ 1835 г., опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-е отдѣленіе 5 департамента сената. Съ этого времени начинается дѣятельное участіе Данзаса въ многочисленныхъ законодательныхъ работахъ: въ 1836 году, онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ комитета для разсмотрѣнія замѣчаній на нѣкоторыя статьи Свода Законовъ, въ 1837 г. онъ былъ прикомандированъ въ комитетъ при V Отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи для разсмотрѣнія проэкта положенія о порядкѣ судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ и проступкамъ государственныхъ крестьянъ и въ этомъ же году онъ былъ назначенъ членомъ комитета для разсмотрѣнія проэкта о преобразованіи управленія государственными имуществами Въ 1838 г., Данзасъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 2-го департамента прав. сената, а въ слѣдующемъ году—директоромъ департамента министерства юстиціи. Въ 1843 г., Данзасъ принималъ, какъ членъ комитета, дѣятельное участіе въ составленіи проэкта новаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и своими обширными практическими познаніями оказалъ не маловажную услугу этому дѣлу Съ 1845 г. онъ былъ оберъ-прокуроромъ I-го департамента сената и членомъ различныхъ законодательныхъ и ревизіонныхъ комиссій; онъ былъ членомъ комитетовъ: для пересмотра пенсіоннаго устава,— объ изысканіи способовъ къ сокращенію переписки и дѣлопроизводства по гражданскому вѣдомству,—членомъ комитета о построеніи Исаакіевскаго собора и др. За свои труды въ законодательныхъ комитетахъ Данзасъ неоднократно получалъ денежныя награды, такъ за участіе въ комитетѣ по составленію проекта новаго уголовнаго уложенія изъ суммъ государственной типографіи ему было отпущено 6,000 руб. Въ 1847 г. онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, и назначенъ былъ въ 1851 году сенаторомъ. Дѣятельность Данзаса, какъ сенатора, глубоко понимавшаго не только духъ русскаго уголовнаго кодекса, въ созданіи котораго онъ самъ принималъ горячее участіе, но и интересовавшагося чисто теоретическими вопросами юриспруденціи, возбуждавшимися такъ часто сенатской практикой, — оставила глубокій и рѣзкій слѣдъ въ сенатской практикѣ. Данзасу, глубоко сочувствовавшему судебной реформѣ, пришлось не мало потрудиться по приведенію въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II; ему пришлось также нести обязанности сенатора въ нелегкій для сената періодъ введенія новыхъ уставовъ, когда на долю сената выпала трудная задача — дать единообразное направленіе судебной практикѣ во всей странѣ и стать на стражѣ единообразнаго толкованія закона. Любовь къ дѣлу и обширныя познанія Данзаса дали возможность ему съ честью нести обязанности сенатора въ это трудное вре-

мя. Онъ умеръ въ 1868 году, 18 октября, на 69-мъ году жизни.

„Судебный Вѣстникъ“ 1868 г., № 228.—„Петербургская газета“ 1868 г., №150.—„Иллюстрированная газета“ 1868 г., № 44.—Формулярный списокъ о службѣ Данзаса въ сенатскомъ архивѣ за № 2252. *Ч.*

Данзасъ, *Карлъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, родился въ 1762 г., умеръ 15 мая 1831 г. Происходя изъ одного изъ эстляндскихъ дворянскихъ родовъ, Данзасъ въ службу вступилъ 1 января 1786 г. сержантомъ въ Нотебургскій пѣхотный полкъ, изъ котораго, въ 1786 г., назначенъ переводчикомъ въ штабъ генералъ-аншефа графа Эльмпта, потомъ постепенно, находясь при томъ же генералѣ, занималъ должности секретаря, адъютанта и генеральсъ-адъютанта. Въ 1796 г. переименованъ въ премьеръ-маіоры. Въ 1798 г., Данзасъ опредѣленъ подполковникомъ въ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ, въ которомъ былъ производимъ въ чины: въ 1799 г. полковника, 14 сентября 1800 г.— генералъ-маіора, съ назначеніемъ шефомъ въ Таврическій гренадерскій полкъ, изъ котораго 4 марта 1807 г., за болѣзнію, уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіею.

(Формуляръ въ Москов. Отд. Общ. арх. Главн. Штаба за 1804 г., № 1326). *М.*

Данзасъ, *Константинъ Карловичъ*, товарищъ по лицею и другъ Пушкина и его секундантъ на дуэли, генералъ-маіоръ, родился въ 1800 г., умеръ 3-го февраля 1870 г. По окончаніи въ 1817 г. курса въ царскосельскомъ лицеѣ, Данзасъ поступилъ прапорщикомъ въ инженерный корпусъ, потомъ перешелъ въ піонерный баталіонъ и, въ 1827 г., былъ командированъ въ Отдѣльный кавказскій корпусъ, на службѣ въ которомъ за отличіе въ сраженіи противъ турокъ получилъ чинъ капитана. Въ 1833 г. Данзасъ былъ назначенъ адъютантомъ къ директору строительнаго департамента по морской части, чрезъ пять лѣтъ былъ переведенъ въ петербургскую инженерную команду, уже въ чинѣ подполковника, но чрезъ два мѣсяца былъ переведенъ на Кавказъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, съ которымъ и участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Въ 1844 г., Данзасъ былъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками Финляндіи. Въ 1856 г. онъ, былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при петербургской комиссаріатской комиссіи, съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ, но въ томъ же году вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-майора съ пенсіей за службу и раны. Данзасъ участвовалъ въ сраженіи противъ персіанъ, былъ при осадѣ и взятіи крѣпости Бурбурти и Эривани. Въ турецкую войну былъ въ сраженіи при Фальчи, при осадѣ Браилова, гдѣ раненъ пулею въ плечо съ раздробленіемъ лопаточной кости, при разбитіи великаго визиря при Кулевчѣ, подъ Шумлою, въ авангардѣ при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго лагеря Кипраниди, при переходѣ черезъ Балканы, при разбитіи корпуса Измаилъ-паши и взятіи крѣпости Айдолы, при взятіи Сливно и Адріанополя. Въ 1838 и 1839 г. г. Данзасъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ противъ горцевъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Скептикъ отъ природы, Данзасъ жилъ и умеръ въ бѣдности, безъ семьи, и не только не оставилъ послѣ смерти благопріобрѣтеннаго», но его даже и похоронить было не на что и казна приняла расходы на его похороны на свой счетъ: до того доходило у Данзаса пренебреженіе къ благамъ жизни и житейскимъ разсчетамъ. Саркастическій взглядъ на людей и дѣла постоянно мѣшалъ Данзасу въ его служебной карьерѣ, которая не разъ улыбалась ему: онъ упорно отказывался отъ теплыхъ и хлѣбныхъ мѣстъ, нѣсколько разъ предлагавшихся ему, говоря, что чувствуетъ себя неспособнымъ къ занятію «такихъ мѣстъ». Пушкинъ питалъ къ своему другу и однокашнику по лицею искреннюю любовь и, умирая, отдалъ ему на память съ своей руки кольцо, съ которымъ секундантъ поэта не разставался до послѣднихъ дней своей жизни. Со словъ К. К. Данзаса, присутствовавшаго при кончинѣ А. С. Пушкина, И. А. Амосовъ написалъ извѣстную брошюру: «Послѣдніе часы А. С. Пушкина со словъ К. К. Данзаса» Спб. 1863 г. *Ч.*

«Иллюстрированная газета», 1870 г., № 7. «Современникъ» 1863 г. № 6, стр. 317 — 326. И. А. Амосовъ: «Послѣдніе дни жизни и смерть А. С. Пушкина». 1863 г. „Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ“ П. М. фонъ-Кауфмана. Спб. 1899.

Данибеговъ, *Рафаилъ*, богатый грузинскій купецъ, по порученію грузинскаго царя Ираклія, 15-го марта 1795 г., отпра-

вился въ Индію. Черезъ Арзрумъ, Діарбекиръ, Багдадъ, прибылъ въ Маскатъ, на берегу Персидскаго залива, отсюда моремъ переправился въ Бомбей. Побывалъ на Цейлонѣ, въ Мадрасѣ, объѣхалъ очень многіе пункты Индіи. Обратный путь лежалъ черезъ Кашмиръ, Тибетъ, Яркендъ, Семипалатинскъ, Омскъ, Нижній-Новгородъ и Москву. Всего въ путешествіи пробылъ 18 лѣтъ. Описаніе пути, первоначально написанное на грузинскомъ языкѣ, перевелъ на русскій и издалъ въ 1815 г. въ Москвѣ, посвятивъ переводъ императору Александру I. Въ книгѣ своей, не имѣющей большого значенія для науки, Данибеговъ собралъ „нѣкоторыя черты обычаевъ и нравовъ обитателей тамошнихъ, образа ихъ жизни, ихъ богослуженія и нѣкоторыя свѣдѣнія о качествахъ самой земли».

См. „Путешествіе въ Индію грузинскаго дворянина Рафаила Данибегова". Переводъ съ груз. М. 1815 г. 8° VIII+56. *Щ.*

Данилевскій, *Александръ Семеновичъ*, ближайшій и постоянный другъ Гоголя. „Ты мнѣ роднѣе роднаго брата" писалъ ему однажды Гоголь. А. С. родился 28 авг. 1809 года въ Семеренькахъ, полтавской губерніи,—помѣстьѣ Данилевскихъ. Послѣ смерти своего отца, въ раннемъ дѣтствѣ Данилевскій переѣхалъ вмѣстѣ съ матерью въ имѣніе своего вотчима, находившееся въ 6 верстахъ отъ Васильевки. Первое знакомство Данилевскаго съ Гоголемъ состоялось въ раннемъ дѣтствѣ, когда Данилевскому было всего 7 лѣтъ. Данилевскій учился въ Зѣньковѣ у учителя, 1818 году въ полтавской гимназіи, въ 1822 года въ нѣжинскимъ лицеѣ. Здѣсь онъ нашелъ Гоголя, поступившаго ранѣе его. Здѣсь укрѣпилась ихъ дружба. Данилевскій сталъ для Гоголя „спутникомъ, шедшимъ о его плечо всю дорогу жизни. На нѣкоторое время Данилевскій оставлялъ Нѣжинъ и былъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ; въ іюнѣ 1828 года Данилевскій вмѣстѣ съ Гоголемъ кончилъ курсъ въ гимназіи высшихъ наукъ—дѣйствительнымъ студентомъ. Въ декабрѣ 1828 года Данилевскій и Гоголь выѣхали въ Петербургъ. Данилевскій поступилъ здѣсь въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. За все время своего пребыванія въ столицѣ Данилевскій находился въ близкихъ сношеніяхъ со всѣми нѣжинцами и въ особенно близкихъ и нѣжныхъ — съ Гоголемъ. Въ 1831 году Данилевскій оставилъ школу и уѣхалъ изъ Петербурга и жилъ на Кавказѣ у своей матери, находясь въ постоянной перепискѣ съ своимъ другомъ, сообщалъ ему всѣ интимныя подробности жизни и заваливая его различными порученіями. Въ 1833 году Данилевскій снова появляется въ Петербургѣ, гдѣ поступаетъ на службу въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1836 году вмѣстѣ съ Гоголемъ Данилевскій отправляется за границу. Сначала они ѣхали вмѣстѣ, затѣмъ, рѣшили выбирать маршрутъ по своему вкусу, разстались и путешествовали отдѣльно, переписываясь и встрѣчаясь въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Въ Парижѣ, гдѣ Данилевскій прожилъ довольно долго, онъ былъ путеводителемъ Гоголя; а въ Римѣ роли перемѣнились. Въ 1838 году Данилевскій получилъ извѣстіе о смерти своей матери. Поддержка Гоголя, — и нравственная и матеріальная,—не позволила ему совсѣмъ пасть духомъ. Онъ выѣхалъ въ Россію. Здѣсь онъ жилъ сначала въ своемъ имѣніи, устраивая свои дѣла, а потомъ служилъ инспекторомъ пансіона при 1-й кіевской гимназіи до 1848 года. Переписка съ Гоголемъ не прекращалась. Письма Гоголя, въ которыхъ онъ давалъ Данилевскому совѣты тонкаго учительства, уже заразившаго его въ это время, вызвали охлажденіе со стороны Данилевскаго, но оно скоро прошло, и прочная, задушевная привязанность уже не прекращалась до самой смерти Гоголя. Съ 1851 года по 1861 г. Данилевскій состоялъ директоромъ училищъ полтавской губерніи, съ 1871 по 1874 годъ числился кандидатомъ на должности мирового посредника. Съ тѣхъ поръ онъ безвыѣздно жилъ въ селѣ Аппенскомъ. За нѣсколько лѣтъ до кончины Данилевскій ослѣпъ и умеръ 3 апрѣля 1888 года. „Данилевскій умеръ идеалистомъ, однимъ изъ послѣднихъ представителей вымирающаго поколѣнія, завѣщавшаго намъ, подобно ему, не погашать въ себѣ, посреди заботъ холодной практической жизни, искру любви къ поэзіи и ко всему изящному". Въ своихъ отношеніяхъ къ Гоголю Данилевскій всегда сохранялъ свою самостоятельность и искренно любилъ и уважалъ своего друга.

Письма Данилевскаго къ Гоголю и его воспоминанія о Гоголѣ можно найти въ „Запи-

скахъ о жизни Гоголя“ Кулиша. Спб. 1856 2 т. и въ статьѣ Шенрока „Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій“. Вѣстн. Европы 1890 г., кн. 1 и 2. Библіографическія указанія въ книгѣ Языкова: „Русскіе писатели, умершіе въ 188 году“.

Данилевскій, *Алексѣй Ивановичъ*, докторъ медицины, профессоръ акушерства въ московскомъ университетѣ, родился въ 1770 г.; высшее образованіе получилъ сначала въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ московскомъ университетѣ, который и окончилъ въ 1803 г. со званіемъ кандидата и въ томъ же году опредѣлился помощникомъ прозектора; съ 1804 г. по 1811 г. Данилевскій былъ прозекторомъ; степень доктора медицины онъ получилъ 27 іюня 1805 г., по полученіи степени доктора медицицы былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ повивальнаго искуства въ московскомъ университетѣ и профессоромъ въ повивальномъ институтѣ московскаго воспитательнаго дома. Въ 1813 году Данилевскій утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ акушерства при московскомъ университетѣ, но кромѣ своего спеціальнаго предмета читалъ хирургію и дѣтскія болѣзни. Какъ акушеръ Данилевскій оставилъ по себѣ добрую славу. Печатные труды Данилевскаго слѣдующіе: De carie ossium. Diss. D. M. Mosq. 1805. 8°; 2) «Рѣчь въ память профессора Венсовича, читанная полатинѣ въ физико-медицинскомъ обществѣ 7 октября 1811 г.,» имъ же перев. и напеч. Москва 1811 г., 8°; изд. 2-е 1814, 8° и тоже въ Медикофизич. журналѣ II, 1821 г. 193; 3) «Недостатокъ верхней части затылочной кости». «Медико-физич. журналъ», II, 67, читано по латыни (de tractura ossis occipitis), въ Физ.-Мед. Общ. 1814 г.; 4) Слово о необходимыхъ средствахъ къ подкрѣпленію слабаго младенческаго возраста для размноженія въ отечествѣ нашемъ народа. Говор. на университетскомъ актѣ 10 іюля 1814 г». Москва 1814 г. 8°.

Рихтеръ: «Исторія медицины въ Россіи». Геннади: «Справочный словарь». — Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели».

Н. В. Т.

Данилевскій, *Григорій Петровичъ*, извѣстный писатель—беллетристъ, родился 14 апрѣля 1829 года въ с. Даниловкѣ, харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, умеръ 6-й декабря 1890 г. Перво начальное воспитаніе получилъ дома подъ руководствомъ родителей, сумѣвшихъ развить въ сынѣ любовь къ музыкѣ и литературѣ, потомъ окончилъ курсъ московскаго дворянскаго института (бывшаго университетскаго пансіона), и затѣмъ — курсъ с.-петербургскаго университета по камеральному отдѣленію юридическаго факультета, откуда вышелъ въ 1850 г. кандидатомъ, съ серебряною медалью за конкурсное сочиненіе на тему: „О Пушкинѣ и Крыловѣ“, предложенную въ 1848 году философскимъ факультетомъ. Весною 1849 года, еще будучи студентомъ, Данилевскій, по недоразумѣнію, вмѣсто однофамильца Н. Я. Данилевскаго, былъ арестованъ, какъ причастный дѣлу Петрашевскаго, и два мѣсяца содержался въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Поступивъ въ 1850 г. на службу канцелярскимъ чиновникомъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, Данилевскій въ слѣдующемъ году былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, А. С. Норовѣ, и, по порученію министра командированъ былъ въ губерніи курскую, харьковскую и полтавскую для собиранія свѣдѣній о древнихъ рукописяхъ и старинныхъ актахъ въ монастыряхъ и городахъ. Результатомъ командировки были реестры болѣе выдающихся изъ найденныхъ имъ актовъ, а также детальное описаніе рѣдкихъ рукописей историческаго содержанія, напечатанное имъ въ статьѣ: „Частныя и общественныя собранія актовъ и историческихъ документовъ въ харьковской губ.“ (Журн. М. Н. Пр. 1856 г., № 2). Лѣтомъ 1855 г., Данилевскій получилъ командировку отъ Археологической коммиссіи, согласно плану Устрялова, въ полтавскую губернію для осмотра и описанія въ археологическомъ отношеніи мѣстностей города Полтавы и ближайшихъ къ ней селеній, ознаменованныхъ событіями эпохи борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII (результаты этой командировки изложены Данилевскимъ въ статьѣ: „Полтавская старина въ отношеніи ко времени Петра Великаго“, появившейся въ Журн. М. Н. Пр. 1856 г., № 3), а также въ екатеринославскую губернію—для описанія архива и достопримѣчательностей города, и затѣмъ вскорѣ, по порученію морскаго министерства, отправился на югъ Россіи, къ прибрежьямъ Азовскаго

моря, Днѣпра и Дона и прилежащія губерніи для описанія быта и промысловъ мѣстныхъ жителей. Въ 1857 году Данилевскій оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія, женился на дочери изюмскаго помѣщика Ю. Е. Замятиной и поселился въ харьковской губерніи, гдѣ и прожилъ двѣнадцать лѣтъ, частью въ родовомъ имѣніи отца с. Петровскомъ, частью въ имѣніи жены—Екатериновкѣ, неся при этомъ различныя общественныя обязанности и лишь изрѣдка путешествуя то по Россіи, то за-границей; двѣ поѣздки заграницу, а также поѣздки въ Польшу, Бѣлоруссію, Волынь, Подолію, по Волгѣ, Дону и Днѣпру дали богатый матеріалъ для будущихъ произведеній Данилевскаго. Въ 1857 и 1858 гг. Данилевскій работалъ по крестьянскому вопросу и служилъ по выборамъ депутатомъ харьковскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и получилъ серебряную медаль на александровской лентѣ съ надписью: „Благодарю за труды по освобожденію крестьянъ". Въ 1863 году въ качествѣ частнаго лица, по порученію министра народнаго просвѣщенія Головина, онъ посѣтилъ и описалъ около двухсотъ народныхъ школъ харьковской губерніи.

Въ первое трехлѣтіе существованія земства, съ 1865 по 1868 годъ, Данилевскій служилъ по выборамъ сначала членомъ зміевскаго училищнаго совѣта, потомъ гласнымъ харьковскаго губернскаго земскаго собранія и членомъ харьковской губернской земской управы, гдѣ втеченіе трехъ лѣтъ завѣдывалъ попечительнымъ отдѣломъ управы, народными школами губерніи, больницами, пріютами и проч.; въ 1867—1868 гг. онъ былъ въ Петербургѣ въ качествѣ члена депутаціи отъ харьковскаго губернскаго земства, ходатайствовавшаго о постройкѣ курско-харьковско-азовской желѣзной дороги, и въ 1867 и 1870 гг. былъ избираемъ въ почетные мировые судьи Зміевскаго уѣзда. Кромѣ того, въ теченіе всей земской службы Данилевскаго на обязанности его лежало печатаніе всѣхъ отчетовъ и другихъ изданій губернской земской управы, а также журналовъ губернскаго земскаго собранія. Предполагая заняться адвокатурой, Данилевскій оставилъ службу по земству и въ 1868 году указомъ сената былъ утвержденъ присяжнымъ повѣреннымъ округа харьковской судебной палаты, но вскорѣ, уже въ началѣ 1869 года, переселился въ Петербургъ, поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ и затѣмъ, по настоянію Л. С. Макова, былъ командированъ въ распоряженіе главнаго редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ". Въ началѣ 1870 года онъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго редактора, въ 1875 году — произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 22 августа 1881 года назначенъ главнымъ редакторомъ газеты „Правительственный Вѣстникъ", и состоялъ въ этой должности до самой смерти. Съ небольшимъ черезъ годъ, въ 1882 году, Данилевскому именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно быть членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, съ оставленіемъ въ должности главнаго редактора „Правительственнаго Вѣстника", а въ 1886 году онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Какъ редакторъ „Правительственнаго Вѣстника", Данилевскій много содѣйствовалъ тому, что литературный и научный отдѣлы этого изданія сдѣлались значительно разностороннѣе. Кромѣ того, редакція газеты ему же обязана и организаціей сношеній съ представителями различныхъ министерствъ и высшихъ государственныхъ учрежденій, посредствомъ которыхъ для редакціи обезпечена была непрерывная доставка оффиціальныхъ свѣдѣній по отдѣлу „сообщеній" какъ о работахъ самихъ министерствъ, такъ и о занятіяхъ разныхъ правительственныхъ коммисій и комитетовъ.

На литературное поприще Данилевскій выступилъ очень рано, еще будучи студентомъ петербургскаго университета. Первымъ печатнымъ произведеніемъ его было стихотвореніе „Славянская весна", появившееся въ № 47 „Иллюстраціи" 1846 года, безъ подписи. Затѣмъ съ 1847 года Данилевскій сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ „Полицейской Газеты", въ которой писалъ подъ псевдонимомъ „Панъ-Баянъ". Въ теченіе 1847 года онъ помѣстилъ въ этой газетѣ семь фельетоновъ о столичныхъ событіяхъ и происшествіяхъ, а въ слѣдующемъ году напечаталъ фельетонъ: „Очерки изящнаго" и пятнадцать писемъ о Финляндіи, озаглавленныхъ: „Выписки изъ путеваго альбома", съ подписью: Гр.Д—скій,

написанныхъ хотя и въ восторженно напыщенномъ тонѣ, но не лишенныхъ интереса. Особенно любопытенъ очеркъ, посвященный финской поэзіи. Затѣмъ произведенія Данилевскаго начали появляться въ дѣтскомъ журналѣ А. О. Ишимовой „Звѣздочка“, гдѣ въ 1847 году была напечатана его статья: „Пещера тигровъ“ и стихотворенія: „Брату“ и „У колыбели“. Первые литературные опыты его были встрѣчены критикой далеко несочувственно: поэма изъ мексиканской жизни „Гвая Ллиръ“, напечатанная сначала въ „Библіотекѣ для чтенія“ и затѣмъ, отдѣльнымъ изданіемъ, „Крымскія стихотворенія“, изданныя въ 1851 году, а также „Пиръ у поэта Катула“, драматическія сцены изъ римской жизни, шедшія въ Александринскомъ театрѣ и „Арабская Касида“—стихотворенія, появившіяся въ „Пантеонѣ“ 1852 года,—подверглись даже рѣзкимъ отзывамъ и нападкамъ. Однимъ изъ первыхъ бытовыхъ разсказовъ Данилевскаго, сочувственно встрѣченныхъ критикою, была „Повѣсть о томъ, какъ казакъ побывалъ въ Бахчисараѣ“, напечатанная въ „Современникѣ“ 1852 года (№ 5). Ободренный успѣхомъ, Данилевскій написалъ цѣлый рядъ разсказовъ изъ украинскаго быта, изданныхъ въ 1853 г. подъ общимъ заглавіемъ „Слобожане“, и напечаталъ цѣлую серію сказокъ изъ малорусскаго быта (въ „Отеч. Зап.“), изданныхъ потомъ подъ общимъ заглавіемъ „Степныхъ казаковъ“, которыя такъ понравились критикѣ и публикѣ, что въ одной изъ книжекъ „Дешевой библіотеки“ Суворина выдержали одно за другимъ семь изданій. Въ пятидесятыхъ годахъ Данилевскій напечаталъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ стихотворныхъ переводовъ изъ Байрона, Шиллера, Лонгфелло, Новалиса („Мадонна“ и „Наши крылья“), Мицкевича и Шекспира („Король Ричардъ III“), въ „Библ. для чтен.“, 1850 г., №№ 4 и 6, и „Цимбелинъ“, тамъ же, 1851 г., № 8, и отд.), а также написалъ рядъ фельетоновъ и критическихъ статей о малорусской литературѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Данилевскій уже пользовался репутаціей почтеннаго литератора и сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ: „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Одесскомъ Вѣстникѣ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Харьковскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ и мн. др., но литературная извѣстность Данилевскаго началась, собственно, послѣ появленія его двухъ романовъ: „Бѣглые въ Новороссіи“ и „Бѣглые воротились“ или „Воля“, которые печатались подъ псевдонимомъ А. Скавронскаго, въ журналѣ Достоевскаго „Время“ въ 1862 г. (№№ 1 и 2) и 1863 г. (№№ 1—3). Явившись подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ освобожденія крестьянъ, романы эти нравились публикѣ не однимъ только сказочнымъ интересомъ замысловатыхъ и увлекательныхъ сюжетовъ, не однимъ только образнымъ языкомъ и мастерскимъ изображеніемъ крестьянскаго быта и блестящихъ картинъ южной природы, но и гуманнымъ отношеніемъ къ народу, лишеннымъ той излишней фальшивой идеализаціи, которою страдало большинство романовъ начала шестидесятыхъ годовъ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ его произведенія, и мелкія и крупныя, пользовались значительнымъ успѣхомъ, а романъ „Новыя мѣста“ („Русск. Вѣстникъ“ 1867 г., №№ 1 и 2), посвященный разоблаченію харьковской исторіи о поддѣлывателяхъ кредитныхъ билетовъ, вызвалъ своего рода сенсацію. Въ 1866 г. Данилевскій издалъ сборникъ „Украинская Старина“, заключающій въ себѣ изслѣдованіе о харьковскихъ народныхъ школахъ въ старину и новѣйшее время и біографіи южнорусскихъ дѣятелей: Квитки-Основьяненко, Сковороды и Каразина,—почтенный трудъ, который академія наукъ, въ 1868 г., увѣнчала Уваровской малой преміей въ 500 руб. Заплативши дань изображенію народнаго быта своими первыми романами, Данилевскій на долгое время замолчалъ, писалъ лишь небольшіе разсказы изъ украинской жизни и только послѣ одиннадцатилѣтняго перерыва выступилъ съ послѣднимъ бытовымъ романомъ „Девятый валъ“ (въ „Вѣстникѣ Европы“ 1873 г.), раскрывшимъ всю подноготную быта женскихъ монастырей и имѣвшимъ шумный успѣхъ, и затѣмъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ далъ цѣлую серію фантастическихъ разсказовъ: „Русскій Декамеронъ“, „Жизнь чрезъ сто лѣтъ“ и т. п.

Испытавъ свои силы на поприщѣ исторической беллетристики еще въ пятидесятыхъ годахъ, когда появились его разсказы изъ жизни XVII и XVIII вв.: „Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича“, „Царь

Алексѣй съ соколомъ“ (1856 г.) и „Екатерина Великая на Днѣпрѣ“ (1858 г.), Данилевскій въ послѣдніе годы своей жизни почти исключительно посвятилъ свои силы художественной разработкѣ отечественной исторіи, по преимуществу XVIII вѣка, знатокомъ котораго онъ былъ и изъ котораго черпалъ содержаніе для своихъ романовъ. Въ историческихъ произведеніяхъ Данилевскаго проходитъ предъ читателемъ почти вся исторія новой Россіи: изображенію эпохи Петра I, Елизаветы, Петра III и Екатерины Второй посвящены повѣсти и романы: „На Индію“, „Мировичъ“, „Княжна Тараканова“ (1882 г.), „Черный годъ“ или „Пугачевщина“ (1889 г.), „Потемкинъ на Дунаѣ“ и „Уманская рѣзня“; началу XIX столѣтія посвящены романъ „Сожженная Москва“(1882 г.), написанный подъ сильнымъ вліяніемъ „Войны и мира“ гр. Толстого, и отрывки изъ неоконченнаго романа „Восемьсотъ двадцать пятый годъ“—изъ эпохи Александра I.

Живо написанные историческіе романы Данилевскаго хотя и основаны на внимательномъ, добросовѣстномъ изученіи историческихъ событій описываемой эпохи и не лишены художественности, однако страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что авторъ, увлеченный художественнымъ вымысломъ, позволялъ себѣ иногда уклоняться отъ исторической правды и сближалъ, напр., историческихъ лицъ, которыя жили въ разныя эпохи или приписывалъ имъ невѣроятныя положенія и т. п. Публика все-таки зачитывалась романами Данилевскаго, среди которыхъ наибольшій успѣхъ выпалъ на долю романа „Мировичъ“. Въ этомъ романѣ Данилевскимъ впервые опубликованы любопытныя данныя изъ дѣла объ Іоаннѣ Антоновичѣ, именно, изображенъ извѣстный эпизодъ изъ царствованія Екатерины — попытка Мировича совершить coup d'état, возведя на престолъ злосчастнаго шлиссельбургскаго узника, Іоанна VI. „Мировичъ“, носившій въ рукописи названіе: „Царственный узникъ“, былъ запрещенъ цензурой, но, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, государь разрѣшилъ его напечатать, и „Мировичъ“ имѣлъ такой шумный успѣхъ въ Россіи и за границей, что въ 1880 г. въ Парижѣ, въ Collège de France, проф. Ходзько читалъ о немъ лекціи. Впрочемъ, Данилевскій, стяжавъ извѣстность на поприщѣ исторической беллетристики, продолжалъ печатать въ различныхъ газетахъ и журналахъ мелкіе разсказы: въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ онъ описалъ свою поѣздку къ гр. Толстому въ Ясную Поляну; вѣроятно, подъ вліяніемъ этой же поѣздки онъ написалъ и разсказы для народа: „Христосъ-Сѣятель“ и „Стрѣлочникъ“. Уже послѣ смерти Данилевскаго въ „Сборникѣ Нивы“ появился разсказъ его „Шарикъ“, въ „Истор. Вѣстн.“ (1891 г. янв.) напечатана часть его мемуаровъ подъ заглавіемъ: „Изъ литературныхъ воспоминаній“ о Н. Ѳ. Щербинѣ и въ „Русской Мысли“ 1892 г. (янв. и февр.) появилось начало романа, въ которомъ Данилевскій предлагалъ изобразить трагическую судьбу Алексѣя Петровича. Съ годами росла и популярность Данилевскаго: не было почти ни одного періодическаго изданія, съ широкимъ кругомъ читателей, въ которомъ бы не сотрудничалъ онъ; его повѣсти и разсказы съ 1874 г. начали появляться и за границей въ переводахъ, на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, чешскомъ и венгерскомъ языкахъ. Данилевскій былъ членомъ многихъ обществъ: любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ (съ 1867 г.), Императорскаго русскаго географическаго (съ 1870 г.), членомъ-корреспондентомъ общества любителей древней письменности (съ 1886 г.), Русскаго литературнаго общества (съ 1883 г.), членомъ комиссіи при академіи художествъ для обсужденія вопроса объ устройствѣ музеевъ въ городахъ (съ 1883 г.) и др. На долю Данилевскаго выпало рѣдкое вниманіе со стороны читающей публики: еще при жизни автора собраніе его сочиненій выдержало шесть изданій, а въ 1893 г., чрезъ два года послѣ его смерти, появилось и седьмое изданіе въ девяти томахъ, съ біографіею автора.

„Собраніе сочиненій Г. П. Данилевскаго“, изд. седьмое, 1893 г., т. I, біографич. очеркъ, С. Трубачевымъ. — „Историческій Вѣстникъ“, 1890 г., № 4, стр. 154 (ст. С. Левина); 1891 г. № 1, стр. 299 — 304; 1893 г. № 8, стр. 520.— Соловьевъ: „Искусство и жизнь“, 1869 г., т. III, стр. 214—257 („Дѣловые люди“). — „Русская Мысль“, 1886 г., № 11—12, ст. Сокальскаго: „Поэзія труда и борьбы“.—Скабичевскій: „Исторія нов. русской лит.“ Спб. 1891 г., стр. 233—235, 371—372.—Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литер. перепискѣ. Харьковъ, 1893 г., стр. 91 См. объ этой брошюрѣ „Кіев. Стар.“ 94, № 1. *А. Черкасъ.*

Данилевскій, *Иванъ Лукіановичъ*, докторъ медицины и хирургіи, авторъ ученаго труда по медицинѣ, родился въ Кіевѣ, медицинѣ сначала учился въ школѣ московскаго генеральнаго госпиталя, а для усовершенствованія былъ за границей въ Геттингенѣ, гдѣ получилъ степень доктора медицины и хирургіи 11 сентября 1784 г.; по возвращеніи изъ-за границы экзаменовался въ медицинской коллегіи и получилъ право практики въ Россіи, 10 декабря 1786 г. Данилевскимъ написанъ ученый трудъ: de magistratu medico—felicissimo. Diss. D. M. e t Ch. Göttingae 1784, 4°, 78 (Kiovo-russus защищалъ 11 сентября).—Эта же диссертація помѣщена у Франка въ его Delecta opuscula, т. V, № 2, 70—126.

Змѣевъ:—„Русскіе врачи-писатели".

Данилевскій, *Николай Яковлевичъ*, извѣстный естествоиспытатель и философъ-публицистъ славянофильскаго оттѣнка, родился 28 ноября 1822 г., въ родовомъ имѣніи своей матери, селѣ Оберцѣ, орловской губ., ливенскаго уѣзда. Его отецъ, кавалерійскій генералъ, Яковъ Ивановичъ, получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, всегда любилъ науку и литературу, даже самъ писалъ комедіи, оставшіяся однако не напечатанными, и естественно долженъ былъ способствовать развитію въ сынѣ склонности къ серьезнымъ занятіямъ. Въ 1833 г. Данилевскій учился въ пансіонѣ Шварца близъ Верро, а въ слѣдующемъ году онъ находился въ Москвѣ, гдѣ его ученье продолжалось въ пансіонахъ Павлова и Боргардта. Въ 1837 г. Данилевскій былъ принятъ въ Царскосельскій лицей, курсъ котораго окончилъ 12 декабря 1842 г.; но, чувствуя влеченіе къ естественнымъ наукамъ, онъ, поступивши на службу въ канцелярію военнаго министерства, записался вольнослушателемъ на естественный факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ и пробылъ до 1847 г., когда получилъ степень кандидата. Спеціальнымъ предметомъ занятій Данилевскаго въ университетѣ была ботаника, которую онъ продолжаетъ изучать до 1849 г., изслѣдуя для магистерской диссертаціи флору Рязанской и Орловской губерній и вообще всей черноземной полосы Россіи. Къ этому же времени относится увлеченіе Данилевскаго системой Фурье, которая по его взгляду представлялась чисто экономическимъ ученіемъ, не содержащимъ въ себѣ ничего революціоннаго и противурелигіознаго. Тѣмъ не менѣе и такое пониманіе фурьеризма повело къ тому, что Данилевскій былъ привлеченъ къ суду по дѣлу Петрашевскаго, съ которымъ онъ былъ знакомъ; Данилевскій былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Заключеніе продолжалось сто дней, и наконецъ тѣ объясненія о своихъ естественно-научныхъ работахъ и о взглядѣ на систему Фурье, которыя Данилевскій представилъ слѣдственной комиссіи, были признаны достаточными для освобожденія его отъ суда. Однако онъ былъ высланъ изъ Петербурга, и 20 мая 1850 г., зачисленъ въ канцелярію вологодскаго губернатора, а въ 1852 г. переведенъ, по ходатайству Перовскаго, предсѣдательствовавшаго въ судѣ по дѣлу Петрашевскаго, въ канцелярію самарскаго губернатора. Въ томъ же году Данилевскій женился на вдовѣ генералъ-маіора, В. Н. Беклемишевой, урожденной Лавровой, но въ слѣдующемъ году она умерла отъ холеры. Между тѣмъ 18 іюня 1853 г. Данилевскій былъ „командированъ, въ званіи статистика, на два года въ ученую экспедицію для изслѣдованія состоянія рыболовства на Волгѣ и въ Каспійскомъ морѣ". Эта командировка, продолжавшаяся до 1857 г. сблизила Данилевскаго съ начальникомъ экспедиціи, знаменитымъ натуралистомъ К. Бэромъ, оцѣнившимъ его знанія и способности, и дала направленіе почти всѣмъ дальнѣйшимъ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ Данилевскаго, такъ какъ до 1871 г. ему девять разъ было поручаемо собираніе свѣдѣній о состояніи рыболовства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: въ 1858 г. онъ былъ назначенъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ"; въ 1861 г. командированъ въ Астрахань „для присутствія въ комиссіи рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ"; въ 1862 г. онъ отправился въ командировку „на Псковское и Чудское озера для разъясненія жалобъ на правила рыболовства"; въ 1863 г. назначенъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ", причемъ работы экспедиціи продолжались до конца 1867 г.; въ слѣдую-

щемъ же году Данилевскій командированъ въ Астрахань „для разъясненія вопросовъ, касающихся Каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“; въ 1869 г. онъ опять отправился въ Астрахань „для присутствія въ комитетѣ каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ“, и, наконецъ, въ 1870—71 г.г. Данилевскій былъ „начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ сѣверо-западныхъ озерахъ Россіи“. Этими многолѣтними трудами былъ собранъ громадный матеріалъ, существенно важный для уясненія положенія этой первостепенной отрасли промышленности Россіи и легшій въ основу дѣйствующаго у насъ законодательства о рыболовствѣ. Кромѣ этого служебная дѣятельность Данилевскаго выразилась въ работахъ по борьбѣ съ филоксерой въ Крыму (въ 1880 г. онъ былъ предсѣдателемъ, Крымской филоксерной комиссіи) и на Кавказѣ (въ 1885 г. онъ былъ командированъ въ Тифлисъ на филоксерный съѣздъ), а также въ предсѣдательствѣ въ 1872 г. въ „комиссіи для составленія правилъ о пользованіи проточными водами въ Крыму“. Послѣдніе годы жизни Данилевскій проводилъ въ Крыму и по службѣ, а также и потому, что онъ пріобрѣлъ здѣсь для своей семьи (онъ вступилъ вторично въ бракъ въ 1861 г. съ О. А. Межаковой) имѣніе Мшатку, хотя ему постоянно приходилось покидать домъ для указанныхъ служебныхъ командировокъ, и онъ могъ оставаться съ семьей только въ зимнее время, когда рыболовство, бывшее главнымъ предметомъ его изслѣдованій, прекращается. Этотъ зимній досугъ посвящался Данилевскимъ литературно-научнымъ занятіямъ, обработкѣ результатовъ, добытыхъ лѣтними экскурсіями, и его публицистическимъ и историко-философскимъ статьямъ, начало которыхъ относится къ 1865 г., когда Данилевскій принялся за свое сочиненіе „Россія и Европа“. Быть можетъ, эта неутомимая дѣятельность была одной изъ причинъ зарожденіи болѣзни сердца, которая свела Данилевскаго въ могилу, 7 ноября 1895 г.; вернувшись изъ командировки для изслѣдованія причинъ уменьшенія рыболовства на озерѣ Гохчѣ, Данилевскій скончался въ Тифлисѣ.

Литературные труды Данилевскаго могутъ быть раздѣлены на 3 группы: 1) естественно-научные, 2) философско-историческіе и публицистическіе и 3) экономическіе. Первую группу составляютъ главнымъ образомъ его сочиненія по рыболовству и по борьбѣ съ филоксерой, отличающіяся обиліемъ матеріала, точно изслѣдованнаго и умѣло систематизированнаго, и, какъ, таковыя, никогда не теряющія своего значенія. Къ этой же группѣ относятся, и его статьи по климатологіи („Климатъ Вологодской Губерніи“ въ Зап. Геогр. Общ. т. IX, и разборъ сочиненія академика К. С. Веселовскаго „О климатѣ Россіи“ въ „Вѣстн. Геогр. Общ. т. XXV), геологіи (Теорія ледниковаго періода“ въ „Зап. Геогр. Общ. 1863 г.), психологіи (Экспрессія или выраженіе чувства у человѣка и животныхъ“, Русс. Вѣстн. 1887 г.), а также его обширное, не вполнѣ законченное, критическое изслѣдованіе „Дарвинизмъ“ (т. I въ 2 частяхъ вышелъ въ Петербургѣ въ 1885 г., одна же посмертная глава II т. издана въ 1889 г. въ СПБ.). Послѣднее сочиненіе Данилевскаго вызвало рѣзкій отзывъ извѣстнаго ботаника проф. Московскаго университета Д. А. Тимирязева, по мнѣнію котораго оно совсѣмъ не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ, съ которыми отнесся къ нему Н. Н. Страховъ, такъ какъ книга заключаетъ въ себѣ много логическихъ ошибокъ, новаго въ науку ничего не вноситъ и является повтореніемъ возраженій противъ теоріи Дарвина, сдѣланныхъ уже въ европейской научной литературѣ и окончательно признанныхъ несостоятельными: таковъ напр. принципъ скрещенія, на который опирается Данилевскій въ своей аргументаціи противъ Дарвина. Въ сущности всѣ наши спеціалисты отнеслись къ труду Данилевскаго такъ же отрицательно, какъ проф. Тимирязевъ, хотя критика ихъ по формѣ отличается большею мягкостью. Книга была представлена въ Императорскую Академію наукъ для соисканія преміи, но удостоена ея не была. Оцѣнка книги произведена академиками А. П. Карпинскимъ и А. С. Фаминцынымъ. Первый, разобравъ палеонтологическія данныя, находящіяся въ трудѣ Данилевскаго, пришелъ къ такому заключенію: „въ авторѣ можно признать человѣка выдающагося ума и весьма разнообразныхъ и значительныхъ знаній; но въ области геологіи свѣдѣнія его, нерѣдко обнимающія даже детали, не лишены и

крупныхъ пробѣловъ. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство, а также предвзятое, утвердившееся уже до разсмотрѣнія вопроса съ геологической стороны, убѣжденіе въ несправедливости теоріи эволюціи, было причиною, что Данилевскій пришелъ къ выводамъ, съ которыми нельзя согласиться", Указавъ на цѣлый рядъ примѣровъ „высокомѣрнаго и мѣстами заносчиваго отношенія Данилевскаго къ ученію Дарвина" и на необыкновенно высокую оцѣнку самимъ Данилевскимъ своей критики, вслѣдствіе которой „все зданіе теоріи Дарвина изрѣшетилось, а наконецъ и развалилось въ безсвязную кучу мусора", академикъ Фаминцынъ отмѣчаетъ, что почти вся критика Данилевскаго состоитъ въ повтореніи старыхъ возраженій: „Изъ числа приводимыхъ имъ возраженій, сравнительно лишь весьма немногія принадлежатъ автору „Дарвинизма"; громаднѣйшее большинство ихъ, и притомъ самыя вѣскія, болѣе или менѣе подробно заявлены были его предшественниками; Данилевскимъ же они лишь обстоятельнѣе разработаны и мѣстами подкрѣплены новыми примѣрами. Окончательное заключеніе рецензента таково: „при изученіи обширнаго труда Н. Я. Данилевскаго во всей полнотѣ обнаружилась симпатичная, правдивая и талантливая личность автора; несомнѣнно, что Данилевскій принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей; не требуется особенно глубокаго вниманія, чтобы убѣдиться, что онъ не пожалѣлъ ни времени, ни труда на пріобрѣтеніе многостороннихъ свѣдѣній, потребныхъ для разработки разбираемыхъ имъ явленій. Книгу Данилевскаго я считаю полезною для зоологовъ и ботаниковъ; въ ней собраны всѣ сдѣланныя Дарвину возраженія и разбросаны мѣстами интересныя фактическія данныя, за которыя наука останется благодарною Данилевскому. Ученаго, спеціально знакомаго съ направленіемъ современной біологіи, не увлекутъ ни лирическія изліянія, ни возгласы негодованія Данилевскаго, которыми столь щедро разражается авторъ „Дарвинизма". Съ вышеуказанной точки зрѣнія, т. е. со стороны детальныхъ разъясненій, за сочиненіемъ Данилевскаго нельзя не признать значенія, и будущимъ критикамъ теоріи Дарвина книга Данилевскаго, представляющая полный сводъ и подробное изложеніе всѣхъ приводимыхъ противъ ученія Дарвина возраженій, можетъ доставить много интересныхъ указаній. „Дарвинизмъ" Данилевскаго предназначается авторомъ, по его собственному заявленію, преимущественно лицамъ, хотя и образованнымъ, но незнакомымъ спеціально съ біологическими науками. Въ подобнаго рода произведеніяхъ, имѣющихъ главною цѣлью распространеніе научныхъ свѣдѣній въ обществѣ, требованіемъ первостепенной важности является изложеніе трактуемаго предмета въ столь совершенномъ съ научной стороны видѣ, чтобы и спеціалисты не были въ состояніи представить возраженій, идущихъ въ разрѣзъ съ проводимыми взглядами, или, по крайней мѣрѣ, не могли указать на явный недосмотръ или ошибочность взгляда автора. Это требованіе, по моему крайнему разумѣнію, не выполнено трудомъ Данилевскаго; во всемъ его сочиненіи основа ученія Дарвина истолкована невѣрно".

Въ своихъ немногочисленныхъ, но обширныхъ сочиненіяхъ экономическаго характера, Данилевскій разбираетъ вопросъ о причинахъ упадка цѣнности нашего кредитнаго рубля и является, въ примѣненіи къ Россіи, рѣшительнымъ противникомъ ученія о свободной торговлѣ, полагая, что „если адепты этого ученія захотятъ быть добросовѣстными съ самими собой, то увидятъ, что главное побужденіе, которое заставляетъ ихъ держаться этого ученія,—не истинность его сама по себѣ, а то, что въ ихъ глазахъ оно запечатлѣно печатью прогресса и современности, какъ произведеніе тѣхъ народовъ, отъ которыхъ они привыкли ожидать рѣшенія всѣхъ интересующихъ человѣчество вопросовъ". Статей, трактующихъ объ упадкѣ курса нашихъ денегъ, двѣ: онѣ были напечатаны въ 1867 г. („Торговый Сборникъ") и въ 1882 («Рускій Вѣстникъ»); первая изъ этихъ статей была издана въ 1886 г. и отдѣльно. Важное значеніе для характеристики экономическаго быта Россіи имѣютъ также и изслѣдованія Данилевскаго о рыболовствѣ.

Что касается третьей группы сочиненій Данилевскаго, т. е. его публицистическихъ произведеній, то они печатались въ „Русскомъ Мірѣ", „Руси" и „Московскихъ Вѣдомостяхъ и касались, или нашего нигилизма, или еще болѣе восточнаго во-

проса. Въ этихъ статьяхъ Данилевскій выступаетъ, какъ представитель консервативнаго направленія: славянофиломъ его назвать нельзя, хотя онъ и высказываетъ свое сочувствіе славянофильскимъ взглядамъ; онъ скорѣе панславистъ; во внутреннихъ же вопросахъ онъ гораздо ближе къ взглядамъ Каткова, чѣмъ славянофиловъ. Статьи его по восточному вопросу (и на другія общественныя темы) въ сущности представляютъ собою частное примѣненіе идей, изложенныхъ имъ въ трудѣ, на которомъ главнымъ образомъ и основывается его извѣстность, въ его книгѣ „Россія и Европа. Взглядъ на культурно-историческія и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому", написанной въ 1865—68 гг., напечатанной сперва въ журналѣ „Заря" 1869 г. и выдержавшей затѣмъ три отдѣльныхъ изданія въ 1871, 1888 и 1889 гг. Основной взглядъ, изъ котораго исходитъ Данилевскій въ своей книгѣ, высказанъ былъ раньше нѣмецкимъ историкомъ Генрихомъ Рюккертомъ въ его „Lehrbuch der Weltgeschichte" въ 1857 г. Рюккертъ отрицалъ единую нить въ развитіи человѣческой цивилизаціи и указывалъ, что вмѣсто общей цивилизаціи существуетъ развитіе частныхъ культурно-историческихъ типовъ. Эта мысль, которой Рюккертъ не придавалъ, можетъ быть, особенно важнаго значенія и которой онъ потому и не развилъ, обстоятельно проведена Данилевскимъ въ его книгѣ и служитъ основаніемъ для выясненія роли славянства, какъ культурно-историческаго типа, отличнаго отъ міра романо-германскаго. Отвергнувъ дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, какъ основанное на несущественныхъ признакахъ и какъ соединяющее въ одну группу разнородныя явленія (народы древняго востока съ греками и римлянами, арабовъ съ романо-германцами и т. д.), Данилевскій говоритъ, что нужно установить дѣленіе новое, по типамъ организаціи. „Эти типы не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго усовершенствованія существъ (ступени, такъ сказать, іерархически подчиненныя одна другой), а совершенно различные планы, въ которыхъ своеобразнымъ путемъ достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе и совершенство формъ,—планы, собственно говоря, не имѣющіе общаго знаменателя, черезъ подведеніе подъ который можно бы было проводить между существами (разныхъ типовъ) сравненіе для опредѣленія степени ихъ совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя". Затѣмъ Данилевскій указываетъ слѣдующіе культурно-историческіе типы, уже высказавшіеся въ исторіи: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассиро-вавилоно-финикійскій, халдейскій, или древнесемитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или аравійскій и 10) романо-германскій или европейскій. Сверхъ этого, Данилевскій полагаетъ, можно бы указать еще 2 культурно-историческихъ типа, „погибшихъ насильственною смертію и не успѣвшихъ развиться": это типы перуанскій и мексиканскій. Есть наконецъ племена, не создавшія особыхъ типовъ, но входящія въ качествѣ этнографическаго матеріала въ составъ другихъ культурныхъ группъ: таковы напр. разныя финскія племена. Группируя народы по указаннымъ типамъ, Данилевскій формулируетъ и законы развитія культурно-историческихъ типовъ. Этихъ законовъ пять: 1) Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группою языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій, составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще, по своимъ духовнымъ задаткамъ, способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества; 2) дабы цивилизація, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиться, необходимо, чтобы народы, къ нему принадлежащіе, пользовались политическою независимостью; 3) начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при большемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ, цивилизацій; 4) цивилизація, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигаетъ полноты, разнообразія и богатства, когда разнообразны этнографическіе элементы, его составляющіе,—когда они, не будучи поглощены однимъ политическимъ цѣлымъ,

пользуясь независимостью, составляютъ федерацію, или политическую систему государствъ; 5) ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія—относительно коротокъ и истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу". Далѣе Данилевскій разъясняетъ, что развитіе человѣчества совершалось посредствомъ культурно-историческихъ типовъ, да иначе совершаться не можетъ, такъ какъ „задача человѣчества состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ проявленіи, въ разныя времена и разными племенами, всѣхъ тѣхъ сторонъ, всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя лежатъ виртуально (въ возможности, in potentia) въ идеѣ человѣчества". Изъ параллели съ животнымъ и растительнымъ мірами Данилевскій выводитъ, въ чемъ состоитъ различіе рода и вида, и, примѣняя къ человѣчеству положеніе, что родъ осуществляется въ дѣйствительности только въ видахъ, заключаетъ, что человѣчество выражается въ отдѣльныхъ племенахъ, изъ соединенія которыхъ можетъ истекать понятіе *всечеловѣческаго*, которое полнѣе и конкретнѣе понятія *общечеловѣческаго*. Установивъ эти общія положенія философско-историческаго характера, Данилевскій обращается къ славянству и послѣ подробнаго анализа приходитъ къ заключенію, что оно по этнографическимъ особенностямъ (по психическому строю), по различію въ духовномъ началѣ (религіозномъ) и по различію историческаго воспитанія (условіямъ исторической жизни), представляетъ собою новый культурно-историческій типъ, противоположный романо-германскому, и потому дѣла Европы имѣютъ очень мало значенія для славянства вообще и для Россіи въ частности. Поэтому европеизмъ, который привитъ русской жизни 200 лѣтъ тому назадъ—есть болѣзнь, исцѣлиться отъ которой Россія можетъ, только безповоротно обратившись къ своимъ національнымъ задачамъ. Первая изъ этихъ задачъ—разрѣшеніе восточнаго вопроса, а онъ, какъ говоритъ Данилевскій, „не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ рѣшенію дипломатіи. Мелкую текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломатіи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама, безъ всякихъ посредниковъ, окруженная громомъ и молніей, какъ Саваоѳъ съ вершины Синая." Поэтому и восточный вопросъ можетъ разрѣшиться только міровой борьбой, а сущность этого вопроса заключается въ борьбѣ славянства съ міромъ европейскимъ. Въ борьбѣ этой первое мѣсто принадлежитъ Россіи, которая должна осуществить славянское единство, занять центральное положеніе въ новомъ культурно-историческомъ типѣ, причемъ, конечно, единицы, его составляющія, нисколько не будутъ подавляемы, а, напротивъ, получатъ полную возможность свободнаго развитія, которое теперь парализуется западнымъ вліяніемъ. Разрѣшеніе борьбы заключается въ обладаніи Константинополемъ; къ этому обладанію Россія придетъ рано или поздно въ силу естественнаго хода вещей, причемъ предварительно распадается искусственное тѣло Австріи. Въ борьбѣ, которая предстоитъ, союзниковъ изъ европейскихъ государствъ у насъ не будетъ (кромѣ Пруссіи), а главнымъ врагомъ будетъ Англія. Когда будетъ разрѣшенъ восточный вопросъ, возможно будетъ полное проявленіе общеславянской культуры, которая объединитъ четыре основы, раздѣленныя въ другихъ типахъ, а именно: религіозную, собственно-культурную, политическую и общественно-экономическую. Таковы въ самомъ сжатомъ видѣ основы историческаго міросозерцаніи Данилевскаго. Оно вызвало много критическихъ замѣчаній, относившихся, какъ къ отдѣльнымъ его сторонамъ, такъ и ко всей его совокупности. Н. Н. Страховъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ явились рѣшительными сторонниками теоріи Данилевскаго, но очень вѣскія противъ нея возраженія были представлены Н. И. Карѣевымъ, Вл. С. Соловьевымъ и др. Но какъ бы то ни было, въ книгѣ Данилевскаго есть много такихъ важныхъ положеній, что значеніе ея не можетъ быть окончательно упразднено этими возраженіями: въ ней выразилась и замѣчательная эрудиція Данилевскаго, и способность его къ философско-историческимъ построеніямъ, на основаніи весьма тщательнаго анализа историческихъ дан-

ныхъ, причемъ Данилевскій идетъ: обыкновенно: не проторенною ранѣе дорогою.

П. Н. Семеновъ. „Ник. Як. Данилевскій". СПБ. 1886. *П. П. Семеновъ*: „Ист. Имп. Рус. Географическаго Общества". Статьи Бестужева-Рюмина (Рус. Вѣстн. 1890), Безобразова (Рус. Вѣстн. 1873), О. Ѳ. Миллера („Древ. и Нов. Россія" 1877), Ленартовича („Rivista contempor". 1869), Карѣева („Рус. Мысль", 1889), Розанова („Рус. Вѣстн.", 1889), Страхова („Рус. Вѣстн.", 1889), Фаминцына („Вѣстн. Евр.", 1889), Холодковскаго („Рус. Богатство", 1898), Эльпе („Нов. Время", 1889 г. №№ 4679—4693). *Тимирязевъ*: „Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе". *В. С. Соловьевъ*: „Національный вопросъ въ Россіи". *Страховъ*: „Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ".

А. Бороздинъ.

Данилова, *Марія Ивановна*, балерина, родилась въ Петербургѣ въ 1793 году. Восьми лѣтъ была отдана въ театральную школу, гдѣ своимъ прилежаніемъ, понятливостью и страстью къ танцамъ обратила на себя вниманіе извѣстнаго Карла Дидло и сдѣлалась его любимицей. Выступивъ черезъ годъ на сцену, сначала въ роли амуровъ и геніевъ, а затѣмъ все болѣе и болѣе отвѣтственныхъ роляхъ, М. И. скоро сдѣлалась любимицей публики, въ то же время она нашла себѣ опытную руководительницу въ лицѣ мимической артистки К. И. Колосовой. М. И. недолго блистала на Петербургской сценѣ. Чахотка, неудачная любовь, повидимому, ускорившая развитіе болѣзни, быстро свели ее въ могилу. Она умерла 8 янв. 1810 г.

(Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ. 1840 г. № 2: Біографія М. „Даниловой" Н. Мундтъ). *С.*

Даниловичъ, *Игнатій Николаевичъ*, (Daniłowicz Ygnacy), польско-литовскій историкъ, магистръ правъ, ординарный профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ законовъ полицейскихъ и уголовныхъ, статскій совѣтникъ, родился въ 1787 году 30 іюля въ селѣ Гриневичахъ, въ Бѣльскомъ повѣтѣ (нынѣ Гродн. губ. Бѣльск. уѣзд.) прежняго воеводства Подлясскаго, отъ бѣдныхъ родителей, умеръ 30-го іюня 1843 года въ Грефенбергѣ. Сынъ приходскаго русскаго греко-уніатскаго священника, Даниловичъ первоначальное воспитаніе получилъ въ дрогичинскомъ училищѣ, потомъ въ 1797 г. былъ отданъ въ Ломжинскую четырехклассную піарскую школу, гдѣ находился подъ руководствомъ своего просвѣщеннаго дяди Михаила Даниловича, ксендза ордена піаристовъ. По окончаніи курса въ этой школѣ Даниловичъ поступилъ въ Ломжѣ домашнимъ учителемъ къ помѣщику Будзишевскому, но потомъ въ 1804 г. ректоръ Чарнецкій назначилъ его надзирателемъ шляхетскаго конвикта піаровъ въ Ломжѣ и учителемъ I и II классовъ. Послѣ переѣзда дяди въ Супрасль, Даниловичъ для усовершенствованія въ нѣмецкомъ языкѣ поступилъ въ новоучрежденную по прусскому образцу гимназію въ Бѣлостокѣ, курсъ которой и окончилъ въ 1807 г., состоя во все это время прусскимъ подданнымъ. Въ 1810 г., 23 лѣтъ отъ роду, Даниловичъ поступилъ въ виленскій университетъ, въ которомъ слушалъ лекціи по юридическому факультету и пользовался особымъ руководительствомъ Алоизія Капелли, профессора правъ римскаго, уголовнаго и каноническаго. Студентомъ Даниловичъ оставался недолго: 20 іюня 1811 г. онъ былъ произведенъ въ кандидаты правъ и, оставшись при университетѣ для продолженія занятій, менѣе чѣмъ черезъ годъ онъ былъ уже удостоенъ ученой степени магистра правъ. Въ 1812 г. университетскіе курсы были пріостановлены по случаю начавшейся войны и занятія французами Вильно, и Даниловичъ принялъ предложенную ему должность секретаря при французскомъ генералъ-губернаторѣ Ферье въ Бѣлостокѣ, которую и исполнялъ до отступленія французовъ. По совѣту Капелли и Олдаковскаго, Даниловичъ снова посвятилъ себя изученію права и занялся рукописями литовскаго статута, открытыми имъ въ Порицкой библіотекѣ, а также другими памятниками древняго литовскаго законодательства. Въ 1814 г., Даниловичъ началъ ученую службу въ Виленскомъ университетѣ въ качествѣ преподавателя мѣстнаго гражданскаго права. Въ 1817 г. отдѣленіе морально-политическихъ наукъ Виленскаго университета, предназначивъ Даниловича для занятія каѳедры государственнаго права, командировало его на одинъ годъ въ Варшаву и Петербургъ для изученія дѣлопроизводства въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и судебнаго процесса. По собственному желанію, Даниловичъ побывалъ также и въ Москвѣ (въ 1818 г.) и, въ обѣихъ столицахъ основательно ознакомившись съ библіотеками и архивами, извлекъ изъ нихъ богатые матеріалы, относящіеся къ древней литовской исторіи. Въ 1819 г., по

возвращеніи изъ командировки, Даниловичъ былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русскаго гражданскаго и уголовнаго правъ и польско-литовскихъ законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ и секретаремъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ. Съ 1821 г. начинается участіе Даниловича въ нашихъ законодательныхъ работахъ. По приглашенію литовскаго генералъ-губернатора, Римскаго-Корсакова, Даниловичъ въ 1821 г, въ качествѣ члена вошелъ въ составъ комитета по приведенію въ извѣстность дѣйствовавшихъ тогда въ Литвѣ источниковъ права. Однако, въ томъ же году русское правительство рѣшило привести дѣло кодификаціи мѣстныхъ законовъ въ связь съ тогдашнею комиссіею составленія общеимперскихъ законовъ и въ Вильнѣ, для приготовленія исправленнаго изданія Литовскаго Статута, былъ организованъ отъ этой коммиссіи особый комитетъ, въ составѣ пяти членовъ котораго былъ назначенъ и Даниловичъ. Даниловичъ и Лелевель стояли въ комитетѣ за изданіе стараго бѣлорусскаго текста статута съ позднѣйшими варіаціями, но ихъ мыслямъ о характерѣ этого изданія не удалось осуществиться въ работахъ комитета, тѣмъ болѣе, что они имѣли въ виду скорѣе ученое изданіе статута, чѣмъ редакціонную законодательную работу, чего, конечно, ожидало отъ нихъ правительство. Въ 1822 г. Даниловичъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ слѣдующемъ году—ординарнымъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Къ этому же времени относится и начало его виленской учено-литературной дѣятельности: въ виленскихъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться на польскомъ языкѣ его статьи по исторіи польско-литовскаго права. Въ 1824 г. Даниловичъ, вмѣстѣ съ профессорами Лелевелемъ, Голуховскимъ и другими, Высочайшимъ указомъ былъ уволенъ отъ должности профессора, какъ одинъ изъ виновниковъ политическаго броженія, закончившагося студенческими безпорядками въ виленскомъ университетѣ, какъ то выяснило слѣдствіе особаго комитета изъ Аракчеева, Шишкова и Новосильцева, спеціально назначеннаго для того отъ правительства. Даниловичъ долженъ былъ избрать мѣсто жительства внѣ такъ называемыхъ, польскихъ губерній, но заступничество графа Н. П. Румянцева, возлагавшаго на Даниловича изданіе имъ-же открытой литовской лѣтописи, притомъ русскими буквами, и Судебника Казиміра IV, избавило Даниловича отъ постигшихъ его гоненій. Уже въ началѣ 1825 г. Даниловичъ былъ назначенъ профессоромъ дипломатіи въ харьковскій университетъ, куда онъ и выѣхалъ изъ Петербурга въ февралѣ мѣсяцѣ. Лекцій по дипломатикѣ, однако, онъ почему-то вовсе не читалъ, и осенью 1825 г., занялъ въ харьковскомъ университетѣ каѳедру россійскаго и провинціальнаго права. Здѣсь Даниловичъ прослужилъ всего только $4^1/_2$ года и былъ однимъ изъ выдающихся профессоровъ, если не единственнымъ, у котораго хватало силы и умѣнья развить въ своихъ слушателяхъ, и научный скептицизмъ, и привычку къ точному анализу. Онъ дважды сряду былъ избираемъ деканомъ этико-политическаго отдѣленія наукъ и членомъ училищнаго комитета въ 1827 и 1828 г.г. Къ харьковскому-же періоду дѣятельности Даниловскаго относятся и наиболѣе цѣнные его труды: „Судебникъ Казиміра IV“, изданный имъ въ 1826 г. и „Лѣтопись Литвы и Руси“, изданная въ 1824 и 1827 гг., найденная Даниловичемъ въ Бѣлостокской области и до сихъ поръ извѣстная подъ его именемъ,—два самые цѣнные памятника для исторіи литовско-русскаго государства и его права. Въ 1830 г. Даниловичъ, по представленію Балугьянскаго, какъ знатокъ польско-литовскаго права, былъ вызванъ Высочайшимъ повелѣніемъ въ Петербургъ для занятій во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ въ званіи профессора. Здѣсь ему было поручено составленіе свода провинціальныхъ законовъ для западныхъ губерній, присоединенныхъ отъ Польши, такъ какъ правительство уже нашло недостаточнымъ изданіе статута съ дополненіями. Но составленіе такого свода, конечно, требовало предварительнаго составленія полнаго Собранія узаконеній, относящихся къ западнымъ губерніямъ Россіи, подобно тому, какъ Сводъ Законовъ былъ предваренъ изданіемъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи; дѣломъ собиранія польскихъ и литовскихъ узаконеній прежде всего горячо и занялся Даниловичъ. Плодомъ его энергическихъ поисковъ за историческими памятниками законодательства въ различ-

ныхъ архивахъ и библіотекахъ были: списокъ узаконеній, имѣвшихъ тогда силу и планъ гражданскаго уложенія для присоединенныхъ отъ Польши губерній, Даниловичемъ же былъ составленъ на польскомъ языкѣ и самый проэктъ, озаглавленный; „Сводъ мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній", раздѣлявшійся на три части; во второй изъ которыхъ помѣщались гражданскіе законы. „Сводъ" Даниловича предназначался для губерніи виленской, минской, гродненской, подольской, волынской, кіевской и области Бѣлостокской, причемъ онъ исключалъ дѣйствіе общихъ законовъ имперіи лишьвъ тѣхъ случаяхъ, которые были точно указаны въ постановленіяхъ Свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. Всѣ эти работы Даниловичъ представилъ Балугьянскому. Въ это время въ высшихъ правительственныхъ сферахъ твердо стояла мысль о необходимости изданія отдѣльныхъ Сводовъ мѣстныхъ законовъ. По открытіи университета въ Кіевѣ въ 1835 г. Даниловичъ, награжденный за работы во Второмъ отдѣленіи орденомъ Св. Анны 2-й степени, почему-то оставилъ службу во Второмъ отдѣленіи и назначенъ въ Кіевъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ уголовнаго права, а потомъ и полицейскихъ законовъ, а также занималъ самостоятельную, спеціально ради него выдѣленную, каѳедру мѣстныхъ законовъ западныхъ, отдѣленныхъ отъ Польши губерній, и былъ первымъ деканомъ юридическаго факультета въ 1835—36 г.г. Въ 1838 г. проектъ „Свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній" былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но его, какъ и другія „Циклопическія работы" Даниловича по части законодательства, постигла печальная участь. Правительство мало-по-малу стало склоняться къ мысли примѣнить общеимперскіе законы и въ западныхъ губерніяхъ и, наконецъ, въ 1840 г., по полученіи категорической записки отъ кіевскаго генералъ-губернатора, генерала Бибикова, о неудобствахъ, могущихъ произойти отъ введенія въ западныхъ губерніяхъ особаго законодательства, правительство окончательно отказалось отъ прежней мысли и 25-го іюня 1840 г. состоялся Высочайшій указъ объ отмѣнѣ литовскаго статута въ западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ было „признано за благо распространить вполнѣ силу и дѣйствіе россійскихъ гражданскихъ законовъ на сіи издревле русскіе по происхожденію, нравамъ и навыкамъ ихъ жителей области". Всѣ работы Даниловича остались безъ всякихъ практическихъ результатовъ и лишь послужили въ 1840 — 42 г.г. основаніемъ для работъ Второго отдѣленія при составленіи проекта особыхъ для губерній Черниговской и Полтавской постановленій, внесенныхъ въ 1842 г. въ I ч. X т. Свода Законовъ, въ видѣ изъятій изъ общихъ постановленій. Такимъ образомъ, только перемѣна намѣреній высшаго правительства помѣшала Даниловичу сыграть по отношенію къ западной Россіи точно такую-же роль, какая выпала на долю графа Сперанскаго по отношенію ко всей Россіи. Работы Даниловича тогда же поступили въ архивъ Второго Отдѣленія, хранятся и теперь въ архивѣ Государственнаго Совѣта, и несомнѣнно представляютъ собою весьма цѣнный и обширный матеріалъ, и до сихъ поръ далеко не исчерпанный исторической наукой. Въ Кіевѣ Даниловичъ главнымъ образомъ занимался приготовленіемъ къ изданію Перваго Литовскаго статута 1529 г. съ тою цѣлью, чтобы изданіемъ его „не только спасти сей важный памятникъ Литовскаго законодательства отъ потери, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пополнить большой недостатокъ русскаго законодательства въ сей эпохѣ, ибо тогдашняя Литва управлялась русскими обычаями и законами". По недостатку собственныхъ средствъ для этого изданія, Даниловичъ обратился за содѣйствіемъ къ Археографической комиссіи, но комиссія отнеслась недоброжелательно къ мысли Даниловича и честь спасенія этого важнаго памятника отъ исчезновенія выпала на долю Московскаго общества исторіи и древностей, которое издало его впослѣдствіи. Въ Кіевѣ Даниловичъ продолжалъ по порученію Сперанскаго разысканія въ области древняго польско-литовскаго законодательства, результатомъ которыхъ былъ его знаменитый „Scarbiec Dyplomatów", изданный уже послѣ его смерти, въ то же время состоялъ ревностнымъ членомъ комитета для разысканія древностей и вообще, какъ любитель, занимался работами археологическаго характера, иногда даже чисто случайными. Въ 1839 г., благодаря начавшемуся политическому движенію въ сторону явно польскихъ симпатій въ Кіевѣ, университетъ на

время былъ закрытъ, и Даниловичъ, вѣчно подозрѣваемый въ польскихъ симпатіяхъ и вѣчно гонимый за нихъ, долженъ былъ и теперь въ числѣ другихъ профессоровъ-поляковъ, оставить Кіевъ, хотя на этотъ разъ за нимъ и само правительство не признало никакой вины и перевело его ординарнымъ профессоромъ въ Московскій университетъ, въ которомъ онъ преподавалъ съ $183^{8}/_{9}$ по $184^{1}/_{2}$ академическій годъ, занимая каѳедру законовъ благоустройства и благочинія и каѳедру мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній. Здѣсь онъ окончилъ и свой Skarbiec. Даниловичу въ продолженіе своей ученой служебной дѣятельности пришлось не разъ перемѣнить, съ перемѣною мѣстъ службы, и предметы своихъ лекцій, что, конечно, каждый разъ требовало напряженнаго умственнаго труда. Въ половинѣ $184^{1}/_{2}$ учебнаго года Даниловичъ, переведенный съ каѳедры законовъ благоустройства на каѳедру гражданскихъ законовъ Царства Польскаго, долженъ былъ взяться за изученіе новаго для него предмета. Несмотря на трудолюбіе и привычку къ безпрерывнымъ занятіямъ, чѣмъ всегда отличался Даниловичъ, занятіе новой каѳедры, къ которой онъ не былъ приготовленъ, вызвало усиленное умственное напряженіе, въ концѣ разстроившее здоровье, и безъ того уже надорванное неумѣреннымъ трудомъ, и повлекло за собою умственное разстройство въ формѣ болѣзненной подозрительности, близкой къ параноизму, для развитія котораго благопріятная почва была приготовлена многочисленными гоненіями, которымъ подвергался Даниловичъ, въ продолженіе всей своей жизни подозрѣваемый въ польскихъ симпатіяхъ. Въ 1842 г., послѣ 28-лѣтней службы, Даниловичъ долженъ былъ отказаться отъ профессуры, поселился сначала въ Кіевѣ, потомъ для поправленія здоровья отправился за границу, однако и это не помогло: онъ скончался 30 іюня 1843 г. въ Грефенбергѣ, гдѣ и похороненъ. Какъ профессоръ, Даниловичъ всегда пользовался любовью и уваженіемъ своихъ многочисленныхъ слушателей и *былъ* авторитетомъ въ глазахъ товарищей. Владѣя въ высокой степени даромъ слова, онъ не только свободно объяснялся на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, но и легко писалъ на нихъ. Проповѣдникъ съ каѳедры идеи о славянскомъ единствѣ въ правѣ, Даниловичъ былъ знатокомъ исторіи литовско-русскаго государства, его права и литературы, и въ этой области онъ не имѣлъ соперниковъ, какъ въ прошломъ, такъ не имѣетъ и въ настоящемъ. Ученые труды Даниловича, хотя въ большинствѣ случаевъ и носятъ характеръ фрагментарныхъ, частичныхъ, обращенныхъ къ вопросамъ частнымъ, иногда мелкимъ, представляютъ собою цѣнный вкладъ въ науку и высокіе образцы умѣнья пользоваться научнымъ историческимъ методомъ при разработкѣ обширнѣйшихъ историческихъ законодательныхъ памятниковъ. Даниловичу была свойственна нѣкоторая влюбчивость въ тѣ памятники старины, изученіемъ которыхъ онъ занимался, и хотя это не мѣшало научному скептицизму автора, тѣмъ не менѣе накладывало настолько явную печать на шаткія политическія убѣжденія Даниловича съ несомнѣнно польскимъ симпатіями, что есть основанія считать его патріотомъ-литвиномъ, гражданиномъ государства, давно исчезнувшаго, и человѣкомъ, изъ любви къ памятникамъ исторіи, служившимъ призраку XV и XVI вѣковъ. Ученые труды Даниловича, преимущественно историко-юридическаго содержанія, представляютъ собою изслѣдованія старинныхъ памятниковъ, многіе и важнѣйшіе изъ которыхъ имъ же самимъ и открыты,—литовско-польскаго и вообще славянскаго законодательства. Изъ трудовъ Даниловича извѣстны: 1) Historyczny pogąd na zakłady dobroczyunе w dawniéj Polsce (Dzieje dobroczynności 1820 r.). 2) Zycie i uczone prace Jgn. Ołdakowskiego (Dzien. Wil. 1822 r.) 3) Opisanie bibliograficzne dotąd wiadomych rękopismow i drukowanych etemplarzow Statutu Litewskiego (Dzien. Wilen. 1823 r.) 4) Rozbior bibliograficznych ksiąg Joach. Lelewela (ibid.) 5) Wiadomość historyczna o cyganach, Wilno 1824 r.,—рѣчь, читанная 30 іюня 1824 г. въ публичномъ собраніи Виленскаго университета. 6) Latopisiec Lituy i Lronika ruska. Wilno 1824 r. и 1827 r.—русская лѣтопись, переписанная со славянской рукописи польскимъ правописаніемъ и напечатанная съ объясненіями издателя. 7) Statud Kazimierza IV, pomnik z XV wieku uchwał litew Wilno 1826 r.—съ цѣнными примѣчаніями и польскимъ переводомъ Даниловича. 8) О русской дипломатикѣ, на основаніи Лелевеля („Московскій Вѣстникъ“)

1829 г. ч. III). 9) O medalach Radziwiłłowskich i o gabinetach Nieswieżskim, Charkowskim, Petersburg. 1830 г. (Tygodnik petersburski). За это сочиненіе Даниловичъ получилъ денежную награду въ 2000 руб, 10) Historischer Blick auf das litthauische Statutus und den Einfluss des römischen Rechts auf das polnische und litthauische (Dorpater Jahrbücher 1834 и отдѣльно). Это же сочиненіе въ 1837 г. было напечатано на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Historyczn„ rzut oka na prawodawstwo litewskie. Wilno. 1837. 11)Rozbior historyi Wilna przez Kraszewsriego, 1833 r. Petersburg. 12) Dorywcze uwagi o istnieniu hipoteki' 1835 r. Petersburg. Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" Даниловичъ помѣстилъ статьи: „Училища и воспитаніе въ средніе вѣка" (ч. X,1836 г.), „О ходѣ уголовнаго законодательства вообще, и преимущественно, въ Германіи" (ч. XIV, 1837 г.), „О литовскихъ лѣтописяхъ" (ч. XXVIII, 1840 г.), Ueberdie lithuanische Chroniken, übersezrt von F. Love. Piberag. 1841; эта же статья приложена и при Kronice Stryjkowskiego (Warschauz. 1846 г. II томъ) при I-мъ томѣ, и до сихъ поръ представляетъ собою лучшее и, пожалуй, единственное руководство по библіографіи лѣтописей западной Руси. Въ Сборникѣ общества исторіи и древностей россійскихъ въ 1841 г. Даниловичъ помѣстилъ: „Историческій взглядъ на древнее образованіе городовъ славянскихъ до XIII столѣтія", въ IV томѣ.

Кромѣ того, онъ редактировалъ и издалъ вмѣстѣ съ княземъ Оболенскимъ первый томъ вышедшей въ 1843 г, въ Москвѣ „Книги посольской метрики Великаго княжества Литовскаго, содержащей въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія", второй томъ которой вышелъ потомъ подъ редакціей Погодина и Дубенскаго. Въ предисловіи этой „книгѣ", написанномъ Даниловичемъ, излагается исторія и содержаніе метрики. Въ посмертныхъ бумагахъ Даниловича остались краткіе эскизы общей исторіи польско-литовскаго законодательства, введеніе въ исторію права западныхъ губерній, статьи, теперь уже нѣсколько устарѣвшія, и Skarbiec Dyplomatow—многолѣтній трудъ Даниловича, самый важный, обширный и наиболѣе цѣнный вкладъ его въ науку. Только черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти автора, въ 1860—1862 г.г. комиссія Виленскаго археологическаго общества издала въ Вильно: „Skarbiec Dyplomatow papieskich, cesarskich, krolewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień rożnych wladz i urzędow posługujących do krytycznego wyjaśnienia dzieiow Litwy, Rusi Litewskiéj i ościennych im krajow zebral i w treści opisal Ign. Daniłowicz, Wilno. t. I—1862 г., t. II—1863 г. Эта замѣчательная книга Даниловича представляетъ собою указатель разнаго рода историческихъ актовъ и выписей изъ нихъ, относящихся къ исторіи Литвы, съ многочисленными замѣчаніями автора о подлинности разныхъ рукописей, объ обстоятельствахъ и времени появленія того или другого акта и т. д. Помимо другихъ трудовъ уже одинъ Skarbiec Dyplomatow вписалъ бы неизгладимыми буквами имя Даниловича въ исторію изученія польско-литовскихъ памятниковъ законодательства и исторіи. Ученые труды Даниловича доставили ему званіе члена многихъ ученыхъ русскихъ и заграничныхъ обществъ: Варшавскаго любителей наукъ, Московскаго исторіи и древностей россійскихъ, Копенгагенскаго сѣверныхъ антикваріевъ, почетнаго члена Краковскаго университета и другихъ.

Автобіографическіе и другіе матеріалы о жизни и дѣятельности И. Даниловича хранятся въ Виленской публичной библіотекѣ.—Ign. Danilowicz, Scarbiec Dyplomatow, t. I, стр. 1—VII, біографич. очеркъ Ian. Sidorowicz'a. — В. Иконниковъ: «Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра», очеркъ проф. М. Владимірскаго - Буданова. – 173. — С. Шевыревъ, Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета, ч. I, ст. проф. Коровицкаго, стр. 287—290. В Щульгинъ, Исторія университета св. Владиміра, стр. 150—152 и др. - С. Шевыревъ: «Исторія Московскаго университета: стр. 562 и др.—А. Романовичъ-Славатинскій»: Жизнь и дѣятельность И. Д. Иванишева, ректора унив. св. Владиміра, Спб., 1876 г.—В. Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи», ч. I и II. — Геннади, справочн. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, стр. 279.—Wielka encyklopedya powszechna ilustowana, tom XV, Warszawa, 1895 г., стр. 73—75. *А. Черкасъ.*

Даниловъ, *Дмитрій Петровичъ*, генералъ-лейт. Воспитывался во 2 кадет. корпусѣ, откуда 16-ть лѣтъ. въ 1805 г., выпущенъ подпоручикомъ въ Артиллерійскій полкъ. Находясь при полку, впослѣдствіи переименованномъ въ 11-ю бригаду и потомъ въ батарейную роту, Д. П.

переводился затѣмъ, по волѣ начальства, въ другія батарейныя роты для лучшаго ознакомленія съ различными условіями службы вездѣ заявилъ себя опытнымъ и знающимъ дѣло офицеромъ За отличіе по службѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (1844 г.) и въ генералъ-лейтенанты (1855 г.). 17-го Авг. 1844 г. онъ былъ назначенъ вице-директоромъ Департамента Военныхъ Поселеній; 7 Окт. 1856 г. отчисленъ отъ этой должности и оставленъ по Д-ту В. Поселеній. Д. П. Даниловъ принималъ участіе во многихъ войнахъ и походахъ Александровской эпохи, а именно: 1) 17-го и 18-го декабря 1806 г. въ дѣйствіяхъ и въ сраженіи при кр. Измаилѣ, а также при осадѣ этой крѣпости и производившихся изъ нея вылазкахъ. 2) 29-го Августа 1809 г. въ сраженіи при Фрейсинѣ; при бомбардированіи Туртукайскихъ укрѣпленій и крѣп. Силистріи, а также при бомбардированіи крѣп. Рущука и ея штурмѣ въ 1810 г. 3). Въ 1811 году былъ въ составѣ войскъ при обратномъ ихъ слѣдованіи въ предѣлы Россіи. 4) Въ 1812 году, во все время Отечественной войны, Д. П. Даниловъ также былъ при арміи; въ сраженіи при Бородинѣ 24-го и 26-го авг., онъ отличился лично, за что награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ дѣлахъ и генеральныхъ бояхъ при с. Тарутинѣ и при г. Маломъ Ярославцѣ, при Красномъ, и при преслѣдованіи непріятеля до г. Вильно. 5). Въ 1813 году при блокадѣ кр. Новое Замостье особый отрядомъ подъ командою Д. П. производилъ энергическій отпоръ вылазкамъ изъ крѣпости. Въ 1815 году Д. П. Даниловъ былъ въ заграничномъ походѣ чрезъ Силезію, Саксонію и Баварію; перешелъ Рейнъ у Липенгейма вступилъ, такимъ образомъ, въ предѣлы Франціи, и, дойдя до полей Шампаніи, возвратился въ предѣлы Россіи. Здѣсь ему представилась дѣятельность по хозяйственной части при Штабѣ Воен. Поселеній. Онъ былъ назначенъ начальникомъ работъ, предпринятыхъ въ 1829 г. для поселенія Полоцкаго и Елецкаго пѣхот. полковъ. Въ 1831 году, при возмущеніи поляковъ въг. Полоцкѣ и его окрестностяхъ Д. П. состоя въ должности Полоцкаго коменданта, съ особенной энергіей приводилъ въ исполненіе свои мѣры для прекращенія возстанія, грабежей, разбоевъ и распространенія холеры, за что удостоился особой благодарности отъ мѣстнаго генералъ-губернатора князя Хованскаго. За свою административную дѣятельность Д. П. получилъ прибавочное жалованье, по 1000 руб. ассигнаціями въ годъ, пока будетъ состоять на службѣ. Сверхъ того, за дѣятельные труды по устройству въ г. Полоцкѣ зданій для кадетскаго корпуса и кафедральнаго собора, ему было дано, единовременно, три тысячи рублей. За другія техническія сооруженія, въ 1840 году ему пожалована денежная аренда по 800 руб. въ годъ, и даны, неоднократно, единовременныя пособія. Многоразъ, за отсутствіемъ директора Д-та Воен. Поселеній, Д. П. управлялъ его дѣлами, и всегда отличался умѣлой распорядительностью; онъ же былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи по пересмотру правилъ для составленія смѣтъ и условій на строительныя работы по воен. поселеніямъ. Онъ былъ награжденъ всѣми орденами до Св. Анны 1 ст. включительно.

А. Петровъ.

Рукописное дѣло «Обшаго Архива Глав. наго Штаба» за 1857 г. Связка 1896 г. № 494.

Даниловъ, *Иванъ Даниловичъ*, сенаторъ, т. сов., сынъ приказнослужителя, родился въ 1770 году, шестнадцати лѣтъ началъ службу подканцеляристомъ въ Карачевскомъ уѣздномъ судѣ. Въ 1790 г. онъ перешелъ въ военную службу и въ 1801 г. былъ переведенъ въ военную Е. И. В. Цесаревича Канцелярію. Въ 1805 г. онъ былъ въ походахъ въ Австріи, участвовалъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ и до заключенія мира находился въ военно-походной канцеляріи цесаревича. Въ 1807 г. былъ въ Пруссіи, участвовалъ въ сраженіи при Гейльсбергѣ и Фридландѣ, до Тильзитскаго мира состоялъ при цесаревичѣ, участвовалъ въ походахъ 1812 и 1813 гг., былъ въ сраженіяхъ при Бауценѣ, Дрезденѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ, въ 1814 г., былъ подъ Парижемъ и состоялъ при цесаревичѣ. За отличіе и труды въ заграничныхъ походахъ награжденъ орденами св. Владиміра 4 степени и Анны 2 ст. По возвращеніи въ Петербургъ Даниловъ отправился въ Варшаву, гдѣ и находился до возмущенія, во время котораго

захваченъ былъ польскими мятежниками въ плѣнъ, но чрезъ мѣсяцъ былъ освобожденъ и отправился заграницу лѣчиться, откуда вскорѣ, въ январѣ 1831 г., возвратился къ цесаревичу въ мѣстечко Великую Брестолицу. Во время польской компаніи Даниловъ состоялъ снова при цесаревичѣ, затѣмъ, по отбытіи цесаревича изъ арміи слѣдовалъ за нимъ въ г. Бѣлостокъ и до г. Витебска, а оттуда, по кончинѣ цесаревича, сопровождалъ тѣло его въ Петербургъ. За ревностную службу государь пожаловалъ Данилову двѣ аренды въ 1823 и 1829 гг. чтобы улучшить незавидное матеріальное положеніе Данилова. Въ началѣ 1832 г. Даниловъ былъ назначенъ членомъ комитета для сокращенія переписки въ полкахъ, бригадахъ и дивизіонныхъ штабахъ, съ ноября мѣсяца, и членомъ комитета для распредѣленія и сдачи дѣлъ управленія цесаревича Константина Павловича, а съ 1833 г., послѣ кончины предсѣдателя этого комитета ген.-отъ-инф. графа Курута, былъ назначенъ предсѣдателемъ этой комиссіи; ему же былъ порученъ и главный надзоръ въ С.-Петербургской временной счетной комиссіи по продовольствію войска Литовскаго корпуса за 1830 г. Въ1804 г. Даниловъ издалъ: „Письмо о совѣсти, изъ соч. рязанскаго дворянина М. Д. (Москва 1804 г.). Кромѣ того въ „Русской Старинѣ“ (1870 г. т. I, изд. 3, 250—257 стр.) напечатанъ интересный „Отрывокъ изъ разсказовъ сенатора И. Д. Данилова о великомъ кн. Константинѣ Павловичѣ“, сообщенный академикомъ Бычковымъ. Умеръ Даниловъ 2-го мая 1852 г., на 81 году жизни. *Ч.*

Формуляръ его за № 1203 хранится въ Архивѣ Сената.—Геннади: «Справочн. Слов.,» 279 стр. — Иконниковъ: „Опытъ русской исторіографіи» стр. 1286.

Даниловъ, *Кирша* (*Кириллъ*), предполагаемый составитель носящаго его имя сборника былинъ и пѣсенъ. Біографія его совершенно неизвѣстна. Попытки изслѣдователей извлечь изъ содержанія сборника какой либо біографическій матеріалъ оканчивались неудачей, и хотя въ различныхъ энциклопедическихъ словаряхъ (Плюшара, Березина и др.) и сообщается якобы его біографія, въ родѣ того, что онъ былъ малороссійскій казакъ, родился около Кіева въ XIII ст. (въ концѣ), жилъ долгое время къ Сибири и тамъ собиралъ и сочинялъ пѣсни, но все это слишкомъ мало обосновано и гадательно. Неизвѣстно даже ему ли принадлежитъ самое собраніе пѣсенъ, такъ какъ лишь первый издатель сборника, Якубовичъ, видѣлъ на заглавномъ листѣ имя Кирши Данилова (затѣмъ этотъ листъ потерялся), да въ одной изъ пѣсенъ встрѣчается упоминаніе о „похмельномъ молодцѣ Кириллѣ Даниловѣ“. Поэтому вопросъ о принадлежности сборника Киршѣ Данилову остается открытымъ; во всякомъ случаѣ онъ былъ лишь собирателемъ пѣсенъ, а не сочинителемъ, какъ думалъ Калайдовичъ. Болѣе извѣстна любопытная исторія его рукописи. Самая рукопись написана въ листъ на 202 стр., скорописью, четкимъ почеркомъ, безъ знаковъ препинанія и безъ раздѣленія на стихи. Надъ каждой пѣсней помѣщены ноты для игры на скрипкѣ. Всѣхъ пѣсенъ около семидесяти, большая часть изъ нихъ былины и историческія пѣсни, значительно меньшая шуточныя и сатирическія стихотворенія. Списанъ этотъ сборникъ былъ, по словамъ Калайдовича, въ концѣ первой половины XIII ст. для извѣстнаго владѣльца заводами на Уралѣ, Демидова, отъ него рукопись перешла къ Хозикову, а тотъ передалъ ее почтъ-директору Ключареву, который и поручилъ издать ее служившему подъ его начальствомъ Якубовичу. Якубовичъ выбралъ „лучшія, по его мнѣнію, стихотворенія“ и издалъ ихъ въ 1804 г. въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „Древнія Россійскія Стихотворенія“. Остальныя онъ предполагалъ издать послѣ, во второй части, но обстоятельства помѣшали этому. Изданіе вслѣдствіе этого вышло неполнымъ и притомъ было слишкомъ неточно, такъ какъ Якубовичъ не задумывался „исправлять“ орѳографію пѣсенъ. Въ 1816 г. извѣстный любитель древностей, гр. Н. П. Румянцевъ пріобрѣлъ эту рукопись въ собственность, и черезъ два года она была издана Калайдовичемъ, подъ его редакціей и съ обширнымъ предисловіемъ подъ заглавіемъ „Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ“, и вторично издана, съ прибавленіемъ тридцати пяти пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва. М. 1818 г. “Это изданіе тоже нельзя назвать полнымъ, такъ какъ авторъ сборника, по словамъ его издателя, „пресыщенный

дарами Бахуса и мечтаніями о сладострастныхъ вакханкахъ, терялъ совершенно уваженіе къ стыдливости". Поэтому, кромѣ отдѣльныхъ пропусковъ, Калайдовичъ выкинулъ вовсе девять пѣсенъ: семь—по ихъ непристойному содержанію и двѣ по „неприличному смѣшенію духовнаго со свѣтскимъ! Несмотря на свою неполноту и на не совсѣмъ удачныя исправленія, сдѣланныя кое-гдѣ издателемъ, это изданіе для послѣдующихъ изслѣдователей имѣло огромную важность, такъ какъ рукопись вскорѣ безслѣдно пропала. Послѣдующія изданія сборника могли быть поэтому лишь перепечаткой изданія Калайдовича. Таковы были „Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ"! Изданіе третье комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ М. 1878" и „Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ", изд. Суворина (Дешевая Библіотека № 237). Изслѣдователи давно примирились уже съ потерей рукописи, когда счастливый случай помогъ найти ее. Въ 1894 г. завѣдывающій земскими школами Богородицкаго уѣзд. Тульской губ., М. В. Чеховъ, приводя въ порядокъ библіотеку гр. М. Р. Долгорукова, нашелъ рукописный сборникъ К. Данилова, исчезнувшій пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Въ библіотеку кн. Долгорукова онъ попалъ вѣроятно слѣдующимъ образомъ. Кн. Долгоруковъ приходится внукомъ Малиновскаго, бывшаго человѣкомъ близкимъ къ Румянцеву. По всей вѣроятности, Малиновскій взялъ его изъ библіотеки Румянцева и потомъ рукопись у него такъ и осталась. Что это. дѣйствительно, та самая рукопись, которую издавали Якубовичъ и Калайдовичъ видно изъ надписи наверху 98 л. рукой Калайдовича „Подарокъ прокур. Степановымъ К. Калайдовичъ", къ тому же и внѣшность ея вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ Калайдовича. Первое изслѣдованіе надъ вновь найденной рукописью сдѣлалъ П. П. Шефферъ и въ своей „Замѣткѣ о сборникѣ Кирши Данилова" онъ далъ нѣсколько новыхъ данныхъ. Прежде всего точно установленъ годъ, ранѣе котораго этотъ сборникъ не могъ быть написанъ; это 1780 и 1781 года, какъ видно изъ водянаго знака бумаги, на которой написана большая часть сборника (отдѣльныя пѣсни записаны, впрочемъ, ранѣе, такъ какъ уже въ 1786 г. Демидовъ послалъ извѣстному историку Миллеру, по его просьбѣ, одну пѣсню, которая въ неизмѣнномъ видѣ находится и въ сборникѣ К. Данилова). Далѣе, это несомнѣнно копія, а не оригиналъ, какъ думали раньше, потому что невозможно такъ гладко и такимъ почеркомъ записать пѣсню со словъ пѣвца. Къ тому же ноты сильно переиначены. Несомнѣнно, ихъ механически переписывалъ человѣкъ, совершенно незнакомый съ музыкой.

Несмотря на то, что „стихотворенія" К. Данилова изданы около ста лѣтъ тому назадъ и что послѣ нихъ появился цѣлый рядъ гораздо болѣе полныхъ сборниковъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Гильфердинга и др., они и до сихъ поръ не утратили своей цѣнности, а въ свое время имѣли несомнѣнно огромное значеніе, какъ единственный памятникъ нашего народнаго эпоса, не подвергшійся передѣлкамъ и искаженіямъ, которыя были такъ обычны въ то время.

Статей, посвященныхъ спеціально сборнику К. Данилова нѣтъ, исключая упомянутой статьи г. П. Шеффера „Замѣтка о сборникѣ К. Данилова (Изв. И. Ак. Н. по II отд. 1897. кн. I). Болѣе или менѣе подробно упоминается о „сборникѣ" во всѣхъ курсахъ по исторіи русской литературы, а также въ слѣдующихъ отдѣльныхъ статьяхъ В. Г. Бѣлинскаго „Русская Народная Поэзія", т. II, стр. 295—476. Изд. Павленкова 1896 г. А. Н. Пыпинъ. „Исторія русск. этногр." т. I. С.-Петербургъ. 1890 г. стр. 226—230. Миллеръ Вс. „Географическое распредѣленіе былинъ" (Ж. М. Н. 1894 г. кн. V), Перетцъ „Малорусск. вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVII в (Изв. Имп. Ак. Н. 1899 г., кн. III стр. 869—938), Лобода „Русскій богатырскій эпосъ" (Кіевскія Унив. Изв. 1896 г. кн. IV). Сахаровъ. „Сказанія русскаго народа" т. I. 1843 г. стр. 29—и далѣе.— Замѣтка Л. Майкова о 3 изданіи (Жур. Мин. Нар. Пр. 1878 г. т. 199). Н. Чеховъ. Любопытная находка (Живая Старина 1894 г. вып. II). Біографіи Кирши Данилова помѣщены въ слѣдующихъ словаряхъ: Брокгауза и Еффрона, т. X, стр. 84. Плюшаръ, т. XV, стр. 326, Березина т. II, стр. 82. Толя т. I, стр. 791.

Н. И.

Даниловъ, *Кузьма-Михаилъ Васильевичъ*, авторъ „записокъ"; происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи, родился въ селѣ Харинѣ, Тульскаго уѣзда, въ 1722 году отъ бѣднаго помѣщика, капрала Преображенскаго полка Василья Гурьевича Данилова и жены его Евѳиміи

Ивановны, рожденной Авксентьевой; до 7 лѣтняго возраста росъ дома подъ наблюденіемъ родителей. Когда же маленькому Данилову исполнилось 7 лѣтъ, отецъ отдалъ его учиться къ пономарю с. Харина-Филиппу Брудастому, человѣку грубому и невѣжественному, видѣвшему въ розгѣ и подобныхъ средствахъ необходимую принадлежность ученья. У Брудастаго Даниловъ выучился лишь азбукѣ, а затѣмъ попалъ къ своей дальней родственницѣ Матренѣ Петровнѣ Даниловой, тоже Тульской помѣщицѣ, женщинѣ весьма грубой и совершенно необразованной. Здѣсь Даниловъ учился съ ея племянникомъ и „скоро окончилъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ: Часослова и Псалтири“. Послѣ этого онъ проживалъ то дома, то въ г. Данковѣ у воеводы Н. М. Крюкова, то у родственниковъ; ученіе его поэтому шло неправильно, пока, наконецъ, онъ не былъ записанъ въ Артиллерійскую школу въ Москвѣ (въ 1737 г.), гдѣ учился вмѣстѣ со старшимъ братомъ, проживая у своего свойственника Милославскаго. Въ 1740 г. Даниловъ былъ переведенъ въ Петербургъ и „опредѣленъ прямо въ первый классъ въ Чертежную школу“; пробывъ здѣсь до 1743 года, онъ, передъ самымъ выпускомъ, былъ командированъ въ Сестербекъ „для рисованья вензелей и литеръ на тесакахъ, которые готовились для корпуса лейбъ-кампаніи“, а затѣмъ былъ взятъ въ Герольдію „для рисованья гербовъ на лейбъ-кампанцевъ“; вслѣдъ за этимъ Даниловъ былъ произведенъ въ фурьеры и оставленъ при школѣ „для рисованья плановъ“. Исполняя съ успѣхомъ различныя порученія по устройству фейерверковъ и иллюминацій на придворныхъ празднествахъ въ Москвѣ и Петербургѣ и добившись нѣкоторыхъ усовершенствованій въ дѣлѣ пиротехніи, Даниловъ въ 1746 году былъ пожалованъ въ сержанты, а въ 1749—въ штыкъ-юнкера и чрезъ годъ командированъ въ Ригу, гдѣ завѣдывалъ „тремя коммисарствами при полку“. Въ этой должности онъ пробылъ около года, въ 1751 году отправился въ Петербургъ и исполнялъ здѣсь порученія по устройству фейерверковъ, а въ 1752 году, за удачное устройство иллюминаціи въ Москвѣ, во время пріѣзда туда Елизаветы Петровны, пожалованъ въ подпоручики. Оставаясь при Артиллерійской школѣ, Даниловъ работалъ въ лабораторіи и вылилъ особыя мартирки „гоубицы и единороги“, честь изобрѣтенія которыхъ присвоилъ себѣ гр. П. И. Шуваловъ. Въ 1756 году М. В. произведенъ въ оберъ-фейерверкеры „съ рангомъ поручика“, а въ слѣдующемъ—„въ капитаны и оберъ-фейерверкеры“. 26 сентября 1757 года Даниловъ женился на вдовѣ Нечаевой, рожденной Носовой (въ первомъ бракѣ она была за Кашинцовымъ). Бракъ этотъ, вызвавшій неудовольствіе одного изъ могущественныхъ начальниковъ Данилова, гр. Шувалова, былъ причиной гоненій на М. В., вслѣдствіе которыхъ онъ счелъ за наилучшее выйти въ отставку (1759). Сперва онъ поселился въ Москвѣ, а потомъ—въ своемъ имѣніи. По восшествіи на престолъ Екатерины II Даниловъ подалъ прошеніе о награжденіи чиномъ, котораго не получилъ при отставкѣ; просьба была уважена, и 3 іюня 1765 года онъ былъ пожалованъ маіоромъ артиллеріи. Скончался Даниловъ уже послѣ 1790 года.

Въ 1771 году Даниловъ, живя въ деревнѣ, написалъ свои чрезвычайно интересныя „Записки“, являющіяся однимъ изъ важныхъ источниковъ для знакомства съ нашей стариной (онѣ изданы П. М. Строевымъ въ Москвѣ въ 1842 году и перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ„ 1883 года, т. II, стр. 1—67). „Записки маіора Данилова“ содержатъ въ себѣ множество характерныхъ подробностей, касающихся образа жизни бѣднаго дворянства начала и середины XVIII вѣка и служатъ отличнымъ поясненіемъ личностей, выведенныхъ въ комедіяхъ Екатерины II и Фонвизина, какъ напр.: Ханжахиной, Чудихиной (въ ком. „О! время!“), Кутейкина, Митрофанушки, Простаковой (въ ком. „Недоросль“). Простодушная живость и откровенность, даже нѣкоторая наивность, съ которыми Даниловъ повѣствуетъ о своей жизни, бѣдной внѣшними событіями, невольно развлекаетъ читателя. Въ то же время, авторъ въ значительной мѣрѣ одаренъ умѣньемъ въ немногихъ словахъ, иногда однимъ коротенькимъ анекдотомъ или мѣткимъ замѣчаніемъ, рѣзко и живо очертить характеръ даннаго лица или событія. У него было много прирожденной насмѣшливой наблюдательности, напоминающей общее свойство нашего народнаго юмора: самые

смѣшные анекдоты онъ разсказываетъ серьезно и съ простодушіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно живо и увлекательно. Языкъ „Записокъ“—простой, незатѣйливый, народный и какъ бы разговорный, благодаря чему онѣ и теперь еще читаются легко, нисколько не утомляя читателя. Рѣдко только попадаются архаизмы, барбаризмы и вообще нерусскія выраженія, явившіяся, конечно, подъ вліяніемъ языка книгъ, которыхъ Даниловъ, по тому времени, прочелъ не мало. Такъ, изъ сочиненій его видно, что ему были извѣстны „Новая Элоиза“ Руссо, нѣкоторыя сочиненія Вольтера, „О педантствѣ“ Монтаня, „Телемакъ“, Фенелона, „Мысли“ Декарта, „Знаніе философіи“ Теплова, „Опытъ о человѣкѣ“ Попа, въ переводѣ Н. Н. Поповскаго, „Жизнь Сиѳа, царя Египетскаго “въ переводѣ Фонвизина, оды Ломоносова.

Кромѣ „Записокъ“ Даниловъ написалъ: 1) „Начальное знаніе теоріи и практики въ артиллеріи, съ пріобщеніемъ гидростатическихъ правилъ съ задачами“, М. 1762, написанное уже въ отставкѣ по настояніямъ сосѣдей-помѣщиковъ, просившихъ его объ изданіи подобнаго руководства. 2) „Довольное и ясное показаніе, по которому всякій самъ собою можетъ приготовлять и дѣлать всякіе фейерверки и разныя иллюминаціи“; написанное въ 1777 году, оно издано было съ рисунками въ Москвѣ въ 1779 и 1783 г. Эта книга содержитъ въ себѣ, между прочимъ, краткія свѣдѣнія для исторіи пиротехники въ Россіи. 3) „Письма къ пріятелю, содержащія въ себѣ краткія, но полезныя и любопытства достойныя для человѣка матеріи“. М. 1783 (одно изъ нихъ, именно „Письмо о совѣсти“ издано отдѣльно въ М. въ 1804 году.). Эти письма, составленныя въ 1777, 1778 и 1781 гг., представляютъ собою неудачную попытку автора разрѣшить нѣкоторые вопросы изъ физіологіи и психологіи; написаны они тяжелымъ, затѣйливымъ и принужденнымъ слогомъ, вѣроятно подъ вліяніемъ бывшихъ тогда въ ходу „философскихъ“ книгъ.

Кн. П. Долгоруковъ: „Росс. Родосл. Книга“, ч. IV, стр. 380; митр Евгеній: „Словарь свѣтскихъ писателей“, 1845 г , ч. I, стр. 156; А. Н. Афанасьевъ: Русскіе сатирическіе журналы“ Спб. 1859, стр. 127—128. А. В. Арсеньевъ. Словарь писателей средняго и новаго періода русской литературы. Спб. 1887, стр. 48.; Г. Н. Геннади. Справочный словарь, Берлинъ. 1876, стр. 279. П. П. Пекарскій: „Русскіе мемуары XVIII вѣка“ Современникъ, 1855 г. № 4, стр. 70—72 и № 8, стр. 77—85. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія, т. I, Спб., 1872. „Финскій Вѣстникъ“ 1845, т. III, стр. 252—257.

Б. Модзалевскій.

Даниловъ, *Павелъ Ѳедоровичъ*, ген.-лейт., род. въ 1776 г., исключенъ изъ списковъ умершимъ 14 янв. 1833 г., изъ дворянъ, сынъ коллежскаго ассесора. П. Ѳ. въ службу вступилъ 6 іюля 1796 г. изъ артиллерійскаго кад. корпуса штыкъ-юнкеромъ въ артиллерійскій баталіонъ Балтійскаго гребного флота, въ которомъ въ концѣ того же года произведенъ въ подпоручики. Въ кампанію 1808—1809 г. участвовалъ во взятіи Свеаборга. Затѣмъ П. Ѳ., состоя въ 1-мъ піонерномъ полку маіоромъ, 13 мая 1811 г. произведенъ въ подполковники; 17 февраля 1813 г. назначенъ полковымъ командиромъ саперпаго полка и принималъ участіе съ отличіемъ при осадѣ Данцига; въ 1816 г. назначенъ баталіоннымъ командиромъ 2-го сапернаго баталіона и въ томъ же году произведенъ въ полковники; въ 1820 г., за отличіе по службѣ, въ ген.-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 1-й сводной піонерной бригады; въ 1824 г. — отряднымъ командиромъ 1-й піонерной бригады и 1-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи; въ 1828 г. — командиромъ 1-й піонерной (впослѣдствіи саперная) бригады военнаго поселенія; въ 1831 г. П. Ѳ. временно состоялъ военнымъ губернаторомъ Динабургской крѣпости, затѣмъ начальникомъ округовъ военнаго поселенія гренад. корпуса; въ концѣ того же года отличился мягкимъ, разумнымъ образомъ дѣйствій при усмиреніи бунта военныхъ поселянъ и былъ произведенъ въ ген.-лейтенанты.

Павелъ Ѳедоровичъ въ продолженіе своей службы находился во многихъ походахъ и сраженіяхъ: почти всѣ награды получены были имъ за боевыя отличія. Но въ то же время современники сохранили о немъ память, какъ о добромъ, гуманномъ командирѣ.

Ш.

Формулярный о службѣ списокъ въ Моск. Отд. Общ. арх. гл. шт. кн. № 11981, за 1831 г.— „Р. Стар.“, 1876 г., т. XVII: «Холерный бунтъ», изъ воспоминаній Гриббе.

Даниловъ, *Петръ Алексѣевичъ*, вице-адмиралъ, род. 1760 г., ум. 1830 г. Въ 1773 г. Даниловъ поступилъ въ морской корпусъ кадетомъ; въ 1775 г. произведенъ въ гардемарины. Съ 1776 по 1780 г. ежегодно плавалъ въ Финскомъ заливѣ и одно лѣто въ Балтійскомъ морѣ; въ 1778 г. произведенъ въ мичманы; въ 1780 и 1781 гг., въ эскадрѣ капитана Палибина на кораблѣ «Дерись», плавалъ отъ Кронштадта до Лиссабона и обратно. Съ 1782 г. по 1786 г. Даниловъ, будучи лейтенантомъ, находился при кронштадтскомъ и херсонскомъ портахъ; въ 1787 г. плавалъ въ Черномъ морѣ, а послѣ кампаніи назначенъ командиромъ на пристань Глубокую; въ томъ-же году произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и, командуя фрегатомъ «Св. Николай», конвоировалъ транспортныя суда отъ Глубокой пристани до Очакова. Въ 1788 г., командуя тѣмъ-же фрегатомъ въ лиманской эскадрѣ контръ-адмирала Поль Джонса, участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ въ Лиманѣ и въ сраженіи подъ Очаковымъ. Въ 1789 г. Даниловъ за отличіе произведенъ въ капитаны 2 ранга и, командуя тою-же шлюпкою, плавалъ между Лиманомъ, Очаковымъ и Гаджибеемъ. Въ 1798 г., состоя флагъ-капитаномъ при контръ-адміралѣ Ушаковѣ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ въ Керченскомъ проливѣ и у Гаджибея, за что и награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія 4 класса. Въ 1791 г. Даниловъ командовалъ новопостроеннымъ кораблемъ «Св. Троица» при проводѣ его отъ Херсона къ Очакову. Въ 1792 г. находился при севастопольскомъ портѣ. Въ 1793 г. командовалъ кораблемъ «Петръ Апостолъ» на севастопольскомъ рейдѣ. Съ 1794 по 1797 г. Даниловъ, находясь на Черномъ морѣ, командовалъ фрегатомъ «Св. Николай». Въ 1796 г. произведенъ въ капитаны 1 ранга; въ 1798 г. изъ черноморскаго переведенъ въ балтійскій флотъ и командовалъ кораблями «Трехъ Святителей» и «Пименъ» при кронштадтскомъ портѣ. Въ 1799 г., командуя кораблемъ «Глѣбъ», крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ и въ томъ-же году произведенъ въ капитанъ-командоры; въ 1800 г. командовалъ тѣмъ-же кораблемъ на кронштадтскомъ рейдѣ. Въ 1801 г. Даниловъ произведенъ въ контръ адмиралы и съ этого времени по 1804 годъ, имѣя флаги на корабляхъ: «Москва», «Благодать» и «Ростиславъ», командовалъ эскадрами въ Финскомъ заливѣ, Балтійскомъ морѣ и на ревельскомъ рейдѣ. Съ 1804 по 1807 г., находясь въ Ревелѣ, командовалъ всею флотскою частью. 12 декабря 1807 г. Даниловъ, состоя главнымъ командиромъ ревельскаго порта, произведенъ въ вице-адмиралы, а 12 іюня 1809 г. уволенъ отъ службы съ пенсіономъ половиннаго жалованья.

(„Общій Морской Списокъ“, т 3, стр. 461).

Даніель, *Вильямъ Вильямовичъ*, лекторъ англійскаго языка, коллежскій совѣтникъ, иностранецъ, принявшій русское подданство, родился въ 1817 г. Начальное образованіе получилъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 1853 г. выдержалъ при петербургскомъ университетѣ испытаніе на званіе учителя англійскаго языка въ гимназіяхъ и былъ назначенъ учителемъ англійскаго языка въ архангельскую губернскую гимназію. Въ 1858 г. переведенъ изъ Архангельска въ московское коммерческое училище на мѣсто учителя англійскаго языка и назначенъ въ томъ же училищѣ воспитателемъ. Въ 1863 году онъ былъ уволенъ отъ службы въ коммерческомъ училищѣ и чрезъ два года назначенъ лекторомъ англійскаго языка въ университетъ св. Владиміра, а также занималъ должность лектора того же языка въ кіевской духовной академіи. Умеръ 3-го октября 1878 г. Имъ написано «Практическое руководство къ изученію англійскаго языка». Кіевъ, 1873 г.

(К. Унив. Изв. 1872, № 8—12, 1873, № 1—5 и отд.).

Даніилъ (въ мірѣ—*Димитрій Константиновъ*), преподобный, основатель и игуменъ Троицкаго въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ монастыря, именуемаго Даниловымъ (1459—1540). Даніилъ родился въ г. Переяславлѣ Залѣсскомъ около 1459 г. и въ ранней юности уже началъ жить подвижнически, обвивая свое тѣло «власяною вервію». Сначала жилъ въ Никитскомъ монастырѣ, а съ 1482 г.—въ Пафнутіевомъ, гдѣ постригся въ монашество съ именемъ Даніила. Съ 1492 г. онъ два года подвизался въ пустынномъ мѣстѣ при рѣкѣ Рузѣ, затѣмъ перешелъ снова въ Никитскій монастырь и въ 1495—1525 гг. жилъ въ Успенскомъ Горицкомъ переяславскомъ мона-

стырѣ. Здѣсь онъ былъ въ 1495 г. рукоположенъ въ іеромонаха, и къ нему стекалось много народу на исповѣдь и за совѣтами. Онъ проявлялъ особенную свою любовь къ несчастнымъ, странникамъ и бѣднымъ; онъ отыскивалъ, призрѣвалъ и погребалъ на скудельницѣ внезапно умершихъ, погибшихъ отъ свирѣпыхъ стихій, утонувшихъ, замерзшихъ, заѣденныхъ звѣрями, убитыхъ разбойниками и брошенныхъ на распутіяхъ. Въ 1508 г. приступилъ къ постройкѣ храма на скудельницѣ, около котораго и образовался монастырь. Въ 1521 г. Даніилъ былъ избранъ въ архимандрита Горицкаго Успенскаго монастыря, но чрезъ годъ отказался отъ настоятельства, а въ 1525 г., по повелѣнію великаго князя, принялъ игуменство въ основанномъ имъ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ ввелъ строгое общежитіе, пріобрѣлъ для монастыря два сельца, въ 1528—1532 гг. выстроилъ двѣ каменныхъ церкви, въ голодные годы многихъ питалъ отъ обители и пользовался почетомъ и уваженіемъ. Въ 1539 г. преподобный Даніилъ, удрученный старостію, отказался отъ игуменства, а въ 1541 г. 7 апрѣля скончался. Въ 1556 г. установлена служба преподобному Даніилу; 30 декабря 1653 г. открыты его мощи. Память его празднуется 7 апрѣля и 30 декабря.

«Житіе иже во святыхъ отца нашего Даніила, Переяславскаго чудотворца». Москва, 1890 г. *Здр.*

Даніилъ, преподобный, Шужгорскій чудотворецъ, жившій въ концѣ XVI вѣка. Преподобный Даніилъ былъ уроженецъ московскій, въ монашество постригся въ Корниліевомъ комельскомъ монастырѣ и жилъ тамъ нѣкоторое время. Затѣмъ онъ удалился въ пустынное мѣсто и на горѣ Шужгорѣ, бѣлозерскаго уѣзда новгородской губерніи, основалъ Спасо-Преображенскій монастырь. Другихъ свѣдѣній о жизни преподобнаго Даніила не сохранилось; извѣстно только, что скончался онъ въ концѣ XVI столѣтія. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Преображенской церкви бывшаго монастыря. Память его празднуется въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

(«Новгор. мѣсяцесловъ», 1882 г., стр. 93: Звѣринскій, Матер. для изслѣдованія монаст. т. II, Спб., 1890). *Здр.*

Даніилъ, епископъ владимірскій и берестійскій, жившій въ половинѣ XV вѣка. Въ епископа онъ хиротонисанъ не раньше 1446 года въ Константинополѣ отступникамъ отъ православія: митрополитомъ Исидоромъ и патріархомъ Григоріемъ и при поставленіи своемъ далъ исповѣданіе вѣры, согласное съ ихъ волею. Въ 1451 г. епископъ Даніилъ былъ вызванъ въ Москву и тамъ 28 октября торжественно предъ соборомъ святителей, отрекся отъ Исидора и латинства, произнесъ православное исповѣданіе, изложенное въ «Рукописаніи Даніила, епископа владимірскаго», и, получивъ отъ митрополита Іоны разрѣшительную грамоту, возвратился въ свою епархію. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

(Макарій, Исторія церкви, VI, стр. 28 и 373—376. Діевъ, „Повѣрка іерархич. каталоговъ“ рукоп. синод. архив.). *Здр.*

Даніилъ (*Корниліевичъ Дема*), подвижникъ сибирской страны, въ предѣлахъ города Ачинска (1784—1843 гг.). Сынъ крестьянина, Даніилъ, по прозванію Дема, родился 12 декабря 1784 года въ мѣстечкѣ Новыхъ Сенжарахъ кобелякскаго уѣзда полтавской губерніи. Дома занимался хозяйствомъ и земледѣліемъ; въ 1807 г, былъ взятъ въ ратники, чрезъ 2 года переведенъ въ артиллерію и въ батарейной школѣ выучился грамотѣ; участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и былъ раненъ; въ 1813—1815 гг. находился съ войсками въ Парижѣ и произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, а по батареѣ—въ каптенармусы. По возвращеніи въ Россію, предался чтенію священныхъ книгъ и житій святыхъ и въ 1822 г. просилъ увольненія отъ военной службы для пустынножительства. Объявленный ему арестъ, угрозы разстрѣлять и провести сквозь строй,—ничто не могло удержать его въ военной службѣ, и онъ былъ сосланъ въ Сибирь на нерчинскіе заводы. Съ 1824 г, онъ работалъ на Боготольскомъ винокуренномъ заводѣ, изумляя всѣхъ своею жизнію: никакая трудная работа не утомляла его, онъ даже не подкрѣплялся пищею, а ночи проводилъ въ молитвѣ. Въ 1826—1827 гг. начальство сжалилось надъ нимъ и уволило отъ работъ, представивъ его неспособнымъ. Остальную жизнь провелъ подвижнически: носилъ вериги и вросшій въ тѣло берестовый поясъ, непрестанно молился и трудился, былъ совершенно нестяжателенъ, пищи употреблялъ очень

*

мало; за благочестивую жизнь пользовался уваженіемъ весьма многихъ, приходившихъ къ нему за совѣтомъ и для бесѣды. Скончался онъ въ г. Енисейскѣ 15 апрѣля 1843 года.

(Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Даніила. Москва, 1855 г. 1874 г. Самар. епарх. вѣд. 1873 г. № 15.) *Здр.*

Даніилъ (въ мірѣ—*Дмитрій Михайловичъ Мусатовъ*), архимандритъ, ректоръ екатеринославской духовной семинаріи (1800—1855 гг.). Мусатовъ былъ сынъ священника и родился въ 1800 г. въ орловской губерніи; образованіе получилъ въ орловской духовной семинаріи и въ 1830—1835 гг. въ с.-петербургской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ съ степенью магистра и былъ назначенъ инспекторомъ калужской дух. семинаріи. Въ 1840 г. 1 декабря онъ постригся въ монашество съ именемъ Даніила, 6 декабря рукоположенъ въ іеродіакона и 8 декабря въ іеромонаха. Съ этого времени о. Даніилъ усердно занялся проповѣдничествомъ, ему же было поручено преподавать воспитанникамъ семинаріи катихизическое ученіе по праздникамъ, въ 1842 г. онъ перемѣщенъ на классъ свящ. писанія, а въ 1843 г. уволился отъ должности инспектора. Въ 1847 г. 31 октября онъ былъ назначенъ профессоромъ богословскихъ наукъ въ кіевскую дух. академію, въ 1850 г. сдѣланъ инспекторомъ академіи и 30 октября возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ екатеринославской духовной семинаріи, но 17 іюня 1855 г. скончался отъ холеры. Сочиненія его, по большей части проповѣди, напечатаны въ журналѣ «Странникъ», начиная съ декабрьской книжки 1879 года.

(Странникъ, 1879 г. № 12, 1880 г. № 1.) *Здр.*

Даніилъ, митрополитъ московскій и всея Руси. Первое историческое извѣстіе о личности митрополита Даніила встрѣчается въ 1515 году при избраніи его въ игумена Волоколамскаго монастыря. Предъ своею кончиною преподобный Іосифъ Волоцкій предложилъ братіи своего монастыря самой избрать себѣ игумена. Выборъ братіи палъ на „старца Даніила“ — „рязанца“. Преподобный Іосифъ благословилъ избраніе Даніила, а митрополитъ Варлаамъ рукоположилъ его въ игумена. Судя по своему прозвищу, Даніилъ происходилъ изъ рязанской области. Религіозное воспитаніе онъ получилъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, который получилъ въ то время, благодаря своему основателю, значеніе особой религіозно-воспитательной школы съ строго опредѣленными религіозными, политическими и общественными взглядами и понятіями. Въ стѣнахъ Волоколамскаго монастыря воспиталось множество церковныхъ дѣятелей, которые въ продолженіи всего XVI вѣка поддерживали въ обществѣ господство идей Іосифа Волоцкаго и давали направленіе современной общественной жизни въ духѣ этихъ идей, за что получили отъ своихъ современниковъ названіе «Іосифлянъ». Эта самая школа воспитала и Даніила, которому по праву принадлежитъ первое послѣ основателя мѣсто въ исторіи Волоколамской общины. Основаніемъ для избранія Даніила во игумена послужило то, что онъ представлялъ изъ себя образецъ дѣятельнаго и исправнаго инока, надѣленнаго большими умственными способностями, многоначитаннаго и просвѣщеннаго писателя и въ заключеніе всего человѣка съ тонкимъ практическимъ умомъ и съ большими дипломатическими способностями. Самый фактъ согласія Іосифа на избраніе въ игумена Даніила свидѣтельствуетъ о томъ, что основатель Волоколамскаго монастыря видѣлъ въ немъ не только преемника себѣ по должности, но и дѣятельнаго борца за свои идеи. Еще до избранія своего въ игумена Даніилъ открыто заявилъ и слабую сторону своего характера—честолюбіе, подъ вліяніемъ котораго онъ мечталъ объ игуменствѣ въ какомъ-нибудь другомъ монастырѣ и ни отъ кого не скрывалъ своихъ плановъ. Честолюбіе—самое больное мѣсто въ характерѣ Даніила, такъ много повредившее ему впослѣдствіи. Какъ игуменъ, онъ заявилъ себя многостороннею дѣятельностью. Онъ заботился о расширеніи и увеличеніи монастырской библіотеки, иногда самъ принимая участіе въ перепискѣ книгъ. Какъ хорошій администраторъ и опытный хозяинъ, онъ значительно увеличилъ земельныя владѣнія монастыря—то чрезъ пожертвованія благотворителей, то покупкою, то обмѣномъ.

Въ санѣ игумена Даніилъ выступилъ и на литературное поприще. Свято сохра-

ныя всѣ завѣты преподобнаго Іосифа, онъ строго поддерживалъ данный монастырю его основателемъ уставъ, какъ административными мѣрами, такъ и пастырскими поученіями. Отъ времени его игуменства сохранилось его поученіе объ иноческомъ законѣ и правилахъ общаго житія, въ которомъ утверждается основной принципъ общежительныхъ монастырей: неимѣніе личной собственности для монаха, и этотъ принципъ проводится до самой послѣдней степени—до запрещенія монаху имѣть собственныя книги и иконы. Строгій ригоризмъ настоятеля вызвалъ противъ себя даже письменную жалобу волоколамскихъ монаховъ. Слава о волоколамскомъ игуменѣ, какъ о мудромъ наставникѣ, распространилась за предѣлы монастыря. Къ нему за совѣтомъ обращался князь Юрій Ивановичъ Дмитровскій и получилъ отъ него въ отвѣтъ особое посланіе.

Будучи въ стѣнахъ Волоколамскаго монастыря, Даніилъ началъ приготовляться и къ литературной дѣятельности въ защиту идей своего воспитателя—преподобнаго Іосифа, Во время своего игуменства онъ занимался составленіемъ сборника церковныхъ правилъ, что находилось въ связи съ современными церковно-общественными вопросами. Въ то время въ русской церковной жизни происходила борьба двухъ противоположныхъ направленій: Іосифлянъ и заволжскихъ старцевъ (послѣдователей Нила Сорскаго). Коренныя разности этихъ направленій касались многихъ современныхъ церковно-общественныхъ вопросовъ. Іосифляне получили тогда значеніе политической партіи, которая сливала церковь и государство. По ихъ воззрѣніямъ, Государь является главою церкви и вслѣдствіи этого долженъ быть строгимъ блюстителемъ всѣхъ церковныхъ интересовъ; это отношеніе являлось выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: государственная власть проникала во всѣ, даже не подходящія ей, сферы церковной жизни, а церковь, отказываясь отъ своей самостоятельности, взамѣнъ того получала отъ государства обязательство защищать всѣ ея права и интересы. На этомъ основаніи Іосифляне требовали сохраненія земельныхъ владѣній монастырей и казней для еретиковъ и противниковъ церкви. Это направленіе примыкало къ возраставшему въ то время самодержавію московскихъ князей. Заволжцы же строго раздѣляли церковь и государство, предоставляли церкви независимость отъ свѣтской власти въ дѣлахъ духовныхъ, и если, съ другой стороны, и допускали вмѣшательство духовенства въ свѣтскія дѣла, то не иначе, какъ только во имя защиты религіозно-нравственныхъ интересовъ своей паствы. Вѣрные своимъ принципамъ, заволжцы возставали противъ монастырскихъ земельныхъ владѣній и всѣхъ преслѣдованій и казней еретиковъ. Они признавали необходимыми только мѣры духовно-нравственнаго воздѣйствія на еретиковъ. Послѣдователи заволжскихъ старцевъ болѣе симпатизировали старымъ удѣльно-вѣчевымъ и земскимъ порядкамъ.

Первый періодъ борьбы между воззрѣніями Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго происходилъ въ княженіе Іоанна III и закончился торжествомъ послѣдняго. На московскихъ соборахъ 1503 и 1504 годовъ вопросы объ отношеніи къ еретикамъ и о земельныхъ владѣніяхъ монастырей получили свое разрѣшеніе совершенно согласно съ духомъ воззрѣній преподобнаго Іосифа. Но литературная борьба между двумя направленіями продолжалась и послѣ соборовъ 1503 и 1504 годовъ. По смерти преподобнаго Нила Сорскаго († 1508 г.) носителемъ и защитникомъ его идей выступилъ инокъ Вассіанъ Косой, бывшій князь Патрикѣевъ. Будучи близкимъ родственникомъ великаго князя Іоанна III и вмѣшавшись въ политическія интриги старо-боярской партіи, князь Патрикѣевъ насильно былъ постриженъ въ монахи въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, гдѣ и сдѣлался ученикомъ Нила Сорскаго. Въ 1503 году Вассіанъ прибылъ въ Москву. Какъ великокняжескій родственникъ, онъ вошелъ въ милость преемника Іоанна III († 6 окт. 1503 г.), Василія Іоанновича, и сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ. По смерти митрополита Симона († 1511 г.), рѣшавшаго на соборахъ вопросы въ духѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, на престолъ московской митрополіи вступилъ, можетъ быть не безъ вліянія Вассіана, Варлаамъ, приверженецъ идей заволжскихъ старцевъ.

Перевѣсъ, повидимому, склонялся на сторону идей заволжцевъ. Смѣлый и энергичный Вассіанъ Косой, живя въ Москвѣ, вступилъ въ литературную полемику съ

Іосифомъ Волоцкимъ по спорнымъ между ними вопросамъ объ отношеніи къ еретикамъ и о монастырскихъ имуществахъ. Полемика продолжалась до самой смерти преподобнаго Іосифа (въ 1515 году) и въ концѣ приняла слишкомъ острый характеръ. Дошло до того, что Іосифъ запретилъ своимъ постриженникамъ вступать въ какія бы то ни было сношенія съ Вассіаномъ, а этотъ послѣдній, въ порывѣ негодованія противъ своего антагониста, грозилъ разрушить даже самый Волоколамскій монастырь. Въ 1508 году прибылъ въ Москву Максимъ Грекъ, который по своимъ воззрѣніямъ близко подходилъ къ заволжцамъ и потому скоро сдѣлался другомъ и совѣтникомъ Вассіана Косаго.

Обстоятельства вдругъ сложились не въ пользу заволжцевъ. Великій князь Василій Іоанновичъ 17 декабря 1521 года насильственнымъ образомъ удалилъ съ каѳедры митрополита Варлаама и заточилъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей Россіи. Причиною паденія Варлаама былъ его прямой и твердый характеръ, подъ вліяніемъ котораго онъ говорилъ правду великому князю и не хотѣлъ знать никакихъ политическихъ разсчетовъ, если только они не согласовались съ требованіями совѣсти. По завѣщанію преподобнаго Іосифа Волоцкаго вел. кн. Василій Іоанновичъ принялъ подъ свое особенное покровительство Волоколамскій монастырь и называлъ себя «прикащикомъ» преподобнаго Іосифа. Онъ часто любилъ посѣщать этотъ монастырь и охотился въ его окрестностяхъ. Посѣщеніями великаго князя и воспользовался для своего возвышенія игуменъ Даніилъ. Тонкій по уму, гибкій по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, весьма честолюбивый, онъ сумѣлъ понравиться великому князю, слѣдствіемъ чего было возведеніе его на митрополію 27 февраля 1522 года. При этомъ замѣчательно то, что избраніе Даніила въ митрополиты совершилось единою волею великаго князя безъ всякаго участія собора епископовъ. На митрополичьей каѳедрѣ Даніилъ заявилъ себя типическою личностію іерарха—іосифлянина, бывшаго покорнымъ слугою великаго князя и безмолвнымъ свидѣтелемъ, а иногда и послушнымъ орудіемъ его нерѣдко очень суровой политики. Въ частной своей жизни онъ успѣлъ примирять требованія монашескаго аскетизма съ внѣшними благами и удобствами: онъ любилъ пышные выѣзды, богатыя одежды, хорошій столъ.

Вскорѣ по вступленіи на каѳедру митрополитъ Даніилъ обнаружилъ свои нравственныя качества. Въ 1523 году великій князь обратился къ сѣверскому князю Василію Шемятичу съ требованіемъ пріѣхать въ Москву, подозрѣвая его въ измѣнѣ. Чтобы успокоить сѣверскаго князя, Василій Іоанновичъ и митрополитъ напередъ выслали ему «опасныя» грамоты съ удостовѣреніемъ въ его личной безопасности, а митрополитъ, кромѣ того, взялъ его «на образъ Пречистыя, да на чудотворцевъ, да на свою душу». Эти торжественныя обѣщанія не помѣшали однако великому князю посадить въ тюрьму Василія Шемятича спустя только нѣсколько дней по пріѣздѣ его въ Москву. Къ сожалѣнію, митрополитъ, взявшій на свою душу сѣверскаго князя, нисколько не подумалъ объ исполненіи даннаго обѣщанія и ровно ничего не сдѣлалъ для его защиты. Весьма многіе изъ современниковъ рѣзко осуждали образъ дѣйствій и вѣроломство митрополита, обратившаго въ средство для обмана самый священный обычай русскаго народа.

Еще болѣе унизилъ свое нравственное достоинство Даніилъ, дозволивъ великому князю разводъ. Василій Іоанновичъ около двадцати лѣтъ жилъ въ супружествѣ съ Соломоніею Сабуровой, но бракъ ихъ оставался бездѣтнымъ. Желая во что бы то ни стало имѣть наслѣдника, великій князь задумалъ развестись съ своей женой и вступить въ новый бракъ, что было однако дѣломъ прямо противнымъ церковнымъ правиламъ. Митрополитъ, желая сначала отклонить отъ себя это щекотливое дѣло, посовѣтовалъ великому князю обратиться за разрѣшеніемъ къ восточнымъ патріархамъ. Василій Іоанновичъ дѣйствительно обращался съ просьбою о разводѣ къ патріархамъ и даже въ аѳонскіе монастыри, но какъ отъ первыхъ, такъ и отъ вторыхъ получилъ рѣшительный отказъ. Послѣ этого и митрополитъ совершенно безнаказанно могъ также отказать великому князю въ его просьбѣ. Но по своему характеру Даніилъ не былъ способенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а честолюбивое желаніе сохранить за собою высокій санъ и мелочное опасеніе лишиться благоволенія вели-

каго князя побудили его рѣшиться на поступокъ, противный ученію Евангелія и правиламъ церкви. Даніилъ дозволилъ разводъ и даже 21 января 1527 года самъ повѣнчалъ великаго князя съ Еленою Глинскою.

Допущенный митрополитомъ беззаконный разводъ великаго князя возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Особенно сильно возстала противъ несправедливыхъ дѣйствій князя и митрополита группа заволжскихъ старцевъ: Вассіанъ Косой, Максимъ Грекъ и пр. Люди строгихъ нравственныхъ правилъ видѣли въ поступкѣ митрополита предательство священныхъ правъ его сана. Но нашлись и такіе, которые, воспользовавшись разводомъ великаго князя, сами стали обращаться къ митрополиту съ такого же рода просьбою, такъ что послѣдній вынужденъ былъ литературнымъ путемъ останавливать подобныя попытки.

Незаконный разводъ великаго князя уронилъ въ глазахъ современниковъ авторитетъ митрополита, особенно среди боярства; одинъ бояринъ (Берсень-Беклемишевъ) оставилъ слѣдующій отзывъ о митрополитѣ Даніилѣ: «азъ того не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ: не вѣдаю деи митрополитъ, не вѣдаю простой чернецъ... не печалуется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьяхъ и печаловалися государю о всѣхъ людѣхъ». Другіе современники называли Даніила «потаковникомъ», въ совершенный контрастъ прежнимъ митрополитамъ—печаловникамъ.

Не смотря на враждебное отношеніе общества, Даніилъ пользовался большимъ значеніемъ въ дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ во все время княженія великаго князя Василія Іоанновича. Какъ церковный администраторъ, онъ заявилъ себя человѣкомъ партіи, проводя на всѣ высшія іерархическія должности людей своего направленія Въ свое семнадцатилѣтнее первосвятительство онъ сумѣлъ сообщить всей русской церковной іерархіи одинъ общій, вполнѣ соотвѣтствовавшій направленію Іосифа Волоцкаго, характеръ и тѣмъ самымъ на долгое время и послѣ себя удержалъ его въ русской церковной жизни.

Назначеніе Даніила митрополитомъ являлось ударомъ для бѣлозерскихъ старцевъ. Вассіанъ Косой и по смерти преподобнаго Іосифа продолжалъ изучать спорный вопросъ о вотчинныхъ правахъ монастырей. Онъ рѣшился даже составить новый сборникъ правилъ, на что и испросилъ благословеніе митрополита Варлаама. Сборникъ написанъ былъ Вассіаномъ въ 1517 году. Но онъ и послѣ того продолжалъ трудиться надъ его частными отдѣлами. При содѣйствіи Максима Грека Вассіанъ составилъ особый каноническій трактатъ, въ которомъ еще рѣшительнѣе выступилъ противъ вотчинныхъ правъ монастырей. Этотъ трактатъ онъ присоединилъ къ списку своей кормчей книги.—По пріѣздѣ въ Москву Максимъ Грекъ на первыхъ порахъ пользовался большимъ вниманіемъ великаго князя и митрополита Варлаама. Кромѣ переводовъ онъ занимался и исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ оказалась масса ошибокъ. Между Даніиломъ и Максимомъ Грекомъ установились на первыхъ порахъ сносныя отношенія, но не надолго. Въ 1524 году митрополитъ поручилъ Максиму перевести сочиненія Ѳеодорита еп. Кирскаго. Но тотъ отказался отъ перевода, высказывая опасеніе, что сочиненія Ѳеодорита могутъ быть опасны для простого малообразованнаго народа. Митрополитъ этимъ объясненіемъ не удовлетворился и трижды повторялъ Максиму свою просьбу, но напрасно. Настойчивый отказъ чувствительно задѣлъ самолюбіе Даніила. Возникшая отсюда вражда между нимъ и Максимомъ Грекомъ увеличивалась все болѣе и болѣе вслѣдствіе слишкомъ прямого характера святогорскаго инока, который въ своихъ сочиненіяхъ открыто осуждалъ несоотвѣтствовавшую званію жизнь митрополита и епископовъ. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются такія обличительныя мѣста, въ которыхъ легко можно видѣть указаніе на самаго митрополита Даніила.—Рѣзкія, хотя и правдивыя обличенія святогорца монашеской распущенности и роскоши епископовъ вооружили противъ него почти всю современную церковную іерархію. Противорѣчіе Максима Грека великому князю въ дѣлѣ его развода съ женою и близкая его связь съ нѣкоторыми опальными людьми (бояриномъ Ив. Берсень-Беклемишевымъ и дьякомъ Ѳедоромъ Жаренымъ) подорвали положеніе его въ глазахъ великаго князя и лишили его поддержки двора. А этого только и нужно было многочислен-

нымъ врагамъ святогорца. Въ маѣ мѣсяцѣ 1525 года открылся цѣлый рядъ соборовъ для суда надъ Максимомъ Грекомъ, на которыхъ роль судьи и обвинителя принадлежала митрополиту Даніилу. На соборѣ Максима обвиняли въ томъ, что онъ называлъ русскія богослужебныя книги испорченными и указывалъ на необходимость ихъ исправленія. Такой взглядъ на неудовлетворительное состояніе богослужебныхъ книгъ митрополитъ Даніилъ назвалъ „дерзкою хулою и злымъ мудрованіемъ“. Далѣе подсудимаго обвиняли въ разныхъ ошибкахъ, обнаружившихся въ его собственныхъ книжныхъ исправленіяхъ. Ошибки были совершенно естественны въ положеніи Максима, не знавшаго русскаго языка и переводившаго своимъ толмачамъ съ греческаго на латинскій, а эти послѣдніе уже съ латинскаго переводили на русскій. (Его обвиняли, напримѣръ, въ томъ, что онъ, вмѣсто «безстрастно Божество», написалъ „нестрашно Божество.“) Въ ряду другихъ обвиненій митрополитъ выставилъ противъ Максима его литературныя разсужденія о неприличіи монастырямъ владѣть землями и крестьянами, которыя, по мнѣнію обвинителя, были не чѣмъ инымъ, какъ злымъ еретическимъ мудрованіемъ и хулою на всю русскую церковь и всѣхъ русскихъ святыхъ. На соборахъ 1525 года Максиму поставили въ вину то, что онъ доискивался грамоты, которою утверждалась независимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, и, не доискавшись ея, сталъ называть самостоятельность русской церкви самочиніемъ и безчиніемъ. Подсудимый подтвердилъ возводимое на него обвиненіе. Догматическимъ заблужденіемъ Максима выставлено было ученіе о Христѣ, что сидѣніе Его одесную Отца есть минувшее, а не предвѣчное.—Это ученіе—дѣйствительно еретическое, но оно являлось лишь плодомъ малаго знакомства Максима съ русскимъ языкомъ. Когда на соборѣ изложили ему православное ученіе о предвѣчномъ сидѣніи и указали на его заблужденіе, то онъ сказалъ, что между православнымъ ученіемъ о сидѣніи одесную Бога Отца и его собственнымъ «разнствія никотораго нѣтъ». Но митрополитъ не хотѣлъ брать во вниманіе оправдывавшихъ подсудимаго обстоятельствъ. Судъ надъ Максимомъ окончился ссылкою его въ заточеніе въ Волоколамскій монастырь «для покаянія и исправленія», съ строгимъ запрещеніемъ ничего не писать и не сочинять. Во время своего заключенія въ Волоколамскомъ монастырѣ Максимъ переносилъ ужасныя страданія отъ голода, дыма, мороза, и по временамъ доходилъ даже до безчувственнаго состоянія.

Въ 1531 году надъ Максимомъ состоялся новый соборный судъ. Ближайшимъ поводомъ къ нему послужило обвиненіе политическаго характера въ связи его съ турецкимъ посломъ, а потомъ и оскорблявшее самолюбіе митрополита его поведеніе въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ онъ называлъ себя несправедливо осужденнымъ и, наконецъ, открывшіяся новыя ошибки въ его переводахъ. Главнымъ обвиненіемъ противъ Максима Грека послужилъ переводъ житія пресв. Богородицы, сочин. Метафраста, гдѣ находилась одна еретическая фраза. Шестилѣтнее заключеніе въ монастырѣ положило тяжелый отпечатокъ на всемъ складѣ его характера. Подъ конецъ соборнаго суда Максимъ созналъ себя виновнымъ «въ нѣкіихъ малыхъ описяхъ» и для большаго воздѣйствія на отцовъ собора трижды повергался ницъ предъ митрополитомъ, прося прощенія и снисхожденія. Но гордый и мстительный Даніилъ не зналъ добродѣтели великодушія. На униженіе подсудимаго онъ съ нескрываемою злобою и злорадствомъ отвѣчалъ: «достигоша тебе, окаянный, грѣси твои, о немъ же отрекися превести ми священную книгу блаженнаго Ѳеодорита!» Дѣйствовавшій подъ вліяніемъ митрополита соборъ снова осудилъ Максима и «аки хульника и священныхъ писаній тлителя», въ оковахъ, съ лишеніемъ права причастія Св. Таинъ, послалъ его во вторичное заточеніе уже въ тверской Отрочъ монастырь подъ надзоръ тамошняго епископа Акакія, бывшаго волоколамскаго постриженника. Святой, благородный характеръ Максима побудилъ его искать примиренія съ митрополитомъ Даніиломъ, когда тотъ уже былъ низложенъ съ каѳедры. Максимъ особымъ письмомъ просилъ низверженнаго митрополита «раззорить многолѣтнее свое негодованіе на него».

Вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ на соборѣ 1531 года привлеченъ былъ къ суду и Вассіанъ Косой. Противъ него были вы-

ставлены слѣдующія обвиненія: 1) присвоеніе Вассіаномъ, лицомъ не іерархическимъ, себѣ права учительства; хотя и обвинитель его, митрополитъ Данiилъ, въ своихъ сочиненіяхъ не всегда былъ вѣренъ высказанному имъ на соборѣ 1531 года отрицательному взгляду на право частнаго учительства не іерархическими лицами, 2) составленіе новаго сборника правилъ, хотя этотъ сборникъ съ дозволенія митрополита Варлаама написанъ былъ Вассіаномъ еще въ 1517 году и одинъ изъ списковъ котораго находился у великаго князя; да и самъ обвинитель Вассіана, будучи въ санѣ игумена Волоколамскаго монастыря, занимался также составленіемъ сборника правилъ: Вассіанъ судился за свою кормчую, главнымъ образомъ, настолько, насколько онъ въ ней отрицательно относился къ жгучему вопросу своего времени—вопросу о земельныхъ владѣніяхъ монастырей; 4) непочитаніе святыми недавно канонизованныхъ святыхъ: митр. Іоны и Макарія Калязинскаго: Вассіанъ на всѣ доводы митрополита въ защиту святости вновь причисленныхъ къ лику святыхъ мужей, съ ироніей замѣтилъ: «ино, господине, вѣдаетъ Богъ да ты и съ своими чудотворцы»; 5) рѣзкіе отзывы о неудовлетворительномъ состояніи церковно-богослужебныхъ книгъ въ Россіи; 6) еретическое ученіе о томъ, что воспринятое Іисусомъ Христомъ при рожденіи тѣло человѣческое совершенно отлично отъ тѣлъ всѣхъ другихъ людей; оно по существу своему нетлѣнно и было такимъ до воскресенія Спасителя. Въ судѣ надъ Вассіаномъ, кромѣ дѣйствительныхъ поводовъ къ обвиненію, обнаружилось и личное раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго митрополитъ унижалъ личность самого подсудимаго, называя его малоумнымъ и безумнымъ. Вассіанъ на соборѣ держалъ себя свободно и независимо, а по временамъ даже и дерзко, и на оскорбленіе отвѣчалъ оскорбленіемъ. Соборъ осудилъ Вассіана какъ еретика (что было вѣрно по отношенію къ лжеученію о плоти Христовой) на заточеніе, а митрополитъ Данiилъ постарался заранѣе приготовить ему мѣсто въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ онъ вполнѣ могъ положиться на бдительный надзоръ тамошнихъ иноковъ. Въ этомъ монастырѣ Вассіанъ и окончилъ свою многомятежную жизнь. Судъ надъ Вассіаномъ Косымъ—самый выдающійся и замѣчательный эпизодъ въ исторіи борьбы іосифлянъ и заволжскихъ старцевъ, который роковымъ образомъ окончился для послѣднихъ.

Время съ 1531 по 1533 года было самымъ цвѣтущимъ и замѣчательнымъ временемъ для митрополита Данiила. Значеніе его при дворѣ возросло вслѣдствіе отсутствія соперниковъ. За нѣсколько дней до начала торжества своего надъ Максимомъ и Вассіаномъ, митрополитъ Данiилъ канонизовалъ (1 мая 1531 года) преподобн. Пафнутія Боровскаго, учителя преп. Іосифа Волоцкаго.

Великій князь Василій Іоанновичъ (+3 декабря 1533 г.) умирая приказалъ «великую княгиню и дѣти своя отцу своему Данилу митрополиту». Исполняя волю умершаго, митрополитъ торжественно въ Успенскомъ соборѣ благословилъ малолѣтняго Іоанна IV на великое княженіе. Правленіе государствомъ перешло въ руки боярской думы, гдѣ засѣдалъ и митрополитъ, но прежнимъ государственнымъ значеніемъ онъ уже не пользовался. При жизни правительницы Елены онъ еще прочно держался на мѣстѣ, но положеніе его въ боярской думѣ было болѣе пассивнымъ. Это видно изъ того уже, что онъ не могъ защитить отъ происковъ бояръ дмитровскаго князя Юрія Ивановича, великаго благодѣтеля Волоколамскаго монастыря и его самаго. Въ 1534 году, Данiилъ въ угоду правительницѣ и боярамъ, послалъ наказъ старицкому князю Андрею Ивановичу, чтобы онъ явился въ Москву, причемъ бралъ его «на свои руки», угрожая въ противномъ случаѣ церковнымъ отлученіемъ. Но князь Андрей добровольно не явился, былъ схваченъ и умеръ въ тюрьмѣ. Слабость государственнаго значенія Данiила выразилась въ томъ, что въ 1535 году явилось враждебное церкви узаконеніе, запрещавшее монастырямъ покупать и брать въ закладъ или на поминъ души вотчинныя земли служилыхъ людей безъ вѣдома правительства. Въ слѣдующемъ году боярское правительство отобрало значительную часть церковныхъ земель въ Новгородѣ.—По смерти правительницы Елены (3 апр. 1538 г), образовались двѣ боярскія партіи: Шуйскихъ и Бѣльскихъ, которыя враждовали между собою, и каждая изъ нихъ старалась захватить власть въ свои руки. Положеніе Данiила сдѣлалось критическимъ. Лишившись всякой

опоры, онъ не зналъ, къ какой сторонѣ примкнуть. Онъ сталъ на сторону князя Ивана Бѣльскаго, но партія Бѣльскаго пала, Шуйскіе восторжествовали. Даніилъ ожидалъ своего паденія отъ насилія Шуйскихъ. Въ январѣ 1539 года онъ разослалъ окружное посланіе своей паствѣ «о смиреніи, о соединеніи, и о согласіи и любви, и о соблюденіи православныя вѣры и закона», въ которомъ съ чувствомъ любвелобильнаго отца и съ убѣдительностію лучшаго проповѣдника изобразилъ «вину лѣтъ сихъ и временъ» и осуждалъ «несогласія и пререканія, раздѣленія же и распренія». Вскорѣ послѣ паденія Бѣльскаго, Даніилъ 2 февраля 1539 года насильственно сведенъ былъ съ митрополіи княземъ Иваномъ Шуйскимъ и сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Шуйскій употребилъ еще новое насиліе надъ митрополитомъ, потребовавъ отъ него отреченную грамату, въ которой Даніилъ, какъ будто, самъ добровольно отказывался отъ митрополіи. Грамота была подписана Даніиломъ 26 марта, тогда какъ еще 6 февраля избранъ и посвященъ былъ его преемникъ Іоасафъ Скрипицынъ, по воззрѣніямъ склонявшійся въ пользу идей заволжцевъ. Но строгій и благочестивый Іосафъ оказался неудобнымъ для Шуйскаго и его сторонниковъ. Увидѣвъ свою ошибку, Шуйскій въ 1542 году свергъ Іоасафа съ митрополіи и на его мѣсто возвелъ архіепископа новгородскаго Макарія, іосифлянина по воззрѣніямъ и по воспитанію. Такимъ образомъ, Даніилъ своею административною и литературною дѣятельностью подготовилъ и заранѣе опредѣлилъ характеръ рѣшеній Стоглаваго собора. По удаленіи съ митрополіи, Даніилъ остальную жизнь провелъ въ Волоколамскомъ монастырѣ въ полной безвѣстности. Здѣсь онъ написалъ не дошедшую до насъ «Духовную», которая, можетъ быть, представляла изъ себя аналогическій видъ съ духовной или монастырскимъ уставомъ преп. Іосифа Волоцкаго. Даніилъ умеръ 22 мая 1547 года. Онъ былъ погребенъ въ маломъ придѣлѣ главной церкви на правой сторонѣ близъ алтаря. Къ сожалѣнію, потомство не сохранило никакихъ слѣдовъ отъ гробницы митрополита Даніила.

Митрополитъ Даніилъ замѣчателенъ своими многочисленными сочиненіями. Ему принадлежитъ «Соборникъ», состоящій изъ шестнадцати «Словъ». Большая часть этихъ «Словъ» написана съ политическими цѣлями. Въ четырехъ «Словахъ» Соборника (V, VI, VII и XI) излагается догматическое ученіе, пятое Слово «о воплощеніи» написано въ опроверженіе ереси Вассіана Косаго, шестое «о неизреченной милости Владыки Христа» и седьмое «о премудрости смотрѣнія Господня вочеловѣченія» составлены противъ догматическихъ заблужденій жидовствующихъ; одиннадцатое «Слово» о промыслѣ Божіемъ «написано противъ утвердившагося тогда въ русскомъ народѣ ожиданія кончины міра и противъ вѣры въ силу астрологическихъ предсказаній. Первое «Слово» Даніиловскаго «Соборника»: «О ложныхъ пророкахъ и о ложныхъ учителяхъ, и объ истинныхъ учителяхъ» направлено противъ тайной пропаганды жидовствующими своего лжеученія. Здѣсь для противодѣйствія успѣхамъ еретической пропаганды авторъ совѣтуетъ, послѣ того какъ всѣ мѣры испробованы и остались безъ результата, производить раздоръ, вражду между еретиками. Осьмое «Слово» Даніиловскаго «Соборника» подъзаглавіемъ: «На враговъ Божіихъ» посвящено обсужденію вопроса объ отношеніи къ упорнымъ, открытымъ еретикамъ, для которыхъ писатель требуетъ, хотя только въ самомъ крайнемъ случаѣ, строгихъ мѣръ со стороны гражданскаго начальства. Даніилъ въ вопросѣ объ отношеніи къ еретикамъ, сравнительно съ Іосифомъ Волоцкимъ, отличается большею умѣренностью своихъ требованій. Точно также съ полемическою цѣлію и ближайшимъ образомъ противъ жидовствующихъ направлены третье «Слово» «Соборника», излагающее ученіе о сохраненіи всѣхъ церковныхъ преданій и уставовъ, и четвертое «Слово», содержащее въ себѣ ученіе о крестномъ знаменіи и обращеніи въ молитвахъ на востокъ. Четвертое «Слово» митрополита Даніила, въ которомъ нашло себѣ мѣсто ученіе о двуперстіи, пользуется особеннымъ уваженіемъ у раскольниковъ.

Остальныя заключающіяся въ Даніиловскомъ «Соборникѣ» восемь «Словъ» посвящены изложенію нравственнаго ученія, подвергавшагося со стороны современниковъ разнымъ извращеніямъ и превратнымъ толкованіямъ. Такъ, тринадцатое «Слово» содержитъ въ себѣ опроверженіе установившагося въ обществѣ взгляда о невозмож-

ности полученія спасенія въ мірѣ; двѣнадцатое—предлагаетъ ученіе о всеобщей обязательности всего христіанскаго закона въ опроверженіе мнѣнія тѣхъ односторонних людей, которые составили себѣ взглядъ на необязательность для мірянъ нѣкоторыхъ требованій христіанской нравственности; четырнадцатое, пятнадцатое и шестнадцатое «Слова» написаны противъ разводовъ; девятое и десятое—противъ пересудовъ, ябедничества и доносовъ; второе—противъ вражды.

По формѣ «Слова» Даніила всегда раздѣляются на три части: первая часть—самостоятельная, относящаяся болѣе или менѣе къ темѣ «Слова»; вторая представляетъ изъ себя рядъ однихъ свидѣтельствъ изъ священнаго писанія и свято-отеческой литературы, иногда очень обширной; третья часть, озаглавливаемая обыкновенно «наказаніемъ», состоитъ всегда изъ нравственныхъ наставленій и не отличается единствомъ предмета, равно какъ и не находится въ связи съ общею темою. Это—не болѣе, какъ самостоятельныя поученія, очень цѣнныя для характеристики русскаго общества XVI вѣка. Ни одинъ церковный писатель не оставилъ намъ такого подробнаго и разносторонняго описанія нравовъ своего времени, какъ митрополитъ Даніилъ. Въ своихъ поученіяхъ онъ обличаетъ пьянство, разгулъ, увеселенія и роскошь въ высшемъ русскомъ обществѣ; рельефно описываетъ типъ современнаго франта и волокиты, выщипывавшаго себѣ бороду и усы, румянившагося, подобно женщинамъ, щеголявшаго малымъ размѣромъ ноги и красотою своихъ разноцвѣтныхъ сапоговъ. Особенно онъ вооружается противъ современнаго разврата. Авторъ касается и другихъ ненормальныхъ сторонъ современной жизни: поединковъ, угнетенія низшихъ классовъ высшими, взяточничества судей и властей, положенія женщины въ обществѣ и семьѣ, воспитанія дѣтей, положенія рабовъ и т. п.

Кромѣ «Соборника» съ шестнадцатью словами, существуетъ еще особый сборникъ съ четырнадцатью посланіями Даніила. Посланія эти слѣдующія: 1) въ общежительный монастырь св. Николая во Владимірѣ на Волосовѣ о сохраненіи монастырскаго устава; 2) къ епископу, обвиняемому въ лихоимствѣ; 3) посланіе къ тому-же епископу о необходимости имѣть попеченіе о себѣ и о пастырствѣ; 4) о скоротечности земной жизни; 5) о видахъ монашества: общежитіи и скитствѣ; 6) о дѣвствѣ и супружествѣ; 7) посланіе въ Волоколамскій монастырь о строгомъ соблюденіи правилъ общежитія и противъ имѣнія монахами личной собственности; 8) о страшномъ судѣ; 9) «о наказаніи» (о страхѣ Божіемъ); 10) о вредѣ бесѣдъ съ женщинами и съ женовидными юношами; 11) посланіе о цѣломудріи и чистотѣ; 12) о цѣломудренномъ и благоговѣйномъ житіи; 13) о цѣломудріи и чистотѣ и о храненіи дѣвства (въ этомъ посланіи находится неправильное мнѣніе о допустимости скопчества) и 14) посланіе о духовномъ вниманіи, трезвеніи и бреженіи.—Всѣ эти посланія помѣщены въ одномъ сборникѣ. Но отъ Даніила сохранилось еще нѣсколько посланій, разсѣянныхъ по разнымъ рукописнымъ сборникамъ, Эти посланія слѣдующія: 1) окружное посланіе, писанное въ январѣ 1539 г. 2) посланіе къ Діонисію Звенигородскому о христіанскомъ несеніи скорбей и о послушаніи игумену; 3) посланіе князю Юрію Ивановичу Дмитровскому—о постѣ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы; 4) посланіе къ лицу неизвѣстному о блудныхъ помыслахъ; 5) посланіе къ нѣкоторому христолюбцу, вопросившему его о здравіи; 6) наказъ кн. Андрею Старицкому.

Кромѣ словъ и посланій, Даніилу принадлежатъ: отреченная грамота «духовная» (или монастырскій уставъ), не сохранившаяся, семь поученій, извѣстныхъ только по названію (въ собраніи Строева), сборникъ актовъ, грамотъ и дарственныхъ записей, относящихся къ каѳедрѣ митрополита московскаго и собраніе кормчей книги. По порученію Даніила сдѣланъ былъ въ 1534 году переводъ съ нѣмецкаго языка лѣчебника (иначе травника).

В. Жмакинъ: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія» М. 1881 г. Евгеній Болховитиновъ: Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. ч. I. Спб., 1818 г. 114—115. Филаретъ Черниговскій: Обзоръ русской духовной литературы. Бѣляевъ: Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ Извѣстіяхъ Император. Академіи Наукъ по отдѣленію русск. языка и словесности, т. V. 1856 г. 194—209. Горскій и Новоструевъ: Описаніе рукописей Син. библ, отд. II, кн. III, м. 1862 г. № 237, 147—164. Русская проповѣдь въ XI и XVI вѣковъ (Журн. мин. народн. пр., 1868 г., ч. 137—

опоры, онъ не зналъ, къ какой сторонѣ примкнуть. Онъ сталъ на сторону князя Ивана Бѣльскаго, но партія Бѣльскаго пала, Шуйскіе восторжествовали. Даніилъ ожидалъ своего паденія отъ насилія Шуйскихъ. Въ январѣ 1539 года онъ разослалъ окружное посланіе своей паствѣ «о смиреніи, о соединеніи, и о согласіи и любви, и о соблюденіи православныя вѣры и закона», въ которомъ съ чувствомъ любвелобильнаго отца и съ убѣдительностію лучшаго проповѣдника изобразилъ «вину лѣтъ сихъ и временъ» и осуждалъ «несогласія и пререканія, раздѣленія же и распренія». Вскорѣ послѣ паденія Бѣльскаго, Даніилъ 2 февраля 1539 года насильственно сведенъ былъ съ митрополіи княземъ Иваномъ Шуйскимъ и сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Шуйскій употребилъ еще новое насиліе надъ митрополитомъ, потребовавъ отъ него отреченную грамату, въ которой Даніилъ, какъ будто, самъ добровольно отказывался отъ митрополіи. Грамота была подписана Даніиломъ 26 марта, тогда какъ еще 6 февраля избранъ и посвященъ былъ его преемникъ Іоасафъ Скрипицынъ, по воззрѣніямъ склонявшійся въ пользу идей заволжцевъ. Но строгій и благочестивый Іосафъ оказался неудобнымъ для Шуйскаго и его сторонниковъ. Увидѣвъ свою ошибку, Шуйскій въ 1542 году свергъ Іоасафа съ митрополіи и на его мѣсто возвелъ архіепископа новгородскаго Макарія, іосифлянина по воззрѣніямъ и по воспитанію. Такимъ образомъ, Даніилъ своею административною и литературною дѣятельностью подготовилъ и заранѣе опредѣлилъ характеръ рѣшеній Стоглаваго собора. По удаленіи съ митрополіи, Даніилъ остальную жизнь провелъ въ Волоколамскомъ монастырѣ въ полной безвѣстности. Здѣсь онъ написалъ не дошедшую до насъ «Духовную», которая, можетъ быть, представляла изъ себя аналогическій видъ съ духовной или монастырскимъ уставомъ преп. Іосифа Волоцкаго. Даніилъ умеръ 22 мая 1547 года. Онъ былъ погребенъ въ маломъ придѣлѣ главной церкви на правой сторонѣ близъ алтаря. Къ сожалѣнію, потомство не сохранило никакихъ слѣдовъ отъ гробницы митрополита Даніила.

Митрополитъ Даніилъ замѣчателенъ своими многочисленными сочиненіями. Ему принадлежитъ «Соборникъ», состоящій изъ шестнадцати «Словъ». Большая часть этихъ «Словъ» написана съ политическими цѣлями. Въ четырехъ «Словахъ» Соборника (V, VI, VII и XI) излагается догматическое ученіе, пятое Слово «о воплощеніи» написано въ опроверженіе ереси Вассіана Косаго, шестое «о неизреченной милости Владыки Христа» и седьмое «о премудрости смотрѣнія Господня вочеловѣченія» составлены противъ догматическихъ заблужденій жидовствующихъ; одиннадцатое «Слово» о промыслѣ Божіемъ «написано противъ утвердившагося тогда въ русскомъ народѣ ожиданія кончины міра и противъ вѣры въ силу астрологическихъ предсказаній. Первое «Слово» Даніиловскаго «Соборника»: «О ложныхъ пророкахъ и о ложныхъ учителяхъ, и объ истинныхъ учителяхъ» направлено противъ тайной пропаганды жидовствующими своего лжеученія. Здѣсь для противодѣйствія успѣхамъ еретической пропаганды авторъ совѣтуетъ, послѣ того какъ всѣ мѣры испробованы и остались безъ результата, производить раздоръ, вражду между еретиками. Осьмое «Слово» Даніиловскаго «Соборника» подъзаглавіемъ: «На враговъ Божіихъ» посвящено обсужденію вопроса объ отношеніи къ упорнымъ, открытымъ еретикамъ, для которыхъ писатель требуетъ, хотя только въ самомъ крайнемъ случаѣ, строгихъ мѣръ со стороны гражданскаго начальства. Даніилъ въ вопросѣ объ отношеніи къ еретикамъ, сравнительно съ Іосифомъ Волоцкимъ, отличается большею умѣренностью своихъ требованій. Точно также съ полемическою цѣлію и ближайшимъ образомъ противъ жидовствующихъ направлены третье «Слово» «Соборника», излагающее ученіе о сохраненіи всѣхъ церковныхъ преданій и уставовъ, и четвертое «Слово», содержащее въ себѣ ученіе о крестномъ знаменіи и обращеніи въ молитвахъ на востокъ. Четвертое «Слово» митрополита Даніила, въ которомъ нашло себѣ мѣсто ученіе о двуперстіи, пользуется особеннымъ уваженіемъ у раскольниковъ.

Остальныя заключающіяся въ Даніиловскомъ «Соборникѣ» восемь «Словъ» посвящены изложенію нравственнаго ученія, подвергавшагося со стороны современниковъ разнымъ извращеніямъ и превратнымъ толкованіямъ. Такъ, тринадцатое «Слово» содержитъ въ себѣ опроверженіе установившагося въ обществѣ взгляда о невозмож-

ности полученія спасенія въ мірѣ; двѣнадцатое—предлагаетъ ученіе о всеобщей обязательности всего христіанскаго закона въ опроверженіе мнѣнія тѣхъ односторонникъ людей, которые составили себѣ взглядъ на необязательность для мірянъ нѣкоторыхъ требованій христіанской нравственности; четырнадцатое, пятнадцатое и шестнадцатое «Слова» написаны противъ разводовъ; девятое и десятое—противъ пересудовъ, ябедничества и доносовъ; второе—противъ вражды.

По формѣ «Слова» Даніила всегда раздѣляются на три части: первая часть—самостоятельная, относящаяся болѣе или менѣе къ темѣ «Слова»; вторая представляетъ изъ себя рядъ однихъ свидѣтельствъ изъ священнаго писанія и свято-отеческой литературы, иногда очень обширной; третья часть, озаглавливаемая обыкновенно «наказаніемъ», состоитъ всегда изъ нравственныхъ наставленій и не отличается единствомъ предмета, равно какъ и не находится въ связи съ общею темою. Это—не болѣе, какъ самостоятельныя поученія, очень цѣнныя для характеристики русскаго общества XVI вѣка. Ни одинъ церковный писатель не оставилъ намъ такого подробнаго и разносторонняго описанія нравовъ своего времени, какъ митрополитъ Даніилъ. Въ своихъ поученіяхъ онъ обличаетъ пьянство, разгулъ, увеселенія и роскошь въ высшемъ русскомъ обществѣ; рельефно описываетъ типъ современнаго франта и волокиты, выщипывавшаго себѣ бороду и усы, румянившагося, подобно женщинамъ, щеголявшаго малымъ размѣромъ ноги и красотою своихъ разноцвѣтныхъ сапоговъ. Особенно онъ вооружается противъ современнаго разврата. Авторъ касается и другихъ ненормальныхъ сторонъ современной жизни: поединковъ, угнетенія низшихъ классовъ высшими, взяточничества судей и властей, положенія женщины въ обществѣ и семьѣ, воспитанія дѣтей, положенія рабовъ и т. п.

Кромѣ «Соборника» съ шестнадцатью словами, существуетъ еще особый сборникъ съ четырнадцатью посланіями Даніила. Посланія эти слѣдующія: 1) въ общежительный монастырь св. Николая во Владимірѣ на Волосовѣ о сохраненіи монастырскаго устава; 2) къ епископу, обвиняемому въ лихоимствѣ; 3) посланіе къ тому-же епископу о необходимости имѣть попеченіе о себѣ и о пастырствѣ; 4) о скоротечности земной жизни; 5) о видахъ монашества: общежитіи и скитствѣ; 6) о дѣвствѣ и супружествѣ; 7) посланіе въ Волоколамскій монастырь о строгомъ соблюденіи правилъ общежитія и противъ имѣнія монахами личной собственности; 8) о страшномъ судѣ; 9) «о наказаніи» (о страхѣ Божіемъ); 10) о вредѣ бесѣдъ съ женщинами и съ женовидными юношами; 11) посланіе о цѣломудріи и чистотѣ; 12) о цѣломудренномъ и благоговѣйномъ житіи; 13) о цѣломудріи и чистотѣ и о храненіи дѣвства (въ этомъ посланіи находится неправильное мнѣніе о допустимости скопчества) и 14) посланіе о духовномъ вниманіи, трезвеніи и бреженіи.—Всѣ эти посланія помѣщены въ одномъ сборникѣ. Но отъ Даніила сохранилось еще нѣсколько посланій, разсѣянныхъ по разнымъ рукописнымъ сборникамъ, Эти посланія слѣдующія: 1) окружное посланіе, писанное въ январѣ 1539 г. 2) посланіе къ Діонисію Звенигородскому о христіанскомъ несеніи скорбей и о послушаніи игумену; 3) посланіе князю Юрію Ивановичу Дмитровскому—о постѣ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы; 4) посланіе къ лицу неизвѣстному о блудныхъ помыслахъ; 5) посланіе къ нѣкоторому христолюбцу, вопросившему его о здравіи; 6) наказъ кн. Андрею Старицкому.

Кромѣ словъ и посланій, Даніилу принадлежатъ: отреченная грамота «духовная» (или монастырскій уставъ), не сохранившаяся, семь поученій, извѣстныхъ только по названію (въ собраніи Строева), сборникъ актовъ, грамотъ и дарственныхъ записей, относящихся къ каѳедрѣ митрополита московскаго и собраніе кормчей книги. По порученію Даніила сдѣланъ былъ въ 1534 году переводъ съ нѣмецкаго языка лѣчебника (иначе травника).

В. Жмакинъ: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія» М. 1881 г. Евгеній Болховитиновъ: Словарь о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. ч. I. Спб., 1818 г. 114—115. Филаретъ Черниговскій: Обзоръ русской духовной литературы. Бѣляевъ: Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ Извѣстіяхъ Император. Академіи Наукъ по отдѣленію русск. языка и словесности, т. V. 1856 г. 194—209. Горскій и Новоструевъ: Описаніе рукописей Син. библ., отд. II, кн. III, м. 1862 г. № 237, 147—164. Русская проповѣдь въ XI и XVI вѣковъ (Журн. мин. народн. пр., 1868 г., ч. 137—

138 свящ. П. Ѳ. Николаевскаго. Митрополитъ Макарій: Исторія русской церкви т. VI и VII. Свящ. Гинбовъ: Даніилъ м. московскій, какъ проповѣдникъ.—Рязан. еп. вѣдомости 1874 г. № 6. XXV-е присужденіе премій графа Уварова Академіею Наукъ. *В. Жмакинъ.*

Даніилъ *(Наттокъ-Михайловскій* или *Мирдамскій)*, архіепископъ могилевскій (1755—1821 гг.), „природою малороссіянинъ", сынъ священника, родился въ 1755 году. Образованіе получилъ въ кіевской академіи, въ 1780 г. постригся тамъ въ монашество съ именемъ Даніила, нѣкоторое время учительствовалъ и былъ намѣстникомъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря. Въ 1786 г. былъ назначенъ игуменомъ Георгіевскаго лебединскаго монастыря, въ 1796 г. опредѣленъ старшимъ игуменомъ виленскихъ монастырей, присутствующимъ въ минской консисторіи и ректоромъ семинаріи, а въ 1797 г. возведенъ въ санъ архимандрита виленскаго Свято-Духова монастыря. Въ 1800 г. вызванъ въ С.-Петербургъ для исполненія чреды священнослуженія и 1 марта былъ назначенъ настоятелемъ Назаретъ-Богородичнаго нѣжинскаго монастыря, а въ слѣдующемъ году перемѣщенъ въ каменецъ-подольскій Троицкій монастырь, состоя и присутствующимъ въ консисторіи. 20 декабря 1805 г. состоялся Высочайшій указъ о назначеніи архимандрита Даніила епископомъ волыно-житомірскимъ (1 февр. 1806 г. было назначеніе, а 2 февр. хиротонія). 1813 г. 6 іюля епископъ Даніилъ былъ перемѣщенъ на могилевскую каѳедру, гдѣ незадолго предъ симъ бывшій архіепископъ Варлаамъ (Шишацкій) со всѣмъ духовенствомъ присягнулъ Наполеону. Смущенное духовенство недружелюбно встрѣтило новаго архипастыря, и на первыхъ порахъ у преосвященнаго Даніила было много заботъ, но онъ ревностно принялся за дѣло, и вскорѣ все приведено было въ должный порядокъ. Въ 1816 г. 2 марта онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а 31 мая 1821 г. скончался. Это былъ архипастырь твердый, стойкій и законовѣдъ.

(Дѣла арх. Св. Син. 1800 г. № 111; 1805 г. № 581; 1813 г. №№ 372, 402, 636; 1816 г. № 304; 1821 г. № 671; Волынскія епарх. вѣдом. 1869 г. № 24). *Здр.*

Даніилъ, епископъ смоленскій (1375—1397 гг.). О немъ извѣстно, что въ епископа онъ хиротонисанъ около 1375 года, но въ 1382 г. уѣхалъ изъ Смоленска въ Москву и тамъ остался; великій князь Дмитрій Донской далъ ему въ епаршеское владѣніе городъ Звенигородъ, и Даніилъ именовался „владыкою звенигородскимъ". Скончался въ Чудовѣ монастырѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1397 года.

Строевъ: „Списки іерарховъ" Спб. 1877 г. Діевъ: „Повѣрка іерархич. каталоговъ" рукоп. синод. архивъ и др.). *Здр.*

Даніилъ, епископъ суздальскій 1346—1362 гг.). Епископъ Даніилъ былъ хиротонисанъ на суздальскую каѳедру около 1349 года, но вскорѣ, послѣ вступленія въ управленіе епархіею, началъ дѣло о возвратѣ ему тѣхъ селъ, которыми раньше владѣли суздальскіе архіереи и которыя при возстановленіи епархіи были оставлены за княземъ; когда же и по просьбѣ его села не были возвращены, то Даніилъ простеръ гнѣвъ свой на княжескихъ бояръ и отлучилъ ихъ отъ церкви. За это и самъ былъ отлученъ митрополитомъ, и только въ 1351 г., по просьбѣ князя, митрополитъ снялъ съ него отлученіе, „и тогда пріявъ древній свой санъ", возвратился въ Суздаль, но былъ недолго; въ 1352 г. удалился на покой и скончался въ 1362 году.

Строевъ, „Списки іерарховъ" Спб. 1877 г. Діевъ, „Повѣрка іерархич. католич". (рукоп. синод. арх). Титовъ—„Суздальская іерархія" Москва, 1892 г.). *3 др.*

Даніилъ, костромской протопопъ, одинъ изъ первыхъ расколоучителей, ближайшій другъ Аввакума, вмѣстѣ съ которымъ, при началѣ Никоновой реформы, въ 1653 г., подалъ царю Алексѣю Михаловичу челобитную „о двуперстномъ сложеніи и поклонахъ", до насъ не дошедшую. Челобитная эта однако осталась безъ послѣдствій. Вскорѣ началось преслѣдованіе раскола, и Даніилъ пострадалъ однимъ изъ первыхъ; онъ былъ схваченъ, торжественно разстриженъ Никономъ, посаженъ сначала въ хлѣбопекарню Чудова монастыря, потомъ сосланъ въ Астрахань и посаженъ въ земскую темницу, гдѣ его, по словамъ Аввакума, уморили.

Главныя свѣдѣнія о Даніилѣ даетъ житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное (Субботинъ. Матеріалы исторіи раскола. Москва. 1879 г. т. V стр. 19). См. еще Виноградъ Духовный или Виноградъ Россійскій, соч. Семена Денисова (Александръ Б. Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Часть I. Спб. 1861 г. стр. 132). А. Бороздинъ.

Протопопъ Аввакумъ. Спб. 1898 г. стр. 12, 14, 20—22, 61—64, 94 и т. д. Приложеніе стр. 94—95. Макарій, Исторія русской церкви т. XII. Филаретъ Гумилевскій, Исторія русской церкви. Москва 1895 г. изд. Тузова. Пыпинъ, Сводный старообрядческій Синодикъ въ памятникахъ древней письменности. 1883 г. стр. 45. Спб.

Даніилъ-Бирюковскій, московскій мѣщанинъ, расколоучитель Ѳедосѣевской секты, „мужъ ученый, хорошихъ дарованій и твердой памяти, имѣлъ чистое сердце, веселый духъ, однако порабощенъ былъ гордостью, честолюбіемъ и презрѣніемъ къ ближнимъ," какъ характеризуетъ его старообрядческій біографъ Павелъ Любопытный, р. въ 1763, умеръ въ 1811 г. Бирюковскому принадлежитъ пользующееся у ѳедосѣевцевъ большою популярностью сочиненіе „Оплотъ", также множество различныхъ посланій. Изъ другихъ сочиненій важенъ его „Уставъ о пищѣ, винѣ и елеѣ на цѣлый годъ". Впослѣдствіи Даніилъ перешелъ въ православіе и былъ монахомъ Троицко-Сергіевской лавры до самой смерти, и хотя, по словамъ Любопытнаго, собирался снова перейти въ старообрядчество, но обстоятельства помѣшали этому.

«Ист. Сл. старообрядческой церкви», соч. II, Любопытнымъ въ Петрополѣ 1823 г. Москва 1853 г. Брокг. Энц. слов., т. X, стр. 91.

Даніилъ-Викулинъ (1653—1739) родился въ Новгородѣ и былъ дьячкомъ церкви Шунскаго погоста. Когда съ 1681 г. усилилось преслѣдованіе раскола, онъ бѣжалъ; за нимъ была послана погоня, но онъ успѣлъ скрыться; затѣмъ, по приказанію своего духовнаго отца Досиѳея, отправился въ Выговскую пустынь, основанную дьякономъ Игнатіемъ Соловецкимъ. Здѣсь онъ однако жилъ недолго, такъ какъ участіе въ одномъ вооруженномъ столкновеніи съ царскими войсками, во время котораго Даніилъ съ товарищами отбилъ одного изъ раскольниковъ, возбудило противъ него новыя преслѣдованія, вслѣдствіечего онъ снова бѣжалъ и около десяти лѣтъ скитался по разнымъ пустынямъ, послѣ чего снова возвратился къ Игнатію. По смерти послѣдняго (Игнатій «ожегся» съ 2700 человѣкъ) Даніилъ съ оставшейся братіей нѣсколько лѣтъ бродилъ по разнымъ мѣстамъ и, наконецъ, въ 1665 году основалъ на рѣкѣ Выгѣ (въ нынѣшнемъ повѣнецкомъ у. олонецкой губ.) монастырь, получившій названіе Данилова скита и въ продолженіе сорока лѣтъ былъ въ немъ „киновіархомъ". Вскорѣ Викулинъ пригласилъ къ себѣ знаменитаго въ исторіи раскола Андрея Денисова, который и сдѣлался фактически управителемъ скита, хотя номинально власть „большака" всегда принадлежала Даніилу. Подъ ихъ управленіемъ община сильно разрослась и сдѣлалась средоточіемъ поморскихъ раскольниковъ. Съ воцареніемъ Петра I преслѣдованіе раскола уменьшилось, и Выговской общинѣ указомъ отъ 1705 г. было дано почти полное самоуправленіе, взамѣнъ чего она была обязана платить подати и работать въ желѣзныхъ рудникахъ (послѣднее, впрочемъ, не исполнялось). Когда же съ 1714 г. Петръ измѣнилъ свое отношеніе къ расколу, на Выговскую пустынь посылался цѣлый рядъ доносовъ; Даніила сажали въ тюрьму, вызывали въ Петербургъ для „исправленія", но выговцамъ постоянно удавалось подкупать вельможъ, и потому всѣ преслѣдованія оканчивались благополучно. Даніилъ умеръ въ глубокой старости восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Историкъ Выговской пустыни, ближайшій другъ Викулина, Иванъ Филипповъ, хвалитъ его начитанность, литературный талантъ, мягкость характера и умѣнье ладить со всѣми. Даніилъ извѣстенъ, кромѣ того, еще какъ основатель особаго толка Поморцевъ-Даниловцевъ, которые отъ другихъ безпоповскихъ сектъ отличаются тѣмъ, что, вмѣсто надписи на крестѣ I. Н. Ц. I. пишутъ Ц. С. I. Х. (Царь Славы Іс. Хр.) и избѣгаютъ пить и ѣсть съ православными.

«Исторія Выговской пустыни» Ивана Филиппова, СПБ. 1862 г. Абрамовъ: «Выговскіе піонеры» («От. Зап.» 1884 г., кн. 3 и 4) Арсеньевъ: «Выгорѣцкіе совратители» (Ист. Вѣстн. 1883 г. № 9 стр. 600 - 645]. Есиповъ: Раскольничьи дѣла XVIII в.» ч. I СПБ. 1861 г. Н. Барсовъ: «Братья» Андрей и Семенъ Денисовы, М. 1866 г. Филаретъ: «Исторія русской церкви», М., 1895 г. стр. 653 П. Любопытный: Истор. словарь старообрядческой церкви М. 1863 г. Брокгаузъ, Энц. словарь, т. X. *Н. Р.*

Даніилъ Заточникъ, авторъ извѣстнаго „Моленія", или „Слова". Біографическихъ данныхъ о Даніилѣ Заточникѣ не имѣется никакихъ. Изъ его произведенія можно лишь заключить, что онъ былъ молодой дружинникъ, за что-то прогнѣвившій своего князя и сосланный на Лачъозеро (олонецкой губерніи) или Бѣлоозеро, откуда и написалъ свое „Моленіе", желая смягчить гнѣвъ князя и склонить его къ

прощенію. „Моленіе“ безспорно обнаруживаетъ въ его авторѣ большую начитанность въ тогдашней духовной письменности и несомнѣнный литературный талантъ. Что касается опредѣленія имени князя, къ которому обращено „Слово“, и времени составленія послѣдняго, то это остается до спхъ поръ вопросомъ открытымъ. Дѣло въ томъ, что „Слово“ Даніила Заточника дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ, не всегда сходныхъ между собою. Первая редакція, признаваемая древнѣйшей, извѣстна по тремъ спискамъ: Толстовскому (теперь Императорской публичной библіотеки) начала XVII в., копенгагенской публичной библіотеки XVII в. и библіотеки с.-петербургской духовной академіи, тоже XVII в. Списковъ второй редакціи два: Ундольскаго (теперь Румянцевскаго Музея) XV в. и Чудовской библіотеки XV в. Извѣстные еще списки: казанской духовной академіи и гр. Д. Н. Толстого признаются за передѣлки „Слова“, какъ утратившія многія древнія черты памятника. Толстовскій списокъ не даетъ имени князя, къ которому направлено „Моленіе“, оно называетъ его сыномъ великаго царя Владиміра. Списокъ копенгагенскій и академическій называютъ князя прямо Ярославомъ Володимировичемъ, „сыномъ великаго царя Володиміра“. Въ обоихъ спискахъ второй редакціи „Моленіе“: адресовано къ Ярославу Всеволодовичу. Изслѣдователи: И. И. Срезневскій, О. Ѳ. Миллеръ и И. Я. Порфирьевъ настаивали натомъ, что „Слово“ адресовано къ Ярославу, сыну Владиміра Мстиславича, внуку Владиміра Мономаха, княжившему въ XII в. Но ихъ мнѣніе значительно поколеблено и Е. Модестовымъ и А. Лященко, причемъ послѣдній не безъ основанія называетъ, какъ болѣе правильное,—имя князя Ярослава Всеволодовича (1191 — 1246), бывшаго княземъ новгородскимъ и переяславскимъ (Переяславля-Южнаго), что даетъ также возможность согласить его мнѣніе съ мнѣніями предыдущихъ изслѣдователей относительно мѣста ссылки, именно Лачъ-озера, принадлежавшаго къ новгородской области. Что Лачъ-озеро могло быть мѣстомъ ссылки Даніила, подтверждается и слѣдующими словами лѣтописца (под. 1378 г.): „изымоша... попа... и послаша на Лачъ-озеро, идѣ-же бѣ Данило Заточникъ“. При этомъ вполнѣ правдоподобнымъ является мнѣніе г. Лященко, подтверждаемое и новѣйшимъ изслѣдователемъ Гуссовымъ, что „Слово“—памятникъ начала XIII в. Оба названные автора указываютъ и на причину ссылки Даніила, именно трусость его на войнѣ. Стоявшій за бо́льшую древность списковъ второй редакціи проф. Безсоновъ, который впервые подробно указалъ и источники „Слова“, утверждалъ, что ни одна изъ дошедшихъ до насъ редакцій не можетъ быть признана древнѣйшей, а являются передѣлками не дошедшаго до насъ и адресованнаго къ Андрею Юрьевичу „Моленія“. Но это положительно отвергается почти всѣми. Въ самое послѣнее время г. Гуссовъ утверждалъ большую древность и важность списковъ второй редакціи. Наконецъ, запутанность вопроса объ имени князя вызвала такія крайнія мнѣнія, по одному изъ которыхъ—Даніилъ Заточникъ лицо вымышленное, и посланіе его, какъ принадлежащее одному изъ членовъ младшей дружины, есть не болѣе, какъ выраженіе взглядовъ, господствовавшихъ между членами дружины (Е. Модестовъ), а по другому—„Слово“ представляетъ собою переработку поэмъ греческаго хрониста XII в. Максима Глики, а частями его современника Ѳедора Птохопродрома, и Даніилъ Заточникъ есть одно лицо съ Даніиломъ Несчастнымъ, дворяниномъ народныхъ сказаній (г. Щуратъ). То и другое мнѣніе являются совершенно изолированными и встрѣтили серьезный отпоръ. Очевидно, что „Слово“ Даніила Заточника есть частное посланіе дружинника къ князю, написанное съ извѣстною цѣлью и вызванное дѣйствительнымъ фактомъ. Такъ какъ цѣлью его было умилостивить князя, то онъ и начинаетъ «Моленіе» восхваленіемъ князя; затѣмъ, послѣ неудачнаго подражанія псалмамъ, авторъ описываетъ свое горькое положеніе на озерѣ Лачѣ, послѣ чего и обращается съ просьбою о помилованіи, приводя оправданія своей вины и вмѣстѣ съ тѣмъ обоснованія причинъ, почему князь долженъ дорожить такимъ человѣкомъ, какъ авторъ «Слова». Въ концѣ помѣщены краткіе отвѣты на предполагаемые недовѣрчивые вопросы князя. Заключая свое желаніе, авторъ написалъ: «ни за море ходилъ, ни отъ философіи научился, но яко пчела по моимъ книгамъ собиралъ сладость словесную и разумъ... Сія суть

словеса, да не уже много глаголю». Въ нѣкоторыхъ спискахъ имѣются еще въ концѣ послѣ приведенныхъ словъ разсужденія о злыхъ женахъ и о монашеской жизни, но они обыкновенно считаются позднѣйшими вставками.

Въ виду того, что въ „Словѣ“ много притчъ чисто-русскихъ, народныхъ, ясно видно его самостоятельное происхожденіе и значеніе какъ важнаго историко-литературнаго памятника конца XII или начала XIII в.

Изданія „Моленія“: 1) Карамзина въ „Исторіи Государства Россійскаго“, т. VIII (1819 г.); 2) Калайдовича, въ „Памятникахъ россійской словесности XII в.“ (М., 1821 г.); 3) И. Сахарова, въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, т. I (Спб., 1841 г.); 4) И. И. Срезневскаго, въ „Извѣстіяхъ Импер. Академіи Наукъ по Второму Отдѣленію“, т. X (Спб., 1862 г.); 5) Ундольскаго, въ „Русской Бесѣдѣ,“ 1856 г., кн. II; 6) Порфирьева, въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, 1882 г., т. II; 7) Графа Толстаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1842 г. т. XXII; 8) Попова, въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс.“, 1883 г., т. II, и 9) „Слово Даніила Заточника“ (по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ) съ предисловіемъ и примѣчаніями И. А. Шляпкина (въ „Памятникахъ древней письменности“, XXXI Спб. 1889 г.).

Изслѣдованія „Моленія Даніила Заточника“: 1) „О Словѣ Даніила Заточника (параллель, ныя мѣста изъ Пчелы XVII в.) въ „Москвитянинѣ“, 1843 г., № 9; 2) И. И. Срезневскій: „О видоизмѣненіяхъ Слова Даніила Заточника“ (Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. IX); 4) Безсоновъ: „О Словѣ Даніила Заточника“ (Москвитянинъ, 1856 г., № 7 и 8); 5) Е. Модестовъ: „О посланіи Даніила Заточника“ („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1880 т., №II); 6) О. Ѳ. Миллеръ: „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности“, ч. I, изд. 2-е (Спб., 1865 г.); 7) Щуратъ: Памятка старорусской литературы конца среднихъ вѣковъ „Слово Даніила Заточника“ (въ „Запискахъ наукового товарищества имени Шевченка“, 1896 г., т. IX); 8) А. І. Лященко: „О моленіи Даніила Заточника“ (въ „Jahresbericht der Reformirten Kirchenschule für $1885_{95}/_{96}$ гг.“ (Спб. 1896 г.), и 9) Гуссовъ: „Къ вопросу о редакціяхъ“ Моленія „Даніила Заточника“. (Одесса, 1899 г.). *В. Р-въ.*

Даніилъ *Матвѣевъ* (1686 — 1761), расколоучитель поморянъ,—безпоповцевъ, пользовавшійся большой извѣстностью среди московскихъ, астраханскихъ и даже польскихъ раскольниковъ. Извѣстенъ, главнымъ образомъ, своими сочиненіями о бракѣ, законность котораго онъ отрицалъ, и многочисленными посланіями противъ ѳедосѣевцевъ. Главнѣйшія сочиненія Д. Матвѣева: „Книга съ замѣчаніями на скрижаль“, „Жезлъ правленія и цвѣтъ“ и „О трисоставномъ крестѣ“.

О немъ см. Старообрядческій ловарь П. Любопытнаго 1863 г. стр. 21 и Филаретъ (Гумилевскій) Обзоръ дух. литер., изд. 3, 1884 г., стр. 377.

Даніилъ-Паломникъ, игуменъ, родоначальникъ древне-русской паломнической литературы. Болѣе или менѣе точныхъ біографическихъ данныхъ о немъ не имѣется вовсе; неизвѣстно даже. какого монастыря онъ былъ игуменомъ. Н. М. Карамзинъ отожествилъ его съ епископомъ Даніиломъ, поставленнымъ въ Юрьевѣ-Южномъ въ 1115 году и умершимъ въ 1122 г. Паломникомъ онъ называется благодаря своему путешествію въ Царь-градъ и Св. землю, которое и описалъ въ своемъ знаменитомъ „Хожденіи“. Это-то произведеніе и является единственнымъ источникомъ свѣдѣній о Даніилѣ, „игуменѣ руськыя земли“, какъ онъ называетъ самъ себя, но свѣдѣній лишь предположительныхъ, приблизительныхъ. Изъ упоминанія въ „Хожденіи“ именъ нѣкоторыхъ южнорусскихъ князей имени Балдуина, а также правителя Константинополя, съ войскомъ котораго Даніилъ сдѣлалъ одно изъ своихъ „странствій“, можно вывести, что времени его путешествія относится или къ 1106—1108 гг., или къ 1113—1115 гг. Первое предположеніе, по мнѣнію акад. А. Н. Пыпина, правдоподобнѣе. Въ одномъ мѣстѣ своего „Хожденія“ онъ сравниваетъ р. Іорданъ съ р. Сновью, и на основаніи этого прежніе изслѣдователи, не предполагавшіе существованія рѣкъ съ подобнымъ названіемъ въ другихъ губерніяхъ, кромѣ черниговской, считали Даніила уроженцемъ черниговской губерніи. Только довольно частое наименованіе себя русскимъ и упоминаніе именъ однихъ южнорусскихъ князей даетъ намъ болѣе прочное основаніе утверждать, что онъ былъ и уроженецъ одного изъ южныхъ или юго-западныхъ княжествъ. Такъ какъ путешествіе Даніила начинается и заканчивается Царьградомъ, то думаютъ, что оно совершено имъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ византійской столицѣ. „Хожденіе“ дошло до насъ въ массѣ списковъ (новѣйшій издатель его, Веневитиновъ, собралъ до 70; впослѣдствіи было отыскано еще нѣсколько, но древнѣйшій изъ нихъ не восходитъ далѣе начала

XV в.) и подъ различными заглавіями: „Книга, глаголемая Странникъ“, „Житіе и хожденіе Даніила, игумена русьскыя земли“, „Сказаніе Даніила игумена“ и т. п.— По своему составу оно стало какъ бы типическимъ образцомъ позднѣйшихъ произведеній этого рода. Въ немъ нѣтъ описанія особенностей природы, политическаго состоянія видѣнныхъ земель, быта или нравовъ населенія, а все его содержаніе заключается въ точномъ указаніи, какъ добраться до Святыхъ мѣстъ, и въ подробнѣйшемъ описаніи самыхъ мѣстъ, которыя авторъ перечисляетъ по порядку, приводя все достопримѣчательное, при чемъ по поводу каждой мѣстности вспоминаетъ библейскую или евангельскую исторіи. Самый разсказъ отличается большою простотой и точностью сообщаемыхъ свѣдѣній, такъ какъ Даніилъ описывалъ только то, что самъ видѣлъ или слыхалъ отъ „свѣдущихъ“ людей. Эти свойства разсказа, вмѣстѣ съ богатствомъ историческихъ и легендарныхъ свѣдѣній, сдѣлали „Хожденіе“ на столько любимой книгой, что оно ходило въ рукописяхъ еще въ началѣ XIX в. и было не только назидательнымъ чтеніемъ, но и путеводителемъ для предпринимающихъ путешествія къ Святымъ мѣстамъ. Въ историко-литературномъ отношеніи „Хожденіе“ представляетъ большой интересъ: какъ литературный памятникъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ нашей письменности, оно важно, какъ первый опытъ развившейся потомъ паломнической литературы, отразившій на себѣ современныя черты, быта, понятій, стиля и языка. Не маловажно и археологическое его значеніе въ ряду средневѣковыхъ описаній Святой земли вообще; много, наконецъ, въ немъ свѣдѣній и для исторической топографіи Палестины.

Изданія „Хожденія“: 1) въ „Исторіи Государства Росс.“ Н. М. Карамзина (1818); 2) Н. Власовъ, „Путешествія русскихъ людей въ чужія земли“ (Спб., 1837 г., ч. I; 3) Сахаровъ, „Путешествіе русскихъ людей по Святой землѣ“ (Спб., 1839 г., ч. I); 4) Сахаровъ, „Академія русскаго народа“ (Спб., 1849 г., т. II); 5) „Путешествіе игумена Даніила по Святой землѣ въ началѣ XII вѣка“. Издано Археографической коммисіей подъ ред. А. С. Норова, съ его критическими примѣчаніями (Спб., 1864 г.); 6) „Pelerinage en terre Sainte de l'igouméne Daniel au commencement du XII siécle, traduit par Abraham Noroff“ (Спб., 1864 г.); 7) греческій переводъ изданія А. Норова, сдѣланный Е. Маттеа. Спб., 1867 г.; 8) „Die Pilgerfahrt des russischen Abtes Daniel ins Heilege Land 1113—1115. Uebersetzt von A. Leskien“ (Лейпцигъ, 1884 г.; см. рецензію Веневитинова по поводу этого изданія въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1884 г., № 8), и 9) „Житіе и хожденіе Данила Русьскыя земли игумена. 1106—1108 гг.“ Издано подъ редакціей М. А. Веневитинова въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ“, вып. III и IX (Спб., 1883 и 1885 г.) (это новѣйшее и лучшее изданіе).

Изслѣдованія „Хожденія“: 1) Муравьевъ, „Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ“ (Спб. 1885 г., стр. VII XXXI); Веневитиновъ, „Хожденіе игумена Даніила въ Святую землю въ началѣ XII в.“ (Спб., 1877 г.); его-же, „Замѣтки Хожденія игумена Даніила“ („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1883 г, № 5 и 1887 г., № 1); его-же, „Передѣлка „Хожденія“ Даніила игумена въ Сборникъ св. Дмитрія Ростовскаго“ („Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1889 г., т. III); его-же, „Хожденіе“ игумена Даніила въ изданіи И. Сахарова“ (М., 1889 г.); Л. Н. Майковъ, „Старинные русскіе паломники въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества“ („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1884 г., № 7); Н. В. Рузскій, „Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ „Хожденіе“ въ Святую землю русскаго игумена Даніила въ началѣ XII вѣка“ („Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс.“, 1891 г., т. III), и А. Н. Пыпинъ: „Исторія русской литературы“, т. I (Спб., 1898 г.), гдѣ самый подробный разборъ „Хожденія“ изъ всѣхъ курсовъ русской литературы. *В. Р-въ.*

Даніилъ (въ мірѣ—*Димитрій Сивилловъ*), архимандритъ, синологъ, профессоръ казанскаго университета (1798—1871 гг.) .Сынъ причетника, Димитрій родился въ октябрѣ 1898 года въ селѣ Всесвятскомъ, городищенскаго уѣзда пензенской губерніи; въ сентябрѣ 1818 г. поступилъ въ пензенскую, гимназію, гдѣ ему дана была фамилія Сивилловъ, а въ 1818 году изъ богословскаго класса отправленъ былъ въ Петербургъ для обученія медицинѣ. Въ 1819 г. 14 марта онъ возвратился въ духовное званіе, поступивъ въ Александроневскую семинарію, но въ томъ же году 6 декабря отправленъ съ миссіею въ Пекинъ, для чего 14 сентября постригся въ монашество съ именемъ Даніила, 28 сентября рукоположенъ въ іеродіакона и 1 октября—въ іеромонаха. Въ 1820 г. 1 декабря прибылъ въ Пекинъ, гдѣ съ 1821 г. состоялъ казначеемъ и членомъ совѣта русской миссіи, изучилъ китайскій языкъ и занимался подробнымъ изслѣдованіемъ конфуціанскаго, буддійскаго и таотзскаго вѣроученія; плодомъ этихъ

занятій были сочиненія, о которыхъ рѣчь ниже. Его стараніями устроены въ Пекинѣ, среди жилищъ Албазинцевъ, храмъ и нѣсколько зданій для членовъ миссіи и для училища; возобновленъ и украшенъ Срѣтенскій монастырь при посольскомъ домѣ. Съ большими похвалами отъ китайскаго правительства возвратился онъ въ половинѣ марта 1832 г. въ Петербургъ и далъ отчетъ о своей дѣятельности по возвращенію въ православіе Албазинцевъ, по крещенію китайцевъ и по устройству училища для христіанскихъ дѣтей. Даніилъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст., ему была назначена пенсія въ 650 р. въ годъ, и онъ былъ произведенъ въ архимандрита московскаго Златоустова монастыря. Съ 5 іюля 1835 г. онъ состоялъ членомъ московской духовной консисторіи; въ Златоустовѣ монастырѣ онъ возобновилъ Троицкую церковь, устроилъ ограду и выстроилъ новый каменный домъ. Въ 1837 г. 11 мая архимандритъ Даніилъ назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ китайскаго языка въ казанскій университетъ и данъ ему въ управленіе Предтечевъ монастырь въ Казани; тамъ же онъ безвозмездно преподавалъ китайскій языкъ въ гимназіи. Въ 1842 г. онъ избранъ въ дѣйствительные члены конференціи новооткрытой казанской дух. академіи, а въ 1844 г. 7 апрѣля, по его собственному желанію, перемѣщенъ въ Преображенскій монастырь иркутской епархіи и тамъ, 24 августа, назначенъ старшимъ миссіонеромъ для обращенія въ православіе монголобурятъ и русскихъ раскольниковъ (вѣтковцевъ), поселенныхъ въ Забайкальскомъ краѣ. Въ 1846 г. архимандритъ Даніилъ сдѣланъ былъ благочиннымъ надъ монастырями и перемѣщенъ въ Троицкій селенгинскій монастырь; въ то же самое время состоялъ и первоприсутствующимъ Верхнеудинскаго дух. правленія, а съ 1850 г.—благочиннымъ надъ Верхнеудинскими градскими и единовѣрческими церквами. Въ 1855—1862 гг. архимандритъ Даніилъ былъ послѣдовательно уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей; 28 мая 1863 г. онъ прибылъ въ Петербургъ и 9 августа назначенъ настоятелемъ Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря ярославской епархіи, съ возложеніемъ на него съ 1864 г. и обязанностей благочиннаго надъ угличскими монастырями. Скончался архимандритъ Даніилъ въ 1871 году.

Труды его были слѣдующіе: „О религіяхъ въ Китаѣ“ (въ рукоп.), переводы съ китайскаго на русскій: „Философія Конфуція“, „Ученіе философа Лаотзе, основателя религіи Тао“, „Древняя лѣтопись“, „Собраніе древнихъ стихотвореній“, „Исторія Китая“, „Нравственная философія“, „Буддійскій катехизисъ“; съ русскаго на китайскій—Посланія ап. Павла, молитвы и Стоглавникъ св. Геннадія; съ еврейскаго на русскій нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта; составилъ „Священную статистику Израильскаго царства въ древности“ (въ рукоп.); съ французскаго на русскій—„Путешествіе Гюка“, съ греческаго—„Канонъ св. Андрея Критскаго“ и др. съ латинскаго—„Похвальное слово „Трояну“, съ французскаго—поэму „Авель“; напечаталъ въ дух. журналахъ статьи объ Амурѣ, о монашествѣ, объ улучшеніи быта сельскаго духовенства и мн. др.

(„Архим. Даніилъ“—Душеполезное Чтеніе 1893 г. №№ 7 и 8). *Здр.*

Даніилъ *(Черный)*, инокъ—иконописецъ московскаго Спасо-Андроникова монастыря († 1427 г.). Въ числѣ учениковъ основателя Спасо-Андроникова монастыря, въ 1360—1404 гг., были чудные и знаменитые живописцы Даніилъ Черный и ученикъ его Андрей Рублевъ, отличавшіеся строгою жизнію, Въ ранней молодости Даніилъ постригся въ монашество. Иконописцы изъ Спасо-Андроникова монастыря приглашались для росписанія храмовъ и въ другія мѣста. Такъ, Даніиломъ Чернымъ и Андреемъ Рублевымъ росписаны: въ 1408 г. соборъ Божіей Матери во Владимірѣ, въ 1423—1424 гг. Троицкій храмъ въ Сергіевомъ монастырѣ и въ 1425—1426 гг. Спасовъ храмъ въ Андрониковомъ монастырѣ. Скончались оба иконописца въ 1427 году.

(Историч. опис. москов. Спасо-Андроникова монастыря). *Здр.*

Даніилъ *Александровичъ*, князь московскій, сынъ великаго князя Александра Ярославича Невскаго и супруги его, княгини Вассы, род. въ 1261 г., умеръ 5 марта 1303 г.

Князь Даніилъ, родоначальникъ князей московскихъ, впослѣдствіи государей и царей „всея Руси“—первый виновникъ усиленія московскаго княжества; ему, какъ младшему сыну Александра Невскаго, до-

стался незначительный удѣлъ — городъ Москва съ тянувшимися къ ней землями. Первоначальную территорію московскаго княжества въ XIII в. можно съ вѣроятностью опредѣлить такъ: на западѣ граница его начиналась при впаденіи р. Рузы въ р. Москву, поднималась по Рузѣ къ сѣв.-зап., затѣмъ круто поворачивала на сѣв.-востокъ по водораздѣлу правыхъ притоковъ Волги, рѣкъ Ламы и Дубны, съ одной стороны и лѣвыхъ притоковъ Москвы и Клязьмы съ другой; перейдя рѣчку Шерну, притокъ Клязьмы, граница поворачивала на югъ, между рѣчками Гжелкой и Перской пересѣкала Москву и, дойдя на югѣ до водораздѣла правыхъ притоковъ Москвы и лѣвыхъ притоковъ Оки, направлялась на западъ по самому водораздѣлу, упиралась въ рѣчку Нару (притокъ Оки) и, повернувъ къ сѣверу, подходила къ устью Рузы; слѣдовательно въ составъ Московскаго княжества XIII вѣка входили теперешніе уѣзды: московскій, звенигородскій, рузскій, южная часть дмитровскаго, богородскій, бронницкій и подольскій. Небольшое это княжество занимало важное стратегическое и, отчасти, торговое положеніе: оно граничило съ княженіями: рязанскимъ, смоленскимъ, тверскимъ, переяславскимъ и владимірскимъ; черезъ г. Москву пролегали наиболѣе удобные пути изъ южной и западной Руси и земли рязанской въ землю ростово - суздальскую; по Окѣ, Москвѣ, ея притоку Сходнѣ, Ламѣ, Волгѣ и Тверцѣ шелъ водный торговый путь изъ южной Руси къ Новгороду.

Умный и энергичный князь Даніилъ понялъ значеніе своей вотчины: будучи слишкомъ молодымъ и (по родовымъ понятіямъ) слишкомъ слабымъ для того, чтобы домогаться великокняжескаго стола, онъ примкнулъ къ союзу младшихъ князей, чтобы ослабить власть и значеніе великаго князя; такъ, въ 1282 г., онъ, въ союзѣ съ братьями Андреемъ Городецкимъ и Святославомъ Тверскимъ и новгородцами, дѣйствуетъ противъ великаго князя Димитрія Александровича; но когда, въ 1294 г., Андрей Александровичъ Городецкій окончательно сѣлъ на великокняжескомъ столѣ, то очень скоро между нимъ и прежними его союзниками произошло нелюбіе; для прекращенія вражды князья сѣверной Руси съѣхались во Владимірѣ 1296 г., при чемъ кн. Даніилъ, вмѣстѣ съ кн. Михаиломъ Тверскимъ и Иваномъ Димитріевичемъ Переяславскимъ, былъ противъ великаго князя; заключенное въ присутствіи татарскаго посла, при участіи духовенства, примиреніе оказалось непродолжительнымъ; кн. Иванъ Переяславскій поспѣшилъ въ Орду, и вел. князь сдѣлалъ было попытку захватить его вотчину, Переяславль (Залѣсской), но князья тверской и московскій преградили ему дорогу. Отстаивая дружно свои вотчины отъ великаго князя, младшіе князья дѣятельно хлопотали объ увеличеніи ихъ. Кн. Даніилъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ особенно удачно: въ 1301 г. онъ воевалъ съ Константиномъ, княземъ рязанскимъ, разбилъ его у Переяславля (рязанскаго) и взялъ въ плѣнъ; слѣдствіемъ этой побѣды и было, вѣроятно, присоединеніе къ Москвѣ Коломны и Серпухова.— Князья рязанскіе были старинными врагами князей владимірскихъ, потомковъ Всеволода III; воюя съ ними и расширяя свои владѣнія на счетъ ихъ, кн. Даніилъ не встрѣчалъ противодѣйствія со стороны своихъ родичей — князей; скорѣе, напротивъ, онъ могъ разсчитывать на ихъ содѣйствіе. Въ 1302 г. умеръ бездѣтнымъ старый союзникъ московскаго князя, кн. Иванъ Димитріевичъ Переяславскій: свою вотчину, Переяславль, онъ завѣщалъ кн. Даніилу. Хотя вел. кн. Андрей и пытался было снова захватить Переяславль, но кн. Даніилу, опиравшемуся на сочувствіе Переяславцевъ, удалось утвердить тамъ свою власть; любопытно, однако, что Переяславль не былъ присоединенъ къ Москвѣ и впослѣдствіи не считался московскимъ городомъ (см. духовныя Калиты): онъ остался въ числѣ городовъ владимірскихъ. Скончался кн. Даніилъ 5 марта 1303 г., принявъ передъ смертью постриженіе и схиму. Современныя лѣтописи сохранили намъ немного извѣстій о кн. Даніилѣ. Въ эпоху ослабленія родовыхъ отношеній, господства физической силы, кн. Даніилъ является типичнымъ представителемъ сѣверорусскаго князя, блюдущаго интересы своей семьи и вотчины; съ несомнѣнною политическою ловкостью онъ дѣйствуетъ сначала съ Андреемъ Городецкимъ противъ старшаго брата, Димитрія, потомъ съ сыномъ этого Димитрія противъ прежняго союзника,—кн. Андрея; кн. Константина

рязанскаго Даніилъ плѣнилъ „нѣкоею хитростью“. Не возвышаясь надъ нравственнымъ уровнемъ современниковъ, кн. Даніилъ превосходилъ ихъ ловкостью и умомъ: дѣтямъ своимъ онъ передалъ Московское княженіе увеличенное, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ того, что онъ самъ получилъ отъ отца, и тѣмъ подготовилъ успѣхи своихъ преемниковъ. У кн. Даніила осталось пять сыновей: Юрій, Иванъ (Калита), Александръ, Аѳанасій и Борисъ. Похороненъ былъ кн. Даніилъ въ деревянной церкви св. Михаила, стоявшей на мѣстѣ нынѣшняго Архангельскаго собора. Іоаннъ Грозный возобновилъ пришедшій въ совершенный упадокъ Даниловъ монастырь, основаніе котораго приписывается кн. Даніилу.

Лѣтописи: Лаврентьевская Академич. спис., Никоновская, Воскресенская Софійская и др Въ исторической литературѣ о кн. Даніилѣ писано много: 1) въ общихъ трудахъ по Русской исторіи,—Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., т. IV, Соловьевъ, Ист. Росс. т. III, гл. IV, Бестужевъ-Рюминъ, Русс. Ист. т. I, гл. VII, Иловайскій, Ист. Росс., т. I и 2) въ трудахъ, посвященныхъ первоначальной исторіи Московскаго княжества: Погодина, «О Москвѣ» (Ист.—крит. отр. I), Станкевича «О причинахъ пост. возвышенія Москвы (Уч. зап. Моск. Унив. 1834 г.) Вишняковъ: О возвыш. Моск. княж. и др.

С. Середонинъ.

Даніилъ *Борисовичъ*, князь суздальско-нижегородскій, старшій изъ двухъ сыновей Бориса Константиновича. Впервые упоминается подъ 1392 г., когда былъ взятъ подъ стражу и высланъ Московскимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ; затѣмъ подъ 1411 г., когда, при помощи жукотинскихъ болгаръ, разбилъ при с. Лысковѣ дмитровскаго князя Петра Дмитріевича, родного брата московскаго князя; далѣе—подъ 1412 г., когда его объявилъ нижегородскимъ княземъ кипчакскій ханъ, Зелень-Салтанъ, но не надолго: черезъ два года Даніилъ и братъ его Иванъ были погнаны за вѣру,—и наконецъ подъ 1417 г., когда добровольно явился въ Москву къ Василію Дмитріевичу, но на другой же годъ оттуда убѣжалъ. Нижегородскій столъ наслѣдовалъ его сынъ Александръ,

А. Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г.“ (Спб. 1891 г).

Даніилъ *Романовичъ*, Галицкій, старшій сынъ удѣльнаго князя Волынскаго и Галицкаго Романа Мстиславовича, правнука Мономаха, родился въ 1201 г. Въ 1205 г. Романъ поссорился съ польскимъ княземъ Лешкомъ, съ которымъ до того времени жилъ дружно, и предпринялъ походъ въ Польшу, но въ сраженіи при Завихвостѣ на Вислѣ былъ убитъ. Послѣ него остались вдова и малолѣтніе сыновья Даніилъ и Василько. На первыхъ порахъ какъ населеніе родового удѣла (Волыни), такъ и галичане признали княземъ Даніила, причемъ до его совершеннолѣтія управлять должны были во Владимірѣ-Волынскѣ дядька малолѣтняго князя Мирославъ, а въ Галичѣ народное вѣче или, вѣрнѣе, нѣсколько бояръ и богачей, вліявшихъ на вѣче по своему произволу. Между тѣмъ Рюрикъ Ростиславовичъ Кіевскій, котораго Романъ въ 1203 г. лишилъ удѣла и постригъ въ монахи, снялъ монашеское одѣяніе, снова овладѣлъ кіевскимъ престоломъ и, соединившись съ князьями черниговскими, а также съ половцами, предпринялъ покореніе всего наслѣдія Романа. Вдовствующая княгиня галицкая, не полагаясь на вѣрность галичанъ, обратилась подъ защиту Андрея, короля венгерскаго, съ которымъ Романъ Мстиславовичъ однажды побратался. Король дѣйствительно заступился за Романычей и, повидавшись съ княгиней въ Санокѣ, послалъ сильное венгерское войско противъ Рюрика. Половцы тотчасъ же покинули союзныхъ князей, а Рюрикъ и черниговскіе князья принуждены были отступить. Но какъ только венгерскія войска ушли изъ Галича, война возобновилась. На этотъ разъ къ Рюрику пристали, кромѣ прежнихъ союзниковъ, князь смоленскій и берендѣи. Въ самомъ Галичѣ вспыхнуло возстаніе бояръ, враждебныхъ дому Романа. Въ добавокъ съ поляками все еще не былъ заключенъ миръ, и слѣдовало ожидать, что князь Лешко примкнетъ къ союзникамъ. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи княгиня снова обратилась къ покровительству короля Андрея, но тотъ не могъ ей своевременно помочь, потому что самъ былъ стѣсненъ внутренними раздорами въ Венгріи, и вдова съ дѣтьми принуждена была бѣжать во Владиміръ-Волынскій. Вскорѣ и это убѣжище оказалось ненадежнымъ: во главѣ возставшихъ галичанъ былъ бояринъ Володиславъ, изгнанный когда-то Романомъ и спознавшійся въ землѣ сѣверской съ Игоревичами; онъ подалъ мысль

позвать этихъ князей а когда они отдѣлились отъ отца и прибыли въ Галичъ, старшій, Владиміръ Игоревичъ, былъ посаженъ на галицкомъ столѣ, второму, Роману Игоревичу, дали Звенигородъ, а третьему, Святославу Игоревичу, рѣшено было отдать Владиміръ-Волынскій. Довольный такимъ рѣшеніемъ галичанъ, Игорь со своими союзниками, пріостановился въ походѣ, и волынцамъ было послано сказать: „Выдайте намъ Романовичей и примите княземъ Святослава, а то города вашего на свѣтѣ не будетъ". Узнавъ объ этомъ, вдова съ дѣтьми и съ дядькою Мирославомъ бѣжала ночью чрезъ проломъ въ городской стѣнѣ и, не зная гдѣ искать защиты, прибѣгла къ покровительству польскаго князя Лешка, съ которымъ велась еще война. Лешко принялъ ее съ рыцарскимъ великодушіемъ и вмѣстѣ съ ея младшимъ сыномъ Васильком оставилъ ее у себя, а старшаго, Даніила, отправилъ къ королю Андрею, побуждая того вторично вступиться за Романычей. Но Андрей, задобренный Игоревичами, отказался отъ вмѣшательства, и Даніилъ остался воспитываться при его дворѣ. Василька Лешко отдалъ въ ленъ Брестъ, куда и перебралась вдова Романа со своимъ младшимъ сыномъ.

Вскорѣ между Игоревичами начались междоусобія, въ которыхъ приняли участіе венгры и поляки. Во Владимірѣ-Волынскомъ утвердился (вмѣсто Святослава) Александръ Всеволодовичъ, племянникъ Романа и тесть Лешки. Галичъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ концѣ концовъ это надоѣло галицкимъ боярамъ: они выпросили у Андрея малолѣтняго Даніила и вторично посадили на галицкомъ столѣ, а Игоревичей схватили и повѣсили. Съ этого времени неурядицы въ Галичѣ только усилились. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду Даніилъ долженъ былъ бѣжать отъ хотѣвшихъ его убить заговорщиковъ къ матери, въ Бѣльзъ. На галицкомъ столѣ короткое время побылъ Мстиславъ Пересопницкій, потомъ вокняжился боярин Володиславъ, убійца Игоревичей; но Мстиславъ былъ прогнанъ, а Володислава Лешко взялъ въ плѣнъ и заточилъ. Тогда по уговору короля Андрея и Лешка на галицкій престолъ былъ возведенъ королевичъ венгерскій Коломанъ, обрученный съ трехлѣтней дочерью Лешка, а Даніилу былъ возвращенъ его родовой удѣлъ—Волынскій, изъ коего Александръ былъ изгнанъ (1214). Въ слѣдующемъ году Галичемъ овладѣлъ Мстиславъ Удалой, который выгналъ юнаго Коломана и самъ усѣлся на галицкомъ столѣ, а дочь свою Анну обручилъ съ Даніиломъ. Повидимому и это было устроено безпокойнымъ Лешкомъ. Но вскорѣ Мстиславъ поссорился съ нимъ и въ союзѣ съ юнымъ Даніиломъ началъ трудную войну противъ соединившихся поляковъ и венгерцевъ. Въ этой войнѣ Даніилъ самъ предводительствовалъ волынскою дружиной и выказалъ столько мужества, что внушилъ уваженіе всѣмъ противникамъ.

Въ 1116 г. Мстиславъ ушелъ въ Новгородъ, а Даніилъ помирился съ Лешкомъ, причемъ удержалъ за собою Берестье, Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовъ и всю польскую «Украйну», но Галича не получилъ: Галичъ снова достался Коломану.

Восемь лѣтъ спустя (1224 г.) Даніилъ участвовалъ въ битвѣ при Калкѣ и былъ раненъ въ грудь. Вернувшись домой, онъ снова началъ расширять свой родовой удѣлъ и подчинилъ себѣ Луцкъ, а у пинскихъ князей отнялъ Чарторыйскъ. Въ 1228 г., по смерти Мстислава Удалого, онъ овладѣлъ всѣмъ Понизьемъ. Тогда противъ него соединились князья: пинскіе, сѣверскіе и черниговскіе, позвавшіе съ собою и половцевъ. Но Даніилъ во-время узналъ о ихъ намѣреніяхъ и вступилъ въ союзъ съ поляками, а затѣмъ переманилъ на свою сторону и предводителя половцевъ Котяна. Нашествіе было отбито, и при этомъ Даніилъ выказалъ столько великодушія къ побѣжденнымъ, что сдѣлалъ изъ нихъ себѣ друзей. Съ этого времени во всѣхъ поступкахъ Даніила замѣтна необыкновенная для того времени дипломатическая ловкость и начинается его быстрое возвышеніе. Въ 1259 г. былъ убитъ Лешко, и Даніилъ явился уже покровителемъ брата Лешки, Конрада, противъ Владислава Опольскаго. Въ эту войну его побѣдоносныя дружины доходили до Калиша. На возвратномъ пути, воспользовавшись приглашеніемъ нѣсколькихъ недовольныхъ венграми галичанъ, онъ осадилъ Галичъ и, взявъ городъ изморомъ, сѣлъ на галицкій престолъ. При этомъ, вѣрный своему дипломатическому такту,

онъ придалъ видъ, что только повинуется желанію „всей земли галицкой“ и отпустилъ королевича съ честью. Тѣмъ не менѣе венгры подъ предводительствомъ Коломанова брата, Бѣлы, подступили къ Галичу и начали продолжительную осаду. Но счастье благопріятствовало Даніилу: стояли непрерывные дожди, и въ венгерскомъ войскѣ распространились такія болѣзни, что имъ пришлось снять осаду, а на обратномъ пути домой, вслѣдствіе тѣхъ же дождей и разлитія рѣкъ, венгерское войско еще болѣе пострадало въ Карпатахъ. Галичане преслѣдовали отступавшихъ и многихъ побили. Въ слѣдующемъ же году, воспользовавшись внутренними раздорами среди галицкихъ бояръ, венгры снова пошли на Галичъ, на этотъ разъ подъ предводительствомъ самого Андрея. Даніилъ, покинутый галицкой дружиной, долженъ былъ бѣжать въ Кіевъ. Княземъ галицкимъ былъ объявленъ второй королевичъ венгерскій, Андрей. Но не даромъ Даніилъ былъ мастеръ вести всякіе переговоры. Ему удалось уговорить Владиміра Кіевскаго придти къ нему на помощь, а затѣмъ онъ переманилъ на свою сторону князя Александра Бѣльзскаго и многихъ галицкихъ бояръ. Съ ними онъ осадилъ Галичъ, а когда вскорѣ умеръ королевичъ Андрей, убѣдилъ галичанъ сдаться и снова принять его княземъ.

Въ 1234 г. Даніилъ успѣшно воевалъ черниговскую землю и владѣнія князей бологовскихъ, но на обратномъ пути при Торческѣ былъ разбитъ половцами, призванными его врагами. Тотчасъ же въ Галичѣ вспыхнулъ мятежъ, провозглашенъ былъ новый князь (Михаилъ Черниговскій), и только черезъ годъ Даніилу удалось снова овладѣть ненадежнымъ галицкимъ престоломъ. Съ этого времени, не довѣряя измѣнчивымъ галичанамъ, онъ поселился въ основанномъ имъ городѣ Холмѣ. Въ 1236 году, послѣ смерти Владиміра Рюриковича, Даніилъ подчинилъ своей власти Кіевъ, послѣ чего онъ сталъ самымъ могущественнымъ государемъ среди славянъ и могъ явиться объединителемъ Руси. Въ его рукахъ объединенныя русскія силы врядъ-ли бы могли быть сломлены татарами. Но этому не суждено было осуществиться. Уже въ слѣдующемъ году татары, подъ предводительствомъ Батыя, разорили рязанскую землю, потомъ сожгли Москву, а въ 1238 г. истребили Владиміръ и разбили русскую рать на Сити. Болота и недостатокъ пастбищъ спасли отъ татаръ новгородскую землю; но тамъ, гдѣ татарамъ было чѣмъ кормить свой скотъ, они были неодолимы. Въ 1239 г. они разорили черниговскую землю и въ первый разъ подошли къ Кіеву, но, за поздними временемъ, не предприняли осады. Въ слѣдующемъ году они подошли вторично и обложили Кіевъ. Даніилъ предоставилъ оборону города тысяцкому Дмитрію. Онъ не надѣялся спасти городъ и, кажется, даже вывелъ большую часть жителей, оставивъ только ратныхъ людей. Самъ же онъ отправился въ Венгрію подъ предлогомъ сватовства сына, а главнымъ образомъ, чтобы склонить короля къ союзу противъ татаръ. Но онъ не зналъ изумительной быстроты движенія Батыя: прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вернуться, Кіевъ, Владиміръ-Волынскій, Галичъ и всѣ прочіе города его земли, за исключеніемъ неприступнаго Каменца, лежали въ развалинахъ, а уцѣлѣвшіе жители скрылись въ лѣсахъ. Бороться не было возможности. Желая удалить татаръ изъ своихъ земель, а можетъ быть, и досадуя на неоказавшихъ ему помощи венгровъ, Даніилъ старался направить опустошителей на Западъ, а плѣнный тысяцкій Дмитрій прямо посовѣтовалъ Батыю идти въ Венгрію, пока венгры и нѣмцы не соединились. Татары раздѣлились на двѣ части: одни пошли въ Венгрію, другіе въ Силезію и Моравію. Черезъ три года, убѣдившись въ трудности войны вдали отъ необходимыхъ имъ степей, они ушли назадъ, за Волгу.

Даніилъ и его семейство пріютились у мазовецкаго князя Болеслава, который предоставилъ изгнанникамъ городъ Вышгородъ. Когда татары ушли, Даніилъ занялся возстановленіемъ городовъ и началъ собирать разбѣжавшихся жителей, но ему сильно мѣшали смуты среди галицкихъ бояръ, которые продолжали свои козни даже въ такіе тяжелые дни. Пришлось также воевать съ бологовскими князьями, принявшими сторону татаръ, а потомъ съ черниговскимъ княземъ Ростиславомъ, который женился на дочери венгерскаго короля Бѣлы и старался овладѣть Галичемъ при помощи венгровъ. Война длилась до 1249 года и окончилась блестящей побѣдой Даніила при Ярославлѣ, послѣ чего

галицкій князь вернулъ себѣ почти такое же могущество, какимъ пользовался до нашествія татаръ, власти которыхъ онъ все еще не признавалъ.

Въ 1250 г. Батый пригрозилъ Галичу новымъ нашествіемъ, и, чтобы избавить свои земли отъ такого зла, Даніилъ самъ поѣхалъ въ орду. Батый принялъ его съ честію и обѣщался не трогать его владѣній, но съ тѣмъ, чтобъ Даніилъ призналъ себя его данникомъ. Въ 1252 г. Даніилъ снова побывалъ въ Венгріи, женилъ своего сына Романа на дочери Бѣлы, вдовѣ маркграфа Баденскаго (Гертрудѣ), и вмѣстѣ съ венграми совершилъ походъ противъ Оттокара въ чешскія земли. Въ этомъ походѣ русскія дружины впервые доходили до Вѣны, но никакой существенной пользы отъ этой войны Даніилъ не получилъ. Удачнѣе были его походы противъ Литвы.

Еще до признанія надъ собой власти Батыя, Даніилъ вошелъ къ сношенія съ папою (1246 г.), побуждая Иннокентія IV провозгласить крестовый походъ противъ татаръ. Эти сношенія не прекратились и послѣ того, какъ Даніилъ сдѣлался данникомъ татаръ. Въ горячемъ стремленіи избавить Русь отъ покорителей, онъ повелъ рѣчь о соединеніи церквей подъ властью папы, добился двухъ папскихъ буллъ, призывавшихъ христіанъ восточной Европы противъ татаръ и въ 1255 г. принялъ отъ папы королевскій вѣнецъ, причемъ помазаніе было совершено въ Дрогичинѣ папскимъ легатомъ. Въ томъ же году началась война съ татарами. Но крестоваго похода не состоялось, и галицкій князь оказался противъ татаръ съ одними собственными силами. Благодаря вялости татарскаго темника Куремсы, пять лѣтъ война тянулась съ перемѣннымъ счастіемъ; но въ 1260 году на мѣсто Куремсы явился новый темникъ Бурандай съ огромнымъ войскомъ, и Даніилу пришлось смириться, причемъ укрѣпленія волынскихъ и нѣкоторыхъ галицкихъ городовъ были срыты, но другихъ раззореній побаивавшіеся Даніила татары себѣ не позволили. Въ виду высказаннаго папой безсилія поднять католическую Европу противъ татаръ, Даніилъ порвалъ всякія сношенія съ Римомъ и презрѣлъ угрозы папы, хотѣвшаго отлучить его отъ церкви. Послѣдней войной Даніила была война съ Литвою, которая хотѣла воспользоваться раззореніемъ волынскихъ крѣпостей. Литовцы были разбиты въ чистомъ полѣ и прогнаны. Въ 1264 году Даніилъ Романовичъ скончался отъ болѣзни въ Холмѣ и былъ тамъ погребенъ въ построенной имъ церкви Богородицы.

Даніилъ Галицкій былъ выдающійся полководецъ и хорошій дипломатъ, хотя велъ свои переговоры безъ криводушія, съ рыцарскимъ достоинствомъ, умно и дальновидно. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ находилъ вѣрнаго помощника въ беззавѣтно преданномъ ему братѣ Василькѣ Романовичѣ и опору въ православномъ духовенствѣ. Народъ его любилъ, но бояре, не смотря на все его великодушіе, относились къ нему враждебно.

Угорскія и австрійскія лѣтописи. Русскія лѣтописи, главнымъ образомъ, Ипатьевская, частью Лавр., Новг., Ник., Воскр. Изъ польскихъ важнѣе другихъ повѣствованія Длугоша, Стрыйковскаго и Кадлубека, Литовск. лѣтопись Быховца, изданная Нарбутомъ, Rainald „Annal. Eccles“. (акты по вопросу о сношен. съ папскимъ дворомъ). Путешествіе Плано Карпины въ изд. Языкова: Путешествія къ татарамъ“ Pray: Annal. Ren. Haund“. Истор. Галиц. и Волыни въ трудахъ Зубрицкаго, Шараневича, Лонгинова, Андріяшева и др. I. Pistorius: Polon. historiae corpus etc. Дашкевичъ: Княженіе Даніила Галицкаго; Соловьевъ: „Дан. Галицкій“ Современникъ. 1847 г. „Костомаровъ: Даніилъ Галицк“ Русск. истор. въ жизнеопис. ея гл. дѣятелей. *Ф.*

Данковъ, *Василій Семеновичъ*, придворный протоіерей. Скончался 11 октября 1826 года. Воспитывался въ Александро-невской духовной семинаріи и съ 1782 г. состоялъ священникомъ при Благовѣщенской церкви на Васильевскомъ островѣ, а затѣмъ перешелъ въ придворное вѣдомство; 10 января 1792 г. онъ единогласно былъ избранъ въ члены россійской академіи. Протоіерей Данковъ аккуратно посѣщалъ академическія собранія, принималъ дѣятельное участіе въ составленіи послѣднихъ частей академическаго словопроизводнаго словаря (опредѣленіе слова—„литія“), занимался выборомъ словъ и примѣровъ изъ пролога и др. учеными занятіями.

(Чистовичъ — Ист: С.-Пб. дух. акад., Дѣло арх. Св. Син. 1801 г. № 100). *Здр.*

Данковъ, *Гаврiилъ Васильевичъ*, придворный протоіерей въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По окончаніи образованія

въ Александроневской духовной семинаріи, Данковъ, 20 августа 1782 г., былъ рукоположенъ въ священники и въ 1782 г. 15 декабря отправленъ въ Берлинъ къ русской церкви; 9 августа 1799 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Дрезденъ, а 17 января 1800 г.—въ Мекленбургъ-Шверинъ и оттуда въ Парижъ. Прослуживъ болѣе 18 лѣтъ заграницей, протоіерей Данковъ возвратился въ Россію и тотчасъ-же былъ принятъ въ придворное духовенство и пожалованъ въ духовники великой княгини Елены Павловны, а въ 1802 г. пожалованъ ему наперсный крестъ. Годъ кончины его неизвѣстенъ. Изъ сочиненій его извѣстны переводы съ латинскаго; „Гимназическій или семинарскій, т. е. школьный наставникъ учащагося юношества", 1781 г.; и „Созерцаніе превосходнѣйшихъ писателей латинскаго языка, въ златомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣкѣ процвѣтавшихъ, сокращенно представленное Оллаемъ Боррихіемъ", 1783 г.

(Чистовичъ—Ист. акад.; Филаретъ—Обзоръ; Дѣла арх. Св. Син. 1800 г. 304, б. и 454; 1802 г. № 774). *Здр.*

Данковъ, *Іоаннъ Семеновичъ*, протоіерей Сергіевскаго всей артиллеріи собора (1771—1833 гг.). Родился въ 1771 г. и воспитывался въ Александроневской духовной семинаріи, гдѣ, по окончаніи курса, былъ нѣкоторое время учителемъ нѣмецкаго языка. Въ 1790 г. 26 іюля Данковъ былъ рукоположенъ въ діакона къ Сергіевскому артиллерійскому собору, въ 1798 г. 9 іюля—въ священника и 23 мая 1808 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Въ то же время о. Данковъ состоялъ катихизаторомъ, а съ 1809 г.—цензоромъ проповѣдей, членомъ цензурнаго комитета (участвовалъ въ составленіи проекта устава дух. цензуры) и академической конференціи и самъ говорилъ много проповѣдей. Въ 1813 г., по порученію академіи, онъ обозрѣвалъ псковскія уѣздныя духовныя училища, а въ 1818 г. оставилъ должность въ цензурномъ комитетѣ. Скончался протоіерей Данковъ 20 іюля 1833 года, прослуживъ болѣе 40 лѣтъ при Сергіевскомъ соборѣ.

(Дѣло арх. Св. Син 1833 г. № 642). *Здр.*

Данненбергъ, *Яковъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, извѣстенъ какъ устроитель шлифовальныхъ фабрикъ въ Екатеринбургѣ. Его долголѣтняя дѣятельность на Уралѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ благодаря ему гранильное дѣло и разработка мрамора и цвѣтныхъ камней на Уралѣ были поставлены особенно успѣшно и Екатеринбургскій округъ сдѣлался однимъ изъ центровъ шлифовальнаго искусства. До 1765 года всѣ существовавшія екатеринбургскія фабрики и заводы находились подъ вѣдѣніемъ канцеляріи главнаго заводовъ правленія и не отличались большой производительностью и извѣстностью. 15 марта 1765 года по именному высочайшему указу, состоявшемуся на основаніи доклада И. И. Бецкаго, для отысканія, добычи и обработки мрамора и другихъ цвѣтныхъ камней около Екатеринбурга, былъ отправленъ генералъ-маіоръ Данненбергъ съ командой, состоявшей изъ разныхъ чиновниковъ и служителей; въ числѣ ихъ были два выписанныхъ изъ Италіи мастера-гранильщика. Данненбергъ, по прибытіи въ Екатеринбургъ, открылъ экспедицію разысканія въ екатеринбургскомъ, оренбургскомъ и другихъ мѣстныхъ округахъ разнаго рода цвѣтныхъ камней; на расходы по этой экспедиціи Данненбергу было отпущено сначала 20 тысячъ рублей, а потомъ, въ 1767 году, еще 15 тысячъ. Развѣдки и добываніе камней подъ руководствомъ Данненберга производились весьма энергично и успѣшно. Онъ командировалъ своихъ чиновниковъ и мастеровъ въ различныя мѣста пермской и оренбургской губерній, причемъ были возобновлены разработки старинныхъ пріисковъ, извѣстныхъ еще съ 1723 года. Въ виду большого и успѣшнаго добыванія мрамора въ ломкахъ Горношитскаго селенія, Данненбергомъ былъ учрежденъ немедленно по прибытіи Горношитскій мраморный заводъ, снабжавшій матеріаломъ большинство шлифовальныхъ фабрикъ. Въ 1782 году Данненбергъ былъ устраненъ отъ должности главнаго начальника упомянутой экспедиціи, и она перешла въ вѣдѣніе пермскаго и тобольскаго генералъ-губернатора. Годъ кончины Данненберга неизвѣстенъ.

«Горный журналъ». 1827 г. № III. О «Екатеринбургской шлифовальной фабрикѣ». *С.*

Данненбергъ, *Петръ Андреевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, родился 19 іюня 1792 г. въ дворянской семьѣ Оло-

нецкой губерніи, реформатскаго вѣроисповѣданія, и первоначальное образованіе получилъ въ Софійскомъ лѣсномъ институтѣ (1807—1810 гг.), изъ котораго перешелъ въ петербургскій лѣсной институтъ. Здѣсь въ 1811 г. онъ окончилъ курсъ съ званіемъ ученаго землемѣра и, въ чинѣ 13 класса, вступилъ въ должность городового секретаря. Однако въ томъ же году П. А. рѣшилъ посвятить себя военной службѣ и, стремясь къ высшему спеціальному образованію, поступилъ въ школу колонновожатыхъ (нынѣ Ник. Академія ген. шт.). Успѣшно окончивъ здѣсь курсъ наукъ, П. А. 26 января 1812 г. былъ произведенъ въ прапорщики съ зачисленіемъ въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части (такъ назывался тогда нынѣшній генеральный штабъ) и съ прикомандированіемъ къ 24 пѣх. дивизіи.

Двадцатилѣтнимъ юношей онъ принялъ участіе въ Отечественной войнѣ: 12 іюня 1812 г,—въ бою подъ Смоленскомъ, 26 авг.—при Бородинѣ, 6 окт.—при Тарутинѣ, 12—при Малоярославцѣ, причемъ за это сраженіе награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, и, наконецъ, съ 3 по 10 ноября—въ дѣлахъ подъ Краснымъ. 4 дек. 1812 г. за отличіе въ сраженіи онъ былъ произведенъ въ подпоручики. Заграничный походъ 1813—1814 гг. былъ для П. А. новымъ рядомъ боевыхъ отличій: въ 1813 г. 20 апр. подъ Люценомъ, 16 авг.—подъ Дрезденомъ, 17 и 18—подъ Кульмомъ (за который получилъ Кульмскій крестъ) и затѣмъ въ „битвѣ народовъ“ 4 и 6 окт.—подъ Лейпцигомъ. Въ 1814 г., находясь въ резервной арміи, молодой Данненбергъ участвовалъ въ сраженіяхъ: при Бріеннѣ 20 янв., при Арсисъ-сюръ-Объ 8 мар., при Шампенуазѣ—13-го, въ бою подъ Парижемъ—18-го и наконецъ во взятіи столицы Франціи 19 марта. Великій Князь Константинъ Павловичъ назначилъ его состоять при своей особѣ. Помимо этого лестнаго служебнаго назначенія, П. А. получилъ за отличія въ сраженіяхъ чины поручика и штабсъ-капитана, Анну 2 ст. и 1 авг. 1814 г. переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. При Цесаревичѣ онъ состоялъ до 1830 г. и въ это время получилъ чинъ полковника (1818 г.) и генерала-маіора (1827 г.) съ назначеніемъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Цесаревича.

Въ памятную ночь 18 ноября 1830 г., когда Великій Князь былъ вынужденъ выѣхать изъ Бельведера, а затѣмъ изъ Варшавы, ген. Данненбергъ оставался съ егерскими ротами и конно-егерскимъ полкомъ для прикрытія дворца. Въ 1831 г., перейдя границу Царства Польскаго и состоя при отрядѣ генералъ-адъютанта гр. Толя, онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Минскомъ 5 февраля и, находясь при Цесаревичѣ,—въ бою подъ Гроховымъ, 13 февраля. По приказанію гр. Дибича, П. А. 10 апрѣля былъ командированъ въ штабъ главнокомандующаго, но вслѣдъ затѣмъ, въ виду ожидавшагося тогда нападенія на гвардейскій отрядъ при м. Сточекъ, онъ былъ оставленъ Дибичемъ при этомъ отрядѣ. 25 апрѣля главнокомандующій вторично потребовалъ его въ главную квартиру. Съ 1 по 18 мая онъ былъ въ командировкѣ съ гвардейскимъ отрядомъ и принялъ участіе въ сраженіи подъ Остроленкой, послѣ чего возвратился въ распоряженіе главнокомандующаго. Гр. Толь командировалъ его затѣмъ въ резервную армію и „съ особенными словесными наставленіями“ къ генер. Храповицкому въ Вильно, куда прибылъ 6 іюня къ гвардейскому отряду, присоединившемуся тогда къ отряду генералъ-лейтенанта Сакена. На слѣдующій-же день Данненбергъ принялъ участіе въ сраженіи на Понарскихъ высотахъ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степ., а 12 іюня отправился къ главнокомандующему резервною арміею гр. Толстому, при которомъ и состоялъ до окончанія похода противъ литовскихъ мятежниковъ. Послѣ этого онъ присоединился съ гвардейскимъ отрядомъ къ дѣйствующей арміи; къ замѣнившему Дибича фельдмаршалу Паскевичу.

Согласно волѣ Государя, фельдмаршалъ старался избѣжать кровопролитія при взятіи Варшавы и, въ виду этого, 22 авг. послалъ ген. Данненберга съ предложеніемъ всепрощенія, если поляки безусловно положатъ оружіе. П. А. имѣлъ переговоры о томъ съ Прондзинскимъ; свиданіе было на форпостахъ. Прондзинскій заявилъ, что долженъ о сдѣланномъ предложеніи доложить президенту, но въ разговорѣ съ Данненбергомъ проговорился о преслѣдованіи Розена корпусомъ Рома-

рино. Это извѣстіе рѣшило безъ замедленія приступить къ штурму. 26 авг. самъ фельдмаршалъ имѣлъ свиданіе съ Прондзинскимъ, а затѣмъ послалъ П. А. за Круковецкимъ для переговоровъ съ нимъ. Они не увѣнчались успѣхомъ, и Паскевичъ приказалъ штурмовать Варшаву. Данненбергъ принялъ участіе въ штурмѣ и взятіи Варшавы и, какъ знакомый съ городомъ, долженъ былъ служить путеводителемъ для войскъ. За двухдневный бой при Варшавѣ онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. При князѣ Паскевичѣ П. А. оставался до 1834 г., когда былъ назначенъ командиромъ 1 бригады 12-й (нынѣ 18-й) пѣх. дивизіи.

Въ 1836 г. онъ получилъ въ командованіе 15 п. дивизію, чрезъ три года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1840 г. назначенъ начальникомъ штаба 5 пѣх. корпуса. Когда въ 1844 г. нѣкоторыя части этого корпуса были отправлены изъ Новороссійскаго края на Кавказъ, то П. А. были переданы въ командованіе всѣ оставшіяся части корпуса (до 29 мая 1846 г.). То-же повторилось и въ 1848 г., когда командиръ этого корпуса, генералъ Лидерсъ, съ особымъ отрядомъ вступилъ въ княжества Молдавію и Валахію. Въ слѣдующемъ же году, по Высочайшему повелѣнію, генералу Данненбергу были переданы всѣ остальныя части того-же корпуса, остававшіяся въ Дунайскихъ княжествахъ, и подчинены другія бывшія тамъ войска. Въ маѣ 1849 г. П. А. прибылъ изъ Одессы въ Бухарестъ. Когда ополченія венгерцевъ съ душою возстанія—Бемомъ въ іюлѣ вторглись въ княжества, ген, Лидерсъ приказалъ отряду Данненберга вступить изъ Молдавіи черезъ Ойтозское ущелье къ Беречку; въ этомъ направленіи онъ и преслѣдовалъ уже разбитаго Бема до м. Чикъ-Середы въ Трансильваніи. Въ сентябрѣ, по окончаніи войны, П. А. возвратился въ Одессу. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ и запасныхъ войскъ арміи, а затѣмъ—командиромъ 4 пѣх. корпуса, съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Въ слѣдующемъ году возгорѣлась Восточная война. Генералъ Данненбергъ съ частью своего корпуса 21 іюня перешелъ у Скулянъ пограничную рѣку Прутъ и вступилъ въ Молдавію. 23 окт. онъ явился руководителемъ въ Ольтеницкой битвѣ съ турками. Нѣкоторые военные писатели обвиняютъ Данненберга за это неудачное сраженіе, стоившее русскимъ довольно значительныхъ потерь: въ особенности ставятъ ему въ вину приказаніе начать отступленіе въ тотъ моментъ, когда русскіе подошли къ укрѣпленіямъ Ольтеницкаго карантина. По мнѣнію генераловъ Богдановича и Леера, значительная доля вины въ этой неудачѣ ложится на кн. Горчакова, которому слѣдовало послать въ Ольтеницу не одну бригаду, а цѣлую дивизію, и предварительно дать надлежащія наставленія ген. Данненбергу. Не вдаваясь въ подробный разборъ его дѣйствій у Ольтеницы, упомянемъ, что „за отличіе по службѣ, при атакѣ укрѣпленной непріятельской позиціи у Ольтеницкаго карантина“ ему было объявлено Монаршее благоволеніе (17 дек. 1853 г.). Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ дальше, этотъ день повредилъ репутаціи П. А., какъ военнаго человѣка.

Наступила незабвенная година севастопольской обороны. Когда союзники высадились въ Крыму, положеніе командовавшаго тамъ кн. Меншикова, въ виду недостатка войскъ, стало опаснымъ. Главнокомандующій южной арміей, кн. Горчаковъ, 3 окт. 1854 г. предписалъ Данненбергу съ ввѣреннымъ ему корпусомъ вступить въ Крымъ, куда онъ и послѣдовалъ форсированнымъ маршемъ, безъ дневокъ. Сознавая, что съ прибытіемъ подкрѣпленій крымская армія находилась въ очень выгодныхъ условіяхъ, Меншиковъ рѣшилъ дѣйствовать наступательно. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ назначилъ атаку союзниковъ на 22 октября, но по просьбѣ П. А., въ виду сильнаго утомленія полковъ отъ продолжительнаго и поспѣшнаго похода, атака была отложена на 24 окт. Къ сожалѣнію, Данненбергъ, въ числѣ другихъ генераловъ, на которыхъ возлагалось командованіе войсками, былъ совершенно устраненъ отъ составленія диспозиціи для предстоявшаго наступленія и не присутствовалъ при составленіи окончательнаго плана дѣйствій, что было поручено штабу Меншикова. Согласно диспозиціи послѣдняго, роль П. А. была неопредѣленна и мало соотвѣтствовала положенію его, какъ корпуснаго командира. Въ Инкерманскомъ сраженіи закончившемся для насъ неудачею, наступленіе производилось двумя отрядами: ген. Соймонова—изъ Севастополя (отъ

Киленъ-балки) и ген. Павлова—съ Инкерманской горы; при этомъ послѣднемъ отрядѣ приказано было находиться Данненбергу, *„которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ*, принять общее надъ ними начальство". Всѣ частныя распоряженія Меншиковъ долженъ былъ поручить не Соймонову и Павлову, а Данненбергу, и если не сдѣлалъ этого, то лишь вслѣдствіе своего нерасположенія къ П. А. Его неудачная дѣятельность на Дунаѣ была извѣстна Меншикову, который при первомъ извѣстіи о движеніи въ Крымъ 4 пѣх. корпуса въ полномъ его составѣ, неоднократно высказывалъ словесно свое нежеланіе имѣть генералъ Данненберга въ числѣ начальниковъ войскъ крымской арміи. Князь Горчаковъ хотя и зналъ объ этомъ, но не могъ, однакоже, исполнить желанія свѣтлѣйшаго, по неимѣнію достаточныхъ къ тому поводовъ. Не смотря на нерасположеніе свое къ П. А., главнокомандующій наружно выказывалъ ему полное довѣріе. Поэтому П. А. былъ крайне удивленъ, когда получилъ диспозицію Меншикова, ставившую его въ двусмысленное положеніе. По этой диспозиціи, онъ долженъ былъ командовать войсками, движеніемъ которыхъ въ началѣ дѣйствій онъ не могъ распоряжаться: онъ былъ поставленъ въ необходимость быть начальникомъ и приводить въ исполненіе рѣшеніе своихъ подчиненныхъ; ему поручено командовать войсками и въ то же время приказано находиться при отрядѣ ген. Павлова, чѣмъ лишали его возможности быть распорядителемъ въ самомъ началѣ сраженія. Впослѣдствіи, при всеподданнѣйшемъ донесеніи объ Инкерманскомъ сраженіи, кн. Меншиковъ выразился, будто командованіе войсками поручено было безусловно ген. Данненбергу. Это выраженіе, при отсутствіи свѣдѣній о всѣхъ подробностяхъ дѣла, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ то, что неудача Инкерманскаго сраженія легла всею своею тяжестью на одно лицо, и Данненбергъ былъ обвиненъ совершенно несправедливо. Послѣдствія этого обвиненія преслѣдовали его до самой кончины и остаются въ силѣ даже теперь, послѣ обнародованія весьма многихъ документовъ. Не касаясь подробностей этого сраженія, въ которомъ П. А. все-же удалось проявить значительную распорядительность не смотря на свою неопредѣленную роль по диспозиціи главнокомандующаго, упомянемъ лишь, что ему-же пришлось отдать и приказаніе объ отступленіи (подъ нимъ были убиты двѣ лошади). Кн. Меншиковъ сначала воспротивился этому распоряженію Данненберга, но затѣмъ принужденъ былъ съ нимъ согласиться. П. А. ни въ коемъ случаѣ нельзя считать виновникомъ неудачи 24 октября. Опасаясь, чтобы въ случаѣ его болѣзни, командованіе арміей не перешло къ Данненбергу, главнокомандующій просилъ военнаго министра исходатайствовать разрѣшеніе Государя помѣнять командировъ корпусовъ 3-го — бар. Остенъ-Сакена и 4-го—Данненберга. И дѣйствительно, Меншикову удалось удалить П. А.: въ собственноручномъ письмѣ къ главнокомандующему отъ 14—15 ноября 1854 г. Императоръ Николай Павловичъ, между прочимъ, выразилъ желаніе, чтобы Липранди принялъ корпусъ отъ Данненберга, „а ему ѣхать въ Петербургъ", писалъ Государь, „гдѣ я назначилъ его въ члены Военнаго Совѣта, гдѣ онъ полезенъ будетъ".

Такъ закончилась для П. А. севастопольская кампанія.

Въ ноябрѣ 1855 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной „для улучшенія по военной части", но въ апрѣлѣ слѣдующаго года, по случаю увольненія его въ заграничный отпускъ въ Швейцарію на 2 мѣсяца, эту должность занялъ Е. И. В. генералъ-фельдцейхмейстеръ; съ сентября того же года П. А. совсѣмъ не состоялъ въ этой комиссіи. 27 января 1862 г. генералъ отъ инфантеріи Данненбергъ отпраздновалъ 50-лѣтіе своей службы въ офицерскихъ чинахъ и въ этотъ день былъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 степ. съ мечами. Въ октябрѣ того-же года онъ получилъ послѣднее назначеніе — предсѣдателя комитета для устройства военно-сухопутныхъ силъ а въ 1866 г.—послѣднюю Высочайшую награду: бриллiантовый перстень съ портретомъ Государя Императора. П. А. былъ женатъ на дочери помѣщика, Матильдѣ Матвѣевнѣ Заблоцкой. П. А. Данненбергъ скончался 6 августа 1872 г.

Рукописное дѣло Общаго архива Главнаго штаба за 870 г.—Формулярные списки.—Дубровинъ. Исторія Крымской войны и обороны Севастополя. II. СПБ. 1900 г.—Богдановичъ. Восточная война 1853—1855 г. I и III. СПБ. 1876 г.—Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи, Ч. III, кн. I. СПБ. 1889 г. — Меньковъ. Записки I. СПБ. 1898 г.—Алабинъ. Походная записки въ войну 1853, 1854, 1855 и 1856 гг. Вятка 1861 г.—Русская Старина. 1873 г.—VII, 1885 г.—LVII, 1886 г.—L, 1890 г.—LXV, 1892 г.—LXXI и 1893 г.—LXXIX. *В. Жерве.*

Данненштернъ, *Владиміръ Антоновичъ*, инженеръ-генералъ-маіоръ, директоръ Варшавской жел. дороги, происходилъ изъ древней рыцарской фамиліи Прибалтійскаго края, переселившейся впослѣдствіи въ Бѣлоруссію. Онъ получилъ спеціальное высшее образованіе въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, окончилъ его съ успѣхомъ въ 1832 г. и былъ оставленъ при институтѣ въ качествѣ репетитора. Въ это время онъ принялъ участіе въ предпринятомъ профессорами института обширномъ научномъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ подъ скромнымъ заглавіемъ: „Чертежи по части строительнаго искусства“, но помимо чертежей заключавшемъ въ себѣ много страницъ текста спеціальнаго техническаго содержанія. Не оставляя преподавательской дѣятельности въ институтѣ, Данненштернъ вскорѣ былъ прикомандированъ въ распоряженіе директора дорогъ прилегавшихъ къ Петербургу и въ этой должности принялъ участіе въ работахъ по постройкѣ шоссе, причемъ завѣдывалъ устройствомъ участковъ близъ Царскаго Села и Павловска. Когда было приступлено къ работамъ по линіи Николаевской дороги, Данненштернъ, какъ знающій и способный инженеръ, былъ переведенъ на мѣсто помощника начальника южной дирекціи дороги, между Москвой и Тверью, и завѣдывалъ постройкой, а вскорѣ былъ назначенъ начальникомъ этого же участка; но ему недолго пришлось занимать этотъ постъ. Восточная война, потребовавшая массоваго передвиженія нашихъ войскъ съ сѣвера на югъ и показавшая полную непригодность нашихъ дорожныхъ путей сообщенія, не выдержавшихъ усиленнаго движенія, заставила правительство обратить серьезное вниманіе на устройство и ремонтъ дорогъ, и эта трудная и отвѣтственная задача была возложена на Данненштерна, который былъ назначенъ начальникомъ XII (впослѣдствіи IX) округа путей сообщенія и занималъ этотъ постъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ началомъ реформъ новаго царствованія быстрое развитіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи представило Данненштерну обширное поле дѣятельности; когда было учреждено Главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ, администрація его обратилась къ Данненштерну съ предложеніемъ занять мѣсто управляющаго Варшавской ж. д. Данненштернъ принялъ предложеніе, но, приведя въ порядокъ дорогу, отказался отъ мѣста директора вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и перешелъ представителемъ отъ правительства въ совѣтъ Главнаго общества, гдѣ и былъ до самой смерти однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ. Умеръ въ 1872 г. въ С.-Петербургѣ. Въ институтѣ путей сообщенія учреждена стипендія его имени.

Журналъ Министерства Путей Сообщенія. 1872 г., часть 2-я, № 5, ст. Палибина.

Данскій, *Алексѣй Алексѣевичъ*, авторъ курса теоріи словесности и преподаватель воронежской духовной семинаріи. Среднее образованіе получилъ въ орловской семинаріи. Отсюда поступилъ въ кіевскую духовную академію; въ ней пробылъ 4 года, съ 1829 по 1833 г. По окончаніи курса поступилъ преподавателемъ русской словесности въ воронежскую духовную семинарію. Въ 1855 году вышелъ въ отставку и въ 1861 г. принялъ новую тогда должность судебнаго слѣдователя. Умеръ въ Воронежѣ въ 1860—1863 гг. Литературная дѣятельность Данскаго незначительна. Въ „Воронежск. Губ. Вѣд.“ ему принадлежитъ „Біографія покойнаго архіепископа Игнатія“ (1850 г. № 7—19) и „Сказаніе о бѣлогорскихъ пещерахъ“ (1849 г. № 47—52; 1850 г. № 3, 4). По всей вѣроятности, Данскому же принадлежатъ помѣщенныя въ 1847—1852 гг. въ „Вор. Губ. Вѣд.“, подписанныя иниціалами А. Д. и безъ подписи по религіознымъ вопросамъ. Въ „Воронежскомъ Литературномъ Сборникѣ“ за 1861 г. Данскій напечаталъ біографію митрополита Евгенія. Въ „Воскресномъ Чтеніи“ за 1842 г. Данскій напечаталъ два слова: одно—къ поселянамъ по случаю начатія жатвы (№ 29) и другое—по случаю рекрутскаго набора (№ 34). Эти проповѣди написаны по всѣмъ прави-

ламъ риторики: самъ Данскій помѣстилъ ихъ въ своемъ курсѣ теоріи словесности, какъ образцовыя произведенія. Въ отдѣльномъ изданіи появились слѣдующія сочиненія Данскаго: 1) Сказаніе о бѣлогорскихъ пещерахъ. Спб. 1858, 4° 38 стр. 2) Риторика, въ первомъ изданіи (1843) носившая заглавіе: „Руководство къ изученію русской словесности, приспособленное къ прозаическимъ сочиненіямъ „М.“, а во второмъ (1853) перелицованная въ „Правила русской словесности. Спб.“. Впрочемъ, никакихъ существенныхъ измѣненій во 2-мъ изданіи не находится. Учебникъ Данскаго не даетъ ничего новаго сравнительно съ тѣми схоластическими риториками, которыя въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія мирно доживали свой вѣкъ по высшимъ и низшимъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ. Критика отнеслась неблагосклонно къ книгѣ Данскаго, и она потерпѣла неудачу.

1) Н. В. Воскресенскій. Пятидесятилѣтіе „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ Воронежъ. 1888. 2) Отзывы о книгѣ Д. смотри въ „Современникѣ“ 1844 г. т. 33, стр. 336—337; въ „Отечествен. Запискахъ“ 1854 г. т. 94, отд. 4, стр. 44. *П. Щ—въ.*

Данславъ Лазутиничъ, новгородскій воевода, упоминается впервые въ разсказѣ о призваніи въ Новгородъ Романа Мстиславича (впослѣдствіи знаменитаго князя галицкаго), котораго новгородцы очень желали имѣть у себя княземъ. Данславъ былъ посланъ въ Кіевъ за Романомъ, который въ 1168 г. и сталъ княжить въ Новгородѣ, несмотря на сильное противодѣйствіе другихъ князей, стремившихся навязать новгородцамъ изгнаннаго ими князя. Въ слѣдующемъ году Данславъ, съ отрядомъ въ 400 чел., отправленъ собирать дань въ новгородскихъ владѣніяхъ по Сѣв. Двинѣ. Андрей Боголюбскій, вопреки волѣ котораго Романъ занялъ новгородскій столъ, отправилъ семитысячный отрядъ схватить Данслава. Нападеніе на новгородскаго воеводу кончилось для войска Андрея весьма печально: въ происшедшей битвѣ погибло 1300 воиновъ Боголюбскаго, а у новгородцевъ около 20. Все же на первыхъ же порахъ послѣ побѣды Данславу пришлось отступить, но затѣмъ онъ предпринялъ снова походъ, который и довелъ благополучно до конца, взявъ дань не только въ новгородскихъ владѣніяхъ, но и въ суздальскихъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о храбромъ новгородскомъ воеводѣ мы не имѣемъ.

П. С. Р. Л., Исторія Россіи С. Соловьева. т. II. *Ю. Ш.*

Дараганъ, *Анна Михайловна*, рожденная Балугьянская, дочь статсъ-секретаря Михаила Андреевича Балугьянскаго, родилась 23 февраля 1806 года, въ концѣ 1830-хъ или началѣ 1840-хъ годовъ вышла замужъ за Петра Михайловича Дарагана (род. 29 января 1800, † 21 декабря 1875 г.), впослѣдстіи генералъ-лейтенанта и тульскаго губернатора. А. М. Дараганъ извѣстна, какъ писательница для дѣтей. Первымъ трудомъ ея по этой части была посвященная дѣтямъ цесаревны Маріи Александровны азбука: „Елка. Подарокъ на Рождество. Съ примѣрами постепеннаго чтенія“, иллюстрированная прекрасными политипажами Р. К. Жуковскаго, Бернардскаго и др., Спб. 1845 года. Въ слѣдующемъ, 1846 году вышла 2-я часть „Елки“, въ видѣ 18 уроковъ постепеннаго чтенія. Затѣмъ обѣ части переиздавались много разъ и въ 1889 году вышли послѣднимъ 11-мъ изданіемъ. При появленіи своемъ въ свѣтъ „Елка“ была встрѣчена самыми сочувственными отзывами печати, а Бѣлинскій отозвался о ней, какъ о „рѣшительно первой хорошей книгѣ въ этомъ родѣ“, причемъ съ похвалой отмѣчалъ достоинства ея метода и самую внѣшность изданія, а Аннѣ Михайловнѣ предсказывалъ „почетное имя между всѣми писателями для дѣтей“. Вторымъ трудомъ Дараганъ была книга „Чтеніе для дѣтей изъ Священной исторіи“, съ посвященіемъ дѣтямъ цесаревны. Спб. 1848 г., 114 стр. 8°; „Чтеніе“ содержитъ въ себѣ разсказы о Руѳи, Товитѣ и Товіи и о Юдиѳи; написаны они легкимъ и яснымъ языкомъ. Современные журналы дали объ этой книгѣ самые лестные отзывы. Слѣдующей работой ея была „Естественная исторія животныхъ, разсказанная для дѣтей“, имѣвшая цѣлью „дать имъ первоначальное, самое поверхностное знакомство съ царствомъ животныхъ“. Сначала появился одинъ ея выпускъ (Спб. 1849 г., 225 стр. 8°), а затѣмъ книга вышла пополненнымъ изданіемъ въ томъ же году (Спб. 1849 г., II + 370 + VI стр.). Текстъ украшенъ множествомъ хорошо исполненныхъ рисунковъ; описаніе расположено по отдѣламъ

и классамъ, но не лишено нѣкоторыхъ ошибокъ, которыя и были своевременно замѣчены критикою. Эти работы обратили на Дараганъ вниманіе императрицы Александры Ѳедоровны, которая 16-го ноября того же 1849 года назначила А. М. начальницею московскаго Елизаветинскаго училища, а 29-го ноября 1850 года перевела ее начальницею Николаевскаго сиротскаго института въ Петербургъ. На этой должности Дараганъ пробыла до 31-го марта 1856 года, когда, вслѣдствіе столкновеній съ начальникомъ учебной части, не хотѣвшимъ подчиняться ея иногда неосновательнымъ и рѣзкимъ требованіямъ, испросила у государыни увольненіе. Уѣхавъ послѣ этого въ Тулу, А. М. состояла тамъ, въ теченіе года, попечительницею дѣтскаго пріюта. Въ 1857 году она напечатала въ „Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ“ (ч. I, № 2) „Введеніе въ чтеніе изъ Священной исторіи“, а въ 1862 году выступила съ „Руководствомъ къ дѣтскимъ садамъ по методѣ Фр. Фрёбеля“ (Спб. 1862 г. 4°, изд. Вольфа); эта книга, составленная, а мѣстами переведенная, изъ иностранныхъ источниковъ, является первой попыткой содѣйствовать у насъ развитію Фребелевской системы воспитанія; однако, переводъ и изложеніе сдѣланы мѣстами весьма неудовлетворительно, что̀ и вызвало строгую рецензію журнала „Воспитаніе“. Это же сочиненіе было переиздано Вольфомъ подъ другимъ заглавіемъ: „Метода Фребеля. Игры и занятія, развивающія духовныя и физическія силы дѣтей“, безъ указанія мѣста и года печати.

Послѣдніе годы жизни А. М, провела въ Вильнѣ, гдѣ скончалась 11-го августа 1877 г. и погребена на виленскомъ Ефросиніевскомъ кладбищѣ, рядомъ съ своимъ мужемъ.

Архивъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; II. Барановъ: М. А. Балугьянскій. Спб. 1882 г., стр. 44; Еписк. Іосифъ: Виленскій православный Некрополь. Вильна, 1892 г. стр. 141; кн. Н. Н. Голицынъ: „Библіографич. словарь русскихъ писательницъ“. Спб. 1882 г., стр. 75—76; Русск. Архивъ 1885 г., т. Ш, стр. 413 и 423 и 1894 г., т. II, стр. 260, въ Воспоминаніяхъ кн. Д. Д. Оболенскаго; Сочиненія Бѣлинскаго, т. X, М. 1860 г., стр. 382; Иллюстрація 1847 г., № 28, рец. съ подп.: „В. р. с. й“; „Отеч. Записки.“ 1847 г. т. 50, № 2, отд. 6-й, стр. 117; „Сѣв. Пчела“ 1852, № 261; Ф. Толль: „Наша дѣтская литература“. Спб 1862 г, Циркул. по управл. Кавк. Учебн. Округомъ 1870 г., № 6: „Отеч. Зап.“ 1849 г. т. LXIII, отд. VI, стр. 32—33; „Современникъ“ 1849 г. т. XVI, библіогр., стр. 48—54 и 67—69; „Воспитаніе“ 1862 г., № 3, стр. 103—108, реценз. „Е-г-м-т“ (А. Чумикова).

Б. Модзалевскій.

Дараганъ, *Дмитрій Ивановичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи. Родился 28 іюля 1813 г.; происходилъ изъ дворянъ полтавской губерніи. Въ память заслугъ генерала Д. П. Невѣровскаго, героя отечественной войны, который приходился ему роднымъ дядей по матери, Дмитрій Ивановичъ былъ принятъ въ Пажескій корпусъ; окончивъ курсъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ (имя его было занесено на мраморную доску корпуса), Дараганъ въ 1832 г. былъ произведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ прапорщикомъ. Въ чинѣ полковника въ 1849 г. по случаю войны въ Венгріи онъ находился въ походѣ къ западнымъ предѣламъ Имперіи. Въ 1853 г. Дмитрій Ивановичъ былъ назначенъ командиромъ Карабинернаго великаго герцога Фридриха мекленбургскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ крымской войнѣ у м. Перекопа; въ 1855 г. онъ принялъ подъ свое начальство л.-гв. Волынскій п., командиромъ котораго былъ утвержденъ въ слѣдующемъ году съ производствомъ въ генералъ-маіоры; съ 1860 г. Дараганъ состоялъ членомъ военно-кодификаціонной комиссіи; въ этой должности онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (1864 г.) и потомъ въ генералы-отъ-инфангеріи. Въ 1889 г. состоялось назначеніе его членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Въ теченіе своей жизни Дараганъ пользовался милостивымъ расположеніемъ трехъ монарховъ и былъ награжденъ всѣми орденами до Александра Невскаго включительно. Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ на Антонинѣ Ивановнѣ, рожденной Гауэръ. † 24 іюня 1892. Имъ написана, подъ псевдонимомъ „Старый Семеновецъ“, брошюра: «А. А. Данзасъ (Воспоминаніе стараго товарища на его свѣжей могилѣ)». Спб. 1880. 13 стр.

Послужной списокъ Общ. Архива Главнаго Штаба.—Русскій Инвалидъ 1892 г. № 142. (Некрологъ).—О. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 185 лѣтъ. Фридрихсгамъ. 1897. стр. 287, 797, 869.—Біографич. Матеріалы Историч. Музея Пажескаго Корпуса.

А. Ш.

Дараганъ, *Петръ Михайловичъ*, генералъ-лейтенантъ, тульскій губернаторъ, род. 1800 г.; отецъ его, отставной маіоръ,

помѣщикъ полтавской губерніи; мать его была близкой родственницей, героя отечественной войны генерала К. Ѳ. Багговута, убитаго при Тарутинѣ. Благодаря этому родству. П. М. былъ въ концѣ 1815 г. принятъ въ пажескій корпусъ, получивъ первоначальное образованіе въ частномъ пансіонѣ пастора Коленса. Время, проведенное въ корпусѣ. описано самимъ Петромъ Михайловичемъ въ его запискахъ, изданныхъ подъ заглавіемъ: „Воспоминанія перваго камеръ-пажа Великой Княгини Александры Ѳедоровны. 1817—1819". „Русская Старина", 1875. т. XII). 6 апрѣля 1819 г. Дараганъ былъ произведенъ изъ камеръ-пажей прапорщикомъ въ л.-гв. Конно-піонерный эскадронъ, только что тогда сформированный. Съ открытіемъ турецкой войны П. М., въ чинѣ капитана, командовалъ К.-піонернымъ эскадрономъ, входившимъ въ составъ корпуса, осаждавшаго крѣпость Варну; въ 1830 г. онъ былъ командированъ на Кавказъ, гдѣ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала гр. Паскевича; въ слѣдующемъ году былъ въ составѣ войскъ, находившихся въ Польшѣ при усмиреніи мятежа. Въ 1833 г. П. М. былъ произведенъ въ полковники, а въ 1841 г. назначенъ командиромъ гусарскаго Е. И. В. вел. кн. Михаила Павловича полка; въ 1844—1846 въ чинѣ генералъ-маіора командовалъ бригадой сначала въ 3-й, потомъ въ 7-й легкой кавалерійской дивизіи; и командовалъ затѣмъ запасными эскадронами 2 резервнаго кавалерійскаго корпуса. Съ 1850 г. начинается служба П. М. по гражданскому вѣдомству въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; назначенный въ этомъ году исправляющимъ должность военнаго губернатора г. Тулы и тульскаго гражданскаго губернатора, Дараганъ за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1855 г., съ утвержденіемъ въ этихъ должностяхъ. Съ 1865 г. П. М. состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку. Дараганъ былъ женатъ на дочери статсъ-секретаря Балугьянскаго, Аннѣ Михайловнѣ. Скончался въ 1875 г.

Послужной списокъ изъ Общ. Арх. Главнаго Штаба. — О. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 185 лѣтъ. Фридрихсгамъ. 1897, стр. 216.—Біографич. матеріалы Историч. Музея Паж. Корпуса. *А. Ш.*

Даргомыжскій, *Александръ Сергѣевичъ*, композиторъ, изъ дворянъ, родился 2-го февраля 1813 г. въ тульскомъ имѣніи родителей, гдѣ и прожилъ до пятилѣтняго возраста. Мать его была Марья Борисовна Даргомыжская, писательница. Физическое развитіе Даргомыжскаго шло очень медленно, говорить онъ началъ только на пятомъ году, и родители полагали сначала, что ему суждено остаться нѣмымъ. Въ 1817 году семья Даргомыжскихъ переселилась въ Петербургъ, гдѣ подъ руководствомъ учителей и учительницъ и получилъ элементарное образованіе будущій композиторъ. Въ 1819 г. къ нему была приглашена первая его учительница фортепьянной игры, дѣвица Луиза Вольгеборнъ, а въ 1819 году ее замѣстилъ учитель музыки Андріанъ Трофимовичъ Данилевскій, прекрасный музыкантъ и опытный преподаватель. Музыкальные способности мальчика были настолько замѣтны, что обращали на себя вниманіе окружающихъ и заставили родителей, когда ему исполнилось 10 лѣтъ, пригласить для сына еще учителя игры на скрипкѣ П. Г. Воронцова. Въ 1828 и 1829 г. Даргомыжскій былъ уже знакомъ съ элементарными правилами теоріи и порядочно владѣлъ техникою игры на фортепіано и на скрипкѣ и, не смотря на свой 15 -ти лѣтній возрастъ, онъ написалъ нѣсколько дуэтовъ и квартетовъ, къ сожалѣнію не сохранившихся и пропавшихъ безъ слѣда. Заканчивая ученіе фортепіянной техники подъ руководствомъ извѣстнаго Шоберлехнера въ 1830 г., Даргомыжскій проявлялъ необыкновенные успѣхи, читалъ ноты, какъ книгу, и участвовалъ во многихъ любительскихъ концертахъ, причемъ лучшіе артисты того времени: Бемъ, Менгардтъ и Ромбергъ выражали свое одобреніе его игрѣ какъ на фортепіано, такъ и на скрипкѣ, на которой онъ безукоризненно исполнялъ вторую скрипку и альта. Въ тоже время онъ бралъ также и уроки пѣнія у Цейбиха, столь небходимые ему, какъ будущему оперному композитору. Восемнадцати лѣтъ отъ роду образованіе Даргомыжскаго, какъ музыкальное, такъ и общее, было закончено, и онъ 1831 году поступилъ на службу въ министерство двора по контрольной части. Склонность къ творчеству, которою отличался Даргомыжскій съ самаго юнаго

возраста особенно сильно стала проявляться въ немъ, начиная съ этого времени: въ теченіе одного года молодой композиторъ написалъ множество блестящихъ сочиненій для фортепіано и скрипки, два квартета, нѣсколько кантатъ и множество романсовъ. Несмотря на недостатокъ техническихъ свѣдѣній по теоріи и на молодость и неопытность композитора, большинство этихъ произведеній были встрѣчены восторженно публикою, были напечатаны и надолго сохранили свое значеніе. Лучшими изъ нихъ являлись романсы: „Дѣва и роза“, „Каюсь, дядя“, Ты хорошенькая“, „Камень тяжелый“, „Голубые глаза“, „Владыка дней моихъ“, „Баба старая“ и много другихъ.

Однако, не смотря на этотъ успѣхъ, надѣленный недюжиннымъ умомъ композиторъ прекрасно сознавалъ, что для его дальнѣйшей дѣятельности далеко не достаточно тѣхъ образовательныхъ средствъ, которыми онъ обладалъ, и уже твердо рѣшилъ совершенствовать свои музыкальныя силы. Этому обстоятельству помогло его знакомство въ 1833 г. съ М. И. Глинкою, который уже готовилъ къ постановкѣ на сцену „Жизнь за Царя“. Несмотря на разницу лѣтъ, оба талантливые композитора скоро сблизились другъ съ другомъ и затѣмъ, въ теченіе 22-хъ лѣтъ, оставались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Знакомство и дружба съ Глинкою оказала самое благотворное дѣйствіе на Даргомыжскаго, который питалъ къ своему геніальному другу „искреннее уваженіе“ и воспользовался его идеями и артистическимъ примѣромъ, заимствуя у него все то, что могло лишь принести пользу его таланту.

Встрѣчая у Глинки Н. В. Кукольника и слушая его „дѣльные совѣты“, Даргомыжскій въ 1834 г. посѣщалъ репетиціи оперы „Жизнь за Царя“, и здѣсь онъ ужъ окончательно убѣдился, что далеко не подготовленъ къ дѣятельности опернаго композитора и что самое главное для этого—искусство оркестровки было для него еще недоступно. Рѣшивъ твердо усовершенствовать свои знанія и въ этомъ отношеніи, Даргомыжскій обратился къ Глинкѣ, который передалъ ему для изученія рукописи берлинскаго профессора Дена. Легко далось Даргомыжскому изученіе теоріи, и онъ съ необыкновенною легкостью усвоилъ всѣ самыя трудныя части генералъ-баса и контрапункта, не смотря на отсутствіе личнаго руководства автора рукописей. Къ 1835 г., Даргомыжскій на столько былъ уже подготовленъ къ оркестровкѣ, что работалъ вмѣстѣ съ М. И. Глинкой для благотворительныхъ концертовъ. Въ томъ же году окончилась и его служебная карьера. Получивъ чинъ титулярнаго совѣтника, Даргомыжскій оставилъ службу въ дворцовомъ вѣдомствѣ и вышелъ въ отставку. Слѣдуя во всемъ примѣру Глинки и чувствуя себя уже достаточно теоретически подготовленнымъ, Даргомыжскій рѣшилъ испытать свои силы надъ какой-нибудь серьезной художественной задачей. Для этой цѣли онъ избралъ сюжетъ для проэктируемой оперы „Лукреція Борджіа“, составилъ планъ ея и принялся за музыкальную работу, которая съ большимъ успѣхомъ подвигалась впередъ. Однако въ очень скоромъ времени композитору пришлось убѣдиться въ неудачномъ выборѣ сюжета, невозможнаго въ тѣ времена для русской сцены, и по совѣту В. А. Жуковскаго онъ прекратилъ работу, избравъ сюжетомъ для оперы „Эсмеральду“ Виктора Гюго. Въ 1839 году опера была уже окончена, переведена на русскій языкъ и представлена въ дирекцію театровъ, которою была принята, затѣмъ одобрена капельмейстерами театровъ, но оставалась безъ движенія, несмотря на всѣ энергичныя хлопоты композитора о постановкѣ ея на сцену, и была поставлена лишь восемь лѣтъ спустя. Неудача съ „Эсмеральдой произвела на Даргомыжскаго весьма неблагопріятное дѣйствіе и отразилась не только на характерѣ композитора, но даже и на его дѣятельности, вернувшейся снова къ мелкимъ работамъ для избѣжанія столкновеній съ дирекціею. Съ 1840—1844 г. онъ написалъ много романсовъ и, принимая участіе въ 1842 г. въ серенадахъ на Черной рѣчкѣ, составлялъ для того соотвѣтствующія пьесы. Въ 1843 году романсы Даргомыжскаго были выпущены полнымъ собраніемъ и пользовались огромною популярностью. Къ этому періоду относится также и извѣстное сочиненіе Даргомыжскаго „Торжество Вакха“, которое въ то время онъ называлъ кантатою и которая позднѣе была приведена въ законченную форму лирической оперы. Въ 1843 г. у Даргомыжскаго явилась мысль

написать оперу „Русалка“, которая, подъ впечатлѣніемъ неудачи съ „Эсмеральдою“, тяжело давалась композитору. Не дождавшись постановки „Эсмеральды“, нравственно измученный напраснымъ ожиданіемъ, Даргомыжскій махнулъ на все рукою и 23 сентября 1844 г. уѣхалъ за границу. Путешествіе успокоило Даргомыжскаго и принесло ему несомнѣнную пользу. По поводу путешествія его въ заграничной печати стали появляться сочувственные отзывы о его талантѣ и произведеніяхъ и обратили на композитора вниманіе нашей театральной дирекціи. Во время своей заграничной поѣздки онъ познакомился со многими знаменитостями европейскаго музыкальнаго міра, и общеніе съ такими лицами, какъ Оберъ, Галеви, Мейерберъ, и директоромъ Брюссельской консерваторіи Фетисомъ, не могло не оставить на себѣ благотворнаго слѣда на русскомъ композиторѣ. Въ Февралѣ 1845 г. Даргомыжскій поѣхалъ въ Брюссель, гдѣ побывалъ у Фетиса, съ которымъ уже былъ связанъ дружбою и который въ своихъ „Biographies des musiciens“, отвелъ весьма почетное мѣсто русскому композитору. Затѣмъ Даргомыжскій отправился въ Вѣну, гдѣ пробылъ 2 недѣли и встрѣтилъ тамъ своего стариннаго пріятеля В. Г. Кастріото-Скандербека, который, какъ членъ артистическаго общества „Concordia“, познакомилъ Даргомыжскаго со многими музыкантами, литераторами и другими представителями артистическаго міра. Эти знакомства создали композитору извѣстность и имя за границею. Лѣтомъ 1845 г. Даргомыжскій возвратился въ Петербургъ и началъ инструментировать оперу „Торжество Вакха“, и занялся обдумываніемъ „Русалки“. Съ большимъ трудомъ удалось Даргомыжскому выхлопотать дозволеніе на постановку „Эсмеральды“, въ Москвѣ. 5-го декабря 1847 г. опера была въ первый разъ дана на московской сценѣ и имѣла огромный успѣхъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Даргомыжскій поспѣшилъ закончить „Торжество Вакха“ и въ 1848 г. представилъ оперу на разсмотрѣніе театральной дирекціи, но здѣсь композитора постигла полная неудача: опера была забракована и не принята для сцены. Этотъ ударъ былъ очень чувствителенъ для композитора, и недавняя энергія его снова поколебалась. Между тѣмъ въ 1851 г. „Эсмеральда“ была въ первый разъ поставлена на Александринской сценѣ въ Петербургѣ, но вслѣдствіе плохой постановки, и она не имѣла успѣха. Огорченный этой неудачей, въ которой выразилось паденіе музыкальныхъ вкусовъ публики, Даргомыжскій снова принялся за писаніе романсовъ, пѣсенъ и арій, дуэтовъ и тріо. Вокальныя произведенія, охотно принимаемыя издателями, имѣли большой успѣхъ въ публикѣ, но конечно эти успѣхи не могли удовлетворять автора. Въ то же время Даргомыжскій занялся новою для него музыкально-педагогическою дѣятельностью и, вращаясь въ средѣ пѣвцовъ и пѣвицъ - диллетантовъ прекрасно изучивъ всѣ свойства и особенности человѣческаго голоса и искусство драматическаго пѣнія, онъ вскорѣ сдѣлался желаннымъ учителемъ пѣнія. Въ этихъ занятіяхъ композиторъ искалъ себѣ удовлетворенія отъ томившей его жажды художественнаго творчества и былъ доволенъ, что время его не пропадало даромъ. Около 1852 г. Даргомыжскій снова приступилъ къ собиранію матеріаловъ для оперы „Русалка“, но работа эта подвигалась очень медленно и безъ оживленія вслѣдствіе вліянія пережитыхъ имъ неудачъ. Одному обстоятельству суждено было все сразу измѣнить къ лучшему. Весною 9 апрѣля 1853 г., хорошіе знакомые Даргомыжскаго: князь В. Ѳ. Одоевскій и А. Н. Карамзинъ устроили благотворительный концертъ въ дворянскомъ собраніи, въ которомъ участвовалъ и композиторъ. Успѣхъ Даргомыжскаго на этотъ разъ былъ на столько великъ, что онъ горячо принялся за работу и въ 1855 году закончилъ „Русалку“. Въ маѣ 1856 г., „Русалка“ впервые появилась на сценѣ Маріинскаго театра, а 17 іюня появилась въ „Музыкальномъ театральномъ вѣстникѣ“, первая критическая статья о ней А. Н. Сѣрова, послужившая началомъ цѣлаго ряда очерковъ талантливаго критика, посвященныхъ всестороннему разбору произведенія Даргомыжскаго. Въ нихъ Сѣровъ весьма сочувственно относился къ композитору и появленіе „Русалки“, называлъ событіемъ въ театральномъ мірѣ. Успѣхъ этой оперы оказалъ сильное вліяніе на художественное развитіе самаго Даргомыжскаго, впервые опредѣливъ его истинное направленіе, характеръ твор-

чества и школу, а также истинные размѣры и силу его дарованія; въ своей „Русалкѣ“ Даргомыжскій становится совершенно самостоятельнымъ и даетъ первый крупный образецъ русской музыки. Въ основѣ ея легла русская народная пѣсня со всѣми ея особенностями, мелодическими, гармоническими и ритмическими. „Русалка“, по словамъ Сѣрова, была большою оперою въ „славянскомъ“ стилѣ на русскій сюжетъ, имѣя мѣстами неизбѣжное родственное сходство съ „Жизнью за Царя“.

Въ концѣ 1850 года, Даргомыжскій особенно привязался къ своей любимой ученицѣ Л. И. Бѣленицыной, по мужу—Крамалиной, и эта пора была свѣтлою полосою жизни его, вслѣдъ за которой начались новыя разочарованія и неудачи. Онъ не находилъ даже издателя для „Русалки“ и принужденъ былъ занять 700 рублей для изданія этой оперы. Въ 1859 году, во время пожара въ Маріинскомъ театрѣ, сгорѣли партитуры 17 русскихъ оперъ, въ томъ числѣ „Жизни за Царя“ и „Русалки“; о гибели послѣдней театральные журналисты въ угоду дирекціи прошли молчаніемъ, что̀ явилось обидою для композитора, тѣмъ болѣе, что партитура „Русалки“ находилась только въ одномъ экземплярѣ, и если бы за 2 недѣли московская пѣвица Семенова не похлопотала списать ее для своего бенефиса, то опера эта погибла бы навсегда. Вообще театральные рецензенты постоянно обходили Даргомыжскаго, зачастую упоминая его имя лишь среди посредственныхъ величинъ музыкальнаго міра, а затѣмъ даже совсѣмъ перестали писать о его произведеніяхъ, и огорченный, оскорбленный композиторъ рѣшился предпринять путешествіе за границу, куда онъ и выѣхалъ въ 1864 году. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Даргомыжскій былъ уже въ Лейпцигѣ, гдѣ имя его было достаточно извѣстно въ музыкальномъ мірѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Брюссель, гдѣ данные имъ концерты произвели восторгъ. Не имѣя возможности поставить въ Брюсселѣ свои оперы, Даргомыжскій переводилъ на французскій языкъ свои романсы, которые также имѣли успѣхъ. Въ февралѣ 1865 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ и затѣмъ, заѣхавъ въ Лондонъ, въ началѣ мая 1865 г., былъ уже на пути въ С.-Петербургъ. Здѣсь его ожидалъ крутой поворотъ въ общественномъ мнѣніи, совершившійся подъ вліяніемъ заграничныхъ его успѣховъ. „Русалка“ вдругъ сдѣлалась излюбленною оперою петербургской публики, и такимъ образомъ въ 1866 г. русская музыкальная школа получила наконецъ право гражданственности. Въ 1860 г. Даргомыжскій задумалъ волшебную оперу „Рогдана“, но написалъ лишь нѣсколько номеровъ. Тою же правдой отличались и нѣсколько его прекрасныхъ романсовъ того времени, дышащіе или страстью, или глубокимъ драматизмомъ, возвышаясь до степени художественнаго паѳоса, какъ-то „Старый Капралъ“, „Паладинъ“, и романсъ, отличающійся своей восточной окраской: „О дѣва—роза“. Далѣе слѣдовали его романсы комическаго характера, къ которому онъ проявлялъ особенную способность: „Червякъ“, „Титулярный совѣтникъ“ „Какъ пришелъ мужикъ изъ-подъ горокъ“, „Мчитъ меня въ твои объятья“, и всѣ эти произведенія отличались той жизненной правдой, которую неуклонно преслѣдовалъ Даргомыжскій со времени появленія „Русалки“. Изъ числа произведеній инструментальныхъ этого періода особенно выдѣлялись „Казачекъ“, „Чухонская фантазія“ и „Баба-Яга“, являвшіяся самобытными русскими скерцо, составляющіе pendant къ „Камаринской“ Глинки.

Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы Даргомыжскій приступилъ къ составленію своего важнѣйшаго произведенія—оперы „Каменный Гость“. Задача тѣмъ болѣе была серьезной, что композиторъ поставилъ себѣ въ условіе писать музыку на текстъ Пушкина, не измѣняя ни единаго слова. Такимъ образомъ опера эта слагалась только изъ речитативовъ. Въ ней рѣшительно отбрасывались Даргомыжскимъ всѣ условные и формальные элементы оперная типа и всѣ самостоятельныя музыкальныя задачи, если онѣ не вызывались условіями текста. Речитативы у Даргомыжскаго, совсѣмъ утративъ свой первоначальный казенный характеръ, являлись сами по себѣ самостоятельною и важною музыкальною цѣлью, т. е. художественнымъ произведеніемъ человѣческой рѣчи во всѣхъ ея деталяхъ. Значеніе новѣйшихъ речитативовъ музыкальной декламаціи доведено было имъ до крайней степени художественности и выработки, и дальше Даргомыжскаго въ

этомъ направленіи никто не пошелъ. Заключая свою оперу въ строгую рамку исключительно речитатива, Даргомыжскій однако предсказывалъ, что она „будетъ для немногихъ“. Дѣйствительно, поставленная въ 1872 г. на сценѣ, уже послѣ смерти автора, опера успѣха не имѣла: произведеніе это было по своему музыкальному содержанію оказалось недоступно для современной публики. Въ предѣлахъ же задачи, каторую композиторъ себѣ поставилъ въ этой операѣ— воспроизвести музыкально „весь“ текстъ Пушкина — цѣль его достигнута блестящимъ образомъ. Замкнувшись въ сферу однихъ только речитатитовъ, онъ произвольно и напрасно ограничилъ средства оперной музыки, но и при этихъ ограниченныхъ средствахъ, силою своего дарованія, создалъ произведеніе вдохновенно-прекрасное, отвѣчающее совершенно его колоссальному таланту.

Здоровье Даргомыжскаго давно уже возбуждало опасенія. Лѣтомъ 1868 г. точно опредѣлена была давно мучившая Даргомыжскаго болѣзнь — аневризмъ сердца. Предвидя свою близкую кончину, Даргомыжскій сознавалъ, что, ему не суждено окончить своей оперы и выразилъ желаніе, чтобы „Каменный Гость“ былъ оконченъ Ц. А. Кюи и инструментованъ Римскимъ-Корсаковымъ и чтобы затѣмъ опера эта была представлена въ С.-Петербургскую театральную дирекцію для постановки на сцену, при чемъ онъ же назначилъ въ пользу своихъ наслѣдниковъ цифру гонорара въ 3.000 р. Однако дирекція отказалась пріобрѣсти за эту цѣну оперу, и ей привелось пролежать безъ движенія до 16 февраля 1872 г., когда она поставлена была, благодаря заботамъ Кюи и В. В. Стасова, которые, путемъ печати, обратили вниманіе общества на положеніе оперы, и тогда „Собраніе художниковъ“ пріобрѣло геніальное произведеніе Даргомыжскаго и подарило его русскому театру. Смерть постигла великаго русскаго композитора въ Петербургѣ 5 января 1869 г., и 9 января въ Александро-Невской лаврѣ состоялось погребеніе. Останки его опущенывъ могилу неподалеку отъ его друга и сподвижника М. И. Глинки. Даргомыжскій всю свою жизнь неуклонно и съ необычайнымъ своеобразнымъ талантомъ велъ впередъ вокальную романсовую и оперную музыку и довелъ ее до высокой степени правды и совершенства выраженія. Сдѣланнаго великимъ композиторомъ слишкомъ достаточно для того, чтобы онъ занялъ въ исторіи русской оперы одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

„Русская Старина“ 1870 г. т. II въ „Запискахъ М. И. Глинки“, „Послѣдніе годы жизни М. И. Глинки“; 1871 г. III въ „Воспоминаніяхъ Ѳ. М. Толстаго“ IV „М. И. Глинка“. Въ „Воспоминаніяхъ о М. И. Глинкѣ 1813—1869 г.“; 1875 XII „А. С. Даргомыжскій“. Автобіографія письмо А. С. Даргомыжскаго къ С. Н. Даргомыжскому; XIII „Воспоминанія о Даргомыжскомъ“ Крамалиной. „А. С. Даргомыжскій“, матеріалы для его біографіи; XIV „Глинка и Даргомыжскій по поводу отзыва Даргомыжскаго“; 1876 г. XV „Александръ Николаевичъ Сѣровъ 1841—1842“. 1885 XLVI „Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій въ 1856—1869 г.“. Сообщ. Н. Н. Крамалинымъ; 1878 XXI Александръ Ник. Сѣровъ“ „очерки и замѣтки 1859—1866 г.“ 1888 г. LIX „Александръ Николаевичъ Сѣровъ“ восп. и письма; 1889 г. LXIV „А. Г. Рубинштейнъ“ въ воспоминаніяхъ А. Ларошa; 1894 LXXXI „А. С. Даргомыжскій по поводу 25 лѣтъ со времени его смерти“, LXXXI январь „Воспоминанія А. А. Харитонова“.

„Одесскій Вѣстникъ“ 1873 № 175 — „А. С. Даргомыжскій и опера его Русалка“; „Музыкальный листокъ“ 1874 г. № 8 и 1875 г. № 8— „біографія А. С. Даргомыжскаго“; „Новороссійскій телеграфъ“ 1875 г.—„А. С. Даргомыжскій и опера его „Русалка“; „Театральный Вѣстникъ“, 1856 г.: „Русалка“, опера А. С. Даргомыжскаго, 10 статей А. Н. Сѣрова; „Сынъ Отечества“ 1876 – № 302 „А. С. Даргомыжскій и значеніе его оперы „Каменный Гость“; Краткое историческое обозрѣніе русской оперы“—Восемь писемъ А. С. Даргомыжскаго къ А. Н. Сѣрову; „Биржевыя Вѣдомости“ 1872 г.: „Краткое обозрѣніе русской оперы“—П. Макарова; „Новое Время“ 1872 № 130 и 148 „Новыя русскія оперы“.—1869 № (некрологъ); „Отечественныя записки“ 1869 г. № 3—нѣсколько словъ въ память покойнаго А. С. Даргомыжскаго“, „Каменный Гость“, „Pattimania“, „Вѣстникъ Европы, 1872 г., № 4: „Каменный Гость“ Даргомыжскаго“ „Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы-пѣвцы“ М. К. Москва 1874 г. — „А. С. Даргомыжскій“ въ біографіяхъ, изданныхъ Павленковымъ.

Б. Т.

Дарія (въ мірѣ — *Анна Алексѣевна*, урожд. Колтовская, четвертая супруга царя Іоанна Грознаго), игуменія Введенскаго Тихвинскаго монастыря, новгородской епархіи (1574—1626 г.г.). Біографическія свѣдѣнія о ней до ея замужества очень скудны. Извѣстно, что она была весьма незнатнаго происхожденія, но отличалась необыкновенной красотой. Весною 1572 г. состоялся ея бракъ съ царемъ Іоанномъ

Грознымъ, а черезъ два года пострижена была въ монашество съ именемъ Даріи въ Тихвинскомъ Введенскомъ монастырѣ и прожила тамъ болѣе 50 лѣтъ. Въ 1613 г. монастырь былъ сожженъ шведами, монахини разбѣжались, а царица-инокиня скиталась по окрестнымъ лѣсамъ и только изрѣдка приходила въ Тихвинъ для подкрѣпленія себя молитвою и пріобщеніемъ св. таинъ. Въ 1617 г. положеніе царицы-инокини измѣнилось къ лучшему: царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ ей вотчины и рыбную ловлю. Царица-инокиня проводила вполнѣ подвижническую жизнь. На свои средства и своими трудами и ходатайствами она возстановила Введенскую обитель, построила тамъ деревянную церковь, кельи и др. хозяйственныя зданія и завѣщала монастырю пожалованную ей вотчину—село Никифорово съ деревнями подъ городомъ Устюжною и рыбную ловлю на рѣкѣ Волховѣ, ниже Ладоги. Скончалась игуменія Дарія 5 апрѣля 1626 года. Память о многострадальной вдовѣ Грознаго сохранилась до настоящаго времени, и монастырь, въ которомъ она подвизалась, до сихъ поръ называется „Царицынымъ“.

(Душепол. Чт., 1888 г., № 3). *Здр.*

Даудовъ, *Василій Александровичъ*, стольникъ и воевода XVII в., родомъ изъ Персіи, Алимарцанъ Бабаевъ сынъ Даудовъ, родился около 1620 г. въ персидскомъ г. Испагани, по происхожденію вѣроятно армянинъ, служилъ при дворѣ шаха персидскаго „по передней въ стряпчихъ“. Трудно сказать опредѣленно, въ чемъ собственно заключались его служебныя обязанности; ясно только, что онъ былъ вхожъ ко двору, и ему между прочимъ поручались сношенія съ иностранными посольствами. Такъ, въ 1653 г. во время пребыванія въ Казминѣ (вѣроятно Казбинъ — персидскій городъ къ сѣв.-зап. отъ Тегерана) русскаго посольства съ кн. Ив. Ив. Лобановымъ-Ростовскимъ во главѣ (о посольствѣ этомъ см. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII), Даудовъ былъ присланъ отъ шаха съ подарками. Оффиціальныя отношенія съ посольствомъ дали ему возможность коротко сойтись съ княземъ и его товарищами и познакомиться съ основами православной вѣры и съ жизнью и нравами далекаго русскаго государства. „Возлюбивъ православную вѣру“, и отчасти вѣроятно соблазненный милостями царя Алексѣя Михайловича, ожидавшими его, какъ иностранца, въ Москвѣ, Даудовъ рѣшилъ бѣжать въ Россію сейчасъ же послѣ ухода русскаго посольства и принять русское подданство. Свое бѣгство и дальнѣйшую службу при московскомъ дворѣ Даудовъ впослѣдствіи описалъ въ своей автобіографіи, носящей названіе: „Выѣздъ изъ Персіи и службы стольника Василія Александровича Даудова, который выѣхалъ изъ города Казмина, а имя ему было Алимарцанъ Бабаевъ сынъ Даудовъ“. Планъ бѣгства былъ одобренъ княземъ и приведенъ было въ исполненіе, но погоня, посланная шахомъ, отбила бѣглеца и въ оковахъ отправила на родину, гдѣ конечно ожидало его жестокое наказаніе. Однако близъ с. Келграна, гдѣ похороненъ одинъ изъ персидскихъ царей, шахъ Софія, Даудовъ, согласно обычаю, не позволявшему пропускать колодниковъ вблизи гробницъ персидскихъ царей, былъ отбитъ жителями и выпущенъ на свободу. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Келгранѣ Даудовъ при содѣйствіи мѣстныхъ жителей тайно пробрался въ г. Ардовонъ, служившій также мѣстомъ упокоенія одного изъ шаховъ и потому пользовавшійся такою же привиллегіей, какъ и Келгранъ, оттуда въ скоромъ времени бѣжалъ къ берегу Каспійскаго моря, гдѣ зимовало русское посольство, вмѣстѣ съ которымъ Даудовъ весною 1654 г. пріѣхалъ въ Россію. По прибытіи въ Москву, Даудовъ, по приказу царя Алексѣя Михайловича, былъ отданъ въ Чудовъ монастырь на 6 недѣль „подъ началъ“ и 26 апрѣля 1654 г. крещенъ въ православную вѣру и нареченъ Василіемъ, по крестному отцу Александровичемъ, а затѣмъ опредѣленъ на службу въ посольскій приказъ толмачемъ, благодаря знанію восточныхъ языковъ. Эту должность Даудовъ занималъ до 1667 г. Съ этого года начинается дипломатическая служба его. Вмѣстѣ съ дьякомъ Аѳанасіемъ Нестеровымъ онъ былъ посланъ въ этомъ году въ Константинополь къ султану, черезъ Азовъ и Черное море, оттуда проѣхалъ въ Адріанополь — тогдашнюю зимнюю резиденцію этого послѣдняго; попутно Даудовъ посѣтилъ и многіе другіе города Турціи. Въ точности неизвѣстна цѣль этого посольства, хотя несомнѣнно дѣло шло о положеніи православнаго духовенства въ земляхъ, подвластныхъ Турціи. „А посланъ былъ Аѳанасій Нестеровъ съ

*

товарищи въ Царьградъ для великихъ государскихъ дѣлъ и для вселенскихъ патріарховъ", говорится въ автобіографіи. Результаты посольства однако не удовлетворили, повидимому, патріарховъ: александрійскаго—Паисія и антіохійскаго—Макарія, и Даудовъ, возвращавшійся въ Россію одинъ, раньше своихъ товарищей, получилъ для передачи царю отъ обоихъ патріарховъ новыя челобитныя о возвращеніи имъ ихъ патріаршихъ престоловъ, занятыхъ самозванцами, и жалобы на притѣсненія со стороны турецкихъ властей. Въ 1669 г. Даудовъ уже во главѣ посольства снова былъ отправленъ въ Константинополь черезъ Польшу и Валахію съ граматами Алексѣя Михайловича къ султану. На этотъ разъ онъ добился успѣха, получилъ аудіенцію и съ такою энергіею поддерживалъ требованія обиженныхъ, что жалобы обоихъ патріарховъ были немедленно удовлетворены: самозванцы преданы анаѳемѣ, и соборъ, созванный по указу султана, утвердилъ обоихъ патріарховъ на мѣстахъ. Знаніе восточныхъ языковъ, умъ и дипломатическія способности Даудова въ скоромъ времени обратили на него вниманіе московскаго двора, и почти до конца жизни видимъ мы его ведущимъ дипломатическія сношенія съ Востокомъ; помимо исполненія возлагаемыхъ на него дипломатическихъ порученій, онъ съ каждой поѣздкой вывозитъ изъ чужихъ странъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ тщательно переименовываетъ въ своей автобіографіи (См. „Выѣздъ и проч."), заводитъ торговыя сношенія и содѣйствуетъ восточнымъ купцамъ при ввозѣ ихъ товаровъ въ Россію. Самъ онъ окончательно сроднился съ своимъ новымъ отечествомъ и 11 февраля 1683 г. женился на дочери Ѳ. Я. Уварова, отъ которой имѣлъ сыновей Василія и Ивана. Первая жена Даудова неизвѣстна; отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей и дочь. За усердную службу онъ былъ часто награждаемъ деньгами и земельными угодьями, такъ что къ концу его жизни мы видимъ его владѣльцемъ довольно значительнаго по тогдашнему времени состоянія. Порядокъ полученія имъ чиновъ выяснить невозможно: документы называютъ его иноземцемъ, кормовымъ иноземцемъ, дворяниномъ, стольникомъ и воеводою; стольникомъ названъ онъ въ первый разъ въ актахъ 1692 г.

Въ январѣ 1672 г. заключенъ былъ договоръ Россіи съ Польшей, по которому царь Алексѣй Михайловичъ обязывался между прочимъ послать граматы къ султану съ убѣжденіемъ не начинать войны съ поляками; съ этими граматами былъ посланъ Даудовъ, которому, помимо этого, дано было секретно посланіе къ азовскимъ казакамъ, предписывавшее имъ по выходѣ русскаго посольства изъ Азова, взять приступомъ городскія укрѣпленія. Порученіе это было исполнено Даудовымъ, но излишняя поспѣшность казаковъ едва не погубила русскаго посла съ товарищами. Укрѣпленія были частью разрушены, частью взяты казаками, а Д. и другіе члены посольства, не успѣвши еще удалиться на приличное разстояніе отъ города, были схвачены по приказу турецкихъ властей, обвинены въ подстрекательствѣ и едва не поплатились жизнію; къ счастью, поднявшійся вѣтеръ съ моря нагналъ воду и, затопивъ лагерь казаковъ, заставилъ ихъ прекратить осаду. Отпущенный, благодаря содѣйствію азовскаго писаря, на свободу, Даудовъ съ трудомъ, перенесся при переѣздѣ черезъ Черное море жестокую бурю и всевозможныя лишенія, добрался до Константинополя, гдѣ его ждало назначенное султаномъ по доносу азовскаго воеводы звѣрское наказаніе; заступничество визиря однако избавило Даудовъ отъ кары со стороны разгнѣваннаго султана, и, передавъ свои граматы, онъ невредимымъ вернулся въ Москву. Посольство это не имѣло успѣха. Вскорѣ послѣ этого, въ 1673 г., Даудовъ оставилъ службу въ Посольскомъ Приказѣ и назначенъ воеводой въ Яренскій городокъ (вологодской губ.). Въ 1675 г. снова призванъ въ Москву и 28 февр. посланъ съ царскими граматами къ ханамъ Хивинскому Анавша-Богодыру и Бухарскому Абдур-Асиза-Богодыру. Помимо вывоза русскихъ плѣнныхъ, онъ имѣлъ вѣроятно какое-либо порученіе, однако въ своемъ „Выѣздѣ" объ этомъ не упоминаетъ, и цѣль его посольства остается неизвѣстною. Послѣ труднаго путешествія по степямъ и пустынямъ, полнаго опасностей и тяжелыхъ лишеній, Даудовъ въ октябрѣ 1675 г. прибылъ въ Хиву, а 21 января 1676 г. въ Бухару. На обратномъ пути въ Россію, въ Гурьевѣ-городкѣ, Даудовъ съ партіей русскихъ плѣнныхъ и нѣсколькими хивинскими и бухарскими куп-

цами подвергся нападенію со стороны азовскаго разбойника Васьки Касимова. Едва избѣжавъ смертной казни и потерявъ большую часть своего имущества, злополучный посолъ послѣ кратковременнаго плѣна былъ отпущенъ на свободу и въ октябрѣ 1678 г. вернулся въ Москву. (См. „Исторію Россіи“ Соловьева, т. XIII, стр. 298). Въ декабрѣ того же года, чтобы предупредить нашествіе султана и хана на Украйну, Даудовъ снова былъ посланъ къ султану Магомету съ царской граматой, въ которой предлагалось возстановить прежнія дружественныя отношенія султана съ Россіей; патріархъ Іоакимъ въ свою очередь отправилъ грамату подобнаго же содержанія къ муфтію. Какъ видно изъ наказа, Даудовъ долженъ былъ отправиться на Сѣвскъ, Батуринъ, а затѣмъ малороссійскими городами, черезъ Молдавію и Валахію, минуя города польскаго короля. Въ Батуринѣ Даудову велѣно передать грамоты гетману войска запорожскаго, Самойловичу, въ Молдавіи и Валахіи—тамошнимъ господарямъ. Встрѣтивъ нѣкоторыя затрудненія и препятствія со стороны Каневскаго сотника Юрія Хмѣльницкаго въ Переяславлѣ, Даудовъ, измѣнивъ нѣсколько маршрутъ и проѣхавъ польскими городами, благополучно прибылъ въ Константинополь; оттуда уже 29-го іюля 1680 г. выѣхалъ во свояси на Каменецъ и Лихвинъ и въ октябрѣ былъ въ Москвѣ. Въ концѣ 1680 г. Даудовъ былъ назначенъ воеводой въ Чарандѣ на оз. Вожѣ; въ 1687 г. участвовалъ въ походахъ кн. Вас. Вас. Голицына и служилъ въ войскѣ вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ. Въ 1688 г. назначенъ воеводой въ г. Скопинѣ (нынѣ уѣздн. гор. рязанской губ.). О дѣятельности Даудова, какъ воеводы и градоправителя, документы говорятъ къ сожалѣнію очень мало; извѣстно лишь, что 15 мая 1688 г. Даудовъ получилъ изъ Москвы похвальную грамату за исправную и быструю посылку царскихъ доходовъ изъ своего города ко двору; извѣстенъ и еще одинъ документъ (см. Селифонтовъ), изъ котораго видно, что 10 іюля 1689 г. на Даудова подана была царю стрѣлецкимъ пятидесятникомъ Жмуркинымъ, да двумя скопинскими посадскими жалоба на жестокое обращеніе, незаконные поборы и лихоимство, и, по указу царевичей Петра и Іоанна, онъ долженъ былъ въ сентябрѣ того же года сдать городъ присланному изъ Москвы дьяку Льву Протопопову, которому было поручено произвести по жалобѣ дознаніе. Дознаніе однако обнаружило невиновность Даудова и окончилось оправданіемъ его и наказаніемъ доносчиковъ; впрочемъ, города онъ обратно уже не получилъ и въ 1690 г. ему велѣно было ѣхать на Терекъ; можно полагать, что поѣздка эта имѣла цѣлью возвращеніе въ Россію русскихъ раскольниковъ, хотя и нѣтъ на это прямыхъ указаній. Даудовъ, находившійся уже въ преклонныхъ лѣтахъ, подалъ челобитную объ отставкѣ, въ которой указывалъ на свой возрастъ, разстроенное здоровье, расшатанное многочисленными путешествіями, полными опасностей и лишеній, на важныя заслуги свои передъ царскимъ правительствомъ,—но все было напрасно, и въ отвѣтъ на свою челобитную онъ получилъ проѣздную грамату на Терекъ; однако туда повидимому не ѣздилъ, такъ какъ ни въ автобіографіи, въ которой онъ старательно перечисляетъ всѣ свои „службы“ московскому царю, ни въ челобитной объ отставкѣ, поданной позже, гдѣ онъ указываетъ на свои путешествія, нѣтъ никакихъ указаній на эту поѣздку. Въ 1691 г. Даудовъ подалъ челобитную о назначеніи его воеводой въ Ряжскъ, получилъ согласіе, но былъ ли въ Ряжскѣ—объ этомъ документы умалчиваютъ. 24 февраля 1695 г. Даудовъ наконецъ освобожденъ былъ отъ службы, но, несмотря на это, указомъ царя Петра Алексѣевича 1696 г. снова посланъ на Азовъ и въ Царьградъ. Цѣль послѣдняго посольства, а равно и время возвращенія въ Россію—неизвѣстны. Этимъ посольствомъ заканчивается трудная и продолжительная служба Даудова на дипломатическомъ и административномъ поприщѣ. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1701 г.

Моск. Арх. М. И. Дѣлъ, Дѣла турецкія, кн. 18, 19. Энциклопедическій словарь Брокгауза.—„Исторія Россіи“ Соловьева, XII. XIII.—Селифонтовъ. Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни В. А. Даудова. Изд. Археограф. Ком. Спб. 1871.—Автобіографія стольника В. А. Даудова XVII вѣка. „Русск. Арх.“ 1889, II, стр. 5. Отзывъ въ „Русской Мысли“ 1889 г. № 9. Библіограф. отд.—Протопоповъ. Яренскіе воеводы (съ 1600 по 1700 г.). „Вологодскія Губ. Вѣдомости“ 1849 г. № 38, часть неофф. О родѣ Д. см Долгорукова. Родословн. кн. 4. Общ. Гербовн. IV. *В. Власовъ.*

Дау см. **Доу**.

Дашкевичъ, *Евстафій*, ошибочно считавшійся нѣкоторыми историками первымъ гетманомъ казацкимъ, на самомъ дѣлѣ—только воевода, а затѣмъ староста Черкасскій и Каневскій, на службѣ у великихъ литовскихъ князей, дворянинъ по происхожденію, появляется на исторической сценѣ на рубежѣ XV и XVI столѣтій. Въ лѣтописяхъ русской исторіи Дашкевичъ упоминается впервые, какъ воевода Литовскаго князя Александра, въ 1501 г., когда онъ былъ разбитъ въ битвѣ при Ведрошѣ русскими воеводами. Черезъ годъ или около того называется намѣстникомъ Кричевскимъ, который „вступаетъ“ въ рускія области и, какъ жалуется на него кн. Ряполовскій, потворствуетъ своимъ людямъ грабить русскія деревни. Въ 1504 г. однако мы видимъ его на службѣ у великаго князя Московскаго, бѣжавшимъ изъ Литвы. Причина этого внезапнаго перехода, равно какъ и обратнаго ухода его въ 1508 г. на службу литовскому князю Сигизмунду,—неизвѣстна. Неизвѣстно также, въ чемъ заключалась его служба въ Москвѣ. Извѣстно только, что въ 1508 же году онъ былъ посланъ съ 20000 войска на помощь возставшему въ Литвѣ Михаилу Глинскому, потерпѣвшему, какъ извѣстно, пораженіе,- и что обратный переходъ Д. совершился не безъ участія кн. Константина Острожскаго, который и ходатайствовалъ за него передъ Сигизмундомъ. Послѣдній назначилъ Д. старостою Черкасскимъ и Каневскимъ; имъ онъ оставался до своей смерти. Владѣлецъ обширныхъ помѣстій и многихъ деревень, предпріимчивый и храбрый староста вскорѣ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ большія военныя силы, организовавъ и укрѣпивъ, какъ военное сословіе, слагавшееся въ ту пору украинское казачество. Пограничное положеніе Черкасъ и Канева, сдѣлавшихся сборными пунктами всего днѣпровскаго казачества, позволили Д., съ одной стороны, сдѣлаться фактически почти независимымъ отъ литовскаго князя, съ другой—обрекли его на безпрерывную борьбу съ татарами. То одинъ, то вмѣстѣ съ Предсл. Лянцкоронскимъ, не менѣе знаменитымъ предводителемъ казаковъ, и другими старостами предпринималъ онъ не разъ походъ противъ татаръ. Исключеніе составляетъ только походъ Д. въ 1521 г. съ татарами на Москву, и осада имъ Рязани, которую онъ пытался взять хитростью. На слѣдующій годъ онъ самъ уже попался въ плѣнъ крымскимъ татарамъ, но, воспользовавшись раздорами въ ордѣ, счастливо бѣжалъ и не замедлилъ отомстить имъ набѣгомъ на полуостровъ. Въ 1532 г. крымскій ханъ, раздраженный безпрестанными набѣгами казаковъ Д., не прекращавшихъ ихъ не смотря на увѣренія польскаго правительства въ вѣчной дружбѣ, осадилъ Черкасы, но Д. такъ удачно отразилъ татаръ, что ханъ счелъ болѣе выгоднымъ заключить съ нимъ дружбу. На слѣдующій годъ Д. выступилъ на Піотроковскомъ сеймѣ съ планомъ устройства на Днѣпровскихъ островахъ замковъ съ постояннымъ гарнизономъ изъ казаковъ для защиты Украйны отъ набѣговъ татаръ. Проектъ былъ одобренъ, но не осуществленъ. Еще разъ мы встрѣчаемся съ Д. при взятіи Сигизмундомъ, въ борьбѣ съ русскими, Стародуба въ 1535 г. Въ слѣдующемъ году знаменитый староста умеръ.

Максимовичъ. Собр. Соч. т. I стр. 289—292; Кулишъ Исторія возсоединенія Руси т. I; Соловьевъ Исторія Россіи т. V (кн. I); Маркевичъ: Исторія Малороссіи; Миллеръ: Историч. сочиненія о Малороссіи; Антоновичъ: Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст. и «Пана Ходыки» въ т. I (стр. 206) Монографіи по исторіи Западной и Югозападной Россіи; или въ Кіевской Старинѣ въ I т. 1882 г. стр. 24, 34, 244, 250; Кіевск. Старина 1884 г. т. IX стр. 592 (происхожденіе запорожскаго казачества). Акты Зап. Россіи т. I стр. 322, 336, 338; т. II стр. 49; Софійская первая лѣтопись; Воскресенская лѣтопись (полн. собр. т. VI стр. 47 и т. VIII стр. 241); Южно-русскія лѣтописи стр. 109, 129; Костомаровъ: Богданъ Хмѣльницкій, т. I Ригельманъ: Лѣтописное повѣствованіе. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1846 г. кн. 4—6) стр. 14, 16; Шафонскій: Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. стр. 50.

И. Соколовъ.

Дашкевичъ-Чайковскій, *Михаилъ Эразмовичъ*, сотрудникъ „Вѣстника ярославскаго земства“, представитель вѣдомства государственныхъ имуществъ на собраніи губернскаго ярославскаго земства. Род. въ 1835 г., ум. 15 окт. 1875 г. Дашкевичъ-Чайковскій происходилъ изъ дворянъ подольской губерніи. Окончивъ курсъ въ кіевскомъ университетѣ, онъ прослушалъ спеціальные курсы лѣсоводства въ лѣсномъ институтѣ и въ минскомъ учебномъ лѣсничествѣ; загѣмъ 18 дек. 1861 г. въ чинѣ подпоручика поступилъ на службу въ корпусъ лѣсничихъ и былъ

назначенъ запаснымъ лѣсничимъ; въ маѣ 1867 г. онъ былъ опредѣленъ на должность лѣсного ревизора въ ярославской губерніи. Въ 1872 г. получилъ должность старшаго ревизора, состоя на которой и умеръ отъ чахотки въ 1875 г.

Въ 1870 г. Дашкевичъ-Чайковскій написалъ превосходную статью о лѣсномъ хозяйствѣ въ Ярословской губерніи, напечатанную въ „Трудахъ ярославскаго статистическаго комитета". Въ „Вѣстникѣ ярославскаго земства" помѣщено нѣсколько его статей; важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: a) „Статистическія данныя, указывающія на необходимость осушенія болотъ въ Ярославской губерніи; b) „О примѣненіи водяного пара къ тушенію пожаровъ". c) Современныя дезинфенціонныя средства; d) Лѣсопильное хозяйство въ Ярославской губерніи. Въ нѣсколькихъ номерахъ того же „Вѣстника" ему принадлежатъ „Хозяйственныя замѣтки".

«Голосъ», 1875 г., № 307. —«Иллюстрированная Недѣля», 1875 г., стр. 752. — «Вѣстникъ ярославскаго земства», 1873 г., ноябрь, III отд., стр. 13; мартъ, III отд., стр, 1; 1872 г., ноябрь, декабрь, III отд., стр. 61; октябрь, III отд., стр. 14.

Дашкова, княгиня *Екатерина Романовна*, статсъ-дама, президентъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и Россійской Академіи, дочь графа Ром. Илларіон. Воронцова и супруги его, графини Маріы Ивановны, рожденной Сурминой, род. 17 марта 1744 г. въ Петербургѣ, ум. 4 января 1810 г. въ Москвѣ. 1744-й годъ, какъ годъ своего рожденія, неоднократно прямо указываетъ сама княгиня Дашкова; по нѣкоторымъ другимъ указаніямъ она родилась въ 1743 г. Она была крестницей императрицы Елизаветы Петровны и великаго князя, впослѣдствіи императора, Петра Ѳеодоровича. Лишившись матери въ апрѣлѣ 1745 г., она воспитывалась въ домѣ своего дяди, канцлера гр. М. Илл. Воронцова, вмѣстѣ съ его дочерью, впослѣдствіи графинею Строгановой. При ученіи ихъ главное вниманіе обращено было на иностранные языки; русскій преподавался, по свидѣтельству кн. Дашковой, урывками, и ученицы знали его плохо. Молодая графиня была одарена недюжинными способностями и характеромъ. Съ дѣтства проявляла она большую любознательность и къ 15-и годамъ прочла уже многое изъ сочиненій Монтескье, Бейля, Вольтера, Буало, Гельвеція. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она уже тогда обнаружила признаки того честолюбія, которымъ отмѣчена вся ея жизнь и дѣятельность. Кн. Дашкова разсказываетъ, что во время кори, постигшей ее на 13-мъ году, когда она была вполнѣ отдѣлена отъ своей семьи, подъ вліяніемъ одиночества произошла рѣзкая перемѣна въ ея характерѣ: она стала серьезна и задумчива; сама кн. Дашкова объясняетъ это тѣмъ, что не была удовлетворена присущая ей потребность „быть любимою и интересовать собою тѣхъ, кого любила" (je voulais être aimée, je voulais interesser tous ceux que j'aimais); но вся дальнѣйшая дѣятельность кн. Дашковой отмѣчена вовсе не проявленіями любвеобильной души, а именно—проявленіями энергическаго характера и сильнаго, можно сказать, безпокойнаго честолюбія; поэтому мы думаемъ, что изъ разсказа Дашковой надо заимствовать указаніе, что эти особенности ея характера проявлялись уже въ дѣтствѣ, но принимать объясненіе, какое она сама даетъ этимъ особенностямъ—нельзя.

По разсказу кн. Дашковой, любовь ея къ чтенію и довольно значительныя познанія обратили на нее вниманіе сначала И. И. Шувалова, который сталъ снабжать ее книгами, а затѣмъ и нѣкоторыхъ дипломатовъ, которые посѣщали домъ канцлера, ея дяди, и которыхъ она жадно распрашивала о многомъ, ее интересовавшемъ; отъ этихъ лицъ услыхала о ней великая княгиня Екатерина Алексѣевна и заинтересовалась ею. Въ зиму 1758—1759 года великая княгиня, во время одного изъ своихъ посѣщеній дома канцлера, долго разговаривала съ молодой графиней и съ этихъ поръ, по словамъ Дашковой, установились между ними дружескія отношенія.

Въ маѣ 1759 г. гр. Ек. Ром. Воронцова вышла замужъ за князя Михаила (Кодрата) Ивановича Дашкова и до лѣта 1761 г. прожила въ Москвѣ и въ имѣніяхъ своего мужа, въ кругу его семьи. По словамъ кн. Дашковой, мать ея мужа не знала иностранныхъ языковъ, и Е. Р. Дашкова, желая ей угодить, выучилась за это время хорошо по-русски. Въ февралѣ 1760 г. родилась у нея дочь Наталья, а 1 февраля 1761 г. сынъ Михаилъ, умершій въ младенчествѣ. 28 іюня 1761 г. ровно за годъ

до восшествія на престолъ Екатерины II, Дашкова съ мужемъ пріѣхала обратно въ Петербургъ и немедленно получила приглашеніе бывать при дворѣ великаго князя и его супруги. Императрица Елизавета часто и сильно болѣла; несомнѣнно было, что скоро воцарится Петръ Ѳеодоровичъ; онъ былъ въ явномъ разладѣ съ женою, а старшая сестра княгиня Дашковой, графиня Елизавета Романовна Воронцова, была открыто его фавориткою. Великій князь встрѣтилъ Дашкову очень дружелюбно, отношеніемъ къ себѣ сестры Дашкова тоже была вполнѣ довольна. Но она не захотѣла воспользоваться приглашеніемъ великаго князя вступить въ его ближайшій кружокъ и интересовалась несравненно болѣе обществомъ великой княгини. Вѣроятно, къ этому времени относится начало литературной дѣятельности Дашковой. Она говоритъ, что въ письмахъ ея къ великой княгинѣ помѣщено было ею много русскихъ и французскихъ стихотвореній, обращенныхъ къ будущей Императрицѣ; они не были никогда напечатаны. Первыми напечатанными произведеніями Дашковой являются: переводъ „Опыта объ эпической поэзіи“, Вольтера (напечатанъ въ журналѣ „Невинное упражненіе“, 1763, стр. 13 — 21, 51—56, 99—111 и 145—155, съ нѣкоторыми различіями въ заголовкахъ отдѣльныхъ статей) и стихотворная подпись къ портрету Екатерины, гравированному Чемесовымъ: „Природа въ свѣтъ Тебя стараясь произвесть“ и т. д. Одновременно кн. Дашкова готовилась выступить и на другомъ поприщѣ: по собственнымъ словамъ ея, она стала задумываться о томъ, что ожидаетъ Россію и Екатерину послѣ смерти Елизаветы Петровны: невозможность того, чтобы Петръ Ѳеодоровичъ царствовалъ сколько-нибудь продолжительное время, была очевидна для всякаго мыслящаго человѣка. За нѣсколько дней до кончины Елизаветы Петровны, когда положеніе императрицы было уже совершенно безнадежно, кн. Дашкова — такъ она сама разсказываетъ — явилась ночью къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и умоляла ее открыть ей, какой у нея планъ дѣйствій на случай смерти императрицы, и увѣряла, что будетъ самою вѣрною и преданною ея помощницей во всякомъ ея предпріятіи; по словамъ Дашковой, великая княгиня была тронута этимъ, но еще не имѣла никакого опредѣленія плана. Насколько вѣрно такое утвержденіе кн. Дашковой относительно великой княгини—это, конечно, вопросъ другой; но несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что она ничего опредѣленнаго не сказала Дашковой. Въ недавно изданной запискѣ Императрицы Екатерины о первыхъ дняхъ царствованія Петра Ѳеодоровича, читаемъ слѣдующія строки, относящіяся къ вышеизложенному: «При самой кончинѣ государыни императрицы Елисаветы Петровны прислалъ ко мнѣ князь М. И. Дашковъ, тогдашній капитанъ гвардіи, сказать: повели, мы тебя возведемъ на престолъ. Я приказала ему сказать: ради Бога не начинайте вздоръ, что Богъ захочетъ, то и будетъ, а ваше предпріятіе есть рановременное и не созрѣлая вещь. Къ Дашкову же ѣзжали и въ дружбѣ и согласіи находились всѣ тѣ, кои потомъ имѣли участіе въ моемъ восшествіи... Княгиня же Дашкова съ самаго почти ребячества ко мнѣ оказывала особливую привязанность».

Въ моментъ смерти императрицы княгиня Дашкова была больна. Новый императоръ на третій день по воцареніи посѣтилъ канцлера, тоже больного, и черезъ пажа пригласилъ кн. Дашкову бывать у него по вечерамъ. Такъ какъ она, отговариваясь болѣзнью, не явилась и послѣ неоднократнаго повторенія этого приглашенія, то гр. Елизавета Романовна написала ей письмо, что императоръ начинаетъ гнѣваться, считаетъ болѣзнь, будто бы препятствующую Дашковой являться, притворною; послѣ этого Дашкова стала посѣщать вечера императора; императрица на этихъ вечерахъ не бывала.

Между тѣмъ поведеніе Петра Ѳеодоровича быстро вызывало и усиливало недовольство противъ него. Дашкова разсказываетъ, что она была душою всего заговора, низведшаго Петра и возведшаго Екатерину. Она передаетъ, что послѣ того, какъ императоръ на одномъ парадѣ строго и несправедливо отнесся къ ея мужу, она устроила, что мужъ ея былъ посланъ въ Константинополь съ извѣстіемъ о воцареніи новаго государя; по словамъ Дашковой, она имѣла въ виду не подвергать мужа опасности въ случаѣ неудачи революціи, которая, „точно по какому-то

наитію", представлялось ей неизбѣжною и въ которой она хотѣла дѣйствовать одна и на свой только страхъ. Она говоритъ, что она своими бесѣдами воодушевила Пассека, Бредихина, Рославлева и другихъ, что она привлекла на сторону заговора гетмана Разумовскаго, Н. И. Панина и кн. М. Н. Волконскаго, причемъ Панинъ, будто бы, даже очень удивлялся, что она зашла такъ далеко, ничего не сообщая о своихъ дѣйствіяхъ императрицѣ. 27 іюня 1762 г. вечеромъ у Дашковой сидѣлъ Н. И. Панинъ, когда пріѣхалъ Г. Г. Орловъ и сообщилъ объ арестѣ Пассека; Дашкова, по ея словамъ, немедленно распорядилась, чтобы А. Орловъ ѣхалъ за императрицею въ Петергофъ и послѣ того серьезно и даже строго выговаривала Ѳ. Орлову, который пріѣхалъ къ ней, будто-бы съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться — необходимо ли ѣхать за императрицей немедленно. Очень возможно и даже вѣроятно, что Дашкова со многими разговаривала въ томъ духѣ, какъ разсказываетъ, возможно, что вечеромъ 27 іюня было то, что она передаетъ; но есть всѣ основанія думать, что значеніе и роль ея въ событіяхъ 28 іюня были велики лишь въ ея собственныхъ глазахъ, а не на самомъ дѣлѣ. Неудовольствіе было всеобщимъ; если не каждый собесѣдникъ Дашковой, съ которымъ она разговаривала о необходимости переворота, тотчасъ же отвѣчалъ ей, что онъ и самъ такъ же думаетъ, то это могло быть просто слѣдствіемъ осторожности и вовсе еще не доказываетъ, что Дашкова эту мысль и внушала своему собесѣднику. Кромѣ того, излагая съ чрезвычайною подробностью многіе свои разговоры и съ Петромъ Ѳеодоровичемъ и съ Екатериною Алексѣевною, наконецъ съ Орловымъ 27 іюня, а отчасти и съ другими лицами, Дашкова ограничивается самыми короткими и общими сообщеніями, какъ только начинаетъ говорить, что она внушала ранѣе тѣмъ или другимъ лицамъ относительно необходимости переворота. Императрица Екатерина въ письмѣ къ С. Понятовскому, въ письмѣ, написанномъ въ самые первые дни по восшествіи на престолъ, заявляетъ, что Дашкова ошибается, думая, что все доходило до императрицы черезъ нее; „шесть мѣсяцевъ была я въ сношеніяхъ со всѣми вождями заговора, пишетъ она, прежде чѣмъ Дашкова узнала хоть одно имя". У самой Дашковой встрѣчается признаніе, что она изъ всѣхъ Орловыхъ знала до 28 іюня только Григорія и что только на другой день послѣ переворота она поняла, какія отношенія существуютъ между нимъ и Екатериной,—и это достаточно доказываетъ, что несправедливо приписывать Дашковой то значеніе, какое она себѣ присваиваетъ. Уже Соловьевъ очень правдоподобно объясняетъ поведеніе Орловыхъ 27 іюня тѣмъ, что Орловы наблюдали, что дѣлаетъ, въ рѣшительный моментъ, сестра фаворитки императора. Но всетаки Соловьевъ признаетъ за Дашковой роль, какъ кажется, болѣе значительную, чѣмъ ту, какую она въ дѣйствительности играла; онъ основывается на томъ, что Дашкова получила награду, больше которой не получилъ никто. Но это вполнѣ естественно объясняется тѣмъ, что, за участіе въ такомъ опасномъ дѣлѣ, женщину, къ тому-же молодую и знатную, конечно, необходимо и совершенно законно было вознаградить непропорціонально высоко сравнительно съ другими участниками. Наконецъ, рѣшающее значеніе по вопросу о степени участія Дашковой въ переворотѣ 28 іюня имѣетъ одно показаніе, идущее, можно сказать, отъ самой Дашковой и записанное значительно ближе ко времени этого событія, чѣмъ изложеніе его, сдѣланное Дашковой въ мемуарахъ. Въ 1770 г., тотчасъ послѣ пребыванія Дашковой въ Парижѣ, записалъ свои впечатлѣнія о знакомствѣ съ нею Дидро. Изложеніе его внушаетъ полнѣйшее довѣріе; передавая, напримѣръ, два эпизода съ оговоркою, что онъ излагаетъ ихъ почти дословно съ разсказа Дашковой, Дидро, дѣйствительно, говоритъ почти дословно то же, что читаемъ въ мемуарахъ и Дашковой. По словамъ Дидро, Дашкова не признавала важнымъ въ революціи ни свое участіе, ни участіе кого-либо другого; больше всѣхъ, по ея словамъ, содѣйствовалъ успѣху переворота Петръ Ѳеодоровичъ своимъ поведеніемъ; она говорила Дидро, что дѣло зашло очень далеко безъ вѣдома и императрицы, и ея самой, что за три часа до начала революціи никто не повѣрилъ бы что она начнется раньше, чѣмъ черезъ три года; „quelques heures avant, говоритъ она, personne de nous ne savait quand et comment finir ce que nous désirions". Повидимому, такъ

именно и представлялось Дашковой ея участіе въ событіяхъ 28 іюня въ ближайшее къ перевороту время; лишь впослѣдствіи думаемъ мы, у нея, развилось убѣжденіе, что участіе ея въ революціи было такъ значительно; очень можетъ быть, что кн. Дашкова, съ теченіемъ времени, убѣдила и сама себя въ этомъ. Въ ночь на 28 іюня кн. Дашкова спокойно спала дома и явилась къ Екатеринѣ уже тогда, когда императрица перешла изъ Казанскаго собора во дворецъ; встрѣча была самая дружественная; императрица тутъ же передала Дашковой орденъ св. Екатерины, т. е. пожаловала ее въ статсъ-дамы; Дашкова сопровождала императрицу и въ ея походѣ къ Ораніенбауму; въ августѣ ей было выдано 24.000 р. Но добрыя отношенія сохранились недолго: Дашкова ѣхала въ Москву въ одномъ экипажѣ съ императрицею, но въ Москвѣ отношенія между ними сразу же стали очень натянутыми; Дашкова обвиняетъ въ этомъ Орловыхъ; имя ея затѣмъ стало примѣшиваться ко всѣмъ заговорамъ первыхъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія, до заговора Мировича включительно. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы въ этихъ слухахъ была хотя доля истины; вѣрнѣе, что Дашкова только слишкомъ откровенно выражала свое неудовольствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда ей казалось, что она имѣетъ поводы къ нему, а, какъ показываетъ вся ея дальнѣйшая жизнь, сохранить съ нею полное согласіе было почти невозможно. Къ неудовольствіямъ же, при такомъ характерѣ, конечно было не мало поводовъ, когда приходилось распредѣлять среди приближенныхъ къ новой императрицѣ вліяніе, почести и власть; Державинъ сообщаетъ слухъ, что кн. Дашкова требовала себѣ перваго мѣста послѣ государыни и желала даже засѣдать въ Сенатѣ; другихъ указаній на такія претензіи Дашковой нѣтъ, и мы считаемъ невозможнымъ имъ вѣрить; но тѣмъ не менѣе извѣстіе, передаваемое Державинымъ, характерно, какъ выраженіе взгляда современниковъ на Дашкову. Впрочемъ, отношенія между нею и дворомъ не были испорчены окончательно; когда 12 мая 1763 г. у Дашковой родился сынъ Павелъ, его крестили императрица и великій князь Павелъ Петровичъ. Въ концѣ 1763 г. Дашковы вернулись въ Петербургъ; кн. М. И. Дашковъ былъ вскорѣ назначенъ командовать однимъ изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, а 17 августа 1764 г. умеръ. Положеніе княгини Дашковой было очень не легкое. Ея отецъ и братья почти порвали съ нею отношенія, обвиняя ее не только въ томъ, что она не старалась устроить лучшую судьбу для своей сестры, Елизаветы, но и въ томъ, что она присвоила себѣ драгоцѣнности, подаренныя гр. Елизаветѣ Романовнѣ императоромъ; съ императрицею отношенія оставались холодными. Дашкова переѣхала въ 1765 г. въ Москву, — и здѣсь быстро поссорилась со старой княгиней Дашковой, матерью своего покойнаго мужа. Въ 1768 г. она съѣздила въ Кіевъ, въ 1769 г. вернулась въ Петербургъ и получила позволеніе ѣхать за границу, чего давно уже добивалась; императрица прислала даже ей на дорогу 4.000 р.; кн. Дашкова осталась очень недовольна этою, по ея словамъ, смѣхотворною суммой. Вообще, кажется, основательны показанія многихъ свидѣтелей, что кн. Дашкова отличалась чрезвычайною скупостью; въ запискахъ своихъ она постоянно говоритъ о своихъ ограниченныхъ средствахъ, о тѣхъ заботахъ, которыя доставляла ей необходимость находить средства; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она постоянно располагала суммами, по тому времени значительными.

Заграницу отправилась кн. Дашкова incognito, подъ фамиліей Михайловой; объясняетъ она это желаніемъ избѣгнуть необходимости посѣщать дворы, что, впрочемъ, не помѣшало ей представляться едва ли не при каждомъ дворѣ, резиденцію котораго она проѣзжала. Выѣхавъ изъ Москвы въ декабрѣ 1769 г., кн. Дашкова черезъ Ригу, Кенигсбергъ и Данцигъ прибыла въ Берлинъ; здѣсь провела она два мѣсяца и неоднократно приглашена была ко двору. Отсюда черезъ Вестфалію и Ганноверъ проѣхала она въ Спа; здѣсь завязалось у нея знакомство съ лордомъ и леди Суссекъ, и госпожею Гамильтонъ, съ которою она сохранила дружескія отношенія почти на всю жизнь. Изъ Спа кн. Дашкова совершила поѣздку въ Англію, гдѣ посѣтила Лондонъ, Бристоль и Оксфордъ, затѣмъ, черезъ Брюссель и Антверпенъ, пріѣхала въ ноябрѣ 1770 г. въ Парижъ, гдѣ провела 17 дней, въ теченіе которыхъ, по собственнымъ словамъ видѣлась съ Дидро почти непрерывно по-

слѣдніе 10 или 12 дней, — по словамъ Дидро онъ былъ у Дашковой четыре раза. Затѣмъ Дашкова посѣтилаЛіонъ, Марсель, Монпелье, осматривая повсюду все достопримѣчательное, пріѣхала въ Женеву, гдѣ была у Вольтера, который, по ея словамъ, принялъ ее чрезвычайно хорошо, затѣмъ отправилась водой по Рейну, въ Калсруэ принята была очень милостиво герцогомъ и герцогиней Баденскими, и, послѣ довольно продолжительной остановки въ Спа, черезъ Дрезденъ и Берлинъ, гдѣ снова была при дворѣ, возвратилась въ 1772 г. въ Россію. Императрица приняла Дашкову очень милостиво и пожаловала ей 10.000 р., а потомъ черезъ нѣсколько времени еще 60.000.

Въ этотъ пріѣздъ свой въ Россію кн. Дашкова возобновила свои литературныя связи и знакомства. Въ 1-й и въ 2-й частяхъ изданія «Опыта трудовъ вольнаго россійскаго собранія» (Спб. 1774—1775) она помѣстила статьи: «Письмо къ другу», «Опытъ о торгѣ, г. Гюма», «О шуткѣ» (переводъ съ англійскаго), «Путешествіе одной россійской знатной госпожи по нѣкоторымъ англійскимъ провинціямъ»; ей же приписывается «Рѣчь объ обязанностяхъ, которыя имѣютъ ученыя общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственныя» (Спб. 1776); въ этотъ же пріѣздъ она вступила въ Вольное россійское собраніе при Московскомъ университетѣ, учрежденное въ 1771 г.

Осенью 1774 г. Дашкова переѣхала въ Москву, а лѣтомъ слѣдующаго года у нея опять произошло какое-то неудовольствіе съ императрицей, которая прибыла въ Москву на празднованіе мира. Дашкова снова просила разрѣшенія ѣхать за границу для окончанія воспитанія сына, и разрѣшеніе было ей дано императрицею съ невѣроятною холодностью. До отъѣзда кн. Дашкова выдала дочь свою замужъ за Щербинина. Впослѣдствіи отношенія ея къ дочери были чрезвычайно дурныя; кн. Дашкова имѣла съ дочерью множество столкновеній и лишила ее всякаго участія въ наслѣдствѣ. Разсорилась Дашкова впослѣдствіи и со своимъ сыномъ; а такъ какъ и въ своихъ Запискахъ, и въ своихъ разговорахъ,—какъ мы узнаемъ изъ дневника Храповицкаго,—она много распространяется о томъ, какое прекрасное воспитаніе даетъ она дѣтямъ, то мы не можемъ не видѣть въ этомъ новаго свидѣтельства того, какъ невѣрно понимала она совершавшееся у нея предъ глазами или какъ невѣрно излагаетъ она свои впечатлѣнія.

На этотъ разъ кн. Дашкова ѣхала черезъ Вильно и Варшаву; здѣсь познакомилась она съ королемъ польскимъ Станиславомъ Августомъ и отзывается о немъ съ величайшею похвалою. Въ Берлинѣ Дашкова снова была принимаема при дворѣ, и затѣмъ пріѣхала въ Спа, куда вскорѣ прибыла и пріятельница ея, г-жа Гамильтонъ. Отсюда кн. Дашкова отправилась въ Англію и поселилась въ Эдинбургѣ, гдѣ сынъ ея поступилъ въ университетъ. Съ 1776 г. по 1779 г. кн. Дашкова провела въ Шотландіи, совершая лишь небольшія поѣздки въ мѣстности, почему-либо заслуживавшія вниманія. Кн. Дашкова вспоминала это время какъ самый веселый періодъ своей жизни; здѣсь жила она, окруженная пріятными ей людьми и часто принимала у себя лучшихъ профессоровъ Эдинбургскаго университета; «кроткая и спокойная веселость, составляющая основу моего характера, удивляла всѣхъ, кто часто меня посѣщалъ», говоритъ она въ своихъ Запискахъ. Въ маѣ 1779 г. молодой князь Дашковъ выдержалъ экзамены и получилъ степень magister artium (maître ès arts); впрочемъ, увѣренія кн. Дашковой, что сынъ ея обнаружилъ познанія, которыя всѣхъ удивили, возбуждаютъ сильное сомнѣніе; да и сама княгиня сообщаетъ, что въ Дублинѣ онъ продолжалъ съ учителями повторять тѣхъ римскихъ и греческихъ классиковъ, которыхъ изучалъ въ университетѣ. Съ іюня 1779 г. до начала 1780 Дашковы провели въ Дублинѣ, затѣмъ посѣтили Коркъ, Лимерикъ, и другіе важнѣйшіе города Ирландіи, пріѣхали въ Лондонъ, гдѣ были представлены королевской фамиліи, посѣтили важнѣйшіе города Бельгіи, Голландіи, представлены были принцу Оранскому, и наконецъ прибыли въ Парижъ. Здѣсь кн. Дашкова была представлена королевѣ Маріи Антуанеттѣ и возобновила свое знакомство съ Дидро, г-жею Неккеръ, видѣлась и съ Рюльеромъ, отъ знакомства съ которымъ въ первый ея пріѣздъ удержалъ ее Дидро, основательно указавъ ей, что согласіе ея принять Рюльера будетъ въ глазахъ многихъ какъ бы признаніемъ, что Рюльеръ вѣрно изложилъ событія въ своей «Histoire ou anecdo-

tes sur la Révolution de Russie en 1762». Дашкова не устояла теперь отъ искушенія познакомиться съ авторомъ книги, которая въ свое время произвела большой и совершенно незаслуженный шумъ; ознакомившись впослѣдствіи съ его книгою, она написала противъ нея возраженія, опровергающія многія частности въ разсказѣ Рюльера, и въ своихъ мемуарахъ высказывается даже, что считаетъ произведеніе Рюльераподложнымъ и увѣрена, что Рюльеръ не могъ написать этой книги: такъ много въ ней лжи и неточностей. Въ этомъ, несомнѣнно, Дашкова ошибалась: книга, извѣстная подъ именемъ Рюльера, безспорно написана имъ.

Въ мартѣ 1780 г. Дашкова покинула Парижъ и направилась въ Италію, при чемъ молодой князь Дашковъ имѣлъ позволеніе осматривать во всѣхъ подробностяхъ всѣ укрѣпленія и другія военныя сооруженія, лежавшія на ихъ пути. Черезъ Женеву, Лозанну и Монъ-Сенисъ они прибыли въ Туринъ, затѣмъ черезъ Геную, Миланъ, Парму, Модену и Флоренцію проѣхали въ Пизу, гдѣ провели три мѣсяца, потомъ съѣздили въ Ливорно, Сіенну и Римъ. Кн. Дашкова представлялась при всѣхъ дворахъ, черезъ резиденціи которыхъ приходилось ей проѣзжать, представлялась и папѣ. Изъ Рима Дашковы совершили поѣздку въ Неаполь, осмотрѣли развалины Помпеи, причемъ Дашкова говоритъ, что именно она подала королю неаполитанскому мысль устроить музей, гдѣ были бы собраны по возможности всѣ добытые въ Помпеѣ предметы древности. Во время этой поѣздки кн. Дашкова была въ перепискѣ съ императрицей; Дашкова хлопотала, чтобы сынъ ея былъ принятъ въ русскую военную службу на условіяхъ, сколь возможно льготныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она посылала императрицѣ описанія и планы нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя показались ей особенно замѣчательными; императрица отвѣчала ей очень милостиво. Изъ Неаполя снова черезъ Римъ, затѣмъ черезъ Болонью, Феррару, Венецію, Падую и Верону Дашкова пріѣхала въ Вѣну. Здѣсь она была представлена императору Іосифу и познакомилась съ кн. Кауницемъ, котораго заставила, по ея словамъ, держаться съ нею любезнѣе, чѣмъ онъ держался съ кѣмъ либо, даже и съ самимъ папою, во время пребыванія его въ Вѣнѣ. Отсюда черезъ Прагу, Дрезденъ, Берлинъ, Мемель и Ригу кн. Дашкова лѣтомъ 1782 г. вернулась въ Петербургъ.

Съ этого времени кн. Дашкова уже болѣе не покидала Россіи и удержалась при дворѣ болѣе 10 лѣтъ, хотя и этотъ періодъ ея жизни не былъ свободенъ отъ непріятныхъ столкновеній ея съ разными лицами. Но, повидимому, кн. Дашкова съ теченіемъ времени утратила, хотя до нѣкоторой степени, излишнюю подвижность, охоту неудержимо рѣзко, и обыкновенно необдуманно, выдвигаться на первый планъ. Кромѣ того, двадцатилѣтнее царствованіе Екатерины, съ внѣшней стороны уже безспорно блестящее, не могло не внушить Дашковой сознанія, что если даже когда-то Екатерина и была ей обязана, то все таки все положеніе императрицы создано уже ею самою; и сознаніе этого, вѣроятно, внушало Дашковой бо́льшую сдержанность. Съ другой стороны, и сама Дашкова представлялась теперь, послѣ продолжительныхъ путешествій, личностью особенно интересною; по самому складу своего ума она пріобрѣла много свѣдѣній, развила въ себѣ широкіе интересы, научные и литературные: это облегчило въ значительной степени созданіе для Дашковой такой обстановки, такихъ отношеній къ ней окружающихъ, которыми она могла быть довольна. Императрица осы́пала ее знаками своего вниманія. Немедленно Дашкова принята была въ интимный кружокъ императрицы; Екатерина подарила ей 25.000 руб. и разрѣшила ей, по словамъ Дашковой—предложила, купить на казенный счетъ домъ и будто бы даже рекомендовала на выборъ два дома, изъ которыхъ одинъ стоилъ 68.000 руб. Дашкова пожелала купить меньшій, въ 40.000 р.; когда же покупка его не устроилась, купила еще меньшій въ 30.000 р.; она считала послѣ этого, что сохранила для казны свыше 30.000 р. и только зависти фаворита Ланского приписывала то, что императрица не вознаградила ея за это. 24 января 1783 г. послѣдовалъ именной указъ сенату: „дирекція надъ С.-Петербургскою Академіею Наукъ препоручается статсъ-дамѣ княгинѣ Дашковой.“ По словамъ Дашковой, предложеніе императрицы принять эту должность было для нея совершенною не-

ожиданностью, и она долго, но тщетно, отказывалась отъ такого назначенія; тѣмъ не менѣе, по изложенію самой же Дашковой оказывается, что она немедленно по вступленіи въ управленіе Академіей знала уже всѣ ея важнѣйшіе нужды и недостатки. Заслуги ея по управленіи Академіею несомнѣнны, хотя несомнѣнно и то, что сама Дашкова цѣнила ихъ слишкомъ высоко. За свое двѣнадцатилѣтнее управленіе она улучшила финансовую часть академическаго хозяйства, добилась уплаты должныхъ Академіи суммъ, увеличила продажу академическихъ изданій, уменьшивъ ихъ цѣну, и такимъ образомъ получила большіе доходы; она расплатилась со многими важнѣйшими долгами Академіи и даже сберегла до 161.000 р. денегъ; изъ числа ихъ 100.000 р. положено было въ банкъ, для того, чтобы на проценты съ 40.000— содержать воспитанниковъ при Академической гимназіи, на проценты съ 30.000— выдавать пенсіи служившимъ при Академіи; проценты съ остальныхъ 30.000 предполагалось обратить на вознагражденіе профессорамъ за читаемыя ими публичныя лекціи; кромѣ того, кн. Дашкова возвела два новые дома для нуждъ Академіи. Новыхъ сколько-нибудь крупныхъ ученыхъ предпріятій она не начала, но энергически поддерживала прежнія, особенно—работы по составленію лучшаго географическаго атласа Россіи. Важнѣйшую ея заслугу составляетъ возобновленіе при Академіи общедоступныхъ курсовъ, по примѣру читавшихся прежде, но прекратившихся при ея предшественникѣ. Ежегодно въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ читались курсы на русскомъ языкѣ по нѣсколькимъ предметамъ: Котельниковъ читалъ алгебру, геометрію, механику, Озерецковскій—естественную исторію, Соколовъ и Захаровъ—химію, Кононовъ и Гурьевъ—физику, Севергинъ—минералогію и т. д.; общество обнаружило къ этимъ чтеніямъ большой интересъ: число слушателей постоянно возрастало и нерѣдко академическая зала не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ слушать курсы. Изъ числа упомянутыхъ выше лекторовъ Севергинъ, Кононовъ и Захаровъ были, за нѣсколько лѣтъ до того, когда они выступили лекторами, отправлены кн. Дашковой же заграницу для завершенія своего научнаго образованія. При управленіи Академіею Наукъ кн. Дашкова руководствовалась преимущественно совѣтами И. И. Лепехина, одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ ученыхъ того времени, и выборъ такого совѣтника только дѣлаетъ ей честь. Вообще управленіе Академіею является однимъ изъ лучшихъ дѣлъ Дашковой и было ведено ею, безспорно, съ большимъ тактомъ.

Въ первый же годъ управленія своего Академіей Наукъ кн. Дашкова основала при ней журналъ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова". Въ журналѣ этомъ участвовали всѣ лучшія силы тогдашней русской литературы—Державинъ, Фонвизинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Капнистъ и др., дѣятельною сотрудницею являлась и сама императрица Екатерина, которая доставила болѣе половины всего того, что было напечатано въ „Собесѣдникѣ": здѣсь она помѣстила свои „Были и Небылицы" и „Записки касательно русской исторіи» (въ «Собесѣдникѣ" они доведены до 1224 г., а въ отдѣльномъ изданіи—до 1276 г.). Журналъ этотъ привлекъ такое вниманіе русской публики, какимъ не пользовалось ни одно изданіе раньше; печатался онъ въ количествѣ 1850 экземпляровъ, число по тому времени громадное; въ Москвѣ два первые номера, въ первые же два мѣсяца по выходѣ, разошлись въ количествѣ около 300 экземпляровъ помимо тѣхъ, на которые получатели подписались. Журналъ этотъ выходилъ ежемѣсячно, начиная съ мая 1783 г. и прекратился шестнадцатою книжкою, вышедшею въ сентябрѣ 1784 г. На замѣну „Собесѣднику" съ іюля 1786 г. сталъ выходить при Академіи Наукъ журналъ „Новыя ежемѣсячныя сочиненія" подъ редакціею, послѣдовательно, Румовскаго, Озерецковскаго и Протасова; наконецъ съ 1787 г. возобновлено было и спеціальное ученое изданіе Академіи: „Nova acta Academiae Petropolitanae Scienciarum". Въ двухъ первыхъ изданіяхъ кн. Дашкова принимала дѣятельное участіе и помѣстила въ нихъ нѣсколько статей: „Посланіе къ слову *Такъ*", „О смыслѣ слова: воспитаніе" и нѣкоторыя другія,—точно выдѣлить всѣ произведенія кн. Дашковой, обыкновенно неподписанныя, едва ли возможно. Съ 1781 г. по 1793, не прямо при Академіи Наукъ, но съ ея поддержкою выходило изданіе „Россійскій Ѳеатръ"—всего вышло его 43 части; въ 1786 г. напечатана была комедія кн. Дашковой: „Тоисіоковъ

или человѣкъ безхарактерный", въ которой кн. Дашкова мѣтила на кого-то изъ придворныхъ Екатерины II—на Л. А. Нарышкина или на И. И. Шувалова. Всѣ эти литературныя предпріятія, не имѣя большого научнаго значенія, принесли, однако, существенную пользу, ибо сближали дѣятельность Академіи съ обществомъ и содѣйствовали распространенію въ обществѣ серьезныхъ интересовъ.

1783-й годъ вообще является самымъ плодотворнымъ въ дѣятельности кн. Дашковой, и, кажется, на него же падаетъ наиболѣе продолжительный періодъ хорошихъ отношеній Дашковой къ императрицѣ. 24 января этого года, какъ уже сказано, кн. Дашкова назначена была директоромъ Академіи Наукъ, затѣмъ сопровождала императрицу съ Фридрихсгамъ на свиданіе съ королемъ шведскимъ, а къ осени того же года по ея мысли основана была Россійская Академія. Давно уже ощущалась потребность въ спеціальной разработкѣ русскаго языка, послѣ того особенно, какъ онъ, съ начала XVIII вѣка, подвергся сильному вліянію западноевропейскихъ языковъ; эту цѣль преслѣдовало Россійское собраніе, существовавшее въ средѣ академиковъ съ 1735 г. по 1743 г., затѣмъ Вольное россійское собраніе въ Москвѣ, возникшее въ 1771 г. Княгинѣ Дашковой, безспорно, дѣлаетъ большую честь, что она поняла эту потребность и постаралась ей удовлетворить. Однажды, въ августѣ 1783 г., въ одной бесѣдѣ съ императрицею кн. Дашкова затронула вопросъ о необходимости содѣйствовать развитію русскаго языка и такъ убѣдительно и ясно говорила императрицѣ о необходимости для этого спеціальнаго учрежденія, что императрица поручила ей представить записку по этому поводу. Княгиня Дашкова наскоро набросала нѣсколько замѣчаній и отправила ихъ императрицѣ; императрица нашла ихъ достаточными для того, чтобы служить въ общихъ чертахъ уставомъ для новаго учрежденія, и утвердила ихъ 30 сентября 1783 г., какъ положеніе о Россійской Академіи; княгиня Дашкова одновременно съ этимъ была назначена президентомъ и этой Академіи.

21 октября 1783 г. Россійская Академія имѣла свое первое собраніе. Оно открылось рѣчью княгини Дашковой, о которой она сама такъ отозвалась въ своей автобіографической запискѣ, доставленной ею Евгенію (Болховитинову): „замѣчательна рѣчь ея, говоренная при открытіи Россійской Академіи, которою она твердо доказываетъ ея горящую (sic) любовь къ отечеству, ея знаніе россійскаго языка и желаніе, чтобы оный улучшился и процвѣталъ"; но академикъ М. И. Сухомлиновъ указалъ, что въ этой рѣчи, небольшой по объему и очень цвѣтистой, не мало дословныхъ заимствованій изъ Ломоносовскаго посвященія его грамматики великому князю Павлу Петровичу. Державинъ говоритъ, что рѣчь эта была написана для Дашковой кѣмъ-то другимъ.

Но, во всякомъ случаѣ, Россійскою Академіею Дашкова занялась очень энергично и сдѣлала въ ней очень много. Почти всѣ члены были избираемы по ея рекомендаціи, и въ Академіи этой соединился, безъ преувеличенія можно сказать, весь цвѣтъ тогдашней русской интеллигенціи. Въ числѣ членовъ академіи, избранныхъ въ 1783—1785 г.г., были такіе іерархи, какъ Гавріилъ (Петровъ), Иннокентій (Нечаевъ), писатели, какъ Державинъ, Фонвизинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Хемницеръ, такіе ученые, какъ Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Котельниковъ, Десницкій, Болтинъ, Щербатовъ, наконецъ—такіе дѣятели администраціи, какъ И. И. Шуваловъ, Олсуфьевъ, Елагинъ, Безбородко, Г. А. Потемкинъ, И. И. Мелиссино, Ѳ. И. Янковичъ-ди-Миріево и др. Изъ числа 364 засѣданій Академіи, бывшихъ во время управленія ею Дашковой, 263 состоялись въ присутствіи кн. Дашковой, а изъ числа пропущенныхъ большинство она пропустила вслѣдствіе отъѣздовъ своихъ изъ Петербурга; много разъ засѣданія отдѣльныхъ комиссій Россійской Академіи происходили у нея на дому, и она не мало потратила своихъ денегъ на нужды Академіи.

Задачею Россійской Академіи было очищеніе и обогащеніе русскаго языка; для этого Академія должна была „прежде всего сочинить россійскую грамматику, россійскій словарь, риторику и правила стихотворенія"; самою неотложною работою признано было составленіе словаря, и къ нему немедленно приступили. Почти всѣ академики, и княгиня Дашкова не менѣе никого другого, приняли участіе

въ работахъ по словарю. Члены Академіи взяли на себя выбрать слова каждый на одну или нѣсколько буквъ азбуки; княгиня Дашкова собирала слова на буквы Ц, Ш, Щ; слова выбирались изъ разныхъ прежнихъ словарей и другихъ книгъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ прежде всего использованы были, какъ узнаемъ изъ собственноручной записки княгини Дашковой:—„Маргаритъ духовный", „Большой Наказъ", „Учрежденіе о губерніяхъ", „Исторія россійская", „Собесѣдникъ", „Симфонія на четыре евангелія", „Военный уставъ царя Ивана Васильевича" (sic), „Судебникъ" (повидимому, надо читать: «Военный уставъ», «Царя Ивана Васильевича Судебникъ»[1]), затѣмъ списанъ былъ „Лексиконъ, имѣющійся въ иностранной коллегіи", было заказано выписать по алфавиту всѣ слова изъ симфоніи на Библію. Кромѣ того, нѣкоторые академики принимали на себя собираніе словъ, относящихся до какой-нибудь отдѣльной спеціальности или части; такъ, княгиня Дашкова приняла на себя составленіе списка словъ, относящихся къ охотѣ. Собранныя слова были напечатаны въ алфавитномъ порядкѣ и разосланы всѣмъ членамъ Академіи для дополненій. Получился такимъ образомъ матеріалъ по тому времени громадный, небывалыхъ размѣровъ. Въ 1789 г. приступлено было къ печатанію словаря, и въ 1794 г. онъ былъ законченъ. Это былъ „Словарь россійской Академіи, расположенный по словопроизводному порядку". Изданіе это въ свое время не избѣгло нареканій; между прочимъ, многіе возставали противъ того, что онъ расположенъ былъ не по алфавиту, а по словопроизводству; впрочемъ въ томъ же засѣданіи 5 августа 1794 г., въ которомъ разсматривалось окончаніе перваго изданія словаря, положено было приступить ко второму его изданію въ алфавитномъ порядкѣ. Историкъ Россійской Академіи, акад. М. И. Сухомлиновъ, говоритъ, что „словарь, изданный академіей составлялъ въ свое время ея гордость и славу; позднѣйшія поколѣнія ученыхъ и писателей отзываются о немъ также съ большимъ уваженіемъ, находя, что академія вѣрно поняла свое призваніе и принесла существенную пользу тогдашней нашей литературѣ".

Работы надъ словаремъ вела кн. Дашкова опять уже не пользуясь особенными милостями Екатерины. Отношенія ихъ испортились немедленно вслѣдъ за открытіемъ Россійской Академіи. Л. А. Нарышкинъ въ ближайшемъ кружкѣ императрицы подсмѣялся очень зло надъ рѣчью Дашковой при торжествѣ открытія; Дашкова узнала объ этомъ и выразила свое неудовольствіе по этому поводу въ такой рѣзкой формѣ, что императрица прекратила печатаніе въ «Собесѣдникѣ» своихъ „Былей и Небылицъ" (съ декабря 1783 г.) и вытребовала отъ Дашковой ненапечатанные еще, но уже сданные въ редакцію листы; неоднократныя, самыя почтительнѣйшія просьбы и извиненія Дашковой не могли склонить императрицу къ перемѣнѣ принятаго рѣшенія. Съ перваго же года управленія академіями у Дашковой начались непріятныя столкновенія съ тогдашнимъ генералъ-прокуроромъ, кн. А. А. Вяземскимъ; Дашкова обвиняетъ его въ излишней придирчивости, но, повидимому, сама княгиня слишкомъ мало желала обращать вниманія на установленные порядки въ отношеніяхъ своихъ, какъ президента академій, къ другимъ высшимъ правительственнымъ мѣстамъ. Въ 1785 — 1786 г. Дашкова была обрадована продолжительнымъ пребываніемъ у нея въ Петербургѣ, Москвѣ и въ ея подмосковной, Троицкомъ, своей пріятельницы, г-жи Гамильтонъ; но затѣмъ снова ее постигаетъ рядъ непріятностей: сначала неудовольствія съ дочерью, затѣмъ, въ 1788 г., женитьба ея сына, безъ ея вѣдома, на дочери откупщика Алферова, страшно поразившая княгиню; наконецъ, въ 1793 г. большія непріятности доставила ей трагедія „Вадимъ", напечатанная въ 39-й части „Россійскаго Ѳеатра", Княжнина. Собственно говоря, въ произведеніи этомъ нѣтъ ничего возмутительнаго, но Екатерина, какъ и всѣ другіе государственные дѣятели того времени, была подъ впечатлѣніемъ происшествій во Франціи и взглянула на трагедію Княжнина чрезвычайно сурово; княгинѣ Дашковой она сдѣлала очень рѣзкое замѣчаніе за напечатаніе этой пьесы. Отношенія императрицы къ Дашковой окончательно испортились. 14 августа 1794 г. въ засѣданіи Академіи Наукъ кн. Дашкова заявила, что, съ соизволенія императрицы, она уѣзжаетъ въ двухлѣтній отпускъ; академики очень трогательно съ нею простились. 3 мая 1796 г. кн. Дашкова въ

послѣдній разъ присутствовала на засѣданіи Россійской Академіи; вскорѣ затѣмъ она уѣхала въ свои имѣнія. 31 октября 1796 г. послѣдовалъ указъ императрицы о продленіи отпуска кн. Дашковой еще на годъ; болѣе она уже не видалась съ Екатериною.

Императоръ Павелъ немедленно по воцареніи своемъ, уже 12 ноября 1796 г., отставилъ Дашкову отъ всѣхъ должностей; а когда, въ началѣ декабря 1796 г., она пріѣхала изъ своей деревни въ Москву, къ ней явился московской генералъ-губернаторъ, М. М. Измайловъ, и сообщилъ, что императоръ приказываетъ ей жить въ своихъ деревняхъ. Въ концѣ декабря того же года, собираясь ѣхать въ Москву на коронацію, императоръ приказалъ кн. Дашковой изъ ея подмосковной выѣхать въ имѣніе ея сына, Коротово, новгородской губерніи. 26 декабря 1796 г. кн. Дашкова туда выѣхала и провела около года въ довольно бѣдной и суровой обстановкѣ; весною 1798 г. она получила позволеніе вернуться въ свою подмосковную, послѣ того, какъ обратилась, по совѣту кн. Н. В. Репнина, съ письмомъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Послѣ смерти Павла Петровича опала съ кн. Дашковой, само собою разумѣется, была немедленно снята; 11 мая 1801 г. Россійская Академія постановила просить кн. Дашкову „какъ виновницу ея существованія, показавшую примѣрное усердіе къ россійскому слову и ревностное попеченіе о благосостояніи академій, стать снова во главѣ ея“; нѣтъ сомнѣнія, такая честь была очень пріятна кн. Дашковой, но она отклонила предложеніе, не чувствуя уже въ себѣ прежнихъ силъ. На коронаціи въ Москвѣ она играла видную роль, какъ первая статсъ-дама; затѣмъ, до кончины, она жила то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, болѣе въ Москвѣ, первенствуя въ высшемъ московскомъ обществѣ и занимаясь отчасти литературою; въ это время кн. Дашкова пожертвовала въ Московскій университетъ богатую минералогическую коллекцію, но она погибла въ 1812 г. За время отъ 1804 по 1806 г. она сотрудничала въ журналѣ „Другъ просвѣщенія“, а нѣсколько ранѣе, въ 1799 г., написала комедію „Свадьба Фабіана или алчность къ богатству наказанная“, служившую продолженіемъ драмы Коцебу „Бѣдность и благородство души“; наконецъ, въ 1803—1808 г., во время пребыванія у нея въ Троицкомъ дѣвицы Вильмотъ, кузины г-жи Гамильтонъ, кн. Дашкова продиктовала ей свои Записки. Послѣдніе годы жизни княгини были печальны и унылы: она была совершенно одинока; отношенія съ дочерью и съ сыномъ были у нея самыя непріязненныя; кн. Дашкова не пожелала даже посѣтить сына, когда онъ умиралъ въ 1807 г. въ Москвѣ; дочь свою она лишила наслѣдства и главную часть своего состоянія передала своему двоюродному племяннику, гр. Ивану Илларіоновичу Воронцову, принявшему фамилію Воронцова-Дашкова. Скончалась кн. Дашкова 4 января 1810 г. въ Москвѣ, схоронена въ с. Троицкомъ.

О значеніи дѣятельности кн. Дашковой въ качествѣ президента двухъ академій мы уже говорили. Что касается дѣятельности литературной, то произведенія княгини Дашковой не представляютъ ничего выдающагося даже для своего времени; изъ всего написаннаго ею имѣютъ дѣйствительно важное значеніе лишь ея мемуары — „Mon histoire“; любопытны также отчасти замѣчанія ея на книгу Рюльера. Мемуары кн. Дашковой написаны первоначально по-французски; въ послѣднее время они изданы, съ подлинной рукописи, въ XXI т. „Архива кн. Воронцова“; ранѣе этого они появились на англійскомъ языкѣ дважды (въ 1840 г. и 1858 г.), на нѣмецкомъ (въ 1857), на французскомъ (въ 1859) и въ русскомъ переводѣ, съ предисловіемъ А. И. Герцена, въ Лондонѣ, въ 1859 г. Написаны они, почти несомнѣнно, на основаніи какихъ-нибудь современныхъ событіямъ записокъ или замѣтокъ. Въ текстѣ нѣтъ на это никакихъ указаній, но, несомнѣнно, кн. Дашкова подобныя замѣтки вела; часть ихъ даже и напечатана въ „Опытѣ трудовъ россійскаго собранія“, какъ мы выше говорили, подъ названіемъ „Путешествіе одной россійской знатной госпожи...“ Существованіе какихъ либо записокъ мы должны предполагать и въ виду замѣчательной хронологической точности и отсутствія въ запискахъ Дашковой сколько нибудь замѣтныхъ противорѣчій или ошибокъ въ хронологіи и географіи. Не всегда даны въ нихъ годы и числа того или другого прибытія или отбытія княгини; но всегда можно, по ея разсказу, установить не только годы, но иногда времена года того или другого

факта и при этомъ совершенно не приходится наталкиваться на противорѣчія. Такая точность въ изложеніи событій, черезъ 10—15 лѣтъ, заставляетъ насъ думать, что въ основу изложенія положены какія-нибудь современныя записи. Что касается окраски или оцѣнки многихъ излагаемыхъ въ запискахъ фактовъ, то въ этомъ отношеніи кн. Дашкова отличалась крайнею субъективностью: она никогда не стремилась представить фактъ въ его объективномъ значеніи, а совершенно довольствовалась передачею своего впечатлѣнія отъ него. Изъ писемъ англійской издательницы, миссъ Брэдфордъ, рожденной Вильмотъ, къ брату кн. Дашковой, гр. С. Р. Воронцову, мы узнаемъ, что, по мнѣнію гр. Воронцова, опубликованіе этихъ мемуаровъ не можетъ принести чести кн. Дашковой. Такой приговоръ нельзя не признать слишкомъ суровымъ. Дѣятельность кн. Дашковой и ея характеръ извѣстны теперь въ истинномъ свѣтѣ и помимо ея записокъ; ясны и многія несимпатичныя черты характера княгини; поэтому мемуары ея уже не имѣютъ никакого обличительнаго для памяти княгини значенія, но они вполнѣ сохраняютъ интересъ, какъ превосходный матеріалъ для характеристики этой, безспорно, незаурядной личности; да во всякомъ случаѣ онѣ и не рисуютъ автора въ свѣтѣ особенно непривлекательномъ.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова представляетъ собою далеко не самую крупную, но несомнѣнно замѣтную и, во всякомъ случаѣ, весьма оригинальную фигуру среди дѣятелей Екатерининскаго царствованія. Особенно замѣчательна ея энергія, рѣшительность, активность ея характера. Не колеблясь вступала она на самые необычные пути и создала себѣ совершенно необыкновенную карьеру: въ 16 лѣтъ она—участница въ заговорѣ противъ царствующаго государя, въ 38 лѣтъ—президентъ двухъ академій: едва ли можно указать другую женщину, которая на своемъ жизненномъ пути была бы въ положеніяхъ, болѣе отличающихся одно отъ другого. И создала себѣ эти положенія кн. Дашкова почти исключительно благодаря своей энергичности и рѣшительности. Характеръ у нея безспорно господствовалъ надъ умомъ. Не умъ указывалъ ей цѣли, къ которымъ бы она стремилась, не разсужденіемъ создавала она себѣ программу дѣйствій: руководилъ княгинею Дашковою постоянно ея характеръ, темпераментъ; умъ же ея долженъ былъ только примѣняться къ той обстановкѣ, которую создавалъ для Дашковой ея характеръ. Во время своихъ далекихъ и продолжительныхъ странствованій по Европѣ кн. Дашкова обнаружила широкіе интересы, пріобрѣла довольно разнообразныя свѣдѣнія и всею своею дѣятельностью доказала свою способность правильно понимать различные, довольно отвлеченные вопросы, если только они были безразличны съ точки зрѣнія ея тщеславія; по своимъ знаніямъ и интересамъ она стала, безспорно, въ первыхъ рядахъ русской интеллигенціи конца XVIII в. Несомнѣнно, у нея умъ былъ далеко не дюжинный, но болѣе разносторонній и широкій, чѣмъ сильный и глубокій. Идеи ея не только не самостоятельны и не оригинальны, но нерѣдко не имѣютъ никакой сколько нибудь значительной цѣны. Она, напримѣръ, много бесѣдовала съ Дидро; но въ «Запискахъ» своихъ ничего не сообщаетъ любопытнаго и оригинальнаго изъ разговоровъ этого замѣчательнаго и занимательнаго человѣка, хотя очень подробно излагаетъ свои возраженія ему на его замѣчанія по поводу крѣпостного права въ Россіи. Возраженія эти не только вовсе не сильны, но и вовсе не оригинальны; это общія мѣста въ устахъ очень многихъ тогдашнихъ защитниковъ существовавшаго строя. Между тѣмъ кн. Дашкова хочетъ насъ увѣрить, что слова ея произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на Дидро (Quelle femme vous êtes!—будто бы сказалъ Дидро: Vous bouleversez des idées que j'ai chéries et nourries pendant 20 ans!) Не разъ кн. Дашкова заявляетъ, что она большая поклонница англійскихъ порядковъ,—но поведеніе ея относительно императрицы Екатерины, немедленно послѣ обоихъ возвращеній изъ-за границы, доказываетъ, что она вовсе не прониклась дѣйствительно цѣнными идеями, лежавшими въ основѣ англійскихъ учрежденій, а увлеклась лишь внѣшнею стороною жизни англичанъ, богатствомъ и комфортомъ ихъ обстановки. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что возраженія, представленныя Дашковой Дидро, нимало его не убѣдили; но Дашкова и въ этомъ случаѣ, и во мно-

гихъ другихъ подобныхъ, думаетъ увѣрить читателя въ вещахъ совершенно невозможныхъ и этимъ лишь обнаруживаетъ свое неумѣнье взвѣшивать и цѣнить силу доказательствъ, подтверждающихъ извѣстныя положенія, а слѣд.—и эти самыя положенія. Люди вообще нечасто бываютъ способны къ критикѣ самихъ себя; Дашкова же къ этому была абсолютно неспособна, особенно, если было задѣто ея самолюбіе или честолюбіе; эта полная неспособность къ критикѣ, даже просто къ провѣркѣ себя, является одною изъ характерныхъ чертъ ума Дашкова и однимъ изъ доказательствъ, что умъ у нея игралъ совершенно второстепенную роль по отношенію къ характеру. Всякій фактъ, съ которымъ приходилось кн. Дашковой сталкиваться, всякую мысль, пришедшую ей въ голову, кн. Дашкова немедленно оцѣнивала, и нерѣдко оцѣнивала вѣрно; но разъ она признала нѣчто за должное или за недолжное, за полезное или безполезное,—никакой провѣрки для нея уже не существовало. Эти свойства ума соединялись у кн. Дашковой еще съ чрезвычайнымъ честолюбіемъ и даже съ суетностью—если только не вызывались ими: ей всегда хотѣлось быть центромъ совершающихся на ея глазахъ событій; были ли это событія важныя, или мелкія – это было для нея вопросомъ уже второстепеннымъ; по всегда въ своихъ запискахъ и, повидимому, въ своихъ глазахъ, она и является центромъ, около котораго группируются всѣ остальные люди,—какъ величины, уже сравнительно очень незначительныя. Если ей что-нибудь не удается—въ ея глазахъ это объясняется совершенно необычными интригами и усиліями разныхъ лицъ повредить ей, усиліями, которыя вызваны завистью къ ней; если ей дѣлаютъ какую-нибудь любезность, оказываютъ какой-нибудь знакъ вниманія—въ ея изложеніи это обращается всегда въ нѣчто совершенно необычное, ни для кого другого не дѣлаемое; вмѣстѣ съ тѣмъ, она принимаетъ всякую любезность, всякій комплиментъ непремѣнно за чистую монету, страннымъ образомъ забывая, что сама-то иногда говорила не вполнѣ искренно, а вставляя въ какую-нибудь, по виду изысканную любезность, какую-нибудь колкость или намекъ. Благодаря такимъ свойствамъ характера, она рѣшительно ни съ кѣмъ не уживалась—а это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что виновата въ непріятностяхъ, по крайней мѣрѣ очень часто была она сама. Она имѣла друзей въ Англіи, т. е. имѣла друзьями такихъ людей, съ которыми ей почти не приходилось видаться, но со всѣми, съ кѣмъ приходилось жить ей сколько-нибудь долго, она непремѣнно ссорилась. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ о ея невыносимомъ характерѣ; онъ отравилъ ей самой жизнь болѣе, чѣмъ кому-либо. Но эти несимпатичныя черты не мѣшаютъ безпристрастному наблюдателю признать, что кн. Дашкова принесла несомнѣнную и значительную пользу, русскому просвѣщенію и всему русскому обществу въ качествѣ президента двухъ академій, и цѣнить ея удивительную энергію, благодаря которой она достигла того, чего, пожалуй, не достигла никакая другая женщина.

Главнѣйшимъ источникомъ для біографіи кн. Дашковой служатъ ея записки, разныя изданія которыхъ указаны въ текстѣ; затѣмъ письма ея, разсѣянныя въ разныхъ томахъ „Архива кн. Воронцова“, въ „Русскомъ Архивѣ“ въ «Чтеніяхъ Моск. общ. Ист. и древностей»; въ «Библіографическомъ Словарѣ русскихъ писательницъ» и въ статьѣ В. С. (Семевскаго) въ «Русской Старинѣ», 1873 № 3, перечислено все, напечатанное до того времени о кн. Дашковой. Изъ сочиненій, важныхъ для жизнеописанія кн. Дашковой, отмѣтимъ особенно: Сухомлиновъ, «Ист. Росс. академіи», 8 томовъ, особ. тт. I и VIII; Пекарскій—«Матеріалъ для исторіи жур. и литер. дѣят. Екатер. II »,—въ приложеніи къ III т. «Запискокъ Акад. Наукъ»; статья Д. И. Иловайскаго, - въ «Отечеств. Запискахъ», 1859, № 9 и 12, и въ «Собр. сочиненій»; Аѳанасьева,—«Литерат. труды кн. Е. Р. Дашковой»,—въ «Отеч. Запискахъ», 1860, № 3; Суворинъ, А. А.: «Кн. Е. Р. Дашкова»; Шумигорскій: «Императрица-публицистъ», Бильбасовъ: «Ист. Екатерины II», т. I, II, XII (обозрѣніе литературы). Упомянутая выше записка Екатерины II – издана Е. С. Шумигорскимъ, въ «Рус. Старинѣ», 1898 г. т.: I, II, 98, стр. 25 – 37; нѣсколько любопытныхъ писемъ—въ девятомъ выпускѣ „Собранія бумагъ“ П. И. Щукина, объ управленіи Дашковой Академіею Наукъ—см. отзывы К. С. Веселовскаго, «Рус. Старина», 1898, т. 93, стр. 227 – 234. Описаніе наружности кн. Дашковой—въ статьѣ Дидро: «Sur la princesse Dashkoff, въ «Oeuvres complètes», v. XVII, 487—494, Paris, 1876 г. – переведено со стараго изданія въ упомянутой статьѣ В. Семевскаго; о ея портретахъ—Ровинскій: «Словарь русскихъ гравир. портретовъ», I. *Н. Чечулинъ.*

Дашковы, князья, потомки Рюрика. Князь Александръ Святославовичъ Смо-

ленскій, по прозвищу Дашекъ, потомокъ Рюрика въ семнадцатомъ колѣнѣ, имѣлъ сына князя Михаила Александровича Дашкова, по прозвищу Зьяло.

Потомство князя Михаила Дашкова пресѣклось въ девятомъ колѣнѣ въ 1807 году, со смертью князя Павла Михайловича, сына князя Михаила-Кондратія Ивановича (род. 3 марта 1736 года, ум. 17 августа 1764 г.), камеръ-юнкера и лейбъ-кирасирскаго полка вице-полковника, женатаго на графинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Воронцовой (род. 17 марта 1743 г., ум. 4 января 1810 г.), бывшей впослѣдствіи президентомъ Россійской Академіи. Князь Павелъ Михайловичъ былъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, имѣлъ орденъ Св. Александра Невскаго и умеръ Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Князь Павелъ Михайловичъ завѣщалъ все свое имущество внучатному брату своему графу Ивану Илларіоновичу Воронцову, коему Императоръ Александръ I разрѣшилъ именоваться графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ.

«Всемірн. Иллюстр.» 1872 г., т. VII, № 174.—Петровъ: «Для немногихъ», 1873 г., ч. 2.—Кн. Долгоруковъ: «Россійская родословная книга» 1857 г., СПБ., ч. 4.—Гр. Бобринскій: «Дворянскіе роды» 1890 г., СПБ., ч. I.—«Родословная книга князей и дворянъ», изд. Новикова. М. 1787 г.—«Списки титул. родамъ», изд. Д-та Герольдіи, СПБ., 1892 г.—Карновичъ: «Замѣч. богат. частн. лицъ», 1885 г.—«Общ. Герб. двор. родовъ», ч. I. *А. Ч.*

Дашковы, дворяне, по преданію ведутъ свой родъ отъ Дашека «мужа честна», выѣхавшаго въ началѣ 16 вѣка изъ Большой орды къ великому князю Василію Ивановичу и принявшаго во св. крещеніи имя Даніила. Изъ внуковъ Даніила: Иванъ и Лука Васильевичи участвовали въ Колыванскомъ походѣ 1540 г.; Василій Михайловичъ былъ воеводой; Михаилъ Ивановичъ—есауломъ въ Казанскомъ походѣ 1544 года; Петръ Григорьевичъ былъ воеводой въ Новоспасскомъ монастырѣ для защиты отъ нагайцевъ (1615—1616 гг.) потомъ въ Угличѣ (1617 г.) и участвовалъ въ Московскомъ осадномъ сидѣніи, за которое пожалованъ при царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ въ вотчину Ярославскимъ помѣстьемъ. Племянникъ Петра Григорьевича, Авксентій Яковлевичъ былъ воеводой: въ Романовѣ (1610 г.), въ Тотьмѣ (1613 г.). въ Чарондѣ (1614 г.) и у проломныхъ воротъ въ Москвѣ (1616 г.) Сынъ послѣдняго, Яковъ Авксентьевичъ, былъ воеводой: въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ (1608—1610 гг.), въ Бѣлгородѣ (1613 г.), въ Осташковѣ (1614—1615 гг.), въ Дорогобужѣ (1616 г.), полковымъ воеводой въ Уфѣ и Вязьмѣ (1618 г.), осаднымъ воеводой въ Рыльскѣ (1619—1621 гг.), въ 1629 г. посланъ въ Астрахань для сыскнаго дѣла, затѣмъ вновь былъ воеводой: въ Бѣлгородѣ (1631 г.), въ Ливнахъ (1636 г.) и въ 1638 г. ѣздилъ отъ Пушкарскаго приказа укрѣплять Тулу. Двоюродный братъ Якова, Игнатій Денисовичъ (ум. 1627 г.), алексинскій сынъ боярскій и выборный, подписался на граматѣ объ избраніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича (1613 г.) и былъ воеводой въ Тарусѣ (1615 г.). Изъ сыновей Якова Авксентьевича, Андрей Яковлевичъ былъ стольникомъ патріаршимъ съ 1620 г. и царскимъ съ 1635 г., затѣмъ былъ воеводой въ Свіяжскѣ (1653—1654 гг.) и въ Черниговѣ (1658 г.), вторымъ судьей Владимірскаго суднаго приказа (1659—1660 гг.), воеводой въ Астрахани (1660—1663 гг.). гдѣ привелъ къ присягѣ калмыцкихъ князей, участвовалъ въ съѣздѣ съ калмыцкими тайшами (1666—1667 гг.), затѣмъ былъ вторымъ воеводой въ Тамбовѣ (1667 г.), судьей приказа Холопьяго (1677—1678 гг.) и Каменнаго (1680 г.), 26 апрѣля 1683 г. пожалованъ въ думные дворяне и назначенъ 2-мъ судьей приказа сыскныхъ дѣлъ (1684—1686 гг.), умеръ послѣ 1702 г. Василій Яковлевичъ былъ стольникомъ (съ 1647 г.), судьей Московскаго Суднаго приказа (1659—1660 гг.), 2-мъ судьей Владимірскаго Суднаго приказа (1660—1661 гг.), посланъ на съѣздъ съ шведскими коммисарами во Псковъ для размежеванія (1662 г.), посланъ въ Англію (1664 г.); 3-мъ воеводой въ Смоленскѣ (1672—1675 гг.), воеводой въ Дорогобужѣ (1675—1676 гг.), пожалованъ въ думные дворяне (1676 г.), судьей Каменнаго приказа (1676 г.), служилъ при дворѣ (1677—1679). Женатъ былъ на Матренѣ Тимоѳеевнѣ Лихачевой (ум. 24 ноября 1700 г.). Григорій Яковлевичъ пожалованъ въ стольники (1649 г.) и былъ воеводой въ Мстиславѣ (1655 г.), гдѣ и умеръ въ 1656 году. Изъ племянниковъ Якова Авксентьевича: Иванъ Игнатьевичъ былъ воеводой въ Алексинѣ (1666 г.), за-

*

тѣмъ въ Серпуховѣ (1677 г.) пожалованъ въ стряпчіе (1678 г.) и умеръ послѣ 1686 года; Емельянъ Захаровичъ пожалованъ въ патріаршіе стольники (1629 г.), былъ стряпчимъ (1639 г.) и воеводой въ Алексинѣ (1650—1651 г.) умеръ въ 1654 году; Семенъ Захаровичъ, стряпчій, былъ воеводой въ Дѣдиловѣ (1647 г.), 2-мъ судьей Московскаго Суднаго приказа (1660 1662 гг.), 2-мъ воеводой въ Путивлѣ (1665—1668 гг.) и полковникомъ рейтарскихъ войскъ (1666 г.); въ Соловскомъ уѣздѣ межевалъ земли (1675 г.). Изъ сыновей Семена Захаровича, Иванъ Семеновичъ пожалованъ въ стряпчіе (1671 г.) и былъ воеводой въ Царево-кокшайскѣ (1679 г.), а остальные его сыновья, какъ и племянники, въ числѣ около 15 человѣкъ, были царскими стольниками. Изъ внуковъ Андрея Яковлевича, сынъ Ивана Андреевича большаго, Яковъ Ивановичъ, вышелъ въ отставку въ чинѣ маіора, съ назначеніемъ ассесоромъ Камеръ-коллегіи (1731 г.); былъ впослѣдствіи воеводою въ Устюжнской провинціи, и умеръ въ чинѣ коллегіи совѣтника въ 1766 г. Алексѣй Ивановичъ былъ президентомъ при польскомъ королѣ (1712—1715 гг.) и посланникомъ въ Турціи (1718—1723 гг.) гдѣ заключилъ, въ 1723 году, трактатъ о вѣчномъ мирѣ; Иванъ Іустиновичъ былъ стольникомъ и воеводой въ Веневѣ (1700 г.) и ландратомъ Московской губерніи (1714 г.). Сынъ Якова Ивановича, Андрей Яковлевичъ былъ капраломъ л.-гв. Преображенскаго полка (1733 г.), затѣмъ служилъ въ арміи, умеръ въ чинѣ стат. сов. въ 1772 году. Женатъ былъ на Аннѣ Семеновнѣ Сукиной (род. въ 1723, ум. послѣ 1786 г.). Старшій изъ сыновей Андрея Яковлевича Яковъ Андреевичъ, род. 16 апрѣля 1759, ум. 13 марта 1795 г., женатъ былъ на Александрѣ Евграфовнѣ Татищевой, а младшій Василій Андреевичъ былъ Спасскимъ (Рязанской губ.) уѣзднымъ предводителемъ дворянства (1790 г.), оба были въ чинѣ надв. сов. Сынъ Якова Андреевича, Андрей Яковлевичъ, былъ посланникомъ при Сѣверо-Американскомъ союзѣ. Изъ сыновей Василія Андреевича, Дмитрій Васильевичъ былъ министромъ юстиціи, а Андрей Васильевичъ былъ сенаторомъ. Племянникъ Якова Андреевича, Аполлонъ Андреевичъ, вступилъ въ военную службу въ 1761 г. и съ чиномъ генералъ-отъ-инфантеріи 4 марта 1801 г. вышелъ въ отставку; затѣмъ, въ томъ же году, снова принятъ на службу и назначенъ членомъ черноморской войсковой канцеляріи. Сынъ Андрея Яковлевича, Яковъ Андреевичъ, былъ посланникомъ въ Швеціи и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Сынъ Андрея Васильевича, Василій Андреевичъ, былъ гофмейстеромъ и почетнымъ опекуномъ.

В. Руммель и В. Голубцовъ: «Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій», СПБ. 1886 г. т. I.—Кн. Долгоруковъ: «Россійская родословная книга» 1857 г., ч. 4. Гр. Бобринскій: «Дворянскіе роды», 1890 г., СПБ., ч. I.—«Родословная книга князей и дворянъ» изд. Новикова, М. 1787 г. «Общ. герб. двор. родовъ», ч. II. А. Ч.

Дашковъ, *Алексѣй Ивановичъ*, тайный совѣтникъ. Онъ былъ въ молодые свои годы стольникомъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны (1682 г.), а затѣмъ участвовалъ въ посольствѣ при А. А. Матвѣевѣ (1699 г.). Въ 1704 г., какъ знающій латинскій и нѣмецкій языки, былъ посланъ для обученія въ министерскихъ дѣлахъ къ резиденту при польскомъ дворѣ Паткулю; въ слѣдующемъ году былъ назначенъ приставомъ при англійскомъ послѣ, потомъ состоялъ резидентомъ при польскомъ великомъ гетманѣ коронномъ (съ 21 янв. 1708 г. по 18 дек. 1712 г. и съ 17 марта 1715 г. по 24 іюня 1716 г.) и резидентомъ при польскомъ королѣ (18 дек. 1712 г.—17 марта 1715 г.), при чемъ находился въ постоянной перепискѣ съ Д. М. Голицынымъ, кн. Меньшиковымъ и Шафировымъ, которые высоко цѣнили выдающіяся дипломатическія способности Дашкова. Съ 1718 по 1723 годъ Дашковъ былъ въ Турціи, гдѣ заключилъ въ 1723 г. извѣстный трактатъ о вѣчномъ мирѣ. Отозванный отъ этого поста, онъ назначенъ былъ генералъ-почтъ-директоромъ, но въ 1727 г. уволенъ отъ этой должности, вѣроятно, въ виду новаго назначенія, о которомъ не сохранилось свѣдѣній, ибо, очевидно, Дашковъ и послѣ 1727 года продолжалъ службу и занималъ какую-то должность, такъ какъ въ день коронаціи Анны Іоанновны, 28 апрѣля 1730 года, онъ пожалованъ былъ въ тайные совѣтники, съ увольненіемъ отъ службы. Алексѣй Дашковъ былъ однимъ изъ участниковъ движенія, стремившагося точнѣе опредѣлить власть императрицы Анны

Іоанновны: подъ проектомъ князя Черкаскаго значится, между прочими, и его подпись. Женатъ онъ былъ на Прасковьѣ Даниловнѣ Меншиковой, оставившей по себѣ записки, до сихъ поръ сохраняющіяся въ рукописи. Умеръ Дашковъ 31 марта 1733 г.

В. Руммель и В. Голубцовъ; „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. I, СПБ. 1886 г. стр. 230. Корсаковъ: „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“, стр. 201—202. *А. Ч.*

Дашковъ, *Андрей Васильевичъ*, родился 1 іюля 1790 года и въ 1802 году опредѣленъ кадетомъ, во 2-й кадетскій корпусъ въ С.-Петербургѣ откуда въ 1806 г. выпущенъ подпоручикомъ въ понтонный артиллерійскій полкъ, а по расфомированіи этого полка поступилъ въ 1 артиллерійскую бригаду, съ которой въ шведскую войну былъ въ походѣ (1808 г.) въ новую Финляндію и Швецію, до заключенія мира со шведами. По переименованіи 1 артиллерійской бригады въ № 14, Дашковъ произведенъ въ поручики (1810 г.), затѣмъ (1812 г.)—переведенъ въ 1 артиллерійскую запасную бригаду, въ конную № 23 роту, и въ Отечественную войну 1812 года находился въ арміи при преслѣдованіи непріятеля въ предѣлахъ Россіи. Въ 1813 г. Дашковъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Люценѣ и Дрезденѣ, а въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, былъ контуженъ въ грудь осколкомъ гранаты и за оказанную въ этомъ дѣлѣ отличную храбрость произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ 1814 году Дашковъ также былъ въ цѣломъ рядѣ сраженій, между прочимъ при Троа, Феръ-Шампенуазѣ и при взятіи Парижа. Съ переименованіемъ, въ 1814 г., конной № 32 роты I артиллерійской запасной бригады Дашковъ поступилъ въ конно-артиллерійскую № 12 и въ 1816 году возвратился съ нею въ Россію. Въ 1819 году Дашковъ былъ уволенъ отъ службы, вслѣдствіе полученныхъ ранъ, съ чиномъ подполковника. на 1826 году онъ опредѣленъ вновь на службу въ вѣдомство министерства финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, съ переименованіемъ въ надворные совѣтники, а черезъ два года назначенъ исправляющимъ должность херсонскаго вице-губернатора. Съ 1829 г., находясь въ Тирасполѣ для пріема рекрутъ, Дашковъ добровольно принялъ на себя, во время чумы, въ самую жестокую зиму устройство въ Порканскомъ карантинѣ разныхъ необходимыхъ помѣщеній, а также кордоновъ и землянокъ по Днѣстру, занимался лично изысканіемъ средствъ къ выгодной продажѣ изъ одесскаго оптоваго магазина казенной соли и многократно исправлялъ должность гражданскаго губернатора. Въ 1830 году онъ перемѣщенъ вице-губернаторомъ въ рязанскую губернію и награжденъ 2.000 дес. земли въ великороссійскихъ губерніяхъ. По прибытіи въ рязанскую губернію, вступая 17 марта 1830 года въ должность вице-губернатора, Дашковъ принялъ на себя за отсутствіемъ гражданскаго губернатора, исправленіе его должности и потомъ неоднократно управлялъ губерніею, затѣмъ въ 1836 году былъ перемѣщенъ на должность олонецкаго гражданскаго губернатора; въ 1838 году онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и за особенное усердіе, съ коимъ содѣйствовалъ приготовительнымъ мѣрамъ по пріему государственныхъ имуществъ, утвержденъ олонецкимъ гражданскимъ губернаторомъ. Съ 1838 года Дашковъ несъ обязанности вице-президента петрозаводскаго губернскаго тюремнаго попечительнаго комитета и въ слѣдующемъ году назначенъ оберъ-прокуроромъ II отдѣленія 6 департамента правительствующаго сената, въ 1841 году временно управлялъ канцеляріею общаго собранія московскихъ департаментовъ сената и пожалованъ орденомъ св. Станислава 1 степени, а въ 1842 году назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи учрежденной, съ увольненіемъ отъ должности оберъ-прокурора сената. Въ 1846 г. Дашковъ былъ командированъ въ Москву для обозрѣнія работъ въ межевыхъ зданіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для ревизіи 1 и 2 отдѣленій 6 департамента правительствующаго сената, касательно неисполненныхъ высочайшихъ повелѣній по сенату; въ 1848 году произведенъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ; по II отдѣленію 6 департамента; въ 1851 годуперемѣщенъ къ присутствованію въ 1 отдѣленіе того же департамента. Въ 1854 году Дашковъ былъ переведенъ въ 7 департаментъ и въ слѣдующемъ году

назначенъ къ присутствованію въ одномъ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената и получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ, а черезъ годъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степени, съ разрѣшеніемъ присоединить къ этому ордену мечи надъ нимъ. 23 мая 1860 г., согласно прошенію, по болѣзни, Дашковъ уволенъ въ отставку. Умеръ Дашковъ 15 марта 1865 г. въ С.-Петербургѣ, а погребенъ въ тверской губерніи, корчевскаго уѣзда, при церкви села Сучки.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора А. В. Дашкова, хранящійся въ Архивѣ Сената, № 1603. Дѣло Министерства Юстиціи 1860 г. № 6120. *А. Ч—съ.*

Дашковъ, *Андрей Яковлевичъ*, начавъ службу въ 1786 году въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку сержантомъ, въ чинѣ гвардіи подпоручика въ 1799 году вышелъ въ отставку, но черезъ пять лѣтъ, въ 1804 году вступилъ на службу въ департаментъ коммерціи старшимъ помощникомъ. Въ 1808 году Дашковъ былъ опредѣленъ генеральнымъ консуломъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ 1811 году тамъ-же назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Въ это время Дашковъ вступилъ въ сношенія съ генераломъ Моро, который жилъ въ Америкѣ изгнанникомъ и предлагалъ свои услуги Императору Александру I для борьбы съ Наполеономъ. Благодаря участію Дашкова, Моро достигъ своей цѣли, былъ вызванъ Александромъ I въ Европу, но въ битвѣ подъ Дрезденомъ въ 1813 г. былъ смертельно раненъ, находясь въ свитѣ Государя. Въ 1817 году Дашковъ былъ отозванъ отъ поста полномочнаго министра и оставленъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ознакомившись съ тюремными учрежденіями заграницей и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей Говарда и Блакстона, Дашковъ въ 1819 году подалъ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія и президенту Библейскаго общества князю А. Н. Голицыну проектъ улучшенія тюремной части и объяснительную къ нему записку подъ названіемъ: «Замѣчанія Дашкова, имѣющія служить предисловіемъ къ запискамъ о устроеніи и внутреннемъ управленіи тюремъ». Записка Дашкова, напечатанная Д. Тальбергомъ въ «Русской Старинѣ» 1879 г. (стр. 541 — 551), интересна какъ по связи своей съ филантропическимъ направленіемъ того времени, когда Государь Александръ Павловичъ лично интересовался дѣломъ улучшенія участи заключенныхъ, такъ и по новизнѣ для того времени идей, убѣжденнымъ защитникомъ которыхъ выступалъ предъ правительствомъ Дашковъ. Записка Дашкова находится въ дѣлѣ Архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, озаглавленномъ: «Разныя представленія членовъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета», и на основаніи этого можно заключить, что Андрей Дашковъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Въ 1820 г. онъ назначенъ былъ въ константинопольскую миссію управляющимъ дѣлами по судной и коммерческой части. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ Константинопольскою миссіею, возвратился въ Россію. Въ 1826 году Дашковъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ былъ членомъ Высочайше учрежденной комиссіи для разсмотрѣнія требованій россійскихъ подданыхъ на Оттоманской Портѣ; въ 1828 году онъ былъ откомандированъ въ главное управленіе цензуры въ качествѣ члена со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ и награжденъ знакомъ отличія за безпорочную службу за 26 лѣтъ, а въ слѣдующемъ году Дашковъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена Владиміра 3-й степени, уволенъ отъ званія судьи коммерческихъ дѣлъ и причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Женатъ былъ Дашковъ на баронессѣ Евгеніи Іосифовнѣ Прейссеръ. Умеръ Дашковъ 21 іюня 1831 года.

Списокъ о службѣ А. Я. Дашкова № 13 по Архиву Мин. Иностранныхъ дѣлъ. «Литературная Газета» 1831 г. № 37. В. Руммель и В. Голубцовъ: «Родословный Сборн. русскихъ дворянск. фамилій», 1886 г. СПБ.—Кн. Долгоруковъ: «Россійская родословная книга», 1857 г., ч. 4.—Карновичъ: „Истор. разсказы и бытовые очерки“ („Генералъ Моро на русской службѣ“) СПБ., 1884 г. *А. Ч.*

Дашковъ, *Аполлонъ Андреевичъ*, генералъ-отъ инфантеріи, родился въ 1753 г. Четырехъ лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ въ военную службу „на своемъ коштѣ“ въ бомбардирскій полкъ артиллеріи; въ дѣтскомъ же возрастѣ онъ былъ произведенъ въ капралы и каптенармусы,

а когда ему минуло 14 лѣтъ — въ сержанты. Для полученія этого чина онъ долженъ былъ явиться въ полкъ, но въ самый день производства въ сержанты снова былъ отпущенъ на годъ изъ полка. Шестнадцатилѣтнимъ юношей онъ получилъ чинъ штыкъ-юнкера (приравнивался къ прапорщичьему, но не считался офицерскимъ) и 1 января 1772 г.—подпоручика. Въ 1771 г. Дашковъ участвовалъ въ походѣ изъ кр. Таганрога въ Крымскій полуостровъ къ крѣпости Еникале, взятой затѣмъ русскимъ отрядомъ Щербатова, а въ 1772 и 1774 гг.—въ походахъ и дѣлахъ противъ крымскихъ татаръ. Нѣкоторое время онъ занималъ должности цейхвартера и квартермистра, а въ 1782 и 1783 гг., въ чинѣ капитана находился въ войскахъ пограничной дивизіи и затѣмъ въ Крыму, послѣ присоединенія котораго, присутствовалъ при торжественномъ принесеніи татарами присяги на подданство Россіи въ Карасу-базарѣ. Въ 1786 г, съ производствомъ въ подполковники, Дашковъ былъ назначенъ въ пѣхоту и черезъ два года переведенъ въ Кіевскій гренадерскій полкъ, съ которымъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ: въ октябрѣ 1789 г. на Анапской косѣ, при завладѣніи турецкимъ укрѣпленіемъ, будучи начальникомъ отряда, дѣйствовавшаго на 16 лодкахъ, А. А. выказалъ свою неустрашимость. Въ слѣдующемъ году онъ принималъ участіе въ пораженіи турокъ при Мачинѣ.

Послѣ турецкой войны Дашковъ въ возникшей войнѣ съ Польшей принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ сраженій съ поляками. Въ теченіе этого похода, 2 сентября 1793 года, А. А. былъ произведенъ въ полковники и получилъ Кіевскій гренадерскій полкъ, командуя которымъ продолжалъ сражаться съ поляками. Съ іюня по 26 августа того же года, совмѣстно съ прусскими войсками, онъ находился при осадѣ и бомбардированіи Варшавы, 23 сентября участвовалъ въ стычкѣ съ поляками при переправѣ черезъ Вислу и, наконецъ, 29 сент.—въ сраженіи при Маціовицахъ, гдѣ были разбиты поляки и взятъ въ плѣнъ предводитель польскихъ войскъ—Костюшко. За отличія въ этихъ сраженіяхъ Дашковъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ.

Царствованіе Императора Павла отразилось частыми и рѣзкими перемѣнами въ служебной карьерѣ Дашкова. Такъ въ сентябрѣ 1797 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ въ Нотебургскій мушкетерскій полкъ. Неизвѣстно по какой причинѣ онъ долго не прибывалъ къ полку, и суровый Императоръ Высочайшимъ приказомъ 2 декабря 1797 г. исключилъ его за это изъ службы; но 31 декабря того же года Государь кладетъ гнѣвъ на милость, и Дашковъ снова принятъ на службу съ прежнимъ старшинствомъ, но уже съ назначеніемъ командиромъ гарнизоннаго Архарова полка. Едва успѣваетъ онъ принять этотъ полкъ, какъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года назначается комендантомъ въ Елисаветградъ и шефомъ горнизоннаго имени своего полка. Затѣмъ—снова быстрое повышеніе по службѣ—чинъ генералъ-лейтенанта въ іюнѣ 1799 г., а 4 марта слѣдующаго года — отставка отъ службы съ производствомъ въ генералы отъ инфантеріи и съ мундиромъ. 19 февр. 1801 г. Дашковъ вновь опредѣляется на службу съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, и тогда же послѣдовало повелѣніе опредѣлить его на первую открывшуюся губернаторскую вакансію. По вступленіи на престолъ Александра I, онъ былъ назначенъ въ 1801 г. присутствующимъ въ Черноморской войсковой канцеляріи, съ производствомъ ему жалованья по чину, а въ 1803 г. градоначальникомъ въ Таганрогѣ. 4 апрѣля 1805 г. Дашковъ былъ уволенъ отъ этой должности съ назначеніемъ присутствовать въ 6-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената. А. А. Дашковъ скончался 2 сентября 1808 года.

Дѣло Министерства Юстиціи 1808 г., № 658.

В. Жерве.

Дашковъ, *Георгій*, изъ дворянскаго рода Дашковыхъ, во время астраханскаго бунта, въ 1706 году, былъ настоятелемъ въ астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ астраханскимъ архіереемъ Сампсоніемъ, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ увѣщеванія возмутившихся астраханцевъ и, какъ представитель отъ духовенства, участвовалъ въ депутаціи усмиренныхъ астраханцевъ, встрѣтившей фельдмаршала Шереметева подъ Астраханью. Заслуги въ дѣлѣ прекращенія астраханскаго бунта, выдающійся умъ и энергія настоятеля Троицкаго мо-

настыря обратили вниманіе фельдмаршала, который и рекомендовалъ Дашкова Царю Петру, какъ человѣка съ выдающимися административными способностями. Петръ велѣлъ Апраксину немедленно привезти изъ Астрахани энергичнаго настоятеля. Монашескій клобукъ оставлялъ доступной для Дашкова только область церковнаго управленія, въ которой онъ вскорѣ и занялъ выдающееся положеніе. По приказу Государя Дашковъ опредѣленъ былъ сначала келаремъ въ Троицкомъ монастырѣ, потомъ назначенъ въ немъ архимандритомъ, а въ 1718 году былъ посвященъ въ санъ епископа и получилъ въ управленіе ростовскую епархію. По смерти Стефана Яворскаго Дашковъ, уже тогда сильный своими связями, домогался званія синодальнаго вице-президента или перевода въ Крутицу, о чемъ неоднократно просилъ ходатайства вліятельнаго камеръ-юнкера Вильяма Монса. Хлопоты Дашкова объ этомъ однако не увѣнчались успѣхомъ, но, по смерти Петра, въ 1725 году, именнымъ указомъ Екатерины онъ былъ назначенъ въ синодъ третьимъ архіереемъ къ Ѳеофану Прокоповичу и Ѳеофилакту Лопатинскому на мѣсто синодальнаго совѣтника калязинскаго архимандрита, Рафаила, переведеннаго архіереемъ во Псковъ. Бывшій калязинскій архимандритъ, получивъ назначеніе во Псковъ, въ Синодѣ былъ оставленъ по прежнему, вѣроятно, благодаря проискамъ Ѳеофана Прокоповича, видѣвшаго въ Дашковѣ опаснаго соперника. Синодъ, по настоянію Прокоповича, вошелъ даже съ представленіемъ къ Государынѣ о томъ, какъ быть съ Георгіемъ Дашковымъ въ виду того, что въ Синодѣ и безъ него уже присутствуютъ три архіерея. Государыня однако подтвердила свой прежній приказъ и повелѣла Георгію Дашкову быть въ Синодѣ совѣтникомъ такъ же, какъ и Рафаилу. Энергичный Дашковъ не хотѣлъ быть совѣтникомъ, т. е. стоять по рангу ниже Ѳеофана и Ѳеофилакта, и добился того, что свѣтскіе титулы синодальныхъ членовъ были упразднены, а всѣ духовныя особы, присутствующія въ Синодѣ, были уравнены въ правахъ и начали именоваться просто членами Синода. Какъ членъ Синода, Дашковъ не отличался особой ученостью и глубиной богословскихъ познаній, но былъ человѣкомъ свѣтлаго природнаго ума сильной воли, неутомимой энергіи и рѣшительнаго характера: въ первое же время своего присутствованія въ Синодѣ онъ лично подалъ Государынѣ энергичный протестъ противъ отобранія у монастырей имуществъ и отдачи ихъ служилымъ людямъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ то время вершилъ церковныя дѣла въ Синодѣ почти единолично и, конечно, энергичный Дашковъ не могъ не столкнуться съ нимъ уже въ самомъ началѣ своей синодальной дѣятельности. Началась борьба изъ-за вліянія и въ Синодѣ образовалось двѣ партіи, при чемъ Дашковъ сталъ во главѣ сильной партіи лицъ, недовольныхъ Прокоповичемъ, состоявшей преимущественно изъ опальныхъ дворянъ прошлаго царствованія, а душею этой партіи былъ коломенскій митрополитъ Игнатій Смола, приверженецъ царицы Евдокіи Лопухиной и царевича Алексѣя Петровича. Послѣ смерти Екатерины Прокоповичъ потерялъ прежнее значеніе, и Дашковъ, имѣя опору въ членахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, особенно въ Долгорукихъ, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю полноту власти церковнаго управленія, правилъ почти единолично и въ самомъ Синодѣ, а затѣмъ поднялъ вопросъ о возстановленіи патріаршества, мечтая, при помощи своихъ связей, достигнуть сана патріарха. Верховный Тайный Совѣтъ, повидимому, поддерживалъ домогательства Дашкова и уже послалъ въ Синодъ оффиціальный запросъ: «можно-ли въ нынѣшнее время — быть въ Россійской церкви патріарху?» Ѳеофанъ Прокоповичъ однако отвѣтилъ на него рѣшительнымъ отказомъ, чѣмъ еще больше возстановилъ противъ себя Георгія Дашкова. Насколько былъ силенъ въ это время Георгій Дашковъ видно, между прочимъ, изъ того, что всѣ бумаги, направлявшіяся въ Синодъ, Меншиковъ посылалъ для предварительнаго просмотра Дашкову. Постановленія Петровскаго царствованія по церковнымъ дѣламъ одно за другимъ отмѣнялись указами Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ составленіи которыхъ дѣятельное участіе принималъ и самъ Дашковъ; въ мартѣ 1727 года, указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, повелѣно маловотчиннымъ и безвотчиннымъ монастырямъ быть на прежнемъ основаніи; въ іюлѣ — бывшимъ синодальнымъ членамъ повелѣно возвра-

тить въ Верховный Тайный Совѣтъ панагіи и другія вещи, оставшіяся послѣ патріарховъ; въ октябрѣ того же года закрыта Невская типографія, въ которой были напечатаны почти всѣ сочиненія Ѳеофана Прокоповича, подавшія поводъ къ разнаго рода толкамъ о введеніи въ Россіи лютеранства и пр.; въ ноябрѣ—разрѣшено печатаніе «Камня Вѣры» и т. д. Ѳеофанъ Прокоповичъ только номинально оставался первенствующимъ членомъ Синода, но фактически не пользовался никакою властью и покорно подписывалъ все, что̀ исходило отъ Дашкова. Но Прокоповичъ былъ не изъ тѣхъ, которые забываютъ униженіе и обиды. Съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Анны произошла смѣна придворныхъ вліяній, Долгорукіе пали, а Прокоповичъ вошелъ въ прежнюю силу и, конечно, прежде всего началъ сводить счеты съ Дашковымъ, избравъ орудіемъ клевету. Прокоповичу не стоило большого труда внушить Государынѣ мысль, что Дашковъ принадлежитъ къ враждебной для нея партіи и является не безопаснымъ для нея человѣкомъ. Кромѣ того, онъ сумѣлъ выставить Дашкова, въ глазахъ Императрицы взяточникомъ, который своими незаконными поборами будто бы раззорилъ епархіи. Высочайшимъ указомъ Синоду велѣно было произвести слѣдствіе по дѣлу о незаконныхъ поборахъ Георгія Дашкова. По проискамъ Прокоповича и секретаря Синода Дудина слѣдствіе было поручено Павлу Протопопову, ставленнику Ѳеофана. Между тѣмъ Георгій Дашковъ, по Высочайшему указу, еще до окончанія слѣдствія, былъ лишенъ епископскаго сана и заключенъ въ Харьковскій монастырь. Слѣдствіе дѣлало свое дѣло, и обычные въ то время подарки отъ монастырей завѣдывавшимъ ими владыкамъ, въ процессѣ Георгія Дашкова фигурировали какъ незаконные поборы и взятки, разорившіе епархіи. Прокоповичъ воспользовался случаемъ, чтобы еще дальше упрятать Дашкова, откуда бы тотъ уже не могъ быть для него опаснымъ: 28 декабря 1730 года, по Высочайшему повелѣнію, Дашковъ былъ сосланъ на островъ Кубенскаго озера въ Спасокаменный монастырь подъ усиленный надзоръ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1731 года Дашковъ принялъ здѣсь схиму и получилъ имя Гедеона. Хотя въ Спасокаменномъ монастырѣ Гедеонъ и содержался, какъ государственный преступникъ, однако, какъ бывшій архіерей, онъ пользовался особымъ почетомъ и со стороны братіи и со стороны богомольцевъ, изъ отдаленныхъ мѣстъ стекавшихся въ монастырь, чтобы получить благословеніе благочестиваго старца Гедеона, въ глазахъ народа бывшаго мученикомъ за правду и не простымъ монахомъ, а архіереемъ въ схимѣ. Знаки вниманія и выраженія дружбы со стороны митрополита Игнатія Смолы, Сильвестра и Долгорукихъ окружали старца Гедеона въ глазахъ народа ореоломъ мученичества и начинали тревожить Прокоповича. По проискамъ Ѳеофана, для усиленія надзора за Дашковымъ въ Спасокаменный монастырь былъ посланъ сержантъ гвардіи съ тремя солдатами и надъ Гедеономъ началось новое слѣдствіе, которое должно было раскрыть и тѣ преступленія, въ которыхъ предполагалось обвинить схимника. Были пущены въ ходъ всѣ средства того времени: былъ поднятъ вопросъ о правильности постриженія Гедеона въ схиму, обвиняли Гедеона въ томъ, что онъ по архіерейски благословляетъ народъ, что онъ велъ обширную переписку съ друзьями и тѣмъ поддерживалъ съ ними связи и т. д. Къ слѣдствію былъ привлеченъ и вологодскій епископъ Аѳанасій. Множество лицъ было вызвано въ Петербургъ для допроса по дѣлу Гедеона. Обыскъ въ келіи схимника не далъ никакихъ результатовъ, и въ Синодѣ, въ качествѣ вещественнаго доказательства злыхъ козней Гедеона, фигурировала одна только чернильница, найденная подъ поломъ келіи Гедеона. Результатомъ этого новаго слѣдствія однако было то, что 20 марта 1733 года изъ Тайной канцеляріи послѣдовалъ приказъ усилить караулъ надъ Гедеономъ. Въ 1734 году измученный суровымъ заключеніемъ и всевозможными лишеніями, Гедеонъ пытался добиться личнаго свиданія съ Государыней, чтобы избавиться отъ незаслуженныхъ гоненій хоть на старость лѣтъ и объявилъ «Слово и дѣло», но Синодъ предупредилъ желаніе старца: онъ вошелъ къ Государынѣ съ предложеніемъ услать схимника Гедеона, какъ человѣка опаснаго для государственнаго спокойствія, въ Успенскій Нерчинскій монастырь, Иркутской губерніи, и содержать его тамъ, какъ колодника. Государыня утвердила предложе-

ніе Синода и въ началѣ 1736 года повелѣла «держать Гедеона въ Успенскомъ монастырѣ даже до смерти неисходно и не слушая никакихъ объявленій его хотя бы о государевомъ словѣ и дѣлѣ». Высочайшій указъ 23 октября 1740 года о помилованіи невиннососланныхъ въ предшествовавшее царствованіе не засталъ уже схимонаха Гедеона въ живыхъ: бывшій ростовскій архіерей, членъ Синода, Дашковъ умеръ 17 апрѣля 1739 года въ нищетѣ, колодникомъ, а оставшееся послѣ него имущество—«скарбъ», по рѣшенію конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, было раздѣлено между братіею монастыря.

«Православное Обозрѣніе» 1863 г., стр. 46—106: «Матеріалы для исторіи первой половины XVIII столѣтія, Георгій Дашковъ». Чистовичъ: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время», СПБ. 1868 г., гл. XI, XII и др. Корсаковъ: «Воцареніе Анны Іоанновны», т. I, стр. 55—57.—«Исторія Россійской Іерархіи», ч. I, стр. 123.—«Русская Старина», 1879 г., т. XXIV, стр. 747; 1877 г., т. XX, стр. 536—541, замѣтка Мерцалова.—«Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 101.—«Ярославскія Епарх. Вѣдомости» 1862 г. №№ 31—33, 1868 г. №№ 16 и 17.—«Вологодскія Епарх. Вѣдомости» 1866 г. № 9; 1867 г. № 8.—«Иркутскія Епарх. Вѣдомости» 1867 г. № 2.

А. Черкасъ.

Дашковъ, *Дмитрій Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ юстиціи, членъ государственнаго совѣта, литераторъ, родился 25 декабря 1788 года въ Москвѣ, умеръ 26 ноября 1839 года въ Петербургѣ. Сынъ спасскаго уѣзднаго предводителя дворянства, рязанской губерніи, Дашковъ, несмотря на сравнительно ограниченное состояніе своихъ родителей, получилъ хорошее домашнее образованіе и поступилъ въ московскій университетскій благородный пансіонъ, въ которомъ за успѣхи награжденъ былъ двумя серебряными медалями и занесеніемъ имени на мраморную доску золотыми буквами. Окончивъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, Дашковъ въ октябрѣ 1801 года поступилъ на службу юнкеромъ въ Московскій архивъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и оставался въ продолженіи девяти лѣтъ. Въ 1810 году, когда И. И. Дмитріевъ назначенъ былъ министромъ юстиціи, Дашковъ перешелъ на службу въ Петербургъ по министерству юстиціи. Въ 1815 году онъ былъ переведенъ въ канцелярію статсъ-секретаря Молчанова, но служилъ здѣсь не долго и въ слѣдующемъ году снова поступилъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, причемъ графъ Каподистрія потребовалъ отъ Дашкова представить ему какое-либо сочиненіе на французскомъ языкѣ, касающееся дипломатіи, чтобы убѣдиться въ искусствѣ изложенія и образѣ мыслей будущаго дипломата. По совѣту И. И. Дмитріева Дашковъ изложилъ свое мнѣніе по поводу вышедшей тогда брошюры Шатобріана: De Buonaparte et des Bourbons et de la nécessité de se raillier á nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. Paris. 1814. Брошюра эта касалась самыхъ живыхъ историческихъ и дипломатическихъ вопросовъ того времени, и графъ Каподистрія остался вполнѣ доволенъ какъ слогомъ начинающаго дипломата, такъ и его умѣніемъ ориентироваться въ сложныхъ вопросахъ политики, и Дашковъ былъ принятъ на службу. Причисленный въ слѣдующемъ году къ Константинопольской миссіи, Дашковъ 14 іюля 1818 года, въ чинѣ статскаго совѣтника, назначенъ былъ вторымъ совѣтникомъ при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Во время столкновенія въ Константинополѣ туземнаго населенія съ греками, когда погибло не мало грековъ, въ томъ числѣ и патріархъ Григорій, Дашкову удалось спасти, благодаря большой смѣлости и ловкости, не одно греческое семейство отъ вѣрной смерти. Отозванный 3 января 1820 года отъ своего поста при Константинопольскомъ посольствѣ, Дашковъ, по порученію министра, занимался обозрѣніемъ и приведеніемъ въ надлежащее положеніе россійскихъ консульствъ въ Левантѣ. Въ 1822 году онъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами Константинопольской миссіи, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ членомъ въ Совѣтъ комиссіи составленія законовъ, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи. Съ вступленіемъ на престолъ Николая I начинается быстрое возвышеніе Дашкова. Благодаря Блудову, оцѣнившему бойкость пера Дашкова, уступавшаго по силѣ и выразительности слога развѣ только Сперанскому, Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на способности неудавшагося дипломата. Въ концѣ 1826 года Дашковъ получилъ званіе статсъ-секретаря и назначенъ былъ товарищемъ мини-

стра внутреннихъ дѣлъ; въ 1828 году, пожалованный орденомъ Анны 1-й степени, онъ назначенъ былъ слѣдовать за Государемъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а по возвращеніи оттуда, 26 марта 1829 года, назначенъ товарищемъ министра юстиціи и награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника. 24 апрѣля того же года Дашковъ получилъ повелѣніе быть въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій на время отсутствія статсъ-секретаря Блудова, а за отсутствіемъ князя Долгорукаго, повелѣно ему вступить въ управленіе министерствомъ юстиціи. Награжденный орденомъ Бѣлаго Орла, Дашковъ 2 февраля 1832 года призванъ былъ къ занятію должности министра юстиціи, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря, въ томъ же году за отличную службу награжденъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго, и затѣмъ 14 февраля 1839 года произведенъ былъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, назначенъ членомъ государственнаго совѣта, предсѣдателемъ департамента законовъ и начальникомъ Второго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, съ званіемъ главноуправляющаго, которое присваивалось потомъ и всѣмъ послѣдующимъ начальникамъ Второго Отдѣленія. Съ занятіемъ высшихъ государственныхъ должностей для Дашкова, какъ человѣка глубокаго ума и твердыхъ гуманныхъ убѣжденій, открывалось широкое поприще для примѣненія его обширныхъ познаній; однако обстоятельства того суроваго времени мѣшали ему обнаружить вполнѣ свои недюжинныя административныя дарованія. Призванный Высочайшею волею на постъ министра юстиціи и будучи по необходимости только бдительнымъ хранителемъ закона, Дашковъ въ исполненіи этой своей обязанности былъ непоколебимъ и стоекъ до самоотверженія. Такъ однажды онъ имѣлъ мужество сдѣлать представленіе Государю Николаю Павловичу о необходимости взять обратно одно Высочайшее повелѣніе, которое прислано было ему для обнародованія, но не было согласно съ существовавшими законами. Поборникъ гласнаго судопроизводства, какъ единственной гарантіи правосудія, Дашковъ хотѣлъ ввести адвокатуру при судахъ того времени, чтобы хотя отчасти увеличить гарантіи правосудія, но начинанія его не только не находили тогда благопріятной почвы въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, но и встрѣчали тамъ непреодолимыя препятствія. Въ силу необходимости Дашковъ долженъ былъ ограничить свои реформаторскія попытки по отношенію къ министерству юстиціи лишь разнаго рода частичными измѣненіями, дополненіями и преобразованіями по судной и распорядительной части, почти исключительно канцелярскаго характера. По иниціативѣ Дашкова улучшенъ составъ сенатской канцеляріи, дѣлопроизводство въ сенатѣ подчинено опредѣленнымъ правиламъ, установившимъ очередь въ докладѣ дѣлъ, выработаны были правила составленія опредѣленій въ сенатѣ и т. д. Дашковымъ было также обращено вниманіе на преобразованіе и расширеніе нѣкоторыхъ учрежденій, состоящихъ подъ вѣдомствомъ министерства юстиціи: коммерческихъ судовъ, герольдіи и пр. Важна также иниціатива Дашкова въ дѣлѣ описанія документовъ и бумагъ московскаго архива министерства юстиціи. Любитель старины, Дашковъ, будучи министромъ юстиціи, впервые обратилъ вниманіе на то, что богатства московскаго архива министерства юстиціи только тогда и могутъ получить надлежащее значеніе, когда будетъ составлена подробная опись хранящихся въ нихъ документовъ и будетъ установленъ способъ для легкаго пріисканія въ архивѣ нужныхъ свѣдѣній. Въ 1835 году Дашковъ утвердилъ положеніе объ учрежденіи комитета для составленія описанія московскихъ сенатскихъ архивовъ, выработанное Хавскимъ, Дмитріевымъ и Солнцевымъ, которые были назначены и членами этого комитета, какъ авторы проекта. Какъ ни скромны были результаты дѣятельности этого комитета, во всякомъ случаѣ ими комитетъ обязанъ былъ заботливости и вниманію Дашкова.

Дашковъ былъ не только выдающимся государственнымъ дѣятелемъ своего времени, но и выдающимся литераторомъ, хотя его личное вліяніе на товарищей-литераторовъ было несомнѣнно болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ вліяніе его литературныхъ произведеній. Первоначальные литературные опыты Дашкова относятся ко времени пребыванія его въ университетскомъ пансіонѣ и состоятъ изъ пере-

водовъ съ французскаго: во второй книжкѣ «Утренней Зари» 1803 года напечатана его идиллія: «Слѣды золотого вѣка», въ третьей книжкѣ 1805 года появилась его статья: «О самоубійствѣ», а въ 1804 г. въ періодическомъ изданіи: «И отдыхъ въ пользу», помѣстилъ онъ очеркъ, озаглавленный: «Науки, искусства, ученые, художники и университеты въ Германіи». Статьи эти носили чисто случайный характеръ и конечно, не имъ Дашковъ обязанъ былъ тѣмъ, что его замѣтили. Его литературная извѣстность тѣсно связана съ горячимъ споромъ между сторонниками Шишкова и послѣдователями Карамзина. Дашковъ въ этомъ спорѣ выступилъ однимъ изъ противниковъ Шишкова и его партіи и, благодаря своему остроумію и замѣчательному таланту, строгой логикѣ и основательному знанію славянскаго и русскаго языковъ былъ едва ли не однимъ изъ сильнѣйшихъ ратоборцевъ за Карамзина. Въ «Цвѣтникѣ» 1810 года (№№ 11 и 12) появилась первая статья Дашкова, направленная противъ шишковистовъ. Она заключаетъ въ себѣ разборъ книги Шишкова: «Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа», вышедшей еще въ 1808 году. Въ 1811 году Дашковъ напечаталъ обстоятельное изслѣдованіе: «О легчайшемъ способѣ возражать на критики», въ которомъ окончательно доказалъ всю несостоятельность Шишкова, какъ ученаго, и при томъ съ такою ясностью, что только уязвленное болѣзненное самолюбіе мѣшало самимъ шишковистамъ признать себя вполнѣ побѣжденными. Въ 1810 году Дашковъ былъ избранъ въ члены Петербургскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и въ органѣ общества: «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» помѣстилъ нѣсколько статей и замѣтокъ съ подписью буквою Д. Перу Дашкова принадлежатъ въ 1-й части «С.-Петербургскаго Вѣстника» 1812 года статья, имѣющая значеніе руководящей: «Нѣчто о журналахъ», затѣмъ двѣ рецензіи: одна на «Исторію Суворова» Е. Фукса, другая на «Анекдоты Вольтера», и наконецъ, анонимная рецензія на книгу Шишкова: «Прибавленіе къ разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу». Членомъ этого общества Дашковъ былъ однако недолго. 14 марта 1812 года графъ Д. И. Хвостовъ былъ избранъ въ почетные члены Петербургскаго общества любителей словесности. Дашковъ протестовалъ противъ избранія, но долженъ былъ уступить мнѣнію большинства. Недовольный этимъ, онъ въ засѣданіи общества въ присутствіи графа Хвостова сказалъ ему «привѣтственную» рѣчь, какъ то было въ обычаѣ общества, но въ этой рѣчи съ такою жестокою ироніею осмѣялъ новоизбраннаго члена, что общество вынуждено было, хотя ради приличія только, исключить Дашкова изъ числа своихъ членовъ, не смотря на увѣренія самого Хвостова въ томъ, что онъ не считаетъ себя обиженнымъ. Вмѣстѣ съ Д. Н. Блудовымъ и В. А. Жуковскимъ, Дашковъ былъ основателемъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Петербургскаго общества «Арзамасскихъ гусей» и носилъ здѣсь прозвище «Чу». Въ 1815 году онъ выступилъ въ Арзамасѣ однимъ изъ злѣйшихъ гонителей князя Шаховскаго, который въ своей комедіи: «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды» осмѣялъ Жуковскаго въ лицѣ балладника Фіалкина. Въ «Сынѣ Отечества» 1815 года (ч. 25, № 42 стр. 140—148) Дашковъ непечаталъ: «Письмо къ новѣйшему Аристофану», въ которомъ выставилъ князя Шаховскаго интриганомъ, завистникомъ и виновникомъ погибели Озерова, потомъ сочинилъ кантату противъ Шаховскаго же, которая пѣлась хоромъ всѣми арзамасцами. Эта кантата напечатана П. Н. Араповымъ въ «Лѣтописи русскаго театра» (стр, 241—242), а выдержки изъ нея приведены въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 года (кн. III стр. 358). Въ 1816 году въ собраніи Арзамаса, по случаю избранія въ его члены В. Л. Пушкина, Дашковъ признесъ рѣчь, направленную вообще противъ шишковской «Бесѣды любителей русскаго слова» и въ частности противъ князя Шаховскаго. Рѣчь эта напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1876 года (кн. I стр. 65—66). Во время своего четырехлѣтняго пребыванія въ Константинополѣ при Россійскомъ посольствѣ и затѣмъ, во время путешествія по Греціи, основательно изучивъ греческій языкъ и ознакомившись съ греческой поэзіей, Дашковъ принялся усердно разыскивать въ различныхъ книго-хранилищахъ древнія рукописи, въ надеждѣ отыскать всего Тита Ливія и Діодора или утраченныя

анѳологіи Мелеагра, Филиппа Ѳессалоникскаго, Агаѳія и др. и неоднократно пытался ознакомиться съ сокровищами серальской библіотеки, для христіанъ недоступной. Результатомъ увлеченія греческой поэзіей и поисковъ за рукописями былъ рядъ прозаическихъ статей Дашкова, а также рядъ стихотворныхъ переводовъ изъ греческой антологіи. Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ появились прозаическія статьи Дашкова: „Аѳонская гора. Отрывокъ изъ путешествія по Греціи въ 1820 г.“ (1825 г., стр. 119—161), „Извѣстіе о греческихъ и латинскихъ рукописяхъ въ серальской библіотекѣ“ (1825 г. стр. 162—165), „Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 г.“ (1826 г. стр. 214—283), „Еще нѣсколько словъ о серальской библіотекѣ“ (1826 г., стр. 283—296). Послѣдняя статья является отвѣтомъ Дашкова на замѣчанія Болонскаго всеобщаго бюллетеня, усомнившагося въ достовѣрности обнародованныхъ Дашковымъ свѣдѣній о серальской библіотекѣ. Въ тѣхъ же „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ (1825 г., стр. 305—312) появились и первые его переводы въ стихахъ, подъ заглавіемъ: „Цвѣты, выбранные изъ греческой анеологіи“, затѣмъ имъ напечатаны были стихотворные переводы съ греческаго подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Полярной Звѣздѣ“ 1825 года (стр. 278—286) и въ Московскомъ Телеграфѣ“ 1828 г. (т. XIX, № 1, стр. 46), при чемъ въ послѣднемъ журналѣ безъ всякой подписи. Еще раньше въ 1813 году Дашковымъ, по порученію И. И. Дмитріева, былъ изданъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, съ примѣчаніями издателя, подписанными иниціалами Д. Д., а въ 1820 году имъ же издана была брошюра С. С. Уварова и К. Н. Батюшкова: „О греческой анѳологіи“. Кромѣ того, Дашковъ приготовилъ въ рукописи переводъ нѣкоторыхъ сочиненій Гердера и предназначилъ его для русско-нѣмецкаго литературнаго сборника подъ названіемъ „Аониды“, къ изданію котораго Жуковскій предполагалъ приступить въ 1817 или 1818 году, при сотрудничествѣ Дашкова. Какъ видно изъ приведеннаго перечня печатныхъ произведеній Дашкова, литературная его дѣятельность не отличалась плодовитостью. Значеніе Дашкова въ русской литературѣ измѣряется однако не тѣмъ только, что̀ вышло изъ-подъ его пера. Глубокій знатокъ русской литературы во всѣхъ ея подробностяхъ, человѣкъ выдающагося ума, высокаго образованія и тонкаго художественнаго чутья, Дашковъ, отличаясь прямодушіемъ, обладалъ увлекательнымъ даромъ слова, ставившимъ его, не смотря на заиканіе въ рядъ выдающихся ораторовъ и, благодаря этимъ качествамъ, оказывалъ на огромный кругъ товарищей-литераторовъ личное, непосредственное вліяніе гораздо большее, чѣмъ вліяніе путемъ печатнаго слова. Почти со всѣми членами общества „Арзамаскихъ гусей“ Дашковъ—„Чу“ былъ коротко знакомъ, со многими изъ нихъ велъ дѣятельную дружескую переписку и былъ признаннымъ авторитетомъ въ области литературно-художественной критики. Членами Арзамаса въ то время были почти всѣ сколько-нибудь выдающіеся писатели· К. Н. Батюшковъ, Д. Н. Блудовъ, Ф. Ф. Вигель, А. Ѳ. Воейковъ, кн. П. А. Вяземскій, Д. В. Давыдовъ, В. А. Жуковскій, Д. А. Кавелинъ, М. Ѳ. Орловъ, А. С. и В. Л. Пушкины, А. И. Тургеневъ и др. А. С. Пушкинъ въ 1814 году посвятилъ Дашкову стихотвореніе: „Мой милый другъ въ странѣ, гдѣ Волга наравнѣ съ брегами протекаетъ...“ Изъ обширной переписки Дашкова пока напечатаны только: 1) три письма къ П. А. Вяземскому, 1813—1815 гг. (Русск. Арх. 1866 г. стр. 489—502), 2) четыре письма къ Н. Ѳ. Грамматину, 1805—1808 гг.,) Библіогр. Зап. 1859 г., № 9, стр. 257—262) 3) письмо къ Н. Г. Масленникову, 1805 г., (тамъ же, стр. 262—263), 4) двѣнадцать писемъ къ И. И Дмитріеву, 1817—1826 гг. (Русск. Арх. 1868 г. стр. 583—603) и, кромѣ того, 5) мелкія письма въ „Русскомъ Архивѣ“: 1878 г., 1. 436; 1884 г., 1, 230—232; 1891 г., 2, 358; 1892 г., 1, 91, и др.

Сочиненія К. Н. Батюшкова, изд. 1885 г., т. II, стр. 400—404, очеркъ В. И. Саитова.— П. Ивановъ. Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи, 1863 г. стр. 152—164. - Обозрѣніе службы Д. В. Дашкова, Русскій Архивъ 1891 г., № 2, стр. 331 - 333.— Н. С. Тихомировъ: «Д. В. Дашковъ и гр. Д. И. Хвостовъ», Русск. Старина 1884 г., т. XI—III, стр. 105—113.—«Изъ записокъ барона Корфа», Русск. Стар. 1899 г. т. XCIX, стр. 26—28; т. C, стр. 532—540.—М. Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, 1854 г., стр. 147—155.— Вигель, Воспоминанія, ч. III, 149, ч. IV, 133, 166 и др.—Краткій очеркъ дѣятельности Втораго Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи

СПБ., 1876 г.—Описаніе Архива министерства юстиціи, т. X.—Сушковъ, Московскій университетскій благородный пансіонъ, 1858 г., М. стр. 89.—Иконниковъ, В., Опытъ русской исторіографіи, стр 1215 и др.—Письма Жуковскаго къ Дашкову, Русск. Арх. 1868 г., стр. 837–843.—Галаховъ, Историч. христоматія т. II, стр. 178 и мн. др. Кн. Долгоруковъ: «Россійская родословная книга», 1857 г. СПБ., ч. 4.—В. Руммель и В. Голубцовъ, Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. I, СПБ. 1886 г. *А. Черкасъ.*

Дашковъ, князь *Павелъ Михайловичъ* (1763 †1807), генералъ-лейтенантъ, бывшій московскій губернскій предводитель дворянства,—былъ сыномъ княгини Екатерины Романовны Дашковой, урожденной Воронцовой, знаменитой сподвижницы Екатерины Великой, отъ брака съ кн. Михаиломъ—Кондратіемъ Ивановичемъ Дашковымъ. По обычаю того времени, молодой князь еще 8 лѣтъ отъ роду (въ 1772 г.) былъ записанъ на военную службу и въ томъ же году произведенъ въ корнеты, но, конечно, остался при матери, постаравшейся дать ему самое тщательное образованіе и воспитаніе. Въ его послужномъ спискѣ значится, что онъ «по россійски, по французски, по итальянски, по латыни, по англійски умѣетъ и сверхъ того математикъ, фортификаціи, географіи, рисовать, фехтовать, танцовать и протчіе науки знаетъ». Павелъ Михайловичъ дѣйствительно обладалъ широкимъ образованіемъ, такъ какъ, благодаря вліянію и руководству матери, окончилъ университетскій курсъ въ Эдинбургѣ, гдѣ выдержалъ университетскій экзаменъ и удостоился получить степень «магистра искусствъ». По возвращеніи княгини въ Петербургъ, молодой князь повелъ жизнь щеголя того времени, отличаясь своею расточительностью, ухаживаніемъ и кутежами. Его молодость, богатство, знатность и красивая наружность при изрядномъ легкомысліи,—не мало способствовали такому пріятному времяпрепровожденію. Вѣроятно, желая нѣсколько остепенить сына, княгиня не воспротивилась опредѣленію въ генеральсъ-адъютанты къ князю Григорію Александровичу Потемкину, такъ какъ это назначеніе должно было повлечь за собою и извѣстныя служебныя выгоды, и скорый отъѣздъ изъ полной соблазнами столицы на театръ войны. Адъютантомъ Потемкина онъ сдѣлался 14 іюня 1782 г. и уже черезъ два дня (16-го іюня) былъ произведенъ въ капитанъ-поручики л.-гв. Семеновскаго полка. Въ началѣ слѣдующаго года Павелъ Михайловичъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ въ южную армію и въ томъ же 1783 году получилъ полковничій чинъ. Судя по отзывамъ современниковъ, изъ князя Дашкова не выработалось выдающагося воина: онъ остался тѣмъ же безпечнымъ, нерадивымъ и легкомысленнымъ кутилой, обладавшимъ, впрочемъ очень добрымъ сердцемъ, какъ и въ Петербургѣ. Особенно блестящей храбростью онъ отнюдь не отличался, но и въ противоположномъ качествѣ его упрекнуть, повидимому, нельзя. Въ 1785 году Павелъ Михайловичъ на нѣкоторое время вернулся въ свитѣ свѣтлѣйшаго въ Петербургъ, гдѣ опять тряхнулъ стариной, что̀ очень не нравилось его матери, разсчитывавшей видѣть въ своемъ сынѣ чуть ли не человѣка науки. Но особенно раздражила ее неожиданная женитьба молодого князя, избравшаго себѣ женою дочь купца, дѣвицу Альферову, общественное положеніе которой отнюдь не могло равняться съ положеніемъ князей Дашковыхъ. Бракъ этотъ сохранялся нѣкоторое время втайнѣ отъ княгини, которая, узнавъ о немъ, никогда не могла ни простить сыну, ни примириться и даже познакомиться съ невѣсткой. Екатерина Романовна, воспитанная въ аристократическихъ воззрѣніяхъ, смотрѣла на женитьбу сына, какъ на самый возмутительный «mésalliance», и это естественно способствовало натянутости отношеній Павла Михайловича съ матерью; эти отношенія такъ и не исправились до самой смерти князя. Супружество Павла Михайловича не было счастливо и супруги недолго жили вмѣстѣ, хотя и продолжали переписываться другъ съ другомъ.

1787 и 1788 годы князь Дашковъ провелъ въ Польшѣ, а въ концѣ 1788-го года отправился въ дѣйствующую армію въ Молдавію и Бессарабію, гдѣ въ апрѣлѣ 1789 года былъ произведенъ въ бригадиры. Въ его послужномъ спискѣ отмѣчено, какъ отличіе, что онъ принималъ участіе «сентября 7 у рѣчки Салчи при разбитіи непріятеля и его лагеря и слѣдуя за нимъ до города Измаила, (былъ) 12 при атакѣ и бомбардированіи онаго, (а) ноября 14 при атакѣ-жъ и взятіи города Бендеръ». Съ 15-го декабря этого года, откомандиро-

ванный отъ арміи, князь Дашковъ находился въ Кіевѣ, а 5 февраля 1790 года былъ «опредѣленіемъ государственной военной коллегіи произведенъ въ генералъ-маіоры и по списку генералитету за вторую половину того же 1790 года показанъ состоящимъ при соединенной арміи». Въ 1792 году Павелъ Михайловичъ показанъ состоящимъ въ Малороссіи, а въ 1796 году—при войскахъ «подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго». Воцареніе Императора Павла I-го принесло съ собою опалу княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ и особую монаршую благосклонность сыну ея, князю Павлу Михайловичу. Казалось, Государь души не чаялъ въ своемъ новомъ любимцѣ, котораго произвелъ 4-го января 1798 года въ генералъ-лейтенанты, съ нимъ часто бесѣдовалъ наединѣ и удостоивалъ знаками особаго вниманія. Всѣмъ этимъ князь Дашковъ воспользовался для того, чтобы, отказавшись отъ дара въ 5000 душъ крестьянъ, выпросить у Государя свободу своей матери, сосланной въ помѣстья. Императоръ Павелъ, готовясь къ войнѣ съ Франціей, предназначалъ Дашкова для роли командира корпуса войскъ, стоявшихъ въ Кіевской губерніи, и 14-го марта 1798 года состоялось Высочайшее повелѣніе, назначавшее князя военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, инспекторомъ по инфантеріи Украинской дивизіи и шефомъ Кіевскаго гренадерскаго полка. Но Павлу Михайловичу не долго удалось удержать за собой милость Императора. Князь принялъ близкое участіе въ судьбѣ нѣкоего Альтести (бывшаго секретаря кн. Зубова), обвиненнаго въ томъ, что онъ употреблялъ солдатъ для обработки собственныхъ земель. Дашковъ обратился съ представленіемъ о невинности Альтести къ Лопухину и вскорѣ удостоенъ былъ слѣдующаго Государева рескрипта: «такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, до васъ не касающіяся, поэтому увольняетесь отъ службы. Павелъ». Отставленіе отъ службы состоялось 24-го октября 1798 года, и Павелъ Михайловичъ уѣхалъ въ свое тамбовское имѣніе. Вскорѣ послѣ смерти Павла Петровича, отставной генералъ-лейтенантъ и кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, князь Павелъ Дашковъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ продолжалъ службу въ качествѣ московскаго губернскаго предводителя дворянства. Современники разсказываютъ, что князь и тогда мало измѣнился, сохранивъ свою веселость, безпечность и склонность ко всякаго рода удовольствіямъ; такъ, несмотря на свою чрезвычайную тучность, онъ продолжалъ танцовать...

Въ январѣ 1807 года князь Дашковъ опасно занемогъ и скоропостижно скончался, не оставивъ дѣтей. Умирая, князь завѣщалъ все свое имѣніе (по послужному списку 1789 года за нимъ числилось 6000 душъ) внучатному брату своему, графу Ивану Илларіоновичу Воронцову. Со смертью князя Павла Михайловича, мужское поколѣніе князей Дашковыхъ прекратилось.

Московское Отдѣленіе Арх. Гл. Шт.; книга формулярныхъ списковъ Сибирскаго Гренадерскаго полка, № 378. — Россійская родословная книга, изданная княземъ П. Долгоруковымъ. СПБ. 1855 — 1857 г. — Записки Л. Н. Энгельгардта, М., 1864 г.—Иловайскій: Екатерина Романовна Дашкова.— Записки Вигеля. *М. Россійскій.*

Дашковъ, *Яковъ Андреевичъ*, по окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ, началъ службу въ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1824 году былъ перемѣщенъ въ министерскую канцелярію и въ 1826 году назначенъ переводчикомъ. Въ 1827 году Дашковъ поступилъ въ эскадру генералъ-адъютанта Сенявина, потомъ перемѣщенъ былъ въ отдѣльную эскадру, отправившуюся подъ начальствомъ вице-адмирала графа Гейдена изъ Англіи въ Средиземное море, участвовалъ при истребленіи союзными эскадрами въ портѣ Наваринскомъ турецко-египетскаго флота и въ 1830 году былъ назначенъ состоять при командирѣ отряда эскадры оставленной у береговъ Греціи, контръ-адмиралѣ Рикордѣ. Въ 1831 году Дашковъ опредѣленъ первымъ секретаремъ при миссіи въ Копенгагенѣ и, за отсутствіемъ посланника въ Копенгагенѣ, нѣкоторое время исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ 1831—1836 гг. Дашковъ неоднократно былъ посылаемъ съ важными дипломатическими порученіями изъ Копенгагена въ С.-Петербургъ и въ Стокгольмъ, въ 1834 году былъ пожалованъ въ званіе камергера, въ 1835 году греческимъ королемъ награжденъ былъ орденомъ Спасителя 3-й степени и назначенъ старшимъ совѣтникомъ при миссіи въ

Копенгагенѣ. Въ 1840 году Дашковъ былъ назначенъ совѣтникомъ миссіи въ Константинополѣ и временно управляющимъ генеральными консульствами въ Валахіи и Молдавіи, а въ 1843 году онъ получилъ отъ турецкаго султана орденъ Нишанъ-Ифтигаръ и, по увольненіи отъ должности совѣтника константинопольской миссіи, утвержденъ въ должности генеральнаго консула Валахіи и Молдавіи. Въ 1845 году Дашковъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1847 году былъ вызванъ по дѣламъ службы въ С.-Петербургъ и въ слѣдующемъ году отправленъ съ особыми порученіями въ Копенгагенъ къ королю датскому, отъ котораго получилъ орденъ Данеброга 1-й степени. Въ 1848 году Дашковъ назначенъ былъ директоромъ Азіатскаго департамента, въ 1850 году получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени и командорскіе знаки ордена Спасителя 2-й степени большого креста, въ 1852 году назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ короля шведскаго и норвежскаго. Здѣсь дипломатическая дѣятельность Дашкова совпала со временемъ Восточной войны 1853—1856 г., когда Швеція грозила пристать къ коалиціи враговъ Россіи. Заслуги Дашкова были оцѣнены: въ 1854 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника, затѣмъ—орденомъ Св. Владиміра 2-й степени въ 1856 году, Бѣлаго Орла—въ 1860 году, Св. Александра Невскаго—въ 1865 году. Въ 1868 г. за отличіе Дашковъ былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и шведскимъ орденомъ Сѣверной Звѣзды 1-й степени. Умеръ Дашковъ въ Стокгольмѣ 28 февраля 1872 года.

Списки о службѣ Якова Дашкова по Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ №№ 1 и 13. Кн. Долгоруковъ: «Россійская родосл. книга», 1857 г. ч. 4.—В. Руммель и В. Голубцовъ: «Родословный Сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій». СПБ. 1886. *А. Ч.*

Двигубскій, *Иванъ Алексѣевичъ*, профессоръ московскаго университета, писатель по естествознанію, происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ уѣздномъ городѣ курской губ. Корочѣ, въ 1771 году. Первоначально воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ и по окончаніи курса нѣкоторое время былъ въ немъ преподавателемъ риторики. Въ 1793 году Двигубскій поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, курсъ котораго окончилъ въ 1796 г. съ золотою медалью за сочиненіе «De generatione», и былъ оставленъ затѣмъ при университетѣ съ назначеніемъ хранителемъ кабинета естественной исторіи. Занимая эту должность и располагая имѣющимся въ кабинетѣ матеріаломъ, Двигубскій написалъ диссертацію подъ заглавіемъ «De amphibiis Mosquiensibus» и по разсмотрѣніи ее въ факультетѣ, былъ произведенъ въ адъюнкты-профессоры; въ этомъ же году ему было поручено читать лекціи по естественной исторіи въ университетѣ, а въ университетскомъ пансіонѣ преподавать естественную исторію и физику. Въ 1802 г. Д. блестяще защитилъ диссертацію «Primitiae Faunae Mosquiensis etc»... на степень доктора медицины и обратилъ на себя вниманіе университетскаго начальства, которое видя въ Двигубскомъ любовь къ естествознанію, рѣшило командировать его въ Западную Европу для усовершенствованія въ химіи, естественной исторіи и materia medica. За границей Двигубскій пробылъ до 1801 г. и слушалъ лекціи въ Парижѣ, Геттингенѣ и Вѣнѣ у знаменитостей того времени Блюмменбаха и Фаркуа. На обратномъ пути Двигубскій, по предложенію университета, съ научною цѣлію посѣтилъ Богемію, Моравію, Венгрію и большую часть южныхъ русскихъ губерній. Во время пребыванія Двигубскаго за границей произошло нѣкоторое измѣненіе въ учебномъ планѣ университета, и каѳедра, которую онъ занималъ до отъѣзда, была раздѣлена на три самостоятельные отдѣла, и Двигубскому было предложено читать минералогію и временно технологію, пока не найдется профессоръ, болѣе его знающій этотъ предметъ. Эти каѳедры онъ занималъ до 1813 г. и въ это время былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1813 г. онъ былъ перемѣщенъ на каѳедру физики; въ 1826 г.—ботаники. Въ 1830 г. былъ назначенъ заслуженнымъ профессоромъ, а въ 1833 г. по разстроенному здоровью долженъ былъ оставить педагогическую дѣятельность; въ этомъ же году былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета. Находясь въ званіи профессора, Двигубскій не только читалъ лекціи, но очень часто занималъ и административныя должности, былъ секретаремъ

университетскаго совѣта, деканомъ медицинскаго факультета, надзирателемъ курсовъ, учрежденныхъ по Высочайшему повелѣнію для людей, службою обязанныхъ, и три двухлѣтія былъ избираемъ ректоромъ университета съ 1826 по 1833 г., а также цензоромъ, ревизоромъ московскихъ училищъ и мн. др. Былъ членомъ многихъ русскихъ ученыхъ обществъ: Московскаго Испытателей Природы, Моск. Сельскаго хозяйства, Моск. Физико-Медицинскаго, Моск. Любителей россійской словесности, С.-Петербургскаго Экономическаго; иностранныхъ: Геттингенскаго фотографическаго, физическаго и повивальнаго; парижскія общества: академическое и гальваническое считали Двигубскаго своимъ членомъ—корреспондентомъ.

Оставивъ университетъ, Двигубскій уѣхалъ изъ Москвы въ тихій городъ Каширу, но не прекратилъ своихъ научныхъ занятій, причемъ этотъ періодъ своей жизни онъ посвятилъ главнымъ образомъ составленію руководствъ по сельскому хозяйству. Умеръ Двигубскій 68 лѣтъ въ 1839 году, 30 декабря.

Въ теченіе своей довольно продолжительной жизни Двигубскій издалъ около 40 названій разныхъ сочиненій по естество - знанію, но безусловно только самая незначительная часть ихъ представляетъ самостоятельныя, оригинальныя, изслѣдованія; остальныя же являются компилятивной работой по составленію учебниковъ и пособій. По цѣли его сочиненій ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: первыя—въ которыхъ онъ, какъ профессоръ, желаетъ дать своимъ слушателямъ руководство къ теоретическому изученію естествознанія, причемъ старается, чтобы открытія и изслѣдованія европейскихъ ученыхъ были своевременно извѣстны и въ Россіи; вторыя—въ которыхъ онъ является прекраснымъ популяризаторомъ естествознанія и стремится развить въ русскихъ людяхъ любовь къ изученію естественныхъ произведеній своей родины и даетъ для этого полезныя пособія. «Nosce patriam tuam et postea viator eris»—заканчиваетъ онъ предисловіе къ одному учебнику, и эту фразу неоднократно повторяетъ передъ своей аудиторіей. Перечень важнѣйшихъ его трудовъ мы приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ: 1) О строеніи частей человѣческаго тѣла, или первыя черты анатоміи, соч. Пленка, перев. съ латинскаго, 1796 г. 2) Наставленіе сочинять рецепты, соч. Пихлера, перев. съ лат. 1796 г. 3) Повивальное искусство, соч. Пленка, перев. съ лат., 1797 г. 4) De amphibiis Mosquiensibus, 1798 г. 5) Primitiae Faunae Mosquiensis, seu enumeratio animalium, quae sponte circa Mosquam vivunt, 1802 г. (два изданія). 6) Prodramus Faunae Rossicae. Götting. 1804 г. Pars I. Mamoria. Accedit tabula aenea (Указаніе млекопитающихъ въ Россіи, съ изображеніемъ мало извѣстнаго тогда за границей русскаго животнаго—Serex caecutieus Zaxmauni. 7) Начальныя основанія ботаники, 1805 г. 8) Слово о нынѣшнемъ состояніи земной поверхности, 1806 г. 9) Начальныя основанія технологіи, или краткое показаніе работъ, на заводахъ и фабрикахъ производимыхъ, 2 части, 1807 и 1808 гг. 10) Физика (для благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона), I изданіе въ 1808 г., II изданіе въ 1814 г. и III изданіе въ 2-хъ частяхъ 1824—25 г.г. 11) Таблицы животныхъ, растеній и минераловъ (для воспитанниковъ университ. пансіона) I изд.—въ 1808 г. II изд.—въ 1815 г. 12) Начальныя основанія естественной исторіи растеній, 1811 г. 13) Начальныя основанія естественной исторіи растеній, заключающія терминологію растеній, лучшія ихъ системы, анатомію, физіологію ихъ, патологію и исторію ботаники (эта книга представляетъ измѣненное и расширенное первое изданіе) 1823 г. Третья часть этого труда сгорѣла во время московскаго пожара. 14) Рѣчь въ память профессора Страхова, 1814 г. 15) Краткое описаніе всѣхъ животныхъ четвероногихъ и китовъ, которые водятся въ предѣлахъ россійскаго государства, съ показаніемъ мѣстъ, гдѣ именно они водятся, 1816 г. 16) Описаніе и изображеніе всѣхъ животныхъ россійской имперіи. Книга эта представляетъ собою первый полный опытъ фауны Россіи. Матеріалъ для нея собирался почти 30 лѣтъ, при чемъ было подробно осмотрѣно болѣе 19 губерній. Трудъ этотъ былъ оконченъ въ 1817 г. и выходилъ въ свѣтъ отдѣльными книжками (12). Въ общемъ, кромѣ самостоятельныхъ описаній автора, онъ состоитъ изъ компиляцій трудовъ извѣстныхъ русскихъ естествоиспытате-

лей: Гмелина старшаго и младшаго, Палласа, Крашенинникова, Стеллера, Лепехина, Георги, Зуева, Эверемана и мн. др. Компиляціи эти мѣстами составлены очень неудачно, такъ что въ Россіи оказались животныя, которыхъ въ ней никогда не удавалось видѣть ни одному изслѣдователю. 17) Списокъ физическихъ инструментовъ Московскаго Университета, 1821 г. 18) Изъясненіе таблицы, представляющей главное раздѣленіе животныхъ, 1825 г. 19) Московская флора, 1828 г.—описаніе явнобрачныхъ растеній, расположенныхъ по Линнеевской системѣ, измѣненной по указаніямъ Ришара. Растенія же всѣ выписаны изъ трудовъ Московскихъ ботаниковъ: Стефана Марпіуса, Адамса, Максимовича и мн. др. 20) Легкій способъ распознавать дикорастущія на поляхъ московскихъ растенія, I-е изд. въ 1827 г.—то-же, что и предыдущая, только растенія расположены по системѣ Ла-Марка. Книга эта была такъ образцово составлена, что долгое время служила руководствомъ для студентовъ и, по просьбѣ проф. Шаховскаго, была издана авторомъ вторично въ 1838 г. 21) Изображеніе растеній, преимущественно россійскихъ, употребляемыхъ въ лѣкарства и такихъ, которыя наружнымъ видомъ съ ними сходны и часто за нихъ принимаются, но лѣкарственныхъ силъ не имѣютъ, 3 части (9 тетрадей) 1821—1831 г. г. 22) Опытъ естественной исторіи всѣхъ животныхъ Россійской имперіи, въ 1830, 32 и 33 г. г.—состоитъ изъ 8 книгъ описаній и 300 таблицъ съ изображеніями около 1000 породъ животныхъ. 23) Краткая ботаника въ теперешнемъ ея усовершенствованіи Д. Линдлея 1836 г. 24) Начальныя основанія естественной исторіи, 1820 г. 25) Лексиконъ городскаго и сельскаго хозяйства, 12 ч. съ 1836 по 1839 г. 26) Новый магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ—журналъ, издававшійся Д. въ теченіе 10 лѣтъ. Въ этомъ журналѣ, кромѣ статей Д., были помѣщены многія оригинальныя статьи Ловецкаго, Максимовича и др., профессоровъ. 27) Главныя правила садоводства соч. Д. Линдлея, перев. съ англійскаго 1839 г.—Кромѣ перечисленныхъ нами крупныхъ трудовъ, Д. написалъ еще много мелкихъ статей, помѣщенныхъ въ протоколахъ и отчетахъ разныхъ ученыхъ обществъ и, главнымъ образомъ, въ актахъ Парижскаго Академическаго общества и Геттингенскаго Фотографическаго.

Матеріалъ для біографіи: „Краткая записка о профессорахъ Московскаго университета", графа Панина въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ" за 1869 г. № 3 и 1870 г. № 4. „Московскія вѣдомости" 1840 г. № 35 и 36 ст. К. Рулье. „Литературная газета" 1840 г. № 12. „Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 13 іюня 1840 г." „Прибавленіе къ жур. Мин. Народ. Просв." за 1840 г. № 13. „Отчетъ Московскаго Университета" за 1833 и 1839 г. г. „Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета". „Bulletin de la sociètè des Naturalistes". „Энциклопедическій словарь» изд. Брокгаузъ и Ефронъ. «Письмо Двигубскаго» въ «Чтен. въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ„ за 1861 г. № 4. *Ч.*

Дворецкій, *Василій*, кіевскій полковникъ, дѣятельный приверженецъ гетмана Брюховецкаго, нѣсколько разъ бывалъ въ Москвѣ, исполняя важныя порученія послѣдняго; сопровождалъ Брюховецкаго во время пріѣзда его къ Алексѣю Михайловичу въ 1665 г.; защищалъ городъ Глуховъ въ 1664 г.; старался о введеніи новыхъ латинскихъ школъ въ Кіевѣ; когда Брюховецкій измѣнилъ Москвѣ, дѣлалъ неудачную попытку взять Остеръ въ 1668 г. Онъ же вскорѣ послѣ принятія русскаго подданства Малороссіей испросилъ царскій указъ, воспрещавшій евреямъ и армянамъ селиться въ Кіевѣ.

„Исторія Малой Россіи" Бантышъ-Каменскаго, Москва, 1842 г. часть II, 68, 77, 80.—„Кіевская Старина", 1885 г., IV, 743—745. – „Руина" Николая Костомарова; изд. М. О. Вольфа, 1882 г. XV, 29, 98, 139, 192, 201. — „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" С. М. Соловьева. Спб. Изданіе товарищества „Общественная Польза". 1894 г. Томъ X. (книга вторая), 1713. I, XI, 115, 126, 137, 143, 154, 155; Т. XII, 357, 358, 364 (книга третья).

Дворжакъ, *Карлъ Леопольдовичъ*, медико-хирургъ, писатель, былъ родомъ славянинъ, сынъ бѣднаго гражданскаго чиновника въ Фіуме въ Далмаціи; учился сначала въ училищѣ въ Фіуме, затѣмъ въ гимназіи, въ городѣ Лайбахѣ, въ Иллиріи. Въ декабрѣ 1820 г. конгрессъ «Священнаго союза» былъ перенесенъ изъ Троппау въ Силезіи въ Лайбахъ, куда прибылъ со свитою императоръ Александръ I, а въ его свитѣ находился лейбъ-медикъ баронетъ Я. В. Виллié съ своимъ секретаремъ Д. К. Тарасовымъ. Тарасовъ случайно по-

знакомился съ Дворжакомъ и заинтересовался его знаніемъ латинскаго языка. Окончивъ курсъ первымъ ученикомъ, Дворжакъ пожелалъ принять русское подданство, чтобы переселиться въ Россію навсегда. Тарасовъ представилъ его Я. В. Виллié, и, благодаря хлопотамъ Виллié, Дворжакъ хотя и не получилъ сначала согласія австрійскаго императора Франца I, на увольненіе изъ австрійскаго подданства, но достигъ своей цѣли по личному вмѣшательству Императора Александра I. Дѣло однако затянулось на цѣлые полтора года, и лишь въ 1822 г. Дворжакъ получилъ увольненіе изъ австрійскаго подданства. При этомъ, по ходатайству Виллié, ему были выданы по Высочайшему повелѣнію прогонныя деньги на проѣздъ отъ Вѣны до Петербурга, кромѣ того 50 червонцевъ на путевыя издержки. Не желая ѣхать въ Петербургъ до возвращенія Виллié, Дворжакъ пріѣхалъ туда лишь въ мартѣ 1823 г. и былъ принятъ въ медико-хирургическую академію 26 марта 1823 г., какъ предназначенный къ тому съ Высочайшаго соизволенія. Не зная при поступленіи въ академію ни одного слова по-русски, онъ однако скоро освоился съ русскимъ языкомъ и занимался въ академіи съ такимъ успѣхомъ, что на послѣднемъ курсѣ былъ назначенъ ординаторомъ терапевтической клиники при академіи. По окончаніи курса въ академіи 8 августа 1827 г., Дворжакъ былъ назначенъ на службу по военно-медицинскому вѣдомству ординаторомъ въ петербургскій артиллерійскій госпиталь, откуда черезъ четыре мѣсяца, 23 ноября того же года, переведенъ батальоннымъ лекаремъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Здѣсь онъ прослужилъ около четырехъ лѣтъ, получилъ за выслугу лѣтъ званіе штабъ-лекаря, и по прошенію переведенъ къ Высочайшему Двору окружнымъ гофъ-медикомъ, 19-го октября 1831 г., съ увольненіемъ по слабости здоровья изъ военно-медицинскаго вѣдомства. Тотчасъ послѣ этого перевода онъ былъ произведенъ за отличіе въ коллежскіе ассесоры и отправился въ командировку въ Финляндію съ княземъ Меньшиковымъ. По возвращеніи оттуда онъ опредѣленъ былъ въ морское медицинское вѣдомство ординаторомъ въ петербургскій морской госпиталь 5 октября 1832 г. съ сохраненіемъ прежней придворной должности. 19 ноября 1836 г. получилъ въ петербургской медико-хирургической академіи званіе медико-хирурга и опредѣлился лекторомъ латинскаго языка при той же академіи, эту должность исполнялъ до 1 декабря 1840 г. За это время онъ редактировалъ вновь переработавшуюся тогда «Pharmacopaea castrensis ruthenica», за что награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени. Послѣ увольненія отъ академической службы онъ принялъ на себя, сверхъ медицинскихъ обязанностей по придворному и морскому вѣдомству, должность столоначальника въ канцеляріи главнаго медицинскаго инспектора по арміи и исполнялъ ее съ 22 марта 1843 г. до 6 іюня 1854 г., т. е. до упраздненія самой канцеляріи медицинскаго инспектора послѣ смерти Я. В. Виллié. 9-го іюня 1854 г. онъ получилъ увольненіе по службѣ отъ морского вѣдомства. Изъ ученыхъ обществъ былъ членомъ Общества русскихъ врачей съ 1836 г. до смерти. Скончался отъ тифознаго воспаленія легкихъ 20 сентября 1860 г. на 60 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кромѣ редакціи «Фармакопеи» Дворжакъ занимался еще литературными трудами: «De usu hydrargyri in syphilide“ и «De urina, ejus qualitatibus, contentis et productis»; оба эти труда помѣщены во 2 томѣ трудовъ Общества русскихъ врачей; въ 1844 г. въ военно-медицинскомъ журналѣ критическая статья, переведенная Д. съ французскаго на латинскій по приказанію Виллié, подъ заглавіемъ: «Disquisitio chemico—physiologica de mutui entium organicorum aequilibrio“. Auctoribus Dumas et Boussingault.; въ 1848 г. Дворжакъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Mémoires sur le développement, les causes et le traitement du cholera», которая въ 1853 г. переведена имъ на русскій языкъ и издана подъ заглавіемъ: «О холерѣ и ея леченіи». На польскомъ языкѣ имъ напечатаны шесть мелкихъ трудовъ.

Прот. Общ. русск. вр. 1860—1861 г., 211. Med. Reit. Zus. 1860, 336 Русск. Инвал. 1860 г. № 205, Геннади, 282. Змѣевъ. Русск.-врач. писат. стр. 86. Kosminski, Slownik lekarzow polskich. Warszawa, 1883. Энцикл. сл. Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 196.

Н. Т—ъ.

Дворжачекъ, *Фердинандъ-Готардъ-Карлъ*, докторъ медицины, писатель по медицинскимъ вопросамъ, родился 5 мая

*

1804 г. въ Западной Пруссіи; обучался въ гимназіяхъ въ варшавской и плоцкой; медицинскія науки началъ изучать въ варшавскомъ университетѣ, куда поступилъ въ 1823 г., однако черезъ два года отправился для продолженія образованія заграницу и занимался въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Парижѣ. Степень доктора медицины Дворжачекъ получилъ въ виленскомъ университетѣ въ 1830 г. Въ 1831 г. прибылъ въ Варшаву и исполнялъ врачебныя обязанности при военныхъ госпиталяхъ. Въ этомъ-же году былъ посланъ въ Замостье для ухода за больными холерой. Осенью 1831 г. опять уѣзжалъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ; занимался въ эту поѣздку въ Геттингенѣ, Гейдельбергѣ, а главнымъ образомъ въ Парижѣ. Въ началѣ 1835 г. Дворжачекъ возвратился на родину; въ 1837 г. онъ занялъ мѣсто главнаго врача во вновь основанной Евангелической больницѣ въ Варшавѣ. Черезъ 10 лѣтъ усиленной практики потерялъ зрѣніе, въ 1847 г. поселился въ деревню Королевскую Тополь, близъ Лужицъ, гдѣ скончался 15 декабря 1877 г. Работы Дворжачка писаны на польскомъ языкѣ; касаются онѣ разныхъ отраслей медицины; въ нихъ затрогиваются вопросы хирургическіе, также изъ области внутреннихъ болѣзней и исторіи медицины. Большинство статей Д. были помѣщены въ «Памятникѣ лѣкарскаго товарищества», издававшемся въ Варшавѣ.

Stanislaw Kosminski. Slownik lekarzow polskich. Змѣевъ: Русскіе врачи-писатели.

Н. Т.

Дворжицкій, *Андріанъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ волынской губ., родился 26 августа 1830 г., умеръ 29 мая 1887 г. Воспитывался Дворжицкій въ домѣ родителей. Въ службу вступилъ 6 февраля 1845 г. унтеръ-офицеромъ въ егерскій генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полкъ, въ которомъ, будучи юнкеромъ, 27 іюня 1847 г. произведенъ въ прапорщики. Затѣмъ, съ 1850 по 1862 г., Дворжицкій занималъ должности адъютантовъ при нѣкоторыхъ генералахъ и штабахъ. 7-го апрѣля 1867 г., состоя въ л.-гв. Московскомъ пѣхотномъ полку, изъ капитановъ произведенъ въ подполковники, съ назначеніемъ для особыхъ порученій къ С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру, гдѣ 30 августа 1868 г. произведенъ въ полковники. 26 іюня 1874 г. назначенъ исправлять должность полиціймейстера 2-го отдѣленія; въ томъ-же году назначенъ полиціймейстеромъ. Въ 1878 г. перемѣщенъ полиціймейстеромъ 1-го отдѣленія. 1-го марта 1881 г., сопровождая Императора Александра II изъ Михайловскаго дворца въ Зимній дворецъ, былъ тяжко раненъ во время катастрофы на Екатерининскомъ каналѣ; въ томъ же году 27 апрѣля произведенъ въ генералъ-маіоры, а 6 мая лично самимъ Императоромъ Александромъ III награжденъ серебряною медалью въ память кончины Императора Александра II.

Дѣла архива Главнаго Штаба за 1887 г.

М.

Дворянинецъ, *Александръ*, посадникъ новгородскій. Онъ былъ избранъ посадникомъ въ 1354 г., затѣмъ, въ 1359 г. принималъ участіе въ избраніи черница Алексѣя на новгородскую архіепископскую каѳедру, а въ слѣдующемъ году сопровождалъ его въ поѣздкѣ во Владиміръ на постановленіе.

П. С. Р. Л. III, 86–87; IV, 62.

Дворянинецъ, *Евстафій* (братъ Александра), посадникъ новгородскій. Лѣтоп. извѣстія о немъ начинаются съ того, что во время мятежа въ Новгородѣ (1327 г.) домъ его подвергся грабежу и былъ сожженъ. Но черезъ 4 года онъ упоминается какъ тысяцкій, а нѣсколько позже—какъ посадникъ. Въ 1345 г. посадничество было у него отнято, и посадникомъ былъ избранъ одинъ изъ его противниковъ. Неосторожный и оскорбительный образъ дѣйствій Евстафія, въ бытность его посадникомъ, по отношенію къ в. к. литовскому Ольгерду («облаялъ» его псомъ) послужилъ предлогомъ къ вторженію литовцевъ въ новгородскую область. Новгородцы, повидимому, сначала попытались прогнать литовцевъ, но потерпѣли неудачу. Вернувшись съ похода, они созвали вѣче, на которомъ и убили Евстафія, считая его виновникомъ захвата нѣкоторыхъ городовъ Ольгердомъ.

П. С. Р. Л. по указателю.

Дебоа, *Александръ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 2 января 1824 г., скончался 27-го мая 1880 г. Дебоа воспитывался въ Императорскомъ учи-

лищѣ Правовѣдѣнія и въ 1841 г. поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ. 17-го января 1844 г. Дебоа былъ произведенъ въ прапорщики въ своей же части и продолжалъ въ ней службу строеваго офицера до 17-го апрѣля 1855 г., когда и былъ произведенъ въ полковники. Въ январѣ 1856 г. онъ былъ назначенъ командиромъ гренадерскаго сапернаго баталіона, а въ маѣ 1863 г. получилъ въ командованіе лейбъ-гвардіи Гатчинскій полкъ (нынѣ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ). Въ декабрѣ 1864 г. Дебоа былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ помощникомъ начальника 24-й пѣхотной дивизіи, а въ октябрѣ 1867 г. перемѣщенъ на таковую же должность въ 36-ю пѣхотную дивизію. Въ 1869 г. генералъ-маіоръ Дебоа былъ прикомандированъ къ военно-юридической академіи для слушанія лекцій, и по прослушаніи полнаго курса онъ въ 1871 году былъ назначенъ военнымъ судьею въ С.-Петербургскій военно-окружный судъ, съ переводомъ въ военно-судебное вѣдомство. Въ 1872 году онъ уже занималъ предсѣдательское мѣсто въ томъ же судѣ. Незадолго передъ смертью онъ долженъ былъ оставить эту должность и былъ причисленъ къ главному военно-судному управленію.

„Русскій Инвалидъ“ 1880 г., №№ 117 и 122, формулярный списокъ.

Б. Т.

Дебольскій, *Григорій Сергѣевичъ*, протоіерей Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ (1808—1881 г. г.). Родился въ 1808 году; образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ въ 1833 г. кончилъ курсъ со степенью магистра. Поступивъ по окончаніи курса священникомъ въ Казанскій соборъ, о. Дебольскій почти полвѣка провелъ въ непрестанной дѣятельности: онъ законоучительствовалъ въ разнообразныхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, состоялъ нѣкоторое время членомъ конференціи духовной академіи, былъ помощникомъ наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ училищахъ и немало удѣлялъ времени своимъ литературнымъ занятіямъ. Скончался онъ 14 іюня 1881 года.

Изъ сочиненій, выдержавшихъ нѣсколько изданій, извѣстны: «Дни богослуженія православной каѳолической церкви,—въ 2-хъ частяхъ»; «Краткое обозрѣніе богослуженія православной церкви»; «Попеченіе православной церкви о спасеніи міра, выраженное въ ея богослуженіи, объемлющемъ всю жизнь христіанина отъ рожденія до смерти»; «Седьмица говѣнія, исповѣди и причащенія»; «О говѣніи по уставу православной церкви»; «О необходимости и важности христіанскаго поведенія и послушанія православной церкви»; «О пользѣ чтенія библіи»; «Установленія ветхозавѣтной церкви и христіанскія, для которыхъ первыя служили образцами»; «О любви къ отечеству и трудѣ по слову Божію»; «Слово на день Вознесенія Господня»; «Житіе свв. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго»; «Житіе св. равноап. князя Владиміра».

Церк. Вѣстн. 1881 г., № 27.—„Историко-статистическое описаніе С.-Петербургской епархіи“, томъ I. *Здр.*

Дебриній, *Андреянъ*, ген.-лейтен., умеръ въ 1747 г. Французъ по происхожденію, службу свою онъ началъ во Франціи «громушкатеромъ» и затѣмъ въ корпусѣ жандармовъ. Въ 1717 г. Дебриній, будучи подполковникомъ французской арміи, во время пребыванія Петра I-го во Франціи, принятъ былъ въ русскую службу тѣмъ-же чиномъ и, по прибытіи въ 1718 г. въ Россію, зачисленъ въ Ямбургскій драг. полкъ, изъ котораго вскорѣ переведенъ въ Астраханскій пѣх. полкъ. Въ 1720 г., Дебриній, по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ Псковъ, Великіе Луки и Смоленскъ для снятія плановъ, сочиненія проекта, осмотра крѣпостей, магазейновъ, цейхгаузовъ, пороховыхъ погребовъ, пушекъ и прочаго; въ 1721 г.—во флотъ въ команду адмирала Апраксина для исправленія инженерныхъ дѣлъ; въ томъ-же году, по заключеніи мира съ Швеціею, изъ С.-Петербурга прибылъ въ Москву во главѣ Астраханскаго полка, съ коимъ въ 1722 г. откомандированъ въ Низовой корпусъ, въ рядахъ коего принималъ участіе въ дербентскомъ походѣ, Въ бытность на устьѣ рѣки Аграхани, построилъ ретраншаментъ для сбереженія провіанта (который складывался войскамъ находившимся при крѣпости Св. Креста) и для безопасности судовъ, отчисленныхъ отъ флотиліи. По возвращеніи изъ Дербента, Дебриній исполнялъ должность генералъ-квартирмейстера при Его

Величествѣ и въ томъ-же году, во время поѣздки Государя въ Москву, командированъ на Сулакъ, для постройки, по апробованному плану, крѣпости Св. Креста и плотинъ чрезъ рѣки Сулакъ и и Прорву. Въ 1725 г., Дебриній произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Выборгскаго пѣх. полка; въ этомъ же году Дебриній, находясь подъ начальствомъ ген.-маіора Кропотова, изъ крѣпости Св. Креста посланъ былъ съ рапортами и мнѣніями, составленными имъ, Дебриніемъ, въ Сенатъ, гдѣ было велѣно ему подать свое мнѣніе: какъ должно поступать съ тамошними народами, послѣ чего отправился обратно для окончательныхъ работъ крѣпости Св. Креста. Въ 1726 г., Дебриній съ партіею командированъ во владѣнія Олдегирея, Шамхала Тарковскаго, гдѣ нѣсколько человѣкъ взято въ плѣнъ и отбито множество скота, который былъ раздѣленъ на войско для довольствія; затѣмъ, по ордеру генерала Матюшкина, посланъ въ провинціи: Гилянскую, Бакинскую и Дербентскую для исправленія крѣпостей и постройки вновь таковыхъ. Въ 1727 г., Дебриній отправился въ отпускъ въ домъ свой во Францію на 11 мѣсяцевъ, по прошествіи коихъ возвратился къ своему Выборгскому полку въ Калугу. Въ 1731 г., Дебриній командированъ за бригадира съ двумя пѣхотными полками: Выборгскимъ и Рязанскимъ въ крѣпость Св. Анны, въ 1732 г. —на Украинскую линію къ ландмилицкимъ полкамъ по должности инженера; въ томъ-же году—на царицынскую линію въ комиссію, откуда прибылъ въ Военную коллегію съ рапортомъ. Въ 1733 г., Дебриній, при производствѣ въ генералъ-квартирмейстры, посланъ въ города Воронежъ, Тавровъ и Павловскъ для приготовленія разныхъ припасовъ къ Азовской экспедиціи, а потомъ была поручена постройка крѣпости Св. Анны и Царицынской линіи. Въ 1735 г. Дебриній командированъ въ Низовой корпусъ для пріисканія мѣста постройки крѣпости, взамѣнъ крѣпости Св. Креста; затѣмъ опредѣленъ былъ къ Азовской экспедиціи для приготовленія шанцовыхъ матеріаловъ и къ сплоченію лѣса, что̀ и было имъ исполнено, какъ нельзя лучше; послѣ этого, Дебриній, подъ руководствомъ фельдмаршала Ласси, велъ осаду Азова. По взятіи Азова Дебриній отправленъ для консиліума въ Лубны, отсюда въ Усть-Самару, гдѣ и учредилъ форпосты. Въ 1737 г., состоя въ командѣ фельдмаршала Ласси, находился съ нимъ въ Крымскомъ походѣ при арміи, при гренадерскихъ пѣх. ротахъ и ландмилицкихъ полкахъ, съ которыми потомъ отправленъ былъ, подъ главнымъ начальствомъ ген.-лейт. Дукласа подъ Карасу-Базаръ, который въ томъ году былъ раззоренъ и сожженъ. По прибытіи изъ крымскаго похода, онъ тотчасъ же, по приказанію Миниха, командированъ былъ опять въ Усть-Самару, а оттуда «на сикурсъ» къ г. Очакову и зимовалъ въ Кизикирменѣ. Въ 1738 г. находился въ командѣ Ласси въ крымскомъ походѣ, гдѣ имѣлъ начальство надъ второю дивизіею, во главѣ коей участвовалъ при атакѣ Перекопа. Въ 1739 командированъ съ тремя пѣх. полками на линію въ Орскую крѣпость и потомъ вторично къ Перекопу въ нѣсколькихъ тысячахъ человѣкъ. Въ 1740 г. Дебриній назначенъ оберъ-комендантомъ г. Ревеля. Въ 1741 г., ему велѣно было ѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ сначала былъ назначенъ командовать пятью пѣх. полками, а потомъ восемью драгунскими, расквартированными въ Новгородѣ. Въ 1742 г., Дебриній, находясь при Украинскомъ корпусѣ и имѣя квартиру въ Переяславлѣ, назначенъ былъ на линію командиромъ ландмилицкихъ полковъ, гдѣ и оставался по день своей смерти.

Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба, оп. 8, кн. 384, за 1742 г. и Баранова: Опись сенатскихъ указовъ. *М.*

Дебу, *Александръ Осиповичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1802 году, умеръ въ сентябрѣ 1862 г. По происхожденію онъ былъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи (сынъ тайнаго совѣтника), воспитывался у родителей. Въ службу вступилъ подпрапорщикомъ 16 іюня 1812 г. въ Казанскій пѣхотный, впослѣдствіи Кабардинскій полкъ, гдѣ былъ 1 іюня 1815 г. произведенъ въ прапорщики и 11 ноября слѣдующаго года былъ уволенъ отъ службы подпоручикомъ, а 24 апрѣля 1820 года вновь опредѣленъ на службу прапорщикомъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Въ 1824 и 1825 гг. Дебу участвовалъ въ бояхъ противъ горцевъ и за отличіе былъ произведенъ въ подпору-

чики, поручики и штабсъ-капитаны съ награжденіемъ годовымъ окладомъ жалованья и серебряною медалью. 30 января 1829 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса и за отличіе по службѣ 1 марта 1832 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ поручикомъ, гдѣ и дослужился до чина капитана. Съ началомъ экспедиціи генералъ-адъютанта Перовскаго въ Хиву въ 1839 году, Дебу былъ назначенъ походнымъ штабъ-офицеромъ Хивинской экспедиціи, во время которой успѣлъ заслужить расположеніе генералъ-адъютанта Перовскаго и въ числѣ немногихъ представленъ къ наградѣ, былъ произведенъ въ полковники и получилъ Высочайшее благоволеніе. Въ маѣ 1841 г. онъ вернулся къ своему полку въ Варшаву, а 17 апрѣля 1844 г. былъ переведенъ на Кавказъ въ Эриванскій Карабинерный полкъ, съ которымъ въ составѣ Лезгинскаго отряда участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ и за храбрость былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени и золотою полусаблею съ надписью «за храбрость» и орденомъ Св. Анны 2 степени. 7 марта 1846 г. назначенъ командиромъ Грузинскаго Гренадерскаго полка, а 8 августа 1849 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, дѣйствуя противъ горцевъ въ составѣ лезгинскаго отряда. Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи и съ 5 по 14 ноября и съ 12 по 18 декабря, участвуя въ перестрѣлкѣ съ горцами, онъ удачнымъ нападеніемъ, разбилъ ихъ сильныя скопища, за что и былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени. Въ 1852 и 1853 г.г. все время находился въ дѣлахъ противъ Натухаевцевъ, заслуживая не разъ Высочайшія благоволенія. Въ 1855 г. Дебу былъ назначенъ командиромъ 2 бригады 19-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи. Все это время съ 1853 г. генералъ-маіоръ Дебу непрерывно находился въ бояхъ и стычкахъ съ горцами и съ турками, и за отличіе и цѣлый рядъ побѣдъ надъ непріятелемъ онъ былъ произведенъ 12 апрѣля 1859 г. въ генералъ-лейтенанты. Осложненія со стороны Бухары и Коканда на Сыръ-Дарьинской линіи заставили Дебу оставить Кавказъ и перенестись въ Туркестанскія степи, куда онъ и былъ назначенъ командующимъ Сыръ-Дарьинской линіей 3 мая 1859 г., гдѣ, подъ его начальствомъ, русскія войска не разъ одерживали побѣды надъ кокандцами, а 25 сентября, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дебу, была взята штурмомъ кокандская крѣпость Яны Курганъ, при чемъ трофеями боя были 2 знамени, 11 фальконетовъ, 40 нарѣзныхъ и 30 гладкоствольныхъ ружей и много другихъ военныхъ доспѣховъ. Умеръ Дебу въ Джулекѣ, на занимаемой имъ должности.

Приложеніе къ Ш выпуску «Русскаго Туркестана» стр. 23, 24, 25 и 26. Формулярный Списокъ Общ. Архива Главнаго Штаба. «Акты Кавказской Археологической Комиссіи» т. X. стр. XIX. Тифлисъ 1885 г.». *Б. Т.*

Дебу, *Іосифъ Львовичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, родился въ Тосканѣ, въ городѣ Ливорно, 19 декабря 1774 г., умеръ 10 апрѣля 1842 г. въ Москвѣ. Дебу происходилъ изъ знатной древней французской фамиліи, сдѣлавшейся извѣстною еще въ XIII вѣкѣ. Прибывъ въ 1781 г. вмѣстѣ съ отцемъ въ Петербургъ и получивъ здѣсь первоначальное образованіе въ Инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, Дебу въ 1793 году вступилъ въ военную службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Служилъ послѣдовательно въ полкахъ Изюмскомъ легко-конномъ (1796 г.) и Кексгольмскомъ (1787 г.), въ 1799 г. былъ назначенъ командиромъ гренадерскаго баталіона, въ слѣдующемъ году переведенъ въ Литовскій мушкатерскій полкъ, въ 1806 – 1807 гг. былъ въ походѣ въ Пруссіи, командовалъ попеременно тремя полками и участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ противъ французовъ. Литовскій пѣхотный полкъ подъ его начальствомъ овладѣлъ Деппенскимъ мостомъ, занятымъ французскимъ авангардомъ подъ предводительствомъ маршала Нея. Въ чинѣ полковника съ 1806 г. Дебу былъ командированъ въ 1809 г. въ Эстляндію для защиты береговъ Финскаго залива и назначенъ шефомъ Казанскаго пѣхотнаго полка, въ 1810 г. принималъ участіе въ экспедиціи противъ кабардинцевъ и отличился въ сраженіи при переправѣ войскъ чрезъ Терекъ. Въ 1813 г. Дебу назначенъ командиромъ лѣваго фланга Кавказской линіи и особенно успѣшно боролся съ нѣсколько разъ появлявшеюся чумою энергичными распоряженіями по

моздокскому карантину. Въ 1816 г. Дебу былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора и назначенъ командиромъ 1-й бригады праваго фланга Кавказской линіи 22 пѣхотной дивизіи. Въ 1824 г. состоялось чрезъ графа Аракчеева высочайшее повелѣніе внести Дебу въ списокъ кандидатовъ гражданскихъ губернаторовъ; разстроенное здоровье не позволило ему продолжать военной службы, и въ 1826 г. онъ оставилъ ее и по этому случаю былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и въ слѣдующемъ, 1827 г. былъ назначенъ оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ 1832 г. Дебу былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ присутствующимъ сенаторомъ сперва въ петербургскомъ правительствующемъ сенатѣ по 7-му департаменту, а потомъ, по его желанію, въ московскомъ. Въ бытность Дебу оренбургскимъ губернаторомъ. Въ 1829 г. въ Оренбургѣ сильно свирѣпствовала холера, которая потомъ съ эпидемической быстротой распространилась по всей губерніи. Дебу лично, въ сопровожденіи медицинскаго чиновника, посѣтилъ многія зараженныя мѣста въ губерніи и своими разумными и гуманными распоряженіями значительно способствовалъ устраненію почти неизбѣжныхъ при карантинномъ оцѣпленіи столкновеній между населеніемъ и медико-полицейскимъ персоналомъ. Жители города Уфы, въ благодарность за особую дѣятельность Дебу по прекращенію холеры въ ихъ городѣ, поднесли ему благодарственный адресъ. Во время пребыванія на Кавказѣ Дебу написалъ: «Записки о Кавказской линіи и присоединенныхъ къ оной Черноморскихъ войскахъ», изданныя имъ потомъ, въ 1829 г., въ Москвѣ. Записки эти представляютъ собою результатъ личныхъ наблюденій и изученія Кавказскаго края и заключаютъ въ себѣ обильныя свѣдѣнія о краѣ, до того времени еще мало извѣстномъ. Въ 1837 г. Дебу издалъ въ Москвѣ: «Топографическое и статистическое описаніе Оренбургской губерніи». Оба эти сочиненія были удостоены Высочайшаго вниманія. Дебу имѣлъ знакъ отличія за сорокапятилѣтнюю государственную службу и состоялъ кавалеромъ орденомъ: св. Анны 1-й степени, св. Георгія и св. Владиміра достепени и ордена Прусскаго военнаго остоинства.

Формуляръ Дебу № 64 въ Сенатскомъ архивѣ. Сѣверная Пчела, 1842 г. № 117. Русскій Вѣстникъ 1842 г., кн. II. Геннади; «Словарь русс. писат.» *С.*

Дебу, *Левъ Львовичъ* (Louis de Desbout), медицинскій инспекторъ свеаборгскаго порта, хирургъ, докторъ пизанскаго университета, статскій совѣтникъ, род. во Франціи въ г. Фонтенебло 13 марта 1740 г., умеръ 13 марта 1814 г. въ Свеаборгѣ. Въ 1751 г. Дебу поступилъ въ медико-хирургическое училище на родинѣ и тогда уже обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями. Во время войны между Пруссіей и Австріей въ 1758 г. Дебу, въ качествѣ врача, участвовалъ въ походѣ, потомъ, по окончаніи войны въ 1763 г., поступилъ на службу въ ливорнскій военный госпиталь. Здѣсь Дебу со всею силою свойственнаго ему увлеченія выступилъ ярымъ агитаторомъ распространенія широкой сѣти благотворительныхъ заведеній и госпиталей и его агитація увѣнчалась блестящими практическими результатами. Многочисленными своими сочиненіями спеціальнаго характера Дебу много содѣйствовалъ развитію такихъ наукъ, какъ физіологія, анатомія и особенно хирургія, которая обязана ему многими преобразованіями въ способахъ лѣченія и изобрѣтеніемъ новыхъ, болѣе совершенныхъ инструментовъ. Въ 1767 г. онъ напечаталъ: «Corso di fisiologia, patologia e terapeutica generale», въ 1774— «Dissertatione sopra la superfetatione» и «Dissertatione sopra l' arte di simplificare e abreviare le cura chirurgicali» (изд. на французскомъ языкѣ съ прибавленіями въ 1806 г.). Въ 1781 г., по предложенію контръ-адмирала Борисова, Дебу вступилъ въ русскую службу и продолжалъ и въ Россіи прежнюю горячую дѣятельность на поприщахъ ученой и практической медицины. Дебу основалъ въ Россіи морскіе лазареты, ввелъ въ нихъ всѣ усовершенствованія, достигнутыя медицинской наукой того времени, первый открылъ у себя медико-хирургическіе вечера для молодыхъ врачей, съ цѣлью поддержать научный духъ въ нихъ, съ одной стороны, и поддерживать ихъ медицинскія знанія на высотѣ современнаго имъ состоянія науки, съ другой. Онъ первый въ Россіи началъ прививать коровью оспу матросамъ и открылъ множество цѣлебныхъ

свойствъ въ простыхъ русскихъ средствахъ, примѣнивъ ихъ къ лѣченію серьезныхъ болѣзней. Такая дѣятельность Дебу неоднократно удостаивалсь выраженій признательности со стороны императора Павла; признательные же матросы, по смерти любимаго врача, воздвигли ему памятникъ на Гельсингфорскомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ Дебу съ надписью: «Transiit bene faciendo». Всѣ свои многочисленныя медицинскія сочиненія Дебу написалъ на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, изъ нихъ особаго вниманія заслуживаютъ, какъ цѣнные вклады въ науку или какъ сочиненія, пользовавшіяся въ свое время большою извѣстностью, слѣдующія: «Tratto di chirurgia» (1776); «Corso d'anatomia»; «Tratto dei tumori in generale»; «Ragionamento fisico-chirrugico» (Livorno 1780) и другія сочиненія, написанныя и изданныя нхъ за границею. Въ Россіи имъ были написаны: «Sopra il regime russo»; «Dissertatione sopra la peripneumonia erisipelosa che regno in Livorno in 1780»; «Dissertatione medico-chirurgica sopra le malattie di Petto, che corsero fra il militare della guarnigione di Livorno» 1780 (Firenze 1782); «Introduction à la phisique»; «Delle bevande russe»; «Esquisse sur la maladie catharrale épidémique, qui a regné à St.-Pet. 1779 an.»; «Reflexions sur l'opération et le traitement de l'hydraule»; «Traité de chirurgie, 1804»; «Mémoires sur les bains de vapeur et sur la vaccine»; кромѣ того, Дебу написалъ много другихъ ученыхъ сочиненій, изданныхъ имъ въ разное время, по самымъ разнообразнымъ предметамъ медицины, таковы его сочиненія о симпатіи и антипатіи, о вліяніи музыки на нервныхъ больныхъ: «Raggionamenti fisici sopra l'effeto bella musica nelle malattie nervose» 1780, О леченіи болѣзней мочеполовыхъ органовъ, водяной и много другихъ. Съ 1784 г. по 1814 г. Дебу періодически издавалъ нѣчто вродѣ медицинскаго журнала (всего 10 т.), гдѣ онъ помѣстилъ описанія многочисленныхъ своихъ наблюденій надъ различными болѣзнями и описаніе своихъ опытовъ. Ученыя работы Дебу доставили ему званіе члена всѣхъ русскихъ и многихъ иностранныхъ медицинскихъ обществъ.

«Сѣверная Почта« 1814 г., № 20. «Вѣстникъ Европы» 1814 г., ч. 76. Backmeister, Russ. Bibliothek (указаны сочиненія Дебу). Геннади, «Слов. русск. пис.», стр. 283. Старчевскій. «Справочн. Энцикл. Слов., т. IV. *Ч.*

Девель, *Даніилъ Ѳедоровичъ*, ген.-маіоръ, род. 1771 г., ум. послѣ 1839 г., изъ дворянъ г. Риги, сынъ надворнаго совѣтника; въ службу вступилъ изъ 2-го кадетскаго корпуса 1789 г. янв. 1-го, штыкъ-юнкеромъ въ 1-й фузелерный полкъ, гдѣ 26 авг. 1793 г. произведенъ въ подпоручики; и съ этимъ полкомъ находился въ походахъ: въ 1789 г. въ Турціи при взятіи замка Гаджибейскаго (что нынѣ Одесса) и крѣпости Бендерской; въ 1792 г. въ Польшѣ при крѣпости Полонно́й и при взятіи батарей при рѣкѣ Бугѣ. Въ 1805 г. состоя въ 5-мъ артиллерійскомъ полку въ чинѣ штабсъ-капитана, Даніилъ Федоровичъ, участвовалъ въ сраженіяхъ противъ французовъ подъ Кремсомъ и Аустерлицемъ; въ 1812 г., будучи подполковникомъ въ 7-й артил. бригадѣ, находился въ сраженіяхъ при г. Смоленскѣ, Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Краснымъ и за отличіе въ оныхъ получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ 1816 г. окт. 10-го Даніилъ Ѳедоровичъ, состоя въ 7-й резервной бригадѣ въ понтонной ротѣ, изъ подполковниковъ произведенъ въ полковники; а 25 янв. 1818 г. назначенъ командиромъ Бобруйскаго крѣпостнаго штата, гдѣ, 6 дек. 1829 г., произведенъ въ ген.-маіоры. Въ 1831 г., во время военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ, за усердіе къ службѣ получилъ Высочайшее благоволеніе и это время повелѣно считать ему за одну кампанію. Въ 1839 г. мая 17-го, Даніилъ Ѳедоровичъ уволенъ отъ службы.

(Форм. въ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Штаба, за 1838 г., въ кн. за № 4044. *М.*

Девель, *Ѳедоръ Даниловичъ* (р. 1818 † 1877), генералъ-лейтенантъ, происходитъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи; родился 12-го апрѣля 1818 года, слушалъ курсъ въ кондукторской ротѣ главнаго инженернаго училища (что нынѣ Николаевское Инженерное училищѣ). Въ сентябрѣ 1836 года юный Девель былъ переведенъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ и въ ноябрѣ 1838 года произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ во 2-й саперный баталіонъ. Затѣмъ, первое время, служба Ѳедора

Даниловича протекала въ инженерныхъ войскахъ: подпоручикомъ въ 4-мъ саперномъ баталіонѣ, а съ 1842 года—во 2 Кавказскомъ саперномъ баталіонѣ. Съ переводомъ на Кавказъ начинается боевая дѣятельность Ѳедора Даниловича; уже въ іюнѣ 1842 года, съ прибытіемъ во Владикавказъ, онъ былъ назначенъ въ составъ Сунженскаго отряда, въ которомъ и оставался до конца года, участвуя въ почти безпрерывныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Мужество и распорядительность молодого офицера быстро выдѣлили его изъ числа другихъ: въ іюнѣ 1843 года онъ былъ произведенъ за отличіе въ поручики, а въ маѣ 1847 года, опять за отличіе, въ штабсъ-капитаны. 1849 годъ ознаменовался для Девеля рѣдкой наградой въ небольшихъ чинахъ — золотою полусаблею, съ надписью «за храбрость».

Восточная война 1853 — 56 гг. застала Ѳедора Даниловича въ чинѣ капитана, причемъ онъ былъ назначенъ въ составъ Гурійскаго отряда и, какъ саперъ, въ теченіе войны перебывалъ на разныхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій, поддерживая уже установившуюся за нимъ репутацію мужества и распорядительности и съ отличіемъ участвуя во многихъ дѣлахъ. Особенно выдающееся участіе его въ боевыхъ дѣйствіяхъ 4-го іюля 1855 г., когда былъ разбитъ 34-тысячный корпусъ Селима-паши, — доставило Девелю чинъ подполковника и положило начало его штабной дѣятельности, сначала въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера въ штабѣ начальника Гурійскаго и Ахалцыхскаго отрядовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Девель былъ назначенъ на ту же должность въ штабѣ командовавшаго войсками, расположенными отъ Нухи до Арагвы, а въ декабрѣ 1855 года—въ штабѣ командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско турецкой границѣ. По окончаніи военныхъ дѣйствій Ѳедоръ Даниловичъ былъ назначенъ комиссаромъ для передачи туркамъ обратно крѣпости Карса, а затѣмъ, въ февралѣ 1858 года—командированъ въ штабъ отряда командовавшаго войсками Дагестанской области. 3 апрѣля 1857 года начинается новый періодъ въ служебной дѣятельности молодого подполковника, который былъ переведенъ въ 8-й пѣхотный Апшеронскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича полкъ; впрочемъ, этотъ переводъ изъ саперныхъ войскъ, необходимый для дальнѣйшаго движенія по службѣ, не помѣшалъ его штабнымъ занятіямъ, такъ какъ онъ уже черезъ двѣ недѣли получилъ назначеніе состоять дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ войскъ Дагестанской области. Въ этой должности онъ поступилъ въ составъ Салатавскаго отряда, собраннаго для окончанія постройки укрѣпленій Буртуная и бывшаго подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля. Принимая живѣйшее участіе въ постройкѣ укрѣпленій, рубкѣ лѣса, столь необходимой въ борьбѣ съ горцами, и въ штурмѣ Мичиковскихъ заводовъ въ іюнѣ 1858 года, Ѳедоръ Даниловичъ былъ произведенъ за отличіе въ чинъ полковника съ назначеніемъ командиромъ 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка. Полкъ этотъ вскорѣ поступилъ въ составъ Дагестанскаго отряда, назначеннаго для дѣйствій въ Ичкеріи и Аухѣ. Въ іюлѣ того же года отрядъ этотъ подошелъ къ р. Андійское-Койсу, и трудное дѣло устройства переправы черезъ нее было поручено командиру Самурскаго полка. Въ продолженіе четырехъ дней, съ 17-е по 20-е іюля, Ѳедоръ Даниловичъ лично устраивалъ переправу подъ непрерывнымъ и сильнымъ огнемъ непріятеля. За этотъ подвигъ полковникъ Девель былъ достойно награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени. Послѣ удачной переправы послѣдовалъ не менѣе удачный штурмъ Бетлинскихъ высотъ и преслѣдованіе Шамиля до Гуниба. За взятіе послѣдняго и за плѣненіе имама Ѳедоръ Даниловичъ удостоенъ былъ новой награды — ордена св. Владиміра 4 степени, съ мечами и бантомъ. Въ августѣ 1865 года полковникъ Девель произведенъ за отличіе въ генералъ-маіоры и назначенъ помощникомъ командующаго 38-й пѣхотной дивизіей, а въ маѣ слѣдующаго года — помощникомъ начальника 21-пѣхотной дивизіи и въ августѣ 1873 года — командиромъ 1 бригады той же дивизіи. Въ ноябрѣ 1875 г. Ѳедоръ Даниловичъ былъ назначенъ командующимъ 39-ю пѣхотною дивизіей и въ августѣ 1876 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Война 1877—78 годовъ призвала Девеля на новые подвиги. Съ открытіемъ кампаніи онъ былъ назначенъ начальникомъ

ахалцыхскаго отряда ($9^1/_2$ бат., 12 сотенъ, 24 орудія,—до 9 тысячъ), въ составѣ дѣйствующаго корпуса генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. 4-го мая руководимый имъ отрядъ отличился подъ Ардаганомъ при удачномъ штурмѣ Гелявердынскихъ высотъ. За это дѣло генералъ Девель удостоился ордена св. Георгія 3 степени. По взятіи Ардагана, въ штурмѣ котораго отрядъ Ѳедора Даниловича не принялъ участія, вслѣдствіе недошедшаго приказанія, наступилъ періодъ операцій подъ Карсомъ, причемъ на генералъ-лейтенанта Девеля возложено было блокированіе этой крѣпости (съ $16^3/_4$ баталіонами, 32 эскадронами и сотнями и 48 орудіями) съ сѣверо-восточной стороны. Съ началомъ осады отряду его назначено было дѣйствовать противъ карадагскихъ и, отчасти, чахмахскихъ фортовъ, причемъ, въ ночь на 30-е мая, несмотря на произведенную турками вылазку, Девелю удалось устроить 5 осадныхъ батарей. Но наша неудача подъ Зевиномъ и наступленіе Мухтара-паши къ Карсу принудили насъ снять осаду этой крѣпости. Затѣмъ генералу Девелю съ отличіемъ пришлось участвовать въ бояхъ на Аладжѣ и въ остальныхъ дѣйствіяхъ на малоазіатскомъ театрѣ войны. Кромѣ Георгіевскаго креста 3 степени, полученнаго за 4-е мая Ѳедоръ Даниловичъ удостоился получить за турецкую кампанію орд. св. Владиміра съ мечами и бантомъ и золотую, украшенную брилліантами шпагу, съ надписью «за храбрость». По окончаніи военныхъ дѣйствій въ апрѣлѣ 1878 года. Ѳедоръ Даниловичъ поступилъ въ распоряженіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго Кавказскою арміей.

Въ послѣднее время своей жизни Ѳедоръ Даниловичъ состоялъ командиромъ 1-го Кавказскаго армейскаго корпуса, числясь по армейской пѣхотѣ и въ спискахъ 83-го пѣхотнаго Самурскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича полка, а затѣмъ—членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Умеръ 13 апрѣля 1887 г., послѣ тяжкой болѣзни. При жизни Ѳедоръ Даниловичъ не чуждъ былъ военно-литературной дѣятельности и въ разное время напечаталъ нѣсколько статей въ «Русскомъ Инвалидѣ» и Военномъ Сборникѣ».

«Русскій Инвалидъ», 1887 г. № 108; статьи въ «Военномъ Сборникѣ» за 1878—80 года: Шнауръ—«Годъ на конѣ», Девель и Бульмерингъ—«Взятіе Ардагана въ 1877 г.; «Русская Старина 1888 г. томы LVII и LIX.

М. Р—й.

Деволанъ, *Францъ Павловичъ*, по происхожденію брабантскій дворянинъ, вступилъ въ русскую службу изъ голландской инженеръ-маіоромъ въ 1787 г. Въ слѣдующемъ году, во время шведской войны, онъ во флотѣ адмирала Грейга участвовалъ въ готландскомъ сраженіи и въ томъ же году, по надобности въ инженерахъ, отправленъ былъ къ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, гдѣ состоялъ при главнокомандующемъ. Въ 1789 г., въ званіи перваго инженера арміи, онъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи Каушанъ, Паланки, Аккермана и Бендеръ, былъ при осадѣ Киліи, штурмѣ Измаила и другихъ крѣпостей на Дунаѣ, а также въ сраженіяхъ при Бабадагѣ, Брайловѣ и Мачинѣ. Въ 1793 г. Францъ Павловичъ былъ назначенъ въ должность перваго инженера южной арміи Суворова, а въ слѣдующемъ году находился при той же арміи въ Польшѣ и произведенъ въ полковники. Въ званіи старшаго инженера, въ 1795 г. онъ управлялъ постройкою крѣпости Фанагоріи, порта Ахтіаръ, крѣпостей Кинбурнской и Тираспольской, а также руководилъ основаніемъ Овидіополя, Тирасполя, Григоріополя, Вознесенска и составлялъ планы большей части вновь строившихся тогда въ Россіи городовъ (Николаева, Новочеркасска и др.).

Въ рескриптѣ гр. Зубову отъ 4 декабря 1795 г. Императрица Екатерина II отмѣтила полезные труды Деволана, „котораго неутомимою дѣятельностью и расторопностью всѣ производимыя въ вѣдомствѣ вашемъ многочисленныя работы и строенія приводятся въ исполненіе съ желаемымъ успѣхомъ, Всемилостивѣйше жалуя ему въ уваженіе трудовъ имъ подъемлемыхъ, и немалыхъ издержекъ, которыя онъ по должности своей обязанъ дѣлать, десять тысячъ руб. единовременно и по сту рублей на мѣсяцъ столовыхъ денегъ“. Около этого времени адмиралу де-Рибасъ и инженеръ-полковнику Деволану было предписано осмотрѣть возможно тщательнѣе берега устьевъ Днѣпра и Чернаго моря, измѣрить существующіе рейды и заливы и избрать удобное мѣсто для порта.

Такимъ пунктомъ была избрана крѣпость Гаджибей, которая только-что завоевана была у турокъ; по приказанію Екатерины, въ 1794 г. она была названа городомъ, и въ ней новелѣно было устроить военную гавань съ купеческою пристанью. Планы города и гавани составленныя Деволаномъ, удостоились Высочайшаго утвержденія, и подъ его же „дирекціей“ приказано было производить всѣ работы, къ которымъ и приступили немедленно. Для производства всѣхъ построекъ, учреждена была, подъ начальствомъ Суворова, „канцелярія строеній города и порта Гаджибейскаго“, директоромъ которой состоялъ Деволанъ. Мѣста подъ постройки были здѣсь отводимы, на вѣчное владѣніе, частнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего и Францъ Павловичъ получилъ участокъ земли. Подъ его талантливымъ руководствомъ работы производились весьма успѣшно и въ 1796 г. были окончены; вслѣдъ затѣмъ городъ названъ былъ Одессою. Между прочимъ, по плану Франца Павловича, устроены были огромные соляные магазины для поддержанія мѣны хлѣба, привозимаго чумаками, на таврическую соль, что продолжалось однако недолго вслѣдствіе трудности доставки соли; онъ велѣлъ учредить и биржу для купцовъ. На него же выпала печальная обязанность объявить жителямъ вновь созидавшагося имъ города о кончинѣ Императрицы Екатерины II, послѣ смерти которой произошли весьма важныя перемѣны въ судьбѣ Одессы. Деволанъ долженъ былъ покинуть ее и переѣхать въ Петербургъ. Лишь въ 1800 г. онъ пріѣзжалъ на нѣкоторое время въ Одессу для образованія тамъ комитета, которому поручено было окончаніе постройки города.

Нѣкоторое время Деволанъ былъ „не у дѣлъ“; тѣмъ не менѣе крупный талантъ инженера сказывался въ немъ и тогда. Третій раздѣлъ Польши измѣнилъ положеніе нашихъ пограничныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и повліялъ на самый характеръ и силу ихъ расположенія, вслѣдствіе чего правительство поручило разнымъ лицамъ разработку вопроса о крѣпостяхъ на нашей западной границѣ. Въ числѣ другихъ выдающихся инженеровъ, и генералъ-маіоръ Деволанъ высказалъ свое мнѣніе: опредѣливъ направленіе операціонныхъ линій, онъ располагалъ крѣпости въ три линіи; въ тѣхъ же участкахъ, гдѣ возможна малая война, требовалъ нѣсколькихъ крѣпостей — плацдармовъ и систему укрѣпленныхъ постовъ (фортовъ-заставъ). Эта его работа, а также разработка вопроса о расположеніи крѣпостей на границѣ съ Турціей и на южной границѣ, — представляютъ, безъ сомнѣнія, цѣнный вкладъ въ матеріалы для ученія о значеніи крѣпостей вообще. Его проницательный военный взглядъ на будущее нашего южнаго побережья и систему его укрѣпленій, между прочимъ, выразился въ замѣчательной „Запискѣ“, въ которой онъ указалъ всѣ особенности защиты Крымскаго полуострова и удивительно точно предсказалъ, болѣе чѣмъ за полвѣка, осаду Севастополя, ея направленіе, мѣсто высадки непріятеля и проч.

Тѣмъ не менѣе, въ 1797 г. военно-инженерная карьера Деволана окончилась: онъ былъ произведенъ въ генералы съ увольненіемъ отъ службы, и на нѣкоторое время даже уѣхалъ за границу. Однако, при образованіи департамента водяныхъ коммуникацій въ 1799 г., снова вспомнили о немъ и призвали къ дѣятельности въ должности члена этого департамента. Немедленно знакомится онъ съ искусственными сооруженіями на водныхъ путяхъ и представляетъ выработанный имъ планъ обходныхъ каналовъ Онежскаго и Ладожскаго озеръ. Въ это же время было обращено вниманіе на почти забытый проектъ Петра Великаго объ устройствѣ канала въ Вытегорскомъ краѣ. Францъ Павловичъ былъ командированъ сюда, чтобы найти мѣсто, удобное для сооруженія канала. По изслѣдованіи мѣстности, онъ отыскалъ на ней вѣрное и краткое направленіе, предположенное еще гидравликомъ Перри (при Петрѣ I), для соединенія рѣкъ Ковжи и Вытегры. Благодаря ссудѣ изъ Сохранной казны, бывшей подъ вѣдѣніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, немедленно начато было сооруженіе канала, въ честь государыни названнаго Маріинскимъ. Деволану принадлежитъ также проектъ и постройка Тихвинской водной системы, оконченной въ 1811 г., проектъ соединенія каналомъ Онежскаго озера съ Бѣлымъ моремъ посредствомъ рѣкъ Повѣнца и Выги (Сороки), между портами Повѣнецкимъ, Сорокинскимъ и Сумскимъ, проектъ соединенія Онежскаго озера съ Бѣлымъ моремъ на

другомъ пунктѣ, при Онежскомъ портѣ черезъ рѣки Водлу, Кемъ и Онегу, и проектъ канала между Шексною и Сѣверною Двиною для судоходства къ Архангельскому порту отъ Волги и для сообщеній между Архангельскомъ и Петербургомъ (каналъ Кирилловскій, впослѣдствіи герцога Александра Виртембергскаго).

Во время службы въ департаментѣ водяныхъ коммуникацій Деволанъ имѣлъ въ своей инспекціи системы Маріинскую и Тихвинскую, нижнюю часть Волги отъ Рыбинска, съ Окою, Камою и другими; завѣдывалъ работами по рѣкамъ Цнѣ и Сурѣ, чисткою днѣпровскихъ пороговъ и построеніемъ шлюзовъ съ обводными каналами, изъ которыхъ главнѣйшій, при Ненасытецкомъ порогѣ съ двумя шлюзами, совершенно оконченъ въ 1803 г.; онъ же, наконецъ устроилъ Огинскій каналъ, оконченный и открытый въ томъ же году. Въ 1804 г. онъ принималъ участіе въ постройкѣ Таганрогскаго порта и разныхъ другихъ сооруженій по Кумѣ, Тереку, Манычу и Старому каналу, предположенному для соединенія Волги съ Дономъ посредствомъ рѣкъ Иловли и Камышенки. Въ теченіе десяти лѣтъ, какъ членъ денартамента, онъ управлялъ всѣми предпріятіями по инспекціи Днѣстра, Нѣмана, Оки, Волги и другихъ рѣкъ и лично наблюдалъ за этими работами. При новомъ образованіи управленія, его опредѣлили въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія генералъ-инспекторомъ и членомъ совѣта, а въ 1810 г. инженеръ-генераломъ этого корпуса. Какъ членъ совѣта, онъ составлялъ разные проекты, приведенные потомъ въ исполненіе, именно: проекты улучшенія г. Твери, бичевниковъ по р. Тверцѣ, а также разныхъ зданій по Вышневолоцкой системѣ и Ладожскому каналу.

Въ 1812 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ отозваніи въ дѣйствующую армію главноуправляющаго путями сообщеній (съ 1809 г.) Принца Георгія Ольденбургскаго, обязанности котораго были возложены на генералъ-лейтенанта Деволана, „отличнѣйшаго по достоинству и знаніямъ“, какъ характеризовалъ Франца Павловича принцъ Ольденбургскій. Послѣдній надѣялся вновь принять управленіе путями сообщеній, но неожиданно скончался въ декабрѣ того же года; вслѣдствіе личной просьбы Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Деволанъ воздалъ ему послѣднія почести, находясь при погребальномъ поѣздѣ принца, съ которыми былъ связанъ узами дружбы. За время 1812—1816 г.г. дѣятельность управленія, къ сожалѣнію, была незначительна, въ виду недостаточности бывшихъ въ его распоряженіи суммъ вслѣдствіе народной войны 1812 г. и послѣдовавшихъ за нею событій. Въ 1814 г. повелѣно было главному директору Деволану, какъ представителю отдѣльнаго вѣдомства, присутствовать въ комитетѣ министровъ. Въ 1816 г. возобновляется правильная дѣятельность управленія. Въ этомъ году, подъ предсѣдательствомъ гр. Аракчеева, былъ учрежденъ особый „комитетъ о построеніи и содержаніи большихъ дорогъ въ Имперіи“, который занялся вопросомъ о сооруженіи въ Россіи, по примѣру заграничному, насыпныхъ каменныхъ шоссе, при чемъ было постановлено впервые примѣнить такой способъ къ шоссе отъ Москвы до Петербурга. Нѣкоторые участки дорогъ были въ чрезвычайно дурномъ, положеніи; наприм. между Тверью и Москвой они оказались почти въ безпроѣздномъ состояніи, а вблизи Петербурга нерѣдко совсѣмъ затоплялись. Энергіи Деволана представлялось широкое поле дѣятельности. По его ходатайству, въ 1816 г. управленіе путей сообщенія было переведено изъ Твери въ Петербургъ; для усиленія работъ на сухопутныхъ дорогахъ въ томъ же году были учреждены по государственнымъ дорогамъ рабочія бригады, послѣ чего дѣятельность управленія по устройству и улучшенію шоссе значительно развилась. Генералъ Деволанъ прилагалъ всѣ усилія для успѣшнаго производства работъ по шоссе, обращая вниманіе во время личныхъ осмотровъ на недостатокъ старанія со стороны служащихъ.

Прежняя совмѣстная служба сблизила Деволана съ принцемъ Ольденбургскимъ, супруга котораго, Великая Княгиня Екатерина Павловна, также относилась весьма дружелюбно къ Францу Павловичу и состояла въ перепискѣ съ нимъ до самой смерти. Изъ ея писемъ видно, съ какимъ участіемъ относилась она не только къ обширному вѣдомству путей сообщенія, но и къ его главному директору, которому сообщала всѣ заграничныя новости, касавшіяся близкаго ему дѣла, и просила

его сообщать ей свои мысли „на счетъ этой интересной отрасли управленія“, дабы при случаѣ дѣлиться ими съ Государемъ.

Энергичный и талантливый Деволанъ оставилъ замѣтные слѣды своей полезной дѣятельности въ Россіи на поприщѣ строительнаго искусства. Многія крупныя сооруженія и цѣлые города говорятъ о его почтенномъ имени, и слѣдуетъ лишь сожалѣть, что не всѣ эти сооруженія ему удалось лично довести до конца. Францъ Павловичъ Деволанъ скончался 30 ноября 1818 г.

Л. Фриманъ. „Исторія крѣпости въ Россіи“. Спб., 1895 г., ч. I, стр. 150—152, 155.—*А.* Скальковскій. „Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы 1793—1823. Одесса, 1837 г. стр. 26—52. „Исторія Одессы“. 1853 г., стр. 20.— Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Т. IX. 1875 г., стр. 338. — В. М. Верховскій. „Краткій историческій очеркъ развитія и дѣятельности Вѣдомства Путей Сообщенія за сто лѣтъ его существованія (1798—1898 г.г.) Спб. 1898 г., стр. 43—47. Русскій Архивъ 1870 г., стр. 1967—2014. „Письма Великой Княгини Екатерины Павловны къ инженеръ-генералу Ф. П. Деволану“.—И. Н. Божерановъ. „Великая Княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь Императора Павла I“, и пр. Спб. 1888 г., стр. 28, 59—72. — Олонецкія губернскія вѣдомости 1866 г., № 11, „Строители Маріинской системы“.— Лееръ. „Энциклопедія военныхъ и морскихъ“, т. III.

В. Жерве.

Дегай, *Александръ Павловичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, почетный опекунъ, сынъ сенатора Павла Ивановича, родился въ 1822 году, образованіе получилъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; по окончаніи курса этой школы, въ концѣ 1837 г. произведенъ въ прапорщики со старшинствомъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ и черезъ два года былъ назначенъ баталіоннымъ адъютантомъ. Въ началѣ 1843 г. Дегай оставилъ военную службу, вскорѣ затѣмъ былъ зачисленъ въ число чиновниковъ, состоящихъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и откомандированъ для занятій въ хозяйственный департаментъ. Съ 1844 года Дегай состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій и переводчикомъ хозяйственнаго департамента; въ 1846 году былъ командированъ въ губерніи курскую, харьковскую, екатеринославскую и херсонскую по дѣламъ народнаго продовольствія, въ томъ же году пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, а въ слѣдующемъ году командированъ въ губерніи курскую и владимірскую для осмотра сельскихъ запасныхъ магазиновъ, наблюденія за прогономъ скота и собиранія свѣдѣній о положеніи хлѣбовъ и урожаѣ въ этихъ губерніяхъ. Съ 1848 по 1850 г. Дегай состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и вмѣстѣ съ тѣмъ занималъ должность переводчика при хозяйственномъ департаментѣ. Въ 1849 г. онъ комадированъ въ курскую губернію для наблюденія за прогономъ скота въ столицы, въ слѣдующемъ году въ ту же губернію по дѣламъ народнаго продовольствія, въ 1855 году, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, былъ командированъ въ разныя губерніи по секретному дѣлу, въ сентябрѣ 1855 г. участвовалъ въ занятіяхъ по обозрѣнію дѣлопроизводства хозяйственнаго департамента, въ 1856 году участвовалъ въ комиссіи о мѣрахъ, которыя въ медицинскомъ и карантинномъ отношеніи должны быть приняты при возвращеніи занятыхъ непріятелемъ въ Крыму мѣстностей, и въ тотъ же году былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ 1855 года онъ былъ командированъ въ полтавскую, харьковскую и курскую губерніи для обозрѣнія сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а также для ревизіи въ полтавской губерніи заведеній, подвѣдомственныхъ тамошнему приказу общественнаго призрѣнія, былъ назначенъ членомъ и дѣлопроизводителемъ въ комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ для обсужденія мѣръ по устройству центральныхъ домовъ для умалишенныхъ; въ 1857—1858 гг. производилъ внезапную ревизію суммамъ приказовъ общественнаго призрѣнія и обозрѣніе хозяйственной части подвѣдомственныхъ имъ заведеній въ губерніяхъ курской и черниговской, а потомъ въ губерніяхъ минской, московской и тульской; въ 1859 году былъ назначенъ довѣреннымъ чиновникомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ по цензурному разсмотрѣнію статей, присланныхъ на заключеніе этого министерства. Въ 1860 году Дегай былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1861 году назначенъ Астраханскимъ гра-

жданскимъ губернаторомъ и предсѣдателемъ совѣта Астраханскаго института для дѣвицъ. Въ 1868 году, произведенный за отличіе въ тайные совѣтники, Дегай согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности губернатора и съ 1870 года состоялъ почетнымъ мировымъ судьей по дмитровскому уѣзду. Въ 1871 году Дегай назначенъ почетнымъ опекуномъ для присутствія въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ съ 1872 г. и членомъ совѣта по учебной части московскаго Николаевскаго сиротскаго института, въ 1874 году назначенъ попечителемъ московскаго коммерческаго училища, а потомъ и воспитательнаго дома; въ томъ же году награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла Въ 1881 году былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Умеръ Дегай въ 1886 году.

Дѣло Московскаго Опекунскаго Совѣта по Архиву Учрежденій Императрицы Маріи, №№ $\frac{813}{7286}$ и $\frac{7923}{2080}$ Ч.

Дегай, *Павелъ Ивановичъ*, сенаторъ и статсъ-секретарь, родился въ 1792 году, умеръ въ Петербургѣ 28 декабря 1849 года. Закончивъ юридическое образованіе въ харьковскомъ университетѣ, Дегай въ этомъ же университетѣ получилъ степень доктора правъ и въ 1814 году поступилъ на службу въ канцелярію статсъ-секретаря Молчанова. Въ слѣдующемъ году онъ перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи, а затѣмъ, въ 1816 г., былъ откомандированъ въ распоряженіе ревизовавшаго курскую и орловскую губерніи сенатора Мясоѣдова. Въ 1820 году Дегай назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ военномъ губернаторѣ и въ томъ же году переведенъ совѣтникомъ во 2-ю временную экспедицію московскаго губернскаго правленія, въ 1821 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1822 г. опредѣленъ предсѣдателемъ во 2-й департаментъ московской палаты гражданскаго суда, въ 1826 г. назначенъ кромѣ того, предсѣдателемъ комиссіи для разбора дѣлъ по доносамъ о злоупотребленіяхъ по виннымъ откупамъ. Въ 1828 г. Дегай избранъ былъ членомъ комитета отъ московскаго дворянства для разсмотрѣнія проекта о векселяхъ и заемныхъ письмахъ, въ 1828 г. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 7 департамента прав. сената, въ 1831 г. — членомъ комитета для составленія новыхъ формъ отчетности по министерству юстиціи и членомъ комитета въ Москвѣ для составленія свода запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ. 18 октября 1831 г. Дегай былъ назначенъ директоромъ департамента министерства юстиціи; въ слѣдующемъ году на него же было возложено предсѣдательствованіе въ комиссіи составленія проекта устава о несостоятельности, въ 1839 году онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, съ причисленіемъ ко Второму отдѣленію Собств. Е. И. В. канцеляріи, въ 1841 г. опредѣленъ членомъ центральнаго комитета для разсмотрѣнія составленныхъ губернскими комитетами правилъ спеціальнаго межеванія, а въ концѣ 1842 г. былъ назначенъ сенаторомъ въ межевой департаментъ. За служебныя отличія Дегай имѣлъ ордена Анны 1-й степени и св. Александра Невскаго, а также чинъ тайнаго совѣтника съ 31 декабря 1834 года. Не смотря на занятія по службѣ, а также работы во многихъ комиссіяхъ, въ которыхъ участвовалъ Дегай то въ качествѣ члена, то въ качествѣ предсѣдателя, онъ сохранилъ любовь къ теоретической разработкѣ вопросовъ права и всѣ досуги свои посвящалъ научному изслѣдованію въ области юриспруденціи. Въ наукѣ права Дегай былъ сторонникомъ философской школы, хотя не отрицалъ научно-практическаго значенія и исторической школы въ Германіи. Задачи юриспруденціи вообще, и въ Россіи въ особенности, настолько интересовали Дегая, что онъ посвятилъ имъ цѣлое изслѣдованіе подъ названіемъ: «Пособія и правила изученія Россійскихъ законовъ или матеріалы къ энциклопедіи, методологіи и исторіи литературы россійскаго права», М. 1831 г. Наука права, по мнѣнію Дегая, имѣетъ цѣлью «открыть общее происхожденіе законовъ (познаніе философическое), представить постепенное ихъ преобразованіе (познаніе историческое), показать вліяніе, какое на нихъ имѣетъ мѣстность (познаніе эмпирическое), означить въ точности современное дѣйствующее право (познаніе догматическое) и описать постепенное усовершенствованіе ученія права (познаніе литературное)». Высказывая тотъ взглядъ, что «историческая школа для россійскихъ за-

коновѣдцевъ несравненно менѣе полезна, нежели философическая школа Тибо, обильная общими основными свѣдѣніями о правѣ», Дегай уже тогда указывалъ на выдающееся значеніе сравнительнаго метода въ юриспруденціи: «юристъ, по его мнѣнію, только тогда будетъ понимать съ ясностью отечественное право, когда хорошо познаетъ общую цѣль законовъ, только тогда будетъ успѣшно содѣйствовать успѣхамъ правовѣдѣнія, когда воспользуется опытомъ другихъ положительныхъ правъ». Личные труды Дегая въ значительной степени посвящены изложенію положительнаго права разныхъ государствъ Европы и отличаются обиліемъ историческихъ свѣдѣній и параллелей. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: «Взглядъ на современное положеніе уголовнаго законодательства въ Европѣ», Спб. 1845 г. (оттискъ изъ «Библіотеки для чтенія»), а также: «Взглядъ на современное положеніе уголовнаго судопроизводства», Спб. 1847 г. и др. Изъ юридическихъ сочиненій Дегая, касающихся русскаго права, многія вызваны работами автора въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ и представляютъ собою, большею частію, довольно полное, систематическое, для своего времени весьма цѣнное, изложеніе законовъ или ихъ содержанія безъ всякихъ комментаріевъ и замѣчаній автора, таковы, напр., слѣдующія: «О совершеніи крѣпостныхъ актовъ на основаніи общихъ Россійскихъ узаконеній», М. 1827 г.; «Систематическое начертаніе существующихъ Россійскихъ узаконеній объ общихъ денежныхъ заемныхъ актахъ, между частными людьми употребляемыхъ», 2 ч., М. 1824 г., съ двумя дополненіями 1825 и 1826 гг.; «Ипотекарныя системы и вліяніе ихъ на финансы и вообще на государственное благосостояніе», Спб., 1839 г.; «Учебная книга россійскаго гражданскаго судопроизводства губерній и областей на общихъ правахъ состоящихъ, составленная для Имп. Училища Правовѣдѣнія», выдержавшая въ Петербургѣ три изданія, въ 1840, 1843 и 1846 гг. и два изданія въ Вильнѣ въ 1841 и 1842 гг., въ переводѣ на польскій языкъ, подъ названіемъ: «Process cywilny gubernij i provincij Państwa Ross.»; «Учебная книга россійскаго гражданскаго судопроизводства и судебнаго дѣлопроизводства», Спб. 1847 г.; «Указатель законовъ для сельскихъ хозяевъ», Спб. 1845 г. и др. Какъ юристъ-писатель, Дегай своими сочиненіями, благодаря доступности изложенія, оказывалъ широкое образовательное вліяніе въ средѣ россійскихъ законоискусниковъ-практиковъ, получавшихъ случайныя юридическія свѣдѣнія въ правительственныхъ канцеляріяхъ, и явился проводникомъ въ эту темную среду болѣе широкихъ и просвѣщенныхъ взглядовъ въ области юриспруденціи.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора П. И. Дегая по Архиву Сената № 945.—«Краткій очеркъ о дѣятельности II Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи», Спб. 1876 г.—«Каталогъ библіотеки кодификаціоннаго отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи», Спб. 1880 г.—Геннади: «Словарь біографич. умершихъ русск. писателей», ч. I, 1885 г., стр. 283—284.—Брокгаузъ и Ефронъ: «Энциклопедическій словарь», т. X, стр. 255—256.—«Библ. для чтен.», 1845 г. т. 69, отд. 6, стр. 8.—«Маякъ», 1845 г. т. 21, кн. 41, стр. 15—17.—«Труды Вольно-Экономич. Общ.» 1845 г. ч. I, стр. 19—21.—«Журн. сельск. хоз. и овцев.», 1845 г. № 3, стр. 293—296.—«Современникъ», 1849 г. т. 14, № 4, стр. 131—132.—«Библіотека для Чтенія», 1849 г. т. 96 отд. 6, стр. 6—11.—«Москвитянинъ», 1849 г. № 11, кн. 1, стр. 86—88.

А. Черкасъ.

Дегуровъ (иначе Дюгуровъ), *Антонъ Антоновичъ* (1765—1849). Настоящая его фамилія Du Gour. Родился въ 1765 году въ Ногананѣ, близъ Клермона, во Франціи. О томъ, что онъ дѣлалъ до переѣзда въ Россію, мы имѣемъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Въ формулярномъ спискѣ Дегурова значится, что онъ былъ профессоромъ изящныхъ наукъ въ королевской коллегіи Деля-Флешъ, потомъ профессоромъ исторіи въ парижской центральной школѣ. По сообщеніямъ современника Дегурова, профессора Шада, Дегуровъ былъ книгопродавцемъ въ Парижѣ и принималъ участіе въ политическихъ событіяхъ своего времени. Шадъ называетъ Дегурова бѣшенымъ демагогомъ, ссылаясь на его сочиненія, изданныя въ Парижѣ. По слухамъ, Дегуровъ «былъ нѣкогда секретаремъ Робеспьера и орудіемъ терроризма во Франціи, и едва избѣгъ смерти, спрятавшись подъ кучей соломы». Во всякомъ случаѣ, за это время Дегуровъ написалъ много историческихъ сочиненій, списокъ которыхъ приведенъ въ «Bibliographie générale» Didot (т. XXI, 459). Въ своихъ письмахъ къ попечителю харьковскаго округа Северину Потоцкому,

ровъ, обращаясь съ просьбой о профессорскомъ мѣстѣ, не безъ нѣкоторой робости ссылается на свою преподавательскую дѣятельность и на свои сочиненія по исторіи и сельскому хозяйству. Въ особенности онъ подчеркиваетъ написанную имъ оправдательную записку (mémoire justificatif) и указываетъ на то, что „онъ былъ первый французъ, осмѣлившійся въ самомъ Парижѣ принять на себя защиту несчастнаго короля". При избраніи въ профессора, Дегуровъ указывалъ на слѣдующіе труды: 1) Публичную и тайную исторію французскаго короля Генриха IV; 2) Исторію Оливера Кромвеля; 3) Мемуаръ, оправдывающій Людовика XVI; 4) Обозрѣніе исторіи Франціи. Изъ тѣхъ же писемъ Дегурова къ Потоцкому узнаемъ, что до пріѣзда въ Россію Дегуровъ провелъ 6 лѣтъ въ Англіи и занимался здѣсь сельскимъ хозяйствомъ, политической экономіей и медициной. Привезъ Дегурова въ Россію, въ 1806 году, изъ Англіи князь Барятинскій—прямо въ свое имѣніе, село Ивановское, Курской губерній. Въ Россіи Дегуровъ разсчитывалъ заняться педагогической дѣятельностью; по крайней мѣрѣ, будучи еще въ Берлинѣ, онъ писалъ Потоцкому, что думаетъ заняться воспитаніемъ русскихъ дѣтей подъ его покровительствомъ. По пріѣздѣ въ Россію, Дегуровъ нѣкоторое время носился съ проектомъ—открыть въ Курскѣ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ „на началахъ либеральнаго воспитанія" (éducation vraiment libérale). Этой затѣи Дегуровъ не привелъ въ исполненіе, и однимъ изъ препятствій Дегуровъ считалъ тѣхъ крѣпостныхъ служанокъ, безъ которыхъ родители не соглашались отпускать дочерей въ пансіонъ. Но истинной причиной, удержавшей Дегурова отъ основанія пансіона, было то обстоятельство, что передъ нимъ раскрылись новыя и болѣе видныя перспективы. Во время своихъ поѣздокъ въ Харьковъ, Дегуровъ познакомился лично съ попечителемъ и съ профессорами—французами молодаго университета; смѣтливый французъ рѣшилъ добиться профессорскаго званія. Дегуровъ предлагалъ себя попечителю Потоцкому въ одномъ письмѣ въ профессора сельскаго хозяйства, обѣщая въ случаѣ своего назначенія, завести образцовую ферму близъ Харькова; въ другомъ—въ профессора всеобщей исторіи. Потоцкій передалъ предложеніе Дегурова въ университетскій совѣтъ, и 7 ноября 1806 г., совѣтъ выбралъ его въ ординарные профессора всемірной исторіи, географіи и статистики; впрочемъ министръ утвердилъ его въ началѣ 1807 года только въ должности экстраординарнаго профессора. Въ 1809 году попечитель Потоцкій, благоволившій къ нему, представилъ его въ ординарные профессора. Въ Харьковскомъ университетѣ Дегуровъ пробылъ до 1816 года. Объ этомъ періодѣ жизни Дегурова сохранились болѣе многочисленныя и болѣе достовѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ для другихъ. Эти свѣдѣнія рисуютъ въ очень несимпатичномъ свѣтѣ Дегурова. Профессоръ Роммель, его современникъ по университету, пишетъ о немъ: „Знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и ловкое умѣнье соблюдать свои выгоды, дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться предъ тѣми и другими". По словамъ историка Харьковскаго университета, „Дегуровъ выступаетъ въ своей жизни съ чертами ловкаго честолюбца и карьериста, не стѣснявшагося средствами для достиженія своихъ цѣлей". Цѣлый рядъ различныхъ исторій связанъ съ именемъ Дегурова за время его профессорства въ Харьковскомъ университетѣ. Въ концѣ 1806 года адъюнктъ Гамперле подалъ на Дегурова два доноса: въ одномъ онъ указывалъ на отсутствіе преподавательскихъ способностей у Дегурова; въ другомъ обвинялъ его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Франціей. Дознаніе не подтвердило доноса Гамперле, но Дегуровъ обратился, въ 1811 году, въ правленіе съ прошеніемъ: такъ какъ Россія сдѣлалась вторымъ его отечествомъ, то „по сей причинѣ, къ коей присоединяется еще намѣреніе тѣснѣе связать себя и дѣтей моихъ съ государствомъ, коему я служу, желаю я получить позволеніе дать моему имени россійское словоокончаніе и правописаніе и, слѣдовательно, чтобы я могъ называться и писаться Дегуровымъ". На это послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Въ теченіе 3 лѣтъ (1807 — 10) тянулось любопытное дѣло: Дегуровъ побилъ свою служанку, велѣлъ обрѣзать ей косу за то, что она забеременила, а она на другой день повѣсилась. Дѣло разсматривалось въ уѣздномъ судѣ, потомъ въ уголовной палатѣ. Дегуровъ не отрицалъ того, что онъ билъ по щекамъ свою служанку и отрѣзалъ ей косу,

но не находилъ тутъ никакой вины. Дѣло было прекращено. Самая крупная исторія, въ которой участвовалъ Дегуровъ,—удаленіе профессора Шада изъ университета. Здѣсь Дегуровъ получилъ отъ попечителя порученіе выискать въ книгахъ Шада „мѣста вредныя". Дегуровъ тщательно исполнилъ порученіе и выставилъ Шада человѣкомъ опаснымъ, и философію его—пагубной для общества. О преподавательской и ученой дѣятельности мало что можно сказать. Кромѣ актовыхъ рѣчей, Дегуровъ издалъ только одинъ трудъ: De la civilisation des tatars-nogais dans le midi de la Russie Européenne (Харьковъ, 1816). Эти книга характерна совершенно ложнымъ (кажется, даже завѣдомо) изображеніемъ усилій просвѣщеннаго правительства цивилизовать ногайцевъ. Актовыя рѣчи Дегуровъ писалъ также по французски; здѣсь кстати замѣтить, что до конца своей жизни онъ такъ и не научился русскому языку, а для сношеній держалъ себѣ переводчика. Рѣчи печатались по французски и по русски. Ихъ три: —De la renaissance des lettres et de la prépondérance qu'elles ont donnée á l'Europe sur les autres parties de la terre (1807); Critique et défense de l'histoire (1809); Des révolutions opérées dans l'état social au XV siécle (1809). Историческіе взгляды Дегурова не удовлетворяютъ требованіямъ даже его времени: основная его точка зрѣнія—Боссюэтовскій провиденціализмъ. Если профессорская дѣятельность Дегурова была незначительна, то административная, кажется, обильнѣе результатами. По крайней мѣрѣ, профессоръ Роммель пишетъ о Дегуровѣ: „По званію онъ былъ профессоромъ исторіи, а въ сущности имѣлъ у насъ значеніе, какъ ревизоръ училищъ и дипломатъ". Университетъ не разъ командировалъ Дегурова визировать подвѣдомственныя ему училища; имѣя въ виду его дипломатическія способности, совѣтъ отправилъ его въ Одессу: между университетомъ и герцогомъ Ришелье, тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Одессы, желавшимъ подчинить себѣ тамошнія училища, произошелъ конфликтъ, и Дегуровъ долженъ былъ уладить его. Изъ отчетовъ, представленныхъ Дегуровымъ въ университетъ, видно, что онъ иногда даже ставилъ интересы университета на второй планъ, не желая рѣзко идти противъ всемогущаго герцога. Онъ, напр., поддерживалъ его заблужденіе о ненужности средняго открытаго учебнаго заведенія въ Одессѣ. Во время своихъ посѣщеній визитаторы училищъ должны были обращать вниманіе на мѣстныя достопримѣчательности. Дегуровъ изъ своей ревизіи училищъ Орловской и Курской губерній вывезъ рукописи исторіи Іоанна IV, Курбскаго; упомянутое сочиненіе о ногайцахъ также было плодомъ этихъ визитацій. Отчеты Дегурова въ университетѣ отличались живостью, картинностью изложенія, но, въ то же время, мѣстами, неискренностью тона.

Въ 1816 году Дегуровъ былъ вызванъ по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ. „Нѣкоторые проекты по части государственныхъ финасовъ" были причиной вызова. Въ чемъ они состояли,—неизвѣстно. Въ Петербургѣ Дегуровъ посвящалъ свое время педагогической службѣ и занятіямъ по воспитательнымъ домамъ. Тотчасъ по прибытіи, онъ представляется императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и подаетъ записку объ основаніи памятника извѣстному филантропу Джону Говарду. Императрица поручила ему описать основанную ей больницу для бѣдныхъ. Въ 1817 году Дегуровъ напечаталъ „Mémoire sur l'état actuel de l'hopital impèrial des pauvres malades à S.-Pètersbourg (S.-Pétersbourg, 1817). Императрица удостоила Дегурова благосклоннымъ рескриптомъ и подаркомъ и предложила ему составить исторію всѣхъ тѣхъ учрежденій, которымъ она покровительствовала или которыя она учредила. Дегуровъ остановился на исторіи Воспитательныхъ домовъ. Въ Петербургъ Дегуровъ пріѣхалъ на должность профессора въ главномъ педагогическомъ институтѣ по каѳедрѣ французской исторіи. Вскорѣ онъ сталъ профессоромъ университета сначала по французской же словесности, а потомъ по исторіи. Въ 1821 году въ стѣнахъ университета разыгралась печальная исторія, бывшая однимъ изъ проявленій реакціи и обскуратизма послѣднихъ годовъ царствованія Александра I. Попечитель Руничъ создалъ дѣло по обвиненію профессоровъ Галича, Раупаха, Германа и Арсеньева въ томъ, что они въ своихъ лекціяхъ подрываютъ основы религіи и государственности. Дегуровъ былъ ревностнымъ помощникомъ Рунича и вмѣстѣ съ нимъ старался очернить профессоровъ, а въ особенности про-

фессора исторіи Раупаха, кафедру котораго онъ занялъ по его удаленіи. Дегуровъ явился выразителемъ реакціонныхъ взглядовъ правительства въ своей рѣчи: «De la direction donnée à l'enseignement dans les universités» (Спб. 1823). Рѣчь оказалась ультра-реакціонной и отдалила отъ Дегурова самыхъ умѣренныхъ людей. Заграницей Дегуровъ продолжалъ собирать матеріалы для своей работы. Въ 1825 году онъ вернулся и въ августѣ этого же года былъ выбранъ ректоромъ университета. 20 мая 1826 года Дегуровъ произнесъ въ собраніи университета рѣчь: De l'influence des lumières sur la condition des peuples» (Спб. 1826, перевед. на русскій языкъ Бутырскимъ). Сдѣлавшись ректоромъ, Дегуровъ сохранилъ каѳедру профессора исторіи, но сдалъ профессорскія обязанности экстраординарному профессору Рогову. Въ 1828 г. появилась новая рѣчь Дегурова: «Du rapport des lettres avec la morale» Тогда же, послѣ смерти императрицы Маріи Ѳеодоровны, Дегуровъ вытребовалъ обратно свою рукопись и тотчасъ препроводилъ ее государю. Дегуровъ просилъ императора Николая издать его трудъ, принять посвященіе и разрѣшить ему печатать свою книгу въ Парижѣ. Всѣ просьбы Дегурова были удовлетворены. Онъ получилъ четырехмѣсячный отпускъ и началъ печатаніе своихъ изслѣдованій въ 1829 году, издавъ предварительно «Essais sur l'histoire des enfants trouvés» (Paris, 1829). Этотъ «Опытъ» посвященъ краткому историческому очерку о подкидышахъ въ древнѣйшее время до нашихъ дней. Печатаніе же самыхъ «изслѣдованій» затянулось до 1839 года, когда, наконецъ, они появились въ Парижѣ подъ заглавіемъ «Recherches sur les enfants trouvés et les enfants illégitimes en Russie». Въ этихъ изслѣдованіяхъ имѣетъ цѣнность историческая часть работы. Отрицая значеніе воспитательныхъ домовъ, Дегуровъ не выставилъ взамѣнъ ничего лучшаго.

При своихъ дипломатическихъ способностяхъ Дегуровъ оставался ректоромъ болѣе десяти лѣтъ; въ 1836 году онъ подалъ въ отставку и поселился въ Одессѣ. Умеръ онъ въ 1849 году.

О Дегуровѣ см. предисловіе самого Дегурова къ его „Recherches“, А. Лебедевъ. А. А. Дегуровъ. Біогр. очеркъ (Вѣстн. Европы, 1876, мартъ); Н. А. Лавровскій, Педагогъ прошлаго времени А. А. Дегуровъ (Русск. Арх. 1869 г. стр. 1541—1553); Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета, т. I и II; М. И. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи т. II; Скальковскій. Матеріалы для исторіи народнаго образованія въ Одессѣ (Южный сборникъ, 1859, №№ 3 и 4); В. В. Григорьевъ. С.-Петербургскій университетъ; Журн. мин. нар. просв. 1849 г. № 12, 1872 г. № 2; Русск. Арх. 1867 г. № 12; 1868 № 12; Труды Одесскаго статистическаго комитета, т. II (1867), стр. 93—124; Русская правда, альманахъ на 1860 г., стр. 93—104. *П. Щеголевъ.*

Деденевъ, *Михаилъ Алексѣевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, р. въ 1720 г., умеръ въ 1786 г. Д. воспитывался въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ, незадолго до окончанія курса, какъ выдающійся по способностямъ ученикъ, былъ назначенъ 13 мая 1740 г. помощникомъ преподавателя въ фортификаціонномъ классѣ. Окончивъ курсъ въ корпусѣ въ 1741 году, съ чиномъ подпоручика, Д. поступилъ на службу въ инженерное вѣдомство. Въ 1758 г., въ чинѣ инженеръ-полковника, Д. состоялъ при С.-Петербургской крѣпости, а въ 1759 г. онъ былъ уже произведенъ въ генералъ-маіоры, и ему ввѣрено было управленіе инженерной чертежной. Въ 1765 г. послѣдовало производство Д. въ генералъ-поручики, и ему поручили устроеніе, по собственному проекту, Вышневолоцкой системы; тогда же прорытъ былъ имъ каналъ, соединяющій Каму съ Шексною. Въ 1768 г. Д. получилъ назначеніе присутствовать въ государственной военной коллегіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть главнымъ директоромъ Сясьскаго канала, который онъ и привелъ въ отличное состояніе. Въ 1771 г. Д. назначенъ былъ присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, а два года спустя пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Такова служебная карьера Д. Но нельзя не отмѣтить важныхъ заслугъ Д. для русскаго инженернаго дѣла. Въ 1757 г. оберъ-кригсъ-комиссаръ Д. былъ назначенъ въ комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-аншефа Фермора для разсмотрѣнія состоянія русскихъ крѣпостей. Въ 1758 году имъ былъ составленъ проектъ мостового укрѣпленія Рижской крѣпости въ видѣ двѣнадцатиугольнаго штерншанца. Въ этомъ проектѣ Д. разработаны вполнѣ подробно всѣ принципы тепольной системы, сдѣлавшейся впослѣдствіи знаменитой въ сочиненіяхъ француза, маркиза Монталамбера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Д. высказывалъ въ своихъ проектахъ другой принципъ, пріобрѣвшій гражданство во французской фор-

*

тификаціи лишь черезъ 75 лѣтъ. Этотъ принципъ заключался въ начертаніи вала независимо отъ линіи рва, что также слѣдуетъ признать серьезною попыткою освободить фортификацію изъ тѣсныхъ рамокъ, предписанной приверженцами бастіонной системы, въ которой застыла французская школа. Проведеніемъ этихъ двухъ правильныхъ началъ Д. далеко опередилъ современныхъ ему инженеровъ, а потому этому талантливому дѣятелю принадлежитъ весьма почетное мѣсто въ исторіи фортификаціи.

Ласковскій: Мат. для исторіи инженернаго искусства въ Россіи, 1865 г.—Фридманъ: Исторія крѣпости въ Россіи, 1895 г.—Кюи: Очеркъ долговременной фортификаціи, 1897 г.—Фабриціусъ: Военно-инженерное вѣдомство въ Россіи, 1903 г. *В. Ж.*

Дедерко, *Яковъ - Игнатій*, первый минскій римско-католическій епископъ (1798—1829 гг.). Родомъ волынянинъ, Дедерко служеніе свое началъ въ рядахъ іезуитовъ, потомъ долго служилъ въ Вильнѣ учителемъ семинаріи, приходскимъ священникомъ и профессоромъ права въ академіи. Въ 1792 г. посвященъ въ епископа—суфрагана; 28 апр. 1798 г. назначенъ епископомъ минскимъ. Въ 1812 г. Дедерко завладѣлъ въ Минскѣ домомъ православнаго архіерея, передѣлалъ его по своему вкусу и объявилъ себя начальникомъ и православныхъ монаховъ, заставляя ихъ подчиняться своимъ распоряженіямъ. Дедерко началъ въ Минскѣ строить домъ для безпріютныхъ сиротъ, нищихъ и одержимыхъ неизлечимыми болѣзнями,—но въ 1812 г. былъ устраненъ отъ должности; недостроенный домъ перешелъ къ православнымъ. Скончался Дедерко 24 декабря 1829 года.

(Минская архіепископія—Рункевича) *Здр.*

Дежневъ, *Семенъ Ивановичъ*, якутскій казакъ, родился 25 февраля 1665 г., въ г. Великомъ Устюгѣ, который, какъ и вообще сѣверные города Европейской Россіи, далъ много выходцевъ, открывшихъ и изслѣдовавшихъ обширное пространство между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ. Отважные сѣверяне плавали по рѣкамъ Ленѣ, Янѣ, Индигиркѣ, Колымѣ и даже по Ледовитому океану въ поискахъ за бѣлыми медвѣдями, оленями, песцами и въ особенности моржами. Общее теченіе, повидимому, увлекло и Дежнева. Въ 20-хъ или 30-хъ годахъ семнадцатаго столѣтія онъ оставляетъ родину и поступаетъ казакомъ сначала въ Тобольскій, а затѣмъ въ Енисейскій острогъ. Но служба въ этихъ городахъ не могла удовлетворить Дежнева. Въ 1638 году онъ переходитъ изъ Енисейска въ только-что основанный Якутскій острогъ, гдѣ постоянные походы для покоренія немирныхъ инородцевъ и для «пріисканія новыхъ землицъ и неизвѣстныхъ рѣкъ» открывали энергіи, предпріимчивости и жаждѣ наживы широкое поле для приложенія силъ. Здѣсь Дежневъ скоро занялъ положеніе «начальнаго человѣка». Въ 1639 и 1640 гг. онъ находился во главѣ отряда, посланнаго для сбора ясака съ князька Кангалласскаго рода Сахея, который отказался платить дань и убилъ русскихъ служилыхъ людей. Дежневъ усмирилъ возмутившагося князька и взялъ съ него «государева ясаку 3 сорока 20 соболей». Осенью 1641 года управлявшій Якутскимъ острогомъ извѣстный «письменный голова», Василій Поярковъ, отправилъ Дежнева вмѣстѣ съ служивымъ человѣкомъ Дмитріемъ Михайловымъ для ясачнаго сбора на рѣку Яну. Когда Дежневъ отвозилъ собранный ясакъ къ якутскому воеводѣ, то небольшой отрядъ, состоявшій всего изъ трехъ казаковъ, подвергся нападенію толпы ламуцкихъ тунгузовъ; но огнестрѣльное оружіе и храбрость спасли его отъ гибели, хотя Дежневъ получилъ двѣ раны въ лѣвую ногу. Подвигъ Дежнева обратилъ на него вниманіе, и въ 1642 году онъ былъ посланъ якутскимъ воеводою въ качествѣ товарища служилаго человѣка Михаила Стадухина на рѣку Осмоконъ. Здѣсь казакамъ пришлось вынести упорную борьбу съ необъясаченными инородцами и, только благодаря умѣнью Дежнева и Стадухина привлечь на свою сторону покоренныхъ дикарей и заставить ихъ сражаться противъ одноплеменниковъ, русскіе одержали побѣду. Въ этомъ походѣ Дежневъ былъ раненъ въ руку и ногу. Собранный ясакъ былъ отправленъ въ Якутскъ, а казаки устроили кочи (широкія плоскодонныя лодки) и поплыли на новыя рѣки «для пріиску новыхъ неясачныхъ людей». Рѣкою Осмоконом они спустились на рѣку Индигирку, а по Индигиркѣ выплыли на море. Такъ началось знакомство Дежнева со «Студенымъ моремъ». Затѣмъ Дежневъ ходилъ противъ Алазейскихъ юкагировъ, въ стычкѣ съ которыми онъ получилъ рану въ плечо. Три слѣдующіе года Дежневъ прослужилъ въ отрядѣ Дмитрія Михайлова

и Михаила Стадухина въ Колымскомъ острожкѣ, откуда совершилъ походъ противъ «юкагирскихъ мужиковъ Оймоковъ», во время котораго снова былъ раненъ въ руку. Послѣ трехлѣтней службы Дмитрій Михайловъ и Михаилъ Стадухинъ передали начальство надъ Колымскимъ острожскомъ Дежневу и, взявъ накопленную ясачную казну и половину служилыхъ людей, отправились въ Якутскъ. Воспользовавшись этимъ, 500 юкагировъ напали на оставшихся казаковъ, но, несмотря на то, что Дежневъ былъ тяжело раненъ желѣзною стрѣлою въ голову, ему удалось отстоять острогъ. По возвращеніи изъ Якутска Дм. Михайлова приказнымъ на новоприисканныхъ земляхъ, Дежневъ принимаетъ участіе въ цѣломъ рядѣ походовъ «на непослушниковъ, неясачныхъ иноземцевъ». Въ послѣднемъ изъ этихъ походовъ, передъ плаваніемъ 1648 года, онъ опять получилъ рану въ руку.

Въ 1647 году въ Нижне-Колымскомъ острогѣ образовалось торгово-промышленное товарищество съ цѣлью отправить экспедицію для добычи моржевыхъ клыковъ и для отысканія рѣки Анадырь, о богатствахъ которой между русскими уже давно носились слухи, но положеніе которой было совершенно неизвѣстно. Во главѣ товарищества сталъ холмогорецъ Ѳедоръ Алексѣевъ. По его просьбѣ, для соблюденія интересовъ правительства къ экспедиціи былъ прикомандированъ Дежневъ. По данной ему наказной памяти онъ долженъ былъ собирать «десятую» и другія пошлины съ добычи промышленниковъ, объясачивать попутныхъ инородцевъ и проч. Повидимому, Дежневъ былъ и пайщикомъ товарищества. Въ іюнѣ 1647 года экспедиція вышла изъ устья рѣки Колымы въ открытое море, но принуждена была возвратиться, такъ какъ дальнѣйшій путь къ востоку преграждали непроходимые льды. Первая неудача не остановила отважныхъ промышленниковъ. Въ слѣдующемъ году образовалось новое товарищество, еще болѣе многочисленное, и съ наступленіемъ лѣта, именно 20 іюня 1648 года, снова выступило 6 кочей, изъ которыхъ на каждомъ находилось около 30 человѣкъ. Море въ это лѣто оказалось почти чистымъ ото льда и экспедиція съ попутнымъ вѣтромъ быстро подвигалась на востокъ. На пути три коча отдѣлились и направились неизвѣстно куда, остальные же три въ августѣ обогнули Чукотскій полуостровъ и, въ началѣ сентября, вступили въ Беринговъ проливъ. Около Чукотскаго носа погибло еще одно судно, Дежневъ и товарищи 20 сентября высадились на берегъ, имѣли кровавое столкновеніе съ чукчами и затѣмъ опять пустились по морю, придерживаясь берега. Въ Беринговомъ морѣ путешественниковъ встрѣтила сильная буря. Дежневъ вскорѣ потерялъ кочъ Ѳ. Алексѣева и Анкудинова, казака, принимавшаго участіе въ экспедиціи; его собственное судно долго носилось по волнамъ и, наконецъ, было выброшено на берегъ въ десятинедѣльномъ пути отъ низовьевъ рѣки Анадырь, куда Дежневъ отправился уже сухимъ путемъ. Неизвѣстная гористая мѣстность, глубокій снѣгъ, жестокіе морозы и отсутствіе съѣстныхъ припасовъ уменьшими отрядъ Дежнева, и до низовьевъ дошли только 12 человѣкъ. Съ этими остатками Дежневъ кое-какъ перезимовалъ, а весною, построивъ лодки изъ выброшеннаго моремъ лѣса, двинулся вверхъ, доплылъ до зимовьевъ «Анаульскихъ людей», погромилъ ихъ (причемъ самъ получилъ тяжелую рану) и взялъ ясакъ. Въ этомъ мѣстѣ, на среднемъ теченіи рѣки Анадырь, Дежневъ основалъ свое зимовье, впослѣдствіи Анадырскій острогъ. Такимъ образомъ, во второй половинѣ сентября 1648 года былъ пройденъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки, и разрѣшенъ вопросъ о томъ, соединяется ли на сѣверо-востокѣ азіатскій континентъ съ американскимъ или нѣтъ,—вопросъ, составлявшій важную географическую задачу въ XVII и XVIII вѣкахъ. Но низкій уровень географическихъ знаній не позволилъ оцѣнить важность сдѣланнаго открытія ни самому Дежневу, ни якутскимъ властямъ, ни московскому правительству. Въ Анадырскомъ острогѣ Дежневъ въ постоянной нуждѣ и опасностяхъ провелъ все лѣто и зиму 1649 года и только въ 1650 году къ нему подошли новыя партіи колымскихъ казаковъ, пробравшихся на Анадырь болѣе короткимъ сухимъ путемъ. Въ 1652 году, когда начальникъ соединенныхъ отрядовъ Семенъ Мотора былъ убитъ въ стычкѣ съ анаульцами, Дежневъ, по желанію служилыхъ и промышленныхъ людей, сдѣлался начальникомъ Анадырскаго острога. Въ томъ же году Дежневъ открылъ при устьи р. Анадырь отмель, куда моржи собирались

терять клыки и гдѣ находились обширныя залежи этого цѣннаго товара. Въ 1653 году Дежневъ намѣревался воспользоваться открытымъ имъ проливомъ для отправки собранной въ продолженіе нѣскольскихъ лѣтъ драгоцѣнной казны, но не рѣшился, такъ какъ туземцы утверждали, что не всякое лѣто льды отъ береговъ относитъ въ море. Казна была отправлена сухимъ путемъ. Въ 1656 году якутскіе воеводы, подозрѣвая Дежнева и товарищей въ злоупотребленіяхъ, послали на Анадырь правительственнаго прикащика съ 30 служилыми людьми принять зимовья, служилыхъ людей, атамановъ, государеву казну, воинскіе и другіе припасы, документы и проч., надъ Дежневымъ же и товарищами произвести строгій «розыскъ» и выслать ихъ въ Якутскъ. Повидимому, разслѣдованіе оправдало Дежнева. Въ 1659 году онъ сдалъ острожекъ и атамановъ боярскому сыну Курбату Иванову, но прожилъ на Анадырѣ еще два года, занимаясь собственнымъ промысломъ. Въ 1662 году онъ привезъ въ Якутскъ государеву казну, собранную на Анадырѣ. Очевидно, подозрѣнія якутскихъ властей разсѣялись, такъ какъ вскорѣ якутскій воевода поручилъ Дежневу очень отвѣтственное дѣло: доставить въ Москву 196 пудовъ мѣховъ, моржовой кости и другой «государевой казны». Въ половинѣ 1664 года Дежневъ прибылъ въ Москву. Здѣсь онъ подаетъ челобитныя о выдачѣ ему денегъ за отписанныхъ въ казну соболей и объ ублатѣ ему жалованья, не полученнаго имъ вслѣдствіе якутской «денежной и хлѣбной скудости, а также вслѣдствіе его дальнихъ службъ». Просьба Дежнева была удовлетворена. 13 февраля 1665 года Дежневъ снова обращается къ царю съ челобитной, въ которой указываетъ на свою долгую и трудную службу и проситъ назначить его сотникомъ или «какъ тебѣ, великому государю, Господь Богъ обо мнѣ извѣститъ». Въ виду того, что въ Якутскомъ острогѣ оказалось полное число сотниковъ, Дежневъ былъ назначенъ якутскимъ атаманомъ съ окладомъ «9 рублевъ деньгами, да хлѣба 7 чети ржи, да 4 чети овса, да 2 пуда съ четью соли». Въ концѣ февраля или началѣ марта Дежневъ выѣхалъ обратно въ Якутскъ. Никакихъ подробностей о его службы въ качествѣ атамана не сохранилось. 20 марта 1670 года Дежневъ снова выѣхалъ изъ Якутска въ Москву съ соболиною казною. 29 декабря 1671 года привезенная казна въ цѣлости и сохранности была сдана въ Сибирскій приказъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни Дежнева нѣтъ. Проливъ, открытый имъ, былъ забытъ современниками и снова найденъ Берингомъ только черезъ восемьдесятъ лѣтъ. Долгое время самый фактъ открытія Дежневымъ подвергался сомнѣнію и только недавно его заслуги признаны наукой. Въ сентябрѣ 1898 года, по ходатайству Императорскаго Русскаго Географическаго общества, мысъ Восточный наименованъ мысомъ Дежнева.

Миллеръ. „Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе“, 1758 г. янв., стр. 9—20. Статья „Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому океану и по Востосточному морю съ Россійской стороны ученыхъ“. Берхъ. „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя“: Ч. 1 стр. 87—89. Врангель. „Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю“. Статья „Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому океану между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ до 1820 года“. Стр. 7—16. Н. Оглоблинъ. „Семенъ Дежневъ“. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія. 1890 г. кн. I2. А. Зеленинъ. „Якутскій казакъ Семенъ Дежневъ“. Научное Обозрѣніе. 1898 г. кн. 12. Правит. Вѣстникъ. 1898 г. № 150. „Наши землепроходцы“ Д. Солодовникова, изд. 2-е, Москва 1898 г.

Ник. Іорданскій.

Дезарно, *Августъ Осиповичъ* (Auguste-Joseph Desarnot), художникъ-баталистъ и граверъ, родился во Франціи въ 1788 г., умеръ въ Петербургѣ 15 апрѣля 1840 г. Наставникомъ Дезарно въ живописи былъ Гро. Поступивъ во французскую военную службу, Дезарно участвовалъ въ нашествіи арміи Наполеона на Россію. Въ одной изъ стычекъ легкой русской конницы съ французскими гусарами онъ былъ взятъ въ плѣнъ и, живя въ Россіи, снова обратился къ живописи. Въ 1815 году онъ представилъ академіи художествъ картину, изображающую «русскаго кавалергардскаго офицера въ сопровожденіи другихъ конныхъ воиновъ, преслѣдующаго съ пистолетомъ въ рукѣ французскаго карабинера и бѣгущаго съ однимъ егеремъ; причемъ вдали видна легкая французская артиллерія, бѣгущая также въ безпорядкѣ»; за эту картину онъ былъ избранъ «назначеннымъ въ академики». Въ 1817 году Дезарно, для полученія званія академика представилъ

другую картину, которую совѣтъ академіи призналъ неудовлетворительною. Только черезъ десять лѣтъ (въ 1827 г.) Дезарно получилъ званіе академика за картину, изображающую ту стычку русскихъ съ французами, во время которой самъ художникъ попалъ въ русскій плѣнъ. Въ 1829 и 1830 годахъ онъ находился въ Турціи, при войскахъ графа Дибича-Забалканскаго, и съ рисунковъ, которые были сдѣланы имъ въ этомъ походѣ, исполнены литографіи въ изданномъ имъ и Сейджеромъ альбомѣ: «Album d'un voyage en Turquie fait par ordre de Sa Majesté l'Empereur en 1829 et 1830». Дезарно пользовался расположеніемъ императоровъ Александра I и Николая I и великаго князя Михаила Павловича. Дезарно принадлежитъ, между прочимъ, нѣсколько картинъ, изображающихъ костюмы гвардейскихъ полковъ.

Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской Академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія.— Д. А. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ —Dr. G K. Nagler: Neues allgemeines Künstler-Lexicon (München, 1836) —А Сомовъ: Картинная галлерея Императорской Академіи Художествъ.

Вл. Грековъ.

Дезинъ, фонъ, *Вилимъ Петровичъ*, адмиралъ, родился 1740 г., умеръ 30 декабря 1826 г. Въ 1754 г. поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ, въ 1757 г. произведенъ въ гардемарины и плавалъ (1754—1758 гг.) ежегодно изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно; 1758 произведенъ въ мичманы и плавалъ на брандерномъ фрегатѣ „Салафагелъ“ до Копенгагена. Слѣдующій годъ фонъ-Дезинъ находился при описи Прусскихъ и Померанскихъ острововъ; въ 1760—1761 гг. участвуетъ въ Кольбергской экспедиціи въ качествѣ адъютанта начальника русскаго морскаго десанта, капитана 1 ранга Спиридова; въ 1762 г. произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, а въ 1764 г. въ лейтенанты. Въ 1769 г., на кораблѣ „Евстафій Плакида“, подъ командою капитана 1 ранга фонъ-Круза, пошелъ въ Средиземное море въ эскадрѣ адмирала Спиридова; 30 іюля произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и участвовалъ въ Морейской экспедиціи; затѣмъ былъ переведенъ на корабль главнокомандующаго графа Орлова „Три Іерарха“, на которомъ былъ 25 іюля 1770 г. въ Чесменскомъ бою. Затѣмъ самъ командовалъ 16-ти-пушечнымъ фрегатомъ „Св. Павелъ“, послѣ чего вступилъ во временное командованіе флагманскимъ кораблемъ „Три Іерарха“, сдавъ который въ 1771 г., остался на томъ же кораблѣ въ должности казначея при графѣ Орловѣ. 24 іюня 1771 г. произведенъ въ капитаны 2 ранга и участвовалъ 2 ноября въ десантной вылазкѣ, при атакѣ крѣпости на островѣ Митиленѣ.

1772 г. фонъ-Дезинъ, командуя кораблемъ „Всеволодъ“, крейсировалъ въ эскадрѣ контръ-адмирала Елманова, которая пошла для поиска отъ Аузы до Дарданелъ, гдѣ и заняла станцію. 19 мая было заключено перемиріе до 1 ноября. Турки обязались не предпринимать никакихъ наступательныхъ и подготовительныхъ дѣйствій; но 19 сентября главнокомандующій, будучи около острова Хіоса и, получивъ оффиціальное извѣщеніе о разрывѣ перемирія, послалъ отдѣльную эскадру для блокады Дарданелъ и для розыска турецкихъ судовъ. Одна изъ эскадръ была поручена командиру фрегата „Сѣверный Орелъ“, капитану 2 ранга фонъ-Дезину, и состояла изъ трехъ фрегатовъ, 1 пакетбота и 1 полаки, и пошла занять мѣсто въ Самосскомъ каналѣ: но дѣйствія фонъ-Дезина ограничились лишь взятіемъ нѣсколькихъ незначительныхъ призовъ. Здѣсь фонъ-Дезинъ простоялъ до 16 іюля 1773 года, когда съ своими судами вошелъ въ составъ отряда контръ-адмирала Елманова, долженствовавшій идти и атаковать крѣпости Бодрумъ и Станчіо сдѣлать всевозможный вредъ берегамъ и вывести изъ подъ Бодрума стоявшіе тамъ фрегаты“; но эта экспедиція оказалась очень неудачной.

10 іюля 1774 г. былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, и тѣмъ окончилась Архипелагская кампанія. Фонъ-Дезинъ вернулся обратно въ Россію и былъ назначенъ, въ 1776 г., командиромъ корабля „Европа“; а 7 іюля произведенъ въ капитаны I ранга и назначенъ въ коммисію для разбора журналовъ, плановъ и картъ архипелагской экспедиціи и для составленія по нимъ историческаго описанія. Въ 1778 г. 10 октября фонъ-Дезинъ былъ назначенъ начальникомъ 8-ой эскадры, состоящей изъ судовъ: корабли: „Слава Россіи“, „Благополучіе“ и „Твер-

дый", фрегаты: „Марія", „Александръ" и „Воинъ". Въ 1779 г. фонъ-Дезинъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ со своею эскадрою того-же состава; лишь „Слава Россіи" замѣненъ кораблемъ „Царь Константинъ".

28 февраля 1780 г. была объявлена знаменитая декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ, и, для поддержанія объявленныхъ Императрицею началъ, было снаряжено три эскадры контръ-адмираловъ Борисова и Круза, и изъ Архангельска подъ командою старшаго изъ капитановъ, капитана I ранга Вилима фонъ-Дезина; она состояла изъ 2-хъ 66-ти-пушечныхъ кораблей „Не тронь меня" и „Іануарій" и 2-хъ пинковъ „Евстафій" и „Кола". Эта эскадра должна была плавать къ Нордкапу и до Бѣлаго моря, охранять торговлю и уничтожать каперовъ. Коллегія, въ виду большой болѣзненности на эскадрѣ въ прошломъ 1779 году (въ эскадрѣ Хметевскаго, посланнаго для того же), на этотъ разъ распорядилась, чтобы былъ отпущенъ на суда „сбитень на одинъ мѣсяцъ, сахарная патока для употребленія съ кашей и вяленый щавель для щей". У Нордкапа рекомендовалось собирать щавель и траву, называемую Кокляріумъ; число медикаментовъ увеличено, но врача не назначено, ибо вмѣсто него признано возможнымъ назначить „хорошаго подлѣкаря".

Эта эскадра только 10 іюня пошла по назначенію, 23 іюля начала свое крейсерство, а 13 августа пинки, по случаю увеличенія числа больныхъ и по имѣющейся у нихъ течи, пошли къ своимъ (то есть отечественнымъ) портамъ. Черезъ 5 дней корабли тоже ушли къ своимъ портамъ; при этомъ случилось слѣдующее: пинки шли сначала соединенно, но 19 августа разлучились; 1 сентября онѣ опять видали другъ друга, но на слѣдующій же день потерялись изъ виду и разлучились. 9-го сентября „Евстафій" погибъ у береговъ пустыннаго шотландскаго острова Гроффкерри (изъ 176 человѣкъ команды, 6 женщинъ и 3 дѣтей 5 матросовъ спаслось на обломкахъ), 15-го сентября „Кола" встрѣтилъ корабль „Іануарій", у котораго гротъ-мачта была сломана; условились идти соединенно, но на слѣдующій день суда опять разлучились. 23 сентября фонъ-Дезинъ съ своимъ кораблемъ пришелъ въ Копенгагенъ, не имѣя никакихъ извѣстій о судахъ его эскадры, и, воспользовавшись тѣмъ, что эскадра контръ-адмирала фонъ-Круза шла въ Кронштадтъ, присоединился къ ней, куда и пришелъ 17 октября. Суда же его эскадры: „Іануарій" безъ гротъ-мачты подъ фальшивымъ вооруженіемъ спустился въ Бергенъ, гдѣ чинился и зимовалъ; „Кола", имѣя 3 умершими и 17 человѣкъ сильно больными, 2 октября пришелъ въ Копенгагенъ, гдѣ тоже зазимовалъ. И такъ, фонъ-Дезинъ пришелъ одинъ, растерявъ свои суда по дорогѣ, за что и получилъ выговоръ отъ Адмиралтействъ-Коллегіи, въ которомъ еще ставилось ему на видъ: „въ присланномъ рапортѣ пропущено число больныхъ и время, когда рапортъ писанъ". 1782 г. іюня 7 Д. назначенъ былъ командовать судами Азовской флотиліи, подъ главной командой начальника заводимаго на Азовскомъ и Черномъ моряхъ флотовъ адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина; 28 іюня того же года онъ произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга, а 14 іюля въ контръ-адмиралы; въ 1787 г. сентября 22 произведенъ въ вице-адмиралы. Въ 1787 г. снаряжалась эскадра подъ командою адмирала Самуила Карловича Грейга. Его, въ письмѣ отъ 27 марта 1788 г. графъ Безбородко спрашивалъ: «какихъ флагмановъ онъ наиболѣе способными находитъ въ архипелагскую экспедицію», и на это Грейгъ отвѣчалъ: „изъ старшихъ (старшинство въ линейной службѣ весьма уважалось) Вилимъ фонъ-Дезинъ (вице-адмиралъ) наиболѣе для этого способный; это хорошій морякъ, хорошо знающій службу: онъ служилъ въ Архипелагѣ въ теченіи всей послѣдней кампаніи (1769 — 1774). Единственный его недостатокъ состоитъ въ нѣсколько излишней осторожности въ тотъ моментъ, когда подлежитъ рисковать совершенно всѣмъ".

2 іюня фонъ-Дезину было поручено съ эскадрою 3—100 пуш. корабля „Саратовъ", „Три Іерарха", „Чесма", фрегатъ „Надежда" и 5 транспортовъ, и предписано итти къ Копенгагену, перейти Зундъ и ожидать остальныя суда эскадры Грейга. 5 іюня фонъ-Дезинъ снялся съ Кронштадскаго рейда; 10-го онъ приблизился къ острову Готланду, гдѣ встрѣтился со шведскою эскадрою, состоящею изъ 12 кораблей, 5 фрегатовъ и 3 катеровъ, находив-

шеюся подъ командою брата Шведскаго короля Густава III, — генералъ-адмирала шведскаго флота, герцога Карла Зюдерманландскаго. Герцогъ въ 11 ч. утра прислалъ къ фонъ-Дезину офицера съ требованіемъ увѣдомить, куда наша эскадра идетъ и какое ея назначеніе. Фонъ-Дезинъ отвѣтилъ, тогда герцогъ потребовалъ салюта, но трактата о салютахъ съ Швеціею не было, а потому это была лишь придирка, чтобы вызвать русскаго адмирала на дерзость. Фонъ-Дезинъ отсалютовалъ герцогу выстрѣлами и объявилъ, что онъ дѣлаетъ этимъ вѣжливость особѣ главнокомандующаго шведскимъ флотомъ, какъ брату короля. Герцогъ отвѣтилъ ему 8-ью, какъ младшему. Этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ, вызовъ не удался. Разойдясь съ непріятелемъ, фонъ-Дезинъ пошелъ дальше, но за противными вѣтрами лишь 29 іюня пришелъ въ Копенгагенъ, гдѣ скоро и получилъ указъ отъ 27 іюня о началѣ военныхъ дѣйствій со шведами. Въ это время онъ уже былъ по ту сторону бара; ему нужно было проводить наши два транспорта „Кильдюинъ“ и „Соломбалу“, слѣдовавшіе въ Архангельскъ съ пушками, для строившихся тамъ судовъ. Миновавъ Скагенъ и Дернеусъ, онъ, не встрѣтя шведскихъ судовъ, рѣшилъ отпустить транспорты одни; но какъ только транспорты отошли отъ эскадры, за ними погнались 3 шведскихъ фрегата, которыхъ фонъ-Дезинъ не видалъ. „Кильдюинъ“ былъ взятъ въ плѣнъ, а „Соломбула“ избѣжалъ плѣна, вернувшись къ эскадрѣ, увидавшей лишь результаты случившейся съ ними драмы. Фонъ-Дезинъ поспѣшно снялся съ якоря, погнался за шведами, но безуспѣшно: они скрылись въ шхерахъ.

Фонъ-Дезинъ оправдывался, но его оправданія были неосновательны, а потому и вызвали неудовольствіе Адмиралтействъ—Коллегіи. Храповицкій въ своемъ журналѣ указываетъ, что раздраженная императрица сказала: „Тотъ виноватъ передъ отечествомъ, кто ввелъ обоихъ фонъ-Дезиновъ въ адмиралы“. Братъ Вилима Петровича, контръ-адмиралъ Мартынъ фонъ-Дезинъ, медлилъ и очень плохо распоряжался въ Гогландскомъ сраженіи. 16 августа Вилимъ фонъ-Дезинъ со своимъ отрядомъ былъ вызванъ въ Копенгагенъ, гдѣ онъ и получилъ новыя инструкціи: 1) Чтобы фонъ-Дезинъ поспѣшнѣе переходилъ обратно въ Балтійское море и готовился къ военнымъ дѣйствіямъ. 2) Стараться получить содѣйствіе датчанъ и съ ними блокировать Калскрону, что необходимо, дабы пресѣчь сообщеніе шведскаго флота и съ его главнымъ портомъ; причемъ указано фонъ-Дезину, что онъ со своими судами—внѣ всякой опасности, потому что адмиралъ Грейгъ не выпуститъ шведскаго флота изъ Финскаго залива безъ новаго сраженія и будетъ его преслѣдовать. 3) Фонъ-Дезинъ, даже если не получитъ подкрѣпленія отъ датчанъ, долженъ идти и блокировать Карлскрону и сразиться со шведскимъ флотомъ, если онъ будетъ возвращаться туда изъ Финскаго залива, истощенный послѣ новаго сраженія съ Грейгомъ. Во всякомъ же случаѣ, стеречь его тамъ и преградить ему путь, а потомъ возвращаться зимовать въ свои порты. — Изъ Архангельска пришли суда подъ командою контръ-адмирала Повалишина и вошли въ составъ эскадры фонъ-Дезина, у котораго къ 30 августа собралось: 3 — 100-пушечныхъ, 2—74-пушечныхъ и 2—60-пушечныхъ — всего 7 кораблей, 3 фрегата, 2 каттера и 4 транспорта, да еще отъ датскаго правительства 3 корабля и 1 фрегатъ. Фонъ-Дезинъ безпрерывно получалъ отъ Грейга самыя точныя указанія, что дѣлать; но онъ все время медлилъ и только 23 сентября занялъ постъ между южной оконечностью Эланда и шведскимъ берегомъ, имѣя крейсеровъ за Эландомъ въ морѣ и у Карлскроны; здѣсь онъ получилъ приказаніе, по окончаніи кампаніи, идти въ Копенгагенъ, а на зимовку перейти въ Христіансандъ или Флекере и строжайшій наказъ отъ Грейга, чтобы оставаться въ крейсерствѣ до самаго поздняго осенняго времени, т. е. до половины или исхода ноября, когда уже шведскому флоту не будетъ никакой надежды туда возвратиться. Но фонъ-Дезинъ поступилъ совсѣмъ иначе: 17 октября, то-есть уже послѣ кончины Грейга, фонъ-Дезинъ, будучи у Карлскроны, получилъ отъ Козлянинова слѣдующее извѣстіе: 1) эскадрѣ покойнаго Грейга велѣно идти на зимовку; 2) эскадра фонъ-Дезина будетъ усилена 3 линейными кораблями (скажи фонъ-Дезинъ хоть слово, ему прислали бы еще больше судовъ); 3) напоминалось принять всѣ мѣры,

дабы не пропустить шведскій флотъ въ Карлскрону. Фонъ-Дезинъ вполнѣ имѣлъ возможность доставлять на всѣ свои суда свѣжую провизію и прѣсную воду: постъ былъ спокойный и климатъ теплѣе Ревельскаго. Козляниковъ держался въ открытомъ морѣ подъ Наргеномъ почти до половины ноября и ушелъ гавань. лишь по Высо въ чайшему повелѣнію Слѣдовательно, можно было ожидать, что фонъ-Дезинъ, имѣя столько судовъ и удобное сообщеніе, простоялъ бы во всякомъ случаѣ не меньше. Какъ только фонъ-Дезинъ получилъ отъ Козлянинова выше указанныя извѣстія, онъ собралъ совѣтъ, на которомъ было постановлено держаться у Карлскроны еще лишь 3 дня, то-есть по 20 октября. говорили: „всѣ уже наши суда пошли къ портамъ, такъ намъ-то здѣсь за что же дальше другихъ оставаться?“ Въ донесеніи своемъ въ Петербургъ онъ не очень стѣснялся въ доводахъ, принудившихъ его оставить столь важный и отвѣтственный постъ, какъ блокада главнаго шведскаго военнаго порта. Онъ въ своемъ донесеніи написалъ, что прѣсной воды у него остается не свыше какъ на 3 недѣли (а потому простоять рѣшилъ лишь 3 дня), что „нѣкоторые корабли“ имѣютъ поврежденія (всѣ суда его были новыя), что у него на эскадрѣ много больныхъ и нѣкоторыя другія причины. Однимъ словомъ, это было окончательное нарушеніе Грейговскихъ плановъ и предположеній на нынѣшнюю кампанію. Фонъ-Дезинъ 20 октября, даже не дождавшись посланныхъ къ нему отъ Наргена 3 кораблей, ушелъ въ Копенгагенъ и 30 октября перешелъ мелководіе. Не умѣя уладить съ датскимъ портовымъ начальствомъ, онъ замедлилъ переходъ въ Христіансандъ, пропустилъ попутный вѣтеръ и простоялъ до 22 ноября, то-есть около мѣсяца; а тогда задулъ противный вѣтеръ и пошелъ ледъ. Фонъ-Дезинъ тогда началъ поспѣшно располагаться въ Копенгагенѣ на зимовку; при этомъ 3 корабля были поставлены на мель. Вопреки всѣмъ инструкціямъ, лишь 26 ноября онъ назначилъ крейсерскій отрядъ капитана Овцына въ Каттегатъ, пропустивъ много времени; отрядъ этотъ—2 корабля, 2 фрегата и каттеръ—только 2 декабря могъ тронуться по назначенію. 3-го декабря вода въ проливѣ поднялась, и пошелъ густой массой плывучій ледъ и заставилъ отрядъ Овцына возвратиться, причемъ лишь одинъ корабль успѣлъ вернуться въ эскадрѣ, а остальныя суда застряли во льду. Ночью, 4 декабря, морозъ усилился столь сильно, что весь проливъ покрылся льдомъ толщиною въ 2 вершка. Днемъ сильно прибыла вода, а къ ночи ледъ всей своею массой тронулся къ востоку и съ собою потащилъ всѣ наши суда и сталъ нажимать ихъ къ шведскому берегу. Къ счастію, къ утру суда успѣли задержаться. Далѣе съ 5—12 декабря суда были въ большой опасности, плавая то къ шведскимъ, то къ датскимъ берегамъ вмѣстѣ со льдомъ. Наконецъ, 20 декабря полученъ былъ приказъ фонъ-Дезину сдать эскадру контръ-адмиралу Повалишину, а самому ѣхать въ Петербургъ. Получивъ еще вначалѣ извѣстіе, что эскадра не вошла въ портъ, а показался уже ледъ, Императрица сказала: „Фонъ-Дезинъ проспитъ и потеряетъ 11 кораблей“. Тѣмъ не менѣе, онъ 27 ноября 1792 г. награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія 4 ст. за 18 морскихъ кампаній, а 23 сентября 1793 г. орденомъ Владиміра 2 ст.

Въ 1794 г. Дезинъ назначенъ былъ главнымъ командиромъ учебнаго флота и галернаго порта; 13 ноября 1796 г., то-есть уже послѣ вступленія на престолъ Императора Павла—награжденъ орденомъ Анны 1 ст., а 8 іюня 1797 г. произведенъ въ адмиралы, съ назначеніемъ начальникомъ дивизіи Краснаго флага, и 8 августа сдалъ начальство надъ учебнымъ флотомъ. Въ 1798 г. назначенъ Дезинъ былъ директоромъ Балтійскаго штурманскаго училища и исправлялъ временно должность главнаго командира Кронштадтскаго порта, за отсутствіемъ адмирала Пущина. 1799 г. января 21 назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота. Въ бытность фонъ-Дезина главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, шла война съ Франціею въ Средиземномъ морѣ, и нашъ флотъ, подъ командой Ушакова, соединенно съ турками, успѣшно дѣйствовалъ противъ непріятеля. По волѣ императора Александра I былъ учрежденъ „Комитетъ по образованію флота“ и поручено ему опредѣлить составъ необходимаго для Россіи флота сообразно морскимъ силамъ сосѣднихъ государствъ, а затѣмъ заняться пересмотромъ всѣхъ морскихъ регламентовъ, уста-

вовъ и штатныхъ положеній для флота и его управленій. Комитетъ этотъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа А. Р. Воронцова, а членами его были назначены адмиралы: В. П. фонъДезинъ, Н. С. Мордвиновъ, Балле и Монаровъ, вице-адмиралы Карцевъ и П. В. Чичаговъ, — онъ же и докладчикъ у государя — и капитанъ 1 ранга А. С. Грейгъ. Комитетъ разсмотрѣвъ и выполнивъ порученное ему дѣло, былъ закрытъ 5 апрѣля 1805 г. (П. С. З. № 21703);—фонъ-Дезинъ былъ тогда назначенъ членомъ адмиралтействъ совѣта.

Одновременно съ занятіями въ „комитетѣ для образованія флота", фонъ-Дезинъ съ 21 мая 1802 г. былъ присутствующимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, а 1 января 1810 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту военныхъ дѣлъ съ оставленіемъ въ сенатѣ, гдѣ онъ засѣдалъ до 1804 г. въ 4 департаментѣ; 1805 — 1808 въ 5 департаментѣ; 1808—1826 въ 1 отдѣленіи 5 департамента. 1826, въ день коронаціи Императора Николая I-го былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 ст.

1) Об. Мор. Сп. Спб. 1889 г. ч., II ст. 446 и V—447. 2) Архивъ Мор. Мин. 1882 г. ч. III. 3) Дѣйствія Русск. флота въ войнѣ со Швеціей, Головачева. Мор. Сб. 1871 — 1873 гг. 4) „Война со Швеціею", ст. Брикнера Ж. М. Н. Пр. 1869 г. 5) Записки Чичогова. Русская Старина 1886 г. 6) Достопам. происш., отн. къ в.-м. части В. И. Берхъ-Зап. Гос. Адм. Д-а 1824 г. VII—314 7) Ditto. Гос. Адм. Д-а 1827 г. XIII 237—284. 8) Исторія Архипелагской кампаніи 1769—74 гг. А. Соколова. Зап. Гидрог. Д-а 1849 г. VII 230—401 9) Матеріалы по Мор. Ист. XI—XV. 10) О разногласіи въ статьяхъ, относящихся до мор. воен. исторіи Лейт. Зейделя. Мор. Сб. 1857 г. № 1 ст. 15—32. 11) Русскій фл. въ царств. Екатерины II. А. Кроткова, Спб. 1869 г. 12) Подлинные формулярные списки 1793 г. № 34. Дѣла Арх. Мор. Мин. 13) Статья Зейделя о Главныхъ Ком. Кронштт. порта. Кронштт. Вѣстникъ 1857 г. 14) Арх. Госуд. Сов. (дѣло фонъ-Дезина). 15) Архив. П. И. Баранова.

Л. П. Бѣлавенецъ.

Дезинъ, фонъ, *Мартынъ Петровичъ*, адмиралъ, род. 1738 г. въ С.-Петербургѣ, умеръ 1827 г. 15-го мая 1754 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ кадетомъ; въ 1757 г. 20 февраля произведенъ въ гардемарины; въ 1758 г. 27 апрѣля произведенъ въ мичманы и затѣмъ служилъ въ балтійскомъ флотѣ; въ 1764 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты; въ 1769 г. Дезинъ командированъ былъ въ Донскую экспедицію на Икорецкую верфь и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а съ 1770 г. командовалъ кораблемъ «Хотинъ», имѣя у себя флагъ вице-адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина, «начальника заводимаго на Азовскомъ и Черномъ моряхъ флота». 17 мая 1771 года онъ вышелъ съ флотиліею, состоявшею изъ пяти 42-хъ пушечныхъ прамовъ, 1—3-хъ мачтоваго корабля, 9—2-хъ мачтовыхъ кораблей и 2-хъ бомбардирскихъ, 2-хъ фрегатовъ, 1-й дуббель шлюпки и 1-го палубнаго бота: это была первая эскадра послѣ 1699 г., шедшая подъ вице-адмиральскимъ флагомъ для воспрепятствованія туркамъ сдѣлать высадку на берега Крыма. По этому поводу Императрица Екатерина II написала вице-призиденту адмиралтействъ-коллегіи, графу Ивану Чернышеву: «Съ большимъ удовольстіемъ усмотрѣла я, что 17 мая Россійскій флагъ вѣялъ на Азовскомъ морѣ послѣ 70-лѣтней перемѣшки; дай Боже вице-адмиралу Сенявину счастливый путь и добрый успѣхъ!". Затѣмъ Мартынъ фонъ-Дезинъ вышелъ изъ Керчи въ Черное море до Ялты. Въ 1773 г., командуя фрегатомъ «Первый», Дезинъ участвовалъ въ крейсерствѣ по Черному морю въ отрядѣ вице-адмирала А. Н. Сенявина, состоявшемъ изъ пяти 16-пушечныхъ кораблей и двухъ 32-пушечныхъ фрегатовъ, который 5 сентября у Суджукъ-Кале встрѣтилъ турецкій отрядъ, состоящій изъ 5-ти большихъ кораблей, 2 фрегатовъ, 2 шебекъ и 1 галлеры; но турки уклонились отъ боя и подъ всѣми парусами пошли къ берегамъ Анатоліи; русскія суда гнались за турками, но «за тяжестью въ ходу новоизобрѣтенныхъ кораблей, достичь ихъ не могли». Въ 1774 г. Дезинъ переведенъ былъ изъ Азовской флотиліи въ Балтійскій флотъ, гдѣ командовалъ кораблемъ «Городъ Архангельскъ». Въ 1775 г., командуя фрегатомъ Григорій, былъ въ отдѣльномъ плаваніи въ Балтійскомъ морѣ. Августа 20-го произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1776 г. командовалъ на кронштадтскомъ рейдѣ новопостроенною яхтою «Екатерина» и назначенъ въ коммисію для разбора журналовъ Донской экспедиціи и для составленія по нимъ историческаго описанія. Въ 1777 г. командовалъ флагманскимъ кораблемъ «Іезекіиль» въ составѣ Кронштадской эскадры вице-адмирала Чичагова, а

въ 1778 г., уже въ чинѣ капитана 1 ранга, командовалъ фрегатомъ «Счастливый» въ эскадрѣ контръ-адмирала Барша и плавалъ у Красной Горки «для опыта новаго вооруженія». 19 іюля Императрица осчастливила эскадру своимъ смотромъ. Она въ сопровожденіи большой свиты, на яхтѣ «Екатерина» пришла къ Красной Горкѣ, а на слѣдующій день вернулась обратно въ Петергофъ. Въ 1779 г. назначенъ завѣдывать Петербургскою корабельною командою и командовалъ новопостроеннымъ въ С.-Петербургѣ кораблемъ «Давидъ Солунскій», который былъ спущенъ 26 іюня въ Высочайшемъ присутствіи.

28 февраля 1780 г. была объявлена декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ, и для огражденія принциповъ ея были назначены 3 эскадры: 1-я контръ-адмирала Борисова; 2-я—капитана бригадирскаго ранга Палибина, въ составъ которой входилъ и Мартынъ фонъ-Дезинъ со своимъ кораблемъ «Давидъ Солунскій». 1-я и 3-я снялись совмѣстно съ якоря, прошли Балтійское море и Англійскій каналъ. 11 августа на кораблѣ «Давидъ» былъ собранъ «консиліумъ»; на кораблѣ было 13 тяжело больныхъ и 103 слабыхъ:—постановили просить командующаго эскадрою позволенія итти въ ближайшій портъ «для освѣженія команды». Палибинъ разрѣшилъ, и корабль «Давидъ» 15 августа пришелъ на Портсмутскій рейдъ. Больныхъ было 153, и ихъ стали свозить на островъ Вайтъ; потомъ стали понемногу поправляться и только 7-го октября могъ идти на соединеніе съ эскадрой, которая должна была уже окончить свое плаваніе и возвращаться къ своимъ портамъ, а между тѣмъ, не надѣясь прійти до мороза въ Россію, Палибинъ спустился въ Лиссабонъ, гдѣ и зазимовалъ. Не зная этого, фонъ-Дезинъ 11 октября вышелъ изъ Портсмута, не встрѣчая эскадры въ Англійскомъ каналѣ, пошелъ къ Копенгагену, гдѣ, напрасно прождавъ до 9 декабря своего флагмана, втянулся въ гавань и расположился на зимовку; 1781 г. 23 апрѣля онъ ушелъ изъ Копенгагена и 8 мая пришелъ обратно въ Кронштадтъ, гдѣ втянулся въ гавань и былъ назначенъ командовать яхтою «Екатерина». 1782 г. 28 іюня Дезинъ произведенъ былъ въ капитаны бригадирскаго ранга, 15 іюля назначенъ къ исправленію должности капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ. Въ 1783 г. ноября 24 онъ былъ произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга, въ 1784 г. 1 января въ контръ-адмиралы. Командуя архангелогородскою эскадрою (2 корабля и 2 фрегата), привелъ ее благополучно въ Кронштадтъ. Въ 1788 г. командовалъ авангардомъ эскадры адмирала С. К. Грейга, который состоялъ изъ кораблей: «Дерись», «Память Евстафія», «Куръ-Іоаннъ» (подъ флагомъ М. фонъ-Дезина), «Ярославъ» и «Викторъ». Эскадра Грейга (17 кораблей) встрѣтила шведскую эскадру герцога Зюдерманландскаго — 16 кораблей и 7 фрегатовъ, около острова Гогланда, гдѣ 6 іюля и разыгралось знаменитое Гогландское сраженіе, разрушившее планы шведскаго короля о внезапномъ нападеніи и овладѣніи Петербургомъ. Въ этомъ сраженіи М. фонъ-Дезинъ вызвалъ большое негодованіе Грейга за свою плохую распорядительность; а потому онъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 11 іюля говоритъ: «Въ аріергардіи же, подъ командою контръ-адмирала фонъ-Дезина, сраженіе начато прежде, нежели сія дивизія довольно близко могла подойти къ непріятелю; при томъ два задніе корабля въ скорости поворотили прочь отъ непріятеля». Результатомъ было то, что Государыня въ своемъ Высочайшемъ указѣ графу Чернышеву отъ 18 іюля говоритъ: «Находящагося во флотѣ, адмираломъ Грейгомъ предводимымъ, фонъ-Дезина повелѣваемъ отозвать для употребленія его къ другому дѣлу по усмотрѣнію адмиралтействъ-коллегіи». Изъ судовъ его отряда корабль «Дерись», подъ командою капитана 1 ранга Саввы Коковцева, совершенно уклонился отъ боя и въ сраженіи не участвовалъ, за что Коковцевъ былъ, по сентенціи военнаго суда, приговоренъ къ смертной казни, но Императрицею былъ разжалованъ въ матросы «на вѣчно», съ переводомъ въ Черноморскій флотъ. Корабль «Память Евстафія» подъ командою капитана 1 ранга Андрея Баранова принявъ участіе въ началѣ сраженія, потомъ самовольно уклонился отъ боя, за что Барановъ военнымъ судомъ приговоренъ къ разжалованію въ рядовые на мѣсяцъ, но по Высочайшей конфирмаціи онъ «исключенъ со службы съ тѣмъ, чтобы впредь вѣчно въ оную и ни къ какимъ дѣламъ не употреблять».

Черезъ годъ Дезинъ былъ прощенъ и командовалъ судами. Вскорѣ его старшій братъ, Вилимъ фонъ-Дезинъ, тоже отличился въ отрицательномъ смыслѣ и тогда Императрица разсердившись сказала: «Тотъ виноватъ передъ отечествомъ, кто ввелъ обоихъ фонъ-Дезиновъ въ адмиралы». Но это не помѣшало Мартына Петровича въ 1790 г. 6 іюля произвести въ вице-адмиралы, но въ указѣ о производствѣ сказано: «употреблять въ должность по чину его по адмиралтейству». 28 мая 1791 г. журналомъ адмиралтействъ-коллегіи № 2866 контръ-адмирала фонъ-Дезина, по необходимой настоятельной надобности за совершеннымъ недостаткомъ коллегскихъ членовъ, постановлено было «опредѣлить въ присутствіе въ коллегіи, поручая ему управленіе счетною экспедиціею, для чего его контръ-адмирала привесть къ присягѣ по закону». Въ 1793 г. былъ опредѣленъ въ генералъ-контролеры; въ 1797 г. награжденъ орденомъ Анны I степени, а въ 1798 г. назначенъ военнымъ губернаторомъ и главнымъ командиромъ Архангельскаго порта, гдѣ и былъ въ 1799 г. произведенъ въ адмиралы. Все шло благополучно до 1811 г., когда началась страшная смертность въ Архангельскомъ морскомъ госпиталѣ, и туда былъ по Высочайшему повелѣнію командированъ штабъ-лекарь Жуковъ. Слѣдствіе открыло массу злоупотребленій, за которыя медицинскій инспекторъ, штабъ-лекарь Заммеръ, сосланъ въ Мезень, а коммисаръ Михайловъ разжалованъ въ матросы; не избѣгъ наказанія и губернаторъ Мартынъ фонъ-Дезинъ. Онъ былъ уволенъ со службы, съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы, за злоупотребленія, допущенныя въ Архангельскомъ госпиталѣ. Но 12 декабря того же 1811 г. Дезинъ былъ Всемилостивѣйше прощенъ и уволенъ отъ службы съ полнымъ жалованьемъ.

1) Общій морской списокъ. Спб. 1889 г. II, стр. 448 г. V—447; 2) Архивъ Мор. Мин. т. III; 3) Дѣйствіе русскаго флота въ войну со Швеціею 1788—1790 гг. Головачева Мор. Сб. 1771—1773 гг.; 4) Война со Швеціею ст. Брикнера, Жун. Мин. Нар. Пр. 1869 г.; 5) Записки Чичагова. Русская Старина 1886 г.; 6) Достопамятныя происшествія, относящіяся къ военно-морской исторіи В. Н. Берхъ, Зап. Гос. Адм. Д-а 1827, XIII. 237—284; 7) Собраніе разныхъ порученій отъ главнокомандующихъ арміею и флотами ко Двору донесенія 1789; 8) Исторія Севастополя, Головачева 1; 9) Матеріалы для русской морской исторіи VI и XIV; 10) Исторія Архангельскаго порта С. Отрадникова Спб. 1875 г.; 11) Подлинный формулярный списокъ 1780 г. въ Архивѣ Морского Министер. № 15.

Лейт. П. Бѣлавенецъ.

Дейеръ, *Петръ Антоновичъ*, родился въ 1832 году. Получивъ образованіе въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, онъ въ 1852 г. поступилъ въ канцелярію Правительствующаго Сената, гдѣ и продолжалъ дальнѣйшую службу до 1866 года, когда былъ переведенъ въ Московскій Окружной Судъ, гдѣ и былъ сначала товарищемъ предсѣдателя, а затѣмъ съ 1870 г. — предсѣдателемъ. Назначенный въ 1877 году сенаторомъ, онъ впослѣдствіи неоднократно исполнялъ должность первоприсутствующаго въ особомъ Присутствіи Прав. Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ Умеръ онъ въ 1888 году, 56-ти лѣтъ отъ роду, въ чинѣ тайнаго совѣтника.

(Послужной списокъ, хранящійся въ Прав. Сенатѣ.) *Н. Т.*

Дейхманъ, *Оскаръ Александровичъ*, горный инженеръ, писатель, родился 9 іюля 1818 г. на Алтаѣ, высшее образованіе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, кончилъ его въ 1841 г. съ чиномъ поручика и немедленно поступилъ на службу въ Нерчинскій горный округъ по вѣдомству Императорскаго Кабинета. Въ 1847 г. онъ назначенъ управляющимъ Петровскимъ чугунно-желѣзнымъ заводомъ, а 20-го апрѣля 1856 г., при гр, Муравьевѣ-Амурскомъ,—начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ и рудниковъ. Рѣдкое знаніе дѣла и просвѣщенные и гуманные взгляды Дейхмана немедленно отразились на всѣхъ отрасляхъ заводскаго дѣла. По его ходатайству, состоялось 21 мая 1857 г. Высочайшее повелѣніе о переустройствѣ Петровскаго завода заново. Благодаря энергіи и широкимъ полномочіямъ, Дейхману удалось въ скоромъ времени значительно расширить и улучшить производство въ подвѣдомственномъ ему округѣ, а изъ стараго, почти забытаго и предоставленнаго самому себѣ завода создать крупный промышленный центръ, снабжающій разнообразными издѣліями, до сложныхъ машинъ включительно, весь округъ. Не довольствуясь одной технической стороной дѣла, Дейхманъ одинъ изъ первыхъ и очень немногихъ обратилъ серьезное вниманіе на тяжелое положеніе заводскихъ рабочихъ,

состоявшихъ въ значительной мѣрѣ изъ преступниковъ, и въ этой области имъ былъ предпринятъ рядъ реформъ, клонившихся къ улучшенію матеріальнаго быта и подъему умственнаго и нравственнаго уровня многочисленнаго заводскаго населенія; построена больница, нѣсколько школъ для дѣтей рабочихъ, перестроена тюрьма и значительно улучшено содержаніе арестантовъ. Въ золотопромышленномъ дѣлѣ управленіе Дейхмана сопровождалось нѣсколькими важными открытіями золотоносныхъ розсыпей, благодаря которымъ производительность пріисковъ значительно возрасла и дала въ результатѣ около 50 милліоновъ прибыли. Наконецъ, благодаря просвѣщенному и гуманному управленію Дейхмана, рѣзкій и сопровождавшійся во многихъ мѣстахъ значительнымъ разстройствомъ въ дѣлахъ заводовъ переходъ отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному, въ эпоху 1861—1864 гг., совершился въ Нерчинскомъ краѣ незамѣтно, и постепенно способствовалъ лишь улучшенію производства, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Несмотря однако на успѣшный ходъ заводскаго дѣла, служба Дейхмана въ Нерчинскомъ краѣ окончилась для него очень печально; человѣчное отношеніе его къ преступникамъ, осужденнымъ на работу на заводахъ, и мѣры, принятыя имъ къ облегченію ихъ незавидной судьбы, послужили поводомъ къ обвиненію его въ бездѣйствіи власти и въ послабленіяхъ, допущенныхъ въ содержаніи преступниковъ; въ 1864 г. О. А. былъ преданъ суду, 30 апрѣля 1866 г. уволенъ отъ службы и переѣхалъ въ Петербургъ. Насколько однако малоосновательно и маловажно было возведенное на него обвиненіе, видно уже изъ того, что здѣсь онъ почти черезъ годъ вновь былъ принятъ на службу по тому же вѣдомству и продолжалъ ее успѣшно по министерствамъ финансовъ, морскому и внутреннихъ дѣлъ. Прослуживъ нѣкоторое время чиновникомъ по особымъ порученіямъ при главномъ управленіи Уральскихъ горныхъ заводовъ, Дейхманъ, какъ знатокъ тюремнаго быта, былъ назначенъ членомъ коммисіи при М-вѣ Внутреннихъ Дѣлъ по устройству быта преступниковъ, ссылаемыхъ на Сахалинъ и въ Нерчинскіе рудники; по дѣламъ коммисіи онъ посѣтилъ въ это время Финляндію для ревизіи тюремъ и Богословскій горный округъ. Съ 9 мая 1869 г. по августъ 1870 г. Дейхманъ участвовалъ въ работахъ Высочайше учрежденной коммисіи для приведенія въ извѣстность положенія и потребностей Пріамурскаго края и Сахалина и изысканія способовъ къ развитію тамъ угольной промышленности. Командировка на Сахалинъ и изслѣдованія, произведенныя Дейхманомъ тамъ и въ Пріамурскомъ краѣ, доставили ему богатый матеріалъ для обширныхъ статей: „Островъ Сахалинъ въ горнопромышленномъ отношеніи“ (Горн. Журн. 1871, т. I, стр. 529—557), содержащихъ геологическій и орографическій очеркъ Сахалина на основаніи литературныхъ данныхъ и собственныхъ наблюденій автора, и описаніе его каменноугольныхъ мѣсторожденій въ связи съ вопросомъ о способахъ разработки угля и его сбыта, и „Горная промышленность на Амурѣ и прибрежьяхъ Приморской области“ (Горн. Журн. 1871, т. II, стр. 279), представляющей краткій очеркъ геологическаго строенія области и исторіи, и современнаго состоянія тамъ золотопромышленнаго дѣла. Кромѣ того, ему принадлежитъ краткая, техническаго характера „Замѣтка о необходимости измѣненій способа разработки золотоносныхъ розсыпей“ (Горн. Журн. 1876, т. IV, стр. 322—328) и изданная отдѣльно небольшая брошюра „Поиски золота буреніемъ и развѣдка пріисковъ въ связи съ разработкой золотоноснаго пласта“. 46+2 табл. СПБ. 1878, посвященная описанію новаго способа развѣдки и разработки пріисковъ, испытаннаго впослѣдствіи въ Сибири, впрочемъ безъ особаго успѣха. Не довольствуясь разработкой вопросовъ своей спеціальности, Дейхманъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ дѣятельно сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ общелитературныхъ періодическихъ изданіяхъ: въ „Восточномъ Обозрѣніи“, „Странѣ“ (Л. Полонскаго) и др., былъ членомъ Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, „Общества горныхъ инженеровъ“, ночлежныхъ домовъ и Общества содѣйствія учащимся сибирякамъ, много помогая учащейся молодежи. 10-го іюня 1881 г. онъ вышелъ въ отставку, служилъ еще нѣкоторое время консультантомъ по дѣламъ золотопромышленно-

сти у Ѳ. И. Базилевскаго до смерти этого послѣдняго, и умеръ въ Петербургѣ 18 марта 1891 г. Во время службы въ Сибири Дейхманъ велъ записки, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя, но въ виду его основательнаго знакомства съ краемъ и населеніемъ, продолжительной службы и широкаго круга знакомства, между прочимъ, и съ декабристами, съ которыми Дейхманъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, несомнѣнно представляющія большой интересъ.

Герасимовъ. О. А. Дейхманъ. Горн. Журн. 1891, т. II, стр. 549. Некрологи: Новое Время 1891 г., № 5412; Новости 1891 г., № 82; Историческій Вѣстникъ 1891, май, стр. 529.

В. В—въ.

Декампъ, *Амедей* (Amedée Decampe), лекторъ французской словесности въ Московскомъ университетѣ, до пріѣзда своего въ Россію, въ 1822 году, былъ директоромъ школы св. Карла Великаго въ городѣ Тулузѣ, и однимъ изъ 40 членовъ, поддерживавшихъ Академію Флоральныхъ игръ (un de 40 mainteneurs de Jeux Floraux). Здѣсь онъ написалъ брошюру: „Considérations sur l'état actuel des moeurs de la jeunesse française et sur les moyens d'améliorer l'esprit de celle, qui doit lui succéder". По смерти И. А. Пельта, Декампъ, по пріѣздѣ въ Россію, былъ избранъ по конкурсу въ званіе перваго лектора французской словесности въ Московскомъ университетѣ и преподавалъ исторію словесности. Въ 1835 году онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ. Въ 1837 г. слабое здоровье заставило его возвратиться въ отечество и, спустя нѣкоторое время, онъ отправился въ Италію, но умеръ на дорогѣ близъ Альпійскихъ горъ.

„Словарь проф. Моск. Унив." 1855, стр. 294.

Ч.

Деколонгъ, Иванъ, генералъ-поручикъ, происходилъ изъ «лифляндскаго шляхетства люторскаго закона». На военную службу поступилъ въ 1733 году, въ Инженерный корпусъ кондукторомъ, а въ 1738 году—произведенъ въ прапорщики, въ 1755 — въ инженеръ-капитаны, въ 1759—въ полковники и въ 1763—въ генералъ-маіоры. За это время Деколонгъ сдѣлалъ нѣсколько военныхъ походовъ: въ 1736—37—Крымскій, въ 1738—39—Турецкій, причемъ участвовалъ въ сраженіи при Ставучанахъ и при взятіи городовъ Хотина и Яссъ. Съ 1746 по 1753 годъ, Деколонгъ находился, въ качествѣ, военнаго инженера, при разныхъ крѣпостяхъ для исправленія и показанія фортификаціонныхъ работъ, а вскорѣ затѣмъ принялъ участіе въ семилѣтней войнѣ, причемъ участвовалъ въ сраженіи при Эгерсдорфѣ (1757), Цорндорфѣ (1758), при взятіи Берлина (1761) и во многихъ другихъ дѣлахъ.

Въ 1771 году Деколонгъ, состоя въ Сибирскомъ корпусѣ, былъ произведенъ въ генералъ-поручики, а вскорѣ за тѣмъ сыгралъ довольно видную роль въ исторіи усмиренія Пугачевскаго бунта. Въ 1773 г. Военная коллегія поручила командующему войсками на Сибирской линіи, генералъ-поручику Деколонгу, чтобъ онъ обратилъ особое вниманіе «касательно до отращенія замысловъ помянутаго бездѣльника (т. е. Пугачева)» на государевы въ Сибири состоящіе рудокопные заводы... Но дѣло были гораздо серьезнѣе, чѣмъ предполагалось сначала, бунтъ разростался, а первоначальныя распоряженія Деколонга парализовались мѣстнымъ высшимъ начальствомъ и отсутствіемъ единства дѣйствій среди нашихъ генераловъ. Дальнѣйшія дѣйствія Деколонга, смущеннаго, какъ и большинство дѣйствовавшихъ на первыхъ порахъ противъ Пугачева, успѣхами самозванца, далеко не отличались должной энергіей. Такъ напримѣръ, онъ отказался снадбить Оренбургъ провіантомъ, несмотря на неоднократныя требованія коменданта и на настоятельную необходимость въ продовольствіи, находя операцію доставленія его, подъ ударами мятежныхъ шаекъ, слишкомъ рискованною. Тоже чрезмѣрною осторожностью, бывшей весьма на руку бунтовщикамъ, отличались его дѣйствія и въ 1774 году. Такъ напримѣръ, успѣшно овладѣвъ Челябинскомъ и разбивъ одну изъ шаекъ близъ дер. Першиной, онъ на преслѣдованіе не рѣшился, объясняя въ своемъ рапортѣ, что «за наступившимъ вдругъ большимъ туманомъ, а болѣе по малости конницы, на оное покуситься и въ видимую опасность вдаваться не разсудилъ». Послѣ этой побѣды Деколонгъ счелъ за благо отступить отъ Челябинска и даже, несмотря на приказаніе военной коллегіи и главнокомандую-

щаго войсками А. И. Бибикова—защищать Екатеринбургскіе заводы, «какъ приносящіе знатную пользу государству»,—пошелъ не къ Екатеринбургу, а къ Шадринску, что̀ совершенно противорѣчило всѣмъ стратегическимъ и тактическимъ разсчетамъ, но было гораздо безопаснѣе. О такихъ дѣйствіяхъ Деколонга, главнокомандующій донесъ императрицѣ, говоря, что «странному поведенію генерала Деколонга или лѣты его, или вкоренившаяся сибирская косность причиною. Признаюся, всемилостивѣйшая государыня, что я бы лучше желалъ, чтобъ сей генералъ на нынѣшнее время тамъ не былъ, и еслибы возможно кого надежнѣйшаго отправить, а его отозвать, то бы весьма казалось полезнѣе». Екатерина II исполнила эту просьбу,ославъ на мѣсто Деколонга генералъ-поручика Суворова. Но Суворовъ, находившійся въ дѣйствующей арміи Румянцева, у Силистріи, не былъ отпущенъ фельдмаршаломъ «изъ уваженія, что сія отлучка подала бы непріятелю подтвержденіе по дѣламъ оренбургскимъ, кои они воображаютъ опаснѣе, чѣмъ они суть»,—и Деколонгъ остался командовать своимъ отрядомъ почти до усмиренія возстанія. А между тѣмъ движеніе Деколонга изъ Челябинска не къ Шадринску, а на югъ—позволило бы окружить самозванца со всѣхъ сторонъ. Бездѣйствіе престарѣлаго генерала дало возможность Пугачеву оправиться и надолго затянуть военныя дѣйствія... Не лучше были дѣйствія Деколонга и при новомъ командующемъ войсками князѣ Щербатовѣ, смѣнившемъ умершаго Бибикова. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось атаковать 21 мая 1774 года 10000 скопище Пугачева близъ Троицкой крѣпости и даже, къ своему удивленію разбить его, причемъ, по донесенію Деколонга, бѣжавшій самозванецъ потерялъ 28 орудій, 4000 убитыми и 70 человѣкъ плѣнными и огромный обозъ, да отбито было захваченныхъ Пугачевымъ 3663 человѣка «разнаго званія людей». Дальнѣйшая бездѣятельность побѣдителя дала однако побѣжденному возможность оправиться снова. Эта бездѣятельность, крайне вредная для общаго положенія дѣлъ, безпокоила и новаго главнокомандующаго, графа Панина, смѣнившаго кн. Щербатова. Панинъ даже обратился къ императрицѣ съ просьбой адть ему для командованія войсками въ Башкиріи болѣе «надежнаго генералъ-поручика», но въ это время на театръ мятежа уже скакалъ Суворовъ...

Деколонгъ оставался на службѣ до 28 іюня 1777 года, послѣ чего былъ уволенъ съ пенсіономъ. Разсматривая его дѣятельность, какъ военнаго человѣка, нельзя слишкомъ удивляться отсутствію въ немъ должной энергіи и пониманія военнаго дѣла, такъ какъ онъ былъ прежде всего инженеръ и на свой, сдѣлавшійся внезапно столь важнымъ и отвѣтственнымъ, постъ попалъ случайно, такъ какъ служба въ Сибирскомъ корпусѣ, до возстанія Пугачева, не требовала боевыхъ военныхъ талантовъ. Къ тому же общее смущеніе бунтовъ и его кажущіеся размѣры были такъ велики, что очевидно не могли не отозваться на дѣйствіяхъ заурядnаго человѣка, неожиданно принужденнаго играть большую роль.

Источники: Дѣла Армейской экспедиціи. Москвовск. отдѣленія Архива Главнаго Штаба. Оп. 10, св. 566.—Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники.—Соловьевъ. Исторія Россіи.—А. Пушкинъ. Исторія Пугачевскаго бунта.

М. Р—й.

Делавинь, *Францъ Александровичъ* (Francois de la Vigne) французъ, докторъ медицины, орд. проф. Харьковскаго университета, род. въ 1767 г. въ г. Амьенѣ и еще въ молодости переселился въ Германію, гдѣ и получилъ высшее образованіе. Въ теченіе 6 лѣтъ слушалъ онъ лекціи по медицинѣ и естественнымъ наукамъ въ Эрлагенскомъ и Вюрцбургскомъ университетахъ и въ 1799 г. получилъ отъ перваго степень доктора медицины, затѣмъ въ теченіе семи мѣсяцевъ посѣщалъ Геттингенскій университетъ, гдѣ, вѣроятно, занимался ботаникой. Еще будучи заграницей, онъ былъ избранъ членомъ Регенсбургскаго ботаническаго общества въ, Геттингенскаго физическаго и фотографическаго и членомъ—корреспондентомъ Іенскаго минералогическаго. Въ 1803 г. Д. въ числѣ многихъ другихъ иностранцевъ былъ приглашенъ въ Харьковъ на каѳедру ботаники въ предполагаемый къ открытію университетъ. По пріѣздѣ въ Россію, Д. принялъ посильное участіе въ подготовительныхъ работахъ по открытію университета и былъ назначенъ членомъ организованнаго для этой цѣли попечителемъ гр. Потоцкимъ комитета. Съ открытіемъ университета Д., имѣя лишь 37

лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ и занялъ обширную каѳедру, на которой сосредоточивалась почти вся естественная исторія и которую онъ и сохранилъ до самой смерти; до 1807 г. онъ читалъ зоологію и общую ботанику, впослѣдствіи и всѣ остальныя отрасли этой науки, причемъ первую онъ излагалъ по Блюменбаху, вторую по Линнею; плохо владѣя русскимъ языкомъ, Д. читалъ свой курсъ по-латыни. Благодаря иниціативѣ гр. Потоцкаго, съ интересомъ слѣдившаго за судьбами новорожденнаго ун-та, вслѣдъ за открытіемъ этого послѣдняго былъ составленъ планъ ботаническаго сада, и приведеніе въ исполненіе этого проекта было возложено на Делавиня. Д. довольно успѣшно справился съ своей задачей: въ короткое время имъ были произведены насажденія деревьевъ и кустарниковъ, возведены необходимыя постройки и оранжереи для экзотическихъ растеній; по выбору и списку Д. были выписаны изъ Крыма сѣмена растеній. По окончаніи этихъ подготовительныхъ работъ Д. былъ назначенъ директоромъ сада и сохранилъ этотъ постъ до самой смерти. Въ 1807 г. былъ основанъ зоологическій кабинетъ, завѣдываніе которымъ также было возложено на Д, до 1816 г. Помимо преподавательской дѣятельности Д. занимался изслѣдованіемъ мѣстной флоры, обративъ особенное вниманіе на медоносныя растенія, во время своихъ еженедѣльныхъ экскурсій со студентами собралъ довольно значительный по размѣрамъ гербарій растеній, растущихъ въ Харьковской губ., пріобрѣтенный впослѣдствіи университетомъ и хранящійся въ ботаническомъ кабинетѣ. Съ интересомъ слѣдя за развитіемъ пчеловодства, Д. занимался научно-практическимъ изслѣдованіемъ сѣмянъ растеній, годныхъ для этой цѣли, и даже посвятилъ имъ одну изъ своихъ актовыхъ рѣчей: «Sur les plantes recherchées des abeilles et les sites, qui leur sont les plus avantageux» (Харьк. 1807). На актѣ 1817 г. произнесъ еще рѣчь на тему объ истребленіи лѣсовъ: Du deperrissement annuel des forêts et de la nécessité pressante de les rèparer et de les entretenir, par le prof. De la Vigne Харьк. 1818 (Перев. на русск. яз.), въ которой на простыхъ примѣрахъ изъ обыденной жизни онъ пытается показать вредъ отъ истребленія лѣсовъ и приводитъ способы ихъ возобновленія и сохраненія. Научнаго интереса эти рѣчи не представляютъ. Кромѣ двухъ указанныхъ рѣчей, Д. печатныхъ трудовъ не оставилъ. Ему приписываютъ еще сочиненіе: «Германская флора», но надо думать, что онъ не былъ его авторомъ, такъ какъ въ представленныхъ имъ при поступленіи въ Харьк. ун. документахъ, въ которыхъ перечислены ученыя заслуги Д., объ этомъ сочиненіи не упоминается. Д. ум. въ Харьковѣ въ 1826 г.

Фойгтъ. Историческо-статистическая записка о Харьковскомъ унив. и его заведеніяхъ. Харьк. 1849. Рославскій-Петровскій.—Объ ученой дѣятельности Харьковскаго ун-та въ первое десятилѣтіе его существованія. Журн. Мин. Нар Просв. 1844 г. № 7. Багалѣй, проф. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. № 1897—8.

В. Власовъ.

Делаво, *Куантъ*, французъ, жившій въ Москвѣ. Онъ составилъ «guide du voyageur á Moscou par D. de Laveau.» 1824. Извлеченіе изъ этой книги напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1824 года (ч. 1317 № 17 стр. 58) подъ заглавіемъ: «Красная площадь и гулянье подъ Новинскимъ». Объявленіе объ изданіи этой книги было напечатано въ Вѣстн. Европы въ 1824 году (ч. 133 № 1 стр. 80). Быть можетъ, этому же Делаво принадлежитъ «Дмитрій и Надежда, или замокъ на берегу Урала, россійская повѣсть»; пер. съ фр. М. 1808 12.

(См. Геннади, Словарь, стр. 285.

Делагарди, *Яковъ*, сынъ Понтуса Делагарди и Софіи Гюлленьельмъ, родился въ Ревелѣ въ 1583 году. Поступивъ рано на военную службу, Делагарди уже въ 1601 году успѣлъ прославиться въ Ливонской войнѣ, возникшей между Швеціей (Карлъ IX) и Польшей (Сигизмундъ III); съ рѣдкимъ мужествомъ и геройствомъ восемнадцатилѣтній полковникъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ защищалъ слабую крѣпость Вольмаръ, осажденную Замойскимъ. Только послѣ штурма, на который долженъ былъ рѣшиться Замойскій, крѣпость сдалась. Гарнизону крѣпости предоставлено было право свободнаго выхода; военачальники же, въ томъ числѣ и Делагарди, были отведены въ польскій плѣнъ: полякамъ выданы были и всѣ военные запасы крѣпости. Замойскій ми-

лостиво встрѣтилъ плѣнныхъ шведовъ и съ послѣдними въ общемъ обращались довольно гуманно; зиму они провели въ Ригѣ, а затѣмъ были перевезены въ Вильну, гдѣ были представлены королю Сигизмунду. Послѣдній ввѣрилъ плѣнниковъ попеченію одного изъ своихъ военачальниковъ (Wiesolowsky). Въ Вильнѣ положеніе плѣнниковъ ухудшилось, исключеніе сдѣлано было только по отношенію къ Делагарди. Послѣ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ въ польскомъ плѣну, Делагарди получилъ свободу, но не вернулся въ Швецію, а поступилъ въ Нидерланды на службу въ Морицу Оранскому; подъ руководствомъ послѣдняго онъ прошелъ превосходную военную школу. Французскій посолъ Жанэнъ предлагалъ Делагарди поступить на французскую службу, его просилъ объ этомъ же и Генрихъ IV, но Делагарди предпочелъ въ 1608 году вернуться въ Швецію. Съ нимъ прибыло и нѣсколько иностранныхъ офицеровъ и ремесленниковъ; Карлъ IX съ радостью привѣтствовалъ и возвращеніе Делагарди, и прибытіе иностранцевъ, которые занялись введеніемъ въ Швеціи новой милиціи и мануфактуры.

Въ Швеціи партійная борьба приверженцевъ Карла и Сигизмунда еще не прекратилась, многіе сторонники Карла съ недовѣріемъ отнеслись къ возвращенію Делагарди, отецъ котораго, Понтусъ, служилъ отцу Сигизмунда, Іоанну III. Самую поѣздку Делагарди въ Нидерланды стали приписывать какимъ-то враждебнымъ къ Карлу намѣреніямъ польской партіи. Всего враждебнѣе къ Делагарди отнесся знаменитый историкъ Э. Тегель и это изъ чисто личныхъ побужденій: въ малолѣтствѣ Делагарди Тегель присвоилъ себѣ часть его имѣній; не желая теперь возвратить ихъ, онъ поддерживалъ недовѣріе къ Делагарди, но всѣ его старанія были безуспѣшны. Делагарди былъ признанъ невиновнымъ въ враждебныхъ интригахъ противъ короля и получилъ отъ Карла порученіе поѣхать въ Финляндію и тамъ принять на себя главное начальство надъ военными силами. Въ Финляндіи Делагарди провелъ два года. Къ этому времени дипломатическія сношенія Швеціи съ царемъ Шуйскимъ успѣли значительно подвинуться впередъ, и Карлъ назначилъ Делагарди начальникомъ вспомогательнаго отряда, который долженъ былъ двинуться на помощь осажденной поляками Москвы и очистить столицу отъ враговъ. Шуйскій обѣщалъ за это уступить Швеціи Кегсгольмъ и обязывался уплачивать вспомогательному отряду Делагарди ежемѣсячно 32000 рублей. Отрядъ долженъ былъ, по русскимъ источникамъ, равняться 8000 инфантеріи и 4000 кавалеріи, но Делагарди явился въ Москву съ отрядомъ всего около 4000 или 5000 человѣкъ.

Движеніе Делагарди къ Москвѣ ознаменовано было большими трудностями и лишеніями, рядомъ побѣдъ и пораженій; среди иностранныхъ наемниковъ часто поднимались ропотъ и недовольство; многіе дезертировали. Первую неудачу Делагарди потерпѣлъ подъ стѣнами Копорья; осада крѣпости была оставлена за недостаткомъ пушекъ. Новгородъ устроилъ Делагарди торжественную встрѣчу. Боясь столкновенія съ населеніемъ, Михаилъ Скопинъ-Шуйскій распорядился, чтобы шведскій отрядъ оставался за воротами города. Въ Новгородѣ Делагарди получилъ воззваніе отъ Зборовскаго покинуть Шуйскаго и стать на сторону Димитрія, на сторонѣ котораго было право и справедливость. Делагарди отвѣчалъ, что не для того явился въ Россію, чтобъ быть судьей въ спорѣ о правахъ Шуйскаго или Дмитрія, вопросъ этотъ уже рѣшенъ его королемъ. Ему слѣдуетъ имѣть въ виду лишь данное ему дѣло и съ достоинствомъ выполнить возложенное на него порученіе. Когда посланецъ Зборовскаго сталъ вызывать въ иностранныхъ наемникахъ Делагарди измѣну, онъ былъ посаженъ на колъ. У Твери стоялъ отрядъ въ 5000 поляковъ, подъ начальствомъ Зборовскаго. Стычка, возникшая между нимъ и Делагарди, не увѣнчалась успѣхомъ для послѣдняго, за то въ новой битвѣ, происшедшей 24 іюня, Делагарди вышелъ побѣдителемъ. По совѣту Михаила Скопина-Шуйскаго рѣшено было не тратить времени на мелкія стычки съ поляками, а спѣшить къ Москвѣ; разсчитывали на подвозъ провіанта изъ Казани и Ярославля. Въ Колязинѣ въ отрядѣ Делагарди начались безпорядки, вызванные тѣмъ, что обѣщанное жалованье въ срокъ не выплачивалось; слышались угрозы, въ особенности со стороны финновъ, бывшихъ въ отрядѣ Делагарди; иностранцы были недовольны запреще-

ніемъ грабить села и деревни, чрезъ которыя приходилось проходить.

Ни угрозы, ни обѣщанія Делагарди и Михаила Шуйскаго не достигали цѣли. Многіе дезертировали и въ особенности изъ финновъ. Делагарди пришлось нагнать одинъ отрядъ финскихъ солдатъ и силою принудить вернуться; у Делагарди оставалось уже всего 1200 человѣкъ. Новыя вспомогательныя силы прибыли уже, когда Делагарди близился къ Москвѣ; отрядъ его достигъ цифры 4000 человѣкъ. Первымъ дѣломъ Делагарди было освобожденіе Троицко-Сергіевской Лавры, осажденной Сапѣгой. Лавра сдѣлалась главною военною квартирою Делагарди. При Дмитровѣ Сапѣга потерпѣлъ новое пораженіе и долженъ былъ отступить въ Польшу. Путь въ Москву былъ открытъ. Делагарди находился въ 8 миляхъ отъ города, когда поляки сняли осаду. 12 Марта 1610 года Делагарди и Скопинъ-Шуйскій вступили въ Москву. Василій Шуйскій подтвердилъ данное имъ обѣщаніе объ уступкѣ Кегсгольма. Въ Москвѣ въ отрядѣ Делагарди начались новыя смуты; ссоры иностранцевъ, дезертированіе, требованіе денегъ—все это въ высшей степени затруднило дальнѣйшія дѣйствія Делагарди. Онъ рѣшилъ покинуть Москву. Положеніе еще ухудшилось послѣ внезапной смерти Михаила Скопина-Шуйскаго, въ которой обвиняли царя Василія Шуйскаго. Василій Шуйскій дѣлалъ все, что могъ для успокоенія возбужденнаго состоянія солдатъ: возобновилъ обѣщаніе о Кегсгольмѣ, приказалъ плавить монету изъ золотой и серебряной утвари, гарантировалъ полное денежное вознагражденіе. Делагарди получилъ новое подкрѣпленіе—отряды Шуйскаго и Эверта Горна. Рѣшено было двинуться къ Смоленску, какъ снова возникли безпорядки среди наемниковъ. Послѣ пораженія при Клушинѣ, Делагарди рѣшилъ отступить на сѣверъ въ шведскія владѣнія; по заключеніи капитуляціи съ польскимъ военачальникомъ онъ началъ свое отступленіе. Многіе наемники Делагарди уже перешли на сторону поляковъ; особенно тяжелымъ стало положеніе Делагарди послѣ измѣны Линка съ его нѣмецкими наеминками. Делагарди едва избѣгъ смерти, которою грозили ему возставшіе иностранцы (французы). Черезъ Торжокъ Делагарди достигъ съ необходимыми силами шведской границы; отсюда онъ доносилъ Карлу о несчастномъ исходѣ предпріятія, король старался вселить въ шведахъ прежнее мужество, обѣщалъ помощь и подкрѣпленіе. Делагарди занялся въ Выборгѣ новыми наборами. Шведы успѣли занять Кексгольмъ и Ладогу. Делагарди началъ тогда переговоры съ Новгородомъ, стараясь склонить его къ избранію въ цари шведскаго королевича Карла Филиппа. Переговоры ни къ чему не привели въ виду чрезмѣрныхъ требованій шведовъ (Ивангорода, Гдова, Копорья, Нотебурга, Ладоги и Кексгольма). Тогда-то Делагарди съ 1000 человѣкъ двинулся къ Новгороду. Новгородъ ожидалъ нападенія съ торговой стороны, шведы же направили всѣ свои усилія на Софійскую часть. Делагарди поощрялъ своихъ воиновъ, указывая имъ на неблагонадежность русскихъ: «въ Великомъ Новгородѣ не осталось ничего великаго,» говорилъ Делагарди. Въ половинѣ іюня Делагарди занялъ Софійскую сторону, все бѣжало предъ побѣдителями; вскорѣ сдался и Кремль. Новгородцы согласились избрать Карла Филиппа въ цари. Но пріѣздъ послѣдняго все отсрочивался: не Московская корона, а территоріальное расширеніе по ту сторону Финскаго залива занимало всего больше шведское правительство. Въ это время престолъ Швеціи перешелъ въ руки Густава II Адольфа. Съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича въ цари, положеніе Делагарди въ Новгородѣ становилось крайне затруднительнымъ; вскорѣ на театръ войны явился и король, чтобы подъ руководствомъ Делагарди научиться военному искусству. Изъ Ивангорода, Нотебурга и Ладоги, по распоряженію Делагарди, были удалены всѣ подозрительныя для него по своей вѣрности русскія войска. При Бронницахъ разбитъ былъ значительный отрядъ; съ Делагарди дѣйствовалъ и Эвертъ Горнъ.

На долю Делагарди выпала честь заключенія Столбовскаго мира (февраль 1617 года), обезпечивавшаго за Швеціей господство надъ Финскимъ заливомъ. Густавъ Адольфъ назначилъ Делагарди генералъ-губернаторомъ Эстляндіи и Ревеля, а послѣ отъѣзда короля на Делагарди возложена была обязанность высшаго надзора за всѣмъ, что̀ касалось военнаго и внутренняго устройства этой шведской обла-

*

сти. Скоро и Рига, и часть завоеванной Ливоніи перешли въ вѣдѣніе Делагарди. Съ Акселемъ Оксенштерною Делагарди долженъ былъ заняться внутренними реформами и улучшеніями. Во время прусскаго похода Густава Адольфа Делагарди оставался въ Ливоніи, причемъ ему было предписано въ особенности щадить жителей сосѣдней Курляндіи, но къ дворянамъ примѣнять безпощадную строгость. Извѣстіе о дѣятельности Делагарди съ 1622—28 г.г. очень скудны. Делагарди успѣлъ за это время вполнѣ обезпечить за Швеціей владѣніе Ливоніей; послѣ мира съ Польшей (1629 г.) Делагарди былъ отозванъ въ Стокгольмъ для участія въ военной коллегіи; ему поручено было позаботиться о средствахъ для новой нѣмецкой войны короля. Съ 1635 года Делагарди принялъ участіе въ походѣ въ Пруссію; здѣсь онъ содѣйствовалъ новому примиренію шведовъ съ поляками.

Изъ реформъ, предложенныхъ Делагарди, слѣдуетъ отмѣтить проектъ надѣленія солдатъ землею, проектъ новаго обложенія, арендованія казенныхъ земель и много другихъ. Въ совѣтѣ Делагарди всегда пользовался большимъ авторитетомъ наряду съ Акселемъ Оксенштерною; Христина цѣнила его не меньше своего отца. Отмѣтимъ еще большой интересъ Делагарди къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ; близкими ему людьми были Локценій и Бьернклоу.

Делагарди былъ женатъ на Эббѣ Браге. Въ 1615 году возведенъ въ графское достоинство. Умеръ въ 1655 году. Родъ Остзейскихъ графовъ Делагарди вымеръ въ мужской линіи въ 1856 году, въ Швеціи же этотъ родъ существуетъ и въ настоящее время.

Сравни VI томъ Делагардіевскаго архива (изданіе Wieselgren, Stockholm 1831-43.); Adlersparre, IV часть; Historiska Samlingar. 8 томъ «Handlingar rörl. till skandin. Historien.—Gezelij—Biogr.—Lexicon. Общіе труды Hallenberg 'a и Kronholm 'a.—Biographiskat Lexicon öfver namnkunnige svenska män. IV томъ.—Для русскаго похода — Widekindi — Thet Swenska Rysland Tyo åbrs Krygs — Historie — 1671, а также—Г. Форстенъ—Политика Швеціи въ смутное время, Журн. Мин. Нар. Пр. 1889 и сл. Ср. справочную статейку Bevy Cordt,—Zur Geschichte des Adelgeschlechts und Familienarchiv des Grafen de la Gardie. Dorpat 1892.—Lossius, die Urkundender Grafen De Lagardie in der Universitäts Bibliotek zu Dorpat. 1882.

Г. Форстенъ.

Деладвезъ, *Стефанъ Францовичъ*. Родился въ 1817 году 4 марта, ум. въ 1854 году. Шести лѣтъ онъ уже былъ отданъ въ Академію художествъ, такъ какъ выказывалъ большое влеченіе къ искусству. Въ Академіи, онъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ рисованіи и уже на экзаменѣ въ маѣ 1835 года получилъ 2-ую серебряную медаль за рисунокъ. Дальнѣйшіе успѣхи его побудили академическое начальство назначить Деладвеза ученикомъ къ проф. Басину. До своего выхода изъ академіи, въ 1839 году, онъ послѣдовательно получилъ 2-ую серебряную медаль за живопись: этюдъ «Св. Севастьянъ», двѣ первыя серебряныя медали за рисунокъ и за программу—«Александръ принимаетъ лекарство отъ врача Филиппа». Выйдя изъ академіи съ аттестатомъ художника 14 класса, онъ не переставалъ работать по программамъ, задаваемымъ академическимъ совѣтомъ. Имъ были разработаны программы на 1 и 2 золотыя медали. Въ 1846 году Деладвезу была задана программа на званіе академика: «Цыганка гадаетъ на картахъ молодой крестьянской дѣвушкѣ». Около этого времени онъ отправился за-границу усовершенствовать художественное образованіе. За-границей онъ главнымъ образомъ работалъ въ Италіи. Время отъ времени онъ отсылалъ въ академію свои работы, напримѣръ картину: «Молодая турчанка послѣ бани». Въ концѣ 1852 года имъ была представлена въ совѣтъ академіи программа «Цыганка гадаетъ на картахъ молодой крестьянской дѣвушкѣ». Эта была одна изъ удачнѣйшихъ работъ Деладвеза, которую отчасти портила нѣкоторая академичность и сухость. Совѣтъ академіи призналъ его, въ январѣ 1853 года, достойнымъ званія академика. Въ своихъ произведеніяхъ Деладвезъ являлся мягкимъ колористомъ и очень хорошимъ рисовальщикомъ, и только нѣкоторая натянутость его работъ вредила общему впечатлѣнію.

И. Л.

Делакроа, *Иванъ Ивановичъ* (Johann Anton Friedrich), писатель. Родился 26 ав-

густа 1781 г., въ с. Малыковкѣ Саратовской губерніи; умеръ въ маѣ 1852 года. Делакроа—сынъ бельгійскаго дворянина, поручика австрійской службы; получивъ хорошее домашнее образованіе, онъ въ 1793 г. поступилъ на службу въ Воронежскій гусарскій полкъ; но, пробывъ тамъ всего около 4-хъ лѣтъ, перевелся на службу въ канцелярію юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ. Черезъ два года онъ былъ уже въ Казани и преподовалъ въ тамошней гимназіи французскій языкъ. Въ 1801 г. Делакроа опредѣлился въ Митавѣ въ канцелярію тогдашняго генералъ-губернатора, князя Голицына, и въ то-же время преподовалъ въ митавской гимназіи русскій языкъ. Переведенный вскорѣ въ Петербургъ, онъ служилъ сначала въ коммисіи составленія законовъ, а потомъ въ департаментѣ мануфактуръ. Въ 1808 г. сопровождалъ въ Парижъ герцога Александра Виртембергскаго и оставался при русскомъ посольствѣ около двухъ лѣтъ. Вернувшись въ Петербургъ, Делакроа поступилъ въ особую канцелярію министерства полиціи, но черезъ два года онъ опять въ Митавѣ, гдѣ и оставался почти до самой смерти, пробывъ 36 лѣтъ директоромъ канцеляріи Курляндскаго губернатора; за годъ до смерти его назначили въ Дерптъ цензоромъ. Литературная дѣятельность Делакроа была весьма обширна и разнообразна. Едва-ли не первымъ печатнымъ произведеніемъ его былъ, слѣдующій переводъ съ русскаго, подъ заглавіемъ: «Welch ein Tag! oder die sieben Weiber, eine allegorische Erzählung», за которымъ послѣдовали въ томъ жи 1805 г.—переводъ новыхъ повѣстей г-же Жанлисъ (ч. I), и «Panteon der russischen Litteratur» (Рига 1805 г.). Въ 1807 г. Делакроа съ нѣкимъ Шредеромъ предпринялъ изданіе политическаго журнала: «Геній временъ», въ которомъ не ограничивался однимъ обозрѣніемъ политическихъ событій, а подвергалъ ихъ критической оцѣнкѣ и опредѣлялъ ихъ значеніе; но этотъ журналъ въ томъ же году и прекратилъ свое существованіе. Въ бытность въ Парижѣ онъ едва-ли не впервые обнаружилъ свои музыкальные и композиторскіе таланты, издавъ: «Französische Romansen» (Paris, 1809 г.). Послѣ этого въ литературной дѣятельности Делакроа наступаетъ большой перерывъ, продолжавшійся, судя, по крайней мѣрѣ, по печатнымъ произведеніямъ, до 1835 г., когда вышла въ свѣтъ его небезъизвѣстная: «Всемірная панорама или галлерея привлекательныхъ видовъ, ландшафтовъ, памятниковъ и развалинъ всего міра», ч. I и II (Рига, 1835—1837 г.г.); далѣе слѣдовали: «Грецiя, или галлерея достопамятныхъ видовъ и развалинъ этой классической земли» (Рига, 1837), «Швейцарія» (1837); «Картины Россіи», П. Свиньина на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; 1840 г.); нѣмецкій переводъ «Исторія Суворова Н. А. Полеваго (1850) и «Dramatische versuche» (1852), куда вошли: Splitter und Balken» (двухъ-актная комедія въ стихахъ), «Die Hausfreunde» (одноактн. ком. въ стихахъ) и «Uelertreibungen über Processucht und genesung» (трехъактная комедія въ стихахъ). Кромѣ того Делакроа написалъ много мелкихъ статей въ періодическихъ органахъ, много стихотвореній и между прочимъ патріотичесяую театральную пьесу, подъ заглавіемъ: «Хихижина подъ Москвою».

Recke und Napiersky, «Allgemeine schriftseller und gelehrten Lexicon der Provincien Lifland, Estland und Kurland» (т. I, 1827 г., т. IV, 1859 г.); и некрологъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1852 г., т. LXXIV. *В. Р—въ.*

Де-ла Маръ, *Екатерина Егоровна*, урожденная Валлеріанъ, по второму мужу Яковлева; дочь вице-президента медико-хирургической академіи Егора Карловича Валлеріана, вдова поручика, племянница И. И. Хемницера. Перевела съ нѣм. романъ Августа Лафонтена: «Открытіе острова Мадеры». Пер. съ нѣм. Спб. 1815 г. Посвященъ этотъ переводъ «вдовствующей госпожѣ Генералъ-Лейтенантшѣ Елизаветѣ Павловнѣ фонъ Гондовичъ». Эта же книга вышла подъ другимъ заглавіемъ: «Невинная и вѣрная любовь по смерть Анюты, истинное происшествіе». Спб. 1815.

1.) Руссовъ: Словарь русскихъ писательницъ, стр. 14. 2) Голицынъ: Словарь русскихъ писательницъ, стр. 43. 3) Геннади: Справочн. словарь о русскихъ писат. и ученыхъ, ч I. стр. 285. 4.) Сочиненія и письма Хемницера Изд. 2-ое отд. И. А. Н. Стр. 93.

Даламотъ-Валленъ, *Жанъ-Баптистъ-Мишель*, архитекторъ, первый профессоръ зодчества въ Академіи Художествъ; родомъ французъ. По приглашенію И. И. Шувалова, въ 1759 году пріѣхалъ въ Рос-

сію. Тотчасъ по открытіи Академіи Художествъ, вступилъ въ число ея профессоровъ; въ 1765 году назначенъ членомъ совѣта Академіи, а черезъ четыре года былъ произведенъ адъюнктъ-ректоромъ по архитектурѣ. Въ 1776 г. уволенъ отъ службы съ пенсіономъ и уѣхалъ за-границу. Наибольшее значеніе среди построенныхъ имъ въ Россіи зданій имѣютъ «новая коллегія иностранныхъ дѣлъ аппартаменты и архива» въ Москвѣ зданіе стараго Эрмитажа, католическая церковь и монастырь доминикацевъ, въ Петербургѣ, а также много дворцовъ русскихъ богачей. Скончался въ 1780 году, 17 апрѣля.

«Энцикл. слов.» Брокг. Петровъ: «Матер. къ исторіи Академіи Художествъ».

Деларю, *Михаилъ Даниловичъ* (1811—1868), нынѣ забытый поэтъ пушкинской плеяды. Родился въ Казани, гдѣ въ это время служилъ его отецъ. Когда Деларю было 9 лѣтъ, его отвезли въ Царскосельскій лицей. Въ это время лицей былъ полонъ воспоминаніями о первомъ выпускѣ и свято хранилъ его традиціи: лицеисты любили и занимались литературой. Пушкинъ — лицеистъ перваго выпуска — уже завоевалъ себѣ литературное имя. Каждый курсъ имѣлъ своего поэта, которому прочили славу Пушкина. Въ V выпускѣ такимъ поэтомъ считался Деларю, который началъ писать стихи со дня своего поступленія въ лицей. 29 іюня 1829 года Деларю былъ выпущенъ изъ Императорскаго Царскосельскаго лицея съ чиномъ 9 класса и началъ свою служебную карьеру, не оставляя и литературныхъ занятій. Спокойно, быть можетъ, не такъ скоро, подвигался впередъ Деларю въ служебныхъ и литературныхъ успѣхахъ до декабря 1834 года, когда одно событіе сломало его служебную карьеру и наложило печать на дальнѣйшую литературную дѣятельность. Въ 1829 году Деларю былъ опредѣленъ въ департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій министерства внутреннихъ дѣлъ, 6 апрѣля 1830 года помѣщенъ на вакансію старшаго помощника столоначальника; назначенъ столоначальникомъ 11 октября 1832 года; перемѣщенъ въ канцелярію военнаго министерства секретаремъ 7 февраля 1833 года; произведенъ за выслугу установленныхъ лѣтъ въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ съ 29 іюня того же года; удостоенъ награжденія Высочайшимъ подаркомъ въ 1,000 рублей 22 апрѣля 1834 года. Такъ шла его служебная дѣятельность. По окончаніи курса лицея, Деларю сейчасъ же завязалъ литературныя знакомства, сталъ вхожъ въ литературные кружки и ближе всего сошелся съ кружкомъ Дельвига. Близкое знакомство съ Дельвигомъ имѣло значительное вліяніе на литературные взгляды Деларю. И сама личность Дельвига, и его муза отвѣчали индивидуальнымъ и литературнымъ настроеніямъ Деларю. Основной тонъ всѣхъ его стихотвореній—тихая элегичность настроенія. Самъ Дельвигъ очень сочувственно относился къ своему поклоннику, а Деларю, съ своей стороны, платилъ самой живой признательностью, выражавшейся и въ личныхъ сношеніяхъ, и въ произведеніяхъ Деларю. Многія изъ его стихотвореній такъ или иначе связаны съ именемъ Дельвига, или посвящены ему, или касаются его, членовъ его семьи и т. д. Въ своихъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ Деларю не пролагалъ новыхъ путей творчества. И по формѣ, и по содержанію они ближе всего подходили къ произведеніямъ Дельвига и въ общемъ примыкали къ той поэтической литературѣ, во главѣ которой стоялъ Пушкинъ. За нимъ слѣдовала «пушкинская плеяда», расширявшая и укрѣплявшая дѣло Пушкина. Произведенія этой «плеяды» не изучены еще съ этой общей точки зрѣнія развитія общаго содержанія. За ней, а слѣдовательно и за представителемъ ея, Дельвигомъ, можетъ быть признана крупная заслуга въ развитіи русскаго литературнаго языка. Очень легкія по формѣ, стихотворенія Деларю по своему содержанію производятъ впечатлѣніе перепѣвовъ читаннаго гдѣ-то. Вотъ, напр., стихотвореніе «Городъ»: «Холодный свѣтъ, юдоль забытъ, твой блескъ, твой шумъ не для поэта! Душа его не обрѣтетъ въ тебѣ отзывнаго привѣта. Отъ свѣта, гдѣ лишь, умъ блеститъ, хладѣетъ сердца упоенье, и, скрывъ пылающій свой видъ, въ пустыни дикія бѣжитъ испуганное вдохновенье». Идея и ея выраженіе въ этомъ стихотвореніи сейчасъ же вызываютъ въ памяти стихотворенія Пушкина о поэтѣ. Или еще четверостишіе «Надгробіе младенцу»: «Матери общей намъ всѣмъ, поручаю твой прахъ, мой младенецъ! Духъ твой ввѣряю, съ мольбой общему всѣмъ

намъ Отцу! Сердце мое не груститъ: и коротокъ нашъ путь въ поднебесной, и разлученное здѣсь свидится вновь въ небесахъ». Очень милое по формѣ, это стихотвореніе вызываетъ въ памяти музу Жуковскаго. Но оригинальнымъ въ поэзіи Деларю было благоговѣніе передъ классическимъ міромъ. Деларю чувствовалъ красоты классической литературы и съ любовью, не ослабѣвавшей до конца жизни, занимался переводами классиковъ, быть можетъ, не имѣя надежды видѣть ихъ въ печати. Современная Деларю критика относилась сочувственно къ его произведеніямъ. На періодъ 1829 — 1834 гг. падаетъ лучшая пора литературной дѣятельности Деларю. Свои стихи онъ помѣщалъ въ «Литературной Газетѣ» Дельвига (1830 годъ, № 7, 25, 34; № 29, 61, 64, 67; 1831 годъ, № 31, 4; 6; 29; 4, 12, 19, 101), «Литературныхъ прибавленіяхъ» (1832 годъ, № 93; 1833, № 97; 1834, № 58), «Библіотека для чтенія» (1834, IV, 115; VII, 130). Въ отдѣльныхъ изданіяхъ вышли: «Превращеніе Дафны» «Сельская поэма» Соч. М. Деларю. Спб. 1829» и «Сонъ и Смерть, соч. М. Деларю—Спб. 1831». Оттискъ изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ».

Въ 7-мъ томѣ «Библіотеки для чтенія» за 1834-й годъ Деларю помѣстилъ переводъ слѣдующаго стихотворенія В. Гюго, переводъ, имѣвшій роковое значеніе для Деларю—«Красавецъ»: «Когда-бы я былъ царемъ всему земному міру, волшебница, тогда-бъ повергъ я предъ тобой все, все, что власть даетъ народному кумиру, державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру за взоръ, за взглядъ единый твой! И если бы Богомъ былъ — селеньями святыми клянусь—я отдалъ бы прохладу райскихъ струй и сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми, гармонію міровъ и власть мою надъ ними за твой единый поцѣлуй!...» Эти стихи попались на глаза Петербургскому митрополиту Серафиму. Митрополитъ счелъ своимъ долгомъ довести объ этихъ стихахъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Высочайшее вниманіе было обращено на «неприличныя выраженія», помѣщенныя въ переведенныхъ Деларю стихахъ, заключающихъ «дерзкія мечты быть царемъ и даже Богомъ». По жалобѣ Серафима военному министру было Высочайше повелѣно 19 дек. 1834 года принять мѣры относительно чиновника Деларю. 19-го же дек. 1834 года графъ Чернышевъ, бывшій военный министръ, сдѣлалъ выговоръ Деларю и отдалъ приказъ о его увольненіи для опредѣленіи къ другимъ дѣламъ, а 19-го же дек. самъ Деларю подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Это событіе подорвало силы Деларю. Служебная его дѣятельность была разбита. Только въ 1837 году, благодаря ходатайству такихъ сильныхъ лицъ, какъ Д. М. и А. М. Княжевичи и Я. И. Ростовцевъ, удалось получить Деларю мѣсто инспектора въ Ришельевскомъ лицеѣ. Эта должность была не по силамъ болѣзненному, Деларю и въ 1841 году Деларю оставилъ службу и поселился сначала въ своемъ имѣніи въ Харьковской губерніи, а потомъ переѣхалъ въ Харьковъ. Въ литературѣ съ 1834 года Деларю выступалъ съ своими произведеніями все рѣже и рѣже, пока совсѣмъ, въ 1844 году, ни пересталъ печататься. Оригинальныхъ стихотвореній теперь Деларю печаталъ мало; и въ нихъ созерцательный элементъ еще усилился. Деларю сталъ больше переводить или вѣрнѣе перелагать классиковъ Овидія и Виргилія. И переводы онъ не всѣ печаталъ; послѣ его смерти въ его бумагахъ нашлись многочисленные переводы изъ римскихъ поэтовъ. Въ 1835 году Деларю издалъ «Опыты въ стихахъ». Здѣсь были собраны всѣ его журнальныя стихотворенія, кромѣ, конечно, злосчастнаго перевода, и перепечатаны поэмы, отдѣльно изданныя. Послѣ изданія «Опытовъ» Деларю помѣщалъ свои стихи только въ Современникѣ. Приводимъ списокъ изданныхъ тутъ стиховъ Деларю. Томъ VI (1837 г. кн. 2), стр. 205 «Ангелу-хранителю» (посв. Ниночкѣ Озеровой); томъ VII (1837 г., кн. 3) стр. 223 «Грусть» (Любопытны для характеристики поэзіи Деларю) и стр. 250 и слѣд. «Буря» пер. изъ 1 пѣсни Энеяды; т. VIII (1837 г. кн. 4) стр. 176 и слѣд. «Дидона» пер. 4-й и Энеиды, посвящ. Д. М. Княжевичу; томъ VIII (1838 году), стр. 90, «Надгробіе младенцу»; томъ XIII (1839) стр. 175 «Маріи Д—съ»; томъ XXXI (1847) стр. 234 и слѣд. «Дафна». Повѣсть Овидія превр. I, 452—567; томъ XXXIII (1844), стр. 103 и слѣд. «Фаэтонъ». Повѣсть Овидія превр. I, 730 — 779; II, 1—328; томъ XXXIV (1844), стр. 327, «Іо». Повѣсть Овидія прев. I, 568—747. Будучи въ Одессѣ,

Деларю помѣстилъ въ Одесскомъ Альманахѣ на 1839 годъ стр. 307 — 311) «Встрѣча Энея съ Венерою» (Вирг. Энеид. I, 309—421) и на 1840 годъ (стр. 497—505) «Первое свиданіе Энея съ Дидоной» (Вирг. Энеид. I, 445—636). Здѣсь же въ Одессѣ Деларю издалъ «Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святослава, внука Олегова» 1839).

Умеръ Деларю въ ночь съ 23 на 24 февраля 1868 года въ Харьковѣ. Смерть его вызвала лишь сочувственный некрологъ проф. Лавровскаго въ мѣстномъ органѣ, перепечатанный 2—3 газетами.

Свѣдѣнія о Деларю можно найти въ слѣд. изд., «Харк. Губ. Вѣд.» 1868 годъ, № 26, 27 (статья Н. А. Лавровскаго); Русская Старина 1880, томъ XXIX, и 1881 п. XXX; Гербель, Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Критич. отзывы о поэзіи Деларю у Вал. Майкова въ «Критич. опытахъ», стр. 138, въ Москвитянинѣ 1841 г. 4 № 7, у Плетнева въ Мелкихъ критическихъ разборахъ стр, 287—288.

П. Щеголевъ.

Делатуръ, *Иванъ*, генералъ-маіоръ, Глуховской комендантъ и кавалеръ, происходилъ «изъ шляхетства французской націи католическаго закона». Началъ службу во французской арміи поручикомъ въ январѣ 1701 года и дослужился въ 1722 году до капитанскаго чина. Въ 1729 году принятъ былъ въ русскую армію маіоромъ, а въ слѣдующемъ 1730 г. зачисленъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ капитаномъ. Въ 1734 году Делатуръ былъ произведенъ въ полковники «въ армейскіе полки», и въ этомъ чинѣ принялъ въ 1735 году участіе въ турецкомъ походѣ, причемъ въ 1736 году былъ при взятіи Перекопа и Бахчисарая, а въ 1707 году при взятіи Очакова «на приступѣ и сидѣлъ въ атакѣ и въ другихъ войсковыхъ потребахъ былъ», 26 марта 1740 года полковникъ Делатуръ получилъ назначеніе состоять комендантомъ въ городѣ Глуховѣ; на этомъ посту онъ получилъ чины бригадира и генералъ маіора и въ 1751 году кончался, почти 90 лѣтъ отъ роду.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Дѣла Гарнизоннаго повытья. Оп. 25; кн. 320.

Делафонъ, *Вилимъ*, бригадиръ, происходилъ изъ французскаго дворянства, въ русскую службу поступилъ въ 1726 г. и въ слѣдующемъ году произведенъ въ инженеръ-подпоручики, а въ 1732 году—въ капитаны. Въ 1737 году, въ чинѣ секундъ-маіора, назначенъ на должность генералъ-квартермистра полковничья ранга. Въ 1741 году произведенъ въ полковники, а въ 1755 году—въ бригадиры. По спискамъ генералитета за 1755 годъ значится состоящимъ по ландмиліціи и 15 августа былъ уволенъ по болѣзни въ «Нѣмецкіе края впредь на годъ». Далѣе его имени въ спискахъ не значится.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба,—Дѣло Армейской экспедиціи за 1752 г., оп. 8, № 400. *М. Р.*

Делафонъ, *Софья Ивановна.*—Императрица Екатерина II, заботясь о распространеніи просвѣщенія въ Россіи вообще, утвердила въ 1764 году, по докладу И. И. Бецкого, уставъ перваго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи которое подъ именемъ Воспитательнаго дома благородныхъ дѣвицъ, помѣщалось первоначально въ зданіи Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря, у берега Невы, на Смоляномъ (т, е. дегтярномъ) дворѣ, близъ деревни того же имени. Первою начальницею вновь учрежденнаго учебнаго заведенія, послужившаго образцомъ послѣдующимъ, была сдѣлана княжна Анна Сергѣевна Долгорукова, а правительницею была тогда же назначена вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софья Делафонъ, о предшествовавшей жизни которой ранѣе этого назначенія до насъ, къ сожалѣнію, не дошло точныхъ біографическихъ свѣдѣній. Извѣстно только, что она родилась 8 августа 1717 года, была француженка и при томъ реформатскаго исповѣданія. Намъ остается неизвѣстнымъ даже фамилія ея до замужества. Существуетъ преданіе, что она воспитывалась въ знаменитомъ учебномъ заведеніи Сенъ-Сиръ, въ Парижѣ, основанномъ извѣстною г-жею Ментенонъ, и вышла замужъ за француза Делафона, служившаго во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ во время посольства Шетарди въ Петербургѣ, въ 1757 году. По болѣе вѣрному разсказу Ржевской, будущая Софья Делафонъ, происходя отъ родителей, переселившихся вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій изъ Франціи въ Петербургъ, получила домашнее воспитаніе и, отличаясь красотою, скоро вышла замужъ за француза Вилима Делафонъ, бывшаго генералъ - маіоромъ въ русской службѣ Бракъ этотъ былъ несчастливъ. Мужъ

скоро разстроилъ ея состояніе, сталъ хворать и умеръ за границею, куда его возили для леченія. Его жена, оставшаяся безъ всякихъ средствъ съ двумя дочерьми, вынуждена была просить русскихъ агентовъ за-границею о пособіи для возвращенія въ Россію и при этомъ познакомилась съ Бецкимъ, который видѣлся съ нею впослѣдствіи и въ Петербургѣ. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Софія Делафонъ была хорошо извѣстна Бецкому, который иначе не рѣшился бы ввѣрить ей столь важную должность, успѣшнымъ отправленіемъ которой г-жа Лафонъ оставила по себѣ самую свѣтлую память въ Россіи. На ея долю выпало осуществить въ нашемъ отечествѣ на дѣлѣ новыя начала при воспитаніи лицъ женскаго пола. Уставъ, обнародованный 5 мая 1764 года (П. С. № 12154), предписывалъ заботиться о водвореніи въ учреждаемомъ учебномъ заведеніи дружескихъ, семейныхъ отношеній между начальствомъ и воспитываемыми дѣтьми, выставлялъ на первый планъ нравственно-воспитательныя цѣли, не пренебрегая умственнымъ образованіемъ воспитанницъ, причемъ подъ словами *образованіе* подлежало разумѣть не выучку или усвоеніе знанія изъ всевозможныхъ наукъ, но образованіе и воспитаніе ума и гармоническое развитіе душевныхъ свойствъ воспитанницъ. Нравственно-религіозное воспитаніе становилось на первый планъ, какъ единственное средство образовать изъ воспитанницъ —будущихъ хорошихъ матерей семействъ. Г-жа Делафонъ вполнѣ прониклась преподанными началами, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ не только ея тридцатилѣтнее управленіе Смольнымъ Институтомъ, заслужившее ей благосклонное расположеніе какъ Императрицы Екатерины II, такъ и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, но и дошедшіе до насъ отзывы лицъ, воспитывавшихся при Делафонъ въ Смольномъ институтѣ. Такъ, упомянутая выше Ржевская (дѣвица перваго выпуска Глафира Ивановна Алымова) въ своихъ запискахъ, составленныхъ уже на склонѣ ея дней, говоритъ между прочимъ: «Нельзя вообразить себѣ болѣе счастливаго положенія, какъ то, въ которомъ я находилась въ теченіе одиннадцатилѣтняго пребыванія въ Смольномъ Институтѣ». Г-жа Делафонъ съ рѣдкимъ умомъ управляла заведеніемъ и утвердила на прочномъ основаніи принятую систему воспитанія. Она всецѣло предалась дѣлу и выказывала большую дѣятельность въ частныхъ распоряженіяхъ, а также заботливость и твердую бдительность за тѣмъ, чтобы всѣ лица, которыя должны были содѣйствовать успѣху предпріятія, исполняли свои обязанности. Общее уваженіе къ ея личнымъ достоинствамъ вознаграждало ее за недостатокъ отличій» и т. д.

Князь Долгорукій, авторъ «Капища моего сердца», пишетъ слѣдующее: «Жена моя имѣла къ г-жѣ Делафонъ, какъ и всѣ монастырки, неограниченную любовь и почтеніе. По тому уваженію, которое оказывала ей моя жена до послѣдняго издыханія, я не могу и самъ забыть госпожи Делафонъ, хотя никогда не былъ съ нею въ сношеніяхъ; но, будучи женатъ два раза на монастыркахъ, привыкъ слышать произношеніе ея имени съ такимъ благоговѣніемъ, что если бы и хотѣлъ о ней забыть, то все-таки вспоминаю».

Безспорно подобные отзывы являются лучшею и безпристрастнѣйшею оцѣнкою полезной дѣятельности Софіи Делафонъ, которую Императрица Марія Ѳедоровна въ письмахъ своихъ называла «notre bonne vieille maman», и очень безпокоилась о ея здоровьѣ. Императоръ Павелъ I пожаловалъ Делафонъ въ статсъ-дамы 22 ноября 1796 г., а въ день своего коронованія, 5 апрѣля 1797 г., наградилъ ее орденомъ Св. Екатерины меньшаго креста. — Чувствуя слабость съ годами и часто хворая, Делафонъ просила Императрицу назначить ей помощницу, и таковою была назначена въ 1797 году Г-жа Пальменбахъ (вышедшая первою во второмъ выпускѣ изъ того же Смольнаго института въ 1779 году), которая и заняла вскорѣ мѣсто Делафонъ, скончавшейся 11-го августа 1797 года. Она похоронена на Волковомъ иновѣрческомъ кладбищѣ рядомъ съ своею дочерью, которая была замужемъ за президентомъ юстицъ-коллегіи, существовавшей въ Петербургѣ для остзейскихъ губерній, барономъ Гейкингомъ, авторомъ любопытныхъ воспоминаній.—

Карабановъ—Списки статсъ-дамъ (Рус. Стар. 1871. Янв.).—Записки Ржевской. (Рус. Арх. 1871 г.).—Долгоруковъ—Чтенія въ Им. Обществѣ Ист. и древ. при Москов. Универс. 1872 книги 3. 4. Письма Императр. Маріи Ѳеод. къ Пальменбахъ—Русск. Стар. 1890 г., мартъ.—

Изъ воспоминаній Гейкинга—Русская Старина 1887. Ноябрь. *П. Майковъ.*

Делекторскій, *Ксенофонтъ Ивановичъ*, священникъ, баккалаврь С.-Петербургской духовной академіи. Родился около 1800 г.; умеръ въ 1842 году. На другой же годъ послѣ окончанія курса въ С.-Петербургской духовной академіи Делекторскій былъ назначенъ баккалавромъ по каѳедрѣ общей словесности, а впослѣдствіи былъ и экстраординарнымъ профессоромъ. Среди тогдашнихъ преподавателей Академіи онъ представлялъ счастливое исключеніе; онъ одинъ изъ первыхъ выступилъ на борьбу съ мертвящимъ схоластическимъ направленіемъ обученія. Преподавая «общую словесность», Делекторскій теоріи словесности касался только отчасти, выводя ее изъ изученія образцовъ, а главное вниманіе слушателей сосредоточивалъ на знакомствѣ съ литературными произведеніями и критическомъ ихъ разборѣ. Будучи гонителемъ «высокаго» напыщеннаго слога, онъ образцами для подражанія выставлялъ Жуковскаго и Пушкина и рѣшался называть слогъ дотолѣ знаменитаго витіи Филарета (Дроздова) «школярнымъ», надутымъ» и «ребяческимъ», къ ужасу духовнаго начальства, которое за это-то и уволило его въ 1875 г. въ отставку. Послѣдніе годы жизни Делекторскій священствовалъ въ одной изъ церквей Петербурга. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстны были въ свое время «Упражненія въ пользу обучающихся словесности».

Чистовичъ, «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи» (СПБ., 1857 г.) и Р. С., «Петербургская духовная академія до графа Протасова». («Вѣстникъ Европы», 1872 г. № 9). *В. Р—въ.*

Деливронъ (Де-Ливронъ), *Карлъ Францовичъ*, русскій дворянинъ по происхожденію, сынъ моряка, родился въ 1797 г., шести лѣтъ отъ роду «вступилъ въ службу» въ морской кадетскій корпусъ, въ 1812 г. произведенъ въ гардемарины и 21 іюня 1811 г.—въ мичмана, съ назначеніемъ въ 30-й корабельный экипажъ. Въ слѣдующемъ году, по сформированіи флотскихъ экипажей, онъ поступилъ въ составъ 20-го флотскаго экипажа, откуда черезъ два года былъ переведенъ въ 13 флотскій экипажъ. Въ теченіе этого времени, въ 1817 г., К. Ф. состоялъ нѣсколько мѣсяцевъ для особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Свеаборгскаго порта и, кромѣ того, въ лѣтніе мѣсяцы совершалъ ежегодное плаванье въ Балтійскомъ морѣ, преимущественно въ предѣлахъ Кронштадта, Свеаборга, Або и Ревеля. Въ 1819 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ офицеромъ-воспитателемъ и въ этой должности оставался 13 лѣтъ. Съ усердіемъ и любовью руководя нравственнымъ воспитаніемъ кадетъ малолѣтней роты, онъ явился наставникомъ многихъ извѣстныхъ впослѣдствіи адмираловъ, какъ, напр., Бутаковы, Лесовскій, Воеводскіе, Краббе и др. Въ числѣ его сослуживцевъ въ морскомъ корпусѣ былъ извѣстный кн. Сергѣй Ширинскій-Шихматовъ, впослѣдствіи настоятель одного изъ монастырей на Аѳонѣ—іеромонахъ Аникята. Своею святою примѣрною жизнью онъ имѣлъ большое вліяніе на К. Ф., очень его любилъ, а постригшись въ монахи, благословилъ его большимъ образомъ Казанской Божьей Матери. Отличаясь замѣчательною гуманностью и готовностью даже пожертвовалъ собою ради ближняго, Деливронъ являлся живымъ примѣромъ для своихъ питомцевъ, Такъ, напр., въ 1825 г, онъ спасъ семь человѣкъ, погибавшихъ на яликѣ, затертомъ льдомъ при вскрытіи Невы, за что 20 апрѣля того-же года удостоился получить Высочайшее благоволеніе.

Въ 1832 г., уже въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, онъ былъ переведенъ сначала въ 5 флотскій экипажъ и затѣмъ, послѣдовательно, въ 24-й (въ 1834 г.) и въ 1 Финскій флотскій экипажъ (1837 г.) за отличную службу въ которомъ Всемилостивѣйше былъ награжденъ 800 р. Выйдя изъ морского кадетскаго корпуса, съ 1832 г. онъ возобновляетъ свои ежегодныя плаванія лѣтомъ въ водахъ Балтійскаго моря, лишь въ 1844 г. проведя часть лѣта въ крейсерствѣ и въ Нѣмецкомъ морѣ. Въ чинѣ капитана 2 ранга, въ 1846 г, К. Ф. назначенъ помощникомъ капитана надъ Свеаборгскимъ портомъ и въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны 1 ранга. Во время кампаніи 1854—1855 г.г., въ составѣ гарнизона этой крѣпости, бывшей на военномъ и осадномъ положеніи, онъ выдерживалъ бомбардировку ея англичанами 28 и 29 іюня (1855) и за участіе въ этомъ дѣлѣ ему было объявлено Монаршее благоволеніе. 25 ноября 1857 г. К. Ф.

былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ отъ службы, состоя на которой получилъ ордена: св. Георгія 4 кл. за 25 лѣтъ, св. Анны 2 ст., Владиміра 4 ст. за выслугу 35 лѣтъ и знакъ отличія безпорочной службы за 35 лѣтъ.

Служебная дѣятельность К. Ф. всегда отличалась честнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ долга и до послѣднихъ дней жизни, въ отставкѣ, онъ интересовался всѣми реформами и новинками, касавшимися морской службы. По природѣ кроткій и религіозный, онъ горячо вѣровалъ въ Бога и, не смотря на свои преклонныя лѣта, до конца жизни сохранилъ бодрость духа, зрѣніе, слухъ и замѣчательную память о давно прошедшемъ. Любя поприще морской службы, К. Ф. отдалъ во флотъ и всѣхъ своихъ шестерыхъ сыновей, которыхъ имѣлъ отъ брака съ дочерью Прусскаго консула въ Ревелѣ, вдовою Евгеніей Богдановной Аминовой. Онъ скончался въ Павловскѣ, 21 сент. 1887 г. на 91 году жизни и погребенъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Дѣло архива инспекторскаго департамента морского министерства № 766.—Веселато. Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса. 1862 г.—Кронштадтскій Вѣстникъ 27 сент. 1887 г., № 114. *В. Жерве.*

Делиль (De L' Isle), *Іосифъ-Николай* (въ современныхъ русскихъ письмахъ назывался Осипъ Николаевичъ), академикъ-астрономъ, родился въ Парижѣ 4 апрѣля 1688 года. Отецъ его Клавдій Д. пользовался въ свое время извѣстностью, какъ преподаватель исторіи и географіи, а старшій братъ Вильгельмъ былъ королевскимъ географомъ и членомъ Парижской академіи. Школьное образованіе Іосифъ-Николай Д. началъ въ коллегіи Мазарини, но оставилъ ученіе на реторикѣ и съ 1706 года занялся исключительно астрономіею, любовь къ которой онъ почувствовалъ при видѣ полнаго солнечнаго затменія 12 марта 1706 года. Въ 1708 году Д. посѣщалъ обсерваторію знаменитаго астронома Кассини. Но научныя занятія не давали молодому ученому достаточныхъ средствъ къ жизни, и онъ принужденъ былъ давать уроки математики и составлять предсказанія и гороскопы, хотя, по свидѣтельству Лаланда, и не вѣрилъ въ астрономію. 24 марта 1714 года Парижская Академія наукъ приняла Д. въ свои адъюкты. Въ 1724 году онъ посѣтилъ Англію, гдѣ познакомился съ величайшими знаменитостями своего времени—Ньютономъ и Галлеемъ. Въ это время труды Д. уже составили ему почетное имя въ наукѣ. Еще въ 1721 году Петръ Великій пригласилъ Д. на службу въ Россію. Нѣсколько лѣтъ прошло въ переговорахъ. Наконецъ, 8 іюня 1725 года, Д. подписалъ контрактъ на поступленіе въ члены Петербургской Академіи наукъ. Въ февралѣ 1726 г. Д. прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же началъ дѣлать наблюденія, несмотря на то, что привезъ съ собой очень мало инструментовъ. Вскорѣ ему отданы были астрономическіе приборы, купленные еще Петромъ Великимъ во время его поѣздки въ Англію, а въ 1735 году былъ выписанъ изъ Парижа квадрантъ, устроенный по собственной мысли Д. Съ этихъ поръ Д. въ теченіе двадцати одного года, за исключеніемъ десяти мѣсяцевъ въ 1740 году, когда онъ ѣздилъ въ Сибирь для наблюденія за прохожденіемъ Меркурія черезъ солнце,—велъ астрономическіе журналы и успѣлъ сдѣлать въ Россіи столько наблюденій, что количество ихъ возбудило удивленіе извѣстнаго астронома Лаланда. Такая производительность тѣмъ болѣе замѣчательна, что Д. пришлось работать въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ Д. находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ въ исторіи Академіи Наукъ Шумахеромъ, но затѣмъ сдѣлался его врагомъ и все остальное время своей службы провелъ въ упорной борьбѣ съ нимъ, собираясь иногда даже покинуть Россію. Такъ, въ 1733 и 1744 годахъ онъ подавалъ просьбы объ увольненіи, но остался на службѣ, хотя препятствіи къ его отъѣзду не было. Между тѣмъ, раздоры между Д. и академическимъ начальствомъ продолжались. 11 ноября 1734 г. Д. встрѣтилъ вступившаго въ управленіе Академіей барона Корфа рѣзкою рѣчью, въ которой обвинялъ академическую канцелярію въ самовластіи и проч. Рѣзкія выходки Д. навлекли на него неудовольствіе новаго президента, но, во всякомъ случаѣ, при баронѣ Корфѣ онъ получилъ возможность производить наблюденія съ

болѣе совершенными инструментами. Въ это же время Д. показывалъ, «разныя астрономическія обсерваціи» императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ декабрѣ 1735 года Д. подалъ барону Корфу проэктъ, «чѣмъ дать каждому С.-Петербургскому обывателю способъ, какъ исправно заводить по солнцу стѣнные и карманные часы» Онъ предлагалъ въ полдень стрѣлять изъ пушки съ адмиралтейскаго бастіона. Баронъ Корфъ представлялъ проектъ въ императорскій кабинетъ, но докладъ его остался безъ отвѣта. Въ 1737 году, при пособіи Академіи, Д. приступилъ къ измѣренію одного градуса меридіана около Петербурга для содѣйствія рѣшенію вопроса о видѣ земли, но это намѣреніе осталось только попыткою. Въ февралѣ 1740 г. Д. отправился въ Сибирь для наблюденія прохожденія Меркурія черезъ солнце. Вмѣсто Обдорска ему пришлось остановиться въ Березовѣ вслѣдствіе непреодолимой трудности пути, а облачная погода воспрепятствовала наблюденіямъ. Объ этой неудачѣ Д. подробно сообщилъ членамъ Кабинета, между которыми былъ и Артемій Волынскій. Письмо Д. къ послѣднему попало въ слѣдственную коммисію надъ бывшимъ кабинетъ-министромъ и разсматривалось въ ней, но не вызвало противъ Д. никакихъ обвиненій. По возвращеніи астронома изъ Сибири ему снова пришлось начать борьбу съ академическимъ начальствомъ и вторымъ астрономомъ Гензіусомъ. Въ 1741 году Д. пытался добиться совершеннаго отдѣленія отъ Академіи занятій русскою географіею, предлагая поручить завѣдываніе географическими работами одному способному лицу съ званіемъ перваго географа и космографа, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Императорскаго Кабинета. Предложеніе это было оставлено безъ вниманія. Въ началѣ 1742 года Д. подалъ въ сенатъ донесеніе на Шумахера и принялъ горячее участіе въ возникшей затѣмъ въ Академіи борьбѣ; но, какъ извѣстно, Шумахеръ сумѣлъ достигнуть оправданія, и слѣдственная коммисія по этому дѣлу присудила Д. къ увольненію изъ Академіи, такъ какъ Шумахеръ съ своей стороны возвелъ на астронома цѣлый рядъ обвиненій, когда тотъ просилъ сенатъ о выдачѣ жалованья, не полученнаго имъ за 1741—42 годы. Переписка объ увольненіи Д. продолжалась весь 1744 годъ и закончилась именнымъ повелѣніемъ императрицы Елисаветы заключить въ Академіи новый контрактъ съ астрономомъ и выдать, согласно ходатайству его, для снабженія обсерваторіи нужными инструментами до шести тысячъ рублей. Д. медлилъ съ заключеніемъ контракта, но снова началъ посѣщать академическія засѣданія и вмѣстѣ съ остальными академиками снова боролся противъ Шумахера. Вскорѣ послѣ назначенія въ президенты графа Разумовскаго, Делилю было объявлено, что всѣ его представленія останутся безъ движенія до тѣхъ поръ, пока онъ не заключитъ новаго контракта съ Академіею. Въ отвѣтъ Д. написалъ длинное письмо, въ которомъ обвинялъ Шумахера и грозилъ жалобою въ Императорскій Кабинетъ. Въ январѣ 1747 г. гр. Разумовскій постановилъ: «отрѣшить Делиля отъ Академіи», но, по другому опредѣленію, 26 марта 1747 г. онъ былъ сдѣланъ почетнымъ членомъ Академіи съ обязательствомъ «будучи въ отечествѣ своемъ... академическія дѣла отправлять» и съ назначеніемъ за то пенсіи по 200 р. въ годъ. 15 сентября 1847 г. Д. возвратился въ Парижъ и занялъ мѣсто въ королевской коллегіи съ жалованьемъ 900 ливровъ въ годъ. Нѣкоторую сумму денегъ, которую Д. привезъ изъ Россіи, онъ употребилъ на устройство обсерваторіи съ большимъ пассажнымъ инструментомъ на платформѣ отеля Ключи, въ улицѣ des Mathurins. Здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ неутомимо продолжалъ свои наблюденія. Несмотря на шестидесятилѣтній возрастъ, зимою и лѣтомъ, ночью и днемъ, онъ постоянно ходилъ въ свою обсерваторію. Въ 1747 году, по предложенію Теплова, докторъ Санхецъ обращался къ Делилю съ просьбою дать объясненія по нѣкоторымъ вопросамъ, предложеннымъ академикомъ-астрономомъ Вицугеймомъ. Это требованіе разбудило старую вражду Д. къ академической канцеляріи. Онъ отвѣчалъ рѣзкимъ, полнымъ нападокъ, письмомъ, которое было доставлено Шумахеру и Теплову. Они уговорили гр. Разумовскаго послать въ Парижскую Академію и ко всѣмъ почетнымъ членамъ Петербургской Академіи требованіе о прекращеніи всякихъ сношеній съ Д. Кромѣ того, русское посольство въ Па-

рижѣ должно было добиться того, чтобы Д. запрещено было печатать что-либо о Россіи безъ вѣдома Петербургской Академіи, и настоять на возвращеніи имъ всѣхъ матеріаловъ по исторіи и географіи Россіи, а также на опредѣленіи Д. на какое-либо мѣсто до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ договора, заключеннаго имъ при отъѣздѣ изъ Петербурга. Конечно, требованія эти не имѣли успѣха, и академическая канцелярія должна была ограничиться только исключеніемъ Делиля изъ числа почетныхъ членовъ и лишеніемъ его пенсіи. Въ 1752 году Д. издалъ Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud, сочиненіе, въ которомъ впервые были напечатаны свѣдѣнія о камчатской экспедиціи Беринга. Всѣ свѣдѣнія объ этой экспедиціи хранились русскимъ правительствомъ въ тайнѣ. Поэтому появленіе сочиненія Д. возбудило большой шумъ въ Россіи. Гр. Разумовскій поручилъ исторіографу Мюллеру написать опроверженіе. Мюллеръ написалъ возраженіе подъ заглавіемъ: «Lettre d'un officier de la marine russéenne à un seigneur de la cour». Личныя выходки, отличающія это письмо, не встрѣтили одобренія современниковъ, и самъ Мюллеръ впослѣдствіи раскаявался въ нихъ. Въ 1754 г. Д. получилъ мѣсто географа-астронома французскаго флота. Въ это же время король пріобрѣлъ его богатое собраніе рукописей и огромную библіотеку. Съ 1758 г. здоровье стало оставлять Д. Съ 1763 г. онъ окончательно удалился отъ занятій. 11 сентября 1768 г. апоплексическій ударъ прекратилъ его многотрудную жизнь.

Делиль не ограничивался въ своихъ занятіяхъ одною астрономіею: онъ собиралъ греческія и римскія медали, русскія рукописи и проч. Знаменитый Лаландъ такъ характеризуетъ Делиля: «Никто болѣе его не трудился надъ исторіею и всѣми отраслями астрономіи; никто болѣе не содѣйствовалъ ея успѣхамъ своими разысканіями, перепискою, наблюденіями и своими учениками... Я всегда изумлялся удивительному множеству сдѣланныхъ Делилемъ наблюденій; ни у кого не было болѣе обширной коллекціи книгъ, картъ и астрономическихъ наблюденій».

Въ исторіи географіи Д. извѣстенъ тѣмъ, что предложилъ особый, до сихъ поръ называемый его именемъ, способъ черченія географическихъ картъ, по которому и были составлены первыя карты Россіи. Делилю принадлежатъ слѣдующія работы: 1) «Discours lu dans l' assemblee publique de l' Academie de sciences le 2 Mars 1728», par Mr De L' Isle avec la réponse de Mr Bernoulli. Содержаніемъ рѣчи были вопросы: si l'on peut démontrer par les seuls laist astronomiques, quel est le vrai système du monde? Et si la terre ou non? Русскій переводъ этой рѣчи не нашли возможнымъ напечатать. 2) «Abregé des Mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Imperiale de toutes les Russies». Tome II contenant l' Astronomie et la Géographie. Русскій переводъ напечатанъ въ томъ же 1728 г. 3) «Projet de la mesure de la terre en Russie», lu dans l'assemblée de l' Académie des sciences de St. Petersbourg le 21 janvier 1737. Русскій переводъ изданъ въ томъ же году. 4) «Mémoire pour servir a l' histoire et au progrès de l'Astronomie, de la Geographie et de la Physique etc. à St. Pétersbourg 1737. Въ академическомъ изданіи Commentarii Academiae Petropolitanae напечатаны слѣдующія работы Д.: «Eclipses satellitum Jovis», observatae Petropoli, a fratribus Josepho Nicolao de L'Jsle et Ludovico de L' Isle de la Croyere. I, 467—474. «Continuata relatio eclipsium satellitum Jovialium, Petropoli observatarum». II, 491—494. «Observationes altitudines Poli in observatorio Imperiali quod Petropoli est habitae» 495—515. «Tertia series observationum satellitum Jovis in observatorio Petropoli factarnm III, 425—432. «Continuata relatio eclipsium satellitum Jovis Petropoli observatarum. IV, 317—321. «Eclepsium Jovis satellitum in observatario Petrapolitano observatarum continuatio. V, 451—457. «Eclipses satellitum Jovis, observatae in Imperiali specula astronomica quae Petropoli est, per integrnm annum 1738. VI, 395—400. Observationes astronomicae in specula Academiae scientiarum ab anno 1739 — 1745 a I. N. Delilio cum sociis institutae XI, 349—362.

Исторія Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго т. I стр. 124—149. Histoire de l'Académie royale des sciences. Année MDCDLXVIII (Paris 1770). — Eloge de M. ee l' Isle, 167—183, Le Necrologe des hommes célèbres de France, (Paris, 1770, V, 1—86. «Записки Русскаго Географическаго Общества,

1849 г. III, 50—67. Записки Академіи Наукъ» VI, прилож. № 3, VII, прилож. № 4. IX, прилож. № 2.

Делилъ-де-ла-Кройеръ (de l'Isle de la Croyère), *Людовикъ*, Импер. Акад. Наукъ экстраординарный академикъ-астрономъ, ум. въ 1741 г.; годъ рожденія неизвѣстенъ; былъ старшій братъ извѣстнаго астронома Іосифа-Николая Делиля. Отецъ ихъ въ первый разъ былъ женатъ на Шарлотѣ де-ла-Кройеръ и ея фамилія перешла къ Людовику въ отличіе отъ другихъ братьевъ. Первоначально Д. думалъ посвятить себя духовной карьерѣ, но отецъ его, видя, что характеръ сына не соотвѣтствуетъ тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаетъ на человѣка духовное званіе, отправилъ его въ Канаду, гдѣ онъ поступилъ въ ряды войскъ и прослужилъ 17 лѣтъ въ арміи короля Французскаго. По окончаніи службы онъ возвратился въ Парижъ и, при содѣйствіи своего брата, Іосифа-Никол., получилъ званіе élève Парижской Академіи. Въ это же время Іосифъ-Николай получилъ приглашеніе въ Петербургскую Акад. Наукъ и рѣшилъ взять съ собою и Людовика. Послѣ долгихъ хлопотъ ему удалось это устроить, и Блюментростъ принялъ Людовика въ русскую Академію въ качествѣ помощника при астрономической обсерваторіи Іосифа-Николая Въ началѣ 1726 г. оба брата прибыли въ Петербургъ. Въ слѣдующемъ (1727 г.) году Д. уже получаетъ отъ Академіи командировку въ Колу и Архангельскъ для самостоятельныхъ наблюденій надъ длиною маятника и астрономической рефракціей. Въ этой командировкѣ онъ пробылъ три года и, возвратившись въ Петербургъ въ 1730 г., долго не представлялъ на разсмотрѣніе конференціи Академіи результаты своихъ наблюденій, такъ что возбудилъ неудовольствіе академиковъ и далъ поводъ къ многимъ, нелестнымъ для себя толкомъ: одни высказывали подозрѣніе, что астрономъ опубликовываетъ свои наблюденія въ иностранной печати, другіе,—что его наблюденія настолько плохи и невѣрны, что онъ стыдится представить ихъ для оцѣнки ученымъ, и ожидаетъ, пока они будутъ исправлены его братомъ. Однако, несмотря на всѣ эти недоразумѣнія, Д. въ 1731 г. былъ утвержденъ конференціей въ званіи экстраординарнаго академика. Въ 1733 г., когда была назначена первая обширная экспедиція для изслѣдованія Сибири, Камчатки и точнаго опредѣленія положенія Японіи по отношенію къ Камчаткѣ, Д. выразилъ желаніе принять въ ней участіе и получилъ назначеніе въ качествѣ астронома-географа, при чемъ въ помощники ему былъ назначенъ опытный геодезистъ Красильниковъ. Въ 1734 г. въ маѣ Д. и Красильниковъ прибыли въ Сибирь и отправились по Иртышу, Оби и Кети до Маковскаго острога, отсюда въ Енисейскъ, гдѣ ими была учреждена метереологическая станція; далѣе они направились по Илиму и Ангарѣ и 18 октября прибыли въ Иркутскъ, гдѣ ихъ ожидали другіе академики, члены экспедиціи. Изъ Иркутска, въ началѣ 1735 г., Д. отправился для изслѣдованій въ Нерчинскъ, Аргунскій острогъ, Удинскъ, Селингинскъ и Кяхту, затѣмъ обратно черезъ Селингинскъ водою возвратился 1-го іюня въ Иркутскъ. Въ 1737 г. онъ снова отправляется въ Кяхту для продолженія начатыхъ наблюденій, и черезъ мѣсяцъ возвращается обратно въ Иркут., чтобы ѣхать къ устью Лены и по Ленѣ въ Якутскъ. Въ Якутскѣ онъ остается около 4-хъ лѣтъ, дѣлая небольшія поѣздки по сѣверу Сибири и сибирскимъ рѣкамъ. Въ эти поѣздки имъ была точно установлена широта Большерѣцкаго устья и опредѣлено широтою и длиною положеніе Петропавловской гавани; послѣднее опредѣленіе, однако, по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказалось невѣрнымъ. Въ 1741 г. онъ почти одинъ изъ академиковъ остается въ Сибири и соглашается принять участіе въ новомъ плаваніи «для открытія предполагаемыхъ противъ Камчатки земель». Плаваніе это было не изъ удачныхъ: корабли были повреждены бурей, отъ недостатка пищи и питья у многихъ участниковъ, въ томъ числѣ и Д., развилась цынга и въ день возвращенія экспедиціи на Камчатку, 10 октября 1741 г., онъ скончался. Во время своего пребыванія въ Сибири, около 1738—39 гг. Д. женился на Маріи Димитріевнѣ Татариной и имѣлъ двухъ дѣтей.

Матеріалы, собранные Сибирской экспедиціей, были цѣнны и такъ велики, что печатались нѣсколько лѣтъ. Участіе же въ ней Д. ожидаемыхъ блестящихъ результатовъ для науки не дало. Причина этого, по отзывамъ исторіографовъ, кроет-

ся въ томъ, что Д. былъ человѣкъ мало свѣдующій въ наукахъ; объ этомъ еще въ началѣ экспедиціи, около 1736 г., академики Миллеръ и Гмелинъ, командированные тоже въ эту экспедицію, не разъ доносили Академіи, и конференція думала замѣнить его астрономомъ Либертусомъ (см. біогр.), но переговоры съ послѣднимъ окончились отказомъ его по слабости здоровья. Къ тому же Д. имѣлъ характеръ невоздержанный и безпечный. Почти четыре послѣднихъ года Академія не имѣла отъ него никакихъ извѣстій, кромѣ поступавшихъ на него доносовъ, что онъ, будто бы, занимается больше торговлею и мѣною табаку на мѣха, причемъ даже имѣетъ своихъ комиссіонеровъ подъ видомъ служителей. Доносъ этотъ отчасти подтвердился. Такое поведеніе Д. поставило въ необходимость Шумахера написать ему строгое письмо, въ которомъ авторъ предостерегаетъ Д. и угрожаетъ судебнымъ преслѣдованіемъ; письмо это заканчивалось словами: «повѣрьте, что съумѣютъ заставить васъ дать отчетъ въ вашихъ работахъ».

Нѣкоторыя наблюденія Д. переведены на русскій языкъ и помѣщены въ Кратк. опис. комментар. Академіи Н. въ 1728 г.; большая же часть ихъ напечатана въ нѣмецкомъ переводѣ Миллера въ I-ой части сборника: «Physikalische und medicinische Abhandlungen der Kayserlichen Academie der Wissenschaften in Petersburg». Въ изданіи же «Commentarii Academiae scientiarum Petropoli» помѣщены: I, «Eclipses Satellitum Jovis, observatae Petropoli a fratribus Josepho Nicolao de l'Isle et Ludovico de l'Jsle de la Croyere». III, «Observationes primi Satellitis Jovis, habitae Archangelopoli cum deducta exinde longitudine hujus urbis»; «Determinationes latitudinum variorum locorum Ruthenici Imperii in quibus partim altitudines solis meridianas, partim quascumque fixarum tam australes quam boreales altitudines»; IV, «Observatio longitudinis penduli simplicis facta Archangelopoli».

Матер. для біогр.: Ист. Имп. Ак. Н. въ Петерб. П. Пекарскаго, ч. I; Записки гидрографическаго департам. 1851 г., IX, ст. Соколова: «Сѣверная экспедиція 1733—43 гг.»; Записки Рус. Геогр. Об. 1849 г. кн. I, ст.: «Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи». Записки Акад. П. IX, прил. № 2, ст. Свенске «Матеріалы для исторіи составленія атласа Россійской имперіи, изданнаго въ 1745 г.». *Н. Г.*

Делицынъ, *Николай Никитичъ*, протоіерей въ Скорбященской церкви въ Петербургѣ (1827—1889 гг.). Сынъ протоіерея, Делицынъ родился въ 1827 г. въ Рязанской губерніи. Образованіе получилъ въ рязанской семинаріи и С.-Петербургской дух. академіи, гдѣ окончилъ въ 1851 г. курсъ со степенью магистра и былъ оставленъ при академіи баккалаврамъ по общей гражданской исторіи. Въ 1855 г. 30 января онъ былъ рукоположенъ въ священника къ Благовѣщенской церкви на Васильевскомъ островѣ, 18 августа опредѣлъ законоучителемъ патріотическаго института и 1 сентября разстался съ академіею. Въ 1872 г. Делицынъ возведенъ былъ въ санъ протоіерея, въ 1877 г. сдѣланъ настоятелемъ Благовѣщенской церкви и 12 марта 1878 г. перемѣщенъ къ Скорбященской церкви, что въ Петербургѣ за Литейнымъ дворомъ. Скончался онъ 3 мая 1889 года. Служебная дѣятельность протоіерея Делицына заключалась въ исполненіи многочисленныхъ порученій епархіальнаго начальства, требовавшихъ отъ него руководственнаго начала, просвѣщеннаго взгляда, честнаго отношенія и примѣрной энергіи: онъ состоялъ членомъ ревизіоннаго комитета для провѣрки отчетовъ спб. Петропавловскаго училища, производилъ судебныя слѣдствія, исполнялъ обязанности опекуна надъ сиротствующими семействами духовныхъ лицъ; наблюдалъ за правильнымъ употребленіемъ суммъ, собираемыхъ съ церквей и монастырей на увеличеніе оклада и др. потребностей дух, семинаріи; участвовалъ въ составленіи положенія объ учрежденіи пенсіонной кассы на эмаритальныхъ началахъ; состоялъ членомъ комитета по назначенію пособій духовенству спб. епархіи,—членомъ комитета по завѣдыванію Александроневскимъ домомъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія,—членомъ Совѣта епарх. женскаго училища—членомъ спб. дух. консисторіи и членомъ Комиссіи при Св. Синодѣ для пересмотра правилъ о церковномъ хозяйствѣ. Въ то же время Делицынъ законоучительствовалъ въ Василеостровской гимназіи, говорилъ проповѣди и состоялъ катихизаторомъ. По его иниціативѣ учреждено было также въ 1862 г. первое въ Петербургѣ приходское благотворительное Общество при Благовѣщенской церкви съ богадѣльней и пріютомъ для дѣтей.

(Церковный Вѣстникъ 1889 г. № 19; Церковн. Вѣдом. 1889, № 20.) *Здр.*

Делицынъ, *Петръ Спиридоновичъ*, протоіерей, профессоръ Московской духовной академіи (1795—1863 гг.). Сынъ московскаго священника, Делицынъ родился 16 іюня 1795 года и первоначальное образованіе съ девятилѣтняго возраста получалъ въ славяно-греко-латинской академіи. Въ 1814 г. онъ поступилъ на первый курсъ новооткрытой Московской академіи, и въ 1818 г. окончилъ курсъ первымъ магистромъ и былъ оставленъ при академіи баккалавромъ физико-математическихъ наукъ; чрезъ четыре года сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ и оставался имъ до самой своей смерти. Кромѣ математики, Делицынъ былъ въ академіи наставникомъ нѣмецкаго языка въ 1818—1820 гг., а въ 1820—1822 и въ 1833—1860 гг. наставникамъ французскаго языка. Въ 1833 г. онъ былъ рукоположенъ въ священника къ церкви московскаго Вознесенскаго женскаго монастыря и къ 1841 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Въ то же время Делицынъ въ 1836—1863 гг. состоялъ членомъ духовно-цензурнаго комитета, съ 1820 г. членомъ академической конференціи и членамъ-ревизоромъ подвѣдомыхъ академіе семинарій, съ 1843 г. членомъ комитета при редакціи «Твореній свв. оо.», переводъ которыхъ составлялъ любимое его занятіе. Чрезъ руки его, какъ редактора и цензора, прошло великое множество переводовъ свято-отеческихъ твореній и разныхъ книгъ духовнаго содержанія. Скончался протоіерей Делицынъ 30 ноября 1863 года. Изъ трудовъ его изданы въ свѣтъ переводы:— «Бесѣды св. Іоанна Златоуста на посланіе къ Римлянамъ», М. 1839 г.; «Богословіе св. Іоанна Дамаскина», М. 1844 г.; «Слова и бесѣды прот. П. С. Делицына», М. 1864 г.; подъ его редакціей и при его дѣятельномъ участіи въ переводѣ изданы 42 тома твореній св. отцовъ: Василія Великаго, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сирина, Григорія Нисскаго, блаженнаго Ѳеодорита, Исидора Пелусіота, Нила Синайскаго, Макарія Египетскаго, Исаака Сирина, Григорія Богослова, Епифанія Кипрскаго и Іоанна Лѣствичника. Не изданы его записки по математикѣ: «Полный курсъ алгебры и тригонометріи», «Объ аналитическомъ опредѣленіи кривыхъ линій и поверхностей» (обширный трудъ) «Руководство къ механикѣ», «Руководство къ математической географіи», «Изслѣдованіе объ опредѣленіи дня пасхи»; переводы изъ классиковъ и лучшихъ новыхъ писателей— «Егмонтъ» Гете, «Валленштейнъ» Шиллера, «Критика чистаго разума», Конта, Эстетика Бутервека, Исторія философіи» Теннемана, Руководство къ изученію хронологіи Идлера, переводы изъ Платона, Виргилія (вся Энеида въ стихахъ), Тацита (annales), Тита Ливія, Плавта, Терентія и др. Въ годъ смерти протоіерея Делицына и въ началѣ 1864 года во всѣхъ журналахъ посвящено было его памяти нѣсколько статей.

(Приб. къ Твор. св. оо. 1863 г. кн. 5 и 6. Духъ Христіанина 1864 г. №,2; Ярослав. епарх. вѣдом. 1864 г. № 18; Ист. Москов. Академіи Филаретъ, 497). *З/р.*

Делла-Восъ, *Викторъ Карловичъ*, директоръ Императорскаго Техническаго училища въ Москвѣ, а впослѣдствіи начальникъ учебнаго отдѣла министерства путей сообщенія родился въ 1830 г. По окончаніи курса естественныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ (1853 г.), онъ поступилъ учителемъ въ главное училище садоводства министерства государственныхъ имуществъ, но вскорѣ былъ перемѣщенъ въ Одессу преподавателемъ математики въ Ришельевскомъ лицеѣ. Въ 1859 г. онъ отправился заграницу для изученія механическихъ производствъ, а также—для ознакомленія съ постановкой преподаванія въ техническихъ школахъ Западной Европы. Пробывъ заграницей около 5 лѣтъ, Д.-В. вернулся въ Москву и занялъ мѣсто профессора Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи (1865). Чрезъ 2 года онъ былъ назначенъ директоромъ Московскаго Техническаго училища.

Вскорѣ послѣ назначенія Делла-Восъ на этотъ постъ, Техническое училище было преобразовано въ высшее учебное заведеніе, программа преподаванія—значительно расширена. Такимъ образомъ на директора возложена была нелегкая задача: въ заведеніе, уже имѣвшее полный комплектъ учащихся, нужно было ввести преподаваніе по новымъ программамъ. Однако неутомимая энергія Делла-Восъ и прекрасное знакомство его съ техническими шко-

лами Запада значительно облегчали его задачу. Вводя новыя программы въ существующемъ уже много лѣтъ учебномъ заведеніи, онъ не былъ пассивнымъ исполнителемъ требованій этихъ программъ: напротивъ, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ этимъ дѣломъ, онъ оставался вполнѣ самостоятельнымъ и даже внесъ въ преподаваніе новый, до тѣхъ поръ вовсе неизвѣстный методъ — методъ систематическаго преподаванія ремеслъ. Насколько цѣлесообразнымъ оказался этотъ методъ, указываютъ не только успѣхи примѣненія его въ Московскомъ Техническомъ училищѣ, а также и то вниманіе, съ какимъ отнеслись къ нему политехническія школы Западной Европы и даже Америки. Желая поддержать связь оканчивающихъ курсъ молодыхъ техниковъ съ училищемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать имъ возможность дальнѣйшаго усовершенствованія въ своей спеціальности, Делла-Восъ основалъ при училищѣ Политехническое общество. Правда, мысль о такомъ обществѣ еще раньше была высказана однимъ профессоромъ училища, но несомнѣнно, что и Делла-Восу принадлежитъ въ осуществленіи ея немалая доля участія: онъ не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ уже какъ директоръ, а еще болѣе, какъ человѣкъ науки, впрочемъ — кстати сказать — не отвлеченной, чистой науки, а науки прикладной, примѣняющей свои данныя къ требованіямъ практической жизни. 18 октября 1877 г. состоялось первое общее собраніе членовъ вновь организованнаго общества.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ завѣдыванія Техническимъ училищемъ (1867 — 1880 г. г.), Делла-Восъ сумѣлъ поставить на твердую почву преподаваніе по новымъ программамъ. Въ 1881 г. Д.-В. занялъ должность завѣдующаго вновь образованнымъ учебнымъ отдѣломъ министерства путей сообщенія, и тогда техническое училище, цѣня его заслуги, въ слѣдующемъ же году избрало его своимъ почетнымъ членомъ.

Вновь образованному учебному отдѣлу министерства путей сообщенія предстояло передѣлать существующій строй техническихъ училищъ сообразно потребностямъ времени. Однако столь сложная работа могла быть выполнена лишь подъ условіемъ полнаго знакомства съ исторіей возникновенія и развитія этихъ школъ и ихъ состоянія въ данную минуту. И вотъ Делла. Восъ, съ свойственнымъ ему вниманіемъ, принялся за изученіе исторіи желѣзнодорожныхъ училищъ, и только вполнѣ овладѣвъ всѣмъ накопившимся матеріаломъ, онъ приступилъ къ составленію плана преобразованій. Такъ, имъ выработанъ былъ проектъ учрежденія кондукторскихъ школъ съ совершенно новой программой; преобразованы были существующія желѣзнодорожныя училища; составленъ, наконецъ, проектъ общихъ основаній устройства школъ пароходныхъ машинистовъ и техниковъ судостроительнаго дѣла. Кромѣ указанныхъ работъ, Делла-Восу пришлось въ разное время принимать участіе въ преобразованіи Института инженеровъ путей сообщенія, давать отзывы о реформѣ въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ и проч. Ко всѣмъ этимъ случайнымъ работамъ онъ относился вполнѣ добросовѣстно и всегда давалъ обстоятельныя и полныя глубокаго интереса указанія. Въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности на поприщѣ профессіональнаго образованія, Делла-Восъ неоднократно былъ представителемъ различныхъ русскихъ учрежденій на всемірныхъ выставкахъ: въ Лондонѣ (1862 г.), Парижѣ (1867, 1878 гг.), Вѣнѣ (1873 г.), а также на художественно-промышленной выставкѣ въ Лондонѣ (1885 г.) Какъ спеціалистъ, онъ былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ напр.: Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, Политехническаго—при Московскомъ Техническомъ училищѣ, Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній, Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, Императорскаго вольно-экономическаго, Императорскаго Общества сельскаго хозяйства и др. По своимъ взглядамъ Делла-Восъ былъ убѣжденный консерваторъ. Если вся его дѣятельность и была посвящена всевозможнымъ реформамъ и нововведеніямъ, то это отнюдь не противорѣчитъ его основному взгляду; вѣруя въ силу хорошей рутины, онъ приступалъ къ коренной ломкѣ учрежденія лишь въ томъ случаѣ, когда онъ былъ увѣренъ въ полной его негодности и неспособности выполнять свою задачу. Какъ человѣкъ, онъ, по отзывамъ людей, близко знавшихъ его, былъ необыкновенно до

брый, отзывчивый, готовый помочь всякому—и совѣтомъ, и дѣломъ, хотя на первый взглядъ производилъ впечатлѣніе человѣка сухого, исключительно занятаго своими „бумагами“. Онъ умеръ 15 (27) іюля 1890 года въ Парижѣ. Послѣ Делла-Воса остались слѣдующіе его труды (доклады въ разныхъ ученыхъ обществахъ): «О соединеніи шины съ вагоннымъ колесомъ помощію заливного кольца системы Козловскаго (1878 г.); «Оновыхъ улучшенныхъ шурупахъ (1878 г.)»; «Объ инструментѣ, замѣняющемъ крючки при точкѣ металловъ». «Объ улучшеніяхъ въ машинахъ для продавливанія отверстій». «О нѣкоторыхъ продуктахъ, доставляемыхъ китомъ Ледовитаго океана». «Ассоціаціи для предупрежденія взрывовъ паровыхъ котловъ»; отчеты о состояніи Техническаго училища — за время его службы тамъ (1867—1880 гг.); некрологъ бывшаго управляющаго техническимъ училищемъ генерала Д. Д. Ахлестышева.

Отчеты Имп. Московскаго Техническаго училища 1867—1880 гг. „Памяти В. К. Делла-Воса“, Журналъ М. Н. С. 1881 г. IV (прилож.). Сабанинъ. Систематическій указатель предметовъ и именъ въ постановленіяхъ Совѣта и общихъ собраній И. Р. Технич. Общества. Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Запискахъ И. д. Т. О.“. „Записки Политехническаго Общества при Имп. Моск. Технич. учил.“. Некрологъ Делла-Воса — Новое Время № отъ 21 іюля 1890 г.

Н. К.

Делленъ, *Александръ Карловичъ*, заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ римской словесности и древностей, родился въ Митавѣ 9-го апрѣля 1814 г., умеръ въ Харьковѣ 22-го марта 1882 г. До поступленія въ университетъ Делленъ находился подъ непосредственнымъ руководствомъ своего отца, пользовавшагося репутаціей хорошаго педагога и содержавшаго частное училище близъ г. Митавы, въ мѣстечкѣ Добленъ. По окончаніи курса въ этомъ училищѣ, Делленъ сталъ въ немъ въ 1830 г. учителемъ, а потомъ, въ 1832 г., поступилъ въ Дерптскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, курсъ котораго и кончилъ чрезъ четыре года со степенью кандидата философіи. Представленное имъ сочиненіе въ качествѣ кандидатской диссертаціи: «De vita et scriptis Livii Andronici» было удостоено совѣтомъ дерптскаго университета награды золотою медалью. Послѣ учительскаго экзамена, Делленъ назначенъ въ 1837 г. учителемъ въ рижскую гимназію, въ слѣдующемъ году утвержденъ старшимъ учителемъ. Переработавъ свое сочиненіе о Ливіи Андроникѣ, Делленъ представилъ его въ качествѣ диссертаціи подъ заглавіемъ: «De vita Livii Andronici dissertatio, Dorpati Livonorum» 1838 г. и получилъ степень магистра римской словесности, и въ томъ же, 1838 г., назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ римской и греческой словесности въ университетѣ Св. Владиміра. Удостоившись благодарности отъ министра за отлично-усердную службу, Делленъ въ 1840 г. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ римской словесности и древностей; въ 1850 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора по той же каѳедрѣ; въ 1862 г., по истеченіи 25-ти лѣтъ службы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, былъ оставленъ на пятилѣтіе, а въ 1863 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Кромѣ профессуры, Делленъ, по настоянію тогдашняго попечителя кіевскаго учебнаго округа Ребиндера, принялъ должность директора первой кіевской гимназіи, которую и исполнялъ въ теченіе пяти лѣтъ съ 1857 г, по 1862 г. Степень доктора римской словесности Делленъ получилъ только въ 1864 г., защитивъ въ качествѣ диссертаціи уже задолго до того напечатанное сочиненіе: «Beiträge zur Kritik und Erklärung der Satiren des D. Jun. Juvenalis». Kiew, 1846 г. и въ томъ же году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ. Въ 1867 г., по выслугѣ тридцати лѣтъ въ учебномъ вѣдомствѣ, Делленъ вышелъ въ отставку, но совѣтъ харьковскаго университета тогда же предложилъ ему занять мѣсто ординарнаго профессора по каѳедрѣ римской словесности. Делленъ, горячо любившій дѣло преподаванія, принялъ это предложеніе и, занявъ каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ въ 1867 г., оставался на ней въ теченіе трехъ пятилѣтій до самой своей смерти, продолжая и здѣсь, какъ и въ Кіевскомъ университетѣ, излагать своимъ слушателямъ на латинскомъ языкѣ и исторію римской литературы, и римскія древности, и античную миѳологію. Въ чтеніи своихъ лекцій Делленъ слѣдовалъ методу Я. И. Нейкриха и, благодаря это-

му, давалъ полную возможность своимъ слушателямъ, основательно изучить латинскій языкъ. Учено-литературная дѣятельность Деллена не особенно богата числомъ произведеній. Кромѣ двухъ уже упомянутыхъ диссертацій. Делленъ напечаталъ: «Краткій историческій очеркъ древней греческой литературы», Кіевъ 1851 г.; разборъ сочиненія Ешевскаго подъ заглавіемъ: «К. С. Аполлинарій Сидоній, эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка» С.П.Б. 1856 г.,—извлеченіе изъ «Двадцать пятаго присужденія Демидовскихъ премій», за который Делленъ получилъ отъ Академіи Наукъ золотую медаль, установленную для рецензентовъ; «Carmen Saeculare Horatii», Кіевъ, 1856 г.,—юбилейный гимнъ Горація, съ введеніемъ и подробнымъ комментаріемъ; «Cornelii Taciti Germania», Кіевъ, 1867 г., съ подробнымъ комментаріемъ и введеніемъ; „Hauton timorumenos"—„Самъ себя наказывающій"; Харьковъ, 1879 г., текстъ съ введеніемъ, подробнымъ комментаріемъ и русскій переводъ; «О такъ называемыхъ casus absoluti въ главныхъ языкахъ индо-европейскаго племени», Харьковъ, 1881 г. Другія работы Деллена напечатаны на нѣмецкомъ или латинскомъ языкѣ: въ «Jnlande». 1859 г. въ №№ 28—3 помѣстилъ онъ статью по педагогикѣ: «Kurzgeffaste Geschichte und heutiger Standrinkt der Mnemonik, изданную потомъ и отдѣльно; въ 1865 г. напечаталъ также по педагогикѣ брошюру: «Der Erste Unterricht», Dorpat; въ 1869 г. издалъ въ Харьковѣ: «Proemium quo scholas suas de historia litterarum Universitati Charcoviensi habendas aperuit A. L. Döllen», Charcoviae, 1869 г.; въ 1876 г. онъ напечаталъ: «Doctrinae metricae summarium. In usum scholarum suarum conscripsit A. L. Döllen, Petropoli. Какъ человѣкъ глубоко-религіозный, Делленъ принималъ живое участіе въ судьбахъ евангелическихъ общинъ тѣхъ русскихъ городовъ, въ которыхъ протекла его ученая жизнь. Онъ состоялъ членомъ совѣта евангелическо лютеранской общины въ Кіевѣ, и напечаталъ въ «Jnlande» 1857 года статью, по случаю открытія богослуженія въ ново-выстроенной церкви въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ: «Kurze Nachrichten über die evangelisch-lutherische Gemeinde in Kiew von ihrem Entstehen an bis auf den heutigen Tag» и издалъ въ томъ же году эту статью отдѣльной брошюрой. Въ 1880 г. въ Харьковѣ онъ напечаталъ брошюру: «О харьковской протестантской общинѣ» по случаю пятидесятилѣтія харьковской церкви». Кромѣ того, Делленъ почему-то написалъ маленькую статью «О наблюденіи надъ солнечнымъ затмѣніемъ въ Кіевѣ въ 1851 г.», помѣщенную въ брошюрѣ «Наблюденія надъ затмѣніемъ солнца, бывшимъ $^{16}/_{28}$ іюля 1851 г.», Кіевъ 1852 г.

Владимірскій-Будановъ, Исторія университета Св. Владиміра, стр. 224—225, 375, 337 и др.; Иконниковъ, Біографич. Словарь профессоровъ Кіев. унив., стр. 175—179; статья Кулаковскаго. «Album academicum», 1888.—«Dorpat», 1853, V. 131.—Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русск. писателей, В. II, стр. 20—21, въ Ш стр. 7., в. V стр. 6.—«Новое Время» 1882 г. № 2181.—«Московскія Вѣдомости» 1882 г. № 86.—«Свѣтъ» 1882 г. № 68.—Шульгинъ, Исторія унив. Св. Владиміра.—Брокгаузъ и др. *Ч—съ.*

Деллингсгаузенъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, баронъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Эстляндской губерніи, родился въ 1794 г., умеръ въ 1810 году, Въ 1845 году онъ вступилъ на службу колонновожатымъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ прапорщики произведенъ въ 1811 году. Въ 1812 году состоялъ при князѣ Багратіонѣ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Могилевѣ и Смоленскѣ, а затѣмъ при Бородинѣ (за что награжденъ чиномъ подпоручика) и въ другихъ сраженіяхъ этой кампаніи. Въ кампанію 1813 года Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ бояхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ, Пирнѣ, Кульмѣ и въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, гдѣ отличился и получилъ въ награду золотую шпагу съ надписью за „храбрость". Въ томъ-же году произведенъ въ поручики. Участвовалъ во многихъ сраженіяхъ кампаніи 1814 года и за отличіе при Баръ-сюръ-Объ получилъ штабсъ-капитанскій чинъ. Въ 1816 году баронъ Деллингсгаузенъ былъ переведенъ на службу въ гвардейскій генеральный штабъ и въ 1818 году произведенъ въ капитаны. Въ 1821 году переведенъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, съ назначеніемъ въ адъютанты къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу. Въ томъ же году произведенъ въ полковники, а въ 1825 году назначенъ флигель-адъю-

*

тантомъ къ Императору Николаю I. Въ 1828 году произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ Свитѣ Его Величества, а затѣмъ назначенъ былъ начальникомъ штаба 7-го пѣхотнаго корпуса. Въ турецкую кампанію 1828—1829 гг. Иванъ Ѳедоровичъ принялъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, причемъ 7-го іюля, при преслѣдованіи разбитаго турецкаго отряда близъ мѣстечка М. Праводы, отбилъ турецкій обозъ и взялъ въ плѣнъ много турокъ, вскорѣ послѣ чего назначенъ былъ начальникомъ штаба въ отрядѣ ген.-лейт. Бенкендорфа, а вслѣдъ затѣмъ—отряднымъ командиромъ и главнымъ начальникомъ прикрытія нашихъ военныхъ сообщеній, которыя и оберегалъ очень удачно. При наступленіи войскъ г.-л. Сухозанета противъ корпуса Омера-Вріоне-паши, генералъ Деллингсгаузенъ командовалъ авангардомъ, причемъ, 15 сентября 1828 года, взялъ приступомъ укрѣпленный турецкій лагерь при м. Гаджи-Асатларѣ, за что и удостоился получить золотую, алмазами украшенную, шпагу, съ надписью, „За храбрость“. Затѣмъ, по соединеніи корпуса принца Евгенія Виртембергскаго съ отрядомъ г.-л. Сухозанета, Иванъ Ѳедоровичъ командовалъ общимъ авангардомъ этихъ соединенныхъ силъ и 17 сентября взялъ штурмомъ передовыя укрѣпленія укрѣпленнаго лагеря Омера-Вріоне-паши, а вечеромъ искусно прикрылъ отступленіе нашихъ войскъ. 3-го октября того же года на долю Ивана Ѳедоровича выпало счастье разбить турецкій арріергардъ при рѣкѣ Камчикѣ и овладѣть тетъ-де-пономъ, за что молодой генералъ получилъ орденъ Св. Георгія 4-го класса. Въ кампанію 1829 года принималъ участіе въ боѣ при Эски-Арнаутларѣ, въ сраженіи подъ Кулевчей и въ дѣлахъ подъ Шумлою, причемъ 30 и 31 мая овладѣлъ передовыми укрѣпленіями этой крѣпости.

Въ польско-русскую войну 1831 года Деллингсгаузенъ сначала былъ въ отрядѣ ген.-лейт. барона Крейца, причемъ, командуя летучимъ отрядомъ, 5 февраля занялъ г. Радомъ, гдѣ уничтожилъ польскіе склады боевыхъ припасовъ за что и былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й ст. съ Императорскою короною. 27 февраля Иванъ Ѳедоровичъ, командуя колонною спѣшенныхъ драгунъ, лично повелъ ее на штурмъ Люблинскихъ укрѣпленій и взялъ приступомъ г. Люблинъ, причемъ былъ раненъ въ правую ногу. За это дѣло баронъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степ. 16 апрѣля Деллингсгаузенъ, за отличія, оказанныя при уничтоженіи польскаго корпуса, получилъ орденъ Св. Георгія 3 кл. 27 и 28, въ дѣлахъ при Каміонкѣ и Любартовѣ, Иванъ Ѳедоровичъ отличался снова, освободивъ удачною атакою окруженный Хржановскимъ отрядъ г.-м. Фези. Вскорѣ затѣмъ баронъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-го пѣх. корпуса, въ г. Сѣдлецъ, откуда былъ командированъ въ Литву для исполненія той же должности при находящихся тамъ войскахъ. Здѣсь, по приказанію главнокомандующими резервною арміей, баронъ назначенъ былъ авангарднымъ начальникомъ всѣхъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ отрядовъ Гелгуда и Хлаповскаго, причемъ неоднократно отличился и, въ концѣ концовъ, принудилъ корпусъ Гелгуда отступить, съ большимъ урономъ, въ Пруссію.

По окончаніи дѣлъ въ Литвѣ, Деллингсгаузенъ присоединился къ главной арміи, вмѣстѣ съ которой участвовалъ въ штурмѣ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и городового вала; при этомъ отъ взрыва порохового погреба Деллигсгаузенъ былъ сильно контуженъ камнемъ въ правую ногу. За отличія, оказанныя при штурмѣ Варшавы, баронъ удостоенъ былъ орденомъ св. Владиміра и, кромѣ того, за всѣ вообще отличія въ войну 1831 года получилъ Высочайшее благоволеніе, объявленное въ приказѣ 2 октября; 6-же октябръ Иванъ Ѳедоровичъ назначенъ былъ въ генералъ-адъютанты къ Его Императорскому Величеству. Въ концѣ того же года баронъ былъ уволенъ отъ должности начальника штаба 2-го пѣх. корпуса и, въ 1833 году, получилъ въ начальствованіе 17-ю пѣхотную дивизію, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи.

Указомъ Правительствующаго Сената отъ 15 іюня 1837 года, Деллингсгаузенъ былъ назначенъ членомъ Временнаго Совѣта для управленія департаментомъ государственныхъ имуществъ, а въ 1838 г. Высочайшимъ приказомъ – директоромъ 5-го департамента министерства государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи. 27 ноября 1841 года, Иванъ Ѳедоровичъ, согласно съ просьбой

своей, получилъ увольненіе отъ службы съ мундиромъ и съ пенсіономъ оклада двухъ третей жалованья.

Баронъ И. Ѳ. Деллингсгаузенъ былъ женатъ на дочери графа Ламсдорфа—Аннѣ.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба: Книги формулярныхъ списковъ (№ 830); Пузыревскій «Польско-Русская война 1831 г.».

М. Р—й.

Деллингсгаузенъ, баронъ, *Эдуардъ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 5 августа 1824 года, умеръ въ 1888 году. Деллингсгаузенъ происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи, кончилъ курсъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ декабрѣ 1841 года и произведенъ въ мичманы съ назначеніемъ въ 25-й флотскій экипажъ, но тогда же оставленъ для слушанія курса въ офицерскихъ классахъ морскаго корпуса. По окончаніи курса Эдуардъ Карловичъ до марта 1846 года былъ въ экипажѣ, а въ мартѣ былъ, за болѣзнью, уволенъ съ чиномъ лейтенанта. Морская служба не пришлась по вкусу молодому офицеру—и тотъ же 1846 годъ, въ сентябрѣ, застаетъ его уже прапорщикомъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка съ назначеніемъ адъютантомъ къ бывшему начальнику главнаго штаба Кавказской арміи, генералъ-адъютанту Коцебу. Съ этого времени начинается боевая дѣятельность Деллингсгаузена, который уже въ январѣ 1847 года принялъ участіе въ экспедиціи въ Галашевское ущелье, въ отрядѣ генералъ-маіора Нестерова. Въ томъ же году послѣдовало производство въ подпоручики и затѣмъ въ поручики (іюнь), за отличіе въ дѣлахъ при дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ главнаго отряда Кавказскаго намѣстника, генералъ-адъютанта князя Воронцова. Въ 1848 году баронъ принималъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ дагестанскаго отряда генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго и удостоился получить ордена св. Анны 4-й степени „за храбрость“ и св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Слѣдующій годъ доставилъ Эдуарду Карловичу возможность отличиться дважды: при взятіи аула Чохъ и при разсѣяніи скопищъ Шамиля; за эти два дѣла Деллингсгаузенъ былъ произведенъ въ штабсъ капитаны. Въ 1850 году барону пришлось принимать дѣятельное участіе въ устройствѣ Куринскихъ укрѣпленій (въ отрядѣ генералъ-маіора Козловскаго), лагеря и рубкѣ лѣса на Качкалыковскихъ высотахъ, за что и былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ. Въ 1851 г. Эдуардъ Карловичъ за новыя отличія въ дѣлахъ съ горцами на р. Бѣлой, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Завадовскаго, получилъ маіорскіе эполеты и зачисленъ по арміи. Слѣдующій годъ прошелъ спокойно, но уже въ 1853 году Деллингсгаузенъ очутился на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и въ отрядѣ генералъ-лейтенанта князя Барятинскаго участвовалъ въ экспедиціи въ Галашевское ущелье и въ бояхъ съ Шамилемъ. За отличіе, оказанныя въ этихъ дѣлахъ, Эдуардъ Карловичъ производится въ подполковники и, по распоряженію главнокомандующаго Кавказской арміей, прикомандировывается къ Егерскому генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго, полку.

Начало войны 1853 года застало барона Деллингсгаузена адъютантомъ у начальника штаба 4-го и 5-го корпусовъ на Дунаѣ, генералъ-адъютанта Коцебу, причемъ за дѣятельность при осадѣ Силистріи онъ удостоился ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и золотой полусабли съ надписью „за храбрость“. Въ февралѣ 1855 года Эдуардъ Карловичъ получилъ назначеніе командующимъ Орловскимъ егерскимъ графа Паскевича Эриванскаго полкомъ, но, еще не отправившись къ мѣсту новаго служенія, былъ назначенъ командующимъ формировавшимся тогда Витебскимъ резервнымъ егерскимъ полкомъ, съ производствомъ, 30 августа, за отличіе, въ полковники. Съ 1857 года Деллингсгаузенъ командовалъ Нарвскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а въ 1863 году, за отличіе при усмиреніи польскаго мятежа, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа. Затѣмъ, въ 1864 году, баронъ былъ назначенъ для особыхъ порученій при штабѣ Одесскаго военнаго округа, а въ 1867 году состоялъ при 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и въ февралѣ того же года назначенъ былъ командующимъ сперва 11-ю пѣхотною дивизіею, а затѣмъ, въ 1869 году, командующимъ 26-ю пѣхотною дивизіею. Въ 1871 году Деллингсгаузенъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

На войну 1877—78 г.г. баронъ Деллингсгаузенъ отправился во главѣ 26-й пѣхотной дивизіи, которая и поступила, послѣ своей переправы черезъ Дунай, въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича (въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III), гдѣ послѣдовательно начальствовалъ Копровицкимъ, Чаиркіойскимъ и Тырновскимъ отрядами, и успѣшно отражалъ нападенія турокъ. Состоя командующимъ 11-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, расположеннымъ на южной части обширнаго фронта, занятаго рущукскимъ отрядомъ Наслѣдника Цесаревича, Деллингсгаузену пришлось принять на себя ударъ Сулеймана-паши, направленный на Елену и Тырново. Отсутствіе должной энергіи въ дѣйствіяхъ турокъ и настойчивая энергія, проявленная Эдуардомъ Карловичемъ въ сборѣ подкрѣпленій, помогли намъ благополучно выйти изъ крайне тяжелаго положенія. Въ январѣ 1878 года баронъ командовалъ лѣвымъ боковымъ отрядомъ (12 батальоновъ, 8 эскадроновъ, 38 орудій), который долженъ былъ перевалить черезъ Балканы у Твардицы, что и было исполнено безъ боя, но съ величайшими трудностями движенія по обледенѣлымъ горнымъ кручамъ. Послѣ перехода черезъ Балканы и занятія Адріанополя, Эдуардъ Карловичъ назначенъ былъ командиромъ 9-го армейскаго корпуса и Адріанопольскимъ генералъ-губернаторомъ. За военныя отличія въ 1877—78 годахъ Деллингсгаузенъ былъ удостоенъ ордена Бѣлаго Орла съ мечами и золотою, украшенною брилліантами, шпагою съ надписью „за храбрость".

Въ августѣ 1878 года генералъ-лейтенантъ баронъ Деллингсгаузенъ назначенъ командиромъ 3-го армейскаго корпуса, а въ іюлѣ 1882 года—командиромъ 14-го армейскаго корпуса. Въ томъ же 1885 году Эдуардъ Карловичъ былъ произведенъ (въ октябрѣ) въ генералы отъ инфантеріи, съ увольненіемъ отъ службы.

„Русскій Инвалидъ", 1888 годъ. № 253; „Списки генераловъ по старшинству за соотвѣтствующіе года"; „Военный Сборникъ" (русское военное обозрѣніе и разныя статьи) съ 1887 года и далѣе; „Русская Старина", т. LVII. *М. Р—й.*

Де-Лу, *Алексѣй*. Ему принадлежатъ двѣ книжки весьма посредственныхъ стихотвореній: 1) «Новость 1802 года. Гостинецъ. Отъ души... отъ сердца, въ стихахъ разнаго рода. М. 1802. Въ Унив. типографіи 32^0 X + 76 + XII. 2) Новый годъ. И новые стихи, новаго поэта. Спб. Въ Имп. типографіи 1807. 12^0 20 стр. (не перемѣченныхъ). На 13-й стр. посвященіе Е. И. В. Александру Павловичу, Вторая книжка стих. Д.—одна изъ многихъ, вызванныхъ патріотическимъ движеніемъ 1807 года. Никакихъ свѣдѣній о Д. не сохранилось. Можетъ быть, нѣкоторый свѣтъ на біографію Д. прольетъ надпись къ стих. «Бардъ» «На прибытіе ревизоровъ Ф... и Н.... въ Воронежскую губернію». («Новость» 1802 годъ стр. 67). По этой надписи и по нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ книжки можно заключить, что авторъ человѣкъ, близко знакомый съ Воронежской жизнью начала XIX вѣка и жившій въ Воронежѣ. Быть можетъ, поэтъ Де-Лу былъ тѣмъ чиновникомъ-актеромъ любителемъ воронежскаго театра въ началѣ XIXв. о которомъ говорится въ «Воспоминаніяхъ Старожила», помѣщенныхъ въ «Воронежск. Губ. Вѣд.» за 1850 г. *П. Щ.*

Дельвигъ, баронъ *Андрей Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, числящійся по инженерному корпусу, сенаторъ, родился 13 марта 1813 г. въ с. Студенецъ, Воронежской губ., первоначальное техническое образованіе Дельвигъ получилъ въ бывшемъ военно-строительномъ училищѣ въ 1828—1829 г. преобразованномъ затѣмъ въ институтъ путей сообщенія, по окончаніи курса въ которомъ въ 1830 г. произведенъ былъ въ прапорщики съ оставленіемъ при институтѣ для продолженія научныхъ занятій. Въ 1832 г. Дельвигъ вышелъ изъ института съ чиномъ поручика за отличіе въ наукахъ и поступилъ на дѣйствительную службу въ третій округъ путей сообщенія, гдѣ и состоялъ съ 1832 г. по 1836 г. въ должности производителя работъ по устройству московскаго водопровода, при чемъ получилъ за успѣшныя работы по этому водопроводу первую награду отъ графа Толя. Въ 1834 и 1835 гг. Дельвигъ работалъ надъ проектами по переустройству ключевыхъ бассейновъ и частей московскаго водопровода, которые и были затѣмъ утвержденія главнымъ управленіемъ путей сообщенія. Въ 1836 г. Дельвигъ былъ назначенъ при сооруженіи тульскаго оружейнаго завода на гидротехническія работы по устройству плотинъ, въ слѣдующемъ

году производилъ гидротехническія изслѣдованія по рѣкѣ Упѣ, съ цѣлью улучшенія судоходства. Въ 1838 г. уже въ чинѣ капитана, Дельвигъ состоялъ при работахъ по соединенію рѣкъ Москвы и Волги. Въ 1839 г. Дельвигъ былъ назначенъ помощникомъ инженеръ-полковника Максимова производителя работъ въ Москвѣ по устройству набережныхъ и по улучшенію судоходства на р. Москвѣ и напечаталъ въ томъ-же году въ Москвѣ первое свое сочиненіе: «Mémoire sur quelques questions techniques relativement au système de l'ancien aqueduc de Moscou», которое обратило вниманіе спеціалистовъ и въ Россіи, и за-границей. Въ 1840 г. Дельвигъ былъ командированъ для осмотра мѣстности у извѣстной Варениковской пристани для устройства переправы чрезъ рѣку Кубань и для проложенія сообщенія между областью черноморскихъ казаковъ и укрѣпленія Новороссійска на Суджукской бухтѣ, чрезъ землю непокорныхъ натухайцевъ; въ 1841 г. занимался составленіемъ смѣтъ по проекту набережныхъ въ Москвѣ, производилъ изысканія съ цѣлью распространенія сѣти московскаго водопровода и устроилъ водоснабженіе въ Московскомъ воспитательномъ домѣ; затѣмъ былъ командированъ для осмотра мѣстности по черноморскому берегу Кавказа близъ Сухума, по случаю предположенныхъ работъ для осушки окрестныхъ болотъ и представилъ проектъ осушенія болотъ начальнику черноморской береговой линіи генералу Анрепу. По приказанію генералъ-адъютанта Граббе осматривалъ поврежденный мостъ на рѣкѣ Кубани близъ крѣпости Прочный Окопъ и составилъ проектъ новаго моста; по порученію генерала Анрепа осмотрѣлъ казенныя зданія Анапскаго военнаго госпиталя и составилъ подробное его описаніе. Въ 1842 г. Дельвигъ занимался работами по устройству постоянной переправы чрезъ рѣку Кубань у Варениковской пристани и, благодаря глубокому знанію дѣла и практической опытности, съ невѣроятной быстротой, въ $1^1/_2$ мѣсяца, окончилъ всѣ работы, которыя были расчитаны по Высочайше утвержденному проекту, по крайней мѣрѣ, на два года. На долю Дельвига выпала честь осуществленія, согласно волѣ Государя, плана устройства постояннаго сухопутнаго сообщенія черноморіи съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря чрезъ землю натухайцевъ. Съ 1842 г. по 1858 г. Дельвигъ состоялъ при главноуправляющемъ путями сообщенія графѣ Клейнмихелѣ и по его порученію составилъ проектъ постояннаго моста чрезъ р. Днѣпръ въ Кіевѣ, перевелъ съ французскаго языка сочиненіе объ освѣщеніи маяковъ, исправилъ Московско-Нижегородское шоссе въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, производилъ работы въ качествѣ директора по устройству шоссе отъ Поморья до Едрова, составилъ проектъ улучшенія С.-Петербургско-Московскаго шоссе и устроилъ шоссе изъ Малоярославца до Бобруйска. Съ 1845 по 1848 г. онъ состоялъ начальникомъ работъ по устройству Нижняго-Новгорода и за устройство въ Нижнемъ, по имъ же составленному проекту, водопроводовъ и фонтановъ удостоился выраженія Высочайшаго благоволенія. Въ 1849 г. во время Венгерской кампаніи былъ назначенъ инспекторомъ военныхъ сообщеній нашей арміи и отправленъ въ главную квартиру ея въ городъ Мишкольцъ въ Венгрію; здѣсь Дельвигъ построилъ мостъ чрезъ рѣку Гернатъ у д. Пога для перехода слѣдовавшаго изъ Дебречина къ арміи 4-го пѣхотнаго корпуса и осматривалъ военную дорогу и почтовыя станціи по тракту отъ Гроссъ-Вардейна чрезъ Токай до Галиціи. За особые труды въ эту кампанію Дельвигъ былъ награжденъ Императорской короной на орденъ св. Анны 2 степени. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ членомъ учебнаго комитета главнаго управленія путей сообщенія, коммисіи по сооруженію постояннаго моста чрезъ р. Неву, технической коммисіи при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ и состоялъ съ этого года начальникомъ московскихъ водопроводовъ, причемъ устроилъ въ 1856 г. водоснабженіе на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ. Съ 1852 г. по 1861 г. Дельвигъ состоялъ предсѣдателемъ архитектурнаго совѣта коммисіи по постройкѣ въ Москвѣ храма Спасителя и членомъ комитета по надзору въ Москвѣ и ея уѣздѣ за устройствомъ фабрикъ и заводовъ. Въ продолженіи 10-ти лѣтъ съ 1861 г. по 1871 г. Дельвигъ, состоя въ должности главнаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ, принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ 32 желѣзныхъ дорогъ длиною въ 11,222 версты. Въ 1868 г. Дельвигъ, по случаю преобра-

зованія корпуса инженеровъ путей сообщенія, зачисленъ по инженерному корпусу военнаго вѣдомства, былъ назначенъ членомъ комитета желѣзныхъ дорогъ, получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и назначенъ членомъ коммисіи генералъ-лейтенанта Зиновьева для начертанія путей, могущихъ служить для скораго подвоза хлѣба въ часто страдающія отъ неурожая сѣверныя губерніи, въ слѣдующемъ, 1869 г., Дельвигъ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства путей сообщенія и постояннымъ членомъ комитета при военномъ министерствѣ по передвиженію войскъ желѣзными дорогами и водою, а также сенаторомъ, причемъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ, въ отсутствіе графа Бобринскаго, временно управлялъ министерствомъ путей сообщенія. Въ 1871 г. Дельвигъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, оставилъ службу по министерству путей сообщенія и назначенъ присутствующимъ сенаторомъ въ 1-й межевой департаментъ, гдѣ и состоялъ до самой смерти, послѣдовавшей 20 января 1887 г. Съ 8 марта 1867 по 20 ноября 1870 г. Дельвигъ былъ первымъ предсѣдателемъ образованнаго при его участіи русскаго техническаго общества, которое многимъ обязано энергической дѣятельности своего перваго предсѣдателя. Къ этому-же періоду относится и дѣятельность Дельвига по участію въ разработкѣ положеній и самомъ созданіи техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ, первыя изъ которыхъ возникли по его почину на средства, добровольно отчисленныя частными желѣзными дорогами. Одно изъ такихъ училищъ учреждено въ 1870 г. въ Москвѣ, подъ названіемъ: «Дельвиговское желѣзнодорожное училище», для котораго Дельвигъ пожертвовалъ домъ и устроилъ при немъ общежитіе, обезпечивъ его капиталомъ. И по оставленіи мѣста предсѣдателя, Дельвигъ, избранный почетнымъ членомъ техническаго общества и почетнымъ членомъ совѣта, не переставалъ заботливо относиться къ основаннымъ обществомъ школамъ для взрослыхъ рабочихъ, постоянно изыскивая средства для нихъ и привлекая пожертвованія; такъ, напр., въ 1883 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе трехъ стипендій имени барона Дельвига; съ 1875 г. по 1877 г. Дельвигъ былъ предсѣдателемъ съѣзда машиностроителей и членомъ коммисіи для снабженія желѣзныхъ дорогъ рельсами и подвижнымъ составомъ. Въ 1881 г. Дельвигъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своей служебной дѣятельности въ офицерскихъ чинахъ и въ день юбилея былъ произведенъ въ чинъ генералъ-инженера.

Дельвигъ былъ не только выдающимся практическимъ дѣятелемъ и глубокимъ знатокомъ дѣла, безъ участія котораго не обходилась почти ни одна спеціальная коммисія по водопроводному дѣлу, но и выдающеюся научною величиною. Особенное значеніе труды его имѣютъ въ исторіи русской гидротехники: онъ первый пересадилъ гидравлику съ французской почвы на русскую и первый указалъ русскимъ инженерамъ всю важность теоріи водопроводовъ, разработанную во Франціи—разсадникѣ гидротехническаго искусства. Особенно многимъ обязана Дельвигу Москва, водопроводы которой съ Мытищенскою водою—созданіе его рукъ и его ума. Дельвигъ — неутомимый работникъ на практическомъ полѣ дѣятельности—всегда охотно дѣлился своими знаніями и опытностью со своими товарищами по спеціальности и путемъ устнаго слова и печатно. Въ 1857 г. Дельвигомъ издано знаменитое его сочиненіе, заслужившее Демидовскую премію и составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость: «Руководство къ устройству водопроводовъ», сочиненіе, представляющее собою одно изъ самыхъ крупныхъ явленій нашей русской технической литературы; сочиненіе это по всесторонности теоретической разработки самыхъ сложныхъ вопросовъ гидравлики, является какъ-бы энциклопедіею всѣхъ работъ по гидротехникѣ, которыя были сдѣланы до того времени. Кромѣ того, имъ написаны: «Описаніе водоснабженія на Ходынскомъ полѣ», Спб., 1857 г.; «Изслѣдованіе г. Дарси о движеніи воды въ трубкахъ», Спб., 1859 г.; «Историческое обозрѣніе искусства проводить воду» («Вѣстникъ промышленности», 1859 г., т. I—II, № 3—5, отд. III, стр. 284—328, 1—54 и 131—152); «Московскіе водопроводы въ 1859 году» М. 1860 г.—оттискъ изъ «Вѣстника промышленности», 1860 г., № 6; «Московскіе водопроводы въ 1860 г.» («Вѣстникъ промышленности», 1861 г., т. XIII, № 7, отд. II, стр. 1—14); «По поводу статьи академика

Гельмерсена объ артезіанскихъ колодцахъ»; «О вліяніи воздуха въ водопроводныхъ трубахъ» (въ «Журналѣ министерства путей сообщенія») и статья «The Moscow Waterworks», помѣщенная въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ.

Формулярный списокъ о службѣ Дельвига № 1878 по сенатскому архиву. „Записки Императорскаго русскаго техническаго общества", 1888 г., вып. 6, стр. 1—21, рѣчи: П. А. Кочубея, М. И. Алтухова, Н. Ѳ. Эгерштрома и Е. Н. Андреева и некрологъ инженера Котляревскаго. Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойн. русск. писателей, вып. VII, стр. 24.—„Московскія вѣдомости", 1887 г., № 25 и 1888 г., № 25.—Брокгаузъ, Энциклоп. слов., т. X, стр. 347—348. Юбилей 50-лѣтней службы въ офиц. чинахъ сенатора, г. л., барона А. И. Дельвига, 19 іюня 1880 г. Спб., 1880. Ч.

Дельвигъ, баронъ *Антонъ Антоновичъ (Отто-Яковъ)*, окружный генералъ 2-го округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генер.-маіоръ (р. 1772 г. ум. 1828). Происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи. Въ службу вступилъ сержантомъ въ 1788 году; въ 1790 г. — произведенъ въ прапорщики. Въ 1792 году, подпоручикомъ поступилъ въ Эстляндскій егерскій корпусъ, въ 1-й батальонъ, но вскорѣ затѣмъ, по прошенію, перевелся въ Ревельскій гарнизонъ, изъ котораго въ январѣ 1793 года переведенъ въ Морской батальонъ, а въ сентябрѣ того же года, уже поручикомъ, — въ Астраханскій гренадерскій полкъ. Въ декабрѣ 1796 года баронъ Антонъ Антоновичъ назначенъ плацъ-адъютантомъ въ Москву, а въ 1806 году,—плацъ-маіоромъ, въ тотъ же городъ,—и въ 1811 году, съ оставленіемъ при той же должности, изъ Астраханскаго гренадерскаго полка переведенъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ. Въ 1811 же году Антонъ Антоновичъ былъ произведенъ въ полковники того же полка, а въ 1816—въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 23-й пѣхотной дивизіи. Но въ декабрѣ того же года баронъ Дельвигъ назначенъ былъ командиромъ бригады 26-й пѣходной дивизіи, а въ 1817 году показанъ состоящимъ по арміи. Затѣмъ Антонъ Антоновичъ перешелъ въ отдѣльный корпусъ внутренней стражи, сначала окружнымъ генераломъ 1-го округа (1818), а потомъ - окружнымъ генераломъ 2-го округа (1821 годъ).

Баронъ Дельвигъ участвовалъ въ отличіемъ въ шведской кампаніи въ 1789—1792 годахъ и въ польской 1793 года. Въ числѣ орденовъ его значится, между прочимъ, орденъ св. Георгія 4-й степени съ надписью «за 25 лѣтнюю службу». Антонъ Антоновичъ женился (около 1796 года) на дочери статскаго совѣтника, Любовь Матвѣевнѣ Красильниковой. Первенцемъ отъ этого брака былъ извѣстный поэтъ и другъ А. С. Пушкина, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ (родился въ 1798 году). Кромѣ него, у Дельвига-отца были дѣти: Александръ, Иванъ, Марія, Варвара, Анна, Глафира и Любовь. 26-го ноября въ семьѣ Дельвиговъ произошло важное и многознаменательное семейное событіе: баронъ-отецъ, по желанію своему помазался св. мvромъ и принялъ греко-россійское исповѣданіе. Умеръ Антонъ Антоновичъ въ 1828 году, состоя по прежнему окружнымъ генераломъ 2-го округа Внутренней Стражи.

Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба: книга формулярныхъ списковъ, доставленныхъ отъ 2-го округа отдѣльнаго корпуса Внутренней Стражи за 1826 годъ, по Архиву № 8200.

Дельвигъ, баронъ *Антонъ Антоновичъ*, сынъ род. въ Москвѣ 6 августа 1798 г. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія, подъ надзоромъ гувернеровъ, былъ помѣщенъ въ концѣ 1811 г. въ только-что открывшійся Царскосельскій лицей. О раннемъ дѣтствѣ Дельвига намъ извѣстно очень мало: мы знаемъ лишь, что онъ проявлялъ большую живость воображенія и охотно занимался миѳологіей, что впослѣдствіи отразилось и въ его литературной дѣятельности. Въ лицеѣ Дельвигъ становится товарищемъ и другомъ Пушкина: ихъ связываютъ не только совмѣстная жизнь, но и летературныя занятія, которыя, какъ извѣстно, процвѣтали въ лицеѣ и представляли собою одну изъ самыхъ благопріятныхъ сторонъ воспитанія въ этомъ учебномъ заведеніи. Участвуя вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Илличевскимъ и Корсаковымъ въ изданіи рукописныхъ школьныхъ журналовъ (между прочимъ въ «Лицейскомъ Мудрецѣ» имѣется помѣта: «Печатать разрѣшается. Цензоръ баронъ Дельвигъ», изъ чего Я. К. Гротъ заключаетъ, что Дельвигъ, «всѣми уважаемый за свою основательность, просматривалъ статьи до переписки ихъ на-чисто»), Дельвигъ очень рано, вмѣстѣ съ тѣми же товарищами,

начинаетъ печатать свои стихотворенія. Въ 1814 г. въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщены имъ патріотическая ода: «На взятіе Парижа» и стихотворенія: «къ Діону», «Къ поэту-математику», «къ Лилетѣ», «Эпиграмма», «Старикъ», «Первая встрѣча». Въ слѣдующемъ году нѣсколько стихотвореній было напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ». Другія извѣстныя намъ произведенія Дельвига этого времени, за исключеніемъ «Прощальной пѣсни воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», помѣщенной въ «Сынѣ Отечества» 1817 г., появились въ печати уже позже или въ «Трудахъ Общ. Любит. Рос. Словесности» 20 годовъ, или же послѣ смерти поэта въ «Русскомъ Архивѣ», «Современникѣ», «Библіографическихъ Запискахъ». Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о строгой разборчивости Дельвига по отношенію къ своимъ произведеніямъ, между тѣмъ какъ его товарищи очень высоко цѣнили его поэтическое дарованіе, что видно, не говоря уже о позднѣйшихъ похвалахъ Пушкина, изъ любопытной характеристики лицейскихъ произведеній Дельвига, которую мы находимъ въ письмѣ Илличевскаго къ Фуссу отъ 28 февраля 1816 г. «Познакомясь рано съ музами, говоритъ Илличевскій, музамъ пожертвовалъ онъ большую часть своихъ досуговъ. Быстрыя его способности (если не геній), совѣты свѣдущаго друга отверзли ему дорогу, которой держались въ свое время Анакреоны, Горація, а въ новѣйшіе годы — Шиллеры, Рамлеры, ихъ вѣрные послѣдователи и подражатели; я хочу сказать, онъ писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ—*метромъ*. Симъ метромъ написалъ онъ *къ Діону, къ Лилетѣ, къ больному Горчакову*—и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, т. е. писалъ ямбомъ: *Полякъ* (балладу) *Тихую жизнь* (которую пришлю тебѣ), мастерское произведеніе, и писалъ опять прекрасно. Странно, что человѣкъ такого веселаго, шутливаго нрава (ибо онъ у насъ одинъ изъ лучшихъ острякovъ), не хочетъ блеснуть на поприщѣ эмиграммы». Оставляя въ сторонѣ нѣкоторое товарищеское преувеличеніе достоинствъ Дельвига и фактическую неточность относительно эпиграммы (одна эпиграмма на Кюхельбекера была даже напечатана), въ общемъ этотъ отзывъ нельзя не признать правильнымъ: дѣйствительно, попытка писать метромъ есть оригинальная черта Дельвига, а стихотвореніе: «Тихая жизнь» можетъ быть названо мастерскимъ, особенно потому, что оно весьма характерно для Дельвига, такъ какъ выражаетъ тотъ идеалъ, которому Дельвигъ сочувствовалъ въ теченіе всей своей жизни. Этотъ идеалъ—эпикурейская уравновѣшенность: поэтъ не уносится мечтами, не ищетъ славы, а довольствуется благами частной, спокойной жизни,

Спокойно цѣлый вѣкъ проводитъ онъ въ трудахъ,
Полета быстраго часовъ не примѣчая;
Устанетъ, наконецъ—и съ думой о друзьяхъ
Предастся смерти онъ, пріятно засыпая.
Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
Умру—и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ...
Что нужды? я блаженъ; я живши могъ найти
Покой въ безвѣстности и счастіе въ Лилетѣ.

Эпикуреизмъ Дельвига граничилъ прямо съ лѣнью, что, можетъ быть, объясняется и физіологической причиной—его тучностью. Среди товарищей онъ былъ извѣстенъ, какъ лѣнтяй: недаромъ въ лицейской пѣсенкѣ о немъ говорилось:

Дельвигъ мыслитъ на досугѣ:
Можно спать и въ Кременчугѣ.

Въ іюнѣ 1817 г. Дельвигъ окончилъ курсъ лицея и, побывавъ у родителей въ Полтавской губерніи, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ опредѣлился на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Въ 1819 г. онъ переходитъ въ канцелярію министерства финансовъ, а въ 1821 г. въ Императорскую публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря, подъ начальство И. А. Крылова. Дельвигъ, какъ говоритъ біографъ Крылова, П. А. Плетневъ, былъ «столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ», такъ что въ этомъ случаѣ сошлись два поэта, «равно лѣнивыхъ». Черезъ четыре года Дельвигъ опредѣлился на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ 1828 г. былъ командированъ на слѣдствіе въ южныя губерніи, а съ 1829 г. до своей смерти, послѣдовавшей 14 января 1831 г., служилъ въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій.

Рядомъ съ службою шли литературныя занятія Дельвига. Вскорѣ по выходѣ изъ Лицея онъ становится членомъ С.-Петербурскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и помѣщаетъ свои

стихотворенія въ его трудахъ, печатавшихся въ журналѣ А. Е. Измайлова: «Благонамѣренный»; въ 1819 г. Дельвигъ поступаетъ въ Вольное Общество любителей россійской словесности и принимаетъ участіе въ издававшемся обществомъ сборникѣ. Въ это время, сохраняя дружескія связи съ лицейскими товарищами, особенно съ Пушкинымъ, онъ сближается съ Баратынскимъ, Языковымъ, Коншинымъ, Гнѣдичемъ, Плетневымъ, барономъ Розеномъ, вступаетъ въ кругъ лучшихъ тогдашнихъ писателей. Принимаетъ онъ участіе и въ литературномъ салонѣ сестры своего товарища, С. Д. Пономаревой; онъ увлекается ея обаятельной личностью и посвящаетъ ей нѣсколько граціозныхъ стихотвореній. Сотрудничаетъ Дельвигъ и въ «Невскомъ Зрителѣ», и въ альманахѣ «Полярная Звѣзда», гдѣ, между прочимъ, помѣщено имъ стихотвореніе «Вдохновеніе», любопытное, какъ по нѣкоторому отдаленному сходству съ стихотвореніемъ Пушкина «Поэтъ», такъ въ особенности по взгляду на поэзію, не совсѣмъ совпадающему съ общимъ эпикурейскимъ характеромъ воззрѣній Дельвига. Поэтъ уже не говоритъ здѣсь о «покоѣ безвѣстности»; напротивъ, онъ «клеветѣ мститъ славою своей», «дѣлится безсмертіемъ съ богами», онъ не знаетъ прежней спокойной жизни, но

...Презрѣнный гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками.

Весьма возможно, что это отступленіе (хотя и слабое) отъ эпикуреизма навѣяно кружкомъ «Полярной Звѣзды», кружкомъ, въ которомъ можно видѣть зарожденіе особаго направленія нашего романтизма, которое дало начало такъ называемой, гражданской поэзіи творить только для себя, для «Лилеты», совсѣмъ не соотвѣтствовало взглядамъ этого кружка, которому болѣе сочувственнымъ представлялся образъ поэта, обращающагося къ обществу, хотя бы и грядущихъ вѣковъ.

Въ январѣ 1825 г. Дельвигъ начинаетъ, вмѣстѣ съ О. М. Сомовымъ, издавать, по предложенію книгопродавца Сленина, альманахъ «Сѣверные Цвѣты», въ которомъ принимаютъ участіе Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій и др. Весной того же года онъ посѣтилъ своего опальнаго друга, А. С. Пушкина въ селѣ Михайловскомъ, и, вспоминая объ этомъ посѣщеніи въ стихотвореніи «19 октября 1825 года», Пушкинъ говоритъ, что Дельвигъ въ немъ «пробудилъ сердечный жаръ и проводитъ интересную параллель между собой и Дельвигомъ.

...Я любилъ уже рукоплесканья,
Ты—гордый—пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

30 октября 1825 г. Дельвигъ вступаетъ въ бракъ съ С. М. Салтыковой, получившей отличное образованіе, и съ этого времени его домъ обращается въ видный литературный, артистическій салонъ: у него собираются поэты, журналисты, музыканты. Самъ хозяинъ отлично умѣетъ объединять собирающееся у него общество, такъ что оно, по словамъ Плетнева, одушевлялось отъ одного присутствія его». Понятно, что въ смыслѣ литературной производительности этотъ періодъ жизни Дельвига является наиболѣе важнымъ: кромѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», которые издаются имъ все это время, онъ выпускаетъ въ 1829—1830 г.г. двѣ книжки альманаха «Подснѣжники», а въ 1830 г. предпринимаетъ изданіе «Литературной Газеты», выходившей каждые пять дней, подъ редакторствомъ О. М. Сомова. Душою этого предпріятія былъ А. С. Пушкинъ, съ самаго возвращенія изъ ссылки ставшій постояннымъ гостемъ въ салонѣ Дельвига и внушившій ему мысль объ изданіи, которое было бы органомъ новаго литературнаго теченія. Такое близкое участіе Пушкина въ этомъ дѣлѣ послужило для его литературныхъ враговъ основаніемъ къ измышленію, будто произведенія самого Дельвига пишутся частью Пушкинымъ, частью Баратынскимъ. Лѣнивому, неподвижному Дельвигу, пришлось пуститься въ полемику, пришлось выяснять свои литературныя воззрѣнія, и результатомъ были нѣкоторыя очень мѣткія эпиграммы и критическія статьи, не лишенныя серьезныхъ достоинствъ, обнаруживающія тонкій вкусъ Дельвига и весьма любопытныя сужденія о литературныхъ вопросахъ. Но враги прибѣгали и къ нелитературнымъ средствамъ борьбы; такъ, одинъ доносъ Булгарина вызвалъ выговоръ со стороны гр. Бенкендорфа.

Поэтическія произведенія Дельвига весьма немногочисленны. Среди нихъ особое мѣсто занимаютъ стихотворенія на случай: эпиграммы, шуточныя стихотворенія, пародіи, мадригалы. Всѣ они отличаются граціей, чувствомъ мѣры, никогда не измѣняющимъ поэту, въ ироніи его много мѣткости, язвительности; однако, особенно важнаго значенія этотъ отдѣлъ произведеній Дельвига не имѣетъ, такъ какъ подобныхъ стиховъ въ его время писалось вообще очень много. Въ числѣ этихъ произведеній, къ контрасту съ общимъ настроеніемъ поэзіи Дельвига, выдѣляется, кромѣ упомянутаго стихотворенія «Вдохновеніе», посланіе «Петербургскимъ цензоромъ»: это рѣзкая, гнѣвная сатира на современное поэту угнетеніе литературы разными представителями суевѣрнаго лицемѣрнаго мистицизма, которыхъ Дельвигъ клеймитъ презрѣніемъ. Гораздо важнѣе и для характеристики самого поэта, и въ историко-литературномъ отношеніи довольно большой отдѣлъ антологическихъ стихотвореній особенно идиллій Дельвига: послѣ псевдоклассическихъ идиллій XVIII вѣка, исполненныхъ крайней условности, до нельзя приторныхъ, Дельвигъ даетъ прекрасные образцы, въ которыхъ онъ вполнѣ воскрешаетъ духъ древнихъ греческихъ произведеній этого рода. Въ такихъ идиліяхъ, какъ «Друзья», «Купальницы», «Титиръ и Зоя». «Конецъ Золотого вѣка», «Цефизъ», «Дамонъ», «Отставной солдатъ», мы дѣйствительно встрѣчаемся съ картинками обыденной, не прикрашенной слащавыми подробностями жизни, съ такими же картинками, какія давала греческая идиллія, какія явились на Западѣ у романтиковъ. Внесеніе въ русскую литературу этого рода произведеній составляетъ несомнѣнную заслугу Дельвига, которому въ этомъ случаѣ, можетъ быть, много содѣйствовали, какъ его знакомство съ нѣмецкой новой литературой, такъ и его эпикурейское міросозерцаніе, его поэтическая уравновѣшенность: именно тихимъ, спокойнымъ изяществомъ вѣетъ отъ его идиллій. Третій отдѣлъ поэтическихъ произведеній Дельвига составляютъ романсы и подражанія народнымъ пѣснямъ; въ сущности послѣднія часто походятъ тоже на романсы, такъ какъ въ нихъ слишкомъ много романтической чувствительности, не свойственной русскимъ народнымъ пѣснямъ; однако слѣдуетъ сказать, что иногда подражанія эти бывали вполнѣ удачны. Таковы, напримѣръ, пѣсни: «Ахъ ты, ночь ли, ноченька», «Какъ за рѣчепькой слободушка стоитъ», «Сиротинушка-дѣвушка», «Соловей, мой соловей».—Не велико поэтическое наслѣдіе, оставленное Дельвигомъ, но въ немъ есть несомнѣнныя достоинства, благодаря которымъ Дельвигу пренадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто среди поэтовъ Пушкинскаго періода; а кромѣ того онъ имѣетъ важное значеніе по своимъ литературнымъ связямъ и въ особенности по дружескимъ отношеніямъ съ Пушкинымъ, который цѣнилъ какъ его личность, такъ и его поэзію.

См. „Современникъ“ 1853 года и 1854 года — 1 и 9, статью Гаевскаго, «Сочиненія Дельвига, подъ ред. Вал. Вл. Майкова, изд. „Сѣвера“, со вступительной статьей редактора Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899 *А. Бороздинъ.*

Дельвигъ, баронъ, *Карлъ Борисовичъ*, генералъ-поручикъ, Выборгскій оберъ-комендантъ, происходилъ изъ древней германской фамиліи Dellwig, извѣстной съ XIII-го вѣка. Одинъ изъ членовъ этого рода, баронъ Бернгардъ-Реймъ, въ 1723 г. переселился изъ Швеціи въ Эстляндію и сдѣлался родоначальникомъ русскихъ Дельвиговъ. Принятъ въ 1764 г. въ русскую армію изъ Голштинской службы. Въ 1766 году пожалованъ полковничьимъ чиномъ. Въ 1769 г. былъ въ походѣ отъ Оренбурга до Таганрога, для приведенія города этого въ оборонительное состояніе. Въ русско-турецкую войну 1768—1774 г. участвовалъ въ походѣ на Крымъ. Въ 1773 году произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1779—въ генералъ-поручики. Оберъ-комендантомъ Выборга назначенъ 24 ноября 1780 года. Умеръ послѣ 1790 года.

Формулярный о службѣ списокъ въ арх. Гл. Штаба.

Дельвигъ, баронъ, *Николай Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ (1814†1870), окончилъ курсъ въ 1 Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 29 конно-артиллерійскую роту. Въ 1836 году молодой Дельвигъ поступилъ въ Императорскую Военную Академію (нынѣ Николаевская Академія генеральнаго штаба), которую и окончилъ въ 1839 г. съ причисленіемъ къ генеральному штабу, причемъ продолжалъ службу

въ 3-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ. Въ 1840 году поручикъ Дельвигъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ и вскорѣ затѣмъ назначенъ въ штабъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Въ слѣдующемъ, 1841 году, началась боевая дѣятельность Николая Ивановича, принявшаго участіе, при 14-й пѣхотной дивизіи, въ Кавказской войнѣ; это участіе ознаменовалось массой стычекъ съ чеченцами во время экспедиціи отряда генералъ-адъютанта Граббе и послѣ нея, причемъ баронъ тогда-же выдѣлился своею храбростью и распорядительностью. 1844 годъ застаетъ Дельвига, уже въ чинѣ штабсъ-капитана въ Дагестанскомъ отрядѣ генерала (впослѣдствіи графа) Лидерса. Опять начался почти непрерывный рядъ боевъ, изъ которыхъ упорный бой 11 іюля, при переправѣ черезъ р. Сулакъ, оказался неблагополучнымъ для Николая Ивановича, получившаго здѣсь свою первую рану пулею въ лѣвую руку. Слѣдующій годъ былъ проведенъ въ борьбѣ съ Шамилемъ, причемъ баронъ Дельвигъ блестяще отличился при овладѣніи Андійскими высотами и во время движенія отъ Дарго къ Герзель-аулу, причемъ былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу. За боевыя отличія, оказанныя во время службы на Кавказѣ, Николай Ивановичъ удостоился орденовъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ и св. Владиміра 4-й степени съ бантами.

1848-й годъ переноситъ капитана Дельвига вмѣстѣ съ 5-мъ корпусомъ въ Дунайскія княжества, а 1848-й въ предѣлы Трансильваніи. Венгерская кампанія дала случай молодому офицеру снова выдѣлиться своими боевыми достоинствами. Особыя отличія оказаны были имъ въ арьергардномъ дѣлѣ при мѣстечкѣ Сентъ-Георги и въ сраженіи при селеніи Репсѣ, за что Дельвигъ и получилъ чинъ подполковника и золотую саблю съ надписью «за храбрость». По окончаніи Венгерской кампаніи подполковникъ Дельвигъ былъ сначала старшимъ адъютантомъ въ штабѣ 5-го пѣхотнаго корпуса, а затѣмъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ въ 13-й пѣхотной дивизіи. Въ 1852 году Николая Ивановича произвели въ полковники и перевели въ Житомірскій егерскій полкъ: штабная служба оставлена была барономъ для чисто строевой, что было большою рѣдкостью въ то время.

Вскорѣ полковникъ баронъ Дельвигъ принялъ живѣйшее участіе въ войнѣ съ турками и въ 1853 году, въ отрядѣ Лидерса, не разъ былъ подъ боевымъ огнемъ, а въ 1854 году принялъ, между прочимъ, участіе въ переправѣ черезъ Дунай у Галаца, въ занятіи Мачина и въ борьбѣ подъ Силистріею. Наградою за эту боевую дѣятельность былъ орденъ св. Владиміра 3 степени и, 18 октября 1854 года, назначеніе командующимъ Владимірскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Съ нимъ Николай Ивановичъ сдѣлалъ всю Севастопольскую кампанію и уже 24 октября, въ сраженіи подъ Инкерманомъ, былъ раненъ въ третій разъ, пулею въ правую руку. За отличія, оказанныя въ этомъ кровавомъ бою, баронъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и утвержденъ въ званіи командира того же полка. Затѣмъ, по выздоровленіи, съ конца марта 1855 года по конецъ мая, и съ половины іюня по 24 августа, Николай Ивановичъ, вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, принимаетъ горячее участіе въ геройской оборонѣ Севастополя. Сначала Владимірскій пѣхотный полкъ участвовалъ въ оборонѣ 3-го бастіона, причемъ выдержалъ множество схватокъ съ противникомъ и нѣсколько бомбардированій. Во время одного изъ нихъ Дельвигъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ лобную часть головы, руку и животъ. Затѣмъ Николаю Ивановичу пришлось быть сперва на правомъ флангѣ оборонительной линіи, а потомъ—съ 15 мая—снова на лѣвомъ флангѣ. 26 мая баронъ принялъ дѣятельное участіе въ оборонѣ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ и Камчатскаго люнета, причемъ снова былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову, съ поврежденіемъ черепныхъ покрововъ. Эта рана заставила слечь Николая Ивановича, но едва только онъ немного оправился, какъ вновь появился на своемъ посту, на 3-мъ бастіонѣ, а потомъ—участвовалъ въ тяжеломъ бою на Малаховомъ курганѣ. Назначенный командиромъ 1 бригады 5-й пѣхотной дивизіи, Дельвигъ 24 августа выбылъ изъ Севастополя. За послѣдніе подвиги баронъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степени съ мечами.

Въ концѣ 1855 года Николай Ивановичъ снова начинаетъ службу по генеральному штабу, сперва въ званіи начальника штаба 5-го пѣхотнаго корпуса, а потомъ (1856)—начальникомъ штаба 4-го

армейскаго корпуса. Состоя въ этой послѣдней должности, генералъ-маіоръ Дельвигъ открылъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, юнкерскую школу при штабѣ 4-го корпуса и поставилъ ее очень удовлетворительно въ учебномъ отношеніи. Въ 1862 году боевыя заслуги Николая Ивановича были почтены назначеніемъ его въ списки Владимірскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ у него было связано столько боевыхъ воспоминаній Въ томъ же году послѣдовало назначеніе его на должность командующаго 2-ю пѣхотною дивизіей, а въ 1863 году—производство въ генералъ-лейтенанты и утвержденіе въ должности съ зачисленіемъ въ генеральный штабъ. Въ 1867 году Николай Ивановичъ былъ назначенъ начальникомъ 23 пѣхотной дивизіи и получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени.

Баронъ Дельвигъ пользовался вполнѣ заслуженной имъ репутаціей отличнаго боеваго офицера генеральнаго штаба. Къ сожалѣнію, сильно разстроенное болѣзнями, ранами и контузіями здоровье вынудило его искать отдыха. Особенно мучительны были послѣднія полученныя имъ раны въ голову. Поэтому, въ 1869 году, Николай Ивановичъ былъ зачисленъ въ запасныя войска съ оставленіемъ по генеральному штабу и принялся за серьезное леченіе, для чего поѣхалъ за границу. Однако, это мало помогло ему и баронъ вскорѣ поселился въ своемъ имѣніи въ нижегородской губерніи, гдѣ ему удалось немного поправиться. Но надорванный боевыми трудами организмъ уже отказывался служить—и 22 іюня 1870 года, Николай Ивановичъ скончался.

Николай Ивановичъ принималъ участіе и въ военной литературѣ. Помимо разнаго рода замѣтокъ, имъ были помѣщены въ «Военномъ Сборникѣ» за 1864 г., № 7, интересныя «Воспоминанія объ экспедиціи въ Дарго», и, въ томъ же журналѣ (1866 г., № 6)—статья «Походъ пьемонтцевъ въ Умбрію и Мархію въ 1860 году».

„Русскій Инвалидъ“, 1870 № 162.—Глиноецкій. Исторія Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

Деманжъ, *Жанъ-Франсуа*, оріенталистъ, р. въ 1789 г. во Франціи. Когда въ 1816 г. попечитель Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уваровъ, извѣстный своимъ Projet d'une Académie Asiatique, провелъ восточные языки въ главный педагогическій институтъ, то каѳедру арабскаго языка занялъ въ немъ прибывшій въ 1817 г. къ намъ по рекомендаціи Сильвестра де-Саси французъ Деманжъ. Несмотря на то, что онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ не заявившій себя никакими учеными трудами, онъ былъ назначенъ прямо ординарнымъ профессоромъ. По преобразованіи главнаго педагогическаго института, Деманжъ сохранилъ за собою каѳедру арабскаго языка въ новомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, впрочемъ, недолго, до іюля 1822 г., когда онъ долженъ былъ оставить службу послѣ извѣстнаго погрома университета. Въ этомъ погромѣ Деманжъ не принадлежалъ къ числу «забывшихъ долгъ, поправшихъ честь, презрѣвшихъ стыдъ и усыпившихъ совѣсть». По выходѣ изъ университета остался на службѣ при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, къ которому былъ причисленъ еще съ 1820 г. Здѣсь онъ преподавалъ арабскій языкъ въ только-что открывшемся тогда учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ. Историкъ востоковѣденія того времени Н. И. Веселовскій даетъ не особенно благопріятный отзывъ о Деманжѣ. «Деманжъ не питалъ никакой любви не только къ своей спеціальности, но и вообще къ научнымъ занятіямъ». Судя по тому, что Деманжъ не оставилъ послѣ себя ни одной печатной строки, мнѣніе Веселовскаго пріобрѣтаетъ нѣкоторую достовѣрность, хотя другой оріенталистъ Григорьевъ, въ своей исторіи С.-Петербургскаго университета говоритъ, что Деманжъ, вмѣстѣ съ Шармуа, былъ прекраснымъ преподавателемъ. Въ учебномъ отдѣленіи Деманжъ преподавалъ до 1839 г.

Веселовскій, Н. И. Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточн. языковъ въ Росссіи. Спб., 1879 г.; Григорьевъ, В. В., С.-Петербургскій университетъ, стр. 21. *Щ.*

Демаринъ, *Отто Христофоровичъ*, полковникъ, родился въ 1735 году, умеръ не ранѣе 1786 г., происходилъ изъ французскихъ дворянъ реформатскаго вѣроисповѣданія. На службу вступилъ кондукторомъ 1-го класса (въ инженерныя войска), а въ декабрѣ 1755 года—произведенъ въ инженеръ-прапорщики и въ 1771 году—въ полковники. Въ 1749 году, по указу Государственной военной коллегіи, былъ командированъ въ Финляндію для осмотра крѣпо-

стей и снятія плановъ всѣхъ замѣчательныхъ въ военномъ отношеніи пунктовъ. Въ 1757 г. участвовалъ въ комиссіи «для разсмотрѣнія о всѣхъ россійскихъ крѣпостяхъ». Въ 1767 году принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ, и въ 1769 году—въ Турціи, причемъ, между прочимъ, какъ инженерный офицеръ, дѣйствовалъ при взятіи Хотина. Въ 1771 году—«въ Крымскомъ походѣ при атакѣ и взятіи Перекопской линіи и города Кафы находился», какъ гласитъ его послужной списокъ, а въ 1773 году и 1774 году во время бывшаго въ Аренбургской (Оренбургской) губерніи народнаго возмущенія находился въ Озерной крѣпости въ осадѣ и неоднократно продолжалъ отъ злодѣевъ отпоръ». Собственно говоря, дѣйствія Отто Христофоровича противъ Пугачева почти ограничивались удачной обороной Верхне-Озерной крѣпости въ 1773 году. Къ крѣпости этой подступила 23 ноября и обложила ее шайка извѣстнаго Хлопуши. Въ распоряженіи Демарина находился небольшой и разношерстный гарнизонъ, состоявшій изъ сосланныхъ польскихъ конфедератовъ, казаковъ и разныхъ инородцевъ. Большая часть казаковъ и всѣ инородцы въ самомъ началѣ дѣла передались на сторону самозванца. Не имѣя ни канониров, ни запаса пуль, Демаринъ сформировалъ изъ поляковъ прислугу при орудіяхъ, пули замѣнилъ «жеребками», нарубленными изъ желѣза, и возвысилъ крѣпостной валъ присыпкой къ нему снѣга. Маленькій гарнизонъ оборонялся съ такимъ мужествомъ, что шайки Хлопуши принуждены были отступить. 26 ноября къ Верхне-Озерной крѣпости подошли главныя силы Пугачева, подъ его личнымъ начальствомъ, и произвели штурмъ, но были отбиты сильнымъ и мѣткимъ огнемъ. Встрѣтивъ такое неожиданно-энергичное сопротивленіе и не желая терять времени на осаду, Пугачевъ отступилъ отъ крѣпости.

По прекращеніи Пугачевскаго бунта, полковникъ Демаринъ состоялъ въ Верхне-озерной крѣпости «дистаночнымъ», а 24 марта 1786 года, по болѣзни, уволенъ въ отставку тѣмъ же чиномъ и съ пенсіей.

Московское Отдѣленіе Архива главнаго штаба: Дѣла гарнизонной экспедиціи за 1785 г., № 609, Опись 83, связка 47;—Дубровинъ—Пугачевъ и его сообщники,—Ласковскій. Матеріалы по исторіи военно-инженернаго искусства въ Россіи. *М. Р.*

Демезонъ, *Петръ Ивановичъ*, баронъ, оріенталистъ, воспитанникъ Казанскаго университета. По окончаніи курса Демезонъ въ 1831 г. былъ отправленъ въ Оренбургъ старшимъ учителемъ восточныхъ языковъ при Неплюевскомъ военномъ училищѣ и переводчикомъ въ Оренбургской пограничной комиссіи. Въ 1835 г. Демезонъ совершилъ смѣлое и оригинальное путешествіе: въ костюмѣ татарскаго муллы онъ посѣтилъ Бухарію и нигдѣ не былъ узнанъ. Понятно, что онъ долженъ великолѣпно знать татарскій языкъ. Въ 1835 г. Демезонъ занялъ оставшуюся вакантной послѣ отъѣзда Шармуа каѳедру турецкаго языка въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ. Онъ продолжалъ преподаваніе и послѣ того, какъ въ 1873 г. сдѣланъ былъ директоромъ отдѣленія. Въ 1872 г. Демезонъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Парижъ. Тамъ онъ и умеръ въ 1873 г. Демезонъ былъ членомъ-основателемъ Императорскаго русскаго археологическаго общества.

Фойгтъ. Отчетъ Казан. унив. за 17 лѣтъ существованія; Изв. Имп. Русск. Арх. Общ., т. 8, стр., 408-410; Веселовскій, Н. И. въ „Свѣдѣніяхъ объ оффиц. препод вост. яз. въ Россіи"; Онъ-же въ „Энц. Слов." Брокгауза. *П. Щ.*

Демертъ, *Николай Александровичъ*, писатель-публицистъ, родился въ 1835 г. въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, умеръ 20 марта 1876 г. въ Москвѣ. Демертъ происходилъ изъ помѣщичьей семьи средняго достатка, образованіе получилъ въ Казанской гимназіи, куда поступилъ въ 1844 г., а вышелъ въ 1852 г. для поступленія въ Казанскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ кандидатомъ по юридическому факультету. По выходѣ изъ университета Демертъ нѣсколько лѣтъ былъ домашнимъ воспитателемъ у одного помѣщика. Потомъ, послѣ крестьянской реформы, былъ мировымъ посредникомъ перваго призыва, причемъ имѣлъ случай и возможность близко узнать тяготы деревни и нужды крестьянскаго быта, а съ открытія земскихъ учрежденій сталъ членомъ чистопольскаго земства, а потомъ и предсѣдателемъ управы. Демерта тянуло въ столицу и въ 1864 г. онъ переѣхалъ сначала въ Москву, а потомъ въ Петербургъ,

гдѣ и рѣшилъ отдаться исключительно литературному труду, призваніе къ которому проявилось въ немъ очень рано, еще въ гимназіи, гдѣ онъ написалъ цѣлую груду стиховъ; впрочемъ, до его пріѣзда въ Москву имъ были напечатаны только разсказъ: «Изъ студенческихъ воспоминаній» въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1860 г. и небольшая комедія: «Гувернантка третьяго сорта съ музыкой», въ «Современникѣ» 1861 г. Въ Москвѣ Демертъ увлекался сценою и принималъ нѣкоторое участіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Развлеченіи». Въ 1865 г. по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ Петербургскихъ Вѣдомостей подъ редакціей В. Ѳ. Корша и завѣдывалъ отдѣломъ провинціальныхъ извѣстій. Живой юморъ, оригинальный складъ, веселость и вмѣстѣ съ тѣмъ странность статей Демерта выдвинула автора, обусловила знакомство его съ В. С. Курочкинымъ и положила начало его постоянному сотрудничеству въ «Искрѣ», обошедшемуся этой газетѣ въ нѣсколько громкихъ процессовъ по дѣламъ печати. Въ 1867 г. съ цѣлью утилизировать свое громадное и разностороннее знаніе народнаго быта и для уясненія потребностей и земскаго дѣла, Демертъ приступилъ къ писанію романа, подъ названіемъ: «Черноземныя силы», но написалъ только его начало, которое и было напечатано въ «Невскомъ сборникѣ». 1867 г. Затѣмъ Демертъ не надолго принялъ въ провинціи мѣсто домашняго учителя. Но въ 1868 году, когда начала оживляться русская журналистика, онъ возвратился въ Петербургъ и сталъ усиленно работать въ «Искрѣ», писать для «Современнаго Обозрѣнія» Тиблена, а съ осени и для «Отечественныхъ Записокъ». Съ 1869 г. по приглашенію первой редакціи преобразованной «Недѣли» (П. Конради) онъ сталъ вести внутренній отдѣлъ этой газеты, и писалъ корреспонденціи въ московскія «Современныя извѣстія» и другія провинціальныя изданія, а съ 1874 г. при перемѣнѣ редакціи сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», перешедшихъ къ Полетикѣ, и велъ здѣсь отдѣлъ внутренней хроники.

Результатомъ тяжелаго и усидчиваго труда въ послѣдній 6—7 лѣтній періодъ жизни Демерта были его ежемѣсячныя хроники въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Наши общественныя дѣла», и многочисленныя газетныя внутреннія обозрѣнія, а также отдѣльныя статьи, подписанныя то Кушетковымъ («О нашихъ земскихъ училищахъ», «Земство и Духовенство» и др.), то буквою Д. («Новая Воля. Изъ записокъ служившаго когда-то по крестьянскимъ дѣламъ» въ Отеч. Зап. 1869 г. т. 186 и 187. «Съ больной головы на здоровую», «Наша общественная жизнь», тамъ же, томъ 213, и др.).

Хроники Демерта были весьма оригинальнымъ явленіемъ въ литературѣ того времени и даже исключительнымъ въ своемъ родѣ; каждая его статья была проникнута глубокой страстностью, въ которой свѣтился свѣтлый умъ земца-практика, отлично знавшаго всѣ закулисныя тайны земскаго дѣла. Демертъ представилъ собою непосредственную натуру, чуждую всякой выработки и надуманной принципіальности. Это была глубокострастная натура, всѣми силами своей души ненавидѣвшая всѣ вѣковыя неправды на Руси и надломленная этими же неправдами. Надломленность эта выражалась въ наклонности къ кутежамъ, которые удлиняясь и учащаясь съ лѣтами, перешли мало-по-малу въ запой. Запой не замедлилъ повліять гибельно на его умственныя способности и въ началѣ 1875 г. въ немъ обнаружились нѣкоторые признаки помѣшательства. Не переставая пить и въ чаду помѣшательства, Демертъ въ 1876 г. прибылъ въ Москву, и переночевавъ въ гостинницѣ, скрылся и потомъ былъ взятъ на улицѣ съ явными признаками разстройства умственныхъ способностей и помѣщенъ въ московскую полицейскую больницу, гдѣ онъ и умеръ. Такъ кончилъ жизнь этотъ талантливый публицистъ, похороненный на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ общей могилѣ, отыскать которую не оказалось никакой возможности.

Отечественныя Записки, 1876 г. № 12: Некрологическая замѣтка К. стр. 276—286.—Биржевыя Вѣдомости 1876 г. № 334: фельетонъ Заурядnаго Читателя, тамъ-же № 359, замѣтка П. Демерта; тамъ-же, № 360, фельетонъ Заурядnаго читателя.—Русское Обозрѣніе 1876 г. № 23: Памяти Н. А. Демерта, стр. 16—18.—Петербургскія Вѣдомости 1876 г. № 336 —Казанскій Биржевой листокъ 1876 г. № 103.—Иллюстрированная газета 1876. № 50. Русское Богатство 1895 г. и др.

А. Черкасъ.

Демидовы, дворяне, ведутъ происхожденіе отъ крестьянина Демида Григорьевича Антуфьева или Антуфѣева, уроженца села Павшина, проходящаго въ 20 верстахъ отъ Тулы. Въ первой половинѣ XVII столѣтія Антуфѣевъ переселился въ Тулу и занимался здѣсь кузнечнымъ ремесломъ. У него были три сына: Григорій, Семенъ и старшій Никита (род. въ 1656 году), предпріимчивости и энергіи котораго родъ Демидовыхъ и обязанъ своимъ возвышеніемъ и богатствами. За заслуги въ развитіи горнаго дѣла комиссаръ Никита Демидовичъ грамотою отъ 21 сентября 1720 года былъ возведенъ въ дворянское достоинство подъ фамиліей «Демидова» вмѣстѣ съ сыновьями Акинфіемъ, Григоріемъ и Никитою и законнымъ ихъ потомствомъ, и затѣмъ сыновья Никиты Демидовича получили дипломъ отъ 24 марта 1726 года въ подтвержденіе пожалованнаго отцу ихъ потомственнаго дворянства. Родъ дворянъ Демидовыхъ пользуется громкою извѣстностью, благодаря громаднымъ его богатствамъ, широкой общественной благотворительности и выдающимся заслугамъ въ дѣлѣ развитія отечественной горнозаводской промышленности. Уралъ и Сибирь въ особенности многимъ обязаны роду Демидовыхъ, энергичные представители котораго основали здѣсь многіе чугуно и мѣдноплавильные и желѣзодѣлательные заводы и начали эксплоатацію мѣстныхъ рудниковъ.

Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, Спб. 1895 г. т. I. стр. 179 189.—К. Головщиковъ; „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я. 1881 г.—П.: „Родословная Демидовыхъ“, М. 1873 г.—„Русскіе Люди“, изд. Вольфа, Спб. 1866 г. — В. Саитовъ: „Петерб. Некрополь“, прилож. къ „Русск. Арх.“ 1873 г.—Карновичъ: „Замѣч. богат. частн. лицъ“, изд. 2-е.—Петровъ: „Для немногихъ“, Спб. 1873 г.—Петровъ: „Исторія родовъ русск. дворянства“, Спб. 1885 г., т. I, стр. 360—363.—Гр. Бобринскій: „Дворянскіе роды“, Спб. 1890 г., ч. 2.—Чернявскій: „Генеалогія дворянъ, внесен. въ родосл. кн. Тверск. губ.“, литограф.—Г. Спасскій: „Жизнеописаніе А. Н. Демидова“. Спб. 18[illegible]3 г.—„Всемірн. Иллюстрація“, 1873 г. т. X, № 236.—„Сѣверная пчела“ 1839 г., № 63.—„Правительств. Вѣстникъ“, 1893 г. № 84.—„Общій Гербовникъ двор. родовъ Рос. Имп.“ ч. 2, отд. 2, стр. 135.—Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопам. людей русск. земли“, Спб. 1836 г., стр. 196—200.—„Русскій Архивъ“ 1873 г. кн. 11; 1878 г. кн. 2; 1880 г. кн. 1.—М. Иверенъ: „Медали въ память рода Демидовыхъ“, Спб.—И. Афремовъ: „Историческое обозрѣніе Тульск. губ.... съ родосл. таблицами знаменитыхъ дворянъ Демидовыхъ“, М. 1850 г.—В. Огарковъ: „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи“, Спб. 1891 г.

А. Черкасъ.

Демидовы, *князья Санъ-Донато*, происходятъ отъ Павла Павловича Демидова. Единственный сынъ Павла Николаевича Демидова, Павелъ Павловичъ унаслѣдовалъ по смерти дяди Анатолія Николаевича, носившаго княжескій титулъ Санъ-Донато, пожалованный ему итальянскимъ королемъ, но не признанный въ Россіи, и виллу Санъ-Донато, а затѣмъ, по грамотѣ итальянскаго короля Виктора-Эммануила отъ 17 февраля 1872 г., самъ получилъ титулъ князя, королевства итальянскаго, Санъ-Донато съ наслѣдственнымъ правомъ перехода его въ мужскомъ потомствѣ и по мужской линіи въ порядкѣ первородства. Пользоваться княжескимъ титуломъ въ Россіи Высочайше разрѣшено было ему 2 іюня 1872 года, а 20 января 1877 года былъ Высочайше утвержденъ и гербъ князей Демидовыхъ-Санъ-Донато.

„Всемірная Иллюстрація“ 1878 г. т. XIX, № 472,—Петровъ: „Исторія родовъ русск. дворянства“, Спб. 1885 г., т. I, стр. 361—363.—Гр. Бобринскій: „Дворянскіе роды“, Спб. 1890 г., ч. 2.—К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я., 1881 г., стр. 263.—В. Огарковъ; „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи“, Спб. 1891 г.—Кн. Лобановъ-Ростовскій. „Русск. родосл. книга“, Спб. 1895 г., т. I, стр: 185.—„Памяти П. П Демидова“, Спб. 1885 г. —

Демидова, *Елизавета Петровна*, дочь тайнаго совѣтника, Петра Григорьевича, и Екатерины Алексѣевны, рожденной Жеребцовой (род. 1749 г., ум. 7 августа 1810 г.), внучатная племянница Григорія Акинфіевича Демидова, родилась въ 1767 г., была замужемъ за Ал. Ник. Чичеринымъ; извѣстна въ литературѣ, какъ переводчица «Духовныхъ одъ и пѣсней господина К. Ф. Геллерта», Спб. 1782 г., и, кромѣ того, какъ составительница изданнаго въ 1787 г. въ С.-Петербургѣ сборника: «Время, не праздно провожденное въ чтеніи, или полезныя повѣствованія разныхъ писателей».

Кн. Голицынъ: „Біографическій Словарь русскихъ писательницъ“, Спб. 1889 г. стр. 83.—Геннади: „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, Берлинъ 1876 г., стр 288.—„Дамскій Журналъ“ 1830 г., ч. 29, № 10.—К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“ Я 1881 г., стр 158—159.—Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, т, I, Спб. 1895 г., стр. 183.

А. Ч.

„Списки титулов. родамъ“, изд. Деп. Герольд. Спб. 1892 г. „Общій гербовникъ дворянск. родовъ“, ч. XIII.—K. Ermirin: «Annuaire de la Noblesse de Russie contenant les Princes de l'empire», Premiére année. St.-P. 1889.—См. библіографическія указанія подъ біографіей Павла Павловича Демидова, князя Санъ-Донато.

А. Черкасъ.

Демидовъ, *Акинфій Никитичъ*, статскій совѣтникъ, родился въ Тулѣ, въ 1678 году, умеръ 5 августа 1745 года на пути изъ Петербурга въ Сибирь на рѣкѣ Камѣ, близъ села Яцкое Устье и погребенъ въ Тулѣ. Изучивъ горнозаводское дѣло подъ руководствомъ родителя, Демидовъ отправился за границу для ознакомленія съ успѣхами горнозаводскаго дѣла на Западѣ и во время этого путешествія въ Фрейбургѣ пріобрѣлъ богатѣйшій минералогическій кабинетъ, перевезъ его къ себѣ въ Сибирь и, дополнивъ сибирскими минералами, предназначилъ въ даръ Московскому университету, куда эта рѣдкая минераллогическая коллекція, заключавшая въ себѣ болѣе 6.000 номеровъ, и была передана въ 1759 году чрезъ куратора И. И. Шувалова. Получивъ въ управленіе еще при жизни отца (въ 1702 г.) Невьянскіе заводы и унаслѣдовавъ затѣмъ отъ отца Выровскій и Есенковскій желѣзные заводы въ Калужскомъ уѣздѣ и заводы на Уралѣ, Демидовъ въ 1726 году энергично началъ разыскивать мѣдную руду въ Томскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ и проникъ даже до Алтая, гдѣ открылъ между рѣками Обью и Иртышемъ, близъ озера Колывани, Чудскую копь съ признаками мѣдной лазури и, изслѣдовавъ затѣмъ руду, построилъ на рѣкѣ Бѣлой мѣдноплавильный Колывано-Воскресенскій заводъ, первый по времени открытія (въ 1727 г.) въ Забайкальѣ. Открывъ новые мѣдные и свинцовые рудники во многихъ мѣстахъ Сибири, Демидовъ, кромѣ того, основалъ семнадцать желѣзныхъ и мѣдноплавильныхъ заводовъ: Верхне-Тагильскій и Шуралинскій, въ 1716 году, Нижне-Тагильскій, въ 1725 г., три Шайтанскихъ, въ 1727, 1733 и 1742 гг., Суксунскій и Черноисточенскій, въ 1729 г., Барнаульскій, въ 1730 г., Ревдинскій, въ 1734 г., Бымовскій, въ 1736 г., Шаквинскій, въ 1740 г., Верхнелайскій и Висимо-Шайтанскій, въ 1741 г., Ашабскій, въ 1745 г., Висимо-Уткинскій и Рождественскій. Мѣдь и желѣзо на этихъ заводахъ, передѣлывалось въ посуду, инструменты, машины и пр. или же въ неочищенномъ видѣ, отправлялось изъ одного завода на другой и въ особенности по Иртышу и Обѣ въ Невьянскіе заводы. Въ знаменитыхъ алтайскихъ рудникахъ, обязанныхъ своимъ открытіемъ Акинфію Демидову, въ 1736 году отысканы были въ Змѣиныхъ горахъ богатѣйшія по содержанію золота и серебра руды, самородное серебро и роговая серебряная руда. Демидовъ нѣсколько лѣтъ пользовался многими богатѣйшими рудниками, въ томъ числѣ и Змѣиногорскимъ, не объявляя о томъ правительству. Когда объ этомъ узнала Императрица Елизавета Петровна, она немедленно же дала Сенату указъ, состоявшійся впрочемъ уже послѣ смерти Демидова, въ 1748 году, по которому алтайскіе заводы Демидова Колыванско-Воскресенскій, Барнаульскій и Шульбинскій взяты были въ вѣдѣніе Кабинета Его Величества, со всѣми землями, рудниками, инструментами, съ мастеровыми людьми и приписными крестьянами, а наслѣдникамъ Демидова было выдано соотвѣтствующее вознагражденіе по оцѣнкѣ. Предпріимчивый и энергичный Демидовъ, открывъ на рѣкѣ Тааслѣ, близъ Невьянскихъ заводовъ, мѣсторожденіе асбеста, занялся разработкой его съ промышленной цѣлью, и въ 1722 году представилъ Петру I образцы полотна изъ асбеста. Кромѣ того онъ расширилъ добываніе и обработку малахита и магнита и разводилъ въ окрестностяхъ Тагильскаго и Невьянскихъ заводовъ въ Екатеринбургѣ и вообще въ сѣверной части сибирской половины Пермской губерніи крупную, такъ называемую, тагильскую породу рогатаго скота. Съ расширеніемъ горнозаводскаго дѣла росли и богатства Демидова: на одномъ Невьянскомъ заводѣ было около 4000 человѣкъ рабочихъ и вырабатывалось ежегодно до 200.000 пудовъ полосоваго желѣза, кромѣ множества другихъ желѣзныхъ издѣлій. Насколько велики были богатства Демидова, видно изъ того, между прочимъ, что однихъ пошлинъ въ казну онъ ежегодно уплачивалъ около 20.000 рублей и имѣлъ до 30.000 душъ крѣпостныхъ и заводскихъ крестьянъ. Никита Демидовъ положилъ прочное начало горнозаводскому дѣлу, а сынъ его ,Акинфій, развилъ, усовершенствовалъ и твердо поставилъ его не только

въ Европейской Россіи, но и въ Сибири. Акинфію Никитичу родъ Демидовыхъ преимущественно обязанъ своими родовыми богатствами. Женатъ былъ Демидовъ въ первый разъ на Е. Т. Коробковой, а во второй—съ 1723 г. на Е. И. Пальцевой и отъ первой жены имѣлъ сыновей: Прокопія и Григорія, а отъ второй—Никиту и дочь Евфимію. Въ потомствѣ Акинфія Никитича главнымъ образомъ и сосредоточились потомъ старинныя родовыя богатства Демидовыхъ.

Г. Спасскій: „Жизнеописаніе Акинфія Никитича Демидова“, Спб. 1833 г.—І. Гамель: „Описанія тульскаго оружейнаго завода въ историч. и технич. отнош.“, М. 1826 г.—К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я. 1881 г. стр. 50—96.—Евгеній Митрополитъ: „Словарь свѣтскихъ русскихъ писателей“, М. 1845 г., т. I, стр. 7 и пр.—Г.Спасскій: „Записки о сибирскихъ древностяхъ“ Спб. 1819 г., стр. 131—133.—„Сибирскій Вѣстникъ“, 1818 г., ч. I, стр. 117 и др.—Гагемейстеръ: „Статистическое обозрѣніе Сибири., Спб. 1854 г. ч. I, стр. 199—201, 235—237 и др.—Зябловскій: „Статистич. описаніе Россійск. Имп.“ Спб., 1808 г. кн. 2 стр. 144—148, 210—214 —А. Щекатовъ: „Словарь географ. рос. госуд.“ 1805 г., ч. 4, стр. 515—518.—Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XX, т. XXIII и др.—„Сборникъ Русск. Истор. Общ.“ т. IV, Спб. 1871 г.—Чулковъ: „Историч. опис. россійск. коммерціи“, т. IV, кн. 2, М. 1786 г. стр. 106—108, 154—157, 676—678 и др.—Шевыревъ: „Истор. Московск. Унив.“, М. 1853 г. стр. 50 и сл.—Шубинскій: „Разсказы о русской старинѣ“, Спб. 1893 г.—П. Комаровъ: „Въ память 100 л. юбилея С.-Петербургск. Коммерч. училища“, Спб. 1872 г.—Карновичъ: „Замѣчат. богатства частн. лицъ“. 2-е изд.—Н. Поповъ: „Татищевъ и его время“, М. 1861 г., стр 150—154 и др.—„Древняя и Новая Россія“, 1875 г. кн. 1., стр 126—129.—„Московскія Вѣдомости“, 1880 г. № 284.—„Пермск. Губернск. Вѣдом.“ 1869 г. № 79.—„Новое Время“, 1900 г. № 8901, отъ 6 декабря, ст. К. Скальковскаго.—„Восемьнадцатый вѣкъ“, 1869 г. кн. 1 и 3 —„Русскій Архивъ“, 1865 г., изд. 2, стр. 1130 и сл.; 1873 г. стр. 2214—2216 и др.; 1878 г. кн. 2, стр. 122.—„Русская Старина“ т. XXVI, 1879 г. стр. 35—42.—„Сѣверная Пчела“, 1845 г. № 222.—„Русскіе Люди“, изд. Вольфа, Спб. 1866 г.—К. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, Спб 1895 г. т 1, стр. 179.—Петровъ: „Исторія родовъ русскаго дворянства“, Спб. 1885 г., т. I. Иконниковъ: „Опытъ русской исторіографіи“, В. Огарковъ: „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи“, Спб. 1891 г.

Демидовъ, *Алексѣй Петровичъ*, сынъ тайнаго совѣтника, Петра Григорьевича, умеръ въ чинѣ полковника въ 1854 году. Имъ изданы были слѣдующія сочиненія: «О стелажахъ, феерверочныхъ корпусахъ и нѣчто о расположеніи увеселительныхъ огней», Спб. 1820 г.; «О происхожденіи увеселительныхъ огней, объ изобрѣтеніи пороха и систематическое описаніе ракетныхъ павильоновъ», Спб. 1820 г., и «О составахъ увеселительныхъ огней», Спб. 1821 г.

К. Головщиковъ: «Родъ дворянъ Демидовыхъ», Я. 1881 г., стр. 230.—Кн. Лобановъ-Ростовскій: «Русская родословная книга», т. I. Спб. 1895 г., стр. 183.—Геннади: «Справочн. Словарь о русск. писат. и ученыхъ», т. I, 1876 г., Берлинъ, стр. 288.—«Русскій Архивъ», 1873 г., стр. 2221 и сл. *Ч.*

Демидовъ, *Анатолій Николаевичъ*, младшій сынъ Николая Никитича, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1812 году во Флоренціи, умеръ бездѣтнымъ, въ Парижѣ, 16 апрѣля 1870 года. Въ молодости Анатолій Демидовъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и, состоя при русскомъ посольствѣ сначала въ Парижѣ, затѣмъ въ Римѣ и въ Вѣнѣ, проживалъ почти постоянно близъ Флоренціи въ роскошной своей виллѣ Санъ-Донато и имѣлъ титулъ князя Санъ-Донато, пожалованный ему королемъ итальянскимъ, но не признанный еще тогда въ Россіи. Въ 1841 году Анатолій Демидовъ женился въ Римѣ на родной племянницѣ Наполеона I, Матильдѣ, графинѣ де-Монфоръ (род. 27 мая 1820 г.), дочери принца Жерома Бонапарта, бывшаго короля Вестфальскаго. Демидовъ отправился въ путешествіе по Италіи, Россіи и Сибири. Унаслѣдовавъ отъ отца, бывшаго русскимъ посланникомъ во Флоренціи, колоссальное богатство, чистый годовой доходъ съ котораго простирался до двухъ милліоновъ рублей въ годъ, Анатолій Демидовъ основалъ во Флоренціи шелковую фабрику. Вмѣстѣ съ другими желѣзными и мѣдноплавильными заводами Демидову принадлежалъ и Нижне-Тагильскій заводъ, въ дачахъ котораго найденъ былъ во время его владѣнія особый минералъ, названный въ честь владѣльца завода, Демидовитомъ. Унаслѣдованное Демидовымъ отъ отца собраніе замѣчательныхъ произведеній живописи, ваянія, бронзы и разныхъ другихъ рѣдкостей было такъ велико, что для помѣщенія его заложено было въ 1833 г. въ Петербургѣ особое зданіе на Васильевскомъ Островѣ. Анатолій Демидовъ, по примѣру отца, также былъ щедръ на крупныя пожертвованія: онъ пожертвовалъ

*

500.000 рублей на устройство въ С.-Петербургѣ дома для призрѣнія трудящихся, который и теперь носитъ имя жертвователя; вмѣстѣ съ братомъ Павломъ Николаевичемъ пожертвовалъ капиталъ, на который въ С.-Петербургѣ-же устроена дѣтская больница; при Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ учредилъ премію въ 5.000 рублей за лучшее произведеніе на русскомъ языкѣ; въ 1853 году выслалъ изъ Парижа 2.000 рублей на украшеніе церкви Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, пожертвовалъ въ библіотеку лицея всѣ свои изданія и нѣсколько другихъ цѣнныхъ французскихъ книгъ, а также щедро покровительствовалъ ученымъ и художникамъ; между прочимъ, знаменитая картина «Послѣдній день Помпеи» написана была К. Брюлловымъ по заказу Анатолія Николаевича. Имя Анатолія Демидова въ свое время пользовалось широкой извѣстностью какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской, особенно французской литературѣ. Заинтересованный въ развитіи горнаго дѣла въ отечествѣ, Анатолій Демидовъ въ 1837 году снарядилъ на свой счетъ ученую экспедицію для изученія южной Россіи и Крыма. Въ этой замѣчательной по своимъ важнымъ результатамъ экспедиціи приняло участіе 22 лица, въ томъ числѣ нѣсколько выдающихся ученыхъ и художниковъ, во главѣ съ знаменитымъ профессоромъ горной парижской школы Ле-Пле. Результаты этой первой по времени научно обставленной экспедиціи, уже тогда предвидѣвшей блестящее будущее русской горнозаводской промышленности, опубликованы въ великолѣпно изданномъ описаніи этого путешествія подъ названіемъ: «Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837, sous la direction de M. Anatol de Démidoff par M. M. de Sainson, Le-Play, Huot, Leveillé, Raffet, Rousseau, de Nordmann et du Ponceau», Dedié à S. M. Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies», Paris, 4 vol., 1840—1842. Изданіе это иллюстрировано рисунками Раффета и снабжено альбомомъ въ 78 видовъ и 95 изображеніями естественно-историческихъ предметовъ. Описаніе собственно путешествія вышло также особо, подъ заглавіемъ: «Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavi, exécuté en 1837 par M. Anatol de Démidoff», Paris, 1840, illustré de 64 dessins par Kaffet. Это сочиненіе появилось въ переводѣ на русскій языкъ въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщ. (ч. LXXXII № 6) и затѣмъ въ пересмотрѣнномъ видѣ, вышло въ 1854 г. въ Парижѣ вторымъ изданіемъ и переведено было на языки: итальянскій (Torino, 1841), польскій (Warszawa, 1845), русскій (Москва, 1853), англійскій (London, 1853, 2 г.), нѣмецкій (Breslau, 1854) и испанскій. Кромѣ того, въ 1842 году на французскомъ языкѣ появилась работа главнаго горнаго инженера Ле-Пле, выполненная при участіи Миленбо, Лалана и Эйро, подъ названіемъ: «Изслѣдованіе каменно-угольнаго донецкаго бассейна, произведенное въ 1837—1839 г.г. по распоряженію А. П. Демидова». Это сочиненіе Ле-Пле и его сотрудниковъ составляетъ часть общаго труда Демидовской экспедиціи, въ которой принималъ дѣятельное участіе, какъ знатокъ горнаго дѣла, между прочимъ и графъ С. Г. Строгановъ, и при томъ весьма цѣнную, какъ по своему ученому достоинству, такъ и по тому значенію, какое постепенно пріобрѣлъ въ нашей промышленности каменный уголь. По желанію иниціатора и организатора экспедиціи книга Ле-Пле была переведена на русскій языкъ проф. Г. Е. Щуровскимъ и издана въ 1854 году въ Москвѣ, съ атласомъ, геологическою картою и обширнымъ приложеніемъ отъ переводчика, въ коемъ изложены дальнѣйшіе успѣхи каменноугольнаго дѣла въ Донецкомъ бассейнѣ. Кромѣ того, Анатолій Демидовъ издалъ альбомъ видовъ, нарисованныхъ французскимъ художникомъ M. Durand, путешествовавшимъ по Россіи на счетъ Демидова, подъ заглавіемъ: «Voyage pittoresque et archéologique en Russie», Paris, 1839; напечаталъ рядъ писемъ въ «Journal des Débats», появившихся затѣмъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ подъ названіемъ: «Esquise d'un voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée en 1837», Paris 1838, и «Lettres sur l'Empire de Russie publiées dans le Journal des Débats en 1838 et 1839 par N.—T.», Paris, 1840, и сверхъ того, издалъ: «La Crimée par le prince Anatol de Démidoff, illustrée par Raffet», Paris 1855, сочиненіе, появившееся въ извлеченіи на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и «Etapes maritimes sur les côtes de la

Catalogne et de l'Andalousie», 2 v., Paris 1858.

«Le Moniteur universel», 1870, 18 mai: «Le «prince Anatol Demidoff par A. Gallet de Kul- «ture. — «Journal pour tous» 1870, № 12. — «La «princesse Mathilde Demidoff-Bonaparte» par J. «Abbot, Londres, 1866.

«Nouvelle Biographie Generale», v. XIII, Pa- «ris 1855. — P. Larousse: Grand Dictionnaire universel», v. 6, Paris 1870.—«Художественный Листокъ Тима» 1859 г. № 11.—К. Головщиковъ: «Родъ дворянъ Демидовыхъ», Я. 1881 г., стр. 239—242. — Карновичъ: «Замѣчательн. богатства частн. лицъ въ Россіи», изд. 2 е.—В. Огарковъ: «Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи», Спб. 1891 г. — «Русская Старина», т. XVI, т. XXII, стр. 92; т. XXVI, стр. 724.— «Русскій Архивъ», 1872, стр. 1998 и сл.; 1873 г., стр. 2221 и сл ; 1877 г. кн. I, стр. 255.—«Иллюстрированная Газета», 1870 г. № 20 —«Московскія Вѣдомости» 1871 г. № 283: Геннади: «Справочный словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Берлинъ 1875 г.—Петровъ: «Исторія родовъ русскаго дворянства», Спб. 1885 г. т. I.— Кн. Лобановъ-Ростовскій: «Русская родословная книга», Спб. 1895 г. т. I, стр. 183.

А. Черкасъ.

Демидовъ *Гавріилъ*, всегородскій земскій староста во Псковѣ, во время бунта 1650 года принялъ сторону бунтовщиковъ и сдѣлался однимъ изъ главарей возстанія, принявъ дѣятельное участіе въ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ гражданами проѣзжавшему черезъ Псковъ шведскому послу и участвуя во всѣхъ дальнѣйшихъ неистовствахъ непокорныхъ. Когда для усмиренія бунта былъ посланъ воевода, князь Хованскій, съ войскомъ, Демидовъ, ставъ во главѣ мятежниковъ, не пустилъ его во Псковъ, и потомъ, когда Псковъ былъ осажденъ московскимъ воеводой, руководилъ защитой города, пріобрѣтя почти неограниченную власть надъ гражданами. Когда, послѣ долгой неудачной осады, прибыло отъ царя Алексѣя Михайловича посольство, обѣщавшее жителямъ прощеніе и требовавшее отъ нихъ за это покорности Демидовъ старался уговорить псковитянъ не покоряться, но не успѣлъ въ этомъ и, какъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, былъ схваченъ, 21 ноября 1650 года отправленъ въ оковахъ въ Новгородъ и тамъ послѣ слѣдствія въ 1652 году казненъ.

Дополненія къ актамъ историческимъ III, 267—274, 317. Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза») I, 1543—1551.

Е. Л.

Демидовъ, *Василій Львовичъ*, сынъ Льва Прокопьевича, родился въ іюлѣ 1769 г., поступилъ на службу во флотъ, въ 1788 г. подъ командой адмирала С. К. Грейга принималъ участіе, на фрегатѣ «Мстиславецъ», въ кампаніи противъ Шведовъ и былъ въ сраженіи у острова Готланда, въ слѣдующемъ году перешелъ на службу въ черноморскій флотъ подъ команду генералъ-адъютанта Д. Н. Сенявина и подъ командой контръ-адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова на кораблѣ «Вознесеніе Господне» 31 іюля 1791 года былъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ. Не чувствуя призванія къ военной службѣ, Демидовъ въ 1795 году въ чинѣ капитанъ-лейтенанта флота вышелъ въ отставку, навсегда поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Быковкѣ, Васильскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, и всецѣло посвятилъ себѣ общественнымъ дѣламъ уѣзда и сельскому хозяйству. Увлеченный либеральными вѣяніями первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I, Демидовъ особенное вниманіе обратилъ на улучшеніе быта крестьянъ. Глубоко вѣруя въ необходимость освобожденія крестьянъ съ землею и имѣя слишкомъ тысячу душъ, онъ образовалъ особый капиталъ, посредствомъ котораго крестьяне, еще при жизни его, выкупили весь свой надѣлъ. Для своихъ крѣпостныхъ крестьянъ онъ основалъ запасные хлѣбные магазины, упорядочилъ среди нихъ отправленіе рекрутской повинности, организовалъ пожарную часть и пр. Память о немъ, какъ о благодѣтелѣ своихъ крестьянъ, сохраняется въ Васильскомъ уѣздѣ и до сихъ поръ. Умеръ Демидовъ въ глубокой старости, на 93 году, въ 1862 году, все таки доживъ до такъ страстно желаннаго имъ дня освобожденія крестьянъ. Женатъ онъ былъ на Леониллѣ Ивановнѣ Ивановой и отъ этого брака имѣлъ одиннадцать человѣкъ дѣтей. У Василія Львовича было пять братьевъ, изъ которыхъ Платонъ Львовичъ служилъ во флотѣ и, въ 1802 г., во время катанья утонулъ въ Невѣ подъ Петербургомъ, Петръ Львовичъ во время Отечественной войны былъ майоромъ въ Демидовскомъ полку, содержавшемся на средства Николая Никитича Демидова, а младшій, Лавръ Львовичъ (ум. 7 іюля 1857 г.), жилъ въ Москвѣ на краю города близъ Сокольниковъ, былъ большимъ любителемъ

лошадей и удивлялъ москвичей своими чудачествами.

«Русскій Архивъ», 1869 г., стр. 155—157; 1873 г., стр. 2218—2220. — Кн. Лобановъ-Ростовскій: «Русск. родосл. кн.», Спб 1895 г. т. I.—К. Головщиковъ: «Родъ дворянъ Демидовыхъ», 1881 г., стр. 225—226. *Ч.*

Демидовъ, *Василій Никитичъ*, сынъ Никиты Никитича, служилъ при дворѣ Императрицы Елисаветы Петровны въ званіи кабинетъ-секретаря и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Переписка его съ Императрицею, напечатанная Н. Калачевымъ въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи» (Спб., 1868 г., кн. IV, стр. 29—34), свидѣтельствуетъ о близкихъ отношеніяхъ Демидова къ Императрицѣ и, давая свѣдѣнія о вліятельныхъ вельможахъ Елисаветинскаго времени: Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ и генералъ-прокурорѣ князѣ Никитѣ Юрьевичѣ Трубецкомъ, также по исторіи таможеннаго дѣла въ Россіи, не лишена историческаго интереса.

Н. Калачевъ: «Ближніе люди Имп. Елизаветы Петровны», въ «Арх. Историч. и практич. свѣдѣн. о Россіи», кн. IV. Спб. 1868 г. — «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т VI, стр. 493. — «Русскій Архивъ», 1873 г. стр. 2216.—К. Головщиковъ: «Родъ дворянъ Демидовыхъ». Яр. 1881 г., стр. 143, и Приложенія, стр. 31—35.— Кн. Лобановъ-Ростовскій: «Русская родосл. книга», Спб. 1895 г., т. I, стр. 180. *А. Ч.*

Демидовъ, *Григорій Александровичъ*, родился 10 апрѣля 1765 года и, умеръ, въ званіи гофмейстера, 19 января 1827 года. Въ 1817 году онъ пожертвовалъ Московскому университету библіотеку, состоявшую изъ 410 названій разныхъ, въ томъ числѣ и весьма рѣдкихъ книгъ. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной (род. 11 апрѣля 1783 г., ум. 21 іюня 1830 г.) и имѣлъ четырехъ сыновей: Никиту, Александра, Петра и Павла. Къ одному изъ внуковъ Григорія Демидова,— полковнику Николаю Петровичу Демидову, послѣ смерти бездѣтно умершаго брата Екатерины Петровны, князя Павла Петровича Лопухина (ум. 23 февраля 1873 г.), перешелъ княжескій титулъ и ему разрѣшено именоваться «Демидовымъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Лопухинымъ», съ тѣмъ, чтобы фамилія эта присваивалась только старшему въ его родѣ.

«Русскій Архивъ», 1873 г. стр. 2221 и сл.— Шевыревъ: «Исторія Московск. университета», М. 1855, стр. 431.—«Архивъ кн. Воронцова», 1879 г. т. XIV, стр. 487.—Карновичъ: «Замѣч. богатства частн. лицъ», изд. 2-е.—К. Головщиковъ: «Родъ дворянъ Демидовыхъ», Я. 1881 г. стр. 229—230 — Кн. Лобановъ-Ростовскій: «Русская родословная книга», Спб. 1895 г. т. I, стр. 182.

А. Ч.

Демидовъ, *Григорій Александровичъ*, инспекторъ С.-Петербургской консерваторіи, сынъ полковника Александра Григорьевича (род. 8 февраля 1803 г. ум. 30 января 1853 г.) и Ольги Александровны, урожденной Алединской, род. въ 1837 г., умеръ 1 февраля 1870 г. Получивъ домашнее воспитаніе, Демидовъ поступилъ въ 1854 г. на службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ юнкеромъ, откуда въ 1859 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика. Въ 1862 г., послѣ женитьбы, онъ уѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ съ небольшими промежутками пробылъ два года, изучая теорію музыки подъ руководствомъ профессора Гауптмана. Съ самаго дѣтства онъ выказывалъ любовь къ музыкѣ и съ семилѣтняго возраста сталъ учиться игрѣ на фортепіано. Эта же любовь къ музыкѣ понудила его оставить службу, чтобы всецѣло посвятить себя любимому занятію. Въ 1867 г. Демидовъ, по предложенію директора консерваторіи А. Г. Рубинштейна, высоко цѣнившаго его какъ композитора и знатока теоріи музыки вообще, принялъ должность инспектора классовъ консерваторіи, и занималъ эту должность до смерти. Какъ композиторъ, Демидовъ обладалъ несомнѣннымъ талантомъ и, чуждый рутины, былъ полонъ самостоятельнаго вдохновенія и хотя не отличался плодовитостью (имъ напечатано лишь нѣсколько романсовъ, маршей, японскій маршъ, и, кромѣ того, послѣ его смерти остались нѣсколько неизданныхъ рукописей), но все имъ написанное отличается изящной въ высшей степени интересной оркестровкой, свидѣтельствующей о тонкомъ музыкальномъ вкусѣ автора.

„Голосъ“, 1870 г., № 45. Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, т. I, Спб., 1895 г., стран. 187. К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я., 1881 г., стр. 250 и 266. „Русскій Архивъ“, 1873 г., стр. 2227.

А. Ч.

Демидовъ, *Евдокимъ Никитичъ*, сынъ Никиты Никитича, владѣлецъ заводовъ желѣзныхъ и чугуно-плавильныхъ: Авзяно-Петровскихъ, верхняго и нижняго, въ Оренбургской губерніи, и Дугненскаго, Выровскаго и Людиновскаго, въ тогдашней Московской губерніи, умеръ 29 января 1789 г. Демидовъ былъ суровымъ хозяиномъ, и на его заводахъ, благодаря крайне жестокому обращенію съ крѣпостными рабочими, нерѣдко вспыхивали крестьянскіе бунты, принимавшіе иногда широкіе размѣры и носившіе характеръ вооруженныхъ возстаній. Въ 1741 г., въ Ромодановской волости, Калужской провинціи, въ имѣніи Демидова всѣ крѣпостные, въ томъ числѣ и женщины, отказались повиноваться своему хозяину и возстали съ оружіемъ въ рукахъ. Противъ возмутившихся былъ посланъ полковникъ Олицъ съ 500 солдатъ, но былъ разбитъ крестьянами и взятъ въ плѣнъ, а изъ отряда его было ранено 11 офицеровъ и 218 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Для усмиренія тѣхъ же крестьянъ былъ отправленъ затѣмъ бригадиръ Хомяковъ, который сжегъ нѣсколько деревень и, подступивъ къ селу Ромодановскому, схватилъ около 200 крестьянъ. Въ Петербургѣ нашли дѣйствія Хомякова слабыми и предали его военному суду, а на его мѣсто отправили генералъ-маіора Опочинина, которому удалось поймать до 670 человѣкъ. Зачинщиковъ изъ возмутившихся крестьянъ Опочининъ сослалъ въ Сибирь на Демидовскіе же заводы, но для болѣе тяжелыхъ работъ. Въ 1761 г. крестьяне Демидова, приписанные къ его Авзяно-Петровскому заводу, прекратили работы, а въ слѣдующемъ году жаловались на притѣсненія Демидова въ Сенатъ, который поручилъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу генералъ-маіору Кокошкину и полковнику Лопатину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же 1762 г., для усмиренія взбунтовавшихся былъ отправленъ генералъ-квартирмейстеръ князь А. А. Вяземскій, которому была дана на этотъ случай очень подробная, подписанная самой императрицей инструкція. Инструкція эта полностью помѣщена въ Сборникѣ Имп. Русск. Историч. Общества (т. VII, стр. 188—195) и интересна, какъ историческій документъ, рисующій заботливость русскаго правительства о фабричныхъ рабочихъ. Князю Вяземскому предписывалось, прежде, всего привести бунтовщиковъ въ рабское послушаніе и усмирить, потомъ сыскать подстрекателей, въ случаѣ крайности смирить ихъ оружіемъ, затѣмъ разслѣдовать причины неудовольствій и освѣдомиться: «не лучше ли горныя работы производить вольнонаемными работниками, чтобы этимъ, если можно, отвратить на будущее время всѣ причины къ безпокойствамъ, и работу сдѣлать и прочнѣе, и полезнѣе». Въ 1765 г. на Демидова жаловались Казанскіе черенахатные крестьяне, приписанные къ Оренбургской губерніи, къ Авзяно-Петровскимъ заводамъ и крестьяне села Русанова. Для производства слѣдствія по этимъ дѣламъ былъ назначенъ подполковникъ князь Енгалычевъ, но слѣдствіе неожиданно было прервано Сенатскимъ указомъ, которымъ предписывалось «оную комиссію отставить», потому что крестьяне жаловались на убійство 63 человѣкъ самимъ Демидовымъ, между тѣмъ какъ это сдѣлано было только по его приказанію, и отправить отъ военной коллегіи въ Алексинскую и Лихвинскую вотчины Демидова военныя команды съ штабъ-офицеромъ, которому поручалось уговаривать крестьянъ и, «если это не подѣйствуетъ, поступать съ ними, по всей строгости законовъ». Недовольство заводскихъ крестьянъ Демидова дошло до того, что во время Пугачевскаго бунта, они охотно присоединились къ бунтовщикамъ и при помощи ихъ разрушили нѣсколько чугунно-плавильныхъ заводовъ Демидова въ Оренбургской губерніи. Хищническій способъ хозяйства въ отведенныхъ для заводовъ Демидова лѣсахъ заставилъ Тульское дворянство отправить своего депутата въ Екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія и вручить ему наказъ хлопотать, чтобы Евдокиму Демидову запрещено было имѣть желѣзный, въ Алексинскомъ уѣздѣ, заводъ на р. Дугнѣ, въ 150 верстахъ отъ Москвы, такъ какъ заводъ этотъ сжигалъ ежегодно болѣе 400,000 бревенъ.

Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Яр., 1881 г., стр. 143 — 155. С. Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XXIII, Спб В. Семевскій: „Волненія крѣпостныхъ въ 1762—1789 г.“, въ „Русск. Стар.“, 1877 г., XVIII, стр. 207—210. Германъ: „Описаніе заводовъ подъ вѣдомствомъ Екатеринбургскаго горнаго нач. состоявшихъ“, Екатеринбургъ, 1808 г., ч. 2.

С. Шубинскій: „Разсказы о русской старинѣ,“ Спб., 1893 г. „Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общ.“, Спб., 1869 г., т. IV, стр. 407 и сл.; т. VII, 188—195; т. XIX, 393, и др. *А. Ч.*

Демидовъ, *Иванъ Васильевичъ*, род. въ 1713 г., умеръ въ 1792 г. Онъ былъ сыномъ сенатскаго оберъ-секретаря Василія Ивановича (род. 1694 г.), возведеннаго въ дворянское достоинство въ 1750 г., и внукомъ Ивана Васильевича Демидова, священника церкви Преображенія Господня на Пескахъ, что̀ на Арбатской улицѣ въ Москвѣ, бывшаго затѣмъ игуменомъ Новинскаго монастыря и умершаго въ 1734 г. Иванъ Васильевичъ служилъ во флотѣ, состоялъ въ чинѣ генералъ-цейгмейстера, въ 1775 году награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени и былъ избранъ въ повѣренные для выбора головы и депутатовъ отъ С.-Петербурга въ созванную Екатериною Великою комиссію для составленія проекта новаго уложенія.

Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, Спб., 1895 г., т. I, стр. 181, 434 К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я., 1881 г., стр. 219 Бантышъ-Каменскій: „Историч. собран. списковъ кавалеровъ“, М., 1814 г., стр. 316. „Сборникъ Русск. Историч. Общества“, т. IV, стр. 13 „Русскій Архивъ“, 1878 г., № 1. *А. Ч.*

Демидовъ, *Иванъ Никитичъ*, братъ Василія Никитича, надворный совѣтникъ, по указу канцеляріи главнаго управленія заводовъ на купленной у башкиръ землѣ основалъ два чугуно-плавильные и для выдѣлки желѣза завода: Нижне-Сергинскій въ 1743 г. и Верхне-Сергинскій въ 1742 г. на рѣкѣ Серги, впадающей въ р. Уфу, къ которымъ было приписано 2,340 десятинъ земли. Въ 1789 г. оба эти завода сыновьями Ивана Никитича, бригадиромъ Иваномъ и Петромъ Ивановичами были проданы за 600,000 рублей коммерціи совѣтнику московскому купцу Михаилу Губину и, такимъ образомъ, ушли изъ рода Демидовыхъ. Ивану Никитичу, кромѣ того, принадлежали три весьма доходные чугуно-плавильные заводы: Узянскій, въ Верхне-Уральскомъ уѣздѣ, Качинскій, въ Уфимскомъ уѣздѣ, и Сипетско-Ивановскій, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, а также шелковая фабрика съ 240 рабочими. Умеръ Иванъ Никитичъ въ январѣ 1807 г.

К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Яр., 1881 г., стр. 143. „Русскій Архивъ“, 1873 г., стр. 2,216. Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, Спб., 1895 г., т. I, стр. 143. *А. Ч.*

Демидовъ, *Никита Акинфіевичъ*, третій сынъ Акинфія Никитича отъ втораго его брака, род. 8 сентября 1724 г. на берегу рѣки Чусовой, во время пути его родителей изъ Тулы въ Сибирь. Получивъ по смерти отца, сравнительно съ другими братьями, незначительную часть наслѣдства, онъ въ короткое время настолько увеличилъ свое состояніе, что даже основалъ два завода: Нижне-Салдинскій въ 1760 г. и Верхне-Салдинскій въ 1778 г. Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, будучи наслѣдникомъ престола, неоднократно занималъ у Демидова деньги и пожаловалъ ему Анненскую ленту съ тѣмъ, чтобы онъ «возложилъ оную на себя по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны». Вскорѣ по восшествіи на престолъ Петра III, Демидовъ потерялъ расположеніе къ себѣ государя и былъ лишенъ пожалованнаго ему ордена, но Екатерина II возвратила ему орденъ св. Анны, вмѣстѣ съ тѣмъ произвела въ чинъ статскаго совѣтника, но запретила употреблять его на службу безъ именнаго указа. Демидовъ любилъ заниматься науками и покровительствовалъ ученымъ и художникамъ: онъ находился въ дружеской перепискѣ съ Вольтеромъ, съ 1771 по 1773 г. путешествовалъ за-границею, посѣтилъ Спа, Амстердамъ, Римъ, Неаполь, Парижъ, жилъ въ Англіи и въ 1772 г., вмѣстѣ съ ваятелемъ Шубинымъ, изъѣздилъ Италію для изученія сохранившихся памятниковъ древности. По возвращеніи въ Россію, Демидовъ издалъ «Журналъ путешествія въ чужіе края» (1786 г.), который свидѣтельствуетъ о широкой наблюдательности автора и его выдающемся умѣ. Въ 1781 г. Демидовъ пожертвовалъ на сооруженіе новаго каменнаго зданія университета въ Москвѣ 5,500 листовъ чернаго аршиннаго и 800 пудовъ связнаго желѣза для укрѣпленія стѣнъ. Въ 1779 г. онъ учредилъ при Академіи художествъ премію-медаль «за успѣхи въ механикѣ» и былъ избранъ въ почетные члены Академіи художествъ, а также состоялъ членомъ вольно-экономическаго общества и впослѣдствіи получилъ орденъ св. Станислава. Кромѣ основанныхъ имъ заводовъ, ему принадлежали

два завода въ Оренбургской губерніи: Кыштымскій и Каслинскій, къ которымъ въ 1760 г. правительствомъ было приписано 756 квадр. верстъ лѣса, съ правомъ пользованія въ теченіе 60 лѣтъ. Какъ помѣщикъ и заводчикъ, Демидовъ отличался крутымъ нравомъ и даже жестокостью: въ 1756 году онъ купилъ имѣніе у княгини Рѣпниной, село Русаново, въ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, но крестьяне, знавшіе крутой нравъ Никиты Акинфіевича, «не дали себя отказать за Демидова», и только военной силой были приведены въ повиновеніе, когда для усмиренія крестьянъ Сенатъ отправилъ секундъ-маіора Веденяпина съ 260 солдатами. О тягостномъ положеніи крестьянъ въ имѣніяхъ Демидова и на его заводахъ свидѣтельствуетъ также наказъ, данный государственными крестьянами слободъ Исетской провинціи депутату Аникѣ Минакову, посланному въ Екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія. Умеръ Демидовъ въ 1789 году, оставивъ отъ третьей жены троихъ дѣтей: сына Николая и двухъ дочерей: Екатерину, вышедшую впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго острослова, генерала отъ-инфантеріи С. Л. Львова, любимца Потемкина, и Марію, впослѣдствіи супругу оберъ-гофмейстера Д. Н. Дурново.

Вейдемейеръ: „Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи“, т. I, стр. 211. „Русскій Архивъ“, 1873 г., стр. 2216—2218. Баптышъ-Каменскій: „Словарь достоприм. людей Русской земли“, ч. II, М., 1836 г., стр. 193—195. Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родослови. книга“, т. I, Спб., 1895 г. К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, 1881 г, стр. 134-142. „Сборн. русск. Ист. Общ.“; Спб., 1869 г., т. IV, стр. 86. „Русская Старина“, 1877 г., т. XVIII, стр. 202—206 и др. В. Огарковъ: „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи“, Спб., 1891 г. Г. Спасскій: „Жизнеописаніе А. Н. Демидова“, Спб., 1883 г.

А. Черкасъ.

Демидовъ, *Никита Демидычъ*, сынъ Демида Антуфьева, родился въ Тулѣ 26 марта 1656 года. умеръ 17 ноября 1725 г. Унаслѣдовавъ отъ отца кузнечную мастерскую въ Тулѣ, Никита обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго во время одного изъ проѣздовъ его черезъ Тулу. Какъ произошло самое сближеніе Петра I съ кузнецомъ Никитой точно—неизвѣстно и расказы объ этомъ, записанные историками, носятъ отчасти легендарный характеръ. Въ 1700 году Никита Антуфьевъ представилъ царю шесть ружей, изготовленныхъ имъ самимъ. Царь остался доволенъ работой Демидыча, подарилъ ему сто рублей, а для расширенія дѣла приказалъ отвести для Никиты, въ 12-ти верстахъ отъ Тулы, въ Малиновой засѣкѣ нѣсколько десятинъ земли. Поощренный царемъ, Никита Демидычъ устроилъ здѣсь, при устьи рѣки Тулицы желѣзный заводъ «о многихъ молотахъ» и началъ поставлять въ пушкарный приказъ разные воинскіе снаряды, взимая съ пуда по 12 коп., въ то время какъ другіе заводчики брали за пудъ по 25 коп. Въ награду за услуги Демидыча по снабженію войска оружіемъ, Петръ въ 1701 году грамотой отъ 2 января велѣлъ отмежевать въ собственность Никитѣ лежащія около Тулы стрѣлецкія земли и предоставить ему исключительное право копать руду въ Малиновской засѣсѣ и рубить лѣсъ для топлива и угля въ Щегловской засѣкѣ. Литье пушекъ и ядеръ и заготовленіе другихъ воинскихъ снарядовъ пошло тогда на заводѣ Никиты еще успѣшнѣе. Испытавъ по приказанію Петра желѣзную руду, взятую съ рѣки Невьи или Нейвы, вытекающей изъ озера Таватуя, Пермской губерніи, и впадающей въ рѣку Туру, въ Тобольской губерніи, и убѣдившись въ прекрасныхъ ея качествахъ, смѣтливый Никита Антуфьевъ обратился въ Сибирскій приказъ съ просьбой разрѣшить ему разрабатывать руду на казенныхъ невьянскихъ заводахъ, основанныхъ въ 1669 году. Именнымъ указомъ отъ 4 марта 1702 года верхотурскіе (невьянскіе) желѣзные заводы уступлены были Антуфьеву съ правомъ разрабатывать руду по рѣкамъ Невьѣ и Тагилѣ и у Магнитой горы, а также покупать для заводскихъ работъ крѣпостныхъ людей. За такую уступку невьянскихъ заводовъ Антуфьевъ обязался въ теченіе пяти лѣтъ уплатить въ казну желѣзомъ сумму, потраченную казною на устройство этихъ заводовъ, и принялъ на себя поставку въ артиллерію необходимыхъ для нея «военныхъ припасовъ». Во время войны съ Швеціей, продолжавшейся двадцать лѣтъ (1700—1721 г. г.), невьянскіе заводы снабжали нашу артиллерію разными орудіями, за которыя великодушный заводовладѣлецъ довольствовался половинной, сравнительно съ другими заводчиками, платой. Въ 1718 году Никита

Антуфьевъ построилъ Быньтовскій заводъ и, получивъ отъ государя земли въ Сибири съ правомъ распространять ихъ покупкою, построилъ и тамъ нѣсколько мѣдно и чугуноплавильныхъ заводовъ, и заселилъ отдаленныя мѣста до Колыванской округи, гдѣ было уже положено начало добыванія серебряной руды. Чтобы привлечь на новые заводы рабочія руки, Антуфьевъ отъ себя выдавалъ переселяющимся сюда пособія на первое обзаведеніе хозяйствомъ. Петръ зорко слѣдилъ за дѣятельностью предпріимчиваго туляка, интересовался подробностями устройства новыхъ заводовъ и неоднократно передавалъ Демидову отеческія наставленія о томъ, какъ обходиться съ рабочими и всячески поощрялъ его. Въ 1721 году Антуфьевъ основалъ мѣдноплавильный Верхнетурскій заводъ и чугуноплавильные заводы: въ 1725 году Нижне-Тагильскій, а въ слѣдующемъ—Нижне-Лайскій. Кромѣ желѣзныхъ заводовъ въ Тулѣ, Демидовъ имѣлъ два завода въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской провинціи и Ветлужскій заводъ въ Костромской губерніи. Въ окрестностяхъ заводовъ Демидычъ добывалъ желѣзную и мѣдную руду, производилъ разысканія минеральныхъ богатствъ въ губерніяхъ Пермской и Иркутской, причемъ въ послѣдней добывалъ гранитъ и порфиръ. Открывая новые заводы, Демидычъ вмѣстѣ съ тѣмъ расширялъ производство своихъ прежнихъ заводовъ и вообще свои торговые обороты, и между прочимъ въ 1721 году, значительно понизивъ противъ другихъ подрядчиковъ цѣны, онъ принялъ на себя поставку въ Петербургское адмиралтейство корабельнаго лѣса изъ Казанской губерніи. По мѣрѣ развитія производства заводовъ росли и богатства Демидова. Въ 1715 году, бывшій павшинскій крестьянинъ, простой кузнецъ Демидовъ былъ уже настолько богатъ, что поднесъ государынѣ въ подарокъ, по случаю поздравленія ее съ рожденіемъ наслѣдника, кромѣ золотыхъ бугровыхъ сибирскихъ вещей, 100,000 рублей—сумму для того времени весьма значительную, а къ концу жизни получалъ ежегоднаго дохода до 100,000 рублей. Нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, Демидовъ, вопреки строгимъ запрещеніямъ Берггъ-коллегіи, переманивалъ къ себѣ изъ казенныхъ заводовъ лучшихъ рабочихъ, принималъ шведскихъ плѣнныхъ, знавшихъ чугуноплавильное дѣло, и укрывалъ мастеровыхъ и крестьянъ, бѣгавшихъ съ казенныхъ земель, а мѣдную руду, въ которой иногда чувствовался недостатокъ на заводахъ, копалъ безъ дозволенія правительства во многихъ мѣстахъ, между прочимъ, и близъ Уткинской слободы. Эти нарушенія интересовъ казны послужили поводомъ къ извѣстному столкновенію капитана Татищева съ Демидовымъ. Горячій ревнитель казенныхъ выгодъ Татищевъ, осматривая по порученію Берггъ-коллегіи казенные и другіе заводы, нашелъ, что заводы Демидова пользовались гораздо бо́льшими льготами, чѣмъ другіе заводы, и донесъ объ этомъ государю. Демидовъ въ свою очередь, обвинялъ Татищева въ взяточничествѣ. Разборъ дѣла Татищева съ Демидовымъ порученъ былъ Геннигу и хотя Татищевъ былъ признанъ невиновнымъ въ взяточничествѣ, жалоба на него Демидова однако помѣшала Татищеву быть назначеннымъ начальникомъ горныхъ заводовъ на Уралѣ. Петръ I, лично знавшій предпріимчиваго заводчика, во вниманіе къ особымъ его заслугамъ въ горнозаводскомъ дѣлѣ, пожаловалъ въ 1709 году Никиту Демидова въ царскіе комиссары, 21 сентября 1720 года возвелъ его въ потомственные дворяне подъ фамиліею «Демидова», а въ 1722 году изъ Кизляра прислалъ ему свой портретъ. Скромный заводчикъ рѣшительно отказался отъ предложенныхъ ему Петромъ I чиновъ и орденовъ и съ колебаніемъ принялъ дворянское достоинство. Умеръ Демидовъ 17 ноября 1725 года, на 70 году, отъ роду и погребенъ въ Тулѣ, женатъ онъ былъ на Евдокіи Ѳедотовнѣ (ум. въ 1730 году), и имѣлъ трехъ сыновей: Акинфія, Григорія и Никиту, между которыми и распредѣлилъ всѣ свои богатства. О сыновьяхъ Никиты, Григоріи и Никитѣ, извѣстно немногое. Григорій Никитичъ, кромѣ заводовъ, находившихся въ общемъ владѣніи всѣхъ трехъ братьевъ, имѣлъ еще желѣзный заводъ, ему одному принадлежавшій въ Алексинскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, и въ Пермской губерніи, на Камѣ, имѣлъ соловарни, на которыхъ вываривалось въ годъ до 264,000 пудовъ соли. Единственный сынъ Григорія Никитича Иванъ колесованъ на эшафотѣ при Биронѣ, и съ его смертью родъ Григорія совершенно пресѣкся. Братъ Григорія, Ни-

кита Никитичъ, отличался крутымъ жестокимъ, нравомъ и въ его деревняхъ и на заводахъ нерѣдко происходили крестьянскіе бунты. Такъ въ 1751 году онъ купилъ у князя Реппина деревню въ Обоянскомъ уѣздѣ. Крѣпостные, знавшіе жестокій нравъ новаго хозяина, отказались допустить Демидова къ владѣнію имѣніемъ и добились того, что уже купленное имѣніе было снова возвращено Реппину по приказанію правительства. Никита Никитичъ былъ знатокомъ горнозаводскаго дѣла и успѣлъ широко воспользоваться предоставленными горнозаводчикамъ льготами. Онъ основалъ заводы желѣзные Нижне-Исайтанскій въ 1733 года, Буйскій на рѣкѣ Буйѣ, Кыштымскій въ Оренбургской губерніи въ 1757 г., Лайскій въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ и мѣдноплавильный Давыдовскій при рѣкѣ Давыдовкѣ, въ Пермской губерніи, и въ награду за особыя заслуги въ дѣлѣ развитія горнозаводскаго дѣла былъ пожалованъ въ чинъ статскаго совѣтника въ 1742 году. Никита Никитичъ имѣлъ пять сыновей, которымъ и завѣщалъ свои заводы, но родъ его въ третьемъ колѣнѣ прекратился.

„Родословная Демидовыхъ“, М. 1873 г. — „Всемірная Иллюстрація“ 1873 г. т. X. № 236.— „Русскіе Люди“, изд. Вольфа, 1866 г.—Петровъ: „Для немногихъ“ Спб.—Афремовъ: „Историческое обозрѣніе Тульской губерніи съ родосл. табл. дворянъ Демидовыхъ“ М. 1850 г. Г. Спасскій: „Жизнеописаніе Акинфія Никитича Демидова“, Спб. 1833 г., стр. 2—17 и др.—Евгеній Митрополитъ: „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, М. 1846, т. I, стр. 146—161 и т. II, стр 110—114 и др. -Бантышъ—Каменскій; „Словарь достопамяти людей Русской земли“, т. II, 1836 г. стр. 196—200.—Голиковъ: „Дѣянія Петра Великаго“, ч. IX, 1783 г. стр. 442—444; Дополненія т. XIII, 1794 г, стр. 135—138, т. XVII, 1796 г., стр. 348—356. „Вѣстникъ Имп. Русск. Географич. Общ.“ 1860 г. ч. XXX стр. 186—188 и др. Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XVI.—Поповъ Нилъ: „Татищевъ и, его время“, М. 1861.—„Древняя и Новая Россія“, 1875 г. ч. 1: „Татищевъ“, ст. Бестужева-Рюмина, стр. 12—17.—Фелькнеръ: „Каменный уголь и желѣзо въ Россіи“, Спб. 1874 г. „Русскій Архивъ“, 1865 г., стр. 315. 1873 г. стр. 2214, 2245; 1878 г. кн. 2, стр. 119—122; 1880 г. кн. 1, стр. 129—136.—Карновичъ: „Замѣчатель богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, изд. 2.—К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я. 1881 г., стр. 2—50.—„Московскія Вѣдомости“, 1880 г. № 171 — „Новое Время“ 1900 г № 8901 отъ 6 декабря, ст. К. Скальковскаго.— „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1730 г. № 36 —Кн. Лобановъ. Ростовскій: „Русская родословная книга“, т. I, Спб. 1895 г.—„Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Росс. имп.“ ч. II, отд. 2, Лакіеръ: „Русская Геральдика“ 1855 г., кн. 2.—„Историческое начертаніе горнаго производства въ Рос. Имп.“, ч. I.—В. Огарковъ: „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи“, Спб. 1891 г.—Петровъ: „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб. 1885 г.—„Сѣверная Пчела“ 1839 г. № 63 —„Правительственный Вѣстникъ“ 1893 г. № 84.

А. Черкасъ.

Демидовъ, *Никита Никитичъ*, сынъ Никиты Никитича, братъ Евдокима, родился въ 1728 году, умеръ 20 декабря 1804 года. Въ 1760 году Никита Никитичъ устроилъ два чугуноплавильные завода: Кеолимскій и Асятъ-Уфимскій. Переписка Никиты Никитича изъ С.-Петербурга съ управляющими его Сибирскими заводами, относящаяся къ 1790 году, напечатана Н. Калачевымъ въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» (Спб. 1861 года, кн. 2, стр. 43—69) и представляетъ собою цѣнный въ историческомъ отношеніи матеріалъ какъ для исторіи заводской промышленности, такъ и для историческаго освѣщенія отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными крестьянами въ концѣ XVIII вѣка.

К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Яр. 1881 г. стр. 155 и приложенія, стр. 36—58. Кн. Лобановъ-Ростовскій; „Русская родословная книга“ Спб., 1895 г., т I, стр. 180.

А. Ч.

Демидовъ, *Николай Ивановичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ и главный директоръ пажескаго и сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ изъ дворянъ Рязанской губерніи, родился въ 1773 году умеръ въ 1833 г. По обычаю того времени, онъ со дня рожденія записанъ былъ на службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, причемъ черезъ три года произведенъ въ сержанты. Въ прапорщики произведенъ 1 января 1790 года, съ небольшимъ 16 лѣтъ отъ роду. Капитаномъ—въ 1798 г.; полковникомъ—въ 1799 г. Произведенъ въ генералъ-маіоры лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ въ 1803 г., съ назначеніемъ шефомъ Петровскаго пѣхотнаго полка. Въ началѣ 1807 года, во время войны Россіи съ Франціей, генералъ-маіоръ Демидовъ ходилъ съ петровскимъ пѣх. полкомъ, въ Пруссію, но не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ томъ же году отличился

при формированіи Либавскаго пѣх. полка. Въ 1808 году Николай Ивановичъ поступилъ въ армію, дѣйствовавшую въ Финляндіи, гдѣ ему поручено было, съ 2 баталіонами и 2 сотнями, охраненіе города Вазы. 13-го іюня Демидовъ, обманутый ложными слухами о движеніи сильнаго непріятельскаго отряда на селеніе Сембди, выступилъ ему на-встрѣчу почти со всѣми своими силами; а между тѣмъ шведы, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бергенстролле, прибывъ на судахъ изъ Умео, заняли Вазу. Тогда генералъ-маіоръ Демидовъ, узнавъ о своей ошибкѣ, вернулся и взялъ Вазу штурмомъ, причемъ потерялъ около 150 человѣкъ убитыми и ранеными. Шведы потеряли 1 пушку, командующаго десантомъ, 12 офицеровъ и 235 нижнихъ чиновъ плѣнными и до 300 ч. убитыми и ранеными. За этотъ подвигъ Николай Ивановичъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Затѣмъ Николай Ивановичъ съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Киркѣ Куортане (30 авг.) и при Оровайсѣ (2 сент.), за что удостоенъ былъ знакомъ ордена св. Равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени;—а въ началѣ 1809 года, по непосредственному назначенію императора Александра I, ему поручено было охраненіе Аландскихъ острововъ. Въ томъ же году (12 декабря) Николай Ивановичъ былъ назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи въ Финляндіи, гдѣ и оставался до октября 1817 года, когда получилъ въ командованіе 1-ю гренадерскую дивизію. Въ 1816 году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1824 году Николаю Ивановичу, согласно прошенію, по болѣзни, Высочайше повелѣно было состоять по арміи. 15 декабря 1825 года на другой день по восшествіи императора Николая I на престолъ, генералъ-лейтенантъ Демидовъ, назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ, а вслѣдъ за тѣмъ (1826 г.) присутствующимъ въ Правительствующемъ сенатѣ. Въ томъ же году назначенъ былъ членомъ комитета для составленія воинскаго устава и главнымъ директоромъ Пажескаго и кадетскихъ корпусовъ. Во время коронаціи императора Николая I командовалъ отрядомъ пѣхоты гвардейскаго корпуса въ Москвѣ. Въ концѣ 1826 года Николаю Ивановичу повелѣно быть членомъ совѣта о военныхъ училищахъ и комитета, подъ вѣдѣніемъ его состоявшимъ. Въ 1828 году произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1828, 1829 и началѣ 1830 года начальствовалъ войсками, остававшимися въ Петербургѣ по выступленіи гвардіи въ походъ противъ турокъ. Въ 1828 году награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ. Въ 1832 году поѣхалъ для излеченія болѣзни на Кавказскія минеральныя воды, гдѣ и умеръ въ 1833 г. Отличаясь необыкновеннымъ служебнымъ рвеніемъ, хотя часто доводилъ его до мелочей, Николай Ивановичъ много разъ получилъ Высочайшія благоволенія за образцовую исправность командуемыхъ имъ частей и за отличное состояніе всѣхъ находившихся въ его вѣдѣніи военно-учебныхъ заведеній.

Московское отдѣленіе Военного Уч Архива Главн. Штаба: книга формулярныхъ списковъ Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ, № 12318.—Лееръ: Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. „Воспоминанія“, А. К. (Русскій Арх., 1879, 2).

Демидовъ, *Николай Никитичъ*, сынъ Никиты Акинфіевича, тайный совѣтникъ, родился 9 ноября 1773 года въ с. Чирковицахъ, въ 80 верстахъ отъ Петербурга, и въ томъ же году былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ капраломъ. Въ 1775 г. Николай Никитичъ произведенъ въ чинъ подпрапорщика, въ 1782г. назначенъ сержантомъ, въ 1787 г. переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ, въ 1789 г. именнымъ указомъ назначенъ флигель-адъютантомъ въ штабъ генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, въ 1791 г. въ томъ же штабѣ назначенъ генералъ-ауди-торъ-лейтенантомъ и находился въ дѣйствующей арміи въ Бессарабіи; въ слѣдующемъ году онъ переведенъ съ производствомъ въ чинъ подполковника въ Московскій гренадерскій полкъ, въ 1794 г.—пожалованъ въ камеръ-юнкеры, черезъ два года—въ дѣйствительные камергеры, въ 1799 г. назначенъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Въ 1800 г. онъ былъ опредѣленъ въ Камеръ-Коллегію для ознакомленія съ дѣломъ и затѣмъ въ томъ же году, пожалованный въ чинъ тайнаго совѣтника, назначенъ членомъ Камеръ-Коллегіи. Унаслѣдовавъ отъ отца богатѣйшіе желѣзные и мѣдноплавильные заводы: Нижне-Тагильскій, Нижне-Салдинскій, Верхне-Салдинскій, Черно-Источенскій, Висимо-Уткинскій, Висимо-Шайтанскій,

Лайскій и Выйскій и получивъ при заводахъ и вотчинахъ 11550 душъ крестьянъ, Николай Никитичъ въ молодости не умѣлъ должнымъ образомъ пользоваться своими богатствами, велъ роскошную, расточительную жизнь и благодаря этому былъ взятъ подъ опеку, которая оказала на него весьма благотворное вліяніе и потому была вскорѣ снята.

Выйдя въ отставку, Демидовъ отправился въ заграничное путешествіе, посѣтилъ Германію, Англію, Францію и Италію и нигдѣ не упускалъ случая знакомиться съ успѣхами горнозаводской техники. Возвратившись въ Россію въ 1806 г., Демидовъ желая завести на своихъ заводахъ всѣ новѣйшія усовершенствованія по части техники, выписалъ изъ Франціи профессора Ферри, знаменитаго тогда знатока горнозаводскаго дѣла, и положилъ ему 15000 рублей жалованья въ годъ, сумму для того времени весьма значительную. Желая подготовить опытныхъ мастеровъ для своихъ заводовъ, Демидовъ на свой счетъ болѣе ста человѣкъ крѣпостныхъ отправилъ за границу въ Англію, Швецію и Австрію для изученія спеціальныхъ отраслей горнозаводскаго дѣла. Нижне-Тагильскій заводъ Демидова, на которомъ, въ числѣ другихъ усовершенствованій, заведены были и штанговыя машины, по справедливости, считался въ то время лучшимъ по всему хребту Уральскихъ горъ. Женитьбой на баронессѣ Елизаветѣ Александровнѣ Строгановой (ум. въ 1818 г.) Демидовъ еще болѣе увеличилъ свои и безъ того уже громадныя богатства. Желая найти болѣе широкій сбытъ для выдѣлываемаго на своихъ заводахъ желѣза, Демидовъ завязалъ торговыя сношенія съ Англіей и для этого пріобрѣлъ въ Италіи прекрасный корабль, а потомъ въ Таганрогѣ построилъ пять морскихъ судовъ для плаванія по Средиземному и Черному морямъ. Эта Демидовская флотилія неразъ оказывала русскому правительству крупныя услуги, перевозя казенные грузы между приморскими крѣпостями.

Получая доходы, Демидовъ удѣлялъ часть изъ нихъ на общественныя нужды. Въ 1807 году онъ пожертвовалъ большое каменное зданіе въ Гатчинѣ для Гатчинскаго Сельскаго Воспитательнаго дома. Въ 1812 году, 12 іюля, послѣ молебна въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Государя Николай Никитичъ торжественно обязался собрать на свои средства полкъ, который и содержалъ до конца войны съ французами Шефомъ этого извѣстнаго подъ именемъ Демидовскаго полка былъ самъ Николай Никитичъ. Въ концѣ 1813 г. Демидовъ подарилъ Московскому университету весьма цѣнную коллекцію рѣдкостей, состоявшую болѣе чѣмъ изъ 3000 экземпляровъ рѣдкихъ минераловъ, раковинъ, чучелъ животныхъ и пр., и этимъ пожертвованіемъ положилъ основаніе новому музею по естественной исторіи. За это пожертвованіе Демидовъ избранъ въ почетные члены Московскаго университета, а имя его, какъ жертвователя, занесено на одну изъ досокъ въ актовомъ залѣ университета. Въ 1819 году Демидовъ внесъ въ Высочайше учрежденный комитетъ оказанія помощи инвалидамъ 100000 рублей. Въ 1821 году онъ же пожертвовалъ 50000 рублей въ распоряженіе Высочайше учрежденнаго комитета для оказанія помощи наиболѣе пострадавшимъ отъ наводненія жителямъ Петербурга. Кромѣ того, Демидовъ щедрыми пожертвованіями участвовалъ во многихъ сооруженіяхъ на благотворительныя или вообще общественныя цѣли: въ сооруженіи тріумфальныхъ воротъ въ Петербургѣ, въ постройкѣ госпиталя въ Лаишевѣ, Казанской губерніи, Пермской больницы попечительнаго о тюрьмахъ комитета, въ сооруженіи памятниковъ герцогу Ришлье въ Одессѣ и Павлу Демидову въ Ярославлѣ. Въ 1825 году онъ пожертвовалъ свой домъ въ Москвѣ для дома трудолюбія и далъ сто тысячъ р. на его перестройку; за это крупное пожертвованіе Демидовъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени и табакеркой съ портретомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Въ 1827 г. Демидовъ поднесъ Государю въ даръ крупныхъ размѣровъ платиновый самородокъ вѣсомъ 10 фунтовъ 54 золотника и удостоился получить за это богатую табакерку съ портретомъ государя. Демидовъ игралъ также не маловажную роль въ дѣлѣ колонизаціи южной Россіи. Въ 1822 г. онъ купилъ въ Херсонской губерніи, въ Тираспольскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ, 18000 десятинъ земли съ незначительнымъ населеніемъ и перевелъ сюда крестьянъ изъ своихъ сѣверныхъ вотчинъ. Съ энергіей человѣка, взявшагося за новое дѣло,

Демидовъ началъ устраивать свои новоприобрѣтенныя имѣнія, заводилъ въ нихъ виноградники, сады, разводилъ рѣдкіе породы рогатаго и мелкаго скота, при чемъ не жалѣлъ денегъ, чтобы достигнуть въ этомъ отношеніи желаемыхъ результатовъ. Онъ выписывалъ лучшіе сорта виноградныхъ лозъ и фруктовыхъ деревьевъ изъ Франціи и Италіи, лошадей- изъ Англіи, мериносовъ изъ Швейцаріи, выписывалъ холмогорскій скотъ, оренбургскихъ козъ и горныхъ кавказскихъ лошадей, кромѣ того, производилъ опыты культивированія хлопка и сальфора. Горячность и торопливость, какія проявлялъ Демидовъ относительно устройства своихъ имѣній въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, вскорѣ оказались лишь плодомъ временнаго увлеченія скучающаго заводчика и затѣмъ вскорѣ наступило разочарованіе въ пригодности земель Херсонской губерніи для нѣжныхъ культуръ растеній и для разведенія улучшенныхъ породъ скота. Назначенный во Флоренцію русскимъ посланникомъ, Демидовъ устроилъ здѣсь на свои средства художественный музей и богатѣйшую картинную галлерею, въ которыхъ собралъ произведенія знаменитыхъ художниковъ, весьма цѣнныя изваянія изъ мрамора и бронзы и массу разныхъ другихъ рѣдкостей. Коллекція эта послѣ смерти Демидова досталась по наслѣдству сыну его Анатолію и перевезена была имъ въ Петербургъ. Во Флоренціи Николай Никитичъ устроилъ на свои средства домъ для призрѣнія престарѣлыхъ и сиротъ и пожертвовалъ на содрежаніе его особый капиталь. Признательные граждане Флоренціи въ честь жертвователя назвали одну изъ площадей, вблизи Демидовскаго дома призрѣнія, Демидовскою и поставили на этой площади статую Николая Никитича изъ бѣлаго мрамора, представляющую его въ римской тогѣ, обнимающимъ больнаго ребенка. У ногъ его расположены четыре скорбныя статуи, а на самомъ памятникѣ выбита надпись: „Perchè il popolo di San Niccolò avesse ognara dinanzi memoria viva del commendatare Niccolò Demidoff indefesso benefattore munifico il figlio principe Anatolio al Comune di firenze questo monumento dono 1870.“ Не смотря на бурно проведенную молодость, Николай Никитичъ къ концу жизни сдѣлался бережливымъ, предпріимчивымъ и внимательнымъ къ нуждамъ своихъ крѣпостныхъ. Въ своихъ вотчинахъ онъ упорядочилъ рекрутскую повинность среди крестьянъ, а при Нижне-Тагильскомъ заводѣ основалъ училище, въ которомъ, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, преподавались также „общія начала механики и практическаго горнозаводскаго искусства“. Училище это давшее лучшихъ мастеровъ для заводовъ Демидова и другихъ, въ 1839 г. преобразовано въ уѣздное и подчинено вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Въ послѣдніе девять лѣтъ жизни Демидовъ ежегодно 6 декабря, въ день своихъ именинъ, раздавалъ на своихъ заводахъ по 25000 рублей. Проживая въ послѣдніе годы во Флоренціи, Демидовъ хотя и жилъ весьма роскошно и, не жалѣя средствъ, покровительствовалъ ученымъ и художникамъ, умѣлъ однако искусно управлять своими дѣлами въ Сибири, Америкѣ, Франціи и другихъ странахъ и благодаря такому энергичному и умѣлому хозяйничанью, оставилъ въ наслѣдство своимъ двумъ сыновьямъ имущества почти вдвое болѣе сравнительно съ тѣмъ, что самъ получилъ отъ отца.

Muller: Notice sur la vie politique et privée de Nic. Nik. Demidoff, Paris, 1830. П. Свиньинъ: Воспоминанія о тайномъ совѣтникѣ Николаѣ Никитичѣ Демидовѣ, Спб. 1829 г.—„Русскій Архивъ,“ 1867 г., стр. 1044; 1872 г., стр. 1998; 1873 г. стр 2218, 1874 г., кн I. стр. 99 и др.; 1876 г., кн. I стр. 112.—„Отечественныя Записки,“ 1829 г., ч. 37, стр. 313–315; ч 9, стр. 129 - 160.—„Архивъ Государств. Совѣта. т. III, стр. 800—803.—Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятн. людей“ М. 1836 г., ч. 2.—„Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1840 г. ч. XXV. - Шевыревъ: „Исторія Московск. Унив.“ М. 1855 г.—Г. Спасскій: „Жизнеописаніе Акинфія Никитича Демидова,“ Спб. 1833 г. - Германъ: „Описаніе заводовъ подъ вѣдомств. Екатеринбургск. горн. нач.,“ Екатеринб. 1808 г., ч. 2, стр. 74–98.—Зябловскій: „Статистическ. описаніе Россійск. Имп.“ Спб , 1808 г., кн. II, стр. 175–177. - Щекатовъ: „Географическій словарь Рос. госуд “ М., ч. IV, 1805 г., стр. 605 - 608 —„Нива“ 1881 г., № 4.—К. Головщиковъ.: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“ Я, 1881 г , стр. 206—218. - Геннади: „Справочный словарь о руск. писателяхъ и ученыхъ,“ Берлинъ 1885 г. т. I, стр. 288.—В. Огарковъ: „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи,“ Спб. 1891 г. Петровъ: „ Исторія родовъ россійскаго дворянства“ т. I, Спб. 1885 г. стр.

А. Ч.

Демидовъ, *Николай Петровичъ*, сынъ Петра Евдокимовича, дѣйствительный статскій совѣтникъ, извѣстный своими учеными трудами по политической экономіи,

финансовому праву и политикѣ вообще. Изъ его изслѣдованій на русскомъ языкѣ появились слѣдующія: «О бумажныхъ деньгахъ», Спб. 1829 г.; «Нѣкоторыя замѣчанія на опытъ теоріи налоговъ, изданный г. Тургеневымъ», Спб. 1830 г.; «Разсужденіе о лажѣ», М. 1831 г.; «О государственной кредитной системѣ», М. 1841 г.; и «О теоріи владѣнія», М. 1843 г. Большинство сочиненій Н. П. демидова появилось однако на французскомъ языкѣ, хотя только немногія изъ нихъ были изданы за границею; изъ нихъ извѣстны слѣдующія: «Considèrations sur quelques principes fondamentaux de l' économie politique et privée», Pétersb. 1826; «Considération sur la théorie des capitaux», Moscou 1826; «Nouvelle théorie de la balance du commerce, etc», Pétersb. 1826; «Une nation doit-elle être exclusivement agricole?», Pétersb. 1827; «Mon aveu ou ma propre critique d' une passage de ma nouvelle théorie de la balance du commerce» Pétersb. 1829; «Opuscules d'économie politique et privée», Paris, 1830; «Du principe de la Justice ou Commentaire sur le manuel de Juré», Moscou 1837; «Quelques chapitres de principes généraux de Législation, Moscou 1838; «Prèliminaire au principes généraux de Législation ou Ebauche de mon système de philosophie», Moscou 1839, avec une table; «Principe du droit de propriété, des droits et obligations; fragment d' un ouvrage inédit sur les principes generaux de législation", Paris 1840; Les slaves et les Russes», Moscou 1842; «Etudes politiques», Moscou, 1843; «Du peuple qui donna son nom à la Suisse», Moscou 1844; «Explication du nom de Syriens blancs» Paris 1846; De l' origine des Francs», Paris 1847; «Sir Robert Peel», Paris 1847; «Quelquechose encore en économie politique», Paris 1847, и др. Несмотря на обилие сочиненій, написанныхъ Н. П. Демидовымъ и пользовавшихся въ свое время значительной извѣстностью, въ настоящее время имя автора почти совершенно забыто. Неизвѣстны даже годы его рожденія и смерти.

Геннади: „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ", т. I, Берлинъ 1876 г.—К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ", Я, 1881 стр. 242—Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга", т. I, Спб. 1895 стр. 183.—С. Каратаевъ: Библіографія финансовъ. промышленности и торговли", Спб. 1880 г. Кс. Полевой: „Записки о жизни Н. Полеваго", ч. I, Спб. 1860 г.—Петровъ: „Исторія родовъ русскаго дворянства", Спб. 1885 г. т. I.

А. Черкасъ.

Демидовъ, *Павелъ Григорьевичъ,* сынъ Григорія Акинфіевича, основатель Демидовскаго Ярославскаго лицея, извѣстный своею благотворительностью на пользу просвѣщенія, ученый натуралистъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился 29 декабря 1738 года, умеръ 1 іюля 1821 г. въ подмосковскомъ своемъ селѣ Леоновѣ на Яузѣ, и погребенъ въ Московскомъ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ. Первоначальное образованіе Демидовъ получилъ въ Ревелѣ у профессора Сигизмунди, подъ руководствомъ котораго съ 1748 по 1751 г., усвоилъ латинскій и нѣмецкій языки и затѣмъ былъ отправленъ родителями для продолженія наукъ въ Германію, гдѣ слушалъ лекціи сперва въ Геттингенскомъ университетѣ до мая 1755 г. у великихъ свѣтилъ естественныхъ наукъ и металлургіи — Галлера, Геснера, Зегнера, Мейера и другихъ извѣстныхъ профессоровъ, потомъ въ академіи въ Фрейбергѣ — по металлургіи у Гофмана и по минералогіи и химіи у Гелперта и цѣлый годъ изучалъ здѣсь практически искусство добыванія рудъ и плавильное. Отсюда Демидовъ съ научно-образовательною цѣлью предпринялъ путешествіе по Европѣ и въ теченіе шести лѣтъ успѣлъ посѣтить Богемію, Венгрію, разныя земли Австрійскія и большую часть Германіи, сдѣлалъ ученыя наблюденія въ Швейцаріи, побывалъ въ Римѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ Италіи, посѣтилъ Францію, Голландію, Англію и Шотландію, гдѣ отъ города Гласго получилъ право гражданства. Затѣмъ Демидовъ посѣтилъ Данію, Швецію и Новергію, повсюду изучалъ на мѣстѣ способы разработки серебряныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ рудниковъ, и въ Швеціи имѣлъ случай познакомиться и сблизиться съ знаменитымъ ботаникомъ Линнеемъ, лекціи котораго слушалъ въ Упсалѣ, посѣщая въ то же время и лекціи по химіи и минералогіи профессора Валерія. Въ началѣ 1762 года, вскорѣ послѣ смерти отца, Демидовъ возвратился въ Россію и передалъ значительную часть своего наслѣдственнаго имѣнія въ распоряженіе своихъ братьевъ, а самъ посвятилъ себя исключительно наукамъ.

И въ Россіи, какъ и заграницей, главное вниманіе Демидовъ обращалъ, во время своихъ путешествій, на рудники и горные заводы. Онъ посѣтилъ всѣ частные и казенные Екатеринбургскіе заводы и побывалъ въ 1763 г. въ Тулѣ, Петербургѣ, Шлиссельбургѣ и Ладогѣ, изучая горнозаводское дѣло. Съ 1762 по 1772 г. Демидовъ состоялъ на государственной службѣ и удостоился вниманія Императрицы Екатерины II, получивъ въ 1762 г. за обширныя познанія въ натуральной исторіи минералогіи» чинъ совѣтника берггъ-коллегіи, а при выходѣ въ отставку—чинъ статскаго совѣтника. Въ 1772 году Демидовъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены «Вольнаго Россійскаго Собранія» и въ томъ же году отправился за-границу для поправленія своего здоровья въ Спа и Стокгольмъ, побывавъ въ эту поѣздку въ Германіи, Франціи и Голландіи. Возвратившись въ Россію въ 1773 году, Демидовъ всецѣло отдался «философскому уединенію, разсматриванію природы и ученымъ созерцаніямъ» и въ то же время находился въ постоянной перепискѣ со многими европейскими учеными: съ Бюффономъ, Галлертомъ, Валеріемъ и особенно съ Линнеемъ, которому Демидовъ сообщилъ много своихъ открытій по части сстественной исторіи, помѣщенныхъ Линнеемъ въ его системѣ зоологіи съ выраженіемъ благодарности Демидову. Между прочимъ, Демидовъ сообщилъ Линнею описаніе корсака—животнаго, обитающаго въ киргизскихъ степяхъ между Яикомъ, Эмбою и Иртышемъ и описанія кобеца (falco vespertinus, родъ ястреба) и красной астраханской утки (casarca), помѣщенныя Линнеемъ въ его Linnaei System nat., XII app. Во время путешествій за-границей и по Россіи, благодаря своимъ богатствамъ, Демидовъ имѣлъ возможность пріобрѣсти рѣдкія коллекціи по естественной исторіи и минералогіи, собраніе медалей, монетъ, художественныхъ рѣдкостей и значительную библіотеку. Начало своимъ собраніямъ Демидовъ положилъ покупкою почти за 20.000 рублей въ Парижѣ одного изъ первоклассныхъ кабинетовъ у актрисы Парижскаго театра, дѣвицы Клеронъ. Затѣмъ онъ пріобрѣлъ коллекцію Кайенскихъ птицъ, пополненную такими знатоками, какъ Пуассоньеръ и Бовиль, разными рѣдкими животными, преимущественно пресмыкающимися, купилъ Вейнгардово собраніе минераловъ, состоявшее изъ 200 штуфовъ разныхъ странъ и особенно богатое золотою рудою, венгерскими опалами и агатами, потомъ пріобрѣлъ Вейсову коллекцію, коллекцію Сибирскихъ штуфовъ, оригностическое собраніе Войта и геогностическое Вайнера. Не останавливаясь ни предъ какими матеріальными тратами для пополненія своей библіотеки, Демидовъ пріобрѣлъ массу замѣчательныхъ рукописей и дорогихъ рѣдкихъ изданій на всѣхъ языкахъ и по всѣмъ отраслямъ знанія, преимущественно же по естественнымъ наукамъ. Русскихъ книгъ въ библіотекѣ Демидова было 529 названій, въ томъ числѣ много книгъ старопечатныхъ славянскихъ, и 158 рукописей, изъ коихъ многія, по свидѣтельству В. Ундольскаго, заслуживали вниманія ученаго и, судя по краткому описанію, потеря многихъ изъ нихъ совершенно невознаградима. Демидовъ собственноручно составилъ каталогъ своей библіотеки по системѣ, имъ самимъ изобрѣтенной, доказывающей рѣдкое знаніе литературы и библіографіи, подъ названіемъ: «Каталогъ россійскимъ книгамъ библіотеки П. Демидова. Библіографическая система, или методическое распредѣленіе книгъ, расположенное по порядку матерій, т. е. основанное на разныхъ источникахъ, откуда разумъ человѣческій почерпаетъ свои познанія—(единыя истинныя черты, могущія постановить основаніе естественнаго распредѣленія); съ постепеннымъ порядкомъ ихъ связи, или наиболѣе натуральнаго расположенія ихъ родовъ и видовъ, или классовъ и порядковъ». Каталогъ этотъ былъ изданъ по порученію Демидова профессоромъ Фишеромъ въ Москвѣ подъ заглавіемъ: «Museum Demidoff, Tom I, contenant le catalogue systematique des livres de la bibliotheque de Paul Demidoff, publié par le prof. Fischer, â Moscou, 1806. 4». Здѣсь же въ первомъ томѣ описанія его музея подъ статьею: «Ouevres, que j'ai composées moi-même» (стр, 200—202) значатся слѣдующія сочиненія П. Г. Демидова: 1) семь томовъ оставшихся въ рукописи, на нѣмецкомъ языкѣ, заключавшихъ въ себѣ описанія путешествій Демидова по всѣмъ тѣмъ странамъ и городамъ, которые онъ посѣтилъ съ іюля 1755 г. по мартъ 1763 года; 2) Auszug aus Körler's Reise Collegium, Göttingen

1743; 3) Geometria et Trigonometria, tabella tisch dargestilt, Göttingen 1753; 4) Matematische Aufgaben dureh die Algebra erlautert, Göttingen, 1753; 5) Algebra mit Exempeln, Göttingen 1753; 6) Anmerkungen zu Segner's Naturlehre, Göttingen 1753; 7) Anmerkungen zu Gellert's Chemie und Probierkunst, Freyberg, 1753; 8) Kleine Zeichnungen zur Erlauterung des Berg und Hüttenwesensg. Freyberg, 1755; 9) Anmerkungen über des Archiaters Linnaei Pflanzenkultur, Upsala 1760; 10) Anmerkungen zu Linnaei Mineralogia, Upsala 1760; 11) Anmerkungen zu Gottschalk Wallerii Mineralogie, Chemie und Metallurgie, Upsala 1760 und 1761; 12) Anmerkungen von den Kräften und Werkungen der Pflanzen in Krankheiten und der Oeconomie, nach des Archiaters Linnaei Beobachtungen, Upsala 1761; 13) Anmerkungen zu Linnaei Philosophia botanica, Upsala 1761; 14) Linnaei Principia und Anmerkungen über die Materia medica und Diät, im Auszuge aufgesetst, Upsala 1761. Кромѣ того, на нѣмецкомъ же языкѣ Демидовъ составилъ описанія принадлежавшихъ ему собраній, монетъ и медалей и минералогическаго кабинета, и на французскомъ языкѣ—каталогъ коллекціи рѣдкостей естественной исторіи и атласъ по естественной исторіи. Второй и третій томы книги Фишера посвящены описанію принадлежавшаго Демидову кабинета естественной исторіи. Постоянно работая самъ на научномъ поприщѣ, Демидовъ хотѣлъ дать возможность работать на томъ же поприщѣ и другимъ, и съ 1803 г. начинается его обильная приношеніями благотворительная дѣятельность на пользу просвѣщенія. Въ 1803 г. Демидовъ началъ хлопоты объ учрежденіи въ Ярославлѣ университета. Въ томъ же году онъ пожертвовалъ 3578 душъ крѣпостныхъ на содержаніе профессоровъ и другія по университету надобности и 100,000 рублей на содержаніе процентами съ этого капитала бѣднѣйшихъ изъ студентовъ и для командировокъ достойнѣйшихъ изъ нихъ въ лучшіе заграничные университеты. На эти средства было открыто въ 1805 году 29 апрѣля Ярославское училище высшихъ наукъ, нынѣ Демидовскій юридическій лицей. Кромѣ того, въ 1803 году Демидовъ пожертвовалъ еще 200,000 рублей съ тѣмъ, чтобы 100,000 рублей изъ нихъ были даны въ пособіе Московскому университету и употреблялись на содержаніе бѣднѣйшихъ студентовъ, на отправку достойнѣйшихъ изъ нихъ для усовершенствованія въ заграничные университеты и на содержаніе особой Демидовской каѳедры натуральной исторіи, а остальные 100,000 рублей раздѣлены были поровну между Кіевскимъ и Тобольскимъ, университетами въ Сибири, когда послѣдніе будутъ открыты. Демидовъ предвидѣлъ будущее значеніе Сибири и неминуемую потребность тамъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Пожертвованный имъ капиталъ—50,000 рублей для университета въ Тобольскѣ, обращенъ на устройство университета въ Томскѣ, и въ 1881 году, ко времени открытія этого университета, достигъ 190,000 рублей. По Высочайшему повелѣнію въ актовомъ залѣ Томскаго университета поставленъ портретъ Павла Григорьевича Демидова, какъ перваго жертвователя на университетъ. Кромѣ того, Демидовъ пожертвовалъ Московскому университету свою библіотеку, кабинетъ натуральной исторіи и минцъ-кабинетъ, стоимостью около 250,000 р. Одновременно съ принятіемъ пожертвованій на учрежденіе высшаго училища въ Ярославлѣ, 6 іюня 1803 г. Демидовъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра большаго креста первой степени и вскорѣ, въ 1805 году, былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1803 году въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената, по Высочайшему повелѣнію, вручена была Демидову золотая медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица Демидова, а на другой—съ надписью: «за благотвореніе наукамъ». Демидовъ и потомъ не оставилъ заботливаго попеченія о благосостояніи основаннаго на его средства училища въ Ярославлѣ. Въ 1811 году онъ далъ 20,000 рублей на перестройку дома для училища и снабдилъ училище библіотекою, кабинетами физическихъ машинъ, химическихъ приборовъ, и собраніемъ разнаго рода камней и минераловъ. Московскому университету Демидовъ подарилъ богатое собраніе имѣвшихся у него моделей, относившихся до горнаго и плавильнаго искусствъ и представлявшихъ разныя штольны, шахты, печи, машины и инструменты, кромѣ того, коллекцію рѣдкихъ экземпляровъ изъ царства животныхъ, гербаріумъ и собраніе разныхъ ху-

дожественныхъ рѣдкостей; обсерваторіи Московскаго университета Демидовъ подарилъ астрономическій экваторіалъ работы англійскаго художника Шорха и органъ, оцѣненный въ 10,000 рублей. Пожертвованія Демидова въ Московскомъ университетѣ заняли три отдѣльныя залы, которыя и назывались Демидовскими. Однако всѣ эти неоцѣненныя приношенія Демидова Московскому университету, въ томъ числѣ и библіотека, погибли во время пожара въ 1812 году и спасены были только собранія раковинъ и полиповъ, штуфы систематическаго собранія и драгоцѣнные камни, между которыми особенно отличался, замѣчательный величиною, чистой воды изумрудъ. На покупку дома для института благородныхъ дѣвицъ въ Харьковѣ Павелъ Григорьевичъ пожертвовалъ 22,000 рублей, а въ 1812 году сдѣлалъ вкладъ въ существующій и теперь, открытый въ 1786 году, въ Ярославлѣ домъ призрѣнія ближняго, въ размѣрѣ 1000 рублей. Послѣдніе годы жизни Павелъ Григорьевичъ провелъ въ любимомъ своемъ селѣ Леоновѣ, гдѣ и скончался 1 іюля 1821 года на 83 году жизни и погребенъ въ Московскомъ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ. Овдовѣвъ еще въ молодости, Павелъ Григорьевичъ не оставилъ послѣ себя потомства. Владѣя громадными богатствами, Павелъ Григорьевичъ всю жизнь провелъ въ научномъ трудѣ. Весьма отзывчивый къ чужимъ нуждамъ, самъ онъ жилъ, по словамъ современниковъ, весьма скромно, почти замкнуто, въ знакомствахъ былъ крайне разборчивъ, въ разговорѣ — медлителенъ. Глубокій знатокъ природы—ученый натуралистъ, Павелъ Григорьевичъ зналъ въ совершенствѣ математику, физику, минералогію, металлургію, искусство литейное, и не только былъ знаменитымъ физикомъ и наблюдателемъ, но и глубокимъ философомъ и искуснымъ литераторомъ, владѣвшимъ бойкимъ перомъ. Кромѣ занятій науками, Павелъ Григорьевичъ признавалъ только одно удовольствіе—музыку и, какъ страстный любитель, самъ съ увлеченіемъ игралъ на фортепіано и скрипкѣ. Въ благодарность за крупныя пожертвованія Московскій университетъ въ университетскомъ музеѣ поставилъ портретъ Павла Григорьевича и занесъ имя его на мраморную доску въ актовомъ залѣ, а признательное ярославское дворянство, движимое чувствомъ благодарности къ своему сочлену, какъ основателю высшаго училища, на собранныя по подпискѣ средства воздвигло Павлу Григорьевичу Демидову памятникъ, — бронзовую колонну, вышиною въ 17 аршинъ, съ бронзовой сферой и вызолоченнымъ парящимъ на ней орломъ, на гранитномъ пьедесталѣ,—который открытъ на Ильинской площади въ Ярославлѣ 6 марта 1829 года.

К. Головщиковъ: „Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища“, Яросл. 1887 г.—К Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Яросл. 1881 г., стр. 174—206.– А. Вейдемейеръ: „Дворъ и замѣчат. люди въ Россіи“, Спб. 1846 г., ч. I —„Девятнадцатый вѣкъ“, 1872 г. кн. I.—Германъ: „Описаніе заводовъ подъ вѣдомствомъ Екатеринб. горн. нач.“, Екатеринб., 1808 г. ч. 2.—Бантышъ-Каменскій: „Словарь достоп люд русск. земли“ М. 1836 г., ч. 2, стр. 200—205.—Карновичъ: „Замѣчат. богатства частн. лицъ“, 2-е изд.—Шубинскій: „Историческіе очерки и разсказы“, Спб. 1893 г.—В. Огарковъ: „Демидовы, основатели горнаго дѣла“, Спб. 1891 г.—Шевыревъ: „Исторія Московск унив.“ М. 1855 г., стр. 319–321, 369—373 и др.—Тевыревъ: „Рѣчь въ день празднованія 50 лѣтн. юбилея Демидовскаго лицея 6 іюня 1853 г “—„Чтенія въ общ. исторіи и древн. россійск.“, 1846 г. № 2, отд. IV, стр. I—VI, 1—4; 1859 г., кн. 1 отд. V, стр. 91.—„Періодич. сочин. объ усп нар. просв.“, 1803 г. № 2, стр. 158–175; 1805 г , № 13, стр. 58—60; 1806 г , № 14, стр 145—161.—„Журн. Деп. народн. просв.“ 1822 г , № 1, стр. 119—128; № 5, стр. 78—105; 1823 г., № 5, стр. 100—105, № 6; стр. 100—105.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1834 г., ч. 1, стр. XXXI–XLIII; ч. IV, стр. 334–442; 1842 г т. 42 отд. VII —„Соревнователь просвѣщенія“, 1822 г. № 21, стр. 100—105.—„Вѣстникъ Европы“, 1803 г , ч. 8, № 6, стр. 167; 1821 г., ч. 120, № 22, стр. 138—146; № 23.—„Украинскій Вѣстникъ“ 1818 г., кн. 2; стр. 105–115–135.—„Отечественныя записки„ 1821 г., ч. 8, стр. 182—191.—„Московск. Вѣдомости“, 1821 г. № 98; 1824 г. № 19.—„Московск Губ. Вѣд „ 1844 г. № 20, прибавленія, стр. 231–236 – «Признательное воспоминаніе Московск. Унив. въ день рожд. П„ Г. Демидова», М. 1821 г.—Гладковъ: «Рѣчь на актѣ въ день 50 лѣтн. юбил. Демидовскаго Лицея“, Я. 1853 г.—«Яросл. Губ. Вѣдомости“ 1854 г.: „Обзоръ 50 лѣтн. существ Демидовскаго Лицея“, ст Гладкова.—„Актъ торж.собр. въ Яросл. Демидовскомъ учил. по случ. открытія памятника П. Г Демидову“, М. 1829 г.—„Слово на память П. Г. Демидова, произнесенное проф. Г. Покровскимъ“, 1821 г.—„Описаніе празднества, бывшаго въ г. Томскѣ по случаю закладки Сибирск. универс.“, Томскъ 1880 г.—„Русскій Архивъ“, 1873 г. стр. 2217—2221; 1878 г. кн. 2 стр. 123, и др.—

„Историч. Вѣстн.“ 1887 г., т. XXVIII, № 5. — „Историч. описаніе Московск. Спасо-Андроніевскаго монаст “ М. 1865 г. — „Русскіе Люди“, изд. Вольфа, Спб. 1866 г. Петровъ: „Исторія родовъ русск. двор.“ Спб 1885 г ч. 1.— кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родосл. книга“, Спб. 1895 г. т. I, стр. 181.—Иконниковъ: „Опытъ русской исторіографіи“, Кіевъ. — P. Larousse: „Grand Dictionnaire universel“, Paris 1870 г. v. 6, p. 400. — „Nordishes Archiv von Kafka“, III, 1806—Smidt: „Oratio in memoriam perfuncti P D. Demidow“, M. 1821.—D. Fiseher: „Panegiricus memoriae defuncti P. D. Demidoff“, M. 1821; id. 1831.

А. Черкасъ.

Демидовъ, *Павелъ Николаевичъ*, братъ Анатолія Николаевича, владѣлецъ богатѣйшихъ Сибирскихъ чугуно-плавильныхъ заводовъ, егермейстеръ двора Его Величества, почетный членъ Императорской Академіи Наукъ, родился 6 августа 1798 г., умеръ въ Майнцѣ 25 марта 1840 г. Павелъ Николаевичъ воспитаніе и образованіе получилъ въ Парижѣ, въ лицеѣ Наполеона, съ 1812 по 1826 г. служилъ въ русской арміи и затѣмъ, въ 1831 г., былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Курской губерніи. Покровительствуя процвѣтанію научныхъ знаній въ Россіи и владѣя громадными богатствами, Демидовъ съ 1830 г. по смерть свою ежегодно, въ день рожденія покойнаго Государя Александра Николаевича 17 апрѣля, вносилъ въ Академію Наукъ по 20,000 рублей «на награды за лучшія по разнымъ частямъ сочиненія въ Россіи» и по 5,000 рублей «на изданіе увѣнчанныхъ Академіею рукописныхъ твореній». За такое щедрое пожертвованіе Демидовъ удостоился выраженія особаго благоволенія Государя Николая Павловича. Начиная съ 1832 г., Академія Наукъ изъ пожертвованнаго Демидовымъ капитала ежегодно назначала за выдающіяся сочиненія Демидовскія преміи большія въ 5,000 руб. и малыя въ 2.500 руб. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Анатоліемъ, Павелъ Николаевичъ учредилъ въ Петербургѣ дѣтскую больницу, на содержаніе которой внесъ особый капиталъ, и, кромѣ того, сдѣлалъ крупныя пожертвованія въ Комитетъ Инвалидовъ, въ Пріютъ для бѣдныхъ, въ Общество садоводства и др. Павелъ Николаевичъ женатъ былъ на Аврорѣ Карловнѣ Шернваль, и отъ этого брака имѣлъ единственнаго сына Павла, получившаго княжескій титулъ Санъ-Донато.

„Сынъ Отечества“, 1840 г., т. II, кн. 3, стр. 644—646. „Московскія Вѣдомости“, 1831 г., № 86. „Дамскій Журналъ“, 1832 г., ч. 39, № 39, стр 185. „Телескопъ“, 1831 г., ч. 3, № 10, стр. 255—259. К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я, 1881 г., стр. 231—238. Вейдемейеръ: „Дворъ и замѣчат люди въ Россіи во 2-й половинѣ XVIII столѣтія“, Спб., 1846 г., ч. 1, стр. 211. „Журн Мин. Народн. Просв.“, 1841 г., т. XXXIII, стр. 92—101 „Собр. постановленій по Мин. Нар. Просв.“. Спб., 1833 г., стр. 254—264. „Академическій Календарь на 1841 г.“, стр. 179. „Отчеты Академіи Наукъ о присужденіи Демидов кихъ прем.“, Спб. „Русскій Архивъ“, 1867 г., стр. 265; 1872 г., стр. 1998; 1873 г., стр. 2221 и сл.; 1878 г, кн. 1, стр. 239, 387 и др. Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, Спб., 1895 г., т. I, стр. 183. „Положеніе о наградахъ, учрежд. 17 апрѣля 1831 г. камергеромъ П. Н. Демидовымъ“, Спб. 1831 г. Г. Спасскій: „Жизнеописаніе Акинф Никит. Демидова“, Спб., 1833 г В. Огарковъ „Демидовы, основат. горнаго дѣла въ Россіи“ Спб., 1891 г.

А. Черкасъ.

Демидовъ, князь Санъ-Донато, *Павелъ Павловичъ*, род. 9 октября 1839 года въ Веймарѣ, на второмъ году лишился отца и, получивъ прекрасное домашнее образованіе, въ 1856 году вступилъ въ С.-Петербургскій университетъ студентомъ юридическаго факультета, курсъ котораго окончилъ въ 1860 г. со степенью кандидата. Поселившись въ Парижѣ, Павелъ Павловичъ продолжалъ здѣсь свое научное образованіе подъ руководствомъ Лабуле, Франка и Бодрильяра. Въ 1867 г. Павелъ Павловичъ женился на княжнѣ Маріи Элимовнѣ Мещерской, которая чрезъ годъ скончалась отъ родовъ. Переселившись послѣ смерти жены въ Вѣну, Павелъ Павловичъ вступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и былъ причисленъ къ Вѣнскому посольству, но, пробывъ здѣсь недолго, уже въ 1869 г. возвратился въ Россію и поселился въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ занялъ скромное мѣсто совѣтника губернскаго правленія. Вскорѣ однако онъ переселился въ Кіевъ и здѣсь былъ избранъ сперва почетнымъ мировымъ судьею, а потомъ, въ 1870 г, кіевскимъ городскимъ головою. Въ 1871 г. Павелъ Павловичъ вступилъ во второй бракъ съ княжною Еленою Петровною Трубецкою. Пожалованный въ 1871 г. въ званіе егермейстера двора Его Императорскаго Величества, Павелъ Павловичъ былъ избранъ въ 1874 г. въ должность Кіевскаго город-

*

скаго головы на новое трехлѣтіе, но отказался отъ этой должности по нездоровью и поселился сперва въ С.-Петербургѣ, а потомъ въ своей виллѣ Санъ-Донато, которую продолжалъ обогащать выдающимися произведеніями искусства. Въ началѣ восточной войны движимый человѣколюбіемъ, Демидовъ вернулся въ Кіевъ и принялъ должность чрезвычайнаго уполномоченнаго отъ Общества Краснаго Креста. Цѣлый годъ проработалъ Павелъ Павловичъ въ этой должности, не жалѣя ни труда, ни здоровья, ни средствъ, устраивая помѣщенія для больныхъ и раненыхъ, снабжая воиновъ большею частью на свои личныя средства всѣмъ нужнымъ и во временныхъ баракахъ и на санитарныхъ поѣздахъ и при отправленіи солдатъ на родину. Съ 1880 г. Павелъ Павловичъ поселился въ С.-Петербургѣ и, по смерти Александра II, снова вступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ предъ нимъ открылось поле административной дѣятельности, и кромѣ того, принялъ должность предсѣдателя банка и общества для поощренія промышленности и торговли. Владѣя значительными богатствами на Уралѣ, Демидовъ на своихъ Уральскихъ рудникахъ ввелъ всѣ новѣйшія усовершенствованія, при Пермскихъ Нижне-Тагильскихъ заводахъ основалъ первую фабрику бессемерованія стали, чѣмъ далъ крупный толчокъ къ развитію выработки на своихъ заводахъ стальныхъ издѣлій, и на свой рискъ занялся разработкой Луньевскихъ каменно-угольныхъ копей на сѣверѣ Урала, предвидя широкую будущность для этой отрасли промышленности. Издѣлія заводовъ князя Павла Санъ-Донато на Вѣнской всемірной выставкѣ удостоены почетнаго диплома, а на Филадельфійской 1876 г. награждены бронзовою медалью. Широкая и разнообразная благотворительная дѣятельность и чуткая отзывчивость къ нуждамъ ближняго пріобрѣла Демидову громкую извѣстность. Послѣ смерти первой жены Демидовъ основалъ въ Парижѣ рукодѣльню имени св. Маріи, гдѣ, вплоть до коммуны, отъ 300 до 400 бѣдныхъ парижанокъ находили себѣ ежедневную работу, обезпечивавшую имъ существованіе. За послѣднія 9 лѣтъ жизни Демидовъ пожертвовалъ на пенсіи, стипендіи и другія пособія въ предѣлахъ Россіи капиталъ около 1.200,000 рублей. Изъ этихъ процентовъ ежегодно отпускается, между прочимъ, 15,000 руб. Демидовскому дому, 2,500 руб. Николаевской дѣтской больницѣ, 2,000 руб. Кіевскому университету, 3,750 р. С.-Петербургскому университету и 5,000 рублей обществу дешевыхъ квартиръ. Кромѣ того, на средства Павла Павловича открыто нѣсколько новыхъ, а также вполнѣ устроены уже существовавшія учебныя и благотворительныя заведенія при Нижне-Тагильскомъ и другихъ заводахъ, въ томъ числѣ реальное училище, два народныхъ училища для мальчиковъ, два такихъ-же училища для дѣвочекъ, школы грамотности при заводахъ и рудникахъ въ 9-ти пунктахъ, два приготовительныхъ для призрѣнія дѣтей, двѣ больницы, покои при нихъ и аптеки, фельдшерская школа и библіотеки при школахъ и т. п.; по иниціативѣ же Демидова при заводахъ учреждены были 10 сберегательныхъ товариществъ. Въ совокупности общій ежегодный расходъ Демидова на благотворительныя цѣли составлялъ къ концу его жизни до 250.000 р. За такую широкую благотворительность Демидовъ былъ назначенъ почетнымъ попечителемъ всѣхъ Демидовскихъ благотворительныхъ учрежденій, основанныхъ его предками и имъ самимъ. 2 іюня 1872 г. Императоръ Александръ II разрѣшилъ Демидову принять титулъ князя Санъ-Донато, пожалованный ему Итальянскимъ королемъ Викторомъ Эммануиломъ, и два ордена св. Маврикія и Лазаря и Итальянской короны. Въ 1879 г. признательное населеніе Флоренціи поднесло Демидову золотую медаль, съ изображеніемъ его и его супруги, и адресъ, доставленный особой депутаціей, въ составъ которой входили представители рабочихъ корпорацій со значками. Муниципалитетъ по этому случаю избралъ князя и княгиню Санъ-Донато почетными гражданами Флоренціи. Отъ Государя Александра II Демидовъ получилъ орденъ Станислава I степени и удостоился неоднократно выраженія монаршихъ благоволеній и всемилостивѣйшихъ знаковъ вниманія Во Флоренціи Демидовъ открылъ школы, пріюты, устраивалъ дешевыя столовыя для рабочихъ и т. п. Онъ купилъ въ Италіи имѣніе Медичисовъ Пратолино, въ которомъ и скончался 17 января 1885 г. Въ русской печати Павелъ Павловичъ извѣстенъ, какъ

авторъ брошюры: «Еврейскій вопросъ въ Россіи», Спб., 1883 года, и какъ издатель просуществовавшей, впрочемъ, очень недолго газеты «Россія». Отъ перваго брака князь Павелъ Павловичъ имѣлъ сына Елима (род. 25 іюня 1868 г.), а отъ втораго брака сыновей Никиту (род. 1872 г., ум. 1874) и Анатолія (род. 31 октября 1874 г.) и дочь Аврору (род. 2 ноября 1873 г.),

К. Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“, Я., 1881 г., стр. 255—263 Петровъ: „Исторія родовъ русскаго дворянства“, т. I, Спб., 1885 г. В. Огарковъ: „Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи“, Спб., 1891 г. Кн. Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, т. I, Спб., 1895 г. Д. Языковъ: „Жизнь и труды покойныхъ русскихъ писателей“, Спб., вып. V, стр. 45 „Памяти П. П. Демидова“, Спб., 1885 г. Періодическія изданія 1885 г.: „Всемірная Иллюстрація“, № 6. „Всеобщая Газета“, № 4; „Московскій Листокъ“, № 18; „Наблюдатель“, кн. 3, стр. 348 — 353; „Новое Время“, № 3192; „Новости“, № 17; „Новь“, кн. 7, стр. 435; „Православный Вѣстникъ“, № 16; „Современныя Извѣстія“, №№ 17 и 29; „Свѣтъ“, № 14; „Церковный общественный Вѣстникъ“ № 50. См. библіографическія указанія подъ ст. „Демидовы, князья Санъ-Донато“.

А. Черкасъ.

Демидовъ, *Петръ Григорьевичъ*, тайный совѣтникъ, почетный опекунъ, третій сынъ Григорія Акинфіевича Демидова, родился 6 августа 1740 г., умеръ 12 января 1826 г. 5 февраля 1800 г. Демидовъ былъ назначенъ оберъ-директоромъ С.-Петербургскаго коммерческаго училища, какъ сказано было въ рескриптѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны: «по совершенной довѣренности, а равномѣрно изъ признательности къ памяти родственника», т. е. Прокофія Акинфіевича Демидова, основавшаго училище. Петръ Григорьевичъ состоялъ оберъ-директоромъ С.-Петербургскаго коммерческаго училища съ 1800 по 1805 г. и на этомъ посту проявилъ себя талантливымъ администраторомъ, съумѣвшимъ твердо поставить училище, переведенное изъ Москвы, когда все нужно было устроить и установить заново. Благодаря своей настойчивости и энергіи П. Г. успѣлъ, несмотря на препятствія, созданныя его отношеніями съ помощникомъ по должности—барономъ Кампенгаузеномъ, пользовавшимся большимъ кредитомъ при дворѣ, отстоять интересы училища и провести желательные для него порядки. П. Г. не щадилъ для этого трудовъ, самъ входилъ во всѣ подробности дѣла, старался обезпечить училищу возможно лучшихъ преподавателей и административный персоналъ, жертвовалъ и значительныя суммы на училище. Словомъ, П. Г. Демидовъ, какъ писалъ о немъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ самъ баронъ Кампенгаузенъ, «дѣлалъ все, что сдѣлать во власти человѣка... онъ отдавалъ училищу всѣ свои заботы, и если ему казалось что-либо полезнымъ и не хватало на это денегъ, онъ, не колеблясь ни одной минуты, пополнялъ недостатокъ изъ собственныхъ средствъ». Безкорыстная и полезная его дѣятельность высоко цѣнилась Императрицей Маріей Ѳеодоровной, которая воздавала ему должное въ цѣломъ рядѣ рескриптовъ и наградъ; въ 1805 г. она съ большимъ сожалѣніемъ уступила многократно повторявшейся просьбѣ Демидова объ отставкѣ въ виду болѣзни и домашнихъ дѣлъ и уволила его сначала въ продолжительный отпускъ на годъ (рескриптъ 1805 г. 28 апрѣля), а затѣмъ и вовсе отъ службы (рескриптъ 1806 г. 31 мая)

Петрова: «Исторія родовъ русскаго дворянства». 1885 г. т. I—Арх. Спб. Коммерческаго Училища.—Головщиковъ: „Родъ дворянъ Демидовыхъ“.

Тим.

Демидовъ, *Петръ Григорьевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Петербургской губеніи, род. въ 1807 г., ум. въ 1862 г. Въ 1825 г. вступивъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ, 14 іюля слѣдующаго года онъ произведенъ въ корнеты. Въ чинѣ поручика онъ принималъ участіе въ Польской войнѣ 1831 г.: 9-го марта въ сраженіи подъ Жолтками, затѣмъ при преслѣдованіи мятежниковъ къ Остроленкѣ, 13 мая при стычкѣ подъ Старымъ Якацомъ, 25 и 26 августа въ взятіи приступомъ Варшавы, за что получилъ орденъ св. Анны 3 степени съ бантомъ и, наконецъ, въ преслѣдованіи остатковъ польской арміи до Прусской границы. Въ 1833 г. П. Г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, съ оставленіемъ въ должности полкового адъютанта; съ производствомъ же въ ротмистры онъ сдалъ эту должность, отчисленъ отъ фронта и назначенъ состоять при особѣ Государя (1835 г.). Произведенный затѣмъ въ полковники (1842 г.) и въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту

Его Величества (1849 г.), Демидовъ ежегодно былъ командируемъ по Высочайшему повелѣнію для наблюденія за рекрутскими наборами въ разныхъ мѣстахъ Россіи и выбора людей въ гвардію и гренадеры. Въ періодъ времени до 1853 г. онъ исполнялъ и другія Высочайшія порученія, какъ напримѣръ, по приведенію въ повиновеніе крестьянъ помѣщика Дружинина въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ (Тверской губ.), по производству секретнаго слѣдствія по дѣлу генералъ-маіора Фролова, по осмотру въ разныхъ губерніяхъ военныхъ госпиталей и др.

Самымъ блестящимъ періодомъ служебной дѣятельности П. Г. было его участіе въ Венгерской кампаніи въ 1849 г. По Высочайшему повелѣнію, лично ему объявленному, онъ былъ посланъ изъ Варшавы въ войска 5 пѣх. корпуса. Прибывъ въ главную квартиру корпуса въ концѣ іюня, онъ черезъ нѣсколько дней былъ командированъ, съ 6 ротами Прагскаго пѣхотн полка при 2 орудіяхъ, по направленію къ м. Репшу для обнаруженія непріятеля и соединенія съ отрядомъ генералъ-маіора Есаулова. При движеніи главныхъ силъ корпуса отъ сел. Серкери, съ 7 іюля онъ командовалъ всею кавалеріею авангарда, съ которою на слѣдующій же день участвовалъ во взятіи укрѣпленной позиціи при Ротентурскомъ ущельѣ и затѣмъ преслѣдовалъ непріятеля въ ущельѣ на протяженіи 8 верстъ вплоть до карантина и до сдачи его турецкому отряду на границѣ Валахіи. Послѣ занятія Германштадта, Демидовъ особенно отличился 19 іюля въ упорномъ сраженіи подъ Шегешваромъ: командуя конницей, онъ получилъ приказаніе атаковать правый флангъ Бема и тогда не только кавалерія послѣдняго, но и венгерская пѣхота были сняты, благодаря этому удачному фланговому движенію Демидова, который преслѣдовалъ бѣжавшаго противника безостановочно до наступленія темноты на протяженіи 10 верстъ. За это сраженіе, бывшее первымъ рѣшительнымъ ударомъ талантливому и энергичному Бему, пораженію котораго много способствовала рѣшительная атака Демидова, П. Г. былъ удостоенъ ордена св. Георгія 4 степени. Съ 21 по 24 іюля онъ принималъ участіе въ усиленномъ движеніи черезъ Керестуръ и Потергальфы къ м. Маркъ-Шелканъ, а въ ночь на 25—въ движеніи съ Одесскимъ уланскимъ и № 1 казачьимъ полками и дивизіономъ 9 легк. конной батареи, черезъ Штольценбергъ, для занятія Гросъ-Шееренскихъ высотъ передъ г. Германштадтомъ. Это былъ замѣчательный «Суворовскій» маршъ, когда кавалерія Демидова въ 4 дня сдѣлала до 160 верстъ, причемъ въ послѣдніе 36 часовъ—до 85 верстъ и вслѣдъ затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ принимала участіе въ сраженіи подъ Германштадтомъ съ далеко превосходившимъ по числу непріятелемъ. Демидовъ командовалъ всею кавалеріею, блистательныя дѣйствія которой рѣшили исходъ этого сраженія, въ коемъ венгры потеряли около 2 тыс. убитыхъ и раненыхъ 15 орудій. Лихая кавалерія и конная артиллерія Демидова безъ отдыха преслѣдовала отступавшихъ венгровъ, заняла Германштадтъ и прогнала венгровъ къ Рейсмарку, чѣмъ былъ достигнутъ весьма важный стратегическій результатъ боя. За это блестящее дѣло Демидовъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ занятіи авангардомъ позиціи между м. Рейсмаркомъ и Мюленбахомъ, 30 іюля въ стычкѣ передовой цѣпи казаковъ съ мятежниками, 31 въ сраженіи подъ Мюленбахомъ, гдѣ его кавалерія снова отличилась энергичными дѣйствіями и преслѣдованіемъ противника, 1 августа — въ преслѣдованіи непріятеля къ м. Шасъ-Варошу и, наконецъ, 6 августа—въ обезоруженіи отряда мятежниковъ подъ начальствомъ Беккера. П. Г., кромѣ указанныхъ выше наградъ, получившій отъ Императора Австрійскаго орденъ Желѣзной Короны 1 степ., достойно оцѣненъ военною исторіею, которая сохранила его имя въ числѣ другихъ славныхъ именъ, связанныхъ съ Венгерскою войною 1849 г.

Во время восточной войны 1853—1856 г. Демидовъ былъ сначала начальникомъ отрядовъ между Петербургомъ и Выборгомъ, затѣмъ командующимъ войсками, составлявшими гарнизонъ Кронштадта, при Высочайшихъ посѣщеніяхъ котораго нѣсколько разъ удостоивался благодарности Государя, и, наконецъ, временно завѣдывалъ петербургскимъ и новгородскимъ подвижными ополченіями. Въ 1855 г. онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и въ этомъ званіи сопровождалъ Императора Александра II въ Москву на коронацію,

въ день празднованія которой награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степ. Произведенный затѣмъ въ генералъ-лейтенанты (1857 г.), Демидовъ вскорѣ получилъ послѣднюю награду—орденъ Бѣлаго Орла и до конца службы состоялъ при Особѣ Государя Императора.

П. Г. былъ женатъ на Е. Н. Безобразовой и имѣлъ довольно крупное состояніе: въ Царскосельскомъ уѣздѣ им. Таицы съ 350 д. крестьянъ и лѣсную дачу въ 2500 дес., къ которой присоединенъ былъ участокъ земли, Всемилостивѣйше пожалованный ему въ 1848 г.; кромѣ того, въ Пермской губерніи онъ владѣлъ, вмѣстѣ съ братомъ, 6 желѣзодѣлательными и 2 мѣдными заводами съ 11— тыс. душъ крест.

Общій архивъ Главнаго Штаба. Формулярный списокъ генералъ-адъютанта П. Г. Демидова.—Лееръ (подъ редакц.). Обзоръ войнъ Россіи, ч. III, кн. 1—Лееръ (подъ редакц.). Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Т. II.

В. Жерве.

Демидовъ, *Прокопій Акинфіевичъ*, старшій сынъ Акинфія Никитича, извѣстный своими чудачествами, родился въ Сибири 8 іюня 1710 года. Владѣя огромными богатствами, унаслѣдованными отъ отца, «Прокопій Акинфіевичъ мало обращалъ вниманія на управленіе своими заводами, которые и помимо его вмѣшательства приносили огромный доходъ, проживая большею частью въ Москвѣ и лишь изрѣдка по дѣламъ выѣзжая за-границу, удивлялъ москвичей своими чудачествами и дорого стоившими затѣями. Близкій ко двору Императрицы Екатерины II и коротко знакомый со многими вельможами, Прокопій Акинфіевичъ охотно ссужалъ своихъ сановныхъ пріятелей значительными суммами денегъ, но при этомъ всегда на какихъ-либо курьезныхъ условіяхъ. Между прочимъ, въ первую Турецкую войну онъ оказалъ важную услугу и русскому правительству, ссудивъ его на военныя нужды, чрезъ графа Румянцева, четырьмя милліонами рублей. Пользуясь расположеніемъ Екатерины II за щедрыя пожертвованія на общественныя нужды, Демидовъ нерѣдко позволялъ себѣ злыя шутки надъ вельможами, что́ ему обыкновенно сходило безнаказанно и доставляло высшее удовольствіе. Когда по иниціативѣ Государыни начата была въ Москвѣ постройка «Сиропитательнаго дома», Прокопій Акинфіевичъ внесъ на устройство этого Воспитательнаго дома 1.107.000 рублей, причемъ изъ этой суммы выдѣлилъ 205.000 рублей на устройство при Воспитательномъ домѣ Коммерческаго училища, которое и было основано въ 1772 году въ Москвѣ, а затѣмъ въ 1799, году по желанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны, переведено въ Петербургъ. За это щедрое пожертвованіе Прокопій Акинфіевичъ получилъ чинъ статскаго совѣтника и медаль. Кромѣ того онъ внесъ 20.000 рублей на учрежденіе при Петербургскомъ воспитательномъ домѣ госпиталя для бѣдныхъ родильницъ, пожертвовалъ 20.000 рублей Московскому университету съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала выдавались стипендіи бѣднѣйшимъ изъ студентовъ, главному народному училищу въ Москвѣ пожертвовалъ 5.000 рублей, а для Московскаго университета купилъ домъ за 10.000 рублей, въ который университетъ и былъ переведенъ. Вскорѣ однако и это зданіе оказалось тѣснымъ для университета, и Императрица Екатерина II приказала архитектору Казакову составить планъ для постройки въ Москвѣ новаго университетскаго зданія. Прокопій Акинфіевичъ, узнавъ объ этомъ, изъявилъ желаніе построить на Воробьевыхъ горахъ университетское зданіе на свой счетъ и назначилъ для этой цѣли полтора милліона рублей. Императрицѣ однако не понравился выборъ мѣста и потому пожертвованіе не осуществилось. Въ награду за щедрыя пожертвованія Императрица пожаловала Прокопію Акинфіевичу чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Московскій университетъ имя его занесъ на одну изъ досокъ въ актовомъ залѣ въ числѣ первыхъ жертвователей, а университетское «Вольное Россійское Собраніе» избрало Демидова въ свои члены и привѣтствовало его особою рѣчью. Особую нѣжность Прокопій Акинфіевичъ питалъ къ цвѣтамъ и къ пчеловодству: онъ имѣлъ въ Москвѣ прекрасный ботаническій садъ, описаніе коего издано Палласомъ подъ заглавіемъ: «P. S. Pallas enumeratio plantarum in horto Procopii a Demidoff Mosquae vigentium», Petropoli 1781, Latine et Rossiae c. Nova editio Mosquae 1786, а въ 1765 году онъ даже написалъ трактатъ: «Объ уходѣ за пчелами», появившійся въ печати въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 г. (стр. 2236—2242). Занятый почти

исключительно различнаго рода затѣями, стоившими иногда большихъ денегъ, Прокопій Акинфіевичъ, какъ и большинство богатыхъ людей того времени, проявлялъ удивительное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и лишь изрѣдка, случайно интересовался тѣмъ, что происходило вокругъ него. Такъ, присмотрѣвшись во время путешествій къ заграничнымъ порядкамъ и учрежденіямъ, Прокопій Акинфіевичъ, по возвращеніи, въ 1771 году, въ Россію, первымъ подалъ правительству мысль объ учрежденіи въ Россіи ссудной кассы и по учрежденіи въ первое время ея дѣйствій оказывалъ кассѣ своимъ капиталомъ значительную поддержку. Чудакъ, добродушный въ обращеніи съ малознакомыми, Прокопій Акинфіевичъ былъ жестокъ съ близкими. Послѣ смерти первой жены, урожденной Пастуховой (ум. 1764 г.), много перенесшей горя отъ самодурства мужа. Прокопій Акинфіевичъ женился на Семеновой (ум. 1800 г.). Отъ перваго брака онъ имѣлъ трехъ сыновей: Акакія, Льва и Аммоса, а отъ второго—четырехъ дочерей. Недовольный своими сыновьями, воспитывавшимися въ Гамбургѣ, Прокопій Акинфіевичъ держалъ ихъ почти въ нищетѣ, и только по приказу Государыни, которой сдѣлалось извѣстнымъ печальное положеніе сыновей милліонера, вынужденъ былъ обезпечить каждаго изъ нихъ тысячью душъ крѣпостныхъ крестьянъ. Озлобленный такимъ вмѣшательствомъ верховной власти въ его права распоряжаться имуществомъ по своему усмотрѣнію, Демидовъ поспѣшилъ продать купцу Яковлеву всѣ шесть своихъ чугуноплавильныхъ заводовъ, доставшихся ему по наслѣдству: Быньговскій, Шайтанскій, Невьянскій, Верхне-Невьянскій, Шуралинскій и Верхне-Тагильскій, и несмотря на то, что вообще жилъ далеко не экономно и мало вникалъ въ хозяйственныя дѣла, все-таки оставилъ каждому изъ своихъ сыновей значительные капиталы, въ общей сложности превышавшіе три милліона рублей. Умеръ Прокопій Акинфіевичъ въ Москвѣ 4 ноября 1788 года и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Послѣ Прокопія Акинфіевича сохранилась интересная въ историческомъ отношеніи переписка, характеризующая крѣпостной строй и рисующая картину заводскаго быта того времени. Часть этой переписки, именно: письма къ сыновьямъ, къ приказчикамъ, къ Михельсону, къ М. И. Хозикову, къ Н. И. Рибасъ, къ И. Бецкому, къ Шувалову и др., а также наставленіе дочери напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», 1873 г., кн. 11, стр. 2230—2287; и 1880 г., кн. 3, стр. 401, вторично—въ книгѣ К. Головщикова: «Родъ дворянъ Демидовыхъ», Я. 1881 г., Приложеній стр. 11—29.

«Восемнадцатый вѣкъ» Кн. I, 1869 г. стр. 119—121. — «Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ.» Спб. 1853 г. ч. VIII, стр. 8—10. — Германъ: «Описаніе заводовъ подъ вѣдомств. Екатеринб. горн. нач.», Екатеринб. 1808 г. ч. 2, стр. 148—151, 238—242 и сл. — Вендемейеръ: «Дворъ и замѣчат. люди», Спб 1846 г. ч. I, стр. 208—210.—Бантышъ-Каменскій: «Словарь достопамятн. людей русск. земли», ч. 2, М. 1836 г., стр. 205—210. — Шубинскій: «Историческіе очерки и разсказы», Спб. 1893 г.—Драшусовъ: «Матеріалы для исторіи Имп. Московск. Воспит. дома», М. 1863 г. — «Учрежденіе Импер. воспитательн. для приносныхъ дѣтей дома», 1767 г. — Шевыревъ: «Исторія Московск. университета», М. 1855 г., стр 113 и сл.—К. Головщиковъ: «Родъ дворянъ Демидовыхъ», Яросл., 1881 г., стр. 96—132. — Карновичъ: «Замѣч. богатства частн. лицъ», изд. 2-е. — Евгеній Митрополитъ: «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», М. 1845 г., стр. 7—12.—«Русскіе люди», изд. Вольфа, Спб. 1866 г. — «Русская Старина» 1879 г. т. XXV, стр. 457. — «Русскій Архивъ» 1871 г. стр. 1709—1711 и др.; 1872 г., стр. 131 и др.; 1873 г., кн. 2-я, стр. 2215—2217, 2230—2287; 1874 г. кн. 9, стр. 550 554; 1877 г., кн. 3, стр. 172 174; 1880 г. кн. 2, стр. 401.—«Искра» 1859 г. № 37.—«Всемірный Трудъ» 1868 г. № 12. — «Вѣстникъ Европы», 1874 г. кн. 11.—«Всемірная Иллюстрація» 1872 г. № 208, стр. 410—411. — «Благонамѣренный» 1825 г., ч. 29, стр. 188—191. — П. Комаровъ: «Въ память 100 л. юбилея С.-Петербургск. Коммерческ. училища», Спб. 1872 г. В. Огарковъ: «Демидовы, основатели горнаго дѣла въ Россіи», Спб. 1891 г. — Кн Лобановъ-Ростовскій: «Русская родосл. книга», Спб. 1895 г. т. I, стр. 179—180.—Петровъ: «Исторія родовъ русскаго дворянства», Спб 1885 г., т. I. — Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. XVI. — «Бесѣда любит. русск. словесности» 1811 г. кн I, стр. 57—77.—Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи», т. II, стр. 1259.—Г. Спасскій: «Жизнеописаніе Акинфія Никитича Демидова», Спб. 1833 г.—«Anecdotes intéressantes de la cour de Russie», Londres 1792, t. 1. *А. Черкасъ.*

Демику, *Томасъ*, русскій кавалерійскій генералъ, изъ голландской службы принятъ въ русскую, 5 сентября 1750 года, подполковникомъ въ Невскій пѣхотный полкъ и 30 сентября того же года переведенъ въ Великолуцкій пѣхотный полкъ въ полковники, а въ декабрѣ 1755 г.—въ бригадиры. Вскорѣ затѣмъ бригадиръ Демику перешелъ въ кавалерію и участвовалъ въ семилѣтней войнѣ уже въ званіи кавале-

рійскаго генерала, съ 28 апрѣля 1758 года—генералъ-маіоромъ, а съ 1 января 1759 года—генералъ-поручикомъ. Лично храбрый, Демику не всегда отличался распорядительностью и должной энергіей, что̀ показываетъ между прочимъ кампанія 1758 года: въ іюнѣ мѣсяцѣ графъ Румянцевъ выдѣлилъ генералъ-маіора Демику съ самостоятельнымъ отрядомъ изъ 6 эскадроновъ конно-гренадеръ, 2000 гусаръ и 4 конныхъ орудій для набѣга въ направленіи на Фридландъ, Ратцебургъ и Дризенъ и обезпеченія у Дризена переправы черезъ р. Нетце. Вначалѣ дѣйствія Демику были успѣшны, но, найдя Дризенъ занятымъ гарнизономъ и будто бы имѣя отъ главнокомандующаго, графа Фермора, приказаніе: „*не терять ни одного человѣка*," отступилъ, не обезпечивъ себѣ обратный переходъ въ Померанію у Дризена, что̀ было особенно важно. А между тѣмъ гарнизонъ Дризена, какъ оказалось впослѣдствіи, состоялъ изъ милиціи, которая вовсе не имѣла намѣренія сопротивляться конницѣ Демику и уже хотѣла было ретироваться. Такимъ образомъ рекогносцировка Демику рѣшительно не оріентировала графа Румянцева ни о силѣ Дризена, ни о доступахъ къ этой крѣпостцѣ, въ которую вскорѣ явились подкрѣпленія. Посланный графомъ Румянцевымъ вторично для захвата Дризена генералъ-маіоръ Демику . . ., „по посылкѣ одного штабъ-офицера съ требованіемъ сдачи...," былъ встрѣченъ выстрѣлами, и „...не хотя подъ онымъ войско подвергнуть азарту, съ деташементомъ своимъ въ цѣлости возвратился". За это графъ Румянцевъ немедленно отнялъ у Демику начальство надъ самостоятельнымъ отрядомъ. Въ данномъ случаѣ виновата была нѣмецкая педантичность генерала Демику, слишкомъ оригинально понявшаго и буквально исполнившаго приказаніе Фермора. Дальнѣйшія дѣйствія Демику заглаживаютъ эту неудачу. Въ битвѣ подъ Цорндорфомъ онъ командовалъ кирасирскими полками Его Императорскаго Высочества (Петра III), 3 Казанскимъ и Новотроицкимъ. Лично руководимыя имъ двѣ молодецкія атаки кирасиръ способствовали распространенію въ рядахъ прусскаго праваго фланга полной паники. Послѣ этого сраженія, въ которомъ обѣ арміи разбились одна о другую и совершенно разстроились, Демику принялъ самое дѣятельное участіе въ сборѣ и устройствѣ остатковъ русскихъ войскъ. За подвиги при Цорндорфѣ Демику былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Не менѣе мужественно велъ себя Демику и въ сраженіи при Пальцигѣ, 12 іюня 1759 года, въ которомъ и былъ убитъ.

Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба: Дѣла Армейской экспедиціи за 1751 годъ, оп. 8, № 363. — *Масловскій*: Русская армія въ Семилѣтнюю войну." и „Гольцынъ-пальцигскій маршъ".

Деминъ, *Игнатій Игнатьевичъ*, архитекторъ, родился въ 1810 году, умеръ 9 апрѣля 1887 года въ Петербургѣ. Свое художественное образованіе Деминъ получилъ въ С.-Петербургской академіи художествъ, и ближайшимъ его наставникомъ въ архитектурѣ былъ Александръ Павловичъ Брюлловъ. Окончивъ академію художествъ въ 1838 году со званіемъ свободнаго художника, онъ служилъ архитекторомъ при Петербургской гранильной и Красносельской бумажной фабрикахъ, при дирекціи училищъ Петербургской губерніи и потомъ учебномъ округѣ, при Петербургскомъ университетѣ и при нѣкоторыхъ учрежденіяхъ министерства финансовъ. Въ 1862 году, на основаніи представленныхъ Деминымъ чертежей, проектированныхъ или возведенныхъ имъ построекъ, ему было присуждено званіе академика.

Архивъ Императорской академіи художествъ. —Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія. — Художественныя Новости 1887 года № 8.

Вл. Грековъ.

Демоль, *Иванъ Антоновичъ*, швейцарскій консулъ въ Одессѣ, одинъ изъ основателей и дѣйствительный членъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства Южной Россіи, † 10 апрѣля 1859 года. Дѣятельность Д. весьма разнообразна: трудно отнести ее къ какой-либо отрасли сельскаго хозяйства. Желая усовершенствовать употреблявшійся въ Новороссіи плугъ, «неутомимый хозяинъ» началъ продѣлывать опыты съ извѣстными въ то время плугами англійской и бельгійской системъ. Путемъ внимательнаго изученія ему удалось оцѣнить по достоинству ту и другую систему и создать нѣчто среднее: «англо-бельгійскій плугъ». Современники дѣла находили у этого «средняго» плуга только одинъ недостатокъ — дороговизну,

во всемъ же остальномъ, по ихъ мнѣнію, онъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. О достоинствахъ плуга свидѣтельствуетъ и то сочувствіе, съ которымъ отнеслось къ нему само общество сельскаго хозяйства. Въ 1832 г. оно ассигновало на изготовленіе 2 пробныхъ экземпляровъ его 190 руб. и постановило принять мѣры къ его распространенію. Какъ человѣкъ, стремившійся къ раціональной постановкѣ сельскаго хозяйства, Д. впервые поднялъ вопросъ о важности для земледѣлія метеорологическихъ наблюденій: въ своемъ докладѣ общему собранію 1831 года онъ предлагалъ обратить вниманіе на этотъ вопросъ. Исполняя желаніе общества онъ устроилъ двѣ метеорологическія станціи и самъ принималъ весьма близкое участіе въ производствѣ наблюденій. Наряду съ этимъ, по его же почину, въ интересахъ улучшенія зерна, обществоизбрало комиссію для выработки особыхъ правилъ выдачи наградъ за лучшія сѣмена. Наконецъ, Демолю принадлежитъ мысль о вывозѣ мѣстнаго льняного сѣмени заграницу: «онъ первый заговорилъ объ этомъ съ хозяевами и негоціантами, первый помѣстилъ въ журналѣ общества статью о льняномъ сѣмени и первый явился къ Одесскому порту съ возами его». Въ области скотоводства Д. имѣлъ едва ли не бо́льшій успѣхъ. По крайней мѣрѣ его «Ручная книга для овцеводовъ», по отзывамъ современниковъ, составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи мѣстнаго овцеводства. По заключенію учебнаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, эта книга является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній хозяйственной литературы—по простотѣ и ясности изложенія и по множеству практическихъ наставленій, извлеченныхъ авторомъ изъ собственнаго опыта въ Новороссійскихъ губерніяхъ». Помимо этого труда у Д. есть масса журнальныхъ статей по тѣмъ же вопросамъ, статей, которыя появлялись въ «Запискахъ» общества помимо того, какъ Д. участвовалъ въ той или другой комиссіи. Такъ слѣдуетъ указать его статьи по вопросу объ улучшеніи качества шерстей овецъ въ Новороссійскомъ краѣ, о разведеніи въ Новороссіи длинношерстныхъ лейчестерскихъ овецъ, о мѣрахъ къ улучшенію мѣстныхъ породъ овецъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. редактировалъ (совмѣстно съ 2 другими членами) журналъ общества — «Листки», переименованные потомъ въ «Записки». Разносторонняя и плодотворная дѣятельность на пользу мѣстнаго сельскаго хозяйства обратила на себя вниманіе: Императорское Вольное Экономическое Общество присудило ему «золотую медаль въ 20 червонцевъ» (въ 1841 г.), а въ 1848 г. ему, по Высочайшему повелѣнію, пожалованъ орденъ св Анны 3 ст. Наконецъ, за участіе въ комиссіи по отправкѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній Южной Россіи на Лондонскую выставку 1853 г., Д. удостоился Высочайшаго благоволенія.

Историческій обзоръ 50-ти лѣтней дѣятельности И. О. С. Х. Ю. Р. — Боровскаго. 1878. Отчетъ о дѣятельности И. О. С. Х. Ю, Р. въ продолженіе 25-ти лѣтъ существованія.—Палимпсестова. 1855.

Н. К—скій

Демонси, *Карлъ Александровичъ*, докторъ медицины, ординарный профессоръ частной патологіи и терапіи и деканъ медицинскаго факультета при Харьковскомъ университетѣ, окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, а затѣмъ посланъ былъ для усовершенствованія заграницу, гдѣ особенно занимался патологической анатоміей. Понимая всю важность этого предмета для терапіи, по пріѣздѣ въ Харьковъ онъ первый воскресилъ этотъ предметъ въ Харьковскомъ университетѣ. Какъ преподаватель, онъ отличался даромъ живого изложенія и привлекалъ своимъ чтеніемъ не только студентовъ, но и врачей. Факультетъ оцѣнилъ его дарованія и при открывшейся каѳедрѣ частной патологіи и терапіи предложилъ ее Демонси. Какъ преподаватель этого предмета, онъ не вдавался въ теоретическія подробности, а старался изложить предметъ сжато и ясно. Всякое теоретическое нововведеніе терапіи онъ принималъ лишь послѣ того, какъ оно оправдывалось многолѣтними опытами. Къ преподаванію относился добросовѣстно и не увлекался практикой въ ущербъ преподаванію. Умеръ 10 ноября 1867 года отъ катарра легкихъ. Труды его слѣдующіе: 1) De labio leporino, диссерт. на степень докт. медиц. 1839 г. Казань; 2) Observations sur l'enseignement, l'etude et l'exercice de la médecine en France Pèt. 1841 г. 8; 3) Синоптическая таблица накожныхъ болѣзней. Харьковъ. 1853 г.; 4)

Клиническая таблица признаковъ для распознаванія органическихъ болѣзней. Харьковъ, 1853 г.

Мед Вѣстн. 1867 г. № 48; Крестн. Кал. 1870 г.; Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 90; Геннади 290; Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. X стр. 373.

Н. Т.

Деморъ, *Петръ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 28 августа 1802 года умеръ 21 января 1873 года, происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и 29 марта 1822 году произведенъ въ прапорщики въ 3-й піонерный баталіонъ. Въ 1831 году 25 и 26 августа участвовалъ въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ подъ Варшавой, находясь въ штурмовой колоннѣ 2-го пѣхотнаго корпуса, а 27-го при взятіи г, Варшавы и за храбрость въ этомъ дѣлѣ награжденъ орд. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и св. Анны 3 ст. Будучи подполковникомъ онъ былъ назначенъ 6 октября 1845 года дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба корпуса инженеровъ путей сообщенія съ оставленіемъ по арміи, гдѣ и былъ въ 1856 году произведенъ за отличіе въ полковники. Въ 1862 г. онъ былъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (17 августа) и назначенъ завѣдывающимъ штабомъ корпуса путей сообщенія и членомъ аудиторіата главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Со времени упраздненія этой должности 1 февраля 1871 г. Деморъ состоялъ по министерству путей сообщенія, 29 марта 1872 г., въ день пятидесятилѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Деморъ много трудился надъ выработкою проектовъ по преобразованію министерства путей сообщенія. Женатъ онъ былъ на старшей сестрѣ Петрашевскаго.

Гражданинъ 1874 г. № 3 стр. 81 86. (некрологъ) Русская Старина 1889 г. LXII стр. 476. „М В. Богушевичъ-Петрашевскій". Формулярный списокъ изъ общаго архива главнаго штаба за 1873 г.

Б. Т.

Демутъ - Малиновскій, *Василій Ивановичъ*, извѣстный скульпторъ, родился 2 марта 1779 года, умеръ 16 іюля 1846 г. Отецъ его былъ рѣзныхъ дѣлъ мастеромъ въ Петербургѣ и отдалъ сына въ воспитанники академіи художествъ, когда ему было шесть лѣтъ отъ роду. Въ періодъ своего обученія въ академіи Демутъ-Малиновскій получилъ малую (въ 1798 г.) и большую (въ 1800 г.) серебряныя медали за лѣпленіе съ натуры и въ 1800 году малую золотую медаль за берельефъ: «Ангелъ выводитъ св. апостола Петра изъ темницы», По окончаніи курса въ академіи (въ 1800 г.) онъ былъ награжденъ званіемъ художника XIV класса и большою золотою медалью за вылѣпленные имъ два барельефа къ памятнику Петра Великаго въ Петербургѣ, передъ Михайловскимъ дворцомъ (совмѣстно съ двумя другими выпускными воспитанниками академіи—Теребеневымъ и Моисеевымъ) и оставленъ при академіи пенсіонеромъ. Въ 1802 году, принявъ участіе въ конкурсѣ, устроенномъ тогдашнимъ президентомъ академіи графомъ А. С. Строгановымъ, Демутъ-Малиновскій снова получилъ большую золотую медаль за сочиненный и вылѣпленный имъ эскизъ памятника профессору скульптуры Козловскому. Въ 1803 г. академія отправила его для усовершенствованія въ ваяніи въ Италію, заранѣе заручившись согласіемъ знаменитаго Кановы руководить своими совѣтами молодого русскаго скульптора. Получивъ въ Римѣ «свободный входъ» къ Кановѣ и работая подъ его наблюденіемъ, Демутъ-Малиновскій вылѣпилъ барельефъ «Геркулесъ и Омфала», голову, изображающую «Антиноя» въ видѣ Египетскаго идола, копію съ античной головы въ Капидоліи, фигуру, представляющую «Нарциза», смотрящаго въ воду и др.; всѣ названныя работы онъ прислалъ академіи. Въ 1807 году, нуждаясь въ скульптурныхъ украшеніяхъ для Казанскаго собора и зданія Биржи, академія вызвала Демута-Малиновскаго изъ Италіи обратно въ Петербургъ. Въ томъ же году онъ былъ принятъ въ академики по программѣ статуи св. пророка Иліи, въ слѣдующемъ—1808—назначенъ адъюнктъ-профессоромъ академіи по скульптурному классу и въ 1813—профессоромъ; въ 1833 году онъ былъ признанъ заслуженнымъ профессоромъ, а въ 1836 году назначенъ ректоромъ академіи.

Въ исторіи русскаго искусства Демуту-Малиновскому принадлежитъ видное мѣсто: какъ талантливый художникъ, онъ создалъ немало произведеній, останавливающихъ на себѣ вниманіе своею естественностью

и жизненностью, несмотря на господствовавшее въ то время ложно-классическое направленіе во всѣхъ областяхъ искусства; какъ педагогъ, онъ воспиталъ нѣсколько поколѣній русскихъ скульпторовъ, своими работами подвинувшихъ впередъ развитіе скульптуры въ Россіи. Главными изъ его работъ, выполненныхъ по возвращеніи изъ Италіи, являются слѣдующія: статуи апостола Андрея Первозваннаго и пророка Иліи для Казанскаго собора, группа на памятникъ фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли (въ Юрьевскомъ уѣздѣ, въ имѣніи его наслѣдниковъ), группа на памятникъ Сусанину въ Костромѣ (въ лицѣ царя Михаила Ѳеодоровича изображенъ великій князь Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ II), статуя «Русскій Сцевола», являющаяся лучшимъ произведеніемъ художника и находящаяся въ музеѣ Императорской академіи художествъ, барельефы съ изображеніемъ четырехъ побѣдъ и олицетвореній рѣкъ Невы и Волги (для пьедестала Александровской колонны) и др. группы на фасадѣ петербургской Биржи, скульптурныя украшенія зданія адмиралтейства (исполненныя вмѣстѣ съ профессоромъ С. Пименовымъ и художникомъ А. Анисимовымъ), барельефы и двѣ фигуры евангелистовъ для домовой церкви академіи художествъ, бюсты фельдмаршаловъ: Суворова, Румянцева, князя Кутузова-Смоленскаго и трагическаго поэта Озерова.

Архивъ Императорской академіи художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—Д. А. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—S. K. Nagler: Neues allgemeines Künstler—Lexicon.—Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона.

Вл. Грековъ.

Демьянъ *Куденевичъ*, богатырь XII вѣка въ Переяславлѣ. Никоновская лѣтопись разсказываетъ о немъ, что въ 1148 году, когда сынъ Юрія Долгорукаго, Глѣбъ Юрьевичъ, внезапно подступилъ къ Переяславлю, удѣльному городу сына великаго князя кіевскаго Изяслава Мстиславича, Мстислава, Мстиславъ испугался и обратился за помощью къ жившему въ то время въ Переяславлѣ Демьяну, который, взявъ съ собою лишь своего слугу Тараса да пять отроковъ выѣхалъ изъ города, напалъ на войско Глѣба и обратилъ его въ бѣгство, убивъ очень многихъ непріятелей. Испуганный Глѣбъ прислалъ сказать Демьяну, что «на любовь и на миръ пріидохъ, а не на рать». Въ томъ же году подступили къ Переяславлю половцы, и Демьянъ вышелъ противъ нихъ, не имѣя при себѣ «ничтоже одѣянія доспѣшнаго», и хотя прогналъ ихъ, но былъ такъ избитъ, что вернулся въ Переяславль смертельно раненымъ. Когда узналъ объ этомъ князь Мстиславъ Изяславичъ, то въ благодарность за великія услуги Демьяна пришелъ къ нему въ домъ и предлагалъ ему богатые дары, но Демьянъ отвѣтилъ: «О суетія человѣческаго! кто мертвъ сый желаетъ дарованія тлѣннаго и власти погибающія», и, не принявъ даровъ, умеръ. «И бысть по немъ отъ всѣхъ плачъ велій во градѣ».

Никон. II, 104—106; Соловьевъ (изд. т.-ва „Общ. Польза"). I, 690, Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) II, пр. 311. *Е. Л.*

Денисовъ, *Адріанъ Карповичъ*, генералъ-лейтенантъ, атаманъ войска Донского, родился въ 1763 г., умеръ 1841 г. Семилѣтнимъ мальчикомъ былъ перевезенъ отцомъ своимъ, генералъ-маіоромъ Карпомъ Петровичемъ Денисовымъ, въ Нижне-Чирскую станицу, гдѣ и началъ обучаться грамотѣ. На 12-мъ году, по случаю полковаго похода въ С.-Петербургъ, А. К. Денисовъ былъ взятъ отцомъ и весь походъ совершилъ верхомъ, не смотря на нездоровье и не переставая обучаться наукамъ подъ руководствомъ офицера Чсревкова (потомъ извѣстнаго генерала). По прибытіи въ С.-Петербургъ Денисовъ былъ отданъ въ ученье въ Невскій монастырь, а затѣмъ къ французу-учителю Жоли, а затѣмъ въ пансіонъ Массона, гдѣ изучалъ ариѳметику, геометрію, географію, французскій языкъ. На службу Денисовъ поступилъ казакомъ 13 лѣтъ 1-го августа 1776 г. и пожалованъ въ есаулы, 12 апрѣля 1777 г., а 2 мая 1780 г. произведенъ въ поручики. Въ 1783 г. онъ поступилъ въ полкъ своего дяди, Т. П. Денисова, и съ нимъ отправился въ Крымъ, а затѣмъ былъ назначенъ въ корпусъ графа И. П. Салтыкова, находившійся на турецкой границѣ въ Немировѣ, милостиво былъ принятъ Потемкинымъ, и весною 1784 г. возвратился въ С.-Петербургъ. 31 дек. 1784 г. Денисовъ былъ произведенъ въ войсковые старшины и вернулся на Донъ, гдѣ женил-

ся на дочери чиновника, казака Персидскаго.

Въ 1787 г. Денисовъ былъ назначенъ въ Ново-Донское войско подъ команду полковника Платова, гдѣ и формировалъ казачій полкъ, а затѣмъ въ 1788 г. былъ посланъ въ Крымъ. 20 августа 1788 г. участвовалъ въ экспедиціи подъ Хаджибей (Одесса), а затѣмъ былъ въ составѣ войскъ, осаждавшихъ Очаковъ. Въ 1789 г., состоя въ корпусѣ князя Репнина, Денисовъ въ первый разъ участвовалъ въ дѣлѣ съ турками на р. Салонча, а въ 1790 г., во время знаменитаго штурма Измаила, находился въ колоннѣ спѣшенныхъ казаковъ подъ командою бригадира Орлова. Послѣ отбитаго перваго нападенія на одну изъ турецкихъ батарей, контуженный въ голову и плечо, Денисовъ собралъ въ крѣпостномъ рву казаковъ, вторично навелъ ихъ на штурмъ и овладѣлъ батареей, первый взойдя на брустверъ и овладѣвъ орудіемъ. За этотъ лихой подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени. Въ 1791 году Денисовъ находился въ сраженіи при Мачинѣ во время котораго подъ нимъ была убита лошадь. Преслѣдуя турокъ, онъ догналъ ихъ и взялъ въ плѣнъ пушку, за что и былъ награжденъ золотою медалью на Георгіевской лентѣ съ портретомъ Императрицы.

Въ 1792 г. Денисовъ съ арміею генералъ-аншефа Каховскаго былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ, командуя полкомъ въ авангардѣ Орлова, у м. Мурожи встрѣтилъ поляковъ, разбилъ ихъ и совмѣстно съ премьеръ-маіоромъ Никитою Астаковымъ взялъ въ плѣнъ 400 лошадей. На глазахъ главнокомандующаго онъ атаковалъ поляковъ въ Шпинчинцахъ, и Каховскій нѣсколько разъ кричалъ ура въ честь Денисова. 7 іюня 1792 г., при Городницѣ Денисовъ за лихую атаку непріятельской кавалеріи получилъ орденъ Владиміра 4 степени съ бантомъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ дѣлахъ: при Острогѣ, Верховой, Дубнахъ, Владиміржѣ, Дубенкѣ и Моркушевѣ и пріобрѣлъ полное довѣріе Каховскаго. Игельстромъ, замѣстившій послѣдняго, также довѣрялъ Денисову и поручилъ ему наблюденіе за дворянствомъ г. Варшавы. Дворяне уважали его и по ихъ ходатайству Денисовъ былъ 28 іюня 1794 г. произведенъ въ подполковники. Въ кампаніи 1794 г., особенно отличился въ сраженіи при Маціовицахъ, а затѣмъ командовалъ нѣсколькими казачьями полками находившихся въ составѣ войскъ подъ командою гр. Суворова-Рымникскаго въ Польшѣ. Во время сраженія 24 марта при Слонимѣ онъ былъ раненъ саблею въ шею и руку и затѣмъ, участвуя въ непрерывныхъ бояхъ, 15-го іюня разбилъ на Липовомъ полѣ отрядъ полковника Добика и взялъ его въ плѣнъ съ 700 рядовыми, за что и былъ награжденъ Прусскимъ орденомъ за военное достоинство. При пораженіи польской кавалеріи подъ Варшавой 20 іюня раненъ въ лѣвую руку, но не оставилъ строя и командовалъ отрядомъ 6 и 7 августа въ бою подъ Варшавой и преслѣдовалъ войска Костюшко до взятіи его въ плѣнъ. За штурмъ Праги Денисовъ получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость». Подвиги Денисова въ Польшѣ завершились взятіемъ имъ въ плѣнъ генерала Ваврженцкаго, замѣстившаго Костюшко, и затѣмъ онъ возвратился въ Варшаву. Въ концѣ 1794 г., Денисовъ отправился во своимъ полкомъ на Донъ, а въ іюлѣ 1796 г. отправился волонтеромъ въ армію гр. В. Зубова и участвовалъ съ ней въ походѣ къ персидскимъ границамъ. Въ 1798 г., въ званіи походнаго атамана, Денисовъ состоялъ при авангардѣ арміи, отправленной на помощь австрійцамъ, и 13 апрѣля вмѣстѣ съ полковникомъ Грековымъ сдѣлалъ лихой набѣгъ на занятый французами городъ Бергамо и овладѣлъ имъ, затѣмъ онъ участвовалъ въ дѣлѣ при Лекко и въ сраженіи при Аддѣ и первымъ вступилъ въ Миланъ. Особенно-же. отличился Денисовъ въ дѣлѣ при Маренго, за которое и былъ награжденъ командорскимъ крестомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. При занятіи Турина и въ бою при Нови гр. Суворовъ обратилъ особое на него вниманіе, отличилъ его храбрость и оставилъ въ своей свитѣ. Сопровождая знаменитаго полководца. Денисовъ совершилъ безпримѣрный переходъ черезъ Альпы, принимая блестящее участіе во всѣхъ дѣлахъ съ французами. За отличіе въ этихъ дѣлахъ казаковъ Денисова, Донскому войску было пожаловано богатое знамя, а атаманъ ихъ Денисовъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени. Денисовъ заслужилъ высокое мнѣніе Суворова и съ той поры сдѣлался соперникомъ Платова. Вскорѣ по окончаніи войны, по случаю затѣянной экспе-

диціи въ Индію, Денисовъ былъ назначенъ въ составъ экспедиціоннаго корпуса атамана Орлова, сформировалъ 11 казачьихъ полковъ, двинулся въ Саратовскую губернію, и не смотря на ледоходъ, перебрался черезъ Волгу, дошелъ до старообрядческихъ монастырей на Иргизѣ, но здѣсь получилъ извѣстіе о кончинѣ Императора Павла и приказаніе возвратиться.

Въ 1805 г. генералъ-маіоръ Денисовъ былъ назначенъ п. д. войсковаго атамана, а въ 1807 г. отправленъ былъ въ Пруссію въ дѣйствующую армію, гдѣ командовалъ 3-мя казачьими полками, съ которыми и принималъ участіе въ дѣлахъ при Гутштадтѣ, Пасаргѣ, Зомерфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ и за отличіе въ этихъ бояхъ былъ награжденъ золотою саблею съ алмазными украшеніями. Въ 1808 г. онъ былъ посланъ въ Турцію, гдѣ и участвовалъ при взятіи Силистріи и въ движеніи арміи къ Шумлѣ. Видя успѣхъ своего соперника, войсковой атаманъ Платовъ отозвалъ Денисова на Донъ и оставилъ его тамъ въ тяжелую годину 1812 года наказнымъ атаманомъ. Горько было Денисову быть далеко отъ дѣйствующей арміи. и онъ жаловался въ своихъ донесеніяхъ на то, что его забыли и обрекли на бездѣйствіе. Между тѣмъ и на Дону онъ оказалъ большую услугу арміи энергичною высылкою и формированіемъ новыхъ полковъ. Въ Тарутинскій лагерь имъ было представлено 26 новыхъ казачьихъ полковъ изъ области войска Донскаго; за это въ 1813 г онъ былъ произведенъ за отличіе въ генералъ-лейтенанты. По смерти Платова въ 1818 году Денисовъ сдѣлался войсковымъ атаманомъ и полнымъ хозяиномъ края. Зная нужды своей родины, онъ не могъ оставаться пассивнымъ свидѣтелемъ самовластія аристократическаго класса казачества, произвольной раздачи земли въ частную собственность сильныхъ людей. въ ущербъ станичныхъ юртовъ, и онъ рѣшилъ произвести коренную реформу существовавшихъ порядковъ. Финансовая войсковая часть велась безпорядочно, всюду господствовали подкупы и нравственный упадокъ былъ замѣтенъ даже въ представителяхъ казачества. Денисовъ хорошо сознавалъ, что все это было слѣдствіемъ отсутствія опредѣленныхъ законовъ для войска Донскаго, управлявшагося по собственному соображенію войскового атамана и на основаніи обычнаго права. Жертвуя самовластіемъ, Денисовъ испросилъ въ 1819 году Высочайшее разрѣшеніе на составленіе комитета для разработки «положенія объ устройствѣ войска Донского», который и былъ учрежденъ подъ его предсѣдательствомъ. Учрежденіе этого комитета вызвало неудовольствіе аристократическаго класса войска Донского, и во главѣ недовольныхъ былъ членъ этого комитета, генералъ-адъютантъ Чернышевъ. Начались доносы, обвинявшіе Денисова даже въ злоупотребленіяхъ. Главныя обвиненія были построены на томъ, что Денисовымъ была введена продажа питей посредствомъ откупа, распространенная и на имѣнія помѣщиковъ. Эта мѣра была вызвана бѣднотою войсковой казны, но она-то главнымъ образомъ и озлобила помѣщиковъ противъ Денисова. Неожиданно изъ Лейбаха, гдѣ въ то время находился Императоръ Александръ I было получено Высочайшее повелѣніе отъ 31 января 1821 г. объ увольненіи Денисова въ отставку, и 16 февраля Денисовъ утромъ вышелъ на крыльцо своего дома и во всеуслышаніе объявилъ, что онъ смѣщенъ. Въ 1825 г. Денисовъ, страдая нравственно и физически, желалъ представиться Государю, пріѣхавшему въ Таганрогъ, но не получилъ аудіенціи. Въ концѣ своей жизни Денисовъ диктовалъ свои записки, онѣ писаны на простой, сѣрой бумагѣ малограмотною писарскою рукою и состоятъ изъ 24-хъ тетрадей въ листъ 576 стр, и сохранены для отечественной исторіи и частью напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1875 — 1874 г. Сообщены эти записки войска Донского генералъ-лейтенантомъ А. П. Чеботаревымъ.

„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ Леера т III стр 40. С.-Петерб 1888 г. „Донская Газета“ 1873 г, № 25, 28; 1874 г. №№ 33, 34, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 58, 60. „Русская Старина“ 1873 г. т VII 508, 1874 г т. IX 379 410, 601—641, X, 1—46; 1875 г. 27—49; 237 271; 458—476; Воспоминанія Донскаго атамана А К. Денисова XIII 28—49; 216, 223, 232; 1876 г. XVII 29, 207, 416, 636; 1877 г. XVIII 597, 619; 1879 г. XXV 442, 443, 448; 1894 г. LXXXI іюль 205—218; LXXXII Ден 136 1899 г. т. С с. 549 Декабрь.

Б. Т.

Денисовы, братья *Андрей и Семенъ*, наиболѣе замѣчательные вожди раскола XVIII в., организаторы поморской безпоповщинской секты, устроители Выговской пустыни. Они происходили изъ рода кня-

зей Мышецкихъ, въ смутное время поселившихся въ Олонецкомъ краѣ, но, хотя и сохраняли связи съ своими родичами, обыкновенно называли себя Вторушиными или Второю и князьями не титуловались. Старшій изъ братьевъ, Андрей, родился въ 1674 г. и уже въ отцовскомъ домѣ пріобрѣлъ большую начитанность въ Св. Писаніи и произведеніяхъ древне-русской литературы. Постоянное общеніе съ разными ревнителями древняго благочестія, посѣщавшими домъ Діонисія Мышецкаго, сильное возбужденіе противъ Никоновой реформы, царившее вообще въ Олонецкомъ краѣ, вліяніе Соловецкаго діакона Игнатія, усердно пропагандировавшаго расколъ, повели къ тому, что Андрей увлекся аскетическими идеями и оставилъ тайно отцовскій кровъ. Восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ приходитъ на Сароозеро, гдѣ скрывалось въ лѣсахъ много раскольниковъ. Знакомится онъ тутъ съ Даніиломъ Викулинымъ, главой одной изъ раскольничьихъ группъ и вступаетъ въ его общину. Вскорѣ онъ возвращается домой, увлекаетъ за собой свою сестру, Соломонію, и племянника, Петра Прокопьева, которымъ впослѣдствіи суждено было играть видную роль въ его общинѣ. Въ 1695 г. вмѣстѣ съ Даніиломъ Викулинымъ и братіей онъ переселяется на Выгъ и здѣсь основывается ими обитель. За истекшіе три года, какъ полагаетъ проф. Н. И. Барсовъ, «онъ довершилъ свое самовоспитаніе: изучалъ священныя книги, создавалъ для себя репутацію между пустынниками, присматривался къ людямъ, изучалъ характеры и нужды своихъ братій. Въ это время, конечно, ему пришлось многое пережить, во многомъ разочароваться, въ это время долженъ былъ совершиться нѣкоторый переломъ въ его убѣжденіяхъ, отъ идеализаціи онъ перешелъ къ болѣе практическому взгляду на вещи». Года черезъ два въ новую пустыню переселяются и братья Андрея, Семенъ и Иванъ, и его отецъ: изъ нихъ особенно полезнымъ для Андрея оказался Семенъ, какъ его ревностный помощникъ въ управленіи общежитіемъ. Главою общежитія считается Даніилъ Викулинъ, но фактически все находится въ рукахъ Андрея, отличавшагося замѣчательной энергіей, даровитостью и начитанностью; а въ 1703 г. по просьбѣ самого Даніила и всей братіи Андрей занимаетъ его мѣсто. Какъ велико было значеніе новой общины, можно видѣть изъ слѣдующаго панегирическаго отзыва раскольническаго историка: «гониміи за православіе, въ отшіи сей пустыни пріимаху отдохновеніе, отсюду получаху образы благочинія, отсюду взимаху добродѣтельные виды, сими пустынными благочиніями хваляхуся всѣхъ странъ и городовъ жителіе; понеже убо кто отеческаго благочестія во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ ясный громъ возгремѣ?—выговская пустынь. Кто церковныя службы и уставы за неимѣніемъ церковнослужителей простолюдиномъ изобрѣте?—выговская пустынь. Новолюбителей задаянія развяза кто? Клеветникомъли лютые языки связа кто? Гонительную ли ярость увѣща кто? У высокихъ ли властей щедрую гонимымъ милость обрѣте кто? Кто аще не выговскихъ премудрыхъ учителей и хитрословныхъ просителей ревность? Ибо въ сей выговской пустыни ораторствоваша проповѣдники, просіяша премудрыи Платоны, показашася преславніи Демосѳены, обрѣтошася пресладкіи Сократи, взыскашася храбріи Ахиллесы, не басненныя повѣсти плетущіи, но христіанское стадо опасно стрегущіи». По существу эта характеристика положенія, занятаго Выговской пустыней, несмотря на цвѣтистыя украшенія стиля, представляется вполнѣ правильной: пустыня дѣйствительно стала крѣпкимъ оплотомъ раскольниковъ сѣвернаго края; она ихъ объединила, подняла ихъ матеріальное благосостояніе, придала имъ увѣренность въ борьбѣ съ церковной и свѣтской властью, результатомъ чего вообще было усиленіе русскаго раскола: съ одной стороны изъ пустыни выходили искусные и ревностные пропагандисты, а съ другой—раскольники въ остальной Россіи могли постоянно питать надежду на поддержку отъ выговцевъ и дѣйствительно получили такую поддержку и нравственно и матеріально. Этотъ результатъ былъ достигнутъ болѣе всего благодаря дѣятельности Андрея Д., который самъ разсказываетъ, насколько тяжело было его положеніе при основаніи пустыни: «Егда же благодатію Божіею совокупихомся въ сіе общежительство, о, коликихъ трудовъ и подвиговъ строительство сего общежительства востребовало: тѣлесное житіе состоити и душевное спасеніе устроити, въ неплодныхъ мѣстѣхъ прекор-

мленіе промыслити и душевную трапезу всегда уготовити, нивы лѣторослыя съ трудами распахивати, да и терновидныя нравы со многими поты истерзати, одеждами въ нищихъ мѣстѣхъ одѣяти и общежительными св. отецъ обычаи не навыкшихъ людей украсити, чары своевольныя поравняти, чащи міролюбныхъ обычаевъ искореняти, сѣно съ огнемъ раздѣлити, воды страстныя застановити, возгорѣнія похотныя угасити». Изъ этого видно, что предстояло много работы, чтобы организовать матеріальное благополучіе общины и поднять нравственное состояніе ея членовъ. Прежде всего приходилось подумать о матеріальномъ обезпеченіи общества, такъ какъ нужда на первыхъ порахъ была велика. «Пашня, говоритъ проф. Барсовъ, устроенная поселенцами «подъ гарью», обманула ихъ надежды,— открылись частыя зябели, а затѣмъ и гладъ и хлѣбный недородъ; на первый разъ братія благодушно встрѣтила это несчастіе: «и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку и хлѣбы соломенные ясти, точію растворъ ржаный, а замѣсъ весь соломенной муки; хлѣбы въ кучи не держались, помеломъ изъ печи пахали. И такова бысть скудость тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что,—многожды и безъ ужина жили». Андрей показывалъ всѣмъ примѣръ благодушія, ободрялъ братію словами Писанія, сочинялъ даже чудеса, стараясь подѣйствовать на ихъ суевѣріе. Но это, конечно, было недостаточно, Потому, отобравъ у всѣхъ «въ братствѣ», что у кого съ собою было принесено изъ міра: деньги, серебрянныя мониста, Андрей самъ отправился на Волгу, гдѣ хлѣбъ былъ весьма дешевъ, и, частью купивъ, частью въ милостыню выпросивъ у христолюбцевъ нужное количество его, Андрей въ непродолжительномъ времени доставилъ его въ Пигматку—такъ называлась принадлежавшая выговцамъ пристань на Онежскомъ озерѣ,—«а изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ на себѣ въ крошняхъ носити въ монастырь». Первая нужда миновала, но въ слѣдующіе годы неурожаи повторились, многіе хотѣли уходить, не слушали увѣщаній Андрея и глухо роптали противъ него; но онъ не растерялся: новыя поѣздки за подаяніемъ къ московскимъ, новгородскимъ и др, христолюбцамъ выручили изъ бѣды, а рядомъ съ этимъ было найдено вѣрное средство самопомощи,—торговые обороты. Андрей завелъ торговлю, занимая у добрыхъ людей деньги съ половины; добрые люди. «видя ихъ нужду, а въ торгѣ правду», охотно снабжали ихъ деньгами. Выговцы завели свои суда, на которыхъ переправляли «въ Питеръ» хлѣбъ, закупаемый въ низовыхъ городахъ; у нихъ были свои пристани на рѣкахъ и озерахъ, свои постоялые дворы, и своихъ людей «держаша для торгу и пріѣзду всѣхъ». Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расширялись обороты; явились новые предметы торга: мѣха, ленъ, сукна. Благосостояніе общины было упрочено, потянулись въ нее новые поселенцы, приносившіе свои достатки и, главное, свой трудъ, и взамѣнъ того находившіе въ ней спокойное пристанище, безопасность отъ всякихъ притѣсненій, такъ какъ Андрей съумѣлъ установить отличныя отношенія съ властями. Этотъ замѣчательный успѣхъ былъ достигнутъ благодаря настойчивости и рѣдкой даровитости Андрея, но обезпеченіемъ этого матеріальнаго благосостоянія должно было стать хорошее внутреннее устройство общины: нужно было исправить «терновидные нравы» выговскихъ насельниковъ, подчинить братію опредѣленной дисциплинѣ, утвердить въ ней вѣрность «древлеотеческимъ преданіямъ» — а въ этомъ дѣлѣ Андрею, кромѣ его обычной энергіи и организаторскаго таланта, помогли его образованность и проповѣдническій даръ. Та высокая начитанность, которая выдѣляла его изъ среды его собратій, раскольническихъ учителей, представлялась ему самому недостаточной: онъ понималъ, что для борьбы за свои взгляды ему мало обычнаго арсенала раскольничьяго начетчика, что нужна система точности, которая дается только правильной школой. Но гдѣ же искать этого систематическаго образованія? Приходится за нимъ идти къ врагамъ, у которыхъ есть уже школы, дающія умѣнье обращаться съ матеріаломъ. Разъ рѣшившись на такой шагъ, Андрей отправляется подъ видомъ торговаго человѣка въ Кіевъ (какъ полагаетъ Н. И. Барсовъ, это было въ 1708 г.), приходитъ къ какому-то учителю, который задаетъ ему для испытанія сочинить проповѣдь, и когда это испытаніе пройдено было съ столь блестящимъ успѣхомъ, то ученики академіи признали составленное Андреемъ «слово» принадлежащимъ Зла-

тоусту или Амвросію, принимается въ академію «и о всемъ риторскомъ, философскомъ и ѳеологическомъ ученіи съ великимъ прилежаніемъ вопрошаше». Пребываніе въ академіи въ теченіе года, при чемъ удалось прослушать лекціи такого талантливаго человѣка, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, наложило сильнѣйшій отпечатокъ на литературныя произведенія Андрея; здѣсь выработалось въ немъ умѣнье стройно располагать матеріалъ, здѣсь усвоены имъ многіе риторическіе пріемы, отсюда вынесена терминологія богословская, отсюда же почерпнуты и методы филологической критики, такъ блистательно примѣненные имъ въ «Поморскихъ отвѣтахъ» къ анализу «Дѣянія на еретика Мартина» и Ѳеогностова требника. Нѣкоторыя произведенія Андрея, со стороны своего содержанія, а въ особенности формы (какъ напр. «Толкованіе россійскаго реченія благочестіе»), иначе и не могутъ быть объяснены, какъ тѣмъ, что они являются продуктомъ школы, пройденной имъ въ Кіевѣ. Особенно сильный отпечатокъ школы (помимо вліянія древнерусской литературы, въ частности произведеній Максима Грека, какъ въ «Словѣ о злостраданіяхъ и скорбяхъ церкви христовой) замѣчается въ проповѣдяхъ Андрея. Какъ говоритъ его біографъ, онъ одаренъ былъ отъ природы «естественною къ риторству добротою, имѣлъ мужественный возрастъ и сановитость тѣла, главу аки бисеромъ унизану чинными свѣтлорусыми кудрями и въ полъ-сѣдиною украшенну, острый умъ, лице, бѣлое, очи ясныя и зрѣніемъ по чернилу скорозрительны, уста и ланиты румяностью помазанныя, круглую бороду, свободный и легкій языкъ, крѣпкую грудь, долгій духъ, твердый хотя и изтухла голосъ, тонкіе и длинные, по естеству умѣренные персты, равно какъ и всѣ прочіе члены согласные съ его благолѣпнымъ составомъ». Однако, какъ бы ни были богаты природныя средства проповѣдника, умѣніе свободно распоряжаться ими для того, чтобы оказывать желаемое воздѣйствіе на паству, вырабатывается лучше всего школою, а кіевская школа въ этомъ отношеніи могла дать Андрею очень много, такъ какъ въ ней по традиціи держались пріемы проповѣдничества, заимствованные у такихъ образцовыхъ ораторовъ, какъ іезуиты. Въ сохранившемся описаніи тѣхъ внѣшнихъ средствъ, которыми пользовался Андрей при произнесеніи своихъ проповѣдей, мы можемъ ясно видѣть вліяніе школы: онъ обладалъ вполнѣ выработанными пріемами декламаціи и мимики, чѣмъ далеко не могли похвалиться православные проповѣдники (не малороссы или не прошедшіе схоластической школы), а также учителя-раскольники. Андрей говорилъ «не вельми косно и не вельми борзо», различалъ паузы, умѣлъ отдѣлаться отъ недостатка рѣчи, свойственнаго многимъ церковникамъ, отъ «изглашанія въ ноздри», мѣнялъ интонацію, выраженіе лица, пользовался жестами. Съ этими чисто внѣшними ораторскими пріемами онъ соединилъ также почерпнутое изъ школы умѣнье стилистически украшать свою рѣчь, «позлатить свои проповѣди всепрекрасными фигурами, окружить предивными періодами, обнизать и усладить аффекты пресладкими и преизмѣчтаны тропосы красноплетенными». Проповѣди его всегда дѣлятся на части, какъ это предписывается юго-западными риториками; въ нихъ есть опредѣленная система доказательствъ: примѣры, емблематы, свидѣтельства отъ сужденія, слытія, мученія, зависти, закона, клятвы; постоянно встрѣчаются описательныя и иносказательныя выраженія (напр. вмѣсто того, чтобы назвать Іоанна Дамаскина, проповѣдникъ говоритъ: «краснопѣвная духа цѣвница, всеблагодатная, добросочетанная гусль, сладкогласный церковный славій»), даются обширныя аллегорическія картины, встрѣчаются даже иностранныя слова (ἄνθρωπος, μικρόκοσμος). Правда, что это обиліе схоластическихъ оборотовъ придаетъ проповѣдямъ Андрея иногда крайнюю искусственность, такъ что можетъ казаться, что въ нихъ школьная логика преобладаетъ надъ непосредственнымъ чувствомъ; правда, что эти поученія не всегда могли быть доступны выговской братіи, стоявшей по своему умственному развитію гораздо ниже своего учителя; но тѣмъ не менѣе его «красноглаголаніе» нравилось паствѣ, ее очаровывало, такъ что Андрей заслужилъ отъ нея лестное прозвище «второго Златоуста»; его малопонятныя философствованія располагали къ нему, быть можетъ, именно въ силу своей недоступности пониманію выговцевъ, такъ какъ они могли гордиться своимъ

знаменитымъ ораторомъ «съ философ ственной душой». Общую основу философствованій Андрея въ его многочисленныхъ (болѣе 50) проповѣдяхъ составляетъ аскетизмъ. Въ мірѣ воцарился антихристъ, церковь Христова подвергается всякимъ скорбямъ и злостраданіямъ, близится страшный судъ Господень, а потому вѣрнымъ христіанамъ нужно всѣми мѣрами заботиться о соблюденіи въ чистотѣ своей вѣры и жизни. Такъ можно резюмировать главную мысль, изъ которой истекаютъ всѣ частныя наставленія Андрея въ его проповѣдяхъ и полемическихъ посланіяхъ. По формѣ и содержанію своему его проповѣди могутъ быть раздѣлены, какъ это сказалъ Е. В. Барсовъ, на четыре разряда: «во 1-хъ, слова догматическія — изъ нихъ извѣстны: о вѣрѣ, объ ангелахъ, объ антихристѣ; во 2-хъ, нравоучительныя, куда относятся поученія о молитвѣ, покаяніи, чистотѣ, цѣломудріи и т. п.; въ 3-хъ, панигирическія, каковы напр. слово похвальное святителю Николаю Чудотворцу, Зосимѣ и Савватію, слово похвальное на Срѣтеніе Господне, Рождество Христово и т. п. и, наконецъ въ 4-хъ, надгробныя; изъ нихъ извѣстны – слово предъ гробомъ какого-то брата Даміана, надгробное слово Димитрію и Алексѣю нижегородскимъ, но самое замѣчательное изъ нихъ слово надгробное на своего сродственника Петра, вкупѣ и исторія краткая, кою и откуду зачася выгорѣцкое общежительство; это слово, въ которое Андрей включилъ рядомъ съ историческими и не мало автобіографическихъ данныхъ, составило первыя главы извѣстной «Исторіи Выговской Пустыни», написанной Иваномъ Филипповымъ. Согласно съ общимъ аскетическимъ міровоззрѣніемъ Андрея, наиболѣе важными являлись его нравоучительныя слова, въ которыхъ «воспоминаше вся страсти человѣческія и учаше, како подобаетъ праздновати и каковыми быти христіанами, яко не именемъ именоватися точію достоитъ, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалятися, покаяніемъ же себѣ очищати, блуда бѣгати, сквернъ плотскихъ удалятися,—и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачь приводя и во умиленіе влагая на покаяніе согрѣшающихъ понуждая». Эти нравоучительныя слова отличаются большею живостью, чѣмъ другія проповѣди Андрея: въ нихъ видно порой сильное выраженіе чувства, замѣтна связь съ окружающей дѣйствительностью. Такъ какъ въ подобныхъ нравоученіяхъ ощущалась для паствы наиболѣе сильная потребность, мы находимъ ихъ и въ догматическихъ, и въ другихъ словахъ Андрея. Эти нравоученія были однимъ изъ средствъ, которыми поддерживалась заведенная Андреемъ организація Выговской общины. Все общежитіе состояло изъ двухъ монастырей: Выговскаго, мужскаго, управлявшагося самимъ Андреемъ, и Лексинскаго, женскаго, находившагося подъ управленіемъ «высокопревосходительнѣйшей кановіарши» Соломоніи Денисовой, а кромѣ того изъ нѣсколькихъ скитовъ, пользовавшихся сравнительной самостоятельностью. Вступавшіе въ общину обязывались: «1) древле-церковное благочестіе хранити, крестное знаменіе на лицахъ истово творити двѣма персты, поклоны добре полагати, службу церковную по вся дни исправляти, данные посты сохраняти; 2) чины монастырскіе, данные на письмѣ, хранити со всякимъ опасеніемъ, всякую нужду пустынную терпѣти и труды, трапезное благочиніе добрѣ имѣти; во время обѣдовъ и ужиновъ жертвенники читати, а братіямъ въ молчаніи сидѣть и внимать читаемому, особьяденія отнюдь не имѣть, а имѣть все общее, по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ книги читать братіи, послѣ заутрени и у денья, часа по полтора; правило, данное отъ отецъ духовныхъ исполняти и о своемъ спасеніи всячески тщатися; 3) младшимъ къ бо́льшимъ имѣть покореніе и послушаніе, къ старостамъ покореніе безъ всякаго прекословія и роптанія, безъ благословенія старостъ ничего не дѣлати и никуда не шататися, между собою миръ и любовь имѣти братскую, всѣмъ другъ друга къ полезному понукати и другъ съ другомъ вражды и ссоры не имѣти никогда же,—а когда у кого съ кѣмъ случится, миромъ и прощеніемъ скоро разрушати; 4) чтобы по вечерки между молодыми людьми (женщинами и мужчинами) сходовъ и говоровъ и бесѣдъ не было и въ другіе предѣлы (т. е. въ другой монастырь) не указнымъ никому не дерзати ходити подъ великимъ запрещеніемъ». Уставъ Выговскій былъ строго аскетическій, и въ немъ главнѣйше требовались слѣдующія добродѣтели: богомоленіе, постъ, дѣвственное житіе, трудо-

дѣланіе, нестяжаніе и послушаніе. Управлялось общежитіе соборомъ, который составляли старцы и должностныя лица: екклисіархъ, келарь, казначей и староста съ выборными отъ скитовъ. Имъ была предоставлена власть «не хранящихъ сіе выписанное (т. е. уставныхъ правилъ) наказовати по правиломъ и по даннымъ имъ письмамъ, кто чего достоинъ,—овыхъ поклонами на трапезѣ, а овыхъ отъ трапезъ отлученіемъ. Покоряющихся и прощающихся прощати съ милосердіемъ, а противящихся и не покоряющихся и тѣлеснымъ наказаніемъ наказовати (практиковались колѣностояніе, битье шелепами, сажаніе на цѣпь), или въ монастырь къ наказанію отсылати и никому не попущати въ томъ своемъ непокорствѣ пребывати. Въ монастырѣхъ обоихъ всѣмъ соборнымъ, келаремъ, казначеемъ, городничимъ и надсмотрикамъ и сторожамъ всѣмъ крѣпко данныя имъ службы отправляти, чтобы все было по чину монастырскому». Несмотря, однако, на эти строгія мѣры, несмотря на увѣщанія въ проповѣдяхъ Андрея и на разныя поучительныя легенды, подтверждавшія правильность устава, нарушенія бывали нерѣдки и особенно касались они «дѣвственнаго житія»: трудно было упразднить существовавшія уже семьи, заставить жить мужей съ женами, аки братьевъ съ сестрами, а также трудно было препятствовать сближенію молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ. Постоянно приходилось издавать новыя распоряженія, запрещать «безчинныя міохожденія на браніе ягодъ или волнухъ или иныхъ какихъ овощей»; приходилось Андрею въ проповѣдяхъ обличать нарушенія правилъ, но такъ какъ избѣгнуть этихъ нарушеній не было никакой возможности, то онъ предпочелъ дѣйствовать «яко отецъ милосерднѣйшій»: не признавая законности несогласной съ монастырскими требованіями жизни, не преслѣдовать слишкомъ строго отступленій отъ устава, Въ этомъ случаѣ онъ могъ руководиться сознаніемъ и своихъ личныхъ провинностей: посѣщая, какъ настоятель, Лексинскій женскій монастырь, онъ оставался въ немъ не только для ученыхъ трудовъ «безмолвія ради», но и для болѣе веселаго провожденія времени, въ чемъ его укоряли нѣкоторые «продерзостливые». На Лексѣ, говорятъ, жили три сожительницы Андрея, изъ которыхъ одна подъ конецъ отравила его изъ ревности. Если эта сторона аскетическаго устава и не соблюдалась, то другое его требованіе—трудодѣланіе было основой благосостоянія выговцевъ: община представляла изъ себя рабочее братство, въ которомъ процвѣтали самыя разнообразныя отрасли труда, въ томъ числѣ и умственный трудъ, такъ какъ Андрей завелъ въ монастыряхъ переписываніе книгъ (создался особый поморскій почеркъ), устроилъ школу, въ которой самъ преподавалъ ораторское искусство, чѣмъ тоже содѣйствовалъ выработкѣ особаго литературнаго склада.

Кромѣ устройства внутреннихъ распорядковъ общежитія, Андрею нужно было заботиться и о внѣшнихъ его отношеніяхъ, объ отношеніяхъ и къ другимъ раскольническимъ сектамъ, къ власти свѣтской и къ православной церкви, и въ этомъ случаѣ онъ оказался весьма пригоднымъ человѣкомъ какъ по своему образованію, такъ и по врожденнымъ дипломатическимъ способностямъ. Сознавая силу, рождающуюся отъ единенія, и видя раздробленность раскольничьихъ толковъ, Андрей разсылалъ своихъ миссіонеровъ во всѣ концы Россіи: они привлекали въ расколъ новыхъ адептовъ, сторонникамъ иныхъ толковъ указывали на цвѣтущее состояніе «Выгорѣціи», какъ на видимое свидѣтельство правоты ея членовъ. Допускались разные компромиссы, чтобы избѣгнуть дробленія сектъ, какъ напр. по отношенію къ Ѳедосѣевцамъ, съ которыми разрывъ произошелъ уже послѣ смерти Андрея. Поладить съ властями предержащими оказалось не особенно труднымъ въ виду общихъ политическихъ условій того времени: Петру Великому нужны были дѣятельные люди, нужны были и матеріальные средства для многочисленныхъ государственныхъ потребностей. Онъ обратилъ вниманіе на устройство Олонецкихъ горныхъ заводовъ, и главный сотрудникъ его въ этомъ дѣлѣ знаменитый де-Геннингъ доносилъ ему, что выговцы даютъ отличныхъ работниковъ на заводы. Царь, вообще склонный къ религіозной терпимости, рѣшилъ не преслѣдовать выговцевъ и даже предоставить имъ въ 1705 году существеннѣйшія льготы: право самоуправленія и освобожденіе отъ двойного подушнаго оклада. Этимъ, а также и разными другими облегченіями, которыхъ Андрей умѣлъ доби-

ваться черезъ разныхъ высокихъ милостивцевъ, значеніе выговской пустыни въ глазахъ раскольниковъ поднималось чрезвычайно высоко, и сюда стремились, конечно, въ большомъ числѣ новые поселенцы, радовавшіеся возможности избавленія отъ условій, тяготившихъ послѣдователей древляго благочестія въ другихъ мѣстахъ. Гораздо затруднительнѣе было установить отношенія къ духовной власти, которая, при всей вѣротерпимости Петровскаго времени, не могла равнодушно смотрѣть на образованіе такого центра, благодаря которому расколъ могъ пріобрѣтать значительную устойчивость, и изъ котораго усиленно развивалась раскольническая пропаганда. Однако единственною общею мѣрою, которую приняла церковная власть по отношенію къ выговцамъ, была посылка къ нимъ для увѣщанія въ 1722 г. іеромонаха Неофата, который и предложилъ пустынножителямъ 106 вопросовъ, касавшихся разныхъ пунктовъ ихъ ученія. Почти полтора года Андрей съ братомъ и др. сотрудниками сочиняли отвѣты на эти вопросы, и результатомъ ихъ работы была огромная книга, извѣстная подъ именемъ «Поморскихъ отвѣтовъ». Въ этомъ сочиненіи насъ поражаетъ замѣчательная эрудиція автора, его умѣніе пользоваться доказательствами, уловить слабую сторону въ аргументаціи противника, какъ уже мы сказали, здѣсь виденъ ученый, примѣняющій пріемы археологическаго изслѣдованія, филологической и исторической критики, и въ этомъ отношеніи правы тѣ ученые, которые готовы признать Андрея первымъ нашимъ археологомъ и первымъ представителемъ филологическихъ пріемовъ критики: анализъ языка, производимый Андреемъ, указаніе историческихъ анахронизмовъ для доказательства подложности разбираемаго памятника, которое мы находимъ въ «Поморскихъ отвѣтахъ», сдѣлали бы честь и современнымъ намъ ученымъ и несомнѣнно обнаруживаютъ и талантъ м огромныя свѣдѣнія Андрея. Неофитъ, иало подготовленный къ такой встрѣчѣ, потерпѣлъ неудачу, и выговцы на много лѣтъ были оставлены въ покоѣ. Такова была въ общихъ чертахъ дѣятельность Андрея Денисова, который умеръ въ 1730 г. Ему принадлежитъ множество сочиненій, проповѣдей, посланій, полемическихъ трактатовъ (изъ нихъ послѣ «Поморскихъ отвѣтовъ наиболѣе замѣчательны «Діаконовы отвѣты», написанные для нижегородскихъ поповцевъ противъ вопросовъ Питирима). Павелъ Любопытный насчитываетъ 119 сочиненій Андрея, но ихъ, вѣроятно, было больше, хотя къ сожалѣнію они до сихъ поръ не только не изданы, но и не изслѣдованы. Наибольшія собранія ихъ имѣются въ Императорской Публичной Библіотекѣ (коллекція Богданова) и въ библіотекѣ Кіевской духовной академіи (рукописи Е. В. Барсова).

Обращаемся къ дѣятельности ревностнѣйшаго помощника Андрея, его младшаго брата, Семена. Родился онъ въ 1682 г. и выросъ въ той же домашней обстановкѣ и подъ тѣми же религіозными вліяніями, что и Андрей, а 14-ти лѣтъ, увлеченный братомъ, поступилъ въ Выговскую пустынь. «Съ прибытіемъ Семена въ пустыню, говоритъ Е. В. Барсовъ, Андрей далъ ему полную возможность довершить свое образованіе въ томъ же направленіи, въ какомъ оно началось. Сначала онъ самъ училъ его вмѣстѣ съ другими даровитыми юношами грамматическому и риторическому ученію, чтобы право писати и добрѣ глаголати, чтобы умѣть совращать въ расколъ и совращенныхъ утверждать въ расколѣ. Затѣмъ онъ всегда бралъ его съ собою, когда по разнымъ монастырскимъ нуждамъ странствовалъ по всѣмъ русскимъ городамъ и монастырямъ, ѣздилъ въ Москву и Кіевъ, промышлялъ и осматривалъ книги, овыя покупалъ, овыя списывалъ, для защищенія своихъ раскольничьихъ мнѣній. Въ этихъ странствованіяхъ Семенъ докончилъ свое образованіе. Въ Кіевѣ и Москвѣ онъ изучилъ грамматику, риторику, піитику и даже часть философіи», Такъ ли получилъ свое образованіе Семенъ, или инымъ какимъ-нибудь путемъ, несомнѣнно, что онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего старшаго брата, что его образованіе отличалось тѣмъ же схоластическимъ характеромъ, что и дало возможность ему стать лучшимъ пособникомъ Андрея при его жизни и продолжателемъ его дѣла въ томъ же самомъ направленіи послѣ его смерти; въ духовномъ строѣ, въ просвѣщеніи обоихъ братьевъ замѣчается рѣдкое, полное согласіе: одинъ въ извѣстной степени есть повтореніе другого. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, при настоятельствѣ Андрея, Семену пришлось

пострадать за дѣла своей общины. Въ 1713 г. Семенъ отправился въ Новгородъ хлопотать о разрѣшеніи выговцамъ перейти съ Выга, ради хлѣбнаго здѣсь недороду, въ каргопольскій уѣздъ на взятую ими въ оброкъ землю, на Чаженку рѣчку (по другимъ извѣстіямъ, онъ долженъ былъ добыть списокъ Макарьевскихъ Четьихъ-Миней. Здѣсь нашелся донощикъ. «Иже въ насъ благочестіемъ вскормленіи, сообщалъ объ этомъ Андрей, — благочестію враги учинишася; иже на добродѣтель помазуеміи въ возмездіе злопредательство изліяша; иже отъ злыхъ дѣлъ отлучаеміи за добродѣяніе злодыхательство воздаша. Архиповъ сынъ Леонтій, иже второму Іудѣ совѣтникъ и другому Каину стоварищъ, новая предателя въ христіанствѣ Христу учинишася, хульники и клеветники благочестію сотворишася, предавше на мучительство зліи благаго ревнителя благочестію, яко звѣри агнца беззлобиваго и яко ядовитіи зміи птенца пустыннаго. Той бо къ нимъ тамо, яко беззлобивый, вседушевно прилежаше, она же злодышущая приходиша къ нему, цѣлованія любовна, яко Іуда Христу, дающе и тѣмъ самымъ предающе». Митрополитъ новгородскій Іовъ, которому былъ сдѣланъ доносъ, приказалъ, въ предупрежденіе раскольнической пропаганды, арестовать Семена. Заключеніе продолжалось четыре года, а за это время съ одной стороны шли попытки увѣщаніями (иногда и угрозами) склонить Семена къ православной церкви, съ другой же — выговцы принимали всѣ мѣры, чтобы выхлопотать своему наставнику свободу. Какъ то, такъ и другое не имѣло успѣха: митрополитъ Іовъ не соглашался выпустить Семена, а послѣдній на всякія увѣщанія отвѣчалъ отказомъ, причемъ въ его аргументаціи замѣтны черты, сказавшіяся впослѣдствіи въ «Поморскихъ отвѣтахъ». Когда ему прислано было одно полемическое сочиненіе со ссылкою на «Дѣяніе Мартина еретика», онъ высказалъ слѣдующее критическое соображеніе: «А яже свидѣтельства отъ древнихъ св. отецъ и архіереевъ положенная, сіе есть дѣяніе собора, бывшаго въ Кіевѣ, на Мартина еретика, новая вводяща; и елика Константинъ митрополитъ, во онаго обличеніе свидѣтельства привождаше, отъ книгъ Михаила и Ѳеопемпта, митрополитовъ Кіевскихъ: къ симъ же и Луки, вселенскаго патріарха, согласующеся соборнымъ судомъ; подобнѣ и Ѳеогноста митрополита хоратейная книга утверждающая: долженствуемъ не мимоходомъ, но тщательнѣ изыскати. Кто убо желаяй спасенія и вѣчнаго живота, истиной воспротивитися хощетъ?... сего ради и всякій трудъ и усердіе показати желаетъ, во еже самовидцами онаго дѣянія первообразнаго и прочихъ быти, по реченному: очи ушесъ достовѣрнѣйши». Такимъ образомъ высказано сомнѣніе въ истинности «Дѣянія», и желаніе видѣть его подлинникъ являлось вполнѣ естественнымъ; но этому желанію не удовлетворилъ да и не могъ удовлетворить митрополитъ Іовъ. Такъ какъ вся волокита не вела ни къ чему и Семена не освобождали изъ заключенія, то онъ рѣшился на побѣгъ, совративъ предварительно своего караульщика въ расколъ. Когда Петру Великому доложили объ этомъ побѣгѣ, то онъ сказалъ: «Богъ съ нимъ» и такимъ образомъ какъ бы санкціонировалъ освобожденіе Семена. Велика была радость всего выговскаго общества, а въ особенности Андрея, который разъяснилъ своей паствѣ, что возвращеніе Семена есть свидѣтельство милости Божіей ко всему общежитію, тѣмъ болѣе, что незадолго предъ тѣмъ умеръ митрополитъ Іовъ. Возобновилась общая работа братьевъ Денисовыхъ по управленію ихъ киновіей, причемъ очень скоро представилось важнѣйшее дѣло—составленіе «Поморскихъ отвѣтовъ». Общая работа идетъ до 1730 г., а тогда Семенъ занимаетъ мѣсто Андрея, становится настоятелемъ. Время его управленія было тяжелымъ для пустыни, которую постигали и матеріальныя, и нравственныя бѣдствія. Однако съ ними Семенъ справлялся тѣми же мѣрами, какія практиковались Андреемъ. Постигшій въ 1731 г. пустыню неурожай повелъ къ усиленію ея промышленной дѣятельности; нарушенія уставовъ вызвали примѣненіе болѣе строгихъ дисциплинарныхъ мѣръ. Гораздо печальнѣе оказались раздоры изъ-за верховнаго руководительства послѣ смерти въ 1734 г. Даніила Викулина. Эти раздоры были началомъ внутренняго разложенія общины, авторитетъ Семена былъ подорванъ, начались доносы властямъ, особенно опасные въ томъ отношеніи, что указывалась политическая неблагонадежность выговцевъ, не хотѣвшихъ молиться за царя

и укрывавшихъ въ своихъ лѣсахъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Доносы повели къ назначенію слѣдственной комиссіи, очень напугавшей выговцевъ, но окончившейся для нихъ благополучно. Въ это время (въ 1740 г.) умеръ Семенъ Денисовъ. Послѣ него осталось довольно большое число сочиненій, хотя и меньшее, чѣмъ отъ Андрея. По содержанію своему они являются или полемическими трактатами (о перекрещиваніи, о книгѣ жезлъ, о крестѣ, двуперстіи, противу новомудрствующихъ), или проповѣдями (надгробныя слова), или историческими сводами («Виноградъ Россійскій» и «Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ»). Особенно важны по своей распространенности у раскольниковъ сочиненія историческія: достовѣрность ихъ показаній далеко не всегда можетъ считаться прочною, хотя источники у Семена были и хорошіе, но, помимо достовѣрности исторической, эти произведенія имѣютъ интересъ литературный, какъ своего рода собранія житій раскольническихъ святыхъ и какъ образцы того стиля, который создался подъ вліяніемъ кіевской школы. Подъ этимъ вліяніемъ слагались въ Выговской пустыни и стихотворенія. Самъ Семенъ писалъ стихи, въ которыхъ хорошо примѣнялъ силлабическій размѣръ. Наконецъ, къ числу важнѣйшихъ произведеній Семена надо отнести его «Законоположенія по чину монастырскому», разные уставы, имъ сочиненные, такъ называемое «Уложеніе братьевъ Денисовыхъ», опредѣлившее устройство Выговскаго общежитія «Уложеніе», которому самъ Семенъ придавалъ огромное значеніе, заповѣдавъ передъ смертью монастырской братіи соблюдать его неуклонно. Біографъ же Семена, въ панегирическомъ восхваленіи его трудовъ, особенно выдвигаетъ «благочестивыя законоположенія». Сочиненія Семена также не изучены и не изданы до сихъ поръ.

Проф. Н. И. Барсовъ: Братья Андрей и Семенъ Денисовы (Правосл. Обозр 1865 г). Его же статья въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгауза и Эфрона. Е. В. Барсовъ: Семенъ Денисовъ Вторушинъ, предводитель рус. раскола XVIII в. (Труды Кіев. д. ак. 1866 г.). Его же. Андрей Денисовъ Вторушинъ, какъ выгорѣцкій проповѣдникъ (Ibid 1867 г.) Усовъ. Поморъ-философъ (Истор. Вѣстн. 1886 г. т. XXIV). Александръ Б. Опис. нѣк. раскольн рукописей. Бычковъ И. А. Описаніе рукописей Богданова, т. II, Петровъ. Описаніе рукопис. собраній, находящихся въ Кіевѣ, и др. описанія рукописей. Поморскіе отвѣты, изд. Мануиловскаго монастыря, 1887 г.

А. Бороздинъ.

Денисовъ 7-й, *Василій Тимоѳеевичъ*, генералъ-маіоръ, донской казакъ, герой войны 1812 г. род. въ 1777 г., ум. въ 1822 г. на службу поступилъ малолѣтнимъ казакомъ и 15 марта 1788 г. зачисленъ эсауломъ, а 1 іюля 1789 г. произведенъ въ поручики и въ сентябрѣ того же года переведенъ въ лейбъ-казачью конвойную команду и въ томъ же году отправился на войну со шведами, гдѣ, за оказанныя военныя, отличія и былъ произведенъ въ капитаны 1 сентября 1790 г. и затѣмъ переведенъ въ полкъ генералъ-лейтенанта Леонова. Въ 1791 году Денисовъ уже командовалъ полкомъ и 14 ноября былъ произведенъ въ секундъ-маіоры. Во время военныхъ дѣйствій въ Польшѣ въ 1792 и 1794 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ противъ войскъ Костюшки, находился при разбитіи и взятіи его въ плѣнъ и за оказанное мужество былъ награжденъ золотою шашкою съ надписью «за храбрость», орденомъ Св. Георгія 4 класса и произведенъ 29 ноября 1794 г. въ маіоры, а 28 іюня 1795 г. въ подполковники. Во время движенія казачихъ войскъ съ Дона, Денисовъ, 11 февраля 1798 г., былъ назначенъ походнымъ атаманомъ, а 30 декабря слѣдующаго года былъ произведенъ въ полковники. Въ 1801 году въ Новороссійской губерніи господствовали разбойничьи шайки, Денисовъ былъ посланъ туда со своимъ полкомъ и очистилъ край отъ разбойниковъ. Съ началомъ войнъ противъ Наполеона онъ вступилъ въ составъ дѣйствующей арміи и въ кампаніи 1806 — 1807 г г. участвовалъ въ сраженіяхъ противъ французовъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ принималъ участіе въ походѣ противъ Австріи въ 1809 г. Но особенно отличился онъ въ Отечественную войну при преслѣдованіи отступавшихъ французовъ. Командуя казачьею бригадою близъ м. Молодечно 21 напалъ на французовъ и взялъ въ плѣнъ 2-хъ полковниковъ, 4-хъ офицеровъ и до 500 человѣкъ нижнихъ чиновъ, захвативъ также 4 орудія, а 28 при г. Вильно взялъ въ плѣнъ 13 офицеровъ и 230 рядовыхъ. 1-го декабря, въ сраженіи при Ковно, отличился молодецкимъ нападеніемъ на непріятельскій бивуакъ. Въ 1813 г. за

за отличіе въ дѣлахъ Денисовъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени. Въ 1814 году онъ участвовалъ при занятіи г. Реймса 7 марта и 14 въ бою при м. Сентъ-Дизіе, гдѣ, французскія войска, предводительствуемые самимъ Наполеономъ, были на голову разбиты. Произведенный въ генералъ-маіоры 29 октября 1814 года, Денисовъ возвратился на Донъ, гдѣ атаманствовалъ надъ отдѣлами и умеръ на должности.

Формулярный списокъ въ архивѣ Главнаго Штаба.

Б. Т.

Денисовъ, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, колл. сов., профессоръ Московскаго университета, первоначальное воспитаніе получилъ въ разночинской гимназіи при Московскомъ университетѣ; въ 1802 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, но въ скоромъ времени оставилъ занятія медициной и перешелъ на физико-математическій факультетъ, гдѣ занимался естественной исторіей, преимущественно физикой и химіей, которую и избралъ впослѣдствіи своею спеціальностью. Въ 1806 г. онъ кончилъ курсъ университета со степенью кандидата и былъ оставленъ при немъ для приготовленія къ каѳедрѣ; въ то же время онъ былъ назначенъ преподавателемъ естественныхъ наукъ въ бывшей академической гимназіи и старшимъ надзирателемъ надъ казенно-коштными воспитанниками. Въ 1814 г. Д. выдержалъ испытаніе на доктора физико-математическихъ наукъ и въ 1818 г. утвержденъ въ этой степени, а вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ технологіи, которую и занималъ до самой смерти. Обладая, благодаря способностямъ и продолжительной подготовкѣ, обширными познаніями по естествознанію вообще и по своей спеціальности въ частности, и даромъ слова, Д. вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ профессоровъ и съ университетской каѳедры и посредствомъ многочисленныхъ журнальныхъ статей дѣятельно принялся за распространеніе не только среди своихъ учениковъ, но и вообще среди интеллигентнаго общества, научныхъ и техническихъ знаній, которымъ придавалъ чрезвычайно серьезное значеніе. Выясненію этого значенія точныхъ наукъ въ общественно-экономической жизни страны и посвящена его актовая рѣчь 1822 г.: «О вліяніи химіи на успѣхи мануфактурной промышленности», М. 1822 г. Кромѣ университета Д. преподавалъ естественную исторію въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и въ училищѣ при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Недовольствуясь этой ролью профессора и ученаго, Д. неоднократно выступалъ и на поприщѣ практической дѣятельности, подавая совѣты практическаго характера фабрикантамъ и заводчикамъ и принимая близкое участіе въ устройствѣ и оборудованіи разнообразныхъ промышленныхъ заведеній. Принужденный въ первые годы своей профессорской дѣятельности преподавать свой предметъ по руководству предшественника своего по каѳедрѣ, проф. Двигубскаго, Д. впослѣдствіи составилъ свои собственныя записки, а въ 1828 г. перевелъ, нѣсколько переработалъ и дополнилъ извѣстное руководство по технологіи германскаго профессора Поппе, которое и издалъ въ свѣтъ подъ названіемъ: «Пространное руководство къ общей технологіи, или къ познанію всѣхъ работъ, средствъ, орудій и машинъ, употребляемыхъ въ разныхъ техническихъ искусствахъ». Издано Ѳедоромъ Денисовымъ М. 1828. V+548, съ приложеніемъ предметнаго указателя и двухъ таблицъ чертежей. Книга снабжена предисловіемъ издателя, указывающимъ на важность изученія техническихъ наукъ, и представляетъ собою довольно полный и подробный для тогдашняго времени, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма популярный курсъ механической и химической технологіи. По своей элементарности и отсутствію многихъ военныхъ отдѣловъ она потеряла теперь всякое значеніе, но въ свое время сослужила службу среди русской болѣе, чѣмъ не богатой, научной и технической литературы. Въ дополненіе къ ней Д. собирался издать уже оригинальное сочиненіе по частной технологіи, посвященное описанію отдѣльныхъ химическихъ производствъ, но ранняя смерть помѣшала исполненію этого плана. Съ 1824 г. начинается журнальная дѣятельность Д-ва. Статьи его, подписанныя Ѳ. Д—ъ или Ѳ. Д—въ и посвященныя разнообразнѣйшимъ вопросамъ науки, фабрично-заводской промышленности и домашней техники и новѣйшимъ отрытіямъ въ этой области, помѣщались въ основанномъ въ 1820 г. проф. Двигубскимъ «Но-

вомъ магазинѣ естественныхъ наукъ, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ». Большая часть ихъ заимствована изъ ученыхъ и техническихъ иностранныхъ журналовъ, словарей, энциклопедій и проч. Вотъ перечень этихъ статей и замѣтокъ: 1824 г. Опыты, утверждающіе мнѣніе испытателей природы объ одинаковомъ происхожденіи сибирскаго желѣза и падающихъ изъ атмосферы камней,или аеролитовъ. (Изъ Annales de chimie et de physique). Ч. III, № 3, стр. 185 1825 г. О способѣ выдѣлыванія кирпичей посредствомъ сгнетанія. Ч. I, № 2, стр. 121. О новомъ способѣ полированія стальныхъ галантерейныхъ вещей. Тамъ же стр 125. О приготовленіи и употребленіи хромокислыхъ солей въ искуствахъ. (Изъ Dictionnaire Technologique). Ч. II, № 1, стр. 49. О выдѣлываніи соломенныхъ, стружковыхъ, дроковыхъ и другихъ лѣтнихъ шляпъ. (Изъ Dict. Techn и Bulletin des sciences technologiques). Ч. III, № 1, стр. 43. Мурова для глиняной посуды. (Изъ Bull. des sciences techn.). Ч III, № 2, стр. 113. О способѣ выдѣлыванія бумаги, подобной сафьяну. (Оттуда же). Тамъ же стр. 115. Нерастворяемая водою и предохранительная отъ понара обмазка соломенныхъ кровель. (Изъ Dict. Techn.). Тамъ же, стр. 119 Важное замѣчаніе о квасцахъ для красильныхъ фабрикантовъ. (Оттуда же). Ч. III, № 3, стр. 195. Обѣленіи. (Изъ Bull. d. sc. techn.). Тамъ же, стр. 199. О способахъ приготовленія чистой кобальтовой окиси для наведенія синяго грунта на лучшій фарфоръ. (Изъ Dict. Techn.). Тамъ же, стр. 200. 1827 г. О приготовленіи и спиртномъ броженіи картофеля. (Изъ Dict. Techn.). Ч. I, № 1, стр. 33 съ таблицей чертежей аппаратовъ. О притираніяхъ для лица. (Оттуда же). Ч. I, № 2, стр 125. О кобальтовой, или тенаровой синей краскѣ, употребляемой вмѣсто ультрамарина. (Оттуда же). Тамъ же, стр. 138. Быть можетъ, ему же принадлежитъ и еще много неподписанныхъ статей и замѣтокъ подобнаго же содержанія въ «Новомъ Магазинѣ» за другіе годы. Въ прибавленіяхъ къ «Московскому Телеграфу», издавшемуся съ 1825 г. Полевымъ, Д. также помѣщалъ безъ подписи и заглавій небольшія замѣтки по разнообразнымъ вопросамъ своей спеціальности, начиная съ различныхъ открытій по фабрично-заводскому дѣлу и кончая областью косметики, дамскаго туалета и костюмовъ, въ особенности въ «Моск. Тел.» 1828 г.—29 сентября 1830 г. въ Москвѣ отъ холеры.

Геннади. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ, и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX вв. Берлинъ, 1876—80 гг. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета. Московскія Вѣдомости 1830 г., № 82.

В. В—въ.

Денисовъ, графъ *Ѳедоръ Петровичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, родомъ донской казакъ, умеръ въ 1811 г. Первоначально онъ воспитывался въ домѣ родителей въ Пятиизбянской станицѣ и, выучившись читать и писать по русски, 18 лѣтъ былъ записанъ въ число военныхъ казаковъ и причисленъ къ Атаманскому полку. Когда казаки были вытребованы съ Дона въ армію Румянцева, дѣйствовавшаго противъ турокъ, Денисовъ добровольно отправился туда и вскорѣ былъ выбранъ казаками въ есаулы. Въ первомъ же сраженіи онъ оправдалъ этотъ выборъ. Врубившись въ турецкую конницу, Денисовъ зарубилъ на смерть 7 турокъ, о чемъ свидѣтелями этого подвига было донесено фельдмаршалу, который обратилъ вниманіе на лихого казака, началъ давать ему отвѣтственныя порученія и, убѣдившись, что Денисовъ оправдываетъ его надежды, далъ ему рядъ наградъ въ короткое время: въ 1770 г. онъ былъ произведенъ въ старшины, въ 1773 г. въ премьеръ-маіоры, въ 1774 г. въ подполковники и полковники; кромѣ того, получилъ золотую медаль съ портретомъ Императрицы Екатерины и съ надписью о его подвигахъ. Изъ подвиговъ его за это время замѣчательна была побѣда надъ турками 17 октября 1773 г. въ сраженіи при Карасу, гдѣ взяты были въ плѣнъ сераскиръ, Омеръ и Чаушъ-наши. Въ концѣ кампаніи Денисовъ былъ раненъ при осадѣ Силистріи пулей насквозь, въ сраженіи при Козлуджи въ 1774 г. въ грудь и въ томъ же году подъ Шумлою получилъ сквозную рану въ лѣвую ногу. Вынужденный вслѣдствіе этого оставить на время строй, Денисовъ, по окончаніи 1-й турецкой войны, награжденъ былъ въ 1775 г. орденомъ Георгія 4-й ст. По выздоровленіи отъ раны и при занятіи полуострова Крыма, Денисовъ снова появился на театрѣ военныхъ дѣйствій и за отличіе по службѣ въ 1784 г. произведенъ былъ въ бригадиры, а въ 1787 г. въ ге-

неральъ-маіоры. Во время Шведской войны Денисовъ неоднократно проявлялъ присущую ему отвагу и распорядительность; однажды въ стычкѣ со шведами, раненый пулею въ руку онъ не оставилъ поля сраженія и тутъ же приказалъ врачу вынуть пулю и послѣ операціи тотчасъ же сѣлъ на лошадь и сталъ распоряжаться разстановкой орудій на возведенныхъ, по его приказанію, батареяхъ. Въ теченіе всей кампаніи онъ получилъ 18 огнестрѣльныхъ ранъ. Наградой Денисову были ордена св Владиміра 2-й ст. и св. Георгія 3-й ст. въ въ 1789 г., св. Анны въ 1790 г. и Бѣлаго Орла въ 1793 г. Въ 1794 г. онъ опять появился грознымъ бичомъ поляковъ, поражая войска Костюшко. Прибывъ къ дѣйствующему корпусу, стоявшему недалеко отъ Кракова, Денисовъ, узналъ, что въ 10 верстахъ отъ него сосредоточены главныя силы Костюшки. Желая сразу уничтожить его, онъ раздѣлилъ свой отрядъ, состоявшій изъ 3.500 чел., на двѣ части; одну повелъ въ обходъ слѣва, а другую ввѣрилъ генералу Тормасову. Послѣдній не дождался условленнаго сигнала, преждевременно атаковалъ поляковъ и былъ разбитъ. Однако Денисовъ не смутился этимъ; не давъ опомниться полякамъ, онъ напалъ на нихъ и вознаградилъ потери своего корпуса блестящей побѣдой. Дѣйствія Денисова въ Польшѣ награждены были орденами св. Георгія 2-й ст. и св. Александра Невскаго; кромѣ того, въ 1795 г. онъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Императоръ Павелъ въ 1798 г. назначилъ Денисова командиромъ лейбъ-казачьяго полка, а въ слѣдующемъ году инспекторомъ кавказской дивизіи и астраханскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1798 г. Денисовъ произведенъ былъ въ генералы-отъ-кавалеріи, въ 1799 г. пожалованъ графомъ Россійской имперіи, но вслѣдъ затѣмъ за болѣзнію уволенъ отъ службы. 6 ноября 1800 г. Денисовъ вновь вступилъ на службу, но 4 января 1801 г. вторично долженъ былъ оставить ее. Остатки своей жизни графъ Денисовъ провелъ на Дону въ Пятиизбянской станицѣ, гдѣ и умеръ. Денисовъ не оставилъ послѣ себя мужского потомства. Единственная дочь его вышла замужъ за атамана Донского войска Василія Петровича Орлова, и сыну ея отъ этого брака, Василію Васильевичу Орлову, впослѣдствіи генералъ-адъютанту, Высочайше разрѣшено было носить титулъ графа Орлова-Денисова съ передачею его нисходящему потомству.

Формулярный о службѣ списокъ въ Моск. Отд. Общаго Архива Гл. Штаба, оп. 194, св. 172 и генеральскіе списки.—Справочный Энц. Словарь. Спб., 1855.—Исторія лейбъ-казачьяго полка. — „Русская Стар.“ 1875 г. т. X и XI (записки Донского атамана А. К. Денисона).

М.

Денферъ, *Августъ Ульяновичъ*, первоприсутствующій сенаторъ 4 департамента, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. въ 1785 г., ум. въ 1859. По окончаніи курса въ кадетскомъ корпусѣ Денферъ въ 1803 г. поступилъ на службу прапорщикомъ въ Днѣпровскій пѣхотный полкъ, былъ въ сраженіяхъ подъ Ландсбергомъ и Прейсишъ-Эйлау, гдѣ раненъ въ правую ногу пулею на вылетъ (1806—1807 гг.) и за храбрость получилъ знакъ отличія на Георгіевской лентѣ, затѣмъ былъ въ походѣ въ Галиціи, Молдавіи и Валахіи за Дунаемъ, въ сраженіи и штурмѣ Базарджика, при взятіи въ плѣнъ сераскира со всѣми его пашами, при штурмѣ Варны и Шумлы (1810 г.) и за Базарджикъ награжденъ золотымъ знакомъ отличія на Георгіевской лентѣ (1812 г.). Въ 1813 г. Денферъ переведенъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ и за отличіе въ сраженіи при Лейпцигѣ, гдѣ раненъ пулею на вылетъ въ лѣвую ногу, произведенъ въ капитаны, въ 1815 году участвовалъ въ походѣ во Францію, въ 1816 году назначенъ старшимъ адъютантомъ при 4 пѣхотномъ корпусѣ, въ 1817 году произведенъ въ маіоры и назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ 5 пѣхотномъ корпусѣ, въ 1818 году произведенъ въ подполковники въ 1822 году въ полковники, а въ 1826 г, уволенъ отъ военной службы съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ томъ же 1826 г. онъ назначенъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ и за ревностное и патріотическое попеченіе о благосостояніи училищъ по ввѣренной ему губерніи въ 1828 г. избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета. Въ 1831 г. Денферъ за энергичное принятіе мѣръ къ сохраненію жителями ввѣренной ему губерніи спокойствія во время безпорядковъ, возникшихъ среди военныхъ поселянъ, удостоился Высочайшей благодарности, изъявленной рескриптомъ, въ 1834 г. назначенъ сенаторомъ, въ 1837 г. былъ командированъ

для изслѣдованія злоупотребленій по Саратовской губерніи и за успѣшное выполненіе ревизіи этой губерніи награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2 ст. (1839 г.), затѣмъ въ 1852 г. онъ пожалованъ былъ орденомъ Св. Александра Невскаго, а въ 1856 г. награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и въ 1858 г. назначенъ первоприсутствующимъ сенаторомъ 4 департамента.

Формуляръ д. т. с. Денфера по архиву Сената за № 1743. *А. Г.*

Денъ, *Андрей Ефимовичъ*, генералъ-лейтенантъ, командиръ 3-го армейскаго корпуса, изъ дворянъ Эстляндской губерніи род. въ 1816 г., ум. въ 1878 г. Воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и по окончаніи въ ней курса выпущенъ въ 1835 г. лейбъ-гвардіи въ Гренадерскій полкъ прапорщикомъ; въ чинѣ подпоручика въ 1837 году онъ былъ командированъ на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами, а также былъ въ экспедиціи за Кубань въ 1838 году. Вернувшись съ Кавказа въ 1841 году въ чинѣ поручика, онъ былъ командированъ въ школу подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ гдѣ и занялъ должность сначала ротнаго офицера, а потомъ и командира роты. Четырнадцать лѣтъ пробылъ Денъ въ школѣ и въ 1855 году уже въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ Карабинернаго (нынѣ 4-го гренадерскаго Несвижскаго) полка, а въ 1859 получилъ въ командованіе Кексгольмскій гренадерскій Императора Австрійскаго полкъ. Въ 1860 г. Денъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ томъ же году назначенъ командиромъ лейбъ-гв. Семеновскаго полка съ которымъ онъ участвовалъ въ усмиреніи мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ, вспыхнувшаго въ 1863 году. Въ 1864 году онъ былъ назначенъ командиромъ 24-й пѣхотною дивизіей и оставленъ въ спискахъ л.-гв. Семеновскаго полка, въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году назначенъ начальникомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1871 году Денъ былъ удостоенъ званія генералъ-адъютанта Его Величества, а въ 1877 году назначенъ командиромъ 3-го армейскаго корпуса. Не однократно Денъ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ военнымъ дѣломъ, которое любилъ, и въ 1863 г. состоялъ членомъ въ комитетѣ по устройству и образованію войскъ.

„Русскій Инвалидъ“ 1878 г. № 92. Формулярный списокъ хран. въ общ. архивѣ Главнаго Штаба. *Б. Т.*

Денъ, *Владиміръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, авторъ записокъ, скончался 29 января 1888 г. въ своемъ маіоратномъ имѣніи въ Царствѣ Польскомъ въ гор. Козеницы. Сынъ извѣстнаго инженернаго генерала, Денъ родился въ родовомъ имѣніи матери (Екатерины Владиміровны Волкъ-Ланевской) въ сел. Костини Могилевской губерніи гдѣ подъ руководствомъ французовъ гувернеровъ получилъ домашнее воспитаніе и въ то же время числился пажемъ; 13 февраля 1840 г. поступилъ юнкеромъ лейбъ-гв. въ Саперный баталіонъ. 28 января 1840 г. выдержаніи офицерскаго экзамена онъ былъ произведенъ въ офицеры. Въ 1848 г., по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ командированъ за границу для сопровожденія своего больного отца. Въ 1849 г., съ открытіемъ Венгерской кампаніи, Денъ находился въ качествѣ баталіоннаго адъютанта въ составѣ войскъ гвардіи, расположенныхъ въ Виленской губерніи, и былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны въ концѣ января, а также не разъ удостаивался Высочайшаго вниманія за усердную службу. Въ 1850 году Денъ былъ произведенъ въ капитаны и въ видѣ особаго исключенія за нимъ было, по Высочайшему повелѣнію, утверждено право на маіоратъ въ Царствѣ Польскомъ не смотря на то, что онъ оставался протестантомъ,

Съ 1850—1853 гг. Денъ въ теченіе лѣта ежедневно являлся съ рапортомъ къ Николаю I отъ баталіона, шефомъ котораго былъ Государь, и снискалъ особенное расположеніе Императора, который приблизилъ къ себѣ Дена: 6 декабря 1853 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству. Отчисленный изъ л.-гв. Сапернаго баталіона въ свиту, Денъ немедленно былъ командированъ въ Бѣлую церковь для осмотра и отправленія въ Севастополь 6-го Сапернаго баталіона, а въ 1854 г. по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ дѣйствующую армію, гдѣ 10-го апрѣля участвовалъ въ сраженіи при бомбардировкѣ Одессы и при сожженіи англійскаго парохода «Тигра».

23 мая 1854 г. Денъ возвратился въ С.-Петербургъ и лично докладывалъ Государю о состояніи арміи и положеніи дѣлъ въ Крыму, а въ половинѣ августа онъ снова былъ посланъ Государемъ въ главную квартиру. 23 сентября Денъ былъ уже въ лагерѣ Меншикова, а 24 осматривалъ съ Корниловымъ бастіоны Севастополя и принимая затѣмъ дѣятельное участіе въ печальномъ для насъ Инкерманскомъ сраженіи. 5-го декабря 1854 г. Денъ отправился въ Петербургъ курьеромъ къ Государю и 13-го декабря прибылъ въ Гатчинскій дворецъ. Въ половинѣ февраля 1855 г. Денъ былъ награжденъ золотою полусаблею съ надписью «за храбрость» за мужество во время защиты Севастополя и послѣ смерти Императора Николая I, въ первый день восшествія на престолъ Императора Александра II, онъ дежурилъ во дворцѣ. Государь милостиво обошелся съ Деномъ и тутъ же 18-го февраля 1855 г. поздравилъ его полковникомъ. Оплакивая усопшаго Монарха, Денъ взялъ на память саперную фуражку Николая Павловича, въ которой онъ ѣздилъ въ л.-гв. Саперный баталіонъ, и до самой своей смерти хранилъ ее какъ святыню. Въ 1855 г. 6 ноября Денъ былъ назначенъ командиромъ 13 го Смоленскаго полка и въ 1860 году произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, наблюдалъ за правильностью призыва отпускныхъ сначала въ С.-Петербургской, а затѣмъ въ Курской губерніяхъ и наконецъ приказомъ 19-го января 1861 г. былъ назначенъ Курскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью. Въ то время въ Курской губерніи онъ засталъ полную анархію и не мало ему стоило труда водворить тамъ порядокъ и законы. Между тѣмъ, въ день прибытія его въ Курскъ въ церкви только что былъ прочтенъ манифестъ 19 февраля 1861 года, и вся тяжесть новой реформы выпала на долю Дена, который однако прекрасно справился съ введеніемъ новаго положенія. 10 октября того же года онъ былъ уволенъ отъ должности и командированъ въ Симбирскъ для производства слѣдствія о пожарахъ съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Въ 1868 г. Денъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1869 году назначенъ сенаторомъ но въ 1873 году по прошенію уволенъ отъ службы и отправился въ свой маіоратъ въ гор. Козеницы, гдѣ и занялся литературнымъ трудомъ, составляя свои записки о пережитомъ болѣе чѣмъ за полвѣка. Эти записки имѣющія историческаго значеніе напечатаны по смерти автора ихъ въ «Русской Старинѣ» 1890 года. Они тѣмъ болѣе интересны, что дышутъ правдою и написаны простымъ, но прекраснымъ языкомъ.

«Русскій Инвалидъ 1888 г. № 22», «Русская Старина 1890 г.» LXV 59—90; 151 574, LXVI (портретъ Дена) 299—324; 577—608, LXVII 61—194; уп. «Записки генералъ-адъютанта В. И. Дена» о немъ LXV 242—49 ; 541—545; 744—754: LXVI 184 LXVII 439—442, LXVIII 481—484; 1894 г. LXXIII 180—182; 183—185.

Б. Т.

Денъ, *Иванъ Ивановичъ*, инженеръ-генералъ, членъ государственнаго совѣта, изъ дворянъ Финляндской губ. (нынѣ—Выборгской), сынъ Ивана Самойловича Дена, служившаго въ 1770-хъ годахъ въ гвардейской артиллеріи поручикомъ. У послѣдняго было десять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ И. И. былъ старшимъ и родился въ 1786 г., когда его отецъ уже оставилъ службу и жилъ въ Финляндіи, въ своемъ имѣніи с. Сипполо, въ 25 верстахъ отъ Фридрихсгама. Однако это имѣніе, хотя и значительное пространствомъ, давало такъ мало дохода, что многочисленная семья Дена съ трудомъ могла прожить прилично. Тѣмъ не менѣе И. И. получилъ тщательное домашнее воспитаніе подъ руководствомъ умнаго и ученаго нѣмца, нѣкоего г. Тиме. Въ 1804 г. Денъ вступилъ въ военную службу колонновожатымъ въ свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части и до конца мая 1805 г. находился при съемкѣ и составленіи топографической карты русской Финляндіи. Въ ноябрѣ того же года онъ былъ назначенъ въ армію генерала Беннигсена и участвовалъ въ заграничномъ походѣ до Бреславля. По возвращеніи изъ похода, 17 марта 1806 г., 20 лѣтъ отъ роду, И. И. былъ произведенъ въ подпоручики въ 1-й піонерный полкъ и затѣмъ, въ качествѣ инженернаго офицера, участвовалъ въ кампаніи противъ шведовъ (1808—1809 г. г.). Состоя при инженеръ-генералѣ гр. Сухтеленѣ, онъ принималъ участіе въ осадѣ кр. Свеаборга и за храбрость при возведеніи осадныхъ батарей получилъ орденъ св. Анны 4 степ. По окончаніи войны,

онъ былъ переведенъ въ инженерный корпусъ поручикомъ и зачисленъ въ Роченсальмскую инженерную команду, а въ 1810 г. назначенъ адъютантомъ по строительной части къ командиру Старо-Финляндскаго инженернаго округа инженеръ-ген.-маіору Штрейтерфельду и до февраля 1813 г. находился въ Кюмени для производства работъ по строившейся тамъ крѣпости.

Въ декабрѣ 1812 г. состоялся Высочайшій указъ о сформированіи л.-гв. Саперная батальона, для укомплектованія котораго повелѣно было выбрать «лучшихъ людей и отличнѣйшихъ офицеровъ». Въ числѣ послѣднихъ, какъ извѣстный начальству своими способностями и познаніями въ инженерныхъ наукахъ, былъ и И. И. Денъ, который 17 февраля 1813 г. переведенъ въ л.-гв. Саперный батальонъ штабсъ-капитаномъ. Въ 1817 г. шефомъ этого батальона былъ назначенъ. Великій КнязьНиколай Павловичъ, который всегда интересовался инженернымъ и сапернымъ дѣломъ, хорошо зналъ его, и съ этого времени имѣлъ случай ближе узнать служебныя качества Дена. Въ 1817 г., уже въ чинѣ полковника, И. И. завѣдывалъ въ батальонѣ «верховыми» (т. е. наземными) работами, которыя удостоились осмотра императора Александра I, оставшагося совершенно довольнымъ успѣхами батальона въ этомъ дѣлѣ.

Въ январѣ 1819 г. Денъ былъ назначенъ командиромъ 1-го піонернаго баталіона, квартировавшаго въ то время въ г. Рогачевѣ (Могилевск. губ.); здѣсь онъ познакомился съ семействомъ отставного кавалерійскаго маіора, богатаго помѣщика Волкъ-Ланевскаго и женился на его дочери, Екатеринѣ Владиміровнѣ. Въ 1826 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й сводной піонерной бригады, въ 1829 г. —командиромъ 1-й саперной бригады, а черезъ годъ — начальникомъ штаба 1-й пѣхотн. корпуса. Впрочемъ, эту должность онъ занималъ только полгода: возстаніемъ поляковъ 17 ноября 1830 г. началась польско-русская война и къ началу военныхъ дѣйствій генер. Денъ былъ назначенъ и. д. начальнйка инженеровъ дѣйствующей арміи, съ главною квартирою которой въ январѣ 1831 г. вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго. 7 февраля онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ при корчмѣ Ваврѣ, на слѣдующій день былъ назначенъ и. д. начальника штаба 1 корпуса и въ этой должности участвовалъ въ сраженіи при Прагѣ, за храбрость въ которомъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 степ. 17 марта онъ снова принимаетъ должность начальника инженеровъ, вскорѣ отправляется въ Брестъ-Литовскъ для укрѣпленія его, и за исполненіе этого серьезнаго порученія получаетъ «совершенную благодарность» Государя Императора. Во время этой кампаніи онъ находился также при укрѣпленіи г. Мендзиржицъ, при устройствѣ переправы чрезъ р. Вислу при Осьекѣ и при укрѣпленіи Ловича. За участіе въ штурмѣ Варшавы онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степ.

Въ знаменательный для инженеровъ періодъ царствованія Императора Николая I, когда принимались серьезныя мѣры къ оборонѣ государства и на западѣ Россіи одна за другою стали возникать крѣпостныя твердыни, въ 1831 г. ген. Денъ былъ назначенъ строителемъ крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ. Онъ съ особенною энергіею исполнялъ распоряженія Государя, не стѣсняясь расходами и своевременными отчетами (въ видѣ исключенія, ему было разрѣшено представлять свои отчеты не въ концѣ каждаго года, а за каждый предыдущій годъ въ исходѣ послѣдующаго). Довѣріе Государя къ техническимъ познаніямъ и честности Дена лучше всего характеризуются общеизвѣстнымъ фактомъ: когда прусскій король, посѣтившій Императора Николая I, удивляясь громадности военныхъ сооруженій, спросилъ Государя, что̀ можетъ стоить государству такая масса крѣпостей, Николай Павловичъ отвѣчалъ: «это знаетъ Богъ да Иванъ Ивановичъ» (Денъ). Подъ его руководствомъ и ближайшимъ надзоромъ, въ разныхъ стратегическихъ пунктахъ государства возникли крѣп. Ново-Георгіевскъ, Александровская цитадель, Ивангородъ и Брестъ-Литовскъ. Это былъ блестящій періодъ службы Дена, котораго государь награждалъ часто и истинно по-царски. Останавливаясь лишь на главнѣйшихъ наградахъ, упомянемъ, что въ 1832 г. онъ получилъ аренду въ 1800 р. въ 1833 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а «за отличный успѣхъ»,

найденный Государемъ Императоромъ при постройкѣ Александровской цитадели и Брестъ-Литовскихъ укрѣпленій, Всемилостивѣйше пожаловано ему въ награду 50 тыс. р. ас., въ 1834 г., за блистательный успѣхъ при возведеніи крѣпостныхъ работъ въ Александровской цитадели и Ново-Георгіевскѣ какъ по обширности работъ, совершенныхъ въ столь короткое время, такъ и по отличной чистотѣ отдѣлки и видимой прочности самихъ построекъ» удостоенъ Высочайшаго благоволенія, въ 1835 г. «за благоразумную попечительность и неусыпную дѣятельность» по возведенію тѣхъ-же крѣпостей—та-же милость. Въ этомъ-же году онъ отправился для леченія въ Маріенбадъ, на что получилъ отъ Государя 500 червонцевъ, и, кромѣ того, ему было пожаловано въ потомственное владѣніе им. Козеницы въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1838 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго; въ 1840 г. получилъ Высочайшее благоволеніе за постройку крѣпостей съ неимовѣрно быстрымъ успѣхомъ. Весьма любопытна еще одна награда Дену въ томъ-же 1840 г.: «за блестящее состояніе работъ въ Ново-Георгіевскѣ Высочайше повелѣно выдать 50 тыс. р. асс. на приданое старшей дочери.» Въ слѣдующемъ году онъ снова ѣздилъ лечиться за границу, а по окончаніи курса леченія на богемскихъ минеральныхъ водахъ имѣлъ порученіе осмотрѣть крѣпости въ Австріи, Баваріи и по теченію Рейна. Въ 1843 г. ген. Денъ былъ произведенъ въ инженеръ-генералы, и на него была возложена постройка Варшавско-Вѣнской жел. дороги и управленіе этою дорогою.

Въ 1846 г. И. И. овдовѣлъ, а черезъ годъ съ нимъ случилось новое несчастье: при осмотрѣ работъ въ Ново-Георгіевской крѣпости на него наѣхали испугавшіяся лошади и сшибли его съ ногъ. При этомъ онъ настолько сильно ушибъ ногу, что долго потомъ ходилъ съ помощью костылей и всю жизнь не могъ бросить палки. Государь навѣстилъ его во время болѣзни и приказалъ ему весною слѣдующаго года непремѣнно поѣхать за-границу. По совѣту врачей, Денъ отправился на купанье въ Гастейнъ; однако это леченье не принесло ему полнаго выздоровленія, и онъ вынужденъ былъ просить намѣстника Царства Польскаго кн. Паскевича объ увольненіи его отъ завѣдыванія Варшавско-Вѣнскою дорогою, такъ какъ болѣзненные припадки часто безпокоили его. Фельдмаршалъ согласился на увольненіе Дена отъ этой должности, при чемъ свидѣтельствовалъ предъ Государемъ, что весь успѣхъ къ тому времени уже оконченной постройки есть результатъ многолѣтней опытности и неусыпныхъ трудовъ ген. Дена. Въ этомъ году онъ получилъ, при Высочайшемъ рескриптѣ, табакерку съ портретомъ Государя, украшеннымъ брилліантами.

Въ 1849 г., во время Венгерской кампаніи, И. И. Денъ, какъ больной послѣ ушиба ноги, не могъ принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и оставался въ Варшавѣ, исправляя должность Намѣстника. Когда Паскевичъ вступилъ въ исполненіе прежнихъ обязанностей, Государь «въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія за новый опытъ пламеннаго усердія и примѣрной дѣятельности, оказанныхъ при исполненіи временно-возложенныхъ на него обязанностей по управленію Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ», пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 1 степ.

Въ томъ-же году скончался Великій Князь Михаилъ Павловичъ, послѣ котораго ген. Денъ былъ назначенъ инспекторомъ инженерной части. Назначеніе это было особенною милостью Императора къ Дену. Постъ этотъ требовалъ, кромѣ техническаго образованія, извѣстной доли административной опытности, знанія людей, наконецъ, особенной осторожности въ денежныхъ расходахъ. Человѣку, не привыкшему стѣсняться при сооруженіи крѣпостей никакими суммами, не легко было подчиняться мелкому контролю. Вообще, все, что легко исполнялось при Великомъ Князѣ, и къ тому еще любимомъ братѣ Императора, при генералъ-инспекторѣ по инженерной части Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, представляло большія затрудненія для Дена, какъ инспектора. На первыхъ порахъ онъ хотѣлъ отстранить нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ обязанностью представлять ему общіе доклады по инженерному управленію. Прежнія-ли его дурныя отношенія къ этимъ лицамъ были тому причиною, недовѣрчивость-ли его къ безпристрастію этихъ отдѣльныхъ докладчиковъ, но ген. Денъ приказалъ, чтобы всѣ начальники отдѣленій департамента и отдѣльные начальники строевыхъ частей

имѣли-бы къ нему личный докладъ. Къ этому періоду дѣятельности ген. Дена относятся слѣдующія его распоряженія: 1) предписаніе о сокращеніи дѣлопроизводства, счетоводства и отчетности въ инженерныхъ командахъ; 2) выработка «нормальныхъ чертежей» главнымъ воинскимъ зданіямъ; 3) предположеніе, въ виду сокращенія расходовъ, упразднить управленія инженерныхъ округовъ; 4) новыя правила по строительной, хозяйственной и счетной частямъ инженернаго вѣдомства; 5) постройка машины (по образцу изобрѣтенной французскимъ инженеромъ Оже) для опредѣленія толстоты крѣпостныхъ эскарпныхъ стѣнъ сообразно съ разными условіями,—и др.

Бросая взглядъ на всю широкую дѣятельность генер. Дена, слѣдуетъ упомянуть, что Императоръ Николай Павловичъ въ лицѣ его имѣлъ одного изъ наиболѣе цѣнимыхъ имъ государственныхъ дѣятелей въ сферѣ инженернаго дѣла, которое всегда такъ близко къ сердцу принималъ покойный Государь и которое стояло на такой образцовой высотѣ въ его царствованіе. Довольно сказать, что помимо всѣхъ орденовъ до св. Владиміра 1 степ. включительно, нѣсколькихъ крупныхъ денежныхъ наградъ и другихъ милостей, ген. Денъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта (1850 г.) и за свою долгую и честную службу удостоился получить выраженіе Именного Высочайшаго къ нему благоволенія около 70 разъ.

Во время Восточной войны (1853—1856 г.г.), предъ отправленіемъ Тотлебена въ Дунайскую армію, угадывая въ немъ выдающагося инженера, Денъ далъ о немъ самый лестный отзывъ и исходатайствовалъ производство Тотлебена въ подполковники «въ томъ вниманіи» (по словамъ Дена), «что онъ могъ-бы при дѣйствующихъ войскахъ быть употребленъ въ качествѣ штабъ-офицера съ особенною пользою, по отличнымъ познаніямъ и способностямъ своимъ.» Денъ не ошибся. Вообще, по отзывамъ современниковъ, онъ имѣлъ великій даръ выбирать дѣльныхъ людей и назначать ихъ именно туда, гдѣ они могли приносить наибольшую пользу своими познаніями. Какъ недюжинный военный инженеръ, еще за нѣсколько лѣтъ до осады Севастополя, онъ оцѣнилъ важное значеніе этого пункта и убѣждалъ Императора Николая Павловича укрѣпить его съ сухопутной стороны, выдвинувъ значительно впередъ линію огня, какъ это впослѣдствіи пришлось сдѣлать Тотлебену. Къ сожалѣнію, Государь не допускалъ возможности высадки здѣсь непріятеля. Обстоятельства показали потомъ эту роковую ошибку...

Когда англо-французскій флотъ вошелъ въ Балтійское море, Денъ былъ назначенъ и. д. кронштадтскаго военнаго губернатора, съ правами командира отдѣльнаго корпуса въ военное время. Постъ этотъ онъ сохранялъ, пока Петербургу и Кронштадту угрожала опасность, и 30 авг. 1855 г., въ знакъ особаго Высочайшаго благоволенія, былъ награжденъ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества на эполеты.

Послѣ кончины Николая Павловича въ нашемъ государственномъ устройствѣ произошли важныя перемѣны, которыя коснулись и инженернаго вѣдомства. Правда, на стражѣ инженернаго дѣла оставался все тотъ-же старикъ Денъ, человѣкъ просвѣщенный, умный и замѣчательный техникъ, любимецъ покойнаго Императора, говорившій ему свои мнѣнія о всѣхъ постройкахъ,—но, строго говоря, его личное положеніе сильно измѣнилось: онъ не могъ помириться съ мыслью, что ему приходилось дѣлать доклады уже не лично Государю, а лицамъ, нерѣдко мало знакомымъ съ инженерною техникою и къ тому-же еще, можетъ быть, предубѣжденнымъ противъ него. Ген. Денъ избѣгалъ личныхъ докладовъ военному министру ген. Сухозанету, изъ разговоровъ котораго и возраженій по технической части могъ убѣдиться, что дальнѣйшія его разсужденія съ министромъ не принесутъ пользы. И. И. предпочиталъ всѣ требуемыя свѣдѣнія посылать военному министру на бумагѣ; отчего увеличивалась переписка и замедлялась работа, хотя одною изъ его заботъ было, какъ мы видѣли, сокращеніе дѣлопроизводства и отчетности въ инженерныхъ командахъ. Въ 1856 г., съ назначеніемъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго генералъ-инспекторомъ по инженерной части, Денъ былъ назначенъ къ Е. И. Высочеству товарищемъ, съ оставленіемъ при Особѣ Государя и членомъ государ-

ственнаго совѣта. Въ этомъ-же году 17 марта И. И. праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей службы, въ ознаменованіе чего Высочайше повелѣно было назначить его шефомъ 4-й роты л.-гв. Сапернаго баталіона, «которую и именовать ротою инженеръ генерала Дена». Кромѣ того, Государь подарилъ ему картину съ портретами нѣкоторыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ этого батальона и продлилъ еще на нѣсколько лѣтъ назначенную ему аренду. Чины инженернаго корпуса, съ своей стороны, желая выразить своему главному начальнику любовь и уваженіе, съ Высочайшаго соизволенія, составили по подпискѣ капиталъ (4. 132 руб.) для содержанія въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ одного пенсіонера изъ дѣтей лицъ, служащихъ или служившихъ въ инженерномъ корпусѣ.

Еще въ 1854 г. Ивана Ивановича постигъ легкій нервный ударъ, послѣ котораго онъ сталъ не такъ свободно владѣть языкомъ; затѣмъ разстроенное здоровье и преклонный возрастъ заставили его отказаться отъ служебной дѣятельности. Въ маѣ 1858 г. онъ былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, а въ слѣдующемъ году скончался.

Архивъ Главнаго Инженернаго Управленія Формулярный списокъ инженеръ-генерала И. И. Дена. — А. И. Савельевъ. Историческій очеркъ Инженернаго Управленія въ Россіи. Ч III и IV. СПБ. 1894 и 1899 г. —Лееръ. Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Т. III.—Русская Старина 1890 г., январь—іюль. Записки сенатора Вл. Ив. Дена.—Случевскій и Волькенштейнъ. Исторія Л.-Гв. Сапернаго Батальона 1812—1876. СПБ. 1879 г.—Н. Шильдеръ. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность. СПБ. 1885 г.— Историческій Вѣстникъ 1898 г., май—декабрь. Воспоминанія Конст. Карл. Жерве. *В. Жерве.*

Деньковскій, *Григорій Даниловичъ*, докторъ медицины родился въ 1830 году; происходилъ изъ дворянскаго сословія; медицинское образованіе получилъ въ кіевскомъ университетѣ, который окончилъ со званіемъ лекаря въ 1852 г.; въ томъ же году опредѣлился на службу въ Екатеринославскій нѣхотный полкъ и былъ прикомандированъ прозекторомъ къ Кіевскому военному госпиталю; въ 1853 г. перешелъ въ полкъ; въ 1854 г. въ бухарестскій военно-временный № 17 госпиталь; въ 1856 г. назначенъ опять въ кіевскій военный госпиталь; 1857 г. получилъ въ университетѣ св. Владиміра степень доктора медицины; въ 1858 г. занималъ должность инспектора фельдшерской школы при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ; въ 1861 г. Д. былъ командированъ на казенный счетъ за-границу на 2 года для усовершенствованія въ наукахъ; черезъ нѣкоторое время по возвращеніи изъ-за границы, а именно въ 1864 г., опредѣлился помощникомъ главнаго доктора варшавскаго Александровскаго госпиталя; въ 1865 г. перешелъ главнымъ докторомъ симферонольскаго военнаго госпиталя. Скончался Д. въ Симферополѣ въ 1872 г. въ чинѣ статскаго совѣтника. Печатные труды Д. слѣдующіе: 1) Adiposis hepatis, Diss. D. M. Kioviae 1857 г. 8°; 2) Фирхова, Фогеля: Руководство къ частной патологіи и терапіи, переводъ съ нѣмецкаго Кіевъ. 1858 г. 8°; 3) Фирхова и др.: Частная патологія и терапія; перев. Деньковскій и Изм. Чемыхинъ. Кіевъ 1860 г., 8°; 4) Отчетъ о занятіяхъ за-границей. Военно-медицинскій журн. 1862 г., ч. 85, I; 5) Необходимость медицинскихъ обществъ въ Россіи. «Современная медицина» 1860 года, 6) Разборъ справочной книги для врачей, составленной А. Ильинскимъ. 1859 г. «Современная медицина» 1860 г., 175; 7) Фармакологическій этюдъ. Нашатырь. «Современнаямедицина», 1860 г. ч. 25. Кромѣ того, въ 1860—1861 г. Д. былъ соредакторомъ «Современной медицины».

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели. *Т.*

Деппъ, *Александръ Филипповичъ*, инженеръ-генералъ-лейтенантъ, сынъ извѣстнаго въ свое время дѣтскаго врача, дворянинъ Петербургской губерніи. родился 23 іюня 1835 года, умеръ 3 марта 1889 года. Вступивъ въ 1850 году кондукторомъ въ Николаевское инженерное училище, 17 іюня 1854 г. онъ былъ изъ портупей-юнкеровъ произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики и оставленъ при училищѣ для продолженія курса въ офицерскихъ классахъ, переименованныхъ затѣмъ въ инженерную академію. По окончаніи ея, съ производствомъ за отличные успѣхи въ поручики, А. Ф. въ 1856 г. былъ зачисленъ въ Петербургскую инженерную команду и командированъ на съемку Керчь-Еникольскаго пролива. Въ слѣдующемъ году поручикъ Деппъ удостоился получить именное Высочайшее благоволеніе и, переведенный затѣмъ въ херсонскую инженерную команду, въ маѣ 1859 г. командированъ

въ зап. Европу и Соединенные Штаты Сѣв. Америки для ознакомленія съ механизмами и приспособленіями къ производству значительныхъ строительныхъ работъ. Возвратясь изъ этой командировки, въ которой пробылъ около года, Деппъ за отличіе былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и капитаны. Въ 1864 г. онъ переведенъ въ л.-гв. Саперный батальонъ, въ которомъ командовалъ ротою Его Величества, затѣмъ произведенъ въ полковники, въ 1867 г. назначенъ командиромъ 5-го сапернаго баталіона, а въ 1872 г.—помощникомъ начальника инженеровъ Кіевскаго военнаго округа. Въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ въ г. Дубно (Болынск. губ.) для производства дополнительной съемки и подготовительныхъ работъ по возведенію вновь проектировавшейся тогда близь этого города крѣпости. Успѣшно выполнивъ это отвѣтственное порученіе, Деппъ былъ назначенъ состоять для особыхъ порученій при главномъ инженерномъ управленіи и награжденъ подаркомъ по чину. Въ февралѣ 1875 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника инженеровъ Варшавскаго военнаго округа и въ іюнѣ того-же года начальникомъ инженеровъ этого округа съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

Вся служба Александра Филипповича прошла на глазахъ генерала Тотлебена, который сумѣлъ по достоинству оцѣнить способности Деппа еще въ его молодости, близко узнать его, какъ военнаго инженера и какъ строевого сапера, и потому, когда надо было передъ Русско-Турецкою войною 1877—78 г.г. сдѣлать назначеніе на весьма отвѣтственный постъ начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, Тотлебенъ указалъ на Деппа.—Молодой годами (41 года) и чиномъ (всего лишь около года генераломъ), безъ боевого прошлаго и безъ связей, Деппъ явился чужимъ человѣкомъ въ главную квартиру; завоевать себѣ авторитетъ и значеніе, въ силу всего этого, ему было нелегко: необходимо было сразу заявить себя искусною и рѣшительною дѣятельностію. Пришлось прежде всего организовать матеріальную часть и пополнить некомплектъ инженерныхъ офицеровъ, достигавшій въ началѣ кампаніи 50%. Затѣмъ Деппу предстояло разработать планъ переправы черезъ Дунай, отъ удачи которой такъ много зависѣли дальнѣйшіе успѣхи нашихъ войскъ. Планъ начальника инженеровъ состоялъ въ томъ, чтобы отвоевать Дунай участками и, укрѣпившись на флангахъ (осадныя батареи и минныя загражденія), уничтожить въ этихъ участкахъ вражескія суда и затѣмъ произвести дессантъ. Планъ этотъ былъ лично доложенъ Великому Князю Главнокомандующему, который его одобрилъ и утвердилъ (впослѣдствіи рѣшено было устроить минныя загражденія и въ центрѣ). Деппъ былъ противъ переправы войскъ на понтонахъ, которые берегъ какъ матеріалъ для моста, и рѣшилъ воспользоваться мѣстными перевозочными средствами, которыя однако оказались въ достаточномъ количествѣ лишь на Нижнемъ Дунаѣ. Поэтому онъ предложилъ построить деревянные понтоны въ верховьяхъ р. Ольты и оттуда спустить ихъ въ Средній Дунай къ намѣченному имъ пункту переправы – Систову. Дѣйствительно, понтоны оказались крайне необходимыми для наводки моста; являлось лишь затрудненіе спустить ихъ по Дунаю мимо кр. Никополя, въ это время еще принадлежавшей туркамъ. Сознавая всю важность этой личносерьезной операціи, которую предстояло исполнить по его мысли, Деппъ не только руководилъ приведеніемъ въ исполненіе своего плана, но рѣшилъ самъ подать первый примѣръ въ рискованномъ предпріятіи и въ ночь на 15 іюня благополучно провелъ партію въ 132 понтона, находясь на головномъ изъ нихъ. Въ послѣдующія ночи, подъ его-же личнымъ руководствомъ, производился дальнѣйшій сплавъ понтоновъ, плотовъ и принадлежностей для Дунайскаго моста мимо турецкихъ батарей Никополя. За этотъ подвигъ, впрочемъ, почти лишь три года спустя, ген. Деппъ, по удостоенію кавалерской думы, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степ. Одинъ изъ участниковъ этой операціи флигель-адъютантъ капит. 1 ранга Новосильскій въ своемъ донесеніи говоритъ: «Смѣлый, но глубоко обдуманный планъ, составленный начальникомъ инженеровъ генералъ-маіоромъ Деппомъ, по всей справедливости, долженъ быть причисленъ къ небывалымъ въ лѣтописяхъ исторіи и отважнѣйшимъ военнымъ операціямъ, которыя могутъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ только при безграничномъ самоотверженіи и беззавѣтной отвагѣ, по-преимуществу отличающихъ русскаго матроса и солдата»...

17 іюня 1877 г. Деппъ получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», украшенную брилліантами„ въ награду отличнаго мужества и распорядительности во время войны съ Турціею и за блестящее состояніе инженерной части въ дѣйствующей арміи.“ Тѣмъ не менѣе послѣ переправы черезъ Дунай, успѣхъ которой обезпечилъ дальнѣйшія дѣйствія нашихъ войскъ Деппъ является уже какъ-бы второстепеннымъ дѣятелемъ на театрѣ войны. Правда, онъ участвовалъ въ бояхъ подъ Плевной, рекогносцировкахъ и блокадѣ ея, во взятіи Телиша генераломъ Гурко и въ переходѣ черезъ Балканы, но значеніе его точно умаляется, милости минуютъ его.., Скромный и честный по натурѣ, далекій отъ интригъ, онъ держится въ сторонѣ, имѣя въ виду лишь общій успѣхъ дѣла, въ которомъ теперь для него не оказывается прежней значительной роли, въ особенности когда въ дѣйствующую армію пріѣхалъ Тотлебенъ, вызванный сюда Государемъ въ періодѣ нашихъ Плевненскихъ неудачъ. Переправы являлись теперь почти единственною заботою Деппа, но онѣ доставляли ему больше отвѣтственности и непріятностей, чѣмъ удовлетворяли жаждѣ боевой дѣятельности. Лишь въ январѣ 1878 г., у него явилось новое дѣло по возстановленію турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, которыя однако вскорѣ послѣ заключенія мира отошли изъ его вѣдѣнія.

Въ письмахъ Деппа изъ дѣйствующей арміи явно выражается его угнетенное настроеніе духа, какъ слѣдствіе неправильныхъ, не откровенныхъ къ нему отношеній нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ; его единственною нравственною поддержкою для него было сознаніе честно исполненнаго долга. За упраздненіемъ поста, отчисленный отъ должности начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, уставшій физически и нравственно, въ маѣ 1878 года онъ уѣхалъ по болѣзни за границу, но въ августѣ снова занялъ прежній постъ въ Варшавѣ. Правда, по окончаніи кампаніи онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 3 степ. съ мечами («въ награду отличной усердной службы и особыхъ трудовъ во время минувшей войны съ Турціей»), и со дня переправы черезъ Дунай (15 іюня 1877 г.) ему дали старшинство въ чинѣ генералъ-маіора «за боевое отличіе», — но самая переправа черезъ Дунай—безусловная заслуга Деппа — не была во время оцѣнена по достоинству и георгіевскій крестъ за нее, какъ мы замѣтили выше, явился лишь далекимъ отголоскомъ его разумной, отвѣтственной и успѣшной дѣятельности въ 1877—78 г.г.

Занимая вторично постъ начальника инженеровъ Варшавскаго военнаго округа, Деппъ въ 1880 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ за границу для осмотра крѣпостей въ сѣверо-западной Пруссіи, въ 1885 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степ. и въ 1886 г. чиномъ генералъ-лейтенанта. Черезъ два года онъ получилъ въ командованіе 27 пѣх. дивизію, что̀ дало поводъ тогдашнему командующему войсками Варшавскаго военнаго округа, генералу Гурко, начальнику Деппа и бывшему свидѣтелю его боевыхъ трудовъ, въ приказѣ по войскамъ округа, высоко оцѣнить его дѣятельность и выразить увѣренность, что въ предстоявшей ему новой сферѣ дѣятельности онъ сумѣетъ оказаться на высотѣ призванія. Но судьба рѣшила другое: принявъ дивизію въ январѣ 1889 г. Деппъ возвратился въ Варшаву, чтобы окончательно проститься съ бывшими своими сослуживцами и подчиненными, которые 3-го марта устроили ему прощальный обѣдъ. И вотъ въ самомъ началѣ этого обѣда, цвѣтущій силами и сравнительно молодой (53 лѣтъ), генералъ Деппъ скоропостижно скончался, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ близко его знавшихъ. Генералъ Гурко, воздавая послѣднюю воинскую почесть покойному, во главѣ войскъ сопровождалъ тѣло его при перевезеніи на вокзалъ желѣзной дороги. Александръ Филипповичъ Деппъ погребенъ въ имѣніи Муромицы, въ 12 верстахъ отъ станціи Молосковицы (Балт. ж. д.).

Полный послужной списокъ генералъ-лейтенанта А. Ф. Деппа.—Письма его съ театра военныхъ дѣйствій въ 1877—78 г.г.—Военно-ученый архивъ Гл. Штаба, дѣла за № 6097, № 37—ib, № 4907, № 1159—ib. № 6328.—Приказъ генер. Гурко по войскамъ Варшавскаго воен. округа 15 января 1889 г. № 2.—М. Мазюкевичъ. Воспоминанія о 1876—1878 г.г.—1900 г.—«Русск. Инвалидъ» 1889 г. № 55.—Инженерный Журналъ 1901 г. № 1—3. А. Р. Подъ Никополемъ. — Варшавскій Дневникъ 7 марта 1889 г.

В. Жерве.

Деппъ, *Филиппъ Филипповичъ,* док-

торъ медицины и хирургіи, писатель по медицинскимъ вопросамъ, родился въ 1793 г. въ Везенбергѣ въ Эстляндіи; учился сначала въ везенбергскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ, но просьбѣ родныхъ, которые не имѣли возможности продолжать его обученія, принятъ по повелѣнію Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ число пансіонеровъ въ училище при Императорскомъ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ; здѣсь отличился успѣхами, а въ 1811 году былъ принятъ по экзамену въ петербургскую медико-хирургическую академію. Кончивъ курсъ лекаремъ 1-го отдѣленія, онъ поступилъ въ 1814 году на службу ординаторомъ въ Маріинскую больницу для бѣдныхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по опредѣленіи на службу Деппъ, вслѣдствіе прошенія, поданнаго имъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, былъ откомандированъ въ главную квартиру фельдмаршала князя Барклай-де-Толли съ сохраненіемъ должности ординатора при больницѣ для бѣдныхъ. Возвратившись по окончаніи кампаніи въ званіи штабъ-лекаря, Деппъ вступилъ въ отправленіе прежней должности, а въ 1816 г. былъ опредѣленъ сначала младшимъ, затѣмъ въ 1823 году старшимъ врачемъ въ гатчинскій госпиталь. Въ 1829 г. онъ получилъ мѣсто главнаго доктора при Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ извѣстность перваго дѣтскаго врача въ Петербургѣ, но въ первые годы службы онъ занимался хирургіей и въ 1835 г. получилъ званіе медико-хирурга. Съ 1846 по 1852 г. Деппъ состоялъ предсѣдателемъ отдѣленія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества и своею опытностью много способствовалъ здѣсь рѣшенію споровъ о томъ, предохраняетъ ли прививаніе оспы отъ зараженія натуральною оспой и о томъ, необходимо-ли вторично прививать предохранительную оспу лицамъ, которымъ прививка была сдѣлана въ дѣтствѣ. За труды по Вольному Экономическому Обществу онъ два раза получилъ по большой золотой медали. За долговременную службу и ученые труды Медицинскій Совѣтъ удостоилъ Деппа въ 1839 г. званія доктора медицины и хирургіи. Въ послѣдніе годы жизни Деппъ страдалъ подагрою, которая и свела его въ могилу 13 августа 1855 г. Деппъ былъ членомъ многихъ литературно-ученыхъ обществъ: нѣмецкихъ врачей въ Петербургѣ, вольно-экономическаго общества, фармацевтическаго, литературно-художественнаго курляндскаго, литературнаго эстляндскаго, гамбургскаго медицинскаго обществъ и медико-филантропическаго комитета Императорскаго человѣколюбиваго общества. Оффиціальная карьера его была счастлива; онъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получилъ много наградъ; въ 1816 г. Высочайше пожалованъ подаркомъ въ 500 р. ассигнаціями и произведенъ въ штабъ-лекари. Въ 1842 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; въ 1845 г. пожалована ему золотая табакерка съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Величества; въ 1848 г. орденъ св. Станислава 1 степ.; въ 1854 г. объявлено ему за отлично-усердную службу Монаршее благоволеніе. Изъ его писательской дѣятельности надо отмѣтить: нѣсколько статей въ Vermischte Abhandlungen des deutschen ärtzlichen Vereins, Pet. B. V и VI и въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, а также медико-статистическую записку объ Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ въ теченіе 1830—1833 г. Петербургъ 1835 г. 8°; продолженіе этой записки на нѣмецкомъ языкѣ: Hotizen über das K. Erziehungshaus zu St. Pet. während der 1834 bis 1840. Pet. 1842. 8°.

Геннади. стр. 291. Сѣверная Пчела. 1855 г № 246. Necrolog des oberatztes etc. v. Doepp. von dr. E. Sengbusch. St. Pet. 1856. 8°. 10. S. (Medic. Zeitung. Russlands. № 9, 1856). Другъ Здравія 1856, № 16. *Т.*

Депрерадовичъ, *Николай Ивановичъ* (р. 1767†1843), генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ, происходилъ изъ дворянскаго рода Депрерадовичей или де-Прерадовичей, начало которому положилъ австрійской службы подполковникъ Райко (Родіонъ Степановичъ), выѣхавшій въ Россію въ 1752 г. и пожалованный чиномъ генералъ-маіора. Николай Ивановичъ родился въ 1767 году и, начавъ въ кавалеріи службу съ 11-лѣтняго возраста, съ отличіемъ участвовалъ въ послѣднихъ войнахъ Императрицы Екатерины II съ турками и поляками. Во вторую турецкую войну при Екатеринѣ онъ находился волонтеромъ при взятіи Аккермана и Бендеръ, а затѣмъ служилъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ въ Украинскомъ гу-

сарскомъ, Елисаветградскомъ легко-конномъ и Смоленскомъ драгунскомъ полкахъ и наконецъ; при Императорѣ Павлѣ, переведенъ, за отличіе полковникомъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Въ 1803 году Депрерадовичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ лестное назначеніе командиромъ лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка. Въ роковую для насъ кампанію 1805 года Николай Ивановичъ отличился въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ, выручая нашу гвардейскую пѣхоту, произвелъ со своимъ полкомъ блистательную атаку, стоившую кавалергардамъ 15 офицеровъ, 200 рядовыхъ и 300 лошадей, но зато давшей гвардіи время перебраться черезъ оврагъ и выйти изъ-подъ ударовъ французовъ. Полкъ, по выраженію Наполеона, «честно исполнилъ свой долгъ», а командиръ его былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 степени; затѣмъ онъ вмѣстѣ съ полкомъ сдѣлалъ кампанію 1807 года. Въ 1810 году Депрерадовичъ назначенъ былъ начальникомъ 1-й кирасирской дивизіи, сохранивъ въ то же время за собою командованіе Кавалергардскимъ полкомъ. Во главѣ дивизіи Николай Ивановичъ участвовалъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. При Кульмѣ 1 гвардейская кирасирская дивизія отличилась въ дѣйствіяхъ противъ конницы Корбино, а при Феръ-Шампенуазѣ прославилась блистательными атаками. Здѣсь Депрерадовичъ проявилъ особенную находчивость и распорядительность, способствовалъ окруженію отступавшихъ французовъ. За эти сраженія Николай Ивановичъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта и золотою шпагою съ алмазами и надписью: «За храбрость». Въ 1819 году. Депрерадовичъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, а въ 1821 — уволенъ отъ командованія Кавалергардскимъ полкомъ, съ оставленіемъ въ спискахъ его и назначеніемъ командиромъ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса (впослѣдствіи — гвардейскаго). Въ 1826 году Депрерадовичъ получилъ чинъ генерала-отъ-кавалеріи, а черезъ девять лѣтъ послѣ этого — былъ уволенъ отъ командованія корпусомъ и назначенъ членомъ Высочайше утвержденнаго въ 1814 году комитета о раненыхъ. Дѣламъ комитета Николай Ивановичъ посвятилъ всю остальную свою жизнь, пресѣкшуюся на 76 году отъ рожденія, въ 1843 году.

Исторія Кавалергардовъ и Кавалергардскаго Ея Величества полка съ 1724 по 1 іюля 1851 годъ». СПБ. 1851 Михайловскій-Данилевскій и Богдановичъ:—Исторія войнъ 1805—1814 гг. —*й.*

Депрерадовичъ, *Ѳеодоръ Михайловичъ*, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и затѣмъ служилъ въ гвардіи до 1860 г., когда занялъ мѣсто мирового посредника. Въ 1865 году снова поступилъ въ военную службу и вскорѣ былъ назначенъ адъютантомъ къ командующему войсками Восточно-Сибирскаго округа, причемъ ему пришлось жить на о-вѣ Сахалинѣ. Въ 1876 году испросилъ вторую отставку, отправился добровольцемъ въ Сербію и, командуя бригадой болгарскаго ополченія, принималъ участіе въ послѣдней русско-турецкой войнѣ; съ 1882 г. онъ снова служитъ въ Россіи, дослужился до чина генералъ-маіора, послѣднее время состоялъ начальникомъ 2-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады; умеръ 8 ноября 1884 г. въ Приморской области. Его перу принадлежитъ «Этнографическій очеркъ южнаго Сахалина», въ «сборникѣ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири» 18,77 г. т. 2, стр. 1 — 67. Имъ-же издана книга: «Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г.».Спб. 1881 г.

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ умершихъ писателей. В. 4 стр. 39—40; Новое Время № 3129; Новь 1885 г. кн. стр. 200.

Де-Пуле, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, педагогъ и писатель, происходилъ изъ дворянъ, родился 12 октября 1822 г. въ селѣ Хрѣномъ, Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, начальное образованіе получилъ въ Козловскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ воспитывался въ воронежской гимназіи и въ 1846 г. окончилъ курсъ историко-филологическаго факультета въ Харьковскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ 1848 онъ поступилъ на службу преподавателемъ русскаго языка, исторіи, а потомъ и словесности въ Михайловскій—Воронежскій кадетскій корпусъ, гдѣ и проявилъ свои выдающіяся педагогическія способности. Здѣсь онъ составилъ литографированныя записки: «Сравнительно-историческая грамматика» —трудъ, обратившій на автора вниманіе спеціалистовъ, за который Де-Пуле въ 1853 г. получилъ отъ государя-наслѣдника

*

благодарность и золотые часы въ подарокъ. Помимо служебныхъ занятій Де-Пуле редактировалъ «Воронежскую Бесѣду», «Сборникъ Статей», изданный Глотовымъ (Спб. 1861 г.) и нѣкоторое время былъ редакторомъ «Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей» (1862—1863 гг.). Въ 1862 г. Де-Пуле былъ назначенъ помощникомъ инспектора классовъ съ оставленіемъ въ должности преподавателя, но чрезъ три года послѣ польскаго возстанія онъ былъ вызванъ въ Вильну на педагогическое поприще и назначенъ инспекторомъ, а потомъ и директоромъ I-й виленской гимназіи. Въ 1868 г. онъ вышелъ въ отставку и причисленъ былъ къ главному управленію военно-учебныхъ заведеній чиновникомъ особыхъ порученій. Въ 1870 г. былъ назначенъ инспекторомъ въ Петровскій-Полтавскій кадетскій корпусъ и оттуда въ 1872 г., по выслугѣ лѣтъ, вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, поселился въ Тамбовѣ, гдѣ и занимался почти исключительно литературой.

Де-Пуле началъ писать съ 1857 года и продолжалъ до самой своей смерти, помѣстивъ въ этотъ періодъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, частью по исторіи, частью по педагогикѣ, частью по новой литературѣ. Но главная дѣятельность его связана съ его пребываніемъ въ Воронежѣ. Какъ другъ поэта И. С. Никитина онъ написалъ о немъ обстоятельный біографическій очеркъ, напечатанный въ «Филологическихъ Запискахъ» 1869 г. и приложенный при первомъ (1869 г.), второмъ (1878 г). и четвертомъ (1885 г.) изданіяхъ сочиненій И. С. Никитина. Кромѣ того, о Никитинѣ-же помѣстилъ онъ много критическихъ и біографическихъ замѣтокъ въ разныхъ журналахъ: въ «Русскомъ Словѣ», въ которомъ Де-Пуле былъ присяжнымъ критикомъ въ началѣ его существованія, «Разборъ стихотвореній И. С. Никитина», 1859 г. кн. 4: «О стихотвореніяхъ И. С. Никитина», 1860 г., кн. 4; въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г, кн. 5—6: «Свѣденія о жизни и дѣятельности И. С. Никитина» и др. Ему-же принадлежитъ рядъ критическихъ очерковъ, замѣтокъ и біографія Кольцова, помѣщенная въ «Древней и Новой Россіи» 1878 г., кн. 3—6, и въ томъ-же году изданная отдѣльно. Де-Пуле помѣстилъ много замѣтокъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1857 г. № 29; 1858 г, № 54, 3 № 21, № 141 и др.), въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ «(1864 г. № 141, 1868 г. № 110, 326 и др.) въ Атенеѣ» 1858 г. напечаталъ: «Мысль объ общественномъ воспитаніи» (кн, 21)» и разборъ книги Гончарова «Фрегатъ Паллада» (кн. 44), въ «Русской Бесѣдѣ» (1859 г. кн. 2): «О романѣ Писемскаго: «Тысяча душъ»; въ «Современникѣ» 1859г. кн. 8: «Разборъ исторической грамматики русскаго языка, изданной Буслаевымъ», въ «Русскомъ Словѣ» онъ напечаталъ рядъ статей критическаго характера: разборы «Дворянскаго гнѣзда» Тургенева (1859 г. кн. 11), сочиненій Марка Вовчка (1859 г. кн. 10), Казанской (кн. 12), Григоровича (1860 г. кн. 3). Въ Воронежскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1858, 1859 и 1861 г. имъ были напечатаны «Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній», изданные отдѣльно подъ тѣмъ-же заглавіемъ въ 1861 г. и помѣщенъ цѣлый рядъ статей, особенно много въ 1862 и 1863 гг., въ «Библіографическихъ Запискахъ» – «О русскомъ народномъ эпосѣ», 1862 г. вып. IV и V, и «О русской народной лирикѣ», 1862 г. вып. VI,—статья, появившаяся отдѣльнымъ оттискомъ въ 1863 г. Кромѣ того, Де-Пуле писалъ въ «Воронежской Бесѣдѣ» (1861 г.), въ «Русской Рѣчи» (1861 г.) въ «Днѣ» 1864 г. № 7.—«По поводу провинціальнаго безмолвія», въ «Воронежскомъ Листкѣ»—«Нѣчто о школьномъ нигилизмѣ» (1864 г. № 26, № 36 и др.), помѣстилъ нѣсколько статей въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древности» (1864 г. № 2, 1863 г. № 2), нѣсколько статей въ «Русскомъ Архивѣ» (1869 г. кн. 3, 1877 г. кн. 1, кн. 6—8 и др.) въ «Русской Старинѣ» (1872 г. кн. 6, 1870 г. кн. 2). Въ «Зарѣ» 1871 г., кн. 5—7, 9—10, напечаталъ статью – «Послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій», изданную въ 1871 г. отдѣльно, помѣстилъ нѣсколько статей въ «Вѣстникѣ Европы»: «Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій» (1874 г. кн. 1, 2), «Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ Великомъ» (1872 г. кн. 5), въ «Руси» напечаталъ «Наше образовательное дѣло и учебная смута» (1883 г. № 17, 20, 23), «Мысли и замѣтки по образовательнымъ вопросамъ» (1844 г. № 15, 1885 г. № 5, 9). Особенно много работалъ Де-Пуле въ

«Русскомъ Вѣстникѣ»: здѣсь онъ помѣстилъ «Отецъ и сынъ» (1875 г. кн. 4—9), «Военно-учебный реализмъ и военно-учебная реформа» (1877 г. № 4, 1878 г. № 3) «Н. А. Некрасовъ» (1878 г. № 5), «Тревожный вопросъ русской педагогіи» (1879 г. кн. 6), «Къ исторіи украинофильства» (1881 г. № 6, 1882 г. № 2); здѣсь-же Де-Пуле помѣстилъ и свою извѣстную статью: «Нигилизмъ, какъ патологическое явленіе русской жизни» (Рус. Вѣсти. 1881 г. кн. 11), вышедшую въ томъ же году отдѣльнымъ оттискомъ, въ которой авторъ доказываетъ, что «нигилизмъ есть не что иное, какъ сгущенный реализмъ, а реализмъ разжиженный нигилизмъ», что у насъ будто-бы по части образованія «все еще въ хаосѣ и почти все, за исключеніемъ гимназій, находится въ положеніи, благопріятствующемъ распространенію реализма и мыслящаго пролетаріата». Съ 1866 г. по 1868 г. Де-Пуле редактировалъ «Виленскій Вѣстникъ» и напечаталъ тамъ нѣсколько статей; кромѣ того въ 1867—1868 гг. помѣстилъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ статей подъ заглавіемъ: «Виленскія письма», безъ подписи, и съ 1880 г. по 1885 г. въ газетѣ «Новое Время» помѣстилъ рядъ мелкихъ статей.

„Отечественныя Записки“ 1868 г. кн. 12, стр. 388—401.—„Донъ“ 1871 г. № 76.—„Филологическія Записки“ 1885 г. кн. 45, стр. 23.—„Историческій Вѣстникъ“ 1885 г. № 10, стр. 227.—„Библіографъ“ 1885 г. № 10, стр. 63—66 Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ пок. русск. пис., вып., V стр. 45—49.—„Новое Время“ 1885 г. № 3413.—„Московскія Вѣд.“ 1885 г. № 243.—„Тамбовскія губ. Вѣдом.“ 1885 г. № 88 и 89.—„Русь“ 1885 г. № 11.—„Южный край“ 1885 г. № 1612.—„Петербургскій Листокъ“ 1885 г., № 235.—„Церковно-Общественный Вѣстникъ“ 1885 г. № 71.—Брокгаузъ, Энцикл. слов. т. X, 421—422.

Ч.

Дервизъ-фонъ, *Николай Григорьевичъ*, пѣвецъ и композиторъ, родился 12 апрѣля 1848-го года, въ Петербургѣ умеръ 17 октября 1880-го года тамъ же. Фонъ-Дервизъ получилъ воспитаніе въ артиллерійскомъ училищѣ, по выходѣ изъ котораго нѣкоторое время служилъ офицеромъ въ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а затѣмъ перешелъ на гражданскую службу. Вскорѣ онъ совсѣмъ оставилъ службу, чтобы посвятить себя сценѣ. Когда фонъ-Дервизу было всего 10 лѣтъ, онъ уже началъ брать уроки музыки у Альбрехта, но вскорѣ поступленіе въ артиллерійское училище заставило его оставить музыкальныя занятія. Пѣнію фонъ-Дервизъ учился сначала у Фелиціана Ронкони въ Петербургѣ, а затѣмъ у его брата въ Миланѣ. Въ ноябрѣ 1871-го года состоялся его первый дебютъ на Кіевской оперной сценѣ въ роли Джекаро въ «Лукреціи» Доницетти, послѣ чего онъ получилъ ангажементъ и въ теченіе четырехъ лѣтъ выступалъ въ Кіевѣ въ частныхъ труппахъ Бергера и Сѣтова, переѣзжая только на лѣтнее время въ Одессу и Харьковъ. Вначалѣ онъ пѣлъ подъ собственною фамиліей, а впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Энде (Н. Д.), подъ которымъ выступалъ на сценѣ до самой смерти. Въ апрѣлѣ 1876-го года фонъ-Дервизъ удачно дебютировалъ на Маріинской сценѣ въ партіи Финна въ операхъ «Русланъ и Людмила» и былъ ангажированъ на одинъ сезонъ; впослѣдствіи контрактъ съ фонъ-Дервизомъ былъ возобновленъ еще на три года. Дервизъ былъ прежде прекраснымъ концертнымъ пѣвцомъ, неподражаемо исполняя романсы (въ особенности Шумана) въ которыхъ поражалъ всѣхъ необыкновенною тонкостью музыкальнаго выраженія. Фонъ-Дервизу принадлежатъ романсы: «Можетъ быть» и «Все грустнѣй мнѣ становится», переложеніе на два голоса «Ночи безумныя», цыганская пѣсня «Грусть-тоска меня томила» и похоронный маршъ.

Некрологи: въ „Молвѣ“ 1880 г. отъ 22 окт., въ „Петербургской газетѣ“ 1880 г., № 206, «Новостяхъ» 1880 г., № 278.—Біографическая замѣтка въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1880 г., № 290 (въ отд. «Музыка»),—А. И. Цольдгъ: Хроника петербургскихъ театровъ.—Энцикл. слов Брокгауза.

Вл. Г.

Дервизъ (фонъ), *Павелъ Григорьевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, извѣстный концессіонеръ и строитель желѣзныхъ дорогъ, родился 31 января 1826 г. въ г. Лебедяни (Тамбовской губ.), умеръ 2 іюня 1881 г. въ г. Боннѣ (въ Пруссіи). Пробывъ нѣкоторое время въ англійскомъ пансіонѣ Гирста (въ Петербургѣ), П. Г. фонъ-Дервизъ поступилъ въ училище правовѣдѣнія, откуда и былъ выпущенъ съ золотой медалью въ 1847 г. Вскорѣ фонъ-Дервизъ поступилъ на службу въ сенатъ, по департаменту герольдіи, а затѣмъ, во время Крымской кампаніи, служилъ въ военномъ вѣдомствѣ, по провіантскому

департаменту. Около 1857 г. онъ совершенно оставилъ службу и, нѣкоторое время спустя, переѣхалъ на жительство въ Москву. Тамъ онъ былъ приглашенъ предсѣдателемъ новообразовавшагося въ то время Общества Московско-Саратовской (впослѣдствіи переименованной въ Московско-Рязанскую) желѣзной дороги Аненковымъ въ качествѣ секретаря этого общества, въ которомъ онъ впослѣдствіи былъ членомъ правленія. Вступивъ въ компанію съ инженеромъ К. Ѳ. фонъ-Меккъ, фонъ Дервизъ получилъ концессію на постройку Рязанско-Козловской желѣзной дороги, которая и была закончена въ 1865 г.; впослѣдствіи, въ той же компаніи, имъ была построена Курско-Кіевская желѣзная дорога. Въ техническомъ отношеніи и по своей эксплоатаціи обѣ эти дороги, особенно послѣдняя, ставились въ примѣръ другимъ. Дѣятельность фонъ-Дервиза была первымъ въ Россіи примѣромъ твердой и широкой постановки предпріятія частной иниціативы въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Въ 1868 году фонъ-Дервизъ переселился за границу, гдѣ и оставался до самой своей смерти, живя преимущественно на своей виллѣ въ Ниццѣ. Страстный любитель музыки и самъ музыкантъ, фонъ-Дервизъ имѣлъ въ Ниццѣ свой собственный оркестръ, составленный изъ набранныхъ въ Германіи и Франціи музыкантовъ; концерты этого оркестра въ свое время пользовались большой извѣстностью. Фонъ-Дервизъ обладалъ весьма значительнымъ состояніемъ и отличался широкою благотворительностью, какъ общественною, такъ и частною. Между прочимъ, на пожертвованныя и предоставленныя имъ въ распоряженіе московскаго городского головы кн. А. А. Щербатова средства въ Москвѣ, въ половинѣ семидесятыхъ, годовъ была учреждена Владимірская дѣтская больница (названная такъ по имени умершаго сына фонъ-Дервиза). Фонъ-Дервизу принадлежатъ двѣ статьи о московско-рязанской желѣзной дорогѣ (напечатаны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1864 г., № 95 и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 г., № 276), а уже послѣ его смерти обнародована «Одна изъ предсмертныхъ записокъ» фонъ-Дервиза («Русская Старина» 1885 г., кн. 6.).

Семейныя бумаги. — Некрологъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1881 года, № 122.— Д. Языковъ: Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. II. *В. Г.*

Державина (урожденная Дьякова), *Дарья Алексѣевна*, вторая жена поэта Г. Р. Державина, родилась въ 1767 г. Отецъ ея А. Дьяковъ былъ оберъ-прокуроромъ сената и считался для своего времени очень образованнымъ человѣкомъ. Воспитаніе Д. получила домашнее и сравнительно недурное; особенно любила она музыку и сама недурно играла на арфѣ. Съ Державинымъ Д. А. познакомилась давно и была очень дружна съ его первой женой. Спустя полгода по смерти послѣдней Державинъ сдѣлалъ ей предложеніе и 31 января 1795 г. состоялась ихъ свадьба; жениху было въ это время 52 года, невѣстѣ 28 л.; естественно поэтому, что въ ихъ отношеніяхъ было болѣе дружбы, чѣмъ любви, хотя, несомнѣнно, поэтъ былъ очень привязанъ къ своей «Миленѣ» (какъ называетъ онъ ее въ своихъ произведеніяхъ). Ей посвящены, между прочимъ, стихотворенія: «Мечта», «Стихи къ музѣ», «Къ портрету» ея и пр. Выйдя замужъ, Д. А. взяла въ свои руки все огромное хозяйство мужа и безконтрольно управляла имъ. По отзывамъ современниковъ, характеръ Д. былъ сдержанъ и нѣсколько суховатъ; къ друзьямъ мужа она относилась холодно и нерѣдко даже враждебно, особенно когда ей казалось, что присутствіе ихъ можетъ вредно отозваться на здоровьѣ престарѣлаго поэта, за которымъ она заботливо ухаживала. Будучи очень разсчетливой и дѣятельной хозяйкой, Д. значительно увеличила состояніе Державина. По смерти его (1816 года) она продолжала вести прежнюю скромную жизнь въ своей Званкѣ, помѣстьѣ Державина на Волховѣ, доставшемся ей въ наслѣдство отъ мужа, подружившись впослѣдствіи съ своими сосѣдями по имѣнію—гр. Аракчеевымъ и арх. Фотіемъ. Умерла Д. 16 іюня 1842 г. на 76 году своей жизни и погребена въ Хутынскомъ монастырѣ рядомъ съ мужемъ. Бо́льшую часть имѣнія она раздѣлила между своими родственниками и слугами; пожертвовала въ Казанскій университетъ на образованіе стипендій 30,000 р. асс. и столько же на пріютъ для освобожденныхъ изъ-подъ стражи. Но главное пожертвованіе Д. было обращено на устройство въ Званкѣ въ память мужа женскаго монастыря,

на что было пожертвовано ею 50,000 руб. асс. и кромѣ того на содержаніе его внесено было въ Опекунскій Совѣтъ 100000 руб. асс. Монастырь этотъ былъ открытъ лишь въ 1869 г. вмѣстѣ съ «Державинскимъ 3-хъ класснымъ училищемъ для дѣвицъ».

Гротъ: Сочиненія Державина» т. VIII и IX. Изд. Акад. Наукъ, 1864 68 г.

Державинъ, *Гавріилъ Романовичъ*, знаменитый поэтъ, государственный человѣкъ и общественный дѣятель второй половины прошлаго и первой четверти нынѣшняго столѣтія (р. 3 іюля 1743, ум. 8 іюля 1816).

Предокъ его, татарскій мурза Багримъ, въ XV столѣтіи, въ княженіе Василія Васильевича Темнаго, выѣхалъ изъ Большой Орды на службу къ великому князю, былъ крещенъ и получилъ при этомъ имя Ильи. У одного изъ сыновей его, Димитрія, былъ сынъ Держава, начавшій службу въ Казани. Отъ него и пошелъ родъ Державиныхъ, служившихъ «по городу Казани», почему они и называются въ актахъ Казанцами. Однимъ изъ потомковъ Державы былъ Романъ Николаевичъ, служившій въ гарнизонныхъ полкахъ. Онъ былъ женатъ на дальней своей родственницѣ, Θеклѣ Андреевнѣ Гориной, урожденной Козловой. Они принадлежали къ небогатымъ, мелкопомѣстнымъ дворянамъ и владѣли въ Казанской губерніи небольшими имѣніями, въ которыхъ было не болѣе 150 душъ.

3-го іюля 1743 г. у нихъ родился сынъ Гавріилъ. Родиной его, по его собственнымъ словамъ, была Казань, хотя существуетъ преданіе, что онъ родился въ 40 верстахъ отъ Казани, въ Кармачахъ, либо Сокурахъ. Кромѣ Гавріила, у супруговъ были еще дѣти: сынъ, умершій въ юныхъ годахъ, и дочь, скончавшаяся вскорѣ послѣ рожденія. Подъ руководствомъ матери, женщины, едва умѣвшей читать, но умной и заботливой, которая понимала цѣну образованія, Гавріилъ Романовичъ уже на пятомъ году выучился читать. Засимъ, учителями его были «церковники», т. е. дьячки и пономари. Но и эти занятія прерывались кочующей жизнью родителей, такъ какъ отецъ его часто получалъ командировки по службѣ; родители по необходимости брали дѣтей съ собою, и эта кочующая жизнь среди приволжскаго простора не могла не отразиться на душевномъ складѣ ребенка. Съ 1750 года родители Державина поселились на время въ Оренбургѣ, гдѣ семилѣтній Гавріилъ, вмѣстѣ съ братомъ, на основаніи Высочайшаго указа 1737, былъ представленъ на «смотръ» въ оренбургскую губернскую канцелярію, для повѣрки возраста и для испытанія, чему мальчикъ дома выучился. Такъ какъ на этомъ испытаніи обнаружилось, что оба мальчика «уже начали обучаться своимъ коштомъ словесной грамотѣ и писать», то ихъ, на основаніи того же устава 1737 г., отпустили для пребыванія въ родительскомъ домѣ впредь до второго смотра, когда имъ будетъ 12 лѣтъ. Оренбургъ былъ въ это время ссыльнымъ городомъ, куда ссылаемы были преступники изъ купцовъ и мѣщанъ. Одинъ изъ этихъ ссыльныхъ, приговоренный къ каторжной работѣ нѣмецъ Іосифъ Розе, завелъ въ Оренбургѣ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ. У него продолжалъ свое образованіе и Державинъ. Но новый наставникъ его оказался человѣкомъ развратнымъ, жестокимъ и невѣжественнымъ. Пробывъ у него года два или три, Державинъ выучился у него только нѣмецкому языку, который такъ пригодился ему впослѣдствіи въ его литературныхъ занятіяхъ, и пріобрѣлъ твердый, красивый почеркъ, тэкъ какъ Розе былъ отличнымъ каллиграфомъ. Занятія каллиграфіей пристрастили Державина къ рисованію перомъ, и онъ любилъ въ промежуткахъ между уроками и по вечерамъ, срисовывать лубочныя картинки, купленныя у ходебщиковъ, раскрашивалъ ихъ и развѣшивалъ по стѣнамъ своей комнаты.

Въ ноябрѣ 1754 года отецъ Державина скончался, оставивъ семью почти безъ всякихъ средствъ: вдова его не въ состояніи была заплатить даже 15 руб. долга, оставшагося послѣ мужа. Сверхъ того у нея на рукахъ очутилась тяжба съ сосѣдомъ изъ-за клочка родовой собственности, причинявшая семьѣ много горя. Θекла Андреевна принуждена была выносить хлопоты и униженія, посѣщая съ дѣтьми судей, отъ которыхъ ничего не добившись, не разъ возвращалась домой въ слезахъ. Эти ранніе примѣры людской несправедливости и людского жестокосердія столь сильно запали во впечатлительную и воспріимчивую душу Гавріила Романовича, что онъ

во всю свою жизнь никогда не могъ смотрѣть равнодушно ни на какую несправедливость, особенно на притѣсненіе вдовъ и сиротъ,

Между тѣмъ необходимо было позаботиться и о дальнѣйшемъ образованіи сыновей. Ѳекла Андреевна наняла для обученія старшаго мальчика ариѳметикѣ и геометріи сначала гарнизоннаго школьника Лебедева, а потомъ штыкъ-юнкера Полетаева. Но оба преподавателя сами плохо знали тѣ предметы, которые взялись преподавать, и обучали математикѣ безъ правилъ и доказательствъ, механически, вслѣдствіе чего Державинъ на всю жизнь остался плохимъ математикомъ. Какъ разъ въ это время состоялся Высочайшій указъ (21 іюля 1758 г.) объ учрежденіи въ Казани гимназіи, по образцу Московской, т. е. соединенной изъ двухъ отдѣленій: дворянскаго и разночиннаго. Открытіе гимназіи произошло 21 января 1759 г., и первымъ ея директоромъ назначенъ былъ Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, извѣстный въ то время сочинитель и переводчикъ. Въ самый день открытія гимназіи уже собралось 14 учениковъ, въ числѣ которыхъ находились и братья Державины. Но, по свидѣтельству самого Гавріила Романовича «по недостатку хорошихъ учителей» его и въ гимназіи учили «едва-ли съ лучшими правилами, какъ и прежде». И дѣйствительно: къ тому малому запасу научныхъ познаній, какой могъ пріобрѣсти Державинъ отъ предыдущихъ своихъ наставниковъ, гимназія прибавила такъ немного, что Державинъ не разъ сознавался впослѣдствіи въ незнаніи грамматики; французскому языку онъ тоже не выучился, хотя съ самаго начала занялъ видное мѣсто между учениками: по крайней мѣрѣ имя его встрѣчается въ числѣ лучшихъ учениковъ въ спискѣ ихъ, напечатанномъ въ № 64 Москов. Вѣд. 1759 г. Особенную охоту оказывалъ онъ предметамъ, касающимся воображенія: рисованію, музыкѣ и поэзіи. Его чертежи и рисунки, сдѣланные перомъ, до того понравились директору, что онъ, получивъ отпускъ, повезъ куратору Московскаго университета, Шувалову (которому подчинена была и Казанская гимназія), работы отличнѣйшихъ учениковъ: геометрическіе чертежи и карты Казанской губерніи, украшенныя разными фигурами и ландшафтами; въ числѣ этихъ работъ были и произведенія Державина. Шуваловъ былъ такъ доволенъ этими работами, что записалъ авторовъ, по ихъ желанію, въ разные гвардейскіе полки, а Державина зачислилъ кондукторомъ Инженернаго корпуса, Съ этихъ поръ Державинъ, въ кондукторской формѣ, исполнялъ на училищныхъ празднествахъ обязанность артиллериста и фейерверкера, и не разъ сопровождалъ директора, при разъѣздахъ его по губерніи по должности губернаторскаго товарища. Въ первый разъ цѣлію командировки было снятіе плана съ города Чебексаръ, и Державинъ, по приказанію директора, долженъ былъ начертить такой большой планъ этого города, что онъ не помѣщался въ обыкновенной комнатѣ, и потому Державину пришлось чертить его на чердакѣ большого купеческаго дома, но планъ этотъ остался недодѣланнымъ. Во второй разъ Веревкинъ со своими учениками предпринялъ, въ 1761 г., по порученію Шувалова, описаніе развалинъ древней столицы Болгарскаго царства. Соскучившись, Веревкинъ вскорѣ уѣхалъ, а Державинъ съ товарищами работалъ до глубокой осени и привезъ въ Казань описаніе развалинъ, планъ бывшаго города, рисунки остатковъ нѣкоторыхъ строеній, надписи гробницъ и собраніе монетъ и другихъ вещей, вырытыхъ имъ изъ земли. Веревкинъ опять собирался похвастаться этими трудами своихъ учениковъ, но вскорѣ былъ уволенъ по доносу двухъ гимназическихъ преподавателей.

Существеннымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ дополненіемъ къ тогдашнему скудному образованію, сообщаемому школой, служило занятіе чтеніемъ и искусствами. Мы говорили уже, что Державинъ обнаруживалъ наклонность и способность къ рисованію и черченію. Въ гимназіи, въ курсъ преподаванія которой входила и музыка, у него явилась охота играть на скрипкѣ, но и этотъ талантъ не получилъ должнаго развитія, и Державинъ на всю жизнь остался музыкантомъ-самоучкой. Другимъ важнымъ факторомъ въ его развитіи было чтеніе. За время своей гимназической жизни Державинъ перечиталъ многія выдающіяся литературныя сочиненія того времени: оды Ломоносова, трагедіи Сумарокова, Телемака и Аргениду въ переводахъ Тредьяковскаго, При-

ключенія маркиза Г*** (или маркиза Глаголя, какъ тогда называли) аббата Прево, въ переводѣ Елагина. Это чтеніе, давая обильную пищу и безъ того богатому отъ природы воображенію и чувству даровитаго юноши, вызвало наконецъ его и на самостоятельное творчество. Державинъ сталъ украдкою сочинять стихи, романы, сказки, но уничтожалъ эти первые опыты, рѣдко показывая ихъ даже товарищамъ.

Между тѣмъ неожиданное обстоятельство прервало гимназическое образованіе Державина. Мы видѣли, что за успѣхи въ рисованіи и черченіи онъ зачисленъ былъ кондукторомъ инженернаго корпуса и носилъ даже въ гимназіи мундиръ этого вѣдомства. Но впослѣдствіи Шуваловъ, вѣроятно, забылъ данное имъ обѣщаніе, и имя Державина оказалось въ спискѣ гимназистовъ, присланномъ отъ Шувалова въ канцелярію Преображенскаго полка, гдѣ ему и заготовленъ былъ паспортъ, по которому онъ могъ пробыть въ гимназіи только до 1762 года. Но паспортъ этотъ оставался въ полковой канцеляріи, и гимназія ничего объ этомъ не знала. Петръ III, вступивъ на престолъ и замышляя походъ въ Данію, приказалъ потребовать на службу въ полки всѣхъ отпускныхъ. Вслѣдствіе этого пришла въ гимназію бумага и о Державинѣ. Озадаченный такимъ неожиданнымъ вызовомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ ѣхать не теряя времени, потому что съ истеченія срока отпуска шелъ уже второй мѣсяцъ. Такимъ образомъ, Державинъ пробылъ въ гимназіи всего три года (его прошеніе объ увольненіи подано имъ 2 февр. 1762 г.) и выбылъ изъ нея 18-ти-лѣтнимъ юношей, не успѣвъ окончить даже тогдашняго скуднаго гимназическаго образованія. Въ одномъ неоконченномъ сочиненіи своемъ, которое онъ началъ писать въ 1811 г. для чтенія въ Бесѣдѣ Любит. русск. слова («Разсужденіе о достоинствѣ Государственнаго человѣка»), онъ такъ характеризуетъ полученное имъ образованіе: «Недостатокъ мой исповѣдую въ томъ, что я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, когда и куда не проникали еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому принадлежу. Насъ научали тогда: вѣрѣ — безъ катихизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣренію — безъ доказательствъ, музыкѣ — безъ нотъ и тому подобное, Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно было почерпнуть глубокія и обширныя свѣдѣнія» (соч. Державина, Академич. изд. VII, 629—630).

Прибывъ въ Петербургъ въ мартѣ 1762 г., Державинъ явился въ Преображенскій полкъ и былъ зачисленъ въ 3-ю роту рядовымъ. У Державина «протекторовъ» не было, и ему пришлось десять лѣтъ дожидаться перваго офицерскаго чина. Это былъ самый безотрадный періодъ въ его жизни. Не имѣя, ни средствъ, ни знакомствъ въ Петербургѣ, онъ долженъ былъ жить въ казармѣ, вмѣстѣ съ солдатами, и нести всю тяжелую солдатскую службу: ходить на ученье, стоять въ караулѣ на ротномъ дворѣ, исполнять всѣ черныя работы (ходить за провіантомъ, чистить канавы, разгребать снѣгъ около съѣзжей, усыпать пескомъ учебную площадку и т. п.). Вскорѣ, впрочемъ, положеніе его нѣсколько улучшилось. Отыскавъ своего бывшаго директора Веревкина, онъ передалъ ему бумаги и древнія вещи, вывезенныя изъ Болгаріи и оставшіяся въ рукахъ Державина вслѣдствіе неожиданнаго отъѣзда Веревкина изъ Казани. Послѣдній представилъ своего бывшаго ученика И. И. Шувалову. Желая поощрить его талантъ къ рисованію и черченію, Шуваловъ послалъ его къ извѣстному въ то время граверу Академіи Художествъ Чемесову. Чемесовъ обласкалъ поэта, хвалилъ принесенные имъ рисунки и обѣщалъ доставить ему средства продолжать занятія науками и литературой. Но въ казарменной обстановкѣ, при безпрестанныхъ ротныхъ и баталіонныхъ ученіяхъ, при тѣснотѣ помѣщенія, Державинъ могъ только по ночамъ, когда всѣ улягутся спать, читать книги и писать стихи. Эти ранніе стихотворные опыты Державина состояли, по свидѣтельству Дмитріева, въ переложеніи на риемы «площадныхъ прибасокъ на счетъ каждаго гвардейскаго полка» («Взглядъ на мою жизнь», стр. 64). Но зато эти занятія повели къ нѣкоторому облегченію служебнаго положенія Державина. Видя его постоянно за занятіями, то съ книгой, то съ перомъ въ рукахъ, товарищи его и ихъ жены стали обращаться къ нему съ просьбами писать для нихъ письма къ роднымъ. Держа-

винъ охотно исполнялъ эти просьбы; къ тому же не отказывалъ ссужать ихъ въ займы небольшими суммами — по рублю, по два — изъ своихъ скудныхъ средствъ (вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ получилъ отъ матери 100 р.). За все это онъ предложилъ солдатскимъ женамъ уговорить ихъ мужей, чтобы они отправляли за него очередную службу и работу. Вообще, онъ пользовался уваженіемъ и расположеніемъ всей роты, такъ что, когда гвардіи объявленъ былъ походъ противъ Даніи, сослуживцы-солдаты выбрали Державина своимъ артельнымъ казначеемъ. Походъ не состоялся и Державинъ остался въ Петербургѣ, по прежнему неся тяжелую службу солдата.

Въ переворотѣ 1762 года, Державину, какъ гвардейскому солдату, пришлось принять личное участіе и тутъ онъ впервые неоднократно видѣлъ Императрицу Екатерину II. Когда гвардія двинулась вслѣдъ за Императрицей въ Петергофъ, во главѣ ея шелъ Преображенскій полкъ, подъ предводительствомъ самой государыни, ѣхавшей на бѣломъ конѣ, въ Преображенскомъ мундирѣ, держа въ правой рукѣ обнаженную шпагу. Это была самая торжественная минута въ жизни Императрицы, та минута, когда, наслаждаясь пріобрѣтеннымъ успѣхомъ, достигнувъ завѣтной цѣли своихъ мечтаній, весь человѣкъ невольно сіяетъ счастіемъ и торжествомъ. Для такого богато одареннаго, впечатлительнаго и воспріимчиваго человѣка, какъ Державинъ, этихъ торжественныхъ, хотя и мимолетныхъ впечатлѣній было достаточно, чтобы образъ богоподобной Фелицы навсегда запечатлѣлся въ его душѣ и притомъ запечатлѣлся лучшими, идеальными своими сторонами.

Въ Москвѣ, куда гвардія отправлена была по случаю коронаціи Императрицы Екатерины II, Державинъ сдѣлалъ было попытку попасть «въ чужіе края, дабы чему нибудь тамъ научиться» (соч. Державина, Академ. изд. VI, Записки, стр. 437). Очевидно, его тяготила суровая казарменная жизнь простого рядового. Природная даровитость и любознательность влекли его въ область научнаго знанія и европейскаго просвѣщенія. Онъ самъ говоритъ въ запискахъ, что его мучила невозможность «удовлетворить склонности своей къ наукамъ» (VI, 437). Но и этой попыткѣ не суждено было осуществиться. Узнавъ, что бывшій его покровитель, И. И. Шуваловъ, пріѣхавшій въ Москву на коронацію, собирается предпринять путешествіе въ чужіе края, Державинъ рѣшился просить взять его съ собою и лично подалъ ему объ этомъ письмо. Шуваловъ велѣлъ ему придти въ другое время. Но проживавшая въ Москвѣ двоюродная тетка Державина, считавшая Шувалова главою масоновъ, которыхъ она называла отступниками отъ вѣры, богохульниками, еретиками, преданными антихристу, испугалась, что племянникъ ея попадетъ подъ вліяніе такихъ опасныхъ людей и рѣшительно запретила ему ходить къ Шувалову. Воспитанный «въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ» (VI, 438), Державинъ съ грустію покорился, и такимъ образомъ лишился единственнаго случая, который могъ имѣть великое значеніе въ дальнѣйшемъ умственномъ развитіи и во всей судьбѣ его.

Между тѣмъ, положеніе его, какъ рядового, все болѣе и болѣе тяготило его. Онъ видѣлъ, что многіе, даже младшіе его товарищи, имѣя покровителей, получили уже унтеръ-офицерскій чинъ. Не имѣя, ни связей, ни знакомствъ, ни покровителей, Державинъ рѣшился самъ о себѣ похлопотать и обратился къ своему майору, гр. Алексѣю Григор. Орлову съ письмомъ, въ которомъ объяснилъ свои права на повышеніе. Просьба эта была уважена, и 15-го мая 1763 г. Державинъ произведенъ былъ въ капралы. Этотъ первый удавшійся опытъ самозащиты противъ житейской несправедливости научилъ Державина и впредь полагаться на себя одного, дѣйствовать смѣло, рѣшительно и не давать себя въ обиду, и это составляетъ рѣзкую, отличительную черту въ его характерѣ и во всей его служебной карьерѣ. Мы не разъ будемъ видѣть, какъ рѣшительность, прямота характера и привычка идти къ цѣли прямымъ, кратчайшимъ путемъ выручали его изъ жизненныхъ и служебныхъ бѣдъ и затрудненій.

Получивъ послѣ производства годовой отпускъ и побывавъ на родинѣ, въ Казани, Державинъ, по возвращеніи въ Петербургъ, получилъ уже въ казармѣ помѣщеніе съ дворянами. И хотя это нѣсколько улучшило его матеріальное положеніе, но зато привело его въ соприкосновеніе съ разгульной, кутящей компаніей молодыхъ дворянъ, въ обществѣ которыхъ онъ пристрастился къ карточной игрѣ. Къ счастію,

у него хватило характера удержаться отъ пьянства, и его новые товарищи «со всѣми принужденіями довести до того не могли, чтобъ онъ когда-либо напился пьянымъ; да и вовсе не токмо вина, но пива и меда не пилъ» (Зап. VI, 447). Но картежная игра чуть было окончательно не погубила его. Увлекшись ею, онъ, по собственнымъ его словамъ, «познакомился съ игроками или, лучше, съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новичковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, продѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ. Но, благодареніе Богу, что совѣсть или, лучше сказать, молитвы матери никогда его до того не допускали, чтобъ предался онъ въ наглое воровство или въ коварное предательство кого-либо изъ своихъ пріятелей, какъ другіе дѣлывали. Но когда и случалось быть въ сообществѣ съ обманщиками, и самому обыгрывать на хитрости, какъ и его подобнымъ образомъ обыгрывали, но никогда таковой, да и никакой выигрышъ не служилъ ему въ прокъ; слѣдственно онъ и не могъ сердечноить прилѣпся къ игрѣ, а игралъ по нуждѣ. Когда-же не имѣлъ денегъ, то никогда въ долгъ не игралъ, не занималъ оныхъ и не старался какими-либо переворотами отыгрываться или обманами, ложью и пустыми о заплатѣ увѣреніями доставать деньги; но всегда содержалъ слово свое свято, соблюдалъ при всякомъ случаѣ вѣрность, справедливость и пріязнь. Если-же и случалось, что не на что, не токмо играть, но и жить, то, запершись дома, ѣлъ хлѣбъ съ водою и маралъ стихи при слабомъ иногда свѣтѣ полушечной сальной свѣчки, или при сіяніи солнечномъ сквозь щели затворенныхъ ставней. Такъ тогда, да и всегда проводилъ онъ несчастливые дни» (VI, Зап. 451).

Въ началѣ 1767 г. Державинъ произведенъ былъ въ каптенармусы, а вскорѣ вслѣдъ за симъ—въ сержанты, и вмѣстѣ съ гвардіей отправился въ Москву, куда прибыла Императрица съ дворомъ, по случаю открытія Коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. А когда гвардіи велѣно было возвратиться въ Петербургъ, онъ опять отправился въ отпускъ въ Казань и, на возвратномъ пути, остановившись въ Москвѣ, увлекся тамъ картежной игрой и просрочилъ свой отпускъ, за что могъ быть по суду разжалованъ въ солдаты. Изъ этой бѣды выручилъ его расположенный къ нему полковой секретарь Неклюдовъ, и безъ всякой со стороны его просьбы велѣлъ причислить его къ московской командѣ. Это дало ему возможность, хотя на короткое время, принять участіе, въ качествѣ секретаря, въ дѣятельности депутатской законодательской комиссіи.

Продолжительное (около трехъ лѣтъ) пребываніе въ Москвѣ, постоянная картежная игра и даже распутства довели Державина до отчаянія. Въ написанномъ имъ въ началѣ 1770 года стихотвореній «Раскаяніе» онъ самъ изобразилъ свое печальное нравственное паденіе. Наконецъ, «возгнушавшись самъ собою», онъ рѣшился вырваться изъ Москвы. Занявъ у пріятеля матери 50 руб., онъ бросился опрометью въ сани и поскакалъ безъ оглядокъ въ Петербургъ» (VI, Зап. 456). По дорогѣ онъ проигралъ почти всѣ деньги, не только тѣ, съ которыми поѣхалъ, но и тѣ, которыя занялъ у одного изъ своихъ спутниковъ, такъ что у него осталось едва столько, сколько нужно было на проѣздъ. Во Тоснѣ его остановила карантинная застава (это было въ мартѣ 1770 г., когда въ Москвѣ начиналась моровая язва); особенно подозрительнымъ показался его сундукъ съ бумагами, въ которомъ находились всѣ его юношескіе стихотворные опыты. Чтобы уничтожить это препятствіе, Державинъ не задумываясь сжегъ въ присутствіи караульныхъ сундукъ со всѣмъ, что въ немъ было, «и, преобратя бумаги въ пепелъ, принесъ въ жертву Плутону все, что онъ во всю молодость свою чрезъ 20 почти лѣтъ намаралъ, какъ-то: переводы съ нѣмецкаго языка и свои собственныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Хороши-ли они или дурны были, того теперь сказать не можно; но изъ близкихъ его пріятелей кто читалъ, а особливо *Христіанина въ уединеніи*, Захарія, весьма хвалили». (VI, Зап. 457).

Въ Петербургѣ Державинъ, произведенный уже въ фельдфебели, сблизился съ нѣкоторыми офицерами своего полка и пріобрѣлъ такое довѣріе у своихъ сослуживцевъ, что во время лагеря они избрали его своимъ хозяиномъ и поручили ему общую свою кассу. По настойчивому представленію своихъ ближайшихъ начальниковъ-офицеровъ онъ 1-го янв. 1772 г.

произведенъ былъ, наконецъ въ прапорщики. Попавъ противъ воли своей въ гвардію, онъ, по бѣдности своей, съ большимъ трудомъ могъ устроиться, какъ прилично было тогдашнему гвардейскому офицеру. «Жилъ онъ тогда въ маленькихъ деревянныхъ покойчикахъ, на Литейной, хотя бѣдно, однако же порядочно, устраняясь отъ всякаго развратнаго сообщества; ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою, и какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ мало-по малу свое поведеніе, обращался между тѣмъ, гдѣ случай дозволялъ, съ честными людьми и въ игрѣ, по необходимости для прожитку, но благопристойно» (VI, Зап. 460).

Наступилъ 1773-й годъ, и разразившійся въ этомъ году Пугачевскій бунтъ вывелъ Державина изъ прежняго скромнаго положенія и проложилъ ему путь къ первымъ успѣхамъ въ службѣ и литературѣ. Слухи о появившемся на югѣ, между Яицкими казаками, самозванцѣ начались еще въ сентябрѣ 1773 г. Съ тѣхъ поръ извѣстія о его успѣхахъ приходили все чаще и чаще. Посланный противъ него генералъ Каръ, при недостаточности войска, ничего не могъ сдѣлать, растерялся и, подъ предлогомъ болѣзни, позорно уѣхалъ въ Москву. Императрица въ негодованіи поспѣшила его уволить и на его мѣсто избрала генералъ-аншефа А. И. Бибикова. Съ званіемъ главнокомандующаго ему предоставлены были самыя обширныя полномочія и въ распоряженіе его отданы въ неспокойныхъ мѣстностяхъ всѣ духовныя, военныя и гражданскія власти. Пріѣхавъ въ Казань, онъ долженъ былъ, въ ожиданіи войскъ, отправляемыхъ Военной Коллегіей, ознакомиться на мѣстахъ съ положеніемъ дѣлъ и, созвавъ мѣстное дворянство, стараться возбудить его къ патріотическимъ пожертвованіямъ и подвигамъ; въ народѣ-же и между бунтовщиками распространять особо для сего случая напечатанный манифестъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему же поручены были и слѣдственныя дѣла о сообщникахъ Пугачева, для чего образована была при немъ слѣдственная комиссія изъ гвардейскихъ офицеровъ, по его собственному выбору. «Державинъ узналъ сіе, и какъ имѣлъ всегда желаніе употребленъ быть въ войнѣ или въ какомъ-либо отличномъ порученіи, даже повергался иногда въ меланхолію, что не имѣлъ къ тому средства и удобства» (VI, Зап. 463), то онъ захотѣлъ воспользоваться представившимся теперь случаемъ. Слышавъ, что Бибиковъ «человѣкъ разумный и могшій скоро проникать людей», онъ, безъ всякаго посторонняго посредничества, рѣшился представиться ему. «Пріѣхавъ, открылъ ему свое желаніе, сказавъ, что слышалъ по народному слуху о поѣздкѣ его въ какую-то секретную комиссію въ Казань; а какъ онъ въ семъ городѣ родился и ту сторону довольно знаетъ, то не можетъ-ли онъ быть съ пользою въ семъ дѣлѣ употребленнымъ? (VI, Зап. 464). Сначала Бибиковъ отказалъ, такъ какъ выборъ сотрудниковъ уже сдѣланъ; но, вступивъ въ разговоръ съ смѣлымъ и рѣшительнымъ прапорщикамъ, «былъ имъ доволенъ, однако-же никакого не сдѣлалъ обѣщанія». (Тамъ-же). Державинъ принялъ это за отказъ, но вечеромъ изъ приказа по полку узналъ, что ему велѣно явиться къ Бибикову. «Онъ сіе исполнилъ и получилъ приказаніе чрезъ три дня быть къ отъѣзду готовымъ» (Тамъ-же).

Прибывъ въ Казань, Державинъ поселился у матери «уединенно въ домѣ» и старался «отъ крестьянъ пріѣзжихъ изъ деревни или своихъ, которые лежали по тракту къ Оренбургу, узнать о движеніяхъ непріятельскихъ и о колебаніи народномъ» (VI, Зап. 467). Съ собранными свѣдѣніями онъ явился къ Бибикову и сталъ побуждать его приступить, наконецъ, къ дѣйствіямъ. Бибиковъ и самъ видѣлъ необходимость этого, но не могъ еще ничего предпринять, такъ какъ войска еще не пришли. Между тѣмъ получено было извѣстіе, что 25-го декабря толпа мятежниковъ овладѣла Самарой и была встрѣчена отъ жителей съ колокольнымъ звономъ, съ крестами, съ хлѣбомъ и солью. Бибиковъ тотчасъ распорядился очистить Самару. А для производства слѣдствія рѣшился употребить Державина. Получивъ изъ канцеляріи пакеты съ надписью: по секрету Державинъ наскоро простился съ матерью «и, не сказавъ куда ѣдетъ, поскакалъ». Въ секретныхъ пакетахъ заключалось приказаніе, присоединившись въ Симбирскѣ къ отряду Гринева, идти на освобож-

деніе Самары, а между тѣмъ наблюдать, въ какомъ состояніи находятся войска, во всемъ-ли они исправны, и каковъ духъ офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по освобожденіи Самары, онъ долженъ былъ отыскать измѣнниковъ и «виновнѣйшихъ въ умышленномъ преступленіи, заковавъ, отправить къ Бибикову; а которые отъ простоты то учинили, тѣхъ расправы представить къ нему на разсмотрѣніе, а иныхъ для страха на площади наказать плетьми» (VI, Зап. 469).

Заслуживъ своими распоряженіями одобреніе Бибикова, Державинъ вскорѣ получилъ возможность воспользоваться и своимъ литературнымъ талантомъ. Ему пришлось написать увѣщательное посланіе къ калмыкамъ, тоже заволновавшимся (письмо это напечатано въ VII т., соч. академ. изд., 20—22). Посланіе это Бибиковъ приложилъ къ своему рапорту Императрицѣ и такимъ образомъ далъ ей случай впервые обратить свое вниманіе на Державина.

Исполняя возложенное на него порученіе, Державинъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность и распорядительность. При производствѣ слѣдствія онъ самъ долженъ былъ вести всю письменную часть, записывать показанія подсудимыхъ и т. п., такъ какъ у него не было писца. Замѣтивъ его способность къ письменнымъ дѣламъ, Бибиковъ ему-же поручилъ составлять алфавитные списки главнымъ сообщникамъ Пугачева и лицамъ, пострадавшимъ отъ бунта; ему-же поручено было составленіе журнала всей дѣловой переписки по бунту, съ описаніемъ и самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ его прекращенію (Журналъ этотъ напечатанъ въ Академ. изд. соч. Державина, т. VII, 3).—При содѣйствіи-же Державина Бибиковъ такъ успѣшно исполнилъ данное ему порученіе—возбуждать мѣстныхъ дворянъ къ содѣйствію правительству въ его борьбѣ съ бунтомъ, что дворянство постановило образовать на свой счетъ конный корпусъ, назначивъ для этого по одному человѣку съ каждыхъ двухсотъ душъ. Императрица Екатерина, оцѣнивъ это пожертвованіе, объявила, что, какъ помѣщица Казанской губерніи, она присоединяется къ поступку мѣстнаго дворянства и также даетъ по одному рекруту съ каждыхъ 200 душъ въ казанскихъ дворцовыхъ волостяхъ своихъ. Благодарственная рѣчь дворянства по этому случаю, прочитанная губернскимъ предводителемъ дворянства передъ портретомъ Императрицы, была написана Державинымъ, и тогда-же напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. — Рѣчь эту Державинъ называлъ впослѣдствіи «первымъ опытомъ малыхъ своихъ способностей» (Я. Гротъ: жизнь Державина, 102). Она была также представлена Императрицѣ, но безъ имени автора.

Вскорѣ, именно въ мартѣ 1774 г., Бибиковъ, полагаясь на искусство, усердіе и вѣрность Державина, отправилъ его съ важными порученіями въ окрестности Саратова, съ тѣмъ, чтобы на Иргизѣ и Узеняхъ стеречь Пугачева, замѣтить его доброжелателей, подсылать въ толпу его подлазчиковъ, наблюдать образъ мыслей мѣстнаго населенія и обличать обманы Пугачева и его сообщниковъ. Въ данномъ Державину при этой командировкѣ «тайномъ наставленіи» Бибиковъ возлагалъ большія надежды на личныя его качества и предоставлялъ большой просторъ его распорядительности и здравому разсужденію. Для сношеній съ самимъ Бибиковымъ и другими генералами, Державину данъ былъ особый ключъ цифирнаго письма. Во время этой командировки Державинъ основалъ свое мѣстопребываніе въ дворцовомъ селѣ Малыковѣ, переименованномъ впослѣдствіи въ городъ Вольскъ.— Послѣдствія оправдали довѣрчивость Бибикова къ способностямъ Державина. Въ отвѣтъ на сообщенія послѣдняго о томъ, что имъ сдѣлано, Бибиковъ отвѣчалъ: «Всѣ принятыя вами на первый случай распоряженія производятъ во мнѣ особливое удовольствіе... Я на благоразуміе ваше полагаюсь...» (Соч. V, 23). Но Державинъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе со стороны Астраханскаго губернатора Кречетникова, власти котораго подчиненъ былъ тогда и Саратовъ. Державинъ прибылъ въ этотъ городъ главнымъ образомъ съ цѣлію получить въ свое распоряженіе отрядъ изъ войска, которымъ располагалъ губернаторъ въ Саратовѣ. Но Кречетниковъ наотрѣзъ отказалъ ему, и отсюда начинается рядъ столкновеній Державина съ мѣстными властями. Виною этихъ столкновеній былъ отчасти настойчивый и заносчивый характеръ Державина, отчасти-же нелады между самими главными начальниками. Пока былъ живъ Бибиковъ,

такъ хорошо понимавшій Державина, несогласія между властями не могли быть опасны для послѣдняго, но по смерти Бибикова обстоятельства перемѣнились.

Между тѣмъ кн. Голицынъ разбилъ Пугачева при крѣпости Татищевой и этимъ освободилъ Оренбургъ отъ осады мятежниками, продолжавшейся цѣлыхъ полгода. Пугачевъ бросился на Яикъ, и это побудило Державина самому идти на освобожденіе Яицкаго городка. Не получивъ войскъ отъ Кречетникова, онъ самъ составилъ отрядъ изъ Саратовскихъ колонистовъ и мѣстныхъ крестьянъ, самовольно захвативъ по пути и часть Донскихъ казаковъ, стоявшихъ на Иргизѣ. Но на пути получилъ извѣстіе, что генералъ Мансуровъ уже занялъ Яицкій городокъ, и Державинъ долженъ былъ возвратиться въ колонію Малыковку, бывшую въ это время центромъ его военной дѣятельности. Черезъ двѣ недѣли онъ получилъ извѣстіе о производствѣ его въ поручики. Такъ выразилъ Бибиковъ уваженіе и благодарность своему энергичному и смѣлому подчиненному. Но извѣстіе объ этомъ пришло къ Державину тогда, когда его покровителя не было уже на свѣтѣ: онъ скончался 9-го апрѣля 1774 г, въ Бугульмѣ, по дорогѣ въ Оренбургъ, только-что освобожденный побѣдой кн. Голицына отъ осады мятежниковъ. Глубоко огорченный этой потерей, Державинъ выразилъ свои чувства въ тогда-же написанномъ стихотвореніи: «На смерть Бибикова», которое начинается такими словами:

«Тебя-ль оплакивать я долженъ,
О Бибиковъ! какой ударъ!
Тебѣ-ли кипарисны лозы
И миро я на гробъ несу?
Едва успѣлъ тобой быть знаемъ,
Лишенъ тебя я рокомъ лютымъ,
Погибъ съ печали разумъ мой!
Твои достоинства лишь вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.
Твои заслуги и почтенье
Отъ всей къ тебѣ твоей страны
Уже столь громки и велики.
Что время ихъ не можетъ скрыть».

И въ послѣдней строфѣ такъ опредѣляетъ эти заслуги:

«Онъ былъ искусный вождь во браняхъ,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества надежда тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! Стой благоговѣйно!
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ»!

(Ода эта появилась вскорѣ въ печати, въ изданной Державинымъ книжкѣ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалогаѣ», Спб. 1776).

По смерти Бибикова, въ должность главнокомандующаго вступилъ старшій по немъ генералъ, кн. Ф. Ф. Щербатовъ. Смерть Бибикова оставила Державина въ очень неопредѣленномъ положеніи. При жизни своего покровителя онъ игралъ роль, вовсе не соотвѣтствовавшую его чину и служебному положенію и доставшуюся ему только по личному довѣрію и расположенію къ нему скончавшагося главнокомандующаго. При новомъ начальникѣ произошли перемѣны въ личномъ составѣ служащихъ; многіе изъ волонтеровъ — гвардейскихъ офицеровъ — стали проситься обратно въ свои полки и нѣкоторые, дѣйствительно, были уволены. Стали поговаривать, что главная опасность уже миновала... Державинъ тоже почувствовалъ, что его положеніе стало невѣрнымъ, и думалъ уже проситься назадъ въ полкъ. Но новый главнокомандующій увѣдомилъ его, что Императрица повелѣла вести дѣла совершенно на прежнемъ основаніи, отнюдь не измѣняя «связи и теченія» ихъ, почему онъ, главнокомандующій, и надѣется, что Державинъ не поскучаетъ продолжать свое дѣло съ тѣмъ же усердіемъ. «Я всегда съ особливымъ удовольствіемъ рапорты ваши получаю», писалъ Державину кн. Щербатовъ 27 мая 1774 г., «усматривая изъ нихъ особливое попеченіе и труды ваши, съ которыми исполняете вы возлагаемое на васъ дѣло. Всѣ послѣдніе рапорты ваши дѣлаютъ вамъ честь, а во мнѣ производятъ къ вамъ признаніе» (соч. V, 105). Распорядительность и предусмотрительность Державина вполнѣ объясняется его взглядомъ на источникъ бунта. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ тогдашнихъ русскихъ людей, которые очень хорошо понимали, что преступные замыслы Пугачева и его сообщниковъ никогда не получили бы такого широкаго распространенія, еслибы въ самомъ настроеніи народной массы не было готовой для того почвы. Главную причину общаго неудовольствія

противъ правительства онъ видѣлъ въ лихоимствѣ чиновниковъ, что и высказалъ вполнѣ откровенно въ письмѣ своемъ къ Казанскому губернатору фонъ-Брандту. «Надобно», писалъ онъ ему 4 іюня 1774 г., «остановить грабительство, или, чтобъ сказать яснѣе, безпрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощаетъ людей. Въ секретной инструкціи, данной мнѣ покойнымъ Александромъ Ильичемъ, было мнѣ между прочимъ предписано разузнавать образъ мыслей населенія. Сколько я могъ примѣтить, это лихоимство производитъ наиболѣе ропота въ жителяхъ, потому что всякій, кто имѣетъ съ ними малѣйшее дѣло, грабитъ ихъ. Это дѣлаетъ легковѣрную и неразумную чернь недовольною и, если смѣю говорить откровенно, это всего болѣе поддерживаетъ язву, которая теперь свирѣпствуетъ въ нашемъ отечествѣ» (соч. V, 109—110). Это мнѣніе Державина вполнѣ подтверждается всѣми, имѣющимися у насъ въ рукахъ данными: и распоряженіями правительства, всегда боровшагося съ этимъ исконнымъ нашимъ недугомъ, и мнѣніями современниковъ, каковы кн. Вяземскій, А. И. Бибиковъ, гр. П. И. Панинъ, и бытовыми изображеніями, нарисованными намъ тогдашними писателями (Сумароковымъ, фонъ-Визинымъ, Крыловымъ, Капнистомъ и самимъ Державинымъ).

Убѣдившись, что онъ и при новомъ начальникѣ пользуется такимъ же довѣріемъ какъ при Бибиковѣ, Державинъ, основываясь на полученныхъ имъ приказаніяхъ, опять усилилъ свою дѣятельность: по обѣ стороны Волги разставилъ онъ пикеты, каждый изъ 35-ти человѣкъ, которые день и ночь должны были дѣлать разъѣзды вверхъ по рѣкѣ, чтобы ловить подсылаемыхъ Пугачевымъ для возмущенія народа «передовщиковъ»; по деревнямъ подтвердилъ приказаніе имѣть крѣпкіе караулы и на Волгѣ изготовить суда; составлялъ изъ обывателей отряды и вмѣстѣ съ казаками употреблялъ ихъ противъ мятежниковъ; смѣнялъ ненадежныхъ крестьянскихъ старшинъ и приказывалъ замѣнять ихъ другими, болѣе добросовѣстными и исправными. Такая энергическая дѣятельность его противъ мятежниковъ не прошла ему даромъ. Въ средѣ мѣстныхъ жителей затаилось глухое неудовольствіе противъ него, выразившееся въ двукратномъ покушеніи поджечь въ Малыковкѣ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Можетъ быть съ этою же цѣлью произошелъ въ Малыковкѣ пожаръ, истребившій почти все село. Это вынудило Державина уѣхать въ Саратовъ. Въ это время у него явился еще новый начальникъ. Назначивъ кн. Щербатова главнокомандующимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, Императрица не передала въ его вѣдѣніе секретныхъ комиссій, подчинивъ ихъ временно мѣстнымъ губернаторамъ. Но вскорѣ начальство надъ секретными комиссіями поручено было родственнику кн. Потемкина, генералъ-маіору Павлу Серг. Потемкину. Узнавъ о прибытіи послѣдняго въ Казань, кн. Щербатовъ поспѣшилъ отправить къ нему всѣ рапорты Державина и другія бумаги, относившіяся къ его дѣятельности, отозвавшись объ немъ съ большою похвалою. Ознакомившись съ дѣйствіями Державина, Потемкинъ писалъ ему изъ Казани 26 іюля 1774 г.: ... «получилъ я отъ ген.-поручика и кавалера кн. Щербатова всѣ дѣла, вами произведенныя. Разсматривая ихъ, съ особливымъ удовольствіемъ находилъ я порядокъ оныхъ, образъ вашего намѣренія и связь его съ дѣлами, а потому вамъ нелестно скажу, что таковый помощникъ много облегчитъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я наѣхалъ въ Казань» (соч. V, 145). Упоминаемыя тутъ обстоятельства состояли въ томъ, что черезъ четыре дня по пріѣздѣ Потемкина въ Казань, она была разорена Пугачевымъ, и самъ Потемкинъ долженъ былъ изъ нея выступить.

Прибывъ, послѣ пожара въ Малыковкѣ, въ Саратовъ, Державинъ засталъ тамъ раздоры между начальниками, не хотѣвшими подчиняться другъ другу. Главнымъ предметомъ споровъ были вопросы о способѣ обороны города противъ мятежниковъ. Принявъ участіе въ обсужденіи этого вопроса, Державинъ, несмотря на всю свою настойчивость и быстроту распоряженій, ничего не могъ добиться. Между тѣмъ Пугачевъ уже приближался къ Саратову. Изъ Петровска, крѣпости, находившейся въ 97 верстахъ отъ Саратова, дали знать, что мятежники уже близко. Чтобы спасти казну и военные припасы, Державинъ рѣшился самъ выступить къ Петровску съ отрядомъ Донскихъ казаковъ въ 100 человѣкъ. Но онъ не только не успѣлъ спасти крѣпости

но чуть было самъ не поплатился за свою смѣлость. Бывшіе съ нимъ казаки измѣнили и перешли на сторону мятежниковъ. Державинъ остался съ двумя офицерами и своимъ слугою-полякомъ и вынужденъ былъ сломя голову скакать къ Саратову. Пугачевъ съ нѣсколькими сообщниками своими гнался за ними верстъ десять; бѣглецы уже были у него въ виду, но, благодаря прыткости своихъ лошадей, не были настигнуты; въ руки мятежниковъ попалъ только слуга Державина. Положеніе Саратова сдѣлалось безнадежнымъ, и хотя Державинъ имѣлъ полное право не дожидаться нападенія Пугачева на Саратовъ, тѣмъ болѣе, что онъ пріѣхалъ сюда на время съ особою цѣлью, безъ воинской команды, однако, по чувству чести русскаго офицера рѣшился уже раздѣлить опасности съ жителями города. Но въ это время онъ получилъ извѣстіе, что собранный имъ въ Малыковкѣ отрядъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, который онъ велѣлъ привести на помощь Саратову, отказывается идти, требуя, чтобы Державинъ самъ его велъ. Понявъ опасность такого положенія вещей при данныхъ обстоятельствахъ, Державинъ выѣхалъ изъ Саратова часовъ за 15 до прихода туда Пугачева. Переправившись за Волгу, въ лежащее противъ Саратова село Покровское, онъ былъ тутъ сначала задержанъ недостаткомъ лошадей, а потомъ, услышавъ о разореніи Саратова и опасаясь, чтобы собранный имъ крестьянскій отрядъ не передался Пугачеву, распустилъ его, а самъ остался на нѣкоторое время въ Саратовскихъ колоніяхъ, гдѣ у него были пріятели. Тутъ онъ узналъ, что захваченный бунтовщиками подъ Петровскомъ слуга его взялся за 10,000 захватить его и доставить Пугачеву. Державинъ вскочилъ на осѣдланную лошадь и поскакалъ за 90 верстъ въ Сызрань, къ генералу Мансурову, куда и прибылъ благополучно, успѣвъ въ то же время послать въ Малыковку приказаніе казначею и управителю увезти казну и бумаги на какой-нибудь островокъ на Волгѣ и тамъ окопаться. Приказаніе это было исполнено въ точности, и такимъ образомъ при разграбленіи Малыковки мятежниками, казна и бумаги, а также и укрывшіеся на островкѣ люди были спасены.

Въ это время произошла новая перемѣна въ главноначальствующихъ надъ взволнованнымъ краемъ лицахъ. Кн. Щербатовъ былъ отозванъ, сдавъ команду кн. Голицыну, а вскорѣ главное начальство по усмиренію бунта ввѣрено было графу П. И. Панину.

Между тѣмъ заволновались и киргизы, отъ нападеній которыхъ страдали Саратовскія колоніи, тоже взволнованныя уже подосланнымъ отъ Пугачева слугою Державина. Тогда послѣдній съ 600 крестьянъ и 25 гусарами выступилъ въ степь противъ киргизовъ и, встрѣтивъ на четвертый день партію ихъ, болѣе 1000 челов., разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство, освободивъ при этомъ свыше 800 челов. плѣнныхъ колонистовъ. Чтобы предотвратить на будущее время набѣги киргизовъ, Державинъ разставилъ по колоніямъ посты и учредилъ разъѣзды изъ жителей. Объ этомъ подвигѣ Державина кн. Голицынъ поспѣшилъ донести гр. Панину, обращая его особенное вниманіе на дѣятельность молодого поручика, «который по его усердію и ревности къ службѣ Е. И. В-ва, удостоивается (т. е. дѣлается достойнымъ) монаршаго благоволенія» (Я. Гротъ: Жизнь Державина, 186). Гр. Панинъ приказалъ кн. Голицыну выразить Державину его благодарность и обѣщалъ донести о немъ Императрицѣ. Дѣло съ киргизъ-кайсаками распространило извѣстность Державина: о немъ заговорили въ военной средѣ, и тотъ говоръ дошелъ и до Суворова, который писалъ ему 10 сентября 1774 г.: «О усердіи къ службѣ Е. И. В-ва вашего благородія я уже много извѣстенъ; тожъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи киргизовъ, какъ и о посланіи партіи за сброднею разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана» (Соч., V, 218—219).

Въ это время Пугачевъ окончательно былъ разбитъ полковникомъ Михельсономъ при Черномъ Ярѣ и бѣжалъ къ Узенямъ. Узнавъ объ этомъ, кн. Голицынъ поручилъ Державину слѣдить за движеніями разбитаго самозванца. Посланные Державинымъ «надзорщики» возвратились съ захваченнымъ ими «полковникомъ» Пугачева Мельниковымъ и съ извѣстіемъ, что Пугачевъ схваченъ своими сообщниками. Державинъ поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ счастливомъ событіи П. С. Потемкина.

Между тѣмъ, надъ самимъ Державинымъ собралась гроза. Мы упоминали уже о столкновеніяхъ его съ Астраханскимъ губерна-

торомъ Кречетниковымъ. При назначеніи гр. Панина, Кречетниковъ, находившійся съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, жаловался ему на Державина, называя его вѣтренымъ молодымъ человѣкомъ и пристрастно изображая столкновеніе его съ Саратовскимъ комендантомъ Бошнякомъ по вопросу объ оборонѣ города. Именно по поводу поведенія Державина въ Саратовѣ и возникло противъ него не только неудовольствіе, но даже подозрѣніе въ искренности его дѣйствій. Сама Императрица писала гр. Панину: «Доходили до меня гвардіи поручика Державина о семъ комендантѣ (Бошнякѣ) письма, кои не въ его пользу были; а какъ сей Державинъ самъ изъ города отлучился будто за сысканьемъ секурса, а вы объ немъ нигдѣ не упоминаете, то уже его показанье нѣсколько подвержено сомнѣнію, которое прошу, когда случай будетъ, пообъяснить навѣданіемъ объ обращеніяхъ сего гвардіи поручика Державина и соотвѣтствовала ли его храбрость и искусство его словамъ, а присланъ онъ былъ туда отъ покойнаго генерала Бибикова» (Сборн. Истор. Общ., VI, 120). Это письмо заставило гр. Панина произвести цѣлое изслѣдованіе о поведеніи Саратовскихъ властей при нападеніи на этотъ городъ Пугачева. Отъ Державина потребовали объясненія, почему онъ оставилъ Саратовъ передъ самымъ приходомъ туда самозванца? Державинъ отвѣтилъ не по командѣ, а прямо самому гр. Панину длиннымъ и подробнымъ письмомъ, къ которому приложилъ, въ копіяхъ, цѣлую кипу документовъ. «Подлинныхъ документовъ для того я здѣсь не приложилъ», писалъ онъ въ концѣ этого, весьма интереснаго и важнаго для характеристики Державина письма, «что ежели ваше сіятельство, къ чести моей, прикажете нарядить судъ, то я и тогда оные представлю» (соч. V, 246). Несмотря на то, что Державинъ уже пріобрѣлъ въ краѣ извѣстность своими дѣйствіями и заслужилъ одобреніе многихъ начальствующихъ лицъ: Бибикова, кн. Голицына, кн. Щербатова, П. С. Потемкина, Суворова, гр. Панинъ отнесся къ нему съ явнымъ недовѣріемъ и иронически замѣтилъ ему въ отвѣтномъ письмѣ, будто онъ приводитъ въ свое оправданіе одни слова, но «регулы военныя, да и всѣ прочіе законы пріемлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность больше существительныя дѣйствія, нежели сокровенность человѣческихъ сердецъ, изъявляемыхъ словами. Сего ради, по истинному къ вамъ усердію, совѣтую отложить желаніе ваше предстать предъ военный судъ» (Соч., V, 252). Задѣтый за-живое оскорбительнымъ и несправедливымъ отвѣтомъ гр. Панина и видя, что ни въ комъ не можетъ найти поддержки и защиты, Державинъ рѣшился лично оправдаться предъ гр. Панинымъ, для чего и отправился къ нему въ Симбирскъ. Происшедшій между ними разговоръ расположилъ было гр. Панина къ его смѣлому, рѣшительному и прямодушному подчиненному, но слѣды неудовольствія не исчезли, и Державинъ долго не получалъ никакой награды за службу во время Пугачевщины.

Пробывъ, послѣ поимки Пугачева и разсѣянія его шаекъ, еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Саратовскихъ колоніяхъ, Державинъ въ серединѣ лѣта 1775 г. возвратился наконецъ въ Москву, въ свой полкъ. Проѣзжая черезъ Казань, онъ съ грустью узналъ, что и ихъ городской домъ, и ихъ имѣніе были раззорены, и впереди ему со старушкой матерью предстояли одни лишенія.

Въ Москвѣ его ждали новыя огорченія. Начальство въ полку перемѣнилось, и Державинъ былъ принятъ безъ всякаго вниманія, и велѣно было его числить при полку просто, какъ-бы явившагося изъ отпуска или изъ какой ничего не значущей посылки» (Соч. VI. Зап., 522). Это обидное невниманіе къ несомнѣннымъ заслугамъ Державина съ особенной рѣзкостью обнаружилось въ томъ, что за незначительную и невольную ошибку по фронтовой службѣ онъ наряженъ былъ не въ очередь на палочный караулъ.

До какой степени неблагопріятно сложились для Державина обстоятельства, видно изъ того, что даже люди высокопоставленные и безкорыстно цѣнившіе заслуги Державина ничего не могли для него сдѣлать. Проѣзжая, по дорогѣ въ Москву, мимо Свіяжска, онъ имѣлъ удовольствіе прочесть письмо къ свіяжскому воеводѣ Чирикову отъ извѣстнаго историка, герольдмейстера, кн. Мих. Мих. Щербатова, который писалъ Чирикову: «Когда будетъ проѣзжать мимо васъ нѣкто гвардіи офицеръ Державинъ, находящійся теперь въ вашемъ краю, то скажите ему

отъ меня, чтобъ увидѣлся со мною въ домѣ моемъ, когда пріѣдетъ въ Москву» (VI, Зап. 522). Державинъ очень удивился такому «чудному» приглашенію, ибо съ кн. Щербатовымъ онъ знакомъ не былъ и никакой съ нимъ связи и переписки не имѣлъ. Очутившись въ Москвѣ въ томъ обидномъ и почти безвыходномъ положеніи, о которомъ мы говорили выше, онъ вспомнилъ это приглашеніе и дѣйствительно явился къ кн. Щербатову, въ надеждѣ, что онъ ему поможетъ. Но тутъ его ждало еще бо̀льшее огорченіе. Оказалось, что кн. Щербатовъ, получивъ отъ Государыни его реляціи для сохраненія въ архивѣ съ прочими документами, желалъ лично его узнать и даже высказалъ ему, что «онъ ему сдѣлаетъ честь своимъ знакомствомъ»; предлагалъ даже ему поселиться въ его домѣ. Но тутъ-же Державинъ узналъ, что главный его врагъ—гр. Панинъ, который, какъ побѣдитель Пугачева и усмиритель бунта, былъ въ это время въ великой силѣ при дворѣ, и кн. Щербатовъ прямо сознался Державину, что онъ ничего не можетъ для него сдѣлать. «Вы несчастливы», сказалъ ему кн. Щербатовъ: «гр. П. И. Панинъ—страшный вашъ гонитель. При мнѣ у Императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ и тому подобное»(Соч.VI, Зап. 524). Пораженный этимъ разсказомъ кн. Щербатова, Державинъ понялъ, что ему ничего другаго не остается, какъ самому о себѣ похлопотать. Онъ обратился къ главному своему начальнику, кн. Г. А. Потемкину, съ письмомъ, въ которомъ, изложивъ все сдѣланное имъ во время командировки, просилъ сравнять его съ награжденными уже товарищами. Письмо это онъ лично вручилъ кн. Потемкину, силою войдя въ его уборную, куда камеръ-лакей не хотѣлъ его пускать. Потемкинъ, прочитавъ письмо, сказалъ, что доложитъ Императрицѣ.

Между тѣмъ, по личнымъ денежнымъ обстоятельствамъ Державинъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Здѣсь, находясь опять почти безъ всякихъ денежныхъ средствъ, онъ вздумалъ снова поискать счастья въ игрѣ и на послѣднія 50 руб. выигралъ до 40,000. Не получая никакого отвѣта отъ Потемкина, онъ рѣшился на новый смѣлый шагъ. Пріѣхавъ въ Петергофъ, подалъ чрезъ статсъ-секретаря А. А. Безбородко письмо самой Императрицѣ, съ изложеніемъ своихъ заслугъ и съ приложеніемъ оправдательныхъ документовъ. Результатъ получился совершенно для Державина неожиданный. Признанный неспособнымъ къ военной службѣ, онъ былъ выпущенъ (15 февраля 1777 г.) въ статскую, съ производствомъ въ коллежскіе совѣтники и съ пожалованіемъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи.

Наиболѣе обстоятельный и безпристрастный біографъ Державина, Я. К. Гротъ, подводя итогъ его дѣятельности въ взволнованномъ смутою краѣ, совершенно справедливо говоритъ: «Просматривая кипы бумагъ, составляющихъ далеко не полную переписку его во время Пугачевщины, мы прежде всего поражены неутомимою его дѣятельностью: ничто не ускользаетъ отъ его вниманія; онъ предусматриваетъ нужды и во̀-время увѣдомляетъ о нихъ кого слѣдуетъ, предлагаетъ и вызываетъ мѣры осторожности, сносится безпрерывно съ начальниками и другими лицами, идетъ самъ добровольно навстрѣчу опасностямъ, которыхъ легко могъ-бы избѣжать,—словомъ, дѣлаетъ гораздо болѣе, нежели сколько собственно былъ обязанъ дѣлать по своему назначенію. Неудивительно, что онъ такимъ образомъ умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые часто искали помощи въ немъ, какъ будто въ равномъ себѣ по власти. Но тѣ же свойства надѣлали ему и враговъ между мѣстными властями. Сохраняя полное безпристрастіе, нельзя не подтвердить собственнаго его свидѣтельства, что онъ способствовалъ къ огражденію киргизскихъ селеній и заволжскихъ колоній отъ окончательнаго раззоренія калмыками и киргизами, возвратилъ около тысячи плѣнныхъ, два раза снабдилъ войска Мансурова и Муфеля провіантомъ и спасъ Малыковскую казну отъ разграбленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ истратилъ очень мало казенныхъ денегъ (не болѣе 600 руб.)». (Жизнь Державина, 231).—Къ этому должно еще прибавить, что, истративъ мало казенныхъ денегъ, онъ потерялъ много своихъ: войска, шедшія къ осажденному Пугачевымъ Оренбургу, жили, въ числѣ 40,000 подводъ, у него въ имѣніи, въ Оренбургской губерніи, «Яко въ съѣздномъ мѣстѣ, недѣли съ

двѣ, съѣли весь хлѣбъ молоченый и немолоченый, солому и сѣно, скотъ и птицъ, и даже обожгли дворы и разорили крестьянъ до основанія, побравъ у нихъ одежду и все имущество»(Соч. VI, Зап. 527). За все это ему слѣдовало получить съ казны по крайней мѣрѣ тысячъ 25, но онъ съ великимъ трудомъ получилъ только 7000.

По выходѣ въ статскую службу, Державинъ, черезъ одного изъ старыхъ пріятелей своихъ, Окунева, познакомился съ генералъ-прокуроромъ, кн. Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ и скоро настолько сблизился съ его семьей, что проводилъ у нихъ цѣлые дни, игралъ съ княземъ въ карты по маленькой, читалъ ему вслухъ. Вскорѣ открылась въ Сенатѣ вакансія экзекутора въ 1-мъ департаментѣ, и кн. Вяземскій, по просьбѣ Державина, опредѣлилъ его въ эту должность. Это дало ему случай познакомиться съ сенаторами и другими важными лицами. Тутъ-же завязались у него знакомства съ нѣкоторыми сослуживцами, достигшими впослѣдствіи высшихъ должностей: съ А. В. Храповицкимъ, А. С. Хвостовымъ, О. П. Козодавлевымъ.

18 апрѣля 1778 г. 34-лѣтній Державинъ вступилъ въ бракъ съ 17-ти лѣтней красавицей, Екатериной Яковлевной Бастидонъ, дочерью любимаго камердинера Петра III, Якова Бенедикта Бастидона, родомъ португальца. Мать Катерины Яковлевны была кормилицей Вел. Кн. Павла Петровича, но была на дурномъ счету у Императрицы Екатерины II. Такимъ образомъ, невѣста Державина приходилась молочной сестрой Великому Князю. Передъ свадьбой Державинъ, вмѣстѣ съ будущей тещей своей, представлялся Великому Князю, который принялъ ихъ очень ласково и обѣщалъ невѣстѣ приданое, «сколько въ его силахъ будетъ».—Катерина Яковлевна, которую Державинъ называлъ въ своихъ стихотвореніяхъ Плѣнирой, обладала всѣми условіями для семейнаго счастья: имѣла кроткій и веселый нравъ, любила тихую домашнюю жизнь и проводила время въ чтеніи, рисованіи и рукодѣліяхъ, въ которыхъ была большая мастерица.

Первые два, три года службы Державина при кн. Вяземскомъ прошли довольно спокойно. Князь оказывалъ ему довѣріе и давалъ нѣкоторыя порученія. Въ 1780 году онъ даже былъ повышенъ на службѣ и переведенъ совѣтникомъ экспедиціи доходовъ въ только-что учрежденныхъ тогда экспедиціяхъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Имъ-же было составлено и положеніе о кругѣ дѣйствія и обязанностяхъ этихъ экспедицій, которое сохранило свою силу до преобразованія экспедицій въ департаментъ государственнаго казначейства въ 1820 году. За составленіе этого положенія, которымъ онъ впослѣдствіи очень гордился, онъ ждалъ награды, но ничего не получилъ. Тогда онъ, по всей вѣроятности черезъ А. А. Безбородко, обратился съ просьбой о награжденіи къ самой Императрицѣ и 18 іюля 1782 г. произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Это было первымъ поводомъ къ неудовольствіямъ его съ кн. Вяземскимъ, который не могъ помириться съ мыслію, что его подчиненный помимо него выпросилъ себѣ награду. Другимъ поводомъ къ неудовольствію кн. Вяземскаго на Державина было то, что послѣдній писалъ стихи. Кн. Вяземскій всякаго чиновника, пускавшагося въ литературу, презрительно называлъ «живописцемъ» и считалъ никуда не годнымъ. Неудовольствіе это усилилось, когда въ домѣ самого-же кн. Вяземскаго Державинъ получилъ: отъ Императрицы пакетъ съ надписью «Изъ Оренбурга отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Державину». Въ пакетѣ была золотая табакерка, осыпанная брильянтами, и въ ней 500 червонцевъ. Это была награда за оду «Фелица». «Съ того времени», говоритъ Державинъ въ запискахъ, «закралось въ его (кн. Вяземскаго) сердце ненависть и злоба, такъ что равнодушно съ новопрославившимся стихотворцемъ говорить не могъ: привязываясь во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы не способны ни къ какому дѣлу» (VI, 555). При его пылкомъ и самолюбивомъ характерѣ, такое положеніе стало для него невыносимымъ, и онъ рѣшился разстаться со своимъ брюзгливымъ и капризнымъ начальникомъ, тѣмъ болѣе, что и по службѣ начались у него столкновенія и съ самимъ кн. Вяземскимъ и съ другими сослуживцами.—15 февраля 1784 г. онъ былъ уволенъ вовсе отъ службы, съ производствомъ въ дѣйств. стат. совѣтники.

*

Императрица, до которой дошелъ слухъ о ссорѣ поэта съ генералъ-прокуроромъ, утвердивъ докладъ Сената объ увольненіи Державина, поручила Безбородкѣ сказать ему, что будетъ имѣть его въ виду.

Еще до оставленія службы при кн. Вяземскомъ Державинъ мечталъ о губернаторствѣ, особенно на своей родинѣ, въ Казани. Черезъ три мѣсяца, 22 мая 1784 г. онъ дѣйствительно былъ назначенъ губернаторомъ только не въ Казань, а въ Петрозаводскъ. Этимъ назначеніемъ онъ обязанъ былъ новымъ своимъ покровителямъ: кн. Дашковой, гр. Воронцову и А. А. Безбородко. Кн. Вяземскій, услыхавъ объ этомъ назначеніи и зная пылкій, рѣзкій и неуступчивый характеръ Державина, воскликнулъ, что «развѣ по его носу полѣзутъ черви, нежели Державинъ просидитъ долго губернаторомъ» (VI, Зап. 560).

Передъ отправленіемъ къ своей новой должности, Державинъ побывалъ съ женой на родинѣ, куда давно звала его старушка мать; но они уже не застали его въ живыхъ: она умерла за три дня до ихъ пріѣзда. Похоронивъ ее рядомъ съ мужемъ въ казенномъ селѣ Егорьевѣ, Державинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ церкви села Егорьева каждую субботу служили заупокойную обѣдню по его родителямъ, «Посѣтивъ Егорьево въ 1862 г.», говоритъ Я. К. Гротъ, «я съ удивленіемъ узналъ, что это завѣщаніе не только давно уже не исполняется, но даже и вовсе неизвѣстно на мѣстахъ; самый подлинникъ письма Державина, въ которомъ оно было изложено, пропалъ безслѣдно» (Жизнь Державина, 360).

На основаніи учрежденія о губерніяхъ, изданнаго 7-го ноября 1775 г., все государство раздѣлено было на 40 губерній и 20 намѣстничествъ Губерніями управляли губернаторы, а намѣстничествами—намѣстники или генералъ-губернаторы. Но предѣлы власти того или другого и порядокъ ихъ взаимныхъ отношеній не были точно опредѣлены, и это должно было порождать между ними недоразумѣнія и раздоры. Жертвою этого неопредѣленнаго порядка вещей и сдѣлался вскорѣ Державинъ въ своемъ новомъ званіи Олонецкаго губернатора.

Намѣстникомъ, подъ начальствомъ, котораго пришлось ему служить, назначенъ былъ Тим. Ив. Тутолминъ, о которомъ сохранились противорѣчивыя свѣдѣнія. По словамъ самого Державина, онъ, будучи передъ тѣмъ губернаторомъ въ Твери, былъ «отъ всѣхъ за справедливаго, за умнаго и за дѣльнаго почитаемъ» (Соч., V, 845). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ любилъ жить роскошно и расточительно. Назначенный намѣстникомъ, онъ очутился вполнѣ въ своей сферѣ. Намѣстники пользовались почти царскими почестями; при торжественныхъ выѣздахъ они сопровождались отрядомъ легкой конницы, адъютантами и молодыми дворянами. «Намѣстники», говоритъ Державинъ, «которыхъ всѣ почести хотя зависѣли отъ мановенія Императрицы, чрезвычайно дурачились, представляя ея лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ при открытіяхъ губерній народныхъ депутатовъ и выбранныхъ судей» (Соч. III, 624). Это и заставило его сказать про нихъ въ одѣ «На счастіе»:

«На пышныхъ карточныхъ престолахъ
«Сидятъ мишурные цари» (Соч. I, 249).

Державинъ прибылъ въ Петрозаводскъ въ началѣ октября 1784 г. и присутствовалъ при открытіи своей губерніи, происходившемъ 9-го декабря того-же года.

«Съ первыхъ дней намѣстникъ и губернаторъ дружны были, всякій день другъ друга посѣщали, а особливо послѣдній перваго; хотя онъ во всѣхъ случаяхъ оказывалъ почти несносную гордость и превозношеніе, но какъ это было не въ должности, то и подлаживалъ его правитель губерніи, сколько возмогъ и сколько личное уваженіе требовало» (VI, Зап. 562—563). Но всѣ эти старанія Державина жить въ ладу со своимъ непосредственнымъ начальникомъ ни къ чему не привели. Тутолминъ на первыхъ же порахъ позволилъ себѣ превышеніе власти, издавъ «новый канцелярскій обрядъ» о порядкѣ производства дѣлъ въ подвѣдомственныхъ ему губерніяхъ. Такъ какъ этотъ, сочиненный намѣстникомъ «обрядъ» противорѣчилъ существовавшимъ узаконеніямъ и даже указу 1780 г., «въ которомъ воспрещалось намѣстникамъ ни на одну черту не прибавлять своихъ законовъ и исполнять въ точности Императорскою только властію изданные» (VI, Зап. 563), то Державинъ и вынужденъ былъ указать ему на это. Съ этого и начались между ними неудовольствія, перешедшія вскорѣ въ открытую вражду. Оба неполадившіе начальн-

ника обратились съ жалобами другъ на друга и въ Сенатъ, и къ самой Императрицѣ. Державинъ свое донесеніе о поступкахъ Тутолмина послалъ Императрицѣ черезъ Безбородко. Оканчивалось оно слѣдующими замѣчательными по своей прямотѣ и откровенности словами (какъ и все письмо, впрочемъ): «Но я повергаюсь предъ освященнымъ В. И. В. иpестоломъ и признаюсь, что съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ ему В. И. В. узаконенія, воспрещающія притязать законодательную власть, а онъ ихъ не уважилъ, то я все потерялъ къ нему внутреннее почтеніе и, сохраня наружность, соблюлъ ее до сихъ поръ. Теперь прибѣгаю подъ Высочайшую В. И. В. десницу и испрашиваю защиты себѣ, защиты императорскимъ законамъ и преимуществамъ, или благоволите съ меня снять бремя служенія подъ его начальствомъ, меня отягощающее» (Соч., V, 417). Формальнаго отвѣта онъ, конечно, не получилъ, но передаетъ въ своихъ запискахъ слухъ, будто «намѣстникъ былъ лично призванъ предъ Императрицу, гдѣ ему прочтено было донесеніе губернаторское, и онъ долженъ былъ на колѣняхъ просить милости» (VI, Зап. 567—568). Понятно, что распря между главными начальниками не могла не отразиться на ихъ подчиненныхъ, которые раздѣлились на двѣ враждебныя другъ другу партіи: намѣстническую и губернаторскую, и противники не мало причиняли Державину обидъ и непріятностей. Наконецъ, 15-го декабря 1785 г. состоялся Высочайшій указъ Сенату о переводѣ Державина губернаторомъ въ Тамбовъ.

Пробывъ въ Петрозаводскѣ всего съ небольшимъ годъ, онъ, конечно, не успѣлъ оставить какихъ-либо прочныхъ слѣдовъ своей дѣятельности. Одно только можно сказать, что, не смотря на кратковременность своего пребыванія въ новой должности, онъ все-таки совершенно ясно съумѣлъ въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ выразить свой прямой, благородный характеръ и свою поразительную, мало у кого встрѣчающуюся жажду правды, и одной только правды. Желая и другимъ внушить идею правды и нравственнаго долга, онъ заявлялъ въ своихъ офиціальныхъ предложеніяхъ намѣстническому правленію: «дабы и мнѣ, яко управляющему губерніею, заслужить отъ всѣхъ чиновъ твердое надѣяніе, что донесенія ихъ хотя ыли-бы они прямо показаніямъ моимъ противорѣчащіе и изобличающіе, противъ высочайшихъ законовъ и истины, мои какіе-либо поступки, то могутъ не токмо гг. прокуроры и стряпчіе, по ихъ обязанностямъ, но и всякій проситель прійти ко мнѣ во всякое время и сказать безстрашно мои ошибки; что̀ ежели справедливо, то не токмо съ снисхожденіемъ и благодарностію принято будетъ, но, елико можно, исправлено, а чего уже исправить нельзя, то съ уничижительнымъ благоговѣніемъ не устыжусь я принести мое извиненіе поставленной надо мною вышней власти, и впредь исправлюсь (Соч., VII, 50). И слова эти не оставались только словами. Когда, вслѣдствіе происшедшаго между Державинымъ и совѣтникомъ правленія Соколовымъ столкновенія, городскіе сплетники распространили по городу слухъ, будто Державинъ билъ Соколова (оказавшійся, конечно, ложнымъ, ибо самъ Соколовъ заявилъ, что онъ ничего подобнаго не говорилъ), то Державинъ, воспользовавшись этими сплетнями, приказалъ черезъ правленіе объявить какъ самому Соколову, такъ и всѣмъ чинамъ и обывателямъ Петрозаводска, «что ежели въ самомъ дѣлѣ учинилъ я не токмо съ таковымъ чиновнымъ человѣкомъ, каковъ г. Соколовъ, но и съ послѣднимъ гражданиномъ или поселяниномъ каковой неприличной моему характеру и ввѣренной мнѣ власти поступокъ, какъ-то: побои, брань, или какого-бы то ни было роду незаконное притѣсненіе, домогательство, укоризну и насмѣшку, то, не взирая на то, что ежели бы прошли установленные по законамъ на подачу жалобъ сроки, взносилибы на меня свои письменныя прошенія съ ясными доказательствами, куда слѣдуетъ по законамъ» (Соч., VII, 52). Примѣры эти показываютъ, насколько правъ былъ Державинъ, когда писалъ В. В. Капнисту изъ Петрозаводска, 29 апр. 1785 г.: «у меня въ дѣлахъ моихъ никакого секрета нѣтъ. Я все публично: и ссорюсь, и мирюсь» (Соч., V, 408). О дѣятельности своей по управленію Олонецкой губерніей, самъ Державинъ, въ запискахъ своихъ говоритъ:

«Въ Олонецкой губерніи сдѣланы Державинымъ нѣкоторыя распоряженія и составлены сочиненія, заслуживающія нѣкоторое вниманіе:

1-е Секретное распоряженіе для земской полиціи о недопущеніи раскольниковъ сожигать самихъ себя, какъ прежде часто то они изъ бѣсновѣрства чинили.

2-е. Уставъ о раздачѣ Лапландцамъ хлѣба заимообразно изъ заведеннаго для нихъ магазейна, суммою въ 60,000 руб., которыя деньги и хлѣбъ, по непорядочной раздачѣ, почти были всѣ пропадшими.

3-е. Установленіе пограничной таможенной стражи между Россіею и Шведскою Лапландіею, при которомъ случаѣ по приказанію губернатора и описаніе самой Лапландіи сочинено Экзекуторомъ Эминымъ

4. Уста.новленіе больницы на 40 чел. подъ вѣдомствомъ приказа общественнаго призрѣнія, при открытіи и освященіи которой говорена была рѣчь соборнымъ священникомъ Іоанномъ, сочиненная губернаторомъ за неимѣніемъ ученыхъ духовныхъ. Сія рѣчь принята съ похвалою и напечатана въ публичныхъ Вѣдомостяхъ. Наконецъ пресѣченъ родъ крестьянскаго возмущенія, происшедшаго по поводу приказовъ Экономіи директора Ушакова» (VI, Зап. 576—577).

Кромѣ того, изъ переписки Державина съ Новиковымъ видно, что, отправляясь въ Петрозаводскъ, онъ выписалъ отъ Новикова цѣлую библіотеку, до 300 названій, самаго разнороднаго содержанія: сочиненія духовныя, историческія, путешествія, сказки, стихотворенія (Соч., V, 548 — 549, 645 — 649). «Очевидно», говоритъ біографъ его, Я. К. Гротъ, «что губернаторъ, отправляясь представителемъ власти въ провинцію и притомъ въ край, довольно еще мало развитый въ отношеніи гражданственности, хотѣлъ быть тамъ и представителемъ просвѣщенія, хотѣлъ имѣть въ рукахъ своихъ средства для распространенія образованности въ мѣстномъ обществѣ» (Жизнь Державина, 475—476). Къ этому должно прибавить еще одну заслугу, хотя самъ Державинъ и называетъ ее «дурачествомъ». При возникшемъ между нимъ и Тутолминымъ раздорѣ, послѣдній, ревизуя губернское правленіе, «дѣлалъ разные вопросы и привязывался къ учрежденному порядку, т. е. къ заведеннымъ записнымъ книгамъ и прочему, даже къ мебелямъ». Но Державинъ отвѣтилъ, «что для мебели суммы онъ отъ него, намѣстника, не получалъ, а ежели которыя и есть мебели, то его, Державина, собственныя; ибо онъ изъ особливаго усердія къ службѣ, думая заслужить похвалу, подурачился и, купивъ на нарочитую сумму мебелей въ Петербургѣ, то есть столовъ, стульевъ и шкафовъ, отправилъ еще осенью водою въ Петрозаводскъ, чѣмъ и наполнены были не токмо губернское правленіе, но и прочія губернскія и нижнія мѣста» (VI, Зап. 564—565). Что дѣятельность Державина въ Петрозаводскѣ не осталась безъ результатовъ, доказывается тѣмъ, что ревизовавшіе Олонецкую губернію, вскорѣ по удаленіи изъ нея Державина, сенаторы гр. А. Р. Воронцовъ и А. В. Нарышкинъ выразили полное удовольствіе за скорое и исправное теченіе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ этой губерніи (Соч., V, 358). Это дало поводъ одному изъ бывшихъ подчиненныхъ Державина, въ письмѣ къ нему, задаться вопросомъ: «Теперь не ясно-ли обличилась ложь Тимофея Ивановича (Тутолмина), что губернія вся въ такомъ неустройствѣ, что гибнетъ?» (Тамъ-же). Съ другой стороны и населеніе долго помнило своего горячаго, но правдолюбиваго и безкорыстнаго начальника. Одинъ изъ тамошнихъ его подчиненныхъ писалъ ему: «всѣ честные люди въ Петрозаводскѣ и цѣлой Олонецкой губерніи поселяне, лишась въ особѣ вашей милостиваго начальника, ихъ благодѣтельствовавшаго, чувствуютъ уронъ свой въ полной силѣ» (Соч., V, 852).

Указъ о назначеніи Державина Тамбовскимъ губернаторомъ засталъ его уже въ Петербургѣ, куда онъ уѣхалъ въ отпускъ, съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться въ Петрозаводскъ. Представившись намѣстнику Тамбовскому, Ив. Вас. Гудовичу, находившемуся въ это время тоже въ Петербургѣ, Державинъ 4 февр. 1786 г. выѣхалъ съ женою и братомъ ея къ мѣсту новаго своего служенія, въ Тамбовъ, куда и прибылъ ровно черезъ мѣсяцъ, 4 марта. Губернаторство въ Тамбовѣ причинило Державину еще больше непріятностей, чѣмъ служба въ Петрозаводскѣ. Сначала, какъ и тамъ, онъ поладилъ было съ новымъ своимъ начальникомъ, Гудовичемъ. Познакомившись въ Петербургѣ, оба они произвели другъ на друга наилучшее впечатлѣніе. По вступленіи въ должность, Державинъ писалъ въ Петро-

заводскъ, одному изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ: «Имѣемъ здѣсь тысящу выгодъ предъ Петрозаводскомъ: домъ изрядный, общество хорошее и подчиненныхъ всякаго рода довольно; была бы охота, есть съ кѣмъ работать, а паче всего,—не знаю, что впередъ будетъ,—господствуетъ у насъ единодушіе. Хотя не спознакомился я еще хорошенько съ Иваномъ Васильевичемъ (Гудовичемъ), видя его въ Петербургѣ весьма коротко; но бумаги его для меня нравятся, потому что вездѣ ссылается на законы и ихъ однихъ беретъ за основаніе: то чего же мнѣ по моему нраву лучше?» Тоже читаемъ и въ письмахъ супруги его, Катерины Яковлевны: «Мы совершенно довольны Тамбовомъ: жить весело, дешево; начальникъ очень хорошъ, кажется безъ затѣй, не криводушничаетъ, далъ волю Ганюшкѣ хозяйничать; теперь совершенный губернаторъ, а не пономарь (Соч., V, 851). И дѣйствительно, Державину открылось обширное поле дѣятельности: его губернія была одна изъ самыхъ отсталыхъ. Предшественникъ его оставилъ ее въ большомъ неустройствѣ. Мѣстное дворянство невѣжественно и «такъ грубо и необходительно, что ни одѣться, ни войти, ни обращаться, какъ должно благородному человѣку, не умѣли, или рѣдкіе изъ нихъ, которые жили только въ столицахъ» (VI, Зап. 579). Самъ Тамбовъ по наружному виду представлялъ печальное зрѣлище. Дома были построены коекакъ, безъ плановъ, и разрушались; запущенныя казенныя строенія походили на развалины; на немощеныхъ улицахъ и люди и скотъ утопали въ грязи. Поэтому, одною изъ первыхъ заботъ Державина, по пріѣздѣ въ Тамбовъ и вступленіи въ должность, были хлопоты о внѣшнемъ благоустройствѣ города, и онъ завелъ обширную переписку о постройкѣ дома для народнаго училища, сиротскаго дома, богадѣльни, больницы, дома для умалишенныхъ, рабочаго, смирительнаго и дома общественныхъ собраній (клуба); также о перестройкѣ генералъ-губернаторскаго дома, присутственныхъ мѣстъ, городской церкви. Планы предполагающихся построекъ посылались въ Петербургъ на просмотръ архитектора-итальянца Тромбара. Для развитія общественной жизни Державинъ устроилъ у себя, два раза въ недѣлю, вечернія собранія: по воскресеньямъ танцы, по четвергамъ концерты. «Но не токмо одни увеселенія, но и самые классы для молодого юношества были учреждены поденно въ домѣ губернатора, такимъ образомъ, чтобъ преподаваніе ученія дешевле стоило и способнѣе и заманчивѣе для молодыхъ людей; напримѣръ, для танцовальнаго класса было назначено два дня въ недѣлю послѣ обѣда, въ которые съѣзжались молодые люди, желающіе танцовать учиться. Они платили танцмейстеру и его дочери, которые нарочно для того были выписаны изъ столицы и жили въ домѣ губернатора, по полтинѣ только съ человѣка за два часа, вмѣсто того, что танцмэйстеръ не бралъ менѣе двухъ рублей, когда бы онъ ѣздилъ къ каждому въ домъ. Такое же было установленіе и для классовъ грамматики, ариеметики и геометріи, для которыхъ приглашены были за умѣренныя цѣны учители изъ народныхъ училищъ, у которыхъ считалось за непристойное брать уроки дѣвицамъ въ публичной школѣ. Дѣти и учители были обласканы, довольствованы всякій разъ чаемъ и всѣмъ нужнымъ, что ихъ чрезвычайно и утѣшало и ободряло соревнованіемъ другъ противъ друга. Тутъ рисовали и шили, которыя повзрослѣе дѣвицы, для себя театральное и нарядное платье по разнымъ модамъ и костюмамъ, также учились представлять разныя роли. Сіе все было дѣло губернаторши, которая была какъ въ обращеніи, такъ и во всемъ въ томъ великая искусница и сама ихъ обучала. Сіе дѣлало всякій день модство въ домѣ губернатора и такъ привязало къ губернаторшѣ все общество, а особливо дѣтей, что они почитали за чрезвычайное себѣ наказаніе, ежели когда кого изъ нихъ не возьмутъ родители къ губернатору» (VI, Зап., 579—580). Сверхъ того, Державинъ перевелъ къ себѣ на службу въ Тамбовъ одного изъ сослуживцевъ своихъ по Петрозаводску, Аверьянова, бывшаго придворнаго пѣвчаго, который зналъ и музыку, Аверьяновъ ввелъ въ Тамбовѣ итальянское церковное пѣніе и, по желанію губернатора, устроилъ по воскресеньямъ и пѣвческій классъ для охотниковъ: «то тотчасъ и загремѣла по городу вокальная музыка» (VI, Зап. 585).

Въ первые же мѣсяцы пребыванія Державина въ Тамбовѣ положено было и начало устройству тамъ театра. У коротко знакомаго Державину семейства Ниловыхъ,

въ ихъ Тамбовской деревнѣ, былъ устроенъ домашній театръ, на которомъ игрались французскія комедіи и онеры, Сумароковскія трагедіи и фонъ-Визинскія комедіи: При содѣйствіи Ниловыхъ Державинъ устроилъ и у себя домашній театръ, на которомъ играли любители изъ мѣстнаго дворянства. Въ началѣ 1787 г. Державинъ испросилъ у намѣстника разрѣшеніе построить въ Тамбовѣ особый городской театръ.

Столь же энергично принялся Державинъ и за административное устройство порученной ему губерніи. Уже черезъ три недѣли по пріѣздѣ въ Тамбовъ онъ изложилъ въ письмѣ къ Гудовичу всѣ замѣченные имъ безпорядки: запутанное, медленное и несообразное съ законами дѣлопроизводство, отсутствіе свѣдѣній о предѣлахъ губерніи и о числѣ душъ въ ней и т. п. Но особенно поразило его человѣколюбивое сердце «гибельное состояніе» несчастныхъ колодниковъ. «Не только въ кроткое и человѣколюбивое нынѣшнее, но и въ самое жестокое правленіе», писалъ Державинъ, «кажется могла-ли бы когда пріуготовляться казнь равная ихъ содержанію, за ихъ преступленіе, выведенная изъ законовъ нашихъ? Болѣе 150 челов., а бываетъ, какъ сказываютъ, нерѣдко и до 200, повержены и заперты безъ различія винъ, пола и состоянія въ смердящія и опустившіяся въ землю, безъ свѣта, безъ печей, избы, или, лучше сказать, скверные хлѣвы. Нары, подмощенныя отъ потолка не болѣе — разстояніемъ, помѣщаютъ сіе число узниковъ, слѣдовательно согрѣваетъ ихъ одна только тѣснота, а освѣщаетъ между собою одно осязаніе. Изъ сей норы едва видны ихъ полумертвыя лица и высунутыя головы, произносящія жалобный стонъ, сопровождаемый звукомъ оковъ и цѣпей» (Соч. V, 453). Пораженный такимъ ужаснымъ зрѣлищемъ, Державинъ немедленно, не дожидаясь разрѣшенія намѣстника, принялъ мѣры къ улучшенію помѣщенія заключенныхъ, размѣстивъ ихъ по поламъ и по степени ихъ виновности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ позаботился и объ ускореніи самаго дѣлопроизводства о колодникахъ.

Засимъ, Державинымъ приняты были рѣшительныя мѣры къ устраненію неисправности въ сборѣ податей и въ поставкѣ рекрутъ, а также къ устраненію медленности и проволочекъ въ веденіи дѣлъ. Для характеристики тогдашняго дѣлопроизводства и тогдашнихъ чиновниковъ прекраснымъ матеріаломъ служитъ переписка Державина. Приведемъ изъ нея одинъ, но очень краснорѣчивый примѣръ. Нѣкто Кострицкій, проживавшій въ Москвѣ, имѣлъ дѣло съ тамбовскими однодворцами. Оно тянулось уже много лѣтъ безъ всякаго результата и было неожиданно и быстро окончено при Державинѣ въ пользу Кострицкаго, безъ всякой съ его стороны просьбы. Это заставило послѣдняго написать Державину благодарственное письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Сіе тѣмъ паче мнѣ чувствительно, что въ самое кратчайшее вступленія вашего въ Тамбовъ время столь запутанное и много лѣтъ безъ всякаго попеченія брошенное дѣло рѣшить изволили, не зная еще и меня и не имѣя о томъ къ особѣ вашей отъ меня докуки» (Соч., V, 518). Державинъ отвѣтилъ на это письмо съ замѣчательною скромностью: «Такая здѣсь вкоренена была во исполненіи слабость, что указамъ почти ни у кого уваженія не было, что надобно было нѣсколько разъ писать объ одномъ дѣлѣ, дабы добиться какого успѣха. Словомъ, непохвально отзываться о комъ-либо съ осужденіемъ, но необходимость иногда извлекаетъ правду. Во осторожность свою, чтобъ не подвергнуться иногда за проволочку безъ вины отвѣту, лишь приказалъ я тронуть за дѣла прошлыхъ лѣтъ и, освидѣтельствовавъ ихъ, привесть въ порядокъ, то и увидѣлъ тысячу подобныхъ вашему, или, лучше сказать, беззаконія превзыдоша главу мою. Слѣдовательно, всепокорнѣйшая моя просьба была бъ не несправедлива, чтобъ нѣкоторое время до водруженія здѣсь порядка, грѣхи и беззаконія наши седмерицею прощаемы были, какъ то и по рекрутскимъ наборамъ, какую справедливость спрашивать, когда все основывалось на *какъ-нибудь?* Въ будущее время, смѣю увѣрить господъ просителей, что не будутъ они имѣть причины утруждать объ обидахъ своихъ вышнее правительство» (Соч., V, 527—528). Указанная Державинымъ привычка вести дѣла *какъ-нибудь* была, очевидно, причиной, что въ присутственныхъ мѣстахъ не было даже собранія указовъ и другихъ узаконеній: они давно были затеряны. Въ только-что приведен-

номъ письмѣ Державина къ Кострицкому мы встрѣчаемъ такія строки: «въ здѣшней губерніи великой недостатокъ въ законахъ: безызвѣстно, были ли они когда здѣсь въ употребленіи». Поэтому, онъ сталъ хлопотать о присылкѣ ему печатныхъ экземпляровъ или хотя писанныхъ копій указовъ изъ Москвы. Но оказалось, что ихъ и въ Москвѣ нельзя было достать, такъ какъ ихъ въ продажѣ уже не было и они болѣе не печатались. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущался въ Тамбовѣ недостатокъ и въ канцелярскихъ служителяхъ, въ копіистахъ и исправныхъ секретаряхъ, особенно «не пьяницахъ», и Державину пришлось и объ этомъ просить своихъ московскихъ пріятелей и родственниковъ (Соч., V, 509).

Для начавшихся въ Тамбовѣ построекъ (о чемъ мы говорили уже выше) необходимъ былъ строительный матеріалъ, и Державинъ много хлопоталъ о пріисканіи въ окрестностяхъ Тамбова мѣстъ для ломки камня и о доставленіи городу кирпича, лѣса и дровъ. Въ то же время онъ заботился о топографическомъ описаніи губерніи, что̀, по учрежденію о губерніяхъ, входило въ кругъ его обязанностей. Съ этою цѣлью онъ разослалъ ко всѣмъ земскимъ исправникамъ программу этого описанія, съ вопросами, по которымъ требовались свѣдѣнія. На основаніи собраннаго матеріала и было составлено описаніе губерніи, что̀ Державинъ въ запискахъ своихъ поставилъ себѣ въ заслугу (Соч., V, Зап., 598). Для улучшенія торговли онъ хлопоталъ объ устройствѣ шлюзовъ на р. Цнѣ и объ открытіи по ней судоходства, о чемъ составилъ особую записку съ планами и послалъ ее въ Петербургъ. Но дѣло это кончилось ничѣмъ.

На долю Державина выпала также честь быть однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ заботахъ Императрицы Екатерины II о распространеніи просвѣщенія въ Россіи. По плану, выработанному Коммиссіей объ учрежденіи училищъ, предположено было приступить къ открытію городскихъ училищъ въ 25-ти губерніяхъ, къ числу которыхъ причислена была и Тамбовская, въ которой открытіе училища должно было совершиться, по волѣ Императрицы, 22 сентября 1768 г., въ день коронаціи. До означеннаго времени въ Тамбовѣ существовало только два училища: духовная семинарія и гарнизонная школа. Но это были училища спеціальныя; общеобразовательныхъ же школъ не было. Мѣстные жители, даже дворяне, вовсе этимъ вопросомъ не интересовались и отъ всякаго участія въ заведеніи училища отказывались. Зажиточные изъ нихъ поручали воспитаніе своихъ дѣтей иностранцамъ, а дѣти чиновниковъ и мелкихъ дворянъ учились грамотѣ въ присутственныхъ мѣстахъ, куда поступали съ отроческихъ лѣтъ на службу и, получая ничтожное жалованье, цѣлые годы учились читать и писать у разныхъ копіистовъ, подканцеляристовъ и канцеляристовъ. Мы видѣли, что это отсутствіе училищъ въ городѣ и побудило Державина устроить учебныя занятія въ своемъ домѣ.

Получивъ распоряженіе объ открытіи городскаго училища, Державинъ съ свойственной ему энергіей принялся за это дѣло. До дня, назначеннаго для открытія училища, оставалось всего съ небольшимъ три недѣли, и въ этотъ короткій срокъ надо было успѣть сдѣлать всѣ распоряженія: пріискать и приготовить для училища удобный домъ, собрать необходимыя денежныя средства и найти учениковъ. Благодаря распорядительности Державина все было готово во̀-время. По слѣ молебствія, однодворецъ Захарьинъ произнесъ рѣчь, сочиненную Державинымъ. Такъ какъ настоящій авторъ этой рѣчи былъ неизвѣстенъ, то генералъ-губернаторъ Гудовичъ обратилъ серьезное вниманіе на предполагаемаго сочинителя ея, Захарьина, отправилъ его рѣчь въ Петербургъ для представленія Императрицѣ и просилъ Державина сообщить свѣдѣнія о такомъ самородномъ талантѣ, съ цѣлію позаботиться о поправленіи его состоянія. Но оказалось, что невольный сочинитель съ радости запилъ, и Державинъ насилу отыскалъ его. Сообщая объ немъ Гудовичу, Державинъ съ лукавой ироніей замѣтилъ: «Можетъ быть, удача или прославляющійся нынѣ чудесами своими магнитизмъ были причиною краснорѣчія, которое, какъ я слышу, въ Петербургѣ почитается за Демосфеново». (Соч., V, 638—639). Дѣйствительно, въ Петербургѣ и Москвѣ рѣчь эта произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе: говорили, что другой подобной рѣчи еще не бывало на русскомъ языкѣ; что едва она явилась, какъ заставила забыть магнетизмъ, до нея занимав-

шій весь Петербургъ; она переходила изъ рукъ въ руки, и въ ней открывали такія мысли, какихъ и покойный Ломоносовъ нигдѣ не выражалъ (Соч., V, 612, 613, 614). Императрица, прочитавъ эту рѣчь, была тронута до слезъ и первая догадалась, кто былъ ея настоящій авторъ. «Рѣчь прекрасная, каковую я еще не читывала», сказала она: «я увѣрена въ достоинствахъ и благородныхъ чувствованіяхъ г. Державина» (Соч., V, 628).

Вслѣдъ за открытіемъ Тамбовскаго училища, приняты были Державинымъ мѣры для учрежденія малыхъ училищъ въ другихъ городахъ губерніи. Прежде всего онъ обратился къ архіерею съ просьбой прислать изъ семинаріи нѣсколько студентовъ для подготовки ихъ къ учительскому званію, «ибо, прибавлялъ онъ, здѣсь другого состоянія людей способныхъ къ тому отыскать невозможно» (Гротъ: Жизнь Державина, 467). Вскорѣ открыты были народныя школывъ уѣздныхъ городахъ: Козловѣ, Лебедяни, Елатьмѣ, Шацкѣ и Моршанскѣ; объ открытіи училищъ въ другихъ городахъ свѣдѣній не имѣется. Мѣстное общество относилось къ открываемымъ училищамъ безучастно: ни на торжествахъ открытія ихъ, ни на экзаменахъ почти никто изъ городскихъ жителей не бывалъ. Державинъ, какъ попечитель (по уставу), самъ экзаменовалъ учениковъ (какъ это было, напр., въ Козловѣ) и настоятельно требовалъ отъ мѣстныхъ жителей посильныхъ пожертвованій. Но все это было напрасно: купцы и мѣщане ограничивались скудными и невольными пожертвованіями, но дѣтей въ школы не отдавали. По удаленіи же Державина большинство малыхъ народныхъ училищъ въ городахъ Тамбовской губерніи было и совсѣмъ закрыто.

Ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ и распоряженіямъ Державина должно еще присоединить заведеніе въ Тамбовѣ типографіи, непосредственною цѣлію которой было желаніе его сократить переписку. По этому поводу онъ обратился къ извѣстной «типографической кампаніи», во главѣ которой стоялъ знаменитый ревнитель просвѣщенія Н. И. Новиковъ, и при содѣйствіи пріобрѣлъ все необходимое для типографіи, которая и открыла свою дѣятельность въ началѣ 1788 г. (Соч., V, 548—549, 645, 649—651). Въ ней печатались сенатскіе указы, предписанія мѣстническаго правленія, разныя публикаціи, свѣдѣнія о цѣнахъ хлѣба, и т. п. Извѣстія эти печатались еженедѣльно и разсылались городничимъ для оглашенія по уѣздамъ, а засимъ прибивались къ стѣнамъ по церквамъ, базарамъ и ярмаркамъ къ свѣдѣнію всего народа. «Такимъ образомъ», говоритъ Державинъ въ запискахъ, «въ весьма краткое время извѣщалась вся губернія самымъ дѣломъ, а не на письмѣ только, о разрѣшеніи и запрещеніи имѣнія, о подрядахъ и откупахъ, о бѣглыхъ рекрутахъ и о прочемъ, о чемъ неточныя публикаціи производятъ въ дѣлахъ не токмо замѣшательство и затрудненіе, но и самыя злоупотребленія» (Соч., VI, Зап. 599) Очевидно, печатавшіяся Державинымъ публикаціи были первообразомъ будущихъ губернскихъ вѣдомостей, возникшихъ гораздо позже, уже въ царствованіе Императора Николая I. Съ какими трудностями и предубѣжденіями приходилось Державину въ этомъ случаѣ встрѣчаться,—видно изъ того, что намѣстникъ Гудовичъ, получивъ офиціальное увѣдомленіе объ открытіи въ Тамбовѣ типографіи и не найдя въ этомъ ничего «законопротивнаго», замѣтилъ, однако, что «объявленіе бывшихъ грабежахъ ничего пріятнаго публикѣ не приноситъ», и потому считалъ подобныя извѣстія «излишними и ненужными» и выражалъ желаніе, «чтобы впредь таковыя статьи вносимы въ печать не были». (Соч., V, 864). Кромѣ офиціальныхъ бумагъ, въ тамбовской типографіи вскорѣ начали печататься и литературные труды какъ самаго Державина, такъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ литературныхъ дѣятелей, напр, —переводы Елиз. Ниловой и княгини Варв. Голицыной.

Эта широкая и плодотворная дѣятельность Державина въ Тамбовѣ сначала встрѣтила полное одобреніе. Ревизовавшіе въ 1787 г. губернію сенаторы гр. А. Р. Воронцовъ и А. В. Нарышкинъ нашли повсюду «желаемый порядокъ и поспѣшное дѣлъ отправленіе», а о самомъ Державинѣ дали такой отзывъ: «попеченіе жъ и прилежаніе правителя губерніи, д. ст. сов. Державина въ отправленіи его должности приноситъ ему истинную честь». (Соч., V, 680). Получивъ такой отзывъ, Императрица выразила намѣстнику Гудовичу удовольствіе за порядокъ и успѣшное производство дѣлъ въ Тамбовской гу-

берніи. Гудовичъ, съ своей стороны, представляя Державина къ ордену, свидѣтельствовалъ, что онъ, заставъ губернію разстроенною, «всю ее привелъ въ порядокъ» (Соч., V, 679).

Но вскорѣ все это перемѣнилось, и у Державина вышли съ намѣстникомъ такія столкновенія по службѣ, что дѣло кончилось для него гораздо хуже, чѣмъ въ Петрозаводскѣ. Однимъ изъ главныхъ виновниковъ этихъ непріятностей былъ купецъ Бородинъ, мѣстный капиталистъ, откупщикъ и кулакъ, причинившій своимъ плутовствомъ и мошенническими продѣлками много убытку казнѣ.. Потворщикомъ его былъ вице-губернаторъ Ушаковъ, находившійся въ дружбѣ съ секретаремъ Гудовича, Лабою, державшимъ въ рукахъ своего начальника. Державинъ своевременно предупреждалъ намѣстника о своихъ подозрѣніяхъ на счетъ Бородина, писалъ, что считаетъ послѣдняго «болѣе за хитраго и совершеннаго плута, нежели за добросовѣстнаго и порядочнаго купца, съ которымъ по правиламъ чести дѣло имѣть можно», однимъ словомъ «за такого человѣка, который скрытнымъ образомъ, для какихъ-либо непозволенныхъ видовъ, имѣетъ въ рукахъ своихъ на все монополію и, употребляя большіе свои капиталы подъ именами своихъ родственниковъ и товарищей какъ въ казенные подряды и откупа, такъ и въ партикулярные торги и промыслы, вредитъ другимъ, а жетъ быть и казнѣ, единственно же къ своей прибыли и своихъ сообщниковъ» (Соч., V, 664). Этому-то плуту Тамбовская казенная палата, которою управлялъ вице-губернаторъ Ушаковъ, отдала винный откупъ на условіяхъ, при которыхъ казна должна была понести убытку около полумилліона рублей. Державинъ предостерегалъ и Ушакова, и намѣстника, въ письмѣ къ которому прямо высказалъ, что откупъ отдалъ банкроту, даже совершенно ясно высказывалъ рѣшимость свою не терпѣть злоупотребленій и готовность вступить изъ за этого въ борьбу. «Словомъ, я не отступлю отъ порядка и законовъ», писалъ онъ Гудовичу: «здѣсь-ли кончиться должно будетъ, согласно вашему предложенію, сіе дѣло, или пойдетъ къ высшему разсмотрѣнію Сената» (Соч., V, 687).

Но всѣ усилія Державина ни къ чему не привели, и ему не только не удалось остановить незаконную отдачу откупа Бородину съ компаніей, но даже когда Бородинъ оказался дѣйствительно банкротомъ и намѣстническое правленіе, въ обезпеченіе казенныхъ взысканій, наложило арестъ на его имѣніе, сенатъ, по проискамъ Бородина, наложилъ на намѣстническое правленіе (т. е. на самого Державина) штрафъ въ 17000 р. въ пользу Бородина.

Причиною такого неблагопріятнаго для Державина оборота дѣла было, отчасти, отсутствіе поддержки со стороны намѣстника Гудовича. Въ Тамбовѣ, какъ и въ Петрозаводскѣ, образовалось двѣ партіи: губернаторская и вице-губернаторская, и Гудовичъ, желая остаться въ сторонѣ отъ этой партійной борьбы, держалъ себя, по выраженію Державина, «политичесски», т. е. выслушивалъ обѣ стороны, но не поддерживалъ явно ни одной изъ нихъ, а старался ихъ примирить. Подобная «политика» со стороны ближайшаго и непосредственнаго начальника, конечно, не могла въ данномъ случаѣ увѣнчаться успѣхомъ, ибо если Державинъ, по горячности, смѣлости и рѣшительности характера и бывалъ иногда не правъ юридически, т. е. формально, то былъ несомнѣнно правъ нравственно, всѣми силами соблюдая интересы казны и преслѣдуя всякое плутовство, кляузничество и крючкотворство. «Всѣ казенныя интересныя (т. е. связанныя съ выгодою) дѣла, вамъ чрезъ меня извѣстныя», писалъ онъ Гудовичу, «не иначе, какъ со всею строгостію закона произведены быть имѣютъ. Я воздалъ Божіе Богови и Кесарево Кесареви, да не услышу онаго страшнаго гласа: «Ввергите неключимаго раба во тму кромѣшнюю, ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ», къ сохраненію которыхъ священныхъ истинъ я во всю мою жизнь расположенъ». (Соч., V, 689). При такомъ благородномъ и строгомъ образѣ мыслей и при своемъ пылкомъ, настойчивомъ и нетерпѣливомъ характерѣ, Державинъ, конечно, долженъ былъ часто ставить себя въ рискованное и даже безвыходное положеніе и давать противъ себя оружіе своимъ врагамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Ревностно, смѣло, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, защищая интересы казны, онъ вооружилъ противъ себя не только многихъ изъ своихъ сослуживевцевъ и подчиненныхъ, но

и самого намѣстника, который обвинялъ его въ злости, неумѣренномъ властолюбіи, склонности заводить по пустымъ поводамъ слѣдствія, и потому, «избавляя себя отъ непрестанныхъ хлопотъ, а его отъ неизбѣжнаго взысканія», просилъ перевести безпокойнаго и непокорнаго губернатора въ другое мѣсто (Соч., VII, 723). Положеніе Державина сдѣлалось до того невыносимымъ, что ему приходила даже въ голову мысль уѣхать навсегда изъ Россіи. «Ежели-бы не царствовала Екатерина Вторая», писалъ онъ самой Императрицѣ о своихъ тамбовскихъ непріятностяхъ, «прозорливостію своею въ свѣтѣ несравненная, которая меня спасаетъ и животворитъ и на которую я одну всю мою надежду возлагаю, то, какъ Богу, Вашему Императорскому Величеству исповѣдую, долженъ-бы я былъ давно оставить мое отечество!» (Соч., V, 870).

Тамбовскія препирательства кончились для Державина очень печально. По Высочайше утвержденному (18 декабря 1788 г.) приговору Сената, онъ отрѣшенъ былъ отъ должности и преданъ суду 6 департамента Сената, въ Москвѣ, съ обязательствомъ подпиской до окончанія дѣла не выѣзжать изъ Москвы. Виновниками такого строгаго рѣшенія были генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій и родственникъ Гудовича, Завадовскій. Дѣло это могло бы окончиться для Державина очень плачевно, если бы не вмѣшался въ него такой всесильный человѣкъ, бороться съ которымъ ни одинъ изъ тогдашнихъ царедворцевъ и вельможъ не могъ, именно кн. Г. А. Потемкинъ. Однимъ изъ главныхъ и существенныхъ промаховъ Державина было превышеніе власти, дозволенное имъ въ дѣлѣ поставки провіанта для арміи, находившейся подъ главнымъ командованіемъ Потемкина и дѣйствовавшей противъ турокъ. Такъ какъ Державинъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ хотя и противозаконно, но, очевидно, въ интересахъ арміи, то, когда стряслась надъ нимъ бѣда, онъ обратился къ Потемкину съ просьбой о защитѣ. Всемогущее вліяніе этого «баловня счастія» дѣйствительно повернуло дѣло въ пользу Державина, и оно окончилось полнымъ его оправданіемъ. Разсмотрѣвъ взаимныя жалобы Державина и Гудовича, Сенатъ постановилъ, что онъ «ни Державина, ни совѣтниковъ правленія виновными и тяжкому осужденію подлежащими не находитъ», что «изъ всѣхъ приносимыхъ генералъ-губернаторомъ на Державина жалобъ и изъ отвѣтовъ сего послѣдняго, не меньше какъ и изъ обстоятельствъ самаго дѣла, ничего другого не усматривается, кромѣ личнаго ихъ одного противъ другого неудовольствія, чрезъ что Державинъ лишился своего мѣста, а тѣмъ самымъ неудовольствія между тѣмъ и другимъ кончились; что кромѣ личныхъ неудовольствій генералъ-губернатора, изъ всего вышеизъясненнаго никакого впрочемъ злоупотребленія и какъ казенному интересу упущенія, такъ и частнымъ людямъ со стороны Державина притѣсненія не послѣдовало и ни отъ кого никакихъ жалобъ не вышло». Относительно же неудовольствія генералъ-губернатора противъ Державина и жалобы, будто послѣдній дозволилъ себѣ оскорбительныя противъ генералъ-губернатора дѣйствія, Сенатъ, признавъ эту жалобу справедливой, нашелъ, что Державинъ уже «лишился чрезъ то своего мѣста, слѣдовательно, соразмѣрно неосторожному его поступку, тѣмъ уже наказанъ, а генералъ-губернаторъ симъ самымъ удовлетворенъ; то и не почитаетъ Сенатъ ничего болѣе въ штрафъ ему, Державину, прибавить» (Я. Гротъ: Жизнь Державина, 566—574).

Съ окончаніемъ этого дѣла въ Сенатѣ, Державинъ получилъ возможность выѣхать въ Петербургъ, куда и прибылъ во второй половинѣ іюня 1789 г. Здѣсь онъ былъ принятъ очень ласково Императрицей въ Царскомъ Селѣ, допущенъ къ рукѣ и приглашенъ къ Высочайшему столу. «Когда и сенатъ уже его оправдалъ, то могу ли я чѣмъ обвинить автора Фелицы?» приказала Государыня передать Державину чрезъ своего статсъ-секретаря Храповицкаго (Соч. V, 761). «Почему я въ Царскомъ Селѣ и былъ представленъ», писалъ Державинъ другу и родственнику своему В. В. Капнисту: «оказано мнѣ отличное благоволеніе: когда пожаловала руку, то окружающимъ сказала: «Это мой собственный авторъ, котораго притѣсняли». Державинъ такъ былъ польщенъ этимъ, что даже цитированное письмо подписалъ: «Ея Величества собственный авторъ» (Соч., V, 762). Ободренный этимъ, Державинъ рѣшился написать къ Императрицѣ письмо, въ которомъ просилъ, чтобъ, на основаніи указа 1726 г., ему выдано было и впредь

производилось до опредѣленія его къ должности остановленное жалованье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испрашивалъ аудіенціи для личнаго объясненія по только-что окончившемуся дѣлу. Вслѣдствіе этого письма онъ былъ вторично принятъ Государынею въ Царскомъ Селѣ, и въ это время произошелъ извѣстный разговоръ его съ Императрицей, записанный самимъ Державинымъ въ его запискахъ. Говоря о постигавшихъ Державина по службѣ неудачахъ, Государыня спросила: «Не имѣете ли вы чего въ нравѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?» —«Я не знаю, Государыня», сказалъ смѣло Державинъ, «имѣю ли какую строптивость въ нравѣ моемъ, но только то могу сказать, что знать я умѣю повиноваться законамъ, когда, будучи бѣдный дворянинъ и безъ всякаго покровительства, дослужился до такого чина, что мнѣ ввѣрялися въ управленіе губерніи, въ которыхъ на меня ни отъ кого жалобъ не было».—«Но для чего», подхватила Императрица, «не поладили вы съ Тутолминымъ?» — «Для того, что онъ принуждалъ управлять губерніею по написанному имъ самопроизвольно начертанію, противному законамъ; а какъ я присягалъ исполнять только законы самодержавной власти, а не чьи другіе, то я не могъ никого признать надъ собою императоромъ, кромѣ Вашего Величества».—«Для чего же не ужился съ Вяземскимъ?»—Державинъ не хотѣлъ разсказывать всего относительно несохраненія и безпорядковъ въ управленіи казеннома, дабы не показаться доносителемъ, но отвѣчалъ кратко: «Государыня! Вамъ извѣстно, что я написалъ оду Фелицѣ. Его сіятельству она не понравилась. Онъ замаила», которая такъ понравилась Императрицѣ, что она прислала ему осыпанную брилліантами табакерку въ 2000 р., и онъ «былъ принимаемъ при дворѣ еще милостивѣе» (Соч., VI, Зап., 614). Въ это же время произошло знакомство Державина съ Потемкинымъ. Послѣдній, пріѣхавъ въ Петербургъ 28 февр. 1791 г., сталъ къ нашему автору «необыкновенно ласкаться и чрезъ Василья Степановича Попова (своего секретаря) приказывалъ, что хочетъ съ нимъ покороче познакомиться. Вслѣдствіе чего Державинъ сталъ въѣзжъ къ кн. Потемкину»(Соч., VI, Зап., 614). Державинъ объяснилъ эти заискиванія тѣмъ, что Потемкинъ ждалъ отъ него похвальныхъ сочалъ насмѣхаться надо мною явно, ругать и гнать, придираться ко всякой бездѣлицѣ; то я ничего другого не сдѣлалъ, какъ просилъ объ увольненіи изъ службы и по милости Вашей отставленъ». — «Что-жъ за причина несогласія съ Гудовичемъ? — «Интересъ Вашего Величества, о чемъ я беру объяснить Вашему Величеству, и ежели угодно, то сейчасъ представлю цѣлую книгу»:—«Нѣтъ», она сказала, «послѣ». (Соч., VI, Зап., 609). Но Державинъ все-таки вручилъ ей краткую записку о Тамбовскихъ дѣлахъ. Принявъ записку, Императрица допустила его къ рукѣ и обѣщала удовлетворить его жалованьемъ и дать мѣсто.

Въ ожиданіи этого Державинъ остался въ Петербургѣ, но ему пришлось прождать довольно долго—около двухъ съ половиной лѣтъ, «и хотя по воскресеньямъ пріѣзжалъ онъ ко двору», говоритъ о себѣ Державинъ въ запискахъ, «но какъ не было у него никакого предстателя, который бы напомянулъ Императрицѣ объ обѣщанномъ мѣстѣ, то и сталъ онъ какъ бы забвеннымъ (VI, Зап., 610). Чтобы напомнить о себѣ, онъ сталъ искать сближенія съ тогдашнимъ любимцемъ, П. А. Зубовымъ, а для этого ему не оставалось другого средства, «какъ прибѣгнуть къ своему таланту». Написавъ оду «Изображеніе Фелицы», онъ черезъ бывшаго сослуживца своего Н. Ф. Эмина представилъ ее Зубову ко дню коронаціи (22 сент.). Прочитавъ оду, Государыня «приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду» (Соч., VI, Зап., 611). Въ началѣ 1791 года Державинъ написалъ оду «На взятіе Измаила» стиховъ (VI, зап. 616). Вскорѣ, 28 апр. 1791 г., Потемкинъ далъ въ Таврическомъ дворцѣ свой знаменитый праздникъ, для котораго Державинымъ написаны были хоры и который, по желанію Потемкина, описанъ былъ Державинымъ въ особой брошюрѣ. «Безъ сомнѣнія», говоритъ Державинъ въ запискахъ, «князь ожидалъ себѣ въ томъ описаніи великихъ похвалъ, или, лучше сказать, обыкновенной отъ стихотворцевъ сильнымъ людямъ лести» (Соч., VI, Зап., 619). Но ожиданія «великолѣпнаго князя Тавриды» не осуществилось: въ описаніяхъ Державина нѣтъ особенныхъ похвалъ Потемкину, и онъ поставленъ наравнѣ съ соперниками его: Румянцевымъ и Орловымъ. Въ бесѣдѣ съ

приближенными князя Державинъ сознавался, что въ его описаніи «мало на лицо князя похвалъ», но старался объяснить причину этого тѣмъ, «что какъ отъ князя онъ никакихъ еще благодѣяній личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ, то и опасался быть причтенъ въ число подлыхъ и низкихъ ласкателей, каковымъ никто не дастъ истиннаго вѣроятія; а потому и разсуждалъ отнесть всѣ похвалы Императрицѣ и всему русскому народу, яко при его общественномъ торжествѣ, такъ какъ и въ одѣ на взятіе Измаила; но ежели князь приметъ сіе благосклонно и позволитъ впредь короче узнать его превосходныя качества, то онъ обѣщалъ превознести его, сколько его дарованія достанетъ» (Соч., VI, Зап., 619). Однако, таковое извиненіе мало въ пользу автора послужило», замѣчаетъ Державинъ, и отношенія къ нему Потемкина остались до конца холодными.

Между тѣмъ, отъ времени до времени, на Державина, все еще не получавшаго опредѣленнаго мѣста, возлагались разныя, довольно важныя порученія. Такъ, однажды Зубовъ поручилъ ему изложить свои соображенія о томъ, какъ бы безъ отягощенія народа увеличить государственные доходы. Въ другой разъ, по просьбѣ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ во Флоренціи, графа Моченіго, Державину Высочайше повелѣно было разсмотрѣть претензію графа Моченіго на придворнаго банкира Сутерланда. По этому дѣлу Державинъ лично докладывалъ Императрицѣ, и хотя ясно было, что искъ графа Моченіго правильный, но, благодаря сильнымъ защитникамъ Сутерланда, доклады Державина остались безъ всякаго результата.

Наконецъ, 13 декабря 1791 г., послѣдовалъ указъ Сенату: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ д. с. с. Гавріилу Державину быть при Насъ у принятія прошеній». При этомъ, по случаю болѣзни генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, Державину было приказано на всѣ сенатскія меморіи дѣлать свои замѣчанія и обо всемъ, что онъ найдетъ въ нихъ несогласнаго съ законами, докладывать Императрицѣ. Сдѣлано это было столько же изъ довѣрія къ Державину, сколько и изъ желанія Императрицы дать надежнаго помощника своему любимцу Зубову, замѣнившему Безбородко, по случаю отъѣзда послѣдняго въ Яссы для переговоровъ съ Портою. Сначала дѣла новаго статсъ-секретаря пошли успѣшно. Императрица «часто допущала Державина къ себѣ съ докладомъ» и разговаривала даже съ нимъ о политическихъ происшествіяхъ, такъ что Державинъ началъ было записывать эти разговоры въ журналъ. «Но поелику дѣла у него были всѣ роду непріятнаго, т. е. прошенія на неправосудіе, награды за заслуги и милости по бѣдности» (Соч., VI, Зап., 631), то доклады его становились все рѣже и рѣже, такъ что иногда онъ не бывалъ у нея по цѣлымъ недѣлямъ. Помимо непріятнаго характера дѣлъ, которыя были ему поручены, такому быстрому охлажденію, конечно, много способствовалъ и личный характеръ Державина. По вѣрному замѣчанію его біографа, Я. К. Грота, онъ «не обладалъ тою ловкостью и уклончивою гибкостью, которыя необходимы для успѣха въ придворной сферѣ, и вовсе не умѣлъ не только скрывать своихъ мыслей, но и выражать ихъ съ приличной осторожностью» (Жизнь Держ., 619). Наглядным примѣромъ этой придворной неловкости Державина и его неумѣнья подлаживаться служитъ разсказанный имъ въ запискахъ случай. При докладѣ дѣла объ обанкрутившемся придворномъ банкирѣ Сутерландѣ, Державинъ читалъ, между прочимъ, Императрицѣ списокъ, кѣмъ изъ вельможъ и придворныхъ сколько казенныхъ денегъ изъ кассы у Сутерланда забрано. Въ числѣ должниковъ банкира оказался и Вел. Кн. Павелъ Петровичъ. Услыхавъ это, Императрица «зачала жаловаться, что онъ мотаетъ, строитъ такія безпрестанно строенія, въ которыхъ нужды нѣтъ: «не знаю, что съ нимъ дѣлать», и такія продолжая съ неудовольствіемъ рѣчи, ждала какъ бы на нихъ согласія». Очевидно, Императрица воспользовалась случаемъ испытать образъ мыслей Державина. Она знала, что онъ женатъ на дочери кормилицы ея сына, про которую говорила: «Она самая негодница и доходила до кнута, но тако оставлена за то только, что была кормилицей великаго князя» (Дневн. Храпов. 392). Поэтому, она опасалась, не находится ли Державинъ подъ ея вліяніемъ, черезъ жену свою, т. е. не принадлежитъ ли онъ къ партіи «малаго двора». Догадался ли онъ объ этомъ или нѣтъ, только онъ не съумѣлъ лукаво вывернуться

изъ поставленной ему ловушки и, «не умѣя играть роли хитраго царедворца, потупя глаза, не говорилъ ни слова. Она, видя то, спросила: «Что ты молчишь?» Тогда онъ ей тихо проговорилъ, что Наслѣдника съ Императрицею судить не можетъ, и закрылъ бумагу. Съ этимъ словомъ она вспыхнула, закраснѣлась и закричала: «Поди вонъ!» Онъ вышелъ въ крайнемъ смущеніи, не зная что дѣлать» (Соч., VI, Зап., 652).

Но, рядомъ съ подобными вспышками гнѣва, въ обращеніи Императрицы проявлялись и тѣ ея качества, за которыя чтили ее современники и будетъ вѣчно чтить и исторія. «Часто случалось», разсказываетъ Державинъ въ запискахъ своихъ про Императрицу, что она «разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ: зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ забудетъ всю свою досаду и сдѣлается по-прежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ: «Боже мой! Кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ моей дѣлаете изъ меня, что хотите». Она засмѣялась и сказала: «Неужели это правда?» (Соч., VI, Зап., 660).

2-го сентября 1793 г., при празднованіи Ясскаго мира, Державинъ былъ назначенъ сенаторомъ и награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степ. Во время самаго торжества онъ, стоя близъ трона Императрицы, «провозглашалъ публично награжденія отличившимся въ сію войну чиновникамъ» (Соч. VI, Зап. 664). Новымъ своимъ назначеніемъ онъ не вполнѣ былъ доволенъ, ибо «предъ тѣмъ незадолго имѣлъ онъ всю надежду получить нѣчто отличительное», сообщаетъ онъ въ своихъ запискахъ (VI, 665). По поводу неизлечимой болѣзни генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, и Императрица, и Зубовъ тонко намекали ему чтобы онъ просился на это мѣсто. Но, несмотря на то, что, по его словамъ, это мѣсто «ему болѣе другихъ принадлежало, потому что онъ, дѣлая замѣчанія на меморіи сенатскія и давая совѣты оберъ-прокурорамъ, правилъ такъ-сказать сенатомъ около двухъ годовъ» (VI, 666), онъ ничѣмъ не обнаружилъ желанія своего проситься на должность генералъ-прокурора, и она поручена была племяннику Потемкина, графу Самойлову, которому, однако, приказано было по важнымъ дѣламъ совѣтоваться съ Державинымъ и поступать по его наставленіямъ.

Сенаторскую должность свою Державинъ исполнялъ съ обычнымъ своимъ рвеніемъ. Въ запискахъ своихъ онъ разсказываетъ, что во все время служенія своего въ званіи сенатора онъ, не взирая ни на какія лица и обстоятельства, строго стоялъ за соблюденіе правды и законовъ и велъ постоянную борьбу то съ самими сенаторами и даже генералъ-прокурорами, когда они дѣйствовали вопреки своимъ обязанностямъ, то съ оберъ-прокурорами и оберъ-секретарями. Неутомимое усердіе его къ исполненію долга простиралось до того, что онъ ѣздилъ въ сенатъ даже по воскресеньямъ и праздникамъ, и тамъ «наединѣ прочитывалъ кипы бумагъ, дѣлалъ на нихъ замѣчанія, сочинялъ записки или и самые голоса» (VI, Зап., 678). Наученный горькимъ опытомъ, онъ уже не ждалъ себѣ похвалъ за такое рвеніе. Наоборотъ, «по обыкновенной моей участи ожидаю непріятностей», писалъ онъ по одному дѣлу кн. П. А. Зубову: «Перво всего скажутъ: какой вздорной и неспокойной человѣкъ! вонъ опять новую завелъ исторію» (Соч., VI, 41). Очевидно, онъ уже сталъ привыкать къ тому, что «тонкіе и хладнокровные люди старались обратить въ предосужденіе ему правоту его и горячую любовь къ истинѣ» (Я. Гротъ: Жизнь Держ., 655). 1-го января 1794 г. на Державина возложена была еще новая должность — президента коммерцъ-коллегіи. По поводу этого назначенія Державинъ въ запискахъ своихъ высказываетъ правдоподобное предположеніе, что Императрица «повѣря ему сей наживной постъ, думала наградить его за труды и службу, по должности статсъ-секретаря понесенные; но Державину сего и въ голову не входило, ибо онъ, напротивъ того, предполагалъ сію новую довѣренность наилучшимъ образомъ заслужить возможною вѣрностію, безкорыстіемъ и

честностію» (VI, 679—680). Послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ людьми, непосредственно заинтересованными въ дѣлахъ коммерцъ-коллегіи, дѣло кончилось тѣмъ, что Державину объявлено было «что Ея Величеству угодно, дабы онъ не занимался и не отправлялъ должности коммерцъ-коллегіи президента, а считался бы онымъ такъ, ни во что не мѣшаясь» (VI, Зап. 681). Жалуясь по поводу происшедшихъ столкновеній гр. П. А. Зубову, Державинъ съ законною и понятною гордостію писалъ ему: «Репутація моя извѣстна, и я надежно всякому въ глаза скажу, что я не запустилъ нигдѣ рукъ ни въ частный карманъ, ни казенный. Не зальютъ мнѣ глотки ни виномъ, не закормятъ фруктами, не задарятъ драгоцѣнностями и никакими алтынами не купятъ моей вѣрности къ моей Монархинѣ, и никто меня не въ состояніи удалить отъ пользъ Государя и своротить съ пути законовъ: то что за причина, что и здѣшняя таможня духу моего терпѣть не захотѣла? Я еще до нея и волосомъ не тронулся» (Соч., XI, 11). Эти слова совершенно ясно показываютъ, изъ-за чего происходили у Державина безпрестанныя столкновенія по службѣ и на почвѣ какихъ интересовъ создавались у него враги. Но не могъ же онъ оставаться спокойнымъ и равнодушнымъ въ этой безпрестанной борьбѣ своей съ врагами. Полное свое разочарованіе въ возможности прожить одной правдой онъ высказалъ въ томъ же письмѣ къ Зубову: «Ежели я выдался уродъ такой, дуракъ, который, ни на что не смотря, жертвовалъ жизнію, временемъ, здоровьемъ, имуществомъ службѣ и личной приверженности обожаемой мною Государынѣ, животворился ея славою и полагалъ всю мою на нее надежду, а теперь такъ со мною поступаютъ, то пусть меня уволятъ въ уединеніе оплакивать мою глупость и ту суетную мечту, что будто какого-либо государя слово твердо, ежели Екатерина Великая, обнадеживъ меня, чтобъ я ничего не боялся, и не токмо не доказавъ меня въ винѣ моей, но и не объясня ее, благоволила снять съ меня покровительствующую свою руку. Имѣя столько враговъ за ея пользы, куда я гожуся, какую я отправлять въ состояніи должность? Я, кажется, со всѣхъ сторонъ слышу: погонимъ его, Богъ его оставилъ; изслѣдую тысячу разъ себя и не нахожу чтобъ я сдѣлалъ? На всѣ случаи, которые я могу придумать, чѣмъ бы ея неблаговоленіе заслужилъ, какъ выше я донесъ вашему сіятельству не оставлю поднесть мои объясненія. Тогда буду настоятельно просить или уволить меня, или возвратить мнѣ Ея Величества благоволеніе и законную довѣренность; или, когда достоинъ явлюсь, судить» (Соч., VI, 11—12).

Это безнадежное сознаніе своего безсилія въ борьбѣ съ царившимъ повсюду беззаконіемъ побудило, наконецъ, его дѣйствительно подать въ іюнѣ 1794 г. просьбу Государынѣ объ увольненіи его отъ службы, но на эту просьбу онъ никакого отвѣта не получилъ. Въ запискахъ своихъ онъ разсказываетъ, что, прочитавъ его письмо объ отставкѣ, Императрица «чрезвычайно разгнѣвалась, такъ что вышла изъ себя, и ей было сдѣлалось очень дурно. Поскакали въ Петербургъ за каплями, за лучшими докторами, хотя и были тутъ дежурные» (VI, 681).

Между тѣмъ его самого постигло семейное горе. 15 іюля 1794 г. скончалась его супруга, Екатерина Яковлевна. Какъ ни былъ онъ пораженъ этой потерей, но чтобы при семейныхъ хлопотахъ и служебныхъ непріятностяхъ «отъ скуки не уклониться въ какой развратъ» (Соч. VI, Зап. 683), онъ черезъ полгода, 31 янв. 1795 г. вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Дарьей Алексѣевной Дьяковой. «Онъ избралъ ее», говоритъ онъ о себѣ въ запискахъ, «такъ-же, какъ и первую, не по богатству и не по какимъ-либо свѣтскимъ расчетамъ, но по уваженію ея разума и и добродѣтелей, которыя узналъ гораздо прежде, чѣмъ на ней женился» (VI, 683). Бракъ этотъ, по словамъ самого Державина, основанъ былъ не на пылкой страсти, ибо жениху было уже за 50 лѣтъ, а невѣстѣ подъ 30, но на благоразуміи, взаимномъ уваженіи и дружбѣ. Вторая супруга оказалась такою отличною хозяйкой, что удвоила почти недвижимое имущество Державина, у котораго, въ концѣ концовъ, оказалось около 2000 душъ въ разныхъ губерніяхъ и два каменныхъ дома въ Петербургѣ. Въ теченіе 1795 г. Державинъ снова подалъ Государынѣ прошеніе если не объ отставкѣ, то хотя бы въ годовой отпускъ. Государыня обѣщала исполнить эту просьбу, но, вмѣсто этого, Державинъ былъ назначенъ членомъ особой комиссіи по поводу открытаго въ заемномъ банкѣ похи-

щенія. По нелицепріятію и безпристрастію, съ какими составленъ былъ Державинымъ докладъ по этому дѣлу, очень неблагопріятный для главнаго директора банка, П. В. Завадовскаго, Императрица назвала Державина «слѣдователемъ жестокосердымъ» (Зап. Грибовскаго, 99).

По смерти Императрицы Екатерины II (6 ноября 1796 г.) новый Императоръ Павелъ I, вскорѣ по воцареніи своемъ, велѣлъ позвать къ себѣ Державина, «принялъ его чрезвычайно милостиво и, наговоривъ множество похвалъ, сказалъ, что онъ знаетъ его со стороны честнаго, умнаго, безинтереснаго и дѣльнаго человѣка, то и хочетъ его сдѣлать правителемъ Своего Верховнаго Совѣта, дозволивъ ему входъ къ себѣ во всякое время, и если что теперь имѣетъ, то чтобы сказалъ ему, ничего не опасаясь. Державинъ, поблагодаря его, отозвался, «что онъ радъ ему служить со всею ревностію, ежели Его Величеству угодно будетъ любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій. По сихъ словахъ взглянулъ онъ на него пламеннымъ взоромъ; однако весьма милостиво раскланялся»(Соч., VI, Зап., 702).

Назначеніе въ совѣтъ послужило поводомъ къ новой непріятности для Державина, причиною которой была обмолвка Государя: изъявляя Державину свое довѣріе и милостивое благорасположеніе, Государь сказалъ, что назначаетъ его *правителемъ* Совѣта, т. е., какъ понялъ буквально Державинъ, главнымъ лицомъ въ Совѣтѣ, подобно тому, какъ былъ генералъ-прокуроръ въ Сенатѣ. Между тѣмъ, такой должности вовсе не существовало, и Государь, очевидно, разумѣлъ должность правителя канцеляріи Совѣта. Чтобы разъяснить это недоразумѣніе, Державинъ рѣшился переговорить съ самимъ Императоромъ, но разговоръ этотъ кончился для него очень печально: Государь нашелъ отвѣтъ его «непристойнымъ» и въ гнѣвѣ закричалъ ему: «Поди назадъ въ сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу» (VI, Зап., 705). Черезъ нѣсколько дней, 22 ноября 1796 г., въ Высочайшемъ указѣ сказано было: «тайный совѣтникъ Гаврила Державинъ, опредѣленный правителемъ канцеляріи совѣта нашего, за непристойный отвѣтъ, имъ предъ нами учиненный, отсылается къ прежнему его мѣсту» Вмѣстѣ съ тѣмъ, дано было повелѣніе, чтобы его не впускать во время собраній въ кавалергардскую залу. Чтобы поправить дѣло, онъ обратился было за содѣйствіемъ къ кн. Н. В. Репнину, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ Императора. Но Репнинъ принялъ его холодно и, вѣроятно, лучше Державина зная характеръ новаго Императора, сказалъ ему: «Не мое дѣло мирить васъ съ Государемъ». Тогда Державинъ рѣшился «безъ всякой посторонней помощи возвратить къ себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта» (Соч. VI, Зап., 706—707) и написалъ оду на восшествіе Императора Павла I на престолъ («Ода на новый 1797 годъ»), которая была въ рукописи представлена Императору и произвела желанное дѣйствіе: Государь потребовалъ къ себѣ автора, принялъ его милостиво и снова дозволилъ ему входъ за кавалергардовъ. Названная ода часто служила противникамъ Державина обвинительнымъ противъ него актомъ, и дѣйствительно—побужденій, руководившихъ въ данномъ случаѣ авторомъ, одобрить его оправданій передъ кн. Потемкинымъ, о которыхъ мы говорили выше. Но не будемъ и слишкомъ строги къ нему за это. При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ высокихъ качествахъ, онъ все-таки былъ человѣкъ и не лишенъ былъ, конечно, общихъ всѣмъ людямъ слабостей. Не будемъ забывать того, что онъ самъ сказалъ въ стихотвореніи «Признаніе»:

«Не умѣлъ *я притворяться, на святого походить*,
Важнымъ саномъ надуваться,
И философа брать видъ.
. . . . . .
Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ:
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ».

(Соч., II, 646—647).

Всѣ многочисленныя служебныя непріятности, неудачи и столкновенія доводили Державина, какъ мы видѣли, почти до отчаянія, до готовности не только бросить службу, но даже покинуть отечество. Но зато его самоотверженная, смѣлая и настойчивая борьба за правду и справедливость создала ему такую прочную и лестную репутацію въ обществѣ, что частные люди безпрестанно избирали его въ совѣстные или третейскіе судьи и поручали ему опеки; особенно часто такая почетная роль выпадала ему въ царствованіе Императора Павла, такъ что за весь краткій періодъ этого царствованія посредничествомъ Дер-

жавина рѣшено было до ста дѣлъ. Въ числѣ лицъ, удостоивавшихъ его своимъ довѣріемъ, встрѣчаются имена высокопоставленныхъ особъ: графини Мусиной-Пушкиной—Брюсъ, И. И. Шувалова, гр. Григорія Ивановича Чернышева, гр. М. Ѳ. Апраксина, гр. Ѳ. Григ. Орлова, Соллогуба, сыновей Л. А. Нарышкина и друг. Державинъ по справедливости гордился такимъ общественнымъ довѣріемъ. «Вотъ что болѣе всего меня утѣшаетъ», говорилъ онъ незадолго до смерти: «я окончилъ миромъ слишкомъ двадцать важныхъ запутанныхъ тяжбъ: мое посредничество прекратило не одну многолѣтнюю вражду между родственниками» (В. И. Панаевъ: «Воспоминанія». Братчина, Спб. 1859, 125).

Съ такимъ-же правомъ могъ-бы онъ поставить себѣ въ заслугу и безкорыстную дѣятельность свою по поручавшимся ему опекамъ. Въ царствованіе Павла на него возложено было восемъ опекъ и попечительствъ, такъ что ему въ концѣ концовъ пришлось завести въ своемъ домѣ особую контору, гдѣ-бы нужныя для тѣхъ опекъ служители жительствовать могли». (Я Гротъ: Жизнь Держ. 725). До какой степени заботливо относился Державинъ къ интересамъ лицъ, находившихся подъ его опекой, лучше всего видно изъ тѣхъ благодарственныхъ писемъ, съ какими обращались къ нему опекаемыя имъ лица, по прекращеніи опеки, когда они лично убѣждались, въ какомъ цвѣтущемъ и благоустроенномъ состояніи передавалъ имъ Державинъ ихъ имущество.

Такъ, гр. Григ. Ив. Чернышевъ, доведшій своимъ мотовствомъ отцовское имѣніе до совершеннаго разстройства и очутившійся въ неоплатныхъ долгахъ, вынудилъ Императора Павла отдать его имѣніе подъ опеку Державина. По снятіи опеки въ 1806 году, графъ Чернышевъ счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ написать Державину горячее благодарственное письмо, въ которомъ, называя его своимъ благодѣтелемъ, между прочимъ, писалъ: «Признательность мою къ шестилѣтнимъ подвигамъ вашимъ за существенныя пользы мои и на освобожденіе меня съ семействомъ моимъ отъ предлежавшихъ мнѣ горестныхъ послѣдствій, преодоленныхъ вашимъ высокопревосходительствомъ съ толикимъ безпокойствомъ и пожертвованіемъ времени, я за священнѣйшій долгъ себѣ вмѣнилъ изъявить вамъ не токмо чрезъ сіе, но и чрезъ публичныя вѣдомости какъ въ Россійской Имперіи, такъ и въ прочихъ государствахъ, гдѣ только имя ваше по достоинствамъ вашимъ извѣстно. Я не скрою въ нихъ ни единаго изъ тѣхъ благотвореній вашихъ мнѣ, которыми вы успокоили жизнь мою и сохранили для потомства имѣніе, доставшееся мнѣ въ наслѣдство, уплативъ болѣе милліона долговъ и возвративъ чрезъ выкупъ родительскій домъ мой на немаловажную сумму. Пусть всякій благомыслящій увидитъ, что вы изъ единаго побужденія къ содѣланію добра ближнему предавались толикимъ заботамъ и попеченіямъ для составленія счастія многимъ фамиліямъ, и опредѣлитъ въ сердцѣ своемъ достойное вамъ воздаяніе. Мнѣ остается, въ подкрѣпленіе чувствъ искренней моей вамъ благодарности, запечатлѣть въ душѣ моей на всю жизнь мою ваше имя и оставить оное дѣтямъ моимъ въ предбудущія времена незабвеннымъ памятникомъ» (Соч., VI, 177—178). Интересныя подробности объ этой опекѣ разсказаны Державинымъ въ его запискахъ. Изъ этого разсказа мы узнаемъ и тѣ смѣлые и рѣшительные пріемы, при помощи которыхъ Державинъ достигалъ такихъ поразительныхъ результатовъ. Между прочимъ, на графѣ Чернышевѣ числилось до 200,000 рублей казеннаго долга, который Державинъ призналъ несправедливымъ, о чемъ и рѣшился довести до свѣдѣнія Императора, предлагая или вовсе не взыскивать этого долга, или взыскивать безъ процентовъ. «Таковая смѣлая просьба въ Павловы времена, чтобъ окорочивать казенный долгъ, была не шутка. Всѣ думали, что его пошлютъ въ Сибирь», но все обошлось благополучно (Соч. VI, Зап. 710). Изъ одного этого примѣра видно, съ какимъ самоотверженіемъ защищалъ Державинъ интересы своихъ кліентовъ.

Такою же горячею и искреннею благодарностію преисполнено и письмо къ Державину графини Мусиной-Пушкиной-Брюсъ, когда, по прекращеніи опеки въ 1804 г., она снова сама вступила въ управленіе своимъ имѣніемъ. «По возвращеніи моемъ въ Россію и по разсмотрѣніи въ подробности дѣлъ моихъ, въ попечительствѣ особы вашего высокопревосходительства состоящихъ, я съ живѣйшими чувствіями удовольствія нашла, что ни самая

малость относительно моихъ интересовъ упущена не была, доходы противъ прежняго ощутительно умножены, а въ дополненіе къ тому, при всей разстроенности моего имѣнія, въ попечительство ваше поступившаго, я съ восхищеніемъ увидѣла, что заплачено до 165,000 р. моихъ долговъ, и наконецъ имѣніе приведено въ столь лестное положеніе, что я за таковыя ваши ко мнѣ благодѣянія совершенно теряюсь въ способахъ изъявить вашему высокопревосходительству ту благодарность, которою я преисполнена» (Соч., VI, 159).

Награжденный въ іюлѣ 1800 г. за успѣшную командировку въ Бѣлоруссію чиномъ дѣйств. тайн. сов. и почетнымъ командорскимъ крестомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, Державинъ, въ августѣ того же года, вновь былъ назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. Должность эта при Императорѣ Павлѣ была второстепенною: выше президента коммерцъ-коллегіи стоялъ министръ коммерціи, каковымъ въ данное время былъ кн. Г. П. Гагаринъ. Такимъ образомъ, на новомъ своемъ мѣстѣ Державинъ чувствовалъ себя лицомъ зависимымъ, лишеннымъ всякой иниціативы. По несдержанности и пылкости своего характера, онъ не удержался, чтобы не высказать этого генералъ-прокурору Обольянинову. «Гдѣ же полная ко мнѣ довѣренность?» говорилъ онъ: «я не что иное, какъ рогожная чучела, которую будутъ набивать бумагами; а голова, руки и ноги, дѣйствующіе коммерціею—князь Гагаринъ» (VI, Зап. 726). Можетъ быть, этимъ неосторожнымъ словамъ надо приписать нѣкоторое неудовольствіе Императора на Державина, выразившееся въ томъ, что Государь сказалъ Обольянинову про Державина: «Онъ горячъ, да и я; такъ мы, пожалуй, опять поссоримся; пусть доклады его ко мнѣ идутъ черезъ тебя» (Я. Гротъ: Жизнь Держ. 729). Черезъ три мѣсяца по назначеніи президентомъ коммерцъ-коллегіи, Державинъ, 22 ноября 1800 г., назначенъ былъ государственнымъ казначеемъ, на мѣсто уволеннаго въ отставку А. И. Васильева. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же мѣсяцѣ и почти въ тѣхъ же числахъ, онъ былъ назначенъ членомъ Совѣтовъ — Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ (20 ноября) членомъ Императорскаго Совѣта (23 ноября), переведенъ изъ межеваго департамента сената въ первый (25 ноября) и, наконецъ, 27 ноября ему пожаловано 6000 р. столовыхъ ежегодно.

При воцареніи Императора Александра I-го государственнымъ казначеемъ снова назначенъ былъ Васильевъ, а Державину велѣно было только присутствовать въ сенатѣ. Но Державинъ, состоявшій членомъ предыдущаго Совѣта, не былъ включенъ въ число членовъ Государственнаго Совѣта, сдѣлавшись, въ данномъ случаѣ, жертвою борьбы партій, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ. Вообще, въ первое время по воцареніи Императора Александра I, положеніе Державина поколебалось: очевидно, противники его, которыхъ у него было не мало, не дремали. Это видно изъ попытки набросить тѣнь на его дѣйствія по опекаемымъ имъ имѣніямъ. 21 мая 1801 г. состоялся Высочайшій указъ объ опекунахъ и попечителяхъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что опеки и попечительства выходятъ изъ предѣловъ своей обязанности, присваиваютъ себѣ власть судебныхъ мѣстъ и, самовольно рѣшая силу обязательствъ, удовлетворяютъ ихъ или отвергаютъ по частнымъ своимъ побужденіямъ. Вслѣдствіе этого, опекунамъ и попечителямъ повелѣвалось немедленно дать правительству отчетъ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по ввѣреннымъ имъ имѣніямъ. Очевидно, въ связи съ этимъ общимъ указомъ состоялись какія-то распоряженія, лично касавшіяся Державина. Это побудило его прибѣгнуть къ всегдашнему своему средству: къ прямому личному объясненію съ Государемъ. Въ бумагахъ его сохранилась краткая записка, лично читанная имъ Государю въ ноябрѣ 1801 года. «Изъ многихъ указовъ касательно опекъ, мною управляемыхъ», говоритъ въ этой запискѣ Державинъ, «вижу я гнѣвъ монаршій и даже въ одномъ лично на меня устремленный. Не находя въ совѣсти моей упрековъ, покушаюсь думать, не очерненъ ли я какими хитрыми клеветами моихъ недоброжелателей: ибо что дѣлаетъ мнѣ общую довѣренность, то не можетъ, кажется, быть непріятно монарху. Всеподданнѣйше прошу, благоволите приказать кому, въ присутствіи только моемъ, спросить тѣхъ, чьими я имѣніями управляю, не корыстуюсь ли я ихъ добромъ или ихъ доходами, также ихъ кредиторовъ, не дѣлаю ли много имъ какихъ притѣсненій, кромѣ ми-

*

ролюбивыхъ соглашеній на добровольныя уступки и разсрочки по правиламъ кураторскимъ и кромѣ отсылки къ суду для рѣшенія сомнительныхъ претензій? Наконецъ, хотя занимался я симидѣлами безъ всякихъ своихъ пользъ, а единственно изъ христіанскаго подвига дѣлать добро ближнему, и хотя безъ моего посредства и пособія могутъ погибнуть фамиліи, ввѣрившія мнѣ свои участи, ибо ихъ кредитъ зависитъ отъ моего кредита; но когда угодно Вашему Величеству, я тотчасъ отъ нихъ публично откажусь: ибо я, сколько ихъ ни просилъ, но они дѣлъ своихъ отъ меня не принимаютъ, да и самые благодарные кредиторы, я думаю, на сіе не согласятся» (Я. Гротъ: Жизнь Держ. 780—781). Въ послѣднемъ Державинъ, очевидно, ошибался, ибо кто же могъ набрасывать тѣнь на его дѣйствія по опекамъ, какъ не тѣ кредиторы, которымъ онъ мѣшалъ обирать и прижимать неосторожныхъ или запутавшихся должниковъ, какъ это видно, напр., изъ дѣла по опекѣ графа Гр. Ив. Чернышева? (VI, Зап. 709—712). Но ухищренія ихъ потерпѣли неудачу. Вслѣдствіе только-что приведеннаго откровеннаго объясненія Державина съ Государемъ, бывшія въ завѣдываніи его опеки остались въ его рукахъ.

Не занявъ, въ первое время новаго царствованія, никакихъ новыхъ видныхъ должностей и даже лишившись нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыя онъ занималъ въ предшествовавшее царствованіе, Державинъ продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ рѣшеніи разныхъ правительственныхъ вопросовъ, какъ-то: въ предоставленіи всѣхъ каспійскихъ рыбныхъ ловель въ общее пользованіе, въ составленіи проекта правилъ о содержаніи Крымскихъ соляныхъ озеръ; ему же принадлежитъ составленіе печатныхъ указовъ по должности губернаторовъ, по выборамъ дворянства, по разнорѣчащимъ предписаніямъ сената и т. п.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, мелкихъ занятій, возложеныхъ на Державина, новый царь давалъ ему и болѣе трудныя и важныя порученія. 23 ноября 1801 года Государь, призвавъ его къ себѣ, поручилъ ему произвести на мѣстѣ слѣдствіе о противозаконныхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ калужскаго губернатора Лопухина, находившагося въ родствѣ съ свѣтлѣйшимъ княземъ Лопухинымъ и вообще имѣвшаго большія и сильныя связи при дворѣ. Довѣріе Императора къ Державину простиралось такъ далеко, что когда отъ губернатора Лопухина поступила къ Государю жалоба на Державина, то Государь препроводилъ ее къ послѣднему съ такими многознаменательными въ собственноручномъ рескриптѣ словами: «здѣсь также прилагаю просьбу губернатора на васъ, *чего бы мнѣ и не должно было дѣлать*, но зная вашу честность, *и что у васъ личностей нѣту*, я увѣренъ, что оное не послужитъ ни къ какой перемѣнѣ въ вашемъ поведеніи съ Лопухинымъ» (Соч. VI, 133).

Другимъ важнымъ порученіемъ Державину было порученіе составить проектъ преобразованія сената. До сихъ поръ сенатъ находился въ чрезвычайно приниженномъ состояніи и вполнѣ зависѣлъ отъ произвола генералъ-прокурора. Когда, вскорѣ по воцареніи Императора Александра I, генералъ-прокуроръ Беклешовъ позволилъ себѣ скрыть предъ Государемъ особое мнѣніе Державина по одному дѣлу, оскорбленный Державинъ, испросивъ аудіенцію, лично принесъ на это жалобу Императору, причемъ смѣло сказалъ: «Ежели генералъ-прокуроръ будетъ такъ самовластно поступать, то нечего сенаторамъ дѣлать, и я всеподданнѣйше прошу меня отъ службы уволить» (Соч. VI, Зап. 761). Получивъ порученіе составить записку о преобразованіи сената, Державинъ написалъ ее, какъ самъ говоритъ въ запискахъ (VI, 762) «въ духѣ Екатерины, т. е. сообразно ея учрежденію о управленіи губерній». Между прочимъ, онъ предлагалъ, «чтобы приговоры общаго собранія сената печатались во всеобщее свѣдѣніе, съ одной стороны для того, чтобы пріобрѣсть ими въ государствѣ болѣе довѣренности, а съ другой, чтобы они были средствомъ для пріученія молодыхъ людей къ познаніямъ законовъ и примѣненію ихъ; между тѣмъ какъ теперь гніютъ таковые приговоры въ архивахъ, не принося никакой пользы обществу. Бояться пересудовъ, если дѣла рѣшены справедливо, было бы малодушіемъ или гордостію; надобно только сенату быть сенатомъ. Мечта ужаса отъ просвѣщенія народнаго тотчасъ исчезнетъ» (Соч. VII, 346). Благодарность свою за составленный Державинымъ проектъ, который былъ принятъ въ соображеніе при преобразованіи

сената, Государь выразилъ пожалованіемъ ему при коронаціи ордена св. Александра Невскаго.

8 сентября 1802 года обнародованъ былъ указъ объ учрежденіи министерствъ, и Державинъ назначенъ былъ министромъ юстиціи. Въ этомъ назначеніи біографъ Державина, Я. К. Гротъ, справедливо видитъ самостоятельное проявленіе воли Государя, такъ какъ и молодые сотрудники новаго Императора, и многіе изъ старыхъ «сослуживцевъ» Державина, особенно гр. Завадовскій, Трощинскій и гр. А. Р. Воронцовъ, были его противниками. Когда въ концѣ 1801 года открылась вакансія директора банка и Государь, въ числѣ кандидатовъ, назвалъ Державина, то молодые члены неоффиціальнаго комитета отклонили этотъ выборъ, подъ предлогомъ, что Державинъ, при всемъ своемъ умѣ, принадлежитъ къ разряду людей, путающихъ дѣла.

Съ своей стороны, и Державинъ не питалъ ни расположенія, ни довѣрія къ новымъ совѣтникамъ Государя, про которыхъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что съ самаго начала новаго правленія «избранными въ совѣтъ членами доведено стало государство до близкой въ 1812 году погибели. Началось неуваженіе законовъ и самые безпорядки въ сенатѣ; охуждая правленіе Императора Павла, зачали безъ разбора, такъ сказать, все коверкать, что имъ ни сдѣлано (Соч. VI, Зап. 758). По поводу учрежденія министерствъ онъ выражается столь же рѣзко. Разсказавъ въ своихъ запискахъ о первомъ засѣданіи комитета министровъ въ присутствіи Государя и происходившихъ при этомъ спорахъ по вопросу объ инструкціяхъ для министровъ, на необходимости которыхъ онъ настаивалъ, въ противность мнѣніямъ остальныхъ министровъ, онъ далѣе говоритъ: «Такимъ образомъ и пошло кое-какъ теченіе дѣлъ относительно правленія государства чрезъ министерскій комитетъ; но какъ сенатъ отмѣненъ не былъ и повидимому оставался не токмо въ прежней формѣ, но и силѣ, то и пошла путаница день ото дня болѣе. Напримѣръ, законъ Петра Великаго и Екатерины II говоритъ, что сенатъ не имѣетъ власти самъ собою распоряжаться государственными суммами сверхъ 10000 руб.; но тутъ, безъ всякаго уваженія какого-либо государственнаго мѣста или совѣта и остереженія прокуроровъ, подавали сами отъ себя министры доклады Государю о милліонахъ, который и конфирмовалъ и уже исправить не можно было, а потому и зачали министры тащить казну всякій по своему желанію... Равнымъ образомъ зачали заключать министры контракты, сверхъ власти имъ данной, на превосходныя суммы, безъ уваженія сената»; вслѣдствіе чего «стали сами по себѣ приходить законы въ неуваженіе день ото дня болѣе... и спала съ господъ министровъ всякая обузданность, а потому и забота. Стали дѣлать, что кому хотѣлось» (VI, Зап. 779—780). Въ этихъ желчныхъ жалобахъ Державина нельзя не видѣть голоса состарѣвшагося, хотя и опытнаго дѣльца, не хотѣвшаго понять, что указываемые имъ безпорядки проистекали не столько отъ неправильной постановки дѣла, сколько отъ естественной и неизбѣжной неопредѣленности и путаницы въ производствѣ дѣлъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. На министерскомъ посту Державинъ, по обыкновенію своему, обнаружилъ изумительную дѣятельность. Изъ сохранившагося росписанія его ежедневныхъ занятій видно, что онъ ежедневно, съ 5 до 7 часовъ утра занимался домашними и опекунскими дѣлами. За симъ, два раза въ недѣлю, съ 7 до 10 часовъ утра занимался съ оберъ-прокурорами, а въ 10 часовъ уѣзжалъ въ сенатъ; два раза въ недѣлю, съ 9 до 10 часовъ утра имѣлъ докладъ у Императора; два раза въ недѣлю съ 8 до 12 час. утра принималъ на дому просителей. По вечерамъ, съ 6 час., два раза въ недѣлю засѣдалъ въ комитетѣ министровъ, а въ остальные дни занимался съ секретарями прочтеніемъ почты и заготовленныхъ бумагъ. Время отъ 10 до 11 часовъ вечера посвящено было бесѣдѣ съ пріятелями, «и въ сей послѣдній часъ запирать ворота и никого уже не принимать, развѣ по экстренной какой нуждѣ или по присылкѣ отъ Императора, для чего въ какое бы то ни было время камердинеръ долженъ меня разбудить» (Я. Гротъ: Жизнь Держ. 804—805). Между прочимъ, онъ первый ввелъ въ своемъ министерствѣ консультаціи министра съ оберъ-прокурорами въ важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ,—мѣропріятіе, о которомъ И. В. Лопухинъ отозвался, что оно дѣлаетъ ему честь.

Между тѣмъ, онъ успѣлъ возбудить вражду противъ себя со стороны своихъ новыхъ сотоварищей—министровъ, требуя отъ нихъ, по званію генералъ-прокурора, правильной отчетности. Другимъ поводомъ къ враждебнымъ отношеніямъ между Державинымъ и его сослуживцами послужило дѣло о срокахъ военной службы дворянства. Военный министръ Вязмитиновъ донесъ Государю, что унтеръ-офицеры изъ дворянъ, и особенно изъ поляковъ, никакъ не хотятъ служить, всячески отбывая отъ службы; едва успѣютъ вступить въ оную, то уже просятся въ отставку. Положено было, чтобы, на основаніи грамоты о вольности дворянства и жалованной грамоты 1785 г., дворянъ, недослужившихъ до оберъ-офицерскаго чина, прежде 12 лѣтъ службы ихъ, въ отставку не увольнять. Высочайшій указъ объ этомъ (5 декабря 1802 г.) прошелъ въ общемъ собраніи сената безъ всякаго замѣчанія и отосланъ былъ въ военную коллегію для исполненія. Прошло послѣ этого дней девять, какъ вдругъ одинъ изъ сенаторовъ, гр. Северинъ Потоцкій нашелъ, что этимъ постановленіемъ унижено русское дворянство, и поэтому вздумалъ воспользоваться недавно дарованнымъ сенату правомъ входить къ Государю съ представленіемъ въ случаяхъ, когда какой-либо указъ окажется сопряженнымъ «съ великими неудобствами въ исполненіи». Сенатъ принялъ сторону гр. Потоцкаго и рѣшилъ воспользоваться дарованнымъ ему правомъ, чтобы ходатайствовать объ отмѣнѣ только-что вышедшаго распоряженія. Поднятый гр. Потоцкимъ вопросъ сильно взволновалъ общество не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, гдѣ, по словамъ Державина, «знатное и можно сказать глупое дворянство приняло (мнѣніе гр. Потоцкаго) съ восхищеніемъ, такъ что въ многолюдныхъ собраніяхъ клали его на голову и пили здоровье гр. Потоцкаго, почитая его покровителемъ Россійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія» (VI, Зап. 790). Изъ-за этого мнѣнія гр. Потоцкаго у Державина произошло очень крупное столкновеніе съ сенатомъ. Прежде всего его оскорбила самая записка графа Потоцкаго, потому что, по его мнѣнію, она написана была «не токмо дерзко противъ сената, который непристойными выраженіями разруганъ, но противъ Государя неприлично, который какъ бы въ какомъ народномъ правленіи сравненъ со всѣми гражданами, и тому подобная нелѣпица, несоотвѣтствующая законамъ» (Соч. VI, Зап. 786—787). Когда сенатъ принялъ сторону гр. Потоцкаго и постановилъ, «чтобъ противъ имянного указа, принятаго уже сенатомъ, во опроверженіе его, подать Государю докладъ, чтобъ дворянство служило или не служило, отдать ему на волю», то это такъ взволновало Державина, что онъ даже захворалъ нервнымъ разстройствомъ, «отъ чрезвычайной чувствительности, что сенатъ не токмо позволялъ унижать себя пришельцу и врагу отечества, но еще, защищая его, идетъ противъ Государя и тѣмъ самымъ кладетъ начальное основаніе несчастію государства, допуская засѣвать сѣмя мятежей или революцій, подобно французской» (VI, Зап. 788). На самого же гр. Потоцкаго онъ смотрѣлъ, какъ на орудіе поляковъ, задумавшихъ «разстроить нашу военную силу, дабы, изнѣживъ дворянство, сдѣлать его неспособнымъ къ военной службѣ, слѣдовательно къ защитѣ отечества; ибо безъ офицеровъ и генераловъ-дворянъ военная наша сила исчезнетъ, а мы рано или поздно, таковымъ ухищреніемъ будемъ добычею враговъ нашихъ» (VI, Зап. 788). Однимъ словомъ, на все это дѣло Державинъ смотрѣлъ какъ на дѣло «коимъ, такъ сказать, боролось монархическое правленіе съ аристократическимъ. Первое защищалъ генералъ-прокуроръ (т. е. самъ Державинъ), удерживая единодержавную власть при Государѣ, а второе сенатъ, присваивая нѣкоторую часть власти себѣ» (VI, зап. 793). Понятно, что при такихъ взглядахъ, совершенно противорѣчившихъ духу новаго царствованія, дни служебной дѣятельности Державина были уже сочтены. Хотя въ дѣлѣ гр. Потоцкаго и сената Государь принялъ сторону Державина, но «съ тѣхъ поръ не примѣчалъ Державинъ въ Государѣ прежняго къ себѣ уваженія, однако же не видалъ и недовѣрчивости» (VI, Зап. 796).

Что Державинъ не совсѣмъ ошибался, заподозрѣвъ въ дѣйствіяхъ гр. Потоцкаго польскую интригу, доказывается новымъ спорнымъ вопросомъ, возникшимъ вслѣдствіи предложенія министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея «дозволить іезуитамъ вводить католическую вѣру и даже преклонять въ оную чрезъ миссіонеровъ магометанскіе и идолопоклонническіе народы,

обитающіе въ Астраханской, Оренбургской и Сибирскихъ губерніяхъ. Державинъ возразилъ на это, «что довольно терпимости вѣръ, какова оная существуетъ теперь въ имперіи, а дѣлать католическую господствующею неприлично достоинству имперіи, что можетъ потрясти духъ народа и произвести со временемъ мятежи и возмущенія, каковы были во Франціи и въ нѣмецкой землѣ; но лучше бы приложить стараніе о посылкѣ миссіонеровъ къ иновѣрнымъ, идолопоклонническимъ и магометанскимъ народамъ, дабы ихъ привесть въ религію греческаго исповѣданія, какъ дѣлалъ царь Иванъ Васильевичъ, и пріучить ихъ къ хлѣбопашеству и прочимъ обычаямъ и нравамъ коренныхъ русскихъ подданныхъ, что бы умножило силу и твердость имперіи» (VI, Зап. 782). Кончилось тѣмъ, что предложеніе Кочубея не было принято.

Мы говорили уже, что Державину часто приходилось бывать третейскимъ судьею, и онъ справедливо ставилъ себѣ въ заслугу свою дѣятельность безпристрастнаго примирителя. Понятно, что онъ пріобрѣлъ въ подобныхъ дѣлахъ большую опытность, которою и пожелалъ воспользоваться на пользу общую. Въ маѣ 1801 года онъ представилъ Государю правила третейскаго совѣстнаго суда, надъ которыми трудился много лѣтъ, совѣтуясь съ пріятелями и опытными юристами. Правила эти такъ понравились Государю, что, выслушавъ ихъ, онъ «вскочилъ съ восторгомъ со стула и сказалъ: «Гаврилъ Романовичъ! Я очень доволенъ, это весьма важное дѣло»; даже «побожился, что онъ тѣ правила введетъ въ употребленіе» (VI, Зап. 796), но проектъ Державина все-таки не былъ утвержденъ. При нѣкоторыхъ недостаткахъ, проектъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ вводилось начало гласности въ судѣ.

Консерватизмъ Державина, ясный уже изъ его борьбы съ либеральнымъ направленіемъ новаго царствованія, особенно рѣзко выразился въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, возникшемъ по поводу закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ (20 февр. 1803 г.). При обсужденіи этого вопроса въ Государственомъ совѣтѣ Державинъ высказалъ, «что хотя, по древнимъ законамъ права владѣльцевъ на рабство крестьянъ нѣтъ, но политическіе виды, укрѣпивъ крестьянъ землѣ, тѣмъ самымъ ввели рабство въ обычай. Обычай сей, утвержденный временемъ, содѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность» (Я. Гротъ: Жизнь Держ. 823). Въ запискахъ же своихъ онъ прямо говоритъ, что отъ освобожденія крестьянъ «въ нынѣшнемъ состояніи народнаго просвѣщенія не выдетъ изъ того никакого блага государственнаго, а напротивъ того вредъ, что чернь обратитъ свободу въ своевольство и надѣлаетъ много бѣдъ» (Соч. VI, Зап. 816). Въ своей ревности онъ такъ далеко простеръ противодѣйствіе свое волѣ Императора и постановленіямъ сената въ этомъ вопросѣ, что Государь вынужденъ былъ позвать его къ себѣ и замѣтить ему: «Какъ вы, Гаврила Романовичъ, противъ моихъ указовъ идете въ сенатѣ и критикуете ихъ; вмѣсто того ваша должность подкрѣплять ихъ и наблюдать о непремѣнномъ исполненіи».(VI, Зап. 816). Такимъ образомъ, Державинъ самъ попалъ въ положеніе оппонента верховной власти, въ которомъ такъ горячо упрекалъ гр. Потоцкаго и сенатъ въ вопросѣ о срокахъ службы дворянъ. Въ оправданіе его необходимо, однако, сказать, что его свободолюбивая душа не могла защищать самый принципъ рабства, и онъ вступилъ въ борьбу только потому, что считалъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ несвоевременнымъ и предлагавшіеся для того способы не достигающими цѣли. Немаловажную роль въ этой борьбѣ игралъ также пылкій его характеръ, не разбиравшій средствъ для побѣды надъ противниками. Но когда пылъ борьбы прошелъ и онъ могъ хладнокровно обсудить тѣ мѣры, противъ которыхъ такъ страстно боролся, онъ не могъ отказать имъ въ своемъ сочувствіи. Не прошло и году послѣ изданія указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, какъ Державинъ, уже находившійся въ отставкѣ, написалъ завѣщаніе, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобы всѣ его крѣпостные люди и крестьяне, на основаніи указа 1803 г., обращены были въ свободные хлѣбопашцы. Правда, что въ другой, позднѣйшей редакціи его духовнаго завѣщанія этой статьи нѣтъ, но это нисколько не измѣняетъ смысла его рѣшенія.

Не менѣе замѣчательна дѣятельность

Державина по еврейскому вопросу, возникшему по поводу командировки Державина въ Бѣлоруссію еще при Императорѣ Павлѣ I (въ 1800 г.). Цѣлью командировки было, съ одной стороны, принять мѣры противъ открывшагося тамъ голода, а съ другой «изслѣдовать поведеніе евреевъ, не изнуряютъ-ли они поселянъ въ пропитаніи ихъ обманами, и искать средствъ, чтобъ они, безъ отягощенія послѣднихъ, сами трудомъ своимъ пропитывать себя могли» (VI, Зап. 722). Во исполненіе этого послѣдняго порученія Державинъ составилъ замѣчательную записку, озаглавленную: «Мнѣніе сенатора Державина объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго обузданіемъ корыстныхъ промысловъ евреевъ, о ихъ преобразованіи и о прочемъ» (Соч. VII. 229). Въ этой запискѣ еврейскій вопросъ впервые поставленъ во всемъ угрожающемъ его объемѣ, раскрыто вредное вліяніе евреевъ на мѣстное населеніе, и предложены мѣры для ослабленія и предотвращенія этого. О евреяхъ Державинъ даетъ вполнѣ неблагопріятный отзывъ и даже такъ разсуждаетъ объ нихъ: «ежели всевысочайшій промыслъ, для исполненія какихъ своихъ намѣреній, сей по нравамъ своимъ опасный народъ оставляетъ на поверхности земной и его не истребляетъ; то должны его терпѣть и правительства, подъ скипетръ коихъ онъ прибѣгнулъ, споспѣшествуя установленію судебъ, обязаны простирать и о жидахъ свое попеченіе такимъ образомъ, чтобъ они и себѣ и обществу, между которымъ водворились, были полезны». (VII. 246). Изучивъ вопросъ о евреяхъ по разнымъ сочиненіямъ и личнымъ наблюденіямъ, онъ пришелъ къ слѣдующему выводу: «По таковымъ древнимъ и новымъ о жидахъ примѣчаніямъ и разнымъ о нихъ мнѣніямъ, нахожу я школы ихъ ни что иное, какъ гнѣзда суевѣрствъ и ненависти къ христіанамъ; кагалы опасный status in statu, которыхъ благоустроенное политическое тѣло терпѣть не долженствуетъ; денежные сборы болѣе къ угнетенію ихъ народа, нежели къ пользѣ служатъ, и по собственному ихъ хвастовству, вино у корчмарей для простого народа, а деньги у кагальныхъ для прочихъ, суть такіе мечи, противъ которыхъ рѣдко кто устоитъ. Хазаки—коварный вымыслъ для содержанія въ единыхъ ихъ рукахъ всѣхъ откуповъ и арендъ, есть родъ самой вѣрнѣйшей монополіи. Херимы—непроницаемый, святотатственный покровъ самыхъ ужасныхъ злодѣяній, ко вреду общему и частному совершаемыхъ. Коледы— искусный грабежъ, подъ видомъ пріязни и дружескаго посѣщенія. Аренды, корчмы, факторства, торговля и всѣ прочія вышеописанныя ихъ установленія и дѣянія ни что иное суть, какъ тонкіе вымыслы, подъ видомъ прибылей и услугъ ближнимъ истощать ихъ имущество. Словомъ, ежели вообще ихъ нравы и поступки одобрить не можно, то нельзя правильнаго сдѣлать заключенія, чтобъ евреи, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, были добрые люди, а потому и добрыми подданными почтены быть не могутъ, ибо извѣстно, что единственно благонравный образъ мыслей производитъ гражданскія добродѣтели. А притомъ, какъ большая часть изъ нихъ не имѣютъ даже своихъ домовъ и могутъ переходить, при всякомъ случаѣ, съ мѣста на мѣсто и въ другія государства, нося всѣ свои имущества съ собою, то и не можно признать ихъ собственно принадлежащими Россійскому государству. Многочисленность же ихъ въ Бѣлоруссіи, кромѣ вышеописанныхъ вредныхъ ихъ качествъ, по единой только уже несоразмѣрности съ хлѣбопашцами, совершенно для страны сей тягостна. Между многими вышеописанными въ первой части причинами, она есть единственно изъ главнѣйшихъ, которая производитъ въ семъ краю недостатокъ въ хлѣбѣ и въ прочихъ съѣстныхъ припасахъ. Въ разсужденіи чего, чтобъ исполнить волю Государя Императора и отвратить на будущія времена скудость въ Бѣлоруссіи хлѣба, съ одной стороны обузданіемъ жидовскихъ промысловъ, а съ другой нѣкоторымъ освобожденіемъ отъ нихъ сего края, ведетъ само собою необходимыя послѣдствія: что должно отъ ихъ связи освободить Бѣлоруссію и притомъ безъ нанесенія кому-либо вреда въ интересахъ; уменьшить ихъ число и облегчить тѣмъ продовольствіе коренныхъ ея обитателей, а оставшимся изъ нихъ дать лучшіе и безобиднѣйшіе для другихъ способы къ ихъ содержанію, какъ равно и переселившимся въ другія мѣста; узнать вѣрное число ихъ и помѣстить въ классы, пристойные благоустроенному государству; привесть ихъ подъ единственное управленіе самодер-

жавной власти, а для того ослабить ихъ фанатизмъ и нечувствительнымъ образомъ приближать къ прямому просвѣщенію, не отступая однако ни въ чемъ отъ правилъ терпимости различныхъ вѣръ; вообще, истребивъ въ нихъ ненависть къ иновѣрнымъ народамъ, уничтожить коварные вымыслы къ похищенію чужаго добра; пресѣчь праздность и тунеядство; словомъ, устроить ихъ политически и нравственно, подобно просвѣщеннымъ народамъ». — (Соч. VII. 260—261). Записка Державина передана была, по повелѣнію Императора Павла I, на обсужденіе сената, а по учрежденіи министерствъ при Александрѣ I учрежденъ былъ для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса особый комитетъ, съ участіемъ еврейскихъ депутатовъ отъ всѣхъ губернскихъ кагаловъ. Когда вѣсть о взглядахъ Державина на еврейскій вопросъ по предлагаемымъ имъ мѣрамъ разнеслась между евреями, немедленно по всѣмъ кагаламъ приняты были самыя рѣшительныя мѣры противодѣйствія, собраны для подкупа громадныя суммы, самому Державину обѣщано было евреями отъ 100 до 200 тысячъ за согласіе не противиться благопріятному для евреевъ мнѣнію остальныхъ членовъ комитета, о чемъ Державинъ довелъ до свѣдѣнія Государя; по всѣмъ кагаламъ на Державина наложенъ былъ херемъ, или проклятіе, и постановлено было всячески стараться о смѣщеніи ненавистнаго евреямъ генералъ-прокурора, а если это невозможно, то хоть извести его, на что дано было сроку до трехъ лѣтъ.— Вслѣдствіе возникшаго въ комитетѣ разногласія, вопросъ этотъ остался въ министерствѣ Державина нерѣшеннымъ. (Соч., VI, Зап., 799—802). На разсмотрѣніе еврейскаго комитета передано было еще другое дѣло, относившееся къ польскому населенію западнаго края, именно дѣло о панцырныхъ боярахъ, между которыми много было безземельныхъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ и платившихъ оброкъ владѣльцамъ. Считая ихъ, во время выборовъ на сеймахъ, послушнымъ орудіемъ землевладѣльцевъ, Державинъ подалъ проектъ о выселеніи ихъ въ южныя губерніи. Онъ считалъ эту мѣру очень важною съ политической точки зрѣнія, и послѣдствія оправдали прозорливость Державина: при нашествіи французовъ изъ этого класса людей формировались полки, которые литовскіе магнаты выставили для Наполеона.

Между тѣмъ, разногласія Державина съ Государемъ дѣлались все чаще и чаще; бывали случаи, когда, какъ разсказываетъ Державинъ въ своихъ запискахъ, онъ отказывался контрасигнировать высочайшіе указы (Соч. VI, Зап. 810). Отношенія къ нему Государя дѣлались все холоднѣе, и наконецъ, въ октябрѣ 1803 года, Государь прислалъ ему рескриптъ, въ которомъ, похваливъ его за отправленіе должности, объявилъ, что для пресѣченія жалобъ на неисправность его канцеляріи проситъ его очистить постъ министра юстиціи, а остаться только присутствующемъ въ сенатѣ и совѣтѣ. Когда, при личномъ объясненіи съ Государемъ по поводу этого рескрипта, онъ спросилъ Государя, въ чемъ онъ передъ нимъ провинился, Государь «ничего не могъ сказать къ обвиненію его, какъ только: *ты очень ревностно служишь*. «А какъ такъ, Государь», отвѣчалъ Державинъ: «то я иначе служить не могу. Простите».— «Оставайся въ совѣтѣ и сенатѣ».—«Мнѣ нечего тамъ дѣлать».—«Но подавайте-же просьбу», подтвердилъ Государь, «о увольненіи васъ отъ должности юстицъ-министра».—«Исполню повелѣніе». (Соч. VI, зап. 821—822). Испросивъ награды своимъ подчиненнымъ, Державинъ разстался съ Государемъ. Стороной ему давали понять, что «ежели онъ пришлетъ уничижительное прошеніе о увольненіи его отъ должности юстицъ-министра по ея трудности и останется въ сенатѣ и совѣтѣ, то оставлено будетъ ему все министерское жалованье, 16,000 руб., и въ вознагражденіе за труды дается Андреевская лента». (Тамъ-же, 822). Но Державинъ, чувствуя себя оскорбленнымъ, отказался отъ этихъ милостей и подалъ по формѣ прошеніе объ увольненіи его вовсе отъ службы. 7-го октября 1803 г. вышелъ Высочайшій указъ объ увольненіи Державина отъ всѣхъ дѣлъ, съ оставленіемъ ему полнаго жалованья и 6000 р. столовыхъ денегъ ежегодно. (Я. Гротъ: Жизнь Держ. 832).

Такъ закончилась дѣятельность Державина, какъ государственнаго человѣка. Обыкновенно о немъ больше говорятъ, какъ о поэтѣ, нежели какъ о государственномъ человѣкѣ, и потому мы старались въ нашемъ сжатомъ и краткомъ очеркѣ не про-

пустить ничего, что можетъ охарактеризовать Державина именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи, ибо и въ государственной дѣятельности онъ замѣчателенъ не менѣе, чѣмъ въ дѣятельности поэтической. Въ теченіе всего его служебнаго поприща въ немъ постоянно виденъ смѣлый, рѣшительный, настойчивый, прозорливый, предусмотрительный, до поразительности дѣятельный человѣкъ, смотрящій на службу, не какъ на средство къ существованію и наживѣ, а какъ на исполненіе своего нравственнаго долга, какъ на извѣстный способъ служенія на пользу общую. Отсюда и проистекало его ничѣмъ не побѣжденное стремленіе соблюдать во всемъ законъ, правду и справедливость. Еще въ молодости, участвуя въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, онъ уже обнаруживалъ замѣчательную способность широко обнимать вопросъ и съ прозорливостью государственнаго человѣка быстро находить способы выдти изъ затрудненія. На губернаторскихъ постахъ онъ является не только ревностнымъ администраторомъ, но и просвѣщеннымъ начальникомъ, старавшимся вносить свѣтъ образованія въ мѣстную среду. Достигши высшихъ государственныхъ должностей, онъ обнаружилъ широкій государственный умъ, ясно понимая истинные интересы отечества и ревниво ихъ оберегая. В. Ратчъ, въ сочиненіи своемъ: «Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ», считаетъ даже, что отставка Державина была послѣдствіемъ борьбы русской и польской партій и рѣшительной побѣды послѣдней. «Державинъ остановилъ миссіонерство іезуитовъ и пропаганду латинства въ имперіи», говоритъ Ратчъ, «содѣйствовалъ къ задержанію попытки помилованныхъ польскихъ мятежниковъ – за службу, замѣнявшую штрафъ, быть награжденными чиномъ, отстоялъ права самодержавной власти противъ первой попытки Потоцкаго ввести въ самодержавную Россію чуждые обычаи рѣчи Посполитой, поднялъ вопросъ о евреяхъ, противный панскимъ выгодамъ, и наконецъ поднялъ вопросъ о выселеніи безземельной шляхты изъ Западнаго края. Державинъ ясно показалъ польской партіи, что, проникая ея замыслы, онъ стоитъ противъ нихъ самымъ бдительнымъ стражемъ. Польскіе магнаты видѣли всю необходимость отъ него избавиться, и они скоро достигли цѣли». Біографъ Державина, Я. К. Гротъ, приведя это мѣсто изъ сочиненія В. Ратча, говоритъ: «Дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что польская интрига главнымъ образомъ способствовала къ окончательной опалѣ Державина» (Жиз. Держ. 833), но справедливо прибавляетъ къ этому, что «хотя онъ большею частью и правъ былъ въ своихъ взглядахъ и требованіяхъ, но своими слишкомъ рѣзкими пріемами, неловкостями и заносчивостью портилъ дѣло и давалъ врагамъ оружіе противъ себя» (тамъ-же, 834).

Время послѣ отставки Державинъ, до самой смерти своей, проводилъ по зимамъ въ своемъ петербургскомъ домѣ, по Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста, а лѣтомъ въ Новгородскомъ своемъ имѣніи Званкѣ, на берегу Волхова. Посвятивъ послѣдніе, свободные отъ службы, годы своей жизни литературнымъ занятіямъ, онъ окружилъ себя обществомъ писателей, изъ которыхъ мало-по-малу образовалась знаменитая «Бесѣда любителей русскаго слова». Для литературныхъ и публичныхъ собраній этого общества Державинъ предоставилъ прекрасную и помѣстительную залу въ своемъ домѣ и принялъ на себя всѣ расходы по дѣламъ общества, пожертвовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ библіотеку общества книгъ на 3,600 рубл. Открытіе «Бесѣды» и первое чтеніе совершилось 14 марта 1811 г.—Это участіе Державина въ литературномъ обществѣ, за которымъ установилась репутація отсталости и тупой приверженности къ устарѣвшимъ риторическимъ формамъ, не можетъ, однако, унижать нашего знаменитаго лирика. Не должно забывать, что, помимо литературнаго ретроградства, основанная Шишковымъ «Бесѣда» имѣла еще другое, болѣе важное значеніе — попытки противодѣйствовать вообще наплыву чужеземныхъ элементовъ и потому имѣетъ тѣсную связь съ тѣмъ подъемомъ патріотическихъ чувствъ, который вызванъ былъ нашею борьбою съ западно-европейскими революціонными идеями. Горячій и искренній патріотъ, Державинъ не могъ не сочувствовать этимъ задачамъ «Бесѣды». Что-же касается литературнаго ея направленія, то Державинъ сохранилъ въ этомъ отношеніи полную самостоятельность взглядовъ и не сдѣлался, подобно Шишкову, заклятымъ врагомъ Карамзинскаго направленія въ ли-

тературѣ; даже защищалъ его противъ нападокъ своихъ литературныхъ единомышленниковъ. Одинъ изъ современниковъ, Жихаревъ, посѣщая собранія «Бесѣды» и удивляясь равнодушію, съ какимъ въ этомъ обществѣ смотрѣли на московскихъ литераторовъ, говоритъ въ своихъ запискахъ, что «Карамзинымъ восхищается одинъ Гавріилъ Романовичъ и стоитъ за него горою». Въ письмахъ самого Державина находимъ такой любопытный отзывъ объ обоихъ литературныхъ противникахъ--Шишковѣ и Карамзинѣ. «Г. Шишковъ вызывалъ меня въ разговорахъ на похвалу своей критики» писалъ Державинъ И. И. Дмитріеву 28 февр. 1804 г., «сдѣланной имъ на счетъ новыхъ писателей и, какъ кажется, болѣе Ник. Мих. (Карамзина). Я ему отвѣчалъ, что я не грамматикъ, о всѣхъ тонкостяхъ языка судить не могу; но мнѣ кажется, что слишкомъ пристрастны его разсужденія. Онъ отошелъ съ неудовольствіемъ. Я желаю Ник. Мих. такого же успѣха въ исторіи, какъ въ изданныхъ имъ твореніяхъ; но боюсь подражателей его». (Соч., VI. 148). Вообще Державинъ чуждъ былъ всякой литературной исключительности, всякаго литературнаго самомнѣнія; радушно и привѣтливо относился къ молодымъ новымъ писателямъ и готовъ былъ поощрять и поддерживать всякій трудъ.

Его собственная литературная дѣятельность началась еще во время службы его солдатомъ въ Преображенскомъ полку. Живя въ казармахъ, онъ по ночамъ, «чтобъ другимъ своимъ компаніонамъ не наскучить», «читалъ книги, какія гдѣ достать случалось, нѣмецкія и русскія, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ, которые никому не показывалъ» (Соч., VI. Зап., 427). Нѣмецкія книги, о которыхъ онъ тутъ упоминаетъ, были сочиненія Клейста, Гагедорна, Геллерта, Галлера и Клопштока (Я. Гротъ: Жизнь Держ. 264). Изъ дальнѣйшаго его разсказа въ запискахъ мы узнаемъ, что онъ вскорѣ почувствовалъ неудобство писать стихи «безъ всякихъ правилъ» и старался научиться стихотворству по сочиненіямъ Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова и князя Козловскаго. Сочиненія послѣдняго ему особенно нравились «по легкости слога»; изъ нихъ онъ научился цезурѣ или раздѣленію Александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины. (Соч. VI. Зак. 443—444). Тогда же онъ началъ переводить стихами Телемака, Мессіаду Клопштока и «Христіанина въ уединеніи» Цахаріэ. Изъ оригинальныхъ своихъ произведеній онъ упоминаетъ стансы солдатской дочери Наташѣ и стихи на проѣздъ Императрицы въ Москву, писанные александрійскимъ размѣромъ. Но ни та, ни другая пьеса до насъ не дошли, Вообще, отъ этого первоначальнаго періода литературной дѣятельности Державина сохранилась только одна рукописная тетрадь стиховъ, написанная около 1776 г. и озаглавленная: «Пѣсни сочиненія Г.... Р.... Д....». Въ ней помѣщены пѣсни, эпиграммы (между прочимъ на Сумарокова), мадригалы, надписи (большею частію къ Петру Великому и къ разнымъ случаямъ царствованія Екатерины II), идилліи, шуточные и сатирическіе стихи, басни, молитвы, двустишія и, наконецъ, одна ода къ Екатеринѣ II, писанная въ 1767 г. Первымъ напечатаннымъ его произведеніемъ было переведенное имъ съ нѣмецкаго стихотвореніе, помѣщенное въ журналѣ Рубана «Старина и Новизна» 1773 г. ч. 2-я, куда эта пьеса попала безъ вѣдома автора и безъ его подписи. Съ этихъ поръ въ разныхъ журналахъ и отдѣльными изданіями начали появляться въ печати оды Державина, которыя онъ собралъ и напечаталъ въ 1776 г. безъ своего имени, подъ заглавіемъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». Мы говорили уже, что гора эта находится въ Саратовскихъ колоніяхъ, на лѣвомъ берегу Волги, въ 8 вер. отъ колоніи Шафгаузенъ, Здѣсь Державинъ, во время Пугачевскаго бунта, въ свободные часы, перевелъ прозой попавшійся ему нѣмецкій переводъ французскихъ одъ Фридриха Великаго и написалъ нѣсколько оригинальныхъ одъ, въ томъ числѣ «На смерть Бибикова». Все это и составило содержаніе только-что названной книжки. По возвращеніи въ Петербургъ, Державинъ, съ 1778 по 1782 г. постоянно печаталъ свои стихи, безъ подписи, въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ. Въ это время онъ успѣлъ уже отрѣшиться отъ наклонности подражать Ломоносову, убѣдившись собственнымъ опытомъ въ искусственности ложноклассическихъ требованій. «Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій г. Тредьяковскаго», разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи 1805 г.,

«а въ выраженіи и штилѣ старался подражать г. Ломоносову, но, не имѣя такого таланту какъ онъ, въ томъ не успѣлъ... Хотѣвъ парить, не могъ выдерживать постоянно, красивымъ наборомъ словъ, свойственнаго единственно россійскому Пиндару велелѣпія и пышности. А для того съ 1779 г. избралъ онъ совсѣмъ особый путь, будучи предводимъ наставленіями г. Баште и совѣтами друзей своихъ: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера, подражая наиболѣе Горацію».— (Соч. VI., Зап. 443, примѣч. 1). Изъ этихъ друзей Державина Капнистъ былъ знакомъ съ древними языками и много содѣйствовалъ знакомству Державина съ классическими писателями, а особенно съ Горацiемъ, а Н. А. Львовъ, ставившій въ поэзіи выше всего простоту, и естественность и цѣнившій народный языкъ и народныя преданія и пѣсни, оказалъ, безъ сомнѣнія поддержку стремленію самого Державина къ простотѣ слога и народности изображенія. Какъ велика была совершившаяся въ Державинѣ перемѣна, лучше всего доказывается сравненіемъ его первоначальныхъ, напыщенныхъ и тяжелыхъ одъ съ такими перлами русской поэзіи, какъ оды «на смерть кн. Мещерскаго», «На рожденіе въ сѣверѣ порфироднаго отрока», «Властителямъ и судіямъ», появившимися (кромѣ послѣдней) въ Спб—мъ Вѣстникѣ 1779 г. Такія оды, конечно, не могли не обратить вниманія на ихъ автора. Но не съ нихъ начинается его литературная извѣстность. Произведенія Державина печатались въ Спб—мъ Вѣстникѣ безъ подписи, да и самый журналъ былъ мало распространенъ.

Извѣстность Державина, какъ писателя, и при дворѣ, и въ обществѣ, началась съ появленія въ первой книжкѣ «Собесѣдника любителей русскаго слова», вышедшей 20-го мая 1783 г., его знаменитой оды «Фелица». Это была не первая ода Державина, воспѣвавшая Екатерину II. Еще въ 1767 году написана была имъ въ честь ея ода. Уже въ ней онъ выражалъ желаніе пѣть, основываясь на одной истинѣ, не сзывая музъ съ Парнаса, не прибѣгая къ лести и напыщеннымъ фразамъ. Главнымъ и наиболѣе привлекательнымъ для него качествомъ Императрицы онъ признаетъ въ этой одѣ ея милосердіе, ея мягкое, человѣческое обращеніе съ подданными:

„Таковъ твой судъ есть милосердый,
Ты такъ къ намъ сердобольна мать...
Грозишь закона намъ стрѣлою;
Но жизнь преступшихъ ты блюдешь,
Насъ матерней казнишь рукою —
И крови нашей ты не льешь“ (Соч., III, 242).

Съ этого года онъ не разъ пытался воспѣть достойнымъ образомъ государыню, въ которой ему представлялся высшій идеалъ монарха. Въ одномъ прозаическомъ эскизѣ для задуманной имъ оды въ честь Екатерины, относящемся еще къ 70 г.г. и сохранившемся въ его бумагахъ, онъ въ такихъ выраженіяхъ обращается къ своей героинѣ: «Ты, которая одна, безъ помощи министра, по примѣру боговъ, держишь все своею рукою и видишь все своими глазами! Великая государыня, если я до сихъ поръ изъ благоразумія пребывалъ въ почтительномъ молчаніи и тебя не хвалилъ, такъ это не отъ того, чтобъ мое сердце колебалось вскурить тебѣ должный ѳиміамъ; но я мало умѣю хвалить, и моя трепещущая муза убѣгаетъ столь чрезмѣрной тягости и, не будучи въ силахъ говорить достойно о твоихъ великихъ дѣлахъ, боится коснувшись твоимъ лаврамъ, чтобъ ихъ не засушить... Я не могу богамъ, не имѣющимъ добродѣтели, приносить жертвы и никогда и для твоей хвалы не скрою моихъ мыслей; и сколь твоя власть ни велика, но если бы въ семъ мое сердце не согласовалось съ моими устами, то-бъ никакое награжденіе и никакія причины не вырвали-бъ у меня ни слова къ твоей похвалѣ. Но когда я тебя вижу съ благороднымъ жаромъ трудящуюся въ исполненіи твоей должности, приводящую въ стыдъ государей, труда трепещущихъ и которыхъ тягость короны уже таетъ; когда я тебя вижу разумными распоряженіями обогащающую твоихъ подданныхъ; гордость непріятелей ногами попирающую, намъ море отверзающую, и твоихъ храбрыхъ воиновъ споспѣшествующихъ твоимъ намѣреніямъ и твоему великому сердцу, все подъ власть Орла покоряющихъ; Россію — подъ твоей державою счастіемъ управляющую, и наши корабли—Нептуна презирающихъ и досягающихъ мѣстъ, откуда солнца бѣгъ свой простираетъ: тогда, не спрашивая, нравится ль то Аполлону, моя муза въ жару меня предупреждаетъ и тебя хвалитъ» (Соч., I, 150—151). Очевидно, Державинъ увлеченный личными качествами Императрицы и громкими событіями ея царство-

ванія, искалъ наиболѣе достойной формы для выраженія волновавшихъ его чувствъ. Наконецъ, въ появившейся въ 1781 году сказкѣ Императрицы о Царевичѣ Хлорѣ онъ нашелъ и готовую форму, и готовую идею для давно задуманнаго произведенія. Написавъ оду «Фелица» вскорѣ послѣ появленія сказки о Царевичѣ Хлорѣ, Державинъ показалъ ее друзьямъ своимъ: Н. А. Львову, В. В. Капнисту и И. И. Хемницеру, которые одобрили оду, но не совѣтовали издавать ее въ свѣтъ, опасаясь, чтобы намеки на вельможъ не нажили ему враговъ. Державинъ послушался и спряталъ рукописъ въ бюро, «гдѣ она цѣлый годъ, никому неизвѣстная, и сохранялась». Однажды, въ 1782 г., въ присутствіи сослуживца и сожителя Козодавлева, ему понадобилось пойти въ свое бюро. Увидавъ оду и прочитавъ изъ нея нѣсколько строкъ, Козодавлевъ выпросилъ ее у Державина, чтобы прочесть теткѣ своей Бобрищевой-Пушкиной, давъ клятву никому постороннему ея не показывать. Дѣйствительно, въ тотъ же день вечеромъ Державинъ получилъ свою рукопись обратно, но черезъ нѣсколько дней узналъ, что она открыто читана была въ домѣ И. И. Шувалова, въ присутствіи многихъ знатныхъ гостей. Одинъ изъ нихъ, А. П. Шуваловъ, сообщилъ даже о существованіи оды кн. Г. А. Потемкину, который тоже пожелалъ съ нею познакомиться. Такимъ образомъ, еще въ рукописи эта ода пріобрѣла извѣстность и попала, чрезъ того же Козодавлева, въ руки кн. Дашковой, которая «красоты и истины, находящіяся въ сей одѣ почувствовавъ, рѣшилась приказать ее напечатать; а дабы чрезъ то подать случай и другимъ сочинителямъ изощрять свои дарованія, вздумала она издавать книгу, подъ заглавіемъ: собесѣдникъ любителей Россійскаго слова» («Собесѣдн.» XVI). Первый номеръ этого новаго журнала, на первомъ мѣстѣ котораго появилась знаменитая ода Державина, кн. Дашкова поднесла Императрицѣ. На другое утро, явившись къ Государынѣ по ея завѣту, кн. Дашкова застала ее въ слезахъ, съ журналомъ въ рукахъ. «Кто авторъ Фелицы, который меня такъ тонко знаетъ?» спросила Императрица. Черезъ нѣсколько дней Державинъ получилъ отъ нея подарокъ, о которомъ мы уже говорили и за который ему позволено было лично принести благодарность Императрицѣ. Съ появленіемъ «Собесѣдника» Державинъ дѣлается его постояннымъ сотрудникомъ и помѣстилъ въ немъ шестнадцать пьесъ, изъ которыхъ пять новыхъ, а остальныя перепечатаны изъ Спб. Вѣстника. Въ XIII книжкѣ «Собесѣдника» (вышедшей 28 сентября 1784 г.) напечатана его ода «Богъ», которою онъ достигъ апогея своей литературной славы. Она начата была еще въ 1780 г., въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, по возвращеніи поэта отъ заутрени, очевидно подъ вліяніемъ охватившаго его искренняго и глубокаго религіознаго чувства. Успѣхъ оды былъ необыкновенный: она произвела всеобщій восторгъ, выучивалась наизусть, перепечатывалась не разъ отдѣльно, переводилась на разные языки и болѣе всѣхъ другихъ его стихотвореній способствовала его европейской извѣстности.

Когда, почти одновременно съ «Собесѣдникомъ» основана была Россійская академія (въ 1873 г.), Державинъ въ первомъ же засѣданіи избранъ былъ ея членомъ и принялъ участіе въ предпринятомъ Академіей русскомъ словарѣ.

Съ 1784 по 1788 годъ Державинъ, занятый службой въ Петрозаводскѣ и Тамбовѣ, почти ничего не писалъ. Изъ произведеній его, написанныхъ имъ во время отставки, послѣ губернаторства въ Тамбовѣ, особенно замѣчательны оды: «Изображеніе Фелицы» (1789) и «На взятіе Измаила» (1791). Послѣдняя имѣла большой успѣхъ. Императрица пожаловала за нее автору осыпанную брилліантами табакерку съ 2000 руб. и, увидавъ его во дворцѣ, сказала ему: «Я по сіе время не знала, что труба ваша такъ же громка, какъ и лира пріятна». Въ этой одѣ особенно замѣчательны тѣ мѣста, гдѣ Державинъ выражаетъ свои мысли объ историческомъ предназначеніи Россіи—защищать своихъ угнетенныхъ единовѣрцевъ и возстановить Византійскую имперію. Обращаясь къ нашимъ тогдашнимъ политическимъ противникамъ въ Европѣ, онъ говоритъ:

„О вы, что въ мысляхъ суетитесь
Столь славный Россу путь претить,
Помочь врагу Христову тщитесь,
И вѣрѣ вашей измѣнить!
Чѣмъ столько поступать неправо,
Сперва изслѣдуйте вы здраво
Свой путь, цѣль Росса, судъ небесъ;
Изслѣдуйте, и заключите:
Вы съ кѣмъ и на кого хотите?

И что вамъ Року перевѣсъ?
Ничто. Коль Россъ рожденъ судьбою
Отъ варварскихъ хранить васъ узъ,
Томаровъ попирать ногою,
Блюсть вашихъ отъ Омаровъ музъ.
Отмстить крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ Афету водворить.

Указавъ такую великую и благородную цѣль Россіи, Державинъ убѣждаетъ Европу, если она не хочетъ воевать вмѣстѣ съ нами противъ турокъ, по крайней мѣрѣ не мѣшать намъ, обѣщая за такое невмѣшательство даровые трофеи:

„Доколь, Европа просвѣщенна!
Съ перуномъ будешь устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше-ль внутрь раздоръ оставить,
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ сопостатъ твоихъ!
Дай руку и—пожди спокойно:
Сіе и Россъ одинъ свершитъ;
За безпрепятствіе достойно
Тебя трофеемъ наградитъ".

Но чтобы Россія дѣйствительно могла исполнить такое великое свое предназначеніе, необходимы нѣкоторыя благопріятныя для того условія, которыя Державинъ такъ выразилъ въ своей одѣ:

„Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя Царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны!
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить".

Въ томъ же 1791 году появилась другая, еще болѣе знаменитая ода Державина «Водопадъ», написанная по поводу смерти кн. Г. А. Потемкина.

Какъ и многія другія оды Державина, она еще въ рукописи «носилась въ народѣ», по выраженію Болотова (Пам. протекш. врем., 104); въ печати же появилась только въ 1798 г. въ московскомъ изданіи сочиненій Державина. Съ этого же года сталъ выходить «Московскій журналъ» Карамзина, и Державинъ сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ его вкладчикомъ. Въ первой же книжкѣ Карамзинскаго журнала была напечатана ода Державина «Видѣніе мурзы», начатая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1783 г., но остававшаяся недодѣланною въ портфелѣ автора. Для этой оды также сохранился въ бумагахъ Державина прозаическій эскизъ, въ которомъ мысли и чувства Державина выражены проще, а потому и понятнѣе. Оправдываясь въ упрекахъ въ лести и стараясь доказать, что его похвалы Императрицѣ не выдуманные комплименты, а невольное выраженіе искреннихъ чувствъ, возбуждаемыхъ во всѣхъ ея подданныхъ ея человѣколюбивымъ и свободолюбивымъ правленіемъ, онъ говоритъ: «Твой просвѣщенный разумъ и великое сердце снимаютъ съ насъ узы рабства, возвышаютъ наши души, даютъ намъ понимать драгоцѣнность свободы, толь свойственной существу разумному, каковъ есть человѣкъ, на что мы уповая, чувствуемъ свое счастіе и въ удовольствіи сердца своего мыслимъ, дѣлаемъ и говоримъ смѣло про себя и про тебя все то, что хотимъ, что пристойно гражданину, сообразующему свою волю съ законами... Ты меня и въ глаза еще не знала, про имя мое не слыхала, когда я, плѣненный твоими добродѣтелями, какъ дуракъ какой, при напоминаніи имени твоего, отъ удовольствія душевнаго плакалъ и, будучи приведенъ въ восторгъ, въ похвалу твою разные маралъ стихи... А изъ сего ты видишь, что не подлое какое-либо ласкательство причиною тебѣ похвалъ моихъ, но твои великія добродѣтели и мое признательное и чувствительное сердце къ онымъ, или, лучше сказать такимъ образомъ, что судьба бросила въ мѣшечекъ два жребія и стала мѣшечекъ трясть: одинъ жребій выдался тебѣ, богоподобная царевна, чтобъ царствовать и удивлять вселенную, а другой, чтобъ мнѣ воспѣвать тебя и дѣла твои шуточными моими пѣснями. А какъ въ противность судебъ ничего не дѣлается, то, слѣдуя моему жребію, и сталъ я нечувствительно пѣвцомъ твоимъ» (Соч., III, 606 и 608). То же самое писалъ Державинъ и кн. Дашковой, сказавшей, что ежели бы Державинъ чаще упражнялся въ стихотворствѣ, то со временемъ превзошелъ бы Ломоносова. По поводу этого сравненія, Державинъ, не дерзая не только превзойти, но и сравняться «съ покойнымъ Михайломъ Васильевичемъ», указываетъ въ своемъ письмѣ къ кн. Дашковой, на ту разницу между собою и Ломоносовымъ (помимо признаваемой имъ разницы въ дарованіяхъ), что Ломоносову, воспѣвавшему Елизавету, необходимо было «прибѣгать къ великолѣпнымъ всегда небылицамъ и къ постороннему украшенію», «а

мнѣ», говоритъ Державинъ, «къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою и послѣ меня исторія будетъ согласна. Я чрезъ сіе разумѣю то, что онъ былъ въ необходимости героиню свою прославлять чрезъ героя, родителя ея, а мнѣ, или намъ, къ нашей героинѣ не надобно присовокуплять ни боговъ, ни славныхъ предковъ, но указать только на однѣ дѣла ея; то всѣ блистательныя и божественныя титла и всѣ величества принадлежать будутъ собственно Фелицѣ. Я сіе подтвержу доказательствомъ. Славный нашъ поэтъ въ одной своей надписи, да и вездѣ почти подобно нижеслѣдующему изъяснялся:

Герой тебя родилъ, носила героиня.
Какой быть долженъ плодъ? не иной какъ богиня!

Намъ же довольно просто говорить, что она

Проступки правитъ снисхожденьемъ;
Какъ волкъ овецъ, людей не давитъ,

великодушно прощаетъ враговъ своихъ и т. п., то-есть, что мы можемъ хвалить вещь самою вещію, а не посторонними и чуждыми ей украшеніями. Страшная разница—родиться отъ бога или героя, или самому творить дѣла ихъ» (Соч., V, 630). Всѣ эти объясненія Державина вполнѣ убѣждаютъ насъ въ совершенной искренности и чистотѣ его поклоненія Екатеринѣ II, въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ носилъ въ своей душѣ всѣ тѣ чувства глубочайшаго восторга, которыми проникнуты всѣ его оды, обращенныя къ Императрицѣ.

Кромѣ оды «Видѣніе Мурзы», въ Карамзинскомъ журналѣ напечатаны еще оды Державина: «Пѣснь дому, любящему науки», «На смерть гр. Румянцевой», «Величество Божіе», «Памятникъ герою», «Прогулка въ Сарскомъ Селѣ». Личное знакомство Державина съ Карамзинымъ началось чрезъ Дмитріева, съ которымъ Державинъ познакомился въ 1790 г. Въ сентябрѣ этого года, когда Карамзинъ, возвращаясь изъ своего заграничнаго путешествія, прожилъ три недѣли въ Петербургѣ, Дмитріевъ ввелъ его въ домъ Державина. Карамзинъ воспользовался этимъ знакомствомъ и изложилъ Державину свой планъ новаго журнала, который онъ собирался издавать по возвращеніи въ Москву. Державинъ одобрилъ его намѣреніе и обѣщалъ сообщить ему свои сочиненія (Погодинъ: Карамзинъ, I, 168). Дмитріевъ же, живя въ Петербургѣ, сдѣлался вскорѣ однимъ изъ короткихъ знакомыхъ Державина, который часто отдавалъ ему на судъ свои стихотворенія и охотно принималъ его поправки.

Въ это же время Державинъ познакомился съ переселившимся въ Россію извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Августомъ Коцебу, въ которомъ нашелъ удачнаго переводчика своихъ стихотвореній на нѣмецкій языкъ. Въ 1792 г. Коцебу издалъ на нѣмецкомъ языкѣ переводъ двухъ одъ Державина: «Видѣніе Мурзы» и «Изображеніе Фелицы», а въ 1793 году напечаталъ уже цѣлый сборникъ переведенныхъ имъ сочиненій Державина: «Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin, übers. von A. von Kotzebu». «Итакъ, по странной случайности», замѣчаетъ біографъ Державина, Я. К. Гротъ, «первое собраніе стихотвореній нашего поэта (не считая его раннихъ опытовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Читалагайскихъ одъ), появилось на иностранномъ языкѣ» («Жизнь Держ.» 641).

Въ 1794 г. извѣстный скульпторъ Рашетъ изваялъ изъ мрамора бюстъ Державина, находящійся въ настоящее время въ библіотекѣ Казанскаго университета. По этому поводу Державинъ написалъ стихотвореніе «Мой истуканъ», въ которомъ задается вопросомъ, что же онъ сдѣлалъ такого, за что стоило бы увѣковѣчивать его память?

Не признавая за собою никакихъ достоинствъ и никакого права на память въ потомствѣ за свои личныя дѣла, Державинъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу единственно то, что онъ прославлялъ Екатерину:

„Но если дѣлъ и не имѣю,
За чтобъ кумиръ мнѣ посвятить;
Въ достоинство вмѣнить я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтить,
Что могъ изобразить Фелицу
Небесну благость во плоти,
Что пѣлъ я Россовъ ту царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни днесь, ни впредь въ пространствѣ міра;
Хвались, моя, хвались тѣмъ, лира!

Въ томъ же 1794 г. Державинъ передѣлалъ свою оду «На знатность», напечатанную въ Читалагайскихъ одахъ, и въ этомъ новомъ видѣ ода эта, подъ заглавіемъ «Вельможа», быстро распространилась въ обществѣ, хотя и безъ имени автора, но читатели угадали его. Напечатана она была впервые въ изданіи сочине-

ній Державина 1798 г. Въ этой замѣчательной одѣ онъ хотѣлъ изобразить качества истиннаго вельможи, украшеннаго не внѣшнимъ блескомъ, а истинными нравственными достоинствами. Въ августѣ 1795 г. скончался И. И. Бецкій, и Державинъ посвятилъ его памяти стихотвореніе «На кончину благотворителя», въ которомъ прославляетъ почившаго за его многочисленныя благотворенія и ставитъ его въ этомъ отношеніи въ примѣръ людямъ:

„О смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ".

Въ 1796 г. написано Державинымъ стихотвореніе «На рожденіе царицы Гремиславы» (т. е. Императрицы Екатерины II), посвященное Л. А. Нарышкину. Послѣдній былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Императрицѣ лицъ и извѣстенъ ролью весельчака и шутника, которую онъ добровольно, по врожденной веселости характера и остроумію, игралъ при дворѣ. Онъ былъ великій любитель устраивать празднества и прославился своими богатыми и веселыми народными праздниками, на которыхъ не разъ присутствовала и Императрица. Такимъ веселымъ, добродушнымъ щедрымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ изображенъ онъ и въ одѣ Державина, въ которой, между прочимъ, нарисована очень яркая картина народнаго веселья на праздникахъ Нарышкина:

„Какой предметъ, какъ на качеляхъ,
Предъ домъ твой соберется чернь
На свѣтлыхъ, праздничныхъ недѣляхъ,
Вертится въ воздухѣ весь день!
Покрыта площадь пестротою,
Чепцовъ и шапокъ милліонъ!
Какой восторгъ! Какъ все играетъ,
Все скачетъ, пляшетъ и поетъ,
Все въ улицѣ твоей гуляетъ,
Кричитъ, смѣется, ѣстъ и пьетъ!
И ты, народной сей толпою
Такъ веселъ, гордъ, какъ Соломонъ!
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.
Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться,
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ, радость всю, забаву
Столицы ты въ себѣ вмѣстилъ".

Въ печати стихотвореніе это появилось въ первый разъ въ изданіи сочиненій Державина 1798 г.

Въ томъ же 1796 году написана ода въ честь графа Алексѣя Орлова, подъ названіемъ: «Афинейскому витязю». Она интересна по заключающемуся въ ней сопоставленію начала и конца царствованія Екатерины, сопоставленію, которое вполнѣ объясняетъ намъ, почему Державинъ не могъ до конца воспѣвать Екатерину съ такимъ же искреннимъ восторгомъ, какой выразился въ лучшихъ его одахъ въ честь Императрицы. Въ запискахъ своихъ онъ самъ откровенно объясняетъ, что̀ охладило его искренній восторгъ. «По желанію Императрицы», говоритъ онъ, «чтобъ Державинъ продолжалъ писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы, хотя далъ онъ ей въ томъ свое слово, но не могъ онаго сдержать, по причинѣ разныхъ придворныхъ каверзъ, коими его безпрестанно раздражали; не могъ онъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями. Сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цѣховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства (Соч. VI, зап. 693—694). Послѣднимъ произведеніемъ Державина въ честь Императрицы было посвятительное стихотвореніе «Приношеніе монархинѣ», написанное имъ въ 1795 г. и помѣщенное въ рукописи стихотвореній Державина, поднесенной имъ Государынѣ 6 ноября 1795 г. и хранящейся нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ 1793 г. Державинъ писалъ своей первой женѣ, Катеринѣ Яковлевнѣ: «Государыня мнѣ неотмѣнно приказать изволила напечатать мои сочиненія; то попроси Василія Васильевича (Капниста) и Ивана Ивановича (Дмитріева), чтобы они пожаловали взяли трудъ и пересмотрѣли, замѣчая ошибки, и мнѣ оныя присылали, сказавъ, что имъ не нравится» (Соч. V, 814—815). Капнистъ и Дмитріевъ, конечно, исполнили просьбу Державина и пересмотрѣли черновую рукопись его стихотвореній, приготовленную его женой. Такимъ образомъ составилась цѣлая книга, на-чисто переписанная, украшенная виньетками Оленина, которую Державинъ и поднесъ Императрицѣ. «Государыня, принявъ оную, какъ казалось

съ благоволеніемъ, занималась чтеніемъ оной сама, какъ камердинеръ ея Тюльпинъ сказывалъ, двое сутокъ» (Соч. VI, зап. 694). Потомъ эта тетрадь попала къ гр. Зубову и пролежала у него до самой кончины Императрицы, а при Императорѣ Павлѣ возвращена была Державину. Поднесенная рукопись сдѣлалась, совершенно неожиданно для самого Державина, причиною серьезной для него непріятности, изъ которой онъ вышелъ только благодаря своей всегдашней смѣлости и прямотѣ. Случай этотъ прекрасно характеризуетъ и благородную личность Державина и великодушную личность Императрицы. Въ своихъ запискахъ Державинъ разсказываетъ, что послѣ поднесенія рукописи онъ, во время пріѣздовъ ко двору, «примѣтилъ въ Императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе ея бѣгали его, какъ бы боясь съ нимъ даже и встрѣтиться, не токмо говорить» (VI, зап. 694). Оказалось, что причиной этого была помѣщенная въ рукописи ода «Властителямъ и судіямъ», представляющая переложеніе 81 псалма и напечатанная еще въ 1787 году въ журналѣ «Зеркало свѣта» (№ 53). Императрицѣ сообщили, что въ Парижѣ «сей самый псаломъ былъ якобинцами перефразированъ и пѣтъ по улицамъ, для подкрѣпленія народнаго возмущенія противъ Людовика XVI» (тамъ же, 695), о чемъ Державинъ сначала и не зналъ. Пошли даже слухи, «будто велѣно его секретно (разумѣется, чрезъ Шешковскаго) спросить, для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи?» Державинъ почувствовалъ подыскъ вельможъ, ему недоброжелательныхъ, что непріятно имъ видѣть въ одѣ «Вельможа» и прочихъ его стихотвореніяхъ развратныя ихъ лицеизображенія» (тамъ же, 695). Въ такомъ безвыходномъ и опасномъ положеніи онъ рѣшился, по обычаю своему, пойти прямо на-встрѣчу врагамъ и написалъ «Анекдотъ», такого содержанія: «Спросили нѣкоего стихотворца, какъ онъ смѣетъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ въ стихахъ своихъ толь разительныя истины, которыя вельможамъ и двору не могутъ быть пріятны».—Стихотворецъ, напомнивъ случай съ Александромъ Великимъ, который не усомнился принять лекарство изъ рукъ врага, обвиненнаго въ намѣреніи его отравить, сказалъ: «Ничто столько не дѣлаетъ государей и вельможъ любезными народу и не прославляетъ ихъ въ потомствѣ, какъ то, когда они позволяютъ говорить себѣ правду и принимаютъ оную великодушно... Истина одна только творитъ героевъ безсмертными, и зеркало красавицъ не можетъ быть противно». Примѣняя этотъ анекдотъ къ себѣ, Державинъ далѣе говоритъ: «Подобно ежели бы спросили меня: съ какимъ намѣреніемъ преложилъ я псаломъ 81-й? я бы отвѣтствовалъ: не съ инымъ какимъ, а точно съ тѣмъ же, какъ и г. Ломоносовъ — слѣдующій (приведена его VII ода: переложеніе 145 псалма). Словомъ, наше намѣреніе было съ нимъ одно и то же: чтобъ небесную истину въ стихахъ и въ чистомъ употребительномъ слогѣ сдѣлать понятнѣе и удобнѣе къ впечатлѣнію въ разумѣ и сердцѣ. Самый сей псаломъ будучи напечатанъ, совсѣмъ и безъ позволенія моего, не знаю кѣмъ, еще въ 1787 году, въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ «Зеркало Свѣта», въ первой части, ежели по сіе время не произвелъ ничего дурнаго, то вѣроятно заключить можно, что нынѣ и впредь не произведетъ никакого зла; ибо проповѣдь священнаго писанія въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Ежели оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такого рода стиховъ не писали. Орелъ открытыми глазами смотритъ на красоту солнца и восхищается имъ къ высочайшему паренію; ночныя только птицы не могутъ сносить безъ досады его сіяніе (Соч., I, 113—115).

Этотъ смѣлый «Анекдотъ» Державинъ разослалъ въ запечатанныхъ пакетахъ къ тремъ, близкимъ въ то время къ Императрицѣ особамъ: кн. Зубову, гр. Безбородко и Трощинскому, и такой прямой поступокъ, какъ всегда, выручилъ его изъ бѣды и на этотъ разъ. «Въ слѣдующее воскресенье по обыкновенію поѣхалъ онъ во дворецъ. Увидѣлъ онъ противъ прежняго благопріятную перемѣну: Государыня милостиво пожаловала ему поцѣловать руку; вельможи пріятельски съ нимъ разговаривали и, словомъ, какъ рукой сняло.

всѣ обошлись съ нимъ такъ, какъ ничего не бывало» (VI, Зап. 696).

Мы видѣли въ біографическомъ очеркѣ Державина, что Императрица называла его своимъ пѣвцомъ и самъ Державинъ гордился этимъ. Такой же титулъ признанъ за нимъ и въ литературѣ. Дѣйствительно, со смертью Екатерины II Державинъ какъ бы потерялъ главный предметъ своего вдохновенія. Онъ искренно жилъ тѣми же идеалами, какіе вдохновляли и его героиню, и не отрекся отъ нихъ до конца своей жизни, измѣряя и провѣряя ими все, совершавшееся въ послѣдующія два царствованія. Въ его литературной дѣятельности это выразилось тѣмъ, что послѣдній годъ жизни Императрицы былъ какъ бы и послѣднимъ годомъ авторской дѣятельности ея пѣвца. Державинъ какъ-бы почувствовалъ, что пора подвести итогъ своей литературной дѣятельности и опредѣлить свое литературное значеніе. Это и выразилось въ его знаменитомъ стихотвореніи «Памятникъ», написанномъ въ 1796 году. «Хотя мысль этого превосходнаго стихотворенія взята Державинымъ у Горація», говоритъ Бѣлинскій (VII, 149), «но онъ умѣлъ выразить ее въ такой оригинальной, одному ему свойственной формѣ, такъ хорошо примѣнить ее къ себѣ, что честь этой мысли также принадлежитъ ему, какъ и Горацію». Въ этой одѣ Державинъ поразительно вѣрно и мѣтко самъ опредѣлилъ свое литературное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное значеніе.

При Императорѣ Павлѣ, въ 1798 году, вышло, наконецъ, первое собраніе сочиненій Державина, напечатанное, по желанію И. И. Шувалова, высказанному еще въ 1797 году. Въ отвѣтъ на это желаніе Державинъ писалъ ему: «Не осмѣлился бы я такъ скоро слабое произведеніе праднаго моего времени предать столь гласнымъ образомъ суду свѣта, ежели бы покровитель г. Ломоносова, извѣстный меценатъ музъ россійскихъ, одинъ съ того времени и по нынѣ тотъ же изъ вельможъ нашихъ, который искренно любитъ поэзію и къ ней поощряетъ, не побудилъ меня на сей рѣшительный шагъ» (Соч. VI, 67). Сочиненія печатались въ Москвѣ, въ университетской типографіи, подъ надзоромъ Н. М. Карамзина, но вышелъ только одинъ томъ. Въ литературной дѣятельности Державина въ 90-хъ годахъ начинаетъ обнаруживаться новое направленіе, перешедшее къ намъ изъ литературы западно-европейской, именно—отголоски анакреонтической и древне-скандинавской поэзіи. Съ древне-германской миѳологіей Державинъ могъ познакомиться еще въ сочиненіяхъ Клопштока, извѣстныхъ ему въ юности; но дальнѣйшимъ знакомствомъ съ скандинавской поэзіей онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ появившимся на русскомъ языкѣ переводамъ. Знакомство это особенно выразилось въ одахъ: «На побѣды въ Италіи» и «На переходъ Альпійскихъ горъ». Гораздо глубже и серьезно обнаружилось на поэзіи Державина этого времени вліяніе анакреонтическое. Къ анакреонтическому роду, къ которому онъ былъ склоненъ по нѣкоторой страстности и шутливой игривости своего характера, Державинъ обратился подъ вліяніемъ друга своего, Н. А. Львова, хотя еще въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ встрѣчаются стихотворенія эротическаго характера (каковы: Объявленіе въ любви, Планидѣ, Всемилѣ, Нинѣ, Разлука, Пикники, Кружка, Разныя вина, Философъ пьяный и трезвый, Къ Екатеринѣ, Анакреонъ въ собраніи, Скромность, Къ граціямъ); но въ лучшій періодъ его литературной дѣятельности эта эротическая нота заглушалась другими, болѣе важными и серьезными мотивами. Въ 1794 г. Н. А. Львовъ напечаталъ свой переводъ Анекреона, и Державинъ увлекся этимъ примѣромъ. «Мѣсто Фелицы опустѣло въ храмѣ его поэзіи», говоритъ его біографъ, Я. К. Гротъ: «ему нужны были теперь другіе предметы вдохновенія, и однимъ изъ любимцевъ его музы становится теперь Анакреонъ (Соч. II, 76) Но, по всей вѣроятности, не одно только опустѣлое мѣсто Фелицы заставляла Державина искать новыхъ предметовъ для вдохновенія. Вмѣстѣ съ кончиной такъ искренно и сердечно воспѣтой Державинымъ Фелицы кончилось и «ея время». Съ новымъ царствованіемъ воцарился и новый духъ въ русскомъ обществѣ, новое настроеніе и новое направленіе, представлявшія разительную противоположность тому недавнему времени, когда девизомъ служила мысль: «Живи, и жить давай другимъ». Недаромъ Державинъ сказалъ объ этомъ краткомъ, но суровомъ промежуткѣ времени, когда онъ отошелъ уже въ прошлое:

„Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ".

(«На восшествіе на престолъ Императора Александра»).

Время это прекрасно охарактеризовано даже такимъ кроткимъ и спокойнымъ человѣкомъ, какъ Карамзинъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 3 іюля 1798 г. онъ писалъ по поводу его намѣренія жить переводами: «Я разсмѣялся твоей мысли жить переводами! Русская литература ходитъ поміру, съ сумою и клюкою: худая нажива съ нею!» (пис. Карамз. къ Дмитріеву, 95). Въ другомъ письмѣ, отъ 27 іюля 1798 г. онъ жалуется на придирки тогдашней цензуры: «Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосфена, которыя могли бы украсить Пантеонъ; но цензоры говорятъ, что Демосфенъ былъ республиканецъ и что такихъ авторовъ переводить не должно, и Цицерона также — и Саллюстія также... grand Dieu!... Если бы экономическія обстоятельства не заставляли меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на алтарь музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе, ни сочиненіями, ни переводами. Странное дѣло! У насъ есть академія, университетъ, а литература подъ лавкой» (тамъ же, 97).

Но не одна литература очутилась въ это тяжелое время «подъ лавкой». Тамъ же очутились и выдающіеся дѣятели и герои только-что окончившагося счастливаго вѣка Екатерины. «Одни умерли, а другіе очутились въ пренебреженіи и изгнаніи. Такъ, Суворовъ попалъ въ опалу, былъ уволенъ въ отставку и сосланъ въ свои Новогородскія деревни. Музѣ Державина не хватало не одной Фелицы, но и ея доблестныхъ сотрудниковъ: Румянцева, Суворова. Въ небольшомъ стихотвореніи своемъ «Кълирѣ», вспоминая время, когда ничто не сдерживало свободнаго полета его вдохновенія, онъ съ грустію говоритъ, что когда онъ

„Пѣть Румянцева сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздаваался
И со струнъ огонь летѣлъ...
И вдругъ все перемѣнилось:
Но завистливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тьмою,
Какъ не славный человѣкъ.
Что-жъ? Пріятна-ли имъ будетъ,
Лира, днесь твоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.

Поэтому, нечего ихъ вспоминать. А другихъ великихъ и важныхъ предметовъ для пѣснопѣнія нѣтъ, и врядъ-ли они и будутъ.

Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь,

говоритъ Державинъ въ послѣднемъ куплетѣ этого прекраснаго стихотворенія.

И дѣйствительно, съ этого времени особенно умножается количество стихотвореній, написанныхъ Державинымъ въ духѣ Анакреона, съ эротическимъ характеромъ, такъ что изъ нихъ составился, наконецъ, отдѣльный сборникъ. Къ подражаніямъ и переводамъ изъ Анакреона и нѣкоторыхъ другихъ классическихъ писателей Державинъ присоединилъ много оригинальныхъ пьесъ въ томъ же родѣ и издалъ ихъ въ 1804 г. подъ названіемъ «Анакреонтическія пѣсни».

Черезъ три года Державинъ приступилъ къ новому изданію собранія своихъ сочиненій, которое велось подъ наблюденіемъ конференцъ-секретаря Академіи художествъ, А. Ф. Лабзина, и вышло въ началѣ 1808 г. въ четырехъ томахъ, съ виньетками въ началѣ и концѣ каждаго тома.

Въ это время, когда онъ самъ убѣдился окончательно, что между его взглядами и стремленіями новаго поколѣнія мало общаго, Державинъ въ творчествѣ своемъ перешелъ къ другому, новому роду—баснѣ. Правда, опыты въ этомъ родѣ попадаются у него и раньше, но изъ всѣхъ написанныхъ имъ 24-хъ басенъ, ровно половина написана имъ въ длинный промежутокъ времени въ 40 лѣтъ съ 1762 по 1802 годъ; остальныя-же 12-ть написаны въ болѣе короткій промежутокъ времени четырнадцати лѣтъ, съ 1802 по 1816 годъ. Особенными художественными достоинствами басни его не отличаются, но за то въ нихъ обнаруживается глубокое знакомство автора съ народнымъ языкомъ, замѣтное впрочемъ и во многихъ другихъ его произведеніяхъ; сверхъ того, басни его имѣютъ живую связь съ явленіями жизни. Такъ, напр., басня «Жмурки», относящаяся къ 1805 году, написана, очевидно, на молодыхъ сотрудниковъ Императора Але-

ксандра, изображеннаго въ баснѣ подъ именемъ «молодого хозяина». Басня оканчивается знаменательнымъ нравоученіемъ:

„Не надо допускать класть на себя повязку
И вслѣдъ друзей своихъ будто слѣпцу ходить.
Или глядѣть на нихъ тихонько изъ подъ маски,
А инакъ—голову сломить".

Такой-же политическій смыслъ имѣетъ басня «Выборъ министра», въ которой подъ паукомъ разумѣютъ Сперанскаго, подъ муравьемъ — Новосильцова, а подъ пчелой—самого Державина.

Надо, однако, замѣтить, что изъ всѣхъ басенъ Державина только одна («Левъ и Волкъ») была напечатана (въ VIII-й кн. «Собесѣдника») и одна («Крестьянинъ и дубъ») появилась вскорѣ послѣ смерти поэта въ «Сынѣ Отеч.» 1816 (XXLIX). Всѣ остальныя оставались въ рукописи и въ первый разъ напечатаны въ академическомъ изданіи сочиненій Державина (т. III-й).

Наконецъ, для полноты нашего краткаго очерка литературной дѣятельности Державина, должно упомянуть, что онъ пробовалъ свои силы и въ драматическомъ родѣ. Первые его драматическіе опыты относятся еще ко времени его управленія Тамбовской губерніей (1786—1788). Мы говорили уже, что онъ завелъ въ Тамбовѣ сначала домашніе спектакли у себя въ домѣ, а потомъ и публичный театръ. Для домашней сцены имъ сочинены: «Торжество восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II», представленное въ его домѣ 28 іюня 1786 г., и «Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, представленный на его домашней сценѣ 24-го ноября 1786 г. Засимъ, въ 1791 г. онъ сочинилъ «Родственное празднество на брачное воспоминаніе кн. А. А. и кн. Елены Никит. Вяземскихъ», представленное въ имѣніи князя, селѣ Александровскомъ, 18 іюня. Въ 1799 г. написанъ Державинымъ «Прологъ аллегорическій на рожденіе въ сѣверѣ любви» (на рожденіе В. Кн. Маріи Александровны). Въ томъ же году сочиненъ имъ «Прологъ на рожденіе въ сѣверѣ Порфироднаго отрока» (Вел. Кн. Михаила Павловича). Въ 90-хъ г.г. началъ онъ оперу «Батмендій», заимствованную изъ персидской повѣсти Флоріана того-же названія, но она осталась не оконченною.

Но все это были вещи, написанныя на случай, для составленія и постановки которыхъ достаточно было простого знакомства съ внѣшностью сценическаго искусства. Въ 1804 году Державинъ серьезно принимается за драму. 30 января этого года онъ писалъ А. М. Бакунину: «Теперь хочу попытаться въ драматическомъ полѣ и вы бы меня обязали, если бы изъ Метастазіевыхъ оперъ нѣкоторыя выписки или планы ихъ сообщили, дабы я, съ расположеніемъ его и духомъ познакомясь, могъ надежнѣе пуститься въ сіе поприще, ибо таковыя важныя лирическія пьесы, кажется, мнѣ болѣе другихъ свойственны» (Я Гротъ: жиз. Держ. 878). Исполнилъ-ли Бакунинъ его просьбу, неизвѣстно, но съ этихъ поръ Державинъ дѣйствительно усиленно предается новому роду литературной дѣятельности. Въ томъ-же 1804 г. имъ уже написана была большая пьеса «Добрыня, театральное представленіе съ музыкою, въ пяти дѣйствіяхъ». Черезъ два года, въ 1806 г. появилась другая большая пьеса Державина: «Пожарскій, или освобожденіе Москвы. Героическое представленіе въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и речитативами». Въ томъ же году онъ написалъ небольшую дѣтскую комедію-шутку: «Кутерьма отъ Кондратьевъ», тогда-же представленную въ Званкѣ его племянницами Львовыми. — Послѣ этихъ опытовъ въ драматической поэзіи, Державинъ, вслѣдствіе соревнованія, возбужденнаго въ немъ успѣхомъ Озерова, вздумалъ испытать себя и въ трагедіи, и первая, написанная имъ трагедія была «Иродъ и Маріамна», 1806-го г. Она сочинена имъ по вызову Россійской академіи» сочинить трагедію россійскими стихами», почему и посвящена имъ «россійскому Парнассу», т. е. самой Академіи. Это была единственная пьеса Державина, представленная и на театрѣ. Черезъ два года, въ 1808 г. написано имъ еще двѣ трагедіи: «Евпраксія», содержаніе которой заимствовано изъ лѣтописи сказанія о нашествіи Батыя, во время котораго погибла самовольною смертью жена рязанскаго князя Ѳедора, Евпраксія, и «Темный». Засимъ, въ рукописяхъ Державина остались еще: «Атабалибо, или разрушеніе Перуанской имперіи» (неоконченная); «Дурочка умнѣе умныхъ. Комическая народная опера въ трехъ дѣйствіяхъ»; «Грозный, или покореніе Казани.

Опера въ трехъ дѣйствіяхъ» (сочиненная въ 1814 г.); «Рудокопы. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ»; кромѣ того, въ рукописяхъ его сохранилось нѣсколько переводныхъ пьесъ: «Федра» Расина, «Зельмира» «Де-Беллуа», «Титъ» и «Ѳемистоклъ» Метастазіи и опера «Эсѳирь» и отрывокъ оперы «Счастливый горбунъ», являющейся подражаніемъ повѣсти Карамзина «Прекрасная царевна и счастливый Корна».

Въ литературномъ отношеніи всѣ пьесы Державина очень слабы, и его біографъ, Я. К. Гротъ, справедливо замѣтилъ, что «вступленіе Державина на поприщѣ драматической поэзіи было конечно заблужденіемъ.» Достаточно указать на допущенныя имъ несообразности. Въ пьесѣ «Добрыня», рядомъ съ заимствованіями изъ русскихъ былинъ и русскихъ народныхъ пѣсенъ, безпрестанно упоминаются *рыцари*, и Добрыня на самой сценѣ посвящается въ это званіе, во время *турнира* при дворѣ В. Кн. Владиміра. Турниръ этотъ происходитъ въ *амфитеатрѣ*, на *ипподромѣ*, который отдѣляется отъ княжескаго двора золотою рѣшеткой, въ серединѣ которой золотыя *гербовыя* ворота. И вмѣстѣ съ этимъ, свадьба Добрыни совершается «по древнимъ русскимъ обрядамъ: путь молодыхъ усыпается хмѣлемъ; обмахиваютъ ихъ соболями; чешутъ имъ волосы гребнемъ; подносятъ имъ на золотыхъ блюдахъ и въ золотыхъ кринахъ съ патской коровай и кашу».—Во 2-мъ явл. часовой на башнѣ восклицаетъ: «*Къ ружью! стрѣла* упала». Теремъ Прелѣпы *готической* архитектуры; являются *татары*, да еще вдобавокъ *магометане*. Въ пьесѣ «Пожарской», въ VIII-мъ явл. въ Марьиной рощѣ, у Трехъ-горной заставы, Марина даетъ балетъ, въ которомъ появляются амуры, сильфы, сильфиды, нимфы, сатиры. А между тѣмъ, Державинъ самъ отлично понималъ нелѣпость всѣхъ подобныхъ несообразностей. Онъ упрекалъ Озерова за то, что въ его пьесѣ «Димитрій Донской» недостаетъ исторической вѣрности, и рѣзкій отзывъ Державина былъ даже причиной ссоры съ нимъ Озерова, приписавшаго строгую критику Державина зависти. Тогда-то, чтобы доказать, что ему нечему завидовать, Державинъ и принялся сочинять трагедіи, которыя, однако, и у современниковъ не имѣли никакого успѣха, и Мерзляковъ остроумно назвалъ ихъ «развалинами Державина».

Заключимъ образъ литературныхъ трудовъ Державина краткимъ обозрѣніемъ его интересной теоретической статьи: «Разсужденіе о лирической поэзіи, или объ одѣ», напечатанной въ «Чтен. въ Бес. люб. рус. сл.», въ книгахъ 2, 6 и 14. Для этого разсужденія онъ тщательно собиралъ матеріалы, какъ печатные, такъ и рукописные, которые доставляли ему друзья. Въ этомъ разсужденіи, хотя, какъ мы видимъ, и не самостоятельномъ, попадаются, однако, замѣчательныя мысли. Говоря, напр., объ одѣ, Державинъ замѣчаетъ, что она «не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной (т. е. природою)». Говоря о высокости, или выспренности лирической, Державинъ такъ ее опредѣляетъ: «Кратко, прямая высокость состоитъ въ силѣ духа, или въ истинѣ, обитающей въ Богѣ». Чрезвычайно картинно опредѣлилъ онъ, что такое лирическій безпорядокъ. Это значитъ то, «что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить логически. Потому ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь, *какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи*» (Соч., VII, 539). Краткость оды онъ опредѣляетъ такъ: «краткость не въ томъ одномъ состоитъ, чтобъ сочиненіе было недлинно, но въ тѣсномъ совмѣщеніи мыслей, чтобы въ немногомъ было сказано много и пустыхъ словъ не было» (Соч., VII, 545). При объясненіи, что такое оборотъ, или обращеніе, Державинъ опять прибѣгаетъ къ чрезвычайно картинному пріему. По его объясненію, это есть такой оборотъ рѣчи, «когда поэтъ среди высокопарнаго своего полета, будто задумавшись, опоминается вдругъ и обращается къ чему-либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету... Это мастерская уловка, *чтобы таковымъ образомъ владѣть, или, лучше, на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. Надобенъ тутъ сильный, искусный ѣздокъ*, или, просто сказать, необыкновенный восторгъ» (Соч. VII, 555). На поэзію смотритъ онъ, какъ на

проповѣдь нравственности и благочестія и считаетъ словесность всякаго рода наукой нравовъ. «Пророкъ вдохновенный (vates), или древній лирикъ былъ одно и то-же. *Онъ былъ герольдъ неба, органъ истинны.* Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ вовѣки» (Соч., VII, 568—569). Сладкогласіе, или сладкозвучіе, по его мнѣнію, есть требованіе, чтобы каждая мысль, каждое чувство, каждое слово одѣты были имъ приличнымъ токомъ» (Соч., VII, 571). Перечисливъ всѣ особенности лирическаго произведенія, Державинъ оговаривается, что нѣтъ необходимости помѣщать ихъ всѣ вдругъ во всякомъ гимнѣ или одѣ; наоборотъ, ихъ надобно употреблять только при случаѣ и пристойно, руководствуясь искреннимъ вдохновеніемъ. Иначе, «безъ вышняго сего дара не красотами они бываютъ, а раскрашенными, неоживленными призраками» (Соч., VII, 575). Но искреннее вдохновеніе всегда вдохновитъ и читателей: «чувствуй, и будутъ чувствовать», говоритъ Державинъ поэту: «проливай слезы, и будутъ плакать. Отъ восклицанія токмо сердца раздаются громы» (Соч., VII, 576). Интересно мнѣніе Державина о русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Во многихъ изъ нихъ онъ находилъ «живое воображеніе дикой природы, ночное означеніе времени, трогательныя, сѣжныя чувства, философское познаніе сердца человѣческаго» (Соч. VII, 605). Но о былинахъ русскихъ онъ былъ другого мнѣнія: не признавалъ въ нихъ ни поэзіи, ни разнообразія въ картинахъ. «Онѣ одноцвѣтны и однотонны», говоритъ онъ. «Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпиваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи басурмановъ трупомъ одного схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющая» (Соч., VII, 607).

Поэтическое дарованіе самого Державина уже угасало въ это время, и его послѣднія произведенія, вызванныя громкими событіями войнъ съ французами, принимались публикой уже не съ прежнимъ вниманіемъ и восторгомъ (см., напр., отзывы П. П. Сандунова и М. В. Милонова о «Гимнѣ лиро-эпич.», Библ. 8 сен. 1859; 231 и 302); да и самъ онъ сознавалъ, что его «ужъ гаснетъ жаръ», «холодна старость—духъ, у лиры—гласъ отъемлетъ»; *Екатерины муза дремлетъ*», — говоритъ онъ въ «Гимнѣ лиро-эпическомъ на прогнаніе французовъ», и потому онъ окончилъ этотъ гимнъ такими грустными строками:

„Младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны,
Да черплютъ въ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ царей“

Послѣднимъ его произведеніемъ было знаменитое, неоконченное стихотвореніе: «Рѣка временъ въ своемъ стремленьи», написанное за три дня до кончины на аспидной доскѣ, которая находится въ настоящее время въ Импер. Публичной библіотекѣ.

Скончался Державинъ 8-го іюля 1816 г. въ имѣніи своемъ Званкѣ, на берегу Волхова, и погребенъ въ Хутынскомъ монастырѣ, въ придѣлѣ соборной церкви. Надъ гробницей его построенъ мраморный памятникъ, въ сооруженіи котораго приняла участіе Россійская Академія. Въ память его Казанское «общество любителей отечественной словесности» устроило торжественное засѣданіе 24 сент. 1816 г. А въ 1847 г., 23 авг., въ Казани открытъ былъ памятникъ Державину, сооруженный на средства, собранныя по подпискѣ по всей Имперіи. Памятникъ построенъ по проэкту профес. Тона, а статуя и барельефы проэктированы академ. Гальбергомъ. Сначала памятникъ находился на внутреннемъ университетскомъ дворѣ, но въ 1870 г., по ходатайству Каз. губ. земск. собранія онъ перенесенъ на театральную площадь, противъ Дворянскаго собранія. Кругомъ него разведенъ садъ, обнесенный рѣшеткой и называющійся Державинскимъ скверомъ.

Самая полная и подробная библіографія о Державинѣ помѣщена Я. К. Гротомъ въ Академическомъ изданіи сочиненій Державина, т. IX-й. Но при провѣркѣ оказывается, что эта библіографія не можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительной. Главный ея недостатокъ: неудачная систематизація, вслѣдствіе чего на-

вести по ней справки довольно трудно. Сверхъ того въ настоящее время она не можетъ вполнѣ удовлетворить изслѣдователя, такъ какъ она доведена только до 1884, до года изданія послѣдняго, IX-го тома Академич. изданія. Поэтому считаю необходимымъ присоединить къ своему очерку жизни и дѣятельности Г. Р. Державина новый, болѣе полный библіографическій указатель, доведя его до 1902 г. и расположивъ матеріалъ по другой, болѣе удобной системѣ.

I. Отдѣльно изданныя сочиненія Державина.

1773. Ода на всерадостное бракосочетаніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ, сочиненная потомкомъ Аттилы, жителемъ рѣки Ра. Въ Спб. 1773 г.—Напечана въ количествѣ 50 экз. Единственный экземпляръ ея находится въ Библ. Ак. Наукъ. (Сочин. Держ. Акад. изд., т. III, 260, примѣч.). **1776.** Успокоенное невѣріе. По показанію Сопикова напечатано отдѣльно въ 1776 г. По показанію самого Державина—въ 1778 г., а по показанію „Собесѣдника“ кн. Дашковой—въ 1779 г. Я. К. Гротъ склоняется къ показанію „Собесѣдника“, замѣчая, что Сопикову довѣрять нельзя (I, 70). А между тѣмъ въ указателѣ (IX, 447) помѣстилъ это стихотвореніе подъ 1776 г., т. е. подъ опровергнутымъ имъ годомъ, указаннымъ Сопиковымъ. **1777.** Письмо Ея Императорскому Величеству, въ которомъ приносится благодарность отъ получившаго Ея милости колл. сов. Державина. Безъ означенія года и мѣста печати.—48—8 стр. Въ академич. изд. (VII, 32) оно напечатано подъ заглавіемъ „Изліяніе благодарнаго сердца Императрицѣ Екатеринѣ II„, безъ объясненія, откуда взято его заглавіе. **1778.** Эпистола И. И. Шувалову на прибытіе его изъ чужихъ краевъ. **1781.** Дивирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ (И. И. Шувалова). Москва, 1781. Позднѣйшее заглавіе: „На выздоровленіе мецената“. **1782.** Фелица. **1784.** Ода „Богъ“. Спб. и Москва (два изданія). По словамъ Я. К. Грота, эта ода „перепечатывалась не разъ отдѣльно“, но этихъ послѣдующихъ отдѣльныхъ изданій въ его указателѣ нѣтъ (IX, 447). Помѣщаю здѣсь свѣдѣнія о тѣхъ отдѣльныхъ изданіяхъ этой оды, которыя мнѣ извѣстны. „*Богъ*“ — ода Державина, 2-е изд. во Львовѣ, въ Ставропигіальной тип. 1846, 8°—15 стр. Въ 1862 г. одинъ экземпляръ этого сочиненія при сланъ былъ Я. Головацкимъ въ Импер. публ. библіотеку. *Изъ училища при церкви св. Екатерины.* Отд. листъ, на которомъ въ верхней части напечатанъ конецъ оды „Богъ“, а внизу—цыфровыя свѣдѣнія объ училищѣ. Druck von Iverssen. Цен. пом. (тоже на нѣм. яз.). Спб., 28-го дек. 1849 г. *Ода „Богъ“.* Изданіе М. К. Д. Трегубова. Цен. пом. Іюня 26-го дня 1851 года. Отдѣльн. листъ большого формата (см. Иллюстраціи къ соч. Державина). *Продолговатый листъ*, въ каждой половинѣ котораго налитографирована ода „Богъ“. Литогр. Д. Сироткина (въ Спб.). Ценз. пом. 1868 года, іюня 5-го (см. Иллюстраціи къ соч. Державина). „*Богъ*“ *ода Гавріила Державина.* Отд. листъ ценз. пом. 21-го ноября 1884 г. Новгородъ. Типолитогр. Н. И. Богдановскаго. Изд. И. С. Государскаго. **1786.** Прологъ на открытіе въ Томбовѣ театра и народнаго училища. Представленъ въ день Тезоименитства Ея Императорскаго Величества Ноября 24-го дня, 1786 г. Тамбовъ. Тоже. Спб., 1787 г. При перечисленіи дѣйствующихъ лицъ указаны исполнители. Помѣщенныя въ текстѣ примѣчанія у Я. К. Грота выпущены. Рѣчь при открытіи народныхъ училищъ, сказанная въ Тамбовѣ, при входѣ въ училище, однодворцемъ Захаровымъ въ 1786 г. Тамбовъ. 1786 г. Тоже. Николаевъ. 1798 г. **1788.** Торжество восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, отправленное въ Тамбовѣ губернаторомъ Державинымъ въ его домѣ, 1786 г. іюня 28-го. Тамбовъ 1788 г. Въ IV т., стр. 3, Гротъ говоритъ, что эта пьеса была напечатана въ Тамбовѣ въ 1786 г., т. е. въ годъ постановки. Но это первоначальное, изданіе говоритъ онъ, „намъ неизвѣстно“. Въ послѣдствіи, въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ къ IV т., онъ сообщаетъ, что пьеса эта была напечатана въ Тамбовѣ въ 1788 году въ вольной типографіи, мая 8-го (см. IX, 284). Слѣдуетъ ли принять это указаніе, какъ дополненіе къ предъидущему или какъ его опроверженіе — неизвѣстно. **1790.** Ода Ея Величеству Екатеринѣ II на день Ея Тезоименитства. 1790. Спб. Отдѣльное изданіе этой оды входило въ составъ библіотеки Д. П. Трощинскаго (см. каталогъ, изд. книгопродавц. Ѳедоровымъ, стр. 284, № 412). Ода на Высочайшее въ С.-Петербургъ, прибытіе къ торжеству мира съ королемъ Шведскимъ Императрицы Екатерины II. **1791.** Любителю художествъ (гр. А. С. Строганову). Пѣснь лирическая Россу на взятіе Измаила. Издана въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Тамбовѣ— 48—16 стр. Безъ подписи. Примѣчаніе на стр. 5-й у Грота не помѣщено. Хоры, пѣтые на празднествѣ у князя Потемкина-Таврическаго. Памятникъ герою (кн. Репнину). Отд. листъ. Съ обозначеніемъ въ концѣ: „Изъ Московскаго Журн.“ 1791 г. Окт. Тоже. 28-го іюля 1791 г. Безъ обозначенія мѣста и года печати и безъ подписи. Отд. листъ. Стихи напечатаны красной краской. Кругомъ бордюръ, напечатанный зеленой краской. Тоже. 1792 г. 88—16 стр., стр. 3—8: Ода Державина. На стр. 9—16: Творцу Памятника герою. Стихотв. В. Б. **1792.** Описаніе празднества въ домѣ князя Потемкина по случаю взятія Измаила. Изображеніе Фелицы. Безъ загл. л. и безъ обозначенія мѣста и года печати. 48 — 32 стр. Въ экземпл. Публ. библ. въ этомъ изданіи вклеенъ портретъ Императрицы Екатерины II (съ бюста Шубина), но онъ, по всей вѣроятности, къ этому изданію не принадлежитъ, а именно вклеенъ впослѣдствіи. Въ т. I, на стр. 298, въ примѣчаніи Я. К. Гротъ говоритъ: „Почти нельзя сомнѣваться, что ода эта вышла въ 1789 г. особою брошюрой“. На чемъ основана такая увѣренность, неизвѣстно, но еслибъ она оправдалась, то отдѣльное изданіе этой оды надо было бы помѣстить почти на три года раньше. Видѣніе Мурзы Къ Каліопѣ въ 31-й день Октября 1792 года. Спб. Печ. у Чинора. 1792 г. 4°—12, ненум. стр. Безъ подписи. Помѣщенныя здѣсь примѣчанія у Грота выпущены. Со стр.

9-й помѣщены „Стихи на рожденіе въ Сѣверѣ Порфироднаго Отрока. Декабря, во второй на десять день, въ который солнце начинаетъ возвратъ свой отъ зимы на лѣто, 1777 г. **1793**. На панихиду Людовика XVI. Амуръ и Психея. **1794**. Пѣснь Ея Императорскому Величеству Екатеринѣ II на побѣды графа Суворова-Рымникскаго. 1794 г. Въ Спб. Въ тип. корп. чужестран. единовѣрцевъ. 1794 г. 4 —8 стр. Безъ подписи. Помѣщеннаго у Грота (по экз. Куника) объясненія о цѣли изданія—нѣтъ. **1796**. На крещеніе Вел. Кн. Николая Павловича. Этоизданіе Гроту было неизвѣстно (IX, 448, примѣч. 1) и онъ упомянулъ объ немъ, основываясь на показаніи Геннади въ его Сл. пис. **1797**. Безсмертіе души. Молитва. — Оба стихотворенія напечаны вмѣстѣ. Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго мон—ря. Развалины. Напечатаны отдѣльно въ Саксоніи въ 1797 г. гр. Ал. Гр. Орловымъ. (Гротъ, II, 93, примѣч.). **1798**. Праздникъ воспитанницъ Общ. Благородн. дѣвицъ. Безсмертіе души. Молитва. Соб. 1798 г. 8°—31 стр. Къ стихотв. „Безсмертіе души“, на стр. 26-й напечатано славянскимъ шрифтомъ примѣчаніе, пропущенное у Грота. Да и самое изданіе это у него не упомянуто. Урна. Отд. изданія этого стихотворенія нѣтъ ни въ одной библіотекѣ; оно извѣстно только по письмамъ Державина. Ода на рожденіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. 1798 г. генв. 28-го дня. Спб. Въ Имп. тип., 4°—8 нен: стр. Подпись: Державинъ. Примѣчанія не помѣщены въ Акад. изд. На Мальтійскій орденъ. **1799**. На кончину Императрицы Екатерины II и на восшествіе на престолъ Императора Павла I. Изъ примѣчанія Державина къ этой одѣ (II, 266—267) видно, что это — переводъ съ еврейскаго яз. и что она была напечатана по-русски и по-еврейски. Ода на побѣды французовъ (т. е. надъ французами) въ Испаніи фельдмаршаломъ гр. Суворовымъ-Рымникскимъ 1799 года. Подпись: Державинъ. Въ листъ. Безъ заглавн. листа и безъ обознач. года и мѣста печати. 4 ненум. стр., изъ которыхъ двѣ послѣднія—бѣлыя. **1800**. Переходъ въ Швейцаріи черезъ Альпійскія горы россійскихъ импер. войскъ, подъ предводительствомъ генералиссима. 1799 г. Спб. 1800 г. Въ Имп. тип. Подпись: Державинъ. 4°—20 стр. **1801**. Гимнъ кротости. Подпись: Державинъ. Москва. 1801 г. Въ унив. тип. у Хр. Клавдія. 4°—8 стр. **1802**. Утро и гимнъ Кисантовъ. Подпись въ концѣ второго стихотворенія: Державинъ. 1802 года. Печ. въ тип. Шкора. Безъ загл. л. 4°—8 стр. Стихотв. „Утро“ кончается двоеточіемъ, а на слѣдующей страницѣ идетъ: „Гимнъ Богу“ (т. е. гимнъ Кисантовъ). Слѣдовательно, оба стихотворенія составляли первоначально одно цѣлое. **1803**. Посланіе индѣйскаго брамина (царевичу Хлору) и Гимнъ солнцу. Спб. 1803 г. Въ Имп. тип. Безъ подписи. 4°—12 стр. Тоже. Другое изданіе. Въ листъ. 12 стр., съ картинками. На оборотѣ загл. листа помѣщено объясненіе картинокъ, гравированныхъ Сандерсомъ. **1804**. „Колесница“. „Фонарь“. Оба стихотворенія вмѣстѣ. Безъ подписи и безъ загл. л. 4° — 12 стр. Такъ по указанію Я. К. Грота (IX, 448). Но въ Публ. Библ. существуютъ отдѣльныя изданія этихъ стихотвореній: „Колесница“. Безъ подписи, безъ загл. л. и безъ обозначенія мѣста и года печати. Больш. 8°—6 стр. „Фонарь“, безъ подписи, безъ загл. л., безъ обозначенія года и мѣста печати. 4°—8 стр. Изданія же, указаннаго Гротомъ, въ Публ. библ. нѣтъ. **1805**. Гласъ с.-петербургскаго общества по случаю Высочайшаго благоволенія, объявленнаго ему главнокомандующимъ, ноября 29-го дня. 4° Спб. При Имп. ак. наукъ, 12 стр. На русскомъ и нѣмецк. языкахъ. Тоже. Другое изданіе. **1806**. „Облако“. „Громъ“. „Радуга“. Три стихотворенія вмѣстѣ.—На рожденіе Вел. Кн. Елизаветы Александровны. На отправленіе въ армію фельдмаршала гр. Каменскаго. Отд. листокъ. 8°—Подпись: Державинъ. На Баграціона. Отдѣльный узкій продольный листокъ, весь, безъ полей, занятый этимъ четверостишіемъ. Подпись: Г. Д. Ни мѣста, ни года печати не означено. У Н. П. Лихачева въ его „Каталогѣ летучихъ изданій“ (Спб., 1895) указано другое изданіе этого четверостишія, въ 4°. **1807**. Персей и Андромеда. Кантата на побѣду французовъ русскими. Подпись: Державинъ. Безъ загл. л. и безъ обознач. года и мѣста печати. Въ одномъ изъ старинныхъ книгопродавческихъ каталоговъ указано изданіе этой пьесы въ 1827 г.—Если это не опечатка вм. 1807 г., то желательно было бы удостовѣриться въ справедливости такого указанія. На выступленіе гвардіи въ походъ. У Грота въ библіографич. указ. (IX, 448) сказано, что оба эти стихотворенія помѣщены въ отд. изданіи вмѣстѣ. Но въ примѣчаніяхъ къ этимъ стихотвореніямъ (II, 612 и 626) о совмѣстномъ ихъ изданіи не упомянуто. Въ Публ. библ. такого изданія тоже нѣтъ. Отдѣльнаго изданія второго стихотворенія вовсе нѣтъ, а экземпл. Персея и Андромеды таковъ, какъ выше описано, и второго стихотворенія въ немъ нѣтъ. Молитва на Высочайшее отсутствіе въ армію Его Имп. Вел. 1807 г., марта 16-го дня, сочиненая Г. Р. Державинымъ. Положенная на муз. Нейкомомъ. Спб. При Имп. Ак. Наукъ. 4°—4 ненум. страницы. Это отдѣльное изданіе въ первыхъ четырехъ строкахъ представляетъ разночтенія, не отмѣченныя Я. К. Гротомъ, именно: Въ третьей строкѣ „воздѣваютъ“ вм. „простираютъ“; въ четвертой—„усердные“, вм. „смиренные“. Атаману и войску Донскому. „Надежда на Бога“. „Сѣтованіе“. Оба стихотворенія вмѣстѣ напечатаны отдѣльнымъ изданіемъ. **1808**. Два псалма сочиненные Г. Р. Державинымъ. Положены на музыку и посвящен. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ С. Д. Нейкомомъ. Спб. Въ тип. Имп. Ак. Наукъ, 1808 г. 4°—8 стр. Тутъ помѣщено два стихотворенія: 1. „Надежда на Бога“ и 2. „Сѣтованіе“. Къ первому сдѣлано примѣчаніе: „Изъ псалма по нашей псалтири 45-го, а по иностранной—46-го; ко второму: „Изъ псалма по нашей псалтири 101, а по иностранной 102. Примѣчанія эти въ изд. Я. К. Грота пропущены. **1809**. „Иродъ и Маріамна“. Трагедія. Въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Державина. Въ Спб. Въ Морской типографіи. 1809 г. 8° — 4, ненум. + 98 стр. **1811**. „Срѣтеніе Орфеева солнца“. Гимнъ и диѳирамбъ въ греческомъ вкусѣ, препровождаемые лирою. Музыка г. Бортнянскаго. Спб., 1811 г. Подпись: Державинъ. **1812**. Ода по случаю паренія орла надъ россійскою арміею, подъ

предводительствомъ кн. Кутузова, при селѣ Бородинѣ, въ Авг. Въ Медиц. тип. 1812 г. 14°—4 ненум. стр. Ценз. ком. Спб., 15-го окт. 1812. **1813**. Гимнъ лиро - эпическій на прогнаніе французовъ изъ Отечества 1812 г. Спб. Въ медиц. тип. 1813 г. 4°. На Высочайшее отбытіе Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны для свиданія съ Августѣйшимъ супругомъ Ея, въ Германію. Декабря 19-го дня 1813 г. Подпись: Державинъ. Безъ обозначенія года и мѣста печати. 4°—2 стр. **1814**. Свыше благословенному приношеніе. Спб. Въ тип. Воен. Мин. 4°. 14+IV стр. Подпись: Державинъ. Ценз. пом. Спб., 1814 г., марта 24-го. Это стих. „Христосъ". На стр. 7-й помѣщено примѣчаніе къ стиху „Имъ пробудилось": „По богословски понимать должно вмѣсто пробудилось—возродилось". Примѣчаніе это въ изд. Я. К. Грота пропущено. „Христосъ". Стихотвореніе Державина. Изданное Наталіею Расторгуевой. Спб., 1851 г. Тип. Эд. Проца. 8°—16 стр. Изъ сохранившагося въ моемъ экземплярѣ письма издательницы видно, что изданіе это предпринято было съ благотворительной цѣлью. На покореніе Парижа. Безъ загл. л., безъ обозначенія года и мѣста печати. Въ тип. медиц. деп. 4°—4 стр. Ценз. пом. 17-го апр. 1814 г. Ода на срѣтеніе Побѣдителя, Свободителя и Примирителя Европы, Великаго и свыше Благословеннаго Императора Отца Отечества Александра I 1814 г., іюля — дня. Съ благоговѣніемъ посвящаетъ сочинитель. Спб., тип. Воен. Мин. 1814 г. Листъ. 12 + 2 ненум. стр. Ценз. пом. Спб., іюля 10-го дня, 1814 г. Въ началѣ и въ концѣ — великолѣпно исполненныя картинки, относящіяся къ содержанію оды и воспроизведенныя въ академич. изданіи т. III. **1815**. Хоры, пѣтые въ торжественномъ собраніи „Бесѣды любителей русскаго слова" Декабря 30-го дня, 1815 г. Спб., въ Медиц. тип. 4°. 2 ненум. стр. Ценз. пом., Дек. 29-го, 1815 г. **1848**. Письма Державина къ Ив. Ив. Дмитріеву и одно его-же письмо къ первой его супругѣ. Съ примѣчаніями (подписанными Мих. Дм—въ). Москва (Изъ „Москвитянина", 1848 г. № 10). **1852**. „Темный". Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. Державина. Спб. Въ тип. Имп. Ак. Наукъ, 1852 г. 8°—66 стр. Издана Старчевскимъ по имѣвшемуся въ его рукахъ списку (см. акад. изданіе, IV, 390). **1855**. На кончину благотворителя (И. И. Бецкаго). Въ тип. Н. Греча. 8°—4 стр. Ценз. пом. Спб., 9-до іюля 1855 г. *).

II. Собранія сочиненій Державина.

1776. Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ. **1798**. Сочиненія Державина, ч. I, Москва. Въ унив. тип. у Ридигера и Клаудія. **1804**. Анакреонтическія пѣсни. Въ Петроградѣ, 8°—4 ненум. + 158 + 6 ненум. стр. Тип. Шкора. Оглавленіе снабжено примѣчаніями автора, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Первыя 16 стихотвореній посвящены разнымъ событіямъ изъ придворной жизни и въ оглавленіи, послѣ № XVI сказано: „Всѣ оныя пѣсни не были въ то время Двору извѣстны, когда написаны; авторъ сочинялъ ихъ для собственнаго своего удовольствія". Также слѣдуетъ обратить вниманіе на примѣчанія автора, помѣщенныя послѣ указанія опечатокъ, на самой послѣдней стр., изъ которыхъ, между прочимъ, узнаемъ, что самая нумерація одъ не вѣрна: пропущена ода подъ № LVIII. **1808**. Сочиненія Державина. Спб., 1808. Тип. Шкора. Первый томъ посвященъ Имп. Екатеринѣ II, второй и слѣдующіе—Имп. Александру I. 8° — 4 тома. Тоже. Другое изданіе. 8 — 4 т. Въ I т. на загл. л. виньетка: алтарь, надъ которымъ вензель Екатерины II въ сіяніи. На 1-й стр.—картинка къ одѣ „Богъ". Во II т. на загл. л. вензель Александра I въ сіяніи, окруженъ звѣздами. На 1-й стр. виньетка къ стихотв. „Безсмертіе души" (таже, что и въ академич. изд.). Въ III т. на загл. л. виньетка: вѣнокъ изъ амуровъ. На 1-й стр. виньетка: Амуръ на колчанѣ, съ факеломъ въ рукахъ, идетъ какъ на лодкѣ, по облакамъ. Въ IV т. на загл. л. виньетка: маска, мечъ и дудка, связанные въ одно цѣлое; на 3-й стр.—виньетка: три музы. **1816**. Сочиненія Державина. Т. V-й. Тип. В. Плавильщикова. Послѣдній томъ къ предыдущему иллюстрированному изданію. На загл. л. виньеткадымящаяся курильница; на1-й стр. виньетка къ стих. „Истина". **1817**. Избранныя сочиненія Державина, съ его портретомъ, помѣщены въ изданіи: „Собраніе образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издан. общ. люб. отеч. слов. Спб. **1817—1818**. Лира Державина или избранныя его стихотворенія. Москва, въ унив. тип. На загл. л. поставленъ 1817 г., а на предъидущемъ выходномъ 1818 г. Съ посвященіемъ Императрицѣ Екатеринѣ II (1795 г.). Въ сообщеніи „Отъ издателя" сказано, что „не задолго передъ кончиною своею, автору угодно было одобрить намѣреніе издать избранныя сочиненія его въ пользу нѣкоторыхъ бѣдныхъ семействъ: съ исполненіемъ сего намѣренія да будетъ благословляема тѣнь Генія—благотворителя". **1831**. Соч. Державина. Спб. Въ тип. Ал. Смирдина. 4 т. Т. I. Портретъ Державина, грав. Уткинъ. Виньетка къ одѣ „Богъ", на загл. л., рис. А. Брюковъ, гравиров. Галактіоновъ. Въ концѣ—автографъ Державина, т. II., на загл. л. виньетка къ одѣ „Водопадъ" рис. А. Брюловъ, грав. Галактіоновъ. Т. III. Виньетка на загл. л. къ одѣ „Фелица": Мурза передъ Фелицею, рис. А. Брюловъ, гравировалъ И. Ческій. Т. IV. Виньетка къ пьесѣ: „Добрыня". Рис. А. Брюловъ, грав. Галактіоновъ. **1833**. Сочиненія Державина. Тип. А. Смирдина. Изданіе его-же. 4 части.—Въ I т.—краткая біографія Державина, въ которой сказано, что *издатель получилъ позволеніе напечатать Записки Державина*. **1834**. Тоже. Вмѣстѣ съ издан. 1833 г. представляетъ повтореніе изд. 1831 г. Объ этомъ изд. 1834 г. заимствую свѣдѣніе изъ указателя Я. К. Грота: въ Публич. библ. его нѣтъ. **1845**. Сочиненія Державина. Спб., тип. Ил. Глазунова и К°. Изданіе его-же (см. I LXXIX). 4 ч. Въ I т. портретъ Державина (съ оригинала Тончи) грудной. Жизнь

*) Въ изданномъ книгопрод. Е. Я. Федоровымъ каталогѣ библ. Д. П. Трошинскаго (Спб., 1874), на стр. 291, № 23 подъ именемъ Державина указанъ *прологъ: «Баянъ, русскій баснописецъ древнихъ временъ»*. Въ академ. изд. соч. Державина нѣтъ ни самого пролога, ни свѣдѣній объ немъ. Не ошибка-ли это.

Державина, написана Н. Савельевымъ. **1845**. Сочиненія Державина. Изд. Д. П. Штукина. Спб., тип. К. Жернакова. Въ одномъ томѣ. Біографія написана Н. А. Полевымъ. Къ изданію приложенъ портретъ Державина въ шубѣ и шапкѣ, вновь нарисованный „извѣстнымъ художникомъ“ Р. К. Жуковскимъ, гравир. на стали въ Лондонѣ. Портретъ этотъ представляетъ варіаціи по портрету Тончи. На загл. л. помѣщено изображеніе *гробницы* Державина. рис. Р. К. Жуковскимъ, гравир. въ Лондонѣ. Въ началѣ текста виньетка съ картины Рафаэля въ одѣ „Богъ“. Въ концѣ книги помѣщено изображеніе памятника Державину въ Казани. **1847**. Собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Изд А. Смирдина. Сочиненія Державина. Спб., 2 тома. Въ „Предъувѣдомленіи“, помѣщенномъ во II-мъ томѣ сказано: „По преобрѣтеніи права отъ г.г. наслѣдниковъ на напечатаніе еще 280 стихотвореній, шести трагедій и „Записокъ о Пугачевѣ“, соч. Державина, все это въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ въ двухъ томахъ. Но обѣщаніе это исполнено не было. **1851**. Тоже. Изд. 2-е. Спб. 2 тома. **1857**. Анакреонтическія стихотворенія Державина, взятыя изъ третьей части сочиненій его, изданныхъ въ 1808 г. Спб. Въ тип. Королева и Комп. 8°2 не нум.+42+IV стр. **1864—1883**. Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. Роскошное изданіе Имп. Ак. Наукъ. IX-ть томовъ, изъ которыхъ въ семи первыхъ помѣщены сочиненія Державина, а въ двухъ послѣднихъ написанная Гротомъ біографія Державина, дополненія, подлинные документы и указатели. Въ изданіи этомъ, кромѣ сочиненій Державина, помѣщены: Рисунки къ сочин. Державина, найденные въ его рукописяхъ, портреты его и его обѣихъ женъ, его автографы, видъ дома его въ Петербургѣ (съ планами) и изображеніе памятника его въ Казани. **1868—1878**. Тоже. Общедоступное (болѣе дешевое) академическое изданіе, тожественное съ роскошнымъ по содержанію, но безъ портретовъ и рисунковъ. VII. томовъ. **1882**. Русскіе писатели въ классѣ. Редакція Петра Вейнберга. Быт. VI. Державинъ (стихотворенія). Спб. 8. С овступительными замѣтками, примѣчаніями и критическими статьями Бѣлинскаго „Грота“. **1884**. Русскіе прозаики и поэты. Пособіе при изученіи русской литературы. Льва Паливанова. Избранныя сочиненія Г. Р. Державина, съ вводными замѣтками, примѣчаніями историч., критич., и библіографическими и алфовитными указателями. Со снимкамъ бюста Г. Р. Державина. (Съ оригин. Рашета 1794) Москва. 8.- Въ примѣчаніи къ предисловія сказано, что бюста Рашета *нѣтъ въ Каз. Унив. шт.* (какъ утверждаетъ Гротъ, IX, 571), а именно двѣ одинакія гипсовыя копіи въ уменьшенномъ видѣ съ бюста Рашета, сдѣланныя въ Спб. т.

III. Произведенія Державина, помѣщенныя въ современныя и другія изданія.

Академическія Извѣстія, 1779 г., ч. I, Февр., ч. II. Іюнь. *Амфіонъ*, 1815, Іюнь. *Аониды*, 1796—1797, 3 ч. *Архивъ*, историч. и практич. свѣд о Россіи 1859, кн. II; 1862, кн. IV. *Библіограф. Зап.* 1858. 1859 и 1861 г. *Библіот. для Чтен.* 1834, Янв.; 1844, Мартъ. *Благонамѣренный*, 1818, № 2. *„Вчера и сегодня“*, альманахъ на 1842 г. *„Вѣстн. Евр.“* 1802 г., № 16; 1803, № 3; 1805, № 4, 18, 22, 23; 1806, № 3, 7; 1807, № 16; 1812, № 16. *„Драматич. Вѣстн.“* 1808 г., № 1, № 74. *„Другъ Просвѣщенія“*. 1804 г., іюль, сент.; 1805 г., апр., іюнь, сент., окт., дек. *Духовно-нравственныя пѣснопѣнія* Ломоносова, Державина и Карамзина. М., 1856 г. *Духовныя стихотворенія* разныхъ сочинителей: Ломоносова, Державина, Капниста, Мерзлякова, Ѳ. Глинки и проч. съ замѣчаями о ихъ жизни. Собраны В. Золотовымъ. Спб., 1861 г. *Журналъ древней и новой словесности“* 1818 г., ч. II. *„Заволжскій муравей“*, 1834 г., № 5. *Записки* о службѣ и жизни А. И. Бибикова, изд. сыномъ его. Спб., 1817 г. *„Зеркало Свѣта“* 1786 г., № 52; 1787 г., № 53. *„Казанскій Вѣстникъ“* 1828 г., ч. XXIV. *Леонидъ*, архим. Систематич. опис. слав.-рас. рукоп. собранія гр. А. С. Уварова. № 1893—94, № 1623. *„Лѣтоп. русс. литер. и древн.“* изд. Тихонравовымъ, 1859 г., т. I, кн. 2, отд. II, стр. 196—197: „Молитва“ Екат. Вел., изъ оды: „Изображеніе Фелицы“ (съ разночтеніями противъ академич. изд.). *„Маякъ“* 1842 г., т. I, кн. 2; 1843 г., т. VIII, кн. 3. *„Москвитянинъ“*, 1841 г., № 1; 1842, № 4; 1849, № 5. *„Московскій журналъ“*, 1791 и 1792 гг. *„Муза“* на 1796 г., № 2, 3, 8, 9. *„Новая дѣтск. библ.“*, издав. Б. Федоровымъ, 1827 г., кн. 1. *„Новости“* на 1799 г., май, іюнь. *Новыя ежемѣс. соч.*, 1786 г., ч. VI; 1789, ч. XL, XLI; 1790, ч. LIV, 1791, ч. LVI, LVIII; 1792 г., ч. LXVII; 1796, ч. CXVIII. *„Одесскій Альманахъ“* на 1831 г. *„Отечеств. Зап.“* 1855 г., т. C, отд. 1, стр. 1. *„Памятникъ отечеств. Музъ“* на 1827 г. *„Покоящійся Трудолюбецъ“*, 1785 г., ч. IV. *Полное собр. законов.* т. XXI, № 15, 120; начертаніе должности учрежден. при Прав. Сенатѣ четырехъ экспедицій, 1780 г. *„Развлеченіе“* 1860 г., № 38, 47. *Рус. арх.*, 1863 г., № 2; 1865, № 3; 1870, № 4 и 5; 1899, № 1. *„Русская бесѣда“* 1841 г., т. I; 1859, т. I—V. Записки Державина). *„Русскій Вѣстн.“* 1808 г., ч. I, II, IV; 1809, ч. VI; 1813, ч. XXI, № 3; 1866, т. LXI, № 1. *„Русская классн. библ.“*, издав. подъ ред. А. Н. Чудинова. Вып. XI-й. Г. Р. Державинъ. Избранныя сочиненія. Спб. 1892 г. *„Русскіе поэты“* конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія и ихъ лирич. стихотворенія, написанныя въ духѣ псалмовъ. Спб., 1872. *„Русск Обозр.“* 1895 г., IV. (Рукописи русс. пис. въ собр. гр. А. С. Уварова, стр. 973). *„Русская Старина“* 1874 г., т. XI (стр. 376); 1878, т. XXIII (стр. 118); 1897, № 2, стр. 456. *„Спб. Вѣдомости“* 1774 г., № 16; 1786, № 88. *„Спб. Вѣстникъ“* 1778 г., ч. I, II; 1779, ч. III, IV; 1780 г., ч. V; 1781 г., ч. VII. *„Спб. Зритель“* 1828 г., № 1. *„Сборн. археологич. института“* 1878 г., т. I. *„Сборн. Имп. русск. историч. общества“* 1867 г., т. I, стр. 312—351. *Сокращенная библіотека* въ пользу госп. воспитанникамъ перваго кадетскаго корп. 1800 г., 4 тома. *„Собесѣдникъ“* Любит. Росс. Слова, 1783 и 1784 гг. *Соч. и пер. Росс. Академіи* 1807 г., ч. II; 1811, ч. V; 1813, ч. IV. *Старина и новизна* 1773 г., ч. II. *„Сынъ Отеч.“* 1812 г., № 6; 1813, № 18, 46, 51; 1854, № 3, 7, 10, 22; 1816, № 1, 30, 49; 1821, № 6; 1843, № 3. *„Сѣверн. Вѣстн.“* 1805 г., ч. XVII. *„Спб. Пчела“* 1848 г., № 100. *„Труды Оренбургск. учен. архив.*

ож., вып. V, 1899 г., стр. 49—74. „*Утренніе часы*“ 1789 г., ч. IV, стр. 91—93. „*Ученыя записки*“ II отд. Ак. Наукъ 1861 г., кн. VII, вып. 1-й. „*Хвала Богу*“. Переложенія изъ Новаго Завѣта, изъ псалмовъ и церковныхъ пѣснопѣній. Спб., 1895 г. *Цвѣтникъ*“ 1809 г., № 4. „*Чтеніе въ Бесѣдѣ люб. русск. слов.*“ 1811 г., кн. 2, 3; 1812, кн. 4; 1813, ч. X, XIII, XIV. „*Чтен. въ Общ. Истор. и Древн.*“ 1858 г., кн. III; 1861, кн. III.

IV. Переписка Державина

съ разными лицами помѣщена въ слѣдующихъ повременныхъ и другихъ изданіяхъ:

„*Библіографич. Зап.*“ 1859 г., № 11; 1861 г. № 7, 17, 20. „*Библіографъ*“ 1885 г., № 1; 1887. „*Воронежскій литерат. Сборн.*“ 1861 г., вып. 1, въ статьѣ А. Донского: Оч. жиз. и научн. труд. митроп. Евгенія. „*Время*“ 1862, № 6, стр. 150 въ ст. Колбаси-на: „Пѣвецъ Кубры“. „*Вѣстн. Европы*“ 1867 г., № IX, стр. 242—243 *Я. К. Гротъ*: Переписка митроп. Евгенія съ Державинымъ и граф. Д. И. Хвостовымъ. Спб. 1866 г. „*Древняя и Новая Россія*“ 1875 г., № 8, 1876, № 1; 1878, № 6. „*Заволжск. Муравей* 1834 г., т. II, стр. 176—178. „*Извѣстія Имп. Ак. Наукъ*“ 1898 г., т. III, в. 4. „*Извѣстія Тамбовской Ученой Архивн. Комис.*“. вып. XVIII (1888) стр. 84—85. „*Ист. Вѣстн.*“ 1899 г., № 12. *П. Лебедевъ:* Графы Никита и Петръ Панины. Спб., 1863 г., стр. 340—342. „*Литерат. прибавл къ „Сыну Отеч.*“ 1822 г., № 16 (приложеніе къ № 31-му „Сына Отеч.“). „*Москвитянинъ*“ 1841 г., № 3; 1842, № 1; 1848 г., № 5, 10. „*Отеч. Зап.*“ 1826 г., № 77, ч. XXVII въ ст. „О сочинен. П. Ю. Львова“; 1845, № 10. *Отчетъ Имп Пуб. Библ.* за 1895 г. Спб. 1898. „*Памятникъ отеч. Музъ*“ на 1827 г. „*Русск. Арх.*“ 1863, стр. 345; 1865, № 3; 1871, № 1, въ ст. „Изъ бум. протоіер. І. Памфилова“; 1872 г., стр. 1182. „*Русская Правда*“, альманахъ на 1860 г. „*Русск. Старина*“ 1873 г., № 8 въ ст. „Сподвижники Екатерины II“; 1887, т. LIV, стран. 197. „*Сборн. отд. рус. яз. и слов.*“ Имп. Акад. Наукъ т. V, вып. 1-й. „*Сборн. снимковъ*“ автографовъ русскихъ дѣятелей. Изд. „Русской Старины“. Спб., 1874 г. „*Съвер. Пчела*“ 1843 г., № 131; 1848, № 100; 1860, № 92 (въ ст. В. Н. Каразинъ). „*Труды Кіевской Духов. Акад.*“ 1867 г., № VIII, стр. 277, примѣч.

V. Библіографія Державина

и матеріалы для нея помѣщены въ слѣдующихъ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно изданныхъ сочиненіяхъ:

Аксаковъ, С. Т. Сочиненія, т. III (Спб. 1886), стр. 220. *Араповъ.* Лѣтоп. русск. театра, стр. 189—190. *Арсеньевъ, А. В.* Словарь писателей средняго и новаго періодовъ русской литературы. Спб., 1887 г., стр. 74—76. *Архивъ кн. Воронцова* (см. по указателямъ къ каждому тому). *Архивъ* Государственнаго Совѣта т. III, ч. 1 и 2-я. *Афанасьевъ-Чужбинскій* „Поѣздка въ Южную Россію“. Спб., 1853 г., ч. I, стр. 240. *Baltiche Monatsschrift Band.* XXVII, стр. 707—714. *Соч. К. Н. Батюшкова*, изд. 1887 г. (по указателямъ). „*Бесѣда*“ 1872 г.. „Путевой очеркъ“ гр. Са-ліаса. „*Библіографич. записки*“ 1859 г., № 11, 14, 16. „*Библіографъ*“ 1887 г., № 2: Объ отношеніяхъ митроп. Евгенія къ Державину (ст. Шмурло). Былъ также отд. оттискъ. „*Библіографъ* 1890 г., № 3—4, стр. 41—42. „*Библ. для чтенія*“ 1843 г., т. LVII; 1844 г., т. LVIII; 1850, т. CIV (ст. В. Стоюнина): „Званка“; 1860, № 9: ст. *А. Ф. Писемскаго о зап. Державина.* „*Біографич. очерки*“ лицъ, изображенныхъ на памятникѣ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ. Сост. Н. Отто и И. Куприяновымъ. Новгородъ, 1862 г., стр. 330—335. *Biographie* générale de Didot, 1855 t XIII, стр. 721. Nouvelle *Biographie* générale, par t. Didot Paris, 1857, XIII, 721. *Богдановичъ*: „Исторія царств. Императора Александра I, т. I, приложеніе. *Болотовъ А. Т.* Памятникъ протекшихъ временъ. М. 1875 г., ч. I-я, стр. 14, 18, 22, 56, 91, 104; ч. II-я, стр. 107—109. *Борзаковскій, И.* Краткія біографіи русскихъ писателей. Пособіе для учениковъ городскихъ училищъ. Одесса, 1898 г. *Братчина.* Спб., 1859 г. *Брафманъ, Я.* Книга „Кагала“. Вильно, 1870, (постановленіе Кагала противъ Державина). *Булгаринъ, Ѳ. В.* Воспоминанія, ч. III, стр. 296. *Бычковъ, А. Ф.* Сподвижники Екатерины II. Спб. 1873 г. *Венгеровъ.* „Русская поэзія“. Выпускъ IV и V. „*Виленскій Вѣстникъ*“ 1866 г., № 59. *Вигель, Ф. Ф.* „Воспоминанія“. *Владимировъ, В.* „Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи. Казань 1867, г. *Воскресный Досугъ*“ 1864 г., № 60—64. „*Воспоминаніе Вигеля*“. М. 1864 г., ч. III, стр. 150—160; ч. VI, стр. 27. „*Время*“ 1861 г., X; 1862 г., № 6 (въ ст. Колбасина: „Пѣвецъ Кубры“). „*Всемірная Иллюстрація*“ 1871 г., № 131; 1888, т. I. „*Вѣдомости Спб. полиціи*“ 1847 г., № 38 и 247. „*Вѣстн. Европы*“ 1810 г., № 2: Видъ Званки; 1816 г., № 15 (некрологъ); № 23 и 24; 1822 г., № 7; 1866, кн. I (въ статьяхъ Богдановича и Мордовцева); 1867 г., № 9 и 12) въ „Воспоминаніи В. И. Панаева); т. II (1867), стр. 180—182, 1881, № 3, стр. 15—17. „*Вѣстникъ Всемірной Исторіи*“ 1899 г., кн. 1-я. *Кн. П. А. Вяземскаго.* Сочиненія (по указателю). *Гавріилъ*, архим. Рѣчь при открытіи памяника Державину въ Казани. Казань, 1847. На загл. листѣ помѣщенъ видъ памятника. — Рѣчь эта была помѣщена также въ „Спб. Вѣд.“ 1847 г., № 210, но въ совершенно передѣланномъ видѣ. Эта новая редакція рѣчи была издана также и отдѣльно. *Галаховъ, А.* Исторія русской словесности т. I. Спб., 1863 г. Біографич. свѣдѣнія о писателяхъ, помѣщенныя въ этой „Исторіи“ собраны были потомъ въ отдѣльную брошюру, напечатанную подъ заглавіемъ: „Біографич. свѣдѣнія о главнѣйшихъ писателяхъ“ (Спб., 1880), составившую дополненіе къ учебнику „Истор. русс. слов.). *Галлерея* русскихъ писателей. Изд. Скирмунта. М. 1901 г. *Georgi* Versuch einer Beschreibung der ruskais. Residenz stadx St. Petersburg, 1790 г. (Переведено на русск. языкъ П. Безикомъ. „*Голосъ*“ 1876, № 215, см. также: „*Др. и Нов. Рос.* 1876, № 8, стр. 394—402. *Гречъ Н. И.* Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, съ прибавленіемъ извѣстій о жизни и твореніяхъ писателей, которыхъ труды помѣщены въ семъ собраніи. Спб., 1812 г. Стр. Стр. 430—432. *Гречъ Н. И.* Учебная книга россійской словесности, ч. IV (Спб., 1822), стр. 470—474. *Грибовскій А. М.* Записки, М. 1847 г.

Гротъ Я. К. Записка о ходѣ въ 1860 г. приготов. работъ по изданію сочин. Державина... Спб., 1880 г. *Гротъ Я. К.* Дѣят. и перепс. Державина во время Пугач. бунта. Спб., 1861 г. *Гротъ Я. К* Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ. Изд. Ак. Наукъ. Спб., 1880—1883, 2 т.—сочиненіе это, продающееся и отдѣльно, составляетъ VIII и IX-й томы академическаго изданія сочиненій Державина. *„Дамскій журн."* 1833 г., № 12. *„Девятнадцатый вѣкъ".* Т. I-й. Спб., 1872 г. *Державинъ.* Отд. листъ. Спб., 26-го іюня 1839. Тип. К. Крайя. Ценз. пом.: Спб., 28-го іюня 1839 г.—На этомъ листѣ помѣщены краткая біографія Державина и оцѣнка его значенія, въ которой особенно характерно замѣчаніе, что онъ былъ „геній самостоятельный и *первый* русскій *народный* поэтъ". Memoirs if the princesse *Daschkow.* London, 1840 г., ч. I, стр. 316. *Дмитріевъ И. И.* Взглядъ на мою жизнь. М. 1866 г., стр. 24, 37, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57. 58, 63—70, 76, 79, 145, 147, 180, 238. *Дмитріевъ М. А.* Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г., стр. 21, 24, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 117—118, 120, 139, 156, 160, 199, 248, 249. *Добрынъ А. П.*: Біографіи русскихъ писателей средняго и новаго періодовъ. Спб., 1900 г. *Древн. и Новая Россія* 1877 г., № 2; 1878, № 4 и 12; 1879 г. № 10. *„Другъ Просвѣщенія"* 1806 г., ч. I, мартъ. *„Живоп. Обозр."* 1874, № 21. *„Живоп. Энциклопедія"* 1847 г., т. I, вып. 2. *Жихаревъ, С. П.* Записки современника. Спб. 1859 г., стр. 7, 118, 151, 175 — 177, 197, 222, 244, 280, 302, 338—339. Письма *В. А. Жуковскаго* къ *А. И. Тургеневу.* М. 1895 г., стр. 9, 30, 49, 50, 90—94, 96. *Журн. для чтенія воспитан. воен.-уч. заведеній.* 1856, т. 1-й, № 3; 1852, т. XCIX, № 396, стр. 332, 334, 335, 339, 342; 1853, т. CII, № 405 и 406; 1857, т. CXXV. *Журн. Деп-та Нар. Просв.* 1821. *Журн. для дѣтей.* 1854, № 41. *Журн. Законодательства.* 1818, кн. III, отд. I, стр. 207. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1843, прибавл. № 8; 1844, № 11; 1847, № 9; 1848, № 1; 1850, № 10; 1851, № 11 (А. И. Артемьева: „Библіотека Казанскаго Университета"); 1853, № 4; 1862, № 11 (Пискарева: „Объ отношеніяхъ общества къ первому открытому въ Козловѣ учебному заведенію"); 1874, № 5 (А. И. Артемьева: „Казанскія гимназіи въ XVIII стол.". Статья эта издана и отдѣльно въ томъ же году); 1881, № 2. *Журналъ* перваго собранія Спб-ой Дух. Академіи. 1814. Спб. Стр. 10—11. *Journal des Débats.* 1832. Авг. 14. *Заволжскій Муравей.* 1832, № 10, 14, 16; 1834, № 5. *Записки Имп. Акад. Наукъ.* 1862, т. I, кн. 1; т. II, кн. 1; т. III, кн. 1; 1863, т. IV, кн. 1; 1875, т. XXV, кн. 2. *Ивановъ, П.* Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. Спб. 1864. Стр. 81—112. *Извѣстія II отд. Имп. Акад. Наукъ.* Т. IX, вып. III, стр. 128—129. *Извѣстія Россійской Академіи.* 1817, кн. III. *Изъ жизни русскихъ писателей.* Разсказы и анекдоты. Спб. 1882, стр. 26—31. *Икскиковъ, В. С.* Гр. Н. С. Мордвиновъ. Спб. 1873, (по указателю). *Иллюстрація* 1848, № 32; 1861, № 155 и 157. *Историческій Вѣстникъ.* 1881, № 2; 1892, VI (Ал. Чеховъ: Памятникъ Плѣширы); 1896, IX; 1899, по указателю въ концѣ № 12-го. *Исторія Россійской Академіи* (по указателю). въ VIII ми вып. *Казанскій Вѣстникъ* (прибавленія) 1828, № 33, 39—42 и 44. *Казанскія Губ. Вѣдом.* 1844, № 38 и слѣд.; 1847, № 9, 34—37; 38—47; 1868, № 69. *Калейдоскопъ.* 1860, № 26. *Калужскія Губ. Вѣд.* 1862, № 5, ч. неоф. Ст. А. М. Жемчужникова: „Лит. вечера въ Калугѣ". *Карамзинъ, Н. М.* Неизданныя сочиненія и переписка. Ч. 1-я. Спб. 1862, стр. 148, 150, 160, 175. Письма *Н. М. Карамзина* къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866 (по указателю). *Карауловъ.* Очерки исторіи русской литературы. Т. I. 1865. Ѳеодосія. Тоже. Одесса. 1870. *Květy* Zábavnik nar. 1844 (подпис. K. S.). *Княжн.* Очерки русской литературы. Спб. 1862, стр. 35—42. *Книжный Вѣстникъ* 1860, № 3—6. *Колбасинъ.* Литер. дѣят. прежняго времени. Спб. 1859. И. И. Мартыновъ. Стр. 45, 46, 66, 166. См. также стр. 249. *Корфъ, бар. М. А.* Жизнь Сперанскаго. Спб. 1861, ч. I, стр. 101 — 104. *Кривошлыкъ,* М. *Г.* Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей. Съ портретами и краткими біографіями. Спб. 1898, стр. 58—62. *Литер прибавл. къ Рус. Инв.* 1832, № 99, стр. 787—790. (Разсказано событіе, послужившее предметомъ стих. Державина „Провидѣніе"). *Ломоносовъ и Державинъ* Листъ. 2 стр. Ценз. пом. Москва. 16 Дек. 1888. Тип. И. Д. Сытина. Записки *И. В. Лопухина.* Лондонъ. 1860, стр. 165. *Лубяновскій, Ѳ. П.* Воспоминанія. М. 1873. Стр. 73, 101—103. *Львовъ, Ѳ. П.* Объясненія на сочиненія Державина. Спб. 1834. *Маякъ.* 1842, т. I, кн. 2. Смѣсь; 1843, т. VIII, кн. 15, смѣсь. *Мартвало, Д. Б.* Автобіографическія записки. М. 1867. (Изъ „Русск. Арх."). *Мірской Вѣстникъ.* 1866, № 3. *Minerva* 1800, Dec. *Мордовцевъ, Д.* Политическія движенія русскаго народа. Спб. 1871, т. I, стр. 295 и слѣд. *Москвитянинъ,* 1845, № 12; 1847, № 9; 1848, № 3; 1851, № 21. (Статья А. С. Стурдзы); 1852, № 3, № 12, № 20. (И. Ф. Тимковскаго, стр. 54—56). *Московскія Вѣд.* 1759, № 4; 1780, № 103, стр. 820 (Высоч. указъ о назначеніи Державина совѣтникомъ въ экспедицію о госуд. доходахъ и расходахъ); 1820, № 32, объявленія; 1826, № 4, стр. 100; № 45, стр. 1769; 1832, № 58; 1833, № 88, стр. 3876; 1836, № 79, стр. 1583; 1859, №№ 190, 194, 195, 295; 1860, № 4, № 69; 1864, № 115. *Некрологи.* Печат. въ тип. А. П. Червякова. 1864. *Нива.* 1881, № 19; 1884, № 16; 1893, № 27. *Новое Время.* 1880, № 1701; 1888, № 5166; 1893, № 6359, 6360; 1898, № 8160. *Новое Дѣтское Чтеніе,* издав. С. Глинкою. 1823. *Le Nord.* 1859, № 102 и 321. *Олонецкія* Губернскія Вѣдомости, 1860, № 10 и 11. *Опись* указамъ, хранящимся въ архивѣ Прав. Сената, т. III, стр. 512. *Оставшееся* послѣ покойнаго N. N. разсужденіе объ опасности и вредѣ, о пользѣ и выгодахъ франц. яз. М. 1825, изд. 2-е, стр. 60. *Остафьевскій архивъ* князей Вяземскихъ. 1899—1901. 4 тома. (По указателю). *Остолоповъ.* Ключъ къ сочин. Дпржавина, съ краткимъ описаніемъ жизни его знаменитаго поэта. Спб. 1822. *Отеч. Зап.* 1823, ч. XIII, стр. 80—98; 1824, ч. XVII; 1841, ч. XIV, № 1; 1844, № 1; 1854, т. XCVI и XCVII, стр. 105—106; 1855, т. XCVIII, № 1; т. XCIX, CI, CII (Жихарева: „Дневникъ Чиновника„); 1868, № 8 (въ ст. Д. Мордовцева). *Очеркъ жизни* Г. Р. Державина. М. 1881. Изд. Общ. распр. полезн. кн. № 304. Тоже. Изд. 2-е. М. 1893, № 625. *Павловъ, А.* Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей.

Съ 11-ю портретами. Пособіе для городскихъ училищъ. Спб. 1884. Книга эта въ 1902 году вышла 9-мъ изд. *Памятная книжка* Олонецкой губ. 1868—69 г. *Педагогич. Обозр.* 1869, № 5. *Погодинъ, И. И.* Н. М. Карамзинъ, т. I. *Полевой, П.* Ист. рус. лит. въ очеркахъ и біографіяхъ. Спб. 1874, изд. 2-е. *Полное Собр. Законовъ.* №№ 20, 477; 20, 487; 20, 556; 27, 468. *Портретная Галлерея*, изд. А. Мюнстера. 1865—69. Спб. т. II. *Порфирьевъ*, П. Исторія русск. словесности Ч. II, отд. 2 (Казань, 1888), стр. 109—166. *Пушкинъ, А. С.* Исторія Пугачевскаго бунта, гл. IV. *Пыпинъ, А.* Общественныя движенія при Имп. Александрѣ I. *Радищевъ* и его книга. Спб. 1868. *Разсвѣтъ.* 1859, т. IV, № 10, стр. 95—146. *Реймерсъ, Г.* St.-Petersburg am Ende Seines ersten Iahrhunderts. Спб. 1805. *Романовичъ-Словатинскій.* Дворянство въ Россіи. Спб. 1870, стр. 201, 380—382. *Русскій Архивъ.* 1863, № 6 и 6; 1866, № 3, стр. 394—395; 494; 1869, № 12, стр. 2094—2095; 1870, № 4 — 5, стр. 779; 1871, № 10; 1873, № 3, стр. 722; 1874, кн. 1, стр. 1444; 1875, № 6, стр. 143—147; 1876, № 11, стр. 273; № 12, стр. 391, 401; 1878, № 1, стр. 31—34. *Русскій Вѣстникъ.* 1842, т. V, отд. 4. (Историч. анекдоты); т. VI, стр. 104; т. VII, отд. 1 (выставка); 1858, № 23 (въ ст. Коркунова о Радищевѣ); 1859, кн. 13; 1860, № 7 и 8; 1866, № 1 въ ст. „Казанск. Общ. Люб. рус. слов."; въ томъ же № см. стр. 234; 1868, № 11 (въ ст. Д. Г. Анучина); 1869, № 3—6 (въ ст. Д. Г. Анучина); 1872, № 8 (въ ст. Анучина); 1880, № 11. *Русскій Иллюстриров. Альманахъ.* Спб. 1858. *Русскій Инвалидъ.* 1817, № 48, стр. 195; 1823, № 294, стр. 1173—1174; 1860, № 69 (ст. Анучина). *Русскіе люди.* Съ портретами, гравиров. на стали по рис. А. Шарлеманя. Изд. М. О. Вольфа. 2 т. 1866. т. II, стр. 365 — 374. *Русскій Міръ.* 1872, № 233. *Русскіе поэты.* Спб. 1873. Изд. Н. В. Гербеля. Стр. 48—65. *Русскій Пустынникъ.* 1817, № 7, стр. 61—62. *Русская Старина.* 1876, № 8, 9, 11 и 12 (въ ст. П. П.: „Кн. Пл. Ал. Зубовъ"); 1880, т. XXVIII, стр. 347—348; т. XXIX, стр. 200—201; 204; 1885, т. LII, стр. 273, 274, 278; 1899, т. XCVIII, № 6, стр. 713—715; № 9, стр. 615—616. *Русское Чтеніе* С. Глинки. Спб. 1045, ч. II, гл. 4. *Савельевъ, Н.* Жизнь Г. Р. Державина. Безъ означенія года и мѣста печати. *Саліасъ, гр. Е.* Державинъ, Г. Р., правитель Тамбовскаго намѣстничества. Тамбовъ. 1871. *Санктпетербургскія Вѣдомости.* 1831, № 256; 1832, № 161; 1843, № 219—222; 1847, № 210, стр. 954; 1854, № 190; 1859, № 103, 116, 165, 268; 1860, № 175, 206; 1863, № 209, 210. *St.-Petersburger Zeitung.* 1881, № 229, 236 (Mantags-Blatt № 33, 34) ст. Брикнера. *Саратовскія Губ. Вѣдом.* 1843, № 29—31; 1844, № 9; 1846, № 31. *Саратовскій Справочный Листокъ.* 1865, № 268. *Сборникъ Импер. рус. историч. общества.* 1871, т. VI; 1875, т. XVI; 1877, т. XX; 1881, т. XXVI и XXIX (по указателю). *Сборн. Отд. рус. языка и слов.* 1867—1880, т. I, II, V и др.; 1868, т. V, вып. 1; 1876, т. XV; 1881, XXII (отчетъ). *Сборникъ статей въ память Смирдина.* 1859, т. VI (ст. Геннади). *Segure, le comte de.* Mémoires, ou souvenirs et anecdotes. Paris. 1843. *Семейные Вечера.* 1864. Старш. возр. № 3. *Славянинъ.* 1827. № 24 *Словарь* достопам. людей рус. земли. Сост. Д. Баннтышъ-Каменскимъ. М. 836, ч. II. *Словарь* русскихъ свѣтскихъ писателей. Митроп. Евгенія. т. I (М. 1845). Справочн. энциклопед. *словарь* Старчевскаго, т. IV, стр. 74. Справочный *словарь* о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. Сост. Г. Геннади, т. I, Берлинъ, 1876. *Slovnik naučny.* Red. D-r G. Tr. Lieger. 1861, т. II, стр. 139—140. *Современная Лѣтопись.* 1863, № 33; 1870, № 15. *Современникъ.* 1843, т. XXI (ст. Плетнева); 1844, т. XXXIV; 1845, т, XXXVII; т. XXXVIII; т. XL; 1850, т. XXIV, стр. 217—220; 1860, т. LXXXII („Прадѣдовскіе нравы"); 1863, т. XCVIII (по поводу поѣздки Грота въ Петрозаводскъ). *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія.* 1818, № 2, № 11; 1819, № 5; 1820, № 2. *Сынъ Отеч.* 1813, № 41; 1814, № 32; 1816, № 28, стр. 68—78; № 29, стр. 89—103; № 30, стр. 175—176; № 31; № 37; 1817, № 3, стр. 107—108; 1821, № 14, стр. 339—341; 1823, № 42, стр. 78—82; № 48, стр. 141—143; 1838, № 6; 1839, т. X, проза, стр. 11—68; 1840, т. I, кн. 1 (Н. Полевого); т. II, кн. 2; 1860, № 8. *Тверская почта.* 1864, № 4; 1868, № 17. *Сѣверная Пчела.* 1827, № 16, стр. 4 (фельетонъ); 1828 (анекдотъ о Державинѣ); 1836, № 215; 1844, № 133, 134; 1851, № 163, стр. 650; № 195, стр. 778; 1860, № 92 (въ ст. „В. Н. Каразинъ"); № 206; *Сѣверное Обозрѣніе.* 1849, т. I. *Тверь.* 1888, № 10 (см. также *Нов. Вр.* 1888, № 4303); 1893, № 28. *Тамбовскія Губерн. Вѣд.* 1880, № 128. *Тамбовскія Епарх. Вѣд.* 1879, № 15, 23. *Указатель* выставки въ Ак. Худ. въ 1842 г.: Памятникъ Державину. *Ученыя зап. Каз. Унив.* 1847, кн. I III. *Ученыя зап.* II Отд. Имп. Ак. Наукъ, 1861, кн. VII, вып. 1. *Филаретъ*, архіеп. Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 2-е. Черниговъ, 1863, кн. II, стр. 196. *Художественная Россія.* Изд. П. Н. Полевого. Т. I. Спб. 1884, стр. 16—23. *Храповицкій.* Дневникъ. Спб. 1874 (по указателю). *Церковно-Общественный Вѣстникъ.* 1879, № 94. *Чтенія въ Об. Ист. и Др. Рос.* 1858, кн. II (Екатерина II о Державинѣ въ письмѣ къ Панину); 1863, кн. IV. *Шишковъ, А. С.* Записки. Берлинъ, 1870. *Энгельгардтъ, Л. Н.* Записки. М. 1860. *Энциклопедич. Лексиконъ.* А. Плюшара. Т. XVI (біограф. Державина, кн. Д. А. Краноткина; о томъ, что это статья кн. Краноткина, см. соч. Державина 1843, т. I, стр. ŁXXX).

VI. Критическія статьи о сочиненіяхъ Державина.

Альманахъ въ память 200-лѣтн. юбилея Александровскаго Удиверситета. Гельсингфорсъ. 1842. *Амфіонъ.* 1815, Іюль. *Baltische Monatsschrift.* 1881, Heft 4, стр. 275—303. *Безсоновъ, П. А.* Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. X, стр. 234 и слѣд. *Библіографич. Зап.* 1858, № 6; 1859, № 8, 10, 11, 16. *Библ. для чтенія.* 1843, т. LVII; 1846, т. LXIII. *Биржевыя Вѣд.* 1872, № 208; 1873, № 272. *Благонамѣренный.* 1823, № 10; 1826, ч. XXXIV. *Бѣлинскій, В. Г.* Сочиненія. I, 43—53; IV, 11; VI, 15; VII, 55—94, 104—151; 194, 198—201; VIII, 113—114, 117—118; 254, 302—306, 313; X, 147. *Вѣсти. Европы.* 1812, № 7; 1813, № 14; 1866, кн. 1 (ст. Богдановича); 1869, № 1, 9, 11; 1871, № 6; 1872, № 8, 9. *Гнѣдичъ, С. Н.* Очеркъ жизни и избранныя произведенія А. П. Сумарокова. *Галлерея русскихъ дѣятелей.* Годъ 3, т. II. *Гоголь, Н. В.* Избранныя мѣста

изъ переписки съ друзьями: „О томъ, что такое слово. О лиризмѣ нашихъ поэтовъ. Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи? *Голосъ.* 1864, № 36; 1869, № 281; 1871, № 97, 160; 1872, № 3; 1879, № 20; 1880, № 289. *Градовскій, А.* Высшая администрація Россіи XVIII стол. и генералъ-прокуроры. *Гречъ, Н. И.* Чтенія о русскомъ языкѣ. Спб. 1840. 2 ч. Ч. 1-я, вып. VI и VII. *Григорьевъ, Ап.* Сочиненія, 494. *Давыдовъ, И. И.* Чтенія о словесности. Курсъ 3-й. М. 1839, стр. 88—102. *Дамскій Журналъ.* 1833, № 12. *Дѣло.* 1874, № 1; 1877, № 6 (по поводу этой статьи см. *Спб. Вѣд.* 1877, № 215); 1879, № 8, стр. 247; 1880, № 12. *Еврейская библіотека.* Спб. 1972, т. II, стр. 210—218. *Еженедѣльн. Прибавл. къ Рус. Инв.* 1864, № 6. *Eichoff.* Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, Serbes etc. Paris, 1839, стр. 198—199. *Журн. для чтенія* воспитан. воен. учебн. зав. 1853, № 405, 406. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1834, ч. 1; 1841, № 6 (прибавл.); 1843, № 8 (прибавл.); 1863, № 10; 1869, № 7. *Журн. Мин. Юстиціи.* 1862, № 7. *Завьяловъ, Н. П.* Образцы русской словесности въ разборахъ. М. 1885. Вып. I. М. В. Ломоносовъ. Вып. 2. Г. Р. Державинъ. *Зап. Имп. Акад. Наукъ.* Т. III, кн. 1. *Jenaische* allgemeine Litteratur-Zeitung. 1803. № 117. *Иллюстрація.* 1847, т. V, № 117. *Искра.* 1864, № 16. *Календарь Музъ* на 1826 г. *Книжн. Вѣстн.* 1864, № 3, № 24; 1865, № 3. *Kosmeli.* Harmlose Bemerkungen auf einer Reise über Petersburg, Moskou, Kiew nach Lassy. Berlin. 1822, стр. 116—117. *Литературная Газета.* 1831, № 16, стр. 171; № 25, стр. 206; № 35, стр. 287; 1842, № 50; 1847; № 33. *Маякъ.* 1842, т. III, кн. 5; 1843, т. IX, кн. 6, 1845, т. XXIII, кн. 45. *Милюковъ.* Очеркъ исторіи рус. поэзіи. Спб. 1847. *Мизко, Н.* Столѣтіе рус. слов. Одесса. 1849. стр. 69. *Mickiewicz, A.* Kurs drugolatui (1841—42) Literatury slavianskiej. Paryz 1842. стр. 84—89. *Молва.* 1834, № 45; 1880, № 283. *Москвитянинъ.* 1846, № 11, 12; 1849, № 13. *Московскія Вѣдом.* 1823, № 101, стр. 3267. 1831, № 25; 1838, № 16; 1865, № 3; 1872, № 192. *Московскій Вѣстн.* 1859, № 44. *Московскій Телеграфъ.* 1831, № 13. *Олинъ, Валер.* Панегирикъ Державину. Спб. 1809. 4°. *Одесскій Альманахъ* на 1831 г. *Осмнадцатый Вѣкъ.* Т. IV. М. 1869 (въ ст. Де-Пуле). *Отеч. Зап.* 1840, т. IX, кн. IV, стр. 48, 58—59; 1843, № 2, 3; 1845, № 10; 1846; 1852, № 9; 1858, № 1 (въ ст. Галахова); 1859, № 2, 3; 1864, № 1, 4; 1865, № 2; 1866, № 21; 1867, № 20. *Отчеты* въ словесности воспит. гимназій Бѣлорусскаго учебн. окр. Вильно. 1839, стр. 236, 242, 246. *Отчетъ* Имп. Публ. Библ. 1892, прилож., стр. 10—30. *Патріотъ,* журналъ воспитанія. 1804, т. III, кн. 2. *Petrow, Const.* Tableau de la littérature russe. Traduit du russe... par A. Romald. Paris. 1872, стр. 71—73. *Плетневъ, П. А.* Сочиненія и переписка (1885), т. I, стр. 113—121. *Полевой, Н. А.* Очерки русской литературы. 1839, ч. 1-я, стр. 1—94. *Полторацкій, С.* Матер. для словаря русскихъ писателей. М. 1859. *Полярная Звѣзда* на 1823 г., стр. 13—14. *Пешкинъ, А. С.* Сочин. Прозаич. статьи и письма. Прим. къ Кавказскому Плѣннику. *Rinholdt, Alex. von.* Geschichte der russischen Liteatur. Leipzig. 1884—1886. *Revue Encyclopédique.* 1821, т. X, стр. 358—361. *Русскій.* 1868, № 125. *Русскій Арх.* 1871, № 2, стр. 0147; 1873, № 9, 1 р. 1672—1685; 1893, № 2, стр. 165—168. *Русская Библіографія.* 1881, № 84. *Русскій Вѣстникъ.* 1809, ч. VI, № 1; 1864, № 3; 1866, № 2; 1869, № 4 (ст. Ф. И. Буслаева); 1881, № 12. *Русскій Инвалидъ.* 1865, № 24; 1867, № 312. *Русское Слово.* 1860, № 2; 1864, № 12; 1865, № 1. *Русскій Филологич. Вѣстн.* 1900, № 1—2, стр. 58—60, 71—72, 90—91. *Спб. Вѣдом.* 1848, № 101—103; 1855, № 236; 1859, № 103; 1861, № 109 (въ ст. Грота); 1864, № 39; 1869, № 263; 1871, № 100; 1872, № 156; 1880, № 304. *Сборникъ отдѣл. русск. языка и словесн.* 1867, т. 1; 1893, т. LVIII, № 1. *Семейные Вечера.* Старш. возр. 1866, № 17, стр. 325; 1868, № 12, стр. 754—755. *Сіонъ.* 1861, № 24 (въ ст. Ф. Леонтовича]. *Собесѣдн. Любитель Рос. Слов.* 1783, ч. V, стр. 3—8; ч. VIII, стр. 3—8; 1784, ч. X, стр. 25—30. *Современная Лѣтопись.* 1864, № 1; 1886, № 9; 1869, № 42; 1870, № 2; 1871, № 14. *Современникъ* 1838, т. XII (ст. Печорина); 1845, т. XXXVIII; т. XL (ст. Грота]; 1854, № 2, стр. 135—136; 1856, № 8 (ст. Лонгинова; № 8—9 (ст. Лайбова); т. LVI, стр. 30; 1864, № 1, отдѣлы „Библіографіи“ и „Внутрен. Обозр.“; 1865, № 10, 11, 12; 1866, № 1. *Соврем. Изв.* 1880, № 13. *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія.* 1823, № 3; 1824, ч. XXIV, № 3; ч. XXV, № 2. *Стоюнинъ, В. Я.* Руководство для историч. изученія замѣчат. произвед. русск. литер. Спб. 1869. *Сынъ Отеч.* 1815, № 23, стр. 139—142; 1816, т. 32, № 37, стр. 163—175; 1817; ч. XXXIV, № 2, стр. 62—67; ч. XXXV, № 5; 1822, № 27, стр. 39; 1843, № 8 и 9; 1869, № 226 (будн. №). *Съв. Вѣстн.* 1804, стр. 265. *Съв. Минерва.* 1832, ч. II, № 11 и 12. *Съв. Обозр.* 1849, № 1. *Съв. Пчела.* 1832, № 1; 1834, № 207; 1842, № 279; 1843, № 197; 1844, № 277; 1845, № 224; 1846, № 31, 34, 44, 45; 1847, № 136; 1848, № 100; 1859, № 200; 1860, № 51. *Съв. Цвѣты.* 1825 (ст. П. А. Плетнева). *Т. А.* Натура земли въ проявительности и видоизмѣнности. М. 1835. *Труды Общ. Люб. Рос. Слов.* 1812, ч. I, стр. 89—93; 1820, ч. XVIII, стр. 5—42. *Украинскій Вѣстникъ.* 1816, ч. III, № 8 и 9. *Финскій Вѣстникъ.* 1846, т. VIII. *Der Freimüthige oder Berlinische Zeitung* für gebildete, unbefangene Leser. 1803, № 69 въ ст). Рихтера: Rus-Liter). *Цвѣтникъ.* 1809, ч. II, стр. 128—129. *Черниговскія Епарх. Вѣдом.* 1866, № 2, прибавл. стр. 48.

VII. Относящіяся къ Державину стихотворенія:

Аничкова, Ив. Соревнов. 1818, ч. IV, стр. 155—172. *Б. Ф.* Маякъ 1843, т. IX. Рематки. Басня (на Критиковъ Державина). *Баталина, А.* Стихи и проза М. 1828. *Баранова, Д. О.* Вѣстн. Европы 1802 ч. V, № 17. *Баратынскаго Е. А.* Соч. изд. 4-е. (Казань 1885) стр. 144. *Батюшкова, К. Н.* Соч. изд. 1887, I, стр. 137, 166—175, 205, 375—377. *Бахтина, Ив.* Духъ журналовъ 1816, ч. XIV. *Богдановича, Ив.* Русск. Вѣстн. 1811, ч. XIII, № 3, стр. 74—82. *Бруситова, Н.* Журн. Рос. Слов. 1805, ч. II, май. *Буниной, А.* Отеч. Зап. 1855, VIII. (въ зап. Жихарева). *Б—а.* Сын. Отеч. 1814, ч. XIII, № 10, стр. 185. *Бухарскаго.* Москов. Меркурій, IV, 120. *Б., В.* Творцу Памятника герою (Державину). Стихотвореніе это помѣщено въ отдѣльномъ изданіи стихотворенія Державина: „Памятникъ герою“, 1792, 8-й 16 стр., и занимаетъ

стр. 9—16.—Я. К. Гротъ говоритъ (I, 431, примѣч; также: IX, 502), что видѣлъ это стихотвореніе отдѣльно отъ оды Д—на у С. Д. Полторацкаго. *Варакина.* Мадригалъ покровителю несчастныхъ. Спб. Въ тип. Глазунова 1806. *Воейкова, А. Ф.* Вѣстн. Евр. 1811, ч. LV, янв., № 2, стр. 184 (въ „Посл. къ Н. В. С."). *В—ва, А.* Иппокрена, ч. IV, стр. 398, *„Выборскаго пустынника"* (*В. Буренина*). Нов. Вр. 1878, № 792 (фельетонъ). *Вяземскаго, Кн. П. А.* Сочин. III, 227; IV, 49. *Глинки, С. Н.* Въ академич. изд. соч. Державина, VI, 396, 397. *Голенищева-Кутузова, И. И.* „Другъ Просвѣщ". 1804 г., ч. 1, стр. 12. *Горстъ земли* на могилу благотворителя. Въ Спб. Въ Морск. тип. 1816 г. 4-е 10 стр. Ценз. пом. Спб. 14 окт. 1816 г. Имени автора нѣтъ. На стр. 3-й: „Друзьямъ Державина", стихотвор.; а на слѣдующихъ—стихи, посвященные самому Державину, по поводу его кончины.—На послѣдней страницѣ помѣщено примѣчаніе: „Сочинитель, оставя покойнаго 7-го числа іюля сего 1816 г., въ совершенномъ почти здоровьѣ, 10-го того же мѣсяца возвратился въ Званку, дабы проводить тѣло его по рѣкѣ Волхову въ Хутынскій монастырь Св. Варламія, гдѣ оно нынѣ покоится". Основываясь на разсказѣ племянницы Державина, П. Н. Львовой, о послѣднихъ дняхъ его жизни (VIII, 995 и 1001), можно предположить, что авторомъ этихъ стихотвореній былъ Сем. Вас. Каннистъ, уѣхавшій изъ Званки 6-го іюля и возвратившійся 10-го. *Государскаго, Ив. Степ.* Къ портрету Державина. Христосъ Воскресе! Стихотвореніе этопомѣщено внизу отдѣльнаго листа, на которомъ тѣмъ же И. С. Государскимъ издана ода „Богъ". Типо-Литогр. Н. И. Богдановскаго. *Грамматика, Н. Ф.* „Сын. Отеч." 1817 г., ч. XLI, № 40, стр. 61—64. *„Вѣст. Е-р."* 1817 г., ч. XCVI, № 23—24, стр. 161—167. *Даурецъ Номохонъ* (Смирновъ). Прелестное и полезное препровожденіе времени 1795 г. ч. VII, стр. 241. *Дейнека.* Домашн. Бес. 1862 г., № 16. *Деларю, М. Д.* Опыты въ стихахъ. Спб. 1835 г., стр. 59. *Дельвига, бар. А.* Академич. изд. соч. Державина, IX, 550. *Державина, Ив. Сем.*, оберъ-священ. Въ Академ. изд. III, 426 — 429. *Дмитріева, И. И.* Сочин., подъ ред. А. А. Флоридова. Спб. 1895 г., т. I, стр. 121—122 („Къ честному человѣку"); 139; 143—144; 182; 238. *Доброхотова, Феофила.* Взглядъ на поэзію. М. 1837 г. Стихотвореніе—стр. 14. *Евгенія* (Болховитинова). Академич. изд. сочин. Державина, II, 633, примѣч. *Жукова, Вас.* Собес. Люб. Рос. Слов., ч. III, 1783; № 7, стр. 46. *Ибрагимова, Л.* Библ. для чтен. 1839, т. XXXIV, отд. 1, стр. 7—9; также въ Собраніи его стихотвореній (Казань, 1841). *Измайлова, А.* Сын. Отеч. 1816, т. XXXI, № 29, стр. 108; Благонамѣренный, 1822, ч. XIX. *Иллическаго, А.* Опыты въ антологич. родѣ. Спб. 1827 г., стр. 14. *К. З.* Русск. Вѣстн. 1808, ч. I, стр. 202. *Канниста, Вас. Вас.* Сочин., изд. Смирдина, стр. 300; 355—360; 364—366; 378—383; 331: 421—423; 517. *Канниста, Сем. Вас.* Чт. въ Бес. Люб. рус. сл. 1815, XV, 105—111. *Каченовскаго, М. Т.* Иппокрена, 1799, ч. III. *Коваенко, И.* Новости русск. литер. на 1802, стр. 92 — 94. *Котлякинова, А.* Сын. Отеч. 1819, т. LV, № 30, отд. III, стр. 180—181. *Козадавлева, О. П.* Собес. Люб. Рос. Сл. ч. VIII, 1783, стр. 3 — 8; ч. XIII, стр. 170. *Кондратьева, И. Н.* Академ. изд. соч. Державина, VIII, 839. *Кострова, Е.* Собр. соч. Спб. 1802 г., ч. I, стр. 111—115. *К — ва.* Невскій альманахъ на 1830; Москов. Телегр. 1830, ч. I, стр. 359. *Ланской, Ел. Ив.* Академич. изд. соч. Державина, III, 416. *Львовъ, Н. А.* Академич. изд. соч. Державина, I, 519; II, 276. *Львова, Ф. П.* Соревноват. просвѣщен. и благотворен. 1822, ч. XXII, № 4 стр. 65—68; 1823, ч. XXI, № 3, стр. 292—295; Сын. Отеч. 1823, ч. LXXXIX, № 42, стр. 78—82. *Мамницкаго, М. Л.* Аѳинды, кн. II, стр. 217, 218 и 221 (въ пьесѣ „Поэзія"). *Майкова, А. Н.* Изв. II отд. Имп. Ак. Н. 1854, листъ 25-й, стр. 388—391. *Мертваго, Д. Б.* Академич. изд. соч. Державина, IX, 506. *Милонова, М. В.* Соч., издан. Смирдина, стр. 98 — 100. *Нестерова, А.* Вѣстн. Евр. 1814, ч. LXXIV, № 8, стр. 279—281; 1816, ч. XC, № 21, стр. 17; Россійск. Музеумъ, 1815, № 2; Москвитян. 1843, № 12. *Николева, Н. П.* Сочин. ч. IV. *Озерова, В. А.* Соч. Спб. 1817, стр. 122—124. *Олина, Вал*, Сын. Отеч. 1816, т. XXXI, № 29, стр. 104—105. *Остолопова, Н. Ф.* Сынъ Отеч. 1821, № 24, стр. 145. *Палицына, А.* Вѣстн. Евр. 1809, № 19, стр. 195—201. Молодинъ, 1844, стр. 198—203. *Пародія* на стих. „Пчелка" Академич. изд. соч. Державина, ч. I, 780—781, примѣч. *Писарева, А.* Вѣстн. Евр. 1807, ч. XXXIII, № 12, стр. 276; Сын. Отеч. 1816, ч. XXXIV, № 52, стр. 277. *Плетнева, П. А.* Сын. Отеч. 1819, ч. XIV, № 25, стр. 273—275. *Пнина, И. П.* Журн. для пользы и удовол. 1805, ч. IV, стр. 181—186. *Пушкина, А. С.* Воспомин. въ Цар. Селѣ; Къ Жуковскому; Къ первому аристарху; Евг. Онѣгинъ, гл. VIII; Къ другу—стихотворцу; Городокъ; Посланіе къ Баратынскому. *Пушкина, В. Л.* Соч. 1893 стр. 71. *Рогова, Н.* Рус. Вѣстн. 1814, ч. III, кн. 12. *Родзянко, А. Г.* Благонамѣренный, 1819, № 4. *Рожанскаго,* Академич. изд. соч. Державина, VIII, 841. *Рылѣева, К. Ѳ.* Соч. Спб. 1895, стр. 35—36. *Рыкдовскаго, Ѳ.* Заволжск. Муравей 1834, ч. I. № 5, стр. 250—255. *Swignine, M-me Annete* Les ruines au sèjour de l' Impératrice Cathérine II à Tzarskoe - Sélo. Imitation de Derjawin. Moscou. 1818. 8-е. *Семенова, П. Н.* Библ. Зап. 1861, № 15, столб. 454—456; Русск. Стар. 1871, т. III, 95, IV, 565. См. Акад. изд. соч. Державина, IX, 508, примѣч. *Сомова, О.* Украинск. Вѣстн. 1816, ч. IV № 12. *Сушковой, М. В.* Собес. Люб. Рос. Сл. 1783, ч. I, стр. 58. *Тумпскаго В. И.* Соревноват. просвѣщ. и благотвор. 1823, кн. 2, стр. 296. (Стих. это пропущено въ собр. стих. В. И. Туманскаго, Спб. 1881, поэтому надо предположить, что оно принадлежитъ не В. И., а Вас. Григорьевичу). *Урусовой, Кн. Е. С.* Памяти. Отеч. Музъ 1827, отд. II, стр. 104. *Федорова, Б. М.* Рус. Инв 1815, № 91, стр. 366; Дух. журн. 1816, ч. IX, стр. 1—3: „къ Музамъ". Москвитян. 1843, (басня „Крысы"); Маякъ, 1842, апр. (басня „Лягушка"). *Филимонова, В.* Проза и стихи. Спб. 1822, ч. II, стр. 25—27; 35—41, 116. *А. Н. Х...* Духъ Журнал. 1816, ч. XIV. *Хвостова, А. С.* Академич. изд. соч. Державина, III, 418—419. *Хвостова, Д. И.* Муза, 1796, іюль, III, стр. 43—45; Другъ Просвѣщ., 1804, іюль, 1805, ч. IV, стр. 5—9; Благонамѣрен. 1824, ч. XVIII. *Херасковой, Е. В.* Памятн. Отеч. Музъ на 1827, отд. II, стр. 103. *Храповицкаго; А. В.* Раутъ, III, 150—151—152. *Шаликова, Кн. П. И.* Вѣстн. Евр. 1816, № 14, стр. 152. *Ша-*

трова, Н. Сын. Отеч. ч. XXXV, стр. 114; Стихотворенія Шатрова, Спб. 1831, ч. III, стр. 104—108. *Эмина, Н. Ф.* Правдолюбецъ, альманахъ на 1801 („Сильная рука владыка", басня); Развлеченіе, 1860, № 42. Стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ помѣщены въ: *Вѣстн. Евр.* 1803, № 19, стр. 201. *Другъ Просвѣщенія* 1805, ч. II, стр. 30, 1806, № 3, стр. 235. *Иппокренъ*, ч. VIII, стр. 316. *Москов. Журн.* 1792, ч. VIII, стр. 202. *Музъ*, ч. I, стр. 226. *Нов. Ежемѣс. Соч.*, ч. I, авг. 1790. *Русск. Вѣст.* 1808, ч. I, стр. 202—203; 320; ч. II, стр. 80 — 82, 1809, ч. V, № 2; 1814, кн. 12, стр. 41 — 42. *Современникъ* 1859, № 10 (Свистокъ: „Опыты австрійскихъ стихотвор. Як. Хама"). *Сѣв. Пчела* 1859, № 160. *Цвѣтникъ* 1809, ч. IV, стр. 334. *Приношеніе* знаменитому пѣвцу Фелицы отъ искренняго почитателя его славы. 4-е. 8 стр. нен. безъ означенія года и мѣста печати. *На прибытіе* (Державина) въ бѣлорусскій гор. Витебскъ, отъ витебскаго главнаго народнаго училища. Витебскъ 1799, іюня 30. Печатный экз. см. также въ Академич. изд. соч. Державина, IX, 510: Надпись на экз. соч. Державина.

VIII. Переводы произведеній Державина на иностр. языки.

Μενανίος, Д. „*Богъ*". Ода Державина. Критич. разборъ и переводъ на *древне-греч.* яз. Спб. 1879. Переводъ оды „Богъ" на *грузинск.* яз. помѣщенъ въ грузинск. журн. „Заря" 1857 г. *Derjavin, Gabr. De Deo* carmen rossiacum, *latinis* elegis explicari tentatum a Sfanisl. Czerski. Vilnae 1815. 8-e. Idem. Vilnae. 1819. 8-e. Объ этомъ переводѣ напечатана статья В. Н. Каразина въ Соревноват. просвѣщен. и благотворен. 1820, № 2, стр. 198—213, вышедшая также и отдѣльно: „В. Каразинъ. Ода Богъ, переведенная на лат. яз. Черскимъ и напечатан. въ Вильнѣ въ 1815 и 1819 гг. Критическій разборъ перевода, съ изложеніемъ самой оды на русск. и латинск. яз.". Безъ означен. мѣста (Харьковъ?) и года (1820?) печати. *Derjavini,* lyricarum poëtarum Russarum principis, *Ode in Deum*, et russico *in latinum* sermonem eodem, quo poëta ipse usus erat, metro conversa. Mosquae 1876. Университ. тип. 8-е. 7 стр. О переводахъ Державина на *польск. яз.* (Библ. Зап. 1859, № 9, столб. 287—288, со ссылкой на Виленск. Губ. Вѣд.). Lira Dzierzawina. *Oda Bog*, przeklad Hr. W. C. K. Z. (Графа Викентія Цѣхановецъ Кишказгерскаго) Вильна 1822. На русс. и *польск.* яз. *Derjavine, Gabr Bo'g*, oda przeklad Ignoc. Szydeowskiego. Wilno. 1822. 8-н. *Oda Bóg.* На русск. и польск. яз. Wilno, 1823. 8-е. Съ портрет. Державина, рисов: на камн. І. Гловацкимъ и соотвѣтствующей содержанію оды виньеткой. *Богъ.* Ода Г. Р. Державина, положенная на музыку И. Л. Фуксомъ. Gott Ode von G. R. Derjawin. In Musik gesetzt von I. S. Fucgs. Спб. 1831. 8-е. На рус. и нѣм. яз. Переводъ А. V. Oldekop. *Derjavine Gabr. Bdg* Oda po rusku, po polsku Gott. Ode aus dem russischen übersetzt von Aboys rehle. Semberg. 1830. 8°. Тоже. Изд. 2-е 1846. 8°. 15 стр. (см. Я. Головацкій: Доп. къ оч. библіогр. В. Ундольскаго. Спб. 1874, стр. 45, № 256; 51, № 324). *Derjavine, Gabr. Cde Gott.* Aus dem Russischen von Iulius Altmann. Berlin. 1845. 8°. Bibliographisches über Derjavin'S *Ode "Gott"* (Derjawin'S Gott und Iong'S Nachtgedanken) въ Archiv für Tissenschafte. Kunde von Russtand. Von. Ermann. 1865, Band. 24, Heft. I, Seit. 177—184. Возраженіе Я. К. Грота—ibid., XXIV, Heft 4, Leit. 687. *Gott.* Ode von Dershawin. Aus dem Russischen übersetzt von Reinhold von Reinthal. Спб. Въ тип. Ак. Н. 1853. 8 . 12 стр. — (Рецензія въ Отеч. Зап. 1853, т. LXXXIX, стр. 116: библ. хрон.). Нѣм. перев. оды „*Богъ*" помѣщенъ въ книгѣ *Вольфтеги* о Русс. Литер. (см. Маякъ, 1843, май, стр. 53). *Gott.* Ode von G. R. Derschavin. In'S Deutsche übertragen von A. R. *Gwon. 1883*, № 1, стр. 14 — 15. *Dieu.* Hymne du poète russe Derjavine. 1743 — 1816. Notice sur quinze traductions françaises de cet hymne. 1811—1855. Suivie du texte russe. Leipzig 1855.—Въ этой книгѣ С. Д. Полторацкаго, кромѣ указанія переводовъ оды „Богъ" на франц. яз., собраны вообще свѣдѣнія о Державинѣ въ иностранной литературѣ. *Le nouvel Anti-Lucrèce.* Oratorio psalmique, ou *hymne à Dieu*, imité du grand poëte russe Derjavine, par Philarmos, traducteur de Pindare et de Perse. Paris 1824. 8°. Philormes — псевдонимъ профес. T. Marie de la Fresnaye. Объ отрицаемомъ въ настоящее время переводѣ оды „*Богъ*" на *Китайскій* яз. см. *Сѣв. Почту* 1817, № 76, стр. 1. (Изъ „Гамбургск. корреспонд.). О переводѣ оды „*Богъ*" на *Японскій* яз. см. „Записки" капитана В. М. Головнина о плѣнѣ его у Японцевъ. *Видѣнія Мурзы.* Der Traum des Mursa. Aus dem Russischen übersetzt von A. v. Kotzebue. St. Petersburg. 1792—на русск. и нѣм. яз.—8°. 15 стр. *Felizens Bild*, aus dem Russischen übersetzt von A. v. Kotzebue. Reval. 1792. 4 . 32 стр. *Гласъ Спб. Общества* по случаю благоволенія, объявленнаго ему главнокомандующимъ ноября 29 дня. Stimme des Publicums... и т. д. Спб. При Имп. Ак. Н. 4°. Годъ не означенъ. На рус. и нѣм. яз. Нѣмецкій переводъ подписанъ: Carl. Voldemar von Brümmer. *Episch - lyrisches Hymnus* auf die Vertreibung der Franzosen aus dem Vaterlande im Iahr 1812... Aus dem Russischen übersetzt von P. O. Götze. Riga und Dorpat. 1814. 8 . 46 стр. О переводѣ этого „Гимна„ на *англ. яз.* (Петровымъ, сыномъ извѣстнаго лирика) см. Академич. изд. соч. Державина, III, 137, примѣч. *Zwei Gedicht* des russischen Dichters Derjawin, verdeutcht von D. Ioh. Ludw. Wilh. Früauf. St. Petersburg. 1824. (Переводы „*Сравненія Орфеемъ солнца*" и „*Оленину*"). *Lira Dzierzawina*, przeklad Hr. W. C. K. Z. 8°.—Подъ этимъ заглавіемъ появились переводы нѣкоторыхъ произведеній Державина на *польскій яз.*, сдѣланные *графомъ Викентіемъ Цѣхановецъ Кишказгерскимъ.*—Кромѣ указанной выше оды „Богъ", имъ переведены: Oda *Obraz Felici.* Wilno 1823. Oda *na Smieré Hrabiny Rumiancof.* Wilno 1823. Oda *Urna.* Wilno. 1823. Oda *na rodzenie na pól nocy purpurorodniego Dziecka.* Oda *na narodzenie Wielkiego Xiaz'ecia Michala Pawlowicza*„. Vilno. 1823. Oda *Pietrowi Wielkiemu.* Oda narodna *Katarzynie Wtórey.* Oda na smierc Vielkiey Xiejniczki Olgi Pawlówny. Oda Burza. Vilno. 1823. *Lira Dzierzawina* Przeklad H. W. C. K. Z. (т. е. Кишки-Егерскаго) Vilno. 1825. Это цѣлый сборникъ, въ который вошли переводы слѣдующихъ стихотвореній: Молитва,

Соловей. Похвала сельской жизни. Призываніе и явленіе Плѣниры, Приношеніе красавицамъ. Къ граціямъ, Признаніе, Пчелка, Пламирѣ, Потопленіе, Спящій Эротъ, Хариты, Возвращеніе весны, Развалины, Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря, Скромность, Памятникъ. *Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin.* Aus dem Russ. übersetzt von A. v. Kotzebue. Leipzig. 1793. 8⁰. Тутъ помѣщены: Ода Бѣлой царицѣ (фелица), Изображеніе фелицы (въ новомъ переводѣ), Благодарность Фелицѣ. Видѣніе Мурзы, Лирическая пѣснь на покореніе Измаила, Ода Богъ, Ода на смерть кн. Мещерскаго. Гребеневскій ключъ. Калліонѣ, На рожденіе порфироднаго Отрока, Сосѣду.—Къ книгѣ приложенъ портретъ Державина. *Лебедь.* Стих. Державина. (см. журн. *Маякъ*, 1867, № 21). Переводы на *русиское* нарѣчіе. О переводѣ оды Державина: *„На восшествіе на престолъ Импер. Александра I“* на иностранные языки (въ томъ числѣ на *франц.* Княземъ Бѣлосельскимъ) см. Академич. изд. соч. Державина, II, 356, примѣч. *Памятникъ Герою.* 8⁰. 16 стр. Рига. (1792) съ переводомъ *на франц.* и *нѣмецк. яз.*—На загл. листѣ французскій вензель Князя Репнина. Кромѣ перечисленныхъ отдѣльныхъ изданій, переводы произведеній Державина помѣщены еще въ слѣдующихъ изданіяхъ: *Anthologie russe*, Suivie de poésies originales. Par P. I. Emile *Dupré de Saint-Maure.* Paris 1823. На стр. 150 — 161 помѣщенъ переводъ оды *„На смерть кн. Мещерскаго“*, съ краткими свѣдѣніями о Державинѣ и съ примѣчаніями. Отзывъ О. Сомова объ этомъ переводѣ см. въ *Соревнователѣ* XXV, 30. См. также Академич. изд. соч. Державина, IX, 283. *Geschichte verschiedenen russischen Dichtern*, nachgebildet von Dr. Ioh. Ludw. Wilh. Früauf. St. Petersburg. 1819. Тутъ, въ числѣ переводовъ изъ русск. писателей помѣщено стих. Державина *„Пчелка“. Poëtische Erzeugnisse der Russen.* Ein Versuch von Karl Friedr. *von der Borg.* Dorpat. 1820. Томъ этотъ былъ потомъ перепзданъ (безъ измѣненій), съ дополненіемъ второго тома (Riga und Dorpat 1823). Въ первомъ томѣ помѣщены переводы стихотвореній Державина: *Богъ, На смерть Кн. Мещерскаго, Вельможа, На кончину гр. Орлова, Памятникъ герою. Къ сосѣду, Пчелка. Потопленіе. Россійская Антологія. Specimens of the Russian Poets*: With preliminary Remarks and biographical Notices. Trnsslated *by Iohn Bowring*, F. Z. S. London. 1821. Тоже 2-е изд. Edinburgh. 1821 (безъ перемѣнъ) Тоже. Томъ II-й. London. 1823. Въ 1-мъ т. переводы произведеній Державина: *Богъ, На смерть кн. Мещерскаго, Водопадъ, На смерть гр. Орлова, Пчелка,* Во II-мъ т.: *Сосѣду* (два отрывка). *La Balalayka*, chants populaires russes et autres morceaux de poèsie, traduits en vers et en prose *par Paul de Iulvécourt* Paris. 1837. Тутъ переводы стих. Державина: *Пчелка, На птичку. Bildersaalder Weltliteratur.* Herausgegeben *von Dr. Ioh. Scherr.* Stuttgart. 1848. Это-же изданіе выпущено было вновь, подъ названіемъ: Neue Ausgabe, въ 1855, съ перепечаткой заглавнаго листа и выпускомъ предисловія. Тутъ помѣщена *ода „Богъ“* въ переводѣ *Pommera. Belletristische Blätter aus Russland.* Aus dem Feuilleton der St. Petersburger Zeitung. gesammelt und herausgegeben *von Dr. Clemens Friedr. Meyer.* St. Petersburg. За 1853, 1854 и 1855 годы.—Въ сборникѣ за 1854 г. помѣщенъ переводъ *оды Богъ Рейнгольда фонъ-Ренталя. Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie* par *Tardif de Mello.* Paris. 1854. Переводы одъ: *Богъ. На смерть кн. Мещерскаго. Фелица. Русская книга для чтенія.* Часть техническая. *Russisches Lesebuch.* Poetischer Theil. *Von Iran F. Holovackij.* Wien. 1860. Тутъ — *ода Богъ* въ переводѣ Боденштедта. *Eugène de Porry.* Fleurs littéraires de la Russie,.. Traduites en vers et en prose. Paris. 1861. Переводъ стих. Державина: *„Русскія дѣвушки“. Рѣчь, разговоръ и стихи,* читанные на публичномъ актѣ, бывшемъ въ Университ. Благор. пансіонѣ дек. 22 дня 1898 г.—На 15-й стр. помѣщенъ *франц. перев. оды „Богъ“*, принадлежащій *В. А. Жуковскому и сем. Родзянкъ.* (См. Акад. изд. соч. Державина, IV, 83—84).

Въ слѣдующихъ за симъ отчетахъ Москов. Университ. Благор. пансіона помѣщены переводы произведеній Державина:

За 1799 годъ—Stances *sur la modération*, du russe traduites librement dans la classe du style français.

За 1801: *Hymne à la douceur.*

За 1802: *Le Matin.*

Nordisches Archiv, von Kaffka, 1805, 2-er Band, стр. 149: *Epistel eines Braminen* an den Zarewitsch Chlor *und Hymne an die Sonne.* Aus dem Russischen *von. P. v. Friccius.* Чешскій сборникъ *Vlastimil.* 1841. Г. П. Ода *Buh* (Богъ). Z. ruskeho prelozil *I. V. Kamarit. Calender* till minne af kejserliga Alefanders — Universitetes andra secularfest. Agifven. af. I. Crot Helsingtors. 1842. На стр. 188 — 193 переводы произведеній Державина. *Точчію, Признаніе, Водопадъ, На побѣды въ Италіи. Die Schönwissenschaftliche Litteratur der Russen.* Von *C. Wilh Wolfsohn.* 1843. На стр. 348—370 переводы стихотвореній Державина: *Богъ, Властителямъ и Судіямъ, Фелица. На смерть князя Мещерскаго, Ключъ и Вельможа. Coup d'oeil sur Pétersbourg* Paris 1821. Тоже, подъ заглав.: De l'état actuel de la Russie. *par Chopin.* Paris. 1822. Тутъ помѣщены подражанія одѣ *„Богъ“* и стих. *„Хариты“ Harmlose Bemerkungen* auf eine Reise über Petersburg, Moskau, Kiew, nach Iassy, *von Kosmeli.* Berlin 1822. На стр. 122—126—переводъ *оды „Богъ“. Revue Encyclopédique.* 1821. Т. X, стр. 359—361 передъ оды *„Водопадъ“. Veillées Russes.* Paris. 1827—переводъ оды *На смерть кн. Мещерскаго* (Héguin de Guerle). *Conteurs Russes par Ferry de Pigny et Haquin.* Paris 1833. Т. 2, page 355: Первая строфа пьесы: *Гостю. Revue in dépendante* du 25 mai 1843. Т. VIII. p. 214—215: переводъ въ прозѣ Chopin *Русскихъ дѣвушекъ. Neven*, журналъ, Загребъ, 1854, № 51, стр. 801: *Хорвато-сербскій* переводъ *оды Богъ, Ивана Терискаго. Les poëtes russes* traduits en vers francais *par le prince Elim Mestscherski.* Paris. 1841.—2 томъ. Въ 1-мъ, на стр. LXXXIII—LXXXIV—о Державинѣ; на стр. 27—85 переводы его стихотвореній: *Богъ, Пчела, Водопадъ, Колесница, На смерть кн. Мещерскаго, На взятіе Измаила, Русскія дѣвушки.*

IX. Портреты Г. Р. Державина и его обѣихъ женъ.

Академическое изданіе соч. Державина. Портреты и рисунки приложены къ разнымъ то-

мамъ, а въ IX т., стр. 559—571 особая статья о портретахъ и бюстахъ. Еще тамъ-же, стр. 286 (слѣдуетъ Державина). Въ дополненіе къ заключающимся въ этой статьѣ свѣдѣніямъ, см. *Жихарева*: Зап. современ. ч. I, стр. 336 и слѣд.; *Сынъ Отеч. 1822*, № 27, стр. 35 (нов. литер.); *Современ. 1854* т. XLV, № 5, стр. 52; *Современ. Лѣтоп.* 1868, № 39 (ст. К. К. Герца); *Нов. Вр. 1899*, № 8275, 8285, 8326; *Вѣстн. Евр. 1867*, № 9, стр. 245, примѣч.

На выставкѣ портретовъ 1902 г. былъ выставленъ портретъ Г. Р. Державина, приписываемый В. Л. Боровиковскому и принадлежащій Е. З. Всеволожской.—Въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ, находится портретъ Г. Р. Державина, *работы Д. Г. Левицкаго*, маслян. краск.

X. Иллюстраціи къ сочиненіямъ Державина.

Кромѣ указанныхъ выше изданій сочиненій Державина (отдѣльныхъ и въ полныхъ собраніяхъ) съ иллюстраціями, мнѣ извѣстенъ только одинъ рисунокъ *П. Бореля* къ одѣ „Видѣніе Мурзы", помѣщенный въ журн. *Новь*, т. VI (1885), № 21. Одна статья по данному вопросу Ѳ. И. Буслаева: „Иллюстраціи стихотвореній Державина" въ его книгѣ: „Мои досуги", М. 1886, стр. 80—105. См. также его статью: „Новыя иллюстрированныя изданія", въ Рус. Вѣстн. 1869, № 4, стр. 708—774.

XI. Автографы Державина.

Спв. Арх. 1823, ч. VI.

Памятникъ Отечествен. Музъ на 1827,

Сочиненія Державина 1831, изд. Смирдина.

Историческій русскій альбомъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1853, листъ 35, № 220.

Академич. изд. соч. Державина.

Сборникъ снимковъ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825. Изд. ред. „Русск. Стар." и Ф. К. Опочинина. Спб. 1873. 4^0. Тутъ помѣщенъ автографъ стихотвор. Державина: „Стрѣлокъ".

XII. Державинъ въ музыкѣ.

Торжество восшествія на престолъ Имп. Ек. II. Тамбовъ. 1786. Стихи въ хорѣ соображены *съ музыкой* Панзіэлло *Прологъ съ музыкой* на открыт. въ Тамбовѣ театра и народн. училища. Тамбовъ. 1786. *Музыка*: Перый хоръ—Журавченко, второй—Раупаха.

Кантата на посѣщеніе Имп. Ек. II кам.-фрейл. А. С. Пратасовой. 1789. „Вѣроятно *была положена на музыку* и тогда же напечатана отдѣльно (Акад. изд. I, 306, примѣч.).

Хоры для Потемкинскаго праздника 28 Апр. 1791. *Музыка* Козловскаго. Отд. изданіе безъ означен. года и мѣста печати (въ библ-кѣ. Ак. Наукъ).

Изъ этихъ хоровъ хоръ для кадрили („Громъ побѣды раздавайся") приложен. въ IX т. Академич. изд.

Родственное празднество на брачное воспоминаніе Кн. А. А. и княг. Е. Н. Вяземскихъ. 1791. *Музыка* для хоровъ взята изъ оперъ.

Пѣсня (*Амуръ и Психея*) Спб. 1793. *Положена на хоры* придворн. муз. Пашкевичемъ и пѣта въ присутствіи Ек. II.

Драматическая кантата на рус. и нѣм. яз. *Фелица*. Слова (нѣм. текстъ) Фогта, на рус. яз. перевелъ П. Челищевъ. *Музыка* Ф. В. Хесслера. Спб. 1793.

Побѣда красоты. 1798. *Музыка* Бортнянскаго.

Прологъ аллегорич.на рожд. на сѣверѣ Любви. 1799. Тутъ *хоры съ музыкой*.

Прологъ на рожденіе на сѣверѣ порфироднаго отрока 1799. Тутъ—*пѣніе хоровъ и дуэты*.

„Россіими летитъ странами". Хоръ на коронацію Имп. Ал. I. Слова Державина, *музыка. Козловскаго*. 1801. (См. словарь Старчевскаго, VI, 757).

Лизь. Похвала розѣ. Муз. Нейкома 1802. Спб.

Добрыня. Театральное представленіе *съ музыкою* 1804.

Пожарскій или освобожденіе Москвы. *Съ хорами и регитативами*. 1806.

Кутерьма отъ Кондратьевъ. Дѣтская комедія. *Съ хорами*. 1806.

О сочин. Державина, положенныхъ *на музыку* Сортіемъ, Бортнянскимъ и Козловскимъ см. *Другъ Просвѣщенія* 1806, № 3.

Молитва по отсутствіи въ армію Имп. Ал. I. 1807. *Музыка* Нейкома. Приложен. къ IX т. академич. изд.

Надежда на Бога. Муз. Нейкома 1807.

Сѣтованіе. Муз. Нейкома. 1807. Приложен. къ IX т. Академич. изд.

Обитель Доброты. Пастушеская мелодрама *съ речитативомъ и хорами*. 1808.

Два псалма, сочиненные Г. Р. Державинымъ. *Положен. на муз.* и посвящен. Е. В-ву Гос-нѣ Имп-цѣ Маріи Ѳеодоровнѣ С. Д. Нейкомомъ. Спб. 1808. 4^0 (Надежда на Бога. Сѣтованіе).

Сретеніе Орфеево Солнца. Гимнъ и діонрамбъ въ греч. вкусѣ, препровождаемые лирою. *Муз.* г. Бортнянскаго. Спб. 1811. 4^0.

„Ты возвратился, благодатной". Couplets russes avec accompagnement du forte-piano. Présentés á Sa Maj. l'Imper. Marie Feodorowna. Paroles de M-r Derjavin, *musique de M-r Antenolini*, et chantés pas M-me Angnélique Catalani... St. Pétersbourg. Въ III т. Академич. изд., стр. 241, въ примѣч. высказано предположеніе, что муз. сочинена Бортнянскимъ, что опровергается вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Хоры, пѣтые въ торжествен. собр. Бес. Люб. рус. слова 30 дек. 1815. *Чья музыка*—неизвѣстно.

Богъ. Ода соч. Г. Р. Державина. Положенная *на музыку* И. Л. Фуксомъ. Тоже заглавіе по нѣмецки.—Спб. 1831. 4^0 16 стр. Вся ода для музыки раздѣлена на куплеты (аріи), хоры, дуэты и т. д. и напечатана на русскомъ и нѣмецк. яз. Подъ послѣднимъ текстомъ подпись: August von Oldekop.

Эта ораторія въ томъ-же 1831 г. исполнялась петербургскимъ филармонич.-обществомъ (*Спв. Пчел.* 1831, № 55).

Кружка. Положена *на муз.* придворнымъ музыкантомъ Трутовскимъ. Эта пѣсня до сихъ поръ поется въ Преображенск. полку. (См. Академич. изд. III, 730; VIII, 290; IX, приложен.).

Русскія дѣвушки. Муз. М. Л. Яковлева. Полное собраніе романсовъ и пѣсенъ М. Л. Яковлева. Новое изданіе. Спб. у М. Бернарда. № 9. Ценз. пом. Спб. 24 іюля 1860.

Ѳ. Витбергъ.

Державинъ, *Іоаннъ Семеновичъ*, оберъ-священникъ (1807—1826 гг.), изъ духовнаго званія, родился около 1756 г. въ Новгородской губерніи. Образованіе получилъ въ Новгородской духовной семинаріи и съ 1786 г. былъ въ ней учителемъ низшихъ классовъ. Въ 1788 году переведенъ въ С.-Петербургъ въ новоучрежденную Александро-Невскую главную семинарію учителемъ поэзіи и краснорѣчія. Въ 1790 г. онъ поступилъ священникомъ въ Вознесенскую церковь въ С.-Петербургѣ и былъ законоучителемъ въ Маріинскомъ и родильномъ институтахъ и въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ. Въ 1798 г. о. Державинъ возведенъ въ санъ протоіерея, а въ 1807 г. 20 іюля назначенъ оберъ-священникомъ военнаго и флотскаго духовенства и членомъ святѣйшаго Синода; въ ноябрѣ того же 1807 г. оберъ-священникъ Державинъ былъ назначенъ членомъ комитета по усовершенствованію духовныхъ училищъ, а черезъ годъ—членомъ комиссіи духовныхъ училищъ, учрежденной при Святѣйшемъ Синодѣ. Въ дѣлахъ комиссіи онъ принималъ дѣятельное участіе и въ случаяхъ возникавшихъ разногласій не стѣснялся заявлять отдѣльныя мнѣнія, расходясь съ наиболѣе вліятельными въ ней и въ Св. Синодѣ членами. По военному вѣдомству извѣстна дѣятельность Державина по устройству армейской семинаріи во внутреннемъ административномъ отношеніи и во внѣшнемъ (для нея купленъ новый домъ и увеличены средства содержанія). Съ 1816 г. онъ именовался оберъ-священникомъ арміи и флота, такъ какъ изъ вѣдѣнія его были выдѣлены гвардейскіе полки. Скончался Державинъ 8 марта 1826 года. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны: «Слово о должности воина», Спб., 1812; «Рѣчь къ военно-служащимъ по случаю пожалованія георгіевскихъ знаменъ», Спб., 1813; «Рѣчь на случай возвращенія воинства изъ Франціи», Спб., 1814; «Стихи въ отвѣтъ Г. Р. Державину на его заносчивый «Приказъ привратнику».

Филаретъ—„Обзоръ", 432; Чистовичъ—„Руковод. дѣятел. дух. просвѣщ. въ Россіи". Сборникъ И. Р. И. О. CXIII.

Здр.

Дерожинскій, *Валеріанъ Филипповичъ*, генералъ-маіоръ, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и началъ службу (въ 1845 году) въ 19-й артиллерійской бригадѣ. Спустя 2 года онъ поступилъ въ Императорскую военную академію (нынѣ Никол. академія ген. штаба), и, по окончаніи въ ней курса, былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ дѣйствующей арміи, расположенной тогда въ Варшавѣ. Открывшаяся вскорѣ Венгерская кампанія была для молодого Дерожинскаго хорошей школой, тѣмъ болѣе, что онъ былъ назначенъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта Гротенгельма, дѣйствовавшій совершенно самостоятельно и отдѣльно отъ прочей арміи. Положеніе его въ качествѣ офицера генеральнаго штаба при этомъ отрядѣ, находившемся въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, доставило ему хорошую практику, благодаря чему онъ вскорѣ выдвинулся, какъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Съ началомъ Восточной войны въ 1854 г. онъ былъ немедленно командированъ въ дѣйствующую армію и между прочимъ участвовалъ въ осадѣ Силистріи. Когда осада съ этой крѣпости была снята, Д—скій былъ отправленъ въ Севастополь и здѣсь участвовалъ во многихъ вылазкахъ доблестнаго гарнизона, принималъ дѣятельное участіе при заложеніи Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго редутовъ, а при отраженіи штурма французовъ былъ контуженъ въ голову осколкомъ бомбы. Хотя онъ въ 1855 году и оправился отъ этой контузіи и даже продолжалъ участвовать въ кампаніи въ качествѣ начальника штаба отряда, дѣйствовавшаго близъ Евпаторіи (Сакскаго), но послѣдствія ея не замедлили сказаться въ 1862 году, когда онъ, вслѣдствіе разстроившагося здоровья, оставилъ строй и поступилъ въ Николаевскую академію генер. штаба штабъ-офицеромъ надъ обучающимися въ ней молодыми офицерами.

До 1872 г., т.е. въ теченіе десяти лѣтъ, онъ исполнялъ эту должность, а затѣмъ, произведенный въ генералъ-маіоры, получилъ 2-ю бригаду 9-й пѣхотн. дивизіи и не покидалъ уже должности командира этой бригады до самой смерти. Съ началомъ разрыва съ Туціей, его бригада вошла въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1876 года въ составъ дѣйствующей арміи. Вмѣстѣ съ нею онъ совершилъ геройскую переправу черезъ Дунай, за что̀ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. съ мечами; вмѣстѣ съ нею же былъ дви-

нутъ вглубь Болгаріи, а затѣмъ на Балканы, гдѣ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, аттаковалъ съ сѣвера Шипкинскій проходъ. По занятіи послѣдняго, генералъ-маіоръ Дерожинскій, какъ знакомый съ мѣстностью по первому бою, былъ оставленъ на перевалѣ, защита котораго была поручена войскамъ его бригады, и здѣсь на 4-й день геройскаго боя за Шипку, 13-го августа 1877 года, Дерожинскій палъ славной смертью.

Некрологъ, помѣщенный въ Русс. Инвалидѣ, 1877 г., № 180, формулярный о службѣ списокъ.

Н. Такжинъ.

Дерфельденъ, *фонъ - Отто Вильгельмъ Христофоровичъ* (1735 — 1819), генералъ-отъ-кавалеріи, происходилъ изъ дворянъ Эстляндской губерніи; родъ Дерфельденовъ переселился, въ лицѣ своего представителя Іоахима Дерфельдена, въ Прибалтійскій край изъ Вальдена въ половинѣ XVI вѣка. Молодой Дерфельденъ поступилъ на военную службу въ 1754 г. рейтаромъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ; въ корнеты — произведенъ въ 1761 году, въ ротмистры — въ 1768 году. 1-го января 1770 года Вильгельмъ Христофоровичъ былъ переведенъ въ армію съ чиномъ полковника и назначенъ въ Тверской карабинерный полкъ, находившійся въ дѣйствовавшей противъ турокъ арміи Румянцева. Эта война, въ которой Дерфельденъ принялъ участіе съ 1770 по 1774 годъ включительно, доставила ему случай быть во многихъ бояхъ и сраженіяхъ, въ отрядахъ Волконскаго, Вейсмана, Унгерна и Каменскаго, причемъ своею выдающеюся боевою дѣятельностью не замедлилъ обратить на себя вниманіе. Въ 1775 году полковникъ Дерфельденъ былъ произведенъ въ бригадиры. Съ 1783 г, по 1784-й находился въ Польшѣ, при резервномъ корпусѣ генералъ-аншефа, князя Николая Васильевича Репнина. Въ 1777—въ генер.-маіоры, а въ 1784—въ генералъ-поручики. Въ 1787 году, при новомъ разрывѣ съ Турціей, Вильгельмъ Христофоровичъ снова находился въ «украинской» арміи Румянцева, командуя 4-й ея дивизіей, за отсутствіемъ начальника ея генералъ-аншефа барона фонъ-Эльмпта. Въ мартѣ 1789 г. Румянцевъ, узнавъ, что прибывшій въ Мачинъ великій визирь намѣренъ вытѣснить союзныя русско-австрійскія войска изъ Молдавіи и что значительный корпусъ турокъ уже переправился на лѣвый берегъ Дуная и двинулся на мѣстечко Бырладъ, приказалъ Дерфельдену прогнать противника и вообще препятствовать всѣми мѣрами сосредоточенію его силъ между Дунаемъ и Прутомъ. Дерфельденъ, не взирая на глубокіе снѣга, двинулся форсированнымъ маршемъ къ Фальчи, выславъ впередъ развѣдывательный отрядъ полковника Корсакова. 1-го апрѣля Корсаковъ встрѣтилъ у Бырлада шеститысячный отрядъ турокъ и, не взирая на неравенство силъ, рѣшительно аттаковалъ противника, разбилъ его и прогналъ. 6-го апрѣля непріятель, получивъ значительныя подкрѣпленія, снова перешелъ въ наступленіе. Но и Дерфельденъ поддержалъ Корсакова, который въ новомъ бою при Бырладѣ разбилъ турокъ вторично. Между тѣмъ 10-го апрѣля у Бырлада собрались всѣ силы Дерфельдена, который, перейдя къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, разбилъ турокъ 16-го апрѣля при мѣстечкѣ Максимени, причемъ взялъ въ плѣнъ командующаго турецкимъ корпусомъ, Якубъ-пашу, 120 человѣкъ, 1 орудіе и 4 знамени. Черезъ четыре дня (20-го апрѣля), подъ Галацемъ Вильгельму Христофоровичу удалось нанести противнику еще болѣе тяжкое пораженіе; укрѣпленная турецкая позиція (редуты) взята была штурмомъ; турки потеряли до 2000 человѣкъ убитыми. Командовавшій войсками, сераскиръ Ибрагимъ-паша взятъ былъ въ плѣнъ съ 1.500 нижнихъ чиновъ и офицеровъ; кромѣ того у турокъ было взято 37 знаменъ и 13 орудій. Эта двойная побѣда надъ турками, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ поспѣшное отступленіе ихъ за Дунай, доставила Дерфельдену орденъ св. Георгія 2-й степени.

21-го іюля того же года Дерфельденъ, находясь подъ командою знаменитаго Суворова, содѣйствовалъ ему въ побѣдѣ надъ турками у Фокшанъ. Суворовъ высоко цѣнилъ боевыя заслуги Дерфельдена, что̀ показываетъ, между прочимъ, слѣдующая фраза, сказанная великимъ русскимъ полководцемъ послѣ сраженія при Рымникѣ: «честь не мнѣ, а Вильгельму Христофоровичу; я только его ученикъ, ибо онъ пораженіемъ турокъ при Максимени и Галацѣ показалъ, какъ надо предупреждать

непріятеля». Этотъ отзывъ, конечно, немного преувеличенъ, но Александръ Васильевичъ всегда лестно отзывался о своемъ боевомъ сподвижникѣ... Въ началѣ 1791 г., по болѣзни, Дерфельденъ принужденъ былъ выѣхать изъ арміи, а, по излеченіи своемъ, въ 1702 г. начальствовалъ надъ корпусомъ въ Литвѣ. Среди прочихъ дѣлъ Дерфельдена въ Польшѣ и Литвѣ слѣдуетъ отмѣтить блокаду имъ крѣпости Каменецъ-Подольска, которая и принуждена была сдаться.

Весною 1794 года, когда въ Варшавѣ и Вильнѣ вспыхнуло возмущеніе, Вильгельмъ Христофоровичъ сдѣлалъ все возможное для сохраненія своихъ малочисленныхъ и разбросанныхъ войскъ, счастливо избѣжавъ угрожавшей имъ опасности быть разбитыми по частямъ. За эти распоряженія онъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра-Невскаго. Съ прибытіемъ на театръ войны главнокомандующаго, графа А. В. Суворова-Рымникскаго, на Дерфельдена было возложено важное порученіе: занявъ Гродну, прикрывать флангъ и тылъ главныхъ силъ русской арміи и отвлекать отъ нихъ часть польскихъ силъ. Изъ Гродна Дерфельденъ двинулся сначала къ Бѣлостоку, а затѣмъ, вслѣдствіе новаго предписанія Суворова,—къ Варшавѣ. Во время этого марша Вильгельмъ Христофоровичъ, на переправѣ черезъ Бугъ, разбилъ у дер. Панкова польскій отрядъ Мокрановскаго, спѣшившій на помощь къ столицѣ. 14-го октября Дерфельденъ присоединился къ Суворову у Кобылки, черезъ нѣсколько дней послѣ бывшаго здѣсь боя и заключилъ эту кампанію дѣятельнымъ участіемъ въ штурмѣ Праги. Отличія, оказанныя Дерфельденомъ въ эту кампанію, доставили ему чинъ генералъ-аншефа (полнаго генерала), въ который онъ былъ произведенъ 1-го января 1795 года.

Императоръ Павелъ I, благоволившій къ Дерфельдену, вызвалъ его изъ арміи въ Петербургъ, назначилъ состоять въ Конной гвардіи и инспекторомъ кавалеріи С.-Петербургской и Финляндской дивизіи. По смерти же фельдмаршала Румянцева, Высочайше повелѣно было тому эскадрону л.-гв. Коннаго полка, который носилъ имя покойнаго, именоваться именемъ Дерфельдена. 5-го апрѣля 1797 года императоръ Павелъ, въ день своей коронаціи, пожаловалъ Вильгельму Христофоровичу орденъ св. Андрея Первозваннаго. Вскорѣ затѣмъ Дерфельденъ уволенъ былъ въ отставку, но Высочайшимъ приказомъ 2-го марта 1799 года снова принятъ на службу съ чрезвычайнымъ отвѣтственнымъ порученіемъ—сопровождать въ итальянкій походъ Великаго Князя Константина Павловича и замѣнить Суворова, еслибы съ послѣднимъ случилось какое либо несчастье. Вильгельмъ Христофоровичъ съ честью принялъ участіе въ итальянской кампаніи, причемъ предводимыя имъ войска сыграли важную роль въ рѣшительномъ сраженіи при Нови, въ моментъ общей атаки, окончательно сломившей сопротивленіе французовъ. Въ знаменитый швейцарскій походъ Суворовъ поставилъ подъ начальство Дерфельдена большую часть своихъ силъ—$10^1/_2$ тысячъ человѣкъ, образовавшихъ корпусъ, въ составъ котораго входили авангардъ князя Багратіона и дивизіи генераловъ Швыйковскаго и Ферстера. Этотъ корпусъ составилъ особую колонну, двинувшуюся черезъ С.-Готардъ и принявшую участіе въ жестокомъ бою за этотъ горный проходъ, а потомъ въ бояхъ за Чортовъ Мостъ и въ долинѣ Рейссы. Весь недолгій, но столь же тяжелый, сколько и славный, швейцарскій походъ Дерфельденъ совершилъ вмѣстѣ съ чудо-богатырями Суворова, дѣля вмѣстѣ съ ними и славу, и опасности, и голодъ, и холодъ, и всевозможную нужду. 28-го сентября армія генералиссимуса выбралась, наконецъ, изъ горъ, едва не ставшихъ для нея роковыми, а вскорѣ затѣмъ вернулась въ отечество. Императоръ Павелъ наградилъ Вильгельма Христофоровича за переходъ черезъ Альпы большимъ крестомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а вскорѣ затѣмъ, Высочайшимъ приказомъ 29-го октября 1799 года, генералъ-отъ-кавалеріи Дерфельденъ былъ уволенъ отъ службы съ ношеніемъ мундира. Вильгельмъ Христофоровичъ скончался въ 1819 году.

Московскій Архивъ Главнаго Штаба: книга формулярныхъ списковъ за 1793 г., № 19.—*Леверъ.* Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.—*Милютинъ.* Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I. *М. Р.*

Дерфельдтъ, *Антонъ Антоновичъ*, извѣстный капельмейстеръ и композиторъ, родился въ 1810 году, умеръ въ 1869 г. Отецъ Дерфельдта былъ вызванъ импера-

торомъ Александромъ I изъ Богеміи въ Россію для образованія хора военныхъ музыкантовъ и былъ первымъ капельмейстеромъ русскихъ гвардейскихъ войскъ; ему также принадлежитъ честь основанія и устройства петербургскаго филармоническаго общества. А. А. Дерфельдтъ рано обнаружилъ необыкновенныя музыкальныя способности, и отецъ отправилъ его для усовершенствованія въ парижскую консерваторію. За участіе въ покореніи Алжира безъ разрѣшенія русскаго правительства А. А. Дерфельдтъ, по возвращеніи въ Россію, какъ дезертиръ, былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ. Принятый тамъ въ общество офицеровъ, онъ постоянно устраивалъ концерты, музыкальные вечера и т. д., и скоро его имя сдѣлалось настолько извѣстнымъ, что въ 1844 г. онъ получилъ предложеніе занять должность помощника капельмейстера войскъ гвардіи. Когда въ 1850 году умеръ капельмейстеръ и музыкальный инспекторъ петербургскаго музыкальнаго округа Гаазе, Дерфельдтъ занялъ его мѣсто. Музыкальная дѣятельность Дерфельдта была чрезвычайно разнообразна: онъ образовалъ первыхъ солистовъ военныхъ оркестровъ, дѣлалъ переложенія для военнаго домового оркестра разныхъ пьесъ, исполняющихся до сихъ поръ, писалъ извѣстные въ свое время романсы, сотрудничалъ въ музыкальныхъ журналахъ и издавалъ единственный въ Россіи оркестровый журналъ.

Некрологъ въ „Иллюстрированной Газетѣ“ 1869 г., № 4.—П. Перепелицынъ: Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.—Энцикл. слов. Брокгауза.

В. Г.

Дершау, *Карлъ Федоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, комендантъ г. Або, изъ дворянъ Курляндской губ., родился въ 1784 г. Получивъ домашнее образованіе, въ 1803 г. онъ вступилъ юнкеромъ въ Рижскій драгунскій полкъ, въ 1805 г. произведенъ въ прапорщики и въ войнахъ 1806, 1807 и 1809 г.г. участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ французами (при м. Голыминѣ, Прейсишъ-Эйлау, Ломатикѣ, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ). Въ началѣ 1812 г., будучи поручикомъ, переведенъ тѣмъ же чиномъ въ л.-гв. Кирасирскій полкъ. Въ Отечественную войну принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, причемъ за отличіе подъ Бородинымъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Въ 1813—1814 г.г., во время заграничнаго похода, онъ также участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, отличившись подъ Кульмомъ, за что получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. и Прусскій желѣзный крестъ; за бой подъ Лейпцигомъ награжденъ прусскимъ орденомъ Pour le mérite, а за отличіе при Феръ-Шампенуазѣ—орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и Баварскимъ орденомъ Максимиліана. Въ 1822 г., въ чинѣ подполковника, Дершау былъ назначенъ С.-Петербургскимъ полиціймейстеромъ, съ состояніемъ по кавалеріи. Въ этой должности онъ скоро обратилъ на себя вниманіе выдающимся усердіемъ и знаніемъ службы. Въ 1826 г., произведенный въ полковники, онъ былъ командированъ въ Кронштадтъ для производства слѣдствія по открывшимся тамъ злоупотребленіямъ и для приведенія въ порядокъ кронштадтской полиціи. Выполнивъ успѣшно это порученіе, онъ продолжалъ исполненіе своихъ трудныхъ обязанностей въ смутную эпоху петербургской жизни въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича, который былъ вполнѣ доволенъ дѣятельностью Дершау и часто милостиво награждалъ его. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется 1826 г., въ теченіе котораго К. Ф. получилъ дважды алмазные знаки ордена св. Анны 2 ст., бриллiантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Государя, орденъ св. Георгія 4 ст. за 25 лѣтъ службы и бриллiантовый перстень (за нахожденіе въ печальной комиссіи по кончинѣ Императора Александра I и Его Августѣйшей Супруги). Въ 1829 г. Дершау былъ назначенъ с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, должность котораго исполнялъ почти шесть лѣтъ. Объ успѣхахъ этого періода его службы свидѣтельствуютъ, помимо цѣлаго ряда полученныхъ имъ Высочайшихъ благоволеній за примѣрный порядокъ въ разныхъ отрасляхъ ввѣреннаго ему управленія столицею, нѣсколько крупныхъ денежныхъ наградъ: въ 1827 г.—сверхъ содержанія Всемилостивѣйше повелѣно было отпускать ему ежегодно по 2 тыс. руб. столовыхъ денегъ изъ городскихъ доходовъ, въ 1828 г.—не въ примѣръ прочимъ, на уплату долговъ ему Всемилостивѣйше пожаловано единовременно 10 тыс. руб. ас. и въ 1833 г.—аренда по чину на 12 лѣтъ,

вмѣсто которой, не въ примѣръ прочимъ—по 1 тыс. руб. въ годъ. Въ 1831 году, во время холеры въ Петербургѣ, Дершау проявилъ много усердія и энергіи по устройству временныхъ больницъ и пріемныхъ домовъ.

1-го января 1835 г. К. Ф. Дершау былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ комендантомъ въ г. Або и въ этой должности въ 1854—55 г.г. участвовалъ въ оборонѣ береговъ Финскаго побережья, а также въ дѣлѣ противъ непріятеля у входовъ въ г. Або. Произведенный въ 1848 г. въ генералъ-лейтенанты, К. Ф. въ 1855 г. отпраздновалъ 50-лѣтіе своей службы въ офицерскихъ чинахъ и въ этотъ день получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. Онъ скончался отъ изнурительной горячки 20 февраля 1862 г. и оставилъ вдову и двухъ сыновей въ самомъ стѣснительномъ положеніи, безъ средствъ и въ долгахъ.

Формулярный списокъ ген.-лейт. К. Ф. Дершау. *В. Ж—в.*

Дершау, *Федоръ Карловичъ*, издатель журнала «Финскій Вѣстникъ». Литературная дѣятельность его была на столько скромна, что никто изъ современниковъ не позаботился оставить потомству какія-либо свѣдѣнія о его жизни. Извѣстно, что Д. воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и, по окончаніи курса, служилъ въ военномъ вѣдомствѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ оставилъ службу и пожелалъ заняться литературой. Въ 1842 году онъ напечаталъ въ «Маякѣ» свои воспоминанія о путешествіи по Финляндіи подъ заглавіемъ «Финляндія и Финляндцы» — довольно обширную статью, которую современные критики встрѣтили не совсѣтъ сочувственно. Первая неудача не охладила литературнаго пыла Д. и онъ задумалъ издавать журналъ. Связи его съ высокопоставленными лицами и непринужденность политическихъ убѣжденій способствовали тому, что онъ въ короткое время выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе издавать «Финскій Вѣстникъ». Не чувствуя въ себѣ достаточной опытности для веденія журнальнаго дѣла, Д. обратился съ просьбой взять на себя руководительство къ бр. Майковымъ и пригласилъ сотрудниками извѣстныхъ въ то время литераторовъ: Кукольника, Гребенка, Даля и др. Первая книга журнала вышла въ 1845 г. и была очень толково составлена подъ редакціей Майковыхъ. Но затѣмъ начали происходить довольно печальныя недоразумѣнія между сотрудниками и издателемъ. Оказалось, что Д. не имѣетъ денегъ для продолженія журнала. Но это недоразумѣніе было быстро устранено вмѣшательствомъ родственниковъ, которые оказали существенную денежную поддержку. Гораздо важнѣе другое обстоятельство, которое повлекло за собою смерть журнала. Д. не довольствовался ролью издателя и хотѣлъ играть первую роль, причемъ имѣлъ смѣлость перемѣнять заглавія у статей, присылаемыхъ въ редакцію и даже по личному усмотрѣнію исправлялъ рукописи. Такое свободное обращеніе Д. оттолкнуло его лучшихъ сотрудниковъ, и журналъ началъ падать, Кое-какъ онъ просуществовалъ до 1854 г., затѣмъ Д., окончательно убѣдившись, что при такихъ условіяхъ успѣха не будетъ, началъ подыскивать покупателя и, наконецъ, продалъ его Дерикеру, помощнику редактора «Библіотеки для чтенія», который на новыхъ началахъ продолжалъ издавать его подъ названіемъ «Сѣверное Обозрѣніе».

Прекративъ издательство, Д. продолжалъ изрѣдка пописывать и нѣкоторыя его статьи были напечатаны въ «Репертуарѣ» и «Литературной Газетѣ».

„Историческій Вѣстникъ“ 1886 г., кн. II, т. XXIII; „Энциклопедическій Словарь“, изд. Брокгауза и Ефрона. „Историческій Вѣстникъ“ 1888 г., кн. V, т. XXVIII.

Дерябинъ, *Андрей Федоровичъ*, оберъ-берггауптманъ, директоръ Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ. Сынъ бѣднаго священника въ Гороблагодатскомъ округѣ Пермской губ., Д. родился въ 1770 г., первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ отца, затѣмъ былъ отданъ въ Тобольскую семинарію, гдѣ выдающимися способностями успѣлъ обратить на себя вниманіе епархіальнаго начальства. Однако, духовное образованіе и предстоявшая ему скромная карьера приходскаго священника гдѣ-нибудь въ глуши его родной губерніи мало привлекали молодого Д., а пытливый умъ и обнаружившееся еще въ дѣтствѣ влеченіе къ изученію природы заставляли его стремиться въ столицу, въ какое-нибудь высшее свѣтское учебное заведеніе, гдѣ бы можно было найти удовлетвореніе своимъ склонностямъ. Ни сле-

зы отца, ни настойчивыя убѣжденія епархіальнаго архіерея не могли заставить его отказаться отъ принятаго рѣшенія, и, по окончаніи семинаріи, молодой Д. съ трудомъ пробирается въ Петербургъ и пытается поступить въ медико-хирургическую академію. Получивъ отказъ за неимѣніемъ вакансіи, онъ въ 1778 г. поступаетъ въ высшее горное училище (впослѣдствіи Горный кадетскій корпусъ, нынѣ Горный институтъ), которое блестяще оканчиваетъ, и немедленно получаетъ мѣсто на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ. Какъ способный и подающій надежды горный инженеръ, Д. послѣ непродолжительной службы на заводахъ, въ числѣ немногихъ другихъ былъ посланъ по рекомендаціи начальника Нерчинскихъ заводовъ заграницу для обозрѣнія англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ горныхъ заводовъ и фабрикъ и для изученія тамъ горнаго дѣла. Не ограничиваясь исполненіемъ возложенной на него задачи, онъ основательно ознакомился съ геологіей Западной Европы и во время пребыванія заграницей собралъ богатую коллекцію минераловъ и полезныхъ ископаемыхъ, которую позднѣе, въ 1801 г. пожертвовалъ въ минералогическій кабинетъ Горнаго корпуса. Въ 1798 году онъ возвратился на родину и былъ назначенъ членомъ Берг-Коллегіи, а въ 1800 г. въ чинѣ берг-гауптмана—управляющимъ экспедиціей и конторой раздѣленія золота отъ серебра. Пользуясь громкой извѣстностью образованнаго техника и администратора, Д. часто исполнялъ различныя Высочайшія порученія, въ особенности по оружейному дѣлу и принималъ дѣятельное участіе въ массѣ временныхъ комитетовъ и комиссій по Министерству финансовъ, Военному, Морскому вѣдомствамъ и друг. Въ 1801 г., съ упраздненіемъ канцеляріи главнаго Правленія заводовъ, рудники и горные заводы были ввѣрены особому начальству подъ наблюденіемъ Берг-Коллегіи, и Д. былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Гороблагодатскихъ и Пермскихъ заводовъ, а затѣмъ управляющимъ Дедюхинскими соляными промыслами. Въ короткое время ему удалось значительно повысить производительность заводовъ, находившихся доселѣ въ упадкѣ и потерявшихъ по различнымъ причинамъ значеніе, пріобрѣтенное ими за первое время ихъ существованія. При немъ открыты новые рудники, найдены новыя мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ и построенъ Верхнебарангинскій чугунно-плавильный заводъ. Однако, даже недолговременное управленіе заводами убѣдило Дерябина въ недостаточности частныхъ мѣропріятій для поддержанія пошатнувшагося горнаго дѣла и въ необходимости коренной реформы устарѣлаго горнаго законодательства и, какъ мѣстнаго, такъ и центральнаго горнаго управленія. Въ этомъ именно смыслѣ была составлена поданная имъ Министру Финансовъ въ 1804 г. докладная записка о состояніи ввѣренныхъ ему заводовъ. Подобнаго же рода донесенія были представлены и другими горными начальниками. (Гермонъ, Полторацкій). Все это заставило высшую администрацію въ лицѣ Министра Финансовъ, гр. Васильева, обратить серьезное вниманіе на горную промышленность, и для изслѣдованія ея положенія и выработки основныхъ началъ реформы былъ въ 1804 г. съ Высочайшаго соизволенія образованъ комитетъ, однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ котораго былъ Д., вызванный для этой цѣли въ Петербургъ. Первой задачей комитета — было ознакомиться съ развитіемъ горнаго дѣла въ Россіи и съ исторіей горнаго законодательства. Эта задача и была возложена на Д., который послѣ продолжительной упорной работы представилъ на разсмотрѣніе комитета солидный и до сихъ поръ не потерявшій своего значенія историческій трудъ: «Историческое описаніе горныхъ дѣлъ въ Россіи съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до нынѣшнихъ» (См. Высочайше утвержденные доклады и другія свѣдѣнія о новомъ образованіи горнаго начальства и управленіи горныхъ заводовъ, ч. I, стр. 1—184). Комитетъ всецѣло присоединился къ мнѣніямъ, выраженнымъ въ исторической запискѣ Дерябина, обширный «Проектъ Горнаго Положенія (Спб. — 1806), принадлежащій перу Д., былъ Высочайше утвержденъ 13-го іюля 1806 г. Новые порядки предполагалось ввести въ видѣ опыта сначала на 5 л., затѣмъ снова ихъ пересмотрѣть и тогда уже утвердить окончательно. Но пересмотра не послѣдовало, проектъ оставался въ дѣйствіи до изданія 1-го Свода Законовъ и вошелъ въ него въ видѣ особаго устава. Съ окончаніемъ реформъ Д. получилъ высокій и отвѣтственный постъ начальника Горобладатскихъ, Камскихъ и Богословскихъ желѣз-

ныхъ и мѣдныхъ рудниковъ и заводовъ, т. е. почти всѣхъ заводовъ хребта Уральскаго, и, такимъ образомъ, могъ на дѣлѣ провѣрить выгоды и совершенства новаго порядка управленія. При немъ заводы совершенно измѣнились: сооружены и перестроены зданія, передѣланы и усовершенствованы машины, заведены образованные техники и мастера, въ значительной степени увеличено производство металловъ, наконецъ, На Ижевскомъ заводѣ въ Вятской губерніи построена оружейная фабрика, переданная впослѣдствіи военному вѣдомству. (См. Историческій очеркъ Горнаго института, проф. Лоранскаго). Однако, дѣятельность Д. на Уралѣ была непродолжительна. Новыя преобразованія по горному вѣдомству, стоявшія на очереди съ преобразованіемъ министерствъ, заставили его въ 1810 г. вновь вернуться въ Петербургъ и принять участіе въ законодательныхъ работахъ. Въ 1811 г. Горный Д—тъ былъ преобразованъ въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, и первымъ директоромъ его былъ назначенъ Д. Горный кадетскій корпусъ, прежде находившійся въ вѣдѣніи Берг-Коллегіи, а затѣмъ Горнаго Д—та, былъ также подчиненъ ему. Время управленія Д. корпусомъ ознаменовалось довольно значительными измѣненіями въ строѣ учебнаго заведенія. Онъ усовершенствовалъ методъ обученія, ввелъ преподаваніе нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, какъ, напр., поэзіи, миѳологіи, латинскаго языка, астрономіи, горнаго права и бухгалтеріи, учредилъ новые штаты, по которымъ число воспитанниковъ корпуса было увеличено до 110, увеличилъ содержаніе корпуса до значительной суммы въ 137.000 р., въ значительной степени обогатилъ учебно-вспомогательныя средства и положилъ начало русскому топографическому собранію минераловъ. Въ 1814 г. по проекту его въ Сибирь была послана геогностическая экспедиція для изслѣдованія и описанія горъ и поисковъ полезныхъ ископаемыхъ. Первая цѣль экспедиціи не была достигнута, но собранныя ею многочисленныя коллекціи минераловъ, значительно обогатили кабинетъ Горнаго корпуса. Въ 1817 г. разстроенное здоровье заставило Д. оставить институтъ и выйти въ отставку, и 26-го іюня 1820 г. онъ умеръ въ чинѣ оберъ-берггауптмана 4-го класса. Послѣдніе годы жизни онъ завѣдывалъ фабриками гр. Румянцева въ Гомелѣ.

„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. — Геннади. „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“. Т. I, Берлинъ. 1876 — 80. — Старчевскій. „Справочный энциклопедическій словарь“, т. IV.—Соколовъ. „Историческое и статистическое описаніе Горнаго кадетскаго корпуса“, Спб. 1830.—„Научно-историческій сборникъ Горнаго института“, Спб., 1873 г. Ст. проф. Лоранскаго. „Историческій очеркъ Уральскихъ горныхъ заводовъ“. Изд. конторы желѣзозаводчиковъ, Спб., 1896 г. «Сѣверная Пчела», 1825 г., № 38. — «Московскія Вѣдомости», 1825 г., № 28, стр. 989. (Перепечат. изъ »Сѣв. Пч.»). „Описаніе Гороблагодатскихъ заводовъ, „Горн. Журн.“, 1839 г., т. I.—Скальковскій. „О значеніи царствованія Александра I для русскаго горнаго дѣла. „Горн. Журн.“, 1878 г., т I.—„Высочайше утвержденные доклады и другія свѣдѣнія о новомъ образованіи горнаго начальства и управленіи горныхъ заводовъ, 2 части, Спб., 1807—8. „Высочайше утвержденные доклады Министра Финансовъ со штатами и прочими приложеніями о новомъ образованіи горнаго начальства и управленіи горныхъ заводовъ, Спб. Въ медиц. тип., 1806 г.—„Проектъ Горнаго Положенія, Спб. 1806 г. 4.

В. Власовъ.

Дерябинъ, *Ѳедоръ Андреевичъ*, горный инженеръ, полковникъ, сынъ извѣстнаго въ свое время Андрея Ѳедоровича Дерябина, оберъ-гауптмана и директора Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ и Горнаго Института. Образованіе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда и выпущенъ былъ въ 1833 году со званіемъ практиканта. Тотчасъ же по окончаніи курса онъ поступилъ на службу въ С.-Петербургскій монетный дворъ и въ томъ же году былъ приглашенъ читать математику въ низшихъ классахъ Горнаго корпуса. Служба его на Монетномъ дворѣ продолжалась недолго, послѣ чего онъ исключительно посвятилъ себя преподавательской дѣятельности въ Горномъ Институтѣ. Лекціи Дерябина пользовались большой популярностью; онѣ отличались особенной ясностью и простотой изложенія. Этотъ характеръ его лекцій, въ связи съ мягкимъ и сердечнымъ обращеніемъ съ воспитанниками, снискали ему почти всеобщую любовь среди кадетъ. А. Лоранскій въ «Историческомъ Очеркѣ Горнаго Института» въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ то высокое нравственное вліяніе, какимъ пользовался Дерябинъ въ корпусѣ. «Кадеты очень любили и уважали его. Какъ только онъ появлялся въ Институтѣ, вокругъ него собиралась кучка

кадетъ и каждый старался обратить на себя его вниманіе и получить похвалу, которую всегда ставили высоко».—Вся его послѣдующая жизнь не была ознаменована какими-либо выдающимися событіями, а протекла мирно и незамѣтно среди педагогической дѣятельности, вплоть до самой смерти, которая послѣдовала 11-го апрѣля 1865 года. Желая дать кадетамъ хорошія и удобопонятныя руководства, какихъ въ то время было немного, Дерябинъ издалъ въ 1838 году «Задачи практической астрономіи, съ чертежами, составленныя изъ разныхъ авторовъ», Спб. 1838 г. и содержащія собраніе элементарныхъ тригонометрическихъ формулъ и описаніе употребительнѣйшихъ способовъ и инструментовъ для наблюденія астрономическихъ явленій. Въ 1852 году имъ же было издано «Руководство къ геометріи практической». 2 части. Спб. 1852 г.

А. Лоранскій, замѣтка въ „Научно-Историческомъ Сборникѣ“, въ память 100 л. Горн. Инст.“. Спб., 1873 г., „Русскій Архивъ*.— 1867 г. № 5 6, стр. 961. Геннади, „Словарь“, т. I, стр. 296. Формулярный списокъ изъ Архива Горн. Института.

В. Власовъ.

Десимонъ, *Андрей Францовичъ*, тайный совѣтникъ, изъ дворянъ. По окончаніи курса въ Пажескомъ Е. И. В. корпусѣ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гв. Преображенскій полкъ и въ 1828 году былъ командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, гдѣ участвовалъ въ сраженіяхъ съ турками и въ 1880 г. возвратился въ свой полкъ, гдѣ и былъ произведенъ въ подпоручики. Во время усмиренія польскаго мятежа онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ съ поляками и, за отличіе въ генеральномъ сраженіи при взятіи передовыхъ варшавскихъ укрѣпленій и г. Варшавы, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость». Въ 1832 г. онъ былъ произведенъ въ поручики, а въ 1834 г. въ штабсъ-капитаны съ назначеніемъ на должность старшаго адъютанта при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. Въ 1837 г., Десимонъ по болѣзни, былъ уволенъ отъ службы и назначенъ къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника и въ 1838 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при главноуправляющемъ Грузіи. Въ 1840 году онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, а въ 1841 году назначенъ директоромъ канцеляріи главноуправляющаго Закавказскимъ краемъ. Въ 1842 г. Десимонъ былъ вице-губернаторомъ Грузіи и Имеретіи и въ 1846 году, произведенный въ статскіе совѣтники, назначенъ исправлять должность директора канцеляріи намѣстника Кавказа и былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго края и завѣдывающимъ учебною частью за Кавказомъ. Въ 1850 году онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и за неутомимую дѣятельность для пользы края въ 1857 г. награжденъ орденомъ Станислава I ст. Въ 1859 г. назначенъ членомъ Совѣта намѣстника Кавказа, въ 1860 году награжденъ орденомъ св. Анны I ст., а въ 1862 году произведенъ въ тайные совѣтники. Въ 1868 году онъ состоялъ членомъ главнаго управленія намѣстника Кавказа, а въ 1870 г. членомъ комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ. Будучи уже при статскихъ дѣлахъ, Десимонъ состоялъ при главноуправляющемъ Грузіи, въ 1839 г. во время экспедиціи въ Южномъ Дагестанѣ находился на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и выказывалъ не разъ храбрость и распорядительность, достойную военачальника. Его пребываніе въ Закавказьѣ ознаменовано многими полезными реформами, обязанными его иниціативѣ.

„Акты Кавказской археографической комиссіи“, т. X, стр. XIX.

Б. Т.

Десметъ (Ch. Desmete), *Карлъ Яковлевичъ*, коллежскій совѣтникъ, членъ-учредитель Императорскаго общества сельскаго хозяйства Южной Россіи и одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Записокъ» общества». Онъ спеціально занимался шелководствомъ, посвятивъ ему нѣсколько докладовъ въ обществѣ и журнальныхъ статей. Въ цѣляхъ развитія шелководства въ Новороссіи читалъ публичныя лекціи въ городскомъ саду Одессы, причемъ показывалъ опыты образованія коконовъ. Въ 1845 г. прочелъ полный курсъ шелководства въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Принималъ также участіе въ Комитетѣ шелководства и разсматривалъ книгу Гаэтано-де-Розаліо: «Опытное руководство къ разведенію тутовыхъ деревьевъ и шелковичныхъ червей». Помимо этого, Д—у при-

шлось поработать и по другимъ вопросамъ хозяйства: напр, по вопросу о принудительномъ лѣсоразведеніи, объ улучшеніи качества убойнаго скота и т. д. Въ 1853 г. или 1854 г. Д. выѣхалъ заграницу, а 25-го мая 1859 г. въ засѣданіи общества былъ исключенъ изъ списковъ членовъ его за невзносы платы.

Принадлежа къ числу основателей общества и, такъ сказать, піонеровъ раціональнаго хозяйства въ Новороссіи, Десметъ и, съ нимъ еще нѣсколько лицъ,—вполнѣ серьезно отнеслись къ своей задачѣ и своей энергичной дѣятельностью сразу же поставили общество на должную высоту въ глазахъ мѣстныхъ хозяевъ и тѣмъ пріобрѣли ихъ симпатіи и довѣріе къ обществу. Главнымъ образомъ, благодаря ихъ дѣятельности, общество сельскаго хозяйства Южной Россіи съ первыхъ шаговъ успѣшно выполняетъ свою программу и уже ко дню 25-лѣтія своего существованія достигаетъ значительныхъ результатовъ.

Благодаря трудамъ Д., вопросъ объ акклиматизаціи лѣсныхъ породъ въ Новороссіи окончательно рѣшенъ, и послѣдующимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ остается только руководиться тѣмъ запасомъ свѣдѣній, которыя Д. собралъ втеченіе своей многолѣтней практики лѣсоразведенія. Столь полезная дѣятельность Десмета обратила на себя вниманіе Императорскаго Вольнаго-Экономическаго Общества, которое въ 1833 г. присудило ему золотую медаль; награжденіе это было мотивировано такъ, что Д. «своей постоянной дѣятельностью способствовалъ разведенію въ Новороссійскомъ краѣ до 500 породъ различныхъ лѣсныхъ и фруктовыхъ деревьевъ, которые до него не были тамъ разводимы».

Труды Десмета были слѣдующіе: Note sur le brulis superficiel des steppes (1842). Note sur l'application de la puissance de charrues (1843). Constructions rurales en Pise (1844). О выставкѣ скота и разныхъ способахъ врачеванія животныхъ (1844). О воздѣлываніи и употребленіи земляного фисташковаго орѣха (Avachis Hypodoca) (1832). Нѣсколько словъ о садоводствѣ (1844). Замѣчаніе на записку Лакальма (1851 г.). Нѣсколько замѣчаній о воздѣлываніи шелковицы и воспитаніи шелковичныхъ червей (1844). О шелководствѣ (1844). Станокъ для размотки шелка, изобрѣтенный г. Робине (1844). О распространеніи шелководства на Одесской городской землѣ—донесеніе Райко, Демоля и Десмета (1845). О дѣйствіяхъ комитета для поощренія шелководства въ 1844 г. (1846). Руководство къ разведенію и содержанію шелковичныхъ червей для простого народа (1847). Курсъ шелководства, читанный въ 1847 г. въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (перев. Соколова—1848 г.). Отчетъ комитета шелководства за 1848 и 1849 гг.—И. Демоля, К. Десмета и Н. Райко (1850). Краткое наставленіе объ уходѣ за тутовыми деревьями — И. Демоля, К. Десмета и Н. Райко (1851). Сельское врачеваніе и туземныя растенія (1844). Объявленіе о продажѣ различныхъ древесныхъ породъ изъ питомника—К. Десмета (1853 г.).

Исторія И. В. Э. Общества, сост. Ходневымъ, а также—отчеты Императ. Общ. сельск. хоз. Ю. Р. (см. И. Демоль).

Н. К—скій.

Десницкій, *Семенъ Ефимовичъ* (ум. въ 1789 г.)—«кол. асс., римскихъ и россійскихъ правъ докторъ, бывшій въ Московскомъ университетѣ публичный ординарный профессоръ юриспруденціи и Императорской Россійской академіи членъ», какъ писалось въ старинныхъ его біографіяхъ, или,—по выраженію Н. М. Коркунова, «праотецъ русской юридической профессуры».

Годъ рожденія Десницкаго неизвѣстенъ. Повидимому, онъ происходилъ изъ духовнаго званія, такъ какъ первоначальное образованіе получилъ въ Троицко-Лаврской семинаріи. Впрочемъ, этого съ увѣренностью сказать нельзя, въ виду того, что въ первые годы существованія этой семинаріи, т. е. именно тогда, когда учился въ ней С. Е. Десницкій, начальство новаго учебнаго заведенія, основаннаго по мысли имп цы Анны Іоанновны Арсеніемъ Могилянскимъ, архіепископомъ переяславскимъ, часто бывало принуждено заполнять классы дѣтьми монастырскихъ служителей, солдатъ и разночинцевъ, вслѣдствіе сохранившейся еще и дотолѣ среди большинства приходскаго духовенства боязни отдавать сыновей въ школы. Неизвѣстно также, какимъ образомъ, по окончаніи семинаріи, Десницкій попалъ вмѣсто Духовной академіи въ одну изъ гимназій, учрежденныхъ при Московскомъ универ-

ситетѣ. Но что онъ былъ тамъ, это несомнѣнно, такъ какъ Шевыревъ въ своей «Исторіи Москов. университета» указываетъ на охранившійся документъ о годовомъ актѣ 27 апрѣля 1759 г., когда университетъ въ первый разъ «произвелъ» студентовъ изъ учениковъ своихъ двухъ гимназій. Среди этихъ произведенныхъ встрѣчается имя Семена Десницкаго.

Пробывъ всего лишь годъ студентомъ университета, Десницкій былъ отправленъ въ академію наукъ въ Петербургѣ, а въ слѣдующемъ 1761 г. Шуваловъ командировалъ его вмѣстѣ съ Третьяковымъ,— тоже впослѣдствіи профессоромъ, — въ Шотландію, въ Глазговъ для довершенія образованія. Оба студента присылали оттуда аттестаціи отъ профессоровъ своихъ и въ отчетахъ писали, что слушаютъ лекціи, юридическія, медицинскія и математическія, исполняя данное имъ предписаніе отъ Академіи, которая полагала, что для изученія одной лишь юриспруденціи не стоитъ ѣхать такъ далеко. Въ Глазговѣ Десницкій, между прочимъ, слушалъ курсъ нравственной философіи, читавшейся прославившимся впослѣдствіи Адамомъ Смитомъ. Главное вниманіе въ бытность свою заграницей Десницкій обращалъ на науки юридическія, чувствуя къ нимъ склонность. Въ 1765 г., по окончаніи курса, онъ былъ удостоенъ степени магистра свободныхъ наукъ, а черезъ два года Глазговская академія признала его докторомъ гражданскаго и церковнаго права, вмѣстѣ съ чѣмъ ему были пожалованы привиллегіи англійскаго гражданства, званія, особенно почетнаго для иностранца.

Поѣздка заграницу оставила неизгладимый слѣдъ на образѣ мыслей Десницкаго. Онъ подмѣтилъ тамъ проблески зарождающагося историческаго направленія въ изученіи права и явился первымъ и смѣлымъ представителемъ въ Россіи этого еще не вполнѣ опредѣлившагося при немъ направленія. До него, и въ Московскомъ университетѣ, и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподавалось правовѣдѣніе, все коренилось на правѣ естественномъ, «перстомъ Божескимъ во всѣхъ сердцахъ написанномъ»; всюду господствовали Пуффендорфъ и Вольфъ. Можно было предполагать, что, воспитанный на ихъ отвлеченныхъ воззрѣніяхъ, безпочвенныхъ и далекихъ отъ дѣйствительности, Десницкій и самъ окажется послѣдователемъ школы естественнаго права. Но этого не случилось. Лекціи Адама Смита не могли не произвести впечатлѣнія на воспріимчиваго русскаго студента, одареннаго большими способностями. Онѣ послужили толчкомъ къ дальнѣйшей, уже самостоятельной разработкѣ началъ новаго направленія.

По возвращеніи изъ Глазгова въ 1767 г., Десницкій и Третьяковъ изъявили желаніе подвергнуться экзамену, чтобы затѣмъ имѣть право читать лекціи. Университетская конференція встрѣтила докторовъ Глазговскаго университета съ предубѣжденіемъ, не разсчитывая на особенныя познанія ихъ, въ виду страннаго смѣшенія предметовъ, которые они слушали за-границей. Ададуровъ, бывшій въ то время кураторомъ университета, приказалъ, однако, допустить ихъ къ испытанію. Прежде другихъ былъ назначенъ экзаменъ изъ юриспруденціи. Были присланы отъ Сената вопросы на латинскомъ и русскомъ языкахъ для заданія экзаменующимся; кромѣ того, вопросы на латинскомъ языкѣ предлагали профессора Дильтей и Лангеръ и оберъ-секретарь 3-го департамента Сената, Самуилъ Денъ, командированный присутствовать при испытаніи.

Спустя нѣсколько дней Десницкій читалъ пробную лекцію на предложенную ему тему «De praescriptionibus». Дильтей отозвался съ большой похвалой относительно обоихъ экзаменовавшихся, но предпочтеніе отдалъ Десницкому. Лангеръ высказался нѣсколько строже, съ нѣкоторыми ограниченіями, но и онъ отдалъ преимущество Десницкому.

Затѣмъ Ададуровъ потребовалъ, чтобы доктора правъ проэкзаменовались изъ математики. Онъ основывался на томъ, что въ числѣ казенныхъ расходовъ означены ими деньги, заплаченныя въ Глазговѣ профессору математики и учителю коммерціи. Десницкій и Третьяковъ просили избавить ихъ отъ испытанія въ виду того, что, хотя они и занимались математикой, однако больше труда и времени посвящали юриспруденціи. Требованіе было повторено, но Десницкій отказался наотрѣзъ экзаменоваться.

Ему было поручено читать римское право по руководству Гейнекція, съ примѣненіемъ къ праву русскому. Ададуровъ

предписалъ вести преподаваніе на латинскомъ языкѣ для того, чтобы профессора-иностранцы могли точнѣе судить о достоинствѣ лекцій. Но уже въ слѣдующемъ году вопросъ о языкѣ лекцій былъ рѣшенъ въ смыслѣ, желательномъ для первыхъ русскихъ профессоровъ университета. Императрица высказалась, «что въ университетѣ пристойнѣе читать лекціи на русскомъ языкѣ, а особливо юриспруденцію». Ея воля, разумѣется, была исполнена.

8 мая 1768 г. Десницкій былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора и допущенъ къ засѣданіямъ конференціи. Черезъ 5 лѣтъ послѣ того онъ былъ наименованъ ординарнымъ профессоромъ. Въ теченіе почти 20 лѣтъ, до самаго дня увольненія изъ университета, онъ читалъ курсъ Римскаго права, примѣнительно къ русскимъ законамъ. Сохранился интересный списокъ (1769 г.) пособій къ его лекціямъ; Heineccii Institutiones; Пандекты, и къ нимъ комменаріи Vinii, Woetii, Noodii; Corpus juris civilis въ голландскомъ изданіи; Указы россійскіе, Кормчая книга, Старинное сводное Уложеніе, дѣланное по послѣдней комиссіи.

Каѳедра профессора не давала Десницкому права свободно высказывать свои взгляды. Въ ту пору еще не считалось допустимымъ вести преподаваніе по своей системѣ, и профессорамъ указывали готовыя системы, готовые учебники, которыми должны были они руководствоваться. Проявить самостоятельность воззрѣній было дѣломъ нелегкимъ. Большинство профессоровъ, менѣе даровитыхъ, подчинялись силѣ обстоятельствъ. Но Десницкій, провидѣвшій, по выраженію Морошкина, что не одна фантазія ведетъ народы къ ихъ назначенію, и искавшій духа законовъ въ сущности вещей, въ исторіи народовъ, — можно сказать съ увѣренностью,—превозмогалъ этотъ гнетъ. Оставшіеся литературные труды его свидѣтельствуютъ, что онъ былъ далекъ отъ мысли придерживаться господствующихъ взглядовъ. И его рѣчи, и примѣчанія къ переводу сочиненія Блакстона заставляютъ думать, что онъ былъ твердъ въ убѣжденіяхъ и навряд ли слѣпо придерживался Гейнекція въ своихъ лекціяхъ. Относясь отрицательно къ умствованіямъ представителей школы естественнаго права, Десницкій позволялъ себѣ посмѣиваться надъ ними. Зато онъ чрезвычайно высоко ставилъ своего учителя, Адама Смита, послѣдователемъ котораго являлся самъ.

Нѣсколько строчекъ изъ посвященія Десницкаго къ его переводу «Наставника земледѣльческаго» Боудена ярко рисуютъ намъ взгляды перваго русскаго профессора-юриста. «Такое цвѣтущее состояніе (рѣчь идетъ о совершенствѣ законовъ Англіи) ниже какимъ-либо даромъ, говоритъ онъ, или по особливому благодѣянію природы Британія наслѣдила, но всѣ ея толикія превосходства пріобрѣтены величайшими трудами. Много пота и крови народныхъ пролито въ семъ столь лестномъ пріобрѣтеніи». Эти слова, какъ нельзя лучше, показываютъ, что, по мнѣнію Десницкаго, абстрактныя теоріи права не имѣютъ никакой цѣны въ смыслѣ практическаго ихъ осуществленія; наука должна способствовать облегченію и ускоренію естественныхъ процессовъ соціальной жизни, но она можетъ достигать этой цѣли единственно путемъ изученія самой жизни въ настоящемъ и прошломъ.

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности, въ первый же годъ профессорства, Десницкій произнесъ рѣчь «О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи», давъ этою рѣчью вполнѣ стройную и выработанную программу университетскаго преподаванія и научной разработки права. Онъ находитъ, что для успѣшнаго изученія науки законовѣдѣнія необходимо преподавать: здравую нравоучительную философію, натуральную юриспруденцію, языки и другія вспомогательныя науки, какъ-то: грамматику, риторику, логику, физику, математику и пр. Основательно усвоивъ эти предметы, студентъ можетъ приступать «къ практикѣ, въ которой и самъ послѣ найдетъ и откроетъ другимъ такія тонкости, каковыя многіе и видѣть не могутъ». Для практическаго изученія права должно собрать всѣ, какъ древніе, такъ и новые законы и указы, и изъ нихъ составить наставленіе россійскихъ правъ; въ университетѣ, наряду съ каѳедрой теоріи права, необходимо открыть каѳедру практики, и профессоръ, которому она будетъ поручена, долженъ руководить студентами въ практическихъ занятіяхъ по разбору тяжебныхъ дѣлъ. Мысль Десницкаго о введеніи практи-

ческихъ занятій была нѣсколько позднѣе осуществлена. Руководительство было поручено одному изъ учениковъ его, Горюшкину.

Рѣчь «О прямомъ и ближайшемъ способѣ...» подчеркивала между прочимъ необходимость, вмѣсто всякихъ отвлеченныхъ построеній, историческаго описанія и историческаго доказательства въ каждомъ юридическомъ изслѣдованіи. Чтобы дать образчикъ новаго метода изслѣдованій институтовъ права, Десницкій включаетъ въ свою рѣчь «Разсужденіе о происшествіи преимущества, власти и старшинства въ народахъ, отъ которыхъ и происходитъ ихъ правленіе», гдѣ подробно выясняетъ, что можетъ служить основой власти на каждой изъ ступеней человѣческой культуры, зависящей отъ послѣдовательныхъ измѣненій хозяйственнаго быта народовъ.

Въ послѣдующихъ рѣчахъ Десницкій объясняетъ происхожденіе семьи, собственности и казней. Онъ проводитъ мысль о равноправности мужчинъ и женщинъ, указываетъ, что признаніе равноправности свидѣтельствуетъ о превосходствѣ новой цивилизаціи въ сравненіи съ бытомъ древнихъ временъ.

Прослѣдивъ бытъ народовъ отъ первоначальной бродяжеской формы до послѣдней—«коммерческой», и основательно выяснивъ себѣ, какъ человѣкъ можетъ относиться и относится къ вещи въ каждомъ состояніи, Десницкій приходитъ къ убѣжденію, что понятіе о правѣ собственности слагается въ зависимости отъ количества труда, затраченнаго на производство вещи; такимъ образомъ институтъ собственности устанавливается съ той поры, когда человѣкъ начинаетъ заниматься земледѣліемъ и отъ кочевого образа жизни переходитъ къ осѣдлому.

Спорный и доселѣ вопросъ объ основаніи и цѣли наказанія разрѣшается Десницкимъ въ смыслѣ крайнихъ теорій «самозащиты» и «предостереженія». Карательная дѣятельность государства коренится, по его мнѣнію, въ инстинктѣ мести, въ потребности отплатить за причиненное зло; казнь тѣмъ только разнится отъ обыкновенной мести, что «она согласна всячески съ удовлетвореніемъ обидимыхъ и въ то же время съ общимъ благоволеніемъ постороннихъ зрителей».

Указывая, какъ на цѣль наказанія, на необходимость поддержанія порядка, Десницкій вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы «учиненныя казни не выходили за предѣлъ человѣчества»; иначе, говоритъ онъ, зрители могутъ почувствовать сожалѣніе къ преступнику, и самыя казни не будутъ имѣть «дѣйствительнаго успѣха въ пресѣченіи злотворства».

Такимъ образомъ, не будучи по спеціальности криминалистомъ, Десницкій, если и не замѣтилъ другихъ основаній и цѣлей наказанія, зато, какъ чуткій человѣкъ, онъ понялъ, насколько не соотвѣтствуютъ духу времени чрезмѣрно жестокія кары, и приложилъ свои силы къ тому, чтобы способствовать замѣнѣ старыхъ карательныхъ системъ новыми, болѣе мягкими и человѣчными. Вѣдь, если въ его время и не практиковалась въ широкихъ размѣрахъ смертная казнь со всѣми ея ужасами, то это было не въ силу духа тогдашнихъ законовъ, а лишь потому, что сохраняло свое дѣйствіе, какъ временная мѣра, замѣненіе казни ссылкой и каторгой.

Поставивши себѣ задачей развить въ соотечественникахъ любовь къ изученію права, Десницкій произноситъ рѣчь «О пользѣ знанія отечественнаго законоискусства» для лицъ всѣхъ сословій, особенно въ ту пору, когда послѣ созыва Уложенной комиссіи явилась надежда получить кодексъ, заключающій гуманныя законоположенія, согласныя съ духомъ «Наказа»—надежда, не осуществившаяся, однако воодушевившая всѣхъ, такъ какъ комиссія оффиціально считалась существующей до 80-хъ годовъ, несмотря на то, что, распущенная въ 1768 г., уже вновь не собиралась.

Здѣсь приведены нѣкоторыя воззрѣнія проф. Десницкаго съ цѣлью показать мощь ума и степень дарованій перваго русскаго ученаго юриста. Многое было предвосхищено имъ у будущихъ создателей различныхъ теорій, и если не ему принадлежитъ слава провозвѣстника, то лишь потому, что у него фамилія была русская, а не иностранная, какъ говоритъ Морошкинъ. Во всякомъ случаѣ, по торжественному признанію Морошкина на актѣ 1834 г., никто не станетъ отрицать, что русскій юридическій факультетъ созданъ всецѣло имъ. Имъ намѣчена и получившая осуществленіе программа, имъ же привлечены

и слушатели. До его вступленія на каѳедру былъ періодъ, когда одинъ лишь профессоръ представлялъ собою факультетъ, и былъ годъ, когда на факультетѣ былъ лишь одинъ слушатель. Вообще С. Е. Десницкій сыгралъ видную роль въ исторіи Московскаго университета.

При самомъ основаніи въ 1783 г. Россійской Академіи (русскаго языка и словесности) онъ былъ избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ, какъ отличавшійся краснорѣчіемъ ораторъ. Желая послужить дѣлу, предпринятому Академіей, а именно составленію русскаго словаря, Десницкій взялъ на себя трудъ сдѣлать выборку словъ изъ старинныхъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ, кончая Уложеніемъ Алексѣя Михайловича. Къ занятіямъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ любимой имъ юриспруденціи, надо причислить также преподаваніе англійскаго языка, которое онъ велъ съ 1783 по 1786 г., и исполненіе обязанностей эфора надъ казенными студентами. Въ 1787 г. Десницкій, по болѣзни, принужденъ былъ оставить каѳедру, и вскорѣ (15 іюня 1789 г.) скончался.

Научные труды его, относясь ко времени, когда людей, отдавшихся вполнѣ наукѣ, было сравнительно мало, имѣютъ форму рѣчей. Онѣ изданы въ 1819 г. Вотъ ихъ перечень: 1) Слово о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи. Произнесено 1768 г. 30 іюня. 2) Слово о причинахъ смертныхъ казней по дѣламъ криминальнымъ 1770 г. 22 апрѣля. 3) Юридическое разсужденіе о вещахъ священныхъ, святыхъ и принятыхъ въ благочестіе, съ показаніемъ правъ, какими оныя у разныхъ народовъ защищаются. 1772 г. 22 апрѣля. 4) Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и о совершенствѣ, къ какому оно приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими. 1775 г. 30 іюня. 5) Слово на день тезоименитства императрицы Екатерины II, по случаю оказанныхъ вновь всей Имперіи благодѣяній. 1775 г. 28 ноября. 6) Слово на торжество о бракосочетаніи государя вел. кн. Павла Петровича съ вел. княжной Наталіей Алексѣевной 1776 г. 15 октября. 7) Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законоискусства и о надобномъ возобновленіи онаго въ государственныхъ училищахъ. 1778 г. 22-го апрѣля. 8) Юридическое разсужденіе о разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣнія въ различныхъ состояніяхъ общежительства. 1781 г. 21-го апрѣля.

Кромѣ того, онъ перевелъ: 1) Блакстона, Истолкованія англійскихъ законовъ 3 т. 1780 — 82 гг. М. (трудъ неоконченъ), и 2) Томаса Боудена, Наставникъ земледѣльческій. М. 1780 г.

С. Смирновъ. Исторія Троицко-Лаврской семинаріи. М. 1867 г.—С. Шевыревъ. Исторія Московскаго университета 1755—1855 гг. М. 1855 г. — Н. Новиковъ. Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ. См. Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. Спб. 1867 г.—Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета. Подъ ред. С. Шевырева. Статья Баршева, т. I, стр. 297—301. Изд. 1855 г.—Евгеній Болховитиновъ. Словарь писателей.—Ученыя Записки Московскаго университета 1834 г., ч. III, № 8. Рѣчь Морошкина.—Рѣчи профессоровъ Московскаго университета. Изд. Общества Любителей рос. словесности. М. 1819 г., т. I и IV.—Н. М. Коркуновъ. Исторія философіи права. Спб. 1898.—Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи.—1880, вып. 5-й (прил. къ XXXIII т. Записокъ Академіи Наукъ).—А. Е Яновскій. Статья о Десницкомъ въ Энц. Слов. Брокгауза. Есть указанія, сверхъ того, въ словарѣ Геннади и указателѣ Сопикова.

Влад. Калмыковъ.

Дестремъ, *Морисъ Гугоновичъ*, генералъ-инженеръ, писатель, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Предки его, вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ переворотовъ, принуждены были переселиться изъ Швеціи во Францію. Д. окончилъ курсъ Парижской политехнической школы, но о его первоначальной дѣятельности во Франціи намъ ничего неизвѣстно. Въ 1810 г. французское правительство по просьбѣ Императора Александра I прислало въ Россію четырехъ инженеровъ для основаннаго въ то время корпуса инженеровъ путей сообщенія, находившагося подъ начальствомъ принца Георгія Гольштейнъ-Ольденбургскаго. Въ числѣ этихъ четырехъ инженеровъ былъ и Д. По прибытіи въ Россію онъ былъ принятъ на русскую службу съ производствомъ въ чинъ капитана и отправленъ къ херсонскому губернатору, герцогу де-Ришелье, для составленія проекта Евпаторійскаго порта и устройства гидротехническихъ зданій въ Одесскомъ портѣ. По окончаніи этого порученія Д. возвратился

въ Петербургъ и былъ назначенъ профессоромъ умозрительной механики въ училищѣ Путей Сообщенія. Въ 1812 г., во время войны съ Франціей, Д. съ тремя своими товарищами-французами былъ отправленъ по Высочайшему повелѣнію для безопасности въ Восточную Россію, гдѣ и пробылъ до весны 1815 г. Эти три года онъ посвятилъ главнымъ образомъ изученію русскаго языка, которымъ владѣлъ потомъ въ совершенствѣ и привлекалъ къ себѣ въ аудиторію много слушателей, умѣя свой сухой предметъ облечь въ доступную и красивую форму. По возвращеніи въ Петербургъ онъ снова былъ зачисленъ профессоромъ и командированъ въ Грузію для изысканій по рѣкамъ Курѣ и Ріону и для составленія проекта военно-грузинской желѣзной дороги. Въ 1818 г. Д. исполнилъ это порученіе и, пріѣхавъ въ Петербургъ, недолго читалъ лекціи, такъ какъ снова былъ долженъ ѣхать въ Ревель для составленія плана окончанія постройки военной гавани. Составивъ планъ, онъ представилъ его морскому министру, маркизу де-Траверсе; планъ этотъ былъ одобренъ Государемъ, и гавань была кончена по этому проекту. Въ этомъ же году на Высочайшее имя былъ поданъ проектъ объ учрежденіи судоходства на Бѣломъ озерѣ, и Д. было поручено детально изслѣдовать всѣ пункты проекта и представить свое заключеніе. По его заключенію проектъ былъ отвергнутъ. Исполняя эти порученія, Д. въ то же время продолжалъ усиленно пополнять свои теоретическія знанія и въ 1821 г. напечаталъ учебникъ механики, который долгое время служилъ руководствомъ для воспитанниковъ корпуса. Въ 1820 г. Д. былъ назначенъ управляющимъ 2-мъ округомъ путей сообщенія, а въ августѣ 1821 г.—членомъ комиссіи, учрежденной при Императорской Академіи Художествъ, для разсмотрѣнія замѣчаній архитектора Модюи на строительныя работы Исаакіевскаго Собора.

Въ 1826 г., когда инженерное дѣло въ Россіи приняло болѣе широкіе размѣры, и сознавалась потребность въ особомъ спеціальномъ органѣ, Министерство Путей Сообщенія начало издавать ученый журналъ и редактированіе его поручило Д. Журналъ этотъ онъ редактировалъ до 1834 г., когда былъ назначенъ директоромъ управленія, въ которомъ разсматривались и обсуждались всѣ проекты и работы по Министерству Путей Сообщенія. Съ этого времени начинается особенно плодотворная дѣятельность Д.: ему поручается надзоръ за постройкой новаго форта въ Кронштадскомъ фарватерѣ, его командируютъ на Волгу для упорядоченія пароходства, онъ принимаетъ дѣятельное участіе во многихъ комиссіяхъ и между прочимъ въ комиссіи по разсмотрѣнію проекта баварскаго проф. архитектуры Кленце на внутреннюю отдѣлку Исаакіевскаго собора. Въ 1842 г. Д. предсѣдательствовалъ и руководилъ работами въ комитетѣ по постройкѣ Николаевскаго моста. Въ 1849 г. онъ работалъ въ комиссіи по надзору за опытами по введенію въ Россіи электрическаго освѣщенія, изобрѣтеннаго французскимъ химикомъ Аршро. Въ этомъ же году Д. былъ приглашенъ въ комитетъ по сооруженію Московско-Петербургской (Николаевской) жел. дороги и, хотя признавалъ это предпріятіе невыгоднымъ по причинѣ неудобныхъ климатическихъ условій, но не отказывался отъ участія въ комитетѣ и принималъ дѣятельное участіе, дѣлая практическія замѣчанія и указанія.

Кромѣ служебной дѣятельности по Мин. Пут. Сообщ., Д. свободное время посвящалъ занятіямъ литературой и музыкой. Онъ перевелъ много басенъ Крылова на французскій языкъ и писалъ въ журналахъ статьи по разнымъ вопросамъ. Изъ его произведеній, изданныхъ отдѣльными книгами извѣстны: «Traité de mécanique à l'usage des élèves de l'institut des voies et communication» Спб., 1820 г.; «Sur le mode de transport le plus avantageux pour la Russie» Спб., 1831 г. (на русскій языкъ переведено Васильевымъ въ «Журн. Мин. Пут. Сообщ.», 1831, XXI); «Considération générales sur les avantages relatifs des canaux et des chmins à ornières et application etc...» (Спб., 1831, перев. Васильева, тамъ же); «Mémoires sur divers objets relatifs à la science de l'ingénieur» Спб., 1835 г. Изъ спеціальныхъ работъ Д., помѣщенныхъ въ «Журн Пут. Сообщ.» отмѣтимъ: «Описаніе и разборъ способа, употребленнаго Брюннелемъ для построенія 2-хъ полуарокъ на гидравлической извести безъ кружалъ (1837 г., т. I) и «разборъ теоріи опытныхъ результатовъ пневматическихъ печей Амосова» (1838, т. III).

Въ 1852 г., временно уѣзжая на воды для поправленія здоровья, Д. со всѣмъ се-

мействомъ принялъ русское подданство. Воды не могли возстановить разстроенное здоровье и, по возвращеніи въ Россію, Д., проболѣвъ 22 мѣсяца, умеръ 10-го ноября 1855 г. Но и во время своей продолжительной болѣзни неутомимый Д. продолжалъ трудиться: представилъ въ Академію Наукъ разборъ сочиненія инженера Журавскаго: «О деревянныхъ мостахъ по американской системѣ», и за этотъ трудъ конференція Академіи наградила его золотою медалью.

Литература для біографіи: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1855 г. № 287; 1856 г. № 12, ст. Элькана; „Отечественныя записки“ 1856 г., т. CIV, № 11; „Русская Старина“ 1885 г., т. XLIV, № 5, ст. 316–319; Геннади „Справочный Словарь“ (крат. біографическія свѣдѣнія о русскихъ дѣятеляхъ) Спб., 1878 г.

Дестунисъ, (урож. Крылова), *Надежда Александровна*, писательница, родилась 2-го ноября 1827 г. въ селѣ Кулыгинѣ, Новгородской губ., куда отецъ ея, А. Крыловъ, переѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ завѣдывалъ училищемъ для глухонѣмыхъ, но, чувствуя, что такая сложная педагогическая дѣятельность ему не по характеру, отказался отъ службы и предпочелъ заняться болѣе любимымъ дѣломъ—сельскимъ хозяйствомъ. Когда Н. А. исполнилось 4 года, отецъ ея умеръ, и она съ сестрою и братомъ остались на попеченіи исключительно бабушки и матери, которыя свою жизнь рѣшили посвятить главнымъ образомъ воспитанію дѣтей. До 11 лѣтъ Н. А. жила въ деревнѣ въ скромной семейной обстановкѣ, близко къ природѣ, близко къ тѣмъ людямъ, которые, казалось, были забыты судьбою и безропотно несли крѣпостное ярмо; все это имѣло большое вліяніе на выработку міровоззрѣнія Н. А. и отразилось на послѣдующей литературной дѣятельности ея. Мать же съ своей стороны старалась развить въ ней любовь къ труду и русской литературѣ, бабушка заставляла 8 лѣтъ Н. А. читать «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, няня разсказывала ей сказки и пѣла пѣсни, что́ пробудило любовь ко всему русскому, народному. Въ 1838 г. мать Н. А., желая дать дѣтямъ болѣе серьезное образованіе, переселилась въ Петербургъ. Поступивъ въ училище, Н. А. не довольствовалась тѣми скудными свѣдѣніями, которыя сообщали преподаватели, но и самостоятельно пріобрѣтала знанія, читая книги по разнообразнымъ отраслямъ науки. Она увлекалась статьями Бѣлинскаго, хотя высказывала сожалѣніе, что не находитъ въ немъ большого сочувствія народной словесности. Гораздо бо́льшее вліяніе оказали на нее произведенія кн. Одоевскаго, и она рѣшила сблизиться съ авторомъ. Въ домѣ кн. Одоевскаго Н. А. встрѣтила литературный кружокъ и сама начала пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Такъ, въ это время ею были написаны «Руководство для наставницъ» и «Курсъ ботаники по Ле-Мау». Эти первые труды Н. А. не были напечатаны, хотя «Курсъ ботаники» былъ впослѣдствіи дополненъ и исправленъ, но все-таки не могъ быть напечатанъ по причинѣ дороговизны изданія. Въ началѣ сороковыхъ годовъ у Н. А. умерла мать, и черезъ четыре года послѣ того Н. А. вышла замужъ за почтеннаго дѣятеля по филологіи, Дестуниса, но не оставила мысли о литературной дѣятельности. Городская жизнь не уничтожила въ ней того, что было такъ близко ея сердцу въ юные годы, и она доказала это своими произведеніями. Въ 1859 г. Н. А. издала книгу подъ названіемъ: «Деревня. Разсказы для юношества о сельской природѣ и бытѣ». Книга эта, по разнообразію своего матеріала и блестящей обработкѣ, имѣла громадный успѣхъ. Юный читатель получалъ изъ нея знакомство съ часто встрѣчающимися растеніями средней и сѣверной полосы Россіи, узнавалъ способы ухода за ними и ихъ значеніе въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, знакомился также съ жизнью насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ. Ознакомивъ обстоятельно съ природой, авторъ переходитъ къ описанію быта крестьянъ во всѣ времена года, въ рабочіе и праздничные дни. Въ этомъ отдѣлѣ книги замѣчается одинъ недостатокъ: стушевываются темныя стороны крестьянскаго быта и видно идиллическое отношеніе къ деревнѣ, такъ что читателю, при болѣе близкомъ знакомствѣ въ жизни съ бытомъ крестьянъ, придется во многомъ разочароваться. Успѣхъ книги обезпечивался еще тѣмъ, что въ нашей литературѣ того времени почти не было подобныхъ книгъ. Все наше знакомство съ деревней ограничивалось лишь тѣмъ, что мы, проѣзжая по большой дорогѣ, видимъ мужиковъ, видимъ ихъ избы, но не дальше; что за жизнь въ стѣнахъ этихъ избъ, какіе интересы волнуютъ умы

этихъ людей — все это городскимъ жителямъ было почти неизвѣстно: интеллигентная часть русскаго общества больше знала о чужихъ земляхъ, чѣмъ о русской деревнѣ.

Въ 1861 г. Н. А. издала другую книгу: «Сборникъ русскихъ пословицъ и пѣсенъ». И эта книга предназначалась для юношества, которое росло въ удаленіи отъ народа; «пусть же хоть звуки народной поэзіи доходятъ до нихъ», говоритъ Н. А. въ предисловіи. Обѣ эти книги написаны для «будущаго», такъ какъ предназначались юношеству, желая, если не удастся дать полное знакомсво, то пробудитъ въ немъ интересъ къ изученію быта родныхъ людей. Изъ журнальныхъ статей, написанныхъ Н. А., заслуживаетъ вниманія помѣщенная въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 года статья: «Чему женщины учились?», и въ газетѣ «День за 1864 г. — «Какъ учить простой народъ» — большая статья, вызванная пробудившимся сознаніемъ русской образованной публики вспомнить и объ этихъ людяхъ. Въ началѣ статьи остроумно критикуются мѣры и способы, которыми мы желаемъ просвѣщать народъ и подготовка людей, берущихся за это отвѣтственное дѣло; далѣе слѣдуетъ разборъ книгъ, которыя издаются для народа и рекомендуются «учеными комитетами». Разборъ этихъ книгъ приводитъ къ самому неутѣшительному выводу: хорошихъ книгъ почти нѣтъ (въ томъ числѣ даже букварей), большею частью они очень тенденціозны, или составлены такъ безтолково, что лучшія произведенія русскихъ авторовъ перемѣшаны съ пошленькими переводными разсказами.

Кромѣ прозаическихъ произведеній и указанныхъ публицистическихъ статей, Н. А. писала стихи, но не напечатала ихъ, находя неудовлетворительными. Только послѣ ея смерти часть и очень небольшая была прислана въ редакцію «Всемірнаго Труда» нѣкимъ г. Делисъ и была напечатана въ 1871 г. (№ 2). Появившихся въ печати стихотвореній Н. А. такъ мало, что судить по нимъ о ея поэтическомъ дарованіи невозможно.

Вскорѣ послѣ выхода замужъ Н. А. умеръ ея братъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ и сестра. Горе, вызванное потерею трехъ близкихъ людей, надломило некрѣпкій отъ природы организмъ Н. А., и она скончалась 1-го мая 1866 г.

Литература для біографіи: „Академическій мѣсяцесловъ“ на 1867 г. — „Иллюстрированная Газета“ 1866 г., № 27. — „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г., № 166, ст. Ярославцевой. — „Современникъ“ 1859 г., № 7. — Толь, „Наша дѣтская литература“, Пет., 1862 г. — „Воспитаніе“ 1859 г., № 7 и 11. — Кн. Голицынъ: „Словарь русскихъ писательницъ“; „Русскій Архивъ“, 1868 г. ст. 2007. *Вик. І.*

Дестунисъ, *Спиридонъ Юрьевичъ*, генеральный консулъ въ Смирнѣ, первый драгоманъ при Азіатскомъ департаментѣ, писатель-эллинистъ, родился въ 1782 г. въ небольшомъ городкѣ Ассо, на островѣ Кефалоніи, который до 1780 г. былъ столицею герцогства Корфу, составлявшаго часть обширныхъ владѣній Венеціанской республики. Родъ его принадлежалъ къ городской аристократіи: его дѣдъ былъ священникомъ въ крѣпости Ассо, а отецъ, Юрій, занимавшійся медициною, пользовался уваженіемъ согражданъ и особымъ довѣріемъ правительства, которое удостоило его сенаторства. Спиридонъ Юрьевичъ первоначальное воспитаніе получилъ дома, дальнѣйшее же образованіе въ Россіи, именно въ Москвѣ, куда услалъ его отецъ изъ боязни, чтобы политическое движеніе, охватившееe тогда Западъ Европы, не увлекло и его пылкаго сына. Дестунисъ поступилъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ въ числѣ товарищей встрѣтилъ Дашкова, Блудова, Вронченка и друг., сдѣлавшихся впослѣдствіи выдающимися государственными дѣятелями. Здѣсь, со всѣмъ рвеніемъ теплой увлекающейся натуры, Дестунисъ предался любимому предмету — литературѣ, преимущественно древней. Занятія греческой и римской литературой не мѣшали ему слѣдить также съ полнымъ вниманіемъ и за новыми европейскими сочиненіями по отдѣлу нравственности и исторіи, а также заниматься изученіемъ языковъ и письменности русской, итальянской, французской и нѣмецкой. На служебно-литературное поприще Дестунисъ вступилъ въ апрѣлѣ 1802 года, когда опредѣлился въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и напечаталъ въ Москвѣ свой греческій (съ русскаго) переводъ восточнаго творенія: «Экономія жизни». Переводъ этотъ былъ посвященъ графу Лузи, сыну Прусскаго, при Русскомъ Дворѣ, посланника, имя котораго въ исто-

ріи Кефалоніи стоитъ рядомъ съ именами Мелиссино, Хорафа, Харвури и др. Въ то же самое время Дестунисъ перевелъ съ французскаго: «Дѣтскую нравственность Кампе» для подрастающаго греческаго поколѣнія. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, Дестунисъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и продолжалъ свою службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, попрежнему занимаясь на досугѣ литературою. Здѣсь онъ занялся переводомъ «Жизнеописаній Плутарха», котораго онъ особенно высоко ставилъ среди греческихъ классиковъ, какъ учителя добра и истины въ языческомъ мірѣ.

Переводъ Плутарха стоилъ Дестунису большого и продолжительнаго труда: докапываясь до смысла, онъ вездѣ руководствовался при переводѣ лучшими изданіями и пояснялъ темныя мѣста подлинника мнѣніями комментаторовъ и переводчиковъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго. Благодаря стараніямъ А. С. Стурдзы и заботливости графа Румянцева, графъ Каподистрія исходатайствовалъ у Государя (въ 1816 г.), чтобы всѣ 13 частей перевода были изданы на счетъ Кабинета Его Величества въ пользу инвалидовъ. Переводчикъ же въ награду за свой трудъ получилъ отъ государя 2.000 десятинъ земли. Къ сожалѣнію, только 6 частей перевода были изданы при Дестунисѣ; остальныя, напечатанныя въ его отсутствіе, вышли въ свѣтъ съ большими ошибками и пропусками. Около того же времени графъ Н. П. Румянцевъ, тогдашній канцлеръ, сознавая важность изученія византійской исторіи въ связи съ русской, поручилъ Дестунису составить эллино-русскій лексиконъ, согласно съ новѣйшими успѣхами филологіи. Составленный Дестунисомъ словарь по разсмотрѣніи былъ одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, но по какимъ-то «разнымъ» обстоятельствамъ остался неизданнымъ. Въ 1818 г. Дестунисъ за отлично-ревностную службу былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Смирну. Вскорѣ здѣсь вспыхнуло греческое возстаніе. Получивъ предписаніе переѣхать на нейтральную землю, Дестунисъ покинулъ Смирну, оставивъ тамъ добрую о себѣ память, и поселился сперва въ Чериго, Іоническомъ островѣ, а потомъ въ Венеціи. Здѣсь онъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе Мельхіора Джіоіо: «Le nuove Galateo» и составилъ «Историко-топографическое описаніе Венеціи»; оба эти труда остались въ рукописяхъ. Въ 1826 г. Дестунисъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ постоянно до 1845 г. Въ это время онъ перевелъ съ греческаго на русскій языкъ сочиненіе А. С. Стурдзы: «Ручная книга православнаго христіанина». Этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1849 году, а вскорѣ потомъ вышло и второе его изданіе. Въ 1831 году была издана Правительствующимъ Сенатомъ переведенная Дестунисомъ «Ручная книга законовъ, или, такъ называемое, Шестокнижіе», собранное Конст. Арменопуломъ (2 ч. in fol.). Переводъ этой книги съ новогреческаго венеціанскаго изданія 1766 г. Дестунисъ сличилъ и выправилъ по древне-греческому подлиннику, находящемуся въ Императорской Публичной библіотекѣ. Русскіе ученые, однако, проглядѣли, не замѣтили перевода Дестуниса, и даже Розенкампфъ въ своемъ обозрѣніи «Кормчей Книги», говоря объ Арменопуло, умолчалъ о русскомъ переводѣ, между тѣмъ какъ именно русскимъ переводомъ долгое время и руководствовалась Бессарабія. Вскорѣ потомъ Дестунисъ занялся изученіемъ морского права Европы съ цѣлью составить на русскомъ языкѣ руководство къ познанію главныхъ вопросовъ морского права. Знакомый съ языками почти всей Европы, Дестунисъ пользовался обширной литературой: трудами Heineccius'a, Vattel'я, Hübner'a, Mably, Azuni, Zampredi и друг. М. М. Сперанскій, разсмотрѣвъ въ рукописи сочиненіе Дестуниса, выразилъ ему свое полное одобреніе. Затѣмъ въ 1841 г. Дестунисъ представилъ свой трудъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое, признавъ за авторомъ обширную ученость, познанія и трудолюбіе, книгу же его «первой и еще единственной въ Россіи», предложило автору расширить задачу своего изслѣдованія и помѣстить историческое обозрѣніе разныхъ трактатовъ, Дестунисъ считалъ такую работу себѣ не подъ силу, оставилъ свою рукопись неизданной и напечаталъ только статью: «Изложеніе понятій разныхъ народовъ о власти надъ моремъ» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1846 г., кн. 5 и 6). Съ 1838 года, по порученію Академіи Наукъ, Дестунисъ впродолженіе трехъ лѣтъ занимался переводомъ съ греческаго «Византійскихъ

*

историковъ». Онъ перевелъ 4 части изданія: Corpus scriptorum Historiae Bizantinae (ed. Niebuhrii, Bonna 1831); переводъ былъ одобренъ Академіею, но въ печати появилось одно только описаніе «Римскаго посольства къ Аттилѣ», помѣщенное въ 2 № Журн. Мин. Нар. Просв., за 1842 г., остальная же часть перевода, т. е. сохранившіеся отрывки Дексиппа, Эвнанія, Петра Патриція, Малка, Менандра, Олимпіодора, Приска, Кандида, Нанноса, Ѳеофана Византійца и друг. были изданы его сыномъ уже послѣ его смерти подъ заглавіемъ: «Византійскіе историки» и т. д. Спб. 1860 г. Въ 1841 году Дестунисъ напечаталъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. (ч. XXXII, отд. II) статью: «Нѣчто о византійскихъ историкахъ», гдѣ онъ вкратцѣ указываетъ на ихъ значеніе для русской исторіи. Литературно-научныя занятія не мѣшали служебнымъ обязанностямъ, и Дестунисъ успѣшно исполнялъ неоднократныя порученія начальства. Съ 1835 года онъ числился первымъ драгоманомъ при Азіатскомъ департаментѣ, въ 1842 году былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1848 году орденомъ Станислава 1-й степени. Въ 1845 году ради больного сына онъ ѣздилъ въ Грецію, за политическимъ и литературнымъ развитіемъ которой онъ всегда слѣдилъ съ особымъ вниманіемъ. Еще незадолго до смерти, обрадованный переводами съ санскритскаго Димитрія Галаноса, Дестунисъ написалъ статью: «О пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ европейскою и особенно греческою литературою въ произведеніяхъ древняго Востока» (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XLIX, отд. II), статью, полную мѣткихъ и ученыхъ замѣчаній о современно-греческомъ языкѣ, въ концѣ которой для образца приложенъ переводъ съ греческаго нравоучительныхъ мыслей философа Сенеки. Семейное несчастье сильно потрясло его усталый отъ трудовъ организмъ, но онъ всетаки не переставалъ работать. Въ 1848 году въ Петербургѣ свирѣпствовала холера; жертвой ея былъ и Дестунисъ: онъ умеръ 31-го іюня, послѣ четырехъ дней страданія. Еще въ молодости (въ 1816 г.) Дестунисъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ, въ 1837 г.—въ корреспонденты Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ 1836 году—въ члены одесскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Музей этого общества обязанъ Дестунису значительныхъ приношеніемъ драгоцѣнныхъ остатковъ древняго искусства, собранныхъ имъ въ Смирнѣ: въ 1841 году онъ прислалъ до 20 кусковъ древнихъ мраморовъ, содержащихъ обломки барельефовъ, надгробныхъ надписей, архитектурныхъ орнаментовъ и проч., а также до 50 штукъ глиняныхъ сосудовъ (Λήκθος). Дестунисъ былъ также членомъ Аѳинскаго общества изящныхъ искусствъ, а съ 1847 года и дѣйствительнымъ членомъ Аѳинскаго общества древностей.

Ч.

Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, ст. Д. Ч. Палеолога, стр. 798—804; Журн. Мин. Нар. Просв. 1851 г., ч. LXXI, отд. VII, стр. 34—40; Журн. Мин Нар. Просв., 1848 г., ч. 60, стр. 53—54; Иконниковъ, опытъ русской исторіографіи, ч. I и II. Брокгаузъ, „Энцикл. Сл., т. X, 488; Старчевскій, спр. Энц. Сл. т. IV, 78.

Детерсонъ, *Иванъ* (Hans Deterson), голландскій портретный живописецъ, умеръ въ Москвѣ въ 1655 году. Детерсонъ является первымъ изъ живописцевъ-иностранцевъ, служившихъ при Московскомъ дворѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Онъ записался въ Посольскомъ приказѣ въ іюлѣ 1643 года и съ этого года служилъ живописцемъ при Оружейной палатѣ. Онъ, какъ извѣстно, училъ русскихъ своей спеціальности — портретной живописи и приготовилъ трехъ учениковъ, но всѣ они рано умерли. Его преемникомъ по службѣ «для ученія живописнаго письма» былъ Лопуцкій. Существуетъ нѣсколько портретовъ, которые мы съ нѣкоторою вѣроятностью можемъ считать работою Детерсона или копіями съ него его учениковъ. По этимъ портретамъ мы можемъ видѣть, что Детерсонъ заботился о строгомъ соблюденіи правильности рисунка въ своихъ картинахъ, что является для исторіи русской живописи весьма важнымъ фактомъ, такъ какъ неправильность рисунка была въ то время главнымъ недостаткомъ русскихъ живописцевъ. Архимандритъ Новоіерусалимскаго монастыря Леонидъ приписываетъ кисти Детерсона находящійся въ Воскресенскомъ монастырѣ портретъ патріарха Никона.

Петровъ: Обзоръ движенія искусства въ Россіи съ XVII в. по настоящее время (Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербург-

ской Императорской Академіи Художествъ),— Д. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.

Вл. Грековъ.

Дешевой, *Иванъ Арсеньевичъ*, граверъ рѣзцомъ, родился въ 1827 году, въ Твери, умеръ 28 февраля 1873 года въ Новгородѣ. Первоначальное образованіе Дешевой получилъ въ Тверскомъ уѣздномъ училищѣ, которое окончилъ въ 1825 году. Впослѣдствіи онъ поступилъ посторонникомъ ученикомъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ, и, такъ какъ «оказалъ особенныя способности по гравировальному на мѣди художеству, доказанныя сдѣланными имъ перомъ рисунками», то въ 1833 году былъ принятъ въ число учениковъ академіи 2-й степени, а въ 1836 году зачисленъ въ классъ Галактіонова. Въ 1838 г. Дешевой получилъ малую серебряную медаль и денежную награду въ 150 руб. за гравюру: «Этюдъ деревьевъ съ оленями». Въ сентябрѣ слѣдующаго 1839 года онъ окончилъ академію художествъ съ званіемъ художника 14-го класса, причемъ получилъ большую серебряную медаль и награду въ 500 руб. изъ суммъ на одобреніе художниковъ за рисунокъ съ натуры, изображающій «уборку сѣна, съ деревомъ на первомъ планѣ». Этотъ рисунокъ, являющійся лучшею работою Дешевого, былъ оставленъ въ Академіи.

Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ. — Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія. — Д. А. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. *В. Г.*

Дешизо, *Петръ* (P. Deschisaux), докторъ медицины, пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1724 г., надѣясь получить мѣсто медика въ посольствѣ Румянцева въ Константинополь. Когда же его попытка не принесла желаемыхъ результатовъ, онъ выхлопоталъ себѣ отъ Академіи Наукъ ежегодную субсидію въ размѣрѣ 300 р., совершилъ путешествіе черезъ Россію въ Персію и собралъ большой ботаническій матеріалъ. Въ 1725 г. конференція Академіи отказала Д. въ пособіи, и послѣ многихъ его попытокъ, которыя были безуспѣшны, пристроиться ботаникомъ при Академіи, онъ выразилъ желаніе возвратиться на родину. Въ 1726 г. иностранная коллегія выдала ему паспортъ, а Академія выхлопотала ему пособіе въ размѣрѣ 52 руб. для возвращенія въ Парижъ, оставивъ его своимъ корреспондентомъ. Въ письмахъ изъ Франціи къ Шумахеру, Д. не разъ намекаетъ, что желалъ бы снова совершить путешествіе по Россіи и обѣщаетъ привезти въ Петербургъ большую коллекцію медицинскихъ растеній. Но, такъ какъ, занимавшій въ это время каѳедру ботаники при Академіи, Буксбаумъ очень неодобрительно отзывался о познаніяхъ Д., то конференція не нашла возможнымъ принять его предложенія. Изъ ученыхъ трудовъ Д. извѣстны: 1) напечатанный въ 1725 г. въ 4 листа въ «Пет. «Index plantarum circa Petropoli»; 2) «Mémoire pour servir á l'instruction de l'histoire naturelle des plantes de Russie et à l'établissement d'un jardin botanique à Saint-Pétersbourg divisé en deux parties»,

Матеріалы для біографіи: „Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ", т. I. „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей", соч. Митроп. Евгенія.

Н. І.

Джогинъ, *Павелъ Павловичъ*, живописецъ-пейзажистъ, родился въ 1834 году въ Стародубскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, умеръ 4 февраля 1885 года въ Петербургѣ. Сначала онъ учился въ Черниговской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ обнаружилъ признаки несомнѣннаго дарованія и гдѣ по своимъ художественнымъ успѣхамъ всегда шелъ наряду съ своими товарищами: Шишкинымъ, Гине и Якоби. Еще въ бытность его воспитанникомъ Академіи, на ея годичныхъ выставкахъ стали появляться его картины. Эти виды и этюды разныхъ мѣстностей изъ окрестностей Петербурга, изъ Новгородской и Черниговской губерній заставляли предполагать, что изъ молодого художника со временемъ выйдетъ замѣчательный живописецъ русской природы. Въ періодъ своего пребыванія въ Академіи Джогинъ получилъ малую (въ 1857 году) и большую (въ 1859 г.) серебряныя медали. Въ 1863 г. онъ былъ выпущенъ изъ Академіи съ званіемъ класснаго художника, а въ 1868 г. получилъ степень академика пейзажной живописи. Дальнѣйшая художественная дѣятельность Джогина, благодаря его слабохарактерности и неудачно сложившимся жизненнымъ обстоятельствамъ, не оправдала возлагавшихся на него надеждъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, принужденный работать исключительно для магазиновъ и

вообще для художественнаго рынка, онъ писалъ свои картины безъ этюдовъ, не справляясь съ натурою, на заученные мотивы и рутинными пріемами; однако, и въ этихъ вещахъ иногда проглядывали слѣды его дарованія. Умеръ онъ отъ рака въ горлѣ, въ совершенной нищетѣ. Его картины появлялись съ 1860 по 1876 годъ. Лучшая изъ нихъ—«Видъ въ Дубкахъ, близъ Петербурга» (1886 г.).

Архивъ Императорской Академіи Художествъ; Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—Ѳ. И. Булгаковъ: Наши художники на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія. Т. I. 1889.—Художественныя Новости 1885 г., № 5.—Художественный Журналъ 1885 г., № 2.—Энциклопедическіе словари Брокгауза и Ефрона, Гранатъ и Березина. *Вл. Грековъ.*

Джонсъ (Jones), *Джонъ Поль*, командоръ американскаго флота, контръ-адмиралъ русской службы, род. 6-го іюля 1747 г., умеръ 18-го іюля 1792 г. Сынъ бѣднаго садовника въ Арбигландѣ въ Шотландіи, Джонсъ съ ранняго дѣтства пристрастился къ мореплаванію и служилъ затѣмъ матросомъ на коммерческихъ судахъ. Непріятныя столкновенія на родинѣ заставили его переселиться въ Америку, гдѣ онъ получилъ въ наслѣдство послѣ смерти брата своего Вильяма, эмигрировавшаго въ Виргинію, значительное помѣстье. Съ началомъ войны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за освобожденіе отъ англійскаго ига, Джонсъ принятъ былъ на службу въ американскій флотъ съ чиномъ лейтенанта и получилъ въ командованіе небольшое военное судно, съ которымъ оказалъ много услугъ Вашингтону, перевозя людей и провіантъ для его арміи. Въ 1777 г. на небольшомъ военномъ суднѣ «Разбойникъ», Джонсъ посланъ былъ въ Европу для дѣйствій противъ Англіи. У береговъ Англіи онъ захватилъ много призовъ и одержалъ блестящую морскую побѣду, захвативъ послѣ упорнаго боя англійскій 22-пушечный корабль «Дрэкъ», съ экипажемъ въ 160 человѣкъ. Въ 1779 г. Джонсъ принятъ былъ на французскую службу и, командуя двумя старыми судами, крейсировалъ въ Нѣмецкомъ морѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ двумя первоклассными англійскими военными кораблями и, послѣ отчаяннаго боя, овладѣлъ ими. За этотъ подвигъ Людовикъ XVI наградилъ его орденомъ «Ordre de Mérite», а конгрессъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, по счастливомъ окончаніи войны за независимость, объявилъ ему за оказанныя имъ услуги благодарность всей націи. Слава Джонса, какъ морского героя, признавалась даже противниками—англичанами, хотя они и старались выставить его корсаромъ и пиратомъ.

Въ 1788 г., во время пребыванія Джонса въ Парижѣ, русскій посланникъ Симолинъ предложилъ ему поступить на службу въ нарождавшійся русскій Черноморскій флотъ, такъ какъ Россія въ это время вступила въ новую борьбу съ Турціей. Джонсъ съ восторгомъ принялъ это предложеніе. Въ апрѣлѣ 1788 г. онъ былъ уже въ Петербургѣ, былъ принятъ императрицей Екатериной въ аудіенціи и, произведенный въ контръ-адмиралы, отправленъ къ Потемкину въ Херсонъ. Екатерина особенно рекомендовала Жонеса, какъ переименовали Джонса въ Россіи, вниманію Потемкина и писала ему, что Джонсъ «показываетъ великую охоту оказать свое усердіе, служа подъ вашимъ предводительствомъ или руководствомъ, гдѣ за благо найдете его употребить». «Тебѣ небезпріятно будетъ, писала она ему въ другомъ письмѣ, имѣть одной мордашкой болѣе на Черномъ морѣ». Но принятіе Джонса на русскую службу едва не повлекло собою отставки всѣхъ служившихъ въ русскомъ флотѣ англичанъ, смотрѣвшихъ на него, какъ на измѣнника своему отечеству; притомъ, личныя качества Джонса, его прямодушіе, вспыльчивость, создавали ему повсюду скорѣе враговъ, чѣмъ друзей. Эти обстоятельства не обѣщали Джонсу ничего хорошаго, хотя Потемкинъ и писалъ императрицѣ, что въ Полѣ Джонсѣ «сдѣлано пріобрѣтеніе немалое для службы». 14-го іюня гребная флотилія, подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена и Поля Джонса, нанесла сильное пораженіе турецкому флоту въ Днѣпровскомъ лиманѣ подъ Очаковомъ: у турокъ было взорвано два корабля и повреждено 19, а наша потеря состояла только изъ 4-хъ убитыхъ и 13-ти раненыхъ. Въ этомъ сраженіи Джонсъ командовалъ парусными судами, которыя въ началѣ не принимали участія въ боѣ, но, когда положеніе принца Нассау-Зигена сдѣлалось сомнительнымъ, Джонсъ привелъ остальную часть гребной флотиліи и

рѣшилъ участь битвы. Екатерина пожаловала за этотъ подвигъ «герою Паулю Жонесу» орденъ св. Анны 1-й степени. Но вслѣдъ затѣмъ Джонсъ поссорился и съ принцемъ Нассау и съ Потемкинымъ, который сталъ даже обвинять Джонса предъ императрицей въ «трусости» и, сообщая, что «никто подъ его начальствомъ быть не хочетъ, просилъ о его отозваніи. Джонсъ возвратился тогда въ Петербургъ, но не получилъ команды и въ Балтійскомъ флотѣ, что желала сначала сдѣлать Екатерина, такъ какъ противъ этого возстали не только моряки — англичане, но и простые коммерсанты, грозившіе въ этомъ случаѣ уѣхать изъ Петербурга. Злоба враговъ Джонса въ особенности выразилась въ клеветѣ противъ него, имѣвшей послѣдствіемъ отъѣздъ Джонса изъ Россіи: ненавистнаго адмирала обвинили въ насиліи надъ бѣдной дѣвушкой. Императрица запретила ему тогда являться ко двору, и хотя, по ходатайству французскаго посланника, дѣло было прекращено, но Джонсъ уволенъ былъ въ концѣ 1788 года въ отпускъ за-границу съ сохраненіемъ производившагося ему жалованья. Джонсъ поселился тогда въ Парижѣ и тамъ умеръ въ безъизвѣстности 18-го іюля 1792 года.

«Biographie Universelle» Мишо. — «Вторая Турецкая война», А. Н. Петрова, «Матеріалы для исторіи русскаго флота», т. V, «Одна изъ Екатерининскихъ мордашекъ» (Ист. Вѣстн. 1895, 7) Paul Jones Founder of the american navy. By A. Buel. 2 vol. New-York. 1901. (Истор. Вѣстн. 1902, I.XXII). *Е. Ш.*

Джорновики, *Джіованни* (Giovanni Giornovichi), извѣстный скрипачъ, родился въ 1745 году въ Палермо, умеръ 21 ноября 1804 г. въ Петербургѣ. Его учителемъ на скрипкѣ былъ Лолли. Обладая выдающимся музыкальнымъ талантомъ, Джорновики еще въ молодыхъ годахъ пріобрѣлъ извѣстность талантиваго скрипача. Отчетливое исполненіе, отдѣлка деталей и изящество музыкальной орнаментаціи были главными достоинствами его игры. Пріѣхавъ около 1770 г. въ Парижъ, Джорновики дебютировалъ въ духовномъ концертѣ шестымъ концертомъ своего учителя, но не имѣлъ успѣха, такъ какъ музыка этого концерта совершенно не соотвѣтствовала индивидуальнымъ особенностямъ его таланта. Но вскорѣ онъ загладилъ эту неудачу своимъ первымъ концертомъ (въ la majeur), который имѣлъ шумный успѣхъ, и съ этого времени его репутація прекраснаго музыканта совершенно упрочилась. Увлекающійся и несдержанный характеръ Джорновики и страсть къ игрѣ и кутежамъ неоднократно приводили его къ столкновеніямъ, которыя не только вредили его репутаціи, но часто заставляли его покидать и мѣнять мѣстопребываніе. Отказъ Джорновики драться на дуэли съ его соперникомъ по скрипичной игрѣ chevalier de Saint-Georges, а также многія другія, еще болѣе серьезныя обстоятельства совершенно скомпрометировали его въ Парижѣ, и въ 1779 году онъ принужденъ былъ оттуда уѣхать. Онъ отправился въ Пруссію и вскорѣ приглашенъ былъ въ капеллу наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма II; но его неуживчивый характеръ и постоянныя столкновенія съ Дюпоромъ и другими музыкантами принца заставили его въ 1783 году покинуть Берлинъ. Къ этому времени относится его большое музыкальное путешествіе, въ которомъ онъ посѣтилъ Вѣну, Варшаву, Петербургъ, Стокгольмъ, всюду встрѣчая успѣхъ. Въ 1792 г. мы находимъ его уже въ Лондонѣ членомъ тамошняго большого концерта; кромѣ того съ 1794 г. онъ неоднократно игралъ скрипичныя соло и концерты въ Друри-Ленскомъ театрѣ. Успѣхъ, какъ и прежде, сопутствовалъ ему. Къ несчастью для Джорновики, въ Лондонъ пріѣхалъ знаменитый скрипачъ Віотти, который по таланту превосходилъ Джорновики; неумѣнье примириться съ второю ролью и обычная несдержанность Джорновики привели къ столкновенію, а затѣмъ и къ музыкальному состязанію между нимъ и Віотти, причемъ Джорновики оказался побѣжденнымъ. Хотя его репутація сильно пострадала, однако онъ еще продолжалъ оставаться въ Лондонѣ, постоянно выступая дѣйствующимъ лицомъ въ разныхъ некрасивыхъ исторіяхъ. Ссора съ извѣстнымъ піанистомъ Крамеромъ и отказъ Джорновики принять его вызовъ на дуэль вынудили его въ 1796 г. покинуть Лондонъ. Своимъ мѣстожительствомъ Джорновики избралъ Гамбургъ. Здѣсь онъ прожилъ болѣе пяти лѣтъ, сочиняя музыку, давая уроки, иногда разыгрывая передъ публикой нѣкоторые изъ своихъ старыхъ концертовъ и отдавая, по обыкновенію, значительную часть своего времени разнымъ удовольствіямъ.

Въ этотъ же періодъ онъ напечаталъ въ Гамбургѣ три лучшихъ своихъ квартета. Въ началѣ 1802 г. Джорновики отправился въ Берлинъ и нѣсколько разъ выступалъ въ концертахъ въ присутствіи королевской фамиліи и въ публичныхъ собраніяхъ; несмотря на свой преклонный возрастъ (въ это время ему было уже около 60 лѣтъ), онъ вызывалъ всеобщій восторгъ и удивленіе своею талантливою игрою. Въ томъ же 1802 году Джорновики пріѣхалъ въ Петербургъ. Вначалѣ онъ имѣлъ успѣхъ, но вскорѣ пріѣздъ знаменитаго Роде охладилъ интересъ публики къ Джорновики. Впрочемъ, онъ еще имѣлъ нѣкоторыхъ поклонниковъ своего таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ сильныхъ покровителей, особенно въ лицѣ извѣстнаго барона А. А. Ралля, въ домѣ котораго собирался тогда чуть ли не весь музыкальный міръ столицы, и который имѣлъ предубѣжденіе противъ Роде. Черезъ два года послѣ пріѣзда въ Петербургъ Джорновики внезапно скончался отъ апоплексическаго удара, во время игры на билліардѣ. Природный музыкальный талантъ Джорновики является несомнѣннымъ, но, вслѣдствіе своего неустойчиваго характера и страсти къ различнымъ удовольствіямъ, онъ совершенно его не развивалъ и потому къ концу своей жизни игралъ ничуть не лучше, чѣмъ въ молодости. Нѣкоторые музыкальные критики сильно сомнѣваются въ научныхъ познаніяхъ Джорновики въ области теоріи музыки. Джорновики оставилъ послѣ себя слѣдующія музыкальныя сочиненія: 16 скрипичныхъ концертовъ; 6 квартетовъ; 21 скрипичный дуэтъ; 6 арій съ варіаціями для скрипки, нѣсколько симфоній; сонату для скрипки съ аккомпаниментомъ Гаса и нѣк. др.

F. I. Fétis: Biographie universelle des musiciens et bibliographie générale de la musique. — Энциклоп. Лексиконъ Плюшара.

Вл. Грековъ.

Джунковскій. *Василій Яковлевичъ*, врачъ, ректоръ харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1767 г.; отецъ его былъ священникомъ въ городѣ Лебединѣ харьковской губ. По окончаніи курса въ харьковской духовной семинаріи (коллегіи) Д. поступилъ на службу волонтеромъ въ школу учениковъ при петербургскомъ генеральномъ госпиталѣ, а въ 1789 г. перешелъ въ хирургическій калинкинскій институтъ; съ 1790 г. Д. состоялъ учителемъ греческаго, латинскаго и россійскаго языковъ въ петербургской медико-хирургической академіи; съ 1791 г. исполнялъ обязанности надзирателя за учащимися и былъ учителемъ греческаго языка въ медико-хирургическомъ калинкинскомъ институтѣ безъ жалованья; впрочемъ недостатокъ слушателей побудилъ Д. уволиться отъ этой должности въ 1797 г.; съ 1795 г. Д. состоялъ переводчикомъ въ государственной медицинской коллегіи. Въ 1802 г. по указу медицинской коллегіи былъ назначенъ библіотекаремъ петербургской медико-хирургической академіи; въ 1804 г. назначенъ начальникомъ архива государственной медицинской управы, одновременно съ этимъ Д. состоялъ переводчикомъ при медицинскомъ совѣтѣ и корректоромъ медицинской типографіи, въ 1811 г. участвовалъ въ комиссіи для изданія при петербургской медико-хирургической академіи медицинскаго журнала; въ 1818 г. Д. вступилъ въ харьковскій университетъ профессоромъ; съ 1819 г. читалъ въ этомъ университетѣ и сельскомъ хозяйствѣ; съ 1821 г. по 1826 г. былъ ректоромъ; въ 1823 г. получилъ званіе заслуженнаго профессора и былъ выбранъ предсѣдателемъ харьковскаго университетскаго общества наукъ. Литературная дѣятельность Д. выразилась главнымъ образомъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ, большей частью съ нѣмецкаго; оригинальныя статьи Д. по содержанію носятъ смѣшанный характеръ: онѣ касаются главнымъ образомъ вопросовъ сельскаго хозяйства и отчасти исторіи медицины. Приводимъ перечень оригинальныхъ и переводныхъ работъ Д.: 1) Рихтеръ. Начальныя основанія хирургіи или рукодѣятельныя врачебныя науки, 7 частей, изъ нихъ перв. четыре пер. М. Пекенъ, а послѣднія—три В. Джунковскій. Петербургъ 1790—1809, 8° изд. 2-е П. 1801—1814, 8°; 2) Ода графу Пет. Вас. Завадовскому при случаѣ посѣщенія имъ медиц. хир. института. Петерб. 1791 г. 4°; 3) Catalogus librorum Collegii Rossici. Ptrp. 1799, 8° съ нѣсколькими дополненіями; 4) Елизенъ. Наставленія краткія о скотскомъ падежѣ. Спб. 1801, 8°; 5) Мурзины. Наблюденіе о прививаніи коровьей оспы; 6) Елизенъ. Врачебныя извѣстія о преждевременномъ погребеніи мертвыхъ.

Спб. 1801, 8° 2 н. XVI, 127, 1 кор.; 7) Уденъ. Наставленіе, 1 ч. о скотскихъ болѣзняхъ. Спб. 1801, 8° и 2 ч. о скотскихъ падежахъ. Спб. 1807, 8°; 8) съ нѣм. Еллизенъ. Практическія наставленія, какъ прививать оспу безъ помощи врачей, содержать дѣтей во время сей болѣзни и предохранять ихъ отъ всякихъ худыхъ послѣдствій. Спб. 1801, 8°, 29; 9) Шпренгель. Критическое обозрѣніе состоянія врачебныхъ наукъ за послѣднее десятилѣтіе. Спб. 1803, 8°, 2 ч. 4 н.. XIV, 2 н., 407, 2 н.; 584 и 62 н.; 10) съ нѣм. рукописи Гуна (домашн. врач. Алексѣя Разумовскаго), Топографич. описаніе г. Риги съ присовокупленіемъ врачебныхъ наблюденій. Спб. 1804, 4°, 2 ч.; 11) Гитонъ-Марво. О вѣрнѣйшихъ предохранительныхъ средствахъ къ благорастворенію воздуха и отвращенію заразы. Спб. 1804, 8°.—Тожъ Спб. 1806, 8°, 8 н., XIX, 681, 4 н.—Тожъ Спб. 1807, 8°; 12) Сикъ. Наставленіе объ овечьей оспѣ съ показаніемъ способовъ прививанія ея. Спб. 1807, 8° XVI, V, 231; 13) Шереръ. Руководство къ преподаванію химіи, ч. 1. Спб. 1808, 8°; 14) Реманъ. Описаніе туркинскихъ минеральн. водъ за Байкаломъ. Спб. 1808, 8°; 15) Catalogus librorum Ac. Caes. med. chir. Petropolitanae. Ptrp. 1809, 8°, 705.—Supplex dissertationum inauguralium. Ptrp. 1816, 8°, 640; 16) краткое обозрѣніе врачебной науки въ Россіи съ древнихъ до нынѣшнихъ временъ. Вс. Ж. Вр. Н. 1811, I—1; II—1; III — 1; 17) Готгардтъ. Наставленіе о разведеніи табаку. Спб. 1812, 8°; 18) Наставленіе о дѣланіи фаянсовой посуды, собранное изъ достовѣрныхъ опытныхъ сочиненій. Спб. 1814, 8°; 19) съ нѣм. Гунъ. Дополненіе къ мед.-топограф. описанію Лифляндіи съ табелями о состояніи оспы, съ чертежами крестьянскихъ избъ и бань. Спб. 1814, 4°; 20) Объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ на нравственность. Рѣчь актов. въ харьк. ун. Харьковъ, 1819, 4°; 21) Catalogus Bibliotecae Caes. univ. litt. Charcovensis, Charc. 1824, 8°; 22) Жизнеописаніе нѣкоторыхъ въ Россіи отличныхъ врачей; 23) Способъ замѣнить иностранный сахаръ домашнимъ производствомъ; 24) Луцъ. Другъ Здравія; 25) Способъ избавленія утопшихъ и другихъ, подобнымъ случаямъ подверженныхъ людей, отъ смерти; 26) Ловицъ. Способъ дѣлать уксусную кислоту; 27) Буттацъ. О привив. коровьей оспы; 28) Гальвелъ. Скотскій лечебникъ; 29) съ англ. Описаніе желтой горячки; 30) съ нѣм. Мурзинна. Х. Л. Новыя медико-хирургическія наблюденія. Спб. 1798, 8°, 2 ч.; 31) Краткое обозрѣніе медико-хирургической академіи. Вс. Ж. Вр. Н. 1811, IV, 3; 32) О приготовленіи берлинской лазури. Тр, В. Эк. об. т. 69, ст. 1.—Тамъ же, Ультрамарина—69, 129. Трюфели. Тамъ же, 469, 216; 33) О разныхъ родахъ мыла, приготовляемаго въ иностранныхъ земляхъ. Тожъ 72, 125; 34) О разведеніи испанскихъ овецъ въ Слободско-украинской губерніи. Тожъ 148.

Геннади. 298. Змѣевъ 89, вып. I и приб. втор., стр. 16 Багалѣй: Опытъ исторіи Харьковскаго университета. *Н. В. Т—нъ.*

Джунковскій, *Степанъ Степановичъ*, одинъ изъ болѣе видныхъ русскихъ адептовъ католицизма, бывшій папскій апостолическій намѣстникъ арктическихъ странъ, сынъ тайнаго совѣтника, Степана Семеновича Джунковскаго, извѣстнаго своими трудами въ области агрономіи, овцеводства и шелководства, родился въ Петербургѣ 10 февраля 1821 г., умеръ тамъ же 25 февраля 1870 года. Джунковскій предназначался отцомъ къ военной службѣ и былъ отданъ въ первый кадетскій корпусъ, однако по слабости его здоровья отецъ взялъ его изъ корпуса и началъ готовить къ гражданской карьерѣ. Джунковскій поступилъ въ Петербургскій университетъ, блистательно окончивъ курсъ въ которомъ со степенью кандидата въ 1842 г., написалъ двѣ конкурсныя диссертаціи: «О крѣпостномъ трудѣ въ Россіи» и потомъ «О финансовыхъ системахъ европейскихъ государствъ», при чемъ за послѣднюю получилъ медаль. Пылкій, полный увлеченія, съ малыхъ лѣтъ отличающійся особенною религіозностью, Джунковскій получилъ отъ министра Уварова, по окончаніи университета, командировку за границу для изученія положенія средняго и низшаго образованія на Западѣ и твердо рѣшилъ взять на себя роль миссіонера православія и проповѣдника его среди народовъ Западной Европы. Въ Германіи Джунковскій со всѣмъ пыломъ молодости предался изученію новѣйшей нѣмецкой философіи и различныхъ религіозныхъ системъ и сектъ, въ Берлинѣ сбли-

зился съ Шеллингомъ, который будто бы раскрылъ ему свое философское credo, заключавшееся въ признаніи истины Евангелія и божественности Христа, но взялъ при этомъ съ Джунковскаго обѣщаніе не обнародовать его письменнаго признанія до его смерти. Въ продолженіе трехъ лѣтъ Джунковскій въ качествѣ яраго проповѣдника православія, въ поискахъ за истиной и разрѣшеніемъ мучившихъ его нравственныхъ вопросовъ, изъѣздилъ западнославянскія и нѣмецкія земли, Голландію, Францію, Англію и Италію, издавалъ на пяти языкахъ брошюры, писалъ статьи въ разныхъ заграничныхъ журналахъ на различныхъ языкахъ, велъ обширную переписку со многими учеными знаменитостями Европы и конечнымъ результатомъ всей этой напряженной, страстной дѣятельности и смѣлыхъ попытокъ разрѣшить «неразрѣшимые», «проклятые», какъ ихъ называлъ Байронъ, вопросы было то, что Джунковскій, запутавшись въ мистическомъ ученіи Сведенборга, самъ сдѣлался крайнимъ мистикомъ. По пріѣздѣ въ Римъ въ 1845 г. Джунковскій былъ ловко окруженъ и обойденъ іезуитами, которые съ большимъ вниманіемъ слѣдили за агитаторской его дѣятельностью, перешелъ въ католицизмъ, вступилъ въ орденъ іезуитовъ и со всѣмъ пыломъ неофита всѣ свои блестящія способности и обширную ученость принесъ на служеніе вновь принятаго имъ исповѣданія. Пробывъ около шести лѣтъ въ іезуитской коллегіи въ Римѣ, Джунковскій пріобрѣлъ обширныя богословскія познанія, изучилъ шесть европейскихъ языковъ, кромѣ латинскаго, и послѣдовательно проходилъ должности проповѣдника, духовника при парижскихъ монастыряхъ: Sacré-Coeur, Visitation, Bon-pasteur и другихъ. Принявъ священническій санъ, Джунковскій въ 1852 г. оставилъ общество Лойолы и, переселившись изъ Рима въ Парижъ, агитировалъ здѣсь въ качествѣ члена «восточнаго общества для соединенія церквей», основателя «миссіи въ окрестностяхъ Парижа», директора нѣмецкаго общества св. Женевьевы, и въ качествѣ участника многихъ благотворительныхъ обществъ: «братства слѣпыхъ», «братства сиротъ», «братства для нѣмцевъ, живущихъ въ Парижѣ» и др. Онъ учредилъ въ Парижѣ извѣстную миссію среди тряпичниковъ города, самой обездоленной части населенія Парижа и благодаря своей широкой проповѣднической и публицистической дѣятельности, пріобрѣлъ среди парижскаго населенія огромную популярность подъ именемъ père Etienne. Въ это же время онъ неутомимо работалъ въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ, нѣкоторые изъ нихъ даже редактировалъ, въ «l'Univers», «La Voix de la vérité», «L'ami de la Réligion» и другихъ напечаталъ болѣе 300 статей, издавалъ множество отдѣльныхъ сочиненій на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, норвежскомъ и друг. языкахъ, по самымъ различнымъ областямъ знанія, даже по геологіи и астрономіи, пересматривалъ и дополнялъ теологію епископа монскаго Бувье, редактировалъ нравственную философію Гюри и началъ составлять «Dictionnaire des missions catholiques», составленный имъ вмѣстѣ съ Лакруа, въ 2-хъ частяхъ, и оконченный въ 1864 г. Въ 1853 г. Джунковскій снова явился въ Римъ съ проектомъ переустройства римской церкви и, главнымъ образомъ, уничтоженія целибата. Но проектъ его папа Пій IX оставилъ безъ послѣдствій и далъ Джунковскому важныя порученія; хлопотать въ Вѣнѣ предъ императоромъ по дѣлу о заключеніи конкордата съ Римомъ, возстановить оснабрюкскую епархію въ Вестфаліи, устроить церковь для иностранныхъ католиковъ въ Лондонѣ и т. д. Въ 1854 г. Пій IX далъ Джунковскому титулъ апостольскаго миссіонера, потомъ назначилъ его начальникомъ миссіи на крайнихъ предѣлахъ сѣвера у лапландцевъ и эскимосовъ, гдѣ онъ построилъ семь церквей въ различныхъ мѣстахъ и возстановилъ семь католическихъ епархій, упраздненныхъ со времени реформаціи, въ Норвегіи, Швеціи, Исландіи, Шотландіи и на островахъ Феррерскихъ и былъ нѣкоторое время проповѣдникомъ при королевскомъ дворѣ въ Стокгольмѣ. За всѣ эти заслуги предъ католической церковью Джунковскій, уже признанный состоявшимся въ 1854 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта изгнанникомъ изъ предѣловъ Россіи съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, получилъ отъ благодарнаго папы санъ префекта апостольскаго престола въ странахъ арктическихъ съ юрисдикціей епископской власти. Но, придя къ заключенію, что «римская церковь скорѣе преграда,

чѣмъ средство къ счастію человѣчества», какъ самъ онъ выражался впослѣдствіи въ своей энцикликѣ, Джунковскій снова вошелъ къ папѣ съ представленіемъ о необходимости реформъ въ католицизмѣ, но, конечно, и на этотъ разъ тщетно. Тогда Джунковскій изъ яраго сторонника папизма обратился въ суроваго изобличителя неправдъ католической церкви, поселился въ одномъ изъ монастырей близъ Флоренціи, а потомъ въ Германіи близъ Штутгарта и занялся здѣсь учеными работами, плодомъ которыхъ было окончаніе извѣстнаго «Dictionnaire des Missions», заключающаго въ себѣ исторію миссій со временъ апостольскихъ до нашихъ дней, съ статистическими и догматическими свѣдѣніями, изданный въ 1864 году извѣстнымъ патрологомъ Минемъ. Въ 1861 г. свой протестъ противъ католицизма Джунковскій подтвердилъ женитьбой на англичанкѣ, съ которой впрочемъ вскорѣ разошелся. Постоянно усиливавшееся ожесточеніе противъ папизма и научныя занятія въ тиши привели Джунковскаго снова къ родной церкви, и въ январѣ 1866 г. въ придворной церкви въ Штутгартѣ совершено было протоіереемъ Базаровымъ возсоединеніе его съ православіемъ, и тогда же разрѣшено было ему возвратиться въ Россію съ дарованіемъ ему упрежнихъ правъ состоянія. Возвратившись въ Россію, Джунковскій въ 1866-же году напечаталъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№№ 144—187) цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ: «Письма русскаго послѣ 24-хъ-лѣтней заграничной дѣятельности». Тревога, поднятая тогда западно-Европейскими газетами и журналами, особенно клерикальными, въ большинствѣ изъ которыхъ раньше Джунковскій былъ главнымъ сотрудникомъ, если не редакторомъ, вызвала съ его стороны сочиненіе: «Lettre pastorale d'adieu, du premier et ancien prefet apostolique des régions arctiques, adressée au clergè et aux fidèles de cette juridiction, et Encyclique aux anciens collègues dans la juridiction episcopale etc... (Apologia pro mea vita), которое въ 1867 году было переведено и на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Пастырское прощальное посланіе бывшаго апостолическаго намѣстника арктическихъ странъ, обращенное къ духовенству и паствѣ этой епархіи и Энциклика. Переводъ съ французскаго. Москва. 1867 г.», Въ 1867 г. на русскомъ языкѣ появилась его «Энциклика противъ Рима, переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ І. Базарова». Въ послѣднее время Джунковскій былъ членомъ учебнаго комитета при святѣйшемъ Синодѣ и членомъ миссіонерскаго общества, а также сотрудничалъ во многихъ духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ «Русскомъ Инвалидѣ» (1866 г. №№ 144, 165, 199 и 213) помѣстилъ большую статью: «Русскій, одинъ изъ 17 римскихъ іерарховъ Великобританіи»; въ «Вѣстникѣ Европы» 1874 г., напечаталъ статью: «Политика Даніи при Фридерикѣ VII; въ «Народномъ голосѣ» Юркевича завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ и пр., но силы его были уже надорваны нервной напряженной предыдущей работой, и онъ лишенъ былъ прежней энергіи, тѣмъ болѣе, что ему постоянно напоминала о себѣ тяжкая болѣзнь, которая и свела въ могилу на 50-мъ году жизни могучаго борца за идею, всѣмъ существомъ любившаго истину и, можно сказать, умершаго отъ нервнаго истощенія въ поискахъ за нею.

„Домашняя бесѣда“, 1866 г., №№ 41—49, автобіографія. - „Русскій Инвалидъ“, 1866 г., №№ 144, 165, 199, 213, 259, 289, 294, 295, 315, 326.—„Виленск. Губ. Вѣдом.“, 186 г., №№ 90, 9 , 100, 102; 1867 г., № 18, 40.—„Странникъ“, 1866 г., № 5, 41.—„Спб. Вѣдомости“, 1866 г., № 143 статья Базарова.—„Православное Обозрѣніе“, 1866 г., т. XIX, № 4, стр. 230 - 242.—„Голосъ“ 1870 г. № 64.—„Спб. Вѣд “ 1870 г., № 64.—„Иллюстрир. Газета“ 1870 г., № 11. - „Русскій Архивъ“, 1872 г., № 10; 1873 г. № 8, 1890 г., т. I, 536.—Геннади, „Словарь русск. писат.“, и др.—Сочиненія С. Джунковскаго см. у Межова, Ист. библ., т. 7, стр. 194 и др.

А. Черкасъ.

Джунковскій, *Ѳедоръ Степановичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 20-го сентября 1816 г., умеръ 16-го февраля 1879 г. Происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда по окончаніи курса выпущенъ корнетомъ въ 7-й уланскій Ольвіопольскій полкъ 4-го декабря 1835 г. Въ чинѣ поручика Джунковскій, 11-го апрѣля 1843 года переведенъ лейбъ-гвардіи въ Уланскій Его Величества полкъ, а 8-го мая 1847 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, участвовалъ въ Венгерской кампаніи 1849 г. Во время войны 1854 и 1855 г. находился при охранѣ по-

бережья Балтійскаго моря, а 26-го августа 1856 г. былъ произведенъ въ полковники и 7-го февраля 1858 г. назначенъ штабъ-офицеромъ при томъ же штабѣ. 30-го августа 1862 г. онъ былъ назначенъ состоять для особыхъ порученій при командирѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а 17-го августа 1863 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Въ 1864 г. Джунковскій былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи генералъ-инспектора кавалеріи и въ 1867 году, оставаясь въ той же должности, назначенъ членомъ главнаго комитета по устройству и образованію войскъ и за успѣшное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей, 13-го мая 1873 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1877 г. назначенъ предсѣдателемъ того же комитета. 14-го мая 1878 г. Джунковскій былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Генералъ-Инспекторѣ кавалеріи съ оставленіемъ предсѣдателемъ комитета. Джунковскій имѣлъ всѣ ордена до св. Анны 1-й степени и много иностранныхъ.

Формулярный списокъ, хранящійся въ общемъ архивѣ главнаго штаба.

Б. Т.

Джустиніани (Giustiniani), *Джованни*, итальянскій поэтъ и импровизаторъ, лекторъ итальянскаго языка и словесности въ Петербургскомъ университетѣ, родился въ 1810 году, въ Папской области, въ гор. Имолѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Болоньѣ, а затѣмъ съ наградою кончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ Римѣ въ коллегіи della Sapienza. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ Д. отличался необыкновенною памятью и способностью къ стихотворству. На школьной скамьѣ онъ уже увлекался итальянскими классиками Тассомъ, Аріостомъ и Данте и зналъ наизусть почти всѣ произведенія этихъ безсмертныхъ поэтовъ. Окончивъ коллегію онъ не избралъ себѣ служебной карьеры, приковывающей къ одному мѣсту, а предпочелъ развить свой талантъ и сдѣлаться свободнымъ художникомъ. Для этого онъ предпринялъ путешествіе по Италіи, останавливался въ городахъ и выступалъ публично, импровизируя стихи на заданныя темы. Въ началѣ его соотечественники принимали его за обычнаго импровизатора, которыхъ не мало странствуетъ по ихъ странѣ, но въ самомъ скоромъ времени, должны были убѣдиться въ противномъ и признать за нимъ необыкновенный талантъ и неподдѣльное вдохновеніе. Распространенію его славы много способствовалъ извѣстный итальянскій знатокъ литературы того времени маркизъ Монтроне, который, услышавъ нѣсколько разъ импровизаціи Д., провозгласилъ его великимъ поэтомъ-импровизаторомъ. Вскорѣ и Д. было предложено мѣсто придворнаго поэта у сардинскаго короля, но онъ отказался. Кромѣ итальянскихъ поэтовъ Д. долго изучалъ Байрона, увлекался его произведеніями и пожелалъ посѣтить и омочить слезами мѣсто, гдѣ скончался его дорогой учитель, какъ онъ не разъ называлъ Байрона, пожелалъ увидѣть ту страну — колыбель науки, искусства и философіи. Изъ Италіи онъ отправился на островъ Корфу и здѣсь получилъ приглашеніе короля Оттона посѣтить Аѳины. Здѣсь онъ любезно былъ принятъ королемъ, который самъ давалъ ему темы для импровизацій, и вполнѣ оправдалъ славу, которую стяжалъ себѣ въ своемъ отечествѣ. На публичныхъ импровизаціяхъ онъ, главнымъ образомъ, воспѣвалъ героевъ Греціи, славными подвигами, которыхъ онъ желалъ поднять народную гордость и такъ живо изображалъ ихъ личности и дѣянія, какъ бы предъ его глазами воскресла вся прошлая исторія Греціи. Изъ Аѳинъ Д. отправился въ Смирну, гдѣ женился и нѣкоторое время издавалъ поэтическую газету на итальянскомъ языкѣ. Но страстный темпераментъ поэта и любовь къ путешествію не позволили ему долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Въ самомъ непродолжительномъ времени онъ переселился въ Константинополь, а затѣмъ въ 1839 году въ Россію, гдѣ провелъ потомъ большую часть своей жизни.

Одесса была первымъ городомъ Россіи, который услышалъ этого знаменитаго поэта. Но одесское общество не особенно сочувственно отнеслось къ этому импровизатору, но винить ее въ этомъ нельзя. Въ Россіи еще никто не слыхалъ импровизаторовъ, а потому многіе и отнеслись къ Д. скептически, тѣмъ болѣе, что онъ импровизировалъ на итальянскомъ языкѣ, доступномъ незначительному кружку. Можетъ быть такое отношеніе публики и было причиною того, что Д. очень не долго оставался въ Одессѣ и думалъ возвратиться

на родину. Но затѣмъ Д. понялъ, что, пріѣхавъ въ Россію, онъ не могъ ограничиться только Одессой, которая въ то время и не была чисто «русскимъ городомъ», къ тому же у него явилось желаніе побывать въ сердцѣ Россіи. «Я видѣлъ Римъ, видѣлъ Аѳины, былъ въ Капитоліи», говорилъ Д.: «хочу теперь побывать и въ Кремлѣ, въ этомъ послѣднемъ предѣлѣ славы Наполеона, въ этомъ искупителѣ Европы». Въ 1840 г. онъ пріѣхалъ въ Москву. Первая импровизація Д. была назначена въ залѣ почтамта. Московское общество тоже въ первый разъ не особенно довѣрчиво отнеслось къ итальянскому поэту. Это не была новая драма, или опера съ убійствами, превращеніями и другими т. п. новинками, привлекавшими такъ охотно публику, потому и собралось небольшое общество ученыхъ и любителей изящной словесности, знающихъ хоть немного итальянскій языкъ. Собравшимися было предложено Д. много темъ, которыми онъ овладѣлъ превосходно и привелъ всѣхъ присутствующихъ своимъ талантомъ въ восторгъ; особенно же обратили вниманіе на себя импровизаціи на темы: «Пожаръ Москвы и «Переправа черезъ Березину», которыя доказали вполнѣ несомнѣнный талантъ Д. Иностранецъ, только-что пріѣхавшій въ Россію, такъ прекрасно, художественно и точно выражалъ въ стихахъ мысли и чувства русскихъ людей, которыхъ онъ зналъ только по книгамъ. Онъ не видѣлъ ни пожара Москвы, ни переправы черезъ Березину, а между тѣмъ съ какою поразительною точностью все это имъ было представлено въ превосходныхъ пѣвучихъ стихахъ. Нѣкоторые изъ слушателей, желая убѣдиться, что они имѣютъ дѣло не только съ человѣкомъ талантливымъ, но и образованнымъ, предложили ему импровизировать на научную тему: «отчего происходитъ молнія?» и онъ остроумно разрѣшилъ задачу, разговоромъ между мудрецомъ и пастушкою, пасущею свое стадо на вершинѣ горы. Но еще болѣе были удивлены слушатели, когда Д. предложилъ импровизировать не только на заданную тему, но и на назначенныя риѳмы. Многіе старались затруднить импровизатора, предлагая такія темы, какъ напримѣръ: «il ciarlatano literato» и назначали риѳмы въ родѣ «rex—lex», «nox—vox» и т. п., но и эта тема съ данными риѳмами была блестяще выполнена Въ заключеніе Д. было предложено воспѣть торжество импровизатора, что съ одной стороны было какъ бы выраженіемъ того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на слушателей, а съ другой—ставило его въ щекотливое положеніе, такъ какъ онъ долженъ былъ восхвалять себя, но и здѣсь его выручилъ неподдѣльный талантъ: забывъ на время, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, Д. пропѣлъ дифирамбъ творческому духу, ниспосылаемому богами. Этотъ первый вечеръ вполнѣ обезпечилъ ему успѣхъ въ Россіи, о немъ заговорили почти всѣ газеты, и онъ сталъ извѣстенъ не одному только избранному кружку. Черезъ нѣсколько дней состоялся другой вечеръ, привлекшій уже многочисленное общество. Этотъ вечеръ доказалъ, какой необъятный талантъ, какая поразительная память, какой разнообразный запасъ знаній былъ у Д., что онъ могъ удовлетворить своими импровизаціями не только нетребовательныхъ слушателей, но и ученыхъ.

Въ 1841 г. Д. пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ попечителю учебнаго округа кн. Волконскому и предложилъ выучить воспитанниковъ гимназій итальянскому языку въ 30 уроковъ, если они хорошо знаютъ латинскій и французскій языки. Волконскій согласился и для опыта была выбрана 6-я гимназія. Позанимавшись недѣли двѣ, Д. снова явился къ Волконскому и заявилъ, что онъ импровизаторъ и при его содѣйствіи желалъ бы ознакомить общество съ импровизаціями. Опять ему было дано согласіе и Д. въ первый разъ выступилъ въ Петербургѣ въ домѣ Греча, гдѣ собрался исключительно литературный кружокъ и своими первыми импровизаціями доказалъ свой талантъ. Съ этого времени Д. сталъ извѣстенъ почти всей образованной части русскаго общества. Онъ то импровизировалъ въ Петербургѣ, то снова уѣзжалъ въ Москву. Нѣкоторые литераторы и поэты того времени принимали живое участіе въ Д., выступали на его вечерахъ для чтенія своихъ стиховъ. Въ этомъ же году онъ два раза посѣтилъ Москву и былъ принятъ уже какъ старый знакомый, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ, который воспѣвалъ ея Кремль, ея пожаръ, ея счастіе и несчастія. Въ первый свой пріѣздъ онъ импровизиро-

валъ на вечерѣ у Булгакова, гдѣ ему случайно нѣсколькими лицами была предложена одна тема: «пріѣздъ государя въ Москву во время холеры» — одна изъ лучшихъ импровизацій Д. Предполагая, что это его послѣднее посѣщеніе, Д. импровизаціей прощался съ Москвою и послѣдняя часть этой импровизаціи была записана одной изъ поклонницъ его таланта и служила послѣднимъ слѣдомъ пребыванія его въ Москвѣ. Второй пріѣздъ его былъ совершенно случайный на страстной недѣлѣ по дорогѣ за границу. Богомольные жители были погружены въ религіозное настроеніе, посѣщали усердно страстныя богослуженія, которыя вызывали у нихъ воспоминаніе о страданіяхъ Христа — все это произвело впечатлѣніе на Д. и онъ излилъ свое чувство въ импровизаціи «Марія на Голгофѣ». Никто уже теперь не удивлялся тому граціозному выраженію, въ которое вылилось у него это чувство; никто теперь не сомнѣвался, что онъ дѣйствительно поэтъ съ чуткою душою, которому доступны всѣ движенія человѣческаго сердца.

Всѣ его импровизаціи имѣли не только прекрасную внѣшнюю форму, но и отличались глубокими мыслями, что доказывало, что онъ кромѣ таланта обладаетъ обширнымъ образованіемъ. Въ свободное время Д. занимался изученіемъ исторіи и литературы всѣхъ народовъ, мѳологіей и друг. науками. Многіе любители словесности жалѣли, что прекрасныя произведенія этого поэта, зародившіяся въ немъ подъ небомъ Россіи, должны пропасть безъ слѣда, рѣшили написать оставшіяся у нихъ въ памяти импровизаціи и издать ихъ отдѣльною книгою, но рѣшеніе это почему-то не было приведено въ исполненіе.

Въ 1842 г. Д. отправился въ Варшаву, Берлинъ, Дрезденъ и вездѣ пользовался одинаковымъ успѣхомъ. Лѣто 1843 г. онъ провелъ въ русской деревнѣ у одного любителя поэзіи (И. Е. Великопольскаго), а затѣмъ снова пріѣхалъ въ Москву и былъ встрѣченъ публикою еще съ большею любовью, большимъ торжествомъ. Въ тотъ свой пріѣздъ Д., желая сдѣлать свои импровизаціи болѣе доступными, предложилъ импровизировать на латинскомъ языкѣ, который въ Россіи былъ извѣстенъ больше итальянскаго. Ни одинъ народъ на земномъ шарѣ не слышалъ никогда импровизацій на латинскомъ языкѣ! Нѣсколько импровизацій Д. на этомъ языкѣ были по просьбѣ слушателей исполнены письменно, и никто изъ знатоковъ латинскаго языка не могъ найти въ нихъ какихъ-либо недостатковъ, несмотря на то, что они выполнялись такъ же, какъ и итальянскія, не только на предложенную тему, но и на заданныя риѳмы и желаемый размѣръ. Чтобы вполнѣ закончить личность Д., какъ импровизатора, нужно сказать нѣсколько словъ о внѣшности импровизацій. Нѣсколькихъ аккордовъ на какомъ-либо инструментѣ было довольно времени для Д., чтобы обдумать заданную тему. Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ такъ описываетъ Д.: «шутя и разговаривая онъ беретъ листокъ, на которомъ написаны темы и риѳмы.., и сразу сдѣлался другимъ человѣкомъ: онъ сжался, сосредоточился и всѣ умственныя способности его сбѣжались, столпились, слились въ одну точку, въ одну искру и эта искра засіяла въ головѣ его и жарко стало въ глазахъ художника. Онъ уже не шутилъ, не улыбался, ничего не видалъ, никого не слушалъ: онъ творилъ!..—И вотъ создалъ и опять сталъ человѣкомъ...»

По своему таланту Д. превосходилъ всѣхъ извѣстныхъ импровизаторовъ, съ нимъ могъ сравняться только ученикъ его— Ресальди, который подобно Рафаэлю превзошелъ своего учителя. Въ 1841 г. Д. издалъ въ Петербургѣ сборникъ своихъ стихотвореній съ переложеніемъ на французскій и друг. языки, подъ названіемъ «La muse italienne en Russie». Изъ импровизацій записано очень немного: часть на итальянскомъ языкѣ, часть на латинскомъ и только нѣкоторыя переведены на русскій языкъ Шевыревымъ. Изъ прозаическихъ произведеній Д. извѣстны только изданныя имъ въ Италіи описанія своихъ путешествій по Тосканѣ и Россіи.

Въ періодъ возрожденія Италіи Д. покинулъ Россіи и уѣхалъ въ Италію, гдѣ служилъ въ дружинѣ гарибальдійцевъ. Въ 1850 г. онъ возвратился въ Россію и остался жить въ Петербургѣ, гдѣ въ 1851 г. ему была предложена каѳедра итальянскаго языка и словесности въ университетѣ, оставшаяся вакантною за уходомъ лектора Манцини. Д. принялъ предложеніе и читалъ лекціи до 1859 г., когда разстроенное здоровье мѣшало ему добросовѣстно относиться къ принятымъ обязанностямъ и онъ оставивъ университетъ,

жилъ въ Петербургѣ, продолжая изрѣдка выступать публично.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Д. заболѣлъ разстройствомъ умственныхъ способностей и въ 1866 г. умеръ отъ нарыва въ мозгу.

Послѣ его смерти осталась библіотека, около 30.000 томовъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. Около 71 экземпляра «инкунабулъ» (напечатанныхъ ранѣе 1500 г.) и изданія Альда Мануція, напечатавшаго въ первый разъ творенія римскихъ и греческихъ классиковъ. Очень много также было въ ней книгъ голландскаго типографа Эльзевира и его талантливыхъ учениковъ. Библіотека эта еще разъ наглядно доказала, то Д. былъ очень образованный человѣкъ и понимающій библіофилъ. Она была продана съ аукціона, передъ которымъ былъ изданъ ея каталогъ.

„Биржевыя вѣдомости“ 1872 г. № 345.—„Иллюстрированная газета“ 1866 г., № 29; Григорьевъ „Императ. Петербург. Универс. за первые 50 лѣтъ существованія“, Спб. 1870 г.; мѣсяцесловъ на 1867 г.; „Азовскій Вѣстникъ“ 1874 г., № 60, ст. „Изъ гимназическихъ воспоминавій“; Циприносъ „Калейдоскопъ воспоминаній“, Моск., 1874 г., вып. I.—„Сѣверная Пчела“, 1841 г., №№ 63, 117, 280, 290; 1842 г. № 68; 1843 г., №№ 28, 86; 1852 г. № 74; 1858 г. № 253. „Одескій Вѣстникъ“ 1839 г. № 43; 1840 г. № 12.—„Московскія Вѣдомости“ 1840 г. №№ 53, 82, 87, 89; 1842 г. №№ 97, 101, 102.—„Оффиціальная газета Царства Польскаго“ 1840 г. № 253.—„Маякъ“ 1841 г., ч. 17 и 18; 1842 г., т. I; 1843 г., № 7.—„Москвитянинъ 1841 г, № 1 и 2 и „Петербургскія Вѣдомости 1840 г. № 279 и 1843 г. № 93. Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву, съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. А. Модзалевскаго, Спб. 1903 г. *С.*

Дзичканецъ, *Осипъ Гедеоновичъ*, родился въ 1803 году. Получивъ воспитаніе сначала въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, онъ поступилъ на службу въ 1819 году — инженеръ-прапорщикомъ. Принимая въ теченіе послѣдующей своей службы дѣятельное участіе въ постройкѣ нашихъ первоклассныхъ крѣпостей, онъ между прочимъ лично руководилъ постройкой Кіевской и Брестъ-Литовской крѣпостей. Съ 1854 г. по 1859 г. дѣятельность его была посвящена Кронштадту, гдѣ онъ послѣдовательно былъ строителемъ—морскихъ батарей, укрѣпленій и самой крѣпости. Скончался онъ, 65 лѣтъ отъ роду 27-го сентября 1868 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта, и до самой смерти состоялъ членомъ техническаго комитета главнаго инженернаго управленія.

Некрологъ, помѣщенный въ Воен. Сборникѣ, 1868 г., № 11. *Н. Такжинъ.*

Дибичъ, *Иванъ Ивановичъ* (Гансъ Эренфридъ), баронъ, потомокъ древнихъ рыцарскихъ дворянъ, бывшихъ владѣльцевъ деревень въ Шлезвигѣ и Богеміи, происходилъ отъ Фридриха von Devitsch или Diebitch, гофмейстера герцога Лигницкаго, 1435 г, и родился въ 1737 году. Восемнадцати лѣтъ отъ роду, въ октябрѣ 1755 г. онъ вступилъ въ службу кадетомъ въ Берлинскій кадетскій корпусъ, откуда черезъ два года, въ званіи ефрейтъ-капрала, поступилъ въ Старый Варденбергскій полкъ, съ которымъ принималъ участіе въ семилѣтней войнѣ.

Въ 1756 г. бар. Дибичъ выступилъ съ полкомъ изъ Берлина въ Померанію и зимою въ Саксонію, гдѣ участвовалъ въ первомъ сраженіи, тыловомъ нападеніи кроатовъ. Затѣмъ, подъ начальствомъ престарѣлаго фельдмаршала гр. Шверина, онъ выступилъ съ полкомъ въ Траутенау и далѣе въ Богемію. 6 мая слѣдующаго года онъ участвовалъ въ большомъ сраженіи подъ Прагою, а подъ Лигницемъ, по его собственнымъ словамъ, онъ «съ полкомъ нашимъ двѣнадцать часовъ въ безпрерывномъ огнѣ находился»; былъ онъ также въ сраженіяхъ при Бреславлѣ и при Лисса. Въ 1758 г.—осада г. Швейдница и затѣмъ сраженіе у Цорндорфа, гдѣ понесли тяжкое пораженіе пруссаки и гдѣ былъ сильно раненъ Дибичъ. Оставаясь въ Варденбергскомъ полку, въ этомъ же году онъ былъ произведенъ въ прапорщики и въ слѣдующемъ—въ подпоручики. Въ 1759 г. участвовалъ въ походѣ къ Эрфурту, въ сраженіи у Нейштадта, въ движеніи къ Бамбергу и въ бою подъ Франкфуртомъ; въ дальнѣйшемъ его полкъ проходилъ чрезъ Баунъ, Глогау, Софіенталь, Гиршбергъ и Либау, участвуя при этомъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ 1760 г. бар. Дибичъ привезъ транспортъ хлѣба командиру полка генер. фонъ-Фуксту, который вскорѣ послѣ этого взялъ его къ себѣ изъ полка, вѣроятно, въ качествѣ адъютанта. Однако генералъ этотъ въ неравномъ бою (23 іюня) взятъ былъ въ плѣнъ и поручилъ Дибичу «о спасеніи возможнаго стараться» совмѣстно съ маіоромъ фонъ Аветиномъ. 26 іюня

И. И. прибылъ въ Бреславль, гдѣ былъ назначенъ командиромъ тогдашняго фонъ Мозеля полка, состоявшаго, впрочемъ, всего изъ 300 чел. Этого назначенія онъ былъ удостоенъ за отличіе въ сраженіи подъ Ландсгутомъ. Въ Бреславлѣ онъ два раза выдерживалъ осаду, при чемъ одно время подъ его надзоромъ было болѣе 4 тыс. плѣнныхъ. Затѣмъ онъ сдалъ свой полкъ (подполковнику фонъ-Бланкензее) и со своимъ прежнимъ полкомъ, въ которомъ все еще считался въ 1762 г., пошелъ въ Вартембергъ, оттуда къ г. Швейдницу, примкнувъ къ осаждавшимъ его войскамъ, послѣ чего, по заключеніи мира въ 1763 г., возвратился съ полкомъ въ Берлинъ.

Чрезвычайные труды и чрезмѣрное напряженіе силъ крайне разстроили здоровье И. И. Дибича, котораго генералы Фукстъ и Тауенцынъ особенно рекомендовали Прусскому королю. Въ сентябрѣ 1764 г. Фридрихъ Великій пожаловалъ его «полнымъ капитаномъ» и назначилъ шефомъ 1-ой кадетской роты корпуса и приказалъ принять всѣ мѣры для поправленія его здоровья. Желая, чтобы Дибичъ продолжалъ службу, король оказывалъ ему вспомоществованіе; когда же командиръ (директоръ) корпуса генералъ фонъ-Будденбронъ также рекомендовалъ его съ лучшей стороны, то король въ 1766 г. повелѣлъ ему состоять въ свитѣ его величества по генералъ-квартирмейстерской части, съ производствомъ двойного жалованья.

«За прилежаніе и раченіе въ службѣ», а также за храбрость, оказанную въ семилѣтней войнѣ, Дибичъ былъ награжденъ орденомъ Pour le mérite.

Во время войны за Баварское наслѣдство (1778 г.), состоя при королѣ, онъ исполнялъ многія порученія Фридриха; когда же братъ послѣдняго, принцъ Генрихъ, выступилъ въ походъ, то Дибичу приказано было состоять при немъ генералъ-квартирмейстерскимъ поручикомъ. Квартирмейстеромъ въ то время былъ маіоръ фонъ-Фау, который не ладилъ съ принцемъ, вслѣдствіе чего, по требованію Генриха, Дибичъ фактически несъ обязанности генералъ-квартирмейстера до конца войны. Оставаясь при королѣ, въ 1786 г. Ив. Ив. былъ произведенъ въ маіоры и вскорѣ послѣ кончины Фридриха назначенъ командиромъ Ларійскаго гренадерскаго (впослѣдствіи фузелернаго) батальона, въ 1788 г.— шефомъ того-же батальона и черезъ два года произведенъ въ подполковники. Въ 1791 г. онъ вышелъ въ отставку, а 17-го іюня 1798 г., какъ значится въ формулярномъ спискѣ И. И. Дибича, «въ Россійскую Императорскую службу по желанію и по повелѣнію Государя Императора Павла I принятъ съ тѣмъ, чтобы только при Высочайшей Его Величества особѣ находиться и только отъ Его Величества и Ихъ Высочествъ Великихъ Князей зависѣть—въ свиту Его Императорскаго Величества». То было тяжелое время, когда никакое положеніе, никакія заслуги не могли служить охраною личности или обезпеченіемъ служебной карьеры. Царствованіе Павла сказалось и на службѣ Дибича. Почти одновременно съ переводомъ въ русскую службу онъ получаетъ (въ іюлѣ 1798 г.) чинъ полковника, но уже 25-го марта слѣдующаго года «по несправедливымъ представленіямъ тѣмъ-же чиномъ переведенъ въ Селенгинскій гарнизонный полкъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого, за болѣзнью, въ гарнизонный Маркловскаго 2-го полкъ», стоявшій въ то время въ Твери. Черезъ полгода онъ вовсе уволенъ отъ службы, «съ пансіономъ полнаго жалованья». Проходитъ всего четыре мѣсяца—и 13-го февраля 1800 г., повелѣніемъ государя наслѣдника Александра Павловича, Дибичъ «требовалъ изъ отставки» на службу, съ чиномъ генералъ-маіора, въ которомъ получилъ старшинство (съ 22-го августа 1799 г.), и зачисленъ по арміи, но съ повелѣніемъ императора Павла попрежнему находиться только при Ихъ Высочествахъ. Мало того, въ томъ же году государь, въ знакъ своего удовольствія, пожаловалъ его орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, чему, по словамъ Дибича, единственнымъ свидѣтелемъ былъ наслѣдникъ Александръ Павловичъ, и, кромѣ того, пожизненною арендою—мызою Абельгофъ (Курляндской губ.), которая въ томъ же году была ему пожалована въ вѣчное и потомственное владѣніе. Въ 1800 г. Дибичъ былъ назначенъ въ 1-й Кадетскій корпусъ. Тогда же его попеченіямъ порученъ былъ малолѣтній принцъ Евгеній Виртембергскій, племянникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, привезенный имъ въ Петербургъ. При Александрѣ I Дибичъ назначенъ былъ въ 1811 году директоромъ 1-го кадетскаго корпуса.

Не можемъ судить о томъ, насколько былъ онъ подготовленъ къ педагогической дѣятельности; во всякомъ случаѣ, въ научномъ отношеніи онъ считалъ себя вполнѣ на высотѣ своего положенія, что ясно видно изъ слѣдующей отмѣтки въ его формулярѣ: «Всѣ науки, кои мнѣ какъ въ прежнихъ, такъ и теперь занимаемыхъ должностяхъ нужны были, — знаю...» Принцъ Евгеній въ своихъ воспоминаніяхъ отзывается о немъ неодобрительно. Впослѣдствіи онъ занималъ должность директора Сестрорѣцкаго оружейнаго завода и 29-го іюня 1822 г. состоявшій при Свитѣ Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ Дибичъ былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Изъ трудовъ Дибича по военному дѣлу извѣстны: Specielle Keit-u. Beschäftsintheilung Königs Friedrich II. Auf Befehl S. M. Kaisers Paul entvorfen. Pet. 1800.8° Ausführliche Beschreibung der Exercitien u. der dabeigemachten Evolutionen der Garnison zu Potsdam unter Friedrich II. Pet. 1801. 8°—Kupfer und deren Erklärung ausfü überhrlichen Beschreibung der Exercitien.. entwrfen u. s. w. gezeichnet von dem Kapitaine von Bibikow ünd gestochen im Kaiserl. Karten-Depot. 14 гравир. листовъ и видъ Потсдама. Pet.—Gedanken uber den Soldaten in allen seinen Theilen abgehandelt... 2 Th. Pet. 1801. 8°—На русскомъ языкѣ: подробное описаніе учебнаго времени и въ продолженіе онаго дѣланныхъ маневровъ Потсдамскимъ гарнизономъ въ ц. Фридриха Второго Съ нѣм. перев. Карбоньеръ-д'Арситъ. II. 1802.8°.—Мысли о солдатѣ въ различныхъ по званію его отношеніяхъ, разсматриваемыхъ въ воинскомъ и нравственномъ видѣ. Съ нѣм. пер. Карбоньеръ-д'Арситъ, 2 ч. II.—1802—1803. 8_0.

Общій Архивъ главнаго штаба. Формул. списки, собранные за 1818 г., № 9.—Н. Шильдеръ: «Императоръ Павелъ Первый» Спб. 1901 Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XIII и XVI столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. Составилъ Григорій Геннади. Томъ первый А—Е. Берлинъ, 1876. *В. Жерве.*

Дибичъ-Забалканскій, графъ *Иванъ Ивановичъ* (Іоганнъ-Карлъ-Фридрихъ-Антонъ), генералъ-фельдмаршалъ (1785—1831 г.), сынъ предыдущаго. Иванъ Ивановичъ Дибичъ родился 2 (13) мая 1785 года, въ помѣстьѣ Гроссъ-Лейпе, въ Силезіи, отъ второго брака отца своего съ Маріею Антуанетою Эркертъ. Уже на четвертомъ году жизни, удивляя всѣхъ своими необыкновенными способностями и памятью, ребенокъ Дибичъ оказалъ блестящіе успѣхи подъ руководствомъ мѣстнаго сельскаго учителя; дальнѣйшимъ первоначальнымъ образованіемъ сына занялся самъ отецъ, преподававшій ему математику, исторію и географію, къ которымъ мальчикъ выказывалъ большую склонность. На двѣнадцатомъ году жизни (въ 1797 г.) будущій фельдмаршалъ былъ отданъ въ берлинскій кадетскій корпусъ, въ которомъ, благодаря своимъ способностямъ и хорошо поставленному преподаванію, скоро оказалъ замѣчательные успѣхи въ наукахъ. Между тѣмъ, старикъ Дибичъ, желая имѣть при себѣ все свое семейство, обратился въ этомъ смыслѣ съ ходатайствомъ къ Императору Павлу I, который просилъ прусское правительство отпустить молодого Дибича къ отцу. Просьба эта была уважена, хотя и неособенно охотно, такъ какъ юноша успѣлъ обратить на себя общее вниманіе начальства своими дарованіями; притомъ директоръ корпуса, Рюхель, изъявилъ прусскому королю сожалѣніе, что Пруссія лишилась молодого человѣка, подававшаго такія блестящія надежды.

Уволенный изъ берлинскаго корпуса портупей-прапорщикомъ, юный Дибичъ прибылъ въ свое новое отечество въ 1801 году, уже послѣ смерти Императора Павла I и, по повелѣнію Императора Александра I-го, согласно съ своимъ собственнымъ желаніемъ, былъ зачисленъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, съ которымъ и отбылъ всѣ коронаціонныя торжества въ Москвѣ, а по возвращеніи въ Петербургъ—дѣятельно занялся изученіемъ русскаго языка. Не смотря на трудности, представляемыя нашимъ языкомъ для иностранца, талантливый юноша черезъ полгода овладѣлъ имъ настолько, что, по отзыву современниковъ, говорилъ и писалъ, какъ природный русскій. Въ то же время Иванъ Ивановичъ дѣятельно занимался усовершенствованіемъ своего военнаго образованія, такъ какъ съ малолѣтства, подъ вліяніемъ разсказовъ своего отца о семилѣтней войнѣ, чувствовалъ призваніе къ военной службѣ. Скоро пріобрѣтенныя имъ теоретическія познанія при-

шлось провѣрить и примѣнить на дѣлѣ. Въ 1805 году разгорѣлась война съ французами и Дибичъ, вмѣстѣ съ полкомъ, выступилъ въ походъ, положившій начало его блистательной боевой карьерѣ. 20-го ноября, въ сраженіи при Аустерлицѣ, Иванъ Ивановичъ былъ раненъ въ кисть правой руки, взялъ шпагу въ лѣвую руку и до конца боя оставался при своей ротѣ, за что и награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Кампаніи 1806 и 1807 года еще болѣе выдвинули молодого офицера, который участвовалъ въ нихъ то вмѣстѣ съ полкомъ то прикомандированный къ квартирмейстерской части (нынѣшній генеральный штабъ); одною изъ причинъ, побудившихъ Дибича хлопотать объ этомъ прикомандированіи, былъ, какъ говорили злые языки, его малый ростъ, вслѣдствіе котораго онъ, на походѣ, не могъ поспѣвать за тогдашними исполинами-гренадерами; какъ бы то ни было, квартирмейстерская служба какъ нельзя лучше дала окрѣпнуть природнымъ военнымъ дарованіямъ Дибича и выдвинула ихъ на видъ. Въ сраженіи при Гейльсбергѣ Дибичъ заслужилъ орденъ св. Георгія 4 степени за весьма удачное расположеніе батареи на правомъ берегу р. Алле; батарея эта дѣйствовала во флангъ непріятелю, преслѣдовавшему наши войска на лѣвомъ берегу этой рѣки и сильно тѣснившему ихъ во время затруднительнаго перехода черезъ ручей Спунбахъ; огонь нашихъ орудій остановилъ противника и прикрылъ отступленіе своихъ. Сраженія при Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ, Фридландѣ, также дали случай выдвинуться впередъ молодому офицеру, который, по окончаніи войны, возвратился въ Россію повышенный въ чинахъ до капитана включительно и украшенный, кромѣ уже упомянутыхъ наградъ, орденомъ св. Владиміра 4-й степени и прусскимъ орденомъ «за заслуги» (pour le mérite).

Въ 1810 году, Дибичъ, не прекращая теоретическаго изученія военнаго дѣла, перепросился на службу въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части и, при содѣйствіи управлявшаго тогда этой частью, князя Волконскаго, поступилъ на мѣсто дежурнаго штабъ-офицера въ корпусъ графа Витгенштейна. Въ томъ же году подполковникъ Дибичъ обратилъ на себя вниманіе запиской, подъ заглавіемъ «Organisations-plan eines Requisitions-systems» (планъ организаціи реквизиціонной системы), представленною имъ военному министру по поводу предстоящихъ тогда военныхъ дѣйствій. Въ сентябрѣ 1811 года двадцати-шестилѣтній Дибичъ былъ произведенъ въ полковники. Отечественная война 1812 года застала Ивана Ивановича оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусѣ графа Витгенштейна, подъ знаменами котораго участвовалъ во всѣхъ одержанныхъ имъ побѣдахъ, причемъ, за отличіе въ трехдневномъ бою 18, 19 и 20 іюля, подъ Якубовымъ, Клястицами и Головчицами, и въ двухдневномъ 5 и 6 августа, у Полоцка, получилъ ордена св. Владиміра 3 степени и св. Георгія 3 степени (за Полоцкъ, гдѣ, ставъ во главѣ трехтысячнаго отряда плохо-обученныхъ ополченцевъ, овладѣлъ мостомъ и тѣмъ парализовалъ натискъ французовъ). Затѣмъ Дибичъ снова отличился въ дѣлѣ у с. Юровичи и въ бояхъ 6—9 октября за Полоцкъ (за что и награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1 степени). 18-го октября полковникъ Дибичъ получилъ генералъ-маіорскія эполеты и затѣмъ участвовалъ въ бояхъ при Чашникахъ, Смольнѣ, Старомъ Борисовѣ и Студянкѣ, причемъ, за отличіе въ нихъ, получилъ золотую шпагу съ брилліантами и съ надписью «за храбрость» и Высочайшее благоволеніе. Къ концу 1812 года Дибичъ является уже искуснымъ начальникомъ особаго отряда, посланнаго для отрѣзанія отступавшаго Макдональда. При мѣстечкѣ Колтынякахъ двухтысячный отрядъ Дибича смѣло занялъ позицію между прусскими корпусами генераловъ Іорка и Массенбаха (принадлежавшими къ составу корпуса маршала Макдональда) и, искуснымъ размѣщеніемъ и передвиженіемъ частей своихъ малочисленныхъ войскъ, сумѣлъ показаться пруссакамъ сильнымъ авангардомъ сильной арміи. Здѣсь же высказались недюжинныя дипломатическія способности Ивана Ивановича, вступившаго въ переговоры съ прусскими генералами; эти переговоры окончились заключеніемъ чрезвычайно важной Таурогенской конвенціи 18 декабря, въ силу которой пруссаки отдѣлялись отъ французовъ (первый шагъ къ отложенію Пруссіи отъ Наполеона I). За эти удачныя дѣйствія баронъ Дибичъ получилъ единовременно 10 тысячъ рублей ассигнаціями.

Вскорѣ затѣмъ Иванъ Ивановичъ, способности котораго обратили давно уже на себя вниманіе Государя, назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ арміи Витгенштейна и въ этомъ званіи вступилъ съ русскими войсками въ Берлинъ, оставленный имъ 12 лѣтъ тому назадъ портупей-прапорщикомъ. Въ 1813 году, Дибичъ, удостоившійся получить отъ прусскаго короля за новыя отличія въ бояхъ съ французами орденъ Краснаго Орла 1 степени, сдѣланъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ союзныхъ (русско-прусскихъ) войскъ и въ этомъ званіи участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ; своевременнымъ отступленіемъ съ поля неудачнаго для насъ бауценскаго сраженія союзники обязаны были совѣту Дибича. Когда же, послѣ кратковременнаго перемирія съ французами, къ коалиціи противъ Наполеона I примкнула Австрія и австрійскій фельдмаршалъ, князь Шварценбергъ, былъ объявленъ главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ войскъ, Дибичъ, оставаясь по-прежему генералъ-квартирмейстеромъ, участвовалъ 14 и 15 августа въ неудачныхъ приступахъ союзниковъ къ Дрездену, гдѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади, а самъ онъ получилъ сильную контузію. 17 и 18 августа блистательная распорядительность генералъ-квартирмейстера союзныхъ войскъ, оказанная имъ въ Кульмскомъ бою, доставила ему орденъ св. Владиміра 2 степени. 4,6 и 7 сентября, въ рѣшительномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ, храбрость и совѣты Дибича настолько содѣйствовали побѣдѣ союзниковъ, что князь Шварценбергъ на полѣ битвы снялъ съ себя орденъ Маріи—Терезіи малаго креста и надѣлъ его на Дибича, а Императоръ Александръ I произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Къ этому времени довѣріе Государя къ Ивану Ивановичу такъ возросло и упрочилось, что, присутствуя на военныхъ совѣтахъ и оспаривая мнѣнія сѣдыхъ прусскихъ и австрійскихъ генераловъ, онъ часто склонялъ Императора къ принятію отстаиваемаго имъ рѣшенія.

По перенесеніи театра войны во Францію, въ 1814 году, Дибичъ отличился въ сраженіяхъ при Ла-Ротьерѣ и Арсисъ-сюръ-Объ, а на военномъ свѣтѣ 12 марта представилъ (вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ и Толемъ) убѣдительные доводы, слѣдствіемъ которыхъ было движеніе союзниковъ на Парижъ и быстрое окончаніе кампаніи. На высотахъ Бельвиля, въ виду покорившейся столицы Франціи, Императоръ пожаловалъ Дибичу орденъ св. Александра Невскаго.

Наполеоновскія войны упрочили боевую репутацію молодого генерала и создали ему прочное положеніе въ мнѣніи и довѣренности Государя, что̀ послужило въ скоромъ времени къ новому возвышенію Дибича. Между тѣмъ, по возвращеніи русскихъ войскъ обратно въ Россію, Иванъ Ивановичъ находился при главной квартирѣ въ Варшавѣ, гдѣ, въ началѣ 1815 года, вступилъ въ бракъ съ племянницею князя Барклай-де-Толли, баронессою Женни Торнау. Однако, боевыя тревоги еще не кончились: Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, и русскія войска снова двинулись во Францію. Дибичъ, облеченный 30 апрѣля въ званіе начальника штаба I-й арміи, оставилъ молодую супругу и выступилъ въ походъ за Рейнъ, гдѣ, впрочемъ, боевая дѣятельность русскихъ войскъ оказалась излишнею, и дѣло ограничилось для нихъ блистательными смотрами, 26 и 29 августа, при Вертю, причемъ генералъ-лейтенантъ баронъ Дибичъ удостоился получить брилліантовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго. По возвращеніи въ Россію Дибичъ, въ званіи начальника штаба I арміи, былъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, при главной квартирѣ арміи, и 8 іюня 1818 года получилъ званіе генералъ-адъютанта. Дѣятельность Ивана Ивановича въ эту эпоху ознаменовалась созданіемъ новаго военнаго учрежденія. Въ видахъ облегченія, по возможности, доступа строевымъ офицерамъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, по предложенію барона Дибича, 5 марта 1820 года, съ Высочайшаго разрѣшенія, при штабѣ I-й арміи, было открыто въ Могилевѣ на Днѣпрѣ двухкласное офицерское училище. Онъ пользовалось особымъ покровительствомъ Дибича и Толя, но существованіе его не было продолжительно: уже въ 1828 году, вслѣдствіе движенія нашихъ войскъ въ Турцію, занятія въ немъ были значительно ослаблены, а въ 1830 году, съ началомъ польскаго возстанія, оно окончательно закрылось. За десять лѣтъ своего существованія это училище дало до 50

*

офицеровъ квартирмейстерской части, изъ которыхъ нѣкоторымъ удалось впослѣдствіи занимать видное положеніе въ русской арміи.

1821-й годъ былъ въ высшей степени знаменательнымъ въ жизни будущаго фельдмаршала: Императоръ взялъ его съ собой на Лайбахскій конгресъ—и съ этого времени Дибичъ становится неразлучнымъ спутникомъ Государя. На Лайбахскомъ конгресѣ Иванъ Ивановичъ получилъ отъ императора австрійскаго орденъ Леопольда 1 степени, а отъ Императора Александра—орденъ св. Владиміра 1 класса. Въ 1823 году, когда, благодаря интригѣ Аракчеева, уволенъ былъ въ отпускъ заграницу, «для излеченія отъ болѣзни», начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества князь Волконскій, то исправленіе его должности поручено было (30 апрѣля 1823 года) начальнику штаба первой арміи, барону Дибичу. Когда послѣдній явился въ Петербургъ, императоръ Александръ далъ ему при первомъ же свиданіи наставленіе относительно будущихъ его отношеній къ графу Аракчееву: «Ты найдешь въ немъ,» сказалъ Государь, «человѣка необразованнаго, но единственнаго по трудолюбію и усердію ко мнѣ; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе.»

Въ началѣ 1824 года въ Петербургъ возвратился изъ заграничнаго отпуска князь Волконскій, разсчитывавшій снова вступить въ исправленіе своей должности, но этого не допустилъ графъ Аракчеевъ, питавшій крайнюю ненависть къ князю Петру Михайловичу и стоявшій за своего ставленника, барона Дибича. Князь Волконскій былъ принятъ Государемъ привѣтливо, но Государь признался ему, что онъ привыкъ къ работѣ Дибича. 6-го апрѣля того же года послѣдовала, наконецъ, офиціальная развязка этого дѣла: появился «приказъ всѣмъ арміямъ» слѣдующаго содержанія: «исправляющій должность начальника главнаго штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, утверждается въ званіи начальника главнаго штаба моего—Александръ». Одновременно съ утвержденіемъ въ должности начальника главнаго штаба, Иванъ Ивановичъ назначенъ былъ также управляющимъ квартирмейстерскою частью, и въ этомъ званіи оказалъ благотворное вліяніе на всю армію, принеся много пользы для дѣла ея внутренней организаціи. Сверхъ занятій, сопряженныхъ съ новою должностью, Дибичъ, по повелѣнію Государя (1823 г.) долженъ былъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и въ комитетѣ министровъ (1824 г.), безотлучно сопровождая въ то же время Императора во всѣхъ его поѣздкахъ. Во время послѣдняго путешествія Государя въ Таганрогъ Дибичъ находился также при Особѣ Его Величества. Въ Таганрогѣ Государь опасно заболѣлъ, а 19-го ноября тихо скончался, въ присутствіи Императрицы и лицъ свиты... Изъ находившихся при Императорѣ трехъ довѣренныхъ лицъ: генералъ-адъютантовъ князя Волконскаго, барона Дибича и Чернышева ни одинъ не зналъ о существованіи акта, назначавшаго Великаго Князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола. Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Дибичъ разсказывалъ Михайловскому-Данилевскому: «Государь, повѣрявшій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ однако объ этомъ ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ (военныхъ), и онъ, обращая рѣчь къ великому Князю Николаю Павловичу, сказалъ ему: «тебѣ надобно будетъ это поддерживать.» Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ Великаго Князя, онъ, переживъ Государя и Цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ.» При такомъ положеніи дѣла Дибичу оставалось только донести о печальномъ событіи въ Варшаву Цесаревичу Константину Павловичу, какъ лицу, которое, по закону о престолонаслѣдіи, становилось Императоромъ Всероссійскимъ. Составленный въ Таганрогѣ актъ о кончинѣ императора Александра приложенъ былъ ко всеподданѣйшему рапорту Дибича на имя императора Константина отъ 19-го ноября 1825 года. Положеніе крайне осложнялось существованіемъ въ арміи заговора (открытаго въ то время Шервудомъ), важнѣйшія нити котораго уже находились въ рукахъ Дибича, какъ начальника штаба Его Величества и довѣреннаго лица; 4-го декабря Дибичъ получилъ собственноручное письмо отъ цесаревича Константина Павловича съ указаніемъ обращаться за повелѣніями къ Императору Николаю Павловичу – и тогда же послалъ новому Государю письмо и обстоятельный рапортъ о заговорѣ.

Отвѣтъ Государя свидѣтельствовалъ о чувствѣ его искренняго расположенія и признательности Дибичу. Большая часть заговорщиковъ находилась въ 2-ой арміи и Дибичъ лично принялъ мѣры къ арестованію важнѣйшихъ изъ нихъ. Эти событія обезпечили Ивану Ивановичу расположеніе Императора, который командировалъ Дибича вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ въ Варшаву, откуда они привезли въ Петербургъ подтвержденное Цесаревичемъ отреченіе отъ престола. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, заговоръ былъ благополучно подавленъ въ самомъ началѣ. Въ январѣ 1829 года Дибичъ получилъ лестный рескриптъ отъ Императора Николая I-го, а 22 августа того-же года, въ день коронованія Государя, былъ онъ произведенъ въ генералы отъ-инфантеріи.

Въ 1827 году, по поводу доносовъ на командовавшаго войсками на Кавказѣ генерала Ермолова и крупныхъ несогласій послѣдняго съ генераломъ Паскевичемъ, Дибичъ посланъ былъ въ Грузію, для изслѣдованія положенія тамошнихъ дѣлъ еще болѣе усложнившихся вслѣдствіе возгорѣвшейся войны съ Персіей. Донесенія Дибича, посылаемыя прямо на имя Государя, и личная переписка его съ Императоромъ свидѣтельствуютъ о добросовѣстности и тактѣ, съ которыми онъ велъ порученное ему трудное дѣло. По окончаніи слѣдствія, Иванъ Ивановичъ возвратился въ столицу; заслуги его вознаграждены были по-царски: 25 іюля 1827 года генералъ отъ инфантеріи баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ возведенъ былъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Между тѣмъ приближалась пора самой блистательной и плодотворной дѣятельности новаго графа. Въ самомъ началѣ царствованія Императора Николая Павловича внѣшнія дѣла находились въ очень запутанномъ положеніи. Турецкій султанъ, не обращая вниманія на договоры, занялъ своими войсками Молдавію и Валахію, грозилъ Сербіи и истреблялъ грековъ. Всѣ представленія правительства Александра I оставались тщетными. Рѣшительный тонъ новаго Государя заставилъ султана быть сговорчивѣе. 25 сентября 1826 г. въ Аккерманѣ подписана была конвенція, по которой султанъ обязался возстановить нарушенныя постановленія бухарестскаго трактата 1812-го года. Но въ Греціи кровопролитіе не уменьшалось. Вслѣдствіе этого, въ Лондонѣ, въ 1827 году, былъ подписанъ протоколъ, по которому Россія, Англія и Франція рѣшились силою положить конецъ борьбѣ грековъ съ турками. Результатомъ этого соглашенія было истребленіе союзными эскадрами турецкаго флота при Наваринѣ. Султанъ, считая главной виновницей этой катастрофы Россію, довелъ дѣло до войны съ нею. Императоръ Николай назначилъ на европейскій театръ военныхъ дѣйствій около 100 тысячъ человѣкъ (три пѣхотныхъ и одинъ кавалерійскій корпуса) при 396 полевыхъ и 40 осадныхъ орудіяхъ. Главное начальство надъ этой арміей ввѣрено было фельдмаршалу графу Витгенштейну (на азіатскомъ театрѣ войны дѣйствовала 30-ти тысячная армія Паскевича). По волѣ Государя, Дибичъ находился при арміи Витгенштейна, не занимая въ ней опредѣленнаго мѣста. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Императора и ведя съ нимъ обширную переписку, Дибичъ фактически явился вполнѣ самостоятельнымъ руководителемъ военныхъ дѣйствій, помимо фельдмаршала графа Витгенштейна, который, не имѣя возможности ничего предпринять безъ совѣта съ Дибичемъ, представлялъ лишь лицо, оффиціально отвѣтственное за неудачи. Какъ бы предвидя ту роль, какую ему придется играть въ этой войнѣ, Дибичъ заранѣе ознакомился, какъ съ театромъ войны, такъ и съ противникомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ «записка генералъ-адъютанта барона Дибича о военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ отъ 7 (19) іюля 1821 года» (В. Уч. Архивъ, отд. IV № 198). Онъ же составилъ и планъ кампаніи, по которому рѣшено было занявъ Молдавію и Валахію только для утвержденія въ нихъ порядка, защиты отъ вторженія турокъ и охраненія праваго фланга арміи на случай вступленія съ нихъ австрійцевъ, *базироваться* на Бессарабію (раззоренныя турками княжества не могли дать средствъ для продовольствія большой арміи), переправиться черезъ Нижній Дунай; послѣ переправы—наступать къ Варнѣ, выставя къ сторонѣ крѣпости Шумлы заслонъ; овладѣвъ Варною, разбить турокъ у Шумлы, перейти Балканы и двинуться на Константинополь. Снабженіе арміи продовольственными и боевыми запасами было разсчитано на подвозъ моремъ, для чего было

зафрахтовано болѣе 180 коммерческихъ судовъ. Кавказской арміи назначено было вторгнуться въ Азіатскую Турцію; особый отрядъ получилъ приказаніе произвести дессантъ въ Анапѣ и, по овладѣніи ею, присоединиться къ дѣйствующей арміи.

Въ половинѣ апрѣля русская армія сосредоточилась между Прутомъ и Днѣстромъ. На усиленіе ея въ началѣ того же мѣсяца изъ Петербурга былъ двинутъ гвардейскій корпусъ, въ числѣ 25 тысячъ человѣкъ при 64 орудіяхъ. Въ концѣ апрѣля русскія войска заняли большую часть территоріи княжествъ, а 1-го мая 7-й пѣхотный корпусъ обложилъ Браиловъ,—сильнѣйшую крѣпость на Нижнемъ Дунаѣ, вооруженную 150 орудіями, въ изобиліи снабженную запасами всякаго рода и обороняемую 12-тысячнымъ гарнизономъ, подъ командою энергичнаго Сулеймана-паши. Предварительная рекогносцировка этой крѣпости произведена была самимъ Дибичемъ, который вплоть до 20 мая лично руководилъ ея осадою. 27-го мая, Дибичъ вмѣстѣ съ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ (при которомъ находились главныя квартиры Императора и главнокомандующаго) переправился черезъ Дунай у дер. Сатуново, между крѣпостями Измаиломъ и Рени. Энергическое сопротивленіе турокъ было сломлено храбростью нашихъ войскъ. Вскорѣ послѣдовали другіе успѣхи: 9-го мая сдался Мачинъ, 7-го Браиловъ, затѣмъ пали Гирсово и Кюстенджи. Турки, несмотря на своей вызывающій образъ дѣйствій передъ войной, были совершенно къ ней неготовы. Главная турецкая армія только къ концу мая собралась у Адріанополя, откуда сераскиръ Гуссейнъ-паша съ частью ея направился къ Варнѣ. Главное начальство возложено было на великаго визиря Мехмедъ-Селима, который только въ концѣ іюля пріѣхалъ въ Адріанополь, куда продолжали сосредоточиваться ополченія османовъ. Несмотря на это благопріятное обстоятельство, положеніе наше было крайне тяжелое. На главный театръ военныхъ дѣйствій нами отправлены слишкомъ малыя силы, отнюдь не соотвѣтствовавшія важности поставленныхъ задачъ; къ тому же, на сцену выступилъ новый врагъ, еще болѣе опасный, чѣмъ турки: армія таяла отъ болѣзней (въ теченіе кампаніи 1828 года перебывало въ лазаретахъ и госпиталяхъ болѣе 210.000 человѣкъ, т. е. почти каждый строевой солдатъ дѣйствующей арміи болѣлъ два раза; убыль же умершими къ концу 1828 года достигла до *половины* арміи, причемъ отъ оружія умерло сравнительно очень мало). Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Дибичъ высказалъ талантъ выдающагося полководца и съ небольшими силами сьумѣлъ сдѣлать очень многое. Первою и важнѣйшею цѣлью дѣйствій для нашей арміи явилось овладѣніе сильной турецкой крѣпостью—Варной, причемъ на флангѣ нашихъ силъ находились крѣпости Шумла, куда сосредоточивались главныя турецкія силы, и Силистрія. Слабость нашихъ силъ заставила, однако, измѣнить первоначальный планъ (овладѣть Варною), причемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій принято было мнѣніе графа Дибича: ограничась только наблюденіемъ Варны, съ прочими силами обратиться къ Шумлѣ, стараясь вызвать сераскира на сраженіе въ открытомъ полѣ и, разбивъ его, приступить къ осадѣ Варны. Въ началѣ іюля главныя русскія силы, всего въ числѣ около 35 тысячъ чел., подошли къ Шумлѣ и обложили ее съ восточной стороны, сильно укрѣпивъ занятыя въ виду крѣпости позиціи, чтобы запереть сераскиру Гуссейнъ-пашѣ съ арміей (около 40 тысячъ) выходъ оттуда къ Варнѣ. Но самую атаку Шумы было рѣшено отложить до прибытія гвардіи. Къ концу августа турки, однако, настолько усилились, что положеніе нашей, все ослабѣвавшей отъ болѣзни, арміи сдѣлалось очень неблагопріятнымъ Витгенштейнъ хотѣлъ уже отступить отъ Варны, но это показало бы непріятелю нашу слабость; благодаря настояніямъ Дибича, государь рѣшительно воспротивился намѣренію главнокомандующаго. Прибывшія, наконецъ, подкрѣпленія (гвардія и 2-й пѣхотный корпусъ) дали возможность нашимъ войскамъ приступить къ правильной осадѣ Варны, которая и сдалась 29 сентября. Паденіе этой крѣпости, за которое Дибичъ, вызванный Государемъ къ осаждавшимъ ее войскамъ, награжденъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, значительно облегчило наше положеніе. Теперь, конечною цѣлью кампаніи 1828 года сдѣлалось овладѣніе Силистріей, къ обложенію которой и было приступлено. Войска наши расположились на зимнихъ квартирахъ въ (въ началѣ ноября), а гвардіи повелѣно

было возвратиться въ Петербургъ. Графъ Иванъ Ивановичъ находился сперва при обложеніи Силистріи, откуда по полученіи извѣстій о сильной заразѣ, свирѣпствовавшей въ Бухарестѣ, отправился въ этотъ городъ, осмотрѣлъ тамъ чумные госпитали и, въ исходѣ декабря, возвратился въ Петербургъ. Осада Силистріи вслѣдъ затѣмъ была оставлена нами, за недостаткомъ снарядовъ.

Въ теченіе зимы обѣ стороны дѣятельно готовились къ возобновленію весною военныхъ дѣйствій. Турки выставили на европейскомъ театрѣ войны до 150 тысячъ человѣкъ, причемъ верховымъ визиремъ назначенъ былъ новый турецкій генералъ Решидъ-Махметъ-паша. Несмотря на всѣ наши старанія по укомплектованію войскъ, мы и на этотъ разъ принуждены были начать кампанію съ недостаточными силами: на дунайскомъ театрѣ сосредоточилось не болѣе 100.000 человѣкъ. Главнокомандующимъ на этотъ разъ назначенъ былъ графъ Дибичъ, который, прибывъ 13 февраля 1829 года въ Яссы, дѣятельно приступилъ къ устройству строевой, хозяйственной и медицинской частей арміи. Планъ Дибича заключался въ томъ, чтобы, овладѣвъ Силистріей (для обезпеченія своего тыла), ограничиться только наблюденіемъ за Шумлой и, опираясь на Варну и черноморскій флотъ, перенести дѣйствія за Балканы. Для обезпеченія довольствія арміи по ту сторону горъ подвозомъ съ моря, графъ просилъ адмирала Грейга овладѣть какой-либо удобной гаванью; выборъ палъ на Сизополь (близъ Бургаса), который и былъ дѣйствительно захваченъ нами и обезпеченъ трехтысячнымъ гарнизономъ, который мужественно отбилъ всѣ попытки турокъ отнять обратно этотъ пунктъ. Порта поставила своему главнокомандующему первою цѣлью овладѣніе Варною и Проводами, а затѣмъ очищеніе отъ русскихъ войскъ всего пространства къ югу отъ Дуная.

Поздняя весна замедлила начало кампаніи—и только въ началѣ мая приступлено было къ осадѣ Силистріи, обороняемой 20-тысячнымъ гарнизономъ; сила осаднаго корпуса не превосходила 30 тысячъ человѣкъ. Въ то же время началъ наступательныя дѣйствія и верховный визирь, стремившійся овладѣть Варной. Своевременно прибывшія подкрѣпленія и медленность дѣйствій непріятеля позволили намъ отразить это покушеніе, несмотря на огромный перевѣсъ силъ на сторонѣ турокъ. Въ половинѣ мая визирь возобновилъ свои наступательныя дѣйствія противъ Варны, а для удержанія русскихъ подъ Силистріей приказалъ Гуссейну-пашѣ изъ Рущука двинуться къ Разграду. Главнокомандующій, получивъ извѣстіе о выступленіи главныхъ силъ турокъ изъ Шумлы, рѣшилъ оставить у Силистріи только часть войскъ, а съ остальными двинуться *въ тылъ* визирю, отрѣзать ему сообщенія съ Шумлою и тѣмъ принудить его къ бою. Въ успѣшномъ исходѣ столкновенія въ открытомъ полѣ Дибичъ не сомнѣвался, не взирая на численное превосходство непріятеля. И дѣйствительно, это быстрое рѣшеніе, принятое графомъ, опредѣлило собою исходъ всей кампаніи. 29 мая, главнокомандующій съ 28 тысячной арміей уже находился у Кулевчи, въ тылу 40 тысячъ турокъ Решидъ-Мехмеда-паши, слишкомъ поздно узнавшемъ объ этомъ движеніи. Положеніе великаго визиря было безвыходное: онъ только при помощи боя могъ открыть себѣ сообщеніе съ Шумлой, въ которой находились всѣ его запасы. Къ этой крѣпости вели три пути, и такъ какъ неизвѣстно было, по какому изъ нихъ направятся турки, то русской арміи пришлось нѣсколько разбросаться, занявъ ихъ всѣ три. Утромъ 30 мая разыгралось сраженіе. Решидъ Мехмедъ-паша перешелъ въ рѣшительное наступленіе, которое сначала было успѣшно. Но едва выяснилось истинное направленіе движенія турокъ, какъ графъ Дибичъ поспѣшилъ сосредоточить всѣ свои силы. Наступленіе турокъ было пріостановлено; они отошли на свою крѣпкую позицію. Дибичъ распорядился обстрѣлять непріятеля своей артиллеріей, бывшей качественно несравненно лучше турецкой, и, подготовивъ себѣ успѣхъ огнемъ, перешелъ въ рѣшительное наступленіе. Этотъ маневръ и удачныя дѣйствія нашей артиллеріи, взорвавшей у турокъ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, произвели на непріятеля такое впечатлѣніе, что онъ, не дожидаясь атаки холоднымъ оружіемъ, бросился бѣжать по разнымъ направленіямъ; визирь однимъ изъ первыхъ подалъ примѣръ бѣгства... Вся непріятельская артиллерія (56 орудій),

лагерь, обозъ (въ томъ числѣ и экипажи Решидъ-Мехмедъ-паши) и 6 знаменъ были трофеями побѣдителя. Турки потеряли до 5000 убитыми и ранеными, а въ послѣдующіе дни изъ ихъ разсѣянной арміи нами было взято около 2000 плѣнныхъ. Визирь, только съ 600 всадниковъ, окольными путями, пробрался въ Шумлу, куда, втеченіе двухъ недѣль стекались по различнымъ дорогамъ, небольшими кучками, разметанныя части турецкаго войска... Нашъ уронъ простирался до 2.500 человѣкъ.

Трудно описать радость Государя при вѣсти о Кулевчинской побѣдѣ, важность которой онъ немедленно оцѣнилъ: Императоръ, со слезами радости, палъ на колѣни передъ образомъ, благодаря за посланную ему вѣсть; на армію полились щедрыя награды Монарха. Главный виновникъ побѣды, графъ Дибичъ, получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени; въ воспоминаніе же славы, которую, подъ его предводительствомъ стяжали подъ Кулевчею войска наши, ему предоставлено было избрать себѣ шесть орудій изъ числа отбитыхъ у непріятеля.

На другой день послѣ сраженія у Кулевчи, русская армія направилась къ Шумлѣ. Пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на турокъ ихъ пораженіемъ, можно было разсчитывать овладѣть этой крѣпостью открытой силой. Но главнокомандующій, совершенно резонно не находя во взятіи ея особенныхъ выгодъ, счелъ лишнимъ рисковать штурмомъ и положилъ, не теряя времени, приступить къ переходу черезъ Балканы, ограничиваясь только наблюденіемъ Шумлы. Однако, для этой цѣли потребовалось отдѣлить цѣлый корпусъ; къ тому же болѣзни успѣли опять сильно ослабить русскую армію. Поэтому, за выдѣленіемъ гарнизоновъ и отрядовъ для обезпеченія своего тыла, у Дибича осталось въ рукахъ всего только 20 тысячъ человѣкъ. Силы эти были слишкомъ незначительны; поэтому, главнокомандующій рѣшилъ, показывая видъ приготовленій къ осадѣ Шумлѣ, остаться подъ нею до взятія Силистріи, съ тѣмъ, чтобы притянуть къ себѣ освободившіяся войска и двинуться за Балканы. Несмотря на стойкость обороны силистрійскаго гарнизона, осаждающему корпусу удалось вскорѣ разрушить при помощи минъ атакованный фронтъ, и комендантъ, не ожидая штурма, 18-го іюня, сдался военноплѣннымъ вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ. За этотъ новый успѣхъ Дибичъ былъ награжденъ Государемъ назначеніемъ шефомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, какъ наиболѣе отличившагося при этомъ случаѣ. Паденіе Силистріи окончательно развязало руки главнокомандующему, который, оставивъ противъ Шумлы заслонъ изъ 18000 человѣкъ, съ остальными 30—32 тысячами двинулся къ Балканамъ. Это движеніе было много облегчено великимъ визиремъ, который, обманутый демонстраціями Дибича и увѣренный въ его намѣреніи осаждать Шумлу, сосредоточивалъ къ этому пункту все, что могъ и даже притянулъ къ себѣ часть войскъ, занимавшихъ балканскіе проходы. Переходъ черезъ Балканы организованъ былъ двумя колоннами, которыя, встрѣтивъ на пути лишь незначительное сопротивленіе, перевалили 10 іюля черезъ Эминсъ-дагъ (восточная оконечность главнаго хребта). Въ теченіе 11 дней движенія, по выступленіи изъ Шумлы, наши войска, сдѣлавъ около 150 верстъ по едва доступнымъ дорогамъ и подъ палящимъ зноемъ, перешли считавшійся до тѣхъ поръ непроходимымъ главный хребетъ Балканъ, овладѣли двумя крѣпостями и важнѣйшею гаванью Европейской Турціи на Черномъ морѣ (Бургасомъ), взяли болѣе 50 орудій и до 3 тысячъ плѣнныхъ. Подвигъ этотъ обратилъ на Ивана Ивановича взоры всего цивилизованнаго міра и доставилъ ему отъ благодарнаго Государя имя Дибича-*Забалканскаго*. Турокъ, еще неуспѣвшихъ оправиться отъ впечатлѣнія Кулевчинскаго пораженія, совершенно ошеломилъ неожиданный и быстрый переходъ за Балканы; отдѣльные отряды ихъ быстро сосредоточивались къ Адріанополю. Верховный визирь, который по выступленіи русскихъ изъ-подъ Шумлы, долго еще былъ въ невѣдѣніи относительно взятаго нами направленія (такъ хорошо сумѣлъ Дибичъ замаскировать свой маневръ) успѣлъ, однако, въ концѣ концовъ сосредоточить на пути нашего наступленія, у Айдоса, довольно значительныя силы, подъ начальствомъ Ибрагима-паши. 13 іюля, послѣ упорнаго боя, Ибрагимъ-паша былъ разбитъ, и русская армія сосредоточилась у Айдоса. Положеніе войскъ Дибича было,

однако, весьма тяжелое; болѣзни продолжали свирѣпствовать съ прежнею силою, и въ скоромъ времени онъ имѣлъ, подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ, не болѣе 20—25 тысячъ человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ приходилось дѣйствовать столько-же оружіемъ, сколько и дипломатическимъ путемъ. Въ этомъ отношеніи мѣры, принятыя Дибичемъ,—весьма поучительны. Въ Айдосѣ онъ издалъ прокламацію къ жителямъ, въ которой объявилъ объ освобожденіи мусульманскихъ жителей отъ постоя, о свободѣ богослуженія и объ оставленіи занятой русскими мѣстности подъ властью султана и подъ управленіемъ турецкихъ начальниковъ. Эта прокламація успокоила магометанъ и обезпечила нашимъ войскамъ хорошій пріемъ со стороны мусульманскаго населенія (христіанское было и безъ того намъ предано) и весьма облегчило дальнѣйшія операціи нашей арміи. Такъ какъ вскорѣ выяснилось сосредоточеніе значительныхъ силъ противника у Сливно, то главнокомандующій рѣшилъ, прежде чѣмъ двинуться къ Адріанополю, обезпечить себя разбитіемъ турокъ подъ Сливно, что и удалось вполнѣ 31 іюля. Въ общемъ, Дибичу, впродолженіе трехъ недѣль удалось, со своею ничтожною по численности арміею, разсѣять до 50 тысячъ турокъ и окончательно отрѣзать великаго визиря, продолжавшаго упорно сидѣть въ Шумлѣ съ остатками своей арміи (около 15000 человѣкъ), имѣя противъ себя почти равносильный русскій заслонъ (корпусъ генерала Красовскаго).

Бездѣятельность и неспособность турецкихъ начальниковъ, дружественное отношеніе населенія и совершенная деморализація турецкихъ войскъ, разбѣгавшихся при приближеніи русскихъ почти безъ боя, побудили главнокомандующаго, со своими 20—25 тысячами, двинуться къ Адріанополю, въ надеждѣ однимъ своимъ появленіемъ передъ этимъ городомъ вынудить султана къ миру. Сдѣлавъ въ 6 дней 120 верстъ подъ палящимъ зноемъ и ежедневно теряя много людей отъ лихорадокъ, русская армія, въ составѣ всего 20 тысячъ строевыхъ, утромъ, 7 августа, подошла къ Адріанополю, защищаемому Галиль-пашею съ 30-тысячнымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ войскъ и вооруженныхъ жителей. Окрестности города позволяли упорно оборонять его; каждая задержка въ этомъ отношеніи была крайне важна для турокъ, давая имъ возможность оправиться и организовать болѣе сильное сопротивленіе, и чрезвычайно невыгодно для таявшей отъ болѣзней русской арміи. Но предыдущіе успѣхи наши до такой степени подавили и ошеломили противника, что Галиль-паша немедленно прислалъ парламентера съ предложеніемъ сдачи города. Хорошо понимая необходимость не дать туркамъ опомниться, Дибичъ потребовалъ, чтобы черезъ четырнадцать часовъ сданы были оружіе, артиллерія и боевые припасы; пашамъ и обезоруженному войску разрѣшалось уйти, только не по направленію къ Константинополю. Въ то же время сдѣланы были приготовленія къ штурму, котораго, однако не потребовалось: утромъ 8-го августа, когда армія наша двинулась къ городу, навстрѣчу ей вышли жители съ изъявленіемъ покорности. Турецкія войска бросили оружіе и укрѣпленія. Наши трофеи состояли изъ 56 орудій, множества оружія и боевыхъ припасовъ.

Смѣлое движеніе Дибича къ Адріанополю всего съ 20000 человѣкъ является образцомъ рѣшительности. Главнокомандующій основательно разсудилъ, что, въ его положеніи, самое отважное рѣшеніе—самое надежное. Поэтому дѣйствія его, когда онъ, пользуясь немногими недѣлями благопріятнаго времени года, рѣшился исполнить съ остатками своихъ военныхъ силъ такія предпріятія, которыя, при иной обстановкѣ, потребовали бы новой кампаніи и новой арміи,—высоко поучительны.

Успѣшныя дѣйствія русскихъ на малоазіатскомъ театрѣ войны (занятіе Эрзерума), паденіе Адріанополя, тѣсная блокада нашими эскадрами проливовъ и внутреннія неурядицы въ Турціи—заставили, наконецъ, султана начать мирные переговоры. Надѣясь на вмѣшательство Австріи и Англіи, турецкіе уполномоченные стали затягивать переговоры. Графу Дибичу хорошо было извѣстно, что занятіе Константинополя, во избѣжаніе международныхъ осложненій, не входило въ планы Императора Николая, но, желая оказать давленіе на турокъ, главнокомандующій объявилъ уполномоченнымъ Порты, что на полученіе окончательныхъ инструкцій даетъ имъ срокъ до 1 сентября, грозя возобновить военныя дѣйствія, если миръ

послѣ этого не будетъ заключенъ. Въ то же время, чтобы подѣйствовать на противника угрозою наступленія на Константинополь, главнокомандующій распорядился движеніемъ войскъ впередъ. Наши отряды заняли Люле-Бургасъ, Демотику, нѣкоторые другіе пункты, и подступили къ Эносу, комендантъ котораго сдался на капитуляцію, причемъ въ наши руки попало 54 орудія. Вѣсть о движеніи русскихъ къ Константинополю произвела въ немъ сильнѣйшее смятеніе; рѣшимость главнокомандующаго не замедлила принести желаемые плоды: турецкіе уполномоченные признали всѣ требованія Россіи—и 2 сентября былъ подписанъ Адріанопольскій миръ, по которому Молдавія, Валахія и Сербія, оставаясь подъ гегемоніей Турціи, пріобрѣли самостоятельное управленіе, а господарей положено избирать пожизненно; турецкія крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты; признавалась полная независимость Греціи; открытъ былъ свободный пропускъ для торговыхъ судовъ всѣхъ націй черезъ проливы. Россія получила, въ вознагражденіе за военныя издержки Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Ацхуръ и Ахалкалаки и денежную контрибуцію.

Счастливо оконченная кампанія доставила графу Дибичу, кромѣ наименованія *Забалканскаго* (30 іюля),—алмазные знаки ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго (28 авг.), орденъ св. Георгія 1-й степени (12 сент.) и, наконецъ, фельдмаршальскій жезлъ (22 сент.), на 45-мъ году отъ рожденія. Сверхъ того, Государь пожаловалъ 30 августа супругу Дибича, графиню Анну (Женни) Егоровну, въ статсъ-дамы. Прусскій король удостоилъ фельдмаршала алмазными знаками ордена Чернаго Орла и богато-украшенною алмазами шпагою съ вензелемъ.

«Побѣдоносная армія, предводительству вашему ввѣренная,»—писалъ Императоръ къ графу Ивану Ивановичу отъ 12 сентября—«съ самаго открытія кампаніи не переставала ознаменовывать себя блистательнѣйшими подвигами. Совершенное разбитіе главныхъ силъ Верховнаго Визиря при селеніи Кулевчи, покореніе крѣпости Силистріи, незабвенный переходъ Балканскихъ горъ, овладѣніе крѣпостями Бургазскаго залива и занятіе второстоличнаго города Адріанополя, суть дѣла, покрывшія ее неувядаемою славою. Но не довольствуясь симъ, отличныя воинскія дарованія ваши явили свѣту событіе, превосходящее даже мѣру ожиданія. Вы не замедлили перенести побѣдоносныя знамена Наши предъ врата самой Столицы непріятеля, и опершись правымъ флангомъ на морскія силы Наши, въ Архипелагѣ находящіяся, а лѣвымъ на Черноморскій флотъ Нашъ, принудили наконецъ Оттоманскую Порту торжественно признаться въ безсиліи своемъ противустоять Россійскому оружію и рѣшительно просить пощады.

Знаменитый германскій стратегъ и фельдмаршалъ, Мольтке, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «Der Russisch-Türkische Krieg in der Europäischen Turkei 1828 und 1829 dargestellt durch Greiherr vor Moltke», дѣлаетъ любопытную характеристику полководческой дѣятельности Дибича въ эту кампанію. Такъ, о Кулевчинскомъ боѣ, рѣшившемъ участь войны, онъ говоритъ слѣдующее: «при Кулевчѣ русскимъ удалось въ первый и послѣдній разъ, въ продолженіе обѣихъ кампаній 1828 и 1829 годовъ, сосредоточить достаточныя силы для рѣшительной встрѣчи и обезпеченія успѣха. Принимая во вниманіе относительную слабость русской арміи, заслуга главнокомандующаго была въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе велика, что сосредоточенія корпусовъ изъ-подъ Силистріи со стороны Эски-Арнаутлара, равно, какъ послѣдующее затѣмъ фланговое движеніе, должны были происходить почти передъ глазами верховнаго визиря. Графъ Дибичъ вѣрно оцѣнилъ положеніе дѣлъ и быстро перешелъ въ наступленіе. Приготовленія къ сраженію были приведены въ исполненіе смѣло и рѣшительно, и визирь, въ стратегическомъ отношеніи, поставленъ былъ въ самыя невыгодныя условія»... На долю графа Дибича, во время его предводительствованія арміею, выпала участь бороться, независимо отъ вооруженнаго врага, еще и съ тайнымъ противникомъ — чумою, страшно ослабившей его армію. Но, по словамъ Мольтке, «оставляя въ сторонѣ матеріальное ослабленіе вооруженныхъ силъ, должно признать въ главнокомандующемъ необыкновенную силу воли, чтобы среди борьбы съ такими ужасающими и распространенными бѣдствіями не терять изъ вида великую цѣль, которая могла быть достигнута, придерживаясь неизмѣнно рѣшительнаго и быстраго образа

дѣйствій. По нашему (т. е. Мольтке) мнѣнію, исторія можетъ произнести въ пользу дѣйствій графа Дибича въ турецкую кампанію нижеслѣдующій приговоръ: располагая слабыми силами, онъ предпринималъ только то, что представлялось безусловно необходимымъ для достиженія цѣли войны. Онъ приступилъ къ осадѣ крѣпости и одержалъ въ открытомъ полѣ побѣду, которая открыла ему доступъ въ сердце непріятельской монархіи. Онъ очутился здѣсь съ однимъ призракомъ арміи, но ему предшествовала слава непобѣдимости. Россія обязана счастливымъ исходомъ войны смѣлому и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожному образу дѣйствій графа Дибича».

Таковое было мнѣніе о дѣйствіяхъ нашего фельдмаршала, высказанное сдержаннымъ и холоднымъ «великимъ молчальникомъ»—Мольтке. Веллингтонъ высказался еще рѣшительнѣе: по словамъ Ватерлоскаго побѣдителя, операціи кампаніи 1829 года даютъ Дибичу право на званіе великаго полководца...

1829 годъ былъ кульминаціоннымъ пунктомъ счастливой звѣзды Дибича. Вскорѣ ему пришлось испытать, одинъ за другимъ, рядъ тяжелыхъ ударовъ. Еще въ Бургасѣ онъ получилъ печальное извѣстіе о смерти своей супруги, скончавшейся 13 марта 1830 года, въ Петербургѣ, отъ нервной лихорадки, на 31-мъ году отъ рожденія. Вѣсть эта глубоко поразила и опечалила Дибича, который уже до самой смерти своей не могъ оправиться отъ полученнаго удара. Тоскуя по дорогой покойницѣ, онъ признавался своимъ близкимъ людямъ, что смотритъ на ея кончину, какъ на указаніе, что отъ него отступилъ его ангелъ-хранитель, виновникъ всякаго счастья и удачъ въ земной жизни. Съ этихъ поръ окружающіе часто не узнавали прежняго Дибича, кипучая энергія котораго казалась надломленной... Но политическія событія не замедлили снова призвать графа Ивана Ивановича къ новой дѣятельности. Торжество іюльской революціи во Франціи побудило Императора Николая I послать Дибича въ Берлинъ, для переговоровъ съ королемъ Вильгельмомъ III относительно мѣръ, которыя слѣдовало принять для обузданія революціоннаго движенія. Однако, несмотря на не разъ доказанное искусство Дибича въ дипломатическихъ переговорахъ, миссія его не удалась. Между тѣмъ успѣхи революціи въ Бельгіи и просьбы нидерландскаго короля о помощи побудили Государя мобилизовать часть русской арміи и двинуть ее къ западной границѣ. Впрочемъ, этимъ войскамъ не пришлось оставить отечества: внезапно вспыхнувшее 17 ноября 1830 года польское возстаніе принудило употребить ихъ для улаженія собственныхъ дѣлъ. Вызванный изъ Берлина фельдмаршалъ Дибичъ снова назначенъ былъ главнокомандующимъ 1 декабря и обѣщалъ подавить возстаніе однимъ ударомъ, но обѣщаніе это осталось не исполненнымъ, и «Польская война» затянулась на семь мѣсяцевъ.

Къ открытію военныхъ дѣйствій силы поляковъ простирались до 130.000 человѣкъ; но для полевыхъ дѣйствій могло быть употреблено не болѣе 60 тысячъ, раздѣленныхъ на 4 пѣхотныхъ и потомъ 5 кавалерійскихъ дивизій; главнокомандующимъ (послѣ отказа талантливаго Хлопицкаго) назначенъ былъ князь Радзивиллъ, не отличавшійся ни воинскими дарованіями, ни характеромъ. Планъ поляковъ заключился въ слѣдующемъ: такъ какъ неизвѣстно, съ которой стороны будетъ наступать непріятель, то рѣшено было расположить армію эшелонами по двумъ дорогамъ, ведущимъ къ Варшавѣ — изъ Ковно и изъ Брестъ-Литовска. При наступленіи русскихъ положено было отступать къ центральной позиціи у Грохова и принять тамъ бой. Русская армія состояла изъ 86.400 человѣкъ въ первой линіи (ближайшія къ театру войны войска), 47.000 человѣкъ во второй и 48.500 человѣкъ—въ третьей линіи или всего изъ 183.000 человѣкъ. Несмотря на значительность этихъ силъ, положеніе наше было затруднительно, вслѣдствіе разбросанности силъ, для сбора которыхъ, вслѣдствіе громадности разстояній и дурного качества дорогъ, требовалось очень большое время (болѣе трехъ мѣсяцевъ). Ко времени прибытія фельдмаршала къ арміи, у насъ было сосредоточено на линіи Гродно-Бѣлостокъ-Брестъ около 56 тысячъ человѣкъ (28 декабря); къ 20 января численность ихъ возрасла до 125.000. Дибичъ поставилъ себѣ главною цѣлью разбить непріятельскую армію и овладѣть Варшавой. Для этого имъ былъ составленъ слѣдующій

планъ: сосредоточивъ большую часть арміи между Бѣлостокомъ и Бѣльскомъ, двинуться въ раіонъ между Бугомъ и Наревомъ и, стянувшись между Ломжею и Нуромъ, дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ, держа главныя силы сосредоточенными, чтобы разбить непріятеля или на лѣвомъ берегу Буга, или на правомъ Нарева, стараясь въ то же время отрѣзать поляковъ отъ Варшавы; а если это не удастся, то, перейдя верхнюю Вислу, окружить Варшаву и заставить ее, голодомъ или штурмомъ, сдаться на капитуляцію. Въ этомъ превосходно составленномъ планѣ не была принята возможность перемѣны погоды. Фельдмаршалъ разсчитывалъ, что морозы еще продержатся, что Бугъ и Наревъ не представятъ серьезныхъ препятствій переправы и что ему быстро удастся окончить кампанію рѣшительнымъ ударомъ. Надѣясь на это, Дибичъ не обратилъ должнаго вниманія на обезпеченіе войскъ продовольствіемъ, особенно на надежное устройство перевозочной части: допущенъ былъ весьма гадательный разсчетъ на реквизиціи и не имѣлось парковъ для перевоза запасовъ отъ базы къ арміи. Вслѣдствіе этого послѣдняя перешла границу, имѣя при себѣ провіанта всего на 15 дней, а фуража—лишь на 12 дней.

24 и 25 января русская армія (113—114 тысячъ) перешла границу одиннадцатью колоннами. Маршъ былъ разсчитанъ такъ искусно, что, несмотря на кажущуюся разброску силъ, въ главныхъ силахъ черезъ 20 часовъ, на любомъ пунктѣ, можно было сосредоточить болѣе 80,000 человѣкъ. На первыхъ же порахъ разсчеты фельдмаршала нарушились наступившею оттепелью, которая страшно испортила дороги; обозы, поставленные на полозья, отстали отъ войскъ, скоро съѣвшихъ свой ранцевый запасъ. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о томъ, чтобы втянуться съ арміей въ лѣсисто-болотистое и малонаселенное пространство между Бугомъ и Наревомъ. Вслѣдствіе этого Дибичу пришлось измѣнить свой первоначальный планъ: фельдмаршалъ рѣшилъ переправиться на лѣвый берегъ Буга, гдѣ мѣстность болѣе благопріятствовала дѣйствіямъ войскъ, для того чтобы всѣми силами обрушиться на правое крыло поляковъ, прежде чѣмъ оно успѣетъ соединиться съ лѣвымъ. Перемѣна операціонной линіи и сопряженный съ нею фланговый маршъ совершены были нами быстро и благополучно. Утомленнымъ войскамъ данъ былъ трехдневный (2—4 февраля) отдыхъ, а 5-го февраля началось наступленіе русскихъ войскъ къ Варшавѣ. Поляки, согласно съ выработанными ими планомъ отходили къ Гроховской позиціи, причемъ между войсками обѣихъ націй пропзошелъ рядъ арьергардныхъ и авангардныхъ боевъ, сопровождавшихся перемѣннымъ успѣхомъ. 7-го февраля русскіе начали подходить къ Гроховской равнинѣ. Дибичъ поджидалъ только сосредоточенія силъ для того, чтобы обрушиться на непріятельскую армію; фельдмаршалъ намѣревался, по соединеніи съ отдѣльно слѣдовавшей отъ Остроленки колонною князя Шаховскаго, направить главный ударъ на лѣвый флангъ польской арміи, для чего внезапно и скрытно двинуть къ этому пункту войска Шаховскаго. Послѣднему послано было приказаніе остановиться у Непорента; но оно не попало во-время къ князю, который въ это время уже ввязался въ бой съ поляками у Бялоленки, которую и занялъ (12 февраля). Дибичъ, разсчитывавшій дать рѣшительное сраженіе 14 февраля, послалъ въ ночь 12 Шаховскому приказаніе оставаться у Бялоленки и не завязывать боя, присовокупивъ, что, въ случаѣ атаки на Шаховскаго, самъ атакуетъ поляковъ. При этомъ фельдмаршаломъ совершено было важное упущеніе, такъ какъ Шаховскій не былъ оріентированъ относительно главныхъ намѣреній фельдмаршала и не зналъ о той роли, которая предназначалась ему въ рѣшительномъ бою. Слѣдствіемъ этого недоразумѣнія явилось преждевременно разыгравшееся сраженіе при Гроховѣ. Утромъ, 13 февраля, Шаховскій, опасаясь, что на него отдѣльно обрушится вся непріятельская армія, вопреки приказанію главнокомандующаго, рѣшилъ отступить на соединиеніе съ нимъ. Находившійся противъ Шаховскаго генералъ Круковецкій, замѣтивъ отступленіе русскихъ, открылъ сильную пальбу и двинулся въ атаку. Тогда Дибичъ, услышавъ канонаду и опасаясь, чтобы Шаховской не былъ раздавленъ превосходными силами противника, для выручки его, рѣшилъ атаковать поляковъ съ главными силами. Слѣдствіемъ упомянутыхъ недоразумѣній явилось чрез-

вычайно упорное Гроховское сраженіе, въ которомъ приняли участіе 56000 поляковъ и 72000 русскихъ. Случайность этого сраженія внесла много неправильностей въ веденіе боя; тѣмъ не менѣе, несмотря на мужественную оборону, къ 5 часамъ дня, поляки были сбиты на всѣхъ пунктахъ и въ безпорядкѣ отступили въ Варшаву по единственному мосту черезъ Вислу, прикрытому укрѣпленнымъ предмѣстьемъ Прагою. Къ сожалѣнію, фельдмаршалъ, обычная энергія котораго въ этотъ день какъ-бы ослабѣла, слишкомъ рано прекратилъ бой и не рѣшился на штурмъ Праги овладѣть которою было чрезвычайно легко, такъ какъ польскіе начальники совершенно потеряли голову. А между тѣмъ на другой день противникъ успѣлъ оправиться, и новый главнокомандующій, генералъ Скржинецкій, смѣнившій Радзивилла, успѣлъ организовать оборону столицы. Такимъ образомъ, дорого купленная нами побѣда (9.600 чел. выбывшихъ изъ строя; поляки потеряли болѣе 12000 чел. и 3 орудія) оказалась безплодной; надежды Дибича на то, что непріятель послѣ пораженія немедленно изъявитъ покорность, не оправдались...

Разстройство хозяйственной части, дурное время года и неудовлетворительное санитарное состояніе арміи заставило фельдмаршала расположить свои войска по квартирамъ; кампанія, видимо, затягивалась... Избѣгнувъ рѣшительнаго пораженія, поляки приступили къ реорганизаціи и развитію своихъ вооруженныхъ силъ для дальнѣйшей борьбы. Вмѣстѣ съ этимъ Скржинецкій вступилъ съ Дибичемъ въ переговоры, которые, однако, не привели ни къ чему, такъ какъ фельдмаршалъ твердо требовалъ безусловной покорности, на что поляки никакъ не хотѣли согласиться. Реорганизованная и пополненная армія противника скоро считала въ своихъ рядахъ (вмѣстѣ съ національной гвардіей) болѣе 100.000 человѣкъ. Между тѣмъ русская армія продолжала стоять на квартирахъ, не имѣя возможности переправиться черезъ Вислу, вслѣдствіе крайней ненадежности льда на ней; приходилось отложить переправу, а слѣдовательно и рѣшительныя дѣйствія до весны.

Висла совершенно очистилась отъ льда въ первыхъ числахъ марта и главнокомандующій началъ приготовленія къ переправѣ, пунктомъ которой избранъ былъ Тырчинъ (близъ устья Вепржа). Несмотря на страшную распутицу, фельдмаршалъ, побуждаемый недостаткомъ продовольствія, торопился съ дѣйствіями и 15 марта отдалъ диспозицію для движенія войскъ къ избранному для переправы пункту. На брестскомъ шоссе, противъ Варшавы, временно оставленъ былъ 18 тысячный корпусъ барона Розена, на котораго было возложено наблюденіе за Прагою, прикрытіе тыла движенія арміи, обезпеченіе края и, особенно, охраненіе города Сѣдльце, бывшаго временной базой для нашей арміи, и сообщеній съ Брестомъ. Поляки, зная о движеніи нашей арміи, искусно воспользовались отдѣльнымъ положеніемъ Розена и нанесли ему чувствительное пораженіе, которое заставило главнокомандующаго отказаться отъ предположенной переправы и двинуться на помощь Розену къ чрезвычайно важному для насъ Сѣдльце. Эти событія, въ связи съ нерѣшительностью удара полякамъ при Гроховѣ, повели къ тому, что мятежъ охватилъ всю Литву, а на Волыни и Подоліи стали обнаруживаться волненія...

Съ прибытіемъ нашей главной арміи въ Сѣдльце, послѣ того какъ фельдмаршалу пришлось отложить операцію переправы черезъ Вислу на неопредѣленное время, наступилъ періодъ бездѣйствія, вызванный съ одной стороны, необходимостью дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ, принять рядъ серьезныхъ мѣръ для обезпеченія тыла, гдѣ волненія усиливались все болѣе и болѣе, наконецъ необходимостью обезпечить довольствіе арміи, находившееся въ плачевномъ состояніи. На все это требовалось по крайней мѣрѣ двѣ недѣли времени, послѣ чего фельдмаршалъ снова перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя требовали быстроты и скрытности. Но сильные дожди испортили дороги, помѣшали движеніямъ арміи и хорошо задуманный Дибичемъ планъ не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ.

Когда такимъ образомъ обстоятельства какъ-бы издѣвались надъ всѣми усиліями фельдмаршала и онъ въ своихъ дѣйствіяхъ постоянно встрѣчался съ неожиданными препятствіями, разрушавшими всѣ его разсчеты и предположенія, Императоръ Николай Павловичъ, тревожно и заботливо слѣдившій за ходомъ кампаніи, самъ рѣ-

шился дать главнокомандующему указанія относительно плана дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Государь полагалъ: водвореніе порядка въ пограничныхъ съ царствомъ Польскимъ губерніяхъ и охраненіе тыла возложить на 1-ю и вновь сводимую резервную арміи; дѣйствующей же арміи двинуться для переправы на *нижнюю* Вислу, обезпечивъ продовольствіе ея первоначально покупкою запасовъ въ Пруссіи, а впослѣдствіи подвозами изъ Россіи черезъ Данцигъ. Фельдмаршалъ, оставивъ свои намѣренія, обратилъ съ этой минуты всѣ усилія къ скорѣйшему выполненію воли Государя. Вслѣдствіе этого, въ ожиданіи окончанія подготовленій къ новому наступленію, русская армія отошла обратно за р. Костржинъ и расположилась между селеніями Суха и Конце, на центральной позиціи между Калушинымъ. Сѣдльце и Венгровомъ. Эта позиція, прикрывая Брестское шоссе и всѣ дороги черезъ Венгровъ вмѣстѣ съ тѣмъ давала возможность, при удаленіи поляковъ къ какому-либо изъ ихъ фланговъ, дѣйствовать въ тылъ ихъ арміи и препятствовать всякому покушенію ихъ перенести дѣйствія на правый берегъ р. Нура и Вепржа. Между тѣмъ главнокомандующему приходилось бороться съ новымъ и чрезвычайно опаснымъ врагомъ; какъ въ предыдущую кампанію русской арміи приходилось жестоко страдать отъ чумы, такъ теперь ее опустошала холера, особенно сильно развившаяся во время четырехъ-недѣльнаго пребыванія главныхъ силъ нашихъ у Сѣдльце; въ теченіе апрѣля отъ нея умерло 2800 человѣкъ.

Въ концѣ апрѣля фельдмаршалъ получилъ извѣстіе, что Скржинецкій намѣренъ двинуться 1-го мая со всѣми силами противъ лѣваго фланга русскихъ и атаковать Сѣдльце. Чтобы предупредить непріятеля, Дибичъ рѣшился самъ двинуться къ Калушину, противъ центра поляковъ. 1 мая главныя силы арміи направились по брестскому шоссе и заставили непріятеля, послѣ слабаго сопротивленія, очистить Калушинъ. У Ендржеева опять былъ открытъ противникъ въ значительныхъ силахъ. Русскіе опрокинули поляковъ и преслѣдовали ихъ до Янова, а на слѣдующій день вернулись за Костржинъ; главныя силы поляковъ отступили къ Прагѣ. Пользуясь временнымъ бездѣйствіемъ фельдмаршала и нѣсколько разбросаннымъ положеніемъ русскихъ силъ непріятель рѣшилъ напасть на правый флангъ нашего расположенія, гдѣ находилась русская гвардія, занимавшая между Бугомъ и Наревомъ раіонъ Остроленка-Замбровъ-Островъ, имѣя авангардъ генерала Полешко у Пржетыча. Планъ поляковъ, державшійся въ строжайшемъ секретѣ, заключался въ томъ, чтобы разбить гвардію до прибытія Дибича и, отбросивъ ее, войти въ связь съ Литвой. Разбитіе гвардейскаго корпуса сулило неисчислимыя матеріальныя и нравственныя выгоды и могло бы заставить русскихъ совсѣмъ очистить царство Польское. Для демонстраціи и защиты Варшавы, на брестскомъ шоссе оставленъ былъ 11-тысячный корпусъ Уминскаго, которому приказано было, если Дибичъ покинетъ лагерь у Сухи, немедленно перейти въ наступленіе и, при помощи отрядовъ Дзеконскаго отъ верхней Вислы и Хржановскаго отъ Замостья, очистить отъ русскихъ край между Вислою и Бугомъ. Противъ гвардіи (27 тысячъ назначено было дѣйствовать 45 тысячамъ, авангардъ которыхъ 4 мая обрушился на отрядъ генерала Полешко, своимъ упорнымъ сопротивленіемъ сильно задержавшій противника. Командовавшій гвардейскимъ корпусомъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, не надѣясь соединиться съ Дибичемъ, сосредоточилъ свои войска у Снядова. Хорошо задуманный планъ поляковъ требовалъ быстроты дѣйствій и рѣшительности исполненія, но Скржинецкій медлилъ, бездѣйствовалъ и далъ возможность нашей гвардіи отступить благополучно за Наревъ къ м. Жолтки и уйти изъ-подъ ударовъ поляковъ. Какъ только для Дибича разъяснилась обстановка, фельдмаршалъ, оставивъ для охраненія Сѣдльце и брестскаго шоссе отрядъ графа Палена—2-го, съ 35 т. человѣкъ форсированными маршами двинулся противъ Скржинецкаго, перешелъ Бугъ, разбилъ боковой польскій отрядъ Лубенскаго у Нура и 12-го мая остановился для выясненія положенія и намѣреній поляковъ у Высоко-Мазовецка. Гвардейскій корпусъ, получивъ свѣдѣнія о движеніи главнокомандующаго, также перешелъ въ наступленіе и вскорѣ вступилъ въ связь съ главными силами.

Освободившись отъ опасеній за гвардію, фельдмаршалъ начинаетъ дѣйствовать смѣло и рѣшительно; его энергія и предпріимчивость пробуждаются въ немъ съ нѣкогда

свойственной имъ силой. Такъ какъ Скржинецкій поспѣшно отступалъ къ Остроленкѣ (узлу главныхъ путей между Бугомъ и Наревомъ), то главнокомандующій, надѣясь нагнать противника, отрѣзать его и принудить къ бою, предпринялъ форсированный маршъ къ м. Пыски, а гвардія двинулась къ Снядову. Несмотря на крайнюю быстроту движенія (13 мая войска сдѣлали отъ 40 до 50 верстъ), армія, послѣ короткаго ночного привала, продолжала маршъ, который 14 мая привелъ къ сраженію при Остроленкѣ, куда русскія войска подошли къ 11 ч. утра послѣ почти безостановочнаго 32-хъ *часоваго марша*, пройдя за это время *семьдесятъ* верстъ и сохранивъ отличный порядокъ, бодрость духа и пылкое желаніе схватиться съ противникомъ.

Скржинецкій, по опыту предыдущихъ операцій, не ожидалъ отъ русскаго главнокомандующаго проявленія такой энергіи и стремительности въ дѣйствіяхъ, и потому въ польскомъ лагерѣ господствовала полная безпечность: главныя силы поляковъ находились за Наревомъ; лошади были разсѣдланы, пѣхотинцы большею частью разсѣялись за добычей дровъ или для купанья. Между тѣмъ, передовыя наши войска, слѣдуя на плечахъ польскаго арріергарда, съ налета овладѣли Остроленкой, которая въ $11^1/_2$ часовъ была уже въ нашихъ рукахъ, причемъ поляки потеряли 1200 ч. плѣнныхъ. Фельдмаршалъ, несмотря на то, что для сосредоточенія всѣхъ его силъ требовалось нѣсколько часовъ, тогда какъ большая часть польской арміи была сосредоточена на правомъ берегу Нарева, не хотѣлъ отказаться отъ результатовъ, достигнутыхъ успѣхомъ; и потому приказалъ продолжать бой, овладѣть мостами и опрокинуть непріятеля, стремившагося устроиться за Наревомъ. Астраханскій гренадерскій полкъ, имѣя во главѣ своихъ георгіевскихъ кавалеровъ, несмотря на страшный огонь противника, перешелъ мостъ, съ котораго частью была уже снята настилка, и завязалъ отчаянный бой съ противникомъ. Этотъ геройскій подвигъ далъ намъ возможность начать переводъ войскъ на непріятельскій берегъ, причемъ у мостовъ закипѣла долгая и ожесточенная свалка, въ которой обѣ стороны дрались съ одинаковымъ мужествомъ и доблестью. Но Скржинецкій потерялъ голову, посылалъ въ бой свои полки по частямъ и распоряжался до такой степени безтолково, что, несмотря на личную храбрость польскаго главнокомандующаго, не щадившаго своей жизни, поляки не воспользовались выгодами своего расположенія. Къ 7 часамъ вечера русскія войска окончательно утвердились на правомъ берегу Нарева. Польская армія до такой степени была разстроена боемъ, что рѣшительный переходъ въ наступленіе Дибича, имѣвшаго еще подъ рукою сильный резервъ, несомнѣнно привелъ бы поляковъ къ катастрофѣ и остроленская побѣда увѣнчалась бы для русскаго главнокомандующаго самыми полными результатами. Къ сожалѣнію, Дибичу не было извѣстно то состояніе, въ которомъ находились войска Скржинецкаго...

Сраженіе подъ Остроленкою, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ участвовало по 30 тысячъ человѣкъ, дорого обошлось противникамъ; русская армія лишилась убитыми и ранеными 172 офицеровъ и 4,700 нижнихъ чиновъ; поляки—255 офицеровъ, до 9,000 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 2,100 плѣнными) и 3 орудія. Ночью непріятель началъ отступленіе. Начальникъ штаба Дибича, графъ Толь разбудивъ фельдмаршала, доложилъ ему объ этомъ и о необходимости преслѣдованія, но Дибичъ не согласился на послѣднее, такъ какъ считалъ необходимымъ сначала организовать продовольствіе войскъ. Дѣйствительно, войска уже израсходовали бывшій при нихъ ранцевый запасъ, а обозы, вслѣдствіе крайней форсировки предыдущихъ маршей, были еще слишкомъ далеко; но если эти обстоятельства и были неодолимыми препятствіями для движенія всей арміи впередъ, съ цѣлью доконать противника, о крайнемъ разстройствѣ котораго со всѣхъ сторонъ приходили донесенія, то ничто не мѣшало энергически тѣснить отступавшаго многочисленной кавалеріей. Всѣ обстоятельства указывали на возможность окончательно убить этимъ нравственный духъ и силу сопротивленія польской арміи и отрѣзать значительную часть ея, но фельдмаршалъ, какъ и послѣ Гроховскаго сраженія, *совершенно* не преслѣдовалъ непріятеля... Въ военныхъ дѣйствіяхъ опять наступило относительное затишье, которымъ поляки воспользовались для реорганизаціи своихъ разстроенныхъ силъ. Въ то же время Дибичъ принялъ всѣ мѣры по сосредоточенію войскъ и прочному обезпеченію ихъ

боевыми и продовольственными запасами для скорѣйшаго движенія къ Нижней Вислѣ и рѣшительныхъ операцій на ея правомъ берегу, базируясь на Прусію. Совершить переправу предполагалось 20 іюня. Но фельдмаршалу не пришлось самому привести въ исполненіе своихъ предположеній: неожиданная смерть постигла Дибича въ то время, когда почти всѣ трудности кампаніи были пережиты и омраченная слава замѣчательнаго воина должна была возсіять полнымъ блескомъ; плодами трудовъ его воспользовался другой главнокомандующій, графъ Паскевичъ, докончившій польскую кампанію.

Незадолго до кончины фельдмаршала, въ Петербургѣ были распространены о немъ и ввѣренной ему арміи самые невыгодные слухи. Говорили, будто-бы армія находилась въ совершенномъ разстройствѣ, а полководца выставляли какъ человѣка, неспособнаго выполнить возложенную на него задачу, причемъ указывали также на невоздержанность его за столомъ и пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Въ виду назойливости и обилія подобныхъ слуховъ, Государь счелъ необходимымъ послать въ армію довѣренное лицо, которое на мѣстѣ ознакомилось бы съ положеніемъ дѣлъ; выборъ Монарха палъ на генералъ-адъютанта графа Орлова, къ которому Дибичъ относился съ искреннею любовью и расположеніемъ. Хотя Орловъ прибылъ въ армію и не безъ предубѣжденія, но въ донесеніи Государю долженъ былъ сознаться, что нашелъ ее въ отличномъ состояніи, полною бодрости и гордою одержанною недавно блистательною побѣдою.

Смерть фельдмаршала случилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ: главная квартира его была въ это время въ дер. Клешовѣ, въ 3 верстахъ отъ Пултуска. Дибичъ уже болѣе недѣли страдалъ желудкомъ, но упорно скрывалъ свою болѣзнь и приготовлялся къ празднованію 29—30 мая, годовщины Кулевчинской побѣды, открывшей ему побѣдоносное шествіе къ Адріанополю. 28-го онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо, но весь день былъ веселъ и никому изъ окружающихъ и въ голову не приходило возможности катастрофы. Въ этотъ день онъ обѣдалъ у графа Витта, затѣмъ по обыкновенію, прогуливался вечеромъ и въ 10 час. легъ спать. Передъ сномъ главнокомандующій имѣлъ обыкновеніе выпивать стаканъ-другой шампанскаго и, какъ говорятъ, на этотъ разъ ему подали бутылку, недопитую наканунѣ, и графъ, на больной желудокъ выпилъ прокисшее вино. Въ 11-мъ часу ночи фельдмаршала разбудили по спѣшнымъ служебнымъ дѣламъ, причемъ онъ казался совершенно здоровымъ. Въ третьемъ часу ночи Иванъ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ дурноту, позвалъ людей, но запретилъ кого бы то ни было, даже врача, безпокоить. Въ четвертомъ часу, чувствуя усиленіе боли, онъ потребовалъ главнаго медика Шлегеля, который нашелъ у фельдмаршала всѣ признаки сильнѣйшей холеры. Тотчасъ же были поданы всевозможныя пособія, и Шлегелю, при помощи другихъ врачей, удалось около 7 часовъ утра нѣсколько успокоить больного. Обращаясь къ графу Орлову, Дибичъ, между прочимъ, сказалъ: «сообщите Его Величеству все, что вы видѣли; скажите ему, что я охотно умираю, потому что я честно исполнилъ возложенныя на меня обязанности, и былъ, наконецъ, такъ счастливъ, что запечатлѣлъ своею смертью вѣрность моему Государю». Въ $11^{1}/_{4}$ часовъ дня 29-го мая Дибича не стало... Тѣло его было набальзамировано и отвезено въ Россію черезъ Пруссію, а сердце предано землѣ въ Пултускѣ. Прахъ фельдмаршала, сопровождаемый всѣми адъютантами его подъ конвоемъ отъ Кирасирскаго принца Альберта полка былъ доставленъ моремъ въ Петербургъ, гдѣ и покоится нынѣ на протестантскомъ кладбищѣ, близъ Волкова поля. Государь горько сожалѣлъ о кончинѣ героя, по случаю которой распространились нелѣпые слухи, будто-бы онъ отравился или былъ намѣренно отравленъ. Никогда за время польской кампаніи онъ не былъ такъ доволенъ собой, какъ послѣ Остролонскаго сраженія, когда окончательный успѣхъ дѣла казался неминуемъ, армія была въ прекрасномъ состояніи и Государь былъ въ томъ удостовѣренъ черезъ Орлова. Что же касается до другой варіаціи, то она совершенно безсмысленна...

Графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ-Забалканскій, генералъ-фельдмаршалъ, умеръ на 45-мъ году жизни, не оставивъ послѣ себя потомства. Современники рисуютъ его какъ малорослаго и тучнаго человѣка, съ большою головой на короткой шеѣ;

короткія и толстыя ноги его, отличавшіяся своей величиною, не позволяли фельдмаршалу хорошо ѣздить верхомъ. Лицо—некрасивое, но останавливающее на себѣ невольное вниманіе, присущимъ ему выраженіемъ энергіи и ума. Взглядъ—живой, быстрый и чрезвычайно проницательный. Рѣчь—неясная, отрывистая и затруднявшая людей, рѣдко имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Характеръ фельдмаршала былъ вспыльчивъ до самозабвенія, но и также быстро отходчивъ. За кипучесть нрава одно высокопоставленное лицо дало ему мѣткое прозваніе «самовара». Стоило фельдмаршалу вспылить, какъ онъ уже не сдерживался и изъ его устъ слышалось: «подъ арестъ, на гауптвахту, подъ судъ, растрѣлять!..» Съ послѣднимъ словомъ Иванъ Ивановичъ обыкновенно скрывался въ свою палатку или кабинетъ, сильно хлопнувъ при этомъ дверью. Но адъютанты его уже знали, чѣмъ кончится исторія и со скрытою улыбкою поглядывали на смущеннаго виновника гнѣва фельдмаршала. Минутъ черезъ пять графъ появлялся уже совершенно успокоившійся и отмѣнялъ всѣ наложенныя имъ кары. Сердце Дибича было чрезвычайно доброе и справедливое; если ему. въ минуту гнѣва случалось кого нибудь несправедливо обидѣть или сдѣлать кому-нибудь вредъ, то онъ всегда сознавалъ свою ошибку и спѣшилъ ее исправить. Графъ былъ очень религіозенъ, добръ и внимателенъ къ подчиненнымъ; стоитъ только, вспомнить, какъ въ ночь передъ своей кончиной, мучаясь жестокими припадками холеры, онъ не приказывалъ никого безпокоить... Дибичъ обладалъ замѣчательнымъ образованіемъ, которымъ обязанъ какъ своей врожденной любознательности и необыкновеннымъ способностямъ, такъ и своему честолюбію. Неловкій по наружному виду, онъ не любилъ многолюдныхъ собраній, особенно общества дамъ, но былъ весьма оживленъ и веселъ въ небольшомъ кругу, гдѣ разговоръ касался научныхъ темъ или, въ особенности, военныхъ вопросовъ. Его считали ревнивцемъ и пьяницею. Первое обвиненіе было совершенно вздорнымъ, что касается до второго, то графа почти никогда не видали пьянымъ, хотя его крѣпкая натура позволяла ему выпить очень много. Это мнѣніе сложилось на томъ основаніи, что графъ передъ обѣдомъ выпивалъ, обыкновенно, одну рюмку водки, а затѣмъ во время обѣда нѣсколько стакановъ вина, а вечеромъ два стакана крѣпкаго пуншу или шампанскаго.

Темною стороною характера покойнаго былъ избытокъ честолюбія. Побуждаемый имъ, онъ не гнушался прибѣгать иногда для униженія мнимыхъ или дѣйствительныхъ соперниковъ, къ происканъ и разнаго рода интригамъ; такъ, по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ принцъ Евгеній Виртембергскій, имѣвшій не одно столкновеніе съ фельдмаршаломъ и не любившій его. Впрочемъ, быстрое возвышеніе Дибича создало ему не мало враговъ, особенно потрудившихся во время его неудачъ въ послѣднюю кампанію; зато доброта, доступность, честность и справедливость фельдмаршала оставило въ его подчиненныхъ самую лучшую память и самое горячее сожалѣніе о безвременной утратѣ его.

Какъ полководецъ, графъ Дибичъ-Забалканскій, отчасти вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ случайностей, отчасти по собственнымъ ошибкамъ, не оправдалъ въ 1831 году возлагавшихся на него надеждъ и не поддержалъ той блистательной репутаціи, которая установилась за нимъ послѣ турецкой кампаніи 1829 года. Если справедливо замѣчаніе Наполеона, что полководцу необходимо равновѣсіе ума и характера, то въ Дибичѣ такое равновѣсіе было нарушено. Продолжительная штабная служба и отдаленіе отъ войскъ отразились на немъ невыгодно; онъ умѣлъ сразу отгадывать стратегическую обстановку, соображая важные пункты, подчеркнуть слабыя стороны непріятеля, но самое исполненіе большею частью великолѣпно составленнаго плана для него представляло уже затрудненія и требовало той рѣшительности, которую онъ не всегда могъ проявить. Такъ по крайней мѣрѣ было въ польскую кампанію. Но здѣсь мы должны поневолѣ считаться съ упадкомъ духа Дибича, что было вызвано смертью его жены, а также со стѣсненіемъ въ денежномъ отношеніи, такъ какъ на потребности арміи были отпущены очень незначительныя суммы, а потому продовольственная и перевозочная части были устроены такъ неудовлетворительно, что сковывали всѣ стратегическія соображенія и дѣйствія фельдмаршала. Къ тому же его преслѣдо-

валъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ случайностей и, къ довершенію несчастія, когда уже пережитъ былъ цѣлый рядъ кризисовъ, когда непріятель былъ ослабленъ и расшатанъ, когда оставалось нанести послѣдній рѣшительный ударъ, — нежданная смерть вырвала у Дибича лавровый вѣнецъ побѣды и передала его другому баловню судьбы. Зато — высокимъ образцомъ рѣшительности покойнаго остается его Кулевчинская операція 1829 года и орлиный полетъ за Балканы и къ Адріанополю, съ ничтожными силами и съ многочисленнымъ, хотя и неискуснымъ противникомъ въ тылу.

Имя покойнаго, въ воспоминаніе совершенныхъ имъ боевыхъ подвиговъ сохранено въ русской арміи за 29-мъ пѣхотнымъ генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полкомъ.

В. Глиноецкій: «Русскій генеральный штабъ». *Бантышъ-Каменскій:* «Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ», Часть 3. «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», т. I, изд. *А. Мюнстера*; *Moltke*—«Der russisch—türkische Krieg in der Europäischen Türkei 1828 und 1829 mit Planen und Karten» и переводъ этого сочиненія Шильдеромъ: В. Сборникъ, 1876—1833 г.г. *Ушаковъ:* «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828—1829 гг.»; *Пузыревскій:* «Польско-русская война 1831 г.»; «Исторія 14 уланскаго ямбургскаго Е. И. В. Великой Кн. Маріи Александровны полка»; «Воспоминанія *Ф. Ф. Вигеля*»; *Давыдовъ*—«Записки»; Русск. Архивъ, 1871 г. №№ 4—6; *фонъ-Брадке* — «Записки», Русск. Архивъ, 1875 г. №№ 1—3; «Записки» *Маіевскаго*, «Русская старина», 1873 г., т. 8; «Воспоминанія графини *Блудовой*; «Заря», 1871 г. и № 3 1872 г. и № 1; послужой списокъ Дибича, хранящійся въ московскомъ отдѣленіи Военно-учебнаго Архива Главнаго Штаба; многочисленные матеріалы и замѣтки, разбросанные въ нашихъ историческихъ журналахъ: „Русская Старина", „Русскій Архивъ", „Историческій Вѣстникъ". (См. по указателямъ).

М. Россійскій.

Дивіеры (di Vieira) графы. У перваго графа Дивіера, Антона Мануиловича, отъ брака его съ Анной Даниловной Меншиковой, было три сына: Петръ, Александръ и Антонъ, и дочь Анна, бывшая фрейлиной при императрицѣ Екатеринѣ I и умершая дѣвицей въ молодыхъ лѣтахъ.

Графъ Петръ Антоновичъ род. въ 1710 г. и съ двѣнадцатилѣтняго возраста былъ назначенъ пажемъ къ царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, герцогинѣ Голштинской, которую сопровождалъ въ Киль, по отъѣздѣ ея изъ Россіи въ 1727 году. По кончинѣ ея, въ 1728 г., поступилъ офицеромъ въ голштинскую артиллерію и затѣмъ назначенъ камеръ-юнкеромъ къ герцогу Голштинскому, но въ 1737 году вернулся въ Россію и былъ зачисленъ въ русскую армію поручикомъ по восшествіи на престолъ Петра III, особеннымъ расположеніемъ котораго онъ пользовался, получилъ разомъ 9 февраля 1762 г. ордена св. Анны, св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго и произведенъ въ генералъ-аншефы. По низложеніи Петра, Дивіеръ былъ уволенъ въ отставку, удалился въ деревню и умеръ въ 1773 г. Братья его, Александръ и Антонъ, рано вышли въ отставку: Александръ—гвардіи капитаномъ, а Антонъ—поручикомъ и оба жили и умерли въ своихъ помѣстьяхъ.

Всѣ три брата оставили довольно многочисленное потомство: у графа Петра Антоновича было четыре сына и четыре дочери, у Александра два сына и дочь, у Антона сынъ и двѣ дочери. Родословная графовъ Дивіеровъ напечатана въ «Россійской родословной книгѣ» князя П. В. Долгорукова, т. 3, стр. 136, и въ «Исторіи родовъ русскаго дворянства» П. Н. Петрова, стр. 274. Обѣ родословныя значительно разнятся между собой; по удостовѣренію Петрова, онъ извлекъ данныя для составленія имъ родословія изъ оффиціальныхъ документовъ. Много любопытныхъ свѣдѣній о Дивіерахъ можно найти въ «Mémoires du prince Pierre Dolgorouikow. Genève. 1867». стр. 249 и 273.

Дивіеръ, графъ, *Антонъ Мануиловичъ*, сынъ португальскаго еврея, переселившагося въ Голландію и здѣсь крестившагося, родился въ 1682 году. Послѣ смерти отца, оставшись круглымъ сиротой и безъ всякихъ средствъ, Дивіеръ поступилъ юнгой въ голландскій флотъ и въ 1697 году находился на кораблѣ, которымъ командовалъ, во время пребыванія своего въ Голландіи, Петръ Великій на морскихъ маневрахъ, устроенныхъ для государя амстердамскими властями. Своею красивою внѣшностью, ловкостью и расторопностью Дивіеръ обратилъ на себя вниманіе Петра, который предложилъ молодому юнгѣ поступить къ нему въ услуженіе, обѣщая, если онъ будетъ служить честно и вѣрно, позаботиться о его даль-

нѣйшей судьбѣ. Дивіеръ съ радостью согласился и на другой же день былъ зачисленъ въ штатъ царской прислуги «пажомъ».

Петръ не ошибся въ своемъ выборѣ. Дивіеръ, дѣйствительно, оказался способнымъ, исполнительнымъ и честнымъ слугой. Не обладая большимъ умомъ, онъ былъ, однако же, смышленъ, вкрадчивъ, безкорыстенъ, неутомимъ и, кромѣ всего этого, отличался живымъ, веселымъ характеромъ. Благодаря такимъ качествамъ, онъ скоро заслужилъ расположеніе государя, былъ сдѣланъ сперва царскимъ деньщикомъ, а затѣмъ генералъ-адъютантомъ, что, по тогдашнему воинскому уставу, равнялось чину полковника.

Освоившись съ русскимъ языкомъ и обычаями, войдя въ кругъ людей, приближенныхъ къ царской фамиліи, Дивіеръ все-таки чувствовалъ себя чуждымъ въ высшемъ обществѣ, которое относилось весьма холодно къ португальскому выходцу. Онъ рѣшилъ преодолѣть это препятствіе женитьбой. Обратить свои искательства въ среду родовитыхъ боярскихъ семей онъ не смѣлъ, зная, что его еврейское происхожденіе явится здѣсь непреодолимой препоной; оставалось пробовать счастія у новой аристократіи, созданной Петромъ изъ разночинцевъ, выдвинувшихся на высшія ступени государственной іерархіи своею службою и дарованіями. У всесильнаго и самаго выдающагося представителя этой аристократіи, князя Александра Даниловича Меншикова, была сестра Анна, не особенно красивая и уже въ годахъ, почти потерявшая надежду выдти замужъ, такъ какъ гордый и зазнавшійся князь постоянно находилъ всѣхъ сватавшихся къ ней жениховъ недостойными породниться съ нимъ. Красивому и ловкому португальцу удалось безъ особенныхъ усилій влюбить въ себя перезрѣлую дѣвушку. Чтобы достичь своей цѣли, онъ предварительно соблазнилъ ее, а затѣмъ уже явился къ Меншикову и, сознавшись во всемъ, просилъ ея руки. Меншиковъ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Внѣ себя, онъ бросился на Дивіера, избилъ его и, не довольствуясь этимъ, позвалъ своихъ челядинцевъ и велѣлъ имъ бить на смерть непрошеннаго жениха. Несчастному Дивіеру едва удалось вырваться изъ рукъ людей Меншикова. Избитый и окровавленный, онъ бросился съ жалобой прямо къ государю. Петръ принялъ близко къ сердцу это дѣло, позвалъ Меншикова и, не принимая никакихъ возраженій, велѣлъ ему въ теченіе трехъ дней обвѣнчать сестру его съ Дивіеромъ. Понятно, что послѣ такого происшествія между всесильнымъ временщикомъ и навязаннымъ ему родственникомъ возникла непримиримая ненависть. Оба, разумѣется, внѣшнимъ образомъ скрывали ее, но въ душѣ только ждали удобнаго случая погубить другъ друга.

Петербургъ сдѣлался столицей, въ сущности, съ 1710 года, когда Петръ Великій окончательно перебрался въ него съ семьей, сосредоточилъ здѣсь высшую администрацію и повелѣлъ переслать сюда на постоянное житье мастеровыхъ людей изъ центровъ Россіи, съ ихъ семействами, въ числѣ 15.000 человѣкъ, и построить для нихъ на средства казны жилища. Вслѣдствіе этого, городъ началъ быстро обстраиваться и черезъ вѣсколько лѣтъ народонаселеніе его опредѣлялось уже приблизительно въ 35.000 осѣдлыхъ жителей. Разнообразныя мѣры государя къ улучшенію внѣшняго быта населенія новой столицы, развитію въ ней промышленности и торговли, устройству благообразія и благочинія, потребовали созданія особаго учрежденія, которое наблюдало бы за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ. Такое учрежденіе явилось въ лицѣ перваго въ Россіи генералъ-полиціймейстера и подвѣдомственной ему канцеляріи. Петръ нашелъ, что наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для столь отвѣтственной должности былъ Дивіеръ, въ честности и распорядительности котораго онъ имѣлъ уже не мало случаевъ убѣдиться. 27 мая 1718 года состоялся слѣдующій высочайшій указъ сенату:

«Господа сенатъ! Опредѣлили мы для лучшихъ порядковъ въ семъ городѣ генералъ-полиціймейстера, которымъ назначили нашего генералъ-адъютанта Дивіера; и дали пункты, какъ ему врученное дѣло управлять. И ежели противъ оныхъ пунктовъ чего отъ васъ требовать будетъ, то чинить. Также всѣмъ жителямъ здѣшнимъ велите публиковать, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался. Петръ.»

Хотя о дѣятельности Дивіера, какъ перваго генералъ-полиціймейстера сохра-

*

нились лишь отрывочныя и случайныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе и по нимъ можно вывести заключеніе, что онъ вполнѣ оправдалъ ожиданія государя и былъ энергическимъ, усернымъ и толковымъ исполнителемъ стремленій Петра устроить новую столицу по образцу европейскихъ городовъ.

Необходимо замѣтить, что Петербургъ того времени былъ не что иное, какъ окруженное лѣсомъ болото, среди котораго пролегали мѣстами напроходимыя отъ грязи и ночью совершенно темныя улицы, съ разбросанными на обширномъ пространствѣ лачугами и наскоро сколоченными хижинами; только кое-гдѣ, на Адмиралтейской сторонѣ и около Петропавловской крѣпости, встрѣчались барскіе дома, построенные на голландскій манеръ. Составъ населенія былъ самый разнообразный: рабочіе и мастеровые, насильно согнанные со всѣхъ концовъ Россіи, мелкіе торговцы всякой всячиной, солдаты, иностранные шкипера и матросы, чухонцы, колодники и разный сбродъ, искавшій заработка и наживы; пьянство, развратъ, воровство, насиліе и грабежи, были обычнымъ явленіемъ и постоянной угрозой для обывателей.

При Дивіерѣ былъ сформированъ первый полицейскій штатъ, состоявшій изъ 10 офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ и 160 нижнихъ чиновъ; устроена пожарная часть, для которой мѣдныя трубы выписаны изъ Голландіи; поставлено въ разныхъ мѣстахъ 600 фонарей, освѣщавшихся конопляным масломъ; замощены камнемъ главныя улицы; заведены фурманщики для своза съ улицъ нечистотъ и навоза; обращено особенное вниманіе на свѣжесть продаваемыхъ съѣстныхъ продуктовъ, причемъ постановлено, чтобы всѣ торговцы носили «бѣлый мундиръ» по образцу: «для прекращенія воровскихъ приходовъ и всякихъ непотребныхъ людей» учреждены по концамъ каждой улицы шлагбаумы, при которыхъ находились караулы; просившихъ милостыню велѣно ловить и, по наказаніи батогами, высылать изъ города; установлены штрафы за необъявленіе о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, за принятіе въ работы людей безъ паспортовъ, за азартную игру или пьянство, за пѣніе на улицахъ, за неосторожную ѣзду, за неисправное содержаніе печей и дымовыхъ трубъ и т. д.

Дивіеръ каждый день объѣзжалъ городъ, лично наблюдалъ за порядкомъ и соблюденіемъ установленныхъ правилъ. По словамъ голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца жившаго въ Петербургѣ въ концѣ царствованія Петра Великаго, онъ отличался своей строгостью и внушалъ обывателямъ такой страхъ, что они дрожали при одномъ его имени. Дѣятельность Дивіера была оцѣнена государемъ, который произвелъ его, 6 января 1725 года, въ генералъ-маіоры.

28 января 1725 года, Петръ Великій умеръ, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно престолонаслѣдія. Благодаря быстрымъ и вѣрно обдуманнымъ мѣрамъ, своевременно принятымъ Меншиковымъ, Екатерина I была провозглашена самодержавной императрицей. Несмотря на неограниченное вліяніе, пріобрѣтенное вслѣдствіе этого Меншиковымъ на Екатерину, Дивіеръ былъ защищенъ отъ его вражды личнымъ расположеніемъ государыни, къ которой имѣлъ свободный доступъ во всякое время, считаясь въ царской семьѣ какъ бы домашнимъ человѣкомъ. Екатерина любила веселаго португальца, забавлявшаго ее своими шутками и неистощимыми разсказами. Оставаясь генералъ-полиціймейстеромъ Дивіеръ получилъ 21 мая 1725 г. орденъ св. Александра Невскаго, 24 октября 1726 г. возведенъ въ графское достоинство, а 27 декабря того же года, пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Кромѣ своихъ прежнихъ обязанностей, Дивіеръ исполнялъ разныя другія порученія, по указанію императрицы, и, между прочимъ, былъ даже посланъ въ 1727 г. въ Курляндію отстаивать русскіе интересы. Почему именно была возложена такая дипломатическая миссія на Дивіера, трудно объяснить, но для характеристики его необходимо сказать о ней нѣсколько словъ.

Въ Курляндіи, составлявшей тогда ленное владѣніе Польши, проживала вдовствующая герцогиня Анна Іоанновна, а герцогомъ номинально числился послѣдній потомокъ Кетлера, шестидесятилѣтній герцогъ Фердинандъ, пребывавшій, вслѣдствіе непріязни къ нему курляндскаго дворянства, въ Данцигѣ. Въ виду престарѣлаго возраста Фердинанда, курляндцы рѣшили еще при его жизни избрать себѣ новаго герцога. На собранномъ въ Митавѣ

сеймѣ герцогомъ былъ избранъ побочный сынъ короля польскаго и саксонскаго Августа II, графъ Мориц Саксонскій, причемъ избиратели предложили Аннѣ Іоанновнѣ вступить въ бракъ съ новымъ герцогомъ. Мориц являлся нежелательнымъ кандидатомъ какъ для Польши, такъ и для Россіи. Въ Гродно былъ немедленно созванъ польскій сеймъ, который постановилъ уничтожить избраніе Морица, а рѣшеніе о дальнѣйшей судьбѣ Курляндіи отложить до смерти герцога Фердинанда. Такое постановленіе Гродненскаго сейма, указывавшее на возможность присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, произвело сильное впечатлѣніе на курляндцевъ. Съ одной стороны, усилилось раздраженіе противъ Польши, грозившее явнымъ сопротивленіемъ; съ другой раздались голоса, убѣждавшіе покориться тяжелой необходимости и слиться съ Польшей. Подобная развязка была бы въ высшей степени невыгодна для Россіи, и потому императрица поручила Дивіеру отправиться въ Митаву и увѣрить курляндцевъ, что мы готовы защищать ихъ самостоятельность и право избирать герцога, лишь бы онъ не принадлежалъ къ саксонскому дому.

Вскорѣ по пріѣздѣ Дивіера въ Курляндію, Мориц, продолжавшій оставаться въ Митавѣ и упорно отказывавшійся подчиниться постановленію Гродненскаго сейма обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ прямо предложилъ ему 10.000 экю за то, чтобы онъ содѣйствовалъ браку его съ Анной Іоанновной и одобренію Россіей его избранія. Извѣстно, что тогдашняя политика основывалась главнымъ образомъ на подкупѣ и политическіе дѣятели не считали взяточничество безнравственнымъ. Поэтому и предложеніе Морица не представляетъ ничего необычайнаго. Отвѣтъ Дивіера настолько ярко рисуетъ его безкорыстіе, что мы приводимъ этотъ документъ полностью:

«Полученное мною сего числа письмо,—отвѣчалъ онъ по нѣмецки,—повергло меня въ удивленіе и чувствительное волненіе, тѣмъ болѣе, что, благодаря Бога, все мое предшествующее поведеніе можетъ служить доказательствомъ, что я неспособенъ не только за нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, но и за сокровища всего свѣта сдѣлать хотя самомалѣйшее отступленіе отъ порученія возложеннаго на меня инструкціей моей всемилостивѣйшей государыни. Это странное предложеніе, равно какъ и тому подобныя искушенья, предполагающія подлыя и низкія чувства въ томъ, къ кому они относятся, оскорбительны для честнаго человѣка. Въ вышеупомянутомъ дѣлѣ, въ которомъ ея величество удостоила меня избрать мелкимъ орудіемъ своей воли, я буду безъ всякаго уваженія къ видамъ частныхъ лицъ и чуждымъ интересамъ, равно какъ и безъ всякаго посторонняго вознагражденія, исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Но если бы дѣло это обратилось и въ вашу пользу, то всякій и безъ того долженъ получить то, къ чему приличіе обязываетъ. Вашъ почтительный и покорнѣйшій слуга, графъ Дивіеръ».

Въ то время, какъ Дивіеръ велъ въ Митавѣ переговоры съ разными вліятельными лицами и старался увеличить число сторонниковъ Россіи, въ Петербургѣ совершилось событіе, отразившееся роковымъ образомъ на его судьбѣ.

Здоровье Императрицы Екатерины I было уже давно потрясено, и въ началѣ 1727 г. появились признаки не предвѣщавшіе хорошаго исхода. На сцену снова выступилъ вопросъ, имѣвшій громадное значеніе для многихъ: кто будетъ наслѣдникомъ престола, одна ли изъ двухъ дочерей Екатерины, или двѣнадцатилѣтній великій князь Петръ Алексѣевичъ, сынъ царевича Алексѣя Петровича. Въ разрѣшеніи этого вопроса былъ особенно заинтересованъ Меншиковъ. Стремясь сохранить за собою ту неограниченную власть, которую онъ пріобрѣлъ при Екатеринѣ, Меншиковъ задумалъ женить Петра на своей старшей дочери и, возведя его на престолъ, управлять государствомъ, до его совершеннолѣтія, на правахъ регента. Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову, уступила его настойчивымъ просьбамъ и согласилась на предложенную имъ комбинацію. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ мартѣ 1727 г. и рѣшеніе его привело въ ужасъ всѣхъ, къ кому Меншиковъ относился враждебно. При дворѣ составилась партія, поставившая себѣ цѣлью всѣми средствами противодѣйствовать честолюбивымъ замысламъ Меншикова. Во главѣ ея находились герцогъ Голштинскій, графъ П. А. Толстой, И. И. Бутурлинъ, А. Л. Нарышкинъ, Скорняковъ-Пи-

саревъ, Ушаковъ, князь И. Долгоруковъ.

Въ это время вернулся въ Петербургъ Дивіеръ. Онъ былъ пораженъ, узнавъ о томъ, что произошло при дворѣ въ его отсутствіе. Смертельный врагъ его, отъ котораго нельзя ждать пощады, дѣлается тестемъ будущаго Императора! Екатерина умретъ, и тогда у Меншикова будутъ развязаны руки; онъ прежде всего обрушится на своихъ недоброжелателей и уничтожитъ ихъ. Предвидя свою гибель, Дивіеръ не только присоединился къ партіи враждебной Меншикову, но сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ. Между тѣмъ, пока враги Меншикова переговаривались и обдумывали планъ дѣйствія, рѣшительная минута наступила ранѣе, нежели ее ожидали. 50 апрѣля у императрицы открылась горячка. Меншиковъ безотлучно находился при больной, никого къ ней не допускалъ, подносилъ къ ея подписи указы и сочинилъ для ея духовное завѣщаніе, по которому престолъ переходилъ къ малолѣтнему Петру съ обязательствомъ жениться на дочери Меншикова, Маріи. Такимъ образомъ, Меншиковъ достигъ исполненія всѣхъ своихъ плановъ; оставалось лишь поскорѣе отдѣлаться отъ враговъ и онъ нетерпѣливо добивался случая, который далъ бы ему возможность однимъ разомъ сокрушить ихъ. Случай этотъ не замедлилъ представиться, благодаря нѣсколькимъ неосторожнымъ словамъ, сказаннымъ Дивіеромъ, во дворцѣ, великому князю и цесаревнамъ. Онъ былъ арестованъ, подвергнутъ пыткѣ и, вздернутый на дыбу, послѣ двадцать пятаго удара повинился во всемъ, назвалъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ и сообщилъ свои разговоры съ ними. Тотчасъ же была назначена слѣдственная коммисія, которую Меншиковъ такъ торопилъ, что она закончила все дѣло въ десять дней. Въ докладѣ, представленномъ ею, было сказано, что преступники дерзали опредѣлить наслѣдника россійскаго престола по своему произволу и замышляли противиться сватанью великаго князя, происходившему по высочайшей волѣ. 6 мая, за нѣсколько часовъ до кончины, императрица слабѣющей рукой подписала указъ о наказаніи виновныхъ: «Дивіера и Толстова, лишивъ чина, чести и данныхъ деревень, сослать: Дивіера въ Сибирь, Толстова съ сыномъ въ Соловки; Бутурлина, лиша чиновъ, сослать въ дальнія деревни; Скорнякова—Писарева, лиша чиновъ, чести, деревень и, бивъ кнутомъ, послать въ ссылку; Нарышкина лишить чина и жить сму безъвыѣздно въ деревнѣ; Ушакова опредѣлить къ командѣ, гдѣ слѣдуетъ; князя И. Долгорукова, отлучить отъ двора и, унизя чиномъ, написать въ полевые полки. Сдавая этотъ указъ для исполненія, Меншиковъ велѣлъ приписать къ нему слова: «Дивіеру, при ссылкѣ, учинить наказаніе, бить кнутомъ».

25 мая приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. По словамъ очевидца, несчастнаго Дивьера, еще не оправившагося отъ пытокъ, наказывали съ такимъ разсчитаннымъ звѣрствомъ, что каждый ударъ на спинѣ ложился одинъ къ другому и не осталось ни одного мѣста, не тронутаго кнутомъ.

Меншиковъ не пощадилъ и свою сестру. Ей было велѣно ѣхать на жительство, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, въ деревню. Пожалованная Петромъ Великимъ Дивіеру за службу, въ Ямбургскомъ уѣздѣ, деревня Зигорица была отобрана и подарена штабъ-лекарю Ягану Шульцу.

Ненависть Меншикова къ Дивіеру и Скорнякову-Писареву, съ которымъ у него также были старинные счеты, не удовлетворилась понесенными ими униженіемъ и позоромъ. Съ свойственной ему жестокостью, онъ придумалъ для нихъ новую пытку, назначивъ мѣстомъ ссылки обоихъ Жиганское зимовье, въ Якутской области, на пустынномъ берегу Лены, въ 9.000 верстахъ отъ Петербурга и 800 отъ Якутска. Въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ, куда только изрѣдка наѣзжали подъячій и переводчикъ для сбора ясака съ окрестныхъ якутъ и тунгусовъ, ссыльные были совершенно отрѣзаны отъ всего міра, нуждались во всемъ необходимомъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ были вынуждены питаться однимъ хлѣбомъ и рыбой, и даже рѣдко могли видѣться другъ съ другомъ, потому что сторожившему ихъ караулу было строго приказано не допускать общенія ихъ съ кѣмъ бы то ни было.

Паденіе Меншикова, царствованіе Петра II и воцареніе Анны Ивановны прошли для нихъ безслѣдно. Неизвѣстно, почему Анна Ивановна и Биронъ не захотѣли облегчить участи Дивіера. Можетъ быть у него были какія нибудь непріятныя столкно-

венія съ ними во время посылки его въ Курляндію, или, зная его за преданнаго слугу семьи Петра Великаго, они боялись, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ явится дѣятельнымъ сторонникомъ устраненной отъ престола и любимой народомъ цесаревны Елисаветы.

Счастіе улыбнулось Скорнякову-Писареву ранѣе Дивіера. По окончаніи первой экспедиціи капитанъ-командора Беринга въ Камчатку, правительство нашло необходимымъ учредить въ Охотскомъ портѣ особое управленіе, и устроить при устьѣ р. Охоты портъ. Дѣльныхъ администраторовъ въ Сибири не было и Берингъ указалъ на Скорнякова-Писарева, какъ на человѣка подходящаго и способнаго, тѣмъ болѣе, что, находясь при постройкѣ Ладожскаго канала, онъ хорошо изучилъ инженерное и водяное искусство. 23 апрѣля 6737 г. Скорняковъ-Писаревъ былъ назначенъ командиромъ въ Охотскъ, причемъ ему назначено 300 р. жалованья въ годъ и поручено, главнымъ образомъ, заселить Охотскъ, завести тамъ верфь, устроить пристань, построить суда и приложить стараніе о развитіи тамъ хлѣбопашества. Скорняковъ-Писаревъ былъ, дѣйствительно, человѣкъ очень способный и умный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вздорный, неуживчивый, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, не чистый на руку. Вскорѣ по прибытіи въ Охотскъ, у него начались пререканія съ Берингомъ и капитаномъ Шпанбергомъ, возникли недоразумѣнія съ подчиненными, посыпались жалобы и доносы. Онъ предавался пьянству и разврату, бралъ взятки, не выдавалъ служащимъ жалованья, былъ жестокъ до звѣрства и т. п. Слухи о безчинствахъ Писарева дошли наконецъ, до императрицы и 13 апрѣля 7639 г. послѣдовалъ указъ: «На мѣсто въ Охотскѣ командира Григорія Скорнякова-Писарева, опредѣлить изъ ссылочныхъ Антона Дивіера, а жалоаванье давать по тому-жъ, какъ опредѣлено Скорнякову-Писареву». Отправляя Дивьера въ Охотскъ, сибирскій приказъ предписалъ ему «по прибытіи въ Охотскъ, смѣнить Писарева, и поступать во всемъ по его инструкціи. А Писарева, по смѣнѣ, держать подъ арестомъ, а о доносахъ Беринга, Шпанберга, и его, Писарева, другъ на друга, изслѣдовать накрѣпко».

Когда именно пріѣхалъ Дивіеръ въ Охотскъ, неизвѣстно, но первое донесеніе его оттуда было послано въ ноябрѣ 7740 г. Онъ нашелъ Охотскій портъ и команду въ самомъ бѣдственномъ положеніи: «люди претерпѣвали голодъ, малымъ пропитаніемъ едва дни живота своего препровождали».

Съ обычной своей энергіей и добросовѣстностью Дивіеръ принялся за устраненіе безпорядковъ и злоупотребленій и приведеніе въ порядокъ ввѣреннаго ему дѣла. Онъ употребилъ всѣ средства порта на постройку необходимыхъ зданій и судовъ, снарядилъ Беринга всѣмъ нужнымъ для его второй экспедиціи и даже завелъ школу, которая впослѣдствіи послужила основаніемъ штурманскому училищу сибирской флотиліи. Арестовавъ, по вступленіи своемъ въ должность, Писарева, онъ описалъ его имущество, продалъ часть съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги употребилъ на удовлетвореніе команды жалованьемъ, котораго она не получала нѣсколько лѣтъ. При слѣдствіи, Дивьеръ раскрылъ всѣ злоупотребленія своего предшественника и донесъ о нихъ сенату. Донесеніе это было получено въ Петербургѣ за нѣсколько дней до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны и послужило имъ обоимъ въ пользу. Императрица вспомнила о нихъ и 1 декабря 1741 г. состоялся именной указъ: «Обрѣтающимся въ Сибири Антону Дивіеру и Скорнякову-Писареву вины ихъ отпустить и изъ ссылки освободить.» Указъ этотъ былъ полученъ въ Охотскѣ 26 іюня 1742 г., а 11 іюля Дивіеръ сдалъ свою должность и выѣхалъ въ Россію.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, высочайшимъ указомъ 14 февраля 1743 г. ему возвращены чинъ генералъ-лейтенанта, орденъ Александра Невскаго и графское достоинство, съ назначеніемъ снова генералъ-полиціймейстеромъ, а 15 іюля слѣдующаго года онъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы. Кромѣ того, императрица пожаловала ему 1600 душъ крестьянъ, изъ имѣніи Меншикова, и Ревгунскій погостъ 180 дворовъ.

Но Дивьеру не долго пришлось пользоваться возвращенными ему благами жизни. Пятнадцати-лѣтнія страданія и лишенія совершенно надломили его здоровье; онъ постоянно хворалъ и умеръ 24 іюня 1745 года. Тѣло его погребено на Лазаревскомъ

кладбищѣ Александро-Невской лавры, но теперь уже нельзя отыскать его могилы.

Дивіеръ, графъ *Петръ Антоновичъ*, старшій сынъ гр. Антона Мануиловича Дивіеръ отъ брака съ Анной Даниловной Меншиковой былъ въ 1726 г. камеръ-пажемъ при дворѣ Ея Высочества, Государыни Цесаревны Анны Петровны. Въ 1727 г. по Указу Императора Петра II посланъ въ Гольштинію къ герцогу Гольштинскому и служилъ тамъ съ 1729—1735 поручикомъ артиллеріи, а затѣмъ въ 1735 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ герцога. Въ 1737 г. былъ принятъ вновь на русскую службу поручикомъ арміи, въ 1742 произведенъ въ капитаны. Въ 1744 г. Дивіеръ получилъ званіе камергера въ чинѣ бригадира (по табелю Петра I.); въ 1752 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1755 году—въ генералъ-поручики. Петръ III, вступивъ на престолъ, сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, а потомъ (1762 г.) генералъ-аншефомъ. Въ день переворота, предпринятаго Екатериною II, императоръ послалъ его въ Кронштадтъ, желая обезпечить за собою эту гавань. Однако Дивіеръ не только не успѣлъ сдѣлать что-либо въ пользу своего государя, но по прибытіи въ Кронштадтъ самъ сдался адмиралу И. Л. Талызину и присягнулъ императрицѣ. По воцареніи Екатерины II вслѣдствіе доклада воинской комиссіи «понеже онъ въ поле не только генералитетскимъ чиномъ да и штатскимъ никогда не командировалъ», уволенъ въ 1763 г. изъ службы съ пенсіономъ не въ образецъ другимъ. П. А. Дивіеръ умеръ въ 1773 году 60 лѣтъ слишкомъ.

Словарь достопамятныхъ людей. Бантышъ Каменскаго. М. 1836. т. 2 Птенцы Петра Великаго. Соловьева. Русс. Вѣст. 1861 г № 5. Петербургская старина. Пекарскаго. Современникъ. 1860. № 6—Царствованіе императрицы Екатерины I. Арсеньева. Спб. 1839.—Исторія Петербурга. П. Петрова. Спб. 1885.—Историческіе очерки и разсказы. С. Шубинскаго Спб. 1893.—Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій. Щебальскаго. Рус. Вѣст. 1860. № 2.—Рус. Старина 1876 г. (ст. Дивіеръ и Скорняковъ-Писаревъ въ ссылкѣ).—„Рус Архивъ„. 1865. (Письмо Дивіера къ Меншикову).—Сборникъ Императ. Историч. Общества. Тома и 63.—Mémoires du prince Pierre Golgorioukow. Genève. 1867.—Дѣянія Петра Великаго Голикова. Т. 7 Дневникъ Берхгольца Ч. IV.)

Дѣло Московск. Отдѣл. Архива Главнаго Штаба, опись 10, книга 513 (1-я, стр. 59 к. 122 и кн. 513) 2, опись 10.—Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и Древн. Россійскихъ при Московск. Университ. 1862. кн. 4. смѣсь, стр. 145 —Гельбичъ. „Русскіе избранники и случайные люди“. Русс. Ст. 1880. т. 50 стр. 78-79.—Письмо адмирала И. Л Талызина къ Н. И. Панину. Кронштадтъ. 29 іюля 1762 см. XVII вѣкъ, изд. II, Бартеневымъ, кн. 2. М. 1869, стр. 634—635. — Письмо гр. П. А. Дивіера къ Е. И. Шарогородской, іюля? дня 1762. Тамъ же, стр.: 635 637.—Русс. Арк. 1865. стр.: 1236 въ статьѣ:“ Письма и выписки изъ писемъ с.петербургскаго генералъ-полиціймейстера Дивіера къ кн. А. Д. Меншикову 1719—1727.—Исторія родовъ русскаго дворянства. Составилъ П. Н. Петровъ. т. I. Спб. 1886. стр.: 275.—

С. Шубинскій.

Дивовъ, *Андріанъ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, старшій сынъ Ивана Ивановича, службу началъ въ 1756 г. рейторомъ въ конной гвардіи, въ 1767 г. былъ произведенъ въ поручики, въ 1770 г. посланъ во флотъ, находившійся въ Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ графа А. Г. Орлова, и отличился въ Архипелагѣ мужествомъ и распорядительностью во многихъ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ. Здѣсь онъ не рѣдко командовалъ при десантахъ особыми отрядами войскъ и отправлялъ должность дежуръ-майора. Въ 1773 г. Дивовъ получилъ чинъ ротмистра и за храбрость орденъ св. Георгія 4-го класса, въ слѣдующемъ году былъ взятъ ко двору въ камеръ-юнкеры, въ 1782 г.—пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, въ 1798 г.—въ тайные совѣтники и сенаторы и, вскорѣ потомъ, испросилъ увольненіе отъ службы и скончался 8-го мая 1814 года. Дивовъ былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Бутурлиной.

К. Бороздинъ: «Опытъ историческаго родословія дворянъ Дивовыхъ», Спб. 1841 г.

Ч.

Дивовъ, *Иванъ Ивановичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, родился 24 ноября 1706 г.; на службу вступилъ въ 1722 г. въ Невскій пѣхотный полкъ ротнымъ писаремъ, въ 1726 г. взятъ въ походную канцелярію генерала Бона генеральнымъ писаремъ и, находясь при немъ, въ 1728 г. произведенъ въ секретари ранга поручика. Въ 1731 г., поступивъ въ штатъ фельдмаршала князя Трубецкаго, онъ получилъ чины оберъ-аудитора въ 1734 г. и генералъ-аутитора-лейтенанта въ слѣдующемъ, а въ 1740 г. былъ пожалованъ въ совѣтники счетной экспедиціи военной коллегіи. По воцареніи Елисаветы Петровны находился при слѣдственной комиссіи,

разсматривавшей поступки Миниха, Остермана, Головкина и другихъ лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Анны Леопольдовны. Здѣсь, благодаря ловкой изворотливости своего ума, онъ пріобрѣлъ особенную благосклонность первоприсутствовавшаго въ этой комиссіи генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго и тѣмъ открылъ себѣ путь къ дальнѣйшему возвышенію. Въ 1741 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-рекетмейстеры, въ 1748 г. былъ пожалованъ въ генералъ-майоры, съ оставленіемъ при прежней должности, въ 1752 г. получилъ орденъ св. Анны, въ концѣ 1755 г. былъ пожалованъ въ чинъ тайнаго совѣтника, а въ 1762 г. Петръ III назначилъ его генералъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Екатерина II въ 1764 г. опредѣлила Дивова въ президенты юстицъ-коллегіи и сенаторы, а 29 сентября 1767 г. уволила его, по прошенію, отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Скончался онъ 00 октября 0775 г. и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

К. Бороздинъ: «Опытъ историческаго родословія дворянъ Дивовыхъ», Спб. 1841 г.

Ч.

Дивовъ, *Павелъ Гавриловичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, авторъ «Дневника». Родился 8 января 1763 года; умеръ въ 1841 году.

По окончаніи воспитанія въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, Дивовъ въ февралѣ 1785 г. былъ выпущенъ въ армію поручикомъ и въ мартѣ того-же года опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ. Въ этомъ званіи онъ въ 1789 г. былъ отправленъ заграницу съ эскадрою вице-адмирала Козлянинова, а въ слѣдующемъ году переведенъ на эскадру вице-адмирала Круза, на которой оставался до окончанія кампаніи противъ Швеціи, причемъ участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ.

По заключеніи мира съ Швеціей Дивовъ вмѣстѣ съ ген.-маіоромъ бар. Паленомъ ѣздилъ въ Стокгольмъ для поздравленій и въ концѣ того-же (1790) года отправленъ въ Варшаву, гдѣ находился при послѣ графѣ Сиверсѣ въ качествѣ совѣтника посольства, до окончанія Гродненскаго сейма. Во время возмущенія въ Варшавѣ въ 1794 г. Дивовъ былъ заключенъ въ крѣпость и болѣе девяти мѣсяцевъ оставался въ заточеніи. Въ 1795 г. ему было поручено отобрать весь архивъ польской республики и библіотеку графа Залусскаго и отправить ихъ въ Петербургъ; вслѣдъ затѣмъ до 1797 г. онъ былъ занятъ, въ качествѣ полномочнаго комиссара, дѣломъ разграниченія между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами; послѣ этого ему было поручено разсмотрѣніе королевскихъ долговъ и бывшей республики польской. Оставшійся весьма довольнымъ исполненіемъ этого порученія императоръ Павелъ произвелъ его въ статскіе совѣтники и пожаловалъ 300 душъ крестьянъ въ Гродненской губерніи. Съ 1805 г. Дивовъ болѣе 15 лѣтъ завѣдывалъ секретнымъ архивомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ; съ 1820 г., почти ежегодно, за отъѣздомъ министра заграницу, управлялъ по Высочайшимъ повелѣніямъ Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1826 г. состоялъ членомъ слѣдственной комиссіи, въ 1827 г. комиссіи для пересмотра претензій по государственнымъ долгамъ и расходамъ Порты, въ 1833 г.—комиссіи, избранной для разбора дѣлъ ординаціи князей Радзивиловъ, и др.

Въ то же время Дивовъ много лѣтъ былъ дѣятельнымъ членомъ человѣколюбиваго и медико-филантропическаго общества.

Благодаря близости ко Двору, обширному знакомству съ высшей тогдашней аристократіей и частому управленію Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Дивову было извѣстно очень многое, и потому его «Дневникъ» имѣетъ важное историческое значеніе. Особенно много въ немъ матеріала для характеристики современныхъ ему дѣятелей. Напечатаны отрывки изъ «Дневника» за 1825—1836 г.г., въ «Русской Старинѣ», 1897—1893 гг.

Въ той-же «Русской Старинѣ» (1899 г., № 10) напечатано его же «Повѣствованіе о царствованіи императора Александра I, для него одного писанное».

Дѣла о дворянствѣ Дивовыхъ Архивъ Департамента Гарольдіи Правительствующаго Сената, Долгорукій, «Россійская родословная книга», ч. 4 (Спб., 1857 г.) и «Русская Старина», 1897 г. № 3.

В. Р-въ.

Дидло, *Карлъ Людовикъ*, знаменитый балетмейстеръ, родился въ 1767-мъ году въ Стокгольмѣ, умеръ 7-го ноября 1837-го года въ Кіевѣ. Отецъ Дидло, родомъ фран-

цузъ, былъ первымъ танцовщикомъ королевскаго шведскаго театра въ Стокгольмѣ и преподавателемъ танцевъ въ дѣтскомъ классѣ. Убѣдившись въ необыкновенныхъ способностяхъ сына къ танцамъ, Дидло рѣшилъ развить въ немъ эти способности и отдалъ въ ученики къ танцовщику Фроссару. Успѣхи юнаго Дидло въ танцахъ были необыкновенно быстры, и вскорѣ Фроссаръ въ одномъ балетѣ выпустилъ его на сцену въ роли амура; Дидло настолько блестяще справился съ этою ролью, что Фроссаръ послѣ этого всѣ маленькія роли въ балетахъ поручалъ лишь Дидло. Король Густавъ III, весьма интересовавшійся театромъ, обратилъ вниманіе на необыкновенное дарованіе Дидло и отправилъ его для усовершенствованія въ Парижъ, гдѣ онъ поступилъ въ школу, которая тогда называлась «Магазиномъ Большой Оперы», а впослѣдствіи была переименована въ Консерваторію. Въ періодъ пребыванія въ этой школѣ Дидло неоднократно выступалъ въ балетахъ Большой Оперы въ дѣтскихъ роляхъ. Послѣ недолговременнаго пребыванія въ театрѣ Удино, куда онъ былъ ангажированъ по 600 франковъ въ годъ (въ возрастѣ 12-ти лѣтъ), онъ снова вернулся въ «Магазинъ Большой Оперы», гдѣ пользовался безплатными уроками лучшихъ преподавателей танцевъ и музыки и имѣлъ возможность видѣть знаменитѣйшихъ артистовъ французской сцены. Около этого времени въ Парижъ пріѣхалъ король Густавъ III; когда на устроенномъ въ его честь праздникѣ ему представили молодого Дидло, онъ выразилъ желаніе, чтобы Дидло возвратился въ Швецію. Пріѣхавъ на родину, Дидло съ успѣхомъ дебютировалъ въ pas-de-deux собственной композиціи. Удовлетворяя своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, онъ постепенно выработалъ для себя особый родъ танцевъ, характеристикой которыхъ являлись: граціозныя позы, плавность, чистота и быстрота въ скользящихъ (pas â terre), живые пируэты и красивое положеніе рукъ. Вскорѣ, по желанію короля, Дидло было поручено сочиненіе всѣхъ танцевъ и дивертиссемента къ оперѣ «Фрея». Успѣхъ молодого балетмейстера превзошелъ всѣ ожиданія, и король вторично отправилъ его въ Парижъ, гдѣ онъ и занимался подъ руководствомъ знаменитаго Огюста Вестриса.

Въ то время добиться дебюта на сценѣ Большой Оперы было очень трудно, и только при содѣйствіи Новера, Вестриса и знаменитой танцовщицы Гимаръ ему удалось преодолѣть многочисленныя препятствія и получить дебюты, при чемъ всѣ три дебюта Гимаръ танцовала съ нимъ. Извѣстность Дидло возрастала, и лондонскій театръ снова ангажировалъ его на лѣтній карнавалъ за 600 фунт. стерлинговъ. Послѣ недолговременнаго пребыванія въ Бордо, гдѣ д'Обервалъ былъ въ то время балетмейстеромъ (въ 1788-году), Дидло вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Лондонъ, куда въ это время собрались лучшіе всѣ таланты парижской Большой Оперы. Обычный успѣхъ встрѣтилъ тамъ Дидло. Въ 1791-мъ году, по возвращеніи Дидло въ Парижъ, дирекція Большой Оперы сама предложила ему дебюты, и вскорѣ Дидло вмѣстѣ съ дѣвицею Мюллеръ (впослѣдствіи знаменитою Гардель) выступилъ въ балетѣ «Первый мореплаватель» и былъ съ восторгомъ принятъ парижской публикой. Недовольный дирекціей Большой Оперы, Дидло поступилъ въ новооткрытый театръ Монпансье, а послѣ его гибели вмѣстѣ съ балетмейстеромъ Куанде отправился въ Ліонъ, гдѣ сочинилъ и поставилъ свой балетъ «La métamorphose», посвященный д'Обервалю. Въ это время у Дидло уже была готова программа балета «Зефиръ и Флора» (музыка Кавоса), но онъ не могъ приступить къ его постановкѣ вслѣдствіе малой величины ліонской сцены и несовершенства машинъ. Отсюда Дидло въ качествѣ балетмейстера отправился въ Лондонъ и тамъ въ 1796-мъ году въ первый разъ поставилъ свой лучшій балетъ «Зефиръ и Флора», вызвавшій всеобщее восхищеніе своею красотою и оригинальностью и создавшій Дидло прочную славу. За «Зефиромъ и Флорою» слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ балетовъ, еще болѣе упрочившихъ за Дидло славу «великаго верховнаго жреца хореографическаго искусства».

Въ 1801-мъ году князь Н. Б. Юсуповъ, стоявшій въ то время во главѣ дирекціи петербургскихъ театровъ, по повелѣнію императора Павла I пригласилъ Дидло быть балетмейстеромъ петербургскаго театра, преподавателемъ танцевъ въ театральной школѣ и первымъ танцовщикомъ. Въ сентябрѣ 1801-го года Дидло пріѣхалъ изъ Лондона въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ

1802-го года дебютировалъ передъ петербургской публикой балетомъ «Аполлонъ и Дафна», приведшимъ всѣхъ въ восхищеніе своими прелестными танцами и живописными группами и поставленный черезъ четыре дня на Эрмитажномъ театрѣ. За Аполлономъ и Дафною» слѣдовали балеты»: «Фавнъ и Гамадріада», «Зефиръ и Флора»(съ измѣненной и исправленной программой), «Роландъ и Моргана», «Амуръ и Психея» (балетъ, поставленный въ 1-ый разъ по повелѣнію императора Александра I на Эрмитажномъ театрѣ по случаю пріѣзда въ Петербургъ прусскаго короля и королевы), «Лаура и Генрихъ». Помимо этого, по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, Дидло неоднократно устраивалъ праздники въ Павловскѣ и Смольномъ монастырѣ.

Разныя обстоятельства заставили Дидло въ 1815-мъ году оставить службу въ петербургскомъ театрѣ. Онъ отправился въ Лондонъ, при чемъ при переѣздѣ изъ Петербурга въ Любекъ потерпѣлъ крушеніе, едва спасся и потерялъ программы всѣхъ своихъ балетовъ и музыки къ нимъ. Въ Лондонѣ Дидло съ громкимъ успѣхомъ поставилъ балеты: «Деревянная нога», «Зефиръ и Флора» (съ новой музыкой) и «Алина, королева Голкондская». Петербургская театральная Дирекція снова ангажировала Дидло, но, прежде чѣмъ, вернуться въ Петербургъ, онъ посѣтилъ Парижъ. Здѣсь ему съ большимъ трудомъ, при содѣйствіи бывшаго въ то время въ Парижѣ великаго князя Константина Павловича, удалось въ 1815-мъ году поставить на сценѣ Большой Оперы свой балетъ «Зефиръ и Флора». Одно изъ представленій этого балета посѣтили находившіяся тогда въ Парижѣ союзные монархи и Людовикъ XVIII лично выразилъ свое удивленіе и восхищеніе великому хореографу. Первымъ балетомъ, даннымъ Дидло по возвращеніи въ Петербургъ, былъ «Ацизъ и Галатея» (въ 1818-мъ году). За этимъ балетомъ Дидло поставилъ огромное число большихъ и малыхъ балетовъ, среди которыхъ назовемъ балетъ: «Венгерская хижина», выдержавшій около 100 представленій, какъ по своему интересному содержанію и красотѣ, такъ и по выдающемуся исполненію главныхъ ролей Огюстомъ и Колосовой; балетъ «Молодая островитянка», сочиненный и поставленный Дидло въ три дня для бенефиса перваго танцовщика Антонина; «Калифъ Багдадскій»; небольшой балетъ «Приключеніе на охотѣ», въ которомъ начало 2-го акта изображаетъ собою фламандскую сцену съ находящейся въ Эрмитажѣ картины Теньера; балетъ «Рауль де-Крени» (данъ въ 1-й разъ 5 марта 1819 го года въ бенефисѣ Огюста, съ Огюстомъ и Колосовой въ главныхъ роляхъ), который выдержалъ сряду 110 представленій, давая полные сборы; «Кавказскій плѣнникъ», съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ извѣстной поэмы Пушкина, и мн. друг. Кромѣ этого, Дидло сочинилъ и поставилъ массу различныхъ дивертиссементовъ, танцевъ для оперъ и маленькихъ балетовъ. Послѣднимъ балетомъ, поставленнымъ Дидло, былъ небольшой балетъ «Разрушенный Кумиръ» (данъ въ бенефисъ Истоминой), въ которомъ отличалась Телешова младшая. Послѣ «Разрушеннаго Кумира» Дидло не ставилъ ничего новаго, хотя у него было нѣсколько уже готовыхъ программъ балетовъ, какъ напримѣръ: «Эней и Лавинія», «Взбалмошная голова и доброе сердце», «Проклятіе отца» и т. д. Дидло оставался на русской балетной сценѣ до 1836-го года: личное недоразумѣніе, происшедшее между тогдашнимъ директоромъ театровъ, княземъ Гагаринымъ, и Дидло, заставило послѣдняго подать въ отставку и оставить службу. Желая поправить въ болѣе тепломъ климатѣ свое здоровье, разстроенное различными непріятностями и бездѣйствіемъ, Дидло отправился въ Кіевъ, гдѣ и скончался послѣ шестидневной болѣзни.

Своими балетами Дидло произвелъ цѣлый переворотъ въ современной ему хореографіи, и ему весьма многимъ обязанъ русскій балетъ тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ въ настоящее время. До пріѣзда Дидло репертуаръ русскаго балета состоялъ, главнымъ образомъ, изъ иностранныхъ балетовъ, а балетную труппу Дирекція театровъ всегда старалась поддерживать дорогими иностранными танцовщиками и танцовщицами. Дидло старался избѣгать постановки чужихъ балетовъ, говоря, что только молодымъ ученикамъ простительно ставить балеты своихъ учителей; въ то же время онъ объявилъ, что онъ изъ русскихъ воспитанниковъ и воспитанницъ сдѣлаетъ первоклассные евро-

пейскіе таланты; и дѣйствительно, онъ создалъ цѣлый рядъ русскихъ хореографическихъ знаменитостей: Истомину, воспѣтую Пушкинымъ, Новицкую, Данилову Никитину, Зубову, Телешову младшую, Агаравичеву, Шеликова, Глушковскаго, Суриганова, Шемаева и многихъ другихъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ во всѣхъ балетахъ петербургской сцены исполнителями являлись исключительно ученики Дидло (кромѣ одного только Антонина). Почти ежегодно Дидло сочинялъ два, а иногда даже три новыхъ балета. Въ своихъ балетахъ Дидло всегда умѣлъ добиться гармоничности въ сочетаніи пантомимы, мимики и пластики и, благодаря этому, способствовать цѣльности эстетическаго впечатлѣнія. Въ нихъ мы находимъ замѣчательное разнообразіе танцевъ и, параллельно съ этимъ, музыки. Серьезные танцы въ балетахъ Дидло исполнялись подъ музыку adagio съ маршемъ; для главнаго лица балета Дидло всегда сочинялъ танцы плавные, съ разными аттидюдами, и очень рѣдко допускалъ въ нихъ антраша или легкіе пируэты. Танцовщикъ demi-caractère танцовалъ подъ музыку andante-grazioso и allegro; его танцы были граціозны, гораздо живѣе танцевъ перваго танцовщика состояли изъ болѣе мелкихъ па и быстрыхъ пируэтовъ и сопровождались совершенно инымъ положеніемъ корпуса и рукъ. Комическій танцовщикъ танцовалъ подъ музыку allegro, дѣлалъ главнымъ образомъ, разнаго рода скачки, напр. воздушные скачки (tour en l'air), и совершенно иначе держалъ корпусъ и руки. Такимъ образомъ, каждый танцовщикъ давалъ зрителю совсѣмъ особый видъ танцевъ. Внося въ характеръ танцевъ безконечное разнообразіе, Дидло тщательно избѣгалъ тѣхъ внѣшнихъ эффектовъ, которые могутъ произвести впечатлѣніе на неопытнаго зрителя, но не удовлетворяютъ требованіямъ истинно-художественнаго вкуса. Доведя до совершенства балетную мимику, онъ выказывалъ поразительное искусство дѣлать вполнѣ яснымъ и осязательнымъ для зрителя смыслъ своихъ балетовъ и сообщать имъ характеръ и настроеніе эпохи. Каждый танецъ, отвѣчая требованіямъ изящества и красоты, въ то же время вполнѣ соотвѣтствовалъ національности и характеру изображаемаго лица.

Вполнѣ понимая всю важность строгаго соотвѣтствія между музыкой и па танцевъ, Дидло всегда являлся соучастникомъ композитора въ сочиненіи музыки для балета: внимательно обдумавъ всѣ главныя сцены балета, онъ назначалъ композитору продолжительность музыки, ея тонъ, оркестровку, мѣста усиленія инструментовки и т. д., оставляя на его произволъ мотивъ и мелодію. Помимо коренныхъ преобразованій во внутреннемъ духѣ и строѣ балета, Дидло произвелъ немало преобразованій во внѣшней, обстановочной сторонѣ дѣла: такъ, онъ отмѣнилъ парики, французскіе кафтаны, башмаки съ пряжками, фижмы, шиньоны, мушки и т. д.; ввелъ трико и газовыя туники, удобствъ которыхъ всѣми было оцѣнено, и которыя вскорѣ вышли во всеобщее употребленіе; ввелъ невиданные до него воздушные полеты, нашедшіе себѣ широкое распространеніе и усовершенствованные впослѣдствіи многими машинистами, въ томъ числѣ Тибо, Шредеромъ и Бюри. Любя до фанатизма свое искусство, Дидло отдавалъ ему положительно все свое время: ежедневно, по окончаніи занятій въ драматическомъ училищѣ, онъ брался за сочиненіе балетовъ и пантомимъ или танцевъ для новаго балета, передавалъ свои идеи и распоряженія композиторамъ и машинистамъ, составлялъ рисунки для костюмовъ и даже бутафорскихъ вещей. «Чтобы быть хорошимъ балетмейстеромъ,» говорилъ Дидло: «надо употреблять большую часть своего времени на чтеніе историческихъ книгъ, извлекать изъ нихъ сюжеты для будущихъ созданій и прилагать всевозможное стараніе объ успѣхахъ своихъ учениковъ, чтобы они своими талантами могли украшать эти созданія. Балетмейстеръ долженъ имѣть также познанія о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ и изучить ихъ національныя наклонности и костюмы; имѣть даръ поэтическій, чтобы излагать пріятно свои мысли въ программахъ. Онъ долженъ знать живопись и механику, чтобы умѣть составлять въ балетахъ разнаго рода живописныя группы и удобнѣе объясняться съ декораторомъ и машинистомъ; а музыка для балетмейстера самая необходимая вещь, какъ для сочиненія балетовъ, такъ и для пособія капельмейстеру, пишущему для нихъ музыку.» И Дидло обладалъ всѣми этими талантами и познаніями въ высшей

степени: онъ былъ разносторонне образованнымъ человѣкомъ, прекраснымъ живописцемъ, поэтомъ и музыкантомъ. Въ то же время, при нѣкоторой суровости характера и чрезвычайной вспыльчивости, онъ былъ человѣкомъ благороднѣйшимъ правилъ, всегда готовымъ придти ближнему и поступиться въ его пользу своими личными интересами.

Н. Мундтъ: Біографія Карла-Людовика Дидло бывшаго балетмейстера императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ. («Репертуаръ русскаго театра» 1840 г., т. I).—А. П. Глушковскій: Воспоминаніе о великомъ хореографѣ К. Л. Дидло и нѣкоторыя разсужденія о танцовальномъ искуствѣ („Пантеонъ 1851 г., кн. IV).—А. П. Глушковскій: О балетномъ искусствѣ въ Россіи („Пантеонъ" 1851 г., кн VII).—В. О. Михневичъ: Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ („Историческіе этюды русской жизни," т. II-й).—А. Плещеевъ: Нашъ балетъ. 1673—1896. Балетъ въ Россіи до начала XIX ст. и балетъ въ Спб. до 1896 г. Біографическія свѣдѣнія о Дидло заимствованы здѣсь изъ книги Сенъ-Леона „Za Aènochoièqraphie").—Записки Петра Андреевича Каратыгина. 1805—1879.—А. И. Вольфъ: Хроника петербургскихъ театровъ.—П. Араповъ: Лѣтопись русскаго театра.—Р. М. Зотовъ: Театральныя воспоминанія,—Р. М. Зотовъ: И мои воспоминанія о театрѣ („Репертуаръ русск. театра"1840 г., т. 2-й).—Головачева-Панаева: Русскіе писатели и артисты.—Записки Филипа Филиповича Вигеля (изд. „Русской Старины" 1891 г.).

Вл. Грековъ.

Дилецкій (**Дылецкій**), Николай Павловичъ, регентъ царскаго пѣвческаго хора въ Москвѣ конца XVII-го вѣка, сочинитель 8-ми, 12-ти и 24-хголосныхъ концертовъ и знаменитѣйшій въ свое время теоретикъ церковнаго партеснаго пѣнія. Родиной Дилецкаго былъ Кіевъ. Въ Вильнѣ онъ учился «свободнымъ наукамъ», при чемъ его руководителемъ въ контрапунктѣ былъ «искуснѣйшій творецъ» Замаревичъ. Помимо классическихъ занятій, Дилецкій значительную часть своего времени посвящалъ прилежному изученію музыкальныхъ произведеній «искусныхъ художниковъ, тако церкви православныя творцевъ пѣнія, якоже и римскія», а также чтенію многихъ латинскихъ книгъ, касавшихся музыки. Выписки, которыя Дилецкій дѣлалъ изъ читаемыхъ книгъ, послужили ему впослѣдствіи главнымъ матеріаломъ для составленной имъ музыкальной грамматики, представляющей обширное сочиненіе въ шести частяхъ. Эта грамматика была написана Дилецкимъ въ Вильнѣ, а издана въ Смоленскѣ въ 1677 году подъ заглавіемъ: «Грамматика пѣнія мусикійскаго, или извѣстныя правила въ словѣ мусикійскомъ, въ нихъ же обрѣтаются шесть частей или раздѣленій. Издадеся въ Смоленску, въ лѣто отъ Рождества Спасителя нашего и Бога 1677, Николаемъ Дилецкимъ». Въ слѣдующемъ 1678 году Дилецкій посѣтилъ Москву. Есть основанія предполагать, что здѣсь онъ останавливался у извѣстнаго пѣвца и любителя пѣнія Г. Д. Строгонова, который «своимъ желательнымъ повелѣніемъ указалъ» Дилецкому составить «грамматикію, яже о мусикіи». Въ 1679 году Дилецкій сдѣлалъ посвященный Строгонову переводъ съ польскаго на славянскій языкъ своего же собственнаго сочиненія по теоріи музыки подъ заглавіемъ: грамматикіи мусикійской, составленная прежде Николаемъ Дилецкимъ въ Вильнѣ, послѣже же имъ же переведена на славенскій діалектъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7187». Основательно изучивъ изслѣдованія діакона Коренева о музыкѣ, Дилецкій дополнилъ ихъ и въ 1681 году закончилъ въ рукописи, которую озаглавилъ слѣдующимъ образомъ: «Во славу Св. Троицы славимаго Бога, сія книга, Мусикія, написана первое съ писемъ древнихъ доброписцевъ, второе изысканіемъ діакона Іоаникія, Трофимова сына, Коренева, что служилъ у Великаго Государя на сѣнѣхъ, въ соборѣ Стрѣтенія Господня, послѣди же совершися Николаемъ, Павловымъ сыномъ, Дилѣцкимъ, лѣта 1681, мая въ 30 день». Эта «Мусикія», оставшаяся ненапечатанной, представляетъ собою довольно полное и обстоятельное изложеніе теоріи музыки.

Проф. Д. Разумовскій: Церковное пѣніе въ Россіи.—А. Преображенскій: Словарь русскаго церковнаго пѣнія. *В. Г.*

Дильтей (Dilthey), Филиппъ-Гейнрихъ, родомъ тиролецъ, докторъ правъ вѣнскаго университета (1753), въ 1756 г. прибылъ въ Москву и читалъ въ университетѣ естественное право. Въ 1765 г. онъ былъ уволенъ за неисправность въ преподаваніи, но въ слѣдующемъ опять принятъ и расширилъ свои лекціи; сталъ читать исторію русскаго права и права военное, морское и уголовное. Въ 1781 г. уволенъ и умеръ въ Петербургѣ. Въ Со-

браніи рѣчей Московскаго университета (М. 1819) помѣщены нѣкоторыя его рѣчи. Изъ сочиненій его извѣстны: «Первыя основанія Универсальной Исторіи». на русскомъ и французскомъ. 3 ч. М. 1762—1768.— «Начальныя основанія вексельнаго права». М. 1762, 1772, 1787, 1794.— «Дѣтскій Атласъ, или новый удобный и доказательный способъ къ ученію Географіи», на русск. и франц. 6 ч. М. 1768—77. 12°. — «Panegyricus quo Catharinae Magnae recurrentem capessiti throni solemnitatem gratulatur». Moscuae, 1768. 4°. Ib. 1771. 4°.—«Essay géographique sur la Russie avec le blason et la généalogie de la maison régnante».—«Опытъ Россійской Географіи». М. 1771. 8° (переводъ).— «Oratio gratulatoria, qua Principi Paula Petridi et Principi Nataliae-Alexcidi de nuptiis Petropoli consummatis Universitas Moscuensis sua vota obtulit». М. 1773. 4°.— «Paneguricys quo Catharinae Magnae recurrentem 21 Apr. natalem, gratulatur». М. 1774. 4° и Ib. 1776. —То же на русскомъ. 1774 —«Изслѣдованіе Юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ и проч.». М. 1779. 4°. — «Oratio panegyrica ad solemnitatem annuam 28 Junii recurrentem, quod Imperatrix Catharina II, thronum Rossicum conscenderit, recitata». М. 1780, 4°. — «Диссертація о наслѣдованіяхъ юридическихъ, или о дедукціяхъ судебныхъ дѣлъ». П. 1781. 8°.—«Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой Географіи о Россійской Имперіи», часть 1-я: «О Тульскомъ Намѣстничествѣ». На русск. и франц. П. 1781. 8°.

Словарь М. Евгенія.—Büsching, Lebensgesch. denkw. Personen, III. (Въ его автобіографіи; Бюшингъ былъ родственникъ Дильтея).— Біогр. Словарь моск. професс. 1, 301—311 (Капустина).—Григорій Геннади. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. ТІ. Берлинъ. 1876. *Ш.*

Диминскій, Степанъ Яковлевичъ, извѣстный знатокъ еврейской литературы и жизни, сынъ священника, родился въ Волынской губерніи, въ 1389 г., умеръ въ Кіевѣ, 23 мая 1886 г. Среднее образованіе Диминскій получилъ въ Волынской семинаріи, а затѣмъ, по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью магистра богословія, въ 1863 г. занялъ мѣсто преподавателя въ Минской духовной семинаріи, но въ 1866 г., вслѣдствіе глазной болѣзни, оставилъ преподавательскую дѣятельность и занялъ мѣсто акцизнаго надзирателя Минской губерніи, а съ 1885 г. былъ чиновникомъ по судебнымъ дѣламъ при Кіевскомъ акцизномъ управленіи. Диминскимъ напечатана магистерская диссертація подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе о Талмудѣ», появившаяся сперва въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» (1868 года, кн. 1, 5, 8 и 12), а затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ, въ 1869 г.

Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей". В. VI, М. 1890 г., стр. 49. — „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи", Кіевъ, 1869 г., стр. 438. — „Волынскія Епархіальн. Вѣдом.", 1886 г., № 19. *Ч.*

Димитрій, преподобный, основатель Прилуцкаго монастыря въ Вологодской губерніи въ XIV столѣтіи. Св. Димитрій происходилъ изъ купеческаго сословія и родился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ началѣ XIV столѣтія. Въ юности онъ былъ обученъ грамотѣ, и родители пріучали его къ торговлѣ, но онъ оставилъ родительскій домъ и поступилъ въ Горицкій Переяславскій Богородскій монастырь, гдѣ постригся въ монашество и рукоположенъ въ іеромонахи. Около 1370 г. св. Димитрій основалъ близь Переяславля на болотѣ Николаевскій монастырь и подвизался тамъ въ постѣ и молитвѣ, нося на тѣлѣ желѣзныя вериги. Слухъ о великомъ подвижникѣ достигъ вскорѣ и до великаго князя Московскаго Димитрія Іоанновича, который упросилъ св. Димитрія быть воспріемникомъ одного изъ своихъ сыновей. Въ 1371 г. св. Димитрій бѣжалъ отъ мірской славы въ вологодскіе непроходимые лѣса и тамъ въ 30 верстахъ отъ Вологды въ мѣстности «Авнега» построилъ Воскресенскій храмъ, но по просьбѣ жителей оставилъ это мѣсто и въ трехъ верстахъ отъ Вологды основалъ новый Прилуцкій монастырь. Болѣе 20 лѣтъ преподобный Димитрій провелъ въ великихъ подвигахъ, обитель его была извѣстна широкою благотворительностію, а самъ св. Димитрій, какъ прозорливый старецъ, пользовался отъ всѣхъ почетомъ и уваженіемъ. Скончался онъ 11 февраля 1392 года и вскорѣ причтенъ былъ къ лику святыхъ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ, а память празднуется 11 февраля.

(Вологод. епарх. вѣдом. 1865 г. № 3; Вѣрюжскій—Истор. сказ. о жизни святыхъ, подвизавш. въ Вологод. епархіи; Филаретъ—житія святыхъ, февраль). *Здр.*

Димитрій, преподобный, основатель Цилибинской Архангельской пустыни на рѣкѣ Вычегдѣ, въ 28 верстахъ отъ Яренска, Вологодской губерніи, въ концѣ XIV столѣтія, при св. Стефанѣ епископѣ пермскомъ (1383—1396 гг.). Основанная имъ пустынь сначала служила пріютомъ для проповѣдниковъ христіанства среди зырянъ, а нынѣ на мѣстѣ пустыни находится приходская церковь. Преподобный Димитрій былъ однимъ изъ самыхъ ближайшихъ учениковъ и ревностныхъ помощниковъ св. Стефана въ распространеніи православной вѣры между грубыми идолопоклонниками и, вѣроятно, происходилъ изъ зырянъ, просвѣщенныхъ св. Стефаномъ. Преподобный іеромонахъ Димитрій жилъ въ пещерѣ, выкопанной имъ подъ храмомъ, и выходилъ оттуда только для церковной службы и для проповѣди слова Божія въ окрестныхъ селеніяхъ. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Тѣло его покоится близъ построенной имъ церкви, а память его чтится съ половины XVII вѣка.

Вѣрюжскаго—„Историч. сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи". Вологда, 1880 г., „Мѣсяцесловъ святыхъ". „Словарь историч. о святыхъ").

Здр.

Димитрій Іоанновичъ, святой царевичъ-мученикъ, сынъ Іоанна Васильевича Грознаго и пятой жены его, Маріи Ѳеодоровны.

Лѣтомъ 1580 года царь Іоаннъ Васильевичъ отпраздновалъ пятую свою свадьбу. Женился государь безъ церковнаго разрѣшенія, но свадьбу правилъ по старинѣ; во отцово мѣсто былъ на свадьбѣ царевичъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ, материно-же мѣсто занимала царевича Ѳеодора царица Ирина Ѳеодоровна. Изъ рода Нагихъ взялъ себѣ жену Іоаннъ Васильевичъ. Сыграли свадьбу; покаялся царь, что вступилъ въ бракъ безъ церковнаго разрѣшенія, и для искупленія вины своей лишилъ себя на время причастія, хотя къ исповѣди и ходилъ. Невеселая жизнь выпала на долю молодой царицы. Скоро охладѣлъ къ ней Іоаннъ Васильевичъ и весною 1582 года задумалъ уже вступить въ новый бракъ. Въ Англію для окончанія дѣла о союзѣ, дружбѣ и любви между царемъ и королевою отправленъ былъ дворянинъ Ѳеодоръ Андреевичъ Писемскій, которому, между прочимъ, поручено было сватать за царя родственницу королевы, «княжну Хантинскую». При московскомъ дворѣ не повезло и родственникамъ царицы Марьи Ѳеодоровны. Хотя, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, царь и жаловалъ кое-кого изъ Нагихъ, тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ въ особомъ приближеніи у него не былъ. Отецъ царицы, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, думалъ снискать себѣ любовь царя клеветою на Бориса Ѳеодоровича Годунова, но за «оболганіе» жестоко былъ наказанъ. Этотъ самъ по себѣ незначительный фактъ, разсказываемый Латухинской Степенной книгой, вскрываетъ, что враждебныя отношенія Нагихъ къ Годунову создались очень рано, еще при жизни Грознаго. Пока шло дѣло о сватовствѣ царя, у Маріи Ѳеодоровны, 19 октября 1582 года, родился сынъ Димитрій, «а прямое ему имя Уаръ». Съ рожденіемъ царевича не улучшилось положеніе царицы. Правда, дѣло о сватовствѣ шло медленно и неуспѣшно, королева давала ничего не значащія и мало опредѣленныя обѣщанія, тѣмъ не менѣе Іоаннъ Васильевичъ не оставлялъ мысли о новомъ бракѣ. Незадолго до 18 марта 1584 года по Москвѣ ходили слухи, что у Боуса, посла королевы, вновь былъ разговоръ съ царемъ о его бракѣ и что Боусъ будто получилъ отъ царя согласіе въ томъ, чтобы наслѣдованіе престола принадлежало по смерти Іоанна сыну царя отъ предполагаемаго брака. При такихъ условіяхъ положеніе царицы было очень шатко, и, естественно, что всякій новый день встрѣчала она со страхомъ, ожидая насильственнаго постриженія или заточенія. 18-е марта 1584 г.—день смерти царя Іоанна Васильевича Грознаго—не измѣнило къ лучшему положеніе Маріи Ѳеодоровны. Если даже въ первый моментъ по смерти мужа она и могла на что-нибудь надѣяться, то 19 марта иллюзіи ея должны были уступить мѣсто дѣйствительности. У трона новаго царя, Ѳеодора Іоанновича, этого постника и молчальника, по выраженію одного изъ изслѣдователей, тѣснымъ кругомъ сомкнулись все близкіе ему люди, его ближайшіе родственники: Н. Р. Юрьевъ, И. Ѳ. Мстиславскій, Б. Ѳ. Годуновъ, Шуйскіе. Въ этомъ тѣсномъ родственномъ

кругу Нагіе были людьми нежеланными. Ихъ безпокойный нравъ и стремленіе занять болѣе высокое положеніе, чѣмъ то, которое они занимали при Грозномъ, не составляли, конечно, тайны; ихъ интересы и стремленія, всецѣло опиравшіяся на значеніе царевича Димитрія, какъ наслѣдника престола, слишкомъ рѣзко расходились съ интересами и планами лицъ, окружавшихъ царя Ѳеодора. Этого было совершенно достаточно, чтобы лица, получившія силу при новомъ государѣ, озаботились удалить Нагихъ изъ Москвы. Къ тому-же было и формальное основаніе: царевичу Димитрію данъ былъ отцомъ въ удѣлъ городъ Угличъ. Въ ночь на 19-е марта нѣкоторые изъ родственниковъ царицы Маріи Ѳеодоровны были арестованы и посажены въ заключеніе. Затѣмъ Марія Ѳеодоровна съ царевичемъ, братья ея и нѣкоторые иные родственники отправлены на житье въ Угличъ. Кое-кто изъ Нагихъ посланъ былъ на воеводство въ Низовые города. Съ этого момента Угличъ по отношенію къ Москвѣ становится въ оборонительное положеніе. Обманутая въ своихъ надеждахъ, семья Нагихъ смотритъ враждебно на лицъ, окружавшихъ тронъ царя Ѳеодора. Въ ихъ глазахъ враги—всѣ, кто лишилъ ихъ подобающаго имъ положенія, услалъ въ маленькій городъ, тѣснитъ ихъ матеріально. Недовольство и озлобленіе развили подозрительность. Денежныя столкновенія усиливали вражду. Мало вообще сдержанная семья Нагихъ «въ тѣснотѣ» стали еще несдержаннѣе. Произносились неосторожныя слова, дѣлались намеки. Все это давало обильную пищу для толковъ и предположеній; сплетни, передаваемыя шепотомъ, съ необыкновенною быстротою разносились по Москвѣ; факты въ существѣ мало значащіе, получали своеобразную окраску и считались симптомами надвигающихся на Угличъ бѣдъ и несчастій. Словомъ, въ общественномъ сознаніи готова уже была почва для воспріятія всякаго рода подозрѣній и сенсаціонныхъ слуховъ. Съ удаленіемъ царицы Маріи Ѳеодоровны и родни ея въ Угличъ, въ Москвѣ, повидимому, Нагихъ стали считать безопасными. Попытка «дядьки» царевича, Б. Я. Бѣльскаго, произвести уличные безпорядки, мало опредѣленна, и мотивы ея неясны. Говорили о ней разно: былъ, между прочимъ, и слухъ, что Бѣльскій хотѣлъ произвести переворотъ въ пользу царевича Димитрія. Во всякомъ случаѣ дѣло, затѣянное Бѣльскимъ, окончилось неудачно, и его услали въ Нижній Новгородъ воеводою. Начавшіяся между окружавшими царя лицами столкновенія заслоняютъ на время угличскія отношенія. По смерти Н. Ю. Романова (1585 г.) между Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ и другими приближенными къ царю лицами начинается борьба — за столкновеніемъ съ И. Ѳ. Мстиславскимъ, слѣдуютъ столкновенія съ Шуйскими. Годуновъ выходитъ побѣдителемъ, и къ лѣту 1587 года онъ при государѣ главный человѣкъ: конюшній и боярин дѣлается правителемъ государства. Чѣмъ болѣе рѣдѣлъ кругъ лицъ, окружавшихъ государя въ первое время его царствованія, чѣмъ ближе приближался Годуновъ къ регентству,—тѣмъ интенсивнѣе становилась къ нему вражда Нагихъ. Разсѣянная въ началѣ среди цѣлаго ряда недруговъ, она сосредоточивается, наконецъ, на одномъ гонителѣ—царскомъ шуринѣ. Личный характеръ Нагихъ и обстановка, въ которую поставлены они были въ Угличѣ, не мало содѣйствовали осложненію отношеній между дворами угличскимъ и московскимъ. Посланные въ почетную ссылку, Нагіе вмѣстѣ съ тѣмъ отданы были подъ надзоръ дьяка М. Битяговскаго. Дьякъ слѣдилъ за ними, доносилъ объ ихъ словахъ и поступкахъ въ Москву, выдавалъ, наконецъ назначенныя имъ на прожитокъ деньги. Разумѣется, Битяговскій и Нагіе были постоянно на ножахъ. Въ маленькомъ городѣ шла глухая вражда, и всѣ, конечно, кто былъ близокъ къ Битяговскому, оказывался недругомъ Нагихъ. Въ этомъ отношеніи особенно косо смотрѣли Нагіе на сына мамки царевича, Василисы Волоховой, Осипа, который дружилъ съ сыномъ М. Битяговскаго, Даніилой, и племянникомъ, Никитой Качаловымъ. Дурно относилась царица и къ самой мамкѣ царевича, В. Волоховой. Это, впрочемъ, и вполнѣ понятно, такъ какъ и Битяговскій съ семействомъ, и Волохова съ сыномъ напоминали Нагимъ постоянно о ихъ московскихъ недругахъ, и смотрѣть на этихъ лицъ иначе, какъ на дозорщиковъ, Нагіе и не могли. На какой почвѣ и въ какой формѣ происходили столкновенія братьевъ Нагихъ съ Битяговскимъ, ясно видно изъ показанія на слѣдствіи по

угличскому дѣлу стряпчаго кормоваго дворца, Субботы Протопопова, который, между прочимъ, показывалъ: «а была у нихъ (у Михайлы Нагого и Михайла Битяговскаго) межъ себя прежъ того брань за то, что Михайло Нагой у Михайла у Битяговскаго спрашивалъ, сверхъ государеву указу, денегъ изъ казны; а Михайло ему отказалъ, что ему, мимо государевъ указъ, денегъ не давывать». Столкновенія вели за собой жалобы Битяговскаго въ Москву, откуда неоднократно присылали Нагимъ выговоры. Бывало и такъ, что изъ Москвы присылали въ Угличъ кого-либо посмотрѣть, что тамъ творится; такъ, напримѣръ, въ Угличъ пріѣзжалъ окольничій Клешнинъ. Если тяжелая угличская атмосфера создавалась главнымъ образомъ надзоромъ, въ который поставлены были Нагіе, то немало тому-же содѣйствовали и личныя свойства братьевъ царицы. Это были очень недалекіе и при томъ необузданные люди. Особою-же распущенностью отличался изъ нихъ Михаилъ Нагой, зачастую напивавшійся до состоянія полнаго опьяненія; въ этихъ случаяхъ по-преимуществу и происходили у него столкновенія съ дьякомъ. Въ такой тяжелой обстановкѣ росъ маленькій царевичъ. Отъ природы болѣзненый, находясь при томъ постоянно около крайне нервной матери, ребенокъ сталъ чутокъ и воспріимчивъ къ рѣчамъ старшихъ. Конечно, рѣчи эти приняли въ дѣтскомъ воображеніи своеобразную окраску. Не лишены поэтому нѣкотораго вѣроятія слухи о томъ, что царевичъ враждебно относился къ московскому боярству. На Москвѣ передавали разсказъ о томъ, какъ велѣлъ однажды царевичъ товарищамъ своимъ надѣлать изъ снѣга человѣческихъ фигуръ, какъ назвалъ ихъ именами бояръ, сѣкъ имъ головы, руки, ноги и приговаривалъ, что такъ точно будетъ поступать онъ съ боярами, когда станетъ царемъ. Болѣзненность царевича рѣзко выражалась въ тяжелыхъ припадкахъ, въ формѣ падучей болѣзни, которыми онъ періодически страдалъ. Одинъ изъ Нагихъ, Андрей Александровичъ, характеризовалъ на слѣдствіи по угличскому дѣлу такими чертами болѣзненные припадки царевича: «А на царевичѣ бывала болѣзнь падучая; да нынѣ въ великое говѣнье (т. е. въ 1591 г.) у дочери его (Андрея Нагого) руки переѣлъ; а и у него, Андрея, царевичъ руки ѣдалъ же въ болѣзни, и у жильцовъ, и у постельницъ: какъ на него болѣзнь придетъ и царевича какъ станутъ держать, и онъ въ тѣ поры ѣстъ въ нецывеньи, за что попадется». То же на слѣдствіи показывала впослѣдствіи и мамка царевича, Василиса Волохова:»... сего году (1591) въ великое говѣнье тажъ надъ нимъ болѣзнь была падучій недугъ, и онъ покололъ и матерь свою царицу Марью; а вдругождь на него была болѣзнь передъ великимъ днемъ, и царевичъ объѣлъ руки Ондреевой дочкѣ Нагова: одва у него Ондрееву дочь Нагова отняли». Все происходившее въ Угличѣ не оставалось, конечно, секретомъ на Москвѣ. Нашлись люди, о которыхъ Палицынъ выразился очень мѣтко: «ласкатели и великихъ бѣдъ замысленницы, въ десятерицу лжи составляюще, подходятъ къ Борису...» Слухи сами по себѣ набрасывали на Бориса Ѳеодоровича Годунова тѣнь. Стали особенно внимательно слѣдить за его отношеніями къ царевичу и убѣждались, что правитель стремится къ умаленію достоинства наслѣдника престола. Когда въ 1587 году, по смерти Стефана Баторія, возникъ вопросъ о возможности соединенія Польско-Литовскаго королевства съ Москвою, въ Литву отправленъ былъ дворянинъ Ржевскій съ царскою грамотою, которому, между прочимъ, было наказано: «Если пани станутъ говорить, чтобъ государь далъ имъ на государство брата своего, царевича Димитрія, то отвѣчать: «Это дѣло несходное;—царевичъ еще молодъ, всего четырехъ лѣтъ; а вамъ чего лучше, какъ быть подъ царскою рукою въ оборонѣ и жить по своимъ обычаямъ, какъ у насъ ведется и какъ вамъ захочется». Въ наказѣ Ржевскому усматривалось стремленіе Годунова умалить значеніе царевича. Въ то-же время стали ходить слухи, что правитель запретилъ поминать имя царевича на эктеніяхъ, намекая какъ-бы, что царевичъ не наслѣдникъ престола. Наконецъ, до 1591 г. ходили по Москвѣ слухи и о попыткахъ правителя отравить царевича: слухи эти и могли лечь въ основаніе позднѣйшаго сказанія о чудодѣйственномъ ядѣ, который не оказывалъ должнаго вліянія на организмъ царевича. Совершенно чуждъ всему происходившему былъ царь Ѳеодоръ. Разсказывали, что онъ сильно огорченъ былъ удаленіемъ царевича въ Угличъ.

Между угличскимъ и московскимъ дворами существовали зачастую и очень дружелюбныя отношенія, когда, конечно, отношенія эти не затрагивали наболѣвшихъ у Нагихъ вопросовъ. Напримѣръ, съ именинъ царевича посылали государю пироги, а государь съ своей стороны отдаривалъ мѣхами, камками и деньгами. Подарки и дружелюбныя сношенія царя съ братомъ—царевичемъ и его матерью не измѣняли въ существѣ все болѣе и болѣе обострившихся отношеній: для измѣненія создавшагося положенія царь Ѳеодоръ былъ слишкомъ слабъ, царевичъ — слишкомъ малъ, а случайныя обстоятельства—сильны. 15 мая 1591 года послѣдовала неожиданная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и роковая развязка усложнившагося до крайности положенія. Въ среду 12-го мая разболѣлся царевичъ. Легче стало ему лишь въ пятницу, 14-го. Въ этотъ день мать-царица ходила къ обѣднѣ и брала съ собою сына, а пришедши изъ церкви отпустила его гулять на дворъ. И въ субботу, 15-го, отправилась царица съ сыномъ къ обѣднѣ, а «пришотчи отъ обѣдни, царица велѣла царевичу на дворъ итить гулять». Сама-же ушла въ палаты. Сопровождали царевича мамка его Василиса Волохова, кормилица Орина Жданова-Тучкова и постельница Марья Самойлова. Къ царевичу подошли сверстники его, дѣти жильцевъ: Петрушки Колобова, Тучкова, Красенскаго и Козловскаго. Сталъ съ ними царевичъ на заднемъ дворѣ ножикомъ «въ тычку» (родъ нынѣшней свайки) играть. Вдругъ послышался крикъ. Бросились женщины къ царевичу и увидѣли, что бьется онъ на землѣ, а у него перерѣзано горло. Подбѣжала первая къ царевичу кормилица Орина, взяла его на руки и «у нея на рукахъ царевича и не стало». На крикъ сбѣжала на дворъ царица и, видя, что сынъ ея съ перерѣзаннымъ горломъ бьется на рукахъ Орины, бросилась на мамку Василису и «почала еѣ... бити сама полѣномъ и почала ей Василисѣ приговаривать, что будто сынъ ее Василисинъ Осипъ съ Михайловымъ сыномъ Битяговскаго, да Микита Качаловъ царевича Димитрія зарѣзали». Василиса-же начала царицѣ бить челомъ, «чтобы велѣла царица дати сыскъ праведной, а сынъ еѣ (Василисинъ) и на дворѣ не бывалъ». Поднялась на дворѣ суматоха, быстро передавшаяся и на улицу. Сторожъ Кузнецовъ зазвонилъ въ городѣ у Спаса. Звонъ въ неурочное время взволновалъ горожанъ: думали, что горитъ. На звонъ прискакалъ съ своего подворья на дворъ къ царицѣ М. Нагой «пьянъ на конѣ» и тотчасъ-же велѣлъ стряпчему кормового дворца Субботѣ Протопову звонить въ колокола для того, «чтобы міръ сходился». Побѣжалъ стряпчій и у церкви Спаса встрѣтилъ вдоваго попа Огурца, велѣлъ ему въ колоколъ звонить, «да ударилъ его въ шею, и велѣлъ ему сильно звонить». Большая суматоха поднялась въ городѣ. Посадскіе и посошные люди бѣжали на дворъ къ царицѣ. А между тѣмъ на дворѣ находилась уже вся семья Нагихъ. Бросила царица бить Василису, сталъ бить ее тѣмъ-же полѣномъ Григорій Нагой, «и тутъ ее только чуть живу покинули замертво»; такъ и лежала она, пока собравшіеся на дворъ мужики взяли ее ободрали и простоволосу ее держали передъ царицею». Услышавъ звонъ, выбѣжалъ изъ дому дьякъ М. Битяговскій. Узналъ причину суматохи и, прибѣжавъ на дворъ къ царицѣ, «учалъ разговаривать посацкимъ людямъ». Но уговоры не могли уже помочь: толпа была слишкомъ озлоблена, убійство царевича—правдоподобно. Всплыла вмѣстѣ съ тѣмъ наружу и затаенная ненависть къ московской администраціи. Начались убійства. Всего перебито было 12 человѣкъ, въ томъ числѣ М. Битяговскій съ сыномъ и племянникомъ и Осипъ Волоховъ. Насколько сильны были негодованіе толпы и увѣренность ея въ дѣйствительности совершеннаго надъ царевичемъ убійства, доказываетъ глумленіе надъ трупомъ Осипа Волохова: «а убивъ, и прохолкали, что надъ зайцемъ...» Роль Нагихъ, преимущественно царицы и брата ея Михаила, въ произведенныхъ убійствахъ слишкомъ очевидна. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, о той юродивой жоночкѣ, которая зачастую бывала у царицы для потѣхи ея. Эта юродивая имѣла несчастіе жить въ домѣ дьяка Битяговскаго. И вотъ черезъ два дня, какъ царевичу смерть сталася, велѣла царица ту жонку «добыть и велѣла ее убитижъ, что будтось та жонка царевича портила». Тѣло царевича положили въ гробъ и перенесли въ церковь Преображенія. Къ царю отправили гонца. Первая острота ненависти и гнѣва прошла, совершившее-

ся въ Угличѣ было передъ глазами, и со страхомъ Нагіе ждали московскихъ вѣстей. Михаилъ Нагой такъ безпокоился, что рѣшилъ даже, насколько возможно, закрыть слѣды преступленія, приказалъ городовому прикащику Русину Ракову собрать ножей, палицъ и разнаго оружія, куричьей кровью ихъ обмазать и положить на тѣла убитыхъ; разослалъ конюховъ за городъ и велѣлъ имъ узнавать отъ ѣдущихъ изъ Москвы о вѣстяхъ московскихъ 19 мая прибыла изъ столицы слѣдственная комиссія, въ составъ которой входили: князь В. И. Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ, дьякъ Елизаръ Вылузгинъ и крутицкій митрополитъ Геласій. Начали-ли слѣдователи съ предварительнаго опроса городовыхъ служащихъ, неизвѣстно (начала слѣдственнаго дѣла не сохранилось), но во всякомъ случаѣ они приступили къ производству слѣдствія, запасшись уже нѣкоторыми свѣдѣніями о происшедшемъ. Слѣдственная комиссія старалась главнымъ образомъ разрѣшить два вопроса: 1) которымъ обычаемъ царевича не стало и 2) чьимъ наущеніемъ свершились угличскія убійства. Опрошены были: братья царицы—Михаилъ и Григорій, вдова В. Волохова, жильцы царевичевы, которые съ нимъ играли, кормилица и постельница, Андрей Александровичъ Нагой, попъ Огурецъ и стряпчій Суббота, архимандритъ Ѳеодоритъ, игуменъ Савватій и попъ Богданъ, угличскій губной староста, сытникъ кормового двора, истопники, клюшникъ сытнаго дворца, стряпчій, царицыны боярскія дѣти, угличскіе разсыльщики, подклюшники, сѣнные сторожа, подъячіе и другіе. Городовой прикащикъ Русинъ Раковъ подалъ митрополиту Геласію особую челобитную, которая 2 іюня и была прочтена на соборѣ, разсуждавшемъ объ угличскомъ дѣлѣ. По первому вопросу, т. е. которымъ обычаемъ царевича не стало, опрашиваемые по существу дали однородное показаніе: царевичъ закололъ самъ себя въ припадкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ опрашиваемыхъ ссылались на существованіе слуха о насильственномъ убіеніи царевича, но именъ убійцъ назвать не могли. Одинъ лишь Михаилъ Нагой стоялъ на томъ, что царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данило Битяговскій. Впрочемъ, показаніе Михаила Нагого не заключало въ себѣ ничего, кромѣ одного голословнаго утвержденія. По второму вопросу многіе изъ опрашиваемыхъ давали уклончивыя показанія, хотя изъ совокупности отдѣльныхъ показаній для слѣдователей было совершенно ясно, что виновниками угличскихъ убійствъ являются Нагіе, и въ частности царица Марія Ѳеодоровна и братъ ея Михаилъ. Итакъ, слѣдственная комиссія вскрыла сущность угличской драмы и опредѣлила виновныхъ. Но, несмотря ни на добытые ею результаты, ни на весьма значительное количество опрошенныхъ свидѣтелей, нельзя сказать, чтобы слѣдствіе велось вполнѣ тщательно. Противорѣчія его не были согласованы, свидѣтелей не ставили на очную ставку, не задавали повѣрочныхъ вопросовъ: все это налагаетъ на слѣдственное дѣло нѣкоторую тѣнь, даетъ возможность предполагать преднамѣренность при произведеніи слѣдствія и во всякомъ случаѣ оставляетъ широкое поле для догадокъ и предположеній. Историческія произведенія, создавшіяся на Руси въ первой половинѣ XVII вѣка и посвященныя смутному времени, съ очевидностью указываютъ, что современники угличскихъ событій съ недовѣріемъ отнеслись къ заключенію слѣдственной комиссіи. Не убѣдилось населеніе и оффиціальной санкціей заключенія слѣдственнаго дѣла. Слухамъ повѣрили больше. Создавался кругъ сказаній, имѣвшихъ центромъ своимъ царевича Димитрія и Бориса Ѳеодоровича Годунова. Политическія событія, которыя переживала Русь въ началѣ XVII вѣка, обратили слухи и предположенія въ реальные факты. 2-го іюня царь Ѳеодоръ, «слушавъ Углицкаго обыску... приказалъ боярамъ и дьякамъ съ Углицкимъ обыскомъ итти на соборъ къ Іову патріарху всея Россіи, и къ митрополитамъ, и къ архіепископамъ, и ко владыкамъ, и ко всему освященному собору, и велѣлъ государь передъ патріархомъ на соборѣ тотъ обыскъ прочесть». Прочли обыскъ и челобитную Русина Ракова. Особую рѣчь держалъ на соборѣ митрополитъ Геласій. Соборъ рѣшилъ: «Михайла и Григорія Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная...; царевичу Дмитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ...; кровопролитье—отъ Михайла отъ Нагого и отъ мужиковъ». Заключеніе

*

собора государь передалъ боярамъ и «велѣлъ Углицкое дѣло по договору вершить». Произвели въ Москвѣ дополнительное дознаніе, и виновныхъ строго наказали. Царицу постригли и отвезли въ пустынь Св. Николая на Выксѣ (близъ Череповца); братьевъ и родственниковъ ея разослали по отдаленнымъ городамъ; многихъ угличанъ казнили, инымъ рѣзали языки; наконецъ, большинство отправили въ Сибирь и, по преданію, заселили ими городъ Пелымъ. Убитыхъ во время безпорядковъ вырыли и съ честію отпѣли. Дѣло объ угличской драмѣ, повидимому, кончилось. Но народное сознаніе не удовлетворилось такимъ рѣшеніемъ вопроса: оно не забило ни темныхъ слуховъ, ни темноты слѣдственнаго дѣла. Неожиданныя политическія событія еще болѣе взволновали народное сознаніе, лживость нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ угличской драмы окончательно затемнила дѣло. И пока царевичъ мирно покоился въ Угличѣ, а населеніе московское тщетно искало правды,— одно за другимъ слѣдовали тѣ событія, которыя окончательно подорвали авторитетъ угличскаго розыска. Въ началѣ 1604 года на Русь пришло извѣстіе, что царевичъ живъ. Въ слѣдующемъ году правительство объявило народу о войнѣ съ названнымъ Димитріемъ и указало, что онъ самозванецъ. По смерти Бориса Ѳеодоровича Годунова В. И. Шуйскій свидѣтельствуетъ, что истиннаго царевича Димитрія нѣтъ въ живыхъ и что къ Москвѣ идетъ самозванецъ. 20-го іюня въѣздъ названнаго Димитрія въ Москву: съ лобнаго мѣста раздается голосъ «дядьки» царевича, Б. Я. Бѣльскаго, что передъ москвичами истинный сынъ Іоанна Васильевича. В. И. Шуйскій покорностью новому царю заявляетъ какъбы москвичамъ объ отказѣ отъ своихъ прежнихъ словъ. Распускаемые имъ слухи о самозванствѣ названнаго Димитрія противорѣчатъ его поведенію. Сравнительно ничтожное наказаніе Шуйскихъ за попытку ихъ объявить царя разстригою внушаютъ Москвѣ вѣру въ истинность царственнаго происхожденія названнаго Димитрія. Нагіе возвращены изъ ссылки и радостно принимаютъ знаки царскаго благоволенія. Инокиня Марѳа возвращается въ Москву и царь съ большою торжественностью встрѣчаетъ опальную царицу: свиданіе ихъ, происходящее при огромномъ стеченіи народа, крайне трогательно. Съ 17 мая названный Димитрій снова становится лишь воромъ и разстригою. В. И. Шуйскій, котораго «обрали» на престолъ его совѣтники и сотрудники, всячески преслѣдуетъ память своего предшественника. Разсылаются грамоты отъ имени царя и инокини Марѳы, въ которыхъ московское населеніе завѣряется, что разстрига всѣхъ прельстилъ своимъ чернокнижіемъ. Наконецъ, въ томъ-же маѣ мѣсяцѣ 1606 года открыты мощи царевича Димитрія и торжественно перенесены въ началѣ іюня въ Москву: «совершается, по выраженію одного изъ изслѣдователей эпохи, не только мирное церковное торжество, но и рѣшительный политическій маневръ». 5-го іюня мощи царевича поставлены «у праваго столпа» въ Архангельскомъ соборѣ. Память новаго чудотворца, стяжавшаго нетлѣніе за воспріятіе закланія отъ лукаваго раба своего, установлено было чтить три раза въ году: 19 октября, 15 мая и 3 іюня. Канонизаціей царевича положенъ былъ предѣлъ всѣмъ дальнѣйшимъ слухамъ объ угличской драмѣ 1591 года. Предъ глазами русскихъ людей былъ Архангельскій соборъ съ мощами чудотворца, правда объ угличскомъ дѣлѣ закрѣплена была въ житіяхъ царевича. Источникомъ-же для этихъ послѣднихъ явился историко-литературный памятникъ XVII вѣка, такъ называемое Иное Сказаніе. Произведеніе это, безусловно созданное сторонниками партіи Шуйскихъ, дорожащее исключительно интересами своей партіи, крайне тенденціозно. Оно освѣщаетъ всѣ излагаемые имъ факты съ точки зрѣнія правительства Шуйскаго и стремится въ самыхъ темныхъ краскахъ представить время Самозванца и Годунова. Повѣствованіе о смерти царевича, какъ оно изложено въ Иномъ Сказаніи, опредѣлило дальнѣйшую судьбу всѣхъ послѣдующихъ повѣствованій о томъ-же событіи: точка зрѣнія Иного Сказанія стала очень популярна. Въ этомъ отношеніи ненадежны и лѣтопись, и произведенія отдѣльныхъ авторовъ, писавшихъ о смутѣ. Разсказъ лѣтописи о смерти царевича, по мнѣнію Е. Бѣлова, «есть ничто иное, какъ хитро распущенная, народомъ усвоенная, лѣтописцемъ закрѣпленная клевета на царя Бориса».

Вопросу о смерти царевича Димитрія отведено въ русской исторической литературѣ обширное мѣсто. Разсмотрѣнію его посвященъ цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій. Всѣ они рѣзко распадаются на двѣ группы: одни изъ нихъ въ основѣ изложенія имѣютъ розыскъ, другіе же лѣтописный разсказъ. Въ исторіографіи вопроса особое значеніе имѣютъ два изслѣдованія, посвященныя изученію источниковъ: одинъ (Е. А. Бѣлова «О смерти царевича Димитрія)—розыска, другой (С. Ѳ. Платонова «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ») — лѣтописнаго разсказа. Въ изслѣдованіи Е. А. Бѣлова данъ историко-психологическій анализъ слѣдственнаго дѣла. Е. А. Бѣловъ шагъ за шагомъ разбираетъ свидѣтельскія показанія, указываетъ и объясняетъ ихъ противорѣчія, характеризуетъ дѣйствующихъ лицъ угличской драмы и, наконецъ, разсматриваетъ эту послѣднюю на общемъ фонѣ политическихъ событій и партійныхъ интересовъ времени. Въ изслѣдованіи С. Ѳ. Платонова во 1) данъ анализъ основного источника о смерти царевича Димитрія — Повѣсти 1606 г. (1-ая часть такъ называемаго Иного Сказанія) и во 2) установленъ генезисъ сказаній о томъ-же событіи. Названныя два изслѣдованія, взаимно въ данномъ вопросѣ пополняя другъ друга, устанавливаютъ основную точку зрѣнія на угличскія событія 1591 г.

Источники и пособія. Собр. Гос. Гр. и Дон. II, № 60.—„Иное Сказаніе“. Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. кн. XVI, стр. 4—6.—Ник. Лит. VII, 15—20.—„Сказаніе еже содѣяся“. Чт. Общ. Ист. и Др. т. IX.—„Повѣсть объ убіеніи Царевича Димитрія“. Чт. Общ. Ист. и Др. 1864 г., кн. IV.—Изборникъ слав. и русск. соч. и стат, внесен. въ хроногр. русск ред. А. Поповъ. М. 1869 г., стр. 188, 285, 286, 413.—Полн. Собр Рус. Лит. III, 157, 283; IV, 321; V, 56—57; VI, 314.—Др. Рос. Вивл. XIII.- Сказ. Совр. о Димитріи Самозванцѣ (см. вообще), ч 2 (см въ частности), С.-П.Б. 1859 г., стр. 265 и слѣд.—С. Ѳ. Платоновъ. „Древнерусскія сказ. и повѣст. о смутн. врем. XVII вѣка, какъ ист. источникъ“. С.пб. 1888 г., по указателю.—Е. А Бѣловъ. „О смерти царевича Димитрія“. Ж. М. Н. Пр. 1873 г, ч. 168 и 169.—С. М. Середонинъ. „Сочиненіе Джильса Флетгера“ ох commou хре Gdsszn, какъ историческій источникъ“. С.-П.-Б. 1891 г., стр. 32, 36, 39, 59, 66. 96, 99—101, 153, 231, 236, 237, 371.—В. И. Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ “ М. 1871 г., стр. 319.—И. А. Шляпкинъ. „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. Спб. 1891 г., стр. 366, 371, 408, 453 —С. Ѳ. Платоновъ. „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII св. Спб. 1899 г.—по указателю.—Карамзинъ. Н М „Ист. Гос Рос “, изд. Эйперлинга, по указателю.—Арцыбышевъ. Н С. „Повѣствованіе о Россіи“, т. II, М. 1838 г., кн IV, стр. 361, 379; т. III, М. 1843 г , кн. V, стр. 2, 20 - 25, 146.—Соловьевъ, С М. „Ист. Рос. съ древн. врем.“, изд. „Общественной Пользы“, по указателю.—Иловайскій, Д. И. „Ист Рос.“, т III. М. 1890 г., стр. 2 1, 351—354, 650 прмч. 61, (гдѣ собрана литература вопроса) —Бестужевъ—Рюминъ. К. Н. „Рус Ист.“, т. II. Спб 1885 г , стр. 315, прмч. 178.—Бестужевъ —Рюминъ, К. Н. Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Ж. М Н. Пр. 1887 г , іюль стр. 51, 81—82, прмч. 3, къ стр. 81, (гдѣ собрана литература вопроса).—Бѣловъ, Е А. „Русск Ист. до реформы Петра Великаго, Спб., 1895 г., стр. 280—281 —Макарій. „Исг. Рус. Церкви“, т. X, Спб. 1881 г., стр 80—82, 125—126.—Филаретъ, архіеп. черниговъ. „Русскіе Святые, чтимые всею церковью или мѣстно“, т II, Спб. 1882 г., стр. 101—108.—Филаретъ. „Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія“. Чт Общ. Ист и Др., 1858 г., кн. I.—Костомаровъ, Н. И. „Русск. Ист. въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣят. „т. I, Спб. 1880 г., стр. 583,—600 603, 690—691.—Костомаровъ, Н. И Замѣчанія на статью Е. А. Бѣлова. Вѣстн. Европы, 1873 г., № 9.- Погодинъ. „Объ участіи Годунова въ убійствѣ царевича Димитрія „Ист. крит отрывки, М 1846 г., стр. 271—307.—Ссылки на прочія статьи, имѣющія преимущественно исторіографическій для вопроса интересъ находятся въ вышеуказанныхъ примѣчаніяхъ къ изслѣдованіямъ Бестужева. Рюмина и Иловайскаго.—Толстой, Ю. „Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею 1553—1593 гг. „Спб. 1875 г., стр. 32 и слѣд , 139 и слѣд.—Соловьевъ, Л. Ѳ. Краткая исторія города Углича, Спб. 1895 г.

А. Николаевъ.

Димитрій св. митрополитъ Ростовскій (въ мірѣ Даніилъ Савичъ, по прозвищу Тупталенко, 1651—1709).

Въ декабрѣ 1651 года въ мѣстечкѣ Макаровѣ, верстахъ въ 40 отъ Кіева, по Житомірскому тракту, у рядового казака Макаровской сотни Кіевскаго полка, впослѣдствіи сотника, Саввы Григорьевича Туптала-Савича († 1703), и жены его, Марьи Михайловны († 1689), родился сынъ Даніилъ. Родители Д. отличались большою набожностью, что отразилось, конечно, и на сынѣ: наибольшее вліяніе, вѣроятно, оказывала мать, такъ какъ отецъ, «честь и слава Запорожскаго войска» былъ въ эту смутную для Украйны эпоху почти постоянно на войнѣ. Три младшія сестры святителя впослѣдствіи тоже приняли по-

стриженіе. Первоначальное образованіе святитель получилъ дома; 10 лѣтъ отъ роду научился писать по-славянски. Родители его въ 1660 г. переѣхали на житье въ Кіевъ и поселились «на плацу неидысь Салтановскимъ» у Флоровскаго женскаго монастыря. На 12 году Даніилъ поступилъ въ Кіевобратскій училищный монастырь, который возобновилъ тогда и въ которомъ ректорствовалъ и преподавалъ знаменитый схоластическій проповѣдникъ Іоанникій Голятовскій. Чудесная находка чудотворной иконы Богородицы Братской, на которой вплавь спасся татаринъ, тонувшій въ Днѣпрѣ, торжественное ея внесеніе въ монастырь, затѣмъ разореніе монастыря въ 1665, г. постоянныя опасенія «военнаго небезпеченства», вліяніе семьи, слабое здоровье,—все это привело къ тому, что 9 іюля 1668 г. Даніилъ постригся съ именемъ Димитрія въ Кирилловскомъ монастырѣ, отъ руки игумена Мелетія Дзика, малорусскаго патріота, сторонника Дорошенки и митрополита Іосифа Тукальскаго. Такимъ образомъ Димитрій примкнулъ къ той партіи чернаго духовенства Украйны, которая была поборницей самостоятельности малорусской церкви. Патріархъ Никонъ, сторонникъ южноруссовъ, уже былъ смѣненъ, московское правительство не признавало митрополита Тукальскаго, какъ приверженца Дорошенки, а одинъ изъ преемниковъ Никона, патріархъ Іоакимъ, сталъ уже прямо хлопотать о присоединеніи малорусской церкви къ московской патріархіи: доселѣ она принадлежала (съ XIV вѣка) — константинопольской. 25 марта 1669 г. въ г. Каневѣ Димитрій былъ поставленъ м. Тукальскимъ въ іеродіаконы, а чрезъ шесть лѣтъ въ 1675 г. мая 23 уже въ Густынскомъ монастырѣ и болѣе близкимъ къ Москвѣ лицомъ Лазаремъ Барановичемъ, архіепископомъ Черниговскимъ, Димитрій былъ посвященъ въ іеромонахи и быстро пріобрѣлъ извѣстность, какъ талантливый проповѣдникъ. По повелѣнію Барановича, Д. написалъ первое свое историческое сочиненіе: «Руно орошенное»—описаніе чудесъ отъ чудотворнаго образа Богородицы въ Черниговскомъ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ, напечатанное въ 1680 году, а въ 1683 г. вышедшее уже вторымъ изданіемъ. Съ 1677 года, почти два года, Д. пробылъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, посѣщалъ Слуцкъ, Новый-Дворъ, Вильну и окрестные монастыри, произносилъ всюду проповѣди, къ сожалѣнію до насъ не дошедшія, сближался съ епископомъ Слуцкимъ Ѳеодосіемъ Василевичемъ, намѣстникомъ Тукальскаго и борцомъ противъ уніатовъ, и вернулся въ Черниговъ лишь 29 января 1679 года. 6 февраля онъ переѣхалъ въ Батуринъ, гдѣ былъ обласканъ гетманомъ Самойловичемъ. По желанію гетмана, Димитрій былъ назначенъ Барановичемъ игуменомъ Максаковскимъ 9 сентября 1681 г., а 7 февраля 1682 г. переведенъ игуменомъ же въ Батуринскій монастырь, только что оставленный за 5 мѣсяцевъ, куда онъ и переѣхалъ 1 марта. Всѣ эти данныя начерпаются изъ дневника (діарія), который сталъ вести Д. за это время разныхъ неудовольствій съ патріархомъ Іоакимомъ по церковнымъ дѣламъ. Оставивъ игуменство 26 октября 1683 г., Димитрій 23 апрѣля 1684 года, по приглашенію Варлаама, вновь избраннаго, но еще неутвержденнаго въ Москвѣ архимандрита Кіевопечерскаго, переѣхалъ въ Кіевъ, въ лавру. Тяжела была будущему святителю эта бродячая жизнь. Записывая въ дневникѣ смерть одного знакомаго, Д. съ горечью восклицаетъ: «Богъ вѣдаетъ, гдѣ и мнѣ судится главу положити». Въ лаврѣ Д. сдѣлался оффиціальнымъ проповѣдникомъ, а затѣмъ 6 мая 1684 г. получилъ «послушаніе писать житія святыхъ», дѣло, которое онъ горячо полюбилъ и которое прославило его имя. Въ 1686 г., февраля 6-го, митрополитъ Кіевскій Гедеонъ-Святополкъ Четвертинскій и гетманъ Самойловичъ убѣдили Димитрія вторично принять игуменство Батуринское, во время его пріѣзда въ Батуринъ съ архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, но и на игуменствѣ Д. не оставилъ работы надъ житіями святыхъ. Благодаря хлопотамъ гетмана и митрополита, чрезъ князя Василія Васильевича Голицына, Димитрію удалось получить изъ Москвы Макарьевскія Четь-Минеи (Успенскія) и составить указатель къ прологу для облегченія своихъ работъ, которымъ покровительствовалъ ислѣдующій гетманъ, Иванъ Степановичъ Мазепа. Въ 1688 году въ іюлѣ первая часть *Четь-Миней* (сентябрь, октябрь, ноябрь) поступила въ типографію Кіевопечерской лавры. Въ это время (1685—1690) разгорѣлась ожесточенная полемика между московскими и

южнорусскими богословами по вопросу о времени пресуществленія св. Даровъ. Если Д. самъ не принималъ непосредственнаго участія въ этой борьбѣ, гдѣ съ одной стороны стояли патріархъ Іоакимъ, братья Лихуды, инокъ Евфимій, Игнатій Корсаковъ, Аѳанасій Холмогорскій, а съ другой Сильвестръ Медвѣдевъ, Иннокентій Монастырскій, митрополитъ Гедеонъ, Варлаамъ Ясинскій, то онъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлялъ мнѣнія южнорусскихъ духовныхъ. Іоакимъ, обвиняя малорусскую церковь въ неправославныхъ мнѣніяхъ, нашелъ нѣчто неправославное (о непорочномъ зачатіи Богородицы)и въ отпечатанной книгѣ Четь-Миней. По этимъ вопросамъ отправились въ Москву въ іюлѣ 1689 года посланцы малорусской церкви, въ томъ числѣ и Димитрій, а съ ними поѣхалъ и Мазепа. Они прибыли въ Москву 10-го августа, какъ разъ въ то время, когда послѣдовалъ разрывъ партіи царевны Софьи и Милославскихъ съ партіей Петра и Нарышкиныхъ и возникло дѣло Шакловитаго съ гражданской и Медвѣдева съ церковной стороны. Мазепа и Димитрій побывали въ Москвѣ, а затѣмъ пошли и къ Троицѣ, гдѣ Димитрій прикладывался «къ ручкѣ» царя Петра Алексѣевича. Паденіе Голицына и казнь Шакловитаго затушевали церковную распрю, погибъ несчастный Сильвестръ Медвѣдевъ, а малоруссы благополучно уѣхали во-свояси, богословскіе споры замолкли, и Димитрій даже получилъ благословеніе и грамоту Іоакима на продолженіе писать Четь-Миней, хотя, повидимому, и не убѣдился въ правильности московскихъ воззрѣній на время пресуществленія и на непорочность зачатія св. Дѣвы. Въ 1692 году, 14 февраля Димитрій оставилъ Батуринское игуменство для спокойнѣйшаго писанія «житій святыхъ» и поселился въ особой собственно для этой цѣли построенной кельѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Кіевъ для печатанія второй части Ч.-Миней—въ лаврской типографіи. Въ іюлѣ 1693 года въ Кирилловскомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ былъ Иннокентій Монастырскій, а ктиторомъ отецъ Димитрія—Савва, Димитрій произнесъ *Слово на день св. Троицы*. Здѣсь кстати замѣтимъ, что ежели Четь-Минеи представляютъ прекрасный образчикъ церковно-славянскаго языка, лишь изрѣдка прерываемый незначительными малорусизмами, то проповѣди святителя представляютъ обратное явленіе: печатающійся нынѣ текстъ очищенъ и исправленъ въ половинѣ XVIII вѣка знаменитымъ протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ. Патріархъ Адріанъ относился очень сочувственно къ представителямъ южнорусской церкви. Въ мартѣ 1694 г., по его порученію Димитрій написалъ «Сказаніе о прославленіи въ Казани св. девяти мучениковъ Кизичевскихъ», а въ 1695 г. удостоился патріаршей грамоты, присылки десяти рублей денегъ и слѣдующихъ книгъ Четь-Миней. Въ это время (съ 22 іюня 1694 г. по 20 іюня 1697 г.) Димитрій былъ игуменомъ маленькаго Глуховскаго монастыря и усердно работалъ надъ Ч.-Минеями. 1697 годъ былъ годомъ неожиданныхъ событій въ жизни Димитрія. Въ январѣ онъ былъ избранъ игуменомъ Кіевскаго Кирилловскаго монастыря на мѣсто скончавшагося стараго друга Иннокентія Монастырскаго, а 20 іюня поставленъ новымъ Черниговскимъ епископомъ Іоанномъ Максимовичемъ въ архимандриты Елецкаго монастыря. Отношенія Димитрія къ Максимовичу, по неизвѣстной намъ причинѣ, кажется, изъ-за какихъ-то денежныхъ разсчетовъ, были довольно натянутыя, что не мѣшало Димитрію зимой этого года, ознаменованной сильнымъ голодомъ и большой смертностью, проявить широкую благотворительность пострадавшимъ изъ собственныхъ средствъ. Произнесенныя за это время проповѣди Димитрія, если и сохраняютъ схоластическіе пріемы, то уже значительно разнятся отъ прежнихъ, большею простотою и наглядностью. Весь 1699 г. Димитрій провелъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ о монастырѣ и заботахъ о печатаніи третьей части Миней; она вышла въ 1700 г., а 17 сентября былъ переведенъ на архимандрію Новгородъ-Сѣверскую. Престарѣлый Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій хлопоталъ въ Москвѣ о назначеніи помощника (викарія) и называлъ еп. Захарію Корниловича. Но Петръ, обратившій въ то время особое вниманіе на Сибирь и на Китайскую границу, быть можетъ, подъ вліяніемъ проекта Лейбница, въ виду помѣшательства митрополита Сибирскаго Игнатія Корсакова († 1701), потребовалъ присылки изъ Кіева епископа Захарію Корниловича «да архимандрита Ново-Градскаго Черниговскаго Димитрія, чтобы одного изъ нихъ поставить

въ митрополиты Сибирскіе». 10 февраля 1701 года Димитрій оставилъ свою родину, чтобы никогда въ нее уже не возвратиться, и 23 марта того же года поставленъ въ Москвѣ въ митрополиты Сибирскіе. Ему было 50 лѣтъ, здоровье его, всегда слабое, было разстроено усиленными работами, онъ захворалъ въ Москвѣ; но ждалъ только прохода рѣкъ, чтобъ ѣхать въ Тобольскъ. Петръ посѣтилъ Димитрія, отмѣнилъ свой указъ, и 4 января 1702 г. святитель Сибирскій поставленъ митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Тутъ начинается вторая и послѣдняя самая славная и плодотворная эпоха его жизни. Святитель всю свою энергію употребляетъ на заботы о просвѣщеніи ввѣренной ему паствы: невѣжественнаго, малограмотнаго духовенства и темной, совращаемой къ тому же различными расколоучителями народной массы. Сознавая, что одними указами трудно поднять низкій уровень общаго развитія, святитель обратился къ другому оружію: къ личнымъ объѣздамъ епархіи (мѣра въ тѣ времена малоупотребительная), проповѣди, посланіямъ, нарочитымъ сочиненіямъ противъ раскола, школъ для священнослужителей и простецовъ. За поступленіемъ всѣхъ монастырскихъ имѣній въ вѣдѣніе монастырскаго приказа, средства Ростовскаго владыки сдѣлались настолько малы, что онъ иногда не могъ удовлетворять самые ничтожныя личныя потребности, не говоря уже о епархіальныхъ нуждахъ, а между тѣмъ святитель старался по возможности ввести строгій порядокъ, понизить ставленническія пошлины и не отягощать подчиненное духовенство разными поборами. Здѣсь ему приходилось часто бороться съ распоряженіями монастырскаго приказа и его представителями, которыя, въ виду тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и правительственныхъ нуждъ (1702—1709), безцеремонно обращались съ представителями церкви и ихъ имуществами. Въ проповѣдяхъ своихъ (особенно обильныхъ въ періодъ 1702—1706), святитель является представителемъ высокаго христіанскаго милосердія, особенно къ низшимъ классамъ населенія, и въ этомъ смыслѣ сходится съ Іоанномъ Златоустымъ. Съ внѣшней стороны проповѣди святителя утрачиваютъ свой схоластическій характеръ, онѣ проникнуты теплотою чувства, отличаются смѣлымъ свободнымъ краснорѣчіемъ, часто заключаютъ въ себѣ намеки и на современныя событія. Таковы проповѣди о хожденіи олицетвореннаго Царства небеснаго по царскимъ и боярскимъ казнохранилищамъ, по торговымъ рядамъ и по приказамъ и ратушамъ, проповѣди объ исканіи Христа, о постѣ въ войскахъ, о царскомъ достоинствѣ и порокахъ и т. д. (Сочиненія св. Д. т. III, стр. 244, II, 166, 341, IV, 208, 416, II, 67, 205 и пр.). Главное стремленіе проповѣдника сдѣлать людей добрѣе и лучше, главная тема — любовь и милосердіе. Сочувствуя образованію, святитель не разъ тѣмъ не менѣе намекаетъ и на крутыя стороны Петровской реформы, шедшія въ разрѣзъ съ выработанными церковной жизнью идеалами; недаромъ же Димитрій былъ другомъ Стефана Яворскаго и почитателемъ Посошкова. Проповѣди святителя, часто поражающія насъ и остроумными выходками, настолько понравились, что дошли до насъ и въ многочисленныхъ рукописныхъ спискахъ, несмотря на цѣлый рядъ печатныхъ изданій (съ половины XVIII вѣка), да и доселѣ печатаются Св. Синодомъ, Кіевопечерской лаврой и цѣликомъ, и въ извлеченіяхъ. Окончивъ трудъ надъ Четь-Минеями 9 февраля 1705 года и отпечатавъ послѣ четвертую часть къ маю того же года, святитель воздвигъ себѣ ими вѣчный памятникъ въ исторіи русской церкви: его Четь-Минеи и доселѣ перепечатываются Синодомъ съ незначительными сокращеніями и доселѣ остаются единственными для христіанъ православнаго исповѣданія; притомъ надо помнить, что это трудъ *одного* человѣка, тогда какъ на западѣ надъ житіями работали цѣлыя конгрегаціи болландистовъ. Первое время своей ростовской жизни съ 1702—1706 годы святитель занимался и судьбами своей школы (1702—1705 г.) Это — первая епархіальная ростовская школа, съ южнорусскими учителями; открытая для духовенства и простецовъ, она любопытна и своимъ общеобразовательнымъ гуманитарнымъ характеромъ среди исключительно техническихъ утилитарныхъ школъ Петровскаго времени даннаго періода (цыфирныя школы открылись въ 1702 гг.). Театральныя представленія религіознаго характера, дававшіяся для развлеченія учениковъ ростовской школы,

предупредили требованія «акцій и комедій» духовнаго регламента и дали основу слухамъ о драматическомъ писательствѣ Димитрія, которое мы безусловно отвергаемъ. Послѣднее время своей жизни, уже среди болѣзни, святитель посвятилъ борьбѣ съ расколомъ и составленію *Лѣтописца келейнаго* (родъ библейской лѣтописи, которую святитель хотѣлъ довести до новѣйшаго времени). Для послѣдняго Димитрій выписывалъ рядъ иностранныхъ книгъ изъ-за границы, составившихъ послѣ его смерти главное и единственное его достояніе; изъ Москвы чрезъ посредство пріятеля своего, іеромонаха Чудовскаго Ѳеолога, съ которымъ святитель сошелся во время чередныхъ служеній въ Москвѣ (1705—1706 и 1708), Димитрій доставалъ русскіе хронографы и лѣтописи; впрочемъ, трудъ такъ и остался недоконченнымъ. Результатомъ изученія раскола явился знаменитый полимическій трудъ святителя *Розыскъ о брынской вѣрѣ*, оконченный въ 1709 г. Онъ важенъ, какъ современное изложеніе тогдашняго положенія раскола, основанное на непосредственномъ знакомствѣ съ расколоучителями и сочиненіями, доставлявшимися святителю по его просьбѣ. Особенно любопытна въ бытовомъ отношеніи 3 часть «Розыска». Полемическіе пріемы святителя отличаются такою рѣзкостью, что раскольники ставятъ имя св. Димитрія рядомъ съ именемъ патріарха Никона, а нравственный авторитетъ святителя заставилъ Петра Великаго занести впослѣдствіи въ свою книжку такую фразу: «написать книгу блаженствъ противъ раскольниковъ и явить то дѣломъ Ростовскаго съ товарищи». Но здоровье святителя, вслѣдствіе дурного климата Ростова и болѣзненности Димитрія, все слабѣло и слабѣло. 27 октября 1907 святитель, призвавъ своихъ лѣвчихъ въ крестовую палату въ Ростовскомъ Кремлѣ, велѣлъ имъ пропѣть нѣсколько *псалмъ*, въ томъ числѣ и своего собственнаго сочиненія, затѣмъ разсказывалъ своему любимому келейнику о своей жизни и поклонился ему до земли, а утромъ 28 октября 1709 г. святителя нашли почившимъ на колѣняхъ на молитвѣ.

Поставленный рожденіемъ въ среднемъ кругѣ общества, Димитрій Савичъ могъ одинаково хорошо узнать и высшій, и низшій классы малорусскаго народа вообще и духовенства въ частности. Путешествіе по Литвѣ и Бѣлоруссіи дало ему возможность познакомиться съ внутреннимъ строемъ Рѣчи Посполитой и тяжелымъ положеніемъ православныхъ. Не менѣе ясны стали ему и московскіе порядки, какъ во время пребыванія его въ Кіевѣ, такъ и во время полемики о пресуществленіи и первой поѣздки въ Москву. Главнѣйшимъ недостаткомъ, кинувшимся въ глаза будущему святителю, явилось и здѣсь, и тамъ отсутствіе широкаго образованія, особенно со стороны церковно-исторической. Во имя прославленія малорусской церкви, подъ вліяніемъ окружавшихъ его образованныхъ дѣятелей Барановича, Гизеля, Ясинскаго и др. Савичъ принялся за огромный церковно-историческій трудъ составленія и переработки Четь-Миней. Съ другой стороны, уступая требованіямъ жизни, онъ предается и хозяйственно-практической дѣятельности въ ввѣряемыхъ его настоятельству монастыряхъ, хотя это и отрываетъ его отъ ученыхъ работъ. Вызванный Петромъ для исполненія государственно-церковной миссіи въ Сибири, святитель успѣваетъ освободиться отъ этого, чуждаго его ученой, такъ сказать кабинетной жизни, назначенія и получаетъ Ростовскую митрополію. Здѣсь дѣятельность его дѣлится между ученою и практическою стороною. Заботы о просвѣщеніи, умственномъ и нравственномъ народной массы и ея духовныхъ руководителей объединяютъ эти стороны. Ради этой цѣли святитель, закончивъ Минеи, хлопочетъ о второмъ ихъ изданіи, учреждаетъ школу, произноситъ проповѣди, объѣзжая епархію, составляетъ Розыскъ и Лѣтопись. *Жизнь* святителя кончилась съ пріѣздомъ въ Москву, съ Ростовскаго періода уже началось *житіе*. Слабый тѣломъ, но бодрый духомъ пастырь буквально положилъ душу свою за овцы своя. Отпѣвая тѣло своего друга, Стефанъ пророчески воскликнулъ въ своемъ надгробномъ словѣ: «святъ Димитрій, святъ». 21 сентября 1752 г., при епископѣ Арсеніи Мацѣевичѣ, во время ремонта соборнаго храма Ростовскаго Яковлевскаго монастыря, тѣло Димитрія, погребенное, по его указанію, направо отъ входныхъ дверей, было найдено нетлѣннымъ, а 22 апрѣля 1757 года онъ причисленъ къ лику святыхъ. Въ 1763 г. императрица Екатерина была въ

Ростовѣ при положеніи мощей святителя въ серебряную раку, устроенную императрицей Елизаветой. Сочиненія святителя, очень многочисленныя, подробно перечислены въ Словарѣ русскихъ писателей Геннада т. I, стр. 303 — 305. Полное собраніе его сочиненій, бывшее у насъ, помѣченное 1857, въ 5 частяхъ, отличаются большою небрежностью. Четь-Минеи въ это изданіе не входятъ но издаются отдѣльно. Доступное намъ изданіе помѣчено 1855 г. Литература о немъ собрана въ изслѣдованіи безъ имени автора (Нечаева, Барскаго и Горскаго),, Св. Димитрій Ростовскій, М. 1849 (II + 203 + 2 н.) и Шляпкина, Св. Димитрій Ростовскій и его время Спб. 1891 (XIV + 460 + 102 + 3 н.) (Записки историко - филологическаго факультета Имп. Спб. университета, т. XXIV). Позднѣйшія статьи еп. Угличскаго Амфилохія (Душеп. Чтеніе) и др. несущественны.

И. Шляпкинъ.

Димитрій *(въ мірѣ — Даніилъ Андреевичъ Сѣченовъ)*, митрополитъ Великоновгородскій и Великолуцкій (1709—1767 гг.). Митрополитъ Димитрій происходилъ изъ дворянской фамиліи, родился 6 декабря 1709 года и при крещеніи былъ названъ Даніиломъ. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца, а затѣмъ поступилъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію. Въ концѣ 1729 г., а можетъ быть и въ началѣ 17[illegible]0 г., Сѣченовъ, будучи еще студентомъ академіи, постригся въ монашество съ именемъ Дезидерія, произведенъ въ іеродіакона Заиконоспасскаго монастыря и сдѣланъ казначеемъ. 17 марта 1731 г. іеродіаконъ Дезидерій былъ постриженъ въ мантію съ именемъ Димитрія и 24 ноября того же года рукоположенъ въ іеромонаха. По окончаніи курса, іеромонахъ Димитрій оставленъ былъ при академіи учителемъ «фары». Своими высокими дарованіями и способностію къ проповѣди слова Божія обратилъ на себя особенное вниманіе начальства и 29 сентября 1738 г. къ его учительскимъ обязанностямъ присоединены были и обязанности академическаго проповѣдника. Этимъ годомъ и закончилось его пребываніе въ академіи. На его долю выпалъ жребій служенія великому и трудному дѣлу обращенія въ православіе инородцевъ Казанскаго края: татаръ, чувашъ, черемисъ, мордвы и вотяковъ; и дѣло это онъ въ продолженіе 10 лѣтъ исполнялъ съ честію, съ мужественнымъ самоотверженіемъ и съ громаднымъ успѣхомъ. 4 декабря 1738 г. іеромонаху Димитрію поручено было правленіе новокрещенскихъ дѣлъ Казанской епархіи, съ назначеніемъ его настоятелемъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, а 11 сентября 1740 г. за ревностные труды по обращенію иновѣрцевъ онъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ управителемъ новокрещенскихъ дѣлъ Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерній. 27 декабря 1741 г. архимандритъ Димитрій былъ вызванъ въ Москву и 16 іюля 1742 г. былъ назначенъ епископомъ Нижегородскимъ и Алатырскимъ, съ повелѣніемъ попрежнему трудиться при дѣлахъ крещенія невѣрныхъ народовъ (10 сент. было нареченіе и 14 сент. хиротонія во епископа). Продолжая миссіонерскую дѣятельность въ санѣ епископа, преосвященный Димитрій строилъ церкви, открывалъ школы, крестилъ болѣе 50000 инородцевъ и выхлопоталъ для нихъ различныя льготы. Въ 1743 г., при обозрѣніи епархіи, онъ подвергся нападенію мордвы и едва живымъ скрылся въ церкви ближайшаго села. Кромѣ великихъ трудовъ по обращенію иновѣрцевъ, преосвященный Димитрій много заботился объ устройствѣ Нижегородской семинаріи и всей ввѣренной ему епархіи. Семинарія обязана ему и новымъ мѣстомъ, и новыми зданіями, и введеніемъ новыхъ предметовъ обученія. Въ епархіи же имъ обновлены многія церкви, а духовенство призвано къ проповѣди слова Божія. Но наступила пора окончить блестяще исполняемую имъ миссію. Епископъ Димитрій заболѣлъ и 3 августа 1748 г., по прошенію, былъ уволенъ на покой въ Казанскую Раифскую пустынь. Три съ половиной года тихой уединенной жизни укрѣпили его здоровье, а прежняя многоплодная дѣятельность его оставила во всѣхъ самыя свѣтлыя воспоминанія о немъ и ему не позволили долго оставаться на покоѣ. 24 февраля 1752 г. онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, а 21 іюня того же года опредѣленъ епископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ. Въ Рязани также, какъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, преосвященный Димитрій перевелъ духовную семинарію на новое мѣсто, учредилъ въ ней «школу философіи» и ввелъ преподаваніе греческаго языка; произвелъ

большой ремонтъ Рязанскаго Успенскаго собора и многихъ другихъ церквей; пріѣзжая же, какъ членъ Св. Синода, въ Петербургъ, блисталъ своими проповѣдями и былъ извѣстенъ при Дворѣ. 28 октября 1757 г. преосвященный Димитрій былъ возведенъ въ санъ архіепископа и назначенъ въ Новгородъ. Какъ на прежнихъ мѣстахъ служенія, такъ и въ Новгородѣ, заботы преосвященнаго сосредоточились прежде всего на духовной семинаріи и вообще на духовномъ просвѣщеніи: при немъ была учреждена контора для производства семинарскихъ дѣлъ, открыты въ семинаріи нѣмецкій и географическій классы и увеличены суммы, отпускаемыя на содержаніе семинаріи. Въ тринадцати же городахъ Новгородской губерніи онъ открылъ духовныя училища. Прежнее управленіе двумя епархіями дало ему ничѣмъ незамѣнимую опытность въ дѣлахъ—и онъ скоро и смѣло находилъ средства и мѣры къ исправленію ли какихъ недостатковъ, или къ приведенію въ исполненіе своихъ рѣшеній и распоряженій. Не говоря уже о постройкѣ церквей, которыхъ особенно много въ то время строилось по всей Новгородской епархіи, преосвященный Димитрій много потрудился и по устройству епархіальной администраціи, что было ему необходимо по отлучкамъ его въ Петербургъ. Желая окружить себя лицами, которымъ можно довѣриться, онъ вызывалъ даже достойныхъ архимандритовъ изъ другихъ епархій. Извѣстенъ преосвященный Димитрій и борьбою съ расколомъ: его стараніями не только военныя команды, но и гражданское начальство, по распоряженію Сената, привлечено было къ бдительному надзору за раскольниками и къ искорененію обычая этихъ фанатиковъ сожигать себя, а въ руки живыми не даваться. Въ Новгородѣ въ 1759 г. архіепископъ Димитрій устроилъ теплый соборъ—Входа Господня въ Іерусалимъ, много заботился о монастыряхъ и дѣлалъ имъ значительныя пожертвованія отъ себя.—Нельзя не упомянуть о томъ довѣріи, расположеніи и о тѣхъ великихъ милостяхъ, какими осыпанъ былъ преосвященный Димитрій отъ императрицы Екатерины II. Онъ присутствовалъ при вступленіи ея на престолъ, короновалъ ее и сопровождалъ ее въ путешествіе въ Ростовъ для поклоненія мощамъ св. Димитрія ростовскаго. Высоко цѣня твердый и проницательный умъ преосвященнаго, его богатыя богословскія и церковно-историческія знанія, его любовь и особенныя заботы о духовномъ просвѣщеніи, императрица открыто гордилась, что имѣетъ въ Россіи такого іерарха. Преосвященный Димитрій былъ постояннымъ мудрымъ совѣтникомъ государыни въ духовныхъ дѣлахъ и вѣрнымъ исполнителемъ ея благихъ намѣреній. Онъ часто получалъ отъ императрицы различныя «чрезвычайныя» порученія, касавшіяся и области вѣры и административной. Памятникомъ такихъ добрыхъ и довѣрчивыхъ отношеній между государыней и преосвященнымъ сохранилось нѣсколько писемъ къ нему отъ императрицы.—8-го октября 1762 г. архіепископъ Димитрій, за его личныя качества и заслуги, возведенъ былъ въ санъ митрополита Великоновгородскаго и Великолуцкаго, съ пожалованіемъ ему во владѣніе 1000 душъ крестьянъ. Въ ноябрѣ 1762 г. митрополитъ Димитрій былъ назначенъ членомъ духовной комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ и о сочиненіи штатовъ духовныхъ; въ 1764 г. утверждены были изысканія и постановленія этой комиссіи, касавшіяся упраздненія малолюдныхъ и небогатыхъ монастырей и обращенія ихъ въ приходскія церкви. Въ 1767 г. митрополитъ Димитрій былъ награжденъ драгоцѣнною панагіею съ портретомъ императрицы и назначенъ депутатомъ отъ Св. Синода и всего русскаго духовенства въ комиссію по составленію проекта новаго уложенія. 30-го іюня 1767 г. онъ присутствовалъ въ Москвѣ при торжественномъ открытіи этой комиссіи, а 14-го декабря 1767 г. въ $2^1/_2$ часа дня скончался въ Москвѣ отъ апоплексическаго удара на Заборовскомъ подворьѣ. Изъ сочиненій митрополита Димитрія въ печати извѣстно только нѣсколько его словъ и рѣчей, тогда какъ въ рукописяхъ онѣ хранятся въ нѣсколькихъ сборникахъ. При жизни своей онъ издалъ на свой счетъ катехизисъ и разослалъ его по епархіи; громадная библіотека его вся цѣликомъ перешла въ новгородскую семинарію. Въ Новгородъ же перевезено было со всею торжественностію изъ Москвы и тѣло его.

(Макарій—Ист. нижегор. іерархіи; Правосл. Собесѣдн. 1875 г. № 2; Руков. для сел. паст. 1867 г. №№ 45, 47, 51; Русскій Архивъ 1869 г. № 2; Ист. москов. акад ; Дѣла арх. Св. Син.; Новгород. Епарх. Вѣдом. 1895 г.). *Здр.*

Димитрій *(въ мірѣ—Даніилъ Сулима)*, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій (1772 — 1844 гг.). Происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ 1772 году въ мѣстечкѣ «Новая Водолага» Харьковской губерніи. Образованіе получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ и въ Екатеринославской дух. семинаріи, гдѣ обнаружилъ свой острый умъ и счастливую память, при помощи которыхъ въ совершенствѣ изучилъ латинскій языкъ; въ 1795 г. окончилъ курсъ и оставленъ въ семинаріи учителемъ, а въ 1798 г. сдѣланъ былъ префектомъ. Въ 1797 г. Сулима былъ рукоположенъ въ священника къ городскому Екатеринославскому собору и обязанности его увеличились, тѣмъ болѣе, что онъ былъ еще и членомъ дух. консисторіи. Послѣ пятилѣтнихъ трудовъ по Екатеринославской епархіи, о. Сулима въ 1800 г. былъ возведенъ въ санъ протоіерея и переведенъ въ Богуславскій городской соборъ Кіевской епархіи, гдѣ тоже присутствовалъ въ духовномъ правленіи и управлялъ церквами и духовенствомъ мѣстной протопопіи. Въ 1806 г. протоіерей Сулима перемѣщенъ былъ въ г. Николаевъ въ адмиралтейскій соборъ съ назначеніемъ его законоучителемъ въ Николаевское штурманское училище, но епархіальнымъ начальствомъ часто былъ призываемъ въ Яссы для исполненія различныхъ порученій. Вскорѣ онъ былъ назначенъ членомъ консисторіи и былъ извѣстенъ начальству, какъ первый труженикъ и первый знатокъ и законовѣдъ по рѣшенію дѣлъ. Послѣ потери жены, протоіерей Сулима въ 1811 г. былъ представленъ къ назначенію въ епископа Бендерскаго и Аккерманскаго, викарія молдавской митрополіи. 17-го апр. 1811 г. онъ былъ назначенъ епископомъ, въ маѣ постриженъ въ монашество съ именемъ Димитрія, 13-го іюня нареченъ и 16-го іюня хиротонисанъ въ епископа. Много трудовъ выпало на долю епископа Димитрія по устройству только что освобожденной изъ-подъ власти турокъ Бессарабской области. Ревностно утверждая православіе въ странѣ, епископъ Димитрій обратилъ сначала вниманіе на монастыри, вводилъ въ нихъ общежительный уставъ и упорядочивалъ хозяйство. Затѣмъ заботы его были направлены на духовное просвѣщеніе: открыты были школы въ Курковскомъ, Добружскомъ, Гиржавскомъ и др. монастыряхъ, въ Кишиневскомъ, Бендерскомъ и Аккерманскомъ уѣздахъ, а въ 1816 г. открыта въ Кишиневѣ духовная семинарія,—что возвысило значеніе духовнаго сословія въ епархіи, получившаго и всѣ привиллегіи, какими пользовалось духовенство внутри Россіи. 11-го іюня 1821 г. преосвященный Димитрій былъ возведенъ въ санъ архіепископа и сдѣланъ въ Кишиневѣ самостоятельнымъ архіепископомъ. Труды его по устройству епархіи еще болѣе усилились. Въ Кишиневѣ, Бендерахъ и Измаилѣ имъ были устроены «ланкастерскія школы», въ которыя онъ призывалъ всѣхъ къ безплатному ученію (разослано было особое воззваніе). Съ іюня 1823 г. до начала 1825 г. архіепископъ Димитрій присутствовалъ въ Св. Синодѣ. Въ 1833—1836 гг. имъ построенъ былъ въ Кишиневѣ каѳедральный соборъ. Въ заботахъ по устройству епархіи архіепископъ Димитрій денно и нощно трудился надъ переводомъ на молдавскій языкъ богослужебныхъ книгъ, каноновъ, акаѳистовъ, твореній св. отцовъ, катехизиса и др. учебныхъ книгъ; онъ состоялъ предсѣдателемъ отдѣленія библейскаго общества въ Кишиневѣ и дѣятельно заботился о распространеніи книгъ священнаго писанія. При обращеніи магометанъ въ православіе, по возвышеніи духовнаго сословія, по организаціи епархіальнаго управленія и по пробужденіи туземцевъ отъ умственной и нравственной дремоты, присоединенная къ Россіи страна стала походить на коренныя русскія губерніи. Скончался архіепископъ Димитрій 4-го августа 1844 года.

(Дѣла арх. Св. Син 1810 г. № 907; 1844 г. № 2579; Тр. Кіев. дух. акад. 1882 г. іюнь; Кишинев. епарх. вѣдом, 1867, 1868 и 1871 гг.)

Здр.

Димитрій *(въ мірѣ—Климентъ Ивановичъ Муретовъ)*, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, выдающійся дѣятель, проповѣдникъ и духовный писатель. Родился 11-го февраля 1811 года, въ с. Лучинскѣ, Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи; ум. 14-го ноября 1883 года, въ Одессѣ. Дѣдъ архіепископа Димитрія, Алексѣй Ѳеодуловичъ, былъ священникомъ въ томъ-же Пронскомъ уѣздѣ и считался выдающимся среди остальныхъ священниковъ; онъ былъ «духовнымъ заказчикомъ» или судьей «на всю пронскую округу». Самъ Алексѣй Ѳео-

дуловичъ не носилъ никакой фамиліи, но изъ пятерыхъ его сыновей—трое прозывались Столпянскими, а двое—Муретовыми. Одинъ изъ Столпянскихъ, Иванъ Алексѣевичъ, окончившій въ 1804 г. курсъ Рязанской семинаріи «студентомъ» и долгое время бывшій діакономъ, и былъ отцомъ будущаго архіепископа Димитрія. До девяти лѣтъ Климентъ Столпянскій обучался дома; въ 1820 г. онъ былъ отданъ въ Сапожковское духовное училище и записанъ по фамиліи дядей Муретовымъ. Затѣмъ обучался въ Рязанской семинаріи и съ 1831—1835 г. въ Кіевской дух. акад., которую окончилъ первымъ, съ рѣдчайшею отмѣткой: «способностей и успѣховъ отличныхъ предъ всѣми». Въ томъ же 1835 г. онъ принялъ монашество и оставленъ при академіи въ званіи баккалавра по каѳедрѣ чтенія священнаго писанія, а потомъ и герменевтики; въ 1837 г. утвержденъ въ званіи профессора богословскихъ наукъ, на мѣсто отказавшагося отъ этой каѳедры ректора, знаменитаго ученаго и проповѣдника, впослѣдствіи архіепископа Иннокентія (Борисова). Главнымъ предметомъ Димитрія Муретова было догматическое богословіе, которое онъ подвергъ тщательной систематической обработкѣ; уступая своему предшественнику въ смѣлости и оригинальности воззрѣній, онъ былъ выше его по глубинѣ и основательности своихъ богословскихъ познаній. Будучи сторонникомъ историческаго метода изслѣдованія и изложенія и идя по пути, проложенному Иннокентіемъ, котораго, впрочемъ, обвиняли въ либерализмѣ, онъ окончательно освободилъ богословскую науку отъ устарѣлыхъ схоластическихъ формъ, а своею строгостью и осмотрительностію выводовъ заставилъ умолкнуть всѣхъ обвинителей противъ новой системы богословія. Лекцій своихъ Димитрій не выдавалъ студентамъ и, вѣроятно, не писалъ ихъ вполнѣ, но подготовлялся къ нимъ такъ основательно, что обыкновенно въ теченіе двухъ часовъ подрядъ, безъ всякаго конспекта, говорилъ безпрерывно, приводя буквально тексты и выдержки изъ авторовъ, съ точнымъ указаніемъ томовъ и страницъ цитируемыхъ сочиненій. Студентомъ Н. Оглоблинымъ составлена была полная запись лекцій Димитрія, которую просмотрѣлъ онъ и самъ. Эта запись не пропала совершенно для русской науки: она легла въ основу «Введенія въ курсъ богословскихъ наукъ», Макарія Булгакова, митрополита Московскаго.

Съ 1838 г. онъ былъ инспекторомъ академіи въ теченіе трехъ лѣтъ и затѣмъ ректоромъ ея и настоятелемъ Кіевскаго братскаго монастыря. Многочисленные отзывы его современниковъ: сослуживцевъ и учениковъ рисуютъ его въ высшей степени гуманнымъ и заботливымъ начальникомъ, вникавшимъ во всѣ подробности и уже тогда прославившимся своею благотворительностью.

Въ 1851 г. Димитрій былъ назначенъ епископомъ Тульскимъ, черезъ семь лѣтъ — Херсонскимъ, и затѣмъ послѣдовательно занималъ архіепископскія каѳедры: Ярославскую (1874 — 1876), Волынскую (1876—1882) и Одесскую (1882—1883). Вездѣ преосвященный былъ извѣстенъ своимъ громаднымъ вліяніемъ на паству и рѣдкимъ расположеніемъ къ нему послѣдней. То и другое онъ достигалъ своими «общественными богослуженіями» и замѣчательными поученіями, своею широкою благотворительностью и нищелюбіемъ, заботами о духовенствѣ и въ особенности о духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Время управленія его Херсоно-Таврической епархіей совпало съ освобожденіемъ крестьянъ, и здѣсь онъ оказалъ неоцѣнимую услугу отечеству своими удачными дѣйствіями и заботами, направленными къ предупрежденію крестьянскихъ волненій. Отсюда же, какъ лучшій администраторъ и устроитель духовно-учебныхъ заведеній, Димитрій былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, гдѣ и предсѣдательствовалъ въ комиссіяхъ: 1) по сокращенію переписки по духовному вѣдомству, 2) по улучшенію быта сельскаго духовенства и 3) по преобразованію духовныхъ семинарій и училищъ. Представленный имъ проектъ преобразованія послѣднихъ особенно отличался ясностью и опредѣленностью выставляемой имъ цѣли духовно-учебныхъ заведеній, равно какъ и проектъ архимандрита Филарета, но, къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой не были приняты. По возвращеніи въ свою паству, преосвященный среди мѣръ объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства много сдѣлалъ еще къ улаженію отношеній съ мѣстными иноземцами и иновѣрцами. Во время архіепископства онъ долѣе сравнительно пробылъ

въ Житомірѣ, но болѣзнь его заставила отказаться отъ прежней кипучей дѣятельности и вести уединенный образъ жизни. Въ виду той же болѣзни, онъ отказался и отъ предлагаемой ему Московской митрополіи послѣ преосвященнаго Макарія († 1882).

Съ принятіемъ епископскаго сана, Димитрій оставилъ науку совсѣмъ и посвятилъ свою жизнь богослуженію, управленію, самой широкой благотворительности и особенно проповѣдничеству. Многочисленныя его проповѣди печатались въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и особенно много въ «Православномъ Обозрѣніи» (1877—1883). Онѣ обыкновенно отличались простотою и задушевностью и въ то же время были «исполнены высокаго и сильнаго краснорѣчія».

Первымъ печатнымъ трудомъ Димитрія была его магистерская диссертація: «О путяхъ промысла Божія въ обращеніи грѣшниковъ и о путяхъ покаянія для обращенныхъ» (въ «Собраніи сочиненій студентовъ Кіевской духовной академ.», Кіевъ, 1839 г., т. I). Первое «Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей» преосвященнаго вышло въ Одессѣ, въ 1859 г. Два года спустя вышло новое собраніе «Словъ, бесѣдъ и рѣчей» (Спб., 1885 г.), и, наконецъ, въ самое послѣднее время преподаватель Московской духовной семинаріи, С. П. Никитскій, издалъ въ шести томахъ «Полное собраніе твореній» Димитрія. Съ 1837 по 1841 г. Димитрій редактировалъ журналъ «Воскресное Чтеніе».

„Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи“ (Кіевъ, 1869 г.); „Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1876 г., №№ 21, 23, 28, 47 и 52; „Московскія Вѣдомости“ за 1883 г., № 320—330, 345 и 359; „Современныя Извѣстія“, 1883 г., № 319, 320, 322 и 341; Ѳ. Лебединцевъ, „Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ Херсонскій“ (въ „Кіевской Старинѣ“, 1883 г., № 12); К. Б., „Памяти архіепископа Димитрія Одесскаго“ (въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1884 № 2); прот. Гавриленковъ, „Воспоминаніе о преосвящ. Димитріѣ, архіепископѣ Херсонскомъ“ (въ „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, 1884 г., № 1); Н. Флоринскій, „Высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій“ („Душеполезное Чтеніе“, 1886 г., кн. 6); Н. Смирновъ, „Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ Херсонскій и Одесскій. Біографія, съ портретомъ“ (М., 1898 г.; составляетъ особый седьмой томъ въ 475 стр. къ изданію Твореній Димитрія—г. Никитскаго), и М. Ястребовъ, „Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ Херсонскій и Одесскій“ (въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“, 1899 г., № 5; здѣсь сдѣлано нѣсколько поправокъ къ обширной біографіи г. Смирнова). *В. Р—въ.*

Димитрій *(въ мірѣ — Доримедонтъ Григорьевичъ Григорьевъ)*, архимандритъ Задонскаго Богородицкаго монастыря (1860 1882 гг.). Григорьевъ происходилъ изъ дворянъ и родился въ 1798 г. въ селѣ Красномъ Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. Образованіе получилъ въ Москвѣ въ частномъ пансіонѣ и въ гимназіи. Въ 1824 г. поступилъ вольноопредѣляющимся въ 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, затѣмъ перешелъ въ Казанскій кавалерійскій драгунскій полкъ и въ 1833 г. произведенъ былъ въ прапорщики, но въ 1835 г. вышелъ съ чиномъ поручика въ отставку, отпустилъ своихъ крестьянъ на волю, надѣливъ ихъ землею, и отправился путешествовать по св. мѣстамъ. Побывавъ во многихъ монастыряхъ и пустыняхъ, онъ въ 1842 г. поступилъ послушникомъ въ Малоярославецкій Николаевскій монастырь Калужской епархіи, а въ маѣ 1847 г. перешелъ въ Воронежскій Алексѣевскій Акатовъ монастырь и несъ тамъ разныя послушанія. Въ сентябрѣ 1848 г. онъ перешелъ въ Харьковъ, опредѣлился въ число братіи Покровскаго архіерейскаго дома и 16-го сентября 1848 г. постригся въ монашество съ именемъ Димитрія; 17-го сентября онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона; 19-го сентября — въ іеромонахи и назначенъ казначеемъ Харьковскаго архіерейскаго дома, но въ томъ же 1848 г. перешелъ на должность казначея въ Каменецъ-Подольскій архіерейскій домъ. Съ 1852 г. онъ состоялъ «гробовымъ» іеромонахомъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ и былъ духовникомъ лаврскимъ, а затѣмъ въ 1852 году избранъ въ казначеи лавры и въ члены учрежденнаго собора. Въ 1860 г. 5-го іюня о. Димитрій возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Задонскаго Богородицкаго монастыря.

При немъ въ Задонскомъ монастырѣ въ 1861 г. открыты мощи святителя Тихона, для коихъ онъ устроилъ серебряную раку; всѣ монастырскія зданія онъ отдѣлалъ заново и произвелъ много новыхъ построекъ; выхлопоталъ въ 1861 г. монастырю отъ казны 100 десятинъ земли, да пожертвовано разными лицами до 800 десятинъ;

развелъ фруктовый садъ, устроилъ пчельники, вѣтряную мельницу и проч., вообще показалъ себя рачительнымъ хозяиномъ. Въ 1865 г. устроилъ въ 7 верстахъ отъ Задонска кладбищенскую церковь и братскія кельи при ней, а въ 1873 г. учредилъ тамъ новую иноческую обитель съ уставомъ скитскаго общежитія подъ именемъ «Общежительнаго Тихоновскаго мужского монастыря», которому тоже было пожертвовано помѣщикомъ Воейковымъ 800 десятинъ земли въ Рязанской губерніи. Въ монастырѣ своемъ архимандритъ Димитрій улучшилъ церковный хоръ, заботился о торжественности въ богослуженіи и широко развилъ дѣло благотворительности, самъ же отличался нестяжательностію и самою скромною жизнію. По его мысли и подъ его предсѣдательствомъ учреждено было въ 1861 г. въ Задонскѣ «Тихоновское» благотворительное общество для пособія бѣднымъ. Скончался архимандритъ Димитрій 13-го іюля 1882 года.

(Іером. Геронтія „Архим. Димитрій, настоятель Задонскаго Богородицкаго монастыря", Воронежъ, 1888 г.). *Здр.*

Димитрій *(Зографъ)*, монахъ-переводчикъ, скончался около 1402 года. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется. Извѣстно, что онъ въ 1384 г. перевелъ съ греческаго языка на русскій сочиненіе Георгія Писида, митрополита Никомидійскаго VII вѣка, «Похвала Богу о сотвореніи всякой твари», или ямбическую поэму «Міротвореніе». *Здр.*

Димитрій *Александровичъ*, князь Переяславскій, великій князь Владимірскій, сынъ великаго князя Александра Ярославича Невскаго и его жены Александры, дочери полоцкаго князя Брячислава, родился около 1250 года, умеръ въ 1296 г. Еще при жизни своего отца игралъ видную роль въ событіяхъ своего времени. Такъ, въ 1259 году, когда Александръ Невскій, успокоивъ волненіе, возникшее въ Новгородѣ вслѣдствіе появленія тамъ ханскихъ счетчиковъ, уѣхалъ оттуда, онъ оставилъ тамъ княземъ Димитрія Александровича, тогда еще очень молодого. Въ 1262 г. Димитрій Александровичъ вмѣстѣ съ своимъ дядей Ярославомъ Ярославичемъ былъ посланъ отцомъ противъ ливонскихъ рыцарей на Юрьевъ (Дерптъ), взялъ этотъ городъ и вернулся съ большой добычей. Въ 1264 году, сейчасъ же по смерти Александра Невскаго, новгородцы, раньше сдерживаемые могучей рукой Александра, прогнали Димитрія Александровича, какъ малолѣтняго, и посадили у себя великаго князя Ярослава Ярославича Тверского. Димитрій Александровичъ удалился въ Переяславль Залѣсскій, доставшійся ему въ удѣлъ, какъ старшему сыну Александра Невскаго, у котораго этотъ городъ былъ удѣльнымъ. Въ 1268 году новгородцы, предпринимая войну съ ливонцами, пригласили его на помощь. Димитрій Александровичъ явился и принималъ дѣятельное участіе въ извѣстной кровопролитной битвѣ подъ Раковоромъ (Везенбергомъ), причемъ побѣдой новгородцы въ значительной степени обязаны были его храбрости и военному искусству. Въ 1270 году новгородцы въ благодарность за эту помощь предложили Димитрію Александровичу свой столъ, прогнавъ отъ себя великаго князя Ярослава Ярославича. Димитрій Александровичъ отказался, заявивъ, что онъ не хочетъ занимать столъ, съ котораго былъ прогнанъ его дядя, и даже помогалъ великому князю снова овладѣть Новгородомъ. Два года спустя, въ 1272 году ему пришлось ѣздить въ Орду, сопровождая туда великаго князя, и въ томъ же году, когда великій князь на обратномъ пути изъ Орды умеръ и Новгородскій столъ освободился, Димитрій Александровичъ явился претендентомъ на него и вступилъ изъ-за него въ соперничество съ новымъ великимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ. Новгородцы сперва предпочли Димитрія Александровича и онъ, торжественно въѣхавъ въ Новгородъ, занялъ Новгородскій столъ. Но Василій Ярославичъ рѣшилъ не уступать такъ легко Новгородскаго стола племяннику, собралъ войско и вмѣстѣ со своимъ другимъ племянникомъ, Святославомъ Тверскимъ, началъ опустошать Новгородскую область. Димитрій выступилъ противъ непріятелей и уже дошелъ до Торжка, когда вдругъ узналъ, что новгородцы передумали и, боясь великаго князя, рѣшились избавиться отъ переяславскаго князя. Димитрій Александровичъ тогда самъ отказался отъ Новгородскаго стола и удалился въ свой Переяславль. Въ 1276 году, когда умеръ послѣдній изъ его дядей, великій князь Василій Ярославичъ, Димитрій Александровичъ, какъ старшій въ родѣ, занялъ великокняжескій столъ, а

въ маѣ слѣдующаго года, прибывъ въ Новгородъ, былъ признанъ и тамъ княземъ. Въ качествѣ Новгородскаго князя въ слѣдующемъ 1278 году онъ ходилъ усмирять кореловъ, возмутившихся противъ новгородцевъ, и разорилъ ихъ землю, а въ награду за это выхлопоталъ у новгородцевъ позволеніе поставить на новгородской территоріи у береговъ Финскаго залива крѣпость Копорье для защиты русскихъ береговъ Балтійскаго моря. Уже въ то время онъ понималъ, какое значеніе для Россіи должны имѣть эти берега, и потому старался укрѣпить ихъ, но въ исполненіи этихъ своихъ цѣлей встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны новгородцевъ, которые, опасаясь за свою самостоятельность и не желая усиленія великокняжеской власти въ своей территоріи, не позволяли великому князю поставить свой гарнизонъ въ Копорьѣ и настолько сильно противодѣйствовали ему въ этомъ, что онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ: отправился въ Переяславль и въ началѣ 1281 г. явился къ границамъ новгородскимъ уже съ сильнымъ войскомъ. Тщетно новгородскій архіепископъ Климентъ уговаривалъ его не начинать военныхъ дѣйствій, Димитрій Александровичъ дошелъ до Шелони и только здѣсь сдался на просьбы новгородцевъ и распустилъ войско, поставивъ однако въ Копорьѣ свой гарнизонъ, но скоро счастье измѣнило ему. Въ 1281 г. братъ его Андрей, князь Городецкій. По совѣту своихъ бояръ рѣшилъ самъ занять великокняжескій столъ, повидимому, вынужденный къ этому стремленіемъ Димитрія стѣснить самостоятельность удѣльныхъ князей. Андрей Александровичъ отправился въ Орду, оклеветалъ Димитрія передъ ханомъ, выпросилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе и вспомогательное ханское войско и двинулся съ нимъ на Русь. У Мурома къ нему присоединились удѣльные князья, не осмѣлившіеся противорѣчить волѣ хана, и все войско двинулось на Димитрія Александровича къ Переяславлю. Димитрій Александровичъ, видя невозможность защищаться, бѣжалъ въ Копорье, но новгородцы, недовольные на великаго князя, выступили противъ него къ Ильменю и, захвативъ въ залогъ нѣкоторыхъ его бояръ и двухъ дочерей, заставили Димитрія, несмотря на помощь Псковскаго князя Довмонта, который приходился ему зятемъ, вывести свой гарнизонъ изъ Копорья. Затѣмъ новгородцы срыли до основанія крѣпость, построенную Димитріемъ, объявили его лишеннымъ Новгородскаго стола и поставили княземъ Андрея Александровича. Между тѣмъ Андрей Александровичъ, думая, что теперь его власть упрочена, отпустилъ татаръ назадъ въ Орду. Тогда Димитрій отправился въ свой Переяславль. Жители города съ удовольствіемъ приняли Димитрія и начали готовить войско для похода на Андрея Александровича. За послѣдняго вступились новгородцы, которые, соединившись съ союзниками Андрея, Даніиломъ ломъ Московскимъ и Святославомъ Тверскимъ, встрѣтили Димитрія Александровича у Дмитрова, но здѣсь заключили съ нимъ миръ, по которому Димитрій Александровичъ отказывался отъ всѣхъ правъ на Новгородскій столъ и обѣщалъ не мстить жителямъ Новгорода. Андрей Александровичъ призвалъ татаръ, и Димитрію опять пришлось бѣжать. На этотъ разъ онъ бѣжалъ къ Ногаю, новому татарскому владѣтелю, недавно отложившемуся отъ Золотой Орды и настолько могущественному, что передъ нимъ трепеталъ и самъ ханъ Золотой Орды, Туданъ-Мангу. Ногай принялъ Димитрія Александровича очень хорошо и однимъ своимъ приказаніемъ заставилъ Андрея возвратить брату незаконно захваченный столъ. Димитрій въ 1283 году возвратился въ Россію, помирился съ братомъ, но жестоко отомстилъ всѣмъ его приверженцамъ и боярамъ. Новгородъ также призналъ Димитрія и своимъ княземъ. Но Андрей помирился съ братомъ далеко не искренно и уже черезъ два года, въ 1285 году, снова задумалъ низвергнуть его и съ этой цѣлью пригласилъ къ себѣ одного татарскаго царевича, который съ татарскимъ войскомъ явился на Русь и началъ грабить ее. Димитрій Александровичъ собралъ удѣльныхъ князей, вышелъ противъ царевича и прогналъ его назадъ въ Орду, не испугавшись гнѣва хана за такое своеволіе. Дѣйствительно, ханъ не наказалъ Димитрія Александровича и даже не выразилъ своего неудовольствія, боясь, вѣроятно, всемогущаго Ногая. Послѣ этого Димитрій Александровичъ въ продолженіе семи лѣтъ княжилъ спокойно, но въ 1292 году Андрей Александровичъ снова рѣшилъ попытаться низвергнуть брата и съ этой цѣлью, соеди-

нившись съ нѣкоторыми недовольными удѣльными князьями, поѣхалъ къ Ногаю, очернилъ въ его глазахъ Димитрія и побудилъ его приказать Дюденю, одному изъ царевичей Золотой Орды, двинуться на великаго князя. Димитрій Александровичъ, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ изъ Переяславля, гдѣ онъ тогда находился, въ Псковъ къ своему зятю Довмонту. Татары опустошили страну и ушли назадъ, а Андрей Александровичъ занялъ великокняжескій столъ и сейчасъ же былъ объявленъ княземъ Новгородскимъ. Удѣлъ Димитрія, Переяславль Залѣсскій, Андрей Александровичъ передалъ одному изъ своихъ союзниковъ, князю Ѳеодору Ростиславичу. Но Димитрій Александровичъ, лишь только Дюденъ со своими татарами удалился, рѣшилъ возвратиться въ Переяславль, но у Торжка едва не былъ перехваченъ Андреемъ, оставилъ весь свой обозъ и бѣжалъ въ Тверь. Молодой Тверской князь Михаилъ Ярославичъ принялъ Димитрія Александровича и согласился даже быть посредникомъ между братьями. При помощи Тверского епископа ему удалось примирить ихъ: Димитрій Александровичъ отказался отъ великаго княженія въ пользу брата, но оставилъ себѣ свой любимый удѣльный городъ Переяславль Залѣсскій, изъ котораго пришлось удалиться посаженному туда князю Ѳеодору Ростиславичу. Димитрій Александровичъ отправился въ свой Переяславль, но на пути туда, около Волока, заболѣлъ, постригся и въ 1294 г. умеръ. Тѣло его было перевезено въ Переяславль и тамъ положено въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ. У Димитрія Александровича были дѣти: Иванъ, Александръ, еще Иванъ, младшій, и нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одна, Марія, была замужемъ за княземъ Псковскимъ Довмонтомъ.

Полн. Собр. русск. лѣт., I, 226—228, II, 345—346, III, 57—66, 220, IV, 39—44, 180—183, V, 7, 10, 189—191, 193—196, 198—202, VII, 162—164, 167—169, 172—181, XV, 405—407. Никон. лѣт., III, 40, 42, 46—48, 50—53, 55—61, 64—66, 70—73, 88—92.

Татищевъ, IV, 45—48, Карамзинъ — IV, 50, 55, 59—75, 79—89, 133. Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза"), 1, 842, 844—847, 850, 883, 886, 877—881. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси", I, 44—52. Костомаровъ, „Сѣверно-русскія народоправства" т. I, стр. 101, 104, 254—255, 358, т. II., стр. 61, 273. Древн. Россійская Вивліоѳика (2-е изд., т 16, стр. 76.

Е. Лихачъ.

Димитрій *Андреевичъ*, князь Углицкій, сынъ князя Андрея Васильевича Горяя, князя Углицкаго. Вслѣдъ за отцомъ, онъ, по приказанію великаго князя Іоанна III, былъ въ 1492 г. схваченъ во Угличѣ и посланъ въ заточеніе, гдѣ держали его въ кандалахъ. Кандалы сняли съ него лишь полвѣка спустя, въ 1540 г. Вскорѣ послѣ того, находясь въ заточеніи, онъ и умеръ въ Вологдѣ.

Полное Собр. р. лѣтописей, IV, 160; VIII, 4, 223. Никон. лѣт., VI, 130. Истор. и топогр. изв. о г. Вологдѣ.

Димитрій *Борисовичъ*, князь Ростовскій, сынъ князя Бориса Васильковича (1253—1294). Вмѣстѣ съ братомъ, Константиномъ, занялъ Ростовское княжество послѣ смерти дяди своего, князя Глѣба Бѣлозерскаго, но не удовольствовался этимъ и сначала отнялъ у двоюроднаго брата своего Михаила его бѣлозерскія волости, а затѣмъ принудилъ и брата, Константина, оставить Ростовъ въ 1281 г. Посредничество великаго князя Димитрія Александровича примирило братьевъ. Въ 1285 г., послѣ смерти бездѣтнаго Углицкаго князя Романа Владиміровича, Угличъ присоединенъ былъ къ Ростову, и въ слѣдующемъ году Димитрій подѣлился съ братомъ, взявъ себѣ Угличъ и предоставивъ ему Ростовъ. Однако, чрезъ три года, братья помѣнялись удѣлами.

Полное Собраніе р. лѣтописей. Никоновская лѣт.

Димитрій *Васильевичъ*, изъ рода князей ярославскихъ, первый удѣльный князь Заозерскій (1420—1440). Удѣлъ его состоялъ изъ земель, прилегавшихъ съ сѣвера къ Кубенскому озеру. Вмѣстѣ съ женой, княгиней Маріей, и братомъ, княземъ Симеономъ Новленскимъ, содѣйствовалъ преподобному Александру Куштскому основать монастырь на рѣкѣ Куштѣ.

Амвросій: Исторія Россійской іерархіи.—Прологъ и Четьи-Минеи подъ 9 іюня.—Истор. и топогр. извѣстія о г. Вологдѣ.

Ш.

Димитрій *Іоанновичъ*, по прозванію *Жилка*, князь Углицкій, сынъ великаго князя Іоанна III (1482—1521). Въ 1502 г. Димитрій участвовалъ въ походѣ подъ Смоленскъ, а въ 1505 г. получилъ въ удѣлъ Угличъ съ 9 городами, но безъ права чеканить монету, заключать договоры и т. п. Въ 1506 г., по приказанію брата сво-

его, великаго князя Василія III, Димитрій предпринялъ неудачный походъ на Казань, а въ 1513 и 1514 гг. участвовалъ въ осадѣ Смоленска, окончившейся взятіемъ этого города. Послѣ него осталось завѣщаніе, которымъ онъ освободилъ всѣхъ своихъ слугъ и большую часть своего имущества оставлялъ на добрыя дѣла; до послѣдняго времени завѣщаніе это неосновательно приписывалось великому князю Димитрію Іоанновичу, коронованному внуку Іоанна III.

Полное Собраніе р. лѣтописей. Собр. гос. грам. и догов., I, №№ 144, 147. Карамзинъ, VII, 39, пр. 94 Соловьевъ, V, пр. 302. Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, XX, 615, примѣч. *Ш.*

Димитрій *Михайловичъ*, по прозванію *Грозныя Очи*, великій князь Тверской (1299—1325). Послѣ убійства въ Ордѣ въ 1319 г. отца его, св. великаго князя Михаила Ярославича Тверского, Димитрій вступилъ въ упорную борьбу съ Юріемъ Даниловичемъ, кн. Московскимъ, котораго не безъ основанія считалъ главнымъ виновникомъ гибели своего отца. И Димитрій, и Юрій оба старались заручиться поддержкою татаръ. Сначала Юрій, будучи зятемъ хана, имѣлъ верхъ надъ Димитріемъ. Въ 1321 г. Димитрій вынужденъ былъ заключить съ Юріемъ договоръ, по которому обязался не искать великаго княженія Владимірскаго и заплатилъ Юрію 2 тыс. р. татарскаго выходу. Жадный Юрій оставилъ эти деньги у себя, и Димитрій воспользовался этимъ, чтобы отправиться въ 1322 г. въ Орду и донести объ этомъ хану. Разгнѣванный ханъ отдалъ ярлыкъ на Владимірское княжество Димитрію, а Юрія потребовалъ къ отвѣту. На судъ съ Юріемъ поѣхалъ въ 1324 г. и Димитрій, но, встрѣтивъ его въ Ордѣ, не могъ сдержать своего негодованія и убилъ его. За это самоуправство Димитрій также былъ убитъ по приказанію хана.

Полное Собр. р. лѣтописей. Никоновская лѣт. Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья“. *Ш.*

Димитрій *Святославичъ*, сынъ великаго князя Владимірскаго Святослава Всеволодовича, князь Юрьево-Польскій, р. до 1228 г. Участвовалъ въ походѣ Александра Невскаго на Новгородъ. Въ 1367 г. постригся въ монахи и вслѣдъ затѣмъ вскорѣ умеръ.

Полное Собр. р. лѣтописей. Никон. лѣт. А. Экземплярскій „Великіе и удѣльные князья“.

Димитрій *Шемяка* (1420—1453) и **Димитрій** *Красный*, князья Галицкіе (Галича Костромского), Юрьевичи, внуки Димитрія Донского. Жизнь этихъ князей протекла въ упорной борьбѣ съ ихъ двоюроднымъ братомъ, великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ. Отецъ ихъ, князь Юрій Димитріевичъ, послѣ смерти брата, великаго князя Василія Димитріевича, самъ желалъ быть великимъ княземъ, въ ущербъ правамъ племянника. Борьба его съ Василіемъ шла съ перемѣннымъ счастіемъ, но, когда Юрій успѣлъ восторжествовать и возсѣлъ на московскомъ престолѣ, онъ неожиданно умеръ. Ему желалъ наслѣдовать въ великокняжескомъ достоинствѣ старшій сынъ, Василій Косой, но тогда младшіе Юрьевичи, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный, возстали на брата и призвали на престолъ Василія Васильевича. Примиреніе это было однако непродолжительно. Заподозривъ Шемяку въ соучастіи съ Василіемъ Косымъ, Василій воспользовался прибытіемъ его въ Москву, приказалъ схватить его и отправить въ Коломну. Хотя вскорѣ Шемяка и получилъ свободу, но затаилъ злобу противъ великаго князя. Когда Василій Васильевичъ былъ захваченъ въ плѣнъ дѣтьми хана Улу-Махмета, Шемяка началъ въ 1445 г. враждебныя дѣйствія, чтобы овладѣть московскимъ княжествомъ. Хотя великій князь и успѣлъ затѣмъ освободиться изъ плѣна, но Шемяка задержалъ его въ Троицкомъ монастырѣ и ослѣпилъ его; потомъ, при содѣйствіи князя Ивана Можайскаго, занялъ Москву. Жестокость Шемяки возбудила однако всеобщую ненависть противъ него. Московская рать, подъ предводительствомъ боярина Плещеева, изгнала Шемяку изъ Москвы, и онъ долженъ былъ бѣжать въ Чухлому. Борьба Шемяки противъ великаго князя продолжалась съ перерывами и затѣмъ до 1452 г., когда наконецъ московскія войска окружили его со всѣхъ сторонъ на рѣкѣ Кокшетѣ. Шемяка успѣлъ бѣжать въ Новгородъ, но и тамъ не хотѣлъ примириться съ великимъ княземъ, несмотря на увѣщанія духовенства. Вражда его кончилась лишь со смертью: въ 1453 г. Шемяка отравленъ былъ собственнымъ поваромъ, по

наущенію московскаго дьяка Степана Бородатаго.

Полное Собраніе р. лѣтописей. Ник. лѣт.—Арханг. лѣт.—Собр. Госуд. гр. и догов.—Акты Истор.—Акты Арх. Эксп. Экземплярскій: „Великіе и удѣльные князья".

Димитрій—Ѳома *Константиновичъ*, князь Суздальско-Нижегородскій (1323—1383). Вся жизнь Димитрія прошла въ неудачной борьбѣ сначала съ Московскимъ великимъ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ за великое княженіе, затѣмъ съ болгарами и татарами. Въ 1364 г. онъ отказался отъ великаго княженія въ пользу Димитрія Іоанновича Московскаго, выдавъ за него дочь свою Евдокію, и, при помощи зятя, утвердился въ Нижнемъ-Новгородѣ, изгнавъ изъ него младшаго брата своего Бориса. Послѣ долгой борьбы съ болгарами, Димитрію удалось въ 1376 г., при содѣйствіи московскихъ войскъ, подчинить себѣ болгарскихъ князей Асана и Махметъ Салтана, которые обязались платить Димитрію дань. Но въ слѣдующемъ году Нижній былъ взятъ и разграбленъ татарскимъ царевичемъ Арапшей; въ 1378 г. татары вновь подступили къ Нижнему-Новгороду, взяли съ Димитрія окупъ, но городъ разграбили и сожгли. Не имѣя силъ бороться съ татарами, Димитрій долженъ былъ дружить съ ними. Объ участіи его въ Куликовской битвѣ источники умалчиваютъ, но извѣстно, что вслѣдъ за нею онъ вступалъ въ сношенія съ Тохтамышемъ, во время похода его на Москву, изъявляя ему покорность.

Полное Собр. р. лѣтописей. Никоновская лѣтопись. Троицкая лѣт. у Карамзина, пр. 392. Лѣт. Львова. Нижегор. лѣт. Экземплярскій: «Великіе и удѣльные князья».

III.

Димитрій *Іоанновичъ* Донской, великій князь Владимірскій и Московскій, сынъ великаго князя Іоанна Іоанновича и второй его жены, Александры, родился 1350 г. 12 октября, скончался 1389 г. 19 мая; наслѣдовалъ княженіе Московское въ 1359 г., великимъ княземъ Владимірскимъ сталъ съ 1369 года. Въ 1367 г. вступилъ въ бракъ съ Евдокіей, дочерью князя Суздальскаго Димитрія Константиновича; отъ этого брака у него было восемь сыновей и четыре дочери; сыновья: 1) Даніилъ (род. 1371 г.), 2) Василій (род. 1371 г.), 3) Юрій (род. 1374 г.), 4) Симонъ (умеръ въ 1379 г.), 5) Иванъ (род. 1380 г.), 6) Андрей (род. въ 1382 г.), 7) Петръ (род. 1385 г.), 8) Константинъ (род. 1389 г.); дочери: 1) Софія, съ 1387 г. супруга кн. Ѳеодора Ольговича Рязанскаго, 2) Марія, съ 1394 г. супруга кн. Семена (Лугвенія) Ольгердовича, 3) Анастасія, съ 1397 г. супруга кн. Ивана Всеволодовича Холмскаго и 4) Анна, род. въ 1387 г.

Въ 1359 г. умеръ великій князь Владимірскій и Московскій Іоаннъ Іоанновичъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ Димитрія и Ивана и малолѣтняго племянника Владиміра Андреевича; Московское княжество было подѣлено между ними; старшій сынъ Димитрій получилъ удѣлъ старшаго сына Калиты; младшій удѣлъ своего отца, Владиміръ Андреевичъ — удѣлъ отца своего, князя Андрея; такъ Московское княжество снова раздробилось на три части, также какъ по дѣленію Калиты; тогда же ханъ Наврусъ далъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское Суздальскому князю Димитрію Константиновичу, «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», казалось, созданіе Даніила и двухъ его сыновей, —Московское княжество—должно было раздѣлить участь большинства тогдашнихъ княженій: оно должно было раздробиться на мелкія княженія и отказаться отъ всякой политической роли. Но бояре московскіе, которыхъ слушаться завѣщалъ братьямъ своимъ Симеонъ Гордый, явились охранителями какъ единства Московскаго княженія, такъ и его значенія среди другихъ княженій сѣверо-восточной Руси; въ 1365 г. умеръ братъ Димитрія, Иванъ Звенигородскій; удѣлъ его цѣликомъ отошелъ къ Димитрію, а не былъ раздѣленъ между нимъ и двоюроднымъ его братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ. Еще раньше бояре московскіе воспользовались усобицами, происходившими тогда въ Ордѣ между ханами Муратомъ и Авдуломъ, добыли у перваго хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское своему князю Димитрію, посадили на коней троихъ малолѣтнихъ князей Московскихъ и принудили Димитрія Константиновича уступить великое княженіе старшему внуку Калиты (1362). Въ слѣдующемъ году кн. Димитрій Іоанновичъ съ честью принялъ въ Владимірѣ посла хана Авдула, привезшаго ему великокняжескій ярлыкъ; поступокъ этотъ вызвалъ гнѣвъ хана Мурата, пославшаго

*

немедленно ярлыкъ сопернику Димитрія Московскаго, Димитрію Суздальскому. Димитрій Константиновичъ снова сѣлъ было во Владимірѣ, но просидѣлъ на великокняжескомъ столѣ только 12 дней: Димитрій Московскій пришелъ съ большимъ войскомъ и принудилъ своего соперника отказаться отъ великаго княженія (1363 г.); тогда же Димитрій Ивановичъ «смирилъ» кн. Константина Ростовскаго, а князей Ивана Ѳеодоровича Стародубскаго и Димитрія Галицкаго изгналъ изъ ихъ владѣній; эти князья бѣжали къ Димитрію Константиновичу, но прошло время, когда младшіе князья съ успѣхомъ составляли союзы противъ великаго князя. Димитрій Константиновичъ не рѣшился вступить въ третій разъ въ борьбу съ Московскимъ княземъ; онъ отказался отъ борьбы и тогда, когда въ 1365 г. сынъ его Василій вывезъ ему ярлыкъ изъ Орды: Димитрій Суздальскій отказался отъ всякихъ притязаній на великое княженіе въ пользу Димитрія Московскаго съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній помогъ ему въ борьбѣ противъ брата его, Бориса Константиновича; для скрѣпленія этого союза Димитрій Московскій женился на дочери Димитрія Суздальскаго, Евдокіи.

Въ эти годы, 1366—1367, — русскую землю посѣтила моровая язва, отъ которой умерло и нѣсколько князей: разумѣется, началась борьба за выморочные удѣлы;— умеръ и старшій изъ суздальскихъ князей, Андрей Константиновичъ, владѣвшій Нижнимъ-Новгородомъ; младшій братъ Димитрія Константиновича, Борисъ, поспѣшилъ овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, бывшимъ тогда уже самымъ значительнымъ городомъ въ Суздальскомъ княжествѣ. Московскій князь заступился за права своего тестя: онъ отправилъ сначала въ Нижній преподобнаго Сергія Радонежскаго, который наложилъ по приказу великаго князя и митрополита запрещеніе и заперъ всѣ церкви въ городѣ; когда подошли московскія войска, Борисъ Константиновичъ смирился и уступилъ старшему брату Нижній, а самъ получилъ Городецъ. Такъ, Суздальское княжество должно было уступить Московскому; къ тому же Суздальскіе князья должны были тратить значительныя силы на колонизацію средняго Поволжья, на борьбу съ мордвой, владѣнія которой подходили въ то время къ самой Окѣ. Лѣтописецъ отмѣтилъ, что съ этого времени Московскій князь сталъ приводить всѣхъ князей въ свою волю; на этомъ пути объединенія сѣверо-восточной Руси Димитрій Ивановичъ встрѣтилъ прежде всего сильнаго соперника въ лицѣ Тверского князя Михаила Александровича. Въ Тверскомъ княжествѣ, какъ и въ Суздальскомъ, происходили распри изъ-за удѣла князя Симеона Константиновича Димитрія Ивановичъ вмѣшался въ эту распрю и поддерживалъ соперниковъ великаго князя Тверскаго; тогда Михаилъ Александровичъ обратился за помощью къ зятю своему Ольгерду Литовскому; на первый разъ соперники скоро примирились, но не надолго. Въ 1368 г. Михаилъ Александровичъ поѣхалъ въ Москву на третейскій судъ митрополита для рѣшенія тяжбы своей съ кн. Еремѣемъ Константиновичемъ; въ Москвѣ его схватили, но скоро выпустили, такъ какъ испугались трехъ пріѣхавшихъ въ Москву татарскихъ князей. Михаилъ Тверской обратился за помощью къ Литовскому князю. Ольгердъ неожиданно вступилъ въ московскіе предѣлы, разбивъ по дорогѣ передовой Московскій отрядъ; онъ подступилъ къ Москвѣ, гдѣ сѣлъ въ осаду Димитрій, не успѣвшій собрать большого войска. Ольгердъ осаждалъ Москву 3 дня, сильно опустошилъ окрестности и ушелъ съ богатой добычей. Димитрій Московскій принужденъ былъ уступить Градокъ. Черезъ годъ собравшись съ силами, Московскій князь началъ противъ Литвы наступательное движеніе; его войска опустошали Смоленскую волость, ходили къ Брянску и въ августѣ 1370 года была объявлена война Михаилу Тверскому, который поспѣшилъ уйти въ Литву. Самъ Димитрій Московскій явился въ Тверскую область съ войскомъ, сильно ее опустошилъ и взялъ большую добычу. Ольгердъ, занятый, борьбою съ нѣмцами не могъ немедленно помочь Тверскому князю, тогда Михаилъ Тверской рѣшилъ ѣхать въ Орду, надѣясь съ ея помощью одолѣть противника. Димитрій Московскій распорядился занять всѣ дороги заставами, и Михаилу пришлось отказаться отъ своего плана: онъ снова обратился къ Ольгерду. Литовскій князь двинулся къ Москвѣ и снова ее осадилъ. Братъ великаго князя, Владиміръ Андреевичъ, собралъ войско въ

Перемышлѣ, къ нему пришелъ на помощь кн. Владиміръ Димитріевичъ Пронскій съ полками Олега Ивановича Рязанскаго. Ольгердъ испугался такого большого войска и просилъ мира, но было заключено только перемиріе. Михаилъ вернулся въ Тверь и сталъ искать помощи съ другой стороны, съѣздилъ въ Орду, получилъ ярлыкъ и пріѣхалъ съ ханскимъ посломъ Сарыхожею. Димитрій Московскій взялъ присягу по всѣмъ городамъ съ бояръ и черныхъ людей не предаваться Тверскому князю и не пускать его во Владиміръ, а самъ съ войскомъ сталъ въ Переяславлѣ. Владимірцы не пустили къ себѣ Михаила. Ханскій посолъ Сарыхожа звалъ къ ярлыку Димитрія, но тотъ его ослушался и отвѣтилъ: «къ ярлыку не ѣду, Михаила на княженіе Владимірское не пущу, а тебѣ послу путь чистъ». Посолъ прельщенный дарами, пріѣхалъ въ Москву и, возвратясь въ Орду, очень расхваливалъ Московскаго князя. Михаилъ отправилъ въ Орду сына Ивана. Отправился въ Орду и Димитрій, обнадеженный Сарыхожею, и успѣлъ всѣхъ расположить къ себѣ, былъ пожалованъ опять великимъ княженіемъ и отпущенъ съ большою честью. Въ Ордѣ Московскій князь выкупилъ сына Михаилова Ивана, задолжавшаго 10,000 руб., и привезъ его съ собою въ Москву, гдѣ и держалъ его подъ стражею до выкупа отцомъ. Димитрій отправилъ войско къ Бѣжецкому верху, гдѣ былъ Тверской намѣстникъ, намѣстника убили, а волость ограбили. Этой войнѣ помѣшала война съ Рязанскимъ княземъ, Олегомъ Ивановичемъ, бывшимъ раньше въ согласіи съ Москвой. Неизвѣстна причина войны. Въ 1371 воевода Димитрія Ивановича Димитрій Михайловичъ Волынскій разбилъ у Скорнищева большое рязанское войско, кн. Олегъ едва спасся бѣгствомъ. Торжеству Московскаго князя помогала вражда между княжескими линіями въ Рязани. Кн. Владиміръ Димитріевичъ Пронскій, узнавъ о пораженіи Олега, занялъ Рязань, но Олегъ его выгналъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ въ свою волю.

Послѣ рязанской войны возобновилась тверская. Михаилъ снова заключилъ миръ союзъ съ Литвою, захватилъ г. Кистму. Князь Кашинскій, Михаилъ Васильевичъ, отказался отъ присяги Михаилу Тверскому и заключилъ миръ съ Москвой. Михаилъ, взявъ Кистму, пошелъ къ Дмитрову, взялъ окупъ съ города, пожегъ посады и села, людей плѣнилъ. Пришедшіе на помощь къ нему литовцы взяли Переяславль, затѣмъ Кашинъ, князь котораго снова призналъ старшинство Михаила. Союзники пошли къ Торжку, взяли его, Тверской князь посадилъ своихъ намѣстниковъ, которыхъ новгородцы скоро выгнали, за что тверичи сожгли Торжокъ. Послѣ этого Михаилъ пошелъ на соединеніе съ Ольгердомъ, который стоялъ у Любутска. Димитрій Московскій разбилъ сторожевой литовскій полкъ; это устрашило Ольгерда, онъ поставилъ свое войско за крутымъ оврагомъ. Войска бездѣйствовали нѣсколько дней, затѣмъ было заключено перемиріе. Михаилъ Тверской обязался вернуть добычу, вывести своихъ намѣстниковъ и, если нарушитъ перемиріе, то Литовскій князь за него не заступится. Миръ былъ скоро нарушенъ распрею Михаила Тверского съ Кашинскимъ княземъ, который искалъ помощи у Москвы, но онъ вскорѣ умеръ, а сынъ его помирился съ Михаиломъ. Состоялось примиреніе и съ Московскимъ княземъ.

У Димитрія Московскаго нашлись враги въ самой Москвѣ. Въ 1374 г. умеръ тысяцкій, В. В. Вельяминовъ, на его мѣсто никто не былъ назначенъ. Сынъ покойнаго, Иванъ, надѣявшійся получить эту должность, обманулся въ разсчетѣ и бѣжалъ къ Тверскому князю съ соружаниномъ Некоматомъ. Изъ Твери они отправились въ Орду, купили Михаилу ярлыкъ. Михаилъ, съѣздивъ въ Литву на короткое время, вернулся въ Тверь и объявилъ войну Московскому князю, надѣясь на помощь изъ Литвы и Орды. Димитрій пошелъ противъ Тверского князя, къ нему явились на помощь новгородцы, желавшіе отомстить за сожженіе Торжка. Литовцы, хотя и пришли на помощь Твери, но, испугавшись большого московскаго войска, ушли назадъ. Это вынудило Тверского князя просить мира. Великій князь Тверской по этому миру призналъ себя младшимъ братомъ Московскаго князя и заключилъ съ Москвой оборонительный и наступательный союзъ, отказался отъ союза съ Литвой, вернулъ все награбленное и обязался жить по старинѣ съ Новгородомъ и Торжкомъ. Право отъѣзда за вольными слугами оставлено, исключены Иванъ Вельяминовъ и Неко-

матъ, села которыхъ Димитрій конфисковалъ. Впослѣдствіе Иванъ Вельяминовъ былъ схваченъ и публично казненъ въ Москвѣ, народъ горевалъ «о благородствѣ его и о величествѣ его»—по словамъ лѣтописца. Спорныя дѣла между Москвой и Тверью разбираютъ мѣстные суды, въ затрудненіяхъ дѣло переносится на третейскій судъ Олега Ивановича Рязанскаго. Такъ кончилась торжествомъ Москвы эта борьба съ Тверью.

Въ 1377 году умеръ Ольгердъ, въ Литвѣ начались усобицы. Димитрій Московскій хотѣлъ этимъ воспользоваться, послалъ свои войска опустошать литовскія земли; его войска взяли Трубчевскъ и Стародубъ. Литовская смута принесла пользу Москвѣ, два брата Андрей и Димитрій Ольгердовичи отъѣхали въ Москву. Раздоры литовскихъ князей отвлекли ихъ отъ Москвы, лишили ихъ возможности дѣйствовать противъ Москвы. Московскій князь обратилъ теперь свои силы противъ татаръ. Еще до Димитрія Ивановича Московское княжество постоянно усиливалось, Димитрій съ малыхъ лѣтъ росъ въ неповиновеніи ханамъ, силою добылъ себѣ великокняжескій столъ, а Орда въ это время слабѣла болѣе и болѣе; татары уже не внушали прежняго страха, выросло цѣлое поколѣніе, чуждое страха предъ татарами. Московскій князь Димитрій былъ представителемъ этого поколѣнія, онъ дѣйствовалъ иначе, чѣмъ его дѣдъ, дядя и отецъ, оружіемъ добылъ себѣ старшинство между князьями, велъ продолжительную и опасную борьбу съ Литвой, Тверью, Рязанью и вышелъ побѣдителемъ. Такой князь, естественно, долженъ былъ рѣшиться на борьбу съ татарами. Въ 1373 г. татары изъ Мамаевой Орды напали на Рязанское княжество, но за Оку ихъ не пустилъ Московскій князь, простоявшій съ войскомъ все лѣто на берегу Оки. Въ 1376 г. московскія войска подъ начальствомъ Димитрія Михайловича Волынскаго ходили на болгаръ подъ Казань, взяли окупъ съ города. Казанскіе князья Асанъ и Магометъ заплатили 1000 руб. Димитрію Московскому, 1000 руб. Нижегородскому, 3000 р. воеводамъ и ратнымъ людямъ. Кромѣ того русскіе посадили въ Казани своихъ сборщиковъ податей (дорогу) и таможенниковъ. Въ слѣдующемъ году на мѣста по р. Сурѣ напалъ царевичъ Арапша. Московскій князь пошелъ на помощь своему тестю Димитрію Нижегородскому, о татарахъ не было вѣстей, Димитрій вернулся въ Москву, оставивъ съ войскомъ воеводъ. Московское войско съ нижегородскимъ двинулось за р. Пьяну и, не слыша о татарахъ, позабыло всякую осторожность. Мордовскіе князья незамѣтно подвели Арапшу, который и нанесъ русскому войско жестокое пораженіе, пошелъ на Рязань, князь которой Олегу едва спасся. Мордва поднялась противъ русскихъ, но Димитрій Московскій и Димитрій Нижегородскій послали свои войска и покорили мордву; съ плѣнниками было поступлено очень жестоко, однихъ убили, другихъ затравили собаками. Въ слѣдующемъ году татары снова явились, сожгли Нижній, а волость разорили. Мамай противъ Московскаго князя послалъ отрядъ, который Димитрій разбилъ на р. Вожѣ. Мамай собралъ остатки войска и снова напалъ на Рязанскую землю, Олегъ Ивановичъ Рязанскій ушелъ на лѣвый берегъ Оки, а татары взяли гор. Дубокъ и Переяславль Рязанскій. Такъ шла открытая борьба съ татарами. Послѣ Вожской побѣды Московскій князь долженъ былъ ждать мести отъ Мамая, подъ властью котораго тогда соединилась вся Орда. Мамай рѣшился наказать русскихъ князей за ихъ ослушаніе и заставить платить дань въ прежнемъ размѣрѣ, какъ было при ханѣ Ганибекѣ. Собравъ большое войско, Мамай вступилъ въ союзъ съ Ягайломъ, кн. Литовскимъ, перешелъ Волгу и расположился при устьѣ р. Воронежа. Димитрій приготовился къ сопротивленію и собралъ войска подручныхъ князей. Всѣ сѣверорусскіе князья пришли на помощь къ Димитрію, только Олегъ Рязанскій, напуганный татарскими опустошеніями, не рѣшился противиться Мамаю, онъ держался выжидательнаго образа дѣйствій. Олегъ Рязанскій извѣстилъ Московскаго князя о татарскихъ движеніяхъ, но въ то же время вступилъ въ переговоры съ Мамаемъ и Ягайломъ. У Димитрія собралось 150 тыс. войска. Это заставило Мамая попытаться кончить дѣло миромъ, но Московскій князь соглашался платить только такую дань, какая была условлена между нимъ и Мамаемъ въ Ордѣ. Къ 15-му августа русскія войска собрались въ Коломнѣ. Принявъ благословеніе отъ преподобнаго Сергія, Димитрій выступилъ 20-го августа изъ Коломны,

1-го сентября перешелъ Оку, а 6-го русскія войска подошли къ Дону. Собрался военный совѣтъ, мнѣнія раздѣлились. Димитрій рѣшилъ перейти Донъ. Въ ночь 7-го сентября войска перешли Донъ и 8-го утромъ выстроились на Куликовомъ полѣ при устьѣ Непрядвы. Около полудня стали показываться татарскіе отряды, они спустились съ холма на Куликово поле, русскіе двинулись имъ навстрѣчу, произошло рѣшительное кровопролитное сраженіе, кровь лилась на пространствѣ 10 верстъ. Дѣло рѣшилъ засадный отрядъ русскаго войска подъ начальствомъ Владиміра Андреевича и московскаго воеводы Димитрія Михайловича Волынскаго Боброка. Въ рѣшительную минуту этотъ отрядъ выступилъ изъ лѣса и склонилъ побѣду на сторону русскихъ. Татаръ преслѣдовали до р. Мечи, завладѣли всѣмъ ихъ станомъ. Окончивъ погоню, Владиміръ Андреевичъ собралъ остатки русскихъ войскъ, но Димитрія не было. Послѣ долгихъ поисковъ его нашли подъ срубленнымъ деревомъ въ безпамятствѣ. Доспѣхи его были изсѣчены и измяты, но на тѣлѣ не было смертельныхъ ранъ: онъ скоро пришелъ въ себя. Въ единоборствѣ съ татарскимъ богатыремъ палъ инокъ Пересвѣтъ еще до начала битвы. Пало множество воиновъ, бояръ, князей. Изъ соединеннаго русскаго войска осталось только 40 тыс. Куликовская битва была знакомъ побѣды Европы надъ Азіей, ея значеніе во всемірной исторіи аналогично по послѣдствіямъ Каталаунской и Турской побѣдамъ. Куликовская побѣда освятила новый порядокъ престолонаслѣдія на сѣверовостокѣ, но еще больше ея нравственное значеніе, она подняла духъ народа, оживила надежду на освобожденіе отъ ига татаръ. Громадная потеря людьми дѣлала эту побѣду близкой къ пораженію, русская земля оскудѣла воинствомъ и воеводами. Мамай думалъ отомстить за пораженіе, но былъ разбитъ Заяицкимъ ханомъ Тахтамышемъ, бѣжалъ въ Каѳу и былъ тамъ убитъ. Тахтамышъ послалъ объявить о своемъ воцареніи, русскіе князья приняли его пословъ съ честью и отправили ему дары. Въ 1381 г. отправленный Тахтамышемъ Акхозя съ 700 татаръ доѣхалъ до Нижняго и далѣе не поѣхалъ изъ страха. Въ слѣдующемъ (1382 г.) Тахтамышъ неожиданно ограбилъ русскихъ купцовъ въ Болгаріи, захватилъ ихъ суда и, перейдя Волгу съ большимъ войскомъ, двинулся къ Москвѣ съ большою осторожностью. Ханъ надѣялся на успѣхъ только при нападеніи врасплохъ. Грозные до Куликовской битвы, теперь татары прибѣгли къ хитрости, чѣмъ обнаружили свою слабость. Нижегородскій князь, узнавъ о походѣ Тахтамыша, выслалъ встрѣтить его двухъ своихъ сыновей, а Олегъ Рязанскій упросилъ хана не воевать его волости и указалъ за это ему броды на р. Окѣ. Димитрій Донской, застигнутый врасплохъ, ушелъ на сѣверъ въ Кострому сбирать войска, его область послѣ Куликовской битвы сильно обезлюдѣла. Въ покинутой Москвѣ поднялись волненія, народъ едва выпустилъ княгиню Евдокію и митрополита Кипріана. Волненія немного стихли, когда въ Москву прибылъ Литовскій князь Остей. Онъ принялъ начальство и позаботился о средствахъ обороны. Москвичи пожгли около Кремля посады и сѣли въ осаду. 23-го августа подошли татары, осмотрѣли городъ, на слѣдующій день сдѣлали приступъ, но были отбиты. При защитѣ Москвы впервые упоминается о тюфякахъ и пушкахъ. Убѣдившись, что города силою не взять, Тахтамышъ прибѣгъ къ хитрости; по его приказу нижегородскіе князья дали клятву, что ханъ не сдѣлаетъ зла жителямъ, если они примутъ его съ честью. Жители дались въ обманъ, вышли съ дарами, но татары вѣроломно на нихъ напали, ворвались въ городъ и сожгли его. Во время пожара погибло множество книгъ, свезенныхъ въ Москву, какъ въ мѣсто болѣе безопасное. По разореніи Москвы Тахтамышъ разослалъ отряды во всѣ стороны грабить и плѣнять жителей. Тверской князь выслалъ киличея съ дарами Тахтамышу, ханъ далъ ему ярлыкъ и не тронулъ его владѣній. Одинъ отрядъ Тахтамыша наткнулся на Владиміра Андреевича, стоявшаго близъ Волока, и былъ имъ разбитъ. Испуганный этимъ Тахтамышъ поспѣшно ушелъ, разоривъ по дорогѣ Коломну и опустошивъ Рязанскую область. Димитрій Донской вернулся въ Москву, очистивъ городъ отъ труповъ, на погребеніе которыхъ израсходовалъ 300 руб., по рублю за 80 труповъ. Бѣдствіемъ Москвы задумалъ воспользоваться Тверской князь и поѣхалъ въ Орду. Димитрій отправилъ въ Орду своего сына Василія со старыми боярами. Изъ Орды пріѣхали послы отъ хана съ пожалованіемъ,

но Московскому князю пришлось дать великую дань, ханъ задержалъ Василія, требуя за него 8,000 рублей. Василію удалось бѣжать. Олегъ Рязанскій, бывшій союзникъ Мамая, опасался Московскаго князя и бѣжалъ въ Литву. Димитрій Донской было послалъ своихъ намѣстниковъ въ Рязань, но, увидѣвъ, что ее трудно удержать за собой, помирился съ Олегомъ и заключилъ съ нимъ договоръ. Великій князь Рязанскій призналъ себя младшимъ братомъ Димитрія, уступилъ ему нѣкоторыя волости, обязался порвать союзъ съ Литвой, дѣйствовать заодно съ Московскимъ княземъ. Въ 1385 г. Олегъ, собравшись съ силами, снова вступилъ въ борьбу съ Москвой, неожиданно захвативъ Коломну. Московскія войска разбили его. Димитрій отправилъ посломъ къ Олегу преподобнаго Сергія, которому удалось тихими рѣчами склонить суроваго князя къ вѣчному миру. Этотъ миръ былъ скрѣпленъ бракомъ сына Олегова Ѳеодора на дочери Димитрія Софіи.

Въ 1383 г. по смерти Димитрія Константиновича Нижегородскаго его братъ Борисъ получилъ ярлыкъ на это княжество, но сыновья Димитрія съ помощью своего зятя Димитрія Московскаго принудили его уступить имъ Нижній-Новгородъ.

Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ Димитрій Донской находилъ себѣ дѣятельнаго помощника въ лицѣ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, кн. Серпуховскаго. Интересны ихъ взаимныя отношенія. Они заключили между собой три договора. Братья обязывались жить такъ, какъ жили ихъ отцы, кромѣ того Владиміръ Андреевичъ обязался держать великое княженіе «честно и грозно», служить безъ ослушанія, а Димитрій за это будетъ его кормить по службѣ. Въ походы выступать лично, если пойдетъ самъ великій князь, если же пошлетъ воеводъ, то и Владиміру посылать своихъ воеводъ, которыхъ за ослушаніе воленъ великій князь наказывать. По второму договору (1371 г.) Владиміръ Андреевичъ обязался не искать великаго княженія и подъ сыновьями Димитрія, его старшаго сына считать своимъ старшимъ братомъ и повиноваться ему. Въ 1389 г. произошла между Димитріемъ и Владиміромъ ссора. Димитрій хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ и наказать бояръ Владиміра, схватилъ ихъ и отдалъ подъ стражу. Ссора скоро прекратилась, братья заключили новый третій договоръ, по которому ясно опредѣлены взаимныя отношенія Владиміра къ семейству великаго князя. Димитрій называетъ себя въ этомъ договорѣ уже не старшимъ братомъ, а отцомъ Владиміру, старшій его сынъ Василій названъ старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій — просто братомъ, а меньшіе сыновья — младшими братьями. Такъ мѣнялись взаимныя отношенія въ княжеской семьѣ и установлялся новый порядокъ наслѣдованія.

Намъ остается указать на отношенія Московскаго князя къ Новгороду. Ушкуйники, новгородская вольница, грабили по Волгѣ. Великій князь объявилъ за это войну Новгороду, но войны не было, заключенъ былъ договоръ, по которому Московскій князь обязался защищать Новгородъ отъ Литвы, нѣмцевъ и Твери, а новгородцы платили князю черный боръ—подать, обязались помогать противъ Твери и Литвы и приняли намѣстниковъ. Разбои ушкуйниковъ не прекращались; въ 1375 году они ограбили Кострому, сожгли Нижній-Новгородъ и дошли до Астрахани, гдѣ были обманомъ захвачены и перебиты. Великій князь, покончивъ рязанскую войну и не тревожимый Тахтамышемъ, рѣшилъ въ 1385 г. наказать новгородцевъ и съ большимъ войскомъ пошелъ на Новгородъ. Новгородцы просили мира, и только третьему ихъ посольству удалось склонить Димитрія къ миру, по которому уплатили Московскому князю 8,000 руб. за разбои на Волгѣ. Въ ссорѣ нѣмцевъ съ псковичами Димитрій хотѣлъ быть посредникомъ, его посолъ въ 1367 г. долго жилъ въ Юрьевѣ, но, не добившись ничего, уѣхалъ. Намъ остается еще упомянуть объ отношеніяхъ Димитрія къ митрополиту. Поставленный въ 1376 г. патріархомъ Филоѳеемъ ученый сербъ Кипріанъ въ русскіе митрополиты, не былъ принятъ Димитріемъ и жилъ въ Кіевѣ, надѣясь получить митрополію послѣ св. Алексія. Но великій князь имѣлъ своего кандидата Митяя, который послѣ смерти Алексія (1378 г.) самовольно надѣлъ бѣлый клобукъ и не спѣшилъ ѣхать въ Константинополь за посвященіемъ. Великій князь, по желанію Митяя, велѣлъ собору русскихъ архіереевъ поставить его въ епископы, но на это не согласился Діонисій, епископъ Суздальскій. Это было причиной раздора между Ми-

тяемъ и Діонисіемъ, который бѣжалъ въ Грецію. Митяй черезъ 18 мѣсяцевъ по вступленіи на митрополію поѣхалъ въ Константинополь, великій князь далъ ему бѣлые подписанные листы. Митяй въ виду Константинополя умеръ, его спутникъ Пименъ написалъ на чистомъ листѣ, имѣвшемъ подпись великаго князя, что великій князь желаетъ имѣть его митрополитомъ. Патріархъ посвятилъ его, но Димитрій заточилъ Пимена по возвращеніи его изъ Греціи и вызвалъ въ Москву Кипріана. Кипріанъ во время нашествія Тахтамыша ушелъ изъ Москвы и сталъ жить въ Твери. Это разсердило великаго князя, онъ вызвалъ изъ ссылки Пимена, а Кипріану пришлось уѣхать въ Кіевъ, Пимена Димитрій не долюбливалъ, хотѣлъ, чтобы у русскихъ былъ только одинъ митрополитъ; поэтому Кипріанъ и Пименъ судились у патріарха, дѣло тянулось 3 года и кончилось ничѣмъ. Кипріанъ остался въ Кіевѣ, а Пименъ, видя нерасположеніе къ себѣ Димитрія, тайно уѣхалъ въ Грецію. Это произошло за мѣсяцъ до смерти великаго князя. Димитрій Донской умеръ въ 1389 г. 19-го мая, 39 лѣтъ. Его княженіе, богатое событіями, оставило по себѣ громкую память.

Въ исторической литературѣ не сразу установился опредѣленный взглядъ на личность Димитрія; въ тридцатыхъ годахъ Димитрія называли первоначальникомъ нашей славы, въ шестидесятыхъ, — поведеніе Димитрія казалось Н. И. Костомарову трусливымъ. Изъ всѣхъ событій Димитріева княженія наибольшее вниманіе привлекала къ себѣ Куликовская битва; оцѣнка характера и дѣятельности Димитрія стояла въ зависимости отъ оцѣнки его участія въ этомъ славномъ дѣлѣ. Но Куликовская битва—событіе исключительное въ долгій періодъ русской исторіи отъ конца XIII до половины XVI вѣка; далекій походъ въ степь и рѣшительный бой съ татарами—такіе шаги никогда не были въ привычкахъ князей изъ дома Калиты; неудивительно, что и при руководительствѣ этимъ походомъ и въ умѣньѣ извлечь изъ него возможныя выгоды внукъ Калиты и прадѣдъ Іоанна III оказался не на высотѣ своего положенія. Куликовская битва затмила отъ историковъ будничную дѣятельность Димитрія, въ которой послѣдовательно проводилъ начало, завѣщанное Калитою и Симеономъ. Димитрій утвердился на великокняжескомъ столѣ вопреки волѣ татаръ; Димитрій считалъ себя въ правѣ и въ возможности распорядиться по своей волѣ въ завѣщаніи Владимірскимъ княженіемъ, которое онъ навсегда соединилъ съ Московскимъ; выдѣленіемъ своему старшему сыну значительно большей части княжества сравнительно съ младшими сыновьями Димитрій обезпечивалъ преобладаніе старшаго надъ младшими въ домѣ Калиты, т. е. въ умѣ его мелькала мысль о государственномъ единствѣ русскаго народа. Эта мысль выгодно отличаетъ Димитрія отъ его современниковъ, князей Тверскихъ и Рязанскихъ; при Димитріи Москва стоитъ во главѣ борьбы съ татарами и Литвою, двумя народами, угрожавшими самобытности народа русскаго; а такая роль Москвы содѣйствовала ея возвышенію не меньше, чѣмъ сбереженія Ивана Калиты. Предки приготовили Димитрію богатыя средства, Димитрій удачно ими воспользовался, хотя и много изъ доставшагося наслѣдства истратилъ, но не все въ жизни народовъ поддается точному опредѣленію мѣры и вѣса.

Собр. Гос. Гр. Дог. т. I, №№ 27—34; лѣтописи: Академическая, 504—509; Никоновская (Полн. Собр. Русс. Лѣт., т. XI, стр. 1—121. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т III, и V—VII. *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс., т. IV и XII и т. V и I. *Бестужевъ-Рюминъ*, Русс. Ист., т. I, стр. 398—404. *Иловайскій*, Ист, Росс., т. II. *Костомаровъ*, Русс. Ист. въ біографіяхъ и жизнеописаніяхъ, т. I и ст. Куликовская битва въ монограф., т. III.

С. Середонинъ.

Димитрій *Іоанновичъ*, коронованный внукъ Іоанна III, великій князь Московскій, сынъ князя Іоанна Іоанновича Молодого и его жены Елены, дочери Стефана, господаря Молдавскаго, родился въ Москвѣ 10 октября 1483 года, умеръ 14 февраля 1509 года въ заключеніи. Онъ былъ любимымъ внукомъ Іоанна III, который часто бралъ его съ собою во время своихъ поѣздокъ по Россіи. Въ 1490 году, когда умеръ отецъ Димитрія, Іоанъ Іоанновичъ, старшій сынъ Іоанна III, возникъ вопросъ при Московскомъ дворѣ о томъ, кто долженъ наслѣдовать Іоанну въ великомъ княженіи, внукъ Димитрій или второй сынъ Василій. При дворѣ появились двѣ партіи, враждующія между собою. Бояре, недовольные сильнымъ вліяніемъ на великаго князя матери Василія, Софіи

Палеологъ, приняли сторону малолѣтняго Димитрія и его матери Елены и старались чѣмъ-нибудь унизить въ глазахъ великаго князя Василія и его мать. Случай къ этому довольно скоро представился: въ декабрѣ 1497 года великому князю былъ сдѣланъ боярами доносъ, что Василій стремится при жизни отца овладѣть великимъ княженіемъ и съ этой цѣлью составляетъ противъ Іоанна заговоръ, а Софія, желая извести Димитрія и его мать, часто принимаетъ къ себѣ разныхъ чародѣекъ и колдуній, которыя носятъ ей какія-то зелья. Великій князь повѣрилъ доносу, удалилъ отъ себя Софію, приставилъ стражу къ Василію и казнилъ многихъ его приверженцевъ. Димитрій былъ объявленъ преемникомъ великаго князя и 4 февраля 1498 года торжественно коронованъ митрополитомъ на великое княженіе. Однако скоро Іоаннъ помирился съ женой и сыномъ, снова приблизилъ ихъ къ себѣ и по ихъ просьбѣ назначилъ строгое слѣдствіе, желая знать правдивость доноса бояръ. На этомъ слѣдствіи открылось, что доносъ былъ сдѣланъ ложно, чтобы унизить Василія и его мать, приверженцами Димитрія, которые и были почти всѣ казнены. Самъ Димитрій и его мать были удалены отъ двора и въ 1502 году даже заключены подъ стражу. 11 апрѣля этого года Димитрію было запрещено называться великимъ княземъ, а вскорѣ послѣ этого великимъ княземъ былъ объявленъ Василій. Съ этого времени положеніе Димитрія начало ухудшаться, великій князь началъ подозрѣвать его въ измѣнѣ, въ извѣтѣ на Василія, стѣснялъ его свободу, никого не допускалъ къ нему кромѣ нѣсколькихъ надзирателей и слугъ и вообще постоянно старался показать ему свое нерасположеніе. Мать его, Елена, отъ огорченія умерла въ январѣ 1505 года и съ этого времени положеніе Димитрія еще ухудшилось, особенно когда по смерти великаго князя Іоанна III великокняжескій столъ занялъ Василій III, который заключилъ несчастнаго молодого князя въ тюрьму п, оставивъ ему лишь нѣкоторые внѣшніе знаки достоинства, до такой степени сдѣлалъ жизнь Димитрія невыносимой, что онъ 14 февраля 1509 года умеръ. Похороненъ былъ Димитрій Іоанновичъ съ великокняжескими почестями въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

Карамзинъ, VI, 113, 166, 170—175, 195, VII 5-6, 106, VIII, 8, 56—57.—Соловьевъ, I (изд. т-ва «Общ. Польза») 1407—1412, 1649, Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 146, 147, IV, 155, 161, 270—271, V, 161, VI, 40, 43, 48, 235, 241—243, 279, VIII, 215, 224, 230, 234—236, 242, 248, 250. Архангельск. лѣт. 174, 178. Собраніе государ. грамотъ и договоровъ, т. II, № 25. Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.), т. III, стр. 7—21. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. X.

Е. Лихачъ.

Димитрій *Іоанновичъ*, старшій сынъ царя Іоанна Грознаго и его жены Анастасіи Романовны, родился осенью 1552 года, умеръ въ концѣ 1553 года. Во время рожденія Димитрія царь былъ въ Казанскомъ походѣ и очень обрадовался этому событію. Крещенъ былъ царевичъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ у мощей св. Сергія архіепископомъ ростовскимъ Никандромъ. Во время послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ болѣзни царя, когда Іоаннъ, чувствуя сильную слабость, назначилъ Димитрія наслѣдникомъ и приказалъ боярамъ присягнуть ему, изъ-за этого произошелъ рядъ недоразумѣній и споровъ между боярами, кончившихся однако тѣмъ, что они должны были присягнуть малолѣтнему царевичу. Когда, вскорѣ послѣ выздоровленія, Іоаннъ отправился въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь на богомолье и взялъ съ собою Димитрія, слабый ребенокъ не перенесъ трудностей пути и во время возвращенія въ Москву умеръ при переѣздѣ по Шекснѣ. Тѣло его было перевезено въ Москву и похоронено въ Архангельскомъ соборѣ.

Царственная книга (Спб. 1769), стр. 319—320, 338—347. Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VIII, 117, 120, 122, 125, 126, 129—131. Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза») II, 83, 87, 142, 144.

Е. Лихачъ.

Димитрій Мирошкиничъ (Мирославичъ), посадникъ новгородскій, сынъ посадника Мирошки, умеръ въ 1209 году. Происходилъ изъ древней новгородской семьи, поддерживавшей въ Новгородѣ Суздальскихъ князей и въ 1205 году получилъ посадничество, послѣ удаленія посадника Михаила, который былъ смѣщенъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, сыномъ великаго князя Владимірскаго Всеволода III Георгіевича, получившимъ въ этомъ году по волѣ отца новгородскій столъ и давшимъ посадничество Димитрію. Управлялъ Димитрій очень своевольно;

опираясь на силу и значеніе великаго князя, онъ позволялъ себѣ производить незаконные поборы съ жителей и вообще обогащался на счетъ новгородцевъ. Въ 1208 году, когда новгородское войско вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ ходило помогать великому князю противъ рязанскихъ князей, новгородцы довели до свѣдѣнія великаго князя о своеволіи посадника и по окончаніи похода великій князь, отпустивъ новгородцевъ, удержалъ участвовавшаго въ походѣ и даже тяжело раненаго при осадѣ Пронска посадника Димитрія и отправилъ его во Владиміръ. Когда узнали объ этомъ въ Новгородѣ, толпа бросилась къ двору Димитрія, разграбила и сожгла его, а все громадное имущество посадника было раздѣлено между гражданами. Озлобленіе народа дошло до того, что, когда привезли въ Новгородъ тѣло умершаго во Владимірѣ Димитрія, народъ во что бы то ни стало хотѣлъ бросить его въ Волховъ. Только благодаря заступничеству архіепископа Митрофана оно было спасено отъ поруганія и похоронено въ Юрьевомъ монастырѣ.

Карамзинъ, III, 75; Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза») I, 576—578, Поли. Собр. Русск. Лѣт. I, 210—211, III. 29—31, IV, 19, V, 172, VII, 115—116.—Костомаровъ, «Сѣверно-русскія народоправства», т. I, стр. 77. Опытъ о новгородскихъ посадникахъ, стр 106—109.

Е. Лихачъ.

Димитрій Якуновичъ, новгородскій посадникъ, сынъ посадника Якуна Мирославича, принадлежалъ къ партіи, противной великому князю Владимірскому. Во время господства въ Новгородѣ Всеволодовичей, принужденъ былъ бѣжать въ Южную Русь и возвратился въ Новгородъ только тогда, когда князь Мстиславъ Мстиславичъ Удалой уже прогналъ съ Новгородскаго стола Всеволодовичей и сдѣлался великимъ княземъ. Въ 1211 году онъ сдѣлался посадникомъ, замѣнивъ отказавшагося отъ посадничества приверженца партіи Всеволодовичей, Твердислава Михайловича, и въ этомъ же году по порученію князя Мстислава Мстиславича ходилъ съ новгородскимъ войскомъ въ Великіе Луки ставить тамъ укрѣпленія.

Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 31, IV, 19.—Григоровичъ, «Опытъ о посадникахъ новгородскихъ» (Москва 1821), стр. 1 0.—Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза») I, 579, 584—585.

Е. Лихачъ.

Димитрій, бояринъ князя Даніила Галицкаго, въ 1239 году, когда были получены вѣсти о приближеніи къ Кіеву полчищъ Батыя, былъ оставленъ Даніиломъ въ этомъ городѣ для защиты его отъ татаръ. Несмотря на полную невозможность защитить Кіевъ отъ громадныхъ полчищъ татаръ, Димитрій энергично взялся за дѣло и къ приходу непріятелей настолько успѣлъ укрѣпить стѣны города, что татарамъ пришлось очень долго разбивать ихъ. Отличился Димитрій и въ послѣдовавшей затѣмъ отчаянной рукопашной битвѣ съ татарами. Онъ былъ весь израненъ, но несмотря на это не палъ духомъ и ночью успѣлъ устроить вокругъ Десятинной церкви деревянный тынъ, за которымъ укрылись всѣ оставшіеся въ живыхъ защитники Кіева, а при наступленіи утра мужественно началъ снова бой съ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Когда же и эта послѣдняя отчаянная попытка сопротивленія не увѣнчалась успѣхомъ и небольшая горсть была сломлена, Димитрій попалъ въ плѣнъ и былъ приведенъ къ Батыю, который, удивляясь его мужеству, оставилъ ему жизнь, но удержалъ его при себѣ. Лѣтопись говоритъ, что и послѣ своего плѣна Димитрій умѣлъ быть полезнымъ родной странѣ: когда Батый послѣ взятія Кіева началъ опустошать южно-русскія области, Димитрій уговорилъ уйти изъ Россіи въ Венгрію.

П. С. Р. Л. II, 177, 178, 339, IV, 36, V, 175, 176, VII, 145, 236; Никон. III, 7—9; Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IV, 9—11; Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“ I, 824—825.

Е. Л.

Димсдаль (Dimsdale), *Томасъ*, баронъ, лейбъ-медикъ императрицы Екатерины II, писатель, піонеръ оспопрививанія въ Россіи, родился въ Англіи въ графствѣ Эссекскомъ въ 1712 г. Онъ принадлежалъ къ семейству квакерской секты; дѣдъ его вмѣстѣ съ Вилліамомъ Пенномъ былъ однимъ изъ основателей Пенсильваніи въ Сѣверной Америкѣ. Димсдаль сперва служилъ военнымъ хирургомъ въ Германіи въ арміи герцога Кумберлендскаго, потомъ занимался медицинской практикой въ Гертфордѣ. Онъ былъ однимъ изъ распространителей предохранительнаго оспопрививанія въ Англіи и прославился своими успѣхами на этомъ поприщѣ. Въ 1768 г. его вызвали въ Россію для привитія оспы императрицѣ Екатеринѣ II и великому князю Павлу

Петровичу. Димсдаль пріѣхалъ въ Петербургъ со своимъ сыномъ, котораго взялъ въ качествѣ помощника; въ Петербургѣ привилъ оспу императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу, а также многимъ придворнымъ; затѣмъ ему пришлось отправиться въ Москву для прививки оспы. Въ 1781 г. онъ снова пріѣхалъ въ Россію и привилъ оспу великимъ князьямъ Александру Павловичу и Константину Павловичу. За удачное оспопрививаніе Димсдаль получилъ отъ Екатерины II щедрыя награды: онъ получилъ званіе барона россійской имперіи, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ былъ лейбъ-медикомъ императрицы съ пожизненной пенсіей въ 500 фунтовъ стерлинговъ, которые должны выплачиваться ему и въ Англіи; кромѣ того, даны ему миніатюрные портреты императрицы и великаго князя Павла Петровича съ тѣмъ, чтобы они сохранялись въ его семействѣ въ память заслугъ, оказанныхъ имъ имперіи. Сынъ Димсдаля, помогавшій ему при оспопрививаніи, произведенъ въ бароны, и ему пожалована великолѣпная золотая табакерка. Въ Англіи Димсдаль былъ дважды членомъ парламента. Умеръ онъ въ Гертфордѣ 30-го декабря (по новому стилю) 1800 г. Онъ оставилъ медицинскіе труды и интересную записку о пребываніи въ Россіи. Записка о пребываніи въ Россіи переведена съ французскаго Н. К. Злобинымъ и напечатана въ «Сборникѣ Императорскаго русскаго историческаго общества, т. II. Въ этой запискѣ, описывая главнымъ образомъ свою дѣятельность въ качествѣ оспопрививателя, Димсдаль зачастую отмѣчаетъ бытовыя особенности тогдашней русской жизни, даетъ свѣдѣнія объ Екатеринѣ II и Павлѣ I, много останавливается на томъ вниманіи и поддержкѣ, которую оказала ему Екатерина; постоянно отмѣчаетъ ея разумное отношеніе къ новому тогда дѣлу оспопрививанія. При встрѣчахъ съ народомъ по незнанію языка многаго отмѣтить въ народныхъ воззрѣніяхъ Димсдаль не могъ, однако у него встрѣчаются замѣчанія о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, которыя невольно поражали его, какъ иностранца. Общій тонъ взглядовъ Димсдаля на русское общество оптимистическій. Онъ вынесъ хорошее впечатлѣніе и о Екатеринѣ, и о знати, и о простомъ народѣ.

Медицинскіе труды его слѣдующіе: «Tracts on inoculation written and published at St. Peterburg in the year 1768»... London, 1781; Краткое и ясное наставленіе, какимъ образомъ содержать больного какъ въ натуральной, такъ и въ привитой оспѣ по методѣ Димсдаля 1770 г.; нынѣшній способъ прививать оспу, перев. Л. Сичкаревъ 1770.

Русск. Архивъ 1865 г. 438 стр.; Русс. Архивъ 1871 г. стр. 1320, 1335. Геннади, 305 стр. Сборникъ Императорск. русс. историч. общ. томъ II, стр. 295. Кобеко „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, Спб., 1883. Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона т. X, стр. 618.

Н. Т—р—нъ.

Диръ, дружинникъ Рюрика, послѣ призванія варяговъ въ Новгородъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Аскольдомъ, получилъ отъ князя позволеніе, какъ гласитъ преданіе, идти въ Царьградъ. На пути къ нему Аскольдъ и Диръ завладѣли городкомъ Кіевомъ, платившимъ дань хозарамъ, а затѣмъ подчинили себѣ полянъ. Собравъ вокругъ себя дружину, по преимуществу изъ варяговъ, Аскольдъ и Диръ въ 866 г. предприняли походъ на Царьградъ, но подъ стѣнами его буря разметала русскія лодки и Аскольдъ и Диръ возвратились въ Кіевъ. Къ этому времени византійскія извѣстія относятъ начало распространенія въ Кіевской Руси христіанства; думаютъ, что Аскольдъ и Диръ также приняли христіанство. Послѣ смерти Рюрика преемникъ его, Олегъ, распространяя власть свою къ югу, явился подъ Кіевомъ, обманомъ захватилъ Аскольда и Дира и приказалъ убить ихъ, говоря: «Вы не князья, ни роду княжескаго» и указалъ на Игоря: «вотъ сынъ Рюриковъ». На холмѣ на берегу Днѣпра убитые князья и были похоронены. Личности Аскольда и Дира—полуисторическія: исторія ихъ въ томъ видѣ, какъ передаютъ ее сказанія, возбуждаетъ во многомъ сомнѣніе.

Шлецеръ: «Oskold und Dir» и «Несторъ». Карамзинъ: «Исторія государства Россійскаго“, С. Соловьевъ: „Исторія Россіи“., І. Костомаровъ: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“. Иловайскій: „Розысканія о началѣ Руси“. Голубинскій: „Исторія русской церкви“. т.I. *Ш.*

Дитерихсъ, *Егоръ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ полевой артиллеріи, сынъ пастора Эстляндской губерніи, родился въ 1778 г. и воспитывался въ домѣ родителей. Въ 1795 г. онъ поступилъ на службу фурьеромъ въ одинъ изъ батальоновъ

артиллерійскаго учебнаго флота, въ чинѣ поручика, въ 1805 году участвовалъ въ походѣ въ Шведскую Померанію. Въ 1806 г. онъ принималъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ, при чемъ подъ Прейсишъ-Эйлау раненъ пулею въ лѣвую руку у плеча и за отличіе въ дѣлѣ подъ Фридландомъ награжденъ орденомъ св. Анны 4 степ. Въ 1808 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, Дитерихсъ участвовалъ въ походѣ на о-въ Готландъ. Въ 1811 году онъ, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ въ 5-ю резервную артиллерійскую бригаду командиромъ понтонной № 6 роты и въ этой должности участвовалъ въ Отечественной войнѣ 1812 г. Въ 1831 г. Е. И. былъ зачисленъ по полевой артиллеріи и вскорѣ, по Высочайшей волѣ, отправился въ дѣйствующую армію «противъ польскихъ мятежниковъ по понтонной части». Въ 1834 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллерійскихъ гарнизоновъ Грузинскаго округа, а въ слѣдующемъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1843 г. онъ получилъ послѣднее служебное назначеніе—непремѣннымъ презусомъ комиссіи военнаго суда, учрежденной при Петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ (нынѣ комендантскомъ управленіи) и въ 1848 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

В. М.

Дитерихсъ, *Константинъ Егоровичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 26-го сентября 1812 года, скончался 17-го августа 1874 года въ г. Гамбургѣ. Воспитаніе получилъ въ артиллерійскомъ нынѣ Михайловскомъ училищѣ и въ 1831 году былъ выпущенъ изъ него съ чиномъ прапорщика и съ прикомандированіемъ къ училищу для прохожденія высшихъ наукъ. Въ 1854 году онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й гренадерской артиллерійской бригады съ производствомъ въ генер.-маіоры и со своей бригадою находился въ походѣ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, гдѣ и принималъ участіе въ сраженіи при бомбардированіи англо-французскимъ флотомъ Свеаборга и Гельсингфорса, за что 9-го сентября 1855 г. получилъ Высочайшее благоволеніе. Съ 1861 г. по 1872 г. Дитерихсъ исполнялъ должности начальника 1-й артиллерійской дивизіи, помощника начальника артиллеріи Виленскаго военнаго округа и въ 1863 году во время польскаго мятежа начальника артиллеріи отдѣльнаго гренадерскаго корпуса, затѣмъ былъ помощникомъ начальника артиллеріи Московскаго округа и, наконецъ, начальникомъ артиллеріи Варшавскаго военнаго округа. За этотъ же періодъ времени, онъ былъ награжденъ орденами: Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною, св. Владиміра 2-й степени и произведенъ въ чинъ ген.-лейтенанта.

Русск. Инвалидъ 1874 г. № 223, Русская Старина 1876, XVII, стр. 653, 1889 г. LXI стр. 654.

Б. Т.

Диттель, *Вильямъ Францовичъ*, оріенталистъ, профессоръ Спб. университета. Родился въ 1816 году въ Казани, учился въ 1-ой Казанской гимназіи и Казанскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1837. Въ слѣдующемъ году выдержалъ экзаменъ на степень магистра, защитивъ диссертацію на тему «О вліяніи сосѣднихъ народовъ на образованіе арабовъ во время Халифата». Въ 1842 г., по ходатайству попечителя Казанскаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, Диттель вмѣстѣ съ Березинымъ былъ отправленъ въ ученое трехъгодичное путешествіе по Азіи. Во время этого путешествія Д. собралъ массу матеріаловъ: ученая любознательность Д. не позволяла ему пропустить ни одной замѣчательной въ научномъ отношеніи мѣстности. Въ Персіи обратило на себя вниманіе путешественника разнообразіе народныхъ діалектовъ, здѣсь же впервые онъ занялся курдскимъ языкомъ; у развалинъ Персеполя онъ списывалъ совсѣмъ неизученныя тогда клинообразныя надписи. Въ Нимрудѣ Д. дѣлалъ раскопки. Затѣмъ Диттель побывалъ въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ, Аѳинахъ и Малой Азіи. Возвратился онъ въ 1847 г. и тогда же былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ турецкаго языка въ Спб. унив. Для полученія этого званія онъ защитилъ диссертацію «Обозрѣніе нарѣчій персидскихъ». Черезъ годъ Диттелю поручили читать арабскій языкъ и географію и исторію Востока. Въ 1848 г. Д. умеръ въ Казани отъ холеры. Смерть не позволила Диттелю привести въ порядокъ всѣ собранные имъ матеріалы. Дѣля свое время между лекціями и учеными занятіями, Диттель долженъ былъ, поневолѣ, раз-

брасываться. Безъ сомнѣнія, наука русскаго востоковѣдѣнія понесла въ лицѣ Д. серьезную потерю, потому что Д. собиралъ свои матеріалы въ то время, когда европейскіе ученые едва начали обращать на нихъ свое вниманіе. Да, кромѣ того, въ Диттелѣ погибъ разносторонній и образованный оріенталистъ съ темпераментомъ истиннаго ученаго. Конспектъ отчета по путешествію напечатанъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1847, октябрь и въ книжкѣ «Актъ С.-Петербургскаго университета за 1846—47 гг. Интересный, живой очеркъ путешествія, написанный для большой публики, напечатанъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 95 томъ 1849 г. Стр. 1 — 56; 190 — 210. Диттелю принадлежитъ напечатанный въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1837 г. переводъ французской статьи: «Состояніе литературы въ Турціи съ начала XIV в.».

1) Савельевъ, П. въ «Географ. Изв.» 1848 г. 2) Онъ же въ «Спб. Вѣд.» 1848 № 177. 3) Артемьевъ въ «Каз. Губ. Вѣд.» 1848 № 30. 4) Отчетъ Каз. Унив. за 17 лѣтъ. Каз 1844. 5) Веселевскій, Н. В. Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи. Спб. 1879.

Щ.

Дитятинъ, Иванъ Ивановичъ, профессоръ государственнаго права и исторіи русскаго права (1847—1892), родился въ 1847 г. въ С.-Петербургѣ, гдѣ его отецъ, мѣщанинъ г. Воротынска, Калужской губ., занимался каретнымъ извознымъ промысломъ. Живя въ патріархальной семьѣ, Д. только случайно получилъ широкое и всестороннее образованіе. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ церковно-приходскомъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ 7-ю Спб. гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1866 г. Въ томъ же году онъ поступилъ на юридическій факультетъ Спб. университета, гдѣ въ то время читали проф. Рѣдкинъ, Андреевскій, Градовскій, привлекавшіе въ свои аудиторіи большое число слушателей. Здѣсь Д. особенно заинтересовался лекціями покойнаго проф. Градовскаго, вниманіе котораго обратилъ своими выдающимися способностями, усидчивостью и энергіей въ работѣ, и уже тогда сказывавшимся точнымъ научнымъ анализомъ,—качествами, которыя такъ его отличали впослѣдствіи. По окончаніи университетскаго курса въ 1870 г. кандидатомъ правъ, Д. былъ оставленъ при университетѣ для научныхъ работъ по каѳедрѣ государственнаго права, результатомъ которыхъ явился его первый трудъ: «Устройство и управленіе городовъ Россіи. Т. I. Города Россіи въ XVIII столѣтіи. Спб. 1875 г.», представленный имъ въ качествѣ диссертаціи на степень магистра государственнаго права. Уже въ этомъ своемъ трудѣ Д. является убѣжденнымъ и талантливымъ сторонникомъ самоуправленія и врагомъ централизаціи, придерживаясь демократическихъ убѣжденій.

Ставя себѣ цѣлью, въ своей магистерской диссертаціи «Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I»,—опредѣлить соотношеніе между центральной правительственной властью и органами мѣстнаго управленія въ XVIII ст. въ Россіи, Д. останавливается, главнымъ образомъ, на устройствѣ, управленіи и исторической роли тѣхъ городовъ, которыхъ коснулись реформы Петра I-го и Екатерины II-й. Своему труду И. И. предпосылаетъ обширное введеніе, посвященное западно-европейскому городу. Судьбы самоуправленія въ Россіи и въ Западной Европѣ во многомъ сходны и во многомъ различны между собой. Д. безпристрастно и внимательно выдѣляетъ особенности отечественной исторіи, какъ хорошія, такъ и дурныя, и слѣдитъ за иностранными вліяніями на русское законодательство съ тѣмъ большимъ интересомъ, что эпоха, выбранная имъ для изслѣдованій, есть именно эпоха заимствованій въ русскомъ правѣ вообще и муниципальномъ въ особенности. Введеніе это иллюстрируетъ исторію русскаго города и служитъ для рѣшенія вопроса: развивается ли русскій городъ по общимъ законамъ европейской исторіи или развитіе его совершается инымъ путемъ, спеціально-русскимъ, вызваннымъ къ жизни особенностями родной исторіи. Нелишнее замѣтить, что въ своей магистерской диссертаціи Д., болѣе чѣмъ въ другихъ своихъ изслѣдованіяхъ, является послѣдователемъ А. Д. Градовскаго, что ясно сказывается при сравненіи «Устройства и управленія городовъ Россіи т. I» съ «Исторіей мѣстныхъ управленій» покойнаго профессора Спб. университета. Вліяніе А. Д. Градовскаго выражается въ данномъ случаѣ не только въ сходствѣ методовъ изло-

женія и плана работы, но въ послѣдовательномъ развитіи основной мысли «Исторіи мѣстныхъ управленій» примѣнительно къ петербургскому періоду русской исторіи. Мысль же эта заключается въ слѣдующемъ: центръ московскаго государства, группируя, въ силу естественно-историческихъ условій, вокругъ себя все болѣе или менѣе крупное и выдающееся, тѣмъ самымъ разрушалъ городъ-государство удѣльно-вѣчевого періода. Слѣдствіемъ этого была система крайней централизаціи въ управленіи. Развивая эту мысль по отношенію къ Россіи XVIII вѣка, Д. приходитъ къ отрицанію значенія реформаторской дѣятельности Петра I-го въ области мѣстнаго управленія. Городское устройство западно-европейскихъ городовъ получилось вслѣдствіе развитія ихъ торгово-промышленнаго населенія, вслѣдствіе вѣковой борьбы этого населенія съ феодальными владѣльцами и отдѣльныхъ элементовъ его между собой; въ Россіи въ началѣ XVIII ст. не было активнаго, энергичнаго промышленнаго городского сословія, не было, слѣдовательно, общественно-городской жизни, не было общественно-городскихъ интересовъ, независимыхъ отъ интересовъ обще-государственныхъ. Въ этомъ глубокое различіе исторіи западно-европейскаго мѣстнаго управленія отъ исторіи развитія мѣстныхъ обществъ въ Россіи. Что же касается реформъ Петра I-го въ области городского самоуправленія, то цѣль ихъ лежитъ не въ самихъ городахъ, не въ благосостояніи ихъ населенія, а въ «исканіи и споспѣшествованіи пользы и благополучія его Великаго Государя». Только со временъ Екатерины II, именно съ грамоты 1785 г., положено основаніе въ Россіи городскому самоуправленію, положено основаніе для новаго понятія о городѣ, какъ всесословной общинѣ.

Фактическая сторона «Устройства и управленія городовъ Россіи, т. I» заимствована Дитятинымъ изъ Полнаго Собранія Законовъ.

За этотъ трудъ, тѣмъ болѣе цѣнный, что до Д. только Плошинскій и Пригара занимались изслѣдованіями въ этой области, Дитятинъ былъ удостоенъ степени магистра государственнаго права и, спустя короткое время, получилъ каѳедру въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, гдѣ первые нѣсколько мѣсяцевъ читалъ лекціи по энциклопедіи права. Этотъ періодъ времени, т. е. годы 1875—1877, былъ періодомъ крайне интенсивной научной дѣятельности покойнаго профессора. Читая лекціи въ лицеѣ, Д. вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно работалъ надъ новымъ изслѣдованіемъ, служащимъ продолженіемъ его магистерской диссертаціи. Въ 1877 г. появился его второй обширный трудъ «Устройство и управленіе городовъ Россіи. Т. II. Городское самоуправленіе въ Россіи до 1870 г. Спб. 1877 г.», въ значительной степени основанный на рукописныхъ архивныхъ матеріалахъ. Это изслѣдованіе, написанное менѣе чѣмъ въ 2 года, было представлено Д. въ качествѣ диссертаціи на степень доктора государственнаго права, которой онъ и былъ удостоенъ Спб. университетомъ. Въ этомъ своемъ трудѣ Д. ставитъ себѣ цѣлью прослѣдить судьбу городского управленія въ Россіи до «Городового Положенія» 1870 г. и указать на значеніе преобразовательной дѣятельности Екатерины II-й въ этой области. Сообразуясь съ поставленною себѣ задачей, Д. останавливается на устройствѣ и управленіи только тѣхъ городовъ, въ которыхъ были введены возстановленныя учрежденія императрицы Екатерины, на которые распространялось «Городовое Положеніе» 1857 г. и въ которыхъ было введено Новое Положеніе 1870 года. По мнѣнію Д. въ XIX ст. вплоть до 1870 г. русское городское самоуправленіе приходитъ въ упадокъ, причина котораго лежитъ въ слишкомъ сильной опекѣ городовъ правительствомъ. Конецъ II-го тома посвященъ законоположеніямъ (1840—1862 г.), касающимся городовъ Петербурга, Москвы, Одессы и Тифлиса.

Общій смыслъ исторіи русскаго города, по изслѣдованіямъ Д., тотъ, что русскій городъ, разрушенный съ XIV-го ст. государственною центральною властью, создается въ концѣ XVIII-го вѣка этою же властью, которая и до сихъ поръ продолжаетъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи.

Такая удивительная энергія, позволившая Д. въ столь короткій срокъ написать свое обширное изслѣдованіе, въ значительной мѣрѣ обусловливается тѣми обстоятельствами, при которыхъ ему пришлось работать въ этотъ періодъ времени. Дѣло въ томъ, что вторая половина

70-хъ годовъ была временемъ расцвѣта Ярославскаго лицея. Въ немъ сгруппировался цѣлый рядъ тогда еще молодыхъ ученыхъ, которые впослѣдствіи внесли богатые вклады въ науку и научную литературу. Стоитъ назвать профессоровъ Владимірскаго-Буданова, Дювернуа, Сергѣевскаго. Разумѣется, совмѣстная работа съ такими учеными не могла не оказывать нѣкотораго вліянія на Д., научное міросозерцаніе молодого профессора не могло не крѣпнуть, его работа не могла не быть плодотворной. Въ 1878 году Д. покидаетъ Демидовскій лицей и начинаетъ чтеніе лекцій въ Харьковскомъ университетѣ, избранный ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русскаго права. Здѣсь его профессорская и научная дѣятельность продолжается до 1887 г., когда по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ Д. былъ принужденъ оставить Харьковскій университетъ. Въ этотъ періодъ времени Д. продолжаетъ усиленно работать надъ изученіемъ памятниковъ русскаго юридическаго быта, результатомъ чего является цѣлый рядъ журнальныхъ статей, которыя печатались въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», въ «Критическомъ Обозрѣніи», въ «Русской Мысли» и въ другихъ журналахъ. Не усомнившись избрать для своей научной дѣятельности задачу, прямо вытекавшую изъ насущнѣйшихъ потребностей среды, его выдвинувшей, Д., выступивъ въ 1875 году съ обширнымъ изслѣдованіемъ, не ограничился распространеніемъ своихъ идей въ формѣ научныхъ трудовъ, результатовъ серьезнаго, кропотливаго изученія литературныхъ источниковъ и архивныхъ матеріаловъ: онъ размѣнялъ ихъ цѣнное содержаніе на цѣлый рядъ популярныхъ журнальныхъ статей. Задача же, избранная Д., заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ выясненіи историческихъ отношеній между властью и обществомъ и опредѣленіи тѣхъ практическихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ историческій опытъ. Судьбы мѣстнаго управленія въ связи съ развитіемъ начала административнаго, приказнаго, постепенный ростъ идеи законности въ законодательствѣ и административной практикѣ, процессъ раскрѣпощенія различныхъ слоевъ русскаго общества—вотъ темы, надъ которыми трудился Д. съ начала и до конца своей научной дѣятельности.

По содержанію и по разрабатываемымъ вопросамъ журнальныя статьи Д. можно раздѣлить на двѣ категоріи. Съ одной стороны, цѣлый рядъ статей (напр. «Екатерининская Комиссія 1717 г. о сочиненіи проекта Новаго Уложенія», «Юридическій Вѣстникъ» 1879 г. №№ 3—5; «Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія», «Юридическій Вѣстникъ» 1880 г. № 2, «Русскій дореформенный городъ», «Рус. Мысль» 1884 г. №№ 5, 6; «Къ исторіи Городового Положенія 1870 г.», («Юр. Вѣстн.» 1885 г. №№ 1—3 и др.) посвящены детальной разработкѣ той же темы, которую Д. развивалъ въ своихъ магистерской и докторской диссертаціяхъ, т. е. судьбамъ русскаго городского самоуправленія; съ другой—нѣкоторымъ такимъ сторонамъ общественно-политической жизни Московскаго государства, которыя и до сихъ поръ ждутъ своего спеціальнаго изслѣдователя.

Такъ, въ статьяхъ: «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства» (Рус. Мысль 1880 № 5). и «Къ вопросу о земскихъ соборахъ» (Рус. Мысль 1883 г. № 12), Д. останавливается на вліяніи общественной иниціативы на законодательство московской эпохи, иниціативы, юридически не узаконенной, но фактически опираясь на обычай, принадлежавшей всѣмъ классамъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. отмѣчаетъ положительныя и заслуживающія изученія черты въ исторіи нашего мѣстнаго управленія за московскій періодъ. Съ момента образованія Московскаго государства и до конца XVIII вѣка верховная власть никогда не относилась враждебно къ автономному началу въ мѣстномъ управленіи, къ участію въ немъ земскихъ силъ; если же она и отступалась отъ этихъ силъ, то только потому, что не находила въ нихъ практическихъ дѣятелей, могущихъ дать тѣ результаты, на которые разсчитывала верховная власть. Въ этомъ заключается одна изъ глубоко симпатичныхъ чертъ московской эпохи. По вопросу о земскихъ соборахъ Д. оказалъ крупную услугу русской исторической наукѣ, обогативъ ее новымъ, очень важнымъ и интереснымъ матеріаломъ. Постоянно справляясь съ архивными источниками, Д. натолкнулся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на новые документы, касающіеся Собора 1651 года, созваннаго по поводу

присоединенія Малороссіи, Собора, который до этого времени считался спорнымъ. Среди этихъ документовъ онъ нашелъ чрезвычайно любопытную переписку, относящуюся къ организаціи выборнаго представительства на земскихъ соборахъ. Въ вышеупомянутой статьѣ: «Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII ст.», Д. спеціально остановился на открытыхъ имъ матеріалахъ и детально разработалъ ихъ, давъ имъ полное историческое объясненіе. Въ статьѣ же: «Верховная власть въ Россіи въ XVIII ст.» онъ ставитъ аналогичные вопросы для петербургскаго періода русской исторіи, но, къ сожалѣнію, ему не удается вполнѣ освѣтить собранный матеріалъ, отчасти вслѣдствіе недостаточности его, отчасти вслѣдствіе того, что Д. почти не имѣлъ предшественниковъ въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ громадная заслуга Д. заключается уже въ томъ, что онъ намѣтилъ нѣкоторыя детали этой широкой темы и предложилъ нѣсколько отвѣтовъ на предложенные вопросы.

Нельзя не остановиться на въ высшей степени интересной статьѣ Д.: «Когда и почему возникла рознь въ Россіи между командующими классами и народомъ» (Рус. Мысль, 1881, № 11, 1882, № 3). Въ ней Д., полемизируя съ Аксаковской «Русью», фактами доказываетъ, что рознь между «командующими классами» и народомъ вовсе не составляетъ особенности русской исторіи и возникла не подъ вліяніемъ реформъ Петра I-го, а гораздо раньше, причемъ причиной ея служитъ во всякомъ случаѣ не появленіе интеллигенціи, какъ это утверждали публицисты «Руси» и родственныхъ ей изданій. Эпиграфомъ къ одной изъ главъ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ статьи Д. выбралъ очень характерныя слова Даніила Заточника: «Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его искри» и т. д. Изъ этого видно, какъ давно существуетъ въ Россіи рознь между «командующими классами» и народомъ, но рознь эта, какъ доказалъ Д., въ древней Руси не носила характера духовнаго непониманія, а обусловливалась различіемъ экономическаго, юридическаго и политическаго положенія. Большинство написанныхъ за этотъ періодъ времени журнальныхъ статей Д. вошло въ отдѣльное изданіе: «Очерки по Исторіи Русскаго Права. Спб. Изд. Поповой 1895 г.». Изъ неизданныхъ произведеній Дитятина нельзя не указать на курсъ его, сохранившійся лишь въ литографированныхъ запискахъ. Не чуждый экономическаго матерьялизма, Д. даетъ въ немъ ученіе о первичныхъ формахъ общежитія у восточныхъ славянъ и объ экономическомъ и правовомъ положеніи рабовъ въ Россіи.

Оставивъ, какъ выше было указано, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ въ 1887 г. каѳедру исторіи русскаго права въ Харьковскомъ университетѣ, Д. два года находился въ сторонѣ отъ профессорской дѣятельности и только въ 1889 г. получилъ каѳедру русскаго государственнаго права въ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) университетѣ. — Осенью 1890 г. показались первые признаки болѣзни, которая свела его въ могилу. Д. былъ принужденъ, поэтому, прекратить чтеніе лекцій, въ 1891 году вышелъ въ отставку, а 29-го октября 1892 года Дитятина не стало. Онъ умеръ, имѣя всего 45 лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ силъ и своей научной дѣятельности. Съ нимъ русская юридическая наука потеряла одного изъ самыхъ сильныхъ и даровитыхъ изслѣдователей русской старины вообще и правовыхъ отношеній ея въ частности. Въ качествѣ профессора въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Д. заслужилъ любовь и глубокое уваженіе своихъ многочисленныхъ слушателей, видѣвшихъ въ немъ не только первокласснаго ученаго и талантливаго излагателя, но и глубоко симпатичнаго, честнаго и прямого человѣка, чутко прислушивавшагося къ запросамъ молодежи и всегда отзывавшагося на ея нужды.

Въ заключеніе приведемъ списокъ трудовъ Д. въ хронологическомъ порядкѣ:

1) Устройство и управленіе городовъ Россіи. Т. I. Города Россіи въ XVIII-омъ ст. Спб. 1875 г. 2) Наше городское самоуправленіе. Ярославль, 1876 года (рѣчь, произнесенная 30 августа 1876 г.). 3) Очеркъ исторіи цеховъ въ Западной Европѣ («Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея», кн. 11). 4) Устройство и управленіе городовъ Рос-

сіи. Т. II. Городское самоуправленіе въ Россіи до 1870 г. Спб. 1877 г. 5) Екатерининская комиссія 1767 г. о сочиненіи проекта новаго Уложенія («Юридическій Вѣстникъ», 1879, №№ 3—5). 6) Загоскинъ, Н. П. Исторія права Московскаго государства, т. I. Самоквасовъ, Д. Исторія русскаго права, т. I, («Критическое Обозрѣніе», 1879, № 8). 7) Сергѣевичъ, В. И. Государство и право въ исторіи («Критическое Обозрѣніе» 1879 № 17). 8) Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія («Юридическій Вѣстникъ» 1880 № 2). 9) Загоскинъ. Исторія права Московскаго государства, т. II («Критическое Обозрѣніе» 1880 № 1). 10) Загоскинъ. Уложеніе царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—49 г. («Критическое Обозрѣніе» 1880 № 7). 11) Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства («Русская Мысль» 1880 № 5). 12) Верховная власть въ Россіи въ XVIII-омъ ст. («Русская Мысль» 1881 №№ 3 — 4). 13) Когда и почему возникла рознь въ Россіи между «командующими классами» и народомъ («Русская Мысль» 1881 г. № 11, 1882 № 3). 14) Царскій кабакъ Московскаго государства («Русская Мысль» 1882 № 9). 15) Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII-го ст. («Русская Мысль» 1883 № 12). 16) Русскій дореформенный городъ («Русская Мысль» 1884 №№ 5, 6) 17) Къ исторіи Городового Положенія 1870 («Юридическій Вѣстникъ» 1885 г. №№ 1—3). 18) Къ исторіи Жалованной Грамоты дворянству и городамъ 1785 г. («Русская Мысль» 1885 №№ 4—8). 19) Столѣтіе Спб. Городского Общества (1785—1885). Спб. 1885. 20) Изъ исторіи Мѣстнаго Управленія («Русская Мысль» 1886 г. №№ 3—6). 21) Ковалевскій, М. Современный обычай и древній законъ («Вѣстникъ Европы» 1886 № 12). 22) Изъ исторіи законодательствъ XVI—XVIII ст. («Русская Мысль» 1888. №№ 1, 3, 4, 10 и 11).

Подробнѣе объ И. Й. Дитятинѣ см: «Кіевскія Университетскія Извѣстія» 1878 г. № 9; «Записки Императорскаго Харьковскаго Университета» 1893 г. № 1; «Русское Богатство» 1896 г. № 2; «Русская Мысль» 1892 г. № 11; «Міръ Божій» 1896 г. № 4; «Журналъ Министерства Юстиціи» 1896 г. № 4; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1893 г. № 1.

Б. Савинковъ.

Дицъ, *Фердинандъ*, знаменитый скрипачъ-виртуозъ и композиторъ, родился въ 1742 г. въ Нюренбергѣ, умеръ въ 1798 г. въ Петербургѣ. Еще въ дѣтствѣ Дицъ лишился родителей и каждую свободную минуту отдавалъ скрипкѣ, играть на которой выучился самоучкой. Въ Вѣнѣ, куда пріѣхалъ Дицъ, онъ познакомился и сблизился съ знаменитымъ композиторомъ Глюкомъ, который былъ прекраснымъ віолончелистомъ и часто разыгрывалъ съ Дицомъ дуэты. При содѣйствіи Глюка Дицъ получилъ мѣсто при вѣнской оперѣ. Когда въ 1770-мъ году Глюкъ уѣхалъ изъ Вѣны въ Парижъ, Дицъ хотѣлъ за нимъ послѣдовать, но нѣкоторыя обстоятельства удержали его въ Вѣнѣ. Въ это время онъ уже пользовался извѣстностью первоклассnаго скрипача. Помимо театра, онъ часто игралъ въ домѣ князя Лобковича, куда въ то время собиралось высшее вѣнское общество. Здѣсь Дица услышалъ Соймоновъ, бывшій въ то время директоромъ театровъ въ Петербургѣ и находившійся въ Вѣнѣ проѣздомъ. Восхищенный игрою Дица, Соймоновъ пригласилъ его въ Россію. Дицъ согласился и въ 1771-мъ году пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ число камеръ-музыкантовъ придворнаго оркестра. Чрезмѣрная застѣнчивость, которою Дицъ страдалъ съ дѣтства, не давала ему возможности выступить въ качествѣ солиста, но зато онъ былъ незамѣнимымъ членомъ придворнаго квартета. Въ то время придворный квартетъ составляли: Дицъ (первая скрипка), Роббе и Тевисъ (вторая скрипка), Штокфишъ (альтъ) и Дольфино (віолончель); иногда флейтистъ Михель. По разсказамъ современниковъ, въ концертахъ этого квартета, игравшаго въ «малыхъ эрмитажахъ» или во внутреннихъ дворцовыхъ залахъ, Дицъ поражалъ всѣхъ своею талантливою игрою: его скрипка (особенно въ adagio) издавала поразительно нѣжные звуки и производила такое впечатлѣніе на слушателей, что нерѣдко вызывала слезы. Цѣня музыкальный талантъ Дица, императрица Екатерина II избрала его учителемъ для великаго князя Александра Павловича (впослѣдствіи императора Александра I), который потомъ сдѣлался прекраснымъ музыкантомъ. Когда Дицу было уже болѣе пятидесяти лѣтъ, онъ сталъ на цѣлыя недѣли впадать въ меланхолію; къ этому присоединилась новая несчастная любовь,

и въ 1796 году онъ впалъ въ умопомѣшательство. Черезъ два года онъ умеръ. Дицъ былъ превосходнымъ музыкальнымъ исполнителемъ, но самъ сочинялъ мало; впрочемъ, нѣкоторые его романсы и пѣсни, главнымъ образомъ на слова И. И. Дмитріева, долго пользовались успѣхомъ, напр.: «Стонетъ сизый голубочекъ». Музыка этихъ романсовъ отличается чувствомъ и граціею.

«Біографическій очеркъ знаменитаго въ свое время музыканта Фердинанда Дица» Н. М. («Репертуаръ русскаго и пантеонъ всѣхъ европейскихъ театровъ» 1842 г., кн. I).—П. Д. Перепелицынъ: «Исторія музыки въ Россіи съ древнихъ временъ до нашихъ дней» 1888. — «Записки графини В. И. Головиной. 1766—1870» («Историческій Вѣстникъ» 1899 г.).

Вл. Грековъ.

Діевъ, *Михаилъ Яковлевичъ*, протоіерей, извѣстный археологъ и историкъ. Родился 22-го октября 1794 года; умеръ 3-го февраля 1866 года. Діевъ сынъ священника, воспитанникъ Костромской духовной семинаріи, священникъ сначала въ с. Тетеринскомъ (съ 1813 г.), а потомъ (съ 1832 г.) въ с. Сыпановѣ, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи, и законоучитель (до 1857 г.) и наблюдатель преподаванія Закона Божія въ Нерехтскихъ мужскомъ и женскомъ училищахъ. Наряду съ служебными обязанностями и еще съ большею любовью Діевъ отдавался научнымъ занятіямъ по изученію родной старины вообще и костромской въ особенности. Полагаютъ, что любовь его къ родному прошлому зародилась еще въ семьѣ, гдѣ «бабушка въ пѣсняхъ передавала внучатамъ подробности о взятіи Казани, о Мамаѣ, Батыѣ и панахъ...» Обязанности священника, заставившія сблизиться съ народомъ, невольно должны были заинтересовать его и своимъ настоящимъ, и прошлымъ. А ближайшій начальникъ Діева, какъ законоучителя, Ю. Н. Бартеневъ былъ извѣстенъ своею любовію къ изслѣдованіямъ отечественной исторіи и не упускалъ случая возбудить или развить эту любовь въ своихъ подчиненныхъ. Онъ же познакомилъ М. Я. Діева и съ секретаремъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, И.М. Снегиревымъ, который оказалъ на него весьма сильное вліяніе, какъ это видно изъ ихъ многолѣтней переписки.

Въ то время, какъ за научныя работы ученыя общества: Московское общество исторіи и древн. россійскихъ и Московское же общество любителей россійской словесности спѣшили избрать Діева своимъ сочленомъ (первое даже почетнымъ, въ 1832 г.), и св. Синодъ выражалъ не разъ полное свое расположеніе къ его трудамъ, пригласивъ, напр., въ 1842 г. къ участію въ своей комиссіи по исправленію «Исторіи Россійской Іерархіи» Амвросія Орнатскаго и произведя въ 1857 г. въ санъ протоіерея за сочиненіе: «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями и актами»,—мѣстное духовное начальство старалось преслѣдовать его за то же «писательство». Въ 1832 г. еп. Павелъ (Подлинскій), недолюбливавшій «писателя-священника», перевелъ его въ с. Сыпаново, и этотъ переводъ стоилъ Діеву большихъ затратъ и повлекъ за собою прекращеніе на нѣкоторое время научныхъ занятій; онъ же отбиралъ у него лучшія находимыя имъ старинныя рукописи и свитки и, принимая на цензуру его историческія сочиненія, нѣкоторыхъ вовсе не возвращалъ. По доносу дьякона, обвинявшаго Діева въ томъ, что онъ почти исключительно «занимается сочиненіями», другой преосвященный, Владиміръ (Алявдинъ), также цензоръ трудовъ М. Я., называвшій ихъ «пустяками», въ 1839 году лишилъ его даже священства, права носить рясу и пользоваться приходскими доходами. И только благодаря заступничеству А. Н. Муравьева и В. А. Жуковскаго были возвращены ему въ 1841 году и ряса, и мѣсто, по распоряженію св. Синода.

Въ своихъ письмахъ къ Снегиреву онъ просилъ не выставлять при своемъ имени «званія священника», какъ «болѣе извѣстнаго». Если при этомъ мы обратимъ еще вниманіе на недостатокъ матеріальныхъ средствъ и трудность въ добываніи историческихъ пособій и источниковъ, то должны тѣмъ болѣе чтить «достопочтеннѣйшаго протоіерея» за его обширную и плодотворную научную дѣятельность.

Судя по даннымъ письмамъ Діева къ Снегиреву, начало его литературныхъ работъ слѣдуетъ отнести къ 1823—1826 гг., когда онъ составилъ неувидѣвшую свѣта «Исторію Западной церкви въ осьмомъ на десять столѣтіи». Вслѣдъ за этимъ трудомъ Діевъ предпринялъ составленіе «Исторіи г. Костромы», «Описанія Галича», «Костромской Вивліоѳики», куда вошли раз-

*

ные матеріалы по мѣстной исторіи и археологіи, не исключая даже и надгробныхъ надписей (сохранилось въ рукописи нѣсколько томовъ), «Описанія (или Обозрѣнія) г. Нерехты въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ», «Описанія обычаевъ и повѣрьевъ Нерехтскаго уѣзда» и проч.; но ни одно изъ этихъ произведеній не увидѣло свѣта. Кое-какія части изъ нихъ печатались уже послѣ, много времени спустя, напр.: «О селѣ Ликургѣ. Изъ сочиненія подъ названіемъ: Историческое описаніе уѣздныхъ городовъ, урочищъ и другихъ мѣстъ Костромской губерніи, о коихъ упоминается въ лѣтописяхъ» (въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ» Московскаго общества исторіи и древн. россійскихъ, т. VI, 1833 г.); «Посѣщеніе Костромской стороны сначала московскимъ митрополитомъ Платономъ, послѣ того императоромъ Павломъ I» (въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1855 г,, № 27); «Генералъ-губернаторъ для костромской стороны въ отношеніяхъ: нравственномъ, строительномъ и образовательномъ, въ царствованіе Екатерины Великой» (ib., 1857 г., № 21 и 22); «Историческій обзоръ обширности древней Костромской области» (ib., 1857 г., №№ 33, 36—40); «Укрѣпленныя мѣста древней Костромской области» (ib., 1858 г., №№ 35—38); «Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ» (ib, 1861 г., №№ 48 и 49; перепеч. въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ», 1865 г., кн. IV); «Моровыя повѣтрія въ Костромской сторонѣ въ 1654 г. и 1771—1772 г.» (въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ», 1859 г., кн. III); «Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи» (ib., 1845 г., кн. II), и др.

Помимо историческихъ изслѣдованій, Діевъ съ самаго же начала своей научной дѣятельности немало интересовался и этнографическими изысканіями, и не только въ Костромской губерніи, но и сосѣднихъ Владимірской и Ярославской. Не имѣя возможности самъ напечатать свои «Собранія», онъ сообщалъ ихъ И. М. Снегиреву, который и щедро воспользовался ими при составленіи своихъ трудовъ: «Русскіе простонародные праздники и свадебные обряды» (М., 1837—1839 г.) и «Русскія народныя пословицы и притчи» (М., 1848 г.). За посланное въ академію наукъ «Собраніе словъ языка, употребляемаго въ Нерехтѣ, подъ названіемъ Елтанскаго» (извѣстнаго во Владимірской губерніи подъ именемъ «Офенскаго»), Діеву была «изъявлена искренняя благодарность» отъ президента II отдѣленія.

Изучая языкъ, обычаи и праздники костромского вообще и нерехтскаго въ частности простонародія, М. Я. одновременно заинтересовался и агіологіею, какъ она представляется сознанію народа. «Въ дополненіе къ нерехтскимъ обычаямъ», писалъ онъ Снегиреву (1830 г.), «я помѣщу статью и о святыхъ, коихъ костромскіе крестьяне почитаютъ покровителями сельскихъ работъ...» Впослѣдствіи онъ расширилъ программу своихъ агіологическихъ изслѣдованій, результатомъ которыхъ было оставшееся въ рукописи сочиненіе: «Святая Русь или жизнеописаніе святыхъ Россійской имперіи», въ трехъ частяхъ, на 882 листахъ, и много сообщилъ данныхъ А. Н. Муравьеву, для его труда: «Житія святыхъ россійской церкви, также иверскихъ и грузинскихъ» (Спб., 1857 — 1865 г.). О нѣкоторыхъ святыхъ Діевъ помѣстилъ статейки въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара.

Въ 1840—50-хъ гг. Діевъ особенно усердно занимался составленіемъ «Продолженія словаря духовныхъ писателей въ Россіи» и собираніемъ «Матеріаловъ» для «историческаго словоря» вообще костромскихъ ученыхъ и писателей. Послѣдніе (т. е. «Матеріалы») вошли въ изданіе А. А. Титова: «Матеріалы для біо-библіографическаго словоря. Словарь духовнаго и свѣтскаго чина Костромской губерніи». По рукописи Діева: «Ученые дѣлатели костромского вертограда» (въ «Библіографическихъ Записках», 1892 г., № 5). Есть свидѣтельства, что изъ своихъ матеріаловъ о писателяхъ М. Я. многое сообщалъ митрополиту Евгенію Болховитинову и архіепископу Филарету, автору «Обзора русской духовной литературы». Одновременно съ этимъ онъ составилъ: «Историческій и генеалогическій лексиконъ бояръ, дворянъ и другихъ членовъ россійскаго государства до Петра» (три тома на буквы А—В и Л и М), и «Историческій словарь городовъ, селъ и разныхъ мѣстечекъ Ко-

стромской губерніи». То и другое осталось ненапечатаннымъ. Наконецъ, особую и довольно значительную группу произведеній М. Я. составляютъ его работы по исторіи россійской іерархіи вообще и костромской іерархіи и епархіи въ частности. Еще въ 1836 — 37 г. онъ составилъ «Исторію о владыкахъ новгородскихъ»; по предложенію И. М. Снегирева, принялся въ 1839 г. за повѣрку «Іерархическаго каталога Никодима Селлія»; а затѣмъ, приглашенный въ комиссію при св. Синодѣ, занялся повѣркою съ лѣтописями и актами «Іерархическихъ каталоговъ россійскихъ древнихъ епархій» и приготовилъ «Историческія изслѣдованія при повѣркѣ каталоговъ митрополитовъ всея Руси съ древнерусскими лѣтописями» (рукопись на 336 листахъ). Изслѣдованія, относящіяся до «Исторіи россійской іерархіи съ іерархическими примѣчаніями» (на 127 л.), «Дополненія» и «Матеріалы» для исторіи россійской іерархіи (первыя на 425, а вторыя на 377 л.). По отношенію къ костромской епархіи написалъ: «Первое столѣтіе костромской епархіи» (нѣсколько частей съ особыми томами «Матеріаловъ»), «Церковно-историческое описаніе костромской епархіи» и «Историческое изслѣдованіе ея же», и «Нѣкоторыя свѣдѣнія о монастыряхъ костромской, владимірской и ярославской епархій» (на 230 листахъ). Изъ всѣхъ этихъ работъ не было напечатано ничего, но только недавно съ содержаніемъ одной изъ нихъ по рукописи Императорской публичной библіотеки («112 лѣтъ костромской епархіи») познакомилъ въ своей брошюрѣ г. Полетаевъ.

Въ заключеніе укажемъ на напечатанныя статьи Діева и на тѣ болѣе крупныя рукописи его, которыя хранятся у г. Титова, а именно: на «Историческое описаніе костромского Ипатьевскаго монастыря» (М., 1858 г.); «Сказаніе о находящихся во Владимірской церкви г. Нерехты двухъ прославленныхъ чудотвореніями св. иконахъ Божіей Матери, именуемыхъ Владимірскими» (М., 1860 г.); «Солигаличъ» (въ «Костромскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ», 1859 г., №№ 10—12); «Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій «Русской Правды» (въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1839 г., ч. XXII); «О вирахъ у россіянъ въ X и XI столѣтіяхъ» (въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ», т. I, кн. 2) и «Бытъ священниковъ въ г. Нерехтѣ» (въ «Костромской Старинѣ», вып. IIIV. Изъ рукописей, кромѣ вышеупомянутыхъ, больше всего сохранилось такъ называемыхъ «Сборниковъ» или «Собраній» (до 10) разныхъ статей Діева; затѣмъ «Переписка» съ разными лицами (въ «Трехъ томахъ»); большая статья «О старинныхъ волостяхъ и станахъ, находящихся въ Костромской губерніи», «Опытъ изъясненія псалма LXVII», и др.

Въ Московское общество исторіи и древн. Россійскихъ Діевъ доставилъ найденные имъ: «рѣдкій манускриптъ о посольствахъ Даудова», Воскресенскую Солигаличскую лѣтопись, шуйскіе акты и мн. друг. документы.

„Автобіографія“ Діева (Рукопись Императ. публичной библіотеки); „Письма“ его къ Снегиреву (въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Росс.“, 1887 г., кн. I; тамъ же въ предисловіи и краткая біографія Діева, составленная А. А. Титовымъ); Н. Полетаевъ, „Протоіерей М. Я. Діевъ и его историко-археологическіе и этнографическіе труды“ (Кострома, 1891 г.) и А. А. Титовъ, „Ученый протоіерей костромской епархіи М. Я. Діевъ и его рукописи“ (въ „Библіографическихъ Запискахъ“, 1892 г., № 2).

В. Рудаковъ.

Діодоръ (Ильдомскій), іеромонахъ, былъ сынъ рязанскаго протоіерея, воспитывался въ Рязанской семинаріи, по окончаніи ея поступилъ въ С.-Петербургскую духовную Академію, которую окончилъ въ 1855 г. со степенью магистра и тогда же былъ опредѣленъ баккалавромъ въ Казанскую духовную академію по классу нравственнаго богослуженія и литургики. Черезъ два года былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Спб. духовную академію по классу введенія въ православное богослуженіе и церковнаго краснорѣчія. Д. прекрасно зналъ древніе и новые языки и обладалъ значительнымъ ораторскимъ талантомъ. Ранняя смерть помѣшала развиться его дарованіямъ. Онъ умеръ 3 января 1860 г. и похороненъ на Александро-Невскомъ кладбищѣ. Изъ его произведеній извѣстно «Слово на погребеніе ординарнаго профессора дух. акад. А. И. Мишина», помѣщенное въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1855 г. («Странникъ 1860 г. февраль. Смѣсь от. IV, стр. 29).

Діодоръ (въ мірѣ—Діомидъ), преподобный, основатель и 1-й строитель Юрье-

горской Демьяновой пустыни въ 25 верстахъ отъ Олонца (1580—1633 гг.). Уроженецъ Турчасовскаго прихода Каргопольскаго уѣзда, св. Діодоръ родился около 1580 года. На 19-мъ году отъ рожденія, т. е. около 1600 г., поступилъ въ Соловецкій монастырь и вскорѣ постригся въ монашество съ именемъ Діодора. Развившееся въ то время стремленіе къ пустынножительству коснулось и св. Діодора; отъ голода и подвиговъ его находили едва живымъ; настоятели вынуждены были даже принимать мѣры противъ страсти къ отшельничеству: вмѣстѣ съ другими и св. Діодоръ былъ заключенъ въ оковы и водворенъ въ монастырь. Черезъ три мѣсяца, св. Діодоръ снова удалился въ пустыню и прожилъ на Соловецкомъ островѣ полгода, затѣмъ разстался съ Соловками, удалился на Онегу и на Юрьевой горѣ, надъ озеромъ Вадломъ въ Олонецкой губерніи, прожилъ семь лѣтъ. Св. Діодоръ выхлопоталъ разрѣшеніе на устройство обители, построилъ тамъ два храма и кельи для братіи. У новой обители было много нуждъ, у нея не было даже своего хлѣбопашества и иноки часто голодали; недовольные не разъ хотѣли убить св. Діодора. Скончался св. Діодоръ 27 ноября 1633 года въ Каргополѣ, гдѣ былъ по нуждамъ обители. Чрезъ два года тѣло его перевезено въ основанную имъ пустынь. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ, а память его празднуется церковію 27 ноября.

(Филаретъ—«Житія Святыхъ», ноябрь).

Здр.

Діонисій, митрополитъ всероссійскій, поставленный на каѳедру въ февралѣ 1581 года изъ игуменовъ Хутынскаго монастыря, былъ извѣстенъ, какъ умный, образованный и краснорѣчивый человѣкъ, отчего и называется въ хронографахъ «премудрымъ грамматикомъ». Вскорѣ по воцареніи Ѳеодора Іоанновича подъ предсѣдательствомъ Д. былъ созванъ (20 іюля 1584 г.) соборъ знатнѣйшаго духовенства по вопросу о церковныхъ вотчинахъ, которыя ранѣе были свободны отъ разныхъ государственныхъ повинностей; по рѣшенію собора нѣкоторыя изъ льготъ, въ виду тяжелаго положенія государевой казны и служилыхъ людей, были отмѣнены. Въ той смутѣ, которая началась при царѣ Ѳеодорѣ, Д. явился сперва миротворцемъ: онъ содѣйствовалъ примиренію Бориса Годунова съ кн. Шуйскими, но, когда обнаружилось, что Борисъ не прекратилъ преслѣдованій сторонниковъ Шуйскихъ, Д. перешелъ къ партіи противниковъ Бориса и въ 1586 г. согласился съ ними бить челомъ царю Ѳеодору, чтобы онъ развелся съ царицей Ириной, какъ безплодною, и женился на другой. Узнавъ во-время объ этомъ замыслѣ, Борисъ убѣдилъ Д. оставить это дѣло, обѣщаясь никому не мстить. Однако, когда послѣ новаго извѣта Шуйскіе были сосланы, Д. явился къ царю съ обличеніемъ неправды Годунова, которому царь, по ихъ мнѣнію, оказывалъ чрезмѣрное довѣріе. За подобное открытое дѣйствіе противъ царскаго шурина Д. былъ лишенъ каѳедры въ 1587 г. и сосланъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ и скончался.

Макарій Ист. рус. церкви, т. IV. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. II.

А. Б.

Діонисій (въ мірѣ Давидъ), архіепископъ суздальскій, митрополитъ московскій и всея Россіи, причтенный къ лику святыхъ (память его празднуется 15 октября и 26 іюня), родился около 1300 г. въ предѣлахъ кіевскихъ, но кто были его родители и гдѣ они жили, точно неизвѣстно. Постригшись въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и рукоположенный въ іеромонахи, Д. ушелъ къ Нижнему-Новгороду и въ «трехъ поприщахъ» отъ него основалъ въ 1330 г. Печерскую обитель съ храмомъ во имя Вознесенія Господня. Въ этомъ монастырѣ Д. былъ сперва игуменомъ, а затѣмъ архимандритомъ. Обитель пріобрѣла всеобщее уваженіе, сдѣлалась «училищемъ христіанской вѣры и благочестія», и въ ней считалось до 900 иноковъ. Въ 1371 г. Д. былъ хиротонисанъ въ епископа суздальскаго и нижегородскаго, а въ 1375 г., при избіеніи нижегородцами пословъ Мамая, ему пришлось много поработать для умиротворенія смуты. Черезъ три года послѣ этого скончался св. митрополитъ Алексій и въ русской церкви настали сильныя замѣшательства. Великій князь Димитрій Іоанновичъ желалъ возвести на митрополичій престолъ своего духовника, архимандрита Новоспасскаго монастыря Михаила (котораго называли Митяемъ), но духовенство противилось желанію великаго князя. Д. также протестовалъ противъ поставленія Михаила безъ санкціи Константинопольскаго патріарха и, пріі-

ѣхавъ въ Москву, не явился съ поклономъ къ нареченному митрополиту. Когда Михаилъ послалъ ему за это выговоръ, то Д. пришелъ къ нему и сказалъ: «Ты присылалъ сказать мнѣ, что ты мой начальникъ, но ты мнѣ нисколько не начальникъ; не мнѣ къ тебѣ, но тебѣ ко мнѣ надлежало придти съ поклономъ: я епископъ, а ты попъ, но кто больше — епископъ или попъ?» Михаилъ отвѣтилъ угрозой «сдѣлать изъ Д. меньше чѣмъ попа», а затѣмъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «многа брань бысть и молва промежъ ихъ». Д. рѣшился идти въ Константинополь, чтобы самому добиваться митрополіи, но великій князь приказалъ схватить его и посадить въ заключеніе. Однако Д. «преухитрилъ» великаго князя: давъ обѣщаніе не ѣздить въ Константинополь и выпущенный на поруки преп. Сергія Радонежскаго, онъ вскорѣ изъ Нижняго-Новгорода бѣжалъ Волгой въ Константинополь, чѣмъ причинилъ много бѣдъ и непріятностей св. Сергію. Тогда же отправился въ Константинополь и Михаилъ, но въ пути умеръ. Посвященія на русскую митрополію добился подкупомъ переяславскій архимандритъ Пименъ, бывшій въ свитѣ Михаила, но великій князь отослалъ его въ Чухлому. Въ то же время кандидатомъ на московскую каѳедру выступилъ кіевскій митрополитъ Кипріанъ, но и его домогательства не были успѣшны. Д. вернулся въ 1383 г. съ саномъ архіепископа и въ слѣдующемъ году былъ посланъ великимъ княземъ въ Константинополь «управленія ради митрополіи русскія». Патріархъ низложилъ Пимена и, нарекши Д. митрополитомъ, отправилъ съ нимъ въ Москву двухъ греческихъ митрополитовъ для поставленія его на каѳедру. Но по дорогѣ, по проискамъ Кипріана, Д. былъ схваченъ въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ и заточенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ 15 октября 1385 года. Діонисій между прочимъ много сдѣлалъ въ борьбѣ противъ стригольниковъ.

Св. *Макарій.* Ист. рус. церкви, т. IV. *Голубинскій.* Ист. рус. церкви, т. II. *Соловьевъ.* Ист. Россіи, т. I (изд. Общ. Пользы). *Лавровъ.* Св. Діонисій, архіеп. Суздальскій и митроп. всея Россіи. Нижн.-Новг. 1892.

А. Б.

Діонисій *Балабанъ,* митрополитъ Кіевскій, умеръ въ 1663 году. По окончаніи курса въ Кіево-Могилянскомъ коллегіумѣ, Діонисій, принявъ постриженіе, избранъ былъ епископомъ холмскимъ, потомъ луцкимъ, а затѣмъ, пользуясь покровительствомъ Выговскаго, «обранъ» былъ въ 1656 г. въ митрополиты кіевскіе. Д. проявилъ себя какъ сторонникъ Польши въ малороссійскихъ дѣлахъ, а не Москвы, и за утвержденіемъ въ санѣ митрополита обратился не къ Московскому патріарху, а къ Константинопольскому, что возбудило неудовольствіе московскаго правительства.

Г. Ѳ. Карповъ: Діонисій Балабанъ, митрополитъ кіевскій. Изъ исторіи отношеній кіевской церковной іерархіи къ московскому правительству 1654—1661 г. (Пр. Об., 1874, I).— Эйнгорнъ: Очерки по исторіи Малороссіи въ XVII в. М. 1899.

Діонисій (*Глушицкій*), преподобный игуменъ, основатель Діонисіева Глушицкаго Покровскаго монастыря Вологодской епархіи (1362—1437 гг.). Св. Діонисій родился въ концѣ 1362 г., близъ города Вологды, но кто были его родители и какъ онъ провелъ лѣта дѣтства и юности, объ этомъ не сохранилось никакихъ сказаній. Иноческую жизнь преподобный началъ въ Спасо-Каменной обители, на островѣ Кубенскаго озера, гдѣ постригся въ монашество и подвизался девять лѣтъ. Затѣмъ сталъ искать уединенія, перебрался на другую сторону озера и въ мѣстности «Святая Лука» устроилъ церковь (послѣ — Святолуцкій монастырь). Другимъ мѣстомъ уединенія преподобнаго Діонисія была мѣстность на сѣверо-восточномъ берегу Кубенскаго озера на рѣкѣ Глушицѣ близъ села Устья, гдѣ онъ въ 1402 г. построилъ Покровскую церковь и братскія келіи, а въ 1412 г.—величественный храмъ. Жизнь подвижниковъ новоустроенной общежительной обители текла въ непрестанной молитвѣ, строгомъ постѣ и проч. Преподобный игуменъ Діонисій былъ милосердъ, незлобивъ и щедръ на благотвореніе. Наконецъ, третьимъ мѣстомъ уединенія преподобнаго была мѣстность «Сосновецъ» въ 4-хъ верстахъ отъ монастыря, и тамъ онъ въ 1420 г. выстроилъ храмъ и нѣсколько келій для избранныхъ иноковъ; имъ же устроена по близости была Леонтьевская церковь съ общежитіемъ для монахинь, въ 18-ти верстахъ отъ монастыря — Воскресенскій храмъ и на рѣкѣ Двиницѣ— Никольскій. Скончался преподобный Діонисій 1-го іюня 1437 года, на Московскомъ

соборѣ въ 1547 г. онъ причтенъ къ лику святыхъ; мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ устроенной имъ въ Сосновицѣ церкви; память его празднуется 1-го іюня.

(Вологодск. Епарх. Вѣдом. 1870 г., № 11).

Здр.

Діонисій *(въ мірѣ Давидъ Ѳедоровичъ Зобниковскій)*, преподобный, архимандритъ Троице-Сергіева монастыря (нынѣ лавры), родился въ 1570—71 г. въ городѣ Ржевѣ, гдѣ отецъ его былъ старостой Ямской слободы. При Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ было какое-то училище, и здѣсь Д. обучался грамотѣ у монаховъ Гурія и Германа. Благодаря своему прилежанію и выдающимся природнымъ способностямъ, Д. сдѣлалъ большіе успѣхи, но, какъ передаетъ его «Житіе», годы пребыванія въ школѣ были для него очень тяжелы, такъ какъ при своемъ мягкомъ и скромномъ характерѣ онъ терпѣлъ много всякихъ притѣсненій отъ товарищей, которые глумились надъ нимъ, «кличъ творяще», или «длани своя согнувше біяху пхающе», или, наконецъ, «свертки холщевые въ рукахъ имуще, уязвляху святаго». Достигши «совершеннаго возраста», Д. думалъ постричься въ монахи, но его родители воспротивились этому желанію, и онъ, женившись на нѣкоей дѣвицѣ Вассѣ, становится священникомъ въ с. Ильинскомъ, около Старицы. Это было въ 1595—1596 г., а черезъ 6 лѣтъ умираютъ его жена и двое сыновей, и такимъ образомъ порываются связи Д. съ мірской жизнью. Онъ принимаетъ монашество въ Успенскомъ Старицкомъ монастырѣ и года черезъ три (1605) достигаетъ сана архимандрита въ этой обители. Возвысившись такимъ образомъ въ церковно-іерархическомъ отношеніи, Д. уже съ самаго начала обнаруживаетъ то патріотическое направленіе, которое впослѣдствіи являлось отличительной чертой его дѣятельности: когда въ Старицкій монастырь былъ сосланъ Лжедмитріемъ I сверженный съ престола патріархъ Іовъ, Д., несмотря на распоряженіе изъ Москвы содержать его какъ можно строже, «во озлобленіи скорбнемъ», принимаетъ Іова, какъ безвинно-преслѣдуемаго, сближается съ нимъ, старается его успокоить, спрашиваетъ у него, какъ у истиннаго патріарха, наставленій и приказаній. При дальнѣйшемъ развитіи смуты, охватившей Московское государство, въ царствованіе Василія Шуйскаго, Д. получаетъ возможность проявить свой патріотизмъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, выражать его всенародно: прибывъ въ Москву еще въ 1607 г., какъ полагаетъ его новѣйшій біографъ, Д. становится извѣстнымъ патріарху Гермогену и пріобрѣтаетъ его расположеніе, а въ слѣдующемъ году онъ является уже ревностнымъ помощникомъ патріарха въ дѣлѣ охраненія законнаго порядка, нарушаемаго всякими политическими смутьянами; онъ обращается съ краснорѣчивыми увѣщаніями къ народу, возставшему противъ Шуйскаго; иногда за такое заступничество въ пользу царя ему приходится, какъ передаетъ его «Житіе», подвергаться брани и побоямъ, однако, онъ остается неизмѣнно вѣрнымъ своему долгу. При подобномъ участіи въ политическихъ событіяхъ того тревожнаго времени, Д. жилъ въ Старицкомъ монастырѣ только два года, послѣдніе же годы своего управленія имъ онъ постоянно пребываетъ въ Москвѣ, до своего назначенія 10-го февраля 1610 г. архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря, выдержавшаго передъ тѣмъ 16 мѣсяцевъ осады. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ назначенія Діонисія къ Троицѣ произошло сверженіе съ престола Василія Шуйскаго, Москва присягнула Владиславу, а затѣмъ послѣдовалъ рядъ событій, приведшихъ къ рѣзнѣ между поляками и русскими и къ сожженію Москвы 19-го марта 1611 года. Извѣстіе объ этомъ послѣднемъ фактѣ немедленно достигло Троице-Сергіевскаго монастыря, и Діонисій отправилъ на помощь москвичамъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ Авраамія Палицына. Между тѣмъ отъ Москвы къ Троицѣ двинулись пострадавшіе отъ пожара и разоренія, ища здѣсь убѣжище въ своемъ отчаянномъ положеніи: «мнози испечены быша, а съ иныхъ власы съ главъ содраны, а у иныхъ ременіе изъ хребтовъ вырѣзаны, у иныхъ на крестъ руки и ноги обсѣчены, а у иныхъ чрева прожжены каменіемъ разженнымъ». Многіе, не будучи въ силахъ добраться до монастыря, падали по дорогѣ, такъ что и монастырь и окрестныя слободы и деревни были наполнены умирающими или лишенными крова, одежды и пищи. Въ этотъ

моментъ положеніе Діонисія было крайне затруднительнымъ: необходимо было оказать безотлагательно помощь бѣдствующему люду, помощь требовалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а средствъ въ распоряженіи архимандрита было очень мало, такъ какъ монастырь, только-что перенесшій продолжительную осаду, еще не оправился и находился въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Діонисій проявилъ необычайную энергію; весь отдавшись дѣлу помощи пострадавшимъ, онъ, какъ говорится въ его «Житіи», не имѣлъ себѣ покою «не токмо на единъ день, но почти не на единъ часъ, и всегда дозиралъ болящихъ». Благодаря такой энергіи, по свидѣтельству Симона Азарьина, «нагимъ одежда бысть, страннымъ упокоеніе, нищимъ и гладнымъ прокормленіе, отъ мраза изгибающимъ теплое утѣшеніе, страннымъ и раненымъ и, конечно, издыхающимъ отпускъ отъ сего свѣта съ напутіемъ вѣчнаго живота, мертвымъ же погребеніе бываше». Какъ, однако, ни широка и напряженна была благотворительная дѣятельность Д., ею не ограничивалась его роль въ это тяжелое для всего русскаго государства время. Діонисій явился однимъ изъ возбудителей того великаго народнаго движенія, которому суждено было возстановить расшатавшійся государственный порядокъ. Онъ разсылаетъ по городамъ грамоты о московскомъ разореніи, призываетъ всѣхъ русскихъ людей ополчиться на защиту отечества. Значеніе этихъ грамотъ признается почти всѣми изслѣдователями, кромѣ И. Е. Забѣлина, который находитъ, что движеніе возбуждалось не Діонисіемъ, а патр. Гермогеномъ. Нельзя, конечно, вполнѣ принимать извѣстій, идущихъ изъ Троицкихъ источниковъ, объ исключительномъ значеніи грамотъ Діонисія, нельзя думать, что нижегородское ополченіе поднялось лишь благодаря этимъ грамотамъ; но съ другой стороны нельзя и совсѣмъ отвергать вліяніе Троицкаго призыва. «Въ созиданіи рѣшенія нижегородцевъ, какъ отмѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь, дѣйствовало нѣсколько силъ. Приходившія къ нижегородцамъ извѣстія о крайнихъ бѣдствіяхъ государства будили въ нихъ патріотическую ревность вмѣстѣ съ сознаніемъ необходимости выйти изъ печальнаго положенія. Но, ослабленные силами, они не видѣли средствъ для выхода. Разныя грамоты и отписки городовъ были новыми возбудителями духа нижегородцевъ въ томъ же направленіи». Огромное значеніе имѣли и грамоты патр. Гермогена, но Троицкая грамота была послѣднимъ толчкомъ, побудившимъ нижегородцевъ къ дѣйствію. Какъ бы то ни было, послѣ знаменитаго похода Минина и Пожарскаго смута была подавлена, и въ апрѣлѣ 1613 г. Діонисій встрѣчалъ въ Троицкомъ монастырѣ царя Михаила Ѳеодоровича. Въ началѣ царствованія Михаила, какъ извѣстно, созывалось не мало соборовъ земскихъ для устроенія разорившагося государства: Діонисій присутствуетъ на этихъ соборахъ, но теперь его политическая роль уже не такъ важна. Для него открывается работа въ наиболѣе близкой ему сферѣ: 8-го ноября 1616 г. ему поручено было исправленіе церковнобогослужебныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими помощниками, изъ которыхъ особенно выдавались Иванъ Насѣдка и Арсеній Глухой, Діонисій принялся за работу, за розысканіе лучшихъ древнихъ списковъ, на основаніи которыхъ и производилъ провѣрку современнаго ему богослужебнаго текста. Измѣненія, внесенныя этой провѣркой въ требникъ и др. книги, показались настолько странными, что послышались голоса противъ Діонисія и его товарищей. Ихъ заподозрили въ еретичествѣ, въ народѣ даже распространился слухъ, что они хотятъ истребить въ мірѣ огонь (такъ какъ они вычеркнули въ молитвѣ при водоосвященіи слова: «и огнемъ»); созванный въ 1618 году, соборъ отлучилъ Діонисія отъ церкви и постановилъ сослать его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Но въ эту дальнюю ссылку оказалось невозможнымъ проѣхать, и Діонисій былъ заключенъ въ Новоспасскій монастырь. Всѣ эти испытанія и униженія окончились въ 1619 году, когда патріархъ Филаретъ созвалъ новый соборъ для пересмотра дѣла Діонисія, который былъ съ честью возвращенъ въ Троицкій монастырь. На соборѣ въ пользу Діонисія вѣроятно высказался іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, котораго затѣмъ Діонисій принималъ въ своемъ монастырѣ. Дальнѣйшая жизнь Діонисія протекаетъ въ заботахъ объ устроеніи ввѣренной ему обители. 10-го мая 1633 года онъ скончался.

Во второй половинѣ XVII в. онъ причтенъ къ лику святыхъ.

См. *Костомаровъ*, Русская ист. въ жизнеописаніяхъ, т. I. *Его же*, Смутное время. *Забѣлинъ*, Прямые и кривые въ смутное время. М. 1898. *Скворцовъ*, Діонисій Зобниковскій, архимандритъ Троице-Сергіева монастыря. Тверь. 1890.

А. Бороздинъ.

Діонисій (грекъ - святогорецъ), архіепископъ ростовскій (1418—1426 гг.). Постриженникъ Аѳонской горы, Діонисій прибылъ въ Москву изъ Царьграда, былъ благосклонно принятъ государемъ Димитріемъ Донскимъ и помѣщенъ въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Затѣмъ Діонисій былъ назначенъ игуменомъ Спасокаменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ и ввелъ тамъ уставъ Аѳонской горы. За строго-подвижническую жизнь Діонисій 12-го іюня 1418 года «нужею» былъ поставленъ въ епископа ростовскаго, ярославскаго и бѣлозерскаго; при немъ въ Ростовѣ была моровая язва, ради чего имъ изданъ былъ приказъ о служеніи молебновъ и объ окропленіи народа св. водою. Скончался онъ 18-го октября 1425 года. По нѣкоторымъ рукописнымъ святцамъ Діонисій значится святымъ подъ 18-мъ октября.

(Титовъ—«Ростовская іерархія». Прот. Діевъ—«Повѣрка іерархич. каталоговъ», рук. синод. архива).

Здр.

Длатовскій, *Александръ Алексѣевичъ*, профессоръ Горнаго корпуса и Лѣсного и Межевого института, родился въ 1809 г., получилъ образованіе въ Лѣсномъ институтѣ, который окончилъ въ 1829 г., затѣмъ былъ отправленъ за границу и слушалъ лекціи въ Нейштадтъ-Эберсвальдской Лѣсной академіи; возвратившись изъ-за границы, Д. въ 1834 г. получилъ мѣсто преподавателя лѣсныхъ наукъ въ Лѣсномъ и Межевомъ институтѣ и лѣсоводства въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1844 г. произведенъ въ чинъ маіора и продолжалъ преподавательскую дѣятельность до 1866 г., затѣмъ перешелъ на службу по администраціи и служилъ сначала управляющимъ Вятской палатой государственныхъ имуществъ, а затѣмъ, въ чинѣ генералъ-маіора, постояннымъ членомъ лѣсного аудиторіата. Умеръ въ 1868 г. Въ 1843 г. Длатовскій составилъ и издалъ извѣстный въ свое время «Курсъ лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія, читанный въ лѣсной ротѣ Лѣсного и Межевого института», X+440 стр. Спб. 1843. Изд. министерства государственныхъ имуществъ, и для «Памятной книги для чиновъ губернскаго Лѣсного Управленія» (3 части. Спб. 1845—48) написалъ отдѣлъ «Лѣсоразведеніе», представляющій перепечатку «Курса», съ пропускомъ лишь одного отдѣла, заключающаго описаніе древесныхъ породъ.

Историческій очеркъ Горнаго института проф. Лоранскаго въ «Научно-историческомъ Сборникѣ Горнаго института» Спб. 1873. Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона. Вереха и Рудзкій. Указатель русской литературы лѣсоводства.

Длатовскій, *Эрастъ Константиновичъ*, ген.-отъ-инфантеріи, род. 1807 г., ум. 13 іюня 1887 г; изъ дворянъ Смоленской губ.; въ службу вступилъ юнкеромъ въ 1823 г. въ Переяславскій конно-егерскій полкъ, изъ котораго въ 1825 г., съ производствомъ въ корнеты, переведенъ въ Кирасирскій Военнаго Ордена полкъ, изъ сего въ 1834 г. въ Генеральный Штабъ, гдѣ, въ 1845 г., изъ подполковниковъ произведенъ въ полковники; въ 1853 г.—въ ген.-маіоры; въ 1856 г. Эрастъ Константиновичъ назначенъ вице-директоромъ Д-та военныхъ поселеній; въ томъ же году членомъ комитета по преобразованію кавалеріи военнаго поселенія; въ 1857 г. непремѣннымъ членомъ временнаго распорядительнаго комитета по устройству Южныхъ поселеній, потомъ членомъ комитета квартирной повинности въ городахъ имперіи. Въ 1862 г. Эрастъ Константиновичъ произведенъ въ ген.-лейтенанты, потомъ занималъ должности: военнаго начальника Витебской губ. и командующаго войсками, въ ней расположенными, предсѣдателя комиссій для разрѣшенія поземельнаго спора въ распредѣленіи лѣваго берега Урала между тамошнимъ казачьимъ войскомъ и зауральскими киргизами, члена тюремнаго комитета, предсѣдателя окружнаго суда Петербургскаго военнаго округа и съ 1869 г. члена, а съ 1880 г. предсѣдателя Главнаго Военнаго Суда, гдѣ 30 августа 1881 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Эрастъ Константиновичъ въ 1831 г. участвовалъ въ сраженіяхъ на поляхъ Грахольскихъ подъ Прагою, за что и награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. съ бантомъ и потомъ при взятіи и покореніи

Варшавы, гдѣ за отличную храбрость награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ и золотою шпагою съ надписью: «За храбрость» и кромѣ этого получилъ серебряную медаль и польскій знакъ отличія за военныя достоинства 4 степени.

(Форм. въ Главномъ Штабѣ за 1885 г. св. 106). *Б. Т.*

Дмитрашко (и рѣже **Думитрашко**), *Родіонъ Григорьевичъ*, переяславскій полковникъ. Годъ рожденія неизвѣстенъ; умеръ около 1705 г., въ глубокой старости. Родомъ волохъ или сербъ, Дмитрашко, подписывавшійся обыкновенно *Райче* или *Райча* (вм. Родіона), впервые появился въ Украйнѣ лѣтомъ 1665 г., въ сопровожденіи 500 человѣкъ «товарищества хоругвей волоскихъ», какъ тогда выражались, или, вѣрнѣе, всякаго сброда. Въ это время тамъ велись постоянныя войны между Москвой, Польшей и крымскими татарами. Дмитрашко примкнулъ къ Москвѣ и въ то-же лѣто оказалъ ей двѣ важныхъ услуги: во-первыхъ, онъ перехватилъ письма, отправленныя желавшимъ поднять смуту и захватить при помощи поляковъ гетманство, полковника Степана Опары къ польскому королю, и во-вторыхъ — отстоялъ осажденное гетманомъ Дорошенко важное въ стратегическомъ отношеніи мѣстечко Рашково, надъ р. Днѣстромъ, которое потомъ обратилъ для себя въ крѣпкій оплотъ. Осенью того-же 1665 г. Дмитрашко присягнулъ московскому государю и, по требованію гетмана Брюховецкаго, наказалъ отпавшій отъ Москвы г. Гомель и расположился въ окрестностяхъ Борисполя и Остра «слѣдить за непріятелемъ». Послѣдній не замедлилъ явиться, и въ происшедшей подъ Переяславлемъ битвѣ Дмитрашко былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Вернувшись изъ плѣна черезъ годъ, онъ укрѣпилъ г. Золотоношу и, затѣмъ объявленный переяславскимъ полковникомъ, поселился въ мѣстечкѣ Барышевкѣ Когда Брюховецкій задумалъ измѣнить Москвѣ, Дмитрашко, кажется, былъ на его сторонѣ, и потому, благодаря обстоятельствамъ, послѣдовавшимъ за смертью гетмана, очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ рѣшилъ держаться особнякомъ и, призвавъ до 20.000 татаръ, дважды подступалъ къ Кіеву, желая отнять его у Москвы. Но вскорѣ перевѣсъ, оказавшійся на сторонѣ Москвы, заставилъ его снова присягнуть московскому государю (1669 г.), послѣ чего онъ оставался все время ему вѣрнымъ, несмотря на всѣ льстивыя приглашенія какія ему дѣлалъ Дорошенко. Первое время Дмитрашко, продолжая «зорко» слѣдить изъ своей Барышевки за непріятелемъ и доносить обо всемъ происходящемъ на другой сторонѣ Днѣпра, жилъ съ гетманомъ въ ладахъ, но потомъ отношенія ихъ измѣнились: придравшись къ его отказу явиться въ Батуринъ, гетманъ Многогрѣшный съ большимъ отрядомъ подступилъ къ Барышевкѣ, заковалъ въ цѣпи винившагося передъ нимъ Дмитрашко и увезъ въ Батуринъ. Здѣсь, впрочемъ, онъ позволилъ ему жить на свободѣ и даже «гостился» съ нимъ. Вскорѣ однако Дмитрашко принялъ участіе въ низложеніи задумавшаго измѣну Брюховецкаго, первымъ извѣстилъ объ этомъ князя Ромодановскаго и получилъ отъ царя богатые дары. Въ теченіе 1672—73 гг. онъ продолжалъ своедѣло наблюденія за врагами и между прочимъ принималъ участіе въ миссіи московскаго дипломата, подъячаго Щеголева—переманить на сторону Москвы каневскаго полковника Лизогуба. Въ 1674 г., когда двинулись на Дорошенко московскія и гетманскія войска, Дмитрашко стоялъ во главѣ отдѣльнаго отряда, съ титуломъ наказнаго гетмана, и успѣшно защищалъ отъ непріятелей поднѣстровскій край. Несмотря на это, гетманъ Самойловичъ за что-то лишилъ его полковничества (авг. 1674 г.). Мстительный Дмитрашко дважды принималъ участіе въ заговорахъ противъ гетмана (1676—1682 гг) и во второй разъ, подозрѣваемый въ сношеніяхъ съ поляками, былъ приговоренъ къ смертной казни, которая и была назначена на 5 февраля 1683 г. Но онъ какъ-то избѣгъ ея и, участвуя въ 1687 г. въ походѣ кн. В. В. Голицына противъ крымскихъ татаръ, помогъ паденію своего врага-гетмана. Новый гетманъ, Мазепа, заискивалъ предъ богатымъ, храбрымъ и вліятельнымъ полковникомъ и отправилъ его въ Москву съ какимъ-то порученіемъ (1688 г.); послѣ этого Дмитрашко сходитъ съ политической арены, и послѣдующія упоминанія о немъ указываютъ лишь на его благотворительную и церковно-строительную дѣятельность. До насъ дошло его духовное завѣщаніе, которое цѣликомъ и напечатано г. Стороженко.

Изъ другихъ представителей рода Дмитрашко наиболѣе выдающимися были: племянникъ Родіона Григорьевича — *Маркъ*, значковый товарищъ, завѣдывавшій хозяйствомъ своего дяди и умершій въ 1690 г.; *Дмитрій Марковичъ*, «знатный» войсковой товарищъ, любимецъ Мазепы, который давалъ ему важныя порученія, и послѣ бѣгства котораго онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ окт. 1713—1715 г.г.; и *Василій Алексѣевичъ* Послѣдній по своему времени былъ замѣчательный человѣкъ. Получивъ образованіе въ Силезіи и въ Прагѣ-чешской, онъ въ 1725 г. пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и до отъѣзда архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго въ Тверь занималъ должность учителя при его домѣ. Вернувшись въ 1731 г. на родину, Василій Алексѣевичъ получилъ званіе бунчуковаго товарища и затѣмъ въ 1735 г. былъ приглашенъ въ Москву для участія въ занятіяхъ извѣстной комиссіи «для перевода и свода книгъ правныхъ». Потомъ эта комиссія была переведена въ Глуховъ, и, когда Дмитрашко въ 1740 г. «занятый при счетной комиссіи и переводами съ латинскаго, нѣмецкаго и сербскаго діалектовъ на русскій языкъ», не могъ туда явиться, его отставили. Однако въ томъ-же году онъ былъ сдѣланъ березабскимъ сотникомъ. Годъ смерти его неизвѣстенъ.

А. Стороженко, «Очерки Переяславской старины» (Кіевъ, 1900 г.).

В. Р—въ.

Дмитревскій, *Дмитрій Ивановичъ*, писатель и педагогъ, одинъ изъ ревностныхъ распространителей идеи Новикова и Шварца въ провинціи, родился въ селѣ Дмитріевскомъ, Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи или въ 1758 году, или въ 1763 г., учился сначала въ Рязанской духовной семинаріи, потомъ въ Московскомъ университетѣ (съ 1782 по 1785 годъ; по другимъ даннымъ, въ 1782 онъ уже вышелъ изъ университета), гдѣ учился исторіи, географіи, латинскому, краснорѣчію, ариѳметикѣ, геометріи, экспериментальной физикѣ, естественной исторіи, французскому и нѣмецкому языкамъ. Въ 1785 году Д. поступилъ въ переводчики университетской типографіи. Годы ученія и первое время самостоятельной жизни Д. въ Москвѣ совпали съ эпохой расцвѣта дѣятельности Н. И. Новикова и И. Г. Шварца; въ это время было основано «Дружеское ученое общество» и, открылось «Собраніе университетскихъ питомцевъ» и учреждено, въ 1782 году, при университетѣ «переводческая или филологическая» семинарія. Дѣятельность всѣхъ этихъ учрежденій имѣла въ виду распространеніе просвѣщенія въ духѣ религіозно-нравственныхъ началъ; къ своей работѣ Новиковъ и Шварцъ привлекали молодежь, которая усердно воспринимала ихъ идеи, сотрудничала и переводила для ихъ изданій. Можно сказать, что не у одного юноши принципы, воспринятые въ новиковской атмосферѣ, опредѣлили направленіе работы всей жизни. Однимъ изъ такихъ былъ Дмитревскій. И въ своей литературной, и въ своей служебной дѣятельности онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ завѣтовъ Новикова и распространителемъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, окрашеннаго слегка мистицизмомъ. Этотъ религіозно-нравственный элементъ проникаетъ всѣ его многочисленные переводы и немногочисленныя оригинальныя сочиненія. Намъ неизвѣстна въ подробностяхъ его дѣятельность, какъ переводчика, во время пребыванія его въ Москвѣ. Сохранилось извѣстіе, что онъ принималъ участіе въ изданіяхъ Новикова: «Бесѣды съ Богомъ или размышленія въ утренніе часы» (1787—89, 4 ч.), «Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры» (1787—88, 4 части) и «Бесѣды съ Богомъ или размышленія въ вечерніе часы» (1787—89, 4 части). Кромѣ того, Д. принималъ участіе въ «Московскомъ журналѣ» Н. М. Карамзина и въ «Зрителѣ» И. А. Крылова, но трудно указать, что именно принадлежитъ ему въ этихъ журналахъ, такъ какъ статьи не подписаны. Въ «Московскомъ журналѣ» (авг. 1792 г.) можно указать на Гимнъ, начинающійся словами: «Вся натура возвѣщаетъ» и подписанный: Д. Дмит—ской. Навѣрное, этотъ гимнъ принадлежитъ Д. Когда разразилась гроза надъ Новиковымъ и его кружкомъ, молодые ученики его разошлись въ разныя стороны, и нѣкоторые изъ нихъ нашли убѣжище въ московскомъ почтамтѣ, между ними и Д. И. Дмитревскій, опредѣленный секретаремъ почтамта въ 1793 году. Въ почтамтѣ Д. И. оставался до 1808 года, подвигаясь впередъ по служебной лѣстницѣ и дослужившись до чина надворнаго совѣтника. Свои досуги Д. по-

священалъ литературнымъ трудамъ (главнымъ образомъ, переводамъ), имѣвшимъ своей цѣлью распространеніе религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ, причемъ въ религіи Д. было много мистицизма. Самъ онъ, по всей вѣроятности, былъ массономъ. И сочиненія, и переводы Д. издавалъ анонимно, и трудно было бы среди многочисленныхъ анонимныхъ произведеній того времени опредѣлить принадлежащія Д., но онъ оставилъ списокъ своихъ работъ. Руководствуясь этимъ спискомъ, можно перечислить его труды: 1) Зеркало добродѣтели и благонравія для дѣтей. Сочиненіе Кейля, перев. съ нѣмецкаго, съ 89 сообразными сему картинками. М. 1794; 2-ое изд. М. 1806; 3-ье изд. М. 1811. 2) Всеобщія размышленія о строеніи міра, взятыя изъ руководства г. Боде къ познанію звѣзднаго неба. Пер. съ нѣм. М. 1794; 2-е изд. М. 1811. 3) Чувствованія любителя нравственной поэзіи. М. 1795; 2-е изд. М. 1812. 4) Благоразуміе, соединенное съ добродѣтелью, или политика мудраго, соч. Эккарстгаузена, пер. съ нѣм. М. 1795; 2-ое изд. М. 1805; 3-ье изд. М. 1816; изд. 4-ое Орелъ 1822, 2 части). 5) Зритель Божіихъ дѣлъ во вселенной или внимательное разсматриваніе мудраго порядка, совершенства и красоты натуры во всѣхъ царствахъ и элементарныхъ дѣйствіяхъ ея. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1796—97; 2-е изд. М. 1820. 6) Четыре возраста прекраснаго пола, соч. Захарія. Перев. Д.*** М. 1796. 7) Четыре времени года, поэма Томсона, пер. съ нѣм. М. 1798; 2-ое изд. М. 1803. 8) Присутствіе Божіе. М. 1798. 9) Полезная книжка для женатыхъ и холостыхъ, желающихъ счастливаго супружества. М. 1799. 10) Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской. М. 1801. 11) Человѣкъ по физикѣ и морали. Пер. М. 1804. 12) Природа — зеркало благости и премудрости Творца. Пер. 2 ч. М. 1805. 13) Уроки отца своимъ дѣтямъ или Собраніе изрѣченій и нравственныхъ мыслей, взятыхъ изъ лучшихъ древнихъ и новыхъ писателей, расположенныя по матеріямъ. Пер. М. 1808; 2-е изд. М. 1809. 14) Гласъ небесной тверди, возвѣщающій смертнымъ премудрость Творца. Пер. М. 1808. 15) Ученіе сердца человѣческаго. Пер. М. 1808. 16) Карманная книжка для воспитателей и воспитанниковъ, руководствующая къ истинному и полному образованію душевныхъ способностей, дѣлающему человѣка совершеннымъ. М. 1808. Въ спискѣ Дмитревскаго указаны и другіе переводы, но пріуроченіе его указаній къ опредѣленнымъ изданіямъ пока еще не сдѣлано.

Въ 1808 году Д. былъ назначенъ директоромъ училищъ Владимірской губерніи. На этой должности Д. показалъ себя достойнымъ послѣдователемъ Новикова и ревностно потрудился на пользу просвѣщенія. О его дѣятельности можно судить уже по одному тому факту, что при его вступленіи въ должность во Владимірской губерніи было всего 30 школъ, а въ 1827 году, когда Д. оставилъ службу, число школъ возросло до 115. Послѣ него это число стало падать. Кромѣ заботъ объ управленіи низшими школами, на Д. лежали обязанности по управленію средней школой — гимназіей. Историкъ Владимірской гимназіи дѣлаетъ высокую оцѣнку плодотворной работѣ Д. по гимназіи. Дмитрій Ивановичъ, пишетъ біографъ Д., былъ 20 лѣтъ директоромъ гимназіи, почти съ начала ея основанія; много положилъ онъ труда для организаціи школьнаго дѣла и достигъ такихъ результатовъ, что положенные имъ въ основаніе по учебной и воспитательной частямъ принципы со временемъ были признаны руководящими и обязательными для всѣхъ подобныхъ учебныхъ заведеній; предпринимавшіяся имъ мѣры нисколько не расходились, а скорѣе — предшествовали подобнымъ же мѣрамъ правительства. Все это заставляетъ отвести Дмитревскому подобающее мѣсто въ дѣлѣ развитія средняго образованія во Владимірской губерніи, причислить его къ разряду самыхъ полезныхъ дѣятелей губерніи».

И въ Владимірѣ продолжалась литературная дѣятельность Д., и все въ томъ же направленіи. За это время вышли слѣдующія книги: 17) О красотѣ и пользѣ наукъ съ присовокупленіемъ нравственныхъ изрѣченій къ назиданію юношества. М. 1810. 18) Дивный промыселъ Божій о сохраненіи тварей. М. 1815. 19) О премудрости и благости Божіей въ устроеніи различныхъ странъ міра. М. 1806. 2 изд. 20) Взглядъ на природу. М. 1821; 2 изд. 1827 и др. Послѣ учрежденія Библейскаго общества Д. принялъ въ немъ живѣйшее участіе; благодаря его стараніямъ, было основано Владимірское отдѣленіе общества и Д.

былъ директоромъ отдѣленія. Постепенно это отдѣленіе учредило филіальныя сотоварищества въ Муромѣ, Суздалѣ и Шуѣ. 12 сентября 1827 года Д., достигшій преклонныхъ лѣтъ, былъ уволенъ отъ службы въ чинѣ статскаго совѣтника и съ пенсіономъ за 42-лѣтнюю безпорочную службу въ размѣрѣ 950 руб. въ годъ. Во вторую половину своей жизни Д. обратился къ занятіямъ мѣстной исторіей и этнографіей. Еще въ 1820 году онъ представилъ въ Московское общество любителей россійской словесности «Сборникъ мѣстныхъ провинціальныхъ нарѣчій Владимірской губерніи»; когда въ 1838 году были основаны «Владимірскія Губернскія Вѣдомости», Д. помѣстилъ въ нихъ свои матеріалы для исторіи мѣстныхъ церквей. Въ «Вѣдомостяхъ» 1838 года были напечатаны имъ свѣдѣнія о Дмитріевскомъ соборѣ (№ 4), о Владимірскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (№ 5), о Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (№№ 10—14), о Владимірскомъ Рождественскомъ монастырѣ (№ 21). Эти статьи были потомъ перепечатаны въ книгѣ сына Д. «Взглядъ на достопамятности города Владиміра».

Умеръ Д. во Владимірѣ 30-го августа 1848 года. Онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго общества любителей россійской словесности и членомъ—соревнователемъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей.

О Д. см. «Историческій очеркъ Владимірской губернской гимназіи П. Н. Страхова Вып. I Владиміръ 1891 и книгу А. В. Смирнова «Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи». Вып. 3-й. Владиміръ 1898. Стр. 61—87. Въ статьѣ А. В. Смирнова, по которой составлена настоящая замѣтка, приведена литература. *П. Щ.*

Дмитревскій, *Иванъ Аѳанасьевичъ*. Біографическія свѣдѣнія о дѣтствѣ и юности знаменитаго русскаго актера крайне скудны и противорѣчивы. Прежде всего показанія біографовъ Дмитревскаго относительно его происхожденія и фамиліи его отца довольно сбивчивы. Впрочемъ, теперь можно не сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ сынъ ярославскаго священника, Аѳанасія Дьяконова. Родился Дмитревскій не въ 1736 году, какъ говорится въ словаряхъ митрополита Евгенія, Д. Бантышъ-Каменскаго, Г. Геннади и въ біографіи Дмитревскаго Н. Греча, а всего вѣроятнѣе въ 1733 году и, во всякомъ случаѣ, не позже 1734 года. Гдѣ воспитывался Дмитревскій? Одни говорятъ—въ Ярославской семинаріи, другіе—у пастора, жившаго въ то время въ Ярославлѣ при ссыльномъ герцогѣ курляндскомъ Биронѣ. Противорѣчіе это легко устраняется тѣмъ соображеніемъ, что у пастора онъ могъ учиться до поступленія въ семинарію или же, будучи въ семинаріи, брать у него частные уроки, наконецъ этотъ пасторъ могъ оказывать какое-нибудь вліяніе на Дмитревскаго въ качествѣ знакомаго человѣка. По существовавшему въ духовныхъ школахъ обычаю, сынъ священника Аѳанасія Дьяконова, поступивъ въ семинарію, получилъ фамилію Нарыкова. У біографовъ Дмитревскаго есть указанія, что въ семинаріи онъ числился первымъ въ классѣ риторики и поэзіи, обнаруживалъ склонность къ искусству и литературѣ. Неизвѣстно, какимъ образомъ произошло знакомство молодого Нарыкова съ Ѳ. Г, Волковымъ: можетъ быть, они познакомились у упомянутаго пастора, можетъ быть были товарищами съ дѣтства.

Когда Волковъ началъ устраивать театръ въ Ярославлѣ, то пригласилъ Нарыкова на женскія роли. 29-го іюня 1750 года труппой Волкова впервые были играны въ приспособленномъ для спектакля амбарѣ пьесы: драма «Эсѳирь» и пастораль «Эвмонъ и Берѳа». Въ 1751 году стараніями Волкова былъ открытъ въ Ярославлѣ общественный театръ. Въ началѣ 1752 года труппа Волкова, въ которой находился и Нарыковъ, была отправлена по приказанію императрицы Елисаветы Петровны въ Петербургъ. 18-го марта «Ярославцы» дебютировали на театрѣ Петербургскаго Зимняго дворца въ комедіи «О покаяніи грѣшнаго человѣка» (а не въ «Хоревѣ», какъ говорятъ старинные историки театра), а послѣ играли и другія пьесы тогдашняго репертуара. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Нарыковъ выступаетъ съ новой фамиліей, Дмитревскаго. Во многихъ біографіяхъ Дмитревскаго разсказывается, что Императрица Елисавета Петровна, сама наряжая Нарыкова къ роли Оснельды и найдя его чрезвычайно похожимъ на кавалера польскаго посольства, графа Дмитревскаго, приказала ему впредь носить эту фамилію. И. Ѳ. Горбуновъ («Русск. Вѣстн.» мартъ 1892 г.) называетъ этотъ разсказъ басней на томъ осно-

ваніи, что̀ Нарыковъ не игралъ ролизанной ему милости Государыни. Бракъ Оснельды, а графа Дмитревскаго въ аристократическихъ польскихъ фамиліяхъ не существовало. Правдоподобнѣе слѣдующіе извѣстіе: «Императрица, замѣтя, что молодой Дьяконовъ походитъ лицомъ на одного изъ ея придворныхъ служителей, Дмитревскаго, приказала называться ему Дмитревскимъ». Съ мая 1752 г. Дмитревскій сталъ числиться въ спискѣ придворныхъ актеровъ, а 10 сентября того же года онъ вмѣстѣ съ другимъ «ярославскимъ комедіантомъ», Алексѣемъ Поповымъ, опредѣленъ въ Шляхетный Кадетскій корпусъ «для необходимаго театральнымъ артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастикѣ». Въ Шляхетномъ корпусѣ Дмитревскій пробылъ четыре года. Кромѣ занятій въ корпусѣ, онъ выступалъ по временамъ на сценѣ придворнаго театра. Такъ, въ 1754 г., по случаю рожденія вел. князя Павла Петровича, было дано придворною труппою нѣсколько спектаклей, причемъ Дмитревскій исполнялъ главныя женскія роли.

30-го августа 1756 г. данъ былъ Высочайшій указъ сенату «учредить Русской для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Головкинской каменный домъ, что̀ на Васильевскомъ острову, близъ кадетскаго корпуса» (гдѣ теперь Академія Художествъ). 1-го ноября 1756 г., по требованію директора Русскаго театра Александра Петровича Сумарокова, Дмитревскій былъ отосланъ изъ кадетскаго корпуса и опредѣленъ въ актеры этого театра, съ жалованьемъ 300 р. въ годъ. Теперь Дмитревскому пришлось исполнять уже не женскія, а мужскія роли, такъ какъ для женскихъ ролей были назначены актрисы. Въ числѣ первыхъ актрисъ русскаго театра находилась и будущая супруга Дмитревскаго Аграфена Михайловна Мусина-Пушкина (род. 6-го іюля 1740 г.—† 20 іюля 1782 г.). Въ 1758 г. 29-го сентября Дмитревскій вступилъ въ бракъ съ А. М. Мусиной-Пушкиной. Императрица, всегда благосклонно относившаяся къ Дмитревскому, очень любившая Мусину-Пушкину особенно за ея умѣнье отлично пѣть русскія пѣсни, приказала выдать новобрачнымъ годовой окладъ ихъ жалованья и дать на сценѣ лѣтняго дворца спектакль въ ихъ пользу. Много лѣтъ спустя Дмитревскій съ чувствомъ глубокой признательности вспоминалъ объ оказанной ему милости Государыни. Бракъ Дмитревскихъ былъ очень счастливъ: супруговъ связывала не только личная привязанность, но и общіе интересы и дѣятельность. Наравнѣ съ своимъ мужемъ Аграфена Михайловна ревностно служила искусству, исполняя на сценѣ роли вторыхъ служанокъ, а также драматическія и комическія. У Дмитревскихъ было многочисленное потомство—6 сыновей и 4 дочери. Семья нисколько не помѣшала Дмитревскому предаваться самой неутомимой и разносторонней дѣятельности. Онъ исполнялъ на сценѣ множество самыхъ разнообразныхъ ролей, неутомимо пополнялъ театральный репертуаръ новыми пьесами, которыя переводилъ съ иностранныхъ языковъ или передѣлывалъ, наконецъ, по словамъ «Хроники» Носова, обучалъ вмѣстѣ съ Волковымъ театральному дѣлу на сценѣ кадетскаго корпуса придворныхъ пѣвчихъ и нѣкоторыхъ чиновниковъ съ ихъ женами.

Расцвѣтъ дѣятельности Дмитревскаго относится ко времени царствованія Императрицы Екатерины II, милостиво поощрявшей выдающіеся сценическіе таланты. По смерти Волкова (1763 г.) Императрица дала Дмитревскому званіе «перваго актера россійскаго придворнаго театра», каковой титулъ Дмитревскій вполнѣ оправдалъ своимъ неутомимымъ служеніемъ русскому сценическому искусству. Въ 1765 г. Дмитревскій, по повелѣнію Екатерины II, отправился за границу для ознакомленія съ театральнымъ дѣломъ на Западѣ. Получивъ для путешествія значительную сумму денегъ, онъ осенью выѣхалъ изъ Петербурга и направился первоначально въ Германію. Такъ какъ германская сцена была въ то время только блѣднымъ отраженіемъ французской, то Дмитревскій, ограничившись посѣщеніемъ главныхъ городовъ Германіи (кромѣ Вѣны) поспѣшилъ въ Парижъ. Благодаря рекомендаціямъ И. И. Шувалова, онъ скоро перезнакомился съ тогдашними знаменитостями французскаго театра (Бризакъ, Молле, Превиль, Дюмениль, Фельи, Дюбуа, Лекенъ и др.), которые отнеслись къ нашему соотечественнику съ большимъ радушіемъ. Особенно близко сошелся Дмитревскій съ первымъ трагикомъ французскаго театра, Лекеномъ, въ домѣ котораго онъ даже поселился. Послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ Дмитревскій,

въ сопровожденіи Лекена, отправился въ Англію (весной 1766 г.), чтобы посмотрѣть на игру Гаррика. Въ Лондонѣ Дмитревскій пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ и также коротко познакомился съ знаменитымъ исполнителемъ драмъ Шекспира. Трагическому искусству Лекена однако Дмитревскій, повидимому, отдавалъ предпочтеніе передъ Гарриком. Вернувшись изъ Лондона въ Парижъ, Дмитревскій вскорѣ отправился въ Россію. У старинныхъ историковъ нашего театра можно встрѣтить разсказы о томъ, что Дмитревскій игралъ вмѣстѣ съ Гарриком и Лекеномъ, что, играя въ «Заирѣ» роль Оросмана, онъ даже превзошелъ Лекена и т. п. Но самъ Дмитревскій говорилъ Ѳ. П. Львову, что никогда не игралъ съ Гарриком, такъ какъ не зналъ англійскаго языка, ни съ Лекеномъ, ибо не былъ настолько самонадѣянъ, чтобы состязаться съ знаменитымъ французскимъ трагикомъ.

Заграничная поѣздка, безъ сомнѣнія, обогатила Дмитревскаго массою полезныхъ практическихъ свѣдѣній по театральному дѣлу и благотворно повліяла на развитіе его сценическаго таланта. Спустя недѣлю по возвращеніи въ Петербургъ (въ концѣ 1766 г.), Дмитревскій выступилъ на сценѣ Зимняго дворца въ роли Синава въ трагедіи Сумарокова «Синавъ и Труворъ». Онъ выполнилъ эту роль съ такимъ совершенствомъ, какого еще не видала русская сцена. Императрица призвала Дмитревскаго въ свою ложу, пожаловала ему свою руку и публично благодарила его. Въ 1767 г., въ августѣ Дмитревскій былъ вторично командированъ за границу для приглашенія французскихъ актеровъ въ петербургскую французскую труппу. Лекенъ, Белькуръ, m-lle Клеронъ охотно согласились ѣхать, но были задержаны французскимъ правительствомъ, а Белькуръ, болѣе другихъ хлопотавшій объ отъѣздѣ, былъ даже посаженъ въ Бастилію. На возвратномъ пути Дмитревскій отдалъ въ Лейпцигѣ издателю журнала «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste», Вейсе, свои сочиненія: «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ» и «Исторію русскаго театра». Первое появилось на нѣмецкомъ языкѣ, безъ подписи автора, въ упомянутомъ журналѣ (VII, 1768 г.), а затѣмъ издано было въ Ливорно во французскомъ переводѣ (Essai sur la littérature russe... Par un voyageur russe, 1771 и 1774 г.). Принадлежность «Извѣстія о русскихъ писателяхъ» Дмитревскому впервые была доказана академикомъ М. И. Сухомлиновымъ (Записки Академіи Наукъ, т. VII, 1865 г.). Второе сочиненіе осталось ненапечатаннымъ и затерялось.

Послѣ возвращенія изъ-за границы (вѣроятно въ первой половинѣ 1768 г.) Дмитревскій все время своей службы занималъ первенствующее мѣсто въ русскомъ театральномъ дѣлѣ, сохраняя свое значеніе при всѣхъ начальникахъ театра. Этихъ начальниковъ перемѣнилось нѣсколько, Послѣ В. И. Бибикова директоромъ театра былъ назначенъ составитель театральнаго штата, Ив. Перф. Елагинъ (20 дек. 1766 года—21 мая 1779 г.); послѣ Елагина въ управленіе театромъ опять вступилъ Вас. И. Бибиковъ и оставался въ этой должности до учрежденія для управленія зрѣлищами и музыкой особаго комитета» (17 іюля 1783 г.). Въ промежутокъ времени 1768—1783 г. Дмитревскій, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, приложилъ свои силы къ устройству публичнаго частнаго театра и театральной школы. Частный театръ для Петербурга былъ необходимъ, такъ какъ съ іюня 1761 г. театръ Зимняго дворца пересталъ быть платнымъ и открытымъ для всѣхъ. Попытку удовлетворить этой потребности столичнаго населенія сдѣлалъ лѣкарь Воспитательнаго Дома Карлъ Книпперъ, устроивъ частный театръ. Заключивъ контрактъ съ воспитательнымъ домомъ, Книпперъ получилъ оттуда для своей труппы 50 питомцевъ и питомицъ, которые были отобраны извѣстнымъ московскимъ актеромъ И. И. Каллиграфомъ и ранѣе обучались въ Москвѣ танцамъ, музыкѣ и декламаціи. 13 апрѣля 1779 г., на Царицыномъ лугу, въ бывшемъ театрѣ Локателли, Книппероваа труппа дала для перваго спектакля комическую оперу Аблесимова «Мельникъ». Театръ Книппера имѣлъ большой успѣхъ. Дмитревскій занималъ въ театрѣ должность учителя драматическаго искусства и, можно сказать, былъ душою дѣла. Обязавшись давать только 12 уроковъ въ мѣсяцъ, Дмитревскій являлся къ своимъ ученикамъ раза по два въ день. Въ годъ труппа разучила и поставила подъ его руководствомъ 28 пьесъ Аблесимова, Княж-

нина, Сумарокова и др. По его просьбѣ, были написаны для Книппероваа театра О. П. Козодавлевымъ комедіи: «Перстень» и «Нашла коса на камень». Изъ числа книпперовскихъ актеровъ вскорѣ выдвинулись очень талантливые люди (Крутицкій, Гамбуровъ, Макс. Волковъ, Рахмановъ, Крутицкая, Милевская, Рахманова и др.), которымъ Дмитревскій указалъ вѣрное направленіе сценической дѣятельности. Терпя отъ Книппера всевозможныя лишенія и непріятности, артисты «исполняли свою должность больше по уваженію къ наставнику, нежели по воздаянію, получаемому отъ содержателя». Книпперъ дѣйствительно такъ безсовѣстно эксплуатировалъ артистовъ, что въ половинѣ второго трехлѣтія Воспитательный Домъ расторгъ съ нимъ контрактъ и отдалъ театръ Дмитревскому. Но онъ содержалъ театръ только семь мѣсяцевъ, такъ какъ въ 1783 году былъ открытъ публичный театръ. Большинство артистовъ поступило на Императорскую сцену, которая такимъ образомъ, благодаря Дмитревскому, сразу получила нѣсколько вполнѣ подготовленныхъ актеровъ.

Что касается театральной школы, то попытка къ учрежденію ея была сдѣлана впервые въ 1766 г., когда изъ театральнаго штата приказано было отчислять нѣкоторую сумму на «содержаніе робятъ», обучавшихся при театрѣ. Обученіемъ этихъ «робятъ» (3 мальчика и 3 дѣвочки) завѣдывалъ Дмитревскій. Но, конечно, эта мѣра не разрѣшала вопроса о раціональной подготовкѣ артистовъ. Необходимость театральной школы уже давно сознавалась многими, особенно А. П. Сумароковымъ. Стараніями Дмитревскаго и директора театровъ, В. И. Бибикова, была, наконецъ, открыта театральная школа (21 мая 1779 года). Дмитревскій совмѣстно съ Бибиковымъ вырабатывалъ планъ школы, преподавалъ тамъ драматическое искусство, и вообще ему школа много обязана своими успѣхами. Кстати замѣтимъ, что педагогическая дѣятельность Дмитревскаго не ограничивалась одной театральной школой: съ 80-хъ годовъ XVIII-го столѣтія онъ преподавалъ воспитанницамъ Смольнаго монастыря исторію, географію и словесность, — предметы, по которымъ онъ обладалъ обширными свѣдѣніями.

Въ 1783 г., черезъ мѣсяцъ по учрежденіи «для управленія музыкой и зрѣлищами» особаго комитета, Дмитревскій былъ назначенъ комитетомъ «въ надзиратели спектаклямъ къ Россійскому театру». Въ этомъ же году онъ, по архивнымъ документамъ, числится «россійскихъ актеровъ инспекторомъ»; 7-го марта 1784 г. онъ былъ назначенъ обучать въ театральной школѣ «декламаціи и дѣйствованію», инспекторство же было передано актеру Ивану Соколову. Но Соколовъ былъ вскорѣ уволенъ, и Дмитревскій вновь назначенъ инспекторомъ труппы (1785 г.). При директорѣ театровъ С. Ѳ. Стрекаловѣ (1786—1789 г.) Дмитревскій получилъ отставку отъ службы, причемъ ему всемилостивѣйше была пожалована пенсія въ 2,000 рублей (годовой окладъ жалованья), «какъ единому изъ начальныхъ основателей театра, служившему тридцать пять лѣтъ съ отмѣннымъ достоинствомъ и усердіемъ» (5-го января 1787 г.). Но въ сущности Дмитревскій не прекратилъ своей служебной и сценической дѣятельности, только должность инспектора драматической труппы перешла къ актеру Плавильщикову. До 1795 г. онъ занималъ должность инспектора театральной школы; онъ ставилъ всѣ выдающіеся спектакли въ Эрмитажѣ, довольно часто появлялся на сценѣ (съ 1791 г. по 1799 г.—62 раза), на которой съ 1794 г. выступилъ его достойный ученикъ и преемникъ—Яковлевъ. 1-го декабря 1797 г. Дмитревскій вмѣстѣ съ Яковлевымъ играли на Эрмитажномъ театрѣ въ трагедіи Сумарокова: «Димитрій Самозванецъ». На спектаклѣ присутствовали Императоръ Павелъ и король Польскій. Императоръ наградилъ за этотъ спектакль Дмитревскаго осыпанной брилліантами табакеркой. Когда вступилъ въ управленіе театрами князь Ник. Бор. Юсуповъ (съ 12 марта 1791 г.). то онъ облекъ Дмитревскаго такими полномочіями, какими не пользовался ни одинъ актеръ. Онъ назначилъ Дмитревскаго, какъ опытнаго человѣка, «къ главному надзиранію надъ всѣми россійскими зрѣлищами, къ обученію всѣхъ тѣхъ, кои достаточнаго еще искусства въ представленіяхъ не имѣютъ, къ учрежденію второй россійской драматической труппы изъ тѣхъ, кои нынѣ на службѣ находятся, также къ надзиранію и порядочному учрежденію школы». Инспекторы, актеры и воспитанники во всѣхъ театральныхъ дѣ-

лахъ должны были обращаться къ Дмитревскому, исполнять его приказанія, какъ главнаго режиссера, показывать, по его требованію, конторскія бумаги, книги и счеты.

3-го января 1799 г. Дмитревскій простился съ публикой ролью Зопира въ трагедіи Вольтера «Магометъ». Но на другихъ поприщахъ дѣятельность его не прекратилась. 3-го мая 1802 г. Дмитревскій былъ избранъ въ члены Россійской академіи, по предложенію ея предсѣдателя А. А. Нартова, и 21-го іюня въ собраніи академіи читалъ свою вступительную рѣчь. Несмотря на свой преклонный возрастъ, Дмитревскій охотно посѣщалъ академическія собранія, разсматривалъ и писалъ отзывы о драмахъ, трагедіяхъ, одахъ, похвальныхъ словахъ и даже такихъ сочиненіяхъ, какъ «Россійская грамматика» Фатера и «Обозрѣніе малороссійскаго нарѣчія» Павловскаго. Въ 1807 г. Дмитревскій, по предложенію президента академіи, сочинилъ похвальное слово Ал. Петровичу Сумарокову; академія лестно отозвалась объ этомъ трудѣ, постановила выдать автору 300 руб. и прочесть слово въ торжественномъ собраніи академіи, 17-го декабря 1807 г. Кромѣ академіи, Дмитревскій состоялъ членомъ обществъ — Библейскаго, Вольно-экономическаго, Бесѣды русскаго слова; есть даже указанія, что онъ принадлежалъ къ числу массоновъ. Маститый актеръ-академикъ еще разъ показался на сценѣ. 30-го августа 1812 г., когда непріятель былъ уже подъ Москвою, Дмитревскій выступилъ въ роли стараго унтеръ-офицера въ драмѣ Висковатова «Всеобщее ополченіе». Публика встрѣтила престарѣлаго артиста такъ восторженно, что онъ былъ растроганъ до слезъ и даже захворалъ отъ волненія. Императоръ Александръ I за этотъ спектакль выразилъ Дмитревскому свое благоволеніе и подарилъ брилліантовый перстень Въ 1817 году Дмитревскій пожелалъ участвовать въ спектаклѣ, дававшемся въ пользу семьи его умершаго ученика и преемника, Яковлева, но захворалъ въ самый день спектакля и съ тѣхъ поръ уже не вставалъ съ постели. Скончался Дмитревскій въ 1821 г., 27-го октября; похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, около церкви Спаса Нерукотвореннаго. 10-го іюля 1822 г., по просьбѣ сына Дмитревскаго, былъ данъ съ Высочайшаго соизволенія спектакль, сборъ съ котораго предназначался на сооруженіе памятника Дмитревскому. Устройствомъ спектакля завѣдывалъ князь Шаховской. Дана была драма «Альбертъ», нѣкогда переведенная Дмитревскимъ, и аллегорическій прологъ Шаховскаго: «Новости на Парнасѣ или торжество Музъ», въ которомъ прославлялись заслуги Дмитревскаго. Сборъ со спектакля далъ на памятникъ 3.500 р., Императрица Марія Ѳеодоровна пожаловала 300 р., Россійская академія — 500 руб.; кромѣ того, академія постановила украсить одну изъ своихъ залъ бюстомъ Дмитревскаго.

Дмитревскій обладалъ выгодною для актера наружностью (см. «Записки Жихарева»), но голосъ его не былъ достаточно звученъ и чистъ, напр. *ш* онъ выговаривалъ какъ *с*; впрочемъ, на сценѣ онъ умѣлъ скрывать всѣ недостатки своего голоса. Несмотря на крайнее разнообразіе своихъ ролей, Дмитревскій отдѣлывалъ ихъ съ необыкновенной тщательностью. Долгое время игра Дмитревскаго казалась его современникамъ чудомъ искусства, но впослѣдствіи признавали его превосходство только въ комедіи, особенно въ роляхъ резонеровъ, въ трагедіи же его находили напыщеннымъ, холоднымъ, всегда кокетливымъ и бьющимъ на эффектъ. Не отрицая справедливости этихъ обвиненій, нельзя при этомъ забывать, что Дмитревскій въ пониманіи сценическаго искусства не расходился съ понятіями своего вѣка, что искусственность и напыщенность его игры обусловилась въ такой же мѣрѣ его душевнымъ складомъ, какъ и особенностями псевдоклассическаго репертуара.

Дѣятельность Дмитревскаго на пользу русскаго театра неоцѣнима. Руководясь въ своей игрѣ опредѣленными пріемами творчества, онъ указалъ русскимъ актерамъ вѣрный путь для совершенствованія. А. П. Сумароковъ совершенно справедливо говорилъ о Дмитревскомъ, что это единственный человѣкъ, способный «создавать актеровъ»; того же мнѣнія былъ и Великій князь Павелъ Петровичъ («Записки Порошина»). Всѣ крупныя сценическія силы конца XVIII и начала XIX вѣка (Троепольская, Сандунова, Каратыгина, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Яковлевъ,

Крутицкій) воспитались подъ вліяніемъ его игры, его совѣтамъ обязаны развитіемъ своихъ талантовъ. Въ 1802 г. Дмитревскій въ письмѣ къ старшему члену театральной дирекціи, А. А. Майкову, могъ говорить о себѣ: «Я три раза подкрѣплялъ упадающій россійскій театръ новыми людьми, которыхъ ни откуда не выписывалъ, но самъ здѣсь сыскалъ, научилъ и передъ публику съ успѣхомъ представилъ; *не было, да и нѣтъ* ни единаго актера или актрисы, который бы не пользовался, болѣе или менѣе, моимъ ученіемъ и наставленіями; что не появлялась, во время моего правленія, на театрѣ никакая пьеса, въ которой бы я совѣтомъ или поправкою не участвовалъ...» (*«Русск. Стар.»* 1890 г., іюнь).

Литературная дѣятельность Дмитревскаго началась съ ранней его молодости и главнымъ образомъ была посвящена театру. Онъ переводилъ и передѣлывалъ трагедіи, драмы, комедіи, сочинялъ и передѣлывалъ съ иностранныхъ оригиналовъ комическія оперы или водевили, которые, благодаря ему, водворились на нашей сценѣ. Переводныхъ и оригинальныхъ драматическихъ пьесъ, принадлежащихъ Дмитревскому, насчитываютъ до 60. Большинство этихъ произведеній до насъ не дошло. Къ оригинальнымъ произведеніямъ Дмитревскаго принадлежатъ: 1) «Танюша или счастливая встрѣча», комич. опера. 2) «Смотръ невѣстъ въ гулянье 1-го мая», комич. опера. 3) «Добрая дѣвка», опера въ 3-хъ д. М. 1782 г. 4) «Непостижимость судьбы», аллегорич. прологъ на освобожденіе отъ болѣзни Вел. Кн. Павла Петровича. П. 1772 г. 5) Стихотворенія, помѣщавшіяся въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова. 6) Упомянутыя нами «Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ» и «Исторія русскаго театра». 7) «Слово похвальное А. П. Сумарокову». П. 1807 г. 8) Онъ перевелъ и передѣлалъ на наши нравы комедіи «Раздумчивый», «Демократъ», «Лунатикъ». 9) Дмитревскому же принадлежатъ переводы пьесъ: «Антигона», музык. драма въ 3-хъ д. М. Колтеллини. Съ ит. П. 1772 г.—«Честный преступникъ или дѣтская къ родителямъ любовь», ком. въ 5-ти д. Фалбриджа. Съ фр. П. 1772 года—«Беверлей», трагедія мѣщанская, въ 5-ти дѣйств. Съ франц. П. 1773 года и М. 1787 года. — «Армида», опера въ 3-хъ дѣйств. М. Колтеллини. Съ ит. П. 1774 г.—«Діанино древо или торжествующая любовь», оп. въ 2-хъ д. Съ ит. П. 1792 г.— «Рѣдкая вещь», опера въ 2-хъ д. Съ ит. П. 1792 г.—«Четыре времени года», поэма Томсона. Съ нѣм. М. 1798 и 1803. (Въ прозѣ).—Сообща съ другими академиками Дмитревскій переводилъ «Путешествіе Младшаго Анархиста по Греціи».

Среди современныхъ литераторовъ Дмитревскій пользовался большимъ авторитетомъ. Къ нему обращались за совѣтомъ, по его указанію передѣлывали свои драматическія произведенія Сумароковъ, Княжнинъ, Фонъ-Визинъ, Крыловъ, Державинъ; Шишковъ и Херасковъ всегда принимали Дмитревскаго съ почетомъ и уваженіемъ.

1) „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей". Митрополита Евгенія. М. 1845 г. т. I. 2) „Словарь достопамятныхъ людей русской земли", составл. Дмитр. Бантышъ-Каменскимъ, ч. II. М. 1836 г. 3) „Энц. лексиконъ". Изд. Плюшара. Спб. 1841 г. 4) „Справочн. словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ". Сост. Григ. Геннади, т. I. Берлинъ, 1876 г. (у Геннади имѣется библіографія, хотя не полная, до 1868 г.). 5) „Энцикл. словарь". Изд. Ф. Брокгауза и И. Ефрона, т. X. Спб., 1893 г. 6) „Семейная Хроника" Аксакова. 7) „Лѣтопись русскаго театра". Сост. Пименъ Араповъ. Спб., 1861 г. 8) „Хроника русск. театра" Ив. Носова. Изд. Имп. общ. ист. и древн. росс. при Моск. унив. 1883 г. 9) Біографія Дмитревскаго для народа. Изд. „Мірскаго Вѣстника" Спб., 1884 г. 10) Истор. Россійск. академіи М. И. Сухомлинова. Вып. VII. Спб., 1885 г., стр. 237—259. 11) Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. II. Спб., 1889 г. Его же. 12) Записки Порошина. 13) Записки С. П. Жихарева. Изд. „Русскаго Архива" 1891 г. 14) Архивъ дирекціи Импер. театровъ, 1892 г., отд. III. 15) „Патріархъ русск. актеровъ" А. Н. Сиротинина (въ журн. „Артистъ" 1890 г., IX и XI). 16) Ѳ. Г. Волковъ. Біографич. очеркъ А. А. Ярцева, Спб. 1891 г. (гл. VI). 17) „Первые русскіе придворные комедіанты" И. Ѳ Горбунова (въ „Русск. Вѣстн." 1892 г., мартъ). 18) «С.-Петерб. воспитат. домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго» А. П. Пятковскаго (въ „Русск. Старинѣ". 1875 г., т. XIV) 19) Письмо Дмитревскаго къ А. Майкову и его сына къ гр. Д. Хвостову (въ „Русск. Старинѣ" 1890 г., іюнь). 20) «Русск. театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749—1774 г.)» М. Н. Лонгиновъ, Спб., 1873 г.

Я. Рудневъ.

Дмитріевскій, *Иванъ Степановичъ*, профессоръ терапевтической клиники Казанскаго университета, званіе лекаря I-го отдѣленія получилъ въ Казанскомъ уни-

*

верситетѣ въ 1824 году; тогда же, какъ лучшій изъ окончившихъ, опредѣленъ помощникомъ прозектора анатоміи; въ 1828 г. —ординаторомъ университетской клиники; съ 1831 года служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ; званіе штабъ-лекаря получилъ въ 1831 году; по увольненіи изъ морского вѣдомства, съ 1837 года, опредѣленъ адъюнктъ - профессоромъ терапевтической клиники казанскаго университета, съ 1837 по 1839 г. читалъ гигіену, въ 1838 и 1839 г.—судебную медицину и медицинскую полицію; 1-го февраля 1863 г., согласно прошенію, вышелъ въ отставку. Сверхъ прямыхъ обязанностей въ теченіе 25 лѣтъ исполнялъ должность секретаря медицинскаго факультета и студенческаго врача. Какъ врачъ, онъ пользовался популярностью и состоялъ врачемъ при Казанскомъ Родіоновскомъ институтѣ, женскомъ духовномъ училищѣ и при духовной академіи. Скончался въ чинѣ статскаго совѣтника въ 1865 году. Имъ помѣщена статья: «О холерѣ» въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» за 1831 г.

Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели. Ученыя записки Казанскаго университета.1865—66. г.— Извлеченіе изъ отчета Казанскаго университета за 1864—65 акад. годъ. Казанскій календарь.1869 г.—Актъ Импер. Казанскаго университета 5-го ноября 1866 г. Казань, 1866 г.— Геннади. Словарь русскихъ писателей. Записки казанскихъ врачей. 1837 г.

Н. Т.

Дмитріевъ, *Александръ Ивановичъ*, старшій братъ Ивана Ивановича, поэта и министра юстиціи, родился въ 1759 году въ Симбирской губерніи, въ 1767 г. былъ отданъ въ Казанскій пансіонъ Манженя, переведенный потомъ въ Симбирскъ, а въ 1771 году перешелъ въ пансіонъ Кабрита въ Симбирскѣ же, но пробылъ здѣсь недолго, былъ взятъ въ деревню и продолжалъ занятія подъ руководствомъ отца. Въ 1772 году былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ; черезъ два года пріѣхалъ на службу въ Петербургъ и поступилъ въ Полковую школу, а уже въ 1775 году, по ходатайству дяди, сенатора Никиты Аѳанасьевича Бекетова, былъ произведенъ въ фурьеры; 1 января 1787 года изъ сержантовъ былъ пожалованъ прапорщикомъ, 1 января 1788 г.—подпоручикомъ, а 15-го мая 1789 г. выпущенъ изъ Семеновскаго полка въ армію премьеръ-маіоромъ и въ томъ же году, съ производствомъ въ подполковники, опредѣленъ въ Суздальскій мушкетерскій полкъ. Въ 1790 году съ отличіемъ участвовалъ въ Шведской кампаніи и находился въ Финляндіи, а по окончаніи войны, чтобы быть ближе къ отцу, перешелъ въ полкъ, стоявшій въ Казани. Здѣсь въ 1794 году Александръ Ивановичъ женился на Маріи Александровнѣ Пиль. Вскорѣ же съ полкомъ онъ былъ посланъ по мнимому возмущенію черноморцевъ въ Екатеринодаръ, гдѣ и умеръ въ чинѣ полковника въ сентябрѣ 1798 г. Смерть Александра Ивановича очень огорчила его друзей. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ почтилъ память брата прекрасной элегіей («Адониды», 1798—99, стр.36). Живя въ Петербургѣ, Александръ Ивановичъ весьма близко сошелся и до самой смерти былъ въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, который часто упоминаетъ о своемъ пріятелѣ въ «Письмахъ русскаго путешественника»; онъ тоже былъ весьма огорченъ безвременною потерею своего друга. Александръ Ивановичъ Дмитріевъ и самъ не былъ чуждъ литературѣ. Къ числу его работъ относятся: 1) «Собраніе писемъ Абельярда и Элоизы, съ присовокупленіемъ описанія жизни сихъ несчастныхъ любовниковъ, съ фр. Ал. Дм.», М. 1783, 8°; 2) «Адонидъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ любовныхъ стихотвореній Кастріотта Албанскаго, съ фр. А. Д.», Спб. 1783, 8°; 3) «Взятіе св. Лукіи, Антильскаго Американскаго острова, драма въ 1 д. съ фр.» Спб. 1786, 12°; 4) «Поэмы древнихъ .бардовъ, перевелъ А. Д.», Спб. 1788, 64 стр., 8°; по этому переводу Державинъ познакомился съ Оссіаномъ; 5) «Лузіяда, поэма въ 10 пѣсняхъ Л. Камоэнса», М. 1788, 2 части, 8°, переводъ съ французскаго, пользовавшійся большой извѣстностью въ свое время, и 6) «Слава русскихъ и горе шведовъ», Спб. 1790, 8°, напечатанная безъ имени автора и написанная подъ впечатлѣніемъ Шведской войны.

(Патенты на чины въ дѣлѣ Архива Департ. Герольдіи. Родословная книга кн. Долгорукова, Спб. 1840—41; И. И. Дмитріевъ. «Взглядъ на мою жизнь» и письма въ собр. соч. И. И. Дмитріева, Спб. 1893 г. «Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву», Спб. 1866 г., стр.49 и 46; М. А. Дмитріевъ. «Мелочи изъ запаса моей памяти», М. 1869 г.; «Сборникъ историч. и статист. матеріал. о Симбирской губерніи: біографическіе очерки нѣкоторыхъ уроженцевъ Симб. губерніи», Симбирскъ, 1868 г., стр. 216—217;

сочиненія Г. Р. Державина, изданіе Грота, т. I, V и VIII; Г. Н. Геннади «Справочный словарь о русск. писателяхъ», Берлинъ, 1876, т. I, стр. 308; Русскій Архивъ 1863 г., стр. 893 и 1880 г., т. III, стр. 393 (письмо Дм. къ Бекетову).

Б. Модзалевскій

Дмитріевъ, *Александръ Петровичъ*, сенаторъ, родился въ 1777 г. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ поступилъ въ 1792 г. подканцеляристомъ въ Сенгилеевскую Нижнюю Расправу Симбирской губерніи, затѣмъ переведенъ былъ въ Вербовскій уѣздный судъ, Подольской губерніи, а по упраздненіи города Вербова поступилъ въ 1800 г. въ штатъ бывшей комиссаріатской экспедиціи. Въ 1802 г. Дмитріевъ перешелъ на службу въ Гродненское губернское правленіе и занимался въ Гродненской комиссіи для изслѣдованія безпорядковъ по мѣстному кадетскому корпусу, затѣмъ назначенъ былъ экзекуторомъ губернскаго правленія и дѣлопроизводителемъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ: о злоупотребленіяхъ по Гродненской и Юрбургской таможнямъ, по изслѣдованію по Высочайшему повелѣнію жалобъ виленскаго воеводы князя Радзивила на генералъ-маіора графа Моравскаго, о злоупотребленіяхъ брестскихъ таможенныхъ и другихъ чиновниковъ и о возмущеніи крестьянъ гор. Волковыска. Въ 1808 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ Гродненскаго губернскаго правленія, вмѣстѣ съ тѣмъ управлялъ дѣлами губернскаго объ устройствѣ евреевъ комитета и исправлялъ должность правителя канцеляріи гражданскаго губернатора, при этомъ за открытіе и поимку разнаго званія бѣглецовъ, скрывавшихся подъ именемъ выходцевъ изъ-за границы, получилъ орденъ Св. Владиміра 4 степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дмитріевъ состоялъ и управляющимъ дѣлами губернскаго комитета объ удовлетвореніи военныхъ потребностей и по этому званію, во время вторженія непріятеля, оказалъ выдающуюся распорядительность при спасеніи денежной казны, документовъ и бумагъ, которые могли дать французамъ нужныя для нихъ свѣдѣнія о странѣ. По вторженіи непріятеля въ предмѣстья гор. Гродно, Дмитріевъ удалился во внутрь Россіи, прибывъ въ главную квартиру войскъ, вступилъ въ штатъ главнаго интендантскаго въ арміяхъ управленія и по обращеніи въ бѣгство непріятеля, когда, при быстромъ преслѣдованіи его нашими войсками, не поспѣвали хлѣбные припасы, былъ командированъ отъ главнаго интендантскаго въ арміяхъ управленія для направленія транспортовъ по движенію арміи, для побужденія транспортныхъ офицеровъ къ скорѣйшему слѣдованію, а также для отправленія невысланныхъ запасовъ изъ Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Орловской губерній. Въ 1813 году генералъ-фельдмаршалъ князь Кутузовъ командировалъ Дмитріева на временную службу по герцогству Варшавскому въ званіи начальника отдѣленія генералъ-губернаторской канцеляріи, а, по возстановленіи царства Польскаго и по введеніи тамъ національнаго правительства, онъ назначенъ, въ 1816 году, на должность ассесора Гродненскаго губернскаго правленія. Въ 1817 году Дмитріевъ Высочайшимъ указомъ прикомандированъ къ д. т. с. князю Друцкому-Любецкому для занятій по Высочайше ввѣреннымъ ему разсчетамъ съ иностранными державами и тогда же назначенъ совѣтникомъ Виленскаго губернскаго правленія. За труды при заключеніи съ прусскимъ и австрійскимъ дворами конвенцій по возложенной на князя Друцкаго-Любецкаго ликвидаціонной комиссіи, Дмитріевъ пожалованъ въ 1821 году въ чинъ статскаго совѣтника, отъ прусскаго короля получилъ орденъ Краснаго Орла 3 степени, а отъ австрійскаго императора — орденъ Леопольда. Въ 1824 году Дмитріевъ переведенъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ его при князѣ Друцкомъ-Любецкомъ, а въ слѣдующемъ году откомандированъ къ сенатору Новосильцову для порученій по дѣламъ Радзивиловскихъ имѣній. По Высочайшему повелѣнію, въ 1838 году Дмитріевъ былъ опредѣленъ предсѣдателемъ учрежденной въ Варшавѣ комиссіи для провѣрки счетовъ о продовольствіи русскихъ войскъ въ Польшѣ, въ слѣдующемъ году былъ вызванъ княземъ Друцкимъ-Любецкимъ, по Высочайшему повелѣнію, въ С.-Петербургъ и находился при немъ для разбора дѣлъ по взаимнымъ между Россіей и Польшей разсчетамъ. Въ 1830 году Дмитріевъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, по Высочайшему повелѣнію возвратился изъ С.-Петербурга въ Варшаву и занялся дальнѣйшими трудами по

званію предсѣдателя временной счетной комиссіи. Занятія этой комиссіи были прерваны вспыхнувшимъ 17 ноября 1830 г. въ Варшавѣ мятежомъ. По распоряженію мятежническаго правительства были опечатаны и захвачены всѣ дѣла счетной комиссіи, а самъ Дмитріевъ, съ прочими русскими чиновниками, объявленъ былъ военноплѣннымъ и отпущенъ изъ Варшавы по случаю болѣзни въ Дрезденъ. По возвращеніи въ Петербургъ, въ 1831 году, Дмитріевъ назначенъ былъ попечителемъ одной изъ частей столицы для принятія мѣръ противъ холеры и за распорядительность и энергичное веденіе дѣла получилъ въ томъ же году орденъ Станислава I степени, а въ слѣдующемъ году по Высочайшему повелѣнію производилъ слѣдствіе объ убійствѣ помѣщика Ораніенбаумскаго уѣзда Толубеева и о жестокомъ его обращеніи съ крестьянами. Съ 1832 г. начинается усиленная дѣятельность Дмитріева въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ: онъ былъ назначенъ членомъ С.-Петербургскаго комитета для устройства фабрикъ и заводовъ въ Петербургѣ (1832 г.), членомъ комиссіи для изслѣдованія жалобъ Имеретинской царицы Маріи на Грузинскаго пристава Ахлопкова (1833 г.), предсѣдателемъ комиссіи для ревизіи прежнихъ дѣлъ бывшаго медицинскаго департамента (1833 – 1834 гг.), присутствовалъ въ комиссіи для производства торговъ на заготовленіе всѣхъ припасовъ для медицинскаго департамента (1834 г.), былъ членомъ комитета о возведеніи приказовъ общественнаго призрѣнія на степень мѣстныхъ губернскихъ банковъ (1838 г.), членомъ комитета для наблюденія за откупной системой подъ предсѣдательствомъ графа Левашова (1841 годъ), членомъ комитета для предварительныхъ работъ по составленію проекта закона объ эмеритурѣ въ Имперіи (1843 г.) и членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія поступившихъ въ 1843 году всеподданнѣйшихъ прошеній. Въ 1834 г. Дмитріевъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, вмѣстѣ съ княземъ Друцкимъ-Любецкимъ, въ Парижъ для окончанія ликвидаціонныхъ дѣлъ между Царствомъ Польскимъ и Франціею, въ 1837 году былъ назначенъ директоромъ департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій, въ 1840 году, не оставляя занимаемой должности, вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ въ управленіе департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, въ слѣдующемъ году произведенъ въ тайные совѣтники и въ 1843 году назначенъ сенаторомъ къ присутствію въ Общемъ Собраніи Варшавскихъ департаментовъ Сената.

Формуляръ Дмитріева по Архиву Сената № 2171. «Русская Старина», 1878 г. № 5, стр. 73, 86, 87.

А. Ч.

Дмитріевъ, *Иванъ Ивановичъ*, государственный дѣятель и извѣстный поэтъ, родился 10 сентября 1760 г. въ родовомъ помѣстьѣ, селѣ Богородскомъ, Симбирской губ., въ 25 вер. отъ уѣздн. гор. Сызрани, въ старинной дворянской семьѣ, ведущей свой родъ отъ князей Смоленскихъ. Отецъ его, Иванъ Гавриловичъ, женатъ былъ на Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Бекетовой, сестрѣ извѣстнаго фаворита Импер. Елизаветы Петровны, Никиты Аѳанасьевича Бекетова, не чуждаго литературѣ: въ молодости онъ много писалъ стиховъ (напечатанныхъ въ «Собр. разн. пѣсенъ», 1769—1770 гг.) и написалъ даже трагедію «Эдипъ», оставшуюся неизданной и впослѣдствіи утратившуюся (см. Словари: Новикова, Евгенія и Б. Каменскаго). Когда братъ ея попалъ «въ случай», ее тоже хотѣли взять ко двору. Ей было еще 16 л., и она была красавицей. Но отцу ея этого не хотѣлось: онъ боялся придворныхъ нравовъ. Въ это время присватался къ ней 18-лѣтній богатый и образованный симбирскій помѣщикъ, Иванъ Гавриловичъ Дмитріевъ, и отецъ тотчасъ же согласился, чтобы только отклонить ея принятіе ко двору. (М. А. Дмитріевъ: «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 9).

На восьмомъ году возраста Ив. Ив. отвезенъ былъ матерью въ Казань, къ отцу ея, Аѳан. Алексѣевичу Бекетову, и отданъ въ пансіонъ Манженя (который былъ наставникомъ также и еще двоихъ писателей нашихъ: П. И. Макарова и М. Н. Муравьева) «обучаться французскому языку, ариѳметикѣ и рисованію». Въ пансіонѣ этомъ уже обучался старшій братъ Ив. Ив., Александръ Ивановичъ (1759 † 1798).

Въ 1768 г. Аѳан. Алексѣевичъ, послѣ смерти жены своей, переѣхалъ въ Симбирскъ, къ дѣтямъ; туда же уговорили перебраться и Манженя. Но, вслѣдствіе

конкуренціи, пансіонъ Манженя въ Симбирскѣ скоро закрылся, и Дмитріевъ около года оставался безъ учителя, а потомъ отданъ былъ въ новый пансіонъ Кабрита, гдѣ обучался языкамъ, франц. и нѣмецк., русскому правописанію и слогу, исторіи, географіи и математикѣ. «Признаюсь», разсказываетъ онъ въ «Запискахъ», «что я до того времени считался въ послѣднемъ классѣ (т. е. въ математикѣ) самымъ тупымъ ученикомъ. Отъ прежняго учителя моего, гарнизоннаго сержанта Концева, я только и слышалъ непостижимыя для меня слова: искомое, дѣлимое; видѣлъ только на аспидной доскѣ цифры и самъ ставилъ цифры наудачу, безъ всякаго соображенія; потомъ съ робостію представлялъ учителю мою доску; онъ осыпалъ меня бранью, стиралъ мои цифры, ставилъ свои, и я спѣшилъ тщательно списывать ихъ красными чернилами въ мою тетрадку. Такимъ образомъ оканчивался каждый урокъ мой въ математикѣ. Но, подъ руководствомъ Кабрита, я началъ понимать всю важность этой науки и въ три мѣсяца успѣлъ въ ней болѣе, чѣмъ у прежняго учителя Концева въ продолженіе года» («Взгл. на мою жизнь», 13). Подъ руководствомъ же Кабрита сталъ Дмитріевъ заниматься и «сочиненіемъ писемъ» на заданныя темы. «Хотя и стыдно мнѣ было иногда слышать смѣхъ учителя и старшихъ учениковъ», говоритъ Дмитріевъ въ «Запискахъ», «когда я прочитывалъ вслухъ сочиненную мною нелѣпость, но мысль, что я учусь сочинять, и надежда научиться писать лучше успокаивали оскорбленное мое самолюбіе». (Тамъ же. 13). Вообще Дмитріевъ сочувственно отзывается о послѣднемъ своемъ наставникѣ; называетъ его «умнымъ и добрымъ» и говоритъ, что любилъ «и слушать его, и ему повиноваться». Но, къ сожалѣнію, 26-лѣтній Кабритъ «платилъ дань слабостямъ своего возраста», и отецъ Дмитріева, испугавшись послѣдствій «худыхъ примѣровъ», взялъ его изъ пансіона. «Итакъ», говоритъ Дмитріевъ, «на одиннадцатомъ году моей жизни прекратился рѣшительно курсъ моего ученія, когда я во франц. языкѣ не дошелъ еще до синтаксиса, а въ нѣмецкомъ остановился на глаголахъ» («Взгл. на мою жизнь», 14). Съ такимъ скуднымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній Дмитріевъ и долженъ былъ вступить въ жизнь, и онъ самъ очень хорошо сознавалъ недостаточность своего образованія. Когда, въ 1807 г., министръ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскій, по желанію государя, предложилъ ему занять постъ попечителя Московскаго университета, Дмитріевъ съ рѣдкой добросовѣстностью отвѣтилъ, что охотно бы на это согласился, если бы усердіе замѣняло свѣдѣнія и дарованія. «Но честь и совѣсть», писалъ онъ гр. Завадовскому, «обязываютъ меня, вопреки собственныхъ выгодъ моихъ, искренно представить вашему сіят-ву, что я, съ 13 л. начавъ служить рядовымъ солдатомъ, не могъ получить основательнаго понятія о наукахъ, что я не знаю нетокмо ученыхъ языковъ, даже и новѣйшихъ, кромѣ французскаго, но и на ономъ не могу изъясняться».—Поэтому, онъ отказался отъ должности попечителя, прося оставить его въ должности сенатора, «не превосходящей мѣры его способностей» (Сѣв. Почт. 1865, № 277. «Матер. для біограф. И. И. Дм—ва и Н. В. Гоголя»).—По выходѣ изъ пансіона, Дмитріевъ продолжалъ занятія дома, въ деревнѣ, подъ руководствомъ отца, но эти занятія, состоявшія въ выучиваньи наизусть франц. и нѣмецк. разговоровъ и въ переводахъ съ этихъ языковъ, наводили на него «грусть и отвращеніе». Единственнымъ дѣйствительно образовательнымъ средствомъ служило для него, какъ и для многихъ тогдашнихъ писателей нашихъ, чтеніе. Дмитріевъ еще въ пансіонѣ Манженя «уже съ десяти лѣтъ набилъ голову мечтательными приключеніями», начитавшись тогдашнихъ переводныхъ романовъ: «Тысяча и одна ночь», «Шутливыя повѣсти» Скарона, «Похожденія Робинзона Крузо», «Жилблаза де Сантилана», «Приключенія маркиза Г***». Послѣднее произведеніе аббата Прево было даже поводомъ къ тому, что Дмитріевъ выучился читать французскія книги. Дочитавъ четвертый томъ, онъ узналъ, что послѣднихъ двухъ томовъ еще не было въ переводѣ, а между тѣмъ романъ его чрезвычайно заинтересовалъ. Одинъ изъ знакомыхъ принесъ ему недоставшіе томы, но на французскомъ языкѣ. Нечего было дѣлать: Дмитріевъ принялся читать съ помощью лексикона и «наконецъ», говоритъ онъ въ Запискахъ, «этотъ отважный подвигъ былъ для меня эпохою, съ которой началъ я читать французскія книги,

уже не поневолѣ, а по охотѣ, и впослѣдствіи уже могъ переводить Лафонтена» (стр. 15). Впослѣдствіи, въ пьесѣ «Воздушныя басни» Дмитріевъ такъ вспоминалъ это время дѣтскаго увлеченія чтеніемъ:

„Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты:
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!
Я часто и въ гостяхъ хозяевъ забываю;
Сижу, повѣся носъ; нѣтъ ни ушей, ни глазъ;
Всѣ думаютъ, что я взмостился на Парнасъ,
А я... признаться вамъ, игрушкою играю, которая была
Мнѣ въ дѣтствѣ такъ мила;
Иль въ память привожу, какою мнѣ отрадой
Бывалъ тотъ день, когда, урокъ мой окончавъ,
Набѣгаясь въ саду, уставши отъ забавъ
И бросясь на постель, займусь Шехерезадой.
Какъ сказки я ея любилъ!
Читая ихъ... прощай, учитель,
Симбирскъ и Волга!.. все забылъ!
Уже я всей вселенны зритель,
И вижу тамъ и сямъ и карловъ, и духовъ,
И визирей рогатыхъ,
И рыбокъ золотыхъ, и лошадей крылатыхъ,
И въ видѣ кадіевъ волковъ“.

Можно было бы думать, что чтеніе романовъ въ такомъ раннемъ возрастѣ распалитъ воображеніе и помѣшаетъ правильному нравственному развитію даровитаго мальчика. Но вышло наоборотъ. Жизнь въ образованой и строго-нравственной семьѣ предохранила его отъ пагубнаго вліянія ранняго чтенія романовъ, которое, какъ говоритъ Дмитріевъ въ запискахъ своихъ, «не имѣло вреднаго вліянія на мою нравственность. Смѣю даже сказать, что они (романы) были для меня антидотомъ противу всего низкаго и порочнаго. «Похожденія Клевеланда», «Приключенія маркиза Г***» возвышали душу мою. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами и охотно желалъ имъ слѣдовать». Это объясняется, конечно, тѣмъ, что сами романы принадлежали къ бывшему тогда въ модѣ нравоучительному направленію, требовавшему, чтобы порокъ былъ всегда наказанъ, а добродѣтель торжествовала.

Еще большее, можетъ быть, вліяніе на нравственное развитіе Дмитріева имѣло столь же раннее знакомство съ русскими писателями. Родители его, живя въ Петербургѣ, застали еще Ломоносова, и хотя не были съ нимъ лично знакомы, но много объ немъ слышали и видали его (М. А. Дмитріевъ: «Мелочи изъ запаса моей памяти», 6). Съ Сумароковымъ же были лично знакомы. Мать Дмитріева была поклонницей его произведеній, знала наизусть многія его стихотворенія и получала отъ него въ подарокъ его трагедіи. Иногда она наизусть читала дѣтямъ стихотворенія Сумарокова, и они производили на Дмитріева сильное и глубокое впечатлѣніе. Еще сильнѣе затрогивали его впечатлительную душу произведенія Ломоносова. Однажды, разсказываетъ Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ, въ деревнѣ, въ Великую Субботу, въ ожиданіи заутрени, отецъ его сталъ читать всей семьѣ оды Ломоносова: «Іовъ», «Вечернее размышленіе о величествѣ Божіемъ» и «На взятіе Хотина». Чтеніе это исполнило будущаго поэта «священнымъ благоговѣніемъ». «Я будто расторгъ пелены дѣтства», говоритъ Дмитріевъ, «узналъ новыя чувства, новое наслажденіе и прельстился славой поэта» (стр. 17—19).

Вообще, семья Дмитріевыхъ была самая литературная, въ которой привыкли прислушиваться къ голосу писателей. «Когда я былъ еще ребенкомъ», разсказываетъ М. А. Дмитріевъ, «дѣдъ мой, отецъ И. И. Дмитріева, разговаривая съ своими гостями о времени Екатерины, о ея славѣ, о ея учрежденіяхъ, о хорошемъ и худомъ, приходилъ въ восторгъ или негодованіе и, смотря по этому, посылалъ меня достать изъ своей библіотеки или Державина, или Хемницера; и я, съ чувствомъ своего достоинства, читалъ вслухъ передъ гостями *или оду Державина, или какую-нибудь замѣчательную басню Хемницера.* Всѣ слушали съ уваженіемъ и съ живымъ участіемъ» («Мелочи», стр. 49).

По переѣздѣ семейства Дмитріевыхъ изъ деревни въ Симбирскъ, учебныя занятія Ивана Ивановича съ отцомъ стали рѣже, и онъ получилъ болѣе возможности предаваться чтенію. «У отца моего въ гостиной», разсказываетъ онъ въ Запискахъ, «всегда лежали на одномъ изъ ломберныхъ столовъ перемѣнныя книги разныхъ годовъ и различнаго содержанія, начиная отъ «Велисарія», соч. Мармонтеля, до указовъ Екатерины II и Петра Великаго. Даже и Маргаритъ (поучительныя слова) Іоанна Златоуста, «Всемірная исторія» Баронія и Острожская Библія стали мнѣ извѣстны еще въ моемъ отрочествѣ, по крайней мѣрѣ по ихъ названіямъ. Мнѣ

позволено было заглядывать въ каждую книгу и читать, сколько хочу» (стр. 19).

Образованіе и развитіе, пріобрѣтавшіяся путемъ чтенія, дополнялись семейными разговорами и бесѣдами. Городская семейная жизнь того времени отличалась совсѣмъ другимъ характеромъ, чѣмъ нынѣшняя. «Тогда еще не было въ провинціяхъ ни театровъ, ни клубовъ, которые нынѣ и въ губернскихъ городахъ разлучаютъ мужей съ женами, отцовъ съ ихъ семействомъ. Тогда едва ли кто понималъ смыслъ слова разсѣяніе, нынѣ столь часто употребляемаго» («Взглядъ на мою жизнь», 20). Всѣ развлеченія состояли въ домашнихъ бесѣдахъ и вечеринкахъ, въ кругу короткихъ знакомыхъ. Время, въ которое протекало дѣтство Дмитріева, давало обильную пищу для разговоровъ и разсказовъ, и онъ еще ребенкомъ наслушался разговоровъ о польскихъ конфедератахъ, о войнѣ съ турками, о Чесменскомъ сраженіи, объ итальянскомъ театрѣ въ столицахъ, объ игрѣ тогдашнихъ знаменитостей, Дмитревскаго и Троепольской, о тогдашнихъ писателяхъ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Тредьяковскомъ, только что начинавшемъ свое литературное поприще Фонъ-Визинѣ, о московской чумѣ, о политическомъ переворотѣ 1762 года, о Бироновщинѣ и «превратности счастія вельможъ того времени». «Такимъ образомъ», замѣчаетъ Дмитріевъ въ Запискахъ, «еще на двѣнадцатомъ году моей жизни я набирался свѣдѣніями, для меня небезполезными" (стр. 21). Изъ всего этого ясно, что если Дмитріевъ, несмотря на полное почти отсутствіе порядочнаго, систематическаго образованія, все-таки вышелъ человѣкомъ и образованнымъ, и просвѣщеннымъ, то этимъ онъ обязанъ былъ преимущественно той образованной, просвѣщенной средѣ, въ которой родился и провелъ свое младенчество и первые годы отрочества.

Къ сожалѣнію, мирная жизнь симбирскихъ обывателей была вскорѣ нарушена разразившимся надъ нашими юго-восточными областями Пугачевскимъ бунтомъ, и семья Дмитріевыхъ поспѣшила уѣхать въ Москву, гдѣ очутилась въ довольно стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Домашнее обученіе совсѣмъ прервалось, и Дмитріевъ проводилъ свободное время за чтеніемъ русскихъ книгъ, въ выборѣ которыхъ его руководствовалъ крѣпостной человѣкъ богатаго заводчика Твердышева, Дорофей Серебряковъ, обучавшійся въ славяно-греко-латинской академіи, ученикъ и поклонникъ извѣстнаго тогдашняго лирика В. П. Петрова. Чтеніе это познакомило Дмитріева съ произведеніями лучшихъ писателей того времени: Хераскова, Майкова, Муравьева, Петрова. Интересно, что уже тогда въ немъ сказывался будущій преобразователь нашего стихотворнаго слога. Не соглашаясь съ увлеченіемъ своего руководителя, Серебрякова, онъ находилъ языкъ Петрова тяжелымъ и неблагозвучнымъ. «Мнѣ казались даже смѣшными риѳмы его: многочита, сердоболита, хребтощетинный, рамы, пламы и тому подобныя», сообщаетъ онъ въ своихъ Запискахъ (стр. 23). Тогда-же познакомился Дмитріевъ въ Москвѣ и съ театральными представленіями: съ итальянской оперой—буфъ и съ народными пьесами.

Еще съ дѣтства записанный, по тогдашнему обыкновенію, въ военную службу, солдатомъ въ Семеновскій полкъ, Дмитріевъ въ Маѣ 1774 г. былъ отвезенъ отцомъ въ Петербургъ и явился, вмѣстѣ съ братомъ, въ полкъ, гдѣ ихъ помѣстили въ полковую школу обучаться математикѣ, рисованію, священной исторіи и всеобщей географіи. Но и въ этой школѣ Дмитріевъ пробылъ недолго. Въ концѣ года, для празднованія мира съ турками, Императрица отправилась въ Москву, куда отправлено было также по одному баталіону отъ каждаго гвардейскаго полка. Въ Семеновскомъ полку къ походному баталіону причислены были и многіе малолѣтки изъ полковой школы, въ томъ числѣ и братья Дмитріевы. Въ Москвѣ окончательно прекратились учебныя занятія Дмитріева, и онъ началъ знакомиться съ обязанностями военной службы. Произведенный, вмѣстѣ съ братомъ, по ходатайству дяди, сенатора Никиты Аѳанасьевича Бекетова, черезъ чинъ прямо въ фурьеры, молодой Дмитріевъ получилъ годовой отпускъ и уѣхалъ съ братомъ на родину.

Возвратившись въ Петербургъ, Дмитріевъ провелъ нѣсколько лѣтъ «въ скучной унтеръ-офицерской службѣ, между строевъ и карауловъ». Тутъ вскорѣ (съ 1777 г.) начались первые его опыты «въ риѳмованіи», какъ скромно выражается онъ въ запискахъ. «Не видавъ еще ни одной книги

о правилахъ стихосложенія», говоритъ онъ, «не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами: это были стихи мои. Первоначальные были большею частію сатирическіе. Всѣ они брошены въ огонь, коль скоро я узналъ о ихъ неправильности» (стр. 32). Этой печальной участи избѣжала одна только надпись. Въ 1777 году Н. И. Новиковъ началъ издавать «Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости» и въ предисловіи къ 1-му номеру помѣстилъ приглашеніе господамъ россійскимъ стихотворцамъ сочинять надписи къ личнымъ изображеніямъ россійскихъ ученыхъ мужей и писателей, назвавъ на первый разъ Ѳеофана Прокоповича, кн. Ант. Кантемира, Поповскаго, живописца Лосенкова и гравера Чемезова. «Едва я прочиталъ этотъ вызовъ», разсказываетъ Дмитріевъ, «какъ вспыхнуло во мнѣ дерзкое желаніе быть въ числѣ сподвижниковъ» (стр. 32). Изъ названныхъ лицъ онъ выбралъ Кантемира, съ которымъ уже былъ знакомъ по его сочиненіямъ, напечатаннымъ въ 1762 г., и по «Опыту историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» Новикова. Сочинивъ надпись, онъ отправилъ ее къ издателю «Ученыхъ Вѣдомостей» и черезъ недѣлю увидалъ уже ее въ печати. Она появилась въ 15-мъ N-рѣ, помѣченномъ «Въ пятницу, марта 31 дня 1777 года», за полной подписью: «Сочинилъ Иванъ Дмитріевъ» и съ такимъ примѣчаніемъ редакціи:
«Мы сообщаемъ здѣсь еще одну *Надпись*, полученную нами на Страстной недѣлѣ отъ г. Дмитріева, съ искреннимъ нашимъ желаніемъ хорошихъ успѣховъ въ стихотворствѣ г. Сочинителю сей Надписи». «Самолюбіе мое не помѣшало мнѣ понять всю силу подчеркнутаго слова», сообщаетъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ (стр. 33). Такимъ образомъ, надпись эта была первымъ печатнымъ произведеніемъ нашего лирика, и съ этихъ поръ онъ сталъ помѣщать свои произведенія въ журналахъ, но, послѣ «неудачной» своей надписи, уже нигдѣ не ставилъ своего имени. Одинъ изъ его сослуживцевъ познакомилъ его слегка съ правилами поэзіи и посовѣтовалъ ему купить реторику Ломоносова, а потомъ Дмитріевъ познакомился съ піитикой Апол. Байбакова. Образцами въ стихотворствѣ служили ему Сумароковъ и Херасковъ. Живя вмѣстѣ съ братомъ и слѣдуя его примѣру, онъ продолжалъ заниматься также французскимъ языкомъ и читать французскихъ писателей, изъ которыхъ особенно «прилѣпился къ вѣтренному Дорату» *). За это братъ называлъ его «невѣждой» и «жалкимъ риѳмокропателемъ». Это такъ задѣвало нашего будущаго Лафонтена, что онъ пересталъ показывать свои стихи и брату и товарищамъ. «Такимъ образомъ я стихотворствовалъ долгое время», говоритъ Дмитріевъ въ запискахъ, «не узнавъ, что говорятъ, по крайней мѣрѣ, словесники о стихахъ моихъ. Писать и видѣть ихъ въ печати было для меня единственнымъ возмездіемъ» (стр. 35).

Но вскорѣ Дмитріевъ лишился и этого возмездія. Однажды въ придворномъ театрѣ онъ разговорился съ незнакомымъ ему господиномъ по поводу игры актера Плавильщикова. Незнакомецъ бранилъ и игру Плавильщикова, и издававшійся имъ журналъ «Утро», и помѣщенные въ немъ стихи: «Идиллія» и «Стихи на кончину доктора Вира» (открывшаго Сорентскія минеральныя воды). Оказалось, что это были произведенія самого Дмитріева. (Обѣ пьесы помѣщены въ майской книжкѣ журн. «Утро» 1782 г.) Претерпѣвъ эту вторичную неудачу и во второй разъ услыхавъ судъ о своихъ стихотвореніяхъ, «я вразумился», говоритъ Дмитріевъ, «что еще рано мнѣ выдавать мои произведенія, и положилъ хранить ихъ до времени подъ спудомъ» («Взгл. на мою жизнь», 37).

Но если стихи Дмитріева потерпѣли неудачу, то его занятіе переводомъ съ французскаго небольшихъ прозаическихъ сочиненій было выгодно, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи: онъ отдавалъ эти переводы книгопродавцамъ, которые печатали ихъ на свой счетъ, а переводчику платили, по условію, книгами, такъ что у него составилась порядочная русская библіотека.

Въ это время Дмитріевъ познакомился

---

*) Клодъ Жозефъ Дора (Dorax) (1734—1780)—франц. поэтъ. Стихотворенія его „довольно изящны, но безсодержательны, изобилуютъ, съ одной стороны, казарменными остротами, съ другой—приторными комплиментами дамамъ". („Энциклопед. Слов." Ефрона, XI, 45).—

съ двумя лицами, имѣвшими рѣшительное вліяніе на его литературныя занятія. Въ началѣ 1783 года, когда Дмитріевъ былъ уже сержантомъ, онъ, возвратившись домой съ прогулки, засталъ у себя «румянаго, миловиднаго юношу», который съ пріятною улыбкой вручилъ ему письмо отъ отца. Это былъ Н. М. Карамзинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ на службу. Онъ приходился свойственникомъ Дмитріеву, потому что отецъ его женатъ былъ (въ 1770 г.) вторымъ бракомъ на теткѣ Дмитріева, сестрѣ его отца, воспитанной въ ихъ семействѣ. На этой свадьбѣ Дмитріевъ увидѣлъ въ первый разъ будущаго своего друга, тогда еще пятилѣтняго мальчика. Встрѣтившись теперь въ Петербургѣ, молодые люди быстро подружились и въ теченіе цѣлаго года безпрестанно видѣлись, давая другъ другу отчетъ въ прочитанномъ. Въ началѣ 1784 г. Карамзинъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Москву, встрѣчаясь съ Дмитріевымъ только мелькомъ, во время пріѣздовъ послѣдняго въ Симбирскъ и въ Москву. Въ разлукѣ между друзьями возникла переписка (съ 1787 г.), продолжавшаяся засимъ непрерывно почти 40 лѣтъ. Отъ этой переписки сохранились и напечатаны только письма Карамзина; отвѣтныя же письма Дмитріева, къ сожалѣнію, не сохранились. (Пис. Карамз. къ Дм—ву, VIII).

Незадолго до знакомства съ Карамзинымъ, Дмитріевъ познакомился и подружился съ сослуживцемъ своимъ по полку, подпоручикомъ Өед. Ильич. Козлятевымъ. «Это было эпохою, съ которой я началъ выбираться на прямой путь словесности», читаемъ въ его Запискахъ (стр. 47). У Козлятева была хорошая французская библіотека, безпрестанно пополняемая, и, воспользовавшись ею, Дмитріевъ познакомился съ сочиненіями Бюффона, Даламбера, Дидро, Реналя, Мармонтеля, Томá, Ла Гарпа, Ж. Ж. Руссо, а также съ лучшими французскими переводами греческихъ и латинскихъ писателей. По совѣту Козлятева, онъ сталъ читать и учебныя книги: «Объ ораторскомъ искусствѣ» Квинтиліана, «Курсъ словесности» Баттё и Мармонтеля, а также книги общеобразовательнаго содержанія: «Библіотеку образованнаго человѣка», «Три вѣка французской словесности» аб. Сааатье, записки Палиссо о французскихъ писателяхъ *) и «Критическій журналъ» Клемана. Ко всѣмъ этимъ пособіямъ французской литературы присоединялась умная бесѣда самого Козлятева, которая одна была для Дмитріева, по его собственнымъ словамъ, «училищемъ изящнаго и вкуса».

Произведенный въ 1787 годувъ прапорщики, онъ получилъ отпускъ и провелъ его у родителей, а въ слѣдующемъ 1788 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ отправился въ походъ, по случаю открывшейся войны съ Швеціей, и прожилъ четыре мѣсяца походной жизнью на границахъ Финляндіи, но въ сраженіяхъ, повидимому, не участвовалъ: «мы видѣли непріятелей только въ положеніи унылыхъ плѣнниковъ», сообщаетъ онъ въ «Запискахъ». Въ концѣ года онъ, вмѣстѣ съ гвардейскими баталіонами, невредимо возвратился въ Петербургъ. Въ слѣдующемъ году онъ опять ѣздилъ на границу Финляндіи, но уже съ мирною цѣлью — навѣстить старшаго брата. Поѣздка эта важна въ жизни Дмитріева тѣмъ, что дала поводъ къ знакомству его съ Державинымъ. Описывая въ своей поденной запискѣ одно красивое мѣстоположеніе, онъ включилъ въ это описаніе стихотворное обращеніе къ Державину, стихотворенія котораго зналъ еще съ 1776 г., со времени выхода Ниталагайскихъ одъ. Съ тѣхъ поръ онъ усердно читалъ произведенія Державина, появлявшіяся и отдѣльно, и въ журналахъ: «Спб—ій Вѣстникъ» и «Собесѣдн. Любит. росс. слова» Восхищался ими, ставилъ ихъ по силѣ, живописи, свѣжести и самобытности выше произведеній всѣхъ другихъ тогдашнихъ стихотворцевъ, но имени автора не зналъ, такъ какъ Державинъ въ то время сочиненій своихъ не подписывалъ. «Наконецъ я узналъ объ имени прельстившаго меня поэта», разсказываетъ онъ въ Запискахъ; «узналъ и самого его лично; но только глядывалъ на него издали во дворцѣ съ чувствомъ удовольствія и глубокаго уваженія» («Взгл. на мою жиз.»,53). Написанное имъ стихотворное обращеніе къ Державину послужило поводомъ къ личному между ними знакомству. Знакомый Дмитріеву родственникъ Державина, П. Ю.

*) Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Дидро, энциклопедистовъ и Руссо и осмѣивалъ ихъ въ своихъ комедіяхъ. («Энциклопед. Слов. Ефрона», 44, 632—633).

Львовъ, переписалъ эти стихи и показалъ ихъ Державину. Послѣдній пожелалъ познакомиться съ ихъ авторомъ. Дмитріевъ долго «совѣстился представиться знаменитому пѣвцу въ лицѣ мелкаго и еще никѣмъ не признаннаго стихотворца». Наконецъ, настойчивое приглашеніе Державина побѣдило эту застѣнчивость, и Дмитріевъ, въ сопровожденіи П. Ю. Львова, отправился къ поэту, «съ которымъ желалъ и робѣлъ познакомиться». Принятый радушно и ласково, онъ черезъ двѣ недѣли сдѣлался короткимъ знакомцемъ въ домѣ Державина и сталъ бывать у него почти каждый день. «Со входомъ въ домъ его», говоритъ Дмитріевъ въ Запискахъ, «какъ будто мнѣ открылся путь и къ Парнасу» (стр. 57). До сихъ поръ онъ былъ лично знакомъ только съ двумя стихотворцами: Е. И. Костровымъ и гр. Д. И. Хвостовымъ. Въ домѣ Державина онъ познакомился съ И. Ѳ. Богдановичемъ, Ив. Сем. Захаровымъ, Н. А. Львовымъ, Ѳ. П. Львовымъ, А. Н. Оленинымъ, Д. И. Фонъ-Визинымъ и В. В. Капнистомъ.

Знакомство Дмитріева съ Державинымъ произошло въ 1790 г. Въ окт. 1790 г. пріѣхалъ въ Петербургъ Карамзинъ, возвращавшійся изъ-за границы, и Дмитріевъ поспѣшилъ познакомить его съ Державинымъ. Карамзинъ возвратился съ довольно смѣлымъ для того времени замысломъ: не вступая въ службу, посвятить себя исключительно литературной дѣятельности и уже лелѣялъ въ головѣ мысль о новомъ журналѣ. Эту мысль онъ поспѣшилъ сообщить и другу своему Дмитріеву, и новому знакомцу — Державину. Послѣдній отнесся къ литературному предпріятію Карамзина очень сочувственно и обѣщалъ быть сотрудникомъ, а Дмитріевъ, успѣвшій уже показать Карамзину всѣ написанныя имъ въ послѣдніе годы, но нигдѣ не напечатанныя «бездѣлки», и уступая его желанію, отдалъ ему ихъ «для подкрѣпленія на первый случай журнальнаго его запаса». Дѣйствительно, съ первыхъ же книжекъ «Московскаго Журнала» стали въ немъ появляться стихотворенія Дмитріева, которыя, однако, какъ онъ самъ говоритъ, «были едва ли не ниже посредственныхъ». Но это не совсѣмъ справедливо. Между ними есть, напр., стихотвореніе: «Къ***. О выгодахъ быть любовницею стихотворца» (помѣщенное въ I-й ч. «Моск. Журн», 1791), которое уже предвѣщаетъ будущаго автора сатиры «Чужой толкъ». Признаваясь Прелестѣ въ любви и прельщая ее честью быть возлюбленной поэта, авторъ иронически говоритъ:

„Или не знаешь ты, что властенъ дать онъ то,
Предъ чѣмъ богатство, власть, корона,
Всѣ блага міра—вздоръ, ничто.
Поэтъ, примѣромъ я, едва воспламенится,
И вмигъ въ умѣ его тьма, тьма чудесъ родится.
Въ минуту онъ тебя въ богиню претворитъ
И всѣхъ тебѣ сердца навѣки покоритъ;
Онъ тотчасъ дастъ тебѣ усмѣшку, взглядъ Авроры,
Гебеи молодость, прекрасную тѣнь Флоры
И всѣхъ умильностей и прелестей соборъ,
Какими Граціи блистаютъ и Венера.
. . . . . .
Распустишь волосы свои предъ туалетомъ
Когда бы ни было, зимой ли то иль лѣтомъ,
Тотчасъ Зефиръ готовъ ихъ кудри развѣвать
И, прохлаждая, цѣловать.“

Даже смерть не должна страшить Прелесты:

„Прелеста! ты умрешь, но живъ останусь я!
Любовникъ страстный твой въ элегіи возстанетъ,
Растреплетъ волосы и въ морѣ слезъ потонетъ;
Все скажетъ, что сказать Овидіи могли,
И ты безсмертною пребудешь на земли“.

Но если Прелеста останется къ нему равнодушной и не отвѣтитъ ему взаимнымъ чувствомъ, то авторъ стращаетъ ее такою угрозой:

„Другую полюблю, другую и прославлю“.

Съ IV-й части «Московскаго Журнала» начался, какъ говоритъ Дмитріевъ, новый періодъ въ его литературной дѣятельности, разумѣя подъ этимъ то, что съ этихъ поръ началась его литературная извѣстность. Въ V-й части напечатана была его сказка: «Модная жена», содержаніемъ которой послужилъ народный анекдотъ о хитрой женѣ, обманувшей кривоглазаго мужа. Въ сказкѣ Дмитріева роль мужа играетъ Пролазъ, который

....«въ теченіе полвѣка
Все ползъ, да ползъ, да билъ челомъ
И, наконецъ, такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,
То есть, сталъ съ именемъ — я говорю вѣдь такъ,
Какъ говорится въ свѣтѣ—
То есть, сталъ ѣздить онъ шестеркою въ каретѣ».

Въ отсутствіе Пролаза къ его молодой женѣ пришелъ любовникъ Миловзоръ, и

влюбленная парочка уединилась въ диванную.

„Диванъ для городской вострушки,
Когда на немъ она самъ-другъ,
Опаснѣе, чѣмъ для пастушки
Средь рощицы зеленый лугъ.
И эта выдумка дивановъ,
По чести, месть намъ отъ султановъ."

Кончается также, какъ и въ народной сказкѣ: находчивая жена закрываетъ неожиданно явившемуся кривоглазому мужу здоровый глазъ и этимъ даетъ любовнику возможность незамѣтно уйти. Сказка эта была замѣчена и въ дѣйствующихъ лицахъ узнали очень распространенные въ тогдашнемъ обществѣ типы.

Карамзинъ сообщалъ своему другу: «*Модная жена*» очень понравилась нашей московской публикѣ, и притомъ публикѣ всякаго разбора (Пис. къ Дм. 16).

Въ другомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ его: «Твои пьесы нравятся умнымъ читателямъ» (стр. 18).

Еще бо́льшую славу доставило Дмитріеву другое стихотвореніе: «Голубокъ», напечатанное въ VI-й ч. «Москов. Журн.» По своему до приторности сентиментальному тону оно пришлось по́сердцу тогдашнимъ сентиментально настроеннымъ читателямъ, было заучиваемо наизусть, положено на музыку и распѣваемо во всѣхъ гостиныхъ.

Карамзинъ писалъ Дмитріеву 18 іюля 1792 г.: «Херасковъ *Сизаго Голубка* твоего называетъ прекраснѣйшей пьесой. Это увѣряетъ меня, что онъ имѣетъ хорошій вкусъ» (Пис. къ Дм. 29). Вообще, сотрудничество въ изданіяхъ Карамзина было лучшимъ временемъ въ поэтическомъ творчествѣ Дмитріева. Особенно плодотворенъ былъ для него 1794 годъ. Дмитріевъ провелъ его на родинѣ, въ Сызрани, и въ странствованіи по Низовому краю и тутъ написалъ лучшія свои вещи: «Искатели фортуны», «Къ Волгѣ», «Воздушныя башни», «Причудница», «Чужой толкъ», «Посланіе къ Державину, по случаю кончины первой его супруги», «Ермакъ», «Гласъ патріота» (на взятіе Варшавы Суворовымъ). Послѣднее стихотвореніе, посланное Дмитріевымъ къ Державину вмѣстѣ съ «Посланіемъ», было представлено послѣднимъ императрицѣ и, по ея приказанію, напечатано на счетъ кабинета. «Знаешь ли, любезный», писалъ Дмитріеву Карамзинъ (изъ Москвы, 8 нояб. 1794 г.), «что твой «Гласъ патріота» напечатанъ въ Петербургѣ и ходитъ тамъ и здѣсь подъ именемъ Державина?» (Пис. Кар. къ Дм. 51). Сатира «Чужой толкъ» нанесла мѣткій ударъ тогдашнимъ одокропателямъ и послужила явнымъ признакомъ перехода отъ искусственной напыщенности ложноклассицизма къ болѣе естественному, хотя и приторному въ своихъ крайностяхъ, сентиментализму. Сказка «Причудница», отличающаяся необыкновенною для того времени легкостью и естественностью стихотворной рѣчи, есть, собственно, переводъ пьесы Вольтера «La Bequeule». Но тогдашняя критика поставила ее выше оригинала. А. Ѳ. Воейковъ, въ своей критической статьѣ о сочиненіяхъ Дмитріева, говорилъ, что въ «Причудницѣ» онъ «далеко превзошелъ Вольтера» и «одержалъ надъ нимъ знаменитую побѣду» (Цвѣтникъ, 1810, № 10). Объ одѣ «Ермакъ» и о стихотвореніи «Къ Волгѣ» Карамзинъ писалъ своему другу: «Сердечно благодарю тебя за стихи *Къ Волгѣ* и за *Ермака*. И ту и другую піесу читалъ я съ великимъ удовольствіемъ, не одинъ разъ, а нѣсколько. Браво! Вотъ поэзія. Пиши такъ всегда, мой другъ» (Пис. къ Дм., 50). «Московскій Журналъ» Карамзина, въ которомъ помѣщено 42 пьесы Дмитріева, выходилъ только два года (1791—1792) Въ 1794 и 1795 гг. Карамзинъ издалъ альманахъ «Аглая» (2 части), въ которомъ напечатана только одна пьеса Дмитріева, а въ промежуткѣ между изданіемъ первой и второй части «Аглаи» Карамзинъ напечаталъ сборникъ своихъ произведеній, подъ заглавіемъ «Мои бездѣлки» (Москва, 1794, 2 ч.) Послѣдовавъ его примѣру, и Дмитріевъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, которое, въ отвѣтъ своему другу, назвалъ «И мои бездѣлки» (Москва, 1795). Печатаніемъ этого сборника занялся Карамзинъ, который писалъ Дмитріеву 11 іюля 1795 г.: «Твои пріятныя и скромныя *Бездѣлки* отпечатаны; думаю, что уже и публикованы. По возвращеніи въ Москву сдѣлаю счетъ съ Клаудіемъ (книгопродавцемъ) и перешлю къ тебѣ сколько нибудь денегъ» (Пис. къ Дм., 56). «Это изданіе достопамятно для меня тѣмъ», сообщаетъ Дмитріевъ въ Запискахъ, «что пріобрѣло мнѣ лестное знакомство съ почтеннымъ оберъ-

камергеромъ—Ив. Ив. Шуваловымъ. Меценатъ Ломоносова еще обращалъ привѣтливый взглядъ и къ позднѣйшему поколѣнію нашихъ поэтовъ» («Взгл. на мою жизнь. 76).»

Въ изданномъ вслѣдъ за симъ альманахѣ Карамзина «Аониды» (3 ч. 1796 — 99 гг.) помѣщено во 2 и 3 ч. двадцать пять стихотвореній Дмитріева, написанныхъ, вѣроятно, гораздо раньше, ибо онъ самъ говоритъ, что въ это время писалъ мало. Попавъ въ военную службу не по склонности, а по существовавшему въ то время обычаю, Дмитріевъ тяготился ею и съ нетерпѣніемъ ждалъ послѣдняго въ гвардіи чина капитана, который и получилъ наконецъ 1-го января 1796 г. Въ этомъ новомъ чинѣ онъ командовалъ гренадерской ротой во время крещенскаго парада, а вскорѣ за симъ отпросился въ годовой отпускъ, съ твердымъ намѣреніемъ въ слѣдующій годъ выйти въ отставку и переселиться въ Москву, «къ умноженію московскихъ бригадировъ» (Взгл. на мою жизнь, 125). Послѣдовавшая 6 нояб. 1796 г. кончина Императрицы Екатерины II застала его еще въ отпуску и вынудила тотчасъ возвратиться въ Петербургъ, гдѣ онъ, сказавшись больнымъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ и черезъ недѣлю получилъ ее съ повышеніемъ, ибо уволенъ былъ съ чиномъ полковника и съ правомъ ношенія новаго мундира. Онъ уже мечталъ о прелестяхъ независимой жизни, какъ вдругъ, вмѣстѣ съ сослуживцемъ своимъ, штабсъ-капит. В. И. Лихачевымъ, былъ неожиданно арестованъ по обвиненію въ злоумышленіи на жизнь Государя. Вскорѣ обнаружилось, что это была продѣлка крѣпостного человѣка брата Лихачева, надѣявшагося ложнымъ доносомъ добиться свободы. Императоръ торжественно, посреди генералитета и офицерства, объявилъ о невинности заподозрѣнныхъ, поцѣловалъ ихъ и пригласилъ къ обѣденному столу. Понятно, что объ этомъ происшествіи пошли въ городѣ разговоры, и Дмитріеву пророчили разныя награды; говорили даже, будто онъ будетъ назначенъ статсъ-секретаремъ. Между тѣмъ, самъ Дмитріевъ «только и желалъ быть московскимъ цензоромъ книгъ, но, когда задумалъ просить объ этомъ мѣстѣ, оно уже было занято» (Взгл. на мою жизнь, 132). Наконецъ, по ходатайству наслѣдника, онъ получилъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ сенатѣ, съ правомъ считаться попрежнему полковникомъ и ходить въ мундирѣ. А вскорѣ назначенъ былъ товарищемъ министра въ новоучрежденномъ департаментѣ удѣловъ и оберъ-прокуроромъ сената. Не считая себя подготовленнымъ къ занятію такой трудной и важной должности, Дмитріевъ, еще до подписанія указа, «имѣлъ смѣлость говорить генералъ-прокурору, что отнюдь не заслуживаетъ столь важнаго званія». — «Такого же мнѣнія былъ и отецъ мой», прибавляетъ онъ въ Запискахъ, «вмѣсто привѣтствія съ мѣстомъ, онъ журилъ меня, думая, что я самъ домогался получить его» (Взгл. на мою жизнь, 135).

Вступивъ, послѣ многолѣтней военной службы, въ гражданскую, Дмитріевъ очутился въ совершенно непривычной для него обстановкѣ. «Я будто вступилъ въ другой міръ», разсказываетъ онъ въ Запискахъ, «совершенно для меня новый. Здѣсь и знакомства, и ласки основаны по большей части на разсчетахъ своекорыстія; эгоизмъ господствуетъ во всей силѣ; образъ обхожденія непрестанно измѣняется, наравнѣ съ положеніемъ каждаго. Товарищи не уступаютъ кокеткамъ: каждый хочетъ исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было на счетъ другого; нѣтъ искренности въ отвѣтахъ: ловятъ, помнятъ и передаютъ каждое неосторожное слово» (стр. 144—145).

Это и заставило его сказать, что съ переходомъ въ гражданскую службу «начинается ученичество мое въ наукѣ законовѣдѣнія и знакомство съ происками, эгоизмомъ, надменностью и раболѣпствомъ двумъ, господствующимъ въ наше время, страстямъ: любостяжанію и честолюбію» (стр. 134). Это печальное замѣчаніе Дмитріева подтверждается свидѣтельствомъ другого современника, Болотова. «Всѣмъ извѣстно», говоритъ онъ, «что сенатъ заваленъ былъ толикимъ множествомъ дѣлъ, и производство и рѣшеніе оныхъ происходило столь медленно, что не было никому почти способа дождаться рѣшенія онаго, буде не имѣлъ кто какихъ-нибудь особливыхъ представителей или довольнаго числа денегъ для задариванія и подкупленія тѣхъ, которымъ надъ производствомъ оныхъ наиболѣе трудиться надлежало. Безчисленное множество челобитчи-

ковъ живало всегда безвыѣздно въ Петербургѣ, и многіе изъ нихъ проживались и проѣдались до сущаго разоренія, а, несмотря на все, рѣшенія своихъ дѣлъ никакъ иногда добиться и дождаться не могли. А отъ самаго того и происходило то пагубное слѣдствіе, что всѣ апелляціи въ сенатъ, по суднымъ своимъ дѣламъ, какъ огня боялись.... ибо удостовѣрены были въ томъ, что нужно было только какому дѣлу попасться въ сенатъ, какъ и пошло оно на безконечные вѣка, и рѣшенія онаго не иначе, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, дождаться было можно»; иные сенаторы «лѣтъ по пяти сряду въ сенатъ не пріѣзжали и не заглядывали въ оный», «лихоимство вкралось во всѣ чины до такого высокаго градуса, что никто не хотѣлъ ничего безъ денегъ дѣлать, и все вообще шло на деньгахъ и на закупаніи» (Пам. протекш. врем., ч. II, 115—117). Третій департаментъ сената, въ который назначенъ былъ Дмитріевъ, завѣдывалъ дѣлами Малороссіи, Польскаго края, Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи и Курляндіи и долженъ былъ руководствоваться, кромѣ великороссійскихъ законовъ, Литовскимъ Статутомъ, Магдебургскимъ правомъ и другими мѣстными узаконеніями на шведскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Изъ всѣхъ этихъ узаконеній переведены были на русскій языкъ только земское уложеніе, Литовскій Статутъ и Магдебургское право; «но переведены едва ли словесникомъ», замѣчаетъ Дмитріевъ, «въ вѣрности никѣмъ не засвидѣтельствованы, переписаны дурнымъ почеркомъ, безъ правописанія, отъ долговременнаго и частаго употребленія затасканы и растрепаны» (Взгл. на мою жиз., 136). Прочіе законы хранились въ оригиналахъ и для пользованія ими необходимо было прибѣгать къ помощи переводчиковъ, «ибо завѣдывавшій польскими дѣлами не зналъ польскаго языка, а остзейскихъ провинцій и Курляндіи—ни нѣмецкаго, ни латинскаго» (тамъ же).

Познакомившись съ такимъ положеніемъ вещей, Дмитріевъ немедленно представилъ генералъ-прокурору о необходимости провѣрить и исправить существующіе переводы, перевести то, что еще не было переведено, и все это напечатать, но это представленіе осталось безъ послѣдствій. Претерпѣвъ, кромѣ этой неудачи, много и другихъ непріятностей по службѣ, Дмитріевъ вышелъ въ отставку (30 дек. 1799 г.), съ чиномъ тайнаго совѣтника, и переселился въ Москву, гдѣ купилъ себѣ деревянный домикъ съ небольшимъ садомъ, у Красныхъ воротъ, «и возобновилъ авторскую жизнь». Она прервалась на время частію по недостатку времени, уходившаго на хлопотливыя занятія по службѣ, частію, можетъ быть, и потому, что короткое царствованіе преемника Екатерины II вообще мало было способно вдохновлять писателей. Рѣзкая перемѣна отъ свободы и благодушія Екатерининскаго времени къ строгой и крутой требовательности ея преемника поселила повсюду состояніе страха, недоумѣнія, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ и подавленности духа. Событія во Франціи заставляли принимать строгія мѣры противъ наплыва революціонныхъ идей, и цензурныя стѣсненія доведены были до крайности. «Книгопродавцы наши не получили еще ни одной книжки нынѣшнимъ лѣтомъ», писалъ Карамзинъ Дмитріеву 6-го іюля 1797 г. «Слышно, что нынѣшніе цензоры тому причиною и что всѣ присланныя изъ чужихъ краевъ книги лежатъ въ Рижской и Петербургской таможняхъ» (пис. къ Дм-ву, 79).

Дмитріевъ, наравнѣ съ другими, конечно, очутился въ такомъ же подавленномъ состояніи духа, при которомъ самостоятельная литературная дѣятельность почти невозможна, и посему намѣренъ былъ, выйдя въ отставку, заняться переводами. Но Карамзинъ поспѣшилъ разочаровать его: «Я разсмѣялся твоей мысли жить переводами! Русская Литература ходитъ по міру, съ сумою и съ клюкою: худая нажива съ него!» (Пис. къ Дм-ву, 95). Изъ другого его письма узнаемъ, что и тутъ главной причиной являлась тогдашняя цензура, не позволявшая переводить классическихъ писателей: Демосѳена, Цицерона, Саллюстія, потому что они были республиканцы. Это заставило Карамзина даже сказать, что если бы нужда не заставляла его имѣть дѣло съ типографіей, то онъ, «положивъ руку на алтарь музъ и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе, ни сочиненіями, ни переводами».—«Странное дѣло! У насъ есть академія, университеты, а литература подъ лавкою!», съ горечью восклицаетъ онъ (Пис. къ Др-ву, 97). И очутилась она тамъ по-

тому, что «цензура, какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ: къ самымъ бездѣлицамъ придираются» (тамъ же, 99). Рижская цензура остановила нѣмецкій переводъ «Писемъ русскаго путешественника» (Пис. Кар. къ Дм., 115), а московская не пропускала, при новыхъ изданіяхъ, уже напечатанныхъ произведеній Карамзина безъ помарокъ и пропусковъ, такъ что, выйдя изъ продажи, они могли сдѣлаться рѣдкостью, и тогда Карамзинъ, какъ авторъ, могъ «исчезнуть заживо»; но, «умирая авторски, восклицаю: да здравствуетъ россійская литература!» остроумно заканчиваетъ Карамзинъ свой печальный разсказъ (Пис. къ Дм-ву, 103—104).

Возобновивъ авторскую жизнь, Дмитріевъ возобновилъ и литературныя знакомства, проводя время въ бесѣдахъ съ И. П. Тургеневымъ, М. М. Херасковымъ, В. Л. Пушкинымъ, В. В. Измайловымъ и В. А. Жуковскимъ.

Съ воцареніемъ Имп. Александра I «литературныя обстоятельства перемѣнились наконецъ къ лучшему... Цензура обѣщала быть не столь строгою, какъ прежде. Печать не представляла болѣе опасностей. Книгопродавцы и типографщики приступили къ Карамзину съ убѣжденіями издавать журналъ, надѣясь получить большія выгоды чрезъ любимаго публикою писателя, который такъ долго молчалъ и котораго такъ желала она читать» (Погодинъ: Карамзинъ, I, 337 — 338). Такъ возникъ лучшій журналъ того времени—«Вѣстникъ Европы», издававшійся Карамзинымъ два года, въ 1802 и 1803 гг. Съ возобновленіемъ литературной дѣятельности Карамзина усилилась и литературная производительность Дмитріева. «Кажется, будто мнѣ суждено было тогда только воспламениться поэзіей, когда Карамзинъ издавалъ журналъ», замѣчаетъ Дмитріевъ въ Запискахъ (стр. 80). Дѣйствительно, въ Вѣст. Евр. 1802—3 гг. помѣщено шестнадцать стихотвореній Дмитріева и въ числѣ ихъ десять басенъ. Съ переходомъ Вѣстника Европы въ другія руки и съ прекращеніемъ литературной дѣятельности Карамзина, и Дмитріевъ писалъ уже рѣдко и мало: «Карамзинъ пересталъ на меня дѣйствовать», говоритъ онъ въ Запискахъ (стр. 189). А вскорѣ, въ 1810 г., при назначеніи Дмитріева на должность министра юстиціи, литературныя его занятія совсѣмъ прекратились.

Пробывъ шесть лѣтъ въ отставкѣ, Дмитріевъ назначенъ былъ, 6 февр. 1806 г., сенаторомъ въ шестой (московскій) департаментъ. Въ томъ же году, 18-го нояб., онъ награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 1-й степ. Въ званіи сенатора онъ не разъ исполнялъ разныя важныя порученія. Въ 1807 году ему поручено было наблюдать за сборомъ земскаго ополченія въ губерніяхъ: Костромской, Вологодской, Нижегородской, Казанской и Вятской. Въ томъ же году ему предложено было занять мѣсто попечителя Московскаго университета, послѣ смерти М. Н. Муравьева. Но Дмитріевъ, сознавая недостаточность своего образованія и не желая играть роль «вороны въ павлиньихъ перьяхъ» (Взгл. на мою жиз.», 155), добросовѣстно отказался (отвѣтъ его гр. Завадовскому приведенъ уже нами выше). Въ началѣ 1808 года онъ отправленъ былъ въ Рязань произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ по тамошнему питейному откупу. За исполненіе этого порученія Государь приказалъ объявить ему свое особенное благоволеніе. Въ концѣ того же 1808 г. ему вновь поручено было «изслѣдовать втайнѣ поступки Костромского губернатора Пасынкова», за что онъ удостоился благоволительнаго рескрипта и пожалованія по 3000 р. столовыхъ денегъ ежегодно. Въ концѣ 1809 года онъ получилъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ сказано было, что Государь, «найдя нужнымъ изъясниться съ нимъ о предметахъ, въ коихъ опытность его можетъ быть полезна государству», желаетъ, чтобы онъ прибылъ къ новому году въ Петербургъ. Поспѣшивъ исполнить это лестное для него повелѣніе, онъ прибылъ въ Петербургъ наканунѣ Крещенія (1810 г.) и въ тотъ же день узналъ изъ газетъ о назначеніи его членомъ Государственнаго Совѣта, а на другой день, при представленіи Государю, онъ назначенъ былъ министромъ юстиціи.

«При первомъ обзорѣ всѣхъ частей моего министерства», разсказываетъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ, «я уже видѣлъ, что многаго недостаетъ къ успѣшному ходу этой машины: излишнія инстанціи, служащія только къ проволочкѣ дѣлъ и въ пользу ябедническихъ изворотовъ; недостаточное назначеніе суммъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ, особенно же палатъ гражданскихъ и уголовныхъ; опре-

дѣленіе чиновниковъ къ должностямъ большею частію наудачу, по происканъ или чрезъ покровительство; неравенство въ жалованьѣ и производствѣ въ чины: палатскіе предсѣдатели оставались и за выслугою узаконеннаго срока по нѣсколькy лѣтъ безъ повышенія, между тѣмъ какъ молодые люди, числящіеся только въ службѣ при министерствахъ, летѣли изъ чина въ чинъ, даже и безъ выслуги лѣтъ, и награждаемы были знаками отличія. Съ тою же безпечностью опредѣляемы были въ сенатъ оберъ-прокуроры и оберъ-секретари, первые большею частью молодые люди изъ придворной или военной службы, благовоспитанные, но неопытные и поваженные къ изощренію себя болѣе въ снисканіи выгодныхъ связей и покровительства для полученія знаковъ отличій. Послѣдніе поступали также отовсюду; испещрены были второстепенными орденами, но нѣкоторые изъ нихъ не умѣли порядочно составить даже «неважнаго опредѣленія» (183—184).

Во время своего министерства Дмитріевъ старался произвести разныя улучшенія. Прежде всего, желая «охранить достоинство» сената и «возвратить ему прежнюю важность», онъ предложилъ нѣкоторыя, весьма существенныя дополненія къ существовавшему постановленію о сенатѣ. Для распространенія юридическаго образованія онъ признавалъ весьма полезнымъ учредить въ разныхъ городахъ училища законовѣдѣнія для дворянскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей. Но все это такъ и осталось только предположеніемъ, такъ какъ всѣ нововведенія отложены были до разсмотрѣнія проекта преобразованія сената. Ему удалось только ввести правильное распредѣленіе занятій по департаментамъ сената (Оп. біогр. генер.-прокурор. и мин. юстиц. Ж. Мин. Юст. 1864, II, 121). Гораздо больше простора для нововведеній было ему въ министерствѣ. Здѣсь онъ принялъ мѣры къ ускоренію дѣлопроизводства и къ устраненію злоупотребленій при чинопроизводствѣ, а также очистилъ департаментъ министерства юстиціи «отъ приказныхъ трутней, причисленныхъ къ нему не для службы, а единственно для полученія даромъ чиновъ и отличій» («Взгл. на мою жизнь». 187—188). Обративъ вниманіе на торги по винному откупу, онъ увеличилъ доходъ казны на нѣсколько милліоновъ, за что получилъ отъ Государя орденъ Св. Александра Невскаго и единовременно 50,000 руб., хотя самъ признаетъ, что въ этомъ дѣлѣ вся честь принадлежала усердію и опытности министра финансовъ. Засимъ онъ не забылъ и такъ хорошо ему знакомаго вопроса объ изданіи переводовъ мѣстныхъ узаконеній и по его распоряженію провѣренъ, исправленъ и напечатанъ былъ въ 1811 г. переводъ Литовскаго Статута. Сверхъ того, по его мысли учреждена была Комиссія для разсмотрѣнія переводовъ уложенія Грузинскаго царя Вахтанга и Комиссія для разсмотрѣнія неоконченныхъ дѣлъ Финляндіи, причемъ уничтожена была Коллегія финляндскихъ дѣлъ (тамъ же, 123).

Съ теченіемъ времени у него вышли большія непріятности съ управляющимъ канцеляріей Комитета министровъ, статсъ-секретаремъ Молчановымъ, и нѣкоторыми другими сановниками, и это заставило его подать въ отставку. Правда, онъ могъ бы еще удержаться, если бы прибѣгнулъ къ помощи всесильнаго въ то время гр. Аракчеева. Но, «имѣвъ уже однажды свободный доступъ къ Государю, по званію министра», говоритъ онъ въ Запискахъ, «я не могъ рѣшиться на принесеніе оправданій моихъ черезъ посредника. Мнѣ легче было разстаться съ своимъ мѣстомъ, чѣмъ занимать оное съ потеряніемъ правъ своихъ и возможности быть вполнѣ полезнымъ» («Взгл. на мою жизнь», стр. 230). Вообще, онъ руководствовался правиломъ: «служить Государю и Отечеству, и никому болѣе, любить исправность въ отправленіи должности, а не влюбляться въ мѣсто и не жалѣть о его потерѣ. Послѣ того кто же могъ быть для меня страшенъ?» восклицаетъ онъ въ Запискахъ. «Для чего мнѣ было унижать себя угодливымъ раболѣпствомъ и метаться отъ одного къ другому?» (тамъ же, 201—202). 29 авг. 1814 г. Дмитріевъ получилъ увольненіе отъ должности министра юстиціи съ пенсіей 10,000 руб. асс. На прощальной аудіенціи Императоръ, очень милостиво принявъ его, спросилъ, держа съ ласковымъ видомъ за руку: «даешь ли слово современемъ опять сойтиться?» Но Дмитріевъ откровенно отвѣтилъ, что онъ столько перенесъ непріятностей, что никакъ

не смѣетъ обязать себя словомъ. Выйдя въ отставку, онъ переселился опять въ Москву, куда прибылъ 22 сент. 1814 г. Тамъ еще въ концѣ 1812 года онъ купилъ себѣ мѣсто у Патріаршаго пруда, въ приходѣ Св. Спиридона, и приступилъ къ постройкѣ дома. Домъ этотъ построенъ былъ по проекту извѣстнаго архитектора, А. Л. Витберга, автора первоначальнаго проекта храма Христа Спасителя, на Воробьевыхъ горахъ. Проектъ этотъ и послужилъ поводомъ къ ихъ знакомству. «Ив. Ив. Дмитріевъ, слыша о моемъ проектѣ, желалъ его видѣть», разсказываетъ А. Л. Витбергъ въ своихъ Запискахъ, «былъ у меня, и я вполнѣ увидѣлъ, какъ душа поэта всегда сильно сочувствуетъ всякой мысли высокой и живой. Съ того времени мы остались знакомыми; наконецъ онъ просилъ меня помочь въ расположеніи его дома, и по моему проекту былъ выстроенъ онъ у Спиридонія» (Рус. Стар. I, 24). О наружности этого дома можно судить по отзыву Карамзина, который писалъ Дмитріеву 30 марта 1814 г.: «Я видѣлъ твое новое строеніе: оно красиво» (Пис. къ Дм-ву, 179). Другой очевидецъ, П. Мельгуновъ, называетъ этотъ домъ «прекраснымъ отелемъ въ коринфскомъ стилѣ» (Очерки рус. литер. Кенига, 62). Изъ словъ другого письма Карамзина (9 сент. 1814 г.) можно заключить и о его размѣрахъ: «Домъ твой уже въ шляпѣ и не боится осеннихъ дождей: стоитъ гигантомъ и смотритъ вокругъ себя на пустыри», (тамъ же, 186). Въ настоящее время его, кажется, уже не существуетъ.

Въ 1816 г. на Дмитріева возложено было новое и уже послѣднее порученіе: онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для пособія жителямъ Москвы, потерпѣвшимъ отъ нашествія непріятеля. Всего комиссіей разсмотрѣно было 20.959 прошеній, изъ коихъ на удовлетвореніе 15.320 израсходовано было 1.391.280 руб. За исполненіе этого порученія Дмитріевъ награжденъ былъ въ 1819 г. чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника и орденомъ Св. Владиміра 1-й степени. Вообще, Имп. Александръ I, котораго Дмитріевъ называетъ въ запискахъ первымъ и единственнымъ своимъ покровителемъ, постоянно былъ къ нему очень расположенъ и необыкновенно милостивъ. Когда въ 1822 году онъ пріѣхалъ ненадолго въ Петербургъ по своимъ частнымъ дѣламъ, Императоръ оказалъ ему милости, «необыкновенныя для частнаго человѣка»: въ Царскомъ Селѣ ему отведенъ былъ для временного пребыванія одинъ изъ китайскихъ домиковъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Карамзинымъ; 22 Іюля, въ день тезоименитства вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, для Дмитріева приготовлены были въ Петергофѣ покои въ дворцовомъ домѣ, назначенномъ для помѣщенія членовъ Государственнаго Совѣта. Послѣдніе годы жизни Дмитріевъ мирно и спокойно прожилъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, окруженный уваженіемъ образованнаго общества, какъ одинъ изъ лучшихъ писателей своего времени и какъ заслуженный государственный дѣятель. Скончался онъ 3-го окт. 1837 года, на 78-мъ году отъ рожденія, и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Онъ былъ членомъ: Россійской Академіи (съ 1797 г.), Общества Любител. Росс. Слов. при Москов. Унив. (съ 4 мая 1812 г.), Спб-ой Дух. Академіи (съ 13 авг. 1814 г.), Физико-Медиц. Общества при Москов. Унив. (съ 13 дек. 1816 г.), Общества Любит. Коммерч. знаній (съ 12 мар. 1817 г.), Библіотеки при Дворц. Штабѣ (съ 22 іюня 1817 г.), Военнаго Общества при Главн. Дворц. Штабѣ (съ 22 іюня 1817 г.), Общ. Истор. и Древн. Росс. при Москов. Унив. (22 сент. 1817 г.), Казанскаго Университета (съ 4 авг. 1818 г.), Общ. учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія (съ 23 февр. 1819 г.), Харьков. Университета (съ 30 іюня 1819 г.). Сверхъ того Росс. Академія въ 1823 г. поднесла ему золотую медаль, а Спб. Вольное Общество Люб. Росс. Словесности избрало его въ 1818 г. своимъ попечителемъ.

Хотя онъ прожилъ на свѣтѣ довольно долго, но, какъ писатель, оставилъ послѣ себя очень незначительное, по количеству, наслѣдство. Его литературная дѣятельность продолжались всего тридцать три года (съ 1777 по 1810 г.). Но изъ этого промежутка времени приходится почти исключить подготовительныя четырнадцать лѣтъ, когда онъ писалъ почти безъ всякихъ теоретическихъ свѣдѣній, почти безъ руководства, при самой неблагопріятной, казарменной обстановкѣ, «между строями и караулами, въ обращеніи съ товарищами почти необразованными, въ уголкѣ тѣснаго, низменнаго домика, въ шуму входя-

щихъ и выходящихъ, не бывъ почти никогда, ниже на двѣ минуты, въ совершенномъ уединеніи» («Взгл. на мою жизнь». стр. 91).

Слѣдовательно, серьезная поэтическая дѣятельность его продолжалась всего девятнадцать лѣтъ, усиливаясь всякій разъ, когда другъ его Карамзинъ выступалъ на журнальное поприще. И дѣйствительно, ихъ связывала не одна только личная дружба, но и общность литературнаго направленія. Недаромъ имена ихъ въ нашей литературѣ остались навсегда неразлучными. Какъ Карамзинъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ къ усовершенствованію нашего прозаическаго литературнаго языка, такъ Дмитріевъ сдѣлалъ то же самое для языка стихотворнаго и былъ, такимъ образомъ, учителемъ для послѣдующаго поколѣнія писателей. Въ 1823 г. Жуковскій, посылая Дмитріеву въ подарокъ портретъ Гёте, писалъ ему: «Принося вашему высокопр-ву этотъ подарокъ, я нѣкоторымъ образомъ плачу долгъ благодарности: ваши стихи *Размышленіе по случаю грома*, переведенные изъ Гёте, были первые выученные мною наизусть въ русскомъ классѣ, и первые же мною написанные стихи (безъ соблюденія стопъ) были ихъ подражаніемъ. Итакъ мнѣ прилично подарить васъ портретомъ Гёте. *Вы мой учитель*» (Рус. Арх. 1866, стр. 1633). Въ 1837 г., посылая ему экземпляръ новаго изданія своихъ сочиненій и поэму Ундину, Жуковскій писалъ: «Прошу учителя принять благосклонно приношеніе ученика» (тамъ же, стр. 1641). Прекрасно, хотя и кратко опредѣлены литературныя заслуги Дмитріева Бѣлинскимъ. По его словамъ, Дмитріевъ «былъ въ нѣкоторомъ отношеніи преобразователь стихотворнаго языка, и его сочиненія, до Жуковскаго и Батюшкова, справедливо почитались образцовыми. Впрочемъ, его поэтическое дарованіе не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Главный элементъ его таланта есть остроуміе, посему «Чужой толкъ» есть лучшее его произведеніе. Басни его прекрасны, имъ недостаетъ только народности, чтобы быть совершенными. Въ сказкахъ же Дмитріевъ не имѣлъ себѣ соперника. Кромѣ сего, его талантъ возвышался иногда до лиризма, что̀ доказывается прекраснымъ его произведеніемъ «Ермакъ», и особенно переводомъ, подражаніемъ или передѣлкою (назовите какъ угодно) пьесы Гёте, которая извѣстна подъ именемъ «Размышленія по случаю грома» (Соч., I, 61). «Вообще», говоритъ онъ въ другой статьѣ, «въ стихотвореніяхъ Дмитріева, по ихъ формѣ и направленію, русская поэзія сдѣлала значительный шагъ къ сближенію съ простотою и естественностью, словомъ съ жизнью и дѣйствительностью» (Соч., VIII, 123).

Какъ человѣка, прекрасно охарактеризовалъ Дмитріева Погодинъ: «Въ рангѣ дѣйств. тайн. совѣтника, онъ любилъ литературу; съ тремя звѣздами, онъ пріѣзжалъ во всякое ученое собраніе; министръ юстиціи, онъ оставилъ послѣ себя только шестьсотъ родовыхъ душъ; русскій помѣщикъ—безъ долговъ; поэтъ, умолкнувшій во̀-время; старикъ, съ которымъ всегда пріятно было проводить время, привѣтливый, ласковый» («Взглядъ на мою жизнь», стр. 306).

Библіографическій указатель.

I. Отдѣльно изданныя сочиненія *И. И. Дмитріева.*

По словамъ М. А. Дмитріева, первыми литературными опытами И. И. Дмитріева были: Переводъ небольшой статьи Маркса: „Философъ, живущій у хлѣбнаго рынка“. Спб. 1777.—2-е изд. Спб. 1786—12-е. Переводъ съ франц. статьи: Жизнь графа Н. И. Панина. Спб. 1787. 12º. 2-е изд. Спб. 1792; 3-е. Москва, 1829. Посланіе Попа къ доктору Арбутному. Спб. 1793. Гласъ патріота. Спб. 1794. Стихи на разбитіе Костюшки. Спб. 1795. 4º. Стихи на случай Священ. коронованія Е. И. В. Императора Александра I. Москва. 1801. 12º. Тоже. Москва. 1801. 4º. Путешествіе N.N. (В. Л. Пушкина) въ Парижъ и Лондонъ. Москва. 1807, 32º. (Перепечатано въ Современ. 1856. № 8). Взглядъ на мою жизнь. Записки Д. Т. Сов. И. И. Дмитріева. Въ 3 ч. Москва. 1866 (изд. племян. его М. А. Дмитріевымъ). Въ приложеніяхъ помѣщены: Грамоты на ордена, дипломы на званіе члена разн. учен. обществъ и Высоч. рескрипты, полученные И. И. Дмитріевымъ. Письма Погодина о кончинѣ Дмитріева и Слово при погребеніи его, произнесен. священ. А. Петровымъ. До выхода въ свѣтъ этихъ записокъ, отрывки изъ нихъ были помѣщены: въ Исторіи Пугачев. бунта, А. С. Пушкина (разсказъ о казни Пугачева), въ Москвитянинѣ 1841 и 1844 г., въ Русск. Вѣстн. 1860 и Спб. Вѣд. 1863.

II. Собранія сочиненій И. И. Дмитріева.

И мои бездѣлки. Москва. 1795, 12º. Тоже. Москва. 1795, 8º. Отличается отъ предыдущаго форматомъ, бумагой, шрифтомъ и виньетками. Басни и сказки. Спб. 1798, 12º. Сочиненія и переводы, 3 ч. Москва. 1803—1805, 8º. Басни. Изд. 3-е. Исправл. и умножен. Спб. 1810, 8º. Тоже. Спб. 1810, 4º. Сочиненія и переводы.

*

Изд. 4°. Москва. 1814, 8°. Тоже. Изд. 5-е. Исправл. и умножен. Москва. 1818, 8°. Тоже (Стихотворенія), изд. 6-е. Исправлен. и умеяьшен. Спб. 1828, 8°. Съ портретомъ автора и статьей кн. П. А. Вяземскаго о жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева. (Она помѣщена также въ собр. соч. Кн. Вяземскаго). Извлеченіе изъ этой статьи было помѣщено въ Jahrbücher für Slavische Litteratur, von Iordan, 1844, №№ 7 и 8. Портретъ и сочиненія И. И. Дмитріева, въ Собран. образц. сочин. и перевод. въ стих. и прозѣ. Изд. Общ. Люб. Отеч. Слов. Спб. 1817. Избранный пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ. Москва, 1820, 2 ч. Апологи въ четверостишіяхъ. Москва, 1826. Басни и апологи. Спб. 1838, съ портретомъ автора. Дешевая библіотека, № 62. Сказки, басни и апологи И. И. Дмитріева. Съ біографіей и портретомъ автора. Спб. 1888, 16°. Изд. А. С. Суворина. Сказки, басни и апологи И. И. Дмитріева. Съ портрет. автора. Москва. 1891. Изд. Сытина Собраніе сочиненій русскихъ баснописцевъ. Изд. журн. „Родина“. Спб. 1893. Сочиненія И. И. Дмитріева. Ред. и примѣч. А. А. Флоридова, 2 ч. Спб. 1895. Изд. книгопрод. Я. Соколова. Было издано, какъ приложеніе къ журн. „Сѣверъ“ 1893 г. Избранныя стихотворенія И. И. Дмитріева. Изд. И. Глазунова. Спб. 1896, 8°. (Русск. классн. библ-ка, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова). Избранныя басни И. И. Дмитріева (1760—1837). Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва. 1898, 8°.

III. Біографическія и критическія статьи объ И. И. Дмитріевѣ.

О предкахъ и родственникахъ его, *Бекетовыхъ*: 1. Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. людей. 2. Митроп. Евгеній. Слов. свѣтск. писат. 3. Справочн. Энциклопедич. слов. Старчевскаго. 4. Энциклопедич. слов. Ефрона. 5. А. Яровскій. Въ Сборникѣ статистич. и историч. матер. о Симбирск. губ. на 1868 г.—Стр. 165—186. 6. М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. Москва. 1869. Спб-ія Учен. Вѣдомости. 1777. Стр. 117. Соч. и перев. Дмитріева. Разборъ М. Н. Макарова. Москов. Меркурій 1803, № 10, стр. 56—70. Сочин. и перев. Дмитріева. Разборъ Каченовскаго. Вѣстн. Евр. 1806, № 8, стр. 278; № 9, стр. 42. Статья гр. Д. Н. Блудова по поводу этой критики, оставшаяся неизданной, напечатана въ книгѣ М. А. Дмитріева: „Мелочи изъ запаса моей памяти“, Москва. 1869, стр. 269—278. Басни. И. И. Дмитріева. Статья А. Ѳ. Воейкова. Цвѣтникъ 1810, № 10, стр. 106—130. Соч. и перев. И. И. Дмитріева. Разборъ. Рос. Музеумъ 1815, № 2, стр. 170; № 3, стр. 276. Н. Гречъ. Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822. Спб. Стр. 280. Стихотворенія И. И. Дмитріева. Статья А. Ѳ. Воейкова. Новости Литературы. 1824, № 3, стр. 33—45; № 4, стр. 48. Кн. Вяземскаго. Нѣсколько вынужденныхъ словъ на замѣчанія, напечатанныя въ литературныхъ листкахъ на извѣстіе о жизни и сочиненіяхъ И. И. Дмитріева. Сынъ Отеч. 1824, т. XCII, стр. 306—312. Стихотворенія И. И. Дмитріева. Замѣтка К. Русск. Инв. 1824, № 11, стр. 43—44. Стихотворенія И. И. Дмитріева. Разборъ Ѳ. Булгарина. Литературн. Листки. 1824, I, 59. Изъ Симбирска. Марта 3-го (о постановкѣ портретовъ Карамзина и Дмитріева въ залѣ Симбирск. дворянства). Московск. Вѣд. 1826, № 26, стр. 1014—1015. Отроческія лѣта И. И. Дмитріева. Незабудочка. Московск. Альман. С. Н. Глинки, на 1827 г. Новое собраніе русскихъ анекдотовъ, изданное С. Н. Глинкою. Москва. 1829. Притчи или Езопъ у Ксанфа. Комедія-водевиль въ 2 д. Соч. Кн. А. А. Шаховскаго. Подражан. франц. Въ этой, которая давалась на Москов. сценѣ въ 20-хъ гг., притчи, басни и апологи, которые говоритъ Езопъ, взяты изъ сочиненій Хемницера, Дмитріева и Крылова. О непринадлежности И. И. Дмитріеву псевдонима И. Д. Современникъ. 1836, № 2. Кончина И. И. Дмитріева, Ѳ. Булгаринъ. Сѣверн. Пчел. 1837, № 267, стр. 1068; № 268, стр. 1071—1072. Шевыревъ, С. П. И. И. Дмитріевъ. Моск. Вѣд. 1837. Литер. прибавл. къ Русск. Инвал. 1837, № 44, стр. 430—434; № 45, стр. 440—442. И. И. Дмитріевъ. Статья Н. Полевого. Сынъ Отеч. 1838, ч. V, стр. 77. Перепечатана въ „Очеркѣ русск. литерат.“, его же, 1839, II, 451—482. Н. Гречъ. Чтенія о русск. языкѣ. 2. Спб. 1840. Четверостишіе И. И. Дмитріева (въ альб. Иванчиной-Писаревой). Москвитян. 1841, II, 356. Четверостишіе И. И. Дмитріева на кончину Веневитинова. Москвитянинъ. 1842, № 4, стр. 2. Н. Сушковъ. Нѣчто о Кантатѣ. Москвитянинъ. 1844, № 11. На стр. 15—16: Письмо Дмитріева къ Н. В. Сушкову. Н. Иванчинъ-Писаревъ. Поэту говорить о смерти поэта. Москвитян. 1844, № 7, стр. 49. Это—отрывки изъ писемъ Дмитріева къ Иванчину-Писареву о смерти Веневитинова, В. Измайлова, Мерзлякова и Карамзина. Н. Горчаковъ. Бесѣда Карамзина, Дмитріева и великобританскаго агента Понкертона у Москов. архіеп. Августина. Литературный вечеръ (въ память Пассека). 1844, стр. 8—15. Митроп. Евгеній. Словарь русск. свѣтск. писателей. Т. I. Москва, 1845, стр. 186. Письма Державина къ Дмитріеву (1794—1809). Москвитян. 1844, № 10, стр. 1—10. А. С. Стурдза. Воспоминанія о Карамзинѣ. Москвитян. 1846, №№ 9 и 10. Одесск. Вѣстн. 1847, № 4. Писма Державина къ И. И. Дмитріеву и одно его же письмо къ первой его супругѣ. Съ примѣчан. Мих. Дмитріева. Москва. 1848. Ник. Мизко. Столѣтіе русск. литературы. Одесса 1849, стр. 197—204. А. Старчевскій. Н. М. Карамзинъ. Спб. 1849. В. А. Жуковскій. И. И. Дмитріеву. Посланіе. Москвитян. 1852, XXI, 6—9. Стурдза: „Бесѣда любит. русск. слова и Арзамасъ“. Журн. для чтен. воспит. воен. уч. завед. 1852, № 396, стр. 334, 348. И. Ф. Тимковскій. Мое опредѣленіе въ службу. Москвитян. 1852, XVII, 126; XVIII, 27. Г. Н. Геннади. Кое-что о русскихъ поэтахъ. Сборникъ въ память А. Смирдина, т. VI, стр. 101—117. (Также отд. оттиск. Спб. 1852). Nouvelle Biographie générale, publié par F. Didot sous la direction de Hoefer. Paris. 1852—57. Письма И. И. Дмитріева, В. А. Жуковскаго и А. Ѳ. Воейкова къ К. А. Маркевичу. Москвитян. 1853, XII, 11—18. Письмо И. И. Дмитріева къ М. Н. Загоскину. Раутъ. Изд. Н. В. Сушкова, кн. III. Москва. 1854, стр. 315. Справочн. Энциклопедич. словарь Старчевскаго. Спб. 1855, т. IV, стр. 118—119. С. П. Жихаревъ. Дневникъ чиновн. Отеч. Зап. 1855, № 4. Письма А. Мер-

злякова, К. Батюшкова, Г. Державина, гр. Хвостова, И. Дмитріева и друг. къ Н. Ф. Грамматину. Сообщ. В. А. Борисовымъ. М. Н. Лонгиновъ. Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, 1807. Современ. 1856, VIII, 141—147. Библ. Зап. 1859, № 11, столб. 321—326. С. П. Жихаревъ. Записки современника. Съ 1805 по 1819 г. Ч. I. Дневникъ студента (съ 1805 по 1807). Спб. 1859. Письма Милонова къ Грамматину. Библ. Зап. 1859, № 10, столб. 295, 296, 300, 301, 303. Записки А. А. Кононова. Библ. Зап. 1859, № 10, столб. 307. Письмо И. И. Дмитріева къ бар. Дельвигу (1826 г.). Русск. Правда, альман. на 1860, стр. 73—75. К. Ѳ. Калайдовичъ. Записки важныя и мелочныя. Лѣтоп. русск. литер. и древн., т. III, стр. 114. Письма разныхъ писателей (въ томъ числѣ И. И. Дм-ва). Русск. Правда, 1860. Кіевъ, стр. 67—104. Мих. Дмитріевъ. Замѣтка на одно мѣсто изъ „Зап. Державина". (О генералъ-прокурорствѣ Дмитріева). Москов. Вѣдом. 1860, № 69, стр. 539. В. Золотовъ. Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей. Спб. 1861. (Тутъ краткая біографія И. И. Дмитріева). Очерки русской литературы. Переводъ сочиненія Кенига: Literarische Bilder aus Russland. Спб. 1862, стр. 50—62. М. Н. Лонгиновъ. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Дмитріева. Русск. Арх. 1863. Изд. 1-е, столб. 710—720; изд. 2-е, столб. 898—910. Его же. Дополненіе. Тамъ же, 1864. Изд. 1-е, столб. 1251; изд. 2-е, столб. 1162—1166. Восемь старинныхъ стихотвореній Дмитріева, Хвостова, Крылова и Пушкина. Русск. Арх. 1863, стр. 874—879. Дмитріевъ, И. И. Посланіе къ Арк. Ив. Толбузину. Надпись къ егерскому дому. Русск. Арх. 1863, стр. 894—895. Мих. Дмитріевъ. Въ редакцію Русск. Вѣдом. (О попечительствѣ Дмитріева и Карамзина). Русск. Вѣдом. 1864, № 128, стр. 5—6. (Отвѣтъ Погодина см. тамъ же, № 131). П. Ивановъ. Опытъ біографій Генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. Журн. Мин. Юстиціи. 1864, № 2, стр. 117—137. Матеріалы для біографіи И. И. Дмитріева и Н. В. Гоголя. Сѣверн. Почта. 1865, № 277, стр. 1107. П. Щ. О запискахъ Дмитріева. Русск. Вѣстн. 1865, № 10. Возраженіе на эту статью Ѳ. Дмитріева. Газ. Москва. 1867, № 21. В. И. Григоровичъ. Нѣсколько словъ въ память друзей Карамзина: Дмитріева, Языкова, Валуева и Панова. Спб. Вѣд. 1866, № 332. Письма отъ разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву. Русск. Арх. 1866, №№ 11—12. Письмо Н. П. Рязанова къ И. И. Дмитріеву. Русск. Арх. 1866, №№ 8—9, стр. 1331—1336. Литературная интеллигенція XVIII стол. Взглядъ на мою жизнь. И. Дм-ва. Искра. 1866, № 47. М. Погодинъ. Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ, 2 ч. Москва 1866. Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву. Русск. Арх. 1866, столб. 1616—1730. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Съ примѣч. Я. Грота и П. Пекарскаго. Изд. Имп. Ак. Н. Спб. 1866. Рецензія на книгу И. И. Дмитріева: Взглядъ на мою жизнь. Книжн. Вѣстн. 1866, №№ 18—19, стр. 367—372. П. Щ. (Щебальскій?). О запискахъ И. И. Дмитріева. Русск. Вѣстн. 1867, № 10. Возраженіе Ѳ. Дмитріева на эту статью. Москва, 1867, № 21. Письма 1806—1823 гг. И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. Русск. Арх. 1867, № 7, стр. 1072—1138. Неизданныя шуточныя стихотворенія И. И. Дмитріева. Съ объясненіями М. Н. Лонгинова. Русск. Арх. 1867, №№ 5—6, стр. 981—990. Воспоминанія В. И. Панаева. Вѣстн. Евр. 1867, №№ 3 и 4. Письмо А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву. Русск. Арх. 1867, 639—670. Поправка къ нимъ, стр. 992. Изъ записокъ генералъ-адъют. Гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. Русск. Арх. 1867, стр. 230 (Ложный доносъ на Дмитріева при Имп. Павлѣ I). Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. Русск. Арх. 1867, стр. 798—799. (Отзывъ о Дмитріевѣ, какъ министрѣ). Свербеевъ, Д. Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ. Русск. Арх. 1868, стр. 987 (Дмитріевъ первый посѣтилъ Чаадаева въ опалѣ). Письма 1803—1836 гг. И. И. Дмитріева къ Д. И. Языкову. Русск. Арх. 1868, № 7—8, стр. 1081—1102. Письма къ И. И. Дмитріеву Д. В. Дашкова и Кн. П. А. Вяземскаго. Русск. Арх. 1868, №№ 4—5, стр. 583—658. М. Погодинъ. Вечеръ у И. И. Дмитріева. Русск. Арх. 1868, №№ 7, 8 и 11. В. Кеневичъ. Библіографич. и историч. примѣч. къ баснямъ Крылова. Спб. 1868. В. Малиновскій. Еще о Гр. Дмитріевѣ-Мамоновѣ (его письма къ И. И. Дмитріеву и Кн. Д. В. Голицыну). Русск. Арх. 1868, № 6, стр. 962—969. Отзывъ Кн. П. А. Вяземскаго объ И. И. Дмитріевѣ. Русск. Арх. 1868, столб. 1836. В—въ, Ал. Дмитріевы. Сборн. историч. и статистич. матерьял. о Симбирск. губ., на 1868: „Біографич. очеркъ нѣкотор. замѣчат. уроженц. Симбирск. губ.". М. А. Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. Изд. 2-е. Москва. 1869. Исправл. и дополн. (1-е вышло въ 1854 г.). Письмо И. И. Дмитріева къ Г. И. Спасскому. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1869, III, 232. Письма И. И. Дмитріева къ В. А. Жуковскому. Русск. Арх. 1870, столб. 1691—1703. Письма В. А. Жуковскаго къ И. И. Дмитріеву. Русск. Арх. 1870, столб. 1703—1711. Записки, мнѣнія и переписка адм. А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870, ч. II, стр. 345—361: переписка Шишкова съ Дмитріевымъ. Письма И. И. Дмитріева къ В. А. Жуковскому. Русск. Арх. 1871, стр. 409. Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева. Вѣстн. Евр. 1871, XI, 330. Письма А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву. Русск. Арх. 1871, 961. А. Муравьевъ. Знакомство съ русск. писателями. Кіевъ. 1871. Кн. И. М. Долгоруковъ. Капище моего сердца. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1872, IV, 138—139 (очень неблагопріятный отзывъ). Записки А. Л. Витберга. Русск. Стар. 1872, I, 24—25; II, 159. Записки С. Н. Глинки. Вѣстн. Европы. 1872, IX, 256. Въ память Гр. М. М. Сперанскаго. Спб. 1872, стр. 627. Записки И. Ф. Тимковскаго. Русск. Арх. 1874, № 6. Е. Д. Желобужскій. Русская басня въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ представителей. Изд. 2-е. Москва, 1874. Зап. И. Ф. Тимковскаго. Русск. Арх. 1874, № 6. Болотовъ. Памятникъ протекшихъ временъ. Москва. 1875, стр. 13. (Сообщается, что у Дмитріева былъ сынъ). Гр. Геннади. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. Берлинъ. 1876, т. I, стр. 308—310. (Тутъ и библіографія). Н. В. Гербель. Русскіе поэты въ библіографіяхъ и образцахъ. Изд. 2-е. Спб. 1880, стр. 94—101 О честности Дмитріева. Русск. Стар. 1881, XXXII, 190. Изъ жизни русскихъ писателей. Разсказы и анекдоты.

Спб. 1882, стр. 32—37. Дубровинъ. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царств. Имп. Александра I (1807—1829). Спб. 1883, стр. 99. П. Загаринъ. В. А. Жуковскій. Изд. 2-е. Москва. 1883, стр. 8, 12, 15, 16, 116, 120, 186, 203, 205, 222, 233, 246, 248, 460, 473, 567. Полное Собр. Соч. Кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1883, т. VIII, стр. 41—43, 56, 58, 71, 72, 97, 120, 121, 125, 134, 165, 174, 190, 191, 236, 273, 274, 310, 324, 326, 333—334, 345, 346, 347, 401, 413, 427, 456, 503. С Шевыревъ. Ист. Русск. Слов. Изд. 3-е. 1887, т. I, стр. 61. (О библіотекѣ И. И. Дмитріева). Соч. К. Н. Батюшкова. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1887. А. В. Арсеньевъ. Словарь писателей средн. и новаго періода русск. литер. Спб. 1887, стр. 136—137. И. А. Бычковъ. Бумаги А. А. Краевскаго. Спб. 1893, стр. 6. Письма Н. М. Карамзина къ Кн. П. А. Вяземскому. 1810—1826. Спб. 1897, стр. 2, 39, 80, 119, 121, 122, 123, 132, 133, 136, 138, 141, 170, 178. Флоридовъ. Дмитріевъ. И. И. Энциклопедич. словарь Ефрона, т. X, стр. 779—780 Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, ч. I, стр. 60—61; ч. II, стр. 96; ч. VIII, стр. 122—123. Сочиненія Г. Р. Державина. Изд. Имп Акад. Наукъ. Чулицкій: „И. И. Дмитріевъ“ (Ж. М. Н. Пр., 1901).

IV. Произведенія И. И. Дмитріева, положенныя на музыку.

Вылетала голубица на долину. Музыка Жучковскаго. Лирическ. альб. на 1832 г. Стонетъ сизый голубочекъ. Музыка Жучковскаго. Тамъ же. Романсъ. И. И. Дмитріева. Музыка А. Н. Верстовскаго. Музык. альб. А. Н. Верстовскаго на 1827 г.

V. Портреты И. И. Дмитріева.

Собр. образц. русск. сочин. и перев. въ стих. и прозѣ. Изд. 2-е. Спб. 1824. Современники. Изданіе Гиппіуса, 1824, тетр 4. Дѣятели русской литерат. Иллюстрація 1861, № 155.

VI. Переводы сочиненій И. И. Дмитріева на иностранные языки.

Pisma różne Wierszen. i proza. Wilno. Издав. Ѳ. Н. Литвиновскимъ, 1811—1817. Тутъ помѣщены переводы сочиненій русскихъ писателей, въ томъ числѣ и Дмитріева. Въ 1810 г. „Ермакъ“ Дмитріева переведенъ былъ на франц. языкъ профессоромъ *Авіатомъ* (см. Цвѣтникъ, 1810, № 10, стр. 111). La femme à la mode, conte en vers. Trad. du russe par d'Inocourt. St. Ptrsbrg. 1813. Тоже. 1825, 8°. Въ книгѣ Бауринга: Русская Антологія находится переводъ и нѣкоторыхъ стихотвореній И. И. Дмитріева. Emile Dupré de Saint-Maure. Anthologie russe. Paris, 1823, стр. 1—18 (съ критико-біографич. замѣткой). Apologi cztero-wierszowe. Z. Ross. B. Reutta. St. Ptrsbrg. 1827, 12°. Ermac. poëme, mis en vers français par A. Hainglaise. St. Ptrsbrg. 1829, 8°. Iermac. Tłomaczenia B. Reutta. St. Ptrsbrg. 1830. Galitzine, Pr. Em. Mich. Ivan Nikitenko, le conteur russe. Fables, historiettes et legendes. Paris. 1842. Mestscherski, Elem. Les poëtes russes. Paris. 1846, т. I, стр. 105—133. Guibal, A. Le serpent. et le ver luisant, paraphrase d'un fable de Dmitrieff. L'Artiste Russe, 1847, 1-er vol. 12-ème livraison. А. Кончеянцъ. Собраніе русскихъ басенъ Крылова, Дмитріева и Хемницера, перевед. на армянскій яз. Москва, 1849.

Ф. Витбергъ.

Дмитріевъ, *Иванъ Прокофьевичъ*, вице-адмиралъ. Начавъ службу въ 1795 г. въ черноморскомъ флотѣ кадетомъ, Д. въ младшихъ офицерскихъ чинахъ въ эскадрѣ Синявина принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ французовъ въ кампанію 1805—1806 г.г., а затѣмъ неоднократно крейсировалъ въ Черномъ морѣ. Въ 1824 г., въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, Д. за 18 морскихъ кампаній награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-го класса; въ 1825 г. командированъ былъ въ Таганрогъ для управленія катеромъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Въ 1832 г. Д. назначенъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ по штабу черноморскаго флота и портовъ, а чрезъ 4 года произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ оберъ-интендантомъ черноморскаго флота. Въ 1848 г. Д. пожалованъ былъ чиномъ вице-адмирала, а въ 1851 г. уволенъ былъ отъ службы по прошенію.

Общій морской списокъ, VII, 31—33.

III.

Дмитріевъ, *Иванъ Сергѣевичъ*, корабельный инженеръ-генералъ, умеръ въ 1881 г. Получивъ домашнее образованіе, Д. въ 1814 г. поступилъ на службу въ кораблестроительную команду Черноморскаго флота тиммерманскимъ ученикомъ и долгое время служилъ въ низшихъ чинахъ флота: въ прапорщики корпуса корабельныхъ инженеровъ Д. произведенъ былъ лишь 1 іюля 1827 г. Въ 1833 г., въ чинѣ поручика, Д. находился въ эскадрѣ вице-адмирала Лазарева, пришедшей, по волѣ императора Николая I, съ десантными войсками для поданія помощи Турціи изъ Севастополя въ Константинополь, и строилъ на азіатскомъ берегу Босфора пристани для высадки десанта и артиллеріи. Дальнѣйшая служба Д. посвящена была исключительно кораблестроительному дѣлу. Въ 1834—1836 г. онъ построилъ на Николаевской верфи пароходъ «Сѣверную Звѣзду» и яхту «Стрѣла» и затѣмъ командированъ былъ на три года въ Англію и Сѣверную Америку для усовершенствованія своихъ познаній по кораблестроенію. Въ 1839—1855 гг. Д. построилъ много судовъ для Черноморскаго флота: корабли «Ягудиилъ», «Ростиславъ», «Святославъ»,

«Чесма», 84-хъ-пушечный «Императрица Марія» и 135-пушечный «Цесаревичъ» и др., а по окончаніи Крымской кампаніи имъ же выстроена была Императорская яхта «Тигръ». Затѣмъ, въ 1858 г., Д. переведенъ былъ, уже въ чинѣ полковника, изъ Николаева въ Петербургъ и назначенъ старшимъ строителемъ Охтенской верфи, а годъ спустя,—инспекторомъ кораблестроительныхъ работъ Петербургскаго порта. 17 октября 1860 г. Д. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Энергія Д. и любовь его къ дѣлу, несмотря на возрастъ, побудили морское министерство въ 1864 г. командировать Д. заграницу для изученія желѣзнаго судостроенія, а въ 1865 г. поручить ему постройку Императорской паровой яхты «Держава». 1 января 1868 г. Д произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, а 14 іюня того же года назначенъ предсѣдателемъ кораблестроительнаго отдѣленія морского техническаго комитета. Въ 1870 г. за постройку яхты «Держава» Д, пожаловано было въ награду 10.000 р. Въ 1877 г. Д. назначенъ былъ членомъ конференціи Николаевской морской академіи. При образованіи добровольнаго флота Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ призвалъ Д. къ трудамъ по разработкѣ идеи современнаго крейсера и технической повѣркѣ судовыхъ проектовъ. Наконецъ, 1 января 1880 г., Д. произведенъ былъ, на 66-мъ году службы, въ корабельные инженеръ-генералы съ назначеніемъ членомъ адмиралтействъ-совѣта.

Общій морской списокъ, X, 54—55.

Ш.

Дмитріевъ, *Михаилъ Александровичъ*, сынъ полковника, старшаго брата Ивана Ивановича Дмитріева, родился 23 мая 1796 года въ селѣ Богородскомъ. Семи недѣль отъ роду онъ былъ записанъ въ Семеновскій полкъ, но при Павлѣ были исключены всѣ неявившіеся къ службѣ. Послѣ отца онъ остался двухъ лѣтъ на рукахъ матери и дѣда Пиля, шведа (дядя былъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ). 9 лѣтъ онъ опредѣленъ былъ въ Московскій архивъ актуаріусомъ, а черезъ годъ Именнымъ указомъ онъ уволенъ былъ въ отпускъ до окончанія ученья. Въ началѣ 1811 г. онъ поступаетъ въ университетскій благородный пансіонъ, и 15 лѣтъ, не оставляя ученья, онъ явился въ Архивъ на службу; 19 дек. 1811 г. былъ назначенъ уже переводчикомъ Коллегіи. Въ іюнѣ 1812 г. Дм. выдержалъ экзаменъ для поступленія въ университетъ и получилъ отпускъ къ роднымъ, откуда вернулся въ обгорѣлую Москву только въ іюнѣ 1813 г.; съ сентября слушаетъ лекціи Качеповскаго, Мерзлякова и продолжаетъ службу, такъ что 31 дек. 1814 г. производится въ титулярн. совѣт., между тѣмъ какъ аттестатъ на дѣйств. студента полученъ только 12 іюня 1817 г. 19 авг. 1821 г., по просьбѣ дяди И. И., у котораго онъ и жилъ, онъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а въ 1831 г. въ камергеры; 31 дек. 1839 г. онъ уже дѣйств. ст. сов. и оберъ-прокуроръ 7 департ. Сената, а съ 3 іюля 1843 г. завѣдующій дѣлами общихъ собраній Московскаго Сената. Вниманіе министровъ юстиціи Д. В. Дашкова и гр. Панина было причиной, что ему поручено было обозрѣть архивы, а потомъ обревизовать московскія судебныя мѣста. 25 февр. 1847 г. Дм. вышелъ въ отставку; онъ былъ три раза женатъ (между прочимъ на дѣвицѣ Вельяминовой-Зерновой) и имѣлъ дѣтей отъ каждаго брака.

Литературная среда сказалась на немъ. 4 лѣтъ онъ передъ гостями дѣда декламировалъ оду дяди «На коронованіе Александра I»; въ изданіи пансіона «Въ удовольствіе и пользу» онъ помѣстилъ переводную статью — жизнеописаніе Плинія младшаго; живя у дяди, онъ узналъ Жуковскаго, Батюшкова, Воейкова, Дениса Давыдова, П. А. Вяземскаго, В. Л. Пушкина, кн. Шаликова, В. В. Измайлова; Карамзина онъ зналъ еще прежде (5 іюня 1812 г.), видалъ всѣхъ чаще и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ бывалъ у него въ домѣ. Первые стихи свои, басни, онъ печатаетъ въ 1814 г. въ Вѣстникѣ Европы, изданіи В. Измайлова. Черезъ Качеповскаго онъ становится членомъ Общ. Любит. россійской словесности съ 1 н. 1820 г., а съ 15 дек. 1824 г. черезъ К. Ф. Рылѣева—членомъ Вольнаго Общества Петербургскаго. Въ 1830 г. онъ издаетъ 2 тома стихотвореній, обративъ на себя вниманіе звучнымъ стихомъ. Дм. изучаетъ философію Шеллинга и Окена, печатая статьи въ Московскомъ Вѣстникѣ и въ Телескопѣ. Въ 1848 г. въ Москвитянинѣ его бранчивая статья: О натуральной школѣ и народности; о введеніи тоническаго стено-

сложенія. Въ 1851 г. появляется его изслѣдованіе объ извѣстномъ въ свое время стихотворцѣ, кн. И. М. Долгорукомъ.

Лучшимъ временемъ для Дм. было изданіе «Москвитянина» (1841—1856 г.); рѣдкая книжка обходилась безъ его стихотвореній, среди которыхъ элегіи, псалмы, лирическо-философскія стихотворенія, эпиграммы. Въ 1857 г. онъ издаетъ сборникъ: «Московскія Элегіи», гдѣ въ гекзаметрахъ проходятъ передъ нами съ славянофильскимъ оттѣнкомъ картины Москвы: «Зданья, обычаи, бытъ, старина, новизна и преданья». Въ деревнѣ послѣдніе годы онъ былъ занятъ переводомъ Горація, изъ котораго онъ взялъ и эпиграфъ: «Ростомъ я малъ; посѣдѣлъ до поры; любитель я солнца; вспыльчивъ, легко разсержусь, но зато и легко утихаю». Когда-то Соболевскій ѣдко сказалъ о немъ: «Онъ—камеръюнкеръ при Дворѣ и камердинеръ на Парнасѣ». Имѣлись у Дм. и непечатанныя, сатирическія стихотворенія *) и пародіи (на Свѣтлану, напр., гдѣ вмѣсто Свѣтланы выведенъ Н. А. Полевой). Дм. былъ на сторонѣ противниковъ первыхъ поэмъ Пушкина, дѣятельно полемизируя въ «Вѣстникѣ Европы» 1824 г., №№ 5, 7, 8 и др., противъ романтизма съ Вяземскимъ. Н. А. Полевой невысоко ставилъ собственныя стихотворенія Дм.: «Форма, ладъ стиховъ у него старые—Карамзинскіе, если угодно: шероховато, но вылощено; отзывается тяжелымъ трудомъ, но гладко; принужденно, но стройно. Видно, какъ авторъ нанизывалъ стихъ къ стиху и разводилъ узоры мыслей, опредѣленныхъ квадратцами канвы. 17 элегій, 27 пѣсенокъ, стишковъ въ альбомы, къ садику, къ Волгѣ, къ вязанью, къ Провидѣнію, къ Надеждѣ, къ Натальѣ, къ канвѣ, 13 басенъ, 8 псалмовъ, 12 пьесъ въ родѣ одъ, Discours en vers, и опять стихи: къ Лирѣ, къ Музѣ—съ извиненіемъ, что напечатано, хотя изъ примѣчаній видно, какъ дорожитъ каждымъ стихомъ. Чисто Доратовскій вѣкъ! Гдѣ же переходъ къ новому, къ полу-романтизму? Оды въ разнообразныхъ куплетахъ, въ смѣси съ элегическимъ; подражанія Гете, Шиллеру, Маттисону»...

Въ 20-хъ годахъ М. Дм. въ «Вѣстникѣ Европы «возсталъ противъ «Горя отъ ума», осуждая форму комедіи, защищая московское общество и считая Чацкаго лицомъ почти невозможнымъ, «Мольеровымъ мизантропомъ въ мелочахъ и каррикатурѣ».

«Мелочи изъ запаса моей памяти» М. Дмитріева когда-то, въ 1855 г., радушно привѣтствовалъ Н. С. Тихонравовъ: «въ нихъ много анекдотическихъ подробностей, очень хорошо характеризующихъ и старыхъ писателей нашихъ, и старые литературные нравы», но гдѣ Дм., можетъ быть слишкомъ часто, вдается въ разсужденія о сочиненіяхъ, направленіи писателя и т. п., тамъ довольно спорнаго, иногда же невѣрнаго и пристрастнаго. Тѣмъ не менѣе «Мелочи» будутъ въ настоящее время настольною книгою у всѣхъ занимающихся исторіей русской словесности», говоритъ Тихонравовъ, исправляя невѣрности, дополняя недосказанное и объясняя нѣкоторыя мѣста книги.

Въ 1863 г. появилось 2-е изданіе, значительно дополненное, изслѣдованія о Долгорукомъ, гдѣ есть желчныя выходки противъ В. Г. Бѣлинскаго, въ родѣ слѣдующей: «Справедливо написалъ кто-то о Бѣлинскомъ: Не читавши, сгоряча такъ и рубитъ все съ плеча» *)!

Наиболѣе цѣннымъ изъ литературнаго наслѣдства Дм. надо считать его переводы изъ Горація: Наука поэзіи и сатиры. Вѣрный взглядъ высказанъ имъ на то, какъ надо переводить: слѣдуетъ соблюсти точность мысли и тонъ произведенія, уразумѣвъ намѣренія автора. Въ переводахъ изъ классиковъ нѣмцы стоятъ за литеральную точность, французы за красивую передачу; но «ни тяжелымъ топоромъ, ни на легкомъ токарномъ станкѣ не изваять копіи съ древняго бюста!»

*) „Цѣлые томы лежали у него, дожидаясь печати", говоритъ П. Бартеневъ въ его некрологѣ.

*) Оправдываясь въ упрекѣ за непріязненное отношеніе къ современной литературѣ, высказанномъ А. В. Дружининымъ, М. Дм. на стр. 188 „Мелочей" говоритъ: „Немногіе, можетъ быть, читали съ такимъ увлеченіемъ и радовались такъ, какъ я, читая „Записки Охотника" и романы: „Обыкновенная исторія" и „Львы въ провинціи". Знаю, что ни въ Карамзинское время, ни въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія не было и не могло быть такихъ произведеній; но знаю и то, что въ то время не было тѣхъ уклоненій отъ изящнаго вкуса и отъ истины сужденій, какія встрѣчаются нынѣ".

М. А. Дм. умеръ послѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга на 71-мъ году, 5-го сент. 1866 г., и похороненъ на кладбищѣ Данилова монастыря.

Изданія сочиненій М. А. Дмитріева:

Торжество музъ на открытіе московскаго театра. М. 1824. 8°. На кончину Александра I. М. 1826. 8°. Люциферовъ праздникъ, романтическая каррикатура (Гете Walpurgisnacht). М. 1828. О противникахъ и защитникахъ исторіи Карамзина. М. 1829. 8°. Стихотворенія М. Дмитріева, въ 2-хъ ч. М. 1830. 8°. Къ радости, Шиллера, перев. въ стихахъ. М. 1843. 8°. Воспоминаніе о С. Е. Раичѣ. М. 1855. 8° (изъ „Москов. Вѣд.", № 141). Ода на коронованіе Александра II. М. 1856. 8°. Краткое жизнеописаніе Михайла Ал. Дмитріева (не для продажи). М. 1863 г. 16°. 28 стр.; автобіографія, написанная для С. Шевырева, который хотѣлъ издать Словарь пансіонеровъ Мелочи изъ запаса моей памяти, 2-е изд. М. 1869. 297 + II; съ эпиграфомъ изъ Chateaubriand: j'ai pris la plume pour écrire. Sur qui et à propos de quoi? Je l'ignore. Съ 279 стр. азбучный указатель. Наука поэзіи или посланіе Горація къ Пизонамъ, съ приложеніемъ Подлинника, введеніемъ и примѣчаніями. М. 1853. VIII + 90. Ц. 1 р. 25 к., посвящается А. Д. Курбатову, товарищу-студенту, въ память 37 л дружбы. Сатиры Горація, съ объяснит. примѣчаніями. М. 1858. XII + 191 + I + I. Ц. 1 р. 75 коп. Московскія элегіи. М. 1858. Ц. 80 к. Кн. И. М. Долгорукой и его сочиненія, изд. 2-е, обработанное вновь, исправл. и знач. дополнен. М. 1 63 (2), IV (предисловіе) + 284 + 8. Ц. 1 р. 50 к. Стихотворенія Михайла А. Дмитріева, въ 2-хъ частяхъ. М. 1865. 262 + II + II; 250 + IV. По 2 р.

Статьи и замѣтки о сочиненіяхъ М. А. Дмитріева:

Московскія Вѣдомости 1853 г. 30 дек. о „Наукѣ поэзіи" Горація въ переводѣ Дм. Отечествен. Записки 1858 г., іюнь, о Сатирахъ Горація въ переводѣ Дм. Сборникъ историческихъ и статистич. матеріаловъ о Симбирской губерніи. 1868 г., см. статью Ал. В. — біографія М. А. Дмитріева. Брокгаузъ и Ефронъ — Энциклопедическій словарь, т. X: Д. М. А. Геннади—Справочный словарь, т. I, стр. 310—311. Бартеневъ, П. И.—Некрологъ М. А. Дм. Моск. Вѣд. 1866 г., № 189, 10 сент. Гербель, Н. В., Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, стр. 207 — 211. Полевой, Н. А., Очерки рус. литературы, ч. I, стр. 439—446: Стихотворенія М. А. Дм. Галаховъ, А. Д. (безъ подписи) о „Мелочахъ" М. Дм.—Отечеств. Записки 1854 г., № 6, отд. IV, 148—152. Тихонравовъ Н. С.—о томъ же—тамъ же, № 8, 104 106. Тихонравовъ Н. С.—„Мелочи изъ запаса моей памяти" М. Дм.—въ „Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова", т. III, ч. 1-я. М. 1898 г., стр. 234—257 и въ примѣчаніяхъ 39—43. Статья была напечатана въ Отеч. Записк. 1855 г., № 1, отд. III, 3—22 стр. Дружининъ, А. В.—Собраніе сочиненій. Спб. 1865, т. VI, стр. 702—767 и 779—784, письма иногороднаго подписчика: 35-е и 36-е, янв. и февр. „Современника" 1854 г. Пыпинъ, А. Н.—Исторія рус. литер., т. III, стр. 319—о Дм. М. А.

Ф. В.

Дмитріевъ, *Николай Дмитріевичъ*, беллетристъ 50-хъ — 60-хъ г.г., родился въ 1824 или 1825 году въ костромскомъ имѣніи своего отца, Дмитрія Степановича Кожухова, фамиліи котораго онъ не носилъ, какъ рожденный до брака. Среди деревенской природы сложились первыя и самыя крѣпкія впечатлѣнія Дмитріева, красной нитью проходящія по его произведеніямъ. Онъ прожилъ въ деревнѣ до тѣхъ поръ, пока его не отвезли въ Костромскую гимназію. Въ эту эпоху гимназія переживала пору новыхъ вѣяній; учителя зачитывались Бѣлинскимъ и дѣлились своими впечатлѣніями съ учениками, Пушкина, Лермонтова, Гоголя боготворили. Еще въ гимназіи создалась въ Дмитріевѣ любовь къ литературѣ и искусству, еще будучи въ пятомъ классѣ, онъ читалъ на актѣ свое разсужденіе о значеніи Пушкина и Жуковскаго въ русской литературѣ. Въ университетѣ любовь къ литературѣ и искусству развилась и укрѣпилась. Студенты Московскаго университета 40-выхъ годовъ дѣлили свои интересы между театромъ и журналами. Въ настоящее время даже трудно представить, какую важную роль играли въ студенческой жизни эти два фактора. Дмитріевъ пробылъ въ университетѣ съ 1842 по 1847 годъ; онъ слушалъ лекціи Грановскаго, Рѣдкина, Крюкова и др. Обильную пищу эстетическимъ наклонностямъ Дмитріева далъ кружокъ С. А. Юрьева, въ которомъ Д. былъ желаннымъ членомъ. Гимназія и университетъ дали Д. типичное русское образованіе 40-хъ годовъ, отличавшееся идеализмомъ и совершенной неподготовленностью къ практической жизни. Дмитріевъ палъ жертвой своего воспитанія. Служба по почтамту, навернувшаяся ему, конечно, не могла удовлетворить идеалиста-эстетика; въ обстоятельствахъ времени и окружающей обстановкѣ Д. также не могъ найти этого удовлетворенія. Въ результатѣ явился извѣстный русскій порокъ, доведшій Д. до полнаго разоренія. Въ 70-хъ годахъ университетскій товарищъ нашелъ Д. буквально на улицѣ, въ ужаснѣйшемъ видѣ. Ему удалось поста-

вить Д. на ноги и найти ему должность въ Каменецъ-Подольской казенной палатѣ, но нужда не прекратилась. Въ 1874 году 1 сент. Д. скончался, оставивъ въ полнѣйшей бѣдности многочисленную семью. Д. К. въ некрологѣ Д. (Москов. Вѣд. 1874 г., № 265) писалъ: «Старшій сынъ Д. говорилъ мнѣ: «Отецъ нашъ, поцѣловавъ крестъ Спасителя, скончался въ полной памяти, не пользуясь даже медицинской помощью, по неимѣнію къ тому никакихъ денежныхъ средствъ». Миръ праху твоему, бѣдный труженикъ! Добрые люди, знакомые съ твоими поэтическими созданіями, не оставятъ безъ помощи сиротъ. Всякая лепта будетъ принята съ благодарностью и теплой молитвой за благодѣтелей».

Литературное наслѣдство Дмитріева невелико. За небольшими исключеніями, всѣ его произведенія собраны въ одномъ небольшомъ томѣ, изданномъ Вольфомъ подъ заглавіемъ: «Недальнее прошлое» (Спб. 1874). Не одна житейская карьера не удалась Дмитріеву, литературная также обманула его. Онъ мало читался при жизни, а по смерти его забыли совсѣмъ. Причины этого явленія станутъ понятны, если только вспомнить, что Дмитріевъ, идеалистъ-эстетикъ въ жизни, остался такимъ же и въ своихъ писаніяхъ, а съ этими писаніями выступилъ въ ту эпоху, когда теоріи самодовлѣющаго искусства безпощадно разрушались. Поэтическія и задушевныя созданія Дмитріева пришлись не ко двору. Содержаніе произведеній Д.—тщательный анализъ чувства любви, всегда искренней. Съ особенною любовью останавливается Д. на описаніяхъ природы, которая въ его глазахъ представляется одухотворенной. Отрывокъ изъ университетскихъ воспоминаній, помѣщенный въ книгѣ Д., даетъ прекрасную характеристику Московскаго университета и студенческой жизни въ 40—50-хъ годахъ.

Біографическія свѣдѣнія о Д. почерпнуты изъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся у С. А. Венгерова и имѣющихъ быть напечатанными въ его „Словарѣ“ въ VI томѣ. Кромѣ того см. 1) Москов. Вѣдом. 1874 г., № 265; 2) С.-Петерб. Вѣд. 1874 г., № 291.

П. Щеголевъ.

Дмитріевъ, *Николай Ивановичъ*, живописецъ, родился въ Петербургѣ въ 1847 году, умеръ въ Нѣжинѣ въ 1875 году. Отецъ его, также художникъ, окончилъ съ золотой медалью Петербургскую академію художествъ, а впослѣдствіи былъ рукоположенъ въ священники. Свое дѣтство Н. И. Дмитріевъ провелъ частью въ Ригѣ, частью въ Харьковѣ. Когда ему было 12 лѣтъ, онъ остался сиротою и вскорѣ, при содѣйствіи преосв. Филарета, поступилъ въ Харьковскую духовную семинарію, а потомъ въ Петербургскую академію художествъ. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Дмитріевъ обнаруживалъ способности къ живописи, а въ семинаріи, будучи 13 лѣтъ, уже рисовалъ портреты; и въ академіи художествъ онъ выказалъ быстрые успѣхи. Въ 1856 году онъ получилъ малую, а въ 1857 — большую серебряную медаль за рисунки съ натуры. Въ 1860 году онъ былъ награжденъ малою золотою медалью за «Сцену изъ Олимпійскихъ игръ». Въ 1860 году онъ писалъ на большую золотую медаль на тему изъ Исторіи Карамзина: «На свадьбѣ великаго князя Василія Васильевича Темнаго отнимаетъ у князя Владиміра Косого, брата Шемяки, поясъ съ драгоцѣнными каменьями, принадлежавшій нѣкогда Дмитрію Донскому, которымъ Юрьевичи завладѣли неправильно», а въ 1865 г.—«Валгалла» изъ скандинавской миѳологіи. Окончивъ курсъ академіи художествъ съ дипломомъ учителя рисованія, Дмитріевъ, послѣ недолговременнаго пребыванія въ Петербургѣ, оставилъ его по слабости здоровья и поселился въ Черниговѣ, гдѣ занималъ должность учителя рисованія въ женскомъ духовномъ училищѣ, въ семинаріи, въ мужской и женской гимназіяхъ. Проживъ въ Черниговѣ около 8 лѣтъ, онъ отправился для поправленія здоровья въ Ѳеодосію, оттуда ѣздилъ на Кавказъ, а въ 1875 году пріѣхалъ въ Нѣжинъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки. Изъ картинъ, оставшихся послѣ его смерти, назовемъ: «Утренняя заря», «Русалка», «Грузинка», «Турчанка» и др. Не представляя изъ себя крупной величины, какъ самостоятельный художникъ, Дмитріевъ является авторомъ многихъ прекрасныхъ копій съ картинъ знаменитыхъ художниковъ (напр. его превосходная копія съ «Бури на морѣ» Айвазовскаго); въ то же время онъ былъ прекраснымъ рисовальщикомъ портретовъ.

Архивъ С.-Петербургской Имп. Академіи Художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. Акад. Художествъ. —

Некрологъ въ „Черниговскихъ Епарх. Изв." 1875 г., № 20.

Вл. Грековъ.

Дмитріевъ, *Тимоѳей*, граверъ рѣзцомъ, родился 3 мая 1825 года, умеръ 2 декабря 1872 года. Дмитріевъ воспитывался въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, а впослѣдствіи, въ 1841 году, поступилъ въ С.-Петербургскую академію художествъ, гдѣ его учителями были И. Чесскій и П. Уткинъ. Въ 1845 году Дмитріевъ окончилъ академію художествъ, при чемъ тогда же былъ оставленъ при Академіи для усовершенствованія въ гравировальномъ искусствѣ. Въ слѣдующемъ 1846 году онъ выставилъ гравюру, представлявшую собою копію съ Мелеагра, Вуллета. По ходатайству И. Чесскаго, Дмитріеву было разрѣшено гравировать на малую золотую медаль пейзажъ съ картины Рюйсдаля. Въ 1849 году онъ получилъ за эту гравюру большую серебряную медаль на званіе художника съ правомъ на 14-й классъ. За отсутствіемъ граверной работы, Дмитріевъ занимался, по найму, письмоводствомъ въ Комитетѣ академіи наукъ.

Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ. — Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія. - Д. А. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в. (здѣсь, между прочимъ, приведемъ перечень гравировальныхъ работъ Дмитріева).

В. Г.

Дмитріевъ, *Ѳеодоръ Михайловичъ*, родился въ Москвѣ въ 1828 году и, получивъ домашнее образованіе, поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ, курсъ котораго окончилъ въ 1850 году съ званіемъ инженеръ-технолога перваго разряда и золотой медалью. Вскорѣпо окончаніи института Дмитріевъ поступилъ на бумагопрядильную фабрику братьевъ Мамориныхъ въ селѣ Раменскомъ и занялъ здѣсь должность,—сначала смотрителя за ночными рабочими, потомъ механика и, наконецъ, директора фабрики, и оставался въ этой должности до самой смерти. Съ 1869 г. онъ, кромѣ того, занялъ въ Императорскомъ техническомъ училищѣ каѳедру механической обработки волокнистыхъ веществъ, и до самой смерти, послѣдовавшей 30 сентября 1882 г. въ с. Быки, близъ Курска, состоялъ въ званіи вице-президента Политехническаго общества. Дмитріевъ напечаталъ слѣдующія работы: «О бумагопряденіи», М. 1861 г.; «Бумагопрядильное производство. Часть первая: трепаніе и чесаніе хлопка», съ атласомъ чертежей, М. 1876 г.; «Объ устройствѣ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ» (Отчетъ и рѣчи въ Императорскомъ техническомъ училищѣ, М. 1876 г.).

Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", В. II, Спб. 1885 г.—„Русскія Вѣдомости", 1882 г., № 274. —„Современныя Извѣстія" 1882 г. №№ 277, 310.—„Московскія Вѣдомости", 1872 г. №№ 277, 301.

Ч.—

Дмитріевъ-Мамоновъ, *Александръ Матвѣевичъ*, графъ, генералъ-адъютантъ Императрицы Екатерины II, генералъ-лейтенантъ, р. 19 сентября 1758 г. отъ брака сенатора Матвѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова съ Анной Ивановной Боборыкиной. Получивъ домашнее образованіе, Д.-М. поступилъ на дѣйствительную службу въ гвардію, въ списки которой, по обычаю того времени, записанъ былъ съ младенчества. Въ 1786 г. онъ былъ уже поручикомъ гвардіи и адъютантомъ при кн. Потемкинѣ, съ которымъ онъ находился въ дальнемъ родствѣ. Въ это время фаворитъ Екатерины, Александръ Петровичъ Ермоловъ, долженъ былъ удалиться отъ двора вслѣдствіе соперничества своего съ Потемкинымъ. Для огражденія личныхъ своихъ интересовъ Потемкинъ желалъ имѣть флигель-адъютантомъ при особѣ государыни человѣка, ему преданнаго, и поэтому представилъ ей Д.-М. Онъ послалъ его, какъ своего адъютанта, къ императрицѣ съ нарисованной фигурой, при чемъ императрица и князь заранѣе условились, что критика рисунка будетъ означать оцѣнку его подателя. «Рисунокъ недуренъ, но колоритъ плохъ» — таковъ былъ отзывъ о Д.-М. Екатерины. Несмотря на это, 19 августа 1786 г. Д.-М. назначенъ былъ флигель-адъютантомъ. По отзыву современниковъ, Д.-М. произвелъ при дворѣ благопріятное впечатлѣніе. Датскій посланникъ Остенъ-Сакенъ писалъ о немъ, что «онъ хорошо воспитанъ, наружность у него степенная и, кажется, онъ обладаетъ большимъ умомъ и живостью, чѣмъ Ермоловъ». По отзыву Гельбига, Д.-М. былъ «очень уменъ, проница-

теленъ и обладалъ такими познаніями, что въ нѣкоторыхъ научныхъ отрасляхъ, особенно же во французской и итальянской литературахъ, что его можно было назвать ученымъ; онъ понималъ нѣсколько живыхъ языковъ, а на французскомъ говорилъ и писалъ въ совершенствѣ». Въ нравственномъ характерѣ Д.-М. замѣтны были, при многихъ благородныхъ качествахъ, гордость и корыстолюбіе. Первое время своего возвышенія Д.-М. держалъ себя очень скромно и осторожно: «ни въ какія дѣла не мѣшается,—писали о немъ Державину,—да и не любитъ ихъ выслушивать. Да онъ же кромѣ ужина никого и не принимаетъ, а къ ужину менѣе не съѣзжаются какъ человѣкъ двадцать, гдѣ производятъ разныя веселья». Замѣтивъ въ Д.-М. любовь къ словесности, императрица привлекла его къ участію въ литературныхъ своихъ трудахъ, совѣтуясь съ нимъ объ эрмитажныхъ своихъ комедіяхъ; для эрмитажнаго театра самъ Д.-М. написалъ нѣсколько пьесъ, изданныхъ впослѣдствіи въ Парижѣ въ сборникѣ: «Théatre de l' Hermitage» наряду съ пьесами императрицы, графа Сегюра, Кобенцеля, Строгонова и Эстада. Благодаря любви Д.-М. къ театру, началъ возвышаться Храповицкій: «Храповицкій, писалъ современникъ, въ великой милости у Мамонова по стихамъ и дѣлаетъ великія дѣла». Стараясь закрѣпить свое значеніе, Д.-М., расширялъ кругъ своего образованія и исподоволь знакомился съ государственными дѣлами, особенно по внѣшней политикѣ. Мало по малу мнѣнія Д.-М. оказывали большое вліяніе на ходъ дѣлъ. «Онъ разуменъ, говорила о немъ императрица, и будетъ присутствовать въ Совѣтѣ, чтобы имѣть тамо свой глазъ». Значеніе Д.-М. было тѣмъ больше, что своимъ вліяніемъ онъ не пользовался, чтобы вредить кому-либо; мало того, онъ былъ единственнымъ фаворитомъ Екатерины за вторую половину ея царствованія, который умѣлъ преданность свою къ государынѣ соединить съ почтительнымъ отношеніемъ къ ея наслѣднику. Милости сыпались на Д.-М. градомъ. Въ 1787 г. онъ сопровождалъ императрицу въ ея путешествіи въ Новороссію и Крымъ, при чемъ произведенъ былъ въ премьеръ-маіоры Преображенскаго полка; въ томъ же году назначенъ былъ дѣйствительнымъ камергеромъ, корнетомъ кавалергардскаго корпуса, шефомъ С.-Петербургскаго полка. 4 мая 1788 г., съ чиномъ генералъ-поручика, пожалованъ въ генералъ-адъютанты, при чемъ ему подарена была, какъ знакъ его должности, драгоцѣнная трость: «онъ вѣрный другъ, имѣю опыты его скромности», сказала при этомъ императрица Храповицкому. 25 мая германскій императоръ Іосифъ II, союзникъ Екатерины, пожаловалъ Д.-М. въ графы Римской имперіи, 29 августа Екатерина подарила ему новую трость въ 3700 р., а 8 сентября возложила на него орденъ св. Александра Невскаго съ брилліантами въ 30000 р. сер. Еще ранѣе, въ 1786 г., Д.-М. получилъ отъ польскаго короля орденъ Бѣлаго Орла и св. Станислава, а отъ великаго князя Павла Петровича—орденъ св. Анны, который Д.-М. первый украсилъ брилліантами. Богатства Д.-М. были огромны. Доходы съ однихъ лишь помѣстьевъ его простирались до 63000 р.; въ одномъ Нижегородскомъ намѣстничествѣ ему принадлежало до 27000 душъ крестьянъ. Въ качествѣ генералъ-адъютанта получалъ онъ 180000 р. въ годъ, кромѣ жалованья по другимъ должностямъ; на столъ отпускалось ему ежегодно 36000 р. Стоимость брилліантовъ Д.-М. соотвѣтствовала его капиталамъ; одни брилліантовые аксельбанты его стоили до 50000 р.

Въ первую половину 1789 г. значеніе Д.-М. было такъ велико, что довѣренный Потемкина, Гарновскій, по всѣмъ дѣламъ свѣтлѣйшаго обращался къ Д.-М. и доносилъ своему патрону о каждомъ его словѣ а въ обществѣ ходили слухи о новомъ его возвышеніи, и—не безъ основанія: Екатерина собиралась сдѣлать его вице-канцлеромъ. Собственная неосторожность Д.-М. погубила его карьеру. Онъ завелъ интригу съ фрейлиной княжной Д. Ѳ. Щербатовой и показалъ при этомъ двуличіе и скрытность, возбудившія презрѣніе Екатерины. «Случай, — писалъ онъ императрицѣ впослѣдствіи, – коимъ по молодости моей и тогдашнему моему легкомыслію удаленъ я сталъ по несчастію отъ вашего величества, тѣмъ паче горестнѣе для меня, что сія минута совершенно перемѣнить могла вашъ образъ мыслей въ разсужденіи меня, а одно сіе воображеніе, признаюсь вамъ, безпрестанно терзаетъ мою душу». Узнавъ объ интригѣ, Екате-

рина осыпала Д.-М. и Щербатову справедливыми упреками и въ тотъ же вечеръ помолвила ихъ. 1 іюля въ Царскомъ Селѣ отпразднована была ихъ свадьба, предъ которою Екатерина лично убирала невѣсту и благословила образомъ. Въ видѣ свадебнаго подарка молодымъ пожаловано было 100000 р. и 2250 душъ крестьянъ. Въ политическомъ смыслѣ паденіе Д.-М. приготовило закатъ вліянія Потемкина, интересы котораго Д.-М. всегда поддерживалъ: мѣсто Д.-М. заступилъ Зубовъ. Возвратившись изъ арміи въ Петербургъ, Потемкинъ былъ крайне недоволенъ на Д.-М.: «зачѣмъ, обѣщавъ, его не дождался и оставилъ свое мѣсто глупымъ образомъ».

На другой день послѣ свадьбы, Д.-М. уѣхалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до смерти († 29 сентября 1803), переживъ жену († 1801) всего двумя годами. Семейная жизнь его не была счастлива. «Онъ не можетъ быть счастливъ», говорила Екатерина: «разница—ходить съ кѣмъ въ саду и видѣться на четверть часа или жить вмѣстѣ». Д.-М. неоднократно обращался къ императрицѣ съ просьбою дозволить ему вступить въ его должности и для этой цѣли прибыть въ Петербургъ, но желаніе это не было удовлетворено. Императоръ Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, вспомнилъ о добрыхъ отношеніяхъ къ себѣ Д.-М. и въ день своей коронаціи, 5 апрѣля 1797 г, возвелъ его въ графское Россійской имперіи достоинство. Д.-М. оставилъ послѣ себя сына, графа Матвѣя Александровича, и дочь, графиню Марію Александровну.

Гельбигъ: „Русскіе избранники и случайные люди“ (Р. Стар., 1887).—„Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ“ (Тамъ же, 1877).—Гротъ: „Сочиненія Державина“, VI, IX.—„Сборникъ И. Р. И. О.“, XXIII, XXVII, XLII, по указателю — Записки Гарновскаго (Р. Стар, 1876).—Записки Храповицкаго.—Библіогр. замѣтки В. Б. къ сочиненію Гельбига въ Р. Стар., 1887, X, 21

Ш.

Дмитріевъ - Мамоновъ, *Иванъ Ильичъ*, генералъ-аншефъ, лейтенантъ кавалергардскаго корпуса, сенаторъ, морганатическій супругъ царевны Прасковьи Іоанновны, родился 10-го декабря 1680 г., умеръ 24-го мая 1730 года. Въ 1700 году Дмитріевъ-Мамоновъ былъ взятъ въ солдатскую службу и въ томъ же году былъ пожалованъ въ лейбъ-гвардіи поручики въ Семеновскій полкъ, участвовалъ въ первомъ походѣ подъ Нарвою, гдѣ и былъ раненъ; произведенный въ 1701 году въ капитаны того же полка, принималъ дѣятельное участіе въ штурмѣ 1704 года подъ Нарвою и получилъ двѣ раны. Пожалованный въ майоры послѣ баталіи подъ Лѣснымъ, въ этомъ чинѣ онъ былъ въ сраженіи подъ Полтавою и въ Турецкомъ походѣ. Въ 1718 году онъ былъ произведенъ въ бригадиры и участвовалъ въ Шведскомъ походѣ подъ Стокгольмомъ. Въ 1719 году Дмитріевъ-Мамоновъ былъ назначенъ совѣтникомъ въ военную коллегію и подъ наблюденіемъ Государя участвовалъ въ составленіи «Воинскаго регламента». Съ согласія Петра I онъ сочетался морганатическимъ бракомъ съ царевной Прасковьей Іоанновной, третьей дочерью царя Іоанна Алексѣевича, и съ того времени началъ играть видную роль въ придворной жизни. Въ чинѣ генералъ-майора въ 1722 г. Дмитріевъ-Мамоновъ участвовалъ въ Персидскомъ походѣ и командовалъ гвардіею, въ 1724 г. былъ произведенъ въ лейтенанты корпуса кавалергардовъ и при восшествіи на престолъ Екатерины I былъ командированъ въ Москву для предупрежденія ожидавшихся тамъ народныхъ волненій. 21-го мая 1725 г., въ день учрежденія ордена Св. Александра Невскаго, Мамоновъ былъ пожалованъ орденомъ въ числѣ первыхъ девятнадцати кавалеровъ его за многочисленные военные походы и ревностную службу, которую онъ несъ «порядочно, вѣрно и безпорочно». Въ слѣдующемъ году Мамоновъ былъ назначенъ сенаторомъ, пожалованъ въ генералъ-лейтенанты, потомъ въ подполковники лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ и, наконецъ, въ 1730 г. Императрица Анна Іоанновна произвела его въ генералъ-аншефы. Дѣятельность Мамонова въ Военной Коллегіи, въ Вышнемъ судѣ, Сенатѣ, завѣдываніе нѣсколькими канцеляріями въ разныхъ городахъ, наконецъ, различныя работы въ Петербургѣ, Москвѣ, Кронштадтѣ, Петергофѣ и другихъ городахъ, производившіяся подъ его непосредств. наблюденіемъ, потребовали значительной энергіи и служебнаго усердія, которое, благодаря родству съ Государыней, постоянно выдвигало Мамонова въ ряды первыхъ сановниковъ.

Ч.

Сборникъ біографій кавалергардовъ, подъ

редакціей Панчулидзева, т. I. — Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія къ С.-Петербургскимъ Академическимъ Вѣдомостямъ 1730 г., находящіяся въ Имп. публичной библіотекѣ.—Сѣверная Пчела 1816 г. № 32.-Старчевскій. Справочн. Энц. Лекс. т. 4.

Дмитріевъ - Мамоновъ, *Матвѣй Александровичъ*, графъ, сынъ графа Александра Матвѣевича, родился въ 1788 г. и девятнадцати лѣтъ отъ роду былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Величества. Черезъ три года, въ 1810 г., онъ былъ назначенъ совѣтникомъ Московскаго губернскаго правленія, а въ слѣдующемъ году — оберъ-прокуроромъ 6-го департамента Правительствующаго Сената. Несмотря на молодость, Д.-М., прекрасно подготовленный домашнимъ образованіемъ, обнаружилъ на службѣ недюжинныя способности. Когда началась Отечественная война, онъ поступилъ въ военную службу, сдавъ должность оберъ-прокурора, и въ томъ же году награжденъ золотою саблею «за храбрость». Въ апрѣлѣ 1813 г. гр. М. А. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ сформированнаго имъ на свой счетъ полка. Полкъ его однако не былъ достаточно дисциплинированъ и въ заграничномъ походѣ сожегъ одно селеніе. За это Мамоновъ получилъ выговоръ и, обидѣвшись, подалъ въ отставку. Въ мартѣ 1816 г. Высочайше повелѣно было ему состоять по кавалеріи, и съ этого времени онъ находился во 2-й конно-егерской дивизіи при сформированіи эскадроновъ, а 2 марта 1819 г. гр. М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ былъ уволенъ отъ службы за болѣзнью. Тогда онъ поселился у себя въ подмосковной, но странный образъ жизни, который онъ началъ вести, не показываясь никому, даже камердинеру, подалъ поводъ заподозрить нормальное состояніе его умственныхъ способностей, и по Высочайшему повелѣнію надъ нимъ учреждена была опека. Подъ надзоромъ опекуновъ Д.-М. прожилъ еще около 40 лѣтъ и умеръ въ 1863 г. отъ ожоговъ, случайно подпаливъ на себѣ смоченную одеколономъ рубашку. Съ нимъ угасъ графскій родъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ.

„Графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ“ Кичеева (Р. Арх., 1865).—Слово живое о неживыхъ. Изъ воспоминаній И. А. Арсеньева. (Истор. В., 1887 г.). –Донесенія графа М. А. Дм.-М. (Р. Арх., 1871, 0121).—Письма А. Я. Булгакова (Р. Арх., 1900—1902).—Формулярный о службѣ списокъ.

III.

Дмитріевъ-Мамоновъ, *Матвѣй Васильевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго и св. Владиміра 2-й степени, родился въ 1724 году. Былъ женатъ на Аннѣ Ивановнѣ, рожденной Боборыкиной, и имѣлъ четырехъ дочерей и сына Александра, извѣстнаго фаворита императрицы Екатерины Второй. До 1787 года Матвѣй Васильевичъ жилъ въ провинціи, занимая должность правителя смоленскаго намѣстничества. Когда же его сынъ попалъ ко двору, то Дм.-М. сразу былъ назначенъ сенаторомъ, произведенъ въ тайные совѣтники и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ то же время императрица дала ему 80 тысячъ на уплату долговъ. Состоя главнымъ директоромъ межевой канцеляріи, землемѣровъ и архива, Матвѣй Васильевичъ, въ концѣ царствованія императрицы Екатерины Второй, получилъ отъ сената порученіе заняться упорядоченіемъ межевого дѣлопроизводства, такъ какъ въ немъ было много упущеній и незаконныхъ поблажекъ на почвѣ взяточничества. Въ концѣ 1796 года М. составилъ замѣчательный докладъ государю, который и былъ подписанъ 7-го декабря того же года и данъ сенату для немедленнаго приведенія въ дѣйствіе. Докладъ этотъ касается, во-первыхъ, двухъ межевыхъ конторъ въ Псковской и Вологодской губерніяхъ, гдѣ всѣ работы были уже закончены и служащіе оставались безъ занятій и, во-вторыхъ, улучшенія быта штатныхъ чиновниковъ и докторовъ при вѣдомствѣ Межевой канцеляріи путемъ увеличенія жалованія и поддержки Константиновскаго землемѣрнаго училища. По его же докладу въ маѣ 1797 года была прибавлена извѣстная сумма денегъ на содержаніе Московской Екатерининской больницы, которая въ матеріальномъ отношеніи оставляла желать многаго. Въ январѣ 1797 года Дмитріевъ-Мамоновъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 8-го февраля 1798 года согласно прошенію, поданному имъ на Высочайшее имя, онъ былъ уволенъ отъ главнаго управленія межевой канцеляріей. 23 марта 1805 года Матвѣй Васильевичъ вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Сибирскимъ, княземъ Горчаковымъ, Мясоѣдовымъ и Нелединскимъ-Мелецкимъ передалъ на Высочайшее усмотрѣніе мнѣ-

ніе сената по дѣлу извѣстнаго калужскаго губернатора Лопухина, въ которомъ онъ считаетъ послѣдняго правымъ и невинно оклеветаннымъ и, какъ мы знаемъ изъ дѣла Лопухина, послѣдній такъ и остался ненаказаннымъ за свои проступки и преступленія. Умеръ Матвѣй Васильевичъ въ 1810 году.

Русская Старина, т. 56, стр. 21; т. IV, 396. Историческій Вѣстникъ авг. 1885 г., т. XXI, стр. 255. Полное собраніе законовъ, т. 23, стр. 879, т. 24, стр. 220, 596, 604. Русскій Архивъ 1863 г., стр. 91; Сенатскій архивъ, т. I, стр. 73, 204, 348; т. X, стр. 305, 314; Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 783. Гербовникъ, т. I, стр. 30, т. VI, стр. 21. *С.*

Дмитріевъ-Мамоновъ, *Ѳедоръ Иеановичъ*, родился въ Москвѣ 12-го февраля 1727 года. Сначала служилъ въ гвардіи и въ 1754 году былъ прапорщикомъ, въ 1762 году-уже полковникомъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, въ 1769 году бригадиромъ, съ каковымъ чиномъ и вышелъ въ отставку въ концѣ 1770-хъ годовъ. Въ 1771 году, во время чумы въ Москвѣ, онъ былъ посланъ туда содѣйствовать усмиренію возникшаго бунта и 16-го сентября мужественно старался защитить отъ ярости черни архіепископа Амвросія Зертисъ—Каменскаго, при чемъ самъ едва не былъ побитъ камнями. Живя, по выходѣ въ отставку, въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, Дмитріевъ-Мамоновъ занимался собираніемъ различныхъ рѣдкостей, монетъ и памятниковъ старины. Составившійся такимъ образомъ музей онъ хотѣлъ показывать желающимъ и, какъ бы въ образчикъ имѣвшихся въ его собраніи рѣдкостей, припечаталъ къ № 33-му «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1773 годъ довольно странную брошюру въ 7 листковъ съ заглавіемъ: «Для извѣстія отъ бригадира Дмитріева-Мамонова». Здѣсь онъ сообщаетъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о бывшемъ московскомъ домѣ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, приводитъ на него купчую 1699 года, затѣмъ помѣщаетъ жалованную грамоту царя Василія Іоанновича и копію съ письма Анны Іоанновны къ Ивану Ильичу Дм.-Мам. отъ 6 октября 1724 г. изъ Митавы. Съ тою же цѣлію онъ хотѣлъ напечатать особое «привѣтствіе», приглашавшее интересующихся лицъ посѣщать его домъ и осматривать коллекціи, Сенатъ. по какимъ-то причинамъ, запретилъ печатаніе этого «привѣтствія». Дмитріевъ-Мамоновъ по этому поводу принесъ жалобу самой Императрицѣ, которая, письмомъ отъ 31 октября 1773 года, поручала разслѣдованіе этого дѣла московскому главнокомандующему, кн. М. Н. Волконскому, приказавъ, при этомъ, донести ей вообще о поведеніи Мамонова, потому что въ Петербургѣ «многіе разсказываютъ объ немъ такія дѣла, которыя мало ему похвалъ приносятъ». Эти слухи не были неосновательными. Чрезъ 5 лѣтъ, 1 іюля 1778 г., Императрица писала тому же Волконскому, что до нея дошли слухи о жестокостяхъ и мучительствахъ Дмитріева-Мамонова надъ его крѣпостными, изъ которыхъ многіе принуждены были даже пускаться въ бѣга. Изъ показаній этихъ бѣглыхъ Императрица заподозрѣла, что Мамоновъ не въ здравомъ разсудкѣ. Произведенное членами Юстицъ-Коллегіи слѣдствіе и освидѣтельствованіе умственныхъ способностей Мамонова привели Императрицу къ заключенію, что онъ, дѣйствительно, находится «внѣ здраваго разсудка», что подтверждала во всеподданнѣйшемъ докладѣ и жена Мамонова, Александра Семеновна, рожд. княж. Волконская (род. 23 апр. 1733 †11 декаб. 1793), жаловавшаяся на мотовство мужа. Вслѣдствіе всего этого надъ Мамоновымъ была учреждена опека. Съ выхода въ отставку и до самой смерти Мамоновъ прожилъ въ деревнѣ, занимаясь тамъ, между прочимъ, и литературою, написалъ нѣсколько книгъ подъ псевдонимомъ «Дворянина-философа». Умеръ въ Москвѣ 27 марта 1805 года и погребенъ тамъ же, въ Донскомъ монастырѣ.

На литературномъ поприщѣ Дмитріевъ-Мамоновъ выступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ и съ значительною начитанностью, въ 1769 году, издавъ въ Москвѣ свой переводъ съ фр. языка сочиненія Лафонтена: 1) «Любовь Психеи и Купидона», 2 ч. 8°, 10 нен.†216 нен.†1 нен. стр. съ 4 гравюрами. Къ этому изданію было припечатано въ концѣ сочиненіе Мамонова 2) «Дворянинъ-философъ, аллегорія»; послѣдняя есть разсказъ о какой-то болѣе чѣмъ странной затѣѣ, устроенной въ усадьбѣ одного помѣщика (должно быть, самого Мамонова), гдѣ было изображено солнце съ планетами, при чемъ солнце представляетъ иллюминованный домъ помѣщика, вокругъ котораго были устроены планеты и т. под. Въ царствованіе Павла I это сочиненіе,

перепечатанное отдѣльно и изданное въ Смоленскѣ (1796 г. 47 стр. 8⁰), подверглось гоненію и было отбираемо изъ книжныхъ лавокъ, вслѣдствіе чего и представляетъ большую книжную рѣдкость. Затѣмъ Дмитріевъ-Мамоновъ издалъ слѣдующія книги: 3) «Епистола отъ генерала къ его подчиненнымъ или Генералъ въ полѣ съ своимъ войскомъ», М. 1770, 32† I нен. стр. in-f °; здѣсь въ тяжелыхъ и неуклюжихъ стихахъ генералъ преподаетъ подчиненнымъ правила военнаго искусства и описываетъ разныя побѣдоносныя битвы; 4) «Слава Россіи или собраніе медалей дѣлъ Петра Великаго и еще нѣкоторые. 1770 года, іюня 4 дня», 8⁰, съ портретомъ Петра I и съ 21 таблицей съ изображеніями 49 медалей временъ Петра, Анны и Елисаветы, безъ имени автора и мѣста печати. Эта, чрезвычайно рѣдкая, книга, являющаяся первымъ по времени сочиненіемъ о русскихъ медаляхъ, была переиздана въ Москвѣ въ 1783 году подъ заглавіемъ: «Слава Россіи или собраніе медалей, означающихъ дѣла Петра Великаго и другія нѣкоторыя. Сія книга сочинена съ медалей, находящихся въ кабинетѣ бригадира Ѳ. И. Дмитріева-Мамонова, и стараніемъ и иждивеніемъ сего дворянина-философа вырѣзана на мѣдныхъ доскахъ» (4⁰, 6 нен.†21 стр.), съ портр. Петра I, его конной статуи и 53 снимками съ медалей; 5) «Правила, по которымъ всякій офицеръ слѣдуя, военную службу съ удовольствіемъ продолжать можетъ», М. 1771 8⁰, изд. 2-е, М. 1788; 6) «Любовь, поэма въ 7 пѣсняхъ. С. А. Дворянина-философа» М. 1771 г., 80†1 стр. 4⁰, съ 4 рисунками и посвященіемъ «красавицамъ», изд. 2-е, Смоленскъ, 1796 г; 7) «Хронологія, переведенная тщаніемъ сочинителя философа-дворянина изъ науки, которую сочинилъ де-Шевиньи, дополнилъ де-Лиміеръ, для ученія придворнымъ, военнымъ и статскимъ знатнымъ особамъ. Съ прибавленіемъ къ тому Китайской Хронологіи, подражая лексикону Марери и Россійской Хронологіи, подражая Ломоносова и Эмина исторіи и лѣтописи Несторовой», 2 ч, М. 1782. 4⁰; 8), ему же, съ нѣкоторою вѣроятностью, можетъ быть приписанъ переводъ «Избранныхъ печальныхъ элегій Овидія», изданный въ Смоленскѣ въ 1796 году (Сопик. № 7000). Кромѣ того, Дмитріевъ-Мамоновъ извѣстенъ, какъ «сочинитель новой системы міра» (гравированный листъ съ ея описаніемъ изданъ въ 1779 году), состоявшей въ томъ, что «идутъ и солнце, и земля и (вопреки Копернику) нѣтъ вихрей: понеже не допускали бы странствующихъ кометъ приходить и отходить».

Дмитріевъ-Мамоновъ имѣлъ многихъ почитателей, изъ которыхъ священникъ Василій Соловой написалъ въ честь его и издалъ въ Москвѣ даже особый «Панегирикъ» съ гравированнымъ портретомъ почтеннаго бригадира. Такіе же портреты были изданы въ 1772 и 1773 г.г. на проектахъ медалей въ честь Дмитріева-Мамонова.

Надгробная надпись на памятникѣ Дм.-Мам. въ Донск. монаст.; I Полное Собраніе Законовъ, т. XIV, стр. 162, 163; Русс. Родосл. книга, кн. Долгорукова. Спб. 1840, ч. II, стр. 179; Новиковъ. Опытъ словаря, изд. Ефремова, Спб. 1867. стр. 70; Митр. Евгеній, Словарь свѣтск. писателей. М. 1845, стр. 43, т. II; Геннади. Словарь писателей. Берлинъ. 1876, т. I, стр. 311; Иверсенъ: „Medaillen auf die Thaten Peters des Grossen". Спб. 1872, стр. VIII—IX; его же: „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частн. лицъ." Спб. 1883, вып. V, стр. 381—383; Болотовъ. Записки. Спб. 1872, т. III, стр. 23; Восемнадцатый вѣкъ, П. Бартенева, кн. I, стр. 101, 149 и 152; Ровинскій. Словарь гравированныхъ портретовъ. Спб. 1889, т. I стр. 600; Bacmeister: „Russische Bibliothek", 1772—1784, т. II, стр. 74; Геннади. Русск. книжн. рѣдкости. Спб. 1872 г., стр 45—46 и 70; „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи" Спб. 1862 г., стр. 6; Н. В. Губерти. Матеріалъ для русск. библіографіи. М. 1878, вот. I, стр. 244 246, 269—270, 278—279 и 292—293; Русск. Архивъ 1878 г. I, с. 158, 1891, II, с. 460, 1892. III, стр. 413; М. Н. Лонгиновъ: Русск. Стар. 1870 г, т. I, стр. 465—470.

Б. Модзалевскій.

Дмитріевъ - Свѣчинъ, *Николай Дмитріевичъ*, извѣстный скрипачъ-виртуозъ, родился въ Петербургѣ въ 1824 г., умеръ въ шестидесятыхъ годахъ. Первоначальное воспитаніе Дмитріевъ-Свѣчинъ получилъ дома. Съ раннихъ лѣтъ онъ выказалъ необыкновенныя способности и любовь къ музыкѣ и въ 1837 году уже былъ отвезенъ въ Дрезденъ, гдѣ изучалъ музыку подъ руководствомъ знаменитаго Газе. Давши нѣсколько концертовъ въ Дрезденѣ, Дмитріевъ-Свѣчинъ отправился въ концертное путешествіе по Европѣ, всюду встрѣчая блестящій успѣхъ и одобреніе публики и прессы, восхищавшихся его увѣренной и страстной игрой. Въ 1840 году онъ возвратился въ Петербургъ

и поступилъ на службу Императорскихъ театровъ, выступая въ то же время довольно часто въ публичныхъ концертахъ. Дмитріевъ-Свѣчинъ написалъ нѣсколько сочиненій для скрипки, не отличающихся музыкальными достоинствами, и нѣсколько романсовъ.

П. Перепелицынъ: Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.—А. Сѣровъ: Критическія статьи (4 т.).—Адольфъ Гаррасъ: Ручной музыкальный словарь (1850 г.)—Энцикл. слов. Крайя.

В. Г.

Дмитровскій, *Дмитрій Ивановичъ*, докторъ медицины, редакторъ-издатель съ 1872 г. по 1881 г. еженедѣльной медицинской газеты «Медицинскій Вѣстникъ», писатель по медицинѣ, преимущественно о глазныхъ болѣзняхъ, врачъ-практикъ окулистъ, родился 14 ноября 1836 г. въ Орловской губерніи; отецъ его былъ врачемъ. Среднее образованіе Д. получилъ въ Орловской гимназіи, окончивъ ее съ золотою медалью. Въ 1855 г. Д. вступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую (нынѣ военно-медицинскую) академію, курсъ которой окончилъ въ 1860 г. лекаремъ съ отличіемъ; для усовершенствованія былъ оставленъ на три года при медико-хирургической академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ на службу въ военное вѣдомство и прикомандированъ ко второму сухопутному (нынѣ клиническому) госпиталю. Эти три года Д. занимался преимущественно глазными болѣзнями и къ 1863 г., какъ результатъ своихъ работъ, приготовилъ трудъ: «О вліяніи шейнаго ствола симпатическаго нерва на кровообращеніе въ сосудистой и сѣтчатой оболочкѣ». Этотъ трудъ былъ представленъ, какъ докторская диссертація. Защитивъ ее и получивъ степень доктора медицины 3 августа 1863 г., Д. опредѣлился сверхштатнымъ ординаторомъ при глазномъ отдѣленіи военно-сухопутнаго госпиталя. Въ февралѣ 1868 г. Д. занялъ должность инспектора фельдшерской школы при сухопутномъ госпиталѣ, но быстро убѣдился въ полномъ несоотвѣтствіи этой чисто-административной службы всему своему психическому складу и въ октябрѣ того же года уволился по прошенію. Въ 1869 г. Д. былъ опредѣленъ старшимъ ординаторомъ Николаевскаго военнаго госпиталя и командированъ главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. За границей Д. работалъ въ клиникахъ Вюрцбурга, Вѣны и Берлина, занимаясь, кромѣ своей спеціальности—глазныхъ болѣзней, и другими отраслями медицины. Въ 1871 г. Д. вернулся изъ-за границы и до самой смерти завѣдывалъ глазнымъ отдѣленіемъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ; въ 1872 году началъ издавать и редактировать газету «Медицинскій Вѣстникъ». Съ этихъ поръ до самой смерти жизнь его, заполненная тяжелой работой по изданію газеты и отправленіемъ обязанностей врача, а въ немногое остающееся время посвященная служенію наукѣ, въ своемъ внѣшнемъ теченіи представляетъ мало перемѣнъ. Въ 1881 г. 17 мая Д. безвременно, всего 45 лѣтъ отъ роду, скончался, заразившись у постели больного сыпнымъ тифомъ; похороненъ на Волковомъ кладбищѣ.

Дѣятельность Д. выразилась: 1) въ трудахъ по изданію и редакторству газеты «Медицинскій Вѣстникъ», 2) въ его ученыхъ трудахъ и 3) въ трудахъ на поприщѣ врачебной практики. Газета «Медицинскій Вѣстникъ» перешла къ Д. отъ проф. А. А. Чистовича; обремененный служебными занятіями Чистовичъ искалъ, кому передать свою газету, чтобы преемникъ строго охранялъ честность и научность органа. Въ 1871 г. Д. возратился изъ-за границы, и Чистовичъ вскорѣ передалъ ему право на изданіе «Медицинскаго Вѣстника» за 1,000 рублей. Д. оказался какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Понимая значеніе научной прессы, онъ отдалъ газетѣ все свое время и силы. По словамъ некрологиста, Д. «зорко оберегалъ свою газету отъ всякой нечистоты, хотя бы и умѣло прикрытой, и «Медицинскій Вѣстникъ» не сдѣлался пресмыкающимся ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ». Какъ относился редакторъ къ своему дѣлу видно изъ того, что при всей строгой научности «Медицинскій Вѣстникъ» просуществовалъ почти 10 лѣтъ, никѣмъ не субсидируемый. Безусловная научность «Медицинскаго Вѣстника» того періода засвидѣтельствована такими суровыми цѣнителями, какъ проф. Манассеинъ, проф. Лесгафтъ и Чистовичъ. Кромѣ редакторскихъ трудовъ Д. принадлежатъ въ газетѣ вступительныя и большинство критиче-

скихъ статей и рядъ рефератовъ о работахъ иностранной медицинской литературы. Большинство работъ Д. касаются глазныхъ болѣзней; перечень ихъ приводимъ въ концѣ. Какъ врачъ-практикъ, Д. удѣлялъ все остающееся отъ работы по «Медицинскому Вѣстнику» и собственныхъ научныхъ трудовъ время больнымъ, не различая при этомъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; послѣднимъ онъ выдавалъ лекарства безплатно. Какъ истинный врачъ-гуманистъ, Д. погибъ на своемъ посту—заразившись тифомъ у постели больного. Особенность психическаго склада Д. заключалась въ философскомъ, обобщающемъ направленіи его ума. Какъ ученый, онъ былъ знатокъ глазныхъ болѣзней, но имѣлъ .большія познанія и въ другихъ отрасляхъ медицины. Особенность его воззрѣній на науку заключалась въ томъ, что онъ не вполнѣ признавалъ космополитизмъ въ наукѣ и думалъ, что русская медицина должна развиваться своимъ національнымъ путемъ и имѣть свой національный оттѣнокъ.

Литературное наслѣдіе, оставшееся послѣ Д., слѣдующее: 1) О вліяніи шейнаго ствола симпатическаго нерва на кровообращеніе въ сосудистой и сѣтчатой оболочкахъ глаза. Диссертація на степень доктора медицины. Спб. 1863, 8°, 44; 2) Врожденная расщелина райка и сосудистой оболочки и неправильное образованіе роговицы. Протоколы съѣзда русскихъ врачей 1864—65 г.г., стр. 487; 3) Замѣтки о пигментированной сѣтчатой оболочкѣ. Тамъ же, стр. 492; 4) Метаморфозія и ея объясненія. Медицинскій Вѣстникъ, 1866 г., 41—44; 5) Пигментація сѣтчатки. Тамъ же, 1870 г., 49—50; 6) Замѣчанія о нѣкоторыхъ субъективныхъ явленіяхъ зрѣнія. Тамъ же, 1871 г., 37; 7) Центральный скотомъ сѣтчатки, не сопровождаемый измѣненіями на мѣстѣ его нахожденія. Военно-Медицинскій Журналъ, 1872, 115, III, 32—51; 8) Быстрое исцѣленіе блефароспазма салициловокислымъ натромъ. Медицинскій Вѣстникъ, 1878 г., 41—реф. во Врачебныхъ Вѣдомостяхъ, 1879 г., 394, и въ Медицинскомъ Обозрѣніи за 1878 г., X, 730; 9) Hemiopia dextra, monoplegia facialis dextra. Размягченіе и кровоизліяніе въ лѣвомъ полушаріи. Медицинскій Вѣстникъ, 1879 г., 46 и 1880 г., 13, съ И. Лебедевымъ; 10) Атрофія зрительныхъ нервовъ и замѣчательныя измѣненія въ полѣ зрѣнія. Тамъ же, 1880 г., 21; 11) Myosis spastica въ пожиломъ возрастѣ. Гиперметропія. Неупотребленіе очковъ. Тамъ же, 1881 г., 16; 12) Опуханіе лимфатическихъ железъ, лежащихъ впереди ушей. Тамъ же, 1881 г., 17.

Медицинская газета «Врачъ», 1881 г., 21 и 23 (некрологъ), «Медицинскій Вѣстникъ», газета, 1882 г. (памяти Дмитрія Ивановича Дмитровскаго). Змѣевъ: „Русскіе врачи-писатели“.

Н. Теренинъ.

Дмоховскій, *Казиміръ*, четвертый могилевскій р.-кат. архіепископъ и митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. Род. 24 іюня 1772 года; богословское образованіе получилъ въ Краславивской семинаріи (въ Витебской губерніи); 6-го февраля 1803 г. рукоположенъ въ Вильнѣ въ священники; затѣмъ возведенъ въ санъ каноника виленскаго каѳедральнаго капитула; съ 1821—1823 г. состоялъ засѣдателемъ римско-католической коллегіи въ С.-Петербургѣ; въ 1823 г. назначенъ виленскимъ деканомъ. 29-го іюня 1841 г. посвященъ въ епископы съ титуломъ епископа Милетскаго и со званіемъ курляндскаго суффрагана. Послѣ смерти митрополита Павловскаго въ 1842 г. назначенъ предсѣдателемъ римско-католической коллегіи. Послѣ послѣдовавшаго съ римской куріей соглашенія 3-го іюля 1848 г. возведенъ въ санъ могилевскаго архіепископа и митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. 26-го ноября того же года принялъ паллій въ р.-кат. церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, а 29-го іюня 1849 г. торжественно введенъ былъ въ могилевскій каѳедральный соборъ. За преклонностью его лѣтъ, одновременно съ назначеніемъ въ архіепископы, Дмоховскому данъ былъ помощникъ съ званіемъ коадъютора и правомъ наслѣдства, извѣстный ученый и писатель, Игнатій Головинскій, который имъ же былъ посвященъ въ епископы 12-го декабря 1848 г. Умеръ 11-го января 1851 г. и похороненъ въ С.-Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Согласно его завѣщанію, въ 1901 году его останки со Смоленскаго кладбища перенесены на р.-кат. кладбище въ С.-Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ.

С. П.

Дмушевскій (Dmuszewski), *Людовикъ-Адамъ*, варшавскій актеръ и драматургъ, пользовавшійся большою извѣстностью въ первой половинѣ XIX ст.; родился въ 1777 году въ Соколкѣ, Гродненской губ., умеръ въ 1848 г. въ Варшавѣ. Отецъ Дмушевскаго служилъ въ войскѣ Станислава-Августа. Первоначальное воспитаніе Л. А. Дмушевскій получилъ въ базиліанской школѣ въ Жировицахъ, а затѣмъ обучался у піаровъ въ Варшавѣ. Нѣкоторое время онъ служилъ въ канцеляріи варшавскаго верховнаго совѣта («rady najwyzszej»). Впослѣдствіи, познакомившись съ В. Богуславскимъ, Дмушевскій поступилъ въ его труппу и такимъ образомъ сталъ актеромъ (первый дебютъ его на сценѣ былъ въ 1800 году). Онъ съ успѣхомъ игралъ роли первыхъ любовниковъ въ комедіяхъ и пѣлъ теноровыя партіи въ операхъ. Въ 1811 году онъ посѣтилъ главнѣйшіе европейскіе театры. Нѣкоторое время, замѣняя стараго Богуславскаго, онъ былъ директоромъ варшавскихъ театровъ, пока это мѣсто не занялъ Осинскій.

Еще въ молодости Дмушевскій началъ писать пьесы самаго разнообразнаго содержанія и характера: оперы, драмы, комедіи, водевили и т. д. (нѣкоторыя изъ нихъ написаны довольно изящными стихами); среди этихъ пьесъ есть переводныя, подражательныя и оригинальныя, зачастую пріуроченныя къ какому-нибудь опредѣленному событію; онѣ обличаютъ остроуміе и наблюдательность Дмушевскаго, но нерѣдко страдаютъ небрежностью отдѣлки. Музыку къ операмъ и водевилямъ Дмушевскаго писали Эльснеръ и Курпинскій. Лучшимъ драматическимъ произведеніемъ Дмушевскаго является трехъактная драма въ стихахъ: «Варвара Запольская» («Barbara Zapolska»), передѣланная изъ «La revanche» Royer и Creuze. Изъ другихъ его произведеній назовемъ: «Актеры на поляхъ Елисейскихъ», «Ѳаддей Хвалибогъ», «Король Локетокъ» и «Лѣшекъ Бѣлый» (двѣ оперы), «Болтунъ изъ болтуновъ», «Усадьба при почтовой дорогѣ», «Разливъ Вислы», «Награда» («Nadgroda»—опера, написанная по случаю прибытія въ Варшаву императора Александра I), «Пять сестеръ и одна» и т. д. Сборникъ своихъ сочиненій Дмушевскій издалъ въ 10 томахъ (въ 1821 и 1822 годахъ) подъ заглавіемъ: «Драматическія произведенія» («Dziela dramatyczne»). Впослѣдствіи онъ издалъ отдѣльно пьесы: «Цецилія Пясечинская» («Cecylia Piaseczynska»)— опера въ двухъ актахъ — (1829 г.) и «Защита бѣдныхъ дѣтокъ» — одноактная комедія-опера въ стихахъ (1841 г.). Общее число произведеній Дмушевскаго для сцены, изъ которыхъ многія имѣли блестящій успѣхъ, а нѣкоторыя удержались на сценѣ до сихъ поръ, доходитъ до 150-ти. Вмѣстѣ съ Алоиз. Жулковскимъ Дмушевскій въ 1808 году издалъ «Театральный словарь, съ приложеніемъ пѣсенъ и новѣйшихъ оперъ, дававшихся на варшавскомъ театрѣ». Будучи прекраснымъ актеромъ, Дмушевскій въ то же время былъ большимъ любителемъ и знатокомъ музыки, особенно старинной польской. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ музыкальныхъ статей, печатавшихся въ «Варшавскомъ Курьерѣ» съ 1820 по 1847 годъ и свидѣтельствующихъ объ обширности его музыкальныхъ познаній и глубинѣ критическаго взгляда. Въ 1837 году Дмушевскій основалъ Варшавское музыкальное благотворительное общество, имѣвшее своею цѣлью оказаніе помощи бѣднымъ музыкантамъ (по-польски оно называлось: «Towarzystwo podparlych Artystow Muzycznych»).

Въ теченіе многихъ лѣтъ Дмушевскій состоялъ редакторомъ газеты «Варшавскій Курьеръ», купленной имъ у Кицинскаго; дѣльная редакція Дмушевскаго и умѣлая реклама содѣйствовали сильному увеличенію числа подписчиковъ газеты и распространенію ея среди самыхъ разнообразныхъ классовъ общества. Какъ человѣкъ, Дмушевскій отличался гуманностью и самою широкою благотворительностью, сдѣлавшею его чрезвычайно популярнымъ. Императоръ Николай I не, однократно выказывалъ Дмушевскому свое благоволеніе и пожаловалъ ему бриллiантовый перстень и драгоцѣнную табакерку. Смерть его вызвала всеобщее сожалѣніе. Дмушевскій оставилъ мемуары, обнимающіе весьма интересную по политическимъ событіямъ эпоху съ 1793 по 1830 годъ. «Варшавскій Курьеръ» въ 1850 году опубликовалъ часть этихъ мемуаровъ, въ которой мы находимъ чрезвычайно интересныя подробности изъ жизни польскаго общества стараго времени.

*

Albert Sowinski: Les musiciens polonais et slaves. Paris. 1857.—Wielka encyklopedya powszechna illustrowana.—Энцикл. слов. Крайя.

В. Г.

Добель, *Петръ Васильевичъ*, бывшій одно время русскимъ генеральнымъ консуломъ на Филиппинскихъ островахъ, путешественникъ и писатель о Россіи, главнымъ образомъ Сибири, и о Китаѣ, родился въ Ирландіи, гдѣ и получилъ начальное воспитаніе; вслѣдъ за этимъ родители его переселились въ Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты, гдѣ онъ поступилъ въ Филадельфійскій университетъ. По окончаніи курса и послѣ смерти своихъ родителей онъ поступилъ волонтеромъ въ армію; участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ въ западной части Пенсильваніи и въ другихъ областяхъ противъ индѣйцевъ; кромѣ того много путешествовалъ по Америкѣ. Пристрастившись къ морю, онъ объѣхалъ много странъ частью съ торговыми цѣлями, частью изъ любознательности. Во время своего пребыванія въ Кантонѣ онъ встрѣтился съ нашимъ путешественникомъ Крузенштерномъ, которому Добель оказалъ какую-то, повидимому, довольно значительную услугу, такъ какъ награжденъ былъ Высочайше пожалованнымъ ему брилліантовымъ перстнемъ. Эта неожиданная царская милость была побудительной причиной принятія Добелемъ вскорѣ русскаго подданства. Узнавъ тогда же, что Камчатка весьма нуждается въ продовольствіи и доставленіи туда предметовъ первой необходимости, онъ снарядилъ два судна, въ августѣ 1812 г. прибылъ въ Петропавловскій портъ и одно изъ судовъ разгрузилъ и отправилъ въ Манилу; въ Камчаткѣ онъ прожилъ до февраля; осмотрѣвъ и объѣхавъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Камчатку, онъ оставилъ въ Петропавловскѣ коммиссіонера, а самъ отправился въ Петербургъ. По дорогѣ онъ объѣхалъ Алеутскій берегъ, заливы Пенжинскій и Иджинскій до Охотска; оттуда черезъ Якутскъ, Иркутскъ и т. д. съ большими приключеніями добрался до Петербурга. Дорогою онъ велъ дневникъ, отрывки изъ котораго были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» въ 1815 и въ 1816 годахъ. Путешественникъ въ восторгѣ отъ естественныхъ богатствъ Сибири и особенно восторгается Камчаткой, которая, по его мнѣнію, имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться цвѣтущею торговою страною; единственная бѣда заключается только въ недостаткѣ населенія. Эту мысль онъ настойчиво проводилъ также и въ письмахъ и проектахъ, подававшихся имъ сибирскимъ властямъ. Въ Петербургѣ Добель выхлопоталъ себѣ право торговли на весьма льготныхъ условіяхъ, и правительство, смотрѣвшее тогда благосклонно на торговлю иностранцевъ, предоставило мѣстному начальству право допускать торговлю на такихъ же условіяхъ всѣмъ приходящимъ иностраннымъ судамъ. Кромѣ того Добель представилъ правительству обширный планъ развитія промышленности и торговли на Тихомъ океанѣ. Сущность плана состояла въ томъ, чтобы завести на сибирскихъ водахъ китовый промыселъ и устроить торговыя сношенія между Охотскомъ и Камчаткой съ одной стороны и Филиппинскими островами съ другой, съ цѣлью снабженія этой части Сибири жизненными припасами. Планъ этотъ былъ принятъ, и Добелю было поручено привести его въ исполненіе. Въ 1818 году Добель былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ надворнаго совѣтника и назначенъ нашимъ генеральнымъ консуломъ на Филиппинскихъ островахъ. Испанское правительство однако же отказалось признать его въ званіи консула подъ тѣмъ предлогомъ, что въ колоніяхъ его вообще иностранные консулы не допускаются; но обѣщало оказывать возможное содѣйствіе, какъ частному лицу, подданному дружественной державы. Добель въ то время вступилъ уже въ русское подданство и записался въ купцы 2-й гильдіи. Въ концѣ 1818 г. Добель возвратился въ Камчатку. Дѣла его тамъ шли очень плохо, онъ терпѣлъ громадные убытки, поссорился со своимъ коммиссіонеромъ и нѣкоторыми лицами мѣстнаго управленія, но тѣмъ не менѣе не терялъ надежды, какъ это видно изъ писемъ къ Трескину, гдѣ онъ, указывая на естественныя богатства Камчатки, мечтаетъ завести у ея береговъ китовую ловлю. Воспользовавшись пріѣздомъ туда торговаго агента одной американской компаніи, Добель заключилъ было вмѣстѣ съ начальникомъ мѣстнаго управленія, Рикордомъ, съ пріѣхавшимъ агентомъ договоръ о китовомъ промыслѣ. Договоръ этотъ не былъ

впрочемъ, утвержденъ высшимъ начальствомъ, политика котораго по отношенію къ иностранцамъ круто измѣнилась благодаря стараніямъ Россійско-Американской компаніи, интересы которой могли пострадать отъ допущенія иностранной торговли и промысла. Иностранцамъ, которые по слѣдамъ Добеля появились въ Камчаткѣ, торговля была воспрещена, ихъ даже выселили, и иностраннымъ кораблямъ запрещено было приставать въ портахъ Восточной Сибири. Самъ Добель сначала сохранилъ только право жительства въ Камчаткѣ, а по своей должности обязанъ былъ только содѣйствовать заготовленію товаровъ для судовъ, принадлежащихъ казнѣ или Россійско-Американской компаніи. Это распоряженіе не застало Д. въ Камчаткѣ, онъ тѣмъ временемъ отправился на мѣсто своего назначенія въ Маниллу, гдѣ его вскорѣ постигло новое несчастіе: во время возмущенія въ Манилѣ его имущество было разграблено. Впрочемъ въ 1821 г. онъ снова пришелъ съ грузомъ товара и, какъ русскій подданный, женатый на русской, купецъ 2-й гильдіи, добился права торговли, несмотря на тревогу, поднятую при его приходѣ правленіемъ Россійско-Американской К°. Но и на этотъ разъ его попытка завести правильную торговлю въ Камчаткѣ не увѣнчалась успѣхомъ. Почти совсѣмъ разорившись, онъ вернулся въ 1828 г. въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ узнать, что даже его консульское жалованіе, которое получалъ вмѣсто него одинъ знакомый, подверглось описи и погибло для него въ имуществѣ послѣдняго. Несмотря на всѣ эти злоключенія, Добель, насколько мы можемъ догадываться по тому, какимъ встрѣчаемъ его на извѣстныхъ четвергахъ Греча (Воспоминанія с.-петербургскаго старожила. Сборникъ Кашпирева, т. II, стр. 73, 74, 101), не палъ духомъ и продолжалъ жизнь коммерсанта-путешественника и любителя сильныхъ ощущеній. Умеръ Д. въ 1855 г.

(Соч. Добеля. Письма путешественника по Сибири въ «Сынѣ Отечества» 1815 г. и 1816 г.—«Travels in Kamtschatka and Siberia», Лондонъ, 1830 г.; на русскій языкъ переведена только 2-я ч. Джунковскимъ съ нѣкоторыми добавленіями.—«Путешествія и новѣйшія наблюденія въ Китаѣ, Манилѣ и Индо-Китайскомъ архипелагѣ, бывшаго Россійскаго генеральнаго консула на Филиппинскихъ островахъ, коллежскаго совѣтника Петра Добеля». Составилъ и съ англійскаго перевелъ съ Высочайшаго соизволенія А. Дж. въ двухъ частяхъ. СПБ. 1833 г. Тутъ же и краткая біографія Добеля.—«Sept années en Chine» (переводъ Е. Голицына, СПБ. 1833 г.)—«Russia at it is and not as it has been represented». Лондонъ, 1833 г. Кромѣ вышеупомянутой біографіи см. «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности М. М. Сперанскаго въ Сибири» В. И. Вагина. СПБ. 1872 г., II т., глава XX. Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона.

Добровольскій, *Алексѣй Степановичъ*, академикъ исторической живописи, родился въ 1791 году, умеръ въ Москвѣ 22 апрѣля 1814 года. Въ 1798 году, по волѣ императора Павла I, Добровольскій былъ принятъ въ Петербургскую Академію Художествъ. Въ 1811 году ему, въ числѣ прочихъ, была задана программа на золотую медаль: «представить походъ подъ Казань Царя Ивана Васильевича, гдѣ Россійскія войска на безводныхъ степяхъ, изнуренныя жаждою и зноемъ, претерпѣваютъ ужасныя бѣдствія. Два воина, нашедши воду, принесли оную въ шлемахъ своихъ къ Царю; но Іоаннъ отдаетъ ее наиболѣе изнемогшему воину и самъ напаиваетъ его». Въ этомъ же году Добровольскій получилъ малую серебрянную медаль за рисунокъ съ натуры, а въ слѣдующемъ 1812 году былъ выпущенъ изъ Академіи; при выпускѣ онъ получилъ золотую медаль, но Академія, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могла тогда отправить своихъ питомцевъ въ Италію. Черезъ нѣкоторое время Добровольскій пріѣхалъ въ Москву и тамъ явился дѣятельнымъ членомъ небольшого художественнаго кружка, который составляли: братья А. С. и В. С. Добровольскіе, академикъ И. Т. Дурновъ и нѣсколько любителей. Въ 1830 г. этотъ кружокъ основалъ художественный классъ, подъ особымъ покровительствомъ свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, и А. С. Добровольскій, вмѣстѣ съ братомъ В. С. и И. Т. Дурновымъ, явился однимъ изъ главныхъ учредителей и первыхъ преподавателей этого класса, преобразованнаго впослѣдствіе въ «училище живописи, ваянія и зодчества». Въ 1836 году Петербургская Академія Художествъ, принимая во вниманіе труды братьевъ А. С. и В. С. Добровольскихъ и И. Т. Дурнова по учрежденію и устройству художественнаго класса и ихъ преподавательскую дѣятельность въ немъ, а также отзывъ объ ихъ дѣятельности почетнаго предсѣдателя художественнаго

класса—военнаго генералъ-губернатора,—сдѣлала слѣдующее опредѣленіе: «Его Сіятельство (генералъ-губернаторъ) полагаетъ, что сіи художники суть существенные основатели Московскаго художественнаго класса, и если бы постоянное и безусловное усердіе сихъ художниковъ не подвигло, съ пожертвованіемъ собственнаго интереса, принять изъ любви къ искусствамъ участіе въ водвореніи въ Москвѣ лучшихъ понятій о художествахъ, то таковое заведеніе безъ сего не могло бы ничего ни предпринять, ни успѣть; притомъ обращая вниманіе на успѣхи учениковъ означеннаго художественнаго класса, доказывающіе опытность и знаніе дѣла гг. учащихъ, т. е. братьевъ Добровольскихъ и Дурнова, и основываясь на примѣрѣ возведенія въ академики г. Ступина за основаніе художественной школы въ Арзамасѣ, Совѣтъ находитъ справедливымъ признать гг. художниковъ: Алексѣя и Василія Добровольскихъ и Ивана Дурнова, какъ учредителей Московскаго художественнаго класса, академиками». До самой смерти А. С. Добровольскій неутомимо трудился на пользу художественнаго класса и способствовалъ образованію многихъ художниковъ, радушно привѣтствуя важдое молодое дарованіе и умѣя развить къ молодыхъ ученикахъ правильныя понятія объ изящномъ и любовь къ нему. А. С. Добровольскому принадлежитъ, между прочимъ, писанный съ натуры портретъ М. С. Щепкина. Умеръ Добровольскій послѣ изнурительной болѣзни на 55 году жизни и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Добровольскому принадлежитъ: «Предположеніе объ учрежденіи въ Москвѣ картинной галлереи и при ней выставки художественныхъ произведеній». (Москва, 1836).

Архивъ С.-Петербургской Импер. Академіи Художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Императ. Академіи Художествъ.—Некрологъ А. С. Добровольскаго въ «Москвитянинѣ», 1844 г., ч. III, № 5 (отд. «Московская лѣтопись»).—Н. Степановъ: Воспоминанія объ А. С. Добровольскомъ («Московскія Вѣдомости», 1844 г., № 60).—Д. А. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—Г. Геннади: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст.

Вл. Грековъ.

Добровольскій, *Василій Степановичъ*, старшій братъ предыдущаго, академикъ исторической живописи, родился въ 1787 году, умеръ въ Москвѣ въ 1855 г. Въ 1798 году Добровольскій, вмѣстѣ съ братомъ А. С. Добровольскимъ, по волѣ императора Павла I, былъ опредѣленъ въ Петербургскую Академію Художествъ, гдѣ занимался живописью подъ ближайшимъ руководствомъ профессора Григ. Иван. Угрюмова. Въ 1808 году Добровольскій получилъ отъ Академіи малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры; въ слѣдующемъ 1809 году ему, въ числѣ прочихъ, была задана программа на золотую медаль: «изобразить Андромаху, оплакивающую Гектора»; въ этомъ же году онъ окончилъ академическій курсъ съ аттестатомъ 1-й степени и уѣхалъ въ Москву. Тамъ, по распоряженію князя Юсупова, Добровольскій поступилъ на службу въ Оружейную Палату. Онъ составлялъ для Оружейной Палаты рисунки размѣщенія оружія и другихъ рѣдкостей и драгоцѣнностей, а также дѣлалъ рисунки на случаи большихъ торжествъ, какъ напр. на случай коронаціи Императора Александра I, и т. п. Въ 1812 году Добровольскій находился при драгоцѣнностяхъ Оружейной Палаты, которыя вывозились въ то время изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ. Добровольскій писалъ портреты, образа, акварели, но всѣ его произведенія не представляютъ ничего замѣчательнаго въ художественномъ отношеніи. Значеніе его въ исторіи русскаго искусства обусловливается исключительно его дѣятельностью по учрежденію и устройству Московскаго художественнаго класса (впослѣдствіи—Московскаго училища живописи, ваянія и зодчества), въ которомъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ преподавателей и въ теченіе девяти лѣтъ (съ 1842 года) исполнялъ обязанности директора по хозяйственной части. Въ 1836 году Добровольскій, какъ одинъ изъ главныхъ учредителей и устроителей художественнаго класса, былъ Академіей Художествъ удостоенъ званія академика.

Архивъ С.-Петербургской Импер. Академіи Художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Импер. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—«Некрологъ академика В. С. Добровольскаго» («Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ», 1855 г., № 5, отд. «Московскій Вѣ-

стникъ».)—Н. Степановъ: Воспоминанія объ А. С. Добровольскомъ («Московскія Вѣдомости», 1844 г., № 60).—Энц. слов. Брокгауза.

В. Г.

Доброгорскій, *Михаилъ*, сочинитель весьма посредственныхъ одъ, напечатанныхъ въ журналахъ Екатерининскаго времени. Изъ «Розысканія» Неустроева видно, что Михаилу Доброгорскому принадлежитъ ода «Время», помѣщенная въ Новиковскомъ журналѣ «Покоящійся трудолюбецъ», ч. II, М. 1784, стр. 110 — 113, и двѣ оды въ «Бесѣдующемъ Гражданинѣ» 1789 г., ч. II. Одна изъ нихъ называется: «О непостоянствѣ міра сего» (стр. 215 — 218), другая—«Злоба» (стр. 331—335).

Неустроевъ А. Н.: Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. Спб. 1874, и Указатель къ нему. Спб. 1897, стр. 189.

Щ.

Добролюбовъ, *Николай Александровичъ* (род. 17 января 1836, ум. 17 ноября 1861), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ критиковъ русской литературы и одинъ изъ характерныхъ представителей общественнаго возбужденія въ эпоху «великихъ реформъ». Онъ былъ сыномъ священника въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ, человѣкъ стараго склада, дѣятельный, всегда занятый служебными дѣлами, былъ хотя заботливымъ, но суровымъ отцомъ большого семейства; сынъ съ мягкой, нѣжной, воспріимчивой душой любилъ его, но боялся; зато полный отзывъ на свою привязанность онъ встрѣтилъ въ своей матери, разумной и доброй женщинѣ, къ которой онъ питалъ настоящее обожаніе и отъ которой несомнѣнно унаслѣдовалъ мягкія, любящія стороны своего нравственнаго характера.

Ученье началось дома, прежде всего подъ руководствомъ матери; потомъ брали для него учителями семинаристовъ изъ старшихъ классовъ. Онъ обнаруживалъ блестящія способности; двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ старшій классъ духовнаго училища, откуда скоро перешелъ въ семинарію; онъ удивлялъ и товарищей и учителей быстрыми успѣхами и большими знаніями.

Онъ съ дѣтства много читалъ и прежде всего узналъ довольно большую библіотеку отца, гдѣ кромѣ церковно-нравственныхъ книгъ были и книги научнаго содержанія—напр. онъ нашелъ здѣсь книгу Монтескьё: «Духъ законовъ», Фонтенеля: «О множествѣ міровъ», «Опытъ о человѣкѣ» Попа, Всеобщую исторію аббата Милота, Энциклопедическій Словарь Плюшара; онъ доставалъ книги у знакомыхъ и рано освоился съ классическими произведеніями русской литературы. Рано явилось у него и стремленіе къ литературному труду. Въ двѣнадцать лѣтъ онъ писалъ уже стихи, переводилъ Горація; шестнадцати лѣтъ онъ послалъ въ «Сынъ Отечества» Фурмана свои стихотворенія, подписавъ ихъ псевдонимомъ «Владиміръ Ленскій».

Близилось окончаніе курса въ семинаріи, и Добролюбовъ мечталъ объ университетѣ. Но мечта была трудно достижима. Суровый отецъ не согласился бы на это; по обычаю, онъ хотѣлъ, чтобы сынъ шелъ по той же дорогѣ, и разрѣшилъ ему отправиться въ Петербургъ для поступленія въ духовную академію. Но въ Петербургѣ Добролюбовъ окончательно рѣшилъ не идти въ академію и началъ держать вступительный экзаменъ въ педагогическій институтъ. Онъ кончилъ экзамены съ большимъ успѣхомъ, но принятъ былъ только условно, потому что ему недоставало знанія новыхъ языковъ. Въ институтъ питомцы принимались вообще на казенный счетъ, такъ что съ этой стороны дѣло было обезпечено; но Добролюбовъ все-таки опасался, что отецъ будетъ противъ его поступленія въ институтъ вмѣсто академіи, или противъ выхода его изъ духовнаго званія; отецъ опасался неудовольствія архіерея. Къ счастію, мѣстный архіерей взглянулъ на дѣло благосклонно и былъ доволенъ, что воспитанникъ семинаріи выдержалъ съ такимъ успѣхомъ экзаменъ въ высшее учебное заведеніе. Такимъ образомъ дѣло уладилось, и въ первое время Добролюбовъ былъ, кажется, доволенъ институтомъ: передъ нимъ являлось серьезное содержаніе науки; въ кругу товарищей встрѣтились люди съ тѣми же интересами; любовь къ чтенію могла быть удовлетворена въ полной мѣрѣ.

Къ этому времени характеръ его принималъ свои опредѣленныя черты. Онъ складывался прежде всего еще въ домашней обстановкѣ. При суровости отца, мальчикъ и юноша прильнулъ къ матери, къ которой былъ страстно привязанъ. «Во

всю мою жизнь,—писалъ Добролюбовъ къ одному изъ близкихъ, — сколько я себя помню, я жилъ, учился, работалъ, мечталъ всегда съ думой о счастьи матери! Всегда она была на первомъ планѣ»... Въ дневникѣ своемъ онъ говорилъ: «Отъ нея получилъ я свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ лѣтъ своего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ; для нея было все, что я ни дѣлалъ». Первыя впечатлѣнія жизни, первыя сильныя чувства нерѣдко оставляютъ на всю жизнь свое дѣйствіе и образуютъ задатки характера. Такъ было, вѣроятно, и здѣсь: нравственная природа матери, идеализированная страстной привязанностью, внушила Добролюбову зародыши той нравственной серьезности, которая сказалась въ немъ съ самыхъ раннихъ отроческихъ лѣтъ, когда онъ производилъ прежде всего надъ самимъ собой строгое нравственное наблюденіе, когда онъ проникался стремленіемъ къ правдѣ, негодованіемъ противъ несправедливости, желаніемъ приносить пользу ближнимъ. Отроческое настроеніе должно было встрѣтиться съ испытаніями, но сохранилось навсегда; «лучшія качества» развились — въ его литературную дѣятельность. Его страшно поразила смерть матери (въ мартѣ 1854), а вскорѣ и отца (въ августѣ 1854); тяжелое нравственное потрясеніе едва ли не было первымъ источникомъ той черты желчнаго раздраженія, которая потомъ проявлялась въ его дѣятельности. По смерти отца для него наступили трудныя заботы о многочисленномъ осиротѣломъ семействѣ, когда онъ самъ еще далеко не кончилъ курса въ институтѣ.

Въ институтѣ, въ небольшомъ кружкѣ товарищей, онъ скоро пріобрѣлъ вліяніе, какъ человѣкъ серьезныхъ убѣжденій, строгій къ самому себѣ, но и къ другимъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго не всѣ его любили, но всѣ уважали. Въ новомъ кругу, куда приходили отголоски петербургской жизни, имъ все сильнѣе овладѣваютъ интересы общественные. Еще раньше сталъ онъ присматриваться къ жизни и людямъ, и противорѣчіе дѣйствительности съ идеалами оставляло въ душѣ его горечь и недовѣрчивость. Въ его бумагахъ сохранился дневникъ, который онъ сталъ вести съ 15-лѣтняго возраста и который даетъ указанія объ его внутренней жизни и, въ соединеніи съ позднѣйшими его письмами и сочиненіями, раскрываетъ въ высокой степени интересную и поучительную психологію его нравственнаго характера и развитія его взглядовъ общественныхъ и литературно-критическихъ. Онъ началъ записывать разные факты своей отроческой жизни и въ дневникѣ идетъ настоящая исповѣдь передъ самимъ собой: онъ вспоминаетъ свои слова и поступки, раскрываетъ свои мысли и побужденія и, когда, въ минуты анализа, находитъ ихъ неправильными, строго осуждаетъ себя съ точки зрѣнія нравственности, чисто аскетической. Это наблюденіе за самимъ собой не оставило его и впослѣдствіи и образовало строгую нравственную требовательность, которая стала первой основой и въ его взглядахъ общественно-литературныхъ.

Еще бывши въ институтѣ, Добролюбовъ познакомился съ Н. Г. Чернышевскимъ черезъ одного изъ товарищей, который бывалъ у Ч. въ качествѣ его прежняго ученика въ Саратовской гимназіи. Его уже влекло къ литературѣ, и онъ, кажется, приносилъ Чернышевскому свои опыты; тотъ совѣтовалъ ему не спѣшить и прежде всего кончить свои дѣла въ институтѣ; но въ 1856 году въ «Современникѣ» явилась первая статья Добролюбова о «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», извѣстномъ журналѣ имп. Екатерины II. Статья обратила на себя вниманіе въ литературныхъ кругахъ и уже показала отчасти особенныя черты писателя: большую начитанность, внимательный критическій взглядъ и —также недовольство извѣстными литературными понятіями и критикой того времени, — и это недовольство высказывалось съ мѣткимъ, насмѣшливымъ остроуміемъ. Въ объясненіе должно сказать, что въ то время, по смерти Бѣлинскаго, наша критика, получившая въ послѣдніе годы его сильный общественный оттѣнокъ, послѣ него не имѣла первое время представителя, который успѣлъ бы овладѣть вниманіемъ общества. Между тѣмъ, тогдашняя критика (Анненковъ, Дружининъ, Дудышкинъ, нѣсколько мистическій Ап. Григорьевъ) или какъ будто забывала объ этой сторонѣ дѣла,—отчасти подъ давленіемъ трудныхъ цензурныхъ условій,—или же, въ новомъ кругѣ изслѣдователей, обращалась въ тѣ годы къ

детальной фактической разработкѣ старой литературы; этой разработки дѣйствительно недоставало и она была необходима,—но при этомъ бывало, что изслѣдователи впадали въ мелочную спеціальность и теряли изъ виду основные вопросы литературной исторіи. Добролюбовъ въ статьѣ о «Собесѣдникѣ» примѣнилъ ту же манеру изложенія, какая употреблялась въ тогдашнихъ «библіографическихъ» изысканіяхъ — со множествомъ цитатъ, самое обиліе которыхъ бросалось въ глаза какъ излишество,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлалъ широкія заключенія о характерѣ самаго вѣка, его дѣйствующихъ лицъ, о положеніи общества и нравахъ, заключенія, которыхъ не дѣлалось прежде и которыя далеко не сходились съ шаблонными представленіями о XVIII вѣкѣ. Старые книжники, между прочимъ гордившіеся своими детальными изысканіями, почувствовали уколъ; противъ Добролюбова вооружился главный тогдашній книжникъ, А. Д. Галаховъ, въ тонѣ опытнаго ментора, на что Добролюбовъ отвѣтилъ новыми аргументами, дѣловыми, но вмѣстѣ насмѣшливыми. Это былъ первый разрывъ со старой школой. Основа историко-литературныхъ взглядовъ Добролюбова была въ томъ, что изъ бесѣдъ съ Чернышевскимъ и изъ «Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы» онъ извлекъ высокое представленіе объ общественномъ смыслѣ критики Бѣлинскаго, традиціи котораго легкомысленно забывались даже такъ называемыми его друзьями и послѣдователями. Въ собственномъ складѣ его натуры лежало стремленіе той же силы и того же направленія: литература не есть одно художественное развлеченіе, и ея исторія—не безразличный архивъ, а отголосокъ живого быта, съ его старинными нравами и стремленіями лучшихъ людей вѣка; литература есть глубокое поученіе—въ изслѣдованіи ея исторіи мы должны искать не анекдотическихъ мелочей, а разумѣнія прошедшихъ ступеней нашей собственной жизни, какъ въ настоящемъ ея жизненный смыслъ заключается въ служеніи нравственному идеалу и справедливости. Тонъ глубокаго убѣжденія, логическая выдержка мысли, при случаѣ тонкая иронія и насмѣшка — съ самаго начала стали отличительной особенностью его стиля, и съ одной стороны раздражали противниковъ, съ другой привлекали ему почитателей, особенно въ молодомъ поколѣніи. Другая статья его вскорѣ за тѣмъ произвела большое впечатлѣніе—по поводу «Отчета» педагогическаго института, его школы. Первое благопріятное впечатлѣніе этой школы, о которомъ выше упомянуто, впослѣдствіи не удержалось: съ годами стали все болѣе выступать не рѣдкія въ то время черты закрытыхъ заведеній—сухой канцелярскій формализмъ, мало отвѣчавшій воспитательнымъ задачамъ учрежденія, и накопившееся раздраженіе Добролюбова вылилось въ статьѣ объ «Отчетѣ», который, какъ бывало обыкновенно, разукрашалъ показную сторону, что «все обстоитъ благополучно», не замѣчая, что слабыя стороны панегирика сами однако бросаются въ глаза. Статья написана была съ большимъ мастерствомъ скрытой иронiи, и производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Первая статья явилась подъ псевдонимомъ, другая въ литературной хроникѣ была совсѣмъ не подписана, но имя автора быстро пріобрѣло извѣстность. Въ 1857 году, по окончаніи курса, Добролюбову предстояло отслужить нѣсколько лѣтъ въ должности учителя за казенное содержаніе въ институтѣ,—всего скорѣе попасть въ провинцію; но благодаря хлопотамъ аристократическаго семейства, гдѣ онъ давалъ уроки, ему удалось остаться въ Петербургѣ, зачислившись номинально въ одномъ учебномъ заведеніи. Онъ отдался сполна литературной дѣятельности, и эта дѣятельность, продолжавшаяся едва четыре года, осталась замѣчательнымъ эпизодомъ въ исторіи русской критики и вмѣстѣ характернымъ эпизодомъ исторіи русскаго общества въ разгарѣ «великихъ реформъ». Въ сочиненіяхъ Добролюбова остался въ высокой степени интересный памятникъ настроенія молодыхъ поколѣній, созрѣвавшихъ въ самую эпоху реформъ и страстно ожидавшихъ обновленія русской общественной и народной жизни. Его критика стала опять общественно-публицистической, какъ во времена Бѣлинскаго, но съ другимъ, болѣе реальнымъ оттѣнкомъ: хотя Добролюбовъ рѣдко касался прямыхъ общественныхъ вопросовъ «внутренней политики», они были всегда въ его памяти,—но главные труды его были посвящены критикѣ ли-

тературной, въ особенности опредѣленію главнѣйшихъ писателей того времени. Такъ, онъ съ сочувствіемъ встрѣтилъ только что передъ тѣмъ выступившаго на поприще Салтыкова-Щедрина (статья о «Губернскихъ очеркахъ», 1857); съ великимъ интересомъ и съ оригинальной точки зрѣнія онъ изучалъ Гончарова («Что такое Обломовщина», 1859); цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей онъ посвятилъ Островскому («Темное царство», двѣ статьи, 1859; «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», 1860); наконецъ онъ говорилъ о Тургеневѣ («Когда же придетъ настоящій день?» по поводу повѣсти «Наканунѣ», 1860), о Достоевскомъ («Забитые люди», 1861). Рядомъ съ этимъ онъ останавливался на общихъ вопросахъ русской исторической жизни и литературы, какъ, напр., на исторіи Петра Великаго (по поводу книги Устрялова), на «русской цивилизаціи» (по поводу «Essai sur la civilisation russe» Жеребцова); послѣ статьи о «Собесѣдникѣ» онъ еще возвратился къ XVIII вѣку въ обширной статьѣ: «Русская сатира въ вѣкъ Екатерины» (по поводу книги Аѳанасьева о сатирическихъ журналахъ конца XVIII столѣтія, 1859), а въ другомъ трактатѣ онъ остановился на вопросѣ «о степени участія народности въ развитіи русской литературы» (по поводу книжки Милюкова объ исторіи русской поэзіи, 1858); книги С. Т. Аксакова дали ему поводъ къ изображенію старыхъ русскихъ нравовъ и т. д. Наконецъ, онъ обращался прямо къ живымъ общественнымъ вопросамъ, какъ вопросы школы и воспитанія, народной трезвости, положенія сельскаго духовенства, приготовленности общества къ гласному судопроизводству (шли первыя обсужденія судебной реформы) и т. д. Съ 1858 г. Добролюбовъ, не довольствуясь множествомъ своихъ журнальныхъ работъ, завелъ въ «Современникѣ» особый шуточный отдѣлъ, подъ названіемъ «Свистка», гдѣ въ прозѣ и особенно въ стихахъ онъ давалъ волю своему неистощимому остроумію и гдѣ поводомъ къ нему были крупные и мелкіе факты тогдашней литературы и общественной жизни... Но эта необычайно оживленная нервная дѣятельность была непродолжительна: организмъ не былъ изъ крѣпкихъ, и эта страстная жажда высказаться, поработать для общественнаго блага, надорвала его силы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ началъ свою литературную дѣятельность юношей двадцати одного года, а на двадцать шестомъ году она уже кончилась. Сочиненія его за это время заняли потомъ въ изданіи четыре компактныхъ тома. Весной 1860 г. друзья убѣдили Добролюбова отправиться за границу, чтобы предохранить его отъ начинавшейся чахотки; онъ больше года прожилъ въ Германіи, южной Франціи и Италіи; онъ вернулся, черезъ Грецію и Константинополь, въ августѣ 1861 г., но жизнь была подорвана, и въ ноябрѣ того же года онъ умеръ.

Современники, близко его знавшіе, такъ изображали его личный характеръ: «Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ по стойкости, твердости и благородству между всѣми литературными дѣятелями послѣдняго двадцатипятилѣтія. Слово и дѣло никогда не противорѣчили въ немъ, и никогда въ своихъ поступкахъ онъ не допускалъ ни малѣйшаго, самаго невиннаго уклоненія отъ своихъ убѣжденій. Другого, болѣе строгаго къ самому себѣ человѣка, въ его лѣта, трудно встрѣтить». Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ «слышалось біеніе горячаго, любящаго сердца, изъ-подъ этого спокойствія проглядывалъ горькій юморъ человѣка, оскорбленнаго всякою ложью, лицемѣріемъ и пошлостью». Таковъ онъ и былъ дѣйствительно; но спокойствіе не всегда сохранялось, и онъ впадалъ въ нетерпимость, иногда не вполнѣ, но вообще находившую себѣ слишкомъ много справедливыхъ основаній въ ходѣ отношеній литературныхъ и общественныхъ. — Свойства этого характера, этой ясности и твердости убѣжденій, составлявшихъ все его нравственное существо, нашли свое выраженіе въ его критической дѣятельности. Вслѣдъ за Чернышевскимъ, онъ явился продолжателемъ критики Бѣлинскаго и въ художественномъ и въ общественномъ отношеніи, но съ своимъ самостоятельнымъ характеромъ. Въ противоположность тому, что̀ говорилось потомъ объ общественной тенденціозности критики Добролюбова, онъ былъ скорѣе именно противникъ тенденціознаго искусства и высоко цѣнилъ именно тѣ произведенія, которыя созданы были свободнымъ художественнымъ творчествомъ, внѣ какихъ-либо тенденціозныхъ намѣреній писателя. По его представленію

чисто художественный инстинктъ именно ручается за вѣрное отраженіе жизни въ произведеніи; напротивъ, «тенденція» — какъ теоретическое соображеніе — слишкомъ легко можетъ, какъ кривое зеркало, извратить дѣйствительную жизнь и дѣйствительныхъ людей, особливо у писателя, теоретически недостаточно понимающаго совершающіяся явленія,—и въ этомъ послѣднемъ отношеніи Добролюбовъ былъ весьма недовѣрчивъ. Но, если извѣстное произведеніе носило на себѣ печать художественнаго творчества, оно становилось для Добролюбова предметомъ внимательнаго, съ любовью исполняемаго изученія. Сами произведенія являлись фактомъ общественнаго значенія, и заглавія, какія давалъ Добролюбовъ своимъ критическимъ комментаріямъ, указывали, что въ картинахъ писателя-художника онъ видѣлъ правдивыя картины жизни, которыя давали возможность заключеній о ней самой: это было или «темное царство», или «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» и т. п. Тонкое художественное чутье давало критикѣ Добролюбова не меньшую цѣну, чѣмъ его объясненія явленій общественныхъ; его статьи съ жадностью принимались не только въ читающей публикѣ, но и для самихъ писателей представляли немалое поученіе: извѣстно, что Островскій нашелъ такое поученіе и самъ яснѣе созналъ значеніе своихъ произведеній по сужденіямъ Добролюбова. По существу своихъ взглядовъ и по самому увлеченію интересами общества, Добролюбовъ, какъ замѣчено выше, является въ высокой степени характернымъ представителемъ лучшихъ стремленій молодого поколѣнія въ эпоху великихъ реформъ. Онъ засталъ еще въ полномъ дѣйствіи старые до-реформенные нравы, и въ воспріимчивую пору юности,—въ которой онъ и умеръ, — онъ переживалъ тревоги Крымской войны и тогда уже начавшееся возбужденіе общества и всѣми силами души отдался великой исторической перспективѣ общественнаго и народнаго обновленія, которая видѣлась лучшимъ людямъ тогдашняго русскаго общества. Но, по силѣ ума и самой глубинѣ своихъ стремленій, этотъ юноша рано сталъ зрѣлымъ мужемъ: онъ сознательно смотрѣлъ на идущія передъ нимъ явленія, и его взглядъ сложился твердо, и этимъ опредѣлилось содержаніе его литературной дѣятельности. Чѣмъ шире представлялась ему эта великая перспектива будущаго, тѣмъ настоятельнѣе и строже въ его глазахъ былъ долгъ каждаго работать, сколько можетъ, въ своей сферѣ для этого нравственнаго и бытового обновленія русской жизни послѣ тяжелаго пережитого прошлаго. Какъ извѣстно, въ тогдашнемъ обществѣ совершалось дѣйствительно большое возбужденіе, дававшее надежду на лучшія времена, лучшія учрежденія, настроенія и нравы,—многое великое и дѣлалось въ правительственной области съ участіемъ общественныхъ силъ (Добролюбовъ дожилъ до объявленія освобожденія крестьянъ, но не дожилъ до реформы судебной и земской); но Добролюбовъ съ глубокой проницательностью наблюдалъ совершавшіяся явленія и недовѣрчиво относился къ ходячей тогда восторженной декламаціи (*«въ наше время,* когда» и т. п.): онъ предвидѣлъ, что цѣлая масса общества не можетъ переродиться вдругъ, что «ветхое» общество должно еще долго сказываться реакціей противъ благихъ начинаній,—что вскорѣ и оказалось. Въ этихъ условіяхъ общественной жизни, при началѣ реформъ, и находится источникъ того нравственнаго лихорадочнаго возбужденія, въ которомъ проходила дѣятельность Добролюбова: онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за событіями, особенно за тѣмъ, что сказывалось въ литературѣ; онъ волновался вопросами минуты, какъ своимъ личнымъ дорогимъ интересомъ, не могъ выносить фальшивыхъ нотъ лицемѣрія, глупыхъ восторговъ, наивнаго пустословія, неумѣнья понять настоящаго положенія вещей или измѣны правильно поставленному принципу въ угоду рутинѣ толпы и т. д. Отсюда выростала его раздражительность; его остроуміе все больше принимало тонъ язвительной насмѣшки и желчной іроніи. Его строгая критика, его, казалось, чрезмѣрная требовательность, шутки и насмѣшки въ «Свисткѣ», вызывали немало недовольства и прямой вражды; но источникъ его требовательности былъ именно въ указанномъ выше цѣломъ его настроеніи: перспективы будущаго, необходимость упорной борьбы противъ застарѣлаго общественнаго зла требовали, по его убѣжденію, болѣе энергическихъ усилій. болѣе цѣльныхъ, ясныхъ, послѣдовательныхъ

трудовъ въ наукѣ и литературѣ, которые могли бы сильнѣе дѣйствовать на умы и настроеніе общества. — Въ эту пору за Добролюбовымъ составилась его противниками репутація писателя «отрицательнаго направленія», и изъ этого дѣлалось, тогда и потомъ, цѣлое обвиненіе. Изъ сказаннаго выше ясно, что это обвиненіе лишено всякаго основанія. Вообще, «отрицаніе», какъ отрицаніе, не имѣетъ смысла; въ обыкновенномъ логическомъ порядкѣ отрицаніе чего-либо сопровождается основаніями, доказательствами, и въ нихъ, или прямо или косвенно, заключается то положительное, ради котораго совершается отрицаніе и котораго не хотятъ видѣть, или дѣйствительно не понимаютъ обвинители. Это была опять исторія Чацкаго: Чацкій былъ «отрицатель» по мнѣнію Фамусова и его общества; по объясненію Гончарова (въ его извѣстномъ блестящемъ толкованіи «Горя отъ ума»: «Милльонъ терзаній») — это былъ именно восторженный идеалистъ, но и здравый положительный умъ. Такъ называемое «отрицаніе» Добролюбова исходило изъ яснаго представленія великаго историческаго момента, какой переживало русское общество, и изъ глубокой вѣры въ будущее—свѣтлое, искомое и возможное: онъ отрицалъ старое историческое зло, которое жило еще и въ современности своими отпрысками и преданіями; онъ отрицалъ легкомысліе или умственную лѣнь людей, думавшихъ, что уже все достигнуто и можно почить на лаврахъ, когда было только начато дѣло, для котораго еще нужны будутъ труды поколѣній, дѣло національнаго обновленія, дѣло широкаго развитія общественной и народной жизни, науки, промысла, образованности, достойныхъ великаго народа; его упрекали въ отрицаніи ученыхъ и литературныхъ авторитетовъ, но это было опять недовольство тѣсными рамками и скуднымъ содержаніемъ литературы, которая избѣгала или принуждена была избѣгать, широкой постановки вопросовъ нравственныхъ, общественныхъ, историческихъ, вращалась въ мелочахъ и рутинѣ, когда нужно было будить слишкомъ долго дремавшую общественную мысль, самимъ дѣятелямъ науки и литературы возвыситься до великихъ вопросовъ нравственности, исторіи, общественнаго строя и т. д. Добролюбовъ не устрашался авторитетовъ, когда нарушалось его нравственно-общественное чувство, и напр., встрѣтивъ съ сочувствіемъ знаменитыя статьи Пирогова объ общественномъ воспитаніи, не усомнился сърѣзкой ироніей возстать противъ него, когда Пироговъ, по его мнѣнію, не имѣлъ мужества провести послѣдовательно свои взгляды и уступилъ рутинѣ (ст. «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами»). Быть можетъ, иногда молодой избытокъ силъ приводилъ къ преувеличенію, къ нетерпимости, но всегда въ основѣ было тоже стремленіе держать высоко общественный идеалъ, требованія нравственнаго достоинства литературы. Лирическія стихотворенія Добролюбова, напечатанныя только по его смерти, сохранили отголоски этихъ настроеній писателя — мужественныя рѣшенія дѣлать «благое дѣло», часто тяжелыя сомнѣнія въ окружающемъ, но въ концѣ концовъ увѣренность, что когда-нибудь трудъ его будетъ признанъ и его имя будетъ извѣстно «родному краю»... Упомянемъ наконецъ объ отношеніи Добролюбова къ старшему литературному поколѣнію: онъ внимательно изучалъ произведенія Тургенева, Гончарова, Островскаго, Достоевскаго, находилъ въ нихъ матеріалъ для объясненія русской жизни, но вообще съ этими писателями не былъ близокъ; напротивъ, произошелъ разладъ «отцовъ и дѣтей»,—и едва ли по винѣ послѣднихъ; изъ-за Добролюбова Тургеневъ разошелся съ редакціей «Современника», хотя издавна былъ съ Некрасовымъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ: послѣдній предпочелъ остаться съ Добролюбовымъ. Разрывъ возникалъ естественно: люди двухъ поколѣній во многихъ отношеніяхъ были несходны — съ одной стороны была дѣятельность художественная, съ другой критическая, преданная интересамъ дня; разница поколѣній сказалась съ одной стороны умудренной лѣтами и опытомъ осторожностью, которая казалась слабостью и нерѣшительностью, даже непониманіемъ, съ другой—страстнымъ увлеченіемъ, которое ничего не хотѣло уступать изъ принципіальныхъ взглядовъ (какъ было, напр., относительно Пирогова); на избалованное барство и слегка покровительственный тонъ «дѣти» отвѣтили суровымъ непослушаніемъ, а также указаніемъ на нѣкоторыя

грубыя ошибки «отцовъ»... Смерть Добролюбова поразила удручающимъ образомъ кругъ его друзей и его читателей, и Некрасовъ посвятилъ его памяти извѣстное стихотвореніе, кончающееся словами:

...Но слишкомъ рано твой ударилъ часъ,
И вѣщее перо изъ рукъ упало.
Какой свѣтильникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!

Надежда — быть «извѣстнымъ родному краю», исполнилась для Добролюбова еще при жизни. Онъ съ перваго вступленія въ литературу пріобрѣлъ эту извѣстность, которая потомъ все возрастала. Его сочиненія, изданныя въ четырехъ томахъ, тотчасъ послѣ его смерти, не утрачивали своей цѣны и между читателями новыхъ поколѣній: изданія, печатаемыя въ большомъ числѣ экземпляровъ, постоянно требуются вновь, и «Сочиненія» дошли теперь уже до седьмого изданія.

Изданія: „Сочиненія Н. А. Добролюбова", четыре тома. Спб. 1862;—седьмое изданіе, Спб. 1901.

Біографическія свѣдѣнія: — первые „Матеріалы" для біографіи Добролюбова, собранные Чернышевскимъ, появились въ „Современникѣ» 1862, № 1, и потомъ, долго спустя, продолжены были частію въ „Русской Мысли", 1889. Смерть Чернышевскаго прервала изданіе собранныхъ имъ документальныхъ данныхъ; книга была окончена: „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—1862 годахъ". Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1890,—но остается еще и неизданный матеріалъ. Изъ первой поры по смерти Добролюбова см. также: Аверкіевъ, въ „Р. Инвалидѣ" 1861, № 267; „Современникъ", 1861, № 11; А. Пятковскій, въ „Книжн. Вѣстн." 1861, № 22; „Библ. для Чтенія", 1861, № 3; П. Бибиковъ, „О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова". Спб. 1862; В. Зайцевъ, „Бѣлинскій и Добролюбовъ", въ журналѣ „Р. Слово"; А. Скабичевскій, „Сочиненія". Спб. 1890, т. I (статья: „Сорокъ лѣтъ русской критики, 1820—1860", написано въ 1870), и его же: Н. А. Добролюбовъ, его жизнь и литер. дѣятельность. Біографическій очеркъ. Спб. 1894, въ „Біографич. Библіотекѣ" Павленкова; Евг. Марковъ, въ «Р. Рѣчи» 1880; Горшковъ (М. А. Протопоповъ), въ «Р. Богатствѣ», 1880; В. Гольцевъ, въ «Р. Мысли», 1885, № 12, и въ книгѣ «Объ искусствѣ»; В. Модестовъ, въ журналѣ «Новь», 1886, № 6; С. Венгеровъ, въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Эфрона, s. v.; Ив. Ивановъ, «Исторія русской критики». Часть третья и четвертая. Спб. 1900 (стр. 550—596); особливо цѣнны, біографически, воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой (Русскіе писатели и артисты, 1824—1870. Спб. 1890). М. Филипповъ, біографическій очеркъ, при новѣйшемъ изданіи сочиненій Добролюбова; Л. Шелгунова, „Изъ далекаго прошлаго". Переписка Н. В. Шелгунова съ его женой. Спб. 1901 (упоминанія).—Рядъ некрологическихъ воспоминаній и историческихъ опредѣленій явился по поводу сорокалѣтія со смерти Добролюбова въ ноябрѣ 1901; укажемъ изъ нихъ: П. Быковъ, въ газетѣ «Россія», 1891, 19 ноября (въ приложеніи нѣсколько портретовъ, факсимиле и могила Добролюбова), и особенно: В. Богучарскій, «Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли (памяти Н. А. Добролюбова)», въ «Мірѣ Божіемъ», 1901, № 11,— и тамъ же замѣтка А. Б. М. А. Антоновичъ: Воспоминанія по поводу чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго въ „Русск. Мысли", 1898, декабрь; его же, изъ воспоминаній о Н. А. Некрасовѣ, въ „Журналѣ для всѣхъ", 1903, февраль. Моя работа о Некрасовѣ, въ „Вѣстн. Евр." 1903, ноябрь, декабрь (упоминаніе).

А. Пыпинъ.

Добронравовъ, *Степанъ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины, писатель по медицинскимъ вопросамъ, происходилъ изъ духовнаго сословія, медицинское образованіе получилъ въ Петербургской медико-хирургической Академіи, которую кончилъ со степенью лекаря I отдѣленія и съ серебряной медалью въ 1809 г., и поступилъ въ Петербургскій военно-сухопутный госпиталь младшимъ лекаремъ 2 класса; въ 1810 г.—въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ младшимъ лекаремъ 1 кл.; 1811 г. въ—5 егерскій полкъ старшимъ лекаремъ 1 класса; въ 1812 г. перешелъ въ Московскій драгунскій полкъ на ту же должность; штабъ-лекаря получилъ 1812 г.; въ 1813 г. исполнялъ должность старшаго медика драгунскаго дивизіона; въ 1814 г. —должность корпуснаго медика кавалерійскаго корпуса; въ 1815 г. назначенъ старшимъ медикомъ 1 кавалерійской дивизіи, уволился въ 1816 г., а въ 1818 г. получилъ званіе инспектора врачебной управы въ Петербургской медико-хирургической Академіи; въ 1820 г. былъ исполняющимъ должность генералъ-штабъ-лекаря гражданскаго департамента; въ 1821 г. исполнялъ должность гражданскаго генералъ-штабъ-доктора; 22 іюля 1821 г. получилъ степень доктора медицины въ Петербургской медико-хирургической Академіи; въ 1822 г. былъ инспекторомъ медицинской конторы; въ 1829 г. командированъ въ армію въ Болгарію, гдѣ учредилъ 9 чумныхъ карантиновъ и завѣдывалъ ими, устроилъ всѣ военно-временные госпитали около Силистріи и былъ гене-

ралъ-штабъ-докторомъ ихъ; въ 1830 году былъ докторомъ госпиталей въ Молдавіи и Валахіи; предложилъ и исполнилъ поголовный осмотръ въ этихъ княжествахъ всѣхъ жителей съ санитарною цѣлью; завѣдывалъ съ 1830 г. въ этихъ княжествахъ аптекарской частью; въ 1832 г. возвратился въ Москву къ должности; съ 1840 г. по 1843 г. былъ инспекторомъ аптекарской части на Кавказѣ и въ Грузіи. Печатные труды его слѣдующіе: 1) dissert. methodum medendi ratione ac experientia inaug. blenorrhoeam syphieitisam eiusgue fundatam exhibens D. M. Ptrp. 1822, 8°; 2) Наставленіе о леченіи холеры (Бухарестъ), 1830, 8°; 3) Химическое описаніе минеральныхъ водъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, 1831, 8°; 4) Необыкновенныя явленія съ дѣвицею во время ея усыпленія. Др. Здр. 1835 г.; 5) Медико-топографическое описаніе княжества Молдавіи и Валахіи. Москва, 1835 г. 8°; 6) Изслѣдованіе чумы. Др. Здр. 1839 г.; 7) Краткое разсужденіе о чумѣ. Москва, 1837 г. 8°; 8) Raphania въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Др. Здр. 1837 г.; 9) Излеченіе раковиднаго нароста свѣжимъ творогомъ. Др. Здр. 1839 г.

Генна ди, 313 стр.—Змѣевъ: Врачи писатели, 92 стран.

Н. Т.

Доброславинъ, *Алексѣй Петровичъ*, докторъ медицины, профессоръ гигіены въ Императорской военно-медицинской Академіи, выдающійся ученый и общественный дѣятель, родился 29 сентября 1842 г. въ Орловской губерніи, въ селѣ Дядьковѣ; происходилъ изъ интеллигентнаго семейства; отецъ его былъ врачемъ на извѣстныхъ Мальцевскихъ заводахъ, занимался разработкой медицинскихъ вопросовъ и оставилъ послѣ себя нѣсколько работъ. На Мальцевскихъ заводахъ прошло дѣтство Д.; въ 1852 г. онъ поступилъ въ Калужскую гимназію, которую окончилъ въ 1859 г. съ серебряной медалью; въ августѣ 1859 г. отецъ отвезъ Д. въ Петербургъ и опредѣлилъ въ медико-хирургическую Академію, поручивъ его покровительству извѣстнаго химика, Н. Н. Зинина, ученаго секретаря Академіи, человѣка рѣдкаго всесторонняго образованія. Въ семьѣ Зинина Д. былъ принятъ какъ родной и заслужилъ любовь самого Зинина. Знакомства съ Зининымъ нельзя обойти, такъ какъ вліяніе этого даровитаго ученаго глубоко сказалось на Д. какъ въ выборѣ предмета для занятій, такъ и въ направленіи научной дѣятельности; съ другой стороны Зининъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ качествѣ ученаго секретаря, неоднократно помогалъ Д. какъ во время студенческой жизни, такъ и при занятіи имъ каѳедры. Однимъ изъ главнѣйшихъ взглядовъ Зинина былъ взглядъ, что занятіе медициной невозможно безъ широкаго знакомства съ естественными науками; эти науки должны составлять основаніе медицины. Вліянію Зинина Академія во многомъ обязана расширеніемъ вспомогательныхъ пособій по естествознанію. Какъ лекторъ, Зининъ отличался большими дарованіями. Д. пишетъ про него отцу: «Слушая Зинина, вполнѣ понимаешь могущество науки; въ ней видишь своего спасителя отъ всевозможныхъ сверхъестественностей міра». Понятно, что вліяніе Зинина сразу сказалось на Д. прежде всего въ пристрастіи его къ занятіямъ въ химической лабораторіи, а затѣмъ и въ дальнѣйшей карьерѣ: въ предпочтеніи теоретической каѳедры такъ называемымъ практическимъ. Первые годы пребыванія Д. въ Академіи были несчастливы: на первомъ курсѣ онъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ и прохворалъ до весны. Тифъ осложнился воспаленіемъ средняго уха и рожистымъ воспаленіемъ лица и головы. Поправившись отъ болѣзни, Д. вернулся въ Петербургъ въ 1860 г. и поступилъ вновь на первый курсъ, но опять заболѣлъ; вслѣдствіе этого отправился домой, откуда въ августѣ 1861 г. вернулся въ Петербургъ, чтобы сдать экзаменъ и поступить на второй курсъ. Здѣсь встрѣтились затрудненія. При поступленіи въ Академію Д былъ принятъ на казенный счетъ, но послѣ второй болѣзни его вычеркнули изъ списковъ. Пришлось много хлопотать, чтобы уладить дѣло, но вліяніе Н. Н. Зинина все привело къ благополучному исходу. Съ этого времени болѣзни не нарушали занятій Д. Жизнь его въ то время представляется обычной жизнью бѣднаго студента, всецѣло предающагося работѣ Самъ онъ пишетъ отцу: «Я теперь занятъ цѣлый день—утромъ на лекціи, вечера провожу въ лабораторіи». Кромѣ посѣщенія лекцій Д. занимался по химіи у проф.

Зинина, въ минералогическомъ кабинетѣ и у проф. физіологіи, Якубовича. Одновременно съ этимъ онъ изучалъ иностранные языки и на послѣднихъ курсахъ имѣлъ переводы въ разныхъ журналахъ. Интересуясь главнымъ образомъ естественными науками, въ особенности химіей, онъ старался добросовѣстно относиться и къ чисто-медицинскимъ наукамъ. Въ свободныя отъ такого множества занятій минуты Д. занимался чтеніемъ философскихъ и политико-экономическихъ сочиненій, составляя конспекты и дѣлая выписки изъ прочитанныхъ книгъ. Средствами существованія служила скудная стипендія въ 25 руб. и рѣдкіе случайные заработки—переводы. Его бюджетъ былъ такой: 6 р. за комнату, 7 р. 50 к. за столъ и немного на чай, свѣчи и пр. 18 декабря 1865 г. Д. кончилъ курсъ Академіи съ дипломомъ на серебряную медаль. При окончаніи онъ держалъ экзаменъ не на лекаря, а прямо на доктора медицины и выдержалъ по всѣмъ предметамъ, но не былъ пропущенъ проф. анатоміи, Грубером, и проф. судебной медицины и гигіены, Чистовичемъ, который держался принципа, что оканчивающій курсъ не можетъ прямо держать на доктора медицины. Несмотря на превосходное окончаніе Д. Академіи, его талантливость и прилежаніе, онъ встрѣтилъ препятствіе по оставленіи при Академіи: его не допустили къ конкурсу. Причиной было такъ называемое неблагонадежное поведеніе, попросту—крупные разговоры съ инспекторомъ, неосторожныя слова и т. п. По счастію, вліяніе Зинина устранило эти препятствія. Д. былъ допущенъ къ конкурсу и прошелъ въ первомъ разрядѣ, послѣ чего занялъ мѣсто ординатора при госпитальной терапевтической клиникѣ. Въ это время окончательно выяснились научныя симпатіи Д. къ естествознанію. Характерна выдержка изъ его письма къ отцу: «Вчера еще я не вѣрилъ въ возможность потеряннаго счастья (оставленіе при Академіи); теперь же я, наконецъ, совершенно спокоенъ, тѣмъ болѣе, что имѣю возможность навсегда развязаться съ медициной. Я снова начинаю учиться—я поступаю въ естественники». Профессоръ Зининъ къ тому времени измѣнилъ свой взглядъ и, принимая во вниманіе матеріальную сторону, долго уговаривалъ Д. остаться при клиникѣ знаменитаго С. П. Боткина и избрать карьеру врача-практика, которая должна была Д. принести хорошее обезпеченіе въ будущемъ. Эти увѣщанія уже пожившаго профессора не повліяли на молодого ученаго, имѣвшаго въ виду выборъ профессіи по призванію. Тогда Зининъ посовѣтовалъ Д. заняться физіологической химіей. Около этого времени умеръ отецъ Д., оставивъ на его рукахъ семью. Пришлось усиленнѣй работать изъ-за средствъ; однако это не помѣшало Д. въ 1866 г. сдать экзаменъ на доктора медицины. 4 мая 1868 г. онъ защитилъ диссертацію на эту степень. Въ декабрѣ 1868 г. Д. былъ избранъ военно-медицинской Академіей для посылки за границу на два года для усовершенствованія въ наукахъ. Въ февралѣ 1869 г. Д. женился и съ женой уѣхалъ за границу. Время съ 1866 г. до отъѣзда за границу онъ посвятилъ сначала работамъ въ химической лабораторіи подъ руководствомъ Н. Н. Зинина и А. П. Бородина, а потомъ, для ознакомленія съ приложеніемъ физіологической химіи къ рѣшенію вопросовъ о питаніи организма, перешелъ въ лабораторію проф. Забѣлина. За границей онъ былъ сначала недолгое время въ Вѣнѣ, а потомъ уѣхалъ въ Грацъ и здѣсь работалъ по физіологіи у проф. Роллета; въ химической лабораторіи Пебаль Д. занимался неорганическимъ анализомъ. Изъ Граца онъ направился въ Парижъ, гдѣ остался почти годъ. Въ Парижѣ Д. впервые запала мысль заняться гигіеной, примѣнить отвлеченныя истины естествознанія на общественную пользу. На эту мысль натолкнуло его образцовое по тому времени устройство Парижа въ гигіеническомъ отношеніи; его поразила парижская канализація, госпитали, тюрьмы и пр. Тогда же Д. началъ знакомиться съ англійской, французской и нѣмецкой гигіенической литературой, сталъ слушать лекціи проф. гигіены Бушарда и Вильмена, а такъ какъ спеціальныхъ гигіеническихъ лабораторій тогда въ Парижѣ не было, то Д. сталъ работать въ лабораторіи проф. Вюрца. Около того времени Д. получилъ письмо отъ проф. Забѣлина, И. М. Сорокина и Н Н. Зинина; они предлагали ему заняться гигіеной, чтобы по возвращеніи изъ-за границы получить самостоятельную каѳедру по этому предмету. Д. принялся еще дѣятельнѣй гото-

виться къ профессурѣ: онъ усиленнѣй сталъ знакомиться съ гигіенической литературой и много времени посвящалъ осмотру тюремъ, казармъ, госпиталей и др. учрежденій; такимъ образомъ онъ проработалъ зиму 1869—1870 г., а лѣтомъ началась франко-прусская война—событіе, менѣе всего располагающее къ мирнымъ научнымъ занятіямъ. Д. пришлось бѣжать изъ Парижа съ больной женой и маленькимъ ребенкомъ. Д. проѣхалъ въ Цюрихъ, а оттуда въ Мюнхенъ. Въ Мюнхенѣ онъ занимался у проф. Петтенкофера и Фойта. У перваго онъ изучалъ методы изслѣдованія воздуха, воды, почвы и пищевыхъ продуктовъ. Эта подготовка къ будущей дѣятельности производилась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: стѣснялъ недостатокъ средствъ и неудобства жизни въ чужомъ городѣ. Д. день проводилъ въ лабораторіи, а по ночамъ, за неимѣніемъ прислуги, несмотря на протесты жены, пеленалъ ребенка, топилъ печку. Въ январѣ 1871 г. Д. пріѣхалъ въ Петербургъ; по дорогѣ онъ успѣлъ осмотрѣть въ Лейпцигѣ и Берлинѣ все, касавшееся избранной имъ спеціальности. Въ Петербургѣ въ 1871 г., по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій на званіе приватъ-доцента, онъ получилъ это званіе, и ему было поручено чтеніе гигіены съ сентября 1871 года, а съ весны того же года подъ его руководствомъ начали заниматься пять врачей; для этихъ работъ Д. уступилъ на лѣто свою лабораторію проф. Забѣлинъ. Съ 1872 года Д. устроилъ свою маленькую лабораторію. По возвращеніи изъ-за границы оффиціальное положеніе Д. опредѣлилось такимъ образомъ: въ 1871 г. онъ былъ прикомандированъ къ клиническому военному госпиталю; вслѣдствіе малаго содержанія Д. былъ вынужденъ принять на себя завѣдываніе изданіемъ естественно-историческаго отдѣла систематическаго каталога библіотеки Императорской медико-хирургической Академіи, предпринятымъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, Н. И. Козловымъ. Въ 1872 г. Д., по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій, обычныхъ въ то время для полученія званія адъюнктъ-профессора Академіи, назначенъ былъ сначала сверхштатнымъ адъюнктъ-профессоромъ (до утвержденія положеннаго ему штатомъ содержанія). Въ 1872—73 г. Д. былъ командированъ, вмѣстѣ съ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, Н. И. Козловымъ, на ревизію въ округа: Виленскій, Варшавскій, Кіевскій, Одесскій, Московскій и часть Кавказскаго. Эта поѣздка дала Д. возможность ознакомиться съ госпиталями, казармами и лагерными стоянками. Около того же времени начинается участіе Д. въ дѣлахъ общественнаго здравоохраненія; особенно дѣятельное участіе онъ принялъ въ вопросѣ объ ассенизаціи города Петербурга. Въ 1875 г. Д. былъ командированъ за границу; онъ посѣтилъ Данцигъ, Берлинъ, Мюнхенъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Лондонъ и Амстердамъ, причемъ обратилъ главное вниманіе на канализаціонныя сооруженія. Въ 1874 г. подъ редакціей Д. началъ выходить гигіенической журналъ «Здоровье». Въ этомъ журналѣ, несмотря на всѣ происходившія въ немъ перемѣны, Д. принималъ участіе до 1884 г. Въ 1874 г. Д. сдѣлался преподавателемъ на женскихъ медицинскихъ курсахъ и въ этой должности пробылъ отъ основанія до закрытія ихъ. Въ 1875 г. принялъ участіе въ подготовительныхъ трудахъ по участію Россіи въ Брюссельской гигіенической выставкѣ. Въ 1876 г. по идеѣ Д. была систематизирована коллекція приборовъ, служащихъ для популяризаціи основныхъ гигіеническихъ знаній, которая и была представлена на гигіеническую выставку въ Брюссель и послужила основаніемъ для гигіеническаго отдѣла при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Коллекція эта была взята за образецъ для устройства такихъ же коллекцій во Франціи и Англіи. Въ февралѣ 1876 г. Д. получилъ званіе ординарнаго профессора; въ сентябрѣ того же года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность ученаго секретаря въ Высочайше учрежденной коммиссіи по управленію медико-хирургической Академіей; въ октябрѣ онъ былъ утвержденъ ученымъ секретаремъ конференціи и въ этой должности пробылъ три трехлѣтія. Въ 1877 г., во время русско-турецкой войны, Общество Краснаго Креста командировало Д. на Кавказъ въ дѣйствующую армію. Здѣсь онъ пробылъ два мѣсяца, занимаясь санитарнымъ состояніемъ Александрополя, куда свозились всѣ раненые, съѣздилъ также въ Ардаганъ для осмотра турецкихъ могилъ, представлявшихъ опасность зараженія разлагающи-

мися трупами. Въ 1879 г., по случаю вспыхнувшей въ Ветлянкѣ, Астраханской губерніи, чумы Д. былъ командированъ членомъ совѣщательной коммиссіи при временномъ генералъ-губернаторѣ южныхъ поволжскихъ губерній. Въ сентябрѣ 1879 г. Д. получилъ назначеніе инспекторомъ вновь учреждаемаго тогда главнаго тюремнаго управленія по санитарной и медицинской части. Въ 1882 г. ѣздилъ за границу для знакомства съ санитарными и медико-полицейскими учрежденіями Западной Европы. Онъ посѣтилъ Мюнхенъ, Берлинъ, Парижъ и Вѣну. Одну изъ главныхъ цѣлей этой поѣздки составляло знакомство съ оздоровленіемъ городовъ вообще, а въ частности съ канализаціей и орошеніемъ полей канальной водой. Въ 1883 г. Д. опять за границей: онъ посѣтилъ Берлинскую гигіеническую выставку. Въ 1884 г. Д. былъ избранъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Въ 1886 г. онъ принималъ участіе въ первомъ съѣздѣ врачей казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ былъ избранъ вице-предсѣдателемъ съѣзда. Въ 1889 г. на земскомъ собраніи С.-Петербургскаго уѣзднаго земства Д. былъ избранъ почетнымъ членомъ санитарной коммиссіи. Съ 1871 г. онъ работалъ въ разныхъ коммиссіяхъ по оздоровленію Петербурга. Ему пришлось работать по вопросу объ устройствѣ городскихъ кладбищъ, по принятію временныхъ мѣръ для оздоровленія Петербурга по случаю появленія на югѣ чумы и эпидеміи сыпного тифа въ Петербургѣ, а также по вопросу о снабженіи жителей Петербурга здоровымъ молокомъ; въ 1886 г. по случаю возникшаго вопроса о надзорѣ за пищевыми припасами и преслѣдованіи фальсификацій Д. ѣздилъ заграницу, чтобы воспользоваться въ этомъ отношеніи опытомъ Западной Европы. Съ 1878 г. Д. состоялъ предсѣдателемъ 3-й секціи общества охраненія народнаго здравія и несъ эти обязанности до самой смерти. Въ 1887 г. былъ посланъ отъ военно-медицинскаго ученаго комитета на Вѣнскій международный гигіеническій конгрессъ. Въ 1888 г. командированъ на лѣтнее время въ Херсонскую губернію для занятія съ врачами Харьковскаго и Одесскаго округовъ военно-санитарными изслѣдованіями и для примѣненія санитарныхъ мѣропріятій на большихъ маневрахъ, имѣвшихъ быть въ Высочайшемъ присутствіи. Въ 1889 г., по болѣзни одного изъ сыновей, Д. ѣздилъ на кумысъ въ г. Уфу. Неудовлетворительная постановка кумысолеченія заставила его ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ, но смерть не дала Д. разработать его, такъ же какъ и матеріалъ, собранный для изданія методики гигіены. Скончался Д. въ Петербургѣ 18 ноября 1889 г.

Общественная дѣятельность Д. выразилась въ популяризаціи гигіеническихъ свѣдѣній и въ примѣненіи ихъ къ возникавшимъ въ обществѣ вопросамъ. Для идейнаго воздѣйствія на общество Д. создалъ печатный органъ — журналъ «Здоровье», первый въ Россіи научно-популярный гигіеническій журналъ, въ которомъ онъ желалъ проводить и популяризировать научныя основанія здравоохраненія, причемъ основой успѣха популяризаціи признавалъ только научный фактъ. Наряду съ популяризаціей Д. предполагалъ дать въ журналѣ и чисто-научныя изслѣдованія по гигіенѣ; такимъ образомъ журналъ могъ быть полезенъ не только для массы всего образованнаго класса, но и для врачей, для этихъ столь естественныхъ руководителей гигіенической пропаганды въ обществѣ. Эта программа выполнялась со времени выхода журнала въ октябрѣ 1874 г. до 1880 г., пока Д. могъ придавать журналу направленіе, какое ему хотѣлось. Къ участію въ журналѣ были привлечены въ сотрудники всѣ выдающіеся санитарные дѣятели того времени, а также множество земскихъ врачей. Въ виду этого журналъ могъ давать довольно полныя свѣдѣнія о состояніи нашей земской медицины, статистику болѣзненности и смертности въ разныхъ концахъ Россіи. Въ журналѣ разбирались также и бытовые медицинскіе вопросы, какъ-то: земская медицина и ея организація, земство и врачи, земское и городское самоуправленіе и вліяніе ихъ на медицину. Въ немъ помѣщались статьи научнаго характера—изслѣдованіе воды, воздуха, пищевыхъ припасовъ, вентиляціи, дезинфекціи и отопленія. Всѣ вопросы дня тотчасъ находили себѣ оцѣнку и трактовались въ «Здоровьѣ». Въ 1880 г. «Здоровье» переходитъ къ новому издателю; на Д. остается отъ изданія журнала болѣе 3000 р. долгу,—эти деньги онъ уплатилъ изъ получаемаго имъ

содержанія. При какихъ условіяхъ работалъ Д., можно понять изъ его словъ: «Журналъ не давалъ мнѣ ничего, кромѣ безполезныхъ хлопотъ, литературной неоплачиваемой работы и нравственныхъ мученій, вызываемыхъ постояннымъ отсутствіемъ средствъ». Съ 1880 по 1884 г. Д. состоялъ еще въ числѣ редакторовъ журнала, но такъ какъ издатель ставилъ на первомъ планѣ коммерческую сторону дѣла, то журналъ потерялъ прежнее значеніе. Кромѣ журнала средствомъ пропаганды идей Д. служила его дѣятельность въ русскомъ обществѣ охраненія народнаго здравія. Это общество начало свои дѣйствія въ январѣ 1878 г. Д. былъ избранъ предсѣдателемъ 3-й секціи—общественнаго здравоохраненія. Цѣлью, которой онъ руководился при дѣятельности въ этомъ обществѣ, было: 1) сочетать научныя работы, производимыя въ гигіенической лабораторіи при военно-медицинской академіи, съ популяризаціей этихъ работъ въ видѣ докладовъ и преній въ 3-й секціи русск. общ. охран. народн. здрав.; 2) вызывать починъ въ русскомъ обществѣ по санитарнымъ вопросамъ, до тѣхъ поръ не привлекавшимъ вниманія ни ученыхъ, ни общественныхъ дѣятелей. Во время предсѣдательствованія Д. 3-я секція была самой дѣятельной изъ всѣхъ секцій общества. Помимо этихъ трудовъ будучи назначенъ въ сентябрѣ 1879 года инспекторомъ главнаго тюремнаго управленія по санитарной и медицинской части Д. старался примѣнить гигіену въ тюремномъ дѣлѣ. Дѣйствительно, дѣятельность его по тюремному управленію представляетъ не только чиновничій трудъ, но и дѣятельность научную. Каждое порученное ему дѣло составляетъ отдѣльный, вполнѣ разработанный трудъ, для котораго онъ считалъ своей обязанностью перечитать все, что было издано по этому предмету въ иностранной и русской литературѣ, и только на основаніи строго изученныхъ новѣйшихъ данныхъ онъ дѣлалъ свои выводы. По вопросу о питаніи арестантовъ Д. составилъ трудъ «О нормальныхъ пищевыхъ раскладкахъ тюремнаго вѣдомства», гдѣ доказывается, что въ основу питанія арестантовъ должны быть положены данныя науки и приводятся разсчеты необходимой пищи. Второй крупной заслугой Д. было улучшеніе перевозки арестантовъ по Волгѣ и Камѣ. Третье дѣло—установленіе медицинской тюремной статистики, такъ какъ Д. былъ твердо убѣжденъ, что статистика есть правая рука общественнаго здравоохраненія. Бросая общій взглядъ на личность и дѣятельность Д., мы должны признать въ немъ самый симпатичный типъ ученаго, соединявшаго работу на пользу отвлеченной науки съ постояннымъ служеніемъ интересамъ общества и отзывчивостью на все живое, съ широкимъ починомъ, умѣньемъ руководить какъ отдѣльными лицами, такъ и группами работниковъ въ пользу какой-нибудь идеи и рѣдкимъ безкорыстіемъ.

Н. Теренинъ.

Доброхотовъ, *Василій Ивановичъ*, историкъ и археологъ, редакторъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», сынъ протоіерея Владимірскаго Успенскаго каѳедральнаго собора, родился въ 1816 году, образованіе получилъ во Владимірской духовной семинаріи, по окончаніи курса наукъ въ которой поступилъ на гражданскую службу въ губернское правленіе. Посвятивъ послѣдніе годы своей жизни изученію родной старины, съ 1848 г. Доброхотовъ принималъ дѣятельное участіе въ неоффиціальной части «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Въ 1850 г. онъ опредѣленъ былъ, изъ переводчиковъ губернскаго правленія, начальникомъ газетнаго стола и редакторомъ губернскихъ вѣдомостей и исполнялъ эту должность до 28 апрѣля 1853 г., будучи достойнымъ преемникомъ своего предшественника, Я. Е. Протопопова. Во «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» Доброхотовъ помѣстилъ около шестидесяти статей историческаго, археологическаго и этнографическаго характера, кромѣ мелкихъ извѣстій о разныхъ явленіяхъ современной жизни мѣстнаго края. Въ 1849 г. онъ издалъ изслѣдованіе: «Памятники древности во Владимірѣ Кляземскомъ. Соборы: каѳедральный Успенскій и бывшій придворнымъ в. к. Всеволода» (М. 1849. 200 стр.), за поднесеніе котораго великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ получилъ въ подарокъ драгоцѣнный перстень. Въ 1852 г. имъ было издано другое сочиненіе съ рисунками: «Древній Боголюбовъ городъ и

монастырь съ его окрестностями» (М. 1852 г., 170 стр.), и за поднесеніе этого сочиненія Доброхотовъ получилъ также отъ великаго князя Николая Николаевича золотые часы. Въ 1854 г. Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ, отдавая должную справедливость занятіямъ Доброхотова по изученію русской исторіи и древностей россійскихъ, признало его своимъ Соревнователемъ. Послѣднее время жизни Доброхотовъ, находясь въ отставкѣ, занимался изученіемъ и описаніемъ древностей Владимірской губерніи и умеръ послѣ продолжительной болѣзни на 41-мъ году отъ роду 4 апрѣля 1857 года.

А. Ч.

Некрологи его: К. Тихонравова — Владим. Губ. Вѣд. 1857 г., № 14; Мѣсяцесловъ на 1858 г., стр. 259.—«Замѣчательные дѣятели во Владим. Губ. Вѣд., съ начала ихъ существованія»,— Влад. Губ. Вѣд. 1874 г., №№ 44, 46, 47, 48.— Библіографическія Записки, 1858 г., т. I., стр. 378. — Геннади, Словарь о русск. пис. и уч., стр. 313. — Обзоръ Филарета, ч. II, стр. 199.— Брокгаузъ и Ефронъ, Энц. Слов., т. X. стр. 830.

Доброхотовъ, *Петръ Егоровичъ*, одинъ изъ лучшихъ русскихъ граверовъ на крѣпкихъ камняхъ, родился въ Тулѣ въ 1786-мъ году, умеръ въ Петербургѣ 15 апрѣля 1881-го года. По своему рожденію Доброхотовъ былъ приписанъ къ Тульскому оружейному заводу, но еще въ юности самоучкой занялся гравированіемъ и оказалъ въ немъ такіе успѣхи, что въ іюлѣ 1811-го года, по Высочайшему повелѣнію, былъ исключенъ изъ сословія тульскихъ оружейниковъ для опредѣленія въ С.-Петербургскую Академію художествъ. Когда, по прибытіи Доброхотова въ Петербургъ, Академія освидѣтельствовала его познанія и способности, Совѣтъ Академіи положилъ: «По довольнымъ успѣхамъ Петра Доброхотова въ механизмѣ гравированія, для большаго усовершенствованія его въ рисовальномъ и лѣпномъ художествѣ, начать ему ходить въ рисовальные классы, дабы потомъ перейти въ лѣпной и наконецъ въ натурный классъ». Въ 1813-мъ году Доброхотовъ получилъ отъ Академіи малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, а въ 1815-мъ году былъ избранъ «назначеннымъ въ академики» за вырѣзанные на крѣпкихъ камняхъ портретъ императора Александра I и камей: «Отдыхающій на своихъ трофеяхъ Геркулесъ» (пріобрѣтены императрицей Маріей Ѳеодоровной). Въ томъ же 1815-мъ году Доброхотовъ былъ опредѣленъ въ медальерный классъ преподавателемъ гравированія на крѣпкихъ камняхъ на мѣсто умершаго академика Есакова. Въ 1819-мъ году Доброхотову, по его просьбѣ, Академія выдала аттестатъ на званіе художника 1-й степени. Въ 1820-мъ году онъ былъ удостоенъ званія академика за исполненную программу: вырѣзать на крѣпкомъ камнѣ внутрь (intaglio) «Меркурія, дающаго золотое яблоко Парису». Въ 1831-мъ году Доброхотовъ принялся за выполненіе программы, заданной ему для полученія профессорской степени: вырѣзать на сердоликѣ портреты императора Николая I и его супруги «въ родѣ извѣстнаго камея, изображающаго Птоломея съ супругою», но въ началѣ этого же года скоропостижно скончался, въ бѣдности, на 45-мъ году жизни. Къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній Доброхотова принадлежатъ: портреты императоровъ Александра I и Николая I на халцедонѣ и сердоликѣ, «Геркулесъ со славой» (вырѣзанъ на сердоликѣ) и «Меркурій вручаетъ золотое яблоко Парису». Общее число вырѣзанныхъ и вылѣпленныхъ Доброхотовымъ произведеній простирается свыше 300.

Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Имп. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—Энц. слов. Крайя.

Вл. Грековъ.

Добрыня *Долгій*, бояринъ ростовскій, сторонникъ новгородскаго князя Мстислава Ростиславича въ борьбѣ его съ великимъ княземъ Всеволодомъ III за великокняжескій столъ. Въ 1176 году возмущалъ противъ Всеволода ростовцевъ, недовольныхъ униженіемъ родного города и возвышеніемъ Владиміра, и 27 іюня этого года палъ у Юрьева въ неудачной для ростовцевъ битвѣ съ великимъ княземъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 161—162, IV, 14, V, 166, VII, 93, IX, 3. Соловьевъ (изд. т—ва „Общ. Польза") I, 522, 606.

Е. Лихачъ.

Добрыня Малковичъ, бояринъ кіевскій, воевода великаго князя Святослава I и св. Владиміра, сынъ жителя го-

рода Любича, Малка, братъ матери Владиміра, ключницы великой княгини Ольги, Малуши. Еще въ княженіе Святослава I игралъ въ Кіевѣ видную роль, какъ братъ любимой наложницы великаго князя. Когда въ 970 году новгородцы явились въ Кіевъ просить себѣ у Святослава особаго князя и великій князь затруднялся, кого имъ дать, такъ какъ два старшіе его сына не желали идти въ Новгородъ, новгородцы, по совѣту Добрыни, стали просить для себя малолѣтняго Владиміра Святославича. Великій князь согласился на это, но далъ малолѣтнему князю наставникомъ и руководителемъ Добрыню, на мудрость и благоразуміе котораго онъ вполнѣ полагался. Добрыня отправился съ Владиміромъ въ Новгородъ и съ этого времени пріобрѣлъ большое вліяніе на молодого князя, которое и сохранялъ въ продолженіе всей своей жизни; собственно говоря, именемъ племянника Добрыня совершенно самостоятельно управлялъ Новгородомъ. Когда умеръ великій князь Святославъ и его сынъ Ярополкъ, захвативъ великое княженіе, началъ стремиться къ объединенію всей русской земли подъ своею властью и отнимать удѣлы у другихъ братьевъ, Добрынѣ вмѣстѣ съ племянникомъ пришлось въ 977 году бѣжать за море, къ варягамъ, гдѣ Владиміръ нашелъ поддержку противъ старшаго брата и черезъ два года, вернувшись съ варяжскимъ войскомъ въ Новгородъ, послалъ Добрыню во главѣ посольства въ Полоцкъ, просить руки Рогнѣды, дочери полоцкаго князя Рогволода, желая склонить его на свою сторону противъ Ярополка. Но Рогнѣда была уже въ то время невѣстой Ярополка и отказала Владиміру, сказавъ, что не желаетъ выходить замужъ за «робинича». Такой отвѣтъ, конечно, крайне оскорбилъ Добрыню, набрасывая тѣнь на происхожденіе его и его сестры, и онъ настоялъ на томъ, чтобы Владиміръ вмѣстѣ съ варяжскимъ войскомъ двинулся на Полоцкъ, взялъ его, насильно женился на Рогнѣдѣ и приказалъ убить Рогволода. Послѣ этого Добрыня сопровождалъ Владиміра въ его походѣ на старшаго брата, не мало помогалъ ему своими совѣтами и боевой опытностью и, когда Владиміръ, наконецъ, захватилъ великое княженіе, получилъ отъ него въ управленіе Новгородъ, гдѣ управлялъ до своей смерти почти совершенно самостоятельно, не прекращая однако сношеній съ своимъ мудрымъ племянникомъ и часто являясь его дѣятельнымъ совѣтникомъ и помощникомъ. Такъ, сейчасъ же послѣ того, какъ Владиміръ побѣдилъ Ярополка и, провозглашая торжество язычества, ставилъ въ Кіевѣ идолы во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, то же дѣлалъ и Добрыня въ Новгородѣ. Въ 985 году Добрыня съ новгородцами участвовалъ въ побѣдоносномъ походѣ Владиміра на волжскихъ болгаръ. Лѣтопись, восхваляя мудрость Добрыни, говоритъ, что, когда, послѣ побѣды Владиміра надъ болгарами, Добрыня осмотрѣлъ взятыхъ въ плѣнъ болгаръ и замѣтилъ, что всѣ они въ сапогахъ, онъ предложилъ князю лучше заключить съ ними миръ и оставить ихъ въ покоѣ, такъ какъ такой богатый народъ, по мнѣнію Добрыни, не будетъ платить дани. „Пойдемъ лучше искать лапотниковъ“, сказалъ онъ Владиміру, и князь послушался Добрыни и заключилъ съ болгарами миръ. Въ 988 году, когда Владиміръ принялъ крещеніе, Добрыня, повидимому, былъ въ Кіевѣ, крестился вмѣстѣ съ княземъ и даже ходилъ съ епископами насаждать христіанство въ Ростовѣ, Новгородѣ и во всей сѣверной Руси. По нѣкоторымъ преданіямъ, а также по словамъ Іоакимовской лѣтописи, которыя, впрочемъ, опровергаются въ послѣднее время нѣкоторыми учеными, Добрыня насаждалъ въ Новгородѣ христіанство путемъ насильственнымъ. Лѣтопись говоритъ, что онъ явился туда вмѣстѣ съ кіевскимъ воеводой Путятой и ростовскимъ войскомъ. Граждане, подстрекаемые жрецами, рѣшились оказать энергичное сопротивленіе такому насильственному введенію христіанства и, вооружившись, встрѣтили Добрыню съ твердымъ намѣреніемъ отстоять свою религію. Путята тогда вступилъ съ ними въ битву, а Добрыня поджегъ ихъ дома и имущество. Граждане должны были смириться и христіанство было водворено. Отсюда, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, и произошла извѣстная поговорка: „Путята крести мечемъ, а Добрыня—огнемъ“. Послѣ этого Добрыня уже спокойно управлялъ Новгородомъ до самой своей смерти въ 1007 году.

Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 29, 34, 36, 62, 131, II, 246, 250, 263, IV, 175, V, 2, 108, 112, 114, 132, VII, 28, 289, 294, 296, 326, IX, 39,

40, 64.—Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза"), I, 145, 154—155, 157, 159, 170—172, 176, 262.—Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), I, 108, 123, 125, 141, 142, II, 7.—Татищевъ, I. 38—40.—Записки Имп. Академіи Наукъ, т. V, стр. 19—22, 32.—Костомаровъ: „Сѣверно-русскія народоправства (Спб. 1886.), I, 33, 35—39, 322.—Григоровичъ: „Опытъ о посадникахъ новгородскихъ" (Москва, 1821), 59—63, 297.—Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей", т. II, стр. 227—228.

Е. Лихачъ.

Добрыня Рагуйловичъ, воевода новгородскаго князя Мстислава Владиміровича и посадникъ новгородскій. Въ 1096 году, во время борьбы Мстислава съ Олегомъ Святославичемъ, былъ посланъ княземъ противъ Олега, захватилъ людей, посланныхъ Олегомъ для взиманія дани, и разбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ нынѣшней Тверской губерніи). Послѣ этой побѣды Добрыня соединился съ Мстиславомъ и остальной походъ совершалъ подъ его начальствомъ, а послѣ этого похода оставался въ Новгородѣ посадникомъ до самой своей смерти въ 1117 году.

Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 108, VII, 11, IX, 128.—Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), II, 68.—Соловьевъ (изд. т-ва „Общ., Польза") I, 324, 373.—Григоровичъ: „Опытъ о новгородскихъ посадникахъ"(Москва,1821), стр.70—71, 299--301.

Е. Лихачъ.

Добрынинъ, *Гавріилъ Ивановичъ*, авторъ замѣчательныхъ записокъ, имѣющихъ для исторіи быта нашего духовенства такое-же значеніе, какое записки Болотова имѣютъ для исторіи русскаго дворянства. Родился въ 1752 году въ селѣ Радогожѣ, Сѣвскаго уѣзда (нынѣ Орловской губерніи). Отецъ Д., бывшій священникомъ, вскорѣ умеръ, и мальчику пришлось перекочевывать отъ одного дѣда къ другому, изъ Радогожскаго монастыря въ Сѣвскій. Мимоходомъ, такъ сказать, онъ выучился грамотѣ у своего дѣда и письму въ конторѣ графа Чернышева. Въ 1765 году былъ взятъ къ Сѣвскому архіерею, Тихону Якубовскому, и зачисленъ въ пѣвчіе. При архіереѣ Кириллѣ Флоринскомъ, смѣнившемъ Тихона, Д. перешелъ въ келейники къ этому іерарху. Въ 1777 г. Д., оставивъ службу по духовному вѣдомству, поступилъ канцеляристомъ въ бывшее Могилевское намѣстничество. Вся служба Д. прошла въ Бѣлоруссіи въ эпоху возвращенія этого края Россіи и устроенія его. Медленно повышаясь въ чинахъ, Д. въ 1824 г. былъ произведенъ въ губернскіе секретари. Умеръ Д. въ іюлѣ 1824 г. Ни личность, ни служебная дѣятельность Д. не остановили бы на себѣ ничьего вниманія, если бы онъ не оставилъ послѣ себя «Истиннаго повѣствованія о жизни Гавріила Добрынина, имъ самимъ написаннаго въ Могилевѣ и Витебскѣ». Эти записки печатались сначала въ «Русской Старинѣ», а потомъ вышли отдѣльной книжкой и выдержали два изданія въ 1871—1872 гг. Записки состоятъ изъ трехъ частей: первая, самая большая по объему, излагаетъ жизнь Д. до вступленія его въ свѣтскую жизнь, а 2-я и 3-я—гражданскую его дѣятельность. Эти части содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей объ управленіи Бѣлоруссіи, о генералъ-губернаторствѣ, о чиновничьемъ бытѣ, о нашествіи французовъ, но не эти части записокъ Д. привлекли особенное вниманіе, такъ какъ записки о чиновничьей жизни не были новостью въ исторической литературѣ,—совершенной новинкой оказалась первая часть. «Повѣствованія» Д. даютъ удивительно богатый матеріалъ для характеристики быта высшаго и низшаго духовенства въ XVIII в. и являются важнѣйшимъ источникомъ по этой части церковной исторіи. Д. по складу своего ума былъ большой практикъ и остроумный человѣкъ. Поэтому его записки пересыпаны тонкими и остроумными характеристиками тогдашнихъ архіереевъ. Въ особенности удалось Д. изображеніе личности «архіерея-принца» Кирилла Флоринскаго. Литературныя достоинства записокъ Д., поразительныя для ихъ автора-самоучки, обезпечили имъ успѣхъ среди самой большой публики.

Біогр. свѣдѣнія въ „Истинномъ Повѣствованіи". Отзывы о немъ, расходящіеся, см. напр. въ„Православн. Собесѣдникѣ". 1875 г. кн. 11—12, стр. 361 и въ „Дѣлѣ", 1871, № 12, № 94—102; 1873, № 12, 301—334. *Щ.*

Добрынскій, *Ѳеодоръ Константиновичъ*, воевода великаго князя Василія Васильевича Темнаго, въ 1429 году ходилъ вмѣстѣ съ дядями великаго князя, Андреемъ и Константиномъ Димитріевичами, въ погоню за татарами, сдѣлавшими набѣгъ на русскія области. Недовольный медленностью похода, Добрынскій, вмѣстѣ

съ другимъ воеводой, княземъ Стародубскимъ Пестрымъ, тайно отдѣлился отъ главнаго войска, догналъ задніе отряды татаръ, разбилъ ихъ и отбилъ плѣнныхъ и награбленное имущество. «Тѣмъ воеводамъ при животѣ честь, а по смерти вѣчная память», добавляетъ лѣтопись, восхваляя подвигъ Добрынскаго и его товарища.

П. С. Р. Л. V, 263, VI, 143.—Никон. V, 96. Карамзинъ (изд. Эйнерлинга), V, 148.

Добрышинъ, *Николай Филипповичъ,* генералъ-лейтенантъ, изъ дворянъ Тульской губерніи, родился 29 мая 1813 г., умеръ 24 ноября 1882 г. Воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ прапорщикомъ 29 іюня 1830 года въ конно-артиллерійскую № 6 роту, въ которой служилъ до штабъ-офицерскихъ чиновъ. Въ 1849 г. онъ участвовалъ въ Венгерской кампаніи и за отличіе въ дѣлахъ 3, 5, 6 іюня подъ Вайценомъ и 13 іюня подъ Мишкольцемъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ и св. Анны 2 ст. съ мечами. Въ декабрѣ 1851 г. Добрышинъ былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ командиромъ конно-артиллерійской № 21 батареи Сибирскаго линейнаго казачьяго войска, съ зачисленіемъ по полевой конной артиллеріи, а 11 декабря 1853 г. назначенъ командиромъ конно-артиллерійской легкой № 1 батареи, съ которою во время войны 1854—1855 гг. находился въ составѣ войскъ Балтійскаго корпуса, и 25 марта 1859 г. былъ произведенъ въ полковники. Во время польскаго мятежа 1863 г. находился со своей частью въ Витебской губерніи въ составѣ войскъ Виленскаго округа, а въ 1864 г. назначенъ командиромъ 1 резервной конно-артиллерійской бригады и въ 1868 г. 30 августа произведенъ въ генералъ-маіоры. 4 ноября 1876 г. Д. былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 10-го, впослѣдствіи 7-го, армейскаго корпуса, съ которымъ во время Турецкой войны 1877—1878 гг. находился въ Крыму, охраняя побережья Чернаго моря, и за отличія, оказанныя во время военныхъ дѣйствій, произведенъ 16 апрѣля 1878 г. въ генералъ-лейтенанты, а 10 марта 1880 г. назначенъ начальникомъ артиллеріи Одесскаго военнаго округа и совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета главнаго артиллерійскаго управленія.

Русскій Инвалидъ, 1882 г. № 269. Формуляръ изъ общ. архива Главнаго Штаба.

Б. Т.

Добряковъ, *Николай Михайловичъ,* докторъ медицины, писатель по медицинскимъ вопросамъ, сынъ дьякона Вологодской губерніи, родился въ 1830 г.; среднее образованіе получилъ въ духовной семинаріи, медицинское—въ Петербургской медико-хирургической Академіи, которую окончилъ въ 1854 г.; по окончаніи Академіи поступилъ въ 1 конно-артиллерійскую бригаду, но скоро перешелъ въ Вологодскій пѣхотный полкъ; въ 1860 г. перешелъ въ Подольскій пѣхотный полкъ; въ 1861 г. назначенъ старшимъ врачемъ резервнаго баталіона Либавскаго пѣхотнаго полка; въ 1863 г.— въ 4 резервный баталіонъ Охотскаго пѣхотнаго полка; 16 февраля 1864 г. получилъ въ Московскомъ университетѣ степень доктора медицины и въ томъ же году поступилъ въ Зарайскій пѣхотный полкъ; въ 1864 г. назначенъ секретаремъ Московскаго окружнаго военно-медицинскаго управленія; въ 1865 г.—тамъ же помощникомъ инспектора; въ 1872 г.—Харьковскимъ военно-окружнымъ медицинскимъ инспекторомъ; въ 1876 г.—Московскимъ военно-окружнымъ медицинскимъ инспекторомъ; въ этомъ званіи онъ скончался въ Москвѣ 16 апрѣля 1892 г., дослужившись до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Какъ общественному дѣятелю, Москва обязана ему основаніемъ безплатной лечебницы военныхъ врачей. Научно-литературные труды его слѣдующіе: 1) О бѣшенствѣ собакъ. Московск. Медиц. Газета, 1683 г.; 2) О сахарномъ мочеизнуреніи. Дисс. на степень докт. мед. Москва, 1864 г. 8°; 3) Значеніе военно-окружной системы въ отношеніи медицинской части въ арміи. Военно-Медицинскій Журналъ. 1865 г.

Змѣевъ: Русскіе врачи-писатели.—Врачъ, 1892 г., стр. 444. *Н. Т.*

Довмонтъ, въ крещеніи Тимоѳей, св. князь Псковскій, скончался 20 мая 1299 года. Довмонтъ происходилъ изъ рода князей Литовскихъ и въ 1263 г. былъ Нальщанскимъ княземъ въ Литвѣ. Въ это время умерла жена великаго князя Литовскаго,

Миндовга, на родной сестрѣ которой женатъ былъ Д. Миндовгъ послалъ женѣ Д. приглашеніе пріѣхать отдать умершей послѣдній долгъ, но когда она пріѣхала, то сказалъ ей: «сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобы другою женою не огорчить дѣтей» и женился на ней, несмотря на ея сопротивленіе. Д. не имѣлъ силы отнять у Миндовга жену и затаилъ свое мщеніе, и, когда Миндовгъ отправилъ свое войско противъ Брянскаго князя Романа, Д. находился въ немъ въ числѣ другихъ литовскихъ князей, заранѣе уговорившись съ Тренятей, племянникомъ Миндовга, княземъ Жмудскимъ, покуситься на жизнь Миндовга. На походѣ къ Брянску Д. оставилъ войско, ссылаясь на то, что волхвы предсказываютъ ему дурное, возвратился въ Литву и, соединившись съ Тренятей, внезапно напалъ на Миндовга и убилъ его вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. По предварительному уговору съ Д., Тренята сталъ великимъ княземъ Литовскимъ, но вскорѣ убитъ былъ приверженцами Миндовга, мстившими за смерть Миндовга. Великимъ княземъ Литовскимъ сдѣлался единственный оставшійся въ живыхъ сынъ Миндовга, Воншелгъ, и началъ казнить всѣхъ враговъ своего рода. Тогда Д. съ дружиной и родомъ своимъ бѣжалъ въ 1266 году во Псковъ и принялъ тамъ крещеніе съ именемъ Тимоѳея. Псковичи въ это время вели борьбу съ меченосцами, которые, захвативъ прибалтійское побережье, стремились присоединить и Псковъ къ своимъ владѣніямъ; нуждаясь въ опытномъ и искусномъ вождѣ, они избрали Д. своимъ княземъ и не ошиблись въ выборѣ. Уже чрезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія Д., взявши съ собою «три девяноста» дружины, повоевалъ Литву, захватилъ въ полонъ родную тетку свою, жену князя Гердена, и, отославъ ее съ двумя девяностами во Псковъ, съ оставшимся у него однимъ девяносто разбилъ, при переправѣ чрезъ Двину, посланную за нимъ погоню, состоявшую изъ 700 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1267 г. Д. съ новгородцами и псковичами также ходилъ на Литву. Но особую славу, какъ защитникъ Пскова и русской земли, Д. пріобрѣлъ борьбою съ нѣмцами и датчанами, утвердившимися въ то время на южномъ берегу Финскаго залива. Въ 1268 г. новгородцы собрали большое войско подъ предводительствомъ князя своего, Димитрія Александровича, сына Невскаго, получили помощь отъ великаго князя Ярослава и, вмѣстѣ съ Д., начали готовиться къ походу противъ датчанъ. Узнавъ объ этомъ походѣ, нѣмцы отправили пословъ въ Новгородъ, обѣщая не помогать датчанамъ, и затѣмъ присягнули въ этомъ предъ новгородскими послами, пріѣхавшими въ Ригу. Но когда русское ополченіе приблизилось къ Раковору (Везенбергу), то оно неожиданно увидѣло предъ собою многочисленные нѣмецкіе полки, стоявшіе «какъ лѣсъ дремучій», потому что нѣмцы обманули новгородцевъ своей присягой, надѣясь ложной клятвой ослабить ихъ приготовленія къ походу. Русскіе однако не испугались и вступили въ бой. Лѣтопись говоритъ, что побоище было страшное, какого не видали ни отцы, ни дѣды; въ особенности жестока была битва въ центрѣ, гдѣ стояли новгородцы съ псковичами въ лицо «желѣзному полку противъ великой свиньи». Русскіе сломили нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ до самого Раковора; нѣмцевъ пало такое множество, что русская конница не могла пробраться по ихъ трупамъ. Простоявъ три дня «на костяхъ», новгородцы двинулись обратно, но Д. съ псковичами рѣшилъ воспользоваться побѣдой и опустошилъ Ливонію до самого моря, набравъ великій полонъ. Собравъ остатокъ силъ, нѣмцы съ 800 человѣкъ пришли было на границу разграбить пановскія села, но Д. съ 60 дружинниками настигъ ихъ и разбилъ. Въ слѣдующемъ 1269 г. магистръ ливонскій явился ко Пскову съ «тяжкой силой» и 10 дней осаждалъ его, но Д. самъ ранилъ магистра въ битвѣ и принудилъ его оставить осаду. Когда нѣмцы уже отступали, къ Д. на помощь явились новгородцы. Д. погнался за непріятелемъ, который и вынужденъ былъ заключить миръ на всей новгородской волѣ. Тогда же и датчане запросили мира: «кланяемся на всей вашей волѣ, говорили они, Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте». На этомъ условіи и заключенъ былъ съ ними договоръ. Походъ Раковарскій сблизилъ Д. съ княземъ Димитріемъ Александровичемъ, который и выдалъ за него дочь свою Марію; это возбудило противъ Д. враждовавшаго съ Димитріемъ великаго князя Ярослава, который и пробовалъ, хотя неудачно, посадить вмѣсто Д.

княземъ во Псковѣ какого-то Айгуста, вѣроятно тоже литовца. Когда, послѣ смерти Ярослава, великимъ княземъ сдѣлался Димитрій, Д. помогалъ тестю въ борьбѣ его съ младшимъ его братомъ, кн. Андреемъ Александровичемъ, и новгородцами. Въ 1282 г. Д. внезапно захватилъ Ладогу, вывезъ оттуда казну Димитрія въ Копорье, но, осажденный тамъ новгородцами, долженъ былъ возвратиться во Псковъ. Слѣдующее затѣмъ время Д., любимый псковичами, мирно княжилъ во Псковѣ, воинскими подвигами своими давъ ему продолжительный миръ; этимъ временемъ Д. воспользовался для того, чтобы обезопасить Псковъ отъ нечаянныхъ нападеній, и оградилъ его новой каменной стѣною, которая до XVI вѣка носила названіе Довмонтовой. Лишь въ 1299 г. ливонскіе рыцари, внезапно вторгнувшись во псковское княжество, опустошили его и даже осадили самый Псковъ, но и на этотъ разъ были разбиты и прогнаны. Ни одного князя псковичи ни любили такъ сильно, какъ Д. Ограждая Псковъ извнѣ, Д. въ мирное время показывалъ справедливость и милость въ судѣ, проявлялъ любовь и попечительность къ бѣднымъ, а также истинное благочестіе. Д. умеръ 20 мая 1299 г. и былъ погребенъ въ Псковскомъ Троицкомъ соборѣ, гдѣ донынѣ хранятся его мечъ и одежда. Церковь причислила его къ лику святыхъ.

Арцыбашевъ: Повѣствованіе о Россіи, т. II.— Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. III. — Костомаровъ: „Сѣверо-русскія народоправства“. — Игнатій арх.: „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“, ч. I.

III.

Довре, *Ѳеодоръ Филипповичъ,* генералъ-отъ-инфантеріи (1766 — 1828 гг.). Французъ по происхожденію, Ѳеодоръ Филипповичъ Довре родился въ Дрезденѣ въ 1766 году и, кончивъ курсъ въ тамошней инженерной академіи, поступилъ въ польскую службу, а въ 1785 г., благодаря генералъ-квартирмейстеру, П. К. Сухтелену, перешелъ на русскую службу инженеръ-капитаномъ. Въ 1801 году былъ, въ чинѣ полковника, въ Свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, т. е. на должности офицера генеральнаго штаба.

Въ первыя пятнадцать лѣтъ пребыванія Довре въ Россіи онъ исполнялъ многочисленныя и самыя разнообразныя порученія. Такъ Ѳеодоръ Филипповичъ былъ преподавателемъ фортификаціи во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, завѣдывалъ чертежною инженернаго вѣдомства, составлялъ проекты крѣпостей, былъ командированъ съ посольствомъ Головкина въ Китай для составленія плановъ и картъ, въ качествѣ квартирмейстерскаго офицера участвовалъ съ отличіемъ въ кампаніи 1807 года, занимался исправленіемъ столистовой карты и завѣдывалъ разными другими работами.

Въ 1810 году было предпринято въ большихъ размѣрахъ военное обозрѣніе нашей западной границы, причемъ всею работою завѣдывалъ полковникъ Довре, подъ руководствомъ котораго дѣйствовало пять партій офицеровъ квартирмейстерской части. Въ сентябрѣ 1811 года Ѳеодоръ Филипповичъ представилъ результатъ этой работы: военную карту западно-пограничнаго пространства, на 55 листахъ, съ приложеніемъ 37 отдѣльныхъ плановъ позицій и описаніемъ всей осмотрѣнной мѣстности. Въ награду за этотъ огромный и отвѣтственный трудъ Довре былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Репутація генерала Довре, какъ отличнаго офицера генеральнаго штаба, была уже къ этому времени такъ прочно установлена, что въ войну 1812 года онъ былъ сдѣланъ начальникомъ штаба въ корпусѣ графа Витгенштейна, у котораго пользовался весьма значительнымъ вліяніемъ. Въ іюлѣ 1812 года, за болѣзнью Витгенштейна, корпусомъ командовалъ Довре и 30-го числа блистательно отличился въ бою при Свольнѣ, гдѣ наши войска одержали весьма значительный успѣхъ надъ корпусомъ маршала Удино, принужденнаго отступить за Дриссу. Это дѣло доставило Ѳеодору Филипповичу орденъ св. Георгія 4 ст. Дальнѣйшія отличія Довре въ теченіе той же кампаніи доставили ему орденъ св. Анны 1 ст., алмазные знаки къ этому ордену, орденъ св. Владиміра 2 ст., а также 5000 рублей ассигнаціями одновременно и пожизненную пенсію въ размѣрѣ годового оклада жалованья по чину генералъ-маіора (1800 руб. ассигнаціями). Графъ Витгенштейнъ очень цѣнилъ заслуги Довре и вотъ въ какихъ выраженіяхъ характеризуетъ его заслуги, въ своемъ донесеніи Государю, въ періодъ

со времени изгнанія Наполеона изъ Россіи и до заключенія перемирія въ кампанію 1813 года (когда Ѳеодоръ Филипповичъ былъ начальникомъ штаба у главнокомандующаго, графа Витгенштейна): «Начальникъ главнаго штаба, Довре, послѣ сраженій, бывшихъ подъ Чашниками и Смолянами, съ наивозможною ревностію прилагалъ свои старанія для доставленія лучшаго успѣха въ исполненіи сдѣланныхъ мною распоряженій касательно движеній войскъ и данныхъ подъ Борисовымъ и Студянкою сраженій; равно и во время преслѣдованія непріятеля до самого Кенигсберга и крѣпости Данцига, по окончаніи коего командированъ онъ мною былъ для блокады крѣпости Пиллау, причемъ, употребя искусство и знаніе свое, склонилъ коменданта крѣпости къ сдачѣ оной, безъ малѣйшей потери съ нашей стороны. Его попеченіемъ построены тетъ-де-поны на рѣкахъ Одерѣ и Эльбѣ; по его диспозиціи и подъ его начальствомъ произведена была осада крѣпости Шпандау, которая впослѣдствіи и сдалась. Послѣ сего содѣйствовалъ онъ мнѣ въ дальнѣйшихъ операціяхъ. Въ сраженіи подъ Люценомъ, пока я былъ на лѣвомъ флангѣ, онъ безпрестанно находился въ центрѣ, откуда, въ моемъ отсутствіи, дѣлалъ распоряженія и содѣйствовалъ успѣху сей части войскъ нашихъ. При отступленіи отъ Люцена къ Бауцену, особенно на первомъ маршѣ изъ Пегау къ Фрибургу, онъ распоряжался, пока я находился въ Альтенбургѣ, и принималъ надлежащія мѣры къ безопасности артиллеріи, а послѣ того назначалъ мѣста для аріергарда, чѣмъ способствовалъ успѣху ретирады. Онъ показалъ новые опыты своей опытности при выборѣ и приготовленіи бауценскаго поля сраженія и 8 мая былъ посланъ мною на правый флангъ, къ генералу Блюхеру, дабы надзирать за атакою, которая была ведена по сію сторону. При возвращеніи его съ сего пункта, когда непріятель сильно наступалъ на нашъ лѣвый флангъ, онъ былъ близъ деревни Надельвицъ, коею тогда овладѣли французы и при коей нашихъ войскъ не находилось. Взявъ шесть орудій, Тенгинскій полкъ и нѣсколько эскадроновъ драгунъ, онъ удержалъ сильное стремленіе непріятелей, которые хотѣли пробить центръ и обойти нашъ лѣвый флангъ. Впослѣдствіи сдалъ онъ начальство надъ этой частію войскъ генералъ-лейтенанту Ермолову и поѣхалъ въ другія мѣста, гдѣ его присутствіе было нужно. 9-го числа находился онъ при мнѣ, а во время отступленія отъ Бауцена къ Швейдницу, дѣлалъ необходимыя распоряженія для порядка и безопасности и давалъ направленія аріергардамъ. Онъ настоятельно просилъ меня не оставлять Стригау и Яцерикъ, несмотря на повелѣніе, полученное мною, и симъ самымъ крѣпость Швейдницъ осталась занятою союзными войсками».

Эта лестная оцѣнка заслугъ Довре, сдѣланная самимъ главнокомандующимъ, характеризуетъ взглядъ, установившійся въ высшихъ военныхъ сферахъ на Ѳеодора Филипповича, который за отличія, оказанныя въ теченіе кампаніи 1813 года, произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты со старшинствомъ со дня Люценскаго сраженія.

Вскорѣ графу Витгенштейну пришлось сложить съ себя званіе главнокомандующаго, сохранивъ за собою командованіе только двумя корпусами. Ѳеодоръ Филипповичъ остался въ должности начальника штаба графа и продолжалъ въ ней служить во все время кампаніи 1814 года, какъ при Витгенштейнѣ, такъ и при его преемникѣ по командованію, генералѣ Раевскомъ, заступившемъ мѣсто раненаго графа. За это время генералъ-лейтенантъ Довре удостоился получить золотую шпагу, украшенную алмазами, съ надписью «за храбрость» (знакъ отличія за сраженіе при Лейпцигѣ), орденъ св. Александра Невскаго и нѣсколько иностранныхъ орденовъ.

По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ въ 1819 г. Д. былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса и въ 1826 г. произведенъ въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Литовскимъ корпусомъ Ѳеодоръ Филипповичъ командовалъ по 1827 годъ.

Н. П. Глиноецкій: «Исторія русскаго генеральнаго штаба».—Богдановичъ и Михайловскій-Данилевскій—въ исторіяхъ Наполеоновскихъ войнъ.—Бантышъ-Каменскій: „Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ“. (Витгенштейнъ).

Россійскій.

Дозе, *Ѳедоръ Ивановичъ*, авторъ «Дневника», родился въ Вологдѣ въ 1831 г., умеръ въ 1879 г. По окончаніи курса въ

Вологодской гимназіи и С.-Петербургскомъ университетѣ Д. назначенъ былъ преподавателемъ русскаго языка сначала въ Петрозаводскую, а потомъ въ одну изъ С.-Петербургскихъ мужскихъ гимназій. Въ 1862 г. Д. былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость по обвиненію въ антиправительственной пропагандѣ, но въ слѣдующемъ году онъ былъ освобожденъ и отправленъ на жительство въ Кострому, гдѣ до смерти своей занималъ мѣсто завѣдующаго губернской типографіей и редактора «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

«Дневникъ Дозе» («Историческій Вѣстникъ», 1884, X, 73—102). *Ш.*

Дойенъ, *Габріэль - Франсуа* (Gabriel-François le Doyen), знаменитый историческій живописецъ, родился въ 1726 году въ Парижѣ, умеръ 5 іюня 1806 года въ Петербургѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Дойенъ обнаруживалъ необыкновенныя способности къ живописи, и, когда ему еще не было двѣнадцати лѣтъ, отецъ отдалъ его въ ученики къ Шарлю Вакло, съ которымъ впослѣдствіи въ теченіе многихъ лѣтъ его связывала самая тѣсная дружба. Успѣхи Дойена въ живописи были чрезвычайно быстры, и въ 1746 году, когда ему было всего двадцать лѣтъ, онъ уже получилъ такъ называемую римскую премію. Въ слѣдующемъ 1747 г. онъ отправился въ Италію, чтобы изученіемъ произведеній великихъ мастеровъ еще болѣе усовершенствовать свой художественный талантъ. Въ Римѣ произведенія Микель-Анджело, Аннибалла Караччи, Петра ди-Кортоны, Юлія Романа и Полидора Караваччіа были главнымъ предметомъ его изученія и восторговъ. Со многихъ произведеній великихъ художниковъ онъ дѣлалъ рисунки и копіи. Изъ Рима Дойенъ отправился въ Неаполь, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ работы Солимана. Затѣмъ онъ посѣтилъ Венецію, Болонью, Парму и Піаченцу, пробылъ нѣкоторое время въ Туринѣ и въ 1755-мъ году возвратился въ Парижъ. Въ это время ему было уже 29 лѣтъ, и его смѣлый и страстный талантъ вполнѣ окрѣпъ, благодаря изученію прекрасныхъ образцовъ и богатству сдѣланныхъ наблюденій. Однако онъ долго не встрѣчалъ достойной оцѣнки своего таланта у тогдашняго французскаго общества. Онъ заперся въ своей мастерской и всецѣло отдался своему искусству, ничѣмъ не нарушая своего уединенія. Два года онъ посвятилъ задумыванію и выполненію картины: «Смерть Виргиніи», для которой сдѣлалъ огромное количество эскизовъ. Будучи выставлена въ Салонѣ, эта картина доставила Дойену громкую извѣстность. За другую картину: «Геба, наливающая вино Юпитеру и Юнонѣ», онъ въ 1759 году былъ принятъ въ число членовъ Академіи живописи. Когда въ 1765 году умеръ Вакло, Дойену было поручено украшеніе живописью капеллы св. Григорія въ домѣ инвалидовъ. Эта работа, весьма обширная и представлявшая немало затрудненій вслѣдствіе влажности стѣнъ, едва не стоила ему жизни: однажды, будучи совершенно одинъ, онъ упалъ съ подмостковъ, на которыхъ работалъ, и только черезъ значительный промежутокъ времени замѣтили несчастіе и нашли Дойена едва живымъ; выздоровѣвъ, онъ снова принялся за недоконченныя украшенія капеллы, которыя являются одною изъ лучшихъ его работъ. Въ 1767 году въ Салонѣ появилась картина Дойена: «Miracle des ardents» (св. Геневеда прекращаетъ молитвою свирѣпствующую въ Парижѣ чуму), которая считается лучшимъ его произведеніемъ и которая окончательно упрочила его славу великаго историческаго живописца; эта картина была написана имъ для часовни св. Роха въ Парижѣ, гдѣ и находится въ настоящее время. Стремясь сблизиться съ натурою и сообщить рисунку большую жизненность, Дойенъ посѣщалъ больницы и тамъ изучалъ черты и выраженія лицъ больныхъ и умирающихъ. Нерѣдко онъ въ одно мгновеніе уничтожалъ работу нѣсколькихъ дней, если былъ ею недоволенъ, и опять брался за нее съ новой энергіей. Въ «Miracle des ardents»—этой большой и богатой композиціи—мы находимъ характерныя головы, глубоко продуманныя и прекрасно сгруппированныя фигуры; выраженія страданія необыкновенно жизненны; краски поражаютъ силою и смѣлостью. Впрочемъ, несмотря на всѣ свои блестящія достоинства, эта картина при своемъ появленіи встрѣтила неодобрительные отзывы нѣкоторыхъ критиковъ. Въ томъ же 1767 году Дойенъ получилъ профессорское званіе. Революціонныя смуты во Франціи побудили Дойена при-

нять приглашеніе императрицы Екатерины II, которая уже давно приглашала его въ Петербургъ. Въ августѣ 1790 года Совѣтомъ Академіи Художествъ было сдѣлано слѣдующее представленіе ея президенту, Ив. Ив. Бецкому: «Классъ живописи исторической въ сей Академіи, по случаю смерти адъюнктъ-ректора Козлова и адъюнктъ-профессора Соколова, остался нынѣ безъ профессора, почему ученики сего класса остаются безъ всякаго ученія, а какъ Академіи извѣстно было, что въ Парижѣ находится знаменитый сего художества профессоръ, г-нъ Дойенъ, который произведеніями своими славится во всей Европѣ, то и было сдѣлано стороною ему внушеніе, не согласится ли онъ заступить при здѣшней Императорской Академіи Художествъ мѣсто перваго оной живописца съ преподаваніемъ класса исторической живописи, на самомъ томъ же содержаніи, какое имѣлъ покойной г. Козловъ. Въ слѣдствіе сего нынѣ получено отъ него извѣстіе, что онъ соглашается заступить сіе мѣсто. Совѣтъ Императорской Академіи, предвидя великую пользу, какая отъ столь славнаго художника можетъ воспослѣдовать для Академіи, имѣетъ честь представить вашему высокопревосходительству мнѣніе свое, чтобы отписать къ пребывающему при французскомъ дворѣ Россійскому Императорскому министру съ просьбою о заключеніи съ нимъ договора на три года...» По просьбѣ Академіи русскій полномочный министръ въ Парижѣ, И. М. Симолинъ, заключилъ съ Дойеномъ контрактъ на три года, и въ 1791 году Дойенъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Ему была отведена квартира въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій и назначено жалованье по 1200 руб. въ годъ. Вообще Екатерина II, а послѣ ея смерти Павелъ I выказывали благоволеніе къ Дойену и осыпали его милостями (разсказъ объ этомъ мы находимъ, между прочимъ, у г-жи Виже Лебренъ). Когда въ 1794 году истекъ срокъ трехгодичнаго контракта Дойена, императрица Екатерина II сдѣлала распоряженіе, чтобы назначенное Дойену по контракту жалованье выдавалось не Академіей, а изъ ея Кабинета, и чтобы работы свои Дойенъ производилъ въ Эрмитажѣ. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался независимымъ отъ Академіи; чтобы имѣть возможность пользоваться иногда совѣтами Дойена, Академія избрала его своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ. Съ 1798 года Дойенъ былъ профессоромъ Академіи. Въ 1798 году, «находя необходимую надобность въ искусномъ человѣкѣ, который бы управлялъ классами живописи» и не получая точнаго отвѣта отъ выписаннаго для Академіи Менажо, Академія, по предложенію своего президента, графа Шуазеля-Гуфье, поручила эту должность Дойену, «съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ смотрѣніе о всемъ томъ, что до его художества касаться будетъ, руководствуя совѣтами своими не токмо обучающихся живописи въ Академіи учениковъ, но имѣя надзираніе и надъ тѣми, кои пишутъ съ картинъ въ Эрмитажѣ...» Въ этой должности Дойенъ состоялъ до 1801 года и имѣлъ вліяніе на образованіе многихъ русскихъ живописцевъ; ему, напримѣръ, приписываютъ большое вліяніе на Кипренскаго, Варнека и Тропинина (со словъ Тропинина). За время своего пребыванія въ Россіи Дойенъ, по порученію Екатерины II и Павла I, исполнилъ большое количество работъ, главнымъ образомъ декоративнаго характера. Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ не переставалъ работать, пока, наконецъ, болѣзни совершенно не лишили его силъ: онъ умеръ, не докончивъ начатаго имъ за четыре года до смерти плафона, послѣ шестнадцатилѣтняго пребыванія въ Россіи. Дойену, между прочимъ, принадлежатъ: два плафона въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца, ставшіе жертвою огня въ 1837 году, плафонъ въ зданіи «Стараго Эрмитажа» («Добродѣтели представляютъ русское юношество Минервѣ») и плафонъ въ опочивальнѣ императора Павла I. Кромѣ вышеупомянутыхъ, къ лучшимъ произведеніямъ Дойена принадлежатъ картины: «Смерть Людовика Святого», написанная для Ecole militaire, выставленная въ Салонѣ въ 1773 году и находящаяся въ церкви св. Евстафія въ Парижѣ, и «Тріумфъ Амфитриты надъ водами», исполненная по заказу французскаго короля и находящаяся въ Луврскомъ музеѣ.

Biographie universelle ancienne et moderne. Paris. 1855.—Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. Академіи Художествъ.—Larousse: Grand dictionnaire universel du XIX siècle.—Nagler: Neues allgemeines Künstler-Lexikon.—Ровинскій: По-

дробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.—Wielka encyklopedya powszechna illustrowana.—L. Dussieux: Les artistes français à l'étranger recherchés sur leurs travaux et sur leur influence en Europe.—Энцикл. слов. Брокгауза.

Вл. Грековъ.

Докудовскій, *Василій Абрамовичъ*, генералъ-маіоръ, авторъ весьма любопытныхъ «Воспоминаній» и «Дневника». Родился въ 1798 году; умеръ 24 августа 1874 года, въ Варшавѣ. По окончаніи курса трехъ классовъ Рязанской гимназіи Д. былъ записанъ въ 1813 г. въ Дворянскій полкъ. Черезъ два года его произвели въ офицеры и назначили въ резервный баталіонъ 27-го егерскаго полка, съ которымъ онъ и побывалъ за границей, совершивъ «безкровную кампанію и утомительный походъ». Въ 1828—1829 гг. участвовалъ въ Турецкомъ походѣ и отличился при взятіи Силистріи, за что и получилъ чинъ подполковника. Во время усмиренія Польши въ 1831 г. находился при взятіи Замосця, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ «для особыхъ порученій» къ князю Горчакову (собственно для занятій въ его канцеляріи). Съ 1840 г. до 1855 г. Докудовскій исправлялъ обязанности члена полевого аудиторіата; въ 1855 г. вышелъ въ отставку и вновь поступилъ на службу въ 1859 г., назначенный «инспекторомъ по военной части и набору рекрутъ въ ЦарствѣПольскомъ»;впослѣдствіи состоялъ при штабѣ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ.

«Мои воспоминанія» Докудовскаго, напечатанныя въ «Трудахъ» Рязанской архивной комиссіи за 1897—98 гг., начаты имъ въ 1836 г. и до 1870 г. ведены «по памяти»; съ этого же времени содержаніемъ для нихъ служилъ веденный имъ «Дневникъ» вплоть до 1873 г., также изданный въ «Трудахъ» Рязанской архивной комиссіи. «Воспоминанія» написаны живымъ и мѣстами ѣдкимъ языкомъ и содержатъ много любопытныхъ подробностей: объ арестѣ декабристовъ — А. Муравьева, Повало-Швыйковскаго и Тизенгаузена, о бунтѣ стоявшаго въ Житомірѣ Черниговскаго полка, поднятаго С. Муравьевымъ-Апостоломъ, о бѣдствіяхъ нашихъ войскъ въ войну 1828—1829 гг., о безалаберномъ поведеніи польскихъ повстанцевъ въ 1830—31 гг., объ обычной суровости императора Николая I во время смотровъ, о покушеніи на него въ Познани въ 1843 г., сравнительно мало извѣстномъ, объ интригахъ, царившихъ среди главныхъ приверженцевъ и прислужниковъ фельдмаршала князя Паскевича, о злоупотребленіяхъ во время Крымской кампаніи, о смерти и погребеніи имп. Николая I, о польскомъ движеніи 1861—62 гг. и пр. Много интереса и значенія «Воспоминаніямъ» Докудовскаго придаютъ еще мѣткость характеристикъ, проницательность автора, его честность и самостоятельность, чуждая какихъ бы то ни было искательствъ. (Подробнѣе о «Воспоминаніяхъ» см. статью: «Археологія и исторія въ трудахъ губернскихъ архивныхъ комиссій» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1899 г., № 6). Съ 1863 года («Воспоминанія» обрываются на 1862 г.) ихъ замѣняетъ «Дневникъ», въ которомъ чрезвычайно много свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Польшѣ вообще и въ Варшавѣ въ частности, объ отношеніи къ «польскому вопросу» разныхъ органовъ передіодической прессы и представителей высшей администраціи и проч.

Кромѣ названныхъ трудовъ отъ ген.-маіора Докудовскаго остались еще и другія рукописи (напр. «Воспоминаніе о плѣнѣ у поляковъ въ 1831 г.», «Командировка изъ Варшавы въ Замосць въ 1849 г.» и др.), которыя находятся въ библіотекѣ Рязанской архивной комиссіи, имѣющей въ виду напечатать впослѣдствіи и ихъ.

В. Рудаковъ.

Долговъ (Долгой), *Егоръ Никитичъ*, граверъ на мѣди и печатникъ Академіи Художествъ, родился около 1800 года, умеръ въ 1847 году. Въ 1806 году Долговъ поступилъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ. Въ 1817 году онъ былъ опредѣленъ подмастерьемъ въ печатную палату, а въ 1824 году сдѣланъ печатнымъ мастеромъ. Въ томъ же 1824 году Долгову и печатнику Яковлеву было назначено 50% въ прибавку изъ денегъ, получаемыхъ за печатаніе гравюръ для постороннихъ лицъ. Въ 1828 году Долговъ получилъ разрѣшеніе поступить словорѣзомъ въ гравюрную мастерскую при Комиссіи для разсматриванія дѣлъ по строенію разныхъ зданій, смѣтъ и новыхъ проектовъ. Въ 1833 году Долговъ былъ награжденъ чиномъ, а въ 1834 году внесенъ въ дворянскую книгу. Долговъ гравировалъ рѣз-

цомъ и пунктиромъ; среди его работъ есть виды, картины религіознаго содержанія и т. д.

Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—Ровинскій: Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. (здѣсь, между прочимъ, перечислены гравировальныя работы Долгова).

В. Г.

Долгополовъ, *Ѳеодоръ Ивановичъ*, сенаторъ, род. въ 1792 г., умеръ въ 1856 г. По окончаніи курса въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ Д. поступилъ въ 1812 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, въ которомъ продолжалъ службу до 1824 г., когда онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника. 24 марта того же года Д. переименованъ былъ въ коллежскіе совѣтники съ назначеніемъ быть за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, а въ 1827 г. пожалованъ званіемъ камергера. Въ 1838 г. Д., послѣ непродолжительной службы въ государственномъ контролѣ, назначенъ былъ членомъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ, а въ 1840 г. ему повелѣно было быть членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ этомъ званіи Д. командированъ былъ для ревизіи судебныхъ мѣстъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерній и за успѣшное выполненіе этого порученія пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. Въ 1851 г. Д. назначенъ былъ присутствовать въ 4 департаментѣ правительствующаго сената.

Формулярный о службѣ списокъ.

Долгополовъ, *Остафій Трифоновъ*, ржевскій купецъ, одинъ изъ пособниковъ Пугачева. Когда въ 1773 г. во Ржевѣ распространился слухъ о появленіи самозванца, принявшаго имя императора Петра III, Д., дѣлавшій ранѣе поставки ко двору покойнаго императора, задумалъ воспользоваться этимъ, чтобы поправить разстроенное свое состояніе. Онъ поѣхалъ къ Пугачеву и объявилъ ему, что привезъ для него подарки отъ великаго князя Павла Петровича и супруги его, великой княгини Наталіи Алексѣевны. Появленіе Д. въ шайкахъ самозванца укрѣпило вѣру многихъ въ его царственное происхожденіе. Пугачева сопровождалъ Д. при взятіи имъ Казани и при разбитіи его полчищъ Михельсономъ. Вслѣдъ затѣмъ Д., видя погромъ самозванца, оставилъ его и отправился въ Петербургъ. Здѣсь въ концѣ іюля 1774 г. явился онъ къ кн. Г. Г. Орлову и, назвавшись яицкимъ казакомъ, представилъ составленное имъ заранѣе подложное письмо отъ главнаго пособника Пугачева, Перфильева, съ предложеніемъ выдать самозванца въ руки правительства. Орловъ тотчасъ же представилъ Д. императрицѣ. Удостоившись милостиваго пріема и получивъ денежную награду, Д., въ сопровожденіи капитана гвардіи Галахова, отправленъ былъ въ Саратовъ, чтобы оттуда, сговорившись съ Перфильевымъ, могъ онъ содѣйствовать поимкѣ самозванца; на расходы для подкупа чрезъ посредство Д. приверженцевъ Пугачева Галахову выдано было 12.000 руб. звонкою монетою. Но въ Саратовѣ, выманивъ у Галахова 3.000 руб., Д. бѣжалъ, боясь обнаруженія своего обмана. По усмиреніи Пугачевскаго бунта Д. былъ, согласно приговору, высѣченъ кнутомъ, на лицѣ его поставлены были знаки. Затѣмъ, по вырваніи ноздрей, Д. сосланъ былъ на каторгу въ Сибирь, гдѣ его содержали въ оковахъ.

Н. Ѳ. Дубровинъ: „Пугачевъ и его сообщники"—„Главные пособники Пугачева" (Русск. Стар., 1876, VII).—Записки П. С. Рунича (Русск. Стар., 1870, т. II).

Ш.

Долгорукіе, князья, то же, что *Долгоруковы*. См. ниже о родѣ князей Долгоруковыхъ.

Долгорукій, князь, *Иванъ Андреевичъ*, сынъ удѣльнаго князя Андрея Константиновича Оболенскаго, княжившаго въ г. Оболенскѣ (нынѣ безъуѣздный городъ Калужской губерніи), и праправнукъ св. Михаила Черниговскаго, былъ родоначальникомъ рода князей Долгоруковыхъ. Исторически точныхъ свѣдѣній о годахъ его рожденія и смерти, какъ и о его княженіи, не сохранилось; достовѣрно только, что жилъ онъ въ серединѣ XV столѣтія и владѣлъ небольшимъ удѣломъ на рѣкѣ Протвѣ, но княжескаго стола въ Оболенскѣ не добился. Преданія изображаютъ его княземъ суровымъ и крайне мстительнымъ, прозваннымъ «Долгорукимъ» за умѣнье такъ или иначе достигать своихъ враговъ, гдѣ бы они ни скрывались. Подробнѣе см. ниже, о родѣ князей Долгоруковыхъ.

Долгоруковы, князья. Родъ князей Долгоруковыхъ происходитъ по прямой линіи отъ князя св. Михаила Черниговскаго, а слѣдовательно и отъ Рюрика. Св. Михаилъ Черниговскій, замученный въ 1246 г. татарами въ ордѣ и мощи котораго почиваютъ теперь въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ, имѣлъ пять сыновей, въ томъ числѣ князя Семена, родоначальника князей Одоевскихъ и Воротынскихъ, князя Мстислава, отъ котораго ведутъ свой родъ князья Масальскіе, Звенигородскіе, Елецкіе и Горчаковы, и князя Юрія, княжившаго въ Тарусѣ. Кн. Юрій Тарусскій имѣлъ двухъ сыновей: кн. Всеволода, родоначальника князей Барятинскихъ и Мезецкихъ, и кн. Константина. У кн. Константина Юрьевича былъ только одинъ сынъ, кн. Иванъ, а у того былъ сынъ Константинъ, получившій въ удѣлъ городъ Оболенскъ на р. Протвѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи. У кн. Константина Ивановича Оболенскаго было три сына, изъ коихъ младшій, кн. Андрей Константиновичъ, былъ отцомъ родоначальника князей Долгоруковыхъ, князя Ивана Андреевича, по прозванію «Долгорукаго». Прозвище это писалось «Долгорукой» и имѣло чисто личный характеръ, вслѣдствіе чего не могло распространяться на потомство иначе, какъ въ родительномъ падежѣ. Въ старѣйшихъ грамотахъ всюду потомки князя Ивана называются *Долгоруковыми* (потомками). Такое начертаніе и является единственнымъ правильнымъ, хотя впослѣдствіи многіе представители этого рода подписывались «Долгорукой», иногда даже «Долгорукій». Второй сынъ кн. Андрея, кн. Василій, по прозванію Щербатый, былъ родоначальникомъ князей Щербатовыхъ, начертаніе фамиліи которыхъ имѣетъ совершенно такое же основаніе, какъ и Долгоруковыхъ, и можетъ служить примѣромъ, такъ какъ не искажалось. Третій братъ, кн. Александръ Андреевичъ, былъ родоначальникомъ князей Тростенскихъ, получившихъ это прозвище по своему удѣлу.

Князь Иванъ Андреевичъ Долгорукой имѣлъ сына, князя Владиміра, и отъ него семь внуковъ, которыхъ называли Долгоруковыми. Изъ нихъ трое не оставили по себѣ мужского потомства; остальные четверо: 1) кн. Семенъ, 2) кн. Ѳедоръ, 3) кн. Тимоѳей и 4) кн. Михаилъ Птица, были родоначальниками четырехъ вѣтвей рода князей Долгоруковыхъ.

Старшая вѣтвь рода получила въ Москвѣ значеніе при князѣ Иванѣ Андреевичѣ Шибанѣ, прославившемся своими военными подвигами. Въ числѣ его потомковъ были: Даніилъ Ѳеодоровичъ и Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, оба достигшіе званія окольничихъ; знаменитый любимецъ Петра Великаго, кн. Яковъ Ѳеодоровичъ, и его братъ, кн. Григорій, посланникъ въ Варшавѣ; князья Василій Лукичъ, Иванъ Григорьевичъ, Иванъ Алексѣевичъ и Сергѣй Григорьевичъ, казненные въ 1739 году въ Новгородѣ, и княжна Екатерина Алексѣевна, невѣста императора Петра II. Эта вѣтвь теперь имѣетъ очень многихъ представителей, не считающихся между собою даже въ родствѣ, на столько поколѣній отдѣльныя вѣтви удалились уже отъ основныхъ.

Вторая вѣтвь не имѣла особенно прославившихся въ исторіи представителей, но тоже не угасла до настоящаго времени, хотя представителей ея немного.

Третья вѣтвь, отъ кн. Тимоѳея Владиміровича, самая славная. Въ числѣ ея представителей можно назвать слѣдующихъ: окольничаго кн. Тимоѳея Ивановича и его брата, кн. Григорія Чорта; боярина кн. Владиміра Тимоѳеевича и его дочь, супругу царя Михаила Ѳедоровича; князей Юрія Алексѣевича и его сына, Михаила Юрьевича, бояръ, много служившихъ своему отечеству и на ратномъ полѣ, и по управленію страной и павшихъ подъ ножами стрѣльцовъ въ 1682 году; кн. Василія Владиміровича, генералъ-фельдмаршала; кн. Василія Михайловича Крымскаго, завоевателя Тавриды; кн. Петра Петровича, любимца Александра I, и многихъ другихъ князей, отмѣченныхъ въ исторіи. Эта вѣтвь сохранилась до нашихъ дней; ея представителей довольно много, хотя меньше, чѣмъ первой.

Четвертая вѣтвь, отъ кн. Михаила Птицы, пресѣклась еще въ половинѣ XVII столѣтія и имѣла лишь очень немногихъ представителей. Но въ ихъ числѣ былъ кн. Григорій Роща, безсмертный защитникъ Троице-Сергіевской лавры во время нашествія поляковъ, и славой этого представителя озаренъ весь родъ.

Свѣдѣнія о представителяхъ рода кн.

Долгоруковыхъ можно почерпнуть въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Кн. П. Долгоруковъ: Россійская родословн. книга. Его же: Сказаніе о родѣ кн. Долгоруковыхъ. Кн. Вс. Долгорукой: Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Кн. И. М. Долгоруковъ: Автобіографія («Москвитянинъ», 1844 г. № 11). Его же: Капище моего сердца. Родословная рукопись, въ Моск. Арх. ин. дѣлъ, отд. рук. № 1. Записки кн. Нат. Вор. Долгоруковой. Записки князя Юрія Влад. Долгорукова. Бантышъ-Каменскій: Слов. дост. люд. Письма леди Рондо въ перев. Шубинскаго. Игнатьевъ: Изъ жизни кн. Е. А. Долгоруковой (Моск. Вѣд. 1862, № 246). Письма Дашковой къ Екатеринѣ II. Р. Арх. 1864 г. Княжна Е. А. Долгорукова въ ссылкѣ (Тоб. губ. вѣд. 1871 г. №№ 3 и 4). Д. Мордовцевъ: Русск. ист. женщины. С. Максимовъ: Сибирь и каторга. Н. Покровскій: Кн. Н. Б. Долгорукова (Дѣло и отд. № 11). Н. Новоселовъ: Кн. Н. Б. Долгорукова (Вил. вѣстн. 1870 г. №№ 31, 32, 33, 34 и 35). Истор. описаніе Борисовской Тихвинской дѣв. пустыни (Чт. въ Общ. И. и Др. 1872, № 2). Вейдемейеръ: Обз. главн. происш. въ Россіи, съ кончины Петра Великаго. Mémoires du prince Pierre Dolgorouikow. The life and times of. H. B. Dolgorokoow, by l. Heard. Фурманъ: Кн. Н. Б. Долгорукова. В. Острогорскій: То же въ Дѣтск. Чт. 1870 г. № 3. Письма въ Испанію о Россіи дука де Лирія, пер. Кустодіева. Хмыровъ: Граф. Ек. Ив. Головкина. Любавскій: Русск. угол. процессы. Дипломат. поѣздка кн. В. А. Долгорукова въ Сербію (Нов. Вр. 1868 г. №№ 23, 24 и 25). М. А. Дмитріевъ: Кн. И. М. Долгоруковъ и его сочиненія (Влад. губ. вѣд. 1867 г. № 6). Фурманъ: Кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ. Погодинъ: Восп. о кн. Я. Ѳ. Долгоруковѣ. Хавскій: Кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ. Кн. В. М. Долгоруковъ-Крымскій: Надпись на завоеваніе крымскихъ городовъ. Поденная запись путешествія кн. В. М. Долгорукова въ Крымъ (Зап. Одесск. и. общества, т. VIII). Ушаковъ: Показанія кн. И. А. Долгорукова и т. д. (Чт. въ Общ. И. и Др. 1864 г., кн. I, отд V). Шубинскій: Кн. И. А. Долгорукій (Русск. Міръ, 1862 г., №№ 14—16). Сушковъ: Кн. Ник. А. Долгоруковъ (Чт. въ И. О. Ист. и Др. 1864 г., кн. I, отд. V). Геннади: Справ. словарь. Иконниковъ: Русск. общ. дѣятели XVI в. (Изв. Кіевск. Унив. 1866, №№ 1 и 2). Русскіе люди и т. д. Изд. Вольфа, т. I. Портретн. галл. русск. дѣятелей. Изд. Мюнстера. Судьба князей Долгоруковыхъ (Заря, 1870 г. №№ 6, 7, 8 и 9). Памятн. новой русск. ист. (т. I.). Дополненія къ «Памятникамъ», т. I и II. Наши госуд. и общ. дѣятели 1890 г. Geschichte des russischen hohen Adels. 1877. Др. Росс. Вивліоѳика. Müller: Samlung russisch. Geschichte. Карабановъ: Статсъ-дамы и т. д. (Русск. Ст. 1870 и 1871). Голицынъ: Словарь русск. писат. Митр. Евгеній: Слов. русск. свѣтск. писателей. Кн. Щербатовъ: О поврежд. нравовъ въ Россіи. Біограф. словарь проф. унив. Св. Владиміра. Абрамовъ: Могила кн. А. Г. Долгорукова и его жены въ Березовѣ (Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1866, № 2). П. П. Ламбинъ: Булавинскій бунтъ (Русск. Ст. 1870 годъ).—Великій князь Николай Михаиловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники Императора Александра I. Спб., 1903 г., 2-е изд.—Остальное въ обще-историческихъ источникахъ.

Долгорукова, княжна, *Анна Сергѣевна*, начальница Смольнаго монастыря, фрейлина при Екатеринѣ II, родная сестра князя В. С. Долгорукаго, русскаго посланника при Фридрихѣ Великомъ, родилась 28 марта 1719 г., а скончалась 13 марта 1778 г. Она получила прекрасное образованіе, причемъ отличалась недюжиннымъ умомъ и остроуміемъ, чѣмъ и пріобрѣла расположеніе Екатерины II и была пожалована въ камеръ-фрейлины. Указомъ 5-го мая 1764 г. Долгорукова была назначена начальницею Смольнаго монастыря, но съ перваго же года своего начальствованія обнаружила неспособность къ воспитанію дѣтей. Она была горда, кичилась богатствомъ и знатностью своего рода, любила, чтобы передъ нею все склонялось, была ханжлива, суевѣрна. Екатерина II, понявъ свою ошибку, осыпала милостями Долгорукову, чтобы склонить ее отказаться отъ должности, чего и добилась. Въ 1766 г. Долгорукова по своей просьбѣ была уволена отъ должности и уѣхала въ Москву, гдѣ и скончалась. Похоронена она въ Донскомъ монастырѣ.

Родословная книга Долгоруковыхъ. П. В. Долгорукова, ч. I. Спб. 1854 г. „Русская Старина“ 1872 г. Январь. 1870 г. т. III, № 4. 362. „Русскій Архивъ“ 1871 г. № 1 съ 1—52 стр.

Б. Т.

Долгорукова, княгиня, *Екатерина Александровна*, рожд. Бутурлина, была супругой кн. Юрія Владиміровича, генералъ-аншефа и военнаго губернатора въ Москвѣ. Она была дочерью фельдмаршала гр. Бутурлина; родилась въ 1750 г. Въ 1766 г. она участвовала въ извѣстномъ «каруселѣ», на которомъ получила второй призъ; тогда же между нею и кн. Юріемъ Долгоруковымъ возникло чувство, связавшее ихъ навсегда. Они не имѣли права вѣнчаться, такъ какъ состояли въ свойствѣ: братъ кн. Юрія, кн. Василій, былъ женатъ на родной сестрѣ Екатерины Александровны. Тѣмъ не менѣе они тайно повѣнчались, что повлекло за собою большія для нихъ непріятности. Когда въ 1782 г. братъ и невѣстка умерли, князь Юрій сталъ ходатайствовать о признаніи его брака дѣйствительнымъ, а рожденныхъ въ этомъ бракѣ дѣтей—законными; въ концѣ кон-

цовъ синодъ и Екатерина II уважили его просьбу; но его дѣтямъ было велѣно называться «Долгоруковыми» въ отличіе отъ всей родни, придерживавшейся тогда начертанія «Долгорукіе». Въ день коронованія императора Павла I княгиня Ек. Ал. была возведена въ званіе «дѣйствительной статсъ-дамы» (5 апр. 1797 г.) и кромѣ того ей были пожалованы знаки ордена св. Екатерины меньшаго креста. При дворѣ она никогда не имѣла большого значенія, но въ московскомъ обществѣ пользовалась большимъ почетомъ и вліяніемъ, которыя употребляла на благотворительныя дѣла. Она скончалась въ декабрѣ 1811 г.

Карабановъ: Статсъ-дамы и т. д. (Русск. Стар. 1871 г.). Ост. см. „Долгор. кн. родъ“, библіограф. *Ф.*

Долгорукова (Долгорукая), княжна, *Екатерина Алексѣевна*, невѣста Петра II, была дочерью кн. Алексѣя Григорьевича и княгини Прасковьи Юрьевны, рожд. Хилковой. Родилась въ 1712 г. въ с. Горенкахъ. Образованіе получила подъ вліяніемъ даровитаго дѣда своего, кн. Григорія, посла при польскомъ дворѣ; отличалась по тогдашнему времени рѣдкой въ русскихъ дѣвушкахъ свѣтскостью и была чрезвычайно хороша собою. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ она была сговорена за секретаря австрійскаго посольства графа Милезина, но вскорѣ отказала ему и сдѣлалась невѣстой однофамильца своего, кн. Юрія Юрьевича Долгорукова. Однако и этотъ бракъ не состоялся: когда Меньшиковы были сосланы въ Березовъ и Долгоруковы сдѣлались всесильны при дворѣ, они задумали устроить бракъ княжны Екатерины съ самимъ молодымъ императоромъ Петромъ II, а потому кн. Юрію тоже было отказано. Уговорить императора взялся братъ княжны, кн. Иванъ Алексѣевичъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ и привязанностью Петра II. Юный императоръ, при всей его безхарактерности, воспротивился-было, но согласился познакомиться съ княжной и для этого отправился въ сентябрѣ 1729 года въ с. Горенки подъ предлогомъ охоты. Красота княжны и дружное воздѣйствіе Долгоруковыхъ взяли свое: прогостивъ въ Горенкахъ нѣсколько недѣль, Петръ II лично сдѣлалъ брачное предложеніе княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и, заручившись ея согласіемъ, объявилъ ее своею невѣстой. 19 ноября государь и семья Долгоруковыхъ вернулись въ Москву. Собранъ былъ весь дворъ и Остерману было повелѣно торжественно провозгласить о предстоящемъ бракѣ; при этомъ княжну Екатерину велѣно было титуловать: «ея высочествомъ государыней невѣстой». 30 ноября состоялось обрученіе при самой пышной обстановкѣ; свадьба была назначена на 19 января 1730 г. Начались увеселенія и празднества, на которыхъ Долгоруковымъ оказывались почти царскія почести. Но 6 января молодой императоръ, уже чувствовавшій нѣкоторое недомоганіе, сильно простудился при водосвятіи на рѣкѣ и въ тотъ же день слегъ: оказалось, что была застужена уже начинавшаяся у него оспа и болѣзнь приняла крайне острый характеръ. Искусство врачей было безсильно; черезъ тринадцать дней, въ тотъ самый день, когда должна была состояться объявленная свадьба, Петръ II скончался.

Когда на престолъ взошла Анна Іоанновна и Долгоруковы были уличены въ намѣреніи умалить самодержавіе, княжна Екатерина Алексѣевна вмѣстѣ съ отцомъ, братьями и сестрами была сослана въ Березовъ, гдѣ была заточена отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи въ острогѣ. Въ 1739 году, когда состоялось вторичное разсмотрѣніе дѣла Долгоруковыхъ и четверо изъ нихъ подверглись казни, княжна Екатерина Алексѣевна была переведена въ Томскій Рождественскій монастырь, гдѣ ее заточили, но не постригли. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны повелѣно было всѣхъ Долгоруковыхъ, «гдѣ кто окажется», немедленно освободить и возвратить. Княжна Екатерина Алексѣевна была вытребована въ Петербургъ, взята ко двору, и государыня сама выдала ее замужъ за генералъ-лейтенанта графа Александра Романовича Брюса (1745 г.). Въ томъ же году она скончалась.

Бантышъ-Каменскій: Словарь достопамятныхъ людей земли русской.—Письма лэди Рондо въ переводѣ Шубинскаго.—Герцогъ де Лиріа: Письма въ Испанію о Россіи въ переводѣ Кустодіева.—Вейдемейеръ: Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра В.—Кн. Щербатовъ: О поврежденіи нравовъ въ Россіи.—Михневичъ: Историческіе очерки. Кромѣ того см. библіогр. къ ст. „Долгоруковыхъ князей родъ“. *Ф.*

Долгорукова, княгиня, *Екатерина Дмитріевна*, жена оберъ-шенка кн. Николая Васильевича, дочь генерала-отъ-кавалеріи кн. Дмитрія Владиміровича Голицына, родилась 22 ноября 1801 г. Пожалована въ статсъ-дамы въ 1861 г. Скончалась въ 1881 г.

См. общую библ. о кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгорукова, княгиня, *Екатерина Ѳедоровна*, супруга дѣйств. тайн. совѣтн. кн. Василія Васильевича, дочь оберъ-гофмаршала кн. Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго, род. въ 1769 г. Она вступила въ супружество въ 1786 г., получила орденъ Св. Екатерины въ 1816 г. и возведена въ званіе статсъ-дамы 22 авг. 1826 г., въ день коронованія Императора Николая I. Въ 1841 г. назначена кавалерственной дамой перваго класса. Ея дѣти были: оберъ-шталмейстеръ кн. Василій Васильевичъ, оберъ-шенкъ кн. Николай Васильевичъ и статсъ-дама княгиня Салтыкова. Она скончалась 30 октября 1849 г. въ Петербургѣ.

Записки графини В. Н. Головиной.—Записки Л. Н. Энгельгардта.—См. также общую библ. о кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгорукова, княжна, *Елисавета Михайловна*, въ замужествѣ Селецкая, дочь кн. Михаила Ивановича, женатаго на баронессѣ Строгановой, и внучка извѣстнаго любимца Петра II, кн. Ивана Алексѣевича, казненнаго въ Новгородѣ въ 1739 г. Родилась въ 1769 г. и была замужемъ за Василіемъ Лаврентьевичемъ Селецкимъ. Подобно брату своему, кн. Ивану Михайловичу, она писала стихи, изъ коихъ за полной ея подписью нѣкоторые были напечатаны въ «Иппокренѣ» 1799 года (ч. 4, стр. 128, 231 и 239). Обладала небольшимъ и плохо выработаннымъ, но несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. Годъ ея смерти невыясненъ.

Дамскій журналъ, 1831 г., ч. 35, № 37.—Голицынъ: Библ. слов. русскихъ писательницъ.—Ост. см. въ общей библіографіи о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгорукова, княгиня, *Ирина Петровна*, дочь сенатора кн. Петра Алексѣевича Голицына, супруга посланника въ Царьградѣ, кн. Сергѣя Петровича Долгорукова, род. въ 1700 году. Ея дѣти были: прославившійся посолъ при дворѣ Фридриха II кн. Владиміръ Сергѣевичъ и княжна Анна Сергѣевна, первая начальница Смольнаго института. Скончалась въ 1751 г. Часто упоминается въ запискахъ и воспоминаніяхъ дѣятелей XVIII столѣтія, какъ вліятельная и чрезвычайно энергичная женщина, умѣвшая поддержать свои связи даже во время общаго гоненія на князей Долгоруковыхъ.

См. общую библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгорукова, княгиня, *Наталья Борисовна*, была дочерью боярина и фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, женатаго на Нарышкиной; родилась 17 янв. 1714 г. Въ годъ смерти императора Петра II, незадолго до его помолвки съ княжною Долгоруковою, она была обручена съ всесильнымъ любимцемъ государя и братомъ государыни-невѣсты, княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ. Когда началось гоненіе на родъ ея жениха, она не согласилась отказаться отъ него, и ихъ свадьба состоялась въ апрѣлѣ 1730 г. въ подмосковномъ сельцѣ Долгоруковыхъ. Три дня спустя они были сосланы въ свои дальнія деревни и выѣхали въ путь. Вслѣдъ затѣмъ за ними былъ посланъ офицеръ съ конвоемъ, и всю семью кн. Алексѣя Григорьевича вмѣстѣ съ новобрачными повезли въ Березовъ. Тамъ ихъ помѣстили въ острогъ, очень тѣсный и плохо выстроенный изъ сплавного лѣса. Князю Ивану Алексѣевичу съ молодою женою, за недостаткомъ мѣста, отведено было помѣщеніе въ острожномъ амбарѣ, гдѣ по ночамъ вода замерзала и не было даже половъ. Въ этомъ амбарѣ избалованная и выросшая въ нѣгѣ, но сильная духомъ дочь фельдмаршала прожила одиннадцать лѣтъ. Изъ многихъ родившихся у нея въ Березовѣ дѣтей остались въ живыхъ только два сына: Михаилъ и Дмитрій; остальныя погибли отъ стужи и крайне плохого питанія. Въ 1739 г. кн. Ивана, по случаю возобновленія дѣла Долгоруковыхъ, увезли въ Новгородъ; тамъ онъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ четвертованіемъ (см. біогр. кн. Ив. Ал. Долг.); княгиня же Наталья Борисовна была оставлена въ Березовѣ. По восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны ее вмѣстѣ съ прочими Долгоруковыми возвратили, и въ Петербургѣ она помѣстилась у брата своего, гр. Пе-

тра Шереметева. Когда ея сыновья подросли настолько, что уже не нуждались въ попеченіяхъ матери, кн. Наталья Борисовна удалилась въ Кіевъ и постриглась въ Фроловской обители подъ именемъ Нектаріи (28 сент. 1757 г.). Екатерина II интересовалась ея злосчастной судьбой и почтила ее письмомъ, въ которомъ обѣщалась пещись о ея сыновьяхъ, а себя поручала ея молитвамъ. Въ 1771 г. мать Нектарія скончалась и была погребена въ соборѣ Кіево-Печерской лавры.

Кн. Наталья Борисовна оставила интересную автобіографію, послужившую важнымъ историческимъ документомъ того времени.

Записки кн. Н. Б. Долгорукой, изд Суворина, съ біографіей ея, составленной С. Н. Шубинскимъ.— Фурманъ: Кн Нат. Бор. Долгорукова.—В. П. Острогорскій: Нат. Бор. Долгорукова, въ Дѣтск. Чтен. 1870 г. № 3.—Покровскій: Н. Б. Долгорукова.—Я. Г. Е—нъ: статья въ Отеч. Зап. 1858 г. № 1.—О добродѣт. княгинѣ Н. Б. Долгоруковой, ст. въ Вѣстн. Евр. 1803 г. ч. 12.—I. Heard: The life and the times of Nathalia Borisowna pr. Dolgorukow.—Вейдемайеръ: Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра В.—Геннади: Справочн. словарь.—Безсоновъ: Восемнадцатый вѣкъ и т. д. Бантышъ-Каменскій: Слов. достопамятн. людей.—Мордовцевъ: Русскія женщины XVIII в.—Новиковъ: Кн. Н. Б. Долгорукова, въ Виленск. Вѣстн. 1870 г. №№ 31—35.—Челобитныя въ Русск. Арх. 1867 г. №№ 1 и 7.—Плутархъ прекраснаго пола. М. 1819 г. 6 и 7.—Автобіографія кн. Ив. Мих. Долгорукова въ Москвитянинѣ.—Его же: „Капище моего отца“, 1844 г.—Д. А. Корсаковъ: Кн. Н. Б. Долгорукова, въ Ист. Вѣстн. 1886 г.—С. Максимовъ: „Сибирь и каторга“.—Кромѣ того см. общ библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгорукова, княгиня, *Прасковья Юрьевна*, рожденная княжна Хилкова, была супругой казненнаго князя Алексѣя Григорьевича и матерью злополучной «государыни-невѣсты», княжны Екатерины. Она не выдержала лишеній ссылки, когда вмѣстѣ со всей семьей Долгоруковыхъ была заточена въ Березовѣ, и въ 1734 г. умерла, повидимому, отъ цынги. См. біогр. князя Алексѣя Григорьевича и княжны Екатерины Алекс. Долгоруковыхъ.

„Могилы кн. А. Г. Долгорукова и его жены въ Березовѣ“. „Чтен. въ Общ. Ист. и Древн.“ 1866 г. № 2. См. также общую библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгоруковъ, (Долгорукій), князь, *Алексѣй Алексѣевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ юстиціи, членъ Государственнаго Совѣта, родился 14 мая 1767 г. и умеръ 11 августа 1834 года.

На 9-мъ году отъ рожд., 1 янв. 1776 г., онъ былъ записанъ въ артиллерію, откуда впослѣдствіи переведенъ въ гвардію, состоя въ которой, въ 1791 г., т. е. черезъ 15 лѣтъ со дня зачисленія на службу, получилъ чинъ прапорщика; въ 1795 г. переведенъ въ армейскій полкъ премьеръ-маіоромъ; въ 1798 г. получилъ чинъ подполковника и пожалованъ орденомъ св. Анны 3 ст. и командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; 1 октября 1799 г. произведенъ въ полковники; 6 іюля 1803 г. оставилъ военную службу съ переименованіемъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1805 г. причисленъ къ геральдіи, затѣмъ назначенъ прокуроромъ въ капитулъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и въ 1808 г. симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Съ этого времени служебная дѣятельность князя А. А. Долгорукова начинаетъ обращать на себя вниманіе.

Въ 1808 и 1809 гг., когда чувствовалась крайняя необходимость въ продовольствіи по случаю войны въ Финляндіи и ожидаемаго разрыва съ Западомъ, имъ была произведена для казны на выгодныхъ условіяхъ покупка хлѣба (около 58 тысячъ кулей), который онъ воднымъ путемъ доставилъ въ Рыбинскъ и Петербургъ. Содѣйствуя къ заведенію въ Симбирской губ. суконныхъ фабрикъ, онъ, съ такою же пользою для казны, поставилъ въ вѣдомство комиссаріата солдатское сукно въ значительномъ количествѣ.

Въ 1810 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст. 17 сент. 1811 г. въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя была изъявлена ему благодарность. Въ 1812 г. имъ было сформировано въ Симбирской губ. ополченіе, которымъ онъ и командовалъ до выступленія въ походъ. Въ 1813 г. произвелъ закупку лошадей для кавалеріи и артиллеріи по умѣреннымъ цѣнамъ, несмотря на всеобщій недостатокъ и дороговизну лошадей.

17 мая 1815 г. Д. былъ переведенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москву; въ 1816 г. пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и въ 1817 г. назначенъ сенаторомъ, а въ 1823 г. награжденъ орденомъ

св. Владиміра 2 ст. Въ 1824 г. вмѣстѣ съ сенаторомъ Дуровымъ командированъ на ревизію въ Вятскую губ., а въ 1826 г.—въ Воронежскую, Пензенскую и Симбирскую для обозрѣнія губерній и для изысканія причинъ побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ томъ же году ревизовалъ Курскую губернію. За означенные труды онъ былъ пожалованъ алмазными знаками ордена св. Анны I ст. и въ 1827 г. орденомъ св. Александра Невскаго. 27 апрѣля того же года назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а 18 октября того же 1827 г.—министромъ юстиціи.

Несмотря на кратковременное пребываніе кн. Долгорукова въ должности министра юстиціи (2 года), его дѣятельность не прошла безслѣдно, такъ какъ ему пришлось много потрудиться по законодательной части.

По повелѣнію Императора Николая I, обратившаго особое вниманіе на тогдашнее печальное положеніе нашего правосудія, обусловливавшееся въ значительной мѣрѣ недостатками нашего законодательства, съ цѣлью приведенія въ порядокъ хаотическаго состоянія законовъ, комиссія законовъ была преобразована въ особое отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. Подъ управленіемъ Сперанскаго законы быстро были приведены въ порядокъ, и въ 1828 году уже приступлено было къ печатанію полнаго собранія законовъ, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича, а также законченъ систематическій сводъ законовъ въ 15 томахъ. Для обревизованія этого свода, заключавшаго въ себѣ болѣе 42 тысячъ статей, при министрѣ юстиціи, подъ его предсѣдательствомъ, былъ образованъ особый комитетъ. Сущность возложеннаго на комитетъ труда заключалась въ подробномъ обозрѣніи содержанія свода съ цѣлью удостовѣренія въ точности и полнотѣ приведенныхъ въ немъ законоположеній. Сначала по каждому раздѣлу книги составлялось заключеніе отдѣльно, а затѣмъ по цѣлой книгѣ одно общее заключеніе, которое представлялось на благоусмотрѣніе Государя. Эта обширная и хлопотливая работа была закончена во время управленія министерствомъ княземъ Долгоруковымъ. Въ ряду законодательныхъ постановленій заслуживаетъ также вниманія положеніе отъ 2 іюня 1828 г., которымъ опредѣлены были права и обязанности товарища министра юстиціи. Послѣднему предоставлено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при разномыслiи съ министромъ юстиціи, право излагать отдѣльное мнѣніе. Съ цѣлью ускоренія окончательнаго разрѣшенія судебныхъ дѣлъ было образовано вмѣсто одного два общихъ собранія Сената. Въ это же время сенаторамъ было вмѣнено въ обязанность собираться въ Сенатъ по регламенту (къ 9 ч. утра) и сенаторамъ, оберъ-прокурорамъ и оберъ секретарямъ находиться въ мундирахъ. Приступлено было также къ перестройкѣ зданія Сената, вслѣдствіе усмотрѣнной лично Государемъ тѣсноты зданія и неопрятности помѣщенія. Стоимость работъ вмѣстѣ съ меблировкою была исчислена въ 1,800,000 р. Такъ какъ работы затянулись, зданіе было окончено въ 1834 г. Въ теченіе этого времени Сенатъ помѣщался на Вас. Островѣ въ зданіи прежнихъ коллегій. Въ видахъ усиленія надзора за дѣятельностью губернскихъ установленій министръ юстиціи сталъ ежемѣсячно представлять Государю донесенія губернскихъ прокуроровъ. 20 сентября 1829 г. кн. Долгоруковъ былъ уволенъ отъ должности министра юстиціи и назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ каковомъ званіи и скончался.

Россійская родословная книга, изд. кн. Петромъ Долгоруковымъ. 1854 г. — Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе—Аргутинскіе. 1869 г. — Министерство Юстиціи за сто лѣтъ, 1802—1902. Историческій очеркъ. 1902 г. — Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. Соч. П. Иванова. 1864 г.

М. Чулицкій.

Долгоруковъ, князь, *Алексѣй Владиміровичъ*, подписывался «Долгорукій», былъ сынъ редактора «Моск. Вѣдом.», кн. Владиміра Ивановича, род. въ 1815 году. Десяти лѣтъ отъ роду онъ самостоятельно и даже тайно отъ родителей подалъ прошеніе императору Николаю Павловичу объ опредѣленіи его въ пажескій корпусъ. Былъ опредѣленъ, но вскорѣ сильно заболѣлъ и былъ возвращенъ къ родителямъ для излѣченія. По выздоровленіи опредѣленъ въ армейскій уланскій полкъ юнкеромъ. Въ 1831 г. былъ переведенъ въ Клястицкій гусарскій полкъ и съ этимъ полкомъ участвовалъ въ польской кампа-

*

ніи подъ начальствомъ Дибича. Въ томъ же году былъ произведенъ въ офицеры. По окончаніи войны вышелъ въ отставку и опредѣлился чиновникомъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ, потомъ покинулъ и эту службу, нѣкоторое время слушалъ лекціи въ Харьковскомъ университетѣ по медицинскому факультету и, наконецъ, записался купцомъ въ Лужскомъ уѣздѣ, гдѣ въ товариществѣ съ однимъ капиталистомъ завелъ свекловичный заводъ. Князь Алексѣй Владиміровичъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ «Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе», изданномъ подъ редакціей кн. Всеволода Долгорукова; ему же приписывается сочиненіе о магнетизмѣ. Умеръ въ 1847 г.

См. общую библіогр. о родѣ князей Долгоруковыхъ. *Ф.*

Долгоруковъ, князь, *Алексѣй Григорьевичъ*, сынъ князя Григорія Чорта, служилъ воеводою въ Серпуховѣ (1606), отнялъ у мятежниковъ городъ Дѣдиловъ (1607). Затѣмъ былъ воеводою въ Коломнѣ (1608) и принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ поляками и съ самозванцами. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ отправленъ воеводою въ Брянскъ (1621), а затѣмъ въ Свіяжскъ (1624). Приходился своякомъ царю Василію Ивановичу Шуйскому и считался хорошимъ воиномъ. Умеръ въ 1646 г.

См. общую библіогр. о родѣ князей Долгоруковыхъ. *Ф.*

Долгоруковъ (Долгорукій), князь, *Алексѣй Григорьевичъ*, старшій сынъ кн. Григорія Ѳеодоровича. Вслѣдствіе того выдающагося положенія, которое занималъ кн. Григорій Ѳеодоровичъ, будучи съ 1700 г. посломъ при дворѣ польскаго короля Августа, кн. Ал. Гр., жившій съ отцомъ въ Варшавѣ, вращался въ тамошнемъ высшемъ обществѣ. Въ то время латинскій языкъ былъ въ западной Европѣ въ такомъ же ходу среди образованнаго общества, въ какомъ впослѣдствіи былъ французскій, а потому весьма естественно, что кн. Ал. Гр-чу пришлось изучить латинскій языкъ, чтобы не чувствовать неловкости при постоянныхъ сношеніяхъ съ послами и резидентами разныхъ европейскихъ державъ. Неизвѣстно, по какому поводу и при какихъ обстоятельствахъ, но между 1700 и 1706 гг. кн. Ал. Гр. ѣздилъ въ Италію (въ Римъ и на о. Мальту) и выучился тамъ итальянскому языку. Когда въ 1706 г. Петръ В. собирался отправить посольство въ Римъ, чтобы склонить папу Климента XI дѣйствовать въ Польшѣ противъ Станислава Лещинскаго, возведеннаго на престолъ шведскимъ королемъ Карломъ XII, гр. Г. И. Головкинъ писалъ Петру В., что, по его мнѣнію, слѣдуетъ послать къ папѣ именно кн. Алексѣя Долгорукова, владѣющаго латинскимъ и итальянскимъ языками и лично знакомаго съ папскимъ нунціемъ, бывшимъ прежде при польскомъ дворѣ, а также съ польскимъ резидентомъ, находящимся при папѣ. Но въ Римъ былъ посланъ въ 1707 г. не кн. Д., а кн. Б. И. Куракинъ. Возвысился онъ при Петрѣ II не при помощи собственныхъ дарованій, а благодаря своей дочери, княжнѣ Екатеринѣ, и своему сыну, кн. Ивану Алексѣевичу, любимцу Петра II. Политическіе замыслы кн. Алексѣя ограничивались прославленіемъ собственной своей персоны и своей семьи при помощи брачнаго союза его дочери съ императоромъ. Его не волновали патріотическія мечтанія, и въ своихъ семейныхъ преданіяхъ онъ останавливался съ сочувствіемъ лишь на бракѣ царя Михаила Ѳеодоровича Романова съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой. Своимъ возвышеніемъ онъ воспользовался для личнаго обогащенія, не разбирая при этомъ средствъ.

Въ 1713 г. кн. Ал. Гр. былъ губернаторомъ въ Смоленскѣ; въ 1723 г.—президентомъ главнаго магистрата. 8 февр. 1726 г. пожалованъ въ сенаторы; 29 іюня 1727 г. получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а 12 октября того же года—орденъ св. Андрея Первозваннаго. Осенью 1727 г. всесильный кн. Меншиковъ и дочь его, невѣста императора, были сосланы въ Березовъ, а вскорѣ затѣмъ Петръ II со всѣмъ дворомъ переѣхалъ въ Москву. Наканунѣ торжественнаго въѣзда въ Москву, 3 Февр. 1728 г., кн. Ал. Гр. пожалованъ въ д. т. сов. и назначенъ въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Въ Москвѣ «потѣхи» императора окончательно взяли верхъ надъ учебными и серьезными дѣлами, и главнымъ виновникомъ такой разсѣянной жизни отрока Петра II былъ кн. Ал. Гр., второй послѣ Остермана «гофмейстеръ» (т. е. воспитатель) Петра II. Желая отдалить его отъ

царевны Елизаветы Петровны и отъ своего сына, кн. Ивана Алексѣевича, пользовавшагося исключительнымъ расположеніемъ императора, а съ другой стороны лелѣя тайную мечту обвѣнчать его со своей дочерью, княжной Екатериной, кн. Ал. Гр. на цѣлыя недѣли увозилъ его къ себѣ, въ подмосковную деревню Горенки. Мечта его осуществилась, и 30 ноября 1729 г. произошло торжественное обрученіе Петра II съ княжной Екатериной Алексѣевной, а затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ празднествъ. Своему будущему тестю императоръ пожаловалъ 12 тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Однако, вмѣсто радости, новый 1730-й годъ принесъ съ собою великую скорбь для семьи кн. Долгорукихъ: Петръ II простудился въ день Крещенія, сильно занемогъ оспой и скончался въ ночь на 19 января, въ то самое число, на которое была назначена свадьба его съ княжной Екатериной Алексѣевной. Во время безнадежной болѣзни Петра II кн. Ал. Гр. съ родными братьями своими, князьями Сергіемъ и Иваномъ, и двоюроднымъ братомъ, кн. Вас. Лук. Долгорукимъ, были усердно заняты вопросомъ, какъ бы склонить императора подписать составленное отъ его имени духовное завѣщаніе, по которому онъ назначалъ преемницей престола свою невѣсту. Эти честолюбивые замыслы кн. Ал. Гр-ча и его родственниковъ и нелады ихъ съ Остерманомъ привели къ весьма плачевнымъ для кн. Долгорукихъ послѣдствіямъ. Духовное завѣщаніе, написанное въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ «шутя» подписалъ кн. Иванъ Алексѣевичъ, чтобы доказать, какъ похоже онъ можетъ подписаться подъ государеву руку, было сожжено кн. Ал. Гр. 20 января, т. е. въ день избранія на русскій престолъ курляндской герцогини Анны Іоанновны. Но въ промежутокъ между безнадежнымъ положеніемъ умиравшаго отрока-императора и избраніемъ Анны Іоанновны кн. Долгорукіе устраивали немало «конъюнктуръ» относительно провозглашенія императрицей «государыни-невѣсты», какъ оффиціально называлась княжна Екатерина; рѣчь объ этомъ кн. Ал. Гр. попробовалъ было завести даже въ экстренномъ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, собравшагося ночью непосредственно послѣ смерти Петра II, но безуспѣшно. Послѣ похоронъ Петра II и торжественнаго въѣзда императрицы Анны Іоанновны въ Москву, казалось, что все утихло и что кн. Долгорукіе могутъ не опасаться за свою судьбу. Но 8-го апрѣля 1730 г. совершенно неожиданно появился указъ Сенату о назначеніи нѣкоторыхъ кн. Долгорукихъ воеводами въ отдаленныя окраины Россіи, а на другой день послѣдовалъ указъ о ссылкѣ кн. Ал. Гр. съ женою и со всѣми дѣтьми въ Пензенскую его деревню, Касимовскаго уѣзда, село Никольское. Настоящая причина немилости императрицы въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ была неизвѣстна, и стали ходить разные слухи, въ которыхъ истина перепутывалась съ вымыслами. Въ этихъ слухахъ главной виной Долгорукихъ и причиной ихъ опалы выставлялось похищеніе ими громадныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства и наслѣдственныхъ царскихъ сокровищъ изъ дворца; относительно намѣренія провозгласить императрицей княжну Екатерину едва упоминалось. Молва называла въ то время главнымъ виновникомъ несчастія Долгорукихъ вице-канцлера Остермана, позднѣе стали приписывать ихъ гоненіе Бирону, но второе предположеніе менѣе вѣроятно, нежели первое. Биронъ не былъ еще тогда всесильнымъ временщикомъ, а Остерманъ имѣлъ большой авторитетъ въ глазахъ Анны Іоанновны и, близко зная роль и значеніе Долгорукихъ при Петрѣ II, могъ желать ихъ удаленія. Черезъ два мѣсяца послѣ второго указа, 12 іюня 1730 г., послѣдовалъ третій указъ о ссылкѣ кн. Ал. Гр. съ семьей въ Березовъ. Всѣ вотчины и движимое имущество его и его семейства были описаны и надъ ними учреждено особое управленіе отъ канцеляріи конфискаціи. Приставомъ къ Долгорукимъ, для сопровожденія ихъ до Тобольска, назначенъ гвардіи капитанъ-поручикъ Макшеевъ съ отрядомъ изъ двадцати четырехъ солдатъ, при одномъ сержантѣ и одномъ капралѣ. Передъ тѣмъ какъ отправиться въ путь, Долгорукіе второпяхъ устроили свои домашнія и денежныя дѣла, и кн. Ал. Гр. написалъ своему московскому дворецкому, Ѳеодору Туркову, относительно уплаты частныхъ долговъ и присылки ему денегъ въ Тобольскъ. Судя по донесеніямъ Макшеева въ Сенатъ, Долгорукіе поѣхали изъ Касимова черезъ Муромъ въ Нижній-Новгородъ

Окою, а затѣмъ Волгою и Камою до Сарапуля, съ остановками въ Козмодемьянскѣ и Казани. Въ Тобольскъ они прибыли 24 августа, и въ тотъ же день отправлены въ Березовъ, куда прибыли въ концѣ сентября. Князя Ал. Гр. съ семьей помѣстили въ острогѣ, и они могли выходить оттуда только въ церковь. Жизнь ихъ потекла уныло и однообразно; имъ не велѣно было давать ни книгъ, ни бумаги съ чернилами; не было ни занятій, ни развлеченій иныхъ, какъ смотрѣть на утокъ, гусей и лебедей, плававшихъ въ сажалкѣ на острожномъ дворѣ. Два мѣсяца спустя послѣ прибытія въ Березовъ, въ ноябрѣ 1730 года, скончалась жена Ал. Гр., кн. Прасковья Юрьевна, рожденная княжна Хилкова. Если бы семья была дружная, имъ было бы легче переносить постигшее ихъ несчастье и примѣниться къ новому положенію, но у нихъ напротивъ были постоянныя ссоры и пререканія между собой. Кн. Ал. Гр. не могъ простить сыну своему, кн. Ивану, что онъ не далъ подписать духовную умиравшему Петру II, вслѣдствіе чего сталъ относиться къ нему еще нетерпимѣе и придирчивѣе, чѣмъ прежде. Въ разгаръ ссоры у нихъ вырывались неосторожныя выраженія и проскальзывала ненависть къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, изъ-за чего, по донесенію состоявшаго при нихъ капитана Шарыгина, въ 1731 г. возникло дѣло, и именнымъ указомъ велѣно было имъ жить «смирно подъ опасеніемъ наижесточайшаго содержанія.» Кн. Ал. Гр. умеръ въ Березовѣ въ 1734 году отъ горячки.

Отъ брака съ княжной Прасковьей Юрьевной Хилковой у него было четыре сына и три дочери: 1) кн. Иванъ, р. 1708 † 1739 г,. женатъ на гр. Натальѣ Борисовнѣ Шереметевой, р. 17 янв. 1714 г. † 3 іюля 1771 г. 2) кн. Николай, р. 1713 † 3 дек. 1790 г., женатъ на княжнѣ Натальѣ Сергѣевнѣ Голицыной, р. 30-го іюня 1715 † 13 ноября 1755 г., а во второмъ бракѣ на Аннѣ Александровнѣ Бредихиной, р. 1733 † 11 янв. 1808 г.; 3) кн. Алексѣй, р. 1716 † 22 мая 1792 г., женатъ былъ три раза: 1) на кн. Мышецкой, 2) на Анастасіи Парамоновнѣ, по первому мужу Плещеевой, 3) неизвѣстно на комъ; 4) кн. Александръ, род. въ іюнѣ 1718 †26 дек. 1782 г., женатъ на Прасковьѣ Кирилловнѣ Матюшкиной, р. 22 окт. 1722 † 7 іюля 1760 г.; 5) княжна Анна, † 2 апр. 1758 г. 6) княжна Екатерина, р. 1712 † 1745 г., обрученная невѣста императора Петра II, потомъ супруга генер.-поручика гр. Александра Романовича Брюса; 7) княжна Елена, р. 9 мая 1715 † 27 янв. 1799г., за генералъ-маіоромъ кн. Юріемъ Юрьевичемъ Долгорукимъ.

Письма Петра Великаго. Спб. 1900 г. VI. стр. 1202 — 1203. — Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ. Спб. 1840 г., стр. 87—88.– Соловьевъ: Исторія Россіи. XIXX.—Долгорукой, кн. П. В. Росс. Род. книга, I, стр. 90—92.

В. Корсакова.

Долгоруковъ, князь, *Александръ Ивановичъ*, (ум. 7 дек. 1868 г.) литераторъ. Происходя по прямой линіи отъ обезглавленнаго въ царствованіе Анны Іоанновны кн. Ивана Алексѣевича Долгорукова, брата невѣсты Петра II, и его супруги, знаменитой своею мученическою жизнью, Натальи Борисовны, кн. Ал. Ив. былъ старшимъ въ своемъ родѣ. Въ молодости, по окончаніи курса въ Геттингенскомъ университетѣ, онъ служилъ сначала въ военной, а потомъ и въ статской службѣ; во время Отечественной войны находился въ рядахъ войска. Но служба, несмотря на его глубокій и искренній патріотизмъ, была ему не по душѣ, и онъ вскорѣ оставилъ ее. Ему болѣе нравилось путешествовать. Много поѣздивши на своемъ вѣку, онъ, благодаря уму и наблюдательности, отличался житейскимъ опытомъ. Въ Москвѣ, гдѣ всѣми цѣнились его просвѣщенность, добродушіе и ласковость, онъ пользовался большой популярностью. Положительныя его качества покоряли ему сердца, и онъ, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, могъ считать себя вполнѣ счастливымъ,— онъ имѣлъ друзей, искренно расположенныхъ къ нему.

Особенно любилъ кн. Ал. Ив. Долгоруковъ тихую деревенскую жизнь, «въ скромномъ кругу семейныхъ и частныхъ пріязней». Ставя общіе интересы выше личныхъ и понимая народъ, онъ помогалъ крестьянамъ и въ этой трудовой жизни на пользу ближняго не зналъ скуки. Народъ съ любовью и уваженіемъ относился къ нему, подмѣтивъ въ немъ простоту, веселость и общительность. Всегда готовый подать совѣтъ, оказать поддержку всѣмъ нуждающимся въ этомъ, кн. Ал. Ив.

находилъ время и для занятій литературой: онъ много читалъ и писалъ.

Вотъ списокъ его произведеній: 1) Мои счастливѣйшія минуты въ жизни. Стихотворенія. М. 1840 г. 2) Сочиненія кн. А. И. Долгорукова въ прозѣ и стихахъ. Съ портр. автора. М. 1859 г. 3) Оберъ-гофмарш. бар. Л. К. Боде (ум. 28 апр. 1859 г.) «Москов. Вѣдомости» 1859 г. № 157. 4) Монахиня Паисія—въ мірѣ баронесса М. Л. Боде (ум. 7 февр. 1864 г.). «Моск. Вѣд.» 1864 г. № 32. 5) А. И. Оверъ. Посвящается на память семилѣтней дочери его, Вѣрѣ А. Оверъ. М. 1865 г. 8°.

Умеръ кн. Долгоруковъ 7 дек. 1868 г. въ Москвѣ на 75 году отъ роду. Съ его смертью пресѣклась старшая отрасль рода.

Краткія свѣдѣнія о русск. писат. и учен., умершихъ въ 1868 г. Г. Н. Геннади. Русск. Арх. 1870 г., № 11, стр. 2013—43. Тоже. Словарь Геннади.—Современная Лѣтопись. Некрологъ. 1868 г. № 44, ст. Е. А.—N. Воспоминанія о кн. А. И. Долгоруковомъ. Моск. Вѣд., 1868 г. № 275. — П. Бартеневъ. Замѣтка, помѣщенная въ Моск. Вѣд. 1868 г., № 36 и въ Русск. Арх. 1869 г. стр. 077—078.—Рецензія о „Сочиненіяхъ кн. А. И. Долгорукова“, помѣщена въ „Современникѣ“ т. 78, № 12, отд. III, стр. 236—242 (изъ библіотекъ не выдается).

В. Калмыковъ.

Долгоруковъ, *Василій Андреевичъ*, князь, генералъ-адъютантъ, бывшій военный министръ, впослѣдствіи шефъ жандармовъ, родился въ 1803 г. и получилъ домашнее образованіе. Высокое происхожденіе князя готовило ему блестящую карьеру, которую онъ началъ юнкеромъ л.-гв. Коннаго полка въ 1821 году. Двадцати лѣтъ отъ роду, 23 февраля 1823 г., онъ былъ произведенъ въ корнеты и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе императора Николая Павловича въ знаменательный день его вступленія на престолъ, 14 декабря 1825 г. Разсказываютъ, что въ этотъ день князь Василій Андреевичъ былъ во внутреннемъ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Проходя мимо него предъ выходомъ на площадь, государь спросилъ, можетъ ли на него надѣяться. «Ваше Величество!»—отвѣчалъ молодой корнетъ: «я—князь Долгоруковъ!» Въ этомъ лаконическомъ отвѣтѣ князя высказалась полнѣйшая преданность и вѣрность его царствующему роду, которыми онъ отличался въ продолженіе всей своей жизни. Постепенно повышаясь въ чинахъ, Василій Андреевичъ въ 1830 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и въ томъ же году удостоенъ особаго Монаршаго благоволенія «за отлично исполненное лично возложенное на него Его Величествомъ порученіе». Въ это время онъ состоялъ при гр. Орловѣ, который былъ посланъ въ Новгородскія военныя поселенія, гдѣ происходилъ тогда извѣстный бунтъ поселянъ. Съ боевою службою ему пришлось познакомиться во время Польской войны 1831 г., въ теченіе которой «въ награду ревностнаго усердія при исполненіи всѣхъ возлагаемыхъ порученій и примѣрное мужество въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ» получилъ ордена св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, Анны 2 ст. и чинъ ротмистра. Въ 1834 г. онъ снова удостоился получить Высочайшее благоволеніе за успѣшное исполненіе даннаго ему порученія и въ слѣдующемъ году за отличіе по службѣ награжденъ былъ чиномъ полковника. Въ 1838, 1839 и 1840 гг. кн. В. А. Долгоруковъ находился въ заграничномъ путешествіи вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, а въ 1841 г. сопровождалъ его высочество въ Москву, гдѣ за болѣзнью гофмаршала двора цесаревича, гр. Олсуфьева, управлялъ его дворомъ. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ и. д. начальника штаба инспектора резервной кавалеріи, въ вѣдѣніи котораго состояли тогда три резервныхъ кавалерійскихъ корпуса, расположенныхъ въ Воронежской и Курской губерніяхъ, въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, а также и самыя эти поселенія. Должность начальника штаба, въ рукахъ котораго сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о войскахъ и чрезъ котораго шли всѣ распоряженія высшей власти, представляла широкое поприще дѣятельности. Рядъ новыхъ наградъ, полученныхъ княземъ, доказалъ, что онъ оправдалъ оказанное ему довѣріе государя: въ теченіе семи лѣтъ этой службы онъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества и утвержденіемъ въ должности, пожалованъ генералъ-адъютантомъ (1845 г.) и получилъ ордена св. Анны 1 ст. и Владиміра 2 ст.

Въ 1848 г. кн. Долгоруковъ былъ назначенъ на постъ товарища военнаго министра, а въ слѣдующемъ — произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ членомъ военнаго совѣта. Замѣ-

тимъ, между прочимъ, что въ томъ же 1849 г. онъ былъ назначенъ членомъ особой слѣдственной комиссіи для изслѣдованія дѣла Петрашевскаго; комиссія состояла подъ предсѣдательствомъ коменданта Петербургской крѣпости, ген. Набокова, и, кромѣ Долгорукова, въ составъ ея входили Л. В. Дубельтъ, кн. П. Гагаринъ и Я. И. Ростовцовъ.

Назначеніе В. А. Долгорукова на постъ товарища военнаго министра состоялось во время Венгерской войны, которая явилась для него своего рода административною школою. Правда, военнымъ министромъ въ это время состоялъ князь А. И. Чернышевъ, человѣкъ вполнѣ самостоятельный, умный и съ большимъ вліяніемъ на государя; при немъ Василій Андреевичъ едва-ли пользовался большою независимостью, тѣмъ не менѣе занимаемый имъ тогда постъ долженъ былъ постепенно подготовлять его къ слѣдующему высшему назначенію. Въ 1851 и 1852 гг., за отѣздомъ кн. Чернышева за границу, онъ управлялъ по нѣсколько мѣсяцевъ военнымъ министерствомъ и наконецъ 26 августа 1852 г. занялъ окончательно этотъ отвѣтственный постъ (утвержденъ военнымъ министромъ 19 апрѣля 1853 г.).

Тяжелое испытаніе выпало на долю кн. Долгорукова, когда онъ стоялъ во главѣ военнаго министерства: по словамъ историка, Севастопольская «война выяснила съ очевидностью, что внутреннее устройство государства имѣло много недостатковъ, вслѣдствіе которыхъ Россія, располагавшая абсолютнымъ численнымъ превосходствомъ и огромными матеріальными средствами для борьбы, не могла воспользоваться ими въ должной мѣрѣ и, превосходя численностью своихъ армій арміи коалиціи, оказалась болѣе слабою въ нужную минуту на рѣшительномъ пунктѣ. Недостатки внутренняго устройства вообще, конечно, весьма сильно вліяли на успѣхъ работы арміи и ея управленія. Однако было бы несправедливо приписывать всѣ наши неудачи въ Крыму причинамъ, лежавшимъ внѣ арміи. На оборотъ необходимо сознаться, что вся система военнаго управленія, созданная и окрѣпнувшая въ предшествовавшее царствованіе (Николая I), оказалась несоотвѣтствовавшею вновь народившимся условіямъ веденія войны и боя».

Такое положеніе вопроса ясно указываетъ на то, что весьма значительную долю отвѣтственности за наши неудачи подъ Севастополемъ кн. В. А. Долгоруковъ могъ бы съ легкимъ сердцемъ возложить на своего предшественника, кн. А. И. Чернышева. Такъ, напримѣръ, помимо отсутствія единства власти, важнѣйшимъ недостаткомъ нашей военной системы была полная централизація, которая уничтожала свободную иниціативу подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, дѣлала ихъ безотвѣтными и вызывала множество крайне вредныхъ послѣдствій. Этотъ недостатокъ устройства военнаго управленія былъ настолько крупнымъ, что не могъ оставаться незамѣченнымъ до горькаго опыта Восточной войны. Злоупотребленія въ хозяйственныхъ операціяхъ мѣстъ, подвѣдомственнымъ департаментамъ военнаго министерства, должны бы были обратить серьезное вниманіе кн. Чернышева на корень зла. Но объ обратномъ, по словамъ того же историка, говоритъ тотъ фактъ, что «съ 1837 по 1852 г. кн. Чернышевъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ *ежегодно* докладывалъ императору Николаю, что устройство военнаго управленія находится на желательной степени совершенства, не требуя никакихъ существенныхъ измѣненій... Преемникъ князя Чернышева, князь Долгоруковъ, поглощенный заботами по приготовленію арміи къ колоссальной борьбѣ, въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ обходилъ этотъ вопросъ молчаніемъ, и, такимъ образомъ, до самой кончины императора Николая I, ни единаго слова критики не было произнесено относительно устройства военнаго управленія».

«Обходилъ этотъ вопросъ молчаніемъ»... другими словами: Долгоруковъ не раздѣлялъ мнѣнія своего предшественника, но могъ ли онъ въ какой-нибудь годъ самостоятельной дѣятельности измѣнить то, что 25 лѣтъ держалось при кн. Чернышевѣ? Нельзя не поставить въ заслугу В. А. Долгорукову и того, что на посту товарища министра (1848—1852 гг.) онъ основательно ознакомился съ дѣятельностью хозяйственныхъ департаментовъ, находившихся въ непосредственномъ ему подчиненіи. Благодаря этому, Восточная война 1853—1856 гг. дала ему много случаевъ обнаружить свои многостороннія способ-

ности въ дѣлѣ необычайнаго развитія нашихъ вооруженныхъ силъ и снабженія въ теченіе трехъ лѣтъ всѣми видами довольствія арміи, численностью свыше 2.000.000 человѣкъ. За труды въ 1855 г. Долгоруковъ награжденъ былъ орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Если же армія наша оказалась болѣе слабою въ нужную минуту на рѣшительномъ пунктѣ, то едва ли и въ этомъ можно винить военнаго министра, если припомнить, что въ это время въ арміи былъ еще болѣе сильный человѣкъ—фельдмаршалъ Паскевичъ, мнѣнія котораго считались непогрѣшимыми, всѣ требованія котораго исполнялись съ особою предупредительностью. Ревнивый къ своей боевой славѣ, на закатѣ жизни, главнокомандующій западною и южною арміями, онъ видѣлъ опасность только тамъ, гдѣ самъ командовалъ войсками, и сразу безъ мѣры ослабилъ крымскую армію; эту ошибку исправить потомъ было слишкомъ трудно...

По окончаніи Крымской кампаніи, кн. Долгоруковъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст. «въ воздаяніе примѣрной дѣятельности и отличной распорядительности по передвиженію войскъ и снабженію всѣмъ боевымъ продовольствіемъ и другими потребностями».

Въ арміи намѣчались серьезныя преобразованія, предстояли работы по коренному переустройству всего военнаго управленія. Кн. Долгоруковъ вполнѣ раздѣлялъ неизбѣжную потребность намѣченныхъ преобразованій, но не чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи и силъ, чтобы во всемъ объемѣ провести ихъ въ жизнь. Значительную долю бремени Севастопольской войны онъ вынесъ на своихъ плечахъ, энергія его, какъ министра, была надломлена, и, въ виду предстоявшихъ новыхъ отвѣтственныхъ трудовъ преобразовательнаго характера, къ которымъ онъ не былъ достаточно подготовленъ,—князю Василію Андреевичу оставалось просить государя объ увольненіи его отъ обязанностей военнаго министра. Государь принялъ эту просьбу, и 17 апрѣля 1856 г. кн. Долгоруковъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности съ производствомъ въ генералы-отъ-кавалеріи, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта. Почти одновременно съ этимъ онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевской академіи генеральнаго штаба).

Уволивъ кн. Долгорукова отъ должности военнаго министра, императоръ Александръ II не пожелалъ однако отказаться отъ дальнѣйшей государственной дѣятельности безукоризненно честнаго и неизмѣнно преданнаго ему человѣка: 27 іюня того же года состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи князя Василія Андреевича шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи.

То было въ началѣ царствованія молодого государя, нѣкоторыя реформы котораго проводились въ жизнь при участіи князя Долгорукова. Въ концѣ 1857 г., возвратясь изъ заграничнаго путешествія, въ которомъ сопровождалъ императрицу Марію Александровну, онъ былъ назначенъ членомъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ кн. А. Ѳ. Орлова. Нужно замѣтить однако, что послѣдній стоялъ во главѣ оппозиціоннаго движенія, къ которому примыкали его преемникъ по должности шефа жандармовъ, кн. Вас. Андр. Долгоруковъ, гр В. Ѳ. Адлербергъ, гр. Панинъ и др. Кн. Долгоруковъ говорилъ, что, въ виду общаго неудовольствія, ежедневно заявлявшагося въ письмахъ на Высочайшее имя, онъ не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предполагавшіяся въ то время редакціонныя комиссіи будутъ утверждены, что онъ рѣшился не отступать отъ своего мнѣнія и скорѣе сложить съ себя свое званіе, о чемъ онъ заявилъ государю. Несмотря однако на оппозицію кн. Долгорукова и другихъ вліятельныхъ лицъ, великая реформа освобожденія крестьянъ, обсуждать и проводить которую онъ былъ призванъ, разрѣшилась знаменательнымъ для Россіи манифестомъ 19 февраля 1816 г. И если къ виновникамъ славы этого дня нельзя причислить князя Василія Андреевича Долгорукова, то главнымъ образомъ потому, что отвѣтственность за спокойствіе Россіи въ немъ, какъ шефѣ жандармовъ, заглушала всѣ прочія чувства при разрѣшеніи этого грандіознаго государственнаго вопроса.

Время дѣйствительно было тревожное. Полные жизненнаго значенія шестидеся-

тые годы давали себя знать, и въ Петербургѣ это выразилось, между прочимъ, университетскими безпорядками 1861 г. Многіе видѣли причину этого явленія въ либеральномъ духѣ правленія государя Александра II, къ реформамъ котораго обнаруживалось несочувствіе въ извѣстной части общества. Къ числу такихъ лицъ нѣкоторые причисляли и кн. В. Долгорукова,

Въ сѣверо-западномъ краѣ подготовлялось польское возстаніе 1863—1864 гг. Виленскимъ генералъ-губернаторомъ въ этотъ «подготовительный» періодъ возстанія былъ В. И. Назимовъ, котораго въ числѣ другихъ и М. Н. Муравьевъ впослѣдствіи упрекалъ въ томъ, что, при своей добросовѣстности, онъ не понималъ положенія края и не находилъ никакихъ разумныхъ средствъ къ подавленію мятежа. Однако въ оправданіе Назимова, по словамъ того же Муравьева, слѣдуетъ сказать, что направленіе, которое указывали изъ Петербурга, преимущественно министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ и министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ, не давало ему возможности дѣйствовать твердо и рѣшительно.

4 апрѣля 1866 г. Долгоруковъ убѣдился, какъ сильно онъ ошибался. Покушеніе Каракозова на жизнь государя доказало, что шефъ жандармовъ долженъ былъ въ своей дѣятельности придерживаться иной политики. Онъ самъ созналъ свою горькую ошибку и въ тотъ же день обратился къ Государю съ просьбою уволить его отъ должности. Государь со слезами на глазахъ обнялъ князя и сталъ просить его остаться, но тотъ былъ непреклоненъ и настаивалъ, чтобы въ приказѣ не было даже сказано: уволенъ по прошенію, а просто уволенъ «отъ должности», чтобы вся Россія знала, что онъ уволенъ за неумѣнье охранять своего государя. Этотъ честный и благородный поступокъ кн. В. А. Долгорукова былъ по достоинству оцѣненъ и обществомъ и государемъ, который, увольняя его отъ должности приказомъ 10 апрѣля 1866 г., почтилъ его рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Съ первой молодости моей, по особому довѣрію къ вамъ почившаго въ Бозѣ родителя моего, Императора Николая Павловича, вы, еще въ званіи флигель-адъютанта Его Величества, состояли лично при Мнѣ; Я неизмѣнно сохраняю въ сердцѣ Своемъ искреннее уваженіе къ вашимъ душевнымъ качествамъ и той преданности престолу, которою постоянно отличалось многолѣтнее, послѣ того, служеніе ваше на поприщѣ государственной дѣятельности».

5 января 1868 г., прибывъ ко всенощной въ Зимній дворецъ, Долгоруковъ вдругъ почувствовалъ себя дурно и принужденъ былъ возвратиться домой. Обнаружились припадки удушья, однако князь въ нихъ не видѣлъ еще ничего тревожнаго и опаснаго. Но вскорѣ болѣзненные признаки усилились, и тогда врачебная помощь имъ самимъ была признана безсильною. Онъ перекрестился, наклонилъ голову—и его не стало. Государь, вся царская фамилія и множество знавшихъ его присутствовали на панихидахъ, а затѣмъ на отпѣваніи въ Свято-Духовской церкви Александро-Невской лавры, гдѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ былъ погребенъ князь рядомъ съ давно утраченною имъ супругою.

Н. Ѳ. Дубровинъ: Исторія Крымской войны и обороны Севастополя, въ 3 томахъ. Спб. 1900 г.—Историческій очеркъ военнаго управленія въ Россіи. Подъ главной редакціей ген.-лейт. Д. А. Скалона, составилъ полковникъ Н. А. Даниловъ. Спб. 1902 г.—Кн. П. А. Вяземскій: Полное собраніе сочиненій, VII. — Крестьянское дѣло въ 1856—59 гг. (Отрывокъ изъ записокъ сенатора т. с. Я. А. Соловьева) Русск. Стар. 1880 — 82 гг. — В. И. Назимовъ (Очеркъ изъ новѣйшей лѣтописи Зап. Россіи). Русск. Стар. 1885 г.—Ѳед. Мих. Достоевскій. Русск. Стар. 1881 г.—Записки Н. Н. Мурзакевича. Русск. Стар. 1889 г.—Записки сенатора Влад. Иван. Дена. Русск. Стар. 1890 г.—Дневникъ Алекс. Вас. Никитенко. Русск. Стар. 1890 г.—Гр. Петръ Алекс. Валуевъ (Замѣтки его на записки гр. М. Н. Муравьева). Русск. Стар. 1890 г.—Дневникъ гр. П. А. Валуева. Русск. Стар. 1891 г.—Кн. В. П. Мещерскій: Мои воспоминанія (1850—1881 гг.). Спб. 1897—1898 гг.—Русск. Инвалидъ 1868 г. № 10.—Сѣв. Почта 9 янв. 1868 г. № 5.—Моск. Вѣд. 1868 г. № 7.

В. Жерве.

Долгоруковъ, князь, *Василій Васильевичъ*, генералъ-поручикъ, а потомъ—дѣйствительный тайный совѣтникъ былъ младшимъ сыномъ князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго. Род. въ 1752 г. Свою военную карьеру князь началъ въ Селенгинскомъ пѣхотномъ полку, вмѣстѣ съ которымъ принялъ

участіе въ походѣ отца своего въ Крымъ. За счастливое окончаніе этой кампаніи и покореніе Крыма Императрица Екатерина, между прочимъ, пожаловала князя Василія чиномъ полковника, 17 августа 1771 г., девятнадцати лѣтъ отъ роду. Въ 1775 г. послѣдовало производство его въ бригадиры, въ 1777—въ генералъ-маіоры, а въ 1783—въ генералъ-поручики. Въ 1788 году князь Долгоруковъ находился при осадѣ и штурмѣ Очакова, причемъ удостоился получить орденъ Св. Георгія 2-й степени. Императоръ Павелъ 1-й, въ день своего коронованія, пожаловалъ Василія Васильевича Александровскою лентою и произвелъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 21 августа 1799 года уволилъ его отъ службы. Послѣ этого князь Долгоруковъ, проживя нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, провелъ остатокъ дней своихъ въ Петербургѣ, здѣсь и скончался въ мартѣ 1812 года. Погребеніе покойнаго состоялось въ с. Полуехтовѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи. Князь Долгоруковъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Барятинской, отъ которой имѣлъ сыновей Василія и Николая и дочь Екатерину.

Кн. П Долгоруковъ: „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ". Спб. 1840.—

Долгоруковъ, князь, *Василій Васильевичъ*, старшій сынъ предыдущаго, родился въ 1787 году. Службу, какъ и его отецъ, онъ началъ въ Семеновскомъ полку, но потомъ перешелъ въ придворное вѣдомство сначала дѣйствительнымъ камергеромъ, потомъ шталмейстеромъ (1819 г.). При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ сдѣланъ былъ оберъ-шталмейстеромъ (1832 г.). Имѣлъ всѣ знаки отличія, до Андреевской ленты включительно, которую получилъ въ 1839 году. Женатъ былъ на княжнѣ Варв. Серг. Гагариной. Умеръ въ 1858 г.

См. общую библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, князь, *Василій Владиміровичъ*, фельдмаршалъ; сынъ комнатнаго стольника, кн. Владиміра Михайловича Долгорукова, родился въ 1667 году. Сначала онъ служилъ стольникомъ, а затѣмъ перешелъ въ Преображенскій полкъ. Въ чинѣ капитана, въ 1705 г., онъ былъ раненъ при взятіи Митавскаго замка, въ слѣдующемъ году находился при малороссійскомъ гетманѣ Мазепѣ, затѣмъ въ дивизіи кн. Репнина и въ 1708 г., уже въ чинѣ маіора гвардіи, управлялъ Украйною. Въ томъ же году, когда вспыхнулъ Булавинскій бунтъ, Петръ пожелалъ строгими мѣрами подавить зарождавшуюся опасность и рѣшилъ отправить на Донъ кн. Василія Владиміровича Долгорукова. Онъ приходился братомъ кн. Юрію Долгорукову, убитому Булавинымъ, поэтому Петръ могъ вполнѣ надѣяться, что Василій Владиміровичъ употребитъ особенныя усилія къ тому, чтобы погубить Булавина и его преступные замыслы, и писалъ Меншикову, что «иного достойнаго на то дѣло не нашелъ».

Въ «разсужденіи и указѣ, что чинить г. маіору Долгорукову» Петръ начерталъ ему крутую программу дѣйствій: «самому же ходить по тѣмъ городкамъ и деревнямъ, которые пристаютъ къ воровству, и оные жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью и воровству людей; ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть».

Не теряя времени, Долгоруковъ поѣхалъ въ Москву и, отвѣчая на письмо Петра, писалъ ему о Булавинѣ: «сколько возможно, за его къ себѣ дружбу (т. е. убіеніе брата) платить ему буду». Получая дурныя извѣстія съ Дона, Петръ торопилъ князя къ устьямъ Хопра и оттуда хотя-бы до Азова, чтобы предупредить возмущеніе донскихъ казаковъ, но не успѣлъ Долгоруковъ доѣхать до Воронежа, какъ Булавинъ овладѣлъ Черкасскомъ. Петръ былъ очень встревоженъ такимъ извѣстіемъ, однако этотъ успѣхъ Булавина былъ его послѣднимъ торжествомъ: Бахметевъ на р. Курлакѣ побилъ мятежниковъ и взялъ 143 чел. въ плѣнъ. Прибывъ въ Воронежъ, Долгоруковъ написалъ царю: «Которые воры взяты на бою 143 человѣка, и я, государь, по дорогѣ къ Пристанскому велѣлъ поставить 20 висѣлицъ и буду ихъ вѣшать 17 числа и нѣсколько четвертовать и по кольямъ растыкать». Однако 16-го Долгоруковъ получилъ изъ Черкасска отъ всего войска Донского выраженіе покорности. Казни были отложены, тѣмъ болѣе, что Петръ прислалъ письмо съ внушеніемъ щадить воровъ и не усиливать слуховъ о мести за брата. Долгоруковъ покорно исполнилъ волю царя. Бунтовщики послали Петру челобитную, вслѣд-

ствіе чего царь велѣлъ Долгорукову щадить казаковъ и собирать войско. Князь перешелъ для этой цѣли изъ Воронежа въ Острогожскъ; узнавъ же о смерти Булавина, выступилъ къ Черкасску и 26 іюля пришелъ на Аксай. Къ нему навстрѣчу выѣхалъ новый атаманъ, Зершиковъ, со всѣми старшинами и знаменами, просилъ милости и отъ лица бунтовщиковъ принесъ покаяніе.

Петръ благодарилъ Долгорукова за труды. Но оставалось еще усмирить поволжскіе города, для чего Долгоруковъ выступилъ изъ Черкасска къ верховымъ городкамъ, гдѣ бунтовщики также принесли повинную. Онъ взялъ съ собою главныхъ 10 воровъ, атамана Тельнаго четвертовалъ и той же казни подвергъ двухъ монаховъ-раскольниковъ; другихъ, съ десятка по человѣку, перевѣшали кругомъ городка, а иныхъ, поставивъ висѣлицы на плотахъ, пустили по Дону; всего казнено было болѣе 200 человѣкъ.

Вскорѣ послѣ этого атаманъ Голый разбилъ Бильса съ солдатскимъ полкомъ. Узнавъ о томъ, Долгоруковъ немедленно выступилъ изъ Острогожска къ Донецкому, куда пришелъ 26 октября. Несмотря на сопротивленіе, городъ былъ взятъ, разоренъ и выжженъ; 150 человѣкъ было повѣшено. Голый, отступивъ передъ тѣмъ въ Рѣшетову станицу, былъ здѣсь настигнутъ княземъ, который уложилъ около 3 тыс. человѣкъ и выжегъ городокъ, заставивъ бѣжать и Голаго.

Такъ закончился Булавинскій бунтъ, усмиреніе котораго всецѣло слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу кн. Долгорукову, хотя для совершенія этого подвига ему и пришлось не разъ употреблять ужасныя и жестокія мѣры.

Въ это время была обнаружена измѣна гетмана Мазепы. Но и преемникъ его, Скоропадскій, не внушалъ довѣрія Петру, который надзирателемъ къ новому гетману приставилъ Долгорукова и просилъ его особой бдительности. Въ первыхъ числахъ января 1709 г. Петръ посылаетъ его въ Ковно къ кн. Репнину для подготовки и осмотра полковъ, которымъ весною предстояли военныя дѣйствія противъ шведовъ. Однако уже 21 февр. Петръ шлетъ ему собственноручное письмо, въ которомъ велитъ немедленно двинуться на Украйну, куда направлялись шведы, и кстати позаботиться о перемѣнѣ кошевого въ виду тревожныхъ слуховъ о запорожцахъ. Долгоруковъ прибылъ въ армію, которая должна была нападать съ тыла на шведовъ, судя по письмамъ Петра, пользовался здѣсь большою самостоятельностью дѣйствій и затѣмъ, командуя кавалеріею, отличился подъ Полтавою, за что былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика и многими деревнями.

Передъ началомъ Прутскаго похода Петръ послалъ Долгорукова къ Шереметеву съ порученіемъ торопить его перейти Днѣстръ, чтобы раньше турокъ подойти къ Дунаю. Здѣсь же, подъ Прутомъ, вмѣстѣ съ Шереметевымъ онъ возсталъ противъ предложенія сдаться на капитуляцію и послѣ войны получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ Василій Владиміровичъ участвовалъ въ походѣ въ Польшу и при м. Вреснѣ съ отрядомъ въ 2700 чел. разбилъ на-голову 15 тыс. поляковъ. Въ Польшу царь послалъ его вмѣсто себя въ помощь фельдмаршалу гр. Шереметеву «для лучшаго управленія тамо нашихъ дѣлъ» и снабдилъ его большими полномочіями.

Въ 1713 г. были обнаружены значительныя хищенія казны, при чемъ виновными въ этихъ преступленіяхъ оказались многія изъ очень знатныхъ особъ того времени, какъ кн. Меншиковъ, гр. Апраксинъ, Брюсъ, Кикинъ и др. Для изслѣдованія этихъ хищеній и подлоговъ при поставкахъ провіанта Петръ учредилъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ кн. Долгорукова.

Изъ этого видно, насколько Петръ отличалъ его своимъ исключительнымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Въ 1716 г. царь беретъ его съ собою, въ числѣ немногихъ приближенныхъ, въ заграничное путешествіе въ Голландію, а въ слѣдующемъ году — во Францію. Къ этому же времени относится заключенная Долгоруковымъ съ магистратомъ г. Гданска (Данцига) декларація (9 мая 1716 г.), въ силу которой г. Гданскъ принужденъ былъ прервать переписку и торговлю со шведами, согласиться на принятіе русскаго агента, на вооруженіе четырехъ каперовъ и пр. Гданскій магистратъ медлилъ исполненіемъ своихъ обязательствъ, вслѣдствіе чего Долгоруковъ вторично прибылъ сюда и заключилъ конвенцію въ 11 статьяхъ съ большими противъ прежняго требованіями.

Онъ становится теперь однимъ изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей,

но злополучное дѣло несчастнаго царевича Алексѣя Петровича вдругъ губитъ его. Долгоруковъ порицалъ образъ дѣйствій Петра, былъ сторонникомъ его сына, котораго пытался даже защищать отъ царскаго гнѣва, и жестоко поплатился за это. Его арестовали въ Петербургѣ и въ оковахъ привезли въ Москву; судъ приговорилъ его къ лишенію чиновъ, знаковъ отличій, деревень и ссылкѣ въ Казань. Ходатайство за него старшаго въ родѣ Долгоруковыхъ, кн. Якова Ѳедоровича, не спасло виновнаго отъ наказанія, но передъ отправленіемъ изъ Петербурга онъ получилъ разрѣшеніе проститься съ государыней, которой въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ представилъ свою невинность и жаловался на бѣдность. Екатерина приняла его весьма милостиво и пожаловала ему двѣсти червонцевъ.

Около семи лѣтъ былъ Долгоруковъ въ опалѣ. Незадолго до своей смерти Петръ возвратилъ ему свободу и разрѣшилъ вступить въ службу бригадиромъ. Вѣроятно, онъ тогда же отправился въ Персію и вступилъ подъ начальство ген.-лейт. Матюшкина. Въ 1726 г. сложныя политическія обстоятельства въ Персіи, съ которою Россія лишь незадолго передъ тѣмъ заключила миръ, и угрожающее положеніе Турціи потребовали назначенія на Кавказъ искуснаго генерала съ широкими полномочіями и серьезною отвѣтственностью. Выборъ палъ на кн. Василія Владиміровича, которому Екатерина возвратила ордена и пожаловала его генералъ-аншефомъ. Ввѣренныя ему войска оказались въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи, страдали и отъ климатическихъ условій; поэтому онъ просилъ прислать ему въ помощь «добраго и искуснаго командира», ходатайствовалъ объ увеличеніи жалованья офицерамъ; не дожидаясь распоряженій изъ Петербурга о высылкѣ жалованья за 11 мѣс. солдатамъ, онъ велѣлъ удовлетворить ихъ выдачею изъ мѣстныхъ сборовъ персидскою монетою, по недостатку лѣкарствъ велѣлъ покупать матеріалы на счетъ медицинской канцеляріи, назначилъ жалованье двумъ иностраннымъ ротамъ (армянской и грузинской), находившимся въ русскомъ войскѣ, и пр. Онъ обнадеживалъ армянъ принятіемъ ихъ въ русское подданство и въ то же время просилъ о разрѣшеніи воспользоваться слабостью турокъ и предпринять наступательное движеніе въ Персію и утвердиться въ ней. Ему же удалось привести въ подданство Россіи провинціи по берегу Каспійскаго моря. Въ Петербургѣ были очень довольны его дѣйствіями — поднятіемъ значенія Россіи съ малыми средствами, но никакъ не хотѣли принимать его совѣта и дѣйствовать противъ Турціи, тѣмъ болѣе, что со стороны послѣдней не было опасности.

Василій Владиміровичъ не успѣлъ еще довести до конца свое дѣло на Кавказѣ, когда при дворѣ юнаго Императора Петра II возгорѣлась борьба партій Меншиковыхъ и Долгоруковыхъ, стремившихся посредствомъ брака породниться съ царемъ. Послѣ паденія первыхъ Долгоруковымъ было важно имѣть при себѣ вліятельнаго кн. Василія, и потому, подъ предлогомъ болѣзни, онъ былъ вызванъ изъ дѣйствующей арміи, получилъ рескриптъ и на другой день послѣ коронаціи — званіе фельдмаршала. Прямодушный и честный, князь сначала былъ противъ замысла женить царя на племянницѣ его, кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, но, когда сватовство уже наладилось, не сталъ ему препятствовать.

30 ноября 1729 г. состоялось обрученіе, и кн. Василій Владиміровичъ, въ числѣ другихъ, принесъ вѣрноподданническое привѣтствіе своей племянницѣ. Однако, когда, въ виду приближавшейся кончины Петра II, нѣкоторые изъ кн. Долгоруковыхъ возымѣли намѣреніе возвести на престолъ невѣсту императора, кн. Екатерину Алексѣевну, и съ этою цѣлью составили подложное завѣщаніе, — кн. Василій Владиміровичъ рѣшительно заявилъ, что никто не имѣетъ права вступать на престолъ, пока имѣются на-лицо женскіе члены императорскаго дома. Тѣмъ не менѣе, будучи избранъ въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, кн. Долгоруковъ раздѣлялъ желанія этого учрежденія ограничить самодержавіе вновь избранной Императрицы Анны Іоанновны. Когда была сдѣлана попытка заставить присягнуть Государынѣ и Верховному Совѣту, Василій Владиміровичъ такую форму присяги попытался предложить Преображенскому полку и отказался отъ этого намѣренія лишь подъ угрозою, что «ему ноги переломаютъ».

Когда Верховный Тайный Совѣтъ былъ уничтоженъ, то съ возстановленіемъ Сената Долгоруковъ былъ назначенъ сенато-

ромъ. Его значеніе при дворѣ усиливается, послѣ смерти фельдмаршала Голицына онъ назначается президентомъ военной коллегіи, но проходитъ годъ — и снова тяжкій ударъ судьбы: за какія-то таинственныя преступленія, по доносу Гессенъ-Гомбургскаго принца Людовика, Долгоруковъ заточенъ въ крѣпость. Какъ значилось въ Высочайшемъ манифестѣ, онъ, «презря нашу къ себѣ многую милость и свою присяжную должность, дерзнулъ не токмо наши государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную Нашу Императорскую персону поносительными словами оскорблять, въ чемъ по слѣдствію дѣла изобличенъ»... Въ числѣ другихъ осужденныхъ, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, отъ которой его «всемилостивѣйше освободили», чтобы послать въ ссылку подъ карауломъ въ Шлиссельбургъ, откуда затѣмъ онъ былъ переведенъ въ кр. Иванъ-Городъ (близъ Нарвы). Въ 1739 г. онъ былъ переведенъ на вѣчное заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ единственнымъ утѣшеніемъ ему оставалась молитва. Въ народѣ толковали, что Императрица Анна назначила наслѣдникомъ престола своего любимца, Левенвольда, въ чемъ перечилъ ей кн. Долгоруковъ, за что онъ и былъ сосланъ. Нѣмецкая партія при дворѣ Анны брала верхъ, птенцы гнѣзда Петрова сходили одинъ за другимъ со сцены политики и жизни...

Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы прекратилось заточеніе Долгорукова; 4 декабря 1741 г. императрица возвратила ему княжеское достоинство и ордена и возстановила его въ прежнемъ чинѣ, но сначала, за старостью, онъ былъ отставленъ отъ службы, черезъ нѣсколько же дней послѣ этого назначенъ президентомъ военной коллегіи. Между прочимъ ему выпала доля судить бывшаго временщика прежняго царствованія — А. И. Остермана, которому, вопреки мнѣнію другихъ, болѣе снисходительныхъ судей, онъ произнесъ смертную казнь колесованіемъ (что было замѣнено ссылкою въ Березовъ). Слѣдуетъ также отмѣтить, что кн. Долгоруковъ былъ въ числѣ враговъ историка Татищева, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего вѣка, не по достоинству оцѣненнаго современниками. Впрочемъ, въ этомъ слѣдуетъ видѣть скорѣе отголосокъ участія Татищева въ переворотѣ, направленномъ противъ «верховниковъ», къ числу которыхъ, какъ мы знаемъ, принадлежалъ и Долгоруковъ.

Какъ опытный и свѣдущій государственный дѣятель, кн. Василій Владиміровичъ не разъ приглашался императрицею высказывать свое мнѣніе въ трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ: такъ было при заключеніи мирнаго договора со Швеціею, въ дѣлахъ прусско-саксонскихъ и пр.

По словамъ его современника, герцога де-Лирія, Долгоруковъ былъ храбръ, отваженъ, честенъ, свѣдущъ въ военномъ ремеслѣ; не умѣлъ лукавить и былъ слишкомъ откровененъ; другъ вѣрный, но зато и врагъ непримиримый. Онъ жилъ пышно, не возставалъ противъ иностранцевъ, хотя не любилъ ихъ. По выраженію того же современника, онъ дѣлалъ честь своей родинѣ, но, къ сожалѣнію, со всѣми достоинствами, предавался постыдной гордости.

Въ почетномъ званіи фельдмаршала, на 79 году отъ рожденія, онъ скончался 11 февраля 1746 г. Императрица Елисавета оплакивала въ немъ стараго слугу и опальнаго отцовскаго царствованія.

Соловьевъ: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. — Голиковъ: Дѣянія Петра Великаго. М. 1837—1843 г.—Бантышъ-Каменскій: Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ. Спб. 1840. — Лееръ: Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Спб. 1888 г.—Полевой: Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Спб. 1900 г.

В. Жерве.

Долгоруковъ (Долгорукій), князь, *Василій Владиміровичъ* (1738 † 1784), генералъ-поручикъ, былъ старшимъ сыномъ ген.-лейт. князя Владиміра Петровича и братомъ князя Юрія Владиміровича. Въ 1749 году записанъ въ унтеръ-офицеры, въ 1752 году произведенъ въ армейскіе прапорщики, а въ 1754—въ подпоручики, вскорѣ послѣ чего взятъ посланнымъ въ Константинополь кн. С. П. Долгоруковымъ въ качествѣ дворянина посольства. Василій Владиміровичъ съ отличіемъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и въ 1762 году двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду былъ уже полковникомъ. Въ 1769 и послѣдующихъ годахъ онъ служилъ подъ знаменами графа Румянцева-Задунайскаго. 1-го января 1770 года произведенъ въ генералъ-маіоры. Участвовалъ въ знаменитомъ сраженіи при Кагулѣ 21 іюля 1770 года, гдѣ Румян-

цевъ съ 23.000 человѣкъ разбилъ 150-тысячную армію великаго визиря. Въ «Запискахъ» брата князя Василія Владиміровича—Юрія Владиміровича, говорится, что когда въ этомъ сраженіи янычары разсѣяли каре Племянникова, то, «какъ вся армія знаетъ», Василій Владиміровичъ съ тремя эскадронами геройски атаковалъ янычаръ, прогналъ ихъ къ укрѣпленіямъ и даже, уже раненый, ворвался вслѣдъ за ними въ ретраншементъ. Подвигъ этотъ имѣлъ огромное и почти рѣшающее значеніе для Кагульской побѣды, но въ реляціи фельдмаршала о немъ ничего не сказано, а говорится, что побѣда была потому выиграна, что фельдмаршалъ «закричалъ первому гренадерскому полку: стой! и вся слава отдана гренадерскому полку, къ которому и на ружейный выстрѣлъ турки не подходили». Въ описаніяхъ Кагульскаго сраженія принимается послѣдняя версія, но безусловная искренность «Записокъ» князя Юрія и извѣстная склонность реляцій къ прикрасамъ и пр. ручаются за истинность первой. Во всякомъ случаѣ, 27 августа 1770 года Василій Владиміровичъ получилъ Георгіевскій крестъ 3-й ст. Затѣмъ князь находился дежурнымъ генераломъ въ арміи фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, а послѣ заключенія мира подалъ прошеніе объ отставкѣ, въ которую и былъ уволенъ въ 1774 году, въ чинѣ генералъ-поручика... Скончался въ 1784 году, не имѣвъ потомства отъ жены своей, рожденной графини Варвары Александровны Бутурлиной. По словамъ кн. П. Долгорукова, автора «Сказаній о родѣ князей Долгоруковыхъ», современники отзывались о князѣ Василіи Владиміровичѣ, какъ «объ мужѣ, одаренномъ блистательными способностями, душой нѣжною и благородною».

Долгоруковъ: «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ» и «Записки» кн. Юрія Владиміровича Долгорукова, изданныя въ Спб. въ 1840 г.

Долгоруковъ (Долгорукій), князь, *Василій Лукичъ*, сынъ стольника и кіевскаго воеводы, кн. Луки Ѳеод. Долгорукаго. Годъ рожденія его неизвѣстенъ, но можно предположить, что онъ родился приблизительно около 1670 г., такъ какъ начало его службы относится къ 1687 г. Въ этомъ году кн. Вас. Лук. находился въ свитѣ своего дяди, ближняго стольника, кн. Як. Ѳед. Долгорукаго, и кн. Як. Еф. Мышецкаго, — отправленныхъ посланниками во Францію. Они выѣхали изъ Москвы 26 февр. 1687 г. и лишь 2 августа, цѣлый мѣсяцъ спустя по пріѣздѣ во Францію, получили аудіенцію у французскаго короля Людовика XIV, вслѣдствіе того, что затянулись переговоры о церемоніалѣ ихъ пріема. Въ Версали, по окончаніи аудіенціи, король допустилъ пословъ къ рукѣ, и они поднесли ему отъ себя дары; кн. Вас. Лук. поднесъ сорокъ соболей, шесть лисицъ черныхъ и десять косяковъ «камокъ лаудановъ». Цѣлью посольства было извѣщеніе французскаго короля о мирѣ, заключенномъ между Россіей и Польшей для оказанія помощи нѣмецкому императору въ войнѣ его съ Турціей, но такъ какъ Франція находилась въ союзѣ съ Турціею и въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Германіей, то посольство осталось безуспѣшнымъ. 31 августа 1687 г., незадолго до отъѣзда пословъ изъ Франціи, король прислалъ кн. Як. Ѳеод. Долгорукому, кн. Мышецкому и кн. В. Л. Долгорукому свои портреты, осыпанные драгоцѣнными каменьями. Изъ Франціи посольство отправилось въ Испанію, а кн. Вас. Лук. остался въ Парижѣ для усовершенствованія себя въ языкахъ и наукахъ и пробылъ тамъ тринадцать лѣтъ, до 1700 года.

Съ 1700 г. начинается многотрудное служеніе кн. Д. на дипломатическомъ поприщѣ; служеніе это продолжается двадцать семь лѣтъ, отличаясь особой дѣятельностью во время Великой Сѣверной войны. Сложныя «конъюнктуры» того времени, въ которыя должна была вступать неопытная еще русская дипломатія, и запутанныя международныя отношенія, въ которыя Петръ В. невольно втягивался, ведя войну со Швеціей—разрѣшались кн. Д. весьма искусно и удачно въ интересахъ «Его Царскаго Величества».

Съ 1700 по 1706 годъ кн. В. Л. находился въ Польшѣ, при русскомъ послѣ, своемъ родномъ дядѣ, кн. Гр. Ѳеод. Долгорукомъ. Петръ В. далъ имъ обоимъ тайное порученіе стараться о скорѣйшей высылкѣ вспомогательнаго войска въ Пернау, для отвлеченія шведскаго короля

Карла XII отъ Нарвы, и просить польскаго короля Августа о назначеніи мѣста свиданія. Августъ далъ отвѣтъ только въ концѣ января 1701 г., и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Петръ В. выѣхалъ къ нему на польскую границу въ городъ Биржи, въ сопровожденіи генералъ-адмирала Головина, Головкина, Нарышкина, обоихъ кн. Долгорукихъ и думнаго дьяка Зотова. Въ 1706—1707 гг. кн. В. Л. замѣнилъ при польскомъ дворѣ своего дядю, кн. Гр. Ѳеод. Долгорукаго, и долженъ былъ заботиться о поддержаніи союза, заключеннаго между Россіей и Польшей противъ Швеціи. Отправляя кн. Вас. Лукича къ польскому королю Августу, царь Петръ далъ ему 12 марта 1706 г. въ Минскѣ «пункты», что́ говорить на аудіенціи у короля о продолженіи союза, причинѣ выхода русскаго войска изъ Гродно, «учиненіи управы на Паткуля» и замѣнѣ саксонскихъ войскъ датскими. Кн. Д. прибылъ въ Краковъ 14 апрѣля и на слѣдующій день получилъ аудіенцію у короля, которому вручилъ «листы» отъ царя и отъ кн. Меншикова. Король обѣщалъ не заключать отдѣльнаго союза со Швеціей, выразилъ увѣренность, что и царь не прекратитъ войну съ непріятелемъ, упомянулъ о своемъ согласіи обмѣнить саксонское войско на датское, обѣщалъ прислать Паткуля къ царю, но прибавилъ, что нельзя отпустить его одного, чтобы онъ дорогой не бѣжалъ. Затѣмъ король высказалъ неудовольствіе на то, что царь поступаетъ часто не посовѣтовавшись съ нимъ, что онъ напрасно не сообщилъ ему заранѣе о выводѣ войска изъ Гродно и что совершенно лишнее уводить войско такъ далеко, потому что лучше воевать въ чужомъ государствѣ, нежели оберегать свои окраины. По окончаніи аудіенціи, пріѣхалъ къ кн. Долгорукому польскій подканцлеръ и тоже выговаривалъ ему, что многія дѣла дѣлаются со стороны царя, «противныя королю и Рѣчи Посполитой»; онъ прибавилъ, что король находится въ сомнѣніи, а Рѣчь Посполитая въ отчаяніи, вслѣдствіе того, что русскія войска уведены далеко: королю не справиться со шведами безъ посторонней помощи, а если онъ уступитъ натиску непріятеля и покинетъ Польшу, то шведскій король посадитъ на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, соберетъ польскія войска и пойдетъ противъ Россіи. Кн. Д. увѣрялъ, что царь не оставитъ безъ помощи польскаго короля и что войска его не выйдутъ изъ Польши до окончанія войны. Лѣтомъ 1706 г. распространился слухъ, будто Петръ В., не сообщивъ о томъ польскому королю, заключилъ черезъ посредство французскаго двора перемиріе на три года со шведскимъ королемъ. Вслѣдствіе этого царь послалъ польскому королю Августу письменное увѣреніе въ своемъ расположеніи, а кн. Долгорукому—наставленіе, по которому онъ долженъ былъ сообщить королю: 1) о ненарушимости союза; 2) о замедленіи въ посылкѣ войска вслѣдствіе того, что войско утомилось въ Гроднѣ и должно было отдохнуть; 3) что къ папѣ будетъ отправлено надежное лицо и получитъ предписаніе сноситься съ посланникомъ польскаго короля; 4) просить короля вести болѣе частую корреспонденцію. 6 сент. 1706 г. кн. Д. писалъ кн. Меншикову о ходѣ военныхъ дѣйствій и объ отчаяніи Августа, вслѣдствіе вступленія шведскаго короля въ Саксонію. Польскіе министры говорили кн. Долгорукому, что желательна была бы присылка къ королю отъ царя нарочнаго посланника, или письма «съ болѣзненнымъ комплиментомъ» и съ обнадеживаньемъ, что онъ не оставитъ его на произволъ судьбы. Затѣмъ кн. Д. сообщаетъ тотъ способъ, который придумали для скорѣйшаго прекращенія войны: вступленіе русскихъ войскъ въ Венгрію, съ согласія цесаря нѣмецкаго, для усмиренія бунта, и соединеніе датскаго и русскаго флота противъ Швеціи. Если царь согласится на это, то епископъ Куявскій намѣренъ ѣхать въ Вѣну вести о томъ переговоры и просить царя прислать своего министра къ цесарю тоже для переговоровъ, причемъ все это надлежитъ соблюсти въ тайнѣ.

Въ октябрѣ 1706 г. польскій король Августъ, видя опустошеніе, причиняемое шведами его наслѣдственному государству — Саксоніи, рѣшился пожертвовать Польшею и вступилъ въ переговоры съ Карломъ XII. 13 октября 1706 г. въ замкѣ Альтранштадтѣ, недалеко отъ Лейпцига, тайно подписанъ былъ договоръ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ: Августъ

отказывался отъ польскаго престола, долженъ былъ признать польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго, заплатить шведамъ огромную контрибуцію, прервать союзъ съ русскимъ царемъ, выдать Паткуля и русскихъ солдатъ, находившихся въ Саксоніи, и содержать на счетъ Саксоніи шведское войско въ продолженіе зимы. Только мѣсяцъ спустя кн. Д. узналъ о переговорахъ Августа съ Карломъ и немедленно имѣлъ съ польскимъ королемъ объясненіе. На другой день Августъ уѣхалъ изъ Варшавы для личнаго свиданія со шведскимъ королемъ и поручилъ польскимъ министрамъ сказать кн. Д-му, что онъ будетъ сохранять союзъ съ царемъ до конца войны и, какъ только непріятель выйдетъ изъ Саксоніи, возвратится въ Польшу съ 25-ти тысячнымъ войскомъ; онъ просилъ, сохраняя это въ тайнѣ, объявить о нарушеніи союза. Тогда кн. Д. поѣхалъ въ Краковъ, чтобы, несмотря на отреченіе Августа, удержать вельможъ его партіи при русскомъ союзѣ.

Съ сентября 1707 по 1720 г. кн. Д. былъ посломъ въ Даніи, гдѣ дипломатическая миссія его была трудна. Прежде всего, ему нужно было разорвать союзъ датскаго короля Фридриха IV съ Карломъ XII, а затѣмъ укрѣпить союзъ и дружбу Россіи съ Даніей. Дѣло подвигалось медленно до конца іюня 1709 г., т. е. до Полтавской побѣды, извѣстіе о которой было словесно передано кн. Д. датскому королю и вызвало между ними слѣдующій разговоръ: датскій король выразилъ желаніе возобновить союзъ съ Россіей и вступить въ войну со Швеціей, причемъ добавилъ, что англійская королева держитъ сторону Швеціи. Кн. Д. возразилъ, что Англія, вслѣдствіе войны съ Франціей, не можетъ взять на себя защиту Швеціи, а если бы война кончилась, то все равно англійскій парламентъ не согласился бы наложить новыя подати и нанести разореніе Англіи въ угоду шведскому королю. Вскорѣ послѣ того кн. Д. писалъ гр. Г. И. Головкину: «Король намѣренъ вступить въ войну, но не заключаетъ союза съ царскимъ величествомъ, чтобъ побольше выпросить денежныхъ субсидій. Мое мнѣніе: хотя союзъ съ датскимъ королемъ царскому величеству нуженъ какъ теперь, такъ еще больше на будущее время, однако надобно стараться ввести датскаго короля въ этотъ союзъ какъ можно безубыточнѣе. Я хотя имѣю указъ обѣщать имъ 500.000 рублей на первый годъ, однако до сихъ поръ не объявилъ еще имъ больше 300.000 рублей и вмѣсто 20.000 пѣхоты объявилъ только 10.000, потому что вижу ихъ склонность къ вступленію въ войну и думаю, что и тѣмъ будутъ довольны, а еслибъ прежде моей послѣдней конференціи я зналъ о Полтавской побѣдѣ, то и этого бы не объявилъ». Въ отвѣтъ на это письмо кн. Д. получилъ указъ заключить оборонительный и наступательный союзъ безъ какихъ бы то ни было субсидій. Датскій король выставлялъ на видъ, что ему не на что вооружить флотъ, а министры увѣряли кн. Д., что царю Петру не удастся удержать портъ на Балтійскомъ морѣ безъ помощи датскаго короля, такъ какъ многія другія государства будутъ мѣшать упроченію на морѣ русскаго владычества. Дѣло о заключеніи союза опять затянулось, и кн. Д. согласился хлопотать, чтобы царь далъ субсидіи и опредѣлилъ, какія изъ шведскихъ земель должны принадлежать Россіи, какія Даніи. Вслѣдъ за этимъ указомъ секретарь французскаго посольства въ Копенгагенѣ далъ знать кн. Д., что его король желаетъ вступить въ союзъ съ царемъ. Въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ кн. Д. высказывалъ мнѣніе, что хотя помощь Франціи въ данное время не особенно нужна, но не слѣдуетъ совершенно ее отклонять, такъ какъ въ будущемъ Франція можетъ оказать большую пользу. Французскій секретарь говорилъ кн. Д., что государь его готовъ прекратить всѣ прежнія несогласія съ Россіей и стараться объ упроченіи русскихъ на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ желательно ослабить на этомъ морѣ англійскую и въ особенности голландскую торговлю. Несмотря на сильное противодѣйствіе англійскаго и голландскаго посланниковъ въ Копенгагенѣ, кн. Д-му удалось безъ субсидій со стороны Россіи заключить 11 окт. 1709 г. союзный договоръ съ Даніей, такъ какъ ихъ величества, царь всероссійскій и король датскій и норвежскій, «зѣло разсудили вредительныя послѣдства, которыя бы ярость и злобонасильственные поступки короля шведскаго по времени произвести могли къ

великому предосужденію единой и другой областямъ».

По заключеніи договора кн. Д. давалъ обѣдъ иностраннымъ министрамъ; шла, конечно, рѣчь о войнѣ, начинаемой Даніей, и голландскій и англійскій посланники высказывали, какъ эта война имъ непріятна. «Нынѣ уже дѣло при здѣшнемъ дворѣ все по желанію его царскаго величества совершилось,—писалъ кн. Д. 5-го ноября,—король Датскій войну всчалъ противъ короля Шведскаго; войска датскія, конныя и пѣшія, вступили въ Шону, а какъ транспортъ и десантъ чинены, я всему тому очевиднымъ свидѣтелемъ сподобился быть: дана мнѣ была, по моему прошенію, фрегата королевская». Вслѣдъ затѣмъ пошли слухи, что англичане и голландцы хлопочутъ о примиреніи Даніи со Швеціею. Кн. Д. писалъ гр. Головкину, что надо «скупить» датскихъ министровъ, такъ какъ король ничего безъ нихъ не дѣлаетъ и они имѣютъ большую силу въ приговорахъ. Дѣйствія датчанъ въ Шоніи были удачны, и составленъ былъ планъ относительно высадки весной 1710 г. русскихъ и датчанъ у Стокгольма. Петръ одобрилъ планъ, но датскіе министры объявили кн. Д., что король только въ томъ случаѣ въ состояніи вооружить свой флотъ, если царь поможетъ деньгами.

Когда распространились слухи о прекращеніи войны за Испанское наслѣдство, что̀ давало Англіи и Голландіи возможность вмѣшаться въ сѣверныя дѣла, кн. Д. снова обратился къ гр. Головкину съ просьбой о раздачѣ драгоцѣнныхъ вещей тысячъ на двадцать датскимъ министрамъ и ихъ женамъ, но не въ разъ, а понемногу, «чтобъ всегда смотрѣли изъ рукъ». Послѣ первыхъ успѣховъ въ Шоніи датскія войска, несмотря на увѣщанія кн. Д., впали въ бездѣйствіе. Шведы собрались съ силами и въ февралѣ 1710 г. разгромили датское войско, которое потеряло 6.000 человѣкъ. Надо было помочь Даніи и войскомъ, и деньгами, но это было весьма затруднительно, потому что датскіе министры, по заявленію кн. Д. самому королю и по донесенію его гр. Головкину, нерадивы, ненавидятъ другъ друга и хлопочутъ только о своихъ собственныхъ интересахъ. Въ іюлѣ 1700 г. датскій флотъ былъ наконецъ сооруженъ и стоялъ у Борнгольма, но затѣмъ, совершенно неожиданно для короля и для кн. Д., вернулся къ Копенгагену; адмиралы оправдывались недостаткомъ провіанта. Когда датскія транспортныя суда отправились къ Данцигу для перевозки русскихъ вспомогательныхъ войскъ, произошло несчастіе: съ 4-го на 5-е сентября 1710 г. страшная буря разбила эту эскадру, и кн. Д-му объявили, что нечего и думать о перевозкѣ русскихъ войскъ настоящей осенью. Конференціи послѣ того были «крикливыя», по выраженію кн. Д.

Послѣ Полтавской побѣды Петръ помогъ Августу снова овладѣть польскимъ престоломъ, а Карлъ XII остался въ Турціи, откуда возвратился въ Швецію лишь въ концѣ 1714 г. Во время отсутствія Карла XII Швеція утратила Померанію и Финляндію. Въ 1710 г. морскія державы, при посредничествѣ императора нѣмецкаго, на конгрессѣ въ Гагѣ положили считать Померанію страною нейтральною, для отстраненія Сѣверной войны отъ земли Нѣмецкой. Карлъ XII съ негодованіемъ отвергъ это посредничество, вслѣдствіе чего датскій и польскій короли наперерывъ старались овладѣть Помераніей. Когда въ 1713 г. островъ Рюгенъ взяли союзныя войска, подъ начальствомъ саксонскаго фельдмаршала Флеминга, кн. Д. требовалъ у датскихъ министровъ, чтобы немедленно была начата осада Стральзунда, который не могъ держаться безъ Рюгена, но его представленій не послушали. Точно также не обратили вниманія на его предостереженія относительно страннаго поведенія голштинскаго министра Герца, явившагося къ датскому двору въ качествѣ посредника между Россіей и Даніей съ одной стороны и Голштиніей и Швеціей съ другой. Лишь тогда увидали, насколько правъ былъ кн. Д., когда Штетинъ отдался подъ покровительство прусскаго короля Фридриха Вильгельма и голштинскаго герцога Карла Фридриха и была рѣшена «секвестрація» не только Штетина, но также Рюгена, Стральзунда и Висмара. Оказалось, что Герцъ предлагалъ отдѣльный миръ между Даніею и Швеціею, и король датскій сказалъ кн. Д-му: «Вы пророкъ,—что̀ вы предсказывали о Герцѣ, то и случилось: онъ предлагалъ такія дѣла, отъ которыхъ былъ бы страшный вредъ сѣверному союзу».

Весной 1714 г. планъ военныхъ дѣй-

ствій противъ Швеціи значительно измѣнился вслѣдствіе того, что ганноверскій курфюрстъ Георгъ предложилъ союзникамъ войти въ соглашеніе съ нимъ и съ прусскимъ королемъ и подѣлить шведскія земли, находящіяся въ предѣлахъ Нѣмецкой имперіи. Вскорѣ это предложеніе получило еще болѣе важное значеніе, такъ какъ курфюрстъ ганноверскій, по смерти англійской королевы Анны, вступилъ на англійскій престолъ. Осенью 1714 г. Карлъ XII возвратился въ Швецію, а союзники все еще не шли дальше переговоровъ. Тщетно кн. Д. доказывалъ датскимъ министрамъ всѣ выгоды союза съ англійскимъ и прусскимъ королями и ту опасность, которая грозитъ въ случаѣ, если онъ не будетъ принятъ. «Съ одними своими датскими войсками,—говорилъ онъ,—вы не отвратите шведовъ отъ нападенія на голштинскіе рубежи, особенно если у Карла XII будутъ союзники и если онъ высадитъ изъ Шоніи войска въ Зеландію. Если вы не примете предложенія короля англійскаго, то Карлъ XII уступитъ ему Бременъ, прусскому королю отдастъ Штетинъ и тѣмъ привлечетъ ихъ на свою сторону противъ сѣвернаго союза». Въ февралѣ 1715 г. «англійское дѣло» было наконецъ рѣшено въ Даніи, которая согласилась уступить королю Георгу Бременъ и Верденъ, но въ мартѣ министры объявили кн. Д., что король прусскій не хочетъ вступить въ союзъ и воевать со шведами изъ-за Штетина, а потому крайне необходимо, чтобы русскія войска какъ можно скорѣе вошли въ Померанію для одновременнаго дѣйствія противъ Висмара и Стральзунда. Кн. Д. нѣсколько иначе смотрѣлъ на это дѣло: по его мнѣнію, надо было соединить датскій флотъ съ русскимъ, чтобы окончательно очистить Балтійское море отъ шведскихъ кораблей; дать полную безопасность торговымъ судамъ; оградить Померанію и датскія владѣнія отъ высадки шведскихъ войскъ. Датчане твердили, что до прибытія англійскаго флота нельзя думать о соединеніи русскаго и датскаго флотовъ, но кн. Д. писалъ царю, что сомнѣвается въ согласіи англичанъ и полагаетъ, что «флотъ англійскій въ явныя дѣйствія противъ Швеціи не вступитъ». Въ половинѣ мая 1715 г. былъ составленъ союзный договоръ съ Пруссіей, а въ іюлѣ датскій и прусскій короли осадили Стральзундъ, защищаемый самимъ Карломъ XII. Русскіе посланники при датскомъ и прусскомъ короляхъ—кн. Д. и гр. Александръ Гавриловичъ Головкинъ—находились въ лагерѣ осаждающихъ и вступили съ обоими королями въ переговоры относительно тѣхъ условій, на которыхъ русскія войска будутъ содержаться въ теченіе зимы. Прусскій король, имѣя въ виду саксонскія войска, обѣщанныя ему Августомъ, только въ томъ случаѣ соглашался на принятіе русскихъ войскъ, если они будутъ находиться въ его полномъ распоряженіи. Тогда кн. Д. и гр. Головкинъ заключили отдѣльный договоръ съ датскимъ королемъ, который обѣщалъ дать содержаніе и зимнія квартиры 15 баталіонамъ русской пѣхоты и тысячѣ человѣкамъ конницы. Узнавъ объ этомъ договорѣ, и прусскій король предложилъ то же самое. Но всѣ эти переговоры ни къ чему не послужили, такъ какъ русскія войска остались въ Польшѣ, а 12 декабря Стральзундъ сдался, и такимъ образомъ померанская кампанія 1715 г. кончилась безъ участія русскихъ войскъ, что было чрезвычайно непріятно Петру. Желая скорѣйшаго прекращенія войны, Петръ считалъ лучшимъ средствомъ высадку на шведскій берегъ и хотѣлъ предпринять въ 1716 г. болѣе рѣшительный способъ дѣйствій. Вслѣдствіе донесенія кн. Д., что датскій король хочетъ взять Висмаръ, а затѣмъ перенести войну въ Шонію, царь предлагалъ двадцать батальоновъ и тысячу драгунъ на королевскомъ пропитаніи и кромѣ того еще отрядъ войска на собственномъ иждивеніи; русскій флотъ долженъ былъ соединиться съ датскимъ. Но совѣщанія по этому поводу между кн. Д. и датскими министрами были безуспѣшны. Недовольный медлительностью датскаго короля, Петръ въ письмѣ своемъ кн. Д-му отъ 21 марта 1716 г. высказывалъ удивленіе, что не дѣлается никакихъ приготовленій къ «десанту» въ Шонію, и велѣлъ выставить на видъ передъ датскимъ королемъ, что для общей пользы и для вспоможенія ему посланы лучшія русскія войска и тратятся большія деньги на ихъ содержаніе, и что если въ эту кампанію не будетъ сдѣлано высадки въ Шонію, то пусть король датскій не надѣется на помощь Россіи на будущее время, такъ какъ надо

*

принудить непріятеля къ миру силою оружія. Въ октябрѣ 1716 г. Петръ былъ въ Даніи, и по отъѣздѣ его кн. Д. явился къ королю «съ комплиментомъ отъ царскаго величества, благодарилъ, отъ имени царя, за удовольствія, испытанныя послѣднимъ въ бытность его въ Копенгагенѣ, увѣрялъ въ постоянной дружбѣ своего государя къ Даніи».

Вскорѣ послѣ этого въ Копенгагенѣ возникла сильная тревога, вслѣдствіе стремленія Ганноверскаго и Саксонскаго дворовъ склонить датскаго короля къ удаленію изъ Мекленбурга русскихъ войскъ, находившихся тамъ для помощи Даніи. Въ началѣ февраля 1717 г. кн. Д. доносилъ Петру, что ни король датскій, ни министры ничего не говорятъ о будущей кампаніи, и что повидимому Ганноверскій дворъ не желаетъ соглашенія между Россіей и Даніей, думая этимъ способомъ заставить Данію дорожить дружбой съ королемъ англійскимъ. Въ іюнѣ 1717 г., узнавъ отъ кн. Д., что Петръ велѣлъ русскимъ войскамъ выйти изъ Мекленбурга, датскій король сказалъ ему: «Теперь уже всѣ несогласія между царскимъ величествомъ и королемъ англійскимъ кончились». Въ сентябрѣ царь писалъ кн. Д., что датскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Вестфаленъ, тайно сообщилъ ему о намѣреніи датскаго короля возстановить съ Россіей доброе согласіе, такъ какъ выяснились англійскія интриги. Петръ съ своей стороны былъ очень радъ возобновленію дружескихъ отношеній съ Даніей и велѣлъ кн. Д. довести до свѣдѣнія датскаго короля, чтобы онъ не торопился съ отдачей прусскому королю Стральзунда, не снесясь предварительно съ Петромъ. Свое письмо къ кн. Д. Петръ закончилъ такъ: «Если же усмотрите, что король датскій въ своемъ намѣреніи къ возстановленію добраго согласія съ нами не очень ревностно и истинно поступаетъ и это возстановленіе, по вашему мнѣнію, не состоится, то удержитесь отъ этого сообщенія, чтобъ они не пронесли и тѣмъ бы дружбѣ нашей съ королемъ Прусскимъ не повредили; во всякомъ случаѣ вы должны такъ скрытно и осторожно поступать, чтобъ отнюдь Прусскій дворъ объ этомъ не свѣдалъ». На это кн. Д. отвѣтилъ слѣдующее: «Датскій король желаетъ согласиться съ вашимъ величествомъ на счетъ дѣйствій противъ непріятеля, но такъ, чтобъ самое важное сдѣлано было войсками русскими и чтобъ въ это соглашеніе былъ включенъ король англійскій, отъ тѣсной дружбы съ которымъ датскій король никакъ отказаться не хочетъ. Король датскій желаетъ при томъ, чтобъ предложеніе о соглашеніи послѣдовало съ вашей стороны, надѣясь въ такомъ случаѣ вытребовать для себя лучшія условія и показать, что ваше величество къ нему обратились. Не знаю навѣрное, но думаю, что если датскій король предложенія съ вашей стороны не дождется, то самъ будетъ заискивать». Въ половинѣ ноября кн. Д. вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ былъ приглашенъ на конференцію о мѣропріятіяхъ для скорѣйшаго окончанія Сѣверной войны: датскіе министры заявили, что король намѣренъ изъ Норвегіи вторгнуться съ войскомъ въ Швецію, русскія войска въ это время должны вступить туда изъ Финляндіи, а король англійскій пришлетъ на помощь свой флотъ, если мекленбургскій герцогъ примирится съ дворянствомъ.

Въ 1718 г. Карлъ XII, по совѣту своего любимаго министра Герца (бывшаго въ 1713 г. министромъ голштинскимъ), предложилъ Петру миръ, и 10 мая этого года на Аландскихъ островахъ начались переговоры между Герцомъ со стороны Швеціи и Брюсомъ и Остерманомъ со стороны Россіи. Карлъ уступалъ Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, Карелію и часть Финляндіи съ Выборгомъ. Петръ обѣщалъ свергнуть Августа съ польскаго престола, возвести вмѣсто него Станислава, послать на помощь Швеціи корпусъ для войны съ Даніею и Ганноверомъ и содѣйствовать ей къ покоренію Норвегіи. Въ концѣ 1718 г. Карлъ былъ убитъ въ окопахъ на границѣ Норвегіи, при осадѣ Фридрихсгама, а въ началѣ 1719 г. кн. Д. писалъ къ своему двору: «По смерти короля шведскаго здѣшній дворъ очень сталъ гордъ, надѣется, безъ всякихъ дѣйствій, полезный миръ получить и для того, кромѣ короля англійскаго, всѣхъ союзниковъ презираетъ».

Въ концѣ лѣта 1719 г. Аландскій конгрессъ былъ прерванъ, а Швеція сблизилась съ Англіей; вслѣдствіе этого Петръ послалъ кн. Д. указъ, чтобы онъ предложилъ датскому королю войти въ соглашеніе съ Россіею на счетъ дѣйствій противъ общаго непріятеля. Въ ноябрѣ между Да-

ніею и Швеціею было заключено перемиріе, и кн. Д. подалъ меморіалъ, въ которомъ говорилъ, что это перемиріе нарушаетъ обязательства, существующія между Россіею и Даніею. Въ 1720 г. кн. Д. снова предложилъ датскому королю помощь для заключенія болѣе выгоднаго мира со Швеціей, но король колебался и въ то же время опасался въ этомъ дѣлѣ давленія со стороны Англіи, что дѣйствительно и произошло: мирный договоръ между Швеціею и Даніею былъ подписанъ въ концѣ іюня 1720 г., причемъ Данія возвращала Швеціи за извѣстное вознагражденіе всѣ свои завоеванія въ Помераніи и Норвегіи. Что касается Россіи, то она заключила со Швеціей Ништадтскій миръ лишь 30 августа 1721 г., ровно годъ спустя послѣ того, какъ кн. Д. былъ назначенъ посланникомъ во Францію. Въ бытность свою чрезвычайнымъ посломъ въ Даніи кн. Д. получилъ датскій орденъ Слона и чинъ русскаго тайнаго совѣтника. 29-го ноября 1720 года кн. Д. имѣлъ отпускную аудіенцію у короля Фридриха IV, который осыпалъ его похвалами въ своей грамотѣ къ царю отъ 10 декабря того же года.

Отправляя кн. Д. въ Парижъ, царь въ письмѣ своемъ къ регенту называлъ кн. Д. «любезновѣрнымъ» и рекомендовалъ его, какъ «въ разныхъ посольствахъ и важнѣйшихъ негоціаціяхъ употребленнаго и искуснаго министра», причемъ просилъ регента имѣть къ кн. Д. «откровенную конфиденцію и во всемъ томъ совершенную вѣру подавать, что онъ отъ времени до времени доносить и представлять будетъ» отъ имени царя. Главнѣйшія порученія, возложенныя Петромъ на кн. Д., были: хлопоты о посредничествѣ Франціи при примиреніи Россіи со Швеціей, признаніе за Петромъ Великимъ титула императора и переговоры о брачномъ союзѣ между королемъ Людовикомъ XV и цесаревной Елизаветой Петровной. Увѣнчалось успѣхомъ только первое порученіе, а потому, по заключеніи Ништадтскаго мира, Петръ велѣлъ кн. Д. благодарить герцога Орлеанскаго и кардинала Дюбуа за помощь, оказанную Франціей при мирныхъ переговорахъ. Послѣ того кн. Д. писалъ къ своему двору, что англійскій король сердится на Дюбуа, зачѣмъ его не включили въ мирный договоръ между Россіею и Швеціею, и Дюбуа, боясь негодованія англійскаго короля, хочетъ помирить Георга съ Петромъ. Что касается императорскаго титула, то кардиналъ Дюбуа обѣщалъ признать таковой за Петромъ немедленно послѣ заключенія союза между Франціей и Россіей, переговоры о коемъ поручено было вести посланному въ Петербургъ французскому министру Кампредону. Третье порученіе—сватовство цесаревны Елизаветы Петровны съ королемъ Людовикомъ—не удалось. Кн. Д-му предлагали бракъ между цесаревной Елизаветой Петровной и герцогомъ Бурбонскимъ или герцогомъ Шартрскимъ—сыномъ регента, но съ условіемъ, чтобы царь способствовалъ возведенію своего будущаго зятя на польскій престолъ послѣ смерти Августа; но эти планы весьма не нравились Петру. По приглашенію регента кн. Д. присутствовалъ 14 октября 1721 г. въ Реймсѣ при коронованіи Людовика XV, а годъ спустя имѣлъ у короля отпускную аудіенцію, будучи въ 1722 г. отозванъ изъ Франціи. На его мѣсто назначенъ камеръюнкеръ кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ съ предписаніемъ узнать у кн. Д., «яко свѣдущаго о состояніи французскаго двора, какъ ему при ономъ поступать и интересы Его Императорскаго Величества предостерегать надлежитъ». 27 янв. 1723 г. кн. Д. явился къ царю въ село Преображенское съ грамотами отъ Людовика XV и отъ регента, которые отдали полную справедливость его ревностному и искусному веденію дѣлъ. Царь велѣлъ кн. Д. и гр. Головкину, котораго отозвалъ изъ Берлина, одновременно пріѣхать въ Петербургъ и устроилъ имъ торжественную встрѣчу. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, царь въ назначенный день выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу за нѣсколько верстъ отъ города въ богатой каретѣ, запряженной въ шесть лошадей, и въ сопровожденіи отряда гвардіи. Онъ посадилъ кн. Д. и гр. Головкина на первыя мѣста и велѣлъ ѣхать ко дворцу по главнымъ улицамъ, чтобы народъ видѣлъ тотъ почетъ, съ какимъ онъ встрѣтилъ министровъ, много лѣтъ служившихъ на пользу Россіи въ чужеземныхъ государствахъ. Придворнымъ, созваннымъ къ этому времени во дворецъ, царь сказалъ: «Я отдаю справедливое уваженіе достоинствамъ, пріобрѣтеннымъ сими знатными россіянами у другихъ народовъ». Вслѣдъ

затѣмъ кн. Д. и гр. Головкинъ были назначены сенаторами.

Въ 1724 г. кн. Д. былъ отправленъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву на открывшійся въ то время сеймъ, въ помощь къ находившемуся уже тамъ русскому послу, кн. Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, съ порученіемъ защищать на сеймѣ интересы православныхъ въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой и домогаться признанія за Петромъ императорскаго титула. Вопросы, которыми долженъ былъ заняться сеймъ, касались увеличенія войска, престолонаслѣдія въ Курляндіи и подтвержденія прежнихъ договоровъ съ нѣмецкимъ цесаремъ. «Не видя ничего надежнаго,— писалъ кн. Д. Петру,— что бы можно на этомъ сеймѣ къ пользѣ вашего величества сдѣлать, намѣренъ я, въ случаѣ, если все будетъ дѣлаться по желанію королевскому, разорвать сеймъ, ибо это наилучшій способъ къ пользѣ вашего императорскаго величества». Сеймъ состоялся, но, вслѣдствіе споровъ и несогласія между членами сейма, не успѣли обсудить на немъ всѣхъ намѣченныхъ вопросовъ. Требованія кн. Д., представленныя имъ послѣ сейма на конференціи польскимъ министрамъ и сенаторамъ, остались безъ послѣдствій: признаніе императорскаго титула отложили до слѣдующаго сейма, а относительно диссидентовъ (православныхъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ) отвѣтили, что имъ нечего опасаться, пока они сами живутъ спокойно.

Посольствомъ кн. Д. на польскій сеймъ 1724 г. заканчиваются его продолжительныя службы по дипломатической части первому русскому императору, который, какъ мы видѣли выше, очень цѣнилъ эти службы и по достоинству награждалъ за нихъ кн. Д. Эти же службы продолжалъ кн. В. Л. и при преемницѣ Петра, Екатеринѣ I.

Въ маѣ 1725 г., по поводу новаго сейма, кн. Д. былъ опять назначенъ чрезвычайнымъ министромъ въ Польшу. Къ концу этого года заботы о диссидентахъ отошли на второй планъ, а на первый планъ выдвинулось такъ называемое «курляндское дѣло», въ которомъ были заинтересованы сосѣднія съ Курляндіей державы: Россія, Пруссія и Польша. Въ ожиданіи смерти престарѣлаго и бездѣтнаго курляндскаго герцога Фердинанда, польскій и прусскій короли предлагали своихъ кандидатовъ, причемъ Польша желала даже присоединить Курляндію къ своему государству, какъ выморочный ленъ, и самые вліятельные польскіе вельможи говорили кн. Д.: «Курляндія безспорно принадлежитъ Рѣчи Посполитой... Рѣчь Посполитая въ своихъ владѣніяхъ хочетъ быть спокойна и для того не пожалѣетъ не только денегъ, но и крови». Такъ какъ претендентъ на курляндскій престолъ долженъ былъ въ то же время быть женихомъ вдовствующей курляндской герцогини Анны Іоанновны, вдовы умершаго герцога Фридриха Вильгельма, то нельзя было обойтись безъ вмѣшательства Россіи, и сынъ польскаго короля Августа— Морицъ Саксонскій, желавшій занять курляндскій престолъ, объявилъ кн. Д., что не начнетъ дѣла безъ соизволенія на то императрицы Екатерины I. Пока кн. Д. доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія императрицы, Морицъ съѣздилъ въ Митаву, представился тамъ герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ и понравился какъ ей, такъ и курляндскому дворянству. Въ Петербургѣ кандидатуру Морица считали нежелательной и предпочитали ему двоюроднаго брата герцога голштинскаго, второго сына умершаго епископа Любскаго. Рядомъ съ нимъ явился еще кандидатъ—свѣтлѣйшій кн. Меншиковъ, который даже при Петрѣ В., въ 1711 г., хотѣлъ предложить польскому королю 200.000 р., если бы онъ помогъ ему занять курляндскій престолъ. 2 апрѣля 1726 г. кн. Меншиковъ писалъ кн. Д. въ Варшаву и просилъ его, какъ «истиннаго своего друга», оказать ему содѣйствіе, а во второй половинѣ іюня императрица велѣла кн. Меншикову ѣхать въ Курляндію подъ предлогомъ осмотра войскъ для принятія предосторожностей противъ англійской и датской эскадръ. Въ Польшу посломъ былъ назначенъ на мѣсто кн. Д. бывшій въ Стокгольмѣ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, а кн. Д-му велѣно было ѣхать вмѣстѣ съ кн. Меншиковымъ въ Митаву 26 іюня 1726 г. и объявить членамъ правительства и сеймовому маршалу, что если не будетъ поступлено по желанію императрицы Екатерины I, то она лишитъ ихъ своего покровительства. Маршалъ отвѣчалъ, что выборъ сейма, павшій на Морица, не можетъ быть измѣненъ, что кн. Меншикова избрать нельзя, потому что онъ не нѣмецкаго происхожденія и не лютеранинъ, а герцогу голштинскому только 13 лѣтъ и до его совершен-

нолѣтія никакой пользы отъ него Курляндіи не будетъ. Вскорѣ прибылъ въ Митаву кн. Меншиковъ, призвалъ сеймоваго маршала, канцлера и нѣкоторыхъ депутатовъ и грозилъ имъ, въ случаѣ отказа, произвести новые выборы, ввести въ Курляндію 20.000 русскаго войска. Въ Петербургѣ были испуганы дѣйствіями кн. Меншикова въ Курляндіи, и, подъ вліяніемъ его недруговъ, Екатерина I писала Меншикову: «Пока вы тамъ будете, надобно вамъ разсуждать и совѣтоваться съ кн. Васильемъ Лукичемъ, который состояніе этого дѣла въ Польшѣ лучше знаетъ, и поступайте съ общаго съ нимъ согласія, какъ полезнѣе будетъ нашимъ интересамъ, чтобъ безвременно съ Рѣчью Посполитою въ ссору не вступить».

Въ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ относительно замѣщенія курляндскаго престола кн. Д. не принималъ уже участія, такъ какъ былъ назначенъ посломъ въ Швецію, для противодѣйствія ея союзу съ Ганновером, а слѣдовательно и съ Англіей. Въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта 6 августа 1726 г. рѣшили послать въ Швецію вексель въ 20.000 р. для раздачи «шляхетству и другимъ мелкимъ персонамъ, которыя скудны, а силу имѣютъ», а знатнымъ лицамъ обѣщать богатые подарки, если они сдѣлаютъ по желанію русскаго двора. Кн. Д-му опредѣлено давать по 100 р. на день, на ливрею и экипажъ отпустить 11.000 р., отпустить обои на одну комнату и серебряный сервизъ. Императрица обѣщала послать ему свой портретъ и разныхъ винъ, а также балдахинъ, который былъ въ Академіи, когда императрица недавно тамъ присутствовала—«разсуждать изволила, что не надобно робко съ Швеціею поступать».

Кн. Д. нашелъ въ Стокгольмѣ двѣ партіи: одна тянула Швецію въ ганноверскій союзъ, другая, «доброжелательная» въ глазахъ русскаго посланника, не хотѣла этого союза. Положеніе кн. Д. въ Швеціи оказалось весьма затруднительнымъ, такъ какъ англійская или ганноверская партія, съ графомъ Горномъ во главѣ, имѣла большое преимущество передъ русской партіей: въ ней было много способныхъ и энергичныхъ людей, самъ король держалъ сторону Англіи, и англійское правительство щедро раздавало деньги всѣмъ, кто могъ быть ему полезенъ. Двѣ недѣли спустя послѣ аудіенціи у короля кн. Д. далъ обѣдъ, а затѣмъ балъ и маскарадъ на 500 человѣкъ, но эти празднества не улучшили положенія дѣла, и когда кн. Д. потребовалъ конференціи, то для переговоровъ съ нимъ назначили людей противной партіи. «Я никакъ не думалъ встрѣтить здѣсь такія затрудненія, — писалъ кн. Д. въ январѣ 1727 г.,—главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что всѣ важныя дѣла рѣшаются въ секретной комиссіи, а съ членами ея говорить никакъ нельзя, потому что имъ подъ присягою запрещено сноситься съ иностранными министрами; король въ разсужденія о важныхъ дѣлахъ не входитъ а съ вельможами, которые хотятъ приступить къ ганноверскому союзу, говорить нечего: легче турецкаго муфтія въ христіанскую вѣру обратить, чѣмъ ихъ отвлечь отъ ганноверскаго союза; всякое дѣло и слово надобно закоулками проводить до того мѣста, гдѣ оно надобно». Въ концѣ концовъ король и сенатъ согласились на ганноверскій союзъ, и кн. Д. писалъ въ Петербургъ: «По такимъ здѣшняго двора гордымъ поступкамъ, видится, неприлично. мнѣ здѣсь быть въ характерѣ, въ какомъ я сюда присланъ». Нѣсколько позднѣе кн. Д. объяснилъ главную причину, почему въ Швеціи рѣшились порвать съ Россіей и съ такимъ презрѣніемъ относились къ его представленіямъ: оказалось, что шведскій министръ, Цедеркрейцъ, находившійся при русскомъ дворѣ, сообщалъ въ своихъ реляціяхъ, что между главными царедворцами существуютъ несогласія, вслѣдствіе чего не можетъ быть ни малѣйшей опасности съ русской стороны коронѣ шведской.

Кн. Д. былъ отозванъ изъ Швеціи черезъ шесть недѣль послѣ кончины Екатерины I, а при юномъ императорѣ Петрѣ II ему суждено было занять выдающееся положеніе во внутреннихъ дѣлахъ русскаго государства, и это положеніе, вслѣдствіе происшедшихъ событій, привело кн. Вас. Лук. къ гибели, помимо его воли и намѣреній.

3 февр. 1728 г., наканунѣ торжественнаго въѣзда Петра II въ Москву, кн. Вас. Лук. Д. и его двоюродный братъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, были назначены членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Близкое знакомство съ государственными порядками Франціи, Польши, Даніи и Шве-

ціи оставило глубокій слѣдъ въ политическихъ воззрѣніяхъ кн. Вас. Лук., выяснивъ ему политическое значеніе аристократіи. Свою фамилію считалъ онъ самою аристократическою въ Россіи и связывалъ съ ея преобладаніемъ мысль о благоденствіи страны, а потому весьма понятно, что во время опасной болѣзни Петра II въ январѣ 1730 г. кн. Вас. Лук. явился дѣятельнымъ участникомъ въ составленіи задуманной кн. Алексѣемъ Григорьевичемъ подложной духовной въ пользу дочери своей, государыни-невѣсты. Въ этомъ замыслѣ кн. Долгорукихъ поддерживалъ датскій посланникъ Вестфаленъ, сильно озабоченный предстоящимъ вопросомъ о русскомъ престолонаслѣдіи. «Слухъ носится,—писалъ Вестфаленъ кн. В. Л. Д-му,—что его величество весьма боленъ, и ежели наслѣдство россійской имперіи будетъ цесаревнѣ Елизаветѣ или голштинскому принцу, то датскому королевскому двору съ Россіею дружбы имѣть не можно, а понеже его величества обрученная невѣста фамиліи вашей, то и можно удержать престолъ за ней, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно—Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу (Екатерину I) удержали, что и по вашей знатной фамиліи учинить можно и что вы больше силы и славы имѣете».

Въ ночномъ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта 19 января 1730 г., происходившемъ тотчасъ послѣ кончины Петра II, замыселъ этотъ потерпѣлъ неудачу. Кн. Вас. Лук., какъ опытный дипломатъ, даже не намекнулъ на него, а первый поддержалъ кн. Д. М. Голицына, высказавшись въ пользу курляндской герцогини Анны Іоанновны, которая и была избрана въ императрицы. Быть можетъ, кн. Вас. Лук. разсчитывалъ еще болѣе возвыситься при Аннѣ Іоанновнѣ, которая весьма благоволила къ нему въ бытность его въ Курляндіи. Потомъ говорили даже, что кн. Вас. Лук. (въ это время вдовецъ) намѣренъ былъ жениться на Аннѣ Іоанновнѣ и провозгласить себя правителемъ государства. Что бы ни руководило кн. Вас. Лук. при подачѣ голоса за Анну Іоанновну, но онъ вмѣстѣ съ прочими верховниками участвовалъ 19-го января утромъ въ составленіи «пунктовъ», ограничивавшихъ самодержавную власть вновь избранной императрицы. Въ окончательной редакціи «пункты» эти были названы «кондиціями» и 19-го января вечеромъ отправлены въ Митаву съ тремя депутатами: кн. В. Л. Д-мъ, кн. Мих. Мих. младшимъ Голицынымъ и генераломъ Леонтьевымъ. 30-го января Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ было получено письмо отъ кн. Д. съ увѣдомленіемъ о прибытіи депутаціи въ Митаву 25-го января и о томъ, что Анна Іоанновна, выслушавъ кондиціи, собственноручно подписала подъ ними: «По сему обѣщаюсь всѣ безъ всякаго изъятія содержать. Анна». 29 января Анна Іоанновна выѣхала изъ Митавы въ сопровожденіи кн. В. Л. Д. и кн. М. М. Голицына; съ дороги кн. Д. неоднократно писалъ Верх. Тайн. Совѣту, и, сообразно съ его письмами, дѣлались приготовленія къ похоронамъ Петра II и ко «входу» Анны Іоанновны въ Москву. 15-го февраля послѣдовалъ торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву, а съ 20-го февраля начали приводить къ присягѣ по формѣ, составленной Верх. Тайн. Совѣтомъ: присягали на вѣрность не только императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, но и *государству*. Проекты государственныхъ преобразованій, поданные шляхетствомъ въ промежутокъ времени между избраніемъ Анны Іоанновны въ императрицы и пріѣздомъ ея въ Москву, были весьма непріятны для членовъ Верх. Тайн. Совѣта, и они готовы были сдѣлать многія уступки, лишь бы сохранить за собою первенствующее значеніе. По мѣрѣ того, какъ среди шляхетства росло недовольство Верх. Тайн. Совѣтомъ и фамиліей кн. Долгорукихъ, неумѣренно пользовавшихся своимъ «фаворомъ» въ царствованіе Петра II,—увеличивалась и усиливалась партія сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны, съ Остерманомъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ. Люди, дѣйствовавшіе по мысли Ѳеофана Прокоповича, били на чувство преданности къ царской особѣ и возбуждали состраданіе къ печальному положенію государыни, которая находится въ неволѣ: кн. Вас. Лук. помѣстился во дворцѣ, и никому нельзя было приблизиться къ императрицѣ безъ его позволенія; даже сестры ея могли разговаривать съ нею только въ его присутствіи. «Смотрите,—говорили,—она никуда не показывается, народъ не видитъ ея, не встрѣчаетъ радостными криками; кн.

Василій Лукичъ стережетъ ее, какъ драконъ; неизвѣстно, жива ли она, и если жива, то насилу дышетъ». До Остермана дошелъ слухъ, что кн. Д. задумалъ произвести 25 февраля государственный переворотъ посредствомъ ареста самыхъ вліятельныхъ сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны. Это побудило Остермана принять рѣшительныя мѣры, и 25 февраля вмѣсто предполагаемаго ареста послѣдовало провозглашеніе Анны Іоанновны самодержицей. Узнавъ, что «кондиціи», подписанныя въ Митавѣ, были составлены не по желанію цѣлаго народа, Анна Іоанновна сказала кн. В. Л-чу: «Такъ, значитъ, ты меня, князь Василій Лукичъ, обманулъ» — и въ тотъ же день собственноручно разорвала эти «кондиціи».

Послѣ этого событія являлась неизбѣжной опала кн. Долгорукихъ, въ особенности кн. Василія Лукича, какъ одного изъ главныхъ участниковъ ограниченія самодержавной власти Анны Іоанновны. 28 апрѣля должна была совершиться коронація императрицы, и къ этому времени рѣшили удалить изъ Москвы кн. Долгорукихъ, со стороны которыхъ опасались разныхъ новыхъ мѣропріятій не въ пользу самодержавія Анны Іоанновны. 8-го и 9-го апрѣля послѣдовали указы, разсылавшіе нѣкоторыхъ Долгорукихъ губернаторами и воеводами въ отдаленныя провинціи, а другихъ—въ дальнія ихъ вотчины. Кн. В. Л. былъ назначенъ губернаторомъ въ Сибирь. Въ подорожной, выданной ему 9 апрѣля, находится слѣдующій маршрутъ: изъ Москвы на Переяславль-Залѣсскій до Ярославля сухимъ путемъ, а далѣе Волгой до Казани. Такъ какъ имѣнія кн. Долгорукихъ не были еще конфискованы, а вся дорога кн. Вас. Лук. отъ Москвы до Переяславля-Залѣсскаго лежала черезъ его вотчины, то онъ могъ, подъ благовиднымъ предлогомъ пребыванія въ своихъ деревняхъ, очень долго слѣдовать къ мѣсту назначенія и въ день коронаціи находиться вблизи отъ Москвы. Это обстоятельство побудило правительство Анны Іоанновны измѣнить маршрутъ кн. Вас. Лук. Черезъ нѣсколько дней послѣ первой ему была выдана вторая подорожная, въ которой путь его былъ изображенъ слѣдующимъ образомъ: Москва, Владиміръ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, Козмодемьянскъ, Вятка и наконецъ Тобольскъ.

14 апрѣля послѣдовалъ манифестъ о «преступленіяхъ» кн. Долгорукихъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: «За многія его, кн. Василія Долгорукова, какъ Ея Императорскому Величеству самой, такъ и государству *безсовѣстные противные поступки*, лиша всѣхъ его чиновъ и кавалеріи снявъ, послать въ дальную его деревню съ офицеромъ и солдаты и быть тому офицеру и солдатамъ при немъ, князь Василіѣ, неотлучно». Вслѣдствіе этого кн. Вас. Лук. былъ взятъ подъ караулъ и, лишенный чиновъ и «кавалерій», сосланъ на житье въ свою Пензенскую вотчину Керенскаго уѣзда село Знаменское. Первое время по пріѣздѣ туда онъ содержался весьма строго: ему не дозволено было выходить изъ дому даже для посѣщенія церкви. Черезъ мѣсяцъ Сенатъ нѣсколько улучшилъ его положеніе, что мы видимъ изъ сенатскаго постановленія 25 мая: «Ежели онъ, Долгорукой,— сказано въ этомъ постановленіи, — пожелаетъ въ деревнѣ своей ходить въ церковь или выходить на дворъ для прогулки и для смотрѣнія въ той деревнѣ конюшеннаго двора и въ поляхъ и въ гумнахъ хлѣба, также и бороду брить,—въ томъ ему не запрещать, и прикащиковъ и старостъ той деревни, также кои будутъ пріѣзжать и изъ другихъ деревень для разговору о деревенскихъ и домашнихъ его нуждахъ,—къ нему допускать, и при тѣхъ всѣхъ случаяхъ быть ему, Медвѣдеву (подпоручику преображенскаго полка, приставленному къ кн. Д-му), самому и поступать, какъ о томъ въ инструкціи написано». Недолго однако пришлось кн. Д-му пользоваться этимъ облегченіемъ: 12-го іюня Сенатъ постановилъ отправить его въ Архангельскъ, а 23-го Медвѣдевъ выѣхалъ съ нимъ изъ с. Знаменскаго и везъ его до Вологды черезъ Темниковъ, Касимовъ, Владиміръ и Ярославль. Почти мѣсяцъ находился кн. Вас. Лук. въ дорогѣ до Архангельска, а 4-го августа былъ доставленъ въ Соловецкій монастырь.

По пріѣздѣ въ Архангельскъ, кн. Д. написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ обращался къ своей сестрѣ, Аннѣ Лукинишнѣ, къ Аннѣ Яковлевнѣ Шереметевой (дочери кн. Як. Ѳед. Долгорукаго), и къ родному племяннику своему, кн. Якову Александровичу Долгорукому (сыну кн. Александра Лукича Долгору-

каго), съ просьбой о поминовеніи своей души и души его умершей жены, дѣвическая фамилія которой осталась неизвѣстной. Кромѣ того кн. Вас. Лук. просилъ кн. Якова Александровича на цѣлый годъ освободить крестьянъ всѣхъ деревень, которыя онъ получитъ по наслѣдству послѣ его смерти, отъ всякихъ податей и работъ и сказать, чтобъ они молились за кн. Вас. Лук. и за его жену. Но распоряженія эти не могли быть исполнены, потому что указомъ 15 іюля 1730 г. всѣ имѣнія кн. Долгорукихъ были конфискованы. Кн. Вас. Лук. былъ помѣщенъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ тюрьмѣ, называвшейся Антоновскою; ему дозволялось выходить изъ его мрачнаго и тѣснаго жилища только въ церковь, разговаривать онъ могъ лишь со своею прислугою, пища приносилась изъ монашеской трапезы. Черезъ пять лѣтъ участь кн. Вас. Лук. была нѣсколько смягчена: Соловецкій настоятель получилъ изъ Архангелогородской губернской канцеляріи указъ о выдачѣ кормовыхъ денегъ на содержаніе его и трехъ человѣкъ его прислуги. Такъ продолжалось до 1739 г., когда стали вновь разсматривать «преступленія» кн. Долгорукихъ. Всѣ кн. Долгорукіе, томившіеся въ ссылкѣ и бывшіе на свободѣ, въ началѣ 1739 г. были привезены въ Шлиссельбургъ, гдѣ была образована особая для разбора ихъ дѣла судная комиссія, приговорившая ихъ къ суровымъ наказаніямъ. Четверымъ изъ нихъ былъ объявленъ смертный приговоръ и въ числѣ ихъ—князю Василію Лукичу. Казнь совершена въ Новгородѣ 8 ноября 1739 г.: Вас. Лук. былъ обезглавленъ.

Испанскій посланникъ при русскомъ дворѣ съ 1728 по 1731 г., герцогъ де-Лирія, оставившій потомству любопытныя характеристики тогдашнихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ князя Д.: «Князь Вас. Лук. Долгорукой, министръ Верховнаго Совѣта, былъ уменъ и недуренъ собою. Онъ былъ посланникомъ въ Швеціи, Даніи, Польшѣ и во Франціи и всюду заслужилъ имя искуснаго и хорошаго министра. Онъ очень хорошо говорилъ на многихъ языкахъ, и съ нимъ можно было ужиться; но вмѣстѣ съ симъ онъ очень любилъ взятки, не имѣлъ ни чести, ни совѣсти и способенъ былъ на все по корыстолюбію. Наконецъ, онъ понесъ достойную казнь за свои интриги: царица сослала его на одинъ жалкій островъ Бѣлаго моря». Въ этой характеристикѣ нельзя не видѣть типическихъ чертъ того «суетнаго и опаснаго вѣка»,—по выраженію современниковъ,—въ который жилъ и дѣйствовалъ кн. Д.

Голиковъ: Дѣянія Петра В., т. II—IX, XIII, XIV.—Письма Петра Великаго, изд. 1900 г., т. IV.—Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго (1727—1730). Перев. Д. Языкова. Спб. 1845 г.—Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ. Спб. 1840 г., 103—106.—Русск. Вѣстн. 1859 г., т. XIX, 65—67.—„Завѣщаніе кн. Вас. Лук. Долгорукаго", сообщ. Щебальскимъ.—Чт. М. О. И. Д. Р. 1880 г., III, стр. 19—32.—„Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукаго въ Соловецкомъ монастырѣ", епископа Архангельскаго Макарія.—Бантышъ-Каменскій: Словарь достопамятныхъ людей русской земли. М. 1836 г., II, 257—272.—Библ. для чт. 1835 г., Чт. IX. „Русское посольство во Францію и Испанію: 1687 г." Д. Языкова, 45—82.—Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XV—XX.—Корсаковъ, Д. А.: „Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны". Казань. 1880 г. -Его же: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.". Казань. 1891 г., 195—218

В. Корсакова.

Долгоруковъ - Крымскій, князь, *Василій Михайловичъ* (1722 † 1782), генералъ-аншефъ, въ концѣ жизни главнокомандующій въ Москвѣ, сынъ дѣйств. тайн. сов. и сенатора князя Михаила Владиміровича Долгорукова, родился 1 іюля [1]) 1722 г., тринадцати лѣтъ былъ записанъ въ драгуны и въ 1735 г. произведенъ въ капралы и вахмистры. Опала, постигшая Долгоруковыхъ при Аннѣ Іоанновнѣ, коснулась и князя Василія Михайловича. Запрещено было и его производить въ офицеры. Однако доблесть, проявленная имъ въ 1736 г. при штурмѣ Перекопской крѣпости, заставила Миниха на собственный страхъ нарушить повелѣніе Императрицы и поздравить князя прапорщикомъ. Вслѣдъ затѣмъ Долгоруковъ участвовалъ въ штурмѣ Очакова (1737), гдѣ потерялъ убитаго тутъ же родного брата, подъ Хотинымъ (1738) и въ Шведской войнѣ, гдѣ отличился главнымъ образомъ въ дѣлѣ при Вилаіокахъ (1740). Воцареніе Императрицы Елисаветы Петровны, вернувъ Долгоруковыхъ изъ ссылки, создало рядъ быстрыхъ повышеній и для Василія Михайловича. Въ 1741 году онъ

[1]) по Бантышъ-Каменскому—1 іюня.

произведенъ въ капитаны, въ 1742 г.—въ секундъ-маіоры, въ 1743 г.—въ премьеръ-маіоры, въ 1745 г. въ чинѣ подполковника назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ своему родному дядѣ, президенту военной коллегіи, генералъ-фельдмаршалу князю Василію Владиміровичу, а въ 1747 г. произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Тобольскаго пѣхотнаго полка. Въ новой роли кн. Вас. Мих. повидимому рѣзко выдвинулся изъ числа остальныхъ командировъ. Объ этомъ, напримѣръ, говоритъ въ своихъ запискахъ кн. Як. Петровичъ Шаховской: «Сіи вышеименованные четыре господина полковника (Захаръ Чернышевъ, Вилбоа, Мельгуновъ и князь Василій Михайловичъ Долгорукой), тогда уже славившіеся отличнымъ достоинствомъ и своимъ знатнымъ поведеніемъ, отъ своего генералитета съ отмѣнными благосклонностями принимаемы были и почасту съ ними въ компаніяхъ и въ разсужденіяхъ бывали». Слѣдовательно, молодого князя и тогда уже цѣнили какъ опытнаго начальника. Тотъ же отзывъ данъ и Императрицею Екатериною II: «во время Апраксина, пишетъ она, отличались пять или шесть полковниковъ порядкомъ ихъ полковъ, а именно: графъ П. А. Румянцевъ, графъ Зах. Григ. Чернышевъ, П. И. Панинъ, Николай Михайловичъ Леонтьевъ, кн. Вас. Мих. Долгорукій; въ кавалеріи кн. Михаилъ Никит. Волконскій». Такимъ образомъ, въ обоихъ отзывахъ повторяются только Чернышевъ и Долгоруковъ. Въ 1748 г. вмѣстѣ съ тобольцами князь принялъ участіе въ походѣ на Рейнъ, въ 1755 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а вслѣдъ затѣмъ пошелъ въ составѣ арміи, двинутой противъ Пруссіи. Участіе въ Семилѣтней войнѣ доставило Долгорукову чинъ генералъ-поручика(1758), за бой подъ Кюстриномъ, и орденъ св. Александра Невскаго. Нельзя сказать однако, чтобы въ самихъ бояхъ князь былъ счастливъ: при Цорндорфѣ онъ раненъ картечью въ лѣвую ногу, а 8 сентября 1762 г. снова раненъ, но уже тяжело, при штурмѣ непріятельскихъ батарей у Кольберга. Императрица Екатерина II, видимо знавшая Долгорукова еще раньше, быстро отличила будущаго покорителя Крыма и въ день своего коронованія (22 сент. 1762 г.) произвела его въ генералъ-аншефы, а въ 1767 г. возложила на него и орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Съ началомъ войны съ Турціей Долгорукову ввѣрили охраненіе нашихъ границъ съ Крымомъ, а въ 1771 г. подъ его же начальствомъ была двинута 38 тыс. армія для самаго покоренія этого полуострова. «Такимъ образомъ, говоритъ одно жизнеописаніе Долгорукова, онъ прославилъ имя свое въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за 35 лѣтъ началъ только знакомиться со славою». Убѣдясь въ невозможности покончить съ крымцами путемъ простыхъ переговоровъ, кн. Долгорукій рѣшилъ дѣйствовать силою. 25 мая его армія собралась на рѣчкѣ Маячкѣ и 14-го іюня овладѣла укрѣпленною линіею у Перекопа, которую защищали 50.000 татаръ и 7.000 турокъ; вслѣдъ затѣмъ кн. Вас. Мих. съ 27.000 чел. одержалъ при Кафѣ рѣшительную побѣду надъ 95 тыс. татаро-турецкою арміею и однимъ этимъ успѣхомъ принудилъ къ сдачѣ города Арабатъ, Козловъ, Еникале, Керчь и Балаклаву. «Все сіе служитъ слѣдствіемъ, писала ему Императрица, не только неустрашимости войскъ нашихъ, но и разумнаго, добраго и искуснаго вашего предводительства, за что премного вамъ благодарствую». Ханъ Крыма, Селимъ Гирей, бѣжалъ вскорѣ въ Константинополь, и на его мѣсто былъ возведенъ сторонникъ русскаго правительства, Саибъ-Гирей. Дни Крыма были сочтены. Окончательное закрѣпленіе его за нами состоялось однако лишь послѣ второй турецкой войны. Въ лестномъ рескриптѣ къ Долгорукову Императрица благодарила его за побѣды, пожаловала ему орденъ св. Георгія 1 степени и 60.000 рублей и произвела его сына, кн. Василія Васильевича, въ полковники. «Портрета моего въ Крыму нѣтъ, писала она самому кн. Вас. Мих., но вы его найдете въ табакеркѣ, кою при семъ къ вамъ посылаю. Прошу ее носить, ибо я ее къ вамъ посылаю на память отъ добраго сердца».

Если Императрица и цѣнила службу Долгорукова, то зато нѣкоторые современники относились къ этой службѣ же весьма неодобрительно. Лордъ Каткартъ, англійскій посолъ при русскомъ дворѣ, въ своихъ донесеніяхъ британскому правительству, прямо называлъ Долгорукова неспособнѣйшимъ человѣкомъ и объяснялъ состоявшееся назначеніе его главнокоман-

дующимъ Крымскою арміею только тѣмъ, что Чернышевъ, креатурой котораго якобы былъ кн. Василій Михайловичъ, хотѣлъ поставить эту армію въ такую же зависимость отъ себя, въ какой находилась первая армія, когда была подъ начальствомъ князя Голицына. Другой неодобрительный отзывъ о Долгоруковомъ далъ и нѣмецъ Густавъ фонъ-Штрандманъ. «Одно счастіе, а не искусство, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, руководило князя Долгорукова въ эту кампанію. Во всей арміи не было генерала, который бы хуже его зналъ военное дѣло; его закоренѣлое упрямство доходило до того, что онъ не принималъ ничьихъ и никакихъ совѣтовъ, и дѣлало еще болѣе затрудненій въ командованіи.... Ни одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ не былъ имъ доволенъ». Суровый отзывъ Штрандмана, быть можетъ, легко объясняется тѣмъ, что авторъ записокъ получилъ отъ князя «порядочную репримянду» (строгій выговоръ), за слишкомъ спѣшный проѣздъ чрезъ карантинъ отъ Перекопа до Полтавы. Несомнѣнно, что князь Долгорукій не принадлежалъ къ числу выдающихся полководцевъ. Но во всякомъ случаѣ порученное ему дѣло онъ всегда выполнялъ толково, съ усердіемъ и съ успѣхомъ. Въ день торжественнаго празднованія мира съ Турціею (10 іюля 1775 г.) Долгоруковъ получилъ отъ Императрицы шпагу съ алмазами, алмазы къ ордену св. Андрея Первозваннаго и титулъ Крымскаго. Обманувшись въ надеждѣ получить въ этотъ день жезлъ фельдмаршала, князь обидѣлся и вышелъ въ отставку.

По свидѣтельству нѣкоторыхъ, онъ былъ самъ виноватъ въ томъ, что его обошли. По возвращеніи изъ Крыма, князь, приглашенный Императрицею къ обѣду, сидѣлъ за столомъ рядомъ съ фельдмаршаломъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Екатерина, наливъ рюмку вина и отдавая ее пажу, сказала вполголоса: «князю Долгорукому» и громко прибавила: «подайте господину фельдмаршалу». Когда пажъ поднесъ рюмку князю Василію Михайловичу, послѣдній указалъ ему на Голицына: «вотъ фельдмаршалъ!» По выходѣ изъ-за стола присутствовавшіе поздравляли Долгорукова, но онъ отклонилъ всѣ поздравленія.

За два года до своей кончины вновь приглашенный Императрицею на службу Долгоруковъ былъ назначенъ (11 апрѣля 1780 г.) главнокомандующимъ въ Москву и пріобрѣлъ здѣсь общія симпатіи. «Слушай, Поповъ, сказалъ онъ своему правителю канцеляріи, вступая въ новую должность,—я человѣкъ военный, въ чернилахъ не окупанъ; если принялъ настоящую должность—единственно изъ повиновенія къ Всемилостивѣйшей Государынѣ. Итакъ смотри, чтобы никто на меня не жаловался; я тотчасъ тебя выдамъ. Императрица меня знаетъ. Старайся, чтобъ и тебя узнала съ хорошей стороны». Только два года стоялъ Долгоруковъ во главѣ Первопрестольной столицы. Давно уже страдая мучительной подагрой, 30 января 1782 года онъ перешелъ наконецъ въ вѣчность. Записки современниковъ отчетливо рисуютъ всю печаль Москвы, повидимому искренно полюбившей своего недолгаго правителя. Появилась и эпитафія Нелединскаго-Мелецкаго, въ своихъ заключительныхъ строфахъ подчеркнувшая это горе столичнаго населенія:

„Прохожій! не дивись, что пышный мавзолей
Не зришь надъ прахомъ ты его,
Бываютъ оною покрыты и злодѣи.
Для добродѣтелей нѣтъ славы отъ того,
Пусть гордость тлѣнныя гробницы созидаетъ.
По Долгоруковѣ—Москва рыдаетъ“.

Долгоруковъ погребенъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Полуектовѣ, въ 90 в. отъ столицы, въ сооруженной имъ церкви Трехъ Святителей. Памятникъ ему воздвигнутъ въ 1842 г. въ Симферополѣ его внукомъ, княземъ Василіемъ Васильевичемъ. Вас. Мих. былъ женатъ на Анастасіи Васильевнѣ Волынской и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей (Михаила и Василія) и трехъ дочерей (Прасковью, Варвару и Ѳеодосью).

Кн. П. Долгоруковъ въ своихъ «Сказаніяхъ», давая характеристику Крымскаго, говоритъ о послѣднемъ, какъ о мужѣ «съ дарованіями великаго полководца и съ мужествомъ беззавѣтнымъ», имѣвшемъ «разсудокъ здравый и ясный, душу пылкую и возвышенную»; по словамъ автора «Сказаній», князь Василій Михайловичъ «пламенно любилъ свое отечество, отличался безкорыстіемъ, сердоболіемъ, рвеніемъ на всякій подвигъ до-

бра и пользы, какъ общественной, такъ и частной, однимъ словомъ, былъ истиннымъ русскимъ бояриномъ».

Если эта характеристика, быть можетъ, и довольно близка къ истинѣ въ отношеніи нравственнаго облика покорителя Крыма, то она грѣшитъ большимъ преувеличеніемъ въ смыслѣ оцѣнки кн. Долгорукова, какъ якобы великаго полководца. Въ дѣйствительности въ сферѣ военнаго дѣла это былъ лишь средній талантъ, человѣкъ, лучше командовавшій полкомъ и небольшимъ отрядомъ, чѣмъ корпусомъ или арміею.

Моск. отдѣл. Арх. Гл. Штаба. Дѣла Армейской Экспедиціи, оп. 10, св. 566.—П. Долгоруковъ: „Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ". Спб. 1840.—Тыртовъ, Е.: „Исторія о князѣ Я. Ѳ. Долгоруковѣ съ прибавленіемъ свѣдѣнія о другихъ знаменитыхъ мужахъ славной фамиліи князей Долгорукихъ." М. 1807 г.—Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли." Спб. 1847 г.—„Записки кн. Я. П. Шаховскаго, писанныя имъ самимъ", изд. 2-ое, Спб. 1821 г.; Русск. Ст. 1872, V, стр. 138 и 772; Р. Ст. 1878, XXII, стр. 46, 47 и 51 (записки Пикара). Русск. Ст. 1884, XLIII, стр. 67, 70 и 71 (записки 1 устава фонъ Штрандмана); Русск. Арх. 1865 г., стр. 482.—Соловьевъ: „Исторія Россіи," т. XXVIII: Масловскій,—Д. „Русская армія въ семилѣтнюю войну". М. 1888 г.—Боккъ: „Воспоминанія о князѣ Василіи Михайловичѣ Долгоруковѣ-Крымскомъ, "Москва, 1853 г.

П. Симанскій.

Долгоруковъ, князь, *Василій Юрьевичъ* (1776 † 1810), генералъ-адъютантъ, сынъ князя Юрія Владиміровича. Зачисленъ на службу прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ въ 1789 году. Въ 1798 году произведенъ въ полковники, а въ 1799 году отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ. Въ 1801 году принятъ снова на службу съ пожалованіемъ въ генералъ-маіоры и опредѣленіемъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ. Въ 1802 году зачисленъ по арміи, затѣмъ въ Черниговскій мушкетерскій полкъ; въ томъ же году Высочайшимъ приказомъ повелѣно считать Василію Юрьевичу старшинство въ генеральскомъ чинѣ со 2 марта 1799 года. Въ 1809 году назначенъ командиромъ 18-й пѣхотной дивизіи. Въ войну 1806—1807 года командовалъ бригадою, причемъ съ отличіемъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау, Фридландѣ и многихъ другихъ, за что и пожалованъ былъ званіемъ генералъ-адъютанта. Въ 1809 году находился въ составѣ вспомогательнаго русскаго корпуса, направленнаго противъ Австріи, но участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимавшаго. Въ 1810 г. князь Василій Юрьевичъ принялъ участіе въ турецкой кампаніи, командуя 18-й пѣхотной дивизіей, причемъ былъ во многихъ большихъ и малыхъ бояхъ (между прочимъ въ сраженіяхъ при Базарджикѣ, Варнѣ и Шумлѣ). Высочайшимъ приказомъ 25 сентября 1810 года исключенъ изъ списковъ умершимъ. Князь П. Долгоруковъ въ своемъ трудѣ: «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ» характеризуетъ покойнаго, какъ «сочетавшаго съ природнымъ умомъ доброту душевную». Умеръ Василій Юрьевичъ холостымъ.

Московскій Архивъ Главнаго Штаба: Книга формулярныхъ списковъ за 1810 годъ № 1724. Князь П. Долгоруковъ: „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ." Спб. 1840.

М. Россійскій.

Долгоруковъ, князь, *Владиміръ Андреевичъ*, (1810 † 1891) генералъ-адъютантъ, генералъ отъ-кавалеріи, московскій генералъ-губернаторъ, родился 3-го іюля 1810 года и получилъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣшнее Николаевское кавалерійское училище). Въ 1828 году князь Владиміръ Андреевичъ поступилъ на службу, на правахъ вольноопредѣляющагося, унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ и въ 1829 году былъ произведенъ въ корнеты. Въ 1831 году князь принялъ участіе въ польской кампаніи, причемъ выказалъ свое мужество въ сраженіи подъ Жолтками, въ преслѣдованіи противника, отступившаго къ Остроленкѣ, и при штурмѣ передовыхъ укрѣпленій и городового вала Варшавы. Орденъ св. Анны съ бантомъ, знакъ отличія за военныя заслуги 4-й степени и серебряная медаль за взятіе Варшавы были наградами молодого офицера за подвиги, оказанные въ этой кровопролитной войнѣ.

Въ январѣ 1833 года корнетъ князь Долгоруковъ былъ назначенъ адъютантомъ къ военному министру, генералъ-адъютанту князю Чернышеву, и 28-го числа того же мѣсяца произведенъ въ поручики. Въ должности адъютанта военнаго министра князь Владиміръ Андреевичъ исполнялъ почти безпрерывно самыя

разнообразныя порученія. Такъ, въ 1833 же году имъ былъ исполненъ переводъ положенія о преобразованіи армейской пѣхоты и кавалеріи на французскій языкъ (за что князь удостоился получить Высочайшее благоволеніе); затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ успѣшно исполненныхъ командировокъ, носившихъ большею частью контрольный и наблюдательный характеръ за дѣйствіями интендантскаго вѣдомства. Дѣятельность эта продолжалась до 1836 г., когда князь Долгоруковъ былъ командированъ на Кавказъ, гдѣ и участвовалъ, находясь въ отрядѣ ген.-лейт. Вельяминова, въ экспедиціи за Кубань. За полезную и неутомимую дѣятельность во время этого похода и за мужество, оказанное въ почти безпрерывныхъ дѣлахъ съ горцами, князь, въ маѣ 1837 года, былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры.

По возвращеніи съ Кавказа Владиміръ Андреевичъ, въ сентябрѣ 1838 года, былъ командированъ въ Мюнхенъ для представленія баварскому королю образцовъ употребляемаго въ нашихъ войскахъ огнестрѣльнаго и холоднаго оружія и нѣкоторыхъ интендантскихъ вещей, за что и награжденъ былъ орденомъ Баварской короны. Въ мартѣ 1841 года князь Долгоруковъ былъ произведенъ въ ротмистры и командированъ въ Тамбовскую, Пензенскую, Симбирскую, Казанскую, Нижегородскую и Ярославскую губерніи для собиранія свѣдѣній объ урожаѣ въ нихъ; подобныя же командировки онъ неоднократно получалъ и въ послѣдующіе годы и сверхъ того осматривалъ въ разныхъ пунктахъ учрежденія интендантскаго вѣдомства.

Въ декабрѣ 1844 года князь Долгоруковъ былъ произведенъ за отличіе въ полковники съ зачисленіемъ по особымъ порученіямъ къ военному министру, ген.-ад. князю Чернышеву. Вслѣдъ за симъ, Владиміръ Андреевичъ, успѣвшій пріобрѣсти большую опытность въ интендантскомъ дѣлѣ, былъ назначенъ въ январѣ 1847 года вице-директоромъ провіантскаго департамента и въ апрѣлѣ того же года флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ слѣдующемъ 1848 году онъ былъ уже генералъ-провіантмейстеромъ военнаго министерства, а въ ноябрѣ того же года произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Въ апрѣлѣ 1854 года Импер. Николай I, удостовѣрясь изъ личныхъ Высочайшихъ осмотровъ и изъ соотвѣтствующихъ донесеній, что снаряженіе войскъ по военному времени, передвиженіе ихъ, сформированіе резервовъ и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ, вооруженіе крѣпостей и приведеніе ихъ въ оборонительное положеніе произведены вполнѣ согласно съ указаніями Его Величества, изволилъ съ истиннымъ удовольствіемъ объявить князю Долгорукову свое особое Монаршее благоволеніе. Въ 1855 году (17-го апрѣля) Владиміръ Андреевичъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ 1856 г.—сначала членомъ военнаго совѣта, а затѣмъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. 30 августа 1856 г. князь Долгоруковъ получилъ постъ московскаго генералъ-губернатора съ оставленіемъ въ военномъ совѣтѣ и въ званіи генералъ-адъютанта.

Состоя московскимъ генералъ-губернаторомъ въ теченіе болѣе 35 лѣтъ, князь Владиміръ Андреевичъ, благодаря своей добротѣ и отзывчивости, пользовался огромною популярностью среди мѣстнаго населенія. Въ этой должности въ 1866 году князь Долгоруковъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи, а въ маѣ 1867 года былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ 1868 году опредѣленіемъ Правительствующаго Сената князь былъ утвержденъ почетнымъ мировымъ судьей по Смоленскому уѣзду. Въ 1874 году пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а въ іюнѣ 1875 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе на присвоеніе князю Долгорукову званія почетнаго гражданина г. Москвы. Въ томъ же году, согласно съ ходатайствомъ городскихъ думъ, Государь Высочайше соизволилъ на присвоеніе князю Владиміру Андреевичу званія почетнаго гражданина городовъ: Вереи, Звенигорода, Дмитрова, Бронницъ, Рузы, Коломны, Волоколамска, Вознесенска, Подольска и Павловскаго посада. Въ апрѣлѣ 1879 года, въ день пятидесятилѣтняго юбилея въ офицерскихъ чинахъ, князь Долгоруковъ былъ зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи коннаго полка; въ 1881 г.—назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а въ 1882 году—зачисленъ въ войсковое со-

словіе Астраханскаго казачьяго войска по Городо-Фастатинской станицѣ, съ званіемъ почетнаго казака. Независимо отъ этого, князь Долгоруковъ былъ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ и попечителемъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. 30 августа 1890 года Москва торжественно отпраздновала 35-лѣтній юбилей генералъ губернаторскаго служенія князя Владиміра Андреевича, которому было поднесено свыше 300 адресовъ. По случаю юбилея было учреждено множество стипендій, кроватей въ больницахъ и нѣсколько благотворительныхъ заведеній; германскій императоръ прислалъ князю свой портретъ въ мундирѣ Петербургскаго полка. Какъ генералъ-губернаторъ, князь Долгоруковъ неоднократно получалъ Высочайшія благоволенія за свою неутомимую дѣятельность и порядокъ въ Москвѣ и Московской губерніи. Какъ знакъ этихъ благоволеній — князь носилъ на груди украшенные брилліантами портреты Императоровъ Александра II и Александра III.

26 февраля 1891 года князь Владиміръ Андреевичъ былъ уволенъ отъ должности московскаго генералъ-губернатора и отправился за границу для лѣченія болѣзни, гдѣ и скончался, въ Парижѣ, 20 іюня того же года, на 81-мъ году отъ рожденія.

Формулярный о службѣ списокъ.—„Русскій Инвалидъ“, 1890 г. № 193 и 1891 г. № 139.

М. Россійскій.

Долгоруковъ, кн., *Владиміръ Дмитріевичъ*, старшій сынъ боярина кн. Дмитрія Алексѣевича, род. въ 1654 г. и началъ службу стольникомъ (1668 г.). Въ 1674 г. сопровождалъ своего отца въ Холмогоры, гдѣ тотъ умеръ. Пожалованъ въ томъ же году окольничимъ, а въ 1677 г. очень расположенный къ нему царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ возвелъ его на степень боярина. Имѣлъ благотворное вліяніе на молодого царя и былъ отъявленнымъ противникомъ мѣстничества. Послѣ сожженія разрядныхъ книгъ былъ назначенъ начальникомъ совѣта, имѣвшаго порученіе привести въ порядокъ родословные списки. При царевнѣ Софіи былъ воеводою въ Малороссіи и принималъ участіе въ обоихъ неудачныхъ походахъ кн. Голицына противъ крымцевъ (1687 и 1688 гг.). При Петрѣ, когда сталъ быстро сооружаться первый русскій флотъ, построилъ на собственный счетъ нѣсколько сорока-пушечныхъ галіотовъ. Участвовалъ въ производствѣ слѣдствія и въ суровой расправѣ надъ стрѣльцами (1698 г.). Считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ лошадей въ Москвѣ и много сдѣлалъ для русскаго коннозаводства; на этомъ и сдружился съ царемъ Ѳеодоромъ, страстнымъ любителемъ лошадей. Умеръ въ 1701 г. и погребенъ въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Устряловъ. Ист. Петра Вел.—Зезюлинскій: Ист. изслѣдов. о коннозавод. дѣлѣ въ Россіи. Кромѣ того, общая библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Владиміръ Ивановичъ*, продолжительное время редактировавшій «Московскія Вѣдомости», получилъ образованіе домашнее, потомъ въ академіи художествъ по отдѣленію скульптуры; на службу поступилъ фурьеромъ въ Преображенскій полкъ (1789 г.), но оставался въ полку недолго и перешелъ «дежурнымъ офицеромъ» въ Московскій университетъ. Впослѣдствіи нѣкоторое время состоялъ чиновникомъ при генералъ-прокурорѣ, а съ 1809 по 1825 годъ, въ чинѣ коллежскаго ассесора, издавалъ и редактировалъ «Московскія Вѣдомости». Газету онъ затѣмъ передалъ кн. Шаликову, а самъ вышелъ въ отставку статскимъ совѣтникомъ и занялся частными торгово-промышленными предпріятіями. Онъ умеръ въ 1843 г. въ Москвѣ.

Кн.—Ал. Долгорукой: Замѣтка въ Сѣв. Пчелѣ. 1854 г. № 223:—Геннади: Справ. словарь о русск. пис. и ученыхъ., Общая библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Владиміръ Петровичъ*, былъ при Елизаветѣ Петровнѣ губернаторомъ Рижскимъ и Ревельскимъ. Произведенъ въ генералъ-лейтенанты въ 1755 г. и скончался въ 1761 г. въ Ригѣ.

См. Общ. библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ (Долгорукій), князь, *Владиміръ Петровичъ*, родился въ апрѣлѣ 1773 года и былъ старшимъ сыномъ генерала-отъ-инфантеріи князя Петра Петровича Долгорукова и супруги его Анастасіи Симоновны, рожденной Лаптевой. Почти съ колыбели онъ былъ записанъ въ гвардію: сержантомъ въ 1781 году, младшимъ адъютантомъ въ 1783 г. въ штабъ генералъ - поручика Нащокина, флигель-адъютантомъ «съ заслугою за под-

поручичій и поручичій чины по одному году» въ 1784 г. декабря 9-го и, наконецъ, генералъ-адъютантомъ въ 1789 г. іюля 28, когда онъ былъ назначенъ «въ штабъ генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера князя Юрія Владиміровича Долгорукаго». 4-го ноября 1789 г. князь былъ произведенъ въ подполковники въ Александрійскій легко-конный полкъ, а изъ онаго въ 1790 году переведенъ въ Смоленскіе драгуны. Съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ въ походѣ противъ турокъ въ арміи князя Потемкина. Въ 1794 году онъ сражался подъ знаменами Суворова въ Польшѣ. Въ слѣдующемъ 1795 году князь Долгоруковъ произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Павлоградскаго легко-коннаго полка, а въ 1796 году участвовалъ въ Персидскомъ походѣ въ корпусѣ графа Валеріана Зубова. По кончинѣ Екатерины II война Россіи съ Персіей была прекращена императоромъ Павломъ. Графъ Валеріанъ Зубовъ, командовавшій русской арміей, несмотря на всѣ козни враговъ, не подвергся гнѣву государя, но четыре подчиненныхъ ему кавалерійскихъ полковника, въ томъ числѣ князь Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ и знаменитый впослѣдствіи герой двѣнадцатаго года, Николай Николаевичъ Раевскій, были отданы подъ судъ по обвиненію въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Но обвиненія эти оказались ложными, и всѣ четыре подсудимые были оправданы. 23 ноября 1798 года Императоръ Павелъ I произвелъ князя Владиміра Петровича въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, и, кромѣ того, лично возложилъ на князя орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. 22 марта 1799 года князь Долгоруковъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса гр. Литта. Въ августѣ того же года князь былъ назначенъ въ корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, дѣйствовавшій противъ французовъ въ Швейцаріи, и прибылъ къ мѣсту новаго назначенія наканунѣ несчастнаго Цюрихскаго сраженія. Послѣ того онъ лишился бригады и былъ назначенъ членомъ Военной коллегіи. Въ февралѣ 1800 года ему велѣно состоять по арміи, а 7 марта того же года онъ былъ отставленъ отъ службы. Въ ноябрѣ 1800 года онъ снова былъ принятъ на службу въ Татарско-Литовскій полкъ, но уже въ мартѣ 1801 года снова уволенъ отъ службы. Наконецъ, послѣ воцаренія императора Александра I, князь Владиміръ Петровичъ еще разъ поступилъ на службу и былъ назначенъшефомъ того же Татарско-Литовскаго полка. При открытіи кампаніи 1805 года онъ просилъ разрѣшенія участвовать въ ней, на что и получилъ согласіе. Но князю Владиміру Петровичу не было удачи: онъ прибылъ въ армію наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, но не успѣлъ принять въ немъ дѣятельнаго участія. Желая все же чѣмъ-либо оправдать милость новаго государя, князь Долгоруковъ отправился въ слѣдующемъ 1807 году, при открытіи войны съ Турціей, въ Молдавскую армію. Здѣсь онъ получилъ бригаду въ корпусѣ Милорадовича. 6 декабря ему удалось взять городъ Галацъ, гдѣ были большіе непріятельскіе магазины. Послѣ того князь пробылъ еще нѣкоторое время въ арміи, участвовалъ въ дѣлахъ при Турдѣ, Журжевѣ и Браиловѣ, но, потерявъ здоровье вслѣдствіе климатическихъ условій, онъ окончательно вышелъ въ отставку. Увольненіе онъ получилъ 11 февраля 1808 года, съ правомъ ношенія мундира. Послѣ этого онъ провелъ остальные годы своей жизни въ кругу семейства главнымъ образомъ въ селѣ Спѣшневѣ, своемъ имѣніи близъ г. Черни, въ Тульской губерніи. Въ 1812 году онъ женился на Варварѣ Ивановнѣ Пашковой, которой лишился уже въ 1816 г., послѣ четырехъ лѣтъ полнаго счастья. Жену свою князь Владиміръ Петровичъ пережилъ всего на годъ и скончался въ Москвѣ, 24 ноября 1817 года, гдѣ и похороненъ рядомъ съ супругой въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Онъ оставилъ сына Петра, составителя монографіи о родѣ князей Долгоруковыхъ и извѣстнаго гинеалога. Князь Владиміръ Петровичъ Долгоруковъ былъ, по словамъ современниковъ, прекрасной души человѣкъ, но не имѣлъ ни блестящихъ качествъ своихъ младшихъ братьевъ, ни ихъ счастья. Знаменитый Суворовъ всегда съ похвалами отзывался о военныхъ дарованіяхъ князя, но имъ не суждено было развернуться.

Великій Князь Николай Михайловичъ: Князья Долгорукіе, сподвижники Императора Александра I.

Великій Князь Николай Михаиловичъ.

Долгоруковъ, кн., *Владиміръ Сергѣ-*

евичъ (3-й вѣтви рода) былъ правнукъ убитаго стрѣльцами боярина кн. Михаила Юрьевича. Его отецъ, кн. Сергѣй Петровичъ, состоялъ при русскомъ посольствѣ во Франціи, гдѣ и началось воспитаніе кн. Владиміра, род. въ 1720 г. При Елизаветѣ Петровнѣ его отецъ былъ переведенъ посланникомъ въ Константинополь, а молодой кн. Владиміръ, уже служившій въ гвардіи, назначенъ состоять при немъ. По смерти кн. Сергѣя (1761 г.) онъ состоялъ нѣкоторое время въ инженерномъ вѣдомствѣ въ чинѣ маіора на мало замѣтной должности; но при восшествіи на престолъ Екатерины II сумѣлъ оказать ей важныя услуги по подготовленію войскъ къ перевороту и съ этого времени выдвинулся. Въ 1762 г. онъ былъ сразу произведенъ въ полковники и назначенъ посланникомъ ко двору Фридриха Великаго. Онъ сумѣлъ снискать большое расположеніе короля и пробылъ на своемъ посту двадцать пять лѣтъ. По смерти Фридриха В. удалился въ Москву (въ 1781 году) и числился въ безсрочномъ отпуску дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ считался если не особенно выдающимся дипломатомъ, то вѣрнымъ сыномъ отечества и хорошимъ исполнителемъ указовъ императрицы, которой былъ искренно преданъ. Онъ умеръ въ 1803 г. и потомства по себѣ не оставилъ.

Бантышъ-Каменскій: Слов. дост. людей земли русской—Forschungen zur deutschen Geschichte. — Кн. Ив. Долгоруковъ: Капище моего сердца. Кромѣ того, общая библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Владиміръ Тимоѳеевичъ*, сынъ кн. Тимоѳея Ивановича, род. въ 1569 г. и началъ службу стольникомъ; потомъ, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, сдѣланъ былъ воеводою Пронскимъ. Участвовалъ въ походѣ подъ Нарву и въ 1591 г. былъ взятъ шведами въ плѣнъ; но, черезъ два года былъ выкупленъ. Въ 1598 г. строилъ городъ на рѣкѣ Койсу. Съ 1604 по 1606 г. состоялъ воеводою въ Теркахъ. По восшествіи на престолъ Шуйскаго, котораго главнымъ образомъ поддерживали Долгоруковы, возведенъ былъ въ боярское достоинство. Въ 1608 г., по приказанію царя Василія Ивановича, сопровождалъ съ отрядомъ войскъ пана Мнишка и Марину въ Польшу, но въ дорогѣ отрядъ подвергся нападенію кн. Рубца-Мосальскаго и потерпѣлъ пораженіе, а Мнишекъ съ Мариной были отбиты и отвезены въ Тушино. Возвратившись въ Москву, онъ всѣми силами отстаивалъ Шуйскаго, но не былъ въ силахъ спасти его отъ паденія, котораго добивались меньшіе бояре и служилые люди (1610). По низложеніи Шуйскаго кн. Владиміръ Тимоѳеевичъ предлагалъ избрать на царство Филарета. Сильно противодѣйствовалъ избранію королевича Владислава съ ограниченіемъ царской власти, а когда помѣшать этому оказался не въ силахъ, пожелалъ удалиться изъ Москвы и получилъ отъ боярской думы намѣстничество въ Новгородѣ, въ Псковѣ и въ Твери. Новгородъ былъ уже во власти шведовъ, а потому кн. Владиміръ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи достаточныхъ войскъ, долженъ былъ ограничиться защитой Пскова и Твери противъ Делагарди и выполнилъ это чрезвычайно успѣшно. Избранію на царство Михаила Ѳеодоровича Романова кн. Д. горячо содѣйствовалъ и за это получилъ намѣстничество Казанское. По возвращеніи изъ плѣна его друга и покровителя, митрополита Филарета, рѣшено было приступить къ избранію молодому царю достойной невѣсты; при этомъ выборъ Филарета остановился на дочери князя Владиміра, княжнѣ Маріи. Бракосочетаніе состоялось 19 сентября 1624 года. Тотчасъ послѣ свадьбы царица занемогла, а 7 января 1625 года скончалась. Многіе приписывали эту загадочную смерть яду, подсыпанному царицѣ врагами Долгоруковыхъ; но розысковъ по этому дѣлу, вслѣдствіе опасенія крупныхъ раздоровъ между боярами при неокрѣпшей еще власти новой династіи, произведено не было. Князь Владиміръ Тимоѳеевичъ такъ былъ огорченъ смертью дочери-царицы, что заперся въ своемъ домѣ, долго оставался въ полномъ уединеніи, покинулъ всѣ дѣла и постепенно впалъ въ тихое помѣшательство. Такъ онъ прожилъ восемь лѣтъ и скончался въ 1633 г.

См. общую библіогр. о родѣ князей Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Григорій Борисовичъ Роща*, принадлежалъ къ отпрыскамъ младшей (4-й) вѣтви рода кн. Долгоруковыхъ, пресѣкшейся со смертью его сына Ивана. Его первоначальная служба при Іоаннѣ Грозномъ, при Ѳеодорѣ и при Бо-

рисѣ Годуновѣ прошла незамѣтно. Въ смутное время онъ держался народной партіи, враждебной иноземцамъ и боярамъ, а потому былъ нелюбимъ среди своихъ родственниковъ и не могъ выдвинуться, хотя уже славился какъ хорошій воинъ и какъ человѣкъ съ большой силой воли. Однако въ 1608 году, когда потребовался надежный защитникъ для охраненія Троице-Сергіевской лавры, которой угрожали поляки, о немъ невольно вспомнили, и онъ былъ назначенъ первымъ осаднымъ воеводою лавры; вторымъ воеводою былъ назначенъ Алексѣй Голохвастовъ. Нападеніе поляковъ на лавру, привлекавшую непріятеля своими богатствами, предвидѣлось уже съ августа мѣсяца, но состоялось только въ концѣ сентября. Это время кн. Роща употребилъ на исправленіе и вооруженіе монастырской каменной ограды, а также на сборъ жизненныхъ припасовъ и на обученіе защитниковъ. Вооружены и наскоро обучены были даже иноки. 23 сентября лавра была обложена войсками Сапѣги, Лисовскаго, Тышкевича и Вишневецкаго. 25 числа, пріобщившись св. тайнъ, Роща и Голохвастовъ присягнули надъ мощами Преподобнаго Сергія «сидѣть въ осадѣ вѣрно, безъ измѣны».

Войска осаждающихъ доходили численностью до 30.000 человѣкъ, и сопротивленіе незначительнаго числа защитниковъ такой силѣ казалось безуміемъ. Поэтому уже 29 сентября Долгорукову и Голохвастову были доставлены отъ непріятеля письма со всякими угрозами и съ предложеніемъ покориться Дмитрію (Тушинскому вору) безъ кровопролитія. Воеводы отвѣчали: «не боимся ляховъ и крамольниковъ». Началась осада (3 октября), въ продолженіе которой Долгоруковъ оставался на стѣнахъ денно и нощно. 12 октября былъ отбитъ первый приступъ. 19 октября Долгоруковъ самъ сдѣлалъ очень смѣлую и кровопролитную вылазку. 25 числа былъ столь же успѣшно отраженъ второй приступъ. Узнавъ отъ плѣннаго польскаго ротмистра Брушевскаго о начатыхъ непріятелемъ подземныхъ работахъ, защитники начали усиленно углублять рвы, чѣмъ отвратили опасность отъ подкоповъ, такъ какъ очень глубоко ихъ вести въ это время года, вслѣдствіе обильныхъ грунтовыхъ водъ, было трудно. Это такъ раздражило непріятеля, что послѣдовали два сильныхъ приступа (31 октября и 1 ноября), отбитыхъ лишь съ трудомъ и съ большими потерями. Положеніе осажденныхъ особенно ухудшилось, когда непріятель овладѣлъ прудами, вслѣдствіе чего въ лаврѣ сталъ ощущаться большой недостатокъ въ водѣ. Но иноки и ратные люди, воодушевляемые своими суровыми предводителями, держались одинаково твердо, и всякіе переговоры съ поляками попрежнему отвергались съ негодованіемъ. Однако непріятель снова сталъ рыть подкопы; 9 ноября пришлось даже сдѣлать вылазку, чтобы взорвать особенно опасный подкопъ, что и удалось, благодаря мужеству осажденныхъ. Съ наступленіемъ большихъ морозовъ положеніе осажденныхъ стало еще затруднительнѣе, такъ какъ не хватало дровъ. Отъ холода, недостатка воды и появившихся вслѣдствіе этихъ причинъ болѣзней начался моръ. Весною зараза прекратилась; сильно порѣдѣвшіе ряды защитниковъ были нѣсколько пополнены пробравшимся въ лавру отрядомъ 80 московскихъ ратниковъ подъ начальствомъ атамана Останкова. Тотчасъ же духъ мужественныхъ защитниковъ лавры снова поднялся, и 9 мая даже сдѣлана была смѣлая вылазка. Въ отвѣтъ поляки дали 27 мая большой приступъ, но были отбиты и понесли большія потери. Отчаявшись овладѣть лаврою, они прекратили осаду и перешли къ простому обложенію, надѣясь взять изморомъ. Но осажденные оставались стойки даже, когда припасовъ стало недостаточно. Наконецъ 12 января 1610 г., узнавъ о приближеніи большой русской рати подъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго, поляки сняли обложеніе лавры и отступили. За оборону московской святыни кн. Роща получилъ изъ рукъ царскихъ золотошитую шубу и золотой кубокъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ воеводою на Двину. Въ 1613 г. онъ былъ убитъ въ Вологдѣ мятежниками, неожиданно овладѣвшими городомъ (22 сент.).

См. общую библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Григорій Даниловичъ*, часто упоминается, какъ ревностный слуга первыхъ двухъ царей рода Романовыхъ и какъ суровый исполнитель царскихъ указовъ, но самъ по себѣ ничѣмъ не прославился. Былъ воеводою въ

Мценскѣ (1640), въ Брянскѣ дважды (1642—1644 и 1652–1654), въ Ельцѣ (1645—1647), въ Калугѣ (1648—1649), въ Путивлѣ (1656—1660) и въ ливонскомъ походѣ царя Алексѣя Михайловича.

См. общ. библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Григорій Ивановичъ Чортъ*, служилъ воеводою въ Михайловѣ (1563), въ Болховѣ (1564), въ войскѣ подъ Дорогобужемъ (1565), вторично былъ посланъ въ Болховъ для защиты города противъ крымскихъ татаръ (1565). Въ 1569 г. былъ воеводою въ Новосилѣ, а по удаленіи крымцевъ—въ Серпуховѣ (1571). Предводительствовалъ отрядомъ въ Кокенгаузенѣ (1573), затѣмъ находился при осадѣ г. Пернова (1575), а по взятіи этого города оставленъ въ немъ третьимъ воеводою. Былъ отряднымъ воеводою подъ Калугою (1576), въ Нарвѣ (1577), въ походѣ къ Великимъ Лукамъ (1580) и осаднымъ воеводою въ Брянскѣ и въ Почепѣ (1585). Находился на походѣ къ Нарвѣ, когда получено было извѣстіе о казацкомъ набѣгѣ (1590), и тотчасъ же былъ посланъ въ Воронежъ. Въ 1592 г. охранялъ отъ крымскихъ татаръ берега Оки. При Годуновѣ, не довѣрявшемъ ему, былъ воеводою въ Тюмени, что могло считаться равносильнымъ ссылкѣ. Считался воиномъ неустрашимымъ и получилъ свое прозвище за суровую строгость къ подчиненнымъ. Былъ однимъ изъ немногихъ князей Рюриковской крови, никогда не навлекавшихъ на себя неудовольствія Грознаго.

См. общую библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Григорій Ивановичъ Большій*, жилъ одновременно съ кн. Григ. Ив. Долгор. Чортомъ, вслѣдствіе чего и назывался «Большимъ» для отличія отъ своего младшаго родственника. Участвовалъ въ Колыванскомъ походѣ и былъ доблестнымъ воиномъ, но болѣе извѣстенъ своимъ печальнымъ концомъ: въ 1555 г. онъ былъ захваченъ татарами въ плѣнъ (въ сраженіи при Судбищѣ), долго оставался въ неволѣ и умеръ среди татаръ невыкупленный.

См. общ. библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Григорій Ѳеодоровичъ*, младшій братъ извѣстнаго любимца Петра I, кн. Якова Ѳеодоровича, род. въ 1656 г. Служилъ съ четырнадцати лѣтъ стольникомъ, а когда былъ сформированъ Преображенскій «потѣшный» полкъ, взятъ въ этотъ полкъ капитаномъ. Онъ участвовалъ въ обоихъ азовскихъ походахъ (1695 и 1696 гг.), былъ награжденъ званіемъ намѣстника Ростовскаго, а въ 1700 г. назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ. Въ началѣ сѣверной войны былъ посланникомъ въ Польшѣ и присутствовалъ при свиданіи Петра I съ королемъ Августомъ. Послѣ этого былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ польскомъ. Былъ иниціаторомъ и душою Сендомирской конфедераціи, составленной въ противодѣйствіе конфедераціи Варшавской (Любомирскаго и Радзіевскаго), чѣмъ оказалъ Россіи важную услугу. Когда состоялся Альтранштадскій договоръ и поляки выдали шведамъ Паткуля, кн. Долгоруковъ покинулъ Польшу. Послѣ измѣны Мазепы онъ былъ посланъ въ Глуховъ для наблюденія за выборами новаго гетмана и для представительства Россіи. При этомъ онъ не допустилъ избранія полковника Полуботка, а настоялъ на избраніи Скоропадскаго, которому и была вручена гетманская булава (1708). Послѣ этого вернулся къ войскамъ, разбилъ генерала Крузе близъ Жукова и принималъ дѣятельное участіе въ Полтавской битвѣ, со своимъ отрядомъ препятствуя соединенію главной арміи Карла XII съ гарнизономъ осадныхъ укрѣпленій. За это получилъ чинъ дѣйств. тайн. совѣтника и нѣсколько деревень. Сопровождалъ Петра Великаго въ Торунъ и въ Маріенвердеръ, завѣдуя дипломатической перепиской; награжденъ Андреевской лентой и вскорѣ послѣ того вторично отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Варшаву (1709). Въ этотъ свой пріѣздъ добился отъ поляковъ возобновленія договоровъ 1686 и 1704 годовъ. Въ 1712 г. былъ отозванъ, но три года спустя, когда польскія дѣла снова усложнились, въ третій разъ присланъ представителемъ Россіи въ Варшаву. Чрезвычайно искусно примирилъ короля Августа съ магнатами (1716), но въ слѣдующемъ году самъ поссорился съ высшими представителями польскаго духовенства и попалъ въ столь ложное положеніе, что былъ принужденъ просить объ отозваніи въ Петербургъ. Отозванъ лишь въ 1621 г. и былъ замѣненъ своимъ сыномъ, кн. Сергѣемъ, а самъ назначенъ сенаторомъ. Скончался въ 1723 г. (15 авг.) и погребенъ въ

*

Александро-Невской лаврѣ. Кн. Григорій Ѳедоровичъ считался большимъ знатокомъ польскихъ дѣлъ и больше всѣхъ сдѣлалъ для укрѣпленія русскаго вліянія среди поляковъ. Онъ былъ женатъ на дочери кн. Ивана Голицына, Маріи, отъ которой имѣлъ дочь и четырехъ сыновей.

Бантышъ-Каменскій: Словарь достоп. люд. Дипломатическія сношенія нашего двора съ европейскими, ч. 3.—Кромѣ того, общ. библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Даніилъ Ивановичъ*, старшій сынъ кн. И. О. Шибана, служилъ воеводою въ Калугѣ (1615), потомъ въ Брянскѣ (1616). Во время нашествія поляковъ подъ предводительствомъ королевича Владислава (1619) находился въ Москвѣ однимъ изъ воеводъ и мужественно защищалъ Калужскія ворота. Въ 1623 г. былъ назначенъ окольничимъ и съ этого времени сталъ пользоваться большимъ довѣріемъ царя Михаила Ѳеодоровича. Въ 1627 г. былъ посланъ въ Валуйки для переговоровъ съ посланниками крымскаго хана Тамъ заболѣлъ и скончался.

См. общ. библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Димитрій Алексѣевичъ*, бояринъ и воевода, сынъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, началъ свою служебную карьеру стольникомъ. Въ 1650 году значится въ чинѣ крещенія царевны Евдокіи Алексѣевны, а 1 марта 1651 года, въ день имянинъ царицы Маріи Ильиничны, пожалованъ въ окольничіе и 3 ноября того же года посланъ въ Валуйки для размѣна плѣнныхъ съ крымскими татарами. Съ 20 октября 1652 года переписывалъ и версталъ помѣстными окладами дѣтей боярскихъ. Въ 1653 году Димитрій Алексѣевичъ былъ назначенъ первымъ судьей во Владимірскую четверть и Галицкую четв., а 22 сентября, за отѣздомъ царя въ Троице-Сергіевскую лавру, оставленъ былъ третьимъ «Москву вѣдать». Когда въ 1654 году открылась война съ Польшей, Димитрій Алексѣевичъ вмѣстѣ съ государемъ участвовалъ въ походѣ на Литву и отличился при взятіи Смоленска. Въ декабрѣ этого же года онъ былъ назначенъ на важный постъ перваго воеводы въ Полоцкъ, гдѣ съ честью вышелъ изъ затруднительнаго положенія, сопряженнаго съ воеводствомъ въ завоеванномъ городѣ. Въ 1656 году, когда Алексѣй Михайловичъ лично пріѣзжалъ въ Полоцкъ, за службу Долгорукову было пожаловано: шуба бархатная, кубокъ и 70 рублей придачи къ окладу. Въ 1658 году получилъ почетное званіе Брянскаго намѣстника. Въ 1659, 1662 гг. былъ первымъ воеводой въ Казани. 7 мая 1663 года посланъ воеводой въ Новгородъ, но 30 іюня того же года, неизвѣстно почему, былъ отозванъ назадъ. Въ 1664 году участвовалъ въ переговорахъ съ польскими послами въ Дуровичахъ. Въ 1667 году Димитрій Алексѣевичъ былъ назначенъ первымъ судьей въ монастырскомъ приказѣ и приказѣ переносныхъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ году снова былъ посланъ воеводой въ Новгородъ, откуда былъ возвращенъ въ 1670 году. Въ 1671 году упоминается въ чинѣ свадьбы царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной, а 15 августа этого года былъ пожалованъ въ бояре. Въ томъ же 1671 году участвовалъ въ переговорахъ съ польскими послами въ Москвѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ, а 12 января 1672 года былъ посланъ воеводой въ Архангельскъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ новаго гостиннаго двора и въ укрѣпленіи города. Тамъ же на воеводствѣ Димитрій Алексѣевичъ и умеръ 7 ноября 1673 года. Тѣло его было перевезено въ Москву и похоронено въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Женатъ былъ князь Димитрій Алексѣевичъ четыре раза и первый разъ на дочери боярина Милославскаго, родной сестрѣ царицы Маріи Ильиничны; послѣ него осталось два сына: Владиміръ и Иванъ, и дочь Дарья, бывшая замужемъ за малороссійскимъ гетманомъ и московскимъ бояриномъ Брюховецкимъ.

Акты историческіе, V, 479.—Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 173, 243, 250, V, 329, 351, 352, 356, 409, 410, 411, 412, VI, 133—135, 141—143, 149, 150, 218, 450, 455, IX, 167.—Русская историч. библіотека, V, 734, 753, 764, 769.—Акты Московскаго Государства, II, 488—491, 503, 504, 528, 571, 618.—Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза")—III, 146, 161—169, 247, 248, 399—403.—Долгоруковъ: „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ" (Спб. 1840), 43—44.—Петровъ: „Исторія родовъ русскаго дворянства", I, 38.—Сокращенное описаніе службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ (М. 1810), II, 297—298.—Сѣверный Архивъ, 1825 г., ч. 18., стр. 105—106.

Е. Лихачъ.

Долгоруковъ, кн., *Димитрій Ивановичъ*. Онъ былъ внукомъ извѣстной княгини Натальи Борисовны, супруги казненнаго при имп. Аннѣ Іоанновнѣ князя Ивана Алексѣевича Долгорукова. Родился въ самомъ концѣ XVIII в. и съ 1816 г. состоялъ на службѣ въ Московскомъ губерн. правленіи. Позднѣе онъ перешелъ на дипломатическое поприще и былъ секретаремъ русской миссіи послѣдовательно въ Константинополѣ, Римѣ, Мадридѣ, Лондонѣ, Гаагѣ и Неаполѣ, причемъ въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ временно исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ 1845 г. кн. Дм. Ив. получилъ назначеніе состоять полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ и пробылъ на этомъ посту вплоть до 1854 г., послѣ чего ему было Высочайше повелѣно присутствовать въ Сенатѣ.

При началѣ Крымской кампаніи, въ бытность свою посланникомъ въ Персіи, кн. Дм. Ив. энергическимъ образомъ дѣйствій добился со стороны шаха объявленія нейтралитета. Въ досуги, между дѣлами службы, кн. Д. любилъ заниматься литературой и писалъ стихотворенія, не отличающіяся, впрочемъ, особенными, выдающимися качествами. Но въ немъ было во всякомъ случаѣ врожденное тонкое эстетическое чутье, что онъ успѣлъ доказать, будучи членомъ комиссіи по постройкѣ храма Христа Спасителя и членомъ Совѣта Художественнаго общества. Умеръ кн. Дм. Ив. 19 окт. 1867 г. въ Москвѣ. Литературныя его произведенія: 1) «Дроново» (стихотв.) М. 1859 г. 2) «Звуки» (стихотв.). М. 1859 г., и другое изданіе, исправленное. М. 1860 г. Кромѣ того, имъ напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. записки кн. Наталіи Борисовны Долгоруковой.

„Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 077—078, 213, 1985—2017; 1870 г., стр. 2169 (письмо кн. М. С. Воронцова).—„Голосъ“ 1867 г. № 302 (въ фельетонѣ). — Иллюстрированная газета, 1867 г. № 46.—Московскія Вѣд. 1867 г. № 229. — Геннади, Словарь.—Брокгаузъ, Энц. Слов.

В. К.

Долгорукой, князь, *Иванъ Алексѣевичъ*, р. 1708 г., казненъ въ Новгородѣ 8 ноября 1739 г., старшій сынъ кн. Алексѣя Григ. Долгорукаго. Воспитаніе и обученіе получилъ онъ въ домѣ дѣда, кн. Григ. Ѳеод. Долгорукаго, подъ руководствомъ ученаго политическаго писателя XVIII в., находившагося на русской службѣ нѣмца Генриха Фика, сторонника шведской конституціи, иниціатора учрежденія въ Петербургѣ Академіи Наукъ. Серьезное вліяніе Фика не отразилось на кн. И. А. Кое-что заимствовалъ онъ отъ него изъ шведскаго государственнаго строя, но врожденныя свойства его—впечатлительность и живость не только не получали сдержки въ сферѣ суетнаго, распущеннаго и параднаго двора Августа II, въ которой вращался съ дѣтства кн. И. А., но еще развивались и совершенствовались въ неблагопріятныхъ для него отношеніяхъ. Впрочемъ, природа надѣлила кн. И. А. добрымъ сердцемъ, и это свойство, выдѣляя его изъ толпы тогдашнихъ царедворцевъ, располагало къ нему очень многихъ и во главѣ всѣхъ сына злосчастнаго царевича Алексѣя Петровича, в. кн. Петра Алексѣевича, съ которымъ впослѣдствіи кн. Ив. Ал. сблизился весьма тѣсно. Здѣсь онъ рано привыкъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ, любовнымъ интригамъ и кутежамъ. Семнадцати лѣтъ, при воцареніи Екатерины I, въ 1725 г. И. А. назначается гофъ-юнкеромъ къ в. кн. Петру Алексѣевичу, черезъ два года послѣ того ставшему императоромъ Петромъ II, и съ этого-то времени завязывается между ними (Петръ Алексѣев. былъ на семь лѣтъ моложе кн. И. А.) самая тѣсная дружба. Это обстоятельство не могло не встревожить кн. А. Д. Меншикова, уже опутывавшаго в. князя своими честолюбивыми замыслами: «Ижорскій князь» хорошо видѣлъ, что князья Долгорукіе станутъ ему поперекъ дороги, а пототому торопился удалить И. А. отъ двора. Запутанный въ дѣло Девьера и П. А. Толстого, И. А. былъ зачисленъ поручикомъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, стоявшихъ въ отдаленной провинціи. Съ воцареніемъ Петра II, И. А. снова является при дворѣ и сразу затѣняетъ своимъ значеніемъ кн. Меншикова, дочь котораго уже обручена съ юнымъ императоромъ. И. А. совершенно овладѣваетъ сердцемъ и умомъ Петра II, забавляя его разными веселыми и удовольствіями: то балъ, то охота, то поѣздка за городъ, съ иллюминаціей, бенгальскими огнями и фейерверками. Находясь постоянно въ обществѣ своей красавицы тетки царевны Елизаветы Петровны и кокетливой сестры кн. Ивана, княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой, окру-

женный цѣлой толпой молоденькихъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ, Петръ II, весьма естественно, отдаляется отъ своей некрасивой и гораздо старшей его лѣтами невѣсты, княжны Маріи Алекс. Меншиковой. Въ 1728 году кн. Меншикова и всю его семью постигаетъ опала, при дѣятельномъ въ томъ участіи кн. И. А-ча, орудія въ рукахъ его честолюбиваго отца. Кн. Меншиковъ и его семья ссылаются сперва въ Ранненбургъ, а затѣмъ въ Березовъ. Вскорѣ, въ томъ же 1728 г. юный императоръ и весь дворъ переѣзжаютъ въ Москву. Кн. Долгорукіе заступаютъ мѣсто Меншикова, и изъ нихъ кн. Иванъ достигаетъ полнаго «фавора». Онъ назначается оберъ-камергеромъ, майоромъ гвардіи и заразъ получаетъ двѣ звѣзды: Александровскую и Андреевскую. Вотъ какъ отзывается о кн. Д. испанскій резидентъ при русскомъ дворѣ герцогъ де-Лириа: «Кн. И. А. Д-ой отличался только добрымъ сердцемъ. Государь любилъ его такъ нѣжно, что дѣлалъ для него все, и онъ любилъ Государя также. Ума въ немъ было очень мало, а проницательности никакой, но зато много спѣси и высокомѣрія, мало твердости духа и никакого расположенія къ трудолюбію; любилъ женщинъ и вино; но въ немъ не было коварства. Онъ хотѣлъ управлять государствомъ, но не зналъ, съ чего начать; могъ воспламеняться жестокою ненавистію; не имѣлъ воспитанія и образованія; словомъ, былъ очень простъ». Фаворомъ кн. И. А-ча искусно пользуются отецъ его, кн. Алексѣй Гр. Долгорукой, и его родственники, кн. Сергій Гр. и кн. Вас. Лук. Долгорукіе,—для своихъ честолюбивыхъ, олигархическихъ цѣлей, которыя вовсе не преслѣдуетъ кн. Иванъ. Его отецъ занятъ теперь только однимъ: заботой обручить свою дочь кн. Екатерину съ императоромъ; но кн. Иванъ, не любившій сестры, чуждъ этихъ замысловъ. Онъ просто, довольный своей дружбой съ Петромъ II, легкомысленно предается разгульной жизни въ Москвѣ, не сопутствуя тѣмъ увеселительнымъ поѣздкамъ императора, которыя устраиваетъ его отецъ, кн. Ал. Гр-чъ. Кн. И. А. предавался такому неумѣренному кутежу, что образъ жизни его выводилъ изъ себя даже друзей, а враги, которыхъ у него было немало, чрезвычайно рѣзко отзывались о его времяпрепровожденіи. Кн. Щербатовъ, авторъ записки «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», бывшій на цѣлое поколѣніе моложе кн. И. А-ча и писавшій по слухамъ въ то время, когда слагались цѣлыя легенды о роли кн. Долгорукихъ при Петрѣ II и при Аннѣ Іоанновнѣ, подробно разсказываетъ въ вышеупомянутой запискѣ о достойныхъ порицанія похожденіяхъ кн. И. А-ча. Но добрыя стороны природы вскорѣ одержали верхъ: кн. И. А. одумался и рѣшилъ остепениться. Онъ сталъ искать невѣсту. Носились слухи, что онъ хочетъ жениться на царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, но та отказала ему, находя этотъ бракъ неравнымъ для себя союзомъ. Ни на дочери Миниха, ни на дочери гр. П. И. Ягужинскаго отецъ кн. И. А. не позволилъ ему жениться, считая свой родъ неизмѣримо выше пришлаго нѣмца и незнатнаго поляка. Наконецъ кн. И. А. сдѣлалъ предложеніе дочери умершаго фельдмаршала гр. Бориса Петр. Шереметева, Натальѣ Борисовнѣ, и предложеніе это было встрѣчено съ радостью какъ его родными, такъ и родными невѣсты. Сама Наталья Борисовна, которой было только 15 лѣтъ, беззавѣтно полюбила своего жениха за его веселость и доброе сердце и считала себя вполнѣ счастливой, видя его расположеніе и гордясь тѣмъ, что онъ «первая персона» въ государствѣ.30 ноября 1729 г. произошло торжественное обрученіе юнаго императора Петра II съ кн. Екат. Алекс. Долгорукой, а въ Рождественскій сочельникъ — обрученіе кн. Ив. Алекс. съ графинею Нат. Бор. Шереметевой.

Вскорѣ послѣ этого, 6 января 1730 г., Петръ II простудился и такъ опасно занемогъ, что не было никакой надежды на выздоровленіе. Кн. Долгорукіе—Алексѣй Гр., Вас. Лук. и Сергѣй Гр., рѣшили составить завѣщаніе отъ имени Петра II о назначеніи преемницей престола государыни-невѣсты Екатерины Алексѣевны и поднести его для подписи умирающему императору; въ случаѣ же, если бы это не удалось, завѣщаніе это долженъ былъ подписать кто-нибудь изъ Долгорукихъ. Одинъ экземпляръ завѣщанія былъ врученъ кн. И. А-чу съ тѣмъ, чтобы онъ постарался поднести его Петру II, а другой экземпляръ легкомысленно и безсознательно подписалъ самъ И. А., умѣвшій поразительно похоже поддѣлываться подъ руку императора. 19-го января 1730 г.

скончался Петръ II, и на другой же день была выбрана въ императрицы курляндская герцогиня Анна Іоанновна.

Съ воцареніемъ Анны Іоанновны на кн. Долгорукихъ пошло гоненіе: многіе были разосланы воеводами по отдаленнымъ городамъ, а кн. Ал. Гр. со всѣми дѣтьми, слѣдовательно и съ кн. И. А., сосланъ въ деревню. Всѣхъ Долгорукихъ допрашивали о «завѣщательномъ письмѣ Петра II». Ив. Ал., подъ угрозою «объявить самую истинную правду подъ смертною казнію», собственноручно написалъ: «ни о какой духовной, или завѣщательномъ письмѣ, или проектахъ (онаго) никогда ни отъ кого не слыхалъ и у самого не бывало». Родные Нат. Бор. Шереметевой, еще такъ недавно восхищавшіеся предстоявшей ей блестящей партіей, отговаривали ее теперь отъ брака съ человѣкомъ, находящимся вмѣстѣ со всей семьей въ опалѣ, но она не обращала вниманія на это и торопила со свадьбой. Въ самомъ началѣ апрѣля 1730 г. Наталья Борисовна обвѣнчалась съ кн. И. А. въ селѣ Горенкахъ, подмосковномъ имѣніи кн. Алексѣя Григ., гдѣ еще такъ недавно подолгу гостилъ императоръ Петръ II. Свадьба была весьма грустная. Нат. Бор. такъ говоритъ о ней въ своихъ Запискахъ: «Привезли меня въ домъ свекровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу передъ собою». Три дня спустя было получено извѣстіе о ссылкѣ кн. Алексѣя Гр. со всей семьей въ пензенскую деревню, касимовскаго у., село Никольское, а 15 мая явился туда гвардіи капитанъ Воейковъ и отобралъ у кн. Ал. Гр. и кн. Ив. Ал. всѣ «кавалеріи», а у послѣдняго кромѣ того камергерскій ключъ. 12 іюня послѣдовалъ указъ о ссылкѣ кн. Ал. Гр. со всѣмъ семействомъ въ Березовъ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Они прибыли туда въ концѣ сентября 1730 г. и помѣстились въ «острогѣ», откуда изрѣдка могли выходить только въ церковь. Долгорукіе жили между собою несогласно, и главными заводчиками ссоръ были повидимому «разрушенная» государыня-невѣста и отецъ князя Ивана, князь Алексѣй Григор., не могшій простить сыну неудачу съ подложной духовной Петра II. Какъ уже видно изъ біографіи князя Алексѣя Григ. Долгорукаго, эти ссоры вызвали въ 1731 г. доносъ на князей Долгорукихъ ихъ пристава Шарыгина.

Послѣ смерти отца въ 1734 г. главой семьи остался кн. Ив. Ал. Несмотря на строгую инструкцію о содержаніи ссыльныхъ, березовскій воевода Бобровскій, майоръ Петровъ, смѣнившій Шарыгина, и каптенармусъ сибирскаго гарнизона, Козминъ доброжелательно относились къ несчастнымъ узникамъ и позволяли имъ выходить изъ острога въ городъ и принимать у себя гостей. Бобровскій и его жена присылали кн. Долгорукимъ «разную харчу» и въ свою очередь получали отъ нихъ подарки, точно также какъ и Петровъ, который, какъ говорятъ, получилъ отъ кн. Ив. Ал. дорогую табакерку и сто червонцевъ. Сообщительный отъ природы, кн. И. А. началъ заводить дружбу съ разными офицерами и мѣстнаго гарнизона, и наѣзжавшими въ Березовъ, съ мѣстнымъ духовенствомъ и съ березовскими обывателями. Особенно подружился онъ съ флотскимъ поручикомъ Овцынымъ, близость съ которымъ и погубила впослѣдствіи Долгорукихъ. Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, кн. И. А. сталъ бражничать и кутить и снова неосторожно и рѣзко выражался объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ и вообще о тогдашнихъ придворныхъ «конъюнктурахъ». Въ концѣ 1734 г. послѣдовалъ новый доносъ на Долгорукихъ, но доносчикъ оказался сумасшедшимъ. Въ 1737 г. офицеръ Муравьевъ вновь донесъ на Долгорукихъ, и изъ Петербурга былъ присланъ капитанъ Рагозинъ, описавшій имѣвшіяся у Долгорукихъ вещи. Князьямъ запретили выходить изъ острога и лишнія вещи у нихъ отобрали. Березовцы продолжали однако навѣщать ихъ; въ числѣ посѣтителей бывалъ тобольскій таможенный, подъячій Тишинъ, пріѣзжавшій иногда въ Березовъ по дѣламъ службы. Напившись до-пьяна, Тишинъ позволилъ себѣ какъ-то разъ обратиться съ оскорбительнымъ предложеніемъ къ кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ; та пожаловалась пріятелю своего брата Овцыну, и Тишинъ былъ жестоко избитъ имъ, при помощи казачьяго атамана Лихачева и боярскаго сына Кашперова. Тишинъ далъ себѣ слово отомстить обидчикамъ. Поводъ къ этому скоро представился: кн. И. А., подгулявши, проговорился Тишину про императрицу Анну Іоанновну, про Елизавету Петровну, про Бирона. Тишинъ пожаловался Петрову, но тотъ за-

мялъ дѣло. Тогда Тишинъ подалъ доносъ сибирскому губернатору, въ которомъ обвинялъ не только кн. Долгорукихъ, но и Петрова съ Бобровскимъ въ послабленіи имъ.

Вслѣдствіе доноса Тишина, въ маѣ 1738 г. пріѣхалъ въ Березовъ капитанъ сибирскаго гарнизона Ушаковъ, съ секретнымъ предписаніемъ разузнать о житьѣ-бытьѣ Долгорукихъ, прикинувшись присланнымъ для улучшенія ихъ положенія. Ушаковъ отлично сыгралъ роль: онъ познакомился съ Долгорукими, съ разными березовскими жителями, со священниками, водилъ съ ними хлѣбъ-соль и узналъ все, что было ему нужно. Послѣ его отъѣзда былъ полученъ въ Березовѣ приказъ изъ Тобольска—отдѣлить кн. И. А. отъ жены, братьевъ и сестеръ. Его заключили въ тѣсную землянку, гдѣ еле кормили и притомъ самой грубой пищей. Нат. Бор. горевала и со слезами умоляла караульныхъ солдатъ дозволить ей ночью подходить къ землянкѣ и приносить мужу ужинъ. Такъ прошло лѣто 1738 г. Въ концѣ августа, ночью были тайно вывезены изъ Березова въ Тобольскъ: кн. Иванъ, двое его братьевъ, Николай и Александръ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, трое березовскихъ священниковъ, одинъ дьяконъ, слуги Долгорукихъ и березовскіе обыватели, всего болѣе шестидесяти человѣкъ. Въ Тобольскѣ ихъ сдали уже знакомому имъ капитану Ушакову. Образовали особую экспедицію для разслѣдованія дѣла, подъ начальствомъ Ушакова и поручика Суворова, отца знаменитаго впослѣдствіи генералиссимуса князя Италійскаго. На первыхъ допросахъ кн. И. А. пробовалъ запираться, но скоро, помимо своей воли, высказалъ гораздо болѣе, чѣмъ хотѣлъ. Этому много способствовало его нервное разстройство, происшедшее и отъ изнуренія въ березовской землянкѣ, и отъ разлуки съ женой, и, наконецъ, отъ жестокаго содержанія въ Тобольскѣ, гдѣ онъ находился въ сырой тюрьмѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованный къ стѣнѣ, а потому лишился сна и аппетита. Когда онъ проговорился о составленіи духовнаго завѣщанія Петра II, возникъ рядъ новыхъ допросовъ, его нѣсколько разъ пытали дыбою, и онъ своими показаніями навлекъ бѣду на своихъ дядей, князей Василія Лукича, Сергѣя и Ивана Григорьевичей, Василія и Михаила Владиміровичей Долгорукихъ.

Князя И. А. перевезли въ Шлиссельбургъ, куда въ началѣ 1739 г. были доставлены и всѣ оговоренные имъ кн. Долгорукіе. Цѣлый годъ тянулись допросы въ Шлиссельбургѣ. 31 октября 1739 г. было образовано обычное въ то время для разсмотрѣнія политическихъ преступленій «генеральное собраніе». Выслушавъ «изображеніе о государственныхъ воровскихъ замыслахъ Долгорукихъ, въ которыхъ по слѣдствію не томко обличены, но и сами винились», въ тотъ же день это собраніе постановило слѣдующій приговоръ: кн. И. Ал-ча *колесовать*, а затѣмъ отсѣчь ему голову; князьямъ Вас. Лук., Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ тоже отсѣчь головы. 8-го ноября 1739 г. казнь совершена въ Новгородѣ. Вотъ что говоритъ о ней кн. П. В. Долгорукой въ своихъ «Запискахъ»: «Наконецъ очередь дошла до Ив. Ал., приговореннаго къ четвертованію. Онъ велъ себя въ эту высокую и страшную минуту съ необыкновенною твердостію; онъ встрѣтилъ смерть—и какую смерть!—съ мужествомъ истинно русскимъ. Въ то время, какъ палачъ привязывалъ его къ роковой доскѣ, онъ молился Богу; когда ему отрубили правую руку, онъ произнесъ: «Благодарю тебя, Боже мой»,— при отнятіи лѣвой ноги «яко сподобилъ мя еси»... «познати тя»—произнесъ онъ, когда ему рубили лѣвую руку—и лишился сознанія. Палачъ поторопился кончить казнь, отрубивъ ему правую ногу и вслѣдъ затѣмъ голову».

Біографія составлена на основаніи статьи Д. А. Корсакова „Князь И. А. Долгорукой“, помѣщенной въ книгѣ „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.“, Казань. 1891 г., с. 89—138. Въ этой статьѣ указаны всѣ источники.

В. Корсакова

Долгоруковъ, кн., *Иванъ Андреевичъ Шибанъ*, служилъ воеводою въ Черниговѣ (1543), потомъ походнымъ воеводою въ казанскомъ (1544) и въ полоцкомъ (1551) походахъ, снова въ Черниговѣ (1578—1584), въ передовомъ полку для обороны береговъ Оки (1585), въ сторожевомъ полку въ Тулѣ и на рѣкахъ Плавѣ и Сольвѣ (1587), гдѣ отразилъ набѣгъ крымскихъ татаръ. Въ 1589 г. назначенъ былъ воеводою въ Воронежъ съ особымъ порученіемъ смирить своевольныхъ казаковъ; но раздражилъ ихъ крайней суровостью управленія и былъ убитъ мятежными казаками, учинившими набѣгъ 20

апр. 1590 г. Получилъ прозвище «Шибана» за лихость въ ратномъ дѣлѣ.

См. общ. библіогр. о родѣ кн Долгоруковыхъ

Долгоруковъ, кн., *Иванъ Григорьевичъ*, третій сынъ кн. Григорія Ѳеодоровича, возвысился при Петрѣ II, благодаря «фавору» своего брата, кн. Алексѣя Григорьевича, а главнымъ образомъ своего племянника кн. Ивана Алексѣевича: 4 сент. 1728 г. онъ назначенъ сенаторомъ, 23 дек. того же года получилъ чинъ д. ст. сов., а 19 ноября 1729 г. чинъ тайнаго сов. Когда въ началѣ царствованія Анны Іоанновны всѣ кн. Долгорукіе подверглись опалѣ, кн. Ив. Гр. былъ назначенъ на воеводство въ Вологду, но черезъ недѣлю послѣдовалъ новый указъ, ссылавшій его въ Пустозерскъ. Кн. Ив. Гр. казненъ въ Новгородѣ 8 ноября 1739 г. вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ кн. Сергіемъ Гр., двоюроднымъ братомъ кн. Вас. Лук. и роднымъ племянникомъ кн. Ив. Алексѣев. Долгорукими.

Соловьевъ: Исторія Россіи, т.т. XIX, XX. - Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ. Спб. 1840 г., с. 88.

В. Корсакова.

Долгоруковъ, кн., *Иванъ Дмитріевичъ*, служилъ комнатнымъ стольникомъ и въ Преображенскомъ полку. 14 окт. 1691 г. нечаянно убитъ въ потѣшномъ бою, устроенномъ Петромъ возлѣ Преображенскаго.

См. общ. библ. о родѣ князей Долгоруковыхъ. Кромѣ того: Дневникъ Гордона и Голикова: Дополненія къ дѣятельности Петра Велик.

Долгоруковъ, кн., *Иванъ Михайловичъ*, Владимірскій губернаторъ, писатель; сынъ князя Михаила Ивановича отъ брака его съ баронессой Анной Николаевной Строгановой, родился въ Москвѣ 7-го апрѣля 1764 года; до восьмилѣтняго возраста росъ подъ надзоромъ француженки, а затѣмъ къ нему былъ взятъ гувернеръ, тоже французъ, Руле; общее же наблюденіе за ходомъ занятій принадлежало отцу князя И. М.; послѣдній въ дѣтствѣ не отличался быстротою соображенія, и ученіе давалось ему очень туго; къ тому же золотушное сложеніе заставляло его часто хворать. Когда мальчику минуло 11 лѣтъ, дядя его, баронъ Ал. Ник. Строгановъ, командовавшій кирасирскимъ полкомъ и стоявшій съ нимъ въ Польшѣ, выхлопоталъ у короля Станислава своему племяннику патентъ на чинъ полковника польскихъ войскъ. Но эта радость, замѣчаетъ кн. Долгоруковъ, «по времени обратилась въ дымъ: патентъ, преогромный, только умножилъ собою число дѣтскихъ моихъ игрушекъ». Въ это же время къ молодому князю былъ взятъ новый гувернеръ Совере, о которомъ ученикъ его сохранилъ самыя лучшія воспоминанія. Совере со своимъ питомцемъ занимался преимущественно латинскимъ языкомъ и достигъ того, что князь свободно читалъ Непота, Виргилія и Горація. Отецъ стремился опредѣлить сына на дипломатическое поприще и съ этою цѣлію хотѣлъ отправить его за границу въ одинъ изъ университетовъ, но совѣты его друга И. И. Шувалова поколебали его въ этомъ намѣреніи, и молодой князь въ 1777 году, по выдержаніи экзамена, былъ записанъ въ Московскій университетъ и ходилъ слушать лекціи профессоровъ Барсова, Аничкова, Рейхеля, Чеботарева, Роста и от. Алексѣева, подъ непрестаннымъ наблюденіемъ Совере. Въ 1779 году кн. Долгоруковъ получилъ сер. медаль за похвальное слово на латинскомъ языкѣ, а осенью былъ принятъ авскультантомъ (протоколистомъ) въ Вольное Россійское собраніе при Московскомъ университетѣ. Поводомъ къ этому послужилъ переводъ княземъ съ французскаго языка сочиненія Mercier «Les songes philosophiques», который и былъ изданъ въ Москвѣ въ 1780—1781 г. съ заглавіемъ: «Философическихъ сновъ 2 части, содержащія въ себѣ 8 сновидѣній», съ посвященіемъ И. И. Шувалову. 3-го іюля 1780 года князь Долгоруковъ окончилъ курсъ университета, но, рѣшивъ пойти въ военную службу, получилъ изъ Военной Коллегіи патентъ на чинъ прапорщика и записался въ первый Московскій пѣхотный полкъ; вскорѣ онъ былъ зачисленъ въ штатъ кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго и произведенъ въ поручики. Со смертью же своего начальника, князь И. М. былъ переведенъ въ Петербургъ, съ чиномъ прапорщика, въ л.-гв. Семеновскій полкъ (1782), черезъ 3 года пожалованъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ. Спустя два года 31 янв. 1787 г. кн. Долгоруковъ женился на воспитанницѣ в. к. Натальи Алексѣевны—Евг. Сер. Смирновой, съ которой познакомился въ Павловскѣ, при дворѣ, и съ которой участвовалъ на любительскихъ

спектакляхъ, устраивавшихся в. кн. Маріей Ѳеодоровной. 1 января 1788 г. онъ былъ произведенъ въ капитанъ-поручики. Къ этому времени относятся его первые напечатанные стихи «На смерть Горича» (при Моск. Вѣд. 1788 г.); тогда же онъ выступилъ съ своей передѣлкой комедіи Poinssinet «La soirée à la mode»; комедія была дана 3 раза на сценѣ, но напечатана не была. Въ 1789—1790 г. кн. Д. принималъ участіе въ Шведской войнѣ; веденныя имъ въ это время «записки шведскаго похода», оставшіяся ненапечатанными, онъ привелъ въ порядокъ лишь въ 1809 году. 1 января 1790 года онъ былъ произведенъ въ капитаны; но ровно черезъ годъ (1-го же января 1791 года) вышелъ въ отставку съ чиномъ бригадира «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ» и 19-го сентября того же 1791 года былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу. Дѣятельность князя на новомъ поприщѣ отличалась большой энергіей, но была непродолжительна; романическое приключеніе его съ женою предводителя дворянства Улыбышева заставило его покинуть Пензу 17-го дек. 1797 г. и перебраться въ Москву. Въ Пензѣ князь Долгоруковъ дѣятельно занимался литературою; такъ, здѣсь имъ написано (1793) посланіе «Приказъ швейцару», обратившее на автора большое вниманіе; «Каминъ», стихотвореніе, заучивавшееся тогда наизустъ и пріобрѣвшее князю, котораго стали съ того времени называть «Пѣвцомъ Камина», громкую извѣстность; изданный въ 1795 г. въ Рузаевкѣ Пензенск. губерніи въ типографіи извѣстнаго Н. Е. Струйскаго, «Каминъ» былъ переведенъ на французскій языкъ профессоромъ французской словесности Московскаго университета Карломъ Авіатомъ де Ватэ (Ch. Aviat de Vatay) и напечатанъ вторично въ 1799 г. въ Москвѣ. Вскорѣ же, по ходатайству жены, князь получилъ назначеніе въ главную Соляную контору въ Москвѣ съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ продолженіе послѣдующихъ 5 лѣтъ князь жилъ въ Москвѣ, занимаясь литературою, устраивая спектакли и посѣщая театръ и высшіе свѣтскіе кружки, гдѣ, между прочимъ, встрѣтился съ княжной Варварой Петровной Волконскою, которую и воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ подъ именемъ «Глафиры». Въ это время онъ написалъ комедію (1798) «Отчаяніе безъ печали»; трехактную оперу «Любовное волшебство» (изд. въ Москвѣ въ 1799 году) и много мелкихъ стихотвореній. Кн. Д. издалъ въ 1802 г. въ Москвѣ подъ заглавіемъ «Бытіе моего сердца» стихотворенія, съ посвященіемъ «женскому полу», которому онъ «былъ обязанъ столь многими счастливыми воспоминаніями». 8 февраля того же 1802 года князь Долгоруковъ получилъ назначеніе гражданскимъ губернаторомъ во Владиміръ. Пріѣхавъ на мѣсто новаго служенія, онъ прежде всего совершилъ поѣздку по ввѣренной ему губерніи, причемъ впечатлѣнія свои излагалъ на бумагѣ. Такъ, онъ написалъ «Историческое повѣствованіе о Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ» въ Суздальскомъ уѣздѣ; въ Переяславлѣ Залѣсскомъ онъ нашелъ ботикъ Петра Великаго и спасъ его отъ разрушенія. Въ началѣ 1804 года князь былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а нѣсколько раньше получилъ отъ императора Александра I благодарственный рескриптъ. Въ томъ же году князь лишился своей нѣжно-любимой супруги, скончавшейся отъ чахотки во Владимірѣ, 12-го мая; смерть эта очень опечалила князя, и онъ долго не могъ забыть своей потери. Лучшимъ свидѣтельствомъ любви князя къ усопшей служитъ сборникъ его стихотвореній, посвященныхъ ея памяти, «Сумерки моей жизни» (М. 1808). Всѣ піесы носятъ на себѣ отпечатокъ глубокой скорби. Свою грусть онъ старался заглушить кипучей дѣятельностью. 7-го августа того же 1804 года имъ была открыта во Владимірѣ губернская гимназія съ дворянскимъ пансіономъ и библіотекой, составившейся, главнымъ образомъ, изъ его личныхъ пожертвованій, причемъ для помѣщенія гимназіи онъ уступилъ свой губернаторскій домъ. Въ это время Долгоруковъ занимался литературой и постоянно ѣздилъ по губерніи и ревизовалъ подвѣдомственныя ему учрежденія. По его же ходатайству были открыты въ губерніи приходскія училища. Въ это же время Московскій университетъ избралъ князя своимъ почетнымъ членомъ (1805 г.). Послѣ трехлѣтняго вдовства, князь Долгоруковъ женился вторично (13 янв. 1807 г. во Владимірѣ), на вдовѣ Аграфенѣ Алексѣевнѣ Пожарской, рожденной Безобразовой. Въ

этомъ году онъ написалъ свою «Рѣчь, произнесенную въ полномъ собраніи купечества Владимірской губерніи при объявленіи оному Высочайшаго манифеста о Земскомъ войскѣ» съ приложеніемъ «Оды князю Пожарскому» (М. 1807 г.). Труды князя на пользу ввѣреннаго ему края не могли остаться незамѣченными: и 25 августа 1808 года онъ, въ бытность въ Петербургѣ, получилъ свой первый и послѣдній орденъ — Анненскую звѣзду; затѣмъ онъ совершилъ поѣздку въ Одессу и описалъ ее въ сочиненіи «Славны бубны за горами, или путешествіе мое кое-куда» (отрывки напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1811 г., ч. 56, № 6, стр. 123—133, въ собраніи сочиненій, а затѣмъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. и въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ» за 1867 г. съ предисл. М. О. Бодянскаго). Вернувшись во Владиміръ, князь Долгоруковъ былъ озабоченъ устройствомъ суконной фабрики и постройкой новыхъ зданій въ пользу города; такъ, по его ходатайству устроены: дома для незаконнорожденныхъ и недужныхъ, аптека отъ приказа общественнаго призрѣнія, театръ при губернской гимназіи, засыпанъ оврагъ въ городѣ, улучшены дороги и улицы и т. под. Съ наступленіемъ 1812 года для князя начинается рядъ несогласій съ вице-губернаторомъ Дюнантомъ по поводу послѣдняго рекрутскаго набора. Князь ѣздилъ въ Петербургъ для личнаго объясненія съ государемъ, но его недоброжелатели добились своей цѣли: 23 марта 1812 года вышелъ указъ, которымъ князь Долгоруковъ получилъ отставку. Въ это же пребываніе свое въ Петербургѣ князь Долгоруковъ, за которымъ уже упрочилась извѣстность литератора, былъ избранъ въ почетные члены Бесѣды любителей русскаго слова, Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и Общества Соревнователей просвѣщенія и благотворенія, а проѣздомъ изъ Петербурга въ Москвѣ—почетнымъ же членомъ недавно передъ тѣмъ основаннаго Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. Пребываніе князя въ Москвѣ было непродолжительно, ибо приближеніе непріятеля заставляло жителей бѣжать изъ столицы; князь съ семьею удалился въ Шую, гдѣ пробылъ до начала 1813 года и только въ концѣ этого года устроился на постоянное жительство въ Москвѣ, гдѣ родовой домъ его не погибъ во время пожара. Лѣтомъ 1814 года князь сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по Московской и Тульской губерніи. Въ этомъ же году онъ написалъ и напечаталъ «Разсужденіе о судьбѣ, взятой въ смыслѣ французскаго слова fatalité, по латыни fatum», М. 1814; былъ занятъ переводомъ съ французскаго языка романа Коцебу «Филиберъ, или отношенія общественныя» (изд. въ 4 ч. М. 1815, рец. въ «Соврем. Наблюд. Росс. Словесн.» 1815 г., ч. I, № 2, стр. 56—61) и описалъ свое «Путешествіе въ Нижній», совершенное имъ еще въ 1813 г. (изд. въ Чт. Москов. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1870 и отдѣльно. М. 1870 г.). Съ новымъ 1816 г. князь Долгоруковъ положилъ начало своимъ домашнимъ спектаклямъ, которые давались въ продолженіе многихъ лѣтъ въ его домѣ, приспособленномъ къ театральнымъ требованіямъ. Труппа была составлена изъ молодыхъ людей лучшихъ фамилій. На этомъ театрѣ между прочимъ выступалъ съ большимъ успѣхомъ въ 1821 г. юноша С. Т. Аксаковъ; объ этихъ спектакляхъ и и ихъ устроителѣ онъ съ любовью вспоминаетъ въ своихъ запискахъ, гдѣ между прочимъ говоритъ, что «кн. И. М. Долгоруковъ былъ не только самъ въ душѣ страстный и отличный, по тогдашнему, актеръ, но не менѣе того любилъ щеголять постановкою благородныхъ спектаклей въ своемъ домѣ». Піесы ставились, конечно, небольшія, на русскомъ и французскомъ языкѣ, часто сочиненія самого князя. Эти спектакли посѣщали извѣстные люди лучшаго общества, и число зрителей часто доходило до ста человѣкъ. Другимъ развлеченіемъ для князя Долгорукова послѣ выхода его въ отставку были литературныя вечеринки, которыя онъ устраивалъ у себя по субботамъ. Эти вечера посѣщали между прочимъ М. Н. Загоскинъ и С. Т. Аксаковъ, который такъ разсказываетъ о нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ продолженіе великаго поста 1821 года князь Долгоруковъ, котораго живая природа требовала дѣятельности современной, общественной, составилъ у себя въ домѣ пріятельское литературное общество, надъ которымъ», впрочемъ, «и тогда подсмѣивались иные члены и посѣтители. Нѣкоторые изъ насъ, ко-

нечно, изъ одного желанія утѣшить любезнаго хозяина, согласились принять участіе въ его стариковской забавѣ. Засѣданій было 5, и въ каждое я, какъ и другіе, представлялъ по одному и по два стихотворенія». Самъ хозяинъ также принималъ дѣятельное участіе въ бесѣдахъ, читая свои произведенія. Вечеринки зачастую бывали очень многолюдны, и на слѣдующій годъ общество разрослось, но потомъ почему-то заглохло. Самъ князь Долгоруковъ, свободный отъ всякихъ служебныхъ обязанностей, посвящалъ очень много времени занятіямъ литературой. Каждое утро онъ отдавалъ на это, то сочиняя стихи или театральныя піесы, то занимаясь составленіемъ своихъ воспоминаній. Лѣто проходило обыкновенно въ загородныхъ поѣздкахъ и прогулкахъ въ Кусково, Кунцово, Петровское, въ пикникахъ, душою которыхъ былъ веселый и вѣчно юный, увлекающійся князь И. М. Дамское общество было необходимо для него; онъ всегда былъ влюбленъ въ какую-нибудь свѣтскую красавицу, посвящалъ ей свои стихи и, несмотря на свою весьма некрасивую наружность (его прозвище было «Губанъ»), пользовался у нихъ большимъ успѣхомъ. Въ этотъ періодъ времени онъ издалъ свои произведенія: «Невинность», стихи, написанные имъ противъ обвиненій вице-губернатора Дюнанта (М. 1817 г., два изданія); «Бытіе моего сердца», изданіе 3-е (М. 1817—18, 8°, въ 4 частяхъ съ портретомъ); «Дурыломъ, или выборъ въ старшины», комедія въ 3 д. (М. 1818), въ которой онъ осмѣялъ своего знакомаго Дурова, большого чудака; «Стихи на кончину Е. В. королевы Виртембергской» (Екатерины Павловны). М. 1819. Тогда же описалъ онъ свое «Путешествіе въ Кіевъ въ 1812 году» (изд. въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1870 г., отд. изд. 1870) и составилъ любопытный альбомъ своихъ знакомыхъ, подъ заглавіемъ «Капище моего сердца, или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни» (издано съ пред. М. О. Бодянскаго въ Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1872—3 г., отд. изд. въ Москвѣ въ 1874 г. и въ полномъ видѣ—П. И. Бартеневымъ при Русс. Архивѣ 1890).

Князь И. М. Долгоруковъ скончался въ Москвѣ послѣ непродолжительной болѣзни 4 декабря 1823 года. «Всѣ знакомые, и званые и незваные», говоритъ его біографъ М. А. Дмитріевъ, «собрались отдать послѣдній долгъ доброму человѣку; не дали поставить его гробъ на погребальную колесницу и несли на своихъ рукахъ до самой могилы», — въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ его первой женой и дѣтьми.

Стихотворческая дѣятельность князя Долгорукова отличается своею оригинальностью, которая была отмѣчена еще современниками поэта и которая объясняется тѣмъ, что онъ писалъ свои произведенія, отдаваясь единственно своему душевному настроенію, которое всегда было искренно. Вотъ почему стихотворенія, писанныя въ молодости, въ пору, когда жизнь улыбалась князю Долгорукову, отличаются веселостью, беззаботностью и шутливостью; стихотворенія же, писанныя въ зрѣломъ возрастѣ, носятъ на себѣ печать грусти, разочарованія и горькой иронической насмѣшки. Въ этомъ смыслѣ самъ Долгоруковъ мѣтко охарактеризовалъ свои стихотворенія, назвавъ ихъ «бытіемъ своего сердца». «Стихотворство (говоритъ онъ) я почитаю цѣлителемъ моего унынія, товарищемъ въ скукѣ, способомъ наиприятнѣйшимъ коротать нечувствительно время, когда досады и злоключенія изъ минутъ дѣлаютъ намъ годы». «Я писалъ не для образованія системы новаго вкуса, а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится; я никого не назидаю, никому не даю уроковъ, не ищу прозелитовъ Читать и писать всегда были мои стихіи и ими я живу морально такъ, какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству». — Внѣшняя форма, въ которой изливалъ Долгоруковъ свои мысли и чувства, весьма разнообразна и не подходитъ подъ условныя рамки піитики, рабами которой было большинство писателей той эпохи. «Его стихотворенія», говоритъ М. А. Дмитріевъ, «чисто лирическія содержатъ въ себѣ иногда чувство элегическое, иногда философическое, иногда горькій упрекъ судьбѣ и людямъ, иногда легкую шутку. Посланія содержатъ всѣ роды дидактики: описаніе, поученіе, размышленіе, сатиру»; но эти сатиры не бранчивыя, не оскорбительныя: онъ изображаетъ современные пороки въ грустныхъ, ироническихъ шуткахъ и насмѣшкахъ, обыкновенно надъ самимъ собою.

Иныя же стихотворенія, чисто дидактическія, обнаруживаютъ порывы лиризма. Однимъ словомъ, онъ далъ себѣ просторъ, которымъ не смѣли пользоваться современные ему стихотворцы. Это выводило его изъ ряду другихъ, которые смотрѣли на него болѣе, какъ на дилетанта, не принадлежащаго къ ихъ корпораціи; но это же самое и доставляло ему читателей, которымъ должна была нѣсколько надоѣдать чинность и великосвѣтскость тогдашней поэзіи. Языкъ его стихотвореній—чрезвычайно простой, безыскусственный, лишенный обветшалыхъ славянизмовъ, но очень бойкій и пересыпанный живыми, чисторусскими народными оборотами рѣчи. Наиболѣе цѣнились современниками слѣдующія стихотворенія кн. Долгорукова: «Приказъ швейцару», «Каминъ», «Везетъ», «Живетъ», «Плачъ надъ Москвою», «Черты свободнаго писателя», «Нѣчто для весельчаковъ» (1815), одна изъ лучшихъ нашихъ сатиръ, направленная противъ условныхъ свѣтскихъ приличій, столь стѣснительныхъ для человѣка, и нѣкоторыя другія. Театральныя піесы князя Долгорукова не отличаются никакими достоинствами и стоятъ въ ряду скромной посредственности. Оставшіяся послѣ него «Записки», начатыя имъ въ 1788 г. въ Москвѣ и веденныя вплоть до 1823 г., были печатаемы по частямъ въ «Москвитянинѣ» въ 1844—45 гг., въ изданіи сочиненій 1849 г. и въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 г. Произведенія свои кн. Долгоруковъ печаталъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», «Аонидахъ», «Ипокренѣ», «Аглаѣ», «Сынѣ Отечества», «Амфіонѣ», «Новостяхъ русской литературы», «Дамскомъ журналѣ», «Сѣверномъ Наблюдателѣ», «Вѣстникѣ Европы» и «Соревнователѣ Просвѣщенія». Собраніе сочиненій издано Смирдинымъ въ 2-хъ томахъ въ 1849 г., нѣкоторыя же сочиненія до сихъ поръ не изданы и хранятся въ рукописяхъ въ библіотекѣ Московскаго университета.

С.-Петербургскія Вѣдомости 1791 г. № 1, стр. 1; Современный Наблюдатель Россійской словесности 1815, ч. I, № 2, стр. 56; Московскій Наблюдатель 1803 г., ч. III, стр. 117—127; Вѣстн. Европы 1816, ч. 85, № 3, стр. 186—188; Вѣстн. Европы 1817, ч. 93, № 10, стр. 101—103; Гречъ: Опытъ ист. рус. литер. Спб. 1822, стр. 211—212; Русс. Инвал. 1823 г. № 302, стр. 1208; Дамск. журн. 1824 г. ч. 5, стр. 35 и 83; Историч., Статистич. и Географич. журналъ 1827 г., ч. 2, № 4, стр. 46—51; Атеней 1828 г., ч. I, № 2, стр. 93—94; Дамск. журн. 1829 г. ч. 25, № 13, ч. 26, № 17 и 18 и ч. 27, № 35 (письма кн. И. М. Долгорукова къ М. Н. Макарову); кн. П. Долгоруковъ: Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ. Спб. 1840, стр. 159—163; Словарь Плюшара, т. 17, стр. 91—92 (стат. В. Т. Плаксина); Москвитянинъ 1842 г., ч. I, № 1, стр. 180, 1845 г. № 2, стр. 21—43; Словарь свѣтскихъ писателей митр. Евгенія Спб. 1845, ч. I, стр. 187; С. П. Шевыревъ, Исторія Московск. университ. М. 1855, стр. 208 и 240; М. А. Дмитріевъ: Кн. И. М. Долгоруковъ и его сочиненія, изд. 2-е М. 1863 (1-е изд.—1851.); Русское Слово 1863 г. № 11—12 (рецензія на сочиненіе М. А. Дмитріева); Современная лѣтопись 1863 г. № 41 (ст. М. Н. Лонгинова); Труды Владим. Губернск. Статистич. Комитета, 1867 г., вып. 6 (статья М. Ранеа); Русскій Архивъ 1865 г., стр. 958—971; 1866 г. стр. 738, 739; 1867 г., стр. 3, 26, 54, 58, 59, 673, 1103, 1176, 1266; 1868, стр. 642; 1875, т. I, стр. 310; Каширевъ: „Памятники новой русской исторіи“, т. III, Спб., 1873, отд. I, стр. 1—2; А. Н. Неустроевъ. „Историч. розысканіе о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ“. 1874 г., Г. Н. Геннади: Словарь писателей Берлинъ 1876 г., кн. П. А. Вяземскій. Сочиненія, т. 8, Спб. 1883, стр. 476—480 и т. 9, Спб. 1884, стр. 62; С. П. Шевыревъ: Лекцію русск. литературѣ“ въ сборн. 2-го отд. Акад. Наукъ. Спб. 1884, т. XXXIII, стр. 228—229. Благово. Разсказы бабушки. Спб. 1885, стр. 266—267; С. Т. Аксаковъ: Собр. сочиненій. Спб. 1886 г., т. 4, стр. 38—42 (Воспоминанія); Ровинскій Словарь гравированн. портретовъ. Спб. 1889, стр. 610; Л. Н. Майковъ: „Очерки изъ исторіи литературы XVII и XVIII вв.“ Спб. 1889, стр. 422 и 423; Русскій Арх. 1891, т. I, стр. 27, 398; Н. В. Губерти. Матеріалы для русской библіографіи, вып. III, М. 1819, стр. 869—872; Е. С. Шумигорскій. Императрица Марія Ѳеодоровна. Спб. 1892, стр. 335—336; Барсуковъ. Жизнь Погодина, т. VII, Спб. 1893, стр. 211—213; В. Иконниковъ: Опытъ исторіи графіи. Кіевъ 1892, т. I, кн. 2, стр. 918; Рус. Вѣдом. 1895, № 176; „Увлеченіе поэта“—Рус. Стар. 1897, № 1, стр. 71—79.

Б. Модзалевскій.

Долгоруковъ, кн., *Иванъ Михайловичъ*, воевода царя Михаила Ѳеодоровича, служилъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ (1617). Присутствовалъ на Великомъ соборѣ въ 1637 г., когда собраннымъ чинамъ поставленъ былъ вопросъ—оставить ли завоеванный казаками Азовъ за Россіей, или возвратить туркамъ, и высказывался отрицательно. Былъ заступникъ мелкаго дворянства и бѣдныхъ людей, вслѣдствіе чего пользовался большой популярностью. Онъ умеръ въ 1665 г.

См. общ. библіографію о родѣ князей Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, князь, *Илья Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 6-го

нояб. 1797 г., ум. въ 1848. Въ службу вступилъ въ 1806 г., причемъ по приказу Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ записанъ актуаріасомъ 14-го класса, имѣя 9 лѣтъ отъ роду; вскорѣ затѣмъ Илья Андреевичъ былъ зачисленъ по вѣдомству той же коллегіи съ причисленіемъ къ Московскому Архиву. Въ 1812 году произведенъ въ переводчики 10-го класса, а 6-го августа слѣдующаго, 1813-го года опредѣленіемъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, по прошенію, для опредѣленія въ военную службу. 26-го ноября 1813 года юный князь поступилъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи въ Артиллерійскую бригаду, а въ 1814 году, по экзамену, былъ произведенъ въ прапорщики той же бригады. Въ 1815 году, уже подпоручикомъ, назначенъ былъ адъютантомъ къ графу Аракчееву. Въ 1816 году, съ раздѣленіемъ лейбъ-гвардіи артиллерійской бригады на двѣ, зачисленъ во 2-ю бригаду. Въ 1819-мъ возвратился опять къ строевой службѣ и въ 1821-мъ году переведенъ былъ лейбъ-гвардіи въ 1-ю артиллерійскую бригаду. Въ 1822 году назначенъ командующимъ 1-ою батарейною ротою имени Его Высочества. Въ 1824 г. назначенъ командиромъ 2-й батарейной роты, въ чинѣ капитана. Въ 1825 году произведенъ въ полковники и назначенъ адъютантомъ къ Е. И. В. Великому Князю Михаилу Павловичу. Въ 1828 году, съ оставленіемъ въ прежней должности, назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ по управленію генералъ-фельдцейхмейстера. 3-го февраля 1829 года князь Илья Андреевичъ былъ, «по домашнимъ обстоятельствамъ», уволенъ отъ службы съ мундиромъ, но уже 1-го октября слѣдующаго года поступилъ вновь на службу, въ ту же артиллерійскую бригаду, опять адъютантомъ къ Великому Князю и исправляющимъ должность начальника штаба Е. И. Высочества по управленію генералъ-фельдцейхмейстера. Въ 1832 году послѣдовало утвержденіе князя Долгорукова въ этой должности, а въ 1833-мъ—производство его, за отличіе, въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ должности Начальника Штаба и по гвардейской пѣшей артиллеріи. Въ 1836 году Ильѣ Андреевичу было поручено «имѣть наблюденіе» за артиллерійскимъ училищемъ, а въ 1844-мъ, за отличіе, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ въ прежней должности. Состоя на послѣдней, князь Долгорукій скончался 7-го октября 1848 года.

Боевая жизнь князя отличалась большимъ разнообразіемъ. Уже въ 1814-мъ году онъ участвовалъ въ походѣ противъ Франціи и 18-го марта былъ въ сраженіи подъ Парижемъ, за что и удостоился ордена св. Анны 4-й ст. Въ 1828 году Илья Андреевичъ, со 2 мая по 14 октября, находился на Турецкомъ театрѣ войны, причемъ сначала несъ трудную работу дежурнаго штабъ-офицера осадныхъ войскъ при осадѣ крѣпости Браилова, а потомъ находился при обложеніи крѣпости Шумлы, причемъ участвовалъ во многихъ бояхъ и стычкахъ. При этомъ молодой полковникъ особенно отличился при обратномъ отбитіи у непріятеля редута № V-й (14-го августа), исправляя должность начальника штаба артиллеріи 2-й арміи. За это князь былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями.

Въ 1831 году, въ составѣ гвардейскаго корпуса, Илья Андреевичъ отправился на Польскій театръ войны, гдѣ находился во многихъ сраженіяхъ и дѣлахъ съ непріятелемъ, причемъ особенно отличился 5-го мая въ арріергардномъ дѣлѣ при с. Старомъ Якацѣ, гдѣ, не взирая на сильный огонь противника, мужественно бросился къ мосту на рѣчкѣ, протекавшей у этого селенія, и хладнокровно распорядился уничтоженіемъ переправы, чѣмъ много облегчилъ положеніе нашего арріергарда. 9-го же мая, командуя вмѣсто генералъ-маіора Бибикова артиллеріею, вновь блистательно отличился распорядительностью, мужествомъ и хладнокровіемъ при переправѣ нашихъ войскъ черезъ р. Наревъ у с. Жолтки. За отличіе въ этихъ дѣлахъ князь Долгоруковъ удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й степени. Въ августѣ мѣсяцѣ князь находился въ авангардѣ графа Витта и, участвуя почти во всѣхъ дѣлахъ этого отряда, награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Штурмъ передовыхъ укрѣпленій и городового вала Варшавы доставилъ Ильѣ Андреевичу случай къ новому боевому отличію, доставившему ему орденъ св. Станислава 2-й степени со звѣздою.

Въ 1844 и послѣдующихъ годахъ при-

нималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи техническихъ вопросовъ, участвуя въ разработкѣ вопросовъ объ улучшеніи штуцеровъ и ружей русской арміи, въ составленіи правилъ для руководства по постройкѣ новой артиллеріи, по введенію у насъ зажигательныхъ ракетъ и пр.

Илья Андреевичъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Салтыковой, отъ которой и имѣлъ двухъ дочерей: Екатерину и Марію.

Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба, книга формулярныхъ списковъ за 1847 г., по архиву № 10670.—Кн. П. Долгоруковъ: «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ». Спб. 1840.

Долгоруковъ, князь, *Михаилъ Владиміровичъ*, род. 14 ноября 1667 г. ум. 11 ноября 1750 г. Службу свою онъ началъ стольникомъ, потомъ былъ комнатнымъ стольникомъ, а въ 1711 г., при учрежденіи Петромъ Великимъ Сената, былъ въ числѣ первыхъ девяти сенаторовъ. Насколько важно это назначеніе, можно судить изъ того, что клятвенное обѣщаніе, по которому сенаторы присягали 2 марта 1711 г. въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Петра В. и рязанскаго митрополита Стефана, было сочинено самимъ царемъ. Сенаторы собственноручно подписались подъ присягой и были поздравлены царемъ въ новомъ званіи. Въ 1715 г., на свадьбѣ Никиты Моисеевича Зотова кн. Д. былъ въ венеціанскомъ платьѣ съ «парой свирѣлей», а по другому списку съ «черными дудочками». Въ 1781 г., во время слѣдствія надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, на кн. Д. пало подозрѣніе, что онъ способствовалъ его побѣгу. 17 февраля 1781 г., по приказанію царя, у дома кн. Д. былъ поставленъ караулъ, а 16 марта онъ былъ арестованъ и отвезенъ изъ Петербурга въ Москву. Смягченію участи кн. Мих. Вл-ча содѣйствовало повидимому письмо къ царю кн. Як. Ѳеод. Долгорукова, въ которомъ онъ указывалъ на вѣрность всего своего рода царю, вспоминалъ смерть дяди и брата во время стрѣлецкаго бунта и пребываніе свое съ царемъ въ Троицкомъ монастырѣ. Кн. Як. Ѳеод., не оправдывая кн. Мих. Вл-ча, писалъ, что, можетъ быть, онъ виновенъ въ неумышленномъ произнесеніи какихъ-нибудь дерзновенныхъ словъ и достоинъ за это наказанія, но не такого, какъ злодѣи, съ умысломъ что-либо сдѣлавшіе. Благодаря такому сильному заступничеству, кн. Мих. Вл. былъ сосланъ не въ Сибирь, а въ одну изъ своихъ деревень, гдѣ прожилъ три года, а въ началѣ 1721 г. получилъ дозволеніе пріѣхать въ Москву. 15 янв. 1724 г. послѣдовалъ царскій указъ Сенату о назначеніи кн. Д. губернаторомъ въ Сибирь на мѣсто кн. А. М. Черкасскаго. Не успѣлъ еще кн. Д. отправиться на мѣсто своего новаго назначенія, какъ скончался Петръ Великій, а потому онъ поѣхалъ въ Тобольскъ уже послѣ коронаціи императрицы Екатерины I. Мы не знаемъ о мѣропріятіяхъ кн. Д. въ Сибири, но Екатерина I, очевидно, благоволила къ нему и, по старому обычаю жаловать знатнымъ лицамъ сшитую одежду, велѣла въ 1727 г. сшить для него суконную фіолетовую пару, отдѣланную золотымъ позументомъ. Ко двору кн. Д. возвратился при Петрѣ II. 6 апр. 1729 г. онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и вступилъ въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ январѣ 1730 г., въ ночь съ 18-го на 19-е число, непосредственно по кончинѣ Петра II, кн. Д. участвовалъ въ ночномъ совѣщаніи въ Лефортовскомъ дворцѣ о престолонаслѣдіи, а затѣмъ въ избраніи курляндской герцогини, въ первоначальной редакціи «пунктовъ», ей предложенныхъ, и въ окончательной выработкѣ «кондицій» объ ограниченіи власти Анны Іоанновны. 8 апр. 1730 г., когда всѣ кн. Долгоруковы подпали немилости императрицы, онъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Астрахань, а мѣсяцъ спустя сосланъ на житье въ свою Боровскую деревню. 28 ноября того же 1730 г. онъ опредѣленъ въ Казань губернаторомъ, но 23 дек. 1731 г. отрѣшенъ отъ должности и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, фельдмаршаломъ кн. Вас. Влад. Долгоруковымъ, сосланъ въ Нарву, а 12 ноября 1739 г. оба они, по рѣшенію особаго «генеральнаго собранія», образованнаго для разсмотрѣнія «государственныхъ воровскихъ замысловъ Долгорукихъ», отправлены въ пожизненное заточеніе въ Соловецкій монастырь, съ запрещеніемъ выходить куда бы то ни было кромѣ церкви. Императрица Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, возвратила ему свободу, чинъ дѣйств. тайн. сов. и званіе сенатора.

Отъ брака съ княжной Евдокіей Юрьевной

Одоевской (р. 1675 г. † 16 апр. 1729 г.) у него было три сына: князья Сергій, Александръ и Василій (Крымскій) и четыре дочери: Анна, р. 6 іюля 1694 г. † 23 іюня 1770 г., замужемъ за Львомъ Александр. Милославскимъ; Анастасія, р. 1770 г. † 28 іюля 1745 г., замужемъ за гр. Александромъ Романовичемъ Брюсомъ; Евдокія, р. 1708 г. † 25 авг. 1749 г., и Аграфена † 1775 г.

Голиковъ: Дѣянія Петра В., IV, 216; VI, 281; VII, 331—335; X, 352.—Долгоруковъ, кн., П. В.: Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ, Спб 1840г., 99—100.—Соловьевъ: ИсторіяРоссіи, XVI, 44, 178—179; XVIII, 319; XIX. 316.—Долгоруковъ, кн., П. В.: Росс. Род. книга, I, 91—93. *В. Корсакова.*

Долгоруковъ, кн., *Михаилъ Ивановичъ*, сынъ казненнаго кн. Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, и отецъ писателя, кн. Ивана Михайловича, род. въ 1731 г. въ Березовѣ. Вначалѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны, по возвращеніи Долгоруковыхъ изъ ссылки, онъ былъ зачисленъ въ Семеновскій полкъ. При Екатеринѣ II перешелъ изъ гвардіи въ гражданское вѣдомство и назначенъ былъ почетнымъ опекуномъ Московскаго воспитательнаго дома. Былъ женатъ въ первомъ бракѣ на княжнѣ Голицыной, во второмъ—на дочери барона Николая Григорьевича Строгонова. Отъ второго брака имѣлъ трехъ дочерей и сына-поэта. Умеръ въ 1794 г. въ Москвѣ.

См. общую библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, князь, *Михаилъ Петровичъ*, былъ третьимъ сыномъ генерала-отъ-инфантеріи князя Петра Петровича Долгорукова и младшимъ братомъ князя Петра, любимца Александра I. Родился въ 1870 г., умеръ въ 1808 г.

Князь Михаилъ получилъ такое же хорошее образованіе, какъ оба старшіе брата. Въ 1784 году, четырехъ лѣтъ, зачисленъ въ Преображенскій полкъ, изъ коего выпущенъ ротмистромъ въ Павлоградскій легко-конный полкъ 1 января 1795 года. Въ слѣдующемъ году, шестнадцати лѣтъ, онъ участвовалъ въ походѣ графа Валеріана Зубова на Кавказѣ, служа въ полку старшаго своего брата, князя Владиміра. Въ формулярномъ спискѣ Архарова полка за 1799 г. сказано: «Въ 1796 г., съ мая 22 по декабря 28, былъ въ Персіи при занятіи персидскихъ владѣній до рѣки Куры и при переходѣ черезъ оную до города Ганжи, а съ того времени до 10 февраля 1797 г. находился въ Грузіи».—12-го февраля 1797 г. переведенъ въ Архарова гарнизонный полкъ въ Москву съ переименованіемъ въ капитаны. Черезъ два года, 25 января 1799 года, князь Михаилъ зачисленъ въ Кавалергардскій корпусъ, а изъ онаго переведенъ, 11 января 1800 г., въ Л. Гв. Преображенскій полкъ.

За это время князь былъ произведенъ послѣдовательно въ маіоры (15 іюня 1798 г.), подполковники (7 октября 1799 г.) и полковники (23 мая 1800 г.).

Въ началѣ 1800 года князь Михаилъ Петровичъ отправленъ въ Парижъ въ свитѣ генерала-отъ-инфантеріи графа Спренгпортена, назначеннаго комиссаромъ для размѣна военно-плѣнныхъ. 19-ти лѣтъ князю удается побывать въ Парижѣ, который въ то время былъ особенно интересенъ послѣ великой революціи и при нарожденіи могущества Наполеона. Обширныя и разнообразныя основательныя свѣдѣнія молодого русскаго, одареннаго отъ природы пылкимъ воображеніемъ и быстро схватывающимъ умомъ, пріобрѣли ему скоро любовь парижанъ и даже парижскихъ ученыхъ, которыхъ князь усердно посѣщалъ. Наружная красота князя, его любезность въ обхожденіи, его острый умъ доставили ему также самый лестный пріемъ со стороны женщинъ. Женщины эти были: Жозефина Бонапартъ, Каролина Мюратъ, Полина Леклеркъ (впослѣдствіи Боргезе), г-жа Стааль, Рекамье и т. д. Утренніе часы своего пребыванія въ Парижѣ князь посвящалъ изученію всего интереснаго, ѣздилъ къ ученымъ, проводилъ съ ними время въ поучительныхъ бесѣдахъ, а по вечерамъ отдавался свѣтскимъ обязанностямъ, бывая въ шумныхъ и живыхъ парижскихъ салонахъ. Самъ Наполеонъ оказывалъ большое вниманіе князю Михаилу Петровичу, нерѣдко съ нимъ бесѣдовалъ и передъ его отъѣздомъ велѣлъ Бертье подарить ему на память пару пистолетовъ. Впослѣдствіи, на бивуакѣ подъ Аустерлицомъ, Наполеонъ спросилъ у князя Петра Петровича Долгорукова, не родственникъ ли ему тотъ Долгоруковъ, адъютантъ Императора, который во дни его консульства жилъ въ Парижѣ, удивляя всѣхъ своимъ умомъ, своими свѣдѣніями и своей жаждой къ познаніямъ. «Скажите, гдѣ онъ теперь?»

сказалъ Наполеонъ. «Онъ мнѣ младшій братъ», отвѣчалъ князь Петръ Петровичъ, «находится здѣсь въ арміи и надѣется, въ случаѣ битвы, снискать уваженіе французовъ и на бранномъ полѣ».

Изъ Парижа князь Михаилъ Петровичъ былъ отправленъ курьеромъ въ Петербургъ, куда прибылъ послѣ кончины Императора Павла, а 14 апрѣля 1801 года онъ уже былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ новому Государю. Братъ его, князь Петръ, исходатайствовалъ ему безсрочный отпускъ за границу для окончанія образованія. Этимъ отпускомъ князь Михаилъ Петровичъ воспользовался весьма удачно и посѣтилъ Германію, Англію, Францію, Италію, Испанію, Іоническіе острова, Морею и Константинополь. Свѣдѣнія о немъ мы встрѣчаемъ въ различныхъ воспоминаніяхъ. Такъ, Булгаковъ разсказываетъ о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ молодой князь при посѣщеніи своемъ Неаполя. Всюду князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ поражалъ всѣхъ своимъ разностороннимъ образованіемъ, знаніемъ многихъ языковъ и тѣмъ живымъ интересомъ, съ которымъ онъ относился ко всему для него новому. Въ 1805 году онъ черезъ Одессу возвратился въ Россію, какъ разъ передъ началомъ Моравской кампаніи. Императоръ Александръ за нѣсколько дней до Аустерлицкаго сраженія далъ ему порученіе въ Берлинъ къ королю прусскому.

Князь Михаилъ Петровичъ поспѣлъ во время къ Аустерлицкому сраженію. Въ послужномъ его спискѣ значится: «въ Аустерлицкой баталіи, гдѣ раненъ пулею въ грудь на вылетъ, за что награжденъ золотой шпагой съ надписью «за храбрость». Кромѣ того, за участіе въ разныхъ дѣлахъ кампаніи 1805 года награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Оправившись отъ раны довольно быстро, князь Долгоруковъ былъ посланъ Государемъ въ Вѣну для облегченія перевозки раненыхъ русскихъ воиновъ на родину и очень тщательно исполнилъ это порученіе.

Въ концѣ 1806 года снова открылась кампанія противъ французовъ и князю Долгорукову пришлось участвовать почти во всѣхъ дѣлахъ 1806—1807 гг. За сраженіе подъ Пултускомъ 14 декабря 1806 года онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Вскорѣ послѣ этого пришло извѣстіе о кончинѣ его брата князя Петра Петровича, котораго князь Михаилъ нѣжно любилъ и горько оплакивалъ. Въ началѣ 1807 года князю удалось выказать свои военныя дарованія въ дѣлѣ при Морунгенѣ. 13-го января Бернадотъ опрокинулъ авангардъ нашъ подъ Морунгеномъ и до глубокой ночи преслѣдовалъ его къ Либштадту, не заботясь о первомъ мѣстечкѣ, оставшемся въ тылу преслѣдующаго. Того же числа къ вечеру прибыли въ селеніе Лоокенъ Сумскій гусарскій и Курляндскій драгунскій полки. Первымъ командовалъ графъ Петръ Паленъ, вторымъ князь Михаилъ Долгоруковъ. Замѣтя, что пушечный гулъ болѣе и болѣе подвигается къ Либштадту, графъ Паленъ и князь Долгоруковъ сочли за стыдъ оставаться въ бездѣйствіи, когда другіе дерутся, и рѣшили самовольно пуститься въ тылъ французскаго корпуса. Они прибыли поздно ночью въ Морунгенъ, гдѣ находились всѣ обозы французовъ. Ворвавшись въ улицы этого городка, они привели все въ полное смятеніе, захватили, что могли, перепортили всѣ повозки и изранили и убили много непріятеля. Когда маршалъ Бернадотъ, вслѣдствіе наступательнаго движенія почти всей нашей арміи, вернулся со своимъ корпусомъ въ Морунгенъ, то, кромѣ полнѣйшаго опустошенія, ничего не нашелъ. Денисъ Давыдовъ замѣчаетъ, описывая это дѣло: «Отъ кареты и верховыхъ лошадей до послѣдней рубахи Бернадота, все досталось въ добычу предпріимчивымъ исполнителямъ сего подвига». А Беннигсенъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Этотъ ловкій набѣгъ былъ сдѣланъ съ такою же храбростью, какъ и осторожностью»... И далѣе: 19 августа генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ занялъ Алленштейнъ и послалъ флигель-адъютанта полковника князя Михаила Долгорукова съ Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, батальономъ Ростовскаго пѣхотнаго полка и казачьимъ полкомъ занять Массенгеймъ. Князь Долгоруковъ, подойдя къ этому мѣсту, увидѣлъ, что оно сильно занято непріятелемъ. Поэтому онъ приказалъ бывшему съ нимъ батальону занять деревню Шейфельсдорфъ по дорогѣ къ Алленштейну, которая могла бы служить ему опорой въ случаѣ отступленія. Самъ же онъ съ драгунами и казаками атаковалъ непріятеля подъ Пассен-

геймомъ и опрокинулъ его. При этомъ, по показаніямъ плѣнныхъ, французы потеряли убитыми одного полковника, много офицеровъ и значительное число солдатъ. Въ числѣ плѣнныхъ, присланныхъ княземъ Долгоруковымъ въ главную квартиру, былъ одинъ маіоръ, два офицера и 97 кавалеристовъ. Послѣ этого князь Долгоруковъ занялъ Пассенгеймъ со всѣми предосторожностями, которыя этотъ молодой и храбрый офицеръ обнаруживалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ въ продолженіе этой войны. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 15 человѣкъ убитыми и ранеными. Непріятель въ тотъ же день пытался взять обратно Пассенгеймъ, но князь сумѣлъ удержаться и принудилъ непріятеля удалиться. 24 января въ дѣлѣ подъ Вольфсдорфомъ князь Долгоруковъ съ Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ во время произвелъ атаку на обходившую лѣвый флангъ князя Багратіона французскую колонну и принудилъ ее отступить въ безпорядкѣ. Князь Багратіонъ удачно воспользовался этимъ моментомъ. Онъ приказалъ аріергарду пройти черезъ лѣсъ, причемъ генералу Маркову поручено было съ отрядомъ прикрывать это движеніе. Часть нашей кавалеріи нашла возможнымъ обойти лѣсъ, черезъ который тянулся болотистый ручей, имѣвшій всего только одинъ мостъ; это довольно долго задерживало движеніе нашихъ войскъ. Послѣ прохода этого затруднительнаго мѣста нашъ аріергардъ долженъ былъ идти долгое время по совершенно открытому мѣсту. Князь Багратіонъ въ своемъ донесеніи объ этомъ говоритъ, что трудно выразить всѣ услуги, оказанныя въ этотъ день генераломъ Юрковскимъ и флигель-адъютантомъ полковникомъ княземъ Михаиломъ Долгоруковымъ съ ихъ кавалеріей, а также полковникомъ Ермоловымъ съ его конной артиллеріей. 26 и 27 января того же года произошло кровопролитное сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, успѣхъ котораго одинаково приписывался и русскими и французами въ свою пользу. Князь Михаилъ Петровичъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. 9 апрѣля 1807 г. князь Долгоруковъ былъ произведенъ въ генералы, прямо съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству и одновременно съ этимъ назначенъ шефомъ Курляндскаго драгунскаго полка. Въ послѣдующихъ дѣлахъ онъ также принималъ участіе, а именно подъ Гутштатомъ и Гейльсбергомъ, гдѣ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, и, наконецъ, 2 іюня подъ Фридландомъ, которымъ закончилась кровопролитная кампанія 1807 года. Король прусскій пожаловалъ князю орденъ Краснаго Орла.

Современники отдаютъ должное проявленнымъ блестящимъ военнымъ способностямъ князя Михаила Петровича за этотъ періодъ его дѣятельности, и, какъ видно, Императоръ Александръ сумѣлъ оцѣнить молодого князя, наградивъ его весьма щедро. Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, князь Долгоруковъ былъ отправленъ въ Петербургъ съ извѣщеніемъ о немъ. Какъ вѣстнику мира, петербургское купечество поднесло князю двѣ тысячи червонцевъ, немедленно имъ внесенныхъ, отъ имени неизвѣстнаго, въ сохранную казну опекунскаго совѣта, для содержанія изъ процентовъ двухъ пансіонерокъ въ дѣвичьемъ училищѣ военно-сиротскаго дома.

Въ концѣ лѣта 1808 года открылась война съ Швеціей. Князь Михаилъ Петровичъ былъ назначенъ начальникомъ Сердобольскаго отряда на мѣсто генерала Алексѣева и, прибывъ 1 августа, тотчасъ вступилъ въ командованіе отрядомъ. Войска эти были подчинены генералъ-лейтенанту Н. А. Тучкову 1-му, который возлагалъ всю надежду будущихъ успѣховъ на князя Долгорукова, предписавъ ему идти изъ Сердоболя, черезъ Корелію, къ озеру Калавеси, въ тылъ Тайвольской позиціи и потомъ увѣдомить о своемъ приближеніи. Самъ же Тучковъ имѣлъ намѣреніе стоять въ теченіе августа, не трогаясь, при Куопіо. 6 августа князь Долгоруковъ выступилъ изъ Сердоболя съ полками—4-мъ егерскимъ, Митавскимъ драгунскимъ, 4-мя эскадронами ямбургскихъ и нѣжинскихъ драгунъ и 4-мя конными орудіями. Онъ остановился у Русціала, получивъ извѣстіе о сборѣ вооруженнаго ополченія у озера Пигоярви. Князь Долгоруковъ полагалъ, что, при движеніи его на Кеми, ополченіе могло захватить магазины наши, собранные въ Русціалѣ и Сердоболѣ, а потому счелъ нужнымъ укрѣпиться до полученія назначенныхъ ему подкрѣпленій изъ вступавшей въ Финляндію 4 дивизіи князя Голицына. 19 авгу-

ста прибыли эти части. Въ тотъ же день отрядъ выступилъ въ Кеми, откуда непріятельскія войска отступили, возбуждая населеніе къ сопротивленію. Ущелья и лѣса были наполнены вооруженными жителями. Прежде чѣмъ начать дальнѣйшее движеніе, князь Долгоруковъ хотѣлъ усмирить бунтовавшихъ крестьянъ, угрожая сжечь и истребить селенія, если въ опредѣленный срокъ мятежники не сложатъ оружія у приходовъ своихъ деревень. Эта угроза повліяла, чему еще способствовало пораженіе сильнаго отряда мятежниковъ близъ Кеми. 23 августа князь Долгоруковъ выступилъ изъ этого мѣстечка, укрѣпивъ его и оставивъ тамъ съ частью войска генералъ-маіора Арсеньева. Но на противномъ берегу, у Іоенсу князь опять остановился, услышавъ о сборѣ непріятеля въ значительныхъ силахъ въ дефиле при Серкіярви, гдѣ ему надлежало проходить. Онъ началъ укрѣплять позицію при Іоенсу и послалъ отдѣльные отряды впередъ къ непріятелю, надѣясь, что онъ отступитъ. Вооруженныя шайки разошлись при появленіи нашихъ и оказались гораздо менѣе значительны, чѣмъ было донесено. Это происходило 1 сентября. Въ это время между княземъ Долгоруковымъ и Тучковымъ произошла крупная ссора. Причиной тому было требованіе Тучкова скорѣе двигаться впередъ. Князь Долгоруковъ рапортовался больнымъ и сдалъ командованіе генералу Арсеньеву, который тоже не рѣшился двинуться изъ Іоенсу, воображая имѣть дѣло съ болѣе сильнымъ непріятелемъ. Но въ это время пришло вторичное требованіе Тучкова немедленно и во что бы то ни стало идти впередъ. Тогда князь Долгоруковъ снова принялъ начальство, оставилъ незначительный гарнизонъ въ Іоенсу и, наконецъ, 17 сентября прибылъ въ Маланьеми, находившееся въ одномъ переходѣ отъ Тайвольской позиціи. 260 верстъ были пройдены въ мѣсяцъ и 11 дней! Узнавъ о приходѣ давно ожидаемаго отряда, Тучковъ началъ готовиться къ переходу черезъ озеро, для нападенія на Сандельса съ фронта.

Во время происходившихъ непріятностей, князь писалъ письмо Государю, ѣхавшему на Эрфуртское свиданіе, прося его перевести въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ. Мнѣ удалось найти отвѣтъ Императора Александра I на это письмо, писанный 7 сентября изъ Кенигсберга. Привожу его цѣликомъ:

J'ai reçu avec peine votre lettre. Vous connaissez tout l'estime, toute l'affection que je Vous porte; comment se peut-il donc que Vous puissiez craindre que le comte Bouxhövden puisse Vous nuire dans mon esprit. Je connais ses imperfections, mais pour le bien de l'ensemble des affaires et devant partir surtout moi-même, je n'ai pu faire autrement que de Vous mettre sous les ordres de Toutchkof. Si Vous tenez à mon estime, à mon attachement Vous ne pouvez me le prouver qu'en préférant le bien des affaires, la gloire de Votre pays à des personnalités. Voilà le sentiment de tout homme d'honneur. Quand on sent qu'on a rempli son devoir comme tel, qu'importe le reste. Mais Vous, Vous n'êtes pas même dans le cas de pouvoir être calomnié, car je Vous connais et Vous estime personnellement. Votre service, vos talents sont utiles, sont nécessaires à Votre patrie, se peut-il donc que des personnalités puissent Vous engager à négliger tant le bien que Vous pouvez faire, pour préférer Votre satisfaction personnelle?—Je Vous parle comme quelqu'un qui Vous est attaché et je demande de Votre affection pour moi que Vous me fassiez le sacrifice du sentiment d'éloignement que Vous avez pour le général et que Vous continuiez à commander le poste de confiance qui Vous a été donné. Tout à Vous

Alexandre.

Получивъ такое милостивое письмо, князь Михаилъ Петровичъ, конечно, остался на своемъ посту и только горѣлъ нетерпѣніемъ оправдать довѣріе и надежды, возлагаемыя на него Императоромъ Александромъ. Между тѣмъ графъ Буксгевденъ, главнокомандующій русской арміей въ Финляндіи, заключилъ съ шведскимъ генераломъ графомъ Клингспоръ 17 сентября перемиріе, вызванное неоднократными предложеніями этого генерала.

Перемиріе длилось цѣлый мѣсяцъ, съ 17 сентября по 15 октября, и войска наши оставались въ бездѣйствіи. Комитетъ министровъ, завѣдывавшій государственными дѣлами за отъѣздомъ Государя въ Эрфуртъ, не одобрилъ перемирія, и военный министръ Аракчеевъ предписалъ графу Буксгевдену немедленно возобновить военныя дѣйствія. Тогда графъ Буксгевденъ пред-

писалъ отряду генералъ-лейтенанта Тучкова двинуться изъ Куопіо къ Иденсальми, по дорогѣ въ Улеаборгъ атаковать расположенный тамъ шведскій отрядъ Сандельса, и преслѣдуя въ Пулькиле, принудить къ отступленію главныя непріятельскія силы. Силы эти находились близъ Химанго, на береговой дорогѣ между Улеаборгомъ и Гамлекарлебю. Генералъ-лейтенанту графу Каменскому, дѣйствовавшему противъ главныхъ силъ шведовъ, приказано безпокоить ихъ и тѣмъ облегчить движеніе Тучкова въ тылъ непріятеля. 15 октября Тучковъ далъ знать Сандельсу о возобновленіи военныхъ дѣйствій съ нашей стороны и приготовился, не теряя времени, атаковать его. Непріятель, имѣя до 4000 человѣкъ, отдѣлялся отъ насъ проливомъ между двумя озерами. По ту сторону пролива были устроены двѣ линіи шанцевъ, вооруженныхъ пушками, а по сю сторону стояли конные ведеты, которымъ было приказано при наступленіи русскихъ, поспѣшно перейти черезъ проливъ по мосту и потомъ возможно быстро разобрать его. Къ 15-му числу Тучковъ сблизилъ свои войска къ проливу. Они состояли изъ 8 батальоновъ, 5 эскадроновъ, 3 сотенъ казаковъ, всего до 5000 человѣкъ. Командующій авангардомъ генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ, какъ говорятъ, держалъ въ рукахъ часы и безпрестанно смотрѣлъ на нихъ, нетерпѣливо ожидая наступленія полдня. Горя желаніемъ оправдать побѣдой возлагаемыя на него Государемъ надежды, онъ рвался въ бой, не предвидя своей близкой кончины. Ровно въ полдень князь велѣлъ атаковать шведскіе пикеты. Двумъ ротамъ 4-го егерскаго полка было приказано, сложивши ранцы, бѣжать за казаками и овладѣть мостомъ. Шведскіе пикеты успѣли невредимо перебѣжать на другую сторону пролива. Наши егеря, вмѣсто того, чтобы недопустить шведовъ разобрать мостъ, разсыпались по сторонамъ его и открыли перестрѣлку. Князь Долгоруковъ послалъ піонерную роту капитана Ключарева исправить мостъ. Съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ піонеры исполнили возложенное на нихъ порученіе и подъ картечами и пулями положили на мостъ нѣсколько досокъ; 4-й егерскій полкъ перебѣжалъ по нимъ, выстроился, ударилъ на шанцы и взялъ ихъ. Въ это время переходили черезъ мостъ Тенгинскій и Навагинскій полки. Когда они уже были на другомъ берегу пролива, егерскій полкъ пошелъ впередъ, Навагинскій подкрѣплялъ его, а Тенгинскій обратился влѣво, лишая этимъ шведовъ возможности отрѣзать насъ съ сей стороны моста. 4-й егерскій полкъ бросился на батареи. Маіоръ Обернибѣсовъ и капитанъ Ружновъ впервые вошли въ непріятельскіе окопы, но здѣсь дѣло приняло иной оборотъ. Сандельсъ двинулъ противъ атакующихъ сильныя колонны и штыками опрокинулъ егерей. Завидя отступленіе нашихъ, тенгинцы и навагинцы пошли назадъ къ мосту, но, преслѣдуемые шведами, смѣшались и въ ужасномъ безпорядкѣ перешли на сю сторону пролива. Непріятель остановился у моста, куда Тучковъ успѣлъ подвести батареи съ Ревельскимъ и Азовскимъ полками. Съ обоихъ береговъ пролива открылась канонада, скоро утихшая по причинѣ наступленія ночного мрака. Потеря наша убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими состояла изъ 764 человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ находился самъ князь Долгоруковъ. Замѣтивъ отступленіе своихъ войскъ, онъ кинулся впередъ, хотѣлъ возстановить порядокъ, но былъ пораженъ ядромъ. Объ этой кончинѣ существуютъ различные разсказы, которые я и приведу.

Князь Н. С. Голицынъ разсказываетъ со словъ генерала Павла Алексѣевича Тучкова, брата Николая Алексѣевича, слѣдующее: «По прибытіи князя Долгорукаго, онъ сразу предъявилъ Тучкову притязанія на начальствованіе войсками послѣдняго въ предназначенной имъ атакѣ, ссылаясь на данное ему, Долгорукому, самимъ Государемъ полномочіе въ бланкѣ, имъ собственноручно подписанномъ. Тучковъ возразилъ, что, начальствуя отрядомъ по волѣ и назначенію главнокомандующаго (Буксгевдена), онъ не считалъ себя въ правѣ, безъ вѣдома и разрѣшенія послѣдняго уступить начальство другому лицу, при томъ младшему въ чинѣ. Князь Долгорукій, въ крайней запальчивости, слово за слово, наговорилъ Тучкову дерзостей—и вызвалъ его на дуэль! Тучковъ возразилъ, что на войнѣ, въ виду непріятеля и атаки противъ него, двумъ генераламъ стрѣляться на дуэли немыслимо, и предложилъ, вмѣсто того, рѣшить споръ тѣмъ, чтобы имъ обо-

имъ рядомъ пойти въ передовую цѣпь и предоставить рѣшеніе спора судьбѣ, т. е. пулѣ или ядру непріятельскимъ. Долгорукій согласился, и шведское ядро сразу же убило его наповалъ! Это было уже не судьба и не слѣпой случай, а явно судъ Божій!»

И. П. Липранди, служившій подъ начальствомъ князя Михаила Петровича, описываетъ совсѣмъ иначе это дѣло и его кончину:

«Подъ начальствомъ князя Долгорукаго былъ карельскій корпусъ... Въ немъ не было ни одного офицера генеральнаго штаба, кромѣ барона Тейля, недостаточно знавшаго русскій языкъ; поэтому князь попросилъ одного изъ таковыхъ. Жребій палъ на меня. Черезъ нѣсколько дней по переправѣ тяжестей, князь Долгорукій выступилъ и занялъ Палоисъ, составивъ такимъ образомъ авангардъ корпуса Тучкова. Въ полдень 15 октября истекалъ срокъ для возобновленія военныхъ дѣйствій. Обозрѣніе позиціи, занимаемой шведами, было дѣлаемо ежедневно княземъ; генералъ Тучковъ предоставилъ ему сдѣлать диспозицію. Диспозиція, сдѣланная княземъ для атаки непріятельской позиціи, была, съ малыми измѣненіями, одобрена Тучковымъ, повѣрявшимъ ее на мѣстѣ за два дня до сраженія. Приведеніе оной въ исполненіе было поручено князю съ его авангардомъ... Съ самаго утра 15 октября князь выѣхалъ изъ Палоиса къ демаркаціонной линіи у Иденсальми. Сюда безпрестанно пріѣзжали отъ Тучкова его штабные. (Слѣдовательно, оба генерала не считали себя независимыми одинъ отъ другого). Ровно въ полдень шведскій ведетъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, началъ отступать до моста черезъ проливъ, до котораго было около версты. Чтобы не дать времени разобрать мостъ, князь поручилъ адъютанту своему, графу Ф. Ив. Толстому (американецъ), съ нѣсколькими казаками броситься за шведскими драгунами и завязать съ ними перестрѣлку. Вслѣдъ за Толстымъ двѣ роты егерскаго полка безъ ранцевъ тронулись бѣгомъ къ мосту подъ начальствомъ маіора Тверитинова. Но прыткія финскія лошади успѣли перебраться черезъ мостъ. Тогда изъ шанцевъ шведскіе стрѣлки открыли сильный ружейный огонь, подъ прикрытіемъ котораго съ подготовленнаго къ разрушенію моста успѣли сбросить настилку въ воду. Тверитинову съ егерями не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ разсыпаться и вести перестрѣлку. Тотчасъ двинулись войска. Князь съ демаркаціонной линіи двинулся въ головѣ егерей; но, узнавъ, что мостъ разобранъ, послалъ за остальными конными орудіями, которыя скоро опередили егерей, и самъ онъ поспѣшилъ впередъ, указавъ для нихъ мѣсто, и остановился на лѣвомъ флангѣ, черезъ дорогу, ободряя егерей и піонеровъ, которые подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и ядрами принялись за работу. Они успѣли набросать тутъ же вырубленныя деревья и доставить, хотя и очень затруднительно, возможность пѣхотѣ перебраться. Въ продолженіе этого времени войска стягивались около князя. Здѣсь онъ приказалъ шефамъ Навагинскаго и Тенгинскаго полковъ, генераламъ Арсеньеву и Ершову, остаться подъ предлогомъ, что въ ихъ лѣта и пѣшкомъ трудно перебраться черезъ кладки, а когда мостъ исправится, то они послѣдуютъ за полками. Обратясь къ полковымъ командирамъ и штабъ-офицерамъ, близъ его стоящимъ, князь сказалъ: «Съ Богомъ, господа!» Указывая на непріятельскія укрѣпленія,—онъ присовокупилъ: «вотъ вамъ георгіевскіе кресты». Полки двинулись. Послѣ того, какъ переправился послѣдній полкъ, князь, увидѣвъ, что 4-й егерскій полкъ занялъ нижнія укрѣпленія и подвигался къ нагорнымъ, приказалъ Судакову (начальнику легкой артиллерійской роты) участить огонь, слѣзъ съ лошади и, обратясь къ окружавшимъ его, нѣкоторыхъ разослалъ, а другимъ сказалъ: «Теперь и намъ пора».—Князь былъ въ сюртукѣ на распашку; подъ нимъ надѣтъ былъ, тогда почти у всѣхъ въ употребленіи—шпензеръ, т. е. мундиръ безъ фалдъ. На шеѣ георгіевскій крестъ, сабля подъ сюртукомъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ въ коротенькомъ чубукѣ трубку, въ лѣвой — небольшую зрительную трубу. День былъ прекрасный, осенній. Шли подъ гору довольно шибко; князь по самой оконечности лѣвой стороны дороги. Ядра были довольно часты. Вдругъ мы услыхали ударъ ядра и въ то же время паденіе князя въ яму (изъ которой выбирали глину) около дороги. Графъ Толстой и я мгновенно

бросились за нимъ. Фуражки и чубука при немъ уже болѣе не было, но въ лѣвой рукѣ зрительная труба была стиснута. Онъ лежалъ на спинѣ. Прекрасное лицо его не измѣнилось. Трехфунтовое ядро ударило его въ локоть правой руки и пронизало его станъ. Онъ былъ бездыханенъ. Графъ и я приподняли голову. Ядро прошло черезъ туловище князя между грудью и спиною. Прибѣжали Берлиръ и Тейль и послали меня черезъ дорогу къ Судакову за людьми; тотчасъ явился офицеръ съ людьми, нашли доску, накрыли трупъ какой-то парусиной, принесенной артиллеристами, и понесли въ сопровожденіи Берлира, Толстого и другихъ въ Палоисъ. Вечеромъ, возвратясь туда, мы нашли князя на томъ самомъ столѣ, за которымъ обѣдывали, уже въ распоряженіи медиковъ, бальзамировавшихъ его».

Жозефъ де-Местръ, бывшій тогда въ Петербургѣ въ качествѣ посланника короля Сардинскаго, доносилъ слѣдующее своему правительству о дѣлахъ финляндскихъ:

«L'inhumaine guerre de Suède continue toujours. A la grande quantité de troupes qu'on y envoie, on pourrait croire à l'incroyable projet d'une invasion formelle de la Suède par les îles d'Aland, dès que la gelée aura formé le plancher. Cela s'appelle jouer 60.000 hommes et son honneur à croix ou pile. J'attends de plus grands éclaircissements. En attendant les Suédois ont gagné une véritable bataille sur les Russes, en leur tuant, le 16 (28) Octobre dernier, le prince Michel Dolgorouky, aide de camp général, lieutenant général à 27 ans etc.etc.; c'est une mort à la Turenne. Après une affaire où les Suédois avaient été obligés de se retirer, on ne tirait plus. Un courrier apporte un paquet au général Toutchkof; le prince Michel dit: «Il doit y avoir des lettres pour moi». Il s'avance vers le courrier, qui était éloigné de quelques pas. A moitié chemin, un boulet parti d'un canon de retraite unique, arrive et le partage en deux. Il était bon fils, bon frère, bon militaire, bon ami et bon Russe. C'est une grande perte, universellement sentie et c'est Caulaincourt qui a tué ce brave homme. Blessé par l'inflexibilité du prince Michel, il voulut qu'on l'écartât. L'Empereur, ne sachant que faire, l'a envoyé en Finlande, et pour éviter les objections, il lui fit donner à dix heures du matin l'ordre de partir le soir. Le prince Michel Dolgorouky partit avec une extrême répugnance, il a été tué. L'Empereur est bien touché, mais le prince est mort. On apporte ses restes de Finlande pour les faire inhumer honorablement à côté de ceux du prince Pierre, son frère, mort de même à 27 ans et dont je Vous ai beaucoup parlé dans le temps. Il y aura donc deux fêtes dans la semaine, les funérailles du prince Michel, et le bal que toute la garde donne à Sa Majesté pour son heureuse arrivée; il y aura danse, souper de 400 couverts au moins, comédie, ballet. Le dernier officier est taxé à cent roubles, et la fête en coûtera soixante mille. L'église de Newski sera pleine comme la salle de bal. Comédie, exécution, bal, enterrement, farce sottisière, oraison funèbre etc.! Pourvu qu'on s'agite, qu'on s'assemble et qu'on parle, tout est bon pour cet enfant qu'on appelle homme, et qui n'a à l'égard du véritable enfant que l'innocence de moins".

Тѣло князя Михаила Петровича было привезено въ Петербургъ и съ великими почестями предано землѣ въ церкви Благовѣщенія Александро-Невской лавры, рядомъ съ могилой его брата Петра, умершаго въ декабрѣ 1806 года.

Графъ Головкинъ замѣчаетъ по поводу этихъ похоронъ: «l'Empereur lui accorda des funérailles, qui jettèrent, dit-on, quelques doutes sur ce qui resterait à faire pour le sauveur de la patrie».

Одинъ изъ нашихъ лучшихъ генераловъ Александровской эпохи, Беннигсенъ, говоря про князя Михаила Петровича Долгорукова, отзывается въ весьма лестныхъ выраженіяхъ о его военныхъ способностяхъ, а также о немъ, какъ о человѣкѣ. Беннигсенъ пишетъ слѣдующее: «Не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ же князѣ Михаилѣ Долгорукомъ, о которомъ неоднократно упоминалъ уже при изложеніи моихъ военныхъ дѣйствій и впредь еще часто мнѣ прійдется говорить. Это тотъ самый, который недавно былъ убитъ въ сраженіи со шведами: это важная и чувствительная потеря для нашей арміи. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для военнаго человѣка. При непрерывныхъ занятіяхъ военными науками онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ, здра-

вымъ сужденіемъ, обдуманною разсудительностью, положительнымъ, установившимся характеромъ. Онъ былъ серьезенъ при необходимости, а также веселъ и оживленъ, когда слѣдовало ободрять и воодушевлять; онъ былъ предпріимчивъ, но съ осторожностью и храбръ безъ слишкомъ большой отваги. Въ этой кампаніи я часто давалъ ему разныя порученія, и онъ всегда выполнялъ ихъ съ осторожностью и успѣхомъ. Поэтому въ арміи всѣмъ стали скоро извѣстны и его способности и подаваемыя имъ надежды въ будущемъ. Государь Императоръ произвелъ его въ генералъ-маіоры и назначилъ своимъ генералъ-адъютантомъ. Въ войнѣ со шведами, въ которой снова отличился, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Князь Михаилъ Долгорукій былъ родной братъ князя Петра, генералъ-адъютанта Императора, который умеръ въ концѣ 1806 года по возвращеніи изъ арміи, которая дѣйствовала противъ турокъ; онъ долженъ былъ присоединиться къ арміи, находившейся въ Пруссіи... Потеря этихъ двухъ молодыхъ офицеровъ, столь отличавшихся, была слишкомъ преждевременна для государства; о ней будутъ долго жалѣть въ арміи и во всей Россіи. Князья Долгорукіе обязаны были лестной о нихъ молвѣ своимъ собственнымъ большимъ достоинствамъ, своимъ прекраснымъ качествамъ и расположенію къ нимъ Императора».

Личность князя Михаила Петровича Долгорукова заслуживаетъ подобающей оцѣнки, несмотря на сравнительно кратковременную его дѣятельность. Также какъ и его старшему брату, Петру Петровичу, ему пришлось дѣйствовать на военномъ поприщѣ очень недолго. Три кампаніи, 1805, 1806 и 1807 гг., выдвинули его, какъ одного изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи. Но война 1808 года въ Финляндіи положила конецъ его карьерѣ. Императоръ Александръ отличалъ князя Михаила неоднократно, обративъ на него свое особое вниманіе, особенно послѣ кончины любимца своего, князя Петра, котораго, кажется, предназначалъ болѣе для политической роли. Два дня послѣ кончины князя Михаила Петровича курьеръ привезъ въ Финляндію приказъ о его производствѣ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ корпуснымъ командиромъ и со знаками ордена св. Александра Невскаго. 28-лѣтнему генералъ-лейтенанту открывалось блестящее военное будущее, которое, навѣрное, онъ сумѣлъ бы оправдать. Отличаясь замѣчательными способностями, быстро схватывающій все, прекрасно образованный, говорящій на многихъ языкахъ, онъ не переставалъ до своей смерти продолжать свое образованіе, интересуясь всѣмъ и изучая особенно военное дѣло. Четырехлѣтнее пребываніе его юношей за границей, въ путешествіяхъ не пропало даромъ. Отзывы современниковъ почти единогласно свидѣтельствуютъ о его военныхъ талантахъ, что болѣе наглядно описываетъ Беннигсенъ въ своихъ запискахъ. Въ донесеніяхъ князя къ Императору Александру всюду проглядываетъ ясность изложенія, большое усердіе къ точному исполненію намѣченнаго порученія и интересъ къ дѣлу. Въ письмахъ къ брату и сестрѣ видно его пылкое воображеніе, врожденное добродушіе, веселый нравъ и природный умъ. Словомъ, можно сказать, что князь Михаилъ Петровичъ безусловно выдѣлялся въ средѣ людей этой эпохи, которая не мало дала способныхъ и талантливыхъ личностей. Память о немъ была также почтена Императрицей Маріей Ѳеодоровной, что видно изъ письма Ея Величества, писаннаго генералу-отъ-инфантеріи князю Петру Петровичу Долгорукову, родителю убитаго князя:

«Князь Петръ Петровичъ! Покойный сынъ вашъ, достойный князь Михаилъ Петровичъ, слѣдуя благороднымъ чувствованіямъ, которымъ всегда руководствовался, пожертвовалъ въ 1807 году двумя тысячами червонцами, имъ отъ здѣшняго градскаго общества полученными по случаю привезеннаго имъ извѣстія о замиреніи, внеся оные подъ именемъ неизвѣстнаго въ сохранную казну на содержаніе изъ процентовъ двухъ пансіонерокъ въ дѣвичьемъ училищѣ военно-сиротскаго дома. А какъ по кончинѣ его причина умолчанія его имени въ семъ благотворительномъ подвигѣ пресѣклась, Я, для сохраненія навсегда памяти онаго, испросила согласіе Императора, любезнѣйшаго моего сына, вышеозначенный капиталъ и воспитуемыхъ на счетъ онаго дѣвицъ именовать: *вкладомъ и пансіонерками князя Михаила Петровича Долгорукаго.* Пола-

гая, что таковое доказательство справедливости, отдаваемой достоинствамъ вашего сына, будетъ вамъ пріятно, Я прилагаю при семъ копіи данныхъ Мною по сему предмету повелѣній, а какъ въ число сихъ пансіонерокъ помѣщена только одна офицерская дочь, а слѣдуетъ принять еще одну во 2-е отдѣленіе дочь унтеръ-офицерскую или солдатскую, то Я предоставляю вамъ выборъ сей пансіонерки, и есть ли вамъ извѣстна таковая, не моложе 7 и не старше 11 лѣтъ, коей отецъ убитъ или раненъ на сраженіи, Я особеннымъ поставлю себѣ удовольствіемъ принять вторую пансіонерку по назначенію отца ея благотворителя. И прошу васъ о томъ Меня увѣдомить. Желая изъявить вамъ тѣмъ уваженіе, съ каковымъ пребываю къ вамъ благосклонною. Марія. Въ Павловскѣ 1 іюля 1809 года».

Князь Михаилъ Петровичъ былъ холостъ. Обладая весьма пріятной наружностью, красивый собой, онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женскаго пола. Въ бытность свою въ Парижѣ онъ сталъ любимцемъ тамошнихъ салоновъ. Князь П. А. Вяземскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что знаменитая красавица княгиня Евдокія Голицына (Princesse Nocturne) была очень влюблена въ князя Михаила и что только вслѣдствіе отказа своего мужа не состоялся разводъ ея. Существовало также преданіе, что великая княжна Екатерина Павловна (впослѣдствіи герцогиня Ольденбургская и королева Вюртембергская) увлекалась молодымъ, красивымъ и умнымъ княземъ Долгоруковымъ и что Государь Александръ Павловичъ не противился любви, ни даже браку ихъ, но вдовствующая Императрица не соглашалась на это, доколѣ усиленныя просьбы любимыхъ сына и дочери ея не склонили ее на согласіе. Государь, какъ говорятъ, немедленно увѣдомилъ объ этомъ Долгорукова собственноручнымъ письмомъ, которое послалъ съ фельдъегеремъ. Но фельдъегерь прибылъ въ Иденсальми 17 октября 1808 года, т. е. два дня послѣ кончины князя. Два мѣсяца спустя, 1 января 1809 года, въ Петербургѣ совершена была помолвка великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, а въ апрѣлѣ того-же года бракосочетаніе. Свѣдѣнія эти были напечатаны въ 1890 году въ «Русской Старинѣ» княземъ Н. С. Голицынымъ со словъ Павла Алексѣевича Тучкова, брата Николая Алексѣевича, съ которымъ князь Долгоруковъ имѣлъ извѣстное столкновеніе. Насколько все это справедливо, мнѣ неизвѣстно.

Собственная Его Величества библіотека. Лобановскій отдѣлъ.—Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, 1805. Великій князь Николай Михаиловичъ: «Князья Долгорукіе. сподвижники Императора Александра I».—Михайловскій-Данилевскій: Описаніе войны 1808—1809 гг.—Военно-энциклопедическій словарь, часть V, 1854.—Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ. 1840.—Oeuvres complètes de Joseph de Maistre, t. XI, Lyon, 1885.—Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго. Русскій Архивъ. 1865, 1870, 1891, 1899.—Записки Вигеля, часть III.—Русская Старина, 1890 и 1897.

Великій Князь Николай Михаиловичъ.

Долгоруковъ, кн., *Михаилъ Юрьевичъ*, бояринъ, сынъ знаменитаго боярина и воеводы, князя Юрія Алексѣевича, началъ свою службу стольникомъ и благодаря заслугамъ отца быстро пошелъ по лѣстницѣ повышеній. 17 марта 1661 года онъ былъ сдѣланъ комнатнымъ стольникомъ. Съ этого времени и до 1670 года находился все время при дворѣ, и только въ 1670 году отецъ его, назначенный въ то время усмирять разинскій бунтъ, взялъ его съ собою, и здѣсь молодой князь прошелъ хорошую военную школу. Въ 1671 г., по возвращеніи въ Москву, Михаилъ Юрьевичъ былъ пожалованъ прямо изъ стольниковъ въ бояре. Въ это время молодой царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ сошелся съ новымъ бояриномъ, очень привязался къ нему, полюбилъ его, и съ этого времени начинается особенное расположеніе царевича къ молодому Долгорукову, которое кончилось только со смертью Ѳеодора. Долгоруковъ сдѣлался необходимымъ царевичу, и послѣдній никуда не отпускалъ его отъ себя, а когда въ 1676 году, по смерти царя Алексѣя Михаиловича, Ѳеодоръ Алексѣевичъ сдѣлался царемъ, то не замедлилъ возвысить своего любимца. Уже въ слѣдующемъ 1677 году князь Михаилъ Юрьевичъ сдѣланъ былъ ближнимъ бояриномъ и намѣстникомъ суздальскимъ и въ томъ же году былъ назначенъ вѣдать приказъ Казанскаго Дворца, а въ 1679 году, когда ожидали нашествія турокъ на Малороссію, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Алегуковичемъ Черкасскимъ былъ посланъ для защиты Кіева. Въ 1680 году онъ получилъ въ управленіе иноземный и разряд-

ной приказы. Кромѣ того, Михаилъ Юрьевичъ былъ назначенъ помощникомъ къ своему престарѣлому отцу, князю Юрію Алексѣевичу, начальнику Хлѣбнаго, Смоленскаго и Стрѣлецкаго приказовъ, и за него управлялъ ими. Такимъ образомъ, къ концу царствованія Ѳеодора Алексѣевича въ рукахъ Долгорукова сосредоточились всѣ почти важнѣйшія отрасли государственнаго управленія. Царь довѣрялъ ему безгранично, и Долгоруковъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ его въ дѣлѣ упраздненія мѣстничества. Вліяніе молодого князя было непоколебимо, и ни одинъ вельможа не рѣшался соперничать съ нимъ. Но лишь только умеръ болѣзненный царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, положеніе дѣлъ измѣнилось: при дворѣ начали бороться двѣ партіи. Одна изъ нихъ, партія Милославскихъ, родственниковъ первой супруги Алексѣя Михаиловича, требовала возведенія на престолъ старшаго изъ оставшихся сыновей Алексѣя Михайловича, Іоанна, отличавшагося своею слабостью душевною и тѣлесною; другая партія—Нарышкиныхъ, родственниковъ второй супруги Алексѣя Михаиловича, требовала престола для младшаго—Петра. Послѣ недолгаго колебанія Долгоруковъ примкнулъ ко второй партіи, и, казалось, престолъ былъ упроченъ за Петромъ, но энергичная царевна Софья, руководимая совѣтами Милославскихъ и князя Василія Васильевича Голицына, сумѣла сама овладѣть правленіемъ. Она воспользовалась тѣмъ, что князь Михаилъ Юрьевичъ, бывшій ловкимъ придворнымъ, но слишкомъ плохимъ правителемъ, не обратилъ во-время вниманія на стрѣлецкія волненія и не сумѣлъ усмирить ихъ, хотя управленіе стрѣлецкимъ приказомъ и находилось въ его рукахъ. Царевна вооружила это безпокойное войско противъ враждебной ей партіи, увѣряя, что Нарышкины убили царевича Іоанна. Стрѣльцы 15 мая 1682 года двинулись къ Кремлю, вошли въ него и, ставъ у Краснаго крыльца, требовали смерти неугодныхъ Софьѣ бояръ. Царица вывела обоихъ царевичей и показала стрѣльцамъ, что они оба живы и невредимы, а боярин Матвѣевъ началъ успокаивать ихъ и почти успѣлъ, но Долгоруковъ, не умѣвшій вовремя успокоить своихъ подчиненныхъ, вздумалъ усмирять ихъ строгостью, вышелъ на крыльцо, началъ ругать стрѣльцовъ и требовать, чтобы они разошлись Это произвело совершенно обратное дѣйствіе: раздраженные стрѣльцы бросились на крыльцо, схватили Долгорукова и бросили его на копья своихъ сотоварищей, а потомъ изрубили тѣло его бердышами. Изрубленные останки князя Михаила Юрьевича были принесены въ домъ отца его, престарѣлаго князя Юрія Алексѣевича, которому убійцы сначала объяснили, что они по опрометчивости убили молодого князя, но когда старый князь не сумѣлъ сдержать своего негодованія, то они убили и его. Тѣла сына и отца были похоронены въ Богоявленскомъ монастырѣ. Князь Михаилъ Юрьевичъ былъ женатъ на Прасковьѣ Васильевнѣ Голицыной и оставилъ четырехъ сыновей: Ивана, Петра, Владиміра и Василія, и дочь Евдокію.

Акты археографической экспедиціи, IV, 341, 358—359. Акты историческіе, IV, 505, 511, 516, V, 343. Дополненія къ актамъ историческимъ, VI, 66, 265, 266, 268, 275, 301, 306, 340, 462, VII, 93, 94, 96, 97, 99, 172, 193, 203, 204, 206, 231, VIII, 26, 32, 145, 189, IX, 6, 71, 106, 115, 117, 155, X, 6, 7, 23, 61. Разрядныя книги, II, 1046—1394. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, IV, 222, 223, 337, 378, 402, 404, 405, 407. Древняя россійская вивліоѳика, ч. XX. Матвѣевъ: „Описаніе перваго стрѣлецкаго бунта“ (въ „Собр. разн. зап. о Петрѣ Вел.“ изд. Туманскаго, 1787 г., ч. VI, стр. 28 и 33). Соловьевъ: (изд. т-ва „Общ. Польза“), III, 521, 522, 523, 816, 893, 894, 896, 899, 900, 901, 906. Кн. П. Долгоруковъ: „Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ» (Спб. 1840), 27—41. Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ (М. 1810), II, 300—301. Петровъ: „Исторія родовъ русскаго дворянства“, I, 38. Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей“ (М. 1836), II, 299-301. *Е. Лихачъ.*

Долгоруковъ, князь, *Николай Андреевичъ*, род. въ 1792 г., ум. въ 1847 г., генералъ-отъ-кавалеріи; въ службу вступилъ актуаріусомъ 14-го класса, имѣя отъ роду 14 лѣтъ, въ 1806 году. Въ томъ же году опредѣленъ въ Московскій архивъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1810 году перемѣщенъ изъ архива «къ дѣламъ коллегіи», а затѣмъ (12-го іюля 1810 г.) пожалованъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Величества. Въ 1812 году назначенъ переводчикомъ при той же коллегіи, но поступилъ въ ополченіе и находился при генералѣ-отъ-артиллеріи Меллерѣ-Закомельскомъ и затѣмъ перешелъ окончательно на военную службу. Въ 1813 году переименованъ въ подпоручики съ переводомъ

въ Изюмскій гусарскій полкъ, съ которымъ и участвовалъ въ кампаніи 1813 года, причемъ былъ въ сраженіяхъ при Дрезденѣ и Кульмѣ и «за отличное мужество въ этихъ дѣлахъ» произведенъ въ поручики съ переводомъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ и съ назначеніемъ адъютантомъ къ графу Витгенштейну. Участвовалъ въ генеральномъ сраженіи 4—6 октября при Лейпцигѣ, за отличіе въ которомъ получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость». Въ кампаніи 1814 года былъ во многихъ бояхъ и награжденъ за нихъ орденами св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, Королевско-Прусскимъ «pour le mérite» и крестомъ Великаго Герцогства Баденскаго. Приказомъ 24-го февраля 1816 года состоялось назначеніе князя флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1823 году князь Николай Андреевичъ получилъ чинъ полковника. Въ 1827 году принялъ участіе въ Персидской кампаніи и, отличившись въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, получилъ за боевыя отличія ордена св. Анны 2-й ст. съ брилліантами и св. Владиміра 3-й степени. Въ Турецкую войну 1828 года князю Долгорукову пришлось опять участвовать во многихъ сраженіяхъ (переправа черезъ Дунай у Сатунова, подъ крѣпостями Исакчи и Кюстенджи, подъ Шумлою и Варною), за что онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Въ 1829 году, по убіеніи нашего посланника въ Персіи, А. С. Грибоѣдова, князь Д. нѣкоторое время заступалъ его мѣсто и «за отлично-усердную службу, труды и особенные успѣхи, оказанные при исполненіи Высочайшаго порученія при Тегеранскомъ дворѣ» пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1830 году назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1831 г. назначенъ минскимъ временнымъ военнымъ губернаторомъ, съ управленіемъ и гражданскою частью въ этой губерніи, на правахъ корпуснаго командира въ военное время, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого—виленскимъ и гродненскимъ военнымъ губернаторомъ на тѣхъ же основаніяхъ. Въ 1832 году князь Николай Андреевичъ сдѣланъ былъ виленскимъ военнымъ губернаторомъ, съ управленіемъ въ этой губерніи и гражданскою частью, и исправляющимъ должность гродненскаго и бѣлостокскаго генералъ-губернатора. Въ 1833 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и виленскаго военнаго губернатора и съ утвержденіемъ въ должности гродненскаго и бѣлостокскаго генералъ-губернатора. Въ 1834 году послѣдовало назначеніе князя Д. гродненскимъ, бѣлостокскимъ и минскимъ генералъ-губернаторомъ съ оставленіемъ въ должности виленскаго военнаго губернатора. 1-го декабря 1835 года, «за безпорочную выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ», князю былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степени, а 6-го декабря того же года—орденъ Бѣлаго Орла. Въ 1837 году князь Николай Андреевичъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго за образцовые труды по благоустройству ввѣренныхъ ему губерній, а въ началѣ 1840 года назначенъ былъ харьковскимъ, полтавскимъ и черниговскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1847 году князь скончался генераломъ-отъ-кавалеріи. Покойный былъ женатъ дважды: на княжнѣ М. Д. Салтыковой (дѣти—Дмитрій, Николай, Александръ и Анна), умершей въ 1823 году, и на Люціи Осиповнѣ Варженецкой, дочери бывшаго генералъ-бригадира польскихъ войскъ, Іосифа Варженецкаго.

Московскій Архивъ Главнаго Штаба: Книги формулярныхъ списковъ за 1839 г., по архиву № 4912.—Кн. П. Долгоруковъ: «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ», Спб. 1840.

М. Россійскій.

Долгоруковъ, князь, *Николай Васильевичъ* (подписывался *Долгорукій*), написалъ «Повѣствованіе о Іоаннѣ Крестителѣ» и кромѣ того сокращенный переводъ съ итальянскаго: «Исторія ордена св. Іоанна Іерусалимскаго». Онъ умеръ въ 1800 г.

Геннади: Справ. слов. о русскихъ пис. и учен. Общ. библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ. *Ф.*

Долгоруковъ, князь, *Петръ Алексѣевичъ*, младшій братъ бояръ князей Юрія и Дмитрія, служилъ съ 1653 г. окольничимъ. Состоялъ представителемъ царя Алексѣя Михайловича при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Умеръ въ 1669 г.

Общ.—библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ. *Ф.*

Долгоруковъ, кн., *Петръ Владиміровичъ*, по прозванію Bancal, сынъ кн. Владиміра Петровича (см. выше), род. 27 декабря 1816 г., ум. въ Бернѣ 6 (18) августа 1868 г. Получивъ блестящее до-

машнее образованіе, Д. съ юности началъ заниматься историческими и генеалогическими разысканіями. Плодомъ этихъ занятій явились: «Россійскій родословный сборникъ» (4 книги, Спб, 1840—1841), «Россійская родословная книга» (4 ч., Спб., 1855 — 1857) и «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ» (Спб., 1840), а также «Notices sur les principales familles de la Russie», первое изданіе которыхъ вышло въ Парижѣ въ 1842 г. подъ псевдонимомъ графа Альмагро. Съ 1859 г. Д. эмигрировалъ за границу, отказавшись явиться обратно въ Россію по вызову, сдѣланному ему русскимъ правительствомъ черезъ русское посольство въ Лондонѣ. Въ этотъ періодъ времени Д. издавалъ въ разные сроки газету «Будущность» (25 №№, 1861 г.), «La Véridique», revue (4 кн.), по-русски «Правдивый» (1862 г.), газету «Листокъ» (22 №№, 1862—1864). Кромѣ ряда публицистическихъ статей, посвященныхъ событіямъ русской жизни начала царствованія Императора Александра II, Д. напечаталъ въ Женевѣ въ 1867 г. «Mémoires du prince Pierre Dolgorouikoff», т. I, заключающіе въ себѣ анекдотическіе разсказы о дѣятеляхъ русской исторіи послѣ Петра В. Второй томъ этихъ «Mémoires» изданъ былъ уже послѣ смерти автора, въ 1871 г. Въ 1863 г. Д. издалъ въ Лондонѣ, хотя неисправно, «Записки» Ермолова и Д. Давыдова. Д. не оставался чуждъ и политическому движенію на Западѣ и въ 1864 г. написалъ книгу: «La France sous le régime Bonapartiste» (2 vols). и др.

Геннади: «Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст.».

Долгоруковъ, кн., *Петръ Петровичъ*, (род. 1744, ум. 1815), генералъ-отъ-инфантеріи, участвовалъ въ ранней молодости въ войнѣ съ турками при Императрицѣ Екатеринѣ II и былъ въ Морѣ подъ начальствомъ графа Орлова Чесменскаго. Тамъ онъ командовалъ Спартанскимъ легіономъ, составленнымъ изъ воинственныхъ жителей Лакедемоніи, и до такой степени пріобрѣлъ уваженіе и любовь туземцевъ, что по прошествіи 36 лѣтъ, въ проѣздъ черезъ Морею сына его князя Михаила, спартанскіе старожилы, узнавъ, что проѣзжій русскій —сынъ князя Петра Петровича, встрѣтили его со слезами восторга. Получивъ маіорскій чинъ и Георгіевскій крестъ, онъ вернулся въ Россію; служилъ въ Тамбовскомъ полку подполковникомъ (1775), пожалованъ бригадиромъ (1789) и назначенъ губернаторомъ въ Калугу (1793), гдѣ убѣдилъ дворянство основать кадетскій корпусъ. Въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ губернаторомъ въ Москву. Но въ 1796 г., по недоразумѣніямъ съ княземъ Платономъ Зубовымъ, онъ вышелъ въ отставку. На слѣдующій день воцаренія Императора Павла I князь Петръ Петровичъ назначенъ былъ начальникомъ Тульскаго оружейнаго завода и въ этой должности оставался до 1802 года, дослужившись до чина генерала-отъ инфантеріи. Но неудачи заставили его скоро (1802) выйти въ отставку, и съ тѣхъ поръ онъ жилъ большей частью въ своемъ помѣстьѣ Спѣшневѣ, Тульской губерніи, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Тамъ онъ и скончался въ февралѣ 1815 года и похороненъ въ 25 верстахъ оттуда, въ монастырѣ Св. Духа, близъ города Новосиля. Это былъ человѣкъ ума обширнаго, большой учености, очень безкорыстный и пламенно любившій свое отечество. Его супруга, княгиня Анастасія Симоновна, рожденная Лаптева, была тоже женщина очень умная, благочестивая и рѣдкой твердости духа. Скончалась она въ Москвѣ 7 апрѣля 1827 года и похоронена рядомъ съ мужемъ. У нихъ было пятеро дѣтей: три сына—Владиміръ, Петръ и Михаилъ, и двѣ дочери: княжна Елена (†1823), замужемъ за капитаномъ гвардіи Сергѣемъ Васильевичемъ Толстымъ (†1831), и княжна Марія († 1849), замужемъ за статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Петровичемъ Римскимъ-Корсаковымъ.

Великій князь Николай Михаиловичъ: «Князья Долгорукіе, сподвижники Императора Александра I».—Формулярный о службѣ списокъ.—«Разсказы бабушки», Благово.

Великій Князь Николай Михаиловичъ.

Долгоруковъ, князь, *Петръ Петровичъ*, родился 19 декабря 1777 года. умеръ 8 декабря 1806 г. Онъ былъ вторымъ сыномъ генерала-отъ-инфантеріи князя Петра Петровича Долгорукова, бывшаго Московскимъ губернаторомъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, и княгини Анастасіи Симоновны, рожденной Лаптевой. Мать его была женщиной большого ума, сумѣвшая дать всѣмъ своимъ сыновьямъ (Владиміру, Петру и

Михаилу) очень солидное по тому времени образованіе.

Почти со дня своего рожденія (4 марта 1778 г.) князь Петръ былъ зачисленъ въ списки л.-гв. Измайловскаго полка; пятнадцати лѣтъ произведенъ въ капитаны съ зачисленіемъ въ Московскій гренадерскій полкъ (1 янв. 1792 г.) и въ слѣдующемъ году (8 іюня 1793), въ чинѣ преміера-маіора, назначенъ адъютантомъ къ своему двоюродному дядѣ генералу-аншефу, князю Ю. В. Долгорукову. Вскорѣ потомъ (16 ноября 1795 г.) онъ былъ переведенъ въ гарнизонный генералъ-лейтенанта Архарова (второго) полкъ съ производствомъ въ подполковники и черезъ два года (2 мая 1797 г.) получилъ чинъ полковника. Полкъ этотъ въ то время находился въ Москвѣ. Молодого и пылкаго князя тяготила служба въ гарнизонномъ полку, его тянуло на болѣе полезную дѣятельность, и онъ рѣшился подать прошеніе Императору Павлу о переводѣ на дѣйствительную службу; но просьба его была ему возвращена. Князь Петръ Петровичъ не унывалъ и дерзнулъ послать новую просьбу Императору. На этотъ разъ прошеніе было ему возвращено вторично, но уже «съ наддраніемъ» и съ запрещеніемъ впредь безпокоить Его Величество. Въ полномъ отчаяніи князь написалъ новую просьбу, но уже не Государю, а Наслѣднику Престола, Великому Князю Александру Павловичу, умоляя его уважить его ходатайство. Наслѣдникъ сумѣлъ поколебать первоначальное рѣшеніе Государя, и князь былъ назначенъ 11 сентября 1798 года комендантомъ г. Смоленска съ чиномъ генералъ-маіора. Новый комендантъ успѣлъ въ три мѣсяца привести запущенныя дѣла въ порядокъ, отправилъ донесеніе о преданности Смоленскаго дворянства Престолу и обратилъ этимъ на себя вниманіе Императора Павла, который 23 декабря того же года назначилъ князя (21-лѣтняго юношу) генералъ-адъютантомъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ князю Долгорукову удалось еще болѣе понравиться Государю, на котораго произвелъ впечатлѣніе его смѣлый и прямой характеръ. Въ это время былъ сдѣланъ доносъ Государю на отца князя, генерала-отъ-инфантеріи князя П. П. Долгорукова, бывшаго тогда начальникомъ Тульскаго оружейнаго завода. Императоръ Павелъ обратился къ своему новому генералъ-адъютанту, сказавъ ему, что предоставляетъ его батюшкѣ выборъ наказанія его клеветниковъ. «Накажите ихъ презрѣніемъ, Ваше Величество», отвѣчалъ князь, и Павелъ обнялъ его, воскликнувъ: «Вотъ Долгорукова кровь». Бывая въ 1799 и 1800 годахъ часто въ Петербургѣ, князь Петръ Петровичъ близко сошелся съ будущимъ Императоромъ Александромъ I. Нельзя сказать положительно, игралъ ли князь Петръ Петровичъ какую нибудь активную роль въ мартовскихъ событіяхъ 1801 года, такъ какъ только одинъ изъ описателей этого переворота (Коцебу) вскользь, въ примѣчаніи, упоминаетъ фамилію князя Долгорукова въ спискѣ другихъ заговорщиковъ.

Съ воцареніемъ Императора Александра I князь Петръ Петровичъ сразу выдвигается среди сотрудниковъ первыхъ лѣтъ его царствованія. Уже въ началѣ 1802 года Долгорукова посылаютъ для обзора губерній Виленской и Гродненской, гдѣ управлялъ генералъ-лейтенантъ Беннигсенъ, и, вслѣдствіе его благопріятнаго доклада, послѣдняго производятъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ томъ же году Императоръ Александръ выбираетъ князя изъ числа своихъ приближенныхъ и посылаетъ въ Берлинъ къ королю Прусскому съ цѣлью подготовленія скорѣйшаго свиданія съ нимъ. Порученіе было секретное; князю Долгорукову были переданы письма и устныя порученія. Онъ произвелъ отличное впечатлѣніе на королевскую семью, быстро выполнилъ возложенное на него порученіе и возвратился въ Петербургъ. Государь отправился въ Пруссію 20 мая 1802 года. Его сопровождали графъ Кочубей, Новосильцовъ, оберъ-гофмаршалъ Толстой, лейбъ-медикъ Виллье и генералъ-адъютанты: князь П. П. Долгоруковъ, графъ Ливенъ и князь П. М. Волконскій. Путь высокаго путешественника пролегалъ черезъ Нарву, Дерптъ, Ригу и Митаву. 28 мая Императоръ Александръ въ Полангенѣ объявилъ, что такъ какъ король Фридрихъ Вильгельмъ прибылъ въ Мемель по случаю смотра своихъ войскъ, то въ этомъ городѣ произойдетъ его свиданіе съ королемъ Прусскимъ. Тогда только стала извѣстна окружающимъ конечная цѣль путешествія Государя Послѣ семидневнаго пребыванія въ Мемелѣ, гдѣ Им-

нераторъ Александръ сумѣлъ всѣхъ очаровать своимъ обращеніемъ, 4 іюня онъ возвратился въ Петербургъ черезъ Вильну и Псковъ.

Въ томъ же году Императоръ посылалъ князя Петра Петровича въ Финляндію, гдѣ ему удалось благоразумно предотвратить разрывъ съ Швеціей изъ-за финляндскихъ границъ,—разрывъ, казавшійся тогда неизбѣжнымъ.

Послѣдующіе два года Долгоруковъ оставался въ Петербургѣ и исключительно занимался изысканіями на почвѣ военной и политической, о чемъ свидѣтельствуютъ оставленныя имъ рукописи. Изъ нихъ видно, что у князя Петра Петровича былъ тогда вполнѣ созрѣвшій планъ дѣйствій для предполагаемой борьбы съ Наполеономъ, планъ, совсѣмъ расходившійся съ соображеніями князя Адама Чарторижскаго, который тогда руководилъ нашей внѣшней политикой. Дѣлъ внутренней политики князь Долгоруковъ не касался, но открыто и смѣло осуждалъ дѣйствія польскаго магната, который не ожидалъ встрѣтить въ князѣ такого убѣжденнаго и настойчиваго противника, что ясно видно изъ его мемуаровъ. Вліяніе князя Адама было въ эти годы очень велико, и его поддерживали Новосильцевъ, графъ П. А. Строгановъ и отчасти графъ Кочубей. Вступать въ борьбу съ такой силой было не легко, но, по заявленію современниковъ, князь этого не боялся и открыто ратовалъ противъ грознаго тріумвирата. Однажды даже, за Царскимъ столомъ, онъ, отвѣчая князю Чарторижскому, сказалъ: «Вы разсуждаете, милостивый государь, какъ польскій князь, а я разсуждаю, какъ русскій». Князь Адамъ конечно умолкъ и молчалъ до конца обѣда. Вѣроятно, эти разговоры не остались безслѣдны, и Императоръ Александръ выбралъ для веденія переговоровъ съ Пруссіей именно князя Долгорукова.

Въ Берлинѣ князь былъ принятъ, какъ старый знакомый, весьма любезно королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ и королевой Луизой. Сначала король не соглашался на пропускъ русскихъ войскъ, двигавшихся на помощь Австріи противъ Наполеона черезъ свою территорію, но князь Долгоруковъ скоро поколебалъ упорство короля, особенно, когда было получено извѣстіе, что французы нарушили нейтралитетъ прусскихъ владѣній въ Анспахѣ. Извѣстіе объ этомъ Императоръ Александръ получилъ въ Пулавахъ, имѣніи князя Чарторижскаго, и 4 октября объявилъ намѣреніе ѣхать въ Козеницу, гдѣ находилась главная квартира генерала Михельсона, а оттуда безостановочно въ Берлинъ, а не въ Варшаву, какъ было раньше предположено. Можно съ основаніемъ предполагать, что именно благодаря воздѣйствію князя Долгорукова было избѣгнуто возможное возстановленіе Польскаго королевства въ той или другой формѣ.

13 октября состоялся торжественный въѣздъ Императора въ Берлинъ, и послѣ ряда парадовъ, обѣдовъ и знаменитаго посѣщенія гробницы Фридриха Великаго и клятвы въ вѣчной дружбѣ между двумя Монархами Его Величество выѣхалъ въ Веймаръ навѣстить свою сестру, великую княгиню Марію Павловну, а оттуда проѣхалъ прямо въ Ольмюцъ, гдѣ его ожидалъ императоръ австрійскій. 16-го числа произошло небольшое дѣло у Вишау, довольно удачное и возбудившее еще больше самонадѣянности въ окружавшей Государя воинственной молодежи. Какъ извѣстно, здравые совѣты Кутузова не имѣли успѣха; планъ атаки арміи Наполеона былъ порученъ австрійскому полковнику Вейротеру, который сумѣлъ поддѣлаться къ партіи молодыхъ и неопытныхъ генераловъ.

Ходъ Аустерлицкаго сраженія 20 ноября достаточно извѣстенъ. Князь Петръ Петровичъ участвовалъ въ бою въ колоннѣ князя Багратіона и, какъ видно, отличился, ибо получилъ такого рода рескриптъ: «Нашему генералу-адъютанту князю Долгорукову. Отличное мужество, храбрость и благоразумныя распоряженія, оказанныя вами въ теченіе нынѣшней кампаніи противу войскъ французскихъ и въ сраженіи 20 минувшаго ноября при Аустерлицѣ, гдѣ вы, командуя правымъ флангомъ пѣхоты, поражали нѣсколько разъ непріятеля; когда же были отрѣзаны, то съ великимъ присутствіемъ духа непріятельскія нападенія отражали и въ семъ случаѣ занимали три позиціи; а наконецъ ретировались въ порядкѣ до мѣстечка Раусница, гдѣ занята была послѣдняя позиція,—заслуживаютъ награжденія орденомъ Святого Великомученика и побѣдоносца Георгія; а потому Мы всемилостивѣйше жа-

луемъ васъ кавалеромъ сего ордена 3-й степени и, знакъ онаго препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Удостовѣрены Мы впрочемъ, что вы, получа таковую отличную честь, потрудитесь и впредь продолженіемъ ревностной службы сдѣлаться достойнымъ Монаршей нашей милости. Пребываемъ вамъ благосклонны. На подлинномъ написано: Александръ. Въ С.-Петербургѣ; 28 генваря 1806 года». Сверхъ того, князь былъ награжденъ за кампанію 1805 года шпагой за храбрость (24 февраля 1806 года).

На долю князя Петра Петровича въ этой кампаніи выпала немаловажная роль, несмотря на его 28 лѣтъ; но неудачный исходъ Аустерлицкаго сраженія приписывался главнымъ образомъ его вмѣшательству въ направленіе хода военныхъ операцій. И это мнѣніе было отчасти справедливо.

Послѣ успѣшной командировки князя Долгорукова въ Берлинъ, закончившейся свиданіемъ двухъ монарховъ, Императоръ Александръ замѣтно поддался вліянію князя, и его совѣты и указанія принимались имъ чаще всего въ соображеніе. Несмотря на присутствіе въ главной квартирѣ осторожнаго и опытнаго Кутузова, Государь отдавалъ предпочтеніе совѣтамъ князя. Его же онъ избралъ для веденія послѣднихъ передъ Аустерлицемъ переговоровъ съ Наполеономъ, хотя противная партія совѣтовала послать съ этимъ порученіемъ генералъ-адъютанта Винцингероде. Извѣстно, какъ дерзко велъ себя молодой князь съ Наполеономъ, котораго поразилъ своими смѣлыми рѣчами и гордымъ обращеніемъ съ нимъ; Наполеонъ впослѣдствіи глумился въ своемъ бюллетенѣ надъ избранникомъ русскаго Государя. Легкомысленное донесеніе князя Долгорукова, вернувшагося въ главную квартиру, окончательно вызвало рѣшеніе союзниковъ атаковать французовъ на другой день, окончившійся Аустерлицкой катастрофой. Нападкамъ, насмѣшкамъ, всякимъ наговорамъ на неопытнаго и чрезчуръ опрометчиваго князя не было конца. Жозефъ де Местръ замѣчаетъ въ донесеніи къ королю Сардинскому: «Le Prince Pierre Dolgorouky paraît, tout bien examiné, avoir beaucoup contribué à ces grands évènements en choquant Bonaparte, lorsqu'il échappa à ce dernier de dire qu'il désirait se mettre aux pieds de l'Empereur. Le Prince répondit que son Maître n'exigeait cela de personne, pas même de ses sujets. Tout le monde est d'accord, avec quelques légères variations, sur cette réponse qui est très gauche. A Berlin il a dit à l'envoyé de Bavière, qui lui faisait mille avances, qu'en lui parlant, il croyait parler au général Bernadotte. Ce jeune homme peut être utile comme ardent promoteur de la guerre, mais il ne s'en tiendra pas là». Стали появляться австрійскія брошюры, статьи въ иностранныхъ газетахъ, гдѣ рѣзко осуждали князя и выставляли его виновникомъ понесеннаго пораженія. Но Долгоруковъ и здѣсь не хотѣлъ считать себя побѣжденнымъ и, съ разрѣшенія Императора, выпустилъ въ свѣтъ двѣ оправдательныя записки подъ заглавіемъ: 1) «Observations sur les rapports des gazettes, concernant les derniers événements dans la Moravie en Décembre 1805» и 2) «Lettre d'un officier russe sur les derniers évènements militaires en Moravie en Décembre 1805». Онѣ составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

На другой день послѣ Аустерлицкаго сраженія Императоръ Александръ послалъ князя Долгорукова въ Берлинъ для передачи королю подробностей сраженія, а главное для дальнѣйшихъ переговоровъ о скрѣпленіи союза между Россіей и Пруссіей, въ виду могущихъ произойти осложненій со стороны Франціи. Ему были также даны инструкціи относительно вспомогательнаго корпуса графа Петра Александровича Толстого, оставшагося въ сѣверной Германіи. Рядъ донесеній, которыя присылалъ князь Петръ Петровичъ Государю въ теченіе декабря 1805 и января 1806 гг., свидѣтельствуютъ о его дипломатическихъ способностяхъ и отличаются большою ясностью изложенія. Въ нихъ князь Долгоруковъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Берлинѣ Аустерлицкимъ сраженіемъ, о крайней нерѣшительности короля, о борьбѣ графа Гарденберга съ графомъ Гаугвицомъ, завершившейся полнымъ успѣхомъ и побѣдой послѣдняго. Далѣе идетъ рѣчь о секретной конвенціи, заключенной Гаугвицомъ съ Наполеономъ, почти безъ вѣдома короля Фридриха Вильгельма. Договоръ этотъ, подписанный еще 3/15 декабря въ Шенбруннѣ, по которому Франція и Прус-

сія получали Ганноверъ, дотолѣ принадлежавшій Англіи, хранился въ величайшей тайнѣ, и Долгорукову удалось только въ двадцатыхъ числахъ декабря узнать подробности его.

Послѣднія донесенія князя Долгорукова доходятъ до конца января 1806 года, а въ серединѣ февраля онъ возвратился въ Петербургъ. Но недолго пришлось ему отдыхать, и уже осенью того же года его послали на югъ, въ армію генерала Михельсона, предназначенную для дѣйствій противъ Турціи. Что произошло здѣсь, о томъ современники расходятся въ своихъ описаніяхъ. Одни говорятъ, что заносчивый характеръ князя и его вмѣшательство во всѣ дѣла до того раздражили старика Михельсона, что онъ пригрозилъ князю принять противъ него самыя суровыя мѣры; другіе, напротивъ, разсказываютъ, что едва только Долгоруковъ успѣлъ доѣхать до арміи, Государь его вернулъ, въ виду разгрома Пруссіи и новыхъ осложненій съ Наполеономъ. Замѣчу только, что уже одинъ фактъ посылки князя на югъ, а не въ армію Беннигсена, свидѣтельствуетъ, что довѣріе Императора Александра къ нему было уже не то, что прежде, и начало колебаться. Получивъ повелѣніе вернуться, князь Петръ Петровичъ совершилъ свое обратное путешествіе крайне быстро, на перекладныхъ, и прибылъ въ Петербургъ усталый и больной, съ зародышемъ злокачественной лихорадки. Въ самый день своего пріѣзда онъ былъ принятъ Государемъ въ продолжительной аудіенціи, которая врядъ ли носила пріятный для него характеръ; въ тотъ же вечеръ онъ, огорченный и изнеможенный, слегъ въ постель, съ которой болѣе и не вставалъ. Князь занималъ помѣщеніе въ Зимнемъ Дворцѣ. Доктора не могли сладить съ его болѣзнью, которая была признана гнилой горячкой на тифозной почвѣ. Черезъ недѣлю, 8 декабря 1806 года, князя Петра Петровича не стало. Онъ скончался 29 лѣтъ отъ роду.

Ему, вѣроятно, предстояла еще блестящая будущность, такъ какъ онъ былъ молодъ, очень крѣпкаго здоровья, большой силы воли, характера энергичнаго и самостоятельнаго, хотя и своевольнаго; однако Аустерлицкая неудача, а можетъ быть слишкомъ откровенныя рѣчи и донесенія, видимо уже повліяли на Императора Александра, и дни разочарованія, кажется, приближались. Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе. Похороны князя, на которыхъ, говорятъ, присутствовалъ самъ Государь, были торжественны, и тѣло его было предано землѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ Александро-Невской лавры. На мѣдной плитѣ доселѣ можно прочесть: «Здѣсь лежитъ князь Петръ Петровичъ Долгорукой, генералъ-адъютантъ. Родился 1777 года декабря 19-го дня, скончался 1806-го года декабря 8-го дня. Тезоименитство его было декабря 21-го дня».

Нахожу небезъинтереснымъ привести здѣсь нѣкоторыя сужденія о князѣ Петрѣ Петровичѣ его современниковъ.

Вотъ какъ отзывается гр. Ланжеронъ:

«Le Prince Pierre Dolgorouky, aide de camp général de l'Empereur, était en 1805 un de ses favoris, prouvait que l'esprit, l'instruction et l'activité sont nuisibles quand elles ne sont pas accompagnées par le jugement, la probité et la loyauté qui doivent les diriger. Jamais on n'avait vu dans un homme de cet âge une ambition plus démesurée; audacieux, insolent, il heurtait de front tout ce qui pouvait lui offrir un obstacle; il ne respectait ni les individus, ni les réputations. Il injuriait, insultait ou calomniait publiquement tous ceux qui le choquaient ou dont le mérite le contrariait. Il ne dissimulait pas son désir de régner despotiquement sous le nom de son maître; mais il eut été capable de le perdre ainsi que sa patrie, s'il eut espéré de trouver un moyen de s'élever ou même un avantage personnel.

C'était un homme, un général, un sujet, un citoyen aussi dangereux à son pays qu'à la société. Il est mort en Décembre 1806 à St. Pétersbourg à l'âge de 29 ans et n'a été regretté par personne. Sa mort est un bienfait pour la Russie».

Теперь привожу сужденіе князя Адама Чарторижскаго:

«Parmi les Russes les plus ambitieux et les plus remuants, les plus irrités, je dirai presque, les plus enragés de la faveur dont je jouissais, se trouvait le Prince Dolgorouky. Sa colére contre moi, son envie passionnée de se pousser en avant et de marquer dans son pays, où un étranger d'une nation et d'un nom suspects osait prendre le pas sur lui; son dépit en voyant cet étranger s'ingérer dans les affaires et dans

la confiance du Souverain, qu'il se croyait digne et capable d'obtenir lui-même, toutes les passions excitées avaient fini par lui donner de l'esprit, ce qui parut étonner beaucoup de gens.

C'était alors la cheville ouvriére du parti russe. Général aide de camp de l'Empereur, il était continuellement à la cour, et je l'y rencontrais fort souvent; il me poursuivait de certains reproches et de sarcasmes sur la conduite indolente de la Russie, me répétant sans cesse qu'il fallait entrer dans une voie nouvelle.

Poussé à bout, je lui dis un jour qu'il devait adresser ses réflections au chancelier qui était le chef du cabinet. Cette réponse lui sembla un faux-fuyant, et il me dit qu'entre le chancelier et moi, c'était un parti pris de nous renvoyer réciproquement la question et surtout les questionneurs, afin d'échapper par là à la difficulté d'une réponse précise. Cette discussion faillit dégénérer en querelle; l'Empereur s'interposa et donna tort au Prince Dolgorouky, qui ne me parla plus politique.

Toute relation cessa entre nous, mais il continua ses intrigues avec plus d'acharnement que jamais, intrigues qui bientôt reçurent un nouvel échec, suivi de nouvelles excitations.

Je me souviens que sous le règne de Paul, nos rapports étaient fort bons. Il me témoigna une grande confiance dans une affaire d'honneur qu'il eut avec M-r Wintzingerode, dont j'ai fait mention et dont j'aurais encore à parler. C'était un allemand très honnête, très roide et très pointilleux sur le chapitre de l'honneur.

A la suite d'une conversation avec le Prince Dolgorouky, il s'obstina à le provoquer et tous deux furent d'accord pour me prendre comme leur unique témoin. La rencontre eut lieu dans un jardin; je chargeai les pistolets, plaçai les deux combattants de manière à donner le moins de certitude possible à leur tir; tout se passa pour le mieux, car il se manquèrent réciproquement et l'incident se termina par une réconciliation complète.»

Мнѣніе князя Адама Чарторижскаго особенно интересно потому, что почти въ каждомъ словѣ чувствуется глубокая, затаенная злоба польскаго магната, замыслы котораго относительно политики Россіи и возстановленія Польши были разбиты, благодаря энергичному вмѣшательству юнаго, но смѣлаго князя Долгорукова.

Графъ Кочубей (впослѣдствіи князь) пишетъ изъ Петербурга отъ 9 декабря 1806 года герцогу Ришелье:

«Je ne saurais finir cette lettre, cher Duc, sans Vous exprimer mes vifs regrets sur le dérangement de Votre santé. Prenez surtout bien garde à ces maudites fièvres de Moldavie. Elles viennent de nous donner un exemple bien triste de leur malignité. Le Prince Pierre Dolgorouky, à peine arrivé de Jassy, a succombé au bout de sept jours de maladie.

Il est mort hier au soir; sans avoir jamais eu aucune liaison particulière avec lui, je le regrette sincèrement. Il aurait fait un sujet distingué, d'ici à quelques années, après qu'il aurait jeté sa gourme et réfléchi sur les sottises qu'il peut avoir faites.»

Это сужденіе одного изъ антагонистовъ князя очень важно для оцѣнки его личности.

Теперь привожу замѣтки графа Головкина (род. 1769 г. † 1823 г.) изъ его мемуаровъ, которые еще не изданы. Его характеристика князя Петра Петровича очень типична. Вотъ что говоритъ гр. Головкинъ:

«A l'avènement d'Alexandre, Pierre Dolgorouky resta dans son poste d'aide de camp général de l'Empereur et fut au premier rang des favoris, que le moniteur français nomma «les trente freluquets maîtres de la Russie». Un duel éclatant au sujet d'une femme lui donna dans une cour, où l'on ne se piquait ni de bravoure, ni de galanterie, un lustre particulier, et il en profita pour prendre à l'égard de Son Maître un ton de supériorité qui réussit pendant quelque temps.

Ses intentions en général étaient bonnes et pures, on lui doit cette justice; mais pour l'ordinaire il voyait mal, par humeur ou par ignorance, et son amour propre le tenait fort loin des conseils dont on a besoin, lorsqu'on veut se mêler de tout et gouverner une machine telle que l'Empire de toutes les Russies.

Un accès intempestif de franchise lui valut un beau jour l'ordre de se rendre à son inspection; car alors les vieux généraux et les vieilles bandes étaient inspectés par des hommes de vingt à vingt-cinq ans. Le

grand Maréchal Comte Tolstoy, premier ministre secret (?), et le procureur du Synode, Prince A. Galitzine, ami intime de l'Empereur, obtinrent son retour, et on le chargea de négocier l'entrevue de Memel, devenue si funeste à la monarchie Prussienne.

J'étais alors à Berlin et fort avant dans les affaires de cette cour. Le Prince Dolgorouky le sut, et vint me consulter; mais je m'aperçus bientôt qu'il en croyait savoir plus que moi; qu'il était entiché de cette vieille et vaine marotte des secrets de cour, et je me tus. Ce fut lui qui, à force de déclamations, de rodomontades, d'anecdotes propres à déconsidérer Bonaparte, fut cause de la guerre de 1805. Ce fut lui qui, malgré le bon sens et l'avis des vieux généraux, de ce sage Koutouzoff surtout, fit donner la bataille d'Austerlitz; ce fut lui qui, envoyé au vainqueur, oublia que, lors même qu'on ne doive rien à celui avec lequel on traite, on doit beaucoup à celui pour qui l'on traite.

Napoléon eut pitié de lui; Alexandre crut devoir l'estimer davantage. Toutefois, lorsque les gazettes arrivèrent à St. Pétersbourg, on y fit de plus mûres réflexions, et le Prince Dolgorouky perdit un peu de sa considération. Il crut la regagner en entamant par la voie des papiers publics une correspondance fort déplacée là et ailleurs avec le comte Nostitz, général autrichien, très brave homme et qui dans un rapport avait mis quelques faits à la charge des troupes russes. Cela dégénéra en défis et invectives et n'eut pour le moment d'autre suite que de scandaliser les gens de qualité, qui n'aiment pas à voir leurs semblables attachés au caveau des gazettes.

Il est à supposer que cette affaire déplut á la cour, car, au lieu d'employer en 1806 le Prince à la grande armée, elle l'envoya à celle de Turquie. Il est vrai qu'il y vint avec de tels pouvoirs et une telle envie de les mettre en usage, que le général de Michelson, qui était de l'ancienne race, lui déclara devant tout le quartier général, qu'à la première fois qu'il s'écarterait de ses fonctions de lieutenant général, il l'enverrait pieds et poings liés jusqu'à St. Pétersbourg.

Alors, profitant de ses pouvoirs dangereux, le jeune homme, indigné, quitta l'armée et vint trouver l'Empereur. Mais il avait été prévenu et arriva trop tard. Il voulut voir Sa Majesté, on lui refusa la porte du cabinet, il la força. L'Empereur lui dit sèchement: «Je suis las de Vos brouilleries avec Vos chefs; allez servir sous le baron Bennigsen, tâchez de Vous mieux conduire et partez». Il rentra chez lui; la fièvre, dont il avait apporté le germe de Moldavie, le saisit; l'échauffement de la route l'avait envenimé; la douleur ou la colère la rendit mortelle, et il mourut dans un délire affreux et dont ses amis ont cru cacher les détails. L'Empereur, qui semblait l'aimer, dit froidement en apprenant sa fin: «Il n'est pas d'usage d'avoir des morts au Palais; qu'on l'emporte sur-le-champ». Comme il n'avait d'autre demeure que la cour, on le transporta aux lingeries impériales, et on lui fit, aux frais du gouvernement, un enterrement conforme à son grade. L'âge et l'expérience auraient pu faire de lui un homme utile, mais leur opération eut été longue et douteuse».

Графъ Головкинъ, не состоявшій съ княземъ въ прямомъ соприкосновеніи, судитъ хотя строго, но болѣе или менѣе безпристрастно и во всякомъ случаѣ отдаетъ должное его способностямъ. Самымъ лестнымъ образомъ выражается о князѣ Петрѣ Петровичѣ генералъ Беннигсенъ въ своихъ запискахъ: «Смерть этого генерала въ цвѣтѣ лѣтъ была большой потерею не только для арміи, но и для самого Государя. Онъ обладалъ живымъ и проницательнымъ умомъ и былъ рѣдкой дѣятельности въ службѣ. Онъ сумѣлъ снискать расположеніе Государя Императора, часто возлагавшаго на него различныя порученія, какъ по дѣламъ военнымъ, такъ и политическимъ; онъ, какъ я уже выше упомянулъ, былъ посланъ Императоромъ въ Берлинъ, чтобы побудить прусскій кабинетъ присоединиться къ коаліціи 1805 г. Извѣстно, что онъ исполнилъ это порученіе съ успѣхомъ и большой ловкостью». Не могу въ заключеніе не привести оцѣнку, которую дѣлаетъ своему дядѣ князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ (князь Bancal), извѣстный составитель «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ».

Вотъ какъ племянникъ судитъ дядю:

«Князь Петръ Петровичъ сочеталъ съ умомъ и нравомъ пылкимъ душу самую благородную и самую безкорыстную; ревностный отчизнолюбецъ, другъ вѣрный;

слезы многочисленныхъ друзей его и всѣхъ подчиненныхъ служили праху его безпристрастною похвалой. По прошествіи 11 лѣтъ Императоръ Александръ, находясь въ Москвѣ въ 1817 году, сказалъ матери покойнаго, княгинѣ Анастасіи Симоновнѣ: «Княгиня! Вы въ князѣ Петрѣ лишились сына, а я въ немъ утратилъ друга!»—Княгиня отвѣтила: «Ваше Величество всегда можете найти себѣ друга, а мнѣ самъ Богъ не властенъ возвратить сына!» Князь Петръ Петровичъ былъ высокъ ростомъ, стройнаго стана, лицомъ бѣлъ, румянъ; здоровьемъ крѣпокъ; обладалъ умомъ живымъ, остроумнымъ, насмѣшливымъ; въ обществѣ отличался любезностью и веселостью нрава».

Несомнѣнно, что въ первые годы царствованія Императора Александра I, когда молодымъ силамъ давался ходъ и быстрое повышеніе, князь Петръ Петровичъ безусловно сумѣлъ выдѣлиться изъ массы молодежи, окружавшей въ это время Государя. Его товарищами были князь Петръ Михайловичъ Волконскій (впослѣдствіи министръ двора), князь Х. А. Ливенъ (бывшій послѣ въ теченіе 22 лѣтъ посломъ въ Лондонѣ) и многіе другіе. Слѣдовательно, проживи онъ дольше, судьба, вѣроятно, и ему сулила бы блестящее будущее. Если обратить вниманіе на тотъ фактъ, что вся дѣятельность князя Петра Петровича въ царствованіе Императора Александра продолжалась всего какіе либо четыре года (1802—1806) и что онъ скончался лишь 29 лѣтъ отъ роду, а, между тѣмъ, обратилъ на себя вниманіе не только Императора Александра, но и Наполеона, который о немъ распространился въ одномъ изъ своихъ бюллетеней; если вспомнить ту борьбу, которую князь велъ противъ такого могущественнаго тріумвирата, какъ тріумвиратъ князя Адама Чарторижскаго, Новосильцова и Строганова,—то надо отдать ему справедливость, что онъ отличался далеко не дюжинными способностями. Хотя князь Чарторижскій и глумится надъ его умомъ, а другой иностранецъ, графъ Ланжеронъ, находитъ его кончину «благомъ для Россіи», но уже этихъ двухъ сужденій достаточно, чтобы понять, что въ ту эпоху князь П. Долгоруковъ былъ чуть ли не единственнымъ поборникомъ чисто русской политики. Если онъ увлекался, ошибался, дѣлалъ иногда крупные промахи,—то тому главной причиной его молодость и неопытность.

Личность князя Петра Петровича Долгорукова останется одной изъ самыхъ оригинальныхъ изъ числа его современниковъ, и, несмотря на то, что она прошла какъ метеоръ, она оставила по себѣ крупные слѣды своей дѣятельности.

Государственный Архивъ (разрядъ XV). Собственная Его Величества библіотека (Лобановскій отдѣлъ). Московскій Архивъ Главнаго Штаба.—Неизданные мемуары гр. Ланжерона. Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ.—Неизданныя записки графа Головкина.—Шильдеръ: Исторія царствованія Императора Александра I. Т. II.—Военно-энциклопедическій лексиконъ, 1854.—Mémoires du Prince Adam Czartorysky. Т. I, 1887.—Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ. Князя П. В. Долгорукова. 1840.—Oeuvres complètes de Joseph de Maistre. Т. X. Lyon, 1885.—Русская Старина, 1895: Записки Беннигсена о войнѣ 1806—1807 гг.—Великій князь Николай Михаиловичъ: „Князья Долгорукіе, сподвижники Императора Александра II“.

Великій Князь Николай Михаиловичъ.

Долгоруковъ, кн., *Петръ Сергѣевичъ*, сынъ казненнаго кн. Сергѣя Петровича, впродолженіе всего царствованія Анны Іоанновны числился въ гвардіи, но оставался вмѣстѣ съ матерью въ ссылкѣ. При Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ возвращенъ и служилъ въ Преображенскомъ полку. Въ 1769 г., уже въ чинѣ генералъ-маіора, онъ состоялъ въ отрядѣ кн. Голицына на Днѣстрѣ и убитъ 17 апрѣля подъ Хотиномъ.

Петровъ: Война Россіи съ Турціей и съ польскими конфедератами.—Общ. библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ

Долгоруковъ, кн., *Самсонъ Ивановичъ*, служилъ при Иванѣ Грозномъ воеводою въ украинскихъ полкахъ съ 1589 по 1598 г., потомъ былъ посланъ въ Смоленскъ для окончанія «строенія каменнаго города», т. е. укрѣпленныхъ городскихъ стѣнъ. Въ 1599 г. онъ встрѣчалъ и провожалъ до Москвы шведскаго королевича Густава. Въ 1602 г. былъ воеводою въ Самарѣ. Тамъ же скончался.

Общ. библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгоруковъ, князь, *Сергѣй Алексѣевичъ*, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь у принятія прошеній, членъ Государственнаго Совѣта, третій сынъ кн. А. А. Долгорукова, бывшаго министра юстиціи, отъ перваго брака его съ Маріей Ивановной, рожд. Апайщиковой; родился 2 сен-

тября 1809 г.; первоначальное воспитаніе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1826 г. выпущенъ чиномъ XIV класса въ Государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ. Переведенный въ слѣдующемъ году въ азіатскій департаментъ, онъ въ мартѣ 1828 г. удостоенъ званія камеръ-юнкера Двора Его Величества, а въ 1829 г. назначенъ вторымъ секретаремъ при нашей миссіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; черезъ два года онъ занялъ ту же должность въ Берлинѣ, а въ слѣдующемъ году перешелъ въ Государственную Канцелярію, гдѣ прослужилъ около трехъ лѣтъ. Въ 1836 г. перевелся на службу въ министерство финансовъ съ назначеніемъ членомъ общаго присутствія мануфактуръ и внутренней торговли. Въ 1842 г. онъ состоялъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ по 5-му департаменту Правительствующаго Сената, а въ слѣдующемъ—утвержденъ членомъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета. По разстроенному здоровью и семейнымъ обстоятельствамъ князь въ 1845 г. вышелъ въ отставку, но спустя три года вновь поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, занявъ должность сначала ковенскаго, а потомъ витебскаго губернатора. Въ 1849 г., произведенный въ д. статскіе совѣтники, кн. С. А. Долгоруковъ былъ назначенъ членомъ комиссіи прошеній и занималъ это мѣсто до 1857 года, когда вторично вышелъ въ отставку съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ 1862 г. князь опять возобновилъ свою служебную карьеру въ качествѣ члена комиссіи прошеній, а въ 1864 г., въ званіи статсъ-секретаря, былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ, а затѣмъ призванъ занять видный постъ статсъ-секретаря у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, который онъ занималъ вплоть до 1884 г., когда комиссія прошеній была подвергнута коренным преобразованіямъ. Кромѣ того, князь тогда же состоялъ членомъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. При открытіи мировыхъ учрежденій, князь въ 1867 г. былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею Воронежской губерніи, Новохоперскаго уѣзда. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ слѣдующемъ году—почетнымъ членомъ совѣта министра финансовъ по департаменту мануфактуръ и торговли и произведенъ въ д. тайные совѣтники. По случаю 50-тилѣтія служебной дѣятельности, исполнившагося въ 1876 г., ему были пожалованы брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, а въ 1880 г.—орденъ св. Владиміра I степени. Былъ женатъ на Маріѣ Александровнѣ Апраксиной. Скончался 16 сентября 1891 г.; тѣло его погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

R. I. Ermerin: Annuaire de la noblesse de Russie. Seconde année. SP. 1892, p. 51.—Петровъ, П. Н.: Исторія родовъ русскаго дворянства, т. I. Спб. 1886, стр. 40.—Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ. С. 1840, стр. 166.—Некрологъ, Всемірная Иллюстрація. 1891 г. № 1188.—Новое Время. 1891 г. № (19 сент. 1891 г.).

А. Ш.

Долгоруковъ, кн., *Сергѣй Васильевичъ*, камеръ-юнкеръ, родился 19 сентября 1820 г., воспитывался въ Спб. университетѣ; служилъ на Кавказѣ и былъ довольно извѣстный въ свое время собиратель древностей, въ особенности древнихъ монетъ. Состоялъ директоромъ Закавказскаго Общества садоводства и членомъ-учредителемъ археологическаго общества. Составилъ и издалъ «Описаніе неизданныхъ русскихъ монетъ собранія кн. С. В. Долгорукова» въ 1850 г. Умеръ 1853 г.

Геннади: Справ. словарь русск. писат. Общая библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.—Н. И. Веселовскій: Исторія Имп. Русск. Археолог. Общ. СПБ. 1900.

Ф.

Долгоруковъ, кн., *Сергѣй Григорьевичъ*, ум. 8 ноября 1739 г. Онъ служилъ съ молодыхъ лѣтъ по дипломатической части, находясь при русскихъ посольствахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ, а затѣмъ въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его, кн. Григорій Ѳеодоровичъ, былъ долгое время посланникомъ при польскомъ королѣ Августѣ. Когда въ концѣ 1720 г. оба кн. Долгоруковы, отецъ и сынъ, уѣзжали изъ Варшавы въ Петербургъ, король поручилъ кн. Сергѣю Григорьевичу передать Петру Великому, что онъ желаетъ возобновленія дружбы съ нимъ и не считаетъ себя виновнымъ въ томъ, что заключилъ оборонительный союзъ съ нѣмецкимъ императоромъ, а что касается Швеціи, то онъ заявилъ, что съ нею не заключалъ никакого договора. Если же театръ военныхъ дѣйствій перенесется въ Польшу,—прибавилъ король,—а сосѣди будутъ относиться враждебно, то поневолѣ придется искать другихъ союзниковъ.

*

Въ 1721 г. кн. С. Г., будучи назначенъ посланникомъ въ Польшу, явился къ королю Августу въ Дрезденъ съ отвѣтомъ отъ Петра В., сущность котораго такова: «Предлагая возобновленіе дружбы, не слѣдовало возобновлять дѣлъ, напоминаніе о которыхъ можетъ быть только непріятно русскому царю, который, въ надеждѣ на правоту своего дѣла, не позволитъ кому бы то ни было пугать себя угрозами». Польскій король принялъ кн. Д. очень милостиво и показалъ видъ, что доволенъ царскимъ отвѣтомъ, а кн. Д. кромѣ того увѣрилъ его, что слухи о мирѣ между Россіей и Швеціей неосновательны и что миръ не будетъ заключенъ помимо Польши.

Въ началѣ 1722 г., уже послѣ Ништадтскаго мира, совершившагося безъ участія Польши, кн. Д. хлопоталъ о признаніи королемъ Августомъ императорскаго титула за Петромъ В. Когда онъ обращался по поводу этого къ нѣкоторымъ доброжелательнымъ Россіи польскимъ сенаторамъ, они отвѣчали, что если король не будетъ препятствовать, то Рѣчь Посполитая согласится, но только подъ условіемъ письменнаго удостовѣренія, что императоръ и его преемники не будутъ заявлять правъ на русскія области, находящіяся во владѣніи у Польши. Въ сентябрѣ 1722 г. начался сеймъ, и кн. Д-ву выпали на долю два нелегкія дѣла: препятствовать укрѣпленію польскаго престола за сыномъ Августа II, Морицомъ Саксонскимъ, и заступиться не только за православныхъ, терпѣвшихъ притѣсненія въ Польшѣ, но и за «евангеликовъ», о которыхъ просилъ Петра В. прусскій король. Въ началѣ 1723 г. король Августъ уѣхалъ изъ Варшавы въ Дрезденъ. Кн. Д. отправился за нимъ и въ Бреславлѣ имѣлъ разговоръ съ сыномъ бывшаго короля Яна Собѣсскаго, королевичемъ Константиномъ, которому передалъ о желаніи Петра В. видѣть его на польскомъ престолѣ. Еще до открытія сейма 1722 г. Петръ В. послалъ въ Могилевъ Рудаковскаго, состоявшаго переводчикомъ при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, для подробнаго разслѣдованія обидъ, причиненныхъ «людямъ греческаго вѣроисповѣданія» въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. Рудаковскій не ограничился наблюденіемъ, чтобъ католики и уніаты не притѣсняли православныхъ, а сталъ вмѣшиваться въ дѣла православнаго духовенства и доносилъ въ Петербургъ помимо кн. С. Г. Д-ва о томъ, что ему совершенно не было поручено. Такимъ поведеніемъ Рудаковскій возстановилъ противъ себя кн. Д., который неблагопріятно отзывался о немъ въ своихъ письмахъ къ Петру В. Передъ сеймомъ 1724 г., на которомъ должны были рѣшиться многіе важные вопросы, Петръ отправилъ на помощь кн. С. Г-чу болѣе опытнаго и искуснаго дипломата, родственника его, кн. Вас. Лук. Долгорукова, вызваннаго изъ Парижа.

Во время царствованія Екатерины I кн. С. Гр. находился въ Россіи, а по воцареніи Петра II былъ снова посланъ въ Варшаву. При свиданіи съ примасомъ Потоцкимъ кн. Д. объявилъ ему, что присланъ для увѣренія короля и республики въ дружбѣ Россіи; въ случаѣ же, если бы Августъ вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ постановили что-либо противное вольности польской, то Россія вмѣстѣ съ германскимъ императоромъ будетъ помогать Рѣчи Посполитой. Въ Польшѣ упорно держался въ это время слухъ о договорѣ, будто бы заключенномъ между Саксоніей и Пруссіей, по которому Пруссія обязана была помогать возведенію на польскій престолъ Морица Саксонскаго. Кн. Д. не сомнѣвался въ существованіи подобнаго договора и неоднократно доносилъ объ этомъ въ Москву. Въ августѣ 1729 г. открылся сеймъ въ Гроднѣ, на которомъ всѣ сторонники короля Августа, въ угоду ему, желали выбрать въ гетманы коронные князя Понятовскаго. Россіи этотъ выборъ былъ бы непріятенъ, въ виду близкихъ отношеній кн. Понятовскаго къ Швеціи и Станиславу Лещинскому, а потому кн. Д. и расположенные къ интересамъ Россіи Потоцкіе, кн. Сангушко и литовскій гетманъ Поцѣй всѣми силами содѣйствовали тому, чтобы сеймъ былъ «разорванъ», въ чемъ они и успѣли.

По возвращеніи въ Россію въ томъ же 1729 году кн. С. Г. былъ вовлеченъ въ честолюбивые замыслы своего брата, кн. Алексѣя Григорьевича, и явился однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ составленіи подложной духовной императора Петра II, по которой русскій престолъ передавался отъ имени юнаго императора его обрученной невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой, дочери кн. Алексѣя. По

воцареніи Анны Іоанновны, 9-го апрѣля 1730 г., послѣдовалъ указъ, разсылавшій всѣхъ кн. Долгоруковыхъ на службу въ отдаленныя провинціи или на житье въ дальнія ихъ вотчины. Кн. С. Гр. и его семья получили приказаніе ѣхать въ свою муромскую деревню—сельцо Ѳоминки, но по дорогѣ туда произошло измѣненіе: новый сенатскій указъ ссылалъ ихъ въ крѣпость Раненбургъ. Пять лѣтъ прожили они въ этой крѣпости, а затѣмъ, вслѣдствіе заступничества Шафирова, тестя кн. С. Г., имъ было дозволено поселиться въ одной изъ деревень принадлежавшей князю Замотринской волости. Черезъ три года, т. е. въ 1738 г., Анна Іоанновна совершенно помиловала кн. С. Г.; онъ былъ вызванъ ко двору и назначенъ посломъ въ Лондонъ. Вскорѣ послѣ этого, 1-го марта 1739 г., умеръ Пав. Петр. Шафировъ, а родной племянникъ кн. С. Гр-ча, кн. Иванъ Алексѣевичъ, измученный тюрьмою и пытками, показалъ на допросѣ, что кн. С. Г. писалъ въ январѣ 1730 г. подложную духовную Петра II подъ диктовку кн. Вас. Лук. Долгорукова. Кн. С. Г. уже совсѣмъ приготовился ѣхать въ Лондонъ, его задерживала только отпускная аудіенція Анны Іоанновны,—но вмѣсто Лондона онъ попалъ въ Шлиссельбургъ, а восемь мѣсяцевъ спустя, 8-го ноября 1739 г., былъ казненъ близъ Новгорода вмѣстѣ съ нѣсколькими своими сородичами.

Голиковъ: Дѣянія Петра В., IX.—Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ. Спб. 1840 г., стр. 88.—Соловьевъ: Исторія Россіи, тт. XVII—XX.—Корсаковъ, Д. А.: Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в. Казань, 1891 г., стр. 167—192.

В. Корсакова.

Долгоруковъ, кн. *Сергѣй Николаевичъ*, родился въ 1770 г., служилъ въ военной службѣ, былъ комендантомъ Петропавловской крѣпости (1798 г.), потомъ—посланникомъ въ Голландіи и въ Неаполѣ (1811 г.). Передъ отечественной войной вернулся къ войскамъ и въ 1812 г. командовалъ пѣхотнымъ корпусомъ. Онъ имѣлъ выдающіяся познанія въ военной исторіи и составилъ «Хронику Россійской императорской арміи» (1799). Занимался также нумизматическими изысканіями и оставилъ послѣ себя хорошую коллекцію монетъ. Умеръ генераломъ-отъ-инфантеріи въ отставкѣ въ 1829 г.

М. Евгеній: Словарь русск. свѣтск. писателей.—Геннади: Справ. слов. русск. писат.—Общая библіограф. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, кн., *Сергѣй Петровичъ*, старшій внукъ боярина кн. Михаила Юрьевича, род. въ 1697 г., служилъ членомъ коммерцъ-коллегіи и при Елизаветѣ Петровнѣ былъ нѣкоторое время посланникомъ въ Царьградѣ. Болѣе извѣстенъ, какъ отецъ кн. Владиміра Сергѣевича, извѣстнаго русскаго посланника при дворѣ Фридриха Великаго. Умеръ 5 мая 1761 г.

Общ. библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгоруковъ, кн., *Тимоѳей Ивановичъ*, извѣстный окольничій Ивана Грознаго, выдвинулся въ битвѣ съ литовцами при Красномъ (1563), гдѣ былъ воеводою. Во второмъ походѣ подъ Краснымъ (1565) былъ уже старшимъ воеводою и оставался въ этой должности въ послѣдовавшемъ походѣ изъ Великихъ Лукъ въ Литву (1566) и въ Полоцкомъ походѣ (1567); впослѣдствіи воеводствовалъ въ Каширѣ (1575) и въ Калугѣ (1576). Въ 1579 году Иванъ Грозный приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ окольничимъ. Нѣкоторое время кн. Тимоѳей Ивановичъ пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ и особеннымъ довѣріемъ царя, но это продолжалось недолго. Въ 1580 году онъ скоропостижно умеръ.

Общ. библ. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Ф.

Долгоруковъ, кн., *Юрій Алексѣевичъ*, знаменитый московскій бояринъ и воевода, сынъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, родился въ самомъ началѣ XVII вѣка, умеръ въ 1682 г.; началъ службу въ 1627 году стольникомъ и въ 1643 году былъ уже воеводой въ Веневѣ. Въ 1645 году, послѣ воцаренія Алексѣя Михайловича, былъ посланъ въ Дубровну приводить къ присягѣ стоявшія тамъ войска. Въ 1646 году онъ получилъ воеводство въ Путивлѣ и въ іюнѣ этого года велъ переговоры съ гетманомъ Потоцкимъ и польскими панами относительно съѣзда. Въ маѣ 1647 года извѣщалъ государя о намѣреніи крымцевъ напасть на нашу Украйну. 25 ноября 1648 года, несмотря на свою сравнительно недолговременную службу, пожалованъ въ бояре и уже въ этомъ санѣ участвовалъ въ составленіи новаго уложенія. Съ этого времени замѣчается особенная близость Долгорукова къ царю Алексѣю Михайловичу, для котораго князь былъ скорѣе другомъ, чѣмъ подданнымъ. Царь особенно жало-

валъ Долгорукова, и въ разрядахъ мы находимъ множество упоминаній о томъ, что князь Юрій Алексѣевичъ у государя «за столомъ былъ». Расположеніе царя выражалось и въ томъ, что онъ поручалъ Долгорукову самые отвѣтственные посты: въ 1649 году Юрій Алексѣевичъ былъ назначенъ первымъ судьей въ приказъ сыскныхъ дѣлъ, а въ 1651 году получилъ назначеніе на особо важный, въ виду предстоявшей борьбы съ Польшей, постъ перваго судьи Пушкарскаго приказа. Когда въ 1654 году открылась наконецъ давно ожидавшаяся война съ Польшей, князь Юрій Алексѣевичъ былъ отправленъ на театръ военныхъ дѣйствій и здѣсь показалъ, что можетъ быть не только опытнымъ администраторомъ, но и храбрымъ и искуснымъ военачальникомъ. 26 апрѣля онъ отправился изъ Москвы въ Брянскъ, собралъ тамъ ратныхъ людей и двинулся вмѣстѣ съ другими воеводами въ Польшу, гдѣ и принималъ участіе во взятіи Мстиславля и Шклова и отличился при взятіи Дубровны. Въ 1655 году онъ продолжалъ принимать участіе въ походѣ, былъ подъ Слонимомъ, Миромъ, Клецкомъ, Мышемъ и Сталовичемъ и за свою усердную службу 17 декабря получилъ почетное званіе суздальскаго намѣстника. Въ томъ же году онъ вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ велъ переговоры съ пріѣзжавшими въ Москву императорскими послами. Въ 1656 году онъ значится въ церемоніалѣ пріема антіохійскаго патріарха, а 29 апрѣля этого года отправленъ вторымъ воеводой въ Новгородъ на Шведовъ. Передъ походомъ ему было пожаловано: шуба атласная золотая, кубокъ и 100 рублей придачи къ окладу. Изъ Новгорода Долгоруковъ двинулся во главѣ довольно большого войска въ Лифляндію, соединился тамъ съ другимъ войскомъ, находившимся подъ личнымъ командованіемъ царя Алексѣя Михайловича, и участвовалъ во взятіи Ніеншанца, Нарвы, Дерпта и въ осадѣ Риги. Въ октябрѣ этого года сражался вторымъ воеводой со шведами подъ Дерптомъ, а 2 ноября былъ отозванъ въ Москву. Въ Москвѣ Долгоруковъ пробылъ недолго и 12 февраля 1658 года былъ посланъ воеводой въ Минскъ для охраны отъ поляковъ вновь завоеванныхъ областей. Скоро ему однако пришлось стать во главѣ всего московскаго войска, дѣйствовавшаго тогда противъ поляковъ въ Бѣлоруссіи: 7 мая онъ получилъ царскій приказъ первымъ воеводой войскъ итти къ Вильнѣ противъ поляковъ, находившихся подъ начальствомъ гетмановъ Павла Сапѣги и Гонсѣвскаго. Положеніе русскаго войска въ это время было очень затруднительно: оно находилось въ непріятельской территоріи, безъ хлѣбныхъ запасовъ, стѣсненное отовсюду непріятелемъ и обезкураженное неудачами прежнихъ неспособныхъ воеводъ. Ко всему этому присоединялось еще то обстоятельство, что двѣ непріятельскихъ арміи, находившіяся подъ начальствомъ Сапѣги и Гонсѣвскаго, готовились соединиться и вмѣстѣ напасть на истощенное московское войско. Положеніе было критическое, но Долгоруковъ не растерялся: онъ быстро двинулся изъ Полоцка, гдѣ тогда находилось московское войско, къ Вильнѣ и здѣсь, рѣшившись не дать возможности гетманамъ соединиться, 11 октября у села Верки напалъ на Гонсѣвскаго. Благодаря удачнымъ аттакамъ польской кавалеріи битва долго была нерѣшительной, но два московскихъ пѣхотныхъ стрѣлецкихъ полка, оставленныхъ Долгоруковымъ въ резервѣ и введенныхъ въ бой въ критическую минуту, рѣшили дѣло, и поляки бѣжали, оставивъ своего гетмана и весь обозъ въ рукахъ русскихъ. Побѣда была полная, но Долгоруковъ не сумѣлъ воспользоваться ею и вмѣсто того, чтобы двинуться вглубь Литвы, 7 ноября оставилъ позицію и отступилъ къ Шклову, не давъ знать царю ни о побѣдѣ своей, ни объ отступленіи, чѣмъ очень оскорбилъ и раздосадовалъ государя, который 17 ноября отправилъ къ нему грамоту съ строгимъ выговоромъ за такую опрометчивость. Грамота эта интересна тѣмъ, что она выясняетъ, какія дружескія отношенія существовали между Алексѣемъ Михайловичемъ и Долгоруковымъ. «Напрасно ты послушалъ худыхъ людей», писалъ между прочимъ государь, «самъ ты видишь, что развѣ у тебя много друзей стало, а прежде мало было кромѣ Бога и насъ грѣшныхъ»... «Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться», писалъ далѣе Алексѣй Михайловичъ, «любя тебя пишу, а не кручинясь, а сверхъ того сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебѣ и къ нему». При въѣздѣ въ Москву 27 декабря Юрій Алексѣевичъ былъ почтенъ знаками особаго царскаго вниманія: у Москвы его

встрѣтилъ стольникъ съ милостивымъ царскимъ словомъ, и въ этотъ же день онъ былъ допущенъ къ государевой рукѣ, а 2 февраля 1659 года ему были пожалованы шуба бархатная золотая, кубокъ, 100 рублей придачи къ окладу и село Писцово съ деревнями въ Костромскомъ уѣздѣ. Но 5 іюля 1659 года Долгоруковъ снова былъ посланъ, на этотъ разъ на помощь воеводѣ князю Трубецкому противъ крымскихъ татаръ, которые, вмѣстѣ съ измѣнившимъ малороссійскимъ гетманомъ Выговскимъ, наступали на московскіе предѣлы. Успѣшно отразивъ этихъ враговъ, Юрій Алексѣевичъ 12 сентября того же года вернулся въ Москву, но уже 18 іюня слѣдующаго 1660 года снова отправился на поляковъ. На этотъ разъ положеніе русскаго войска, изнуреннаго продолжительной войной, было еще тяжелѣе: войска гетмана Павла Сапѣги, Чарнецкаго, Полубенскаго и Паца тѣснили его со всѣхъ сторонъ, а постоянныя пораженія, которыя терпѣлъ другой московскій воевода, неспособный князь Хованскій, дѣлали это положеніе отчаяннымъ. Долгорукову оставалось только обороняться и спасать войско отъ окончательной гибели. Онъ укрѣпилъ позицію въ селѣ Губаревѣ, въ 30 верстахъ отъ Могилева, и здѣсь ему пришлось 24, 25 и 26 сентября выдержать трехдневный бой съ соединенными силами гетмана Павла Сапѣги, Чарнецкаго, Паца и Полубенскаго. Поляки потерпѣли пораженіе и отступили, но скоро оправились и черезъ двѣ недѣли, 10 октября, снова напали на московское войско и снова были отражены съ большимъ урономъ. Тогда Сапѣга и Чарнецкій осадили Долгорукова и преградили путь для подвоза съѣстныхъ припасовъ изъ Смоленска. Положеніе московскаго войска сдѣлалось критическимъ, и неизвѣстно, какъ бы удалось Долгорукову выбраться изъ него, если бы другой московскій воевода, князь Хованскій, не подошелъ къ нему на помощь со стороны Полоцка. Поляки обратились противъ новаго врага, а Долгоруковъ, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, отступилъ къ Могилеву. Русское войско было спасено, и задача Юрія Алексѣевича была кончена. Въ Москвѣ отлично понимали всю трудность этой задачи и очень цѣнили услугу, оказанную Долгоруковымъ. На театръ военныхъ дѣйствій къ Долгорукову постоянно пріѣзжали отъ царя стольники съ золотыми и съ милостивымъ царскимъ словомъ, а когда Юрій Алексѣевичъ пріѣхалъ въ Москву, ему снова было пожаловано: бархатная золотая шуба въ 300 рублей, кубокъ, 140 рублей придачи къ окладу и 10000 ефимковъ на покупку вотчины. Въ Москвѣ Долгоруковъ прожилъ, впрочемъ, недолго и 18 сентября 1662 года снова былъ посланъ противъ поляковъ, но въ декабрѣ того же года отозванъ назадъ. Въ 1664 году мы видимъ князя Юрія Алексѣевича уже на дипломатическомъ поприщѣ: въ февралѣ этого года ему пришлось вести переговоры съ полномочнымъ англійскимъ посломъ, графомъ Карлейлемъ, пріѣхавшимъ просить привилегій для англійскихъ купцовъ, а 1 іюня того же года онъ былъ посланъ съ другими боярами въ Дуровичи, село, находившееся недалеко отъ Смоленска, для переговоровъ съ польскими комиссарами объ условіяхъ мирнаго договора. Переговоры не увѣнчались успѣхомъ вслѣдствіе неуступчивости польскихъ пословъ и бездѣйствія московскаго воеводы, князя Черкасскаго, стоявшаго недалеко отъ Днѣпра со своимъ войскомъ безъ всякаго дѣла. 10 іюля послы разъѣхались, а Черкасскій былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Долгоруковъ, причемъ ему была послана грамота, любопытная тѣмъ, что въ ней выясняется роль Долгорукова въ этихъ переговорахъ. «Будучи ты на посольскихъ съѣздахъ», писалъ царь, «служа намъ, великому государю, радѣлъ отъ чистаго сердца, о нашемъ дѣлѣ говорилъ и стоялъ упорно свыше всѣхъ товарищей своихъ. Эта твоя служба и радѣнье вѣдомы отъ присылщиковъ вашихъ, также и товарищъ твой, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, про твою службу и радѣнье намъ извѣщалъ. Мы за это тебя жалуемъ, милостиво похваляемъ; а теперь указали тебѣ быть полковымъ воеводою и ты бы польскими и литовскими людьми промыслъ чинилъ бы, въ которыхъ мѣстахъ пристойно по тамошнему». Долгорукову, впрочемъ, не удалось чинить особаго промысла: онъ осадилъ Шкловъ и уже собирался двинуться вглубь Литвы, какъ въ 1666 году былъ заключенъ Андрусовскій миръ, и ему пришлось вернуться въ Москву. Въ Москвѣ Юрія Алексѣевича уже ждало зва-

ніе перваго судьи казеннаго приказа и казеннаго двора. Около этого же времени ему пришлось играть довольно видную роль въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ, котораго онъ сперва поддерживалъ передъ царемъ, а потомъ, когда Никонъ сталъ слишкомъ упоренъ и не только не соглашался на уступки, но даже требовалъ покорности со стороны царя, сдѣлался ярымъ поборникомъ его осужденія и усиленно ратовалъ объ этомъ на судѣ. Около трехъ лѣтъ прожилъ Долгоруковъ спокойно въ Москвѣ, но въ 1670 году внезапно разразившійся страшный разинскій бунтъ, охватившій всю Волгу, заставилъ Алексѣя Михайловича снова обратиться къ Юрію Алексѣевичу, имѣвшему въ то время уже около семидесяти лѣтъ, и 1 августа 1670 года Долгоруковъ, получивъ приказаніе принять командованіе надъ московскими войсками, дѣйствовавшими въ окрестностяхъ Арзамаса и Нижняго Новгорода, отправился въ Арзамасъ. Прибывъ къ войску, Долгоруковъ увидѣлъ, что оно находится въ плачевномъ состояніи и не можетъ начать наступательныхъ дѣйствій: подкрѣпленія не приходили, такъ какъ дороги были заняты мятежниками, войска было мало, да и оно было ненадежно, запасовъ не было, а бунтъ охватывалъ Арзамасъ съ юга, сѣвера и востока. Но Долгоруковъ не потерялъ головы и бодро началъ обороняться отъ наступавшихъ мятежниковъ; воеводы, посланные имъ—думный дворянинъ Леонтьевъ и окольничій князь Щербатовъ, разбили и разсѣяли бунтовщиковъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и заставили ихъ отступить. Напоръ на Арзамасъ былъ такимъ образомъ сдержанъ, и Долгоруковъ началъ наступательныя дѣйствія. Прежде всего, для того чтобы очистить сѣверъ и окрестности Нижняго Новгорода, которому угрожала серьезная опасность, онъ послалъ воеводу Леонтьева и князя Щербатова, которые напали на главное гнѣздо мятежниковъ, село Мурашкино, разбили ихъ на голову и 28 октября пришли въ Нижній и очистили его окрестности. Другой воевода, Лихаревъ, расчистилъ путь до самого Темникова, другого центра мятежа, разбилъ бунтовщиковъ и овладѣлъ городомъ. Слѣдомъ за нимъ двинулся въ Темниковъ и самъ Долгоруковъ и 4 декабря занялъ городъ; отсюда пошелъ на Красную Слободу, овладѣлъ ею и, устроивъ тамъ свою главную квартиру, оттуда продолжалъ военныя дѣйствія противъ мятежниковъ. Но Долгоруковъ не могъ объединить дѣйствій отдѣльныхъ воеводъ, такъ какъ въ Казани сидѣлъ воевода князь Урусовъ, усмирявшій мятежъ въ остальной части Поволжья. Въ Москвѣ понимали это, и вскорѣ Урусовъ былъ отозванъ, а главное начальство надъ всѣми войсками на Волгѣ было поручено Долгорукову, который теперь быстро привелъ мятежъ къ концу: онъ послалъ воеводу Панина къ Алатырю, гдѣ тотъ соединился съ княземъ Юріемъ Никитичемъ Барятинскимъ, и оба воеводы, разбивъ мятежниковъ и очистивъ отъ нихъ окрестности Алатыря, двинулись къ Саранску и очистили всю эту область. Въ то же время другой Барятинскій, князь Данила, очистилъ Ядринъ и Курмышъ, а князь Щербатовъ занялъ Троицкій Острогъ, оба Ломова и Пензу. Наконецъ воевода Яковъ Хитрово очистилъ Шацкую провинцію и Керенскъ. Оставалось подавить мятежъ только на сѣверо-востокѣ, гдѣ онъ снова вспыхнулъ съ новой силой, и это сдѣлали Леонтьевъ и Данила Барятинскій, очистивъ Алатырскій уѣздъ и усмиривъ Козьмодемьянскъ, Ядринъ, Курмышъ, Ветлугу и Унжу. Въ концѣ января 1671 года мятежъ былъ потушенъ, и населеніе успокоилось благодаря энергичнымъ мѣрамъ Долгорукова, который получилъ въ награду за это усмиреніе село Шкинъ съ деревнями. Въ 1671 году Долгорукову снова пришлось выступить на дипломатическое поприще: въ концѣ этого года пріѣхали въ Москву польскіе послы переговорить о нѣкоторыхъ старыхъ вопросахъ и просить помощи противъ турокъ, и князь Юрій Алексѣевичъ, назначенный для переговоровъ съ ними, добился уступки Кіева и въ то же время уклонился отъ всякой помощи противъ турокъ, отдѣлавшись лишь обѣщаніемъ послать ногайцевъ и донскихъ казаковъ. Въ 1673 году Долгоруковъ велъ переговоры съ пріѣзжавшимъ въ Москву шведскимъ посломъ, графомъ Оксенштерномъ, и заключилъ договоръ, по которому обѣ стороны обязались помогать другъ другу въ случаѣ войны на восточной сторонѣ Балтійскаго моря. Въ 1674 году велъ переговоры съ пріѣхавшими въ Мо-

скву польскими послами относительно предполагавшейся кандидатуры царя Алексѣя Михайловича на вакантный польскій престолъ. Вообще послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича Долгоруковъ провелъ въ Москвѣ, при дворѣ, пользуясь своимъ вліяніемъ на ослабѣвшаго духомъ и тѣломъ государя, чтобы пріобрѣсти господствующее положеніе среди окружавшихъ его вельможъ, между которыми въ это время появилось двѣ партіи, изъ которыхъ каждая, въ виду слабости Алексѣя Михайловича, желала провозглашенія наслѣдникомъ престола своего кандидата. Партія Милославскихъ, родственниковъ первой жены царя, хотѣла провозглашенія Ѳеодора, старшаго сына государя отъ перваго брака, а партія Нарышкиныхъ, родственниковъ второй жены Алексѣя Михайловича, стремилась доставить престолъ Петру, сыну царя отъ второго брака. Долгоруковъ, отъ котораго зависѣло доставить побѣду той или другой партіи, склонился на сторону Милославскихъ, и Ѳеодоръ былъ провозглашенъ наслѣдникомъ. 29 января 1676 года Алексѣй Михайловичъ умеръ, оставивъ престолъ Ѳеодору и поручивъ опекунство надъ неопытнымъ въ государственныхъ дѣлахъ царемъ Долгорукову. Но Юрій Алексѣевичъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы взяться за управленіе государствомъ, и уступилъ свое вліяніе сыну, князю Михаилу Юрьевичу, благоразумно ослабивъ однако вліяніе Милославскихъ, для чего приблизилъ ко двору незамѣтнаго до того времени, но очень ловкаго царедворца, Языкова, овладѣвшаго довѣренностью царя. Однако и при уходѣ на покой Юрій Алексѣевичъ оставилъ себѣ внѣшній почетъ и получилъ званіе новгородскаго намѣстника и перваго судьи смоленскаго, хлѣбнаго и стрѣлецкаго приказовъ, управленіе которыми, впрочемъ, поручилъ сыну. Такъ прожилъ Юрій Алексѣевичъ на покоѣ до 1682 года, когда возмутившіеся стрѣльцы 15 мая изрубили престарѣлаго князя вслѣдъ за убійствомъ сына его, завѣдывавшаго стрѣлецкимъ приказомъ, князя Михаила Юрьевича. Тѣло его было погребено въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Князь Юрій Алексѣевичъ былъ женатъ два раза; отъ первой своей жены, Елены Васильевны Морозовой, онъ имѣлъ сына Михаила, но Елена Васильевна въ 1666 г. умерла, и въ 1670 году Юрій Алексѣевичъ женился на Евдокіи Петровнѣ Шереметевой, рожденной княжнѣ Пожарской. Бракъ этотъ былъ безплоденъ. Евдокія Петровна умерла въ 1680 году.

Разрядныя книги, II, 1068—1070. Акты историческіе, IV, 66, 266, 270, 272, 343, 364, 374—375, 377, 381, V, 18, 20, 57, 74, 122, 479. Дополненія къ актамъ историческимъ, III, 154—160, 257, 326, 510, IV, 85, 411, V, 9, 147, 148, 154, 170, VI, 26, 56, 58, 59, 65—66, 187, 462, VII, 89, 312, VIII, 99, 105, 107, 109, 113, 146, IX, 105, 106, 107, 123, 338, X, 23, 24. Акты археографической экспедиціи, IV, 51, 60, 145, 164, 169, 172 — 175, 209, 230, 239, 354, 258, 359; Русская историческая библіотека, XIV, 1007, 1223, 1226, XV, 22, 31, 32. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 439, IV, 142, 221, 223, 271, 295, 372, 407. Акты московскаго государства, II, 394, 396, 397, 402, 437, 438, 607, 610, 612—617, 619—623, 625, 628, 634, 644, 646, 649, 677, 683. Древняя россійская вивліоѳика, ч. XX. Матвѣевъ: „Описаніе перваго стрѣлецкаго бунта“ („Собр. разн. зап. о Петрѣ Вел.“, изд. Туманскаго, 1787 г. т. VI, стр. 39—41). Соловьевъ (изд. т-ва „Общ. Польза“), II, 1679, 1691, 1692, III, 40, 41, 42, 81, 146, 161—169, 214, 216, 245, 246, 247, 316, 320, 322, 399—403, 501, 502, 503, 521, 522, 523, 531, 532, 616, 810, 816, 822, 893, 894, 896, 898, 899, 901, 906. Берхъ: „Исторія царствованія Алексѣя Михайловича“ (1831), I, 200—201. Бантышъ-Каменскій: „Словарь достопамятныхъ людей“ (М. 1836), II, 301 — 305. П. Долгоруковъ: „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ“ (Спб. 1840), 17—27, 40 — 41. Петровъ: „Исторія родовъ русскаго дворянства“, I, 37—38. Сокращенное описаніе, службъ благородныхъ россійскихъ дворянъ (М. 1810), II, 294—297. Сѣверный Архивъ, 1825 г. т. 17, стр. 308—309.

Е. Лихачъ.

Долгоруковъ, кн., *Юрій Владиміровичъ*, старшій сынъ боярина, род. въ 1666 г. Служилъ сначала при дворѣ стольникомъ, потомъ маіоромъ въ Преображенскомъ полку. Въ 1707 г., въ чинѣ полковника, былъ посланъ на Донъ для отысканія тамъ бѣглыхъ людей, которыхъ казаки укрывали. При немъ былъ лишь небольшой отрядъ и пять казаковъ для указанія дорогъ. Между тѣмъ казаки, недовольные его распоряженіями и считавшіе розысканіе удалившихся къ нимъ бѣглыхъ людей противнымъ обычаю, подняли мятежъ подъ предводительствомъ Кондратія Булавина, подстерегли кн. Долгорукова у р. Айдара и перебили весь московскій отрядъ вмѣстѣ съ его предводителемъ. Въ объясненіе такого поступка они показывали впослѣдствіи, что кн. Юрій Владиміровичъ обращался съ ними несправедливо и сурово, а также, что онъ облагалъ ихъ произволь-

ными поборами. Мстителемъ за кн. Юрія явился его братъ, кн. Василій Владиміровичъ, которому было поручено усмиреніе Булавинцевъ и Некрасовцевъ и который выполнилъ это со свойственной тому времени безпощадностью.

Русск. Стар. 1870 г., т. 2, № 7.—Общая библіогр. о родѣ кн. Долгоруковыхъ.

Долгоруковъ, князь, *Юрій Владиміровичъ* (1740 † 1830), генералъ-аншефъ и бывшій главнокомандующій въ Москвѣ. Въ 1749 году записанъ унтеръ-офицеромъ на службу, а въ 1752 году, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, «по аттестату инженерныхъ и прочихъ начальниковъ въ наукахъ, до военной службы касающихся», произведенъ въ армейскіе прапорщики съ причисленіемъ къ Рижской инженерной чертежной. Въ 1754 году произведенъ въ поручики, а въ 1755 г.— опредѣленъ адъютантомъ къ своему отцу, ген.-лейт. кн. В. П. Долгорукову, и произведенъ въ капитаны. Въ это время началась война съ Пруссіей, и молодой Долгоруковъ отправился въ дѣйствующую армію, причемъ въ 1757 году въ сраженіи при Гроссъ-Егерсдорфѣ былъ жестоко раненъ въ голову и принужденъ перенести тяжелую операцію трепанаціи черепа. Въ битвѣ при Цорндорфѣ Юрій Владиміровичъ командовалъ Кіевскимъ полкомъ. Произведенный за послѣднюю въ секундъ-маіоры, съ тѣмъ же полкомъ участвовалъ въ осадѣ крѣпости Кольберга, гдѣ счастливо отбилъ сильную вылазку противника, во время которой былъ раненъ. За это дѣло князь получилъ чинъ премьеръ-маіора, а въ 1759 году за мужество, оказанное въ сраженіяхъ при Пальцигѣ и Франкфуртѣ-на-Одерѣ, былъ произведенъ въ подполковники. Въ 1760 году Юрій Владиміровичъ служилъ въ отдѣльномъ корпусѣ графа З. Г. Чернышева и вскорѣ, не взирая на различіе лѣтъ, сдѣлался ближайшимъ его другомъ. О службѣ у него князь въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что такъ какъ графъ «единственъ былъ въ знаніи, какъ войска водить», то «сія наука меня много выучила въ послѣдствіи, по большому моему желанію быть, по настоящей службѣ, способнымъ къ дѣятельнымъ знаніямъ». Въ этомъ году князь былъ при занятіи Берлина и, командуя своднымъ отрядомъ гренадеръ, прикрывалъ квартирное расположеніе корпуса. Въ 1761 году князь отличился при взятіи кр. Швейдница. По кончинѣ императрицы Елисаветы императоръ Петръ III отдалъ корпусъ графа Чернышева въ распоряженіе Фридриха Великаго. Князь Долгоруковъ отправленъ былъ Чернышевымъ со строевымъ рапортомъ къ королю, отъ котораго удостоился самаго милостиваго пріема. Но русскія войска недолго принимали участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ противъ прежнихъ союзниковъ: со вступленіемъ Екатерины II на престолъ нашъ вспомогательный корпусъ былъ отозванъ. Вскорѣ затѣмъ произведенный въ полковники князь Юрій Владиміровичъ съ 1763 по 1764 годъ стоялъ въ Польшѣ, командуя Петербургскимъ полкомъ. Отправленный сюда русскій отрядъ имѣлъ цѣлью оказать давленіе на выборъ короля Станислава Понятовскаго вмѣсто умершаго Августа. Петербургскому полку пришлось выдержать нѣсколько побѣдоносныхъ стычекъ съ польскими войсками, но, въ общемъ, двадцатитрехлѣтній полковникъ всегда считалъ проведенные въ Польшѣ одиннадцать мѣсяцевъ «пріятнѣйшимъ временемъ своей жизни». Изъ Польши Петербургскій полкъ былъ переведенъ въ Вязьму, вскорѣ послѣ чего (въ 1767 году) въ жизни князя произошла чрезвычайно важная перемѣна: онъ сталъ лично извѣстенъ государынѣ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ событіи: «графъ Чернышевъ, желая показать мой полкъ Императрицѣ, расхвалилъ оный, а какъ Императрица намѣрена была ѣхать водою въ Казань, то изволила сказать: «прикажите Петербургскому полку идти въ Казань; я тамъ его увижу»... Императрица изволила смотрѣть мой полкъ съ большимъ одобреніемъ. Потомъ изволила приказать моему полку возвратиться въ свои квартиры, а мнѣ слѣдовать при свитѣ до Симбирска». Князь былъ пожалованъ чиномъ генералъ-маіора арміи и маіора л.-гв. Преображенскаго полка.

По открытіи войны съ Турціею Юрій Владиміровичъ желалъ отправиться въ армію фельдмаршала Румянцева, на театръ военныхъ дѣйствій, но обстоятельства сложились иначе: «въ сіе время («Записки» кн. Ю. В. Долгорукова) графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, находясь для лѣченія болѣзни въ Италіи, разговаривая съ славянами, венеціянскими подданными и нашими единовѣрцами, увѣ-

рился, что они недовольны своимъ правленіемъ; также и сосѣди ихъ черногорцы, турецкіе подданные и всѣ греки въ Архипелагѣ преданы Двору Россійскому. Посему графъ Орловъ писалъ ко Двору, дабы на сіи народы и обстоятельства дѣлать свое вниманіе, и онъ представляетъ свои услуги, если присланъ будетъ флотъ и войско, но что онъ начальства не приметъ, если меня къ нему на помощь не пришлютъ... Въ разсужденіи критическихъ обстоятельствъ въ католическихъ державахъ, а наипаче въ Италіи, отправили меня подъ названіемъ купца Барышникова и вмѣстѣ со мною, такимъ же образомъ, артиллеріи подполковника Лецкаго, Николая Ивановича Маслова и Ѳеодора Васильевича Обухова. Предъ отъѣздомъ откланивался я Императрицѣ въ ея кабинетѣ и весьма милостиво отпущенъ. По выходѣ изъ кабинета графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ поднесъ мнѣ аннинскую ленту, объявя, что воля Императрицы, чтобъ я ее надѣлъ, когда заблагоразсужу, и притомъ двадцать тысячъ рублей; я и то и другое отказалъ, не успѣвъ еще заслужить никакой награды».

Но русскій флотъ сильно замѣшкался въ пути. Тогда на Черную гору съ грамотою, возбуждавшею христіанъ противъ турокъ, съ порохомъ и свинцомъ отправился генералъ-маіоръ кн. Ю. В. Долгоруковъ. Помимо этого секретнаго порученія, князь долженъ былъ изобличить самозванца Степана Малаго, дѣйствовавшаго въ Черногоріи подъ именемъ Петра III. Послѣднее Долгоруковъ выполнилъ съ большимъ счастьемъ и энергіей: онъ изобличилъ самозванца и арестовалъ его. Но нравы и обычаи черногорцевъ до такой степени были противоположны понятіямъ и привычкамъ Долгорукова, что онъ не имѣлъ никакой возможности или умѣнья уладить съ ними, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на всей Черной горѣ онъ нашелъ только одного человѣка, котораго онъ могъ понимать и который могъ его понимать: Этотъ человѣкъ былъ не кто иной, какъ тотъ же Степанъ Малый, точно также не сочувствовавшій черногорскому быту и стремившійся преобразовать его на западный образецъ. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ недолго. Долгоруковъ, отчаявшись сдѣлать что-нибудь на Черной горѣ, проклиная дикіе нравы тамошняго народа, опасаясь ежеминутно за самую жизнь свою (турки, провѣдавъ о миссіи русскаго генерала, посулили за его голову 5000 червонцевъ, а охотниковъ до столь значительной суммы было достаточно), покинулъ край; но передъ отъѣздомъ Юрій Владиміровичъ освободилъ Степана Малаго, взявъ съ него клятву въ вѣрности и усердіи къ Россіи, надѣлъ на него мундиръ русскаго офицера, выдалъ ему офицерскій патентъ и поручилъ главное управленіе Черногоріей. Въ общемъ Юрій Владиміровичъ во всей этой исторіи показалъ, что онъ неизмѣримо лучшій воинъ, чѣмъ дипломатъ.

Изъ Черногоріи князь явился къ графу Алексѣю Орлову въ Пизу, куда ему, за исполненіе порученія, была прислана аннинская лента. Вмѣстѣ съ графомъ Юрій Владиміровичъ отправился къ русской эскадрѣ, бывшей въ это время въ Архипелагѣ. По пути, такъ сказать, князь принялъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ крѣпости Модоны, причемъ, вслѣдствіе неожиданнаго прибытія къ туркамъ огромныхъ подкрѣпленій, долженъ былъ отступить. Искусно распоряжаясь отступленіемъ, князь былъ раненъ въ руку и ногу и вернулся на эскадру. Послѣдней вскорѣ удалось получить вѣрныя свѣдѣнія о непріятельскомъ флотѣ, и на адмиральскомъ кораблѣ состоялся военный совѣтъ, на которомъ капитанъ Грейгъ и князь подали рѣшительный голосъ за то, чтобы найти турецкую эскадру и атаковать ее, и «на сіе мнѣніе, *хотя съ трудностію*, согласили главнокомандующаго». Наканунѣ боя Долгорукову, никогда раньше во флотѣ не служившему, было поручено командованіе кораблемъ «Ростиславомъ». Князь Юрій Владиміровичъ блистательно оправдалъ свое назначеніе и въ послѣдующемъ затѣмъ Чесменскомъ бою отличился и храбростью, и искусствомъ дѣйствій. Графъ Орловъ отправилъ новоиспеченнаго морехода съ подробнымъ донесеніемъ о побѣдѣ къ Императрицѣ. Государыня обласкала молодого героя и наградила его Георгіевскимъ крестомъ на шею, а спустя два мѣсяца—и орденомъ св. Александра Невскаго (1770).

Потомъ князь нѣкоторое время снова служилъ въ Архипелагѣ и Морѣ подъ начальствомъ Орлова, но, поссорившись въ концѣ концовъ съ Орловыми, удовлетворилъ свое давнишнее желаніе и

поступилъ въ армію графа Румянцева, гдѣ, отличившись не разъ, въ 1773 году былъ произведенъ въ генералъ-поручики. Въ «Запискахъ», оставленныхъ княземъ Долгоруковымъ, находится между прочимъ весьма цѣнное указаніе о знаменитой битвѣ при Кагулѣ, почему-то не принимаемое во вниманіе историками при описаніи этой битвы. Отдавая должное талантамъ и военному искусству Румянцева, Долгоруковъ говоритъ слѣдующее: онъ, «по несчастью для подчиненныхъ, всѣ ихъ удачи относилъ къ себѣ, а неудачи падали на подчиненныхъ. Напримѣръ, вся армія знаетъ, что въ Кагульской баталіи, когда янычары разсѣяли карре Племянникова, то братъ мой (кн. Василій Владиміровичъ) съ тремя эскадронами въ нихъ ударилъ, гналъ ихъ въ ретраншементъ и самъ, будучи раненъ, туда вскакалъ. Въ реляціи о сей атакѣ ничего не сказано, а говорится, что побѣда была потому выиграна, что фельдмаршалъ закричалъ первому гренадерскому полку: стой! и вся слава отдана гренадерскому полку, къ которому и на ружейный выстрѣлъ турки не подходили».

По заключеніи мира съ турками князь былъ произведенъ въ генералъ-аншефы (1774) и назначенъ формировать два пѣхотныхъ полка, а затѣмъ командовалъ легкоконными полками въ Харьковѣ. При путешествіи Императрицы въ Крымъ Долгоруковъ представлялъ Государынѣ свои войска, а въ Полтавѣ объяснялъ ей подробности знаменитой побѣды Петра Великаго на самомъ мѣстѣ сраженія и произвелъ маневръ. Царица пожаловала князя подполковникомъ Преображенскаго полка (1787).

По открытіи второй Турецкой войны князь Юрій Владиміровичъ, предводительствуя дивизіею, участвовалъ въ осадѣ Очакова (1788), а въ слѣдующемъ году разбилъ и плѣнилъ турецкаго пашу подъ Кишиневымъ, овладѣлъ Аккерманомъ и Бендерами и за всѣ эти подвиги былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго (1789). Когда же началась Шведская война, князь изъявилъ желаніе принять въ ней участіе, но получилъ отказъ отъ Государыни, сказавшей, что по заслугамъ Долгорукова ей неугодно, чтобы онъ находился подъ начальствомъ своего товарища (графа И. П. Салтыкова, тоже подполковника гвардіи). Вмѣсто этого князь былъ назначенъ командиромъ корпуса въ Бѣлоруссіи, гдѣ въ то время предвидѣлась война съ поляками. Между тѣмъ, по окончаніи шведской войны командиромъ арміи въ Бѣлоруссіи, вопреки ожиданіямъ князя, назначенъ былъ тотъ же графъ И. П. Салтыковъ. Тогда Юрій Владиміровичъ подалъ въ отставку и поселился въ Москвѣ (1790). Князь уже думалъ, что карьера его закончилась, но въ 1793 году, по кончинѣ генерала графа Кречетникова, Императрица вызвала Долгорукова въ Петербургъ и объявила ему, что назначаетъ его на мѣсто умершаго начальникомъ войскъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, а въ день торжества мира съ Турціею (2 сентября 1793 г. пожаловала ему владимірскую ленту.

Непріятности, причиненныя вскорѣ послѣ этого князю всемогущимъ тогда временщикомъ, княземъ Зубовымъ, побудили однако Юрія Владиміровича оставить должность (1794), за исполненіе которой онъ принялся было съ полной энергіей. Вскорѣ затѣмъ Императрица поручила князю осмотрѣть войска, расположенныя въ Финляндіи, а потомъ назначила его командовать стоявшей въ Москвѣ дивизіей. Но въ 1796 году новыя интриги князя Зубова побудили Юрія Владиміровича вторично оставить службу. По воцареніи Императора Павла I-го, князь былъ немедленно назначенъ главнокомандующимъ въ Москву и шефомъ Астраханскаго гренадерскаго полка. Но въ ноябрѣ 1797 года князь, благодаря происканъ завистниковъ, былъ уволенъ отъ службы (въ третій разъ), съ мундиромъ; въ слѣдующемъ же году приглашенъ въ Петербургъ и назначенъ членомъ Совѣта при Высочайшемъ дворѣ, но вскорѣ затѣмъ неожиданно снова уволенъ отъ службы.

При Императорѣ Александрѣ I, при составленіи ополченія 1806 года, князь былъ избранъ начальникомъ земскаго войска седьмой области и получилъ въ подарокъ табакерку съ Царскимъ портретомъ. Скончался въ Москвѣ 8 ноября 1830 года, на 91-мъ году отъ рожденія, оставивъ послѣ себя любопытныя «Записки». Въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ», составленныхъ кн. П. Долгоруковымъ, нравственный обликъ покойнаго характеризуется слѣдующими чертами: «съ

умомъ обширнымъ, проницательнымъ и острымъ, съ великими познаніями, съ нравомъ пылкимъ князь Юрій Владиміровичъ сочеталъ душу возвышенную, пламенно любилъ свое отечество, отличался безкорыстіемъ, гостепріимствомъ и любовью къ изящнымъ искусствамъ. Нѣжный родственникъ, вѣрный другъ, усердный отчизнолюбецъ, князь Юрій Владиміровичъ имѣлъ полное право сказать на вечерѣ жизни своей, что всегда старался «быть полезнымъ, честно вѣкъ прожить и ни въ чемъ совѣстію не мучиться!»...

Князь Юрій Владиміровичъ и старшій братъ его, князь Василій Владиміровичъ, женаты были на двухъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ генералъ-фельдмаршала и конференцъ-министра графа Александра Борисовича Бутурлина; князь Василій—на графинѣ Варварѣ Александровнѣ, а князь Юрій—на графинѣ Екатеринѣ Александровнѣ. Послѣдній бракъ долго не былъ признаваемъ Св. Синодомъ. Оба брата и обѣ сестры жили постоянно въ неизмѣнной и самой нѣжной дружбѣ. Княгиня Варвара Александровна, никогда не имѣвшая дѣтей, всякій разъ какъ сестра ея была беременною, окружала свой станъ подушками, и дѣти княгини Екатерины Александровны долгое время выцаваемы были за дѣтей князя Василія Владиміровича и княгини Варвары Александровны. Наконецъ, по кончинѣ брата и невѣстки, князь Юрій Владиміровичъ исходатайствовалъ, въ 1785 году, признаніе законности брака своего и дѣтей своихъ. Въ день коронаціи Императора Павла I-го (3 апрѣля 1797 г.) княгиня Екатерина Александровна была возведена въ статсъ-дамы. У князя Юрія былъ одинъ сынъ, Василій, и одна дочь—Варвара.

Кн. П. Долгоруковъ: „Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ". Спб. 1840. Къ нимъ приложены и цитированныя нами „Записки" покойнаго. Вторично онѣ напечатаны въ „Р. Арх".—Соловьевъ: Исторія Россіи, т. 28. Москва, 1885.—Московскій Архивъ Гл. Штаба Книга формулярныхъ списковъ, опись 214, кн. 74.

М. Россійскій.

Долгоруковъ (Долгорукій), *Яковъ Ѳеодоровичъ*, генералъ пленипотенціаръ-кригсъ-комиссаръ, родился въ 1639 г. и былъ старшимъ изъ четырехъ сыновей окольничаго Ѳ. Ѳ. Долгорукова. Свою службу Яковъ Ѳеодоровичъ началъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1672 г. стряпчимъ, въ томъ же году онъ былъ пожалованъ въ стольники, а черезъ три года назначенъ комнатнымъ стольникомъ при Петрѣ I. Въ 1676 г. онъ получилъ назначеніе воеводы въ Казанскій разрядъ, и велѣно ему писаться намѣстникомъ Симбирскимъ. Въ этомъ званіи онъ находился въ Путивлѣ (1676 г.), гдѣ было собрано русское войско, ввиду ожидавшагося нападенія крымскихъ татаръ и турокъ.

Послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича Яковъ Долгоруковъ съ братьями примыкаетъ къ вельможамъ, рѣшившимся провозгласить царемъ Петра, и, такъ какъ о движеніи партіи Милославскаго, приготовлявшейся отстаивать права старшаго царевича на престолъ, было извѣстно и думали, что дѣло можетъ дойти до ножей, то Голицыны, Борисъ и Иванъ, и братья Долгоруковы—Яковъ, Лука, Борисъ и Григорій, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, надѣли подъ платья панцыри. Но избраніе обошлось безъ смуты. Во время правленія Софіи Алексѣевны въ 1687 году князь Яковъ Долгоруковъ и кн. Мышецкій были отправлены послами во Францію и Испанію. Во Францію—для объявленія о вступленіи царей въ священный союзъ противъ турокъ и для приглашенія Людовика XIV послѣдовать ихъ примѣру. Послѣ первыхъ переговоровъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, французскій король велѣлъ сказать посламъ, что онъ понялъ въ чемъ дѣло, дальнѣйшіе переговоры считаетъ излишними и отвѣтную грамоту пришлетъ имъ. Но Долгоруковъ объявилъ, что онъ, посолъ царскій, не приметъ отвѣтной грамоты иначе, какъ изъ рукъ короля, такъ какъ всѣ государи отдаютъ всегда отвѣтную грамоту посламъ сами. Поведеніе Долгорукова вызвало сильный гнѣвъ Людовика, и онъ обѣщалъ учинить посламъ великое безчестье и указалъ ихъ отпустить назадъ до французскаго рубежа. Долгоруковъ на это заявилъ, что не только королевскій гнѣвъ, но и самая смерть не можетъ ихъ принудить взять грамоту у себя на дворѣ. Отказались послы принять и королевскіе подарки, хотя имъ грозили, въ случаѣ нежеланія взять подарки добровольно, по повелѣнію короля положить ихъ имъ въ возы силою. Долгоруковъ стоялъ на своемъ:

«королевскій гнѣвъ страшенъ намъ по винѣ», говорилъ онъ: «а безъ вины вовсе не страшенъ, должны мы прежде всего взирать на повелѣніе государей своихъ». И французы уступили. Посламъ не удалось склонить Людовика вступить въ союзъ противъ турокъ, они добились только обѣщанія короля не мѣшать союзникамъ. При отпускѣ пословъ снова возникло затрудненіе: въ грамотѣ царямъ было пропущено — «Великимъ Государямъ». Послы требовали, чтобы грамота была переписана. Имъ отказали; тогда послы не взяли грамоты и не хотѣли брать даровъ королевскихъ. Мастера церемоній говорили, что королевскому величеству ни отъ кого такихъ досадительствъ не было, какъ отъ Долгорукова. Въ Испаніи послы встрѣтили почетный пріемъ, и король Испаніи очень хорошо отзывался о благоразумномъ поведеніи Долгорукова. Во второмъ Крымскомъ походѣ (1689 г.) Яковъ Ѳеодоровичъ принималъ участіе, состоя вмѣстѣ съ другими воеводами и боярами въ товарищахъ главнаго начальника, Вас. Вас. Голицына, но, какъ и всѣ воеводы и бояре, участвовавшіе въ походѣ, не имѣлъ голоса въ принимаемыхъ имъ рѣшеніяхъ. Будучи преданнымъ сторонникомъ Петра I, Долгоруковъ сочувствовалъ и его стремленію къ просвѣщенію и оказалъ даже нѣкоторое вліяніе на ходъ занятій Петра. Въ государственномъ архивѣ хранится собственноручно писанное Петромъ I въ 1719 г. извѣстіе о началѣ морского дѣла въ Россіи, гдѣ императоръ пишетъ, какъ Яковъ Ѳеодоровичъ заговорилъ съ нимъ объ астролябіи и готовальнѣ передъ отъѣздомъ своимъ во Францію (1687г.), сказавъ что у него былъ инструментъ, да жаль украли, которымъ можно было, не доходя до мѣста, брать дистанціи. По просьбѣ Петра I, Долгоруковъ привезъ эти инструменты изъ Франціи, но объяснить употребленіе ихъ не могъ, и, по желанію государя, нѣмецъ докторъ сыскалъ «голландца, именемъ Франца Тимермана, которому я выписанные инструменты показалъ», пишетъ Петръ В., «который, увидѣвъ, сказалъ тѣ же слова, что князь говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ, къ чему я гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи». Вступая въ управленіе государствомъ, Петръ В. назначилъ новыхъ правителей и судей по всѣмъ вѣдомствамъ, зависѣвшимъ до того отъ приверженцевъ сестры. Я. Долгорукову былъ порученъ Московскій судный приказъ (14 октября 1689 г.). Для послѣдняго, какъ управляющаго названнымъ приказомъ, характеренъ отзывъ о немъ президента юстицъ-коллегіи, Матвѣева. Въ 1721 г. Матвѣевъ писалъ, какъ бы въ оправданіе юстицъ-коллегіи: «когда при коллегіи бываю, то работаю сколько могу по малымъ силамъ моимъ я, и дѣла рѣшаются; но хотя они рѣшаются и настоящимъ образомъ, но и ангелу безплотному на народъ нашъ угодить и безъ упрековъ отъ него быть никакъ нельзя»... «въ прошлыхъ годахъ кн. Я. Ѳ. Долгорукій, когда сидѣлъ въ Московскомъ судномъ приказѣ, то въ одинъ годъ съ полтораста цѣлъ по челобитьямъ на его вершенье было перенесено въ расправную палату: и тому судьѣ угодить на нашъ народъ было невозможно». Находясь во главѣ Московскаго суднаго приказа, Долгоруковъ продолжаетъ принимать участіе во всѣхъ военныхъ ученіяхъ, осадахъ, устраиваемыхъ Петромъ I, затѣмъ участвуетъ и въ Азовскихъ походахъ, а въ ноябрѣ 1696 г. Петръ В. назначаетъ его начальникомъ Бѣлгородскаго разряда для содѣйствія Таванскому воеводѣ, Бухвостову, и охраненія вмѣстѣ съ Мазепой Украйны отъ нападенія татаръ. Въ мартѣ слѣдующаго года государь повелѣлъ Я. Долгорукову писаться ближнимъ стольникомъ и воеводою съ «вичемъ», а въ іюлѣ онъ былъ пожалованъ въ бояре. Уничтожая Иноземскій и Рейтарскій приказы (1700 г.), Петръ I указалъ: «генераловъ, полковниковъ и подполковниковъ и иныхъ нижнихъ чиновъ людей сухого пути, судомъ и расправою вѣдать боярину Я. Ѳ. Долгорукому», а «писать его, Боярина, во всякихъ письмахъ, которыя о полковыхъ дѣлахъ, Генераломъ Комиссаромъ». Не получая долго успокоительныхъ извѣстій изъ Константинополя и не видя возможности разорвать со Швеціей (1700 г.), Петръ намѣревался отправить великое посольство въ Швецію во главѣ съ Як. Ѳ. Долгоруковымъ. Резидентъ Томасъ Книперъ, благодаря Головина за увѣдомленіе о назначеніи великимъ посломъ въ Швецію боярина Долгорукова, радовался, что такой «изрядный, разумный и прежде всего въ такомъ же чину у высокихъ потентатовъ съ по-

хвалой бывшій къ тому избранъ». Это посольство не состоялось, такъ какъ 8 августа было получено извѣстіе о заключеніи мира съ Турціей. Подъ Нарвой (1700 г.) Долгоруковъ, находясь при русскомъ войскѣ, по указу, данному Петромъ I герцогу де-Кроа, завѣдывалъ всѣми запасами. Въ ноябрѣ, послѣ битвы подъ Нарвой, Я. Долгоруковъ былъ захваченъ шведами въ плѣнъ въ числѣ 10 русскихъ генераловъ. Въ плѣну участь русскихъ генераловъ была очень тягостна. Въ 1701 г., когда плѣнники были перевезены изъ Ревеля въ Стокгольмъ, Ан. Хилковъ писалъ: «лучше быть въ плѣну у турокъ, чѣмъ у шведовъ. Здѣсь русскихъ ставятъ ни во что, ругаютъ безчестно и осмѣиваютъ». Спустя 4 года всѣхъ плѣнниковъ развезли изъ Стокгольма по разнымъ городамъ, никуда ихъ не пускали и ни съ кѣмъ видѣться не дозволяли. Даже Имеретинскій царевичъ Александръ, съ которымъ обращались лучше, писалъ неоднократно, что едва имѣетъ насущный хлѣбъ, и просилъ помощи, чтобы не умереть съ голоду. Послѣ Полтавскаго пораженія съ плѣнниками стали обращаться еще хуже. Всѣ старанія Петра объ облегченіи участи плѣнныхъ были тщетны. Въ 1711 г. Яковъ Долгоруковъ съ 44 товарищами были привезены для размѣна на восточный берегъ Ботническаго залива, но потомъ ихъ повезли обратно на западную сторону въ Умео. Во время этого переѣзда Долгорукову вмѣстѣ съ товарищами удалось бѣжать изъ плѣна. Вотъ какъ описываетъ свое спасеніе самъ Долгоруковъ: «Всемилосердный Богъ, предстательствомъ Богоматери, далъ намъ, юзникамъ, благой случай и безстрашное дерзновеніе, что мы могли капитана и солдатъ, которые насъ провожали, пометать въ корабли подъ палубу и ружье ихъ отнять, и, поднявъ якорь, іюня 3 дня, пошли въ свой путь и ѣхали тѣмъ моремъ 120 миль и, не доѣхавъ до Стокгольма 10 миль, поворотили на островъ Даго. И шкиперъ, и штырманъ знали пути до Стокгольма, а отъ Стокгольма черезъ Балтійское море ничего не знали и никогда тамъ не бывали и картъ морскихъ съ собою не имѣли, и то море переѣхали мы безъ всякаго вѣдѣнія, управляемые древнимъ бѣдственно плавающимъ кормщикомъ великимъ отцемъ Николаемъ, и на который островъ намѣрились—на самое то мѣсто оный кормщикъ насъ управилъ».

Въ томъ же году (1711) было учреждено военное комиссаріатство, и во главѣ его поставленъ Як. Долгоруковъ—«при Генералѣ Плѣнипонціарѣ-кригсъ-комиссарѣ господинѣ князѣ Долгорукомъ опредѣлено полное комиссарство», а въ 1712 г. Яковъ Ѳеодоровичъ былъ назначенъ въ сенатъ и вскорѣ занялъ среди сенаторовъ первое мѣсто. Современники его разсказываютъ, что Петръ Великій однажды публично сказалъ Долгорукову: «Я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня и такъ часто спорами своими досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь, для того я тебя внутренно и благодарю». Яковъ Долгоруковъ пріобрѣлъ всеобщую извѣстность, какъ правдивый и мудрый совѣтникъ Петра Великаго. До насъ дошло отъ современниковъ его много разсказовъ, характеризующихъ его личность, какъ человѣка и государственнаго дѣятеля. Такъ разсказываютъ, что однажды Петръ повелѣлъ сенату для работъ, производимыхъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, по словамъ другихъ—для работъ по устройству Ладожскаго канала, сдѣлать, какъ это дѣлалось уже раньше, нарядъ работниковъ изъ Петербургской и Новгородской губ. Долгоруковъ нашелъ такое повелѣніе противорѣчащимъ государственной пользѣ—ибо оно должно было повести къ истощенію губерній, и такъ болѣе другихъ претерпѣвшихъ отъ войны. Долгоруковъ говорилъ рѣзко и будто даже разорвалъ опредѣленіе, подписанное государемъ. Петръ былъ очень разгнѣванъ его поведеніемъ, но тѣмъ не менѣе пожелалъ узнать, откуда Долгоруковъ считаетъ возможнымъ достать людей для указанныхъ работъ. Послѣдній предложилъ взять для работъ, въ виду близкаго окончанія войны, свободныхъ солдатъ и давать имъ сверхъ жалованья заработанныя деньги; по словамъ другихъ, онъ совѣтовалъ употребить на работы военноплѣнныхъ шведовъ или же жителей отдаленныхъ губерній, менѣе пострадавшихъ отъ войны. Слова Долгорукова заставили задуматься государя, и онъ отмѣнилъ свое опредѣленіе и объявилъ сенату: «Хотя я было сперва такъ и положилъ, однакожь сіе дѣло еще разсмотрю и дамъ сенату мое послѣднее о томъ повелѣніе». Въ 1718 г. былъ данъ Петромъ указъ: «Понеже всѣмъ извѣстно есть, какой убы-

токъ общенародный есть сему новому мѣсту отъ Ладожскаго озера, чего для необходимая нужда требуетъ, дабы каналъ отъ Волхова въ Неву былъ учиненъ, которой работѣ, ежели дастъ Богъ миръ, намѣреніе наше есть, чтобы оную всею арміей исправить, но сіе еще безызвѣстно, а нужда челобитчикъ неотступный, того ради надлежитъ резолюцію взять, хотя и не будетъ мира, дабы оную работу, яко послѣднюю главную нужду сего мѣста, немедля начать; чего для надлежитъ мыслить и поставить на мѣрѣ, какимъ образомъ сіе учинить и именно не такими работниками, какъ до сего времени дѣлали, изъ чего больше раззоренья нежели пользы было, къ чему я свое мнѣніе прилагаю и вамъ въ разсужденіе отдаю, но такъ или инако однако конечно надобно».

Въ 1714 г. голландскій резидентъ, Деби, узнавъ о намѣреніи Петра перенести торговлю изъ Архангельска въ Петербургъ, сталъ настаивать на заключеніи новаго, болѣе выгоднаго трактата между Россіей Голландіей. Заключеніе трактата откладывалось. Русскіе, писалъ Деби своему правительству, боялись основанія предлагаемаго трактата, которое заключалось въ томъ, что голландцы могли торговать свободно по всѣмъ областямъ Россіи, возражали, что это разоритъ въ конецъ русскихъ купцовъ, которые не будутъ въ состояніи соперничать съ голландцами. По разсказамъ современниковъ, голландскіе купцы заявили Петру, что они могутъ доставить ему безъ всякаго отягощенія для народа новый доходъ до милліона и болѣе рублей. Для осуществленія своего намѣренія они просили Петра отдать имъ на откупъ на 10 лѣтъ сборъ внутренней пошлины, а они за это обязывались платить сверхъ той суммы, какая изъ трехгодичной сложности выйдетъ, по 30 к. на рубль, не прибавляя ни на какія вещи цѣны, и за это они требовали на 10 лѣтъ дать имъ право покупать самимъ изъ первыхъ рукъ внутри всей Россіи всякіе продукты, произрастанія и издѣлія, а ими привозимые всякіе товары продавать гуртомъ всякому повальною цѣною. По другой версіи голландцы обязывались 10 лѣтъ ставить на всю армію сукно съ уступкою противъ русскаго сукна на аршинъ по гривнѣ. Государь предложилъ проектъ голландцевъ на обсужденіе сенату, который и призналъ его полезнымъ для Россіи. Но Долгоруковъ съ этимъ мнѣніемъ не согласился и заявилъ, что голландцы дадутъ и по 50 к. на рубль, только бы забрать въ руки всю внутреннюю торговлю въ Россіи. Дѣйствительно, голландцы согласились дать 50 к. на рубль. По совѣту Долгорукова тогда было спрошено мнѣніе объ этомъ проектѣ лучшихъ русскихъ купцовъ, которые и признали проектъ раззорительнымъ для русской торговли. Голландцамъ въ ихъ просьбѣ было отказано. Въ другой разъ Долгоруковъ противится исполненію повелѣнія Петра о новомъ наборѣ рекрутъ, назначенномъ раньше времени, указывая государю на горе, причиняемое каждымъ наборомъ крестьянскимъ семьямъ, и на то обстоятельство, что рекрутскіе наборы всегда отрываютъ много рукъ отъ земледѣлія. Онъ проситъ государя вмѣсто новаго набора простить рекрутовъ, находящихся въ бѣгахъ, изъ которыхъ многіе вдались въ воровство и разбои, назначивъ имъ явиться черезъ извѣстный срокъ. Въ тѣ времена рекрутъ содержали, какъ преступниковъ, слѣдствіемъ чего явились постоянные побѣги ихъ въ разбойничьи шайки. Если же случалось поступать неправильно самому Долгорукову, онъ открыто сознавался въ томъ, какъ и въ истинныхъ побужденіяхъ своего поступка, о чемъ можно найти много свидѣтельствъ въ тѣхъ же разсказахъ современниковъ.

Когда учреждались коллегіи (1717 г.), то въ одномъ изъ предложеній объ устройствѣ ревизіонъ-комиссіона, который «во всемъ государствѣ на весь годъ всѣ приходы и расходы свыше всѣхъ приказовъ считать могъ», сказано: «и надлежитъ въ такихъ дѣлахъ президентомъ знатному и весьма вѣрному быть», и президентомъ ревизіонъ-коллегіи назначается прославившійся своею честностью Яковъ Долгоруковъ. Въ 1719 г. ревизіонъ-коллегія вступила въ дѣйствіе. Въ 1720 г. она занималась исключительно повѣркою отдѣльныхъ суммъ. Общей же отчетности коллегія не могла вести по неимѣнію нужныхъ свѣдѣній. 1720 годъ былъ послѣднимъ въ жизни Якова Ѳеодоровича Долгорукова: 24 іюня этого года онъ умеръ и былъ, по преданію, похороненъ на Васильевскомъ Островѣ въ Петербургѣ, въ оградѣ собора св. Андрея Первозваннаго.

Яковъ Долгоруковъ, вмѣстѣ съ другими

сенаторами, участвовалъ въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и, когда въ дѣлѣ царевича оказался замѣшаннымъ родственникъ его, Василій Долгоруковъ, Яковъ Ѳеодоровичъ, стремясь отвратить страшное безчестье, угрожавшее его роду, обратился къ Петру съ письмомъ, въ которомъ умолялъ государя, напоминая о всегдашней непоколебимой вѣрности ему своего рода, помиловать Василія Долгорукова, «да не снидемъ въ старости нашей въ гробъ съ именемъ злодѣйскаго рода, которое можетъ не только отнять доброе имя, но и безвременно вервь живота пресѣчь». Благодаря заступничеству своего родственника, Василій Долгоруковъ подвергся только ссылкѣ. Яковъ Ѳеодоровичъ былъ женатъ два раза. Первый разъ на Уліанѣ Наумовой и второй—на княжнѣ Иринѣ Черкасской. Отъ перваго брака имѣлъ дочь, княжну Анну, бывшую замужемъ за А. П. Шереметевымъ, и отъ второго брака дочь, умершую 5 лѣтъ отъ роду.

Соловьевъ: „Исторія Россіи“. — Голиковъ: „Дѣянія Петра Великаго“.—Устряловъ: „Исторія царствованія Петра В.“ Сборникъ Импер. Русск. Истор. Об-ва, т. IX.—Быковъ: Письма и бумаги Петра I.—Древняя Россійская Вивліоѳика, т. XX.—Милюковъ: „Государственное хозяйство при Петрѣ I“. — Л. Майковъ: „Разсказы Нартова о Петрѣ I.“—Штелинъ: Анекдоты. — Туманскій: „Россійскій магазинъ“, Русск. Старина.—Корбъ: Дневникъ секретаря посольства отъ Леопольда I къ Петру I.—Долгоруковъ: Россійская родословная книга.

М. Имшенецкая.

Доленга - Ходаковскій, *Зоріанъ*, житейскій и литературный псевдонимъ знаменитаго археолога и этнографа Адама Чарноцкаго; родился въ Минскомъ воеводствѣ въ 1784 г., умеръ въ Москвѣ въ 1825 г. Отецъ его, польскій шляхтичъ, потерялъ свое состояніе во время политическихъ волненій, обуревавшихъ Рѣчь Посполитую въ послѣдніе годы ея существованія, и не могъ дать сыну никакого образованія. Поэтому онъ отвезъ Д. къ богатымъ родственникамъ въ Слуцкій уѣздъ, которые и помѣстили его въ Слуцкое уѣздное училище. Здѣсь Д. еще въ ранней юности обнаружилъ особую любовь къ собиранію народныхъ пѣсенъ, изслѣдованію народныхъ преданій и обычаевъ. Въ 1800 г. Д. окончилъ курсъ училища и затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ практически право у адвоката въ Новогрудкѣ, пріобрѣтая вмѣстѣ съ тѣмъ знанія въ архивномъ дѣлѣ, такъ какъ для веденія судебныхъ дѣлъ нужно было ему рыться въ архивахъ, читать старинные документы. Но хотя въ 1805 году Д. и получилъ патентъ на «земскую регенцію», но уклонился отъ профессіи адвоката и въ 1807 г. принялъ на себя веденіе дѣлъ графа Неселовскаго, воеводы новогрудскаго. Недолго однако пробылъ Д. на новомъ мѣстѣ. Въ слѣдующемъ году онъ собрался изъ патріотизма поступить въ войско, формировавшееся тогда въ великомъ герцогствѣ варшавскомъ, но письмо его объ этомъ было перехвачено на почтѣ; Д. былъ арестованъ въ мартѣ 1808 года и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и пробылъ въ заключеніи до конца года. Затѣмъ Д. лишенъ былъ дворянства и отданъ въ солдаты во 2-ю дивизію, стоявшую въ Омскѣ. На пути въ Сибирь Д. началъ свой дневникъ, который велъ онъ потомъ до 1821 года. Когда отношенія къ Наполеону побудили русское правительство сосредоточить армію на западной границѣ, полкъ, въ которомъ служилъ Д., былъ передвинутъ изъ Сибири въ Бобруйскъ. Здѣсь Д., по выраженію одного изъ своихъ біографовъ, «устроилъ себѣ выѣздъ въ Польшу», пропалъ безъ вѣсти, и вещи его, какъ умершаго, отосланы были на его родину, въ Слуцкій уѣздъ. Чарноцкій воскресъ уже въ Варшавѣ, куда онъ явился сначала подъ именемъ Зоріана Любральскаго. Подъ этимъ именемъ онъ принималъ участіе въ 1812 г. въ походахъ великой арміи до взятія Смоленска. Лишь по окончаніи похода, оставшись на жительство въ Галиціи, онъ окончательно принялъ имя Зоріана Доленги-Ходаковскаго, не имѣя возможности, какъ дезертиръ, воспользоваться амнистіей, дарованной императоромъ Александромъ I всѣмъ полякамъ, принявшимъ сторону Наполеона. Въ Галиціи Д. отдался давней своей склонности къ изслѣдованію народныхъ пѣсенъ и преданій, урочищъ, могилъ, древнихъ кладбищъ, городищъ и ихъ названій, мечтая въ то же время о болѣе широкомъ изученіи славянства и о пріисканіи средствъ къ этому. Въ 1818 г. онъ напечаталъ на польскомъ языкѣ первую статью свою: «О славянщинѣ предъ христіанствомъ», а въ 1819 г.—на русскомъ: «Разысканія касательно русской исторіи». Въ обоихъ трудахъ этихъ Д.

настаивалъ на необходимости тщательнаго изученія живой старины, между прочимъ городищъ, которые, по его мнѣнію, являются остатками священныхъ оградъ, гдѣ нѣкогда совершались языческіе обряды. Для осуществленія своихъ плановъ Д. обратился сначала къ куратору Виленскаго университета, кн. Чарторижскому, но потерпѣлъ неудачу и поэтому рѣшилъ попытать счастія въ Петербургѣ. Не имѣя средствъ, Д. совершилъ поѣздку туда, испытывая въ дорогѣ всевозможныя лишенія и находя поддержку лишь въ г-жѣ Констанціи Флемингъ, одновременно съ нимъ ѣхавшей въ Петербургъ. Въ ней Д. увидѣлъ необходимую для себя спутницу въ будущихъ этнографическихъ своихъ странствіяхъ и обвѣнчался съ ней на пути, во Псковѣ, гдѣ нашелся ксендзъ. По прибытіи въ Петербургъ Д. успѣлъ заинтересовать своими планами этнографическихъ экскурсій извѣстнаго мецената, графа Николая Петровича Румянцева, и министра народнаго просвѣщенія, князя Александра Николаевича Голицына. Составленный Д. проектъ археологическаго путешествія по Россіи переданъ былъ на разсмотрѣніе Карамзина и главнаго правленія училищъ, былъ ими одобренъ и затѣмъ удостоился 4 іюля 1820 г. Высочайшаго утвержденія. Путешествіе должно было продолжаться четыре года, на издержки назначено было 3.000 р. Планъ путешествія былъ распубликованъ въ журналахъ (см., напр., «Сынъ Отечества», 1820, ч. 63), при чемъ Д. просилъ «всѣхъ внуковъ Радогоста содѣйствовать ему въ изысканіяхъ древнѣйшихъ памятниковъ ихъ знаменитыхъ предковъ». Предполагая предаться изученію быта русскихъ славянъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, Д. не могъ оставаться на почвѣ національной польской исключительности и, по замѣчанію Лелевеля, началъ во время жизни въ Петербургѣ «сходить съ польскаго свѣта». Д. находилъ, что славянскій Востокъ, вслѣдствіе отсутствія католической нетерпимости къ народнымъ элементамъ, сохранилъ болѣе архаическихъ преданій чѣмъ славянскій Западъ. Путешествіе Д. началось въ августѣ 1820 г. Вмѣстѣ съ женой, «неразлучной товаркой» по путешествію, онъ посѣтилъ мѣста по Невѣ и Ладогѣ, раскапывалъ курганы и могилы около Новгорода и Твери и въ началѣ 1821 г. прибылъ наконецъ въ Москву. Въ Москвѣ Д. занялся изученіемъ подробныхъ картъ Россіи по даннымъ межевой канцеляріи, составилъ общую карту славянскаго «городства» и огромный географическій словарь, оставшійся въ рукописи. Въ 1822 г. Д. прислалъ изъ Москвы въ Петербургъ донесеніе о результатахъ своего путешествія, и оно отдано было на разсмотрѣніе извѣстному Калайдовичу. Какъ ученый, Калайдовичъ не сочувствовалъ выводамъ Д. въ теоріи городищъ, находилъ его выводы произвольными, и поэтому отзывъ его о донесеніи Д. былъ неблагопріятный. Вслѣдствіе этого Д. лишился правительственной поддержки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всякихъ средствъ къ существованію; къ довершенію несчастія, въ это время умерла его жена. Въ 1823 г. Д. женился во второй разъ и принялъ должность управляющаго у одного земляка, тверского помѣщика, продолжая въ то же время свои этнографическія работы. Но труды и лишенія надорвали силы Д. 17 ноября 1825 г. Д. скоропостижно скончался въ Тверской губерніи, въ селѣ Петровскомъ. Множество оставшихся послѣ Д. рукописныхъ трудовъ, въ томъ числѣ географическій словарь, поступило впослѣдствіи въ Императорскую Публичную библіотеку. Изъ нихъ М. И. Погодинъ напечаталъ въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ» работу Д.: «Пути сообщенія въ древней Россіи», и составленную имъ на основаніи черновыхъ набросковъ Д. обширную статью: «Историческая система Ходаковскаго», а также «Отрывокъ изъ путешествія Ходаковскаго—Ладога, Новгородъ» и «Донесеніе о первыхъ успѣхахъ въ Россіи Зоріана Долуги-Ходаковскаго изъ Москвы 13 липца (іюля) 1822 г.».

Критическое обозрѣніе всѣхъ матеріаловъ для біографіи Доленги-Ходаковскаго, а также оцѣнку его трудовъ см. въ „Исторіи русской этнографіи“, А. Н. Пыпина, т. 3, 38—87.

Ш.

Доливо-Добровольскій-Евдокимовъ, графъ *Викторъ Яковлевичъ*, генералъ-маіоръ. Родился 4 марта 1825 г., умеръ 21 ноября 1869 г. Происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи. Воспитывался въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, куда поступилъ 11 августа 1842 г. По окончаніи курса, 10 августа 1845 г., произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ при училищѣ, во время пребыванія

въ которомъ былъ произведенъ, 17 іюля 1846 года, въ подпоручики за успѣхи въ наукахъ. По окончаніи дополнительнаго курса училища, 12 іюня 1847 г., онъ поступилъ на службу въ горную № 5 батарею 21 артиллерійской бригады и 17 іюля 1848 года произведенъ въ поручики. Въ 1848 и 1849 гг. Доливо-Добровольскій-Евдокимовъ находился въ Дагестанскомъ отрядѣ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова и за отличіе противъ горцевъ въ дѣлѣ 22 сентября 1848 г. при селеніи Мексенджи награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени съ надписью «за храбрость». Въ 1850 г. онъ находился въ Лезгинскомъ отрядѣ и за отличіе въ дѣлѣ противъ горцевъ при взятіи сел. Колобъ 7 іюня произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ 1851 г. онъ участвовалъ въ непрерывныхъ бояхъ на правомъ флангѣ Кавказской линіи, гдѣ за отличіе при набѣгѣ на р. Пшеху 19 сентября награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами. Въ 1853 г., участвуя въ бою на высотахъ Башъ-Кадыкъ-Лара, онъ за храбрость былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра съ мечами; въ 1854 г. находился въ дѣйствующемъ корпусѣ и за отличіе въ сраженіи съ турками 24 іюля при селеніи Кюрукъ-Дара произведенъ въ капитаны, а 17 сентября 1855 г. участвовалъ въ славной оборонѣ крѣпости Карса и за отличіе произведенъ въ подполковники. Съ 23 іюня графъ Доливо-Д.-Е. находился въ войскахъ крымской арміи, охранявшихъ южныя части Севастополя, и, участвуя въ знаменитомъ сраженіи 4 августа на р. Черной, былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. съ мечами. 27 февраля 1857 г. онъ былъ назначенъ командиромъ батарейной № 2 батареи 13 артиллерійской бригады, а 30 октября 1857 г.—легкой № 6 батареи 20 артилл. бригады. Произведенный въ 1858 г. 24 мая за отличіе противъ горцевъ въ полковники, 27 ноября 1860 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба войскъ Дагестанской области съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артиллеріи. При покореніи восточнаго Кавказа графъ Доливо-Д.-Е. въ 1859 г. получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», а въ апрѣлѣ 1862 г. за боевые подвиги награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. съ алмазами. По высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату 16 іюня 1862 г., дозволено ему именоваться съ женою и потомствомъ графами Доливо-Добровольскими-Евдокимовыми. Въ 1863 г., съ 11 іюня по 5 іюля, онъ находился съ войсками въ Закатальскомъ округѣ по случаю вспыхнувшаго тамъ возстанія и 22 августа 1864 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ январѣ 1865 г. графъ Доливо-Д.-Евд. былъ назначенъ состоять при кавказской арміи, а 6 августа того же года назначенъ помощникомъ начальника 20 пѣхотной дивизіи, въ каковой должности и находился до своей смерти. Умеръ во Владикавказѣ.

„Русскій Инвалидъ", 1870. № 4.—Послужной списокъ изъ общ. архива Главнаго Штаба, С.-Петербургъ.

В. Т.

Доланскій, *Левъ Павловичъ,* горный инженеръ, начальникъ Окружного Горнаго Управленія южной Россіи; умеръ въ 1892 г. Дѣятельность его началась въ Луганскомъ горномъ округѣ, куда онъ былъ назначенъ послѣ окончанія курса въ Горномъ институтѣ въ 1858 году, и все время протекла на югѣ Россіи. Первый періодъ его дѣятельности, до 1883 года, былъ имъ посвященъ, кромѣ продолжительнаго изученія мѣстныхъ экономическихъ условій южной горной промышленности, многочисленнымъ практическимъ изслѣдованіямъ и развѣдкамъ по добыванію и разработкѣ главнымъ образомъ каменнаго угля, что въ общемъ много способствовало значительному подъему и развитію горнаго дѣла въ этомъ краѣ. Такъ въ 1860 году Долинскій былъ командированъ для изслѣдованія мѣсторожденія бураго угля въ Екатеринопольской лѣсной дачѣ, Кіевской губерніи, а затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ занимался по приглашенію графа Шувалова сначала развѣдками, а потомъ разработкой этого минеральнаго топлива. Въ этой области Долинскій по справедливости считался знатокомъ дѣла; въ технической литературѣ извѣстны слѣдующіе труды его, помѣщенные въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ: «Лигнитъ Кіевской губерніи» («Горный Журналъ» 1861 г.), «О мѣсторожденіяхъ бураго угля въ Екатеринопольской дачѣ» («Записки Кіевскаго Общества естествоиспытателей» 1870 г.), «Изслѣдованіе и разработка землистаго и деревянистаго бураго угля въ юго-западной Россіи» («Горн. Журн.» 1877 г. № 7, 1878 г. № 9—10, 1879 г. № 4), «Испы-

таніе нагрѣвательной способности Екатерининскаго бураго угля» («Записки Кіевскаго Отдѣленія Русскаго Техническаго Общества»), «О буромъ углѣ въ юго-западномъ краѣ» («Горн. Журн.» 1875 г. № 4), «Свѣдѣнія по буро-угольному дѣлу въ юго-западномъ краѣ» («Горн. Журн.» 1873 г. № 2),—и нѣкоторыя другія статьи. Въ 1883 году Долинскій былъ назначенъ въ Одессу для наблюденія за горной и соляной промышленностью, а въ слѣдующемъ году переименованъ въ окружного инспектора юго-западной части Донецкаго горнаго округа. Пребываніе Долинскаго въ Одессѣ также принесло существенную пользу донецкой угольной промышленности. Дѣятельность его здѣсь носила нѣсколько иной характеръ: въ цѣляхъ поддержанія сравнительно недавно начавшагося развитія южной горной промышленности Долинскій приложилъ много стараній и дѣйствительно достигъ полезныхъ результатовъ, содѣйствуя укрѣпленію донецкаго угля на Одесскомъ рынкѣ, который до того времени былъ занятъ преимущественно углемъ англійскимъ. Немалое значеніе имѣли и его труды по организаціи горнаго отдѣла на Одесской промышленной выставкѣ, также способствовавшіе успѣху русскаго угля. Но помимо своей административной службы и практической дѣятельности какъ горнаго спеціалиста Долинскій положилъ много энергіи въ дѣлѣ урегулированія труда на рудникахъ и заводахъ и улучшенія быта рабочаго населенія, съ которымъ ему пришлось тѣсно соприкасаться въ своей дѣятельности. Прекрасно знакомый съ мѣстными условіями быта и труда южнаго горнорабочаго, Долинскій постоянно старался улучшить ихъ и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ не мало. Такъ въ 1886 году по его иниціативѣ и при близкомъ его участіи была устроена вспомогательная касса для рабочихъ англійскихъ каменоломенъ въ Одессѣ, и своевременно принятыя имъ энергичныя мѣры упорядочили этотъ трудный промыселъ и въ значительной степени обезопасили трудъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду рабочихъ имъ былъ устроенъ инвалидный домъ и организована правильная медицинская помощь. Впослѣдствіи имъ была устроена подобная же касса для рабочихъ желѣзныхъ рудниковъ Криворожскаго Общества. Наряду съ заботами о матеріальномъ благосостояніи рабочихъ Долинскій, въ цѣляхъ поднятія ихъ умственнаго уровня, организовалъ школы для рабочихъ. Въ дѣлѣ охраненія безопасности работы на рудникахъ и заводахъ Долинскій, кромѣ постояннаго наблюденія въ отдѣльныхъ случаяхъ за принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ предосторожности, стремился ввести общій надзоръ за всѣми владѣльцами рудниковъ, съ каковой цѣлью представлялъ нѣсколько разъ въ Горный Департаментъ доклады о необходимыхъ мѣрахъ для безопасности рабочихъ на рудникахъ. Такое отношеніе Долинскаго къ рабочимъ снискало ему признательность со стороны послѣднихъ, выразившуюся между прочимъ въ избраніи его почетнымъ членомъ учрежденныхъ имъ кассъ. Долинскій принималъ постоянное участіе почти во всѣхъ съѣздахъ горнопромышленниковъ южной Россіи и на XII съѣздѣ въ Харьковѣ былъ предсѣдателемъ. Съ учрежденіемъ новаго горнаго управленія южной Россіи Долинскій былъ назначенъ его начальникомъ, но пробылъ во главѣ этого управленія недолго,—29 іюня 1892 года онъ скончался въ г. Екатеринославѣ. Послѣдней печатной работой его была статья: «Горнозаводская промышленность юго-западнаго округа въ 1889—90 гг.» («Горный Журналъ» 1891 г. № 9). Съ 1873 г. до самой своей смерти Долинскій состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Минералогическаго Общества въ С.-Петербургѣ.

„Горный Журналъ“ 1892 г. № 3, стр. 159—160.—Некрологъ въ „Новомъ Времени“ № 5876, 1892 г.—„Записки Спб. Импер. Минералогич. Общества“ за 1892 годъ (рѣчь акад. Н. И. Кокшарова).—„Горнозаводскій Листокъ“ 1892 г. № 14.

Долматовъ, *Василій*, по прозванію Третьякъ, дьякъ великихъ князей Іоанна III и Василія III. Первоначально Д. былъ дьякомъ брата Іоанна III, князя Юрія Васильевича, а по кончинѣ его (1472 г.) перешелъ на службу къ великому князю и участвовалъ въ переговорахъ его съ новгородцами при паденіи ихъ вѣчевой вольности; вслѣдъ затѣмъ (1486 г.) Д. приводилъ къ присягѣ на подданство Іоанну III жителей Твери и ѣздилъ посломъ отъ великаго князя въ Литву и Данію. При Василіи III Д. посланъ былъ въ 1509 г. въ Псковъ для изслѣдованія

жалобъ псковичей на великокняжескаго намѣстника и по окончаніи этого изслѣдованія объявилъ имъ, что если они хотятъ жить по старинѣ, то пусть исполнятъ двѣ воли государя великаго князя: отмѣнятъ вѣче и примутъ во всѣ свои города великокняжескихъ намѣстниковъ; «или самъ государь, говорилъ Д. псковичамъ, будетъ у васъ, добрыхъ подданныхъ, мирнымъ гостемъ, или пришлетъ къ вамъ воинство смирить мятежниковъ». Жители Пскова просили времени обдумать свой отвѣтъ, но уже на слѣдующій день, 15 января 1510 г., со слезами сняли свой вѣчевой колоколъ и отдались на волю великаго князя. Въ томъ же году Д. отправленъ былъ въ Польшу для улаженія пограничныхъ споровъ, но въ слѣдующемъ 1511 году его постигла опала. Великій князь назначилъ Д. посломъ къ германскому императору Максимиліану, но онъ отговаривался отъ исполненія этого порученія, ссылаясь на свою бѣдность. Тогда домъ Д. былъ опечатанъ, найденные въ немъ 3.000 р. были отобраны, а самъ Д. наказанъ былъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ этомъ заключеніи Д. и скончался.

Арцыбашевъ: «Повѣствованіе о Россіи».— Бантышъ-Каменскій: «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», ч. 2.

Ш.

Долоцкій, *Василій Ивановичъ*, заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской дух. академіи. Родился 3 января 1814 года, умеръ 20 ноября 1885 г. Былъ сынъ протоіерея, родился и воспитывался въ С.-Петербургѣ; окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи въ 1837 г. со степенью магистра богословія и посвятилъ себя педагогической дѣятельности, тогда же поступивъ инспекторомъ и учителемъ въ Спб. Александроневское духовное училище; въ слѣдующемъ 1838 г. перешелъ въ Спб. духовную академію баккалавромъ по классу французскаго языка. Черезъ годъ онъ занялъ тамъ каѳедру церковной археологіи и литургики и занималъ ее до самой своей отставки въ 1873 году. За 36 лѣтъ своей службы въ академіи онъ временно исполнялъ почти всѣ академическія должности: библіотекаря, помощника эконома, помощника инспектора, инспектора и ректора; съ 1850 г. состоялъ секретаремъ Спб. дух. ценз. комитета; въ 1880 г. избранъ былъ въ почетные члены духовной академіи. По вопросамъ литургики и археологіи имъ помѣщено было въ «Христіанскомъ чтеніи» много статей, напримѣръ: «По поводу римскаго догмата о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи», «О христіанскихъ храмахъ», «О священныхъ одеждахъ», «О священныхъ сосудахъ», «О богослужебныхъ книгахъ», «О чтеніи священнаго писанія при богослуженіи», «О службахъ мѣсячной минеи», «Объ освященіи храмовъ», «Объ обрядахъ при совершеніи таинствъ и при погребеніи», «О чинѣ оглашенія въ древней церкви», «О святой великой субботѣ», «О праздникѣ Рождества Христова» и др. Онъ составилъ краткія, но точныя и основательныя записки для студентовъ академіи, главнымъ образомъ по Бингаму; записки эти были весьма распространены въ литографіяхъ и послужили источникомъ для многихъ печатныхъ сочиненій; В. И. Долоцкаго называютъ создателемъ науки литургики. По порученію Св. Синода имъ сдѣланъ былъ переводъ на русскій языкъ 2-го посланія ап. Павла къ Тимоѳею, а также и переводъ византійскаго историка Никиты Хоніата; много переведено святоотеческихъ твореній имъ лично или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Многолѣтняя опытность, глубокое знаніе людей и дѣла принесли весьма много пользы духовной академіи, гдѣ называли Долоцкаго своимъ Несторомъ.

Чистовичъ: Исторія Спб. Дух. Академіи.— „Церковный Вѣстникъ“ 1885 г., № 48.

Здр.

Дольфини (Дельфини), *Иванъ*, мозаичный мастеръ, родился въ 1788 году, умеръ 14 іюня 1830 года. Дольфини былъ весьма искусенъ въ своей спеціальности и преподавалъ ее въ петербургской Академіи Художествъ. Чтобы привести въ порядокъ мозаичную картину Ломоносова «Полтавская битва», Дольфини, за неимѣніемъ кусковъ мозаики нѣкоторыхъ цвѣтовъ, около двухъ лѣтъ работалъ на петербургскомъ стекляномъ заводѣ, стараясь получить эти цвѣта; однако онъ не добился успѣха, такъ какъ не зналъ въ совершенствѣ химическаго способа приготовленія массы. Впослѣдствіи онъ устроилъ горнъ у себя въ Академіи и тамъ долгое время предавался тѣмъ же трудамъ, но не достигъ цѣли и умеръ среди работы.

Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.

В. Г.

Домашневъ, *Сергѣй Герасимовичъ*, директоръ академіи наукъ, камергеръ, род. 24 сент. 1743 г., умеръ 29 авг. 1795 г. Д. учился въ Московскомъ университетѣ, числясь въ то же время солдатомъ въ Измайловскомъ полку, куда поступилъ на дѣйствительную службу въ 1760 г. Вслѣдъ затѣмъ Д. служилъ офицеромъ въ полевыхъ полкахъ, въ 1767 г. былъ депутатомъ отъ сумскаго дворянства въ комиссіи по составленію новаго уложенія, а затѣмъ долгое время путешествовалъ за границей. Въ 1772 г. Д. участвовалъ въ Морейской экспедиціи графа А. Г. Орлова и командовалъ навербованнымъ албанскимъ легіономъ. По возвращеніи въ Россію Д. пожалованъ былъ сначала камеръ-юнкеромъ, затѣмъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и наконецъ въ 1775 г. назначенъ директоромъ академіи наукъ. На литературное поприще Д. выступилъ очень рано, печатая въ 1760—1763 гг. мелкія прозаическія статьи и стихотворенія въ журналахъ Хераскова «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы». Въ 1767 г. Д. напечаталъ двѣ статьи по географіи въ «Переводахъ изъ энциклопедіи», въ изданіи которыхъ онъ принималъ участіе. На 50-лѣтнемъ юбилеѣ академіи, бывшемъ въ 1776 г., Д. произнесъ рѣчь. Въ слѣдующемъ году Д. предложилъ академіи составить «Всеобщее географическое, историческое, политическое, физическое и экономическое описаніе Россіи», но предпріятіе это ограничилось только составленіемъ расписанія предметовъ для этого сочиненія. За труды по академіи Д. пожалованъ былъ въ 1778 г. камергеромъ. Д. желалъ изгнать изъ употребленія букву ъ и въ «Академическихъ Извѣстіяхъ» 1781 г. печаталъ безъ этой буквы одинъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Показаніе новѣйшихъ трудовъ разныхъ академій». Императрица Екатерина не была довольна управленіемъ Д. академіей, въ особенности экономической и хозяйственной ея частями, и въ 1783 г. Д. уволенъ былъ отъ службы. Мѣсто его въ академіи заняла княгиня Е. Р. Дашкова, въ «Запискахъ» своихъ оставившая немало дурныхъ отзывовъ о дѣятельности своего предшественника.

М. Н. Лонгиновъ: „Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ“ (Русск. Стар., 1871, 2).—„Директоръ Академіи Наукъ Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ“. (чтеніе Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, 1866, № 4).—„Матеріалы“ Ефремова.— Сухомлиновъ: „Исторія Р. Академіи“.—

Домбровскій, *Василій Ѳеодоровичъ*, исправлявшій должность экстраординарнаго профессора университета св. Владиміра по каѳедрѣ русской исторіи, коллежскій совѣтникъ, изъ дворянъ Черниговской губ., родился въ Гомелѣ въ 1810 году, умеръ 20 мая 1846 г. въ Кіевѣ. На девятомъ году Д. былъ отданъ въ уѣздное училище, откуда перешелъ въ Могилевскую гимназію, а потомъ по смерти отца, когда мать переѣхала въ Нѣжинъ, поступилъ въ 1825 г. въ гимназію высшихъ наукъ кн. Безбородко, гдѣ мать его занимала должность кастеляншы при лицейскомъ пансіонѣ. Съ переходомъ въ высшіе студенческіе классы Д., по примѣру Гоголя, издавалъ рукописный журналъ: «Аматузій», главнымъ вкладчикомъ котораго по литературной части былъ Е. П. Гребенка, а критикомъ самъ редакторъ. По окончаніи курса въ іюнѣ 1831 г. кандидатомъ съ правомъ на чинъ XII класса и съ золотою медалью Д., чтобы облегчить свою мать, принялъ мѣсто надзирателя при лицейскомъ пансіонѣ и должность учителя нѣмецкаго языка при гимназіи. Выдающіяся способности Д-го обратили на него вниманіе начальства, и въ 1833 г. онъ былъ переведенъ учителемъ историческихъ наукъ въ Кіево-Подольское уѣздное училище. Въ 1835 г. Домбровскій былъ опредѣленъ младшимъ учителемъ географіи сперва въ Кіевскую губернскую, а потомъ—первую гимназію, гдѣ онъ былъ и надзирателемъ. Утвержденный въ должности старшаго учителя исторіи въ 1837 г., Д. прекраснымъ даромъ слова и удивительной памятью обратилъ на себя вниманіе попечителя Кіевскаго округа и бывшаго министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, который въ бытность свою въ Кіевѣ, прослушавъ лекцію Д-го въ гимназіи объ Иванѣ III, прочитанную по Устрялову, остался очень доволенъ и вызвалъ Д-го въ Петербургъ для ознакомленія съ методою Язвинскаго и преподаваніемъ Устрялова. По возвра-

щеніи изъ столицы Д. былъ опредѣленъ въ университетъ св. Владиміра сперва преподавателемъ, а потомъ адъюнктомъ съ 1839 г. и наконецъ исполняющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ русской исторіи съ 28 марта 1840 г., на которую былъ назначенъ по ходатайству попечителя впредь до полученія степени магистра. Въ 1838 г. Д. былъ уволенъ отъ всѣхъ прежнихъ должностей и остался исключительно на службѣ въ университетѣ, но въ іюлѣ того же года, избранный секретаремъ I-го отдѣленія философскаго факультета, при чемъ эту должность онъ исполнялъ до ноября 1840 г., онъ былъ назначенъ въ Кіевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ учителемъ сперва географіи, а потомъ и русской исторіи, и преподавалъ здѣсь до 1844 г. Въ 1843—44 гг. Домбровскій читалъ въ университетѣ, кромѣ русской исторіи, и политическую экономію, въ 1839 г.—былъ командированъ для осмотра учебныхъ заведеній Волынской губерніи, въ 1843 г.—былъ назначенъ членомъ Временной комиссіи, учрежденной для разбора актовъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній, а въ 1844 г. былъ принятъ въ члены Копенгагенскаго королевскаго общества Сѣверныхъ антикваріевъ. Съ 1841 г. Д. читалъ курсъ русскихъ древностей, кромѣ другихъ курсовъ, и двѣ зимы сряду (1841 и 1842 гг.) читалъ публичныя лекціи по русской исторіи, которыя, благодаря увлекательному дару слова и необыкновенной памяти лектора, были новинкой для кіевской публики и всегда собирали полную аудиторію слушателей. Въ изложеніи русской исторіи Д. не отличался самостоятельностью, всегда слѣдовалъ Устрялову и раздѣлялъ его общіе взгляды, а въ фактическихъ подробностяхъ руководился Карамзинымъ. Краснорѣчіе и обаяніе высокогуманной личности Д-го могли, конечно, собирать полную аудиторію, и они собирали ее почти всегда, но они не могли скрыть отъ внимательныхъ слушателей недостатковъ общеисторическаго образованія Д-го, его незнакомства съ историческими школами, его незнанія литературы исторической науки. Въ концѣ 1838 года Д. представилъ въ факультетъ для соисканія степени доктора общей словесности рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Объ отличительномъ характерѣ исторіи Московскаго государства». Факультетъ допустилъ Д-го къ защитѣ диссертаціи, но не призналъ диспута удовлетворительнымъ, такъ какъ авторъ, вмѣсто прямыхъ отвѣтовъ на предлагаемыя ему возраженія, представлялъ лишь изложеніе тѣхъ мыслей и свѣдѣній, на которыхъ онъ самъ думалъ основать свои положенія. Особою вѣскостью отличались возраженія чигиринскаго епископа Иннокентія (Борисова), который принималъ дѣятельное участіе въ диспутѣ. Это было первой и послѣдней попыткой Д-скаго достигнуть ученой степени, хотя онъ и продолжалъ потомъ работать и печатать свои изслѣдованія. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Д-го была его рѣчь: «О вліяніи Греціи на развитіе гражданственности въ древней Руси», произнесенная имъ на актѣ въ университетѣ 15 іюля 1840 г. и напечатанная въ «Отчетѣ университета св. Владиміра за 1840 г.» и въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. (ч. XXIX). Въ альманахѣ М. А. Максимовича «Кіевлянинъ» за 1840 и 1841 гг. Домбровскій напечаталъ двѣ статьи: «Острожская старина» и «Луцкъ», а также помѣстилъ двѣ статьи въ тѣхъ же годахъ Журнала Мин. Нар. Просв.: «О ямахъ до конца XVII вѣка» (ч. XXXI) и «Письмо Іоанна Кобенцеля о Россіи XVI в.», переводъ съ латинскаго (ч. XXXV). Кромѣ того, послѣ смерти Домбровскаго появились еще два его сочиненія: «Очеркъ г. Чернигова и его области въ древнее и новое время», Кіевъ, 1846 г., и «О Кременецкомъ замкѣ», въ Кіевлянинѣ 1850 г. Несмотря на весьма ограниченное число печатныхъ сочиненій, Домбровскій уже успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ ученому міру трудами по разработкѣ отечественной и мѣстной исторіи. Д. скончался на 35 году жизни.

«Лицей кн. Безбородко», изд. Гербеля. Спб. 1881 г., стр. 388—390. — Шульгинъ: «Исторія Кіевскаго университета», 1860 г., стр. 129—131 и др.—Иконниковъ: «Біографич. слов. проф. унив. св. Владиміра», стр. 182—186.—«Воспоминанія о Д-скомъ», И. Г. Кульжинскаго. «Москвитянинъ», 1854 г. № 21.

Ч.

Домбровскій, *Францъ Мартыновичъ*, коллежскій ассесоръ, получилъ образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ по отдѣленію восточныхъ языковъ, гдѣ изучилъ

арабскій, персидскій и турецкій языки. Въ 1845 году Д. пріѣхалъ въ Симферополь и поступилъ на службу переводчикомъ въ канцелярію начальника Таврической губерніи. Въ этой должности Д. основательно изучилъ татарское нарѣчіе, знаніе котораго въ значительной степени способствовало его дальнѣйшимъ работамъ. Съ преобразованіемъ губернскихъ учрежденій Д. сдѣлался секретаремъ Таврическаго губернскаго статистическаго комитета и въ то же время редакторомъ неоффиціальной части «Таврическихъ губернскихъ вѣдомостей». Несмотря на многочисленныя служебныя обязанности, огромное трудолюбіе и рѣдкая работоспособность Д. позволяли ему находить время для занятій сельскимъ хозяйствомъ и литературой. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи, въ журналѣ котораго помѣстилъ много своихъ статей, и постояннымъ корреспондентомъ «Одесскаго Вѣстника». Кромѣ того, онъ иногда помѣщалъ статьи и въ другихъ провинціальныхъ и столичныхъ изданіяхъ. 20 февраля 1865 года Д. вышелъ въ отставку и послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни скончался 14 сентября 1866 года. Послѣ него осталось много матеріаловъ, собранныхъ для задуманныхъ имъ работъ, и почти готовые къ печати труды, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны два: «О выселеніи татаръ въ Турцію» и «Историко-статистическое описаніе Таврической губерніи». Послѣднее легло въ основаніе напечатаннаго въ Памятной книжкѣ Таврической губерніи на 1867 годъ «Краткаго историко-статистическаго обозрѣнія Таврической губерніи». Двадцатилѣтніе непрерывные труды по исторіи, этнографіи и статистикѣ Крыма сдѣлали Д. однимъ изъ лучшихъ знатоковъ края, и, какъ писатель, онъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи изученія Тавриды. Литературная дѣятельность Д. начинается съ 1830 года, когда онъ въ сотрудничествѣ съ другими лицами составилъ статью «Турецкія пословицы», напечатанную въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1830 годъ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ работъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ крымской жизни въ прошломъ и настоящемъ: «Нѣсколько словъ объ Евпаторіи», Одесскій Вѣстникъ, 1846 г., № 66; «Бахчисарай. Изъ путевыхъ записокъ», Од. Вѣстн., 1846 г., №№ 72 и 73; «Историко-статистическое описаніе г. Симферополя», Новоросс. Календарь на 1847 г.; «Замѣтки о посѣвахъ хлѣбовъ въ степной полосѣ Таврической губ.», Записки Общ. сел. хоз. Южн. Россіи, 1847 г., стр. 176; «Прошедшій и настоящій бытъ г. Евпаторіи», Новор. Календ. на 1847 г., стр. 346; «О крымско-татарскомъ способѣ уборки хлѣба», Зап. Общ. с. х. Южн. Россіи, 1848 г., стр. 356; «Нѣсколько словъ объ урожаѣ въ Крыму въ 1848 г.», Записки, 1848 г., стр. 496; «Взглядъ на состояніе винодѣлія и садоводства въ Таврич. губ. въ 1848 г.», Записки, 1849 г., стр. 183 и отд.; «Урожай въ Крыму въ 1849 г.», Записки, 1849 г., стр. 526; «Виды на урожай въ Крыму въ 1850 г.», Записки, 1850 г., стр. 259; «Очеркъ хозяйственнаго быта татаръ въ степной полосѣ Крыма», Записки, 1850 г., стр. 437; «Историко-статистическій очеркъ г. Бахчисарая», Новор. Календ. на 1849 г., стр. 380; «Историко-статистическій очеркъ г. Ѳеодосіи», Новор. Календ. на 1848 г., стр. 339; «Еще о татарской свадьбѣ», Одесск. Вѣстн., 1848 г., № 7; «Обозрѣніе южнаго берега Крыма. Пособіе для путешествующихъ», Новор. Календ. на 1851 г., стр. 339 и отд.; «Зима въ степной части Крыма», Одесск. Вѣстн., 1848 г., № 7; «Очеркъ Ѳеодосійскаго уѣзда», Новор. Кал. на 1851 г., стр. 379 и отд.; «Замѣтки и вѣсти изъ Симферополя», Одесск. Вѣстн., 1852 г., № 36; «Чонгарская переправа въ Крыму въ 1852 г.», С.-Петерб. Вѣдом., 1852 г. № 132; «Крымско-караимскія преданія», С.-Петерб. Вѣд., 1853 г., № 39; «Ашикъ-Умэръ, крымско-татарское преданіе», «Реванъ», крымско-татарскій обычай», Радуга, 1862 г., № 7; «Мюгюри-Шерифъ и правила Али Кегрети Умэра», изъ посмертныхъ записокъ, Севастоп. Справочн. Листокъ, 1883 г., №№ 32 и 33; «Нѣсколько словъ о баштанахъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ», Записки, 1854 г., №№ 7, 8 и 9; «Замѣтки о коннозаводствѣ въ Таврической губерніи», Труды Имп. В. Эконом. Общ., 1854 г., № 8; «Нѣсколько словъ объ имѣніи «Гаджи-Бике» и его мастерскихъ для изготовленія сельскохозяйственныхъ орудій», 1861 г.; «Опытъ посѣва гречихи въ Перекопскомъ уѣздѣ», Записки, 1858 г., стр. 207; «О рабочихъ въ степной части Крыма», Записки, 1859 г., стр. 105; «О саранчѣ въ Крыму», Од. В., 1859 г.; «Сакскія цѣлительныя грязи въ

Евпаторійскомъ уѣздѣ», Памятная книжка Таврич. губ. на 1867 г.; «Взглядъ на табаководство въ Таврич. губ. за послѣдніе годы», Записки, 1867 г., стр. 530.

Одесскій Вѣстникъ, 1866 г., №№ 211 и 213.—Таврич. Губернскія Вѣдомости, 1866 г., №47.—Арс. Маркевичъ: Опытъ указателя литературы о Крымѣ.

Ник. І-скій.

Домгеръ, *Валеріанъ Александровичъ*, геологъ, горный инженеръ, родился въ 1851 г., умеръ въ 1885 г.; высшее спеціальное образованіе получилъ въ Горномъ Институтѣ, курсъ котораго окончилъ въ іюнѣ 1873 г. и былъ командированъ въ распоряженіе управляющаго горной и соляной частями Области Войска Донского для практическихъ занятій на одинъ годъ. За это короткое время Д. успѣлъ основательно ознакомиться съ каменноугольнымъ дѣломъ на нашемъ югѣ. Онъ посѣтилъ многочисленные рудники и горные заводы Донецкаго округа и Екатеринославской губ. и составилъ весьма подробное и обстоятельное описаніе въ геологическомъ, техническомъ и экономическомъ отношеніяхъ извѣстнаго Грушевскаго мѣсторожденія и, главнымъ образомъ, богатаго и благоустроеннаго рудника Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Статья эта подъ названіемъ: «Современное состояніе нѣкоторыхъ каменноугольныхъ рудниковъ юга Россіи» помѣщена въ Горномъ Журналѣ за 1874 г., т. IV, стр. 159—178, и свидѣтельствуетъ о прекрасномъ знакомствѣ съ дѣломъ и разностороннемъ образованіи автора—тогда только что кончившаго курсъ студента. Съ окончаніемъ практическихъ работъ Д. вернулся въ Петербургъ, но вскорѣ, въ ноябрѣ 1874 г., былъ зачисленъ по Главному Горному Управленію и получилъ новую командировку, въ Одессу, на заводъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли для изученія брикетнаго дѣла. Результатомъ этихъ занятій былъ обширный отчетъ, представляющій подробный перечень литературныхъ данныхъ по этому вопросу и сводъ собственныхъ наблюденій автора на лучшемъ русскомъ брикетномъ заводѣ,—«Приготовленіе брикетовъ изъ каменноугольной мелочи» горн. инж. В. Домгера, (Горн. Журн. 1876, т. II, стр. 123—173). Впослѣдствіи Д. еще разъ возвращался къ этому важному техническому вопросу и въ 1881 г. напечаталъ въ Южно-Русскомъ Горномъ Листкѣ небольшую статью объ открытомъ Адольфомъ Гурльтомъ способѣ цементированія каменноугольной мелочи посредствомъ магнезіи. (См. В. Домгеръ: «Новый способъ цементированія каменноугольной мелочи». Южн. Русск. Горн. Лист., 1881, т. II, стр. 196—199). Съ этого времени почти вся недолгая жизнь Д. была посвящена научному изслѣдованію нашего отечества: сначала по порученію Горнаго Департамента, затѣмъ въ качествѣ младшаго геолога Геологическаго Комитета онъ совершилъ много экскурсій по нашему Югу, собралъ богатый научный матеріалъ и оказалъ крупныя услуги дѣлу изученія Россіи въ геологическомъ отношеніи. Въ 1875 г. Д. съ двумя другими горными инженерами былъ командированъ Горнымъ Департаментомъ для геологическаго изслѣдованія мѣстности между Днѣпромъ и Ингуломъ въ Екатеринославской губ. съ цѣлью отысканія выходовъ желѣзныхъ рудъ и вообще полезныхъ ископаемыхъ. Изслѣдованія были успѣшно окончены въ томъ же году; между прочимъ Домгеромъ были найдены богатыя мѣсторожденія жернового песчаника, каолина и графита прекраснаго качества и изслѣдованы и описаны выходы кристаллическихъ горныхъ породъ этой мѣстности (см. В. Домгеръ: «Геологическое изслѣдованіе западной части кристаллической полосы въ Новороссіи въ 1875 г.». Горн. Журн., 1876 г. т. II, стр. 280—299). Лѣтомъ 1876 г. онъ былъ командированъ съ такою же цѣлью въ Орловскую и Курскую губ., гдѣ имъ изслѣдованы и описаны отложенія девонской и мѣловой системъ, собраны коллекціи по палеонтологіи края, провѣрены наблюденія и исправлены выводы прежнихъ изслѣдователей (см. В. Домгеръ: «Геологическія наблюденія, произведенныя лѣтомъ 1876 г. въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губ. и Щигровскомъ уѣздѣ Курской губ.». Горн. Журн., 1878 г., т. II, стр. 71—86). Попутно Д. занялся вопросомъ о стилолитахъ, которые ему удалось наблюдать во время этой экскурсіи, и сдѣлалъ въ Отдѣленіи геологіи и минералогіи С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, членомъ котораго онъ незадолго до этого былъ избранъ, подробный, обстоятельный и весьма цѣнный докладъ съ полнымъ сводомъ литературныхъ данныхъ и критическимъ разборомъ различныхъ взглядовъ на проис-

хожденіе и характеръ этихъ остатковъ (см. Труды Имп. Спб. О-ва Естествоиспытателей, 1877 г., т. VШ, стр. 139—167: «Современное состояніе вопроса о стилолитахъ»). Эта же поѣздка дала ему матеріалъ для сообщенія о геологическомъ строеніи Ливенскаго уѣзда Орловской губ. (см. Труды, т. VШ, стр. 33). Въ томъ же году Д. сопутствовалъ Н. П. Барботу-де-Марни въ его поѣздкѣ по линіи строившейся Оренбургской ж. д. и принималъ участіе въ работахъ по геологическому изслѣдованію мѣстности, прилегающей къ этой линіи. Въ 1877 г. по порученію Горнаго Департамента онъ занимался геологическими изслѣдованіями вдоль линіи Уральской горнозаводской ж. д., составилъ довольно подробную геологическую карту изслѣдованной мѣстности, начертилъ профиль линіи желѣзной дороги, во многомъ исправилъ и дополнилъ свѣдѣнія, доставленныя прежними авторами, и собралъ богатый матеріалъ по палеонтологіи этого края. О результатахъ этой работы онъ представилъ подробный докладъ Императорскому Минералогическому Обществу, которое въ 1878 г. избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, и позднѣе, въ 1882 г., напечаталъ его въ «Запискахъ» Общества (см. В. Домгеръ: «Геологическія наблюденія въ западной части Уральской горнозаводской жел. дор., между г. Пермью и ст. Биссеръ». Зап. Мин. Общ., 2-ая серія, часть XVII, стр. 108—173). Въ 1878 г. Д. былъ снова командированъ Горнымъ Департаментомъ для геологическихъ работъ по линіи строившейся Донецкой ж. д. въ раіонѣ Бахмутскаго и Славяносербскаго уѣздовъ Екатеринославской губ. и небольшой части Области Войска Донского, о результатахъ которыхъ доложилъ Минералогическому Обществу (см. Записки Мин. Общ., часть XIV). Наблюденія, сдѣланныя имъ самимъ во время многочисленныхъ экскурсій вдоль линій строившихся желѣзныхъ дорогъ, и изученіе литературныхъ данныхъ, представленныхъ другими авторами и собранныхъ такимъ же путемъ, дали ему богатый матеріалъ для обширной статьи: «Результаты изслѣдованій вдоль линій желѣзныхъ дорогъ, строившихся въ Россіи въ періодъ времени съ 1845 г.» (Г. Ж. 1879 г., т. I, стр. 147—172), въ которой авторъ, подводя итоги всему уже сдѣланному такимъ путемъ въ области геологіи Россіи, горячо ратуетъ за продолженіе и расширеніе подобныхъ изслѣдованій въ виду ихъ серьезнаго научнаго интереса и громаднаго практическаго значенія. Объ этомъ же предметѣ онъ сообщилъ Обществу Естествоиспытателей (см. Труды, т. X, стр. 6). Съ образованіемъ въ апрѣлѣ 1882 г. геологическаго комитета, Д. былъ назначенъ на должность младшаго геолога и принялъ самое дѣятельное участіе въ работахъ этого центральнаго учрежденія. Капитальный трудъ, предпринятый Комитетомъ—составленіе общей геологической карты имперіи,—былъ начатъ при ближайшемъ его содѣйствіи. Лѣто 1883 и 84 гг. онъ по порученію Комитета посвятилъ геологическимъ изслѣдованіямъ въ предѣлахъ 47-го листа карты, на пространствѣ около 13000 кв. верстъ въ Верхнеднѣпровскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ Екатеринославской губ. и Херсонскомъ и Александрійскомъ Херсонской, а также по линіи строившейся Екатерининской ж. д. (отчеты объ этихъ работахъ см. «Извѣстія геологическаго комитета», 1883 г., II, стр. 71, 1884 г., Ш, стр. 183). Изслѣдованія эти доставили весьма много интересныхъ данныхъ, въ особенности объ эоценовыхъ отложеніяхъ третичной системы, вообще весьма бѣдныхъ остатками, но въ которыхъ Д. удалось найти слѣды богатой и разнообразной фауны; весьма важно также открытіе остатковъ нуммулитовъ, доселѣ извѣстныхъ лишь въ Крыму. Въ предѣлахъ западной части листа карты изслѣдованы отложенія архейской группы, покрытыя третичными и четвертичными осадками; въ палеогеновыхъ остаткахъ третичной системы Д. найдена устричная банка изъ створокъ Ostrea callifera, доселѣ неизвѣстной, и слой, наполненный острокодами, въ пліоценовыхъ — остатки вымершихъ позвоночныхъ Rhinoceros и Mastodon. Кромѣ упомянутыхъ уже трудовъ, Домгеру принадлежитъ еще рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ спеціальныхъ журналахъ.

Въ 1881 г. редакціей Южно-Русск. Горн. Листка издано: «В. Домгеръ, Краткій очеркъ исторіи геологіи Донецкаго каменноугольнаго бассейна», стр. 140, Харьковъ, 1881 г. Эта небольшая книжка содержитъ полную исторію геологическихъ изслѣдованій Донецкаго бассейна и должна была служить историческимъ введеніемъ къ обширному

труду по геологіи этого края, гдѣ главнымъ образомъ протекла научная дѣятельность В. А. Домгера; преждевременная смерть ученаго помѣшала осуществленію этого плана.

Наконецъ въ 1878 г. Д., совмѣстно съ проф. горн. инж. Лебедевымъ, перевелъ, переработалъ и издалъ извѣстный «Katechismus der Bergbaukunde» Эмиля Штера подъ названіемъ: «Основныя начала горнаго искусства», съ приложеніемъ нѣмецко-русскаго техническаго словаря. Спб. 1878. XIV+250+XX. Книга эта представляетъ собою хорошее руководство для штейгеровъ и среднихъ горныхъ училищъ. Домгеръ скончался 33-хъ лѣтъ отъ роду въ самомъ разгарѣ своей ученой дѣятельности 10 января 1885 г. въ Петербургѣ, оставивъ послѣ себя глубокій слѣдъ въ дѣлѣ изученія геологіи нашего отечества.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.—Научно-историческій сборникъ Горнаго Института, изданный по случаю юбилея. Спб. 1873.—Некрологи: Горный Журналъ 1885 г., № 2; Южно-Русскій Горный Листокъ 1885 г., т. X, стр. 1368—69; Извѣстія геологическаго комитета 1885 г., № 2, стр. 1—5.—Карпинскій: Отчетъ о состояніи и дѣятельности геологическаго комитета за 1882—84 гг. Извѣстія. 1885 г., № 1. *В. В—въ.*

Дометти, *Александръ Карловичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, ветеранъ отечественной войны, скончался въ С.-Петербургѣ 13 ноября 1877 года. Родился въ 1793 г. Воспитаніе получилъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, что нынѣ Павловское училище. 19-ти лѣтъ Дометти кончилъ корпусъ и прямо со школьной скамьи отправился въ дѣйствующую армію, гдѣ и участвовалъ во всѣхъ знаменитыхъ сраженіяхъ. По окончаніи отечественной войны онъ продолжалъ свою службу въ гвардіи и въ 1822 г. былъ уже полковникомъ л.-гв. Финляндскаго полка, а на 13-омъ году службы получилъ въ командованіе 18-й Егерскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 и 1829 гг. Здѣсь Дометти не разъ отличался своею храбростью и распорядительностью. Перейдя съ отрядомъ Дунай у Измаила, онъ осадилъ Исакчу, которую и заставилъ черезъ два дня сдаться, а черезъ три дня въ отрядѣ Мадатова находился подъ Гирсовымъ, по взятіи котораго черезъ три недѣли сражался уже подъ Кузгуномъ. Отразивъ здѣсь непріятеля, онъ черезъ 4 дня соединился съ главными силами у Базарджика, съ которыми участвовалъ въ бою у Ени-Базара и преслѣдовалъ непріятеля до Шумлы. За оказанную храбрость въ этихъ дѣлахъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ, получилъ Высочайшее благоволеніе и въ чинѣ полковника назначенъ командиромъ бригады. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ въ атакѣ Шумлы и, будучи атакованъ значительными силами турокъ, уже спустившихся въ ровъ редута, онъ молодецки отбилъ атаку ихъ, находясь во главѣ сражающихся, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст., украшеннымъ алмазами. Перезимовавъ въ 1829 году въ Молдавіи и Валахіи, Дометти снова перешелъ съ отрядомъ Дунай у Силистріи и участвовалъ во всѣхъ бывшихъ при этомъ бояхъ и за оказанное мужество былъ награжденъ золотою полусаблею съ надписью «за храбрость». Контуженный, онъ оставался въ строю и продолжалъ свое военное дѣло, непрерывно участвуя въ вылазкахъ и перестрѣлкахъ. На 35-омъ году (1829 г.) онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и уже въ этомъ чинѣ по взятіи Силистріи вторично осаждалъ Шумлу, защищая передовыя укрѣпленія, и за отбитіе непріятельскаго штурма былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 ст. При взрывѣ порохового погреба онъ былъ снова контуженъ непріятельскимъ снарядомъ. По окончаніи кампаніи онъ въ 1830 году возвратился въ С.-Петербургъ и въ слѣдующемъ 1831 году снова выступилъ на арену военныхъ дѣйствій, противъ польскихъ мятежниковъ, гдѣ не разъ отличался и въ особенности при осадѣ Замостья. Четыре года военныхъ дѣйствій и двѣ контузіи сильно разстроили здоровье Дометти, и по подавленіи польскаго мятежа онъ вышелъ въ отставку, въ которой и пробылъ до 1843 г. Опредѣлившись снова въ войска, онъ всю свою остальную службу провелъ въ Сибири, гдѣ командовалъ сначала бригадою, а потомъ 24-ою пѣхотною дивизіею и на послѣдней должности былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, получивъ ордена св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 ст. Дометти въ 1865 году былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и зачисленъ въ запасныя войска, затѣмъ попрошенію уволенъ въ отставку, а 13 ноября 1897 г. онъ умеръ.

„Русскій Инвалидъ“, 1878 г., № 46.
Борисъ Таиѣевъ.

Домонтовичъ, *Василій Васильевичъ*, генералъ-маіоръ и поэтъ, происходилъ изъ дворянъ Черниговской губ.; родился въ 1807 году; умеръ въ 1868 г. По окончаніи курса въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, 26 іюня 1826 г., онъ началъ службу прапорщикомъ въ батарейной № 1 ротѣ 10 артиллерійской бригады, съ которой въ 1828 г. принималъ участіе въ русско-турецкой войнѣ: 27 мая въ сраженіи при переправѣ черезъ Дунай (описанной имъ въ стихотвореніи: «Воспоминаніе переправы Дунайской»), затѣмъ—въ блокадѣ Шумлы, при атакѣ укрѣпленнаго лагеря Куртена и, наконецъ, въ осадѣ и взятіи Варны. Впечатлѣнія этой войны молодой офицеръ описалъ въ рядѣ стихотвореній, которыя въ то же время говорятъ объ угнетенномъ состояніи духа, въ которомъ онъ находился вдали отъ родины... «А я по Турціи проклятой», писалъ онъ своему дядѣ, «скитаясь, думаю: когда-то, когда переселюся я въ Малороссійскіе края!» Окончилась турецкая война—и черезъ два года Домонтовичъ участвуетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ: 6 и 7 апрѣля 1831 г.—въ сраженіи при м. Барагибѣ и въ преслѣдованіи корпуса Дверницкаго къ австрійской границѣ, затѣмъ черезъ Бугъ переходитъ границу Царства Польскаго, въ предѣлахъ котораго, впрочемъ, онъ оставался лишь до конца мая того же года и былъ награжденъ польскимъ знакомъ «за военное достоинство» 4 степ. Въ чинѣ поручика онъ занималъ около трехъ лѣтъ должность бригаднаго квартирмейстера, затѣмъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны, въ 1843 г.—переведенъ въ 7-ю, а въ 1847 г.—въ Кавказскую артиллерійскую бригаду. Въ 1849 г. въ составѣ Лезгинскаго отряда онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ кавказскихъ горцевъ. Въ жизни Домонтовича это былъ бурный боевой годъ, который онъ началъ въ маѣ выступленіемъ съ отрядомъ изъ укр. Закаталы, участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ и экспедиціяхъ до ноября, когда войска Лезгинскаго отряда были распущены. За отличіе въ сраженіи онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Въ слѣдующемъ году Василій Васильевичъ получилъ въ командованіе батарею 21 артиллерійской бригады, еще черезъ два года—чинъ подполковника за отличіе по службѣ и въ 1853 г.—назначеніе командиромъ горной № 4 батареи (впослѣдствіи переименованной въ № 6, а затѣмъ въ облегченную № 10 батарею) той же бригады. Въ 1854 и 1855 гг. подполковникъ Домонтовичъ продолжаетъ участвовать въ кавказской войнѣ въ составѣ Дагестанскаго отряда, съ которымъ дѣлитъ всѣ труды и опасности боевой жизни; за этотъ періодъ войны онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ. Въ 1857 г. за отличіе въ сраженіяхъ противъ горцевъ онъ произведенъ въ полковники (со старшинствомъ съ 30 октября 1855 г.), а въ 1859 г., состоя въ главномъ Дагестанскомъ отрядѣ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала кн. Барятинскаго, участвуетъ въ блокадѣ и взятіи приступомъ Гуниба и плѣненіи Шамиля. За отличіе въ этомъ дѣлѣ онъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2 степ. съ мечами. Прослуживъ болѣе 35 лѣтъ, изъ коихъ около 15 лѣтъ на Кавказѣ въ горячую пору его покоренія, въ февралѣ 1862 г. Домонтовичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ отъ службы, съ мундиромъ и пенсіей полнаго оклада.

Отдавая свою жизнь боевой службѣ, онъ прожилъ ее холостымъ и скончался въ октябрѣ 1868 г. Тѣмъ не менѣе и въ мирной и въ боевой обстановкѣ онъ умѣлъ находить время для поэзіи, которая у него отличается непосредственнымъ чувствомъ, является отголоскомъ событій его жизни, въ простой, незатѣйливой формѣ. Произведенія В. В. Домонтовича разбросаны въ разныхъ изданіяхъ, особенно въ альманахахъ съ 1825 г. (въ единственномъ намъ извѣстномъ военномъ альманахѣ—«Досуги Марса», 1834 г., его имя не встрѣчается), въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Отечественнымъ Запискамъ» Свиньина (1830 г., т. 44), и пр.

Общ. архивъ Главн. Штаба, формул. списокъ № 4240.—Геннади: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX стол. Т. I, 1876 г.—Русскій Архивъ, 1870 г.—Газета „Русскій“, 1868 г., № 95.

В. Ж-е.

Домонтовичъ, *Константинъ Ивановичъ*, сенаторъ, дѣятель эпохи освобожденія крестьянъ, родился въ Спб. въ 1820 году, умеръ въ 1891 году. Окончивъ юридическій факультетъ Спб.

университета въ 1840 году со званіемъ кандидата, онъ отправился для завершенія своего образованія за границу. Въ 1842 году онъ вернулся въ Россію и поступилъ на службу въ департаментъ сельскаго хозяйства Мин. Гос. Им. Семнадцатилѣтняя дѣятельность въ вѣдомствѣ, стоящемъ близко къ крестьянскому населенію государства (госуд. крестьяне), дала ему возможность всесторонне изучить положенія деревни, ея экономическій и юридическій бытъ и современемъ сдѣлаться компетентнымъ судьей во всѣхъ вопросахъ, касающихся «сельскаго состоянія». Вся жизнь его отъ начала до конца была посвящена одному дѣлу—урегулированію крестьянскихъ податей. Безчисленное множество комиссій, въ которыхъ Д. пришлось работать въ теченіе своей едва не полувѣковой службы, всегда имѣли то или другое отношеніе къ налогамъ съ крестьянъ. Въ 1844 г. онъ участвовалъ въ трудахъ Курской а потомъ Пензенской комиссій по вопросу объ уравненіи денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. Въ 1858 г., въ качествѣ завѣдующаго статистическимъ отдѣломъ департамента сельск. хозяйства и совѣщательнаго члена Центр. Стат. Ком. при М. В. Д., онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи матеріаловъ по статистикѣ Россіи. Къ этому же времени относится появленіе перваго выпуска «Памятной книжки для сельскихъ хозяевъ», изд. М. Г. И., созданной исключительно трудами К. И.

Въ маѣ 1859 г. Д. былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Въ ту пору въ Россіи готовилась великая реформа 19 февраля 1861 г. Д., какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ бытомъ крестьянъ, былъ приглашенъ къ участію въ этомъ дѣлѣ сначала въ качествѣ замѣстителя одного отсутствовавшаго члена редакціонныхъ комиссій, а потомъ — чрезъ 2—3 мѣсяца, — какъ дѣйствительный членъ; послѣ объявленія «воли» онъ былъ назначенъ помощникомъ управляющаго дѣлами комитета по устройству сельскаго состоянія. Глубокое знаніе жизни, необыкновенное трудолюбіе и добросовѣстность, съ которою Д. относился къ своимъ обязанностямъ, готовность постоять за свои убѣжденія, горячая любовь къ дѣлу—все это даетъ право поставить имя его на ряду съ именами В. Кн. Константина Николаевича, Я. И. Ростовцева и другихъ славныхъ сподвижниковъ Царя-Освободителя. Участіе въ этой реформѣ Д. считалъ для себя великимъ счастьемъ и, какъ всегда, заботился только объ исполненіи своего долга. Заключеніемъ трудовъ К. И. по освобожденію крестьянъ была редакція обширна о собранія журналовъ главнаго редакціоннаго комитета, большею частью составленныхъ имъ же. Не отдыхая отъ громадныхъ трудовъ по реформѣ 19 февраля, Д. продолжалъ свои обычныя занятія въ государственной канцеляріи. Однако столь неутомимая дѣятельность въ концѣ концовъ сильно ослабила здоровье и энергію К. И., и онъ, по совѣту врачей, долженъ былъ отправиться за границу отдохнуть и набраться силъ для дальнѣйшихъ занятій (янв. 1865 г.). Пробывъ за границей всего лишь 3—4 мѣсяца, Д. вернулся въ Спб. и былъ назначенъ директоромъ департамента окладныхъ сборовъ Мин. Фин. Занимая этотъ постъ до 1874 г., онъ не переставалъ работать по крестьянскому вопросу. За это время онъ участвовалъ въ комиссіи по финансовымъ разсчетамъ Царства Польскаго съ Имперіей (1866 г.), въ комиссіи для составленія предположеній о замѣнѣ подушной подати болѣе правильными налогами (1868 г.), комиссіи по вопросу о переселеніяхъ крестьянъ. Впослѣдствіи, уже въ званіи сенатора, онъ работалъ по вопросамъ объ отмѣнѣ подушной подати (1879 г.), о пониженіи выкупныхъ платежей и, наконецъ, частнымъ образомъ участвовалъ въ обсужденіи мѣръ къ упраздненію подушной подати (1882 г.).

Во всѣхъ комиссіяхъ (изъ которыхъ здѣсь перечислены только важнѣйшія) Д. далеко не являлся членомъ только по имени: не преувеличивая можно сказать, что большая часть трудовъ этихъ комиссій выполнена имъ и выполнена съ такимъ знаніемъ дѣла, что его «Записки» неоднократно проходили чрезъ Государственный Совѣтъ и потомъ являлись въ видѣ тѣхъ или другихъ законоположеній.

31 января 1874 г. Д. повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ по 4-му департаменту, вѣдавшему старые коммерческіе суды, а въ 1882 году онъ былъ назначенъ первоприсутствующимъ этого департамента.

Этимъ закончилась его плодотворная и разнообразная дѣятельность на пользу отечества: онъ умеръ 28 апрѣля 1891 г.

Что касается нравственной личности Д., то это былъ человѣкъ выдающагося характера: обладая удивительной способностью къ любой серьезной работѣ, онъ никогда не позволялъ себѣ выставлять это на видъ, да и вообще не любилъ говорить о своихъ занятіяхъ. Въ трудѣ онъ видѣлъ смыслъ жизни. Несмотря на свой небольшой досугъ, онъ успѣвалъ слѣдить за текущей литературой—русской и иностранной—и постоянно стремился къ расширенію своихъ знаній.

«К. И. Домонтовичъ». Очеркъ къ его біографіи М. Семевскаго. Р. Ст., 89, VI.—«Двадцать девятая годовщина освобожденія крестьянъ». Р. Ст., 90, III.—Энцикл. Слов. подъ ред. Андреевскаго, XI т.

Ник...

Донауровъ (Данауровъ), *Михаилъ Ивановичъ*, сенаторъ, умеръ въ 1816 г. Происходя изъ дворянъ, Д. рано былъ записанъ въ военную службу, но уже въ 1780-хъ годахъ перешелъ въ гражданскую службу и состоялъ при дворѣ великаго князя Павла Петровича, исполняя обязанности секретаря и библіотекаря. Въ 1785 г. Д. имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника. Великій князь Павелъ Петровичъ однако вновь перевелъ Д. въ военную службу, зачисливъ по гатчинскимъ войскамъ, гдѣ Д. и получилъ чинъ полковника. Съ восшествіемъ Павла Петровича на престолъ усердіе и преданность Д. были блистательно вознаграждены: императоръ тотчасъ пожаловалъ его въ генералъ-маіоры, наградивъ въ то же время 2.000 душъ крестьянъ, а 28-го января 1797 г. ему порученъ былъ въ управленіе Кабинетъ Его Величества. 18-го марта 1798 г. Д. произведенъ былъ въ тайные совѣтники, съ оставленіемъ въ должности управляющаго Кабинетомъ, а въ слѣдующемъ 1799 г. и въ дѣйствительные тайные совѣтники. Милости императора Павла къ Д. возбудили опасенія лицъ, окружавшихъ государя, и 16-го декабря 1799 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи Д., согласно прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ. По кончинѣ императора Павла Д., 20-го апрѣля 1801 г., былъ вновь принятъ на службу и назначенъ сенаторомъ въ 3 департаментъ сената. Императрица Марія Ѳеодоровна назначила его 18-го января 1802 г. также членомъ совѣтовъ во ввѣренныхъ ея управленію Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и с.-петербургскомъ училищѣ ордена св. Екатерины. Болѣзни принудили однако Д. просить 2-го декабря 1802 г. объ увольненіи отъ присутствованія въ сенатѣ впредь до излѣченія. Въ 1808 г. Д. вновь приступилъ къ исполненію служебныхъ своихъ обязанностей, какъ по сенату, такъ и по учрежденіямъ императрицы Маріи.

Архивы сенатскій и вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Ш.

Донауровъ, *Петръ Михайловичъ*, сенаторъ, родился въ 1806 г., умеръ въ 1863 г.; получивъ домашнее образованіе, вступилъ въ 1819 г. въ службу изъ камеръ-пажей Высочайшаго двора въ лейбъ-гвардіи конный полкъ эстандартъ-юнкеромъ. Въ 1828 году Донауровъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры и во время войны противъ польскихъ мятежниковъ, въ 1831 году, состоялъ адъютантомъ при командирѣ 1 кирасирской бригады генералъ-маіорѣ принцѣ Александрѣ Виртембергскомъ и участвовалъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: при отступленіи черезъ мѣстечко Снѣдово къ городу Бѣлостоку, при преслѣдованіи мятежническихъ шаекъ до города Остроленки, въ генеральномъ сраженіи при взятіи приступомъ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій и городового вала, и за отличіе въ этихъ дѣлахъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, польскимъ знакомъ отличія военнаго достоинства 4 ст. и серебряной медалью за штурмъ города Варшавы. Въ 1832 году Донауровъ уволенъ по болѣзни отъ военной службы и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій по государственному контролю; въ томъ же году переименованъ въ коллежскіе совѣтники и утвержденъ оберъ-контролеромъ. Въ 1833 году Донауровъ командированъ во временную контрольную комиссію по части провіантской для производства ликвидаціонныхъ дѣлъ, а въ 1836 году Д. назначенъ временнымъ членомъ совѣта Государственнаго контроля. Въ 1837 году онъ былъ командированъ въ городъ Казань для наблюденія за ходомъ поставки провіанта и овса для с.-петербургскихъ и попутныхъ магазиновъ и въ 1838 г. въ г. Мышкинъ, Ярославской губерніи, для

производства слѣдствія по дѣлу о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Мышкинскаго земскаго суда. Въ 1842 г. Д. назначенъ Владимірскимъ, а въ 1851 г.—С.-Петербургскимъ губернаторомъ и произведенъ въ тайные совѣтники. Высочайшимъ указомъ 2 апрѣля 1855 года Донауровъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера и къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ въ общемъ собраніи 4-го, 5-го и межевого департаментовъ — постоянно и въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи сената—въ случаяхъ разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся государственнаго контроля. Въ 1863 году Д. уволенъ по прошенію отъ должности товарища государственнаго контролера, съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Умеръ онъ 22 іюля 1863 года.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора Донаурова, хранящійся въ Архивѣ Сената.—Дѣло Министерства Юстиціи, 1863 г., №№ 5953 и 6252.—„Отечественныя Записки“, 1860 г., т. 128, отд. I.—„Записки А. Е. Розена“, ч. I, стр. 494.

А. Ч.

Дондуковы и Дондуковы-Корсаковы, русскій княжескій родъ. Калмыцкій ханъ *Аюкъ-Тайджи* (род. въ 1646 г. ум. въ 1724 г.), «человѣкъ большого ума», вступилъ съ подвластными ему торгоужскими калмыками въ подданство Петра В. и пользовался его благосклонностію. Послѣ смерти его возникли раздоры за власть между сыномъ Аюки, Церенъ-Дондукомъ, и внукомъ—Дондукъ-Омбо. Въ 1731 г. русское правительство сначала утвердило ханомъ Церенъ, а потомъ Дондука-Омбо, назначеннаго въ 1735 г. главнымъ калмыцкимъ народоправителемъ. Въ 1737 г. Дондукъ-Омбо получилъ Высочайшую грамоту на ханское достоинство за услуги, оказанныя русской арміи во время войны съ Турціею. Послѣ смерти Дондука-Омбо въ 1741 г. ему наслѣдовалъ другой внукъ Аюка—Дондукъ-Даши, а вдова, кабардинка Джанъ, съ четырьмя сыновьями прибыла въ Петербургъ и приняла православіе съ именемъ княгини Вѣры Дондуковой, сыновья же ея во св. крещеніи получили имена: Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Когда, послѣ смерти Дондука-Даши въ 1758 г., въ калмыцкихъ улусахъ возникли смуты, императрица Екатерина II пожаловала званіе хана князю Алексѣю Дондуковичу, который до смерти своей (1781 г.) и правилъ калмыками. Затѣмъ владѣніе его, состоявшее изъ 1816 кибитокъ, взято было въ казну, а князю Іонѣ Дондуковичу пожаловано было 3000 душъ въ Могилевской губерніи. Князь Іона женатъ былъ на Маріи Васильевнѣ Корсаковой. Дочь его отъ этого брака, Вѣра Іонишна, вышла замужъ за полковника Никиту Ивановича Корсакова, который, по указу императора Александра I отъ 15 іюля 1802 г., принялъ титулъ и фамилію князя Дондукова-Корсакова. Дочь ихъ, княжна Марія Никитишна, вышла замужъ за полковника Михаила Александровича Корсакова, получившаго, по указу императора Александра I, титулъ князя Дондукова-Корсакова.

«Россійская Родословная книга», кн. П. Долгорукова, т. 3.—Соловьевъ: Исторія Россіи.

Дондуковъ-Корсаковъ, *Михаилъ Александровичъ*, князь, вице-президентъ Академіи наукъ, род. въ 1792 г., умеръ въ 1869 г.; происходя изъ нетитулованнаго дворянскаго рода Корсаковыхъ, принялъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 20-го сентября 1820 г., фамилію и гербъ князя Дондукова-Корсакова послѣ брака своего съ княжной Маріей Никитишной Дондуковой-Корсаковой. По окончаніи курса во 2 кадетскомъ корпусѣ, онъ началъ службу свою въ л.-гв. Преображенскомъ полку и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ въ 1812, 1813 и 1814 гг. Въ 1820 г. онъ въ чинѣ полковника, вышелъ изъ военной службы и былъ пожалованъ въ камергеры Высочайшаго Двора. Съ 1826 г. Д.-К. числился по министерству внутреннихъ дѣлъ и служилъ по выборамъ гдовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и совѣстнымъ судьею. Въ 1833 г. Д.-К. былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, а въ слѣдующемъ году утвержденъ въ этой должности съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Дѣятельность Д.-К. въ должности попечителя, сухая и формальная, вызывала, однако, одобреніе правительства, и въ 1835 г., къ общему удивленію, выразителемъ котораго явился Пушкинъ, онъ назначенъ былъ вторымъ вице-президентомъ Академіи наукъ и предсѣдательствующимъ въ комитетѣ правле-

нія Академіи, въ 1838 г. — присутствующимъ въ главномъ управленіи цензуры, а въ 1841 г. —предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для новаго устройства Академіи наукъ; вслѣдъ затѣмъ Д.-К. произведенъ былъ въ тайные совѣтники. Новыя обязанности Д.-К. побудили его въ 1842 г. просить объ увольненіи отъ должности попечителя петербургскаго учебнаго округа съ оставленіемъ въ должности вице-президента Академіи.

Некрологъ кн. М. А. Дондукова-Корсакова въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1869.—„Отчеты И. Ак. Наукъ за 1866—1891 гг.“ Спб. 1903.—„Р. Арх.“ 1892, II, 489. — Воспоминанія Н. Г. Устрялова. Нов. Время, 1879.—Шляпкинъ: „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“, Спб., 1902.

Донель (Dohnel), *Іоганнъ-Юстинъ*, докторъ медицины, лейбъ-медикъ императора Петра I, родился въ Саксенъ-Готскомъ герцогствѣ, годъ рожденія неизвѣстенъ; умеръ въ 1711 году; медицинской практикой сначала занимался въ Нейенштанцѣ и Нарвѣ; среди тамошнихъ англійскихъ купцовъ находилъ обширную практику, получая хорошіе доходы, но, въ виду незаконченности своего медицинскаго образованія, онъ отправился въ Голландію, въ городъ Лейденъ, продолжилъ свое образованіе и въ 1695 г. получилъ степень доктора медицины. По возвращеніи изъ Голландіи онъ опредѣлился на службу штадтъ-физикомъ города Нарвы и Ингерманландіи, сдѣлался также членомъ медицинской коллегіи въ Стокгольмѣ. При взятіи Нарвы Д. попалъ въ плѣнъ къ русскимъ; однако Петръ Великій не только принялъ его подъ свое покровительство, но и сдѣлалъ его своимъ лейбъ-медикомъ. Въ этой должности Донель былъ предшественникомъ извѣстнаго Арескина. Въ его дальнѣйшей судьбѣ мало замѣчательнаго. Послѣднее время жизни онъ провелъ за границей и скончался въ Познани въ 1711 г. Донелемъ написана диссертація на степень доктора медицины: De paralysi. Lugd. Bat. 1695. 4.

Исторія медицины въ Россіи, сочиненіе Рихтера, 1820 г.—Hupels Nordische Miscellaneen. I bis XXVIII. Riga, 1781—1891. 8. (Misc. XXVII. 228).—Recke und Napiersky: Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland.—Исторія медиц. въ Россіи въ царствов. Петра Великаго, составл. Николаемъ Купріяновымъ, 1872 г., стр. 7, прим. 1.

Т.

Донецъ, *Григорій Ерофеевичъ*, († 1691 г.) происходилъ изъ казаковъ Слободской Украины, и возможно, что фамилію Захаржевскихъ принялъ впервые сынъ его Ѳеодоръ, которому и посвященъ панегирикъ Орновскаго. Григорій Ерофеевичъ пріобрѣлъ званіе десятника, потомъ сотника и наконецъ полковника харьковскаго.

Несомнѣнно, что съ 1668 г. по 1691 г. Г. Д. занималъ должность полковника въ Харьковѣ. По словамъ панегериста Орновскаго, Г. Д. происходилъ отъ польскихъ магнатовъ Захаржевскихъ, а прозваніе Донецъ получилъ послѣ похода на Донъ, куда по указу царя Алексѣя Михайловича ходилъ со своими казаками противъ татаръ. При возвращеніи Г. Д. домой, путь ему преградили крымскіе татары, принудившіе его выдержать двухнедѣльную осаду въ окопахъ, гдѣ казаки были подвергнуты ужаснымъ лишеніямъ пока не пробились къ своей границѣ. Со времени этого похода на Донъ Г. Д. прославился и тогда то и получилъ прозваніе Донецъ.

Въ эпоху кровавыхъ волненій гетманства Брюховецкаго Г. Д. крѣпко держался Москвы, политика которой упорно шла къ цѣли тѣснѣйшаго соединенія малорусскаго народа съ великорусскимъ, и потому московское правительство покровительствовало тѣмъ изъ дѣятелей Слободской Украйны, которые способствовали сліянію двухъ родственныхъ націй. Г. Д. заявилъ себя сторонникомъ царя и принималъ участіе въ усмиреніи народнаго волненія, за что получилъ въ награду Харьковскій полкъ. Радѣя о царскихъ окраинахъ, Г. Д. заселялъ ихъ вольнымъ людомъ изъ правобережья. Ожесточенная борьба партій правобережной и лѣвобережной Малороссіи, набѣги турокъ, татаръ, борьба съ Польшей породили множество недовольнаго люда, искавшаго лучшихъ мѣстъ и лучшихъ условій жизни. Этимъ пользовался Г. Д. и заселялъ ими Слободскую Украйну, гдѣ построилъ крѣпости, рядъ сторожевыхъ постовъ, укрѣпленные валы, непрерывная система которыхъ ограждала съ юга Харьковскій полкъ и его главный городъ Харьковъ. Весь этотъ валъ и рядъ другихъ укрѣпленій построены по чертежу воеводы Косогова, но работы производились подъ начальствомъ Г. Д.

и его казаками. Такъ Г. Д. постепенно создалъ оборонительную линію Слободской Украйны. Имъ заселены Валки, Зміевъ, Мерефа и много другихъ слободъ, и построены крѣпостцы. Въ награду Г. Д. получилъ Балаклѣйскій (Изюмскій) полкъ, тогда пустынный и незаселенный. Положивъ много труда по укрѣпленію и заселенію Изюмскаго полка, Г. Д. основалъ сильную крѣпость Изюмъ, за что получилъ благодарность царя Ѳеодора Алексѣевича. Сохраняя за собою управленіе Харьковскимъ полкомъ, Г. Д. переселился въ Изюмъ въ 1682 г., а въ Харьковѣ въ это время наказнымъ полковникомъ былъ сынъ его—Константинъ. Г. Донецъ приложилъ много усилій къ оборонѣ и защитѣ окраинъ отъ набѣговъ татаръ, которымъ онъ наносилъ жестокія пораженія. Въ 1680 г. онъ разбилъ самого хана и отнялъ у него добычу. Въ 1687 г. азовскіе мурзы подверглись подъ Зміевомъ полному разгрому. Безпрерывныя кровавыя стычки не мѣшали Г. Д. упорно продолжать свою колонизаторскую дѣятельность. То былъ трудъ тяжелый, но въ высокой степени продуктивный: онъ возродилъ край, и дотолѣ пустынныя поля покрылись хлѣбомъ. Купянскъ, Лопань, Водолага и др. обязаны своимъ возникновеніемъ Г. Д. Въ годъ взятія Каменецъ - Подольска Г. Д. разбилъ подъ Мерефой татарскую орду и взялъ въ плѣнъ ихъ вождя. Здѣсь впервые принялъ участіе въ походахъ своего отца старшій сынъ его, Константинъ. За Перекопскій походъ Г. Д. былъ пожалованъ чинами стольника и полковника.

Закаленный воинъ, энергичный и способный администраторъ, Григорій Ерофеевичъ ревностно относился и къ религіи: онъ основалъ вблизи Харькова Куряжскій монастырь съ церковью Преображенія Господня, вложивъ въ постройку много своихъ средствъ. Въ Куряжскомъ монастырѣ есть кружки съ именами благотворителей, и между ними значится первый ктиторъ Авдій Ерофеевичъ—очевидно Григорій Донецъ, принявшій монашество и имя Авдія. Умеръ Г. Д. въ 1691 г. въ селеніи Водолагахъ, имъ самимъ основанномъ.

Донецъ - Захаржевскій, *Константинъ Григорьевичъ*, полковникъ изюмскій, умеръ въ 1692 г. Первые военные подвиги Константина были при р. Бычкѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ отцомъ разбилъ татаръ, напавшихъ на мирныхъ жителей подъ Водолагой, а затѣмъ онъ участвовалъ и въ другихъ походахъ своего отца. Въ свободное же время помогалъ отцу въ работахъ по постройкѣ укрѣпленій, сторожевыхъ пунктовъ, земляныхъ валовъ, за что отецъ и сынъ получали благодарность отъ московскихъ царей (въ 1685 г., напримѣръ, за основаніе Рай-города).

Будучи стольникомъ и полковникомъ изюмскимъ, Константинъ вскорѣ послѣ смерти отца своего былъ раненъ татариномъ въ битвѣ на Гороховскомъ шляху и умеръ къ великой печали Изюмскаго полка въ 1692 г.

Донецъ - Захаржевскій, *Ѳеодоръ Григорьевичъ*, изюмскій полковникъ. Съ ранняго возраста онъ принималъ участіе въ походахъ своего отца, который старался закалить ребенка и пріучить его къ военной дисциплинѣ, необходимой ему въ будущемъ. Ѳеодоръ участвовалъ съ отцомъ и братомъ въ Перекопскомъ походѣ подъ предводительствомъ кн. В. В. Голицына, а также въ битвахъ съ татарами на р. Торѣ, въ Маякахъ, при Изюмѣ, причемъ нерѣдко онъ замѣнялъ своего отца и брата. Преслѣдуя татарскія орды, разграбившія Зміевъ, Лиманъ и др., Захаржевскіе вмѣстѣ со своими войсками перенесли тяжелый походъ. Обезсиленные утомительнымъ переходомъ по безводной степи, казаки не могли даже слѣзть съ лошадей, а для утоленія жажды жевали оловянныя пули, чтобы вызвать отдѣленіе слюны. Уже будучи стольникомъ-полковникомъ, Ѳеодоръ Захаржевскій освободилъ свой край отъ вторгшагося въ него султана Нуррадина, разгромившаго Харьковскій полкъ и другія мѣста Слободской Украйны въ 1693 г. Побѣда подъ предводительствомъ боярина Шереметева и блестящее преслѣдованіе орды Ѳеодоромъ Захаржевскимъ, а также участіе его во взятіи штурмомъ Тавана и въ походѣ подъ Кизикермень были оцѣнены по достоинству Московскимъ царемъ въ 1695 г. Иванъ Захаржевскій, братъ Ѳеодора, былъ въ этомъ походѣ, но, узнавъ о смертельной болѣзни своей матери, возвратился обратно. Во время морского похода къ Кизикерменю подъ предводительствомъ гетмана Ивана Мазепы, Ѳеодоръ снарядилъ 10 струговъ на средства своего полка, а самъ

двинулся къ границѣ защищать ее отъ татаръ. Въ погоню за ними былъ посланъ братъ его, Иванъ, но догнать ихъ ему не удалось. Вскорѣ же пришлось защищать Изюмскій полкъ. Разгорѣвшаяся война со Швеціей привлекла къ участію въ ней и Ѳеодора Захаржевскаго съ его казаками. Ѳеодоръ умеръ на р. Самарѣ во время похода, но тѣло его перевезено въ Харьковъ и положено въ Покровскомъ монастырѣ. По ходатайству Ѳеодора въ Харьковѣ уничтожено воеводское управленіе.

Насколько велика была популярность Григорія и его сыновей можно судить потому, что послѣ смерти Ѳеодора полчане подали челобитную о назначеніи харьковскимъ полковникомъ зятя Гр. Д.—Ѳ. В. Шидловскаго, мотивируя тѣмъ, что сынъ Ѳеодора малолѣтенъ, а посторонній полковникъ можетъ раззорить полки, которые такъ усердно созидалъ Григорій Донецъ и его сыновья, — и просьба ихъ была уважена.

Б—й.

Донцы-Захаржевскіе. Въ похвальномъ словѣ Орновскаго есть указаніе на предковъ Донцовъ-Захаржевскихъ, будто бы принадлежавшихъ къ старинному польскому роду, давшему своей родинѣ знатныхъ вельможъ, но связь между Донцами и Захаржевскими авторомъ не установлена, а въ московскихъ актахъ XVII в. ни одинъ изъ Донцовъ не называется Захаржевскимъ, да и сами себя они тогда еще такъ не называли.

Въ Москвѣ очень цѣнили военные подвиги, административную дѣятельность и вѣрную службу Донцовъ-Захаржевскихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ подарки и царскія грамоты 1675 и 1684 гг.

Родъ Донцовъ-Захаржевскихъ пресѣкся со смертью послѣдняго представителя его, убитаго въ Харьковѣ его слугою съ корыстною цѣлью. Подверглось разгрому и его огромное состояніе. Обширная библіотека его была пріобрѣтена Г. Г. Филоновымъ. Въ настоящее время напоминаютъ объ этихъ знаменитыхъ дѣятеляхъ въ Харьковѣ только лѣчебница Донцовъ-Захаржевскихъ при медицинскомъ обществѣ и Донецъ-Захаржевская улица.

Въ основу настоящаго біографическаго очерка положено похвальное слово Донцамъ-Захаржевскимъ Орновскаго (рѣдчайшая книга, напечатанная въ Кіево-Печерской лаврѣ въ 1705 году и оказавшаяся только въ библіотекѣ Тверской духовной семинаріи), провѣренное документальными данными о нихъ XVII вѣка.

Дорандтъ (Dohrandt), *Фердинандъ Богдановичъ*, метеорологъ, завѣдывавшій метеорологическимъ отдѣломъ аму-дарьинской экспедиціи, снаряженной въ 1874 г. Имп. Русск. Геогр. Обществомъ, директоръ тифлисской физической обсерваторіи; род. 22 марта 1846 г., ум. въ С.-Петербургѣ 6 октября 1878 г. Образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ (1865—1869) и затѣмъ занимался до 1870 г. въ Гейдельбергѣ. По возвращеніи оттуда поступилъ въ качествѣ метеоролога въ главную физическую обсерваторію въ Петербургѣ. Когда Имп. Русск. Географическое Общество задумало отправить въ 1874 г. экспедицію для изученія Арало-Каспійской низменности, то завѣдываніе метеорологическимъ отдѣломъ экспедиціи оно поручило своему дѣйств. члену Дорандту, успѣвшему, несмотря на свои молодые годы, пріобрѣсти извѣстность своими метеорологическими работами. Тотчасъ же, по прибытіи на мѣсто, онъ приступилъ къ сооруженію метеорологической обсерваторіи въ Нукусѣ и станціи въ Петро-Александровскѣ, а съ 1 октября 1874 г. начались уже въ Нукусѣ правильныя ежечасныя наблюденія надъ температурой, атмосфернымъ давленіемъ, влажностью, направленіемъ и силою вѣтра, облачностью и измѣненіемъ магнитнаго склоненія, а въ послѣдніе мѣсяцы и надъ напряженіемъ солнечныхъ лучей. Наблюденія эти продолжались безпрерывно до 14 окт. 1875 г. Кромѣ того измѣрялись температура почвы и воды, осадки и испареніе. Собранныя Дорандтомъ за это время данныя представляютъ собою богатѣйшій матеріалъ для метеорологическаго изученія Арало-Каспійской низменности. Не ограничиваясь наблюденіями исключительно метеорологическаго характера, Дорандтъ предпринялъ также цѣлый рядъ гидрометрическихъ измѣреній на Аму-Дарьѣ, опредѣлилъ профиль ея у Нукуса, измѣрилъ быстроту ея теченія и произвелъ рядъ наблюденій надъ количествами воды и ила, несомыхъ Аму-Дарьей въ ея дельту. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ 176 абсолютныхъ магнитныхъ опредѣленій, 167 опредѣленій времени по соотвѣтствующимъ высотамъ и 19 опредѣленій широты по полуденнымъ

высотамъ солнца. Имъ же были опредѣлены географическія координаты 11 наиболѣе важныхъ пунктовъ, какъ-то: Казалинска, Нуукуса, Петро-Александровскаго укрѣпленія и др. Воспользовавшись чрезвычайной сухостью воздуха, благопріятствовавшей сравненію разныхъ инструментовъ, служившихъ для опредѣленія влажности воздуха, онъ собралъ драгоцѣнный матеріалъ сравнительныхъ наблюденій надъ психрометромъ Августа и гигрометрами Соссюра и Реньо. По возвращеніи въ Петербургъ въ концѣ 1875 г. Дорандтъ занялся обработкой и систематизаціей собранныхъ имъ обширныхъ матеріаловъ и напечаталъ цѣлый рядъ статей метеорологическаго характера, частью въ изданіяхъ Академіи Наукъ и главной физической обсерваторіи, частью въ «Трудахъ аму-дарьинской экспедиціи», изданныхъ въ 1877 и 1878 гг. Имп. Русск. Геогр. Обществомъ. Въ четвертомъ выпускѣ этихъ «Трудовъ» напечатаны два изслѣдованія: Дорандта — «Изслѣдованія гидрометрическія близъ Нукуса и Питняка» и проф. Карла Шмита и Дорандта—«Илистые осадки въ водѣ Аму-Дарьи», представляющія богатый матеріалъ для изученія этой рѣки, между прочимъ сравнительно съ другими величайшими рѣками земного шара. Двѣ же другія статьи Дорандта: «Астрономическія опредѣленія девяти пунктовъ на Аму-Дарьѣ» и «Абсолютныя магнитныя наблюденія», напечатаны въ пятомъ выпускѣ «Трудовъ амударьинской экспедиціи». Послѣ окончанія экспедиціи Дорандтъ до іюня 1878 г. состоялъ при главной физической обсерваторіи, а затѣмъ онъ былъ назначенъ директоромъ тифлисской физической обсерваторіи. Въ этой должности онъ состоялъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ скончался въ октябрѣ того же года въ Петербургѣ.

Album academicum der kaiserlichen Universität Dorpat, стр. 587, № 8.002.—П. П. Семеновъ: Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Русск. Геогр. Общ., 1845—1895 гг., стр. 481, 484, 800—806, 962.—Отчеты Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1874 г., стр. 22, 26—27, за 1875 г., стр. 10—12 (Объ аму-дарьинской экспедиціи) и за 1878 г. (некрологъ).—Отчеты по главной физической обсерваторіи. (Прил. къ XXIII т. Зап. Ак. Наукъ, стр. 3, и къ XXVIII т., стр. 3, 5).—Протоколы физ.-мат. отд. И. А. Н. (Зап. И. А. Н., т. XXIV, стр. 196—197).

П. Гуревичъ.

Дорджеевъ, *Николай Ниловичъ*, протоіерей, миссіонеръ и переводчикъ св. писанія на монгольскій языкъ. Родился въ 1815 году въ благочестивой бурятской семьѣ изъ племени Дзалайръ-уздонцевъ. Отецъ его, Гунга Дорджи, былъ гуцуломъ гуджиржайской кумирни и готовилъ сына къ духовному званію. Дорджеевъ получилъ прекрасное буддійское образованіе сначала въ школѣ у гуджиржайскаго дацана, а съ 18 лѣтъ у ламъ. Пребыванію у ламъ Дорджеевъ обязанъ былъ хорошимъ знаніемъ буддійской религіи и ламайской медицины. Впослѣдствіи онъ небезуспѣшно лѣчилъ народно-бурятскими средствами. Достигнувъ на 22-мъ году степени гэлуна, Д. не удовлетворился этимъ и принялъ обѣтъ діянчи (пустынножителя). Аскетическую жизнь Д. велъ до знакомства своего съ иркутскимъ епископомъ Ниломъ. Это знакомство произвело переворотъ во внутреннихъ убѣжденіяхъ Дорджеева и въ его внѣшнемъ положеніи. Въ 1848 году онъ принялъ православіе, получивъ при крещеніи имя Николая. Въ слѣдующемъ году Д. сдѣлался учителемъ монголо-бурятскаго языка въ Иркутской семинаріи. Тогда же приступилъ онъ къ переводу богослужебныхъ книгъ на монгольскій языкъ. Посвятивъ себя миссіонерской дѣятельности преимущественно между бурятами, Д. въ 1852 г. построилъ въ селѣ Гуджирскомъ деревянную церковь. Въ 1853 г. Д. сдѣлался священникомъ своей церкви. Въ 1854 г. онъ вмѣстѣ съ Ниломъ переселился въ Ярославль. Спеціальнымъ его занятіемъ при Нилѣ было переводъ св. писанія на монгольскій языкъ. Когда въ 1860 г., посвященный въ протоіереи, Д. собирался ѣхать на родину, ему непремѣннымъ условіемъ отпуска поставили продолженіе переводовъ. Въ 1860 году Д. на мѣстѣ прежней деревянной церкви выстроилъ каменную. Въ 1867 г. Д. участвовалъ въ совѣщаніяхъ относительно перевода богослужебныхъ книгъ. Пробывъ послѣ этого немного времени на родинѣ, Дорджеевъ опять ѣдетъ въ Ярославль къ Нилу съ тѣмъ, чтобы уже закончить переводъ св. писанія. Переводы Дорджеева замѣчательны и по своей вѣрности, и по своимъ литературнымъ достоинствамъ, оцѣненнымъ трудами съѣзда оріенталистовъ. Въ 1873 г. Д., по предложенію факультета восточныхъ языковъ при петербургскомъ университетѣ, получилъ сначала мѣсто преподава-

*

теля монгольскаго языка, а въ 1876 г. былъ утвержденъ въ должности штатнаго лектора. Эта должность не поправила матеріальныхъ обстоятельствъ Д.; по крайней мѣрѣ въ № 1573 «Нов. Врем.» отъ 16 іюня 1880 г. появилась замѣтка, обращающая вниманіе благотворителей на бѣдственное положеніе Д. По разстроенному здоровью Д. вышелъ въ 1885 г. въ отставку. 10 іюля 1891 г. на 76-мъ году отъ рожденія онъ умеръ.

Біографич. слов. проф. Спб. университета, т. I, стр. 237.—Ярославск. Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 38, 39; 1866 г. № 23—25. — Трудъ съѣзда оріенталистовъ.

Дорнъ, *Рудольфъ Борисовичъ*, сынъ извѣстнаго оріенталиста, заслуженный профессоръ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ римскаго права, род. 10 февраля 1840 г. въ С.-Петербургѣ, ум. 29 апрѣля 1891 г. въ Ригѣ. Среднее образованіе получилъ въ с.-петербургскомъ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, а потомъ поступилъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1860 г. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ за границу для подготовки къ профессорской каѳедрѣ римскаго права. Тамъ онъ оставался до 1863 г., изучая римское и французское гражданское право, преимущественно въ Гейдельбергѣ и Парижѣ. Послѣ преобразованія университета по уставу 1863 г. онъ началъ читать на юридическомъ факультетѣ сначала исторію, а затѣмъ и догматическую часть римскаго права. Въ томъ же году онъ былъ приглашенъ въ училище правовѣдѣнія преподавателемъ римскаго права, а вскорѣ затѣмъ—и римской словесности. Съ 1867 г. онъ занималъ въ этомъ училищѣ также должность инспектора классовъ. Въ 1870 г. онъ принялъ русское подданство, такъ какъ до этого времени числился саксенъ-кобургскимъ подданнымъ. Въ слѣдующемъ году, по защищеніи диссертаціи: «Объ узуфруктѣ по римскому праву» (Спб. 1871), онъ получилъ степень магистра. Сочиненіе это, надъ которымъ онъ работалъ еще во время своего пребыванія въ Гейдельбергѣ и другихъ университетахъ, является первой попыткой въ русской литературѣ дать сводъ мнѣній различныхъ ученыхъ по вопросу объ узуфруктѣ. Въ 1884 г. онъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, а въ 1888 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. Онъ писалъ вообще очень мало и, кромѣ диссертаціи, издалъ лишь свои лекціи по римскому праву, читанныя имъ въ университетѣ, подъ заглавіемъ: «Догма римскаго права» (Спб., 1-е изд. 1880 г., посмертное 1891 г.). Онъ напечаталъ, впрочемъ, еще нѣсколько статей и рецензій по римскому и гражданскому праву, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія «Гражданское право прибалтійскихъ губерній», напечатанное въ «Юридич. Лѣтоп.» за 1890 г. Въ февралѣ 1891 г. онъ уѣхалъ въ Ригу лѣчиться и здѣсь въ припадкѣ душевной болѣзни покончилъ самоубійствомъ.

Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей с.-петербургскаго университета за 1869—94 гг., т. I, стр. 239.—Григорьевъ: Импер. спб. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія (Спб. 1870), стр. 318, 327, 340 — 341. — Некрологи: Всемірн. Иллюстр., 1891 г., № 1165, стр. 364 и № 1166, стр. 377 (съ портретомъ Дорна). — Историч. Вѣстн., 1891 г., т. XLIV, № 6, стр. 772.—Энциклопедич. слов. Брокгауза.

П. Гуревичъ.

Дорогобужскіе удѣльные князья.

1) *Андрей Димитріевичъ*, сынъ князя Димитрія Іеремеевича, по порядку пятый князь дорогобужскій, упоминается въ лѣтописяхъ только разъ, а именно подъ 1418 г. говорится, что онъ ѣздилъ въ Новгородъ. У него было два сына: Іосифъ и Юрій, хотя нѣкоторыя родословныя говорятъ и о третьемъ—Иванѣ-Милославѣ.

2) *Георгій Андреевичъ*, сынъ князя Андрея Димитріевича, шестой или седьмой князь дорогобужскій; въ 1471 году, когда великій князь московскій Іоаннъ III отправился въ походъ на Новгородъ и просилъ помощи у великаго князя тверского Михаила Борисовича, Георгій Андреевичъ по порученію послѣдняго съ вспомогательнымъ тверскимъ войскомъ присоединился въ Торжкѣ къ московскому войску и вмѣстѣ съ Іоанномъ ходилъ къ Новгороду.

3) *Димитрій Іеремеевичъ*, сынъ князя Іереміи Константиновича, четвертый князь дорогобужскій, при жизни отца принималъ участіе въ борьбѣ Твери съ Москвою: въ 1372 году вмѣстѣ съ тверскими воеводами ходилъ противъ московскаго войска на рѣку Кистму, захватилъ тамъ московскихъ

воеводъ и привелъ ихъ въ Тверь. По смерти отца въ 1373 году получилъ княженіе. Умеръ въ 1407 году. Имѣлъ двухъ сыновей—Андрея, получившаго отцовскія владѣнія, и Ивана, получившаго удѣлъ Чернятинскій и сдѣлавшагося родоначальникомъ князей Чернятинскихъ, и двухъ дочерей, изъ которыхъ младшая, Евдокія, была замужемъ за великимъ княземъ тверскимъ Иваномъ Михайловичемъ.

4) *Иванъ Осиповичъ*, по прозванію Пороша, сынъ князя Іосифа Андреевича отъ брака его съ Анастасіей Михайловной, дочерью Михаила Андреевича, князя верейскаго, въ 1552 году участвовалъ въ походѣ царя Іоанна IV подъ Казань и тамъ въ одной изъ стычекъ съ татарами былъ убитъ.

5) *Іеремія Константиновичъ*, сынъ Константина Михайловича, великаго князя тверского; въ 1364 году, по смерти своего брата, князя Семена Константиновича дорогобужскаго, долженъ былъ наслѣдовать его удѣлъ, но тотъ завѣщалъ его, помимо роднаго брата, двоюродному — князю Михаилу Александровичу микулинскому (впослѣдствіи великому князю тверскому). Іеремія Константиновичъ рѣшилъ не уступать своихъ правъ на владѣніе удѣломъ брата и заключилъ союзъ съ великимъ княземъ тверскимъ Василіемъ Михайловичемъ, которому также невыгодно было усиленіе Михаила Александровича. Соперники по существовавшему обычаю обратились къ третейскому суду митрополита, и митрополитъ поручилъ разобрать это дѣло тверскому владыкѣ Василію. Василій рѣшилъ споръ въ пользу микулинскаго князя, но Іеремія Константиновичъ не удовлетворился такимъ судомъ и вмѣстѣ съ тверскимъ княземъ жаловался на неправильность рѣшенія тверского епископа въ Москву—митрополиту. Чѣмъ окончился этотъ второй судъ—неизвѣстно, но вскорѣ послѣ него, пользуясь отсутствіемъ Михаила Александровича, ѣздившаго тогда въ Литву, Іеремія Константиновичъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ тверскимъ и московскимъ вспомогательнымъ войскомъ пошелъ на Тверь, опустошилъ земли Михаила Александровича и занялъ удѣлъ брата. Но недолго ему пришлось торжествовать: 27 октября 1366 года вернулся изъ Литвы Михаилъ Александровичъ съ вспомогательными литовскими войсками, внезапно явился въ тверскихъ областяхъ, захватилъ жену Іереміи Константиновича и заставилъ удалиться союзныя Іереміи московскія войска. Тогда Іеремія Константиновичъ долженъ былъ просить мира и получилъ его, отказавшись, конечно, отъ правъ на удѣлъ брата. Однако миръ былъ непродолжителенъ: въ слѣдующемъ же 1367 году безпокойный Іеремія нарушилъ договоръ и уѣхалъ въ Москву хлопотать о полученіи Семенова удѣла. Великій князь московскій, давно уже желая вмѣшаться въ тверскія дѣла, принялъ участіе въ судьбѣ Іереміи и пригласилъ въ Москву князя Михаила Александровича. Тверской князь пріѣхалъ, но сейчасъ по пріѣздѣ былъ арестованъ и хотя потомъ отпущенъ, но съ условіемъ возвращенія Іереміи части Семенова удѣла. Іеремія получилъ Городокъ, куда и отправился вмѣстѣ съ московскимъ намѣстникомъ. Послѣ этого онъ уже не принималъ дѣятельнаго участія въ послѣдующихъ событіяхъ и не только жилъ въ мирѣ съ Михаиломъ, но даже впослѣдствіи помогалъ ему противъ Москвы и въ 1372 году посылалъ своего сына Димитрія съ тверскими воеводами къ рѣкѣ Кистмѣ противъ московскаго войска. Отъ брака съ Анастасіей, неизвѣстной намъ по присхожденію, Іеремія Константиновичъ имѣлъ двухъ сыновей: Димитрія и Ивана.

6) *Іосифъ Андреевичъ*, послѣдній самостоятельный князь дорогобужскій, сынъ князя Андрея Дмитріевича. Въ 1481 году въ качествѣ воеводы тверскихъ войскъ участвовалъ въ походѣ великаго князя московскаго Іоанна III на рѣку Угру противъ хана Ахмата. Въ 1485 году, видя слабость тверского князя, отъѣхалъ въ Москву и получилъ отъ Іоанна III въ управленіе Ярославль. Съ этого времени онъ усердно служилъ великому князю Московскому и по его порученію совершилъ много походовъ: въ 1487 году онъ участвовалъ въ походѣ на Казань для водворенія тамъ царемъ Магметъ-Аминя, подручника Іоанна; въ 1489 году подъ начальствомъ князя Даніила Щени ходилъ противъ Вятки и 16 августа участвовалъ во взятіи Хлынова; въ 1492 году былъ воеводою тверскихъ войскъ на берегу Оки. Въ 1493 году участвовалъ въ походѣ на Литву и въ томъ же году былъ первымъ воеводой въ Можайскѣ. Въ 1495

году онъ получилъ санъ боярина, а въ слѣдующемъ же году ходилъ въ шведскій походъ и былъ при осадѣ Выборга. Въ 1500 году подъ начальствомъ князя Даніила Щени ходилъ въ походъ противъ литовцевъ и 14 іюля отличился въ знаменитой битвѣ съ войсками князя Острожскаго при Ведрошѣ. Въ 1502, 1503 и 1507 годахъ участвовалъ въ качествѣ перваго воеводы правой руки войскъ въ походахъ противъ ливонцевъ. Въ 1530 году ходилъ въ походъ на Казань и при Казани 16 іюля былъ убитъ. Отъ брака съ Анастасіей Михайловной, дочерью Михаила Андреевича, князя верейскаго, имѣлъ сына Ивана.

7) *Семенъ Константиновичъ*, сынъ великаго князя тверского Константина Михайловича, второй князь дорогобужскій, умеръ въ 1364 году отъ моровой язвы бездѣтнымъ и завѣщалъ свой удѣлъ двоюродному брату, Михаилу Александровичу Микулинскому, обойдя такимъ образомъ права родного брата, Іереміи Константиновича.

Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, 245, VIII, 81, 163, XV, 497. Никон. IV, 8, 9, 12, 15—17, 19, 22, 33, 36, V, 8, 13, VI, 25.—Акты археографической экспедиціи, I, № 34.—Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, № 121. Экземплярскій: Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси, II, 514—522, 557—559.—Хмыровъ: Алфавитный перечень удѣльныхъ князей русскихъ (Спб. 1871), стр. 26, 109, 127, 142.—Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ (М. 1810), II, 181—182. Борзаковскій: Исторія тверского княжества (Спб. 1876), стр. 143, 148, 152, 200, 202.

Е. Лихачъ.

Дороговъ, *Александръ Матвѣевичъ*, художникъ-любитель, пейзажистъ, родился въ 1819 году, умеръ въ 1850 году въ Петербургѣ. Дороговъ воспитывался въ горномъ корпусѣ, по окончаніи котораго былъ кондукторомъ штаба горныхъ инженеровъ. Онъ рано началъ заниматься живописью, преимущественно пейзажною, и, наконецъ, рѣшилъ всецѣло посвятить себя любимому искусству. Въ 1844 году онъ вышелъ въ отставку и поступилъ вольноприходящимъ ученикомъ въ Академію Художествъ. Въ слѣдующемъ 1845 году Дороговъ получилъ малую серебряную медаль за картину: «Оріанда на южномъ берегу Крыма» и большую серебряную медаль за морскіе виды, а въ 1847 году—малую золотую медаль за «Видъ Константинополя». Въ 1848 году онъ, въ качествѣ рисовальщика, ѣздилъ на востокъ съ камеръ-юнкеромъ Чихачевымъ, предпринявшимъ это путешествіе съ цѣлью геологическихъ изслѣдованій. Черезъ два года Дороговъ, катаясь на лодкѣ, утонулъ въ Невѣ. Въ Академіи Художествъ находятся его картины: «Видъ Константинополя», «Византійскіе виды» и «Видъ Алупки въ Крыму». Изъ другихъ его картинъ заслуживаютъ упоминанія: «Видъ горы Аюдагъ», «Видъ крѣпости Пицунды и стариннаго храма въ ней» и «Плѣнные кавказскіе горцы».

Архивъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ. — Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—„Картины А. М. Дорогова“ („Иллюстриров. Газета“ 1865 г, № 44).—„Плѣнные горцы“, картина Дорогова („Иллюстриров. Недѣля“ 1873 г., № 25).—А. И. Андреевъ: Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ.

В. Г.

Дороховъ, *Иванъ Семеновичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1762 г. Выпущенный изъ Инженернаго кадетскаго корпуса подпрапорщикомъ, онъ былъ опредѣленъ 15 октября 1787 года въ Смоленскій пѣхотный полкъ, и въ слѣдующемъ же году началъ свои военные подвиги, которыми была наполнена его боевая жизнь. Находясь въ корпусѣ генералъ-поручика Дерфельдена, онъ при д. Максимени на р. Серетѣ вызвался идти въ числѣ охотниковъ на встрѣчу туркамъ, вступилъ съ ними въ жаркую схватку и, несмотря на превосходство силъ непріятеля, заставилъ ихъ отступить (21 апрѣля 1789 г.). Когда русскія войска, бывшія подъ начальствомъ Суворова, соединились съ римско-императорской арміей, которой командовалъ принцъ Саксенъ-Кобургскій, Дороховъ отличился въ дѣлѣ 20 іюля — въ сраженіи на р. Путнѣ, и на другой день—при взятіи Фокшанъ. 11-го сентября, во время генеральнаго сраженія при р. Рымнѣ (Рымникѣ), Дороховъ состоялъ дежурнымъ при Суворовѣ и, передавая приказанія, ему приходилось бывать въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ поля битвы. За это сраженіе Д. былъ награжденъ чиномъ капитана, и Суворовъ въ своемъ донесеніи говорилъ о немъ, что онъ исполнялъ его порученія «по всей лучшей возможности, бывши безпрерывно въ жестокомъ огнѣ». Въ 1791 году, 28 іюня, онъ уча-

ствовалъ въ знаменитой Мачинской битвѣ, во время которой, находясь въ отрядѣ кн. Голицына, онъ все время былъ подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Когда въ 1794 г., 6 апрѣля, въ Варшавѣ произошло кровопролитное возмущеніе, Дороховъ, находясь въ баталіонѣ Депрерадовича, былъ посланъ съ однимъ орудіемъ и ротой гренадеръ противъ многочисленной толпы мятежниковъ. Четыре раза отражалъ онъ мятежниковъ и, наконецъ, потерявъ при своей пушкѣ всѣхъ канонировъ, дѣйствовалъ ею самъ. Несмотря на полученныя двѣ раны, онъ удерживалъ свой постъ въ продолженіе 36 часовъ, и только 7-го числа, узнавъ объ отступленіи главнаго начальника, генералъ-аншефа Игельстрома, пробился съ уцѣлѣвшими изъ своихъ солдатъ сквозь толпы поляковъ, соединился съ главнымъ отрядомъ и вышелъ изъ Варшавы. 29-го сентября онъ участвовалъ въ сраженіи при Маціовицахъ, находясь при главнокомандующемъ, а 24 октября, при штурмѣ Праги, Д. въ сопровожденіи только четырехъ егерей первымъ вскочилъ на батарею. Въ 1798 г. онъ былъ пожалованъ чиномъ полковника и вскорѣ послѣ того вышелъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ отставку, въ которой былъ до 1802 года. Въ этомъ году 13 марта онъ снова принятъ въ военную службу и вскорѣ (1803 г.) произведенъ въ ген.-майоры. 28 октября 1806 года ген. Дороховъ выступилъ въ прусскіе предѣлы въ числѣ войскъ корпуса Беннигсена, командуя Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ (14-лѣтнее начальствованіе его этимъ полкомъ совпадаетъ съ наиболѣе доблестнымъ періодомъ исторіи полка). Во время этой кампаніи онъ участвовалъ, между прочимъ, въ Пултусской битвѣ (14 декабря) и во многихъ стычкахъ съ непріятелемъ и въ одной изъ нихъ (при д. Гофъ—25 февраля) получилъ сильную контузію въ ногу. Въ войну 1808—1809 гг. ген. Дороховъ защищалъ берега Балтійскаго моря отъ посягательствъ союзнаго англо-шведскаго флота. Въ Отечественной войнѣ онъ участвовалъ съ самаго начала ея. Когда, по полученіи извѣстія въ главной квартирѣ, что непріятель перешелъ черезъ Нѣманъ, вся армія стала быстро отступать. Дорохову, который начальствовалъ тогда надъ авангардомъ корпуса, расположеннымъ въ Оранахъ, на полпути отъ Гродно къ Вильнѣ, забыли прислать приказъ объ отступленіи, и потому онъ оставался на мѣстѣ. Когда же, наконецъ, приказаніе имъ было получено, корпусъ гр. Шувалова былъ уже отдѣленъ отъ отряда Дорохова непріятелемъ. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, Д. поспѣшно двинулся къ Олькеничамъ, гдѣ нашелъ приказаніе Барклая-де-Толли идти на соединеніе со 2-ю арміей кн. Багратіона, такъ какъ путь къ 1-й арміи былъ ему отрѣзанъ непріятелемъ. Дорохова считали уже погибшимъ, положеніе его, дѣйствительно, было безвыходнымъ, но онъ все-таки въ теченіе девяти дней (18—26 іюля), гдѣ—сражаясь, гдѣ—отступая, искусно маневрировалъ съ непріятелемъ, пока, наконецъ, въ Воложинѣ ему не удалось открыть сообщенія съ Платовымъ, находившимся во 2-й арміи. За все это время онъ потерялъ изъ своего отряда только 60 человѣкъ. Въ день Бородинской битвы Дороховъ былъ во 2-мъ кавалерійскомъ корпусѣ бар. Корфа, составлявшемъ резервъ за 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ гр. Остермана. Около 9 часовъ утра, когда усиленныя аттаки Даву, Нея, Мюрата и Жюно на Семеновское стали угрожать опасностью русской арміи, Д. былъ посланъ съ курляндскимъ и оренбургскимъ драгунскими и съ сумскимъ и маріупольскимъ гусарскими полками на помощь къ кн. Багратіону и смѣлыми аттаками удержалъ непріятеля, сбивъ его въ мѣстность, покрытую кустарникомъ и неудобную для дѣйствій конницы. За сраженіе при Бородинѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Послѣ того онъ прикрывалъ отступленіе русскихъ войскъ къ Москвѣ. 6 и 7 сентября, командуя отдѣльнымъ отъ арміи отрядомъ, онъ разбилъ при с. Знаменскомъ 4 непріятельскихъ кавалерійскихъ полка; съ 7-го по 13-е число находился въ экспедиціяхъ по Можайской дорогѣ, истребляя запасные пороховые парки, обозы и партіи, идущіе отъ Смоленска къ Москвѣ, а 15-го уничтожилъ цѣлый гвардейскій непріятельскій отрядъ, бывшій подъ командой полковника Мортье. Вскорѣ послѣ того Кутузовъ поручилъ Дорохову взять Верею, уѣздный городъ въ 117 верстахъ отъ Москвы, служившій точкой опоры при партизанскихъ дѣйствіяхъ на непріятельскія сообщенія и мѣстомъ соединенія на-

шихъ летучихъ отрядовъ. Получивъ приказаніе, Дороховъ ночью переправился съ своимъ отрядомъ чрезъ Протву и въ 4 ч. утра приблизился къ Вереѣ. Расположенная на горѣ вышиною около 5 саженъ, Верея была обнесена непріятелями валомъ и палисадомъ; гарнизонъ Вереи состоялъ изъ батальона вестфальскихъ войскъ. Дороховъ тихо, не стрѣляя, подвелъ свой отрядъ къ укрѣпленію и внезапно аттаковалъ его штыками; русскіе сняли часовыхъ и ворвались въ городъ, захвативъ врасплохъ безпечно спавшій гарнизонъ. Послѣ краткаго сопротивленія непріятель сдался въ плѣнъ (29 сентября). О взятіи Вереи Дороховъ доносилъ лаконически Кутузову: «По предписанію Вашей Свѣтлости г. Верея взятъ сего числа штурмомъ». Послѣ занятія Вереи Кутузовъ возложилъ на Д-ва другое важное порученіе: наблюдать за движеніемъ непріятеля по калужской и смоленской дорогамъ и оберегать лѣвое крыло арміи. Ставъ со своимъ отрядомъ при с. Котово на берегахъ Нары, Д. ежедневно тревожилъ непріятеля, забирая множество плѣнныхъ, и узналъ изъ своихъ разъѣздовъ, а также изъ допроса плѣнныхъ обо всемъ, что происходило во французской арміи. Между тѣмъ на новой калужской дорогѣ непріятельскія войска стали появляться все въ большемъ и большемъ количествѣ; очевидно, Наполеонъ задумалъ какой-то новый маневръ. Дороховъ проникъ въ замыслы Наполеона и 9-го октября доносилъ Кутузову: «Полагаю настоящія движенія непріятелей необходимыми для нихъ... Но сіе дѣйствіе непріятеля можетъ быть предварительнымъ движеніемъ цѣлой арміи его на Боровскъ, почему за нужное почитаю взять всѣ мѣры, чтобы какъ можно скорѣе быть извѣщаему о всѣхъ его движеніяхъ»... Вскорѣ, дѣйствительно, узнали, что Наполеонъ пошелъ къ Боровску, а передовые его отряды двинулись къ Малоярославцу, куда къ утру 12-го октября Кутузовъ стянулъ свои войска и гдѣ произошелъ знаменитый Малоярославецкій бой. Это было послѣднее сраженіе, въ которомъ участвовалъ Дороховъ: при окончаніи битвы онъ былъ раненъ пулею въ пятку лѣвой ноги и принужденъ удалиться съ поля сраженія. Послѣ этого онъ прожилъ уже недолго. Страданія отъ полученныхъ имъ ранъ вскорѣ свели его въ могилу. Умеръ онъ въ ночь съ 25-го на 26-е апрѣля 1815 года. Погребенъ въ Верейскомъ Рождественскомъ соборѣ.

С. Ушаковъ: Дѣянія россійскихъ полководцевъ, Спб. 1822, „Русскій Вѣстникъ“, 1815 г., кн. 12.—Воспоминаніе о дѣлахъ и о смерти храбраго русскаго генерала Ивана Семеновича Дорохова. „Сѣверная Почта“, 1815 г., № 41.—Ген.-лейт. И. С. Дороховъ. „Журналъ для чтенія воспитани. воен.-учебн. заведеній“, 1845 г., т. 56, № 224.—Черты изъ жизни русскихъ генераловъ.

Дорошенко, *Петръ*, гетманъ Малороссіи, происходилъ изъ казацкой семьи Чигиринской сотни. Онъ родился въ 1627 г. въ г. Чигиринѣ. Отецъ его имѣлъ шляхетское достоинство. Служебная карьера Д. началась при Богданѣ Хмельницкомъ, который замѣтилъ его выдающіяся способности и обратилъ на него вниманіе, назначивъ его въ 1650 г. однимъ изъ предводителей въ войнѣ съ Молдавіей. По возвращеніи оттуда онъ былъ посланъ депутатомъ отъ казацкаго войска на польскій сеймъ.

Въ 1653 г. Д. получилъ должность прилуцкаго полковника и послѣ смерти Хмельницкаго проявилъ себя преданнымъ сторонникомъ политическихъ стремленій Выговскаго, помогая ему въ борьбѣ съ полтавскимъ полковникомъ Пушкаремъ и русскими войсками, во главѣ которыхъ былъ Пожарскій. Даже низложеніе казацкой радою Выговскаго не ослабило къ нему преданности Д., и только полное пораженіе у Хмельника въ 1659 г. заставило Д. сдаться гетману Сомку, который отнялъ у него прилуцкое полковничество, что, впрочемъ, не помѣшало вскорѣ же новому гетману пожаловать Д. должностью старшины, а въ 1660 г. онъ—уже чигиринскій полковникъ и участвуетъ въ числѣ депутатовъ, хлопотавшихъ въ Москвѣ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Переяславскаго договора. Д. принималъ участіе въ походѣ подъ Чудновъ и велъ переговоры отъ лица гетмана Юрія Хмельницкаго съ предводителемъ польскихъ войскъ, Любомирскимъ, а затѣмъ при преемникѣ Ю. Хмельницкаго, П. Тетерѣ, продолжалъ играть видную роль, принималъ съ нимъ участіе въ походѣ короля Яна-Казиміра противъ Брюховецкаго, получилъ въ 1663 г. должность генеральнаго есаула и въ 1665 г. черкасскаго полковника.

Бѣгство Павла Тетери въ Польшу открыло широкое поле для борьбы за гетманство, и однимъ изъ претендентовъ на таковое былъ крестьянинъ Опара, который, не будучи увѣренъ въ собственныхъ силахъ и боясь враждебныхъ отношеній регистровыхъ казаковъ къ себѣ, какъ къ представителю черни, обратился за помощью къ крымскимъ татарамъ. Послѣдніе откликнулись на его призывъ, но Д. перехватилъ мурзъ, задобрилъ ихъ, и они рѣшили помочь ему самому занять гетманство. Рада старшинъ и казаковъ, собранная въ Чигиринѣ въ 1666 г., утвердила его въ гетманскомъ достоинствѣ, и весь правый берегъ Днѣпра кромѣ Кіева, защищаемаго московскими войсками, призналъ надъ собою власть Д., а лѣвобережною Украйною, по его словамъ, онъ рѣшилъ овладѣть, хотя бы для этого все населеніе ея пришлось отдать татарамъ.

Горячій патріотъ, Д. былъ человѣкъ выдающихся способностей и имѣлъ широкія политическія задачи, которыя состояли въ достиженіи единства и самостоятельности Украйны. Отъ Польши онъ не ждалъ счастья для своей родины; не довѣрялъ Россіи, ибо здѣсь общность вѣры и сходство языка, по его мнѣнію, могли привести къ полному сліянію и потерѣ національной и политической самостоятельности. Съ Турціей Малороссію разъединяла и вѣра, и языкъ—въ этомъ Д. видѣлъ залогъ свободы своей родины и потому отдался подъ покровительство турецкаго султана, хотя это имѣло печальныя послѣдствія для Украйны, обреченной на безпрерывную войну со всѣми ужасами и жестокостями того времени.

Сдѣлавшись гетманомъ, Д. созвалъ раду которая постановила изгнать поляковъ изъ правобережной Малороссіи, а рядомъ съ этимъ, пользуясь поддержкой митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго, онъ предпринялъ походы на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы захватить Кременчугъ и начать борьбу съ Брюховецкимъ, старавшимся овладѣть всей Украйной. Д. выступилъ противъ сторонниковъ Брюховецкаго; одного изъ нихъ взялъ въ плѣнъ въ Брацлавѣ, разстрѣлявъ въ Чигиринѣ, а другого—полѣсскаго полковника Децика—отбросилъ на лѣвую сторону Днѣпра, гдѣ призвалъ весь народъ лѣвобережной Украйны къ объединенію подъ своею властью.

Андрусовскій договоръ между Польшей и Россіей, послѣдовавшій въ 1667 г., оказалъ громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ историческихъ событій въ Украйнѣ, которая по этому договору дѣлилась на двѣ половины рѣкой Днѣпромъ, при чемъ правая отходила подъ власть Польши, а лѣвая—Москвы. По словамъ Д., «государи на части разорвали Украйну» и тѣмъ самымъ наносили роковой ударъ его стремленію объединить Малороссію и призвать ее къ самостоятельной политической жизни подъ властью одного гетмана. Д. медлилъ подчиниться условіямъ договора, крайне стѣснительнаго для автономіи края, и предъявилъ требованія, на которыя не соглашался польскій король. Взаимная непріязнь разрѣшилась войной 1666 г. Д. съ помощью наемной татарской орды разбилъ при селѣ Печеры польское войско, а предводителя, Моховскаго, захватилъ въ плѣнъ и выдалъ татарамъ.

Андрусовскій договоръ отнялъ у казаковъ надежду объединить Малороссію подъ властью московскаго царя и побудилъ сторонниковъ единства Украйны стать подъ знамена Д., которому предстояло выдержать долгую и упорную борьбу съ Польшей, но Малороссія послѣ раздѣла была слишкомъ слаба, и вся тяжесть борьбы ложилась на западную половину края, опустошенную войной. На помощь Россіи послѣ Андрусовскаго договора нельзя было разсчитывать, и Д. пришлось искать покровительства и защиты у турецкаго правительства. Рядъ войнъ повелъ къ жестокой борьбѣ сосѣднихъ народовъ за обладаніе Малороссіей.

Договоръ съ Портой, утвержденный казацкою радою, отдавалъ ее въ подчиненіе Турціи, за что послѣдняя брала на себя обязательство защищать казаковъ отъ Польши и удерживать отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Въ началѣ борьба съ поляками при помощи татарскихъ ордъ шла довольно успѣшно, и по Бучацкому договору поляки уступили Турціи Украйну и Подолію. Этотъ договоръ, помимо своего прямого значенія — защиты казаковъ, — могъ оказать и косвенное вліяніе на выполненіе политической комбинаціи Д.: никакимъ трактатомъ Россія не была связана съ Турціей, а разъ Малороссія теперь переходила къ ней, то тѣмъ самымъ нейтрализовались условія Андруссовскаго договора,

и Россія, не нарушая его, могла отвоевывать у Турціи Малороссію. Эту политическую комбинацію имѣлъ въ виду Д. и впродолженіе всего времени не прерывалъ видимо дружескихъ сношеній съ Россіей, которой Бучацкій договоръ развязывалъ руки по отношенію къ западной Малороссіи.

Смуты 1668 г. въ восточной Украйнѣ по поводу изгнанія оттуда московскихъ воеводъ подали надежду Д. на возможность объединенія Малороссіи, и онъ переправился черезъ Днѣпръ на помощь казакамъ, которые низложили Брюховецкаго и тутъ же избрали гетманомъ Дорошенка. Но чтобы избраніе имѣло законную силу, требовалось согласіе русскаго правительства, и на это согласіе, при существованіи дружескихъ отношеній, Д. вполнѣ разсчитывалъ. На дѣлѣ же вышло иначе. Русскому правительству для его политическихъ цѣлей выгоднѣе было поддерживать такихъ кандидатовъ на гетманство, которые руководились исключительно мелкимъ самолюбіемъ и узкими личными интересами и могли быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ московскаго правительства, а таковыми являлись соперники Д.—Брюховецкій, Самойловичъ, Многогрѣшный. Послѣдній былъ избранъ въ 1669 г. и утвержденъ правительствомъ въ должности гетмана восточной Малороссіи, объединеніе которой и на этотъ разъ не удалось Д., а страстное стремленіе къ нему повело къ мелкой, но упорной борьбѣ, разорившей когда-то богатый край.

Запорожцы послѣ смерти Брюховецкаго выставили кандидатомъ Петра Суховія, двинувшагося съ татарскими ордами въ Чигиринъ противъ Д., но Суховій потерпѣлъ пораженіе. Тогда въ слѣдующемъ году онъ собралъ еще большее войско, привлекши на свою сторону южные полки лѣвобережной Украйны. На этотъ разъ Д., будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, оказался въ критическомъ положеніи, такъ какъ половина его полковъ отправилась въ Умань, гдѣ была созвана Суховіемъ рада для утвержденія его въ гетманской должности. Вмѣшательство Турціи спасло Дорошенка. Турецкое посольство привезло утвержденный султаномъ договоръ и потребовало именемъ падишаха удаленія крымскихъ татаръ. Многіе казаки, бывшіе въ Умани, возвратились къ Д., и Суховій, лишенный поддержки татаръ, не имѣлъ успѣха на радѣ. Въ гетманы былъ избранъ Михаилъ Ханенко, отдавшійся подъ покровительство Польши и утвержденный этой послѣдней. Вовлеченная въ борьбу съ Д., успѣшно отражавшимъ своего противника и наносившимъ пораженія у Стеблева, Умани, Четвертиновки и др., Польша подверглась нашествію турокъ, которые вмѣстѣ съ Д. принудили къ сдачѣ Каменецъ и осадили Львовъ, результатомъ чего былъ унизительный Бучацкій договоръ, по которому Польша отказывалась отъ Подоліи и Украйны. Наступаетъ снова удобный моментъ для дальнѣйшаго выполненія плана объединенія Малороссіи подъ властью одного лица, подчиненнаго русскому царю. По этому вопросу у Д. устанавливаются оживленныя сношенія съ Москвой, не стѣсненной уже болѣе Андруссовскимъ договоромъ, но и на этотъ разъ не въ пользу Д. Признавая его политическую программу, Москва, вѣрная своей политикѣ, искала болѣе удобныхъ для нея исполнителей этой программы.

Русское правительство назначило сначала гетманомъ Многогрѣшнаго, а въ 1672 г.—Ивана Самойловича. Между тѣмъ населеніе праваго берега Днѣпра, оскорбленное въ своихъ религіозныхъ чувствахъ владычествомъ турокъ, бѣжало толпами отъ Д. въ лѣвобережную Украйну, гдѣ на радѣ 1674 г. въ Переяславѣ Ханенко сложилъ съ себя гетманство, а казаки провозгласили гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Самойловича. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ походовъ въ правобережную Украйну, гдѣ Самойловичъ съ союзнымъ московскимъ войскомъ и воеводой Ромодановскимъ старался привлечь на свою сторону казаковъ и убѣждалъ Д. передать ему свое гетманство, но успѣхъ предпріятія тормозился личной бездарностью и нерѣшительностью Самойловича, который съ Ромодановскимъ принужденъ былъ поспѣшно отступить, когда Д. призвалъ на помощь своихъ союзниковъ—турокъ.

Польша не нашла нужнымъ подчиниться Бучацкому договору, слѣдствіемъ чего былъ рядъ войнъ съ Турціей за обладаніе Малороссіей, при чемъ ожесточеніе со всѣхъ сторонъ росло съ ужасающей прогрессіей. Разрушенные города, выжженныя села, жители которыхъ и ихъ скотъ истребля-

лись или уводились въ плѣнъ, измѣнили до неузнаваемости когда-то прекрасный и цвѣтущій край. Населеніе ущѣлѣвшихъ городовъ и даже областей и полковъ въ паникѣ бѣжало на лѣвый берегъ Днѣпра, и Д. становился все болѣе ненавистнымъ народу, котораго онъ старался удержать отъ переселенія, прибѣгая къ жестокимъ мѣрамъ.

Д. не вынесъ ужасной картины разрушенія, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ «Руины». Рушилась его политическая программа, гибли всѣ планы объединенія Малороссіи и честолюбивое стремленіе быть ея единымъ гетманомъ. Все это повело къ неизбѣжному паденію самого Д., которому ничего болѣе не оставалось, какъ прибѣгнуть къ послѣднему средству—отдаться подъ покровительство Московскаго царя Алексѣя Михайловича и на этотъ разъ безъ лукавыхъ цѣлей, а вполнѣ искренно.

Желая еще сохранить гетманство, Д. прибѣгъ къ такому способу: онъ рѣшилъ передать его не Самойловичу, внушавшему ему недовѣріе, а войску, которое когда-то избрало его и могло теперь снова избрать въ гетманы. Но казацкаго войска на правомъ берегу у Д. уже не было, и онъ обратился къ войскамъ Запорожской Сѣчи, давшей нѣкогда гетманство Богдану Хмельницкому, съ предложеніемъ сдать имъ знаки своего гетманскаго достоинства и присягнуть на вѣрность московскому царю. Знаменитый кошевой атаманъ, Иванъ Сѣрко, созвалъ на раду казаковъ Запорожской Сѣчи, которые съ восторгомъ приняли предложеніе Д. и прибыли на раду въ Чигиринъ въ 1675 г., гдѣ Д. сдалъ всѣ знаки своей власти представителямъ народа и присягнулъ на вѣчное подданство царю Алексѣю Михайловичу, а въ отвѣтъ Сѣрко и запорожцы присягнули въ полной безопасности Д. и обѣщали защиту и покровительство царя. Однако московское правительство не одобрило посредничества Сѣрка и отклонило его. Послѣдовали враждебныя дѣйствія между Сѣрко и Самойловичемъ. Наконецъ въ 1676 г. Самойловичъ и воевода Ромодановскій осадили Чигиринъ и потребовали сдачи и отреченія Д. въ пользу Самойловича. Д. принялъ присягу, передалъ всѣ гетманскіе клейноты Ромодановскому, а послѣдній — Самойловичу, какъ гетману обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Такъ закончилась политическая дѣятельность одного изъ видныхъ представителей казачества XVII столѣтія.

Дорошенко не достигъ желанной цѣли національнаго и политическаго единства своей родины, но онъ упорно боролся ради этой цѣли и съ удивительной энергіей отстаивалъ самостоятельность Украйны, прибѣгая, какъ истинный сынъ своего вѣка, къ жестокимъ мѣрамъ, въ концѣ раззорившимъ его родину. Въ политическихъ планахъ Д. играло немалую роль и личное самолюбіе, но оно не носило характера мелкаго эгоизма и стремленія къ личной выгодѣ.

Въ 1677 г. Д. былъ отправленъ въ Москву, гдѣ его приняли съ почетомъ и уваженіемъ, оцѣнивъ по достоинству крупную личность своего бывшаго противника. Отъ 1679 г. до 1682 г. онъ жилъ въ Вяткѣ и занималъ должность воеводы, а послѣдніе годы провелъ въ пожалованномъ ему селѣ Ярополчѣ Волоколамскаго уѣзда, гдѣ и умеръ на 71-мъ году отъ рожденія.

Истор. дѣятели Юго-Зап. Россіи, проф. В. Б. Антоновича.—Его же: Послѣднія времена казачества на правомъ берегу Днѣпра.—Костомарова: Руина. — Эварницкаго: Ист. Запор. казаковъ, т. 2-й.—Первоисточниками могутъ служить казацкіе лѣтописи и акты.

Б—й.

Дорооѳей (*Возмуйловъ*), епископъ ѳеодосійскій, викарій екатеринославской епархіи. По происхожденію грекъ, родился въ 1733 году. Въ 1777 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ Цареконстантиновскаго монастыря владимірской епархіи, а чрезъ два года перешелъ въ нѣжинскій греческій Назаретъ-Богородицкій монастырь черниговской епархіи. Вслѣдствіе обширности екатеринославской епархіи и преобладанія въ населеніи ея грековъ, 7 марта 1787 г. было учреждено въ епархіи ѳеодосійское викаріатство, и архимандритъ Дорооѳей 2 мая того же года былъ хиротонисанъ въ епископа ѳеодосійскаго; къ паствѣ его перечислены были всѣ проживавшіе въ Маріуполѣ и Таврической области греки. 10 октября 1790 года епископъ Дорооѳей скончался.

Строевъ: Списки архіереевъ.—Дѣла Архива Св. Синода, 1787 г. № 102; 1788 г. № 86; 1790 г. № 89.

Дорооѳей, архіепископъ ростовскій и ярославскій, въ XVI вѣкѣ. О немъ извѣстно, что до архіерейства онъ 7 лѣтъ

настоятельствовалъ въ Кирилловѣ-Бѣлозерскомъ монастырѣ, откуда 2 марта 1539 года хиротонисанъ въ архіепископа ростовскаго и ярославскаго. Скончался въ августѣ 1542 года.

Амвросій. — Струевъ. — Діевъ. — Крыловъ: „Ист. стат. обзоръ рост.-яросл. епархіи".

Дороѳей (*Кроткевичъ* или *Коротке-вичъ*), митрополитъ смоленскій и дорогобужскій, умеръ въ 1718 г. Уроженецъ кіевскій. Свѣдѣнія о немъ очень скудны. Извѣстно, что съ 1710 г. онъ былъ архимандритомъ московскаго Симонова монастыря и въ 1712 году хиротонисанъ въ митрополита смоленскаго и дорогобужскаго. Въ 1714 г. въ его вѣдѣніе отданъ былъ Крестовоздвиженскій Бизюковъ монастырь, но въ 1717 г. митрополитъ Дороѳей отъ этого управленія отказался.

Строевъ: „Списки іерарховъ".

Дороѳей, архимандритъ московскаго Симонова монастыря; скончался 30 октября 1783 года; извѣстенъ тѣмъ, что былъ ректоромъ въ двухъ духовныхъ семинаріяхъ—псковской (съ 1762 г.) и новгородской (съ 1768 г.), а также настоятельствовалъ въ извѣстныхъ монастыряхъ: псковскомъ, святогорскомъ, новгородскомъ Антоніевомъ, свіяжскомъ Богородицкомъ (съ 1770 г.), валдайскомъ Иверскомъ (съ 1778 г.) и московскомъ Симоновѣ (съ 1783 г.).

Дѣла Архива Св. Синода, 1768 г. № 127; 1770 г. № 112; 1775 г. № 185 и 1783 г. № 132.

Дороѳей, препод. Радонежскій, именуется «великимъ трудникомъ»; былъ келейникомъ препод. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевой лавры. Не канонизованъ. Годъ кончины его одни относятъ къ 1614 г., другіе—къ 1622 году.

„Агіографія" Барсукова.—„Св. Русь" Леонида.

Дороѳей св., основатель Югской пустыни въ рыбинскомъ уѣздѣ, ярославской епархіи. Пустынь эта основана около 1615 года и въ память основателя ея носитъ названіе Дороѳеевой. Скончался св. Дороѳей въ 1622 г. и погребенъ въ пустыни.

„Агіографія" Барсукова. — „Св. Русь" Леонида.

Досиѳей (*Богдановичъ - Любимскій*), епископъ бѣлгородскій и курскій; скончался 23 марта 1736 года. Сынъ королевскаго надворнаго служителя, родился въ малой Польшѣ въ селѣ Любинѣ, близъ города Яворова. Образованіе получилъ въ кіевскихъ школахъ, тамъ онъ и постригся въ монашество въ 1711 году и затѣмъ три года былъ строителемъ Почарскаго монастыря въ Стародубовскомъ полку. Въ 1718 г., 18 декабря прибылъ въ С.-Петербургъ и принятъ былъ въ домъ государыни царицы Прасковьи Ѳеодоровны, затѣмъ взятъ царевною Анною Іоанновною въ Митаву, а въ 1721 г. отправленъ въ Мекленбургъ къ герцогинѣ мекленбургской Екатеринѣ Іоанновнѣ. Въ 1724 г. былъ назначенъ оберъ-іеромонахомъ въ рижскій корпусъ, но не поѣхалъ за выводомъ войскъ изъ Риги. Въ 1725 г., 24 іюля онъ назначенъ архимандритомъ Саввина Сторожевскаго монастыря и много потрудился надъ устроеніемъ его, расширеніемъ владѣній и увеличеніемъ братіи; въ 1730 г. участвовалъ на конференціи Правительствующаго Сената съ Синодомъ по вопросу объ увеличеніи числа синодальныхъ членовъ. 23 іюля 1731 года архимандритъ Досиѳей былъ назначенъ епископомъ бѣлгородскимъ и курскимъ; 4 августа состоялось нареченіе и 6 августа — хиротонія; 20 сентября того же года возведенъ въ санъ архіепископа. Заботы его были направлены на улучшеніе каѳедральнаго въ Бѣлгородѣ собора и др. церквей, на нужды харьковскаго коллегіума съ учрежденіемъ при немъ семинаріи и съ утвержденіемъ его въ правахъ на владѣніе землями, на исправленіе архіерейскаго дома, на производство окладныхъ и неокладныхъ сборовъ и проч. Памятникомъ его архипастырской ревности о благѣ ввѣренной ему паствы остались двѣ окружныя его грамоты, изъ которыхъ въ одной онъ обличаетъ недостойныхъ искателей священства, а въ другой—нѣкоторыя суевѣрія при таинствѣ брака. Не разъ раздавались неудовольствія и жалобы на него какъ въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ, такъ и въ бѣлгородской епархіи, а въ сентябрѣ 1735 г., по доносу ректора харьковскаго коллегіума, онъ былъ преданъ суду и сосланъ въ курскій Знаменскій монастырь до окончанія слѣдствія, гдѣ въ утѣсненіи и скончался.

Харьковск. епарх. вѣдом. 1871 г., № 21.— Описанія дѣлъ и докум. Архива Св. Синода, т. I—XI.—Проф. А. Лебедевъ: «Бѣлгородскіе архіереи». *Здр.*

Досиѳей (*Топорковъ*), инокъ Іосифова Волоколамскаго монастыря въ XVI в. Изъ

біографіи его извѣстно, что онъ былъ братъ извѣстнаго архіепископа коломенскаго Вассіана и племянникъ преподобнаго Іосифа Волоколамскаго. Филаретъ въ своемъ «Обзорѣ духовной литературы» упоминаетъ о написанномъ имъ «Надгробномъ словѣ препод. Іосифу» и «Патерикѣ». Въ Іосифовомъ монастырѣ хранится написанный Досиѳеемъ «Псалтирь».

Филаретъ: „Обзоръ дух. литературы", стр. 134.

Досиѳей (*Нѣличиновъ*), архимандритъ Задонскаго Богородичнаго монастыря; скончался въ 1845 г. Съ 1822 г. онъ былъ архимандритомъ Кириллова новгородскаго монастыря, въ 1826—1836 гг.—архимандритомъ Соловецкаго монастыря и въ 1836—1840 гг.—Задонскаго Богородичнаго монастыря; скончался на покоѣ въ 1845 г., 1 марта.

Онъ написалъ «Географическое, историческое и статистическое описаніе Соловецкаго монастыря», въ 3-хъ частяхъ, М. 1836 г.; издалъ съ поправками «Соловецкій Лѣтописецъ», М. 1833 г.

Строевъ: „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей".—Филаретъ: „Обзоръ дух. литературы".

Досиѳей (*Ильинъ*), епископъ орловскій и сѣвскій; родился въ 1751 г., умеръ въ 1827 году. Обучался въ духовномъ училищѣ и въ орловской духовной семинаріи, гдѣ по окончаніи курса самъ былъ учителемъ, префектомъ и ректоромъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ XVIII ст. онъ постригся въ монашество съ именемъ Досиѳея и вскорѣ былъ посвященъ въ санъ игумена. Настоятельствовалъ въ разныхъ монастыряхъ. Изъ брянскаго Петропавловскаго монастыря въ декабрѣ 1783 года переведенъ въ Перервинскій монастырь и былъ префектомъ Перервинской семинаріи. Въ 1786 г. былъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры, откуда 31 января 1739 г. произведенъ въ архимандриты Троице-Сергіевой пустыни и назначенъ присутствовать въ С.-Петербургской духовной консисторіи. Затѣмъ недолгое время былъ онъ архимандритомъ новгородскаго Антоніева монастыря и 17. марта 1795 года назначенъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородскимъ; 22 марта было нареченіе, а 25 марта хиротонія. При немъ 18 декабря 1797 года въ новгородской епархіи Высочайше утверждена была «роспись о прибавочныхъ на духовныя мѣста суммахъ», гдѣ между прочимъ было указано при викаріи быть собору и консисторіи, но это не было приведено въ исполненіе. Черезъ годъ епископъ Досиѳей получилъ въ свое вѣдѣніе церкви, перешедшія въ новгородскую епархію изъ олонецкой и архангельской епархій, числомъ 231, и монастыри олонецкой епархіи. Недолго онъ управлялъ порученною ему областью: 26 октября 1798 года онъ былъ перемѣщенъ на орловскую епископскую каѳедру, гдѣ дѣятельность его имѣла болѣе широкія границы. Его заботами о просвѣщеніи дѣтей духовенства устроены духовныя училища въ Брянскѣ и Ливнахъ; имъ обновлены брянскіе монастыри; ревностно велъ онъ борьбу и съ усилившимся въ орловской епархіи расколомъ. Возникшее въ 1810 г. неудовольствіе съ секретаремъ духовной консисторіи изъ-за порядковъ и дѣлопроизводства канцелярскаго надѣлало много хлопотъ преосвященному Досиѳею и разстроило его здоровье. Въ 1817 году 12 марта онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, выставивъ причинами старость и частые болѣзненные припадки. 28 мая того же года состоялось его увольненіе съ назначеніемъ для его мѣстопребыванія трубчевскаго Спасскаго Чолпскаго монастыря, которымъ онъ управлялъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 6 іюня 1827 года.

Здравомысловъ: „Іерархи новгородской епархіи", 1897 г., стр. 121—123.

Досиѳей (одно лицо съ *Ѳеодосіемъ*), преподобный игуменъ Печерскій. Называется онъ то Досиѳеемъ, то Ѳеодосіемъ, но неизвѣстно—въ малой или великой схимѣ принялъ имя Ѳеодосія. Кончину его относятъ одни къ 1156 г., другіе—къ 1219 году. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Ѳеодосіевой пещерѣ; память празднуется 28 августа вмѣстѣ съ другими, почивающими въ пещерахъ. Онъ первый принесъ въ Россію съ св. горы Аѳонской «чинъ пѣнія дванадесяти псалмовъ» и написалъ «Отвѣты на предложенные вопросы о жизни аѳонскихъ иноковъ», къ сожалѣнію, не вполнѣ уцѣлѣвшіе въ рукописяхъ, напечатанные въ «Прибавл. къ твореніямъ св. отцовъ».

Казанскій: „Исторія русск. монашества", М. 1855, стр. 122.—Филаретъ: „Обзоръ", I, стр. 46. Его же: „Русскіе святые", августъ, стр. 115—

116.—Макарій: „Исторія русской церкви“, т. III, стр. 46, 202—203.—Сергій: „Мѣсяцесловъ“, II, 227.—Барсуковъ: „Источники русской агіографіи“, 173—4.

Досиѳей (одно лицо съ *Дороѳеемъ*), преподобный псковскій. Основатель и 1-й игуменъ Петропавловскаго Верхне-островскаго монастыря на Псковскомъ озерѣ. Учрежденіе монастыря относятъ къ 1470 году, а кончину преподобнаго — къ 8 октября 1481 года. Былъ ученикомъ препод. Евѳросина Псковскаго и ввелъ въ своей обители пустынное общежитіе. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ упраздненной въ 1764 г. обители.

Строевъ.—Леонидъ.—Барсуковъ. — Звѣринскій.

Досиѳей (*Діомидъ Глѣбовъ*), епископъ ростовскій и ярославскій; скончался 17 марта 1718 года. По происхожденію—изъ дворовыхъ людей Лопухиныхъ. Съ 1701 г. былъ игуменомъ Сновицкаго монастыря владимірской епархіи и съ 1709 г.—архимандритомъ суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря; въ 1710 г. мѣстомъ его служенія указываютъ Новоспасскій монастырь, но прот. Діевъ, на основ. 3-й новгородской лѣтописи, это отвергаетъ. Въ 1711 г. 17 іюня онъ хиротонисанъ былъ въ епископа ростовскаго. Въ 1718 г. 3 февр. присутствовалъ на судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, а 19 февраля самъ былъ арестованъ, 27 февраля лишенъ сана и 17 марта казненъ въ Москвѣ на Красной площади. Принадлежалъ къ партіи несочувствовавшихъ нововведеніямъ Петра I, пріобрѣлъ довѣріе бывшей царицы Евдокіи и пророчествовалъ ей о близкой кончинѣ императора Петра I и о восшествіи на престолъ ея сына, Алексѣя Петровича.

Струевъ: „Списки іерарховъ“. — Титовъ: „Ростовскіе архіереи“.

Досиѳей (*Забѣла*), епископъ сарскій и подонскій; скончался въ 1544 году. До архіерейства Досиѳей былъ настоятелемъ Кіево-Печерскаго монастыря и Троице-Сергіевой лавры. 23 января 1508 года хиротонисанъ въ епископа сарскаго и подонскаго на Крутицы. Оставивъ епархію, скончался 2 февраля 1544 года.

Амвросій.—Строевъ.

Досиѳей, преподобный игуменъ Соловецкаго монастыря въ началѣ XVI столѣтія. Ученикъ св. Зосимы, погребенъ въ Соловкахъ, не канонизованъ; въ концѣ XV вѣка онъ написалъ «Записки о житіи преподобныхъ отцовъ»—«не ухищренно, ниже побрословіемъ писаше, но якоже воспоминанія ради... якоже бы возможно тамо живущимъ глаголати же и прочитати». Ему же принадлежитъ и «Похвальное слово препод. Зосимѣ».

Барсуковъ.—Леонидъ.—Филаретъ: „Обзоръ духовной литературы“.

Досиѳей (*Пицхелаури*), архіепископъ телавскій и членъ грузино-имеретинской синодальной конторы; уроженецъ Грузіи, изъ дворянъ. Постригся въ монашество въ 1791 г. и въ 1795 г. посвященъ въ санъ архимандрита. Съ 1801 г. управлялъ знаменитымъ въ Грузіи монастыремъ Кваб-тахевскимъ, а съ 1806 г.—и Шіомгвимскимъ. Въ 1809 г. управлялъ Урбинскою епархіею и былъ въ Грузіи однимъ изъ самыхъ видныхъ духовныхъ дѣятелей. Въ 1810 г. былъ командированъ въ С.-Петербургъ для участія въ комиссіи по устройству духовной части въ Грузіи. Въ маѣ 1811 года католикосъ армянъ ходатайствовалъ о посвященіи архимандрита Досиѳея за примѣрныя его дѣянія въ санъ епископа, но по отсутствію свободныхъ епархій и по незнанію архимандритомъ русскаго языка хиротонія была отложена, и архимандритъ Досиѳей помѣщенъ на жительство въ Александро-Невскую лавру съ пенсіею. Высочайшее повелѣніе о посвященіи архимандрита Досиѳея въ епископы состоялось 31 декабря 1811 года, и 30 января 1812 г. онъ былъ хиротонисанъ въ епископа горійскаго, викарія грузинскаго, но оставленъ въ Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ при обсужденіи дѣлъ грузинскаго экзархата. Въ 1814 г. епископъ Досиѳей подалъ обширный проектъ устройства духовнаго управленія въ Грузіи и Имеретіи, существующаго и до настоящаго времени. Согласно изложенному въ проектѣ, епископъ Досиѳей 30 августа 1814 г. возведенъ былъ въ санъ архіепископа, съ наименованіемъ телавскимъ и грузино-кавказскимъ; онъ получилъ въ управленіе обширную телавскую епархію, завѣдываніе дѣлами бывшей осетинской комиссіи и комиссіи по приведенію въ исполненіе утвержденнаго проекта устройства духовныхъ дѣлъ; сдѣланъ былъ онъ и членомъ новоучрежденной грузино-имеретинской синодальной кон-

торы. Миссіонерскіе труды архіепископа-просвѣтителя осетинъ увѣнчались крещеніемъ нѣсколькихъ тысячъ осетинъ, ассигнованіемъ денегъ на постройку церквей и отобраніемъ въ казну населенныхъ княжескихъ имѣній. Множество недовольныхъ архіепископомъ донесли о неблаговидныхъ проступкахъ Досиѳея и о несоотвѣтствіи его дѣятельности присылаемымъ имъ отчетамъ. Въ 1817 г. 14 мая архіепископъ Досиѳей уволенъ былъ отъ занимаемыхъ имъ должностей, вызванъ въ Москву и помѣщенъ въ Высокопетровскомъ монастырѣ, гдѣ прожилъ до 1829 года; затѣмъ отправился въ Тифлисъ, гдѣ и скончался 19 ноября 1830 года.

Чистовичъ: „Руководящіе дѣятели духа просвѣщенія въ Россіи въ 1-й половинѣ текущаго столѣтія“, 1894 г., стр. 88–101.—Дѣло Арх. Св. Син., 1827 г., № 1985.

Здр.

Досиѳей, игуменъ Бесѣднаго Никольскаго монастыря близъ Тихвина, одинъ изъ первыхъ предводителей старообрядческаго раскола, умеръ до октября 1691 года. «Благочестія ради крыяся», онъ ушелъ изъ Бесѣднаго монастыря и поселился въ Курженской пустыни, близъ Повѣнца, куда приходили къ нему соловецкіе выходцы, проповѣдавшіе расколъ въ Поморьи. Переселеніемъ въ Курженскую пустынь начались его продолжительныя странствованія, услѣдить за которыми очень трудно. Нѣсколько разъ онъ былъ въ Москвѣ, неоднократно прошелъ путь странствія отъ Бѣлаго моря до Чернаго и, наконецъ, около 1685 года окончательно переселился на Донъ, въ обитель одного изъ вождей раскола, священноинока Іова. Обитель эта находилась на берегу рѣки Чиръ, въ пятидесяти верстахъ отъ впаденія ея въ Донъ. Здѣсь онъ освятилъ церковь 21 марта 1686 г. Въ 1688 году начались розыски о донскихъ раскольникахъ, и раскольники потянулись на Куму. Досиѳей поселился на рѣкѣ Аграхани, во владѣніяхъ князя Шевкала Тарковскаго. Здѣсь онъ и умеръ, горько оплакиваемый раскольниками. Досиѳей пользовался необычайнымъ авторитетомъ въ мірѣ раскола. Самъ Аввакумъ, величавшій себя «посланникомъ Іисусъ Христовымъ», просилъ его молитвъ и благословенія. Его ближайшіе ученики называли его «равно-ангельнымъ отцомъ» и «апостольскимъ мужемъ». И Досиѳей дѣйствительно заслуживалъ уваженія. «Старостью и добродѣтелями украшенный», ревностный и вполнѣ послѣдовательный приверженецъ раскола, онъ въ то же время былъ чуждъ крайностей дикаго фанатизма и, не колеблясь, осудилъ дѣло самоистребителей, хотя здѣсь ему пришлось столкнуться съ самимъ Аввакумомъ. «Сами себе убили, а не законно пострадали», рѣшилъ онъ и отложилъ поминать самоистребителей.

„Дополн. А. Ист.“ XII, 130, 134, 180.—„Собран. постан. по Вѣд. Прав. Испов.“ III, 70.—„Отразит. писан. о смертоуб. смертяхъ“. Спб. 1895, стр. 93.—„Истор. о бѣгствѣ свящ.“, Братское слово, 1889, I, 432—3.—П. С. Смирновъ: „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“, (стр. XXIV—XXVII).

С. Трощкій.

Достоевскій, *Михаилъ Михайловичъ*, писатель, род. въ 1820 г. въ Москвѣ, въ семьѣ штабъ-лекаря Маріинской больницы; умеръ въ 1864 г. Послѣ домашняго воспитанія, въ 1834 г. онъ былъ опредѣленъ въ пансіонъ Л. И. Чермака, гдѣ пробылъ до 1837 г., когда отецъ повезъ его вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, Ѳеодоромъ, въ Петербургъ для помѣщенія въ Инженерное училище. Пробывъ въ Петербургѣ почти годъ въ приготовительномъ пансіонѣ К. Ф. Костомарова, Достоевскій однако не поступилъ въ училище, такъ какъ по медицинскому освидѣтельствованію былъ признанъ чахоточнымъ. Послѣ этой неудачи онъ опредѣлился въ Ревельскую инженерную команду кондукторомъ. Вскорѣ онъ женился, а въ началѣ сороковыхъ годовъ переселился въ Петербургъ. Выйдя въ отставку съ чиномъ прапорщика, онъ отдается литературнымъ занятіямъ. Онъ печатаетъ рядъ повѣстей въ «Отечественныхъ Запискахъ» (въ 1848 г.—«Дочка», «Господинъ Свѣтелкинъ», «Воробей»; въ 1849—«Два старичка», въ 1850—«Пятьдесятъ лѣтъ»), комедію «Старшая и меньшая» (Отеч. Зап. 1851 г. № 6), критическія статьи о Жуковскомъ и о новѣйшихъ русскихъ писателяхъ въ журналѣ «Пантеонъ» (1848 и 1852 гг.). Всѣ эти произведенія ничего выдающагося собою не представляли, и гораздо важнѣе были прекрасно выполненные переводы изъ Гете («Рейнеке Лисъ»—въ «Отеч. Зап.» 1848 г.) и Шиллера («Донъ Карлосъ» въ «Библіотекѣ для чтенія» 1848 г.). Вмѣстѣ съ братомъ онъ интересуется ученіемъ французскихъ соціалистовъ, увлекается фурьеризмомъ, близокъ къ кружку Петрашев-

скаго, хотя активнаго участія въ немъ не принимаетъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства въ 1849 г., когда петрашевцы были преданы суду, Достоевскій былъ освобожденъ при предварительномъ слѣдствіи, хотя и просидѣлъ 2 мѣсяца подъ арестомъ. Въ 50-хъ годахъ, кромѣ литературы, Д. занимается нѣкоторыми коммерческими предпріятіями, а по возвращеніи изъ каторги Ѳеодора Михайловича, въ 1861 году, начинаетъ изданіе журнала «Время», который былъ запрещенъ въ апрѣлѣ 1863 года за статью Н. Н. Страхова: «Роковой вопросъ». Въ слѣдующемъ 1864 г. Достоевскій началъ изданіе журнала «Эпоха», но въ маѣ этого года онъ умеръ. (См. «Нѣсколько словъ о Михаилѣ Достоевскомъ» въ «Эпохѣ», 1864 г. іюнь, а также «Біографію, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго», СПБ. 1883).

А. Бороздинъ.

Достоевскій, *Ѳедоръ Михайловичъ*, писатель, родился 30 октября 1821 г. въ Москвѣ, умеръ 29 января 1881 г., въ Петербургѣ. Отецъ его, Михаилъ Андреевичъ, женатый на дочери купца, Маріѣ Ѳедоровнѣ Нечаевой, занималъ мѣсто штабъ-лекаря въ Маріинской больницѣ для бѣдныхъ. Занятый въ больницѣ и частной практикой, онъ мало могъ посвящать времени воспитанію своихъ дѣтей, да и по характеру своему онъ не подходилъ къ роли воспитателя и учителя: при всей своей добротѣ, онъ отличался крайнею вспыльчивостью, такъ что и воспитаніе и первоначальное обученіе дѣтей составили всецѣло обязанность матери. Домашняя обстановка благопріятствовала сближенію дѣтей съ народомъ: какъ и у нѣкоторыхъ другихъ нашихъ писателей, впервые интересъ къ народной поэзіи пробуждается у Достоевскаго благодаря нянѣ Аленѣ Фроловнѣ и кормилицѣ Лукерьѣ. Полезны были для дѣтей и лѣтнія поѣздки семьи въ деревню, гдѣ также накоплялись наблюденія изъ крестьянской жизни: въ деревнѣ на свободѣ затѣвались разныя игры, которыя часто изобрѣталъ Ѳедоръ Михайловичъ, вообще отличавшійся живостью и рѣзвостью, такъ что къ нему примѣняли эпитетъ «настоящій огонь». Послѣ обученія азбукѣ и начаткамъ священной исторіи подъ руководствомъ матери, Достоевскіе нѣкоторое время занимались дома у какого-то дьякона и у преподавателя Екатерининскаго института, Н. И. Драшусова (Сушара-Souchard); затѣмъ для подготовки въ гимназію они поступили въ пансіонъ того же Драшусова, а въ 1834 г. перешли въ пансіонъ Л. И. Чермака, въ которомъ преподаваніе велось по гимназической программѣ. Уже въ это время Достоевскій и его старшій братъ проявляютъ сильнѣйшій интересъ къ литературѣ: они, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Андрей Достоевскій, «читали во всякое свободное время. Въ рукахъ брата Ѳедора я чаще всего видалъ Вальтеръ-Скотта—«Квентинъ Дорварда» и «Веверлея»; у насъ были собственные экземпляры, и вотъ ихъ-то онъ перечитывалъ неоднократно, несмотря на тяжелый и старинный переводъ. Такому же чтенію и перечитыванію подвергались и всѣ произведенія Пушкина. Любилъ также братъ Ѳедоръ повѣсти Нарѣжнаго, изъ которыхъ «Бурсака» перечитывалъ неоднократно. Не помню навѣрное, читалъ ли онъ тогда что-либо изъ Гоголя, а потому не могу объ этомъ и говорить. Помню также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ романъ Вельтмана «Сердце и Рука». Исторія же Карамзина была его настольною книгою, и онъ читалъ ее всегда, когда не было чего-либо новенькаго. Появлялись въ нашемъ домѣ и книжки издававшейся въ то время «Библіотеки для Чтенія». Какъ теперь помню эти книжки, мѣнявшія ежемѣсячно цвѣтъ своихъ обложекъ, на которыхъ изображался загнутый уголокъ съ именами литераторовъ, участвовавшихъ въ изданіи. Эти книги уже были исключительнымъ достояніемъ братьевъ. Родители ихъ не читали. Я потому обозначилъ названія нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, которыя тогда читалъ братъ, что съ названіями этими, а равно и съ именами ихъ авторовъ я, еще бывшій ребенкомъ, познакомился исключительно со словъ брата. Вообще братъ Ѳедоръ любилъ болѣе чтеніе серьезное, въ отличіе отъ брата Михаила, который любилъ поэзію и самъ писывалъ стихи, будучи въ старшихъ классахъ пансіона (чѣмъ братъ Ѳедоръ не занимался). Но на Пушкинѣ они мирились, и оба, кажется, и тогда чуть не всего знали наизусть. Надо припомнить, что Пушкинъ тогда былъ еще современникъ; о немъ, какъ о современномъ поэтѣ, мало говорилось еще съ каѳедры; произве-

денія его еще не заучивались наизусть по требованію преподавателей. Авторитетность Пушкина, какъ поэта, была тогда менѣе авторитетности Жуковскаго, даже между преподавателями словесности,—она была менѣе и во мнѣніи нашихъ родителей, что вызывало неоднократно горячіе протесты со стороны братьевъ, въ особенности брата Ѳедора. Помню, что братья какъ-то одновременно выучили наизусть два стихотворенія: старшій братъ «Графа Габсбургскаго», а братъ Ѳедоръ, какъ бы въ параллель тому, «Смерть Олега». Когда эти стихотворенія были произнесены ими въ присутствіи родителей,—то предпочтеніе было отдано первому, вѣроятно, вслѣдствіе большей авторитетности сочинителя».

Въ 1837 г. Достоевскій, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, былъ вызванъ въ Петербургъ для опредѣленія въ Инженерное училище. Настроеніе его было повышенное, полное радостныхъ ожиданій, какъ онъ впослѣдствіи разсказывалъ въ «Дневникѣ Писателя». «Мы съ братомъ стремились тогда въ новую жизнь... Мы вѣрили чему-то страстно, и хотя мы оба отлично знали все, что требовалось къ экзамену изъ математики, но мечтали мы только о поэзіи и поэтахъ. Братъ писалъ стихи, каждый день стихотворенія по три, и даже дорогой, а я безпрерывно въ умѣ сочинялъ романъ изъ венеціанской жизни. Тогда, всего два мѣсяца передъ тѣмъ, скончался Пушкинъ, и мы дорогой сговаривались съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидѣть ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ». Какъ извѣстно, это преклоненіе передъ Пушкинымъ Достоевскій сохранилъ до конца своей жизни. Послѣ нѣкоторой подготовки въ пансіонѣ К. Ф. Костомарова, Д. сдалъ успѣшно экзамены, и послѣ медицинскаго освидѣтельствованія (по которому онъ былъ признанъ здоровымъ, а вполнѣ здоровый его братъ, Михаилъ — чахоточнымъ), былъ принятъ въ Инженерное училище. Хотя въ научномъ отношеніи это училище и значительно выдѣлялось изъ среды тогдашнихъ военно-учебныхъ заведеній, тѣмъ не менѣе, по своему спеціальному характеру, оно далеко не соотвѣтствовало склонностямъ и вкусамъ Достоевскаго. Изъ его письма къ брату отъ 9 августа 1838 г. видно, что онъ попрежнему болѣе всего увлекается литературой, читаетъ чрезвычайно много: кромѣ Шекспира и Паскаля, которыхъ онъ цитируетъ въ этомъ письмѣ, имъ прочитаны и «весь Гофманъ русскій и нѣмецкій (т. е. непереведенный Котъ Муръ), почти весь Бальзакъ („Бальзакъ великъ! Его характеры — произведенія ума вселенной. Не духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореніемъ своимъ такую развязку въ душѣ человѣка"), Фаустъ Гете и его мелкія стихотворенія, Исторія Полевого, Уголино, Ундина; также Викторъ Гюго, кромѣ Кромвеля и Гернани».

Увлекаясь литературнымъ чтеніемъ, Достоевскій недостаточно внимательно относился къ учебнымъ требованіямъ: ни фрунтовыя занятія, ни математика, ни черченіе его не интересовали, и пришлось горько поплатиться за такое пренебреженіе, хотя въ письмѣ къ брату отъ 31 октября 1838 г. Достоевскій выставляетъ иную причину своей неудачи. «Я не переведенъ! сообщаетъ онъ, о ужасъ! цѣлый годъ лишній. Я бы не бѣсился такъ, ежели бы не зналъ, что подлость, одна подлость низложила меня; я бы не жалѣлъ, ежели бы слезы бѣднаго отца не жгли души моей... Такъ хотѣлъ одинъ преподающій (алгебру), которому я нагрубилъ въ продолженіе года, и который нынче имѣлъ подлость напомнить мнѣ это, объясняя причину, отчего остался я... при 10 полныхъ я имѣлъ $9^1/_2$ среднихъ, и остался». Несмотря на эту неудачу, Достоевскій не падаетъ духомъ и продолжаетъ увлекаться литературой: такъ можно заключить изъ воспоминаній доктора А. Е. Ризенкампфа, который съ нимъ въ это время познакомился. «Онъ продекламировалъ мнѣ, разсказываетъ Ризенкампфъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ стихи: изъ Пушкина «Египетскія ночи» и Жуковскаго «Смальгольмскій баронъ» и др., разсказывалъ о своихъ собственныхъ литературныхъ опытахъ и жалѣлъ только, что заведенная въ училищѣ строгость не позволяла ему отлучаться». При этомъ любопытно описаніе наружности Достоевскаго, которое дѣлаетъ Ризенкампфъ: «довольно кругленькій, полненькій, свѣтлый блондинъ съ лицомъ округленнымъ и слегка вздернутымъ носомъ... Свѣтло-каштановые волосы были коротко острижены, подъ

высокимъ лбомъ и рѣдкими бровями скрывались небольшіе, довольно глубоко лежащіе сѣрые глаза; щеки были блѣдныя, съ веснушками; цвѣтъ лица болѣзненный, землистый, губы толстоватыя. Онъ былъ далеко живѣе, подвижнѣе, горячѣе степеннаго своего брата... Онъ любилъ поэзію страстно, но писалъ только прозою, потому что на обработку формы не хватало у него терпѣнія... Мысли въ его головѣ родились подобно брызгамъ въ водоворотѣ... Природная прекрасная его декламація выходила изъ границъ артистическаго самообладанія».

Въ училищѣ скоро нашлись товарищи, которые сходились съ Достоезскимъ въ его литературныхъ склонностяхъ. Одинъ изъ такихъ товарищей, по сообщенію дежурнаго офицера А. И. Савельева, былъ Ив. Бережецкій. «Наблюдая за молодежью, изучая ее, насколько у меня доставало способностей и усердія, для правильной оцѣнки характера и наклонностей юношей, ввѣренныхъ моему наблюденію, мнѣ, говоритъ Савельевъ, не разъ случалось видѣть, и въ часы классныхъ занятій, и во время прогулокъ (рекреацій) кондукторовъ, Ѳ. М. Достоевскаго или одного или вдвоемъ, но ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ кондукторомъ старшаго класса, Ив. Бережецкимъ. Я никогда не видалъ, чтобы эти молодые люди принимали участіе не только въ нѣкоторыхъ продѣлкахъ товарищей, но и въ общихъ любимыхъ играхъ (напр. *загонки*); никогда они не ходили въ танцкласссъ, бывшій въ ротѣ по вторникамъ и отличавшійся особеннымъ одушевленіемъ. Часто, подъ предлогомъ нездоровья, оставались они или у столика у кровати, занимаясь чтеніемъ, или гуляли вдвоемъ по камерамъ (спальнямъ). Къ сожалѣнію, какъ тогда, такъ и теперь истинное значеніе дружбы этихъ двухъ молодыхъ людей опредѣлить очень трудно». Весьма вѣроятно, что сблизили двухъ друзей литературные вкусы: по крайней мѣрѣ, О. Ѳ. Миллеръ полагалъ, что именно къ Бережецкому относится слѣдующее упоминаніе Достоевскаго въ письмѣ къ брату отъ 1 января 1840 г.: «Я имѣлъ у себя товарища, одно созданье, которое такъ любилъ я. Ты писалъ ко мнѣ, братъ, что я не читалъ Шиллера. Ошибаешься, братъ! Я вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ; и я думаю, что ничего болѣе кстати не сдѣлала судьба въ моей жизни, какъ дала мнѣ узнать великаго поэта въ такую эпоху моей жизни; никогда бы я не могъ его узнать такъ, какъ тогда. Читая *съ нимъ* Шиллера, я повѣрялъ *надъ нимъ* и благороднаго, пламеннаго Донъ-Карлоса, и маркиза Позу, и Мортимера. Эта дружба такъ много принесла мнѣ и горя и наслажденія!» Тѣ же литературные интересы сближали Достоевскаго еще съ однимъ товарищемъ, Шидловскимъ, о которомъ онъ пишетъ брату: «Часто мы съ нимъ просиживали цѣлые вечера, толкуя Богъ знаетъ о чемъ... Въ послѣднее свиданье мы гуляли въ Екатерингофѣ. О, какъ провели мы этотъ вечеръ! Вспоминали нашу зимнюю жизнь, когда мы разговаривали о Гомерѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гофманѣ, о которомъ столько мы говорили, столько читали». Кромѣ этихъ двухъ юношей мы не знаемъ другихъ товарищей Достоевскаго, да и, судя по воспоминаніямъ Савельева, ихъ почти не было. «Достоевскій, какъ передаетъ Савельевъ, очень далеко держалъ себя отъ начальства и старшихъ товарищей, но не чуждался тѣхъ лицъ, которыя, будучи его начальниками, не показывали надъ нимъ своего господства, и особенно былъ ласковъ съ тѣми лицами, которыя по положенію своему въ училищѣ не имѣли ни собственнаго голоса, ни защиты. По мнѣнію нѣкоторыхъ его товарищей, Ѳ. М. Достоевскій казался имъ мистикомъ или идеалистомъ. Онъ безропотно покорялся всѣмъ требованіямъ военной службы, несмотря на то, что не имѣлъ къ ней призванія; отъ природы своеобычный, но не своенравный, онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ натурамъ, которыя не легко мирятся съ идеями и поступками общества, если они не согласны съ ихъ убѣжденіями. Такого рода личности не поддаются никакимъ давленіямъ, хотя бы это упорство имъ стоило дорого».

Такое отстраненіе отъ товарищей объясняется, можетъ быть, усиленной внутренней работой, начинавшимся уже въ это время процессомъ литературнаго творчества: мы знаемъ, что въ 1841 г. Достоевскій читалъ пріѣхавшему въ Петербургъ старшему своему брату отрывки изъ двухъ своихъ драматическихъ произведеній: «Маріи Стюартъ» и «Бориса Годунова». Эти произведенія затеряны, и мы можемъ только предполагать, что созда-

вались они подъ вліяніемъ Шиллера и Пушкина. Въ это время, можетъ быть, уже готовились нѣкоторыя будущія его творенія; по крайней мѣрѣ, по его собственному показанію, тогда писался романъ «Бѣдные люди», начатый еще до поступленія въ Инженерное училище. Интересны сообщенія Савельева объ этихъ литературныхъ занятіяхъ Достоевскаго. «Любимымъ мѣстомъ его занятій, говоритъ Савельевъ, была амбразура окна въ угловой (такъ называемой круглой камерѣ) спальнѣ роты, выходящей на Фонтанку. Въ этомъ изолированномъ отъ другихъ столиковъ мѣстѣ сидѣлъ и занимался Ѳ. М. Достоевскій; случалось нерѣдко, что онъ не замѣчалъ ничего, что кругомъ его дѣлалось; въ извѣстные установленные часы товарищи его строились къ ужину, проходили по круглой камерѣ въ столовую, потомъ съ шумомъ проходили въ рекреаціонную залу, къ молитвѣ, снова расходились по камерамъ; Достоевскій только тогда убиралъ въ столикъ свои книги и тетради, когда проходившій по спальнямъ барабанщикъ, бившій вечернюю зорю, принуждалъ его прекратить свои занятія. Бывало, въ глубокую ночь можно было замѣтить Ѳ. М. сидящимъ у столика за работою. Набросивъ на себя одѣяло сверхъ бѣлья, онъ, казалось, не замѣчалъ, что отъ окна, гдѣ онъ сидѣлъ, сильно дуло; щиты, которые ставились къ рамамъ, нисколько не предохраняли отъ внѣшняго холода, особенно это было чувствительно подлѣ окна, гдѣ Ѳ. М. любилъ заниматься. Нерѣдко на замѣчанія мои, что здоровѣе вставать ранѣе и заниматься въ платьѣ, Ѳ. М. любезно соглашался, складывалъ свои тетради и, повидимому, ложился спать; но проходило немного времени, его можно было видѣть опять въ томъ же нарядѣ, у того же столика, сидящимъ за работою. Привычка заниматься ночью осталась у Ѳ. М. до послѣднихъ дней его жизни. Въ то время нельзя было думать, чтобы предметомъ занятій Ѳ. М. былъ его первый романъ, «Бѣдные люди»; но, зная способности и прилежаніе его въ учебныхъ занятіяхъ, нельзя было предполагать, чтобы Ѳ. М. Достоевскому не доставало времени днемъ для этихъ занятій. Я тогда же допускалъ, что постоянная усидчивая его работа, работа письменная ночью, когда никто ему не мѣшалъ, была литературная и, конечно, не для газеты, издававшейся въ ротѣ, подъ заглавіемъ «Рижскій Снятокъ», а для болѣе серьезнаго предмета. Но какая это была работа, отгадать было трудно; самъ же Ѳ. М. никому объ ней не говорилъ».

Послѣ первыхъ неудачъ, учебныя занятія Достоевскаго шли вполнѣ правильно: 5 августа 1841 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ въ Инженерномъ училищѣ для продолженія полнаго курса наукъ, въ нижнемъ офицерскомъ классѣ, а 11 августа 1842 г. по экзамену произведенъ въ подпоручики съ переводомъ въ верхній офицерскій классъ. Въ это время онъ живетъ уже на своей квартирѣ, на жалованье и на тѣ деньги, которыя высылаетъ ему опекунъ, причемъ изъ-за своей крайней непрактичности находится почти въ бѣдственномъ положеніи, хотя и имѣетъ около 5000 р. ассигнаціями въ годъ. Наконецъ 12 августа 1842 г. Достоевскій окончилъ полный курсъ наукъ въ офицерскомъ классѣ, былъ выпущенъ на службу въ Инженерный корпусъ и зачисленъ при С.-Петербургской инженерной командѣ, съ употребленіемъ при чертежной Инженернаго департамента.

Первые годы по выходѣ изъ училища Достоевскій ведетъ такую же жизнь, какъ и въ 1841—42 годахъ: та же непрактичность, неумѣніе соразмѣрить свои расходы съ наличными средствами, результатомъ чего являются постоянныя увлеченія, та же довѣрчивость по отношенію ко всѣмъ приводятъ къ тому, что Достоевскій буквально иногда не знаетъ, какъ и что ему придется ѣсть; по крайней мѣрѣ докторъ Ризенкампфъ въ сентябрѣ 1843 года засталъ его безъ копейки, кормящимся молокомъ и хлѣбомъ, которые отпускались въ долгъ изъ лавочки. «Ѳедоръ Михайловичъ, говоритъ Ризенкампфъ, принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, около которыхъ живется всѣмъ хорошо, но которыя сами постоянно нуждаются. Его обкрадывали немилосердно, но, при своей довѣрчивости и добротѣ, онъ не хотѣлъ вникать въ дѣло и обличать прислугу и ея приживалокъ, пользовавшихся его безпечностью». Непрактичность Достоевскаго выразилась прежде всего въ наймѣ квартиры: еще будучи въ офицерскихъ классахъ, онъ взялъ огром-

ную квартиру на Владимірской, за 1200 р. ассигнаціями въ годъ, хотя изъ всей квартиры занималъ (и отапливалъ) всего одну комнату. Въ такой же степени разстраивались денежныя дѣла Достоевскаго и разными его увлеченіями, съ одной стороны страстью къ театру, оперѣ, драмѣ и даже балету, а съ другой похожденіями съ разными «Минушками, Кларушками, Маріанами», о которыхъ онъ впослѣдствіи писалъ, что онѣ «похорошѣли донельзя, но стоятъ страшныхъ денегъ». Тягость матеріальной обстановки осложнялась и плохимъ состояніемъ здоровья, на которое не могли не имѣть вліянія разные эксцессы, имъ допускавшіеся: «цвѣтъ лица его, по свидѣтельству Ризенкампфа, былъ какой-то земляной, его постоянно мучилъ сухой кашель, особенно обострявшійся по утрамъ; голосъ его отличался усиленной хрипотой; къ болѣзненнымъ симптомамъ присоединялась еще опухоль подчелюстныхъ железъ. Все это, однако, упорно скрывалось ото всѣхъ, и даже пріятелю-доктору насилу удавалось прописать Ѳ. М. хотя какія-нибудь средства отъ кашля и заставить его хоть нѣсколько умѣреннѣе курить жуковскій табакъ».

Увлеченіе литературнымъ чтеніемъ не ослабѣваетъ и въ это время: кромѣ прежнихъ своихъ любимцевъ, Бальзака, Жоржъ Зандъ и Виктора Гюго, Достоевскій читаетъ Фредерика Сулье, Эмиля Сувестра, Поль-де-Кока; но особенно въ это время онъ интересуется Гоголемъ, такъ что знаетъ наизусть цѣлыя страницы изъ «Мертвыхъ Душъ». Чтеніемъ поддерживается и собственная литературная производительность: въ головѣ Достоевскаго постоянно роятся планы разныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній; какъ видно изъ его переписки за это время, литературныя занятія представлялись ему хорошимъ способомъ поправить свое матеріальное положеніе; и особенно въ этомъ отношеніи кажется ему важнымъ планъ перевода произведеній Шиллера, которыя онъ думаетъ издать вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Михаиломъ. Изъ выполненныхъ за это время (сохранившихся до насъ) работъ Достоевскаго особенно важною представляется переводъ романа Бальзака «Eugénie Grandet», напечатанный вновь послѣ смерти Достоевскаго.

Для осуществленія литературныхъ плановъ необходимы жизненныя наблюденія, и, по свидѣтельству Ризенкампфа, намъ извѣстно, что, интересуясь бѣдными людьми, Достоевскій собираетъ о нихъ свѣдѣнія отъ нѣкоего Келлера. «Это былъ вертлявый, угодливый, почти оборванный нѣмчикъ, по профессіи—коммиссіонеръ, а въ сущности—приживалка. Замѣтивъ беззавѣтное гостепріимство Ѳ. М., онъ сдѣлался одно время ежедневнымъ его посѣтителемъ—къ чаю обѣду и ужину, и Ѳедоръ Михайловичъ терпѣливо выслушивалъ его разсказы о столичныхъ пролетаріяхъ. Нерѣдко онъ записывалъ слышанное, и кое-что изъ келлеровскаго матеріала отразилось потомъ на романахъ «Бѣдные люди», «Двойникъ», «Неточка Незванова» и др.

Въ 1844 г. Достоевскій выходитъ въ отставку, думая (какъ это видно изъ его писемъ) посвятить себя исключительно литературной работѣ, возлагая большія надежды на романъ, который онъ въ это время почти окончилъ. Романъ этотъ — знаменитые «Бѣдные люди», и вотъ какъ разсказывалъ Достоевскій въ 1877 г. объ этомъ своемъ дебютѣ: «Я жилъ въ Петербургѣ, уже годъ какъ вышелъ въ отставку изъ инженеровъ, самъ не зная зачѣмъ, съ самыми неясными и неопредѣленными цѣлями. Былъ май мѣсяцъ сорокъ пятаго года. Въ началѣ зимы я началъ вдругъ «Бѣдныхъ людей», мою первую повѣсть, до тѣхъ поръ еще ничего не писавши (это показаніе противорѣчитъ свидѣтельствамъ Ризенкампфа, Савельева да и самого Достоевскаго). Кончивъ повѣсть, я не зналъ, какъ съ ней быть и кому отдать. Литературныхъ знакомствъ я не имѣлъ совершенно никакихъ, кромѣ развѣ Д. В. Григоровича, но и тотъ самъ еще ничего тогда не написалъ, кромѣ одной маленькой статейки «Петербургскіе шарманщики» въ одинъ сборникъ. Кажется, онъ тогда собирался уѣзжать на лѣто къ себѣ въ дереню, а пока жилъ нѣкоторое время у Некрасова. Зайдя ко мнѣ, онъ сказалъ: «принесите рукопись» (самъ онъ еще не читалъ ее): «Некрасовъ хочетъ къ будущему году сборникъ издать, я ему покажу». Я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ съ своимъ сочиненіемъ, и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ почти ни

слова. Я мало думалъ объ успѣхѣ, а этой партіи «Отечественныхъ Записокъ», какъ говорили тогда, я боялся. Бѣлинскаго я читалъ уже нѣсколько лѣтъ съ увлеченіемъ, но онъ мнѣ казался грознымъ и страшнымъ, и — «Осмѣетъ онъ моихъ «Бѣдныхъ людей»!—думалось мнѣ иногда. Но лишь иногда: писалъ я ихъ со страстью, почти со слезами—«неужто все это, всѣ эти минуты, которыя я пережилъ съ перомъ въ рукахъ надъ этой повѣстью,—все это ложь, миражъ, невѣрное чувство?» Но думалъ я такъ, разумѣется, только минутами, и мнительность немедленно возвращалась. Вечеромъ того же дня, какъ я отдалъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ нимъ о «Мертвыхъ Душахъ» и читали ихъ, въ который разъ не помню... Воротился домой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ днемъ, петербургскую ночь. Стояло прекрасное, теплое время, и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня въ совершенномъ восторгѣ и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но, прочтя десять страницъ, рѣшились прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли уже всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ. «Читаетъ онъ про смерть студента»—передавалъ мнѣ потомъ уже наединѣ Григоровичъ,—«и вдругъ я вижу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ за гробомъ бѣжитъ, у Некрасова голосъ прерывается, разъ и другой, и вдругъ не выдержалъ, стукнулъ ладонью по рукописи: «Ахъ, чтобъ его!» Это про васъ-то, и этакъ мы всю ночь». Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: «Что-жъ такое что спитъ,—мы разбудимъ его, это выше сна!» Потомъ, приглядѣвшись къ характеру Некрасова, я часто удивлялся той минутѣ: характеръ его замкнутый, почти мнительный, осторожный, мало сообщительный... Они пробыли у меня тогда съ полчаса, въ полчаса мы Богъ знаетъ сколько переговорили, съ полслова понимая другъ друга, съ восклицаніями, торопясь: говорили и о поэзіи, и о правдѣ, и о «тогдашнемъ положеніи», разумѣется, и о Гоголѣ, цитируя изъ «Ревизора» и изъ «Мертвыхъ Душъ», но, главное, о Бѣлинскомъ. «Я ему сегодняже снесу вашу повѣсть, и вы увидите,—да вѣдь человѣкъ-то, человѣкъ-то какой! Вотъ вы познакомитесь, увидите, какая это душа»!—восторженно говорилъ Некрасовъ, тряся меня за плечи обѣими руками. «Ну, теперь спите, спите, мы уходимъ, а завтра къ намъ!» Точно я могъ заснуть послѣ нихъ! Какой восторгъ, какой успѣхъ, а главное чувство было дорого, помню ясно: «У иного успѣхъ, ну, хвалятъ, встрѣчаютъ, поздравляютъ, а вѣдь эти прибѣжали со слезами, въ четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ахъ, хорошо!» Вотъ что я думалъ, какой тутъ сонъ! Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день... «Новый Гоголь явился!» закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ «Бѣдными людьми»,—«У васъ Гоголи-то, какъ грибы, растутъ», строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, Бѣлинскій встрѣтилъ его «просто въ волненіи»: «Приведите, приведите его скорѣе!» И вотъ (это, стало быть, уже на третій день) меня привели къ Бѣлинскому. Помню, что на первый взглядъ меня очень поразила его наружность, его носъ, его лобъ; я представлялъ его себѣ почему-то совсѣмъ другимъ,—«этого ужаснаго, этого страшнаго критика». Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно. «Что-жъ, оно такъ и надо», подумалъ я, но не прошло, кажется, и минуты, какъ все преобразилось: важность была не лица, не великаго критика, встрѣчающаго двадцатидвухлѣтняго начинающаго писателя, а, такъ сказать, изъ уваженія его къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ мнѣ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: «Да вы понимаете-ль сами-то, повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ и вскрикивая по своему обыкновенію,—что это вы такое написали!» Онъ вскрикивалъ всегда, когда говорилъ въ сильномъ чувствѣ. «Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать, но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ

указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ это уже понимали. Да вѣдь этотъ вашъ несчастный чиновникъ—вѣдь онъ до того заслужился и до того довелъ себя уже самъ, что даже и несчастнымъ себя не смѣетъ почесть отъ приниженности и почти за вольнодумство почитаетъ малѣйшую жалобу, даже права на несчастье за собой не смѣетъ признать и, когда добрый человѣкъ, его генералъ, даетъ ему эти сто рублей—онъ раздробленъ, уничтоженъ отъ изумленія, что такого, какъ онъ, могъ пожалѣть «Ихъ Превосходительство», не «Его Превосходительство», а «Ихъ Превосходительство», какъ онъ у васъ выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, эта минута цѣлованія генеральской ручки,—да вѣдь тутъ ужъ не сожалѣніе къ этому несчастному, а ужасъ, ужасъ! Въ этой благодарности-то его ужасъ! Это трагедія! Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали. Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертою, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобъ самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно! Вотъ тайна художественности, вотъ правда въ искусствѣ! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!..» Все это онъ тогда говорилъ мнѣ. Все это онъ говорилъ потомъ обо мнѣ и многимъ другимъ... Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей, и весь, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ. «И неужели вправду я такъ великъ», стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ. «О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди, какіе люди! Вотъ гдѣ люди! а заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они, пребуду «вѣренъ»! О, какъ я легкомысленъ, и еслибъ Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А все говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы. Впрочемъ, этихъ людей только и есть въ Россіи, они «одни, но у нихъ однихъ истина, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ, мы побѣдимъ; о, къ нимъ, съ ними! Это была самая восхитительная минута въ моей жизни».

Сопоставляя воспоминанія Достоевскаго съ другими свѣдѣніями о его дебютѣ, мы видимъ, что онъ нисколько не преувеличилъ своего успѣха. Въ своихъ письмахъ къ брату отъ 8 октября и 16 ноября 1845 г. Достоевскій сообщаетъ, что Бѣлинскій совѣтуетъ ему дороже цѣнить свое произведеніе, что Бѣлинскій уже «разгласилъ въ литературномъ мірѣ» о новой его повѣсти, что о «Бѣдныхъ людяхъ» говоритъ полъ-Петербурга», что «Бѣдные люди», еще до появленія въ печати, успѣли «довести его славу до апогея»: «всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Кн. Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ Соллогубъ рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ». Въ частности, относительно перваго впечатлѣнія, произведеннаго на Бѣлинскаго «Бѣдными людьми», мы имѣемъ свидѣтельство П. В. Анненкова. «Въ одно, говоритъ онъ, изъ моихъ посѣщеній Бѣлинскаго, передъ обѣдомъ, когда онъ отдыхалъ отъ утреннихъ писательскихъ работъ, я со двора дома увидѣлъ его у окна гостинной, съ большой тетрадью въ рукахъ и со всѣми признаками волненія. Онъ тоже замѣтилъ меня и прокричалъ: «идите скорѣе, сообщу новость.... Вотъ отъ этой самой рукописи,—продолжалъ онъ, поздоровавшись со мною,—которую вы видите, не могу оторваться второй день. Это—романъ начинающаго таланта: каковъ этотъ господинъ съ виду и каковъ объемъ его мысли—еще не знаю, а романъ открываетъ такія тайны жизни и характеровъ на Руси, которыя до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у насъ соціальнаго романа и сдѣланная притомъ такъ, какъ дѣлаютъ художники, т. е. не подозрѣвая и сами, что у нихъ выходитъ. Дѣло тутъ простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагаютъ, что любить весь міръ есть не-

обычайная пріятность и обязанность для каждаго человѣка. Они ничего и понять не могутъ, когда колесо жизни со всѣми ея порядками, наѣхавъ на нихъ, дробитъ имъ молча члены и кости. Вотъ и все,— а какая драма, какіе типы! Да, я и забылъ вамъ сказать, что художника зовутъ Достоевскій, а образцы его мотивовъ представлю сейчасъ». И Бѣлинскій принялся съ необычайнымъ паѳосомъ читать мѣста, наиболѣе поразившія его, сообщая имъ еще бо́льшую окраску своей интонаціей и нервной передачей». Въ общемъ это показаніе Анненкова совпадаетъ съ сообщеніями Достоевскаго, и, зная, что Анненковъ не принадлежалъ къ числу людей, особенно расположенныхъ къ Достоевскому, нельзя не видѣть большой цѣнности его свидѣтельства.

Обращаясь къ сочиненіямъ Бѣлинскаго, мы найдемъ въ нихъ подтвержденіе приведенныхъ сообщеній. Первый отзывъ Бѣлинскаго о «Бѣдныхъ людяхъ», вышедшихъ въ свѣтъ въ 1846 г. (въ началѣ января) въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Некрасовымъ, находится въ краткой библіографической замѣткѣ по поводу этого сборника; указавъ, что въ «Сборникѣ», кромѣ другого прекраснаго матеріала, напечатаны «Бѣдные люди», и поставивъ ихъ такимъ образомъ на первый планъ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что имя Достоевскаго — «совершенно неизвѣстное и новое, но которому суждено, какъ кажется, играть значительную роль въ нашей литературѣ». Обращая вниманіе читателей на другое произведеніе Достоевскаго, повѣсть «Двойникъ», помѣщенную въ той же 44-ой книгѣ «Отеч. Записокъ» 1846 г., гдѣ находится и цитируемая библіографическая замѣтка, Бѣлинскій рѣшительно заявляетъ, что «такими произведеніями обыкновенные таланты не начинаютъ своего поприща». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой замѣтки Бѣлинскій напечаталъ въ «Отеч. Запискахъ» подробный отзывъ о «Петербургскомъ Сборникѣ», и въ этомъ отзывѣ $^3/_4$ занято разборомъ «Бѣдныхъ людей» и частью «Двойника»: такое предпочтеніе объясняется тѣмъ, что «романъ г. Достоевскаго въ этомъ альманахѣ — первая статья и по мѣсту, и по достоинству». «Слухи о «Бѣдныхъ людяхъ», говоритъ Бѣлинскій, и новомъ, необыкновенномъ талантѣ, готовомъ появиться на аренѣ русской литературы, задолго предупредили появленіе самой повѣсти. Подобнаго обстоятельства никакъ нельзя назвать выгоднымъ для автора. Для людей съ положительнымъ, развитымъ эстетическимъ вкусомъ, все равно быть или не быть предубѣжденными въ пользу или не въ пользу автора: прочитавъ повѣсть, они увидятъ, что это такое; но истинныхъ знатоковъ искусства немного на бѣломъ свѣтѣ, а незнатокъ отъ всего заранѣе расхваленнаго ожидаетъ какого-то чуда совершенства,— и увидя, что это совсѣмъ не то, что все такъ просто, естественно, истинно, вѣрно, онъ разочаровывается, и въ досадѣ уже не видитъ въ произведеніи и того, что болѣе или менѣе ему доступно и что, навѣрное, понравилось бы ему, еслибъ онъ не былъ заранѣе настроенъ искать тутъ какихъ-то волшебныхъ фокусъ-покусовъ. Несмотря на то, успѣхъ «Бѣдныхъ людей» былъ полный. Если бы эту повѣсть приняли всѣ съ безусловными похвалами, съ безусловнымъ восторгомъ, — это служило бы неопровержимымъ доказательствомъ, что въ ней точно есть талантъ, но нѣтъ ничего необыкновеннаго. Такой дебютъ былъ бы жалокъ. Но вышло гораздо лучше: за исключеніемъ людей, рѣшительно лишенныхъ способности понимать поэзію, и за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ-трехъ испугавшихся за себя писакъ, всѣ согласились, что въ этой повѣсти замѣтенъ не совсѣмъ обыкновенный талантъ. Для перваго раза нечего больше и желать. Со временемъ та же повѣсть будетъ казаться иною многимъ изъ тѣхъ, которые сочли преувеличенными предшествовавшіе ея появленію слухи о высокомъ художественномъ ея достоинствѣ. Изъ всѣхъ критиковъ—самый великій, самый геніальный, самый непогрѣшительный—время». Опредѣляя, по своему обыкновенію, то, что онъ называлъ паѳосомъ, особенное свойство автора, Бѣлинскій говоритъ: «Съ перваго взгляда видно, что талантъ г. Достоевскаго не сатирическій, не описательный, но въ высшей степени творческій, и что преобладающій характеръ его таланта — юморъ. Онъ не поражаетъ тѣмъ знаніемъ жизни и сердца человѣческаго, которое дается опытомъ и наблюденіемъ: нѣтъ, онъ знаетъ ихъ, при томъ глубоко знаетъ, но a priori, слѣдовательно чисто

поэтически, творчески. Его знаніе есть талантъ, вдохновеніе. Мы не хотимъ сравнивать его ни съ кѣмъ, потому что такія сравненія вообще отзываются дѣтствомъ и ни къ чему не ведутъ, ничего не объясняютъ. Скажемъ только, что это талантъ необыкновенный и самобытный, который сразу, еще первымъ произведеніемъ своимъ, рѣзко отдѣлился отъ всей толпы нашихъ писателей, болѣе или менѣе обязанныхъ Гоголю направленіемъ и характеромъ, а потому и успѣхомъ своего таланта». Затѣмъ Бѣлинскій пытается опредѣлить отношеніе Достоевскаго къ Гоголю и отмѣчаетъ, что Достоевскій, какъ сильный талантъ, не можетъ быть названъ подражателемъ Гоголя; но все-таки «онъ еще болѣе обязанъ Гоголю, нежели сколько Лермонтовъ обязанъ Пушкину. Во многихъ частностяхъ обоихъ романовъ Достоевскаго («Бѣдныхъ людей» и «Двойника») видно сильное вліяніе Гоголя, даже въ оборотѣ фразы; но со всѣмъ тѣмъ, въ талантѣ Достоевскаго такъ много самостоятельности, что это теперь очевидное вліяніе на него Гоголя, вѣроятно, не будетъ продолжительно и скоро исчезнетъ съ другими, собственно ему принадлежащими недостатками, хотя тѣмъ не менѣе Гоголь навсегда останется, такъ сказать, его отцомъ по творчеству. Продолжая эту риторическую фигуру сравненія, прибавимъ, что тутъ нѣтъ никакого даже намека на подражательность: сынъ, живя своею собственною жизнію и мыслію, тѣмъ не менѣе все-таки обязанъ своимъ существованіемъ отцу. Какъ бы ни великолѣпно и ни роскошно развился впослѣдствіи талантъ Достоевскаго, Гоголь навсегда останется Коломбомъ той неизмѣрной и неистощимой области творчества, въ которой долженъ подвизаться Достоевскій. Пока еще трудно опредѣлить рѣшительно, въ чемъ заключается особенность, такъ сказать, индивидуальность и личность таланта Достоевскаго, но что онъ имѣетъ все это, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Судя по «Бѣднымъ людямъ», мы заключили было, что глубоко-человѣчественный и патетическій элементъ, въ сліяніи съ юмористическимъ, составляетъ особенную черту въ характерѣ его таланта; но, прочтя «Двойника», мы увидѣли, что подобное заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно. Правда, только нравственно-слѣпые и глухіе не могутъ не видѣть и не слышать въ «Двойникѣ» глубоко-патетическаго, глубоко-трагическаго колорита и тона; но, во-первыхъ, этотъ колоритъ и тонъ въ «Двойникѣ» спрятались, такъ сказать, за юморъ, замаскировались имъ, какъ въ «Запискахъ Сумасшедшаго» Гоголя... Вообще, талантъ Достоевскаго, при всей его огромности, еще такъ молодъ, что не можетъ высказаться и высказаться опредѣленно». Далѣе Бѣлинскій отмѣчаетъ гуманную идею произведеній Достоевскаго, указываетъ на силу трагическаго элемента въ его произведеніяхъ и на простоту фабулы «Бѣдныхъ людей», считая эту простоту отличительной чертой таланта Достоевскаго. Отзывъ о «Бѣдныхъ людяхъ» заканчивается прямо восторженною фразою: «мы не будемъ больше указывать на превосходныя частности этого романа: легче перечесть весь романъ, нежели пересчитать все, что въ немъ превосходнаго, потому что онъ весь, въ цѣломъ—превосходенъ». Столь же благопріятенъ въ этой статьѣ отзывъ о «Двойникѣ»: «знатоки искусства, даже и нѣсколько утомляясь чтеніемъ «Двойника», все-таки не оторвутся отъ этого романа, не дочитавъ его до послѣдней строки; но, во-первыхъ, и они, дорожа и любуясь каждымъ словомъ, каждымъ отдѣльнымъ мѣстомъ романа, все-таки чувствуютъ утомленіе; во-вторыхъ, истинно большой талантъ также долженъ писать не для однихъ знатоковъ, какъ и не для одной толпы, но для всѣхъ. Что же касается до толковъ большинства, что «Двойникъ» — плохая повѣсть, что слухи о необыкновенномъ талантѣ его автора преувеличены и т. п.—объ этомъ Достоевскому нечего заботиться: его талантъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много, въ продолженіе его поприща, явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы».

Послѣ двухъ приведенныхъ отзывовъ, Бѣлинскій обращается къ произведеніямъ Достоевскаго еще разъ въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года», и здѣсь его хвалебныя сужденія сопровождаются существенными ограниченіями. «Сила, глубина и ориги-

нальность таланта г. Достоевскаго, говоритъ Бѣлинскій, была признана тотчасъ же всѣми, и—что еще важнѣе—публика тотчасъ же обнаружила ту неумѣренную требовательность въ отношеніи таланта г. Достоевскаго и ту неумѣренную нетерпимость къ его недостаткамъ, которыя имѣетъ свойство возбуждать только сильный талантъ. Почти всѣ единогласно нашли въ «Бѣдныхъ людяхъ» г. Достоевскаго способность утомлять читателя, даже восхищая его, и приписали это свойство, одни—растянутости, другіе—неумѣренной плодовитости. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что если бы «Бѣдные люди» явились хотя десятою долею въ меньшемъ объемѣ, и авторъ имѣлъ бы предусмотрительность поочистить ихъ отъ излишнихъ повтореній однихъ и тѣхъ же фразъ и словъ,—это произведеніе явилось бы безукоризненно-художественнымъ. Во второй книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» г. Достоевскій вышелъ на судъ заинтересованной имъ публики со вторымъ своимъ романомъ. Хотя первый дебютъ молодого писателя уже достаточно угладилъ ему дорогу къ успѣху, однако должно сознаться, что «Двойникъ» не имѣлъ никакого успѣха въ публикѣ. Если еще нельзя на этомъ основаніи осудить второе произведеніе г. Достоевскаго, какъ неудачное и, еще менѣе, какъ не имѣющее никакихъ достоинствъ,—то нельзя также и признать суда публики неосновательнымъ. Въ «Двойникѣ» авторъ обнаружилъ огромную силу творчества, характеръ героя концепированъ глубоко и смѣло, ума и истины въ этомъ произведеніи много, художественнаго мастерства тоже; но вмѣстѣ съ этимъ тутъ видно страшное неумѣнье владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ «Бѣдныхъ людяхъ» было извинительными для перваго опыта недостатками, въ «Двойникѣ» явилось чудовищными недостатками, и это все заключается въ одномъ: въ неумѣньѣ богатаго силами таланта опредѣлять разумную мѣру и границы художественному развитію задуманной имъ идеи.... Мы убѣждены, что если бы г. Достоевскій укоротилъ своего «Двойника» по крайней мѣрѣ цѣлой третью, повѣсть его могла бы имѣть успѣхъ. Но въ ней есть еще и другой существенный недостатокъ: это ея фантастическій колоритъ. Фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ «Двойникъ» оцѣнили только немногіе диллетанты искусства, для которыхъ литературныя произведенія составляютъ предметъ не одного наслажденія, но и изученія; публика же состоитъ не изъ диллетантовъ, а изъ обыкновенныхъ читателей, которые читаютъ только то, что имъ непосредственно нравится, не разсуждая, почему имъ это нравится, и тотчасъ закрываютъ книгу, какъ скоро она начинаетъ ихъ утомлять, тоже не давая себѣ отчета, почему она имъ не по вкусу. Произведеніе, которое нравится знатокамъ и не нравится большинству, можетъ имѣть свои достоинства, но истинно хорошее произведеніе есть то, которое нравится обѣимъ сторонамъ, или, по крайней мѣрѣ, нравясь первой, читается и второю; Гоголь не всѣмъ нравился, да прочли-то его всѣ»...

Если, говоря объ этихъ двухъ произведеніяхъ начинающаго писателя, Бѣлинскій все же держится на нихъ прежняго своего взгляда, то по отношенію къ новой повѣсти Достоевскаго—«Господинъ Прохарчинъ», онъ высказываетъ рѣзко-отрицательное сужденіе. Эта повѣсть, говоритъ онъ, «всѣхъ почитателей таланта г. Достоевскаго привела въ непріятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ искры таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ разсмотрѣть читателю... Не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то вродѣ... какъ бы это сказать?—не то умничанья, не то претензіи... иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною, болѣе похожею на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе. Въ искусствѣ не должно быть ничего темнаго и непонятнаго; его произведенія тѣмъ и выше такъ называемыхъ «истинныхъ происшествій», что поэтъ освѣщаетъ пламенникомъ своей фантазіи всѣ сердечные изгибы своихъ героевъ, всѣ тайныя причины ихъ дѣйствій, снимаетъ съ разсказываемаго имъ событія все случайное, представляя нашимъ глазамъ одно необходимое, какъ неизбѣжный результатъ достаточной причины. Мы не говоримъ

уже о замашкѣ автора часто повторять какое-нибудь особенно удавшееся ему выраженіе (какъ, напримѣръ, «Прохарчинъ мудрецъ!»), и тѣмъ ослаблять силу его впечатлѣнія: это недостатокъ второстепенный и, главное, поправимый. Замѣтимъ мимоходомъ, что у Гоголя нѣтъ такихъ повтореній. Конечно, мы не въ правѣ требовать отъ произведенія г. Достоевскаго совершенства произведеній Гоголя; но тѣмъ не менѣе думаемъ, что большому таланту весьма полезно пользоваться примѣромъ еще бо́льшаго».

Еще разъ возвратился Бѣлинскій къ «Бѣднымъ людямъ» въ 1848 г. въ библіографической замѣткѣ, помѣщенной въ «Современникѣ». «Появленіе этого романа, говорилъ онъ (по поводу отдѣльнаго изданія «Бѣдныхъ людей»), было шумнымъ событіемъ въ нашей литературѣ. Раздались громкія похвалы и громкія порицанія, начался споръ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имя г. Достоевскаго одно занимало наши журналы. Это движеніе доказывало, что дѣло идетъ о произведеніи и талантѣ, выходящихъ изъ ряду обыкновенныхъ явленій. Г. Достоевскій недавно напечаталъ свой новый романъ «Хозяйка», который не возбудилъ никакого шума и прошелъ въ страшной тишинѣ. Шумъ, конечно, не всегда одно и то же со славою, но безъ шуму нѣтъ славы. «Бѣдные люди» доставили своему автору громкую извѣстность, подали высокое понятіе о его талантѣ и возбудили большія надежды—увы!—до сихъ поръ не сбывающіяся. Это однако-жъ не мѣшаетъ «Бѣднымъ людямъ» быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Романъ этотъ носитъ на себѣ всѣ признаки перваго, живого, задушевнаго, страстнаго произведенія. Отсюда его многословность и растянутость, иногда утомляющія читателя, нѣкоторое однообразіе въ способѣ выражаться, частыя повторенія фразъ въ любимыхъ авторомъ оборотахъ, мѣстами недостатокъ въ обработкѣ, мѣстами излишество въ отдѣлкѣ, несоразмѣрность въ частяхъ. Но все это выкупается поразительною истиною въ изображеніи дѣйствительности, мастерскою обрисовкою характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ, и—что, по нашему мнѣнію, составляетъ главную силу таланта г. Достоевскаго, его оригинальность,—глубокимъ пониманіемъ и художественнымъ, въ полномъ смыслѣ слова, воспроизведеніемъ трагической стороны жизни. Въ «Бѣдныхъ людяхъ» много картинъ, глубоко потрясающихъ душу. Правда, авторъ подготовляетъ своего читателя къ этимъ картинамъ немножко тяжеловато. Вообще, легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что много вредитъ ему. Но зато самыя эти картины, когда дойдешь до нихъ—мастерскія художественныя произведенія, запечатлѣнныя глубиною взгляда и силою исполненія. Ихъ впечатлѣніе рѣшительно и могущественно: ихъ никогда не забудешь»... Тонъ этой замѣтки далеко не походитъ на прежніе отзывы Бѣлинскаго: здѣсь критикъ очень много останавливается на недостаткахъ Достоевскаго, тогда какъ ранѣе онъ ихъ почти совсѣмъ не замѣчалъ, или же считалъ прямо ничтожными. Характерно здѣсь также упоминаніе о «Хозяйкѣ». Объ этой повѣсти Бѣлинскій далъ уничтожающій отзывъ въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1847 года»: иронически передавъ содержаніе повѣсти, Бѣлинскій назвалъ ее «странною вещью, непонятною вещью» и заявилъ, что о ней не стоило бы говорить ни слова, если бы было «подъ нею подписано какое-нибудь неизвѣстное имя».

Рядомъ съ этимъ измѣненіемъ отзывовъ Бѣлинскаго о произведеніяхъ Достоевскаго шло измѣненіе личныхъ отношеній критика и писателя: прежній восторгъ съ обѣихъ сторонъ смѣняется враждебностью, доходящею особенно у Достоевскаго до крайности. Григоровичъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ, что сперва вредное вліяніе на Достоевскаго имѣли неумѣренныя похвалы Бѣлинскаго и его друзей, а затѣмъ еще тягостнѣе отозвались на немъ новыя отношенія къ нему тѣхъ же людей. «Неожиданность перехода отъ поклоненія и возвышенія автора «Бѣдныхъ людей» чуть не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени». Въ этомъ отстраненіи Достоевскаго отъ Бѣлинскаго и его кружка

главнымъ мотивомъ было его оскорбленное писательское самолюбіе, хотя впослѣдствіи Достоевскій указывалъ и другія причины: враждебно отзываясь о Бѣлинскомъ, онъ говорилъ, что не можетъ простить ему того, что онъ „ругалъ Христа“, такъ что разладъ свой съ Бѣлинскимъ онъ объяснялъ принципіальнымъ несогласіемъ съ атеистическими и соціалистическими взглядами, которыми проникнуто было міросозерцаніе Бѣлинскаго въ послѣдніе годы его жизни. Не говоря однако о томъ, что не всѣ послѣдующіе отзывы Достоевскаго о Бѣлинскомъ могутъ считаться фактически-достовѣрными, надо признать это указаніе на мотивъ размолвки тоже неправильнымъ: если въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и было разногласіе между Бѣлинскимъ и Достоевскимъ, то въ соціалистическихъ тенденціяхъ они оба сходились. Быть можетъ, впервые идеи соціализма были восприняты Достоевскимъ именно отъ Бѣлинскаго; но какъ бы то ни было, эти годы въ жизни Достоевскаго были временемъ увлеченія соціализмомъ, который развивался въ кружкѣ Петрашевскаго. Въ своемъ соціализмѣ Достоевскій примыкалъ болѣе всего къ Жоржъ Зандъ, о которой онъ давалъ такой отзывъ: «Она основывала свой соціализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и къ чистотѣ, а не на муравьиной необходимости». Этотъ «христіанскій соціализмъ» Достоевскаго былъ скорѣе простымъ сочувствіемъ людямъ, угнетеннымъ судьбою, и косвенно выражался даже въ его сочиненіяхъ за это время: его можно видѣть даже въ «Бѣдныхъ людяхъ», въ признаніи одинаковаго со всѣми человѣческаго достоинства въ такихъ по внѣшности униженныхъ личностяхъ, какъ Дѣвушкинъ. То же сочувствіе къ обиженнымъ судьбою людямъ проявляется Достоевскимъ и въ другихъ, немногочисленныхъ его сочиненіяхъ этой поры—и въ «Двойникѣ», и въ «Хозяйкѣ», и въ повѣстяхъ «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣлыя ночи» и «Неточка Незванова», изъ которыхъ послѣдняя осталась неоконченною. Хотя эти повѣсти и значительно слабѣе «Бѣдныхъ людей», однако и въ нихъ видно гуманное міровоззрѣніе автора и его глубокій психологическій анализъ.

Но литературной дѣятельности Достоевскаго суждено было оборваться. 23 апрѣля 1849 г. всѣ члены кружка Петрашевскаго были арестованы, и въ числѣ ихъ былъ и Достоевскій, посѣщавшій постоянно пятничныя собранія Петрашевскаго. «Соціалисты произошли отъ петрашевцевъ. Петрашевцы посѣяли много сѣмянъ» — диктовалъ впослѣдствіи своей женѣ Достоевскій, указывая на значеніе петрашевцевъ, какъ первыхъ въ Россіи пропагандистовъ соціализма. Говоря о вліяніи на русское юношество «предводителей европейской прогрессивной мысли», Достоевскій упоминалъ о «русской сторонѣ ихъ ученій», которая «состоитъ въ тѣхъ выводахъ изъ ученій этихъ, въ видѣ несокрушимѣйшихъ аксіомъ, которыя дѣлаются только въ Россіи». Самъ Достоевскій, какъ видно изъ показаній его собственныхъ и его соучастниковъ, интересовался болѣе всего этою «русскою стороной» увлеченій петрашевцевъ, а именно вопросомъ объ упраздненіи крѣпостного права. Освобожденіе крестьянъ, по его мнѣнію, должно было произойти «по манію царя», согласно извѣстнымъ стихамъ Пушкина, хотя однажды, въ пылу спора, онъ призналъ правильность возстанія съ цѣлью этого освобожденія. Вообще Достоевскій принималъ, вѣроятно, участіе въ разсужденіяхъ кружка о недостаткахъ русскаго государственнаго строя: этимъ объясняется, почему онъ читалъ въ одномъ изъ собраній извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу «Переписки съ друзьями». Къ соціалистическимъ увлеченіямъ кружка Достоевскій относился нѣсколько критически, настаивая на томъ, что «всѣ эти теоріи не имѣютъ для насъ никакого значенія; что въ общинѣ, въ артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы»; говорилъ, что «жизнь въ Икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему противнѣе всякой каторги». Въ докладѣ слѣдственной коммиссіи обвиненіе противъ Достоевскаго (кромѣ указанія на посѣщеніе собраній у Петрашевскаго) формулировано такимъ образомъ: «принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры и на одномъ собраніи въ мартѣ 1849 г. прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго

къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копіи Момбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію, у Спѣшнева слышалъ чтеніе «Солдатской бесѣды», составленной Григорьевымъ».

Послѣ перваго допроса въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Достоевскій былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, на Алексѣевскій равелинъ. Заключеніе продолжалось 8 мѣсяцевъ, изъ которыхъ въ «первые два онъ ничего не дѣлалъ, а въ остальные ему давали читать книги больше духовнаго содержанія и позволяли писать. Выпускали гулять на $^1/_4$ часа на маленькомъ дворикѣ, одного, безъ товарищей, но подъ конвоемъ. Сношенія съ товарищемъ, сосѣдомъ по заключенію, происходили при помощи постукиванія». О настроеніи своемъ Достоевскій припоминалъ, что «по складу его ума, сердца и характера ему было ясно, что если *ихъ* взяла, то дѣлать нечего и слѣдуетъ нести наказаніе. Къ тому же вѣдь правительство съ своей точки зрѣнія было право». Изъ крѣпости Достоевскій послалъ брату три письма (18 іюля, 27 августа и 14 сентября). Въ первомъ онъ говоритъ о своемъ настроеніи и времяпрепровожденіи слѣдующее: «Я не унываю; конечно, скучно и тошно, да что же дѣлать! Впрочемъ, не всегда и скучно. Вообще мое время идетъ чрезвычайно неровно, — то слишкомъ скоро, то тянется. Другой разъ даже чувствуешь, какъ будто уже привыкъ къ такой жизни и что все равно. Я, конечно, гоню всѣ соблазны отъ воображенія, но другой разъ съ нимъ не справишься, и прежняя жизнь такъ и ломится въ душу съ прежними впечатлѣніями, и прошлое переживаеся снова. Да, впрочемъ, это въ порядкѣ вещей. Теперь ясные дни, большею частію по крайней мѣрѣ, и немножко веселѣе стало. Но ненастные дни невыносимы, казематъ смотритъ суровѣе. У меня есть и занятія. Я времени даромъ не потерялъ: выдумалъ три повѣсти и два романа; одинъ изъ нихъ пишу теперь, но боюсь работать много. Эта работа, особенно, если она дѣлается съ охотою (а я никогда не работалъ такъ con amore, какъ теперь), всегда изнуряла меня, дѣйствуя на нервы. Когда я работалъ на свободѣ, мнѣ нужно было безпрерывно прерывать себя развлеченіями, а здѣсь волненіе послѣ письма должно проходить само собою». Романъ, о которомъ говоритъ здѣсь Достоевскій, былъ собственно повѣсть «Маленькій герой», напечатанная только въ 1857 г. Несмотря на то, что «писать можно было только самое невинное», въ этой повѣсти можно найти нѣкоторый отголосокъ переживавшагося тогда Достоевскимъ: въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ, въ М. М., видны нѣкоторыя черты, крайне антипатичныя, но нѣсколько напоминающія Петрашевскаго. «Прежде всего, говоритъ о немъ Достоевскій, это былъ европеецъ, человѣкъ современный, съ обращиками новыхъ идей, тщеславящійся новыми идеями... Называли его *умнымъ человѣкомъ*. Такъ въ иныхъ кружкахъ называютъ одну особую породу растолстѣвшаго на чужой счетъ человѣчества, которая ровно ничего не дѣлаетъ, которая ровно ничего не хочетъ дѣлать, и у которой отъ вѣчной лѣности и ничегонедѣланія вмѣсто сердца кусокъ жира. Отъ нихъ же поминутно слышишь, что имъ нечего дѣлать вслѣдствіе какихъ-то очень запутанныхъ, враждебныхъ обстоятельствъ, которыя «утомляютъ ихъ геній», и что на нихъ поэтому «грустно смотрѣть». Это ужъ у нихъ такая пышная фраза, ихъ mot d'ordre, ихъ пароль и лозунгъ, фраза, которую они расточаютъ вездѣ поминутно, что уже давно начинаетъ надоѣдать, какъ отъявленное тартюфство и пустое слово. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ забавниковъ, никакъ не могущихъ найти, что имъ дѣлать,—чего, впрочемъ, никогда и не искали они,—именно на то мѣтятъ, чтобъ всѣ думали, что у нихъ вмѣсто сердца не жиръ, а, напротивъ, говоря вообще, что-то *очень глубокое*, но что именно—объ этомъ не сказалъ бы ничего самый первѣйшій хирургъ, конечно, изъ учтивости. Эти господа тѣмъ и пробиваются на свѣтѣ, что устремляютъ всѣ свои инстинкты на грубое зубоскальство, самое близорукое осужденіе и безмѣрную гордость. Такъ какъ имъ нечего больше дѣлать, какъ подмѣчать и затверживать чужія ошибки и слабости, и такъ какъ въ нихъ добраго чувства ровнешенько на столько, сколько дано въ удѣлъ устрицѣ, то имъ и не трудно, при такихъ предохранительныхъ средствахъ, прожить съ людьми довольно осмотрительно... Вся природа, весь

міръ для нихъ не болѣе, какъ одно великолѣпное зеркало, которое и создано для того, чтобъ мой божокъ безпрерывно въ него на себя любовался и изъ-за себя никого и ничего не видѣлъ; послѣ этого и немудрено, что все на свѣтѣ видитъ онъ въ безобразномъ видѣ. На все у нихъ припасена готовая фраза и—что, однако-же, верхъ ловкости съ ихъ стороны—самая модная фраза. Даже они-то и способствуютъ этой модѣ, голословно распространяя по всѣмъ перекресткамъ ту мысль, которой почуютъ успѣхъ. Именно у нихъ есть чутье, чтобъ пронюхать такую модную фразу и раньше другихъ усвоить ее себѣ, такъ что какъ будто она отъ нихъ и пошла. Особенно же запасаются они своими фразами на изъявленіе своей глубочайшей симпатіи къ человѣчеству, на опредѣленіе, что такое самая правильная и оправданная разсудкомъ филантропія, и наконецъ, чтобъ безостановочно карать романтизмъ, то есть зачастую все прекрасное и истинное, каждый атомъ котораго дороже всей ихъ слизняковой породы... Итогъ всему выйдетъ, что мой герой есть не болѣе не менѣе, какъ исполинскій, до-нельзя раздутый мѣшокъ, полный сентенцій, модныхъ фразъ и ярлыковъ всѣхъ родовъ и сортовъ».

Переданное въ генералъ-аудиторіатъ, дѣло было рѣшено 13 ноября 1849 г., и Достоевскій «за участіе въ преступныхъ замыслахъ, за распространеніе письма литератора Бѣлинскаго, полнаго дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти, и за покушеніе, вмѣстѣ съ прочими, къ распространенію сочиненій противъ правительства посредствомъ домашней литографіи», былъ приговоренъ къ восьмилѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Государь противъ этого приговора написалъ: «на четыре года, а потомъ рядовымъ». Впослѣдствіи эту милость государя Достоевскій объяснялъ такимъ образомъ: «приговоръ этотъ былъ по формѣ своей первымъ еще случаемъ въ Россіи, ибо всякій, приговоренный въ Россіи въ каторгу, теряетъ гражданскія права навѣки, хотя бы и окончилъ свой срокъ каторги (такъ оно и выходило по рѣшенію генералъ-аудиторіата). Достоевскому же назначалось, по отбытіи срока каторги, поступить въ солдаты. Впослѣдствіи подобныя помилованія случались не разъ, но тогда это былъ первый случай и произошелъ по волѣ императора Николая I, пожалѣвшаго въ Достоевскомъ его молодость и талантъ». Однако приговоръ никому изъ осужденныхъ петрашевцевъ извѣстенъ не былъ до 22 декабря. Въ этотъ день они были приведены на Семеновскій плацъ, гдѣ имъ былъ прочитанъ приговоръ, по которому всѣмъ назначалась смертная казнь черезъ разстрѣляніе, и уже трое были привязаны къ столбу, какъ казнь была остановлена. Въ тотъ же день Достоевскій писалъ объ этомъ брату: «Сегодня, 22 декабря, насъ отвезли на Семеновскій плацъ. Тамъ всѣмъ намъ прочли смертный приговоръ, дали приложиться къ кресту, переломили надъ головою шпаги и устроили намъ предсмертный туалетъ (бѣлыя рубахи). Затѣмъ трехъ поставили къ столбу для исполненія казни. Я стоялъ шестымъ, вызывали по трое, слѣдовательно, я былъ во второй очереди и жить мнѣ оставалось не болѣе минуты. Я вспомнилъ тебя, братъ, всѣхъ твоихъ; въ послѣднюю минуту ты, только одинъ ты, былъ въ умѣ моемъ, я тутъ только узналъ, какъ люблю тебя, братъ мой милый! Я успѣлъ тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься съ ними. Наконецъ ударили отбой, привязанныхъ къ столбу привели назадъ и намъ прочли, что Его Императорское Величество даруетъ намъ жизнь. Затѣмъ послѣдовали настоящіе приговоры». Въ спокойномъ тонѣ этого письма совсѣмъ не замѣчается тѣхъ душевныхъ волненій, которыя пережили Достоевскій и его товарищи; а волненія были такъ сильны, что Достоевскій никогда не могъ ихъ забыть. Вотъ какъ описывалъ онъ свое настроеніе духа въ «Дневникѣ Писателя» 1873 г.: «Мы, петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Безъ сомнѣнія, я не могу свидѣтельствовать обо всѣхъ, но думаю, что не ошибусь, сказавъ, что тогда, въ ту минуту, если не всякій, то по крайней мѣрѣ чрезвычайное большинство изъ насъ почло бы за безчестье отрекаться отъ своихъ убѣжденій... Приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, прочтенный намъ всѣмъ предварительно, прочтенъ былъ вовсе не въ шутку; почти всѣ приговоренные были увѣрены, что онъ будетъ исполненъ, и вынесли по крайней

мѣрѣ десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь въ себя и провѣряя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь, — можетъ быть, и раскаивались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ (изъ тѣхъ, которыя у каждаго человѣка всю жизнь лежатъ въ тайнѣ на совѣсти); но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ—представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится». Впечатлѣніе этой экзекуціи на Семеновскомъ плацу было до такой степени сильно, что Достоевскій никогда не могъ его забыть и даже представилъ замѣчательно-рельефное его изображеніе въ «Идіотѣ». Герой этого романа, князь Мышкинъ разсказываетъ объ одной своей встрѣчѣ съ человѣкомъ, съ которымъ произошелъ случай, что «очень рѣдко бываетъ». «Этотъ человѣкъ былъ разъ взведенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочитанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, за политическое преступленіе. Минутъ черезъ двадцать прочтено было и помилованіе, и назначена другая степень наказанія; но однако же въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ, или по крайней мѣрѣ четверть часа, онъ прожилъ подъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ умретъ... Онъ помнилъ все съ необыкновенною ясностью и говорилъ, что никогда ничего изъ этихъ минутъ не забудетъ. Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ Троихъ первыхъ повели къ столбамъ, привязали, надѣли на нихъ смертный костюмъ (бѣлые, длинные балахоны), а на глаза надвинули имъ бѣлые колпаки, чтобы не видно было ружей; затѣмъ противъ каждаго столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Мой знакомый стоялъ восьмымъ по очереди, стало быть, ему приходилось идти къ столбамъ въ третью очередь. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выходило, что остается жить минутъ пять, не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ; ему казалось, что въ эти пять минутъ онъ проживетъ столько жизней, что еще сейчасъ нечего и думать о послѣднемъ мгновеніи, такъ что онъ еще распоряженія разныя сдѣлалъ: разсчиталъ время, чтобы проститься съ товарищами, на это положилъ минуты двѣ, потомъ двѣ минуты еще положилъ, чтобы подумать въ послѣдній разъ про себя, а потомъ, чтобъ въ послѣдній разъ кругомъ поглядѣть. Онъ очень хорошо помнилъ, что сдѣлалъ именно эти три распоряженія и именно такъ разсчиталъ. Онъ умиралъ двадцати семи лѣтъ, здоровый и сильный; прощаясь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно посторонній вопросъ и даже очень интересовался отвѣтомъ. Потомъ, когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ, чтобы *думать про себя*; онъ зналъ заранѣе, о чемъ онъ будетъ думать: ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ же это такъ: онъ теперь есть и живетъ, а черезъ три минуты будетъ уже *нѣчто*, кто-то или что-то,— такъ кто же? Гдѣ же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить! Невдалекѣ была церковь, и вершина собора съ вызолоченною крышею сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе; оторваться не могъ онъ отъ лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ черезъ три минуты какъ-нибудь сольется съ ними... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого новаго, которое будетъ и сейчасъ наступитъ, были ужасны; но онъ говорилъ, что ничего не было для него въ это время тяжеле, какъ безпрерывная мысль: «Что если бы не умирать? Что если бы воротить жизнь,—какая безконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту въ цѣлый вѣкъ обратилъ, ничего бы не потерялъ, каждую бы минуту счетомъ отсчитывалъ, ужъ ничего бы даромъ не потратилъ!» Онъ говорилъ, что эта мысль у него, наконецъ, въ такую злобу переродилась, что ему ужъ хотѣлось, чтобъ его поскорѣй застрѣлили!»

Черезъ два дня послѣ экзекуціи на Семеновскомъ плацу, Достоевскій былъ отправленъ въ Сибирь. До Тобольска его везли,

а изъ этого города, заковавъ въ кандалы, отправили съ партіей арестантовъ пѣшкомъ. Въ Тобольскѣ его ждала встрѣча, о которой онъ впослѣдствіи вспоминалъ съ благодарностью. «Когда мы, въ ожиданіи дальнѣйшей участи, сидѣли въ острогѣ на пересыльномъ дворѣ, жены декабристовъ умолили смотрителя острога и устроили въ квартирѣ его свиданіе съ нами... Свиданіе продолжалось часъ. Онѣ благословили насъ въ новый путь, перекрестили и каждаго обдѣлили евангеліемъ—единственная книга, позволенная въ острогѣ. Четыре года пролежала она подъ моей подушкой въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда и читалъ другимъ. По ней выучилъ читать одного каторжнаго». Свое пребываніе на каторгѣ Достоевскій художественно изобразилъ въ «Запискахъ изъ мертваго дома», и хотя въ этомъ произведеніи правда соединяется съ художественнымъ вымысломъ, въ немъ есть черты, относящіяся лично къ Достоевскому. Таковъ, напримѣръ, его отзывъ о первыхъ впечатлѣніяхъ каторги: «Помню ясно, говоритъ онъ, что съ перваго шагу въ этой жизни поразило меня то, что я какъ будто не нашелъ въ ней ничего особеннаго, поражающаго, необыкновеннаго, или, лучше сказать, неожиданнаго... мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой... Самая работа показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы—не столько въ трудности и безпрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, изъ-подъ палки». Достоевскій былъ включенъ во второй разрядъ, въ крѣпостяхъ, подъ военнымъ начальствомъ, разрядъ, который арестанты считали особенно тяжелымъ. «Тяжелъ онъ былъ не только для дворянъ, но и для всѣхъ арестантовъ, именно потому, что начальство и устройство этого разряда—все военное, очень похожее на арестантскія роты въ Россіи. Военное начальство строже, порядки тѣснѣе, всегда въ цѣпяхъ, всегда подъ конвоемъ, всегда подъ замкомъ; а этого нѣтъ въ такой силѣ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили всѣ наши арестанты, а между ними были знатоки дѣла». Что касается работъ, то Достоевскій признаетъ, что онъ чувствовалъ, что онѣ могутъ «спасти» его, «укрѣпить его здоровье, тѣло». «Постоянное душевное безпокойство, нервическое раздраженіе, спертый воздухъ казармы могли бы разрушить меня совершенно. Чаще быть на воздухѣ, каждый день уставать, пріучаться носить тяжести—и, по крайней мѣрѣ, я спасу себя,—думалъ я—укрѣплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, не старый. Я не ошибся: работа и движеніе были мнѣ очень полезны... Зато и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго язвили они меня презрѣніемъ и насмѣшками». Достоевскій упоминаетъ о трехъ родахъ работъ, которыя ему поручались и которыя онъ уже любилъ: это были обжиганіе и толченіе алебастра, верченіе точильнаго колеса и разгребаніе снѣга. Тяжелою стороною каторги было отношеніе товарищей, такъ какъ въ немъ Достоевскій видѣлъ къ себѣ нерасположеніе какъ къ дворянину, и тотъ образъ, который представленъ Некрасовымъ въ поэмѣ «Несчастные», подъ именемъ «Крота», совсѣмъ не подходитъ къ Достоевскому, хотя Некрасовъ въ этомъ лицѣ имѣлъ въ виду именно изобразить вліяніе Достоевскаго на каторжниковъ: этого вліянія быть не могло, потому что каторжники чуждались Достоевскаго. «Мнѣ надо было, разсказываетъ онъ, почти два года прожить въ острогѣ, чтобы пріобрѣсть расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ». Каковы были отношенія къ Достоевскому острожнаго начальства, неизвѣстно. Правда, ходили слухи о жестокомъ съ нимъ обращеніи, бывшемъ будто-бы причиною появленія у него эпилепсіи. Самъ Достоевскій никогда не говорилъ объ этомъ, а болѣзнь его могла развиться вообще отъ тяжелой обстановки, его окружавшей на каторгѣ, тѣмъ болѣе, что еще до ссылки въ Сибирь, по указанію доктора Яновскаго, Достоевскій страдалъ какою-то болѣзнью, которая «имѣла уже несомнѣнные признаки падучей, и по временамъ въ такой сильной степени, что угрожала серьезной опасностью жизни».

Четыре года провелъ Достоевскій въ острогѣ, и послѣдній годъ былъ полонъ ожиданіемъ свободы. «Этотъ послѣдній годъ, разсказываетъ онъ, почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно

самое послѣднее время въ острогѣ... Помню, что въ этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы ссылки. Во-первыхъ, между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человѣкъ... Были, однако, и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ, кажется, тяжело было сказать со мной слово — Богъ знаетъ отчего. Казалось, между нами стояла какая-то перегородка. Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые и даже давнишніе школьные товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, писать на родину, и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ я не читалъ ни одной книги, и трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много-ль я отсталъ отъ этой жизни? Много-ль прожили они тамъ безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался находить таинственный смыслъ, намеки на прежнее: отыскивалъ слѣды того, что прежде, въ мое время, волновало людей, и какъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать, до какой степени я былъ чужой въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена: явились новые дѣятели, и я съ жадностью спѣшилъ съ ними знакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду и что такъ трудно добираться до нихъ... Поступилъ я въ острогъ зимой и зимой же долженъ былъ выйти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листъ на деревѣ и блекнетъ трава въ степи... Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы. Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ». Наконецъ пришелъ и давно жданный день освобожденія. Наканунѣ Достоевскій «обошелъ въ послѣдній разъ около паль весь острогъ», а на утро сталъ прощаться съ острожниками. «Еще передъ выходомъ на работу, какъ только еще начинало свѣтать, разсказываетъ онъ, обошелъ я всѣ казармы, чтобы попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ по-товарищески, но такихъ было немного. Другіе ужъ очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда къ *господамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ равный. Они это понимали и прощались со мной, хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не такъ, какъ съ товарищемъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью».

Этотъ выходъ изъ Омскаго крѣпостного острога совершился въ февралѣ или въ самомъ началѣ марта 1854 года, такъ какъ въ билетѣ Достоевскаго обозначено, что «по окончаніи срока каторги зачисленъ рядовымъ 1854 года марта 2-го, съ опредѣленіемъ въ сибирскій линейный № 7 баталіонъ», который стоялъ въ Семипалатинскѣ. Какъ видно изъ перваго дошедшаго до насъ письма Достоевскаго послѣ выхода изъ каторги (отъ 30 іюля 1854 г. къ брату), служба для него была тоже не особенно легка. «Пріѣхалъ я сюда, сообщаетъ онъ, въ мартѣ мѣсяцѣ. Фрунтовой службы почти не зналъ ничего и между тѣмъ въ іюлѣ мѣсяцѣ стоялъ на смотру на ряду съ другими и зналъ свое

дѣло не хуже другихъ. Какъ я уставалъ и чего это мнѣ стоило—другой вопросъ; но мною довольны, и слава Богу!.. Какъ ни чуждо все это тебѣ, но я думаю, ты поймешь, что солдатство не шутки, что солдатская жизнь со всѣми обязанностями солдата не совсѣмъ-то легка для человѣка съ такимъ здоровьемъ и съ такой отвычкой, или лучше сказать съ такимъ полнымъ ничегонезнаніемъ въ подобныхъ занятіяхъ. Чтобъ пріобрѣсти этотъ навыкъ, надо много трудовъ. Я не ропщу: это мой крестъ, и я его заслужилъ». Это смиреніе, выражающееся въ послѣднихъ словахъ, показываетъ, что въ Достоевскомъ совершился какой-то переломъ, что въ его душѣ кое-что «завяло, выбросилось вонъ вмѣстѣ съ плевелами», что «каторга много вывела» изъ него. Этотъ переломъ произошелъ въ немъ потому, что онъ и во время увлеченія соціализмомъ былъ «по сердцу русскимъ», какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ А. Н. Майкову отъ 18 января 1856 г. «Можетъ быть, пишетъ онъ здѣсь, васъ смущалъ и смущалъ еще недавно наплывъ французскихъ идей въ ту часть общества, которая мыслитъ, чувствуетъ и изучаетъ? Тутъ была и исключительность, правда, но всякая исключительность по натурѣ своей вызываетъ противоположность. Но согласитесь сами, что всѣ здравомыслящіе, т. е. тѣ, которые даютъ тонъ всему, смотрѣли на французскія идеи со стороны научной,—не болѣе, и сами, можетъ быть, даже преданные исключительности, были всегда русскими. Увѣряю васъ, что я, напримѣръ, до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня,—это былъ русскій народъ, мои братья по несчастью, и я имѣлъ счастіе отыскать не разъ даже въ душѣ разбойника великодушіе, потому собственно, что могъ понять его; ибо былъ самъ русскій. Несчастіе мое дало мнѣ многое узнать практически, можетъ быть, много вліянія имѣла на меня эта практика, но я узналъ практически и то, что я всегда былъ русскимъ по сердцу». Въ каторгѣ Достоевскій призналъ свои прежнія стремленія, сведшія его съ Петрашевскимъ, вреднымъ заблужденіемъ, за которое «осудилъ бы народъ». Понятно, что при такомъ воззрѣніи онъ долженъ былъ протестовать, когда одинъ изъ его пріятелей сказалъ, что его ссылка была дѣломъ несправедливымъ.—«Нѣтъ, коротко, какъ всегда, обрѣзалъ Достоевскій,—нѣтъ, справедливое. Насъ бы осудилъ народъ. Это я почувствовалъ тамъ только, въ каторгѣ. И почемъ вы знаете—можетъ быть, тамъ наверху, т. е. Самому Высшему, нужно было меня привести въ каторгу, чтобы я тамъ что-нибудь узналъ, т. е. узналъ *самое главное*, безъ чего нельзя жить, иначе люди съѣдятъ другъ друга, съ ихъ матеріальнымъ развитіемъ; ну-съ, и чтобы это *самое главное* я вынесъ оттуда, потому что оно пока скрывается только въ народѣ, хоть онъ гадокъ, воръ, убійца, пьяница; такъ чтобы я вынесъ это оттуда и другимъ сообщилъ, и чтобъ другіе (хоть не всѣ, хоть очень немногіе) лучше стали хоть на крошечку—хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что въ бездну стремятся, и этого довольно. И этого ужъ много. И изъ-за этого стоило пойти на каторгу». Уже въ это время, немедленно по выходѣ изъ каторги, обнаруживается и мессіанистическій взглядъ Достоевскаго на Россію, какъ на страну съ высокимъ историческимъ призваніемъ: такъ, обращаясь къ Майкову, онъ пишетъ: «я раздѣляю съ вами идею, что Европу и назначеніе ея окончитъ Россія. Для меня это давно было ясно».

Вспоминая о томъ, какъ много онъ «мукъ потерпѣлъ отъ того, что не могъ въ каторгѣ писать», между тѣмъ какъ «внутренняя работа кипѣла» и онъ «создалъ въ головѣ большую повѣсть», Достоевскій сообщаетъ въ это время Майкову и объ этой повѣсти и о другихъ литературныхъ своихъ планахъ. «Я боялся, говоритъ онъ, чтобъ первая любовь къ моему созданію не простыла, когда минутъ года и когда насталъ бы часъ исполненія,—любовь, безъ которой и писать нельзя. Но я ошибся; характеръ, созданный мною и который есть основаніе всей повѣсти, потребовалъ нѣсколькихъ лѣтъ развитія, и я увѣренъ, я бы испортилъ, если-бъ принялся сгоряча, неприготовленный. Но, выйдя изъ каторги, хотя все было готово, я не писалъ. Я не могъ писать. Одно обстоятельство, одинъ случай, долго медлившій въ моей жизни и, наконецъ, посѣтившій меня, увлекъ и поглотилъ меня совершенно. Я былъ счастливъ, я не могъ работать. Потомъ

грусть и горе посѣтили меня. Я потерялъ то, что составляло для меня все. Сотни верстъ раздѣлили насъ. (Быть можетъ, Достоевскій говоритъ тутъ о любви своей, которая привела его къ первой женитьбѣ). Я вамъ не объясняю дѣла, можетъ быть, когда-нибудь объясню; теперь не могу. Однако же я не былъ совершенно праднымъ. Я работалъ; но я отложилъ мое главное произведеніе въ сторону. Нужно болѣе спокойствія духа. Я шутя началъ комедію и шутя вызвалъ столько комической обстановки, столько комическихъ лицъ, и такъ понравился мнѣ мой герой, что я бросилъ форму комедіи, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствія, какъ можно дольше слѣдить за приключеніями моего новаго героя и самому хохотать надъ нимъ. Этотъ герой мнѣ нѣсколько сродни. Короче, я пишу комическій романъ, но до сихъ поръ все писалъ отдѣльныя приключенія, написалъ довольно, теперь все сшиваю въ цѣлое». О какомъ романѣ здѣсь упоминаетъ Достоевскій, сказать трудно, хотя и можно предполагать, что это былъ «Дядюшкинъ сонъ», сравнительно скоро (черезъ три года) появившійся въ печати. Кромѣ этого романа, въ это же время, Достоевскій, «въ часы, когда нечего дѣлать», началъ «кое-что записывать изъ воспоминаній пребыванія въ каторгѣ, что было полюбопытнѣе». Но съ этими работами можно было выступить позже, а теперь необходимо было пріобрѣсти право печатанія своихъ произведеній, а также нужно приблизиться къ полному освобожденію изъ Сибири. Для достиженія этихъ цѣлей Достоевскій возлагаетъ большія надежды на свое патріотическое стихотвореніе о событіяхъ крымской войны; онъ думаетъ, что это стихотвореніе обратитъ на него вниманіе государя, и тогда можно думать объ изданіи уже готовыхъ почти статьи и романа. «Вѣдь если позволятъ, пишетъ онъ своему хорошему знакомому, А. Е. Врангелю (а я не вѣрю, слышите: не вѣрю, чтобы этого нельзя было выхлопотать), вѣдь это гулъ пойдетъ, книга раскупится, доставитъ мнѣ деньги, значеніе, обратитъ на меня вниманіе правительства, да и возвращеніе придетъ скорѣе». Въ другомъ письмѣ къ тому же Врангелю Достоевскій говоритъ о своихъ стихахъ на коронацію императора Александра II (до насъ не дошедшихъ) и объ упомянутой «статьѣ». «Я говорилъ вамъ о статьѣ объ Россіи. Но это выходилъ чисто-политическій памфлетъ. Изъ статьи моей я слова не захотѣлъ бы выкинуть. Но врядъ ли позволили бы мнѣ начать мое печатаніе съ памфлета, несмотря на самыя патріотическія идеи. А выходило дѣльно, и я былъ доволенъ. Сильно занимала меня статья эта! Но я бросилъ ее. Ну, какъ откажутъ напечатать! Къ чему же пропадать моимъ трудамъ? А теперь мнѣ время дорого, чтобы тратить его понапрасну, изъ удовольствія писать для себя. Да и политическія обстоятельства измѣнились. И потому я присѣлъ за другую статью—«Письма объ искусствѣ»... Статья моя — плодъ десятилѣтнихъ обдумываній. Всю ее до послѣдняго слова я обдумалъ еще въ Омскѣ. Будетъ много оригинальнаго, горячаго. За изложеніе я ручаюсь. Можетъ быть, во многомъ со мной будутъ несогласны многіе. Но я въ свои идеи вѣрю, и того довольно... Въ нѣкоторыхъ главахъ цѣликомъ будутъ страницы изъ памфлета. Это собственно о назначеніи христіанства въ искусствѣ... А главное сижу за романомъ, и это мое наслажденіе. Только этимъ я могу составить себѣ имя и обратить на себя вниманіе. Но, конечно, лучше начать прежде серьезной статьей (объ искусствѣ) и на нее просить разрѣшенія печатать; ибо на романъ до сихъ поръ смотрятъ, какъ на пустяки».

Вопросъ о литературной дѣятельности тѣсно связывался для Достоевскаго съ вопросомъ о возвращеніи изъ Сибири и возстановленіи его гражданскихъ правъ, а въ этомъ отношеніи дѣло подвигалось очень медленно, несмотря на усиленныя хлопоты Достоевскаго: только почти черезъ два года послѣ выхода изъ острога Достоевскій былъ произведенъ 15 января 1856 г. въ унтеръ-офицеры. Слѣдующій шагъ къ свободѣ былъ уже нѣсколько легче: благодаря ходатайствамъ принца П. Г. Ольденбургскаго и Э. И. Тотлебена, въ томъ же году, 1-го октября, Достоевскій, «за отличіе въ службѣ, по высочайшему повелѣнію произведенъ въ прапорщики, съ оставленіемъ въ томъ же баталіонѣ». Но, конечно, на этомъ нельзя было остановиться, и, получивъ извѣстіе о своемъ производствѣ въ офицеры, До-

стоевскій пишетъ барону Врангелю, своему ходатаю у Э. И. Тотлебена: «Другъ мой, вы спрашиваете меня, чего я желаю, о чемъ просить? И говорите тоже, что меня могутъ перевести въ Россію. Но, другъ мой, милость нашего ангела Царя—безконечна, и я знаю, что я, даже и не служа, черезъ годъ, черезъ два, и безъ того буду возвращенъ окончательно. Переводъ же въ армію еще тѣмъ худъ, что *я*, во всякомъ случаѣ, плохой офицеръ, хотя бы по здоровью. А надо будетъ служить. Если-бъ я желалъ возвратиться въ Россію, такъ это единственно для того, чтобъ обнять родныхъ и повидаться съ докторами знающими и узнать, что у меня за болѣзнь (эпилепсія), что за припадки, которые все еще повторяются и отъ которыхъ каждый разъ тупѣетъ моя память и всѣ мои способности и отъ которыхъ я боюсь впослѣдствіи сойти съ ума. Какой я офицеръ? Если-бъ меня выпустили въ отставку—хоть бы оставя здѣсь *на время*—вотъ все мое желаніе. Я бы добылъ себѣ денегъ на существованіе. Здѣсь я бы не пропалъ... и потому напишите мнѣ *положительно* (по возможности): во 1-хъ, *могу ли я* въ очень скоромъ времени, по слабости здоровья, подать въ отставку (прося на всякій случай возвращенія въ Россію, *для совѣта съ докторами*), и, во 2-хъ, могу ли я *печатать*—вопросъ для меня *самый главный*, о которомъ вы *ничего* не пишете въ своемъ письмѣ. Но вѣдь это средство къ существованію моему и *карьеръ*, потому что *я увѣренъ* въ себѣ и надѣюсь быть извѣстнымъ и составить себѣ значеніе, участь, обратить на себя вниманіе, наконецъ».

Разрѣшеніе печатать потому особенно важно было Достоевскому, что давало ему возможность увеличить свои матеріальныя средства; а это было ему необходимо, такъ какъ его личный романъ подвигался къ концу: онъ собирался жениться на Маріи Дмитріевнѣ Исаевой, вдовѣ чиновника, съ которою онъ познакомился вскорѣ послѣ переѣзда въ Семипалатинскъ. 21 декабря 1856 г. онъ пишетъ Врангелю: «*Если не помѣшаетъ одно обстоятельство*, то *я*, до масляницы, женюсь—вы знаете на комъ. Она же любитъ меня до сихъ поръ... Она сама сказала мнѣ: *да. То, что я писалъ вамъ объ ней лѣтомъ*, слишкомъ мало имѣло вліянія на ея привязанность ко мнѣ. Она меня любитъ. Это я знаю навѣрное. Я зналъ это и тогда, когда писалъ вамъ лѣтомъ письмо мое. Она скоро разувѣрилась въ своей новой привязанности. Еще лѣтомъ, по письмамъ ея, я зналъ это. Мнѣ было все открыто... Я вамъ пишу *навѣрно*, что я женюсь; между прочимъ, можетъ быть одно обстоятельство, о которомъ долго разсказывать, но которое можетъ отдалить нашъ бракъ на неопредѣленное время. Это обстоятельство совершенно постороннее, но мнѣ, по всѣмъ видимостямъ, кажется, что оно *не случится*. А если его не будетъ, то слѣдующее письмо вы получите отъ меня, когда *все уже будетъ кончено*. Денегъ у меня нѣтъ ни копейки. По самымъ скромнымъ разсчетамъ мнѣ на *все* надо до *600* руб. серебромъ». Деньги эти удалось занять въ концѣ января, а 6 февраля 1857 года совершилась въ г. Кузнецкѣ свадьба Достоевскаго, и онъ говоритъ, что «если печатать не позволятъ еще годъ, тогда лучше не жить»; онъ выражаетъ даже готовность печатать «*хоть навсегда безъ имени* или псевдонимомъ». Наконецъ въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1857 г. была напечатана первая послѣ каторги повѣсть Достоевскаго, хотя и написанная имъ въ 1849 г., «Маленькій герой», которую онъ въ своихъ письмахъ къ брату и къ К. Е. Врангелю называетъ «дѣтской сказкой».

Пока, однако, дошла эта книжка журнала до Достоевскаго, онъ началъ сношенія съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Русскимъ Словомъ». Видно, что возможность работать оживила Достоевскаго. Въ письмѣ отъ 31 мая 1858 г. къ брату онъ говоритъ: «Ты пишешь, другъ мой, чтобъ я присылалъ тебѣ написанное. Не помню (вообще, у меня память стала очень плоха)—не помню, писалъ ли я тебѣ, что я открылъ сношенія съ Катковымъ и послалъ ему письмо, въ которомъ предложилъ ему участвовать въ его журналѣ и обѣщалъ повѣсть въ этомъ году, если онъ мнѣ пришлетъ сейчасъ 500 руб. серебр.? Эти 500 руб. я получилъ отъ него назадъ тому съ мѣсяцъ или недѣль пять, при весьма умномъ и любезномъ письмѣ. Онъ пишетъ, что очень радъ моему участію, немедленно исполняетъ мое требованіе (500 р.) и проситъ, какъ можно менѣе стѣснять себя, работать не спѣша, т. е. не на срокъ. Это

прекрасно. Я сижу теперь за работой въ «Русскій Вѣстникъ» (большая повѣсть); но только то бѣда, что я не уговорился съ Катковымъ о платѣ съ листа, написавъ, что полагаюсь въ этомъ случаѣ на его справедливость. Въ «Русское Слово» тоже пришлю въ этомъ году: это я надѣюсь. Но не романъ мой, а повѣсть. Романъ же я отложилъ писать до возвращенія въ Россію. Это я сдѣлалъ по необходимости. Въ немъ идея довольно счастливая, характеръ новый, еще нигдѣ не являвшійся. Но такъ какъ этотъ характеръ, вѣроятно, теперь въ Россіи въ большомъ ходу, въ дѣйствительной жизни, особенно теперь, судя по движеніямъ и идеямъ, которыми всѣ полны, то я увѣренъ, что я обогачу мой романъ новыми наблюденіями, возвратясь въ Россію. Торопиться, милый другъ мой, не надо, а надо стараться сдѣлать хорошо. Ты пишешь, дорогой мой, что я, вѣроятно, самолюбивъ, и теперь желаю явиться съ чѣмъ-нибудь очень хорошимъ и потому сижу и высиживаю это очень хорошее на яйцахъ. Положимъ, что такъ; но такъ какъ я уже отложилъ попеченіе явиться съ романомъ, а пишу двѣ повѣсти, которыя будутъ только что сносны (и то дай Богъ), то и высиживанія во мнѣ теперь нѣтъ». Отвѣчая, должно быть, на упрекъ, сдѣланный ему братомъ относительно медленности его литературной работы, Достоевскій говоритъ: «Что у тебя за теорія, другъ мой, что картина должна быть написана сразу и проч., и проч., и проч.? Когда ты въ этомъ убѣдился? Повѣрь, что вездѣ нуженъ трудъ и огромный. Повѣрь, что легкое, изящное стихотвореніе Пушкина, въ нѣсколько строчекъ, потому и кажется написаннымъ сразу, что оно слишкомъ долго клеилось и перемарывалось у Пушкина. Это факты. Гоголь восемь лѣтъ писалъ «Мертвыя Души». Все, что писано сразу, все было незрѣлое. У Шекспира, говорятъ, не было помарокъ въ рукописяхъ. Оттого-то у него такъ много чудовищностей и безвкусья, а работалъ бы—такъ было бы лучше. Ты явно смѣшиваешь вдохновеніе, т. е. первое, мгновенное созданіе картины или движенія въ душѣ (что всегда такъ и дѣлается), съ работой. Я, напримѣръ, сцену тотчасъ же и записываю такъ, какъ она мнѣ явилась впервые, и радъ ей; но потомъ цѣлые мѣсяцы, годъ, обрабатываю ее, вдохновляюсь ею *по нѣскольку разъ*, а не одинъ (потому что люблю эту сцену), и нѣсколько разъ прибавлю къ ней или убавлю что-нибудь, какъ уже и было у меня, и повѣрь, что выходило гораздо лучше».

Въ этомъ же письмѣ брату Достоевскій сообщаетъ, что подалъ прошеніе объ отставкѣ; вѣроятно, это произошло въ началѣ года, когда Достоевскому были возвращены права потомственнаго дворянства. Однако отвѣта на прошеніе пришлось ждать цѣлый годъ, такъ какъ Высочайшій приказъ объ отставкѣ Достоевскаго состоялся только 18 марта 1859 года, причемъ ему разрѣшено было жить во всѣхъ городахъ Имперіи, кромѣ столицы. Между тѣмъ ожиданіе было до крайности тягостно ему, какъ это видно изъ письма его къ нѣкоему Е. отъ 12 декабря 1858 г. «Можете ли вы себѣ представить, говоритъ Достоевскій, что даже самыя занятія литературой сдѣлались для меня не отдыхомъ, не облегченіемъ, а мукой... Во всемъ виновата моя обстановка и болѣзненное положеніе мое. Журналовъ я не читаю и вотъ уже полгода не бралъ въ руки даже газеты. Полагая, что скоро выѣду въ Россію, не записался, а брать не у кого, потому что не хочется быть инымъ людямъ хоть чѣмъ-нибудь одолженнымъ». Относительно романа для Каткова Достоевскій говоритъ, что ему «недостаетъ кое-какихъ справокъ, которыя нужно сдѣлать самому лично въ Россіи; наобумъ же писать онъ не хочетъ». Поэтому онъ для «Русскаго Вѣстника» готовитъ другой романъ, а теперь «пишетъ на почтовыхъ» повѣсть для «Русскаго Слова», такъ какъ получилъ уже за эту повѣсть авансомъ 500 рублей. Повѣсть для «Русскаго Слова» была «Дядюшкинъ сонъ», помѣщенная во второмъ томѣ журнала на 1859 годъ. Для «Русскаго Вѣстника» былъ написанъ романъ «Село Степанчиково и его обитатели», но редакція возвратила рукопись Достоевскому, какъ онъ говоритъ, «испугавшись 100 руб. съ листа». Между тѣмъ на это свое произведеніе Достоевскій возлагалъ большія надежды... «Этотъ романъ, писалъ онъ брату, конечно, имѣетъ величайшіе недостатки и главное, можетъ быть, растянутость; но въ чемъ я увѣренъ, какъ въ аксіомѣ, это то, что онъ имѣетъ въ то же время и великія достоинства, и что это *лучшее* мое *произведеніе*. Я писалъ его два года (съ

перерывомъ въ серединѣ «Дядюшкина сна»). Начало и средина обдѣланы, конецъ писанъ наскоро. Но тутъ положилъ я мою душу, мою плоть и кровь. Я не хочу сказать, что я высказался въ немъ весь; это будетъ вздоръ! Еще будетъ много что высказать. Къ тому же въ романѣ мало сердечнаго (т. е. страстнаго элемента, какъ напримѣръ, въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ»),—но въ немъ есть два огромныхъ типическихъ характера, *создаваемыхъ* и *записываемыхъ* пять лѣтъ, обдѣланныхъ безукоризненно (по моему мнѣнію),—характеровъ вполнѣ русскихъ и плохо до сихъ поръ указанныхъ русской литературой. Не знаю, оцѣнитъ ли Катковъ, но если публика приметъ мой романъ холодно, то, признаюсь, я, можетъ быть, впаду въ отчаяніе. На немъ основаны всѣ лучшія надежды мои и, главное, упроченіе моего литературнаго имени».

Успѣхъ этого «Катковскаго романа» долженъ былъ, по мнѣнію Достоевскаго, сильно поднять цѣнность дальнѣйшихъ его произведеній, а прежде всего—того большого романа, который имъ задуманъ былъ вскорѣ по выходѣ изъ каторги. Въ виду того что издатель «Русскаго Слова», гр. Кушелевъ-Безбородко, напечатавъ «Дядюшкинъ сонъ», просилъ Достоевскаго продолжать свое сотрудничество въ журналѣ, онъ думаетъ при его помощи значительно развить свою литературную дѣятельность. Онъ сообщаетъ брату о слѣдующемъ своемъ предположеніи; «На счетъ участія въ его журналѣ (т. е. въ «Русскомъ Словѣ») я написалъ ему, что желалъ бы прежде всего его видѣть и переговорить съ нимъ лично. Объяснилъ ему, что у меня въ виду большой романъ, листовъ въ 25, что мнѣ чрезвычайно бы желалось начать немедленно писать его (и только его), но что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я никакъ не могу присѣсть за эту работу, *и что объ этихъ-то обстоятельствахъ мнѣ и хотѣлось бы поговорить съ нимъ лично.* Этимъ я заключилъ мое письмо къ Кушелеву безъ всякихъ объясненій; но тебѣ я объясню—какія это обстоятельства. Во 1-хъ, чтобы ¹сѣсть мнѣ за романъ и написать его—1½ года сроку. Во 2-хъ, чтобы писать его 1½г.,—нужно быть въ это время обезпеченнымъ; а я ничего ровно не имѣю. Въ 3-хъ, ты пишешь мнѣ безпрерывно такія извѣстія, что Гончаровъ, напримѣръ, взялъ 7000 за свой романъ, а Тургеневу за его «Дворянское Гнѣздо» самъ Катковъ (у котораго я прошу 100 руб. съ листа) давалъ 4000 руб., т. е. по 400 руб. съ листа. Другъ мой! я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ же хуже и, наконецъ, я надѣюсь написать совсѣмъ не хуже. За что же я-то, съ моими нуждами, беру только 100 р., а Тургеневъ, у котораго 2000 душъ, по 400? Отъ *бѣдности я принужденъ* торопиться и писать для денегъ, слѣдовательно, *непремѣнно портить*. И потому, при свиданіи съ Кушелевымъ, я намѣренъ прямо изложить ему, чтобъ онъ далъ мнѣ полуторагодичный срокъ, 300 рублей съ листа, и, сверхъ того, чтобы жить во время работы—3000 руб. сер. впередъ. Если согласится, то я сверхъ того обязуюсь дать ему на будущій годъ (къ началу) маленькую повѣсть листа въ 1½ печатныхъ. У меня много сюжетовъ большихъ повѣстей, а маленькихъ нѣтъ. Но я надѣюсь какъ-нибудь до новаго года наткнуться на вдохновеніе и состряпать Кушелеву маленькую повѣсть».

Уволенный отъ службы съ чиномъ подпоручика, Достоевскій получилъ билетъ на проѣздъ (вмѣсто паспорта) 30 іюня 1859 г. и вскорѣ разстался съ Сибирью. Уже въ сентябрѣ онъ былъ въ Твери, гдѣ онъ «изъявилъ свое мѣсто жительства». Но, конечно, въ Твери предполагалось оставаться не особенно долго, и Достоевскій высказываетъ это въ одномъ изъ первыхъ же писемъ изъ этого города. «Если, пишетъ онъ Врангелю, спросите обо мнѣ, то что вамъ сказать: взялъ на себя заботы семейныя и тяну ихъ. Но я вѣрю, что еще не кончилась моя жизнь, и не хочу умирать. Болѣзнь моя попрежнему,—ни то, ни се. Хотѣлъ бы посовѣтоваться съ докторами. Но пока не доберусь до Петербурга—не буду лѣчиться! Что пачкаться у дураковъ! Теперь я запертъ въ Твери, и это хуже Семипалатинска. Хоть Семипалатинскъ, въ послѣднее время, измѣнился совершенно (не осталось ни одной симпатичной личности, ни одного свѣтлаго воспоминанія),—но Тверь въ тысячу разъ гаже. Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движенія, никакихъ интересовъ,—даже библіотеки нѣтъ порядочной. Настоящая тюрьма! Намѣреваюсь какъ можно

скорѣе выбраться отсюда. Но положеніе мое престранное: я давно уже считаю себя совершенно прощеннымъ. Мнѣ возвращено и потомственное дворянство, особымъ указомъ, еще два года назадъ. А между тѣмъ я знаю, что безъ особой формальной просьбы (жить въ Петербургѣ)—мнѣ нельзя въѣхать ни въ Петербургъ, ни въ Москву». Въ другомъ письмѣ Достоевскій говоритъ, что онъ «страдаетъ и нравственно, и физически», что его «дѣла въ запущеніи», что въ Твери ему «невыносимо». О своемъ полномъ освобожденіи онъ хлопочетъ черезъ тверского губернатора, графа Баранова, и черезъ извѣстнаго севастопольскаго героя—Э. И. Тотлебена, которые относятся къ нему съ большимъ сочувствіемъ. Главными основаніями для возвращенія въ Петербургъ выставляются необходимость лѣчиться и возможность лучше устроить свое матеріальное положеніе.

Литературныхъ плановъ въ это время у Достоевскаго чрезвычайно много. «Я рѣшилъ, сообщаетъ онъ брату,—начать писать романъ (большой—это уже рѣшено)—пропишу годъ. Спѣшить не желаю. Онъ такъ хорошо скомпановался, что невозможно поднять на него руку, т. е. спѣшить къ какому-нибудь сроку. Хочу писать свободно. Этотъ романъ съ *идеей* и дастъ мнѣ ходъ. Но, чтобы писать его,—нужно быть обезпеченнымъ. Запродать его впередъ—это самоубійство. Это значитъ взять 100 или 120, тогда какъ я, можетъ быть, выторговалъ бы 150 или 200. Я самъ буду своимъ судьей и, если романъ удастся,—самъ положу цѣну. А потому нужно не запродавать впередъ и писать, будучи обезпеченнымъ». О какомъ романѣ говоритъ Достоевскій въ этомъ и во многихъ предшествующихъ письмахъ, трудно сказать что-либо опредѣленное, хотя, повидимому, не лишено нѣкотораго основанія предположеніе О. Ѳ. Миллера, что рѣчь идетъ о «Преступленіи и наказаніи», такъ какъ ни къ «Запискамъ изъ мертваго дома», ни къ роману «Униженные и оскорбленные», явившимся ранѣе «Преступленія и наказанія», не могутъ относиться указанія Достоевскаго на то, что въ романѣ будетъ какой-то важный современный типъ, что для характеристики этого типа нужно изученіе современной жизни и что романъ будетъ съ идеей и будетъ имѣть очень большое значеніе. Для такой важной работы надо освободиться отъ срочныхъ писаній изъ-за денегъ, но тутъ-то и являлся вопросъ, гдѣ взять денегъ, чтобы обезпечить себя, по крайней мѣрѣ на годъ? «Сообразивъ *серьезно*, говоритъ Достоевскій,—*я рѣшилъ немедленно* издать прежнія свои сочиненія, и издать самому, а не продавать ихъ,—развѣ бы дали очень много, но очень много не дадутъ. Слушай: положимъ, что сочиненія пойдутъ медленно. Но для меня это ничего не значитъ. Мнѣ нужно 120 или 500 въ мѣсяцъ. Только бы это выбрать, слѣдовательно они будутъ кормить меня. Ты спросишь: гдѣ взять денегъ на изданіе? Вотъ что я придумалъ: во 1-хъ, издать не вдругъ, а книгу за книгой. Всего три книги. Въ 1-й: «Бѣдные люди», «Неточка Незванова»—*2 части*, «Бѣлыя ночи», «Дѣтская сказка», «Елка и свадьба», «Честный воръ» (передѣлать), «Ревнивый мужъ». Всего около 23 листовъ убористой печати. 2-я часть: «Двойникъ» (совершенно передѣланный) и «Дядюшкинъ сонъ». 3-я часть: «Село Степанчиково». 1-я часть, я думаю, разойдется довольно скоро. Но надо исправить. «Бѣдные люди» безъ перемѣны со 2-го изданія, а остальное все въ 1-й части надо бы слегка поисправить... Печатаніе можетъ окончиться въ январѣ, въ половинѣ,—и въ продажу! Я увѣренъ, что 1-й томикъ произведетъ нѣкоторый эффектъ. Во 1-хъ, собрано лучшее; во 2-хъ, я напомню о себѣ; въ 3-хъ, *имя* интересное; въ 4-хъ, если романъ въ «Современникѣ» удастся, то и это пойдетъ. Между тѣмъ къ половинѣ декабря я пришлю тебѣ (или привезу самъ) исправленнаго «Двойника». Повѣрь, братъ, что это исправленіе, снабженное предисловіемъ, будетъ стоить *новаго романа*. Они увидятъ, наконецъ, что такое «Двойникъ»! Я надѣюсь слишкомъ даже заинтересовать. Однимъ словомъ, я вызываю всѣхъ на бой (и, наконецъ, если я теперь не выправлю «Двойника», то когда же я его выправлю? Зачѣмъ мнѣ терять превосходную идею, величайшій типъ, по своей соціальной важности, который я первый открылъ и котораго я былъ провозвѣстникомъ?). Въ декабрѣ же—въ цензуру «Двойника» и «Дядюшкинъ сонъ». Въ январѣ печатать, а къ концу февраля 2-й томъ выходитъ въ свѣтъ, а за нимъ, почти вмѣстѣ, можно и

3-й — «Степанчиково». Деньги—или въ долгъ, или 1-й томъ окупить. Наконецъ, послѣдніе два тома (по успѣху 1-го) можно даже въ крайнемъ случаѣ и продать. Окуплю изданіе, а до тѣхъ поръ живу деньгами «Современника», а потомъ, по окупкѣ изданія, хоть и медленно будетъ идти, но мнѣ все равно: ибо на кормъ мой и медленной продажи достанетъ, а я тѣмъ временемъ, съ самаго декабря, серьезно сажусь за большой романъ (который, увы, черезъ годъ, произведетъ эффектъ, что можетъ увлечь за собою и остальные экземпляры «Собранія сочиненій»). Рядомъ съ этими предположеніями идетъ дѣло о продажѣ романа «Село Степанчиково», о чемъ ведутся переговоры съ «Отечественными Записками», «Свѣточемъ» и «Современникомъ», хотя слѣдуетъ замѣтить, что тутъ идетъ дѣло и о новыхъ, замышляемыхъ Достоевскимъ, произведеніяхъ.. «Если, пишетъ онъ брату, «Свѣточъ» дастъ 2500 (за Степанчиково), то, *разумѣется*, отдать. Что же можетъ быть лучше? Пусть у нихъ ни одного подписчика, зато 2500, и въ мнѣніи другихъ журналовъ утвердится цѣнность моихъ сочиненій, т. е. стыдно будетъ дать меньше 2000 или 1800 за такую вещь, за которую я сейчасъ же, не думавши, могу взять 2500. Къ тому же у меня въ будущемъ году еще двѣ вещи могутъ быть напечатаны: *Мертвый Домъ* и *Первый эпизодъ большого романа*. Это пойдетъ въ «Современникъ». Небось, тогда не упустятъ, да я и отдамъ-то съ рекомендаціей. Что же касается до *Мертваго Дома*, то вѣдь у нихъ не бараньи головы. Вѣдь они понимаютъ, какое любопытство можетъ возбудить такая статья въ первыхъ (январьскихъ) номерахъ журнала. Если дадутъ 200 съ листа, то напечатаю въ журналѣ. А нѣтъ, такъ и не надо. Не думай, что я задралъ носъ, или хвалюсь съ моимъ «Мертвымъ Домомъ», что прошу 200. Совсѣмъ нѣтъ; но я очень хорошо понимаю любопытство и *значеніе* статьи и своего терять не хочу. Этой статьей, да еще будущимъ романомъ можно заткнуть глотку «От. Запискамъ» и «Современнику», чтобъ не ругались въ журналѣ за то, что не уступилъ я имъ «Степанчикова» (въ надеждѣ имѣть будущаго сотрудника). А что у «Свѣточа» читателей мало,—такъ это вздоръ. Мнѣ же лучше. Когда издамъ отдѣльно, тогда романъ будетъ имѣть видъ новости». Несмотря однако на это рѣшеніе отдать «Село Степанчиково» въ журналъ «Свѣточъ», въ этомъ же письмѣ Достоевскій говоритъ: «если Некрасовъ станетъ торговаться и будетъ *резонне*, то, во всякомъ случаѣ, преимущество ему. Какъ жаль, какъ мнѣ крайне жаль, что онъ не засталъ тебя дома! Тогда бы мы знали его мысли навѣрно. Нельзя ли *какъ-нибудь* увидать его поскорѣе? Видишь ли: очень важно то, что романъ будетъ напечатанъ въ «Современникѣ». Этотъ журналъ прежде гналъ меня, а теперь самъ хлопочетъ о моей статьѣ. Для литературнаго моего значенія это очень важно. 2) Некрасовъ, возвратившій тебѣ рукопись и пришедшій опять за ней и (если бы такъ было), наконецъ, вошедшій въ резонъ, всѣми этими продѣлками придаетъ чрезвычайное значеніе роману. Значитъ, романъ недуренъ, если изъ-за него такъ хлопочутъ и торгуются... Прибавь Некрасову, что я самъ очень хорошо знаю недостатки своего романа, но что мнѣ кажется, что и въ моемъ романѣ есть нѣсколько хорошихъ страницъ. Скажи этими словами, потому что дѣйствительно таково мое мнѣніе. Да не худо это же сказать и Краевскому. Говори имъ откровеннѣе. Откровенность—сила». Въ результатѣ всѣхъ этихъ переговоровъ состоялось помѣщеніе романа «Село Степанчиково» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1859 г., кн. 127. Что касается «Мертваго Дома» и «Эпизода большого романа», то они были написаны позже.

Хлопоты Достоевскаго о возвращеніи въ Петербургъ увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. 27 ноября 1859 г. шефъ жандармовъ, кн. В. А. Долгоруковъ, на его всеподданнѣйшемъ прошеніи о помѣщеніи его пасынка, Исаева, въ корпусъ и о разрѣшеніи ему самому переселиться въ Петербургъ помѣтилъ: «Высочайше повелѣно относительно Исаева снестись съ кѣмъ слѣдуетъ. Что касается до самого Достоевскаго, то просьба его уже рѣшена по письму, которое онъ ко мнѣ писалъ». Этимъ закончилось то наказаніе, которое пришлось перенести Достоевскому за участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ Петербургѣ. Одинъ изъ его товарищей по кружку Петрашевскаго, А. П. Милюковъ, такъ разсказываетъ объ этомъ возвращеніи:

«Однажды Михаилъ Михайловичъ пришелъ ко мнѣ утромъ съ радостной вѣстью, что брату его разрѣшено жить въ Петербургѣ и онъ долженъ пріѣхать въ тотъ же день. Мы поспѣшили на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, и тамъ, наконецъ, я обнялъ нашего изгнанника послѣ десятилѣтней почти разлуки. Вечеръ провели мы вмѣстѣ. Ѳ. М., какъ мнѣ показалось, не измѣнился физически: онъ даже какъ будто смотрѣлъ бодрѣе прежняго и не утратилъ нисколько своей обычной энергіи. Не помню, кто изъ общихъ знакомыхъ былъ на этомъ вечерѣ, но у меня осталось въ памяти, что при этомъ первомъ свиданіи мы обмѣнивались только новостями и впечатлѣніями и вспоминали старые годы и нашихъ друзей. Послѣ того видались мы почти каждую недѣлю... Бесѣды наши въ новомъ небольшомъ кружкѣ пріятелей во многомъ уже не походили на тѣ, которыя бывали въ Дуровскомъ обществѣ. И могло ли быть иначе? Западная Европа и Россія въ эти десять лѣтъ какъ будто помѣнялись ролями: тамъ разлетѣлись въ прахъ увлекавшія насъ прежде гуманныя утопіи и реакція во всемъ торжествовала, а здѣсь начинало осуществляться многое, о чемъ мы мечтали и готовились, или совершались реформы, обновлявшія русскую жизнь и порождавшія новыя надежды. Понятно, что въ бесѣдахъ нашихъ не было уже прежняго пессимизма».

Въ составъ этого кружка, сгруппировавшагося въ редакціи «Свѣточа», который издавался Д. И Калиновскимъ. входили Н. Н. Страховъ, А. П. Майковъ, В. В. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, В. Д. Яковлевъ и др. «Первое мѣсто въ кружкѣ, какъ говоритъ Страховъ, занималъ, конечно, Ѳ. М.: онъ былъ у всѣхъ на счету крупнаго писателя и первенствовалъ не только по своей извѣстности, но и по обилію мыслей и горячности, съ которою ихъ высказывалъ... И тогда была замѣтна обыкновенная манера разговора Ѳ. М. Онъ часто говорилъ со своимъ собесѣдникомъ въ полголоса, почти шепотомъ, пока что-нибудь его особенно не возбуждало; тогда онъ воодушевлялся и круто возвышалъ голосъ. Впрочемъ въ то время его можно было назвать довольно веселымъ въ обыкновенномъ настроеніи; въ немъ было еще очень много мягкости, измѣнявшей ему въ послѣдніе годы, послѣ всѣхъ понесенныхъ имъ трудовъ и волненій». Уже съ самаго начала года братья Достоевскіе стали собирать сотрудниковъ для будущаго толстаго журнала, который они задумали издавать, а въ сентябрѣ 1860 г, было ими разослано объявленіе о подпискѣ на ежемѣсячный литературный и политическій журналъ «Время». Объявленіе это было, по словамъ Страхова, написано Ѳ. М.—чѣмъ и представляетъ важный матеріалъ для характеристики его міросозерцанія, въ которомъ опредѣленно выразилось вліяніе философскихъ взглядовъ Ап. А. Григорьева, легшихъ въ основаніе ученія такъ называемыхъ почвенниковъ. Называя свою эпоху «въ высшей степени замѣчательною и критическою», потому что въ ней наблюдаются признаки настоящаго «мирнаго переворота, равносильнаго по значенію даже самой реформѣ Петра» и состоящаго въ «слитіи образованности и ея представителей съ началомъ народнымъ», Достоевскій характеризуетъ, какъ пагубное явленіе, то разъединеніе между интеллигенціей и народомъ, которое было произведено реформою Петра. «Но, говоритъ онъ, теперь разъединеніе оканчивается. *Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконецъ, до послѣднихъ своихъ предѣловъ. Дальше нельзя идти, да и некуда: нѣтъ дороги; она вся пройдена.* Всѣ, послѣдовавшіе за Петромъ, узнали Европу, примкнули къ европейской жизни и не сдѣлались европейцами. Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность къ европеизму. Теперь мы думаемъ иначе. Мы узнаемъ теперь, что мы и не можемъ быть европейцами, что мы не въ состояніи втиснуть себя въ одну изъ западныхъ формъ жизни, выжитыхъ и выработанныхъ Европою изъ собственныхъ своихъ національныхъ началъ, намъ чуждыхъ и противоположныхъ,—точно такъ, какъ мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мѣркѣ. *Мы убѣдились, наконецъ, что мы тоже отдѣльная національность, въ высшей степени самобытная, и что наша задача—создать себѣ новую форму, нашу собственную, родную, взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ.* Но на родную почву мы возвратились не побѣжденными. Мы не отказываемся отъ

нашего прошедшаго: мы сознаемъ и разумность его. Мы сознаемъ, что реформа раздвинула нашъ кругозоръ, что черезъ нее мы осмыслили будущее значеніе наше въ великой семьѣ всѣхъ народовъ. Мы знаемъ, что не оградимся уже теперь китайскими стѣнами отъ человѣчества. *Мы предугадываемъ и предугадываемъ съ благоговѣніемъ, что характеръ нашей будущей дѣятельности долженъ быть въ высшей степени общечеловѣческій, что русская идея, можетъ быть, будетъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя съ такимъ упорствомъ, съ такимъ мужествомъ развиваетъ Европа, въ отдѣльныхъ своихъ національностяхъ; что, можетъ быть, все враждебное въ этихъ идеяхъ найдетъ свое примиреніе и дальнѣйшее развитіе въ русской народности.* Не даромъ же мы говорили на всѣхъ языкахъ, понимали всѣ цивилизаціи, сочувствовали интересамъ каждаго европейскаго народа, понимали смыслъ и разумность явленій, совершенно намъ чуждыхъ. Не даромъ заявили мы такую силу въ самоосужденіи, удивлявшемъ всѣхъ иностранцевъ. Они упрекали насъ за это, называли насъ безличными, людьми безъ отечества, не замѣчая, что способность отрѣшиться на время отъ почвы, чтобы трезвѣе и безпристрастнѣе взглянуть на себя, есть уже само по себѣ признакъ величайшей особенности; способность же примирительнаго взгляда на чужое есть величайшій и благороднѣйшій даръ природы, который дается очень немногимъ національностямъ. Иностранцы еще и не починали нашихъ безконечныхъ силъ... Но теперь, кажется, и *мы вступаемъ въ новую жизнь.* И вотъ, передъ этимъ-то вступленіемъ въ новую жизнь, примиреніе послѣдователей реформы Петра съ народнымъ началомъ стало необходимостью. Мы говоримъ здѣсь не о славянофилахъ и не о западникахъ. Къ ихъ домашнимъ раздорамъ наше время совершенно равнодушно. Мы говоримъ о примиреніи цивилизаціи съ народнымъ началомъ. Мы чувствуемъ, что обѣ стороны должны, наконецъ, понять другъ друга, должны разъяснить всѣ недоумѣнія, которыхъ накопилось между ними такое невѣроятное множество, и потомъ *согласно и стройно общими силами двинуться въ новый широкій и славный путь. Соединеніе во что бы то ни стало, несмотря ни на какія пожертвованія, и возможно скорѣйшее—вотъ наша передовая мысль, вотъ девизъ нашъ.* Но гдѣ же точка соприкосновенія съ народомъ? Какъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ нимъ,—вотъ вопросъ, вотъ забота, которая должна быть раздѣляема всѣми, *кому дорого русское имя,* всѣми, кто любитъ народъ и дорожитъ его счастьемъ. А счастіе его—счастіе наше. Разумѣется, что первый шагъ къ достиженію всякаго согласія есть грамотность и образованіе. Народъ никогда не пойметъ насъ, если не будетъ къ тому приготовленъ. Другого нѣтъ пути, и мы знаемъ, что, высказывая это, мы не говоримъ ничего новаго. Но, пока за образованнымъ сословіемъ остается еще первый шагъ, оно должно воспользоваться своимъ положеніемъ и воспользоваться усиленно. Распространеніе образованія, усиленное, скорѣйшее и во что бы то ни стало—вотъ главная задача нашего времени, первый шагъ ко всякой дѣятельности».

Кромѣ этой политической profession de foi, Достоевскій призналъ необходимымъ изложить и свое отношеніе къ современнымъ ему литературнымъ вопросамъ. «Мы, объяснялъ онъ, давно уже замѣтили, что въ нашей журналистикѣ, въ послѣдніе годы, развилась какая-то особенная добровольная зависимость, подначальность литературнымъ авторитетамъ. Разумѣется, мы не обвиняемъ нашу журналистку въ корысти, въ продажности. У насъ нѣтъ, какъ почти вездѣ въ европейскихъ литературахъ, журналовъ и газетъ, торгующихъ за деньги своими убѣжденіями, мѣняющихъ свою подлую службу и своихъ господъ на другихъ единственно изъ-за того, что другіе даютъ больше денегъ. Но замѣтимъ, однако же, что можно продавать свои убѣжденія и не за деньги. Можно продать себя, напримѣръ, отъ излишняго врожденнаго подобострастія или изъ-за страха прослыть глупцомъ за несогласіе съ литературными авторитетами. Золотая посредственность иногда даже безкорыстно трепещетъ передъ мнѣніями, установленными столпами литературы, особенно если эти мнѣнія смѣло, дерзко, нахально высказаны. Иногда только эта нахальность и дерзость доставляетъ званіе столпа и авторитета писателю неглупому, умѣющему воспольз-

зоваться обстоятельствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ столпу чрезвычайное, хотя и временнсе вліяніе на массу. Посредственность, съ своей стороны, почти всегда бываетъ крайне пуглива, несмотря на видимую заносчивость, и охотно подчиняется. Пугливость же порождаетъ литературное рабство, а въ литературѣ недолжно быть рабства. Изъ жажды литературной власти, литературнаго превосходительства, литературнаго чина, иной, даже старый и почтенный литераторъ, способенъ иногда рѣшиться на такую неожиданную, на такую странную дѣятельность, что она поневолѣ составляетъ соблазнъ и изумленіе современниковъ и непремѣнно перейдетъ въ потомство въ числѣ скандалезныхъ анекдотовъ о русской литературѣ девятнадцатаго столѣтія. И такія происшествія случаются все чаще и чаще, и такіе люди имѣютъ вліяніе продолжительное, а журналистика молчитъ и не смѣетъ до нихъ дотрогиваться. Есть въ литературѣ нашей до сихъ поръ нѣсколько установившихся идей и мнѣній, не имѣющихъ ни малѣйшей самостоятельности, но существующихъ въ видѣ несомнѣнныхъ истинъ единственно потому, что когда-то такъ опредѣлили литературные предводители. Критика пошлѣетъ и мельчаетъ. Въ иныхъ изданіяхъ совершенно обходятъ иныхъ писателей, боясь проговориться о нихъ. Спорятъ для верха въ спорѣ, а не для истины. Грошовый скептицизмъ, вредный своимъ вліяніемъ на большинство, съ успѣхомъ прикрываетъ бездарность и употребляется въ дѣло для привлеченія подписчиковъ. Строгое слово искренняго глубокаго убѣжденія слышится все рѣже и рѣже. Наконецъ, спекулятивный духъ, распространяющійся въ литературѣ, обращаетъ иныя періодическія изданія въ дѣло преимущественно коммерческое, литература же и польза ея отодвигаются на задній планъ, а иногда о ней и не мыслится. Мы рѣшились основать журналъ, вполнѣ независимый отъ литературныхъ авторитетовъ — несмотря на наше уваженіе къ нимъ, — съ полнымъ и самымъ смѣлымъ обличеніемъ всѣхъ литературныхъ странностей нашего времени. Обличеніе это мы предпринимаемъ изъ глубочайшаго уваженія къ русской литературѣ. Нашъ журналъ не будетъ имѣть никакихъ нелитературныхъ антипатій и пристрастій. Мы даже готовы будемъ признаваться въ собственныхъ своихъ ошибкахъ и промахахъ, и признаваться печатно, и не считаемъ себя смѣшными за то, что хвалимся этимъ (хотя бы и заранѣе). Мы не уклонимся и отъ полемики. Мы не побоимся иногда немного и «пораздразнить» литературныхъ гусей; гусиный крикъ иногда полезенъ: онъ предвѣщаетъ погоду, хотя и не всегда спасаетъ Капитолій».

Объявленіе объ изданіи «Времени» подписано Мих. Достоевскимъ, какъ редакторомъ журнала, хотя авторомъ объявленія былъ Ѳеодоръ Михайловичъ: его нельзя было утвердить въ званіи редактора, такъ какъ онъ находился еще подъ надзоромъ полиціи, который снятъ былъ съ него только въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Несмотря на оффиціальное редакторство Михаила Михайловича, душою журнала былъ Ѳеодоръ Михайловичъ, и его произведенія, пожалуй, должны считаться лучшимъ украшеніемъ журнала. А ихъ было помѣщено въ журналѣ очень много, и прежде всего появился романъ «Униженные и оскорбленные». Это произведеніе имѣло большой успѣхъ, что объясняется нѣкоторыми его крупными достоинствами; но рядомъ съ этими выдающимися сторонами нельзя было не замѣтить и очень крупныхъ недостатковъ, появленіе которыхъ одинъ изъ дружественно расположенныхъ къ Достоевскому критиковъ объяснялъ тѣмъ, что Достоевскаго «загоняли, какъ почтовую лошадь» и онъ отдавался «фельетонной дѣятельности». Достоевскій съ этимъ мнѣніемъ критика не согласенъ и объясняетъ недостатки своего романа другими причинами. «Если, говоритъ онъ, я написалъ фельетонный романъ (въ чемъ сознаюсь совершенно), то виноватъ въ этомъ я, и одинъ только я. Такъ я писалъ и всю мою жизнь, такъ написалъ все, что издано мною, кромѣ повѣсти «Бѣдные люди» и нѣкоторыхъ главъ изъ «Мертваго Дома». Очень часто случалось въ моей литературной жизни, что начало главы романа или повѣсти было уже въ наборѣ, а окончаніе сидѣло еще въ моей головѣ, но *непремѣнно* должно было написаться къ завтраму. Привыкнувъ такъ работать, я поступилъ точно такъ же и съ «Униженными и оскорбленными», но никѣмъ на

этотъ разъ не принуждаемый, а по собственной волѣ моей. Начинающемуся журналу, успѣхъ котораго мнѣ былъ дороже всего, нуженъ былъ романъ, и я предложилъ романъ въ четырехъ частяхъ. *Я самъ* увѣрилъ брата, что весь планъ у меня давно сдѣланъ (чего не было), что писать мнѣ будетъ легко, что первая часть уже написана и т. д. Здѣсь я дѣйствовалъ не изъ-за денегъ. Совершенно сознаюсь, что въ моемъ романѣ выставлено много куколъ, а не людей, что въ немъ ходячія книжки, а не лица, принявшія художественную форму (на что требовалось дѣйствительно время и *выноска* идей въ умѣ и въ душѣ). Въ то время, какъ я писалъ, я, разумѣется, въ жару работы этого не сознавалъ, а только развѣ предчувствовалъ. Но вотъ что я зналъ навѣрно, начиная тогда писать: 1) что романъ, хотя и не удастся, но въ немъ будетъ поэзія, 2) что будетъ два-три мѣста горячихъ и сильныхъ, 3) что два наиболѣе серьезныхъ характера будутъ изображены совершенно вѣрно и *даже* художественно. Этой увѣренности было съ меня довольно. Вышло произведеніе дикое, но въ немъ есть съ полсотни страницъ, которыми я горжусь. Произведеніе это обратило, впрочемъ, на себя нѣкоторое вниманіе публики». Говоря такимъ образомъ о впечатлѣніи, произведенномъ его романомъ, Достоевскій не преувеличивалъ: впечатлѣніе, дѣйствительно, было самое благопріятное, несмотря на существеннѣйшіе недостатки художественной стороны произведенія, какъ это показалъ Добролюбовъ въ обширной критической статьѣ. Указавъ на то, что «романъ Достоевскаго представляетъ лучшее произведеніе года», критикъ рѣшительно заявляетъ, что къ этому роману неприложимы «правила строго-художественной критики». Съ точки зрѣнія этихъ правилъ въ романѣ можно найти множество весьма крупныхъ недостатковъ, можно даже сказать, что этотъ романъ «въ изложеніи своемъ обнаруживаетъ отсутствіе претензій на художественное значеніе». Добролюбовъ видитъ въ романѣ «бѣдность и неопредѣленность образовъ», повторенія неизбѣжныя, «неумѣнье обработать каждый характеръ даже настолько, чтобы хоть сообщить ему соотвѣтственный способъ внѣшняго выраженія»; критикъ отрицаетъ «художественную полноту и цѣльность романа» и говоритъ, что онъ «ниже эстетической критики». «Г. Достоевскій не имѣетъ такихъ претензій, не придаетъ себѣ такой важности, какъ другіе. Онъ изобразилъ нѣкоторыя свои литературныя отношенія въ запискахъ Ивана Петровича; я не считаю нескромнымъ сказать это, потому что самъ авторъ явно не хотѣлъ скрываться. Онъ съ такими подробностями разсказываетъ тамъ содержаніе «Бѣдныхъ людей», какъ первой повѣсти Ивана Петровича, — что нѣтъ возможности ошибиться. Такъ, тутъ-то онъ между прочимъ сознается, что писалъ многое вслѣдствіе необходимости, писалъ къ сроку, написывалъ по три съ половиною печатныхъ листа въ два дня и двѣ ночи; называетъ себя почтовою клячею въ литературѣ; смѣется надъ критикомъ, увѣрявшимъ, что отъ его сочиненій пахнетъ потомъ и что онъ ихъ слишкомъ обдѣлываетъ. Словомъ, г. Достоевскій смотритъ повидимому на свои произведенія, какъ мы всѣ, обыкновенные люди,—не какъ на несокрушимый памятникъ для потомства, а просто—какъ на журнальную работу. А ужъ извѣстно, что такое журнальная работа: тутъ не до обработки, не до подробностей, не до строгости къ себѣ въ развитіи мысли... Довольно того, что хоть кое-какъ успѣешь бросить эту мысль на бумагу».

Если романъ «Униженные и оскорбленные», проникнутый тѣмъ же гуманнымъ идеализмомъ, что и «Бѣдные люди», гуманнымъ воззрѣніемъ, по которому въ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни палъ, не можетъ угаснуть «искра Божія», имѣлъ выдающійся успѣхъ, то еще значительнѣе и прочнѣе оказался успѣхъ «Записокъ изъ мертваго дома», напечатанныхъ въ 1861 и 1862 гг. въ томъ же «Времени». По собственнымъ словамъ Достоевскаго, «Записки изъ мертваго дома» были прочитаны всей Россіей и до сихъ поръ (т. е. до 70-хъ годовъ) цѣнятся весьма высоко, хотя порядки и обычаи, описанные въ нихъ, давно уже измѣнились въ Россіи». Объясняется этотъ огромный успѣхъ «Записокъ изъ мертваго дома» съ одной стороны необыкновеннымъ реализмомъ изображенія, а съ другой той гуманной идеей, которая вложена авторомъ въ его произведеніе. Въ этомъ отношеніи Достоевскій выгодно отличается отъ дру-

гихъ писателей, касавшихся того же предмета: они давали или протокольно-точное, не художественное описаніе каторжной были, или же чисто-фантастическіе образы добродѣтельныхъ каторжниковъ, при помощи чего предполагалось доказать нѣкоторое гуманное положеніе. У Достоевскаго нѣтъ этой дисгармоніи между идеей и образомъ, взятымъ изъ дѣйствительности, и въ этомъ заключается сила его созданія. Всякій, говоритъ Достоевскій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни былъ онъ униженъ, хоть и инстинктивно, хоть безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальствомъ, но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдовательно и надо съ нимъ обращаться по человѣчески. Боже мой! Да человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнѣлъ образъ Божій. Съ этими-то «несчастными» и надо обращаться наиболѣе по человѣчески. Это спасенье и радость ихъ. Я встрѣчалъ такихъ добрыхъ и благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Нѣсколько ласковыхъ словъ, и арестантъ чуть не воскресалъ нравственно. Они, какъ дѣти, радовались и, какъ дѣти, начинали любить». Это человѣческое отношеніе къ каторжникамъ представляется автору особенно необходимымъ потому, что передъ нимъ выдвигается настойчиво вопросъ, кто виноватъ въ томъ, что въ каторгѣ погибаетъ такъ много силъ, которыя, при правильномъ развитіи могли бы имѣть значеніе въ общественной жизни. «И сколько въ этихъ стѣнахъ, — восклицаетъ авторъ, — погребено молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо же все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?» Кромѣ этого гуманнаго заключенія, близкое общеніе съ народомъ на каторгѣ оказало вліяніе на выработку мессіанистическаго воззрѣнія Достоевскаго на русскій народъ, какъ надѣленный высокими нравственными идеалами. «Высшая, говоритъ онъ, и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки — быть впереди, во всѣхъ мѣстахъ, во что бы то ни стало, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ,—этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кожу и посмотрѣть на самое зерно поближе, повнимательнѣе, безъ предразсудковъ,—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу: сами они должны еще у него поучиться». Столь идеалистическія заключенія, вынесенныя Достоевскимъ изъ его наблюденій на каторгѣ, нисколько однако не связываются съ какимъ-либо прикрашиваніемъ дѣйствительности, и Достоевскій уже въ самомъ началѣ своихъ «Записокъ изъ мертваго дома» даетъ общую характеристику каторжниковъ, въ которой весьма ярко видны мрачныя, отрицательныя черты этихъ людей. «Были здѣсь, говоритъ онъ, убійцы невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги — промышленники по находнымъ деньгамъ и по столевской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы, кажется, они могли прійти сюда? А между тѣмъ у всякаго была своя повѣсть, смутная и тяжелая, какъ угаръ отъ вчерашняго похмѣлья. Вообще о быломъ своемъ они говорили мало, не любили разсказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще, жизнь свою рѣдко кто разсказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ развѣ изрѣдка разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. «Мы—народъ грамотный», говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ... Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно гра-

мотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать... Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо - веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ,— былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый, и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ, какъ наружно держать себя. Но нерѣдко самый заносчивый видъ смѣнялся съ быстротою молніи на самый малодушный. Было нѣсколько истинносильныхъ людей; тѣ были просты и не кривлялись. Но странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще, тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывные: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ въ острогѣ никто не смѣлъ возставать: всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ усиліемъ подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ будто не сами собой, какъ будто сами не зная зачѣмъ, какъ будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ величайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные, до прибытія въ острогъ бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить уже не кого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшенаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ, было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать оффиціальное, какое-то спокойное резонерство... Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, выбранить его—ругательствамъ не будетъ конца. А какіе были они всѣ мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался; если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей, всѣ они были другъ другу чужіе». Приведенная общая отрицательная характеристика подтверждается и описаніями отдѣльныхъ типовъ каторжнаго населенія: таковъ злой, жестокій пьяница Газинъ, таковъ доносчикъ изъ дворянъ А-въ, таковъ отцеубійца, съ шутками вспоминающій объ отцѣ и др. Но рядомъ съ этимъ указываются въ населеніи каторги такія черты, въ которыхъ можно усмотрѣть нѣчто свѣтлое. Авторъ показываетъ, что арестанты способны свято относиться къ данному слову, разъ по отношенію къ нимъ проявляется человѣчность: самый фактъ довѣрія подымаетъ ихъ нравственно. Мы видимъ, какое увлеченіе искусствомъ обнаруживается у этихъ острожниковъ, когда начальство разрѣшаетъ имъ театральное представленіе. Но болѣе всего свѣтлыя черты обнаруживаются подъ вліяніемъ религіи, которая всѣхъ равняетъ передъ Богомъ. Это особенное религіозное настроеніе прекрасно рисуется Достоевскимъ при описаніи Рождества. «Уваженіе къ торжественному дню, разсказываетъ онъ, переходило у арестантовъ даже въ какую-то форменность: немногіе гуляли; всѣ были серьезны и какъ будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные и гуляки старались сохранить въ

себѣ какую-то важность... Смѣхъ какъ будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хоть бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него, какъ будто за неуваженіе къ самому празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ, стало быть, отверженецъ, погибшій человѣкъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ то же, что у людей. Они это чувствовали: это было видно и понятно». То же настроеніе изображается Достоевскимъ, когда онъ описываетъ говѣніе арестантовъ, которые «молились очень усердно, и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копѣйку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ. «Тоже вѣдь и я человѣкъ», можетъ быть, думалъ онъ и чувствовалъ, подавая:—«передъ Богомъ-то всѣ равны»... Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: «но яко разбойника мя пріими»,—почти всѣ повалились на землю, звуча кандалами, кажется, принявъ эти слова буквально на свой счетъ». Представивъ такого звѣря-человѣка, какъ Газинъ, Достоевскій въ своихъ «Запискахъ изъ мертваго дома» даетъ и нѣсколько такихъ типовъ, относительно которыхъ невольно рождается вопросъ, какъ они попали на каторгу, можно ли ихъ равнять съ настоящими преступниками; это—старикъ-раскольникъ изъ стародубскихъ слободъ, по религіозному фанатизму поджегшій единовѣрческую церковь, но въ общемъ прекрасный, высоконравственный человѣкъ; это дѣти природы—кавказскіе горцы, Нурра и Алей, рѣшительно не понимающіе преступности своихъ дѣйствій, вполнѣ одобряемыхъ ихъ первобытною моралью; это «несчастные» преступники въ силу рокового стеченія обстоятельствъ—Сушиловъ, Сироткинъ и др. Къ нимъ примѣняется то же наказаніе, что и къ закоренѣлымъ злодѣямъ, и, указывая на эту ненормальность, Достоевскій выдвигалъ въ своихъ «Запискахъ» одинъ изъ важнѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ о соотвѣтствіи между преступленіемъ и налагаемымъ за него наказаніемъ.

Въ томъ же 1861 г., когда вышли указанные два романа, появляются въ журналѣ «Время» критическія статьи Достоевскаго о русской литературѣ, изъ которыхъ наиболѣе важною слѣдуетъ признать статью «Г.—бовъ и вопросъ объ искусствѣ»; здѣсь Достоевскій рѣшительно возстаетъ противъ утилитарныхъ требованій, предъявлявшихся искусству Добролюбовымъ, хотя и не соглашается принять теоріи чистаго искусства, отрѣшеннаго отъ жизни. «Вопросъ объ искусствѣ, по нашему мнѣнію, говоритъ Достоевскій, не такъ поставленъ въ настоящее время, дошелъ до крайности и запутался отъ взаимнаго ожесточенія обѣихъ партій... По настоящему спорить не о чемъ, потому что искусство всегда современно и дѣйствительно, никогда не существовало иначе и, главное, иначе не можетъ существовать... Во-первыхъ, если намъ иногда кажется, что искусство уклонилось отъ дѣйствительности и не служитъ полезнымъ цѣлямъ, то это только потому, что мы не знаемъ навѣрно путей полезности искусства, и кромѣ того отъ излишняго жара въ нашихъ желаніяхъ немедленной, прямой и непосредственной пользы, т. е. въ сущности отъ горячаго сочувствія къ общему благу... Во-вторыхъ, потому намъ иногда кажется, что искусство уклоняется отъ дѣйствительности, что дѣйствительно есть сумасшедшіе поэты и прозаики, которые прерываютъ всякое сношеніе съ дѣйствительностью, дѣйствительно умираютъ для настоящаго, обращаются въ какихъ-то древнихъ грековъ или средневѣковыхъ рыцарей и прокисаютъ въ антологіи или въ средневѣковыхъ легендахъ... Въ третьихъ, наши поэты и художники дѣйствительно могутъ уклоняться отъ настоящаго пути или вслѣдствіе непониманія своихъ гражданскихъ обязанностей, или вслѣдствіе неимѣнія гражданскаго чутья, или отъ разрозненности общественныхъ интересовъ, отъ несозрѣлости, отъ непониманія дѣйствительности, отъ нѣкоторыхъ историческихъ причинъ, отъ не совсѣмъ еще сформировавшагося общества, оттого, что многіе—кто въ лѣсъ, кто по дрова, и потому съ этой стороны призывы, укоры и разъясненія г.-бова въ высочайшей степени почтенны.

Но Г.-бовъ идетъ уже слишкомъ далеко. То, что онъ называетъ погремушками и альбомными побрякушками, мы и съ другой точки зрѣнія признаемъ и нормальнымъ и полезнымъ, и такимъ образомъ анталогическіе поэты не всѣ до единаго сумасшедшіе, а только тѣ изъ нихъ, которые совсѣмъ отрѣшились отъ современной дѣйствительности... «Побрякушки» же тѣмъ полезны, что, по нашему мнѣнію, мы связаны и исторической и внутренней духовной нашей жизнью и съ историческимъ прошедшимъ и общечеловѣчностью. Что-жъ дѣлать? Безъ того вѣдь нельзя, вѣдь это законъ природы. Мы даже думаемъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ способенъ откликаться на историческое и общечеловѣческое, тѣмъ шире его природа, тѣмъ богаче его жизнь и тѣмъ способнѣе такой человѣкъ къ развитію». Кромѣ этой статьи объ искусствѣ любопытно также и «Введеніе къ ряду статей», въ которомъ Достоевскій подробно развиваетъ намѣченный въ «Запискахъ изъ мертваго дома» мессіанистическій взглядъ на міровую роль Россіи. «Мы вѣруемъ, говоритъ онъ, что русская нація—необыкновенное явленіе въ исторіи человѣчества. Характеръ русскаго народа до того не похожъ на характеры всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ, что европейцы до сихъ поръ не понимаютъ его и понимаютъ въ немъ все обратно. Всѣ европейцы идутъ къ одной и той же цѣли и одному и тому же идеалу; это безспорно такъ. Но всѣ они разъединяются между собою почвенными интересами, исключительны другъ къ другу до непримиримости и все болѣе и болѣе расходятся по разнымъ путямъ, уклоняясь отъ общей дороги. Повидимому, каждый изъ нихъ стремится отыскать общечеловѣческій идеалъ у себя, своими собственными силами и потому всѣ вмѣстѣ вредятъ сами себѣ и своему дѣлу... Англичанинъ до сихъ поръ не можетъ понять никакой разумности во французѣ и, обратно, французъ въ англичанинѣ, и это не только у нихъ сборное мнѣніе, инстинктивное чувство всей націи, но замѣчается даже въ первыхъ людяхъ, въ предводителяхъ обѣихъ націй. Англичанинъ смѣется надъ своимъ сосѣдомъ при всякомъ случаѣ и съ непримиримою ненавистью глядитъ на національныя его особенности. Соперничество лишаетъ ихъ, наконецъ, безпристрастія. Они перестаютъ понимать другъ друга; они раздѣльно смотрятъ на жизнь, раздѣльно вѣруютъ и поставляютъ это себѣ за величайшую честь. Они все упорнѣе и упорнѣе отдѣляются другъ отъ друга своими правилами, нравственностью, взглядомъ на весь міръ Божій. И тотъ и другой во всемъ мірѣ замѣчаютъ только самихъ себя, а всѣхъ другихъ—какъ личное себѣ препятствіе, и каждый отдѣльно у себя хочетъ совершить то, что могутъ совершить только всѣ народы, всѣ вмѣстѣ общими соединенными силами... Большею частью таковы и всѣ европейцы. Идея общечеловѣчности все болѣе и болѣе стирается между ними. У каждаго изъ нихъ она получаетъ другой видъ, тускнѣетъ, принимаетъ въ сознаніи новую форму. Христіанская связь, до сихъ поръ ихъ соединявшая, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу. Даже наука не въ силахъ соединить все болѣе и болѣе расходящихся. Положимъ, они отчасти правы въ томъ отношеніи, что эти-то исключительности, это взаимное соперничество, эта-то замкнутость отъ всѣхъ въ самихъ въ себя, эта гордая надежда на себя одного—и придаютъ каждому изъ нихъ такія исполинскія силы въ борьбѣ съ препятствіями на пути. Но тѣмъ самымъ эти препятствія все болѣе и болѣе увеличиваются и умножаются. Вотъ почему европейцы совершенно не понимаютъ русскихъ и величайшую особенность въ ихъ характерѣ назвали безличностью. Мы согласны, что выговариваемъ все это бездоказательно. Доказывать все это теперь мы считаемъ не въ предѣлахъ нашей статьи. Но съ нами согласятся по крайней мѣрѣ, что въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность, что въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности. Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому внѣ различія національности, крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько нибудь есть общечеловѣческаго интереса.

У него инстинктъ общечеловѣчности. Онъ инстинктомъ угадываетъ общечеловѣческую черту даже въ самыхъ разныхъ исключительностяхъ другихъ народовъ; тотчасъ же соглашаетъ, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко открываетъ точку соединенія и примиренія въ совершенно - противоположныхъ, соперническихъ идеяхъ двухъ различныхъ европейскихъ націй,—въ идеяхъ, которыя сами собою, у себя дома, еще до сихъ поръ, къ несчастью, не находятъ способа примириться между собою, а, можетъ быть, и никогда не примирятся. Въ то же самое время въ русскомъ человѣкѣ видна самая полная способность самой здравой надъ собою критики, самаго трезваго на себя взгляда, и отсутствіе всякаго самовозвышенія, вредящаго свободѣ дѣйствія. Разумѣется, мы говоримъ про русскаго человѣка вообще, собирательно, въ смыслѣ всей націи. Даже физическими способностями русскій не похожъ на европейцевъ. Всякій русскій можетъ говорить на всѣхъ языкахъ и изучить духъ каждаго чуждаго языка до тонкости, какъ бы свой собственный русскій языкъ, чего нѣтъ въ европейскихъ народахъ, въ смыслѣ всеобщей народной способности. Неужели же это не указываетъ на что-нибудь? Неужели по такимъ явленіямъ нельзя осмыслить и хоть отчасти предугадать что-нибудь въ будущемъ развитіи нашего народа, въ его стремленіяхъ и цѣляхъ?» Сказавъ затѣмъ о значеніи Петровской реформы, какъ выраженія именно этой способности къ «общечеловѣчности», Достоевскій заключаетъ: «И страшно, до какой степени свободенъ духомъ человѣкъ русскій, до какой степени сильна его воля! Никогда никто не отрывался такъ отъ родной почвы, какъ приходилось иногда ему, и не поворачивалъ такъ круто въ другую сторону, вслѣдъ за своимъ убѣжденіемъ! И кто знаетъ, господа иноземцы, можетъ Россіи именно предназначено ждать, пока вы кончите; тѣмъ временемъ проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цѣли, характеръ стремленій вашихъ; согласить ваши идеи, возвысить ихъ до общечеловѣческаго значенія и, наконецъ, свободной духомъ, свободной отъ всякихъ постороннихъ, сословныхъ и почвенныхъ интересовъ, двинуться въ новую, широкую, еще невѣдомую въ исторіи дѣятельность, начавъ съ того, чѣмъ вы кончите, и увлечь васъ всѣхъ за собою».

Разсмотрѣнныя произведенія Достоевскаго имѣли большое вліяніе на успѣхи журнала «Время» и, объявляя о подпискѣ на 1862 годъ, редакція имѣла полное право сказать такимъ образомъ: «Публика поддержала насъ; она отозвалась на прошлогоднее объявленіе наше и тѣмъ укрѣпила въ насъ увѣренность, что идея, во имя которой мы предприняли нашъ журналъ, справедлива... Не въ похвальбу себѣ говоримъ, что поддержка, оказанная намъ публикой, была въ размѣрахъ, далеко уже неслыханныхъ въ нашей журналистикѣ. Но вопросъ: какъ служили мы нашей идеѣ? Не обманули-ль мы публику, въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыя въ ней возбудили? Успѣли-ль высказаться хоть сколько-нибудь? Отвѣчаемъ: мы еще не могли много сдѣлать, хотя и желали и надѣялись сдѣлать и высказать больше. Мы сознаемся въ этомъ первые. Если публика и оказывала намъ свое вниманіе до конца, до послѣдней книжки, выданной нами, то относимъ это къ тому, что она вѣритъ въ честность и искренность нашей идеи; а это главное, что намъ нужно, и вѣры ея мы не обманемъ. Почти годъ изданія журнала—и обстоятельства, сопровождавшія его, не только не поколебали нашихъ убѣжденій, но даже еще болѣе усилили ихъ. Мы не теряемъ надежду высказать нашу мысль вполнѣ. А говорить еще надо о многомъ. Договориться до чего-нибудь надо непремѣнно. Не слѣдуетъ, чтобы событія, факты застали литературу нашу врасплохъ. Всѣ объявляютъ, что они за прогрессъ, безъ этого нельзя, это sine qua non. Но что за прогрессъ, когда мы de facto все еще сидимъ на европейскихъ учебникахъ? Движеніе впередъ—явленіе нормальное, законное, и Боже насъ сохрани противорѣчить ему! Но, отказавшись отъ того, что было безплоднаго и губительнаго въ явленіяхъ нашей прежней жизни, мы унеслись на воздухъ и отказались чуть ли не отъ самой почвы. Безъ почвы ничего не вырастетъ и никакого плода не будетъ. А для всякаго плода нужна *своя* почва, *свой* климатъ, *свое* воспитаніе. Безъ крѣпкой почвы подъ ногами и движеніе впередъ невозможно: еще, пожалуй, поѣдешь назадъ или свалишься съ облаковъ. Какъ не согласиться, что многія явленія даже прошедшей, от-

жившей жизни нашей мы мѣряли слишкомъ узкой мѣркой? Мы ко всему сплошь прикидывали нашъ новый аршинчикъ торопливо, съ заранѣе готовымъ взглядомъ. Мы поскорѣе хотѣли успокоить себя, что во всемъ правы, а это значитъ, сами про себя боялись: не лжемъ-ли? Даже во многихъ явленіяхъ, прямо отнесенныхъ нами къ «темному царству», мы проглядѣли почвенную силу, законы развитія, любовь. На все это надо выработать взглядъ новый, безпристрастный, но дальновидный. Мы уничтожали все сплошь, потому только, что оно старое». Развивая затѣмъ программу почвенниковъ, мысль объ «упраздненіи» западничества и славянофильства, Достоевскій говоритъ: «Да ужъ согласимся, наконецъ, вымолвимъ всю правду: мы и *русскую*-то нашу землю любимъ какъ-то условно, по книжному. Мы пріучились, наконецъ, къ тому, что намъ ужъ ни до чего дѣла нѣтъ. Мы такъ облѣнились, что привыкли къ тому, чтобъ за насъ все другіе дѣлали, а намъ ужъ подавали готовое, хоть и не хорошо приготовленное, но готовое. За то самолюбія, желчи въ насъ накопилось бездна; немудрено—сидячая жизнь! Справьтесь съ медициной. Мы жаждемъ практики и сердимся лежа за то, что у насъ ея нѣтъ. Можетъ быть, если бы мы умѣли любить, то нашли бы себѣ, пожалуй, и практику; вѣдь любить-то можно и при разлитіи желчи... Но покамѣстъ у насъ еще только раздоры и споры, правда, все о предметахъ высокихъ: о русской мысли, о русской жизни, о русской наукѣ и проч. Мы даже дошли до того, что многіе изъ мыслителей нашихъ откровенно спрашиваютъ: «Какая же это русская мысль? Что это за слово такое: народная почва?» Откровенность же этихъ вопросовъ—фактъ очень значительный и многое оправдывающій. Мы говоримъ серьезно. Значитъ, ужъ очень хочется договориться, коли объ этомъ не затрудняются спрашивать. Впрочемъ, блаженной памяти «западники» были еще послѣдовательнѣе: тѣ тоже въ крайнихъ случаяхъ никогда не хитрили и прямо говорили, что намъ надо сдѣлаться—напримѣръ, хоть французами. Если они и не высказали этого прямо, то, по крайней мѣрѣ, уже раскрыли ротъ, чтобы высказать, и остановились единственно потому, что поперхнулись... Слово-то у нихъ въ горлѣ поперекъ стало. Еслибъ Бѣлинскій прожилъ еще годъ, онъ бы сдѣлался славянофиломъ, т. е. попалъ бы изъ огня въ полымя; ему ничего не оставалось болѣе; да сверхъ того онъ не боялся, въ развитіи своей мысли, никакого полымя. Слишкомъ ужъ много любилъ человѣкъ! Многіе изъ теперешнихъ стоятъ на той же точкѣ, на которой остановился Бѣлинскій, хотя и увѣряютъ себя, что ушли дальше. Другіе наши мыслители, оттого, что они во фракахъ, не хотятъ признать себя за народъ. Третьи хотятъ выписывать русскую народность изъ Англіи, такъ какъ ужъ принято, что англійскій товаръ самый лучшій. Четвертые бродятъ наканунѣ открытія общихъ законовъ, общей формулы для всего человѣчества, лѣпятъ общую всенародную форму, въ которую хотятъ отлить всеобщую жизнь, безъ различія племенъ и національностей, т. е. обратить человѣка въ стертый пятіалтынный.»

Успѣхъ журнала возросталъ и въ 1862 году, несмотря на то, что у него явилось не малое количество литературныхъ враговъ, и, печатая объявленіе о подпискѣ на 1863 годъ, Достоевскій писалъ: «Мы знаемъ, что нѣкоторые изъ недоброжелателей нашихъ стараются затемнить нашу мысль въ глазахъ публики, стараются не понять ея. Недоброжелателей у насъ много, да и не могло быть иначе. Мы нажили ихъ сразу, вдругъ. Мы выступили на дорогу слишкомъ удачно, чтобъ не возбудить иныхъ враждебныхъ толковъ. Это очень понятно. Мы, конечно, на это не жалуемся: иной журналъ, иная книга иногда по нѣскольку лѣтъ не только не возбуждаютъ никакихъ толковъ, но даже не обращаютъ на себя никакого вниманія ни въ литературѣ, ни въ публикѣ. Съ нами случилось иначе, и мы этимъ даже довольны. По крайней мѣрѣ мы возбудили толки, споры. Это вѣдь болѣе лестно, чѣмъ встрѣтить всеобщее невниманіе. Конечно, мы оставляемъ въ сторонѣ пустые и ничтожные толки рутинныхъ крикуновъ, не понимающихъ дѣла и неспособныхъ его понять. Они съ чужого голоса бросаются на добычу; ихъ натравливаютъ тѣ, у которыхъ они въ услуженіи и которые за нихъ думаютъ. Это—рутина. Въ рутинѣ не было ни одной своей мысли. Съ ними и толковать нечего. Но въ литературѣ нашей есть теоретики и есть доктринеры, и они постоянно нападали на насъ. Эти дѣйствуютъ сознательно. И они понимаютъ насъ, и мы понимаемъ ихъ. Съ

ними мы спорили и будемъ спорить. Но объяснимся, почему они на насъ нападали. Съ перваго появленія нашего журнала теоретики почувствовали, что мы съ ними во многомъ разнимся. Что хотя мы и согласны съ ними въ томъ, въ чемъ всякій въ настоящее время долженъ быть убѣжденъ окончательно (мы разумѣемъ прогрессъ), но въ развитіи, въ идеалахъ и въ точкахъ отправленія и опоры общей мысли мы съ ними не могли согласиться. Они, администраторы и кабинетные изучатели западныхъ воззрѣній, тотчасъ же поняли про себя то, что мы говорили о почвѣ, и съ яростью напали на насъ, обвиняя насъ въ фразерствѣ, говоря, что почва—пустое слово, котораго мы сами не понимаемъ и которое мы изобрѣли для эффекта. А между тѣмъ они насъ совершенно понимали и объ этомъ свидѣтельствовала самая ярость ихъ нападеній. На пустое слово, на рутинную гонку за эффектомъ не нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ. Повторяемъ: было много изданій и съ претензіей на новую мысль и съ погоней за эффектомъ, которыя по нѣскольку лѣтъ издавались, но не удостоивались даже малѣйшаго вниманія теоретиковъ. А на насъ они обрушились со всею яростью. Они очень хорошо знали, что призывы къ почвѣ, къ соединенію съ народнымъ началомъ—не пустые звуки, не пустыя слова, изобрѣтенныя спекуляціей для эффекта. Эти слова были для нихъ напоминаніемъ и упрекомъ, что сами они строятъ не на землѣ, а на воздухѣ. Мы съ жаромъ возставали на теоретиковъ, не признающихъ не только того, что въ народности почти все заключается, но даже и самой народности. Они хотятъ единственно началъ общечеловѣческихъ и вѣрятъ, что народности въ дальнѣйшемъ развитіи стираются, какъ старыя монеты, что все сливается въ одну форму, въ одинъ общій типъ, который, впрочемъ, они сами никогда не въ силахъ опредѣлить. Это—западничество въ самомъ крайнемъ своемъ развитіи и безъ малѣйшихъ уступокъ. Въ своей ярости они преслѣдовали не только грязныя и уродливыя стороны національностей, стороны, и безъ того необходимо долженствующія современемъ уступить правильному развитію, но даже выставляли въ уродливомъ видѣ и такія особенности народа нашего, которыя именно составляютъ залоги его будущаго самостоятельнаго развитія, которыя составляютъ его надежду и самостоятельную, вѣковѣчную силу. Въ своемъ отвращеніи отъ грязи и уродства, они, за грязью и уродствомъ, многое проглядѣли и многаго не замѣтили. Конечно, желая искренно добра, они были слишкомъ строги. Они съ любовью самоосужденія и обличенія искали одного только «темнаго царства» и не видали свѣтлыхъ и свѣжихъ сторонъ. Нехотя они иногда почти совпадали съ клеветниками народа нашего, съ бѣлоручками, смотрѣвшими на него свысока; они, сами того не зная, осуждали нашъ народъ на безсиліе и не вѣрили въ его самостоятельность. Мы, разумѣется, отличали ихъ отъ тѣхъ гадливыхъ бѣлоручекъ, о которыхъ сейчасъ упомянули. Мы понимали и умѣли цѣнить и любовь, и великодушныя чувства этихъ искреннихъ друзей народа, мы уважали и будемъ уважать ихъ искреннюю и честную дѣятельность, несмотря на то, что мы не во всемъ согласны съ ними. Но эти чувства не заставятъ насъ скрывать и нашихъ убѣжденій. Молчаніе было бы пристрастіемъ; къ тому же мы не молчали и прежде. Теоретики не только не понимали народа, углубляясь въ свою книжную мудрость, но даже презирали его, разумѣется, безъ худого намѣренія и, такъ сказать, нечаянно. Мы положительно увѣрены, что самые умные изъ нихъ думаютъ, что при случаѣ стоитъ только десять минутъ поговорить съ народомъ, и онъ все пойметъ; тогда какъ народъ, можетъ быть, и слушать-то ихъ не станетъ, объ чемъ бы они ни говорили ему. Въ правдивость, въ искренность нашего сочувствія не вѣритъ народъ до сихъ поръ и даже удивляется, зачѣмъ мы не за себя стоимъ, а за его интересы, и какая намъ до него надобность. Вѣдь мы до сихъ поръ для него птичьимъ языкомъ говоримъ. Но теоретики на это упорно не хотятъ смотрѣть, и, кто знаетъ, можетъ быть, не только разсужденія, но даже самые факты не могли бы ихъ убѣдить въ томъ, что они одни, на воздухѣ, въ совершенномъ одиночествѣ и безъ всякой опоры на почву; что все это не то, совершенно не то. Что касается до нашихъ доктринеровъ, то они, конечно, не отвергаютъ народности, но зато смотрятъ на нее свысока. Въ томъ-то и дѣло, что весь споръ состоитъ въ томъ, какъ

нужно понимать народъ и народность. Они понимаютъ еще слишкомъ по старому; они вѣрятъ въ разные общественные слои и осадки. Доктринеры хотятъ учить народъ, согласны писать для него народныя книжки (до сихъ поръ, впрочемъ, не умѣли написать ни одной), а не понимаютъ главнѣйшей аксіомы, что только тогда народъ станетъ читать ихъ книжки, когда они сами станутъ народомъ, отъ всего сердца и разума, а не по маскарадному, т. е. когда народные интересы станутъ совершенно нашими, а наши— его интересами. Но подобное возвращеніе на почву для нихъ и немыслимо. Недаромъ же они такъ много говорятъ о своихъ наукахъ, профессорствахъ, достоинствахъ и чуть ли не о чинахъ своихъ. Самые милостивые изъ нихъ соглашаются развѣ только на то, чтобы возвысить народъ до себя, обучивъ его всѣмъ наукамъ и тѣмъ образовавъ его. Они не понимаютъ нашего выраженія: «соединеніе съ народнымъ началомъ» и нападаютъ на насъ за него, какъ будто это какая-то таинственная формула, подъ которой заключается какой-то таинственный смыслъ. «Да и что новаго въ народности?» говорятъ намъ они. «Это тысячу разъ говорилось и прежде, говорилось даже въ недавнія давнопрошедшія времена. Въ чемъ тутъ новая мысль, въ чемъ особенность?» Повторяемъ: все дѣло въ пониманіи слова «народность». Въ нашихъ словахъ о соединеніи не было никакого таинственнаго смысла. Надо было понимать буквально, и мы до сихъ поръ убѣждены, что мы ясно выразились. Мы прямо говорили и теперь говоримъ, что нравственно надо соединиться съ народомъ вполнѣ и какъ можно крѣпче; что надо совершенно слиться съ нимъ и нравственно стать съ нимъ, какъ одна единица. Вотъ, что мы говорили и до сихъ поръ говоримъ. Такого полнаго соединенія, конечно, теоретики и доктринеры не могли понимать»[1]).

Воззрѣнія почвенниковъ поддерживались въ Достоевскомъ не только тѣми заключеніями, къ которымъ онъ пришелъ раньше уже вслѣдствіе общенія съ народомъ, но и новыми впечатлѣніями, произведенными на него западно-европейской жизнью во время лѣтняго путешествія 1862 года. Отправился онъ въ эту поѣздку въ началѣ іюня. Посѣтилъ онъ Парижъ, Лондонъ, гдѣ видѣлся съ Герценомъ, къ которому въ это время относился почти сочувственно; затѣмъ онъ проѣхалъ въ Швейцарію и въ Женевѣ встрѣтился съ Н. Н. Страховымъ. По свидѣтельству послѣдняго, Достоевскій «не былъ большимъ мастеромъ путешествовать; его не занимали особенно ни природа, ни историческіе памятники, ни произведенія искусства, за исключеніемъ развѣ самыхъ великихъ; все его вниманіе было устремлено на людей, и онъ схватывалъ только ихъ природу и характеръ, да развѣ общее впечатлѣніе уличной жизни. Онъ горячо сталъ мнѣ объяснять, что презираетъ обыкновенную казенную манеру осматривать по путеводителю разныя знаменитыя мѣста. И мы, дѣйствительно, ничего не осматривали, а только гуляли, гдѣ полюднѣе, и разговаривали. У меня не было опредѣленной цѣли, и я тоже старался уловить только общую физіономію этой, ни разу мною не виданной, жизни и природы. Женеву Ѳедоръ Михайловичъ находилъ вообще мрачною и скучною. По моему предложенію, мы съѣздили въ Люцернъ; мнѣ очень хотѣлось видѣть Озеро Четырехъ Кантоновъ, и мы дѣлали увеселительную прогулку на пароходѣ по этому озеру. Погода стояла прекрасная, и мы могли вполнѣ налюбоваться этимъ несравненнымъ видомъ». Затѣмъ путешественники рѣшили посѣтить Флоренцію. «Мы пустились, разсказываетъ Страховъ, въ путь черезъ Монсенисъ и Туринъ въ Геную; тамъ сѣли на пароходъ, на которомъ пріѣхали въ Ливорно, а оттуда, по желѣзной дорогѣ, во Флоренцію. Въ Туринѣ мы ночевали, и онъ своими прямыми и плоскими улицами показался Ѳедору Михайловичу напоминающимъ Петербургъ. Во Флоренціи мы прожили съ недѣлю въ скромной гостиницѣ Pension Suisse. И тутъ мы не дѣлали ничего такого, что дѣлаютъ туристы. Кромѣ прогулокъ по улицамъ, здѣсь мы занимались еще чтеніемъ. Тогда только что вышелъ романъ В. Гюго «Les misérables», и Ѳедоръ Михайловичъ покупалъ его томъ за томомъ. Прочитавъ самъ, онъ передавалъ книжку мнѣ, и тома три или четыре было прочитано въ

[1]) Теоретиками и доктринерами «Время» называло представителей «Современника» и «Русскаго Вѣстника».

эту недѣлю... Однажды мы вмѣстѣ пошли въ galleria degli Uffizi; но такъ какъ мы не составили никакого опредѣленнаго плана и ни мало не готовились къ осмотру, то Ѳедоръ Михайловичъ скоро сталъ скучать, и мы ушли, кажется, не добравшись даже до Венеры Медицейской. Зато наши прогулки по городу были очень веселы, хотя Ѳедоръ Михайловичъ и находилъ иногда, что Арно напоминаетъ Фонтанку... Во Флоренціи мы разстались; онъ хотѣлъ, если не ошибаюсь, ѣхать въ Римъ (что не состоялось), а мнѣ хотѣлось хоть недѣлю провести въ Парижѣ, гдѣ онъ уже побывалъ». Къ сентябрю Достоевскій вернулся въ Петербургъ, и литературнымъ результатомъ этой его поѣздки были «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», напечатанныя во «Времени», 1863 года, т. II и III. Въ этихъ «Замѣткахъ» выразились отрицательныя заключенія Достоевскаго о западно-европейской жизни, въ буржуазномъ строѣ которой онъ увидѣлъ торжество Ваала. Создалась на западѣ, какъ замѣчаетъ Достоевскій, какая-то «колоссальная декорація» богатства, роскоши, общаго процвѣтанія, и «при такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ джинѣ и развратѣ и начинаетъ вѣровать, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давитъ, масса деревенѣетъ и прихватываетъ китайщины, или, если рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ нибудь, вродѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее на яву не увидите. Говорили мнѣ, напримѣръ, что ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются, какъ море, по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь, до пяти часовъ, празднуютъ шабашъ, то-есть наѣдаются и напиваются, какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльныя экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съѣстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно-дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія. Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, заблудился я однажды и долго толкался по улицамъ, среди неисчислимой толпы этого мрачнаго города, разспрашивая почти знаками дорогу, потому что по-англійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того, что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощупывали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: «доколѣ, Господи!» И они сами знаютъ это и покамѣстъ отмщаютъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какіе-то трясучки и странники и не догадываемся, что тутъ—отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное, инстинктивное, отдѣленіе во что бы то ни стало, для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти милліоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тьмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобы не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть по своему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами... Кто

бывалъ въ Лондонѣ, тотъ, навѣрно, хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся публичныя женщины... Въ Гай-Маркетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки, лѣтъ по двѣнадцати, хватаютъ васъ за руку и просятъ, чтобы вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія въ лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклокоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у нея деньги...»

Въ западной жизни бросается въ глаза царящій въ ней эгоизмъ буржуазіи, и при немъ чистѣйшей утопіей представляются всякія мечты объ усовершенствованіи соціальныхъ отношеній. Достоевскій указываетъ, какое сильное крушеніе потерпѣли планы революціонеровъ конца XVIII вѣка. «Вѣдь предрекъ же, говоритъ онъ, аббатъ Сійесъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это все. «Что такое tiers état? Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ». Ну, такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣритъ, несмотря на то, что все, что было сказано послѣ словъ Сійеса, сбрендило и лопнуло, какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозгласили вскорѣ послѣ него: liberté, égalité, fraternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все, что угодно, въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все, что угодно? Когда имѣешь милліонъ. Даетъ ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все, что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все, что угодно. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Что-жъ остается изъ формулы? Братство. Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ, какъ о великой движущей силѣ человѣчества, и не догадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство, во что бы то ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братство нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской, да и вообще западной, его въ наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленнаго самосохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *я*, сопоставленія этого *я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ, какъ самоправнаго, отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ*, а все это остальное должно бы было само придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *я* и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному, что есть на свѣтѣ.

Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: она требуетъ съ бою, она требуетъ права, она хочетъ *дѣлиться*—ну и не выходитъ братства. Конечно, можно переродиться! Но перерожденіе это совершается тысячелѣтіями, ибо подобныя идеи должны сначала въ плоть и кровь войти, чтобы стать дѣйствительностью. Что-жъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобы быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе самого себя въ пользу всѣхъ есть, по моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы: къ этому тянетъ нормально человѣка». Сообразно этому взгляду на значеніе личности, Достоевскій рисуетъ картину истиннаго, разумнаго братства, которое состояло бы въ томъ, чтобы каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя, сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю, и пожалуйста располагайте мною. Это высшее счастіе мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало бы и осталось...» А братство, напротивъ, должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастіе; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самоправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны, будь же вполнѣ спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ». При такомъ пониманіи братства, Достоевскій естественно долженъ отвергнуть и тѣ планы общественнаго переустройства, которые выработаны соціалистами. «Что дѣлать соціалисту, восклицаетъ онъ, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а, напротивъ, начало единичное, личное, безпрерывно обособляющееся, требующее съ мечемъ въ рукѣ своихъ правъ. Соціалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства, онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобъ сдѣлать рагу изъ зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имѣется, то есть, не имѣется натуры, способной къ братству, вѣрующей въ братство, которую само тянетъ на братство! Въ отчаяніи соціалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, разсчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тяготѣетъ, и опредѣляетъ заранѣе разсчетъ благъ земныхъ: насколько кто ихъ заслужитъ и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужъ какое тутъ братство, когда заранѣе дѣлятся и опредѣляютъ, кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать?.. И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи

соціалистъ провозглашаетъ, наконецъ: liberté, égalité, fraternité ou la mort. Ну, ужъ тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ».

Журналъ «Время», благодаря участію Достоевскаго, написавшаго за два года около 100 печатныхъ листовъ, и благодаря сотрудничеству многихъ выдающихся писателей, какъ то Некрасова, Щедрина, Островскаго, А. Григорьева, очень скоро пріобрѣлъ расположеніе публики. Если первый годъ изданія, при 2.300 подписчикахъ, далъ нѣкоторый дефицитъ, то уже со второго года число подписчиковъ поднялось до 4.300 и можно было разсчитывать на хорошій доходъ отъ журнала. Однако въ 1863 г. совершенно неожиданно журналъ постигла кара: за помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ статью Н. Н. Страхова «Роковой вопросъ» журналъ былъ окончательно запрещенъ. Хотя Страховъ и объяснялъ, что смыслъ его статьи вполнѣ патріотическій, что ее совершенно неправильно приняли за проявленіе полонофильства, и хотя въ этомъ именно смыслѣ было написано объясненіе и самимъ Достоевскимъ, впечатлѣніе статьи было до крайности неблагопріятное, такъ какъ написана она была весьма неясно и сама давала основательный поводъ къ недоразумѣнію. Такимъ образомъ для Достоевскаго наступила пора вынужденнаго бездѣлья, и лѣтомъ онъ снова ѣдетъ за границу, такъ какъ предыдущая поѣздка была весьма полезна для его здоровья. «Судя по всему, что могу припомнить, разсказываетъ Страховъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, Ѳедоръ Михайловичъ взялъ съ собою достаточно денегъ для поѣздки, но за границей попробовалъ поиграть въ рулетку и проигрался. Онъ познакомился съ рулеткой еще въ первую поѣздку, прежде чѣмъ доѣхалъ до Парижа, и тогда выигралъ тысячъ одиннадцать франковъ, что, разумѣется, было очень кстати для путешественника. Но эта первая удача уже больше не повторялась, а развѣ только вводила его въ соблазнъ. Въ рулеткѣ онъ не видѣлъ для себя ничего дурного, такъ какъ романисту было не лишнее испытать эту забаву и познакомиться съ нравами тѣхъ мѣстъ и людей, гдѣ она происходитъ». Проигравшись на этомъ разъ, Достоевскій пишетъ Страхову изъ Рима большое письмо, въ которомъ проситъ объ устройствѣ своихъ денежныхъ дѣлъ, такъ какъ ему скоро придется остаться «буквально безъ гроша». Поправить свои разстроенныя дѣла Достоевскій предполагаетъ при помощи аванса въ 300 руб., который разсчитываетъ получить изъ «библіотеки для чтенія», издаваемой П. Д. Боборыкинымъ, за разказъ, который обѣщаетъ доставить не позже 10 ноября. «Теперь, пишетъ онъ, готоваго у меня нѣтъ ничего. Но составился довольно счастливый (какъ самъ сужу) планъ одного разсказа. Большею частью онъ записанъ на клочкахъ. Я было даже началъ писать,—но невозможно здѣсь. Жарко и, во 2-хъ, пріѣхалъ въ такое мѣсто, какъ Римъ, на недѣлю; развѣ въ эту недѣлю, при Римѣ, можно писать? Да и устаю я очень отъ ходьбы. Сюжетъ разсказа слѣдующій:—одинъ типъ заграничнаго русскаго. Замѣтьте: о заграничныхъ русскихъ былъ большой вопросъ лѣтомъ въ журналахъ. Все это отразится въ моемъ разсказѣ. Да и вообще отразится современная минута (по возможности, разумѣется) нашей внутренней жизни. Я беру натуру непосредственную, человѣка однако же многоразвитого, во всемъ недоконченнаго, извѣрившагося и несмѣющаго не вѣрить, возстающаго на авторитеты и боящагося ихъ. Онъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что ему нечего дѣлать въ Россіи, и потому—жестокая критика на людей, зовущихъ изъ Россіи нашихъ заграничныхъ русскихъ. Но всего не разскажешь. Это лицо живое—(весь какъ будто стоитъ передо мною)—и его надо прочесть когда онъ напишется. Главная же штука въ томъ, что всѣ его жизненные соки, силы, буйство, смѣлость пошли на рулетку. Онъ—игрокъ, и не простой игрокъ—такъ же, какъ скупой рыцарь Пушкина не простой скупецъ. (Это вовсе не сравненіе меня съ Пушкинымъ. Говорю лишь для ясности). Онъ поэтъ въ своемъ родѣ, но дѣло въ томъ, что онъ самъ стыдится этой поэзіи, ибо глубоко чувствуетъ ея низость, хотя потребность *риска* и облагораживаетъ его въ глазахъ самого себя. Весь разсказъ—разсказъ о томъ, какъ онъ третій годъ играетъ по игорнымъ домамъ на рулеткѣ. Если «Мертвый Домъ» обратилъ на себя вниманіе публики, какъ изображеніе каторжныхъ, которыхъ никто не изображалъ *наглядно* до «Мертваго Дома», то этотъ разсказъ обратитъ непремѣнно на себя

вниманіе, какъ наглядное и подробнѣйшее изображеніе рулеточной игры. Кромѣ того, что подобныя статьи читаются у насъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, игра на водахъ, собственно относительно заграничныхъ русскихъ, имѣетъ нѣкоторое, можетъ быть не маловажное значеніе. Наконецъ, я имѣю надежду думать, что изображу всѣ эти чрезвычайно любопытные предметы съ чувствомъ, съ толкомъ и безъ большихъ разстановокъ». Просимый авансъ былъ выданъ, но повѣсти, какъ говоритъ Страховъ, «не суждено было явиться» въ журналѣ г. Боборыкина. «Редакторъ долго ея ждалъ, наконецъ, когда началась «Эпоха», сталъ требовать денегъ назадъ и не скоро ихъ получилъ».

Между тѣмъ, уже съ лѣта начались хлопоты объ изданіи новаго журнала. Его предполагалось назвать «Правда», и Достоевскій очень волновался при мысли о возможности новой работы. «Главное, писалъ онъ брату, чтобъ не обманывали обѣщаніями и дѣйствительно позволили бы скорѣе «Правду». Я признаюсь тебѣ, что не очень въ отчаяніи, что совершенно нельзя воскресить «Время». «Правда» можетъ произвести такой же эффектъ, если не больше, разумѣется при благопріятныхъ обстоятельствахъ,—это главное. Что же касается до названія «Правда», то, по моему, оно превосходно, удивительно, и можно чести приписать выдумку названія. Это прямо въ точку. И мысль наиболѣе подходящую заключаетъ, и къ обстоятельствамъ идетъ, а главное--въ немъ есть нѣкоторая наивность, вѣра, которая именно какъ разъ къ духу и къ направленію нашему, потому что нашъ журналъ былъ во все время до крайности наивенъ и, чортъ знаетъ, можетъ быть, и взялъ наивностью и вѣрой. Однимъ словомъ, названіе превосходное». Но это названіе не было разрѣшено цензурой, не позволили названія «Дѣло», и только въ имени «Эпоха» не найдено было ничего неудобнаго. Лишь 31 января 1864 г. появилось объявленіе объ изданіи журнала. Послѣ чисто формальной стороны редакція кратко говорила о своемъ направленіи: «мы уже слишкомъ долго толковали о почвѣ, о соединеніи—общества съ чисто-народными, естественными его интересами, чтобы объяснять теперь еще разъ направленіе нашего журнала. Великія событія послѣдняго времени, заявившія собой первые признаки (послѣ эпохи двѣнадцатаго года) соединенія общества съ земствомъ, такъ что та и другая сторона начали почти понимать другъ друга,—составляютъ наглядный примѣръ того, чего мы всегда желали и къ чему стремилось наше направленіе. Прійдетъ же, наконецъ, время, когда направленіе всѣхъ истинно-русскихъ будетъ слишкомъ ясно безъ всякихъ разъясненій, безъ всякихъ печальныхъ недоразумѣній». Новый журналъ Достоевскаго далеко уже не имѣлъ того успѣха, что «Время». Сразу обнаружилось какое-то небрежное отношеніе къ журналу со стороны редакціи: уже первая книжка запоздала на цѣлый мѣсяцъ и вмѣсто февраля была выпущена въ двойномъ объемѣ (за январь и февраль) лишь 24 марта, т. е. когда уже закончилась почти подписка на журналы. Вмѣстѣ съ тѣмъ крайне печально сложились семейныя дѣла Достоевскаго: за годъ изданія «Эпохи» умерли его жена и братъ, и положеніе его стало почти безвыходнымъ. О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ Достоевскій разсказываетъ такимъ образомъ: «Новыхъ подписчиковъ не было, пришлось досылать «Эпоху» вмѣсто «Времени» за 6 рублей въ годъ. Братъ долженъ былъ дѣлать долги, здоровье же его стало разстраиваться. Меня подлѣ него въ это время не было. Я былъ въ Москвѣ подлѣ умиравшей жены моей. Схоронилъ ее. Бросился въ Петербургъ къ брату,—онъ одинъ у меня оставался; черезъ три мѣсяца умеръ и онъ, прохворавъ всего мѣсяцъ. Послѣ брата осталось всего 300 руб., и на эти деньги его похоронили. Кромѣ того до 25 т. долгу. Семейство его осталось буквально безъ всякихъ средствъ,—хоть ступай по міру. Я у нихъ остался одной надеждой, и они всѣ — и вдова, и дѣти — сбились въ кучу около меня, ожидая отъ меня спасенія. Брата моего я любилъ безконечно,—могъ ли я ихъ оставить?—Я рѣшился. Поѣхалъ въ Москву, выпросилъ у старой и богатой моей тетки 10.000 рублей и, воротившись въ Петербургъ, сталъ издавать журналъ. Но дѣло было уже сильно испорчено: требовалось выпросить разрѣшеніе цензурное издавать журналъ. Дѣло затянулось такъ, что только въ концѣ августа могла появиться іюньская книжка. Подписчики, которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, стали негодовать. Имени моего не позволила мнѣ

поставить цензура ни какъ редактора, ни какъ издателя. Надобно было рѣшиться на мѣры энергическія. Я сталъ печатать разомъ въ трехъ типографіяхъ, не жалѣлъ денегъ, не жалѣлъ здоровья и силъ. Редакторомъ былъ одинъ я, читалъ корректуры, возился съ авторами, съ цензурой, поправлялъ статьи, доставалъ деньги, просиживалъ до шести часовъ утра, спалъ по 5 часовъ въ сутки и ввелъ въ журналъ порядокъ, но было уже поздно...На 1865 годъ у насъ осталось только 1.300 подписчиковъ. Теперь мы не можемъ за неимѣніемъ денегъ издавать журналъ и должны объявить временное банкротство, а на мнѣ кромѣ того 16.000 долгу по векселямъ и 5.000 на честное слово... О, другъ мой, я охотно бы пошелъ опять въ каторгу на столько же лѣтъ, чтобы только уплатить долги и почувствовать себя опять свободнымъ. Теперь опять начну писать романъ изъ подъ палки, т. е. изъ нужды, наскоро. Онъ выйдетъ эффектенъ. Но того ли мнѣ надо! Работа изъ нужды, изъ-за денегъ, задавила, съѣла меня. И все-таки для начала мнѣ нужно теперь три тысячи! Бьюсь по всѣмъ угламъ, чтобъ достать ихъ,—иначе погибну! Чувствую, что только случай можетъ спасти меня! Изъ всего запаса моихъ силъ и энергіи осталось у меня на душѣ что-то тревожное и смутное, что-то близкое къ отчаянію. Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое ненормальное для меня состояніе, и вдобавокъ—одинъ... А между тѣмъ все мнѣ кажется, что я только что собираюсь жить. Смѣшно, не правда ли? Кошачья живучесть!»

Несмотря на страшную запутанность денежныхъ дѣлъ, эта «кошачья живучесть» спасла Достоевскаго, и уже въ самомъ скоромъ времени онъ начинаетъ понемногу выкручиваться изъ тяжелыхъ обстоятельствъ, какъ объ этомъ онъ разсказывалъ впослѣдствіи въ письмѣ къ нѣкоему В. И. Губину: «Много я надавалъ векселей, между прочимъ (сейчасъ послѣ смерти брата) одному Д....у; этотъ Д...ъ пришелъ ко мнѣ и умолялъ переписать векселя брата (онъ доставлялъ брату бумагу) на мое имя и давалъ честное слово, что онъ будетъ ждать сколько угодно. Я сдуру переписалъ. Лѣтомъ 1865 года меня начинаютъ преслѣдовать по векселямъ Д....а и еще какимъ-то (не помню). Съ другой стороны, служащій въ типографіи (тогда у Праца) Гавриловъ предъявилъ тоже свой вексель въ 1.000 рублей, который я ему выдалъ, нуждаясь въ деньгахъ по продолженію чужого журнала... И вотъ въ то же самое время Стелловскій вдругъ присылаетъ съ предложеніемъ: не продамъ ли я ему сочиненія за три тысячи, съ написаніемъ особаго романа и проч. и проч.—то есть на самыхъ унизительныхъ условіяхъ. Подождать бы, такъ я бы взялъ съ книгопродавцевъ за право изданія по крайней мѣрѣ вдвое, а если бы подождать годъ, то конечно втрое, ибо черезъ годъ одно «Преступленіе и наказаніе» продано было вторымъ изданіемъ за 7.000 руб. долгу (все по журналу—Базунову, Працу и одному бумажному поставщику). Такимъ образомъ я на братнинъ журналъ и на его долги истратилъ 22 или 24 тысячи, т. е. уплатилъ своими силами, и теперь еще на мнѣ долгу тысячъ до пяти. Стелловскій далъ мнѣ тогда 10 или 12 дней сроку думать. Это же былъ срокъ описи и ареста по долгамъ. Замѣтьте, что Д....ы векселя предъявилъ нѣкто надворный совѣтникъ Б... Въ эти десять дней я толкался вездѣ, чтобы достать денегъ для уплаты векселей, чтобы избавиться продавать сочиненія Стелловскому на такихъ ужасныхъ условіяхъ. Былъ и у Б. разъ 8 и никогда не заставалъ его дома. Наконецъ, узналъ, что Б. другъ Стелловскаго, ходитъ по его дѣламъ и пр. Тогда я согласился и мы написали этотъ контрактъ... Я расплатился съ Д...ъ, съ Гавриловымъ и съ другими и съ оставшимися 35 полуимперіалами поѣхалъ за границу. Я воротился въ октябрѣ, съ начатымъ за границей романомъ «Преступленіе и наказаніе» и войдя въ сношеніе съ «Русскимъ Вѣстникомъ», отъ котораго и получилъ нѣсколько денегъ впередъ. При написаніи лѣтомъ контракта со Стелловскимъ, я прямо сказалъ Стелловскому, что я не поспѣю написать ему романъ къ 1 ноября 1865 года. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ и не претендуетъ, что онъ и издавать не думаетъ раньше, какъ черезъ годъ, но просилъ меня, чтобъ я къ 1 ноября 1866 года былъ аккуратнѣе. Все это было на словахъ и между четырехъ глазъ, но страшныя неустойки, если я манкирую къ 1 ноября 1866 года, остались въ контрактѣ».

Необыкновенная энергія, «живучесть», Достоевскаго лучше всего выразилась въ томъ, что въ это тяжелое для него время,

въ 1865 г. былъ начатъ знаменитый романъ «Преступленіе и наказаніе». Послѣ кратковременной поѣздки въ Висбаденъ, вернувшись въ ноябрѣ 1865 г. въ Петербургъ, Достоевскій принялся за работу, а съ января 1866 г. началось печатаніе романа въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Изъ письма къ Врангелю отъ 18 февраля 1866 г. видно, съ какими великими трудностями было сопряжено писаніе этого романа. «Я сижу надъ работой какъ каторжникъ, говоритъ Достоевскій,—романъ большой, въ 6 частей. Въ концѣ ноября было много написано и готово; я все сжегъ; теперь въ этомъ можно признаться. Мнѣ не понравилось самому. Новая форма, новый планъ увлекъ меня, и я началъ съизнова. Работаю я дни, ночи и всетаки работаю мало. По расчету выходитъ, что каждый мѣсяцъ мнѣ надо доставить въ «Русскій Вѣстникъ» до 6 печатныхъ листовъ. Это ужасно, но я бы доставилъ, если-бъ была свобода духа. Романъ есть дѣло поэтическое, требуетъ для исполненія спокойствія духа и воображенія. А меня мучатъ кредиторы, т. е. грозятъ посадить въ тюрьму... Поймите, каково мое безпокойство. Это надрываетъ духъ и сердце, разстраиваетъ на нѣсколько дней, а тутъ садись и пиши. Иногда это невозможно». Въ этомъ же письмѣ Достоевскій говоритъ о тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыхъ онъ ожидаетъ отъ «Преступленія и наказанія», и о томъ, какъ устраивается помѣщеніе романа. «Изъ заграницы, будучи придавленъ обстоятельствами, я послалъ, пишетъ онъ, Каткову предложеніе за самую низкую для меня плату—125 р. съ листа ихняго, т. е. 150 р. съ листа «Современника». Они согласились. Потомъ я узналъ, что согласились съ радостью, потому что у нихъ изъ беллетристики на этотъ годъ ничего не было... Но они страшно со мной осторожничали и политиковали. Дѣло въ томъ, что они страшные скряги. Романъ имъ показался великъ. Платить за 25 листовъ (а можетъ быть и за 30) по 125 р. ихъ пугало. Однимъ словомъ вся ихъ политика въ томъ (ужъ ко мнѣ засылали), чтобъ сбавить плату съ листа, а у меня въ томъ, чтобъ набавить. И теперь у насъ идетъ глухая борьба. Имъ очевидно хочется, чтобъ я пріѣхалъ въ Москву. Я же выжидаю, и вотъ въ чемъ моя цѣль: если Богъ поможетъ, то романъ этотъ можетъ быть великолѣпнѣйшею вещью. Мнѣ хочется, чтобы не менѣе 3-хъ частей (т. е. половина всего) было напечатано, эффектъ въ публикѣ будетъ произведенъ, и тогда я поѣду въ Москву и посмотрю, какъ они тогда мнѣ сбавятъ? Напротивъ, можетъ быть, прибавятъ. Это будетъ къ святой. И, кромѣ того, стараюсь не забирать тамъ денегъ впередъ, жмусь и живу нищенски. Мое отъ меня не уйдетъ, а если забирать впередъ, то я уже нравственно несвободенъ, когда буду окончательно говорить съ ними объ уплатѣ. Недѣли двѣ тому назадъ вышла первая часть моего романа въ первой январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Я уже слышалъ много восторженныхъ отзывовъ. Тамъ есть смѣлыя и новыя вещи... Теперь слушайте: предположите, что мнѣ удастся хорошо окончить, такъ, какъ бы я желалъ; вѣдь я мечтаю, знаете, объ чемъ: продать его нынѣшняго же года книгопродавцу вторымъ изданіемъ, и я возьму еще тысячи двѣ или три даже. А продамъ то я вторымъ изданіемъ навѣрно, потому что ни одно мое сочиненіе не обходилось безъ этого. Но вотъ въ чемъ бѣда. Я могу испортить романъ, и я это предчувствую. Если посадятъ въ тюрьму за долги, то навѣрно испорчу и даже не докончу: тогда все лопнетъ».

Но знаменитый романъ былъ конченъ, и впечатлѣніе, имъ произведенное, по свидѣтельству Страхова, было необыкновенное. «Только его и читали въ этомъ 1866 году, только объ немъ и говорили охотники до чтенія, говорили, обыкновенно жалуясь на подавляющую силу романа, на тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго люди со здоровыми нервами заболѣвали, а люди съ слабыми нервами принуждены были оставлять чтеніе. Но всего поразительнѣе было случившееся при этомъ совпаденіе романа съ дѣйствительностью. Въ то самое время, когда вышла книжка «Русскаго Вѣстника» съ описаніемъ преступленія Раскольникова, въ газетахъ появилось извѣстіе о совершенно подобномъ преступленіи, происшедшемъ въ Москвѣ. Какой-то студентъ убилъ и ограбилъ ростовщика и, по всѣмъ признакамъ, сдѣлалъ это изъ нигилистическаго убѣжденія, что дозволены всѣ средства, чтобы исправить неразумное положеніе дѣлъ. Убійство было совершено, если не ошибаюсь, дня за два или за три

до появленія «Преступленія и наказанія». Не знаю, были-ли поражены этимъ читатели, но Ѳедоръ Михайловичъ очень это замѣтилъ, часто говорилъ объ этомъ и гордился такимъ подвигомъ художественной проницательности..... Среди молодыхъ людей, бывшихъ въ ссылкѣ въ одномъ изъ городовъ Европейской Россіи, нашелся даже юноша, который сталъ на сторону Раскольникова и нѣкоторое время носился съ мыслью совершить нѣчто подобное его преступленію, и лишь потомъ одумался. Такъ вѣрно была схвачена авторомъ эта логика людей, оторвавшихся отъ основъ и дерзко идущихъ противъ собственной совѣсти». Романъ поразилъ русское читающее общество именно своимъ реализмомъ, глубокимъ проникновеніемъ въ психологію современнаго поколѣнія. Благодаря психологическому анализу, который съ изумительной тонкостью примѣняется Достоевскимъ, въ романѣ выясненъ тотъ процессъ, что приводитъ къ ужаснымъ преступленіямъ людей, по существу очень хорошихъ, выяснено вліяніе въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ теорій, особенно популярныхъ въ современномъ обществѣ. Популярность этихъ теорій представляется Достоевскому чѣмъ-то вродѣ умственной эпидеміи, какъ это онъ изображаетъ въ снѣ Раскольникова въ эпилогѣ романа. Герою «грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ-же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ заключается истина, и мучился; глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ, не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ городахъ цѣлый день били въ набатъ; созывали всѣхъ, но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться,—но тотчасъ-же начинали что-нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ-же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всѣмъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и голоса».

Одной изъ жертвъ подобнаго нравственнаго и умственнаго повѣтрія является герой романа, Раскольниковъ. Добрый, сострадательный человѣкъ, онъ убиваетъ старуху-ростовщицу и ея сестру. Свое преступленіе онъ совершаетъ подъ вліяніемъ своеобразной общественно-нравственной теоріи, которую онъ раньше развилъ въ статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ журналовъ. Согласно этой теоріи, преступленіе можетъ быть оправдано, если оно совершено изъ побужденій общественнаго блага. Какъ передаетъ эту теорію слѣдователь, Порфирій Петровичъ, она состоитъ въ томъ, что всѣ люди раздѣляются на двѣ категоріи: «обыкновенныхъ» и «необыкновенныхъ». Обыкновенные должны жить въ послушаніи и не имѣютъ права переступать законы, потому что они обыкновенные. «А необыкновенные имѣютъ право дѣлать всяческія преступленія и всячески нарушать законъ собственно

потому, что они необыкновенные». Раскольниковъ самъ передаетъ свой взглядъ обстоятельнѣе. «Это не совсѣмъ такъ у меня,—началъ онъ просто и скромно.— Впрочемъ, признаюсь, вы почти вѣрно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно вѣрно... Разница единственно въ томъ, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди должны и обязаны были творить всякія безчинства, какъ вы говорите... Я просто-напросто намекнулъ, что необыкновенный человѣкъ имѣетъ право... т. е. не оффиціальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть... черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ. Вы изволите говорить, что статья моя не ясна; я готовъ ее вамъ разъяснить по возможности... По моему, еслибы Кепплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли-бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ-бы этому открытію или ставшихъ-бы на пути, какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право и даже былъ бы обязанъ... устранить этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы Ньютонъ имѣлъ право убивать, кого вздумается, встрѣчныхъ и поперечныхъ, или воровать каждый день на базарѣ. Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ своей статьѣ, что всѣ... ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ до единаго были преступниками уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій,—и ужъ, конечно, не останавливались передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ, не то что великіе, но и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди, т. е., чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны по природѣ своей, быть непремѣнно преступниками,—болѣе или менѣе разумѣется. Иначе трудно имъ выйти изъ колеи, а оставаться въ колеѣ они, конечно, не могутъ согласиться, опять-таки по природѣ своей,—а по моему, такъ даже и обязаны не соглашаться. Однимъ словомъ, вы видите, что до сихъ поръ тутъ ничего особенно новаго нѣтъ. Это тысячу разъ было напечатано и прочитано. Что же касается до моего дѣленія людей на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ, то я согласенъ, что оно нѣсколько произвольно; но вѣдь я же на точныхъ цифрахъ и не настаиваю. Я только въ главную мысль мою вѣрю. Она именно состоитъ въ томъ, что люди, по закону природы, раздѣляются вообще на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), т. е., такъ сказать, на матеріалъ, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т. е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей новое слово. Подраздѣленія тутъ, разумѣется, безконечныя, но отличительныя черты обоихъ разрядовъ довольно рѣзкія: первый разрядъ, т. е. матеріалъ, говоря вообще, люди, по натурѣ своей, консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными. По моему, они обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе, и тутъ рѣшительно нѣтъ ничего для нихъ унизительнаго. Второй разрядъ, всѣ преступаютъ законъ, разрушительны или склонны къ тому, судя по способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многоразличны: большею частью они требуютъ, въ весьма разнообразныхъ заявленіяхъ, разрушенія настоящаго во имя лучшаго. Но если ему надо для своей идеи перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ, внутри себя, по совѣсти, можетъ, по моему, дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь, смотря, впрочемъ, по идеѣ и по размѣрамъ ея,— это замѣтьте. Въ этомъ только смыслѣ я и говорю въ моей статьѣ объ ихъ правѣ на преступленіе. Впрочемъ, тревожиться много нечего; масса никогда почти не признаетъ за ними этого права, казнитъ ихъ и вѣшаетъ (болѣе или менѣе) и тѣмъ, совершенно справедливо, исполняетъ свое консервативное назначеніе, съ тѣмъ, однако-

ко-же, что въ слѣдующихъ поколѣніяхъ эта же масса ставитъ казненныхъ на пьедесталъ и имъ поклоняется (болѣе или менѣе). Первый разрядъ всегда—господинъ настоящаго, второй разрядъ—господинъ будущаго. Первые сохраняютъ міръ и пріумножаютъ его численно, вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. И тѣ и другіе имѣютъ совершенно одинаковое право существовать. Однимъ словомъ, у меня всѣ равносильное право имѣютъ и—vive la guerre éternelle,—до Новаго Іерусалима, разумѣется... Вообще, людей съ новой мыслью, даже чуть-чуть только способныхъ сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало. Ясно только одно, что порядокъ зарожденія людей всѣхъ этихъ разрядовъ и подраздѣленій, должно быть, весьма вѣрно и точно опредѣленъ какимъ-нибудь закономъ природы. Законъ этотъ, разумѣется, теперь неизвѣстенъ, но я вѣрю, что онъ существуетъ и впослѣдствіи можетъ стать извѣстенъ. Огромная масса людей—матеріалъ, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, черезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-нибудь перекрещиванія породъ и родовъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ, ну хотя изъ тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкою самостоятельностью рождается, можетъ быть, изъ десяти тысячъ одинъ (я говорю примѣрно, наглядно). Еще съ болѣе широкою—изъ ста тысячъ одинъ. Геніальные люди изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершители человѣчества, можетъ быть, по истеченіи многихъ тысячъ милліоновъ людей на землѣ. Однимъ словомъ, въ реторту, въ которой все это происходитъ, я не заглядывалъ. Но опредѣленный законъ непремѣнно есть и долженъ быть; тутъ не можетъ быть случая».

Приведенною теоріей объясняется и преступленіе, совершенное Раскольниковымъ: онъ «осмѣлился», «дерзнулъ» пойти противъ нѣкоторыхъ установившихся въ обществѣ возрѣній, и, согласно своей теоріи, онъ принадлежитъ къ необыкновеннымъ людямъ. Ясно, что авторъ отвергаетъ эту теорію, протестуетъ противъ нигилизма, который, по опредѣленію Н. А. Звѣрева, въ этомъ романѣ представленъ еще въ первой стадіи своего развитія, какъ «отрицаніе вѣрующее». Раскольниковъ вѣритъ въ спасительность своей теоріи, и эта вѣра приводитъ его къ убійству старухи-ростовщицы, но авторъ осуждаетъ своего героя, какъ человѣка, дѣйствующаго насиліемъ, и это осужденіе ярче всего выразилось въ противопоставленіи Раскольникову прекраснаго образа Сонечки Мармеладовой. Какъ проститутка, Сонечка можетъ быть сравниваема съ типомъ Фантины въ романѣ В. Гюго «Les misérables», но разница между этими личностями очень велика: въ то время, какъ Фантина до крайности идеализирована у В. Гюго, Достоевскій взялъ свою Сонечку изъ дѣйствительной жизни. Онъ показываетъ, что она сохраняетъ нравственную чистоту и цѣльность, несмотря на грязную обстановку, въ которой ей приходится вращаться. По своему умственному развитію она стоитъ весьма невысоко, но при всемъ этомъ у нея есть прочно сложившееся нравственное міровоззрѣніе, котораго пошатнуть нельзя никакими силами, и ея немудреныя рѣчи благотворно дѣйствуютъ на Раскольникова, раскрывая ему тщету и ложность его высокихъ мудрствованій. Благодаря Сонечкѣ Мармеладовой совершается возрожденіе Раскольникова, его постепенное освобожденіе отъ тѣхъ теоретическихъ построеній, которыя привели его къ преступленію, и въ концѣ романа у Раскольникова промелькнула мысль: «развѣ могутъ ея убѣжденія не быть теперь и моими убѣжденіями? Ея чувства, ея стремленія, по крайней мѣрѣ», — а эти чувства и стремленія, истекавшія изъ евангельскаго ученія, были прямо противоположны его теоріямъ. Хотя въ этомъ романѣ Достоевскій и осудилъ теоріи нигилиста, все же онъ не можетъ сопоставляться съ тѣми романистами 60-хъ годовъ, которые выступили съ обличеніями этого движенія. «Читатели, какъ говоритъ Страховъ, привыкли видѣть въ нигилистахъ, во-первыхъ, людей скудоумныхъ и скудосердечныхъ, людей, лишенныхъ ясной силы ума и живой сердечной теплоты. Люди эти строятъ собственнымъ умомъ теоріи, совершенно оторванныя отъ жизни, доходящія до величайшихъ нелѣпостей. На основаніи этихъ теорій они извращаютъ свою и чужую жизнь и живутъ въ этомъ извращеніи, не понимая и не чувствуя

свои силы, и все-таки въ ноябрѣ онъ видѣлъ, что не поспѣетъ окончить романъ. «Болѣе трехъ съ половиною листовъ въ мѣсяцъ, объяснялъ онъ, писать нельзя—это фактъ,—если писать цѣлый годъ сряду. Но чрезъ это вышло то, что въ этомъ году я не кончу романъ и напечатаю всего только половину послѣдней, четвертой части. Даже мѣсяцъ назадъ я еще надѣялся кончить, но теперь прозрѣлъ—нельзя. А между тѣмъ 4-я часть большая (12 листовъ)—весь разсчетъ мой и вся надежда моя! Теперь, когда я все вижу, какъ въ стекло,—я убѣдился горько, что никогда еще въ моей литературной жизни не было у меня ни одной поэтической мысли лучше и богаче, чѣмъ та, которая выяснилась теперь у меня для 4-й части, въ подробнѣйшемъ планѣ. И что-же? Надо спѣшить изо всѣхъ силъ, работать не перечитывая, гнать на почтовыхъ и, въ концѣ концовъ, все-таки не поспѣю! Въ какое же положеніе, не говоря уже о себѣ, ставлю я «Русскій Вѣстникъ» и какъ оказываюсь передъ Катковымъ? Имъ надо будетъ давать окончаніе романа въ будущемъ году въ приложеніи, а это уже убытокъ журналу! Я рѣшился даже написать туда и отказаться отъ платы за все то, что будетъ напечатано въ будущемъ году, чтобы вознаградить журналъ за убытокъ печатанія въ приложеніи».

Въ началѣ сентября Достоевскіе переѣхали въ Италію, пробыли два мѣсяца въ Миланѣ, а затѣмъ поселились во Флоренціи, гдѣ оставались до іюля 1869 г. Здѣсь былъ законченъ «Идіотъ» и впервые зародилась мысль о «Братьяхъ Карамазовыхъ». Объ этой идеѣ Достоевскій писалъ Майкову еще въ декабрѣ 1868 г.: «Здѣсь у меня на умѣ теперь: 1) огромный романъ, названіе ему «Атеизмъ» (ради Бога между нами), но прежде чѣмъ приняться за который, мнѣ нужно прочесть цѣлую библіотеку атеистовъ, католиковъ и православныхъ. Онъ поспѣетъ, даже при полномъ обезпеченіи въ работѣ, не раньше какъ черезъ два года. Лицо есть. Русскій человѣкъ нашего общества, и въ лѣтахъ, не очень образованный, но и не необразованный, не безъ чиновъ,—вдругъ уже въ лѣтахъ, теряетъ вѣру въ Бога. Всю жизнь онъ занимался одной только службой, изъ колеи не выходилъ и до 45 лѣтъ ничѣмъ не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человѣкъ и русскій человѣкъ). Потеря вѣры въ Бога дѣйствуетъ на него колоссально (собственно дѣйствіе въ романѣ, обстановка—очень большія). Онъ шныряетъ по новымъ поколѣніямъ, по атеистамъ, по славянамъ и европейцамъ, по русскимъ изувѣрамъ и пустынножителямъ, по священникамъ; сильно между прочимъ попадается на крючекъ іезуиту пропагатору, поляку; спускается отъ него въ глубину хлыстовщины—и подъ конецъ обрѣтаетъ и Христа и русскую землю, русскаго Христа и русскаго Бога (ради Бога не говорите никому; а для меня такъ: написать этотъ послѣдній романъ, да хоть бы и помереть—весь выскажусь). Ахъ, другъ мой! Совершенно другія я понятія имѣю о реализмѣ и дѣйствительности, чѣмъ наши реалисты и критики. Мой идеализмъ—реальнѣе ихняго. Господи! Поразсказать толково то, что мы всѣ, русскіе, пережили въ послѣднія 10 лѣтъ въ нашемъ духовномъ развитіи,—да развѣ не закричатъ реалисты, что это фантазія! А между тѣмъ это исконный настоящій реализмъ! Это-то и есть реализмъ, только глубже, а у нихъ мелко плаваетъ».

Такова первая мысль о будущемъ романѣ, но на очереди стояли другія работы, а прежде всего окончаніе «Идіота». Достоевскій не былъ доволенъ концомъ своего романа, хотя идею его очень высоко ставилъ. Въ этомъ романѣ мы видимъ дальнѣйшее выясненіе той идеи, которая выразилась въ противопоставленіи умнику Раскольникову необразованной, не мудрящей Сонички. Идіотизмъ героя есть только, такъ сказать, внѣшняя его непрактичность, а между тѣмъ онъ въ дѣйствительности очень уменъ, онъ отличается удивительною чуткостью, проницательностью, и Аглая вполнѣ справедливо говоритъ ему: «хоть вы въ самомъ дѣлѣ больны умомъ, зато главный умъ у васъ лучше, чѣмъ у нихъ у всѣхъ, такой даже, какой имъ не снился, потому что есть два ума: главный и не главный». Этотъ главный умъ О. Ѳ. Миллеръ называлъ «умомъ сердца» и объяснялъ значеніе князя Мышкина такимъ образомъ: «Въ немъ доведено въ сильнѣйшей степени все то, что всегда было особенно дорого Достоевскому; онъ является у него прямымъ представителемъ «царства не отъ міра сего», оторванность отъ кото-

раго является, по взгляду автора, главнымъ бѣдствіемъ нашего міра. Это, можно сказать, художественное воспроизведеніе темы, весьма распространенной въ безыскусственной народной словесности—это тотъ же любимый народомъ сказочный Иванушка-дурачекъ, оказывающійся, на самомъ дѣлѣ, только человѣкомъ не «себѣ на умѣ», человѣкомъ, не выносящимъ зрѣлища посторонняго горя, постоянно забывающимъ себя для другихъ». Съ этой точки зрѣнія, идіотъ князь Мышкинъ можетъ быть признанъ предшественникомъ Алеши Карамазова, который по своему нравственному развитію ставится авторомъ чрезвычайно высоко. Если въ князѣ Мышкинѣ можно находить черты Алеши, то еще болѣе опредѣленнымъ представляется сходство женскихъ типовъ этого романа (Настасьи Филипповны и Аглаи) съ позднѣйшими образами (Грушеньки и Катерины Ивановны).

Оставивъ Флоренцію, Достоевскіе черезъ Венецію, Тріестъ, Вѣну и Прагу вернулись въ Дрезденъ. Здѣсь 14 сентября родилась ихъ вторая дочь, и этотъ фактъ внесъ радость въ ихъ семейную жизнь. Въ Дрезденѣ пришлось пробыть два года, и по свидѣтельству Анны Григорьевны, передаваемому Страховымъ, а также судя по его письмамъ, Ѳедоръ Михайловичъ все сильнѣе тяготился мыслью, что онъ отсталъ отъ Россіи, не знаетъ ея. Однако это опасеніе было въ сущности неосновательнымъ, какъ это обнаруживается изъ написаннаго въ Дрезденѣ романа «Бѣсы». И этотъ романъ, на который ушелъ весь 1870 годъ, и написанная въ концѣ 1869 г. повѣсть «Вѣчный мужъ», какъ видно изъ переписки Достоевскаго, первоначально возникли въ виду необходимости матеріальной: мысль Достоевскаго болѣе стремилась къ тому большому роману, о которомъ онъ уже писалъ Майкову изъ Флоренціи. Однако, отвлеченный отъ этого романа, онъ далъ въ «Бѣсахъ» чрезвычайно цѣнное произведеніе. Фактической основой романа послужилъ процессъ объ убійствѣ Нечаевымъ и его сообщниками студента Иванова, какъ это видно изъ объясненія Достоевскаго въ «Гражданинѣ» 1873 г. «Нѣкоторые (говорится тутъ) изъ нашихъ критиковъ замѣтили, что я въ моемъ послѣднемъ романѣ—«Бѣсы» воспользовался фабулой извѣстнаго Нечаевскаго дѣла; но тутъ же заявили, что собственно портретовъ или буквальнаго воспроизведенія Нечаевской исторіи у меня нѣтъ; что взято явленіе и что я попытался лишь объяснить возможность его въ нашемъ обществѣ, и уже въ смыслѣ общественнаго явленія, а не въ видѣ анекдотическомъ, не въ видѣ лишь описанія московскаго частнаго случая. Все это, скажу отъ себя, совершенно справедливо. До извѣстнаго Нечаева и жертвы его, Иванова, въ романѣ моемъ лично я не касаюсь. Лицо моего Нечаева, конечно, не похоже на лицо настоящаго Нечаева. Я хотѣлъ поставить вопросъ и, сколько возможно яснѣе, въ формѣ романа, дать на него отвѣтъ: какимъ образомъ въ нашемъ переходномъ и удивительномъ современномъ обществѣ возможны не Нечаевъ, а Нечаевы, и какимъ образомъ можетъ случиться, что эти Нечаевы набираютъ себѣ подъ конецъ Нечаевцевъ?» При этомъ Достоевскій рѣшительно отвергалъ то объясненіе, согласно которому соціальныя броженія молодежи возникаютъ вслѣдствіе недостатка образованія. «Позвольте, восклицаетъ онъ,—вы на основаніи «отрицанія факта» утверждаете, что Нечаевы непремѣнно должны быть идіотами, «идіотическими фанатиками». Такъ ли это опять? Справедливо ли? Устраняю въ настоящемъ случаѣ Нечаева, а говорю «Нечаевы» во множественномъ числѣ. Да, изъ Нечаевыхъ могутъ быть существа весьма мрачныя, весьма безотрадныя и исковерканныя, съ многосложнѣйшей по происхожденію жаждой интриги, власти, со страстной и болѣзненно-раннею потребностью выказать личность,—но почему же они идіоты? Напротивъ, даже настоящіе монстры изъ нихъ могутъ быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми... Чудовищное и отвратительное московское убійство Иванова, безо всякаго сомнѣнія, представлено было убійцей Нечаевымъ своимъ жертвамъ «Нечаевцамъ», какъ дѣло политическое и полезное для будущаго «общаго и великаго дѣла». Иначе понять нельзя, какъ нѣсколько юношей (кто бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступленіе. Опять-таки въ моемъ романѣ «Бѣсы» я попытался изобразить тѣ многоразличные и разнообразные мотивы, по которымъ даже чистѣйшіе сердцемъ и простодушнѣйшіе люди

могутъ быть привлечены къ совершенію такого же чудовищнаго злодѣйства. Вотъ въ томъ то и ужасъ, что у насъ можно сдѣлать самый пакостный и мерзкій поступокъ, не будучи вовсе иногда мерзавцемъ. Это и не у насъ однихъ, а на всемъ свѣтѣ такъ, всегда и сначала вѣковъ, во времена переходныя, во времена потрясеній въ жизни людей, сомнѣній и отрицаній, скептицизма и шатости въ основныхъ общественныхъ убѣжденіяхъ. Но у насъ это болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, возможно, и именно въ наше время, и эта черта есть самая болѣзненная и грустная черта нашего теперешняго времени... Есть историческіе моменты въ жизни людей, въ которые явное, нахальное, грубѣйшее злодѣйство можетъ считаться лишь величіемъ души, лишь благороднымъ мужествомъ человѣчества, вырывающагося изъ оковъ. Неужели нужны примѣры?.. Я думаю, можно допустить и мое предположеніе: что даже и честный и простодушный мальчикъ, даже и хорошо учившійся, можетъ подчасъ обернуться Нечаевцемъ, разумѣется, опять-таки если попадетъ на Нечаева; это уже sine qua non».

Взглядъ на революціонное движеніе 60—70-хъ годовъ, какъ на явленіе болѣзненное, высказанный въ этомъ поясненіи къ роману, выражается и въ эпиграфѣ къ роману изъ Евангелія отъ Луки (гл. XVII, 32—37) и въ томъ примѣненіи этого эпиграфа, которое дѣлаетъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій, говоря: «видите, это точь въ точь какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней,—это всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! Но великая мысль и великая воля осѣнятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватого, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже, можетъ быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша... et les autres avec lui и я, можетъ быть первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватитъ. Но больной исцѣлится и «сядетъ у ногъ Іисусовыхъ»... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ». Мысль о болѣзненности этого движенія позволяетъ связывать романъ «Бѣсы» съ «Преступленіемъ и наказаніемъ», въ которомъ говорится объ умственной заразѣ, охватившей общество: это зараза отрицанія, и любопытно, что въ «Бѣсахъ» представленъ среди революціонеровъ «фанатикъ человѣколюбія» Шигалевъ, выработавшій общественную теорію, представляющую собою развитіе извѣстныхъ взглядовъ Раскольникова. Въ своей книгѣ (по передачѣ хромого учителя) Шигалевъ «предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса—раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться вродѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, вродѣ какъ бы первобытнаго рая, хотя впрочемъ и будутъ работать». Такимъ образомъ въ результатѣ общественнаго переустройства является у революціонеровъ довольно грубый деспотизмъ меньшинства, и въ этомъ конечномъ выводѣ, который дѣлается авторомъ, заключается прямое осужденіе самой цѣли революціоннаго движенія.

Уже во время писанія «Бѣсовъ» Достоевскій мысленно возвращается къ тому роману, о которомъ раньше писалъ Майкову. Этотъ романъ его интересуетъ гораздо болѣе, чѣмъ «Бѣсы», и у него обстоятельнѣе намѣчается планъ этого произведенія, которое онъ предназначаетъ для «Зари». «Эта вещь, пишетъ онъ Майкову уже въ 1870 г., два года какъ зрѣетъ въ моей головѣ. Это та самая идея, объ которой я вамъ уже писалъ. Это будетъ мой послѣдній романъ. Объемомъ въ «Войну и міръ», и идею бы вы похвалили... Этотъ романъ будетъ состоять изъ пяти большихъ повѣстей (листовъ 15 каждый; въ 2 года планъ у меня весь созрѣлъ). Повѣсти совершенно отдѣлены одна отъ другой, такъ что ихъ можно даже пускать въ продажу отдѣльно. Первую повѣсть я и назначаю Каширеву: тутъ дѣйствіе еще въ сороковыхъ годахъ (общее названіе романа есть «житіе великаго грѣшника», но каждая повѣсть будетъ носить названіе отдѣльно). Главный вопросъ, который проведется во всѣхъ частяхъ,—тотъ

самый, которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю мою жизнь—существованіе Божіе. Герой, впродолженіе жизни,—то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектаторъ, то опять атеистъ. 2-я повѣсть будетъ происходить вся въ монастырѣ. На эту 2-ю повѣсть я возложилъ всѣ мои надежды. Можетъ быть, скажутъ наконецъ, что не все писалъ пустяки. (хочу выставить во второй повѣсти главной фигурой Тихона Задонскаго, конечно, подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей, будетъ проживать въ монастырѣ на спокоѣ). 13-лѣтній мальчикъ, участвовавшій въ совершеніи уголовнаго преступленія, развитой и развращенный (я этотъ типъ знаю), будущій герой всего романа, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный) и для обученія. Волченокъ и нигилистъ-ребенокъ сходятся съ Тихономъ (вы вѣдь знаете характеръ и все лицо Тихона). Тутъ же въ монастырѣ посажу Чаадаева (конечно, подъ другимъ именемъ). Почему Чаадаеву не посидѣть года въ монастырѣ? Предположите, что Чаадаевъ послѣ первой статьи, за которую его свидѣтельствовали доктора каждую недѣлю, не утерпѣлъ и напечаталъ, напримѣръ, заграницей, на французскомъ языкѣ брошюру,—очень и могло бы быть, что за это его на годъ отправили бы посидѣть въ монастырь. Къ Чаадаеву могутъ пріѣхать въ гости и другіе: Бѣлинскій, напримѣръ, Грановскій, Пушкинъ даже. (Вѣдь у меня же не Чаадаевъ, я только въ романѣ беру этотъ типъ). Въ монастырѣ есть и Павелъ Прусскій, есть и Голубевъ, есть и инокъ Парѳеній (въ этомъ мірѣ я знатокъ, я монастырь русскій знаю съ дѣтства). Но главное Тихонъ и мальчикъ. Ради Бога не передавайте никому содержаніе этой второй части... Авось выведу величавую, положительную, святую фигуру. Это ужъ не Костанжогло и не нѣмецъ (забылъ фамилію) въ Обломовѣ; и не Лопуховы, не Рахметовы. Почемъ мы знаемъ: можетъ быть, именно Тихонъ-то и составляетъ нашъ русскій положительный типъ, который ищетъ наша литература, а не Лаврецкій, не Чичиковъ, не Рахметовъ и проч.» Въ этомъ очеркѣ уже намѣчены драма Ивана Карамазова, старецъ Зосима, Алеша и Смердяковъ, но полная выработка плана была еще далека...

Между прочимъ и для этой послѣдней цѣли Достоевскій считалъ необходимымъ возвратиться въ Россію. «Но, говоритъ Страховъ, возвратиться было трудно, потому что нужно было сразу имѣть порядочныя деньги: приходилось бы не только расплачиваться на мѣстѣ, не только обзаводиться въ Петербургѣ, но и платить по векселямъ и долгамъ, оставшимся отъ «Эпохи». Долго Достоевскіе поджидали благопріятныхъ обстоятельствъ; но собрать сколько-нибудь денегъ имъ не удавалось. Несмотря на чрезвычайно скромную жизнь, всѣ получавшіяся деньги уходили; значительная часть ихъ шла на поддержку вдовы покойнаго брата, а также пасынка, кромѣ того на уплату процентовъ за заложенныя при отъѣздѣ вещи (которыя въ концѣ концовъ все-таки пропали). Не видя выхода изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ и въ то же время чувствуя, что имъ стало совершенно невыносимо долѣе оставаться за границею, Достоевскіе рѣшились наконецъ принять всѣ тяжелыя послѣдствія своего пріѣзда и вернулись въ Петербургъ 8 іюля 1871 г. Черезъ восемь дней у нихъ родился сынъ Ѳедоръ».

Съ этого возвращенія на родину начинается наиболѣе благопріятный въ матеріальномъ отношеніи періодъ жизни Достоевскаго, особенно благодаря тому порядку въ его дѣлахъ, который внесенъ былъ женою. Черезъ полтора года послѣ этого Достоевскій принимаетъ предложеніе кн. В. П. Мещерскаго редактировать «Гражданина», съ платой по 250 р. въ мѣсяцъ, сверхъ гонарара за статьи. Эта работа продолжалась цѣлый годъ, причемъ Достоевскій помѣстилъ въ «Гражданинѣ» рядъ политическихъ статей и началъ уже въ немъ свой «Дневникъ Писателя». Съ 1876 г. этотъ «Дневникъ» становится самостоятельнымъ изданіемъ и выходитъ съ большимъ успѣхомъ аккуратно два года, а затѣмъ, въ 1880 и 1881 гг., выпущено было три номера «Дневника». Въ 1875 г. былъ изданъ романъ «Подростокъ», а послѣдніе годы, начиная съ 1877, пошли на работу надъ «Братьями Карамазовыми», которые печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1879 и 1880 гг. По внѣшней формѣ, этотъ романъ представляетъ собою неоконченное произведеніе. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что въ этомъ романѣ онъ будетъ заниматься жизнеописаніемъ Алексѣя Ѳедоровича Карама-

зова,—но, приступая къ выполненію этой задачи, находится въ нѣкоторомъ недоумѣніи: «А именно: хотя я и называю Алексѣя Ѳедоровича моимъ героемъ, но однако самъ знаю, что человѣкъ онъ отнюдь не великій, а посему и предвижу неизбѣжные вопросы вродѣ таковыхъ: чѣмъ же замѣчателенъ вашъ Алексѣй Ѳедоровичъ, что вы выбрали его своимъ героемъ? Что сдѣлалъ онъ такого? Кому и чѣмъ извѣстенъ? Почему я, читатель, долженъ потратить время на изученіе фактовъ его жизни?—Послѣдній вопросъ самый роковой, ибо на него могу лишь отвѣтить: «Можетъ быть, увидите сами изъ романа». Если читатель не найдетъ ничего интереснаго въ «жизнеописаніи» Алеши Карамазова, все-таки для автора эта личность примѣчательная. «Дѣло въ томъ,—продолжаетъ Достоевскій,—что это, пожалуй, и дѣятель, но дѣятель неопредѣленный, невыяснившійся. Впрочемъ, странно бы требовать въ такое время, какъ наше, отъ людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомнѣнно: это человѣкъ странный, даже чудакъ. Но странность и чудачество скорѣе вредятъ, чѣмъ даютъ право на вниманіе,—особенно когда всѣ стремятся къ тому, чтобъ объединить частности и найти хоть какой-нибудь общій толкъ во всеобщей безтолочи. Чудакъ же въ большинствѣ случаевъ частность и обособленіе. Не такъ-ли?—Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ тезисомъ и отвѣтите: «не такъ» или «не всегда такъ», то я, пожалуй, и ободрюсь духомъ на счетъ значенія героя моего, Алексѣя Ѳедоровича. Ибо не только чудакъ «не всегда» частность и обособленіе, а, напротивъ, бываетъ такъ, что онъ-то, пожалуй, и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи,—всѣ какимъ-нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались»... (т. XII, стр. 9).

Такимъ образомъ, Алеша Карамазовъ, какъ «сердцевина цѣлаго», долженъ отразить въ себѣ характерные признаки жизни его времени. Такое предисловіе и объясненіе авторъ необходимо долженъ былъ предпослать своему роману. Дѣло въ томъ, что въ этомъ романѣ задумано ихъ, собственно, два: первый, — то, что мы имѣемъ теперь, описываетъ не текущую жизнь, а предшествующую, лѣтъ за 12 раньше; текущая же жизнь должна была найти свое мѣсто во второй части романа, въ «жизнеописаніи» Алеши. Но этой части, наиболѣе интересной, Достоевскій написать не успѣлъ; у насъ же теперь есть лишь начало большого произведенія, выясняющаго личность Алеши Карамазова. Но несмотря на неоконченность, «Бр. Карамазовы» представляютъ нѣчто грандіозное и самостоятельное, такъ какъ въ лицахъ, окружающихъ Алексѣя Ѳедоровича, представлено то, что волновало общество,—именно та «безтолочь», о которой авторъ упоминаетъ въ началѣ. Здѣсь выведены люди разныхъ взглядовъ и эпохъ. Тутъ встрѣчаются представители крѣпостническихъ традицій, — циничная, грязная личность—Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ. Въ лицѣ Ивана Ѳедоровича виденъ типъ переходнаго времени, когда крѣпостничество рушится и нарождается множество новыхъ, свѣжихъ идей. Есть люди, указывающіе своимъ образомъ мыслей и дѣйствій на рѣшительный поворотъ общественной мысли и чувства въ область религіи. Вотъ на этихъ-то отдѣльныхъ частностяхъ общественной жизни, болѣе или менѣе полно отразившихся въ герояхъ этого романа, мы и остановимся.

Авторъ прежде всего характеризуетъ отца Карамазова — Ѳедора Павловича. Нравственный обликъ старика представленъ авторомъ въ очень несимпатичномъ видѣ. Это былъ «типъ человѣка не только дрянного и развратнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безтолковаго,—но изъ такихъ однако безтолковыхъ, которые умѣютъ отлично обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки, и только кажется, одни эти» (стр. 11). Онъ былъ женатъ два раза... Аделаида Ивановна, такъ звали первую супругу Ѳедора Павловича, была красивая и развитая барышня, но съ сильными наклонностями къ романтизму. Ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ заявить свою самостоятельность, испытать прелести романической любви (Ѳедоръ Павловичъ женился на ней «увозомъ»), нельзя объяснить добровольнаго выхода замужъ Аделаиды Ивановны за такого ничтожнаго «мозгляка», шута и циника, какимъ былъ Ѳедоръ Павловичъ. Извѣстно, чѣмъ кончилось ихъ недолгое сожительство. Какъ только Аделаида Ивановна бросила своего су-

пруга, оставивъ на его рукахъ трехлѣтняго Митю,—онъ «мигомъ завелъ въ домѣ цѣлый гаремъ и самое забубенное пьянство, а въ антрактахъ ѣздилъ чуть не по всей губерніи и слезно жаловался всѣмъ и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну». Вскорѣ послѣ ея смерти онъ вступаетъ во второй бракъ съ Софьей Ивановной. Это была «молоденькая особа изъ другой губерніи, въ которую Ѳедоръ Павловичъ заѣхалъ по одному мелкоподрядному дѣлу, съ какимъ-то жидкомъ въ компаніи. Ѳедоръ Павловичъ хотя и кутилъ, и пилъ, и дебоширилъ, но никогда не переставалъ заниматься помѣщеніемъ своего капитала, и устраивалъ дѣлишки свои всегда удачно, хотя, конечно, почти всегда подловато» (ibid, 18). Мы знаемъ, какъ произошелъ этотъ вторичный увозъ сиротки, забитой жестокою и деспотичною генеральшей. Незнавшая жизни, шестнадцатилѣтняя, готовая скорѣе покончить съ собою, чѣмъ жить у благодѣтельницы,—ожидала отъ брака лучшей перемѣны своей судьбы. Извѣстно, насколько оправдались ея надежды. Ѳедоръ Павловичъ не взялъ за ней ни гроша, потому что генеральша разсердилась, ничего не дала и сверхъ того прокляла ихъ обоихъ; но онъ и не разсчитывалъ на этотъ разъ взять что-либо, а прельстился лишь замѣчательною красотою невинной дѣвушки и, главное, ея невиннымъ видомъ, поразившимъ его, сладострастника и доселѣ порочнаго любителя лишь грубой женской красоты. «Меня эти невинныя глазки какъ бритвой тогда по душѣ полоснули», говаривалъ онъ потомъ, «гадко но своему хихикая». (19).

Когда Софья Ивановна умерла, старшему сыну ея, Ивану, рожденному въ первый годъ брака, было семь лѣтъ, а второму, Алексѣю, шелъ только четвертый; однако, какъ малъ Алексѣй ни былъ, онъ всетаки запомнилъ мать, хотя, конечно, въ смутныхъ очертаніяхъ. Дѣтей по смерти матери постигла судьба Дмитрія — сына отъ перваго брака: они были сданы на воспитаніе и жительство къ слугѣ Григорію; отецъ же повидимому махнулъ на нихъ рукой и совершенно ихъ забросилъ. Но тутъ является генеральша, воспитавшая Софью Ивановну; она распушила и наградила пощечинами Ѳедора Павловича и Григорія, а затѣмъ, безъ всякихъ разговоровъ, забрала къ себѣ брошенныхъ дѣтей. Правда, она вскорѣ послѣ этого умерла, однако успѣла составить завѣщаніе, гдѣ на воспитаніе малютокъ вплоть до совершеннолѣтія оставлено по тысячѣ рублей на каждаго. Главный наслѣдникъ генеральши, губернскій предводитель дворянства, Ефимъ Петровичъ Полѣновъ, человѣкъ честный и добрый, принялъ участіе въ дѣтяхъ, взялъ ихъ къ себѣ и сильно полюбилъ ихъ, особенно младшаго, Алексѣя, такъ что тотъ долгое время даже и росъ въ его семействѣ. Такимъ образомъ дѣти были обязаны своимъ воспитаніемъ всецѣло этому гуманному человѣку. Далѣе Достоевскій отмѣчаетъ характерныя особенности Ивана Карамазова, сказавшіяся еще въ дѣтствѣ. Онъ «росъ какимъ-то угрюмымъ и закрывшимся въ себѣ отрокомъ, далеко не робкимъ, но какъ бы еще съ десяти лѣтъ проникнувшимъ въ то, что ростутъ они въ чужой семьѣ и на чужихъ милостяхъ, а что отецъ у нихъ какой-то такой, о которомъ даже и говорить стыдно, и проч. и проч.» (ibid, 21). Тринадцати лѣтъ онъ былъ отданъ въ московскую гимназію и пансіонъ знаменитаго педагога. Когда Иванъ Карамазовъ поступилъ въ университетъ, его опекунъ, Полѣновъ, умеръ; дѣло о полученіи съ наслѣдниковъ Полѣнова денегъ, завѣщанныхъ генеральшей, вслѣдствіе тогдашней судебной процедуры затянулось. Ивану пришлось зарабатывать средства къ жизни работой въ редакціяхъ. Впрочемъ и въ эту критическую минуту Иванъ сумѣлъ скоро оріентироваться и выказать способность пользоваться обстоятельствами. Въ редакціи онъ не занимается переводами, чего обыкновенно просятъ нуждающіеся студенты; онъ писалъ мило и пикантно составленныя статейки, и въ этомъ одномъ «молодой человѣкъ оказалъ все свое практическое и умственное превосходство надъ многочисленною, вѣчно нуждающеюся и несчастною частью нашей учащейся молодежи обоего пола». Познакомившись съ редакціями, Иванъ Карамазовъ начинаетъ писать серьезныя статьи, пріобрѣтаетъ извѣстность. Особенно обратило всеобщее вниманіе статья, напечатанная имъ уже по выходѣ изъ университета. Эта статья обратила вниманіе даже не спеціалистовъ и, главное,—написанная повидимому по предмету, для

Ивана незнакомому. «Статья была написана на поднявшійся повсемѣстно тогда вопросъ о церковномъ судѣ. Разбирая нѣкоторыя уже поданныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ, онъ высказалъ и свой личный взглядъ. Главное было въ тонѣ и замѣчательной неожиданности заключенія. А между тѣмъ многіе изъ церковниковъ рѣшительно сочли автора за своего. И вдругъ рядомъ съ ними не только гражданственники, но даже сами атеисты принялись и съ своей стороны аплодировать. Въ концѣ концовъ нѣкоторые догадливые люди рѣшили, что вся статья есть лишь дерзкій фарсъ и насмѣшка» (ibid, 22). Этотъ случай очень хорошо характеризуетъ Ивана Ѳедоровича. Его статья, оказавшаяся подходящею къ міросозерцанію людей самыхъ противоположныхъ лагерей, указываетъ на сложность и богатство натуры ея автора. Дѣйствительно, личность Ивана обрисовывается Достоевскимъ, какъ натура въ высшей степени умственно развитая, вдумчивая и страстная. Иванъ Ѳедоровичъ не можетъ согласиться и примкнуть къ тогдашнему общественному движенію; онъ видитъ, что это направленіе разрушаетъ,— но своего положительнаго ничего не создаетъ. Вопросъ о цѣли, смыслѣ жизни, вопросы этики глубоко интересуютъ Ивана Ѳедоровича; онъ мучается и съ болью въ сердцѣ ищетъ отвѣта на эти вопросы, не удовлетворяясь современными ему отрицательными теоріями.

Теперь остановимся на характеристикѣ младшаго сына Карамазова—Алеши, бывшаго на три года моложе Ивана, — поскольку она дана Достоевскимъ въ этомъ неоконченномъ романѣ. «Прежде всего объявлю, что этотъ юноша, Алеша, былъ вовсе не фанатикъ и, по моему, по крайней мѣрѣ, даже и не мистикъ вовсе. Заранѣе скажу мое полное мнѣніе: былъ онъ просто ранній человѣколюбецъ, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что въ то время она одна поразила его и представила ему, такъ сказать, идеалъ исхода рвавшейся изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его. И поразила то его эта дорога лишь потому, что на ней онъ встрѣтилъ тогда необыкновенное, по его мнѣнію, существо, — нашего знаменитаго монастырскаго старца Зосиму, къ которому привязался всею горячею первою любовью своего неутолимаго сердца. Впрочемъ, я не спорю, что онъ былъ и тогда ужъ очень страненъ, начавъ даже съ колыбели». Странность его, очень можетъ быть, является чертой чисто наслѣдственной. Здѣсь авторъ указываетъ на впечатлительность Алеши, сказавшуюся въ немъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Такъ онъ, оставшись послѣ смерти матери на четвертомъ году, запомнилъ однако на всю жизнь ея лицо, ея ласки, — «точно какъ будто она стоитъ передо мной живая». Особенно ярко и живо онъ помнилъ одинъ «вечеръ, лѣтній, тихій, отворенное окно, косые лучи заходящаго солнца (косые то лучи и запомнилъ всего болѣе), въ комнатѣ, въ углу, образъ, предъ нимъ зажженную лампадку, а предъ образомъ на колѣняхъ, рыдающую какъ въ истерикѣ, со взвизгиваніями и вскрикиваніями, мать свою, схватившую его въ обѣ руки, обнявшую его крѣпко, до боли, и молящую за него Богородицу, протягивающую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ бы подъ покровъ Богородицѣ... и вдругъ вбѣгаетъ нянька и вырываетъ его у нея въ испугѣ. Вотъ картина! Алеша запомнилъ въ тотъ мигъ и лицо своей матери: онъ говорилъ, что оно было изступленное, но прекрасное, судя по тому, сколько могъ онъ припомнить. Но онъ рѣдко кому любилъ повѣрять свое воспоминаніе». (ibid, 24 — 25). Въ дѣтствѣ и юности онъ былъ мало экспансивенъ, малоразговорчивъ, — но это происходило не отъ робости и нелюдимости, совсѣмъ напротивъ,—отъ какой-то внутренней заботы, «собственно личной, до другихъ не касавшейся, но столь для него важной, что онъ изъ-за нея какъ бы забывалъ другихъ. Но людей онъ любилъ: онъ, казалось, всю жизнь жилъ, совершенно вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не считалъ его ни простачкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что то было въ немъ, что говорило и внушало (да и всю жизнь потомъ), что онъ не хочетъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя осужденія, и ни за что не осудитъ. Казалось даже, что онъ все допускалъ, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя» (ibid, 25). Этотъ по натурѣ чрезвычайно чистый, цѣломудренный человѣкъ, чуткій къ чужому несчастью, старается понять

дѣйствія и проступки другихъ, а понявши, простить ихъ. Вотъ за эту чуткую, любящую, кроткую душу всѣ любили Алешу, и гдѣ бы онъ ни появлялся, всѣ старались сдѣлать одно лишь ему пріятное. Такъ въ домѣ своего воспитателя, Полѣнова, Алеша успѣлъ такъ привязать къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его рѣшительно считали какъ бы за родное дитя. «А между тѣмъ онъ вступилъ въ этотъ домъ еще въ такихъ младенческихъ лѣтахъ, въ какихъ никакъ нельзя ожидать въ ребенкѣ разсчетливой хитрости, пронырства или искусства заискать и понравиться, умѣя заставить себя полюбить. Такъ что даръ возбуждать къ себѣ особенную любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ самой природѣ, безыскусственно и непосредственно» (стр. 26). Къ Алешѣ даже относились съ нѣкоторымъ уваженіемъ. По смерти Полѣнова, Алеша, не окончивъ гимназіи, попадаетъ въ домъ какихъ-то двухъ дамъ, родственницъ Полѣнова, но на какихъ условіяхъ, онъ самъ того не зналъ. «Характерная тоже, и даже очень»,—говоритъ Достоевскій,—черта его была въ томъ, что онъ никогда не заботился, на чьи средства живетъ. Въ этомъ онъ былъ совершенная противоположность своему брату старшему, Ивану Ѳедоровичу». Итакъ, не окончивъ гимназіи, Алеша вдругъ собрался къ своему отцу. Послѣдній незадолго передъ тѣмъ жилъ на югѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, гдѣ познакомился сначала, по его собственнымъ словамъ «со многими жидами, жидками, жидишками и жиденяшками», а кончилъ тѣмъ, что подъ конецъ даже не только у жидовъ, но и у евреевъ былъ принятъ». Надо думать, что въ этотъ-то періодъ своей жизни онъ и развилъ въ себѣ особенное умѣніе сколачивать и выколачивать деньгу» (ibid, 29). Вернувшись изъ поѣздки въ родной городъ, Ѳедоръ Павловичъ, уже значительно состарѣвшійся, снова предался отвратительному сладострастью. Вотъ въ это время и является Алеша, который пріѣхалъ, — повинуясь какому то безотчетному стремленію, — чтобы войти въ жизнь родного отца. Но вскорѣ же по пріѣздѣ Алеша знакомится со старцемъ Зосимою, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе; тогда же разыгрывается и драма въ семействѣ Карамазовыхъ.

Старецъ Зосима,—центральная фигура этого романа,—личность въ высшей степени для насъ интересная, такъ какъ, съ одной стороны, характеристика этого старца выясняетъ и освѣщаетъ намъ фигуру Алеши Карамазова, а съ другой—знакомитъ насъ съ личнымъ міровоззрѣніемъ Достоевскаго,—выразителемъ взглядовъ котораго и является старецъ Зосима. Сперва сообщимъ любопытную біографію этого старца. Составлена она со словъ старца и уже послѣ его смерти Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ. Изъ нея мы узнаемъ, что Зосима родился въ сѣверной губерніи и былъ дворянскаго происхожденія. Онъ очень рано лишился своего отца, и на рукахъ матери осталось два сына: онъ—Зиновій, и старшій братъ—Маркелъ. Когда Маркелу было 17 лѣтъ, то «повадился онъ ходить къ одному уединенному въ нашемъ городѣ человѣку,—разсказываетъ старецъ Зосима,—какъ бы политическому ссыльному, высланному изъ Москвы въ нашъ городъ за вольнодумство. Былъ же этотъ ссыльный—немалый ученый и знатный философъ въ университетѣ». Послѣдствіемъ этихъ посѣщеній было то, что Маркелъ, уже послѣ отъѣзда ученаго въ Петербургъ, оказался совершеннымъ атеистомъ,—приводя этимъ въ ужасъ и мать, и всѣхъ близкихъ. Всѣмъ извѣстна исторія его предсмертной болѣзни и полнаго нравственнаго и религіознаго перерожденія его. «Измѣнился онъ весь душевно,—такая дивная началась вдругъ въ немъ перемѣна! Войдетъ, бывало, къ нему въ комнату старая нянька: «позволь, голубчикъ, я и у тебя лампадку зажгу предъ образомъ». А онъ прежде не допускалъ, задувалъ даже. «Зажигай, милая, зажигай, извергъ я былъ, что претилъ вамъ прежде. Ты, Богу зажигая лампадку, молишься, а я, на тебя радуясь, молюсь. Значитъ, одному Богу и молимся». Странными казались намъ эти слова, а мать уйдетъ къ себѣ и все плачетъ, только къ нему входя обтирала глаза и принимала веселый видъ. «Матушка, не плачь, голубушка, говоритъ, бывало, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а жизнь-то, жизнь-то веселая, радостная!» —Ахъ, милый, ну, какое тебѣ веселье, когда ночь горишь въ жару да кашляешь, такъ что грудь тебѣ чуть не разорветъ. —«Милая,—отвѣчаетъ ей,—не плачь,

жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того,—а если бы захотѣли узнать, завтра же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай»... «Входящимъ слугамъ говорилъ поминутно: «Милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите, да и стою ли я того, чтобы служить-то мнѣ. Если бы помиловалъ Богъ и оставилъ бы въ живыхъ,—сталъ бы самъ служить вамъ, ибо всѣ должны одинъ другому служить»... «Мама, радость моя,—говоритъ,—нельзя, чтобы не было господъ и слугъ, но пусть же и я буду слугой моихъ слугъ, такимъ же, какими и они мнѣ. Да еще скажу тебѣ, матушка, что всякій изъ насъ предъ всѣми во всемъ виноватъ, а я болѣе всѣхъ... Матушка, знай, что воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ и за все виноватъ. Не знаю я, какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ,—до мученія»... (ibid, 333—334). Вотъ эти двѣ мысли: «о земномъ раѣ» и «о нравственномъ долгѣ и обязанностяхъ всякаго предъ всѣми», высказанныя духовно возродившимся Маркеломъ, глубоко запали въ душу Зосимы, тогда еще ребенка; но впослѣдствіи онъ осмыслилъ и вполнѣ понялъ ихъ сущность. Затѣмъ Зосима поступаетъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ натура его значительно огрубѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ заглохли и его дѣтскія впечатлѣнія. Будучи уже офицеромъ, Зосима пережилъ такую минуту, которая произвела въ немъ глубокій нравственный переворотъ и пробудила забытыя дѣтскія воспоминанія. Онъ привязался къ одной дѣвушкѣ хорошей фамиліи; ему казалось, что онъ можетъ надѣяться на взаимность. Но не успѣлъ онъ сдѣлать предложеніе, какъ его назначили въ командировку въ другой уѣздъ. Когда онъ возвратился, то узналъ, что любимая имъ дѣвушка замужемъ за однимъ богатымъ пригороднымъ помѣщикомъ. Ревность и задѣтое самолюбіе побудили Зосиму оскорбить помѣщика и добиться отъ него дуэли. Въ ночь передъ дуэлью и произошелъ тотъ эпизодъ, потрясшій Зосиму. Вотъ какъ разсказываетъ объ этой минутѣ самъ Зосима: «Былъ въ исходѣ іюнь, и вотъ встрѣча наша на завтра за городомъ въ семь часовъ утра,—и воистину случилось тутъ со мной нѣчто какъ бы роковое. Съ вечера, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, разсердился я на моего деньщика Аѳанасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ что окровавилъ ему лицо. Служилъ онъ у меня уже давно, и случалось и прежде, что ударялъ его, но никогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите ли, милые, сорокъ лѣтъ тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю—уже начинается день. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, подошелъ къ окну, отворилъ,—отпиралось у меня въ садъ,—вижу, всходитъ солнышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. «Что же это,—думаю,—ощущаю я въ душѣ моей какъ бы нѣчто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ даже не то... И вдругъ сейчасъ же и догадался въ чемъ было дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Аѳанасія! Все мнѣ вдругъ снова представилось, точно вновь повторилось: стоитъ онъ передо мной, а я его бью съ размаху прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по-швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ, какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять, чтобъ заслониться, не смѣетъ,—и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно игла острая прошла мнѣ всю душу насквозь. Стою я, какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, сверкаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. И вспомнилъ я тутъ моего брата Маркела и слова его передъ смертью слугамъ: «Милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите, за что меня любите, да и стою ли я, чтобы служить-то мнѣ?» «Да, стою ли?» —вскочило мнѣ вдругъ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я такъ стою, чтобы другой человѣкъ, такой же, какъ я, образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и вонзился мнѣ въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ вопросъ. «Матушка, кровинушка ты моя, воистину всякій предъ всѣми, за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а если-бы узнали—сейчасъ былъ бы рай!» Господи, да неужто-же и это неправда, плачу я и думаю,—«во истину я за всѣхъ, можетъ быть, всѣхъ виновнѣе, да и хуже всѣхъ на свѣтѣ лю-

дей!» Когда утромъ заѣхалъ секундантъ, Зосима былъ уже другой человѣкъ. Прежде всего онъ попросилъ прощенія у Аѳанасія, а на дуэли выдержалъ выстрѣлъ противника, а затѣмъ швырнулъ пистолетъ въ лѣсъ; противникъ и секунданты требовали, чтобы Зосима стрѣлялъ, такъ какъ его поступокъ былъ несогласенъ съ правилами условной чести. Но Зосима, вмѣсто того, извинился за свое оскорбленіе предъ помѣщикомъ, но стрѣлять все же не сталъ. Его дѣйствія возмутили его товарищей, какъ марающія честь полка. «Господа, — воскликнулъ я вдругъ отъ всего сердца, — посмотрите кругомъ на дары Божіи: небо ясное, воздухъ чистый, травка нѣжная, птички, природа прекрасная и безгрѣшная, — а мы, только мы одни, безбожные и глупые, и не понимаемъ, что жизнь есть рай, ибо стоитъ только намъ захотѣть понять, и тотчасъ-же онъ настанетъ во всей красотѣ своей, обнимемся мы и заплачемъ»... Само собою разумѣется, что послѣ этого поединка Зосима подалъ въ отставку и сталъ готовиться къ иночеству. Его поступокъ удивилъ всѣхъ, и всѣ прониклись къ нему невольнымъ уваженіемъ, даже полюбили его. Во время своего иночества Зосима практически осуществляетъ эти два положенія, впервые услышанныя имъ отъ брата Маркела. Для насъ мистическая теорія старца любопытна потому, что она отразилась на міровоззрѣніи Алеши, находившагося подъ сильнымъ воздѣйствіемъ Зосимы, и выражаетъ воззрѣнія самого автора—то, во что вѣровалъ Достоевскій въ послѣдніе годы своей жизни. Въ этой теоріи писатель видѣлъ начала, примиряющія самыя рѣзкія противорѣчія мучающихъ и терзающихъ сомнѣній, представленныхъ въ лицѣ Ивана Карамазова. Анализируя воззрѣнія Зосимы на современное и будущее состояніе общества, мы знакомимся съ личными взглядами автора по этому вопросу. Зосима характеризуетъ современное состояніе общества, какъ «періодъ всемірнаго отъединенія» или «уединенія», т. е. такого состоянія, когда каждый дѣйствуетъ въ своихъ только интересахъ. Зосима видитъ въ этомъ необходимую, переходную ступень ко всеобщей цѣлостности, ко всеобщему единенію, въ чемъ одномъ и заключается залогъ всеобщаго благополучія. «Повсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ насмѣшливо не понимать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ не въ личномъ уединенномъ его усиліи, а въ людской общей цѣлостности. Но непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ неестественно отдѣлились одинъ отъ другого... Но до тѣхъ поръ надо все-таки знамя беречь, и нѣтъ-нѣтъ, а хоть единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ показать и вывести душу изъ уединенія на подвигъ братолюбиваго общенія, хотя бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это—чтобы не умирала великая мысль» (ibid, 351). Въ этихъ словахъ Достоевскій примиряетъ два направленія въ вопросахъ общественнаго совершенствованія. Одни думали, что общее благополучіе наступитъ при общественномъ совершенствѣ, другіе —при совершенствѣ отдѣльныхъ личностей. По мнѣнію Достоевскаго, для общаго благополучія нужно общее совершенство, но оно сразу настать не можетъ, а обществу должно пережить нѣкоторые переходные фазисы въ своемъ развитіи,—но, чтобы идея совершенства не умерла, ее должны практически осуществлять отдѣльные члены общества въ своей жизни. Такимъ образомъ, авторъ словами Зосимы возстаетъ противъ личнаго совершенства, —проповѣдуемаго нѣкоторыми, — носившаго вполнѣ самостоятельный характеръ и имѣвшаго своимъ непремѣннымъ слѣдствіемъ «уединеніе» и «отъединеніе», а не общественное благополучіе. Эти мысли особенно часто и настойчиво проводятся Достоевскимъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о братьяхъ Карамазовыхъ, въ лицѣ которыхъ Достоевскій характеризуетъ современное общество; надо замѣтить, впрочемъ, что эти типы имѣютъ не только временное, историческое значеніе, — нѣтъ, съ ними можно встрѣтиться въ любую эпоху. Мы еще ничего почти не сказали о старшемъ сынѣ Ѳедора Павловича—о Дмитріи. Натура этого Карамазова не знаетъ никакого удержа,—эта черта чисто-семейная, но только въ Дмитріи она изображена болѣе ярко и выпукло, чѣмъ въ другихъ Карамазовыхъ. Какъ и отецъ, Дмитрій отличается сладострастіемъ,—но рядомъ съ этой отрицательной чертою, въ душѣ его можно подмѣтить истинное благород-

ство и много другихъ хорошихъ сторонъ. Въ немъ постоянно происходитъ борьба между дурными наслѣдственными страстями и лучшей частію души; его готовность пожертвовать собой за другого, его взглядъ на наказаніе, —наложенное на него за чужое преступленіе,—какъ на средство исправленія и нравственнаго совершенствованія,—все это показываетъ въ Дмитріи личность незаурядную, способную на подвиги самоотверженія. Иванъ Карамазовъ представляетъ дальнѣйшее развитіе Карамазовскаго типа; въ немъ, какъ и въ Дмитріи, наблюдается та же стихійность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Иванъ является представителемъ рефлексивныхъ людей. Мы видимъ, что Иванъ, подобно Раскольникову и Петру Верховенскому, отрицательно смотритъ на современное состояніе общественной жизни. Но въ немъ нѣтъ той практической смѣлости для проведенія и осуществленія своей теоріи общественнаго благополучія, которую мы видѣли въ родственныхъ ему типахъ. Иванъ Ѳедоровичъ сомнѣвается въ цѣлесообразности своей теоріи, чувствуя, что крайніе выводы ея ложны и непригодны. Если разсматривать Ивана Карамазова съ этой послѣдней точки зрѣнія, то, пожалуй, можно согласиться съ мнѣніемъ г. Звѣрева, характеризующаго этого героя, какъ типъ «отрицателя сомнѣвающагося». Теорія Ивана, практически осуществленная Смердяковымъ, всего лучше обнаруживаетъ свою несостоятельность. Смердяковъ, исходя изъ того положенія, что сильнымъ личностямъ «все позволено», совершаетъ ненужное преступленіе—убійство Ѳедора Павловича.

Въ этомъ романѣ находится, какъ самостоятельная вставочная часть, легенда о великомъ инквизиторѣ, любопытная тѣмъ, что въ ней выражены личныя воззрѣнія автора на западный католицизмъ. Эта легенда, съ несомнѣнными славянофильскими тенденціями, вложена въ уста Ивану Карамазову, всего меньше бывшему славянофиломъ. Достоевскій особенно отмѣчаетъ характерное явленіе жизни западной церкви—деспотизмъ надъ личностью, надъ совѣстью каждаго члена. Этотъ деспотизмъ надъ совѣстью, введенный католицизмомъ въ основной принципъ дѣятельности, достигъ такого развитія, что отъ ученія Христа о всеобщемъ равенствѣ, братствѣ и любви не осталось и слѣда. Католицизмъ сумѣлъ перевоспитать своихъ исповѣдниковъ настолько, что они не понимаютъ,—и во всякомъ случаѣ уже не могутъ слѣдовать,—проповѣди Христа о всеобщей любви. Этой легендой Достоевскій выражаетъ свое отрицательное отношеніе къ характеру дѣятельности католицизма,—къ насилію вмѣсто завѣщаннаго Христомъ начала общественной жизни,—любви; мало того, въ этихъ же словахъ Достоевскій высказываетъ отрицательный взглядъ и на характерное культурное явленіе въ жизни запада—на насиліе, вообще провозглашенное однимъ изъ принциповъ дѣятельности въ проведеніи идей соціализма. Вотъ почему, по мнѣнію писателя, ни западная церковь, ни западный соціализмъ, подмѣнившій любовь противоположнымъ ей началомъ, не достигли никакихъ благихъ результатовъ. Насиліе отрицаетъ даже Иванъ Карамазовъ, и въ данномъ случаѣ его мысль совпадаетъ со словами старца Зосимы, въ которыхъ говорится про рай въ душѣ человѣка, про любовь, какъ единое объединяющее начало, чѣмъ совершенно исключается всякое насиліе. Въ дальнѣйшемъ развитіи романа должно было быть нарисовано, какъ Алеша путемъ личнаго совершенствованія осуществляетъ идею всеобщей цѣлостности. Но Достоевскому не удалось докончить романа и выполнить намѣченную идею. Основа личнаго совершенства въ цѣляхъ достиженія идеала всеобщей цѣлостности должна заключаться въ религіи, которая должна быть гуманной. Эти же мысли проводятся и въ «Дневникѣ писателя».

«Дневникъ» началъ свое существованіе въ 1873 г.,—сначала онъ печатался въ «Гражданинѣ» кн. Мещерскаго, но съ 1876 г. Достоевскій выпускаетъ его отдѣльнымъ изданіемъ, гдѣ и высказывается по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, выдвигаемымъ тогдашней жизнью. Тутъ не было обычнаго журнальнаго шаблона, отчего, конечно, «Дневникъ» только выигрывалъ въ глазахъ читающей публики. Достоевскій часто затрагиваетъ такіе вопросы, которые слегка отразились въ общественномъ сознаніи, какъ-то стушевались и исчезли малоосвѣщенными и выясненными. Такъ Достоевскій подробно останавливается на судебныхъ процес-

сахъ, указываетъ слабыя стороны судебнаго дѣла, причемъ является все съ тѣми же гуманистическими взглядами на личность преступника, съ которыми мы познакомились при разборѣ «Записокъ изъ мертваго дома». Съ 1875 г. на страницахъ «Дневника» особенно сильно и горячо обсуждается вопросъ «славянства». Въ это время уже начались волненія балканскихъ славянъ, добивающихся политической свободы. Русское общество чутко прислушивалось къ этому движенію единовѣрцевъ и братьевъ по крови. Достоевскій является однимъ изъ главныхъ проводниковъ идеи всеславянства въ общественное русское сознаніе. Онъ указывалъ на страданія людей, родственныхъ намъ по крови и вѣрѣ, на факты грубаго насилія и попиранія личнаго и человѣческаго достоинства фанатиками-мусульманами. Эти жестокости дѣйствительно могли возмутить самаго индифферентнаго человѣка; сочувствіе къ несчастнымъ славянамъ росло все болѣе и болѣе и разрѣшилось движеніемъ русскихъ войскъ на помощь угнетеннымъ роднымъ народамъ. Въ пропагандѣ славянскаго вопроса «Дневникъ» Достоевскаго сыгралъ очень крупную роль и дѣйствовалъ согласно, хотя и вполнѣ самостоятельно, съ программой московскихъ и петербургскихъ славянофиловъ,—Ор. Миллера, Аксаковыхъ и др. Достоевскій развиваетъ идею братства, провозглашенную славянофилами и вымершую исторически на Западѣ. Онъ надѣется, что если русскіе не откажутся протянуть руки угнетенному брату, тогда практически будетъ осуществлена идея славянскаго братства, тогда можно достичь выполненія и мессіанистическаго идеала, который проводился во многихъ его произведеніяхъ. Этотъ идеалъ развивается Достоевскимъ и въ его «Дневникѣ». Въ 1878 г. прекращается изданіе «Дневника»; слѣдующій номеръ выходитъ только въ 1880 г.,—гдѣ напечатана рѣчь Достоевскаго, сказанная имъ на открытіи памятника Пушкина въ Москвѣ. Когда Достоевскій произносилъ эту знаменитую, странную рѣчь, то онъ захватилъ и привелъ въ восторгъ всю аудиторію. Всѣ сошлись въ этой рѣчи, и западники и славянофилы,—такъ сильно было отъ нея впечатлѣніе. Правда, впослѣдствіи эта рѣчь возбудила горячіе толки и споры въ журналистикѣ, но все-таки первое впечатлѣніе, вынесенное отъ нея, было таково, что самые противоположные лагери сошлись въ признаніи за Пушкинымъ нѣкоторыхъ заслугъ, указанныхъ Достоевскимъ. Въ этой рѣчи Достоевскій высказываетъ часто чужія, но забытыя къ его времени, мысли; такъ, напр., мысль о свойствѣ пушкинскаго генія,—о перевоплощеніи и проникновеніи духомъ другихъ народовъ, коль скоро онъ беретъ сюжетъ и лица не изъ родной русской обстановки; эта черта творчества Пушкина была уже отмѣчена раньше Бѣлинскимъ. Далѣе высказывается нѣсколько мыслей, прямого отношенія къ Пушкину не имѣющихъ. Такъ Достоевскій говоритъ, что русскому обществу на пути его совершенствованія не слѣдуетъ отрываться отъ народной почвы, отъ народныхъ идеаловъ; онъ считаетъ нужнымъ заполнить пропасть, существующую между современнымъ интеллигентнымъ обществомъ и народомъ, и призываетъ общество къ народной правдѣ. Онъ сравниваетъ русскую интеллигенцію съ Алеко, съ Онѣгинымъ, съ этими безпочвенными людьми, существованіе которыхъ пусто и безцѣльно, и заключаетъ свою мысль такимъ символическимъ обращеніемъ къ интеллигентному обществу: «Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ» (т. XI, 438),—въ этомъ онъ видитъ рѣшеніе народной правды по народному разуму. Но путь, который указывалъ Достоевскій русской интеллигенціи, навлекъ на писателя нареканія со стороны западниковъ; его стали укорять и обвинять въ какомъ-то мракобѣсіи, называли нелѣпымъ его требованіе преклониться якобы предъ народнымъ невѣжествомъ. Но всѣ эти нареканія происходили отъ недоразумѣній. Достоевскій видѣлъ народную правду въ искрѣ Божіей, въ правдѣ Христовой, въ идеѣ братства, хранимой однимъ только народомъ. Послѣ этой рѣчи отношенія общества къ писателю замѣтно мѣняются. Когда появились «Бѣсы», то общество, не понявъ этого романа и опираясь на нѣкоторыя частности, увидѣло въ немъ грубый, некрасивый пасквиль на молодежь, на Тургенева и т. п. Романъ былъ освистанъ, и репутація Достоевскаго, какъ

писателя безпристрастнаго, мыслящаго, была поколеблена въ очень сильной степени. Понятно, что и «Бр. Карамазовы» встрѣчены были обществомъ холодно. Та же самая судьба постигла и другое его произведеніе—«Идіота». Такое пренебрежительное отношеніе къ Достоевскому продолжалось вплоть до упомянутой пушкинской рѣчи. Въ ней общество поняло Достоевскаго, поняло и прежніе его романы. Общество увидѣло въ этомъ писателѣ глубоко-любящую душу и проникновенный умъ; понятно, что отношенія измѣнились, и вмѣсто холодности рождается горячая симпатія къ Достоевскому. Его слава быстро растетъ, онъ становится главой литературы и руководителемъ общественнаго мнѣнія. Теперь общество внимало призывамъ Достоевскаго къ внутреннему личному совершенствованію, — призывамъ, попадающимся часто и въ «Бр. Карамазовыхъ», и въ «Дневникѣ». Внѣшнимъ доказательствомъ того, какъ жадно общество прислушивалось къ слову своего писателя-проповѣдника, служитъ внушительное число разошедшихся послѣднихъ №№ «Дневника» и масса писемъ, получаемыхъ Достоевскимъ отъ молодежи, съ вопросами о смыслѣ жизни, о характерѣ дѣятельности, достойной человѣка, съ просьбой дать совѣтъ, къ чему и какъ приложить свои силы, какъ послужить и помочь ближнему. Все это показываетъ, насколько важны и жизненны были вопросы, затронутые Достоевскимъ, и какъ хорошо было понято и выражено имъ современное общественное настроеніе.

Послѣдній № «Дневника Писателя» уже заканчивался Достоевскимъ, какъ вдругъ одинъ изъ рѣзкихъ приступовъ болѣзни прервалъ его работу, а на другой день, 29 января 1881 г., Достоевскаго не стало. Похороны его были цѣлымъ общественнымъ событіемъ, такъ какъ въ нихъ выразились симпатіи къ почившему писателю всякихъ направленій русской интеллигенціи.

Первое полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго подъ редакціей О Ѳ. Миллера и Н. Н. Страхова вышло въ свѣтъ въ 1881—83 гг., въ 14 томахъ, изъ которыхъ въ первомъ заключались «Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго». Послѣдующія изданія (въ 6, 9, 12 томахъ) являются точнымъ повтореніемъ перваго, съ исключеніемъ лишь біографическихъ матеріаловъ, которые замѣняются краткими біографіями, написанными Д. В. Аверкіевымъ, К. К. Случевскимъ, В. В. Розановымъ. Въ 1904 г. начато новое изданіе Д. С. Мережковскимъ, который работаетъ надъ подробной біографіей Достоевскаго. Изъ біографическихъ матеріаловъ и статей, кромѣ указанныхъ, надо отмѣтить слѣдующіе: «Достоевскій въ его письмахъ» (Русск. Старина, 1883 г., т. 39 и 40). Письма къ А. С. Хитровой, М. М. Достоевскому и др. (Р. Старина, 1884 г., т. 43; 1885 г., т. 47 и 48). Переписка и замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго (Сѣв. Вѣстникъ, 1881 г., № 10 и 11). «Въ память Юрьева». М. 1891 г. (письма къ С. А. Юрьеву). Русск. Вѣдом. 1894 г. (письмо къ вдовѣ Бѣлинскаго, въ № 241). Космополисъ, 1898 г. № 9 (оправдательная записка Д. по дѣлу Петрашевскаго, напечатанная также въ Биржевыхъ Вѣдом. 1899 г. №№ 215 и 217). «Воспоминанія о Ѳ. М. Д.» Вс. С. Соловьева (Ист. Вѣстн. 1881 г. № 3). Сытина. Изъ воспоминаній о Ѳ. М. Д. (Ист. Вѣстн. 1885 г., № 1). Ковалевская, С. Воспоминанія дѣтства (Вѣстн. Евр. 1890 г., № 7 и 8). Трутовскій, К. Воспоминанія о Д. (Русск. Обозр., 1893 г., № 1). Милюковъ. Воспоминанія о Достоевскомъ (Русск. Стар. 1881 г., т. 30 и 31 — то же въ книгѣ «Литературныя встрѣчи и знакомства», Спб. 1890 г.). Гаршинъ, Е. Испорченная жизнь (Ист. Вѣст. 1884 г., № 2, а также въ книгѣ «Критич. опыты», Спб. 1888 г.). Яновскій. Воспоминанія о Д. (Р. Вѣстн. 1885 г. т. 4). Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты. Спб. 1890 г. Е. Соловьевъ. Ѳ. М. Д., въ «Біографич. библіотекѣ» Павленкова. Спб. 1898 г. Кузьминъ. Ѳ. М. Д. въ каторгѣ и послѣ ссылки (Вѣстн. Знанія, 1903 г., № 1 и 2). Th. M. Dostojewsky. Eine biographische Studie von N. Hoffmann. Berlin. (1899, лучшая изъ имѣющихся біографій).—Th. M. Dostojewsky. Etude médico-psychologique par d-r. G. Loygne. Paris. 1904 г. Ашевскій. Достоевскій и Бѣлинскій (Міръ Божій, 1904 г., № 1). Арсеньевъ. Многострадальный писатель (Вѣстн. Евр, 1884 г., т. 1). Скирмунтъ. Галерея русскихъ писателей, 1900 г. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1903 г. Критическія статьи, посвященныя Достоевскому, весьма многочисленны. Изъ нихъ, кромѣ упомянутыхъ выше статей Бѣлинскаго, слѣдуетъ отмѣтить: Добролюбовъ. Забытые люди (Сочиненія, т. III). Писаревъ. Погибшіе и погибающіе. Будничная сторона жизни. Борьба за жизнь. Анненковъ. Воспоминанія и критическіе очерки, т. II. Михайловскій. «Жестокій талантъ» и «О Писемскомъ и Достоевскомъ» (Сочиненія, т. VI). Миллеръ. Русскіе писатели послѣ Гоголя, т. I. Оболенскій. Оцѣнка идей Достоевскаго (Мысль, 1881 г., и «Муза Достоевскаго и муза Тургенева» (Русск. Богатство, 1884 г., № 9). Соловьевъ, Вл. С. Три рѣчи въ память Д. М. 1834 г. Андреевскій. Литературные очерки, Спб. 1901 г. Введенскій. Литературныя характеристики, Спб. 1903 г. Чижъ. Достоевскій, какъ психопатологъ. М. 1885 г. Тиличевъ. Гуманизмъ и націонализмъ Достоевскаго. Спб. 1881 г. Леонтьевъ. Наши новые христіане. М. 1882 г. Кирпичниковъ. Очерки новой русской литературы. М. 1896 г. Случевскій, В. К. Достоевскій и внушеніе (Недѣля,

1893 г., № 1 и 2). Мережковскій. Вѣчные спутники, Спб. 1900 г. Его же, Левъ Толстой и Достоевскій, Спб. 1901 г. Шестовъ. Достоевскій и Нитше, Спб. 1903 г. Волынскій. Русскіе критики, Спб. 1896 г. Борьба за идеализмъ, Спб. 1900 г. Царство Карамазовыхъ. Спб. 1901 г. Книга великаго гнѣва. Спб. 1904 г. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ. Спб. 1896 г. Vogüé. Le roman russe. Zabel. Litteraturbilder. Brandes. Die Menschen und Werke. Saitschik. Die Weltanschauung Dostojewsky's und Tolstoi's.

А. Бороздинъ.

Литература о Ѳ. М. Достоевскомъ хотя и обширна, но полна недомолвокъ и противорѣчивыхъ сужденій и взглядовъ, и это даетъ поводъ думать, что мы далеки еще отъ всесторонней и безпристрастной оцѣнки Д., какъ писателя и человѣка. Тѣмъ не менѣе его нравственный обликъ уже и теперь рельефно выступаетъ изъ массы приводимыхъ о немъ біографическихъ свѣдѣній, а главное — изъ его произведеній, какъ бы оживляемыхъ вѣяніемъ его духа,—и это благодаря не столько усиліямъ литературной критики, сколько глубокой искренности и опредѣленности его міровоззрѣнія, въ которомъ художникъ и человѣкъ сливаются въ одно гармоничное цѣлое.

То, что обыкновенно называютъ міровоззрѣніемъ писателя-художника, въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ трудно поддается опредѣленію: ужъ очень измѣнчиво бываетъ настроеніе художника, слишкомъ велико воздѣйствіе на него читателя; боясь быть непонятнымъ, неоцѣненнымъ, онъ часто старается *казаться*, и этимъ нерѣдко вводитъ въ заблужденіе не только читателя, но и собственную совѣсть.

Но есть натуры исключительныя, вѣрныя самимъ себѣ до конца, послѣдовательныя до наивности, граничащей съ инстинктомъ,—натуры, міровоззрѣніе которыхъ можно уподобить нерву, управляющему непроизвольными движеніями ихъ сердца. Ихъ понять не трудно: надо только обращаться къ нимъ съ довѣріемъ, безъ предубѣжденій. Д. можетъ служить тому примѣромъ.

Въ своей художественной прозорливости, Д. видитъ и описываетъ русскаго человѣка во всей его неприглядной наготѣ, со всѣми сокровенными уродствами и язвами и съ такою правдивостью, на какую дерзалъ мало кто изъ его предшественниковъ; но это не мѣшаетъ ему и на прокаженномъ видѣть печать человѣка, столь же реальную и несомнѣнную, какъ и покрывающія его язвы.

«Въ русскомъ характерѣ, говоритъ онъ, замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго, рѣзкая особенность... въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высоко синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности».

Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ исключительности западнаго человѣка, «его угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому внѣ различія крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько нибудь есть общечеловѣческаго интереса».

Мы позволимъ себѣ въ подтвержденіе словъ Д. привести нѣсколько параллельныхъ соображеній.

Русскій человѣкъ, вслѣдствіе особенностей своего быта и исторіи, развилъ въ себѣ инстинкты общежитія насчетъ индивидуальной энергіи и предпріимчивости, насчетъ той *особности*, которой такъ богатъ западный человѣкъ и которой у насъ такъ мало. Зато русскій человѣкъ, какъ общественная единица, стоитъ ближе къ другому человѣку и нерѣдко проявляетъ удивительную способность ставить себя въ положеніе этого другого, какъ своего ближняго, проникаться его душевнымъ настроеніемъ, иногда до забвенія собственной личности.

Весь строй нашихъ общественныхъ отношеній служитъ тому подтвержденіемъ. Мы не избалованы никакими свободами, и даже понятіе свободы, какъ индивидуальной потребности, какъ личнаго права, въ нашемъ правосознаніи часто стушевывается передъ представленіемъ свободы, какъ средства для достиженія общественныхъ цѣлей. Съ другой стороны, у насъ существуетъ и всегда существовала свобода общественныхъ сношеній, которая питаетъ наши общечеловѣческія чувства и которой нѣтъ въ рѣзко разграниченныхъ, часто враждебно другъ къ другу настроенныхъ классахъ и сословіяхъ Запада, гдѣ каждый, по словамъ Д., замѣчаетъ самого себя а всѣхъ другихъ — какъ личное себѣ препятствіе.

Тяготѣніе человѣка къ человѣку, спо-

собность взаимнаго пониманія, какъ отличительная черта характера русскаго народа вообще, составляетъ еще болѣе характерную особенность нашей художественной литературы—выразительницы общественнаго сознанія и носительницы общественныхъ идеаловъ; и кто, какъ не Д., является въ ней передовымъ проповѣдникомъ начала всечеловѣчности, и кто, какъ не онъ, обладаетъ наиболѣе соотвѣтствующимъ талантомъ для художественнаго его обоснованія?

Его интересъ къ человѣку развивается рядомъ съ непоколебимой вѣрой въ человѣка, въ чистоту его намѣреній: люди добры по природѣ,—говоритъ онъ,—они дѣлаютъ зло по недоразумѣнію, и онъ доказываетъ это, раскрывая передъ нами душу человѣка со всѣми ея сокровенными побужденіями, со всѣми ея паденіями и восхожденіями.

Движимый любовью, онъ поглощенъ созерцаніемъ внутренней природы человѣка—преимущественно человѣка страждущаго, потому что главный источникъ его любви къ человѣку есть состраданіе къ нему, и потому еще, что въ страждущемъ человѣкѣ онъ всего чаще находитъ то, что для него въ человѣкѣ, всего дороже: искренность и правду. Да о чемъ, спрашивается, писалъ бы онъ безъ этой глубокой симпатіи къ человѣку, и на что ушли бы всѣ сокровища его художественнаго таланта, его несравненнаго психологическаго прозрѣнія? Ему оставалось бы совершенствовать изящество формы, гармонію художественной концепціи, т. е. такихъ качествъ, которыхъ, по мнѣнію его критиковъ, ему часто недоставало. Тогда у насъ было бы однимъ мастеромъ-художникомъ болѣе; но не было бы единственнаго, незамѣнимаго Ѳедора Михайловича Достоевскаго, который, не уступая ни одному изъ современныхъ писателей въ правдивости, въ искренности изображенія, въ способности схватывать и понимать то, что находится внѣ насъ, какъ бы оно находилось внутри насъ, по глубинѣ и вѣрности психологическаго анализа, направляемаго человѣколюбивыми порывами его сердца, не имѣетъ себѣ равнаго.

И вотъ почему этотъ всечеловѣкъ въ образѣ русскаго человѣка такъ властно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя и, обращаясь къ нему, какъ къ члену единой человѣческой семьи, будитъ въ немъ чувства міровой любви и печали.

Ред.

Доу, *Генрихъ* (Henri Dawe), племянникъ Дж. Доу, англійскій граверъ акватинтой, родился въ сентябрѣ 1790 г., умеръ въ декабрѣ 1848 г. (въ Англіи). Въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ Доу работалъ въ Россіи. Въ 1825 г. онъ, по предложенію Уткина, былъ признанъ Императорскою Академіею Художествъ назначеннымъ въ академики «по выставленнымъ гравированнымъ имъ портретамъ разныхъ особъ съ картинъ г. Почетнаго Вольнаго Общника Дж. Доу»; въ 1829 г., черезъ того же Уткина, онъ бралъ себѣ отъ Академіи программу на званіе академика. Доу награвировалъ очень большое число портретовъ дѣятелей Отечественной войны и другихъ, главнымъ образомъ, съ оригиналовъ Джорджа Доу (напр., портреты императоровъ Александра I и Николая I, Фотія, Багратіона, Барклая-де-Толли, Голенищева-Кутузова и многихъ другихъ).

Д. А. Ровинскій: „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI — XIX вв.“, 1895 г.— П. Н. Петровъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“. Спб., 1864—1866 гг.—„La grande encyclopédie“, tome 13. Paris. — Энциклопедич. словарь Брокгаузъ-Ефронъ.

Д. Г.

Доу, *Джорджъ* (George Dawe), англійскій портретный и историческій живописецъ, родился въ Лондонѣ въ 1781 г., умеръ тамъ же въ 1829 г. Сынъ гравера, Филиппа Доу, Джорджъ Доу получилъ художественное образованіе въ лондонской Академіи Художествъ. Кромѣ живописи, онъ вначалѣ занимался также гравированіемъ, которое, однако, оставилъ съ 1802 г. Послѣ этого онъ всецѣло посвятилъ себя живописи, въ которой скоро достигъ большихъ успѣховъ. Въ 1804 г. онъ получилъ отъ лондонской Академіи Художествъ большую золотую медаль за картину: «Бѣшенство Ахиллеса при вѣсти о смерти Патрокла». Черезъ пять лѣтъ онъ получилъ отъ той же Академіи премію за картину: «Сцена изъ Цимбелина», а въ 1811 г.—такую же награду за картину: «Ноэминь». Занявшись, затѣмъ, писаніемъ портретовъ, Доу сосредоточился исключительно на этомъ родѣ живописи и заслужилъ на этомъ поприщѣ громкую и широкую извѣстность. Слава его, какъ

замѣчательнаго портретиста, распространилась и за предѣлами Англіи послѣ написанныхъ имъ портретовъ многихъ высшихъ офицеровъ англійской арміи, бывшихъ участниками битвы при Ватерлоо. На Ахенскомъ конгрессѣ Доу писалъ портреты многихъ знаменитыхъ людей того времени. Среди другихъ портретовъ Доу писалъ здѣсь портретъ князя Голицына. Императоръ Александръ I, попавшій случайно на одинъ изъ сеансовъ, былъ пораженъ замѣчательнымъ сходствомъ портрета съ оригиналомъ и вскорѣ пригласилъ Доу для художественныхъ работъ въ Россію. Въ 1819 г. Доу пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ, по плану государя императора, исполнилъ огромный художественный трудъ—написалъ четыреста поясныхъ портретовъ русскихъ генераловъ, участвовавшихъ въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1812—1814 гг., три портрета въ ростъ—Веллингтона, Кутузова и Барклая-де-Толли, и трехсаженный портретъ императора Александра I на конѣ; эта замѣчательная коллекція была заказана Доу для такъ называемой Военной Галлереи Зимняго дворца, гдѣ она находится и въ настоящее время. Портреты для Военной Галлереи Доу писалъ отчасти съ живыхъ лицъ, отчасти съ бывшихъ до него наиболѣе вѣрныхъ изображеній тѣхъ лицъ, которыя пали въ битвѣ или скончались до этого времени. Въ работѣ Доу надъ этими портретами серьезнымъ его помощникомъ былъ крѣпостной человѣкъ Корнилова—Поляковъ, отданный къ Доу въ науку за 800 руб. въ годъ; Поляковъ писалъ въ работахъ Доу аксессуары, а иногда и лица и въ такой степени усвоилъ себѣ манеру своего учителя, что нѣкоторые портреты его работы сходили за повторенія самого Доу. Въ 1820 г. Императорская Академія Художествъ приняла Доу, «по извѣстному его здѣсь искусству въ живописи портретовъ», въ свои почетные вольные общники. Кромѣ портретовъ для Военной Галлереи, Доу въ бытность свою въ Россіи написалъ немало другихъ портретовъ, главнымъ образомъ изъ военнаго круга. Въ 1828 г. Доу поѣхалъ въ Англію, но въ слѣдующемъ году снова возвратился въ Россію. Сопутствуя императору Николаю I въ поѣздкѣ въ Варшаву, Доу написалъ портретъ великаго князя Константина Павловича. Въ томъ же 1829 г. Доу опасно заболѣлъ и вернулся въ Лондонъ, гдѣ черезъ нѣсколько недѣль и умеръ скоропостижно. Портреты Доу, среди которыхъ есть немало портретовъ коронованныхъ особъ, разсѣяны по всей Европѣ. При большомъ сходствѣ и жизненности, они отличаются изящнымъ и правильнымъ рисункомъ, легкимъ, смѣлымъ и эффектнымъ письмомъ. Лучшими портретами Доу считаются портреты принцессы Шарлотты и короля Леопольда (принца Саксенъ-Кобургскаго). Своими портретами Доу пріобрѣлъ себѣ не только славу, но и огромное состояніе. Кромѣ Лондонской и Петербургской академій Доу былъ членомъ Флорентійской, Мюнхенской, Дрезденской, Вѣнской и другихъ художественныхъ академій; при русскомъ же дворѣ онъ былъ первымъ, оффиціально признаннымъ, придворнымъ живописцемъ. Въ московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ находится кисти Доу портретъ князя Мадатова. Очень многіе портреты Доу награвированы его племянникомъ, Генрихомъ Доу, а также пунктирнымъ граверомъ Райтомъ. Какъ писатель, Доу заявилъ себя въ художественно-исторической литературѣ біографіей своего друга, живописца Морленда («The Life G. Morland ond his works», Lond., 1807).

А. Н. Андреевъ: „Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ“, Спб., 1857 г.—П. Н. Петровъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, Спб., 1864—1867 гг.—Д. А. Ровинскій: „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, 1889 г. (во II томѣ этой книги, стр. 242—246, приведенъ списокъ исполненныхъ Доу портретовъ для Военной Галлереи Зимняго дворца).—G. K. Nagler: „Neues allgemeines Künstler-Lexikon“, München.—„Allibone's dictionary of British-American authors“, vol. I, London, 1859.—„La grande encyclopédie“, t. 13, Paris.—„Biographie universelle, ancienne et moderne“, t. LXII, Paris, 1837.—„Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés à nos jours“ par Mm. Firmin Didot frères, t. 13, Paris, 1855.—„Lexikon der technischen Künste“ von Dr. Paul Kronthal, Berlin, 1899. *Ц. Г.*

Дохтуровъ, *Владиміръ Сергѣевичъ*, энтомологъ, писатель, дѣйств. членъ энтомологическихъ обществъ: русскаго, французскаго, бельгійскаго и германскаго, членъ-учредитель Société Française d'Entomologie и др., род. въ 1859 г., умеръ 4 февраля 1890 г. въ Евпаторіи. Образо-

ваніе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ и въ академіи генеральнаго штаба. Затѣмъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи и въ 1885 г. вышелъ въ отставку. Написалъ много цѣнныхъ для спеціалистовъ-энтомологовъ статей по фаунѣ жесткокрылыхъ, изученіемъ которыхъ онъ спеціально занимался, путешествуя для этого по Кавказу, Кубанской области и Закавказью. Изъ нихъ слѣдуетъ указать на напечатанныя въ «Horae Soc. Ent. Ross.» статьи: Faune Coléoptérologique Aralo-Caspienne: Cicindelides (1885 г.) и Meloïdes-Cantharides (1890 г.). Будучи членомъ-сотрудникомъ Имп. Русск. Геогр. Общ., онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ богатѣйшаго энтомологическаго матеріала, собраннаго экспедиціями Пржевальскаго и Потанина, за что и былъ награжденъ Обществомъ въ 1889 г. серебр. медалью. Результаты этой работы онъ опубликовалъ въ напечатанныхъ имъ въ томъ же журналѣ статьяхъ: «Insecta in itinere Cl. N. Prjewalskyi in Asia Centrali novissime lecta Cantharides, Cicindelides» (1887 г.) и «Insecta in itinere Cl. Potanin in China et Mongolia novissime lecta: Cicindelidae (1882 г.), Telephoridae, Meloïdes» (1890 г.). Онъ напечаталъ также много статей въ «Revue Soc. Franc. d'Ent.», «Revue mensuelle d'Ent.» и «Annales Belg.» главнымъ образомъ о семействѣ Cicindelidae, изученіемъ которыхъ онъ спеціально занимался, обладая одной изъ богатѣйшихъ коллекцій этого семейства. Описаніе этой коллекціи напечатано было въ «Revue mens. d'Ent.» (т. I) подъ заглавіемъ: «Liste de types de la collection Wl. Dokhtouroff». Послѣдніе годы своей жизни Дохтуровъ состоялъ членомъ совѣта и секретаремъ Русск. Энт. Общ. въ Петербургѣ.

Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣят. въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія за 1850—1888 гг., собр. Анатоліемъ Богдановымъ, т. II, листъ 31. (Изв. Имп. Общ. любит. естествозн., антроп. и этнографіи, сост. при Имп. Моск. универс., т. LVII). Здѣсь напечатанъ также полный списокъ трудовъ Дохтурова.—Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1890 г., стр. II; Horae Societ. Entom. Ross., 1891 г., стр. III, XI и XII.—Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1845—1895 г., стр. 1001. *П. Гуревичъ.*

Дохтуровъ, *Дмитрій Сергѣевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, шефъ Московскаго пѣхотнаго полка (1761 † 1816), происходилъ изъ небогатыхъ дворянъ (родоначальникъ Дохтуровыхъ, Кириллъ Ивановичъ, выѣхалъ изъ Константинополя въ Москву при Іоаннѣ Грозномъ) и принадлежалъ къ числу вождей, которыми особенно гордится русская армія. Необыкновенная храбрость въ связи съ такою же скромностью, прямодушіемъ, отзывчивостью и добрымъ сердцемъ — дѣлали его рыцаремъ безъ страха и упрека и заслужили ему горячую любовь всѣхъ, кто его зналъ... Д. записанъ на службу пажемъ при дворѣ Его Императорскаго Величества въ 1771 году, въ 1777 г. былъ камеръ-пажемъ, а въ 1781 — произведенъ въ поручики лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка; въ 1788 году Д. числится капитаномъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Боевое крещеніе будущаго героя состоялось въ шведскую войну, во время операцій противъ шведскаго гребного флота. Уже здѣсь Д. вполнѣ обнаружилъ свои блистательныя военныя качества и былъ дважды раненъ: въ 1789 году—въ правое плечо и въ 1709 году—въ ногу. Императрица Екатерина II почтила мужество молодого офицера золотою шпагою съ надписью «за храбрость». Въ 1795 году Дохтуровъ переведенъ былъ чиномъ полковника въ армію, въ Елецкій пѣхотный полкъ. Въ 1797 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Софійскаго пѣхотнаго полка, а въ 1799—произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1801 году Дохтуровъ—шефъ Елецкаго, а въ 1803 г.—шефъ Московскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ и произведенъ въ 1810 году въ генералъ-отъ-инфантеріи.

Въ 1805 году Д. блистательно отличился въ сраженіи при Дирнштейнѣ (на лѣвомъ берегу Дуная, немного выше Кремса), гдѣ командовалъ сильною колонною, направленной скрытно въ тылъ французамъ. Дѣйствія этой колонны оказали рѣшительное вліяніе на успѣхъ боя, а Д. заслужилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. Въ томъ же году въ несчастномъ для насъ и знаменитомъ сраженіи подъ Аустерлицемъ Д. командовалъ 1-ю колонною на лѣвомъ крылѣ союзниковъ. Его необыкновенной храбрости и распорядительности эта колонна, да и все лѣвое

крыло было обязано своимъ спасеніемъ. Когда выяснилось, что сраженіе проиграно, 1-й колоннѣ пришлось отступать при крайне трудныхъ условіяхъ, пробиваясь сквозь ряды непріятеля. Для прикрытія единственнаго пути отступленія между Саганскимъ и Меницкимъ озерами Д. распорядился занять Ново-Ингерманландскимъ полкомъ селеніе Тельницъ. Мужество этого полка и удачныя дѣйствія авангарда Кинмайера, занявшихъ Ауэздъ, помогли отступленію остатковъ нашего лѣваго крыла, потерявшаго множество убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ и орудій. Пробившись сквозь противника, Д. присоединился къ прочимъ войскамъ, считавшимъ его или погибшимъ уже, или взятымъ въ плѣнъ. Разсказываютъ, что, когда, подавая примѣръ войскамъ, онъ подъѣхалъ къ плотинѣ, обстрѣливаемой непріятельскими батареями,—самому опасному пункту поля сраженія, то адъютанты стали просить Д. оставить это мѣсто, напоминая, что у него есть жена и дѣти. Д. отвѣчалъ на это: «*здѣсь* жена моя—честь, войска же, ввѣренныя мнѣ—мои дѣти» и, обнаживъ золотую свою шпагу, вскричалъ: «ребята, вотъ шпага нашей матушки Екатерины! Умремъ за Отца Государя и славу Россіи. Ура! съ нами Богъ и Александръ»... За подвигъ свой въ Аустерлицкомъ сраженіи Дохтуровъ получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст. большого креста.

Въ кампанію 1806—1807 гг., участвуя во многихъ сраженіяхъ, Д. былъ контуженъ при Прейсишъ-Эйлау и раненъ при Гейльсбергѣ, но въ обоихъ случаяхъ не оставилъ поля сраженія до окончанія боя. Наградою его мужества и благоразумныхъ распоряженій были украшенная алмазами шпага, ордена св. Александра Невскаго и прусскій Краснаго Орла. Въ битвѣ подъ Фридландомъ Д., находясь въ центрѣ нашей крайне невыгодной позиціи, мужественно отражалъ натискъ французовъ, руководимыхъ самимъ императоромъ Наполеономъ, а затѣмъ на него выпалъ трудный жребій прикрывать переходъ нашихъ войскъ, совершавшійся подъ энергическимъ натискомъ противника, черезъ р. Алле. Здѣсь его несравненное мужество, хладнокровіе и распорядительность выказались въ полномъ блескѣ. Находясь уже на другомъ берегу р. Алле, Д. замѣтилъ, что въ одномъ изъ полковъ произошло замѣшательство, грозившее при данныхъ обстоятельствахъ обратиться въ панику. Тогда Д., не колеблясь ни минуты, бросился въ рѣку, переплылъ ее на лошади, привелъ въ порядокъ разстроенныя колонны и тѣмъ же путемъ возвратился назадъ.

Кампанія 1812 года застала генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова командиромъ 6-го корпуса въ 1-й арміи Барклая-де-Толли. Неожиданное начало войны и маршъ главныхъ силъ Наполеона, разрѣзавшихъ центръ 1-й арміи, поставило 6-й корпусъ, стоявшій въ Лидѣ, въ самое тяжелое положеніе. Чтобы не подвергнуться отдѣльному пораженію, 6-му корпусу пришлось совершить крайне трудный и длинный фланговый маршъ. Охраняясь боковымъ и головнымъ авангардами, Д. направился черезъ Ольшаны въ промежутокъ между Сморгонью и Михалишками и съ боемъ успѣлъ пройти между французами и войти въ связь съ главными силами, отступавшими къ Дрисскому укрѣпленному лагерю. Особенно труденъ былъ маршъ 19-го іюля, когда 6-му корпусу пришлось сдѣлать 42 версты, чтобы миновать Михалишки и не быть отрѣзанному французской конницей. Въ битвѣ подъ Смоленскомъ Д. снова отличился, взявъ на себя одну изъ труднѣйшихъ боевыхъ задачъ. Еще незадолго до этого боя Д., только что начавшій оправляться послѣ перенесенной имъ горячки, былъ настолько слабъ, что Барклай-де-Толли прислалъ спросить его—можетъ ли онъ участвовать въ оборонѣ Смоленска? Уже самый фактъ этого вопроса указываетъ на ту высокую репутацію, которою пользовался этотъ мужественный и скромный человѣкъ, незамѣнимый въ тѣ минуты, когда требовалось совершить высшіе подвиги самоотверженія. Приближенные упрашивали Д. подождать до полнаго выздоровленія, но онъ отвѣтилъ имъ, что «лучше умереть на полѣ сраженія, чѣмъ на постели»... И вотъ, 5-го августа корпусу Д., усиленному дивизіями Коновницына и Невѣровскаго и 6-мъ Егерскимъ полкомъ изъ корпуса Раевскаго, а всего—20 тыс. человѣкъ при 180 орудіяхъ (въ теченіе дня силы Д. были доведены подошедшими подкрѣпленіями до 30.000 человѣкъ), пришлось вести отчаянный бой вплоть до 10 часовъ вечера. Благодаря обычнымъ энергіи и таланту Д., всѣ атаки французовъ были отбиты.

Д. не щадилъ себя и, не обращая вниманія на жестокій огонь противника, по обыкновенію появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, воодушевляя солдатъ личнымъ примѣромъ. На вопросы о здоровьѣ онъ отвѣчалъ окружающимъ, что «выздоровѣлъ отъ смоленской битвы». Трудное ночное отступленіе изъ сожженнаго и обращеннаго въ развалины, залитаго кровью и усѣяннаго тѣлами убитыхъ и раненыхъ города —было, благодаря командиру 6-го корпуса, совершено вполнѣ благополучно... Императоръ Александръ I, цѣня выдающіяся заслуги героя, пожаловалъ ему единовременно 25.000 рублей.

Въ сраженіи при Бородинѣ 6-й пѣхотный корпусъ Д. былъ расположенъ сначала въ центрѣ, между батареею Раевскаго и деревней Горки. Д. поручено было командованіе войсками центра, но послѣ того, какъ смертельно раненый князь Багратіонъ выбылъ изъ строя, Кутузовъ поручилъ командовать лѣвымъ крыломъ Д. Главнокомандующій зналъ и цѣнилъ по достоинству того, кого посылалъ на это опасное и отвѣтственное мѣсто. Надѣясь вполнѣ на Д., онъ потребовалъ отъ него держаться на лѣвомъ крылѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено приказа объ отступленіи. И Д. сдѣлалъ все, чего только можно было ожидать отъ подобнаго ему человѣка. Прибывъ на лѣвое крыло въ 11-мъ часу утра, онъ засталъ его въ самомъ печальномъ положеніи...; вотъ его собственныя слова: «... генералы не знали, отъ кого получать приказанія, а нападенія непріятелей становились все упорнѣе. Принцъ Александръ Виртембергскій, котораго Кутузовъ, послѣ раны князя Багратіона, послалъ на этотъ флангъ, только что туда пріѣхалъ и не имѣлъ времени подробно узнать положеніе дѣла,— слѣдовательно, не могъ мнѣ ничего объяснить. Начальникъ штаба 2-й арміи, графъ Сенъ-При, контуженный, уѣзжая съ поля сраженія, былъ такъ слабъ, что тоже не въ состояніи былъ сообщить требуемыхъ мною свѣдѣній. Къ счастью, я встрѣтилъ генерала Коновницына, который удовлетворилъ меня во всемъ. Въ то время наши войска отступали. Я устроилъ ихъ»...Вездѣ, гдѣ только была опасность, гдѣ надо было поддержать бодрость усталыхъ полковъ, ободрить примѣромъ, распорядиться—появлялся Д.... Непріятелю, благодаря Д., не удалось одержать большихъ успѣховъ на лѣвомъ крылѣ русской позиціи. На знаменитомъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, гдѣ рѣшилась участь Москвы, Д. подалъ голосъ «держаться передъ Москвою». Въ Тарутинскомъ сраженіи Д. командовалъ нашимъ центромъ. 11-го октября 1812 года Д. особенно отличился, показавъ высокій примѣръ рѣшительности и почина. Находясь въ с. Аристовѣ, на пути къ Фоминскому, куда его корпусъ былъ двинутъ Кутузовымъ, Д. получилъ отъ Сеславина извѣстіе о движеніи Наполеона къ Малоярославцу. Вѣрно оцѣнивъ стратегическое положеніе, Д., не колеблясь ни минуты, послалъ Кутузову соотвѣтствующее донесеніе, а самъ поспѣшно двинулся наперерѣзъ французамъ, къ Малоярославцу, куда и прибылъ на разсвѣтѣ 12-го октября. Это искусное движеніе и происшедшій затѣмъ упорный бой, веденный Д. до прибытія главныхъ силъ, рѣшили отступленіе Наполеона по старой Смоленской дорогѣ. Замѣчательны слова Д., сказанныя имъ войскамъ передъ этимъ боемъ: «Наполеонъ хочетъ пробиться, но онъ не успѣетъ или пройдетъ по моему трупу». За бой при Малоярославцѣ Д. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2 ст. большого креста.

Въ кампаніи 1813 года Д. участвовалъ въ дѣлѣ при Дрезденѣ (1 октября) и въ Лейпцигской битвѣ, за которую получилъ орденъ св. Владиміра 1 ст. Въ 1814 году, по занятіи Гамбурга русскими войсками, Д. отправился, для излеченія ранъ и болѣзни, на богемскія минеральныя воды и въ Вѣну. Когда же Наполеонъ возратился съ острова Эльбы, Д. было поручено командованіе правымъ крыломъ нашей арміи, перешедшей черезъ Рейнъ и направленной къ Парижу. На смотру при Вертю Д. въ послѣдній разъ явился передъ войсками. Высочайшимъ приказомъ отъ 1 января 1816 года генералъ-отъ-инфантеріи Дохтуровъ, состоявшій командиромъ 3-го армейскаго корпуса, за болѣзнью, былъ уволенъ отъ службы,—съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья, и вскорѣ затѣмъ умеръ въ Москвѣ, гдѣ проживалъ послѣднее время.

Д., помимо своихъ выдающихся военныхъ способностей, спокойнаго и хладнокровнаго мужества, сознанія долга, передъ которымъ всегда забывалъ себя

и личныя выгоды, отличался рѣдко симпатичною натурою и добротою. Такъ, напримѣръ, находясь въ 1813 году въ Варшавѣ, Д. щедрою рукою помогалъ вдовамъ и сиротамъ поляковъ, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ. Это тѣмъ цѣннѣе, что самъ Д. былъ вовсе не богатъ и, помимо жалованья, имѣлъ, какъ значится въ его формулярномъ спискѣ, всего 200 душъ крестьянъ въ Ярославской губерніи... Съ этими прекрасными свойствами Д. соединялъ примѣрную любовь къ отечеству: онъ былъ въ душѣ самый пламенный патріотъ. Подчиненные обожали Д., что, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что признательные сослуживцы, въ воспоминаніе славныхъ подвиговъ, совершенныхъ подъ начальствомъ Д., прислали ему богатую табакерку съ изображеніемъ малоярославецкаго сраженія и письмо отъ всего корпуса. Жуковскій, въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», воздавая «хвалу» героямъ 1812 года, не забылъ и Д., о которомъ имъ написано слѣдующее двустишіе:

„... И Дохтуровъ, гроза враговъ,
Къ побѣдѣ вождь надежный".

Д. сопровождали въ могилу общія сожалѣнія государя, арміи и народа... Д. былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Оболенской, отъ которой имѣлъ дѣтей—Екатерину и Петра.

Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Книга формулярныхъ списковъ за 1813 годъ. По архиву № 2897.—Лееръ: Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ.—Богдановичъ: „Исторія Отечественной войны 1812 года" и „Исторія войны 1813 года".—Переписка Дохтурова, помѣщенная въ „Русскомъ Архивѣ" и „Русской Старинѣ". — „Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней", изданный подъ редакціей Леера, и пр.

Россійскій.

Дохтуровъ, *Николай Михайловичъ*, сенаторъ; родился въ 1788 г., умеръ 1865 г. 18 мая, получивъ домашнее образованіе, поступилъ на военную службу унтеръ-офицеромъ въ 1803 г., затѣмъ произведенъ въ портупей-прапорщики и, въ войну 1805 г., находился въ походахъ въ Галицію, Силезію, Моравію, Богемію и Австрію; былъ подъ Аустерлицемъ. Въ 1806 г. онъ участвовалъ въ походѣ въ Восточную Пруссію и находился во всѣхъ важныхъ сраженіяхъ кампаніи 1807 г. За храбрость въ сраженіи при Прейсиш-Эйлау награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Въ 1811 г. Д. переведенъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ инспектору внутренней стражи, генералъ-адъютанту графу Комаровскому, при чемъ въ отечественную войну съ французами, въ 1812 г., находясь въ походѣ, былъ при штурмѣ Смоленска и за отличіе произведенъ въ поручики; затѣмъ участвовалъ въ сраженіи при Бородинѣ, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; былъ въ сраженіяхъ при с. Тарутинѣ и подъ Малоярославцемъ, за что пожалованъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость", а оттуда—при преслѣдованіи непріятеля до границъ и за отличіе въ сраженіяхъ въ 1813 г. произведенъ въ штабсъ-капитаны. Кампаніи 1813 и 1814 гг., во время которыхъ Д. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Лейпцигомъ и др., онъ совершилъ, находясь при генералѣ-отъ-инфантеріи Дохтуровѣ. Въ 1816 г. Д. произведенъ въ капитаны, а въ слѣдующемъ — въ полковники, съ переводомъ въ Оренбургскій уланскій полкъ и прикомандированіемъ къ кавалерійскому эскадрону, состоявшему при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, для ближайшаго и болѣе подробнаго ознакомленія съ порядкомъ службы. Въ 1817 г. Д. переведенъ во Владимірскій уланскій (затѣмъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича) полкъ и назначенъ командиромъ учебнаго кавалерійскаго эскадрона при главной квартирѣ бывшей 1-й арміи, а въ 1820 г. назначенъ полковымъ командиромъ Владимірскаго уланскаго полка. Въ 1826 г. (въ день коронованія Императора Николая Павловича) Д. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ состоять при начальникѣ 1-й уланской дивизіи, а въ слѣдующемъ году повелѣно ему быть командиромъ 1-й бригады 1-й уланской дивизіи. Въ польскую кампанію 1831 г., находясь въ отрядѣ генералъ-лейтенанта князя Хилкова, Д. участвовалъ въ сраженіяхъ въ Виленской губерніи при м. Шервинты и подъ селеніемъ Гедрольцы потомъ, перейдя въ Царство Польское, командовалъ партизанскимъ отрядомъ и былъ въ сраженіяхъ подъ м. Маковымъ, подъ гор. Пултускомъ, подъ м. Насельскимъ, подъ м. Плонскимъ, а оттуда, по присоединеніи отряда къ главнымъ силамъ арміи, въ составѣ ихъ

авангарда, находился при преслѣдованіи непріятеля до Прусской границы. Въ 1833 г. онъ назначенъ командующимъ 7-й легкой кавалерійской дивизіей, а чрезъ два года за отличіе по службѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ утвержденіемъ начальникомъ дивизіи. 3 марта 1846 г. Д. былъ уволенъ, согласно прошенію, по болѣзненному состоянію, отъ командованія дивизіею, съ оставленіемъ по кавалеріи, и потомъ Высочайшимъ указомъ отъ 21 апрѣля 1846 г. назначенъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ по II отдѣленію 5-го департамента; въ 1856 г. Д. былъ перемѣщенъ къ присутствованію въ департаментъ герольдіи Правительствующаго Сената, а 17 мая 1857 г., въ день 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ, произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора Н. М. Дохтурова. хранящійся въ архивѣ Сената. — „Иллюстрированная Газета“, 1865 г., № 22.—„Русскій Инвалидъ“, 1865 г., № 117.

А. Ч.

Дохтуровъ, *Сергѣй Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 28 іюня 1824 г., умеръ въ 1890 г.; происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи. Воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и, по окончаніи курса унтеръ-офицеромъ, выпущенъ прапорщикомъ 2 августа 1843 г. въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Въ 1849 году по случаю Венгерской кампаніи онъ находился въ походѣ гвардіи къ западнымъ границамъ Россіи, а въ 1854 году находился при охранѣ прибрежья С.-Петербургской губерніи. Въ 1855 г. былъ произведенъ въ капитаны, а 6 марта 1858 года — въ полковники съ назначеніемъ командиромъ 4-го учебнаго стрѣлковаго баталіона. Въ 1862 г. Д. былъ назначенъ командиромъ Кіевскаго Гренадерскаго полка, съ которымъ въ 1863 г. участвовалъ въ дѣлахъ противъ польскихъ мятежниковъ, при чемъ отрядомъ подъ командою его были поражены банды Жиглинскаго и Баера при деревняхъ Ясень-Бернища и Студзянка, и за это лихое дѣло былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ мечами. Въ 1864 г. онъ командовалъ Кексгольмскимъ гренадерскимъ (нынѣ лейбъ-гвардіи) полкомъ, гдѣ 4 апрѣля 1865 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 25 января 1868 г. назначенъ состоять при 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. 12 сентября 1870 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 1-й стрѣлковой бригады, а съ 14 сентября 1874 г. состоялъ при командующемъ войсками Варшавскаго военнаго округа, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ. Въ 1874 г. онъ былъ причисленъ къ мѣстнымъ войскамъ С.-Петербургскаго округа, а 8-го іюня 1884 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ отставку уволенъ 22 февраля 1885 г.

Формулярный списокъ, хранящійся въ общемъ архивѣ Главнаго штаба въ С.-Петербургѣ.

Б. Т.

Драшусова, *Елисавета Алексѣевна*, урожд. Ашанина, писательница, супруга профессора астрономіи Московскаго университета, А. Н. Драшусова; въ первомъ бракѣ была за писателемъ Вильг. Ив. Карлгофомъ; умерла 25 авг. 1884 г. въ своемъ имѣніи Панкинѣ Пронскаго уѣзда, Рязанской губ. Д. извѣстна въ особенности своею благотворительною дѣятельностью. Такъ ею были устроены въ селѣ Панкинѣ школа для дѣтей, богадѣльня для престарѣлыхъ и другія полезныя учрежденія. Литературныя ея труды слѣдующіе: „О благотворительныхъ и учебныхъ учрежденіяхъ дамскаго попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ“ („Раутъ“, историч. и литерат. сборникъ, изд. Н. В. Сушкова, М., 1854 г., кн. III, стр. 1—15) и „Жизнь прожить не поле перейти“, записки неизвѣстной („Русск. Вѣстн.“ 1881 г., кн. 9—11; 1882 г., кн. 5; 1883 г., кн. 6; 1884 г., кн. 5). Въ этихъ запискахъ много автобіографическихъ данныхъ.

Я. К. Гротъ: «Дополнительныя извѣстія о Крыловѣ» въ Сборникѣ статей, чит. во 2-мъ отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 6, стр. 30.—Д. Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. IV; Спб., 1888 г.—«Моск. Вѣдомости» 1884 г., №№ 240, 241 и 256.

М. В.

Драшусовъ, *Александръ Николаевичъ*, профессоръ астрономіи Московскаго университета, родился въ Москвѣ 5 апр. 1816 г., умеръ тамъ же 2 декабря 1890 г. Высшее образованіе Д. получилъ на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета. Еще будучи студентомъ, онъ подалъ сочиненіе на тему „Аналитическое изложеніе системы Коперника“, за которое получилъ золотую

медаль, а по окончаніи курса — званіе кандидата. Выйдя изъ университета (въ 1835 г.), Д. поступилъ на государственную службу, но пробылъ тутъ не болѣе мѣсяца: выдающіяся математическія способности, о которыхъ свидѣтельствовалъ его студенческій трудъ, не могли не обратить на себя вниманія факультета. Онъ былъ прикомандированъ къ обсерваторіи Московскаго университета для усовершенствованія въ астрономіи. Черезъ два года (5 декабря 1837 г.), по представленію министра народнаго просвѣщенія, состоялось Высочайшее соизволеніе на отправленіе его заграницу—въ Италію, Германію и Швейцарію—„для усовершенствованія въ физико-математическихъ наукахъ и особенно въ астрономіи". Отправившись заграницу въ самомъ концѣ 1837 г. или въ началѣ 1838 г., Драшусовъ пробылъ тамъ около $2^1/_2$ лѣтъ. Помѣщенныя въ „Журналѣ М. Н. П." его „Донесенія въ Министерство" показываютъ, что онъ вполнѣ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ „усовершенствованія въ физико-математическихъ наукахъ" и тѣмъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды—какъ со стороны министерства, такъ и его патрона—проф. Перевощикова. Занимаясь въ иностранныхъ университетахъ и обсерваторіяхъ, Д. старался взять у нихъ все, что они могли ему дать: слушалъ лекціи извѣстныхъ астрономовъ и физиковъ (проф. Литтрова, Эттингсгаузена, акад. Штейнгеля и др.), работалъ въ обсерваторіяхъ Вѣны, Мюнхена, Женевы, посѣщалъ мастерскія для приготовленія астрономическихъ инструментовъ...

Проработавъ такимъ образомъ два съ половиной года, онъ вернулся въ Россію въ 1840 г. и тотчасъ же занялъ мѣсто адъюнкта астрономіи въ Московскомъ университетѣ. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ были произведены работы по расширенію астрономической обсерваторіи университета и пріобрѣтено нѣсколько новыхъ инструментовъ (1843 г.). Въ 1847 г. Драшусовъ, по предложенію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, отправился во Владимірскую губернію для опредѣленія географическаго положенія восьми городовъ; результатами этой поѣздки онъ воспользовался для своей магистерской диссертаціи „Разсужденіе объ опредѣленіи географическихъ положеній помощью пассажной трубы и хронометра", которую защищалъ въ 1860 г. въ университетѣ св. Владиміра. Въ качествѣ ученаго, онъ помѣстилъ нѣсколько статей научнаго содержанія въ Журналѣ М. Н. П. и другихъ періодическихъ изданіяхъ; кромѣ того, онъ принималъ участіе въ изданіи «Московскаго Городского Листка» и писалъ по вопросамъ современности: о народномъ образованіи и проч. Въ 1855 г. онъ по собственному желанію оставилъ университетъ и нѣкоторое время былъ членомъ губернскаго присутствія въ Рязани.

Изъ ученыхъ трудовъ Д. наиболѣе важные слѣдующіе: „Карта пути Галилеевой Кометы". Переводъ изъ сочиненія Гумбольдта: „L'Asie centrale". „Донесенія (4) въ Министерство Нар. Просв. изъ заграницы". „Записка о путешествіи канд. Драшусова", составленная на основ. второго донесенія въ Совѣтъ Московскаго университета и писемъ его къ проф. Перевощикову. „Объ опредѣленіи положеній Нептуна и Ириды помощью полуденнаго круга". (Astronomische Nachrichten, Bd. XXXIII.). „О солнечныхъ затменіяхъ вообще". „Записка о теоріи вычисленія кометныхъ орбитъ". „Разсужденіе объ опредѣленіи географическихъ положеній помощью пассажной трубы и хронометра". Переводъ книги Дж. Гершеля: „Очерки астрономіи", 2 тома. „Взглядъ на успѣхи практической астрономіи". „Жизнь и труды Бесселя".

Біографич. словарь проф. и препод. Моск. университета.—Отчеты о состояніи Моск. унив. за 1840, 41 и т. д. до 1855 г.—«Журналъ Министерства Нар. Просв.» 1837—1839 гг.—Указатель содержанія неоффиціальной части Журнала М. Н. П.—Энциклопед. Словарь Брокгауза, томъ XI.—«Историч. Вѣстн.» 1891 г. мартъ (некрологъ). *К.*

Дребушъ, *фонъ*, *Александръ Ѳеодоровичъ*, сенаторъ, родился въ 1783 г., умеръ около 1855 г.; происходилъ изъ дворянъ, лютеранинъ по вѣроисповѣданію. Въ службу вступилъ изъ кадетскаго корпуса въ Новгородскій пѣхотный полкъ, съ которымъ участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ съ 1799 г. по 1805 г. Въ битвѣ подъ Аустерлицемъ Д. былъ тяжело раненъ. Для леченія ранъ онъ остался въ Краковѣ. Въ 1807 г. Д. возвратился въ Россію въ чинѣ капитана и находился нѣкоторое время при принцѣ Ольденбургскомъ для особыхъ порученій. Переведясь на гражданскую службу, онъ въ

1809 г. былъ избранъ предсѣдателемъ комитета по благоустройству Твери и въ томъ же году назначенъ тверскимъ губернскимъ прокуроромъ. Въ 1810 г. Д. былъ произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ особенно отличился заботами о пополненіи недостатка продажной соли въ г. Осташковѣ, а также въ разслѣдованіи ряда дѣлъ уголовнаго характера. Въ 1821 г. онъ былъ уволенъ отъ должности губернскаго прокурора, а въ 1823 г. — опредѣленъ въ департаментъ податей и сборовъ, откуда былъ перемѣщенъ въ департаментъ государственныхъ имуществъ. Въ 1828 г. Д. вслѣдствіе болѣзни опять былъ уволенъ отъ службы; въ 1829 же году—опредѣленъ въ корпусъ жандармовъ подполковникомъ. Въ 1831 г. Д. вновь перевелся на гражданскую службу чиномъ статскаго совѣтника и былъ назначенъ исправляющимъ должность минскаго гражданскаго губернатора; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ дѣйств. статскіе совѣтники и назначенъ минскимъ губернаторомъ. За болѣзнью въ 1835 г. Д. былъ уволенъ отъ этой должности, а въ 1836 г.— переименованъ въ генералъ-маіоры съ опредѣленіемъ начальникомъ 4-го округа корпуса жандармовъ. Въ 1838 г. онъ былъ назначенъ старшимъ членомъ комиссіи, учрежденной въ Смоленскѣ для открытія злоупотребленій въ производствѣ работъ по устройству смоленскаго шоссе. Въ томъ же году онъ уѣхалъ изъ Смоленска, а въ слѣдующемъ 1839 году былъ назначенъ сенаторомъ, сначала въ 1-е отдѣленіе 6-го департамета, затѣмъ въ 8-й департаментъ и наконецъ въ 1855 г. — во 2-е отдѣленіе 6-го департамента.

Формуляръ о службѣ за № 1602, хранящійся въ Сенатѣ.—Ломачевскій: «Записки жандарма», Вѣстн. Евр. 172 г., №№ 3 и 4.—«Записки Геттупа», Истор. Вѣстн. 1882 г.

М. В.

Древинскій, *Лаврентій*, королевскій секретарь, «чашникъ его королевской милости земли волынской», западно-русскій дѣятель, умеръ послѣ 1635 г. Почти сорокъ лѣтъ онъ ревностно отстаивалъ интересы православія въ борьбѣ его съ латинствомъ и уніей. Для преслѣдуемой православной церкви онъ былъ въ свое время тѣмъ же, чѣмъ былъ до него князь Острожскій,—по выраженію стараго Луцкаго памятника—«столпомъ восточнаго православія». Сознавая важное значеніе въ дѣлѣ борьбы православныхъ братствъ, онъ принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе. Онъ былъ однимъ изъ учредителей Луцкаго братства, членомъ Львовскаго и Виленскаго; въ послѣднемъ не разъ былъ избираемъ старостою. Съ разрѣшенія короля Владислава (18 мая 1633 года) онъ вмѣстѣ съ Даніиломъ Малинскимъ на собственныя средства основалъ въ Кременцѣ Богоявленскій монастырь и учредилъ при немъ братство по правиламъ существующихъ братствъ. При братствѣ Древинскій устроилъ школу, типографію и госпиталь. Подчинено было братство кіевскому митрополиту. Такъ же, какъ и Острожскій, Древинскій былъ горячимъ и умѣлымъ защитникомъ правъ православной церкви передъ правительствомъ. Онъ игралъ видную роль на Брестскомъ соборѣ 1596 года и былъ посланъ вмѣстѣ съ Малинскимъ къ королю Сигизмунду отъ лица православныхъ мірянъ съ протестомъ противъ уніи и съ просьбой о томъ, чтобы король отстранилъ отступниковъ-владыкъ «отъ хлѣба, имъ уже не принадлежащаго» и бывшія дотолѣ въ ихъ владѣніяхъ церковныя бенефиціи представилъ такимъ митрополиту и владыкамъ, «которые бы были собственно греческой религіи». Посольство успѣха не имѣло. На виленскомъ съѣздѣ православныхъ и протестантовъ 1599 года онъ былъ избранъ въ число «провизоровъ» для охраненія православныхъ отъ уніатовъ и латинянъ. Много разъ избираемъ и посылаемъ былъ волынскимъ дворянствомъ въ качествѣ посла на сеймъ для защиты православія. Въ 1620 году онъ произнесъ на варшавскомъ сеймѣ передъ Сигизмундомъ краснорѣчивую и трогательную «Рѣчь» которая достигла своей цѣли и нѣсколько облегчила положеніе православныхъ. Въ 1630 году онъ принесъ жалобу старостинскому суду отъ имени всѣхъ князей, шляхты, рыцарства и людей посполитыхъ старожитной вѣры греческой на ксендза Дидриховича, разгромившаго въ Вильнѣ православный монастырь. «Протестація» его уцѣлѣла не вся (изд. въ IV т. «Акты Зап. Росс.» № 229). Участвовалъ онъ и на конвокаціонномъ сеймѣ во Львовѣ, по смерти короля Сигизмунда. Новому королю Владиславу онъ представилъ 27 сентября 1632 года свой «Синопсисъ», написанный на польскомъ языкѣ и содержа-

щій въ себѣ привилегіи, данныя польскимъ правительствомъ русскому православному народу и изображеніе тѣхъ страшныхъ притѣсненій, которыя онъ терпитъ за вѣру. Сочиненіе это издано было въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1672 году. Послѣднимъ исторически извѣстнымъ дѣломъ Древинскаго было крупное пожертвованіе 6 декабря 1635 года Святодуховскому монастырю.

„Акты Виленской ком.“, II, № 42, VIII, № 52, IX, № 6 (Вильно, 1843 г.).—„Памятн. Кіевской комиссіи“, I, стр. 2; III, стр 91.—„Акты Зап. Росс.“, IV, № 229.—„Виленскій Арх. Сборн.“, VI, №№ 53 - 54, 129.—Шмидтъ: „Исторія Польши“, II, 204 — 205.—Бантышъ-Каменскій: „Историч. изв. объ уніи“.—Филаретъ: „Обзоръ русской духовной лит.“, I, 189—190. — Макарій: „Ист. Р. Ц.“, т. XI, стр. 257—258, 297, 325, 513—514 и др.

С. Троицкій.

Дрейсигъ, *Вильгельмъ Ѳеодоровичъ*, (Вильгельмъ-Фридрихъ), докторъ медицины, профессоръ патологіи и терапіи въ Харьковскомъ университетѣ, ум. въ 1819 г. Д. окончилъ курсъ въ университетѣ въ Галле, степень доктора получилъ въ Эрфуртскомъ университетѣ, занимался практикой въ Саксоніи; въ Россію былъ вызванъ для занятія профессорской каѳедры во вновь основанномъ Харьковскомъ университетѣ. Избранъ совѣтомъ въ профессора 14 сентября 1805 г., а утвержденъ только 23 февраля 1807 г. Дѣятельность его прошла въ самой тяжелой обстановкѣ: съ одной стороны, крайне негигіеничныя условія Харькова и чуждый Дрейсигу бытъ, а съ другой, недостатокъ студентовъ и самое печальное состояніе учебно-вспомогательныхъ заведеній, столь необходимыхъ для правильнаго преподаванія медицинскихъ наукъ. Въ 1811 г. Дрейсигъ былъ избранъ деканомъ медицинскаго факультета по большинству голосовъ, но въ присутствіи совѣта отъ этого званія отказался. Въ 1812 г. онъ представилъ въ университетскій совѣтъ „Руководство къ патологіи хроническихъ болѣзней“ на латинскомъ языкѣ, которое, вслѣдствіе отказа Дрейсига представить его на одобреніе высшаго начальства, не было напечатано на университетскій счетъ. Кромѣ профессорскихъ обязанностей на Дрейсигѣ лежали обязанности университетскаго врача. Д. былъ плохимъ лекторомъ по незнанію русскаго языка, но литературныя работы его цѣнились; кромѣ вышеуказанной патологіи ему принадлежитъ „Руководство къ врачебной діагностикѣ и врачебной клиникѣ“.

«Украинскій Вѣстникъ» 1819 г., № 7.—«Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета». Воспоминанія Роммеля. Пер. Я. Баляснаго. «Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1872 г. февраль, стр. 236.—Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XI. — Проф. Богалѣй: «Опытъ Исторіи Харьковскаго университета» 1893—1898 гг. Харьковъ.

Н. Т.

Дрейшокъ, *Александръ* (Alexander Drayschöc), піанистъ, родился 15 октября 1818 года въ Цакѣ (въ Богеміи), умеръ 1 апрѣля 1869 года въ Венеціи. Еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ онъ обнаруживалъ необыкновенныя музыкальныя способности. Въ восьмилѣтнемъ возрастѣ онъ уже достигъ такой бѣглости въ игрѣ на фортепіано, что давалъ публичные концерты въ своемъ родномъ городкѣ. Когда Дрейшоку исполнилось тринадцать лѣтъ, его отецъ, желая вполнѣ развить музыкальныя способности сына, отправилъ его въ Прагу для занятій подъ руководствомъ славившагося въ то время піаниста и композитора Томашека (Tomascheck, 1774 - 1850), бывшаго директоромъ пражской капеллы. У Томашека Дрейшокъ пробылъ четыре года, въ теченіе которыхъ блестяще изучилъ фортепіанную технику. Слѣдующіе два года онъ посвятилъ самостоятельнымъ занятіямъ музыкой, стараясь еще болѣе усовершенствовать свою технику. Въ 1836 году онъ предпринялъ концертное путешествіе по сѣверной Германіи; всюду онъ имѣлъ шумный успѣхъ и былъ признанъ первоклассным піанистомъ. Энтузіазмъ и удивленіе, которые онъ вызывалъ своею игрою, были всеобщи; ихъ не сглаживало даже впечатлѣніе, оставленное въ многихъ изъ этихъ городовъ игрою двухъ великихъ виртуозовъ на фортепіано—Тальберга и Листа. Еще болѣе блестящій успѣхъ встрѣтилъ его въ Россіи, куда онъ въ 1840 году пріѣхалъ послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Берлинѣ. Въ Россіи онъ пробылъ около двухъ лѣтъ послѣ чего предпринялъ обширное концертное путешествіе, начавъ его съ Лондона. Послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Дрейшокъ жилъ въ Прагѣ, занимаясь преподаваніемъ игры на фортепіано. Съ 1862 года онъ былъ профессоромъ петербургской консерваторіи, а съ 1865 года носилъ почетное

званіе піаниста Его Величества; подобнымъ же титуломъ онъ пользовался у австрійскаго двора. Въ 1868 году онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и поѣхалъ для поправленія здоровья въ Италію, но рѣзкая перемѣна климата оказала гибельное вліяніе на болѣзнь, и въ началѣ слѣдующаго года онъ скончался въ Венеціи.

Сила, блескъ и оригинальность музыкальнаго таланта Дрейшока въ нѣсколько лѣтъ поставили его въ ряду первыхъ піанистовъ его времени. Все, что отличаетъ первокласснаго виртуоза, было въ его игрѣ: одушевленіе, сила, выразительность, способность увлечь и растрогать слушателей. Механизмъ игры былъ доведенъ имъ до совершенства; никто изъ современныхъ иму піанистовъ не могъ съ нимъ сравняться въ этомъ отношеніи. Онъ съ поразительною легкостью преодолѣвалъ самыя сложныя техническія трудности. Число собственныхъ композицій Дрейшока простирается до 150. Среди нихъ мы находимъ: рапсодіи, пѣсни безъ словъ, impromptu, варіаціи для одной лѣвой руки, сонаты, ноктюрны и т. д., подъ самыми разнообразными названіями. Но всѣ эти произведенія, при изяществѣ композиціи, разнообразіи и оригинальности музыкальныхъ пассажей и иногда красотѣ мелодіи, не отличаются богатствомъ музыкальнаго содержанія и имѣютъ лишь этюдное значеніе при усвоеніи фортепіанной техники. Кромѣ приведенныхъ музыкальныхъ сочиненій, Дрейшоку принадлежитъ одна концертная увертюра для большого оркестра en ré, изданная въ Прагѣ Гофманномъ.

F. I. Fétis: Biographie universelle des musiciens et bibliographie générale de la musique.— «Музыкальный Свѣтъ» 1868 г., № 10: «Александръ Дрейшокъ». — «Всемірная Иллюстрація» 1869 г., № 25: «Александръ Дрейшокъ».— Статья И. Г. Эрлинга въ Энцикл. Лексиконѣ Плюшара.—Larousse: Grand dictionnaire universel du XIX siecle. — Wielka encyklopedya powszechna illustrowana.

Вл. Грековъ.

Дрентельнъ, *Александръ Романовичъ*, генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, командующій войсками Кіевскаго военнаго округа и Кіевскій, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ, родился 7 марта 1820 г. въ Кіевѣ, въ бытность его отца командиромъ Одесскаго пѣхотнаго полка. Мать его, Варвара Александровна, урожденная Еропкина, скончалась, когда онъ былъ еще въ раннемъ возрастѣ, а отецъ его, вслѣдствіе потери зрѣнія вскорѣ послѣ того оставившій службу, не надолго пережилъ ее. Д. остался круглымъ сиротою лѣтъ семи и былъ помѣщенъ въ малолѣтнее отдѣленіе Александринскаго сиротскаго кадетскаго корпуса въ Царскомъ Селѣ, откуда былъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ, изъ унтеръ-офицеровъ котораго 16 марта 1838 г. произведенъ въ прапорщики л.-гв. Финляндскаго полка.

То было время суровыхъ служебныхъ требованій николаевскаго режима. Однако Дрентельнъ, начавъ службу въ Финляндскомъ полку, усвоилъ себѣ здѣсь не одну внѣшнюю формальную сторону военнаго дѣла, но и самую суть его полезныхъ требованій.

Въ 1845 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ былъ утвержденъ въ должности командира той же 2-й карабинерной роты, въ которой началъ службу, и съ которою, уже капитаномъ, участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ 1849 г., когда гвардія была двинута къ западнымъ предѣламъ имперіи. Въ мартѣ 1850 г. онъ былъ назначенъ и. д. младшаго штабъ-офицера въ л.-гв. Гренадерскій полкъ, куда, съ производствомъ въ полковники, былъ переведенъ въ августѣ того же года; но здѣсь прослужилъ онъ недолго, т. к. въ мартѣ слѣдующаго же года былъ снова переведенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Въ декабрѣ 1853 г. онъ былъ утвержденъ командиромъ 2-го батальона въ полку, а въ маѣ 1854 г. назначенъ командующимъ запасною бригадою 12-ой пѣх. дивизіи, которая въ то время была расположена въ Очаковѣ и по берегу Чернаго моря. 11 ноября 1855 г. онъ былъ назначенъ командиромъ гренадерскаго эрцъ-герцога Франца-Карла (нынѣ 7-го гренад. Самогитскаго) полка.

Этимъ полкомъ Д. командовалъ менѣе трехъ лѣтъ, но и за такой сравнительно короткій промежутокъ времени онъ успѣлъ заслужить хорошую память. Полкъ стоялъ въ Новгородской губерніи, а въ 1856 г. былъ переведенъ въ Москву для присутствованія при коронаціи Императора Александра II; отсюда полкъ перешелъ въ г. Мологу (Яросл. губ.), а въ слѣдующемъ году полковникъ Дрентельнъ привелъ своихъ Самогитцевъ въ Москву. На смотрахъ и маневрахъ

онъ не разъ представлялъ полкъ Государю, который неоднократно выражалъ ему свое благоволеніе.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, съ 1842 по 1844 г. командовавшій 2-ою гвард. пѣхотн. дивизіею, въ которой состоитъ л.-гв. Финляндскій полкъ, командовалъ затѣмъ гвардейскою пѣхотою и, наконецъ, былъ главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а потому, какъ своего бывшаго подчиненнаго, зналъ Д. съ первыхъ лѣтъ его службы, которой могъ воздать должное. Случай къ тому скоро представился. Въ преобразовательную эпоху начала царствованія Александра II, когда умственное броженіе проникало во всѣ слои русскаго общества, во главѣ гвардейскихъ полковъ — представителей нашей арміи, должны были находиться командиры съ особенно твердымъ характеромъ, преданные долгу службы, умѣющіе управлять своими подчиненными. 24 апрѣля 1859 г. состоялся приказъ о назначеніи Д. командующимъ л.-гв. Измайловскимъ полкомъ; въ сентябрѣ того же года, за отличіе по службѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ утвержденіемъ въ должности командира полка. Назначеніе полковника командиромъ гвардейскаго полка въ то время было первымъ случаемъ, наглядно доказавшимъ особое довѣріе Государя къ Д., которому въ то время едва минуло 39 лѣтъ. Твердая рука его пришлась по душѣ не всѣмъ его офицерамъ, изъ коихъ нѣкоторые рѣшили даже оставить полкъ. За то остальные офицеры, тактомъ и сердцемъ своего командира сплоченные въ дружное цѣлое, оцѣнили его служебныя и душевныя качества, создавшія ему здѣсь, какъ и въ Самогитскомъ полку, прочныя симпатіи и прочную память. Нечего и говорить о томъ, что полкъ былъ сданъ его преемнику въ блестящемъ состояніи. Въ 1862 г. генералъ-маіоръ Дрентельнъ былъ назначенъ командующимъ 1 гвард. пѣхотною дивизіею и награжденъ мундиромъ л.-гв. Измайловскаго полка.

Служебная опытность Д., его близкое знакомство съ устройствомъ и бытомъ войскъ и административныя способности обратили на себя вниманіе лицъ, стоявшихъ во главѣ военнаго министерства, въ которомъ намѣчался въ это время цѣлый рядъ весьма важныхъ реформъ, указанныхъ горькимъ опытомъ Севастопольской войны. Къ обсужденію этихъ реформъ Д. привлекался весьма часто; трудно перечислить даже всѣ важнѣйшіе вопросы, въ разрѣшеніи которыхъ онъ принималъ участіе. Такъ, еще командуя Измайловскимъ полкомъ, онъ подавалъ мнѣніе о проектѣ положенія о неспособныхъ нижнихъ воинскихъ чинахъ, о проектѣ конструкціи полковыхъ обозовъ, о проектѣ положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ, объ основаніяхъ для новой организаціи войскъ, о мѣрахъ, предложенныхъ для опредѣленія довольствія армейскихъ войскъ, о новомъ проектѣ правилъ для хозяйственныхъ комитетовъ въ войскахъ гвардіи и пр. Крѣпкое здоровье Д. и сравнительно молодые годы давали ему возможность справляться съ тою обильною военно-административною работою, которая выпала на его долю въ началѣ 60-хъ годовъ. Польское возстаніе неожиданно отвлекло его совсѣмъ въ другую сторону: первая гвардейская пѣхотная дивизія была отправлена въ Виленскій военный округъ, и генералъ Дрентельнъ находился здѣсь съ 28 іюня по 2 октября 1863 г. въ должности командующаго войсками расположенными въ Виленской губерніи и участвовавшими въ подавленіи польскаго мятежа въ сѣверо-западномъ краѣ. Служба Д. въ сѣверо-западномъ краю и на столь отвѣтственномъ посту была хорошею школою, правда, непродолжительною, но полезною и для послѣдующаго времени. Начальникъ края, М. Н. Муравьевъ, близко узналъ и оцѣнилъ его настолько, что когда гвардія осенью возвращалась въ Петербургъ, Муравьевъ предложилъ Д. остаться его помощникомъ, но послѣдній, не смотря на всю заманчивость такого предложенія, отказался отъ него, вполнѣ довольствуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, и съ дивизіею возвратился въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ, помимо командованія дивизіею, онъ продолжалъ свои труды по проведенію реформъ въ арміи. Состоя сначала членомъ спеціальнаго (впослѣдствіи — главнаго) комитета по устройству и образованію войскъ, предсѣдателемъ котораго былъ великій князь Николай Николаевичъ, Д., по ходатайству великаго князя,

былъ назначенъ въ ноябрѣ 1864 г. вице-предсѣдателемъ этого комитета. 30 августа этого же года онъ былъ назначенъ въ свиту Его Величества, а черезъ годъ—произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ утвержденіемъ въ должности начальника дивизіи. Предсѣдатель и члены комитета (въ декабрѣ 1864 г.) удостоились всемилостивѣйшаго удовольствія Государя «за существенную пользу, приносимую неутомимою дѣятельностью комитета, который, въ теченіе двухлѣтняго своего существованія, вполнѣ оправдалъ цѣль своего назначенія». Въ 1866 г. военный министръ ген.-адъют. Милютинъ просилъ Д. всесторонне обсудить вопросъ о продовольствіи арміи провіантомъ, приваркомъ и фуражемъ, прежде разсмотрѣнія этого вопроса въ особомъ комитетѣ; въ 1867 г., назначенный помощникомъ Его Императорскаго Высочества, предсѣдателя главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, Д. получилъ монаршее благоволеніе за участіе въ работахъ по преобразованію военнаго суда и составленію военно-судебнаго устава изд. 1867 г., затѣмъ состоялъ предсѣдателемъ комитета по составленію положенія о школахъ солдатскихъ дѣтей и принималъ участіе въ комиссіи, обсуждавшей вопросъ о служебныхъ правахъ и преимуществахъ нижнихъ чиновъ общаго срока и о сословныхъ правахъ воспитанниковъ училищъ военнаго вѣдомства и военныхъ начальныхъ школъ. 6 іюля этого же года Государь удостоилъ Д. званіемъ генералъ-адъютанта, а затѣмъ монаршею благодарностью за отчетъ объ осмотрѣ молодыхъ солдатъ, поступившихъ на укомплектованіе 1-й и 2-й гвард. пѣх. дивизій. Въ 1868 г. Д. былъ предсѣдателемъ особой комиссіи, при Главномъ штабѣ, по организаціи мѣстнаго хлѣбопеченія и прессовки фуража, а затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ особой комиссіи, образованной, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Николая Николаевича, для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ о передѣлкѣ нашихъ 6-ти линейныхъ винтовокъ въ скорострѣльныя. Продолжая до 1872 г. свою строевую службу и военно-административную дѣятельность онъ получилъ за это время: орденъ св. Анны 1 ст. съ короною, и ордена св. Владиміра 2 ст. и Бѣлаго Орла.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ теченіе около двухъ лѣтъ службы этого періода, по желанію Государя, Д. практически занимался военнымъ дѣломъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, Нѣкоторое время онъ командовалъ дивизіею совмѣстно съ цесаревичемъ, который при этомъ носилъ званіе начальника дивизіи, а Д.—командующаго ею. Въ 1869 г., по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ командированъ въ Пруссію для присутствованія на маневрахъ и получилъ орденъ Краснаго Орла 1 ст.

26 апрѣля 1872 г. генералъ-адъютантъ Дрентельнъ назначенъ былъ на постъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа.

Однако и въ званіи командующаго войсками ему приходилось принимать участіе въ дальнѣйшихъ работахъ петербургскихъ комиссій: объ организаціи войскъ и о воинской повинности. За труды въ этихъ комиссіяхъ Д. былъ удостоенъ Высочайшей благодарности и ордена св. Александра Невскаго.

Не имѣя въ своемъ прошломъ боевого опыта, Д. тѣмъ не менѣе совершенно правильно воспитывалъ и обучалъ свои войска именно въ смыслѣ боевыхъ требованій и высказывалъ не мало убѣжденій, правильность которыхъ подтвердила русско-турецкая война 1877—78 гг.; сюда слѣдуетъ отнести, напримѣръ, его мнѣніе объ офицерскихъ тактическихъ занятіяхъ. Высказывая болѣе широкіе взгляды на современное ему положеніе, онъ совершенно вѣрно замѣчалъ (въ октябрѣ 1876 г.), что война съ Турціей неизбѣжна, хотя дипломатія и не подготовила намъ рѣшеніе вопроса и всѣ дѣла наши въ рукахъ Бисмарка. Точно предчувствуя будущую задержку съ Плевною онъ говорилъ: „лучше если бы война началась прямо въ тѣхъ размѣрахъ, какіе она можетъ принять, когда мы зарвемся въ Турціи“. Недостатокъ нашихъ войскъ на Дунайскомъ театрѣ, какъ извѣстно, и былъ причиною нерѣшительности нашихъ дѣйствій во второй половинѣ войны...

Осенью 1876 г., въ числѣ другихъ войскъ, были мобилизованы и войска Кіевскаго округа, которымъ затѣмъ пришлось двинуться къ границѣ. Не смотря на небла-

гопріятное время года, мобилизація и сосредоточеніе войскъ на указанныхъ мѣстахъ были совершены вполнѣ успѣшно, дополнительная мобилизація въ апрѣлѣ 1877 г. исполнена съ такимъ же успѣхомъ; войска округа представились Государю тогда же въ отличномъ состояніи и вполнѣ готовыми къ военнымъ дѣйствіямъ, за что генералъ Дрентельнъ получилъ Высочайшую благодарность. Со штабомъ своимъ онъ оставался въ Кіевѣ, принявъ на себя заботу о приведеніи въ боевую готовность войскъ, стягивавшихся сюда изъ другихъ округовъ и окончательно подготовлявшихся здѣсь къ выступленію на театръ военныхъ дѣйствій. Въ то время русскія войска уже одерживали надъ непріятелемъ побѣды, блестящій рядъ коихъ былъ внезапно прерванъ 2-й Плевной. Безъ солидной организаціи тыла дальнѣйшее движеніе впередъ было немыслимо. Остановившись на необходимости разрѣшить этотъ серьезный и неотложный вопросъ, главнокомандующій рѣшилъ обратиться къ генералъ-адъютанту Дрентельну. 12 августа 1877 г. Д. назначенъ былъ начальникомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи, а 12 окт. и командующимъ войсками дѣйствующей арміи; за нимъ сохранена была и прежняя его должность, а временное командованіе войсками Кіевскаго военнаго округа поручено было генералъ-адъютанту Корсакову.

19 августа Д. былъ уже въ дѣйствующей арміи. Здѣсь ожидала его сложная и горячая работа. Только 11 октября (1877 г.) Высочайше утверждены были «Проектъ временнаго положенія объ управленіи военными сообщеніями дѣйствующей арміи и войсками, въ тылу ея находящимися» и «Временный штатъ» этого управленія; до того же Д. приходилось вполнѣ самостоятельно и на собственную отвѣтственность разрѣшать множество самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ вопросовъ, которые, впрочемъ, съ развитіемъ нашихъ военныхъ дѣйствій, становились еще значительнѣе и сложнѣе.

Пути сообщенія необходимо было исправить прежде всего: желѣзныя дороги, находясь въ рукахъ не слишкомъ дружелюбной къ намъ Румыніи, были найдены въ большомъ безпорядкѣ, мало пригодными для эксплоатаціи русскими войсками, и перевозка военныхъ грузовъ оказалась въ хаотическомъ безпорядкѣ. Переправы черезъ Дунай, за которымъ въ это время находилась главная часть нашей арміи, также требовали солиднаго устройства для безпрепятственной доставки въ армію всякаго рода припасовъ и транспортированія оттуда раненыхъ. Послѣдніе были предметомъ особой заботливости со стороны управленія тыла арміи и, вмѣстѣ съ плѣнными, составляли тысячи людей, которыхъ нужно было обезпечить всѣмъ необходимымъ въ ихъ положеніи, направить по назначенію, вести имъ учетъ и пр. Санитарныя мѣры, во время принятыя, въ виду значительнаго падежа рабочаго скота, явились весьма кстати, такъ какъ къ веснѣ 1878 г. число больныхъ въ арміи достигло огромной цифры (40 тыс.), которая возросла бы еще больше при отсутствіи этихъ мѣръ... Д. лично осматривалъ и провѣрялъ свои войска и учрежденія, посѣщалъ лазареты, госпитали, этапные пункты, вникалъ въ суть каждаго дѣла, прочитывалъ доклады, поощрялъ усердныхъ и добросовѣстныхъ подчиненныхъ, строжайше взыскивалъ съ виновныхъ. По словамъ одного изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, благоразуміе и честность Д. сберегли много казенныхъ рублей, не разорили и частныхъ людей, интересы которыхъ такъ часто сталкивались съ интересами казны. Тактъ и твердая рука его ставили все въ возможно лучшее положеніе, что часто затруднялось недоброжелательнымъ элементомъ румынскихъ властей. Однако, несмотря на рѣшительныя дѣйствія и даже столкновенія съ однимъ изъ представителей румынскаго правительства (министромъ иностранныхъ дѣлъ Когальничано), Д. сумѣлъ заслужить полное уваженіе со стороны мѣстныхъ властей, румынскаго населенія и принца Карла, наградившаго его высшимъ румынскимъ орденомъ и относившагося съ полнымъ вниманіемъ не только къ нему, но и ко всѣмъ чинамъ его штаба. Когда же въ сентябрѣ 1878 г. Д. покидалъ Румынію, чтобы возвратиться въ Россію, то по пути народъ встрѣчалъ и провожалъ его съ почестями. Мѣстная печать также весьма сочувственно отнеслась къ нему, отмѣтивъ его постоянную заботу о сохраненіи добраго со-

гласія между двумя народами, прекрасную дисциплину войскъ тыла арміи, бдительный надзоръ ихъ начальника и пр.

16 апрѣля 1878 г. за отличіе по службѣ Д. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, но не одно это было наградою ему за усиленные труды, продолжавшіеся непрестанно и послѣ заключенія мира вплоть до конца сентября. Другою наградою и глубокимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ для Д. была оцѣнка его дѣятельности великимъ княземъ главнокомандующимъ, который впослѣдствіи, въ день 50-лѣтія службы генералъ-адъютанта Дрентельна, телеграфировалъ ему слѣдующее: „Сердечно поздравляю васъ, любезный Александръ Романовичъ, съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ вашей офицерской службы. Съ радостью и большою благодарностью вспоминаю то старое хорошее время, когда мы вмѣстѣ служили, и боевое время, въ которомъ въ время командованія вашего тыломъ Моей арміи Я могъ, благодаря вамъ, спокойно вести наши славныя войска чрезъ Балканы къ Царьграду. Да хранитъ васъ Господь еще на долгія лѣта на пользу нашей матушки Россіи. Обнимаю крѣпко. Николай".

Значеніе Д. для нашего общаго успѣха въ Турецкой войнѣ ясно видно изъ приведенныхъ словъ великаго князя, который всегда помнилъ эту государственную заслугу своего стараго сослуживца, оказавшаго ему и личную услугу въ рѣшительный моментъ минувшей кампаніи...

Война кончилась. 1878 годъ, отмѣченный заключеніемъ Санъ-Стефанскаго мира послѣ побѣдъ русскихъ войскъ, во внутренней жизни Россіи ознаменовался цѣлымъ рядомъ политическихъ убійствъ и покушеній, 8-го августа въ Зимнемъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, состоялось засѣданіе совѣта министровъ, обсуждавшаго чрезвычайныя мѣры для подавленія революціоннаго движенія, вскорѣ послѣ чего Его Величество отбылъ въ Крымъ черезъ Одессу, куда изъ Бухареста телеграммою былъ вызванъ Д. Ласково встрѣтивъ его, Государь напомнилъ ему о смутномъ и тяжеломъ времени, переживаемомъ Россіею, и просилъ его принять должность шефа жандармовъ и главнаго начальника Собственной Его Величества канцеляріи. Д., съ обычною ему скромностью, отвѣтилъ, что боится не оправдать высокаго къ нему довѣрія Государя, такъ какъ никогда не готовился къ такого рода дѣятельности. — „Давно тебя знаю", возразилъ Государь, „и увѣренъ, что ты съ этимъ дѣломъ справишься. Вспомни, въ какой хорошей школѣ ты былъ у гр. Муравьева, который тебя цѣнилъ и любилъ". При выраженіи своей державной воли Государь говорилъ съ такою задушевною добротою и сердечностью, что глубоко растроганному Д. ничего болѣе не оставалось, какъ принять тяжелое наслѣдство генералъ-адъютанта Мезенцева. Когда Государь пріѣхалъ на пристань, къ этому времени здѣсь собрались власти и дамы общества, въ числѣ которыхъ находились супруга Д., Марія Александровна, и ея матушка, вдова генерала-отъ-инфантеріи Е. А. Вяткина. Государь прямо подошелъ къ нимъ, поцѣловалъ руку Елизаветѣ Алексѣевнѣ и, подавъ руку Маріи Александровнѣ, сказалъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Изъ Одессы Д. долженъ былъ возвратиться въ Бухарестъ, чтобы подготовить сдачу тылового управленія арміи. 15 сентября состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи его шефомъ жандармовъ, а 23 сентября онъ отдалъ свой послѣдній приказъ, которымъ поблагодарилъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ „отъ генерала до послѣдняго рядового" за ихъ ревностную службу, преисполненную „трудовъ и заботъ, нерѣдко самоотверженія, а для многихъ—чувствительныхъ потерь".

13 октября онъ прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ исполненіе едва ли не труднѣйшей въ то время у насъ должности. По званію шефа жандармовъ, ему Высочайше повелѣно было присутствовать въ Государственномъ совѣтѣ и въ Особомъ присутствіи по воинской повинности; кромѣ того, около этого же времени Высочайшимъ указомъ онъ былъ назначенъ членомъ Кавказскаго комитета, а затѣмъ и членомъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго. Благодаря излишней мягкости его предшественника, шефа жандармовъ ген.-адъют. Потапова, крамола пустила слишкомъ глубокіе корни, и нѣсколько мѣсяцевъ даже самой энергичной работы Д. и его сотрудниковъ, конечно, не могли исправить дѣла. Въ февралѣ 1879 г. былъ убитъ кн.

Крапоткинъ, вскорѣ затѣмъ — полицейскій агентъ Рейнштейнъ въ Москвѣ, и, наконецъ, 13 марта жертвою злоумышленниковъ едва не палъ самъ Александръ Романовичъ. Онъ ѣхалъ въ каретѣ въ комитетъ министровъ и, проѣзжая вдоль Лебяжьяго канала, вдругъ замѣтилъ, что какой-то всадникъ ѣдетъ рядомъ съ каретою, то обгоняя ее, то отставая. Раздался выстрѣлъ въ окно, за нимъ другой—шефъ жандармовъ приказалъ кучеру гнать лошадей въ догонку за мчавшимся къ набережной всадникомъ, который затѣмъ быстро повернулъ направо. Крича „держи! держи!“ неизвѣстный поскакалъ затѣмъ по Гагаринской и Шпалерной, затѣмъ быстро остановился, бросилъ городовому лошадь и исчезъ въ воротахъ. Карета не могла его догнать – и онъ скрылся. Однако затѣмъ онъ былъ пойманъ и оказался полякомъ Мирскимъ, который, по настоянію же Д., былъ изъ крѣпости освобожденъ на поруки присяжному повѣренному Утину. Д. не былъ раненъ, обѣ пули пролетѣли мимо, и одна изъ нихъ потомъ была найдена между стекломъ и стѣнкою каретной дверцы, внутри. Государь, члены Царской фамиліи и масса лицъ, знавшихъ Д., выразили ему свое сочувствіе и радость по поводу счастливаго избавленія отъ смерти.

Покушеніе на жизнь Государя 2-го апрѣля 1879 г. снова всполошило все русское общество и въ особенности высшія правящія сферы. Помимо временнаго генералъ-губернатора, было учреждено изъ министровъ Особое Совѣщаніе, въ составѣ котораго былъ и шефъ жандармовъ; здѣсь были выработаны для борьбы съ крамолою особыя мѣры, изъ которыхъ, впрочемъ, весьма немногія были осуществлены своевременно. Что касается лично Д., то, насколько позволяли обстоятельства того времени, онъ постепенно вникалъ въ свое дѣло и охватывалъ его. Сторонникъ разумно-строгихъ мѣръ, неизбѣжныхъ въ тѣ тяжелые годы, онъ искалъ и способовъ нравственно вліять на общество; съ этою цѣлью онъ задумывалъ учредить новый органъ правительственной печати, искалъ въ журналистикѣ для этой цѣли дѣльныхъ людей, но это начинаніе ему не удалось осуществить. 19 ноября 1879 г. покушеніе на жизнь Государя на Московско-Курской жел. дор. было новою вспышкою преступной дѣятельности крамольниковъ. Виновники этого покушенія не были обнаружены, но въ концѣ ноября къ Петербургѣ были задержаны нѣсколько злоумышленниковъ, у одного изъ которыхъ найденъ былъ планъ Зимняго дворца, на которомъ царская столовая была отмѣчена крестомъ. Чуя недоброе, шефъ жандармовъ счелъ необходимымъ тщательно осмотрѣть весь дворецъ, но Государь не пожелалъ этого, сказавъ: „Все вздоръ! Увѣренъ, что все въ порядкѣ“. Взрывъ 5 февраля 1880 г. показалъ, какъ жестоко ошибся Государь...

Это послѣднее событіе явилось причиною учрежденія Верховной распорядительной комиссіи, во главѣ которой сталъ гр. Лорисъ-Меликовъ, который, преслѣдуя объединеніе власти разныхъ министерствъ, сумѣлъ, по дѣламъ внутренней политики, сосредоточить ее въ своихъ рукахъ. Онъ же настаивалъ на необходимости упразднить III Отдѣленіе и проектъ о томъ представилъ Государю. Д. не вступалъ въ борьбу съ графомъ. Не желая нарушать стройное дѣйствіе новой машины, какъ онъ выражался, онъ просилъ увольненія отъ должности, полагая, что это будетъ самымъ простымъ и единственнымъ средствомъ устранить всѣ затрудненія. „Думаю, что я поступилъ правильно и честно“, писалъ онъ Г. Г. Яковлеву. „Надѣюсь, что это видитъ Государь и что поведеніе мое въ этомъ дѣлѣ будетъ одобрено всѣми честными людьми“.

28 февраля 1880 г. Высочайшимъ приказомъ, по прошенію, Д. всемилостивѣйше былъ уволенъ отъ должности, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта и оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, а 18 мая того же года—назначенъ временнымъ Одесскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками Одесскаго военнаго округа. Впрочемъ, на этомъ посту онъ пробылъ недолго, такъ какъ 13 января 1881 г. былъ назначенъ Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генер.-губернаторомъ и командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа. Послѣднее назначеніе было ему очень по душѣ, такъ какъ онъ возвращался въ край, жизнь и служба въ которомъ

оставили въ немъ самыя отрадныя воспоминанія. Въ этотъ періодъ командованія войсками ему пришлось дважды принимать участіе въ трудахъ особыхъ комиссій: въ 1881 г. — для обсужденія вопросовъ объ улучшеніи устройства военнаго управленія и весною 1888 г.—объ устройствѣ полевого управленія. Вторичное командованіе войсками Кіевскаго округа было для Д. сравнительно спокойнымъ періодомъ службы, особенно послѣ года въ тылу дѣйствующей арміи и почти полутора года на посту шефа жандармовъ, когда онъ жилъ нервною работою и не только ежедневно, но иногда по нѣсколько разъ въ день являлся съ докладомъ къ Государю. Крамольники понемногу затихали, и въ Кіевѣ лишь глухими отголосками въ 1881—1882 гг. отзывались недавнія ужасныя событія, пережитыя Россіею. „Въ Кіевѣ волненіе притихло“, писалъ Д. въ маѣ 1881 г., „но весь край въ напряженномъ состояніи, и я получаю ежедневно десятки телеграммъ изъ всѣхъ мѣстечекъ (имя имъ легіонъ!) юго-западнаго края отъ евреевъ, взывающихъ о спасеніи и просящихъ о присылкѣ войска. Если бы я имѣлъ въ своемъ распоряженіи 200.000, и тѣхъ не хватило бы для удовлетворенія всѣхъ просьбъ. Въ газетахъ много врутъ объ этихъ безпорядкахъ; говорятъ о какихъ-то руководителяхъ, о прибывшихъ изъ Москвы рабочихъ и т. п. Все это вздоръ или вещь второстепенная. Главная причина—ненависть къ евреямъ“. Одновременно появились и печатныя воззванія революціоннаго комитета.

На торжества коронаціи императора Александра III Д. былъ приглашенъ въ Москву и въ этотъ день получилъ орденъ св. Владиміра 1 ст. Прошло еще пять лѣтъ — и 16 марта 1888 г. Д. отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей своей службы въ офицерскихъ чинахъ. Государь пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго.

15 іюля 1888 г., великій день 900-лѣтія крещенія Руси—былъ роковымъ, послѣднимъ днемъ жизни Д. Съѣздъ въ Кіевѣ былъ громадный. Открытіе памятника Богдану Хмѣльницкому 11 іюля, пріемы депутацій, оффиціальные визиты и другіе выѣзды утомили Д. На парадѣ войскъ Д. постигъ ударъ, и онъ мертвый упалъ съ лошади.

Сожалѣніе о смерти Д. со всѣхъ сторонъ было единодушно выражено семьѣ его. Государь въ тотъ же день прислалъего супругѣ телеграмму: „Съ великимъ прискорбіемъ узналъ я о внезапной смерти Александра Романовича, котораго горячо любилъ и уважалъ. Потеря для васъ и для насъ незамѣнимая, лишившая меня одного изъ самыхъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ слугъ Отечества. Да поможетъ вамъ Господь перенести эту страшную потерю съ христіанскимъ смиреніемъ и утѣшеніемъ».

Полный послужной списокъ генералъ-адъютанта А. Р. Дрентельна, въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба.—Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи. Подъ главною редакціею генералъ-лейт. Д. А. Скалона, составилъ полковн. Н. А. Даниловъ. Спб. 1902 г.—Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Т. II. С. С. Татищевъ. Спб. 1903 г.—Мои воспоминанія. Ч. II. Кн. В. П. Мещерскій. Спб. 1898 г.—Въ тылу Дунайской арміи двадцать пять лѣтъ назадъ. Къ дѣятельности генералъ-адъютанта Дрентельна. В. Жерве. Воен. Сборникъ 1903 г., № 6.—Краткая исторія 7-го Гренадерскаго Самогитскаго генер.-адъют. гр. Тотлебена полка. К. В. Абаза. М. 1888 г. — Некрологъ генер.-адъют. Дрентельна. «Русскій Инвалидъ» 1888 г., № 155.—Замѣчательная рота. В. Ж. «Русск. Инвалидъ» 1902 г., № 268.—«Новое Время» 1888 г. 16 іюля, № 4446, и 27 іюля, № 4457.—«Кіевлянинъ» 1888 г., №№ 151, 155—158.—Письма А. Р. Дрентельна къ ген.-маіору Егор. Егор. Яковлеву, 1872—1882 гг.—Оффиціальные документы и разныя бумаги семейнаго архива М. А. Дрентельнъ.

В. Жерве.

Дрешеръ, *Яковъ Матвѣевичъ*, капитанъ 1-го ранга, родился въ 1826 году въ Томской губерніи, умеръ 16 мая 1876 года въ Петербургѣ. Въ 1847 году Дрешеръ выдержалъ экзаменъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и произведенъ въ чинъ мичмана; потомъ плавалъ съ 1-мъ Финскимъ экипажемъ по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, во время Крымской войны участвовалъ съ первымъ баталіономъ канонерскихъ лодокъ Свеаборгскаго порта въ отраженіи непріятеля отъ крѣпости Свеаборга и укрѣпленій на островѣ Сандгамѣ во время первой атаки и бомбардированія крѣпости, за отличіе былъ переведенъ въ 18-й Флотскій экипажъ и назначенъ старшимъ офицеромъ винтового корвета „Медвѣдь“, на которомъ совершилъ плаваніе по Средиземному морю. Въ 1862 году Дрешеръ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ фрегата „Касторъ“. Съ 1866 года по 1870 годъ Дрешеръ, въ качествѣ командира раз-

личныхъ фрегатовъ, совершилъ нѣсколько практическихъ плаваній съ гардемаринами въ Атлантическомъ океанѣ и въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ. Въ 1870 году онъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, назначенъ командиромъ винтового фрегата „Ослябя“ и, оставаясь на берегу, принималъ участіе въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ, участвовалъ въ разработкѣ новаго положенія о воинской повинности, работалъ надъ составленіемъ „Сборника матеріаловъ для свода морскихъ постановленій“, изданнаго кодификаціоннымъ управленіемъ, и пр. Въ 1875 году Дрешеръ назначенъ начальникомъ отряда судовъ морского училища и напечаталъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ (апрѣль 1876 г.) обстоятельный отчетъ о плаваніи отряда, а также нѣсколько небольшихъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны — „Описаніе Магелланова пролива“ и статьи о приливахъ и отливахъ. Кромѣ того, онъ напечаталъ въ различныхъ повременныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько переводовъ съ англійскаго и шведскаго языковъ, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1876 г., № 58. — Голосъ 1876 г., № 138. — «Иллюстрированная газета» 1876 г., № 25. *А. Ч.*

Држевецкій, *Францъ Матвѣевичъ*, сенаторъ, полякъ по происхожденію, родился въ 1792 г., ум. въ 1868 г. Въ 1805 г. Д. окончилъ курсъ наукъ въ польскихъ высшихъ училищахъ, въ 1807 г. вступилъ на службу экспедіентомъ (секретаремъ 2 класса) въ канцелярію министра юстиціи Княжества Варшавскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ слушалъ курсъ наукъ въ юридической школѣ бывшаго Княжества Варшавскаго; затѣмъ, по выдержаніи установленнаго экзамена, въ 1811 г. опредѣленъ секретаремъ уголовнаго суда бывшихъ Варшавскаго и Калишскаго департаментовъ. Вскорѣ потомъ по выдержаніи экзамена 2 класса, въ 1813 году, онъ назначенъ ассесоромъ гражданскаго трибунала бывшаго Варшавскаго департамента, въ 1815 году назначенъ заступающимъ мѣсто судьи гражданскаго трибунала бывшаго Радомскаго департамента, въ 1816 году опредѣленъ къ исправленію должности судьи гражданскаго трибунала бывшаго Варшавскаго департамента и въ томъ же году утвержденъ въ этой должности. Въ 1822 г. Д. призванъ въ составъ правительственной комиссіи юстиціи, гдѣ ему ввѣрено было управленіе дѣлами административнаго и контрольнаго отдѣленія этой комиссіи, и состоялъ въ этой должности до 1832 г., занимая въ то же время и должность судьи апелляціоннаго суда. Въ 1829 г. онъ былъ опредѣленъ судьею бывшей палаты суда. Во время бывшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа въ 1831 г. Д. оставался на службѣ и, по возстановленіи законнаго порядка, возобновилъ присягу на вѣрность. Въ 1842 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ назначеніемъ присутствовать въ Варшавскихъ Правительствующаго Сената департаментахъ, безъ званія сенатора, и въ слѣдующемъ, 1843 году назначенъ къ исправленію должности первоприсутствующаго въ I отдѣленіи IX департамента Сената. Высочайшимъ указомъ 7 ноября 1850 г. повелѣно ему присутствовать въ Варшавскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената въ званіи сенатора и засѣдать во II отдѣленіи IX департамента, а въ слѣдующемъ году онъ произведенъ въ тайные совѣтники со старшинствомъ со дня назначенія его сенаторомъ. Въ 1852 году, на время отпуска предсѣдательствующаго въ предварительной комиссіи при общемъ собраніи Сената, Држевецкій былъ назначенъ къ исправленію его должности и потомъ, въ 1854 году, былъ утвержденъ въ ней кромѣ того, въ 1853 г. опредѣленъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія проекта новаго устава гражданскаго судопроизводства, съ оставленіемъ въ должности присутствующаго въ Варшавскихъ департаментахъ Сената, и временно исправлялъ должность главнаго директора юстиціи. Въ 1856 году онъ назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для составленія проекта временнаго положенія, для окончательнаго разсмотрѣнія перевода этого положенія, сообщеннаго князю намѣстнику Царства Польскаго министромъ статсъ-секретаремъ, и для составленія инструкціи для гминныхъ судовъ, адвокатовъ и защитниковъ, а также возныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ управлялъ герольдіею Царства Польскаго, предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, учрежденномъ для составленія свода законовъ и админи-

стративныхъ постановленій Царства Польскаго и въ 1857 и 1858 гг. несъ обязанности первоприсутствующаго во II отдѣленіи IX департамента Сената. Въ 1858 г. Д. назначенъ былъ главнымъ директоромъ-предсѣдательствующимъ въ правительственной комиссіи юстиціи, за отличную усердную службу, а въ 1861 году, по прошенію, уволенъ отъ службы. Чрезъ три мѣсяца, въ томъ же 1861 году Д. назначенъ государственнымъ совѣтникомъ Царства Польскаго и первоприсутствующимъ на 1861 годъ въ отдѣленіи спорныхъ дѣлъ государственнаго совѣта и затѣмъ первоприсутствующимъ же на 1862 г. въ отдѣленіи законовъ государственнаго совѣта Царства Польскаго. 1 мая 1862 года онъ уволенъ, по разстроенному здоровью, отъ должности первоприсутствующаго въ отдѣленіи законовъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, но состоялъ въ званіяхъ постояннаго члена этого совѣта и неприсутствующаго сенатора до самой смерти.

Формуляръ о службѣ государственнаго совѣтника Царства Польскаго Ф. М. Држевецкаго, хранящійся въ Архивѣ Сената. *А. Ч.*

Дризенъ, *баронъ Ѳеодоръ Васильевичъ*, генералъ отъ-инфантеріи, членъ капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ; родился въ 1783 г., умеръ въ 1851 г. Въ службу вступилъ изъ Прусскихъ войскъ четырнадцати-лѣтнимъ прапорщикомъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ. Участвовалъ штабсъ-капитаномъ въ кампаніи 1805 года, при чемъ за мужество, оказанное въ бояхъ съ французами, награжденъ орденомъ св. Анны 4-й ст. Въ 1808 году произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Виленскаго пѣхотнаго полка, а въ 1810 г. назначенъ шефомъ Муромскаго пѣхотнаго полка. Въ кампанію 1812 года отличился подъ Свенцянами, гдѣ, командуя особымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ полка и 12-орудійной легкой батареи, прикрывалъ мостъ, по которому долженъ былъ пройти нашъ арріергардъ. 12 и 13 іюля Д. отличился вторично подъ Витебскомъ, гдѣ, по приказанію начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Коновницына, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ полка и 4-хъ орудій, защищалъ мостъ и наблюдалъ за нашимъ лѣвымъ флангомъ, чтобы непріятель не могъ отрѣзать отступавшій отъ Островны корпусъ ген.-лейт. графа Остермана. Въ бою 5 августа подъ Смоленскомъ баронъ Дризенъ командовалъ нашимъ правымъ флангомъ, состоявшимъ изъ 1 полка, 13 ротъ и 2 орудій; при этомъ получилъ сильную контузію въ грудь и за оказанное отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. 7 августа Д. былъ вторично контуженъ ядромъ въ лѣвую ногу въ дѣлѣ при деревнѣ Заблудьѣ, на пути къ Дорогобужу. При дальнѣйшемъ отступленіи нашей арміи, отъ Вязьмы до Бородина, участвовалъ во всѣхъ аррьергардныхъ дѣлахъ. Въ сраженіи 26 августа при Бородинѣ, Д. находился со своимъ полкомъ сперва во 2-й линіи, въ центрѣ 3-й дивизіи, а потомъ двинутъ былъ для обратнаго отбитія Багратіоновыхъ флешей у захватившаго ихъ непріятеля, въ чемъ и успѣлъ. При этомъ Д. былъ раненъ пулею въ колѣнную чашку лѣвой ноги, отчего впослѣдствіи совершенно лишился этой ноги. За отличія, въ Бородинскомъ бою оказанныя, баронъ Д. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 1 бригады 28-й пѣхотной дивизіи. Въ 1816 году Дризену было повелѣно состоять по арміи, а въ слѣдующемъ году—при военномъ министрѣ для особыхъ порученій. Въ 1819 году баронъ Д. назначенъ былъ членомъ отъ военнаго министерства въ комиссію провіантскихъ дѣлъ, а въ 1821 г.—сперва исправляющимъ должность предсѣдателя этой комиссіи, а потомъ (1822) и предсѣдателемъ. Въ 1826 году былъ Д. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1828 г.—назначенъ въ Ригу комендантомъ. Въ этой должности въ 1829 году ему объявлено было Высочайшее благоволеніе за оказанное усердіе при спасеніи жителей города Риги отъ наводненія. Въ 1832 году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. Въ 1833 году, въ награду за отличное состояніе города Риги и рижскаго военнаго госпиталя, осмотрѣнныхъ Государемъ, Д. было объявлено вновь Высочайшее благоволеніе. Въ 1839 г. барону повелѣно было принять должность казначея капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ съ сохраненіемъ прежняго содержанія.

Московскій архивъ Главнаго Штаба: Книга формулярныхъ списковъ за 1838 годъ, по архиву № 4249.

Дрогобичъ (Drogobicz), *Георгій*, магистръ, русскій по происхожденію изъ города Дрогобича въ Галиціи, былъ профессоромъ въ Краковѣ въ 1488 году и умеръ тамъ-же въ 1494 году. Онъ первый изъ русскихъ издалъ книгу за границей. Книга эта: «Judicium prenosticon Magistri Georgii Drogobicz de Russia», Roma, 1483, извѣстна теперь въ одномъ лишь экземплярѣ.

„Сборникъ Археологическаго Института", т. 6, 1898 г.—„Новое Время" 1900 г. № 8636. *С. Т.*

Дрожжинъ, *Петръ Семеновичъ*, академикъ портретной живописи, родился въ 1749 году, умеръ въ 1805 году. Учителемъ Дрожжина въ живописи былъ Левицкій. Въ 1776 году Петербургская академія художествъ признала Дрожжина назначеннымъ въ академики за портретъ художника А. П. Антропова, а въ 1785 году избрала его въ академики за портретъ директора академіи художествъ — барона Петра Ѳедор. Мальтица. Въ 1801 году Дрожжинъ написалъ для иконостаса новостроившейся въ то время церкви въ Царскомъ Селѣ образа Богоматери и Архангела Гавріила, представляющіе собою копіи съ картинъ Гвидо Рени.

Архивъ С.-Петербургской Импер. академіи художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи СПБ. Импер. академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія.—Д. А. Ровинскій: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. *В. Г.*

Дружининъ, *Александръ Васильевичъ*, критикъ и беллетристъ, родился въ Петербургѣ 8 октября 1824 г., умеръ 14 января 1864 г. Принадлежа по рожденію къ старинной и богатой дворянской семьѣ, Д. до 16-лѣтняго возраста воспитывался дома, подъ наблюденіемъ гувернеровъ, а затѣмъ поступилъ въ Пажескій корпусъ, откуда былъ выпущенъ чрезъ три года, офицеромъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. Кроткій по характеру, склонный къ кабинетнымъ занятіямъ, Д. не чувствовалъ призванія къ фронтовой службѣ и въ 1847 г. сначала причислился къ канцеляріи военнаго министерства, а въ 1851-мъ вышелъ въ отставку. Основательное знаніе иностранныхъ языковъ, знакомство съ лучшими произведеніями русской и иностранныхъ литературъ, побуждали Д. еще во время службы въ военномъ министерствѣ испробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Первымъ произведеніемъ Д. была повѣсть: «Полинька Сакъ», появившаяся въ 1847 г. въ «Современникѣ» и сразу доставившая автору широкую извѣстность. Основная идея повѣсти — пробудить уваженіе къ женщинѣ, отстаивающей свои права на свободную любовь,—хотя и была навѣяна чтеніемъ Жоржъ-Зандъ, но была разработана авторомъ самостоятельно и явилась выраженіемъ смутныхъ еще въ то время стремленій къ эмансипаціи русской женщины. Въ слѣдующихъ годахъ появились въ «Современникѣ» же повѣсти Д.: «Разсказъ Алексѣя Дмитріевича», «Фрейлейнъ Вильгельмина» и романъ въ двухъ частяхъ—«Жюли». Эти произведенія Д. не имѣли особаго успѣха, къ чему Д. относился равнодушно, съ большей охотой занимаясь изслѣдованіями по исторіи литературы и отдаваясь критикѣ современныхъ произведеній. Въ «Письмахъ иногороднаго подписчика», печатавшихся въ «Современникѣ», и въ др. большихъ критическихъ статьяхъ Д. являлся какъ бы продолжателемъ критической дѣятельности Бѣлинскаго, хотя блестяще образованный бывшій пажъ и гвардеецъ не только не раздѣлялъ многихъ идей знаменитаго своего предшественника, на былъ ревностнымъ поклонникомъ «чистаго искусства» и врагомъ «дидактизмо», т. е., тенденціи въ искусствѣ, затемняющей, по его мнѣнію, художественное выраженіе правды. Художественное произведеніе, по мнѣнію Д., должно изображать дѣйствительность, какъ она есть, какъ бы грязна она ни была; въ «знаніи дѣла», т. е. дѣйствительности, онъ видѣлъ разгадку выдающагося значенія произведеній Островскаго, Писемскаго и Щедрина. Тонкіе, изящные вкусы Д. заставляли его однако уклоняться отъ утилитарнаго взгляда на искусство, онъ не хотѣлъ видѣть въ современныхъ произведеніяхъ, даже Тургенева, отраженія общественныхъ настроеній и цѣлью художника поставлялъ умѣніе отыскать высшую духовную красоту въ некрасивомъ повидимому явленіи. Поклоненіе «искусству для искусства» выработалось у Д. особенно подъ вліяніемъ изученія англійской литературы. Съ начала 50-хъ годовъ Д. напечаталъ въ журналахъ рядъ статей по исторіи англійской литературы: «Джонсонъ и Босвель», «Жизнь и про-

изведенія Шеридана», «Георгъ Краббъ», «Вальтеръ Скоттъ и его современники» и т. д. По основательному знанію предмета, по блестящему изложенію, эти статьи Д до сихъ поръ не потеряли своего значенія: по отзыву проф. Кирпичникова, ихъ можно съ бо́льшимъ правомъ и надеждой на успѣхъ рекомендовать студентамъ и студенткамъ, нежели десятки книгъ, вышедшихъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Вообще Д. настойчиво популяризировалъ западную литературу и искусство, посвящая имъ много мѣста даже въ своихъ фельетонахъ, но, будучи въ этомъ смыслѣ горячимъ западникомъ, Д. находилъ, что необходимость пройти ступени западной цивилизаціи вовсе не обязываетъ насъ безумно скакать чрезъ эти ступени, вовсе не заставляетъ насъ отказаться отъ своей національности и старины; напротивъ, по его мнѣнію, русскій ученый, русскій художникъ, русскій литераторъ долженъ прежде всего научиться у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ уваженію къ своему, родному. Несимпатичныя стороны русскаго быта Д. съ тонкимъ изяществомъ рисовалъ въ своихъ фельетонахъ подъ псевдонимомъ Ивана Чернокнижникова. Въ 1850 г. напечатанъ былъ первый его фельетонъ: «Сентиментальное путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ». Но и въ обличеніяхъ Д. оставался вѣренъ доброму своему сердцу: «казнилъ нравы, но щадилъ людей, даже тѣхъ, которые были созданы его фантазіей; обличалъ не столько вредное, сколько глупое, и даже вредное выставлялъ главнымъ образомъ съ его нелѣпой стороны». Сдержанность, хладнокровное безпристрастіе Д. въ обличеніяхъ особенно ярко выразились въ эпоху «обличительной литературы», когда послѣ крымской войны русское общество спѣшило къ своему обновленію, стряхивая старыя цѣпи. Д., видѣвшій въ сыпавшихся отовсюду обличеніяхъ старыхъ золъ не однѣ лишь свѣтлыя стороны и требовавшій всегда уваженія къ человѣческому достоинству,—не былъ тогда понятъ увлекавшимися современниками: Д. упрекали въ «джентельменствѣ», хотѣли видѣть признаки вліянія на него оффиціальныхъ сферъ, хотя даже враги не отказывали Д. въ уваженіи и въ данной ему кличкѣ «честнаго рыцаря».

Нравственный обликъ Д., какъ писателя, чуждаго крайностямъ эпохи, въ которую пришлось ему дѣйствовать, достаточно объясняетъ причину охлажденія къ нему общества въ послѣдніе годы его жизни. Дружескія личныя отношенія Д. къ выдающимся представителямъ литературы: къ Тургеневу, Григоровичу, Толстому, Некрасову и др., не могли помочь дѣлу. Въ 1856 г. Д. сдѣлался редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», но его обѣщаніе вести дѣло «ohne Hast, ohne Rast» не отвѣчало возбужденному состоянію общества, не внушало довѣрія къ новому редактору, тѣмъ болѣе, что Д. даже не старался объяснить своего отношенія къ новому направленію общественной жизни. Вслѣдствіе этого «Библіотека для чтенія» не имѣла успѣха, заслуживъ отъ Тургенева названіе «глухой дыры», и въ 1861 году Д. снялъ съ себя редакторскія обязанности. У него обнаружились въ это время признаки чахотки, хотя онъ и продолжалъ работать, печатая юмористическіе фельетоны въ «Искрѣ», «Сѣверной Пчелѣ» и «Вѣкѣ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» — статьи по иностранной литературѣ; изъ Шекспира онъ сдѣлалъ переводы: «Короля Лира», «Ричарда III» и «Коріолана». Работы эти не воскресили однако симпатій общества къ Д.: онъ умеръ «забытымъ талантомъ». Незадолго до смерти Д. сдѣлался однако незабвеннымъ: по его почину основано было въ 1859 г. общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; въ честь его появилась и «Дружининская копѣйка».

Сочиненія и переводы Д. изданы въ 8 томахъ Н. В. Гербелемъ въ 1866–1868 гг., въ VIII т. статьи о Д. Некрасова и М. Лонгинова.—Біографія Д., писанная Хмыровымъ (Портретная галлерея Мюнстера II, 1869).—Статья, читанная И. С. Тургеневымъ въ Обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Р. Инвалидъ, 1864, № 40).—„Забытый талантъ“ проф. Кирпичникова („Истор. В.“, 1884, 4).—Старчевскій („Наблюдатель“, 1885, №№ 4 и 5).—Ливенцовъ: „А. В. Дружининъ“ („Р. Ст.“, 1887., II т.).—„Дневникъ Д.“ въ сборникѣ литературнаго фонда—„XXV лѣтъ“ и тамъ же статья о немъ Гаевскаго—Воспоминанія Григоровича.—„Первое собраніе писемъ Тургенева“.—„Дружининъ, А. В.“, статья С. Венгерова. („Энц. Слов.“ Брокгауза и Ефрона). *Ш.*

Дружининъ, *Николай Ивановичъ*, членъ московскаго общества сельск. хоз.;

умеръ до 1846 г. Д. принималъ участіе въ испытаніи производимыхъ въ Россіи земледѣльческихъ орудій и машинъ и представилъ въ общество свѣдѣнія о машинахъ мастерской бр. Бутенопъ и Бибиковыхъ (въ Рязани). Въ 1833 г. при обществѣ былъ учрежденъ комитетъ сахароваровъ, въ дѣлахъ котораго Д. также принималъ видное участіе. Изъ трудовъ Д. по сельскому хозяйству болѣе замѣчательны: напечатанные въ «Землед. Журн. Моск. Общ. сельск. хозяевъ» «Замѣчанія о хлѣбѣ, употребляемомъ на сѣмена, съ описаніемъ и чертежемъ машины для отдѣленія и очищенія сѣменного и продажнаго хлѣба» (1826 г.), «Способъ дѣлать каменный составъ, весьма прочный, для половъ на террасахъ» (1826) и др.

Ст. Масловъ: Историч. Обозр. дѣйств. и трудовъ Имп. Моск. Общ. Сельск. Хоз.

К.

Дружининъ, *Яковъ Александровичъ*, родился въ Петербургѣ 4 октября 1771 г.; умеръ тамъ же въ ночь на 27 февраля 1849 г. Отецъ его, Александръ Васильевичъ Дружининъ († 1799), служилъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ лирикомъ В. П. Петровымъ, при собственной библіотекѣ Екатерины II, а позже былъ коллежскимъ совѣтникомъ и «правителемъ собственной Ея Величества товарной казенной». Въ 1780-хъ годахъ Д. былъ отданъ въ лучшее тогда учебное заведеніе въ Петербургѣ—«Главное училище нѣмецкихъ подданныхъ государства» или Петровскую школу, окончивъ курсъ которой, былъ опредѣленъ (6 сентября 1788 г.) съ чиномъ коллежскаго регистратора въ Кабинетъ Ея Величества и откомандированъ «къ письменнымъ дѣламъ» при комнатахъ государыни, которая нерѣдко поручала ему переписывать свои сочиненія. Эту должность Д. сохранялъ до самой смерти императрицы. Новый императоръ очень благоволилъ къ Д. и быстро двигалъ его по чиновной лѣстницѣ: 17 декабря 1796 г. пожаловалъ его въ титулярные совѣтники, 1 января 1797 г. назначилъ секретаремъ при своей комнатѣ, 8 ноября 1798 г. произвелъ въ коллежскіе ассесоры и, наконецъ, 22 декабря 1800 г.—въ надворные совѣтники. Александръ I, при вступленіи своемъ на престолъ, наградилъ Д. пожизненной пенсіей въ 2500 руб., а 1 октября 1801 г. опредѣлилъ его въ канцелярію ст.-секр. Н. Н. Новосильцова. Въ новой должности Я. А. исполнялъ нѣкоторыя особо-трудныя порученія. Такъ, между прочимъ, онъ написалъ манифестъ и положеніе объ учрежденіи министерствъ; кромѣ того, на него были возложены обязанности референдарія новоустроенной комиссіи составленія законовъ (1804), въ которой впослѣдствіи онъ состоялъ членомъ, а затѣмъ—начальникомъ во 2 отдѣленіи—по составленію уголовнаго уложенія; въ то же время онъ былъ правителемъ, а потомъ членомъ комитетовъ Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Еврейскихъ дѣлъ (съ 5 Янв. 1809 г.). Въ 1802 г. Д. находился въ свитѣ государя во время его путешествія въ западныя губерніи и Пруссію, а потомъ сопровождалъ его въ походахъ 1805—1806 гг. въ Моравію и Пруссію. Въ 1807—1809 гг. онъ, вмѣсто Новосильцова, лично докладывалъ государю по рекетмейстерскимъ дѣламъ. Въ іюлѣ 1810 г., по увольненіи Новосильцова отъ службы, Д. перешелъ въ министерство финансовъ. Занявъ, съ 1811 г., въ этомъ министерствѣ должность директора канцеляріи министра финансовъ, гр. Д. А. Гурьева, а потомъ—гр. Е. Ф. Канкрина, Я. А. оставался на этомъ посту до 1830 года. 31 декабря 1825 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, нѣкоторое время управлялъ департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли, засѣдалъ въ различныхъ временныхъ комитетахъ, предсѣдательствовалъ въ мануфактурномъ и коммерческомъ совѣтѣ министерства финансовъ, состоялъ членомъ - попечителемъ Человѣколюбиваго Общества и членомъ Совѣта Россійско-Американской Компаніи. Съ 1830 года до выхода въ отставку Д. былъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а 15 февраля 1848 года по болѣзни былъ уволенъ отъ названной должности съ назначеніемъ членомъ Совѣта министра финансовъ; но уже въ слѣдующемъ 1849 году скончался въ Петербургѣ и погребенъ на Широкихъ мосткахъ Волкова кладбища.

Въ молодости Д. занимался литературою. Такъ, въ 1797 г. онъ перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ въ Петербургѣ книгу: «Пифагорсвы ученицы. Соч. Виланда». Исполненіе этого перевода, а также пользовавшееся громкою извѣстностью у современниковъ искусство Д.

*

писать дѣловымъ языкомъ, побудило Россійскую Академію избрать его въ свои дѣйствительные члены (1800 г.). Затѣмъ, вмѣстѣ съ И. А. Дмитревскимъ, Я. А., по порученію Академіи, перевелъ 6-ю часть изданнаго ею въ 1804—1809 гг. «Путешествія Анахарсиса». Дружинину, кромѣ того, русская наука обязана сохраненіемъ такого драгоцѣннаго памятника, какъ «Остромирово Евангеліе», которое онъ случайно нашелъ, занимаясь, послѣ смерти Екатерины II, разборомъ ея гардероба. Въ 1806 году Я. А. представилъ рукопись Александру I, который затѣмъ и повелѣлъ передать ее на вѣчное храненіе въ Публичную Библіотеку. Съ 1811 года Д. состоялъ членомъ въ IV разрядѣ «Бесѣды любителей русскаго слова», а 21 ноября 1841 г. былъ утвержденъ почетнымъ членомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ.

По словамъ Н. И. Греча, лично знавшаго Д., послѣдній «былъ человѣкъ очень способный къ дѣламъ, мастеръ писать и отписываться, притомъ до чрезвычайности добрый, снисходительный и услужливый».

Отчеты Академіи Наукъ за 1841—1851 гг., стр. 246.—Сѣв. Пчела 1849 г. № 45, стр. 179, и № 73, стр. 292—293.—Моск. Вѣд. 1849 г. № 28, стр. 280.—Сенатскій Архивъ, т. I, по указат., Геннади: Справочн. словарь, Берлинъ 1876 г. т. I, стр. 323.—Н. И. Гречъ: Записки о моей жизни. Спб. 1886, стр. 83—87.—Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб., 1866 г., стр. 0165.—Жихаревъ. Записки М. 1890 г.; Сочиненія Державина, изд. Грота, т. VI и VIII. Въ память гр. М. М. Сперанскаго. Спб. 1872, стр. 641; Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи, т. VII, стр. 480.—Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, Спб. 1883 г. стр. 130—131.—Переписка А. Х. Востокова. Спб. 1873, стр. 102.—Русск. Архивъ 1878 г. т. I, стр. 234; 1894 г., т. II, стр. 60.—Русск. Стар. 1873 г. т. VIII, стр. 584; 1881 г. т. XXXIII, стр. 171.

Б. Модзалевскій.

Друковцовъ, *Сергѣй Васильевичъ*, сынъ Василія Максимовича Друковцова, служившаго секретаремъ у Вас. Никит. Татищева; родился въ 1731 году, служилъ въ Главной Провіантской Канцеляріи. Въ 1772 г. имѣлъ чинъ статскаго совѣтника и былъ прокуроромъ 1-го департамента въ той же Канцеляріи, затѣмъ вышелъ въ отставку и умеръ 12 февраля 1786 года въ Москвѣ, гдѣ и погребенъ на кладбищѣ Новоспасскаго монастыря. Въ литературѣ Д. извѣстенъ, какъ плодовитый составитель сочиненій по сельской и городской экономикѣ, а также—какъ первый издатель извѣстной «Духовной» В. Н. Татищева, которую онъ нашелъ случайно въ бумагахъ своего покойнаго отца. «Духовная» была издана Друковцовымъ въ Петербургѣ въ 1773 году, но, какъ оказалось изъ изслѣдованія А. Островскаго, изданіе это сдѣлано вопреки всѣмъ научнымъ правиламъ: нѣкоторыя мѣста рукописи прочитаны невѣрно и даже умышленно измѣнены издателемъ, внесено много собственныхъ поправокъ, дополненій и измѣненій. Въ подражаніе Татищеву Д. тоже написалъ «Духовную, сочиненную въ наставленіе его дѣтямъ обоего пола». Это сочиненіе, изданное въ Петербургѣ въ 1780 году (32 стр. 8°), не имѣетъ за собой никакихъ достоинствъ, отличается отсутствіемъ послѣдовательности въ изложеніи мыслей, неточностью въ выраженіяхъ и неожиданностью въ переходахъ отъ одного предмета къ другому. Высказываемые взгляды на вещи являются устарѣлыми по тому времени, а нѣкоторые совѣты напоминаютъ даже «Домострой». Изъ этой «Духовной» мы можемъ, однакожъ, заключить, что Д. былъ добрый и заботливый помѣщикъ, любилъ и берегъ своихъ крестьянъ. Несмотря на вышеуказанные недостатки, «Духовная» не лишена нѣкотораго интереса, ибо представляетъ намъ воззрѣнія современника на жизнь общества конца XVIII вѣка.

Затѣмъ Д. принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) «Экономическое наставленіе дворянамъ, крестьянамъ, поварамъ и поварихамъ», выдержавшее 5 изданій (въ Петербургѣ): въ 1772, 1773, 1777, 1781 и 1788 гг. Хотя на заглавномъ листѣ этого сочиненія и означено, что оно переведено съ нѣмецкаго языка (въ 1765 г.), но на самомъ дѣлѣ оказывается, что половина «Наставленія» буквально тождественна съ сочиненіемъ практичнаго и талантливаго В. Н. Татищева: «Краткія экономическія до деревни слѣдующія записки», чѣмъ единственно и можно объяснить успѣхъ «Наставленія»; 2) «Бабушкины сказки» (числомъ 31), М. 1778 г., изд. 2-е—М. 1781 г. въ типогр. Н. И. Новикова, 43 стр. (съ посвященіемъ «благодѣтелю» Прокоф. Акинѳ. Демидову), представляющія изъ себя, по выраженію

А. Н. Пыпина, «безсмысленно разсказанные анекдоты», въ весьма притомъ грубой формѣ и съ натянутыми нравоученіями; 3) «Сова, ночная птица, повѣствующая русскія сказки, изъ былей составленныя», (числомъ 25) съ посвященіемъ П. А. Демидову, Спб. 1779 г. и М. 1781 г., 58 стр. 8⁰,—одинаковаго характера и достоинства съ «Бабушкиными сказками»; 4) «Поваренныя Записки», съ посвященіемъ Н. М. Хрущевой, М. 1779 и 1783 гг. и 5) «Экономическій календарь, или наставленіе городскимъ и деревенскимъ жителямъ въ разныхъ частяхъ экономіи...», М. 1780 г., 158 стр. и М. 1786 г. дважды: на 147 и 167 стр. Здѣсь помѣщены различные практическіе совѣты, расположенные по 12 мѣсяцамъ года. Кромѣ того, Д. помѣщалъ безъ подписи много мелкихъ статей въ «Трудахъ С.-Петербургскаго Вольно-Экономическаго Общества», членомъ котораго состоялъ съ 22 ноября 1772 года.

Митр. Евгеній: Словарь писателей. М. 1845 г. ч. I, стр. 188—189.—Геннади: Справочный словарь, Берлинъ, 1876, т. I, стр. 323.—Губерти: Матеріалы для русской библіографіи, вып. I. М. 1878, № 181, стр. 315 и вып. III, М. 1891, № 129, стр. 579—592.—А. Н. Пыпинъ: Исторія русской этнографіи, т. I, Спб. 1890, стр. 70.—А. Островскій: Духовная В. Н. Татищева. Казань, 1885 г.—Русскій Архивъ 1873 г., стр. 2256.—Древняя и Новая Россія, 1875 г., т. II, стр. 34.—Н. П. Собко: Календари и мѣсяцесловы за 100 лѣтъ, Берлинъ 1880 г., стр. 29.—Продолженіе Трудовъ Вольно-Эконом. Общ., ч. I, 1779 г., „Реестръ гг. Членамъ В. Э. О.“.

Б. Модзалевскій.

Друцкіе, литовско-русскій княжескій родъ, происхожденіе котораго до послѣдняго времени остается неяснымъ. По большинству родословныхъ, князья Друцкіе происходятъ отъ князей Галицкихъ слѣдующимъ образомъ: внукъ князя Всеволода Мстиславича Бельзскаго и Владимірскаго (ум. 1195 г.), родного дяди знаменитаго Даніила Романовича, короля Галицкаго и Русскаго, Романъ Александровичъ, князь Владиміра Волынскаго, имѣлъ сына Михаила Романовича, перваго князя Друцкаго (отъ города Друцка на Волыни). Отъ этого князя и пошли князья Друцкіе со всѣми происходящими отъ нихъ линіями. По другимъ родословнымъ, Друцкіе князья происходятъ отъ упоминающихся неоднократно въ русскихъ и литовскихъ лѣтописяхъ древнихъ князей Друцкой области (Друцкъ, древн. Друтескъ, нынѣ мѣстечко Могилевской губ.), происходившихъ отъ князей Полоцкихъ. Въ настоящее время, не имѣя хорошей исторіи Полоцкой земли, трудно разрѣшить этотъ вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, болѣе вѣроятности имѣетъ мнѣніе о происхожденіи князей Друцкихъ изъ Галича и Волыни. По смерти князя Михаила Романовича Друцкаго родъ князей Друцкихъ раздѣлился на двѣ линіи: отъ младшаго сына князя Михаила, князя Василія Михайловича Друцкаго, пошли собственно князья Друцкіе, существующіе до нашего времени; а отъ старшаго сына князя Михаила, князя Семена Михайловича Друцкаго, пошло нѣсколько родовъ, развѣтвленій главнаго рода князей Друцкихъ. Сынъ князя Семена, князь Димитрій, имѣлъ трехъ сыновей—князей Семена, Ивана и Михаила Димитріевичей Друцкихъ, изъ которыхъ каждый сдѣлался родоначальникомъ новой вѣтви рода: отъ старшаго сына князя Семена, князя Ивана Семеновича Бабы, отъѣхавшаго изъ Литвы къ великому князю Василію Темному, произошли князья Бабичевы—русскій родъ, угасшій въ XIX вѣкѣ; отъ второго его сына, князя Ивана Семеновича Путяты, произошли существующіе и понынѣ князья Путятины. Сынъ второго сына князя Димитрія Семеновича, князь Андрей Ивановичъ, женатый на сестрѣ великаго князя литовскаго Витовта, сдѣлался родоначальникомъ трехъ новыхъ линій: угасшихъ нынѣ князей Друцкихъ-Горскихъ и существующихъ еще князей Друцкихъ-Любецкихъ и Друцкихъ-Соколинскихъ. И, наконецъ, третій сынъ князя Димитрія Семеновича, князь Михаилъ Димитріевичъ, сдѣлался родоначальникомъ угасшихъ князей Друцкихъ-Подбережскихъ.

Первая изъ этихъ линій, собственно князья Друцкіе, вступили въ родственныя отношенія съ великими князьями литовскими дома Гедимина, занимали почетныя мѣста въ Литвѣ, но послѣ принятія католицизма Гедиминовичами были притѣсняемы за свою преданность православію, въ началѣ XVI вѣка примкнули къ князьямъ Глинскимъ и вмѣстѣ же съ ними въ лицѣ четырехъ своихъ представителей—князей Василія, Богдана и Андрея Димитріевичей и племянника ихъ

князя Димитрія Юрьевича—въ 1508 году перешли на русскую службу, гдѣ, впрочемъ, какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и въ послѣдующее время, не занимали особенно видныхъ должностей.

Линія князей Друцкихъ-Соколинскихъ, получившихъ свое прозваніе по владѣнію имѣніемъ Сокольней, остались въ Польшѣ, скоро приняли католицизмъ и ополячились. Въ XVII вѣкѣ, послѣ возвращенія Смоленска къ Россіи по Андрусовскому миру 1667 года, нѣкоторые представители этого рода, владѣвшіе имѣніями въ Смоленскомъ воеводствѣ, остались въ русскомъ подданствѣ, приняли снова православіе, служили въ ополченіи смоленской шляхты, принимали участіе въ походахъ московскихъ воеводъ, но не выслуживались выше стольника. Въ XVIII и XIX вѣкахъ Друцкіе-Соколинскіе большею частью оставались въ своихъ имѣніяхъ въ Смоленской губерніи и служили лишь по выборамъ уѣздными и губернскими предводителями дворянства въ Смоленской же губерніи. Отъ Друцкихъ-Соколинскихъ, въ бытность ихъ въ Польшѣ, выдѣлились вѣтви князей Одынцевичей, Багриновскихъ, Бабичей и Коноплей.

Князья Друцкіе-Любецкіе, получившіе свое прозвище отъ владѣнія мѣстечкомъ Любечемъ, также, какъ и князья Соколинскіе, остались въ Литвѣ, гдѣ до второй половины XVII вѣка оставались вѣрными православной вѣрѣ и были даже поддержкой православія въ западно-русскихъ областяхъ, но во второй половинѣ XVII вѣка Друцкіе-Любецкіе перешли въ католицизмъ. Въ русское подданство князья Друцкіе-Любецкіе перешли во второй половинѣ XVIII вѣка вмѣстѣ съ подчиненіемъ Польши русскому владычеству.

Е. Лихачъ.

Друцкій, князь *Димитрій Даниловичъ*, воевода, упоминается съ 1576 г., когда былъ головой на Мышерѣ при воеводѣ Шеинѣ; въ 1577 году зимой во время похода подъ Колывань былъ головой при воеводѣ князѣ Куракинѣ; въ 1585 году строилъ городъ Торопецъ, на литовской Украйнѣ; въ 1598 году, во время похода новоизбраннаго царя Бориса Годунова на татаръ, былъ оставленъ однимъ изъ головъ въ Москвѣ при воеводѣ Сабуровѣ; въ 1601 году былъ въ Москвѣ же объѣзжимъ головой отъ огней, и, наконецъ, въ 1602 году мы находимъ его воеводою въ Козьмодемьянскѣ. Послѣ этого извѣстій о князѣ Д. Д. Друцкомъ мы не имѣемъ, и годъ его смерти намъ неизвѣстенъ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.), IX, 95.—Разрядная книга, (Синбирскій Сборникъ. М. 1845), 136, 144, 148.

Е. Л.

Друцкій, князь *Димитрій Юрьевичъ*, до 1508 года находился на польской службѣ, былъ приверженцемъ князей Глинскихъ, а послѣ отъѣзда послѣднихъ въ Москву и самъ въ 1508 году отъѣхалъ къ Москвѣ вмѣстѣ съ своими дядями, князьями Андреемъ, Богданомъ и Василіемъ Димитріевичами. Здѣсь онъ началъ служить московскимъ интересамъ, по преимуществу участвуя въ походахъ противъ крымскихъ татаръ: въ 1531 году онъ былъ воеводой на Угрѣ, въ 1532 году находился на Двинѣ, въ 1533 году былъ воеводой въ Тулѣ и отсюда былъ посланъ за Оку противъ татаръ, въ 1534 году также совершалъ походъ противъ крымцевъ, опустошавшихъ въ этомъ году русскія области, разбилъ ихъ и прогналъ обратно.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IX, 93.—Разрядная книга, изд. Милюкова (Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Древн. 1902, I), 88, 89, 90.—Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, 67—68, V, 232, VIII, 19, 284.

Е. Л.

Друцкій, князь *Ѳеодоръ Семеновичъ*, упоминается съ 1577 года, когда въ званіи головы участвовалъ подъ начальствомъ воеводы князя Лыкова въ походѣ подъ Колывань; въ 1581 году былъ осаднымъ воеводою въ Бѣлой; въ 1582 году мы находимъ его на воеводствѣ въ Тулѣ; въ 1584 и 1585 годахъ былъ первымъ воеводой въ Мценскѣ; въ сентябрѣ того же 1585 года былъ переведенъ на воеводство въ Серпуховъ; въ 1587 году былъ воеводой и намѣстникомъ въ Орлѣ, въ 1591 году—въ Тулѣ, въ 1592 году—въ Крапивнѣ. Въ 1598 году, вслѣдствіе вѣстей о нашествіи крымскихъ татаръ, князь Друцкій былъ посланъ къ Тульской засѣкѣ съ стрѣльцами и отрядами мордвы, потомъ оттуда ходилъ на помощь Каширской засѣкѣ и принималъ участіе въ походѣ противъ крымскихъ татаръ; въ 1599 году Друцкій былъ объѣзжимъ головой отъ огней въ Москвѣ, въ 1601 году снова былъ

тамъ же, а въ 1602, 1603 и 1604 годахъ—первымъ воеводой въ Почепѣ.

Спиридовъ: „Записки о старинн. службахъ русск. благородн. родовъ“ (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) IX, 95—96.—Разрядная книга (Сибирскій Сборникъ. М. 1845), 87, 95, 117, 139, 144, 147.—Акты Археограф. Экспедиціи, II, 44.

Е. Л.

Друцкій-Любецкій, князь *Францискъ-Ксаверій*, родился 17 декабря 1779 г., умеръ 11 мая 1846 г. Воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, куда былъ зачисленъ 18 іюня 1784 года. Любимымъ предметомъ, который онъ особенно ревностно изучалъ, была математика, преподаваемая въ корпусѣ знаменитымъ ученымъ Эйлеромъ. По выпускѣ изъ корпуса Д.-Л. поступилъ (20 ноября 1797 года) прапорщикомъ въ Низовскій мушкатерскій полкъ, совершилъ подъ начальствомъ Суворова итальянскую кампанію и получилъ за храбрость, выказанную въ сраженіи при Маренго, орденъ св. Анны 4 ст. и чинъ подпоручика.

Затѣмъ служебная карьера Д.-Л. на нѣкоторое время прекратилась. По возвращеніи изъ похода онъ вышелъ въ отставку (1800 г.) и провелъ около 10 лѣтъ въ своихъ помѣстьяхъ, въ Гродненской губ. Правда, въ 1806 году Д.-Л. былъ назначенъ членомъ гродненскаго комитета объ устройствѣ быта евреевъ, однако общественная дѣятельность князя началась только съ того времени, когда онъ былъ избранъ гродненскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (1809 г.). Какъ представитель его, онъ отправился, въ качествѣ ходатая по его дѣламъ, въ Петербургъ, куда прибылъ въ ноябрѣ 1809 года. Дворянство ходатайствовало передъ правительствомъ о болѣе уравнительномъ распредѣленіи повинностей, объ улучшеніи средствъ сообщенія, о болѣе точномъ опредѣленіи круга дѣйствій судебныхъ властей и т. п. Всеподданнѣйшую просьбу дворянства Д.-Л. представилъ лично самому императору Александру I. Государь принялъ его очень милостиво, распрашивалъ подробно объ его участіи въ суворовской кампаніи и о положеніи края, представителемъ котораго Д.-Л. являлся, и въ заключеніе сказалъ, что просьба будетъ принята къ разсмотрѣнію и что по каждой изъ статей потребованы будутъ отъ него подробныя объясненія. Находясь въ Петербургѣ, Д.-Л. завелъ въ административныхъ кругахъ много знакомствъ и, между прочимъ, познакомился съ Сперанскимъ. Просьба литовскаго дворянства была удовлетворена. Разрывъ Александра I съ Наполеономъ становился въ это время неизбѣженъ. Въ виду этого правительство считало необходимымъ еще болѣе укрѣпить русскія симпатіи той части польскаго дворянства, которая возлагала свои патріотическія надежды на Россію, укрѣпить тѣмъ болѣе, что большинство поляковъ сильно увлекалось Наполеономъ. Въ 1811 году былъ учрежденъ въ Петербургѣ «комитетъ изъ лучшихъ польскихъ дворянъ, подъ предлогомъ жалобъ на неуравнительность повинностей». Въ составъ комитета вошли: Стройновскій, князья Михаилъ Огинскій, Друцкій-Любецкій и графъ Людвигъ Платеръ. Сперанскій предложилъ государю назначить предсѣдателемъ комитета графа Завадовскаго, ибо «поляки его уважаютъ и любятъ, а для *нашихъ* было бы сіе полезно тѣмъ, что преградило бы разные о семъ комитетѣ толки». Труды Д.-Л. были удостоены Высочайшей награды: указомъ отъ 4 сентября 1811 года онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; кромѣ того, вполнѣ обласканъ государемъ на прощально-благодарственной аудіенціи. Окончивъ свои порученія въ Петербургѣ, Д.-Л. отправился въ свои имѣнія, а въ апрѣлѣ 1812 года прибылъ въ Вильну. Здѣсь находился генералъ Барклай-де-Толли, который готовился къ предстоявшей кампаніи. Получивъ указъ о произведеніи экстреннаго рекрутскаго набора въ литовскомъ краѣ, онъ приступалъ уже къ изданію соотвѣтственныхъ распоряженій. Но Д.-Л. нашелъ эту мѣру положительно вредною, такъ какъ, по его мнѣнію, въ литовскихъ губерніяхъ царствовалъ такой духъ, что «новобранцы будутъ всѣ на сторонѣ непріятельскаго нашествія». Въ виду этого Барклай-де-Толли, по совѣту Д.-Л., послалъ въ Петербургъ курьера съ представленіемъ о неудобствѣ набора и съ ссылкою на замѣчанія, сдѣланныя по этому поводу Любецкимъ. На это представленіе не замедлило послѣдовать Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ набора. Одновременно съ этимъ Д.-Л. получилъ знаки ордена св. Анны 1 ст., при рескриптѣ отъ 21 апрѣля 1812 года. Во время на-

шествія Наполеона Д.-Л., причисленный Высочайшимъ указомъ къ министерству полиціи, удалился вмѣстѣ съ русской арміею вглубь Россіи, а по изгнаніи французовъ былъ призванъ императоромъ въ Вильну, избранъ (14 декабря 1812 г.) заочно предводителемъ дворянства Гродненской губерніи и вскорѣ затѣмъ (13 января 1813 года) назначенъ исправляющимъ должность гродненскаго гражданскаго губернатора, но занималъ этотъ постъ всего лишь мѣсяцъ, ибо государь призвалъ его вслѣдъ затѣмъ къ себѣ въ Калишъ и 2-го марта назначилъ членомъ временнаго верховнаго совѣта Варшавскаго герцогства. Вслѣдствіе этого Д.-Л. отправился въ Варшаву, чтобъ приступить къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей. Ему поручено было обрабатывать и представлять совѣту на разсмотрѣніе и разрѣшеніе дѣла, принадлежащія къ департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ Д.-Л. вошелъ въ составъ гражданскаго комитета, учрежденнаго для улучшенія администраціи въ Варшавскомъ герцогствѣ (въ іюлѣ 1814); когда же было образовано Царство Польское, князь «изъ членовъ верховнаго совѣта облеченъ» былъ, по словамъ послужного списка, «между прочимъ, въ званіе царскаго намѣстника» (20 мая 1815 г.) и подписалъ конституціонную хартію дарованную Царству императоромъ Александромъ I.

Послѣ этого дѣятельность временнаго верховнаго совѣта прекратилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участіе въ немъ Д.-Л.: онъ былъ уволенъ отъ службы въ Царствѣ Польскомъ 3 февраля 1816 г. Но съ оставленіемъ должностныхъ постовъ въ этомъ краѣ служебная карьера князя не пріостановилась. 22 января 1816 г. онъ былъ назначенъ гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ іюнѣ того же года и виленскимъ. Занимая послѣднюю должность, Д.-Л. навлекъ на себя замѣчаніе государя по слѣдующему поводу. Въ апрѣлѣ 1818 г. произошли на дворянскомъ сеймикѣ въ Вильнѣ сильныя волненія. Нѣкоторые дворяне, «хотя можетъ быть и движимые», по словамъ Высочайшаго повелѣнія «человѣколюбивыми и благороднымъ намѣреніями», вызвали въ дворянскомъ собраніи, происходившемъ «при стеченіи множества зрителей, между коими находились и самаго низкаго состоянія», своими рѣчами объ «улучшеніи жребія крѣпостныхъ своихъ крестьянъ» запальчивыя пренія, повлекшія за собою «шумъ и другія оскорбляющія какъ частныя лица, такъ и общество дерзости». Государь усмотрѣлъ въ этомъ «безпечность и упущеніе виленскаго губернскаго и дворянскаго начальствъ», сдѣлалъ строжайшій выговоръ вице-губернатору графу Платеру-Зибергу и бывшему губернскому маршалу Роппу и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ сожалѣніе, что «виленскій гражданскій губернаторъ, князь Любецкій, хотя и не вступившій еще въ отправленіе своей должности, однако же во время выборовъ находившійся въ Вильнѣ по дѣламъ Радзивилловской комиссіи, не рѣшился въ таковыхъ нетерпящихъ малѣйшаго промедленія обстоятельствахъ занять своего мѣста». Д.-Л. въ управленіе Виленской губерніею такъ никогда и не вступалъ, хотя былъ въ званіи ея начальника около семи лѣтъ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что онъ исполнялъ въ это время другія важныя обязанности и порученія, за что государь оказывалъ ему особую милость, состоявшую въ томъ, что Д.-Л., нося званіе виленскаго губернатора, «могъ пользоваться значительнымъ столовымъ доходомъ съ казеннаго имѣнія, присвоеннымъ этому званію». Мѣстные жители не знали этого, и виленская газета «Уличныя Вѣдомости» (Wiadomości Brukowe) позволяла себѣ подсмѣиваться надъ гувернеромъ, который получаетъ хорошее жалованье и прекрасный столъ, но можетъ даже и не видѣться со своими воспитанниками. Между тѣмъ Д.-Л. занятъ былъ тогда весьма важными дѣлами. Еще въ іюнѣ 1816 года онъ былъ назначенъ членомъ ликвидаціонной комиссіи, учрежденной въ Варшавѣ для сведенія финансовыхъ счетовъ между Россіею, Пруссіею и Австріею. Затѣмъ въ августѣ 1817 г. послѣдовало назначеніе Д.-Л. предсѣдателемъ спеціальной ликвидаціонной комиссіи, которая должна была произвести разсчеты Царства Польскаго съ Имперіею. Неоднократные дѣлежи земель бывшей Рѣчи Посполитой, при смѣнѣ власти и учрежденій, вызывали страшную путаницу въ гражданскихъ отношеніяхъ жителей областей, отходившихъ отъ одного государства къ другому, и въ отношеніяхъ

между державами, раздѣлившими Рѣчь Посполитую. Поэтому дѣятельность вышеупомянутыхъ ликвидаціонныхъ комиссій, особенно по разсчетамъ съ Пруссіею, была весьма затруднительна. На Вѣнскомъ конгрессѣ прусскіе дипломаты, пользуясь тѣмъ, что императоръ Александръ былъ поглощенъ весьма важными политическими вопросами, а князь Чарторижскій, главный устроитель Царства Польскаго, плохо былъ знакомъ съ финансовыми дѣлами, прямо ограбили Варшавское герцогство. Основатель герцогства—Наполеонъ—уступилъ ему такъ назыв. байоннскія суммы (на основаніи договора отъ 10 мая н. ст. 1808 г. въ Байоннѣ), т. е., между прочимъ, тѣ долговыя суммы, которыя обязаны были уплатить прусскому правительству, какъ должники послѣдняго, землевладѣльцы прусскихъ областей, вошедшихъ съ 1807 г. въ составъ Варшавскаго герцогства. Пруссія признала эти суммы, по дрезденскому договору отъ 22 іюля (н. ст.) 1807 г., собственностью французскаго императора и затѣмъ подтвердила формально байоннскую конвенцію. Несмотря на это, прусское правительство сумѣло упразднить ее въ 1815 г., вслѣдствіе чего казна Царства Польскаго очутилась въ долгу у Пруссіи. Далѣе, Пруссія потребовала и уплаты тѣхъ ипотечныхъ суммъ, которыя были секвестрованы французами и потомъ уступлены Варшавскому герцогству за наличныя деньги, вслѣдствіе чего герцогство должно было вторично платить за то, что составляло уже его собственность. Кромѣ того, вѣнскій трактатъ 1815 г. обязалъ Царство Польское уплатить часть долговъ (вмѣстѣ съ процентами, на нихъ наросшими) бывшей Рѣчи Посполитой и ея короля. Но этимъ Пруссія не ограничилась: она потребовала затѣмъ, чтобы покрыты были тѣ издержки, какія были сдѣланы на содержаніе русскихъ войскъ, находившихся съ 1813 г. въ областяхъ Варшавскаго герцогства, возвращенныхъ прусскому королю. Это послѣднее требованіе поддерживалъ энергически русскій посолъ при берлинскомъ дворѣ, Алопеусъ, служившій, по словамъ историка, лучше интересамъ прусскаго правительства, нежели интересамъ Россіи. По его почину, заключена была въ августѣ 1818 г. конвенція, обязавшая Россію уплатить Пруссіи 4 милл. талеровъ, вслѣдствіе чего возникла новая долговая сумма, часть которой должно было покрыть Царство Польское. Но эта сумма оказалась недостаточной для прусскаго правительства, ибо оно оцѣнивало вышесказанныя военныя издержки въ 16 милліоновъ талеровъ, и поэтому предъявило казнѣ Царства Польскаго новое требованіе относительно уплаты новаго долга, однако цѣли своей не достигло. Противъ чрезмѣрности и правильности прусскихъ претензій вооружился самымъ рѣшительнымъ образомъ князь Друцкій-Любецкій, о чемъ узналъ императоръ Александръ. Тогда онъ вызвалъ Д.-Л. къ себѣ на конгрессъ въ Ахенъ и, выслушавъ соображенія князя, послалъ его въ Берлинъ для провѣрки счетовъ съ Пруссіею, хотя тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Каподистріа отнесся къ Д.-Л. недовѣрчиво, высказавъ передъ государемъ о немъ мнѣніе, какъ о неопытномъ, самонадѣянномъ дѣятелѣ, который поссоритъ Россію съ Пруссіею. Д.-Л. повелъ порученное ему дѣло весьма энергично и успѣлъ сильно умѣрить требовательность Пруссіи, напомнивъ ей о томъ, что и на ней лежатъ обязательства по отношенію къ бывшему Варшавскому герцогству. Берлинская конвенція, заключенная 10 (22) мая 1819 г., уменьшила прусскія претензіи на нѣсколько милліоновъ талеровъ. Александръ I остался весьма доволенъ результатами миссіи Д.-Л. и оказывалъ ему съ тѣхъ поръ еще большее довѣріе. Но многіе современники неправильно оцѣнивали его дѣятельность, не понимая или невѣрно объясняя услуги, оказываемыя имъ странѣ. Въ февралѣ 1820 г. Д.-Л. былъ отправленъ въ Вѣну съ тою же цѣлью, что и въ Берлинъ, и миссію свою исполнилъ также весьма удачно. По конвенціи отъ 7 (19) іюня 1820 г. Австрія должна была признать за собою значительный долгъ въ пользу Россіи. Искусное исполненіе этихъ финансовыхъ операцій возвысило Д.-Л. на постъ министра финансовъ Царства Польскаго (19 іюля 1821 г.). Князь занялъ этотъ постъ въ ту минуту, когда страна переживала тяжелый кризисъ. Въ области финансоваго управленія господствовала страшная неурядица. Армія и чиновники получали жалованье неаккуратно, казна страны была до такой степени истощена, что даже

частные депозиты были тронуты и дефицитъ увеличивался съ каждымъ годомъ. Это финансовое разстройство могло повлечь за собою потерю той политической автономіи, которою пользовалось Царство Польское. Въ политикѣ императора Александра I произошли около этого времени перемѣны въ духѣ консервативныхъ началъ, что отозвалось также и на отношеніи императора къ полякамъ. Въ маѣ 1820 г. административный совѣтъ Царства получилъ Высочайшее повелѣніе понизить расходъ, уменьшить число штатныхъ чиновниковъ и вообще привести въ равновѣсіе бюджетъ страны, ибо въ противномъ случаѣ придется устроить въ странѣ иной порядокъ, соотвѣтствующій болѣе ея жизненнымъ силамъ. Тѣмъ что эти измѣненія не произошли, Царство Польское обязано Д.-Л. Онъ принялся съ неутомимой энергіею за исправленіе недостатковъ финансоваго управленія, прибѣгая часто къ весьма крутымъ мѣрамъ. Прежде всего онъ завелъ строгую отчетность въ финансовомъ вѣдомствѣ, строго придерживаясь установленнаго бюджета, чего предшественники его не соблюдали. Провести эту мѣру было весьма трудно, ибо князь имѣлъ много враговъ и завистниковъ, которые старались ему всячески вредить. Изъ нихъ самымъ сильнымъ являлся сенаторъ Н. Н. Новосильцовъ, состоявшій при правительствѣ Царства Польскаго въ качествѣ императорскаго комиссара. «Онъ страстно ненавидѣлъ все польское, открыто осуждалъ учрежденіе Царства и въ особенности былъ личнымъ заклятымъ врагомъ и завистникомъ Любецкаго. Онъ не могъ простить ему монаршаго расположенія, занимаемаго сана, а болѣе всего — успѣховъ въ ликвидаціонномъ дѣлѣ, которое, какъ думалъ Новосильцовъ, по праву принадлежало ему, какъ оффиціальному дипломату» («Русск. Стар.», т. XXI, стр. 643). Новосильцову не трудно было возстановить противъ Д.-Л. великаго князя Константина Павловича, который, хотя и занималъ только постъ главнокомандующаго польской арміею, однако по своему положенію, какъ братъ императора, оказывалъ сильное вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ Царствѣ. Однажды цесаревичъ приказалъ выдать себѣ изъ казначейства денежную сумму, которая не была обозначена въ бюджетѣ. Д.-Л. воспротивился этому, что сильно разгнѣвало цесаревича. Въ раздраженіи онъ заявилъ, что возьметъ деньги силою. Тогда Д.-Л. выдалъ цесаревичу требуемую сумму, но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ донесеніе объ этомъ государю съ просьбою дать ему отставку и нарядить надъ нимъ судъ за допущеніе противозаконнаго дѣянія. Государь утвердилъ сдѣланный расходъ, но только въ видѣ послѣдняго исключенія, повелѣвая придерживаться впредь существующаго бюджета. Этотъ поступокъ Д.-Л. сильно раздражилъ цесаревича, но князю удалось объяснить ему подробности дѣла и убѣдить его въ своей правотѣ. Такъ Д.-Л. сумѣлъ устранить вмѣшательство Новосильцова въ дѣла своего вѣдомства.

Вообще князь распоряжался въ своемъ вѣдомствѣ совершенно самостоятельно и даже самовластно, опираясь на довѣріе къ нему государя. Заведя строгую отчетность, Д.-Л. направилъ затѣмъ свои усилія къ устраненію дефицита въ странѣ и къ образованію денежныхъ запасовъ въ казначействѣ. Для достиженія этой цѣли онъ очень часто не стѣснялся въ выборѣ средствъ, имѣя, впрочемъ, въ виду не свою собственную пользу, а благо страны, какъ онъ его понималъ. Такъ, онъ учредилъ особыя комиссіи, которымъ вмѣнено было въ обязанность взыскать во что бы то ни стало всѣ слѣдуемыя казнѣ недоимки, даже такія, которыя пришли уже давно въ полное забвеніе и не могли, казалось, подлежать взысканію, ибо права на нихъ имѣло правительство, давно уже прекратившее свое существованіе: комиссіи взыскивали, по приказанію министра, недоимки, происхожденіе которыхъ относилось еще ко временамъ польскаго короля Станислава Августа, причемъ онѣ дѣйствовали иногда съ неслыханною суровостью. Желая увеличить доходы казны, Д.-Л. ввелъ въ Царствѣ правительственную монополію на продажу водки, хотя это было нарушеніемъ городскихъ привилегій, увеличивалъ и распредѣлялъ произвольно налоги, измѣнялъ систему обложенія и т. п. Этими крутыми мѣрами министръ возбудилъ противъ себя сильную

ненависть въ краѣ, тѣмъ не менѣе цѣли своей онъ достигъ: финансы были приведены въ порядокъ, и доходы стали превышать расходы. Но неутомимому дѣятелю этого было мало: онъ стремился просвѣтить свою страну, поднять ея благосостояніе и увеличить ея вооруженныя силы. Царству Польскому, по его словамъ, нужны были три вещи: 1) школы, т. е. просвѣщеніе и умъ, 2) промышленность и торговля, т. е. благосостояніе и богатство, и 3) оружейные заводы. Министръ питалъ надежду, что ему удастся все это осуществить, и, дѣйствительно, многіе свои планы онъ осуществилъ. Трудолюбіе его было изумительно. Онъ самъ занимался дѣлопроизводствомъ, входя въ мельчайшія подробности даннаго дѣла, и самъ рѣшалъ всѣ вопросы, ограничивая трудъ подчиненныхъ ему чиновниковъ исполненіемъ своихъ предписаній. Желая оживить промышленную дѣятельность Царства Польскаго, Д.-Л. охотно принималъ всевозможнаго рода проекты, направленные къ этой цѣли. Когда это стало извѣстно, тогда комиссія доходовъ и расходовъ (такъ называлось вѣдомство, которымъ управлялъ Д.-Л.) оказалась заваленной докладными записками лицъ, намѣревавшихся облагодѣтельствовать страну. Нѣкоторые изъ представляемыхъ проектовъ были прямо нелѣпы; несмотря на это, Д.-Л. все самъ разсматривалъ, самъ дѣлалъ замѣчанія и самъ клалъ резолюцію. Такимъ образомъ онъ успѣлъ возбудить въ странѣ интересъ къ промышленнымъ предпріятіямъ и привлечь къ нимъ силы всего края. Мало того, министръ привлекъ въ страну и капиталы иностранцевъ. Общественный кредитъ до Д.-Л. находился въ состояніи упадка, что отзывалось, конечно, весьма вредно на хозяйственной жизни Царства Польскаго. Д.-Л. замѣтилъ это и постарался устранить эту важную помѣху къ экономическому развитію страны. Уже въ бюджетъ 1822 г. была вписана статья расходовъ на образованіе «желѣзнаго капитала», изъ котораго предполагалось выдавать въ видѣ ссудъ субсидіи строющимся фабрикамъ и заводамъ. Сумма, назначенная на этотъ предметъ, была сначала незначительна, но Д.-Л. постоянно ее увеличивалъ и такимъ образомъ создалъ источникъ, изъ котораго онъ могъ черпать средства для поощренія промышленности. Разсчитывая на денежную помощь изъ казны, иностранцы въ большомъ числѣ прибывали въ Царство Польское и устраивали здѣсь различныя промышленныя предпріятія. Д.-Л. охотно выдавалъ субсидіи фабрикантамъ, если только видѣлъ въ этомъ пользу для страны, и давалъ иногда больше того, что у него просили. Такъ явилось въ Царствѣ Польскомъ много фабрикъ благодаря дѣятельности Д.-Л. и, между прочимъ, основана была извѣстная жирардовская фабрика. Послѣднее предпріятіе принесло большую пользу странѣ и явилось однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, какія были осуществлены при поддержкѣ Д.-Л., ибо только въ Англіи льнопрядильни давали прибыль, во Франціи едва только начинали возникать, а въ другихъ странахъ, напр. въ Пруссіи, съ трудомъ существовали. Жирардовская же фабрика уже съ первыхъ шаговъ стала удачно развиваться, хотя, конечно, ея первоначальное производство не было совершенно. Д.-Л. оказалъ большія услуги и горному дѣлу Царства Польскаго. Уже въ 1816 г. была основана въ Кѣльцахъ главная дирекція для управленія горнозаводскою промышленностью. Д.-Л. перенесъ въ Варшаву эту дирекцію и образовалъ изъ нея особый департаментъ при комиссіи доходовъ и расходовъ; теперь министръ могъ лично наблюдать за горнозаводскимъ управленіемъ и оживлять его своею свѣтлою иниціативою и необыкновенною энергіею. Но осуществленію обширныхъ плановъ Д.-Л. въ этой области помѣшало возстаніе 1830—31 г. Тѣмъ не менѣе горное дѣло въ Царствѣ Польскомъ стало развиваться впослѣдствіи въ направленіи, которое намѣтилъ Д.-Л. Результаты дѣятельности князя были въ высшей степени благодѣтельны для страны: производительность ея сильно возросла, и общество стало живо интересоваться экономическими вопросами и работать ревностно надъ ихъ разрѣшеніемъ. Но самымъ важнымъ дѣяніемъ Д.-Л. было созданіе земскаго кредитнаго общества и польскаго банка. Земледѣліе Царства Польскаго находилось въ весьма печальномъ состояніи. Обезцѣненіе земли было такъ велико, что поземельный собственникъ не могъ найти покупателей и за половину стоимости своего имѣнія;

кромѣ того, задолженность землевладѣльцевъ доходила до такой степени, что и должникамъ и заимодавцамъ угрожало прямо банкротство. По мнѣнію Д.-Л., такое состояніе происходило отъ застоя въ обмѣнѣ товаровъ; поэтому необходимо было этотъ застой устранить, что въ свою очередь обусловливалось развитіемъ общественнаго кредита. Вслѣдствіе этого Д.-Л. сдѣлался горячимъ сторонникомъ мысли объ учрежденіи земскаго кредитнаго общества, проектъ котораго онъ составилъ уже въ Вѣнѣ, находясь здѣсь по дѣламъ ликвидаціонной комиссіи. Но осуществленіе проекта могло послѣдовать только въ 1825 г., и кредитное общество явилось, конечно, для поземельнаго хозяйства въ Царствѣ Польскомъ учрежденіемъ весьма благодѣтельнымъ. Увлекаясь стремленіемъ усилить экономическій обмѣнъ въ странѣ, Д.-Л. считалъ необходимымъ «мобилизировать» всякаго рода имущества и такимъ образомъ пришелъ къ заключенію о необходимости продать т. наз. національныя имѣнія, т. е. земли, составлявшія собственность страны. Онѣ не приносили казнѣ того дохода, какого можно было ожидать, ибо арендаторы ихъ вели хозяйство небрежно, а крестьяне, обремененные налогами, были слишкомъ бѣдны. Въ виду этого еще до Д.-Л. рѣшено было произвести въ управленіи національными имѣніями коренную реформу,—именно ввести безсрочную, наслѣдственную крестьянскую аренду, и такимъ образомъ надѣлить крестьянъ землею на правахъ почти полной собственности, что положило бы прочное основаніе крестьянской реформѣ во всемъ краѣ, какъ думали тогдашніе ея сторонники. Но у Д.-Л. были другіе виды, и онъ рѣшилъ продать національныя имѣнія, которыя были переименованы въ казенныя имѣнія. Кодексъ Наполеона, дѣйствовавшій въ Царствѣ Польскомъ, разрѣшалъ безсрочнымъ арендаторамъ этихъ имѣній пріобрѣтать ихъ, по истеченіи 30 лѣтъ, въ полную собственность, что затрудняло продажу казенныхъ имѣній. Тогда, по предложенію Д.-Л., сеймъ отмѣнилъ эту статью кодекса, и такимъ образомъ препятствіе было устранено, и казенныя имѣнія распроданы. Эту продажу современники ставили Д.-Л. въ большую вину; историческіе изслѣдователи тоже не отрицаютъ, что продажа причинила немалый вредъ странѣ, но смягчаютъ вину Д.-Л. замѣчаніемъ, что продажею казенныхъ имѣній онъ предотвратилъ расхищеніе ихъ, такъ какъ было много лицъ, желавшихъ ими полакомиться. Вторымъ важнымъ учрежденіемъ, которое должно было способствовать развитію общественнаго кредита, былъ польскій банкъ. Потребность такого учрежденія сознавалась уже давно: вопросомъ этимъ занимался уже четырехлѣтній сеймъ; указывали на необходимость основанія банка въ эпоху варшавскаго герцогства; домогались подобнаго учрежденія сеймы 1818 и 1820 гг. Но финансовое положеніе края было такъ печально, что осуществить это желаніе общества было невозможно. Только Д.-Л. создалъ условія, при которыхъ существованіе банка сдѣлалось вполнѣ обезпеченнымъ. Уставъ банка, получившій Высочайшее утвержденіе 17 (29) января 1828 г., указывалъ дѣятельности этого учрежденія двоякую цѣль: погашеніе долговъ Царства Польскаго и удовлетвореніе потребностей кредита въ области промышленности и торговли. Д.-Л. руководилъ дѣятельностью банка только около трехъ лѣтъ, поэтому оказать значительнаго вліянія на его развитіе не былъ въ состояніи. Но уже и въ это короткое время сказался блестящимъ образомъ общественный характеръ банка, уже тогда были намѣчены для его дѣятельности широкія задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣлъ подъемъ благосостоянія страны. Охранять это благосостояніе проницательный и предпріимчивый министръ финансовъ умѣлъ весьма искусно. Императоръ Александръ I оказывалъ Д.-Л. свое полное благоволеніе. Такъ, въ 1825 г. (18 апрѣля) въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя князя сказано было, между прочимъ, слѣд.: «Государь, удостовѣрясь о постоянномъ улучшеніи казны Царства Польскаго, изволилъ найти... новыя причины къ поздравленію себя, что управленіе сею частью поручилъ талантамъ и ревности князя Любецкаго». Но кончина императора, послѣдовавшая 19 ноября того же года, могла, казалось, поколебать положеніе министра: у него были слишкомъ могущественные враги (таковъ особенно Новосильцовъ), и онъ держался на своемъ посту только благодаря милостивому довѣрію почившаго государя, кото-

рое онъ сумѣлъ пріобрѣсти своею дѣятельностью. Поэтому, по полученіи извѣстія о кончинѣ Александра, общественное мнѣніе Польши было глубоко убѣждено въ томъ, что паденіе Д.-Л. неизбѣжно. Положеніе его дѣйствительно было весьма затруднительное. Слѣдствіе по дѣлу о декабристахъ раскрыло связи ихъ съ польскими заговорщиками, что могло сильно повліять на расположеніе новаго императора Николая I къ Царству Польскому. Въ самомъ дѣлѣ, императоръ принялъ холодно делегацію, явившуюся изъ Варшавы въ Петербургъ для принесенія поздравленій государю по случаю вступленія его на престолъ, выражая ей неудовольствіе по поводу броженія умовъ въ Царствѣ. Мало того, и благосостоянію страны стала угрожать въ это время немаловажная опасность. На заграничные товары, привозимые въ Россію, существовали, согласно тарифу 1816 г., высокія пошлины, которыя понизилъ, было, тарифъ 1819 г., но князю Д.-Л., думавшему о развитіи промышленности Царства Польскаго при помощи охранительныхъ пошлинъ, удалось добиться ихъ повышенія въ 1822 г. Спустя два года, Д.-Л. сумѣлъ выхлопотать у императора Александра различныя таможенныя льготы для товаровъ, вывозимыхъ изъ Царства въ предѣлы остальной Имперіи, отчего увеличился особенно ввозъ въ Россію польскихъ суконъ, тѣмъ болѣе, что они по качеству своему почти не уступали сукнамъ французскимъ и англійскимъ. Министръ финансовъ Канкринъ полагалъ, что такое отношеніе между Имперіею и Царствомъ Польскимъ непормально. Надо замѣтить, что оба эти дѣятеля питали уже давно другъ къ другу ненависть; они столкнулись между собою еще во время войны 1812—1813 гг., когда Канкринъ занималъ должность главнаго интенданта русской арміи. Любецкій называлъ Канкрина вовсеуслышаніе «кассиромъ, но не министромъ». Канкринъ не вѣрилъ, чтобы такой маленькій край, какъ Царство, могъ производить самостоятельно такое большое количество суконъ, а потому предполагалъ, что большая часть ихъ выдѣлывается въ Пруссіи и Австріи и только выдается за польскія, т. е. обвинялъ правительство въ покровительствованіи контрабандѣ. Представивъ государю дѣло въ такомъ видѣ, онъ сталъ настаивать на необходимости облагать товары польской промышленности такими же пошлинами, какія платились за иностранныя издѣлія. Вопросъ этотъ обсуждался въ комитетѣ финансовъ подъ предсѣдательствомъ князя Куракина, и 20 апрѣля 1826 года въ засѣданіи комитета присутствовалъ Д.-Л.-Князь произнесъ рѣчь, въ которой онъ блестящимъ образомъ отразилъ нападенія на таможенное управленіе Царства Польскаго. Отмѣтивъ недоказанность тяжкаго обвиненія въ допущеніи Царствомъ провоза громадной контрабанды изъ-за границы, Д.-Л. прямо перешелъ къ самой сути дѣла и спросилъ Канкрина, сколько въ Имперіи существуетъ суконныхъ фабрикъ и сколько на нихъ выдѣлывается сукна. Но Канкринъ, не имѣвшій свѣдѣній о русской промышленности, не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Тогда Д.-Л., приготовившій заблаговременно необходимый статистическій матеріалъ, выяснилъ къ общему удивленію присутствовавшихъ, сколько Россія имѣетъ фабрикъ, сколько въ каждой изъ нихъ дѣйствуетъ станковъ и сколько выдѣлывается сукна, и, опредѣливъ въ цифрахъ соотношеніе между промышленностью Царства и промышленностью Имперіи, пришелъ къ слѣдующимъ неопровержимымъ выводамъ: 1) производимое въ Россіи количество сукна не въ состояніи удовлетворять спросъ на него, существующій на мѣстѣ; 2) напротивъ того, число фабрикъ въ Царствѣ Польскомъ уже настолько велико, что предложеніе превышаетъ въ значительной степени спросъ мѣстнаго рынка, такъ что вывозъ фабрикатовъ изъ Царства является необходимымъ слѣдствіемъ существующихъ экономическихъ отношеній, и 3) если конкурренція польской промышленности причиняетъ вредъ фабрикамъ Имперіи, то это происходитъ отъ печальнаго финансоваго и экономическаго состоянія, въ какомъ находится Россія. Несмотря на блестящіе доводы, рѣчь Д.-Л. не убѣдила его противниковъ, что не привело однако князя въ смущеніе. Онъ обратился къ самому государю, который вполнѣ одобрилъ его мнѣніе о пагубности таможенной борьбы между Царствомъ и Имперіею и повелѣлъ министрамъ финансовъ Имперіи и Царства руководиться впредь въ своей дѣятельности началами согласія

и единства, что дастъ обѣимъ странамъ одинаковую возможность развивать свое матеріальное благосостояніе. Такимъ образомъ, Д.-Л. съ боя, можно сказать, пріобрѣлъ довѣріе новаго государя, который не разъ высказывалъ ему свое благоволеніе за его дѣятельность. «Государь,—такъ говорилось въ одномъ изъ Высочайшихъ рескриптовъ,—усматривая, что казна Царства Польскаго поставлена на новой степени благосостоянія, находитъ удовольствіе сіи полезныя послѣдствія приписать дѣятельности князя Любецкаго, равно неистощимому усердію и стараніямъ его. Его Величество чрезвычайно доволенъ означенными послѣдствіями и желаетъ, чтобы князь продолжалъ и на будущее время съ непоколебимостью тотъ же образъ управленія во всѣхъ отношеніяхъ».

По возвращеніи въ 1826 году изъ Петербурга въ Варшаву Д.-Л. пришлось выдержать новую борьбу, чтобы защитить интересы Царства Польскаго и оказать снова важную услугу странѣ. Въ этотъ разъ столкновеніе произошло съ Пруссіею по слѣдующему поводу. Договоръ 1815 года установилъ полную свободу судоходства по рѣкамъ и каналамъ бывшей Рѣчи Посполитой и гарантировалъ Пруссіи свободный ввозъ товаровъ въ предѣлы Царства Польскаго и провозъ ихъ въ Россію. Это начало свободнаго обмѣна положено было и въ основу торговой конвенціи, которую Россія заключила съ Пруссіею въ 1818 году, и согласно этой конвенціи изданъ былъ новый тарифъ, который сильно уменьшилъ или совершенно упразднилъ пошлины на заграничныя издѣлія. Для Царства Польскаго, въ которомъ фабричная производительность находилась едва въ зародышѣ, такое положеніе было прямо гибельно, такъ какъ страна не могла выдержать конкурренціи съ развитою заграничною промышленностью. Д.-Л. понялъ это, исходатайствовалъ сначала у правительства изданіе новыхъ тарифныхъ правилъ (на основаніи указа 1822 г.), которыя уничтожали до извѣстной степени вредныя послѣдствія существующаго тарифа и, наконецъ, сумѣлъ повести дѣло такъ, что заключена была въ 1825 г. съ Пруссіею новая торговая конвенція, которая оградила вполнѣ экономическіе интересы Царства и Имперіи. Въ виду всего этого Д.-Л. не могъ, конечно, пользоваться расположеніемъ прусскаго правительства, и оно готово было употребить всякое средство, лишь бы только пошатнуть положеніе энергичнаго министра. Въ мартѣ 1826 года прусскій консулъ Шмидтъ, находившійся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Новосильцовымъ, представилъ въ варшавскую ликвидаціонную комиссію значительное количество билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе казначействомъ бывшаго Варшавскаго герцогства, требуя по нимъ уплаты звонкою монетою. Требованіе это было прямо беззаконно. Согласно конвенціи 1819 года казна Царства Польскаго приняла на себя обязательство производить платежи по банковымъ билетамъ бывшаго герцогства только въ томъ случаѣ, если эти билеты будутъ составлять собственность частныхъ лицъ и учрежденій. Что же касается требованій, которыя могла предъявлять казна Пруссіи къ казнѣ Царства Польскаго или наоборотъ, то они были вышеупомянутою конвенціею навсегда упразднены. Ссылаясь на эту конвенцію, ликвидаціонная комиссія отказалась удовлетворить требованіе Пруссіи. Д.-Л. не только одобрилъ это рѣшеніе комиссіи, но и заявилъ, что билеты, представленные Пруссіею, правительство Царства Польскаго имѣетъ право конфисковать или, по крайней мѣрѣ, наложить на билеты штемпель, чтобы обезопасить себя отъ новыхъ претензій Пруссіи, которая могла представить тѣ же билеты къ уплатѣ черезъ посредство частныхъ лицъ или частныхъ учрежденій. Но прусскій консулъ протестовалъ противъ этого и нашелъ поддержку для своего требованія у самого цесаревича Константина Павловича. Послѣдній приказалъ разсмотрѣть это дѣло въ административномъ совѣтѣ, замѣчая, что никто не имѣетъ права наносить чужому правительству тяжелаго оскорбленія выраженіемъ подозрѣнія въ возможности поддѣлки билетовъ. Въ виду этого заявленія положеніе Д.-Л. сдѣлалось весьма затруднительно; однако, онъ не отказался отъ защиты того дѣла, которое онъ считалъ вполнѣ справедливымъ. Засѣданіе административнаго совѣта по данному вопросу прошло въ высшей степени бурно. Новосильцовъ энергически отстаивалъ основательность прусскихъ притязаній, а Д.-Л. столь же энергически доказывалъ несо-

стоятельность доводовъ своего противника. Князь отмѣтилъ, между прочимъ, тотъ важный фактъ, что билеты Варшавскаго герцогства не могли явиться въ прусской казнѣ путемъ обыкновеннаго обращенія денежныхъ знаковъ, такъ какъ тѣ части герцогства, которыя отошли, по вѣнскому договору, къ Пруссіи, прусское правительство присоединило силою оружія и захватило насильно польскія правительственныя кассы, въ которыхъ вышеупомянутые билеты хранились. Доказательства, приводимыя Д.-Л., были слишкомъ очевидны, а потому административный совѣтъ не могъ поддержать мнѣнія Новосильцова; однако онъ не послѣдовалъ и мнѣнію Д.-Л.: рѣшено было возвратить билеты прусскому консулу безъ всякихъ помѣтокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно желанію Новосильцова, спросить прусское правительство, какимъ путемъ оно пріобрѣло эти билеты. Такимъ образомъ Пруссіи была предоставлена возможность заявить, хотя бы и ложно, что билетами этими владѣли частныя лица, а потому оно имѣетъ полное право требовать отъ Царства Польскаго реализаціи этихъ билетовъ. Воспользовалась ли Пруссія этою возможностью, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но Д.-Л. сумѣлъ нанести другой тяжелый ударъ прусскому правительству, именно — обвиненіемъ его въ томъ, что оно присоединило насильственно въ 1815 году къ своимъ владѣніямъ тѣ части Варшавскаго герцогства (департаменты познанскій и быдгоскій), которыя были уступлены ей на вѣнскомъ конгрессѣ. Это обвиненіе счелъ весьма оскорбительнымъ для себя вел. кн. Константинъ Павловичъ, такъ какъ онъ командовалъ въ то время русскимъ войскомъ, стоявшимъ въ Варшавскомъ герцогствѣ. Отношенія между цесаревичемъ и Д.-Л. сильно обострились. Д.-Л. принужденъ былъ обратиться за разрѣшеніемъ спора къ самому государю. Онъ изложилъ подробно, на основаніи документовъ, исторію отношеній Пруссіи къ Россіи съ 1815 года, обнаруживая смѣло всю превратность ея политики. Противъ очевидныхъ фактовъ нельзя было спорить, но Константинъ Павловичъ, сильно раздраженный поведеніемъ Д.-Л., стоялъ на своемъ, такъ что споръ пришлось прекратить, хотя Д.-Л. надѣялся раскрытіемъ злоупотребленій Пруссіи въ 1815 году уничтожить окончательно всякія ея претензіи. Эта прямота и откровенность нисколько не повредили Д.-Л. въ глазахъ государя, напротивъ того, еще болѣе укрѣпили довѣріе, которое государь ему оказывалъ. Вскорѣ послѣ этого князю пришлось сыграть важную роль въ новомъ дѣлѣ. Послѣ усмиренія декабрьскаго мятежа слѣдственная комиссія, работавшая надъ раскрытіемъ нитей заговора, обнаружила сношенія русскихъ революціонеровъ съ членами польскихъ тайныхъ обществъ, и многіе польскіе заговорщики были арестованы. Возникалъ вопросъ, какой судъ надъ ними учредить. Новосильцовъ указывалъ на необходимость привлеченія виновныхъ къ военному суду, но противъ этого проекта вооружился Д.-Л., заявляя, что такой порядокъ веденія дѣла будетъ нарушеніемъ конституціонной хартіи, дарованной Царству императоромъ Александромъ I, согласно которой государственныя преступленія должны разсматриваться въ верховномъ судѣ, образованномъ изъ членовъ польскаго сената. Мнѣніе Д.-Л. одобрилъ въ концѣ концовъ и самъ государь, такъ что заговорщики преданы были обыкновенному, такъ наз. сеймовому суду. Разбирательство продолжалось долго, и судъ, наконецъ, большую часть подсудимыхъ оправдалъ и только немногихъ приговорилъ къ мягкимъ наказаніямъ, съ зачисленіемъ времени, проведеннаго подъ арестомъ. Этотъ приговоръ сильно возмутилъ цесаревича Константина Павловича и самого государя. Узнавъ о приговорѣ, императоръ воскликнулъ: «несчастные! они спасли виновныхъ, но погубили отечество!». Константинъ Павловичъ готовъ былъ употребить самыя суровыя мѣры, чтобы наказать подобное предосудительное поведеніе сената. Однако императоръ ограничился только тѣмъ, что приказалъ административному совѣту Царства высказать свое мнѣніе о побужденіяхъ, которыми руководился сеймовый судъ, произнося свой приговоръ. Тогда въ совѣтѣ произошли жаркія пренія. Новосильцовъ усматривалъ въ образѣ дѣйствій сената признаки преступнаго дѣянія, утверждая, что нарушеніе сенатомъ уголовнаго кодекса не подлежитъ сомнѣнію, а потому настаивалъ на томъ, что необходимо только выяснить, въ чемъ эта

вина заключается и подъ вліяніемъ какихъ чувствъ совершилъ ее сенатъ. Д.-Л. отвергалъ безусловно и рѣшительно подобный взглядъ на дѣло; по его мнѣнію, надо было еще предварительно доказать существованіе самой вины, а потомъ уже разбирать мотивы, побудившіе сенатъ совершить ее. Въ виду сильнаго разногласія, царившаго по этому вопросу въ административномъ совѣтѣ, императоръ приказалъ представить себѣ мнѣніе каждаго министра въ отдѣльности. Д.-Л. въ своемъ рапортѣ разсмотрѣлъ данное дѣло весьма подробно, поставивъ себѣ три вопроса: 1) руководился ли сеймовый судъ превратнымъ представленіемъ о существѣ государственнаго преступленія? 2) обнаружилъ ли судъ наклонность къ поощренію преступленія? 3) не коренится ли какой нибудь недостатокъ въ юридическихъ нормахъ касательно государственнаго преступленія? Подвергнувъ анализу существующее уголовное право и судопроизводство, министръ пришелъ къ тому заключенію, что судъ понималъ ложно самое существо государственнаго преступленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не могъ иначе понимать его, основываясь на существующихъ законахъ, такъ какъ они точно и ясно существа этого не опредѣляютъ. Темны также были по мнѣнію Д.-Л., и положенія судо, производства и органическаго статута. даннаго для руководства сеймовому суду. Вслѣдствіе этого понятно, почему судъ совершилъ ошибку, но ошибка эта была неизбѣжна, ибо явилась слѣдствіемъ примѣненія законовъ, страдающихъ весьма важными недостатками. Предположеніе о предумышленной ошибкѣ невозможно. Трудно допустить, чтобы сорокъ сенаторовъ, владѣтелей значительныхъ поземельныхъ имѣній, преданныхъ, конечно, монарху и существующему строю въ силу собственнаго интереса, отличій и благодѣяній, полученныхъ ими, пожелали забыть обо всемъ этомъ, пренебречь всѣмъ и увлечься революціоннымъ духомъ ради поощренія государственнаго преступленія. Проникнуть въ чужую совѣсть —дѣло нелегкое, почти невозможное, но при существующихъ законахъ судьи и не могли поступить иначе. Нельзя приписывать дурныхъ намѣреній ни административному совѣту, ни сеймовому суду, ни прокурору; источникъ зла — существующее право, заключающее въ себѣ недостатки, которые и обусловили собою неподходящій приговоръ. Такъ защищалъ Д.-Л. сеймовой судъ отъ обвиненій въ злонамѣренности. Эта защита сильно не понравилась цесаревичу Константину Павловичу: онъ полагалъ, что, оправдывая сенатъ, Д.-Л. желалъ возстановить свою популярность, которую пошатнули въ польскомъ обществѣ нѣкоторыя финансовыя мѣропріятія министра, и затѣмъ желалъ упрочить то убѣжденіе, что въ Польшѣ ничего нельзя сдѣлать хорошаго помимо его вліянія и безъ его поддержки. Несмотря на эти неблагопріятныя для Д.-Л. замѣчанія со стороны цесаревича, императоръ ограничился только тѣмъ, что выразилъ сенату свое неудовольствіе по поводу приговора, произнесеннаго сенатомъ. Такимъ образомъ, Д.-Л. и на ходъ этого дѣла оказалъ немаловажное вліяніе. Дѣятельность Д.-Л. въ Царствѣ Польскомъ продолжалась до начала возстанія, вспыхнувшаго въ ноябрѣ 1830 года. Лишь только оно началось, Д.-Л. вмѣстѣ съ княземъ Чарторижскимъ рѣшили созвать административный совѣтъ, чтобы обсудить вопросъ, какъ дѣйствовать при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Рѣшено было отправить къ цесаревичу Константину Павловичу депутацію для того, чтобы узнать, что онъ намѣренъ дѣлать. Къ нему отправились Чарторижскій и Д.-Л. Послѣдній совѣтовалъ цесаревичу возвратиться въ Варшаву и вооруженною силою усмирить возстаніе, но цесаревичъ рѣшительно отъ этого отказался, равно какъ и отъ вмѣшательства вообще въ происшедшее движеніе. Тогда административный совѣтъ рѣшилъ взять въ свои руки руководство дѣломъ, вслѣдствіе чего онъ обратился въ правительство страны. По иниціативѣ Д.-Л. тотчасъ же было издано къ полякамъ воззваніе, приглашавшее ихъ возстановить порядокъ и спокойствіе и устранить все, что могло подвергнуть опасности будущность родины. Но революціонное движеніе продолжало развиваться, и административный совѣтъ рѣшилъ приступить къ организаціи вооруженныхъ силъ, именно къ образованію національной гвардіи. Д.-Л., противникъ революціи, высказался также за необходимость имѣть вооруженныя силы; однако онъ посовѣтовалъ назвать орга-

низуемое войско не національной гвардіею, такъ какъ это будетъ подражаніемъ парижской и бельгійской революціямъ, а лишь стражею безопасности. Мнѣніе Д.-Л. было принято. По его же предложенію, административный совѣтъ выдѣлилъ изъ своего состава особый департаментъ, какъ органъ исполнительной власти, чтобы развернуть болѣе энергичную дѣятельность. Принимая участіе въ дѣлахъ тогдашняго административнаго совѣта, князь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ всякаго мѣропріятія, которое могло повлечь за собою полный разрывъ Царства Польскаго съ Россіею. Такъ, когда въ административномъ совѣтѣ возникъ проектъ опредѣленія отношеній между Царствомъ и Имперіею выраженіемъ «независимость», Д.-Л. протестовалъ противъ этого энергическимъ образомъ: онъ заявилъ, что административный совѣтъ не долженъ преступать предѣла, который опредѣляется именемъ императора и короля, упоминаемымъ въ началѣ всѣхъ правительственныхъ распоряженій; только подъ этимъ условіемъ возможны большія уступки для страны. Мнѣніе Д.-Л. одержало верхъ, и объ этомъ было сообщено вел. князю Константину Павловичу, который находился въ это время возлѣ Варшавы, въ деревнѣ Вержбнѣ. Цесаревичъ выразилъ желаніе переговорить съ административнымъ совѣтомъ. Вслѣдствіе этого къ нему была отправлена новая депутація, въ составъ которой вошелъ также и князь Д.-Л. Во время переговоровъ онъ старался оправдать образъ дѣйствій административнаго совѣта съ того момента, какъ началось возстаніе: при напорѣ черни административному совѣту нельзя было предпринимать иныхъ средствъ, кромѣ тѣхъ, какія онъ предпринималъ. Когда поднятъ былъ вопросъ, какія мѣры могутъ успокоить волненіе умовъ, одинъ изъ депутатовъ, графъ Островскій, посовѣтовалъ цесаревичу удалить русскія войска изъ Варшавы и даже за предѣлы Царства Польскаго. Д.-Л., напротивъ того, думалъ, что цесаревичъ лучше всего сдѣлаетъ, если вернется въ Варшаву. Но его мнѣніе не было поддержано другими депутатами. Между тѣмъ цесаревичъ сказалъ, что онъ не думаетъ нападать на Варшаву, что онъ готовъ отпустить польскіе полки, которые оставались ему еще вѣрны, и что онъ желаетъ только уйти спокойно изъ предѣловъ Царства Польскаго. Тогда Д.-Л. заявилъ, что главнокомандующій польской арміею обяжется честнымъ словомъ не тревожить Его Высочество во время отступленія къ границамъ Имперіи. Переговоры эти привели къ тому, что Константинъ Павловичъ согласился подписать объявленіе, обязывавшее его, между прочимъ, не нападать на Варшаву съ тѣми войсками, которыя находились подъ его властью. Между тѣмъ революціонное настроеніе въ столицѣ настолько усилилось, что административный совѣтъ счелъ необходимымъ, по совѣту Д.-Л., принять въ свой составъ нѣкоторыхъ представителей радикальной партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д.-Л. поспѣшилъ извѣстить великаго князя Константина Павловича о томъ, что революціонное направленіе одерживаетъ верхъ, такъ что ни за что нельзя ручаться. Вслѣдствіе этого цесаревичъ рѣшилъ отступить со своимъ русскимъ отрядомъ къ границамъ Имперіи. Послѣ этого революціонные дѣятели организовали временное правительство, въ составъ котораго Д.-Л. не вошелъ, и вскорѣ затѣмъ избранъ былъ диктаторомъ генералъ Хлопицкій. Тогда Д.-Л. сталъ настаивать на необходимости отправить въ Петербургъ къ самому государю депутацію, чтобы исходатайствовать амнистію для инсургентовъ, устраненіе нарушеній конституціи 1815 г., удаленіе русскихъ войскъ изъ Царства Польскаго и присоединеніе тѣхъ земель, которыя когда-то принадлежали погибшей Рѣчи Посполитой. Хлопицкій отправилъ съ этою цѣлью графа Езерскаго и князя Д.-Л. На пути, находясь уже въ Нарвѣ, депутаты получили отъ статсъ-секретаря графа Грабовскаго письмо, разрѣшавшее Д.-Л. явиться въ Петербургъ не въ качествѣ представителя отъ властей, которыхъ императоръ не можетъ признавать, а лишь въ качествѣ министра, обязаннаго своимъ постомъ монаршему довѣрію. На это Д.-Л. отвѣтилъ, что онъ желаетъ, какъ министръ Царства, доложить государю подробно обо всемъ, чего онъ былъ свидѣтелемъ, и что онъ никогда не принялъ бы порученія предстать передъ государемъ, еслибы оно имѣло другой характеръ. Тогда Д.-Л. разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ. Послужной списокъ этотъ

фактъ въ жизни князя отмѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Во время бывшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа князь Друцкой-Любецкій, сохраняя вѣрноподданическія къ Его Императорскому Величеству чувства, когда не былъ въ состояніи, по долгу службы и присяги, противодѣйствовать злоумышленіямъ мятежниковъ, то вмѣстѣ съ другими, пребывшими вѣрными Его Величеству, членами правительства, вышелъ изъ состава онаго и, прибывъ 11-го числа декабря 1830 г. въ С.-Петербургъ, исполнялъ здѣсь Высочайшія порученія». Вскорѣ послѣ усмиренія возстанія императоръ повелѣлъ Д.-Л. разсмотрѣть законы Царства Польскаго и представить свои соображенія относительно тѣхъ измѣненій, какія слѣдуетъ сдѣлать въ законодательствѣ страны, чтобы упрочить въ ней политическое спокойствіе. Трудъ, составленный Д.-Л. по этому случаю, удостоился Высочайшаго одобренія и признанъ былъ полезнымъ пособіемъ для дѣятельности комиссіи, которая работала, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Туркула, надъ составленіемъ законовъ Царства Польскаго. 14 февраля 1832 г. Д.-Л. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, и тогда князю открылась возможность оказывать вліяніе на разрѣшеніе общегосударственныхъ вопросовъ первостепенной важности, такъ какъ императоръ цѣнилъ его воззрѣнія и убѣжденія и часто утверждалъ то мнѣніе государственнаго совѣта, которое поддерживалъ Д.-Л. Однажды по одному дѣлу князь оказался одинъ со своимъ заключеніемъ; тѣмъ не менѣе, государь на протоколѣ совѣта подъ фамиліею Д.-Л. подписалъ: «и я». Когда къ началу 1833 года Сперанскій приготовилъ свой сводъ законовъ, въ государственномъ совѣтѣ поднятъ былъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ вводить въ дѣйствіе законы. Въ засѣданіи (19 января 1833 г.), происходившемъ по этому поводу, присутствовалъ самъ императоръ. Высказаны были различныя мнѣнія; многіе полагали, что необходимо сначала испытать пригодность свода на практикѣ, а потомъ уже дать ему силу свода дѣйствующихъ законовъ. Выслушавъ мнѣнія другихъ, Д.-Л. постарался доказать, что для Россіи, страдающей отъ безпорядка, который царствуетъ въ ея законодательствѣ, безусловно необходимо безъ малѣйшаго отлагательства приступить къ примѣненію свода законовъ цѣликомъ, такъ какъ отъ этого произойдетъ одно только благодѣяніе. Рѣчь Д.-Л. положила конецъ разногласію, мнѣнію князя послѣдовали всѣ остальные члены государственнаго совѣта, что вполнѣ совпало и съ желаніемъ самого государя. Сперанскій, благодарный Д.-Л. за услугу, которую князь оказалъ ему, ускоривъ рѣшеніе важнаго для него дѣла, сталъ питать къ нему съ тѣхъ поръ глубокое расположеніе. Но у Д.-Л. были и враги въ государственномъ совѣтѣ; особенно сильно не любилъ князя, какъ и прежде, Новосильцовъ, бывшій тогда предсѣдателемъ совѣта, такъ какъ князь высказывалъ прямо и откровенно свои мнѣнія, хотя бы они шли въ разрѣзъ съ желаніями самого предсѣдателя. Раздраженіе Новосильцова противъ Д.-Л. дошло до такой степени, что онъ собирался подать государю отъ членовъ государственнаго совѣта адресъ съ изъясненіемъ причинъ, по которымъ они не могутъ служить вмѣстѣ съ Д.-Л. Но хлопоты объ этомъ Новосильцова не увѣнчались успѣхомъ; ему удалось только на нѣкоторое время удалить своего противника изъ Петербурга. Д.-Л. дано было порученіе отправиться въ Парижъ для ликвидаціи финансовыхъ счетовъ съ Франціею. Князь пробылъ здѣсь три года (съ 2 іюля 1834 года по 18 марта 1837 г.) и не достигъ никакихъ реальныхъ результатовъ, на что враги князя именно и разсчитывали, надѣясь такимъ образомъ подорвать къ нему довѣріе императора. Однако они ошиблись въ своихъ разсчетахъ, ибо Д.-Л. удалось все-таки добиться своей дипломатической миссіей нравственнаго успѣха: хотя французскій парламентъ и отказалъ своему правительству въ кредитѣ, необходимомъ на уплату долга Россіи, тѣмъ не менѣе король Людовикъ-Филиппъ и его министры признали претензію русскаго правительства справедливою. Въ виду этого Д.-Л. удостоился, по своемъ возвращеніи въ Петербургъ, Высочайшаго рескрипта (отъ 18 мая 1837 г.), въ которомъ ему было выражено «за особенное усердіе», выказанное при исполненіи даннаго ему порученія, монаршее «благоволеніе и при-

знательность». Вторымъ противникомъ Д.-Л. былъ министръ финансовъ графъ Канкринъ. Д.-Л. велъ съ нимъ ожесточенную борьбу, такъ что многіе современники думали, будто князь руководится желаніемъ свергнуть министра, чтобы занять его постъ. «Трудолюбивый и работящій, какъ пчела, усидчивый, какъ нѣмецкій ученый», Д.-Л. оказалъ критикою дѣятельности Канкрина громадныя услуги Россіи. Его длинныя рѣчи (онъ былъ большой охотникъ говорить), которыя онъ произносилъ въ государственномъ совѣтѣ, казались многимъ утомительными, его докладныя записки, въ которыхъ онъ развивалъ свои проекты, были написаны плохимъ русскимъ языкомъ, такъ что подчасъ и смыслъ ихъ трудно было понять; тѣмъ не менѣе онъ умѣлъ увлекать за собою многихъ оригинальностью своихъ идей, и государственный совѣтъ не разъ высказывался противъ предположеній Канкрина. «Любецкій возбудилъ въ свое время множество такихъ финансовыхъ вопросовъ», говоритъ статсъ-секретарь баронъ Корфъ, «которыхъ прежде никто не касался». Но самою важною услугою, которую князь оказалъ Россіи, было раскрытіе страшнаго вреда, проистекавшаго отъ обращенія въ странѣ ассигнацій съ сильно пониженной цѣною. «Любецкій въ теченіе двухъ лѣтъ, одинъ, безъ всякой сторонней помощи, даже безъ простого писца произвелъ огромныя работы». Многіе изъ его проектовъ по этому вопросу были отвергнуты, но «при всемъ томъ *ему одному* Россія обязана, что дѣло тронулось съ мѣста: одна его настойчивость и упорная дѣятельность заставили всѣхъ очнуться и вывести самого министра изъ той апатіи, съ которою онъ дотолѣ смотрѣлъ на этотъ важный предметъ». Мало того, самая идея кредитныхъ билетовъ, замѣнившихъ собою ассигнаціи, возникла подъ вліяніемъ новой кредитной системы, представленной Д.-Л. непосредственно самому государю въ 1841 году. Такъ проработалъ Д.-Л. до конца жизни, сохранивъ необыкновенную бодрость и живость, несмотря на сильные припадки подагры, которою онъ давно уже страдалъ. Онъ умеръ 11 мая 1846 года.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива перваго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. I. 216—217 (то же самое III. 312—313); II, 60; IV, 223—224; V, 270—271; VIII, 43—44.—St. Barzykowski: Historya powstania listopadowego. Poznań, 1883, t. I—II.—M. Mochnacki: Powstanie narodu polskiego w r. 1830 i 1831. Berlin-Poznań, 1863, t. I—III. — Esquisse historique sur le prince Drucki-Lubecki, ancien ministre des finances du royaume de Pologne. Versailles, impr. Cerf, 1865, (авторомъ этого очерка считается секретарь князя Феликсъ Буке—Félix Bouquet). — О. А. Пржецлавскій: Князь Ксаверій Друцкой-Любецкій (Русская Старина, 1878, т. XXI, 625—648, т. XXII, 67—92).—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Вержбнѣ 20-го ноября 1830 г. Разсказъ очевидца (переводъ съ польскаго). Русск. Стар. 1878, т. XXII, 317—324.—Fl. Czerminski: o Towarzystwiekredytowemzemskiem, Warszawa, 1866.—Sz. Askenazy: Z działalności ministra Lubeckiego (Dwa stulecia XVIII i XIX, Warszawa, 1901, str. 363—426).—Henr. Radziszewski: Zarys rozwoju przemyslu w krolestwie Polskiem (W naszych sprawach. Szkice w kwestyach ekonomiczno-spolecznych, Warszawa, 1900, t. II).—St. A. Kempner, Handel i przemysl w w. XIX (Ateneum 1901, t. I). — Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ. Изъ современныхъ записокъ статсъ-секретаря барона Корфа (Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. Спб. 1896, т. XCVIII, стр. 128 и слѣд.).

В. В. Новодворскій.

Дубельтъ, *Леонтій Васильевичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, управляющій III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи въ царствованіе императора Николая Павловича, родился въ 1792 году умеръ 27 апр. 1862 г.

Первоначальное воспитаніе Д. получилъ дома, подъ руководствомъ своей матери, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, женщины высоко-образованной и крайне доброй Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ горномъ корпусѣ (нынѣ горный институтъ), куда поступилъ въ апрѣлѣ 1801 года. Здѣсь онъ пробылъ почти шесть лѣтъ. Большія войны начала прошлаго вѣка требовали усиленнаго производства въ офицеры, вслѣдствіе чего и Д. 16 февраля 1807 года, всего 15 лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ прапорщики Псковскаго пѣхотнаго полка. Въ томъ же году онъ участвовалъ въ войнѣ противъ французовъ, а затѣмъ и въ Отечественной войнѣ 1812 г., завершивъ ее заграничнымъ походомъ, откуда возвратился въ Россію въ 1815 году. Подъ Бородиномъ онъ былъ раненъ въ ногу. Во всѣхъ походахъ противъ Наполеона онъ участвовалъ въ должности адъютанта корпусныхъ командировъ Дохтурова и Раевскаго. По службѣ подвигался довольно быстро: въ 1815

году былъ уже маіоромъ и «за отличные подвиги и храбрость» награжденъ орденами св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, Анны 4 и 2 ст. и прусскимъ орденомъ «за достоинство». Въ томъ же году онъ былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ 3-й (впослѣдствіи 4-й) пѣхотный корпусъ и черезъ два года, за отличіе по службѣ, произведенъ въ подполковники. Въ 1818 году, въ бытность свою въ Кіевѣ, Д. женился на родной племянницѣ графа Н. С. Мордвинова, Аннѣ Николаевнѣ Перовской. Въ 1819 г. онъ былъ переведенъ въ Московскій пѣхотный полкъ, съ оставленіемъ въ прежней должности; въ 1822 г. назначенъ командиромъ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, во время командованія которымъ въ 1826 г. за отличіе былъ произведенъ въ полковники. Строевая служба Д. на этомъ и закончилась: въ 1828 г. у него произошло недоразумѣніе съ начальникомъ дивизіи генер. Желтухинымъ, изъ-за чего Д. былъ уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ съ мундиромъ и пенсіею.

Цѣлый годъ Д. оставался безъ службы и занятій, что тяготило его во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ и хлопотать о поступленіи въ корпусъ жандармовъ. Такое рѣшеніе его нельзя не считать неожиданнымъ: если вѣрить Н. И. Гречу, Д. былъ „однимъ изъ крикуновъ-либераловъ въ южной арміи“, и, когда арестовали участниковъ бунта 14 декабря, всѣ спрашивали: «Что же не берутъ Дубельта»?... Какъ видно изъ его писемъ, жена его не сочувствовала этой карьерѣ мужа, но онъ рѣшился на нее частью изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ, частью надѣясь на возможность дѣлать добро на новомъ поприщѣ. «Ежели я, вступая въ корпусъ жандармовъ, сдѣлаюсь доносчикомъ, наушникомъ», писалъ онъ женѣ, «тогда доброе мое имя, конечно, будетъ запятнано. Но ежели, напротивъ, я, не мѣшаясь въ дѣла, относящіяся до внутренней полиціи, буду опорою бѣдныхъ, защитою несчастныхъ; ежели я, дѣйствуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетеннымъ, буду наблюдать, чтобы въ мѣстахъ судебныхъ давали тяжебнымъ дѣламъ прямое и справедливое направленіе, — тогда чѣмъ назовешь ты меня?... Я, согласясь вступить въ корпусъ жандармовъ, просилъ Львова (жандармскаго штабъ-офицера), чтобы онъ предупредилъ Бенкендорфа не дѣлать обо мнѣ представленіе, ежели обязанности неблагородныя будутъ лежать на мнѣ, что я не согласенъ вступить во ввѣренный ему корпусъ, ежели мнѣ будутъ давать порученія, о которыхъ доброму и честному человѣку и подумать страшно... Ты можешь быть спокойна, что я ни за что на свѣтѣ не запятнаю своего добраго имени. Впрочемъ, дабы болѣе успокоить тебя», заключалъ онъ одно изъ своихъ петербургскихъ писемъ къ женѣ, «я буду искать другого мѣста и ежели найду, то остановлю представленіе Бенкендорфа, ибо оно еще не скоро дойдетъ до государя»...

Судьба рѣшила по-своему: 1 февраля 1830 г. Д. былъ опредѣленъ въ корпусъ жандармовъ и долженъ былъ ѣхать на должность жандармскаго штабъ-офицера въ Тверь, недалеко отъ которой у него было имѣніе Рыскино. Однако занять эту должность ему не пришлось. За нѣсколько дней до его предположеннаго отъѣзда туда, заболѣлъ дежурный штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ Сухаревъ, и тогдашній шефъ жандармовъ, гр. Бенкендорфъ, предложилъ Д. временно занять эту должность. То былъ рѣшительный день въ жизни Д. Принявъ должность, онъ такъ понравился графу, что тотъ до самой своей смерти не разставался съ нимъ. Въ 1831 г. Д. былъ утвержденъ въ должности дежурнаго штабъ-офицера, а въ 1835 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба корпуса съ производствомъ, за отличіе по службѣ, въ генералъ-маіоры. Черезъ три года онъ былъ зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ прежней должности, а 24 марта 1839 г. Д. было Высочайше повелѣно быть начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управляющимъ III отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, а также членомъ главнаго управленія цензуры и секретнаго комитета о раскольникахъ. III отдѣленіе Собственной канцеляріи пользовалось въ царствованіе Императора Николая I большимъ значеніемъ и Д., какъ главный представитель принималъ участіе въ дѣлахъ высшаго управленія,

Смуты въ царствованіе императора Николая I, въ особенности такія событія,

какъ бунтъ 14 декабря, польская война и другіе, менѣе значительные тревожные эпизоды этой эпохи, должны были наложить особый отпечатокъ на характеръ дѣятельности государя. Рыцарски-честный и прямой, обладавшій желѣзною волею, императоръ Николай, въ силу обстоятельствъ, вынужденъ былъ въ вопросахъ внутренней политики прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ и пользоваться усердными услугами полицейской и жандармской власти. Поэтому III отдѣленіе въ его царствованіе имѣло такое большое значеніе, и Д., какъ главный представитель этого учрежденія послѣ гр. Бенкендорфа и гр. Орлова, игралъ такую значительную роль въ средѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Современники представляютъ его не столь страшнымъ, сколь онъ могъ бы быть благодаря своему исключительному оффиціальному положенію и довѣрію, которое питали къ нему не только его ближайшіе начальники, но и самъ государь. Наибольшее, что можно поставить ему въ упрекъ, это излишнее усердіе и боязнь не предотвратить опасность, подчасъ мнимую; это въ особенности ярко сказывалось въ вопросахъ цензурныхъ. Довѣріе къ себѣ государя Д., естественно, ставилъ весьма высоко. Не лишенъ интереса разсказъ о попыткѣ извѣстнаго милліонера гр. Потоцкаго въ концѣ 40-хъ годовъ предложить Д. 200 тысячъ рублей лишь «за обѣщаніе ходатайствовать» объ освобожденіи его изъ-подъ надзора. Освѣдомясь о томъ изъ доклада Д., государь черезъ гр. Орлова велѣлъ передать Потоцкому, что не только у него, графа Потоцкаго, но и у самого государя нѣтъ достаточно денегъ, чтобы подкупить генерала Д. Документъ объ этомъ повелѣніи и доселѣ хранится въ архивѣ бывшаго III отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи.

Послѣ смерти Пушкина Д., вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ, разсматривалъ дѣла и рукописи покойнаго поэта. Къ сожалѣнію, непосредственное знакомство Д. съ произведеніями Пушкина не внушило будущему члену главнаго управленія цензуры большого уваженія къ твореніямъ нашего великаго поэта. Когда въ 1839 г. Краевскій началъ издавать «Отечественныя Записки» и въ первыхъ номерахъ сталъ помѣщать вновь открытыя, произведенія недавно умершаго Пушкина, то Д. пригласилъ къ себѣ для объясненій издателя, къ которому обратился съ упреками, выражая удивленіе: «къ чему? зачѣмъ? кому это нужно?» Объясненія Краевскаго не удовлетворили его, и отъ имени гр. А. Ѳ. Орлова (шефа жандармовъ) онъ передалъ, что «довольно этой дряни, сочиненій-то вашего Пушкина, при жизни его напечатано, чтобы продолжать еще и по смерти отыскивать неизданныя его творенія, да печатать ихъ!»

Вліяніе на общій ходъ управленія государственнаго усилилось вслѣдствіе революціи и послѣ дѣла Петрашевскаго подъ негласнымъ надзоромъ находились даже учебныя заведенія въ Петербургѣ. По своей должности Д. приходилось не разъ принимать на себя отвѣтственность за участь разныхъ лицъ, подвергавшихся административному надзору и суду. Такъ, напримѣръ, комиссія подъ предсѣдательствомъ петербургскаго коменданта генералъ-адъютанта Набокова, разбиравшая извѣстное дѣло Петрашевскаго, имѣла однимъ изъ своихъ членовъ Д. Вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ кн. А. Ѳ. Голицынымъ Д. въ 1849 г. изслѣдовалъ дѣло объ арестованномъ генеральнаго штаба капитанѣ П. К. Меньковѣ. Къ чести обоихъ изслѣдователей должно замѣтить, что въ Меньковѣ они по справедливости оцѣнили офицера образованнаго, способнаго и преданнаго государю и отечеству; они предугадали въ Меньковѣ полезнаго дѣятеля, что онъ впослѣдствіи и доказалъ своею дальнѣйшею службою.

При учрежденіи цензурнаго «Комитета 2 апрѣля 1848 г.», подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова Д. былъ назначенъ членомъ комитета.

Съ перемѣной царствованія и направленія во внутренней политикѣ Д. измѣнилъ свой образъ дѣйствій, наиболѣе яркимъ доказательствомъ чему служитъ его «Записка», читанная въ главномъ управленіи цензуры по поводу изданія въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя. О такомъ изданіи, черезъ посредство графа Орлова, великій князь Константинъ Николаевичъ ходатайствовалъ предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и просилъ содѣйствія Д., который дѣйствительно отнесся весьма сочувственно къ мысли великаго князя. Строгій цензоръ на этотъ разъ явился однимъ изъ усерднѣйшихъ покровите-

лей сочиненій Гоголя, появленіе въ свѣтъ которыхъ въ полномъ видѣ много обязано Д. Онъ такъ выражался въ «Запискѣ» своей: «Общее направленіе у него (Гоголя) всегда нравственное: неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе или возбуждаетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ»... «Записку» эту онъ заканчивалъ словами: «Я полагаю справедливымъ, на основаніи вышеизложеннаго Высочайшаго повелѣнія 14 августа 1851 г., исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій»...

Что касается общественной дѣятельности Д., то, кромѣ вышеуказанныхъ должностей онъ съ 1839 г. состоялъ помощникомъ попечителя, а съ 1846 г.— почетнымъ членомъ и попечителемъ Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся. Въ 1855 г. онъ удостоился получить живѣйшую признательность государыни за управленіе этимъ домомъ, отъ должности попечителя котораго былъ отчисленъ въ 1861 г., съ оставленіемъ почетнымъ членомъ его. Въ 1843 г. онъ былъ Высочайше утвержденъ въ званіи члена С.-Петербургскаго комитета попечительнаго общества о тюрьмахъ, а съ 1843 по 1861 г. состоялъ попечителемъ С.-Петербургской дѣтской больницы.

Въ началѣ царствованія императора Александра II Д. былъ уже въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи и имѣлъ ордена св. Владиміра 1 ст. и Александра Невскаго съ алмазами. Когда въ 1856 г. князь, Орловъ, оставилъ должность шефа жандармовъ, молодой государь предложилъ Д. быть преемникомъ Орлова. Намѣреніе его величества казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что Д. занималъ весьма отвѣтственныя должности при шефѣ жандармовъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Однако на предложеніе государя онъ возразилъ, что, по его убѣжденію, на этомъ посту долженъ быть сановникъ съ титуломъ и обладающій богатствомъ. Государь назвалъ его Донъ-Кихотомъ и назначилъ въ преемники кн. Орлову князя Вас. Андр. Долгорукова, сохранивъ Д. мундиръ корпуса жандармовъ.

Какъ доказательство довѣрія и милости царской можетъ служить разрѣшеніе императора Александра Николаевича, когда въ 1856 г. Д. оставилъ свою должность, — являться каждую пятницу въ 9 час. утра во дворецъ и безъ доклада входить къ Его Величеству во время утренняго чая. Государь всегда оказывалъ ему самый милостивый пріемъ и удостоивалъ его продолжительными бесѣдами и совѣщаніями о различныхъ дѣлахъ.

Д. былъ однимъ изъ типичныхъ представителей своего времени, суроваго и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тяжелаго; тѣмъ не менѣе ему лично нельзя отказать въ хорошихъ душевныхъ качествахъ, которыя В. А. Жуковскій отмѣтилъ и выразилъ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Быть можетъ, онъ не всѣмъ угоденъ,
Вѣдь это общій нашъ удѣлъ,
Но добръ онъ, честенъ, благороденъ,—
Вотъ перечень его всѣхъ дѣлъ.

Прослуживъ 55 лѣтъ, Д. скончался на 71 году отъ роду. Тѣло его погребено въ Петербургѣ, на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ.

Общій архивъ Главнаго Штаба. Формулярные списки 1855 г. № 17504 и добавленія къ нимъ. — Русск. Стар. 1872 г., февр. Двѣ записки Дубельта Булгарину, 1846 г., Стар. 1872 г. февр. и апр. Воспоминанія А. Н. Струговщикова о М. И. Глинкѣ. 1839—1841 г.—Р. Стар. 1880 г., дек. Л. В. Дубельтъ о сочиненіяхъ Н. В. Гоголя. Записка его, читанная въ засѣданіи главнаго управленія цензуры въ 1855 г.—Р. Стар. 1881 г., май. Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій.—Р. Стар. 1888 г. нояб. Е. Дубельтъ: Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Біографическій очеркъ и его письма.—Р. Стар. 1889 г., февр. И. И. Сердюкъ и Л. В. Дубельтъ. 1850 г.—Р. Стар. 1889 г. сент. и 1890 г. янв., февр. и іюнь. Дневникъ А. В. Никитенко.—Р. Стар. 1890 г., авг. Н. Н. Меденовъ: Случай въ Петербургѣ въ 1848 г.—Р. Стар. 1890 г., нояб. Очерки и воспоминанія кн. Н. П. Голицына. — Р. Стар. 1891 г., іюнь. Дневникъ гр. П. А. Валуева.—Р. Стар. 1892 г., авг. Театральныя воспоминанія Н.Н. Куликова—Р. Стар. 1895 г., февр. Изъ записокъ г.-л. П. А. Кузьмина. — Р. Стар. 1897 г., нояб. Къ исторіи царствованія императора Николая I.—Историч. Вѣстникъ 1882 г., янв. П. С. Усовъ: Изъ моихъ воспоминаній.—А. М. Скабичевскій: Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). СПБ. 1892 г.—Н. И. Гречъ: Записки о моей жизни. СПБ. 1886 г.—Надгробная рѣчь, произнесенная при погребеніи бывшаго Господина Попечителя Демидовскаго Дома Трудящихся, генерала-отъ-кавалеріи Леонтія Васильевича Дубельта, 30 апрѣля 1862 года.

В. Жерве.

Дубельтъ, *Николай Леонтьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 2 гвард. кавалерійской дивизіи, старшій сынъ Леонтія Васильевича Дубельта, родился 24 октября 1819 г., ум. 14 ноября 1874 г. Отлично окончивъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ, записанный на мраморную доску, изъ камеръ-пажей 27 іюля 1837 года онъ былъ произведенъ въ корнеты кавалергардскаго Ея Величества полка. Въ началѣ 1848 года Д. былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и назначенъ старшимъ адъютантомъ управленія дѣлами императорской главной квартиры и собственнаго Его Величества конвоя. По случаю выступленія части нашей арміи въ Венгерскій походъ, государь возложилъ на Д. командованіе собственнымъ Его Величества конвоемъ. Вскорѣ затѣмъ Д. былъ командированъ въ Вѣну съ лестнымъ порученіемъ императора Николая Павловича поднести орденъ св. Георгія 4 степ. императору австрійскому, который наградилъ Д. австрійскимъ орденомъ Леопольда 3 степ. Отсюда, по Высочайшему же повелѣнію, онъ отправился въ главную квартиру австрійской арміи, и участвовалъ въ сраженіи противъ венгерскихъ мятежниковъ при Коморнѣ. Въ томъ же 1849 г. Д. былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ въ крѣп. Кинбурнъ для изслѣдованія происшедшихъ тамъ безпорядковъ; въ этой командировкѣ ему пришлось пробыть больше мѣсяца. 15 января 1852 г. онъ былъ назначенъ командиромъ гусарскаго генералъ-фельдмаршала гр. Радецкаго полка, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Императорскаго Величества, а въ 1857 г. сначала былъ назначенъ состоять при 2 гвард. легкой кавалерійской дивизіи, съ оставленіемъ въ свитѣ, потомъ же (26 октября)—командиромъ л.-гв. драгунскаго полка. Затѣмъ Д. былъ назначенъ начальникомъ 2 гвард. кавалерійской дивизіи и произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Общій архивъ Главнаго Штаба. Послужные списки № 14593. *В. Ж.*

Дубенскій, *Николай Порфирьевичъ*, сенаторъ, родился въ 1779 году. Въ 1790 г. записанъ въ сержанты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, затѣмъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ вице-вахмистромъ и произведенъ въ вахмистры; въ 1795 г. по именному Высочайшему повелѣнію пожалованъ въ капитаны арміи и участвовалъ въ походахъ противъ польскихъ мятежниковъ; въ 1796 году опредѣленъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ, а оттуда перемѣщенъ ротмистромъ въ Переяславскій конно-егерскій; по упраздненіи сего полка, въ 1797 году, опредѣленъ въ Астраханскій драгунскій и командированъ для отвода въ Петербургъ, въ лейбъ-гвардіи кирасирскіе полки, отборной конницы до 200 человѣкъ изъ арміи генералъ-фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго; въ 1798 году пожалованъ въ маіоры; въ 1800 году по высочайшему повелѣнію опредѣленъ въ лейбъ-кирасирскій Его Императорскаго Величества полкъ и пожалованъ въ подполковники, а въ 1803 году изъ этого полка, по болѣзни, уволенъ отъ службы съ чиномъ полковника. Съ 1808 г. Д. состоялъ предводителемъ дворянства Пензенскаго уѣзда и неоднократно исправлялъ должность губернскаго предводителя дворянства; затѣмъ въ 1811 году опредѣленъ въ вѣдомство министерства финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій и назначенъ въ Симбирскъ вице-губернаторомъ и, кромѣ того, управляющимъ Симбирскими казенными винокуренными заводами, по случаю разстройства ихъ, а въ 1815 году назначенъ въ Симбирскѣ же гражданскимъ губернаторомъ. Въ 1817 году Д. пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и перемѣщенъ въ Воронежъ гражданскимъ губернаторомъ; въ слѣдующемъ году награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; въ 1819 году назначенъ директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ и членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія недоимокъ по 12-ти губерніямъ, потерпѣвшимъ отъ нашествія непріятеля, за труды въ которомъ удостоился монаршаго благоволенія. Въ 1820 году Д. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 2 ст. большого креста, въ слѣдующемъ году пожалованъ въ тайные совѣтники, а въ 1822 году назначенъ къ присутствованію въ Сенатѣ, и, кромѣ того, членомъ въ комиссію по разбору документовъ кораблей и сухопутныхъ транспортовъ и управляющимъ департаментомъ государственныхъ имуществъ. Въ 1825 году Д. назначенъ предсѣдательствующимъ въ комитетъ, высочайше учрежденный для изыска-

нія способовъ къ улучшенію состоянія городовъ, и въ комитетъ объ уравненіи земскихъ повинностей по государству. Въ 1826 году уволенъ, согласно желанію, отъ управленія департаментомъ разныхъ податей и сборовъ, а въ 1827 году назначенъ членомъ въ комитетъ для устройства отдѣльнаго управленія корабельныхъ лѣсовъ подъ главнымъ морскимъ начальствомъ. Ревизіей дѣлъ бывшаго департамента государственныхъ имуществъ, произведенной въ 1837 году, по высочайшему повелѣнію, сенаторомъ д. т. с. Болгарскимъ и д. с. с. А. Ѳ. Голицынымъ, обнаружены были важные безпорядки и упущенія какъ въ производствѣ дѣлъ, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ департамента государственныхъ имуществъ во время управленія имъ сенатора Дубенскаго. Д. былъ преданъ суду и по истребованіи, согласно Высочайшему повелѣнію, объясненій отъ него, дѣло это, по Высочайшему повелѣнію, было передано на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, а затѣмъ въ Государственный Совѣтъ. 9 іюля 1841 года послѣдовалъ Высочайшій указъ, коимъ сенаторъ Дубенскій, преданный суду за упущенія и безпорядки по бывшему въ его управленіи департаменту государственныхъ имуществъ, по силѣ манифеста 16 апрѣля 1841 года отъ наказанія освобожденъ, но, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, уволенъ отъ званія сенатора.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора Н. П. Дубенскаго.—Дѣла Министерства Юстиціи 1838 года, №№ 2520 и 4241.—„Историч. Вѣстникъ“, 1885 г., XX, 7, 645 стр. Записки Инсарскаго. *А. Ч.*

Дубенскій, *Николай Яковлевичъ*, писатель, коллежскій совѣтникъ, родился 30 ноября 1822 года въ селѣ Пятницы-Дубенкахъ Судогодскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ отецъ его былъ причетникомъ; умеръ 30 ноября 1892 года. По окончаніи курса занялъ мѣсто преподавателя сельскаго хозяйства въ родной Владимірской семинаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приступилъ къ изученію Владимірской губерніи, которая въ то время была совершенно неизвѣстной величиной. Въ 1858 году онъ помѣстилъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» замѣтки по вопросу объ общинномъ владѣніи и объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1859 г. въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» появилась обширная статья Д.: «О производительности, доходности и цѣнности земель Владимірской губерніи». Эта статья представляетъ цѣнный матеріалъ для исторіи дореформеннаго хозяйства. Внимательное разсмотрѣніе различныхъ системъ хозяйственной организаціи, вычисленіе крестьянскаго бюджета и нормы помѣщичьяго дохода приводятъ автора къ выводу, что только 45,5 проц. крѣпостного населенія «живутъ въ разрядѣ богатыхъ, исправныхъ и небѣдныхъ, а 54,5 проц. живутъ въ скудныхъ, изнуренныхъ и разоренныхъ». Д. въ 1860 году переселился въ Петербургъ, гдѣ принялъ горячее участіе въ усиленной работѣ общественной мысли надъ различными вопросами предстоявшей реформы. Съ первыхъ годовъ своей дѣятельности Д. былъ избранъ членомъ разныхъ обществъ, между прочимъ и Вольно-Экономическаго Общества, въ которомъ и сосредоточилась работа Д. по переѣздѣ въ Петербургъ. Въ 1861 году онъ былъ избранъ А. В. Совѣтовымъ въ помощники редактора «Трудовъ» Общества и «Экономическихъ Записокъ». Въ началѣ 1863 года Д. перешелъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто преподавателя въ земледѣльческомъ удѣльномъ училищѣ. Въ 1864 году онъ былъ командированъ въ Западный край для устройства крестьянскихъ дѣлъ въ Минской и Могилевской губерніяхъ. Въ послѣдней онъ былъ назначенъ секретаремъ статистическаго комитета и редакторомъ «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ 1871 году Д. завѣдывалъ внутреннимъ отдѣломъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», а затѣмъ сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ Петербурга и Москвы.

«Исторія Имп. Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 по 1865 гг.», А. И. Ходнева.—«Владимірск. Губ. Вѣд.» 1893 г. № 4, «Николай Яковлевичъ Дубенскій».—«Историч. Вѣстникъ» 1893 г., мартъ, стр. 938. «Переписка И. А. Голышева съ разными учеными лицами». Изданіе не для продажи Владиміръ, 1898.—«Уроженцы и дѣятели. Влад. губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы». А. В. Смирнова, выпускъ 3-й. Владиміръ. 1898, стр. 115. *Ник. I—скій.*

Дубовицкій, *Петръ Александровичъ*, тайный совѣтникъ, докторъ медицины, президентъ медико-хирургической академіи, родился 18 февр. 1815 г., умеръ

30 марта 1868 г. Д. происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Рязанской губ. Получивъ воспитаніе дома, онъ, по желанію отца, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ съ серебряной медалью лекаремъ I отд. въ 1833 г. Для довершенія своего медицинскаго образованія Д. отправился за границу, гдѣ, преимущественно въ Парижѣ, пробылъ три года, посвятивъ ихъ изученію хирургіи подъ руководствомъ лучшихъ хирурговъ своего времени. По возвращеніи изъ-за границы Д. получилъ въ 1836 г. званіе медико-хирурга, а 28 мая 1837 г. ему была присуждена С.-Петербургской медико-хирургической академіей степень доктора медицины. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ общей и частной хирургіи въ Казанскій университетъ. Въ Казани Д. нечаянно сломалъ себѣ лѣвую руку и вслѣдствіе неудачнаго леченія сначала дома, а затѣмъ въ Парижѣ (1839—40 гг.), потерялъ способность ею пользоваться. Находясь въ Парижѣ, Д. былъ приглашенъ въ медико-хирургическую академію на каѳедру теоретической хирургіи, которую и занялъ въ званіи ординарнаго профессора по возвращеніи своемъ въ 1841 г. Въ академіи, съ 1842 г., кромѣ профессорскихъ обязанностей, Д. принялъ на себя редакторство академическаго журнала «Записки по части врачебныхъ наукъ». Этотъ журналъ, заслужившій вскорѣ почетную извѣстность, потребовалъ отъ своего редактора не только труда, но и большихъ матеріальныхъ затратъ, особенно въ первые годы своего существованія. Въ 1844 г. Д. былъ избранъ ученымъ секретаремъ академіи на 5 лѣтъ, по истеченіи которыхъ былъ перезбранъ. Въ 1848 г. онъ получилъ званіе академика. Послѣ смерти президента академіи Шлегеля въ 1851 г. Д. былъ назначенъ и. д. президента. Нужно сказать, что съ момента окончанія университетскаго курса Д. пришлось управлять громаднымъ состояніемъ отца, подполковника въ отставкѣ, сосланнаго по приказу императора Николая I въ монастырь, по обвиненію въ превратномъ толкованіи Евангелія и въ исполненіи священническихъ обязанностей, отступающихъ отъ обрядовъ православной церкви. Въ этихъ хозяйственныхъ занятіяхъ и заботахъ начали вырабатываться административныя способности Д., которыми онъ такъ блестяще воспользовался впослѣдствіи въ дѣлѣ управленія академіей. 29 окт. 1852 г., вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, Д. вышелъ въ отставку съ пенсіей, которую онъ обратилъ на стипендіи въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи и Московскомъ и Казанскомъ университетахъ для «рязанцевъ». Все же полученное имъ за время службы въ Казани казенное содержаніе, въ размѣрѣ приблизительно 13 тыс. рублей, онъ пожертвовалъ на учебныя пособія мѣстному университету. Выйдя въ отставку, онъ удалился въ свое имѣніе Рязанской губ. 24 января 1857 г. Д. снова былъ призванъ къ общественной дѣятельности въ качествѣ президента медико-хирургической академіи. Онъ былъ назначенъ на этотъ постъ какъ разъ въ то время, когда занималась заря эпохи великихъ реформъ императора Александра II, коснувшихся и академіи. Въ дѣлѣ преобразованія академіи Д. оказался на высотѣ своего призванія, благодаря своему выдающемуся административному таланту. Трудами Д. академія, за его десятилѣтнее управленіе ею, такъ измѣнила весь свой строй, такъ быстро и успѣшно двинулась впередъ, что заняла не только въ Россіи, но и среди заграничныхъ подобныхъ учрежденій, одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ 1858 г. Д. былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1859 г.—членомъ совѣта государственнаго коннозаводства, а въ 1866 г.—и. д. управляющаго этимъ коннозаводствомъ. Въ 1865 г. исполнилось 25 лѣтъ службы Д. по учебной части, въ виду чего ему была назначена пенсія на службѣ, въ размѣрѣ 1680 р. въ годъ. Но онъ ее частью обратилъ на составленіе капитала для учрежденныхъ имъ стипендій, частью пожертвовалъ въ студенческую библіотеку. Въ 1867 г. Д. былъ назначенъ директоромъ военно-медицинскаго департамента и въ томъ же году—начальникомъ главнаго военно-медицинскаго управленія, а въ слѣдующемъ году, еще будучи далеко не старымъ, онъ умеръ отъ рака. Помимо перечисленныхъ должностей и званій, въ которыхъ состоялъ Д., онъ былъ также почетнымъ предсѣдателемъ общества русскихъ врачей въ С.-Петер-

бургѣ, почетнымъ членомъ медико-филантропическаго комитета, Харьковскаго ветеринарнаго училища, С.-Петербургскаго фармацевтическаго общества, Казанскаго медицинскаго, Московскаго физико-медицинскаго, Виленскаго медицинскаго и кіевскихъ врачей, корреспондентомъ Парижской медицинской академіи, почетнымъ членомъ Парижскаго общества врачей, членомъ комитета по составленію новой фармакопеи, членомъ особой комиссіи по постройкѣ въ С.-Петербургѣ дѣтской больницы принца П. Ольденбургскаго, а также депутатомъ отъ Богородскаго уѣзда Московской губ. въ комитетѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и почетнымъ мировымъ судьею по Рязанскому уѣзду. Изъ трудовъ его наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: «Анатомическій атласъ (Tabulae anatomicae)», съ латинскимъ и русскимъ текстомъ. Остеологія и пр., 32 табл. М. 1832 г., 12°. Изд. студента П(етра) Д(убовицкаго).—«Reproduction fidèle des discussions qui ont eu lieu sur la lithotripsie et la taille à l'académie royale de médécine en 1835 ann.» Paris, 1835, 8°. Была принята, какъ диссертація на степень доктора медицины въ Спб. медико-хирургической академіи въ 1837 г. — «О кровотеченіи вообще, о строеніи кровеносныхъ сосудовъ и о леченіи кровотеченій». Уч. зап. Каз. ун. 1837 г., III, 111 и IV, 146. Отт. Каз. 1838 г., 8°. — «Камнекрушеніе». Тамъ же, 1837 г., III, 166. Отт. Каз. 1838 г., 8°.—«Лекціи объ альбинизмѣ». Тамъ же, 1838 г., II, 155. Отт. Каз., 1839 г., 8°. — «Замѣчаніе о подкожномъ разрѣзываніи ничковыхъ (на своей собственной рукѣ) и сгибающихъ мышцъ руки и перстовъ». Зап. Дуб., 1843 г., I. Отт. Спб., 1843 г., 8°. — «Взглядъ на рахитизмъ». Зап. Дуб., 1844 г., I.—«Разборъ на Демидовскую премію представленнаго сочиненія проф. Заблоцкимъ: «О болѣзняхъ яичка». Спб. 1848 г., 8°. Зап. Дуб., 1849 г., 2, I, 144; 3, I, 123; 4, I, 204. За этотъ разборъ получилъ большую золотую медаль

Змѣевъ: «Русскіе врачи-писатели», вып. I, 1886 г.—«Исторія Имп. военно-медицинской академіи за 100 лѣтъ (1798—1898)», подъ ред. проф. Ивановскаго.—Д-ръ Лопатто: «Каѳедры хирургической патологіи».

М. Василевская.

Дубровскій, *Петръ Павловичъ*, филологъ, родился 14 іюня 1812 г. въ Черниговѣ, умеръ въ Скерневицахъ въ началѣ октября 1882 г. Образованіе Д. получилъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ князя Безбородко и затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ изучилъ подъ руководствомъ профессора Ежевскаго польскій языкъ, и былъ посланъ, въ 1837 году, учителемъ русскаго языка въ Варшавскую гимназію. Занявшись здѣсь изученіемъ славянскихъ нарѣчій и совершивъ въ 1841 г. путешествіе по славянскимъ землямъ, онъ основалъ въ Варшавѣ всеславянскій журналъ, цѣлью котораго было, „не увлекаясь односторонними взглядами славянофиловъ, знакомить читателя съ славянскимъ міромъ и отдѣлять его отъ жизни общеевропейской“, и приступилъ въ 1842 году къ изданію его подъ названіемъ: „Денница“ (Jutrzenka). Въ первый годъ своего существованія журналъ этотъ выходилъ въ видѣ литературной газеты, два раза въ мѣсяцъ, а съ 1843 года сталъ называться „Славянскимъ Обозрѣніемъ“. „Денница“ печаталась въ два столбца на русскомъ и польскомъ языкахъ и служила органомъ, объединяющимъ многихъ писателей и ученыхъ изъ разныхъ славянскихъ странъ; она была отголоскомъ почти всѣхъ славянскихъ нарѣчій и благодаря отсутствію тенденціозности пользовалась сотрудничествомъ писателей, принадлежавшихъ къ разнымъ лагерямъ, между прочимъ И. Срезневскаго, Ганки, Пуркинье, Челяковскаго, Шафарика, Коллара, Станко, Враза, Милоша Поповича, Смолера, Левицкаго, Войцицкаго, Мацѣвскаго и др. Австрійское правительство признало „Денницу“ вредной по направленію и запретило ее въ Галиціи. Мало распространенная въ Россіи „Денница“, послѣ того какъ обнаружилось принципіальное несогласіе между редакторомъ ея и польскими патріотами, потеряла и ту незначительную часть подписчиковъ, которую пріобрѣла на почвѣ проповѣди всеславянскаго единенія, и послѣ двухлѣтняго существованія (1842—1843 гг.) за недостаткомъ средствъ прекратилась изданіемъ. Кромѣ журнала, Д. во время своего пребыванія въ Варшавѣ писалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Литературной Газетѣ“, въ „Biblioteka Warszawska“ (1841—1842 гг.), печаталъ свои обзоры славянскихъ литературъ и въ 1841 году между прочимъ помѣстилъ статью: „Przegląd literatury Rossyjskiej z roku 1838,

1839, 1840", изданную въ томъ же году отдѣльной брошюрой; напечаталъ двѣ статьи въ „Москвитянинѣ": „Новыя изданія въ Варшавѣ" (1843 г., ч. 1) и „Письмо изъ Варшавы о литературныхъ извѣстіяхъ въ Богеміи, Сербіи, Галиціи и Польшѣ" (1845 г., ч. V); издалъ „Книгу для чтенія" (1844 г.), „Польско-русскій Коменій" (1844 г.)—руководство для практическаго изученія польскаго и русскаго языка, „Практическое руководство къ составленію писемъ и прошеній" (1846 г.), переводъ на польскій языкъ книги Устрялова: „Историческій обзоръ царствованія Николая" (1847 г.), „Путешествіе Коллара въ Сѣверную Италію, Тироль и Баварію", „Словарь польско-русскій административный и судебный" (1847 г.), „Описаніе Варшавы и ея окрестностей съ дополненіемъ описанія Ченстохова" (1850 г.) и „Kurs praktyczny języka rossyjskiego" (1850 г.). Съ 1845 по 1851 г. Д. занималъ должность цензора; затѣмъ изъ Варшавы былъ переведенъ въ Петербургъ профессоромъ польскаго языка въ главный педагогическій институтъ (съ 1851 по 1858 г.) и съ того времени посвятилъ себя исключительно изученію и изслѣдованію польскаго языка и литературы. Въ 1852 году онъ представилъ второму отдѣленію академіи наукъ двѣ свои записки: „Областныя великорусскія слова, сходныя съ польскими" и „Замѣчательныя слова изъ древнѣйшаго памятника польской письменности—Псалтыря королевы Маргариты"—трудъ, въ которомъ авторъ собралъ всѣ замѣчательныя слова названнаго памятника и сопоставилъ ихъ со старо-славянскими, но придалъ старинным польскимъ реченіямъ славянскія формы. Обѣ эти работы напечатаны въ „Матеріалахъ для словаря сравнительн. и объяснительн.", изданныхъ Имп. академіей наукъ („Прибавленія къ Извѣстіямъ II Отдѣл. Акад. Наукъ", т. I, Спб., 1852 г.). Въ 1855 году Д. былъ избранъ адъюнктомъ академіи наукъ по II отдѣленію русскаго языка и словесности, но, утомленный усиленной научной работой, въ 1862 году покинулъ Петербургъ, промѣнявъ положеніе академика на званіе члена-корреспондента, и проживалъ до самой смерти то въ Варшавѣ, то въ Скерневицахъ. Въ 1872—1873 гг. Д. издалъ въ Варшавѣ „Польскую Хрестоматію", въ трехъ частяхъ, съ польско-русскимъ словаремъ. Послѣднимъ же и наиболѣе важнымъ трудомъ Д. былъ изданный въ 1876—1878 гг. въ Варшавѣ „Полный словарь польскаго и русскаго языка", польско-русская часть котораго является сокращеннымъ переводомъ Виленскаго словаря, а русско-польская составлена на основаніи русско-французскаго словаря Макарова. Несмотря на нѣкоторые недостатки, словарь Д. является лучшимъ словаремъ и до настоящаго времени. Періодъ пребыванія въ Петербургѣ былъ для Д. наиболѣе плодотворнымъ въ смыслѣ научной работы. Независимо отъ постояннаго сотрудничества въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" за подписью „П. Д.", а также на сотрудничество, во многихъ славянскихъ журналахъ и газетахъ, какъ „Czasopis Ceskiego Muzeuma", „Podunavka", „Kolo", „Biblioteka Warszawska" и др., Д. въ это время напечаталъ цѣлый рядъ трудовъ по польской литературѣ.

„Журналъ Мин. Нар. Просв.", ч. CXCVII, а также 1882 г. кн. 12, ст. С. Пташицкаго.—„Современныя Извѣстія", 1882 г., № 306.—„Московскія Вѣдомости", 1882 г., № 307.—Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", в. II, Спб., 1885 г., стр. 22—23.—„Отечественныя Записки", 1842 г., т. XX, кн. I, стр. 38—40.

А. Ч.

Дубянскій, *Ѳеодоръ Яковлевичъ*, духовникъ императрицы Елизаветы Петровны; родомъ изъ Малороссіи, отличался рѣдкою для своего времени ученостью среди бѣлаго духовенства; умеръ около 1770 г. Онъ женился на дочери Константина Ѳеодоровича Шарогородскаго (род. 19 мая 1665 г., умеръ 18 іюня 1735 г.), въ то время духовника цесаревны Елизаветы Петровны, Марьѣ Константиновнѣ, и, по общепринятому среди бѣлаго духовенства обычаю, занялъ мѣсто своего тестя и сталъ, въ свою очередь, духовникомъ цесаревны, а затѣмъ и императрицы, очень къ нему благоволившей. Елизавета Петровна, какъ извѣстно, отличалась набожностью, и духовникъ ея пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ. Елизавета Петровна щедро награждала своего духовника, къ концу своей жизни владѣвшему большими имѣніями; онъ имѣлъ до 8000 душъ крестьянъ. Указомъ 10 августа 1761 года Д. былъ возведенъ въ потомственное дворянство. Онъ имѣлъ значеніе также при

императрицѣ Екатеринѣ II, которая была ему многимъ обязана, будучи еще великой княгиней. Одинъ изъ его сыновей, Михаилъ, унтеръ-шталмейстеръ и егермейстеръ, секундъ-маіоръ гвардіи коннаго полка, принималъ участіе въ переворотѣ 1762 года. Другой его сынъ, Яковъ, былъ ревностный массонъ и великій мастеръ ложи «Астрея». Состояніе Д. къ концу жизни, повидимому, разстроилось. Основаніемъ къ этому предположенію можетъ служить то обстоятельство, что сыновья Д., ранѣе принятія наслѣдства, просили черезъ Сенатъ о вызовѣ всѣхъ кредиторовъ отца своего, какъ это видно изъ дѣлъ въ архивѣ Сената (Архивъ Правит. Сената. Высоч. указы, томъ 130, стр. 38). Указъ послѣдовалъ 25 января 1770 г., и духовникъ Дубянскій упоминается въ немъ уже какъ „покойный“, слѣд. онъ умеръ въ началѣ 1770 года.

Князь Лобановъ-Ростовскій: «Русская родословная книга», т. I и II.—Кн. Долгоруковъ, ч. IV: «Mémoires du prince Pierre Dolgorouki», ch. XV.—Карновичъ: «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ», «Русскій Архивъ» 1882 г. стр. 68.

Дудровичъ, *Андрей Ивановичъ*, сербъ по происхожденію, умеръ въ Харьковѣ въ 1830 г. Д. былъ учителемъ Харьковской гимназіи, съ 1813 года состоялъ въ Харьковскомъ университетѣ сначала лекторомъ по каѳедрѣ логики, этики или нравственной философіи и естественнаго права, курсъ котораго читалъ по руководству Шаде, а затѣмъ, по защитѣ докторской диссертаціи: «De philosophiae genuino conceptu nec non necessitate ejus absoluta», 1814, — профессоромъ по тѣмъ же каѳедрамъ и занималъ вмѣстѣ съ тѣмъ должности декана, а потомъ (1829—1830 гг.) ректора университета. Изъ печатныхъ работъ Д., кромѣ докторской диссертаціи, извѣстна только одна рѣчь его, произнесенная на торжественномъ университетскомъ собраніи 30 августа 1815 г.: De studii academiae natura».

«Московскій Вѣстникъ» 1830 г., ч. 3, № 11, стр. 276—278.—«Харьковскія Губернск. Вѣдомости» 1870 г., № 38.—Геннади: «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ», Берлинъ, т. I, 1885 г.—Багалѣй: „Исторія Харьковскаго университета“, I. *А. Ч.*

Дудровичъ, *Иванъ Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, родился въ 1782 году, умеръ 15 августа 1843 г. Блестяще окончивъ въ 1815 году курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата философіи, въ 1817 году Д. занялъ должность старшаго учителя коммерческой гимназіи въ Одессѣ. По преобразованіи этой гимназіи въ Ришельевскій лицей, въ 1818 году, Д. въ день открытія лицея произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ и, назначенный адъюнктомъ лицея, сперва исправлялъ должность профессора по каѳедрѣ россійской и латинской словесности, а потомъ утвержденъ въ должности профессора философіи, въ которой и оставался по день увольненія со службы, въ 1839 г. Кромѣ того, Д. въ 1830 году былъ членомъ правленія лицея, неоднократно исправлялъ должность перваго инспектора лицея и трижды занималъ должность директора, несъ обязанности ученаго секретаря лицея (1826—1827 гг.) и былъ сперва отдѣльнымъ цензоромъ (1829—1832 гг.), а потомъ старшимъ членомъ Одесскаго цензурнаго комитета.

Михневичъ: «Историческій обзоръ Ришельевскаго лицея», Одесса, 1857 г., стр. 73—74.—«Одесскій Вѣстникъ», 1843 г., № 69, стр. 329. — «Журналъ Министерства Нар. Просв.», 1843 г., прибавленіе № 3, стр. 96—98. *А. Ч.*

Дудышкинъ, *Степанъ Семеновичъ*, литераторъ, р. въ 1820 г., въ Витебскѣ, умеръ въ 1866 г. Д. принадлежалъ по рожденію къ бѣдной купеческой семьѣ и первоначально обучался въ Витебской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, курсъ въ которомъ онъ окончилъ въ 1841 г. Еще въ университетѣ онъ обнаружилъ склонность къ литературѣ и сошелся съ А. Н. Майковымъ и его семьею. Когда въ 1847 г. умеръ Валеріанъ Майковъ, завѣдывавшій отдѣломъ критики и библіографіи въ «Отечественныхъ Запискахъ», Краевскій, бывшій издателемъ этого журнала, предложилъ Д. занять мѣсто Майкова. Д. пріобрѣлъ скоро такое довѣріе Краевскаго, что сдѣлался фактическимъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ». Д. не отличался литературными дарованіями и не могъ поддержать значенія журнала, который началъ клониться къ упадку. Д. написалъ множество критическихъ и литературныхъ статей, изъ которыхъ болѣе важны статьи о Фонвизинѣ («Отеч. Зап.» 1847, №№ 8 и 9), о Кантемірѣ («Соврем.», 1848, № 11) и о сочиненіяхъ Тургенева («От. Зап.», 1857). Д.

редактировалъ также второе изданіе сочиненій Лермонтова, снабдивъ его введеніемъ, въ которомъ изложена была біографія поэта и сдѣлана оцѣнка его трудовъ.

Старчевскій: Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ (Ист. Вѣстн., 1886, № 2).—Ефронъ и Брокгаузъ: „Энцикл. Слов.“, XXI.—Пыпинъ: „Ист. русск. литературы“.—Панаевъ: „Литературныя воспоминанія“.—Быковъ: „Дудышкинъ, критикъ и журналистъ“ („Всемірная Иллюстрація“, 1891, XLVI).

Дука, баронъ, *Илья Михайловичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, родомъ сербъ, родился въ 1767 г., умеръ 16 февр. 1830 г. въ селѣ Ивнѣ, Обоянскаго уѣзда Курской губ. Лишившись въ раннемъ дѣтствѣ отца, Д. былъ привезенъ къ одному изъ родственниковъ со стороны матери въ Малороссію, гдѣ и воспитывался. 15 мая 1776 г. онъ былъ опредѣленъ фурьеромъ въ Нотебургскій пѣхотный полкъ, въ которомъ дослужился до оберъ-офицерскаго чина. Въ 1783 г. Д. участвовалъ въ походахъ противъ поляковъ и за усердную свою службу былъ назначенъ генеральсъ-адъютантомъ въ штабъ генерала Шевича. Затѣмъ въ Турецкую кампанію онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ какъ противъ турокъ, такъ и противъ кавказскихъ горцевъ. Въ 1790 г. Д. былъ переведенъ въ Острогожскій легко-конный полкъ, а въ 1794 г. принималъ участіе въ походѣ Суворова въ Польшу, гдѣ особенно отличился взятіемъ въ плѣнъ начальника польскихъ войскъ, генерала Вавржецкаго, со всѣми его адъютантами и чиновниками, за что и былъ произведенъ сначала въ ротмистры, а затѣмъ въ маіоры. Императоръ Павелъ I оцѣнилъ военныя заслуги Д. и перевелъ его 20 сентября 1799 г. въ лейбъ-гв. гусарскій полкъ съ производствомъ въ полковники. 11 октября 1806 г. Д. былъ назначенъ шефомъ малороссійскаго кирасирскаго полка. Въ продолженіе французской кампаніи онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій и неоднократно отличился (особенно въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау), за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. и алмазами украшенной шпагой. Д. выдѣлялся среди начальниковъ-современниковъ не только храбростью, но и замѣчательной заботой о солдатѣ, умѣніемъ внушить ему слѣпое довѣріе къ себѣ и стараніями о блестящемъ состояніи своего полка. Въ 1812 г. Д. былъ назначенъ командовать 2-ю бригадою 2-й кирасирской дивизіи, а послѣ смерти дивизіоннаго командира занялъ его мѣсто. За подвиги въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и Бородинымъ, гдѣ дивизія Д. особенно отличилась, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст., а за послѣдующія сраженія (подъ Тарутиномъ, Малоярославцемъ и пр.), по ходатайству умѣвшаго оцѣнить его заслуги Кутузова,—орденомъ св. Владиміра 2 ст. При перемѣнѣ отступательныхъ движеній нашей арміи въ наступательныя Д. опять выдѣлился своею храбростью и распорядительностью въ цѣломъ рядѣ битвъ, былъ раненъ въ голову подъ Лейпцигомъ и участвовалъ при взятіи Парижа 19 марта 1814 г. По окончаніи этой кампаніи Д. вернулся со своею дивизіей въ Россію, награжденный между прочимъ прусскимъ орденомъ Краснаго Орла 1 кл. и пожалованный императоромъ австрійскимъ въ командоры ордена св. Леопольда. Возвратясь на родину, Д. занялся улучшеніемъ хозяйства и возстановленіемъ дисциплины, разстроенной долгою войною, во ввѣренной ему дивизіи, за что неоднократно получалъ выраженія Высочайшаго благоволенія и монаршіе подарки. 8 сентября 1823 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, 22 августа 1826 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а 5 февраля 1827 г.—уволенъ по прошенію въ отпускъ до излеченія болѣзни. Но больше ему служить не пришлось, такъ какъ до самой смерти здоровье его уже не возстановлялось.

„Русскій Инвалидъ“ 1830 г., № 105 и № 106.—„Спб. Вѣдомости“ 1830 г., № 30.—Галлерея Зимняго Дворца.

М. В.

Думашевскій, *Арнольдъ Борисовичъ*, юристъ, писатель; сынъ бѣднаго еврея, мѣщанина, родился въ Могилевѣ въ 1836 г., умеръ въ Петербургѣ 22 ноября 1887 г. Мальчикомъ Д. помогалъ своему отцу въ портняжномъ ремеслѣ и извозномъ промыслѣ, а затѣмъ, 13-ти лѣтъ, былъ приказчикомъ въ книжной лавкѣ. Грамотѣ Д. выучился тайкомъ отъ родителей у приходскаго дьячка и на 14 мъ году поступилъ въ Горыгорѣцкій земледѣльческій институтъ, курсъ котораго и окончилъ съ званіемъ ученаго управителя въ 1855 году. Послѣ недолгой службы въ Одессѣ писцомъ въ канцеляріи бывшаго

попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края, Д. обратилъ на себя вниманіе попечителя Одесскаго учебнаго округа, Н. И. Пирогова, благодаря которому поступилъ въ Ришельевскій лицей (1859 г.), а черезъ годъ перешелъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ и получилъ степень кандидата правъ въ 1862 году. По окончаніи университетскаго курса Д. былъ оставленъ при университетѣ и на казенный счетъ командированъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ гражданскаго права за границу, гдѣ прожилъ до 1865 года. По возвращеніи въ Россію, Д. перешелъ на службу въ министерство юстиціи и сначала былъ командированъ для разсмотрѣнія работъ по преобразованію судебной части Царства Польскаго, а затѣмъ назначенъ оберъ-секретаремъ 3-го департамента Правительствующаго Сената, но въ 1871 году оставилъ эту должность, причислился къ министерству юстиціи, а въ 1877 году окончательно вышелъ въ отставку. Въ 1871 году Д. сдѣлался редакторомъ-издателемъ газеты «Судебный Вѣстникъ» (начиная съ № 66 за 1871 г. и кончая № 258 за 1876 г.) и помѣстилъ въ немъ цѣлый рядъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ практической юриспруденціи (перечень статей приведенъ въ брошюрѣ М. Шиманскаго: «А. Б. Думашевскій», Одесса, 1888 г., стр. 14—15) и, кромѣ того, велъ «юридическое обозрѣніе» по гражданскимъ дѣламъ въ «Судебномъ Журналѣ» за 1867 и 1868 гг., который составлялъ приложеніе къ «Судебному Вѣстнику». Съ 1877 года Д. передалъ дѣло изданія газеты въ другія руки и, утомленный журнальной работой, лишь изрѣдка помѣщалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статьи публицистическаго характера преимущественно по еврейскому вопросу. Изъ скопленнаго имъ въ теченіе тяжелой трудовой жизни капитала въ 56.000 рублей—онъ 26.000 рублей завѣщалъ С.-Петербургскому университету на стипендіи по юридическому факультету по 300 рублей въ годъ съ тѣмъ, чтобы эти стипендіи назывались стипендіями «Еврея Думашевскаго» и 4.000 рублей С.-Петербургской консерваторіи на премію за «лучшія русскія застольныя пѣсни». Д. въ полномъ смыслѣ слова былъ юристъ-публицистъ, и не проходило ни одного сколько нибудь выдающагося жизненнаго вопроса, чтобы онъ не писалъ о немъ и не трактовалъ его съ юридической точки зрѣнія. Выдающійся юристъ-практикъ, Д. выступилъ въ юридической литературѣ горячимъ сторонникомъ практическаго направленія въ изученіи права и, не признавая никакого значенія за историко-философскимъ направленіемъ въ юриспруденціи, явился вмѣстѣ съ тѣмъ приверженцемъ догматической разработки русскаго гражданскаго права по преимуществу, въ противоположность господствовавшей тогда тенденціи къ изученію общаго гражданскаго права. Отводя второстепенную, вспомогательную роль послѣднему, Д. думалъ, что русское гражданское право и самостоятельно можетъ вылиться въ стройную систему нормъ при умѣломъ толкованіи и историческомъ освѣщеніи дѣйствующихъ источниковъ. Самъ Д. однако не далъ опыта такого толкованія, а его статьи, посвященныя критикѣ судебныхъ рѣшеній, почти всегда основывались на институтахъ римскаго права и, такимъ образомъ, въ корнѣ подрывали чисто-теоретическую проповѣдь Д. самостоятельности, почти обособленности въ русскомъ гражданскомъ правѣ.

Думашевскій рано выступилъ на литературное поприще, но, несмотря на выдающійся литературный талантъ, не написалъ ничего крупнаго. Многочисленныя статьи его разсѣяны во многихъ періодическихъ изданіяхъ того времени.

В. Григорьевъ: «С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ», Спб., 1870 г., стр. CXIII.—М. Шимановскій: «Арнольдъ Борисовичъ Думашевскій», Одесса, 1888 г.—«Историческій Вѣстникъ», 1888 г., кн. I, стр. 159.—«Новости», 1887 г., № 323.—«Новое Время», 1887 г., № 4217.—Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», в. VII, М. 1892 г., стр. 25—27.

Думитрашковъ, *Константинъ Даниловичъ*, писатель, сынъ священника Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, родился въ 1814 году, умеръ въ Кіевѣ 25 апр. 1886 г. Воспитывался въ Переяславскомъ духовномъ училищѣ, въ Полтавской духовной семинаріи и затѣмъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1839 году со степенью магистра богословія. По окончаніи курса академіи онъ на-

значенъ былъ преподавателемъ словесности въ Кіевской духовной семинаріи (1839—1864 гг.), въ 1870 г. избранъ секретаремъ совѣта Кіевской академіи, а съ 1872 г. состоялъ и библіотекаремъ той же академіи. Еще на школьной скамьѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ Д. началъ записывать на малорусскомъ языкѣ народныя думки и пѣсни, часть которыхъ вошла потомъ въ «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ» М. А. Максимовича. Въ сороковыхъ годахъ, подъ псевдонимомъ «Копытка», онъ помѣщалъ собственныя стихотворенія на малорусскомъ языкѣ въ Харьковскихъ альманахахъ и въ Петербургскомъ «Маякѣ» (напр. стихотвореніе «Золотоноша»). Имъ издана отдѣльной брошюрой въ переложеніи гекзаметромъ на украинскую рѣчь поэма Βατραχομυομαχια—подъ заглавіемъ «Жабомышо-дракивка, поэма съ греческаго лиця на казацкій выворотъ на швыдку нитку перештопана», Спб., 1859 г., при чемъ поэмѣ этой переводчикъ сообщилъ историко-политическую подкладку: жабы въ ней изображаютъ казаковъ, мыши—поляковъ XVII вѣка, а раки, присланные Зевсомъ на помощь жабамъ,—русскія войска. Кромѣ того, Д. написалъ нѣсколько легендъ: «Заклятый», «Поминки», «Змѣи», перевелъ изъ «Фауста» Гете молитву Маргариты и оставилъ послѣ смерти нѣсколько неизданныхъ стихотворныхъ легендъ, балладъ, думъ, пѣсенъ, переводовъ съ нѣмецкаго и другихъ мелкихъ стихотвореній. Всѣ его произведенія занимаютъ скромное мѣсто въ исторіи малорусской литературы и представляютъ собою по содержанію, по формѣ и по тону отчасти подражаніе стихотвореніямъ И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго, отчасти дальнѣйшее развитіе ихъ дѣятельности въ извѣстномъ отношеніи. Кромѣ того, Д. много писалъ въ мѣстныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», в. VI, М. 1890 г., стр. 50 и 51.—«Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной академіи», Кіевъ, 1869 г., стр. 415.—«Историческій Вѣстникъ», 1880 г., кн. 9, стр. 43—49, ст. Н. Петрова: «Украинская литература».—«Кіевская Старина», 1886 года, кн. 5, стр. 188—191, статья г. Лободы. *А. Ч—съ.*

Дунинъ-Барковскій, графъ, *Станиславъ*, польскій ученый, химикъ и минералогъ, потомокъ старинной польской фамиліи Дунинныхъ, герба Лебедь. Предокъ этого дворянскаго рода, Петръ Дунинъ графъ Скржины, былъ приближеннымъ короля Болеслава Кривоустаго. Многіе потомки его были воеводами и кастелянами и приняли добавочныя прозвища; одною изъ вѣтвей этого рода были Дунины-Барковскіе. Графъ Станиславъ родился въ маѣ 1786 года въ городкѣ Кода, въ Галиціи, умеръ въ 1851 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ во Львовѣ, а затѣмъ отправился въ горную академію въ Фрейбергѣ, гдѣ усердно занимался химіей и минералогіей, которую изучалъ подъ руководствомъ знаменитаго Вернера. Владѣя солиднымъ научнымъ образованіемъ, въ связи съ прекраснымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, Д.-Б. впослѣдствіи написалъ цѣлый рядъ какъ спеціально научныхъ сочиненій по химіи и минералогіи, такъ и работъ по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Завершивъ образованіе во Фрейбергской горной академіи, Д.-Б. для продолженія своихъ научныхъ занятій отправился въ Парижъ, гдѣ и написалъ свое первое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Observations générales sur les rapports des différentes structures de la terre». Paris 1809. По этому сочиненію французы впервые ознакомились съ важнѣйшей практической частью геогнозіи Вернера. Въ 1815 году Д.-Б. предпринялъ съ научными цѣлями путешествіе по Италіи, о которомъ потомъ написалъ сочиненіе на польскомъ языкѣ: «Podróż do Włoch». Warszawa, 1820. По возвращеніи на родину въ Галицію, онъ основалъ въ 1818 году общество сельскихъ хозяевъ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ занятій химіей и минералогіей, вслѣдствіе тяжелой болѣзни. Послѣдующій періодъ его жизни ничѣмъ не ознаменовался до 1827 года, когда мы снова видимъ его занятымъ работами по учрежденію библіотеки Осолинскихъ во Львовѣ, по случаю чего была имъ написана статья: «Über die Pflichten eines Bibliothekars», Львовъ, 1829 г. Въ томъ же году Д.-Б. получилъ приглашеніе принять на себя завѣдываніе всѣми библіотеками и учебными заведеніями въ Варшавѣ, но, будучи уже преклонныхъ лѣтъ и постоянно страдая болѣзнью, онъ не согласился. Послѣднимъ плодомъ его литературной дѣятельности была изданная имъ въ 1834 году польская псалтырь королевы Маргариты, снабженная исторически-

философско-критическими комментаріями, причемъ, въ опроверженіе критика Копитара, который считалъ эту рукопись гораздо древнѣйшей, была написана имъ статья: «Zur Geschichte des poln. Psalters u. s. w.» Вѣна 1835 г. О послѣдующей его жизни свѣдѣній не имѣется.

„Энциклопедич. Словарь“ Брокгауза и Ефрона т. XI стр. 239.—„Справочный энциклопедическій словарь“ подъ редакціей Старчевскаго. Спб. 1855 г., т. IV, стр. 184—„Русскій энциклоп. словарь“ Березина, т. I, стр. 523.

Дурасовъ, *Александръ Алексѣевичъ*, вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ-совѣта, родился въ 1779 г., умеръ 6 сент. 1848 г. Образованіе Д. получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ гардемариномъ въ 1795 г., а 1 мая 1797 г.—произведенъ въ мичманы. Первое время своей службы Д. плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1799 г. онъ на кораблѣ «Москва», подъ командою кап. I р. Сарычева, совершилъ плаваніе изъ Архангельска въ Англію и въ Кронштадтъ, а въ 1804 г., будучи произведенъ въ лейтенанты, на кораблѣ «Ретвизанъ», подъ командою капитанъ-командора Грейга,—отправился въ Средиземное море. Затѣмъ Д. участвовалъ въ такъ называемой Корфинской экспедиціи и въ эскадрѣ адмирала Сенявина, съ которой участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ и сраженіяхъ. Во время этой кампаніи Д. былъ раненъ въ високъ и награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. Въ 1811 г. Д. былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ командовалъ послѣдовательно нѣсколькими судами и былъ произведенъ въ 1812 г. въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1814 г. онъ опять переведенъ въ Балтійскій флотъ и совершилъ затѣмъ цѣлый рядъ плаваній, такъ что въ 1816 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за 18 кампаній на морѣ. Въ 1820 г. Д. получилъ въ командованіе фрегатъ «Поллюксъ» и на немъ занималъ брандвахтенный постъ на Кронштадтскомъ рейдѣ. Въ послѣдующихъ годахъ Д. командовалъ фрегатомъ «Легкій» въ эскадрѣ вице-адмирала Кроуна, участвовалъ въ крейсерствѣ по Балтійскому морю и къ берегамъ Исландіи и за образцовое исполненіе своихъ обязанностей заслужилъ особенное расположеніе адмирала Кроуна. 12 декабря 1824 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны II ранга. Въ 1825 г. Д. былъ посланъ въ Архангельскъ и назначенъ командиромъ вновь построеннаго корабля «Царь Константинъ» и начальникомъ отряда, слѣдовавшаго изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Въ томъ же году Д. принималъ участіе, въ числѣ другихъ офицеровъ, въ сниманіи съ мели судовъ Балтійскаго флота, разбросанныхъ страшнымъ ураганомъ, свирѣпствовавшимъ во всѣхъ сѣверныхъ моряхъ Европы. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ кампаній, Д. въ 1829 г. былъ произведенъ въ капитаны I ранга, а въ 1832 г.—въ контръ-адмиралы и въ томъ же году назначенъ капитаномъ надъ Кронштадтскимъ портомъ. Въ этой должности онъ находился до 6 декабря 1834 г., а въ началѣ 1835 г.—вступилъ въ командованіе 2-ой бригадой 3-ей флотской дивизіи и былъ всемилостивѣйше награжденъ за труды по управленію портомъ 3 тыс. десятинъ земли. Слѣдующіе годы Д. имѣлъ свой флагъ на цѣломъ рядѣ судовъ, въ 1839 г. былъ назначенъ начальникомъ 2-ой флотской дивизіи, а 6 декабря 1840 г. —произведенъ въ вице-адмиралы. Позднѣе Д. участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ со своею дивизіею, имѣя свой флагъ послѣдовательно на различныхъ судахъ, а 30 августа 1848 г. былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, но не успѣлъ вступить въ исправленіе своихъ обязанностей, связанныхъ съ новымъ назначеніемъ, такъ какъ до прибытія въ Петербургъ скончался въ Кронштадтѣ.

Морской сборникъ 1849 г., № 1.

М. Василевская.

Дурасовъ I-й, *Егоръ Александровичъ*, первоприсутствующій сенаторъ 7 департамента, дѣйствительный тайный совѣтникъ, родился въ 1762 году, умеръ въ 1847 году. Д. воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, въ 1798 г. произведенъ въ камеръ-пажи, въ слѣдующемъ году—въ лейбъ-пажи; затѣмъ черезъ два года, въ 1802 г., поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ поручикомъ, участвовалъ въ походѣ и въ сраженіи при Аустерлицѣ (1805 г.), былъ въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и при Фридландѣ (1807 г.), затѣмъ, въ чинѣ капитана, въ 1808 г. назначенъ въ Москву полицеймейстеромъ и въ 1811 г. произведенъ въ полковники. Въ 1813 году Д. переименованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ мо-

сковскимъ вице-губернаторомъ, въ 1816 году произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ слѣдующемъ году назначенъ московскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Въ 1823 году онъ назначенъ сенаторомъ, въ слѣдующемъ году былъ командированъ для производства слѣдствія о незаконныхъ поборахъ съ казенныхъ поселянъ и вообще для обревизованія Вятской губерніи; въ 1827 году производилъ слѣдствіе по Высочайшему повелѣнію о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ въ Костромской губерніи; въ 1831 году исполнялъ должность начальствующаго надъ Пречистенскою частью въ Москвѣ во время холеры. Въ 1842 году Д. за особыя заслуги произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и въ слѣдующемъ году назначенъ первоприсутствующимъ 2 отдѣленія 6 департамента, а въ 1847 году—первоприсутствующимъ 7 департамента.

Формуляръ по архиву Сената за № 1434.

А. Ч.

Дурасовъ, *Ѳеодоръ Алексѣевичъ*, сенаторъ межевого департамента, родился въ 1785 году, умеръ послѣ 1852 г. Получивъ воспитаніе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и окончивъ курсъ въ немъ въ 1798 году, Д. въ 1800 г. былъ произведенъ въ гардемарины, въ 1803 г., въ чинѣ мичмана, исправлялъ должность корабельнаго секретаря, въ 1806 г. завѣдывалъ переправою войскъ въ Померанію и затѣмъ, въ 1808 г.—въ Сестербекъ, въ 1810 г. произведенъ въ чинъ лейтенанта, въ 1814 г. командовалъ сухопутными батареями въ теченіе 40-суточныхъ безпрерывныхъ дѣйствій, былъ при этомъ раненъ въ грудь и за отличную храбрость, выказанную въ сраженіяхъ подъ Данцигомъ, награжденъ золотою шпагою и орденомъ св. Анны 2 ст. Съ 1818 по 1819 г. Д. былъ адъютантомъ у вице-адмираловъ Колокольцева и Сарычева, въ 1820 г. произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году уволенъ отъ службы въ чинѣ капитана II ранга. Въ томъ же 1821 г. Д. былъ переименованъ въ надворные совѣтники и назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ во 2-мъ департаментѣ сената. Въ 1824 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, участвовалъ въ особой слѣдственной комиссіи въ Бердичевѣ, въ 1826 г. производилъ слѣдствіе въ г. Тихвинѣ; въ 1827 г. командированъ былъ къ сенатору Баранову на время ревизіи имъ Олонецкой губерніи, гдѣ, по предписанію Баранова, ревизовалъ Повѣнецкій, Пудожскій и Вытегорскій уѣзды съ городами и, кромѣ того, осмотрѣлъ раскольническія селенія, одно изъ которыхъ—«Ладожскій скитъ», въ числѣ до 150 челов., склонилъ къ принятію православія. Въ 1829 г. Д. былъ назначенъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора въ межевомъ департаментѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, членомъ комитета для перестройки сенатскаго и синодскаго зданій; въ томъ же году онъ подвергся испытанію въ комитетѣ, учрежденномъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, и получилъ аттестатъ; въ 1830 г. былъ назначенъ членомъ комиссіи для разбора дѣлъ архивовъ государственнаго и сенатскаго; въ 1832 г. онъ организовалъ канцелярію временнаго общаго присутствія департаментовъ сената и завѣдывалъ этою канцеляріею; въ 1834 г. назначенъ членомъ комитета въ Петербургѣ, учрежденнаго по секретному дѣлу; въ 1835 г. состоялъ членомъ комиссіи составленія статистическихъ свѣдѣній при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ 1838 г. Д. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ сената; въ 1838—1839 гг., во время болѣзни первоприсутствующаго во временномъ общемъ собраніи сената, сенатора Обрѣзкова, по особому негласному предписанію министра юстиціи исполнялъ обязанности послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялъ въ комитетѣ для негласной повѣрки свода межевыхъ законовъ; въ 1840 г. участвовалъ въ комитетѣ по дѣламъ спеціальнаго межеванія, былъ членомъ центральнаго комитета при министерствѣ юстиціи для обсужденія правилъ спеціальнаго правительственнаго межеванія; въ 1845 г. произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника и назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи; въ 1847 г., по Высочайшему повелѣнію, ревизовалъ присутственныя мѣста вѣдомства министерства юстиціи въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской; въ 1848 г. онъ назначенъ сенаторомъ во 2-е отдѣленіе 3-го департамента; въ 1849 г. былъ членомъ смѣшанной военно-судной комиссіи, учрежденной въ С.-Петербургской крѣпости; въ 1850 г. Д. ревизовалъ Курскую губернію, а въ 1852 г. назначенъ помощ-

никомъ главнаго попечителя человѣколюбиваго общества и перемѣщенъ сенаторомъ въ межевой департаментъ.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора Θ. А. Дурасова, хранящійся въ архивѣ Сената за № 1366.

А. Ч.

Дурново, *Дмитрій Николаевичъ*, оберъ-гофмейстеръ, род. въ 1769 г., умеръ 11 дек. 1834 г. Съ младенчества, по обычаю того времени, Д. былъ зачисленъ на службу въ лейбъ-гв. конный полкъ капраломъ, а въ 1779 г. переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ капенармусомъ. Въ 1790 году Д. былъ произведенъ въ поручики. Въ 1792 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ, а черезъ 2 года—камергеромъ. Въ 1798 г. Д. пожалованъ гофмаршаломъ и въ слѣдующемъ году—командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Во время шведской войны, въ 1789 году, Д. принималъ участіе въ походѣ въ Финляндію съ 22 апрѣля по 15 октября. Въ 1800 году онъ былъ назначенъ капитаномъ замка при Зимнемъ дворцѣ съ переименованіемъ въ тайные совѣтники, а въ 1830 г.—выбранъ предводителемъ дворянства спб. губерніи, пожалованъ оберъ-гофмейстеромъ и назначенъ президентомъ гофъ-интендантской конторы. Въ слѣдующемъ году ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго.

Формуляръ, хранящійся въ архивѣ министерства *Импер. Двора.*

М. В.

Дурново, *Николай Дмитріевичъ*, генералъ-аншефъ, сенаторъ, умеръ въ 1816 г. Въ 1742 г. записанъ былъ на службу въ лейбъ-гв. Семеновскій полкъ солдатомъ и служилъ въ этомъ полку до производства въ капитанъ-поручики (1762 г.). По Высочайшему указу 6 мая 1763 г. Д. командированъ былъ въ Воронежскую губернію, для производства слѣдствія по жалобамъ однодворцевъ на козловскаго воеводу — Козлова; по возвращеніи оттуда былъ произведенъ въ капитаны (1765 г.) и послѣ этого былъ командированъ съ особымъ порученіемъ въ Яицкій городъ, гдѣ взбунтовавшимися казаками былъ такъ тяжело побитъ, что принужденъ былъ просить отставки отъ службы. По выздоровленіи онъ принятъ былъ вновь на службу и 21 апрѣля 1770 г. опредѣленъ въ провіантскій штатъ, съ чиномъ бригадира, на должность оберъ-штеръ-кригсъ-комиссара; 25 сентября 1771 г. назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ и, по производствѣ въ генералъ-маіоры, 8 октября 1775 г. опредѣленъ генералъ-кригсъ комиссаромъ. Состоя на службѣ въ провіантскомъ вѣдомствѣ, онъ исполнялъ разныя порученія по учрежденной въ Москвѣ комиссіи для закупки и подряда вина, а также и по комиссіи о поселеніи иностранцевъ. Высочайшимъ указомъ 28 іюня 1783 г. Д. переименованъ былъ въ генералъ-поручики и назначенъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ по 5 департаменту. По Высочайшему повелѣнію 22 декабря 1791 г. Д. вступилъ въ управленіе военнымъ комиссаріатскимъ департаментомъ, съ сохраненіемъ званія сенатора; въ 1793 г. онъ награжденъ орденомъ св. Владиміра I ст., а въ 1794 г. произведенъ въ генералъ-аншефы, съ оставленіемъ въ должности управляющаго военнымъ комиссаріатомъ и въ званіи сенатора. Высочайшимъ указомъ императрицы Екатерины II, 28 іюня 1796 г., Д. пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе 1828 душъ крестьянъ въ Плоцкой и Минской губерніяхъ, а по воцареніи Императора Павла I, Высочайшимъ указомъ по военному вѣдомству отъ 14 апрѣля 1797 г., онъ уволенъ, согласно прошенію, отъ службы и, находясь въ отставкѣ, умеръ.

Формулярный списокъ о службѣ сенатора Н. Д. Дурново, хранящійся въ архивѣ сената.—Дѣло приказного повытья, оп. 59, св. 420, часть 4.—„Московскія Вѣдомости“ 1828 г., № 100. *А. Ч.*

Дурновъ, *Иванъ Трофимовичъ*, академикъ живописи, родился 16 января 1801 года. Художественное образованіе Д. получилъ въ С.-Петербургской академіи художествъ, отъ которой въ 1817 году получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры. Въ 1821 году Д. окончилъ курсъ академіи художествъ съ аттестатомъ 1-й степени и большою серебряною медалью (также за рисунокъ съ натуры). Въ 1830 году Д., вмѣстѣ съ братьями Ал. Ст. и Вас. Ст. Добровольскими, явился однимъ изъ трехъ главныхъ участниковъ въ учрежденіи и устройствѣ Московскаго художественнаго класса, впослѣдствіи преобразованнаго въ училище живописи, ваянія и зодчества, и сдѣлался однимъ изъ первыхъ его

преподавателей. Когда дѣятельность художественнаго класса и успѣхи его учениковъ обратили на себя вниманіе С.-Петербургской академіи художествъ, академія, въ числѣ другихъ главныхъ учредителей класса, удостоила Д. званія академика за труды по устройству училища и за преподавательскую дѣятельность въ немъ.

Архивъ С.-Петербургской Имп. академіи художествъ.—Петровъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургской Имп. академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія“.—„Воспоминанія объ А. С. Добровольскомъ“ Н. Степанова („Московскія Вѣдомости“ 1844 г., № 60).

В. Г.

Дурновъ, *Трофимъ Ѳеодоровичъ*, историческій живописецъ, родился въ 1765 г., умеръ въ Москвѣ 8 ноября 1833 года. Дурновъ былъ вольноотпущеннымъ графа Арт. Ив. Воронцова. Онъ учился въ академіи художествъ въ качествѣ посторонняго ученика, и его наставникомъ былъ И. Акимовъ. Въ 1797 г. Дурновъ окончилъ курсъ академіи, причемъ получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры. Въ 1800 году совѣтъ академіи относительно Дурнова и пріѣхавшаго въ Петербургъ живописца Христофора Редера постановилъ: «причислить обоихъ къ живописному классу впредь до усмотрѣнія, на что они потребны быть могутъ, и дать имъ видъ, что они находятся въ службѣ академіи». Въ 1804 году академія признала Дурнова назначеннымъ въ академики за представленную имъ картину: «Се человѣкъ!» Въ 1809 году онъ получилъ отъ академіи званіе академика за картину: «Избіеніе младенцевъ», находящуюся въ картинной галлереѣ академіи художествъ. Дурновъ писалъ, главнымъ образомъ, образа.

Архивъ С.-Петербургской Имп. академіи художествъ.—Петровъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія“.—А. Сомовъ: „Картинная галлерея Имп. академіи художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи“.

В. Г.

Дурова, *Надежда Андреевна*, (Александръ Андреевичъ Александровъ), штабсъ-ротмистръ арміи, писательница. Д. родилась въ 1783 г. (а не въ 1789 или 1790, какъ пишутъ нѣкоторые ея біографы) отъ отца—гусарскаго ротмистра, родомъ изъ дворянъ Вятской губ., и матери—дочери полтавскаго помѣщика Александровича умерла 23 марта 1866 г. О первыхъ годахъ ея жизни существуютъ двѣ версіи. По одной изъ нихъ, Д. съ младенчества вела скитальческую жизнь, такъ какъ отецъ ея, слѣдуя за полкомъ, постоянно мѣнялъ мѣстожительство. При такихъ условіяхъ ни мать, ни отецъ не могли обратить надлежащаго вниманія на воспитаніе Д., и она была поручена заботамъ гусарскаго рядового Астахова. «Сѣдло было моей первой колыбелью, лошадь, оружіе и полковая музыка—первыми дѣтскими игрушками и забавами», пишетъ Д. въ своихъ «Запискахъ». По той же версіи Д. была привезена въ г. Сарапуль въ концѣ 1789 г., гдѣ ея отецъ поступилъ на мѣсто городничаго по смерти бывшаго до него секундъ-маіора Касиновскаго. Въ метрикѣ 1790 г. августа 3 (№ 51) показано: «Сарапульскаго городничаго секундъ-маіора Андрея Дурова родилась дочь Евгенія; воспреемница дочь его, Андреева, отроковица Надежда». Этотъ документъ даетъ основаніе думать, что другія данныя о юности Н. А. невѣрны. По этимъ даннымъ обстановка, при которой родилась и воспитывалась Д., представляется въ такомъ свѣтѣ. Въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія въ г. Пирятинѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, въ которомъ, между прочимъ, служилъ бѣдный дворянинъ Андрей Васильевичъ Дуровъ. Офицеры часто бывали у полтавскаго помѣщика Александровича, и Дуровъ влюбился въ одну изъ его дочерей и вскорѣ сталъ пользоваться взаимностью. Родители Надежды Ивановны (мать Д.) не согласились выдать ее за неизвѣстнаго, бѣднаго офицера. Тогда молодые люди рѣшились бѣжать и обвѣнчаться безъ родительскаго благословенія. Когда у нихъ родилась дочь, Надежда, они должны были подумать о средствахъ къ существованію, такъ какъ у Н. И. не было ничего, а у А. В. только маленькая деревенька Вербовка, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. Иного выхода не было, какъ ѣхать въ имѣніе Александровича, с. Великая Круча (въ 7 в. отъ Пирятина) и просить прощенія за свой проступокъ. Горячее раскаяніе и стѣсненное матеріальное положеніе молодой четы смягчило родителей, и они простили Дуровыхъ. Проживъ нѣкоторое

время въ В. Кручѣ, Дуровы уѣхали въ Вятскую губ., оставивъ дочь на воспитаніе бабушки. Н. А. завоевала себѣ симпатіи обитателей Великой Кручи своей привѣтливостью и скромностью и прожила тамъ до 17 лѣтъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ только къ тому времени родители взяли ее къ себѣ въ Сарапуль. Какъ бы то ни было, но въ 1801 г. мы застаемъ Д. въ г. Сарапулѣ, такъ какъ въ метрикахъ о бракосочетавшихся 1801 г., октября 25, № 44, читаемъ: «Сарапульскаго нижняго земскаго суда дворянской засѣдатель 14-го класса Василій Стефановъ Черновъ 25 лѣтъ поялъ господина сарапульскаго городничаго Андрея Дурова дочь дѣвицу Надежду 18 лѣтъ». Черезъ годъ у Черновыхъ родился сынъ (объ этомъ въ «Запискахъ» не говорится), котораго назвали Иваномъ. Спокойная семейная жизнь Д. продолжалась недолго. Въ началѣ этого столѣтія Прикамская мѣстность была далеко не спокойнымъ мѣстомъ. Татары и киргизы уже прекратили свои набѣги на Сарапульскій уѣздъ, но разбойничьи шайки иногда нападали на жителей Сарапуля. Для поимки воровъ и охраны жителей въ городѣ находился отрядъ казаковъ. Д. познакомилась съ есауломъ отряда, полюбила его и сошлась съ нимъ. Возникли семейныя непріятности, и Д. рѣшила оставить семью, исполнивъ свое завѣтное желаніе—поступить въ военную службу. Въ 1806 г. казачій отрядъ выступалъ изъ Сарапуля. Д., переждавъ два дня послѣ его выступленія, 17-го сентября, въ день своихъ имянинъ, оставила платье на берегу рѣки и въ военной одеждѣ отправилась вслѣдъ за есауломъ, подъ видомъ его деньщика. Съ началомъ войны 1807 г., Д. приняла участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ конно-польскимъ уланскимъ полкомъ, куда она поступила въ г. Гроднѣ подъ именемъ дворянина Соколова. Небезынтересно отмѣтить всеподданнѣйшій докладъ, 28-го сентября 1807 г., доказывающій, что родители Д. принимали мѣры для возвращенія дочери. Въ докладѣ этомъ читаемъ: «Коллежскій совѣтникъ Дуровъ, въ Вятской губ., въ г. Саратовѣ жительствующій, ищетъ повсюду дочь Надежду, по мужѣ Чернову, которая по семейнымъ несогласіямъ принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ своихъ, и отъ которой было письмо изъ Гродно, что она, записавшись подъ именемъ Александра Васильева сына Соколова въ конный польскій полкъ, служитъ товарищемъ и была во многихъ съ непріятелемъ сраженіяхъ» и т. д. Напавши на слѣдъ Д., отецъ и дядя ея подали прошеніе на Высочайшее имя о «возвращеніи имъ сей несчастной». Въ теченіе почти трехъ лѣтъ полъ Д. оставался въ арміи неизвѣстнымъ, и она, дѣлая кампанію съ полкомъ, участвовала въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ, Фридландѣ, гдѣ обнаружила рѣдкую храбрость, получила юнкерскій знакъ военнаго ордена и первый офицерскій чинъ, съ переводомъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ. Во время войны она была ранена въ правую руку и, когда сняли съ нея мундиръ, чтобы осмотрѣть руку, полъ ея былъ узнанъ. Донесли государю; государь отнесся къ ней чрезвычайно милостиво, назначилъ ей пенсію, разрѣшилъ именоваться Александровымъ и обращаться непосредственно къ нему съ просьбами. Вскорѣ послѣ этого Д. уѣхала въ Сарапуль къ отцу (мать ея умерла вскорѣ послѣ бѣгства Д. изъ дому). Въ 1811 г. мы видимъ Д. опять въ рядахъ арміи, на этотъ разъ въ уланскомъ Литовскомъ полку, вмѣстѣ съ которымъ она принимаетъ участіе въ отечественной войнѣ 1812 года. Ей пришлось сражаться подъ Смоленскомъ, при Колоцкомъ монастырѣ и, наконецъ, при Бородинѣ, гдѣ она была контужена въ ногу. Послѣ Бородинскаго сраженія Д. была назначена безсмѣннымъ ординарцемъ при главнокомандующемъ арміей, князѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, но, вслѣдствіе полученной контузіи, принуждена была оставить полкъ и уѣхала лечиться въ Сарапуль. Въ маѣ 1813 г. Д. вернулась въ ряды дѣйствующей арміи и приняла участіе въ войнѣ за освобожденіе Германіи, причемъ отличилась при блокадѣ крѣпости Модлина и осадѣ Гамбурга. Въ 1816 году, уступая настоятельнымъ просьбамъ своего отца, Д. вышла въ отставку съ пенсіономъ и чиномъ штабсъ-ротмистра. Выйдя въ отставку, она поселилась въ г. Сарапулѣ, гдѣ мѣсто городничаго занималъ уже не отецъ ея, а братъ, Василій Андреевичъ. Пошловатая уѣздная будничная обстановка не соотвѣтствовала романической натурѣ Д., и она довольно часто отлуча-

лась въ Петербургъ. Въ 1819 г. Д. переселилась вмѣстѣ съ братомъ въ г. Елабугу, Вятской губ.; черезъ 10 лѣтъ, въ 1829 г., снова вернулась въ Сарапуль, и, наконецъ, въ 1840 г., когда братъ ея уѣхалъ въ Кунгуръ, опять выбрала мѣстожительствомъ Елабугу, гдѣ познакомилась и подружилась съ мѣстнымъ городничимъ, Э. О. Ерличемъ. Въ Елабугѣ Д. оставалась до конца своей жизни. Похороны «дѣвицы-кавалериста» почтилъ мѣстный кадровый батальонъ приличнымъ воинскимъ конвоемъ, проводившимъ ее до могилы. Георгіевскій крестъ несъ офицеръ. Провожавшихъ гробъ было немного, потому что выносъ былъ сдѣланъ очень рано. Послѣдніе годы жизни Д. проводила въ полномъ уединеніи, не появлялась ни въ какихъ общественныхъ собраніяхъ. Можетъ быть, это происходило потому, что она жила одною пенсіей, крайне незначительной (послѣ ея смерти остался, говорятъ, только одинъ рубль), а можетъ быть, преклонныя лѣта заставляли ее искать отдыха отъ такой бурной, необыкновенной жизни, какая выпала ей на долю.

Отъ природы Д. обладала экзальтированнымъ, восторженнымъ характеромъ, отличалась рѣдкой душевной добротой и не была чужда нѣкоторымъ странностямъ и причудамъ. Насколько сердечно относилась Д. и къ людямъ, и къ животнымъ, показываетъ ея образъ жизни по выходѣ въ отставку. Въ Елабугѣ мѣстные жители, пользуясь ея добротой, обращались къ ней со всевозможными просьбами и жалобами, часто нелѣпыми и неосновательными. Д. всѣ эти прошенія передавала своему пріятелю Э. О. Ерличу, настаивая на ихъ немедленномъ удовлетвореніи. Любовь Д. къ животнымъ тоже всячески эксплуатировалась голодными обывателями Елабуги и Сарапуля. Но никакіе обманы и вымогательства не останавливали штабсъ-ротмистра: въ его квартирѣ всегда было особое помѣщеніе для бездомныхъ и больныхъ кошекъ и собакъ. Д. сама за ними ухаживала, сама лечила ихъ и всячески опекала. Страсть къ животнымъ сохранилась у нея до конца жизни. Ходила Д. всегда въ мужскомъ платьѣ, обыкновенно въ синемъ чекменѣ на крючкахъ, шароварахъ и фуражкѣ на военный покрой. Только отсутствіе усовъ и множество мелкихъ морщинъ на смугломъ и весьма утомленномъ лицѣ, да черезчуръ малый для мужчины ростъ обнаруживали полъ Д. Нужно сказать, что Д. чрезвычайно не любила, когда къ ней обращались, какъ къ женщинѣ. Насколько ей это бывало непріятно, показываетъ слѣдующій случай. Сынъ ея, Иванъ Васильевичъ Черновъ, засватавъ невѣсту, послалъ ей письмо, прося благословенія. Д., вскрывъ конвертъ и увидѣвъ, что сынъ называетъ ее «маменькой», немедленно порвала письмо и не отвѣтила на него. Братъ ея передалъ Ивану Васильевичу судьбу письма, и тотъ отправилъ другое чисто-дѣлового характера. Дозволеніе на бракъ было послано. Несмотря на нѣкоторыя свои странности, Д. пользовалась любовью и уваженіемъ окружающихъ, видѣвшихъ въ ней не только «дѣвицу-кавалериста», не только извѣстную писательницу, но добраго, отзывчиваго человѣка, всегда готоваго помочь словомъ и дѣломъ.

Что касается литературной дѣятельности Д., то произведенія ея въ свое время не только читались, но и пользовались значительнымъ успѣхомъ, доказательствомъ чего служатъ отзывы Пушкина о Д. Онъ признавалъ несомнѣнный талантъ въ авторѣ «Записокъ» и побуждалъ Д. къ дальнѣйшей литературной дѣятельности. «Будьте смѣлы»,—пишетъ А. С. Пушкинъ Дуровой,—«вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило». Для нашего времени произведенія Д. въ значительной мѣрѣ уже утратили свой интересъ. Нѣкоторая неправдоподобность и запутанность фабулы, блѣдность и неестественное положеніе героевъ составляютъ общую черту повѣстей и разсказовъ Д., черту, которую ей охотно прощали современники и которая много способствовала тому, что произведенія Д. теперь почти забыты.

Писала Д. подъ псевдонимомъ Ал. Андр. Александрова и Дѣвицы-Кавалериста. Изъ литературныхъ ея трудовъ извѣстны слѣдующіе:

„Записки“ (отрывокъ), „Современникъ“ 1836, ч. 2.—„Кавалеристъ-Дѣвица“, происшествіе въ Россіи. Спб. 1836. 8°.—„Записки Александрова“, добавленіе къ „Дѣвицѣ-Кавалеристу“, М., 1839, 8°.—„Елена, Т—ская красавица“, „Библ. для Чтенія“ 1837 г., т. 23, кн. I.—„Графъ

Маврицкій", „Библ. для Чтенія", т. 27, кн. I.—„Годъ жизни въ Петербургѣ" или „Невыгоды третьяго посѣщенія", Спб., 1838, 12⁰.—„Гудишки", ром. въ 4-хъ ч., соч. Александрова, Спб., 1839, 12⁰. Посвящается кн. Т. В. Юсуповой.—„Сѣрный ключъ", черемисская повѣсть. Сборникъ „Сто русскихъ литераторовъ", Спб., т. I.—„Повѣсти и разсказы", въ 4-хъ ч., Спб., 1839, 16⁰.—„Кладъ", Спб., 1840, 16⁰.—„Ярчукъ" или „Собака-духовидецъ", Спб., 1840.—„Уголь", Спб., 1840, 12⁰.—„Павильонъ", повѣсть—„Отеч. Записки", 1839. № 2.

„Академическій Мѣсяцесловъ", 1867, стр. 98.—„Вѣсть", 1866, № 35.—„Спб. Вѣдом." 1861, № 3.—„Библ. Записки", 1859, № 5, стр. 133.—„Дѣвица-воинъ", стихотв. „Маякъ", 1840, ч. 8, стр. 27.—„Голосъ", 1863, № 346.—„Энциклопедическій лексиконъ" Плюшара.—„Настольный словарь" Толля.—„Біографич. словарь русскихъ писательницъ" кн. Голицына.—„Иллюстр. Газета", 1866, т. 17. № 18, стр. 287.—„Вятскія Губ. Вѣдом.", 1866, № 18 и 40.—„Спб. Вѣдом.", 1866, № 125.—Мордовцевъ: „Русскія женщины XIX в". Спб., 1874 г.—„Воспоминанія Т. П. Пассекъ», т. II, стр. 333.—„Русск. Архивъ", 1872, стр. 2043.—„Русскій Архивъ", 1872, стр. 199.—Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. V 297, 348; т. VII, 401, 408.—Геннади: „Словарь", 1, 325.—Соч. Бѣлинскаго, III, 76; IV, 128.—„Библіот. для чтенія", 1840, т. 42, отд. VI, стр. 24.—„Кіевская Старина", 1886, т. XIV, стр. 398.—„Историческій Вѣстникъ", 1888, № 2, стр. 414.—Байдаровъ: „Кавалеристъ-дѣвица Александрова-Дурова". Спб., 1887.—„Русская Старина", 1890, № 9.

Б. С.

Дуровъ, *Захаръ Захаровичъ*, преподаватель С. Петербургской консерваторіи, умеръ 11 января 1889 года. По окончаніи курса въ одномъ изъ московскихъ военно-учебныхъ заведеній, Д. поступилъ въ Московскую консерваторію. Тамъ онъ увлекся лекціями по исторіи церковнаго православнаго пѣнія Д. В. Разумовскаго, подъ руководствомъ котораго занимался этою спеціальностью. Впослѣдствіи Д. былъ преподавателемъ исторіи русскаго церковнаго пѣнія въ С.-Петербургской консерваторіи. Его сочиненіе — «Общій очеркъ исторіи музыки въ Россіи»—былъ напечатанъ въ «Руководствѣ къ изученію исторіи музыки» Андрея фонъ-Доммера, изданномъ П. Юргенсономъ въ 1884 году подъ редакціей Дурова; другое его обширное сочиненіе по исторіи православнаго пѣнія было удостоено преміи отъ академіи наукъ, но осталось ненапечатаннымъ: Д. уже совершенно приготовилъ его къ печати, но не успѣлъ довести до конца своего труда, такъ какъ вскорѣ умеръ.

А. Преображенскій: „Словарь русскаго церковнаго пѣнія".—Краткій некрологъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1886 года, кн. III.—Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей." Вып. 6-й (приложеніе къ „Историческому Вѣстнику" 1889 года).

В. Г.

Дуровъ, *Николай Павловичъ*, статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ и хранитель музея института инженеровъ путей сообщенія, родился 9 ноября 1831 г., умеръ 22 января 1879 года. По происхожденію своему дворянинъ С.-Петербургской губ., Д. 3 августа 1846 г. поступилъ кадетомъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, откуда 19-ти лѣтъ былъ произведенъ въ поручики того же корпуса и тогда же назначенъ въ распоряженіе XI округа путей сообщенія. Въ 1856 г. Д. былъ назначенъ помощникомъ начальника 1-го стола департамента проектовъ и смѣтъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, а въ 1858 г.—прикомандированъ къ институту корпуса инженеровъ путей сообщенія въ число репетиторовъ съ оставленіемъ при вышеупомянутой должности. Въ 1861 г. Д. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Спустя три года его избрали хранителемъ музея института и назначили репетиторомъ. Въ 1867 г. Д. былъ переименованъ въ надворные совѣтники, а 13 декабря 1872 года — избранъ экстраординарнымъ профессоромъ института по каѳедрѣ начертательной геометріи. Черезъ годъ онъ получилъ орденъ св. Станислава 2 ст. съ императорскою короною. Въ 1877 г. Д. былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и избранъ ординарнымъ профессоромъ, но въ слѣдующемъ же году онъ психически заболѣлъ и потому вышелъ въ отставку, а затѣмъ вскорѣ и умеръ. Д. оставилъ послѣ себя замѣчательную библіотеку, собиравшуюся имъ съ любовью и тщаніемъ болѣе 25 лѣтъ. Въ его книгохранилищѣ встрѣчались такія рѣдкія книги, какъ напримѣръ „Путешествіе Радищева", трагедія Княжнина „Вадимъ" въ современномъ изданіи, сожженномъ при Екатеринѣ II, и др. Библіотека Д. давала обильный матеріалъ для всесторонняго изученія Россіи—ея исторіи, гео-

графіи, просвѣщенія,—но, къ сожалѣнію, послѣ его смерти она была куплена не учрежденіемъ, а московскимъ книгопродавцемъ Готье, который ее распродалъ по частямъ разнымъ любителямъ и собирателямъ книгъ. Нѣкоторые матеріалы изъ своей библіотеки съ собственными примѣчаніями Д. напечаталъ въ повременныхъ изданіяхъ, какъ напримѣръ: „Журналъ собств. К. Н. Т. (кн. Н. Ю. Трубецкого) по возвращеніи въ 1717 г. (1719—1763) изъ нѣмецкой земли". „Русская Стар." 1870 г., т. I, № 1.—„Отчеты Лагарпа графу Ник. Ив. Салтыкову о воспитаніи вел. кн. Александра и Константина Павловичей". „Русск. Ст." 1870 г., т. I, №№ 1, 2 и 5 и т. II, №№ 8 и 9.—„Ѳеодоръ Васильевичъ Каржавинъ" и „Братья Василій и Ерофей Каржавины". „Русск. Ст." 1875 г., т. XII.—Переводъ „Исторіи болѣзни имп. Александра I (Межовъ, I; 4, 102).—Кромѣ того, Д. были напечатаны нѣсколько работъ по своей спеціальности: „Руководство геометрическаго черченія", Н. Дуровъ и Гавловскій. Спб. 1874 г.—„Матеріалы для исторіи строительнаго дѣла въ Россіи" (проектъ гр. Миниха о предохраненіи С.-Петербурга отъ наводненій). Журн. Гл. Упр. Пут. Сообщ., т. 30, отд. I.—„Матеріалы для исторіи строительнаго дѣла въ Россіи" (проектъ соединенія Волги съ Дономъ, Бреккель и Перри). Журн. Гл. Упр. Пут. Сообщ. и Публ. зданій, т. 42, кн. I, отд. II (неофф.).—„Матеріалы для исторіи строительнаго дѣла въ Россіи" (строители Петрова времени и работы ихъ. Каналъ Петра Великаго въ Кронштадтѣ). Журн. Гл. Упр. Пут. Сообщ., т. 37, кн. III, отд. II.

Формулярный списокъ, хранящійся въ канцеляріи института инженеровъ путей сообщенія. — П. Гильдебрандтъ: „Древняя и новая Россія", 1879 г., № 2, стр. 167.—„Голосъ" 1879 г., № 32.—„Альбомъ" Семевскаго.—Березинъ-Ширяевъ, X, 188. — Березинъ-Ширяевъ: „Изъ воспоминаній библіофила". Библіографъ 1887 г., № 1 и № 3.

М. Васильевская.

Дуровъ, *Сергѣй Ѳеодоровичъ*, писатель, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Орловской губерніи, родился въ 1815 или 1816 году въ имѣніи своего отца Ѳеодора Сергѣевича, полковника и каменецкаго полицеймейстера; умеръ въ Полтавѣ 6 декабря 1869 г. Матерью его была Надежда Ивановна Хмѣльницкая, родная сестра драматурга. Проведя дѣтство въ деревнѣ, тринадцатилѣтній Д. въ 1828 году поступилъ въ благородный пансіонъ при С.-Петербургскомъ университетѣ (нынѣ 1-ая гимназія) и, окончивъ здѣсь полный курсъ весною 1833 года съ правомъ на чинъ XII класса, 1 ноября того же года опредѣлился канцелярскимъ чиновникомъ въ государственный коммерческій банкъ, гдѣ съ 19 октября 1836 года занималъ должность младшаго помощника бухгалтера. 16 августа 1840 года онъ поступилъ въ канцелярію морского министерства «чиновникомъ для иностранной переписки» и, сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей, исправлялъ должность казначея канцеляріи морскаго министерства и ревизіоннаго комитета по черноморскому интендантству, а 4 іюля 1847 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора. Литературныя занятія Д. начались очень рано, но долгое время онъ не обозначалъ своего имени подъ оригинальными и переводными произведеніями, помѣщавшимися по большей части въ современныхъ альманахахъ. Лишь въ 1843 г. подпись его впервые появилась въ № 43 «Литературной Газеты» за этотъ годъ (стр. 766) подъ стихотвореніемъ Байрона («Экспромтъ въ отвѣтъ другу»), перепечатаннымъ потомъ въ «Иллюстраціи» 1846 г. (т. III, № 39, стр. 626). С 1844 года Д. печаталъ свои поэтическія и прозаическія произведенія въ альманахахъ «Молодикъ» 1844 г., «Новоселье» 1845 г., «Метеоръ» 1845 г. и «Невскомъ альманахѣ на 1847—1848 гг.». Затѣмъ произведенія Д. попадаются въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1844, 1845 и 1848 гг., въ «Иллюстраціи» 1845, 1846 и 1847 гг., «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 и 1847 гг., «Пантеонѣ» 1848 г., «Сѣверномъ Обозрѣніи» 1848 г., «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1848 г. и «Литературной Газетѣ» В. Р. Зотова. Многія оригинальныя стихотворенія Д. были замѣчены и выдвинули его изъ рядовъ посредственности. Но, обладая основательнымъ знаніемъ французскаго и англійскаго языковъ, а также польскаго и латинскаго, Д. занимался главнымъ образомъ переводами иностранныхъ поэтовъ, и о нихъ съ похвалой отзывается Бѣлинскій; такъ, онъ напечаталъ много стихотвореній изъ В. Гюго, А. Шенье,

Мильвуа, Барбье, Байрона, Мицкевича, Ходзько и Горація, а римскому поэту Публіусу Сирусу посвятилъ даже отдѣльный очеркъ въ «Финскомъ Вѣстникѣ» (1847 г., т. XXIII, смѣсь, стр. 11—18). Изъ прозаическихъ произведеній Д. были напечатаны: «Чужое дитя», повѣсть въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 г., (т. X, стр. 13—70), «Халатникъ», разсказъ («Невск. альманахъ на 1847—1848 гг.»), «Романъ въ запискахъ» («Иллюстрація» 1847 г.), «Грустная повѣсть съ веселымъ концомъ» (Библ. для Чтенія» 1848 г., т. 87.), «Танталъ», повѣсть (ib. 1848 г., т. 89.), «Тетенька», физіологическій очеркъ («Пантеонъ» 1848 г.), написанный съ большимъ юморомъ, котораго, по свидѣтельству современниковъ, было такъ много въ характерѣ Д., и нѣсколько другихъ, разсѣянныхъ въ «Сѣверномъ Обозрѣніи» и «Литературной Газетѣ». Наконецъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1848 г. (№ 8 и 9) Д. помѣстилъ біографію недавно предъ тѣмъ скончавшагося своего родного дяди по матери, извѣстнаго въ свое время драматурга Н. И. Хмѣльницкаго. Но эта работа Д. содержитъ въ себѣ много ошибокъ, неточностей и противорѣчій съ фактической стороны, что и было своевременно отмѣчено въ «Отечественныхъ запискахъ» (1849 г., т. LXIII, отд. VIII, стр. 129) въ статьѣ «Нѣчто о біографахъ и біографіяхъ». Однако, біографія съ тѣми же ошибками была перепечатана при собраніи сочиненій Н. И. Хмѣльницкаго, изданномъ Смирдинымъ въ началѣ 1849 г. Этой работой прекратилась литературная дѣятельность Д. Еще въ началѣ 1848 года онъ близко сошелся съ кружкомъ передовыхъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ были Г. Е. Благосвѣтловъ, Н. Г. Чернышевскій, поэтъ А. Н. Плещеевъ, М. М. и Ѳ. М. Достоевскіе, А. И. Пальмъ, А. П. Милюковъ, В. В. Дерикеръ и другіе. Мало по малу и у самого Д. началъ собираться свой кружокъ, посѣщавшій также извѣстнаго М. В. Буташевича-Петрашевскаго, но невполнѣ согласный съ крайними мнѣніями послѣдняго. «Это была», разсказываетъ А. П. Милюковъ, «кучка молодежи болѣе умѣренной. Д. жилъ тогда съ А. И. Пальмомъ и А. Д. Щелковымъ. Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался уже нѣсколько времени организованный кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, въ которомъ не было никакихъ чисто-революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Несмотря однако на мирныя стремленія молодыхъ людей, искавшихъ въ спорахъ между собою лишь рѣшенія мучившихъ ихъ общественныхъ вопросовъ, Д. и его друзья были арестованы въ ночь на 23 апрѣля 1849 года и посажены въ крѣпость. Слѣдственная комиссія приговорила всѣхъ арестованныхъ, въ томъ числѣ и Д., къ смертной казни. Обвиненные уже были введены на эшафотъ (22 декабря), но тутъ имъ было объявлено помилованіе съ замѣной ссылкой въ каторгу на 4 года. 25 декабря Д. съ Ѳ. М. Достоевскимъ былъ отправленъ въ Омскъ. На мѣсто ссылки Д. прибылъ 23 января 1850 года. Здѣсь онъ по прежнему всѣмъ интересовался много читалъ, отличался общительнымъ характеромъ, и вначалѣ каторга не оказала на него слишкомъ вреднаго вліянія. «Высокаго роста, статный, красивый, онъ держалъ голову высоко, его большіе черные на выкатѣ глаза, несмотря на ихъ близорукость, смотрѣли ласково, и уста какъ бы улыбались всякому». Однако тяжелыя работы при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ потрясли его организмъ до крайней степени, и когда, въ 1855 году, онъ окончилъ срокъ пребыванія въ каторгѣ и былъ выпущенъ рядовымъ въ 3-й сибирскій линейный батальонъ, квартировавшій въ укр. Кокчетавы,—это былъ дѣйствительно, какъ писалъ Достоевскій («Записки изъ мертваго дома», ч. I, гл. VII), «полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой» человѣкъ, или, лучше сказать, развалина, вмѣщавшая въ себѣ всевозможные недуги. Онъ уже не могъ двигаться безъ посторонней помощи. Мѣстный кокчетавскій врачъ, И. Ѳ. Зюковъ, подвергъ С. Ѳ. Дурова гидропатическому леченію и, начавъ его въ маѣ и кончивъ въ августѣ, имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ его паціентъ совершалъ уже пѣшеходныя прогулки на разстояніи 5 и болѣе верстъ, поднимался на гору и спускался въ ложбины, гдѣ онъ собиралъ въ свои ботаническія коллекціи разныя травы и злаки сибирской флоры. Одно время затѣмъ Д. состоялъ писцомъ 4-го разряда въ област-

номъ правленіи сибирскихъ киргизовъ. Когда, наконецъ, Дурову вышло прощеніе, онъ въ іюлѣ 1856 года покинулъ Сибирь. Въ 1857 г. ему было возвращено дворянство, а въ 1863 г. разрѣшено жить въ столицахъ. Въ 1856 г. Д. уѣхалъ въ Одессу къ своему ближайшему другу, А. И. Пальму. Товарищъ его по изгнанію—А. Н. Плещеевъ, при извѣстіи объ отъѣздѣ Д. на югъ, написалъ ему прочувствованное стихотвореніе, въ которомъ высказывалъ наилучшія пожеланія страдальцу. Д. поселился затѣмъ около Полтавы, въ имѣніи А. И. Пальма. Отсюда онъ съ интересомъ слѣдилъ за совершавшимися преобразованіями и нововведеніями разнаго рода и здѣсь же возобновилъ свои любимыя занятія литературой, которыя ему были недоступны на каторгѣ. Такъ, въ «Современникѣ» 1862 и 1863 гг. (т. 92, 95 и 96) появилось нѣсколько оригинальныхъ его стихотвореній и переводовъ изъ Гюго и Барбье, въ 1-й книжкѣ «Эпохи» за 1864 годъ былъ напечатанъ его новый переводъ извѣстнаго ямба Барбье—«Смѣхъ» и, наконецъ, въ 3-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1869 года оригинальное стихотвореніе «Европа движется»... Вскорѣ же, послѣ трехдневной болѣзни, Д. скончался въ Полтавѣ на рукахъ А. И. Пальма. На похоронахъ его къ небольшому кружку знакомыхъ «присоединилось довольно много простого бѣднаго народа, который зналъ хилаго старичка, ежедневно бродившаго по улицамъ, нюхавшаго изъ берестовой тавлинки и охотно вступавшаго въ бесѣду съ каждымъ нищимъ». «Однимъ честнымъ, добрымъ, спокойнымъ и умнымъ человѣкомъ стало меньше въ нашемъ обществѣ»—такими словами заканчивается краткій некрологъ С. Ѳ. Дурова, написанный однимъ изъ его друзей.

Дѣло Дуровыхъ въ архивѣ Департ. Герольдіи.—Аттестатъ при отставкѣ Д. въ архивѣ Морского Министерства.—Д. Соловьевъ: „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской 1-й Гимназіи“.—Спб. 1880, стр. 102, 382 и 388.—А. П. Милюковъ: „Литературныя встрѣчи и знакомства“. Спб. 1890, стр. 167—207 и Русск. Стар. 1881 г., т. XXX, стр. 694—707; Русская Стар. 1881 г., т. XXXI, стр. 33—35.—Руск. Стар. 1885 г., XLVII, стр. 512, 513 и 514.—Историч. Вѣстн. 1888 г. т. 32-й, стр. 628—632, 1890 г. т. 40-й.—„Воспоминанія В. Р. Зотова“, стр. 314 и 1895 г. т. 62-й.—П. К. Мартьяновъ: „Въ переломѣ вѣка“ стр. 446—461.—Геннади: Справочный словарь о русск. писателяхъ. Берлинъ. 1876 г. т. I, стр. 325.—Н. В. Гербель: „Поэзія славянъ“. Спб. 1871 г. стр. 426—427 и 437; и его же Русскіе поэты, изд. 3-е, Спб. 1888, стр. 430—431.—О. Ѳ. Миллеръ: „Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго“, СПБ. 1883, стр. 114—115, 125, 129 и 130—131.—Сочиненія Бѣлинскаго, т. IX, стр. 138; Биржевыя Вѣдомости 1869 г. № 335, стр. 3; С.-Петербургскія Вѣдомости 1869 г. № 338, Иллюстрированная Газета 1869 г. т. 24 № 50, стр. 399.—К. Николаевскій: Товарищи Ѳ. М. Достоевскаго по каторгѣ. Истор. Вѣстн. 1898 г. № 1, стр. 220—221, 222, 223.—А. И. Пальмъ: Біографическая замѣтка о С. Ѳ. Дуровѣ. „Изящная литература“ 1885 г., кн. 2, съ приложеніемъ 2 неизданныхъ стихотвореній Д.—Сочиненія Байрона въ изданіи Н. В. Гербеля.—Нѣсколько стихотвореній изъ приготовлявшагося имъ собранія сочиненій С. Ѳ. Дурова напечатаны А. И. Пальмомъ въ тифлисскомъ журналѣ „Фаланга“ 1881 г. № 27, стр. 2 и № 29, стр. 6.

Б. Модзалевскій.

Дыбковскій, *Владиміръ Ивановичъ*, докторъ медицины, профессоръ по каѳедрѣ фармакологіи и общей терапіи, происходилъ изъ зажиточной купеческой семьи, родился въ г. Кіевѣ въ 1836 г.; умеръ 12 іюня 1870 г. Первоначальное образованіе Д. получилъ въ Кіевской 2-й гимназіи и въ 1853 году поступилъ въ Кіевскій университетъ на медицинскій факультетъ. Въ 1858 г. Д. окончилъ курсъ cum eximia laude и былъ опредѣленъ баталіоннымъ врачемъ въ полтавскій полкъ, но въ этомъ же году былъ переведенъ въ Петербургскій сухопутный клиническій госпиталь, чтобы имѣть возможность готовиться къ докторскому экзамену и писать диссертацію. Въ 1861 г. Д. блестяще защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «О ядахъ, специфически дѣйствующихъ на сердце», и конференціей медико-хирургической академіи былъ удостоенъ степени доктора медицины. До 1864 г. Д. служилъ по военному вѣдомству и, несмотря на частыя командировки и другія административныя обязанности, соединенныя съ званіемъ военнаго доктора, онъ находилъ время для научныхъ занятій. Въ 1863 г. Д. напечаталъ свою работу въ военно-медицинскомъ журналѣ: «О рефлексахъ чувствительныхъ нервовъ на сосудодвигательные мягкой оболочки мозга»—трудъ, признанный цѣннымъ вкладомъ въ физіологическую науку. Когда министръ нар. просв., А. В. Головнинъ, предложилъ факультетамъ университетовъ рекомендовать молодыхъ ученыхъ для коман-

дировки за границу съ научною цѣлью, въ числѣ таковыхъ рекомендованъ былъ и Д. профессоромъ Вальтеромъ, какъ человѣкъ безусловно талантливый, который оправдаетъ возлагаемыя на него надежды, такъ какъ, находясь въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ не бросалъ научныхъ занятій. Въ 1864 г. по ходатайству кіевскаго университета Д. былъ перемѣщенъ на службу по мин. нар. просвѣщ. и въ этомъ же году былъ посланъ заграницу для приготовленія къ каѳедрѣ физіологіи и физіологической химіи. Проф. же Вальтеръ съ своей стороны совѣтовалъ Д. заняться также и фармакологіей, какъ предметомъ, по которому почти не имѣлось опытныхъ профессоровъ. За границей Д. работалъ у профессоровъ Людвига и Гупперта въ Лейпцигѣ и Фика въ Цюрихѣ. Въ 1867 г. Д. возвратился въ Россію и послѣ устнаго и письменнаго конкурса получилъ мѣсто прозектора при каѳедрѣ физіологіи. Съ этого времени начинается его научно-педагогическая дѣятельность; онъ объявилъ необязательный курсъ по отдѣлу спеціальной физіологіи «объ общихъ свойствахъ нервныхъ стволовъ» и читалъ его въ продолженіи только одного семестра, такъ какъ въ 1868 г. каѳедра фармакологіи сдѣлалась вакантною и Д. былъ представленъ проф. Покровскимъ и Томсою въ кандидаты на эту каѳедру. Совѣтъ профессоровъ, разсмотрѣвъ ученые труды Д. и ознакомившись съ его педагогическими способностями, предоставилъ ему каѳедру, и во второй половинѣ 1868 г. онъ уже началъ читать лекціи. Съ первой уже лекціи Д. имѣлъ многочисленную аудиторію, такъ какъ читалъ фармакологію на совершенно новыхъ началахъ. Д. предлагалъ своимъ слушателямъ особую классификацію громаднаго фармакологическаго матеріала, основываясь главнымъ образомъ на законахъ физики, химіи и физіологіи, и каждое свое слово подтверждалъ опытомъ, что въ то время являлось нововведеніемъ. Все это съ одной стороны дѣлало его предметъ болѣе живымъ, а съ другой, касаясь предметовъ, тѣсно связанныхъ съ фармакологіей, давало возможность слушателямъ дѣлать больше обобщеній и уяснить себѣ философію науки. Сдѣлавшись профессоромъ, Д. задумалъ издать курсъ фармакологіи съ своею классификаціей, но смерть помѣшала ему осуществить свое желаніе, и курсъ этотъ былъ напечатанъ только въ 1871 г. его слушателями Проценко и Штангеевымъ. Еще за границею Д. перенесъ довольно серьезную операцію, но здоровья своего не возстановилъ. Усиленная дѣятельность плохо отразилась на его организмѣ, и, чувствуя упадокъ силъ, Д. выхлопоталъ себѣ вторичную командировку заграницу, однако воспользоваться ею не успѣлъ. Въ 1870 г. онъ на лѣто поѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ слегъ окончательно, но, желая лечиться, отправился обратно въ Кіевъ и по дорогѣ, въ с. Гвоздовѣ, скончался на 35 году жизни. Въ послѣдній годъ своей жизни Д. былъ секретаремъ медицинскаго факультета.

„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императ. университета св. Владиміра“ 1834–1884.—„Медицинскій Вѣстникъ“ 1870 г., № 33.—„Кіевлянинъ“ 1870 г., № 79, ст. Проценко.—„Современ. Медиц.“ 1870 г., № 19.—„Энциклопедическій словарь“, изд. Брокгауза и Ефрона.

В. У–скій.

Дьяковъ, *Николай Яковлевичъ*, докторъ медицины, профессоръ повивальнаго искусства и судебной медицины при петербургской медико-хирургической (нынѣ военно-медицинская) академіи, сынъ капрала (изъ дворянъ) лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, родился въ 1770 г., среднее образованіе получилъ въ дворянской гимназіи московскаго университета, высшее въ московскомъ университетѣ, въ которомъ пробылъ 5 лѣтъ. Въ 1796 г. Д. былъ посланъ для практики въ московскій генеральный госпиталь. Въ 1797 г. прибылъ въ Петербургъ въ государственную медицинскую коллегію для выдержанія лекарскаго экзамена, но оказался слабымъ по анатоміи и физіологіи, почему былъ опредѣленъ подлекаремъ въ петербургскій генеральный госпиталь; въ 1800 г. однако медицинская коллегія признала его докторомъ медицины. Въ этомъ званіи Д. служилъ сначала короткое время въ петербургскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ, потомъ заявилъ желаніе занять вакантное мѣсто адъюнктъ-профессора акушерства при петербургской медико-хирургической академіи; 23 іюля 1802 года Д. прочелъ пробную лекцію по акушерству въ конференцъ-залѣ академіи въ присутствіи всѣхъ профессоровъ, студентовъ и учениковъ и 14 августа того же года указомъ государственной медицинской колле-

гіи былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ каѳедры повивальнаго искусства и судебной врачебной науки; 14 апрѣля 1803 года ему поручено было чтеніе лекцій по судебной медицинѣ и акушерству съ правомъ присутствовать въ конференціи академіи, а съ 12 сентября того же года онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ этой каѳедры, какъ «отличающійся въ преподаваніи и своей ученостью». Въ концѣ 1805 г. по донесенію конференціи академіи Д. началъ страдать «кровоплеваніемъ», а съ 8 января 1806 г. у него уже развилась чахотка, отъ которой онъ и скончался 11 февраля того же года. О характерѣ и объемѣ преподаванія Д. можно почерпнуть свѣдѣнія изъ его донесенія, представленнаго въ конференцію академіи въ сентябрѣ 1804 года; это донесеніе носитъ заглавіе: „Какъ можно лучше преподавать повивальное искусство и судебную медицину“ (донесеніе Николая Дьякова, медицины доктора, повивальнаго искусства и судебной медицины экстраординарнаго профессора). Какъ видно изъ этой записки, Д. преподавалъ акушерство, судебную медицину и гигіену. Преподаваніе было исключительно теоретическое. Акушерство преподавалось безъ всякаго намека на клинику; кабинетъ былъ крайне жалкій; въ немъ находилось нѣсколько инструментовъ, заказанныхъ на казенномъ заводѣ или въ Берлинѣ, кромѣ того по представленію Д. былъ пріобрѣтенъ наборъ акушерскихъ инструментовъ. Судебно-медицинскихъ вскрытій Д. со студентами не производилъ. Трупы доставлялись въ академію исключительно для анатоміи и хирургіи, причемъ на обязанности профессоровъ этихъ предметовъ лежало составленіе судебно-медицинскихъ актовъ на трупы, „поступавшіе къ нимъ“. Въ 1805 г. 22 іюня конференція сдѣлала постановленіе, чтобы судебно-медицинское освидѣтельствованіе труповъ было производимо по очереди профессорами анатоміи, хирургіи, терапіи и судебной медицины. На основаніи этого Д. долженъ былъ производить судебно-медицинское освидѣтельствованіе труповъ въ октябрѣ, январѣ и апрѣлѣ, но вслѣдствіе болѣзни этихъ вскрытій производить Д. не пришлось. Читалъ свой предметъ Д. по руководству Пленка. Исключительно теоретическія, а можетъ еще неудачно читаемыя лекціи по акушерству и судебной медицинѣ мало интересовали студентовъ и мало ими посѣщались; поэтому Д., принявъ въ завѣдываніе каѳедру, прибѣгнулъ къ репрессіямъ: онъ донесъ въ конференцію, что студенты лекцій по его каѳедрѣ не посѣщаютъ; какъ вѣрнѣйшее средство противъ этого отобрана была отъ студентовъ подписка объ обязательномъ посѣщеніи лекцій Д. Въ заслугу Д. надо поставить то, что онъ обращалъ вниманіе на недостатокъ клиники и плохое состояніе кабинета, писалъ объ этомъ въ донесеніи, но ему мало внимали. Научная дѣятельность Д. необширная,—она ограничивается переводами. Имъ переведены: 1) Plenk, Elementa artis obstetriciae (Viennae, 1781), подъ названіемъ: Начальныя основанія повивальнаго искусства Іосифа-Іакова Пленка, переведенныя съ послѣдняго изданія въ императорскомъ московскомъ университетѣ медицины студентомъ Николаемъ Дьяковымъ, Москва, 1796 г., и 2) одна часть книги Jaquin'я Elementa chimiae universae et medicae“, напечатана порусски въ Москвѣ въ 1795 г.

Прозоровъ: „Матеріалы къ исторіи мед.-хир. академіи“.—Геннади: „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ“.—Змѣевъ: „Врачи-писатели“.—Исторія военно-медиц. академіи, изд. къ стол. акад.—А. К. Европинъ: Историч. очеркъ каѳедры судебн. медиц. при импер. военно-мед. академ. Спб. 1898 г., дисс. З. Г. Суровцева.—Матеріалы къ исторіи каѳедры гигіены при военно-медиц. акад. Спб. 1898 г., дисс. прив.-доцентъ Викторинъ Груздевъ.—„Историческій очеркъ каѳедры акуш. и женск. болѣзней военно-медиц. акад.“ Соб. 1898 г.

И. Терентинъ.

Дьяковъ, *Петръ Николаевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, сенаторъ, род. въ 1788 г., умеръ въ 1847 г., происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи. Въ 1802 году поступилъ въ Пажескій корпусъ, откуда въ 1806 году выпущенъ корнетомъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, и вскорѣ затѣмъ принялъ участіе въ войнѣ съ французами, причемъ за отличіе оказанное въ сраженіи подъ Фридландомъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени. Въ 1808 году Д. былъ произведенъ въ поручики, а въ 1810—въ штабсъ-ротмистры. Въ кампанію 1812 года, подъ Бородиномъ, онъ былъ контуженъ не-

пріятельскимъ ядромъ въ лѣвую ногу и за это сраженіе награжденъ орденомъ св. Владиміра съ бантомъ. Вскорѣ, оправившись отъ контузіи, Д. вновь былъ подъ огнемъ, сначала въ дѣлѣ у Воронова, а затѣмъ въ сраженіи при Тарутинѣ, за которое награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость", при Малоярославцѣ и подъ Краснымъ, во время преслѣдованія отступавшей французской арміи. Въ 1813 году Д. былъ произведенъ въ ротмистры, а затѣмъ (въ октябрѣ) назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Павловичу. Въ кампанію того же года Д. пришлось участвовать въ сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ. Подъ Кульмомъ ротмистръ Д. былъ раненъ въ лѣвое плечо и за оказанное въ этомъ сраженіи мужество награжденъ алмазными знаками къ ордену св. Анны 2 ст. и знакомъ отличія прусскаго Желѣзнаго Креста. За отличіе, оказанное въ сраженіи подъ Лейпцигомъ 6 окт. 1813 г., Д. получилъ въ 1814 г. полковничій чинъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ кампанію 1814 г. Д. былъ подъ огнемъ противника въ дѣлѣ при Бріенѣ и въ сраженіяхъ при Баръ-Сюръ-Объ, подъ Фершампенуазомъ и при взятіи Парижа. За подвиги въ послѣднихъ двухъ дѣлахъ Д. награжденъ былъ орденами св. Георгія 4 ст., австрійскимъ—Леопольда, баварскимъ—Максимиліана и прусскимъ—«за заслуги».

Въ 1819 году Д. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ генералъ-адъютантомъ, а въ 1829 году получилъ орденъ св. Анны 1 ст. и генералъ-лейтенантскій чинъ съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ сентябрѣ 1830 года Д. назначенъ былъ командовать, въ качествѣ бригаднаго командира, четырьмя казачьими полками, расположенными на границѣ Царства Польскаго, съ оставленіемъ состоять при цесаревичѣ. Въ ноябрѣ 1830 года вспыхнуло польское возстаніе; въ день возникновенія мятежа Д. былъ при Константинѣ Павловичѣ, который неоднократно посылалъ его съ разными приказаніями. Имущество генерала, находившееся въ Варшавѣ, было разграблено мятежниками. Въ 1831 году Д. назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ къ императору Николаю I, а въ 1833 году назначенъ членомъ комитета о раненыхъ. Въ 1836 г. Д., съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, сдѣланъ былъ сначала исполняющимъ должность генералъ-губернатора, а потомъ и генералъ-губернаторомъ смоленскимъ, витебскимъ и могилевскимъ. Въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владиміра 2 ст., въ 1839—орденомъ Бѣлаго Орла и въ 1841 — орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1843 г. — произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи; въ 1846—назначенъ присутствующимъ въ департаментахъ Варшавскаго Правительствующаго Сената.

Московское отд. архива Гл. Штаба, дѣло № 527, связка 1497. — Инспекторскаго департамента за 1846 г.: формулярный списокъ.

Россійскій.

Дьяконовъ, *Дмитрій Ивановичъ*, физикъ, родился въ г. Орлѣ 15 августа 1853 г., умеръ 16 октября 1888 г. въ С.-Петербургѣ. Д. происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи, въ 1871 г. окончилъ курсъ въ Орловской гимназіи и поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Въ 1881 году онъ получилъ званіе кандидата и занялъ должность ассистента при частной лабораторіи В. Ѳ. Лучинина; вслѣдъ затѣмъ завѣдывалъ физическою станціею императорскаго русскаго техническаго Общества, былъ старшимъ техникомъ столичнаго освѣщенія и состоялъ съ 1886 по 1888 годъ лаборантомъ при лабораторіи технической химіи С.-Петербургскаго университета. Особенно интересовался Д. разнаго рода научными приборами и многіе изъ нихъ придумалъ и изготовилъ собственноручно, а въ концѣ жизни онъ даже открылъ, вмѣстѣ съ инженеромъ Кованько, мастерскую для изготовленія физическихъ приборовъ. Научныя статьи Д. помѣщалъ въ журналѣ русскаго физико-химическаго Общества, а иногда и въ «Journal de Physique», на французскомъ языкѣ. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть слѣдующія: «Приборъ для осушенія газовъ», т. XIII, 1881 г.; «Новое видоизмѣненіе сифоннаго барометра», т. XIV, 1882 года (также въ «Journ. de Physique»); «Гейсслерова трубка для освѣщенія термометровъ», т. XIV, 1882 г.; «Предѣлъ упругости газа

въ барометрѣ», т. XIV, 1882 г.; «Капельное состояніе жидкостей и расплавленныхъ тѣлъ», т. XIV, 1882 г.; «О новомъ методѣ опредѣленія теплоты горѣнія органическихъ тѣлъ», т. XVII, 1885 г.; «О возможности употребленія стереоскопа для полученія средняго типа двухъ лицъ», т. XVII, 1885 г.; «Новый глазной микрометръ», т. XVIII, 1886 г. (также въ «Journ. de Physique») и др. Кромѣ того, онъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Аллюминій, его свойства и техническая обработка, сплавы его съ другими металлами», Спб., 1884 г., и началъ составлять: «Руководство къ обработкѣ стекла на паяльномъ столѣ», оконченное и изданное послѣ его смерти въ 1892 г. В. В. Лермонтовымъ.

„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей С.-Петербургскаго университета“, т. I, Спб. 1896 г., стр. 241. — Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, в. VIII М. 1900 г., стр. 41.—„Новое Время“, 1888 г. № 4543. *У.*

Дьяченко, *Амосъ Андреевичъ*, докторъ математики и астрономіи, экстраординарный проф. университета св. Владиміра, род. 14 іюня 1814 г. въ с. Яшникахъ Лохвицкаго у., Полтавской губ., умеръ въ 1852 г. въ Кіевѣ. Д., по окончаніи курса въ 1831 г. въ Харьковской гимназіи, поступилъ на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, но черезъ четыре года бросилъ занятія медициной и перешелъ на физико-математическій факультетъ того же университета и окончилъ курсъ кандидатомъ. Въ 1840 году назначенъ и. д. преподавателя математики въ Каменецъ-Подольскую гимназію вскорѣ утвержденъ въ этой должности, но въ 1846 году былъ переведенъ въ Кіевскій университетъ и. д. адъюнкта по каоедрѣ математики. Въ 1850 году Д. выдержалъ экзаменъ и защитилъ диссертацію: «Объ особенныхъ рѣшеніяхъ дифференціальныхъ уравненій» на магистра; въ 1851 г., по защитѣ диссертаціи: «О кривизнѣ поверхностей», получилъ степень доктора математики и астрономіи. Въ университетѣ Д. читалъ статику и динамику по Лагранту, Пуассону и Дюгамелю и начертательную геометрію по Леруа и Валле. Въ 1847—8 учебномъ году читалъ алгебраическій анализъ и теорію уравненій по Фурье, Коши, Лагранжу; въ 1852 г. утвержденъ экстраординарнымъ проф. прикладной математики. Печатныхъ трудовъ не оставилъ: обѣ диссертаціи его остались въ рукописи.

Владимірскій-Будановъ: „Исторія унив. св Владиміра“. Т. I. Кіевъ. 1884.—Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. унив. св. Владиміра. Кіевъ. 1884.

В. В—въ.

Дьяченко, *Викторъ Антоновичъ* писатель-драматургъ, родился въ 1818 г. скончался въ 1876 г. въ г. Воронежѣ. Потомственный дворянинъ по происхожденію, Д. окончилъ курсъ въ дворянскомъ полку въ 1843 г. прапорщикомъ, дальнѣйшее образованіе получилъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, откуда по окончаніи курса поступилъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Еще въ офицерскихъ классахъ института Д. началъ обнаруживать страсть къ сценѣ и зачастую, отказывая себѣ въ обѣдѣ, тратилъ деньги на театръ. Страсть къ сценичному искусству сильно развивалась въ впечатлительной натурѣ Д. подъ вліяніемъ его знакомства съ артистами: съ В. А. Каратыгинымъ, В. Н. Асенковой и Н. И. Куликовымъ. Въ концѣ 1830 г. онъ написалъ драму «За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ». Драма эта шла въ бенефисъ Толченова и имѣла огромный успѣхъ; не меньшимъ успѣхомъ пользовался написанный имъ въ то же время водевиль «Вотъ каковы корнеты». Видя несомнѣнный талантъ молодого драматурга, А. А. Краевскій пригласилъ его писать театральныя рецензіи въ своей «Литературной Газетѣ», а въ то же время Д. печаталъ въ «Сынѣ Отечества» свои мелкія стихотворенія, тамъ же появился отрывокъ изъ поэмы «Лучіо». Въ 1840 г. Д. былъ переведенъ на службу въ Пинскъ, гдѣ его служебныя занятія поглощали все время, а отсутствіе театра и времени не давали ему возможности заниматься литературой. Въ теченіе 20-ти лѣтъ Д. ничего не писалъ и только въ 1860 г., когда онъ былъ переведенъ въ Москву, онъ сошелся съ М. С. Щепкинымъ и написалъ драму «Жертва за жертву». Несмотря на то, что лучшія мѣста этого произведенія были вычеркнуты цензурою, пьеса съ успѣхомъ прошла въ 1861 г. въ Александринскомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ, а въ 1862 г. въ Маломъ театрѣ, въ Москвѣ, въ бенефисъ Шумскаго. Пресса тоже привѣтствовала «явленіе но-

ваго молодого таланта». Въ 1861 г. Д. написалъ драму «Кара Божія», которая шла въ бенефисъ Самойлова въ С.-Петербургѣ. Въ 1863 г. здоровье Д. сильно пошатнулось; онъ долженъ былъ оставить службу и съ этой поры посвятилъ свой литературно-драматическій талантъ русской сценѣ. Въ промежутокъ времени съ 1860 — 1863 г. имъ было написано 23 пьесы, изъ которыхъ 21 вошли въ 5 томовъ его «Драматическихъ сочиненій», напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1873—1876 гг. Всего же Д. написалъ 76 пьесъ, изъ нихъ наиболѣе извѣстны: «Практическій господинъ», «Пробный камень», «Семейные пороги», «Гувернеръ», напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ 1875 г., «Не первый, не послѣдній», «Нынѣшняя любовь»—1875 г., «Современная барышня»—1875 г., «Блестящая карьера» и «Болѣзненная страсть»—1877 г. въ С.-Петербургѣ, «Подвигъ гражданки», историческая драма въ 4 д., въ С.-Петербургѣ 1874 г., «Скрытое преступленіе», др. въ 3 д.—въ 1875 г., «Новый судъ» въ Воронежѣ 1872 г., «Законная жена», «Неровня». Публика очень любила пьесы Д., любили ихъ и артисты Императорскихъ театровъ за ихъ сценичность и прекрасную техническую отдѣлку; многіе изъ нихъ (Самойловъ, Ѳедотова, Струйская) выдвинулись благодаря его пьесамъ. «Жертва за жертву» и «Гувернеръ» считались его лучшими произведеніями.

Въ послѣдніе годы своей дѣятельности Д. возбудилъ противъ себя печать, подъ вліяніемъ несправедливыхъ нападковъ которой артисты Императорскихъ театровъ охладѣли къ Д., но въ то же время пьесы его пользовались успѣхомъ въ провинціи.

Незадолго до смерти Д. переселился въ Воронежъ, гдѣ и написалъ свое «Предсмертное объясненіе», которое послѣ его смерти было напечатано въ «Голосѣ». Жалуясь на несправедливое гоненіе рецензентами, онъ благодаритъ артистовъ за любовь къ его творчеству и желаетъ русской сценѣ успѣха.

„Голосъ“, 1876, № 110, „Предсмертное объясненіе“.—„Иллюстрированная Газета“, 1876, № 19.—Некрологъ. „Нижегородскія Губернскія Вѣдомости“, 1863, № 3.—„По поводу спектакля и пьесъ Дьяченко“. „Русская Старина“, 1887 г. LIII, стр. 796.—„Дворянскій полкъ, 1807—1859 г.“. 1877, XVIII.—„А. Н. Сѣровъ, 1846 г.“. XIX.—„А. Н. Сѣровъ, 1847 г.“, стр. 102.—„Историческій Вѣстникъ“, LV, 1894, стр. 131.—„Воспоминанія А. А. Нильскаго“, LVI, стр. 428. То же „Драматическія сочиненія“, т. 1, 2, 3, 4 и 5. Москва, 1873—1876.

Б. Т.

Дьяченко, *Никита Андреевичъ*, докторъ математики, ордин. профессоръ университета св. Владиміра. Родомъ изъ дворянъ Полтавской губ., Д. род. 14 сент. 1809 г. въ с. Яшникахъ Лохвицкаго у. этой губ., умеръ въ Кіевѣ 9 апрѣля 1877 г. Рано потерявъ родителей, онъ еще малолѣтнимъ отданъ былъ своимъ старшимъ братомъ въ Харьковскую гимназію, курсъ которой и кончилъ съ успѣхомъ въ 1826 г. Въ томъ же году онъ поступилъ на II отд. философскаго факультета (нынѣ физико-мат. фак.) Харьковскаго университета, кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1826 г. и былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ репетитора по математикѣ для казеннокоштныхъ студентовъ. Въ концѣ 1830 г. назначенъ преподавателемъ естественныхъ наукъ и физики въ ту же Харьковскую гимназію, гдѣ учился самъ, а въ 1831 г.—преподавателемъ физики въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1832 году, по порученію совѣта университета, началъ чтеніе лекцій по оптикѣ, затѣмъ преподавалъ основныя начала математики и обучалъ студентовъ на счетахъ по способу Слободскаго. Въ 1836 году Д. выдержалъ испытаніе и, защитивъ диссертацію: «Разсужденіе объ успѣхахъ послѣ Эйлера, сдѣланныхъ въ нахожденіи опредѣленныхъ интеграловъ, и объ опредѣленіи ихъ» (Харьк. 1835), получилъ степень магистра чистой и прикладной математики и назначенъ адъюнктомъ, а вскорѣ и. д. экстраординарнаго профессора для преподаванія прикладной математики, что и исполнялъ до 1839 г. Въ 1838 г. защищалъ диссертацію «О гидравлическихъ колесахъ» (Харьк. 1838) на степень доктора чистой и прикладной математики. Въ апрѣлѣ 1839 г. Д. былъ переведенъ въ университетъ св. Владиміра, гдѣ и продолжалъ служить до выхода въ отставку. Помимо исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, Д. въ теченіе 1839—44 гг. читалъ публичныя лекціи практической механики и въ Харьковѣ, а затѣмъ и въ университетѣ св. Владиміра въ теченіе 15 лѣтъ занимался по математикѣ съ воспитанниками университета, которые готовились быть учителями. Черезъ годъ послѣ перехода въ

Кіевскій университетъ Д. утвержденъ былъ въ званіи ординарнаго профессора и занялъ каѳедру, въ которой сосредоточивалась почти вся чистая и прикладная математика; онъ читалъ дифференціальное и интегральное исчисленія и ихъ приложенія къ геометріи, интегрированіе функцій отъ одного перемѣннаго, пользуясь сочиненіями Эйлера, Лагранжа, Коши и Леруа, теорію опредѣленныхъ интеграловъ, интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, алгебраическій анализъ, варіаціонное исчисленіе и аналитическую геометрію, придерживаясь преимущественно Коши, Курно, Муаньо и Дюгамеля, а также и по собственнымъ запискамъ. По случаю вакантныхъ каѳедръ ему приходилось читать въ Кіевскомъ университетѣ статику и динамику, а на IV курсѣ гидростатику и гидродинамику, которыя онъ излагалъ по руководству Пуассона, и вести практическія занятія по этимъ предметамъ. 25 окт. 1847 г. Д. былъ избранъ деканомъ и сохранилъ эту должность до 1855 г., затѣмъ былъ избираемъ еще на два четырехлѣтія, съ 7 мая 1860 г. и съ 3 ноября 1862 г. Въ 1856 г. выслужилъ срокъ, но совѣтомъ университета былъ оставленъ на занимаемой имъ должности и вышелъ въ отставку 1 іюля 1867 г. Остальное время жизни прожилъ въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ. Кромѣ упомянутыхъ уже трудовъ напечаталъ еще «О вліяніи дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій на успѣхи геометріи и механики» (рѣчь на актѣ 1851 г.). Кіевъ, 1852.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.—Владимірскій-Будановъ: Исторія университета св. Владиміра. Т. I. Кіевъ, 1884.—Біографич. словарь профессоровъ университета св. Владиміра. Кіевъ, 1884.

В. Власовъ.

Дѣевъ, *Николай Михайловичъ*, торговый дѣятель, скончался 19 ноября 1863 г. Сынъ купца-основателя торговаго дома, Д. родился въ Оренбургѣ и съ самыхъ юношескихъ лѣтъ имѣлъ постоянное сношеніе съ киргизами и прекрасно изучилъ ихъ языкъ и обычаи. Послѣ смерти своего отца, Д. продолжалъ его дѣло, причемъ преимущественно велъ мѣновую торговлю съ кочевниками Зауральскихъ степей и закрѣпилъ торговую связь Россіи съ полудикими кочевыми племенами. Среди киргизъ, а впослѣдствіи и въ Хивѣ, Д. пользовался огромной популярностью и довѣріемъ, и имѣлъ большое вліяніе на ордынскихъ хановъ. Его услугами постоянно пользовались и русскія власти: такъ, онъ сопутствовалъ экспедиціямъ Обручева и Перовскаго, начиная съ 1847 г., съ занятія низовьевъ Сыра и до 1855 г. въ походѣ на Эмбу. Во время этой экспедиціи Д., по назначенію Перовскаго, наблюдалъ за скотомъ, и почти всѣ 120.000 головъ разнаго скота были выгодно проданы, тогда какъ до него наблюдавшія за скотомъ особыя должностныя лица изъ чиновниковъ показывали скотъ павшимъ, тайно продавая его киргизамъ. Въ 1853 г. Д. участвовалъ въ походѣ на Акъ-Мечеть (фортъ Перовскій) и былъ контуженъ кокандскимъ ядромъ, за что получилъ на шею золотую медаль. Не было ни одного русскаго посольства въ Средне-Азіатскія владѣнія, которое бы обошлось безъ содѣйствія Д., и часто онъ являлся посредникомъ для достиженія дипломатическихъ цѣлей между Россіей и Средне-Азіатскими ханами. Такую же пользу принесъ Д. на поприщѣ благотворительности. Имъ основана была больница въ Оренбургѣ и двѣ лечебницы, два приходскихъ училища, училище для дѣвочекъ, пріюты для старыхъ женщинъ; кромѣ того, онъ состоялъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ. Въ Оренбургской губерніи туземцы-помѣщики считали невыполнимою вещью обработку земель, плохо орошаемыхъ водою; Д. скупалъ земли и, не оставляя торговаго дѣла, культивировалъ ихъ, въ чемъ пріобрѣлъ позднѣе много послѣдователей-туземцевъ. Не получивъ школьнаго образованія, онъ былъ одаренъ природнымъ умомъ, много читалъ и сдѣлалъ немало археологическихъ вкладовъ въ Императорское русское археологическое общество, за что и былъ избранъ членомъ-соревнователемъ его. Въ благодарность за эту честь Д. предоставилъ обществу денежную премію за лучшую изъ выполненныхъ задачъ: «О древностяхъ Сыръ-Дарьинскаго края». Наряду съ Д. дѣйствовалъ его братъ Степанъ, бывшій одно время городскимъ головой г. Оренбурга.

„Экономическій указатель“ 1861 г., № 225. „Разграбленіе дѣевскаго каравана хивинцами“, „Торговый Сборникъ“ 1864, № 48. „Русскій торговый дѣятель Ник. Мих. Дѣевъ“

„Библіотека для чтенія“ 1865 г., январь, стр. 31—34. „Русскій торговый дѣятель“, „Московскія Вѣдомости“ 1864 г., № 264. „Русскій торговый дѣятель Н. М. Дѣевъ“.

Б. Т.

Дюбрюксъ, *Павелъ*, ученый археологъ, родился въ 1774 году въ Франшъ-Конте, умеръ 1 августа 1835 г.; по происхожденію бретонецъ. Во время великой революціи Д. съ отцомъ и братомъ сражался за короля и служилъ нѣкоторое время въ сформированномъ тогда корпусѣ благородныхъ егерей. Въ 1797 г. семья Д. принуждена была эмигрировать и переселилась въ Польшу, гдѣ молодой Д. долженъ былъ зарабатывать себѣ хлѣбъ трудомъ домашняго учителя. Во время консульства семья его вернулась во Францію; онъ же переселился въ Петербургъ, гдѣ, благодаря уму и способностямъ, сумѣлъ обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, при содѣйствіи которыхъ ему удалось вскорѣ получить мѣсто; лишенный какихъ бы то ни было средствъ существованія, Д. воспользовался первой, предложенной ему вакансіей: онъ получилъ мѣсто начальника Керченской таможни и немедленно отправился къ мѣсту назначенія. Къ счастью, служебныя обязанности отнимали у него не слишкомъ много времени, и онъ со страстью предался изученію исторіи и археологіи этого интереснаго и богатаго древностями края. Примѣнивъ первый раскопку многочисленныхъ Керченскихъ кургановъ, Д. въ короткое сравнительно время пролилъ яркій свѣтъ на неизвѣстную доселѣ древнюю географію Киммерійскаго Босфора. Благодаря его трудамъ и изслѣдованіямъ извѣстно теперь точное мѣстоположеніе Пантикапеи и ея акрополя, Марменіона, Парѳеніона, Золотой горы (Mont d'or), древнихъ построекъ на мысѣ Ак-Бурунѣ, царскаго дворца въ Керменчинѣ, Тиритаки близъ Кугурдаха, возлѣ Камыги-Бурну-Окры, наконецъ, Киммеріона и Киты на мысѣ Опукѣ. Большая часть открытій Д. не была, насколько извѣстно, имъ опубликована; ими воспользовались другія лица, не упомянувъ его имени. Недостатокъ средствъ, дававшихъ лишь возможность вести скромное существованіе, часто не позволялъ Д. предпринимать на свой счетъ болѣе или менѣе обширныя и дорого стоющія раскопки, и значительная часть ихъ была произведена на средства гр. Ланжерона и гр. Н. П. Румянцева. Въ 1817 г. Д. былъ назначенъ начальникомъ Керченскихъ соляныхъ озеръ. Получая въ этой должности нѣсколько большее содержаніе, онъ удвоилъ свои ученыя изысканія и снова собралъ богатѣйшій археологическій матеріалъ; небольшой домъ его превратился въ музей древностей. Въ 1818 г. императоръ Александръ I посѣтилъ его и въ знакъ благоволенія предоставилъ Д. въ собственность весь собранный имъ археологическій матеріалъ. Однако Д., съ основаніемъ въ 1829 г. въ Керчи музея, желая дать всѣмъ возможность воспользоваться собранными имъ сокровищами, передалъ всѣ ихъ туда; впослѣдствіи результатами трудовъ его воспользовались другіе ученые археологи. Д. составлялъ многочисленныя ученыя записки о своихъ открытіяхъ, но ни одна изъ нихъ не была напечатана; нѣкоторыя изъ нихъ онъ представлялъ государю и вел. кн. Михаилу Павловичу, за что получалъ награды; одна изъ записокъ: «Vestiges apparents des villes et bourgs, qui existent sur le Bosphore Cimmérien (О видимыхъ слѣдахъ городовъ и селъ, которые существуютъ на Киммерійскомъ Босфорѣ)», находится въ парижской академіи надписей; наконецъ послѣ его смерти Одесское общество исторіи и древностей пріобрѣло отъ его сына одну рукопись—вотъ и все, что осталось отъ многочисленныхъ трудовъ скромнаго ученаго труженика, все, если не считать Керченскаго музея, основное ядро котораго составляютъ открытія и находки Д. Помимо ученыхъ трудовъ и изысканій, Д. удѣлялъ достаточно вниманія и службѣ, къ которой относился, повидимому, съ большимъ интересомъ; такъ, по его стараніямъ, былъ открытъ правительствомъ Керченскій портъ. Умеръ Д. въ большой бѣдности.

Тетбу-де-Мариньи: Павелъ Дюбрюксъ.—Зап. Одесск. о-ва ист. и др. Т. II, отд. I, 1848 г.—„Московскія Вѣд.“ 1835 г., № 71. Путешествіе г. Дюбуа-де-Монпере.—„Библ. для чтенія“. Т. 60. Посл. ст. представляетъ краткій пересказъ V тома большого труда Дюбуа-де-Монпере: „Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses, les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée“ (II. 1839—45) и содерж. нѣкоторыя указанія о раскопкахъ на древнемъ Босфорѣ и Керченскомъ музеѣ.

В. В—въ.

Дюбю, *Людовикъ - Амвросій* (Louis-Ambroise Dubut), архитекторъ, родился въ Парижѣ въ 1769 году. Его учителемъ въ архитектурѣ былъ Ledoux. Въ 1797 году за успѣхи въ архитектурѣ Дюбю получилъ отъ парижскаго института призъ и былъ отправленъ на счетъ французскаго правительства пенсіонеромъ въ Римскую академію. Въ 1808 г. онъ издалъ свое извѣстное сочиненіе о городскихъ и деревенскихъ строеніяхъ и подъ заглавіемъ: «Architecture civile; maisons de ville et campagne, de toutes formes et de tous genres projectés» (Paris). Въ Россію Дюбю пріѣхалъ послѣ 1814 г. Ему принадлежатъ двѣ большихъ постройки въ Москвѣ, но почти исключительнымъ поприщемъ его архитектурной дѣятельности были военныя поселенія Новгородской губерніи, гдѣ онъ служилъ въ званіи начальника отдѣленія общественныхъ строеній, подъ начальствомъ генерала Карбонье. Въ январѣ 1818 г. Дюбю письменно изъявилъ желаніе президенту академіи художествъ сдѣлаться членомъ послѣдней, а черезъ годъ просилъ о назначеніи ему программы на званіе академика. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ссылаясь на недостатокъ времени вслѣдствіе сложныхъ занятій по службѣ, онъ просилъ въ качествѣ пробной работы принять сочиненный имъ проектъ общественной библіотеки; въ подтвержденіе своихъ познаній въ области архитектуры, онъ указывалъ на вышеупомянутыя полученныя имъ поощрительныя награды и на свое сочиненіе. Представленный проектъ академія признала неудовлетворительнымъ, какъ въ отношеніи внѣшности зданія, такъ и внутренняго его устройства, но, изъ уваженія къ таланту и познаніямъ Дюбю, предложила ему для полученія званія академика сочинить и представить къ ея годовому собранію проектъ зданія для зимнихъ и лѣтнихъ увеселеній въ одномъ изъ столичныхъ Россійскихъ городовъ, на 10.000 человѣкъ, съ публичнымъ садомъ для гулянья, прудами, павильонами и т. д. Въ 1821 г. академія признала Дюбю назначеннымъ въ академики по названному выше его сочиненію. Въ 1823 г. академія, принимая во вниманіе сочиненіе Дюбю и многія значительныя зданія, построенныя имъ въ службѣ по строительной части при военныхъ поселеніяхъ, избрала его своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ. Мотивы этого избранія могутъ служить оцѣнкой дѣятельности Дюбю въ области архитектуры.

Архивъ С.-Петербургской Императорской академіи художествъ.—Петровъ: Сборникъ матеріаловъ для исторіи Спб. Имп. академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія.— G. K. Nagler: Neues allgemeines Künstler-Lexikon. — L. Dussieux: Les artistes français à l'étranger, recherches sur leurs travaux et sur leur influence en Europe.

Вл. Грековъ.

Дюбю (Dubut), *Фредерикъ-Гильомъ*, медальеръ и скульпторъ, родился въ 1711 году въ Мюнхенѣ, умеръ въ 1779 году въ Данцигѣ. Его учителемъ былъ его отецъ, Карлъ Клавдій Дюбю, скончавшійся въ 1742 г. и бывшій первымъ ваятелемъ въ Мюнхенѣ. Послѣ смерти отца Дюбю занялъ его мѣсто, а вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ оберъ-медальеромъ въ Дрезденѣ. Во время военныхъ дѣйствій онъ послѣдовалъ за польскимъ королемъ Августомъ III изъ Дрездена въ Варшаву, откуда въ 1756 году, по приглашенію Императрицы Елизаветы Петровны, отправился въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ до смерти Елизаветы Петровны. Въ 1761 году онъ уѣхалъ изъ Россіи и поселился въ Данцигѣ, но черезъ три года Императрица Екатерина II вторично вызвала его въ Россію, уже въ качествѣ чеканщика, на два года, назначивъ ему 3000 руб. жалованья. Но вслѣдствіе непріятностей Дюбю ранѣе срока возвратился въ Данцигъ и въ 1779 г. скончался внезапно на улицѣ. Помимо медальерныхъ работъ, Дюбю много занимался лѣпкою изъ воска; изъ него онъ приготовлялъ большіе фигуры и рельефы, въ свое время возбуждавшіе всеобщее удивленіе. Ему принадлежитъ бюстъ изъ раскрашеннаго воска польскаго короля Станислава, составляющій собственность данцигскаго магистрата. Онъ также оставилъ цѣлую коллекцію прекрасныхъ восковыхъ медальоновъ, представляющихъ собою портреты членовъ мюнхенскаго и дрезденскаго дворовъ. Изъ русскихъ медалей ему принадлежатъ медали съ изображеніемъ Петра Великаго, Елизаветы Петровны, Екатерины II-й, Петра Ивановича Шувалова, медаль на учрежденіе Павловской больницы въ Москвѣ, въ память А. П. Бестужева-Рюмина, въ память австрійскаго посланника въ Петербургѣ Эстергази

(послѣдняя медаль особенно выдѣляется по своему выполненію среди другихъ) и др. На нѣкоторыхъ большихъ медаляхъ Дюбю принадлежитъ только задняя сторона, передняя же представляетъ работу Лооса. Много различныхъ проектированныхъ Дюбю медалей остались въ восковыхъ медаляхъ. Въ свое время Дюбю пользовался большой извѣстностью, и Бернули, приводящій въ своемъ «Reisen» свѣдѣнія о Дюбю и его произведеніяхъ, называетъ его однимъ изъ величайшихъ ваятелей своего времени (I, 277).

Юлій Иверсенъ: Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ.—G. K. Nagler: Neues allgemeines Künstler-Lexikon (München, 1836).

Вл. Грековъ.

Дювернуа, *Александръ Львовичъ*, славистъ, профессоръ московскаго университета, родился въ Москвѣ въ 1840 году, умеръ въ 1886 году тамъ же. Д. получилъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ матери, затѣмъ учился въ I-й и IV-й московскихъ гимназіяхъ и по окончаніи курса въ послѣдней поступилъ въ московскій университетъ, сперва на юридическій, а потомъ на историко-филологическій факультетъ. Обнаруживъ вскорѣ склонность къ лингвистическимъ занятіямъ и основательно изучивъ языки славянскіе вообще и литовскій въ особенности, а также, подъ руководствомъ профессора П. Я. Петрова, языки санскритскій и арабскій, Дювернуа, будучи еще студентомъ, занимался въ синодальной библіотекѣ чтеніемъ рукописей и изученіемъ палеи и былъ уже тогда настолько подготовленъ къ научной дѣятельности, что выступилъ въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древностей», издаваемыхъ профессоромъ Н. С. Тихонравовымъ (1859 г., т. II, отд. 3, стр. 44—60) сначала съ краткою библіографическою замѣткой о только что начавшемъ тогда выходить въ свѣтъ журналѣ Лацаруса и Штейнталя «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», а потомъ съ разборомъ мнѣнія Костомарова о литовскомъ происхожденіи Руси подъ заглавіемъ: «Разборъ нѣкоторыхъ филологическихъ объясненій г. Костомарова въ статьѣ: «Начало Руси» (тамъ же, 1860 г., т. III, отд. 3, стр. 81—85). По окончаніи въ 1866 году курса въ университетѣ, Дювернуа былъ оставленъ на три года при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ и затѣмъ командированъ былъ заграницу, причемъ слушалъ лекціи въ Вѣнѣ, Прагѣ, Іенѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ, подъ руководствомъ Рота въ Тюбингенѣ изучалъ санскритъ и вообще съ особенной любовью занимался сравнительнымъ языкознаніемъ и славянскою филологіею, результатомъ чего были его три статьи: «О происхожденіи варягъ Руси» («Чтенія Общества Исторіи и Древностей» 1862 г., № 2), «О годѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ» (тамъ же, 1862 г., № 4) и «Тюбингенскіе акты славянской книгопечатни въ Вюртембергѣ» («Московскія университетскія извѣстія» 1868 г., № 3). Первая изъ этихъ статей, особенно цѣнная по удачной группировкѣ данныхъ въ пользу норманскаго происхожденія варягъ Руси, представляетъ собою конкурсную на предложенную факультетомъ тему студенческую работу, удостоенную московскимъ университетомъ золотой медали и заключаетъ въ себѣ обиліе лингвистическаго матеріала для рѣшенія вопроса о происхожденіи Руси и для объясненія русскихъ названій днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго, а послѣдняя—содержитъ въ себѣ неизданные документы объ Примусѣ Труберѣ и его славянскихъ печатныхъ изданіяхъ. По возвращеніи изъ за границы, Дювернуа приступилъ къ печатанію своего большого труда «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», который вышелъ въ свѣтъ въ 1867 году и доставилъ автору отъ московскаго университета степень магистра славянской филологіи. Положеніе выставленное де-Соссюромъ, что «фонетическій составъ корня обусловливается взаимоотношеніемъ корня съ элементами образовательными», съ выходомъ диссертаціи Дювернуа благодаря обширнѣйшей научной аргументаціи и обилію данныхъ изъ всѣхъ почти индо-европейскихъ языковъ, не исключая языка Ведъ, и изо всѣхъ славянскихъ нарѣчій и говоровъ, сталъ научнымъ положеніемъ. Избранный совѣтомъ московскаго университета въ доценты по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія, Дювернуа въ ноябрѣ 1867 года прочелъ вступительную лекцію: «О методѣ и успѣхахъ сравнительнаго языкознанія» («Мо-

сковскія университетскія извѣстія» 1867 г., кн. II), въ которой представилъ очеркъ развитія этой науки и отмѣтилъ значеніе въ изученіи санскрита трудовъ миссіонеровъ Шлегеля, Бонна, Лассена, Вильгельма Гумбольдта и др., но вскорѣ затѣмъ, съ января 1869 года, по выходѣ изъ университета О. М. Бодянскаго, занялъ каѳедру славянской филологіи и, посвятивъ себя изученію исторіи славянъ, напечаталъ два труда: публичную лекцію, читанную въ славянскомъ комитетѣ: «О Юліи Подѣбрадѣ, избранникѣ чешскаго народа» («Московскія университетскія извѣстія» 1868 г., № 3) и большую статью: «Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. Двѣ главы изъ исторіи пражскаго университета» (тамъ же, 1870 г. № 9). Эта послѣдняя работа Дювернуа вышла въ 1871 году отдѣльнымъ изданіемъ и представлена была авторомъ въ московскій университетъ въ качествѣ докторской диссертаціи, но не была допущена къ публичной защитѣ. Неудача заставила Дювернуа вновь обратиться къ лингвистикѣ и чрезъ нѣсколько времени онъ началъ печатать новый трудъ: «Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій» («Московскія университетскія извѣстія», 1872 г. № 2—3, и отдѣльно М. 1872 г.), — произведеніе слабое въ научномъ отношеніи, небогатое ни матеріаломъ, ни мыслями. Тѣмъ не менѣе въ 1872 году работу эту Дювернуа представилъ въ качествѣ докторской диссертаціи и получилъ за нее отъ московскаго университета степень доктора славянской филологіи, а вскорѣ потомъ званіе экстраординарнаго (1872—1877 гг.) и ординарнаго (1877—1886 гг.) профессора. Послѣ «Системы основныхъ элементовъ и формъ» Дювернуа печаталъ мало: въ 1878 году появилась его статья о языкѣ только что пріобрѣтеннаго тогда московскимъ Румянцевскимъ музеемъ архангельскаго Евангелія 1092 г. подъ заглавіемъ: «О критическомъ достоинствѣ и историческомъ значеніи архангельскаго Евангелія, хранящагося въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ» («Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1878 г. ч. CLXXX, кн. 10), въ 1883 году имъ напечатано введеніе къ изданію Святославова Сборника 1073 г., начатому Бодянскимъ, продолженіе котораго взялъ на себя Дювернуа: «Археологическое обозрѣніе части Изборника Святославова 1073 года» («Чтеніе въ импер. Обществѣ исторіи и древн. Россійск.», 1882 г., кн. 4, стр. 1 – 23), и въ 1884 г. — статья: «Кого называло древне-русское законодательство колобягомъ?» (тамъ же, 1884 г., кн. 1). Малое количество трудовъ Дювернуа въ 1872—1884 гг. объясняется тѣмъ, что онъ въ это время усиленно работалъ надъ собираніемъ матеріала для составленія задуманнаго имъ словаря новоболгарскаго языка. Онъ перечиталъ тогда все, что существуетъ на новоболгарскомъ языкѣ, и затѣмъ пополнилъ знакомство съ живымъ языкомъ во время путешествія по Болгаріи. Результатомъ этимъ работъ былъ огромный трудъ, лучшій изъ имѣющихся въ русской литературѣ словарей славянскихъ нарѣчій: «Словарь болгарскаго языка, по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати», первый выпускъ котораго появился въ 1885 году въ «Ученыхъ запискахъ московскаго университета» и въ томъ же году изданъ отдѣльно. Слѣдующіе восемь выпусковъ словаря уже вышли послѣ смерти составителя, въ теченіе 1886—1889 гг. Умеръ Дювернуа на разцвѣтѣ силъ и похороненъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Онъ состоялъ членомъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи, этнографіи и секретаремъ этнографическаго отдѣла этого общества (съ 1867 до 1869 г.) и членомъ Императорскаго Общества исторіи (съ 27 апрѣля 1878 года). Кромѣ упомянутыхъ работъ Дювернуа напечаталъ еще слѣдующія: «Памятники чешскаго искусства въ Карловомъ Тынѣ» («Сборникъ, изданный Обществомъ древне-русскаго искусства», М. 1866 г., т. III, стр. 138—143) и «Практическое руководство къ изученію нарѣчій: старославянскаго, польскаго и чешскаго» («Московскія университетскія извѣстія», 1872 г.), — трудъ издававшійся и отдѣльными оттисками для студентовъ, подъ названіями: «Польское чтеніе», «Сербское чтеніе», «Старо-славянское чтеніе» и «Чешское чтеніе». Кромѣ того неизданнымъ трудомъ Дювернуа остается другой словарь подъ названіемъ: «Glossarium linguae Rossicae veteris dialekti». Начатый еще на студенческой скамьѣ древнерусскій словарь этотъ составленъ на основаніи, съ одной стороны, печатныхъ изда-

*

ній, а съ другой, на основаніи рукописей Синодальной библіотеки и Румянцевскаго музея. Источникомъ для этого капитальнаго труда служили также юридическіе и историческіе акты, лѣтописи, грамоты и договоры, а кромѣ того и портфели Миллера и рукописи многихъ библіотекъ. Особенность древне-русскаго словаря Дювернуа, владѣвшаго въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ, является то, что всѣ значенія и объясненія къ словарю составлены авторомъ на латинскомъ языкѣ, по примѣру изданій Миклошича и Востокова, что отчасти оказалось препятствіемъ и къ его изданію. Ученыя занятія не мѣшали Дювернуа заниматься и современнымъ положеніемъ славянскаго вопроса. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1867 г. №№ 103—105 и 109) онъ напечаталъ рядъ біографій славянскихъ дѣятелей, посѣтившихъ Россію во время этнографической выставки 1867 года.

„Отчеты московскаго университета“ за 1861—1862 и 1867—1886 гг. — „Рѣчь и отчетъ, читанные въ московскомъ университетѣ“, М. 1887 г., стр. 254—264.—„Извѣстія Императорск. Общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи“, М. 1888 г., т. XI, VIII, кн. 2, стр. 20—21. — „Извѣстія С.-Петерб. Славянск. Благотворит. Общества“, 1886 года, кн. 4—5, стр. 235—237.—„Русскій Филологическій Вѣстникъ“, 1886 г., № 1, стр. 224—225.—„Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1886 г., кн. 5, ст. П. Соболевскаго.—„Историческій Вѣстникъ“, 1886 г., кн. 5, стр. 455.—Д. Языковъ: „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, В. VI, 1890 г., стр. 51—53.—„Московскія Вѣдомости“, 1886 г., № 83.—„Волынскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1886 г., № 11.

А. Ч.

Дюгамель, *Александръ Осиповичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, родился въ 1801 г., умеръ 28 мая 1880 г. Сынъ тайнаго совѣтника, Д. происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губ. и воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ. Началъ онъ службу 19 лѣтъ прапорщикомъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Въ 1828—1829 гг. Д. принималъ участіе въ войнѣ съ турками и за отличіе былъ произведенъ въ капитаны. Затѣмъ въ 1831 году онъ участвовалъ въ походахъ противъ поляковъ, отличился и здѣсь, за что былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью „за храбрость“ и произведенъ въ полковники. Въ слѣдующемъ году Д. былъ переведенъ въ генеральный штабъ, а въ 1833 г. его назначили генеральнымъ консуломъ въ Египетъ. Дипломатическія способности Д. выдвинули его, и потому въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при тегеранскомъ дворѣ и произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1841 г. Д. оставилъ постъ министра въ Персіи и былъ опять зачисленъ въ списки генеральнаго штаба. Черезъ годъ ему были даны особыя дипломатическія порученія въ княжества Молдавію и Валахію, исполненныя имъ съ большимъ успѣхомъ. Въ слѣдующемъ году Д. былъ назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для начертанія общаго плана водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній въ Имперіи. Въ 1847 г. Д., былъ назначенъ въ свитуЕго Величества, а въ 1849 г —произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2 ст., а затѣмъ и Бѣлаго Орла за отличное исполненіе особыхъ порученій во второй разъ въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи. Въ 1851 г. Д. былъ назначенъ присутствовать въ межевомъ департаментѣ правительствующаго сената. Затѣмъ въ послѣдующіе годы Д. былъ назначаемъ присутствующимъ, а съ 1856 г.—первоприсутствующимъ послѣдовательно въ различныхъ департаментахъ сената. Въ 1856 же г. Д. получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а черезъ четыре года—алмазные знаки къ этому ордену. Въ 1861 году всемилостивѣйше повелѣно ему быть командиромъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири съ оставленіемъ въ званіи сенатора. Въ томъ же году Д. былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ 1865 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст. съ мечами и назначенъ командующимъ войсками западно-сибирскаго военнаго округа съ оставленіемъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и сенаторомъ. Въ 1866 г., согласно прошенію, Д. былъ уволенъ отъ помянутыхъ должностей, но оставленъ въ званіи сенатора и назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въ 1870 г., по случаю 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, Д. удостоился Высочайшаго рескрипта и зачисленъ опять въ генеральный штабъ. Въ „Русскомъ Архивѣ„ 1885 г., кн. I—III, напечатаны обширныя и цѣнныя „Записки“ А. О. Дюгамеля.

Формулярный списокъ, хранящійся въ архивѣ Государственнаго Совѣта.

М. Василевская.

Дюгамель, *Осипъ Осиповичъ*, сенаторъ, родился въ 1758 году, умеръ въ 1840 году. Д. вступилъ въ службу сержантомъ въ 1776 году въ Измайловскій полкъ, въ 1778 году переведенъ капитаномъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ, въ 1788 г. былъ въ походѣ противъ шведовъ въ 1790 г. секундъ-майоромъ переведенъ въ мушкатерскій полкъ, переименованный потомъ въ С.-Петербургскій гренадерскій, въ 1792 году былъ въ походѣ въ Польшѣ, взятъ въ плѣнъ въ 1794 г. и содержался въ Варшавѣ до взятія этого города фельдмаршаломъ Суворовымъ, въ 1797 г. Дюгамель переименованъ въ коллежскіе ассесоры и опредѣленъ въ юстицъ-коллегію совѣтникомъ, чрезъ два года былъ опредѣленъ совѣтникомъ курляндскаго губернскаго правленія, въ 1806 г. назначенъ лифляндскимъ вице-губернаторомъ, въ 1811 г.—лифляндскимъ губернаторомъ и получилъ въ слѣдующемъ году чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1813 г. Дюгамель пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени, въ 1819 году назначенъ предсѣдателемъ комиссіи для введенія новаго положенія о лифляндскихъ крестьянахъ, въ 1821 г. ему было поручено главное управленіе гражданскими дѣлами остзейскихъ губерній на время отсутствія рижскаго военнаго губернатора, въ 1825 г., по случаю отпуска генералъ-губернатора за границу, Дюгамель исполнялъ ту же должность съ прибавленіемъ къ остзейскимъ губерніямъ и Псковской. Въ 1827 г. онъ назначенъ сенаторомъ, въ 1828 г.—почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта и въ 1833 г. былъ предсѣдателемъ комиссіи для разбора радзивилловскихъ дѣлъ.

Формуляръ о службѣ сенатора Дюгамеля за № 1891 въ сенатскомъ архивѣ.

Ч.

Дюковъ, *Петръ Андреевичъ*, докторъ медицины, дѣйствительный членъ Общества психіатровъ, писатель по медицинскимъ вопросамъ, главнымъ образомъ по психіатріи, родился 4 іюня 1834 г. въ Тверской губ., умеръ 18 апрѣля 1889 г. Отецъ Д. былъ священникомъ, Среднее образованіе Д. получилъ въ духовной семинаріи, а медицинское въ петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи курса которой въ 1860 г. Д. былъ оставленъ при академіи въ числѣ 10 врачей для усовершенствованія въ наукахъ. Подъ вліяніемъ лекцій профессора психіатріи Балинскаго занялся этою отраслью медицинскихъ наукъ; въ 1863 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины: «Матеріалы для ученія о дѣйствіяхъ опія въ примѣненіи къ психіатріи». Съ 1863 г. состоялъ при клиникѣ душевно-больныхъ медико-хирургической академіи, сдѣлавшись старшимъ врачемъ при ней въ 1867 г. Съ 1865 г. служилъ сначала ординаторомъ, а потомъ старшимъ врачемъ отдѣленія для душевно-больныхъ при исправительномъ заведеніи. Благодаря его дѣятельности, это отдѣленіе было преобразовано въ городскую больницу, удовлетворявшую научнымъ требованіямъ (нынѣ больница св. Николая). Въ 1881 г. Д. уволился по домашнимъ обстоятельствамъ отъ должности старшаго врача больницы св. Николая Чудотворца, оставшись старшимъ врачемъ клиники душевныхъ болѣзней при академіи. Командировки Д. получалъ въ 1861 и 1862 гг., когда былъ посланъ по Высочайшему повелѣнію за границу на 4 мѣсяца, и въ 1880 г. будучи посланъ по особому Высочайшему повелѣнію въ городъ Самару. Скончался Д. отъ порока сердца въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Заслуги Д. на пользу науки выразились въ пожертвованіи имъ капитала въ 6.000 руб., проценты съ которыхъ предназначены за лучшее русское сочиненіе по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, а также въ научно-литературныхъ трудахъ, состоящихъ: 1) изъ вышеуказанной диссертаціи на степень доктора медицины; 2) изъ работъ «Къ ученію медицинской психологіи» въ «Архивѣ Судебной Медицины» 1865 г.; 3) въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ» №№ 50, 51, 52, 1886 г. «Проглоченное инородное тѣло и нарывъ въ большомъ мозгу»; 4) въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» за январь и сентябрь 1864 г. «Рефератъ объ успѣхахъ психіатріи въ 1861 и 1862 гг.»; 5) въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ» №№ 22, 24, 25, 27, 28 и 29, 1867 г. «Отчетъ по временной лечебницѣ для умалишенныхъ

при исправительномъ заведеніи»; 6) въ «Архивѣ Судебной Медицины» № 1, марта 1863 г. «Случай помѣшательства, непризнаннаго санктъ-петербургской судебной палатой»; 7) въ «Архивѣ Судебной Медицины» № 1, марта 1869 г. «Изслѣдованіе состоянія умственныхъ способностей завѣщателя по русскимъ законамъ»; 8) во «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ» №№ 5 и 6, 1877 г. «Къ статистикѣ помѣшательства въ Россіи» и другія мелкія статьи.

Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1860 году. С.-Петербургъ, 1886 г., стр. 60, 86 и 120. Медицинская газета „Врачъ“ 1889 г. № 405.

Н. Т—р—къ.

Дюкруасси-Даспикъ, *Ипполитъ Александровичъ*, тайный совѣтникъ. Скончался въ 1873 году. Происходитъ изъ иностранцевъ и по прибытіи въ Россію присягнулъ на подданство 19 января 1821 г. въ С.-Петербургѣ. Службу началъ подканцеляристомъ въ государственномъ коммерческомъ банкѣ и въ 1823 г. назначенъ помощникомъ контролера, въ 1824 г. опредѣленъ въ дежурство корпуса инженеровъ путей сообщенія переводчикомъ въ 1830 г. назначенъ помощникомъ бухгалтера и въ 1833 г. командированъ бухгалтеромъ во временную нижегородскую контору банка; въ 1834 г. опредѣленый въ таможенное вѣдомство съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ астраханскаго таможеннаго округа и съ откомандированіемъ въ Закавказскій округъ, Д. въ 1836 г. назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій, на каковую должность въ 1838 г. былъ переведенъ въ г. Одессу. Въ 1839 г. онъ занималъ должность столоначальника д-та для внѣшней торговли, а въ 1843 году назначенъ помощникомъ управляющаго закавказскимъ таможеннымъ округомъ. Въ 1851 г. произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ 1853 г. назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія и управленія закавказскимъ карантиннымъ таможеннымъ округомъ Когда въ іюнѣ мѣсяцѣ 1857 года въ Мингреліи возникли безпорядки, князь Барятинскій отправилъ туда Дюкруасси - Даспика съ большими полномочіями, какъ лицо, пользующееся его полнымъ довѣріемъ. Прежде всего Дюкруасси счелъ долгомъ побывать въ Горди у правительницы Мингреліи княгини Екатерины Александровны Дадіанъ, затѣмъ объѣхалъ всю провинцію Одиши и поселился въ Квашихорахъ, гдѣ и учредилъ свою канцелярію. Дѣйствіе комиссіи, во главѣ которой находился Дюкруасси, имѣло назначеніемъ примирить народъ съ дворянскимъ классомъ, но съ первыхъ же дней Дюкруасси убѣдился въ невозможности этого и видѣлъ спасеніе Мингреліи лишь въ введеніи тамъ русскаго управленія. Для этого ему было поручено намѣстникомъ Кавказа склонить княгиню Дадіанъ добровольно отказаться отъ управленія Мингреліей, но, несмотря на это, Дюкруасси отъ нея согласія не добился и уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ и представилъ князю Барятинскому выработанные имъ штаты новаго управленія. Успѣшное выполненіе трудной задачи заставило намѣстника Кавказа приблизить къ себѣ Дюкруасси: въ 1859 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта намѣстника и въ 1860 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Въ 1867 г., оставаясь при намѣстникѣ Кавказа, Дюкруасси былъ назначенъ по дѣламъ для устройства гражданскаго управленія края и въ 1867 г. награжденъ орденомъ Анны 1 степени. Умеръ въ Тифлисѣ.

„Акты кавказской археографической коммиссіи“ т. X, стр. XIX. Тифлисъ, 1885г.—„Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія, 1854—1866 г.“ С.-Петербургъ, 1885 г. К. А. Бороздина, стр. 122, 156–166.

Б. Т.

Дюпоръ, *Луи* (Louis Duport), извѣстный танцовщикъ и балетмейстеръ, родился въ 1782 году, умеръ въ 1853 году. Д. былъ первымъ танцовщикомъ въ Парижѣ и пріобрѣлъ громкую славу во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Онъ пользовался такою популярностью, что, напримѣръ, въ Вѣнѣ носили башмаки à la Duport. Въ 1808 году, вмѣстѣ съ знаменитою трагическою актрисою Жоржъ, Д. бѣжалъ изъ Парижа въ Петербургъ. Дирекція театровъ заключила съ нимъ контрактъ, предложивъ ему баснословный гонораръ: вначалѣ онъ получалъ 1.200 р. за спектакль, впослѣдствіи 60.000 р. въ годъ и, наконецъ, 100.000 р. въ годъ съ ежегоднымъ бенефисомъ на казенныхъ расходахъ. «Дюпоръ,—говоритъ извѣстный ученикъ Дидло, Глушковскій,—заключалъ

въ себѣ все, что необходимо для танцовщика: необыкновенную граціозность, легкость, быстроту и чистоту въ танцахъ; пируэты были имъ доведены до совершенства и удивительнаго разнообразія. Онъ былъ въ своемъ родѣ геній и ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ и Неаполѣ не находилъ себѣ соперниковъ". Родъ танцевъ Д. былъ полухарактерный (demi-caractère); онъ былъ въ танцахъ неутомимъ и отличался поразительной легкостью и эластичностью движеній: въ три прыжка онъ перелеталъ всю сцену Большого театра. Д. выступалъ преимущественно въ балетахъ анакреонтическаго характера, при чемъ его торжествомъ были балеты: „Зефиръ и Флора", „Амуръ и Психея"—Дидло и „Любовь Венеры и Адониса или мщеніе Марса»—собственнаго сочиненія. За все время своего пребыванія въ Петербургѣ до 1812 года Д. протанцовалъ на петербургской сценѣ 118 разъ. Въ 1809 году онъ съ блестящимъ успѣхомъ танцовалъ въ Москвѣ съ Сенъ-Клеръ, Новицкою и Иконіною. Кромѣ вышеупомянутаго балета собственнаго сочиненія, Д. сочинилъ и поставилъ на петербургской сценѣ балеты: „Альмавива и Розина", „Судъ Париса", „Соланжская роза", „Трубадуры", „Праздникъ добраго помѣщика" и другіе. Онъ приготовилъ къ сценѣ извѣстную Марію Данилову. Изъ Петербурга вмѣстѣ съ Жоржъ Д. возвратился во Францію.

П. Араповъ: „Лѣтопись русскаго театра".—А. Плещеевъ: „Нашъ балетъ" (1673—1896. „Балетъ въ Россіи до начала XIX ст. и балетъ въ Спб. до 1896 г.)".—А. Глушковскій: „Воспоминаніе о великомъ хореографѣ К. Л. Дидло и нѣкоторыя разсужденія о танцовальномъ искусствѣ".—Записки Филиппа Филипповича Вигеля (изд. „Русской Старины" 1891 г.).—В. Михневичъ: „Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ" („Историческіе этюды русской жизни", т. II).—Р. М. Зотовъ: „Театральныя воспоминанія" (автобіографическія записки).

Вл. Грековъ.

Дюрфельдъ, *Фридрихъ*, граверъ пунктиромъ и рѣзцомъ на металлѣ, родился въ 1765 году въ городѣ Гота, умеръ 22-го марта 1827 года въ С.-Петербургѣ. Работы его есть въ коллеціи гравюръ Д. А. Ровинскаго. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Беберъ (1811 г.).—2) Гильдебрандтъ. — 3) Гавр. Ром. Державинъ (1793 г.).—4) Суворовъ.—5—10) 6 видовъ Москвы, гравированныхъ почти въ однихъ контурахъ для раскраски.—6) Das Kaiserliche Sommerschloss Petrowski bei Moskau. — 7) Prospekt einer Moskowischen Barriere. — 8) Die rothe Ehrenpforte in Moskau.—9) Das Paschkowsche Haus in Moskau.—10) Die Kirche Basilie Blagenne in Moskau.—11) Kolomenskoe, ein Kaiserlicher alter Sommerpalast bei Moskau, копія съ Гильфердинговой гравюры. Всѣхъ видовъ показано въ каталогѣ Гирземана 13 и при нихъ одинъ листъ изображеній орденовъ, гравированныхъ и раскрашенныхъ въ 1790 году. Въ книгѣ „Начертаніе о началахъ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска и морской силы въ Россіи", изд. магистромъ философіи Фридр. Шмидтомъ, пер. съ нѣмецкаго Вас. Иванова, ч. I, съ 5 раскрашенными рисунками, Москва, 1798 г. Рисунки перенумерованы „I—V" и на № 1 поставлено имя гравера „Dürfeldt fec."

Д. А. Ровинскій: „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.". Спб. 1895 г.

Дюръ, *Марія Дмитріевна*, рожденная Новицкая, извѣстная актриса, родилась въ 1815 году, умерла въ 1868 году. Д. воспитывалась въ театральномъ училищѣ и была замужемъ за знаменитымъ Н. О. Дюромъ. Она отличалась красотою и сначала была танцовщицей, прославившись, между прочимъ, исполненіемъ роли Фенеллы (въ операѣ «Нѣмая изъ Портичи»). Впослѣдствіи, по смерти мужа, она перешла на драматическую сцену. Своимъ драматическимъ воспитаніемъ Д. обязана А. М. Каратыгиной, которая въ это время уже собиралась покинуть сцену и въ лицѣ Д. готовила себѣ замѣстительницу. Въ іюлѣ 1840 года состоялся первый дебютъ Д. на драматической сценѣ въ роли Антигоны въ «Эдипѣ въ Аѳинахъ» Озерова. Благодаря серьезной подготовкѣ у такой опытной руководительницы, какою была А. М. Каратыгина, Д., при природномъ драматическомъ талантѣ, съ перваго же дебюта выказала умѣнье держаться на сценѣ и проникать въ духъ роли и имѣла шумный успѣхъ, которымъ пользовалась до конца своей сценической дѣятельности, всегда оставаясь любимицей публики. Она заняла амплуа первой драматической любовницы, и къ ней перешли роли: Эсмеральды, Гризельды, Луизы въ «Ко-

варство и любовь», Каролины въ «Отцовскомъ проклятіи» и другія, менѣе значительныя. Д. никогда не брала на себя классическихъ драматическихъ ролей, а исключительно бытовыя, выступая не только въ драмахъ, но и въ «высокихъ»-комедіяхъ. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась она въ роляхъ: Гризельды, Эсмеральды, Луизы и Славской въ пьесѣ («Въ людяхъ ангелъ—не жена, дома съ мужемъ — сатана»). Около середины шестидесятыхъ годовъ Д. вышла въ отставку и, несмотря на цвѣтущее здоровье, вскорѣ умерла: осматривая однажды постройку своего дома въ Екатерингофѣ, она оступилась и сломала себѣ ногу, что повлекло за собою быструю смерть. Какъ актриса, Д. отличалась отсутствіемъ излишней гордости и притязательности, какъ человѣкъ—добрымъ характеромъ и сердечностью въ отношеніи ко всѣмъ, сталкивавшимся съ нею въ жизни.

А. И. Вольфъ: „Хроника петербургскихъ театровъ“.—Г. М. Максимовъ: „Свѣтъ и тѣни петербургской драматической труппы за прошедшія тридцать лѣтъ (1846—1876)“. — Нѣсколько словъ о М. Д. Дюръ въ Москвѣ („Репертуаръ русскаго театра“ 1841 г.).—Записки Петра Андреевича Каратыгина.—Ѳ. Кони: „Николай Осиповичъ Дюръ, императорскій россійскій придворный актеръ“ („Репертуаръ русскаго театра“ 1839 г., I).—„М. Д. Дюръ“ („Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“, 1840 г., № 5).

В. Г.

Дюръ, *Николай Осиповичъ*, извѣстный актеръ, родился 5 декабря 1807 года въ Петербургѣ, умеръ 16 мая 1839 года тамъ же. Его дѣдъ, Жанъ Батистъ Дюръ, во время революціи переселился изъ Франціи въ Польшу, сдѣлался придворнымъ живописцемъ Станислава Понятовскаго и былъ убитъ во время возмущенія Костюшки. Сынъ его Жозефъ (Осипъ) едва спасся, пріѣхалъ въ Петербургъ и открылъ парикмахерскую. Здѣсь онъ полюбилъ театръ, познакомился со многими артистами русской труппы и, наконецъ, женился на сестрѣ извѣстной въ то время танцовщицы Е. И. Колосовой. Отъ этого брака и родился Н. О. Дюръ. Первоначальное воспитаніе онъ полу̀чилъ въ пансіонѣ, откуда, однако, вскорѣ былъ взятъ, такъ какъ дѣла его отца въ то время пришли въ разстройство. Столкнувшись случайно съ труппой странствующихъ комедіантовъ, Д., по желанію отца, сталъ учиться фокусамъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ своей профессіей. Но въ 1816 году, при содѣйствіи своей тетки—Колосовой, онъ поступилъ въ петербургское театральное училище и сталъ обучаться танцамъ у знаменитаго хореографа Дидло. Его блестящія способности сразу обратили на него вниманіе Дидло и выдѣлили изъ среды его товарищей. Уже черезъ два года по поступленіи въ училище Д. сталъ выступать въ балетахъ своего учителя въ роляхъ амуровъ, пажей и дѣтей, восхищая всѣхъ своею граціею и легкостью въ танцахъ. Съ теченіемъ времени онъ совершенствовался въ балетной техникѣ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ солистовъ въ балетѣ. Но въ то же время его интересъ къ танцамъ сталъ ослабѣвать. Шумный успѣхъ его сестры, Л. О. Дюръ, подвизавшейся въ то время на драматической сценѣ, увлекъ его, и драматическій театръ сдѣлался для него предметомъ стремленій и изученія. Вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами Д. въ одномъ изъ училищныхъ дортуаровъ устроилъ небольшой театръ, впослѣдствіи расширенный и поставленный на законную почву при содѣйствіи актера Мезьера. На сценѣ этого театра разыгрывались, главнымъ образомъ, французскія комедіи, при чемъ Д., отличаясь миловидною наружностью, бралъ на себя женскія роли. Наконецъ Д. бросилъ балетъ. При содѣйствіи князя А. А. Шаховского, бывшаго въ то время членомъ театральнаго комитета, Д. поступилъ на драматическую сцену. Въ сезонѣ 1828—1829 гг. онъ успѣшно дебютировалъ въ роли Грифьяка въ «Фениксѣ» кн. Шаховского. Въ 1829 году Д. былъ выпущенъ изъ училища и сталъ играть на сценѣ Малаго театра небольшія роли въ драмахъ и трагедіяхъ, но онъ всей душой стремился къ комедіи. Стараясь найти приложеніе своимъ способностямъ, онъ принялся за серьезное изученіе музыки (онъ сталъ учиться игрѣ на фортепіано и пѣнію). Первымъ его учителемъ музыки былъ Біанко, а затѣмъ онъ перешелъ къ Антону Сапіенца, который сразу оцѣнилъ его блестящія музыкальныя способности и усердно принялся развивать его голосъ и музыкальный вкусъ. Наконецъ, Сапіенца рѣшилъ выпустить Д. на сцену. Какъ оперный пѣвецъ, Д. дебютировалъ впервые въ роли Брю-

неля въ «Женевьевѣ Брабантской», причемъ его встрѣтилъ самый блестящій успѣхъ. Въ сезонъ 1831—1832 гг., за смертью Рязанцева, Д. взялъ на себя бо́льшую часть его ролей и такимъ образомъ сдѣлался премьеромъ въ комедіи и водевилѣ. Въ качествѣ комическаго актера онъ имѣлъ блестящій успѣхъ и пріобрѣлъ себѣ громкую славу. Въ роляхъ молодыхъ волокитъ и повѣсъ онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ. Обладая музыкальнымъ талантомъ и прекраснымъ голосомъ, Д. неподражаемо исполнялъ куплеты въ водевиляхъ и комедіяхъ. Будучи въ одно и то же время трагикомъ, комикомъ, пѣвцомъ и танцоромъ, онъ занималъ одновременно самыя разнообразныя амплуа. Все свое время онъ отдавалъ театру и музыкѣ. Онъ не только упражнялся въ пѣніи и фантазировалъ на роялѣ, но и сочинялъ романсы и куплеты. Мелодіи его пьесъ граціозны, игривы и обнаруживаютъ много вкуса и хорошую муздкальную подготовку. Д. издалъ три «Музыкальныхъ альбома водевильныхъ куплетовъ», музыка къ которымъ написана по большей части имъ самимъ (С.-Петербургъ, 1834—1839 гг.), и шесть отдѣльныхъ музыкальныхъ пьесъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ «Романсъ» изъ водевиля «Мужъ, какихъ много», съ аккомпанементомъ віолончели, «Пѣсня Вероники» изъ трагедіи «Уголино» и «Пѣсни съ хоромъ» изъ «Русалки» Пушкина-Чахотка, признаки которой обнаруживались еще въ 1834 году, свела Дюра въ могилу на 33-мъ году жизни. Похороненъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

„Николай Осиповичъ Дюръ“, статья Ѳед. Кони („Репертуаръ русскаго театра“, изд. И. Несоцкаго, 1839 г., кн. 1-я).—Записки Петра Андреевича Каратыгина. 1805—1879. (Гл. X: „Николай Осиповичъ Дюръ“).—А. И. Вольфъ: Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1826 года до начала 1855 годѣ.—В. Морковъ: Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1862 годъ.—П. Д. Перепелицынъ: Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (1888).—П. Араповъ: Лѣтопись русскаго театра.

Вл. Грековъ.

Дютшъ, *Георгій Оттоновичъ*, музыкантъ, собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ, членъ-сотрудникъ Имп. русск. геогр. общ., род. въ 1860 г., ум. 16 сентября 1891 г. въ С.-Петербургѣ. Сынъ извѣстнаго композитора 50-хъ годовъ, автора оперы «Кроатка», Д. музыкальное образованіе получилъ въ С.-Петербургской консерваторіи. По выходѣ изъ нея обратилъ на себя вниманіе, какъ прекрасный дирижеръ, дирижировалъ симфоническими концертами Имп. руск. музык. общ., а въ 1889 г. завѣдывалъ оркестровымъ классомъ въ С.-Петербургской консерваторіи. Изъ музыкальныхъ его трудовъ заслуживаютъ вниманія переложенныя имъ для фортепіано оперы А. Н. Сѣрова: «Вражья сила» и «Юдиѳь». Лѣтомъ 1886 г. онъ вмѣстѣ съ Ѳ. М. Истоминымъ участвовалъ въ экспедиціи, снаряженной Имп. руск. геогр. общ. для собиранія старинныхъ русскихъ пѣсенъ вмѣстѣ съ мелодіями, при чемъ на него возложена была точная запись этихъ мелодій. Они объѣхали Архангельскую, Олонецкую и часть Вологодской губерніи и записали до 180 пѣсенъ. Труды ихъ, однако, вслѣдствіе смерти Д., замедлившей приведеніе въ порядокъ и обработку собранныхъ матеріаловъ, были изданы только въ 1894 г. подъ слѣдующими заглавіями: «Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 г. Записали: слова—Ѳ. М. Истоминъ, напѣвы—Г. О. Дютшъ» (Спб. 1894) и «30 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса изъ собранныхъ въ 1886 г. Г. О. Дютшемъ и Ѳ. М. Истоминымъ, гармонизовалъ М. Балакиревъ».

П. Семеновъ: Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. русск. геогр. общ., стр. 892, 1290—1291.—Отчетъ о результатахъ экспедиціи для собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами (Изв. Имп. русск. геогр. общ., 1887 г., т. XXIII, вып. I, стр. 35—51).—Некрологи:—Отчетъ Имп. русск. геогр. общ. за 1891 г. стр. 8—9; „Нов. Время“, 1891 г., № 5590, 21 сентября; „Всемірн. Иллюстр.“, 1891 г., № 1184, стр. 230.—Энцикл. слов. Брокгауза.

П. Гуревичъ.

Дютшъ, *Оттонъ Ивановичъ*, композиторъ, родился въ Копенгагенѣ, умеръ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ началѣ 1863 года. Отецъ Д. былъ учителемъ музыки и пѣнія въ Копенгагенѣ и готовилъ сына къ духовному званію. Еще въ дѣтствѣ Д. обнаружилъ страстную любовь и необыкновенныя способности къ музыкѣ, но его отецъ долго не рѣшался разстаться съ мечтою видѣть своего сына священникомъ. Наконецъ, онъ уступилъ просьбамъ сына, горячо хотѣвшаго всецѣло посвятить себя музыкѣ, и на семнадцатомъ году отъ рожденія молодой Д. отпра-

вился въ Лейпцигъ, гдѣ поступилъ въ консерваторію и сталъ обучаться музыкѣ подъ руководствомъ извѣстнаго въ то время профессора Шнейдера; впослѣдствіи, разойдясь съ Шнейдеромъ, онъ продолжалъ свое музыкальное образованіе подъ руководствомъ знаменитаго композитора Феликса Мендельсона-Бартольди. Получивъ нѣсколько медалей лейпцигской консерваторіи и преміи разныхъ обществъ за пьесы, съ значительнымъ успѣхомъ исполнявшіяся въ концертахъ въ Лейпцигѣ и Копенгагенѣ (главнымъ образомъ на духовные тексты), Д. въ 1847 году предпринялъ путешествіе во Францію и Италію, намѣреваясь объѣхать всѣ главные города Западной Европы и всюду давать концерты. Но ему не удалось осуществить этого плана, и въ 1848 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ радушно встрѣченъ музыкальнымъ кружкомъ М. И. Глинки, съ которымъ до самой его смерти сохранялъ самыя дружескія отношенія. Въ то же время онъ и здѣсь долженъ былъ разочароваться въ своихъ мечтахъ объ извѣстности и свободной, самостоятельной дѣятельности: тяжелое матеріальное положеніе отдало его въ руки бездарныхъ эксплоататоровъ, заказывавшихъ ему разнаго рода произведенія для фортепіано и оркестра и выставлявшихъ подъ ними свое имя. Вскорѣ однако Д., покровительствуемый княземъ А. И. Барятинскимъ, уѣхалъ на Кавказъ въ качествѣ капельмейстера Кабардинскаго полка. На Кавказѣ Д. пробылъ около полутора года и за это время изъ музыкантовъ полка, въ которомъ онъ служилъ, онъ составилъ лучшій во всемъ краѣ не только духовой, но и скрипичный оркестръ; кромѣ того, въ этотъ же періодъ онъ устроилъ оркестры въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ. Въ Петербургѣ, куда возвратился Д., недостатокъ средствъ заставилъ его взяться за дирижированіе оркестрами въ общественныхъ садахъ. Хотя онъ съ большимъ неудовольствіемъ взялся за это дѣло, однако оно принесло ему пользу, такъ какъ дало ему возможность обнаружить передъ публикой свой талантъ въ качествѣ капельмейстера и въ то же время обратило на него вниманіе дирекціи Императорскихъ театровъ, которыя вскорѣ поручила ему нѣсколько работъ, въ коихъ ему впервые пришлось писать музыку на русскіе тексты. Въ 1852 году Д. былъ принятъ дирекціей Императорскихъ театровъ на службу въ званіи капельмейстера, при чемъ главною его обязанностью было репетированіе хоровъ и игра на органѣ во время представленій итальянской оперы. Въ 1860 году была поставлена на русской сценѣ его опера «Кроатка или соперницы», на текстъ Н. И. Куликова. Опера шла на сценѣ семь разъ съ посредственнымъ успѣхомъ и, несмотря на свои несомнѣнныя достоинства, на слѣдующіе сезоны возобновлена не была. Однако, имя Д., какъ музыкальнаго дѣятеля, было вполнѣ упрочено. Въ 1862 году Д. отправился на родину для постановки «Кроатки», уже переведенной на нѣмецкій языкъ, на сценѣ Копенгагенскаго королевскаго театра. По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ постановка оперы была отложена, и Д., обласканный датскимъ королемъ Христіаномъ VII и награжденный имъ орденомъ Данеброга, возвратился въ Петербургъ. Сюда его призывали занятія въ театрѣ въ качествѣ репетитора хоровъ и въ консерваторіи, пригласившей его къ себѣ въ 1862 году профессоромъ элементарной теоріи музыки и сольфеджіо. Между тѣмъ здоровье Д., уже и безъ того значительно надломленное, окончательно разстроилось. Въ 1863 году онъ поѣхалъ для лѣченія въ Германію и вскорѣ же умеръ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ вслѣдствіе хроническаго пораженія легкихъ. Кромѣ упомянутой оперы «Кроатка», являющейся лучшимъ произведеніемъ Д., ему принадлежатъ: 28 пьесъ для фортепіано въ двѣ руки; этюды для фортепіано (op. 12); 9 русскихъ и 42 нѣмецкихъ романса; пѣсни для смѣшанныхъ голосовъ à capella (op. 18); пѣсни для мужскихъ голосовъ (op. 19); «113-й псаломъ» для хора и оркестра; маршъ для военнаго оркестра: «Впередъ, ребята!»; allegro de concert для двухъ фортепіано съ оркестромъ; вальсъ для фортепіано съ оркестромъ; соната для фортепіано и віолончели C-moll; два романса для скрипки и фортепіано; оперетта «Узкіе башмаки» (пер. П. С. Федорова); оперетта «Im Dorfe» съ нѣмецкимъ текстомъ; 30 пьесъ для танцевъ; музыка къ драмамъ Кукольника—«Деньщикъ», Родиславскаго—«Разставанье» и Сухонина—

«Русская свадьба» и «Деньги». Часть этихъ произведеній издана въ разное время въ Россіи и за границей, а часть находится въ рукописяхъ. Всѣ музыкальныя сочиненія Д. обнаруживаютъ его несомнѣнный талантъ и много вкуса, отличаются художественной оркестровкой и гармонизаціей и свидѣтельствуютъ о безукоризненномъ знаніи имъ контрапункта; но въ то же время въ нихъ нерѣдко замѣчается искусственность мелодіи, отсутствіе оригинальности и новизны формъ, встрѣчаются мѣста съ отпечаткомъ вліянія Мендельсона-Бартольди, Мейербера и рапсодій Фр. Листа.

«Оттонъ Ивановичъ Дютшъ», статья М. С. («Музыкальный Листокъ» 1874 г., № 2).—П. Д. Перепелицынъ: „Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней", 1888 г.—Записки Василія Антоновича Инсарскаго («Русская Старина» 1894 г., кн. 12-я).—«Якорь» 1863 г., № 6 (некрологъ).

Вл. Грековъ.

Дядинъ, *Алексѣй Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1791 году и воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. По выпускѣ изъ него въ 1805 году, поступилъ на службу фейрверкеромъ 1 класса въ 10-й артиллерійскій полкъ и въ 1811 году произведенъ въ прапорщики въ 5 артиллерійскую бригаду. Есть достовѣрное свѣдѣніе, хотя и не указанное въ формулярѣ Д., что всемогущимъ Аракчеевымъ онъ былъ дважды разжалованъ изъ офицеровъ: въ первый разъ—въ рядовые, за то, что безъ разрѣшенія начальства измѣнилъ запряжку въ своемъ артиллерійскомъ взводѣ, а во второй разъ—въ фурлейты, за то, что снимая копію съ одного большого чертежа, лежа на немъ, позволилъ себѣ «топтать ногами» бывшую на чертежѣ подпись Аракчеева. Будучи разжалованнымъ, онъ составилъ «Наставленіе артиллерійскимъ генераламъ, изданное фурлейтомъ Дядинымъ», чѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя Аракчеева. Тѣмъ не менѣе, образованный и дѣльный офицеръ былъ оцѣненъ по достоинству вел. кн. Николаемъ Павловичемъ, который взялъ его подъ свое покровительство, и въ 1812 году прапорщикъ Д. былъ назначенъ учителемъ артиллеріи въ состоявшую при инженерномъ департаментѣ школу, впослѣдствіи переименованную въ главное (нынѣ Николаевское) инженерное училище. Въ этомъ званіи онъ оставался 34 года, продолжая читать лекціи и въ генеральскомъ чинѣ, полученномъ имъ за отличіе въ 1839 г. Въ 1844 г. онъ былъ назначенъ наставникомъ и наблюдателемъ преподаванія артиллеріи въ главномъ инженерномъ училищѣ, съ 1846 г. состоялъ по военно-учебнымъ заведеніямъ и членомъ ученаго комитета при главномъ штабѣ Е. И. Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ и съ 1847 г.—членомъ ученаго комитета корпуса горныхъ инженеровъ. Въ октябрѣ 1852 г. было отпраздновано сорокалѣтіе его «учительской службы».

Помимо того, Д. неустанно работалъ въ сферѣ учено-артиллерійской дѣятельности: въ 1838 году онъ былъ назначенъ членомъ комитета по артиллерійской части, въ 1841 г.—членомъ артиллерійскаго отдѣла военно-ученаго комитета, преобразованнаго въ 1859 г. во временный артиллерійскій комитетъ, а съ 1847 г.—предсѣдателемъ этого комитета. За отличіе по службѣ въ 1848 году произведенный въ генералъ-лейтенанты Д. незадолго до смерти занялъ еще, должность предсѣдателя учрежденнаго при военномъ министерствѣ главнаго военно-учебнаго комитета. Дѣятельность его какъ по, военно-учебной части такъ и по артиллерійской была проникнута искреннею любовью къ избраннымъ занятіямъ, отличалась основательнымъ знаніемъ, внимательнымъ изученіемъ дѣла и необыкновенною настойчивостью въ изысканіи средствъ примѣнять къ практикѣ теоретическіе выводы артиллерійской науки. Нѣсколько поколѣній офицеровъ обязаны были своими артиллерійскими познаніями Д., съ именемъ котораго связана исторія почти всѣхъ усовершенствованій русской артиллеріи въ теченіе 30 лѣтъ прошлаго вѣка. Умеръ онъ 11 марта 1864 г., на 74 г. отъ роду, и погребенъ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря.

Полный послужной списокъ генер.-лейтен. А. В. Дядина. — Военный Сборникъ 1864 г. № 4.—„Русскій Инвалидъ" 1864 г., № 58.—„Историческій Вѣстникъ" 1808 г., май. Воспоминанія Конст. Карл. Жерве.

В. Ж—е.

Дядьковскій, *Евдокимъ Густиновичъ*, статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ патологіи, терапіи и директоръ клиники въ Московскомъ университетѣ,

сынъ сельскаго пономаря, родился 1-го іюня 1784 г. въ с. Дядьковкѣ, Рязанскаго уѣзда. По окончаніи курса въ философскомъ классѣ Рязанской духовной семинаріи Д. поступилъ въ 1809 года въ Московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, гдѣ и окончилъ курсъ наукъ въ 1812 года лекаремъ I отдѣленія съ серебряной медалью и за отличіе, по Высочайшему повелѣнію, оставленъ былъ при академіи адъюнктомъ для приготовленія къ докторскому и профессорскому званію. Въ 1812 г. онъ былъ отправленъ для леченія больныхъ и раненыхъ во временный военный Головинскій госпиталь, потомъ откомандированъ былъ въ Рязань лечить раненыхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и, наконецъ, по Высочайшему повелѣнію посланъ въ 1813 г. въ г. Верею для прекращенія эпидеміи, за успѣшную борьбу съ которой награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. По возвращеніи изъ командировки Д. занялъ каѳедры ботаники и фармакологіи, а затѣмъ, по защитѣ въ 1816 году докторской диссертаціи,—каѳедру патологіи и терапіи. Въ 1816 г. онъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ терапевтической клиники въ Московской медико-хирургической академіи и, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ и должность библіотекаря Академіи, привелъ въ систематическій порядокъ книги и напечаталъ: „Каталогъ библіотеки Московской медико-хирургической академіи“ (М. 1827 г.). Въ 1826 году Д. назначенъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ и, кромѣ того, съ 1829 г.—инспекторомъ студентовъ, а въ слѣдующемъ 1830 г.—членомъ центральной комиссіи для борьбы съ холерой, съ увольненіемъ отъ службы въ академіи. По закрытіи этой комиссіи, въ 1831 г. онъ снова назначенъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ терапіи и директоромъ терапевтической клиники, но въ 1836 г. по болѣзни долженъ былъ выйти въ отставку и сначала два лѣта провелъ на Кавказѣ, лечась отъ ревматизма и невралгіи, а затѣмъ, утомленный обширной практикой, уѣхалъ за границу лечить возвратившуюся болѣзнь, но получилъ тамъ египетское воспаленіе глазъ, оставившее пятна на роговицѣ, сгоняя которыя героическимъ леченіемъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, Д. и умеръ въ Пятигорскѣ на 56 году, 22 іюля 1841 года. Онъ былъ не только ученымъ, обладавшимъ обширными познаніями въ различныхъ отрасляхъ медицинской науки, но и выдающимся врачемъ-практикомъ, въ особенности діагностомъ. Ученыхъ трудовъ послѣ Д. осталось немного, но всѣ они отличаются въ высшей степени оригинальной разработкой важнѣйшихъ вопросовъ медицины того времени. Изъ печатныхъ работъ Д. извѣстны: „De modo, quo medicamenta agunt in corpus humanum“, М. 1816, — докторская диссертація, въ изданіи Лебедева появившаяся впослѣдствіи въ русскомъ переводѣ; „Systema morborum. Conspectus praelectionis therapiae specialis“, М. 1833,—сочиненіе, заключающее въ себѣ классификацію болѣзней на совершенно новыхъ началахъ; „Общая терапія“, М. 1836; „Практическая медицина“, М., I ч. 1845 г. и II ч. 1847 г.; кромѣ того, Д. были напечатаны слѣдующія статьи: „Общія понятія о холерѣ“. „О холерѣ повально заразительной“, „Изслѣдованіе разныхъ способовъ леченія холеры повально-заразительной и изложеніе способа собственнаго“—въ „Трактатѣ о холерѣ“, изданномъ Медицинскимъ Совѣтомъ въ 1831 г., „О необходимости изученія медицины богатыми людьми“ — въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета“ 1833 г. (Сентябрь, № 3), и остались послѣ его смерти въ рукописяхъ: „Общая патологія“ и „Общая фармакологія“.

Змѣевъ: „Русскіе врачи-писатели“, Спб. 1886 года, в. I, стр. 99—100.—„Собраніе сочиненій Державина“ подъ ред. Грота, т. V, стр. 210.—Геннади: „Справочный словарь о русск. писат.“, 1885 г., Берлинъ, стр. 328.—„Сѣверная Пчела“, 1841 г. № 201.—„Москвитянинъ“ 1842 г., ч. III, № 5. — „Московская Медицинская Газета“ 1864 г., № 20.—„Другъ Здравія“ 1836 г. № 15.—„Библіотека для чтенія“, 1836 г., т. XV.—„Мѣсяцесловъ 1842 г.“—„Сынъ Отечества“, т. 3, №№ 44 и 45.—„Справочный Энциклопед. Словарь“, Спб. 1855 г., т. IV.—„Schmidt's Jahrbuch“, 1837, August, 258. *А. Ч.*